

28.0
584

- Zecora
- Melkonian

Жизнь животныхъ Брэма.

Сокращенное изданіе

для

школы и домашняго чтенія.

Первый томъ.

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

РФ

- 076.103 -

„Вся природа“.

Въ эту серію входятъ слѣдующія сочиненія:

Мірозданіе — д-ра Вильгельма Мейера.

Исторія земли — проф. М. Неймайра.

Происхожденіе животнаго міра — проф. И. Гааке.

Жизнь животныхъ — Брэма.

Жизнь растеній — проф. Кернера фонъ-Марилауна.

Человѣкъ — І. Ранке.

Народовѣдѣніе — Фридриха Ратцеля.

Жизнь природы — д-ра Вильгельма Мейера.

Полный переводъ съ нѣмецк., подъ редакціей и съ дополненіями проф. И. П. Бородина, Ю. Н. Вагнера, Н. А. Гезехуса, С. П. Глазенапа, А. С. Догеля, А. А. Иностранцева, Д. А. Коропчевскаго, П. Ф. Лесгафта.

8 отдѣловъ въ 231 выпускахъ или 14 томовъ; 11600 страницъ, 8500 рисунковъ въ текстѣ, 215 хромофотографій, 30 картъ въ краскахъ, 165 геліографюръ и рѣзанныхъ на деревѣ гравюръ.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХъ Брэма.

Первый томъ.

Млекопитающія.

Рекомендовано Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній военно-учебнымъ заведеніямъ.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ, а также и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библиотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Съ 10 хромолитографіями, 16 черными таблицами и 221 рисункомъ въ текстѣ, исполненными Л. Бекманомъ, В. Кампгаузенемъ, Р. Кречмеромъ, В. Кюнертомъ, Г. Мютцелемъ, Фр. Шпехтомъ и др.

С.-Петербургъ.

Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе“, Забалканскій пр., с. д. № 75.

1909.

928.6
K584



Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Предлагаемое народное изданіе составлено по третьему изданію „Жизни животныхъ Брэма“; оно приспособлено для школъ, какъ это было уже сдѣлано Фридрихомъ Шөдлеромъ въ прежнихъ изданіяхъ. Цѣль этого изданія — содѣйствовать естественно-историческому образованію народа.

Чрезвычайно богатый біологическій матеріалъ, составляющій содержаніе большого изданія Брэма, подвергся въ новомъ третьемъ изданіи тщательному разсмотрѣнію, расширенію, а во многихъ мѣстахъ также и переработкѣ, которую, какъ намъ кажется, требовали успѣхи зоологіи. Достигнутое такимъ образомъ улучшеніе содержанія принималось въ соображеніе и въ данномъ народномъ изданіи, поскольку позволялъ объемъ этого труда. При характеристикѣ наиболѣе извѣстныхъ и важныхъ животныхъ прежде всего вниманіе обращалось на главныя черты образа ихъ жизни, при чемъ руководствовались самыми новѣйшими изслѣдованіями; отбросить и сократить пришлось только нѣкоторыя спеціальныя отдѣльныя наблюденія. Мало извѣстныя или рѣдкія формы, имѣющія весьма значительный интересъ для спеціалистовъ, были оставлены въ сторонѣ ради болѣе важныхъ видовъ, равнымъ образомъ, всѣ подробности и описанія, неудобныя для чтенія въ школахъ, соотвѣтственнымъ образомъ сокращены или откинута. Кромѣ того, всѣ старыя рисунки замѣнены вездѣ превосходными новыми, что составляетъ особенное украшеніе изданія.

Лейпцигъ.

Р. Шмидтлейнъ.

Предисловіе редактора.

Настоящее сочиненіе Брэма, назначенное для чтенія юношества школьнаго возраста, должно познакомить молодого человѣка съ жизнью животныхъ, съ видоизмѣненіемъ ихъ формъ и зависимостью этихъ формъ отъ условій, при которыхъ онѣ развиваются. Дѣти и молодые люди вообще очень интересуются животными, очень охотно наблюдаютъ за ними и занимаются ими. При изученіи животного міра въ школѣ или по руководствамъ по зоологіи, учащіеся заучиваютъ только одни названія и часто на совершенно чуждомъ имъ латинскомъ языкѣ, причемъ съ каждымъ названіемъ они усваиваютъ еще памятью различные признаки въ видѣ числа зубовъ, формы ногтей, цвѣта шерсти и существованія или отсутствія хвоста. Все это не даетъ никакого представленія о самомъ животномъ, о его отношеніи къ другимъ животнымъ, о зависимости животного отъ климатическихъ и почвенныхъ условій и т. д. Такое чтеніе или изученіе не имѣетъ никакого общеобразовательнаго значенія и не даетъ матеріала для самостоятельныхъ сужденій и выводовъ. Слѣдовательно, если бы замѣнить словесный методъ преподаванія реальнымъ въ томъ видѣ, какъ онъ примѣняется къ естественнымъ наукамъ въ настоящее время, т. е., почти исключительно описательнымъ способомъ, то это также не имѣло бы общеобразовательнаго значенія. При примѣненіи описательнаго способа изученія, ученики не пріучаются провѣрять тѣ положенія, которыя они изучаютъ, а по недостатку практическихъ работъ, совершенно не пріучаются къ самостоятельной дѣятельности и къ выработкѣ собственныхъ мыслей и идей. Настоящее сокращенное сочиненіе „Жизни животныхъ Брэма“, назначенное для школъ, содержитъ такой богатый матеріалъ для изученія окружающаго насъ животного міра, что можетъ пріучить молодого человѣка наблюдать за этимъ міромъ и сравненіемъ вырабатывать себѣ понятія о животныхъ проявленіяхъ въ сравненіи съ проявленіями человѣка. Замѣчательно хорошее отношеніе Брэма къ животнымъ невольно передается и читателю и заставляеть вообще внимательнѣе относиться къ окружающимъ живымъ существамъ, а также и къ человѣку. Кромѣ того, у молодого человѣка является желаніе самому знакомиться съ міромъ животныхъ и составлять себѣ понятіе о немъ на основаніи собственныхъ наблюденій и личнаго знакомства. Когда человѣкъ повторяетъ только то, что слыхалъ или узналъ

изъ книгъ, то онъ еще не проявляется самостоятельно, а только имитируетъ воспринятое, хотя бы это было изложеніе философскаго ученія или теоретическое выясненіе какихъ-либо фактовъ и явленій. Самостоятельно человѣкъ проявляется только на основаніи имъ самимъ собраннаго и изученнаго матеріала. Сравнивая собранный имъ матеріалъ, онъ долженъ самъ подмѣтить формы и явленія общія и, анализируя и синтезируя ихъ, составлять свои понятія, которыми долженъ руководствоваться при своихъ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ. Понятно, одна книга не можетъ намъ дать образованія; для этого необходимо собственное знакомство съ жизнью; книга, какъ и слово, должны являться возбудителями нашей мысли; только непосредственныя наблюденія надъ жизнью, собственная провѣрка, собственный трудъ и работа даютъ возможность заложенному въ нашемъ умѣ зачатку мысли расти, развиваться и принимать тотъ образъ, который пригоденъ намъ въ жизни и даетъ возможность справляться съ жизненными явленіями. Книга Брэма содержитъ большой матеріалъ, взятый непосредственно изъ наблюденій надъ жизнью животныхъ, и притомъ чтеніе этой книги даетъ не мелочныя и отрывочныя частности, а общія картины, такъ что онѣ должны побудить молодого человѣка къ размышленію и желанію провѣрить самому то, съ чѣмъ онъ здѣсь знакомится. Онъ начнетъ внимательно слѣдить за окружающей его жизнью и, гдѣ только возможно, хотя бы въ музеяхъ, зоологическихъ садахъ, акваріумахъ, терраріяхъ и т. д., провѣрять то, съ чѣмъ знакомится въ этой книгѣ. Сравненіемъ и противоположеніемъ выясняется истина, вырабатываются основанія нашей нравственной жизни. Приучившись наблюдать надъ животными, онъ останавливаетъ свое вниманіе и на человѣкѣ и этимъ путемъ выясняетъ себѣ значеніе человѣческой личности, что и составляетъ главную цѣль общаго образованія. Производя же анализъ и провѣрку, онъ приучается къ работѣ и этимъ путемъ научается больше владѣть собою и вмѣстѣ съ тѣмъ, ограничивать произволъ своихъ дѣйствій, что является второю основною задачей воспитанія. Можно надѣяться, что такимъ путемъ, онъ разовьетъ свою мысль и приучится къ серьезному труду, при посредствѣ котораго только и возможно развитіе мыслящаго и разсуждающаго человѣка, признающаго личность другого, вполне владѣющаго собою и умѣющаго ограничивать произволъ своихъ дѣйствій въ общественныхъ и индивидуальныхъ проявленіяхъ. Будемъ надѣяться, что эта книга повліяетъ благопріятно именно въ означенномъ направленіи.

С.-Петербургъ.

П. Лесгафтъ.

О г л а в л е н і е.

Млекопитающія.

Взглядъ на жизнь животныхъ вообще стр. 3

Первый отрядъ: Обезьяны (Pithecí).

	стр.		стр.
Первая семья: Узконосыя (Catarrhini).		Гамадриль (C. hamadryas) . . .	72
Человѣкообразныя обезьяны (Anthropomorpha).		Джелада (C. gelada)	77
1-й родъ: Гориллы (Gorilla)	39	Мандрилль (C. mormon)	77
Горилла (G. gina)	29	Дрилль (C. leucophaeus)	78
2-й родъ: Шимпанзе (Simia)	36	Бородатая обезьяна (C. silenus) .	80
Шимпанзе (S. troglodytes)	36		
3-й родъ: Орангъ-утанны (Pithecus) . .	39	Вторая семья: Широконосыя (Platyrrhini).	
Орангъ-утанъ (P. satyrus)	39	Цѣпкохвостыя (Cebidae).	
4-й родъ: Гиббоны (Hylobates)	44	1-й родъ: Ревуны (Mycetes)	83
Сіамангъ (H. syndactylus)	45	Алуата (M. seniculus)	83
Хулокъ (H. hulock)	45	Карайя (M. niger)	83
Ларъ (H. lar)	45	2-й родъ: Цѣпкія (Ateles)	86
Унгко (H. rafflesii)	45	Коата (A. paniscus)	87
Воу-воу (H. variegatus)	45	Маримонда (A. beelzebuth)	87
Собакообразныя обезьяны (Cynopithecini).		Чамекъ (A. pentadactylus)	87
5-й родъ: Тонкотѣлыя (Semnopithecus)	45	Мирики (A. hypoxanthus)	87
Гульманъ (S. entellus)	48	Золотая обезьяна (C. bartlettii) .	87
Буденгъ (S. maurus)	50	3-й родъ: Цѣпкохвостыя (Cebus) . .	89
6-й родъ: Носатыя обезьяны (Nasalis)	50	Капуцинъ (C. capucinus)	89
Носатая обезьяна (N. larvatus) . .	50	Апелла (C. apella)	92
7-й родъ: Толстотѣлыя обезьяны (Colobus)	51	Фавнъ (C. fatuellus)	93
Гвереца (C. guereza)	52		
Медвѣдеобразная обезьяна (C. ursinus)	53	Пушистохвостыя (Pitheciidae).	
Сатана (C. satanas)	53	4-й родъ: Саки (Pithecia)	93
8-й родъ: Мартышки (Cercopithecus) .	56	Чертова обезьяна (P. satanas) . .	94
Зеленая обезьяна (C. sabaeus) . .	56	Бѣлоголовая обезьяна (P. leucosephala)	94
Діана (C. diana)	58	Черноголовая пушистохвостая обезьяна (P. melanocephalus)	94
Синегубая мартышка (C. cerphus) .	58	5-й родъ: Прыгуны (Callithrix) . . .	95
9-й родъ: Макаки (Macacus)	60	Вдовушка (C. lugens)	95
Макакъ (M. cynomolgus)	61	6-й родъ: Саймири (Chrysothrix) . .	96
Бундеръ (M. rhesus)	61	Мертвая голова (C. sciurea) . . .	96
10-й родъ: Маготъ (Inuus)	62	7-й родъ: Ночная обезьяна (Nyctipithecus)	97
Маготъ (I. escaudatus)	62	Мирикина (N. trivirgatus)	97
11-й родъ: Павіаны (Cynosephalus) . .	65	Третья семья: Игрунки (Arctopithecí).	
Черный павіанъ (Cynopithecus niger)	68	Единственный родъ: Львиная игрунка (Napale)	100
Бабуинъ (Cynosephalus babuin) . .	68	Серебряная обезьянка (H. argentata)	100
Хахма (C. porcarius)	69	Уистити (H. jacchus)	100
Сфинксъ (C. sphinx)	69	Бѣлолобая обезьяна (H. penicillata)	102
		Пинчъ (H. oedipus)	102

Второй отрядъ: Полуобезьяны (Prosimii).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Лемуры (<i>Lemnridae</i>).		4-й родъ: Ушастыя маки (<i>Otolicnus</i>)	111
1-й родъ: Индри (<i>Lichanotus</i>)	106	Галаго обыкновенный (<i>O. galago</i>)	112
Индри короткохвостый (<i>L. brevis-caudatus</i>)	106	Комба (<i>O. agisymbanus</i>)	114
2-й родъ: Маки (<i>Lemur</i>)	106	Вторая семья: Долгопяты (<i>Tarsidae</i>).	
Вари (<i>L. varius</i>)	107	Единственный родъ Маки - домовый (<i>Tarsius</i>)	115
Катта (<i>L. catta</i>)	107	Долгопята - привидѣние (<i>T. spectrum</i>)	115
Монгоцъ (<i>L. mongoz</i>)	107	Третья семья: Руконожки (<i>Leptodactyla</i>).	
Макако (<i>L. macaco</i>)	107	Единственный родъ: Руконожка (<i>Chiromys</i>)	116
3-й родъ: Лори (<i>Stenops</i>)	108	Айя-айя (<i>C. madagascariensis</i>)	116
Тонкій лори (<i>S. gracilis</i>)	108		
Толстый лори (<i>S. tardigradus</i>)	108		

Третій отрядъ: Рукокрылы (Chiroptera).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Летучія собаки (<i>Pteropina</i>).		4-й родъ: Курносые ушаны (<i>Synotis</i>)	132
1-й родъ: Летучія собаки (<i>Pteropus</i>)	126	Курносый ушанъ (<i>S. barbastellus</i>)	132
Калонгъ (<i>P. edulis</i>)	126	Третья семья: Листоносы (<i>Istioptera</i>).	
2-й родъ: Ночные крыланы (<i>Cynonycteris</i>)	128	1-й родъ: Вампиры (<i>Phyllostoma</i>)	134
Нильскій крыланъ (<i>C. aegyptiacus</i>)	128	Вампиръ обыкновенный (<i>P. spectrum</i>)	134
Вторая семья: Гладконосыя (<i>Gymnorhina</i>).		2-й родъ: Подковоносы (<i>Rhinolophus</i>)	136
1-й родъ: Ушаны (<i>Plecotus</i>)	129	Малый подковонось (<i>R. hipposcrepis</i>)	136
Ушанъ (<i>P. auritus</i>)	129	Большой подковонось (<i>R. ferrumequinum</i>)	137
2-й родъ: Нетопыри (<i>Vespertilio</i>)	130	3-й родъ: Лироносы (<i>Megaderma</i>)	137
Нетопырь (<i>V. murinus</i>)	130	Лиронось (<i>M. Lyra</i>)	137
3-й родъ: Лѣсные летучія мыши (<i>Vesperugo</i>)	131	4-й родъ: Ланцетоносыя (<i>Rhinopoma</i>)	137
Ранолетающія летучія мыши (<i>V. noctula</i>)	131	Египетскій ланцетонось (<i>R. microphyllum</i>)	137

Четвертый отрядъ: Хищныя (Carnivora).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Кошачьи (<i>Felidae</i>).		Карликовая кошка (<i>F. bengalensis</i>)	183
1-й родъ: Собственно кошки (<i>Felis</i>)	145	Сервала (<i>F. serval</i>)	184
Королевскій тигръ (<i>F. tigris</i>)	147	Пума (<i>F. concolor</i>)	184
Дымчатый леопардъ (<i>F. nebulosa</i>)	155	Ягуарунди (<i>F. yaguarundi</i>)	187
Европ. дикая кошка (<i>F. catus</i>)	156	Ягуаръ (<i>F. onca</i>)	187
Буланая кошка (<i>F. maniculata</i>)	159	Оцелотъ (<i>F. pardalis</i>)	192
Домашняя кошка (<i>F. maniculata domestica</i>)	166	Тигровая кошка (<i>F. tigrina</i>)	193
Ангорская кошка (<i>F. maniculata domestica angorensis</i>)	167	Длиннохвостая кошка (<i>F. macroura</i>)	193
Верберскій левъ (<i>F. leo barbarus</i>)	167	Кошка пампасовъ (<i>F. pajeros</i>)	194
Сенегальскій левъ (<i>F. leo senegalensis</i>)	169	2-й родъ: Рыси (<i>Lynx</i>)	194
Капскій левъ (<i>F. leo capensis</i>)	169	Рысь (<i>L. vulgaris</i>)	194
Персидскій левъ (<i>F. leo persicus</i>)	169	Пардовая рысь (<i>L. pardinus</i>)	199
Гузеритскій левъ (<i>F. leo guzeratensis</i>)	170	Канадская рысь (<i>L. borealis</i>)	199
Леопардъ (<i>F. pardus</i>)	176	Рыжая рысь (<i>L. rufus</i>)	199
Пантера (<i>F. panthera</i>)	177	Каракаль (<i>L. Caracal</i>)	199
Зондская пантера (<i>F. variegata</i>)	178	Болотная рысь (<i>L. Chaus</i>)	200
Черная пантера (<i>F. melas</i>)	178	3-й родъ: Охотничьи леопарды (<i>Cynailurus</i>)	200
Барсъ (<i>F. uncia</i>)	183	Чита (<i>C. jubatus</i>)	201
Крапчатая кошка (<i>F. viverrina</i>)	183	Фаргадъ (<i>C. guttatus</i>)	201

Крапчатый гепардъ (<i>C. Soemmeringii</i>)	201
Лохматый гепардъ (<i>C. laneus</i>)	201
4-й родъ: Мадагаскарскіе хорьки (<i>Cryptoprocta</i>)	204
Фосса (<i>C. ferox</i>)	204

Вторая семья: Виверры (*Viverridae*).

1-й родъ: Виверры (<i>Viverra</i>)	206
Циветта африканская (<i>V. civetta</i>)	206
Настоящая цивета (<i>V. zibetha</i>)	207
Расса (<i>V. malaccensis</i>)	207
Генетта (<i>V. genetta</i>)	208
2-й родъ: Пальмовыя куницы (<i>Paradoxurus</i>)	209
Индійская пальмовая куница (<i>P. niger</i>)	209
Малайская пальмовая куница (<i>P. hermaphroditus</i>)	209
Пагума (<i>P. larvatus</i>)	210
3-й родъ: Мангусты (<i>Herpestes</i>)	210
Ихневмонъ (<i>H. ichneumon</i>)	211
Мунго (<i>H. mungo</i>)	213
Мелонъ (<i>H. widdringtonii</i>)	215
Зебровая мангуста (<i>H. fasciatus</i>)	215
Урва (<i>H. urva</i>)	216
4-й родъ: Собачьи хорьки (<i>Cynictis</i>)	216
Лисицевидная мангуста (<i>C. penicillata</i>)	216
5-й родъ: Сурикаты (<i>Suricata</i>)	217
Суриката (<i>S. tetradactyla</i>)	217

Третья семья: Куницы (*Mustellidae*).Куницы (*Martidae*).

1-й родъ: Благородн. куницы (<i>Mustela</i>)	219
Лѣсная куница (<i>M. martes</i>)	219
Бѣлодушка (<i>M. foina</i>)	222
Соболь (<i>M. zibellina</i>)	224
2-й родъ: Хорьки (<i>Putorius</i>)	225
Хорекъ (<i>P. foetidus</i>)	226
Перевозчикъ (<i>P. sarmaticus</i>)	226
Африканскій хорекъ (<i>P. furo</i>)	228
Ласка (<i>P. vulgaris</i>)	231
Горностай (<i>P. erminea</i>)	234
Европейская норка (<i>P. lutreola</i>)	237
Американская норка (<i>P. vison</i>)	238
3-й родъ: Россوماхи (<i>Gulo</i>)	241
Россوماха (<i>G. borealis</i>)	241
4-й родъ: Гуроны (<i>Galictis</i>)	244
Гираре (<i>G. barbara</i>)	244
Гризонъ (<i>G. vittata</i>)	244

Барсуки (*Melidae*).

5-й родъ: Барсуки (<i>Meles</i>)	245
Барсукъ (<i>M. taxus</i>)	245
6-й родъ: Медоѣды (<i>Mellivora</i>)	249
Медоѣдъ (<i>M. capensis</i>)	250
Индійская ратель (<i>M. indica</i>)	250
7-й родъ: Короткохвосты (<i>Mydaus</i>)	251
Теледу (<i>M. meliceps</i>)	251
8-й родъ: Вонючки (<i>Mephitis</i>)	252
Сурильо (<i>M. suffocans</i>)	253
Скунсъ (<i>M. varians</i>)	253

9-й родъ: Полосатые хорьки (<i>Rhabdogale</i>)	255
Зорилла (<i>R. mustelina</i>)	255

Выдры (*Lutridae*).

10-й родъ: Выдра (<i>Lutra</i>)	255
Рѣчная выдра (<i>L. vulgaris</i>)	256
11-й родъ: Морской бобръ (<i>Enhydris</i>)	260
Морской бобръ (<i>E. lutris</i>)	260

Четвертая семья: Гиены (*Hyaenidae*).

1-й родъ: Гиены (<i>Hyaena</i>)	263
Пятнистая гиена (<i>H. crocuta</i>)	265
Бурая гиена (<i>H. brunnea</i>)	267
Полосатая гиена (<i>H. striata</i>)	267
2-й родъ: Земляные волки (<i>Proteles</i>)	268
Земляной волкъ (<i>P. lalandii</i>)	268

Пятая семья: Собаки (*Canidae*).

1-й родъ: Волки (<i>Canis</i>)	271
Волкъ (<i>C. lupus</i>)	271
Буланый волкъ (<i>C. occidentalis</i>)	276
Африканскій волкъ (<i>C. anthus</i>)	276
Полосатый волкъ (<i>C. adustus</i>)	277
Шакалъ (<i>C. aureus</i>)	278
Луговой волкъ (<i>C. latrans</i>)	279
Енотовая собака (<i>C. procyonoides</i>)	280
Майконгъ (<i>C. cancrivorus</i>)	281
Агуарахай (<i>C. vetulus</i>)	281
Гиеновая собака (<i>C. pictus</i>)	281
Колзунъ (<i>C. dukhunensis</i>)	283
Адъягъ (<i>C. rutilans</i>)	284
Динго (<i>C. dingo</i>)	290
Собаки парии	292

Домашнія собаки.

1-я группа: Борзые собаки (<i>Canis familiaris grajus</i>)	302
Борзая собака (<i>C. f. grajus</i>)	302
Степная борзая	304
Левретка	306
Голая собака (<i>C. f. africanus</i>)	307
2-я группа: Доги (<i>Canis familiaris molossus</i>)	307
Датскій догъ	307
Нѣмецкій догъ	307
Ирландскій догъ	309
Бульдогъ	311
Мопсъ	311
Тибетскій догъ	312
3-я группа: Таксы (<i>Canis familiaris vertagus</i>)	312
Таксы	312
Выдровая собака	313
4-я группа: Охотничьи собаки (<i>Canis familiaris sagrah</i>)	314
Лягавая собака	314
Оленья собака	316
Лисогоны	317
5-я группа: Шелковистые собаки (<i>Canis familiaris extrarius</i>)	317
Кингъ чарльзъ	317
Бленгеймская собака	317
Ньюфаундлэндская собака	318
Сенъ-бернардская собака	319
Пудель	321

	СТР.		СТР.
6-я группа: Пинчеры	323	Черный гималайский медвѣдь (<i>U. torquatus</i>)	356
Гладкошерстый пинчеръ	323	Вируангъ (<i>Ursus malayanus</i>)	358
7-я группа: Дворовыя собаки (<i>Canis familiaris domesticus</i>)	324	Бѣлый медвѣдь (<i>U. maritimus</i>)	358
Овчарка	324	2-й родъ: Медвѣди губачи (<i>Melursus</i>)	365
Шпицъ	326	Медвѣдь губачъ (<i>M. labiatus</i>)	365
Эскимосская собака	326	Кошкovidныя животныя (<i>Ailurinae</i>)	
2-й родъ: Лисицы (<i>Vulpes</i>)	328	4-й родъ: Панды (<i>Ailurus</i>)	367
Лисица обыкновен. (<i>V. vulgaris</i>)	328	Тибетскій пестрый медвѣдь (<i>Ailurus melanoleucus</i>)	367
Песецъ (<i>V. lagopus</i>)	335	Панда (<i>A. fulgens</i>)	367
Корсакъ (<i>V. corsac</i>)	338	5-й родъ: Винтуронги (<i>Arctictis</i>)	368
Фенекъ (<i>V. zerdo</i>)	340	Винтуронгъ (<i>A. binturong</i>)	368
3-й родъ: Ушастая лисица (<i>Otocyon</i>)	341	Полоскуновыя (<i>Procyoninae</i>)	
Широконосая собака (<i>O. megalotis</i>)	341	6-й родъ: Полоскуны (<i>Procyon</i>)	368
Шестая семья: Медвѣди (<i>Ursidae</i>).		Енотъ (<i>P. lotor</i>)	368
Медвѣди.		Ракоѣдъ (<i>P. cancrivorus</i>)	372
1-й родъ: Настоящiе медвѣди: (<i>Ursus</i>)	344	7-й родъ: Носуха (<i>Nasua</i>)	372
Бурый медвѣдь (<i>U. arctos</i>)	344	Коати (<i>N. rufa</i>)	373
Муравьятникъ (<i>U. formicarius</i>)	344	Бѣлоносая носуха (<i>N. narica</i>)	373
Гризли (сѣрый медвѣдь) (<i>U. cinereus</i>)	352	8-й родъ: Кинкажу (<i>Cercoleptes</i>)	377
Барибаль (черный медвѣдь) (<i>U. americanus</i>)	354	Кинкажу (<i>C. caudivolvulus</i>)	377
		9-й родъ: Кошачьи хорьки (<i>Bassaris</i>)	378
		Какамиицли (<i>B. astuta</i>)	378

Пятый отрядъ: Тюлени или ластоногія (*Pinnipedia*).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Тюлени (<i>Phocidae</i>).		Вторая семья: Моржи (<i>Trichechidae</i>).	
1-й родъ: Тюлени (<i>Phoca</i>)	387	Единственный родъ: Моржи (<i>Trichechus</i>)	393
Обыкновен. тюлень (<i>P. vitulina</i>)	387	Моржъ (<i>T. rosmarus</i>)	393
Каспійскій тюлень (<i>P. caspica</i>)	388	Третья семья: Ушастые тюлени (<i>Otariidae</i>).	
Лысунъ (<i>P. groenlandica</i>)	388	Единственный родъ: Сивучи (<i>Otaria</i>)	397
2-й родъ: Хохлачи (<i>Cystophora</i>)	389	Морской левъ (<i>O. stelleri</i>)	397
Тевякъ (<i>C. cristata</i>)	389	Морской котъ (<i>O. ursina</i>)	399
3-й родъ: Морскіе слоны (<i>Macrorhinus</i>)	390		
Морской слонъ (<i>M. leoninus</i>)	390		

Шестой отрядъ: Насѣкомоядныя (*Insectivora*).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Ежи (<i>Erinaceidae</i>).		Пятая семья: Щетинистые ежи (<i>Centetidae</i>).	
Единственный родъ: Ежи (<i>Erinaceus</i>)	403	Единственный родъ: Иголошерсты (<i>Centetes</i>)	417
Ежъ обыкновен. (<i>E. europaeus</i>)	403	Танрекъ (<i>C. ecaudatus</i>)	417
Вторая семья: Кроты (<i>Talpidae</i>).		Шестая семья: Землеройки (<i>Soricidae</i>).	
Единственный родъ: Кроты (<i>Talpa</i>)	403	Землеройки (<i>Soricinae</i>).	
Кротъ обыкновен. (<i>T. europaea</i>)	403	1-й родъ: Настоящ. землеройки (<i>Sorex</i>)	419
Третья семья: Тупайи (<i>Tupaiaidae</i>).		Лѣсная землеройка (<i>S. vulgaris</i>)	419
Единственный родъ: Тана (<i>Tupaia</i>)	415	2-й родъ: Полевые землеройки (<i>Crocidura</i>)	421
Тана (<i>T. tupa</i>)	415	Домовая землеройка (<i>C. aranea</i>)	421
Четвертая семья: Прыгунчики (<i>Macroscelididae</i>).		Тосканская землеройка (<i>C. suaveolens</i>)	421
Единственный родъ: Алжирскіе прыгунчики (<i>Macroscelides</i>)	416	3-й родъ: Водяныя куторы (<i>Crossopus</i>)	422
Прыгунчикъ (<i>M. typicus</i>)	416	Водяная кутора (<i>C. fodiens</i>)	422

	СТР.		СТР.
Выхухоли (Myogalinae).		Седьмая семья: Шерстокрылы	
4-й родъ: Выхухоли (Myogale) . . .	423	(Galeopithecidae).	
Альмицилера (M. pyrenaica) . . .	424	Единственный родъ: Шерстокрылы (Ga-	
Десманъ (M. moschata) . . .	424	leopithecus)	425
		Кагуангъ (G. volans)	425

Седьмой отрядъ: Грызуны (Rodentia).

	СТР.		СТР.
Первое семейство: Бѣлѣчи (Sciuridae).		Жирная песчанка (P. obesus) . . .	465
Бѣлки (Sciurinae).		Собственно мыши (Murinae).	
1-й родъ: Собственно бѣлки (Sciurus) .	429	2-й родъ: Мыши (Mus)	465
Векша (S. vulgaris)	429	Черная крыса (M. rattus) . . .	466
2-й родъ: Летучія бѣлки (Pteromys)	434	Пасюкъ (M. decumanus)	467
Тагуанъ (P. petaurista)	434	Домовая мышь (M. musculus)	472
Летяга (P. volans)	435	Лѣсная мышь (M. sylvaticus) .	475
3-й родъ: Бурундукъ (Tamias)	435	Полевая мышь (M. agrarius) .	475
Бурундукъ (T. striatus)	435	Мышь-малютка (M. minutus) . .	475
Свищи (Arctomyinae).		Хомяковые (Cricetinae).	
4-й родъ: Суслики (Spermophilus) . .	437	3-й родъ: Хомяки (Cricetus)	477
Сусликъ обыкновенн. (S. citillus) .	437	Хомякъ обыкновенный (C. fru-	
5-й родъ: Луговые собачки (Cynomys)	438	mentarius)	477
Луговая собачка (C. ludovicianus)	438	Шестая семья: Полевки (Arvicolidae).	
6-й родъ: Сурки (Arctomys)	441	1-й родъ: Мускусныя крысы (Fiber)	481
Байбакъ (A. bobac)	441	Ондатра (F. zibethicus)	481
Альпійскій сурокъ (A. marmota)	442	2-й родъ: Полевки (Arvicola)	483
Вторая семья: Сони (Myoxidae).		Водяная крыса (A. amphibius) .	483
1-й родъ: Полчки (Myoxus)	445	Подсѣжная мышь (A. nivalis) .	485
Полчокъ (M. glis)	445	Лѣсная полевка (A. glareolus) .	486
Лѣсная соня (M. dryas)	447	Земляная полевка (A. agrestis)	487
2-й родъ: Садовые сони (Eliomys) . .	447	Полевая полевка (A. arvalis) .	487
Садовая соня (E. nitela)	447	Корнеѣдка (A. oeconomus) . . .	489
3-й родъ: Орѣшниковыя сони (Muscar-		3-й родъ: Лемминги (Myodes)	489
dinus)	448	Пеструшка (M. lemmus)	489
Мушловка (M. avellanarius)	448	Седьмая семья: Кротообразныя	
Третья семья: Бобры (Castoridae).		(Spalacidae).	
Единственный родъ: Бобръ (Castor) .	450	1-й родъ: Слѣпышъ (Spalax)	492
Бобръ (C. fiber)	450	Слѣпышъ (S. typhlus)	492
Четвертая семья: Тушканчики (Dipodidae).		Восьмая семья: Мѣшетчатые крысы	
Прыгунчики (Jaculinae).		(Geomysidae).	
1-й родъ: Прыгунчикъ (Jaculus) . . .	457	Единственный родъ: Мѣшетчатые кры-	
Прыгунчикъ сѣверо-американ-		сы (Geomys)	494
скій (J. hudsonius)	457	Гофферъ (G. bursarius)	494
Тушканчики (Dipodinae).		Девятая семья: Дикообразы (Hystri-	
2-й родъ: Степные тушканчики (Dipus)	458	chidae).	
Степной тушканчикъ (D. aegyptius)	458	1-й родъ: Дикообразы (Hystrix) . . .	496
3-й родъ: Бабуны (Scirtetes)	460	Обыкновенный дикообразъ (H. cristata)	496
Земляной заяцъ (S. jaculus)	460	Лазящіе дикообразы (Cercolabinae).	
Долгоноги (Pedetinae).		2-й родъ: Лазящіе дикообразы (Ere-	
4-й родъ: Долгоноги (Pedetes)	462	thizon)	498
Долгоногъ (P. caffer)	462	Урсонъ (E. dorsatum)	498
Пятая семья: Мыши (Muridae).		3-й родъ: Верхолазы (Cercolabes) .	499
Песчанки (Merionidinae).		Верхолазъ мексиканскій (C. novae hispaniae)	499
1-й родъ: Жирныя песчанки (Psam-		Щетинистый дикообразъ (C. prehensilis)	501
tomys)	465	Десятая семья: Полукопытныя	
		(Cavidae).	
		1-й родъ: Морскія свинки (Cavia) .	502

	СТР.		СТР.
Морская свинка (<i>C. porcellus</i>)	502	Щетинистая свинка (<i>A. swin-</i> <i>gianus</i>)	513
Апереа (<i>C. aperea</i>)	502		
2-й родъ: Мара (<i>Dolichotis</i>)	503	Двѣнадцатая семья: Шиншилловыя (<i>Lagostomidae</i>).	
Мара (<i>D. patagonica</i>)	503		
3-й родъ: Агути (<i>Dasypsecta</i>)	504	1-й родъ: Шиншиллы (<i>Eriomys</i>)	514
Агути (<i>D. aguti</i>)	504	Шиншилла (<i>E. chinchilla</i>)	514
4-й родъ: Пака (<i>Coelogenys</i>)	506	Малая шиншилла (<i>E. lanigera</i>)	516
Пака (<i>C. paca</i>)	506		
5-й родъ: Водосвинки (<i>Hydrochoe-</i> <i>rus</i>)	508	2-й родъ: Пушаки (<i>Lagidium</i>)	517
Водосвинка (<i>H. carubara</i>)	508	Пушакъ (<i>L. cuvieri</i>)	517
Одиннадцатая семья: Осьмизубы (<i>Octodontidae</i>).		3-й родъ: Вискаши (<i>Lagostomus</i>)	518
1-й родъ: Кустарниковыя крысы (<i>Octo-</i> <i>don</i>)	510	Вискаша (<i>L. trichodactylus</i>)	518
Дегу (<i>O. cummingii</i>)	510		
2-й родъ: Болотные бобры (<i>Myoro-</i> <i>tamus</i>)	511	Тринадцатая семья: Заячьи (<i>Leporidae</i>).	
Болотный бобръ (<i>M. coypu</i>)	511	1-й родъ: Зайцы (<i>Lepus</i>)	521
3-й родъ: Щетинистыя свинки (<i>Aula-</i> <i>codus</i>)	513	Заяцъ (<i>L. vulgaris</i>)	521
		Бѣлякъ (<i>L. timidus</i>)	525
		Кроликъ (<i>L. cuniculus</i>)	527
		2-й родъ: Пищухи (<i>Lagomys</i>)	530
		Сѣноставецъ (<i>L. alpinus</i>)	530

Восьмой отрядъ: **Неполнозубыя** (*Edentata*).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Лѣнивцы (<i>Bradypodidae</i>).		Шестиполосный броненосецъ (<i>D.</i> <i>sexcinctus</i>)	543
1-й родъ: Двухпалые лѣнивцы (<i>Cho-</i> <i>loerus</i>)	533	2-й родъ: Шаровидные броненосцы (<i>Tolypeutes</i>)	546
Унау (<i>C. didactylus</i>)	533	Шаровидный броненосецъ (<i>T. tri-</i> <i>cinctus</i>)	546
2-й родъ: Трехпалые лѣнивцы (<i>Bra-</i> <i>dypus</i>)	533	3-й родъ: Исполинскіе броненосцы (<i>Priodon</i>)	547
Ай (<i>B. tridactylus</i>)	534	Исполинскій броненосецъ (<i>P. gi-</i> <i>gas</i>)	547
Вторая семья: Муравьеѣды (<i>Mymeco-</i> <i>phagidae</i>).		4-й родъ: Панцырные мыши (<i>Chla-</i> <i>mydophorus</i>)	548
1-й родъ: Муравьеѣды (<i>Mymecophaga</i>)	538	Панцырная мышь (<i>C. truncatus</i>)	548
Юруми (<i>M. jubata</i>)	538		
2-й родъ: Тамандуа (<i>Tamandua</i>)	541	Четвертая семья: Ящеры (<i>Manididae</i>).	
Тамандуа (<i>T. tetradactyla</i>)	541	Единственный родъ: Ящеры (<i>Manis</i>)	550
3-й родъ: Муравьеѣды-карлики (<i>Cy-</i> <i>cloturus</i>)	542	Длиннохвостый ящеръ (<i>M. lon-</i> <i>gicaudata</i>)	551
Муравьеѣдъ-карликъ (<i>C. didac-</i> <i>tylus</i>)	542	Панголинъ (<i>M. pentadactyla</i>)	551
		Степной ящеръ (<i>M. temminckii</i>)	552
Третья семья: Броненосцы (<i>Dasypodidae</i>).		Пятая семья: Трубказубы (<i>Orycteropo-</i> <i>didae</i>).	
1-й родъ: Броненосцы (<i>Dasypus</i>)	542	Единственный родъ: Трубказубъ (<i>Oryc-</i> <i>teropus</i>)	553
Щетинистый броненосецъ (<i>D.</i> <i>villosus</i>)	543	Капскій трубказубъ (<i>O. capensis</i>)	553

Девятый отрядъ: **Хоботныя животныя** (*Proboscidea*).

Единственное семейство: **Слоны** (*Elephantidae*).

Единственный родъ: Слоны (<i>Elephas</i>)	555
Азіатскій слонъ (<i>E. asiaticus</i>)	556
Африканскій слонъ (<i>E. africanus</i>)	557

Десятый отрядъ: Непарнокопытныя (Perissodactyla).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Лошади (Equidae).		Квагга (<i>E. quagga</i>)	583
Единственный родъ: Лошади (<i>Equus</i>)	565	Бурчелева тигровая лошадь (<i>E. burchellii</i>)	583
Тарпанъ	566	Зебра (<i>E. zebra</i>)	583
Цимарронъ	567	Вторая семья: Тапиры (Tapiridae).	
Арабская лошадь	570	Единственный родъ: Тапиры (<i>Tapirus</i>)	586
Англійская чистокровная лошадь	572	Чепрачный тапиръ (<i>T. indicus</i>)	586
Англоарабская лошадь	572	Анта (<i>T. terrestris</i>)	587
Тракенеръ	572	Третья семья: Носороги (Rhinocerotidae).	
Мустанги	573	Единственный родъ: Носороги (<i>Rhino-</i>	
Шотландскій пони	573	<i>ceros</i>)	592
Куланъ (<i>E. hemionus</i>)	575	Носорогъ (<i>R. unicornis</i>)	592
Онагръ (<i>E. onager</i>)	577	Вара-носорогъ (<i>R. sondaicus</i>)	592
Оселъ (<i>E. asinus</i>)	578	Двурогій носорогъ (<i>R. bicornis</i>)	592
Стеной оселъ (<i>E. asinus afri-</i>	578	Четвертая семья: Даманы (Miacidae).	
<i>canus</i>)	578	Единственный родъ: Даманы (<i>Myrax</i>).	598
Сомальскій оселъ (<i>E. asinus so-</i>	578	Ашкоко (<i>H. abyssinicus</i>)	599
<i>malicus</i>)	578		
Мулъ (<i>E. mulus</i>)	582		
Лошакъ (<i>E. hinnus</i>)	582		

Одиннадцатый отрядъ: Парнокопытныя (Artiodactyla).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Жираффы (Camelopardalidae).		Толсторогий баранъ (<i>O. montana</i>)	641
Единственный родъ: Жираффы (<i>Camelo-</i>		Мериносовая овца (<i>O. aries his-</i>	642
<i>pardalis</i>)	603	Курдючная овца (<i>O. aries steato-</i>	643
Жираффа (<i>C. giraffa</i>)	603	Овцебыки (Ovibovinae).	
Вторая семья: Верблюды (Camellidae).		3-й родъ: Овцебыки (<i>Ovibos</i>)	645
1-й родъ: Верблюды (<i>Camelus</i>)	607	Овцебыкъ (<i>O. moschatus</i>)	645
Дромедаръ (<i>C. dromedarius</i>)	608	Быки (Bovinae).	
Двугорбый верблюдъ (<i>C. bactria-</i>	613	4-й родъ: Быки (<i>Bos</i>)	647
<i>nus</i>)	613	Якъ (<i>B. grunniens</i>)	649
2-й родъ: Ламы (<i>Lachenia</i>)	616	Зубръ (<i>B. bison</i>)	652
Гуанако (<i>A. huanaco</i>)	616	Бизонъ (<i>B. americanus</i>)	655
Лама (<i>A. lama</i>)	617	Гаяль (<i>B. frontalis</i>)	659
Пако (<i>A. pacos</i>)	619	Гауръ (<i>B. gaurus</i>)	660
Вигонъ (<i>A. vicugna</i>)	619	Бантенгъ (<i>B. banteng</i>)	661
Третья семья: Полорогія (Bovidae).		Санга (<i>B. africanus</i>)	662
Козлы (Caprinae).		Зебу (<i>B. indicus</i>)	663
1-й родъ: Дикіе козлы (<i>Capra</i>)	622	Шотландскій быкъ (<i>B. scoticus</i>)	664
Альпійскій каменный козелъ (<i>C. ibex</i>)	624	Фрейбургскій быкъ (<i>B. taurus friburgensis</i>)	665
Горный каменный козелъ (<i>C. rupicapra</i>)	628	Голландскій быкъ (<i>B. taurus hollandicus</i>)	665
Безоаровый козелъ (<i>C. aegagrus</i>)	628	Дургемскій быкъ (<i>B. taurus dunelmensis</i>)	666
Ангорская коза (<i>C. hircus angorensis</i>)	630	Кафрскій буйволъ (<i>B. caffer</i>)	671
Кашмирская коза (<i>C. hircus laniger</i>)	632	Индійскій буйволъ (<i>B. arni</i>)	674
Мамберская коза (<i>C. hircus tambrica</i>)	633	Антилопы (Antilopinae).	
Нильская коза (<i>C. hircus aegyptiaca</i>)	633	5-й родъ: Антилопы (<i>Antilope</i>)	678
Карликовая коза (<i>C. hircus reversa</i>)	633	Оленекозья антилопа (<i>A. cervicapra</i>)	678
2-й родъ: Бараны (<i>Ovis</i>)	636	Газель (<i>A. dorcas</i>)	679
Длинношерстый баранъ (<i>O. tragelaphus</i>)	637	Прыгунъ (<i>A. euchores</i>)	683
Муфлонъ (<i>O. musimon</i>)	638	6-й родъ: Каамы (<i>Bubalis</i>)	685
Аргали (<i>O. argali</i>)	640	Каама (<i>B. caama</i>)	685
		7-й родъ: Болотныя антилопы (<i>Redunca</i>)	687
		Болотный козелъ (<i>R. eleotragus</i>)	687
		8-й родъ: Водяные козлы (<i>Kobus</i>)	687

	СТР.
Водяной козелъ (<i>K. ellipsiprymus</i>)	687
9-й родъ: Сернобыки (<i>Oryx</i>)	687
Пассанъ (<i>O. capensis</i>)	688
Бейза (<i>O. beisa</i>)	689
Сабельная антилопа (<i>O. leucoryx</i>)	689
10-й родъ: Антилопы-мендесъ (<i>Addax</i>)	691
Антилопа-мендесъ (<i>A. nasomaculatus</i>)	691
11-й родъ: Винторогія антилопы (<i>Strep-siceros</i>)	691
Куду (<i>S. kudu</i>)	691
12-й родъ: Оленебыки (<i>Buselaphus</i>)	693
Оленебыкъ (<i>B. oreas</i>)	693
13-й родъ: Нильгау (<i>Portax</i>)	694
Нильгау (<i>P. pictus</i>)	694
14-й родъ: Четверорогія антилопы (<i>Tetraceros</i>)	696
Четверорогая антилопа (<i>T. quadricornis</i>)	696
15-й родъ: Хохлатыя антилопы (<i>Cephalolophus</i>)	696
Дукеръ (<i>C. mergens</i>)	696
16-й родъ: Карликовыя антилопы (<i>Neotragus</i>)	697
Борзая антилопа (<i>N. hemprichii</i>)	697
17-й родъ: Лѣсные сернокозы (<i>Neomohodus</i>)	699
Гораль (<i>N. goral</i>)	699
18-й родъ: Серны (<i>Capella</i>)	699
Серна (<i>C. capra</i>)	699
19-й родъ: Степныя антилопы (<i>Colus</i>)	706
Сайга (<i>C. tataricus</i>)	706
20-й родъ: Гну (<i>Catoblepas</i>)	708
Гну (<i>C. gnu</i>)	708
Четвертая семья: Вилорогія (<i>Antilocapridae</i>).	
Единственный родъ: Вилороги (<i>Antilocapra</i>)	710
Вилорогъ (<i>A. americana</i>)	710
Пятая семья: Олени (<i>Cervidae</i>).	
1-й родъ: Лоси (<i>Alces</i>)	715
Лось (<i>A. palmatus</i>)	715
Американскій лось (<i>A. americanus</i>)	719
2-й родъ: Сѣверные олени (<i>Rangifer</i>)	719
Сѣверный олень (<i>R. tarandus</i>)	720
Карибу (<i>R. caribu</i>)	720
3-й родъ: Лани (<i>Dama</i>)	726
Лань (<i>D. vulgaris</i>)	726

	СТР.
4-й родъ: Благородные олени (<i>Cervus</i>)	728
Благородный олень (<i>C. elaphus</i>)	728
Вапити (<i>C. canadensis</i>)	733
Аксисъ (<i>Axis axis</i>)	733
Самбаръ (<i>Rusa aristotelis</i>)	733
Олень-бородачъ (<i>R. hippelaphus</i>)	733
Олень-свинья (<i>R. porcinus</i>)	734
5-й родъ: Олени-мазама (<i>Cariacus</i>)	735
Виргинскій олень (<i>C. virginianus</i>)	735
6-й родъ: Листорогіе олени (<i>Blastocerus</i>)	737
Олень пампасовъ (<i>B. campestris</i>)	737
7-й родъ: Косули (<i>Capreolus</i>)	738
Косуля (<i>C. capraea</i>)	738
8-й родъ: Мунджаки (<i>Cervulus</i>)	742
Мунджакъ (<i>C. muntjac</i>)	742
Шестая семья: Кабарги (<i>Moschidae</i>).	
Единственный родъ: Кабарги (<i>Moschus</i>)	744
Кабарга (<i>M. moschiferus</i>)	744
Седьмая семья: Карликовыя кабарги (<i>Tragulidae</i>).	
Единственный родъ: Карликовыя кабарги (<i>Tragulus</i>)	746
Канчиль (<i>T. kanchil</i>)	746
Восьмая семья: Свиньи (<i>Suidae</i>).	
1-й родъ: Свиньи (<i>Sus</i>)	747
Кабанъ (<i>Sus scrofa</i>)	749
Беркширская свинья	753
Гаррисонова свинья	753
Карликовая свинья	753
Свинья-маска	753
2-й родъ: Бугорчатые свиньи (<i>Potamochoerus</i>)	756
Длинноволосый кабанъ (<i>P. porcus</i>)	756
Рѣчной кабанъ (<i>P. africanus</i>)	756
3-й родъ: Бабирусы (<i>Porcus</i>)	757
Бабирусса (<i>P. babyrussa</i>)	757
4-й родъ: Бородавочники (<i>Phacochoerus</i>)	758
Бородавочникъ (<i>P. africanus</i>)	758
5-й родъ: Пекари (<i>Dicotyles</i>)	759
Пекари (<i>D. torquatus</i>)	759
Бизамскій кабанъ (<i>D. labiatus</i>)	759
Девятая семья: Неуклюжія (<i>Hippopotamidae</i>).	
Единственный родъ: Бегемоты (<i>Hippopotamus</i>)	761
Гиппопотамъ (<i>H. amphibius</i>)	761
Либерійскій гиппопотамъ (<i>H. liberiensis</i>)	767

Двѣнадцатый отрядъ: Сирены [травоядные киты] (*Sirenia*).

	СТР.
Единственное семейство: Манаты (<i>Manatidae</i>).	
1-й родъ: Манаты (<i>Manatus</i>)	770
Ламантинъ (<i>M. latirostris</i>)	771
<i>M. inunguis</i>	772

	СТР.
2-й родъ: Морскія дѣвы (<i>Halicore</i>)	773
Дюгонь (<i>H. dujong</i>)	773
Штеллерова морская корова (<i>H. stelleri</i>)	775

Тринадцатый отрядъ: Киты (Cetacea).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Полосатки (<i>Balaenopteridae</i>).		Гриндь (<i>G. melas</i>)	
1-й родъ: Длинноплавниковые киты (<i>Megaptera</i>)	785	5-й родъ: Дельфины (<i>Delphinus</i>)	800
Горбатый китъ (<i>M. longimana</i>)	785	Дельфинъ (<i>D. delphis</i>)	800
2-й родъ: Гиббары (<i>Physalus</i>)	786	6-й родъ: Длиннорылые дельфины (<i>Inia</i>)	801
Гиббаръ (<i>P. antiquorum</i>)	786	Иния (<i>I. amazonica</i>)	801
3-й родъ: Клювастые киты (<i>Balaenop- ptera</i>)	788	7-й родъ: Платанисты (<i>Platanista</i>)	802
Китъ-карликъ (<i>B. rostrata</i>)	788	Гангескій дельфинъ (<i>P. gangetica</i>)	802
Вторая семья: Настоящіе киты (<i>Balaenidae</i>).		Четвертая семья: Нарвалы (<i>Monodontidae</i>).	
Единственный родъ: Сѣверные киты (<i>Balaena</i>)	789	Единственный родъ: Нарвалы (<i>Mono- don</i>)	803
Сѣверный китъ (<i>B. mysticetus</i>)	789	Нарвалъ (<i>M. monoseros</i>)	803
Третья семья: Дельфины (<i>Delphinidae</i>).		Пятая семья: Клюворылы (<i>Hyperoodontidae</i>).	
1-й родъ: Рыба-мечъ (<i>Orca</i>)	793	Единственный родъ: Клюворылы (<i>Hy- peroodon</i>)	805
Рыба-мечъ, касатка (<i>O. gladiator</i>)	793	Дѣглингъ (<i>H. bidens</i>)	805
2-й родъ: Морскія свиньи (<i>Phocaena</i>)	794	Шестая семья: Кашелоты (<i>Catodontidae</i>).	
Бурый дельфинъ (<i>P. communis</i>)	795	Единственный родъ: Кашелоты (<i>Cato- don</i>)	806
3-й родъ: Бѣлорыбицы (<i>Beluga</i>)	796	Кашелотъ (<i>C. macrocephalus</i>)	806
Бѣлуга (<i>B. leucas</i>)	796		
4-й родъ: Круглоголовые киты (<i>Glo- bioserphalus</i>)	797		

Четырнадцатый отрядъ: Сумчатые (Marsupialia).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Сумчатые прыгуны (<i>Macropodidae</i>).		Пятнистый кускутъ (<i>P. macula- tus</i>)	
Кенгуру (<i>Macropodinae</i>).		3-й родъ: Кузу (<i>Trichosurus</i>)	822
1-й родъ: Длинноногіе кенгуру (<i>Macro- pus</i>)	815	Лиса-кузу (<i>T. vupercula</i>)	822
Исполинскій кенгуру (<i>M. gigan- teus</i>)	815	4-й родъ: Сумчатые бѣлки (<i>Petau- roides</i>)	822
2-й родъ: Горные кенгуру (<i>Petrogale</i>)	816	Сумчатая бѣлка (<i>P. volans</i>)	822
Желтоногій кенгуру (<i>P. xantho- pus</i>)	816	5-й родъ: Сахарныя бѣлки (<i>Petaurus</i>)	824
Скалистый кенгуру (<i>P. penicil- lata</i>)	816	Сахарная бѣлка (<i>P. sciureus</i>)	824
3-й родъ: Древесные кенгуру (<i>P. Den- drolagus</i>)	816	6-й родъ: Сумчатые мыши (<i>Acro- bates</i>)	825
Кенгуру-медвѣдь (<i>D. ursinus</i>)	816	Сумчатая мышь (<i>A. pygmaeus</i>)	825
Кенгуру-крысы (<i>Potoroinae</i>).		Третья семья: Неуклюжія сумчатые (<i>Phascolumyidae</i>).	
4-й родъ: Крысы-опоссумъ (<i>Bettongia</i>)	817	Единственный родъ: Вомбаты (<i>Phasco- lomys</i>)	826
Крыса-опоссумъ (<i>B. penicillata</i>)	817	Тасманскій вомбатъ	826
5-й родъ: Кенгуру-крысы (<i>Potorous</i>)	817	Широколобый вомбатъ	826
Кенгуру-крыса (<i>P. tridactylus</i>)	818	Четвертая семья: Язвницы (<i>Peramelidae</i>).	
Вторая семья: Лазающія сумчатые (<i>Phalangeridae</i>).		Единственный родъ: Язвницы (<i>Pera- meles</i>)	
Сумчатые медвѣди (<i>Phascolarc- tinae</i>)		Носатая язвница (<i>P. nasuta</i>)	827
1-й родъ: Сумчатые медвѣди (<i>Phasco- larctus</i>)	819	Пятая семья: Хищныя сумчатые (<i>Dasyuridae</i>).	
Коала (<i>P. cinereus</i>)	819	Сумчатые кунцы (<i>Dasyurinae</i>).	
Мелкія сумчатые (<i>Phalangerinae</i>).		1-й родъ: Сумчатые волки (<i>Thylaci- nus</i>)	
2-й родъ: Кускуты (<i>Phalanger</i>)	820		828

	СТР.		СТР.
Сумчатый волкъ (T. cynosephalus)	828	Сумчатый муравьеѣдъ (M. fasciatus)	831
2-й родъ: Сумчатый чортъ (Sarcophilus)	829	Шестая семья: Сумчатая крысы (Didelphyidae).	
Чортъ (S. ursinus)	829	1-й родъ: Сумчатая крысы (Didelphys)	832
3-й родъ: Сумчатая куница (Dasyurus)	830	Опоссумъ (D. marsupialis)	833
Пятнистая сумчатая куница (D. viverrinus)	830	Сумчатый ракоѣдъ (Philander philander)	835
Сумчатые муравьеѣды (Murgescobiinae).		2-й родъ: Плавающія сумчатая (Chironectes)	837
4-й родъ: Сумчатые муравьеѣды (Murgescobius)	831	Сумчатый пловецъ (C. minimus)	837

Пятнадцатый отрядъ: Однопроходныя (Monotremata).

	СТР.		СТР.
Первая семья: Ехидны (Echidnidae).		3-й родъ: Рунныя ехидны (Proechidna)	842
1-й родъ: Ехидны (Echidna)	839	Мягкорунный ежъ (P. bruijnii)	842
Австралийская ехидна (E. aculeata typica)	840	Вторая семья: Утконосы (Ornithorhynchidae).	
Папуасская ехидна (E. aculeata lawesi)	840	Единственный родъ: Утконосы (Ornithorhynchus)	842
Тасманская ехидна (E. aculeata setosa)	840	Утконосъ (O. anatinus)	842

Перечень рисунковъ.

Хромолитографіи.		СТР.			СТР.
Павіанъ	66		Черный ревунъ	84	
Пантера	178		Чамекъ	88	
Ягуаръ	187		Фавнъ и капуцинъ	90	
Лисица	328		Бѣлоголовая обезьяна	95	
Тагуанъ	434		Сагуинъ, серебряная обезьяна и бѣ- лолобая обезьяна	100	
Жирафъ	604		Полуобезьяны.		
Зубръ	652		Вари	107	
Газель	680		Тонкій лори, спящій и проснувшійся	109	
Лань	726		Толстый лори	110	
Кенгуру	817		Галаго обыкновенный	113	
Рѣзанныя на деревѣ картины.			Долгопятъ-привиденіе	115	
Д-ръ А. Е. Брэмъ	I		Айя-айя	117	
Летучая лисица	125		Рукокрылыя.		
Обыкновенный дикобразъ	496		Колонгъ	127	
Двухпалые лѣнивцы	533		Ушанъ обыкновенный	130	
Капскій трубкозубъ	553		Кожанъ обыкновенный	131	
Азіатскій слонъ	556		Курносый ушанъ	133	
Африканскій слонъ	557		Вампиръ	135	
Арабская лошадь	570		Подковонось большой	136	
Шотландскій пони	573		Хищныя.		
Зебра	583		Тигръ	146	
Индійскій носорогъ	592		Дымчатый леопардъ	155	
Одногорбый верблюдъ	608		Дикая кошка	157	
Альпійскій козелъ	624		Кошка	160	
Якъ	649		Левъ	168	
Бизонъ	655		Сенегальская львица	169	
Шотландскій быкъ	664		Леопардъ	177	
Рисунки въ текстѣ.			Пума	185	
Обезьяны.			Ягуаръ	188	
Горилла	31		Тигровая кошка	193	
Шимпанзе-Мафука (Дрезденъ)	37		Рысь обыкновенная	195	
Орангъ-утанъ	39		Гепардъ или фаггадъ	201	
Ларъ или бѣлорукій гиббонъ	46		Циветта африканская	206	
Гульманъ	48		Малайская пальмовая куница	210	
Кахау или носатая обезьяна	51		Мунго	214	
Гверета	52		Суриката	217	
Зеленая обезьяна	57		Благородная куница	220	
Маготъ	63		Каменная куница или бѣлодушка	223	
Черный или хохлатый павіанъ	69		Хорекъ обыкновенный или хорь	226	
Бабуинъ	71		Африканскій хорекъ	229	
Гамадриль или павіанъ съ епанчей	73		Ласка въ лѣтнемъ одѣяніи	231	
Мандриль	78		Горностай, въ зимнемъ одѣяніи	235	
			Норка	238	
			Россомаха	242	
			Барсукъ	246	
			Вонючка или короткохвость	251	

	СТР.		СТР.
Сурильо	254	Мѣшетчатая крыса	494
Выдра рѣчная или порѣшняя	257	Урсонъ	498
Морской бобръ или каланъ	261	Верхолазъ мексиканскій	500
Пятнистая гѣна	266	Морская свинка	503
Волкъ	272	Агути	505
Полосатый волкъ	277	Пака	507
Луговой волкъ или койоте	280	Болотный бобръ	511
Гѣеновая собака	282	Щетинистая свинка	514
Адъягъ	284	Малая шиншилла	515
Динго	291	Пушакъ	517
Борзая собака	303	Вискаша	518
Левретка	306	Полевой заяцъ	522
Датскій догъ	308	Альпійскій заяцъ	526
Ирландскій догъ	310	Кроликъ	528
Тибетскій догъ	312	Сѣноставецъ	530
Лягавая собака (длинношерст. порода)	315		
Оленья собака	316	Неполнозубыя.	
Ньюфаундлендская собака	318	Трехпалый лѣннivecъ	534
Сентъ-бернарская собака	320	Іуруми	539
Косматый пинчеръ	325	Тамандуа	541
Шпицъ	327	Шестиполосный броненосецъ	544
Лисица	331	Шаровидный броненосецъ	546
Песецъ въ зимнемъ одѣяніи	336	Панцырная мышь	548
Корсакъ	339	Степной ящеръ	552
Бурый медвѣдь	345		
Барibalъ	355	Непарнокопытныя.	
Черный гималайскій медвѣдь	357	Тарпанъ	567
Полярный или бѣлый медвѣдь	359	Скаковая лошадь	570
Енотъ	369	Тракенеръ	571
Цѣпкохвостый медвѣдь	377	Куланъ	576
		Степной осель	579
Тюлени или ластоногія.		Домашній осель	581
Лысунъ	388	Дау	584
Тевякъ	389	Анта	588
Морской слонъ	391	Кейтлоа	594
Моржи	393	Абиссинскій даманъ	599
Морскіе львы	398		
		Парнокопытныя.	
Насѣкомоядныя.		Жирафъ	604
Ежъ обыкновенный	404	Двугорбый верблюдъ	613
Кротъ обыкновенный	410	Лама	618
Обыкновенный хоботковый прыгунчикъ	416	Вигонъ	620
Танрекъ	417	Безоаровый козелъ	629
Дсмоя и лѣсная землеройка	419	Ангорская коза	631
Тосканская землеройка	422	Длинношерстый баранъ	638
Десманъ	424	Муффонъ	639
Шерстокрыль обыкновенный	426	Мериносовая овца	643
		Овцебыкъ	646
Грызуны.		Бизонъ	656
Векша	430	Гауръ	660
Сусликъ обыкновенный	437	Зебу	663
Луговая собака	439	Фрейбургскій быкъ	665
Альпійскій сурокъ	442	Голландскій скотъ	666
Полчекъ и садовая соня	446	Кафрскій буйволъ	672
Мушловка	449	Оленекозья антилопа	678
Бобръ	452	Прыгунъ	684
Египетскій тушканчикъ	459	Каама	686
Земляной заяцъ	461	Водяной козелъ	688
Длинноногъ кафрскій	463	Бейза	689
Черная крыса	466	Куду	692
Пасюкъ	468	Нильгау	695
Домовая мышь	472	Дукеръ	697
Полевая и лѣсная мыши	473	Серна	700
Хомякъ обыкновенный	478	Сайга	707
Мускусная крыса	482	Гну	709
Водяная крыса	484	Вилорогъ	711
Полевая полевка	488	Лось	716
Пеструшка	490	Сѣверный олень	721
Слѣпышъ	493	Обыкновенный олень	729

	СТР.		СТР.
Виргинскій олень	736		
Косуля	739		
Мунджакъ	743		
Кабарга	744		
Гариссонова свинья	753		
Бабирусса	757		
Пекари	759		
Рѣчная лошадь	761		
Травоядные киты.		Сумчатые.	
Ламантинъ	771	Желтоногій кенгуру	817
Дюгонь	774	Крыса-опоссумъ	818
Киты.		Коала	819
Гиббаръ	787	Пятнистый кускусъ	821
Гренландскій китъ и рыба-мечъ . . .	789	Лиса-кузу	823
Бурый дельфинъ	795	Мышиный опоссумъ	824
Гриндъ	798	Тасманскій вомбатъ и широколобый	
Дельфинъ	801	вомбатъ	825
Нарвалъ	803	Носатая язвица	827
Кашелотъ	806	Сумчатый волкъ	829
		Пятнистая сумчатая куница	830
		Сумчатый муравьеѣдъ	831
		Опоссумъ	834
		Сумчатый пловецъ	836
		Однопроходные.	
		Австралийская ехидна	840
		Утконосъ	843

Млекопитающія.

ИЗДАНИЕ

Взглядъ на жизнь животныхъ вообще.

Каждый образованный человѣкъ, знакомый съ данными современной зоологіи, знаетъ по учебникамъ, относящимся къ этой области, что властелинъ земли — человѣкъ открываетъ или замыкаетъ собой рядъ живыхъ существъ, называемыхъ „животными“; что онъ не болѣе и не менѣе какъ млекопитающее, т. е. животное съ красною и теплою кровью, дѣтеныши котораго питаются молокомъ своей матери, и что мать, отдающаяся своему ребенку съ беззаветной любовью, представляя собою прекраснѣйшій образъ человѣка, въ то же время служитъ подтвержденіемъ того, что она принадлежитъ къ первому классу животнаго царства. Точно также каждый, даже мало свѣдущій и поверхностный наблюдатель замѣтитъ, что между человѣкомъ и шимпанзе больше сродства, чѣмъ между обезьяною и лошадыю или рогатымъ скотомъ.

Только въ новѣйшее время вопросъ о мѣстѣ, занимаемомъ человѣкомъ въ ряду животныхъ, нашелъ единственное правильное рѣшеніе, потому что нашимъ предшественникамъ не доставало главнаго, — достаточнаго матеріала для сравненія. Имѣлись свѣдѣнія почти только объ одномъ высоко стоящемъ человѣкѣ, и слишкомъ мало о его ближайшихъ родичахъ. Единственный вѣрный путь сравнительныхъ изслѣдованій впервые показалъ человѣку его естественное родство. Современное естествовѣдѣніе сравниваетъ настоящее съ прошедшимъ, далеко впередъ ушедшаго человѣка со стоящимъ на самой низкой ступени развитія, слѣдитъ за постепеннымъ ходомъ его развитія, начиная съ глубочайшаго мрака прошедшихъ временъ. Такимъ образомъ достигли совсѣмъ иныхъ выводовъ, чѣмъ при научныхъ изслѣдованіяхъ прежняго времени.

Настоящее сочиненіе, предоставляя другимъ подробное изученіе человѣка, на столько подробное, на сколько этого требуетъ предметъ, занимается исключительно млекопитающими, начиная со второго порядка.

Основатель научной зоологіи и знаменитѣйшій ея представитель въ классической древности — Аристотель раздѣлилъ извѣстныхъ въ то время животныхъ на девять группъ: живородящихъ четвероногихъ, которыя соответствуютъ теперешнимъ млекопитающимъ, исключая китообразныхъ, птицъ, яйцекладущихъ четвероногихъ, нашихъ пресмыкающихся и земноводныхъ, китообразныхъ и рыбъ. Къ этимъ пяти группамъ животныхъ, „имѣющихъ кровь“ и соответствующихъ позвоночнымъ животнымъ современной зоологіи, онъ присоединялъ остальные четыре группы животныхъ безкровныхъ, не устанавливая, однако, двухъ большихъ группъ, что было впервые сдѣлано въ началѣ нынѣшняго столѣтія Ламаркомъ; послѣдній удачно противопоставилъ „позвоночныхъ“ животныхъ „безпозвоночнымъ“. Безкровныя группы Аристотеля соответствуютъ, конечно, послѣднимъ; это суть: мягкотѣлыя, къ которымъ онъ причислялъ, конечно, только однихъ головоногихъ, мягкоскорлупыя, соответствующія нашимъ ракообразнымъ, насѣкомыя, къ которымъ причислялись также пауки, многоножки и черви, и, наконецъ, безногія скорлупоноски, именно односторчатые и двусторчатые молюски и морскіе ежи.

Только въ прошедшемъ столѣтіи дѣленіе животныхъ на группы сдѣлало значительные успѣхи благодаря Карлу фонъ Линнею; при помощи послѣдовательно проведенной сжатой и опредѣленной научной терминологіи онъ впервые

раздѣлили весь животный міръ на группы, соотвѣтственно высшимъ и низшимъ ступенямъ развитія животныхъ; въ особенности же это удалось ему, когда онъ ввелъ двойную номенклатуру для важнѣйшихъ изъ этихъ группъ, и именно, для видовъ; виды Линней соединилъ въ роды; такъ, левъ (*felis leo*) и тигръ (*felis tigris*) представляютъ два различныхъ вида одного рода кошачьихъ (*felis*). Изъ родовъ составлялись семейства, изъ послѣднихъ отряды, наконецъ отряды соединялись въ классы. Линней различалъ шесть классовъ: млекопитающихъ, птицъ, амфибій, рыбъ, насѣкомыхъ и червей.

Со времени Жоржа Кювье, который раздѣлялъ всѣхъ животныхъ на четыре отдѣла, руководствуясь главнымъ образомъ особенностями нервной системы, расположеніемъ главныхъ органовъ и вообще различіемъ строенія, мы постепенно приходимъ къ современному дѣленію. Кювье различалъ позвоночныхъ и мягкотѣлыхъ, суставчатыхъ и лучистыхъ животныхъ. При помощи провѣрокъ и поправокъ въ раздѣленіи и соединеніи группъ, подчиненныхъ этимъ четыремъ группамъ Кювье, послѣдователи его пришли къ установкѣ большого числа главныхъ группъ животнаго царства, которыя, соотвѣтственно новѣйшимъ воззрѣніямъ, охотнѣе называютъ животными отдѣлами. Соотвѣтственно этому мы будемъ различать девять подраздѣленій: позвоночныя, оболочечныя, мягкотѣлыя, моллюскообразныя, членистоногія, черви, иглокожія, кишечно-полостныя и простѣйшія.

Необходимо раньше всего бросить хотя бы бѣглый взглядъ на всѣ отдѣлы позвоночныхъ животныхъ, при чемъ первоначально будемъ разсматривать тѣхъ, къ которымъ принадлежимъ мы сами.

Всѣ позвоночныя животныя отличаются главнымъ образомъ внутреннимъ, хрящевымъ или костнымъ скелетомъ; на тыльной сторонѣ послѣдняго располагается главная масса нервной системы, органы же пищеваренія, дыханія, сердце и мочевые органы располагаются на брюшной его сторонѣ. По направленію осевой части скелета въ тѣлѣ позвоночныхъ животныхъ лежитъ рядъ послѣдовательныхъ частей, въ которыхъ большая часть органовъ участвуетъ болѣе или менѣе непосредственно; вслѣдствіе этого всѣ органы расположены такъ, что весь организмъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ, повидимому, симметричныя половины. Парно расположенныя конечности ни у одного позвоночнаго животнаго не превышаютъ четырехъ, хотя это число достигается и удерживается не всѣми.

У всѣхъ позвоночныхъ животныхъ кровообращеніе совершается въ вполнѣ замкнутой сѣти сосудовъ; содержащаяся въ сосудахъ кровь красная, исключая безцвѣтной крови ланцетика; цвѣтъ этотъ зависитъ отъ кровяныхъ тѣлецъ, содержащихся въ крови. Дыхательные органы позвоночныхъ животныхъ, будь то жабры или легкія, всегда соединены съ переднимъ отдѣломъ кишечнаго канала.

Согласно господствующимъ воззрѣніямъ мы будемъ различать среди позвоночныхъ только пять классовъ: млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, земноводныхъ и рыбъ.

Прежде казалось, что среди позвоночныхъ млекопитающія представляютъ собою классъ, который по внѣшнему виду имѣетъ самыя рѣзкія, опредѣленныя границы; въ настоящее время едва ли кто нибудь согласится съ этимъ. Самымъ существеннымъ признакомъ млекопитающихъ, отсутствующимъ у всѣхъ другихъ животныхъ можно считать молочныя железы, служащія для первоначальнаго питанія дѣтеныша. По Гегенбауэру молочныя железы однопроходныхъ выдѣляютъ не настоящее молоко, т. е. разжиженное кожное сало, а потовидную питательную жидкость. *) Кромѣ того присутствіе настоящихъ волосъ есть признакъ,

*) Нельзя провести границъ между потовидной питательной жидкостью, разжиженнымъ саломъ и молокомъ; точно также всѣ железы, гдѣ эти выдѣленія образуются, представляютъ только различіе по степени развитія; онѣ представляютъ всѣ переходныя формы отъ простой трубчатой железы къ клубовидной, сложной трубчатой и гроздевидной железнѣ. У небеременной женщины и вообще млекопитающаго молочной железы нѣтъ, а существуютъ только сальныя железы, которыя только во время беременности развиваются въ молочныя и поддерживаются въ періодъ кормленія; по прекращеніи кормленія молочныя железы опять регрессируютъ и обращаются въ сальныя. Понятно, что степень развитія

присущій не всѣмъ млекопитающимъ. У всѣхъ китообразныхъ животныхъ только верхняя губа снабжена отдѣльными волосками, да и то часто только у зародышей. Теплая кровь, которая свойственна также и птицамъ, у ехидны значительно меньше тепла, чѣмъ у другихъ млекопитающихъ; то же относится и къ присутствію легкихъ, какъ обособленныхъ органовъ дыханія. Рожденіе живыхъ дѣтенышей встрѣчается также не у всѣхъ млекопитающихъ; такъ однопроходныя кладутъ яйца съ твердою пергаментообразною скорлупой; у ехидны изъ этихъ яицъ выводятся дѣтеныши въ особомъ кожномъ мѣшкѣ довольно продолжительное время. Зато присутствіе у всѣхъ млекопитающихъ грудобрюшной преграды, отдѣляющей грудную полость отъ брюшной, составляетъ существенный признакъ.

Черепъ у млекопитающихъ отдѣляется отъ позвоночнаго столба и состоитъ повсюду изъ отдѣльныхъ костныхъ частей, въ сущности одинаково соединенныхъ между собою; верхняя челюсть обыкновенно срастается съ нимъ; находящіяся въ ней и въ нижней челюсти зубы могутъ быть построены и поставлены весьма разнообразно, но общимъ для нихъ является то, что они внѣдрены въ костныя полости, или луночки. Шея состоитъ большею частью изъ семи позвонковъ, будь она длинна или коротка, какъ, напримѣръ, шея жирафа или крота. Грудная часть позвоночнаго столба состоитъ изъ 10—24 позвонковъ; поясничная изъ 2—9, крестцовая изъ 1—9 и хвостовая образуется изъ 4—46 позвонковъ. Ребра или реберные остатки, хотя и идутъ отъ различныхъ позвонковъ, однако подъ ребрами разумѣютъ плоскія изогнутыя кости, сидящія на грудныхъ позвонкахъ и, которыя, прямо или при посредствѣ хрящей, соединяются съ грудной костью; они расположены по стѣнкамъ грудной полости; число ихъ соотвѣтствуетъ числу грудныхъ позвонковъ. Отношеніе числа истинныхъ реберъ, доходящихъ до грудной кости, къ такъ называемымъ ложнымъ ребрамъ, т. е. прикрѣпляющимся только при посредствѣ хрящевыхъ прослоекъ къ грудной кости, сильно видоизмѣняется, точно такъ, какъ и отношеніе числа истинныхъ реберъ къ числу свободно оканчивающихся. Конечно, составляють часть тѣла млекопитающихъ, въ которыхъ даже основа подлежитъ очень большимъ видоизмѣненіямъ; такъ, напримѣръ, у китообразныхъ животныхъ совершенно исчезаетъ задняя пара конечностей, или же сохраняются самыя незначительныя остатки ихъ. Точно также большія видоизмѣненія представляютъ плечевой поясъ и кисть. Ключица можетъ быть очень сильно развита или совершенно отсутствовать; пальцы сохраняются либо въ полномъ числѣ, либо часть ихъ исчезаетъ, смотря по тому, превращается ли кисть въ лапу, въ копыто или ласть. Обыкновенное число пальцевъ 5 можетъ уменьшиться до 1. Не меньшимъ видоизмѣненіямъ подлежитъ развитіе костей ноги.

Мышцы приводятъ въ движеніе костную систему млекопитающаго; у многихъ эти органы имѣютъ для насъ очень большее значеніе, потому что они служатъ намъ пищей. Мышцы эти, которыя въ обыденной жизни называются мясомъ, прикрѣпляются къ костямъ и передвигаютъ послѣднія въ различныхъ направленіяхъ. Достаточно замѣтить, что мышцы находятся въ полномъ соотношеніи, какъ съ особенностями скелета, такъ и съ образомъ жизни животнаго; послѣдній въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ находится въ тѣсной связи съ формою животнаго.

Органы пищеваренія, въ общемъ сходные между собою, представляютъ много видоизмѣненій въ своей постройкѣ. Ротъ ограниченъ мясистыми и тонко ощущающими губами. Зубы, которыми вооружено животное, вколочены въ обѣихъ челюстяхъ и развиты въ наибольшей мѣрѣ у млекопитающихъ животныхъ. Они имѣютъ безусловно большое значеніе — какъ по отношенію къ образу жизни животнаго, такъ и для научнаго распредѣленія и опредѣленія ихъ. Зубы находятся всегда въ полномъ соотвѣтствіи со способомъ питанія животнаго.

молочныхъ железъ не одинакова у однопроходныхъ, у копытныхъ, у обезьянъ и у человека, а поэтому и выдѣленія ихъ представляютъ всѣ переходныя формы отъ разжиженнаго кожного сала, потовидной питательной жидкости къ первичному молоку и къ настоящему молоку.

Прим. Ред.

За ротовымъ отверстіемъ слѣдуетъ глотка, которая переходитъ въ пище-
пріемникъ; послѣдній никогда не расширяется зобообразно, какъ у птицъ. Желу-
докъ, въ который переходитъ пищепріемникъ, состоитъ всегда изъ болѣе или ме-
нѣе тонкихъ стѣнокъ и образуетъ мѣшокъ, перетянутый отъ одного до трехъ разъ.
Онъ имѣетъ очень своеобразную форму у тѣхъ животныхъ, которыя послѣ прогла-
тыванія пищи пережевываютъ ее еще разъ на покоѣ и ужъ затѣмъ переводятъ
въ отдѣленіе для перевариванія, минуя первый отдѣлъ. Считаю неумѣстнымъ
останавливаться здѣсь надъ разборомъ кишечнаго канала, точно такъ же, какъ и
выдѣлительныхъ железокъ, какъ, напримѣръ, печени, железокъ, лежащихъ въ стѣн-
кахъ ротовой полости, поджелудочной железы и почекъ.

Сосуды мало отличаются отъ общаго типа своего развѣтвленія; сердце, кро-
веносные и лимфатическіе сосуды въ главныхъ чертахъ образованы одинаково —
какъ у одного, такъ и у другого млекопитающаго, хотя и встрѣчаются небольшія
видоизмѣненія. Сердце состоитъ всегда изъ двухъ желудочковъ и изъ двухъ пред-
сердій. Артеріи легко растяжимы, вены снабжены на внутренней поверхности
створками; лимфатическіе сосуды часто сливаются между собою и открываются
общими протоками въ систему верхней полой вены.

Грудная полость вполнѣ замыкается грудобрюшной преградой; легкія висятъ
въ ней свободно, не сообщаясь нигдѣ съ отдѣльными воздушными мѣшками. Дыха-
тельные пути раздѣляются обыкновенно на двѣ вѣтви и всегда начинаются одной
гортанью, расположенной надъ дыхательнымъ горломъ и состоящей у различныхъ
видовъ изъ неодинаковаго числа хрящей. У нѣкоторыхъ млекопитающихъ гортань
соединяется съ особенными голосовыми мѣшками; голосовыя связки отсутствуютъ
только у китовъ.

Мозгъ и нервы часто различаются степенью своего развитія. Мозгъ хотя,
обыкновенно, и выполняетъ черепную полость, но послѣдняя бываетъ часто относи-
тельно очень мала и соотвѣтственно этому уменьшается также и размѣръ мозга. Ни
у одного млекопитающаго головной мозгъ не превышаетъ по своимъ размѣрамъ
спинной мозгъ въ такой степени, какъ у человѣка, и ни у одного изъ нихъ большой
мозгъ не развитъ въ такой степени, какъ у послѣдняго. Въ этомъ уже можно под-
мѣтить духовное превосходство человѣка надъ остальными животными. Органы
высшихъ чувствъ очень сходны по своему строенію; только у китовыхъ встрѣчаются
отклоненія отъ общей формы. У послѣднихъ хотя и существуетъ носовая
полость, но въ лучшемъ случаѣ обоняніе у нихъ развито очень слабо. Ушной
аппаратъ въ большей части случаевъ очень хорошо развитъ; у нихъ обыкновенно
существуетъ три полукружныхъ канала, а у сухопутныхъ животныхъ онъ отли-
чается очень большой улиткой. Органъ зрѣнія не превышаетъ остальныхъ органовъ
чувствъ, какъ у птицъ, а обыкновенно парные глаза относительно малы и никогда
не бываютъ во внутреннихъ своихъ частяхъ настолько произвольно измѣнчивы,
какъ у второго класса животныхъ. Вкусъ болѣе совершененъ, чѣмъ у птицъ, о чемъ
можно судить по мясистому языку, очень богатому нервами. Осязаніе развито въ
очень высокой степени и можетъ проявляться, какъ при посредствѣ носа, такъ
и при посредствѣ кисти и усовъ. Ощущеніе соприкосновенія воспринимается
почти всѣми частями тѣла.

Поверхность тѣла млекопитающаго преимущественно прикрыта в о л о с а м и,
между которыми отличаютъ: остъ и подшерстокъ, шерсть и щетину; но встрѣчаются
также чешуи и иглы, роговые щиты и рогообразныя кожныя мозоли. Поверхность
тѣла бываетъ однако также прикрыта голой кожей. Хотя вообще образованія кожицы
могутъ быть очень разнообразны, но все же они всѣ должны быть разсматриваемы,
какъ разнообразныя формы одного и того же вещества. Такіе же видоизмѣненія
формы наблюдаются и въ ногтяхъ, которые бываютъ то плоскіе и тонкіе, то округ-
ленные и толстые; встрѣчаются прямые и изогнутые, тупые и острые, и именно,
въ видѣ ногтей, когтей или копытъ.

Этими общими замѣчаніями мы должны ограничиться при нашемъ поверхност-
номъ разборѣ тѣла млекопитающихъ. Желаящіе ближе изучить эти вопросы могутъ
найти достаточное количество учебниковъ и руководствъ, которые просто выяс-

няють требуемое. Наша цѣль заключается въ томъ, чтобы изучить какъ тѣлесныя, такъ и душевныя проявленія животнаго, познакомиться съ жизнью всего животнаго и, поэтому, эту цѣль мы будемъ преслѣдовать главнымъ образомъ.

Жизнь всѣхъ животныхъ, принадлежащихъ къ этому классу, представляетъ много поучительнаго и занимательнаго. Млекопитающіа болѣе стойки чѣмъ птицы, они устойчивѣе и тяжеловѣснѣе, чѣмъ подвижные обитатели воздушныхъ высотъ; имъ не достаетъ веселой подвижности и безграничной жизнерадостности любимцевъ свѣта; но за то у нихъ замѣчается извѣстная домовитость и расположеніе къ плотскимъ наслажденіямъ, которымъ они предаются съ большей или меньшей страстностью. По своей подвижности и разнообразію въ движеніяхъ они далеко отстаютъ отъ птицъ. Очень немногія изъ нихъ выражаютъ свое удовольствіе быстрымъ передвиженіемъ, сопровождаемымъ иногда рѣзкимъ визгомъ. У нихъ болѣе серьезный видъ; они избѣгаютъ большого напряженія силъ. Только въ дѣтствѣ, или когда всеильная любовь обращаетъ ихъ въ дѣтей, они расположены къ веселымъ играмъ и передвигаются съ большимъ удовольствіемъ.

Нельзя сказать, чтобы разнообразіе движеній у млекопитающихъ было ограничено: они, какъ и птицы, ходятъ, бѣгаютъ, прыгаютъ, лазаютъ, „летаютъ“, плаваютъ, ныряютъ. Но все же тяжесть ихъ тѣла ограничиваетъ ихъ и приковываетъ къ землѣ, и поэтому, наибольшая быстрота движеній млекопитающихъ уступаетъ быстротѣ движеній легковѣсныхъ птицъ, легко отдѣляющихся отъ земли и быстро прорѣзывающихъ воздушную среду.

Млекопитающіа передвигаются на двухъ или четырехъ ногахъ. Только одинъ человѣкъ передвигается въ вертикальномъ положеніи, ни какое другое животное не передвигается такъ. Ни одна обезьяна не ходитъ вертикально. Кенгуру, или прыгающіа сумчатые животныя, передвигаются исключительно задними конечностями; но они не ходятъ, а прыгаютъ, т. е. передвигаются одновременнымъ разгибаніемъ своихъ ногъ, а тушканчики, которые передвигаютъ свои заднія ноги поочередно, ходятъ не вертикально. Всѣ остальные сухопутныя животныя бѣгаютъ на четверинкахъ, и именно такимъ образомъ, что они поднимаютъ одновременно или почти одновременно переднюю конечность одной стороны и заднюю другой, разгибаютъ ихъ впередъ и опять опускаютъ. Исключенія составляютъ слонъ, бегемотъ, верблюдъ, жирафъ и нѣкоторыя антилопы. Они передвигаютъ почти одновременно обѣ ноги одной стороны; къ такой походкѣ иноходью могутъ быть приучены и наши домашнія однокопытныя животныя. Скорость передвиженія настолько различна, что трудно подвергнуть ее общей оцѣнкѣ, тѣмъ болѣе, что только у лошади эта скорость измѣрена. На ровной свободной поверхности лучшіе бѣгуны могутъ пробѣжать нѣсколько километровъ со средней скоростью около 15 метр. въ 1 секунду. Однако такая скорость наврядъ ли встрѣчается у млекопитающихъ, живущихъ на волѣ. Какое значеніе имѣетъ эта скорость въ сравненіи со скоростью полета птицъ? Даже медленно передвигающаяся ворона могла бы поспорить въ скорости съ бѣгуномъ. Почтовый голубъ легко перегонитъ его, такъ какъ на короткихъ разстояніяхъ онъ пролетаетъ въ одинаковый промежутокъ времени вдвое большее пространство. Старые голуби Гамбургскаго голубинаго почтоваго общества „Курьеръ“ пролетали разстояніе между Парижемъ и Гамбургомъ въ $13\frac{1}{2}$ часовъ, т. е. со скоростью 15,4 м. въ 1 сек. Когда благородный соколъ расправитъ свои мощныя неутомимыя крылья во время серьезной охоты, или стрижь во время своихъ любовныхъ хороводовъ, во что обращается тогда скорость благороднаго коня или локомотива, наибольшая скорость котораго равняется 30 м. въ секунду; обыкновенно же скорость быстрѣйшихъ поѣздовъ на ровной поверхности не превышаетъ 23—29 метровъ въ 1 секунду.

Прыжки млекопитающіа производятъ очень разнообразно. Всѣ, какъ и выше приведенныя, передвигающіа прыжками, производятъ это движеніе быстрымъ одновременнымъ разгибаніемъ заднихъ конечностей, которыя передъ тѣмъ были согнуты; они не дѣлаютъ шаговъ, а перебрасываютъ свое тѣло. Сила прыжка у нихъ очень велика: обезьяна можетъ прыжкомъ въ горизонтальномъ направленіи достигнуть

вѣтви, удаленной на 5 метровъ; бѣлка безъ вреда для себя прыгаетъ въ глубину съ высоты около 20 и болѣе метровъ; олень перепрыгиваетъ черезъ стѣну, высотой въ $2\frac{1}{2}$ метра; левъ — черезъ стѣну въ 3 метра; серна — черезъ яму той-же величины; антилопа перепрыгиваетъ черезъ препятствіе высотой въ 2 метра. Между всѣми позвоночными животными млекопитающія являются самыми бойкими прыгунами; съ ними не можетъ сравниться даже быстрый и сильный лосось, который въ виду кажущейся опасности производить высокіе прыжки.

Очень своеобразно и разнообразно лазаніе у млекопитающихъ. Мы находимъ прекрасныхъ лазуновъ, акробатовъ и фигляровъ между тѣми, которые всю свою жизнь проводятъ на деревѣ. Они пускаютъ въ ходъ не только всѣ четыре ноги, руки или лапы, но также и хвостъ; послѣдній получаетъ даже особенное значеніе, что наблюдается еще только у ползающихъ животныхъ и рыбъ. Онъ служитъ аппаратомъ для укрѣпленія тѣла животного, которое можетъ даже повиснуть на немъ.

Порханіе млекопитающихъ, которое неправильно называется „летаніемъ“, составляетъ одинъ изъ видовъ движенія млекопитающихъ. Хотя оно является у нихъ въ различной степени развитія, но все же чаще всего имѣетъ характеръ начальныхъ попытокъ. У летягъ и летучихъ сумчатыхъ животныхъ мы видимъ начальные попытки въ этомъ искусствѣ; они пользуются перепонкою, растянутою между ногами, какъ парашютомъ при прыжкахъ съ большой высоты; но они не въ состояніи подниматься на воздухъ при посредствѣ этой перепонки. Даже порхающія маки не въ состояніи дѣйствовать болѣе свободно. Только настоящія летучія мыши въ состояніи передвигаться въ воздухъ при помощи перепонокъ, растянутыхъ между конечностями и, въ особенности, между сильно удлинненными пальцевыми частями. Полетъ онѣ производятъ при посредствѣ наклонныхъ ударовъ по воздуху растянутыми летательными перепонками, при посредствѣ которыхъ поднимаются и вмѣстѣ съ тѣмъ передвигаются впередъ. Повидимому ихъ, такъ называемый, полетъ производится очень легко; онѣ дѣлаютъ такіе быстрые и рѣзкіе повороты, что только очень опытный охотникъ можетъ попасть въ нихъ во время полета. Порхая, онѣ быстро передвигаются въ опредѣленномъ направленіи, ловко поднимаясь и опускаясь при этомъ. Несмотря на все это, движеніе это не полетъ, а тяжелое переваливаніе, какъ-бы ползаніе по воздуху. Всякое дуновеніе вѣтра мѣшаетъ порханію летучей мыши; буря дѣлаетъ это передвиженіе совершенно невозможнымъ. Причину этого легко понять. Поверхность летательной перепонки рѣзко отличается отъ поверхности птичьяго крыла; послѣднее то препятствуетъ потоку воздуха, то пропускаетъ его, между тѣмъ какъ поверхность перепонки оказываетъ сопротивленіе при каждомъ движеніи. Если летательный аппаратъ млекопитающихъ при поднятіи животного нѣсколько и уменьшается, то все же существующее сопротивленіе надавливаетъ животное нѣсколько книзу; ударъ перепонки книзу поднимаетъ животное, при поднятіи перепонки животное спускается, поэтому оно должно порхать. Совершенно другое представляетъ полетъ птицъ; онъ является самымъ величественнымъ и самымъ восхитительнымъ движеніемъ.

Способность многихъ млекопитающихъ жить въ водѣ, плавать въ ней и нырять въ глубину имъ болѣе пріятна. Очень небольшое число млекопитающихъ не въ состояніи плавать и удерживаться на поверхности воды, какъ-то, — не обучавшійся этому искусству человѣкъ и нѣкоторые обезьяны, какъ, на примѣръ, человѣкообразныя и павіаны. Опытъ показываетъ, что послѣдніе, падая въ воду, могутъ утонуть. Всѣ остальные млекопитающія не такъ легко погружаются въ воду. Мартышки плаваютъ и ныряютъ превосходно; летучія мыши долго удерживаются на поверхности волнъ; плотоядные животные, грызуны, одно и многокопытныя всѣ плаваютъ; между сумчатыми животными существуетъ, по крайней мѣрѣ, одно, которое только въ водѣ и живетъ; другія должны быть также не легко погибаютъ въ водѣ. Къ настоящимъ воднымъ млекопитающимъ, за исключеніемъ водяныхъ обитателей, принадлежащихъ къ высшимъ разрядамъ, слѣдуетъ причислить только китообразныхъ: морскихъ коровъ и собственно китовъ. Послѣдніе превратились какъ бы въ кормящихъ живыхъ дѣтенышей безжаберныхъ рыбъ, которые оставляютъ свое жилище на нѣсколько мгновеній (по крайней мѣрѣ, частью своего тѣла)

только для того, чтобы подышать. Они рождаются въ водѣ, живутъ, любятъ и умираютъ въ водѣ. Ни единая изъ плавающихъ или ныряющихъ птицъ не можетъ сравниться съ ними въ скорости передвиженія; наврядъ ли найдется такая птица, которая превосходила бы ихъ ловкостью своихъ дѣйствій; въ общемъ водяныя млекопитающія и водяныя птицы сходны по разнообразію своихъ движеній.

По наблюденіямъ китолововъ скорость плавательныхъ движеній почти — равняется скорости бѣга; по наблюденіямъ Скоресби раненый сѣверный китъ такъ быстро погружается въ воду, что, еслибы онъ продолжалъ плавать съ такою же быстротою, то въ продолженіе одного часа онъ прошелъ бы разстояніе въ 12 морскихъ миль, или болѣе 22-хъ километровъ, слѣдовательно, около 6 метровъ въ 1 секунду. Половину этого разстоянія онъ проплываетъ безъ всякаго напряженія въ такой же промежутокъ времени.

Непроизвольныя движенія происходятъ въ самомъ организмѣ млекопитающаго среднимъ числомъ медленнѣе чѣмъ у птицъ. Сердце бьется у него рѣже; точно также число дыхательныхъ движеній въ груди млекопитающаго меньше, чѣмъ у птицы одинаковой съ нимъ величины. Въ связи съ этимъ объясняется также и то, что у млекопитающихъ температура тѣла двумя градусами ниже. Водянымъ млекопитающимъ приносить большую пользу эта относительно пониженная дѣятельность дыхательныхъ органовъ и органовъ кровообращенія; поэтому, въ сравненіи съ птицами они могутъ болѣе продолжительное время оставаться подъ водой. По наблюденіямъ Пехуэль-Леше изъ всѣхъ китообразныхъ кашалоты могутъ всего глубже и продолжительнѣе нырять; они могутъ безпрепятственно оставаться подъ водой отъ 20 до 40 минутъ; если же они испуганы или ранены гарпунами, то могутъ оставаться подъ водой вдвое больше времени. Такой продолжительный срокъ ни одна птица не можетъ оставаться подъ водой. Можно утверждать, что всякая птица, которая пробудетъ подъ водою болѣе трехъ минутъ, будетъ истощена при своемъ появленіи на поверхности и что она моментально задохнется, если ее схватить подъ водой и удержать тамъ еще нѣсколько времени. Для сравненія и для пополненія прибавимъ, что человѣкъ можетъ при нырніи оставаться подъ водою около 70 секундъ. Это указаніе основывается на наблюденіяхъ, которыя были произведены изслѣдователями вслѣдствіе запроса англійскихъ ученыхъ относительно ловли жемчуга на Цейлонѣ. Нѣкоторые фокусники, показывающіе свое искусство въ Европѣ, могли, при посредствѣ упражненія своего механизма дыханія, продолжить еще больше время нахожденія подъ водой.

Очень своеобразна и даже поразительна вялость механизма дыханія у млекопитающихъ во время зимней спячки. Такъ, по наблюденіямъ Мангилисъ, оказывается, что, напримѣръ, у сурка число дыхательныхъ движеній во время бодрствованія въ продолженіе двухъ дней доходитъ до 72,000 разъ, между тѣмъ, во время зимней спячки, онъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ производитъ это движеніе 71,000 разъ. Слѣдовательно, въ продолженіе этого времени онъ тратитъ девятидесятую часть того кислорода, который былъ бы ему необходимъ во время бодрствованія.

Съ дыхательными органами находится въ тѣсной связи голосъ, такъ что необходимо теперь же остановиться надъ нимъ. При сравненіи въ этомъ отношеніи млекопитающихъ съ птицами насъ поражаетъ незначительная измѣнчивость голоса у всѣхъ млекопитающихъ. Человѣкъ является единственнымъ млекопитающимъ, голосъ котораго гораздо совершеннѣе голоса птицъ. Голосъ его, въ самомъ дѣлѣ, настолько совершененъ сравнительно съ птичьимъ и всѣхъ другихъ животныхъ, что на это указываютъ, какъ на главное основаніе для выдѣленія человѣческаго рода въ отдѣльный классъ. Млекопитающія, слѣдовательно, существа безъ звучнаго голоса и способности пѣть. Имъ чуждо царство тоновъ; безобразными звуками они оскорбляютъ развитой слухъ. Голосъ большинства млекопитающихъ кажется намъ, поэтому, въ высшей степени непріятнымъ и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ больше возбуждено и раздражено животное.

Относительно пищеваренія и передвиженія пищеварительнаго аппарата мы скажемъ только нѣсколько словъ. Оно обыкновенно совершается превосходно,

хотя не съ такою быстротою какъ у птицъ, а иногда прерывается на нѣсколько мѣсяцевъ во время зимней спячки.

При разборѣ чисто тѣлесной дѣятельности млекопитающихъ приходилось признать большія преимущества, свойственныя подвижнымъ животнымъ или птицамъ, въ сравненіи съ первыми, отличающимися своей чувственностью. Иное дѣло разборъ умственныхъ способностей млекопитающихъ. Дѣятельность органовъ высшихъ чувствъ у низшихъ животныхъ является какъ бы единственнымъ возбудителемъ духовныхъ ихъ отправления; она все еще ограничена у рыбъ, земноводныхъ, пресмыкающихся, и во многихъ отношеніяхъ и у птицъ; только у млекопитающихъ она получаетъ полное свое значеніе. Однообразное и равномерное развитіе этихъ органовъ ставитъ млекопитающихъ высоко надъ птицами. Если послѣднихъ можно назвать по преимуществу „глазастыми“ животными, то млекопитающихъ слѣдуетъ называть животными „всѣхъ высшихъ чувствъ“. Птицы видятъ лучше, чѣмъ млекопитающія, ихъ большіе глаза вслѣдствіе внутренней аккомодациі могутъ быть прелестно устанавливаемы для зрѣнія на различныхъ разстояніяхъ; но всѣ остальные органы высшихъ чувствъ у нихъ рѣзко уступаютъ развитію этихъ органовъ у млекопитающихъ. Всесторонность развитія этихъ органовъ замѣчается въ большей или меньшей мѣрѣ у всѣхъ млекопитающихъ. У человѣка они достигаютъ наибольшаго развитія своей дѣятельности; поэтому млекопитающія ставятся на вершинѣ животнаго царства.

Между всѣми органами высшихъ чувствъ осязаніе должно бы выступать всего менѣе; между тѣмъ въ какомъ совершенномъ видѣ встрѣчается это чувство у млекопитающихъ! Могущественный китъ мгновенно ныряетъ въ глубину, какъ полагаютъ, отъ малѣйшаго прикосновенія къ его кожѣ; слонъ тотчасъ же замѣчаетъ муху, которая садится на его толстую кожу; легкое царапаніе между рогами быка вызываетъ у него пріятное щекотаніе; спящая собака пробуждается отъ самаго нѣжнаго поглаживанія, и все же всѣхъ этихъ животныхъ можно назвать безчувственными въ сравненіи съ человѣкомъ.

Строго говоря, только въ классѣ млекопитающихъ чувство вкуса получаетъ общее значеніе. Если незначительная степень этого чувства и наблюдается у птицъ и у другихъ позвоночныхъ животныхъ, такъ какъ замѣчается, что нѣкоторымъ пищевымъ веществамъ они отдаютъ преимущество передъ другими, то все же органъ, съ которымъ связано это чувство, существуетъ только у небольшого числа птицъ, какъ, напримѣръ, у попугаевъ и пластинчатоклювыхъ; у нихъ этотъ органъ по своей мягкости и по богатству нервовъ даетъ возможность различать вкусъ принимаемой пищи. Между тѣмъ у большинства птицъ этотъ органъ, т. е. языкъ настолько уплотненъ и не развитъ, что становятся невозможными химическія измѣненія, состоящія въ раствореніи пищевыхъ веществъ, которыя связаны съ различными вкусовыми ощущеніями. Не то замѣчается у млекопитающихъ; у нихъ языкъ правильно развитъ и способенъ къ воспріятію вкусовыхъ ощущеній, не смотря на его твердость и шероховатость. Соль и сахаръ почти всегда вліяютъ на вкусовой аппаратъ млекопитающихъ.

Органъ обонянія у млекопитающихъ достигаетъ также высокой степени развитія. Сравнительное обозрѣніе различныхъ классовъ животныхъ поучаетъ насъ, что именно обоняніе у низшихъ животныхъ является однимъ изъ болѣе развитыхъ чувствъ. Я указалъ бы здѣсь лишь насѣкомыхъ, которыхъ привлекаетъ благовопіе цвѣтовъ, испареніе падали и различныя изверженія, которыхъ привлекаетъ даже особенный запахъ ихъ самокъ. Рыбы являются вблизи брошенной имъ падали даже съ той стороны, куда вода никоимъ образомъ не можетъ доставить пахучихъ веществъ. У земноводныхъ и пресмыкающихся обоняніе очень слабо развито, такъ что при посредствѣ этого чувства они ничего не могутъ вслѣдить. Между птицами многія отличаются хорошимъ чутьемъ, хотя рассказы, относящіеся къ грифамъ и воронамъ объ ихъ способности подмѣчать присутствіе падали и различныхъ вонючихъ веществъ на разстояніи нѣсколькихъ миль осно-

ваны на ошибочныхъ и невѣрныхъ наблюденіяхъ. Они руководствуются при этомъ зрѣніемъ. Не то наблюдается у млекопитающихъ; у многихъ изъ этихъ животныхъ чувство обонянія достигаетъ дѣйствительно изумительнаго развитія. Собака различаетъ слѣдъ своего хозяина черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ онъ прошелъ, и отличаетъ безошибочно его слѣдъ отъ тысячи слѣдовъ другихъ людей; она въ состояніи прослѣдить дичь по пути, пройденному ею наканунѣ. Такое изумительное явленіе, повидимому, даже трудно понять; точно также непостижима для насъ съ нашимъ слабымъ развитіемъ этого чувства та степень развитія обонянія, которая извѣстна подъ названіемъ верхняго чутья. Насъ не особенно поражаетъ, что заяцъ по вѣтру можетъ узнать присутствіе скрывающагося охотника на разстояніи 30 шаговъ, но намъ непонятно, какъ сѣверный олень можетъ чутъя человѣка на 500 шаговъ.

Необходимо замѣтить, что всѣ животныя, отличающіяся хорошимъ чутьемъ, бываютъ съ сырыми носами. Какъ бы это ни казалось странно, все же по большей или меньшей влажности носа можно судить о степени развитія обонянія животнаго.

Очень сомнительно, чтобы у млекопитающихъ слухъ преобладалъ надъ обоняніемъ. Вѣрно то, что слухъ у этого класса животныхъ достигаетъ такого совершенства, какъ ни у одного другого животнаго. Если слухъ и развитъ у нѣкоторыхъ низшихъ классовъ животнаго міра, то все же онъ не достигаетъ той степени развитія, какъ у представителей двухъ высшихъ классовъ. Наиболѣе развитой слухъ у птицъ все же ниже, чѣмъ у млекопитающихъ. Что птицы превосходятъ слышать, слѣдуетъ изъ ихъ музыкальныхъ способностей; онѣ развлекаютъ и привѣтствуютъ другъ друга своимъ разнообразнымъ пѣніемъ, и ихъ слухъ даетъ имъ возможность воспринимать это пѣніе. Замѣчательно, что птицы, у которыхъ слухъ всего менѣе развитъ, отличаются наибольшимъ разнообразіемъ своихъ пѣсенъ и что онѣ всего болѣе увлекаются тонами и звуками, между тѣмъ какъ тѣ, у которыхъ слухъ всего болѣе развитъ, какъ, напримѣръ, у всѣхъ совъ, съ ужасомъ избѣгаютъ пѣнія пѣвчихъ птицъ. То же самое наблюдается и у млекопитающихъ. Уже по устройству вѣшняго и въ особенности внутренняго уха можно судить о большемъ или меньшемъ совершенствѣ этого чувства. Чувство это можетъ утончаться до такой степени, что животному могутъ казаться рѣзкими и непріятными звуки, которые менѣе развитому или привычному уху могутъ показаться благозвучными. Поэтому музыкальный слухъ нельзя еще назвать тонкимъ слухомъ; онъ можетъ стоять на болѣе низкой степени развитія, чѣмъ дѣйствительно тонкій слухъ животнаго. Говоря о степени развитія слуха необходимо всегда принимать во вниманіе присутствіе особенной способности. У человѣка органъ слуха, точно такъ же какъ органъ обонянія, развитъ болѣе слабо, чѣмъ у другихъ млекопитающихъ, но это не вліяетъ на его положеніе между другими животными, такъ какъ равномерное развитіе всѣхъ органовъ высшихъ чувствъ ставитъ его высоко надъ всѣми остальными животными.

Слуховая способность млекопитающихъ очень разнообразна. Ни одно изъ нихъ не бываетъ глухимъ; дѣйствительно тонкій слухъ встрѣчается только у немногихъ. Вѣрно, что многія млекопитающія слышатъ шумы, которыхъ мы совершенно не въ состояніи отличить; но до какой степени это различіе доходитъ, мы не можемъ опредѣлить. Несомнѣнно, что кошка и сова различаютъ шумъ, который производитъ мышь во время бѣга, но мы не въ состояніи опредѣлить на какомъ разстояніи онѣ могутъ отличить тихую поступь этого животнаго отъ шума, производимаго вѣтромъ. Ушанъ должно быть слышать шумъ полета мелкихъ бабочекъ, движеніе, которое мы своимъ слухомъ опредѣлить не въ состояніи. Степная лисица узнаетъ, можетъ быть, на большемъ разстояніи движеніе жука по песку. Наша лисица поддается на довольно большемъ разстояніи подражанію писка мышей охотникомъ. Дичь въ состояніи воспринять звукъ, производимый шагами охотника на 100, а можетъ быть, и на 200 шаговъ. Но всѣ эти указанія ничего не доказываютъ и не могутъ служить основаніемъ для какихъ либо точныхъ опредѣленій.

Зрѣніе млекопитающихъ должно быть никогда не достигаетъ той степени развитія какъ обоняніе и слухъ. Что зрѣніе птицъ превышаетъ зрѣніе всѣхъ млекопитающихъ, было уже раньше упомянуто; трудно только сказать въ какой степени, такъ какъ серьезныя наблюденія человѣкъ можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи только надъ собой. Не измѣняя направленія глазъ и не двигаясь, млекопитающее даже вблизи съ трудомъ узнаетъ своего врага. Наврядъ ли въ сравненіе съ человѣкомъ, хотя бы одно изъ дневныхъ млекопитающихъ отличается большимъ развитіемъ глаза, и связанной съ этимъ остротой зрѣнія; по крайней мѣрѣ, намъ не извѣстны наблюденія, которыя противорѣчили бы этому. Другое дѣло ночныя животныя, слѣдовательно, почти всѣ хищники, нѣкоторые обезьяны, всѣ полуобезьяны, летучія мыши, многіе грызуны и другія. У нихъ существуетъ либо самое развитое зрѣніе, или глаза ихъ не развиты. Изъ всѣхъ млекопитающихъ самое острое зрѣніе наблюдается несомнѣнно у настоящихъ хищниковъ. Глаза ихъ настолько чувствительны къ вліянію свѣта, что многимъ изъ нихъ уже обыкновенный дневной свѣтъ очень непріятенъ. Можно признать, какъ правило, что всѣ млекопитающія, имѣющія круглые зрачки — животныя дневныя или, что они приблизительно одинаково хорошо видятъ какъ ночью, такъ и днемъ. Между тѣмъ тѣ млекопитающія, у которыхъ щелевидный зрачокъ, видятъ хорошо только при наступленіи сумерокъ. Очень своеобразнымъ кажется замѣчаемое въ высшемъ классѣ животныхъ недоразвитіе глаза, которое можетъ дойти до полной слѣпоты, какъ на примѣръ у слѣпыша. Насколько извѣстно до сихъ поръ ни у одного млекопитающаго нѣтъ полного отсутствія глазъ. Кротъ, котораго часто смѣшивали съ его слѣпымъ братомъ, имѣетъ уже глаза, годные для зрѣнія.

Необходимо также разсмотрѣть глазъ млекопитающихъ еще съ другой точки зрѣнія, — какъ внѣшнее, видимое изображеніе душевнаго состоянія животнаго. У животныхъ низшихъ классовъ глазъ не имѣетъ еще такого значенія, чтобы могъ быть зеркаломъ души. Хотя мы находимъ у змѣи глазъ коварнымъ, у крокодила злобнымъ, а у нѣкоторыхъ птицъ кроткимъ, у другихъ строгимъ, серьезнымъ, храбрымъ, но, за нѣкоторыми исключеніями, мы вкладываемъ въ выраженіе глазъ то, что сами желаемъ видѣть; только въ живомъ глазу сокола или орла мы видимъ ихъ внутренній міръ, между тѣмъ какъ глазъ млекопитающаго всегда намъ показываетъ его; относительно него мы въ самомъ дѣлѣ можемъ говорить о выраженіи лица, и въ этомъ выраженіи наибольшее участіе принимаетъ глазъ; поэтому народъ совершенно вѣрно опредѣляетъ подмѣчаемыя имъ соотношенія, если онъ говоритъ о тупоумномъ глазѣ скота, красивомъ глазѣ жирафа, кроткомъ глазѣ газели, простодушномъ глазѣ собаки, глупомъ овцы, лукавомъ глазѣ волка, жгучемъ рыси, коварномъ обезьяны и гордомъ глазѣ льва. На самомъ дѣлѣ у всѣхъ этихъ животныхъ глазъ является вѣрнымъ зеркаломъ ихъ душевныхъ проявленій. Всякое душевное движеніе животнаго выражается его глазомъ, который замѣняетъ недостающую ему рѣчь; горе и радость, печаль и веселье, боязнь и легкомысліе, грусть и удовольствіе, ненависть и любовь, отвращеніе и расположеніе находятъ въ глазу, своего безмолвнаго выразителя: духъ проявляется при этомъ наружу съ полной откровенностью. Поэтому глазъ можетъ служить намъ толкователемъ при общемъ обзорѣ души животныхъ.

Млекопитающія отличаются своею памятью, разсудкомъ, чувствованіями и поэтому у нихъ часто очень рѣшительный и опредѣленный характеръ. У нихъ замѣчается способность различать время, пространство, цвѣта и звуки; они въ состояніи узнавать, наблюдать, судить и умозаключать; у нихъ является жизненный опытъ, на основаніи котораго они дѣйствуютъ; они признаютъ опасность и принимаютъ мѣры къ ихъ отстраненію; у нихъ является привязанность и отвращеніе, любовь къ мужу и ребенку, къ друзьямъ и благодѣтелямъ, ненависть къ врагамъ и противникамъ; они отличаются благодарностью, вѣрностью, признательностью и отвращеніемъ; они проявляютъ радость и горе, гнѣвъ и смиреніе, хитрость и разсудочность, честность и забитость. Умное животное разсчитываетъ, обдумываетъ, оцѣниваетъ передъ тѣмъ какъ дѣйствовать; чувствующее животное отдаетъ

сознательно свою свободу и жизнь, чтобы удовлетворить внутреннему своему стремленію. Животное очень высоко цѣнитъ общественность и жертвуетъ собой для общаго блага. Оно ухаживаетъ за больными, помогаетъ слабымъ и дѣлится своею пищею съ голоднымъ. Оно сдерживаетъ свои стремленія и страсти, оно научается владѣть собою и поэтому проявляетъ самостоятельную дѣятельность и силу воли. Оно вспоминаетъ о прошедшемъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и думаетъ о будущемъ, и съ этой цѣлью оно собираетъ и сохраняетъ.

Различныя душевныя способности животнаго опредѣляютъ его нравъ.

Животныя бываютъ храбры или боязливы, бойки или трусливы, рѣшительны или неувѣренны, честны или плутоваты, откровенны или замкнуты, прямы или хитры, горды или скромны, довѣрчивы или недовѣрчивы, послушны или надменны, миролюбивы или задорны, веселы или грустны, бойки или скучны, общественны или дики, дружелюбно относящимися къ другимъ или враждебными ко всему свѣту. И сколько различныхъ качествъ можно бы еще перечислить!

Объ одномъ нельзя не упомянуть, это о совершенствованіи всѣхъ душевныхъ качествъ животнаго путемъ воспитанія. Существуютъ образованныя, воспитанныя или необразованныя, грубыя, невоспитанныя животныя, такъ же, какъ и люди. Воспитатель имѣетъ всегда очень большое вліяніе на животное. Главнымъ, или наилучшимъ воспитателемъ всегда является человѣкъ. Приведу примѣръ; онъ будетъ относиться къ наилучше воспитанному животному, къ собакѣ: при посредствѣ воспитанія собака становится зеркаломъ своего господина; она усваиваетъ себѣ, такъ сказать „его нравъ“. Охотничья собака — нравъ охотника; мясницкая собака — нравъ мясника; корабельная собака — нравъ моряка; собаки лопарей, эскимосовъ и индійцевъ — нравы ихъ хозяевъ.

Мы далеки отъ предположенія, что опредѣлили сущность душевныхъ проявленій животнаго, но мы изучаемъ животное съ цѣлью познать самихъ себя; мы увеличиваемъ свои познанія ежегодно, ежедневно и при этомъ давно уже признаемъ драгоцѣнныя слова Шейтлина относительно душевныхъ проявленій животныхъ: „все животное содержится въ человѣкѣ, но не все человѣческое содержится въ животномъ“!

Область распространенія млекопитающихъ очень велика; она простирается на всѣ моря, материки и всѣ большіе острова земли. Только острова открытыхъ морей, никогда не соединявшихся съ материкомъ, не имѣютъ своихъ коренныхъ млекопитающихъ; кругъ распространія отдѣльныхъ видовъ млекопитающихъ ограниченъ. Только море даетъ большой просторъ движеніямъ и перемѣщеніямъ млекопитающимъ разбираемаго класса, но все же не въ той степени, какъ птицамъ воздухъ. Но морскія млекопитающія доказываютъ, что они принадлежатъ болѣе землѣ, чѣмъ водѣ, такъ какъ они болѣею частью предпочитаютъ прибрежныя части открытому морю.

Область распространенія млекопитающихъ на материкѣ гораздо болѣе ограничена, чѣмъ на морѣ; родина многихъ видовъ очень мала. Страны земли, смотря по животнымъ, которыя въ нихъ обитаютъ, соединяются въ отдѣльныя царства и описаніемъ этихъ послѣднихъ занимается предметъ, называемый зоогеографіей. Каждое изъ этихъ царствъ, которыхъ различаютъ 6, отличается своею особенностью своихъ животныхъ обитателей.

Первое изъ этихъ царствъ, принадлежащее сѣверной части Стараго Свѣта (палеарктическая) обнимаетъ всю Европу, сѣверную Африку до Сахары и всю Азію за исключеніемъ южной Аравіи, Передней и Задней Индіи и южнаго Китая вмѣстѣ съ прилежащими островами. Во всемъ этомъ царствѣ почти исключительно живутъ настоящіе кроты; оно отличается богатствомъ различныхъ видовъ крысъ, рысей; послѣднія наврядъ ли встрѣчаются еще гдѣ либо въ Старомъ Свѣтѣ, а въ Новомъ—только по самымъ сѣвернымъ окраинамъ. Изъ другихъ хищныхъ животныхъ здѣсь наблюдаются два вида барсуковъ, нѣсколько особыхъ родовъ оленей, рогатаго скота и антилопъ; всѣ виды овецъ и козъ, исключая двухъ, ограничиваютъ свое распространеніе этимъ царствомъ. Только здѣсь встрѣчаются многіе виды и

роды грызуновъ и только немногіе виды полевокъ, сонъ и тушканчиковъ живутъ въ другихъ мѣстахъ.

Къ сѣверному царству Старого Свѣта прилегаютъ на юго-западѣ эфіопское царство, которому принадлежитъ кромѣ Африки къ югу отъ Сахары также южная Аравія и Мадагаскаръ. Здѣсь родина гориллы и шимпанзе, бабуина, многихъ обезьянъ, льва, полосатой гіены, земляного волка, гіеновой собаки, жирафа различныхъ видовъ зебръ и бегемота. Очень многочисленны въ эфіопскомъ царствѣ виды антилопъ, которыхъ мы насчитываемъ до 70; кромѣ того здѣсь очень много обезьянъ, свиней, виверъ и грызуновъ; исключительно этому царству принадлежатъ капскій трубкозубъ, прыгунчики, златокроты и *Potamogale*. Эфіопское царство, отличаясь большимъ числомъ своеобразныхъ млекопитающихъ, вмѣстѣ съ этимъ характеризуется отсутствіемъ нѣкоторыхъ животныхъ, очень распространенныхъ въ другихъ мѣстахъ; такъ здѣсь отсутствуютъ медвѣди и олени.

Къ восточной окраинѣ эфіопскаго царства близко прилегаютъ восточное царство: Передняя Индія съ Цейлономъ, Задняя Индія съ Суматрой, Явой и Борнео и Южный Китай съ Формозой и Филиппинскими островами. Главные виды встрѣчающихся здѣсь млекопитающихъ животныхъ слѣдующіе: гиббоны и орангъ-утанъ, солнечный и медовый медвѣди, королевскій тигръ, двуцвѣтный тапиръ, индійскій слонъ и оленекъ. Кромѣ того здѣсь находятся обитатели исключительно одного этого царства: стройныя и неуклюжія маки и домовыя, летающія маки и древолазы. Здѣсь встрѣчается также много виверъ, три вида антилопъ, 5 видовъ носороговъ и круглохвостыхъ летучихъ бѣлокъ.

Австралійское царство одно изъ самыхъ поразительныхъ; только здѣсь встрѣчаются однопроходныя, кладущія яйца, какъ то утконосъ и ехидна и сумчатые животныя, за единственнымъ исключеніемъ сумчатыхъ крысъ, живущихъ въ Америкѣ. Изъ другихъ земноводныхъ млекопитающихъ здѣсь встрѣчаются, какъ мѣстные обитатели, только нѣкоторые мелкіе грызуны; если, напримѣръ, на сѣверныхъ австралійскихъ островахъ и встрѣчается свинья, то это животное завезенное, а не туземное. Соединяющимъ звеномъ между восточнымъ и австралійскимъ царствомъ можетъ быть принятъ замѣчательный островъ Целебесъ, который хотя и примыкаетъ къ австралійскому царству, но все же долженъ быть разсмотрѣнъ отдѣльно. Кромѣ ряда млекопитающихъ, не принадлежащихъ ни къ восточнымъ, ни къ западнымъ странамъ, на островѣ Целебесѣ живутъ три особенныхъ вида животныхъ, которыя въ другихъ странахъ не имѣютъ никакихъ близкихъ родичей; это бабирасса, аноа, антилопообразный буйволъ и черная бабуинообразная обезьяна, почти не имѣющая хвоста. Кромѣ Новой Голландіи и Новой Гвинеи съ близъ лежащими островами къ австралійскому царству принадлежатъ еще Новая Зеландія и Полинезія. На вулканическихъ и коралловыхъ островахъ Тихаго Океана нѣтъ совершенно мѣстныхъ земноводныхъ млекопитающихъ; между тѣмъ какъ въ Новой Зеландіи существовалъ вымершій уже теперь видъ крысъ и животныхъ, по внѣшнему виду схожихъ съ выдрой и живущихъ и теперь еще въ горныхъ озерахъ южнаго острова, но которыхъ не удалось еще пока поймать; можетъ быть это животное представляетъ низшее изъ всѣхъ живущихъ млекопитающихъ.

Въ Новомъ Свѣтѣ, въ Америкѣ можно различить только два царства, — сѣверное и южное, неточныя границы которыхъ составляютъ длинную дугу, открывающую къ сѣверу и идущую отъ Мексиканскаго залива къ Калифорнскому заливу; острова послѣдняго принадлежатъ южному американскому царству.

Сѣвероамериканское царство близко подходитъ къ сѣверному царству Старого Свѣта; какъ тамъ, такъ и здѣсь существуютъ рысь, волкъ, лисица, хорекъ, медвѣдь, лось, олень, полевки, бобръ, бѣлка и заяцъ. Всѣ американскіе виды очень сходны съ видами Старого Свѣта; нѣкоторые изъ нихъ очень сходны между собою; даже существующій въ преріяхъ бизонъ близкій родственникъ литовскаго зубра. Кромѣ упомянутыхъ въ Сѣверной Америкѣ существуютъ еще и другія млекопитающія, которыя придаютъ этому царству особенный характеръ; къ этимъ животнымъ принадлежатъ три особенные вида крота, между которыми находится въ высшей степени своеобразный звѣздорылъ, такое же число видовъ куницеобраз-

ныхъ животныхъ, со включеніемъ сюда опасной вонючки и прелестной семьи енота — полоскуна. Кромѣ того къ туземнымъ животнымъ принадлежитъ еще вилорогая антилопа и горная коза трапперовъ. Американскія мыши рѣзко отличаются отъ мышей остальныхъ частей свѣта; здѣсь же встрѣчается особенный видъ тушканчика; кромѣ того здѣсь находятъ еще странныхъ мѣшетчатыхъ крысъ, которыя однако переходятъ уже южныя границы этого царства. Наконецъ здѣсь встрѣчаются еще животныя, какъ собака прерій, иглошерсть и двуутробка виргинская, или опносумъ, которыя также отличаютъ сѣверное царство Новаго Свѣта отъ Стараго. Недостаетъ этому царству ежей, кабановъ и сонь; здѣсь существуетъ только одинъ видъ овцы.

Южноамериканское царство почти такъ же своеобразно по своимъ животнымъ, какъ и Австралія, но только оно гораздо богаче. Неполнозубыя сумчатые и грызуны составляютъ главную часть существующихъ здѣсь млекопитающихъ; кромѣ того здѣсь встрѣчаются цѣкохвостыя обезьяны и львиныя игрушки, вампиры, носухи и пекари, лама и альпака. Изъ неполнозубыхъ здѣсь встрѣчаются только лѣнивцы, броненосцы и муравьеѣды, а между грызунами — шиншила и агуті. Большая часть сумчатыхъ крысъ ограничивается Южной Америкой. Во всемъ южноамериканскомъ царствѣ отсутствуютъ виверы, и только въ Западной Индіи находится нѣсколько видовъ насѣкомоядныхъ; здѣсь отсутствуютъ также овцы, рогатый скотъ и антилопы; свиньи, слоны и носороги Стараго Свѣта замѣнены здѣсь маленькими пекари и тапирами. Такимъ образомъ южноамериканское царство отличается большимъ богатствомъ своеобразныхъ формъ млекопитающихъ, изъ которыхъ многія имѣютъ ископаемый характеръ; вмѣстѣ съ этимъ здѣсь нѣтъ многихъ изъ тѣхъ животныхъ, которыя очень распространены въ другихъ частяхъ; оно является какъ бы первымъ между большими животными царствами, при описаніи которыхъ мы придерживались Уоллеса. Надъ распространеніемъ отдѣльныхъ группъ млекопитающихъ мы остановимся при описаніи каждой изъ нихъ. Въ общемъ мы еще можемъ прибавить, что область распространенія отдѣльнаго вида простирается болѣе въ восточно-западномъ направленіи, чѣмъ съ сѣвера на югъ.

Общее число живущихъ теперь и извѣстныхъ видовъ млекопитающихъ превышаетъ 2000. Изъ нихъ принадлежатъ Европѣ около 150 видовъ (около 60 ей исключительно); около 240 видовъ живутъ въ Африкѣ, 350 видовъ въ Азіи, 400 — въ Америкѣ и около 140 — въ Австраліи.

Сюда слѣдовало бы причислить и допотопныхъ млекопитающихъ. Распространеніе ихъ было другое, чѣмъ животныхъ, живущихъ теперь. Очень мало изъ допотопныхъ животныхъ пережили время отложенія наносныхъ породъ и существуютъ и въ настоящее время; всѣ остальные вымерли и вычеркнуты изъ списка живыхъ существъ.

Образъ жизни млекопитающаго, который оно ведетъ на своей родинѣ зависитъ отъ его тѣлесныхъ и умственныхъ способностей и каждое животное устривается соотвѣтственно имъ и пользуется существующими у него отправлениями въ возможно широкой мѣрѣ. Нельзя отрицать въ образѣ жизни каждаго млекопитающаго проявленія извѣстной степени разсудочности; они, понятно, болѣе привязаны къ извѣстной мѣстности, нежели легкія и подвижныя птицы, но за то они въ состояніи больше и разнообразнѣе пользоваться дарами данной мѣстности, нежели эти послѣднія.

Связь между мѣстностью и животнымъ выражается часто въ своеобразной формѣ каждаго животнаго, но особенно рѣзко и опредѣленно въ его окраскѣ. Можно принять за общее правило, что окраска млекопитающихъ болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ преобладающей окраскѣ на мѣстѣ его жительства; громаднѣйшая выгода, истекающая изъ такого сходства его окраски съ окружающей средой совершенно понятна, въ особенности, если мы вспомнимъ, что хищникъ, напримѣръ, долженъ по возможности незамѣтно подкрадываться къ своей добычѣ, между тѣмъ какъ слабое животное необходимо должно скрываться отъ этого хищника.

Большая часть млекопитающихъ очень общественны и поэтому всегда соби-

раются либо съ другими особями своего вида или съ живущими здѣсь животными другого вида въ стадо большаго или меньшаго размѣра. Такія соединенія не достигаютъ однако же никогда такой численности, какъ въ стаѣ птицъ; у послѣднихъ, какъ извѣстно, собирается даже до милліона особей въ одну стаю. У млекопитающихъ собираются общества до 1000 головъ только при извѣстныхъ условіяхъ. Болѣе, чѣмъ сходныя условія жизни, ихъ соединяетъ нужда. Отъ мѣста пожара горящей степи, убѣгаютъ густою толпою даже самые отъявленные враги.

Во многихъ, самыхъ большихъ обществахъ присваиваетъ себѣ власть самый способный членъ, и ему наконецъ удается достигнуть безусловнаго повиновенія. Между жвачными животными такая честь приходится обыкновенно на долю старой самки и чаще — изъ бездѣтныхъ. У другихъ общественныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, у обезьянъ, вожаками становятся только самцы и обыкновенно послѣ очень упорныхъ дракъ между соперниками, изъ которыхъ они выходятъ грозными побѣдителями. У послѣднихъ животныхъ, слѣдовательно, все зависитъ отъ грубой силы, между тѣмъ какъ у первыхъ выборъ зависитъ отъ опыта или отъ доброй воли. Избранный или, по крайней мѣрѣ, признанный вожакъ принимаетъ на себя всѣ заботы объ охранѣ и безопасности всего стада; онъ часто защищаетъ слабыхъ членовъ даннаго общества, иногда съ полнымъ самоотверженіемъ. Менѣе толковые и слабые подчиняются болѣе опытнымъ и точно исполняютъ всѣ ихъ распоряженія, служащія для сохраненія общей безопасности.

Многія млекопитающія животныя живутъ отшельниками; старые сердитые и злые самцы обыкновенно изгоняются стадомъ, вслѣдствіе чего они становятся еще злѣе и даже бѣшенными. Хотя существуютъ и такія млекопитающія, которыя вообще ведутъ отшельническую жизнь и вступаютъ въ горячій бой съ каждымъ нарушителемъ ихъ уединенія.

Большинство животныхъ даннаго класса бодрствуетъ днемъ и спитъ ночью, хотя почти во всѣхъ разрядахъ существуютъ дневныя и ночныя животныя. У нѣкоторыхъ изъ нихъ не существуетъ опредѣленнаго времени для сна, но они отдыхаютъ или бодрствуютъ, смотря по тому, какъ имъ придется, какъ напримѣръ, морскія животныя или животныя самыхъ сѣверныхъ широтъ, а также сухопутныя животныя во время лѣта. Въ общемъ мы можемъ предполагать, что существуетъ больше дневныхъ животныхъ, чѣмъ ночныхъ, хотя число тѣхъ, которыя ночью бодрствуютъ и дѣятельны, немного менѣе тѣхъ, которыя добываютъ свою пищу днемъ. Между обезьянами существуетъ очень небольшое число ночныхъ видовъ; летучія мыши, напротивъ того, спятъ почти весь день, и очень малое ихъ число выходитъ изъ своихъ убѣжищъ до заката солнца. Между насѣкомоядными и плотоядными животными, грызунами, многокопытными и жвачными существуетъ очень много ночныхъ животныхъ, хотя многія изъ болѣе беззащитныхъ видовъ становятся ночными изъ боязни преслѣдованія. Очень сильныя и очень подвижныя животныя, а также живущія на деревьяхъ принадлежатъ большей частью къ дневнымъ животнымъ, но они менѣе подвергаются преслѣдованіямъ. Было бы однако совершенно ошибочно утверждать, что всѣ ночныя животныя трусливѣе, слабѣе, глупѣе и болѣе неуклюжи, чѣмъ тѣ, которыя дѣятельны днемъ. Такъ стоитъ только вспомнить кошекъ, куницъ, оленей и др., которыя почти безъ исключенія бодрствуютъ и днемъ, и ночью, чтобы доказать противоположное. Вообще, можно принять какъ общее правило, что болѣе беззащитныя животныя, жиле которыхъ не защищено отъ опасности, пользуются ночью для своей дѣятельности.

Во время бодрствованія большая часть млекопитающихъ занята исключительно отыскиваніемъ пищи; послѣдняя можетъ быть очень разнообразна. Всѣ члены даннаго класса пользуются для своего питанія растеніями или они хищники, сѣдающіе другихъ животныхъ. Среди нихъ встрѣчаются любители почти всѣхъ произведеній какъ растительнаго, такъ и животнаго царства.

Всѣ млекопитающія ѣдятъ много, но относительно все же меньше, чѣмъ птицы. Это находится въ полной связи съ меньшей ихъ подвижностью. Послѣ принятой пищи они стараются отдохнуть, при чемъ впадаютъ либо въ полусонъ, какъ, напримѣръ, жвачныя животныя, или же они дѣйствительно засыпаютъ. Они

очень мало расположены къ играмъ или къ излишнимъ движеніямъ и только одни молодыя животныя охотно развлекаются ими, и часто своимъ бурнымъ весельемъ заражаютъ даже почтенныхъ старцевъ. При хорошей и изобильной пищѣ шерсть млекопитающихъ становится гладкой и блестящей, а въ подкожной клѣтчаткѣ и въ полостяхъ туловища откладывается жиръ, который у нѣкоторыхъ изъ нихъ поддерживаетъ жизнь во время голодовки. У нѣкоторыхъ травоядныхъ и насѣкомоядныхъ животныхъ пища зимой совершенно отсутствуетъ, а сами по себѣ они слишкомъ малы и слабы, чтобы могли долго существовать безъ пищи; они не способны предпринимать большія путешествія въ болѣе теплыя области, изобилующія пищей, и поэтому должны были бы непременно погибнуть, если бы мудрая природа не позаботилась о нихъ очень замѣчательнымъ способомъ. Казалось бы, что они могли бы защитить себя сами, построивъ себѣ глубоко подъ землею теплое жилище и выставъ его толстымъ слоемъ мягкой шерсти; здѣсь же они могли бы приготовить себѣ кладовыя, снабдивъ ихъ достаточнымъ количествомъ пищи; но природа беретъ на себя главную заботу объ ихъ сохраненіи, и собранная животными пища служитъ только для того, чтобы во время дѣйствительной нужды, охранить ихъ отъ голодной смерти. Эти животныя, которыхъ по справедливости можно назвать истинными дѣтьми природы, не нуждаются, въ продолженіе долгаго времени, въ принятіи пищи извнѣ; они впадаютъ въ сонъ, сходный со смертью, во время котораго медленно тратятъ накопленный жиръ; это происходитъ во время зимней спячки. Зимняя спячка есть кажущаяся смерть; жизнь спящаго животнаго обнаруживается только нѣкоторыми незначительными признаками; только при такихъ условіяхъ животное въ состояніи оставаться въ живыхъ. Если бы сердце и легкія работали такъ же, какъ у бодрствующихъ животныхъ, то жиръ, набранный въ продолженіе лѣта, исчезъ бы очень быстро, между тѣмъ какъ его должно хватить на нѣсколько мѣсяцевъ. Ограниченная дыхательная дѣятельность значительно замедляетъ процессъ сгоранія организма, что очень выгодно для сохраненія его жизни. Измѣренія, которыя были произведены надъ суркомъ во время его зимней спячки, показали, что температура его понизилась до $8,75^{\circ}$ по Цельсію, между тѣмъ какъ нормальная температура млекопитающихъ держится между 35° и $37,5^{\circ}$.

Съ наступленіемъ весны животное просыпается отъ своего сна и поддерживаетъ свою жизнь первоначально только тѣми запасами, которые были имъ собраны предшествующимъ лѣтомъ. Послѣ пробужденія отъ зимней спячки оно часто засыпаетъ опять на долго, но все же оно находится въ болѣе возбужденномъ состояніи, такъ какъ въ это время у него появляется половая дѣятельность. Только маленькія млекопитающія животныя впадаютъ въ настоящую зимнюю спячку. Большія же, какъ, на примѣръ, медвѣди, спятъ только временно, хотя этотъ сонъ продолжается нѣсколько дней, а можетъ быть, и недѣль; все же въ это время они также принимаютъ меньшее количество пищи.

Чтобы улучшить свое положеніе нѣкоторыя млекопитающія предпринимаютъ иногда путешествія, но все же говоря объ этомъ классѣ, нельзя говорить о настоящихъ переселеніяхъ, какія бываютъ у птицъ, хотя и случается, то они оставляютъ одну область и переходятъ въ другую; но путь ихъ слѣдованія никогда не бываетъ такимъ длиннымъ, чтобы его можно было сравнить съ перелетомъ птицъ. Гонимыя голодомъ, веселые и привлекательные лемминги, обитающіе въ сѣверныхъ горахъ и равнинахъ, собираются цѣлыми массами для переселеній, спускаясь съ возвышенностей; они пытаются даже переходить черезъ суженныя части моря, но обыкновенно при этомъ погибаютъ. Съ такою же цѣлью предпринимаютъ болѣе длинныя переселенія южно-африканскія антилопы, сѣверные олени и бизоны, дикіе ослы, тюлени и киты, нѣкоторыя летучія мыши перелетаютъ даже небольшія разстоянія. Всѣ эти путешествія, однако же по своимъ размѣрамъ далеко не достигаютъ перелета птицъ.

Жизнь млекопитающихъ все же гораздо однообразнѣе подвижной жизни обитателей воздуха; только болѣе толковыя изъ нихъ нѣсколько уклоняются отъ этого однообразія, развлекаясь различнымъ образомъ. У большинства

изъ нихъ день проходить въ ѣдѣ и снѣ, снѣ и ѣдѣ. Во время половой дѣятельности животное нѣсколько измѣняетъ свои обычаи; у большинства млекопитающихъ эта дѣятельность связана съ извѣстнымъ временемъ года и совпадаетъ, обыкновенно, съ весной и осенью, а изрѣдка и съ зимой, смотря по тому, какова продолжительность беременности животного. Дѣтеныши рождаются, обыкновенно, весной, когда существуетъ наибольшее изобиліе въ пищѣ, какъ для дѣтеныша, такъ и для кормящаго животного. Время рожденія дѣтенышей совпадаетъ съ течкой; въ это время животное совершенно измѣняетъ свой нравъ; мужскія особи, которыя обыкновенно совершенно не заботятся о самкахъ, отыскиваютъ послѣднихъ и находятся въ большомъ возбужденіи, какъ чувственномъ, такъ и тѣлесномъ. Вмѣстѣ съ возрастающимъ чувствомъ привязанности увеличивается и ревность, и ненависть противъ возможныхъ соперниковъ; горячая борьба происходитъ между послѣдними, а болѣе ревностные дикимъ крикомъ вызываютъ желающихъ на бой. Даже самое робкое млекопитающее становится въ это время храбрымъ и задорнымъ. Въ замкнутомъ бракѣ, продолжающемся болѣе одного года, живутъ, повидимому, только одни жвачныя, именно, многіе виды мелкихъ антилопъ, можетъ быть и нѣкоторые виды китовъ; всѣ остальные поддерживаютъ многоженство.

Ни одно изъ млекопитающихъ животныхъ не приноситъ въ одинъ разъ болѣе 24 дѣтенышей; рѣдко рождается по 14, по 16. Всѣ большія млекопитающія рожаютъ рѣже и меньшее число дѣтенышей, чѣмъ маленькія, у которыхъ зародышъ созрѣваетъ въ продолженіе 3-хъ недѣль, и столько же времени требуетъ для своего воспитанія. У всѣхъ животныхъ, у которыхъ беременность продолжается болѣе 6 мѣсяцевъ, рождается, обыкновенно, только одинъ дѣтенышъ. Только однопроходныя кладутъ яйца.

Послѣ рожденія дѣтеныша на свѣтъ, мать его тщательно облизываетъ и согрѣваетъ его собственнымъ своимъ тѣломъ. Нѣкоторые грызуны готовятъ къ этому времени гнѣздо, выкладывая его выщипанною у себя шерстью и подготавливая, такимъ образомъ, нѣжную колыбель для своего дѣтеныша; большинство же изъ нихъ выбрасываетъ дѣтеныша на голую землю или въ яму, не снабженную гнѣздомъ. У ехидны, положенное яйцо попадаетъ въ выводной мѣшокъ, который образуется незадолго до этого въ брюшныхъ стѣнкахъ матери. У сумчатыхъ животныхъ новорожденный дѣтенышъ тотчасъ же крѣпко присасывается къ одному изъ сосковъ въ сумкѣ.

Новорожденные дѣтеныши бываютъ на очень различныхъ степеняхъ развитія; у сумчатыхъ животныхъ они похожи на сырой кусокъ мяса; большая часть хищниковъ рождается слѣпыми, и только по истеченіи одной или двухъ недѣль они раскрываютъ глаза. Многія изъ млекопитающихъ рождаются на свѣтъ въ такомъ развитомъ состояніи, что уже по истеченіи нѣсколькихъ часовъ могутъ слѣдовать за своею матерью. Другія, хотя и являются на свѣтъ зрячими, но до такой степени безпомощны, что мать нѣсколько недѣль должна таскать ихъ съ собой. Такъ, напримѣръ, дѣтеныши обезьянъ и летучихъ мышей долгое время висятъ, прицѣпившись всѣми четырьмя конечностями къ тѣлу матери.

Самка млекопитающихъ очень сильно привязана къ своимъ дѣтенышамъ и съ самоотверженіемъ защищаетъ ихъ отъ всякаго врага и даже отъ отца; послѣдній, собственно говоря, совершенно не заботится о дѣтенышахъ, даже опасенъ для нихъ, такъ какъ съѣдаетъ ихъ, если только можетъ добраться.

Каждая мать у млекопитающихъ черезъ нѣкоторое время значительно измѣняетъ свое отношеніе къ дѣтенышамъ; чѣмъ болѣе подростаетъ молодое поколѣніе, тѣмъ менѣе участія выказываетъ мать своему потомству: она хорошо знаетъ, въ какой степени послѣднее нуждается въ ея помощи и стремится, какъ вообще каждое животное, предоставить ему возможно большую самостоятельность.

Продолжительность времени достиженія этой самостоятельности у млекопитающихъ соотвѣтствуетъ ихъ величинѣ. Между обитателями земли человѣкъ требуетъ наибольшій промежутокъ времени для своего развитія; даже слонъ вырастаетъ быстрѣе его.

Должно быть только большія копытныя животныя и самыя большія морскія

млекопитающія достигаютъ большей старости, чѣмъ человѣкъ. Чѣмъ большій промежутокъ времени требуется для развитія животнаго, тѣмъ больше возрастъ, котораго оно достигаетъ и наоборотъ. Млекопитающія средней величины могутъ быть признаны старыми, если они достигаютъ 10-ти лѣтняго возраста; у другихъ старческій возрастъ наступаетъ только около 20 лѣтъ. Очень рѣдко они доживаютъ до тридцатилѣтняго возраста, между тѣмъ, какъ извѣстно, человѣкъ въ это время достигаетъ только полного расцвѣта. Старческій возрастъ выражается ослабленіемъ силъ, сѣдиной волосъ, разрушеніемъ жевательнаго аппарата и орудій защиты; также измѣняются нѣкоторые украшенія: такъ у нѣкоторыхъ оленей рога уменьшаются въ своихъ размѣрахъ въ сравненіи съ животными, обладающими полною силой. У хищниковъ притупляются зубы и когти, у старыхъ слоновъ часто отламываются бивни, на нихъ являются трещины, середина ихъ разрушается. Какія причины обусловливаютъ смерть животныхъ, живущихъ на волѣ, — является ли она послѣдствіемъ болѣзни или старческихъ измѣненій, рѣшить трудно. Больныя животныя удаляются, обыкновенно, въ самыя скрытыя мѣста; раненыя или искалѣченныя животныя тѣхъ видовъ, которые живутъ обществами, обыкновенно оставляются остальными, или даже изгоняются ими; они оканчиваютъ свою жизнь въ скрытомъ, уединенномъ мѣстѣ. Можно предположить, что смерть наступаетъ у нихъ при различныхъ условіяхъ, и что они умираютъ какъ въ молодомъ, такъ и въ старческомъ возрастѣ; вообще наврядъ ли ихъ участь лучше участи человѣка. Заразныя болѣзни производятъ страшныя опустошенія среди животныхъ даннаго класса; такъ, на примѣръ, мыши, которыя размножаются иногда въ невѣроятномъ количествѣ, погибаютъ по временамъ въ нѣсколько недѣль такими большими массами, что маленькіе трупы ихъ совершенно заражаютъ воздухъ. Такія же явленія наблюдались и между видами большего размѣра, какъ въ лѣсахъ и долинахъ нашей родины, такъ и въ далекихъ дикихъ странахъ.

Шейтлинъ говоритъ что „животное тоже имѣетъ свою судьбу“. „Оно зависитъ отъ своего отношенія къ природѣ, и если оно приходитъ въ соприкосновеніе съ человѣкомъ, то и отъ тѣхъ естественныхъ условій, которыя окружаютъ послѣдняго; отчасти оно зависитъ также и отъ самого себя. Часто животному приходится раздѣлять судьбу человѣка, а человѣку судьбу животнаго; оно погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ огнѣ и въ водѣ, на войнѣ и битвахъ. Нѣкоторыя лошади являются героями, для которыхъ, повидимому, не существуетъ опасности, другихъ подстрѣливаетъ первая пуля врага. Одни достигаютъ самыхъ высокихъ почестей, другія подвергаются униженіямъ. Иногда ихъ жизнь проходитъ въ роскоши и изобиліи, а иногда они терпятъ нужду и голодъ; начиная съ живыхъ юношескихъ силъ, они оканчиваютъ изнуряющими болѣзнями и старческими измѣненіями. Счастье по крайней мѣрѣ, что низко стоящее животное не сознаетъ проклятій тяготѣющаго надъ нимъ; очень грустно, что человѣкъ забываетъ о томъ, что высшія животныя очень хорошо различаютъ хорошее и худое обращеніе съ ними!“

Не только домашнія животныя должны служить человѣку, какъ тѣломъ, такъ и жизнью, силами, мясомъ, шкурой, шерстью, рогомъ, навозомъ, но человѣкъ покорилъ своей власти и пользуется и такими животными, которыя не живутъ съ нимъ въ его жилищѣ; онъ примѣняетъ ихъ къ перетаскиванію тяжестей, запрягаетъ ихъ въ ярмо, ѣздитъ на нихъ верхомъ, беретъ ихъ на войну и на охоту, приспособляетъ ихъ къ почтовой службѣ и къ охраненію стада, приучаетъ ихъ къ различнымъ фокусамъ, и всякими способами пользуется ихъ силами. Для питанія служить ему мясо животныхъ, ихъ молоко, ихъ сало и жиръ и даже тѣ припасы, которые они собираютъ для себя. Другія животныя доставляютъ ему благовонныя вещества, пряности и лѣкарственные вещества; многія доставляютъ мѣхъ для одежды, шкуру для кожи, шерсть для пряжи и тканей; наконецъ, животныя доставляютъ ему еще рогъ, слоновую кость, зубы, китовый усъ для его промышленности, удобреніе для его поля. Ни одинъ изъ другихъ классовъ животнаго міра не приноситъ столько пользы, и поэтому млекопитающія являются самыми важными животными въ домашнемъ хозяйствѣ человѣка. На основаніи этого мы можемъ утверждать, что привычныя удобства жизни человѣка были бы совершенно

невозможны безъ млекопитающихъ. Польза, которую приносятъ намъ млекопитающія, помощь, которую они намъ оказываютъ, та близость, въ которую они вступаютъ съ нами, показываютъ намъ, какъ человѣкъ, выше всего стоящій среди млекопитающихъ, тѣсно связанъ съ многими изъ нихъ, а главнымъ образомъ съ тѣми, на которыхъ онъ наложилъ свое ярмо.

Всѣхъ существующихъ въ настоящее время млекопитающихъ, за исключеніемъ человѣка, можно раздѣлить, пользуясь различными основаніями; мы раздѣлимъ всѣхъ животныхъ на 15 разрядовъ: первоначально разберемъ обезьянъ, полуобезьянъ, летучихъ мышей; затѣмъ, хищныхъ, ластоногихъ, насѣкомоядныхъ и грызуновъ. Эти семь разрядовъ вмѣстѣ съ неполнозубыми сумчатыми и однопроходными можно бы назвать когтевыми млекопитающими, потому что пальцы ихъ рукъ и ногъ снабжены ногтями или когтями; имъ можно бы противопоставить копытныхъ животныхъ, т. е. такихъ, пальцы которыхъ прикрыты копытами, и именно, разрядъ хоботныхъ, парнокопытныхъ и непарнокопытныхъ животныхъ. Третій главный отдѣлъ могли бы составить рыбообразныя млекопитающія, въ видѣ двухъ разрядовъ китообразныхъ и морскихъ коровъ, у которыхъ нѣтъ ни ногтей, ни когтей, ни копытъ.

Мы получимъ естественное раздѣленіе всѣхъ перечисленныхъ разрядовъ млекопитающихъ, если примемъ за главные отдѣлы однопроходныхъ и сумчатыхъ, а всѣ остальные разряды соединимъ въ третій главный отдѣлъ.

Первый отрядъ.

Обезьяны (Pithecî).

Ваглеръ называетъ обезьянъ „измѣненными людьми“, т. е. повторяетъ очень старый и въ то же время всегда новый взглядъ всѣхъ народовъ, которые когда либо имѣли отношеніе къ этимъ кривляющимся существамъ, или имѣютъ ихъ теперь. Въ настоящее время господствуетъ мнѣніе какъ разъ противоположное этому: не обезьяны представляютъ измѣненныхъ людей, а напротивъ, эти послѣдніе — болѣе совершенно развитые родственники обезьянъ.

Изъ древнихъ народовъ египтяне и индѣйцы выказывали, повидимому, больше всего участія къ обезьянамъ. Древніе египтяне вырѣзали ихъ изображенія на крѣпкихъ порфирахъ и сотворяли по нимъ образы своихъ боговъ. Древніе индѣйцы, какъ и современные ихъ потомки строили для нихъ дома и храмы. Точно также Соломонъ заставлялъ привозить себѣ обезьянъ изъ Офира, а римляне держали ихъ для своего удовольствія и, разсѣкая ихъ тѣло, изучали на нихъ внутреннее строеніе человѣка, потѣшались ихъ своеобразною подражательною способностью, заставляли ихъ сражаться съ хищными животными, никогда близко не знакомились съ ними и признавали въ нихъ животное такъ же мало, какъ и Соломонъ. Арабы шли еще дальше и видѣли въ нихъ проклятыхъ Аллахомъ, которые въ своемъ внѣшнемъ видѣ удивительнымъ образомъ соединили обликъ нечистой силы и сына Адама.

Нашъ взглядъ не много отличается отъ взгляда арабовъ. вмѣсто того чтобы признать въ нихъ нашихъ ближайшихъ родственниковъ, мы признаемъ въ нихъ едвали больше, чѣмъ карикатуру на насъ самихъ, откинувъ взглядъ о тяготящемъ на нихъ проклятіи; мы находимъ привлекательными только тѣхъ изъ нихъ, которые менѣе всего похожи на человѣка; тѣ же виды, въ которыхъ это сходство выступаетъ рѣзче, нравятся намъ гораздо меньше. Наше непріязненное чувство къ обезьянамъ имѣетъ въ своемъ основаніи какъ тѣлесныя, такъ и духовныя ихъ способности. Онѣ и слишкомъ много и слишкомъ мало похожи на человѣка. Въ человѣческомъ образѣ проявляется полная пропорціональность, въ наружности обезьянъ, оказываются часто отвратительныя нарушенія гармоніи. При одномъ взглядѣ на скелетъ человѣка и обезьяны видно различіе въ основѣ обоихъ, которое, однако, ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія и должно скорѣе разсматриваться какъ условное. Во всякомъ случаѣ было бы несправедливо считать обезьянъ неправильно развитыми твореніями, какъ это дѣлается обыкновенно. Существуютъ красивыя и безобразныя обезьяны, но то же самое наблюдается и у людей; въ какомъ нибудь эскимосѣ, бушменѣ или новоголландцѣ мы тоже не видимъ типа Аполлона. Сами по себѣ обезьяны очень хорошо надѣленные животныя; только по сравненію съ высоко стоящимъ человѣкомъ онѣ кажутся искаженіемъ этого болѣе совершеннаго существа.

Ростъ обезьянъ колеблется въ широкихъ границахъ; горилла достигаетъ роста сильно развитого мужчины, а игрунка не болѣе бѣлки. Строеніе ихъ тѣла также весьма разнообразно, что лучше длинныхъ описаній показываютъ самыя названія, таковы: „человѣкообразныя“, „собакообразныя“ и „векшеобразныя“ обезьяны. Существуютъ массивныя и стройныя, неуклюжія и ловкія обезьяны; у однихъ крѣпкія конечности, у другихъ слабыя, у большинства длинный хвостъ, у нѣкоторыхъ короткій, и есть совершенно безхвостыя. Точно также видоизмѣняется покры-

вающая ихъ шерсть: то рѣдкая, то густая, по большей части темной окраски; иногда, впрочемъ, попадаются довольно яркія, свѣтлыя цвѣта; встрѣчаются также бѣлыя обезьяны. Въ Сіамѣ, въ странѣ „бѣлыхъ слоновъ“, гдѣ, повидимому, альбиносы животнаго царства очень распространены, охотно приручаютъ красивыхъ, бѣлыхъ обезьянъ.

Сходство во внутреннемъ строеніи обезьянъ гораздо больше, чѣмъ можно заключить по внѣшнему ихъ виду. Скелетъ содержитъ 12—16 грудныхъ позвонковъ, 4—9 поясничныхъ, 2—5 крестцовыхъ и 3—33 хвостовыхъ; ключица хорошо развита, кости предплечья раздѣльны и очень подвижны, кости запястья удлинены, а кости пальцевъ отчасти измѣнены; стопа поражаетъ противопоставляемымъ большимъ пальцемъ. Форма черепа очень разнообразна, смотря по тому, на сколько лицевая часть вытянута впередъ или отодвинута назадъ, и на сколько, соотвѣтственно этому, увеличенъ размѣръ черепной капсулы. Глаза лежатъ спереди, въ рѣзко ограниченныхъ костныхъ впадинахъ; скуловые дуги мало выступаютъ на черепѣ. Зубной аппаратъ содержитъ всѣ виды зубовъ: 2 рѣзца, 1, очень рѣзко развитой, клыкъ, часто сходный съ клыкомъ хищныхъ животныхъ; обыкновенно 2 или 3 ложныхъ коренныхъ зуба и 3 истинныхъ коренныхъ въ каждой челюсти. Между мышцами заслуживаютъ особеннаго вниманія мышцы руки, потому что онѣ устроены гораздо проще, чѣмъ соотвѣтственныя мышцы у человѣка. Гортань не допускаетъ возможности человѣческой рѣчи; мѣшкообразныя расширенія дыхательныхъ путей содѣйствуютъ возможности производить громкіе, воющіе звуки. Особого упоминанія заслуживаютъ защечные мѣшки, которые существуютъ у нѣкоторыхъ видовъ обезьянъ; это выпячиванія стѣнокъ ротовой полости, которыя сообщаются съ этой полостью при посредствѣ отверстія, расположеннаго позади угла рта и служатъ для временнаго сохраненія въ нихъ пищи. У мартышекъ, макаковъ и павіановъ они всего болѣе развиты; они совершенно не существуютъ у человѣкообразныхъ обезьянъ и у обезьянъ Новаго Свѣта.

Обезьянъ называютъ также четырерукими и противопоставляютъ имъ двурукимъ, или человѣка, какъ совершенно не сходное съ ними существо по различію постройки руки и ноги. Хотя между обезьяной и человѣкомъ существуетъ значительное различіе въ строеніи верхней и нижней конечности, но оно не имѣетъ существеннаго значенія. При сравненіи человѣческой руки съ рукой обезьяны и первой съ ногой обезьяны становится яснымъ, что какъ тѣ, такъ и другія представляютъ одинаковыя основныя формы. Большой палецъ, противопоставляемый всѣмъ остальнымъ, встрѣчается въ настоящее время у человѣка только на рукахъ и у когтистыхъ обезьянъ только на ногахъ, у всѣхъ же остальныхъ на кисти и на стопѣ. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать различіе въ строеніи кисти и стопы человѣка и обезьяны, но не допускаемъ, чтобы это различіе было настолько велико, чтобы служить основаніемъ полнаго раздѣленія.

Несмотря на большое сходство между человѣкомъ и обезьяной могутъ быть установлены отличительные признаки; не слѣдуетъ только придавать этимъ признакамъ исключительное, большее значеніе, чѣмъ это обыкновенно дѣлается при сравненіи другихъ млекопитающихъ. Главные признаки, которыми обезьяны ясно отличаются отъ человѣка это сухопарое, покрытое волосами тѣло, длинныя руки, тонкія безъ икръ ноги, у большей части видовъ сѣдалищныя мозоли, у многихъ длинный хвостъ, въ особенности голова съ отодвинутой назадъ маленькой черепной капсулой, стянутыя тонкія губы.

Окенъ слѣдующимъ образомъ описываетъ обезьяну, сравнивая ее съ человѣкомъ: „обезьяны подобны человѣку во всемъ безнравственномъ и дурномъ. Онѣ злы, лживы, коварны, вороваты и неприличны; онѣ выучиваются многимъ штукамъ, но непослушны и часто какойнибудь глупой проказой портятъ шутку. Нѣтъ ни единой добродѣтели, которую можно было бы приписать обезьянамъ, а еще менѣе того можно указать на какую бы то ни было пользу, приносимую обезьяной человѣку. Онѣ могутъ сторожить, подавать, приносить различныя вещи до тѣхъ поръ, пока на нихъ не найдетъ дурь. Онѣ представляютъ собою дурную сторону человѣка, какъ въ тѣлесномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ.“

Нельзя не признать, что это описание въ существенномъ вѣрно. Но, чтобы быть справедливымъ и по отношенію къ обезьянѣ, необходимо помнить и ея хорошія стороны. Не легко опредѣлить ея душевныя качества, потому что весь родъ представляетъ слишкомъ много противорѣчащихъ особенностей. Нужно однако признать, что обезьяны злы, лукавы, коварны, вспыльчивы, мстительны, чувствены, сварливы, властолюбивы, непристройны, раздражительны, угрюмы, короче сказать — страстны; не слѣдуетъ однако забывать ихъ умъ, живость, кротость и нѣжность, дружелюбное отношеніе и довѣрчивость къ человѣку, умѣнье потѣшать его, ихъ забавную серьезность, ихъ общественность, ихъ мужество, готовность отстаивать общіе интересы, ихъ умѣнье настойчиво защищать свое общество даже противъ врага, который превышаетъ ихъ своей силой, и ихъ невинную веселость, проявляющуюся въ игрѣ и проказахъ. Въ одномъ отношеніи онѣ всѣ велики: въ своей любви къ своимъ дѣтенышамъ, въ ихъ состраданіи къ слабымъ и молодымъ, не только принадлежащимъ къ ихъ роду и семейству, но и другихъ родовъ и другихъ классовъ животнаго царства.

Умственное развитіе, котораго могутъ достигнуть обезьяны, ставить ихъ хотя и не очень высоко надъ другими млекопитающими, исключая человѣка, но и не настолько ниже человѣка, какъ это предполагаютъ и даже утверждаютъ нѣкоторые. Рука, которой владѣютъ обезьяны, даетъ имъ столько преимуществъ надъ другими животными, что ихъ дѣйствія кажутся гораздо разумнѣе, чѣмъ они суть въ дѣйствительности. Онѣ понятливы и присущая многимъ видамъ подражательность помогаетъ имъ выучивать всякія искусныя ловкія дѣйствія; поэтому, послѣ непродолжительныхъ упражненій, онѣ усваиваютъ разнообразнѣйшія дѣйствія, которыя собакѣ, напримѣръ, даются съ величайшимъ трудомъ; однако нужно знать, что обезьяна никогда не продѣлываетъ охотно, сознательно и безъ сопротивленія то, чему выучилась. Нѣтъ никакого труда приучить обезьяну къ разнообразному дѣлу, однако она никогда не станетъ дѣлать этого такъ старательно и такъ добросовѣстно, какъ благовоспитанная собака. За то собаку человѣкъ разводитъ уже въ продолженіе тысячелѣтій, ухаживаетъ за нею, учитъ, наставляетъ, и создалъ изъ нея совсѣмъ другое существо, чѣмъ она была первоначально, тогда какъ обезьяна не имѣла случая входить въ болѣе близкія сношенія съ человѣкомъ. Какова понятливость обезьянъ видно изъ послѣдующихъ описаній, въ которыхъ мы найдемъ подтвержденіе справедливости мнѣнія, считающаго обезьяну умнѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ. Нельзя отрицать въ ней высокой степени разсудительности; у нея хорошая память, она умѣетъ сознательно пользоваться своимъ опытомъ, съ лукавствомъ и хитростью подмѣчаетъ всегда свою выгоду, выказываетъ удивительную способность притворяться, и часто нельзя замѣтить, какой коварный замыселъ зрѣетъ въ ея головѣ; ловко избѣгаетъ опасности и отлично умѣетъ изыскивать средства охранять себя. Нельзя не признать въ нихъ также и добрыхъ чувствъ. Онѣ способны къ любви и привязанности, благодарны и выражаютъ свое расположеніе тому, кто хорошо съ ними обращается.

Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что, несмотря на разсудочность обезьянъ, ихъ можно перехитрить и обмануть простѣйшимъ образомъ. Умъ ихъ часто всецѣло подавляется страстью, и когда послѣдняя овладѣваетъ ими, онѣ не замѣчаютъ грубѣйшей западни, совершенно забываютъ объ опасности, чтобы предаться своему страстному стремленію. Такимъ образомъ страсти овладѣваютъ умнѣйшими обезьянами подобно тому, какъ и многими людьми, поэтому я сомнѣваюсь, имѣемъ ли мы право не признавать ихъ разсудительность? Изученіе образованія коры земной показываетъ, что обезьяны распространялись по большей поверхности земли, чѣмъ въ настоящее время. Теперь ихъ родина ограничивается теплыми странами. Равномѣрная теплота является, повидимому, необходимымъ условіемъ ихъ жизни. Нѣкоторые павіаны достигаютъ, однако, значительной высоты въ горахъ и выносятъ болѣе низкую температуру, чѣмъ можно было бы ожидать; почти всѣ остальные обезьяны очень чувствительны къ холоду. Каждой части свѣта принадлежатъ отдѣльные виды; Азія и Африка имѣютъ, по крайней мѣрѣ, одинъ общій видъ; въ Европѣ встрѣчается только одинъ видъ, да и тотъ пред-

ставляетъ одну семью, живущую на скалистыхъ стѣнахъ Гибралтара подѣ охранной гарнизона этой крѣпости. Въ Австраліи ихъ нѣтъ совсѣмъ. Гибралтаръ, впрочемъ, не самое сѣверное мѣсто, гдѣ живутъ обезьяны; такъ японская макака распространяется еще дальше къ сѣверу и достигаетъ примѣрно 35° сѣв. шир. Къ югу обезьяны достигаютъ 35° южной широты въ Старомъ Свѣтѣ; обезьяны же Новаго Свѣта распространяются почти отъ 28° сѣв. шир. до 29° южн. шир.

Распространеніе каждаго вида очень ограничено, хотя случается, что отдаленнымъ странамъ одного и того же пояса соотвѣтствуютъ очень сходные виды. Большая часть обезьянъ живетъ въ лѣсахъ; только незначительная часть живетъ въ скалистыхъ горахъ. Ихъ строеніе указываетъ на то, что онѣ всего способнѣе къ лазанію; деревья представляютъ, поэтому ихъ любимое мѣстопробываніе; обезьяны, живущія на скалахъ, влѣзаютъ на деревья только въ крайнихъ случаяхъ.

Обезьяны принадлежатъ безспорно къ самымъ живымъ и къ самымъ подвижнымъ млекопитающимъ животнымъ. Когда онѣ отправляются на добываніе пищи, то ни одного мгновенія не остаются въ покоѣ; это обуславливается уже самымъ разнообразіемъ ихъ пищи; для нихъ хорошо все, что съѣдобно. Плоды, луковицы, клубни, корешки, сѣмена, орѣхи, почки, листья, сочные стебли растений составляютъ ихъ главную пищу; онѣ не пренебрегаютъ также насѣкомыми; яйца и птенчики представляютъ для нихъ лакомый кусочекъ; все это онѣ захватываютъ, срыываютъ, обнюхиваютъ, пробуютъ, осматриваютъ, чтобы съѣсть или бросить. Подобныя изслѣдованія любимой пищи требуютъ много движеній, поэтому все стадо никогда не остается въ покоѣ. У этихъ шельмецовъ очень слабыя представленія о собственности: „мы сѣмъ, а обезьяны собираютъ жатву“ говорятъ арабы восточнаго Судана. Поля и сады представляютъ для нихъ высшее наслажденіе, и насколько возможно онѣ обираютъ ихъ. Каждая обезьяна въ отдѣльности разрушаетъ въ десять разъ больше, чѣмъ она можетъ съѣсть. Противъ этихъ плутовъ не помогаютъ ни замки, ни задвижки, ни заборы, ни стѣны; онѣ открываютъ замки и перебираются черезъ стѣны и чего не могутъ съѣсть, то, по крайней мѣрѣ, уносятъ съ собою, даже золото и драгоценные камни. Нужно самому видѣть стадо обезьянъ, отправляющихся на грабежъ, чтобы понять смертельную ненависть къ нимъ сельскихъ хозяевъ. Для посторонняго наблюдателя этотъ хищническій набѣгъ, въ которомъ эти существа проявляютъ всю свою живость, представляетъ, конечно, интересное зрѣлище. Всѣ искусства пускаются въ ходъ: бѣгъ, прыжки, лазаніе, кувырканіе, и въ случаѣ необходимости и плаваніе. Фокусы, которые онѣ продѣлываютъ на вѣтвяхъ, просто невѣроятны. Только человекообразныя обезьяны и павіаны тяжелы на подъемъ, остальные прекрасные акробаты; кажется, что онѣ летаютъ. Прыжки въ 6—8 метровъ для нихъ пустяки; съ верхушки дерева онѣ прыгаютъ метровъ на 10 внизъ, на конецъ какой нибудь вѣтви, толчкомъ сильно пригибаютъ ее, и пока вѣтвь возвращается къ прежнему положенію, еще разъ сильно отталкиваются, вытягиваютъ хвостъ или нижнія конечности на подобіе руля, и какъ стрѣла летятъ по воздуху; тотчасъ послѣ благополучной остановки отправляются дальше, и даже по ужаснѣйшимъ терновникамъ прогуливаются, какъ по гладкому полу. Вьющіяся растенія — восхитительнѣйшая лѣстница для обезьянъ, а стволъ дерева — ровная дорога. Онѣ лазаютъ впередъ и назадъ, вверхъ и внизъ по вѣтвямъ; если бросить обезьяну на верхушку дерева, то она хватается одной рукой за вѣтку и виситъ терпѣливо, пока вѣтка не придетъ въ состояніе покоя, взбирается на нее, потомъ спокойно дальше, какъ будто она находится на ровной почвѣ; если вѣтка сломается, то при паденіи она захватывается за другую, если и эта не выдерживаетъ, то за третью, а въ крайнемъ случаѣ и паденіе переноситъ легко. Чего она не можетъ достать верхней конечностью, то она достаетъ нижней, а широконосыя обезьяны — хвостомъ; послѣдній употребляется всѣми какъ руль, когда нужно прыгнуть далеко; онъ служитъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, иногда даже лѣстницей для другихъ. У широконосыхъ онъ является пятой или вѣрнѣе — первой рукой. На немъ обезьяна виситъ и качается по желанію; при его помощи она достаетъ себѣ пищу изъ щелей и трещинъ, его же

она употребляетъ какъ лѣстницу для самой себя; онъ служить ей вмѣсто кровати во время полуденнаго отдыха.

Легкость и изящество ихъ движеній проявляется, впрочемъ, только при лазаніи; въ этомъ отношеніи даже человекообразная обезьяна дѣйствуетъ довольно успѣшно, хотя лазаніе болѣе развитыхъ представителей болѣе сходно съ лазаніемъ человека, чѣмъ другихъ родственныхъ имъ видовъ. Походка обезьянъ всегда болѣе или менѣе тяжела и неуклюжа; мартишки, макаки, цѣпкохвостыя и когтистыя обезьяны ходятъ еще лучше. Первые могутъ даже непродолжительное время бѣжать такъ быстро, что привычной собакѣ едва удастся догнать ихъ; павіаны какъ то своеобразно ковыляютъ; передвиженіе же по землѣ человекообразной обезьяны почти нельзя назвать ходьбой. Въ то время, какъ человекъ ступаетъ всей подошвой, обезьяны опираются на выступы согнутыхъ суставовъ пальцевъ рукъ и неуклюже перебрасываютъ тѣло впередъ, такъ что ноги располагаются между руками.

Нѣкоторые виды этого отдѣла плаваютъ отлично, другіе погружаются въ воду какъ свинецъ. Къ первымъ принадлежатъ мартишки; Брэмъ видѣлъ, какъ нѣкоторыя изъ нихъ переплывали Голубой Нилъ съ огромной быстротой и увѣренностью; къ послѣднимъ принадлежатъ, вѣроятно, павіаны и можетъ быть ревуны. Тѣ обезьяны, которыя не умѣютъ плавать страшно боятся воды. Однажды нашли почти умирающую съ голоду семью ревуновъ на деревѣ, основаніе котораго было погружено въ воду вслѣдствіе наводненія, и они не отважились спастись на сосѣднихъ деревьяхъ, находившихся едва въ 60 шагахъ. Уллоа, который писалъ о бразильскихъ животныхъ, изобрѣлъ очень хорошій мостъ для бѣдныхъ животныхъ, неумѣющихъ плавать и онъ вѣрно сослужилъ бы очень хорошую службу обезьянамъ, еслибы онѣ хотѣли имъ воспользоваться. Онъ рассказываетъ, что иногда ревуны захватываютъ другъ друга за хвостъ, и, такимъ образомъ, все общество составляетъ длинную цѣпь, которая при помощи хвоста крайняго члена, укрѣпляется на верхушкѣ прибрежнаго дерева, а соединенными силами всѣхъ членовъ она приводится въ движеніе до тѣхъ поръ, пока передній членъ цѣпи не ухватится за вѣтвь дерева на противоположномъ берегу и тамъ не укрѣпится. По мосту, наведенному такимъ образомъ, должны переправиться на другой берегъ сначала молодые и слабые; послѣ этого крайній членъ цѣпи отрывается отъ дерева, чтобы передній членъ притянулъ къ себѣ всю цѣпь. Принцъ Видъ, очень добросовѣстный наблюдатель, называетъ этотъ рассказъ его настоящимъ именемъ, — „забавной басней“.

Общественная жизнь обезьянъ представляетъ для наблюдателя много привлекательнаго. Немногіе виды живутъ отшельниками, большинство собирается вмѣстѣ въ стада. Каждое изъ нихъ выбираетъ себѣ постоянное мѣстожительство, которое занимаетъ болѣе или менѣе значительное пространство. Выборъ падаетъ, обыкновенно, на мѣстности, которыя кажутся удобными во всѣхъ отношеніяхъ. Необходимо, чтобы здѣсь было что нибудь, что можно щелкать и грызть, иначе онѣ перекочевываютъ. Въ областяхъ недостаточно богатыхъ для ихъ пропитанія для нихъ являются настоящимъ раемъ лѣса вблизи человѣческихъ селеній; то обстоятельство, что дерево запретно, не беспокоитъ ихъ, лишь бы яблоки на немъ были хороши. Майсовыя поля и плантаціи сахарнаго тростника, луковицы, плоды, дыни и бананы предпочитаютъ всему остальному. Не дурны для нихъ и тѣ селенія, гдѣ вслѣдствіе суевѣрія обитателей никто не рѣшается наказывать этихъ наглыхъ воровъ. Когда стадо согласится относительно своего мѣстопробыванія, начинается настоящая обезьянья жизнь со всѣмъ ея весельемъ и радостями, съ ея побоищами и ссорами, съ ея нуждами и заботами. Одинъ изъ членовъ стада мужескаго пола, и именно, сильнѣйшій, старѣйшій или болѣе одаренный возводится въ вожаки или руководители. Званіе это дается ему не всеобщей подачей голо-совъ, но только послѣ ожесточенной борьбы и ссоры съ другими претендентами, т. е. со всѣми остальными старыми самцами. Успѣхъ принадлежитъ тому, у кого болѣе длинные зубы и самыя крѣпкія руки. Кто не хочетъ подчиниться добровольно, тотъ приводится къ порядку укусами и ударами, пока не образумится. Сильнѣйшему подобаешь вѣнецъ; мудрость его заключается въ его зубахъ.

Рѣчь обезьянъ должна быть названа довольно богатою; по крайней мѣрѣ, каждая обезьяна располагаетъ очень разнообразными звуками для выраженія различныхъ чувствъ. Даже человѣкъ узнаетъ довольно скоро значеніе этихъ звуковъ. Крикъ ужаса, который всегда служитъ знакомъ къ бѣгству, особенно характеренъ; онъ очень трудно поддается описанію и еще труднѣе подражанію; можно только сказать, что онъ состоитъ изъ ряда короткихъ, отрывистыхъ, точно дрожащихъ, непріятныхъ звуковъ, значеніе которыхъ обезьяны очень хорошо дополняютъ выраженіемъ своего лица. Какъ только раздастся этотъ предостерегающій звукъ, стадо поспѣшно обращается въ бѣгство. Матери созываютъ своихъ дѣтей, которыя въ одно мгновеніе прицѣпляются къ нимъ, и обремененныя такой дорогой ношей матери, съ возможно большей быстротой направляются къ ближайшему дереву или скалѣ. Когда вожаки опять успокоятся, все стадо собирается и вскорѣ возвращается къ прежнему мѣсту, гдѣ опять возобновляетъ прерванный грабежъ.

Нельзя отказать обезьянамъ въ мужествѣ. Болѣе сильныя смѣло выступаютъ на защиту противъ страшныхъ хищниковъ и еще болѣе опаснаго человѣка, вступаютъ съ нимъ въ бой, исходъ котораго по меньшей мѣрѣ сомнителенъ для нападающаго. Даже ловкія мартышки бросаются на врага, если ихъ раздражить и поставить въ безвыходное положеніе. Большія челохѣкообразныя обезьяны и павіаны владѣютъ страшнымъ оружіемъ въ видѣ зубовъ, и ни одинъ туземецъ не рѣшится вступить съ ними въ борьбу безъ огнестрѣльнаго оружія. По отношенію къ гориллѣ даже огнестрѣльное оружіе не даетъ ему превосходства. Во всякомъ случаѣ ихъ вспыльчивость, ихъ непримѣрная ярость, которая значительно возвышаетъ ихъ силу, очень опасны, и ловкость, присущая имъ всѣмъ, слишкомъ часто отнимаетъ у ихъ врага возможность наносить имъ рѣшительный ударъ.

Онѣ дерутся руками и зубами, бьютъ, царапаютъ, кусаютъ. Обширная избѣгательность въ другихъ способахъ защиты не подтверждается точными наблюденіями. „Разсказываютъ, говоритъ Пехуэль-Лёше, что обезьяны защищаются обломанными вѣтвями, и всѣ охотно вѣрятъ этому; что онѣ бросаютъ въ своего противника сверху камни, плоды, куски дерева и другіе предметы. Эта вѣра основана, главнымъ образомъ, на неточныхъ наблюденіяхъ. Приверженцы и распространители этого мнѣнія придерживались, видимо, только того, что они предполагали на основаніи многочисленныхъ разсказовъ, а не того, что происходило на самомъ дѣлѣ. Обезьяны, живущія на деревьяхъ, во время своихъ шаловливыхъ игръ ломаютъ сухія вѣтви вслѣдствіе того, что прыгаютъ на нихъ, качаются, трясутъ ихъ; но онѣ не бросаютъ ими въ стоящаго внизу, точно такъ же, какъ и плодами или другими предметами, которые онѣ можетъ быть держать въ рукахъ, и, естественно, выпускаютъ ихъ, когда испугаются и пускаются бѣжать. Даже павіаны не думаютъ бросать камнями съ тѣхъ утесовъ, гдѣ они сидятъ. Обломки скалъ скатываются и падаютъ съ тѣхъ скалъ, гдѣ сидятъ павіаны, но только случайно и также и тогда, когда въ виду нѣтъ непріятеля. Эти сильныя животныя очень бойко ворочаютъ свободно лежащіе камни, потому что подъ ними находятся различные животныя, которыхъ они преслѣдуютъ.

Въ неволѣ почти всѣ виды обезьянъ очень дружны; тотчасъ же завязываются очень тѣсныя отношенія между господствующими и подчиненными, подобно тому какъ въ стадѣ, живущемъ на волѣ; и здѣсь сильнѣйшіе пріобрѣтаютъ верховную власть, и такъ долго угнетаютъ и мучаютъ слабыхъ, пока тѣ не покорятся. Обезьяны не любятъ деликатничать; произволъ у нихъ проявляется постоянно и вездѣ, даже по отношенію къ питомцамъ, къ которымъ онѣ нѣжно привязаны. Какъ самцы, такъ и самки болѣе крупныхъ видовъ проявляютъ, обыкновенно, участіе къ безпомощнымъ и болѣе малымъ. Сильныя самки обезьянъ выказываютъ стремленіе схватить маленькихъ дѣтей или молодыхъ животныхъ, которыхъ онѣ въ состояніи носить. Насколько скверно относятся обезьяны вообще къ животнымъ, настолько предупредительно обращаются онѣ съ молодыми животными или съ дѣтьми; конечно, всего внимательнѣе онѣ къ собственнымъ дѣтенышамъ; отсюда такая привязанность вошла въ поговорку и называется обезьяньей любовью.

Обезьяны рожаютъ одного дѣтеныша и только немногіе виды двухъ. Это.

обыкновенно, маленькое, некрасивое существо, съ конечностями, которыя кажутся вдвое длиннѣе, чѣмъ у родителей и съ лицомъ, которое больше похоже на старческое, чѣмъ на лицо ребенка, до такой степени оно сморщено и съжето. Однако этотъ уродецъ все же является любимцемъ матери гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ это наблюдается у человѣка при сходныхъ условіяхъ. Она ласкаетъ и нянчится съ нимъ трогательнымъ или, если угодно, — смѣшнымъ образомъ, потому что такая любовь граничитъ съ смѣшнымъ. Тотчасъ послѣ рожденія дѣтенышъ крѣпко прицѣпляется своими передними руками къ шеѣ матери, а задними — къ бокамъ; онъ виситъ въ такомъ удобномъ положеніи, чтобы не мѣшать матери при бѣгѣ, и спокойно продолжаетъ сосать. Болѣе взрослые обезьянки во время опасности забираются на плечи и на спину къ родителямъ. Сначала маленькое существо совсѣмъ безчувственно и безучастно, но тѣмъ нѣжнѣе его мать. Она безпрестанно занята своимъ любимцемъ: то она лижетъ его, то она ищетъ у него паразитовъ, то опять прижимаетъ къ себѣ, то беретъ его обѣими руками, точно хочетъ любоваться его видомъ, прикладываетъ его къ груди, раскачиваетъ его впередъ и назадъ, какъ будто хочетъ убаюкать его. Плиніусъ утверждаетъ очень серьезно, что часто самки обезьянъ отъ чрезмѣрной любви до смерти стискиваютъ дѣтенышей въ своихъ объятіяхъ. Однако въ новѣйшее время это никогда не наблюдалось. Черезъ нѣкоторое время молодая обезьянка становится, постепенно, болѣе самостоятельной и требуетъ себѣ по временамъ нѣкоторой свободы, которая и разрѣшается ей. Обезьяна выпускаетъ изъ своихъ рукъ своего дѣтеныша для того, чтобы онъ шалилъ и игралъ съ дѣтенышами другихъ обезьянъ; она не спускаетъ, однако, съ него глазъ и безпрестанно слѣдитъ за нимъ, слѣдуетъ за каждымъ его шагомъ и разрѣшаетъ ему все, что только считаетъ возможнымъ. При малѣйшей опасности бросается она къ своему дѣтенышу, издаетъ совершенно своеобразный звукъ, которымъ призываетъ спастись у нея на груди. За непослушаніе она наказываетъ его щипками и тумаками, а то и настоящими пощечинами. Впрочемъ, до этого доходитъ рѣдко, потому что обезьянки очень послушны и могли бы служить примѣромъ для многихъ дѣтей; обыкновенно для нихъ достаточно одного приказанія матери. Я часто наблюдалъ, какъ въ неволѣ обезьяна добросовѣстно дѣлится каждымъ кускомъ хлѣба съ своимъ питомцемъ, при чемъ на его долю удѣляетъ такую часть, что невольно вызываетъ умиленіе. Въ неволѣ смерть дѣтеныша неизбѣжно влечетъ за собою смерть матери: тоска убиваетъ ее. Если умираетъ самка, то любой изъ членовъ стада беретъ себѣ сироту въ качествѣ своего дитяти, и это дѣлаютъ одинаково, какъ самки, такъ и самцы. Нѣжность къ приемышу своего же вида едва ли меньше чѣмъ къ собственному дѣтенышу; съ другими питомцами дѣло идетъ совсѣмъ иначе; въ этомъ случаѣ обезьяна представляетъ собою необъяснимую загадку. Она, положимъ, заботится о своемъ приемышѣ по возможности, прижимаетъ его къ себѣ, ищетъ у него паразитовъ или чиститъ его, постоянно слѣдитъ за нимъ и т. д., но часто не даетъ ему ѣсть, а пищу, предназначенную для приемыша, безъ зазрѣнія совѣсти беретъ себѣ, и пока ѣстъ старательно отгоняетъ отъ чашки маленькое голодное существо.

До сихъ поръ не установлено, во сколько лѣтъ, среднимъ числомъ, обезьяны достигаютъ полнаго роста. Само собою разумѣется, что для большихъ обезьянъ этотъ срокъ больше, чѣмъ для маленькихъ. Мартышки и американскія обезьяны достигаютъ, повидимому, полнаго роста въ 3 — 4 года; для орангъ-утановъ и павіановъ можетъ потребоваться отъ 8 до 12 лѣтъ. На волѣ всѣ обезьяны, повидимому, мало подвержены болѣзнямъ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно, чтобы заразные болѣзни когда нибудь свирѣпствовали между обезьянами. Нельзя также опредѣлить какого возраста достигаютъ онѣ. Есть основанія полагать, что нѣкоторыя большія обезьяны достигаютъ болѣе чѣмъ сорокалѣтняго возраста. Въ нашихъ странахъ всѣ обезьяны безъ исключенія страдаютъ отъ суровости климата. Холодъ очень подавляетъ ихъ, разстраиваетъ; онѣ становятся молчаливы и печальны. Онѣ заболѣваютъ, обыкновенно, чахоткой легкихъ, которая быстро приводитъ ихъ къ смерти. Больная обезьяна представляетъ зрѣлище, способное растрогать каждого. Бѣдняга, которая недавно была такъ весела, сидитъ печальная и жалкая, и смо-

трить на сочувствующаго человѣка съ жалобнымъ, какъ бы просящимъ выраженіемъ, точно у нея въ самомъ дѣлѣ является что то человѣческое въ лицѣ. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ нѣжнѣе становится она; всѣ животныя проявленія пропадаютъ и ярче выступаютъ благородныя стороны ея души. Всякую помощь она принимаетъ съ большою благодарностью, видитъ въ своемъ врачѣ благодѣтеля, охотно принимаетъ предлагаемыя ей лѣкарства, и безнаказанно допускаетъ даже хирургическія дѣйствія. Впрочемъ, даже у здоровыхъ обезьянъ неизбѣжно заболѣваетъ, по меньшей мѣрѣ, хвостъ: конецъ его изъязвляется, гноится и даже мертвѣетъ, и одна часть отпадаетъ за другой.

По моему не стоитъ держать въ домѣ обезьянъ: веселые малые доставляютъ много удовольствія, но еще больше огорченій. Нужно быть готовымъ ко всевозможнымъ проказамъ, и если не заниматься изученіемъ ихъ духовныхъ способностей, то онѣ очень быстро надоѣдаютъ. Большія обезьяны кромѣ того становятся иногда опасны, потому что страшно кусаютъ и царапаютъ. Какъ свободное домашнее животное обезьяна невысказана, потому что ея подвижная натура требуетъ безпрестанной дѣятельности. Если ея хозяинъ не позволяетъ ей этого, то она сама разрѣшаетъ ее себѣ и тогда ужъ, обязательно, не въ пользу человѣка. Нѣкоторые виды не могутъ быть терпимы по своей непристойности.

Пехуэль-Лёше слѣдующимъ образомъ изображаетъ жизнь и дѣятельность ручныхъ обезьянъ, которыя считались почти домашними животными на станціи Лоангской экспедиціи, гдѣ кромѣ гориллы и шимпанзе находились еще подъ наблюденіемъ нѣкоторые виды мартышекъ, мандриллъ и одна черномазая обезьяна. „Особенно характерной чертой нашихъ обезьянъ было то, что онѣ избирали какое нибудь существо или вещь предметомъ своей привязанности или заботъ, которыя приводили къ самой своеобразной дружбѣ между животными. Всѣмъ извѣстно, что обезьяны очень охотно принимаютъ подъ свою нѣжную охрану дѣтенышей всякаго другого вида, и даже когда они умираютъ съ трудомъ расстаются съ ними. Когда наша овчарка Трина оценилась и щенятъ заѣдали блохи, то мы сажали ихъ въ клѣтку съ мартышками. Тамъ ихъ принимали дружелюбно и очень старательно и нѣжно чистили ихъ и ласкали, въ то время какъ старая собака очень серьезно смотрѣла на это снару жи; когда же мы опять отнимали питомца, то поднимался ужаснѣйшій шумъ; щенковъ подѣлили между собою и, повидимому, предполагали удержать ихъ у себя.

Своенравная черномазая обезьяна дружила съ гориллой и съ гордостью скотнаго двора, стройнымъ, съ гладкою шерстью бараномъ Мѣука; Павіанъ Джекъ подружился съ поросенкомъ и часто пытался продѣлывать на его спинѣ удивительные фокусы верховой ѣзды; потомъ веселый поросенокъ былъ замѣненъ взрослой собакой, съ которой онъ продѣлывалъ самыя разнообразныя фокусы. Одна изъ обезьянъ избрала себѣ сѣраго попугая; но когда она стала однажды вырывать по одному его красивыя красныя хвостовыя перья, то своеобразная дружба была нарушена.

Если принять во вниманіе пороки обезьяны, ея безумныя выходки, то совершенно исчезаетъ незначительная польза, приносимая ею. Ее очень легко выучить всякимъ фокусамъ; стоитъ только показать ей то, что она должна сдѣлать и бить ее до тѣхъ поръ, пока она этого не исполнитъ; въ этомъ заключается все обученіе обезьянъ искусству. Обыкновенно ученикъ выучиваетъ какую нибудь штуку въ 1 — 2 часа, но необходимо поддерживать упражненія, потому что онъ опять быстро все забываетъ. Что касается пищи обезьянъ, то съ этой стороны нѣтъ никакихъ затрудненій: она ѣстъ все, что ѣстъ человѣкъ.

Въ бѣдныхъ населенныхъ мѣстностяхъ, на своей родинѣ обезьяны приносятъ больше вреда чѣмъ пользы. Мясо нѣкоторыхъ видовъ ѣдятъ, шкуры другихъ употребляютъ на мѣха, на выдѣлку мѣшковъ и другихъ вещей; однако, эта незначительная выгода не искупаетъ того ужаснаго вреда, который обезьяны причиняютъ въ лѣсахъ, поляхъ, садахъ, и положительно не постижимо, какъ и понынѣ индійцы могутъ видѣть въ обезьянахъ священные существа, и охранять и оберегать ихъ, какъ дѣйствительныхъ полубоговъ.

Отдѣлъ обезьянъ мы подраздѣляемъ на три семейства: узконосыхъ (*Catarrhini*), широконосыхъ (*Platyrrhini*) и когтистыхъ обезьянъ (*Arctopithecini*). Два первыхъ семейства имѣютъ ногти на всѣхъ пальцахъ рукъ и ногъ, у когтистыхъ же ногти только на большихъ пальцахъ заднихъ конечностей, между тѣмъ какъ остальные пальцы кистей и стопъ снабжены когтями. Узконосыя и широконосые различаются между собою по носовой перегородкѣ и зубному аппарату. У послѣднихъ носовая перегородка широка, у первыхъ узка; вслѣдствіе этого ноздри у узконосыхъ направлены больше впередъ, а у широконосыхъ смотрятъ въ стороны. Узконосыя водятся только на восточномъ полушаріи, это „обезьяны Старога Свѣта“; широконосые и когтистые, напротивъ, какъ „обезьяны Новаго Свѣта“ существуютъ только въ Америкѣ.

Узконосыя въ отношеніи носовой перегородки и расположенія зубовъ очень сходны съ человѣкомъ. Только на верхней челюсти между клыкомъ и рѣзцомъ находится промежутокъ, въ которомъ располагается крѣпкій клыкъ нижней челюсти. У узконосыхъ обезьянъ нѣтъ хвоста. Это семейство распадается на два подраздѣленія: человекообразныхъ (*Antropomorpha*) и собакообразныхъ (*Cynopithecini*). Первые ступаютъ только наружнымъ краемъ стопы, вторые — всей подошвой. У человекообразныхъ никогда не бываетъ хвоста и защечныхъ мѣшковъ; не многія изъ нихъ имѣютъ сѣдалищныя мозоли; у собакообразныхъ онѣ, напротивъ, существуютъ всегда; часто бываютъ также защечные мѣшки и хвостъ.

Человекообразныя (*Antropomorpha*) обезьяны, ближе всего стоящія къ человѣку по своему строенію, и именно, по устройству и расположенію глазъ и ушей, представляютъ собою наиболѣе высоко развитую группу обезьянъ. Верхнія конечности длиннѣе, нижнія короче, чѣмъ у человѣка; хвоста нѣтъ; только лицо и пальцы ногъ не покрыты шерстью. Изъ четырехъ извѣстныхъ видовъ два: горилла и шимпанзе живутъ въ Африкѣ, а орангъ-утанъ и гиббонъ — въ юго-восточной Азіи.

Болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ кареагеняне снарядили флотъ съ цѣлью основать колоніи на западномъ берегу Африки. На 60 большихъ корабляхъ тысячи мужчинъ и женщинъ, снабженные пищей и всѣмъ необходимымъ въ хозяйствѣ, покинули съ этой цѣлью Кареагенъ. Начальникомъ этого флота былъ Ганно, который описалъ это путешествіе въ хорошо извѣстномъ въ то время произведеніи („*Periplus Nannonis*“). Въ продолженіе этого путешествія экипажъ кораблей основалъ семь колоній, и только недостатокъ пищи принудилъ ихъ вернуться раньше, чѣмъ они хотѣли. Случилось это, однако, тогда, когда мореплаватели успѣли уже оставить за собою Сьерра Леоне. Ганно оставилъ намъ въ своемъ повѣствованіи свѣдѣнія, которыя имѣютъ для насъ большую важность. Онъ говоритъ: „На третій день послѣ того, какъ мы отплыли и миновали огненные рѣки, прибыли мы въ заливъ, называемый Южнымъ Рогомъ. Въ глубинѣ его находился островъ, на немъ было озеро, а на озерѣ опять островъ, на которомъ находились дикіе люди. Это были по большей части женщины съ волосатыми тѣлами, и переводчики называли ихъ гориллами. Самцовъ мы не могли поймать, хотя и гонялись за ними, потому что они легко убѣгали, перебираясь черезъ ущелья, и защищались камнями. Мы добыли трехъ самокъ, но не могли привезти ихъ живыми, потому что онѣ кусались и царапались; пришлось убить ихъ, но снятыя шкуры отправили въ Кареагенъ“. Кожі, какъ утверждаетъ Плиніусъ, хранятся тамъ въ храмѣ Юноны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Ганно подъ дикими волосатыми людьми разумѣетъ именно человекообразныхъ обезьянъ; и если онъ, можетъ быть, имѣлъ дѣло съ шимпанзе, то все же мы можемъ назвать самую исполинскую изъ всѣхъ обезьянъ гориллой.

Горилла, „ндшина“, „мцунгу“, какъ называютъ ее туземцы (*Gorilla gina*), единственный представитель рода гориллъ, ростомъ едва ли меньше мужчины крѣпкаго сложенія, но гораздо шире его въ плечахъ. Ростъ самца отъ подошвы до макушки 165 — 190 сант., ширина плечъ 95 см.; самки меньше ростомъ. Самые характерные признаки ихъ составляетъ длина и крѣпость туловища и переднихъ конечностей, несоразмѣрно большія кисти и стопы, средніе пальцы которыхъ у осно-

ванія соединены перепонкой. Вслѣдствіе короткой шеи и сильныхъ шейныхъ мышцъ крѣпкая голова кажется укрѣпленной прямо на туловищѣ; сильно поражаютъ рѣзко выступающія бровныя дуги, глубоко лежащіе глаза, плоскій широкій носъ, ротъ, ограниченный толстыми губами со страшно выступающими зубами. Довольно длинная косматая шерсть окрашена въ темные цвѣта: сѣрый, коричневый, красноватый; остаются непокрытыми шерстью лицо до надбровныхъ дугъ, уши, кисти и стопы сбоку и снизу.

До настоящаго времени нельзя еще точно опредѣлить область распространенія гориллы. Повидимому родиной ихъ является только относительно маленькая область западной Африки, а именно Нижняя Гвинея; до сихъ поръ его наблюдали только въ прибрежной полосѣ между экваторомъ и 5° южной широты, а также на западныхъ склонахъ пограничныхъ горъ. Такъ какъ онъ житель лѣсовъ, то къ югу онъ спускается не дальше Конго, и не проникаетъ въ страны, лежащія по ту сторону горъ, а къ сѣверу распространяется, вѣроятно, отъ Огове и Габуна, по крайней мѣрѣ, до Камеруна, т. е. въ области изобильныхъ дождей, а слѣдовательно, богатой лѣсами; вѣроятно, онъ попадаетъ также въ соотвѣтственныхъ мѣстностяхъ Верхней Гвинеи.

Среди множества древнихъ и новыхъ разсказовъ о гориллѣ, въ которыхъ вымыселъ и легенды туземцевъ перемѣшаны съ дѣйствительными наблюденіями, особенное вниманіе обращаютъ на себя иовѣствованія американца Дю-Шалью. Я воспользовался бы ими по преимуществу, если бы описанія его при первомъ же чтеніи не возбудили во мнѣ непреодолимаго недовѣрія. Я того мнѣнія, что разсказы Дю-Шалью представляютъ удивительную смѣсь вымысла и правды. Того же мнѣнія и другіе путешественники, посѣтившіе эти страны и имѣвшіе сношенія съ туземцами. Дю-Шалью, какъ и его предшественники, разсказываетъ только то, что онъ слышалъ, но придаетъ этимъ разсказамъ живую окраску лично прожитого. Здѣсь я привожу только то, что Дю-Шалью разсказываетъ о добытомъ имъ молодымъ гориллѣ, хотя его наблюденія никѣмъ позднѣе не подтверждены: „4-го мая нѣсколько негровъ, охотившихся по моему порученію, доставили мнѣ молодого живого гориллу. Я не могу описать охватившаго меня волненія, когда это маленькое чудовище принесли въ деревню. Обезьянѣ было около 2—3 лѣтъ; ростомъ она была 60 сант., но она была такъ свирѣпа и упряма, какъ это было бы въ пору только крѣпкому взрослому существу. Мои охотники нашли ее въ мѣстности между Рембо и мысомъ св. Екатерины. По ихъ разсказамъ они впятеромъ тихо пробирались по лѣсистой мѣстности близъ берега и услышали ворчаніе, которое тотчасъ же признали, какъ призывъ матерью молодого гориллы, и немедленно рѣшили идти по направленію этого крика. Съ ружьями въ рукахъ пробирались храбрецы впередъ, черезъ дремучую чащу лѣса; они знали, что мать находится поблизости и предполагали, что и страшный самецъ тоже, можетъ быть, недалеко; они рѣшили однако, подвергаясь крайней опасности, если возможно будетъ, сохранить дѣтеныша живымъ. Приблизившись, они увидѣли зрѣлище, необычное даже для нихъ. Дѣтенышъ сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ матери на землѣ и собиралъ ягоды; мать также лакомилась ягодами. Мои охотники мгновенно приготовились стрѣлять и какъ разъ во время, потому что старая обезьяна замѣтила ихъ въ то время, какъ они приподняли ружья. Первымъ же удачнымъ выстрѣломъ они убили заботливую мать. Дѣтенышъ, испуганный грохотомъ выстрѣла бросился къ матери, повисъ на ней, обнялъ ее тѣло и спряталъ лицо. Охотники поторопились подойти, но дѣтенышъ замѣтивъ это тотчасъ покинулъ мать и побѣжалъ къ тонкому деревцу, взобрался на него замѣчательно проворно, усѣлся тамъ и сталъ свирѣпо ворчать на своихъ преслѣдователей. Однако, люди не растерялись; ни одинъ не побоялся того, что свирѣпое животное можетъ его укусить. Дерево подрубили и когда оно упало, набросили на голову рѣдкаго звѣря одежду, такъ какъ ослѣпивъ его такимъ образомъ легче могли его связать. Не смотря на то, что маленькое существо по возрасту было еще ребенкомъ, оно было поразительно сильно и ужъ совсѣмъ не добродушно, такъ что люди не были въ состояніи вести его и принуждены были продѣть его шею въ рогатину, которая спереди была замкнута и служила ярмомъ. Такимъ образомъ прибыла го-



Горилла (*Gorilla gina*).

рилла въ деревню. Страшное волненіе охватило всѣхъ. Когда плѣнникъ былъ вынутъ изъ лодки, въ которой онъ совершилъ часть своего пути, онъ началъ рычать и лаять и озиаться дикими глазами; казалось, онъ утверждалъ, что отомститъ всѣмъ, какъ только будетъ въ состояніи. Я замѣтилъ, что вилка поранила ему затылокъ, и велѣлъ, по возможности скорѣе, приготовить ему клѣтку. Черезъ два часа для него былъ выстроенъ крѣпкій бамбуковый домикъ, и въ промежутки между надежными палками мы могли его теперь наблюдать. Это былъ молодой самецъ, достаточно взрослый, чтобы быть самостоятельнымъ, и для своего возраста онъ былъ надѣленъ удивительной силой. Лицо и руки были черны, глаза не такіе впалые какъ у взрослыхъ; грудь, животъ и руки прикрыты болѣе рѣдкою и болѣе длинною шерстью. Красновато-коричневая шерсть на рукахъ и бровяхъ только что начинала расти; верхняя губа была покрыта короткими волосами, а на нижней была маленькая бородка. Затылокъ былъ покрытъ сѣдыми волосами, которые становились темнѣе около рукъ и совсѣмъ бѣлыми около копчика.

„Никогда я не видалъ болѣе свирѣпаго животнаго, чѣмъ эта обезьяна. Она бросалась на каждаго, кто подходилъ близко, кусала бамбуковыя перекладки, зло озиралась кругомъ и при каждомъ случаѣ старалась показать свой злой нравъ“.

За послѣднее время наши свѣдѣнія о гориллѣ значительно увеличились. Два раза, въ 1876 и въ 1883 годахъ удалось нѣмецкимъ изслѣдователямъ, членамъ Гюстфельдской Лоангской экспедиціи достать живыхъ молодыхъ гориллъ и доставить ихъ въ Европу; тамъ они прожили довольно долго въ берлинскомъ аквариумѣ, подъ наблюденіемъ директора Гермеса и дали возможность представителямъ науки выяснить нѣкоторые, неразъясненные до тѣхъ поръ вопросы. Послѣ того Гуго фонъ Копенфельсъ, страстный охотникъ, предпринималъ въ продолженіе десяти лѣтъ нѣсколько путешествій въ область рѣкъ Габуна и Огове съ цѣлью познакомиться съ гориллой на его родинѣ.

До сихъ поръ Копенфельсъ единственный европеецъ, наблюдавшій гориллу въ дикомъ состояніи и собственноручно убившій его. Онъ подтвердилъ многія свѣдѣнія, полученныя другими по наслышкѣ, и пополнилъ ихъ собственными наблюденіями.

„Хотя это можетъ показаться невѣроятнымъ, все же я могу увѣрить, что наврядъ ли и одна треть туземцевъ изъ числа тѣхъ, которые увлекаются охотой, когда нибудь видѣли гориллу въ лѣсной чащѣ, гдѣ онъ живетъ. Исключая старыхъ, хандрящихъ самцовъ, гориллы живутъ тѣсными семьями. Такъ какъ они истребляютъ большое количество пищи, то ведутъ странствующую жизнь: ночуютъ всегда тамъ, гдѣ ихъ застанутъ наступающія сумерки. Поэтому, каждый вечеръ, горилла устраиваетъ себѣ новое гнѣздо изъ крѣпкихъ, стройныхъ деревьевъ, толщиною немного болѣе 0,3 метра, на высотѣ отъ 5—6 метр. Оно напоминаетъ гнѣздо журавля, располагается между первыми раздѣленіями толстыхъ вѣтвей и свито изъ зеленыхъ вѣточекъ. Здѣсь ночуютъ ихъ дѣтеныши, а если имъ холодно, то вмѣстѣ съ ними помѣщается и самка; самецъ же помѣщается, съежившись, у основанія ствола, прижавшись спиной къ послѣднему; такъ проводитъ онъ ночь и охраняетъ своихъ отъ нападенія леопарда. Въ сухое время года, когда въ глубинѣ лѣсовъ замѣчается недостатокъ въ водѣ и пищѣ, горилла посѣщаетъ плантаціи туземцевъ, гдѣ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ обезьяны, производитъ большія опустошенія.

„Горилла не нападаетъ на человѣка до тѣхъ поръ, пока его не трогаютъ, даже, по возможности, избѣгаетъ его. Если же его неожиданно потревожатъ, то онъ выпрямляется во весь ростъ и издаетъ изъ глубины груди отрывистые звуки: то раскатывающийся ревъ, то рычаніе, которые трудно поддаются описанію. При этомъ онъ своими исполинскими кулаками бьетъ себя по гигантской груди, скрежещетъ зубами, лицо выражаетъ самую яркую злость, и сотрясаются волосы, стоящіе дыбомъ на головѣ и на загривкѣ. Взбѣшонный старый горилла уже однимъ видомъ внушаетъ страхъ. Я не думаю, чтобы онъ сталъ дѣйствовать наступательно, если его не раздражать и своевременно потихоньку удалиться. пока ярость его не достигла крайнихъ предѣловъ. Но если охотникъ, по не-

счастью, только слегка поранить его, то я твердо увѣренъ, хотя самъ не испыталъ этого, что онъ бросится на стрѣлка, которому не сдобровать, если онъ не успѣетъ всадить ему тотчасъ же вторую пулю! Убѣжать отъ него, при такихъ условіяхъ, нѣтъ никакой возможности, а защититься можно только при посредствѣ огнестрѣльнаго оружія.“

Въ первый разъ Г. фонъ Копенфельсъ убилъ гориллу на рождество 1874 года. Онъ расположился не далеко отъ дерева оба, плоды котораго гориллы очень охотно ѣдятъ; здѣсь онъ замѣтилъ недавно откушенные плоды. „Я тщетно дожидая здѣсь уже около часа, говоритъ онъ. Стало уже темнѣть, наступала ночь; москиты мучили меня довольно чувствительно, и я намѣревался уже оставить свое мѣсто, когда замѣтилъ легкій трескъ въ области дерева оба; выглянувъ изъ за ствола дерева, я замѣтилъ цѣлую семью гориллъ, безмятежно занимавшихся ѣдой плодовъ. Семья эта состояла изъ двухъ родителей и двухъ дѣтенышей различнаго возраста; принимая за мѣрило человѣческій возрастъ, старшему изъ нихъ можно было дать около 6 лѣтъ, а младшему — около года. Самка очень трогательно заботилась о своемъ младшемъ дѣтенышѣ, въ то время, какъ отецъ интересовался только удовлетвореніемъ своего собственнаго голода. Лучшіе плоды, видимо, были уже съѣдены, когда самка съ большою ловкостью взобралась по стволу дерева и стала стряхивать оттуда зрѣлые плоды.

„Самецъ, продолжая жевать, направился къ водѣ, чтобы напиться. Я ни на одно мгновеніе не терялъ его изъ виду. При видѣ этихъ животныхъ я сильно взволновался, вспомнивъ рассказы Дю-Шалью и сказочно преувеличенные рассказы туземцевъ. Тревога эта, однако же, исчезла, когда я замѣтилъ, что горилла, подходя къ водѣ, сталъ вдругъ беспокоиться и въ согнутомъ положеніи поглядывать на то дерево, за которымъ я скрывался. Слишкомъ поздно, однако же, замѣтилъ онъ близкаго врага, такъ какъ я слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, приложившись къ ружью; нѣсколькихъ мгновеній было достаточно, чтобы прицѣлиться въ животное, смотрѣвшее на меня неподвижно. Раздался выстрѣлъ. Дымъ еще не успѣлъ разсѣяться, какъ я вложилъ новый патронъ въ стволъ ружья, ожидая такимъ образомъ нападенія животнаго. Мой черный спутникъ стоялъ позади меня и въ дрожащей рукѣ держалъ на готовѣ ружье. Нападенія однако же не послѣдовало. Самецъ, смертельно раненый, упалъ ничкомъ; дѣтеныши, вскрикнувъ отрывисто, убѣжали въ чащу лѣса; самка соскочила съ дерева съ значительной высоты и торопливо побѣжала за дѣтенышами. Взволнованный происшедшимъ я забылъ стрѣлять по ней. Такимъ образомъ счастливый случай поднесъ мнѣ прелестный рождественскій подарокъ въ то время, когда у насъ зажигались рождественскія елки.“

Вскорѣ послѣ этого Копенфельсъ убилъ, при случайной встрѣчѣ, гориллу; самаго большого изъ всѣхъ, которыхъ ему удалось застрѣлить. Сопровождаемый своими носильщиками, онъ шелъ въ лѣсу по узкой тропинкѣ. „Вдругъ, говоритъ онъ, позади меня раздался крикъ непосредственно за мной шедшаго Галлоа и со словами: „смотри, господинъ, большой горилла!“ трусливые провожатые бросили ношу и убѣжали. Испуганный крикомъ я услыхалъ въ сторонѣ отъ себя тупой ревъ. Тутъ только я увидалъ, что въ 15 шагахъ отъ меня поднимается какая то темная исполинская масса. Это былъ самый большой горилла изъ тѣхъ, которыхъ я когда либо видѣлъ, и первый, который не бѣжалъ отъ меня. Если бы онъ воспользовался моимъ испугомъ, то я пропалъ бы неминуемо. Я не имѣлъ намѣренія испытывать, сколько времени могло бы продолжаться такое взаимное разглядываніе. Когда я поднялъ двустволку, то тупой ревъ сталъ болѣе походить на лай; удары по груди стали быстрѣе; всклокоченные волосы на головѣ поднялись дыбомъ и тряслись; казалось, что мой страшный противникъ приступаетъ къ нападенію. Я увѣренъ, что если бы я своевременно осторожно удалился, то горилла не сталъ бы нападать на меня; но это совершенно не входило въ мои расчеты. Вполнѣ овладѣвъ собой, я спокойно и точно направилъ дуло въ область расположенія сердца. Послѣ выстрѣла животное быстро поднялось кверху и упало ничкомъ, поворачиваясь и раскинувъ руки. При паденіи оно ухватило за толстую лѣану въ 5 санти-

метровъ съ такою силою, что оборвало нѣсколько сухихъ и зеленыхъ вѣтвей. Вѣсъ его я опредѣлилъ приблизительно въ 200 килограммъ; длина его тѣла равнялась 1,9 метра.“

Простыя повѣствованія Гуго фонъ Копенфельса, основанныя на собственныхъ наблюденіяхъ, даютъ намъ болѣе вѣрное представленіе объ этомъ рѣдкомъ обитателѣ лѣсовъ и снимаютъ съ него большую долю тѣхъ ужасовъ, которые ему приписывались. Если повторить слова Р. Буртона, то горилла „это не что иное, какъ простая обезьяна, а вовсе не адское чудовище, представляющее, какъ будто, на половину человѣка, на половину звѣря.“

Опытъ перевезенія молодыхъ гориллъ въ Европу обыкновенно не удавался; только членамъ нѣмецкой Лоангской экспедиціи удалось это предпріятіе. Фалькенштейнъ, врачъ и зоологъ экспедиціи, по счастливой случайности получилъ молодого гориллу, за которымъ можно было наблюдать довольно долгое время въ Африкѣ, а затѣмъ въ акваріумѣ въ Берлинѣ.

О дальнѣйшемъ развитіи этого гориллы въ берлинскомъ акваріумѣ сообщилъ очень обстоятельно директоръ Гермесъ на сѣздѣ нѣмецкихъ врачей и естествоиспытателей въ Гамбургѣ. „Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ берлинскій акваріумъ особенно стремился имѣть въ своемъ распоряженіи антропоморфныхъ обезьянъ. Въ послѣдніе годы онъ имѣлъ всѣ четыре вида этихъ обезьянъ; тамъ были, гиббонъ, орангъ-утанъ, шимпанзе и горилла; поэтому я имѣлъ возможность изучать ихъ жизнь въ неволѣ и сравнивать ихъ между собою.

„Самый важный изъ всѣхъ антропоморфныхъ обезьянъ — горилла. Глядя на него, подумаешь, будто онъ принесъ съ собою на свѣтъ дворянскую грамоту. Высота нашего, почти двухлѣтнаго самца, около 70 сант. Тѣло его прикрыто мягкой какъ шелкъ, сѣроватою шерстью; на головѣ волосы рыжеватаго оттѣнка. Его плотная, коренастая фигура поразительно придаетъ ему человѣческій видъ, что еще усиливается хорошо сложенными руками, гладкимъ, нѣсколько блестящимъ чернымъ лицомъ, съ довольно правильными ушами и большими, умными, вызывающими глазами. Онъ былъ бы совершенно похожъ на негртенка, если бы только носъ былъ нѣсколько правильнѣе. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливается неловкостью всѣхъ его дѣйствій; всѣ его движенія напоминаютъ больше неуклюжаго парня, чѣмъ обезьяну. Когда онъ сидитъ, какъ идолъ, и спокойно присматривается къ глядящей на него публикѣ и, при этомъ, вдругъ закиваетъ головою и хлопаетъ въ ладоши, то вмгъ завоевываетъ сердца всѣхъ окружающихъ. Онъ охотно остается въ большомъ обществѣ, отличаетъ молодого отъ стараго; къ 2-хъ, 3-хъ лѣтнимъ дѣтямъ онъ относится очень любезно, охотно цѣлуетъ ихъ, терпитъ отъ нихъ все и никогда не пользуется относительно ихъ своею силою, значительно превышающею ихъ силу. Съ дѣтьми старшаго возраста онъ обращается хуже, хотя охотно играетъ съ ними, бѣгаетъ и догоняетъ ихъ вокругъ стола и стульевъ, которые онъ, при этомъ, однако, часто опрокидываетъ, и, какъ бы поддразнивая, ударяетъ рукою то одного, то другого; но при такихъ играхъ онъ не стѣсняется схватить за ногу играющаго и запустить свои зубы. У дамъ на рукахъ онъ ведетъ себя очень благопристойно, обнимаетъ ихъ и долго можетъ сидѣть у нихъ на колѣняхъ, прислонившись къ плечу. Въ общей клѣткѣ съ обезьянами онъ охотно играетъ, но является здѣсь неограниченнымъ властелиномъ, и даже шимпанзе долженъ повиноваться ему безпрекословно. Однако, съ послѣднимъ онъ обращается болѣе какъ съ равнымъ себѣ, и исключительно его избираетъ товарищемъ своихъ игръ; онъ ласкаетъ его, хотя иногда очень грубо, между тѣмъ какъ съ другими обезьянами онъ обращается совершенно произвольно. Онъ обнимаетъ шимпанзе и удерживая его, вмѣстѣ съ нимъ валется по землѣ; если послѣднему удастся при этомъ вырваться изъ объятій, то горилла падаетъ на землю, какъ неловкій мальчуганъ, съ вытянутыми впередъ руками. Походка его во многомъ сходна съ походкою шимпанзе; онъ ступаетъ на подошву стопы, при чемъ, какъ и послѣдній, опирается на наружную поверхность кисти. Все же онъ болѣе выворачиваетъ ноги кнаружи, при чемъ держитъ голову вверхъ съ такою важною, что производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто принад-

лежить къ высшему сословію. Въ хорошемъ настроеніи, какимъ онъ обыкновенно отличается, онъ высовываетъ верхушку краснаго языка, что придаетъ еще больше сходства блестящему черному лицу съ поддразнивающимъ лицомъ негритепка.

„Какъ весь его видъ, такъ и образъ жизни напоминаетъ человѣка. Утромъ около 8-ми часовъ онъ встаетъ съ своего ложа, садится на немъ въ вертикальномъ положеніи, зѣваетъ и почесываетъ свое тѣло въ различныхъ мѣстахъ; такъ онъ остается сонливымъ, безучастнымъ, пока не выпьетъ свое утреннее молоко, которое онъ обыкновенно пьетъ изъ стакана. Развеселившись послѣ этого, онъ оставляетъ свое ложе, озирается кругомъ и отыскиваетъ какой нибудь предметъ для разрушенія, выглядываетъ изъ окна, хлопаетъ въ ладоши и заигрываетъ со своимъ сторожемъ, если нѣтъ другого подходящаго общества. Онъ никогда не остается одинъ; сторожъ долженъ всегда находиться около него; если послѣдній уходитъ, то онъ призываетъ его рѣзкимъ крикомъ. Въ 9 часовъ его моютъ, что, видимо, очень нравится ему, потому что онъ при этомъ выражаетъ свое удовольствіе особеннымъ, хрюкающимъ звукомъ. Живя вмѣстѣ со своимъ сторожемъ, онъ обѣдаетъ такъ же, какъ и послѣдній. Къ завтраку онъ получаетъ пару вѣнскихъ, франкфуртскихъ или другихъ колбасиковъ или бутербродъ съ кускомъ гамбургскаго копченаго мяса, берлинскаго сыра или съ чѣмъ нибудь подобнымъ; при этомъ онъ охотнѣе всего выпиваетъ стаканъ свѣтлаго бѣлаго пива; онъ очень своеобразно обхватываетъ стаканъ своими короткими, толстыми пальцами, поддерживая его ногою, иначе онъ выпалъ бы изъ его рукъ. Въ 1 часть дня жена сторожа приноситъ ему обѣдъ. Когда онъ во время жаркаго лѣта жилъ въ моей квартирѣ, то съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого часа. Если въ это время звонили, то онъ непременно самъ открывалъ дверь въ корридоръ. Какъ скоро приходила жена сторожа, то онъ сейчасъ же осматривалъ пищу и охотно пробовалъ то, что казалось ему всего вкуснѣе. За такое нетерпѣніе его обыкновенно награждали пощечиной и послѣ этого онъ спокойно ожидалъ начало своей трапезы, при чемъ не спускалъ глазъ съ пищи. Первоначально онъ получалъ чашку бульона; въ одинъ мигъ онъ опоражнивалъ ее до дна. Затѣмъ онъ получалъ рисъ или овощи, главнымъ образомъ картофель, сваренный съ мясомъ, морковь или рѣпу. Женщина слѣдила за тѣмъ, чтобы онъ велъ себя прилично и онъ въ самомъ дѣлѣ приучился принимать свою пищу ложкой. Когда онъ полагалъ, что за нимъ не слѣдятъ, то бралъ пищу ртомъ, прямо съ блюда. Подъ конецъ онъ особенно охотно съѣдалъ еще кусокъ жирной курицы. Послѣ принятія пищи онъ, обыкновенно, предается покою; проспавъ часъ или полтора онъ непрочь опять поиграть. Послѣ обѣда онъ получаетъ еще плоды, вечеромъ молоко или чай съ бутербродомъ. Въ 9 ч. онъ ложится спать. Спитъ онъ на матрацѣ и прикрывается шерстянымъ одѣяломъ. Сторожъ долженъ оставаться около него до тѣхъ поръ, пока онъ не заснетъ, что при его большой сонливости происходитъ, обыкновенно, очень быстро. Охотнѣе онъ спитъ вмѣстѣ со сторожемъ на одной кровати, при чемъ, обыкновенно, горилла обнимаетъ сторожа и кладетъ свою голову на какую либо часть его тѣла. Онъ спитъ почти не пробуждаясь и просыпается не ранѣе 8 часовъ утра. Для него построенъ отдѣльный стеклянный дворецъ, соединенный съ небольшою пальмовою оранжереей; послѣдняя приспособлена съ тою цѣлью, чтобы поддержать сырую атмосферу его тропической родины. Такимъ образомъ я могу ожидать, что при крѣпкомъ сложеніи гориллы, его удастся сохранить болѣе продолжительное время, какъ лучшее украшеніе акваріума, въ честь Германіи, на радость человѣчеству и во славу науки.“

Этотъ горилла погибъ (13-го ноября 1877 года) послѣ того, что прожилъ въ Африкѣ 9 мѣсяцевъ, 15 мѣсяцевъ въ Берлинѣ и вполне благополучно выдержалъ продолжительное путешествіе по Англіи. Второй горилла попалъ живымъ въ Европу при посредствѣ Пехуель-Лёше, прежняго спутника Фалькенштейна, по его возвращеніи изъ поѣздки на рѣку Конго, въ началѣ 1883 года. Онъ жилъ въ Берлинѣ въ акваріумѣ подъ наблюденіемъ директора Гермиса 14 мѣсяцевъ и погибъ 16-го марта 1884 года отъ той же болѣзни, что и первый мпунгу. Замѣчательно, что эти оба животныя не страдали морскою болѣзною.

Всѣ дальнѣйшія попытки привезти живого гориллу въ Европу и сохранить его оказались неудачными.

Обратимся теперь ко второму виду антропоморфныхъ обезьянъ, къ уже нѣсколько разъ упомянутому шимпанзе (*Simia troglodytes*). Онъ значительно меньше и туловище его короче, чѣмъ у гориллы; длина старыхъ самцовъ доходитъ до 1,7 метра, а самки — 1,3 м. Форма черепа плоская, огруженная и не имѣетъ высокаго костнаго гребня, какъ у гориллы. Точно такъ же и глазныя дуги никогда не выдаются такъ рѣзко, какъ у послѣдняго. Выраженіе лица гораздо мягче, чему еще содѣйствуютъ простые, большіе глаза. Носъ плоскій, верхняя губа довольно длинная, выпуклая морщинистая; нижняя губа выступаетъ. Вообще губы очень подвижны и могутъ выдвигаться хоботообразно. Наружное ухо большого размѣра и менѣе сходно съ человѣческимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что наблюдалось у многихъ гориллъ. Руки длинныя; спускаются нѣсколько ниже колѣнъ и отличаются большою мышечною силою. На кистяхъ большой палецъ тонкій и короткий; пальцы вообще длинные и самый длинный изъ нихъ средній. На стопѣ большой палецъ глубокой вырѣзкой отдѣляется отъ другихъ пальцевъ; подошва плоская. Волосы у шимпанзе довольно рѣдкіе; на передней части головы, обыкновенно, проборъ по срединѣ; на загривкѣ волоса длиннѣе, также на щекахъ, на плечахъ, на спинѣ, на рукахъ и на ногахъ; на всѣхъ остальныхъ частяхъ тѣла они, напротивъ того, короче. Цвѣтъ шерсти чаще всего темно-черный, иногда съ рыжеватымъ оттѣнкомъ. На нижней половинѣ лица встрѣчаются короткіе, бѣловатые волосики.

Шимпанзе ходитъ, обыкновенно, при посредствѣ всѣхъ четырехъ конечностей; на кисти онъ прижимаетъ пальцы къ ладони и опирается на почву при посредствѣ мозолистой тыльной поверхности. Стопы онъ ставитъ либо съ сжатыми пальцами, или же наступаетъ плоской подошвой.

Такъ какъ у этого вида обезьянъ встрѣчаются большія индивидуальныя измѣненія, то послѣднее время часто возбуждались споры относительно числа видовъ этой породы. Но послѣ изслѣдованій Г. Гартмана можно повидимому признать, что вопросъ здѣсь касается только видоизмѣненія въ размѣрѣ и въ соотношеніи нѣкоторыхъ частей тѣла. Чтобы доказать, что шимпанзе былъ извѣстенъ и въ древности, указываютъ, обыкновенно, на извѣстное мозаичное изображеніе, которое когда то изображало храмъ Фортуны въ Пренестѣ, гдѣ между многими другими животными, обитающими въ верхней части Нила, были, какъ будто, изображены наши человѣкообразныя обезьяны. Обезьяна этого рода упоминается у многихъ писателей въ послѣднемъ столѣтіи подъ именемъ „инсего“ или „ншъего“, названіе, которое она носитъ въ средней Африкѣ до настоящаго времени. Въ первой половинѣ 17-го столѣтія въ Европу былъ привезенъ живымъ молодой шимпанзе; онъ былъ подвергнутъ анатомическому изслѣдованію Тульпіусомъ и Тизономъ и описанъ Дапперомъ. Съ того времени это животное часто привозится въ Европу и въ послѣднее время встрѣчается, обыкновенно, на европейскихъ рынкахъ.

Прежде полагали, что родину шимпанзе составляютъ исключительно Верхняя и Нижняя Гвинея и страны, лежація начиная съ Сьерра-Леоне до Конго. Здѣсь они живутъ въ лѣсахъ по прибрежнымъ рѣкамъ и въ горахъ. Г. фонъ Копенфельсъ охотился на это животное въ странѣ Габуна и Огове. На основаніи данныхъ, собранныхъ нѣмецкой экспедиціей на Лоанго, онъ, обыкновенно, встрѣчается довольно часто далѣе къ югу до Конго. Но теперь извѣстно на основаніи изысканій, произведенныхъ преимущественно нѣмецкими изслѣдователями, что они встрѣчаются въ глубинѣ внутренней Африки до области озеръ, въ мѣстахъ, гдѣ находится масличная пальма и сѣрый попугай. Уже Гейглингъ говоритъ: „Мбанъ (вѣрнѣе Баамъ) живетъ парами и семействами на густыхъ высокихъ деревьяхъ вдоль рѣкъ въ странѣ Ньямъ-Ньямъ; эта обезьяна ростомъ съ человѣка, съ дикою внѣшностью, не боится нападать даже на преслѣдующаго ее охотника. Она устраиваетъ себѣ большія гнѣзда на вершинѣ деревьевъ и даже

На свободѣ шимпанзе во время отдыха принимаетъ, обыкновенно, сидячее положеніе. Его видятъ всегда, или въ стоячемъ положеніи, или на ходу. Когда его накроютъ, то онъ тотчасъ становится на четверинки и быстро убѣгаетъ отъ наблюдателя. Уже по сложенію шимпанзе можно предположить, что онъ очень ловко лазаетъ; играя, онъ перебрасывается на большое разстояніе съ одного дерева на другое и прыгаетъ съ большою ловкостью. Пища, видимо, состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ растений и плодовъ, которыми питается горилла: плоды, орѣхи, почки листьевъ и цвѣтовъ, можетъ быть и корни составляють главную его пищу.

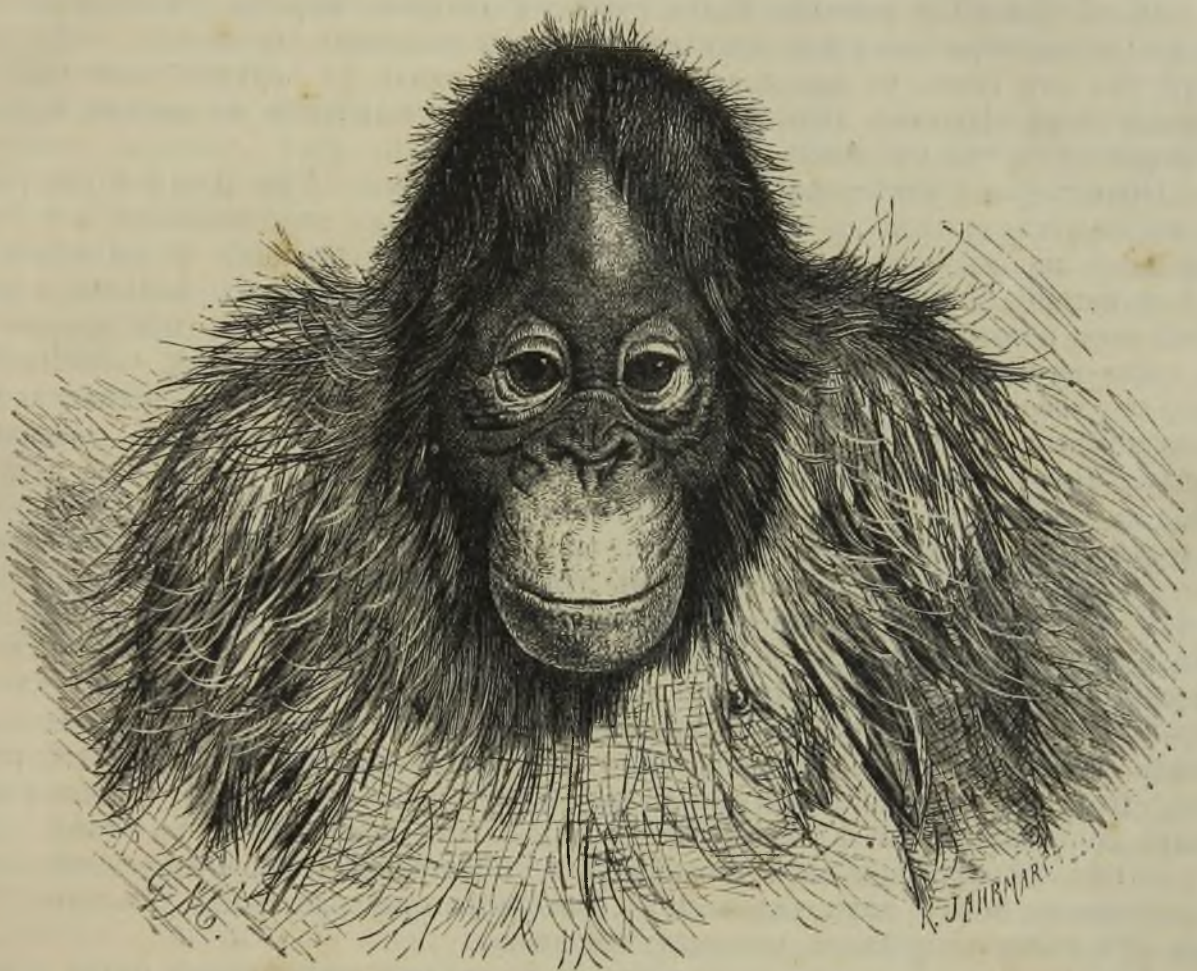
Изъ всѣхъ человекоподобныхъ обезьянъ шимпанзе чаще всего попадаетъ къ намъ въ настоящее время, но только въ исключительныхъ случаяхъ выживаетъ 2—3 года, между тѣмъ какъ увѣряютъ, что въ западной Африкѣ онъ выживалъ въ неволѣ до 20 лѣтъ и при этомъ даже, какъ будто бы, росъ и становился крѣпче. До настоящаго времени, обыкновенно, наблюдали, что въ неволѣ они оказывались мирными, толковыми и даже внимательными животными. Деграндпрэ видѣлъ на кораблѣ самку, которая очнь легко поддавалась обученію и исполняла нѣкоторыя работы. Бюффонтъ рассказываетъ, что бывшій у него шимпанзе отличался мрачнымъ и серьезнымъ видомъ и производилъ всѣ свои движенія очень точно и толково. У него не было никакихъ изъ тѣхъ непріятныхъ свойствъ, которыя замѣчаются у павіановъ; онъ не былъ также такимъ рѣзвымъ, какъ мартышки, онъ слушался слова или знака, протягивалъ людямъ руку и прогуливался съ ними взадъ и впередъ; садился за столъ, прикрывался салфеткою и послѣ питья вытиралъ ею губы; онъ самъ наливалъ себѣ вино и чокался съ другими, доставалъ себѣ чашку и блюдо, клалъ въ чашку сахаръ, наливалъ чай и пилъ его только тогда, когда онъ остывалъ. Никому онъ не причинялъ никакихъ страданій и относился ко всѣмъ очень предупредительно. Онъ, видимо, бывалъ очень доволенъ, когда его ласкали.

Изъ большого числа наблюденій самаго послѣдняго времени относительно жизни шимпанзе, я приведу еще сообщеніе нашего извѣстнаго художника Ф. Р. Шпехта, занимающагося изображеніемъ животныхъ. О шимпанзе, котораго онъ наблюдалъ въ зоологическомъ саду Нилля въ Штутгартѣ, Шпехтъ пишетъ: „Этотъ шимпанзе могъ смѣяться почти какъ человекъ. Это кажется мнѣ замѣчательнымъ, потому что ни единое животное не въ состояніи выражать свою радость громкимъ смѣхомъ. Когда я подхватывалъ этого милаго парня подъ мышки, бросалъ его вверхъ и затѣмъ опять ловилъ, то радость его была безгранична, и это онъ выражалъ громкимъ смѣхомъ. То же самое замѣчалось, если его щекотали подъ мышками или по подошвамъ стопъ. Однажды я захватилъ съ собою кусокъ бѣлаго мѣла, пошелъ къ нему въ клѣтку и сѣлъ на его стулъ; онъ тотчасъ же взобрался ко мнѣ на колѣни и сталъ спокойно наблюдать, что будетъ дѣлаться дальше. Я далъ ему мѣлъ и, водя его рукою, нарисовалъ марабу и другіе предметы на стѣнкѣ его клѣтки; онъ спокойно поддавался моимъ дѣйствіямъ и спокойно слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается. Когда я отпустилъ его руку, онъ быстро соскочилъ на полъ, сталъ передъ стѣною и очень скоро замазалъ нарисованныя фигуры, такъ что ничего нельзя было различить, къ большому удовольствію зрителей. Изъ этого видно, что онъ сообразилъ значеніе мѣла. Въ настоящее время въ зоологическомъ саду въ Штутгартѣ имѣются два шимпанзе, которые очень хорошо уживаются другъ съ другомъ. Къ самкѣ, которая была здѣсь раньше, присоединили еще самца; ночью въ большую и теплую клѣтку самки мы поставили ящикъ, въ которомъ содержался вновь прибывшій, чтобы на слѣдующій день познакомить ихъ между собою. Когда самецъ вышелъ изъ своего помѣщенія, устланнаго ватой, то нѣсколько мгновеній они стояли другъ передъ другомъ на заднихъ ногахъ; затѣмъ они крѣпко обнялись руками и нѣсколько разъ поцѣловались. Самка вытащила свое одѣяло разостлала его на полъ, сама сѣла на него и различными знаками приглашала самца расположиться тутъ же. Очень интересно наблюдать за ними, когда во время обѣда они сидятъ за столомъ другъ противъ друга. Оба сѣдаютъ свою кашу при посредствѣ ложекъ:

у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака зависти изъ-за количества принимаемой пищи. Когда ставятъ на столъ сосуды съ питьемъ, то самка имѣетъ привычку осторожно притягивать къ себѣ чашку самца, нѣсколько выпивать изъ нея и опять спокойно ставить на свое мѣсто, какъ будто выражая этимъ свое желаніе, чтобы мужъ не такъ много пилъ. Эти животныя также выражаютъ свою радость во время игры громкимъ смѣхомъ“.

✱

Отъ африканскихъ человекоподобныхъ обезьянъ отличается одна изъ самыхъ важныхъ азиатскихъ, называемая орангъ-утаномъ (лѣсной человекъ), невѣрно называемый орангъ-утангомъ. На островѣ Борнео онъ называется мейясъ



Орангъ-утанъ.

или майясъ (*Pithecus satirus*). Онъ отличается болѣе длинными руками, спускающимися до лодыжекъ. Кромѣ того, у него конусообразно или пирамидально заостренная голова, съ рѣзко выдающеюся мордою. У него также только 12 грудныхъ позвонковъ и соотвѣтственное число паръ реберъ. У молодыхъ черепъ очень сходенъ съ черепомъ ребенка. Съ возрастомъ животныя признаки на столько выступаютъ, что черепъ только слабо напоминаетъ ту форму, которая была въ молодомъ возрастѣ.

Наибольшій самецъ, котораго убилъ Уоэллсъ, былъ въ стоячемъ положеніи ростомъ 1,35 м.; при вытянутыхъ рукахъ длина его доходила до 2,4 м.; ширина лица равнялась 35 с.; обхватъ тѣла достигалъ 1,15 м.; туловище съ большимъ отвисшимъ животомъ всего шире въ тазовой части; шея короткая и спереди въ складкахъ, такъ какъ животное отличается большимъ гортаннымъ мѣшкомъ, который можетъ раздуваться; длинныя конечности отличаются своими длинными кистями и пальцами; ногти плоскіе, ихъ часто недостаетъ на большихъ пальцахъ стопъ. Губы некрасивы не только потому, что онѣ сморщены, но, главнымъ

образомъ, потому что сильно утолщены и выдаются; носъ совершенно плоско сжатъ, и носовая перегородка выдвигается изъ-подъ крыльевъ носа. Глаза и уши очень маленькіе и очень сходны съ человѣческими. Между страшными зубами рѣзко выдаются сильные клыки; нижняя челюсть длиннѣе верхней. Шерсть рѣдкая на спинѣ и еще рѣже на груди; она всегда длиннѣе и изобильнѣе по обѣимъ сторонамъ туловища, гдѣ достигаетъ значительной длины; на лицѣ она имѣетъ видъ бороды, на верхней губѣ, подбородкѣ, на головѣ и предплечьяхъ она направлена кверху, во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ — книзу. Лицо и ладонная поверхность голы; грудь и тыльная поверхность пальцевъ также почти лишены волосъ. Обыкновенно цвѣтъ шерсти темно ржаво-красный, рѣже, — коричнево-красный; на спинѣ и на груди шерсть обыкновенно темнѣе, а на бородѣ свѣтлѣе. Обнаженные мѣста синеватаго или сѣро-аспиднаго цвѣта. Старые самцы отличаются отъ самокъ бѣльшимъ ростомъ, болѣе густою и длинною шерстью, болѣе обильною бородою и своеобразными мозолями или кожными складками на щекахъ; онѣ идутъ полулунно отъ глазъ по направленію къ уху и внизъ къ верхней челюсти; эти складки очень уродуютъ лицо животнаго. Молодые животныя не имѣютъ бороды, но шерсть ихъ гуще и темнѣе окрашена.

Орангъ-утанъ извѣстенъ уже съ древнихъ временъ. Уже Плиній говоритъ, что на индійскихъ горахъ существуетъ сатиръ, „очень злое животное съ человѣческимъ лицомъ, которое ходитъ то въ отвѣсномъ положеніи, то на четверинкахъ и которое отличается такою быстротою, что можетъ быть поймано только въ старомъ возрастѣ или во время болѣзни.“ Этотъ разсказъ Плинія передается изъ вѣка-въ-вѣкъ, съ новыми добавленіями при каждой передачѣ. Забываютъ даже, что говорятъ о животныхъ и почти превращаютъ обезьянъ въ дикихъ людей. Всевозможныя увлеченія измѣняютъ первыя указанія и совершенно искажаютъ правду. Врачъ Бонціусъ, который жилъ въ срединѣ 17-го столѣтія на островѣ Явѣ, говоритъ опять на основаніи собственныхъ наблюденій. По его словамъ, онъ нѣсколько разъ видѣлъ лѣсныхъ людей, какъ самцовъ, такъ и самокъ; они часто шли, держась отвѣсно, и вели себя, какъ люди. Особенно поразительна была одна самка: она стыдилась, когда на нее смотрѣли незнакомые люди, и прикрывала лицо руками; она вздыхала, проливала слезы и повторяла очень точно всѣ человѣческія дѣйствія; ей не доставало только рѣчи, чтобы быть человѣкомъ. Жители острова Явы говорили, что обезьяны могли бы и говорить, если бы онѣ этого желали, но онѣ этого не дѣлаютъ, такъ какъ опасаются, что ихъ заставятъ работать. Понятно, что во всѣхъ этихъ разсказахъ повторяютъ, что орангъ-утаны ходятъ вертикально на заднихъ конечностяхъ, хотя прибавляютъ къ этому, „что они могли бы бѣгать и на четверинкахъ.“ Собственно говоря, путешественники не повинны во всѣхъ тѣхъ увлеченіяхъ, которыми отличаются ихъ описанія, такъ какъ они только передаютъ разсказы туземцевъ.

Благодаря прелестнымъ наблюденіямъ Уоллеса существуютъ болѣе точныя указанія о жизни орангъ-утана на свободѣ, чѣмъ относительно всѣхъ другихъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Упомянутый путешественникъ имѣлъ очень удобный случай изучать этихъ животныхъ непосредственно и проверить собственными наблюденіями разсказы туземцевъ. Необходимо замѣтить, что этотъ изслѣдователь, передавая только собственные свои наблюденія, во всѣхъ главныхъ чертахъ вполне подтверждаетъ разсказы своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ многіе, именно, Овенъ, Кессель и Брукъ стремились освободиться въ своихъ повѣствованіяхъ отъ всякихъ басенъ и ошибокъ.

„Извѣстно, говоритъ онъ, что орангъ-утанъ живетъ на островахъ Суматрѣ и Борнео; есть достаточно основаній предполагать, что родина его ограничена этими двумя большими островами. Повидимому, на первомъ онъ все же встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ на послѣднемъ, на которомъ онъ очень распространенъ. Онъ живетъ здѣсь на большихъ пространствахъ юго-западнаго, юго-восточнаго, сѣверо-восточнаго и сѣверо-западнаго побережья, но почти исключительно въ низменныхъ и болотистыхъ лѣсахъ. Въ Садонгѣ его можно встрѣтить на ровныхъ мѣстахъ, богатыхъ водою и покрытыхъ высокимъ первобытнымъ

лѣсомъ. Надъ болотами поднимается много одиноко стоящихъ горъ, которыя отчасти обитаются даяками и которыя покрыты культурными плодовыми деревьями. Эти послѣднія особенно притягательно дѣйствуютъ на мейяса, такъ какъ онъ посящаетъ ихъ, чтобы пользоваться плодами. Ночи онъ проводитъ, обыкновенно, въ болотистыхъ мѣстахъ. Въ странахъ, гдѣ почва нѣсколько возвышается и суше, орангъ-утанъ не живетъ. Для благосостоянія этой обезьяны необходимо, чтобы была большая, непрерывная поверхность однообразнаго высокаго первобытнаго лѣса. Такіе лѣса для нея самое удобное мѣсто, по которому она можетъ передвигаться во всевозможныя стороны съ такою же легкостью, какъ индѣецъ по степи и арабъ по пустынѣ; онъ переходитъ съ верхушки одного дерева на другое, совершенно не спускаясь на почву. Высокія и сухія мѣстности, гдѣ деревья мѣстами вырубаются и потомъ заростають низкими джунглями, удобны для передвиженія человѣка, но совершенно не соотвѣтствуютъ способу передвиженія этихъ животныхъ, которыя въ такихъ мѣстахъ легко могли бы подвергаться многимъ опасностямъ.

„Передвиженіе мейяса по лѣсу представляетъ очень своеобразное и привлекательное зрѣлище. Онъ очень осторожно, въ полувертикальномъ положеніи, идетъ вдоль большой вѣтви; такое положеніе заставляютъ его удерживать очень длинныя руки и относительно короткія ноги; при этомъ онъ наступаетъ, какъ и родственныя ему обезьяны, на тыльную часть согнутыхъ пальцевъ, а не на подошву. Онъ, обыкновенно, выбираетъ такія деревья, вѣтви которыхъ сплетены съ вѣтвями другихъ деревьевъ; приближаясь къ такому сплетенію, онъ разгибаетъ свои длинныя руки, захватываетъ вѣтвь обѣими руками, и, повидимому, испытываетъ ея крѣпость; затѣмъ онъ спокойно перебрасывается на слѣдующую вѣтвь, по которой продолжаетъ свое передвиженіе, какъ и раньше. Онъ никогда не скачетъ и не прыгаетъ; повидимому, даже никогда не торопится, а между тѣмъ передвигается почти съ такою же скоростью, какъ еслибы кто нибудь подъ нимъ бѣжалъ по лѣсу. Въ другомъ мѣстѣ Уоэллесь полагаетъ, что это животное въ продолженіе одного часа свободно проходитъ разстояніе въ 5—6 англійскихъ миль. „Его длинныя крѣпкія руки оказываются очень полезными для него; онѣ даютъ ему возможность очень легко добираться до верхушки самыхъ высокихъ деревьевъ, гдѣ онъ можетъ срывать плоды и молодые листья съ такихъ вѣточекъ, которыя не выдерживаютъ вѣса его тѣла; здѣсь же онъ можетъ собирать листья и вѣточки, необходимые ему для постройки гнѣзда.“ Орангъ-утанъ, раненый нашимъ изслѣдователемъ, показалъ, какимъ образомъ производится постройка такого гнѣзда. „Какъ только я выстрѣлилъ, рассказываетъ Уоэллесь, мейясъ полѣзъ кверху, до верхушки дерева, и вскорѣ добрался до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Здѣсь онъ тотчасъ оборвалъ кругомъ вѣточки и расположилъ ихъ въ различныхъ направленіяхъ. Мѣсто было очень хорошо выбрано; одною, не раненою рукой, онъ быстро и очень ловко отламывалъ большія вѣтви и складывалъ ихъ позади себя другъ надъ другомъ въ различныхъ направленіяхъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ образовалась сплошная масса вѣтвей, которыя совершенно закрыли его отъ моего взора. Такое же гнѣздо устраиваетъ себѣ мейясъ почти каждую ночь для сна, но, обыкновенно, онъ устраиваетъ его на болѣе низкихъ деревьяхъ, не выше 8—15 метровъ надъ почвою, должно быть потому, что здѣсь онъ болѣе защищенъ отъ вѣтра, чѣмъ на вершинѣ. Говорятъ, что мейясъ каждую ночь устраиваетъ новое гнѣздо; но съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ гораздо чаще встрѣчались бы остатки такихъ гнѣздъ. Даяки говорятъ, что во время большого дождя, когда очень мокро, обезьяна прикрывается листьями пандануса и очень большими папоротниками. Это, должно быть, и послужило основаніемъ для разсказовъ о томъ, что она устраиваетъ себѣ на деревьяхъ хижину.“

„Орангъ-утанъ встаетъ съ своего ложа только тогда, когда солнце поднимется уже довольно высоко и высушитъ росу на листьяхъ. Всю средину дня онъ занимается ѣдою, но очень рѣдко возвращается въ продолженіе двухъ дней къ одному и тому же дереву. На сколько я могъ узнать, онъ питается почти исклю-

чительно плодами; при случаѣ онъ ѣстъ также листья, почки и молодые побѣги. Очень рѣдко орангъ-утанъ спускается на землю; должно быть только тогда, когда, страдая отъ голода, онъ отыскиваетъ себѣ сочные побѣги по берегамъ рѣкъ или во время очень сухой погоды идетъ къ водѣ; обыкновенно же онъ находитъ достаточно влаги въ содержимомъ листьевъ. Сколько разъ мнѣ приходилось видѣть двухъ полувзрослыхъ обезьянъ въ сухой ямѣ на землѣ; онѣ играли, стояли въ отвѣсномъ положеніи и хватали другъ друга за руки. Обезьяна эта никогда не ходитъ въ вертикальномъ положеніи, развѣ только въ томъ случаѣ, когда руками придерживается за вышележащія вѣтви, или когда на нее нападаютъ. Рисунки, гдѣ ее изображаютъ идущей съ палкой, являются продуктомъ фантазіи.

„Людей мейясъ, повидимому, не особенно боится. Тѣ, которыхъ я наблюдалъ, смотрѣли на меня въ упоръ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, и только тогда медленно уходили къ сосѣдному дереву. Часто, встрѣтивъ этихъ животныхъ, я долженъ былъ уходить на тысячу и болѣе шаговъ, чтобы взять свое ружье; несмотря на это, по возвращеніи я находилъ ихъ почти всегда на томъ же деревѣ или на разстояніи не болѣе 200 футовъ. Никогда я не встрѣчалъ вмѣстѣ двухъ вполне взрослыхъ животныхъ. Приходилось видѣть самца или самку въ сопровожденіи полувзрослыхъ дѣтенышей.

„Даяки говорятъ, что мейясъ никогда не подвергается нападенію дикихъ животныхъ, за исключеніемъ двухъ очень рѣдкихъ случаевъ. Всѣ предводители даяковъ, прошедшіе всю свою жизнь въ мѣстахъ, гдѣ эти животныя очень часто встрѣчаются, увѣряютъ, что ни единое животное не на столько сильно, чтобы сразить мейяса. Крокодилъ — единственное животное, съ которымъ онъ борется. Если онъ не находитъ плодовъ въ джунгляхъ, то отправляется къ берегу рѣки, чтобы здѣсь поѣсть молодыхъ отпрысковъ и плодовъ, растущихъ около воды. При этомъ на него нападаетъ крокодилъ, но мейясъ вскакиваетъ на него, бьетъ его ногами и руками, забиваетъ и убиваетъ его.

„Въ исключительныхъ случаяхъ бываетъ, что орангъ-утанъ борется и съ человѣкомъ. Разъ ко мнѣ явились даяки и рассказали, что мейясъ вчера чуть не убилъ одного изъ ихъ товарищей. Нѣсколько миль внизъ по рѣкѣ находится домъ одного даяка; жители этого дома видѣли большого орангъ-утана, который спокойно подѣлалъ на берегу отпрыски пальмъ. Испуганный, онъ пошелъ обратно въ джунгли; въ это время большое число людей, вооруженныхъ копьями и топорами, побѣжали, чтобы перерѣзать ему путь для отступленія. Передній изъ нихъ бросилъ свое копьё по направленію къ животному, но мейясъ захватилъ своего противника руками, въ одно мгновеніе запустилъ свои зубы въ его предплечіе и страшно разрушилъ находящіяся здѣсь мышцы; если бы другіе не подоспѣли къ мѣсту происшествія, то онъ очень серьезно поранилъ бы и даже убилъ бы этого человѣка. Товарищи, однако же, очень скоро покончили съ храбрымъ животнымъ своими копьями и топорами. Раненый долго хворалъ и никогда уже не владѣлъ вполне своею рукою.“ Въ справедливости этого разсказа Уоэллесъ могъ убѣдиться самъ, такъ какъ на слѣдующій день онъ посѣтилъ поле сраженія, отрѣзалъ голову убитаго орангъ-утана и присоединилъ ее къ своему собранію.

Въ дополненіе къ превосходному описанію Уоэллеса жизни этого животнаго я прибавлю еще нѣкоторыя, болѣе древнія описанія. Первая, болѣе обстоятельная наблюденія надъ нимъ, принадлежатъ голландцу Фосмэрну, у которого жила довольно продолжительное время ручная самка; животное было очень смирное, и никогда не проявляло никакой злости или хитрости; можно было спокойно класть ему въ ротъ руку. Внѣшній видъ его былъ нѣсколько печаленъ и угнетенъ. Оно охотно оставалось въ человѣческомъ обществѣ, независимо отъ того, къ какому полу оно принадлежало; предпочитало же общество тѣхъ людей, которые больше интересовались имъ. Животное это посадили на цѣпь; это привело его въ такое отчаяніе, что оно бросалось на землю, страшно кричало и разрывало всѣ одѣяла, которыя ему давали. Когда его отпустили послѣ этого на свободу, то оно быстро влѣзло на стропила крыши и вообще проявляло такую подвижность, что четверо гонялись за нимъ цѣлый часъ, чтобы опять поймать его. Во время

этого приключенія животное достало бутылку малаги, открыло ее, быстро выпило содержимое и опять поставило бутылку на свое мѣсто. Этотъ орангъ-утанъ ѣлъ все, что ему давали, но отдавалъ предпочтеніе плодамъ и прянымъ растеніямъ; онъ ѣлъ также очень охотно вареное или жареное мясо или рыбу. За насѣкомыми онъ не гонялся, но когда ему поднесли живого воробья, то онъ очень испугался, а затѣмъ закусалъ его на смерть, вырвалъ у него нѣсколько перьевъ и попробовалъ его мясо, а затѣмъ бросилъ въ сторону. Сырыя яйца онъ высасывалъ очень охотно; земляника была для него, повидимому, наибольшимъ лакомствомъ. Обыкновенно онъ пилъ воду, но охотно пилъ также всевозможныя вина, въ особенности малагу. Послѣ питья онъ вытиралъ руками губы и даже, какъ и человѣкъ, примѣнялъ зубочистку. Воровалъ онъ очень искусно, вытаскивая у людей изъ кармановъ различныя лакомства, такъ что они этого не замѣчали. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать онъ дѣлалъ, обыкновенно, большія приготовленія. Первоначально онъ укладывалъ себѣ изъ сѣна подстилку, встряхивая ее; отдѣльный пучекъ сѣна онъ клалъ себѣ подъ голову и затѣмъ прикрывался; одинъ онъ спалъ неохотно и вообще избѣгалъ уединенія. Днемъ онъ иногда ложился спать, но не надолго. Когда ему давали платье, то онъ надѣвалъ его то на тѣло, то на голову, и это онъ дѣлалъ, какъ во время холода, такъ и во время сильной жары. Когда при немъ открыли, однажды, ключомъ замокъ его цѣпи, то онъ смотрѣлъ на это съ большимъ вниманіемъ, потомъ взялъ кусочекъ дерева, положилъ его въ скважину замка и вертѣлъ имъ во всѣ стороны. Когда ему дали, однажды, котенка, то онъ крѣпко держалъ его и тщательно обнюхивалъ; но когда котенокъ поцарапалъ ему руку, то онъ бросилъ его, осматривалъ свою рану и больше не желалъ имѣть съ кошкой никакого дѣла. Онъ очень ловко развязывалъ самые сложные веревочные узлы; если же узелъ былъ очень крѣпко затянутъ, то онъ развязывалъ его зубами, и, повидимому, дѣлалъ это съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ подходившимъ къ нему людямъ онъ обыкновенно развязывалъ башмаки. Руки его были очень сильны и онъ поднималъ ими большія тяжести; заднія конечности онъ употреблялъ такъ же ловко, какъ переднія; такъ, напримѣръ, если онъ не могъ держать чего передними конечностями, то онъ ложился на спину и притягивалъ предметъ задними конечностями. Кричалъ онъ только тогда, когда оставался одинъ; сначала этотъ крикъ походилъ больше на собачій вой. Чахотка прекратила молодую жизнь этого животнаго.

Другое сообщеніе принадлежит хорошему наблюдателю, который въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ везъ орангъ-утана на кораблѣ. Въ то время, какъ корабль находился въ азіатскихъ водахъ, животное, обыкновенно, пребывало на палубѣ и только ночью отыскивало себѣ болѣе защищенное мѣсто для сна. Днемъ орангъ-утанъ бывалъ въ очень хорошемъ настроеніи, игралъ съ другими маленькими обезьянами, находившимися на кораблѣ, и очень ловко лазалъ по снастямъ. Повидимому, такія гимнастическія упражненія доставляли ему особенное удовольствіе, такъ какъ онъ нѣсколько разъ въ день занимался этимъ; онъ выказывалъ при этомъ поразительную ловкость и мышечную силу. Капитанъ Смитъ, который наблюдалъ за этимъ орангъ-утаномъ, взялъ съ собою нѣсколько сотъ кокосовыхъ орѣховъ, и давалъ ихъ обезьянѣ каждый день по 2. Наружную тягучую скорлупу этихъ орѣховъ, толщиною въ 2 дюйма, которую съ трудомъ можно было разрубить топоромъ, онъ умѣлъ очень ловко разгрызать своими сильными зубами. Въ острый конецъ орѣха, гдѣ находятся маленькія возвышенія, или бугорки, онъ вонзалъ свои зубы, захватывалъ орѣхъ правой задней конечностью, и, такимъ образомъ, разрывалъ тягучую скорлупу; затѣмъ онъ пробуравливалъ своими пальцами одно изъ отверстій, существующихъ на орѣхѣ, выпивалъ содержащееся въ немъ молоко, затѣмъ разбивалъ орѣхъ на какойнибудь твердой подпорѣ и съѣдалъ ядро.

Кромѣ кокосовыхъ орѣховъ онъ охотно ѣлъ соль, мясо, муку, сало и т. под. вещества, и употреблялъ всевозможныя хитрости, чтобы во время обѣда набрать себѣ большее количество мяса; то что онъ забиралъ себѣ, онъ уже не отдавалъ, хотя бы его били. Мяса онъ съѣдалъ заразъ свободно отъ 3-хъ до 4-хъ фунтовъ. Ежедневно онъ умѣлъ воспользоваться минутнымъ отсутствіемъ повара изъ кухни,

чтобы открыть бочку и стащить немного муки. Онъ бралъ сколько могъ захватить рукой, а потомъ вытиралъ руку о голову, такъ что всегда возвращался напудреннымъ. По вторникамъ и пятницамъ онъ непременно отправлялся къ матросамъ, когда имъ звонили къ обѣду, такъ какъ въ эти дни они получали саго съ сахаромъ и корицей. Точно также онъ очень точно всегда являлся въ 2 часа въ каюту, чтобы принять участіе въ обѣдѣ. Во время ѣды онъ велъ себя очень спокойно и отличался большою чистоплотностью, чего не бываетъ у другихъ обезьянъ. Но все же его никакъ нельзя было приучить умѣло примѣнять при ѣдѣ ложку. Онъ приставлялъ тарелку прямо ко рту и выпивалъ супъ, не проливъ ни одной капли; онъ былъ большой охотникъ до спиртныхъ напитковъ и, поэтому, всегда получалъ къ обѣду стаканъ вина. Онъ пилъ его очень своеобразно: вытягивалъ впередъ свою нижнюю губу и дѣлалъ изъ нея видъ ложки, длина и ширина которой была около 3-хъ дюймовъ и которая была достаточно объемиста, чтобы вмѣстить цѣлый стаканъ воды. Онъ никогда не пилъ иначе, какъ при посредствѣ устроенной имъ ложки, въ которую выливалъ свой напитокъ. Тщательно обнюхавъ первоначально свой стаканъ, онъ образовывалъ ложку, наливалъ туда напитокъ и осторожно процѣживалъ его сквозь зубы, какъ будто желалъ по возможности продлить удовольствіе. Затѣмъ онъ опять подставлялъ свой стаканъ, чтобы его снова наполнили. Никогда онъ не ломалъ посуды, а всегда очень осторожно ставилъ ее на мѣсто. Это составляло его большое преимущество передъ другими обезьянами, которыя, какъ извѣстно, бьютъ посуду.

Въ его голосѣ можно было отличить только два звука: одинъ слабый, свистящій гортанный звукъ, который указывалъ на его душевное волненіе, и другой, — страшный ревъ, напоминающій, нѣсколько, ревъ испуганной коровы, и выражающій страхъ. Этотъ послѣдній звукъ былъ у него разъ вызванъ стадомъ кошелотовъ, которое проходило близко около корабля, а второй разъ видомъ различныхъ змѣй, которыхъ хозяинъ его везъ съ собою изъ Явы. Къ крайнему сожалѣнію непріятный случай пресѣкъ жизнь животнаго до его пріѣзда въ Германію. Случайно онъ получилъ бутылку съ ромомъ и почти совершенно опорожнилъ ее; послѣ этого онъ заболѣлъ и черезъ 14 дней погибъ.

Ни въ одной группѣ обезьянъ развитіе переднихъ конечностей не достигаетъ такой степени, какъ у гиббоновъ или длиннорукихъ обезьянъ (*Hylobates*). Имъ по справедливости принадлежитъ ихъ названіе. Длина ихъ рукъ на столько велика, что при вертикальномъ положеніи животнаго они достигаютъ почвы. Этотъ признакъ на столько характеренъ, что отличаетъ длиннорукихъ обезьянъ отъ всѣхъ другихъ видовъ даннаго отдѣла.

Гиббоны составляютъ самый многочисленный родъ изъ всѣхъ человекоподобныхъ обезьянъ. Извѣстно до семи видовъ гиббоновъ. Всѣ они живутъ въ Азіи, но исключительно въ Остъ-Индіи и на большихъ сосѣднихъ Зондскихъ островахъ, именно, на Суматрѣ, Явѣ и Борнео. Всѣ эти виды достигаютъ довольно большого размѣра, хотя ни одинъ изъ нихъ не превышаетъ одного метра. Тѣло ихъ кажется очень худощавымъ, не смотря на ихъ крѣпкую и выпуклую грудь; зависить это отъ того, что паховыя ихъ части, какъ у борзыхъ собакъ, очень вытянуты. Заднія конечности гораздо короче переднихъ, кромѣ того, длинныя кисти у нѣкоторыхъ видовъ отличаются еще тѣмъ, что указательный и средній пальцы отчасти слиты между собою. Голова у нихъ маленькая и яйцеобразная, лицо очень сходно съ лицомъ человѣка; утолщенія на сѣдалищныхъ буграхъ малы; при внѣшнемъ осмотрѣ хвоста не замѣчается. Густая и мягкая какъ шелкъ шерсть покрываетъ ихъ тѣло. Цвѣтъ ихъ шерсти бываетъ чаще всего черный, бурый, сѣро-бурый и соломенно-желтый. Всѣ гиббоны отличаются очень громкимъ голосомъ, который скорѣе всего можно услышать утромъ.

Изъ извѣстныхъ до сихъ поръ видовъ длиннорукихъ обезьянъ слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующіе: *сиамангъ* (*Hylobates syndactylus*), *хулокъ* (*H. Huloek*), *ларъ*, или *бѣлорукій гиббонъ* (*H. lar*), *унгко* (*H. rafflesii*) или *оа*

(*H. variegatus*). Самый большой изъ нихъ сіамангъ; шерсть у него мягкая и очень черная; у него есть гортанный мѣшокъ, который при крикѣ раздувается и усиливаетъ его голосъ. Родина его островъ Суматра. Нѣсколько меньшій хулокъ также съ черной шерстью, но съ бѣлой повязкой на лбу; бываетъ также болѣе свѣтлыхъ цвѣтовъ; у него нѣтъ гортаннаго мѣшка. Онъ живетъ въ задней Индіи. Еще больше измѣненій въ окраскѣ шерсти представляетъ унгко; онъ встрѣчается рѣже и живетъ на островѣ Суматрѣ, въ особенности въ южныхъ гористыхъ мѣстахъ, покрытыхъ лѣсами, гдѣ онъ вмѣстѣ съ сіамангомъ достигаетъ высоты 1000 метровъ. Наконецъ, воувоу сине-чернаго цвѣта, между тѣмъ какъ голова, животъ и внутренняя поверхность переднихъ и заднихъ конечностей темно-бураго цвѣта; остальные части его свѣтлѣе; онъ живетъ такъ же, какъ и ларъ, на Малайскомъ полуостровѣ, но встрѣчается и на островѣ Суматрѣ. Все строеніе длиннорукихъ обезьянъ таково, что онѣ болѣе всего приспособлены къ лазанію. Все у нихъ приспособлено такимъ образомъ, что онѣ въ состояніи лазать съ большою быстротою, продолжительностью и ловкостью, и, соотвѣтственно съ этимъ — прыгать. Въ широкой груди у нихъ располагаются большія легкія, которыя не утомляются и не измѣняютъ свою дѣятельность, когда при быстрыхъ движеніяхъ кровь волнуется. Сильныя заднія конечности даютъ возможность производить большіе прыжки съ необходимой быстротой. Длинные переднія конечности даютъ возможность захватывать отдаленныя вѣтви съ большою увѣренностью и превращать ихъ въ крѣпкую подпору, что было бы не такъ легко, если бы конечности были короче. На сколько длинные ихъ конечности выясняется изъ сравненія. Человѣкъ при лазаніи, какъ извѣстно, можетъ подняться на высоту длины своего тѣла, между тѣмъ какъ гиббонъ передвигается на разстояніе вдвое большее длины его тѣла. Вертикально стоящій человекъ едва касается спущенными руками своихъ колѣнъ, гиббонъ касается лодыжекъ. Совершенно понятно, что такія руки негодны для ходьбы; онѣ годны только для лазанія. Поэтому ходьба длиннорукой обезьяны состоитъ въ неуклюжемъ покачиваніи на заднихъ конечностяхъ, въ тяжеловѣсномъ передвиженіи тѣла, которое удерживается въ равновѣсіи вытянутыми руками. Между тѣмъ при лазаніи животное передвигается бойко и весело, будто безъ всякой зависимости отъ законовъ тяготѣнія. На землѣ гиббоны медленны, неуклюжи и неловки, какъ бы чужды этой средѣ; на вѣтвяхъ замѣчается какъ разъ противоположное: это настоящія птицы въ формѣ обезьянъ. Всѣ наблюдатели единогласно высказываютъ удивленіе относительно искусства длиннорукихъ обезьянъ при лазаніи.

Дюфосель сообщаетъ съ какою невѣроятною быстротою и увѣренностью воувоу лазаютъ по стволу бамбука, по вершинѣ дерева или по вѣтви, раскачивается нѣсколько разъ подрядъ и опять спускается или передвигается впередъ и назадъ, перебрасываясь съ большою легкостью 3—4 раза черезъ промежутокъ въ 12—13 метровъ, чему еще содѣйствуетъ упругость отскакиванія вѣтвей. Кажется, что онъ летитъ какъ стрѣла или какъ спускающаяся птица. По его виду можно думать, что ему самому доставляетъ удовольствіе сознаніе собственной ловкости, недостижимой для другихъ. Безъ нужды онъ перепархиваетъ черезъ промежутки, которые легко могъ бы избѣгать небольшими обходами. Во время прыжка онъ измѣняетъ направленіе и виситъ на первой встрѣчной вѣтви, раскачивается на ней, притягивается къ ней, притягиваетъ и отпускаетъ вѣтвь кверху и книзу, кувыркается въ воздухѣ, направляясь съ непогрѣшимой увѣренностью къ новой цѣли. Кажется, будто ему даны сверхъестественныя силы, и онъ какъ бы въ состояніи летать безъ крыльевъ. Живетъ онъ больше на воздухѣ, чѣмъ на вѣтвяхъ деревьевъ. На что такому способному существу почва? она остается чуждой ему, какъ и оно ей; оно отыскиваетъ ее только для удовлетворенія своей жажды, и чтобы оттолкнуться отъ нея обратно въ свое воздушное царство. Здѣсь настоящая его родина, гдѣ оно пользуется покоемъ, миромъ и безопасностью; здѣсь оно имѣетъ возможность бороться и уйти отъ всякаго врага, здѣсь оно живетъ, наслаждаясь быстротой своихъ движеній.

Наблюденія надъ этими животными на свободѣ связаны съ большими затрудненіями, такъ какъ всѣ эти виды избѣгаютъ человѣка и только въ рѣдкихъ слу-

чаяхъ появляются на болѣе обнаженныхъ мѣстахъ лѣсовъ. Только хорошая зрительная трубка, — инструментъ, необходимый для наблюденія всѣхъ пугливыхъ животныхъ на волѣ, — позволяетъ осторожному наблюдателю подсмотрѣть ихъ дѣйствія. Такимъ образомъ видѣли, какъ самка притаскиваетъ къ рѣкѣ своихъ дѣтенышей, обмываетъ ихъ, не смотря на ихъ крикъ, затѣмъ обтираетъ и сушитъ, вообще, кладетъ много заботъ на ихъ чистоту, что можно было-бы часто пожелать и относительно ребятъ.



Ларъ или бѣлорукій гиббонъ (*Hylobates lar*) $\frac{1}{7}$ естеств. велич.

При восходѣ и закатѣ солнца они соединяютъ свои громкіе голоса въ такой страшный крикъ, что можно оглохнуть приблизившись къ нимъ. Эта своеобразная музыка можетъ дѣйствительно напугать непривычнаго человѣка. Это ревуны Стараго Свѣта, будильники малайскихъ горныхъ жителей и вмѣстѣ съ тѣмъ огорченіе городскихъ жителей, которымъ они отравляютъ жизнь на дачахъ. Ихъ крикъ, какъ говорятъ, можно услышать на разстояніе англійской мили. Часто также приходилось слышать крикъ длиннорукихъ обезьянъ въ неволѣ, въ особенности тѣхъ, у которыхъ существуютъ гортанные мѣшки, хотя не уступаютъ имъ и тѣ, у которыхъ

этихъ приспособленій, усиливающихъ звукъ голоса, нѣтъ. Беннетъ, хорошій наблюдатель, имѣвшій живого сіаманга, замѣтилъ, что когда онъ возбуждался, то всегда воронкообразно выдвигалъ губы, наполнялъ воздухомъ гортанные мѣшки и затѣмъ разражался звуками, какъ индюкъ; онъ кричалъ какъ при радости, такъ и при гнѣвѣ. Самка унго въ Лондонѣ кричала иногда такъ же очень громко и даже очень своеобразно въ музыкальномъ отношеніи. Ея крикъ можно было очень хорошо положить на ноты; начиная съ основнаго тона Е она поднималась въ полутонахъ на цѣлую октаву, пробѣгая такимъ образомъ хроматическую гамму; основной тонъ можно было всегда хорошо отмѣтить, и онъ служилъ какъ бы предудареніемъ для каждой слѣдующей ноты; при возвышеніи голоса отдѣльные тоны становились все медленнѣе, при пониженіи они ускорялись и производились подъ конецъ очень быстро; подъ конецъ животное всегда издавало рѣзкій крикъ, который производился съ наибольшей силой. Правильность, быстрота и точность, съ которою животное выкрикивало гамму вызывало всегда общее удивленіе.

Относительно умственныхъ способностей длиннорукихъ обезьянъ мнѣнія наблюдателей расходятся. Дювосель называетъ сіаманга медленнымъ, глупымъ, неуклюжимъ, лѣнивымъ, неловкимъ, трусливымъ и скучнымъ; онъ находитъ, что это животное совершенно равнодушно къ своему сторожу, и что оно не въ состояніи чувствовать ни преданности, ни ненависти. Форбсъ, напротивъ того, восхваляетъ его способность приручаться и его довѣрчивость. „Было очень трогательно, когда онъ нѣжно, ласково обхватывалъ своею длиною рукою мою шею и прикладывалъ свою голову къ моей груди, при чемъ слышно было какое то довольное ворчаніе.“ Беннетъ судитъ такъ же снисходительно. Онъ довезъ почти до Европы сіаманга, который въ очень короткое время пріобрѣлъ расположеніе почти всѣхъ спутниковъ. Къ крайнему сожалѣнію всего экипажа корабля онъ погибъ, не доѣхавъ до Англіи.

Гиббоновъ очень рѣдко встрѣчаютъ въ неволѣ, даже на ихъ родинѣ. Они не выносятъ потери свободы, тоскуютъ о своихъ лѣсахъ и своихъ играхъ, становятся все смиреннѣе и грустнѣе, и, наконецъ, погибаютъ.

Второе подсемейство узконосыхъ обезьянъ составляютъ собакообразныя обезьяны (*Супоритесіні*). Онѣ отличаются болѣе выдающейся мордой, что особенно замѣчается у ниже стоящихъ видовъ. Руки у нихъ короче; часто встрѣчаются съ хвостомъ и защечными мѣшками; у нихъ бываютъ постоянно сѣдалищныя мозоли. Постройка ихъ очень разнообразна. Начиная съ вытянутой формы тонкотѣлыхъ обезьянъ и доходя до массивныхъ собакоголовыхъ или павіановъ, существуютъ почти всѣ переходныя ступени. Онѣ живутъ въ жаркихъ странахъ Стараго Свѣта, въ особенности въ Индіи и, начиная съ Гималаевъ, въ Задней Индіи въ Кохинхинѣ, на Малайскомъ архипелагѣ, въ южной Аравіи и во всей Африкѣ, исключая восточной части Сахары. Эти обезьяны принадлежатъ къ самымъ живымъ и подвижнымъ представителямъ своего отряда; онѣ толковы, большею частью злы и неприличны. Вездѣ, гдѣ только онѣ встрѣчаются, онѣ приносятъ большій или меньшій вредъ, такъ какъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ грабятъ плантаціи и сады. Мѣстами ихъ боятся за ихъ злостный нравъ. Нѣкоторые народы относятся къ нимъ съ большимъ презрѣніемъ, между тѣмъ какъ другіе признаютъ ихъ священными.

Изъ различныхъ родовъ собакообразныхъ обезьянъ мы изучимъ первоначально тонкотѣлыхъ обезьянъ.

Тонкотѣлая обезьяна (*Semnopithecus*) представляетъ, какъ показываетъ названіе, стройныхъ, худощавыхъ обезьянъ, съ длинными, тонкими конечностями и очень длиннымъ хвостомъ. Голова у нихъ маленькая, высокая, лицо голое, морда укорочена, съ маленькими защечными мѣшками. Сѣдалищныя мозоли ихъ очень малы. Задній нижній коренной зубъ у нихъ прикрытъ 5-ю бугорками. Костная система ихъ напоминаетъ по своей стройности форму скелета гиббона. На кистяхъ у нихъ длинные пальцы, но большой палецъ передней конечности укороченъ, не развитъ и совершенно не годенъ для захватыванія предметовъ. Шерсть у нихъ замѣ-

ствующимъ древнимъ индѣйскимъ сказаніямъ великанъ Раванъ похитилъ Ситу, супругу Шири-Рамы и привезъ ее въ свое жилище на островѣ Цейлонѣ. Обезьяна освободила, однако же, эту женщину изъ ея заточенія и привела ее обратно къ супругу. Съ тѣхъ поръ гульманъ считается героемъ; много говорятъ о его духовной силѣ и о его проворствѣ. Существованіе одного изъ самыхъ драгоцѣнныхъ плодовъ — манго, приписываютъ также этой обезьянѣ. Она украла его изъ сада великана; въ наказаніе за это воровство она была приговорена къ сожженію — кѣмъ, неизвѣстно, — но она потушила огонь и сожгла себѣ при этомъ лицо и руки, которыя послѣ этого стали черными. На этомъ основаніи брамины признали ее священной.

Эту обезьяну наблюдали на ея родинѣ уже въ продолженіе многихъ лѣтъ; однако же, вслѣдствіе этого мы всего позже познакомились съ нею. Предполагали, что такое распространенное животное часто привозили въ Европу и, поэтому, не находили нужнымъ набить шкуру гульмана и привезти его чучело въ Европу. Къ этому необходимо еще прибавить, что трудно, и даже опасно убивать это священное животное, такъ какъ только одни мараты не оказываютъ ему почестей, между тѣмъ какъ всѣ остальные индѣйцы охраняютъ и защищаютъ его, лелѣютъ и ласкаютъ, на сколько это только возможно. Европейецъ, который рѣшится тронуть это неприкосновенное животное, рискуетъ своею жизнью, если онъ одинъ бѣлый между легко возбудимыми обитателями, такъ какъ обезьяна почитается священной. Одна царствующая семья утверждаетъ, что происходитъ отъ этой обезьяны и члены этой семьи носятъ, поэтому, титулъ „Хвостатый Рана“; они утверждаютъ, что ихъ родоначальникъ былъ снабженъ придаткомъ, который намъ кажется ненужнымъ. Португальскій вице-король Индіи, Константинъ де Браганца, похитилъ зубъ обезьяны изъ сокровищъ цейлонскаго князя; къ нему было отправлено особое посольство отъ короля Пегу, предложившее ему 300,000 крузадъ за возвращеніе этой драгоцѣнности. Такую большую сумму наврядъ ли когда нибудь предлагали за одинъ зубъ; это кажется тѣмъ болѣе поразительнымъ, что это предложеніе не было принято европейцемъ. Вице-король собралъ своихъ совѣтниковъ и свѣтскіе совѣтники старались, понятно, уговорить его принять эту большую сумму, и только одинъ священнослужитель возставалъ противъ этого, утверждая, что такую торговлю можно только поддерживать суевѣріе язычниковъ, и ему удалось настоять на своемъ предложеніи. Намъ это, въ сущности, было бы все равно, если-бы такимъ образомъ не былъ разрушенъ предметъ, который имѣлъ значеніе для исторіи индѣйскаго божества, а также для естественной исторіи. По одному этому зубу можно было бы хорошо опредѣлить обезьяну, которой принадлежала эта драгоцѣнность.

Въ настоящее время почитаніе этого священнаго животнаго таково же, какъ и прежде. Нахальныя животныя спокойно опустошаютъ сады и дома индѣйцевъ, которые не принимаютъ противъ этого никакихъ мѣръ, и даже недовольны, если кто рѣшится обидѣть обезьяну. Тавернье рассказываетъ, что молодой голландецъ, только что пріѣхавшій изъ Европы, убилъ изъ окна такую обезьяну. Это возбудило такое сильное неудовольствіе между туземцами, что ихъ съ трудомъ удалось успокоить; они тотчасъ отказались служить голландцу, такъ какъ твердо держались того мнѣнія, что какъ чужеземецъ, такъ и они должны погибнуть. Дювосель говоритъ, что сначала онъ не имѣлъ никакой возможности убить такую обезьяну, такъ какъ туземцы всегда препятствовали этому. Форбэсъ увѣряетъ, что въ Дюбоѣ встрѣчается столько же обезьянъ, какъ и людей. Обезьяны живутъ въ верхнемъ этажѣ дома и становятся совершенно невыносимы для чужого. Если житель города желаетъ отомстить своему сосѣду, то онъ насыпаетъ рисъ или другое хлѣбное зерно на крышу врага, именно передъ началомъ дождливаго времени, передъ которымъ каждый домовладѣлецъ приводитъ въ порядокъ крышу. Если обезьяны замѣтятъ разсыпанный кормъ, то онѣ сѣдаютъ не только то, что лежитъ сверху, но сдираютъ также и черепицу, чтобы получить тѣ зерна, которыя попали въ щели; но въ это время кровельщики до такой степени запяты, что ихъ нельзя достать и поэтому внутренность дома остается обнаженной и портится подъ вліяніемъ сильныхъ дождей.

Здѣсь заботятся не только о здоровыхъ, но и о больныхъ обезьянахъ. Тавернѣ видѣлъ въ Ахмадабадѣ больницу, въ которой содержались обезьяны, быки, коровы и т. под. Всѣ балконы обсыпается по временамъ рисомъ, просомъ, финиками, плодами и сахарнымъ тростникомъ, предназначенными обезьянамъ. Последнія на столько нахальны, что обираютъ не только сады, но во время обѣда проникаютъ въ самые дома и вырываютъ пищу изъ рукъ людей. Миссіонеръ Джонъ утверждаетъ, что только при большой бдительности ему удалось сохранить отъ этихъ воровъ свое платье и другія вещи. Очень можетъ быть, что вѣра въ переселеніе душъ поддерживаетъ мнѣніе о святости обезьянъ. Индійцы полагаютъ, что ихъ души, а также душа короля, послѣ смерти живутъ въ тѣлѣ этихъ обезьянъ.

Если бы эти животные не были такъ дерзки, то они были бы терпимы и очень привлекательны. Джонъ съ особеннымъ удареніемъ говоритъ, что онъ никогда не видалъ болѣе красивыхъ обезьянъ, чѣмъ гульманы. Они живутъ очень дружно между собою. Ихъ громаднѣйшіе прыжки поражаютъ cadaго наблюдателя.

Къ разбираемому нами роду обезьянъ принадлежитъ еще нѣсколько видовъ; очень красивая обезьяна буденгъ яванцевъ (*Semnopithecus maurus*). У взрослой обезьяны шерсть блестящая, черная, на лицѣ и на рукахъ, какъ бархатъ, а на спинѣ, какъ шелкъ; голова прикрыта своеобразною волосаюю шапкою, которая спускается на лобъ и выступаетъ по обѣимъ сторонамъ щекъ. Шерсть новорожденного золотисто-желтая, и только кончики волосъ нѣсколько темнѣе на нижней части спины, на верхней сторонѣ и на концевой кисти хвоста. Темная окраска распространяется довольно быстро и, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, руки, верхняя поверхность головы и кисть хвоста уже черныя. Затѣмъ шерсть принимаетъ постепенно цвѣтъ, какъ у взрослого. Общая длина этой изящной обезьяны равняется 1,5 метра, при чемъ большая половина приходится на хвостъ.

„Буденгъ, говоритъ Горсфильдъ, живетъ въ большомъ числѣ въ обширныхъ лѣсахъ острова Явы. Его можно встрѣтить здѣсь въ многочисленныхъ обществахъ на верхушкахъ деревьевъ, нерѣдко стадами, болѣе чѣмъ изъ 50 обезьянъ. Очень поучительно наблюдать такія собранія на нѣкоторомъ разстояніи. При приближеніи человека они поднимаютъ сильный крикъ и со злостью, съ большимъ шумомъ прыгаютъ между вѣтвями, такъ что ломаютъ толстыя вѣтви сухихъ деревьевъ и бросаютъ ихъ внизъ, на своихъ преслѣдователей.“ (?)

Въ неволѣ буденгъ является очень мирнымъ, кроткимъ, страждущимъ существомъ. Въ Антверпенѣ жилъ буденгъ вмѣстѣ съ маленькими мартышками и макаками, которыя постоянно дразнили и мучили его, между тѣмъ какъ онъ спокойно терпѣлъ. Казалось очень комичнымъ, какъ маленькая, всего только годовалая мартышка заставляла большую обезьяну исполнять свои требованія и, какъ безжалостно принуждала его къ различнымъ дѣйствіямъ ударами, оплеухами, щелчками и пинками. Легко можно было убѣдиться въ томъ, что смиреніе является главною чертою нрава буденга. Въ немъ совершенно нѣтъ той подлости, которой обыкновенно отличаются обезьяны. Буденгъ, повидимому, сильно страдаетъ отъ нашего сѣвернаго климата. На немъ можно наблюдать, какъ благотворно дѣйствуетъ на него каждый солнечный лучъ, какъ онъ доволенъ, какъ скоро его оживляетъ и согрѣваетъ такой лучъ, вліяніе котораго придаетъ его родинѣ всю красоту и прелесть тропической страны.

Отъ собственно тонкотѣлыхъ обезьянъ отдѣляютъ въ настоящее время одинъ видъ, который очень рѣзко отличается, и именно своимъ носомъ, носатую обезьяну или кахау (*Nasalis larvatus*). Вообще это своеобразное животное по своей постройкѣ сходно съ тонкотѣлыми обезьянами, но выдающійся, искаженный человѣческій носъ, который подвиженъ какъ хоботъ и можетъ передвигаться впередъ и назадъ, придаетъ этой обезьянѣ въ высшей степени своеобразный видъ. Тѣло его стройно, хвостъ очень длинный, конечности почти одинаковой длины; защечныхъ мѣшковъ нѣтъ. Носъ, въ видѣ крючка, выдается надъ верхней губой; на срединѣ онъ довольно широкій, на свободномъ концѣ нѣсколько заостренъ, а

по спинкѣ его проходить слабая бороздка; ноздри очень велики, могутъ еще значительно растягиваться. У молодыхъ животныхъ этотъ своеобразно развитой органъ чувствъ еще малъ и притупленъ; онъ достигаетъ значительной величины только у взрослыхъ животныхъ. По мнѣнію К. Бокка такой носъ существуетъ только у взрослыхъ самцовъ и не принимаетъ такого вида у самокъ. Шерсть у него очень густая и мягкая; на макушкѣ волосы коротки и густы; по обѣимъ сторонамъ лица и на затылкѣ они длиннѣе; на шеѣ у него образуется родъ воротника. Вообще, окраска шерсти у этой обезьяны очень яркая. Длина взрослого самца кахау равняется 1,5 метра; длина тѣла равна 0,7 м., хвостъ нѣсколько



Носатая обезьяна или кахау (*Nasalis larvatus*) $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

длиннѣе. Самки, обыкновенно, нѣсколько меньше ростомъ, но, какъ говорятъ, онѣ способны размножаться еще до достиженія полного своего роста. Кахау живетъ обществами на островѣ Борнео; о томъ, какъ онъ живетъ на свободѣ, мы знаемъ еще очень мало. По описанію Вурмба они собираются утромъ и вечеромъ большими стадами на деревьяхъ и поднимаютъ здѣсь страшный вой, который напоминаетъ звукъ „кахау“, отчего животное получило свое названіе.

Африканскими родственниками стройныхъ обезьянъ Азіи являются толсто-тѣлыя обезьяны (*Colobus*). Эти животные отличаются своеобразною окраскою шерсти, очень красивою гривой и вообще изобиліемъ въ ростѣ волосъ. Какъ вообще Индія живѣе и богаче сухой Африки, такъ и тонкотѣлыя обезьяны окрашены свѣтлѣе и живѣе, чѣмъ толстотѣлыя, хотя нельзя утверждать, что по-

слѣднія менѣе красивы, или менѣе пріятны для нашего глаза, чѣмъ первыя. Въ общемъ отличительные признаки между этими двумя родами очень незначительны. Главный признакъ, отличающій толстотѣлыхъ обезьянъ отъ тонкотѣлыхъ, состоитъ въ томъ, что на кистяхъ переднихъ конечностей у нихъ, кромѣ четырехъ пальцевъ, существуютъ только остатки большого пальца въ видѣ небольшого придатка. Тѣло толстотѣлыхъ обезьянъ всегда стройно и худощаво, морда короткая, хвостъ очень длинный; конечности почти равны по своимъ размѣрамъ и очень тонки. Щечныхъ мѣшковъ нѣтъ.

Между этими животными необходимо раньше всего рассмотреть гверecu (*Colobus guereza*). Несомнѣнно это самая красивая изъ всѣхъ обезьянъ: окраска ея шерсти замѣчательно пріятная; у нея замѣчательно своеобразный волосяной



Гверца. (*Colobus guereza*) $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

покровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на столько изящный, что наврядъ-ли можно встрѣтить что нибудь подобное у другихъ животныхъ. Заслуга открытія этого прекраснаго животнаго принадлежитъ нашему извѣстному земляку Рюппелю, который во время своего путешествія по Абиссиніи нашелъ это животное въ провинціи Готшамъ и ввелъ мѣстное его названіе въ науку. Впрочемъ, обезьяна эта была извѣстна уже и раньше. Уже Гіобъ Лудольфъ упоминаетъ о ней въ своемъ очень цѣнномъ сочиненіи объ Эфіопіи. Рюппель видѣлъ гверцу живой и могъ всего лучше описать ее по собственнымъ наблюденіямъ. Позже и другіе естествоиспытатели наблюдали ее. Я самъ видѣлъ у одного туземца на нижнемъ Бѣломъ Нилѣ шкуру этой обезьяны, изъ которой этотъ человѣкъ сдѣлалъ мѣшокъ для табаку. Отъ него я узналъ, что далѣе къ югу эта обезьяна не рѣдкость. Гейглинъ часто встрѣчалъ ее въ Абиссиніи и на Бѣломъ Нилѣ, и узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что она встрѣчается въ совершенно другихъ мѣстахъ средней Африки; изъ этого слѣдуетъ, что область распространенія этого животнаго должна быть гораздо больше, чѣмъ это обыкновенно полагали. И въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдствіи его видѣлъ Томсонъ въ странѣ Массай, а Джонсонъ и Гансъ

Мейеръ встрѣчали его не только на Килиманджаро на высотѣ 1000 метровъ, но довольно часто и далѣе къ югу, въ странѣ Каге.

Гвереча въ самомъ дѣлѣ очень красивое животное. Отъ красиваго, бархатно-чернаго туловища у нея отдѣляются бѣлыя части въ видѣ лобной повязки на вискахъ, на боковыхъ частяхъ шеи, подбородкѣ, гортани, въ видѣ пояса или гривы на боковыхъ частяхъ туловища, прикрывая обнаженные сѣдалищныя мозоли, и на верхушкѣ хвоста. Каждый бѣлый волосокъ содержитъ бурые зявитки и это придаетъ всей шерсти серебристо-сѣрый видъ. Грива, какъ, повидимому, можно назвать боковой поясъ, виситъ по обѣимъ сторонамъ тѣла, какъ богатый плащъ бедуина и этимъ очень украшаетъ животное.

Охота на гверечу связана съ большими затрудненіями. На высокихъ верхушкахъ излюбленныхъ деревьевъ она въ безопасности отъ человѣческаго коварства. Выстрѣломъ дробью хотя и можно ранить это сильное, живучее животное, но все же его трудно поймать. Чтобы добиться успѣха, охотникъ долженъ пользоваться винтовкой, но съ этимъ оружіемъ туземцы совершенно не умѣютъ справляться и до настоящаго времени. Это имѣетъ и свою хорошую сторону, потому что, если бы абиссинецъ хорошо владѣлъ винтовкой, то можетъ быть эта обезьяна была бы истреблена. Прежде очень ревностно преслѣдовали гверечу; считалось особеннымъ отличіемъ имѣть щитъ со шкурой этой обезьяны, которая считалась наилучшимъ упрощеніемъ его. Щитъ абиссинцевъ и другихъ африканскихъ восточныхъ народовъ продолговатой формы и состоитъ изъ шкуръ антилопъ, а иногда и бегемотовъ. Эти щиты прикрывались спинною и боковыми частями шкуры гверечи, такъ что весь поясъ гривы являлся украшеніемъ щита.

Въ абиссинской столицѣ Гондарѣ платили за такую шкуру таллеръ, сумму, за которую можно было купить 5—6 жирныхъ овецъ. Въ настоящее время это украшеніе значительно потеряло свою цѣнность. Къ счастью описанные щиты не употребляются уже болѣе. Я говорю къ счастью, потому что надѣюсь, что, благодаря этому, это прелестное животное не будутъ беспощадно уничтожать, какъ это часто человѣкъ дѣлаетъ для своей потѣхи. Насколько извѣстно, гверечу только два раза привозили въ Европу.

Слѣдующіе виды этого рода представляютъ медвѣдеобразная обезьяна (*Colobus ursinus*) и сатана (*C. satanus*). Первая изъ нихъ отличается отъ гверечи отсутствіемъ бѣлой гривы; на поверхности ея тѣла болѣе длинная шерсть, хвостъ почти безъ кисти; она живетъ въ верхней Гвинее и въ Фернаидо По. Сатана однообразно чернаго цвѣта и встрѣчается главнымъ образомъ на Фернаидо По.

*

Африка даетъ пріютъ не только самымъ большимъ, хитрымъ и безобразнѣйшимъ обезьянамъ Стараго Свѣта, но и самымъ красивымъ, хорошенькимъ и милымъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, большой родъ обезьянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ мартышекъ (*Cercopithecus*). Членовъ этого рода мы видимъ очень часто въ зоологическихъ садахъ и въ маленькихъ звѣринцахъ или, для потѣхи, у любителей животныхъ.

Слово „Meerkatze“, т. е. морская кошка (мартышка) встрѣчается уже въ XVI столѣтіи; оно, видимо, происходитъ или есть искаженное индійское слово *Markata*, которое и въ настоящее время обозначаетъ обезьяну изъ макакъ, — бундера. Понятно, эта обезьяна не имѣетъ ничего общаго ни съ моремъ, ни съ кошкой. Живутъ мартышки въ тропическихъ странахъ Африки, но только на материкѣ, а не на островахъ. Мартышки встрѣчаются въ большомъ количествѣ вездѣ, гдѣ только существуютъ тропическіе лѣса. Многіе виды получаютъ, какъ изъ восточной, такъ и изъ западной Африки, а также изъ середины материка. Большая часть вывозится изъ западной Африки, многіе изъ Абиссиніи и съ Верхняго Нила.

Онѣ отличаются своими легкими и тонкими формами; конечности ихъ стройны, пальцы тонки и коротки; большой палецъ длинный; кромѣ того, у нихъ длинный хвостъ, но безъ конечной кисти. У нихъ существуютъ большіе защечные

мѣшки и большія сѣдалищныя мозоли. Цвѣтъ шерсти у нихъ довольно яркій у нѣкоторыхъ видовъ часто довольно разнообразныя подходящія оттѣнки. До сихъ поръ извѣстно до 20 видовъ. Въ долинахъ Нила первыя мартышки встрѣчаются подь 16° сѣверной широты. На западѣ и востокѣ онѣ доходятъ до самаго берега моря. Онѣ всегда предпочитаютъ сырыя мѣста или лѣса съ проточными рѣками сухимъ, гористымъ мѣстностямъ; очень охотно располагаются онѣ въ окружности полей. Можно съ увѣренностью сказать, что гдѣ въ Африкѣ встрѣчаются попугаи, тамъ живутъ и мартышки, и, наоборотъ, присутствіе попугаевъ можно предположить во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются мартышки.

Мартышки общественныя, подвижныя, веселыя и, какъ уже сказано выше, самыя милыя изъ всѣхъ обезьянъ. Ихъ находятъ почти всегда большими стадами. Наврядъ ли онѣ живутъ семействами. Если въ лѣсу встрѣтится стадо этихъ животныхъ, то это доставляетъ истинное удовольствіе. Жизнь у нихъ выражается очень рѣзко: крикъ, борьба, ссоры и перемиріе, лазаніе и бѣгъ, разбой и грабежъ, искаженіе лица, ломаніе суставовъ — чего тутъ нѣтъ! Онѣ образуютъ особенное государство, не признаютъ надъ собою ничьей власти, кромѣ власти сильнѣйшаго изъ своей же среды; онѣ не признаютъ никакого другого права, какъ только выраженного острыми зубами и сильными руками старшаго ихъ рода. Онѣ не допускаютъ никакой опасности, которой нельзя было бы какъ нибудь обойти; онѣ умѣютъ удобно устроиться въ каждомъ положеніи, никогда не опасаются недостатка или нужды и, такимъ образомъ, проводятъ свою жизнь въ постоянной подвижности и весельи. Онѣ отличаются безграничнымъ легкомысліемъ, соединеннымъ съ очень забавною серьезностью; то и другое съ начала до конца сопровождаетъ всякое ихъ дѣло. Для нихъ нѣтъ ничего недосягаемаго, нѣтъ слишкомъ высокой вершины, нѣтъ сокровища, достаточно охраняемаго: онѣ не признаютъ чужой собственности. Послѣ всего этого не удивительно, что туземцы восточнаго Судана относятся къ нимъ съ безграничнымъ презрѣніемъ и даже съ ненавистью. Точно также не удивительно, если посторонній наблюдатель, который не страдаетъ отъ всѣхъ этихъ проказъ, смотреть на нихъ, какъ на очень забавныя существа.

Въ дѣвственномъ лѣсу нельзя пропустить незамѣченнымъ стадо мартышекъ; если даже не обратить вниманія на предупредительный крикъ вожака, то все же слышенъ шумъ, который производитъ на деревьяхъ это бѣгающее и скачущее общество. Если не слышать и этого шума, то нельзя не замѣтить бѣгающихъ и играющихъ животныхъ, изъ которыхъ одни сидятъ спокойно, другія грѣются на солнцѣ, а иныя отыскиваютъ другъ у друга паразитовъ. Никогда не увидишь, чтобы онѣ прятались отъ кого либо или убѣгали. На землѣ ихъ видно только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно заполучить пищу, обыкновенно же онѣ живутъ на верхушкахъ деревьевъ, гдѣ переходятъ съ одной вѣтви на другую; при этомъ онѣ, видимо, совершенно равнодушны къ непроходимости кустовъ, черезъ которые пробираются.

Очень поучительно для наблюдателя, если онъ спокойно можетъ прослѣдить стадо, выходящее на грабежъ. Меня всегда поражало нахальство, которое онѣ при этомъ выказываютъ, и которое возмущаетъ туземцевъ. Подъ руководствомъ стараго, испытаннаго, опытнаго вожака шайка животныхъ направляется къ сосѣдному полю. Самки несутъ при этомъ дѣтенышей вышеописаннымъ способомъ, на животѣ, при чемъ послѣдніе своимъ хвостомъ въ видѣ крючка обхватываютъ хвостъ матери. Первоначально эта шайка приближается къ мѣсту своего назначенія съ большою осторожностью, передвигаясь охотнѣе всего по верхушкамъ деревьевъ. Старый вожакъ идетъ впереди, а стадо подвигается за нимъ шагъ за шагомъ; оно передвигается не только по тѣмъ же деревьямъ, но и по тѣмъ же вѣтвямъ. Иногда осторожный вожакъ поднимается на самую высокую верхушку и отсюда тщательно обозрѣваетъ мѣстность; если все оказывается благополучно, то онъ сообщаетъ объ этомъ своимъ подданнымъ успокоительными, гортанными звуками, въ противномъ случаѣ онъ ихъ предостерегаетъ; съ ближайшаго къ полю дерева шайка сходить и бойкими прыжками подходитъ къ намѣченной цѣли. Здѣсь обезьяны выказываютъ безпримѣрную дѣятельность; первоначально онѣ стараются оградиться отъ всякой случайности: срываютъ початки кукурузы и колосья дурро, вычищаютъ

содержащіяся въ нихъ зерна и быстро наполняютъ ими большіе защечные мѣшки. Когда эти кладовыя наполнены, то стадо нѣсколько успокаивается и становится болѣе разборчивымъ и притязательнымъ въ выборѣ пищи. Сорвавъ початокъ или колосъ онѣ теперь первоначально тщательно обнюхиваютъ его и если, почему либо, находятъ его неподходящимъ, что бываетъ очень часто, то бросаютъ его нетронутымъ; этимъ они въ значительной степени увеличиваютъ опустошеніе. Изъ десяти сорванныхъ колосьевъ онѣ съѣдаютъ можетъ быть одинъ; обыкновенно эти лакомки берутъ только по нѣсколько зеренъ отъ цѣлаго початка и бросаютъ все остальное. Все это служитъ основаніемъ той ненависти, которую питаютъ къ нимъ туземцы.

Если такое стадо обезьянъ чувствуетъ себя въ полѣ въ совершенной безопасности, то самки отпускаютъ своихъ дѣтенышей для игръ съ другими. Строгій надзоръ, всегда существующій со стороны самки этимъ не нарушается, такъ какъ каждая мать очень бдительно наблюдаетъ за своимъ дѣтенышемъ; но никто не заботится объ общей безопасности, что предоставляютъ вполнѣ вожаку. Даже занятый самымъ вкуснымъ блюдомъ вожакъ по временамъ становится на заднія конечности, принимая при этомъ вертикальное положеніе, и оглядывается кругомъ. Послѣ каждого такого осмотра слышны успокоительные гортанные звуки, если онѣ не замѣтилъ ничего опаснаго; въ противномъ случаѣ онѣ издаетъ совершенно неподражаемый, дребезжащій звукъ для предупрежденія о предстоящей опасности. Въ одно мгновеніе собирается вся шайка подчиненныхъ; каждая самка подзываетъ своего дѣтеныша, и вмигъ все подготовлено къ бѣгству. Но все же каждая мартышка старается собрать столько корма, сколько въ состояніи стащить. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось видѣть, что обезьяна утаскивала съ собою по пяти большихъ початковъ кукурузы; при этомъ она обхватывала два правымъ предплечьемъ, остальные — рукою и ногами, но такимъ образомъ, что при ходьбѣ она початками касалась почвы. При дѣйствительной опасности онѣ съ недовольнымъ выраженіемъ на лицѣ постепенно бросаютъ всѣ свои пожитки; послѣдній початокъ онѣ бросаютъ, однако, въ томъ случаѣ, когда преслѣдователь очень близокъ и имъ требуются руки и ноги для лазанія. При бѣгствѣ онѣ всегда направляются къ первому попавшемуся дереву. Мнѣ приходилось наблюдать, что мартышки влѣзаютъ на совершенно одиноко стоящія деревья и, если спугнуть ихъ оттуда, то онѣ опять спускаются и продолжаютъ свое бѣгство. Но какъ только онѣ доберутся до лѣса, гдѣ желаютъ скрыться, то онѣ въ безопасности, такъ какъ ихъ ловкость при лазаніи почти не уступаетъ ловкости длиннорукихъ обезьянъ. Для нихъ какъ будто нѣтъ препятствій: ни страшнѣйшія иглы, ни густой кустарникъ, ни далеко другъ отъ друга отстоящія деревья, ничто не можетъ задержать ихъ; каждый прыжокъ производится съ такою увѣренностью, что только поражаетъ, тѣмъ болѣе, что у насъ на родинѣ ни одно изъ лазающихъ животныхъ не можетъ сравниться съ обезьянами. При этомъ, однако же, вожакъ также идетъ впередъ и ведетъ за собою стадо своими очень выразительными звуками, которые онѣ производятъ то медленно, то быстро; у бѣгущихъ обезьянъ никогда не замѣчается выраженія страха или трусости; напротивъ того, всегда приходится поражаться, на сколько онѣ при всевозможныхъ обстоятельствахъ сохраняютъ присутствіе духа. На самомъ дѣлѣ можно утверждать безъ всякаго преувеличенія, что стоитъ имъ пожелать, и для нихъ нѣтъ опасности. Только коварный человѣкъ своими далеко стрѣляющими ружьями можетъ покорить ихъ. Отъ хищныхъ млекопитающихъ онѣ легко ускользаютъ, а если требуется, то онѣ умѣютъ всегда отразить и нападеніе хищныхъ птицъ.

Въ восточномъ Суданѣ не охотятся за мартышками; тамъ ихъ чаще всего ловятъ сѣтями, подъ которыя подкладываютъ вкусную пищу. Когда хотятъ захватить обезьянъ приманкой, ихъ прикрываютъ сѣтью и запутываютъ ихъ такъ, что онѣ не въ состояніи освободиться, не смотря на всѣ старанія. Мы, европейцы, убиваемъ ихъ изъ ружей безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ онѣ убѣгаютъ только тогда, когда нѣсколько изъ нихъ дѣшатся жизни. Обыкновенно онѣ мало или совершенно не боятся человѣка. Часто мнѣ приходилось наблюдать, что онѣ совершенно молча пропускали пѣшеходовъ или всадниковъ, мулловъ или вер-

блюдовъ, между тѣмъ какъ испуганно вскрикивали при видѣ собаки. Во время охоты на обезьянъ случилось со мною то же, что и съ другими. Я былъ сильно огорченъ охотою: мнѣ пришлось подстрѣлить мартышку, которая была обращена ко мнѣ лицомъ; пораженная выстрѣломъ, она упала съ дерева, спокойно усѣлась и не издала ни одного звука, обтерла одной рукой кровь, сочившуюся изъ множества ранъ на ея лицѣ и дѣлала она это такъ по человѣчески и съ такимъ спокойнымъ видомъ, что я сильно взволнованный бросился на нее и своимъ охотничьимъ ножомъ нѣсколькими ударами въ грудь постарался покончить ея страданія, тѣмъ болѣе, что оба ствола моего ружья были разряжены. Но съ этого дня я болѣе не стрѣлялъ въ маленькихъ обезьянъ и не совѣтую этого дѣлать никому, кто для научныхъ работъ долженъ охотиться на обезьянъ. Мнѣ все казалось, что я убилъ человѣка и образъ умирающей обезьяны постоянно преслѣдовалъ меня.

Свободно живущія обезьяны мало страдаютъ отъ хищныхъ животныхъ; онѣ слишкомъ ловки для нихъ; развѣ только одинъ леопардъ перехитритъ иногда неосторожную обезьяну. Нападеніе хищныхъ птицъ онѣ отражаютъ совокупными силами.

Но нѣкоторыя пресмыкающіяся и гады, и именно, змѣи приводятъ ихъ въ полное отчаяніе. Я забылъ сказать, что обезьяны совершенно безсердечно опустошаютъ птичьи гнѣзда, сѣдая не только находящіяся въ нихъ яйца, но охотно истребляютъ также и птенцовъ; однако, желая опустошить гнѣздо, расположенное въ дуплѣ дерева, онѣ поступаютъ съ большою осторожностью и именно изъ страха передъ змѣями, которыя часто отдыхаютъ въ такихъ гнѣздахъ. Нерѣдко мнѣ приходилось видѣть, что отыскавъ такое дупло, онѣ очень тщательно изслѣдовали его, чтобы узнать, нѣтъ ли въ немъ змѣи. Первоначально онѣ только заглядываютъ въ дупло, на сколько это возможно, затѣмъ прислушиваются, и если не замѣчаютъ при этомъ ничего особеннаго, то осторожно запускаютъ туда одну руку. Никогда обезьяна не опускаетъ руки въ глубину дупла однимъ быстрымъ движеніемъ, а всегда постепенно, осторожно углубляется, прислушиваясь и всматриваясь, нѣтъ ли какихъ признаковъ присутствія въ немъ страшнаго для нея животнаго.

Періодъ размноженія свободно живущихъ мартышекъ повидимому не связанъ съ опредѣленнымъ временемъ года. Въ каждомъ стадѣ всегда видно сосуновъ, молодыхъ детенышей и такихъ, которые уже больше не нуждаются въ присмотрѣ матери. При хорошемъ уходѣ мартышки размножаются въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ въ Европѣ, хотя рѣже, чѣмъ макаки и павіаны.

Въ время моего долготѣяго пребыванія въ Африкѣ, у меня всегда было много обезьянъ въ неволѣ и между ними постоянно находились мартышки. Я долженъ сказать, что каждое изъ этихъ замѣчательныхъ животныхъ отличается своимъ нравомъ, и я имѣлъ постоянно возможность дѣлать надъ ними очень интересныя и занимательныя наблюденія. Между ними были драчливыя и задорныя, миролюбивыя и ручныя, ворчливыя и веселыя; однѣ были спокойны и просты, другія лукавы, хитры, съ постояннымъ стремленіемъ сдѣлать что нибудь нелѣпое и безобразное. Всѣ онѣ сходились въ томъ отношеніи, что всегда старались сдѣлать какую нибудь непріятность большимъ животнымъ, между тѣмъ какъ маленькихъ онѣ всегда защищали, охраняли и присматривали за ними. Онѣ всегда умѣли съ удобствомъ приспособиться ко всякому положенію; при этомъ онѣ проявляли необыкновенную разсудительность, большую хитрость и замѣчательную сообразительность. Кромѣ того онѣ выказывали большое участіе и даже нѣжное отношеніе и самопожертвованіе по отношенію къ другимъ животнымъ; и за всѣ эти качества я сердечно полюбилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Между различными видами мартышекъ существуютъ очень выдающіяся. Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ видовъ, живущихъ въ Абиссиніи до западныхъ притоковъ Нила, зеленая обезьяна, абулайджъ арабовъ (*Cercopithecus sabaeus*). Длина ея вмѣстѣ съ хвостомъ равняется 1 метру; длина хвоста составляетъ половину длины тѣла. Шерсть сверху сѣро-зеленая, на рукахъ, ногахъ и



Зеленая обезьяна (*Cercopithecus nana*).

хвостъ сѣро-пепельная. Короткая борода, а также нижняя и внутренняя поверхность ногъ бѣловатая; носъ, ротъ и брови черные; лицо свѣтло-бураго цвѣта.

Къ самымъ стройнымъ и красивымъ обезьянамъ этого вида принадлежитъ діана (*C. diana*) сѣро-аспиднаго цвѣта; на спинѣ и крестцѣ шерсть пурпурокоричневая; на нижней поверхности тѣла бѣлая. У нея длинныя бакенбарды и борода. Этотъ видъ живетъ въ западной Африкѣ.

Тамъ же живетъ синегубая мартышка, муйда, какъ ее называютъ жители Лоанго, (*C. serpus*). Она такого же роста, какъ абуланджъ, окрашена ярче и красивѣе послѣдняго. Спина и верхняя часть шеи, головы, также и наружная поверхность конечностей грязно оливково-зеленаго цвѣта, съ очень красивымъ золотистымъ оттѣнкомъ. Нижняя поверхность тѣла и внутренняя поверхность конечностей синевато-сѣраго цвѣта. Лицо имѣетъ красивый кобальтово-синій оттѣнокъ, на верхней губѣ бѣлое пятно; блестящія желтыя бакенбарды, которыя отдѣляются черною полоской отъ волосъ головы оливковаго цвѣта, окаймляютъ лицо. Хвостъ почти весь, отъ верхушки до самаго корня ржаваго краснаго цвѣта. У здоровыхъ сильныхъ обезьянъ этого вида, обоихъ половъ, указанные своеобразные цвѣта такъ рѣзки, какъ будто они вытравлены или искусственно окрашены.

Обыкновенно онѣ многочисленнѣе другихъ видовъ въ Нижней Гвинее, и именно, отъ Юмба къ югу до Конго. Самое любимое ихъ мѣсто пребыванія составляютъ красивые болотистые лѣса, тянущіеся по берегу рѣки до моря, а въ глубинѣ материка горные лѣса, изобилующіе дождями. По наблюденіямъ Пехуэль-Лёше, который имѣлъ случай слѣдить за обезьянами какъ другихъ видовъ, такъ и даннаго, на свободѣ и въ неволѣ, оказывается, что среди мартышекъ нѣтъ болѣе выносливой и способной приручаться, чѣмъ синегубая мартышка. „Самка, которую я получилъ въ Конго очень молодую, я тщательно воспитывалъ; она была названа на мѣстномъ нарѣчій Муидо; она жила у меня, какъ домашнее животное, совершенно здоровая въ продолженіе 5 лѣтъ. На этой обезьянѣ я могъ убѣдиться, какъ хорошо вліяетъ на ихъ нравъ серьезный уходъ съ молодыхъ лѣтъ и обдуманное толковое обращеніе, и какъ онъ портится подразниваніемъ и грубыми шутками, не говоря уже о разныхъ мученіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, очень рѣдко приходилось жаловаться на злость, раздражительность и коварство ручныхъ обезьянъ, если съ малолѣтства отъ нихъ удаляли всѣ неблагопріятныя вліянія, что является общимъ правиломъ при воспитаніи вообще. Едва ли можно ожидать много радости отъ обезьяны, добытой взрослой, такъ какъ ей приходилось уже слишкомъ много терпѣть. Наврядъ ли вѣрно мнѣніе, что нравъ обезьянъ вообще скверный; вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ: постоянныя шутки и мученія, которыя человѣкъ допускаетъ какъ разъ относительно этого животнаго, портятъ его нравъ, возбуждаютъ его злыя наклонности и уничтожаютъ все хорошее. Поэтому не слѣдуетъ судить по тѣмъ обезьянамъ, которыя уже много прожили и находились подъ вліяніемъ различныхъ людей; вѣрное сужденіе можно составить наблюдая за тѣми изъ нихъ, которыя получены прямо съ воли, и съ которыми обращаются разумно; во всякомъ случаѣ, всякая другая обезьяна уже не годна для превращенія ее въ домашнее животное.

„Наша обезьяна, которая съ малолѣтства тщательно оберегалась отъ всякихъ вредныхъ вліяній, пользовалась въ Европѣ безграничной свободой; она ходила безпрепятственно по всѣмъ комнатамъ, по столамъ и шкафамъ, по всегда такъ ловко и осторожно, что никогда ничего не ломала. Она влѣзала черезъ окна, упражнялась на балконѣ, бѣдала по краю крыши, вокругъ дома, спускалась по водосточнымъ трубамъ и шаталась по двору и саду. Она сопровождала насъ, какъ послушная собаченка, при прогулкахъ по лѣсамъ и полямъ, ловила себѣ пауковъ, бабочекъ и кузнечиковъ (любимая пища) и рѣзвилась сколько душѣ угодно, что видимо укрѣпляло ея здоровье и закалило ее на столько, что впослѣдствіи она нѣсколько разъ валялась въ только что выпавшемъ снѣгу, безъ вреда для своего здоровья. Она знакомилась со всѣми прохожими, хотя съ нѣкоторымъ выборомъ, она охотно пугала простыхъ крестьянъ, быстро выскакивая изъ засады, иногда

даже бросалась на нихъ, но никогда никому не вредила. Она съ удовольствіемъ играла съ маленькими собаками, большихъ же избѣгала; если послѣднія нападали на нее, то она храбро набрасывалась на нихъ, садилась имъ на затылокъ, надѣляла ихъ оплеухами, рвала за уши, кусала и царапала ихъ съ такою ловкостью, что, наконецъ, пострадавшія убѣгали, какъ безумныя. Она совершенно не боялась лягушекъ и ящерицъ, но и не трогала ихъ. Если у нея были выпачканы руки, то она старалась поскорѣе вычистить ихъ, и если ей это не удавалось, то она обращалась къ намъ съ просящимъ видомъ. Дома она была невыносима своей привычкой, отъ которой ее нельзя было отучить: она пачкала въ комнатахъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она была послушна; спокойно ложилась спать въ свою корзину, отправлялась въ свою клѣтку, и даже сама закрывала свою дверь; простое шиканье останавливало ея проказы. Она очень охотно играла мягкими куклами, большими и маленькими каучуковыми мячами, пробками, деревяшками и т. д. Одна изъ этихъ игрушекъ всегда пользовалась преимуществомъ, и ее она брала въ свою корзину; остальные забрасывались или тщательно прятались позади шкафовъ и подъ ними, въ складкахъ зановѣсей и т. д. Она всегда смотрѣла на всѣ эти вещи, какъ на свою собственность, къ которой не позволяла никому прикасаться. Въ свои объемистые защечные мѣшки она помѣщала всевозможные предметы, величиною до грецкаго орѣха; охотнѣе она клала туда мелкія вещи; къ нѣкоторымъ она выказывала особенную слабость; если онѣ пропадали, то всегда знали, гдѣ ихъ нужно искать. Скоро у моей жены стало привычкой опоражнивать каждый вечеръ защечные мѣшки обезьяны; сначала она сопротивилась этому, но вскорѣ привыкла, и какъ только ее брали на колѣни, она сама выкладывала свои сокровища изъ мѣшковъ. Она содѣйствовала опоражниванію мѣшковъ тѣмъ, что тыльною поверхностью кисти потирала или нажимала на нихъ снаружи. При этомъ изъ нихъ вынимали камешки, горошины, монеты, бобы, гвозди, пробки, наперстки, стеклянныя пробки и многія другія вещи. То что не требовало съ другимъ, то оставлялось въ распоряженіе обезьяны; вообще она никогда ничего не теряла. Она очень охотно рассматривала въ книгахъ картинки, въ особенности раскрашенныя, и внимательно слѣдила за перелистываніемъ; сначала она быстро хватала изображенія кузнечиковъ и пауковъ, одинаково какъ цвѣтныхъ, такъ и черныхъ, но скоро догадалась, что ихъ нельзя ѣсть. Она не выказывала никакого страха при видѣ изображеній змѣй и ящерицъ, по узнавала ихъ, что можно было замѣтить по измѣнявшемуся выраженію ея лица и голоса.

„Питалась она тѣмъ, что подавали на столъ, но совершенно отвергала бутерброды и молоко; особенно жадно бросалась она на лукъ, а также на куски хлѣба, смазанные толстымъ слоемъ горчицы. Хотя при этомъ она дѣлала ужасныя гримасы и прыжки, но все же ѣла съ большимъ удовольствіемъ. Чернила были ей также по вкусу; она вынимала перо изъ воронки чернильницы, облизывала его и осторожно клала въ сторону, а затѣмъ макала палецъ въ чернильницу до тѣхъ поръ, пока не насытится. Она избѣгала табачнаго дыма. Очень охотно пила красное вино и пиво, но не напивалась; самымъ большимъ удовольствіемъ для нея было втягивать въ себя пѣну съ пива; она ѣла охотно всякаго рода плоды, въ особенности смородину, землянику и крыжовникъ. Лицъ она не ѣла и не трогала гнѣздъ, и напротивъ, очень дружно уживалась съ парой мухоловокъ, у которыхъ было гнѣздо на нашемъ балконѣ. Точно также хорошо относилась она и къ другимъ птицамъ, въ особенности къ синицамъ и къ дятламъ, которыхъ мы имѣли привычку кормить у окна и, которые даже входили беззаботно къ намъ въ комнату. Утро начиналось у нея завтракомъ у стола. Какъ скоро она вставала изъ своей корзинки, въ которой прикрывалась теплымъ одѣяломъ, то выходила изъ клѣтки и стремительно направлялась къ столу, чтобы не пропустить время, когда зажигали спиртовую лампочку подъ кофейникомъ; при этомъ ей давали еще горящую спичку, которую она гасила движеніемъ своихъ губъ. Затѣмъ она съ поднятыми руками становилась передъ кофейникомъ, грѣлась и присматривалась къ пламени спиртовой лампочки, вспыхиваніе и движеніе котораго ее очень запи-

мало, точно такъ же, какъ и шумъ кипящей воды. Послѣ этого хозяйка вычищала ее щеткой съ головы до верушки хвоста и это ей такъ нравилось, что она сама принимала различныя удобныя положенія. Менѣе охотно давала она себѣ ежедневно мыть лицо; противно ей было и намыливаніе и купаніе, которое производилось разъ въ недѣлю.

„Къ однимъ изъ посѣтителей она сразу выказывала расположеніе, къ другимъ относилась несочувственно, и затѣмъ никогда не мѣняла своего отношенія, при чемъ легко узнавала тѣхъ, которыхъ видѣла. Тѣхъ, къ которымъ она относилась сочувственно, она тянула за платье, различными движеніями и звуками старалась привлечь ихъ, чтобы они играли съ нею; садилась къ нимъ на колѣни, давала гладить себя и ласкать, и была на столько привѣтлива и игрива, что пріобрѣла много друзей. Тѣхъ, которыхъ она не терпѣла, она какъ будто бы не замѣчала; если же они задѣвали ее, то она убѣгала или становилась на заднія конечности и принимала угрожающій видъ: если же они приставали къ ней или смѣялись громко, то она изображала „василиска“, т. е. становилась на четверинки, оттягивала уши назадъ, сильно раскрывала ротъ, высовывала языкъ, рычала и производила различныя угрожающія движенія. Это было предупрежденіемъ, которое заставляло насъ вмѣшиваться, иначе она бросалась на того, кто ее дразнилъ. На основаніи наблюденій оказалось, что отношеніе ея къ различнымъ людямъ основывалось на нѣкоторыхъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Веселый видъ, благозвучный голосъ, простое обращеніе располагали ее къ себѣ, между тѣмъ какъ рѣзкія движенія, суровый, холодный видъ, грубый и громкій голосъ отталкивали ее. Со всѣми дѣтьми безъ исключенія она охотно забавлялась, была очень терпѣлива даже при грубомъ обращеніи, шалила и боролась съ ними до тѣхъ поръ, пока они не слишкомъ приставали къ ней. Никогда она не грозила ребенку, не царапала и не кусала его; дѣти всегда были ея лучшими друзьями.

„Особонно трогательна была ея привязанность къ моей женѣ; обезьяна считала себя ея естественной охранительницей и стоило только кому нибудь коснуться ее или пожать ее руку, какъ животное уже усаживалось сбоку ея, на плечѣ или на колѣняхъ, готовое защищать ее. Когда ея хозяйка тяжело заболѣла, обезьяна стала печальна, не весела и просиживала по нѣсколько часовъ у дверей комнаты больной, какъ бы умоляя впустить ее туда. Когда черезъ нѣсколько недѣль ее впустили въ комнату, то она тотчасъ же прыгнула къ своей хозяйкѣ, прижималась къ ней, издавала жалобные звуки, обняла своею рукою шею больной и ее никакъ нельзя было удалить.

„У этой обезьяны былъ довольно большой голосъ; у нея можно было отличить 13 отдѣльныхъ звуковъ, или сочетаній ихъ. Отъ слабаго, мелодичнаго, съ различными видоизмѣненіями чирканья, щебетанья, мурлыканья, служившихъ для выраженія удовольствія, просьбы или радости, до самаго рѣзкаго визга и крика, какъ выраженія злости, отъ едва слышнаго „тукъ-тукъ“, которое она часто издавала боязливо, когда вечеромъ оставалась въ неосвѣщенной комнатѣ, до яснаго очень громкаго „тэкъ“, издававшегося при очень сильномъ испугѣ. Наконецъ, при различныхъ степеняхъ возбужденія она издавала различные звуки, отъ высокаго тяфканья и рѣзкаго крика, до низкихъ звуковъ въ видѣ шума, бульканья и хрюканья. Всего своеобразнѣе были звуки, которые мы называли „привѣтствіемъ солнцу“; утромъ, когда солнечные лучи проникали въ нашу комнату, она отыскивала на окнѣ, на столѣ или на полу ярко освѣщенное мѣсто, становилась передъ нимъ на заднія ноги, обращалась при этомъ по направленію къ солнцу, слегка покачивая руками и поднимая ихъ, вытягивала губы, и пять шесть разъ подрядъ издавала изъ глубины груди очень рѣзкіе звуки, составлявшіе большую часть хроматической гаммы, которая окончивалась глубокимъ, протяжнымъ „Э“. Это были очень своеобразные звуки, которыхъ я никогда не слыхалъ у обезьянъ“.

*

Названіемъ макакъ или макако (*Macacus*) обозначаютъ въ западной Африкѣ очень разнообразныхъ обезьянъ. Въ научномъ отношеніи онѣ составляютъ

не особенно многочисленный родъ, который, исключая одного вида, живетъ въ юговосточной Азіи. Вообще главные признаки, которыми отличаются макаки, слѣдующіе: тѣлосложеніе ихъ коренастое, не особенно длинныя, сильныя конечности; морда у нихъ выдается почти такъ же, какъ у мартышекъ. На короткомъ большомъ пальцѣ кисти, и на болѣе длинномъ большомъ пальцѣ стопы существуютъ плоскіе ногти; на всѣхъ остальныхъ пальцахъ, какъ рукъ, такъ и ногъ ногти почти черепицеобразныя; хвостъ различной длины и крѣпости: у однихъ онъ достигаетъ длины тѣла, а у другихъ онъ почти совершенно не существуетъ; защечныя мѣшки и сѣдалищныя мозоли довольно велики. Дальнѣйшія особенности этого животнаго состоятъ еще въ томъ, что у однихъ существуетъ проборъ по срединѣ волосъ головы, у другихъ волоса спускаются, въ видѣ парика, отъ почти совершенно голой макушки, и что у однихъ изъ нихъ нѣтъ бакенбардъ, а у другихъ онѣ, напротивъ, очень сильно развиты.

Въ доисторическое время макаки обитали въ большей части Европы, и въ настоящее время онѣ распространяются всего дальше къ сѣверу. Безхвостые виды этихъ обезьянъ живутъ въ сѣверной Африкѣ, Китаѣ и Японіи, между тѣмъ какъ длиннохвостые виды обитаютъ на материкѣ и островахъ Ост-Индіи. Они какъ бы замѣняютъ мартышекъ, но во многомъ больше сходны съ павіанами и живутъ либо, какъ мартышки, въ лѣсахъ, либо, какъ павіаны, на скалахъ. Нахальство этихъ двухъ видовъ какъ будто соединено въ нихъ. Въ молодости они миролюбивы и веселы, какъ мартышки, а въ взросломъ состояніи они злы и нахальны, какъ павіаны.

Къ самымъ извѣстнымъ видамъ этого рода принадлежитъ макакѣ или яванская обезьяна, моньетъ явонцевъ (*Macacus cynomolgus*). Длина его равняется 1,15 метра, изъ которыхъ отъ 50 до 55 ст. приходится на долю хвоста. У самца волоса на головѣ плоско сдвинуты, у самки — подняты въ видѣ гребешка; цвѣтъ шерсти сверху зелено-коричневатый, внизу — бѣловато-сѣрый, на рукахъ, ногахъ и хвостѣ — черноватый. Животное это живетъ въ восточной Азіи, въ особенности на большихъ Зондскихъ островахъ, гдѣ оно встрѣчается очень часто. Почти каждый корабль, идущій изъ Индіи, имѣетъ нѣсколько такихъ обезьянъ, которыя покупаются за ничтожную цѣну у туземцевъ; поэтому большая часть нашихъ обезьянъ, живущихъ въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ, принадлежитъ къ этому виду. По своей формѣ и по своему нраву они очень сходны съ мартышками. Они очень хорошо уживаются съ неволѣ и даже размножаются здѣсь. Вслѣдствіе того что у нихъ живой нравъ, а также потому, что они легко поддаются обученію, ихъ часто можно видѣть на сценѣ, гдѣ они исполняютъ роль слуги или лакея.

Другой видъ макакѣ бундерѣ, маркатъ индійцевъ, признается также священнымъ, по указаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ. „Вполнѣ достовѣрный человѣкъ разсказывалъ мнѣ, говоритъ капитанъ Джонсонъ, что почитаніе этой обезьяны туземцами почти такого же, какъ гульмана. Жители Бака оставляютъ для нея на своихъ поляхъ десятую часть жатвы; она спускается съ горъ, чтобы собирать податъ.“

Каждый индусъ очень охотно уплачиваетъ эту податъ, что указываетъ на его мягкость и добросердечность, которыя хотя и кажутся смѣшными, но все же дѣлаютъ ему честь, и во многихъ отношеніяхъ достойны нашего подражанія. Точно также я не нахожу ничего смѣшного или страннаго въ той защитѣ, которую они оказываютъ покровительствуемому животному противъ чужеземцевъ; напротивъ, мнѣ кажется даже достойнымъ уваженія, что въ этихъ мѣстахъ люди защищаютъ животныхъ противъ всякаго произвола. Чужеземцы никакъ не могутъ жить съ этими обезьянами, не враждуя съ ними. Почти совершенно невозможно устроить себѣ садъ или плантацію, чтобы терпимые здѣсь мошенники не разрушили или не испортили бы все самымъ невозможнымъ образомъ. Если поставить караульныхъ, чтобы отгонять ихъ, то обыкновенно и это не приводитъ къ цѣли:

если навязчивыхъ гостей отгоняють съ одной стороны, то они являются съ другой. Пылающіе костры и всевозможныя пугала и т. под. страхи на нихъ совершенно не дѣйствуютъ, а примѣнять насиліе, значить подвергать опасности собственную свою жизнь.

Исторія перваго большого параднаго обѣда, даннаго леди Бэркеръ въ Симлѣ, поглядно показываетъ, между прочимъ, какой неожиданный исходъ могутъ принять культурныя праздненства въ Индіи. Леди Бэркеръ приготовила въ своемъ домѣ все для большого собранія. Столы она собственноручно убрала цвѣтами и устала самыми избранными лакомствами Европы и Индіи; насталъ часъ пріема гостей; она ушла въ свою комнату, чтобы переодѣться; прислуга вмѣсто того, чтобы охранять комнату, развлекалась на сторонѣ; когда хозяйка возвратилась для пріема и послѣдняго осмотра, — все ли въ порядкѣ, — она нашла все свое помѣщеніе переполненнымъ гостями, но къ крайнему сожалѣнію, нежелаемаго вида. Большая шайка обезьянъ спустилась съ близъ стоящихъ деревьевъ, черезъ балконъ вошла въ помѣщеніе, и въ свое удовольствіе пользовалась восхитительными снадобьями стола. Можно себѣ представить положеніе хозяйки, которая стѣзжавшимся гостямъ могла указать только испачканные и разрушенные остатки гастрономическихъ рѣдкостей. Повидимому эта же шайка обезьянъ продѣлала по отношенію къ леди Бэркеръ еще другую злую штуку: маленькая ея собачка „Фури“ постоянно воевала съ обезьянами и сгоняла ихъ своимъ лаемъ; какъ то разъ, одинъ изъ непрошенныхъ гостей схватилъ непримѣнимаго своего врага и потащилъ его на верхушку дерева; тамъ сильно воющую собаченку перебрасывали отъ одного къ другому; шумящая шайка подбрасывала ее, мучила, и наконецъ бросила внизъ, такъ что собаченка съ вѣтвей, нависшихъ надъ бездною, упала въ послѣднюю. Такимъ образомъ обезьяны отомстили ей преждевременной смертью.

Длина бундера (*Macacus rhesus*) равняется 50—60 ст.; длина хвоста доходитъ до 25 ст.; онъ крѣпкаго, коренастаго сложенія; окраска шерсти у него сверху зеленоватая или сѣроватая съ свѣтло-желтоватымъ оттѣнкомъ на бедрахъ и сидѣніи. Нижняя поверхность у него бѣлая, цвѣтъ хвоста на верху зеленоватый, а снизу сѣроватый. Лицо, уши и руки свѣтло-мѣднаго цвѣта, а сѣдалищныя мозоли — ярко-краснаго. У самки хвостъ обыкновенно опущенъ, между тѣмъ какъ у самца онъ завернутъ дугообразно внизъ и внутрь.

Самаго замѣчательнаго изъ всѣхъ макаковъ представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ маготъ, — единственная изъ обезьянъ, живущая на волѣ въ Европѣ. Вслѣдствіе того, что у него отсутствуетъ хвостъ, его принимаютъ за отдѣльный видъ; обыкновенно онъ извѣстенъ подъ названіемъ турецкой, варварійской или простой обезьяны. (*Inuus ecaudatus*.) Онъ отличается слабымъ тѣлосложеніемъ и стройностью длинныхъ конечностей, довольно пушистою шерстью, которая рѣже на нижней части живота, и густыми бакенбардами. Морщинистое лицо, уши, руки и ноги тѣлеснаго цвѣта; сѣдалищныя мозоли блѣднокрасныя; шерсть у него красновато-оливковаго цвѣта. Нижняя поверхность тѣла и внутренняя поверхность конечностей свѣтлѣе, сѣроватой или сѣробѣловатой окраски. Длина тѣла этой обезьяны равняется 75 ст., а высота ея плеча отъ 45 до 50 ст.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта обезьяна была уже извѣстна древнимъ грекамъ подъ названіемъ *Pithesus* и что она первая была завезена въ Европу. Плиній писалъ объ ней, что она все повторяетъ, научается играть въ шашки, умѣетъ различать изображенія; очень цѣнить, если о ней заботятся; въ прирученномъ состояніи размножается и т. д.

Родиной маготъ является сѣверо-западная Африка, Морокко, Алжиръ и Тунисъ. Обезьяна эта на своей родинѣ живетъ, на сколько извѣстно, большими обществами, подъ руководствомъ стараго, опытнаго самца. Маготъ отличается большою смѣтливостью, онъ хитеръ и лукавъ, подвиженъ, ловокъ и силенъ. Въ случаѣ бѣды или нападенія онъ умѣетъ хорошо защищаться зубами. При всякомъ сильномъ возбужденіи онъ такъ сильно искажаетъ лицо, какъ ни одна другая обезьяна; быстро передвигаетъ губами во всевозможныхъ направленіяхъ и сту-

чить зубами. Только подъ вліяніемъ страха онъ издаетъ сильный и короткій крикъ. Свои желанія, радость, отвращеніе, негодованіе и гнѣвъ онъ выражаетъ искаженіемъ лица и стукомъ зубовъ. При гнѣвѣ лобъ, собранный въ складки, быстро передвигается вверхъ и внизъ, морда вытягивается и губы такъ стягиваются, что ротъ его образуетъ маленькое, округленное отверстіе. На свободѣ онъ живетъ въ гористыхъ мѣстностяхъ на отвѣсныхъ скалахъ, но хорошо уживается и на деревьяхъ. О немъ говорятъ, что онъ, какъ и павіанъ, сѣдаетъ много насѣкомыхъ и червей и, поэтому, постоянно ворочаетъ камни, при чемъ,



Маготъ (*Macaca sylvana*) $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

иногда, послѣдніе скатываются съ горъ; въ гористыхъ мѣстностяхъ онъ, поэтому, бываетъ опасенъ. Увѣряютъ, что самая любимая его пища — скорпионъ; онъ ловко вырываетъ у него ядовитое жало, и, затѣмъ, очень жадно сѣдаетъ. Удовлетворяется онъ также маленькими насѣкомыми и червями, и чѣмъ меньше добычи, тѣмъ страстиѣе онъ охотится, тѣмъ жаднѣе онъ сѣдаетъ ее. Пойманное насѣкомое онъ тщательно осматриваетъ, и съ особеннымъ выраженіемъ лица тотчасъ же сѣдаетъ его.

Маготъ единственная обезьяна, которая въ настоящее время живетъ на свободѣ въ Европѣ. Къ крайнему сожалѣнію, во время моего посѣщенія южной Испаніи я ничего не могъ узнать точно и опредѣленно о тѣхъ стадахъ обезьянъ, которыя живутъ на скалахъ Гибралтара. Мнѣ говорили, что ихъ здѣсь еще очень

много, но что ихъ рѣдко приходится видѣть. Со стороны крѣпости ихъ можно наблюдать въ подзорную трубу въ то время, какъ онѣ отыскиваютъ себѣ пищу, ворочая при этомъ камни и скатывая ихъ съ горы. Въ садахъ онѣ являются очень рѣдко. Испанцы ничего не знаютъ о томъ, живутъ ли эти животныя въ Европѣ съ самаго начала или переселились сюда изъ Африки. Достоенъ вниманія отчетъ А. Г. Смита, который собиралъ свои свѣдѣнія на мѣстѣ нахожденія маготъ. Онъ говоритъ, что появленіе этихъ животныхъ въ Европѣ часто подвергалось сомнѣнію, даже принималось за нелѣпую сказку, и что ихъ существованіе на Гибралтарѣ совершенно отрицалъ одинъ капитанъ корабля, который часто бывалъ въ этой мѣстности. Смитъ увѣряетъ, что онъ самъ почти потерялъ всякую вѣру относительно ихъ существованія здѣсь, но убѣдился въ противномъ, когда поднялся къ флаговой мачтѣ на вершинѣ скалы, чтобы полюбоваться открывающимся здѣсь прелестнымъ видомъ. Находившійся тамъ сторожъ случайно сообщилъ ему, что „обезьяны теперь заняты переселеніемъ.“ Здѣсь онъ собралъ самыя точныя свѣдѣнія, изъ которыхъ оказалось слѣдующее:

„Обезьяны живутъ на этой скалѣ съ незапамятныхъ временъ. Какъ и когда перебрались онѣ сюда, неизвѣстно. По сказаніямъ мавровъ, еще до сихъ поръ существуетъ подъ моремъ подземный ходъ, который соединяетъ Гибралтаръ съ Морокко; черезъ него обезьяны переходятъ на ту или другую сторону. Все это преданіе имѣетъ значеніе сказки. Вѣрно то, что онѣ здѣсь существуютъ, но только въ очень незначительномъ числѣ. Такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ все ихъ общество состояло только изъ четырехъ членовъ, то ихъ очень рѣдко приходилось видѣть, — только во время перемѣны вѣтра, когда онѣ, обыкновенно, мѣняютъ свое жилище. Нѣжныя, худощавыя онѣ опасаются каждой рѣзкой перемѣны вѣтра, въ особенности перехода отъ восточнаго вѣтра къ западному и наоборотъ, и стараются защититься отъ этихъ вѣтровъ, прячась позади скалы. Онѣ очень подвижны и избираютъ для своего жилья всего охотнѣе отвѣсныя скалы, въ рыхлой почвѣ которыхъ онѣ безмятежно владѣютъ многими ямами и отверстіями. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что ихъ не затрудняетъ добываніе пищи; судя по виду, онѣ хорошо питаются. О нихъ говорятъ, обыкновенно, что онѣ очень пугливы и убѣгаютъ при малѣйшемъ шумѣ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказывается, что это не такъ, въ доказательство чего лицо, сообщавшее мнѣ объ этомъ, показывало мнѣ нѣсколько скалъ, откуда обезьяны смотрѣли на него еще утромъ, не пугаясь его мундира и унтеръ-офицерскаго вида. Довольно долгое время онѣ оставались на разстояніи 30—40 локтей отъ бруствера, къ которому онъ прислонился, и затѣмъ спокойно возвратились обратно. То обстоятельство, что ихъ, вообще, можно видѣть очень рѣдко, и то только во время ихъ „переселенія“ на противоположную сторону скалы, можно объяснить ихъ робостью и дикимъ нравомъ. Никогда, никто ихъ не преслѣдуетъ; напротивъ, всякими способами стараются предохранить ихъ отъ какихъ бы то ни было тревогъ“.

Годомъ позже Поссельтъ сообщалъ объ этихъ обезьянахъ слѣдующее: „При переѣздѣ изъ Кадикса въ Гибралтаръ, я узнавалъ о тамошнихъ обезьянахъ, и меня увѣрялъ англичанинъ, живущій въ Гибралтарѣ, что тамъ никакихъ обезьянъ нѣтъ. Въ городѣ мнѣ рассказывали, что хотя тамъ и существуютъ обезьяны, въ количествѣ отъ 3 до 16, но что онѣ живутъ на самой отвѣсной недоступной части, и отличаются большою ловкостью. Безъ проводника я поднялся тихолько по самой удобной дорогѣ и свернулъ влѣво, пройдя двѣ трети высоты по главной дорогѣ къ флаговой мачтѣ, т. е. къ высочайшей сѣверной вершинѣ скалы. Прелестнѣйшая картина, которая открылась предо мною, на столько плѣнила меня, что я совершенно забылъ объ обезьянахъ. Вдругъ, на послѣднемъ поворотѣ пути, рѣзкій звукъ возбудилъ мое вниманіе; сначала я принялъ его за отдаленный лай собаки. На разстояніи около двухсотъ шаговъ отъ меня находилась первая батарея со своими грозными пушками, направленными на Испанію. По вымощенному брустверу этой батареи медленно удалялось отъ меня какое то животное величиною съ шотландскую таксу, которое издавало этотъ звукъ. Я остановился и увидалъ, что это была одна изъ обезьянъ, которая, видимо, находилась здѣсь на

караулѣ, потому что на концѣ стѣны, направленномъ къ Средиземному морю, удобно растянулись двѣ другія обезьяны, грѣясь на солнцѣ. Медленно подходилъ я къ этой привлекательной группѣ обезьянъ, которыя теперь, тѣсно прижавшись другъ къ другу, внимательно осматривали меня. Приблизительно на разстояніи 100 шаговъ я остановился и сталъ наблюдать за животными, которыя опять успокоились. Тысячами различныхъ способовъ онѣ выказывали свое удовольствіе, грѣясь на солнечномъ припекѣ: то онѣ обнимались, то валялись по стѣнѣ; иногда одна изъ нихъ, играя, садилась на пушку или пролѣзала черезъ жерло и опять возвращалась къ своимъ товарищамъ. Повидимому онѣ устроились здѣсь вполнѣ по домашнему, и пользовались пріятнымъ солнечнымъ свѣтомъ.

„Въ прежніе годы онѣ были здѣсь очень многочисленны; теперь же ихъ осталось только три, и онѣ болѣе не размножаются, такъ какъ всѣ онѣ, безъ сомнѣнія, одного пола,—либо всѣ самцы, либо всѣ самки; такимъ образомъ маленькая семья вскорѣ совсѣмъ исчезнетъ. Прежде владѣльцы садовъ выставляли ловушки, чтобы сохранить свои произведенія отъ нападенія этихъ прожорливыхъ гостей, причиняющихъ большія разрушенія; поэтому покровительство мужественной Англіи было недостаточнo, чтобы предохранить отъ гибели первобытныхъ обитателей своей сильнѣйшей крѣпости. Черезъ нѣсколько лѣтъ фауна Европы уменьшится однимъ интереснымъ видомъ.“

Для успокоенія всѣхъ друзей животныхъ я могу сообщить, что опасенія Посселята не оправдываются; оказывается какъ разъ обратное. При посредствѣ моего брата я обратился къ начальнику крѣпости съ просьбой выяснитъ вопросъ, и получилъ слѣдующее заявленіе:

„Число обезьянъ, которыя живутъ въ настоящее время на нашей скалѣ, доходитъ до 11. Такъ какъ оказалось, что на скалѣ онѣ могутъ добывать себѣ достаточное количество пищи безъ всякаго труда, то ихъ не кормятъ, но предоставляютъ самимъ себѣ. Сторожъ слѣдящій за сигналами, вмѣстѣ съ чиновникомъ охраны, заботятся объ ихъ безопасности, и не допускаютъ, чтобы за ними охотились или, вообще, какимъ либо способомъ, беспокоили. Первый ведетъ записъ о нихъ, и всегда хорошо знаетъ, когда онѣ появляются и когда удаляются, потому что онѣ всегда держатся вмѣстѣ.“

„Когда и какъ онѣ появились на этой скалѣ, никому не извѣстно, хотя объ этомъ существуютъ различныя сказанія. Лѣтъ 6—7 тому назадъ ихъ было всего три, но сэръ Вильямъ Кодрингтонъ, опасаясь, чтобы онѣ совершенно не вымерли, прибавилъ къ нимъ три или четыре штуки, которыя онѣ получилъ изъ Тангера, и съ тѣхъ поръ онѣ опять размножились до указаннаго выше числа“.

Въ послѣднее время число ихъ болѣе чѣмъ удвоилось. Одинъ изъ офицеровъ англійскаго гарнизона въ Гибралтарѣ, капитанъ Ц. С. Шифардъ, очень любезно отвѣтилъ на сдѣланный ему запросъ: „Въ настоящее время трудно точно опредѣлить, пишетъ Шифардъ 18 марта 1889 года, число существующихъ здѣсь обезьянъ. Третьяго дня я ихъ видѣлъ 12, но прошедшимъ лѣтомъ приходилось видѣть сидящими вмѣстѣ до 25 штукъ, такъ что я полагаю, что общее число ихъ доходитъ до 30. Теперь ихъ трудно видѣть, потому что въ это время года требующая имъ пища и питье въ изобиліи находятся въ верхнихъ частяхъ скалы. Но въ жаркое лѣтнее время недостатокъ пищи заставляетъ ихъ спускаться ниже; тогда онѣ производятъ не малое опустошеніе въ садахъ. Въ іюнѣ или въ іюлѣ прошедшаго года у нихъ было не менѣе 6-ти дѣтенышей. Наибольшая высота взрослого самца равна 3 футамъ. Взрослыя самки не такъ сильны и толсты, какъ самцы, но за то очень стройны и изящны. Самый сильный самецъ держится, обыкновенно, уединенно, на нѣкоторомъ разстояніи отъ всей шайки“.

Изъ этихъ новѣйшихъ наблюденій видимъ, что нечего опасаться того, что послѣднія обезьяны, живущія въ Европѣ на свободѣ, могутъ вымереть.

*

Родъ павіановъ (*Cynopserphalus*) одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, но нельзя сказать, чтобы онѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ, и самымъ привлекательнымъ

и пріятнымъ; напротивъ, между павіанами встрѣчаются самые безобразные, грубые, нахальные и противные представители отряда обезьянъ; они представляютъ собою какъ бы самую низшую степень нравственнаго развитія обезьянъ. Благородство внѣшнихъ формъ у нихъ исчезло совершенно, а умственные отправления подавляются проявленіями необузданной страсти.

Вмѣстѣ съ Аристотелемъ мы называемъ павіановъ „собакоголовыми“ обезьянами, потому что строеніе ихъ головы гораздо больше напоминаетъ голову грубой, неуклюжей собаки, чѣмъ голову человѣка; между тѣмъ съ послѣднимъ болѣе сходны по формѣ головы всѣ остальные обезьяны. Въ сущности, сходство это очень поверхностно: собачья голова павіана такъ же мало похожа на голову собаки, какъ голова гориллы на голову человѣка. Но въ сравненіи съ другими обезьянами вытянутая морда павіана является характернымъ признакомъ; поэтому мы можемъ пользоваться названіемъ, установленнымъ въ древности Аристотелемъ.

Собакоголовыя обезьяны, вмѣстѣ съ человѣкоподобными, принадлежатъ къ самымъ большимъ обезьянамъ. Тѣлосложеніе у нихъ коренастое, мышечная сила громадная; тяжелая голова удлинняется впередъ въ сильную длинную морду, притупленную спереди, часто со складками, морщинами и съ выдающимся носомъ. Зубы напоминаютъ зубы хищниковъ, вслѣдствіе сильнаго развитія клыковъ, у которыхъ на задней части выдается довольно рѣзкій край; губы очень подвижны, уши маленькія, глаза очень выпуклые; въ нихъ выражаются главныя качества этихъ обезьянъ, — ихъ непримѣрная хитрость и коварство. У нихъ сильныя и короткія конечности; руки съ 5-ю пальцами. Хвостъ, то короткій, то длинный, иногда прикрытый гладкою шерстью или съ кисточкой на концѣ. Щечные мѣшки у нихъ велики; сѣдалищныя мозоли достигаютъ громадныхъ размѣровъ и обыкновенно ярко окрашены. Длинная и рѣдкая шерсть удлинняется у нѣкоторыхъ изъ нихъ на головѣ, шеѣ, плечахъ, образуя настоящую гриву. Цвѣтъ шерсти напоминаетъ неопредѣленный цвѣтъ земли или скаль; онъ сѣрый, сѣро-зеленовато-желтый или зелено-коричневый.

Мѣсто распространенія собакоголовыхъ обезьянъ простирается по всей Африкѣ, Аравіи и Индіи; каждая изъ этихъ странъ имѣетъ свои собственные виды; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ на столько распространены, что являются въ нѣсколькихъ странахъ.

Павіаны должны быть разсматриваемы, преимущественно, какъ настоящіе обитатели скаль, но нѣкоторые виды живутъ и въ лѣсахъ, и болѣе искусны въ лазаніи по деревьямъ, чѣмъ можно предполагать, наблюдая ихъ въ безлѣсныхъ странахъ. Въ горахъ они поднимаются до высоты 3000—4000 метровъ надъ уровнемъ моря, и достигаютъ даже снѣжной линіи. Но они предпочитаютъ, повидимому, болѣе низкія мѣстности, располагаясь въ горахъ на высотѣ отъ 1000 до 2000 метровъ. Уже самые древніе путешественники упоминаются о томъ, что ихъ истинная родина, гористыя мѣстности.

Пища павіановъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ луковицъ, клубней, травъ, зелени, плодовъ, яицъ и всѣхъ возможныхъ видовъ мелкихъ животныхъ. Нужно однако замѣтить, что эти отважныя и ловкія обезьяны не ограничиваются одними мелкими животными, а какъ настоящіе хищники бросаются и на животныхъ большаго размѣра. По наблюденіямъ Фишера бабуины восточной Африки ловятъ не только куръ, но также карликовыхъ антилопъ, и даже нападаютъ на красивыхъ козъ. На плантаціяхъ, и въ особенности въ виноградникахъ, павіаны производятъ страшныя опустошенія. Полагаютъ даже, что они производятъ свои грабежи по совершенно обдуманному и впередъ опредѣленному плану. По образу жизни павіаны больше всѣхъ другихъ обезьянъ привязаны къ землѣ; самая форма ихъ тѣла какъ бы удерживаетъ ихъ на почвѣ. По походкѣ они больше всего похожи на неуклюжихъ собакъ; когда они становятся вертикально, то всегда стараются укрѣпиться при помощи верхнихъ конечностей. Въ спокойномъ состояніи передвигаются не торопясь, при чемъ шаги ихъ медленны и тяжелы. Когда ихъ преслѣдуютъ, они убѣгаютъ своеобразнымъ галопомъ, который сопровождается еще различными странными движеніями. Походка ихъ отличается нахальнымъ безстыдствомъ, и нужно ее видѣть, чтобы имѣть о ней представленіе.



Жизнь животных. Птицы. I.

Тво. Прислание въ Сиб.

ПАВІАНЪ.



Душевные качества этого животного нисколько не противорѣчаютъ его внѣшнимъ проявленіямъ; чтобы познакомить съ ними я приведу слова Шейтлина.

„Всѣ павіаны, безъ исключенія, представляютъ болѣе или менѣе скверное животное; они всегда дики, злы, нахальны, коварны. Морда ихъ похожа на самую грубую собачью морду, а лицо крайне безобразно. У нихъ хитрый взглядъ и злая душа. Но они болѣе способны къ обученію, чѣмъ маленькія обезьяны; они болѣе толковы, но за то и болѣе хитры. У этихъ обезьянъ рѣзче всего выступаетъ, свойственная всѣмъ обезьянамъ, подражательная способность, при посредствѣ которой они, будто бы, могутъ приблизиться къ человѣку, никогда, однако, не сближаясь съ нимъ. Они очень легко замѣчаютъ западни и опасность и защищаются противъ врага съ большою храбростью и настойчивостью. Не смотря на то, что они такъ дурны по природѣ, они очень измѣняются, и въ дѣтствѣ ихъ легко приучить и сдѣлать послушными; но все же въ старости ихъ злой нравъ прорывается по мѣрѣ того, какъ тупѣютъ ихъ чувства. Они становятся непослушными, лицо ихъ опять искажается и они начинаютъ по прежнему царапать и кусать. Воспитаніе, видимо, не достаточно глубоко измѣняетъ ихъ. Говорятъ, что на свободѣ они толковѣе и развитѣе, а въ неволѣ смиренѣе и болѣе способны къ обученію. Названіе семейства, къ которому они принадлежатъ — собакоголовыя обезьяны. Хорошо было бы, если бы при собачьей головѣ у нихъ былъ собачій нравъ!“

Приходится согласиться съ описаніемъ Шейтлина: изображенная имъ картина совершенно вѣрна. Нравъ павіановъ, — истинно обезьяній нравъ, только больше въ худомъ, чѣмъ въ хорошемъ смыслѣ. Приходится, однако, признать за ними и нѣкоторыя прекрасныя качества: они очень хорошо относятся другъ къ другу и къ своимъ дѣтенышамъ, также къ человѣку, который за ними ухаживаетъ и воспитываетъ ихъ; они становятся даже полезны для него въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Но всѣ эти хорошія качества теряются по сравненію съ ихъ пороками и страстностью. Хитрость и коварство присущи всѣмъ собакоголовымъ обезьянамъ; кромѣ того онѣ отличаются своею необыкновенною злостью. Злоба охватываетъ ихъ мгновенно, подобно пламени, но исчезаетъ не такъ легко, и онѣ не скоро успокаиваются. Одно слово, насмѣшливая улыбка или даже сердитый взглядъ могутъ довести павіана до бѣшенства, и въ этомъ состояніи онъ какъ будто забываетъ все, даже тѣхъ, которыхъ недавно ласкалъ. Поэтому эти животныя всегда опасны; ихъ грубый нравъ прорывается, хотя бы они довольно продолжительное время не проявляли его. Относительно своихъ враговъ они положительно свирѣпы. Хотя павіаны и избѣгаютъ человѣка, но все же, когда имъ грозитъ опасность, они вступаютъ съ нимъ въ бой, какъ и съ хищными животными; бой съ послѣдними часто бываетъ очень опасенъ. Леопардъ является, повидимому, главнымъ ихъ врагомъ; однако онъ чаще нападаетъ на молодыхъ обезьянъ, чѣмъ на взрослыхъ, потому что ему приходится подумать о томъ, въ состояніи ли онъ справиться своими клыками и когтями съ руками и зубами взрослого павіана. Съ собаками павіанъ справляется, обыкновенно, хорошо; не смотря на это, едва ли найдется большее удовольствіе для этого благороднаго животного, чѣмъ охота на павіановъ. Кромѣ собаки, леопарда и льва павіаны не имѣютъ, повидимому, опасныхъ враговъ, но съ страшнымъ вліяніемъ ядовитаго зуба змѣи они, вѣроятно, хорошо знакомы: ни единый павіанъ не подниметъ камня и не пройдетъ черезъ кустъ, пока не убѣдится, что тамъ не скрывается змѣя. Скорпіоновъ эти хитрыя животныя не боятся; онѣ ловятъ ихъ очень ловко, вырываютъ у нихъ ядовитое жало безъ всякаго вреда для себя, и, затѣмъ, съ удовольствіемъ съѣдаютъ ихъ, такъ же, какъ другихъ пауковъ или насѣкомыхъ.

Польза, приносимая павіанами очень не велика. Пользуясь ихъ способностью къ обученію, ихъ знакомятъ съ различными фокусами. Въ южной Африкѣ, на сколько извѣстно, ими пользуются для отысканія воды въ степи. Ихъ приучаютъ съ этою цѣлью, и берутъ съ собою въ такія безводныя страны, гдѣ даже бушмены по каплѣ добываютъ этотъ важнѣйшій напитокъ. Когда запасъ воды подходитъ къ концу павіану даютъ соленую пищу; нѣсколько часовъ спустя его привязываютъ къ веревкѣ и пускаютъ бѣгать; мучимое жаждой животное кидается

то вправо, то влево, убѣгаетъ впередъ и возвращается обратно; обнюхиваетъ воздухъ и вырываетъ растенія, чтобы изслѣдовать подъ ними почву; наконецъ, раскапываетъ землю, и, такимъ образомъ указываетъ на существованіе скрытаго источника воды, или, бѣгая въ опредѣленномъ направленіи, указываетъ на выходъ воды на дневную поверхность.

Первая обезьяна, которую мы рассмотримъ, причисляется многими естествоиспытателями къ павіанамъ, между тѣмъ какъ другіе относятъ ее къ макакамъ. По нраву это настоящій павіанъ, по формѣ же она существенно отличается отъ настоящихъ собакоголовыхъ обезьянъ, слѣдствіемъ чего и являются различныя мнѣнія наблюдателей. Ее необходимо признать переходной формой, соединяющей въ себѣ признаки каждаго изъ этихъ видовъ, и какъ бы связывающей ихъ между собою. Едва ли можно обвинить въ ошибокѣ тѣхъ, которые причисляютъ ее къ макакамъ, точно также правы и тѣ, которые относятъ ее къ собакоголовымъ обезьянамъ.

Черный или хохлатый павіанъ (*Cynopithecus niger*) отличается отъ другихъ собакоголовыхъ обезьянъ короткимъ хвостомъ и формою морды; послѣдняя широка, плоска, коротка и отличается еще тѣмъ, что носъ не выступаетъ надъ верхней губой, какъ у павіановъ; онъ короче и оканчивается въ заднемъ отдѣлѣ морды. Поэтому обезьяна эта является представителемъ особаго рода, собачьихъ обезьянъ, въ тѣсномъ смыслѣ *Cynopithecus*. Лицо и сѣдалищныя части голы; все остальное тѣло покрыто длинной, пушистой шерстью, которая на головѣ удлиняется въ видѣ довольно большого хохла. Окраска шерсти однообразная, черная; такого же цвѣта и бархатистая голая кожа лица. Сѣдалище краснаго цвѣта. Длина хохлатой обезьяны меньше всѣхъ другихъ подобныхъ обезьянъ; она равняется 65 сант.; длина короткаго хвоста не болѣе 3-хъ сант.

Родина черной собакоголовой обезьяны — островъ Целебсъ, гдѣ она встрѣчается въ довольно большомъ количествѣ. О жизни ея на свободѣ до сихъ поръ извѣстно очень мало.

Въ послѣднее время обезьяна эта часто привозится въ Европу и здѣсь довольно долго живетъ въ неволѣ. Хохлатый павіанъ, котораго я видѣлъ въ зоологическомъ саду въ Амстердамѣ, былъ, повидимому, въ очень хорошемъ состояніи; на день его, обыкновенно, приводили въ общее помѣщеніе съ мартышками, которыя развлекали посѣтителей. Произвольный, властолюбивый черный павіанъ навѣрное мучилъ бы всѣхъ остальныхъ пугливыхъ обезьянъ, но очень ловкія мартышки всегда во время убѣгали отъ него. Съ макаками онъ жилъ, повидимому, довольно хорошо, а къ самкѣ бабуина относился даже очень нѣжно, или, по крайней мѣрѣ, съ большимъ вниманіемъ; этой нѣжной красавицѣ онъ охотно давалъ чистить свою шерсть. На прилагаемомъ рисункѣ онъ изображенъ очень хорошо; въ такомъ положеніи онъ сидитъ очень часто, задумчиво по нѣсколько минутъ; должно быть въ это время въ его умѣ зрѣетъ планъ новыхъ шалостей и легкомысленныхъ проказъ.

По мнѣнію Брукмана ни одна обезьяна не годится такъ хорошо для сцены, какъ хохлатый павіанъ. Онъ играя изучаетъ необходимое, и разъ выученное помнитъ твердо; „работаетъ“ онъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Если его рѣдко встрѣчаютъ на сценѣ, то только потому, что его трудно достать, онъ дорого цѣнится и легко погибаетъ.

Между настоящими павіанами, или обезьянами безъ епанчи, мнѣ всего болѣе знакомъ бабуинъ (*Cynopithecus babuin*), хотя я и наблюдалъ его только въ неволѣ. Бабуина никакъ нельзя смѣшать съ только что описаннымъ видомъ павіана; его также легко отличить отъ павіановъ съ епанчею. Онъ болѣе сходенъ съ другими собакообразными обезьянами и въ особенности съ обезьяной, живущей въ южной Африкѣ, и именно съ хахмой (*C. roscarius*) или съ сфинскомъ (*C. sphinx*), живущими въ западной Африкѣ. Гладкая однообразная шерсть въ верхней части тѣла оливково-зеленовато-желтоватаго цвѣта; каждый волосъ,

взятый отдѣльно, черновато-желтоватый и завитъ. Снизу шерсть свѣтлѣе, а на щекахъ бѣловато-желтоватая; лицо у уши черноватаго, свинцово-сѣраго цвѣта, брови бѣловатыя, руки коричнево-сѣрыя, а глаза свѣтло-коричневые. Высота плеча взрослого самца около 65—70 ст.; общая длина его равняется 1,5 метра; одна треть этой длины приходится на тонкій хвостъ. Хахма гораздо большаго размѣра, болѣе неуклюжей формы и шерсть у нея темнѣе; сфинксъ скорѣе меньше, но болѣе крѣпкаго тѣлосложенія; морда у него короче и отличается особенными утолщеніями скуловыхъ костей. Шерсть его нѣсколько завита черно-сѣраго и красновато-бурога цвѣта, между тѣмъ какъ у предыдущихъ цвѣтъ шерсти желто-бурый, красновато-бурый, съ легкимъ масляно-зеленымъ оттѣнкомъ.



Черный или хохлатый павіанъ (*Сynopithecus niger*) $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

По образу жизни и по нраву эти три вида обезьянъ почти не отличаются другъ отъ друга, поэтому я буду говорить, главнымъ образомъ, о бабуинѣ.

Бабуинъ живетъ почти исключительно на родинѣ гамадрила, но проникаетъ въ глубь Африки дальше, чѣмъ послѣдній. Абиссинія, Кордофанъ и другія африканскія страны являются также мѣстомъ его пребыванія и онъ встрѣчается здѣсь довольно часто. По свидѣтельству Бѣма и Рейхарда его находятъ также въ нѣмецкой восточной Африкѣ; онъ попадаетъ къ юго-западу отъ озера Танганики до верхняго теченія рѣки Луалаба, если только эти наблюдатели не смѣшиваютъ его съ другимъ видомъ.

По своимъ движеніямъ и по фигурѣ бабуинъ очень сходенъ съ другими павіанами, нравомъ же онъ нѣсколько лучше ихъ. Это толковое животное, которое легко привыкаетъ къ человѣку, въ особенности, если взято въ молодомъ возрастѣ. Его безъ труда можно научить различнымъ фокусамъ; онъ очень привязывается къ своему хозяину и служитъ ему съ вѣрностью, даже если съ нимъ

худо обращаются. Самка мягче и добродушнѣе самца, который часто проявляетъ коварство и злость даже по отношенію къ своему хозяину; самка же всегда очень дружна съ нимъ.

Перваго бабуина, жившаго у меня, я назвалъ Перро. Это была красивая живая обезьяна, которая уже черезъ три дня вполнѣ привыкла ко мнѣ. Я далъ ей должность сторожа, и посадилъ ее надъ входными воротами. Скоро она выбрала себѣ здѣсь любимое мѣстечко, откуда караулила ворота самымъ старательнымъ образомъ. Только домашнихъ и знакомыхъ она пропускала свободно; незнакомыхъ же она упорно не впускала и вела себя при этомъ крайне неистово; чтобы дать пройти, нужно было придерживать ее, иначе она бросалась на пришедшаго, какъ алѣйшая собака. При каждомъ возбужденіи она оказывалась настоящимъ павіаномъ съ головы до ногъ, со всѣми привычками и обычаями, съ нравомъ и безобразіемъ своей породы, члены которой вообще очень сходны между собою. Въ гнѣвѣ она поднимала хвостъ, становилась на обѣ ноги и одну руку, а другой рукой сильно била по землѣ, точно такъ же, какъ сильно взбѣшенный человѣкъ бьетъ рукой по столу, — только не сжимала ее въ кулакъ, какъ это дѣлаетъ человѣкъ. Глаза ея сверкали и искрились, она издавала рѣзкій крикъ и бросалась прямо на своего противника. Иногда она дѣйствовала очень лицемѣрно: принимала очень дружескій видъ, чмокала губами, чѣмъ всегда выражала свое расположеніе, и протягивала свои руки къ тому, на кого хотѣла напасть. Если послѣдній поддавался ей, то она быстро схватывала его руку, притягивала къ себѣ врага, царапала и кусала его. Со всѣми животными она жила въ большой дружбѣ, за исключеніемъ страусовъ, которые были у насъ; послѣдніе были, однако же, сами виноваты въ этихъ враждебныхъ отношеніяхъ. Когда Перро не сторожилъ, то сидѣлъ, обыкновенно, на стѣнѣ и защищалъ свою голову циновкой отъ палящихъ солнечныхъ лучей; при этомъ онъ не обращалъ никакого вниманія на свой длинный хвостъ, отвисавшій вдоль стѣны. Страусы обладаютъ нехорошей привычкой клевать все, что не твердо укрѣплено; такимъ образомъ, часто случалось, что одна изъ этихъ птицъ подходила покачиваясь къ Перро, незамѣтно для него приближала свою глупую верблюжью голову, и вдругъ, неожиданно, сильно кусала его за хвостъ. Въ одинъ мигъ Перро бросалъ циновку, громко вскрикивалъ, захватывалъ обѣими руками голову страуса и сильно трясъ ее. Иногда обезьяна въ продолженіе $\frac{1}{4}$ часа послѣ этого не могла успокоиться; не удивительно поэтому, что какъ только она могла добраться до страуса, она награждала его ударомъ или щелчкомъ.

Всѣ наши павіаны, какъ и туземцы отличались своею страстью къ меризѣ, — родъ пива, которое туземцы готовятъ изъ сѣмянъ дурры или дохи. Они часто пьянѣли отъ этого напитка, что убѣждало меня въ томъ, что суданцы вѣрно передали мнѣ способъ ловли павіановъ. Они пили и красное вино, но отъ водки рѣшительно отказывались. Разъ мы насильно влили обезьянамъ по рюмкѣ водки въ ротъ; вскорѣ явились послѣдствія, тѣмъ болѣе, что онѣ передъ тѣмъ уже пробовали меризу; онѣ совсѣмъ опьянѣли, корчили безобразныя рожи, сдѣлались нахальны, страстны и непристойны, словомъ, представили ужасную картину грубаго, опьянѣвшаго человѣка. На другое утро ихъ сильно мучило похмѣлье.

Съ другими животными, съ которыми находились павіаны, они жили хорошо. Ручная львица, о которой я сообщу послѣ, очень пугала мартышекъ, но не дѣйствовала на храбрыхъ собакоголовыхъ обезьянъ. Когда страшное животное приближалось къ нимъ, то онѣ убѣгали отъ него, но когда львица дѣйствительно намѣревалась схватить котораго нибудь изъ нихъ, то они очень храбро возставали противъ нея; то же явленіе я наблюдалъ всегда и впослѣдствіе. Мои ручные павіаны убѣгали, напримѣръ, отъ охотничьихъ собакъ, которыхъ я натравлялъ на нихъ, но они тотчасъ же заставляли убѣгать собакъ, какъ только которая нибудь изъ нихъ рѣшалась схватить павіана. Въ такихъ случаяхъ убѣгающая обезьяна съ страшнымъ крикомъ поворачивалась въ одно мгновеніе, съ необычайной ловкостью вцѣплялась въ собаку, надѣляла ее оплеухами, такъ кусала и царапала ее, что послѣдняя въ сильномъ страхѣ, убѣгала съ воємъ. Тѣмъ смѣшнѣе видѣть тотъ непомѣрный страхъ, который выражаютъ павіаны при встрѣчѣ со всякими пре-

смыкающимися и гадами. Невинная ящерица, безобидная лягушка могли довести ихъ до неистовства! Совершенно какъ безумные они взбирались куда нибудь на верхъ, хватались за перекладыны и стѣны, на сколько только позволяла веревка, къ которой они были привязаны. Не смотря на то, любопытство ихъ все же такъ велико, что они не могутъ не посмотрѣть на столь страшное для нихъ животное. Нѣсколько разъ я приносилъ имъ въ жестянкахъ ядовитыхъ змѣй; изъ опыта они знали, какія опасныя существа содержались въ этихъ жестянкахъ, но



Бабуинъ (*Cynopetalus babuin*) $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

все же не могли противостоятъ желанію открыть ихъ, и затѣмъ, какъ бы наслаждались своимъ страхомъ.

Одну обезьяну изъ этого семейства я привезъ въ Германію, къ себѣ на родину; это было очень толковое животное, но все же оно производило много безобразныхъ и дикихъ дѣйствій. Наша домашняя собака въ продолженіе многихъ лѣтъ была у насъ полнымъ тираномъ; на старости она стала на столько ворчлива, что не могла ужиться ни съ однимъ другимъ животнымъ, а если бывала раздражена, или ее хотѣли наказать, то она кусала даже своего хозяина. Но Атилле, — это имя моей обезьянки, оказалась не только равноправной съ нею, но даже болѣе сильнымъ ея противникомъ. Атилле доставляло особенное удовольствіе сердить эту собаку всякими способами. Когда собака спала на дворѣ послѣ обѣда,

растянувшись удобнѣйшимъ образомъ на зеленой травкѣ, то хитрая обезьяна тихо подкрадывалась къ ней; съ удовольствіемъ убѣдившись въ томъ, что она крѣпко спитъ, она осторожно хватала ее за хвостъ и вдругъ, быстро рванувъ его, будила ее. Разбуженная собака вскакивала и съ лаемъ и ворчаніемъ бросалась на обезьяну; послѣдняя принимала очень вызывающій видъ, ударяла рукою по землѣ, и спокойно ожидала своего разъяреннаго врага. Но, къ безграничному своему огорченію, собака не могла схватить обезьяну; какъ только она хотѣла укусить Атилле, послѣдняя однимъ прыжкомъ перепрыгивала черезъ нее, и въ одно мгновеніе опять хватала ее за хвостъ. Совершенно понятно, что такое оскробленіе доводило собаку до бѣшенства, такъ что даже пѣна выступала у нея; но все же это не помогало ей и она должна была, поджавъ хвостъ, бѣжать съ мѣста поединка.

Атилле отличалась большимъ остроуміемъ: она мастерски воровала, закрывала и открывала двери, и съ большою ловкостью развязывала узлы, когда рассчитывала, что нибудь получить при этомъ. Коробки и ящики она также открывала очень хорошо и вытаскивала оттуда все до чиста. Иногда мы пугали ее тѣмъ, что сыпали на землю небольшое количество пороха, который взрывали при посредствѣ трута; при взрывѣ она сильно вскрикивала и дѣлала прыжокъ на сколько это позволяла веревка, къ которой она была привязана. Все же она только нѣсколько разъ допустила испугать себя; она была на столько хитра, что гасила руками горящій труть, чтобы предупредить взрывъ пороха! Послѣдній она затѣмъ съѣдала, должно быть, привлеченная вкусомъ селитры.

Привязанность ея ко мнѣ была безгранична; я могъ дѣлать съ нею, что хотѣлъ; оно сохраняла ко мнѣ одинаковую привязанность. Повидимому она не допускала, чтобы я могъ участвовать въ какихъ нибудь непріятностяхъ, которыя ей причиняли. Когда я наказывалъ ее, то она набрасывалась не на меня, а на тѣхъ, кто случайно присутствовалъ при этомъ, полагая, должно быть, что они были причиной наказанія. Во всякомъ случаѣ, она оказывала мнѣ предпочтеніе передъ всѣми своими знакомыми. Стоило мнѣ приблизиться къ ней, какъ она тотчасъ же становилась противницей тѣхъ, которые только что ласкали ее.

Привѣтливые слова нравились ей, смѣхъ же возмущалъ ее, особенно когда она замѣчала, что онъ относится къ ней. На призывъ она всегда отвѣчала и подходила ко мнѣ, когда я этого желалъ. Я могъ предпринимать съ нею большія прогулки, оставляя ее на свободѣ безъ веревки; она слѣдовала за мною, какъ собака, хотя описывала большія дуги по своему собственному усмотрѣнію.

Павіанъ, о которомъ упоминалось уже нѣсколько разъ, и которому древніе египтяне придавали большое значеніе, какъ за внѣшній его видъ, такъ и за умственное его развитіе, а можетъ быть, и за нелюбезный его нравъ, — называется гамадриль или павіанъ съ епанчей (*Cynoserphalus hamadrias*). Какимъ образомъ онъ удостоился великой чести называться именемъ древнегреческой лѣсной нимфы, я не знаю, тѣмъ болѣе, что ни въ его фигурѣ, ни въ его нравѣ нѣтъ ничего женственнаго. Это названіе дали ему, однако же, не древніе народы. Геродотъ, Плутархъ и Плиній называли его *Cynoserphalus*, Страбонъ называлъ его *Cebus*, Ювеналь — *Cercopithecus*, Агатархидъ — *Sphinx*. Современные абиссинцы называютъ его гебе, арабы — робакъ, а въ Египтѣ онъ называется кирдъ. Между всѣми этими именами нѣтъ ни одного, которое принадлежало бы какой нибудь нимфѣ, развѣ только — *Sphinx*.

О почестяхъ, которыми пользовался гамадриль въ древнемъ Египтѣ намъ рассказываетъ Дюмихенъ. Въ египетскихъ древностяхъ нашъ павіанъ является какъ бы старшимъ своего рода. Въ іероглифахъ часто изображаютъ обезьянъ, но только одного гамадрила, и именно стараго самца, изображаютъ сидящимъ на алтарѣ и принимающимъ преклоненіе со стороны человѣка. Часто онъ изображался также въ видѣ судьи, разбирающаго, какъ хорошія дѣла, такъ и проступки человѣка. Передъ нимъ изображены вѣсы и онъ съ серьезнымъ видомъ смотритъ на колеблющіяся чаши. Всѣ старыя египетскія изображенія показываютъ, на сколько велико было поклоненіе божеству, которое онъ олицетворялъ. Большой

почетъ, которымъ пользовался гамадриль, зависѣлъ, повидимому отъ той же причины, какъ и почитаніе крокодила,—отъ страха передъ ними. Уже въ то время были люди, которые боялись своего бога, вмѣсто того, чтобы любить его.

Характерно то, что эту обезьяну почитали не въ одномъ Египтѣ; почитаніе это распростанялось и дальше, такъ какъ всѣ жители степныхъ странъ внутренней Африки, а также большая часть абиссинцевъ, причесывали волосы и дѣлали проборъ совершенно такъ, какъ у гамадрила; слѣдовательно, онъ являлся даже



Гамадриль или павіанъ съ епанчей (*Cynocephalus hamadrias*) $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

образцомъ для этихъ людей. Весьма возможно, что они подражали скорѣе изображеніямъ на памятникахъ, чѣмъ живымъ животнымъ. Въ настоящее время въ этихъ странахъ не преклоняются больше передъ гамадриломъ; вредъ который онъ приноситъ, слишкомъ великъ, чтобы онъ могъ сохранить дружбу человѣка.

Въ настоящее время животное это въ Египтѣ не встрѣчается въ дикомъ состояніи. Уже Просперъ Альпинусъ, который былъ въ Египтѣ въ 1580 году, очень опредѣленно заявляетъ, что тамъ нѣтъ обезьянъ, и что ихъ привозятъ туда изъ Аравіи. „Онѣ такъ способны, говоритъ онъ дальше, что имъ нельзя отказать въ разумѣ. Вожаки научаютъ ихъ всему, чему, пожелають, иногда даже очень остроумнымъ играмъ, которыми онѣ тѣшатъ зрителей. Такихъ ученыхъ обезьянъ

приходится часто видѣть въ Каирѣ. Александріи и другихъ мѣстахъ.“ Во время моихъ первыхъ поѣздокъ по Африкѣ я нигдѣ не встрѣчалъ гамадрила на свободѣ, но за то я его видѣлъ очень часто во время своего пребыванія въ Абиссиніи весною 1862 года; къ сожалѣнію пребываніе это было слишкомъ кратковременно. Я могу говорить о гамадрилѣ на основаніи своихъ наблюденій.

Гамадрилъ живетъ въ довольно большомъ числѣ во всей прибрежной части Абиссиніи и въ южной Нубіи, къ сѣверу до области дождей. Чѣмъ богаче горы растительностью, тѣмъ охотнѣе они живутъ тамъ. Необходимымъ условіемъ благосостоянія стада такихъ обезьянъ является близость воды. Онѣ живутъ большею частью въ высокихъ горахъ; иногда онѣ цѣлыми обществами спускаются съ горъ на холмы Самхара или на пустынную полосу вдоль моря. Каждое стадо занимаетъ область отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ миль въ поперечникѣ. Маленькія общества встрѣчаются здѣсь гораздо рѣже, чѣмъ большія. Только одинъ разъ я встрѣтилъ шайку, въ которой было отъ 15 до 20 обезьянъ. Обыкновенно же онѣ живутъ стадами, по меньшей мѣрѣ, въ 150 штукъ. Среди нихъ всегда бываетъ отъ 10 до 15 вполне взрослыхъ самцовъ (это настоящія чудовища, громаднѣйшей величины, зубы которыхъ по своей крѣпости и длинѣ значительно превышаютъ зубы леопарда) и вдвое большее количество взрослыхъ самокъ. Остальная часть стада состоитъ изъ дѣтенышей и полувзрослыхъ обезьянъ. Старые самцы отличаются громаднымъ ростомъ и длинною епанчей. У одного убитаго мной самца средняго возраста длина волосъ епанчи равнялась 27 ст. Шерсть самокъ короче и темнѣе, т. е. онѣ оливково-бураго цвѣта; дѣтенышъ болѣе похожъ на самку. Прилагаемый рисунокъ избавляетъ меня отъ необходимости описывать своеобразное расположеніе волосъ на головѣ гамадрила, который пользуется такимъ большимъ вниманіемъ у жителей Африки; но относительно окраски я долженъ замѣтить, что каждый отдѣльный волосъ является завитымъ, то зелено-бураго цвѣта, то желтоватаго, вслѣдствіе чего получается окраска, трудно поддающаяся описанію. Вся шерсть сходна всего болѣе съ цвѣтомъ высохшей травы. Со стороны головы и на заднихъ конечностяхъ шерсть бываетъ свѣтлѣе, — чаще сѣро-пепельнаго цвѣта, сѣдалище огненнаго цвѣта, голое лицо — грязновато-мясного. Чѣмъ старше самецъ, тѣмъ свѣтлѣе цвѣтъ его епанчи. Все же мнѣ кажется, что необходимо различать два различныхъ вида этихъ обезьянъ: одни меньше, съ епанчею сѣро-пепельнаго цвѣта, живущіе въ Азіи; другіе, значительно большіе, составляютъ африканскій видъ: у этихъ, даже въ старости, епанча окрашена въ зеленовато-сине-коричневый цвѣтъ. На прилагаемомъ здѣсь рисункѣ изображонъ первый видъ. Длина взрослого самца равняется 0,9—1 метру; при этомъ отъ 20 до 25 сант. приходится на хвостъ, окончивающійся кистью. Высота тѣла до загривка равняется 50 сант.

Въ ранніе часы или во время дождя вся шайка располагается на мѣстѣ своего ночлега; это углубленія большаго или меньшаго размѣра на недосигаемыхъ скалахъ или на прикрытыхъ гребняхъ скалъ. Здѣсь они, обыкновенно, прижимаются другъ къ другу, дѣтеныши и слабые къ тѣлу самки, а иногда и самца. Въ хорошую погоду стадо передъ обѣдомъ покидаетъ свое мѣсто и спокойно путешествуетъ по отвѣснымъ скаламъ. Мѣстами животныя вырываютъ растенія, корни которыхъ служатъ имъ, повидимому, для питанія; сворачиваютъ не особенно большіе камни, чтобы разыскать находящіеся подъ ними лакомые кусочки въ видѣ насѣкомыхъ, улитокъ, червей. Когда они насытятся, то всѣ поднимаются на верхушку горы; самцы серьезно и важно усаживаются на камняхъ, обращаясь спиною къ вѣтру. Постоянно прогуливаясь между дѣтенышами, которые играютъ и возятся, самки бдительно присматриваютъ за ними. Нѣсколько позднѣе, послѣ обѣда все общество направляется къ водѣ, чтобы утолить свою жажду. Послѣ этого они опять отыскиваютъ себѣ пищу, а затѣмъ опять собираются къ мѣсту, гдѣ можно спокойно соснуть. Можно точно опредѣлить нѣкоторыя удобныя мѣста, куда обезьяны обязательно собираются вечерами, если только онѣ не подвергаются здѣсь частымъ преслѣдованіямъ. Особенно нравятся имъ мѣста близъ полей, засѣянныхъ просомъ; поэтому, если желаютъ получить жатву съ такихъ полей, то должны

особенно старательно оберегать ихъ, иначе эти нахальные разбойники будутъ являться сюда ежедневно, будутъ разрушать больше, чѣмъ могутъ поѣсть, и въ концѣ концовъ совершенно истребятъ все поле.

Если гамадрилы сидятъ спокойно, то все общество молчитъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока они не замѣтятъ чего нибудь особеннаго. Появление толпы людей или стада животныхъ вызываетъ у нихъ какіе то своеобразные звуки, которые лучше всего можно сравнить съ лаемъ собакъ; звуки эти должны, только повидимому, возбудить вниманіе общества. Если же предвидится какая нибудь опасность, связанная съ приближеніемъ человѣка или хищнаго животного, то раздаются самые разнообразные звуки. Крики возбужденнаго стада гамадриловъ всего лучше можно сравнить съ визгомъ и хрюканьемъ большого стада свиней. Между этими звуками нѣкоторые напоминаютъ, то рычаніе леопарда, то тупое мычаніе быка. Все общество мычитъ, рычитъ, лаеетъ, кричитъ, хрюкаетъ и визжитъ, и всѣ эти звуки сливаются въ общій хоръ. Всѣ самцы, способные къ борьбѣ, выдвигаются на край скалы, внимательно всматриваясь въ долину, чтобы опредѣлить степень грозящей опасности. Дѣтеныши идутъ подъ охраною взрослыхъ, а самые малые привѣшиваются къ груди самки или взбираются къ ней на спину; такимъ образомъ все стадо двигается и бѣгаетъ на четверинкахъ, стараясь куда нибудь скрыться.

Туземцевъ гамадриль почти совершенно не боится; онъ совершенно безмятежно проходитъ мимо чернокожаго человѣка и пьетъ съ нимъ изъ одного ручья. Бѣлый уже больше беспокоитъ его, хотя нельзя сказать, чтобы онъ убѣгалъ отъ него. Гамадриль отличается большимъ спокойствіемъ, чѣмъ многія другія родственныя ему обезьяны; онъ, какъ будто, никогда не смущается опасностью, какъ бы близка она не была, какъ будто всегда можетъ избѣжать ее. Другое дѣла, если стадо увидитъ собакъ или леопардовъ; тогда самцы поднимаютъ страшный ревъ и мычаніе, злобно ударяютъ одною рукою по скалѣ, стучатъ зубами и устремляютъ искрящійся взоръ на нарушителей ихъ покоя, съ полной готовностью напасть на нихъ общими силами.

Первое общество обезьянъ, которое я встрѣтилъ, отдыхало послѣ ранней прогулки; оно сидѣло по краю гребня скалы, довольно отвѣсной въ обѣ стороны. Уже издали я видѣлъ самцовъ большого размѣра, но принялъ ихъ за обломки скалъ, лежащихъ на гребнѣ; обезьяны имѣютъ большое сходство съ такими обломками, когда сидятъ. Только повторявшійся однозвучный лай, нѣсколько сходный съ высоко произнесеннымъ звукомъ „кукъ“, показалъ мнѣ, что я ошибаюсь. Головы всѣхъ обезьянъ направились книзу на насъ; только дѣтеныши продолжали беззаботно играть, да нѣкоторыя самки продолжали свое любимое занятіе, — усердно отыскивали паразитовъ въ шерсти стараго самца. Должно быть все это общество такъ и осталось бы въ наблюдательномъ положеніи, если бы при насъ не было двухъ бойкихъ, ретивыхъ борзыхъ собакъ; эти красивыя стройныя животныя были приучены отгонять гіенъ отъ жилищъ и были даже испытанны въ борьбѣ съ тамошними волками; они отвѣтили лаемъ на дошедшіе до нихъ звуки, и тотчасъ же стало замѣтно общее смятеніе въ стадѣ. Повидимому у нихъ явилось стремленіе отыскать себѣ болѣе безопасное мѣсто; поэтому они побѣжали другъ за другомъ по гребню и скрылись у насъ изъ вида. Но къ нашему удивленію при первомъ поворотѣ въ долину мы опять увидели все стадо, расположившееся на очень высокой, почти совершенно отвѣсной скалѣ, гдѣ онѣ были какъ бы приклеены длинными рядами. До сихъ норъ я не могу понять, какъ онѣ могутъ удерживаться въ такомъ положеніи. Ряды этихъ животныхъ были для насъ слишкомъ заманчивы, чтобы мы оставили ихъ въ покоѣ; у насъ разгорѣлось сильное желаніе поохотиться за ними. Жалость, которая появляется у охотника при преслѣдованіи маленькихъ обезьянъ, теперь не имѣла мѣста, потому что мы не видѣли въ гамадрилахъ подобія человѣка, а смотрѣли на нихъ только какъ на опасныхъ дикихъ хищниковъ, которыхъ незначѣмъ щадить и которые вполне пригодны для охоты. Къ сожалѣнію скала была такъ высока, что прицѣлиться въ нихъ не было возможности; намъ хотѣлось, по крайней мѣрѣ.

нѣсколько раздражить общество. Звукъ перваго выстрѣла произвелъ на нихъ неописанное дѣйствіе: съ бѣшеннымъ крикомъ, воемъ, мычаніемъ, лаемъ и скрежетомъ вся цѣпь задвигалась и потянулась по отвѣсной стѣнѣ съ такою увѣренностью, какъ будто двигалась по ровной почвѣ, хотя, повидимому не было никакой возможности укрѣпиться на такой подпорѣ. Совершенно узкій гребешокъ служилъ обезьянамъ, видимо, очень удобной дорожкой для передвиженія; только въ двухъ мѣстахъ, гдѣ имъ приходилось спускаться метра на три, а затѣмъ опять подниматься на такую же высоту, они передвигались медленнѣй и осторожнѣй. Мы выстрѣлили въ нихъ около шести разъ, но не было никакой возможности прицѣлиться точно, да къ тому же намъ недоставало необходимаго спокойствія: насъ слишкомъ поразила представившаяся намъ картина. Все же пули наши были направлены на столько мѣтко, что волненіе и страхъ обезьянъ достигли крайней степени. Особенно смѣшно было видѣть, какъ послѣ cadaго выстрѣла вся шайка вдругъ прицѣплялась къ скалѣ, точно онѣ боялись свалиться въ бездну отъ одного сотрясенія. Повидимому ни одна изъ нихъ не пострадала отъ нашихъ выстрѣловъ, но подъ вліяніемъ сильнаго испуга онѣ потеряли всякое самообладаніе. Обѣзжая слѣдующій поворотъ долины мы опять увидѣли все общество, но только уже не на вершинѣ скалы, а въ глубинѣ лоцины, какъ разъ въ то время, когда оно собиралось перейти ее, чтобы найти себѣ защиту въ противоположныхъ высотахъ. Значительная часть стада дошла уже до противоположной скалы, но все же большинство находилось еще на этой сторонѣ. Собаки наши остановились на нѣсколько мгновеній въ недоумѣніи, когда увидали эту передвигающуюся пеструю массу, но затѣмъ онѣ съ громкимъ лаемъ бросились на эту шайку, и передъ нами разыгралась сцена, какую рѣдко можно увидѣть. Какъ только собаки приблизились, старые самцы бросились со всѣхъ скалъ внизъ навстрѣчу собакамъ, стараясь окружить ихъ. При этомъ они страшно рычали, широко разѣвали пасть съ страшными зубами, съ ожесточеніемъ били руками по землѣ и встрѣтили своихъ противниковъ такими злыми и сверкающими отъ ярости глазами, что они отскочили назадъ, и обыкновенно храбрыя и предприимчивыя животныя стали боязливо искать защиты у насъ. Понятно, мы стали подстрекать ихъ къ новому нападенію, и намъ, въ самомъ дѣлѣ, удалось натравить ихъ снова на непріятеля. Однако, зрѣлище за это время измѣнилось: обезьяны почувствовавъ себя, повидимому, побѣдителями, успѣли уже удалиться вмѣстѣ съ остальнымъ стадомъ.

Когда собаки бросились снова, то въ глубинѣ долины осталось очень мало гамадриловъ и между ними полугодовой дѣтенышъ; онъ громко завизжалъ, когда увидалъ собакъ и быстро взбѣжалъ на обломокъ скалы, гдѣ наши прелестныя животныя сдѣлали стойку по всѣмъ правиламъ. Мы уже утѣшались надеждой, что эта обезьяна будетъ нашей, но вышло, однако же, иначе. Съ противоположной скалы гордо и съ достоинствомъ, не торопясь и не обращая вниманія на насъ, спускался одинъ изъ самыхъ большихъ самцовъ; съ неустрашимымъ видомъ направился онъ прямо къ собакамъ и такъ посмотрѣлъ на нихъ, что онѣ остались неподвижными. Спокойно поднялся онъ на обломокъ скалы, къ находившемуся тамъ дѣтенышу, поласкалъ его и спокойно пошелъ обратно мимо собакъ, которыя были такъ поражены, что пропустили его вмѣстѣ съ дѣтенышемъ, котораго онъ охранялъ. Мужественный поступокъ родоначальника стада внушилъ намъ такое уваженіе, что никто изъ насъ не подумалъ остановить его, не смотря на то, что онъ приблизился къ намъ на столько, что легко могъ быть настигнутъ пулей.

Впослѣдствіе, во время охоты я могъ еще лучше познакомиться съ гамадриломъ, и меня удивляла необыкновенная живучесть этихъ животныхъ. Только когда пуля поражала ихъ въ грудь или въ голову они оставались на мѣстѣ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ они уходили; даже при сильныхъ раненіяхъ они такъ быстро убѣгали, что ихъ нельзя было нагнать. Выстрѣлы дробью не имѣютъ для нихъ никакого значенія: они прижимаютъ раненое мѣсто, потираютъ его рукой и продолжаютъ свой путь, какъ ни въ чемъ не бывало. Съ тѣхъ поръ какъ я познакомился съ этими животными на волѣ, я вполне увѣренъ, что въ минуту серьез-

ной опасности они напали бы на человѣка, еслибы онъ только не былъ вооружонъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; это, дѣйствительно, и подтверждается разсказами арабовъ, абиссинцевъ и такихъ хорошихъ наблюдателей, какъ Рюппель и Шимперъ. Хотя мы сами и не имѣли случая собрать данныя, которыя подтверждали бы мнѣніе приведенныхъ наблюдателей, но все же мы видѣли, что гамадрилы очень неторопливо уходятъ отъ вооруженныхъ, и при этомъ очень выразительно скалятъ зубы и рычатъ. Шимперъ увѣрялъ меня, что гамадриль, при извѣстныхъ условіяхъ, безъ всякаго стѣсненія не только бросается на человѣка, но даже побѣждаетъ и убиваетъ его. О старыхъ самцахъ разсказываютъ, что они, даже безъ всякаго повода къ раздраженію, бросаются на дѣвочекъ, собирающихъ хворостъ и убиваютъ ихъ. Рюппель увѣряетъ, что эта уродливая обезьяна принадлежитъ къ самымъ опаснымъ врагамъ человѣка.

Вблизи отъ гамадрила живетъ другой павіанъ съ епанчей,—джелада абиссинцевъ (*Cynoserphalus gelada*), исполинская обезьяна этой семьи, ростомъ больше чѣмъ гамадриль, хотя нашъ землякъ Рюппель отрицаетъ это. Шимперъ, который болѣе 30 лѣтъ жилъ въ Абиссиніи и Гейглинъ, согласны въ томъ, что джелада достигаетъ иногда роста взрослого мужчины. Ее сразу можно отличить отъ гамадрила; очень густая шерсть удлиняется въ видѣ епанчи на задней части шеи, затылкѣ и спинѣ; на лицѣ, подбородкѣ и передней части шеи цвѣтъ шерсти чернобурый. Епанча и длинная кисть на концѣ хвоста желтовато-бурого цвѣта; волосы на передней части шеи, груди, на срединѣ живота и на предплечіи—чернобурые; лицо черное. Два обнаженныхъ мѣста на передней поверхности шеи и на груди треугольной формы, такъ что верхушки ихъ обращены другъ къ другу и вмѣстѣ имѣютъ видъ песочныхъ часовъ. Мѣста эти окаймлены сѣрыми и бѣлыми волосами. Въ отличіе отъ гамадрила она имѣетъ только маленькія, вполнѣ разъединенныя другъ отъ друга, черно-сѣрыя сѣдалищныя мозоли.

Не безъ основанія выдѣляютъ самыхъ безобразныхъ павіановъ среди всѣхъ остальныхъ, такъ какъ они очень рѣзко отличаются отъ нихъ. Только строеніе ихъ тѣла указываетъ на близкое родство съ павіанами. Голова, въ особенности черепъ, не пропорціонально велика; маленькіе глаза расположены очень близко другъ къ другу; край глазныхъ впадинъ выдается въ видѣ гребешка; вдоль носа, по обѣимъ сторонамъ находится разбухающій выступъ. Конечности его очень сильны. Хвостъ является въ видѣ короткаго, вертикально стоящаго придатка; сѣдалищныя мозоли распространяются по всей задней части тѣла. Покровы его также своеобразны; шерсть нѣсколько удлиняется на задней части головы и на загривкѣ; на подбородкѣ находится заостренная борода, которая, въ особенности у одного вида, очень ярко окрашена. Обѣ описанныя формы павіановъ живутъ въ западной Африкѣ, и ихъ уже въ продолженіе 300-тъ лѣтъ привозятъ живыми въ Европу.

Какъ гверцу мы причислили раньше къ самымъ красивымъ изъ всѣхъ обезьянъ, такъ теперь мандрилъ (*Cynoserphalus monodon*) мы, напротивъ, должны признать за самыхъ безобразныхъ. Въ старости мандрилъ, въ самомъ дѣлѣ, становится отвратительнѣйшею тварью во всѣхъ отношеніяхъ, и душевныя его качества вполнѣ соотвѣтствуютъ его тѣлесной формѣ. Тѣло его очень сильно, даже нѣсколько неуклюже, отвратительная голова, страшные зубы, шерсть жесткая и неровная, окраска голаго тѣла въ высшей степени рѣзкая, отвратительная. Каждый отдѣльный волосъ завитъ, чернаго и оливково-зеленаго цвѣта; вслѣдствіе этого цвѣтъ шерсти на верхней поверхности темно-коричневый, оливково-зеленаго оттѣнка. На груди волосы имѣютъ желтоватый оттѣнокъ, на животѣ—бѣловатый, по бокамъ—свѣтло-коричневый; борода на подбородкѣ яркаго лимонно-желтаго цвѣта. За ушами находится сѣро-бѣлое пятно. Руки и уши у мандрила черныя; носъ и окружающія части цвѣта красной киновари; выступы на щекахъ васильково-синяго цвѣта, а существующія на немъ борозды черныя; мошонка и задняя часть—темно красныя, сѣдалищныя мозоли красныя и синія. Длина старыхъ самцовъ

достигаетъ 1-го метра и больше; высота плеча около 60 ст.; длина хвоста не превышаетъ 3-хъ сантиметровъ.

Родственный ему дриль (Cynoserphalus leucorhaeus) нѣсколько меньше ростомъ; шерсть его въ верхней части оливково-бураго цвѣта, внизу и съ внутренней стороны — бѣловатаго; бакенбарды бѣловатые, лицо черное, ноги и руки, обыкновенно, мѣдно-бураго цвѣта. Поразительно, что до сихъ поръ ничего достоверно не извѣстно относительно жизни этихъ двухъ обезьянъ на волѣ, между тѣмъ какъ въ неволѣ онѣ извѣстны уже много лѣтъ. Оба вида являются съ Гвинейскаго



Мандрилъ (Cynoserphalus monstrosus) $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

берега, и къ намъ привозятся, главнымъ образомъ, съ золотого берега. Они живутъ стадами въ гористыхъ лѣсистыхъ мѣстахъ, отчасти на скалахъ, отчасти на деревьяхъ. Они часто оставляютъ свои жилища, чтобы посѣтить ближайшее селеніе и грабятъ здѣсь сколько душѣ угодно. О нихъ рассказываютъ, что они цѣлыми шайками нападаютъ на деревни въ отсутствіе мужчинъ и истязаютъ женщинъ и дѣтей. Относительно мандрила говорятъ, что туземцы боятся его больше льва, никогда не вступаютъ съ нимъ въ бой и даже избѣгаютъ тѣхъ лѣсовъ, гдѣ онъ водится. Только большое число хорошо вооруженныхъ мужчинъ предпринимаетъ настоящій крестовый походъ противъ этого врага.

Молодой мандрилъ бываетъ, обыкновенно, очень милымъ существомъ; онъ является большимъ комикомъ среди многочисленнаго общества родственныхъ ему

видовъ въ обезьяннемъ домѣ. Онъ всегда готовъ на самыя разнообразныя и дикія продѣлки, всегда въ хорошемъ настроеніи, и не смотря на его невозможное нахальство онъ все же не бываетъ противнымъ. Но все это, однако, очень скоро измѣняется и гораздо раньше, чѣмъ у другихъ павіановъ; по истеченіи немногихъ лѣтъ мандрилы становятся вполне безобразными. По выраженію одного англійскаго писателя гнѣвъ другихъ обезьянъ можно сравнить „съ слабымъ дуновеніемъ вѣтра по сравненію съ злобой мандрила, являющейся страшнѣйшимъ ураганомъ тропическихъ странъ.“ Его страстные порывы не знаютъ никакихъ предѣловъ. Когда онъ сердится, то до такой степени возбужденъ, что забываетъ все, и, потерявъ совсѣмъ голову, бросается на врага. Глаза этой твари свѣтятся какимъ то демоническимъ блескомъ и животное какъ бы надѣлено демонической силой и злобой; у него какъ будто только одно желаніе: растерзать противника и удалить съ пути всякое препятствіе. Ни кнутъ, ни блескъ оружія не дѣйствуютъ на него. Подобное нападеніе указываетъ не на мужество, а на какое то безуміе. Ни одно животное не бываетъ такъ страшно для сторожа, какъ разъяренный мандрилъ. По сравненію съ нимъ левъ и тигръ покажутся настоящими ягнятами, такъ какъ они, все же, какъ будто, больше принимаютъ во вниманіе условія, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Гамадрилъ и другіе павіаны являются въ сравненіи съ нимъ дѣтенышами.

Пехуэль-Лёше пишетъ слѣдующее о нравѣ мандрила, котораго онъ наблюдалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Чинчочо: „У насъ на дворѣ жили три мандрила; они были привязаны на веревкахъ къ жердямъ, которыя поддерживали верхнее помѣщеніе; они не убѣгали, когда ихъ оставляли на полной свободѣ. Это были настоящіе павіаны, хитрые и лукавые необузданные и распущенные, постоянно измышляющіе какіе нибудь безобразныя продѣлки, при чемъ они хорошо знали, что развлекаютъ этимъ окружающихъ. У всѣхъ трехъ былъ различный нравъ. Самецъ Пэви былъ очень любезенъ, ласковъ и легко привязывался; Джекъ, слабая самка, былъ веселаго нрава и охотно заигрывалъ со всѣми проходящими, исключая женщинъ, которыхъ онъ положительно не выносилъ. Это животное ни съ кѣмъ особенно не сближалось. Изабелла, очень сильная самка, которую намъ подарили уже совсѣмъ взрослой, потому что ее не могли больше терпѣть въ факторіи за ея злость; она бросалась неистово на каждого приближавшагося къ ней человѣка, какого бы пола, цвѣта и возраста онъ не былъ. Требовалось очень много времени, чтобы цѣлесообразно-предупредительнымъ отношеніемъ успокоить ее по крайней мѣрѣ на столько, чтобы она въ насъ европейцахъ не видѣла своихъ враговъ. У нея былъ испорченный нравъ; она допускала только мягкое обращеніе съ нею, но часто оказывалась неблагодарной.

„Пэви и Джекъ караулили почти какъ собаки; усаживаясь на своихъ высокихъ клѣткахъ они зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлается кругомъ и увѣдомляли обо всемъ, что происходило по сосѣдству, а также о приближеніи кого либо изъ постороннихъ. Возвращаясь съ нашихъ прогулокъ мы, обыкновенно, приносили и имъ и другимъ животнымъ лакомства, на примѣръ, вкусные плоды, сладкіе стебли, листья, жуковъ, кузнечиковъ; поэтому они съ нетерпѣніемъ ожидали нашего возвращенія и встрѣчали насъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ радостнымъ взвизгиваніемъ, при чемъ какъ то своеобразно вытягивали голову кверху и производили самыя отчаянныя прыжки. Всѣ эти проявленія становились еще рѣзче, когда мы приближаясь называли ихъ по именамъ. Какъ только они слышали наши голоса, то вмѣстѣ съ другими животными поднимали страшный шумъ на дворѣ; къ нимъ присоединялась черномазая обезьяна своими своеобразными звуками и даже шимпанзе со своимъ непріятнымъ вскрикиваніемъ.

„Первый разъ мнѣ пришлось видѣть, что павіаны при своихъ играхъ употребляли различные предметы, которые они вечеромъ заботливо брали съ собою на то мѣсто гдѣ спали, и укладывали ихъ, какъ дѣти укладываютъ куколъ въ кровать. Иногда они и днемъ укладывали эти предметы въ то же мѣсто. Такъ, на примѣръ, Изабелла довольно долго дорожила маленькимъ блестящимъ жестянымъ ящичкомъ. Пэви сохранялъ кривой кусочекъ дерева, который онъ часто очень

весело подбрасывалъ рукою высоко на воздухъ. Разъ этотъ кусочекъ улетѣлъ такъ далеко, что его присвоилъ Джекъ. Это обстоятельство послужило причиной страшной вражды между нами; но такъ какъ длина веревокъ, къ которымъ они были привязаны, была рассчитана такъ, чтобы они не могли приблизиться другъ къ другу, то они не могли придумать ничего другого, какъ, подходя по возможности ближе другъ къ другу, дѣлать злобныя гримасы и выкрикивать различные звуки. Вражда между ними продолжалась, не смотря на то, что я возвратилъ Пэви его кусочекъ дерева. Позднѣе эта обезьяна забавлялась очень много ружейной пулей. Джекъ же относился съ пристрастіемъ къ термометру; какъ только онъ освобождался, то незамѣтно подсакивалъ къ термометру и убѣгалъ съ нимъ. Ему, видимо, нравился блескъ стекла этого инструмента, но онъ всегда обращался съ нимъ на столько бережно и осторожно, что никогда не ломалъ его, не смотря на то, что уносилъ его съ собою на деревья и на крыши, откуда можно было только лаской возвратитъ его“.

Къ разновидностямъ этого отдѣла принадлежитъ одна изъ самыхъ красивыхъ обезьянъ; ее причисляютъ, обыкновенно, къ макакамъ; это бородатая обезьяна (*Супосерphalus silenus*). Индійцы называютъ ее нилбандаръ, шіабандаръ и т. д. Отличительный признакъ этой обезьяны коренастое тѣлосложеніе, густая борода, которая окружаетъ все лицо, и средней величины хвостъ съ кистью на концѣ. Очень густая, длинная, блестящая шерсть чернаго цвѣта; снизу она свѣтло-коричнево-сѣраго цвѣта, между тѣмъ какъ длинная борода, подобная гривѣ, бѣлаго цвѣта; въ молодости эта борода сѣроватая. Руки и ноги отличаются матовой черной окраской, радужная оболочка добродушныхъ глазъ коричневаго цвѣта. Длина взрослой обезьяны не достигаетъ 1 метра.

Относительно родины бородатой обезьяны были въ заблужденіи до послѣдняго времени, такъ какъ, обыкновенно, полагали, что эта обезьяна живетъ на островѣ Цейлонѣ. По новѣйшимъ справкамъ оказывается, что не этотъ островъ представляетъ родину данного животнаго, а Малабаръ, гдѣ она живетъ исключительно въ густыхъ лѣсахъ на возвышенностяхъ, приблизительно отъ 14° сѣверной широты до мыса Коморина, шайками отъ 12 до 20 штукъ.

Разница между животными и растеніями тропическаго пояса Стараго Свѣта и этого же пояса Южной Америки очень рѣзка и бросается въ глаза. Если намъ посчастливится удовлетворить своему стремленію къ путешествіямъ, и мы посѣтимъ Южную Америку, то намъ все тамъ покажется сказочнымъ и фантастичнымъ. Насъ поразитъ новизна, подавитъ богатство природы и заставитъ насъ забыть всѣ преимущества нашего полушарія.

Все сказанное относится и къ разряду тѣхъ животныхъ, о которыхъ мы теперь говоримъ. Широконосыя обезьяны (*Platyrrhini*), хотя и являются самыми своеобразными животными, но ихъ нельзя назвать красивыми, или они бываютъ такими очень рѣдко. Большая часть изъ нихъ гораздо неуклюжѣе, лѣнивѣе, пасмурнѣе, безтолковѣе, чѣмъ обезьяны Стараго Свѣта; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ гораздо смирнѣе, спокойнѣе, безвреднѣе послѣднихъ. Во всемъ этомъ онѣ проявляются не какъ настоящія обезьяны. Мы не можемъ представить себѣ настоящихъ обезьянъ безъ тѣхъ качествъ, которыя всегда присущи имъ, безъ той веселости, бойкости, рѣзвости, нахальства, я сказалъ бы даже, безъ той негодности, которыми онѣ отличаются. Мы какъ то привыкли видѣть въ ней искаженіе своего образа, и чувствуемъ себя совершенно неудовлетворенными, если это искаженіе не относится и къ душевнымъ качествамъ.

Широконосыя обезьяны отличаются, обыкновенно, отъ своихъ восточныхъ родственниковъ сложениемъ своего тѣла и своихъ конечностей, а также формой своихъ зубовъ. Тѣло ихъ тонко и стройно; у нихъ всегда есть хвостъ, который имѣетъ значеніе какъ бы пятой руки, такъ какъ верхушка его можетъ заворачи-

ваться подъ вліяніемъ сильныхъ мышцъ и является, такимъ образомъ, удобнымъ органомъ для хватанія. Большой палецъ переднихъ конечностей не можетъ быть противопоставленъ другимъ, какъ это возможно на заднихъ конечностяхъ. Ногти плоскіе. Въмѣсто 32-хъ зубовъ у нихъ 36; съ каждой стороны челюсти существуетъ по 6 коренныхъ зубовъ. Защечныхъ мѣшковъ и сѣдалищныхъ мозолей у нихъ никогда не бываетъ. Носовая перегородка широкая и, обыкновенно, небольшого размѣра; морда у нихъ никогда не выступаетъ. Окраска шерсти, хотя и разнообразна, но никогда не бываетъ такой пестрой, какъ у многихъ обезьянъ Азіи и Африки.

Широконосыя обезьяны живутъ исключительно въ Южной Америкѣ; 29° сѣверной широты представляютъ сѣверную границу, до которой онѣ доходятъ; къ западу онѣ доходятъ до цѣпи Андскихъ горъ, на востокъ — до Атлантического океана, а къ югу — до 25° южной широты.

Всѣ ширококоносыя обезьяны живутъ исключительно на деревьяхъ и водятся поэтому, главнымъ образомъ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Сухимъ мѣстамъ онѣ предпочитаютъ мѣста богатые водою и болотами. На землю онѣ спускаются только въ случаѣ крайней нужды; даже тогда, когда онѣ хотятъ утолить жажду, онѣ, въ отличіе отъ другихъ животныхъ, лазаютъ по вьющимся растеніямъ, по висячимъ вѣтвямъ, спускаясь по нимъ книзу до воды, не сходя, однако же, при этомъ съ вѣтвей. Возможно, что эти обезьяны передвигаются такимъ образомъ иногда по сотнѣ миль, совсѣмъ не касаясь земли. Деревья даютъ имъ все, что имъ нужно, такъ какъ всѣ части растеній составляютъ ихъ пищу, а также насѣкомыя, пауки, птичьи яйца, молодые птенцы и медъ. Рѣдко нѣкоторые изъ нихъ опустошаютъ плантаціи.

Большая часть изъ нихъ дѣятельна днемъ, нѣкоторые — сумеречныя животныя, а нѣкоторые — настоящія ночныя животныя. Каждое изъ нихъ живо и подвижно въ свое время, хотя между ними существуетъ нѣсколько очень неподвижныхъ видовъ, представляющихъ какъ бы орангъ-утановъ Новаго Свѣта. Всѣ онѣ прелестно лазаютъ; при этомъ онѣ, какъ это было уже сказано, очень ловко пользуются своимъ хвостомъ. Многія изъ нихъ очень неуклюжи и хвостъ имѣетъ для нихъ первенствующее значеніе. Безъ него онѣ, кажется, не могли бы и жить. Вслѣдствіе того, что онѣ очень неловки, имъ постоянно приходится укрѣплять свое тѣло, и это онѣ дѣлаютъ всегда при помощи своего цѣпкаго хвоста. Во всякомъ положеніи, даже во время наибольшаго покоя, обезьяны охватываютъ что либо своимъ хвостомъ, иногда даже одну изъ своихъ конечностей. Мышечная сила хвоста, значительно превышающая силу всѣхъ остальныхъ конечностей, и тонкость сщущенія на концѣ хвоста дѣлаютъ возможнымъ разнообразное примѣненіе этого своеобразнаго дара природы; это особенно важно въ виду пониженной жизнедѣятельности этихъ животныхъ, и, можетъ быть, замѣняетъ имъ недостатокъ умственной и тѣлесной ловкости, присущихъ ихъ заморскимъ родственникамъ. Всѣ же обезьяны Стараго Свѣта, живущія на деревьяхъ, значительно превосходятъ ихъ въ ловкости прыжковъ и въ лазаніи. Обезьяны Новаго Свѣта всегда передвигаются на четверенькахъ, причемъ ихъ походка очень неуклюжа и шатка.

Относительно умственныхъ способностей онѣ значительно уступаютъ своимъ восточнымъ родственникамъ. Обыкновенно это миролюбивыя, привѣтливыя, милыя существа, но въ то же время глупыя, неуклюжія, безтолковыя и мало подвижныя. Иногда онѣ бываютъ очень любопытны, шаловливы и задорны; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, — угрюмы, капризны, злы, коварны и часто кусаются. Кромѣ того, эти животныя отличаются еще тѣмъ, что они похотливы, лакомы, вороваты и жадны; слѣдовательно, у нихъ тоже достаточно дурныхъ качествъ, но нѣтъ многихъ хорошихъ, присущихъ обезьянамъ Стараго Свѣта. Если выбирать между обезьянами Стараго и Новаго Свѣта, то едва ли кто нибудь станетъ колебаться въ своемъ выборѣ. На свободѣ обезьяны Новаго Свѣта, обыкновенно, очень пугливы и трусливы и не въ состояніи отличить истинной опасности отъ воображаемой; поэтому онѣ убѣгаютъ при каждомъ явленіи, выдающемся изъ ряда обыкновенныхъ, и стараются какъ можно скорѣе скрыться въ чащѣ вѣтвей. Если

раненую обезьяну хотять схватить, то она сильно кусается; здоровыя защищаются развѣ только противъ слабыхъ хищниковъ. Вообще—это слабыя, трусливыя животныя.

Въ неволѣ онѣ очень скоро становятся ручными и милыми, но въ старости снова дѣлаются сердитыми и кусаются. Ихъ умственная и тѣлесная неподвижность, ихъ жалкій видъ, унылые звуки, которые онѣ производятъ съ большою медленностью, ихъ нечистоплотность, распушенность и вялость, все ихъ качества и ихъ нравъ дѣлаютъ ихъ мало удобными для домашней жизни и развлеченія человѣка. Небольшое число видовъ составляютъ счастливое исключеніе, поэтому ихъ чаще всего приручаютъ и много занимаются ими. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются большою впечатлительностью и выражаютъ свои чувства то улыбкой, то жалобными звуками, и поэтому ихъ очень цѣнятъ мягкосердечныя дамы.

Материнскія чувства развиты у нихъ такъ же, какъ и у обезьянъ Старога Свѣта. Онѣ приносятъ по одному или по два дѣтеныша, къ которымъ очень привязаны; онѣ ласкаютъ ихъ, ухаживаютъ за ними и оберегаютъ ихъ съ такимъ вниманіемъ и участіемъ, которыя способны возбудить удивленіе и признаніе со стороны человѣка.

Обезьяны Новаго Свѣта не приносятъ вреда человѣку, или, по крайней мѣрѣ, очень мало вредятъ ему. Родину ихъ составляютъ обширныя роскошныя лѣса; они кормятъ ихъ и охраняютъ. Обезьянамъ этимъ не приходится терпѣть нужду; онѣ не нуждаются въ владѣніи земли и въ его хозяйствѣ. Только немногіе изъ существующихъ здѣсь видовъ спускаются иногда къ полямъ вблизи лѣса и собираютъ здѣсь небольшую дань, которая никогда не становится столь тяжелой, какъ та, которую налагаютъ обезьяны Старога Свѣта. Человѣкъ охотится за ними изъ-за ихъ мяса и шкуры. Нѣкоторые путешественники довольно долго смотрѣли на обезьянъ, какъ на цѣнную дичь, и приготавливали себѣ изъ ихъ мяса супъ и жаркое, а многія прелестныя женщины сохраняютъ и согрѣваютъ свои нѣжныя ручки покрывами, которые прежде прикрывали тѣло обезьянъ.

Для туземцевъ Америки обезьяна является очень полезнымъ животнымъ, такъ какъ ея мясо составляетъ главную ихъ пищу. Туземцы очень ревностно охотятся за ними. Обыкновенно они пользуются лукомъ для этой охоты; иногда они примѣняютъ съ этой цѣлью сарбаканъ и маленькія стрѣлы, которыя пропитаны, однако, ядомъ, дѣйствующимъ очень сильно. Хотя обезьяна старается какъ можно скорѣе вытащить эти маленькія стрѣлы изъ раны, но хитрый человѣкъ, обыкновенно, подрѣзаетъ ихъ до половины, вслѣдствіе чего обламывается отравленная верхушка и остается въ ранѣ. Дѣйствіе яда настолько сильно, что можетъ легко убить и животное большаго размѣра, чѣмъ обезьяна.

Такимъ же орудіемъ индѣйцы ловятъ и тѣхъ обезьянъ, которыхъ они держатъ въ неволѣ. „Если арекуны, говоритъ Шомбургъ, желаютъ приручить старую строптивую обезьяну, то они смазываютъ стрѣлку слабымъ растворомъ яда урари; когда обезьяна падаетъ на землю безъ сознанія, то тотчасъ же высасываютъ у нея ранку, затѣмъ зарываютъ ее по шею въ землю и вливаютъ ей въ ротъ крѣпкій растворъ селитры или соку сахарнаго тростника. Когда больная нѣсколько оправится, ее вынимаютъ и пеленаютъ какъ маленькаго ребенка. Связавъ ее такимъ образомъ, ей даютъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней только сахарнаго соку для питья, а пищу варятъ въ растворѣ селитры, смѣшивая ее съ крѣпкимъ испанскимъ перцомъ. Если это средство не помогаетъ, то взбѣшенное животное привѣшиваютъ на нѣкоторое время надъ дымомъ. Когда бѣшенство, наконецъ, утихаетъ, разъяренный глазъ успокаивается и какъ будто проситъ прощенія, то животное развязываютъ, и послѣ этого даже самая злая обезьяна какъ будто совершенно забываетъ о томъ, что когда нибудь жила на свободѣ въ лѣсу“.

Въ Европу попадаютъ относительно мало членовъ этой семьи и то не постоянно. На нашемъ европейскомъ рынкѣ животныхъ всего чаще встрѣчается крючкохвостая обезьяна; гораздо рѣже здѣсь можно найти цѣпкохвостую обезьяну и всего рѣже — прыгуна, мягкохвостыхъ и ночныхъ обезьянъ. Насколько мнѣ извѣстно, живыхъ ревуновъ появлялось въ Европѣ всего нѣсколько штукъ.

Широконосыхъ обезьянъ раздѣляютъ на два отдѣла; изъ нихъ мы разберемъ сначала цѣпкохвостыхъ обезьянъ (*Cebidae*); онѣ отличаются, главнымъ образомъ, своими цѣпкими хвостами отъ обезьянъ другого отдѣла, а именно, отъ пушистохвостыхъ обезьянъ (*Pithecidae*).

*

Изъ цѣпкохвостыхъ обезьянъ разсмотримъ сначала ревуновъ (*Mycetes*). У нихъ коренастое тѣло, голова высокая, пирамидальной формы, морда выступаетъ впередъ, большой палецъ на переднихъ конечностяхъ тонокъ, густая шерсть на подбородкѣ удлиняется въ видѣ бороды. Характеристичнымъ признакомъ ревуновъ необходимо признать пузыреобразно-вздутую подъязычную кость. Александръ фонъ Гумбольдтъ былъ первымъ естествоиспытателемъ, который изслѣдовалъ этотъ аппаратъ. „Въ то время, какъ маленькія американскія обезьяны, говоритъ онъ, свистящія какъ воробьи, имѣютъ простую тонкую подъязычную кость, у большихъ обезьянъ языкъ покоится на широкомъ костномъ барабанѣ. Ихъ верхняя гортань содержитъ 6 мѣшковъ; два мѣшка, имѣющіе видъ голубиного гнѣзда, очень сходны съ нижней гортанью птицъ. Жалобный звукъ, который производятъ ревуны, получается въ то время, когда воздухъ съ большимъ усиліемъ проникаетъ въ костный барабанъ. Если принять во вниманіе величину этого костнаго ящика, то не покажутся удивительными сила и объемъ голоса этого животнаго, вполнѣ заслуживающаго свое названіе“. Хвостъ у ревуновъ очень длинный, голый по всей своей нижней поверхности, богатый сосудами и нервами и съ очень сильными мышцами; поэтому онъ вполнѣ годенъ, какъ аппаратъ для захватыванія.

Ревуны занимаютъ почти всѣ страны и области Южной Америки, гдѣ они очень распространены. Густые, высокіе и сырые лѣса составляютъ ихъ любимое мѣстопробываніе. Въ степяхъ они находятся только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ группы деревьевъ образуютъ маленькіе лѣса, и если вблизи ихъ находится вода; сухихъ мѣстъ они совершенно избѣгаютъ; нельзя сказать того же о холодныхъ мѣстахъ.

Алуать или рыжій ревунокъ (*Mycetes seniculus*) отличается своею красновато-бурою шерстью; на срединѣ спины она принимаетъ золотисто-желтый цвѣтъ. Волоса короткіе, нѣсколько жесткіе и одноцвѣтные у основанія, подшерстка у него нѣтъ; длина его 1,35 метра, изъ которыхъ 70 сантиметровъ приходятся на хвостъ. Самка меньше, шерсть ея темнѣе.

Карайя или черный ревунокъ (*Mycetes niger*). Шерсть у него гораздо длиннѣе и однообразнаго чернаго цвѣта; только на бокахъ она нѣсколько рыжеватая; у самки нижняя поверхность желтоватая. Длина его около 1,3 метра, половина которой приходится на хвостъ. Первые живутъ почти во всей восточной части Южной Америки, вторые — въ Парагваѣ.

Ревунокъ принадлежитъ къ тѣмъ американскимъ животнымъ, которыя были извѣстны путешественникамъ въ самое древнее историческое время, но только свѣдѣнія эти были неполны и давали поводъ къ появленію различныхъ басенъ. Послѣднія сохранились и до настоящаго времени между бѣлыми, которые не имѣли возможности наблюдать его сами, а также между индѣйцами. Мы оставимъ ихъ совершенно безъ вниманія и остановимся только на указаніяхъ естествоиспытателей.

„Тотчасъ послѣ моего пріѣзда, повѣствуетъ замѣчательный наблюдатель, Шомбургъ, изъ дѣвственнаго лѣса достигалъ до меня, при восходѣ и закатѣ солнца, ужасающій вой большого числа ревуновъ, несмотря на то, что мнѣ не удавалось увидать самихъ животныхъ во время моихъ прогулокъ. Однажды утромъ, послѣ завтрака, я шелъ со своимъ ружьемъ по направленію къ лѣсу; изъ глубины его послышался опять дикій вой, который воспламенилъ во мнѣ охотничій пылъ. Я направился по направленію этого воя, не обращая вниманія на встрѣчающіяся препятствія, и добрался, наконецъ, незамѣченнымъ до этого общества, хотя послѣ большого напряженія и долгихъ поисковъ. Они сидѣли передо мною

на высокомъ деревѣ и давали такой ужасающій концертъ, что можно было подумать, что между всѣми дикими звѣрями лѣса завязалась смертельная борьба, хотя можно было замѣтить нѣкоторое сходство звуковъ. Все общество расположилось на деревѣ; оно то замолкало по данному знаку, то также неожиданно одинъ изъ пѣвцовъ производилъ свои дисгармоническіе звуки, и вой опять повторялся. Можно было замѣтить, какъ во время крика, то поднимался, то опускался костный барабанъ подъязычной кости, который, именно, отражая звуки, и прида-



Черный ревуны (*Mycetes niger*) $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

валъ голосу громаднѣйшую силу. Иногда эти звуки напоминали хрюканье свиней, то ревъ ягуара, когда онъ бросается на свою добычу, то опять переходили въ низкое и страшное рычаніе этого хищника, которое онъ издаетъ, когда ему со всѣхъ сторонъ грозитъ опасность. Но это странное общество вызвало бы улыбку на лицѣ самого мрачнаго человѣконенавистника, когда онъ увидалъ бы, какъ эти длиннобородые музыканты пристально и серьезно смотрѣли другъ на друга. Мнѣ говорили, что въ каждомъ стадѣ есть свой запѣвала, отличающійся не только своимъ тонкимъ пронзительнымъ голосомъ отъ другихъ низкихъ, басистыхъ, но и своими слабыми стройными формами. Въ этомъ стадѣ я нашелъ подтвержденіе перваго изъ приведенныхъ указаній. Напрасно я старался отыскать болѣе тонкія и стройныя формы; вмѣсто этого я замѣтилъ только на

сосѣднемъ деревѣ двухъ молчащихъ обезьянъ, которыя, должно быть, были поставлены на сторожѣ. Если послѣднее мнѣніе вѣрно, то онѣ худо исполняли свои обязанности, такъ какъ я совершенно незамѣченнымъ находился возлѣ нихъ.“

Это толковое сообщеніе очень наглядно показываетъ, насколько своеобразными животными являются ревуны. Можно, въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго увлеченія утверждать, что вся ихъ жизнь и дѣятельность представляетъ рядъ особенностей, очень интересныхъ для наблюдателя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя слишкомъ обвинять индѣйцевъ за то, что они такъ ненавидятъ и презираютъ ревуновъ за ихъ мрачный видъ и скучный нравъ. Можно даже извинить ту клевету, которую возводили на этихъ животныхъ, если вспомнить о томъ, что ни на свободѣ, ни въ неволѣ они не представляютъ ничего привлекательнаго и не проявляютъ никакого разнообразія въ своей дѣятельности.

Днемъ любимое мѣстопробываніе ревуновъ представляютъ вершины деревьевъ въ лѣсу. При наступленіи сумерокъ они собираются въ чащѣ низкихъ деревьевъ, вѣтви которыхъ переплетены вьющимися растеніями, и здѣсь, обыкновенно, остаются ночевать. Медленно, какъ бы ползкомъ, они перебираются съ вѣтви на вѣтвь, выбираютъ здѣсь листья и почки, и медленно кладутъ ихъ въ ротъ. Когда они насытятся, то, съежившись, садятся на вѣтвь и остаются здѣсь неподвижно, какъ дряхлые дремлющіе старцы, или же во всю длину вытягиваются по вѣтви, спускаютъ по обѣимъ ея сторонамъ отвисшими всѣ четыре конечности, и держатся только закрученнымъ хвостомъ. Что дѣлаетъ одинъ, то медленно и бессмысленно повторяютъ другіе.

Рѣдко какое нибудь другое животное такъ сильно привязано къ дереву, какъ ревуны. Они очень рѣдко спускаются на землю; должно быть только тогда, когда нѣтъ никакой возможности утолить жажду, оставаясь на вѣтви или вьющемся растеніи. Гумбольдтъ полагалъ, что они не въ состояніи предпринимать путешествія или даже ходить по ровной землѣ, а Ренггеръ считаетъ сказкой, навязанной чужестранцами, будто индѣйцы утверждаютъ, что ревуны переплываютъ иногда широкія рѣки. „Они такъ боятся воды, говоритъ онъ, что, если при быстромъ поднятіи уровня рѣки они очутятся уединенными на одномъ деревѣ, то они скорѣе умрутъ съ голоду, чѣмъ доплывутъ до другого дерева. Такъ, мнѣ пришлось встрѣтить стадо обезьянъ, расположившихся на одномъ деревѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою; онѣ до такой степени исхудали, что совершенно не могли двигаться. Онѣ съѣли на этомъ деревѣ не только всѣ листья и тонкія вѣтви, но сгрызли даже часть коры. Чтобы добраться до ближайшаго лѣса имъ пришлось бы проплыть разстояніе около 60 метровъ.“ Этотъ же естествоиспытатель утверждаетъ, что ему никогда не приходилось встрѣчать ревуна на ровномъ полѣ или замѣчать его слѣды гдѣ нибудь на землѣ.

Относительно рыжаго ревуна въ Гвианѣ *Капплеръ* говоритъ: „Онъ живетъ маленькими семьями, рѣдко состоящими болѣе чѣмъ изъ 10 членовъ; между ними всегда существуетъ старый взрослый самецъ. Онъ, обыкновенно, занимаетъ самое высокое мѣсто на деревѣ и управляетъ отчаяннымъ концертомъ. Каждый разъ, какъ мнѣ приходилось видѣть этихъ крикуновъ, старый самецъ сидѣлъ на деревѣ выше всѣхъ, укрѣпляясь передними конечностями и обхвативъ хвостомъ вѣтвь; всѣ же остальные самцы, самки и дѣтеныши сидѣли ниже въ различныхъ положеніяхъ. Вдругъ старый издалъ звукъ вродѣ „роху роху“; звуки эти, повторенные пять-шесть разъ, перешли въ ревъ; къ нему присоединились и всѣ остальные и съ такою силою, что приходилось опасаться за свой слухъ. Ревъ ихъ настолько силенъ, что въ тихую ночь его можно слышать на разстояніи около 2-хъ часовъ ходьбы. Ревъ тигра, который такъ напугалъ Пишегрю съ его товарищами, во время ихъ бѣгства изъ Кайены въ Суринамъ, былъ видимо ничто иное, какъ крикъ ревуновъ, который, несомнѣнно, напугалъ-бы каждаго, въ особенности, кто слышитъ его въ первый разъ и не знаетъ, что онъ принадлежитъ этой безобидной обезьянѣ. Что вызываетъ у нихъ этотъ крикъ, я не знаю. Въ колоніи полагали, что они кричатъ только въ то время, когда начинается приливъ; но это не вѣрно, такъ какъ эти обезьяны кричатъ во всякое время дня. Ревунъ лѣнивъ и настроенъ меланхо-

лически; онъ прыгаетъ только тогда, когда его преслѣдуютъ; обыкновенно же онъ медленно лазаетъ по деревьямъ, постоянно придерживаясь хвостомъ. Пойманный въ молодомъ возрастѣ, онъ становится ручнымъ и довѣрчивымъ; иногда онъ играетъ съ кошками и собаками, но большею частью очень печаленъ. Если лицо, къ которому онъ привязанъ, уходитъ, то онъ ужасно надоѣдаетъ своими постоянными стонами и криками. Они отличаются очень своеобразнымъ, противнымъ запахомъ, такъ что въ лѣсу обоняніемъ можно опредѣлить близость ревуновъ. Они приносятъ на свѣтъ по одному дѣтенышу. Ихъ главный врагъ — хохлатый орелъ.“

Когда въ ревуновъ стрѣляютъ, то они убѣгаютъ очень быстро, причемъ даже не раненыя животныя производятъ иногда выдѣленія, хотя обыкновенно это бываетъ съ тяжело ранеными, которыя не могутъ уже спастись, или подъ вліяніемъ сильнаго страха, когда хотятъ перейти съ одного дерева на другое. Очень смѣшно видѣть, когда, подъ вліяніемъ сильнаго испуга, молодая обезьяна вскакиваетъ на спину стараго самца, чтобы поскорѣе уйти; въ поученіе за это она получаетъ сильную пощечину отъ разъяреннаго самца; это доказываетъ, что требованія вѣжливости не соединены съ обязанностями отца семейства.

Лучшія наши ружья не могутъ тягаться съ страшнымъ и очень простымъ оружіемъ индѣйцевъ — съ сарбаканомъ. Поэтому краснокожіе гораздо легче побиваютъ ревуновъ, чѣмъ мы. Несмотря на неподражаемую ловкость, съ которой они управляютъ этимъ оружіемъ, они охотно взбираются на сосѣднее дерево и оттуда пускаютъ свои смертоносныя стрѣлы въ смиренное стадо.

Въ большей части Парагвая очень ревностно охотятся за ревунами. Тамъ очень цѣнятъ ихъ мѣхъ, и индѣйцы очень охотно ѣдятъ ихъ мясо.

Прирученіемъ ревуновъ занимаются очень мало. Вообще ихъ воспитаніе связано съ большими затрудненіями. Ренггеръ видѣлъ только двухъ ручныхъ ревуновъ, которымъ было уже болѣе года. Ихъ кормили листьями различныхъ деревьевъ, и они предпочитали ихъ всякой другой пищѣ. Умственно они очень мало развиты. Къ своему сторожу они относятся почти съ такимъ же вниманіемъ, какъ и къ чужимъ людямъ; ихъ нельзя ни къ чему приучить. Видъ рассказываетъ о другихъ ручныхъ ревунахъ, что они были очень привязаны къ своему хозяину и жалобно кричали, когда послѣдній уходилъ, хотя бы на нѣсколько мгновеній. Ихъ неподвижность, мрачность и подавленность, а также ихъ хриплый и стонущій голосъ, который замѣчается и у дѣтенышей, дѣлаетъ ихъ непріятными и противными даже ихъ хозяину.

*

Обезьяны-пауки или цѣпкія обезьяны (*Ateles*) отличаются очень слабымъ тѣлосложеніемъ и длинными тонкими конечностями. Естествоиспытатель, назвавшій ихъ первыми обезьянами-пауками, охарактеризовалъ ихъ всего точнѣе. Всякій, даже не ученый человѣкъ, невольно приходитъ къ этому сравненію. Чтобы ярче охарактеризовать этихъ животныхъ, прибавимъ, что голова ихъ очень мала, лицо безъ бороды и большой палецъ на переднихъ конечностяхъ, если онъ вообще существуетъ, является въ видѣ остатка.

Родину обезьянъ-пауковъ составляетъ Южная Америка до 25° южной широты. Живутъ онѣ, обыкновенно, на вершинахъ самыхъ высокихъ деревьевъ.

Жизнь ихъ протекаетъ, видимо, очень однообразно и очень сходно у различныхъ видовъ. „Онѣ живутъ, говоритъ Чуди согласно съ другими изслѣдователями, шайками въ количествѣ отъ 10 до 12 штукъ; иногда онѣ встрѣчаются парами, нерѣдко даже въ одиночку. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы всегда встрѣчали одну обезьяну этого вида въ одномъ и томъ же мѣстѣ; когда ее убили, то это оказался не очень старый самецъ. Общество этихъ обезьянъ даетъ о себѣ знать постояннымъ трескомъ вѣтвей на деревьяхъ, которыя онѣ очень быстро нагибаютъ, чтобы по возможности тише передвигаться впередъ. Раненыя онѣ издають громкій и рѣзкій крикъ и стараются убѣжать. Очень молодыя не оставляютъ свою мать; онѣ крѣпко обхватываютъ ее и долго ласкаютъ, даже

если она совершенно окоченѣвшая виситъ на вѣтви дерева; поэтому очень легко поймать дѣтеныша. Ручными онѣ дѣлаются очень скоро. Вообще онѣ миролюбивы, легко привязываются и нѣжны, но очень не долго живутъ въ неволѣ. Онѣ часто страдаютъ сыпями и поносами, причемъ принимаютъ очень жалкій видъ.“

Виды ихъ очень мало отличаются между собою.

Изъ цѣпкихъ обезьянъ въ Гвіанѣ встрѣчаются всего чаще два вида: коата (*Ateles paniscus*) и маримонда или ару (*Ateles beelzibuth*). Первая изъ нихъ, — наибольшія изъ данной семьи. Длина ихъ тѣла около 1,35 метра, причемъ больше половины приходится на хвостъ; высота плеча около 40 ст. Шерсть у нихъ грубая, на плечахъ нѣсколько длиннѣе; на спинѣ она, вообще, гуще, чѣмъ снизу; на лбу волоса выступаютъ въ видѣ гребешка чернаго цвѣта. Только въ лицѣ замѣчается красноватый оттѣнокъ. Кожа темная, на ладоняхъ рукъ совершенно черная. Пара живыхъ темныхъ глазъ придаетъ миловидному лицу очень привѣтливый видъ.

Въ Квито на Панамскомъ перешейкѣ живетъ чамекъ (*Ateles pentadactylus* рис. стр. 88). Длина его около 1,3 метра; больше половины приходится на хвостъ. Тѣло покрыто длинною, черною шерстью; у него есть остатокъ большого пальца.

Мирики (*Ateles hyroanthus*), съ которыми насъ познакомилъ принцъ Максъ фонъ Видъ, живутъ въ внутренней части Бразиліи. Длина ихъ около 1,4 метра. Тѣло у нихъ крѣпкое, голова маленькая, шея короткая, конечности длинныя, густо прикрытыя шерстью. Шерсть у нихъ, обыкновенно, блѣдножелтая; иногда она окрашена въ бѣловато-сѣрожелтый цвѣтъ; внутренняя поверхность конечностей свѣтлѣе; голое лицо въ молодости черно-бураго цвѣта, въ старости — темно-сѣрое, на срединѣ мясного краснаго цвѣта. Большой палецъ передней конечности является въ видѣ короткаго остатка безъ ногтя.

Одна изъ самыхъ красивыхъ цѣпкихъ обезьянъ описана въ послѣднее время младшимъ Бартлетомъ въ восточномъ Перу; въ честь открывшаго ее, она названа *Ateles bartlettii* — золотолобая обезьяна. Густая, длинная и мягкая шерсть окрашена въ черный цвѣтъ по всей верхней наружной части тѣла. На лбу у нея лента золотисто-желтаго цвѣта, бакенбарды бѣлыя, нижняя поверхность конечностей, вмѣстѣ съ наружной частью голени, буро-желтаго цвѣта, нѣсколько свѣтлѣе бурой полосы, а мѣстами здѣсь замѣчаются рѣдко разбросанные черные волоса. Всѣ голыя части лица и рукъ буро-желтаго цвѣта. По величинѣ прелестное животное подходит къ родственнымъ видамъ этой семьи.

Съ жизнью цѣпкихъ обезьянъ на свободѣ насъ познакомили Гумбольдтъ, принцъ Максъ фонъ Видъ и Шомбургъ. Въ Гвіанѣ онѣ встрѣчаются только въ лѣсахъ, на низменностяхъ и никакъ не выше 500 метровъ надъ уровнемъ моря; онѣ видимо избѣгаютъ обнаженныхъ лѣсовъ на возвышенностяхъ. Обезьяны эти живутъ, обыкновенно, шайками, состоящими, приблизительно, изъ 6 членовъ; рѣдко онѣ встрѣчаются въ одиночествѣ или попарно, а еще рѣже большими обществами. Отыскивая себѣ пищу, такія шайки спокойно передвигаются своею дорогою, не обращая никакого вниманія на другихъ животныхъ, не опасныхъ для нихъ. Въ сравненіи съ унылымъ ковыляніемъ ревуновъ, движенія этихъ обезьянъ можно назвать быстрыми. Значительная длина ихъ конечностей очень содѣйствуетъ ихъ бѣгу и ихъ лазанію. Онѣ захватываютъ своими длинными руками предметы на большомъ разстояніи, и, поэтому, передвигаются настолько быстро, что охотники должны быть очень внимательны, если желаютъ поспѣть за ними. На верхушкахъ деревьевъ, гдѣ онѣ живутъ, онѣ передвигаются очень ловко. Онѣ лазаютъ очень увѣренно, а иногда дѣлаютъ даже маленькіе прыжки; но при всѣхъ своихъ движеніяхъ онѣ очень своеобразно размахиваютъ конечностями и перекидываютъ ихъ. Обыкновенно онѣ стараются найти себѣ сначала точку опоры при помощи хвоста, а потомъ уже рѣшаются оставить ту вѣтвь, на которой онѣ сидятъ. Иногда встрѣчаются цѣлыя общества, всѣ члены которыхъ висятъ на своихъ хвостахъ, образуя, такимъ образомъ, самыя поразительныя группы. Не-

рѣдко вся семья сидитъ или лежитъ, лѣнливо растянувшись на вѣтвяхъ и вѣточкахъ, грѣясь на солнцѣ, причемъ часто откидываютъ назадъ голову, скрещиваютъ руки на спинѣ и направляютъ глаза къ небу. На ровной почвѣ онѣ передвигаются съ трудомъ, такъ что, глядя на нихъ, становится какъ то страшно за стойкость ихъ положенія; походка у нихъ шаткая и въ высшей степени неувѣренная. Неловкость ихъ движеній еще усиливается длиннымъ хвостомъ, при посредствѣ котораго онѣ, желая удержаться въ равновѣсїи, отчаянно перебрасываются то въ одну, то въ другую сторону. Впрочемъ, наблюдатели—евро-



Чамекъ (*Ateles pentadactylus*) $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

пейцы никогда не видѣли цѣпкихъ обезьянъ, передвигающихся по землѣ, и принцъ Максъ фонъ Видъ увѣряетъ, что, когда онѣ здоровы, то спускаются на землю только въ тѣхъ случаяхъ, когда не могутъ достать воды съ тѣхъ низко расположенныхъ вѣтвей, съ которыхъ онѣ пьютъ обыкновенно. Ихъ очень ревностно преслѣдуютъ. Португальцы пользуются ихъ шкурами; дикіе ѣдятъ ихъ мясо; нѣкоторые индѣйскія племена предпочитаютъ ихъ мясо мясу всякой другой дичи.

Животныя эти относительно рѣдко встрѣчаются въ неволѣ. Въ нашихъ краяхъ онѣ все еще составляютъ большую рѣдкость. Чтобы ухаживать за ними какъ слѣдуетъ, необходимо привязаться къ нимъ. За ними не замѣчается неприятныхъ проказъ или злости, а гнѣвъ ихъ, который онѣ выражаютъ гримасами

и крикомъ, исчезаетъ такъ же легко, какъ и появляется. Онѣ очень интересны своими разнообразными позами и кувырканіемъ; онѣ очень податливы при хорошемъ обращеніи съ ними и отвѣчаютъ на такія отношенія большою нѣжностью.

*

Цѣпкохвостыя обезьяны (*Cebus*) отличаются отъ цѣпкихъ тѣмъ, что ихъ хвостъ покрытъ шерстью; хотя онѣ и могутъ обвиваться имъ вокругъ вѣтвей, но онѣ не годится какъ органъ для хватанія.

Если приведенные раньше роды обезьянъ Новаго Свѣта еще до настоящаго времени очень рѣдко встрѣчаются въ зоологическихъ садахъ, то различные виды цѣпкохвостыхъ обезьянъ, напротивъ, встрѣчаются почти во всѣхъ звѣринцахъ. Цѣпкохвостыя обезьяны отличаются отъ указанныхъ раньше правильностью своего тѣлосложенія; у нихъ округленное темя, переднія конечности средней длины, а кисти пятипалыя. Болѣе или менѣе развитая борода украшаетъ ихъ лицо; въ общемъ — у нихъ густая и короткая шерсть.

Цѣпкохвостыхъ обезьянъ, если угодно, можно назвать американскими мартишками. Онѣ имѣютъ большое сходство съ этими веселыми малыми, хотя оно заключается болѣе въ ихъ поведеніи, чѣмъ въ ихъ формахъ. Это настоящія обезьяны, т. е. веселыя, переимчивыя, шаловливыя, любопытныя и прихотливыя животныя. Поэтому онѣ чаще всѣхъ другихъ обезьянъ приручаются человѣкомъ и къ намъ также привозятся чаще. Онѣ называются также визгунами за ихъ плаксивый нѣжный голосъ. Однако, голосъ ихъ бываетъ такимъ только тогда, когда онѣ въ хорошемъ настроеніи. При малѣйшемъ возбужденіи онѣ кричатъ и визжать ужасно. Живутъ онѣ исключительно на деревьяхъ и чувствуютъ себя здѣсь такъ же дома, какъ чувствуютъ себя ихъ заморскіе родственники на своихъ мимозахъ и тамариндахъ. Онѣ живутъ въ Бразиліи съ первобытныхъ временъ; тамъ онѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ во всѣхъ большихъ лѣсахъ южной части. Онѣ живутъ довольно многочисленными обществами, часто вмѣстѣ съ другими, родственными имъ, видами.

Въ неволѣ цѣпкохвостыя обезьяны отличаются почти всѣми тѣми же качествами, которыя свойственны мартишкамъ, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ другихъ. Несмотря на то, что онѣ отличаются такою неаккуратностью, которая рѣдко встрѣчается даже между обезьянами, онѣ являются любимцами индѣйцевъ, вслѣдствіе чего у нихъ всего чаще можно встрѣтить ручными именно этихъ обезьянъ.

Какъ и павіаны, онѣ большія охотницы до крѣпкихъ опьяняющихъ напитковъ. „Если ручную цѣпкохвостую обезьяну, говоритъ Шомбургъ, подвергнуть вліянію табачнаго дыма или поднести ей нѣсколько нюхательнаго табаку, то она потираетъ при этомъ все свое тѣло, сопровождая это различными страстными движеніями и закрывая при этомъ глаза. Такое же восхищеніе вызываетъ у нея закуренная сигара, если ей предложить ее. Такія же явленія наблюдаются у нея подъ вліяніемъ чая, кофе, водки и другихъ возбуждающихъ напитковъ.“

Между всѣми цѣпкохвостыми обезьянами всего болѣе извѣстны кай или сай, капуцинъ (*Cebus capucinus*). На языкѣ гуарановъ кай обозначаетъ „житель лѣса“. Европейцами это слово искажалось различнымъ образомъ и въ настоящее время употребляется рѣже, чѣмъ названіе капуцинъ, которое очень подходитъ къ нему. По размѣрамъ онъ принадлежитъ къ большимъ видамъ этой группы. Длина его тѣла достигаетъ 45 ст., а длина хвоста — 35 ст. Къ намъ являются, обыкновенно, только обезьяны средняго размѣра. Онѣ отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что уже въ раннемъ возрастѣ лобъ у нихъ голый, съ морщинами и складками, свѣтло-мясного цвѣта. Болѣе или менѣе темно-коричневая окраска является преобладающей окраской ихъ шерсти; виски, бакенбарды, гортань, грудь и животъ, а также плечи, — прикрыты рѣдкими свѣтло-коричневыми волосами. Родина этой обезьяны — южная часть Бразиліи.

Область распространенія капуцина простирается далѣ южныхъ тропиковъ и за Андами; онъ встрѣчается вездѣ, начиная отъ Багіи и до Колумбіи. Онъ предпочитаетъ лѣса, почва которыхъ не прикрыта кустарниками. Большую часть своей жизни онъ проводитъ на деревѣ, съ котораго спускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда желаетъ пить или посѣтить маисовое поле. У него нѣтъ постоянного убѣжища; днемъ онъ переходитъ съ одного дерева на другое, отыскивая себѣ здѣсь пищу; ночью онъ спитъ между переплетенными вѣтвями дерева. Обыкновенно они встрѣчаются небольшими семьями, состоящими большею частью изъ 5—10 членовъ, главнымъ образомъ, это бываютъ самки. Между ними рѣдко встрѣчаются одинокіе старые самцы. Наблюдать за этими обезьянами очень



Фавиъ (*Cebus fatiuelus*). Капуцинъ (*Cebus capucinus*) $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

трудно, потому что онѣ очень трусливы и пугливы. Ренггеръ увѣряетъ, что это животное можно наблюдать только случайно. Однажды эту обезьяну привлекли пріятные звуки флейты, и Ренггеръ видѣлъ стараго самца, который, пугливо озираясь, приближался къ верхушкѣ ближайшаго дерева; за нимъ слѣдовало 12 или 13 другихъ обезьянъ обоего пола; изъ нихъ три самки несли своихъ дѣтей либо на спинѣ, либо подъ мышками. Вдругъ одна изъ нихъ замѣтила близко стоящее померанцевое дерево съ зрѣлыми плодами; она издала нѣсколько звуковъ и направилась къ дереву. Черезъ нѣсколько мгновеній все общество собралось туда же и занялось сладкими плодами. Въ скоромъ времени дерево было опустошено и болѣе сильныя обезьяны старались обобрать болѣе слабыхъ; при этомъ онѣ очень своеобразно искажали лица, стучали зубами, хватали другъ друга за волосы и изрядно трепали. Другія осматривали засохшую часть дерева, осторожно поднимали сухую кору и съѣдали находящіяся подъ ней личинки насекомыхъ. Наѣвшись, онѣ ложились во всю длину на горизонтальную вѣтвь въ положеніи, описанномъ выше у ревуновъ, и такъ отдыхали. Младшія, обыкновенно

играли между собою и выказывали при этомъ большую подвижность. Онѣ качались, укрѣпляясь на хвостѣ, или поднимались по немъ вверхъ, какъ по веревкѣ.

Въ январѣ самка приноситъ одного дѣтеныша и носить его первыя недѣли на груди, а затѣмъ и на спинѣ. Самка никогда не оставляетъ своихъ дѣтенышей, даже и тогда, когда она ранена. Ренггеръ наблюдалъ, что самка, у которой его товарищи по охотѣ выстрѣломъ раздробили бедро, сорвала дѣтеныша со своей груди и посадила его на вѣтвь; весьма вѣроятно, что она сдѣлала это для того, чтобы удалить дѣтеныша отъ опасности, а не съ цѣлью облегчить себя.

Капуцины часто попадаютъ въ неволѣ и дѣлаются ручными. Старые трудно привыкаютъ къ своему плѣну; они становятся грустными, отказываются отъ пищи, не становятся ручными и черезъ нѣсколько недѣль умираютъ. Напротивъ, молодые обезьяны скоро забываютъ о своей свободѣ, привыкаютъ къ человѣку, и, какъ многіе ихъ товарищи другихъ видовъ, очень скоро начинаютъ раздѣлять съ человѣкомъ его пищу и питье. Какъ и другіе родственные имъ виды, капуцины отличаются очень нѣжными формами, которыя какъ будто не соотвѣтствуютъ ихъ большой подвижности.

Изъ органовъ чувствъ у этого животнаго всего сильнѣе развито осязаніе. Другія чувства у него слабо развиты. Онъ близорукъ и ночью ничего не видитъ. Слухъ у него слабый, поэтому къ нему очень легко подобраться; еще слабѣе у него обоняніе, поэтому каждый предметъ, который онъ хочетъ обнюхать, онъ очень близко прижимаетъ къ носу; несмотря на это, обоняніе обманываетъ его довольно часто и приводитъ его въ заблужденіе, вслѣдствіе чего онъ съѣдаетъ предметы, которые оказываются несъѣдобными.

Звуки, которые издаетъ капуцинъ, измѣняются соотвѣтственно его настроенію. Всего чаще приходится слышать звукъ, который напоминаетъ флейту, и который онъ, видимо, издаетъ со скуки. Свои требованія онъ выражаетъ стономъ; удивленіе или смущеніе онъ выражаетъ полусвистящимъ звукомъ; въ состояніи гнѣва онъ кричитъ нѣсколько разъ подрядъ низкимъ, грубымъ голосомъ: „гу-гу“; отъ страха или боли онъ визжитъ; при выраженіи радости онъ хихикаетъ. Этими звуками вожакъ на волѣ передаетъ свои чувства стаду. Чувствованія эти выражаются не только звуками и движеніями, но иногда особеннымъ видомъ смѣха или плача. Первое выражается оттягиваніемъ угловъ рта кнаружи, причемъ, однако, животное не издаетъ никакого звука. Во время плача глаза наполняются слезами, которыя, однако, никогда не текутъ по щекамъ.

Нерѣдко капуцины въ неволѣ рожаютъ дѣтенышей; здѣсь онѣ какъ будто отличаются еще большей нѣжностью, чѣмъ на свободѣ. Самка весь день занята своимъ дѣтенышемъ и не допускаетъ, чтобы ктонибудь прикоснулся къ нему. Она позволяетъ смотрѣть на него только тѣмъ людямъ, къ которымъ сама расположена, и храбро защищаетъ его противъ всякаго другого.

Обезьяны эти очень страдаютъ отъ холода и сырости; въ воду они никогда не входятъ безъ принужденія. Точно также никто не наблюдалъ, чтобы они когданибудь старались спастись плаваніемъ; напротивъ, извѣстно, что брошенные въ воду онѣ погибаютъ. Въ неволѣ капуцинъ часто хвораетъ, въ особенности, насморкомъ и кашлемъ; кромѣ того онъ часто страдаетъ чахоткой, точно такъ же, какъ и родственные ему виды Стараго Свѣта. По опредѣленію Ренггера крайній возрастъ, до котораго капуцинъ доживаетъ, приблизительно 15 лѣтъ.

Необходимо обратить особенное вниманіе на умственные способности капуцина. Уже въ первые дни неволи онъ узнаетъ своего хозяина и сторожа, беретъ у него пищу, старается согрѣться около него, прибѣгаетъ къ нему за защитой и помощью и относится къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Онъ очень радуется, когда сторожъ играетъ съ нимъ, и допускаетъ даже нѣкоторое поддразниваніе. При свиданіи послѣ разлуки онъ выражаетъ необузданную радость; онъ настолько привязанъ къ своему хозяину, что скоро забываетъ о свободѣ и становится полудомашнимъ животнымъ. Впрочемъ, капуцины привязываются не только къ человѣку, но и къ домашнимъ животнымъ, съ которыми они вмѣстѣ растутъ. Въ Парагваѣ часто приходится видѣть, что капуцинъ растетъ вмѣстѣ съ щенками,

которые служатъ ему верховою лошадыю; во время разлуки съ ними онъ сильно кричить, а при свиданіи необузданно ласкается. Его привязанность выражается также жертвами; такъ, когда другъ его дерется съ другими собаками, онъ защищаетъ его съ большою храбростью.

Совершенно иначе ведетъ себя это животное, если его подвергаютъ различнымъ истязаніямъ. Если онъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, то на всякое насиліе отвѣчаетъ насиліемъ и сильно кусаетъ человѣка, который его обижаетъ. Напротивъ того, если онъ боится своего противника, то прибѣгаетъ къ притворству, и только тогда старается отомстить, когда можетъ незамѣтно напасть на своего оскорбителя.

Капуцинъ любитъ полакомиться и, если его ловятъ на этомъ, то онъ скоро пріучается воровать, примѣняя при этомъ всевозможныя хитрости и уловки. Когда его поймаютъ на мѣстѣ преступленія, то онъ изъ страха наказанія уже заранее громко кричитъ; если же его проказы остаются не замѣченными, то онъ смотритъ невиннымъ и храбрымъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Если ему помѣшаютъ, то онъ мелкіе куски прячетъ въ ротъ, и сѣдаетъ ихъ позже. Онъ отличается большою жадностью. То что онъ пріобрѣлъ, онъ не легко отдаетъ, и то, развѣ, своему хозяину, если къ нему сильно привязанъ. Онъ отличается сильнымъ любопытствомъ и страстью къ разрушеніямъ.

Отличаясь большою самостоятельностью, онъ неохотно покоряется волѣ человѣка; у него, напротивъ, замѣчается стремленіе покорять себѣ другихъ животныхъ и даже человѣка, чего онъ старается достигнуть то лаской, то угрозою; это очень мѣшаетъ ему научиться чему нибудь; онъ пріучается только къ тому, что ему выгодно, какъ, напримѣръ, открываніе шкатулокъ, обшариваніе кармановъ своего хозяина и т. д.

Апелла или бурая цѣпкохвостая обезьяна (*Cebus appella*) живетъ въ Гвианѣ. Такъ какъ эти обезьяны представляютъ большое разнообразіе въ окраскѣ, то трудно поддаются описанію. Тѣло у нихъ довольно толстое; относительно густая шерсть состоитъ изъ блестящихъ волосъ, которые на лбу и по обѣимъ сторонамъ головы выдаются въ видѣ хохла, а на лицѣ удлиняются, образуя бороду. Темно-бурая окраска шерсти на спинѣ, хвостѣ и бедрахъ переходитъ въ совершенно черную. Лицо и шея, обыкновенно, свѣтлѣе, а на темени проходитъ темная полоска. Бока и ноги бываютъ часто окрашены въ яркій буро-каштановый цвѣтъ. По своей величинѣ эти обезьяны близко подходятъ къ капуцину.

О жизни апелла на свободѣ существуютъ точныя указанія, принадлежащія главнымъ образомъ, Шомбургу. „Тѣсно прижавшись къ дереву, рассказываетъ онъ, ожидали мы стадо обезьянъ. Вскорѣ затѣмъ, какъ передъ нами явились передовыя, послѣдовала и главная часть стада, а по истеченіи четверти часа явился и послѣдній отрядъ; однако, я разогналъ его своимъ хохотомъ, котораго не въ состояніи былъ болѣе сдерживать; всѣ разбѣжались въ страшномъ смятеніи. Кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы удержаться отъ смѣха, при видѣ того, какъ эти проворныя животныя, съ необыкновенною торопливостью, весело передвигаются по вѣтвямъ, кому приходилось слышать ихъ жалобный свистъ и пѣніе болѣе слабыхъ изъ нихъ, при видѣ злыхъ взглядовъ, обращенныхъ къ болѣе сильнымъ, которые кусали и били ихъ, когда они попадались имъ на пути, при видѣ нахмуренныхъ лицъ дѣтенышей, которые какъ бы приклеены къ спинѣ матери; кто могъ бы удержаться отъ смѣха, замѣтивъ при этомъ серьезное выраженіе, съ которымъ изслѣдуется по пути каждый листокъ, каждая щель, съ цѣлью отыскать находящихся здѣсь насѣкомыхъ, или, когда они съ большою ловкостью ловятъ летящую бабочку или жука. Съ такими гримасами пробѣжали около насъ (они, повидимому, не знаютъ другого, болѣе спокойнаго способа передвиженія) около 400 или, даже, около 500 апелла, когда я болѣе не могъ удержаться отъ смѣха, какъ я уже сказалъ это раньше. Какъ пораженные громомъ остановились на мгновеніе совершенно неподвижно тѣ, которые находились надъ нами. Затѣмъ они испустили своеобразный крикъ, который, какъ эхо, повторился спереди, сзади и сбоку насъ.

Всѣ испуганно озирались во всѣ стороны и повторили крикъ еще рѣзче, чѣмъ въ первый разъ; они пронеслись надъ нами удвоенными громадными прыжками, причемъ, однако, не было слышно другого звука, кромѣ усиленнаго шороха въ вѣтвяхъ.“

Апенла очень часто привозится къ намъ въ Европу, гдѣ она, обыкновенно, встрѣчается въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ. По всему югу Европы странствующие савойяры пользуются ими, а иногда и простыми мартышками, чтобы сильнѣе дѣйствовать на сердца богатыхъ людей, чѣмъ это удается имъ при помощи звуковъ ихъ шарманокъ. Звуки этихъ инструментовъ, часто очень разстроенныхъ, являются на столько обычными на улицахъ городовъ Франціи, Испаніи и Италіи, что обыкновенно никто не обращаетъ вниманія на этихъ бѣдныхъ просителей, которые призываютъ на помощь веселую музу, и звуками и пѣніемъ стараются растрогать сердца дающихъ. Къ несчастью, именно эти звуки замыкаютъ эти сердца, вызываютъ неудовольствіе, и кошелекъ остается замкнутымъ. Въ такихъ случаяхъ музыкантъ пользуется ручною мартышкой, апеллой или даже иногда аполлономъ, чтобы добиться участія въ замкнутыхъ для нихъ человѣческихъ сердцахъ. Животное привязано на тонкой длинной веревкѣ, которая, обыкновенно, намотана на рукъ хозяина; онъ разматываетъ ее, и подъ звуки марсельезы или какой нибудь другой извѣстной мелодіи маленькій попрошайка взбирается по водосточнымъ трубамъ изъ этажа въ этажъ, кверху до мансарды. Попадая къ окну, гдѣ его замѣчаетъ ребенокъ, громкимъ крикомъ выражающій свой восторгъ, онъ получаетъ цѣлые потоки сахара или печенія (жаль, что у него нѣтъ защечныхъ мѣшковъ!); перепадаетъ также нѣсколько су, квартъ, вообще нѣсколько грошей для его хозяина внизу. Обезьяна раскрыла сердце ребенку, а ротъ послѣдняго денежный мѣшокъ родителей. Каждую полученную имъ монету животное перебрасываетъ своему хозяину; послѣдній весело собираетъ все, что ему перепадаетъ, и потомъ перебирается дальше со своимъ товарищемъ по нищетѣ. Все это черезъ нѣсколько домовъ повторяется снова.

Фавнъ (*Cebus fatuellus*, рис. стр. 90) отличается чернымъ хохломъ на головѣ, раздѣленнымъ на два пучка. Родина его — восточный берегъ Бразиліи.

Во второмъ подраздѣленіи семейства широконосыхъ обезьянъ мы соединяемъ пушистохвостыхъ (*Pithesidae*); это, большею частью, — маленькія или средней величины обезьяны, съ слабымъ хвостомъ, прикрытымъ со всѣхъ сторонъ волосами; хвостъ этотъ не годится для захватыванія, позвонки его къ концу становятся все тоньше.

Лисѣехвостыя обезьяны или саки (*Pithesia*) отличаются нѣсколько толстымъ туловищемъ, которое, вслѣдствіе длинной и пушистой шерсти, кажется еще болѣе неуклюжимъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Конечности его относительно крѣпки, пушистый толстый хвостъ прикрытъ волосами, которые, обыкновенно, по направленію къ верхушкѣ удлиняются. Волоса въ верхней части головы чепчекообразно раздѣлены проборомъ, а на щекахъ и подбородкѣ они удлиняются, образуя болѣе или менѣе длинную бороду.

Область распространенія небольшого числа видовъ этого отдѣла ограничивается сѣверной частью Южной Америки. Здѣсь онѣ живутъ въ высокихъ сухихъ лѣсахъ, лишенныхъ кустарника. Отъ другихъ обезьянъ онѣ удаляются. По наблюденіямъ Чуди, онѣ ночныя животныя, дѣятельность которыхъ начинается, обыкновенно, только послѣ захода солнца и продолжается до восхода. Днемъ онѣ спятъ, и въ это время ихъ очень трудно отыскать, такъ какъ онѣ не обнаруживаютъ своего присутствія никакимъ звукомъ, и только при преслѣдованіи двигаются нѣсколько живѣе. Онѣ легко становятся ручными, но все же въ неволѣ отличаются своимъ угрюмымъ и ворчливымъ нравомъ и, когда онѣ бодрствуютъ днемъ, то всегда оказываются неподвижными и мрачными. „Вездѣ, гдѣ по берегамъ существуетъ густая растительность, говоритъ Шомбургъ, я встрѣчалъ въ вѣтвяхъ стада обезьянъ, среди которыхъ миловидныя саки являются въ наибольшемъ числѣ.

Онѣ отличаются очень привѣтливой, хотя и нѣсколько смѣшной внѣшностью, что зависитъ отъ красивыхъ волосъ на головѣ, раздѣленныхъ пробормомъ, пышной бороды на подбородкѣ и щекахъ и длинношерстаго лисьяго хвоста. Онѣ выглядятъ умными живыми животными.“

Въ большихъ лѣсахъ верховьевъ Мараньона и Оринокко очень часто встрѣчается самый обыкновенный видъ этого семейства; это чортова обезьяна или куксіо индѣйцевъ (*Pithecia satanusa*); длина этого животного равняется 55 ст.; хвостъ почти такой же длины. Совершенно круглая голова отличается тѣмъ, что прикрыта какъ бы шапкою, состоящею изъ очень длинныхъ густыхъ волосъ, лучеобразно исходящихъ отъ верхушки задней части головы, и раздѣленной пробормомъ въ передней части головы. Щеки и подбородокъ окружены густою черною бородою. По словамъ Капплера, ни единый франтъ не можетъ держать въ большемъ порядкѣ свою бороду и волоса чѣмъ это красивое животное. Верхняя часть туловища прикрыта густою, но не длинною шерстью, между тѣмъ какъ нижняя часть очень бѣдна волосами. Хвостъ у него очень пушистъ. Цвѣтъ шерсти у старыхъ самцовъ и самокъ черный и только на спинѣ онѣ принимаютъ желтоватый оттѣнокъ. Цвѣтъ шерсти у молодыхъ животныхъ коричнево-сѣрый. Очень часто у нихъ встрѣчаются различныя оттѣнки въ окраскѣ шерсти. По словамъ Капплера, эту обезьяну зовутъ въ Гвіанѣ шіу. Онѣ живутъ здѣсь небольшими семьями, состоящими изъ 3—6 членовъ; встрѣчаются довольно рѣдко и скоро погибаютъ въ неволѣ.

Другой видъ этой семьи составляетъ бѣлоголовая обезьяна (*Pithecia leucoserphala*), которая очень измѣняется, смотря по возрасту и полу, и поэтому обозначается различными названіями. Она живетъ въ странахъ, прилегающихъ къ Амазонской, рѣкѣ и въ Гвіанѣ, больше въ кустарникахъ, чѣмъ на высокихъ деревьяхъ въ лѣсу. Обыкновенно онѣ живутъ обществами отъ 6-ти и не болѣе 10 членовъ и принадлежатъ, повидимому, къ очень неподвижнымъ животнымъ. Пища ихъ состоитъ изъ ягодъ, плодовъ и меду. Самки приносятъ на свѣтъ по одному дѣтенышу, котораго довольно долго таскаютъ на спинѣ. Это подтверждается наблюденіями Капплера, на основаніи которыхъ оказывается, что онѣ очень легко становятся ручными, но всегда остаются робкими и мрачными.

Точно также очень мало извѣстна жизнь черноголовой пушисто-хвостой обезьяны (*Pithecia melanoserphala*), хотя, по богатству существующихъ у нея названій, надо полагать, что она нерѣдко наблюдается жителями этой страны. Кромѣ принадлежащихъ ей научныхъ названій, ее называютъ еще какайяо, чукуто, чукуцо, каруири, монофео, или безобразная обезьяна, и моно-рабонъ, или короткохвостая обезьяна. Въ настоящее время послѣднее названіе является болѣе употребительнымъ, потому что какайяо, вмѣстѣ съ другими сходными видами, дѣйствительно отличается своимъ короткимъ густымъ хвостомъ отъ всѣхъ другихъ обезьянъ Новаго Свѣта; поэтому ихъ отдѣлили отъ всѣхъ другихъ пушистохвостыхъ обезьянъ въ отдѣльный видъ подъ названіемъ короткохвостыхъ обезьянъ (*Brachyurus*):

Длина какайяо около 45 ст., а вмѣстѣ съ хвостомъ она доходитъ до 60 ст. Густая гладкая шерсть нѣсколько удлинена на плечахъ и по бокамъ тѣла; на нижней части тѣла шерсть очень рѣдка; на затылкѣ волоса изъ одного общаго вихра направляются къ лицу; на щекахъ борода мало развита. Жидкій короткій хвостъ оканчивается толстымъ отсѣченнымъ пучкомъ волосъ. Пальцы его длинны и крѣпки. На спинѣ у него сѣро-желтая шерсть, переходящая сзади въ ржавчинокрасный цвѣтъ. На голеняхъ и стопахъ она черная, на головѣ и предплечіи волоса черные, блестящіе; голая кожа лица также черная. Въ неволѣ они очень обжорливы, тупы, но не злы; они трусливы и смирны. Видъ крокодила или змѣи вызываетъ у нихъ такой страхъ, что они трясутся всѣмъ тѣломъ.

Родина ихъ сѣверо-западная Бразилія по той сторонѣ Амазонской рѣки, въ особенности по лѣсистымъ берегамъ рѣкъ Новой Гранады и Эквадора; однако

нигдѣ онѣ не встрѣчается часто; только одинъ разъ удалось привезти это животное живымъ въ Европу.

*

Между американскими обезьянами существуетъ небольшая группа, отличающаяся своею подвижностью; онѣ извѣстны подѣ названіемъ прыгуновъ (*Callithrix*); онѣ отличаются очень стройнымъ туловищемъ и соответственными



Бѣлоголовая обезьяна (*Pithecia leucoscephala*) $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

конечностями, съ длиннымъ, тонкимъ, мягкимъ хвостомъ. У нихъ круглая борода, лицо безъ бороды, морда короткая, глаза свѣтлые и большія уши. Ноги и руки снабжены пятью пальцами.

Прыгуны живутъ маленькими обществами въ тихихъ лѣсахъ Южной Америки и здѣсь обращаютъ на себя вниманіе своимъ громкимъ голосомъ. Послѣ ревуновъ, у нихъ самый сильный и пронзительный голосъ сравнительно со всѣми другими американскими обезьянами; по голосу охотникъ узнаетъ ихъ на далекомъ разстояніи; за ними охотятся очень ревностно и очень настойчиво изъ-за ихъ нѣжнаго и очень вкуснаго мяса. По природѣ онѣ очень нѣжны, легко становятся ручными и очень доврчивы.

Сдинъ изъ самыхъ красивыхъ представителей этого подѣотдѣла, — это вдовушка (*Callithrix lugens*); длина ея равняется 90 ст., изъ которыхъ

50 приходится на хвостъ. „Это маленькое животное, говоритъ Александръ фонъ Гумбольдтъ, покрыто тонкою, блестящею, очень красивою, черною шерстью. Лицо бѣловато-голубоватое, имѣетъ видъ маски, на которой выступаютъ глаза, носъ и ротъ. Маленькое, правильной формы, почти голое ухо ограничено завернутымъ краемъ; спереди шеи существуетъ бѣлая полоска шириною въ одинъ дюймъ, образующая какъ бы ошейникъ. Заднія конечности черныя, какъ и остальная часть тѣла, между тѣмъ какъ переднія конечности снаружи бѣлыя, а внутри блестяще-черныя. Эти бѣлые знаки признаются миссіонерами за вуаль, шейный платокъ и перчатки вдовы въ траурѣ.

„Душевное настроеніе этой маленькой обезьяны, которая только во время ѣды становится на заднія конечности, очень мало выражается ея внѣшнимъ видомъ.“

Какъ бы переходною формою между цѣпкохвостыми обезьянами Новаго Свѣта и пушистохвостыми являются саймири (*Chrysotrix*). Это — стройная обезьяна, съ длинными конечностями, очень большой, рѣдко удлиненой головой, въ особенности, въ задней своей части. Лобъ у нея высокій, лицо короткое, большіе, очень сближенные между собою глаза и простыя, большія ушные раковины. Шерсть у нея рѣдкая и состоитъ изъ своеобразно закрученныхъ волосъ.

Самый извѣстный видъ этихъ обезьянъ составляетъ мертвая голова (*Chrysotrix sciurea*), отличающаяся миловидною своею формою и красивою окраскою шерсти, а также изяществомъ движеній и веселымъ своимъ нравомъ. Ее можно назвать самою красивою изъ всѣхъ обезьянъ Новаго Свѣта. Нѣсколько устрашающее нѣмецкое названіе ея, совершенно не соотвѣтствуетъ истинному выраженію ея головы. Это названіе зависитъ только отъ совершенно поверхностнаго сходства, которое, при болѣе тщательномъ сравненіи, тотчасъ же исчезаетъ. Очень стройно сложенная мертвая голова отличается очень длиннымъ хвостомъ; очень тонкая шерсть въ верхней части красновато-чернаго цвѣта; у старыхъ же обезьянъ она ярко померанцево-желтаго цвѣта. Конечности у нея бѣлыя, съ сѣрыми крапинками на нижней поверхности. Иногда шерсть ея, главнымъ образомъ, сѣроватаго цвѣта; въ другихъ случаяхъ голова у нея черная, какъ уголь, туловище желтое, какъ у чижики, съ черными крапинками, а конечности окрашены въ такихъ случаяхъ въ золотисто-желтый цвѣтъ. Длина всего животнаго равняется 80 ст., а длина хвоста — 50 ст.

Родину этой миловидной обезьяны составляетъ, главнымъ образомъ, Гвіана. Здѣсь она живетъ преимущественно по берегамъ рѣкъ этой богатой части свѣта. Живетъ она здѣсь большими обществами. По мнѣнію Шомбурга, онѣ принадлежатъ къ самымъ распространеннымъ видамъ этой страны. Онѣ живутъ, какъ и встрѣчающіеся здѣсь капуцины, большими шайками, по 100 и больше штукъ каждая, располагаясь не въ высокихъ лѣсахъ, а въ кустарникахъ на опушкѣ лѣсовъ, распространяясь отъ уровня берега до высоты 600 метр. надъ уровнемъ моря. Часто онѣ соединяются съ капуцинами въ общее стадо. Въ продолженіе дня онѣ находятся въ постоянномъ движеніи; онѣ располагаются въ верхушкахъ пальмъ, гдѣ находятся въ наибольшей безопасности. Онѣ очень трусливы и пугливы, поэтому не рѣшаются двигаться ночью, но и днемъ, при малѣйшей опасности, пускаются въ бѣгство. При этомъ случается, что стадо длинной вереницей передвигается по верхушкамъ деревьевъ. Вожакъ, въ такихъ случаяхъ, ведетъ всю цѣпь, и, вслѣдствіе большой подвижности животныхъ, онъ переводитъ все стадо, обыкновенно, очень скоро въ безопасное мѣсто.

Каплиеръ содержалъ у себѣ въ Гвіанѣ, въ продолженіе 26 лѣтъ, постоянно по три такихъ обезьяны. Если одна околѣвала, то онъ немедленно возстановлялъ потерю. По его словамъ, ихъ называютъ акалима или кабуанама. „Это очень живыя обезьянки, которыя постоянно находятся въ движеніи, хотя онѣ и днемъ засыпаютъ на нѣкоторое время; онѣ очень чувствительны къ холоду. Я получалъ ихъ, обыкновенно, совершенно молодыми, и онѣ скоро привыкали къ употребленію молока, хлѣба и зрѣлыхъ банановъ. Первое время я оставлялъ ихъ свободно

бѣгать по комнатамъ. Здѣсь онѣ по нѣсколько часовъ сосали свой большой палецъ, какъ маленькія ребята. Онѣ скоро становились общими любимцами, привлекая окружающихъ своимъ миловиднымъ бѣлымъ личикомъ, которое рѣзко отдѣлялось отъ волосъ головы, чернымъ ртомъ, большими, живыми глазами и своимъ веселымъ, доверчивымъ нравомъ. Въ нихъ нѣтъ коварства, что свойственно многимъ обезьянамъ; хотя онѣ очень легко приходятъ въ ярость, но также легко опять успокаиваются. Если ихъ не раздражать, то онѣ никогда не кусаютъ, и при хорошемъ обращеніи съ ними, онѣ являются самыми смирными веселыми животными, какихъ себѣ только можно представить. Если ихъ оставляли бѣгать на свободѣ, то онѣ садились свпнѣямъ на спину и, такимъ образомъ, развѣзжали по степи. Каждый вечеръ, въ пять часовъ, когда закрывали ставни лучшихъ комнатъ, ихъ оставляли на свободѣ. Тогда онѣ начинали весело бѣгать и лазать по хлѣбному дереву или кокосовой пальмѣ позади дома, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не начинало темнѣть. Тогда онѣ сами возвращались въ свое жилище, гдѣ ихъ запирали. Хотя онѣ и питаются насѣкомыми, но, повидимому, не отличаютъ ядовитыхъ, поэтому у меня три изъ нихъ погибли, поѣвши бабочекъ кокосовыхъ гусеницъ. Онѣ не отличаются особенной воспримчивостью и по своему развитію стоятъ ниже капуцина. Если онѣ недовольны, то мурлычатъ, какъ котята; когда пугаются, то издають короткій, рѣзкій горловой звукъ, а при сильномъ раздраженіи кричатъ, какъ сороки. Большую часть изъ нихъ мнѣ приносили съ берега моря, гдѣ онѣ очень легко перепрыгиваютъ по листьямъ пальмы авары, хотя послѣдняя вся покрыта острыми иглами, длиною въ три дюйма. Индѣйцы подстрѣливаютъ самокъ въ то время, когда онѣ еще носятъ на спинѣ своихъ дѣтенышей, или стряхиваютъ послѣднихъ съ деревьевъ, когда они оставлены здѣсь своими матерями. Очень рѣдко приходится изловить самца, такъ что всѣ тѣ, которыхъ ловятъ, оказываются самками“.

*

Азара былъ первый естествоиспытатель, который познакомилъ насъ съ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ обезьянъ. Послѣ него объ этомъ животномъ сообщалъ Гумбольдтъ, затѣмъ Ренггеръ, Шомбургъ и, наконецъ, Бэтцъ.

Ночная обезьяна составляетъ отдѣльный родъ (*Nyctipithecus*). Ночныя обезьяны составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, переходъ отъ истинныхъ обезьянъ къ полуобезьянамъ, сходнымъ съ ними во многихъ отношеніяхъ, и такъ же, какъ онѣ, бодрствуютъ по ночамъ. Ихъ тотчасъ можно узнать и легко отличить отъ всѣхъ, описанныхъ до сихъ поръ, по ихъ головѣ и выраженію лица. Маленькая круглая голова содержитъ большіе совиные глаза. Ихъ широкая большая морда мало выступаетъ, ноздри направлены совершенно книзу, уши маленькія, длинное туловище прикрыто мягкой и рѣдкою шерстью. Нѣсколько пушистый хвостъ длиннѣе туловища. Ногти сжаты по бокамъ и согнуты.

Тщедушное тѣло мирикина (*Nyctipithecus trivirgatus*) длиною въ 35 ст. Длина хвоста равняется 50 ст. Окраска шерсти сверху сѣробоурая, съ большимъ или меньшимъ ржавымъ оттѣнкомъ. Хвостъ оканчивается черной верхушкой. На темени существуетъ три черныя, идущія параллельно полосы одинаковой ширины. Начиная съ затылка и доходя до кожи хвоста, проходитъ свѣтло-желто-бурая полоска.

Область распространенія мирикина простирается, повидимому, къ востоку отъ болѣе теплой части Южной Америки. Но все же появленіе его ограничивается только нѣкоторыми частями страны. Ренггеръ увѣряетъ, что въ Парагваѣ эта обезьяна встрѣчается только по правому берегу рѣки, и именно, до 25° южной широты; по лѣвому берегу она не встрѣчается. О жизни этой обезьяны на свободѣ извѣстно очень мало. Обыкновенно она живетъ на деревьяхъ или въ самыхъ деревьяхъ; въ продолженіе ночи она отыскиваетъ себѣ пищу, а утромъ располагается въ дуплѣ дерева, гдѣ спитъ въ продолженіе дня. Прислуга указаннаго естествоиспытателя отправилась однажды за дровами и нашла пару

обезьянъ, спящихъ въ поломахъ деревьевъ. Испуганныя животныя старались убѣжать, но свѣтъ солнца такъ ослѣпилъ ихъ, что они не были въ состояніи произвести правильный прыжокъ или увѣренно лазать по дереву. Поэтому ихъ легко удалось поймать, хотя они и старались защищаться острыми зубами.

Ихъ жилище состояло изъ листьевъ и было выстлано древеснымъ мхомъ. На этомъ основаніи можно было заключить, что эти животныя живутъ въ извѣстномъ мѣстѣ и постоянно возвращаются въ одно и то же гнѣздо. Ренггеръ увѣряетъ, что они живутъ всегда только парами, и что никогда не приходилось встрѣчать ихъ большими обществами. Бэтцъ, напротивъ, утверждаетъ противное.

Молодой мириккина легко становится ручнымъ; старыя животныя, напротивъ, остаются дикими и всегда кусаются. При хорошемъ уходѣ обезьяна эта хорошо переноситъ неволю, но при неопрятности она очень легко погибаетъ. Ее содержатъ въ большой клѣткѣ или въ комнатѣ, гдѣ оставляютъ ее свободно бѣгать, такъ какъ привязанная къ веревкѣ она можетъ легко запутаться въ ней. Она спитъ въ продолженіе всего дня, забираясь въ самое теплое мѣсто своего помѣщенія. При этомъ она сидитъ съ поджатыми конечностями и съ согнутою спиною, а лицо свое прячетъ между скрещенными передними конечностями. Если ее разбудить и при этомъ гладить и ласкать, то она все же тотчасъ засыпаетъ. При дневномъ свѣтѣ она ничего не видитъ, а зрачекъ ея едва замѣтенъ. Если изъ темноты перенести ее вдругъ на свѣтъ, то выраженіе ея лица и издаваемые ею жалкіе звуки показываютъ, что этотъ свѣтъ производитъ на нее болѣзненное впечатлѣніе. Какъ только наступаетъ вечеръ, она просыпается, зрачекъ постепенно расширяется по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ дневной свѣтъ, и становится опять настолько большимъ, что едва только можно замѣтить радужную оболочку. Глаза у нея свѣтятся, какъ у кошки или у совы, и, по мѣрѣ наступленія сумерекъ, она передвигается къ своей клѣткѣ и отыскиваетъ себѣ здѣсь пищу. При этомъ она производитъ, повидимому, свои движенія очень свободно, хотя на гладкой почвѣ движенія ея не особенно ловки, такъ какъ заднія ея конечности длиннѣе переднихъ. При лазаніи по дереву она отличается большимъ изяществомъ и съ большимъ искусствомъ перепрыгиваетъ съ дерева на дерево. При своихъ ночныхъ походахъ она почти каждый разъ ловитъ спящую на деревѣ птицу. Другія обезьяны, которыхъ наблюдалъ Ренггеръ, съ особенною ловкостью ловили насѣкомыхъ. Ночью мириккина часто издаетъ сильный глухой звукъ, повторяя его всегда нѣсколько разъ. Путешественники сравниваютъ этотъ звукъ съ далекимъ ревомъ ягуара. Гнѣвъ свой онъ выражаетъ частымъ повтореніемъ звука „гррр, гррр“.

Что касается высшихъ чувствъ, то у него всего сильнѣе развитъ органъ слуха. Малѣйшій шумъ привлекаетъ тотчасъ же его вниманіе. Его всего лучше можно видѣть во время звѣздныхъ ночей. Повидимому умственное его развитіе очень ограничено. Онъ никогда не узнаетъ своего хозяина, не идетъ на его зовъ и совершенно равнодушенъ ко всѣмъ его ласкамъ. Ренггеръ подмѣтилъ только взаимную привязанность между самцомъ и самкою. Пара, живущая въ неволѣ, всегда скоро погибаетъ, такъ какъ, если одинъ изъ нихъ умираетъ, то другой очень скоро слѣдуетъ за нимъ. Всего болѣе эти животныя дорожатъ свободой и они пользуются каждымъ случаемъ, чтобы сбѣжать, даже пойманныя въ молодости и уже много лѣтъ живущія въ неволѣ.

Животныя, которыхъ мы теперь соединимъ въ одну семью, нѣкоторыми естествоиспытателями считались лишь родами, принадлежащими предыдущимъ отдѣламъ, къ которымъ ихъ и присоединяли. Однако же признаки, отличающіе ихъ отъ вышеописанныхъ обезьянъ, все же настолько существенны, что вполне оправдываютъ то раздѣленіе, которое мы здѣсь принимаемъ.

Когтистыя или игрунковыя обезьяны (*Arctopithecii*) отличаются отъ всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ представителей этого отдѣла тѣмъ, что, за исключеніемъ большого пальца ноги, всѣ остальные пальцы ногъ снабжены узкими когтями. На большомъ пальцѣ ноги имѣются широкіе черепацеобразные ногти.

Кромѣ того онѣ отличаются круглой головой съ короткимъ плоскимъ лицомъ, маленькими глазами и большими ушами, которыя часто бываютъ украшены пучками волосъ; у нихъ стройное тѣло, короткія конечности, ногтевидные пальцы, причемъ большой палецъ не можетъ быть противопоставляемъ другимъ: это, возможно однако же, для большого пальца ноги; наконецъ, у нихъ длинный пушистый хвостъ и мягкая шелковистая шерсть. Слѣдовательно, руки приняли у нихъ видъ настоящихъ лапъ и только ноги сохранили еще свое сходство съ ногами другихъ обезьянъ.

Область распространенія когтистыхъ обезьянъ принадлежитъ всѣмъ сѣвернымъ странамъ, за исключеніемъ Южной Америки, и простирается къ сѣверу до Мексики, между тѣмъ какъ къ югу онѣ почти не переходятъ границъ Бразиліи. Большая часть этихъ обезьянъ живетъ въ Бразиліи, Гвіанѣ и Перу. Въ Мексикѣ встрѣчаются только два вида ихъ. Какъ высоко онѣ поднимаются на горахъ, вполне достоверно до сихъ поръ еще не установлено. Шомбургъ встрѣчалъ ихъ на высотѣ 500 метр. надъ уровнемъ моря. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Андахъ онѣ встрѣчаются еще на большей высотѣ.

Всѣ когтистыя обезьяны являются древесными жителями въ настоящемъ смыслѣ этого слова. На своей родинѣ онѣ живутъ въ большихъ лѣсахъ; но не только высокіе, сырые, первобытные лѣса побережья или низменности служатъ мѣстомъ ихъ пребыванія, но также и низкіе, подобные кустарникамъ, лѣса во внутренней части страны. Своими проявленіями и нравомъ онѣ столько же напоминаютъ бѣлокъ, какъ и обезьянъ. Онѣ не принимаютъ вертикальнаго положенія подобно обезьянамъ, а, напротивъ, сидятъ, обыкновенно, укрѣпляясь передними и задними конечностями, или даже лежатъ прямо на животѣ, причемъ длинный пушистый хвостъ отвисаетъ прямо книзу. Онѣ неохотно передвигаются по тонкимъ вѣтвямъ, въ противоположность своимъ родственникамъ, отличающимся необыкновеннымъ искусствомъ въ лазаніи, но остаются больше на толстыхъ вѣтвяхъ и передвигаются по нимъ совершенно такъ же, какъ бѣлки, примѣняя при этомъ когти подобно этимъ грызунамъ. Никогда онѣ не ходятъ на двухъ ногахъ, наступаютъ онѣ всегда всей подошвой; только когда онѣ кладутъ что нибудь въ ротъ, то поднимаютъ переднюю часть своего тѣла, удерживаясь такъ же, какъ бѣлка.

Вообще онѣ очень сходны съ бѣлками; онѣ отличаются такимъ же безпокойнымъ нравомъ и неутомимостью и такою же пугливостью и трусостью. Головка ихъ не успокаивается ни на одно мгновеніе, и темные глаза постоянно скользятъ отъ одного предмета къ другому съ нѣкоторою торопливостью, какъ то безтолково блуждая, какъ будто животное задумывается то надъ тѣмъ, то надъ другимъ. Я не приписываю, однако же, этимъ обезьянамъ какихъ либо серьезныхъ мыслей, напротивъ, по моему, онѣ самыя бессмысленныя изъ всѣхъ обезьянъ. Это въ высшей степени ограниченныя животныя, умственные способности которыхъ едва ли отличаются отъ способностей грызуновъ одного съ ними размѣра. Трусливыя, подозрительныя, скрытныя, мелочныя и забывчивыя, когтистыя обезьяны дѣйствуютъ какъ то мало сознательно, поддаваясь вліянію минуты: онѣ бросаютъ то, что только что раздобыли, какъ только что нибудь другое попадется имъ на глаза. Онѣ отличаются всѣми качествами трусовъ: жалкій голосъ, неспособность и не желаніе подчиняться неизбѣжному, какое то плаксивое отношеніе ко всему происходящему, болѣзненное стремленіе относить всякое дѣйствіе другого существа къ себѣ, желаніе то похвастать передъ другими, то спрятаться отъ нихъ. Онѣ отличаются своимъ непостоянствомъ, какъ въ выраженіи лица, такъ и въ положеніяхъ, которыя онѣ принимаютъ, и, наконецъ, въ своихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ.

Главную пищу этой обезьянки составляютъ различные плоды, сѣмена, листья и цвѣты. Кромѣ того онѣ съ большою охотою преслѣдуютъ различныхъ мелкихъ животныхъ: насѣкомыхъ, пауковъ и т. д., предпочитая ихъ, безъ сомнѣнія, различнымъ мелкимъ позвоночнымъ животнымъ, не брезгуя, однако же, и послѣдними. Во всякомъ случаѣ, онѣ болѣе хищны, чѣмъ всѣ остальные обезьяны, т. е. поѣдаютъ больше животной пищи, чѣмъ растительныхъ веществъ.

Обыкновенно различаютъ три вида, принадлежащіе къ одной общей семьѣ (Нарале) львиной игрункѣ; лицо и уши у нея голыя; хвостъ съ кисточкой равенъ длинѣ тѣла; на головѣ гривка, которая распространяется иногда на шею и плечи; тамарины, представителями которыхъ служатъ: серебряная обезьяна (Нарале argentata), изображенная на рисункѣ, и отличающаяся отъ первой только своимъ длиннымъ хвостомъ и отсутствіемъ гривки, и шелковистая обезьяна съ волосяными пучками на ухахъ. Между послѣдними обезьянами, по-



1) Сагунъ (Нарале jacchus), 2) Серебряная обезьяна (Нарале argentata), 3) Бѣлолобая обезьяна (Нарале penicillata), $\frac{1}{4}$ естест. велич.

видимому, всего чаще встрѣчается сагунъ, уистити или мармозетъ (Нарале jacchus), когтистая обезьяна средней величины; длина ея тѣла равняется 22—27 ст., а длина хвоста — отъ 30 до 35 ст.; очень стройна, покрыта длинной и мягкой шерстью. Цвѣтъ послѣдней слагается, обыкновенно, изъ чернаго, бѣлаго и ржаво-желтаго, и зависитъ отъ своеобразной окраски самихъ волосъ, которые около корня черноваты, затѣмъ переходятъ въ ржаво-желтый цвѣтъ, и, наконецъ, около верхушки — въ бѣловатый. На верхней части спины окраска становится болѣе ржаво-желтаго цвѣта. На нижней части спины чередуются черныя и бѣлыя волнообразныя узкія полосы; на нижней части тѣла и на конечностяхъ всѣ волоса оканчиваются бѣловато-сѣроватыми верхушками, почему въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ означенная окраска. Хвостъ черный, на немъ проходитъ

около 20 узкихъ бѣловатыхъ колець, и оканчивается онъ бѣлой верхушкой. На лбу существуетъ бѣловатое треугольное пятно, а чисто бѣлыя ушные кисточки рѣзко отличаются отъ темно-коричневой головы. Лицо темно-мясного цвѣта, прикрыто рѣдкими бѣлыми волосами.

Изъ всѣхъ видовъ этой семьи сагуинъ чаще всего попадаетъ въ Европѣ. Его знаютъ уже съ открытія Америки и всегда держали въ неволѣ; ихъ можно хорошо кормить плодами, овощами, насѣкомыми, улитками и мясомъ. Они очень легко привязываются къ тому, кто за ними постоянно ухаживаетъ; къ чужимъ они относятся подозрительно и раздражительно. Вообще очень своенравны, какъ худо воспитанный ребенокъ; свое неудовольствіе они выражаютъ свистящими звуками. Все чуждое раздражаетъ ихъ. Они такъ пугливы, что видъ пролетающей осы вызываетъ у нихъ страхъ. Въ неволѣ они всегда бываютъ сначала очень дикими; они кричатъ, какъ только кто нибудь приблизится къ нимъ, и проходить довольно много времени раньше, чѣмъ они позволяютъ прикасаться къ себѣ. Въ ручномъ состояніи они сближаются не только съ человѣкомъ, но и съ домашними животными; раньше всего съ кошками, съ которыми они играютъ, и около которыхъ очень охотно спятъ, повидимому, потому что имъ такъ теплѣе. Они стараются очень тщательно оградиться отъ холода и собираютъ всѣ попадающія къ нимъ бумажныя и другія матеріи, а также простыя шерстяныя тряпки въ одинъ уголъ своей клѣтки, гдѣ изъ этого дѣлаютъ себѣ подстилку и даже заворачиваются въ нее, насколько возможно. Привлекательную картину представляетъ видъ этого маленькаго животнаго, когда оно высовываетъ свою изящную головку изъ своей постели, въ особенности, когда знакомые люди подаютъ ему лакомый кусокъ.

Уистити уже нѣсколько разъ рождали въ Европѣ дѣтенышей, разъ даже въ Петербургѣ, при очень неблагоприятныхъ условіяхъ. Животныхъ этихъ оставляли въ нетопленыхъ комнатахъ во время довольно сухой осени и соответственной весны и не давали имъ никакой свободы; несмотря на такой дурной уходъ они въ продолженіе двухъ лѣтъ три раза рождали дѣтенышей и выращивали ихъ. Вмѣстѣ съ отчетомъ объ этихъ животныхъ, естествоиспытатель Палласъ составилъ очень точное описаніе ихъ нрава и ихъ жизни въ неволѣ. Собранныя имъ данныя я здѣсь и приведу вкратцѣ.

„Сагуинъ, какъ и всѣ длиннохвостыя, малыя, мартышковидныя существа Новаго Свѣта, имѣетъ менѣе обезьяній нравъ, чѣмъ большія породы. Хотя иногда, при желаніи, онъ можетъ очень быстро прыгать и лазать, но онъ не находится въ такомъ постоянномъ безпокойствѣ и движеніи, какъ другія обезьяны; напротивъ, онъ отличается большою неподвижностью; когда онъ сытъ и желаетъ погрѣться на солнцѣ, онъ вмѣстѣ съ своею подругою остается по нѣсколько часовъ въ полномъ покоѣ, удерживаясь въ всячемъ положеніи на перекладинѣ своей клѣтки. Онъ лазаетъ во всѣхъ направленіяхъ, часто даже головой внизъ, но всегда производитъ это очень флегматично. Иногда онъ виситъ внизъ головой, укрѣпляясь одними задними конечностями, или захватываясь передними конечностями, онъ притягиваетъ свое тѣло такъ, какъ это дѣлаетъ лѣнивый человѣкъ. Пригрѣтые солнечными лучами, товарищи чистятъ другъ друга передними своими конечностями и зубами, какъ это дѣлаютъ обезьяны. Иногда они это дѣлаютъ на рѣшеткѣ, въ всячемъ положеніи, а иногда, напротивъ того, располагаясь на полу; при этомъ одинъ изъ нихъ растягивается на спинѣ во всю длину, и, обыкновенно, слышно слабое щебетаніе и воркующій звукъ. Съ такимъ же воркующимъ звукомъ эти животныя почти точно въ 6 часовъ вечера собирались вмѣстѣ въ скрытомъ помѣщеніи своей клѣтки, высланной одной соломою, гдѣ и оставались до 6 или 7 час. утра, совершенно не показываясь и не издавая никакого звука. Рѣдко одинъ изъ нихъ выходилъ во время сна, чтобы исполнить свою естественную нужду, такъ какъ они никогда не загрязняютъ своего гнѣзда. Остальные одиннадцать или двѣнадцать часовъ они всегда довольно бодры и заняты чѣмъ нибудь внѣ своего гнѣзда. При этомъ они бываютъ въ нѣкоторомъ движеніи и издаютъ довольно громкіе звуки. Кромѣ обыкновеннаго своего воркованія, они, въ особенности въ то время, когда имъ готовятъ ѣду, издаютъ часто, нѣ-

сколько разъ подрядъ, болѣе громкій звукъ, довольно ясно напоминающій французское ихъ названіе „уистити“. Когда насытившись они отдыхали или грѣлись на солнцѣ, то болѣе взрослые изъ нихъ производили, съ широко растянutoй пастью, длинный, однозвучный, очень пронзительный свистъ, отъ котораго даже ушамъ больно. Отъ этого нельзя было ихъ отучить ни напугиваніемъ, ни крикомъ. Если они замѣчали что нибудь необычайное, какъ, на примѣръ, собакъ, воронъ, и т. д., они нѣсколько разъ подрядъ отрывисто стрекотали, почти какъ сороки, причемъ вытягивали голову, перебрасывали верхнюю часть своего тѣла въ одну и другую сторону, какъ это замѣчается у человѣка, который во что либо всматривается и отыскиваетъ себѣ мѣсто, чтобы лучше видѣть. Старые самцы производили иногда трескучіе или хрюкающіе звуки въ то время, когда ихъ сердили или показывали что либо издали и не давали. При этомъ они вытягивали свое лицо, какъ другія обезьяны во время гнѣва, какъ то необыкновенно заикались и старались захватить передними своими лапами своего мучителя и оцарапать его, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень пугались, если ихъ хватали за лапу и, стоя внѣ клѣтки, удерживали ее.

Хотя сагуинъ родомъ изъ Южной Америки, все же онъ далеко не такъ мерзнетъ, какъ это можно предположить. Когда они жили у меня, я въ холодные осенніе дни оставлялъ ихъ въ нетопленной комнатѣ; они постоянно находились у окна при температурѣ очень близкой къ точкѣ замерзанія. Понятно, что они постоянно ищутъ случая погрѣться на солнцѣ или около грѣлки, которая имъ поставлена. Вблизи этой послѣдней они, въ всячемъ положеніи, часто грѣлись въ клѣткѣ по нѣсколько часовъ. Очень странно, что сильная жара имъ здѣсь въ Петербургѣ была очень непріятна. Ихъ хозяинъ увѣрялъ, что въ жаркіе лѣтніе дни онъ часто встрѣчалъ ихъ падающими съ судорожными сокращеніями, что въ другое время бываетъ съ ними очень рѣдко. Очень трогательно видѣть, какъ здоровые тотчасъ же начинаютъ заботиться о такомъ больномъ, какъ они стараются подать ему какую нибудь помощь“.

Такъ же часто, какъ сагуинъ, встрѣчается бѣлолобая обезьяна (*Narale penicillata*), которая по своей величинѣ и окраскѣ очень сходна съ предыдущимъ животнымъ.

Обезьяна, принадлежащая къ тамаринамъ и называемая пинчемъ (*Narale oedipus*), очень рѣдко привозится въ Европу и хуже уживается, чѣмъ другіе привезенные виды. Очень маленькое, красиво разрисованное животное отличается особенно своимъ голосомъ, очень сходнымъ съ голосомъ птицъ; онъ состоитъ либо изъ длинныхъ, чистыхъ звуковъ флейты, либо изъ трелей.

Второй отрядъ.

Полуобезьяны (Prosimii).

Большинство изъ прежнихъ естествоиспытателей считали животныхъ, къ которымъ мы теперь переходимъ, за настоящихъ обезьянъ и соотвѣтственно такому взгляду соединяли ихъ въ одинъ отрядъ съ послѣдними. Мы, однако, совершенно отдѣляемъ полуобезьянъ отъ настоящихъ обезьянъ, а потому возводимъ первыхъ въ отдѣльный, самостоятельный отрядъ. Строеніе тѣла представителей того и другого отрядовъ совершенно различно; зубная система полуобезьянъ не имѣетъ почти ничего общаго съ зубной системой обезьянъ. Если сохранить названіе четверукія, то оно скорѣе относится къ полуобезьянамъ, чѣмъ къ настоящимъ обезьянамъ, потому что у тѣхъ разница въ строеніи переднихъ и заднихъ конечностей выражена много меньше, чѣмъ у этихъ. Разсматриваемыхъ нами теперь животныхъ можно считать соединительнымъ звеномъ между обезьянами и сумчатыми, потомками какихъ то еще неизвѣстныхъ, родственныхъ двуутробкамъ млекопитающихъ, но они никоимъ образомъ не настоящія обезьяны.

Сдѣлать общій очеркъ внѣшняго вида полуобезьянъ не легко. Величина ихъ, строеніе тѣла и отдѣльныхъ членовъ его, зубная система и строеніе скелета крайне измѣнчивы. Величина этихъ животныхъ колеблется между ростомъ крупной домашней кошки и величиною сони. У большинства видовъ тѣло худощавое, а у нѣкоторыхъ даже очень худое; у однихъ голова отдаленно напоминаетъ длиною морды строеніе этой части у собаки или лисицы, у другихъ она крайне своеобразна и похожа на голову летяги, полчка, или имѣетъ даже совиное выраженіе.

Заднія конечности обыкновенно замѣтно, а часто значительно длиннѣе переднихъ; по строенію пятки эти животныя могутъ быть разбиты на двѣ группы: у одной пятка сравнительно коротка, у представителей же другой, наоборотъ, довольно длинная. Хвостъ тоже очень измѣнчивъ; у многихъ онъ значительно длиннѣе самого тѣла, тогда какъ у нѣкоторыхъ является въ видѣ едва замѣтнаго снаружи или даже совершенно не виднаго зачатка; у однихъ видовъ онъ очень пушистъ, у иныхъ же мѣстами почти голый. Большіе глаза, въ общемъ хорошо развитыя уши, то съ голой, то съ покрытой волосами ушной раковиной, и мягкій, густой мѣхъ, который только въ видѣ исключенія состоитъ изъ жесткихъ волосъ, — заставляютъ признавать полуобезьянъ по наружному виду за сумеречныхъ или ночныхъ животныхъ. Зубная система, по расположенію отдѣльныхъ зубовъ, ихъ строенію и числу, болѣе измѣнчива, чѣмъ у настоящихъ обезьянъ. Черепъ тоже отличается сильной округленностью задней своей части, узкой, короткой лицевой частью и своими большими глазными впадинами, которыя спереди очень сближены, имѣютъ высокій край, прерванный однако сзади, такъ что впадина не обособлена отъ височной ямки.

Родину этихъ животныхъ составляетъ Африка, главнымъ образомъ Мадагаскаръ съ сосѣдними островами, а также Индія и большіе острова южной Азіи, мѣстопробываніемъ же служатъ имъ густые, изобилующіе плодами лѣса этихъ частей свѣта.

Всѣ виды ихъ живутъ на деревьяхъ, а многіе даже вовсе не спускаются на землю. Одни отличаются способностью лазать съ необычайной ловкостью и проворствомъ, другіе, наоборотъ, медлительны, осторожны, движенія ихъ обдуманны, вслѣдствіе этого совершаются безшумно и непримѣтно. Нѣкоторые виды иногда дѣятельны и днемъ, но большинство оживляется только ночью и впадаетъ въ глубокій сонъ еще до наступленія дня. Пищу однихъ представителей отряда составляютъ различные плоды, почки и молодые листья растений, другіе же питаются суставчатыми животными и мелкими млекопитающими. Въ неволѣ ихъ можно приучить къ различной пищѣ. Ощутительнаго вреда они не приносятъ, но отъ нихъ нѣтъ также и замѣтной пользы. Тѣмъ не менѣе, туземцы относятся къ нимъ повсюду далеко не безразлично, видя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ животныхъ священныхъ и неприкосновенныхъ, а другихъ принимая за существа, предвѣщающія несчастье и бѣду. Жители не рѣдко предостерегаютъ ревностнаго изслѣдователя отъ охоты за полуобезьянами, часто даже препятствуютъ европейцу стрѣлять ихъ и оберегаютъ этихъ животныхъ. Возможно, что именно въ этомъ отношеніи къ нимъ туземцевъ и кроется причина того, что мы такъ рѣдко, сравнительно, получаемъ для нашихъ зоологическихъ садовъ даже обыкновенныхъ и живущихъ общественно представителей этого отряда. Ловля ихъ не составляетъ большого труда, а содержаніе въ неволѣ легко и просто. Большинство полуобезьянъ выживаетъ тутъ несравненно лучше, чѣмъ обезьяны, и при мало-мальски сносныхъ условіяхъ прекрасно плодятся въ клѣткахъ. Въ неволѣ отношеніе ихъ къ человѣку находится въ зависимости отъ умственныхъ способностей того или другого вида. Тѣ изъ нихъ, которые отличаются веселымъ, подвижнымъ нравомъ, легко привыкаютъ къ своему воспитателю и могутъ быть кое-чему обучены; другіе же, животные въ полномъ смыслѣ слова ночныя, постоянно сонны и инертны, а потому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ способны отблагодарить даже за самый тщательный уходъ за собою.

*

Подъ именемъ лемуровъ древніе римляне понимали души умершихъ; добрыя изъ послѣднихъ, лары, охраняли домъ и семью, злыя же беспокоили бѣдныхъ смертныхъ въ качествѣ блуждающихъ, коварныхъ привидѣній. Описательная наука, поставленная въ необходимость давать названія безконечному количеству разнообразнѣйшихъ произведеній природы, часто находится въ затрудненіи при отысканіи подходящихъ именъ, а потому не рѣдко заимствуетъ ихъ, какъ въ данномъ случаѣ, изъ міеологіи. Описывая подъ названіемъ лемуровъ тоже ночныхъ потаскушекъ и буяновъ, систематическая зоологія подразумѣваетъ подъ ними, однако, далеко не безплотныхъ созданій, а такихъ, которыя построены изъ плоти и крови, вылиты въ болѣе или менѣе опредѣленную форму и часто отличаются даже своею миловидностью: это типичные представители отряда, рассматриваемаго теперь нами, это семейство полуобезьянъ, къ которому относится громадное большинство самыхъ разнообразныхъ видовъ и которое распадается на много родовъ.

Лемуры (*Lemuridae*) характеризуются въ общемъ тѣми же самыми признаками, о которыхъ мы упоминали, описывая отрядъ, какъ цѣлое, потому что остальные два семейства полуобезьянъ отличаются отъ нихъ, главнымъ образомъ только зубной системой, строеніемъ переднихъ и заднихъ конечностей и инымъ волосянымъ покровомъ.

Центромъ распространенія лемуровъ является Мадагаскаръ и сосѣдніе съ нимъ острова; кромѣ того они водятся въ Африкѣ, занимая всю среднюю часть ея отъ восточнаго до западнаго побережья, а сравнительно немногими, почти единичными формами населяютъ Остъ-Индію и южно-азиатскіе острова. Всѣ безъ исключенія лемуры живутъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, предпочитая непроходимые, дѣвственные лѣса, изобилующіе плодами и насѣкомыми, всѣмъ остальнымъ и не стараясь искать близости человѣка, хотя и нельзя сказать, чтобы они его избѣгали. Будучи, какъ и всѣ остальные представители отряда, животными болѣе или

менѣе ночными, они удаляются въ самые темные уголки лѣса или въ дупла деревьевъ и проводятъ здѣсь день во снѣ. Спятъ, они свернувшись въ клубокъ, часто принимая крайне своеобразное положеніе. Нѣкоторые изъ нихъ садятся при этомъ на заднюю часть тѣла, крѣпко прицѣпляются руками, глубоко опускаютъ голову межъ подтянутыхъ переднихъ конечностей и кромѣ того обматываютъ ее и плечи еще хвостомъ. Другіе свертываются въ клубокъ по одиночкѣ, только плотно прижимаясь другъ къ другу, или же по двое вмѣстѣ, въ одинъ клубокъ, и затѣмъ уже взаимно обматываютъ себя хвостами. Если потревожить такой волосатый клубокъ, то изъ него появляются вдругъ двѣ головы и глядятъ своими большими глазами на нарушителя ихъ покоя.

Во снѣ лемуры очень чутки. Многіе изъ нихъ просыпаются уже отъ жужжанія пролетающей мухи, отъ шороха пробѣгающаго мимо жука: при этомъ ихъ большіе глаза сонно блуждаютъ, ихъ ушки наостряются, но все это лишь на мгновеніе. Лемуры крайне боятся дневного свѣта и глаза ихъ чувствительнѣе къ нему, чѣмъ у всѣхъ другихъ млекопитающихъ. День для нихъ не существуетъ; живя на свободѣ, лемуры просыпаются лишь съ наступленіемъ темноты, но въ неволѣ они бодрствуютъ также и днемъ.

Проснувшись въ сумерки, они принимаются чистить и прилизывать свой мѣхъ, начинаютъ издавать обыкновенно довольно непріятные и громкіе звуки, а затѣмъ уже отправляются бродить по своей воздушной охотничьей области: каждый видъ лемуровъ начинаетъ теперь жить по своему, сообразно со своими привычками. Большинство видовъ старается прежде всего оправдать свое названіе буяновъ и задаетъ цѣлымъ обществомъ такой концертъ, отъ котораго у новичка поднимаются со страха волосы дыбомъ: крикъ ихъ представляетъ или какой-то неописуемый адскій шумъ, или напоминаетъ ревъ опасныхъ звѣрей, напримѣръ, льва. Этотъ совмѣстный хрюкающій ревъ означаетъ, повидимому, какъ и у другихъ животныхъ, начало дѣятельности лемуровъ, потому что непосредственно вслѣдъ за нимъ пускаются они бродить по своему охотничьему участку, а вѣрнѣе по своему пастбищу, и проявляютъ теперь такую веселость, ловкость и подвижность, какія нельзя было даже подозрѣвать въ нихъ, наблюдая ихъ днемъ въ заспанномъ видѣ. Они въ состояніи не только мастерски продѣлывать всѣ фокусы при лазаніи и прыганіи, которые свойственны обезьянамъ, но и превосходятъ послѣднихъ въ этомъ отношеніи.

Но таковы не всѣ роды и виды лемуровъ: другіе ведутъ себя совершенно иначе. Украдкой и медленно перебираются они неслышными шагами съ вѣтви на вѣтвь, какъ огненные шары свѣтятся только въ ночной темнотѣ ихъ большіе круглые глаза, а всѣ движенія совершаются такъ тихо и обдуманно, что до чуткаго уха наблюдателя не доносится ни единого звука, который могъ бы выдать присутствіе по близости живого существа. И бѣда безпечно заснувшей птицѣ, на которую падетъ взоръ этихъ огненныхъ глазъ! Ни одинъ индѣецъ не въ состояніи прокрадываться тише по своей тропѣ, ни какой кровожадный дикарь не приближается къ своей жертвѣ съ болѣе ужасными замыслами, чѣмъ лори. Безъ малѣйшаго шума, почти безъ замѣтнаго движенія переставляетъ онъ одну ногу за другой и все ближе и ближе подбирается къ своей добычѣ, пока не подойдетъ къ ней почти вплотную. Теперь онъ поднимаетъ одну изъ рукъ и подноситъ ее къ жертвѣ такъ же безшумно, такъ же обдуманно и тутъ же ловкимъ, быстрымъ какъ молнія движеніемъ схватываетъ несчастную дремлющую птичку и душитъ ее прежде, чѣмъ та почуветъ ужаснаго врага. Съ жадностью накидывается безобидный съ виду четырехрукій звѣрекъ на добычу и, умертвивъ ее окончательно, съѣдаетъ. Какъ сама спящая птица, такъ и птенцы ея, яйца въ ея гнѣздѣ тоже погибаютъ, разъ замѣтилъ ихъ лори.

Всѣ относящіеся сюда виды двигаются по деревьямъ медленно, но зато обдуманно и съ увѣренностью; прежде чѣмъ отпустить вѣтвь, за которую держатся, они убѣждаются выдержать ли ихъ та, за которую они собираются вновь ухватиться.

Для процвѣтанія всѣхъ полуобезьянъ нужна равномерная, довольно высокая температура; отъ холода онѣ хирѣютъ и заболѣваютъ.

Умственные способности полуобезьянъ находятся на низкой степени развитія и лишь немногія изъ нихъ составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Всѣ онѣ пугливы и боязливы, но храбро защищаются, если ихъ ловятъ. Разъ привыкнувъ къ человѣку, онѣ становятся до извѣстной степени довѣрчивыми и ведутъ себя по отношенію къ нему дружелюбно и добродушно, но рѣдко теряютъ свою пугливость. Нѣкоторые виды этого семейства довольно хорошо мирятся, однако, съ потерю свободы и со своимъ зависимымъ отъ человѣка положеніемъ и такихъ можно даже до извѣстной степени утилизировать, на примѣръ, приучить къ охотѣ за другими животными. Безхвостыя формы, съ другой стороны, остаются тихими, угрюмыми созданіями и въ неволѣ, сердито стараются избѣгнуть всякаго нарушенія своего спокойствія и врядъ ли приучаются отличать своего воспитателя отъ другихъ людей, къ которымъ относятся вообще безразлично.

Индри (*Lichanotus*) или бабакото, какъ называютъ ихъ туземцы острова Мадагаскара, принадлежатъ къ самымъ крупнымъ и наиболѣе развитымъ представителямъ лемуровъ. Изъ двухъ до сихъ поръ открытыхъ видовъ лучше извѣстенъ индри короткохвостый (*Lichanotus brevicaudatus*), который достигаетъ длины въ 85 сантиметровъ, считая въ томъ числѣ недоразвитый хвостъ въ 2,5 сантиметра. Голова у него средней величины, съ острой мордой, малыми глазами и съ небольшими, почти совершенно скрытыми въ волосахъ ушами; плотно сложенное тѣло покрыто густымъ, волнистымъ мѣхомъ, который одѣваетъ также переднія и заднія конечности, оканчивающіяся большими цѣпкими лапами, имѣющими видъ рукъ. Лобъ, виски, горло, грудь, область крестца, хвостъ, нижняя сторона бедеръ, голени и бока тѣла бѣлаго цвѣта; уши, затылокъ, плечи, предплечія и руки черныя; нижняя часть спины и верхнія части бедеръ бурая, а передняя сторона заднихъ конечностей черно-бурая.

Соннера, познакомившій насъ съ бабакото, говоритъ, что онъ крайне подвиженъ и ловокъ, необыкновенно быстро перепрыгиваетъ съ дерева на дерево, сидитъ, когда ѣстъ, на заднихъ лапахъ подобно бѣлкѣ, поднося ко рту руками пищу, которая состоитъ, главнымъ образомъ, изъ плодовъ. Голосъ бабакото напоминаетъ плачъ ребенка; онъ очень добродушнаго и спокойнаго нрава, а потому легко приручается. Въ южныхъ частяхъ Мадагаскара туземцы воспитываютъ его въ молодомъ возрастѣ и употребляютъ для охоты, какъ мы собаку.

„Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мадагаскара,“ говоритъ Полленъ, „бабакото приучаютъ къ охотѣ за птицею и увѣряютъ, что онъ оказываетъ при этомъ такія же услуги, какъ и лучшая собака. Будучи животнымъ, питающимся преимущественно плодами, индри не брезгаетъ и мелкими птичками; отъ ловить ихъ очень ловко съ цѣлью воспользоваться ихъ мозгомъ, составляющимъ для него настоящее лакомство.“

Ни бабакото, ни другой видъ индри живыми въ Европу, насколько извѣстно, до сихъ поръ не привозились. Это удивляетъ насъ тѣмъ болѣе, что первый сдѣлался на Мадагаскарѣ до извѣстной степени домашнимъ животнымъ, а потому содержаніе его въ неволѣ не можетъ представлять никакихъ затрудненій.

*

Названіе маки, говорятъ, есть звукоподражаніе крику животныхъ, составляющихъ самый богатый видами и особями родъ разсматриваемаго семейства, за которымъ удержалось научное названіе *Lemur*. Маки отличаются почти отъ всѣхъ своихъ родственниковъ вытянутой, напоминающей лисью, головой съ глазами средней величины, и съ довольно длинными, часто пушистыми ушами, хорошо развитыми конечностями, обѣ пары которыхъ почти одной длины и оканчиваются лапами, почти голыми съ тыльной стороны, длиннымъ хвостомъ, превосходящимъ длину самаго тѣла и, наконецъ, покровомъ, состоящимъ изъ очень мягкихъ и тонкихъ волосъ, которые бываютъ волнистыми, однако, только въ исключительныхъ случаяхъ.

Прежде отличали въ этой группѣ очень много видовъ, но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, нѣкоторые изъ нихъ, представляютъ явленія полового диморфизма или формы подвидового значенія.

Вари (*Lemur varius*) называется самый извѣстный видъ маки. Онъ чернаго и бѣлаго цвѣта, причемъ цвѣта эти занимаютъ на тѣлѣ животнаго большіе, измѣнячивые по своему очертанію участки. Распредѣленіе этихъ участковъ варьируетъ почти у каждаго экземпляра, такъ что у одного преобладаетъ черный, у другаго же бѣлый цвѣтъ.

Вари одинъ изъ самыхъ крупныхъ маки и ростомъ равняется большой домашней кошкѣ; ближайшіе родственники его мало уступаютъ ему, однако, въ величинѣ. Изъ нихъ катта (*Lemur catta*) отличается отъ вари стройнымъ тѣлосложеніемъ и длиннымъ хвостомъ, черный и бѣлый цвѣта на которомъ распо-



Вари (*Lemur varius*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

жены кольцами; преобладающій цвѣтъ его густого, тонкаго и волнистаго мѣха сѣрый, то съ пепельнымъ, то съ ржаво-рыжимъ отгѣнкомъ; лицо, уши и нижняя часть тѣла бѣловатые, пятно у глаза и верхняя часть морды черныя. Кромѣ того въ наши зоологическіе сады часто попадаютъ монгоцъ (*Lemur mongoz*) и макако (*Lemur macaco*). Самецъ послѣдняго вида почти чисто чернаго цвѣта, самка же, долго считавшаяся особымъ видомъ, свѣтлаго или темно-ржаваго.

Съ образомъ жизни маки на свободѣ довольно полно познакомили насъ впервые лишь прекрасныя наблюденія Поллена. Всѣ виды этого рода живутъ въ лѣсахъ Мадагаскара и прилежащихъ къ нему острововъ. День они проводятъ въ самой густой чащѣ, ночью же становятся крайне подвижными и ищутъ пищу съ громкими криками. Полуобезьяны эти держатся небольшими обществами, штукъ отъ 6 до 12, въ дѣвственныхъ участкахъ острова и кормятся, главнымъ образомъ, плодами дикой финиковой пальмы, переходя за ними изъ одной части лѣса въ другую. Наблюдать ихъ можно какъ днемъ, такъ и ночью. Жалобный крикъ ихъ, выпускаемый обыкновенно всѣми членами общества одновременно, начинается слышаться тотчасъ послѣ заката солнца. Всѣ движенія маки также легки, быстры и ловки, какъ и ихъ родственниковъ; совершая свои необыкновенно большія прыжки

съ вѣтки на вѣтку, быстро несутся они по вершинамъ деревьевъ. Застигнутые собаками, маки поспѣшно взбираются на самую вершину дерева, пристально смотря на врага, раскачиваютъ свой хвостъ, ворчатъ и хрюкаютъ, но какъ только завидятъ охотника, тотчасъ же стараются скрыться въ лѣсъ.

Хотя по умственнымъ качествамъ своимъ маки стоятъ и не выше другихъ представителей семейства, они все таки отличаются пріятнымъ нравомъ. Большинство изъ нихъ кротки и миролюбивы, но есть виды задорные, дикіе и кусливые.

Нѣкоторые маки часто привозятся въ Европу и долго выдерживаютъ здѣсь неволю. Такъ, одинъ вари прожилъ въ Парижѣ 19 лѣтъ. Маки приручаются обыкновенно быстро, а содержаніе ихъ въ клѣткѣ облегчается еще тѣмъ, что они привыкаютъ къ любой пищѣ, которую берутъ или прямо ртомъ или подносятъ къ послѣднему передними лапами. Въ пріятномъ расположеніи духа виды этого рода издають мурлыкающіе звуки, которыми не рѣдко сами себя усыпляютъ.

У Бюффона жилъ маки-самецъ, который доставлялъ ему удовольствіе быстротою, ловкостью и граціозностью своихъ движеній, но часто тяготилъ хозяина нечистоплотностью и упрямствомъ. Онъ сильно боялся холода и сырости, а потому зимою очень любилъ сидѣть у камина; онъ не рѣдко приподымалъ тѣло вверхъ, чтобы лучше согрѣться.

Маки, жившій такъ долго въ Парижскомъ зоологическомъ саду, тоже былъ большой любитель теплоты и всегда старался усѣсться къ камину какъ можно ближе. Этотъ зябкій южанинъ грѣлъ не только свои лапки, но и подносилъ къ пламени свое лицо такъ близко, что не разъ опалялъ себѣ усы. Онъ былъ чистоплотенъ, старательно избѣгалъ пачкать свой блестящій мѣхъ, отличался веселымъ и подвижнымъ нравомъ, а кромѣ того былъ необыкновенно любопытенъ. Каждый попадавшійся ему предметъ онъ подвергалъ тщательному изслѣдованію, но при этомъ или ронялъ его, или рвалъ на клочки. Этотъ маки относился дружелюбно ко всѣмъ лицамъ, которыя его ласкали, не стѣсняясь прыгать, однако, на колѣни и къ людямъ незнакомымъ.

*

Въ противоположность веселымъ, подвижнымъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время, маки, представители рода лори (*Stenops*) отличаются совершенно иными привычками: это лѣнивцы своего отряда, почему и получили свое нѣмецкое названіе (*Faulaffen*). Подъ именемъ лори подразумѣваютъ мелкихъ, изящныхъ полуобезьянъ съ худощавымъ, безхвостымъ туловищемъ, большой, округленной головой и тонкими конечностями, задняя пара которыхъ нѣсколько длиннѣе передней. Мордочка у нихъ острая, но короткая, очень большіе глаза ихъ сближены, а уши средней длины и покрыты волосами. На рукахъ указательный палецъ сильно укороченъ, четвертый, наоборотъ, удлинненъ, а самый наружный вооруженъ длиннымъ и острымъ когтемъ.

Малочисленные виды этого рода водятся въ Остѣ-Индіи и на прилежащихъ къ ней островахъ, но съ образомъ жизни ихъ на волѣ мы до сихъ поръ знакомы очень мало. Лори замѣщаютъ въ южной Африкѣ своихъ веселыхъ африканскихъ родичей, отличаясь отъ нихъ, однако, своимъ нравомъ.

Премилымъ представителемъ этого рода является тонкій лори (*Stenops gracilis*), звѣрекъ не превосходящій величиною бѣлку и имѣющій всего 25 сантиметровъ длины. Онъ имѣетъ худощавое тѣло, головку съ острой мордочкой и съ большими глазами, нѣжныя конечности и длинный мѣхъ, напоминающій собою плюшъ. Верхъ тѣла окрашенъ въ блѣдный рыжевато-сѣрый и желтовато-бурый цвѣтъ, а низъ тѣла сѣроватый или блѣдно-желтоватый; окружность карихъ глазъ темнѣе, благодаря чему на свѣтломъ фонѣ лица рѣдко выступаютъ два темныхъ кольца.

Это милое существо, называемое туземцами тевангу и уна-гапполива, водится въ лѣсистыхъ низменностяхъ южнаго Индостана до Цейлона включительно. Днемъ оно спитъ въ дуплахъ деревьевъ, а ночью выходитъ за добычей. На свободѣ

никто изъ европейцевъ не наблюдалъ еще это животное, хотя мы съ давнихъ поръ имѣемъ рассказы о немъ со словъ туземцевъ.

Къ величайшему моему удивленію и радости я нашелъ живой экземпляръ тонкаго лори у одного содержателя звѣринца. Нѣжное существо это попало въ Европу четыре года тому назадъ вмѣстѣ съ тремя другими и было продано упомянутому лицу однимъ изъ нашихъ оптовыхъ торговцевъ звѣрями. Такимъ образомъ оно не только выдержало путешествіе въ Европу, но и прекрасно переносило неволю въ этой холодной странѣ. Я купилъ его за дорогую цѣну, чтобы наблюдать его и дать срисовать живымъ; я ухаживалъ за нимъ самымъ тщательнымъ образомъ.



Тонкій лори (*Stenops gracilis*).

Днемъ тонкій лори лежитъ или, вѣрнѣе, виситъ на перекладинѣ своей клѣтки и спитъ; внѣшній міръ съ его тревоженіями ни чуть не тревожитъ его въ это время. Съ наступленіемъ сумерекъ онъ развертывается, разминаетъ и вытягиваетъ еще въ полуснѣ свои длинныя, тонкія конечности, а затѣмъ начинаетъ медленно и неслышно расхаживать назадъ и впередъ по жердямъ своей клѣтки или спускаться и подыматься по перекладинамъ ея рѣшетки. По жердочкѣ или по вѣтви дерева онъ движется съ замѣчательной ловкостью; при всякомъ шагѣ, однако, онъ удостовѣряется въ надежности новой точки опоры, для чего растопыриваетъ свои ноги сверхъ всякой мѣры и ощупываетъ ими, какъ и руками, пространство, если собирается перебраться съ одного сучка на другой. Самая подвижная часть его тѣла — голова, которую онъ можетъ поворачивать необыкновенно быстро и внезапно, тогда какъ рукою и предплечіемъ животное лишь рѣдко производитъ такія быстрыя движенія. Глаза его свѣтятся въ полумракѣ буквально какъ раскаленные угли и производятъ крайне своеобразное впечатлѣніе благодаря тому, что сильно сближены и отдѣлены лишь узкой бѣлой полоской.

Въ раздраженномъ состояніи тонкій лори издаетъ рѣзкое храпѣніе, которое больше всего напоминаетъ звуки голоса хомяка, но значительно слабѣ ихъ. Этимъ храпѣніемъ онъ выражаетъ высшую степень своего гнѣва. Раздражительность его, какъ кажется, не особенно сильна, потому что вывести его изъ состоянія покоя и равнодушія довольно-таки трудно. Легкое поглаживаніе повидимому нравится ему, и если почесать ему голову, то онъ закрываетъ глаза.

Главную пищу этого лори составляетъ въ неволѣ булка, размоченная въ молокѣ. Отъ плодовъ, мяса и яицъ онъ почти совершенно отказывается, а живыхъ птичекъ, на сколько извѣстно, вовсе не трогаетъ. Съ другой стороны онъ



Толстый лори (*Stenops tardigradus*). $\frac{2}{5}$ естеств. велнч.

весьма охотно ѣстъ насѣкомыхъ, напримѣръ, мучныхъ червей; благодаря своей неловкости или апатичности, онъ не можетъ ловить ихъ однако самъ, а хватаетъ ихъ только тогда, когда сторожъ подноситъ это лакомство ему прямо ко рту.

Толстый лори, шарминди-билли труземцевъ Индіи (*Stenops tardigradus*) извѣстенъ нѣсколько болѣе, вѣроятно потому, что имѣетъ болѣе обширную область распространенія и встрѣчается чаще, чѣмъ его тонкій родственникъ. Западной границей этой области нужно считать приблизительно нижнее теченіе Брампутры. Въ Гималаѣ онъ не найденъ, но распространенъ по Ассаму и странамъ, расположеннымъ къ югу и къ юго-востоку отъ него: онъ водится также на Суматрѣ, Явѣ и Борнео. Толстый лори крупнѣе и сложенъ плотнѣе, чѣмъ тонкій лори; онъ подверженъ нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ въ окраскѣ и въ величинѣ, но они, повидимому, не постоянны. Преобладающій цвѣтъ мѣха на верхней сторонѣ тѣла пепельно или серебристо-сѣрый, то болѣе свѣтлаго, то болѣе темнаго оттѣнка и часто съ примѣсью рыжеватаго; по направленію къ низу

основной тонъ окраски становится блѣднѣе. Вдоль спины тянется болѣе или менѣе яркая каштаново-бурая полоса, которая оканчивается на темени или просто, или расширяется здѣсь въ широкое пятно, иногда доходящее до ушей; не рѣдко полоса эта дѣлится на головѣ на двѣ или на четыре полосы, причемъ въ первомъ случаѣ послѣднія направляются только къ глазамъ, а во второмъ доходятъ и до глазъ, и до ушей. Глаза всегда окружены бурыми кольцами, даже и въ томъ случаѣ, если на головѣ нѣтъ вышеупомянутыхъ полосокъ. Голыя части носа и подошвъ тѣлеснаго цвѣта. Длина тѣла равняется 32—37, а хвоста 1,5 или почти 2 сантиметрамъ.

Толстый лори живетъ въ лѣсахъ семействами; днемъ они спятъ въ дуплахъ деревьевъ, а съ наступленіемъ сумерекъ оживляются и отправляются за добычей. На свободѣ животное это едва ли наблюдалось европейцами.

Въ неволѣ толстые лори молчаливы, терпѣливы и печальны. Цѣлый день они спятъ, сидя на корточкахъ и опираясь головой о сложенные руки. Одинъ изъ такихъ пойманныхъ лори былъ привязанъ сначала на веревку и нѣсколько разъ подымалъ ее съ печальной гримасой, какъ будто жалуясь на свои оковы; попытокъ освободиться отъ нихъ онъ, однако, не дѣлалъ. Въ первое время онъ кусалъ своего сторожа, но было достаточно слегка наказать его, чтобы подавить подобныя вспышки гнѣва. Если его гладили, онъ бралъ ласкавшую его руку, прижималъ ее къ своей груди и обращалъ полуоткрытые глаза на своего воспитателя. Къ ночи онъ оживлялся. Сначала лори протиралъ себѣ глаза, какъ сонный человѣкъ, затѣмъ начиналъ осматриваться кругомъ и наконецъ принимался ходить. При этомъ онъ очень ловко расхаживалъ по натянутому для него канату. Онъ очень любилъ ѣсть плоды и пить молоко, но былъ особенно падокъ до мелкихъ птичекъ и насѣкомыхъ. Если ему показывали такое лакомство, онъ подбирался къ нему часто черезъ всю комнату осторожными шагами точь въ точь также, какъ человѣкъ, идущій на цыпочкахъ, чтобы застать кого нибудь врасплохъ. Приблизившись къ добычѣ на разстояніе около одного фута, онъ останавливался, вытягивался, подходилъ еще ближе, тихо протягивалъ руки и наконецъ съ быстротою молніи хваталъ и умерщвлялъ ее.

До сихъ поръ я видалъ только двухъ живыхъ лори этого вида; перваго я наблюдалъ въ зоологическомъ саду въ Амстердамѣ, но только днемъ. Онъ былъ, однако, далеко не такимъ дружелюбнымъ, какъ я ожидалъ, судя по только что приведенному разсказу. Былъ ли онъ разстроенъ тѣмъ безпокойствомъ, которое мы ему причинили, или вообще отличался раздражительнымъ характеромъ, но только онъ очевидно былъ крайне разсерженъ сдѣланной ему непріятностью. Нашъ амстердамскій плѣнникъ фыркалъ весьма выразительно и пояснялъ свои чувства еще тѣмъ, что старался укусить руку докучавшаго ему сторожа; онъ дѣлалъ это однако уже и прежде. Сегодня, впрочемъ, ему не удалось вымѣстить свою злобу, а потому онъ медленно удалился. Самый способъ отступленія крайне удивилъ меня, несмотря на прекрасное изображеніе, сдѣланное Гарвейемъ уже 30 лѣтъ тому назадъ. Неподвижно устремивъ на носъ свои большіе глаза, онъ сталъ удаляться очень медленно, отступая шагъ за шагомъ задомъ и двигался при этомъ ввѣрхъ по столбу, едва отклонявшемуся отъ отвѣснаго направленія. Онъ лазаешь, слѣдовательно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, снизу вверхъ съ опущеннымъ внизъ лицомъ. Этого не дѣлаетъ, насколько мнѣ извѣстно, никакое другое животное! Дойдя до развилины ствола, онъ остановился и остался въ своей позѣ неподвижно, чѣмъ очень облегчилъ работу рисовавшему его живописцу.

*

Лучше, чѣмъ всѣ другія полуобезьяны, извѣстны намъ ушастые маки или галаго, съ образомъ жизни и нравами которыхъ знакомятъ насъ уже старинные путешественники. Соотвѣтственно очень большимъ ушнымъ раковинамъ, напоминающимъ уши нѣкоторыхъ мышей, у галаго сильнѣе всего развито чувство слуха. Тѣлосложеніе этихъ полуобезьянъ скорѣе худощавое, чѣмъ плотное, но туловище кажется толще, благодаря густому волосаному покрову. Помимо только что упо-

мянутаго необыкновенно сильнаго развитія голыхъ ушей, сравнительно большая голова ихъ отличается еще большими, очень сближенными глазами. Переднія и заднія конечности средней длины, лапы ихъ развиты хорошо; указательный палецъ руки и второй палецъ ноги, а у нѣкоторыхъ видовъ и средніе пальцы обѣихъ конечностей снабжены когтями, всѣ же остальные пальцы плоскими ногтями.

Галаго водятся въ Африкѣ и на нѣкоторыхъ островахъ, прилежащихъ къ ней съ запада и востока; въ отличіе отъ разсмотрѣнныхъ выше маки, всѣ они хищники, которые ѣдятъ плоды лишь между прочимъ. Я опишу ихъ здѣсь, повторяя то, что говорилъ вмѣстѣ съ Керстеномъ на основаніи его указаній и собственныхъ наблюденій въ путешествіи фонъ-деръ-Деккена. „Галаго — животныя ночныя въ полномъ смыслѣ этого слова; существа, для которыхъ мѣсяцъ представляетъ солнце, а цѣлая половина сутокъ совершенно не существуетъ; это созданія болѣе сонливыя, чѣмъ сони; весь день лежатъ они, свернувшись клубкомъ, въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ, а если имъ помѣшаютъ найти его, то стараются защитить себя отъ нежданнаго солнечнаго свѣта тѣмъ, что прячутъ боязливо голову и даже закрываютъ уши, чтобы обезпечить себя отъ всякаго шума. Если что либо насильно пробудитъ ихъ отъ глубокаго сна, то они безсознательно таращатъ сначала глаза въ пространство, затѣмъ мало по малу начинаютъ приходить въ себя, выказывая въ тоже время сопротивленіемъ, какъ непріятно было для нихъ пробужденіе. Совершенно иначе ведутъ себя эти животныя послѣ захода солнца. Лишь только наступятъ въ лѣсу сумерки, галаго пробуждается, можетъ быть вслѣдствіе чувствительности къ вечернему холоду, отгибаетъ къзади обмотанный вокругъ головы хвостъ, открываетъ глаза и расправляетъ свои кожистыя уши, которыя были до сихъ поръ свернуты или, вѣрнѣе, смяты въ видѣ крышки, хорошо запиравшей наружный слуховой проходъ. Онъ начинаетъ теперь чиститься и прилизываться, покидаетъ свое убѣжище и пускается затѣмъ бродить какъ привидѣніе, ведя образъ жизни хищника въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, у котораго ненасытная жажда крови соединяется съ жестокостью, слишкомъ необыкновенной для четырехрукаго животнаго. Одаренный не хуже любого настоящаго хищнаго, дальнзоркій какъ рысь, чуткій какъ летучая мышь, съ тонкимъ чутьемъ лисицы, не очень умный, но весьма хитрый, галаго соединяетъ въ себѣ проворство обезьяны и сони, отличается крайней смѣлостью и рѣшительностью при нападеніяхъ, а потому дѣйствительно является однимъ изъ самыхъ страшныхъ враговъ всѣхъ мелкихъ животныхъ и очень существенно отличается этимъ отъ большинства родичей по отряду.“

Въ этихъ словахъ выражено почти все, что намъ извѣстно до настоящаго времени о жизни ушастыхъ маки на свободѣ; да и не легко было бы узнать большія подробности въ этомъ отношеніи, такъ какъ наблюденія надъ животными въ ночную пору сопряжены съ большими трудностями.

Изъ немногихъ до сихъ поръ открытыхъ и описанныхъ видовъ ушастыхъ маки, изъ которыхъ самый крупный ростомъ съ взрослого кролика, а самый мелкій съ мышь средней величины, лучше другихъ знаемъ мы галаго обыкновеннаго (*Otoliscus galago*) — красивое созданіе величиною съ бѣлку. Короткій, но густой и какъ шелкъ мягкій мѣхъ на верхней сторонѣ тѣла саловосѣраго цвѣта со слабымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ на головѣ и спинѣ; на брюхѣ и на внутренней сторонѣ конечностей окраска переходитъ въ желтовато-бѣлую; такого же цвѣта щеки и продольная полоска на головѣ, начинающаяся между глазъ и оканчивающаяся на концѣ носа. Уши тѣлеснаго, а глаза бураго цвѣта.

Родину галаго составляетъ большая часть Африки. Адансонъ открылъ его въ лѣсахъ у водъ Сенегамбіи, а позднѣйшіе путешественники наблюдали его въ южной Африкѣ и въ Суданѣ. Тутъ находилъ его нѣсколько разъ и я самъ, но всегда только къ западу отъ Бѣлаго Нила, именно въ Кордофанѣ. Туземцамъ онъ хорошо извѣстенъ подъ именемъ тенджъ; они полагаютъ, что первоначально онъ былъ обезьяной и опустился такъ лишь благодаря своей сонливости. Мы находили тенджа только въ мимозовыхъ лѣсахъ и обыкновенно парочками. Живот-

ныя спали между густыхъ вѣтвей у самого ствола, но тотчасъ же оживлялись, замѣтивъ наши шаги. Если мы пугали ихъ, они начинали быстро и ловко лазать по вѣтвямъ (днемъ), но никогда не обращались въ бѣгство; напротивъ, они всегда очень скоро опять усаживались, вполне довѣрчиво прислушиваясь и при-сматриваясь къ намъ чрезъ густую листву. Галаго прекрасно умѣли пробираться между многочисленными острыми шипами мимозъ и дѣлать большіе прыжки съ одного дерева на другое. Ночью, какъ намъ говорили, они охотятся за насѣкомыми или собираютъ плоды, передвигаясь при этомъ весьма быстро, но безъ всякаго шума; въ это время глаза ихъ свѣтятся, „какъ пылающій огонь“. Намъ рассказывали, что галаго легко ловятся петлями, а днемъ могутъ быть взяты, даже руками, человекомъ,



Галаго обыкновенный (*Otolichnus galago*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

умѣющимъ хорошо лазать; для этого нужно, будто бы, только сильно трясти сукъ, на которомъ сидитъ тенджъ: боясь свалиться, животное крѣпко вцѣпляется въ него и даетъ себя поймать. Я полагаю, что подобный способъ ловли дѣйствительно даетъ хорошіе результаты; я самъ примѣнялъ его съ большимъ успѣхомъ при ловлѣ молодыхъ бѣлокъ.

Купецъ Бакль, путешествовавшій въ началѣ нашего столѣтія по Сенегамбіи, получилъ парочку галаго отъ негра, который поймалъ ихъ въ лѣсахъ акацій, доставляющихъ аравійскую камедь. Туземцы называли галаго „камедьными животными“ и увѣряли, что они весьма охотно ѣдятъ смолу мимозъ. Эта парочка, живя въ неволѣ, вполне подтвердила показанія туземцевъ, но все же предпочитала насѣкомыхъ всякой другой пищѣ. Поведеніемъ своимъ они напоминали столько же маки, сколько и летучихъ мышей. Ихъ рѣзвость, живость и, особенно, сила прыжковъ приводила въ изумленіе всѣхъ путешественниковъ; но самымъ замѣчательнымъ была подвижность ихъ ушей. Галаго умѣли совершенно затыкать ихъ, когда собирались спать. Сначала уши сморщивались и укорачивались

у основанія, а затѣмъ верхушка уха загибалась впередъ, внизъ и внутрь, такъ что отъ уха почти не остается даже и слѣда. Но при малѣйшемъ шумѣ вершина уха опять поднимается и вся ушная раковина снова напрягается и разглаживается. Точно такое же строеніе ушной раковины наблюдается и у нѣкоторыхъ летучихъ мышей: послѣднія пользуются имъ для притупленія своего необычайно тонкаго слуха и, такимъ образомъ, въ состояніи спокойно спать даже среди дневного шума.

Ушастый маки, живущій на островѣ Занзибарѣ, комба суагеловъ (*Otolipnus agisymbanus*), превосходитъ галаго ростомъ: длина его тѣла равна 20—30, а длина хвоста 22—25 сантиметрамъ. Преобладающій цвѣтъ мѣха желтовато или буровато-сѣрый. Основная половина хвоста буро-рыжая, а конечная черно-бурая. Большія, почти голыя уши окрашены въ пепельно-сѣрый цвѣтъ.

На Занзибарѣ, по словамъ Керстена, примѣняютъ очень простое средство, чтобы овладѣть комба; его ловятъ, вовсе даже не охотясь за нимъ: губить его страсть къ лакомству. Несмотря на свою падкость до крови высихъ позвоночныхъ животныхъ, комба не прочь полакомиться и сладостями; онъ обнаруживаетъ къ нимъ, напротивъ, даже такое сильное пристрастіе, примѣры котораго мы встрѣчаемъ развѣ у обезьянъ и нѣкоторыхъ грызуновъ. „Когда готовятъ“, говоритъ вышеупомянутый путешественникъ, „пальмовое вино, нашъ ушастый маки является въ качествѣ незваннаго гостя на крайне привлекательный для него пиръ, жадно пьетъ сладкій освѣжительный напитокъ и на самомъ себѣ испытываетъ истину, что излишекъ вина отуманиваетъ разсудокъ. Жидкость, вытекающая изъ верхушки пальмы, оказывается не только сладкою, но и опьяняющею, и притомъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше она приходила въ соприкосновеніе съ атмосфернымъ воздухомъ. Пьяница въ образѣ лемура теряетъ сознаніе, падаетъ съ родной ему вершины дерева на землю и остается лежать здѣсь, обезсиленный тяжелымъ опьяненіемъ. Тутъ находятъ его по утру негръ, посланный собирать вытекшее пальмовое вино, поднимаетъ съ земли неподвижно лежащаго гуляку, заключаетъ его сначала въ простую клѣтку или привязываетъ на веревку, обвивая ее вокругъ туловища, а затѣмъ везетъ его на продажу въ городъ, гдѣ на него легко находится любитель изъ европейцевъ.

„Съ теченіемъ времени комба отплачиваетъ за потраченные на него заботы хорошими услугами. Въ помѣщеніи, гдѣ живетъ комба, кончается привольное житіе мышей; въ комнатѣ или въ каютѣ корабля, гдѣ держатъ этого звѣрька, онъ неутомимо преслѣдуетъ докучливыхъ черныхъ таракановъ. Мы съ удовольствіемъ вспоминаемъ наблюденіе, сдѣланное во время одного скучнаго морского переезда. Множество черныхъ таракановъ, населявшихъ судно, принуждало насъ осматривать время отъ времени наши сундуки съ платьемъ. Вонь отъ этихъ насѣкомыхъ, поражавшая насъ, когда мы открывали сундуки, привлекала къ нимъ и нашего ручного комба. Несмотря на неудобное для него время дня, онъ съ большимъ вниманіемъ принимался изслѣдовать содержимое сундуковъ и очень скоро доказалъ намъ, что прекрасно сознавалъ, зачѣмъ пришелъ: ему было теперь по горло дѣла—управиться съ обезпокоенной нами массой таракановъ. Съ быстротою молніи и удивительно ловко бросался онъ то туда, то сюда, схватывая здѣсь взрослого таракана, а тамъ его личинку; въ то время, какъ одною рукою онъ держалъ у рта и поѣдалъ только что схваченную добычу, другая была уже занята ловлею пробѣгающаго мимо насѣкомаго. Такъ онъ хлопоталъ, прислушиваясь, присматриваясь и чавкая, пока мы не окончили нашу работу“.

Большая, круглая, сидящая межъ плечъ на короткой шеѣ голова съ настоящимъ лягушечьимъ лицомъ, короткія переднія и длинныя заднія конечности и хвостъ, превосходящій длину тѣла, составляютъ внѣшніе признаки, а своеобразная зубная система, напоминающая зубную систему насѣкомоядныхъ, представляетъ главнѣйшее отличіе той полуобезьяны, которая съ древнихъ поръ уже считалась представителемъ особаго рода, теперь же съ полнымъ правомъ выдѣлена въ са-

мостоятельное семейство. Вслѣдствіе необыкновенно сильно удлинненныхъ пятокъ семейству этому дали названіе долгопятьовъ (Tarsidae) послѣ того, какъ прежде удивительное существо это не мало скиталось по системѣ: одни зоологи считали его за тушканчика, другіе относили къ сумчатымъ, третьи, наконецъ, причисляли къ лемурамъ.

Такъ какъ до настоящаго времени извѣстенъ всего лишь одинъ достовѣрный видъ этого животнаго, и никакъ не болѣе чѣмъ два, то признаки, упомянутые тутъ, приложимы и ко всему семейству.



Долгопять-привидѣніе (*Tarsius spectrum*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

Долгопять-привидѣніе или маки-домовой (*Tarsius spectrum*) достигаетъ длины въ 40 сантиметровъ, изъ которыхъ 23—24 приходятся на хвостъ. Волосяной покровъ животнаго буро-сѣраго цвѣта; уши голыя, а глаза необыкновенно велики и, относительно, самые большіе изъ глазъ млекопитающихъ. Мякиши на концахъ пальцевъ сильно увеличены въ видѣ подушечки, какъ у лягушки-квакши.

Долгопять водится на Малайскихъ островахъ и живетъ въ лѣсахъ по одиночкѣ, нигдѣ не встрѣчаясь часто. Туземцы считаютъ его заколдованнымъ животнымъ и сильно боятся его.

О долгопятьяхъ, жившихъ въ неволѣ, Ягоръ рассказываетъ слѣдующее: „Въ Локвиллоунѣ и Бораньенѣ я имѣлъ случай пріобрѣсти двухъ маки-домовыхъ. Эти необыкновенно изящные, странные звѣрки встрѣчаются, какъ увѣряли меня на Люонѣ, только на островѣ Самирѣ. Мой первый маки долженъ былъ нѣкоторое время поголодать, потому что не хотѣлъ ѣсть растительной пищи, но затѣмъ съ большимъ удовольствіемъ сталъ поѣдать живыхъ кузнечиковъ. Онъ имѣлъ крайне смѣшной видъ, когда его кормили днемъ. Стоя на двухъ длинныхъ тонкихъ ножкахъ и опираясь на голый хвостъ, онъ то и дѣло поворачивалъ на всѣ стороны свою боль-

шую, круглую, какъ шаръ, голову съ двумя громадными желтыми глазами и тѣмъ напоминалъ потайной фонарь, ворочающійся на шарнирѣ и стоящій на треножникѣ. Съ большими усиліями удавалось ему направить глаза прямо на предлагаемый предметъ; когда онъ, наконецъ, замѣчалъ его, онъ вдругъ разставлялъ, какъ радующійся чему нибудь ребенокъ, ручки въ стороны и нѣсколько назадъ, поспѣшно хваталъ пищу лапками и ртомъ, а затѣмъ начиналъ съѣдать ее, не торопясь.

„Днемъ маки были сонный, видѣлъ плохо, а если его тревожили, то и сердился; но съ наступленіемъ сумерекъ онъ становился оживленнымъ и зрачки его расширялись. Ночью онъ проворно и ловко двигался безшумными прыжками, которые дѣлалъ охотнѣе всего бокомъ. Приручился онъ весьма быстро, но, къ сожалѣнію, умеръ черезъ нѣсколько дней. Мнѣ удалось удержать живымъ и второго маки лишь короткое время.

Сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, путешественникъ Соннера получилъ изъ лѣса на западномъ берегу острова Мадагаскара двухъ въ высшей степени замѣчательныхъ звѣрковъ, о существованіи которыхъ до тѣхъ поръ никто не зналъ. Они не были извѣстны даже на противоположномъ побережьи острова; по крайней мѣрѣ, жившіе здѣсь туземцы увѣряли этого естествоиспытателя, что они впервые видятъ животныхъ, которыхъ онъ держалъ живыми. Мадагаскарцы громко кричали отъ удивленія при видѣ этихъ звѣрковъ, и Соннера избралъ эти возгласы „айэ, айэ“, какъ имя для открытаго имъ животного.

До послѣдняго времени экземпляръ айэ-айэ, привезенный Соннера въ Европу, оставался единственнымъ, а появившееся въ 1782 году описаніе его тоже единственнымъ источникомъ, изъ котораго черпались свѣдѣнія о жизни этого рѣдкаго животного. Полагали даже, что оно уже вымерло. Первое извѣстіе въ противоположномъ смыслѣ стало извѣстно ученому міру, благодаря Де-Кастелю, въ 1844 году. Путешественнику этому посчастливилось раздобыть молодой экземпляръ айэ-айэ живымъ и онъ рѣшилъ подарить его парижскому зоологическому музею. Къ несчастію, звѣрекъ умеръ еще до прибытія въ Европу, но шкурка его вмѣстѣ со скелетомъ все же досталась названному музею. Благодаря этому удалось установить тождество его съ животнымъ, названнымъ Соннера айэ-айэ. Такимъ образомъ, еще до шестидесятихъ годовъ экземпляры эти оставались униками. Лишь въ 1862 году лондонское зоологическое общество получило пріятное извѣстіе, что двѣ руконожки (такъ называли къ тому времени это странное существо) пойманы на Мадагаскарѣ и находятся уже на пути въ тамошній зоологическій садъ. Одна изъ нихъ благополучно прибыла туда живой, другая же пришла уже въ спиртъ. Нѣсколько позже были доставлены еще нѣсколько экземпляровъ, три изъ которыхъ удалось приобрести зоологическому музею въ Берлинѣ.

Только теперь зоологи могли несомнѣнно установить родственныя отношенія айэ-айэ и указать ему должное мѣсто въ системѣ.

По изслѣдованіямъ Оуэна и Петерса айэ-айэ или руконожка (*Chrysomys madagascariensis*) составляетъ не только особый родъ, но и отдѣльное семейство отряда полуобезьянъ.

Я могъ, хотя и короткое время, наблюдать руконожку, жившую въ Лондонѣ; я располагалъ, къ сожалѣнію, такимъ короткимъ временемъ, что могъ посвятить этому животному лишь одинъ вечеръ. Одинъ этотъ вечеръ убѣдилъ меня, что описаніе Соннера нуждается не только въ дополненіи, но и въ исправленіи. Вслѣдствіе этого я изложу здѣсь какъ мои краткія наблюденія, такъ и все то, что разузналъ отъ сторожей.

Животное это не имѣетъ рѣшительно никакого близкаго сходства ни съ однимъ другимъ млекопитающимъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно напоминаетъ чалаго, но врядъ ли найдется зоологъ, который рѣшился бы помѣстить его въ одно семейство съ ушастыми маки. Толстая, широкая голова съ большими ушами, которыя дѣлаютъ ее еще болѣе широкой на видъ; малые, сильно выпуклые, не-

подвижные, но горящіе огнемъ глаза, съ гораздо меньшимъ зрачкомъ, чѣмъ у ночныхъ обезьянъ; морда, представляющая извѣстное сходство съ клювомъ попугая; крупная величина и длинный хвостъ, покрытый, какъ и все тѣло, рѣдкими, но длинными, жесткими, почти щетинистыми волосами, наконецъ, странно сложенные руки, средній палецъ которыхъ имѣетъ такой видъ, какъ будто бы онъ засохъ — вотъ признаки, которые всѣ вмѣстѣ придаютъ животному такую своеобразную внѣшность, что совершенно напрасно станешь ломать себѣ голову въ безплодныхъ стараніяхъ найти родственное ему существо.

Для опытнаго зоолога, который видитъ это странное существо передъ собою живымъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ имѣетъ дѣло съ настоящимъ ночнымъ животнымъ. Айэ-айэ боится свѣта больше, чѣмъ всѣ извѣст-



Айэ-айэ (*Chyromis madagascariensis*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

ныя мнѣ животныя. Ночную обезьяну можно, по крайней мѣрѣ, разбудить, она переминается, смотритъ съ удивленіемъ на міръ, освѣщенный яркимъ дневнымъ свѣтомъ, прислушивается съ участіемъ къ жужжанію пролетающихъ мимо насекомыхъ, наконецъ, чистится и прилизывается; но айэ-айэ кажется днемъ, если его и удастся послѣ долгихъ усилій растряссти и заставить проснуться, совершенно лишеннымъ сознанія. Машинально тащится онъ назадъ къ своему темному мѣсту, свертывается въ клубокъ и прикрываетъ лицо толстымъ хвостомъ, который закидываетъ кольцомъ на голову. Въ каждомъ движеніи, въ каждомъ дѣйствіи онъ проявляетъ вялость и равнодушіе въ самой сильной степени. Лишь съ наступленіемъ темной ночи, долгое время спустя послѣ сумерекъ, оживляется онъ и вылѣзаетъ изъ своего темнаго помѣщенія, видимо все еще боясь, чтобы не освѣтилъ его какой-нибудь лучъ свѣта. Свѣтъ свѣчи, который ни чуть не потревожитъ другихъ ночныхъ животныхъ, заставляетъ его уже поспѣшно прятаться.

Если наблюденія Соннера точны, то онъ имѣлъ, повидимому, дѣло съ особенно добродушной руконожкой. Та, которую наблюдалъ я, была вовсе не смирна, а, напротивъ того, очень раздражительна и зла. Если къ ней приближались, она фыркала, какъ кошка; если ей подставляли руку, она яростно кидалась на нее, испуская тѣ же звуки, и старалась поймать ее передними лапами.

Единственная пища, которую давали этой руконожкѣ, было молоко, смѣшанное съ варенымъ и растертымъ желткомъ. Небольшое блюдо его хватало животному на цѣлый день. При ѣдѣ айэ-айэ пользуется своими передними лапами, подбрасывая ими жидкую пищу въ ротъ. Отъ мяса онъ до сихъ поръ упорно отказывался и мнѣ осталось неизвѣстнымъ, пробовали ли предлагать ему какую-нибудь другую ѣду.

Къ этимъ наблюденіямъ, написаннымъ въ 1863 году, я прибавлю данныя, опубликованныя Поленомъ позднѣе, именно въ 1868 году, такъ какъ они существенно пополняютъ наши свѣдѣнія о жизни айэ-айэ на свободѣ. „Это замѣчательное въ научномъ отношеніи животное“, говоритъ нашъ сотоварищъ, „предпочтительно населяетъ бамбуковые лѣса внутри большого острова. Оно питается сердцевиной бамбука и сахарнаго тростника, но ѣстъ также жуковъ и ихъ личинокъ. Чтобы достать себѣ пищу, все равно будетъ ли это мякоть бамбука и сахарнаго тростника или насѣкомыя, оно прогрызаетъ своими сильными рѣзцами отверстіе въ стеблѣ растенія, затѣмъ просовываетъ въ него свой сухой средній палецъ и достаетъ либо сердцевину, либо водящихся въ ней насѣкомыхъ. Насколько оно сонливо днемъ, настолько же оживленно движется оно ночью. Какъ только взойдетъ солнце, оно засыпаетъ, пряча голову между ногъ и, кромѣ того, закутывая ее своимъ длиннымъ хвостомъ. Съ наступленіемъ ночи, айэ-айэ просыпается отъ глубокаго сна, лазаетъ вверхъ и внизъ по деревьямъ, прыгаетъ съ ловкостью маки съ вѣтви на вѣтвь, изслѣдуя въ то же время каждое отверстіе, трещину и дупло стараго дерева и стараясь найти себѣ пищу, но удаляется внутрь лѣса еще до утренней зари. Крикъ его, громкое хрюканье, часто приходится слышать въ теченіе ночи“.

Третій отрядъ.

Рукокрылыя (Chiroptera).

Не успѣетъ еще у насъ въ прекрасный лѣтній вечеръ солнце спрятаться за горизонтъ, какъ начинаютъ уже свою своеобразную дѣятельность существа, составляющія одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ отрядовъ класса млекопитающихъ. Изъ всѣхъ щелей, дыръ и дупель выползаютъ полчище летучихъ мышей, робко скрывавшихся днемъ и какъ будто не смѣвшихъ показываться при солнечномъ свѣтѣ, и начинаютъ готовиться къ своему ночному странствованію. Чѣмъ больше воцаряется сумракъ, тѣмъ больше становится и число этихъ темныхъ созданий; только къ ночи появляются они всѣ, чтобы носиться по воздуху. Но средняя Европа лежитъ на границѣ области распространенія рукокрылыхъ, а потому здѣсь встрѣчаются только мелкіе, нѣжные и слабые виды ихъ. На югѣ мы видимъ совершенно иное.

Чѣмъ ближе подвигаемся мы къ жаркому поясу нашей планеты, тѣмъ больше становится число рукокрылыхъ, а вмѣстѣ съ ихъ многочисленностью появляется и разнообразіе внѣшняго вида ихъ. Югъ есть родина большинства формъ этого отряда. Мы находимъ ихъ въ значительномъ количествѣ уже въ Италіи, Греціи и Испаніи. Тамъ онѣ появляются къ вечеру изъ своихъ укромныхъ уголковъ не сотнями, а тысячами, и кишмя-кишатъ въ воздухѣ. Изъ cadaго дома, изъ всякой старой стѣны, изъ каждой пещеры вылетаютъ онѣ, будто выступающее въ походъ войско, и еще въ сумерки буквально весь горизонтъ заполненъ ими. Но въ жаркихъ странахъ число летучихъ мышей становится просто изумительнымъ. Весьма привлекательно и занятно провести вечеръ у воротъ какого-либо большого города на Востокѣ. Рои летучихъ мышей, пробуждающихся тамъ вечеромъ, положительно затемняютъ небо. Скоро начинаешь терять счетъ имъ, потому что всюду только и видишь шныряющія по всѣмъ направленіямъ массы этихъ темныхъ силуэтовъ. Вездѣ онѣ вносятъ жизнь и движеніе: проносятся съ быстротою молніи межъ деревъ въ садахъ, рощахъ и лѣсахъ, порхаютъ низко и высоко надъ полями и лугами; чрезъ улицы города, дворы и жилыя помѣщенія несется оживленный потокъ ихъ. Исчезающія сотни ихъ замѣняются новыми сотнями, и стоишь постоянно окруженный цѣлымъ роемъ этихъ своеобразно-парящихъ созданий.

Рукокрылыя или летучія мыши характеризуются, главнымъ образомъ, своимъ внѣшнимъ видомъ. Онѣ имѣютъ въ общемъ коренастое тѣлосложеніе, короткую шею и толстую удлиненную голову съ широкимъ расщепомъ рта. Въ общихъ чертахъ своего строенія рукокрылыя больше всего сходны съ обезьянами и, подобно имъ, имѣютъ два грудныхъ соска. Съ другой стороны, во всѣхъ частностяхъ устройства тѣла онѣ сильно отличаются отъ представителей названнаго отряда. Переднія конечности летучихъ мышей превратились въ летательный аппаратъ и приняли поэтому необыкновенные размѣры; туловище, наоборотъ, достигло минимальной величины. Вслѣдствіе этого онѣ кажутся крупными животными, въ дѣйствительности же принадлежатъ къ самымъ мелкимъ млекопитающимъ. Внутреннее строеніе рукокрылыхъ представляетъ много своеобразныхъ признаковъ.

Скелетъ построенъ легко, но въ то же время весьма прочно; кости ихъ, однако, никогда не имѣютъ полостей, наполненныхъ воздухомъ, какъ мы видимъ это у птицъ. Особенно характернымъ для рукокрылыхъ является строеніе переднихъ конечностей. Плечо, предплечіе и пальцы рукъ удлинены до чрезвычайности, особенно же три внутренніе пальца, превосходящіе длину плечевой кости. Благодаря этому, пальцы руки настолько же хорошо приспособлены для растягиванія находящейся между ними летательной перепонки, насколько не годны ни для какого другого употребленія. Только большой палецъ руки, не принимающій участія въ образованіи летательнаго вѣтра, имѣетъ еще сходство съ пальцами другихъ млекопитающихъ. Онъ, какъ всегда, состоитъ изъ двухъ суставовъ, коротокъ и вооруженъ сильнымъ когтемъ, который замѣняетъ у этихъ животныхъ цѣлую руку при лазаніи и подвѣшиваніи. Бедро задней конечности много короче и слабѣе плеча и вообще всѣ кости этой конечности сильно отстаютъ въ своемъ развитіи отъ костей передней. Въ общемъ, заднія ноги имѣютъ довольно нормальное строеніе и оканчиваются пятью пальцами, снабженными когтями; но и онѣ представляютъ своеобразный признакъ. Дѣло въ томъ, что отъ пятки отходитъ назадъ кость, встрѣчающаяся исключительно у летучихъ мышей и носящая названіе шпорцевой; она служитъ для натягиванія летательной перепонки, расположенной между хвостомъ и ногою. Такимъ образомъ, строеніе скелета рукокрылыхъ, съ одной стороны, напоминаетъ скелетъ птицъ, а съ другой — скелетъ ископаемыхъ пальцекрылыхъ. Въ мышечной системѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ сильное развитіе грудныхъ мышцъ, а также существованіе спеціальной, не свойственной другимъ млекопитающимъ, мышцы, начинающейся на черепѣ и прикрѣпляющейся къ передней конечности; мышца эта помогаетъ расправлять крыло. Зубная система, въ общемъ, напоминаетъ зубную систему насѣкомоядныхъ, состоитъ изъ зубовъ всѣхъ трехъ родовъ, расположенныхъ въ непрерывные ряды, но у различныхъ представителей отряда подвержена сильнымъ колебаніямъ въ отношеніи числа и формы зубовъ.

Изъ всѣхъ внѣшнихъ признаковъ замѣчательнѣе всего, однако, тѣ образованія, съ которыми мы встрѣчаемся, разсматривая наружные покровы рукокрылыхъ. И дѣйствительно, покровы эти обусловливаютъ собою не только внѣшній видъ животнаго, но и вліяютъ также на выраженіе лица летучихъ мышей, являясь причиной того, что фizioномія многихъ изъ нихъ принимаетъ прямо-таки страшный отпечатокъ. Конечно, не мало способствуетъ этому своеобразному, даже безобразному, по мнѣнію большинства, по крайней мѣрѣ, выраженію лица и то, что расщепъ рта у рукокрылыхъ очень великъ, но все же больше всего повинны въ этомъ тѣ разростанія кожи, которыя мы видимъ на ушахъ и на носу описываемыхъ животныхъ.

„Нѣтъ другой группы животныхъ,“ говоритъ Блазіусъ, „которая представляла бы подобное развитіе системы внѣшнихъ покрововъ. Оно проявляется какъ въ формѣ ушей и носа, такъ и въ образованіи летательной перепонки. У всѣхъ видовъ летучихъ мышей уши достигаютъ замѣчательной величины. Длина ихъ у нѣкоторыхъ видовъ превосходитъ длину всего тѣла, а у другихъ оба уха расширяются до взаимнаго соприкосновенія и соединяются въ одну слившуюся ушную раковину. У иныхъ видовъ большое участіе въ этихъ странныхъ разростаніяхъ кожи принимаютъ окружность ноздрей и спинка носа, благодаря чему получаютъ такія фizioноміи, какихъ мы напрасно станемъ искать среди другихъ животныхъ. Не только развитіе летательной перепонки, но и всѣ другія кожныя образованія ушей и носа представляютъ у летучихъ мышей такія особенности, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ отрядовъ млекопитающихъ и которыми до мелочей обусловливаются всѣ ихъ движенія и весь образъ жизни.“

Летательная перепонка рукокрылыхъ отличается тою особенностью, что между двумя пластами ея расположенъ, какъ удалось недавно открыть, еще третій слой, эластическій или, вѣрнѣе, способный сокращаться. Наружная поверхность летательной перепонки остается постоянно гибкой благодаря смазыванію жирной

массой, отдѣляемой железами, расположенными на лицѣ животнаго. Не менѣ замѣчательно у летучихъ мышей и строеніе всѣхъ волосъ, которые отличаются подъ микроскопомъ отъ волосъ прочихъ млекопитающихъ тѣмъ, что имѣютъ на своей поверхности своеобразные винтовые обороты, имѣющіе цѣлю задерживать теплоту, отдѣляемую тѣломъ.

Внѣшнія чувства летучихъ мышей развиты превосходно, но не равномерно у представителей различныхъ родовъ и видовъ. Нѣкоторые органы чувствъ отличаются крайне причудливыми придатками и своеобразными утолщеніями.

Изъ всѣхъ чувствъ вкусъ стоитъ, по всей вѣроятности, на самой низкой ступени, но и его нельзя считать мало развитымъ, судя по свойству языка, мягкости губъ и богатству нервныхъ окончаній. Кромѣ этихъ общихъ соображеній, были сдѣланы прямыя опыты, доказывающіе тонкость его. Если спящей и даже околоченной отъ холода летучей мыши ввести въ ротъ каплю воды, то она преспокойно глотаетъ послѣднюю; но если дать животному такимъ же способомъ водку, чернила или какую либо другую жидкость, то оно ихъ непременно выплюнетъ. Не менѣ развитъ органъ зрѣнія. По сравненію съ величиною тѣла, глаза должны считаться малыми, но зрачекъ ихъ тѣмъ не менѣ способенъ сильно расширяться. У нѣкоторыхъ видовъ глаза особенно малы, да къ тому же, какъ указываетъ Кохъ, иногда такъ спрятаны въ густыхъ волосахъ лица, что положительно не могутъ хорошо исполнять свое назначеніе. Именно этихъ, отличающихся малыми глазами, летучихъ мышей и встрѣчаютъ иногда летающими днемъ, тогда какъ настоящія ночныя рукокрылыя имѣютъ большіе и свободно сидящіе глаза. Но животное не потерпитъ большого ущерба, если глаза его будутъ приведены въ бездѣйствіе, потому что вообще зрѣнію у него сильно помогаютъ обоняніе, слухъ и осязаніе. Много разъ пробовали ослѣплять летучихъ мышей, заклеивая имъ глаза кусочкомъ англійскаго пластыря: несмотря на свою слѣпоту, онѣ летали по комнатѣ также ловко, какъ и прежде и прекрасно умѣли избѣгать всѣхъ препятствій, напримѣръ, нитей, протянутыхъ по комнатѣ въ разныхъ направленіяхъ. Чувство осязанія локализуется, повидимому, главнымъ образомъ въ летательной перепонкѣ; по крайней мѣрѣ, къ этому убѣжденію приводятъ всѣ наблюденія. Еще сильнѣе, чѣмъ осязаніе, развиты чувство обонянія и слухъ. У всѣхъ настоящихъ летучихъ мышей носъ достигаетъ высокой степени развитія.

И безъ того широкія ноздри могутъ расширяться, суживаться и совершенно закрываться при посредствѣ специальныхъ мышцъ, а носъ снабженъ, кромѣ того, еще большими листообразными придатками, которые, во всякомъ случаѣ, должны служить исключительно для усиленія обонянія. Ухо, усовершенствованное тѣмъ же способомъ, какъ и носъ, состоитъ изъ большой, въ высшей степени подвижной наружной раковины, простирающейся почти до угла рта и снабженной особыми лопастями и вырѣзами. Помимо того, передъ наружнымъ слуховымъ отверстіемъ находится большой, подвижный, у различныхъ представителей очень различно устроенный, клапанъ, такъ называемый козелокъ, играющій роль крышки. Онъ служитъ для того, чтобы при шумѣ и тонахъ болѣе сильныхъ, чѣмъ можетъ перенести летучая мышь, закрывать ей ухо и тѣмъ избавлять отъ мучительныхъ ощущеній; но въ то же время тотъ же самый придатокъ дѣлаетъ животное способнымъ улавливать, когда это нужно, самый легкій порошокъ, самый слабый звукъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что летучая мышь слышитъ насѣкомое на далекомъ еще разстояніи и направляетъ свой полетъ къ нему, руководясь въ значительной мѣрѣ своимъ тонкимъ слухомъ. Если отрѣзать листовидный придатокъ уха или лопасть его и козелокъ, то всѣ рукокрылыя начинаютъ летать неправильно, вездѣ натыкаясь на разные предметы.

Умственные способности рукокрылыхъ далеко не такъ ничтожны, какъ можно было бы предположить, судя по выраженію лица, избобличающему нѣкоторую ограниченность. Мозгъ ихъ великъ и имѣетъ извилины, а это указываетъ намъ уже на то, что разсудокъ ихъ развитъ не слабо. Всѣ летучія мыши отличаются довольно хорошою памятью, а нѣкоторыя даже значительною сообразительностью.

Такъ, Каленати рассказываетъ, что одна летучая мышь, охотившаяся въ

липовой аллеѣ за чешуекрылыми, щадила одну самку бабочки, замѣтивъ, что она привлекаетъ много самцовъ, которыхъ она могла хватать одного за другимъ. Напрасно станешь стараться поймать летучую мышъ на бабочку, посаженную на удочку. Она подлетаетъ къ насѣкомому, осматриваетъ его, но тотчасъ же замѣчаетъ и тонкій волосокъ удочки, къ которой прикрѣплена бабочка, а потому изъ предосторожности не трогаетъ ее даже тогда, когда голодна. Многимъ ученымъ и любителямъ животныхъ приходилось убѣждаться, что летучія мыши быстро ручнѣютъ и привязываются къ своему хозяину. Нѣкоторые лица приучали ихъ брать пищу изъ рукъ или доставать ее изъ стеклянки; разъ понявъ въ чемъ дѣло, онѣ уже постоянно продѣлывали это. Мой братъ приручилъ ушана летать за нимъ по всѣмъ комнатамъ и тотчасъ садиться на руку, лишь только онъ показывалъ ему муху. Крупные же виды летучихъ мышей оказываются въ неволѣ дѣйствительно милыми созданіями, становятся необыкновенно ручными и проявляютъ большую понятливость.

„Отъ формы летательной перепонки“, говоритъ Блазіусъ, „вполнѣ зависить какъ способность летать, такъ и самый характеръ летательныхъ движеній. Кто наблюдалъ летучихъ мышей въ природѣ, тотъ долженъ согласиться, что существуетъ полное соотвѣтствіе этой формы съ быстротою и ловкостью летательныхъ движеній у отдѣльныхъ видовъ. Наибольшею ловкостью и быстротою полета изъ летучихъ мышей, водящихся въ Германіи, отличается положительно кожанъ обыкновенный. Его приходится видѣть иногда еще до захода солнца летающимъ на высотѣ башенъ съ ласточками и продѣлывающимъ быстрые, смѣлые повороты; и именно этотъ видъ имѣетъ сравнительно самыя узкія и длинныя крылья, длина которыхъ слишкомъ втрое превосходитъ ширину. Точно такимъ же полетомъ отличаются и другіе виды, имѣющіе подобную форму крыла. Всѣ они летаютъ быстро и высоко, совершая самыя разнообразныя, часто внезапныя движенія, и полетъ ихъ до такой степени увѣренный, что ихъ не пугаетъ ни буря, ни непогода. Крыло ихъ описываетъ обыкновенно небольшой, острый уголъ и только при внезапныхъ поворотахъ размахъ становится шире; весьма разнообразный и скорый полетъ достигается, слѣдовательно, легкимъ, менѣе напряженнымъ движеніемъ крыльевъ.

„Наименьшею летательною способностью обладаютъ виды, относящіеся къ родамъ *Vespertilio* и *Rhinolophus*. Сравнительно съ другими видами, они имѣютъ самыя широкія и короткія крылья, длина которыхъ обыкновенно едва въ полтора раза превосходитъ ширину. Крылья этихъ формъ описываютъ большой, чаще всего тупой уголъ. Полетъ ихъ порхающій, медленный и неуверенный. Они летаютъ большею частью низко, не уклоняясь отъ прямого направленія улицы или аллеи, безъ быстрыхъ поворотовъ и боковыхъ движеній, а нѣкоторые не поднимаются надъ поверхностью земли или воды выше нѣсколькихъ дюймовъ.

„По высотѣ полета, роду движеній и величинѣ животного не трудно отличить каждый видъ летучей мыши уже налету, и нельзя ошибиться, если по строенію крыла судить о летательной способности“.

Въ общемъ, полетъ всѣхъ рукокрылыхъ далеко не продолжительный, а длится лишь короткое время. Онъ совершается посредствомъ непрерывнаго движенія переднихъ конечностей. Птица можетъ парить, но летучая мышъ только порхаетъ. Процессъ этого порханія весьма облегчается строеніемъ ея тѣла. Сильныя мышцы передней части тѣла, легкое, втянутое брюшко, руки, втрое превосходящія длину тѣла, наконецъ упругая перепонка, растянутая между плечомъ, предплечіемъ и пальцами, способствуютъ этому роду движенія, тогда какъ пареніе становится невозможнымъ потому, что кости у летучей мыши не наполнены воздухомъ, полость тѣла ея лишена воздушныхъ мѣшковъ, а прежде всего потому, что у рукокрылаго нѣтъ ни маховыхъ, ни рулевыхъ перьевъ. Полетъ рукокрылаго слагается изъ повторныхъ ударовъ крыльями по воздуху, но это животное не можетъ продолжительно рѣять по воздуху, прорѣзывать его безъ движенія крыльевъ.

Чтобы удобнѣе было развернуть летательную перепонку и вспорхнуть такимъ

образомъ, всѣ летучія мыши прицѣпляются во время покоя когтями заднихъ конечностей къ какому нибудь выдающемуся предмету и свѣшиваются головою внизъ.

Съ земли рукокрылыя поднимаются не такъ легко. Въ этомъ случаѣ они помогаютъ себѣ тѣмъ, что расправляютъ сначала руки и перепонку, приподнимаютъ нѣсколько тѣло на заднихъ ногахъ, затѣмъ подпрыгиваютъ одинъ или нѣсколько разъ вверхъ и только тогда уже стараются вспорхнуть. Если имъ удалось это сдѣлать, то затѣмъ они летятъ довольно быстро. Насколько полетъ для нихъ утомителенъ, видно уже изъ того, что они то и дѣло прицѣпляются къ сучьямъ деревь, карнизамъ стѣнъ и т. под.; передохнувъ немного, они пускаются снова летѣть. Ни одна летучая мышь не была бы въ состояніи носиться по воздуху безъ всякаго перерыва, какъ дѣлаютъ это, напримѣръ, стрижи, а потому для рукокрылыхъ становятся не мыслимыми такіе далекіе перелеты, какіе совершаютъ птицы, отправляясь на зимовку.

Переднія конечности летучихъ мышей служатъ, впрочемъ, не для одного только порханія, но онѣ пускаютъ ихъ въ дѣло также и при передвиженіи по землѣ. Ходятъ летучія мыши вовсе не такъ плохо, какъ можно было бы предположить заранѣе, но бѣгъ ихъ все же представляетъ лишь жалкое ковыліаніе. При ходьбѣ онѣ подтягиваютъ заднія ноги подъ брюхо, приподнимаютъ заднюю часть тѣла и тѣмъ даютъ толчекъ всему тѣлу впередъ; большой палецъ руки, особенно его коготь, служить при этомъ только для опоры передней части тѣла. Нѣкоторые виды бѣгутъ, однако, съ такою же быстротою, какъ крыса.

Всѣ рукокрылыя спятъ днемъ, бодрствуютъ же ночью. Большинство видовъ показывается только въ сумерки, а еще долго до восхода солнца снова забирается въ свое убѣжище. Нѣкоторыя формы вылетаютъ много раньше, а иные около 3—5 часовъ пополудни уже весело носятся по воздуху, несмотря на самый яркій солнечный свѣтъ.

Каждый видъ рукокрылыхъ имѣетъ характерное для него мѣсто охоты въ лѣсахъ, садахъ, на аллеяхъ и улицахъ, надъ медленно текущими или стоячими водами; рѣже въ открытомъ полѣ. по той простой причинѣ, что здѣсь имъ не за кѣмъ охотиться. Въ благословенныхъ странахъ юга они встрѣчаются однако и тутъ, особенно надъ маисовыми и рисовыми полями, доставляющими имъ массу насѣкомыхъ, которыми всегда изобилуютъ эти мѣста. Обыкновенно, летучія мыши вращаются на небольшомъ участкѣ, имѣющемъ какихъ нибудь 1000 шаговъ въ поперечникѣ. Болѣе крупныя формы занимаютъ уже большій охотничій районъ, съ версту и болѣе въ длину, о большихъ же южныхъ видахъ, такъ называемыхъ летучихъ собакахъ, извѣстно, что они въ состояніи летѣть безъ передышки многія версты и могутъ перебираться съ одного острова на другой, часто удаленный отъ перваго на нѣсколько миль.

Днемъ всѣ рукокрылыя прячутся въ самыхъ разнообразныхъ укромныхъ уголкахъ. Въ нашихъ странахъ убѣжищемъ для сна служатъ имъ дупла деревь, пустые дома, рѣже трещины скалъ и пещеры. Въ тропическихъ странахъ многіе виды висятъ открыто на вѣтвяхъ деревьевъ, если послѣднія даютъ достаточно густой кровъ, въ Европѣ же случается наблюдать такое пристанище много рѣже. Впрочемъ, и повсюду громадное большинство летучихъ мышей все же предпочитаетъ скрываться; однѣ залѣзаютъ подъ кору и въ дупла деревь, другія подъ крыши домовъ, между черепицами или гонтомъ, многія же, наконецъ, въ естественныя пещеры, дыры въ стѣнахъ, своды обвалившихся или мало посѣщаемыхъ строеній, глубокіе колодцы, шахты, рудники и т. п. мѣста.

Рукокрылыя—животныя общественныя, но только при извѣстныхъ условіяхъ. Нѣкоторые виды, напротивъ, ненавидятъ и даже пожираютъ другъ друга. Такъ, напримѣръ, листоносы нападаютъ на ушановъ и сосутъ изъ нихъ кровь, а послѣдніе поѣдаютъ за то своихъ враговъ.

Пищу рукокрылыхъ составляютъ плоды, насѣкомыя, а при случаѣ и нѣкоторыя позвоночныя, а также кровь, которую они высасываютъ изъ болѣе крупныхъ животныхъ. Виды, водящіеся въ Европѣ и относящіеся, какъ извѣстно, къ

настоящимъ летучимъ мышамъ, питаются исключительно насѣкомыми, именно ночными бабочками, жуками, мухами и комарами. Прожорливость ихъ необычайна; болѣе крупныя виды легко сѣдаютъ дюжину майскихъ жуковъ, а мелкіе штукъ до шестидесяти мухъ и все же остаются голодными. Чѣмъ больше и оживленнѣе двигаются они, тѣмъ больше они нуждаются въ пищѣ; вслѣдствіе этого летучія мыши принадлежать къ числу самыхъ полезныхъ животныхъ, щадить которыхъ необходимо всѣми способами. Совершенно противоположное нужно сказать о рукокрылыхъ, сосущихъ кровь и иногда наносящихъ значительный вредъ, а также о видахъ, питающихся плодами и не рѣдко уничтожающихъ цѣлыя плантаціи, напр., виноградные сады.

Заслуживаетъ вниманія наблюденіе, сдѣланное Гейглиномъ и доказывающее, что летучія мыши въ Африкѣ слѣдуютъ за стадами, съ цѣлю добывать себѣ пищу. „Въ странѣ богосовъ“, говоритъ этотъ изслѣдователь, „скотоводство ведется въ очень большихъ размѣрахъ, и стада, найдя себѣ лучшія пастбища и водопой въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, часто по цѣлымъ мѣсяцамъ не возвращаются къ жилищамъ своихъ хозяевъ. При нашемъ прибытіи въ Кееренъ, всѣ стада рогатаго скота съ міриадами всюду сопровождавшихъ ихъ мухъ находились въ низинахъ Барки, а летучія мыши были въ Кееренѣ необыкновенно рѣдки. Къ концу дождливаго времени года всѣ стада, принадлежавшія здѣшнимъ богосамъ, собрались въ ближайшія окрестности Кеерена приблизительно на мѣсяць, а вмѣстѣ съ ними появились въ несмѣтномъ количествѣ и насѣкомоядныя летучія мыши, летающія въ сумерки и по ночамъ. Съ откочевкой послѣднихъ стадъ рукокрылыя снова безслѣдно исчезли. Въ ночь съ 30 сентября на 1 октября мы заночевали на плоской возвышенности въ трехъ часахъ ѣзды къ югу отъ Кеерена и остановились близъ ограды, назначенной для загона скота. Такъ какъ стада находились въ другой части горной страны, то мы могли замѣтить всего одну или двѣ летучія мыши, да и то въ мѣстности особенно благопріятной для рукокрылыхъ. На слѣдующій день стада возвратились къ загону и уже въ этотъ же вечеръ число летучихъ мышей замѣчательно возросло“.

Вообще я полагаю, что рукокрылыя предпринимаютъ странствованія въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ мы до сихъ поръ предполагаемъ, хотя перелеты эти и нельзя сравнить съ переселеніями птицъ.

Теплота составляетъ для всѣхъ рукокрылыхъ необходимое условіе существованія и не только потому, что она пробуждаетъ жизнь насѣкомыхъ, но и отъ того, что летучія мыши и сами не выносятъ стужи. Большое количество рукокрылыхъ въ теплыхъ странахъ несомнѣнно зависитъ отъ богатства ихъ насѣкомыми, но, съ другой стороны, теплота этихъ мѣстъ сама уже по себѣ въ высшей степени благопріятствуетъ процвѣтанію здѣсь нашихъ животныхъ. Холодная, сырая погода, дождь и вѣтеръ заставляютъ большинство видовъ оставаться въ своихъ убѣжищахъ; другіе изъ нихъ хотя и летаютъ въ холодные вечера, но появляются лишь на короткое время, а затѣмъ какъ можно скорѣе возвращаются въ свой теплый уголокъ. Это зависитъ частью, конечно, и отъ того, что летъ ихъ въ холодные вечера болѣе или менѣе бесполезенъ, такъ какъ насѣкомыя въ такое время тоже прячутся; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на это вліяетъ и то обстоятельство, что полетъ ихъ необычайно затрудняется даже сравнительно слабымъ вѣтромъ. Извѣстно, что справляться съ вѣтромъ могутъ только тѣ виды, крылья которыхъ узки.

Съ наступленіемъ холоднаго времени года всѣ летучія мыши, не предпринимающія перелетовъ, впадаютъ въ болѣе или менѣе глубокую спячку. Каждый видъ избираетъ себѣ для зимовки мѣстечко, по возможности хорошо защищенное отъ непогоды: пещеру, погребъ, теплыя мѣста подъ крышами домовъ, стропила у трубъ и т. п. Здѣсь находятъ ихъ подвѣсившимися за заднія ноги и тѣсно прижавшимися другъ къ другу, часто сотнями вмѣстѣ, и нерѣдко въ обществѣ другихъ видовъ, но, само собою разумѣется, только такихъ, которые могутъ жить дружно между собою. Гораздо рѣже зимуютъ сообща формы, ведущія другъ съ другомъ открытую вражду. Температура тѣла впавшихъ въ спячку летучихъ мышей понижается вмѣстѣ съ температурой окружающаго воздуха и нерѣдко падаетъ



Летучая лисица.

до 4 и даже, какъ увѣряють, до 1° Реомюра въ то время, какъ нормально имѣеть 24³/₄° Реомюра. При такой низкой температурѣ крови, летучія мыши находятся, понятно, въ ооченѣломъ состояніи, но если холодъ усиливается и грозитъ понизить еще больше и безъ того уже низкую температуру крови, летучія мыши пробуждаются и начинаютъ двигаться. Нерѣдко, однако, онѣ и замерзають, особенно же тѣ, которыя находятся въ неволѣ и выставлены на сильный холодъ. Покуда холода держатся, летучія мыши висятъ спокойно, но начинаютъ уже шевелиться въ болѣе теплые зимніе дни; нѣкоторые виды летаютъ иногда зимою въ оттепели и при снѣгѣ.

Всѣ рукокрылыя во время лета носятъ своихъ дѣтенышей съ собою и вообще держатъ ихъ при себѣ довольно долго; малютки остаются при своихъ матеряхъ даже тогда, когда умѣють уже недурно летать, и на время покидаютъ грудь. Такое временное оставленіе груди я самъ наблюдалъ у летучихъ мышей, которыхъ нашелъ на деревьяхъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Африки. Недѣль черезъ 5—6 по рожденіи, дѣтеныши достигаютъ полнаго роста и начинаютъ вести самостоятельную жизнь.

Странный видъ и ночной образъ жизни рукокрылыхъ съ древнихъ временъ давали пищу суевѣрію и предрассудкамъ и являются причиной того, что эти безвредныя существа пользуются нерасположеніемъ и ненавистью невѣжественной толпы и до нашихъ дней. Мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе всѣхъ возведенныхъ на нихъ клеветъ, изъ которыхъ въ пѣкоторые, напримѣръ, въ пристрастіе къ нашимъ куафюрамъ и поѣданіе сала, вѣрятъ еще и до сихъ поръ, но мы воспользуемся случаемъ указать самымъ настойчивымъ образомъ на необходимость полной ихъ охраны, о которой долженъ заботиться каждый образованный человѣкъ. Рѣшительно всѣ, встрѣчающіяся у насъ, летучія мыши приносятъ намъ только пользу, благодаря своей прожорливости, заставляющей ихъ уничтожать полчища вредныхъ насѣкомыхъ. Немногіе виды, питающіеся плодами, насъ въ данномъ случаѣ не касаются, точно также и сосущіе кровь, вредъ которыхъ оказался далеко не такимъ большимъ, какъ предполагали прежде. Такимъ образомъ, мы должны считать весь этотъ отрядъ крайне полезнымъ звеномъ въ безконечной цѣпи живыхъ существъ.

Число рукокрылыхъ, открытыхъ до сихъ поръ въ ископаемомъ состояніи, очень не велико. Въ янтарѣ найдены волосы летучихъ мышей, а въ различныхъ известнякахъ кости ихъ. Въ то же время извѣстно до 300 хорошо охарактеризованныхъ нынѣ живущихъ видовъ, изъ которыхъ въ Европѣ встрѣчается до 35. Необыкновенно большое разнообразіе формъ рукокрылыхъ, несмотря на однообразіе ихъ въ общемъ, крайне затрудняетъ раздѣленіе и опредѣленіе ихъ даже для специалистовъ.

Первую крупную группу рукокрылыхъ составляетъ семейство, т. наз., летучихъ собакъ или плодоядныхъ летучихъ мышей (Pteropina).

Всѣ относящіяся къ этой группѣ виды водятся исключительно въ теплыхъ странахъ Стараго Свѣта, именно въ южной Азіи съ ея островами, центральной и южной Африкѣ, Австраліи и на островахъ Океаніи. Вслѣдствіе крупной величины этихъ рукокрылыхъ, ихъ уже съ давнихъ временъ принимали за настоящихъ чудовищъ. Безвредныхъ и добродушныхъ животныхъ этихъ считали за отвратительныхъ гарпій и страшныхъ вампировъ; среди нихъ разыскивали то ужасное, созданное воображеніемъ существо, которое опускалось на спящаго человѣка и высасывало у него кровь изъ сердца.

Плодоядныя летучія мыши по внѣшнему своему виду почти не отличаются отъ прочихъ представителей разсматриваемаго отряда, но имъ свойственна значительная величина и добродушная собачья или лисья голова, которая и дала имъ названія летучихъ собакъ и летучихъ лисицъ. Летательная перепонка, а въ зависимости отъ нея также и строеніе конечностей, сходна со строеніемъ тѣхъ же частей у другихъ летучихъ мышей; но, кромѣ большого пальца, когтемъ вооруженъ

у нихъ еще указательный палець. На носу у нихъ нѣтъ кожистаго нароста, а ухо всегда лишено козелка. Этими признаками плодоядные летучія мыши легко отличаются отъ всѣхъ другихъ рукокрылыхъ.

Летучія собаки охотнѣе всего селятся въ мрачныхъ лѣсахъ и часто въ безчисленномъ количествѣ унижаютъ собою деревья, къ вѣтвямъ которыхъ прицѣпляются задними ногами, окутывая въ то же время голову и туловище крыльями. Ихъ находятъ также и въ дуплахъ деревъ и притомъ иногда въ числѣ нѣсколькихъ сотъ штукъ. Въ темныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ онѣ летаютъ иногда и днемъ, но настоящая жизнь ихъ начинается, какъ и у другихъ рукокрылыхъ, только съ наступленіемъ сумерекъ. Острое зрѣніе и тонкое обоняніе даетъ имъ возможность выбирать деревья съ самыми сочными и спѣлыми плодами. Онѣ слетаются къ такому растенію по одиночкѣ, но скоро собираются къ нему цѣлыми толпами и, въ этомъ случаѣ, могутъ объѣсть его до тла. Виноградники летучія собаки посѣщаютъ нерѣдко то же въ значительномъ числѣ, нанося здѣсь большой вредъ, главнымъ образомъ потому, что выбираютъ самыя спѣлыя и сладкія грозди; все остальное онѣ оставляютъ другимъ животнымъ, питающимся плодами. Время отъ времени онѣ предпринимаютъ довольно далекія странствованія, перелетаютъ съ одного острова на другой, пересѣкая иногда довольно широкіе проливы. Плоды онѣ больше сосутъ, чѣмъ съѣдаютъ, а затѣмъ выплевываютъ ихъ. Летучія собаки положительно отдають предпочтеніе сладкимъ и ароматическимъ плодамъ, а потому любимую пищу ихъ составляютъ бананы, винныя ягоды, виноградъ и т. п. Разъ забравшись въ садъ, онѣ остаются здѣсь уже всю ночь и производятъ при этомъ такой шумъ, что его можно слышать на далекомъ разстояніи. Выстрѣлами или чѣмъ-либо подобнымъ отогнать ихъ не удастся; испугиваемыя такимъ образомъ, онѣ перелетаютъ только съ одного дерева на другое и тотчасъ принимаются уписывать здѣсь любимые ими плоды.

Летучія собаки кричатъ очень часто, даже когда спокойно висятъ на деревьяхъ; голосъ ихъ представляетъ своеобразныя скрипъ и трескъ, иногда же выражается въ формѣ шипѣнія, напоминающаго шипѣніе гусей.

Самка производитъ на свѣтъ разъ въ годъ одного или двухъ дѣтенышей, которые присасываются къ ея груди; мать носитъ ихъ съ собою довольно продолжительное время и очень любитъ своихъ малютокъ.

Въ неволѣ летучія собаки становятся мало по малу ручными, привыкаютъ до извѣстной степени къ человѣку, который за ними ухаживаетъ, и даже выкаываютъ къ нему привязанность.

Полезьа, приносимая этими рукокрылыми, не можетъ покрыть тотъ вредъ, который они наносятъ; но, конечно, вредъ этотъ не особенно чувствителенъ на ихъ родинѣ, изобилующей всевозможными плодами. Выгода, получаемая отъ нихъ, понятно то же не велика. Мясо ихъ ѣдятъ; Гакке считаетъ его вкуснымъ и напоминающимъ мясо кроликовъ и куръ. По рассказамъ, мѣхъ летучихъ собакъ тоже идетъ въ дѣло.

Колонгъ или обыкновенная летучая собака (*Pteropus edulis*) есть самый крупный видъ всего отряда и имѣетъ при длинѣ въ 40 сантиметровъ размахъ крыльевъ въ 1,5 метра. Спина его окрашена въ темный черно-бурый цвѣтъ, брюхо — въ ржаво-черный, а шея и голова — въ желтовато-рыжій; летательная перепонка буро-черная.

Колонгъ водится на Зондскихъ островахъ, именно на Явѣ, Суматрѣ, Бандѣ и Тиморѣ и живетъ либо въ большихъ лѣсахъ, либо въ рощахъ изъ плодовыхъ деревьевъ, которыя окружаютъ на Явѣ каждую деревню; мѣстомъ отдыха онъ избираетъ здѣсь особенно охотно горизонтальныя сучья. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ животныя унижаютъ собою деревья до такой степени, что на нихъ нельзя болѣе отличить вѣтвей. Отдѣльныя деревья бываютъ покрыты положительно сотнями и тысячами колонговъ, которые спокойно спятъ здѣсь днемъ, пока не потревожены, но спугнутые тотчасъ же наполняютъ своимъ роемъ воздухъ. Къ вечеру вся эта масса приходитъ въ движеніе и каждое животное слѣдуетъ за другимъ на извѣстномъ разстояніи.

Говоря о Суматрѣ, Розенбергъ сообщаетъ: „Колонгъ принадлежитъ здѣсь къ самымъ обыкновеннымъ животнымъ какъ на побережьи, такъ и внутри страны. Онъ живетъ обществами, часто большими стадами, и при заходѣ солнца отправляется съ мѣстъ своего отдыха на кормежку, углубляясь при этомъ далеко въ лѣсъ. Такъ, во время моего пребыванія въ Лумутѣ, одна стая этихъ животныхъ каждый вечеръ тянула на довольно большой вышинѣ съ сѣвера-запада на юго-востокъ, а передъ восходомъ солнца возвращалась въ обратномъ направленіи



Колонгъ (*Pteropus edulis*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

на островъ Массаларъ, на которомъ было ихъ дневное пристанище. Послѣ выстрѣла, сдѣланнаго мною по одной самкѣ, летѣвшей особенно низко, сталъ падать дѣтенышъ, оторвавшійся отъ ея груди, но не успѣлъ онъ еще достигнуть земли, какъ съ быстротою молніи послѣдовавшая за нимъ мать схватила его зубами, снова поднялась на воздухъ и исчезла со спасеннымъ ею малюткой“.

Пищу колонга составляютъ самые различные плоды, особенно же нѣкоторые виды смоквы и манго, ради которыхъ они массами появляются въ фруктовыхъ садахъ Явы, причиняя здѣсь часто значительный вредъ. Но колонги вовсе не довольствуются исключительно растительной пищей, и нападаютъ также на различныхъ насѣкомыхъ и даже на мелкихъ позвоночныхъ. Такъ, въ новѣйшее время, Шартъ уличилъ ихъ, къ немалому своему удивленію, въ воровствѣ рыбы. „На-

ходясь въ Конльеверамъ“, говоритъ онъ, „я обратилъ свое вниманіе на небольшой прудокъ, обязанный своимъ происхожденіемъ недавно бывшему ливню и буквально кишѣвшій мелкими рыбками, которыя играли въ водѣ и высовывались надъ ея поверхностью. Но это явленіе, т. е. внезапное появленіе рыбокъ въ пересошемъ и снова наполнившемся водою прудкѣ, не представляло для меня ничего новаго, вниманіе же мое было направлено на нѣсколько крупныхъ, довольно неуклюже летавшихъ птицъ, которыя садились на воду, схватывали время отъ времени ногами рыбку, а затѣмъ отправлялись со своею добычею на тамариндовыя деревья, чтобы съѣсть ее тамъ. При внимательномъ разглядываніи я убѣдился однако, что предполагаемыя птицы были — колонги“.

Кое гдѣ за колонгами охотятся, преслѣдуя ихъ не столько за наносимымъ ими вредъ, сколько для того, чтобы отправить ихъ на кухню. Малаецъ стрѣляетъ въ нихъ обыкновенно изъ продувной трубы, цѣлитъ въ самую чувствительную часть ихъ тѣла, летательную перепонку, ошеломляетъ ихъ ударомъ и такимъ образомъ получаетъ ихъ въ свое распоряженіе. Европеецъ, съ другой стороны, весьма успѣшно пускаетъ въ дѣло для той же цѣли огнестрѣльное оружіе.

Пойманные колонги быстро примиряются съ потерей свободы и становятся замѣчательно ручными; содержаніе ихъ не доставляетъ ни малѣйшихъ хлопотъ. Насколько прихотливы они на волѣ, гдѣ выбираютъ только самые сочные плоды, настолько же невзыскательны оказываются въ неволѣ. Тутъ они ѣдятъ каждый предлагаемый имъ плодъ, а особенно охотно также и мясо.

Къ сожалѣнію, плѣнные колонги даже при самомъ лучшемъ уходѣ не долго переносятъ потерю свободы. Въ неволѣ можно доставить имъ все, но только не возможность летать. Вслѣдствіе этого у нихъ рано или поздно появляются на разныхъ мѣстахъ летательной перепонки нарывы, отъ которыхъ они и погибаютъ.

Къ роду ночныхъ крылановъ (*Cynonycteris*) относится нильскій крыланъ (*Cynonycteris aegyptiacus*), распространенный по всему Египту и Нубіи и нормально встрѣчающійся по близости большихъ насаженій изъ сикоморъ: онъ не рѣдокъ, однако, уже въ дельтѣ Нила. Въ нѣкоторыхъ естество-историческихъ сочиненіяхъ говорится, что днемъ онъ ищетъ убѣжища подъ сводами пирамидъ, но это несовершенная неправда: онъ спитъ, какъ и другіе виды этого рода, на деревьяхъ.

Жившіе у меня въ неволѣ нильскіе крыланы погибли очень скоро, но другимъ изслѣдователямъ часто удавалось сохранять ихъ живыми въ теченіе довольно продолжительнаго времени, хорошо приручать и дѣлать довѣрчивыми. Такъ, напримѣръ, Целеборъ привезъ одну парочку въ Шенбрунъ и приучилъ обоихъ тотчасъ же являться къ нему, какъ только онъ показывалъ имъ винную ягodu. Они давали гладить и чесать себя также и постороннимъ.

Взрослые нильскіе крыланы достигаютъ 16 сантиметровъ длины и имѣютъ размахъ крыльевъ въ 90—95 сантиметровъ.

Вторая группа нашего отряда носить названіе гладконосыхъ летучихъ мышей (*Gymnorhina*).

У представителей ея носъ и его спинка гладкіе, безъ кожистыхъ придатковъ, но внутри наружнаго уха возвышается козелокъ. Межчелюстные кости раздѣлены глубокой выемкой и всегда плотно срастаются съ верхнечелюстными костями. У нѣкоторыхъ родовъ уши срастаются своими внутренними краями на средней линіи темени, у другихъ же они раздѣлены; у послѣднихъ ноздри открываются на верхней сторонѣ конца морды, а у первыхъ спереди, подъ концомъ ея. Эта группа распространена по всему земному шару за исключеніемъ только холоднаго пояса его. Число относящихся сюда видовъ очень велико и громадное большинство европейскихъ формъ принадлежитъ къ ней; но еще большее количество видовъ гладконосыхъ мышей водится въ жаркихъ странахъ. Большая часть видовъ живетъ большими обществами, особенно въ зимнее время, проводи-

мое ими въ спячкѣ. Не рѣдко можно встрѣтить сотни, даже тысячи этихъ животныхъ, въ одномъ и томъ же строеніи. Многіе виды гладконосыхъ летучихъ мышей живутъ въ полнѣйшемъ согласіи между собою и лишъ малая часть ведетъ жизнь уединенную. Всѣ онѣ довольно чувствительны къ вліяніямъ дурной погоды, а потому осенью рано удаляются въ свои зимнія убѣжища, весною же поздно покидаютъ ихъ. Немногія изъ нихъ летаютъ еще до заката солнца, большинство же въ сумерки и въ ранніе часы ночи; около полуночи онѣ отдыхаютъ, а къ утру снова начинаютъ свою дѣятельность. Полетъ ихъ довольно ловокъ и отличается своеобразными поворотами, вслѣдствіе чего хищныя птицы не могутъ ловить ихъ, когда онѣ летаютъ. Въ спокойномъ состояніи онѣ принимаютъ обыкновенное для летучихъ мышей положеніе; бѣгая по землѣ, кажутся крайне безпомощными, но лазаютъ гладконосыя летучія мыши очень ловко и проворно. Питаются эти рукокрылыя исключительно насѣкомыми, какъ то ночными бабочками, комарами, поденками, ручейниками, жуками и другими, крайне вредными для насъ, представителями этого класса суставчатыхъ. Голосъ ихъ представляетъ высокое, свистящее чириканье.

Изъ гладконосыхъ летучихъ мышей, встрѣчающихся въ Европѣ, наиболѣе извѣстенъ ушанъ обыкновенный (*Plecotus auritus*), котораго нельзя смѣшать ни съ однимъ другимъ видомъ, благодаря его длиннымъ ушамъ. Между европейскими видами онъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и достигаетъ въ размахѣ крыльевъ 24 сантиметровъ при длинѣ въ 8,4 см., изъ которыхъ слишкомъ 4 см. приходится на хвостъ. Замѣчательно устроенное ухо этого животного имѣетъ 3,3 см. въ длину, покрыто на своей поверхности большимъ количествомъ поперечныхъ складокъ и правильно изогнуто кзади. На внутреннемъ краю его помѣщается козелокъ, имѣющій форму языка. Отдѣльныя части уха очень подвижны. Мѣхъ ушана сѣро-бурый, лицо усажено бѣлыми волосами, доходящими до задняго края носовой полости, а съ края верхней губы свѣшиваются бѣловатые усы. Молодые животные окрашены въ болѣе темный цвѣтъ, чѣмъ взрослые.

Ушанъ распространенъ по всей Европѣ, за исключеніемъ только тѣхъ частей ея, которыя лежатъ къ сѣверу отъ 60° с. ш. Кромѣ того онъ водится въ сѣверной Африкѣ, западной Азіи и въ Ост-Индіи. Нигдѣ онъ не составляетъ рѣдкости, а въ сѣверной и средней Германіи принадлежитъ даже къ числу обыкновенныхъ видовъ; живетъ ушанъ, однако, всегда по одиночкѣ и никогда не встрѣчается обществами. Этотъ видъ повсюду держится вблизи человѣческаго жилья, лѣтомъ отдыхаетъ столь же часто за ставнями оконъ, какъ и въ дуплахъ деревьевъ, а зимою спитъ въ погребахъ и подъ сводами строеній не менѣе охотно, чѣмъ въ пещерахъ и шахтахъ. Въ городахъ онъ постоянно ищетъ мѣста, гдѣ есть деревья и кусты, а потому держится только въ строеніяхъ, окруженныхъ садами. Въ гористыхъ странахъ, напр. на Гарцѣ и въ Альпахъ, онъ не поднимается выше пояса лѣсовъ.

Неволю ушанъ переноситъ дольше, чѣмъ большинство его родственниковъ, и можетъ выживать здѣсь даже нѣсколько мѣсяцевъ и лѣтъ, но, конечно, только при хорошемъ уходѣ. Вслѣдствіе этого, всегда берутъ его, если хотятъ производить какія либо наблюденія надъ плѣнными летучими мышами. Ушана можно до извѣстной степени приручить. У Фибера былъ одинъ экземпляръ, который онъ наблюдалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Ушанъ этотъ отличался большою подвижностью, особенно во время вечернихъ сумерекъ, леталъ, однако, нерѣдко и днемъ, но въ полночные часы отдыхалъ. Въ комнатѣ онъ леталъ въ теченіе продолжительнаго времени и съ большою ловкостью, причемъ держалъ крылья большею частью неподвижно, хотя и былъ въ состояніи складывать и снова развертывать ихъ налету. Въ томъ случаѣ, если ему приходилось избѣгнуть какого либо препятствія, ушанъ дѣлалъ поворотъ дугой, быстро припадалъ къ полу, а затѣмъ безъ всякаго труда поднимался снова вверхъ. При малѣйшемъ шумѣ онъ двигалъ и настораживалъ уши такъ, какъ это дѣлаютъ лошади, а если шумъ былъ продолжителенъ и силенъ, то отгибалъ ихъ назадъ. Въ время отдыха ушанъ всегда

закладывалъ ихъ назадъ. Онъ часто ворочалъ головой, прихорашивался, облизывая себя языкомъ, и поводилъ носомъ. Какъ и всѣхъ летучихъ мышей, его сильно донимали паразиты, почему онъ часто чесалъ когтями бокъ головы.

*

Всю среднюю Европу къ югу отъ Англіи, Даніи и средней Россіи, югъ нашей части свѣта, сѣверную Африку и большую часть Азіи до Гималаевъ насе-



Ушанъ обыкновенный (*Plecotus auritus*). Естеств. размѣръ.

ляетъ неотопыръ большой или сѣрая летучая мышь (*Vespertilio murinus*), самый крупный изъ водящихся у насъ видовъ. Онъ достигаетъ длины въ 12—13 сантиметровъ, изъ которыхъ 5,3 см. нужно отнести на хвостъ; въ размахѣ крыльевъ онъ имѣетъ 37 см. Мѣхъ верхней стороны тѣла окрашенъ въ свѣтлый дымчато-бурый цвѣтъ съ ржаво-рыжеватымъ оттѣнкомъ; низъ тѣла грязно-бѣловатый; сравнительно тонкія, прозрачныя уши и летательныя перепонки тоже свѣтлаго сѣро-бурого цвѣта. Молодые животныя имѣютъ болѣе сильно выраженный поцельно-сѣрый оттѣнокъ.

Съ начала марта и до октября врядъ ли избѣгнешь встрѣчи съ этимъ неотопыремъ на удобныхъ для него мѣстахъ и тотчасъ же узнаешь его по безпомощному, порхающему полету, совершаемому обыкновенно по прямому направленію или, по крайней мѣрѣ, безъ зигзаговъ. Онъ водится не только въ равнинахъ, но и въ гористыхъ странахъ, день охотно проводитъ подъ крышами старыхъ строеній, рѣже въ ямахъ и пещерахъ, большими обществами съ себѣ подобными; летучія мыши эти висятъ, часто до такой степени тѣсно прижавшись одна къ другой, что положительно образуютъ изъ себя комки. Любовь ихъ къ ссорамъ и кусливость большею частью разгоняютъ всѣ мелкіе виды изъ ихъ сосѣдства кромѣ



Кожанъ обыкновенный (*Vesperugo noctula*). Естество. разбѣръ.

тѣхъ, которые сосутъ кровь; слабымъ формамъ приходится избѣгать ихъ уже потому, что неотопыри закусываютъ малышей и частью даже съѣдаютъ, что Кохъ имѣлъ случай наблюдать надъ плѣнными.

*

Къ группѣ ранолетающихъ летучихъ мышей принадлежитъ кожанъ обыкновенный (*Vesperugo noctula*), хорошо извѣстный европейскій видъ, въ 11 сантиметровъ длины и съ размахомъ крыльевъ въ 37 см.; онъ весь рыжовато-бураго цвѣта, съ черно-бурыми ушами и летательными перепонками и отличается отъ всѣхъ другихъ узкими, длинными крыльями и необыкновенно ловкимъ полетомъ, напоминающимъ полетъ ласточекъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ летучихъ мышей это самая сильная форма; она летаетъ выше остальныхъ и вечеромъ появляется первая. Кожана нерѣдко можно видѣть летающимъ уже за нѣсколько часовъ до захода солнца и, если можно такъ выразиться, состязующимся съ хищными птицами. Благодаря умѣнью его производить быстрые повороты, кожанъ прекрасно избѣгаетъ ихъ нападеній, такъ что

его не удастся поймать даже проворному чеглоку (*Falco subbuteo*), который, какъ извѣстно, прекрасно справляется и съ ласточками.

*

Переходъ отъ гладконосыхъ летучихъ мышей къ листоносамъ до извѣстной степени составляетъ родъ курносыхъ ушановъ (*Synotus*), имѣющій не менѣе странную наружность, чѣмъ листоносы. Своеобразный видъ выраженію его лица придаютъ сросшія надъ теменемъ другъ съ другомъ уши. Крыло его отличается узкой и длинной формой. Шпорцевая кость пятки несетъ округлую, выдающуюся кнаружи кожистую лопасть. Хвостъ нѣсколько длиннѣе туловища.

Курносый ушанъ (*Synotus barbastellus*) длиною въ 9 сантиметровъ, съ хвостомъ въ 5 см. и съ размахомъ крыльевъ въ 26 см. Верхъ тѣла темнаго черно-бураго цвѣта, а нижняя сторона его имѣетъ довольно свѣтлую сѣро-бурую окраску; толстыя летательныя перепонки и уши черно-бураго цвѣта.

По Блазіусу курносый ушанъ водится въ Англіи, Франціи, Италіи, Германіи, Швеціи и въ Крыму. „Я наблюдалъ его также“, говоритъ нашъ сотоварищъ, „въ Венгріи и центральной Россіи, а въ различныхъ мѣстахъ Альпъ встрѣчалъ его вверху до послѣднихъ пастушескихъ хижинъ. Такъ онъ попадаетъ на Сенъ-Готардъ, въ долинахъ Этца и Фассы, въ Тауэрнскихъ и Юлинскихъ Альпахъ, на Гарцѣ же тоже не рѣдокъ до самыхъ высшихъ жилыхъ пунктовъ“.

Лѣтомъ курносый ушанъ вылетаетъ на свободу лишь только начнетъ смеркаться и притомъ какъ въ хорошую погоду, такъ и въ бурное, дождливое время; онъ держится большею частью у опушекъ лѣсовъ и въ садахъ, рѣже между деревенскими строеніями и охотится преимущественно за мелкими бабочками. Этотъ видъ летаетъ очень высоко и быстро, выдѣлывая самые разнообразныя повороты и постоянныя зигзаги.

Листоносы или кровососы (*Istiophora* или *Phyllorhina* и *Phyllostoma*) составляютъ послѣднюю крупную группу рукокрылыхъ.

Всѣ относящіяся сюда виды летучихъ мышей отличаются отъ представителей другихъ группъ тѣмъ, что имѣютъ кожистые придатки на носу, форма которыхъ крайне разнообразна, но въ общемъ напоминаетъ листъ.

Листоносы представлены большимъ количествомъ видовъ во всѣхъ частяхъ свѣта, но встрѣчаются исключительно въ странахъ жаркихъ и умѣренныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ отдыхаютъ въ большихъ лѣсахъ, въ дуплахъ деревьевъ, на старыхъ стволахъ и между широкими листьями пальмъ и другихъ широколиственныхъ растений; большинство же прячется днемъ въ пещерахъ, въ башняхъ, въ развалившихся строеніяхъ, подъ темными сводами, а также между балками и подъ крышами домовъ.

Пищу ихъ составляютъ, главнымъ образомъ, насѣкомыя, особенно сумеречныя и ночныя бабочки, жуки, ручейники, поденки и комары. Но большинство изъ нихъ сосетъ кровь позвоночныхъ, нападая не только на птицъ и звѣрей, но даже на спящихъ людей. Несмотря на то, что въ настоящее время имѣется уже достаточно наблюденій относительно этой замѣчательной стороны дѣятельности нашихъ рукокрылыхъ, надъ нею все же царитъ какой то странный мракъ неизвѣстности, въ духѣ сказаній о вампирахъ. По всей вѣроятности, всѣ листоносы сосутъ кровь, но только при извѣстныхъ условіяхъ, и этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, повидимому, и могутъ быть объяснены разногласія въ описаніяхъ ихъ образа жизни, наблюдать который и безъ того уже не легко. Здѣсь будетъ на мѣстѣ сопоставить нѣкоторыя данныя путешественниковъ о сосаніи крови листоносами, не относя ихъ къ какому-либо опредѣленному виду. Въ описаніяхъ путешествій обыкновенно говорятъ о томъ или другомъ видѣ, но сообщенія эти крайне противорѣчивы и по извѣстнымъ мнѣ разсказамъ, нѣтъ ни одного, который можно было бы съ достовѣрностью отнести къ какой-либо опредѣленной формѣ экзотическихъ листоносовъ.

Испанецъ Азара, называющій кровососа „morderos“, т. е. въ переводѣ „кусатель“, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Иногда онъ впивается въ гребень и въ сережки куръ съ цѣлью высасывать у послѣднихъ кровь; отъ этого куры обыкновенно умираютъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если рана воспаляется, а это бываетъ почти всегда. Кровососы кусаютъ также лошадей, ословъ, муловъ и коровъ всегда въ бока, въ плечи и въ шею, потому что легче всего могутъ удерживаться на этихъ частяхъ тѣла. Они нападаютъ и на человѣка, какъ я самъ могу засвидѣтельствовать; меня они кусали въ пальцы ногъ въ то время, когда я спалъ подъ открытымъ небомъ или въ сараяхъ. Наносившуюся мнѣ рану я не чувствовалъ; она была круглая или продолговато-круглая, имѣла около одной линіи



Курносый ушанъ (*Synotis barbastellus*). Естеств. размѣръ.

въ поперечникъ и была такъ не глубока, что едва проникала чрезъ всю толщю кожи. Замѣтить ее можно было благодаря припухлости ея краевъ. Количество крови, вытекавшей изъ раны, равнялось, по моей приблизительной оцѣнкѣ, около $1\frac{1}{2}$ унцій. У лошадей и другихъ животныхъ оно можетъ достигать до трехъ унцій, и я полагаю, что летучимъ мышамъ приходится дѣлать здѣсь болѣе обширныя и глубокія раны уже вслѣдствіе толщины самой кожи“.

Ренгеръ дополняетъ данныя Азары слѣдующимъ сообщеніемъ. „Я изслѣдовалъ пораненія, нанесенныя муламъ, лошадямъ и быкамъ, разъ до ста, и тѣмъ не менѣе, не могъ составить себѣ яснаго представленія о томъ, какъ они производятся. Почти воронкообразная ранка достигаетъ обыкновенно до полудюйма въ поперечникъ, иногда нѣсколько больше, и имѣетъ, смотря по части тѣла, отъ одной до двухъ линій въ глубину. Ранка эта никогда не проникаетъ чрезъ всю толщю кожи и не достигаетъ до мышцъ. Слѣдовъ отъ зубовъ, какъ при ранахъ, прошедшихъ отъ укушенія, на ней вовсе не бываетъ замѣтно, края же ея сильно разрыхленные и вспухшіе. Вслѣдствіе этого, мнѣ не вѣрится, чтобы листоносы и языкососы (*Glossophaga*) производили эти раны у вьючныхъ животныхъ прямо по-

средствомъ укуса, при которомъ каждое спящее животное должно было бы проснуться и постаралось бы освободиться отъ своего врага. Я склоненъ скорѣе предположить, что рукокрылыя эти, присосавшись сначала губами, дѣлаютъ кожу нечувствительной, какъ это бываетъ при постановкѣ банокъ, а затѣмъ уже наносятъ зубами маленькое отверстіе на вспухшей отъ сосанія поверхности. Черезъ отверстіе это они вводятъ, какъ мнѣ кажется, мало-по-малу въ кожу свой растяжимый и тоже служащій для сосанія языкъ, результатомъ чего и является воронкообразная форма ранки. Самое устройство крыльевъ этихъ летучихъ мышей дѣлаетъ очевиднымъ, что онѣ не въ состояніи и сосать, и махать крыльями одновременно. Я, по крайней мѣрѣ, всегда наблюдалъ, что летучія мыши садились при этомъ на лошадей и, слѣдовательно, должны были складывать крылья. Чтобы лучше держаться, онѣ избираютъ всегда покрытыя волосами или плоскія части тѣла животнаго; вслѣдствіе этого, онѣ наносятъ раны лошадямъ на шеѣ, на загривкѣ и на крупѣ, муламъ на шеѣ и на загривкѣ, а воламъ на лопаткахъ и на войлѣ. Раны эти сами по себѣ не опасны. Если принять, однако, въ расчетъ, что на одно животное въ одну и ту же ночь нападаетъ 4, 5, 6 и больше летучихъ мышей, и что это повторяется часто нѣсколько ночей подрядъ, то сильное ослабленіе животнаго отъ потери крови станетъ вполне очевиднымъ. При этомъ нужно имѣть еще въ виду, что животное лишается не только той крови, которую сосетъ летучая мышь, но и теряетъ, кромѣ того, изъ каждой раны 2—3 унціи (60—90 граммъ) ея отъ послѣдовательнаго кровоточенія“.

Помимо Азары рукокрылыя кусали и другихъ путешественниковъ, между прочимъ Бэтса, который жилъ въ Бразиліи 11 лѣтъ. Во время пребыванія этого натуралиста въ Карибе, онъ занималъ комнату, пустовавшую въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а потому имѣвшую щели въ нѣсколькихъ мѣстахъ. „Въ первую ночь“, рассказываетъ онъ, „я спалъ крѣпко и не замѣтилъ ничего особеннаго; въ слѣдующую, однако, меня разбудилъ около полуночи шумъ крыльевъ цѣлаго роя летучихъ мышей, носившихся по комнатѣ. Онѣ потушили горѣвшую лампу; я зажегъ ее снова и увидѣлъ, что ими была наполнена вся комната, казавшаяся черной отъ массы кружившихся въ ней рукокрылыхъ. Я вооружился противъ нихъ палкой и въ нѣсколько минутъ они исчезли черезъ щели въ крышѣ; лишь только все успокоилось, они появились, однако, опять и снова потушили мою лампу. Я не обращалъ на нихъ больше вниманія и продолжалъ спать. На третью ночь нѣсколько летучихъ мышей забралось въ мой гамакъ; я изловилъ тѣхъ, которыя ползали по мнѣ, и бросилъ объ стѣну комнаты. На разсвѣтѣ я открылъ на бедрѣ ранку, нанесенную, безъ всякаго сомнѣнія, летучею мышью. Это мнѣ не понравилось, а потому я принялся съ неграми истреблять ихъ; перестрѣлявши самъ тѣхъ, которыя висѣли подъ стропилами, я приказалъ моимъ людямъ взобраться по лѣстницѣ на крышу и передушить нѣсколько сотъ взрослыхъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтенышами“.

Въ новѣйшее время подобныя же наблюденія были сдѣланы Гензелемъ и Капплеромъ. Изъ нихъ выяснилось, что число видовъ рукокрылыхъ, сосущихъ кровь, довольно значительно, что люди подвергаются въ общемъ ихъ нападеніямъ рѣдко и что вредъ, ими наносимый, не одинаковъ въ различныхъ странахъ и въ разные времена года.

Изъ вампировъ (*Phyllostoma*), къ которымъ относятся формы съ двойнымъ листообразнымъ придаткомъ на носу, наибольшаго вниманія заслуживаетъ самый крупный изъ южно-американскихъ видовъ — Вампиръ обыкновенный (*Phyllostoma spectorum*). Длина его достигаетъ 16, а размахъ крыльевъ, по Бэтсу, 70 сантиметровъ. Голова у него толстая и длинная, морда вытянутая; уши сильно выдаются вверхъ; носовой придатокъ сравнительно съ ростомъ животнаго не великъ; мягкій и нѣжный мѣхъ на спинной сторонѣ темнаго каштаново-бураго, а на брюшной — желтовато-бураго цвѣта; летательная перепонка и всѣ голыя части тѣла бурыя.

Вампиръ водится въ сѣверной Бразиліи и въ Гвіанѣ и держится здѣсь, какъ въ дремучихъ лѣсахъ, такъ и въ жилыхъ строеніяхъ. „Ничего не можетъ быть“, говоритъ Бэтсъ, „отвратительнѣе, чѣмъ выраженіе лица этого созданія, если смотрѣть на него спереди. Большія, кожистыя, далеко отстоящія отъ боковъ головы уши, копьеобразный, торчащій кверху носовой придатокъ, сверкающія и блестящія черныя глаза, все это, соединяясь въ одно цѣлое, напоминаетъ какого-то сказочнаго демона. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что разыгравшаяся народная фантазія разукрасила это отталкивающее созданіе сверхъестественными свойствами. Но вампиръ принадлежитъ къ числу самыхъ безвредныхъ летучихъ мышей и съ



Вампиръ (*Phyllostoma spectrum*). $\frac{1}{4}$ естест. велич.

этой стороны онъ хорошо извѣстенъ всѣмъ прибрежнымъ жителямъ Амазонской рѣки“. По стариннымъ и новымъ даннымъ естествоиспытателей, заслуживающихъ полного довѣрія, эта пользующаяся дурною репутаціею летучая мышь дѣйствительно относится къ листоносамъ и не принадлежитъ къ числу кровососовъ; она охотится ночью за насѣкомыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ питается и плодами. „Въ свѣтлую лунную ночь я видѣлъ“, говоритъ Уатертонъ, „какъ вампиръ леталъ къ отягощенному плодами дереву и ѣлъ эти плоды. Время отъ времени онъ приносилъ къ намъ на дворъ круглый плодъ, величиною съ мускатный орѣхъ, который походилъ на плодъ дикой гуахвы, а во время цвѣтенія нѣкоторыхъ деревьевъ онъ порхалъ около нихъ и при этомъ часто съ нихъ осыпались цвѣты. Всѣ изслѣдованные мною цвѣты были свѣжіе и здоровые, а потому не могли падать безъ причины; я заключилъ по этому, что ихъ срывали вампиры, желавшіе воспользоваться или завязью ихъ, или спрятавшимися тамъ насѣкомыми“.

Въ Европѣ семейство это представлено родомъ подковоносовъ (*Rhinolophus*); какъ въ предыдущемъ родѣ замѣчательнѣе всего было устройство ушей, такъ для этого характернѣе всего кожистый придатокъ носа, покрывающій все лицо отъ конца послѣдняго вплоть до лба. Онъ состоитъ изъ трехъ частей,—изъ подювы, продольнаго гребня и изъ ланцетовидной пластинки. Летательныя перепонки у подковоносовъ широкія и сравнительно короткія, вслѣдствіе чего полетъ ихъ порхающій и не особенно ловкій. Мѣхъ у большинства видовъ окрашенъ въ свѣтлые цвѣта. Въ Европѣ водятся четыре вида этого рода, изъ которыхъ самый обы-



Подковоносъ большой (*Rhinolophus ferrum-equinum*). $\frac{4}{5}$ естеств. велич.

кновенный есть подковоносъ малый (*Rhinolophus hipposideris*), наименьшая форма изъ всѣхъ нашихъ летучихъ мышей: длина тѣла его равна всего лишь 6 сантиметрамъ, а размахъ крыльевъ не превосходитъ 22 см. Мѣхъ свѣтлаго цвѣта, бѣловато-сѣрый, сверху едва темнѣе, чѣмъ снизу.

Малый подковоносъ распространенъ къ сѣверу дальше всѣхъ своихъ родственниковъ; въ средней Европѣ онъ встрѣчается почти повсюду, а въ южной тоже обыкновененъ. Въ горахъ онъ подымается выше пояса лѣсовъ. Это самый общественный видъ изъ подковоносовъ.

Пищу этого подковоноса, главнымъ образомъ, составляютъ насѣкомыя, лишенные твердыхъ покрововъ, какъ, напр., мелкія ночныя бабочки, мухи и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является однимъ изъ типичныхъ кровососовъ, какъ это несомнѣнно доказалъ своими наблюденіями Коленати. Исслѣдователь этотъ нашелъ зимою въ одной известняковой пещерѣ въ Моравіи 45 экземпляровъ спящихъ летучихъ мышей, большинство которыхъ составляли ушаны и малые подковоносы. Онъ взялъ ихъ съ собою въ Брюннъ и пустилъ въ комнату, гдѣ стояли его коллекціи и гдѣ онѣ могли свободно летать и прятаться. Черезъ нѣсколько дней Коленати

пожелалъ показать летучихъ мышей одному изъ своихъ пріятелей и, къ не малому своему удивленію, нашелъ остатки шести подковоносовъ, которые были съѣдены почти цѣликомъ; кромѣ того, въ комнатѣ валялся еще одинъ экземпляръ съ сильно изуродованной головой. Многочисленные слѣды крови, запачканныя кровью морды, вздутые животы и порядочное количество испражнений заставляли предположить, что убійцами исчезнувшихъ летучихъ мышей были оставашіеся въ живыхъ собратья ихъ, а вскрытіе желудка одного изъ нихъ устранило уже и послѣднія сомнѣнія въ этомъ отношеніи. вмѣстѣ съ тѣмъ на летательныхъ перепонкахъ ушановъ были открыты у самаго туловища свѣжія ранки съ сильно вздутыми краями. Всѣ ушаны, кромѣ того, сбились въ клубокъ и прижались другъ къ другу на подобіе черепицъ, а подковоносы держались по одиночкѣ и прятались въ самые укромные уголки. Выводъ изъ этихъ наблюденій очень простой. Недружелюбно настроенные другъ противъ друга родственники затѣяли ночью ссору. Во время перваго отдыха ушановъ къ нимъ явился подковоносы, переранили ихъ и сосали изъ нихъ кровь; съ другой стороны, ушаны отомстили во время лета подковоносамъ тѣмъ, что цѣликомъ сожрали кровопійцу!

Одинъ грузинъ рассказывалъ нашему наблюдателю, что голуби его часто получаютъ по ночамъ мелкія ранки съ припухшими краями; туземецъ не могъ объяснить себѣ ихъ происхожденія, но Коленати совершенно правильно заключилъ, что ихъ наносятъ подковоносы. Такимъ образомъ, и въ Европѣ водятся настоящіе вампиры, хотя въ общемъ они и являются совершенно безобидными созданіями, которыя не могутъ дать повода къ страху и ужасу.

Еще обыкновеннѣе, чѣмъ только что описанный видъ, подковоносъ большой (*Rhinolophus ferrum-equinum*), длина тѣла котораго достигаетъ 5,5 сантиметровъ, а хвостъ кромѣ того 3,5 см.; въ размахѣ крыльевъ онъ имѣетъ до 33 см.

Этотъ подковоносъ водится въ большей части умѣренной и южной Европы, а также въ Азіи на Ливанѣ. Въ горахъ онъ поднимается лѣтомъ до 2000 метровъ абсолютной высоты. Коленати полагаетъ, что онъ сосетъ кровь и у другихъ животныхъ. Большой подковоносъ носится ночью по ущельямъ скалъ, съ цѣлью высасывать кровь изъ сернъ и дикихъ козъ, а также держится близъ бѣличьихъ гнѣздъ. Его сильно приходится подозрѣвать въ кровопійствѣ, хотя до сихъ поръ онъ еще и не уличенъ въ немъ.

*

Среди другихъ родовъ этого семейства есть тоже не мало замѣчательныхъ животныхъ.

Такъ, напр., въ родѣ лироносовъ (*Megaderma*) есть видъ, который не только сосетъ кровь, но и ѣстъ мелкихъ лягушекъ. Относящихся къ этому роду летучихъ мышей характеризуетъ тройной наростъ на носу, большія, сросшіяся другъ съ другомъ надо лбомъ уши и длинный козелокъ въ ухѣ. Наиболѣе типичный видъ этого рода, *Megaderma Lyra*, имѣетъ на носу необыкновенно сильно развитый придатокъ, отдаленно напоминающій своею формою лиру.

*

Третій родъ ланцетоносовъ (*Rhinorhina*) отличается простымъ носовымъ придаткомъ, состоящимъ изъ одного, направленнаго вверхъ листка кожи, имѣющаго видъ ланцета. Также сросшіяся надо лбомъ уши средней длины, а хвостъ необыкновенно длинный для летучихъ мышей. Единственный видъ этого рода носить названіе ланцетоноса египетскаго (*Rhinorhina microphyllum*) и представляетъ мелкое животное, замѣчательнѣйшій признакъ котораго есть очень длинный и весьма тонкій, какъ бы высохшій хвостъ. Онъ состоитъ изъ одиннадцати позвонковъ и высовывается далеко за летательную перепонку бедеръ. Этотъ видъ водится въ Египтѣ въ громадномъ количествѣ и особенно любитъ жить въ старыхъ памятникахъ, а также въ пещерахъ и катакомбахъ.

Отрядъ четвертый.

Хищныя (Carnivora).

Врядъ-ли найдется среди млекопитающихъ какой-нибудь другой отрядъ, который представлялъ бы такое разнообразіе формъ, какъ хищныя или плотоядныя. Мы найдемъ между ними животныхъ всевозможныхъ величинъ, начиная отъ среднихъ и почти до самой мелкой, свойственной этому классу вообще; не менѣе разнообразенъ и внѣшній видъ, разсматриваемыхъ нами существъ. Отъ огромнаго льва и до крохотной ласки — сколько промежуточныхъ ступеней, какое своеобразие строенія! Вотъ граціозная, красивая кошка и рядомъ съ нею неуклюжая гіена; сюда же относится и стройная, изящная виверра, съ ея нѣжнымъ, гладкимъ мѣхомъ и большой мохнатый песъ; тутъ же мы видимъ и неповоротливаго медвѣдя и ловкую, увертливую, быструю куницу: да могутъ ли всѣ эти животныя дѣйствительно относиться къ одному и тому же отряду? Можемъ ли мы соединять ихъ въ одну группу, если одни изъ нихъ живутъ на землѣ, другія на деревьяхъ, а третьи чувствуютъ себя дома только въ водѣ? Тѣмъ не менѣе съ научной точки зрѣнія, всѣхъ этихъ разнообразныхъ животныхъ надлежитъ соединить въ одно цѣлое и разсматривать ихъ вмѣстѣ.

Дѣло въ томъ, что при всемъ разнообразіи внѣшняго вида, всѣ хищныя имѣютъ не мало и общихъ чертъ, выражающихся какъ въ строеніи ихъ тѣла, такъ и въ нравахъ. Болѣе или менѣе одинаковый образъ жизни, привычки и пища, указываютъ намъ на то, что и животныя ихъ имѣющія, должны быть до известной степени сходны между собою, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ строенія конечностей, зубной системы и органовъ пищеваренія. Исковерканныхъ, уродливыхъ существъ и каррикатурныхъ, противныхъ на взглядъ созданій, мы почти вовсе не встрѣчаемъ въ этомъ отрядѣ.

Конечности хищныхъ животныхъ находятся въ строгомъ соотвѣтствіи, какъ съ общимъ размѣромъ тѣла, такъ и между собою; онѣ снабжены обыкновенно четырьмя или пятью пальцами съ болѣе или менѣе развитыми, острыми или притупленными когтями, которые то совершенно свободны, то могутъ втягиваться въ особенное влагалищѣ. Органы чувствъ достигаютъ у этихъ животныхъ высокой степени развитія, хотя въ строеніи ихъ и замѣчается большое разнообразіе. Зубная система состоитъ всегда изъ зубовъ всѣхъ трехъ родовъ; зубы обыкновенно велики, снабжены часто довольно длинными, острыми коническими бугорками и глубоко вбиты своими корнями въ челюсти, снабженныя весьма сильными мышцами. При закрытомъ ртѣ нижній рядъ зубовъ плотно входитъ въ промежутки, оставленные верхнимъ рядомъ.

Желудокъ представляетъ всегда видъ простаго мѣшка. Кишка обыкновенно коротка или средней длины; слѣпая кишка никогда не бываетъ длинна. Весьма характерны т. наз. порошичныя железы, расположенныя близъ задняго прохода и свойственныя нѣкоторымъ изъ хищныхъ; онѣ выдѣляютъ сильно пахучую жидкость, служащую съ одной стороны для защиты отъ болѣе сильныхъ враговъ, а

съ другой — для приманки кое-какихъ слабыхъ звѣрьковъ, составляющихъ добычу; наконецъ онѣ же иногда доставляютъ жирную массу, идущую на смазку шкуръ.

Во внутреннемъ строеніи хищныхъ мы видимъ слѣдующіе болѣе или менѣе общіе всѣмъ имъ признаки. Скелетъ при всей его легкости и красотѣ формъ, представляетъ въ то же время весьма крѣпкое строеніе. Черепъ вытянутъ въ длину; задняя черепная его часть находится въ достаточномъ соотвѣтствіи съ лицевой частью, такъ что нѣтъ особеннаго преобладанія, ни той, ни другой. Сильно развиты гребни и выступы, а также рѣзко выпуклыя и значительно отстоящія отъ черепа скуловые дуги, даютъ достаточно мѣста для прикрѣпленія сильныхъ мышцъ. Глазныя впадины очень велики; ушные пузырьки сильно вздуты, носовыя кости и хрящи достаточно объемисты: соотвѣтственные органы чувствъ должны достигать, слѣдовательно, сильнаго развитія. На позвонкахъ существуютъ длинныя отростки; поясничныя позвонки не рѣдко совершенно срастаются другъ съ другомъ; число хвостовыхъ довольно измѣнчиво. Въ зависимости отъ образа жизни животныхъ, строеніе конечностей ихъ значительно измѣняется, но оно всегда обуславливаетъ силу и подвижность этихъ органовъ.

У многихъ хищныхъ носъ удлинняется въ видѣ хоботка и кромѣ того часто снабженъ особыми хрящами и косточками; въ этомъ случаѣ носъ служитъ для рытья земли. Переднія конечности иногда укорочены и утолщены, благодаря чему виды, ими снабженные, становятся способными прокладывать себѣ путь подъ землею и вести подземный образъ жизни; у другихъ конечности длинны и даютъ возможность животному быстро бѣгать; у нѣкоторыхъ изъ хищныхъ пальцы соединены плавательными перепонками, вслѣдствіе чего ноги становятся шире и позволяютъ животному хорошо плавать. Когти то могутъ втягиваться и тѣмъ оберегаться отъ стиранія во время ходьбы, доставляя хищнику прикрытое оружіе для схватыванія, когда они выдвинуты; то они неподвижны и тупы, такъ что служатъ только для охраны пальцевъ, для рытья и разгребанія или, въ крайнемъ случаѣ, для цѣпленія при лазаніи. Изъ зубовъ особенно сильно развиты клыки и такъ называемые плотоядные зубы среди коренныхъ; благодаря этому зубы служатъ съ одной стороны прекраснымъ орудіемъ для борьбы, а съ другой — для захватыванія и раздиранія добычи. Хорошо развитая мышечная система и сухожилія дѣлаютъ нашихъ животныхъ сильными и выносливыми и даютъ имъ возможность совершать разнообразныя и ловкія движенія.

Ко всему этому присоединяются прекрасныя органы чувствъ. Если въ видѣ исключенія одинъ изъ нихъ и бываетъ мало развитъ, то этотъ недостатокъ всегда вознаграждается до извѣстной степени большей остротой другихъ чувствъ. Нельзя сказать, чтобы какое либо изъ чувствъ играло главную роль; у однихъ удивительной чуткости достигаетъ слухъ, у другихъ зрѣніе, у третьихъ чувство обонянія, наконецъ у нѣкоторыхъ особенно преобладаетъ — осязаніе. Въ большинствѣ случаевъ очень сильно развиты два чувства, обыкновенно обоняніе и слухъ, рѣже — слухъ и зрѣніе.

Умственныя способности хищниковъ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ физическимъ строеніемъ. Среди нихъ мы встрѣчаемъ въ высшей степени умныхъ животныхъ, а потому не должны удивляться, что они выказываютъ много хитрости и притворства, которыя такъ необходимы имъ для успѣха въ ихъ воровскихъ и разбойничьихъ похищеніяхъ. Сознаніе собственной силы придаетъ имъ столько смѣлости и предприимчивости, какъ ни какому другому животному. Но въ то же время качества эти являются причиной и нѣкоторыхъ недостатковъ этихъ совершенныхъ существъ. Хищныя такъ привыкли побѣждать, что у нихъ легко развивается властолюбіе и жестокость, часто переходящая въ неодолимую, настоящую кровожадность, такъ что именами ихъ называютъ людей, которымъ присущи нѣкоторыя черты изъ приведенныхъ нравовъ.

Мѣстопребываніе и образъ жизни нашихъ животныхъ не менѣе разнообразны, чѣмъ строеніе тѣла и нравы ихъ. Хищныя живутъ и властвуютъ повсюду: на поверхности земли и въ водѣ точно такъ же, какъ на верхушкахъ деревь, въ го-

рахъ и на равнинахъ, въ лѣсахъ и въ поляхъ, какъ на крайнемъ сѣверѣ, такъ и въ тропическихъ странахъ юга. Мы находимъ среди нихъ животныхъ ведущихъ хорошо выраженный дневной и ночной образъ жизни; одни изъ нихъ ищутъ себѣ работу въ сумерки, другія при свѣтѣ солнца или въ темнотѣ ночи,

Многіе хищники живутъ обществами, нѣкоторые же одиноко; одни нападаютъ открыто на свою добычу, но большинство подстерегаетъ ее изъ за угла, подкрадывается къ ней и накидывается на свою жертву неожиданно; это дѣлаютъ какъ крупные хищники, такъ и мелкіе безразлично. Всѣ они скрываются какъ можно дальше, имѣя при этомъ одну цѣль — не спугнуть преждевременно добычу своимъ появленіемъ; только не многіе изъ нихъ, сознавая свою слабость, ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, если замѣчаютъ что-либо подозрительное. Чѣмъ болѣе эти животныя любятъ свѣтъ дня, тѣмъ они веселѣе, живѣе, жизнерадостнѣе и тѣмъ сильнѣе склонны къ общественной жизни; ночныя животныя, напротивъ того, имѣютъ угрюмый нравъ, недовѣрчивы, пугливы и избѣгаютъ общества себѣ подобныя.

Всѣ хищныя млекопитающія питаются другими животными; только въ видѣ исключенія нѣкоторые изъ нихъ ѣдятъ плоды, сѣмена и другія растительныя вещества. Смотря по роду пищи отличаютъ всеядныхъ и плотоядныхъ; но названія эти не вполнѣ выдерживаютъ критику, потому что первыя предпочитаютъ наравнѣ съ самыми выраженными и кровожадными хищниками лакомый кусокъ мяса, всякой другой пищѣ. Всѣ представители этого отряда прирожденные убійцы и разбойники, безразлично, умерщвляютъ ли они крупныхъ или мелкихъ животныхъ, и даже тѣ, которые охотно ѣдятъ растительную пищу, при случаѣ доказываютъ, что они не составляютъ исключенія изъ общаго правила, если дѣло касается умерщвленія какого либо слабаго существа. Относительно выбора своей пищи или, точнѣе сказать, своей добычи хищныя различаются, само собою понятно, въ той же степени, какъ и по разнообразію своего образа жизни, мѣсто-пребыванія, строенія тѣла и отечества. Лишь не многіе классы животнаго царства не подвергаются нападенію и не терпятъ отъ нашихъ разбойниковъ. Самые крупные и сильные представители отряда питаются главнымъ образомъ млекопитающими, хотя вовсе не пренебрегаютъ и другими животными. Даже левъ не питается исключительно звѣрями, а другія кошки еще менѣе разборчивы. Собаки собственно вполнѣ плотоядныя животныя, охотятся и за другими животными; среди виверръ и куніцъ есть виды, которые питаются исключительно рыбою и земноводными. Медвѣдей относятъ именно къ „всеяднымъ“ и они дѣйствительно одинаково охотно ѣдятъ какъ растительную, такъ и животную пищу. Такимъ образомъ позвоночныя находятъ себѣ между хищными такихъ же охотниковъ или, лучше сказать враговъ, какъ и безпозвоночныя. И гдѣ бы ни жили какъ тѣ, такъ и другіе они всюду становятся жертвой хищниковъ: на твердой ли землѣ или въ водѣ и среди вѣтвей деревьевъ, на сѣверѣ или югѣ, на высокихъ горахъ или подъ землею. Всюду тѣ или иные виды разсматриваемаго нами отряда распространяютъ смерть и никогда не прекращаютъ свои грабежи и убійства, такъ какъ имъ тоже нужно жить, а слабый долженъ становится добычей сильнаго.

Полагаютъ, что нѣкоторые виды хищныхъ вступаютъ въ настоящіе браки, но однако никто изъ нихъ не заключаетъ брака на всю жизнь. Изъ кошекъ и куніцъ есть такія, оба пола которыхъ живутъ во время спариванія и послѣ него болѣе тѣсно, чѣмъ въ остальное время года; они помогаютъ другъ другу въ дѣлѣ вскармливанія дѣтенышей, которыхъ охраняютъ и защищаютъ. Но у другихъ хищныхъ, и надо сказать, что у большинства, отецъ обыкновенно видитъ въ своихъ собственныхъ дѣтенышахъ лакомую добычу; въ этихъ случаяхъ мать должна отгонять его, если онъ случайно наткнется на логовище своего потомства. Тутъ самка является единственною воспитательницею дѣтей. Число молодыхъ одного помета бываетъ очень различно, но рѣдко и въ видѣ исключенія доходитъ до одного. Почти всѣ дѣтеныши рождаются слѣпыми и остаются первое время очень безпомощными, но затѣмъ развиваются сравнительно быстро. Мать обстоятельно обучаетъ ихъ отыскивать себѣ пищу и вообще жить; водить ихъ и

защищаетъ во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока дѣтеныши не сдѣлаются вполне способными вести самостоятельный образъ жизни. Во время опасности лишь немногія самки хищныхъ переносятъ своихъ дѣтенышей передними ногами или на спинѣ, большинство же таскаетъ ихъ съ мѣста на мѣсто въ зубахъ.

Человѣкъ живетъ почти со всѣми представителями этого отряда въ открытой враждѣ. Онъ постарался приручить и воспользоваться услугами лишь немногихъ изъ нихъ, но за то одного въ такой степени, какъ никого изъ другихъ животныхъ. Большинство хищныхъ считается, болѣе или менѣе справедливо, вредными, а потому ихъ страшно ненавидятъ и безпощадно преслѣдуютъ; покровительствомъ человѣка пользуется лишь весьма малое число ихъ. Мясо и жиръ нѣкоторыхъ хищныхъ употребляется въ пищу, дорогіе мѣха другихъ идутъ на одежду человека, и, конечно, противъ охоты на такихъ звѣрей ничто нельзя возразить. Но съ другой стороны преслѣдованію подвергаются не только безвредныя между ними, но даже и прямо-таки полезныя, становясь жертвами слѣпой страсти къ уничтоженію. Уже по одной этой причинѣ всякому образованному человѣку не мѣшаетъ ознакомиться съ этимъ отрядомъ поподробнѣе, потому что каждый долженъ, конечно, уметь отличать своихъ друзей отъ враговъ.

Даже не специалистъ ни на минуту не усумнится въ томъ, какое семейство хищныхъ должно стать во главѣ всего отряда. Онъ подумаетъ при этомъ, конечно, о львѣ, котораго еще древніе признавали царемъ звѣрей, и охотно дастъ ему преимущество предъ всѣми другими. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ мы станемъ считать первымъ семействомъ — кошекъ (*Felidae*).

Кошки представляютъ самый совершенный типъ хищника. Подобнаго соответствія между конечностями и туловищемъ, подобной правильности и пропорциональности строенія всего тѣла, какъ у нихъ, мы уже не встрѣтимъ у другихъ представителей разсматриваемаго отряда. У кошекъ красива и изящна каждая часть тѣла въ отдѣльности, а потому и все животное вполне удовлетворяетъ нашему эстетическому чувству. Типичнымъ представителемъ всѣхъ кошекъ мы можемъ признать, нисколько не боясь сдѣлать ошибки, — нашу домашнюю кошку.

Строеніе тѣла кошки можно считать извѣстнымъ каждому; всякій привыкъ, конечно, видѣть передъ собою сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ красивое туловище, почти круглую голову, сидящую на толстой шеѣ, умѣренно длинныя ноги съ толстыми лапами, длинный хвостъ и мягкій мѣхъ съ его всегда ласкающей глазъ окраской, близко подходящей къ окружающей средѣ. Орудія для нападенія должны достигать у кошекъ большаго совершенства. Зубы у нихъ являются страшно-смертоноснымъ орудіемъ. Клыки представляютъ длинные, сильные, едва изогнутые конусы, далеко оставляющіе за собою всѣ остальные зубы по своему разрушительному дѣйствію. По сравненію съ ними почти исчезаютъ замѣчательно мелкіе рѣзцы и кажутся незначительными даже сильныя коренныя зубы, снабженные буграми и острыми хорошо прилаженными на обѣихъ челюстяхъ другъ къ другу. Въ полномъ соответствіи съ такой системой зубовъ находится толстый, мясистый языкъ, особенно замѣчательный тѣмъ, что спинка его покрыта тонкими, ороговѣлыми, направленными назадъ острыми шипами, сидящими на неровныхъ сосочкахъ. Зубы представляютъ однако не единственное оружіе кошекъ: когти ихъ являются не менѣе ужасными приспособленіями для схватыванія добычи и нанесенія смертельныхъ ранъ ихъ жертвѣ или для отраженія непріятеля въ борьбѣ. Ихъ широкія, округлыя лапы отличаются особенно своею короткостью; это зависитъ отъ того, что послѣдняя перстная часть загнута вверхъ. Поэтому послѣдняя часть при ходьбѣ совершенно не касается земли, а сидящій на ней, очень сильный, крайне острый и серпообразно изогнутый коготь вовсе не стирается. Въ покойномъ положеніи ноги и при обыкновенной ходьбѣ послѣдняя перстная часть пальцевъ удерживается въ ея приподнятомъ положеніи двумя растяжимыми связками, изъ которыхъ одна прикрѣплена сверху, а другая съ боку сустава. Во время раздраженія животнаго и въ моментъ, когда оно пускаетъ въ ходъ свою лапу.

послѣдняя перстная часть пальца тянется сильной, глубокой сгибающей мышцей, сухожиліе которой прикрѣпляется къ ладонной сторонѣ перстной кости, внизъ. благодаря чему пальцы распрямляются и превращаютъ ногу кошки въ одно изъ самыхъ ужасныхъ орудій, какое только можно себѣ представить. Вслѣдствіе такого устройства ноги на слѣдахъ, которые оставляютъ кошки, вовсе не замѣтно отпечатковъ когтей; тихая, безшумная поступь нашихъ животныхъ зависитъ съ другой стороны отъ того, что подошвы ихъ снабжены мягкой, часто покрытой волосами подушкой.

Кошки принадлежатъ къ числу сильныхъ и необычайно ловкихъ звѣрей. Каждое движеніе ихъ изобличаетъ въ нихъ силу и граціозную ловкость. Почти всѣ виды этого семейства сходны какъ по тѣлеснымъ, такъ и по своимъ душевнымъ качествамъ, хотя тотъ или иной видъ и можетъ имѣть извѣстныя преимущества передъ другими или, на оборотъ, отличаются нѣкоторыми недостатками. Всѣ кошки ходятъ хорошо, но медленно, осторожно и безшумно; бѣгаютъ быстро и въ состояніи дѣлать въ горизонтальномъ направленіи прыжки, которые во много разъ превосходятъ длину ихъ тѣла. Лишь немногіе изъ самыхъ крупныхъ видовъ не могутъ взбираться на деревья, большинство же лазаютъ весьма искусно. Не смотря на то, что кошки не любятъ воды, онѣ все же довольно хорошо плаваютъ въ случаѣ нужды; по крайней мѣрѣ ни одинъ видъ не тонетъ легко. Кошки умѣютъ съеживать и свертывать свое красивое тѣло, съ большою ловкостью дѣйствуютъ своими лапами, схватывая ими безъ промаха животныхъ даже на бѣгу или во время полета. Тутъ же слѣдуетъ упомянуть о силѣ ихъ конечностей и вообще о крайней выносливости этихъ животныхъ. Крупные виды кошекъ однимъ ударомъ своей ужасной лапы и стремительностью прыжка повергаютъ на землю животное, которое превосходитъ ихъ ростомъ, и въ состояніи тащить значительныя тяжести на далекія разстоянія.

Между органами чувствъ сильнѣе всего развиты, повидимому, слухъ и зрѣніе. Первое изъ этихъ чувствъ несомнѣнно руководитъ кошекъ во время ихъ хищническихъ набѣговъ и вылазокъ. Онѣ могутъ воспринимать звуки на весьма большомъ разстояніи и прекрасно оцѣнивать ихъ; онѣ слышатъ самые легкіе шаги животнаго, малѣйшее шуршаніе песка при его передвиженіи и въ состояніи разыскать при помощи одного слуха даже добычу, которую не видятъ. Тѣмъ не менѣе ушная раковина никогда не бываетъ очень велика у кошекъ. Зрѣніе развито менѣе хорошо, хотя его ни коимъ образомъ нельзя назвать слабымъ. Глазъ кошки на далекое разстояніе, вѣроятно, видѣть не можетъ, но прекрасно приспособленъ къ близкому. У крупныхъ видовъ зрачекъ круглый и остается таковымъ, расширяясь при гнѣвѣ животнаго; у мелкихъ хищниковъ онъ принимаетъ форму поперечнаго эллипса и въ этомъ случаѣ можетъ расширяться очень значительно. Подъ вліяніемъ яркаго дневнаго свѣта зрачекъ стягивается, образуя узкую щель, а въ моментъ возбужденія и въ темнотѣ становится почти совершенно круглымъ. Вслѣдъ за зрѣніемъ мы должны поставить у кошекъ чувство осязанія, которое является съ одной стороны въ видѣ хорошо развитой способности нащупывать, а съ другой — служить для воспріятія различныхъ впечатлѣній. Для ощупыванія предметовъ служатъ главнымъ образомъ весьма чувствительные усы, расположенные по сторонамъ рта и щетинки надъ глазами, а можетъ быть и кисточки волосъ на ушахъ рыси. Если обрѣзать у кошки усы, то она попадаетъ въ крайне непріятное положеніе; она становится какою то безпомощною или по крайней мѣрѣ обнаруживаетъ беспокойство и неувѣренность, которыя однако исчезаютъ, коль скоро усы снова отрастутъ. Не менѣе пригодны для ощупыванія предметовъ и лапы. Пассивное осязаніе распространено по всему тѣлу. Всѣ кошки весьма воспріимчивы къ внѣшнимъ раздраженіямъ и выказываютъ очевидное неудовольствіе при непріятныхъ ощущеніяхъ и, съ другой стороны, большое удовольствіе, если эти послѣднія пріятны. Стоитъ погладить кошку, чтобы она тотчасъ же пришла въ веселое расположеніе духа, но при смачиваніи шерсти водою или при какомъ либо другомъ непріятномъ воздѣйствіи она легко начинаетъ выказывать свое неудовольствіе. Обоняніе и вкусъ стоятъ почти на одной степени развитія,

но возможно, что вкусъ развить все же лучше чувства обонянія. Несмотря на свой шероховатый языкъ, кошки плохо переносятъ дотрагиваніе до нѣба. Странное пристрастіе нѣкоторыхъ видовъ кошекъ къ сильно пахучимъ растеніямъ, какъ, напримѣръ, къ валерьяну и кошачей мятѣ, во всякомъ случаѣ даетъ право предполагать, что обоняніе у нихъ развито очень слабо, такъ какъ животныя, одаренныя тонкимъ обоняніемъ отнеслись бы съ отвращеніемъ къ подобнымъ запахамъ; кошки же, какъ бы одурѣвъ, съ упоеніемъ катаются въ этихъ растеніяхъ.

По своимъ умственнымъ способностямъ кошки стоятъ ниже собакъ, однако не настолько, насколько обыкновенно принимаютъ. Не слѣдуетъ забывать, что при оцѣнкѣ этихъ способностей двухъ семействъ хищныхъ мы всегда имѣемъ въ виду два примѣра, которые врядъ ли сравнимы; одинъ изъ нихъ собака, которую человѣкъ систематически воспитывалъ въ теченіе тысячелѣтій для извѣстныхъ цѣлей, а другой — кошка, на которую мало обращается вниманія и съ которой обращаются обыкновенно плохо. У большинства видовъ кошекъ высшія, благородныя душевныя качества выступаютъ правда на первый планъ, меньше, чѣмъ низкіе инстинкты; но въ тоже время наша домашняя кошка доказываетъ, что и кошки подъ вліяніемъ воспитанія вполне способны облагораживать свои душевныя качества. Та же кошка даетъ намъ достаточно примѣровъ какъ нѣжной привязанности къ своему хозяину, такъ и весьма высокой понятливости. Въ большинстве случаевъ никто не даетъ себѣ труда изучить болѣе подробно способности представителей нашего семейства, никто не старается произвести самостоятельныя изслѣдованія, а исходитъ изъ разъ на всегда установившихся воззрѣній. Характеръ большинства кошекъ представляетъ сочетаніе спокойной обдуманности, постоянного лукавства, кровожадности и безумной отваги. Въ обществѣ человѣка кошки быстро становятся совершенно иными, чѣмъ на свободѣ. Онѣ начинаютъ признавать преимущество надъ ними человѣка, питать благодарность къ своему хозяину, ищутъ его ласкъ и холи, — короче сказать становятся часто совершенно ручными; хотя иногда и прорываются ихъ природенныя, естественныя наклонности. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и кроется исключительно причина того, что кошекъ считаютъ лукавыми и коварными созданьями: даже тотъ, кто мучаетъ и бьетъ этихъ животныхъ, не хочетъ признать за ними права хоть на минуту сбросить съ себя иго рабства.

Въ современную намъ эпоху кошки распространены по всему Старому Свѣту за исключеніемъ Австралійской области, гдѣ встрѣчаются развѣ одичалыя домашнія кошки, и по всей Америкѣ. Онѣ водятся какъ въ равнинахъ, такъ и въ горныхъ странахъ, въ сухихъ, песчаныхъ мѣстностяхъ, также, какъ въ сырыхъ низменностяхъ и одинаково свойственны и лѣсу, и открытымъ участкамъ страны.

Пищу кошекъ составляютъ всѣ классы позвоночныхъ животныхъ, хотя несомнѣнно, что сильнѣе всѣхъ другихъ подвергаются ихъ преслѣдованію млекопитающія. Нѣкоторые виды предпочитаютъ птицъ, другіе, правда немногіе, въ то же время ѣдятъ мясо кое-какихъ пресмыкающихся, напр., черепахъ; наконецъ есть и такіе, которые ловятъ рыбу.

По способу нападенія почти всѣ виды кошекъ походятъ другъ на друга. Тихими неслышными шагами крадутся онѣ по своему охотничьему району, крайне внимательно приглядываясь и чутко прислушиваясь ко всему окружающему. Малѣйшій шорохъ возбуждаетъ ихъ вниманіе и заставляетъ найти причину его. Припавъ къ землѣ, осторожно скользятъ онѣ впередъ, обыкновенно съ подвѣтренной стороны, и, подкравшись достаточно близко къ добычѣ, вдругъ, однимъ или нѣсколькими прыжками набрасываются на свою жертву, вонзаютъ ей свои страшныя когти въ затылокъ или бокъ, валятъ на землю и запустивъ нѣсколько разъ свои ужасныя зубы впиваются въ нее на нѣкоторое время. Пріоткрывъ затѣмъ нѣсколько ротъ, но не выпуская схваченное животное совершенно, онѣ внимательно присматриваются къ жертвѣ и тотчасъ же начинаютъ снова ее кусать, коль скоро замѣтятъ въ ней хотя бы малѣйшій признакъ жизни. Многіе виды въ то же время рычатъ или мурлычатъ и двигаютъ кончикомъ хвоста; звуки выражаютъ одновременно и удовольствіе и гнѣвную жадность. Большинство кошекъ

имѣть отвратительнѣйшую привычку долго мучить свою жертву. Онѣ предоставляютъ ей какъ бы свободу, даютъ ускользнуть, но въ должный моментъ снова схватываютъ, снова кусаютъ, затѣмъ опять отпускаютъ и продолжаютъ эту жестокую игру до тѣхъ поръ, пока животное не истечетъ кровью. Даже крупные виды кошекъ опасаются животныхъ, отъ которыхъ ожидаютъ значительнаго сопротивленія, и нападаютъ на нихъ только тогда, когда опытомъ убѣдятся, что выйдутъ побѣдителями въ борьбѣ съ противникомъ не смотря на его силу. Даже левъ, тигръ и ягуаръ сначала боятся челоуѣка и почти трусливо его избѣгаютъ; но разъ убѣдившись въ слабости послѣдняго, нѣкоторые изъ нихъ становятся страшными его врагами. Хотя почти всѣ кошки бѣгаютъ быстро, многія изъ нихъ воздерживаются отъ продолжительнаго преслѣдованія добычи, если прыжокъ во время нападенія былъ неудаченъ. Онѣ пожираютъ тутъ же на мѣстѣ свою добычу только тогда, когда чувствуютъ себя въ полной безопасности; обыкновенно же тащатъ убитое или совершенно неспособное къ сопротивленію животное въ укромное, тихое мѣсто и съѣдаютъ его тамъ съ полнымъ спокойствіемъ и наслажденіемъ.

Самки кошекъ обыкновенно мечутъ нѣсколько котятъ и только въ видѣ исключенія одного. Можно принять, что число котятъ колеблется между однимъ и шестью, хотя по разсказамъ нѣкоторые виды и производятъ на свѣтъ еще больше. Воспитываетъ дѣтенышей мать, отецъ же заботится о нихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Кошка со своими котятами представляетъ крайне привлекательное зрѣлище. Материнская нѣжность и любовь видна въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ звукѣ голоса. Послѣдній становится мягкимъ и ласковымъ до неузнаваемости. При этомъ мать съ такой заботливостью и вниманіемъ наблюдаетъ за своими дѣтенышами, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія насколько они ей дороги. Особенно пріятно поражаетъ наблюдателя чистота, къ которой мать приучаетъ котятъ съ самой ранней молодости. Она безпрестанно чиститъ, лижетъ, гладитъ дѣтенышей, приводитъ все въ порядокъ и не терпитъ ни малѣйшей нечистоты вблизи логовища. Она защищаетъ свое потомство отъ враговъ съ полнымъ самоотверженіемъ, и всѣ болѣе крупные виды этого семейства становятся въ это время крайне опасны. У многихъ кошекъ мать должна защищать своихъ дѣтенышей при случаѣ и отъ отца, который преспокойно ихъ пожираетъ пока они еще слѣпы. Вѣроятно поэтому всѣ самки кошекъ стараются скрыть свое гнѣздо возможно тщательнѣе. Когда же котята нѣсколько подрастутъ и примутъ образъ кошекъ, дѣло измѣняется: тогда и самецъ не дѣлаетъ имъ никакого вреда. Тутъ то и начинается веселая дѣтская пора малышей, въ каждую минуту склонныхъ къ играмъ и забавамъ всякаго рода. Природныя склонности проявляются уже при первыхъ движеніяхъ котятъ: уже раннія дѣтскія игры ихъ суть ни что иное, какъ подготовительныя упражненія къ той серьезной охотѣ, которую они станутъ вести, когда сдѣлаются взрослыми. Все, что движется, привлекаетъ ихъ вниманіе. Отъ нихъ не ускользаетъ ни малѣйшій звукъ: маленькія созданія настороживаютъ ушки при самомъ незначительномъ шорохѣ вблизи нихъ. Сначала материнскій хвостъ доставляетъ имъ наибольшую забаву. Котята слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ и всей толпой стараются остановить или поймать хвостъ. Мать не только не сердится на такое безпокойство, но и продолжаетъ выражать движеніемъ хвоста свое душевное настроеніе; она предоставляетъ наоборотъ этотъ почтенный придатокъ въ полнѣйшее распоряженіе своимъ малюткамъ. Нѣсколько недѣль спустя можно уже видѣть всю семью занятою самыми оживленными играми, въ которыхъ теперь принимаетъ дѣятельное участіе и сама мать: тутъ она становится шаловлива не менѣе самихъ котятъ, и это наблюдается какъ на львицѣ, такъ и на нашей домашней кошкѣ. Не рѣдко вся семья свертывается какъ бы въ одинъ клубокъ и каждый изъ членовъ ея старается поймать и удержать хвостъ другого. Съ возрастомъ игры становятся серьезнѣе: котята успѣли уже понять, что хвостъ есть лишь часть ихъ собственнаго тѣла и пытаются пробовать свои силы на чемънибудь другомъ. Теперь мать начинаетъ таскать имъ полуживыхъ или совершенно безвредныхъ мелкихъ животныхъ, выпускаетъ ихъ передъ

котятми и даетъ имъ упражняться въ ревностномъ и терпѣливомъ преслѣдованіи добычи; оно пригодится имъ въ хищническомъ ремеслѣ, которымъ они будутъ заниматься впослѣдствіи. Въ концѣ концовъ, мать беретъ котятъ съ собою на охоту. Здѣсь они окончательно изучаютъ всѣ хитрости и уловки, научаются совершенно владѣть собою, дѣлать внезапныя нападенія, однимъ словомъ всему сложному процессу хищнической жизни. Котята отдѣляются отъ матери или отъ родителей только тогда, когда дѣлаются совершенно самостоятельными и начинаютъ затѣмъ вести довольно долго одинокую, бродячую жизнь.

Кошки находятся во враждебныхъ отношеніяхъ къ большинству прочихъ животныхъ, а потому вредъ, ими причиняемый, очень значителенъ. Конечно, нужно принять въ соображеніе, что почти всѣ крупные виды этого семейства водятся въ странахъ, необыкновенно богатыхъ поживой; можно даже утверждать, что кошки приносятъ человѣку извѣстную пользу, препятствуя излишнему и вредному для него размноженію нѣкоторыхъ жвачныхъ и грызуновъ. Съ другой стороны польза, приносимая нѣкоторыми мелкими видами кошекъ, значительно превышаетъ приносимый ими вредъ. Пища ихъ состоитъ почти исключительно изъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, особенно же изъ крайне вредныхъ для хозяйства человѣка мелкихъ грызуновъ. Кошки являются естественными врагами этихъ послѣднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ человѣка съ ними, а потому домашняя кошка сдѣлалась намъ совершенно необходимой. Но и дико живущія мелкія кошки вмѣстѣ съ вредомъ приносятъ намъ не мало и пользы. Кромѣ того человѣкъ пользуется ихъ мѣхомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляется въ пищу и мясо кошекъ. Въ Китаѣ, а также во многихъ странахъ Африки, шкуры нѣкоторыхъ видовъ кошекъ служатъ знакомъ извѣстнаго общественнаго положенія; другіе народы цѣнятъ мѣхъ кошекъ скорѣе за его красоту, чѣмъ за дѣйствительное его достоинство, которое во всякомъ случаѣ не велико.

Охотою и ловлею вредныхъ видовъ кошекъ весьма усердно занимаются повсюду, и есть люди, которые видятъ величайшее наслажденіе именно въ опасностяхъ этой охоты.

Соединеніе различныхъ видовъ кошекъ въ родовыя группы представляетъ большія трудности. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ себя въ правѣ выдѣлить рысей (*Lynx*), гепардовъ (*Cynailurus*) и мадагаскарскую fossu (*Cryptoprocta*) въ отдѣльные роды, противопоставляя имъ всѣхъ прочихъ настоящихъ кошекъ (*Felis*). Типомъ послѣдняго рода можетъ служить всѣмъ извѣстная домашняя кошка, крайними, высшими представителями его съ одной стороны будетъ левъ, а съ другой — тигръ. Отъ представителей этого рода рыси отличаются короткимъ хвостомъ, длинными ногами и кисточками волосъ на ушахъ; гепарды — своими очень длинными ногами и незначительною способностью когтей втягиваться, а fossa — иной зубной системой, голыми подошвами и другими особенностями, которыя заставляютъ признавать въ этомъ замѣчательномъ животномъ отдаленнаго родича виверръ, или, если хотите, первобытную кошку.

Сначала мы коснемся настоящихъ кошекъ и рассмотримъ свойственные Старому Свѣту виды ихъ отдѣльно отъ американскихъ; въ частности, въ основаніе группировки видовъ кладется развитіе рисунка на мѣхѣ кошекъ, причемъ соединяются вмѣстѣ съ одной стороны поперечно-полосатая форма, а съ другой — пятнистая и одноцвѣтная.

Въ группѣ болѣе или менѣе поперечно-полосатыхъ кошекъ первое мѣсто занимаетъ тигръ, который, подобно льву, представляетъ самую совершенную форму всего семейства. Тигръ есть настоящая кошка безъ гривы, съ довольно сильно развитыми бакенбардами и совершенно ясно выраженными поперечными полосами на мѣхѣ. Это самая ужасная изъ всѣхъ кошекъ, хищникъ, передъ которымъ даже человѣкъ является почти безпомощнымъ. Ни одно изъ хищныхъ млекопитающихъ не соединяетъ такъ удачно очаровательную красоту съ такой страшной свирѣ-

Тигръ (*Felis tigris*).

постью, ни одно изъ нихъ не подтверждаетъ лучше старую басню о глупомъ любопытномъ мышенкѣ, который восхищался кошкою, считая ее за красивое и доброе существо. Если принять степень опасности животнаго за масштаб значенія его въ природѣ, то тигра пришлось бы поставить на первое мѣсто между всѣми млекопитающими, потому что ни одно существо не вело такъ успѣшно борьбы съ властелиномъ земли, какъ онъ. Тигръ не только не вытѣсняется культивировкой извѣстной страны и заселеніемъ ея человѣкомъ, но, наоборотъ, привлекается близостью человѣка и мѣстами заставилъ послѣдняго даже отступить. Онъ не удаляется, подобно льву, изъ заселяющихся мѣстностей, благоразумно избѣгая опасности быть уничтоженнымъ, но смѣло и съ коварствомъ идетъ на встрѣчу этой опасности, упорно объявляя себя врагомъ человѣка и врагомъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ скрытенъ и нападаетъ всегда неожиданно. Свирѣпость и кровожадность тигра, а также число человѣческихъ жертвъ отъ него, сильно преувеличивались или, по крайней мѣрѣ, отличались слишкомъ яркими красками; мы не должны однако этому удивляться, такъ какъ для многихъ, кто имѣлъ случай его описывать, онъ являлся олицетвореніемъ свирѣпости.

Королевскій тигръ, носящій у индусовъ названія бахъ, шэръ и нагаръ, у малайцевъ — гаримау (*Felis tigris*) представляетъ собою великолѣпную, прекрасно окрашенную и разрисованную кошку. Онъ выше, сложенъ стройнѣе и легче льва и ни въ какомъ случаѣ не уступаетъ этому послѣднему. Общая длина тѣла взрослого самца колеблется между 260 и 300 сантиметрами, а у самки уменьшается на 30—40 см. Длина хвоста 80—95 см., а высота у загривка 90—106 см. Вѣсъ двухъ самокъ тигра былъ опредѣленъ въ 108,8 и 158,7 килограммовъ, а двухъ самцовъ въ 163,3 и 172,4 клгр.

Туловище тигра нѣсколько длиннѣе, а голова немного круглѣе, чѣмъ у льва; хвостъ безъ кисточки на концѣ; шерсть короткая и гладкая и удлиняется въ видѣ бакенбардовъ только на щекахъ. Самка меньше самца и бакенбарды у нея короче. Тигры, водящіеся въ болѣе сѣверныхъ странахъ, имѣютъ, по крайней мѣрѣ зимою, шерсть гуще и длиннѣе, чѣмъ тѣ, которые населяютъ жаркія низменности Индіи. Рисунокъ мѣха представляетъ замѣчательно красивое сочетаніе цвѣтовъ и рѣзкій контрастъ между свѣтлымъ ржаво-желтымъ основнымъ фономъ и темными поперечными полосами, выступающими на немъ. Какъ и у всѣхъ кошекъ, основной фонъ на спинной сторонѣ темнѣе, а на бокахъ свѣтлѣе; на брюхѣ, внутренней сторонѣ конечностей, задѣ, губахъ и нижней части щекъ онъ почти бѣлый. У тигровъ, живущихъ въ лѣсахъ, основной фонъ мѣха интенсивнѣе, чѣмъ у обитателей джунглей. Отъ спины по бокамъ и до брюха тянутся неправильныя, черныя поперечныя полосы, расположенныя нѣсколько косо спереди назадъ и, смотря по индивиду, на различномъ разстояніи другъ отъ друга. Нѣкоторыя изъ этихъ полосъ мѣстами дѣлятся, но большинство ихъ сплошныя и въ этомъ случаѣ цвѣтъ ихъ интенсивнѣе. Хвостъ свѣтлѣе, чѣмъ спинная сторона, но тоже опоясанъ темными кольцами. Усы имѣютъ бѣлую окраску. Большіе, съ круглымъ зрачкомъ глаза желтовато-бурого цвѣта. Тигрята окрашены совершенно такъ же, какъ взрослые, но основной цвѣтъ ихъ нѣсколько болѣе свѣтлаго оттѣнка.

Тигры тоже подвержены различнымъ цвѣтнымъ варіаціямъ; основной цвѣтъ то темнѣе, то свѣтлѣе, а въ исключительныхъ случаяхъ бываютъ даже выродки чернаго цвѣта или бѣлые съ дымчатыми полосами.

Можно было бы предположить, что такое ярко и изящно окрашенное животное дѣлается уже издали замѣтнымъ всѣмъ существамъ, которыхъ оно преслѣдуетъ, а между тѣмъ ни чуть не бывало. Выше я уже указалъ, насколько общая окраска всѣхъ животныхъ и кошекъ въ частности близко подходитъ къ колориту окружающей ихъ мѣстности, а потому для опроверженія такого предположенія напомню здѣсь только, что тигръ живетъ, главнымъ образомъ, въ заросляхъ тростника, кустарниковъ и высокихъ злаковъ. Даже опытнымъ охотникамъ нерѣдко случается не замѣчать близко отъ нихъ лежащаго тигра такъ же, какъ и другихъ животныхъ.

Область распространенія тигра очень обширна. Онъ водится не только въ

жаркихъ странахъ Азіи, какъ напримѣръ въ Остѣ-Индіи, но захватываетъ значительную часть этого громаднаго континента, который превосходитъ своимъ пространствомъ во много разъ Европу. Онъ распространенъ отъ 8° ю. ш. до 53° с. ш. и такимъ образомъ доходитъ до юго-восточной Сибири. Полярная граница распространенія тигра лежитъ сѣвернѣе Берлина и при этомъ не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду, что климатъ Сибири совершенно иной и сравнительно холоднѣе, чѣмъ климатъ странъ Европы, лежащихъ подъ той же широтой. Индію можно считать, однако, настоящимъ отечествомъ тигра; отсюда онъ распространенъ на востокъ по всему Китаю къ сѣверу до Амурскаго края, а къ западу идетъ черезъ сѣверный Афганистанъ и Персію вплоть до южнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ встрѣчается еще довольно часто въ дѣвственныхъ болотистыхъ лѣсахъ Мазандерани и Гиляни. Отдѣльныя животныя могутъ, конечно, забѣгать и за предѣлы приведенной границы, но на западѣ навѣрное не доходятъ до Кавказа, а тѣмъ болѣе до Чернаго моря. Изъ острововъ Малайскаго архипелага тигръ встрѣчается только на Суматрѣ и Явѣ. Его нѣтъ также на Цейлонѣ.

Тигръ держится какъ въ тростниковыхъ и обильно поросшихъ кустарникомъ и высокими злаками чащахъ, такъ и въ большихъ высокоствольныхъ лѣсахъ, причемъ въ горы поднимается лишь до извѣстной высоты надъ уровнемъ моря. На плоскогорія и горныя хребты Азіи тигръ не распространяется и даже на южномъ склонѣ Гималая его только случайно встрѣчаютъ до 2,000 метровъ. Любимымъ его мѣстопробываніемъ являются поросшіе тростникомъ берега рѣкъ, непроницаемыя бамбуковыя чащи и тому подобныя заросли, а также руины, гдѣ его нерѣдко видятъ лежащимъ, иногда по три, по четыре индивида, на карнизахъ развалившихся стѣнъ и на разрушенныхъ храмахъ. Весьма замѣчательно предпочтеніе, которое, по свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, тигръ оказываетъ извѣстному логовищу или укромному уголку въ большей степени, чѣмъ другія животныя. Такое облюбованное мѣстечко онъ настойчиво избираетъ себѣ для отдыха, хотя бы рядомъ были другія, столь же удобныя. „Какая либо площадка, поросшая высокой травой или тростникомъ, по берегу рѣки или болота“, пишетъ Блэнфордъ, „какой нибудь клочекъ, покрытый густой зарослью тамариска или мирты, среди десятка, повидимому, совершенно ему подобныхъ на протяженіи той же рѣчки, извѣстная груда камней между сотнями такихъ же на склонѣ холма, остаются изъ года въ годъ логовищемъ того или иного тигра, а если постоянный владѣлецъ его убить охотникомъ, то проходитъ немного времени, какъ то же самое осиротѣлое мѣсто занимаетъ другой тигръ“.

Нравъ и привычки тигра тѣ же, что и у простой кошки, но только у него они принимаютъ размѣры, соотвѣтствующіе его величинѣ. Движенія его столь же граціозны, какъ и движенія болѣе мелкихъ кошекъ, при томъ же они необыкновенно быстры, ловки и продолжительны. Онъ крадется не слышно, быстро проходитъ большія разстоянія во время своихъ хищническихъ набѣговъ, очень скоро двигается галопомъ и прекрасно плаваетъ. Его способность дѣлать большіе прыжки часто преувеличивалась. Прямые измѣренія слѣдовъ тигровъ, нападавшихъ на бѣгущую добычу, привели къ убѣжденію, что прыжки ихъ не превышаютъ пяти метровъ разстоянія. На деревья тигръ никогда не взбирается, развѣ только случайно, когда стволъ ихъ значительно наклоненъ или сильно сучковатъ; по гладкому, отвѣсно стоящему стволу онъ влѣзть не въ состояніи. Но для забавы онъ любитъ подобно кошкѣ прыгать на деревья съ мягкой корой и царапать ее во время игры.

Тигра нельзя назвать исключительно ночнымъ животнымъ. Какъ и большинство кошекъ, онъ бродитъ за добычей во всякое время дня, хотя и предпочитаетъ часы передъ закатомъ солнца и послѣ него. Для подкарауливанія добычи онъ залегаетъ охотнѣе всего у водопоевъ, у мѣстъ, гдѣ животныя лижутъ соль, около большихъ дорогъ, на лѣсныхъ тропахъ и т. п. Въ юго-восточной Сибири тигръ лѣтомъ каждую ночь посѣщаетъ солончаки, потому что не хуже туземныхъ охотниковъ знаетъ, что на эти мѣста собираются олени съ цѣлью лизать соль. При этомъ онъ нерѣдко встрѣчается тутъ съ охотниками, пришедшими для того

же, какъ и онъ самъ. За исключеніемъ самыхъ крупныхъ животныхъ, каковы слонъ, носорогъ, дикій буйволъ, и можетъ быть нѣкоторые хищники, отъ тигра не застраховано ни одно млекопитающее: онъ нападаетъ на самыхъ большихъ, но въ крайности довольствуется и самыми мелкими. Время отъ времени онъ пробуетъ свою силу и на дикомъ буйволѣ, хотя, конечно, иногда и самъ погибаетъ въ этой борьбѣ, особенно съ быками; рассказываютъ, что тигра можетъ обратить иногда въ бѣгство старый зубастый дикій кабанъ. Случается, что иногда онъ схватывается съ медвѣдемъ, но преимущественно любитъ охотиться за кабанами, оленями и антилопами. Въ нуждѣ тигръ ѣстъ все безъ разбору: во время разливовъ рѣкъ въ Бенгалѣ онъ питается рыбою, черепахами, ящерицами, крокодилами. Желудокъ одного, убитаго Симсономъ, тигра оказался биткомъ набитымъ даже кузнечиками. Говорятъ, что онъ не пренебрегаетъ даже лягушками, а во время зимнихъ голодовокъ въ сѣверныхъ частяхъ области его распространенія ловить и мышей.

Всѣ животныя имѣютъ такимъ образомъ основаніе опасаться тигра. Поэтому, какъ у насъ воробьи и мелкія птицы преслѣдуютъ крикомъ пернатыхъ хищниковъ, такъ точно и въ тропическихъ странахъ многія животныя издаютъ громкіе крики, когда увидятъ тигра. Они знакомы съ нимъ и по опыту знаютъ, какая опасность угрожаетъ всему населенію, когда тигръ выходитъ изъ своего логовища. Форзитъ и другіе изслѣдователи приводятъ примѣры того, какъ помогало имъ во время охоты на тигра поведеніе обезьянъ. „Однажды“, говоритъ Форзитъ, „шелъ я по слѣдамъ убѣгавшаго тигра по руслу пересохшей рѣчки и могъ слѣдить за нимъ, полагаясь исключительно на одно поведеніе многочисленныхъ гульмановъ, которые лакомились плодами съ прибрежныхъ кустарниковъ. Какъ только тигръ появлялся вблизи нихъ, они тотчасъ же спасались на верхушки ближайшихъ деревьевъ, трясли съ шумомъ вѣтви и громко кричали, очевидно ругая нарушителя ихъ спокойствія; все это можно было слышать издалека. Каждое стадо продолжало шумѣть, пока тигръ былъ въ виду у него и не начинало кричать слѣдующее стадо, завидя хищника въ свою очередь; тогда оно снова спускалось въ кусты и принималось рвать плоды, какъ будто ничего не случилось. Точно освѣдомленный такимъ образомъ о мѣстѣ, гдѣ находится тигръ, я могъ забѣжать ему впередъ на одномъ изгибѣ русла и приготовиться стрѣлять. Онъ скоро показался, пробираясь тихимъ, крадущимся шагомъ, съ опущеннымъ хвостомъ и съ видомъ злодѣя, уличеннаго въ убійствѣ. Совѣсть его была, очевидно, не чиста, такъ какъ онъ все время боязливо оглядывался то назадъ, то на верхъ, на обезьянъ, какъ будто прося ихъ не выдавать его присутствія“. Пуля покончила его жизненный путь.

Голосъ тигра по силѣ далеко не можетъ равняться съ голосомъ льва. Обыкновенно онъ издаетъ протяжный жалобный звукъ, который повторяется нѣсколько разъ, то короче, то быстрѣе. Кромѣ того онъ испускаетъ низкій гортанный звукъ „а-о-унгъ“, который слышишь въ зоологическихъ садахъ отъ большинства крупныхъ кошекъ. Въ моментъ удивленія или испуга тигръ громко вскрикиваетъ „ха-убъ“ или „вау“; въ раздраженномъ состояніи онъ злобно мурлычитъ, а при нападеніи на добычу издаетъ нѣсколько разъ подрядъ короткій крикъ ярости, похожій на кашель.

Въ общемъ тигръ далеко не храброе животное; онъ не только остороженъ и робокъ, но даже прямо трусливъ, хотя и принадлежитъ къ числу самыхъ хитрыхъ и коварныхъ хищниковъ. Встрѣчаясь съ человѣкомъ въ первый разъ, тигръ всегда отступаетъ; многіе теряютъ присутствіе духа отъ шума и энергическихъ жестовъ и, вѣроятно, ни одинъ не сможетъ устоять предъ рѣшительнымъ противникомъ. Но какъ скоро тотъ или иной звѣрь случайно убѣждается, что съ человѣкомъ ему легче всего справиться, то онъ становится очень опаснымъ, потому что нападаетъ неожиданно на беззащитныхъ людей. Въ этихъ случаяхъ тигръ бываетъ не только смѣлъ, но даже просто нахаленъ. Нѣкоторыя мѣстности пользуются особенно плохой репутаціей изъ-за хищническихъ набѣговъ этихъ звѣрей. Увѣряютъ, что здѣсь нѣтъ никакой возможности сообщаться съ различными де-

ревнями безъ сопровожденія конвоя смѣлыхъ стрѣлковъ и зажженныхъ факеловъ, которыхъ страшно боится даже этотъ смѣлый хищникъ. Тигры иногда хватаютъ людей среди бѣлаго дня изъ подъ самыхъ деревень или съ улицъ ихъ и въ концѣ концовъ дѣйствительно не разъ доводили населеніе до того, что оно покидало свои жилища. Больше всего страдаютъ отъ нихъ люди, принужденные вести одинокій образъ жизни въ поляхъ или въ лѣсахъ, какъ-то: земледѣльцы, пастухи и дровосѣки; особенно плохо приходится пастухамъ, которые обязаны постоянно заботиться о своихъ стадахъ. Жизнь почтарей тоже находится въ непрерывной опасности.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Майсурѣ, въ Индіи, жилъ тигръ-людоедъ, который снискалъ себѣ подъ именемъ бенкипурскаго тигра печальную извѣстность и наводилъ большой ужасъ на жителей Нутгерскаго района Майсуры, пока его не сразила однажды счастливая пуля. Форзитъ освободилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ центральныя провинціи Индіи отъ нѣсколькихъ тигровъ-людоедовъ и рассказываетъ объ ихъ злодѣяніяхъ. Одинъ изъ нихъ совершенно прекратилъ сообщеніе по нѣкоторымъ дорогамъ, изгналъ жителей изъ многихъ деревень, а другихъ заставилъ заколотить свои жилища. Этотъ тигръ распространялъ свои набѣги на область въ 50—60 километровъ въ поперечникъ и истребилъ болѣе ста человѣкъ, прежде чѣмъ Форзиту удалось его убить. Въ той же самой мѣстности другой тигръ похитилъ въ 1867 году — 27, въ слѣдующемъ — 34, а въ 1869 — 47 человѣкъ, когда былъ убитъ наконецъ самострѣломъ. Одна тигрица изгнала жителей изъ тринадцати мѣстечекъ, препятствовала земледѣльческимъ работамъ на пространствѣ 1000 квадратныхъ километровъ слишкомъ и умѣла очень хитро избѣгать всѣхъ преслѣдованій; ее застрѣлилъ одинъ англійскій охотникъ, нарочно для того пріѣхавшій.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ, однако, заключать, что подобныя явленія обыкновенны и повторяются ежедневно.

Благодаря тому, что за тигромъ стали охотиться теперь безъ многосложныхъ приготовленій и причудъ, а охотникъ просто его выслѣживаетъ или подкарауливаетъ, преслѣдуетъ и наблюдаетъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, мы имѣемъ въ настоящее время довольно вѣрныя свѣдѣнія объ образѣ жизни тигра въ Индіи. Съ тѣхъ поръ, какъ число поклонниковъ этой охоты, къ которымъ принадлежатъ даже дамы, сильно возросло, рассказы объ ужасахъ ея значительно сократились и теперь не трудно уже отличать обыденныя явленія въ жизни хищника отъ исключительныхъ фактовъ.

Какъ и слѣдовало предполагать, индивидуальныя особенности и склонности различныхъ особей тигра бываютъ довольно разнообразны, но тѣмъ не менѣе, по словамъ хорошихъ знатоковъ этихъ животныхъ, среди нихъ можно отличить три типичныя группы, основываясь на чисто біологическихъ данныхъ; къ первой группѣ относятся тигры, питающіеся главнымъ образомъ дикими животными, ко второй, тигры, нападающіе преимущественно на домашній скотъ, а къ третьей, тигры, которые очевидно предпочитаютъ поживу человѣкомъ.

Живущіе охотою за дичью избѣгаютъ близости человѣческаго жилья; настоящимъ мѣстомъ жительства ихъ является настоящая глушь, гдѣ они могутъ во всякое время дня рыскать по лѣсамъ, кустарникамъ и травянистымъ зарослямъ. Въ силу характера своей поживы такой тигръ ведетъ болѣе бродячій образъ жизни, чѣмъ остальные тигры; слѣдуя за переселяющеюся, смотря по времени года, дичью, онъ самъ переходитъ изъ одного мѣста въ другое, изъ горной и холмистой страны въ равнину и обратно. Для охотника онъ, конечно, является не особенно пріятнымъ соперникомъ, но земледѣльцу это часто добрый помощникъ, такъ какъ играетъ до извѣстной степени роль домашней кошки въ большихъ размѣрахъ: онъ отгоняетъ отъ полей и истребляетъ оленей и кабановъ, отъ которыхъ поселянину трудно оградить себя. Эти тигры обыкновенно меньше ростомъ и ловчѣе другихъ, хотя и между ними встрѣчаются весьма крупныя особи. Къ этой группѣ относятся большинство тигровъ; въ жаркое и сухое время года они собираются у водоемовъ, которые не высыхаютъ.

Промышляющіе домашнимъ скотомъ поселяются вблизи деревень и питаются особенно охотно скотиной, которая пасется въ полѣ или бродитъ ночью по деревнѣ безъ надзора. Такъ какъ хозяева обыкновенно загоняютъ съ наступленіемъ темноты свой скотъ въ хлѣва, то хищникъ приучается брать необходимую для него добычу днемъ, преимущественно къ вечеру. Если его не преслѣдуютъ и не пугаютъ, то онъ довольствуется нѣсколькими деревнями, въ противномъ случаѣ расширяетъ область своихъ набѣговъ. Въ одной мѣстности Майсуры, имѣвшей 40 километровъ въ длину и 20 въ ширину, жило такимъ образомъ восемь тигровъ, хорошо знакомыхъ населенію. Конечно, тѣ же тигры довольствуются козами, овцами, ослами и столь же охотно хватаютъ оленей, кабановъ и другую дичь, если она имъ подвернется. Питаться исключительно рогатымъ скотомъ тигръ становится склоннымъ только тогда, когда онъ состарится, зажирѣетъ и избалуется; тогда онъ избираетъ себѣ удобное мѣстечко, гдѣ достаточно мясной пищи и воды для питья и тутъ окончательно поселяется. Съ жителями деревни такой тигръ живетъ на условіяхъ взаимной терпимости и почти регулярно умерщвляетъ по одному быку или коровѣ черезъ каждые четыре или пять дней.

Оцѣнивая вредъ, приносимый тигромъ въ этомъ отношеніи, ни коимъ образомъ не слѣдуетъ брать мѣриломъ стоимость нашего скота. Такъ какъ индусы вообще никогда не убиваютъ скота, то въ каждой деревнѣ имѣется всегда значительное число никому не нужныхъ и ведущихъ жалкое существованіе животныхъ, которыя не только не приносятъ пользы, но даже вредятъ, распространяя между рогатымъ скотомъ различныя инфекціонныя болѣзни; фактически такая скотина только и годится что на кормъ тигру. Съ другой стороны слѣдуетъ имѣть въ виду, что безъ помощи со стороны тигровъ и леопардовъ въ борьбѣ противъ кабановъ и оленей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было бы просто невозможно добыть сколько нибудь сносной жатвы. Вслѣдствіе этого земледѣльческое населеніе далеко не всегда считаетъ себя осчастливленнымъ, если избиваютъ слишкомъ много тигровъ, которые, промышляя дичью или скромно довольствуясь скотинкой, служатъ ему въ качествѣ полевыхъ сторожей. Когда выстрѣломъ Сандерсона былъ однажды смертельно сраженъ хорошо всѣмъ извѣстный, чрезвычайно хитрый и необыкновенно крупный тигръ — истребитель скота, окружившіе его трупъ туземцы съ сожалѣніемъ промолвили: „жалъ его, онъ никогда не дѣлалъ намъ вреда!“.

Тигръ-людодѣ въ большинствѣ случаевъ прежде былъ истребителемъ скота, который, вслѣдствіе тѣснаго соприкосновенія съ человѣкомъ и особенно вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ безоружными пастухами, потерялъ къ нему всякое чувство страха. Людоѣдами чаще старыхъ самцовъ бываютъ самки, вѣроятно потому, что послѣднимъ приходится заботиться помимо себя еще о своихъ дѣтенышахъ; кромѣ того нерѣдко къ этой же категоріи относятся подранки или увѣчныя животныя, которыя не могутъ прокормиться обыкновеннымъ способомъ. Такъ какъ подкараулить и осилить человѣка легче, чѣмъ любое домашнее или дикое животное, то тигръ, однажды потерявшій къ нему страхъ, и нападаетъ на него, если можетъ взять его безъ всякой опасности для себя. Это заставило предположить, что нашъ хищникъ предпочитаетъ мясо человѣка всякому другому; такое мнѣніе можетъ быть однако вполне основательно опровергнуто, какъ и то, что будто бы тигръ-людодѣ обыкновенно бываетъ худъ и имѣетъ жалкій видъ.

Говорятъ, что въ людодѣвъ тигры превращаются главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда скотъ пригоняется только на извѣстное время года; по откочевкѣ скота тигры, промышлявшіе имъ, принуждены нападать на мѣстныхъ жителей благодаря тому, что другой пищи не хватаетъ. Тигръ-людодѣ ничуть не выказываетъ большей смѣлости, чѣмъ остальные двѣ категоріи тигровъ; трусливый и въ то же время хитрый и удивительно нахальный онъ бѣжитъ отъ вооруженнаго человѣка, но безъ боязни нападаетъ на одинокаго и беззащитнаго, прекрасно умѣя отличить такового отъ перваго. Охота за нимъ труднѣе, чѣмъ за другими тиграми, потому что вслѣдствіе своихъ походовъ онъ лучше ихъ знаетъ привычки людей. „Этотъ страшный для робкихъ и безоружныхъ индійцевъ бичъ“, пишетъ Сандерсонъ, „становится теперь къ счастью очень рѣд-

кимъ; объ очень опасныхъ людѣдахъ въ настоящее время почти уже не слышишь, а если такой кое-гдѣ и появится, то на него очень скоро находится любитель изъ охотниковъ“.

„Жаль“, говоритъ тотъ же авторъ, „что тигра осуждаютъ на изгнаніе и преслѣдуютъ всевозможными не достойными охотника способами, главнымъ образомъ благодаря тому, что въ Англіи подняли общенародный вопль по поводу причиняемаго имъ вреда, который, однако, вовсе не доказанъ. Преслѣдуйте и убивайте каждаго людѣда, истребляйте сильно вредящихъ скоту тигровъ какимъ угодно средствомъ, но щадите обыкновенныхъ тигровъ, которые вовсе не опасны и приносятъ извѣстную пользу. Да отдалится отъ насъ время, когда тигры дѣйствительно будутъ уничтожены!“ Въ качествѣ начальника правительственной охоты на слоновъ въ Индіи, питающему нами автору приходилось по обязанности жить въ самой глуши, среди дикихъ звѣрей; онъ лично побывалъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Индіи, а потому можетъ судить о тамошнемъ положеніи дѣлъ лучше, чѣмъ кто либо другой. На его мнѣніе слѣдуетъ обратить тѣмъ болѣе вниманія, что оно вовсе не единичное. Шервилль прямо говоритъ: „бенгальскій тигръ въ общемъ безвредный, робкій звѣрь, который бываетъ опасно злымъ только тогда, когда раненъ. Людей беспокоитъ онъ рѣдко, развѣ тогда, когда его раздражать, а людѣдовъ въ Бенгалѣ почти вовсе нѣтъ, если не считать мѣстностей, расположенныхъ по сосѣдству съ болотистыми лѣсами въ дельтѣ Ганга“. Даже Фэйеръ, вполне признающій опасность тигра вообще, заявляетъ, что несчастные случаи во время охоты на тигровъ бываютъ не чаще, чѣмъ при травлѣ лисицъ въ Англіи.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что объ экономическомъ значеніи тигра необходимо судить иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Это хищникъ, который въ очень многихъ мѣстностяхъ, по крайней мѣрѣ Индіи, приноситъ больше пользы, чѣмъ вреда и только въ рѣдкихъ случаяхъ превращается въ „страшилище“, которое до сихъ поръ соединялось съ именемъ каждаго тигра безразлично.

Какъ и левъ, тигръ никогда не нападаетъ на добычу тѣмъ способомъ, который обыкновенно описывается, при чемъ онъ будто бы отмѣривъ разстояніе, прижимается къ землѣ, а затѣмъ бросается на свою жертву однимъ громаднымъ прыжкомъ. Главная сила его нападенія кроется въ неожиданности. Животное, которое онъ подстерегъ или къ которому подкрался, т. е. близко отъ него находящееся, онъ прямо схватываетъ, не дѣлая прыжка; добычу болѣе отдаленную тигръ старается догнать быстро слѣдующими другъ за другомъ прыжками; наконецъ убѣгающее животное онъ преслѣдуетъ, стараясь перервать ему мышцы и сухожилья заднихъ ногъ ударами своихъ лапъ. Иногда онъ пробуетъ опередить убѣжавшую добычу, идя ей наперерѣзъ, и вторично напасть на нее.

Свою добычу тигръ имѣетъ обыкновеніе утаскивать въ кусты тотчасъ же или съ наступленіемъ темноты; иногда онъ даже несетъ ее на нѣкоторомъ разстояніи. Сандерсонъ удостовѣряетъ какъ очевидецъ, что одинъ очень сильный самецъ пронесъ черезъ густой кустарникъ быка въ 180 килограммовъ вѣсомъ на протяженіи 300 шаговъ. Если тигру не мѣшаютъ, онъ наѣдается досыта и можетъ съѣсть, по достовѣрнымъ даннымъ, приблизительно до 30 килограммовъ мяса. Ъсть онъ начинаетъ почти всегда съ задней части тѣла и только въ видѣ исключенія съ боковъ. Во время ѣды онъ время отъ времени направляется къ ближайшему водопою, чтобы въ достаточной мѣрѣ утолить жажду; при этомъ онъ, говорятъ, забирается въ воду и опускаетъ иногда въ нее голову до самыхъ глазъ, чавкаетъ и фыркаетъ, будто старается промыть свою пасть. Послѣ сытаго обѣда тигръ засыпаетъ; онъ встаетъ только для того, чтобы напиться, а затѣмъ снова наслаждается пріятной дремотой, вызванной процессомъ пищеваренія. Къ вечеру слѣдующаго дня или между 4 и 9 часами пополудни онъ вторично возвращается къ добычѣ и ѣстъ, если еще находитъ ее: остатками его стола питаются, какъ и трапезой льва, голодные побирашки, которые быстро исчезаютъ при его появленіи.

Голодъ и жажду тигръ переноситъ необыкновенно долго. Два тигра, окруженные сѣтями въ непроницаемой чащѣ и ограниченные пространствомъ въ какіе-

нибудъ 100 шаговъ въ діаметрѣ, были подстрѣлены на пятый день, но убить ихъ удалось при помощи слоновъ лишь на десятый. Не смотря на то, что стояла сильная жара и они не могли, обставленные сторожевыми огнями, получить ни пищи, ни питья, они все же въ послѣдній моментъ оказались вполне способными жить, хотя не мало страдали отъ полученныхъ ранъ.

Кромѣ обыкновенныхъ способовъ охоты на тигровъ, существуетъ еще много другихъ, подчасъ весьма оригинальныхъ. На нихъ ставятъ ловушки всевозможныхъ сортовъ, но лучшіе результаты даютъ ловчія ямы. Прежде, посреди такой ямы устанавливался сильно заостренный коль, но съ тѣхъ поръ, какъ на подобный коль попалъ одинъ несчастный путешественникъ во время прогулки, обычай этотъ пришлось воспретить по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Сингапура. На льва строятъ, какъ пишетъ мнѣ Гаскарль, большую ловушку изъ стволовъ, а для приманки привязываютъ козленка, который привлекаетъ хищника своимъ блеяніемъ. Послѣ нѣкоторой нерѣшительности тигръ влѣзаетъ въ ловушку и, стараясь достать козу, задѣваетъ за насторожку, чѣмъ и обуславливается паденіе дверцы. На Суматрѣ туземцы употребляютъ въ дѣло, по словамъ Г. О. Форбса, упругую жердь, соединенную съ копьемъ и ставятъ ее такъ, чтобы копье прокололо тигра насквозь, коль скоро онъ полѣзетъ въ отверстіе забора окружающаго деревню, въ которое проведена веревка, настораживающая этотъ родъ самострѣла. Въ Ассамѣ, по О. Флексу, весьма успѣшно примѣняютъ самострѣлъ съ отравленной стрѣлой, который кладутъ у обычнаго водопоя хищника; во время прикосновенія къ ловушкѣ стрѣла внѣдряется въ тѣло животного и убиваетъ его даже при самой слабой степени пораненія. Европейцы, а также туземцы, снабженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, настораживаютъ съ большимъ успѣхомъ это послѣднее. Въ новѣйшее время въ большомъ ходу стрихнинъ, которымъ звѣря стараются изводить безъ всякаго труда и опасности; говорятъ, однако, что ядъ этотъ не оказываетъ дѣйствія, коль скоро мясо начнетъ разлагаться.

Выгода, получаемая опытнымъ охотникомъ за тиграми, далеко не мала. Не говоря уже о преміи, выдаваемой за тигра, убившій его можетъ утилизировать почти всѣ части животного, особенно же хорошо оплачивается жиръ, количество котораго въ среднемъ достигаетъ 4—6 литровъ и который туземцы Индіи считаютъ цѣлительнымъ средствомъ отъ ревматизма и болѣзней скота. Мѣстами употребляется въ пищу и мясо тигра. Моръ увѣряетъ даже, что оно довольно вкусно. Во многихъ мѣстахъ зубы, кости, жиръ и печень тигра цѣнятся выше, чѣмъ мясо и кости. Туземные дикари считаютъ зубы и кости не только почетными трофеями, но вѣрятъ также, что они предохраняютъ носящаго ихъ отъ нападенія тигра; азіатскія и европейскія дамы носятъ оправленные въ золото и серебро когти тигра въ видѣ украшеній. Шкуры тигра дубятся или чѣмъ нибудъ предохраняются отъ нападенія насѣкомыхъ, а затѣмъ скупаются большею частію для отправки въ Европу или Китай. Киргизы очень цѣнятъ ее и украшаютъ ею свои колчаны. Въ Европѣ шкура тигра стоить различно, смотря по ея величинѣ, красотѣ мѣха и полнотѣ, и цѣна можетъ доходить до 700 рублей.

Время спариванія тигровъ бываетъ различно, смотря по климату страны, гдѣ онъ водится. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ оно происходитъ, говорятъ, довольно правильно за три приблизительно мѣсяца до начала весны. Въ южныхъ областяхъ распространенія, по наблюденіямъ въ Индіи, спариваніе не приурочено ни къ какому времени года. Приблизительно дней черезъ 100—105 послѣ спариванія тигрица мечетъ отъ 2 до 3, иногда 4, а увѣряютъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ даже 5 или 6 дѣтенышей, въ недоступномъ мѣстѣ среди густыхъ зарослей. Только что родившіеся тигрята въ два раза меньше, чѣмъ домашняя кошка и столь же милыя созданія какъ и всѣ молодыя кошки. Въ первыя недѣли жизни ихъ мать покидаетъ своихъ дорогихъ дѣтенышей лишь при самомъ сильномъ голодѣ; въ послѣдствіи, когда они подростутъ и начинаютъ нуждаться въ плотной пищѣ, она оставляетъ ихъ на болѣе продолжительный срокъ и распространяетъ свои экскурсіи.

„Молодые тигрята“, говоритъ Сандерсонъ, „представляютъ самое привлекательное зрѣлище и необыкновенно добродушныя созданія; однако ихъ необхо-

димо отнять отъ матери въ возрастѣ моложе мѣсяца, прежде, чѣмъ они привыкли жить въ глуши и не начали еще бояться человѣка; въ противномъ случаѣ ихъ никогда не удастся приручить вполне. Они крайне привязываются къ своему хозяину, всюду слѣдуютъ за нимъ, спятъ у его ногъ и издаютъ своеобразное довольное фырканье, если ихъ ласкаютъ. Коль скоро начнешь кормить ихъ мясомъ, они уже не соглашаются принимать никакой другой пищи и отворачиваются отъ молока въ этомъ случаѣ даже тогда, когда еще очень молоды. Распространенное мнѣніе, что тигрята дичаютъ, если ихъ кормить сырымъ мясомъ, совершенно неосновательно, и я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ томъ. На самомъ дѣлѣ они растутъ лучше всего только при этой пищѣ и съ ними можно прекрасно ладить, разъ они получаютъ ее въ достаточномъ количествѣ. Въ возрастѣ четырехъ мѣсяцевъ тигрята уже довольно крупны и сильны, тѣмъ не менѣе ихъ можно вполне безопасно оставлять на свободѣ и много дольше. Я держалъ такимъ образомъ одну парочку до восьми мѣсяцевъ; животные очень мило играли какъ другъ съ другомъ, такъ и съ людьми и ручнымъ медвѣдемъ. Я убѣдился, что прирученные этимъ способомъ тигры не выказываютъ ни коварства, ни кровожадности, если получаютъ пищу въ достаточномъ количествѣ. Однажды у меня былъ тигръ довольно крупной величины, который привыкъ спать въ моей спальнѣ; онъ имѣлъ обыкновеніе вскакивать на мою кровать, коль скоро я засыпалъ, но никогда не обнаруживалъ обиды, если я сильно билъ его за это и сбрасывалъ съ постели“.

Въ послѣднее время стали приучать тигровъ также и къ различнымъ фокусамъ. Укротители звѣрей рѣшаются входить къ нимъ въ клѣтку, играютъ съ ними и заставляютъ продѣлывать всевозможные фокусы. Все это, однако, сходитъ счастливо лишь до поры-до-времени. Какъ и всѣ настоящія кошки, тигръ выказываетъ послушаніе и привязанность къ тѣмъ, кто съ нимъ обращается ласково; онъ даже отвѣчаетъ на ласки или по крайней мѣрѣ спокойно принимаетъ ихъ, но дружелюбіе его всегда подозрительно и продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока онъ видитъ въ человѣкѣ своего повелителя; только въ этомъ случаѣ онъ сноситъ отъ человѣка то, что противорѣчитъ его истинной природѣ. Тигру никогда нельзя довѣряться совершенно и не потому, что нужно бояться его коварства, а потому, что слѣдуетъ опасаться проявленія въ немъ сознанія собственной силы. Коварства, лукавства и фальши въ немъ, какъ и въ нашей домашней кошкѣ, нѣтъ, но онъ не позволяетъ, подобно ей, и мучить себя: онъ тотчасъ же начинаетъ обороняться, коль скоро обращеніе съ нимъ человѣка перестаетъ ему нравиться. Отъ хищника такого типа нельзя требовать невозможнаго.

Индійскіе князья и въ наши дни устраиваютъ побоища между пойманными тиграми и другими сильными звѣрями, особенно слонами и буйволами. Тишаръ видѣлъ подобный бой въ Сіамѣ. Въ загородку изъ частокола ввели трехъ слоновъ, головы которыхъ были покрыты чѣмъ то въ родѣ панцыря. Тигръ находился уже тамъ, но его держали на двухъ веревкахъ. Онъ былъ не изъ очень крупныхъ и при появленіи слоновъ постарался ретироваться, но тотчасъ же получилъ отъ нихъ удары хоботомъ по спинѣ, отчего онъ свалился и лежалъ нѣкоторое время какъ мертвый. Но какъ только его отвязали, тигръ вскочилъ, заревѣлъ и хотѣлъ схватить хоботъ одного изъ слоновъ. Великанъ поднялъ однако свой хоботъ и такъ сильно ударилъ тигра бивнями, что онъ высоко взлетѣлъ на воздухъ и нападать болѣе уже не рѣшался; онъ побѣждалъ къ частоколу и сталъ на него прыгать. Въ концѣ концовъ на него направили одновременно всѣхъ трехъ слоновъ, которые награждали его такими ударами, что онъ снова свалился замертво. Разсерженные толстокожія доканали бы его, вѣроятно, окончательно, если бы не нашли нужнымъ прекратить побоище.

Древніе познакомились съ тигромъ очень поздно. Въ Библии о немъ, повидимому, вовсе не упоминается; греки знали о немъ тоже еще очень мало. Неархъ, полководецъ Александра Великаго, видѣлъ только шкуру тигра, но не самого звѣря, о которомъ узналъ отъ индусовъ, что онъ величиною въ самую крупную лошадь и по быстротѣ и силѣ превосходитъ всѣхъ остальныхъ животныхъ. Стра-

бонтъ, первый говорить о тигрѣ нѣсколько подробнѣе. Римлянамъ онъ былъ вовсе неизвѣстенъ до временъ Варрона, но когда они распространили свое владычество до области пареенанъ, эти послѣдніе стали доставлять имъ между прочимъ и тигровъ, которыхъ побѣдители отсылали въ Римъ. Плиній пишетъ, что первымъ показывавшимъ ручного тигра въ клѣткѣ, въ 743 году по основаніи Рима, былъ Скавръ. У императора Клавдія было уже четыре тигра, а затѣмъ эти звѣри стали появляться въ Римѣ все чаще и чаще. Геліогабалъ, представляя Вакха,



Дымчатый леопардъ (*Felis nebulosa*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

запрягалъ ихъ даже въ свою колесницу. Наконецъ при императорѣ Авитѣ тигры появились впервые, въ числѣ пяти штукъ, въ циркѣ.

У тигра, какъ и у льва, нѣтъ близкихъ родственниковъ; всѣ его сородичи, изъ которыхъ одинъ, пещерный тигръ, жилъ въ доисторическія времена въ средней Европѣ, вымерли.

Ближе всѣхъ другихъ кошекъ къ королевскому тигру приближается пятнисто-полосатый южно-азиатскій дымчатый леопардъ, гаримау даганъ (древесный тигръ) малайцевъ (*Felis nebulosa*). Этотъ видъ походитъ на тигра своимъ вытянутымъ въ длину тѣломъ на низкихъ, сильныхъ ногахъ, малой очень тупой головой съ закругленными ушами и длинной, мягкой шерстью, рисунокъ которой болѣе или менѣе напоминаетъ поперечную полосатость тигра; однако дымчатый леопардъ не только много меньше послѣдняго, но и отличается отъ него черз-

чуръ короткими ногами и тѣмъ, что имѣеть хвостъ длиною во все тѣло. Основной цвѣтъ мѣха дымчатаго леопарда бѣло-сѣрый съ пепельно-сѣрымъ или буровато-сѣрымъ оттѣнкомъ, который пріобрѣтаетъ иногда желтоватый или красноватый тонъ; низъ тѣла блѣдно-рыжеватый. Голова, ноги и брюхо покрыты сплошными черными, округлыми или изогнутыми пятнами и полосами. По сторонамъ ихъ тянутся по три неправильныя продольныя полосы, а по спинѣ ихъ проходитъ всего двѣ; по бокамъ головы расположены болѣе узкія полосы. Плечи, бока тѣла и бедра украшены неправильными, угловатыми черными пятнами, которыя покрываютъ также и хвостъ. Края рта окаймлены чернымъ; уши снаружи черныя въ сѣрыхъ пятнахъ. Длина тѣла равняется приблизительно метру, а хвостъ имѣеть отъ 74 до 92 сантиметровъ въ длину.

Область распространенія дымчатаго тигра довольно обширна и обнимаетъ собою всю юго-восточную часть Азіи съ Большими Зондскими островами. До послѣдняго времени видъ этотъ былъ чрезвычайно рѣдокъ какъ въ музеяхъ, такъ и въ зоологическихъ садахъ: теперь же онъ представленъ, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ изъ нихъ. Жители Суматры увѣряютъ, что дымчатый леопардъ — животное вовсе не свирѣпое, и что онъ питается исключительно мелкими млекопитающими и птицами; къ послѣднимъ относятся, конечно, и домашнія куры, которымъ онъ наноситъ часто большой вредъ. Необыкновенно красивый и вполне здоровый дымчатый леопардъ жилъ одно время въ лондонскомъ зоологическомъ саду; это было премилое, совершенно ручное и добродушное животное, съ которымъ сторожъ обращался какъ съ домашнею кошкою. Въ умственномъ отношеніи я могу сравнить съ нимъ только гепарда.

Изъ кошекъ Стараго Свѣта насъ должны интересовать больше всѣхъ другихъ европейская дикая или лѣсная кошка (*Felis catus*), потому что она является единственнымъ представителемъ своего рода въ нашей части свѣта и не истреблена еще даже въ западной Европѣ. Ее долго считали за родоначальницу домашней кошки, да и теперь есть еще натуралисты, которые считаютъ ее за таковую, хотя мнѣніе это вовсе не подкрѣпляется точными фактическими данными, добытыми многосторонними изслѣдованіями. Дикая кошка значительно крупнѣе домашней, отъ которой отличается съ перваго взгляда своею болѣе густою шерстью, болѣе густыми усами, болѣе дикимъ взглядомъ и болѣе сильными зубами. Голова ея толще, тѣло короче, а хвостъ пушистѣе, но за то короче, чѣмъ у ея домашней родственницы; къ тому же хвосты ихъ существенно отличаются еще тѣмъ, что у одной (дикой) онъ, отъ основанія до конца, имѣеть совершенно одинаковую толщину и на концѣ является какъ бы обрубленнымъ, а у другой (домашней) суживается постепенно. Отличительныя цвѣтовые признаки представляютъ черныя кольца на хвостѣ, желтовато-бѣлое пятно на горлѣ и темныя или черныя подошвы лапъ.

Вѣсъ дикой кошки достигаетъ 8 и 9 килограммовъ; общая длина тѣла равняется обыкновенно 100—120 сантиметрамъ, изъ которыхъ отъ 30 до 35 см. приходится на хвостъ; высота у загривка 35—42 см. Нѣкоторые коты бываютъ однако еще крупнѣе.

Мѣхъ дикой кошки густой и состоитъ изъ длинныхъ волосъ; у самца онъ блѣдно-сѣрый, иногда черновато-сѣрый, у самки желтовато-сѣрый; лицо ржаво-желтое, носъ тѣлеснаго цвѣта, наружная сторона ушей ржаво-сѣрая, а внутренняя желтовато-бѣлая. Ото лба по головѣ тянутся четыре параллельныя черныя полосы, переходящія и на шею; на спину продолжаютъ изъ нихъ однако лишь двѣ среднія, которыя, слившись, образуютъ черный ремень, тянущійся вдоль всего позвоночника и по тыльной сторонѣ хвоста. Отъ этого ремня отходятъ въ обѣ стороны многочисленныя неявственныя поперечныя полосы, которыя однако темнѣе остальныхъ и спускаются на брюхо. Послѣднее желтоватаго цвѣта и въ рѣдкихъ черныхъ пятнахъ; ноги покрыты небольшимъ количествомъ черныхъ поперечныхъ полосъ, по направленію къ лапамъ основной цвѣтъ ихъ становится желтѣе, а внутренняя сторона заднихъ ногъ одноцвѣтная, желтоватая, вовсе безъ пятенъ;

подошвы лапъ темнаго цвѣта. Хвостъ опоясанъ 3 или 4 черными кольцами, которыя ближе къ концу становятся темнѣе. Глаза желтаго цвѣта.

Дикая кошка до сихъ поръ водится еще во всей Европѣ, кромѣ Скандинавіи и Россіи, въ которой она свойственна, однако, Кавказу. Въ Германіи она держится постоянно, хотя и въ небольшомъ количествѣ, во всѣхъ горныхъ странахъ, обильно покрытыхъ лѣсомъ, спускаясь отсюда во время своихъ перекочевокъ, въ равнины; такимъ образомъ она можетъ попадаться повсюду, гдѣ только есть обширныя лѣс-



Дикая кошка (*Felis catus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

ныя пространства. Много чаще, чѣмъ въ Германіи, встрѣчается дикая кошка въ юго-восточной, а также по всей южной Европѣ. Въ лѣсистыхъ предгоріяхъ Альпъ она живетъ повсюду и къ тому же въ большемъ числѣ индивидовъ, чѣмъ въ самыхъ Альпахъ. Она часта еще въ Испаніи, а во Франціи мѣстами, по крайней мѣрѣ, не рѣже, чѣмъ въ Германіи; ее не удалось истребить окончательно даже въ Великобританіи. Насколько можно установить въ настоящее время, область распространенія ея заходитъ за предѣлы Европы не много. Къ югу отъ Кавказскаго хребта она извѣстна въ Грузіи, но въ другихъ странахъ Азіи не найдена. Любимымъ мѣстонребываніемъ дикой кошки являются обширные, густые, высоко-

ствольные, преимущественно хвойные лѣса, и, чѣмъ они сумрачнѣе и глуше, тѣмъ упорнѣе она ихъ придерживается. Всѣмъ другимъ станціямъ она предпочитаетъ покрытые лѣсомъ скалистые участки, потому что скалы доставляютъ ей самыя надежныя убѣжища. Логовищемъ служатъ ей, кромѣ того, барсучьи и лисьи норы или дупла толстыхъ деревьевъ.

Дикая кошка живетъ парами только во время спариванія, а семьями лишь до тѣхъ поръ, пока котята не сдѣлаются самостоятельными, во все же остальное время года ведетъ совершенно одинокую жизнь. Молодые кошки отдѣляются отъ матери тоже очень рано и тотчасъ же начинаютъ охотиться за свой собственный счетъ.

За добычей кошка выходитъ въ сумерки. Одаренная прекрасно развитыми органами чувствъ, крайне осторожная и хитрая, обладая способностью подкрадываться неслышно къ своей жертвѣ и терпѣливо ее подкарауливать, дикая кошка является очень опаснымъ врагомъ всѣхъ животныхъ мелкой и средней величины. Со свойственною всѣмъ кошкамъ хитростью подкрадывается она къ птицѣ, сидящей на гнѣздѣ, хватая за зайца въ его логовищѣ, а кролика у входа въ нору; вполнѣ возможно, что она умѣетъ управиться съ бѣлкой и на деревѣ. Чтобы справиться съ болѣе крупнымъ животнымъ, она вскакиваетъ ему на шею и старается разорвать шейныя артеріи. Промажнувшись, дикая кошка не преслѣдуетъ уже свою жертву, а отыскиваетъ себѣ новую добычу; и въ этомъ отношеніи она является настоящей кошкой. По счастью для охотниковъ, она питается, главнымъ образомъ, мышами и всевозможными мелкими птицами, и только изрѣдка нападаетъ на болѣе крупныхъ животныхъ. Говорятъ, однако, что она преслѣдуетъ телятъ, дикихъ козъ и оленей и, конечно, достаточно сильна, чтобы съ ними справиться. По берегамъ озеръ и лѣсныхъ ручьевъ дикая кошка подстерегаетъ рыбъ и водяную птицу и ловко умѣетъ схватывать ихъ изъ воды. Она сильно вредитъ въ паркахъ, гдѣ содержится дичь для охоты, и болѣе всего, вѣроятно, фазанамъ.

Вообще вредъ дикой кошки не соотвѣтствуетъ ея величинѣ, потому что она кровожадна не менѣе другихъ своихъ сородичей. Вслѣдствіе этого ее сильно ненавидятъ и ожесточенно преслѣдуютъ всѣ охотники, такъ какъ никто изъ нихъ не ставитъ ей въ заслугу пользу, которую она приноситъ истребленіемъ мышей. Сколько, однако, она въ состояніи истребить этихъ вредныхъ звѣрьковъ, видно изъ словъ Чуди, который нашелъ въ желудкѣ дикой кошки остатки 26 мышей. Въ экскрементахъ, изслѣдованныхъ Целеберомъ, больше всего было остатковъ костей и волосъ куницы, хорька, горностая и ласки, затѣмъ хомяка, крысы, водяной, полевой и лѣсной мышей, землероекъ и очень немного остатковъ отъ бѣлокъ и лѣсныхъ птицъ. Такимъ образомъ, главной пищей дикой кошки являются мелкія млекопитающія; въ виду же того, что большинство этихъ послѣднихъ составляютъ грызуны, слѣдуетъ задать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли вредъ, наносимый дикой кошкой, больше доставляемой ей пользы. По моему мнѣнію, изъ сказаннаго можно сдѣлать одинъ выводъ, что кошка эта вредитъ изрѣдка, пользу же приноситъ постоянно; она истребляетъ больше вредныхъ животныхъ, чѣмъ полезныхъ, а потому, если она не заслуживаетъ снисхожденія съ точки зрѣнія охотника, то весьма полезна нашему лѣсному хозяйству.

Охота за дикой кошкой превращается повсюду въ извѣстную страсть. Въ Германіи ее чаще всего приходится убивать на облавахъ.

„Труднѣе всего“, говоритъ Целеборъ, „добыть дикую кошку живьемъ изъ дупла. У двухъ или трехъ очень сильныхъ и смѣлыхъ человѣкъ едва хватаетъ силъ вытянуть изъ него кошку и всунуть въ мѣшокъ, несмотря на то, что руки ихъ одѣты въ самыя плотныя рукавицы и кромѣ того обернуты въ тряпки“. Я долженъ признаться, что не вполнѣ вѣрю въ возможность подобнаго способа ловли, такъ какъ, по свидѣтельству всѣхъ другихъ охотниковъ, съ взрослою дикой кошкой шутить нельзя. Винкель совѣтуетъ охотнику быть съ нею очень осторожнымъ, не жалѣть второго выстрѣла, если первый не былъ смертеленъ, приближаться къ кошке лишь тогда, когда она совершенно неподвижна, но и въ этомъ случаѣ не

трогать ее раньше, чѣмъ не доканаешь ударами по головѣ. Раненыя дикія кошки, въ случаѣ крайности, бываютъ очень опасны. „Будь остороженъ“, говоритъ Чуди, „и цѣлся въ кошку какъ можно лучше! Будучи только подстрѣлена, она фыркаетъ и подпрыгиваетъ, а затѣмъ начинаетъ храбро защищаться; шипя, приближается она къ охотнику съ вогнутой спиной и приподнятымъ хвостомъ и прыгаетъ на него. Она всаживаетъ свои острые когти въ мясо, наровитъ особенно вцѣпиться въ грудь и тогда ее крайне трудно оторвать; причиненныя ею раны заживаютъ очень медленно. Дикая кошка не боится собакъ, часто спускается съ дерева имъ навстрѣчу раньше, чѣмъ охотникъ успѣетъ ее замѣтить, и тогда между ними начинается борьба на жизнь и смерть. Она яростно царапаетъ своими когтями, стараясь попасть прямо въ глаза собаки и отчаянно защищается до тѣхъ поръ, пока остается въ ней хоть искра жизни, а она въ высшей степени жируча“.

Отъ настоящей дикой кошки необходимо, конечно, отличать одичалыхъ домашнихъ кошекъ. Послѣднія не рѣдко встрѣчаются въ большихъ лѣсахъ Германіи, но никогда не достигаютъ величины своей дикой родственницы, несмотря на то, что значительно крупнѣе простой домашней. По своей дикости и вредоносности эти одичалыя кошки ни чуть не уступаютъ, однако, настоящей дикой. Живя въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній въ лѣсу, онѣ мало-по-малу возвращаются, по видимому, къ своей родоначальной африканской формѣ, къ буланой кошкѣ, благодаря чему по цвѣту и характеру рисунка становятся похожими на европейскую дикую кошку. Эту окраску первоначальной формы получаютъ потомки всѣхъ одичавшихъ кошекъ, какъ бы ни были окрашены ихъ домашніе предки, впервые переселившіеся въ лѣсъ. У нихъ мы никогда, однако, не находимъ характерныхъ отличительныхъ признаковъ дикой кошки: цилиндрическаго, какъ бы обрубленнаго хвоста, свѣтлаго пятна на горлѣ и темныхъ подошвъ. При отсутствіи этихъ признаковъ можно прежде всего предположить, что имѣешь дѣло съ гибридомъ между одичалой и дикой кошкой.

Рядомъ съ европейской дикой кошкой мы ставимъ родоначальницу нашей домашней — буланую кошку (*Felis maniculata*). Извѣстный путешественникъ-зоологъ Рюппель открылъ ее въ Нубіи, къ западу отъ Нила, у Амбукала, въ пустынѣ, въ которой скалистые участки чередовались съ кустарниковыми зарослями. Позднѣйшіе собиратели нашли ее во всемъ Суданѣ, въ Абиссиніи, въ центрѣ Африки, а также въ Палестинѣ. Длина ея тѣла достигаетъ 50 сантиметровъ, а хвостъ нѣсколько превосходитъ 25 см. Размѣры эти нѣсколько отличаются отъ свойственныхъ нашей домашней кошкѣ, но довольно близки къ нимъ. По рисунку буланая кошка тоже напоминаетъ нѣкоторыя разновидности домашней кошки.

Муміи кошекъ и изображенія ихъ на памятникахъ въ Оивахъ и въ развалинахъ другихъ египетскихъ городовъ болѣе всего сходны съ этой кошкой и доказываютъ, по видимому, что именно этотъ видъ держался древними египтянами въ качествѣ домашняго и священнаго животнаго. Возможно, что она была принесена жрецами въ Египетъ изъ южной Нубіи. Отсюда она могла распространиться въ Аравію и Сирію, а въ послѣдствіи черезъ Грецію или Италію въ западную и сѣверную Европу. Дальнѣйшее ея распространеніе въ новѣйшее время обусловилось уже, конечно, переселеніемъ европейцевъ.

Для рѣшенія вопроса о происхожденіи нашей домашней кошки отъ буланой въ утвердительномъ смыслѣ, въ высшей степени важно наблюденіе Швейнфурта, сдѣланное имъ въ странѣ Ньямъ-Ньямъ. По устному сообщенію этого путешественника, буланая кошка встрѣчается здѣсь чаще, чѣмъ въ какой бы то ни было другой (изъ нынѣ извѣстныхъ) части Африки, такъ что за настоящую родину или центръ распространенія этого вида мы должны признать именно эту страну центральной Африки. Но у племени Ньямъ-Ньямъ нѣтъ домашней кошки въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Роль послѣдней исполняютъ у нихъ полу-прирученныя или совершенно ручныя буланыя кошки, ловлю которыхъ занимаются мальчики этого племени. Они привязываютъ ее у хижины, и кошка въ короткое время руч-

нѣтъ настолько, что привыкаетъ къ жилью. Она занимается по близости его ловлею необыкновенно многочисленныхъ здѣсь мышей.

*

„Кошка“, говоритъ Эберсъ въ своемъ романѣ „Дочь египетскаго царя“, „была, повидимому, самымъ священнымъ изъ всѣхъ священныхъ животныхъ, почитавшихся египтянами. Въ то время, какъ другія животныя обоготворялись только отчасти, кошка одинаково чтилась всѣми подданными фараоновъ. Геродотъ рассказываетъ, что при пожарѣ въ домѣ египтяне прежде всего старались спасти ко-



Кошка (*Felis maniculata domestica*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

шекъ и только затѣмъ уже приступали къ тушенію его; смерть же кошки сопровождалась трауромъ, въ знакъ котораго обрѣзывались волосы на головѣ. Каждый, кто убивалъ кошку не только съ намѣреніемъ, но даже случайно, подвергался смертной казни. Діодоръ былъ свидѣтелемъ, какъ одного несчастнаго римскаго гражданина, убившаго кошку, лишила жизни египетская чернь, несмотря на то, что власти, изъ страха предъ могущественнымъ Римомъ, приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ тому, чтобы успокоить народъ. Трупы кошекъ искусно бальзамировали и погребали съ церемоніями. Среди многочисленныхъ набальзамированныхъ животныхъ чаще всего встрѣчаются тщательно обернутыя въ полотняныя пелены муміи кошекъ“.

Всѣ до сихъ поръ произведенныя изслѣдованія заставляютъ предполагать, что кошка впервые была приручена древними египтянами, а не древними индусами или кѣмъ либо изъ сѣверныхъ народовъ: египетскіе памятники доставляютъ намъ вполне опредѣленные данныя о ней въ видѣ изображеній, надписей и, наконецъ,

въ формѣ мумій, тогда какъ въ исторіи другихъ народовъ нѣтъ даже свѣдѣній для построения какихъ бы то ни было предположеній. Только что высказанныя соображенія подтверждаютъ, по моему мнѣнію, даже то обстоятельство, что въ мѣстахъ погребеній, одновременно съ муміями домашней кошки, находятъ также и муміи болотной рыси; оно доказываетъ, что во время процвѣтанія древне-египетскаго государства продолжали еще заниматься ловлею дикихъ кошекъ, а, слѣдовательно, и ихъ прирученіемъ. До Геродота мы вовсе не находимъ свѣдѣній о кошкѣ у древне-греческихъ писателей, а позднѣйшіе греки и римляне упоминаютъ о ней тоже только вскользь; изъ этого мы можемъ заключить, что кошка распространялась изъ Египта крайне медленно. По всей вѣроятности, распространеніе ея изъ этой страны пошло сначала на Востокъ; по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что животное это было особеннымъ любимцемъ пророка Магомета. До X вѣка оно почти вовсе не было извѣстно въ сѣверной Европѣ. Въ сводѣ законовъ Валиса есть постановленіе, въ которомъ опредѣляются какъ стоимость домашней кошки, такъ и штрафъ, который налагался за жестокое обращеніе съ нею, за увѣчье и убійство ея.

Законъ этотъ имѣетъ для насъ большое значеніе, такъ какъ доказываетъ, что въ то время видѣли въ домашней кошкѣ весьма цѣнное пріобрѣтеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же заставляетъ насъ придти къ убѣжденію, что европейская дикая кошка не могла быть родоначальницей домашней: въ ту пору даже въ Англіи водилось столько дикихъ кошекъ, что не составляло бы никакого труда ловить и приручить въ любомъ количествѣ ея котятъ.

Въ настоящее время домашняя кошка распространена, за исключеніемъ самаго крайняго сѣвера и, по Чуди, самаго верхняго пояса Андовъ, почти по всѣмъ до сихъ поръ открытымъ странамъ, въ которыхъ живетъ осѣдло человѣкъ. Мало по малу она получила права гражданства повсюду на земномъ шарѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ; она всюду является живымъ свидѣтельствомъ человѣческой осѣдлости, прогресса и развивающейся цивилизаціи.

Несмотря на это, кошка до извѣстной степени сохраняетъ свою самостоятельность въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находилась и подчиняется человѣку лишь постольку, поскольку находитъ это для себя выгоднымъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ занимается съ нею, тѣмъ сильнѣе она привязывается къ его семьѣ, представленная же самой себѣ, она привыкаетъ только къ дому, въ которомъ выросла. Степень прирученія кошки и ея привязанности къ членамъ семьи всецѣло зависятъ отъ человѣка. Тамъ, гдѣ о ней мало заботятся, случается не рѣдко, что въ лѣтнее время она совершенно уходитъ изъ дому и живетъ въ лѣсу, въ которомъ она, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ вполне одичать. Въ большинствѣ же случаевъ къ зимѣ она снова возвращается въ прежнее свое жилище и приводитъ съ собой котятъ, которыхъ она произвела на свѣтъ во время лѣтняго своего скитанія. Въ болѣе теплыхъ странахъ нерѣдко случается, что по возвращеніи своемъ она уже вовсе не обращаетъ вниманія на человѣка. По сообщенію Ренггера особенной самостоятельностью пользуются кошки въ Парагваѣ, между тѣмъ въ лѣсахъ его вовсе нѣтъ одичалыхъ кошекъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; онѣ исчезли даже изъ населенныхъ прежде мѣстъ, гдѣ ихъ оставили по своему уходу европейцы.

Наша домашняя кошка особенно пригодна для того, чтобы по ней ознакомиться съ семействомъ животныхъ, къ которому она принадлежитъ, и именно потому, что ее можетъ наблюдать каждый интересующійся. Кошка крайне красивое, чистоплотное, изящное и миловидное существо; каждое ея движеніе пріятно и граціозно, а ловкость ея просто изумительна. Ходитъ она ровнымъ шагомъ и такъ тихо ступаетъ своими бархатистыми лапками, когти которыхъ тщательно втянуты, что человѣкъ совершенно не можетъ слышать ея походки. При каждомъ шагѣ проявляетъ она свойственную ей подвижность, соединенную съ изяществомъ и граціозностью движеній. Она ускоряетъ свою походку только тогда, когда ее преслѣдуетъ какое либо животное, или если вдругъ чего либо испугается; при этомъ она бѣжитъ быстро слѣдующими другъ за другомъ скачками или

прыжками, легко уносящими ее впередъ и почти всегда спасающими отъ преслѣдованія, потому что она прекрасно умѣетъ воспользоваться каждымъ укромнымъ уголкомъ и взобраться на какую угодно высоту. Она легко и ловко влѣзаетъ на дерево, по шероховатой или сложенной изъ мягкаго матеріала стѣнѣ, запуская въ нихъ свои когти, но на ровномъ мѣстѣ бѣжить не особенно быстро; по крайней мѣрѣ здѣсь можетъ догнать ее любая собака. Наибольшая ловкость ея проявляется особенно при прыжкахъ, которые она производитъ по собственной волѣ или будучи къ этому вынуждена. Она можетъ свалиться какъ угодно и при этомъ всегда умудрится прикоснуться къ землѣ ногами и встать безъ значительнаго сравнительно сотрясенія на мягкія подошвы своихъ лапокъ. Мнѣ никогда не удавалось заставить кошку удариться спиною объ столъ или стулъ, какъ бы близко я не держалъ ее въ этомъ положеніи надъ ними: она съ быстротою молніи переворачивается въ этихъ случаяхъ и вполне невредимо и крѣпко становится на всѣ четыре ноги. Остается совершенно непонятнымъ, какъ она изловчается сдѣлать это на столь маломъ разстояніи; гораздо легче объяснить себѣ способность ея къ такому перевертыванію при паденіи со значительной высоты: тутъ она пользуется вытянутымъ во всю длину хвостомъ въ качествѣ руля и тѣмъ регулируетъ направленіе своего паденія. Плавать кошка тоже умѣетъ, но пользуется этой способностью лишь тогда, когда поставлена въ неловкое положеніе, принуждающее ее спастись вплавь. Только въ исключительныхъ случаяхъ отправляется она въ воду добровольно и даже просто со страхомъ избѣгаетъ дождя. Гаакке зналъ, впрочемъ, одну кошку, которая прыгала въ прудъ для того, чтобы ловить золотыхъ рыбокъ. Кошка сидитъ подобно собакѣ на задней части, опираясь на переднія ноги. Спитъ она, свернувшись, или ложится на бокъ, при чемъ любитъ теплую и мягкую подстилку, но рѣдко можетъ выносить покрывало. Особенное предпочтеніе оказываетъ она постели изъ сѣна, вѣроятно потому, что любитъ его ароматъ. Отъ такой постели и самый мѣхъ кошки получаетъ крайне пріятный запахъ.

Изъ внѣшнихъ чувствъ кошки, сильнѣе всего развиты осязаніе, зрѣніе и слухъ. Хуже всего развито, повидимому, чувство обонянія; въ этомъ, впрочемъ, легко убѣдиться, если спрятать любимую пищу кошки такъ, чтобы она могла найти ее исключительно при помощи обонянія. Приближаясь къ лакомству, она на столько неувѣренно вертитъ головою въ разныя стороны по близости его, что тотчасъ же становится яснымъ, какъ мало руководится она чутьемъ. Даже находясь непосредственно у лакомаго куска, она пользуется своими усами, представляющими прекрасный органъ для ощупыванія, много больше, чѣмъ носомъ. Необходимо поднести ей зажатую въ кулакъ мышъ уже очень близко, чтобы она была въ состояніи узнать объ ея присутствіи чутьемъ. Несравненно лучше развито у кошки чувство осязанія и лучше всего видно это по усамъ: стоитъ только самымъ осторожнымъ образомъ дотронуться до одного изъ нихъ, чтобы заставить ее уже отдернуть голову. Чувство нащупыванія развито у кошки также и въ лапахъ, но конечно, много слабѣе. Особенно хорошо зрѣніе кошки. Она одинаково хорошо видитъ какъ днемъ, такъ и ночью, способна приспособлять какъ угодно свой зрачекъ при любомъ освѣщеніи: она можетъ, иными словами, сузить его при яркомъ свѣтѣ и расширить при тускломъ такъ, что глазъ доставляетъ ей самую лучшую услугу. Несмотря на это, выше всѣхъ чувствъ стоитъ у нея слухъ и достигаетъ необыкновеннаго развитія. Ленцъ рассказываетъ, что котенокъ, который лежалъ у него на колѣняхъ въ то время, какъ онъ сидѣлъ на открытомъ воздухѣ, вдругъ соскочилъ задомъ и наткнулся на мышъ, перебѣгавшую отъ одного куста къ другому по совершенно гладкой мостовой, гдѣ она не могла произвести, конечно, ни малѣйшаго шума. Онъ полюбопытствовалъ измѣрить разстояніе: оказалось, что котенокъ слышалъ мышъ за 14 метровъ.

Душевные свойства кошки оцѣниваются обыкновенно совершенно неправильно. Ее считаютъ невѣрнымъ, фальшивымъ и лукавымъ животнымъ и полагаютъ, что ей никогда нельзя довѣрять. Многіе люди питаютъ къ ней даже непреодолимое отвращеніе. Кошку сравниваютъ обыкновенно съ собакой, съ которой сравнивать

ее, однако, ни коимъ образомъ нельзя, и, не найдя въ ней качествъ послѣдней, перестаютъ ею заниматься, разъ навсегда рѣшивъ, что съ такимъ существомъ рѣшительно ничего не подѣлаешь. Даже естествоиспытатели, и тѣ распространяютъ несправедливыя и одностороннія мнѣнія о ней. Я наблюдалъ кошку съ ранней молодости съ большою любовью и много ею занимался, а потому вполне согласенъ съ приводимымъ здѣсь описаніемъ ея душевныхъ качествъ, сдѣланнымъ Шейтлиномъ во всякомъ случаѣ крайне оригинально, съ полнымъ пониманіемъ дѣла и при вполне правильной оцѣнкѣ всѣхъ свойствъ кошки. „Кошка“, говоритъ онъ, „высоко одаренное животное. Превосходство ея сказывается уже въ строеніи тѣла. Это маленькій, хорошенькій левъ, это тигръ въ уменьшенномъ размѣрѣ. Въ ней все соразмѣрно, ни одну часть тѣла нельзя назвать несоотвѣтственной, а потому малѣйшая неправильность у нея бросается уже въ глаза. Все въ ней закончено, но красивѣе всего голова, что замѣтно уже на черепѣ: нѣтъ животнаго, у котораго онъ былъ бы лучше сложенъ. Весь скелетъ изященъ и свидѣтельствуешь о способности къ необыкновенной подвижности и о ловкости мягкихъ и граціозныхъ движеній его обладательницы. Тѣло кошки изгибается не по ломанной линіи, не острыми углами, а едва уловимыми для глазъ кривыми. Кажется, что въ ней нѣтъ костей и что она сдѣлана изъ какой то мягкой массы. Душевные ея способности тоже развиты очень высоко и вполне соотвѣтствуютъ физическому строенію. Обыкновенно мы слишкомъ плохо оцѣниваемъ достоинства кошки, потому что не выносимъ ея привычки къ воровству, слишкомъ боимся ея когтей и переоцѣниваемъ естественнаго врага ея, собаку, а главное потому, что не долюбливаемъ ничего изъ ряду вонъ выходящаго, если только не сочтемъ нужнымъ почему либо специально имъ заинтересоваться.

„Обратимъ наше вниманіе на главныя особенности домашней кошки. Прежде всего бросается намъ въ глаза ея ловкость. Одинаково подвижны, какъ будто сдѣланы изъ одной массы, и духъ, и тѣло ея. Какъ ловко переворачивается она въ воздухѣ, если падаетъ книзу спиной даже съ высоты всего нѣсколькихъ футовъ; какъ ловко держится она на узкихъ карнизахъ, на тонкихъ вѣтвяхъ даже тогда, когда сильно трясутъ дерево! Любовь кошки къ чистоплотности столь же тѣлесное ея качество, какъ и душевное: она лижетъ и чиститъ себя почти непрерывно. Каждый волосокъ ея шубки, отъ головы до самаго кончика хвоста должны непременно быть въ полнѣйшемъ порядкѣ; чтобы пригнать и расчесать волосы головы, она лижетъ свои лапки и затѣмъ проводитъ ими по головѣ; она не оставляетъ не вычищеннымъ даже самый кончикъ хвоста. Нечистоты свои кошка убираетъ, зарывая ихъ въ ямки, специально ею для того вырытыя. Высокое тѣлесное развитіе кошки находится въ связи съ такимъ же развитіемъ душевныхъ качествъ уже потому, что требуетъ крѣпкихъ нервовъ и отсутствія головокруженія. — Кошка не лишена способности различать цвѣта и тоны звуковъ: она узнаетъ человѣка по платью, по его голосу; она бѣжитъ на знакомый ей зовъ, когда ея кличутъ. Кошка обладаетъ прекрасной памятью мѣста и постоянно пользуется этой способностью: она изслѣдуетъ всю окрестность, всѣ ближайшіе дома, кладовыя, погреба, побываетъ всюду подъ крышами, во всѣхъ сараяхъ и на всѣхъ сѣновалахъ. Она въ полномъ смыслѣ слова животное мѣста и потому-то она привязывается больше къ дому, чѣмъ къ его обитателямъ. При переѣздѣ семьи, она либо вовсе за нею не слѣдуетъ, либо возвращается обратно въ старую квартиру, если ее тоже увозятъ. Совершенно непонятной остается ея способность находить дорогу обратно къ старому дому, къ мѣсту своей родины даже въ томъ случаѣ, если ее переносятъ въ мѣшкѣ на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ходьбы.

„Не смотря на все несоотвѣтствіе силъ и размѣровъ, кошка выказываетъ необыкновенную смѣлость при встрѣчѣ даже съ очень большими бульдогами и другими собаками. Лишь только завидитъ она собаку, тотчасъ же выгибаетъ спину весьма характерной дугой; глаза ея загораются гнѣвомъ, сверкаютъ самой рѣшительной отвагой и какой то непримиримой ненавистью. Обыкновенно она старается ускользнуть и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, несясь какъ сумасшедшая по

комнатѣ, впрыгивая на карнизы оконъ, забираясь на печку, или проскальзываетъ въ дверь; но если у нея есть котята, а собака подойдетъ къ нимъ близко, то она злобно бросается на послѣднюю, вскакиваетъ однимъ прыжкомъ ей на голову и страшно разцарапываетъ ей глаза и всю морду. Если кошкѣ не удалось ускользнуть отъ собаки и эта нападаетъ на нее, то она не отступаетъ, а, присѣвши поднимаетъ для обороны лапы съ выпущенными когтями. Бываетъ, что она выдерживаетъ осаду нѣсколькихъ собакъ одновременно и все-таки не сдается: пока тылъ у нея обезпеченъ, она спокойна, она можетъ защищать свои бока, пуская въ дѣло лапы, какъ руки. Она могла бы однимъ прыжкомъ перенестись черезъ собакъ, но она знаетъ, что въ этомъ случаѣ она погибла, такъ какъ псы навѣрное могутъ ее догнать. Если собаки, наконецъ, отстанутъ не тронувши ее, то она нерѣдко остается сидѣть въ прежнемъ положеніи, готовая выдержать хоть еще нѣсколько нападений возвратившихся собакъ. Иногда же кошка пользуется удобнымъ моментомъ и быстро взбирается на какое либо возвышенное мѣсто.

„Любовь кошекъ ко всякаго рода ссорамъ и дракамъ между собою слѣдуетъ объяснить тоже ихъ смѣлостью. Отвага же эта находится въ связи съ ихъ неустрашимостью и постояннымъ присутствіемъ духа. Кошку нельзя, какъ собаку или лошадь, испугать чѣмъ нибудь; ее можно лишь спугнуть съ мѣста. Тѣ животныя болѣе разсудительны, кошка же болѣе смѣла: ее не удастся ни озадачить, ни удивить. Много говорятъ про ея хитрость и лукавство и говорятъ совершенно справедливо: хитро подкарауливаетъ она мышку передъ ея норкой; не издавая ни единого звука и вся съежившись, ждетъ она долго; вотъ уже загорѣлись ея глаза,—мышка вышла лишь на половину,—а она все еще выдерживаетъ, чтобы обезпечить себѣ вѣрный успѣхъ. Она вполне владѣетъ собою, какъ всѣ хитрецы, и прекрасно умѣетъ выбрать подходящій моментъ.

„Привязанность, гордость, тщеславіе развиты у кошки лишь въ слабой степени; она вѣдь существо не общительное, а замкнутое въ себѣ самой: она не радуется своимъ побѣдамъ, не хвастается ими, но за то и не стыдится ничего. Когда она сознаетъ за собою какую либо вину, то боится только наказанія. Послѣ грубой брани и побоевъ она встряхиваетъ свою шкуру и прекрасно чувствуетъ себя снова, какъ будто ничего не было. Тѣмъ не менѣе молодой кошкѣ крайне лестно, если ее похвалятъ за ея первый успѣхъ въ мышиною ловлѣ: она видимо уже старается впослѣдствіи притащить свою добычу на глаза хозяевъ, чтобы похвастаться своимъ умѣньемъ.

„Кошку часто винятъ въ томъ, что она любитъ лѣстить, что она коварна и даже мстительна, но заходятъ въ этихъ обвиненіяхъ слишкомъ далеко. Кошка можетъ также сильно любить, какъ и ненавидѣть. Если она полюбитъ кого-нибудь особенно, то она часто прижимается къ своему любимцу щекой или бокомъ, всячески ластится около него, будить его рано утромъ, вспрыгивая на постель, ложится къ нему какъ можно ближе и лижетъ его языкомъ. Конечно есть кошки, которымъ никогда нельзя довѣрять, такъ какъ онѣ кусаютъ и царапаются, когда этого совсѣмъ не ожидаешь. Но обыкновенно такое поведеніе вызывается необходимостью самозащиты, потому что съ кошкой часто не церемонятся и тоже любятъ помучить ее изподтишка. Собака, конечно, этого не дѣлаетъ, какъ-бы съ нею ни обращались, но собака въ сравненіи съ кошкой и ведетъ себя часто какъ добродушное, но глупое созданіе. Отсутствіе добродушія нельзя еще принимать за коварство. Дѣйствительно, коварныхъ кошекъ немного, а съ другой стороны есть, хотя много рѣже, и кусающія изъ за угла собаки. Во всякомъ случаѣ въ Германіи принято относить выраженіе „коварный пёсъ“ къ мушкетѣ въ той же мѣрѣ, какъ „коварная кошка“—къ женщинѣ, а что дѣлаетъ коварнымъ человѣка, то же заставляетъ лукавить и наиболѣе совершенныхъ изъ животныхъ“.

Спариванье кошекъ бываетъ нормально дважды въ году; первый разъ въ концѣ февраля или въ началѣ марта, а второй—въ началѣ іюня. Спустя 55 дней послѣ спариванія, кошка мечетъ отъ 5 до 6 котятъ, которые рождаются слѣпыми и прозрѣваютъ лишь на девятый день. Первый помётъ бываетъ обыкновенно въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, второй же въ началѣ августа. Къ этому вре-

мени мать всегда избираетъ какой либо укромный уголокъ, большею частью на сѣновалѣ или въ кровати, которая никѣмъ не занята; она старается скрыть тутъ котятъ по возможности дальше, особенно отъ кота, который часто съѣдаетъ ихъ, если найдетъ.

Молодые котята чрезвычайно милыя, хорошенькія созданьица. Любовь къ нимъ матери необыкновенна сильна. Еще до рожденія котятъ она готовитъ имъ теплое гнѣздо и тотчасъ же переноситъ ихъ на другое мѣсто, если считаетъ первое не вполне безопаснымъ. При этомъ она беретъ ихъ только губами за кожу зашейка такъ нѣжно, что котятки врядъ ли даже чувствуютъ ея прикосновеніе. Во время кормленія мать отлучается отъ дѣтенышей только затѣмъ, чтобы раздобыть для себя, а впоследствии и для нихъ, пищу. Нѣкоторыя кошки не умѣютъ обходиться со своими первенцами и такихъ приходится прямо-таки обучать уходу за котятами либо человѣку, либо опытной уже кошкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что съ теченіемъ времени кошки совершенствуются въ воспитаніи своихъ котятъ.

Если къ кошкѣ, кормящей котятъ, приближается чужая собака или другая кошка, то мать яростно накидывается на непрошеннаго нарушителя спокойствія; кошка не любитъ подпускать къ очень малымъ котятамъ даже своего хозяина. Но, съ другой стороны, она выказываетъ въ это время большое участіе къ другимъ молодымъ животнымъ. Извѣстно много случаевъ, что кошки вскармливали своимъ молокомъ и выращивали щенятъ, лисинятъ, кроликовъ, зайчатъ, молодыхъ бѣлокъ, крысъ и даже мышатъ; въ моей юности мнѣ самому привелось подтвердить эти наблюденія на собственной кошкѣ. Молодой, мною воспитанной и впервые имѣвшей котятъ кошкѣ я принесъ еще слѣпую бѣлочку. Она приняла съ большою нѣжностью чужого дѣтеныша въ число своихъ собственныхъ, кормила и грѣла его наравнѣ съ котятами и съ перваго же момента выказала къ бѣлочкѣ истинно-материнскую любовь. Звѣрекъ прекрасно росъ со своими сводными братьями и сестрами и остался при кормилицѣ послѣ того, какъ тѣ были розданы; съ этихъ поръ кошка еще болѣе полюбила свою воспитанницу. Между ними установились самыя теплыя отношенія и онѣ отлично понимали другъ друга: кошка звала бѣлочку по своему, а эта отвѣчала ей ворчаніемъ. Вскорѣ пріемышъ сталъ бѣгать слѣдомъ за своей кормилицей сначала по дому, а затѣмъ и по двору.

Обыкновенно полагаютъ, что кошку нельзя воспитать въ извѣстномъ направленіи, но это далеко несправедливо. При хорошемъ и правильномъ обращеніи она проявляетъ большую привязанность къ человѣку. Бываютъ кошки,—я самъ зналъ таковыхъ,—которыя переѣзжаютъ со своими хозяевами съ одной квартиры на другую и никогда не думаютъ возвращаться на прежнюю. Очевидно, что въ этомъ случаѣ человѣкъ для нихъ дороже, чѣмъ привычка къ дому. Другія кошки бѣгутъ на встрѣчу своему хозяину, какъ только его завидятъ, ласкаются къ нему, привѣтливо мурлычатъ и всячески стараются выказать ему свое расположеніе. Такимъ же образомъ онѣ прекрасно отличаютъ своихъ знакомыхъ отъ чужихъ и дозволяютъ первымъ, а въ особенности дѣтямъ, всякія издѣвательства надъ собою, конечно не въ той мѣрѣ, какъ многія изъ собакъ, но во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ. Есть кошки, которыя провожаютъ своихъ хозяевъ не только по двору и саду, но идутъ съ ними гулять въ лѣсъ или поле. Я самъ зналъ двухъ котовъ, которые чинно провожали даже гостей своей хозяйки, шли вмѣстѣ съ ними 10—15 минутъ, а затѣмъ прощались съ ними самымъ любезнымъ образомъ, мурлыканьемъ, и возвращались во свояси. Кошки способны дружитья и съ другими животными. Вопреки пословицѣ, извѣстно много случаевъ самой тѣсной дружбы между кошками и собаками.

Есть и другія доказательства присутствія разума у этого прекраснаго животного. Въ маѣ мѣсяцѣ 1859 года у нашей кошки родились четверо премилыхъ котятъ на сѣновалѣ и она тщательно скрывала ихъ тамъ отъ любопытныхъ глазъ. Такъ прошло приблизительно отъ 3 до 4 недѣль, какъ вдругъ кошка подбѣгаетъ къ моей матери, начинаетъ усиленно ласкаться и проситъ чего то, то подбѣгаетъ къ дверямъ, то возвращается обратно, какъ будто приглашая слѣдовать за собою.

Родители мои догадались, что надо было пойти за нею; кошка весело бѣжить черезъ дворъ, исчезаетъ на сѣновалѣ, затѣмъ появляется у отверстія, къ которому вела подставная лѣстница, и скидываетъ одного за другимъ котятъ на лежавшую внизу охапку сѣна. Котята были съ удовольствіемъ приняты и приласканы. Какъ потомъ оказалось, у кошки почти совсѣмъ пропало молоко и она была достаточно сообразительна, чтобы по возможности помочь бѣдѣ: она передавала теперь все свое семейство своему хозяину.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что кошки вполне заслуживаютъ дружескаго расположенія къ нимъ человѣка, а потому давно пора отказаться отъ несправедливыхъ и неблагоклонныхъ сужденій о нихъ и замѣнить ихъ болѣе соотвѣтственными истинѣ. Къ тому же необходимо признать пользу, приносимую кошками, въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ это имѣло мѣсто до сихъ поръ. Тотъ, кто никогда не жилъ въ старыхъ, приходящихъ въ разрушеніе домахъ, въ которыхъ, не стѣсняясь, распоряжаются мыши и крысы, тотъ рѣшительно не имѣетъ представленія, что значитъ хорошая кошка. За то испытавшій совмѣстную жизнь съ этими захребетниками, страдавшій отъ нихъ и убѣдившійся, что онъ совершенно безсиленъ въ борьбѣ съ ними, вполне сѣумѣетъ оцѣнить заслуги кошки, пойметъ, что она является однимъ изъ важнѣйшихъ нашихъ домашнихъ животныхъ и согласится, что она заслуживаетъ не только благодарности, но и любви. Достаточно только взять кошку въ домъ, чтобы совершенно усмирить назойливыхъ грызуновъ и даже принудить ихъ къ выселенію. Страхъ и ужасъ наводитъ на нихъ преслѣдующій ихъ на каждомъ шагу смертельный врагъ ихъ, кошка, которая хватается ихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ узнать о ея присутствіи; поэтому грызуны предпочитаютъ лучше вовсе покинуть защищенный кошкою домъ, чѣмъ ждать, пока она найдетъ способъ справиться съ ними со всѣми.

Самой любимой добычей кошекъ являются мыши разныхъ видовъ, особенно же домовыя и полевыя. На крысъ рѣшается нападать не каждая кошка, но во всякомъ случаѣ большинство. Землероекъ ловятъ и умерщвляютъ лишь молодыя, неопытныя кошки, но и эти ихъ не ѣдятъ, такъ какъ имъ противенъ, повидимому, мускусный запахъ этихъ звѣрковъ; старыя кошки землероекъ вовсе не трогаютъ. Для разнообразія кошки ловятъ и ѣдятъ также ящерицъ, змѣй и лягушекъ, майскихъ жуковъ, кузнечиковъ и другихъ суставчатыхъ. Охотясь, кошка проявляетъ какъ терпѣніе, такъ и ловкость. Но, конечно, кошкѣ, какъ хищному по природѣ животному, можно поставить кое что и въ вину. Она кое когда хватается молодыхъ и беспомощныхъ птичекъ, рѣшается нападать на довольно большихъ уже зайцевъ и на почти взрослыхъ или утомленныхъ куропатокъ, не прочь стянуть на дворъ и цыпленка; изрѣдка она промышляетъ даже рыбной ловлей. Кошка причиняетъ много хлопотъ и горя кухаркѣ, такъ какъ при всякомъ удобномъ случаѣ распоряжается въ кладовой на правахъ домочадца. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что рѣшаетъ дѣло вся наличная сумма приносимой ею пользы, а сумма эта значительно превосходитъ вредъ отъ нея.

Домашняя кошка (*Felis maniculata domestica*) имѣетъ мало разновидностей. Въ Германіи, а частью и въ Россіи, встрѣчаются слѣдующія цвѣтотыя варіаціи кошки. Совершенно черная съ бѣлымъ пятномъ по срединѣ груди; совершенно бѣлая; рыжевато-желтая и цвѣта лисьяго мѣха; рыжаго цвѣта съ такими же но болѣе темными поперечными полосами; одноцвѣтная голубоватосѣрая; свѣтло-сѣрая; въ болѣе темныхъ полосахъ и, наконецъ, трехцвѣтная: въ крупныхъ бѣлыхъ, желтыхъ или желто-бурыхъ и черныхъ или бурыхъ пятнахъ. Голубовато-сѣрыя очень рѣдки, свѣтло-сѣрыя или кипрскія кошки — часты; настоящія кипрскія кошки должны, однако, непременно имѣть черныя подошвы на заднихъ лапахъ и черныя подушки, мозолистыя возвышенія, на подошвахъ переднихъ. Самыми красивыми считаются, такъ называемыя, зебровыя кошки; онѣ въ темно-сѣромъ или черно-буromъ тигровомъ рисункѣ. Весьма замѣчательно, что трехцвѣтныя кошки (которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считаютъ вѣдьмами и вслѣдствіе этого избиваютъ) почти всѣ безъ исключенія самки.

За рассу въ настоящемъ смыслѣ этого слова почти всѣми признается ангор-

ская кошка (*Felis maniculata domestica angorensis*), принадлежащая къ числу самыхъ красивыхъ кошекъ; она отличается большимъ ростомъ, мягкимъ какъ шелкъ волосомъ и бываетъ чисто бѣлаго, желтоватаго, сѣроватаго цвѣта или смѣшанной окраски; губы и подошвы ея тѣлеснаго цвѣта.

*

Достаточно одного взгляда на тѣло льва и выраженіе его лица, чтобы вполне искренне согласиться съ воззрѣніемъ всѣхъ древнихъ народовъ, которымъ было знакомо это животное. Левъ — царь среди четвероногихъ хищниковъ, властелинъ между млекопитающими. Если систематикъ и обязанъ признать во львѣ не болѣе какъ кошку, отличающуюся необыкновенно сильнымъ сложеніемъ, то общее впечатлѣніе, дѣлаемое прекраснымъ животнымъ, таково, что изслѣдователь не задумается выбрать для него подобающее мѣсто среди его сородичей.

Львовъ легко отличить отъ всѣхъ остальныхъ кошекъ. Главнѣйшіе признаки ихъ заключаются въ крѣпкомъ сложеніи сильнаго туловища, покрытаго короткими, гладко прилежащими одноцвѣтными волосами, въ широкой лицевой части головы съ небольшими, сравнительно, глазами, въ царской мантии, украшающей плечи самца, и наконецъ, въ кисти волосъ, сидящей на концѣ хвоста. При сравненіи съ другими кошками туловище льва кажется короче, животъ вытянутымъ, а все тѣлосложеніе благодаря этому представляется очень плотнымъ, но ни чуть не неуклюжимъ. Хвостъ оканчивается роговымъ придаткомъ вродѣ ногтя, который скрытъ въ его кисточкѣ и былъ извѣстенъ уже Аристотелю, но отвергался новѣйшими изслѣдователями. Глаза имѣютъ круглый зрачекъ, усы расположены въ 6—8 рядовъ. Но характернѣе всего для льва грива, свойственная впрочемъ лишь самцу; она то и придаетъ животному гордый, царственный видъ.

При полномъ своемъ развитіи грива покрываетъ всю шею и грудь, но подвержена въ общемъ такимъ колебаніямъ въ ту или иную сторону, что по ней отличаютъ нѣсколько подвидовъ этого животного. Правильно ли это или нѣтъ, пусть рѣшаютъ сами читатели, такъ какъ ниже я постараюсь дать краткую характеристику всѣхъ этихъ формъ. Я начну съ варварійскаго льва, такъ какъ именно онъ прославился еще съ древнихъ временъ и получилъ прозвище царя звѣрей за свою смѣлость, отвагу и мощь, за свою храбрость и силу, за геройство, благородство и великодушіе, за свою серьезность и спокойствіе.

Варварійскій левъ (*Felis leo barbarus*), какъ и всѣ его ближайшіе родственники, отличается сильнымъ, плотнымъ тѣлосложеніемъ; передняя часть его тѣла вслѣдствіе широкой груди и подтянутыхъ паховъ, кажется много сильнѣе задней. Толстая, почти четырехугольная голова оканчивается спереди широкой и тупою мордой; уши округлы; глаза средней величины, но живые и полные огня; конечности коротки и необыкновенно сильны; лапы больше, чѣмъ у остальныхъ кошекъ по крайней мѣрѣ абсолютно, а можетъ быть и относительно; длинный хвостъ оканчивается притупленнымъ конусомъ, закрытымъ пушистою кистью волосъ. Гладкая, короткая шерсть свѣтлаго рыжеватого-желтого или блѣдно-бураго цвѣта покрываетъ лицо, спину, бока тѣла, ноги и хвостъ; мѣстами концы волосъ или весь волосъ черный, вслѣдствіе чего и получается нѣкоторая неравномѣрность окраски. Вокругъ головы и шеи вырастаетъ густая и длинная грива. На всемъ протяженіи живота тоже расположены густые длинные волосы; пучками ихъ покрыты даже локти и передняя сторона бедеръ. Все сказанное относится ко взрослому льву самцу, высота котораго у загривка равняется 80—100 сантиметрамъ при длинѣ въ 1,6—1,9 метра безъ хвоста, длина котораго достигаетъ отъ 75 до 90 см. Общая длина животного, отъ конца морды до конца хвоста достигаетъ такимъ образомъ 2,4 до 2,8 метровъ. Только что родившійся левъ имѣетъ въ длину около 33 см., но лишентъ гривы и кисти на хвостѣ; въ это время лъята покрыты волнистыми, сѣроватыми волосами и украшены на головѣ, ногахъ, бокахъ тѣла, по спинѣ и на хвостѣ рисункомъ, безусловно напоминающимъ опытному человеку окраску леопарда. Окраска эта блѣднѣетъ уже на первомъ году жизни,

Левъ (*Felis leo capensis*).

хотя и остается въ слабой степени, особенно у самокъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преимущественно на ногахъ и по бокамъ нижней части туловища. Признаки возмужалости появляются на третьемъ году жизни. Лъвица всегда болѣе или менѣе походить на молодого самца, а отъ стараго отличается тѣмъ, что волосы передней части тѣла не длиннѣе или едва длиннѣе, чѣмъ на остальной. — Варварійскій левъ водится исключительно въ горной системѣ Атласа, т. е. въ сѣверной Африкѣ.



Сенегальская лъвица (*Felis leo senegalensis*). $\frac{1}{14}$ естеств. велич.

Сенегальскій левъ (*Felis leo senegalensis*) отличается отъ варварійскаго тѣмъ, что имѣетъ свѣтлую гриву, хорошо развитую на передней, но слабо на нижней части тѣла, гдѣ она можетъ и совершенно отсутствовать. Съ другой стороны капскій левъ (*Felis leo capensis*), съ которымъ можетъ быть сходенъ и левъ изъ Абиссиніи, характеризуется своимъ большимъ ростомъ и темной гривой. Съ персидскимъ львомъ (*Felis leo persicus*), имѣющимъ гриву, состоящую изъ смѣси бурыхъ и черныхъ волосъ и распространеннымъ отъ Персіи до Индіи, мы знакомы еще такъ мало, что трудно сказать, стоитъ ли онъ ближе къ сенегальскому льву или болѣе сходенъ со львомъ изъ Гузерата въ Индіи, который иногда вовсе лишенъ гривы.

Область распространенія сенегальскаго льва и, можетъ быть, сходнаго съ нимъ капскаго, охватываетъ собою всю среднюю и южную Африку отъ западнаго до восточнаго ея побережья и отъ 20° с. ш. до Капской земли. Онъ часто

встрѣчается въ лѣсахъ по Синему и Бѣлому Нилу, въ Абиссинской горной странѣ и не рѣдокъ во многихъ степныхъ мѣстностяхъ центральной и южной Африки.

Извѣстный уже древнимъ гузеритскій левъ, неправильно называемый также безгривымъ львомъ (*Felis leo guzerutensis*) по рассказамъ, потомъ оказавшимся невѣрными, отличается будто бы меньшимъ ростомъ и отсутствіемъ гривы. На самомъ же дѣлѣ отличительные его признаки составляютъ необыкновенно блѣдный рыжевато-желтый или желтовато-бурый цвѣтъ шерсти, но темная кисть хвоста, а также блѣдныя уши, имѣющія болѣе или менѣе черноватую окраску только у основанія наружной своей стороны.

Тѣ времена, когда можно было собрать для борьбы на аренѣ до 600 львовъ разомъ, прошли безвозвратно и отдѣлены отъ насъ періодомъ тысячелѣтій. Съ тѣхъ поръ царь животныхъ все болѣе и болѣе отделяется отъ властелина всей земли. Человѣкъ повсюду старается проникнуть въ его предѣлы и станетъ вытѣснять его мало-по-малу, пока наконецъ не истребитъ окончательно. Варварійскій левъ водился прежде во всей сѣверо-восточной Африкѣ и въ Египтѣ былъ не рѣже, чѣмъ въ Тунисѣ или въ Фецѣ и Морокко; но заселеніе страны и развитіе культуры все больше и больше вытѣсняли его, такъ что въ настоящее время онъ исчезъ совершенно изъ долины нижняго Нила и почти уже не встрѣчается по всему южному побережью Средиземнаго моря. Но и теперь еще левъ не рѣдокъ въ Алжирѣ и Морокко, а въ Тунисѣ и оазисѣ Фецанѣ составляетъ, по крайней мѣрѣ, вполнѣ нормальное явленіе. Особенно сильно уменьшился онъ въ числѣ въ Алжирѣ, гдѣ его вытѣснили частыя войны французовъ съ арабами и повыбили французскіе охотники на львовъ, напр. Жюль Жераръ. Для сенегальскаго льва обстоятельства сложились благопріятнѣе: вооруженные большею частью копьями, рѣже отравленными стрѣлами и только въ исключительныхъ случаяхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, туземцы центральной Африки не могутъ сильно вредить главнѣйшему изъ своихъ враговъ. Тѣмъ не менѣе даже чернокожій человѣкъ все болѣе и болѣе оттѣсняетъ льва.

Левъ ведетъ жизнь въ одиночествѣ и держится съ самкой только во время спариванія. Въ послѣднѣмъ каждый левъ придерживается въ сѣверной Африкѣ своей собственной области и не вступаетъ изъ за пищи въ борьбу съ другими особями своего вида. Въ южной Африкѣ часто случается, что львы соединяются по нѣсколько для совмѣстной охоты. По Ливингстону они охотятся по 6—8 штукъ. Въ исключительныхъ обстоятельствахъ ихъ собирается и еще больше. Селусъ, отчеты котораго относятся къ новѣйшему времени, говоритъ также, что „въ центрѣ южной Африки встрѣчаешь общества въ 4—5 львовъ чаще, чѣмъ одинокихъ животныхъ; не рѣдки также стайки въ 10 или 12 штукъ“.

Левъ не живетъ въ обширныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, но любитъ болѣе открытыя мѣстности: травянистые луга съ кустарникомъ, кустарниковыя заросли, скудныя, поросшія кустарникомъ степи и пустынные мѣста, гдѣ бы они не находились — въ горахъ или на равнинѣ. Для своего логовища онъ избираетъ какое либо плоское углубленіе въ защищенномъ мѣстѣ, въ Суданѣ чаще всего въ кустарникѣ, а на югѣ Африки въ высокихъ тростниковыхъ заросляхъ, тянущихся широкой каймой вдоль береговъ рѣкъ, текущихъ лишь въ дождливое время года; за отсутствіемъ таковыхъ онъ довольствуется и зарослями колючихъ кустарниковъ. Въ такомъ логовищѣ онъ остается одинъ или нѣсколько дней, смотря по тому насколько мѣстность доставляетъ ему пищу и безопасность. Странствуя, онъ останавливается тамъ, гдѣ застанетъ его утро.

Въ общемъ привычки его сходны съ привычками другихъ кошекъ, но во многомъ онъ значительно отличается отъ нихъ. Онъ лѣнивѣе, чѣмъ другіе виды этого семейства, не любитъ предпринимать большихъ переходовъ и старается устроиться какъ можно поудобнѣе. По наблюденіямъ Селуса южно-африканскій левъ предпочитаетъ пользоваться дичью, убитой охотникомъ, вмѣсто того, чтобы добывать ее самому. Такъ, напримѣръ, въ восточномъ Суданѣ онъ обыкновенно слѣдуетъ за кочевниками куда бы они ни пошли. Вмѣстѣ съ ними онъ идетъ въ

степь и съ ними же возвращается обратно въ лѣсъ; онъ считаетъ ихъ за своихъ данниковъ и дѣйствительно беретъ съ нихъ самые тяжкіе поборы.

Левъ ведетъ ночной образъ жизни; днемъ его рѣдко встрѣчаешь, а въ лѣсу случайно на него никогда не наткнешься: здѣсь его необходимо искать какъ слѣдуетъ и выгнать изъ логовища собаками. Къ деревьямъ левъ приближается не ранѣе третьяго часа ночи. „Онъ возвѣщаетъ“, говорятъ арабы, „тремя рычаніемъ о своемъ выступленіи, предостерегая тѣмъ всѣхъ животныхъ не попадаться ему на пути“. Къ сожалѣнію это благосклонное мнѣніе о немъ покоится на шаткихъ основаніяхъ, потому что, по моимъ наблюденіямъ, онъ столь же часто подкрадывается къ деревнѣ молча и рычитъ уже только тогда, когда схватитъ быка или корову. Другіе наблюдатели тоже рассказываютъ, что левъ подбирается, не давая о себѣ знать, „яко татъ въ нощи“.

И все же арабы не говорятъ неправды: они только ложно толкуютъ извѣстный фактъ. Мнѣ самому, конечно, не приходитъ на мысль видѣть въ ревѣ льва предостереженіе объ опасности, но какъ разъ обратно — желаніе встревожить всю область охоты съ цѣлью заставить животныхъ подняться изъ логовища и бѣжать и тѣмъ доставить добычу, если не ему самому, то, можетъ быть, товарищу, участвующему въ охотѣ сообща и находящемуся гдѣ-нибудь въ засадѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я даже вполнѣ убѣжденъ, что на сѣверѣ левъ преднамѣренно реветъ въ виду загона для скота, рассчитывая побудить его вырваться за ограду. Я постараюсь описать одно изъ подобныхъ нападеній льва.

Съ закатомъ солнца кочевникъ загналъ свое стадо въ надежную серибу, представляющую собою ограду до 3 метровъ высоты и около 1 метра толщины, которая дѣлается изъ густо переплетенныхъ между собою колючихъ вѣтвей мимозы и представляетъ самый надежный оплотъ, какой тамъ только можно возвести. Овцы сзываютъ своихъ ягнятъ блеяніемъ, коровы уже выдоены и улеглись, стражу держитъ стая бодрствующихъ собакъ. Становится все тише и спокойнѣе, шумъ окончательно умолкаетъ; надъ скотомъ воцаряется мирная тишина. Жены и дѣти владѣльца стада удалились въ одну изъ палатокъ и успѣли уже заснуть. Мужчины покончили свои послѣднія дѣла и тоже собираются на ночлегъ. Козодои распѣваютъ на сосѣднихъ деревьяхъ свою ночную пѣсню или носятся по воздуху, распутивъ свой длинный, ступенчатый хвостъ; они часто и охотно приближаются къ серибѣ, какъ духи, шныряя надъ спящимъ стадомъ. Больше ничто не нарушаетъ тишины и покоя. Замолкли даже визгливыя собаки, хотя и не заснули, вѣрно неся свою службу.

Вдругъ, земля точно вздрогнула: въ ближайшемъ сосѣдствѣ заревѣлъ левъ! Теперь онъ оправдываетъ свое названіе „эсседъ“, т. е. возмутитель; и дѣйствительно, большаго смятенія и сильнѣйшей тревоги, какія происходятъ въ этотъ моментъ въ серибѣ, даже представить себѣ нельзя. Какъ безумныя бросаются овцы къ колючему плетню, козы издаютъ громкое блеяніе, рогатый скотъ собирается въ беспорядочную кучу, испуская стонъ отъ страха, верблюды напрягаютъ всѣ усилія, чтобы разорвать свою привязь и убѣжать, а отважныя собаки, побѣждавшія леопардовъ и гіенъ, громко и жалобно воютъ, надѣясь найти спасеніе у своего хозяина. Однимъ громаднымъ прыжкомъ перепрыгиваетъ могучій звѣрь черезъ высокую ограду, чтобы избрать себѣ жертву. Однимъ ударомъ своей ужасной лапы сбиваетъ онъ молодого быка, сильныя челюсти и зубы ломаютъ безпомощному животному шейные позвонки. Глухо рыча, лежитъ разбойникъ на своей добычѣ; живые глаза его ярко сіяютъ торжествомъ побѣды и жадностью; онъ хлещетъ по воздуху своимъ хвостомъ. Вотъ онъ выпускаетъ на мгновеніе издыхающее животное, но тотчасъ же хватаетъ его снова своими сокрушающими зубами: онъ замѣтилъ, что оно еще двигается. Теперь онъ можетъ отступить. Ему необходимо вернуться черезъ ограду, но нужно перенести черезъ нее и свою жертву. Онъ долженъ собрать всю свою силу, чтобы перепрыгнуть съ добычей въ зубы. Но это ему всегда удается: я видѣлъ серибу выше человеческого роста, черезъ которую отступилъ левъ съ двухгодовалымъ быкомъ въ зубахъ; я видѣлъ вдавленіе, произведенное тяжелой ношей на вершинѣ забора, а

также замѣтилъ углубленіе, выбитое въ песокъ свалившейся добычею прежде, чѣмъ левъ повлекъ ее дальше. Прибавимъ, однако, что рогатый скотъ въ тѣхъ странахъ не такъ тяжелъ, какъ у насъ въ Европѣ. Часто приходится видѣть вполне отчетливо борозду на песокъ, оставленную увлеченнымъ животнымъ, вплоть до того мѣста, гдѣ оно было растерзано.

Вполнѣ понятно, что всѣ животныя, имѣвшія случай познакомиться со львомъ, дрожать отъ страха, какъ только онъ зареветъ. Не слѣдуетъ однако думать, что ревъ льва раздается въ пустынѣ часто. Обыкновенно, издаваемые имъ звуки много тише; это, — во первыхъ, протяжный звукъ, напоминающій мяуканье исполинской кошки, во вторыхъ, глухое ворчаніе или рычаніе и, наконецъ, короткое, издаваемое въ видѣ кашля, „гуффъ“ или „вау“ при испугѣ. Настоящій же ревъ испускается настолько рѣдко, что людямъ, жившимъ въ странѣ, населенной этой кошкою, вовсе не приходилось его слышать. Ревъ, однако, весьма характеренъ для этого звѣря: онъ является какъ бы выраженіемъ силы животнаго и представляется единственнымъ въ своемъ родѣ; силой звука онъ превосходитъ голоса всѣхъ остальныхъ существъ, за исключеніемъ, можетъ быть, самца гиппопотама, который кричитъ, по словамъ Пехуэля-Лёше, еще громче. Арабы очень мѣтко называютъ его словомъ: „раадъ“, что означаетъ — громъ гремитъ. Кажется, что онъ вырывается изъ самой глубины груди и будто хочетъ разорвать ее.

Описать впечатлѣніе, производимое звуками голоса царя звѣрей среди его подданныхъ, совершенно нельзя. Смолкаетъ, хоть на нѣсколько мгновеній, завываніе гіены; леопардъ перестаетъ рычать; обезьяны начинаютъ громко кричать и испуганно взбираются на самыя верхнія вѣтви; бѣшено рвутся антилопы черезъ чащу кустарника; шумное стадо смолкаетъ; дрожитъ и не слушается оклика своего погонщика навьюченный верблюдъ, стараясь сбросить ношу и сѣдока и спастись бѣгствомъ; лошадь становится на дыбы, сопить, раздуваетъ ноздри и пятится назадъ; не приученныя къ охотѣ собаки съ визгомъ ищутъ спасенія у своего господина — словомъ, вполнѣ оправдывается картина, рисуемая Фрей-лигратомъ:¹

„Dem Panther starrt das Rosenfell,
Erzitternd flüchtet die Gazell',
Es lauscht Kamel und Krokodil
Des Königs zürnendem Gebrüll“

Сѣверо-африканскій левъ поселяется, гдѣ это только возможно, близъ деревень и совершаетъ свои набѣги исключительно на нихъ. Это пренепріятный сосѣдъ, который не такъ-то легко даетъ себя прогнать; къ тому же онъ вызываетъ при своихъ нападеніяхъ не малую долю хитрости. „Состарившись для охоты за дикимъ звѣремъ, левъ“, говоритъ Ливингстонъ, „идетъ въ деревню за козами, если же на пути попадается ему женщина или ребенокъ, то они также становятся его добычей. Всѣ львы, нападающіе на людей, стары и, разъ опасный хищникъ появился въ деревнѣ и утащилъ козу, туземцы говорятъ: зубы его при-тупились, онъ скоро теперь умертвитъ и человѣка“.

Совершенно иначе, чѣмъ при нападеніи на домашнихъ животныхъ, ведетъ себя левъ, если охотится за дикими. Онъ знаетъ, что послѣднія чуютъ его на значительномъ разстояніи и достаточно быстры, чтобы спастись отъ него бѣгствомъ. Вслѣдствіе этого, онъ подкарауливаетъ ихъ или подкрадывается къ нимъ изъ-подъ вѣтра крайне осторожно, часто въ сообществѣ съ себѣ подобнымъ и притомъ не только въ ночное время, но и средь бѣлаго дня. Тѣмъ не менѣе, такая охота днемъ всегда составляетъ исключеніе изъ общаго правила; обыкновенно же левъ выжидаетъ по крайней мѣрѣ сумерекъ и, только съ наступленіемъ ихъ, выходитъ на охоту. Онъ слѣдуетъ за стадами дикихъ животныхъ такъ же, какъ

¹ „Дыбомъ встала шерсть пантеры,
Бѣжитъ газель, дрожа;
Прислушиваются верблюдъ и крокодилъ
Къ грозному реву царя“

и за стадами домашнихъ, и ложится на сторожку подобно другимъ кошкамъ по близости наиболѣе посѣщаемыхъ тропъ. Львы отыскиваютъ также для ловли добычи водоюн въ степи, къ которымъ животныя собираются, чтобы утолить жажду.

По Ливингстону, левъ хватаетъ свою добычу обыкновенно за шею, а также за пахъ, съ котораго охотнѣе всего начинаютъ пожирать ее. Селусъ тоже подтверждаетъ, что левъ рветъ свою добычу всегда съ задней части тѣла и прежде всего съѣдаетъ внутренности и нѣжные органы. Тотъ же наблюдатель видѣлъ, что иногда левъ оставляетъ эти лакомые куски на слѣдующую ночь, свертывая ихъ и зарывая въ землю, несомнѣнно для того, чтобы оградить отъ грифовъ, которые бы склевали ихъ днемъ. О томъ, какъ онъ справляется со своей добычей, Селусъ говоритъ слѣдующее: „опытъ привелъ меня къ убѣжденію, что левъ нападаетъ на животныхъ весьма различно. Я видѣлъ лошадь, молодого слона и двухъ антилопъ, умерщвленныхъ укусомъ въ горло, но, съ другой стороны, я видѣлъ лошадь и нѣсколькихъ зебръ убитыхъ укусами въ затылокъ. Я предполагаю, что съ буйволами онъ справляется иногда путемъ вывиха шейныхъ позвонковъ; для этого онъ вспрыгиваетъ животному на плечо, хватая морду лапою и производитъ крутой поворотъ затылка. Я видалъ и убивалъ массу буйволовъ, которые благополучно спасались отъ его когтей, но у которыхъ были страшно раскусаны плечи и затылокъ“.

Левъ предпочитаетъ охотиться за крупными животными, хотя не пренебрегаетъ и мелкими, если они ему попадаютъ. Увѣряютъ, что иногда онъ довольствуется даже саранчей. Нормально онъ гоняется, однако, за крупной дичью; это видно уже изъ того, что онъ чаще всего встрѣчается тамъ, гдѣ водится много крупныхъ жвачныхъ. Главную пищу его всегда составляютъ различный домашній скотъ, зебры, всѣ антилопы и дикія свиньи. Въ крайности онъ не отказывается и отъ падали. Селусъ говоритъ: „южно-африканскій левъ часто бываетъ обжорой, не пренебрегающимъ даже отвратительной пищей. Въ мѣстностяхъ, гдѣ бьютъ слоновъ, онъ часто насыщается вонючимъ, разлагающимся подъ тропическимъ солнцемъ мясомъ великановъ, которое кишитъ личинками мухъ; онъ возвращается каждую ночь на это грязное пиршество до тѣхъ поръ, пока не останется ни куска мяса“. Конечно, львамъ помогаютъ при этомъ различные захребетники, которые не прочь воспользоваться случаемъ пообѣдать за царскимъ столомъ. Лѣнныя и трусливыя гіены и всѣ виды настоящихъ собакъ находятъ весьма удобнымъ пользоваться чужой добычей и наѣдаются до отвала, какъ только левъ удалится. Левъ, правда, не всегда терпитъ ихъ за своей трапезой и при этомъ случаются иногда серьезные схватки.

На человѣка левъ нападаетъ крайне рѣдко: высокій ростъ человѣка внушаетъ ему, повидимому, уваженіе. Въ Суданѣ, по крайней мѣрѣ, гдѣ „возмутитель“ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ часто, вовсе неизвѣстно случаевъ, чтобы левъ съѣдалъ человѣка. Здѣсь люди чаще становятся жертвой крокодиловъ и даже гіенъ, чѣмъ добычей льва. Въ южной же Африкѣ, наоборотъ, извѣстно много примѣровъ, когда львы нападали на людей, врывались въ огороженный станъ, несмотря на сторожевые огни, съ цѣлью унести домашнее животное и даже схватить человѣка, сидящаго у костра. По всей вѣроятности, звѣрей вынуждаетъ къ этому лишь самый сильный голодъ, какъ ту сильную, полную жизни львицу съ совершенно пустымъ желудкомъ, о которой рассказываетъ Селусъ. Она трижды нападала въ одну и ту же ночь на лагерь, не взирая на горѣвшій костеръ, стражу и направленные въ нее выстрѣлы; первый разъ она схватила лошадь, а слѣдующіе — двухъ туземцевъ отъ самого огня, но во время отгонялась и въ концѣ концовъ была убита. „Голодный левъ — это самъ дьяволъ“ говорятъ въ южной Африкѣ. Въ этомъ состояніи онъ нападаетъ на человѣка, какъ днемъ, такъ и ночью, будучи сильнымъ или одряхлѣвшимъ и слабымъ; если же опытъ научить его, какъ легко подкрасться къ человѣку и справиться съ нимъ, то онъ начинаетъ чаще стремиться къ такой пріятной поживѣ. Настоящіе „людодѣды“ вырабатываются, однако, даже тамъ рѣдко, потому что туземцы южной

Африки не принадлежать къ числу людей, которые долго стали бы терпѣть притѣсненія льва.

Южно-африканскій левъ описанъ лучше и обстоятельнѣе всего Селусомъ. „Мнѣ всегда казалось“, говоритъ онъ, „что слово „величественный“ замѣчательно не подходитъ къ дикому льву, такъ какъ днемъ онъ имѣетъ неувѣренный, пугливый видъ, вовсе несовмѣстный съ понятіемъ о величіи. Для этого онъ долженъ былъ бы держать голову высоко, а онъ дѣлаетъ это рѣдко. На ходу онъ низко опускаетъ ее, ниже, чѣмъ линія спины, и подымаетъ ее иногда только при встрѣчѣ съ человѣкомъ; онъ окидываетъ взглядомъ нарушителя спокойствія, снова опускаетъ голову и, ворча, убѣгаетъ прочь. Будучи поставленъ въ безвыходное положеніе, онъ закидываетъ межъ плечъ голову съ раскрытою пастью и разгорѣвшимися глазами, бьетъ хвостомъ по бокамъ и издаетъ непрерывное рычаніе; въ эту минуту видъ его, конечно, грознѣе, чѣмъ какого либо другого животного, но и тогда не представляетъ ничего величественнаго. Берегись льва, который быстро, два или три раза подрядъ, вертикально вскидываетъ хвостомъ: это почти постоянно является признакомъ непосредственно слѣдующаго нападенія. Днемъ львы почти всегда отступаютъ передъ человѣкомъ, даже тогда, когда ихъ застаютъ за только что убитымъ животнымъ и можно предполагать, что они голодны. Но если раздражить или ранить льва, то необходимо ожидать нападенія съ его стороны. По моимъ наблюденіямъ, львы склонны къ нападенію на человѣка больше всѣхъ остальныхъ южно-африканскихъ звѣрей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться. Я считаю ихъ болѣе опасными животными, чѣмъ слоны, буйволы и носороги, такъ какъ львы прекрасно таятся, быстры въ движеніяхъ своихъ и ловки при нападеніи. Подобно человѣку и другимъ животнымъ, отдѣльныя особи льва имѣютъ далеко не одинаковый характеръ, а потому нельзя по поведенію одного изъ нихъ судить о томъ, какъ поступить другой; вслѣдствіе этого, я отрицаю право называть львовъ трусливыми звѣрями только потому, что кому нибудь случилось убить двухъ или трехъ изъ нихъ, которые не обнаружили мужества. Изъ того, что несчастныхъ случаевъ при столкновеніи съ буйволами бываетъ больше, чѣмъ при стычкахъ со львами, нельзя еще заключать, что первые опаснѣе; это просто объясняется рѣдкостью льва; такъ, напримѣръ, на охотахъ, по крайней мѣрѣ въ семидесятыхъ годахъ, мнѣ приходилось встрѣчать 1 льва на 50 буйволовъ“.

Внушающая почтеніе внѣшность льва, его громадная сила и смѣлая отвага признавались издревле и всегда служили источникомъ удивленія. И, если удивленіе это оказывалось иногда преувеличеннымъ, а льву приписывали качества, которыми онъ не обладалъ въ дѣйствительности, то все же оно не совсѣмъ безосновательно. Въ качествахъ, признанныхъ за львомъ выдающимися естествоиспытателями, по моему мнѣнію, исполнѣ достаточно и благородныхъ чертъ. Тотъ, кто познакомился со львомъ ближе, тотъ, кто, подобно мнѣ, ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, имѣлъ дѣло съ живущимъ въ неволѣ, тотъ испытаетъ то же, что и я. Онъ станетъ любить и уважать его, какъ только можетъ любить и уважать человѣкъ животное.

Черезъ 15—16 недѣль или черезъ 100—108 дней послѣ спариванія львица мечетъ отъ 1—6, обыкновенно же отъ 2 до 3 дѣтенышей. Львята появляются на свѣтъ зрячими и бываютъ въ это время величиною съ полувзрослую кошку. Львица обращается съ ними до крайности нѣжно, и трудно представить себѣ зрѣлище болѣе привлекательное, чѣмъ львица со своими дѣтенышами. Прелестныя крохотныя созданія играютъ другъ съ другомъ, какъ веселые котята, а мать смотритъ на ихъ дѣтскія игры хотя и строго, но все же съ безконечнымъ удовольствіемъ. Наблюдать подобныя картины приходится не рѣдко, потому что львицы часто мечутъ дѣтенышей въ неволѣ. Въ благоустроенномъ и находящемся подъ хорошимъ руководствомъ зоологическомъ саду львовъ разводятъ въ настоящее время почти столь же вѣрно и правильно, какъ и собакъ; они рождаются и выращиваются даже въ звѣринцахъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, животнымъ дается не только мало простора для движенія, но и недостаточно пищи.

Въ первое время по рожденіи лвъята довольно безпомощны: они научаются ходить лишь на второмъ году жизни, а дѣтскія игры между ними начинаются еще позже. Сначала они мяукаютъ совершенно какъ кошки, впослѣдствіи же голосъ ихъ становится сильнѣе и полнѣе. Въ играхъ они глуповаты и неуклюжи, но со временемъ становятся смышленнѣе и ловчѣе. Къ концу перваго года они достигаютъ роста крупной собаки. На третьемъ году появляются у самца признаки гривы, но полного роста и окончательной окраски оба пола достигаютъ только на шестомъ или седьмомъ году. Возрастъ, достигаемый львомъ, находится въ прямомъ отношеніи къ такому тихому росту. Извѣстны случаи, когда львы доживали даже въ неволѣ до 70 лѣтъ, хотя здѣсь они довольно скоро дряхлѣютъ и теряютъ свою красоту, несмотря и на хорошій уходъ.

Пойманные молодыми львы становятся, при правильномъ съ ними обращеніи, очень ручными. Они начинаютъ признавать человѣка своимъ хозяиномъ и привязываются къ нему тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ съ ними занимается. Трудно представить себѣ болѣе милое существо, чѣмъ подобный прирученный левъ, который забылъ свою свободу, мнѣ хотѣлось бы сказать — свое львиное достоинство; и отдался человѣку всею душою.

При хорошемъ питаніи левъ долго выдерживаетъ неволю. Онъ нуждается приблизительно въ четырехъ килограммахъ хорошаго мяса ежедневно; при этомъ онъ пользуется прекраснымъ здоровьемъ, становится упитаннымъ и въ мѣру жирнымъ.

Никто понятно не удивится, что африканецъ старается истребить льва всѣми имѣющимися у него наличными средствами. Однако страхъ передъ нимъ вовсе не такъ великъ, какъ принято у насъ думать. Не ежедневно приходится встрѣчаться съ могучимъ звѣремъ даже тамъ, гдѣ онъ водится и постоянно. Не безпрестанно нападаетъ онъ и на стада, а чаще охотится за дикими животными. Нѣкоторымъ племенамъ онъ прямо-таки приноситъ пользу своими охотами: бушмены часто, благодаря ему, получаютъ вкусный, питательный обѣдъ. Они обыскиваютъ раннимъ утромъ мѣстность, гдѣ онъ охотился, и часто на долю ихъ выпадаетъ порядочное количество остатковъ отъ добычи, зарѣзанной львомъ въ теченіе ночи. Они не прочь даже отогнать льва отъ его добычи, чтобы имъ осталось побольше.

Но и сѣверо-африканцы мало жалуются на вредъ, наносимый имъ львами. Говорятъ, конечно объ его хищническихъ похожденіяхъ, но безъ особаго негодованія за понесенную уже потерю скота или за имѣющуюся еще въ виду; къ дѣлу относятся скорѣе фаталистически, какъ къ чему то неизбежному. Зато европейскіе переселенцы руководствуются совершенно иными понятіями о цѣнности своего имущества, чѣмъ безпечные африканцы. По исчисленію Жюль Жерара, 30 львовъ, жившихъ въ провинціи Константинѣ, причинили въ 1855 году однимъ уничтоженіемъ скота убытокъ въ 135,000 германскихъ марокъ; каждый левъ съѣлъ такимъ образомъ, скота на 4500 марокъ. Въ 1856 и 1857 годахъ только въ одной Бонѣ держалось, по даннымъ того же наблюдателя, 60 львовъ, которые зарѣзали до 10,000 головъ различнаго скота. Въ глубинѣ страны вредъ, конечно, менѣе ощутителенъ, потому что скотоводство ведется здѣсь, какъ единственная статья дохода жителей, въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ земледѣліе. И, тѣмъ не менѣе, онъ все же довольно таки чувствителенъ и несчастный скотоводъ иногда приходитъ просто въ отчаяніе отъ произведенныхъ львомъ опустошеній.

Въ горной странѣ Атласа за львомъ охотятся различными способами. Когда левъ поселится по сосѣдству со становищемъ какого-нибудь племени бедуиновъ и станетъ тягстить ихъ, то всѣ способные носить оружіе мушины окружаютъ кустарниковую заросль, въ которой скрывается заклятый врагъ ихъ. Они стараются выгнать его оттуда криками и выстрѣлами, и, если онъ появляется, пускаютъ въ него такую массу пуль, что обыкновенно убиваютъ его; иногда, правда случается, что левъ успѣваетъ передъ тѣмъ страшно изувѣчить или умертвить нѣсколькихъ изъ своихъ преслѣдователей. Львовъ стрѣляютъ также и на стоянкѣ. Арабы выкапываютъ для этой цѣли яму, плотно закрываютъ ее сверху, оставляя только

отверстія для ружья, а по близости кладутъ для приманки убитаго кабана; или же они влѣзаютъ на деревья и стрѣляютъ съ нихъ во льва. Кромѣ того, арабы горной системы Атласа ловятъ льва ямами, имѣющими 10 метровъ глубины и 5 метровъ ширины. Коль скоро въ такую яму попался левъ, къ ней сбѣгается вся округа и при этомъ производитъ неописуемый шумъ. Каждый изъ пришедшихъ считаетъ своимъ долгомъ кричать, ругаться и бросать во льва камнями, но сильнѣе всего предаются этому занятію женщины и дѣти. Въ концѣ концовъ мушкетеры застрѣливаютъ животное. Спуститься внизъ рѣшаются не раньше, чѣмъ левъ станетъ совершенно неподвижнымъ; тогда привязываютъ къ ногамъ его веревки и не безъ труда поднимаютъ наверхъ, такъ какъ взрослый левъ-самецъ вѣситъ иногда до 200 килограммовъ. Каждому изъ участвовавшихъ при этомъ мальчику даютъ съѣсть кусочекъ львиного сердца, чтобы онъ сдѣлался храбрымъ. Волоса гривы употребляются въ качествѣ амулетовъ, такъ какъ вѣрятъ, что носящій ихъ будетъ пощаженъ львомъ.

Въ Библіи левъ упоминается часто, а у евреевъ было для него много именъ. Греки и римляне повѣствуютъ очень подробно о царственномъ звѣрѣ, сообщая при этомъ массу сказокъ.

Бой львовъ устроилъ впервые эдилъ Сцевола, а затѣмъ диктаторъ Сулла, который владѣлъ уже 100 львами. Помпей заставлялъ биться одновременно 600, а Юлій Цезарь, по крайней мѣрѣ, 400 львовъ. Долгое время ловля ихъ была крайне тяжелымъ дѣломъ и производилась обыкновенно при помощи ямъ. Но при Клавдіѣ одинъ пастухъ совершенно случайно открылъ весьма легкій способъ поймать льва: онъ накинулъ ему на голову свою одежду и левъ былъ такъ озадаченъ случившимся, что спокойно далъ поймать себя. Въ циркѣ способъ этотъ практиковался потомъ довольно часто. Маркъ Антоній проѣхался послѣ Фарсальской битвы съ одной актрисой по городу въ колесницѣ, запряженной львами. Ганонъ, извѣстный уже намъ кареагенянинъ, былъ первымъ, собственноручно управлявшимъ прирученнымъ львомъ. Онъ былъ изгнанъ за это, однако, изъ своего, отечества, такъ какъ подумали, что человекъ, занимающійся прирученіемъ львовъ, станетъ стремиться подчинить себѣ и своихъ согражданъ. Императоръ Адрианъ часто убивалъ въ циркѣ до 100 львовъ за разъ, а Маркъ Аврелій приказалъ убить стрѣлами болѣе сотни. Вслѣдствіе этого львы значительно уменьшились въ числѣ и, чтобы добывать для арены въ достаточномъ количествѣ, пришлось запретить частнымъ лицамъ охотиться за ними въ Африкѣ. Тѣмъ не менѣе послѣдній часъ наступилъ для царственного животнаго лишь со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія.

*

Уже со времени Аристотеля и Плинія существуетъ разногласіе между изслѣдователями относительно таксономическаго значенія трехъ кошекъ Стараго Свѣта — пантеръ, которыхъ зовутъ леопардомъ, пантерой и зондской пантерой и считаютъ то разновидностями одного и того же животнаго, то тремя различными видами.

Леопарду (*Felis pardus*) приписываются слѣдующіе признаки. Общая длина тѣла въ 170—200 сантиметровъ, при которыхъ отъ 60 до 80 приходится на хвостъ. Голова велика и округлая, морда мало выдается: шея очень короткая; туловище плотное; тѣлосложеніе вообще крѣпкое; ноги средней длины и достаточно толстыя, лапы не особенно велики. Основной цвѣтъ животнаго блѣдный рыжеватого-желтый; онъ темнѣетъ на спинѣ и переходитъ въ свѣтло или бѣло-желтый въ области горла и на передней части груди, въ желтовато-бѣлый на брюхѣ и на внутренней поверхности конечностей. Лицо, верхъ головы, затылокъ, бока головы и шеи, плечи, плечевой и предплечевой отдѣлы передней ноги, бедра и голени снаружи, горло и передняя часть груди густо покрыты сплошными круглыми пятнами чернаго цвѣта, который варьируютъ въ величинѣ отъ горошинъ до грецкаго орѣха. Нѣкоторыя изъ этихъ пятенъ располагаются поперечными рядами, другія, напр. на плечахъ и на ногахъ, сливаются въ болѣе или менѣе

неправильные темные участки. Немногія изъ нихъ являются въ видѣ колець, окружающихъ свѣтлое ржаво-желтое пятно, которое всегда болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ основной фонъ. Рисунокъ нижней части тѣла и внутренней стороны ногъ состоитъ, наконецъ, изъ простыхъ или двойныхъ сплошныхъ пятенъ. Ухо снаружи сѣро-чернаго цвѣта съ крупнымъ бѣловатымъ пятномъ на концѣ. Глаза съ зеленовато-желтой радужиной и круглымъ зрачкомъ. Половыхъ и возрастныхъ отличій въ цвѣтѣ вовсе нѣтъ, такъ что молодыя, сдѣлавшіяся самостоятельными, почти не отличаются отъ взрослыхъ; встрѣчаются однако болѣе темныя и даже черныя особи. Леопарды блестящаго буро-чернаго цвѣта, кажушіеся пятнистыми лишь



Леопардъ (*Felis pardus*). $\frac{1}{12}$ естеств. веллч.

при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, носятъ въ Абиссиніи названіе гезела; за ними ревностно охотятся вслѣдствіе цѣнности такихъ шкуръ.

Пантера (*Felis panthera*) характеризуется слѣдующими признаками. Общая длина тѣла 200—240 сантиметровъ, изъ нихъ на хвостъ приходится около 82—96 см. Голова умѣренно велика и продолговато-круглая, морда явственно выдается, шея короткая; туловище плотное, но вытянутое; ноги сильны и сравнительно очень толсты, лапы велики. Основной цвѣтъ животного свѣтлый, охристо-желтый, на спинѣ переходитъ въ темный рыжевато-желтый, на брюхѣ и внутренней сторонѣ въ желтовато-бѣлый, какъ у леопарда, но болѣе яркій. Пятнистость головы слабѣе, чѣмъ у послѣдняго вида, самыя пятна нѣсколько мельче, почему голова кажется болѣе свѣтлой. Кромѣ головы, затылка, боковъ или горла и верхней части груди сплошныя, сливающіяся изъ двухъ или трехъ, пятна находятся еще только на плечевой части переднихъ ногъ и на голеняхъ, а плечи, бока тѣла и бедра покрыты глазчатыми пятнами. Всѣ эти глазчатые или кольцеобразныя пятна отличаются отъ таковыхъ же леопарда своею величиною: широкое срединное поле яркаго рыже-желтаго цвѣта, а окружающія его полулунныя черныя пятна

малы и группируются изъ 2, 3 и 4, рѣже изъ 5 пятнышекъ, такъ что каждое кольцообразное пятно составляется изъ 5 и 7 или 8 пятнышекъ.

Зондскую или длиннохвостую пантеру (*Felis variegata*) съ Суматры и Явы, собственно говоря, вовсе не слѣдовало бы смѣшивать съ леопардомъ и обыкновенной пантерой. Ей приписываются слѣдующіе признаки: малая, длинная голова, удлиненная шея, очень вытянутое туловище, хвостъ длиною по крайней мѣрѣ съ туловище, низкія, сильныя ноги со сравнительно очень большими лапами и, наконецъ, характерный рисунокъ. Кольцообразныя пятна этого вида много мельче и темнѣе, чѣмъ у двухъ родственныхъ формъ, и расположены другъ къ другу ближе, чѣмъ у нихъ. Вслѣдствіе этого, мѣхъ получаетъ черно-синій отблескъ, выступающій рѣзче всего въ томъ случаѣ, если держать шкуру на уровнѣ глаза противъ свѣта. Основной цвѣтъ животного темный глинисто-желтый, срединныя поля кольцообразныхъ или глазчатыхъ пятенъ буровато-желтыя, а брюхо и внутренняя сторона конечностей сѣровато или желтовато-бѣлыя.

Такъ называемая черная пантера или черный леопардъ (*Felis melas*) есть ни что иное, какъ черноватая особи отличныхъ формъ пантеръ, такъ какъ по даннымъ полученнымъ Розенбергомъ отъ яванцевъ онѣ встрѣчаются, въ одномъ и томъ же помѣтѣ съ нормально окрашенными и притомъ не только на островахъ, но и на континентѣ. По Сандерсону, такія меланистическія особи встрѣчаются исключительно въ густыхъ обширныхъ лѣсахъ, а не повсюду, какъ индивиды нормальной окраски. Черныхъ пантеръ можно встрѣтить теперь почти въ каждомъ зоологическомъ саду, а въ нѣкоторыхъ ихъ правильно разводятъ. При спариваніи черныхъ пантеръ съ черными получается и черно-окрашенное потомство.

Хотя охотники и торговцы и отличаютъ довольно увѣренно болѣе мелкаго и плотнѣе сложеннаго леопарда отъ болѣе крупной, менѣе плотной пантеры, но въ систематической зоологіи признать ихъ видовое значеніе является невозможнымъ, такъ какъ провести рѣзкую границу между этими двумя формами нельзя. Поэтому систематики считаютъ пантеру и леопарда за одинъ видъ *Felis pardus*, называемый западно-африканскимъ племенамъ банту — нго, въ Персіи — палангъ, въ Индіи — чита, аднара, гонига, керкаль, а малайцами — гаримаубинтангъ. Величина, форма головы, плотное и тонкое тѣлосложеніе, длина хвоста, длина и густота волосъ, основной цвѣтъ мѣха и его рисунокъ представляютъ всевозможные переходы, а желтоватыя или рыжеватыя животныя, а также свѣтло и темно-бурія, какъ и совершенно-черныя, на которыхъ пятнистость замѣтна только при извѣстномъ освѣщеніи, встрѣчаются въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ общей области распространенія. Между пантерами попадаются и альбиносы. Различіе въ величинѣ въ большинствѣ случаевъ зависитъ, вѣроятно, отъ возраста животного, его мѣстопробыванія и пищи, которою оно питается.

Съ различныхъ точекъ зрѣнія можно, такимъ образомъ, говорить о пантерѣ и леопардѣ, какъ объ одномъ животномъ, или о пантерѣ или леопардѣ, какъ о различныхъ кошкахъ; можно также назвать (чему мы и будемъ слѣдовать) африканскую форму леопардомъ, а азіатскую — пантерой. По своему характеру и образу жизни обѣ формы сходны, насколько это допускаютъ ихъ величина и сила. Леопардъ питается обыкновенно мелкою дичью и небольшими домашними животными, тогда какъ пантера нападаетъ преимущественно на крупную дичь и рогатый скотъ, а также на человѣка; по хищническимъ своимъ наклонностямъ она ближе всего стоитъ къ тигру, а въ Индіи ее считаютъ во многихъ мѣстностяхъ даже опаснѣе послѣдняго. Вѣроятно мы узнаемъ о томъ же и изъ Африки, когда она будетъ изслѣдована лучше, но и теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что и здѣсь встрѣчаются значительныя колебанія величины и другихъ внѣшнихъ признаковъ этого животного.

Область распространенія нашей кошки необыкновенно обширна: она обнимаетъ собою всю Африку и всю южную Азію. На западѣ она идетъ на сѣверъ дальше, чѣмъ тигръ, на востокъ — наоборотъ, отстаетъ отъ него въ своемъ рас-



пространеніи къ полюсу. Изъ Персіи и съ нагорья Малой Азіи леопардъ распространяется въ сосѣдную Арменію и до Кавказа. Онъ встрѣчается еще постоянно въ южномъ Дагестанѣ, хотя тутъ сильно уже истребленъ. На западномъ, обращенномъ къ Черному морю, склонѣ Кавказа онъ распространенъ къ сѣверу еще далѣе, гдѣ крайняя граница его доходитъ до Майкопа въ Кубанской области. Граница въ средней Азіи обозначена среднимъ и нижнимъ теченіемъ Аму-Дарьи или, точнѣе, тянущейся вдоль нея туркменской пустыней. Въ Индіи этой кошки нѣтъ по Блэнфордъ въ Пенджабѣ и нѣкоторыхъ частяхъ Синда; она не встрѣчается также и въ нагорной части Центральной Азіи.

Собственно говоря этихъ животныхъ должно назвать молчаливыми, такъ какъ не громкій голосъ ихъ слышится рѣдко. Въ неволѣ они испускаютъ жалобные звуки, напоминающіе крикъ кошки. Въ дикомъ состояніи слышится грубый, повторяемый отъ 3 до 4 разъ звукъ, который, по Пехуэль-Лёше, можно передать словомъ „гура-акъ“; тотъ же крикъ они испускаютъ, если раздражены, испуганы или при нападеніи, но въ этихъ случаяхъ онъ глуше и издается въ видѣ рѣзкаго кашля; кромѣ того къ нему примѣшивается неописуемое злое ворчаніе вродѣ того, которое слышится въ голосѣ разсерженной собаки.

Леопардъ или пантера самая красивая изъ всѣхъ существующихъ кошекъ. Во львѣ мы видимъ царя звѣрей, въ тигрѣ самага опаснаго изъ всей жестокой компаніи, въ оцелотѣ же самага ярко и красиво окрашеннаго члена семьи; но всѣ они, какъ и остальные кошки, далеко оставляютъ за собою леопарда по гармоничности тѣлосложенія, прелести рисунка, силѣ и ловкости движеній, соединенныхъ съ изяществомъ и красотой ихъ. Леопардъ одновременно соединяетъ въ себѣ все, что отличаетъ каждую изъ остальныхъ кошекъ въ отдѣльности, потому что въ немъ получаютъ полнѣйшее свое выраженіе всѣ ихъ качества, какъ физическія, такъ и душевныя. Мягкая лапа его можетъ поспорить съ нѣжной лапкой нашей домашней кошечки, а между тѣмъ она вооружена когтями, не уступающими когтямъ другихъ крупныхъ видовъ; челюсти и зубы его развиты относительно сильнѣе, чѣмъ у его царственнаго родственника. Въ одинаковой степени красивый и гибкій, столь же сильный, какъ и ловкій, одинаково и смѣлый, и хитрый—леопардъ представляетъ хищника въ самомъ законченномъ видѣ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что для промышляющаго хищничествомъ звѣря слишкомъ пестръ его нарядъ, который долженъ былъ бы доставить леопарду возможность скрыться отъ зоркаго глаза его, жертвъ которыхъ онъ добываетъ или скрадываніемъ или подкарауливаніемъ. Но уже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ мѣстностью, гдѣ онъ живетъ, тотчасъ же измѣняешь свое мнѣніе. Стоитъ только лично побывать въ странѣ, имъ населенной, чтобы найти даже вполне естественнымъ, что такое богато окрашенное существо становится едва замѣтнымъ на самомъ близкомъ разстояніи межъ окружающихъ его растеній и каменистыхъ розсыпей. Леопардъ водится всюду, гдѣ есть обширные, густые, высокоствольные или даже рѣдкіе лѣса и встрѣчается здѣсь довольно часто. Онъ не особенно любитъ травянистыя равнины, хотя вовсе не рѣдокъ въ степяхъ; въ мѣстахъ населенныхъ онъ держится въ поляхъ, на плантаціяхъ или въ сосѣднихъ съ ними кустарникахъ. Весьма охотно селится онъ въ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ находитъ на покрытыхъ растительностью высотахъ не только укромные уголки, но и богатую добычу.

Несмотря на свою небольшую величину, леопардъ является необыкновенно опаснымъ врагомъ самыхъ различныхъ животныхъ и даже человѣка, котораго онъ старается, однако, избѣгать, насколько только можетъ. Онъ умѣетъ овладѣть самой быстроногой, самой осторожной добычей, потому что хитрѣе другихъ хищниковъ и мастерски продѣлываетъ любое движеніе. Въ способности лазать онъ уступаетъ очень немногимъ кошкамъ; онъ прячется столь же часто на деревьяхъ, какъ и въ кустарникѣ, а при преслѣдованіи всегда взбирается на первыя. Въ крайности онъ не задумывается переплывать довольно широкія рѣки. Во всей своей красотѣ является онъ, однако, въ то время, когда двигается. Каждое изъ его движеній до такой степени гибко, эластично, ловко и проворно, что просто невольно любуешься

леопардомъ, несмотря на всю ненависть къ нему, какъ къ хищнику. Сколько ни смотри на него, никогда не замѣтишь ничего, чтобы хоть отдаленно напоминало объ извѣстномъ усилии. Туловище его изгибается и поворачивается въ любомъ направленіи, а ноги въ тоже время ступаютъ такъ тихо, какъ будто несутъ самое легкое тѣло. Каждый поворотъ изященъ, округленъ и мягокъ. Однимъ словомъ, бѣгущій или крадущійся леопардъ доставляетъ каждому наблюдателю такое истинное наслажденіе, какое въ состояніи дать только еще одинъ, но много меньшій хищникъ,—генетта.

Къ сожалѣнію, душевныя качества леопарда не вполне гармонируютъ съ его тѣлесной красотой, по крайней мѣрѣ по нашимъ, человѣческимъ, понятіямъ. Леопардъ лукавъ, золъ, дикъ, кровожаденъ, мстителенъ и ко всему этому вовсе не робокъ. Какъ въ Америкѣ ягуара, такъ и леопарда въ Африкѣ мѣстами зовутъ прямо-таки тигромъ, потому что названіе это служитъ вообще прототипомъ кровожаднаго существа. И дѣйствительно, среди кошекъ Старога Свѣта нѣтъ другого вида этого семейства, который заслуживалъ бы такую репутацію въ большей степени. Леопардъ умерщвляетъ каждое животное, съ которымъ онъ можетъ справиться, будь то крупное или мелкое, способное защититься противъ него или становящееся его жертвою безъ борьбы. Главную его пищу составляютъ, повидимому антилопы, шакалы и мелкій домашній скотъ; но онъ лазитъ также на деревья за обезьянами, на скалы за даманами, скрадываетъ и хватаетъ дрофъ, цесарокъ вплоть до мелкихъ птицъ и не пренебрегаетъ также и гадами. Онъ пользуется каждымъ животнымъ, а, по Пехуэль-Лёше, ѣстъ также и жирные плоды масличной пальмы. Павіановъ онъ преслѣдуетъ, такъ сказать, по пятамъ и не допускаетъ размножаться ихъ до чрезмѣрнаго количества: это становится тотчасъ же замѣтнымъ, какъ только попадаешь на высоты, до которыхъ леопардъ не добирается.

Среди стадъ, содержимыхъ въ загородкахъ, онъ устраиваетъ иногда настоящую бойню, умерщвляя въ одну ночь по дюжинѣ и болѣе овецъ. Вслѣдствіе этого стадовладѣльцы боятся его больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ хищниковъ, которые обыкновенно довольствуются одной жертвой. Куры подвергаются его преслѣдованіямъ постоянно.

Я лично могъ убѣдиться въ кровожадной смѣлости леопарда. Мы проѣзжали однажды утромъ по горной странѣ Богоса и вдругъ услышали лай крупныхъ павіановъ, который они всегда выпускаютъ, собираясь охотиться. Мы тотчасъ же рѣшили испробовать на нихъ наши ружья. Люди наши остались въ долинѣ, чтобы смотрѣть за мулами, сами же мы стали взбираться, не спѣша, вверхъ по обрыву, избрали довольно удобное мѣсто и стали стрѣлять по сидѣвшимъ надъ нами обезьянамъ. Онѣ располагались довольно высоко, а потому нѣкоторые заряды не попали въ цѣль, но другіе были удачнѣе: жертвы ихъ либо падали, либо пускались на утекъ ранеными. Между ними мы увидѣли одного очень стараго гамадрила, раненаго въ шею, который хромалъ и сталъ спускаться со скалы невѣрной походкой; онъ прошелъ, качаясь, мимо насъ и направился въ долину, гдѣ мы рассчитывали найти его мертвымъ.

Вдругъ началось страшное смятеніе среди обезьянъ, а вслѣдъ затѣмъ послышался бѣшеный крикъ въ долинѣ. Всѣ павіаны самцы приблизились къ краю утеса, стали хрюкать, ворчать, ревѣть и яростно бить руками о землю. Глаза всѣхъ ихъ устремились внизъ и все стадо забѣгало взадъ и впередъ; самые свирѣпыя изъ самцовъ стали спускаться по отвѣсу скалы. Сначала мы подумали, что они собираются произвести нападеніе на насъ, а потому поторопились зарядить оружіе. Въ это время вниманіе наше привлекъ шумъ внизу. Мы слышали лай нашихъ собакъ, крикъ людей и наконецъ разслышали слова: „на помощь! на помощь! леопардъ!“ Всмотриваясь внизъ, мы дѣйствительно увидѣли этого хищника, который быстро направлялся къ нашимъ людямъ, но вдругъ занялся какимъ то предметомъ, разглядѣть который мы однако не могли, такъ какъ его заслонялъ леопардъ. Вслѣдъ затѣмъ внизу раздались два выстрѣла и всѣ голоса смолкли. Кромѣ все еще продолжавшагося лая собакъ.

Все рассказанное совершилось такъ быстро, что мы не могли понять, въ чемъ же, наконецъ дѣло. Вслѣдствіе этого мы поспѣшно спустились въ долину и нашли нашихъ людей пристально смотрящими на кустъ, въ которомъ, по ихъ словамъ, былъ леопардъ. Я осторожно приблизился къ кусту, но какъ ни старался, а рассмотреть леопарда не могъ. Одинъ изъ моихъ слугъ указалъ на определенное мѣсто рукою и я увидѣлъ его тогда лежащимъ совсѣмъ близко отъ меня. Онъ былъ мертвъ. Въ десяти шагахъ отъ него лежалъ и убитый нами гамадриль.

Теперь все дѣло объяснилось очень просто. Взираясь на обрывъ, мы, несомнѣнно, прошли очень близко отъ логовища хищника, а затѣмъ стрѣляли разъ десять и выстрѣлы эти многократно повторялись въ видѣ эхо. Несмотря на устрашающіе всякое животное выстрѣлы и яркій солнечный свѣтъ, которыхъ онъ видѣлъ и слышалъ, леопардъ напалъ на глазахъ людей на подстрѣленную обезьяну спускавшуюся въ долину. Онъ спустился въ долину верхомъ на павіанѣ, какъ всадникъ на лошади, и его не могъ прогнать даже страшный шумъ, поднятый людьми. Мой поваръ схватилъ, какъ онъ признавался, „въ смертельномъ страхѣ“ второе ружье своего господина, направилъ его въ сторону леопарда и счастливо пробилъ ему грудь пулею насквозь. Вторымъ выстрѣломъ онъ уложилъ и гамадрила, и самъ, вѣроятно, не зная для чего онъ это дѣлаетъ. Какъ впослѣдствіи оказалось, леопардъ вцѣпился обезьянѣ прямо въ морду обѣими передними лапами и нанесъ ей глубокія раны, а задними старался укрѣпиться на ягодицахъ животнаго, но мѣстами давалъ имъ волочиться по землѣ. Совершенно непонятнымъ было для насъ, почему гамадриль, пришедшій въ ярость отъ раны, не пустилъ въ ходъ свои страшные зубы.

Въ городахъ и селеніяхъ, расположенныхъ вблизи лѣса, леопардъ очень часто посѣщаетъ дворы, хватаетъ здѣсь, на глазахъ людей, какое либо животное и уноситъ его; крикъ народа ни чуть не смущаетъ его и не заставляетъ бросить добычу. Онъ тащитъ каждое домашнее животное и охотно беретъ даже собакъ, несмотря на то, что онѣ храбро защищаются. Во многихъ мѣстностяхъ Африки туземцы принуждены строить для домашнихъ животныхъ крѣпкіе хлѣва изъ бревенъ и столбовъ, чтобы хоть ночью защитить ихъ отъ леопарда.

Леопардъ иногда какъ бѣшеный кидается на своего противника, если боится за дѣтенышей, раненъ или доведенъ до крайности. Извѣстны, впрочемъ, случаи, когда хищникъ этотъ нападалъ на людей, не будучи ими затронутъ. Въ Абиссиніи такія несчастія происходятъ ежегодно: леопардъ нападаетъ и умерщвляетъ даже взрослыхъ, вооруженныхъ людей, дѣтей же хватаетъ еще чаще. Въ западной Африкѣ человѣкъ также не огражденъ отъ него.

Въ Индіи, по официальнымъ даннымъ, въ послѣднее десятилѣтіе (до 1886 года) ежегодно умерщвлялось пантерами по 194—300 человѣкъ, а всего за это время 2,368; съ другой стороны ежегодно платились жизнью по 3,047—5,466 этихъ хищныхъ тварей. Какъ и относительно тигра, нѣтъ однако свѣдѣній о томъ, сколько несчастныхъ случаевъ произошло отъ затронутыхъ человѣкомъ и раненыхъ животныхъ. Сандерсонъ прямо говорить, что лично ему не извѣстно, чтобы пантеры становились людоедами, какъ тигры, но что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи на это все же жалуются. Блэнфордъ пишетъ, что „иногда онѣ пріучаются ѣсть мясо человѣка и въ этихъ случаяхъ, благодаря своей смѣлости, становятся даже болѣе страшными бичами, чѣмъ тигры съ подобными же привычками“.

Правильная охота на леопардовъ труднѣе, чѣмъ на тигровъ. Леопардъ встрѣчается въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ тигръ, но онъ не чувствуетъ такой сильной потребности въ водѣ, какъ послѣдній, не привязанъ къ определенному мѣсту, а потому найти его много труднѣе, и тѣмъ болѣе, что онъ обладаетъ изумительной способностью прятаться повсюду. Всѣ охотники согласны въ томъ, что убить леопарда труднѣе, чѣмъ тигра, потому что первый смѣлѣе и ловче второго. Одна пантера, которую собирались окружить тенетами, рассказываетъ Сандерсонъ, моментально кинулась на только что поставленные сѣти,

опрокинула ихъ, накинулась на стоявшаго здѣсь сторожа, разорвала ему лѣвую руку и исчезла прежде, чѣмъ кто либо могъ помочь несчастному. Пантеру эту преслѣдовали, нашли въ кустарникѣ и еще разъ окружили тенетами; несмотря на всѣ попытки выгнать ее камнями, она упорно отказывалась, однако, покинуть чащу. Сильно возбужденные охотники, съ своей стороны, не хотѣли ждать спокойно, и Сандерсонъ, войдя въ сопровожденіи плотно сомкнувшейся толпы вооруженныхъ копьями спутниковъ, въ окруженное сѣтями пространство, направился прямо на кусты. Мы знаемъ уже, что тигръ всегда отступаетъ передъ подобной фалангой, но пантера, о которой идетъ рѣчь, вдругъ выскочила изъ своего убѣжища, накинулась на человѣка, стоявшаго третьимъ отъ Сандерсона съ лѣвой стороны, изранила его когтями, продѣлала то же со стоявшими около него и позади его, прорвалась, раздавая вправо и влѣво удары лапами, черезъ середину толпы и навсегда исчезла раньше, чѣмъ копье или пуля успѣли коснуться ея. И такъ эта пантера въ одинъ день изувѣчила четырехъ изъ своихъ преслѣдователей и въ добавокъ спаслась совершенно невредимой.

Время спариванія леопардовъ приходится на мѣсяцы, предшествующіе веснѣ страны, гдѣ онъ живетъ. Въ это время собираются часто по нѣсколько самцовъ въ одно мѣсто и свирѣпо дерутся между собою. Путемъ наблюденій надъ жившими въ неволѣ леопардами установлено, что самка носитъ около 90 дней и мечетъ отъ 3—5 дѣтенышей, которые появляются на свѣтъ слѣпыми и прозрѣваютъ лишь на десятый день. Котята леопарда необыкновенно привлекательныя созданія, какъ по своей окраскѣ, такъ и по милому поведенію. Они весело играютъ, какъ котята домашней кошки, между собою и съ матерью, которая нѣжно любитъ ихъ и мужественно защищаетъ. На свободѣ она помѣщаетъ свое потомство въ пещерѣ, подъ корнями большого дерева, въ густыхъ заросляхъ кустарника и т. п. Какъ только котята достигли роста крупной домашней кошки, они начинаютъ уже сопровождать свою мать на ея ночныхъ охотахъ; благодаря прекрасному обученію, они скоро научаются самостоятельно добывать себѣ пропитаніе. Самка, кормящая молокомъ дѣтенышей становится бичемъ всей округи. Она грабитъ и умерщвляетъ съ величайшей смѣлостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится осторожнѣе, чѣмъ въ другое время; вслѣдствіе этого овладѣть ею или ея дѣтенышами удается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Во время пребыванія въ Африкѣ я долго держалъ въ неволѣ леопарда-самца, но никакъ не могъ довести его прирученіе до хорошихъ отношеній между мною и имъ. Лишь только приближался я къ клѣткѣ, онъ тотчасъ же начиналъ выражать свое неудовольствіе, оскаливался, щелкалъ зубами или же хрипло фыркалъ; стоило мнѣ только подойти къ нему нѣсколько ближе, чѣмъ обыкновенно, чтобы онъ тотчасъ же постарался ударить меня своею лапою и, конечно, непременно въ тотъ моментъ, когда я менѣе всего ожидалъ нападенія. Какъ и всѣхъ хищниковъ, которыхъ я держалъ у себя, я приказалъ посадить его, кромѣ того, еще на длинную цѣпь, а потому могъ доставить себѣ время отъ времени удовольствіе выпускать его изъ клѣтки. Какъ только выходилъ онъ на дворъ, онъ начиналъ положительно бѣсноваться, подпрыгивалъ, какъ сумасшедшій, вверхъ, тянулъ, строилъ гримасы, фыркалъ и бросалъ самые дикіе взгляды во всѣ стороны. Онъ тотчасъ же кидался на каждого, кто къ нему приближался, и при томъ выдѣлывалъ настолько краснорѣчивые жесты, что мы отлично понимали, что онъ тотчасъ же растерзалъ бы того изъ насъ, до кого ему удалось бы добраться. Чѣмъ больше я отдавалъ цѣпь посредствомъ привязанной къ ней веревки, тѣмъ бѣшеніе становилось его движенія, тѣмъ онъ становился яростнѣе. Казалось, что прорывалась наружу вся дикость живущаго на волѣ хищника, дикость, которая только временно сдерживалась силою; кровожадно смотрѣлъ онъ на всѣхъ остальныхъ животныхъ, а глаза его грозили всѣмъ имъ смертию и уничтоженіемъ. Издавая особенные звуки, спѣшили обезьяны взобраться на стѣны, шесты и веревки, боязливо блеяли козы, какъ сумасшедшіе бѣгали взадъ и впередъ по своей клѣткѣ страусы, злобно посматривалъ и левъ на неистоваго Роланда. А онъ всячески старался освободиться и мы не разъ испытывали при этомъ страхъ и без-

Ближайшимъ родственникомъ кугуара является ягуарунди (*Felis yaguarundi*), тонкое, худощавое животное, которое почти напоминаетъ куницу своимъ вытянутымъ въ длину тѣломъ и длиннымъ хвостомъ. Голова его мала, глаза средней величины, уши закругленные, мѣхъ короткій, густой, черноватаго сѣробураго цвѣта; отдѣльные волоса у основанія темнаго черно-сѣраго цвѣта, а передъ темно-бурымъ концомъ — черные. Самка обыкновенно отличается отъ самца нѣсколько болѣе свѣтлой окраской. Ростомъ ягуарунди много меньше, чѣмъ кугуаръ, такъ какъ длина тѣла не бываетъ больше 55, а длина хвоста лишь 32 сантиметра; высота у загривка около 34 см.

Ягуарунди водится въ южной Америкѣ отъ Парагвая къ сѣверу до Панамы, а, по О. Штолю, можетъ быть и до южной Гватемалы, гдѣ носить названіе горной кошки (*gato de monte*).

Обыкновенно ягуарунди живетъ парами въ опредѣленной мѣстности и совершаетъ отсюда свои недалекіе набѣги. Не рѣдко въ одной охотничьей области живетъ нѣсколько паръ, чего мы не видимъ, однако, ни у какого иного вида кошекъ; такъ, собаки Ренггера выгнали однажды шесть взрослыхъ ягуарунди изъ одной кустарниковой заросли. На человѣка это животное не рѣшается нападать, а потому охота за нимъ совершенно безопасна. Его стрѣляютъ либо со стоянки или ловятъ въ западни или, наконецъ, травятъ собаками, противъ которыхъ онъ сопротивляется только въ самой крайности.

Ренггеръ держалъ нѣсколькихъ ягуарунди, воспитанныхъ съ молодости. Они ручнѣли до такой степени, что не уступали въ этомъ отношеніи самой кроткой домашней кошкѣ. Страсть къ грабежу была въ нихъ развита, однако, такъ сильно, что нашъ товарищъ не могъ дозволить имъ свободно бѣгать по дому.

*

Во главѣ пятнистыхъ и продольно-полосатыхъ кошекъ Америки стоитъ самый крупный, наиболѣе сильный и пользующійся самой плохой репутаціей представитель этого семейства въ Новомъ Свѣтѣ — ягуаръ или унца (*Felis onza*). Мы читаемъ о немъ уже въ первыхъ извѣстіяхъ объ Америкѣ; тѣмъ не менѣе и теперь почти каждый путешественникъ считаетъ своимъ долгомъ упомянуть о немъ, но уже въ выраженіяхъ, которыя значительно сглаживаютъ преувеличенные рассказы о его свирѣпости. Вполнѣ естественно, что въ прежнихъ описаніяхъ было много басенъ о немъ: съ животнымъ были мало знакомы, а потому принимали на вѣру рассказы туземцевъ.

Внѣшній видъ ягуара говоритъ больше за силу, чѣмъ за ловкость этого звѣря, который кажется нѣсколько неуклюжимъ. Тѣло его не столь длинно, какъ у леопарда или тигра, и конечности его, сравнительно съ туловищемъ, короче, чѣмъ у названныхъ кошекъ. По Ренггеру вполнѣ взрослый ягуаръ имѣетъ въ длину отъ конца носа до основанія хвоста 145 сантиметровъ, а отсюда до кончика хвоста 68 сант.; въ то же время А. фонъ-Гумбольдтъ сообщаетъ объ нѣкоторыхъ экземплярахъ, которые ростомъ были, по меньшей мѣрѣ, съ королевскаго тигра. Высота ягуара въ загривкѣ около 80 см., то нѣсколько больше, то немного меньше. Мѣхъ его коротокъ, густъ, блестящій и мягкій, на горлѣ, нижней части шеи, на груди и на брюхѣ длиннѣе, чѣмъ на остальныхъ мѣстахъ. Какъ основной цвѣтъ его, такъ и пятнистый рисунокъ подвержены сильнымъ измѣненіямъ. Первый, въ большинствѣ случаевъ, рыжевато-желтый, кромѣ внутренней поверхности ушей, нижней части морды, щекъ, горла, всей нижней стороны тѣла и внутренней стороны конечностей: на всѣхъ перечисленныхъ частяхъ тѣла преобладаетъ бѣлый цвѣтъ. Весь мѣхъ въ рисунокъ частью въ мелкихъ, круглыхъ, продолговатыхъ или же неправильныхъ черныхъ крапинахъ, частью же въ болѣе крупныхъ отмѣтинахъ и крапчато-кольцевидныхъ пятнахъ, имѣющихъ желтовато-рыжее поле, на которомъ расположено одно или два черныя пятнышка. Сплошныя отмѣтины помѣщаются, главнымъ образомъ, на головѣ, шеѣ, брюшной сторонѣ и на конечностяхъ; онѣ рѣже въ тѣхъ мѣстахъ тѣла, основной цвѣтъ которыхъ бѣлый, но зато здѣсь крупнѣе и неправильнѣе, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ.

на внутренней сторонѣ ногъ онѣ образуютъ иногда поперечные полосы. На задней части тѣла пятнистый рисунокъ тоже крупнѣе, чѣмъ на передней, а въ конечной трети хвоста образуетъ отъ 2—3 полныхъ колецъ, расположенныхъ передъ черной верхушкой его. У всѣхъ разновидностей всегда имѣется по черному пятну у каждого угла рта и по такому же пятну, съ бѣлой или желтой точкой по срединѣ, на задней части уха. На спинѣ пятна сливаются въ неправильную полосу, которая дѣлится на двѣ въ области крестца; по бокамъ тѣла отмѣтины располагаются въ болѣе или менѣе правильные продольные ряды. Точнѣе описать рисунокъ нельзя, потому что врядъ ли найдутся двѣ шкуры, у которыхъ



Ягуаръ (*Felis onca*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

онъ былъ бы одинаковъ. У экземпляровъ женскаго пола окраска въ общемъ блѣднѣе, чѣмъ у самцовъ; у нихъ меньше также кольцообразныхъ пятенъ на шеѣ и лопаткахъ, но зато больше по бокамъ тѣла, гдѣ они должны быть поэтому мельче. Черная разновидность ягуара рѣдкости не представляетъ; мѣхъ такихъ меланистическихъ экземпляровъ имѣетъ до того темную окраску, что черныя пятна становятся на немъ мало замѣтными.

Варіаціи ягуара по величинѣ, основному цвѣту мѣха и по его рисунку должны быть повсюду очень значительны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, существуетъ, повидимому, и извѣстное постоянство главныхъ признаковъ, благодаря которымъ опытные наблюдатели настаиваютъ на отличіи нѣсколькихъ видовъ.

Названіе ягуаръ заимствовано съ языка гуараконъ, которые зовутъ это животное „ягуаретте“, что въ переводѣ означаетъ „собачье тѣло“. Испанцы называютъ его тигромъ, а португальцы онса. Область распространенія его про-

стирается отъ Буэносъ-Айреса и Парагвая чрезъ всю южную Америку до Мексико и юго-западной части Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Чаше всего онъ попадаетъ, какъ кажется, въ умѣренныхъ частяхъ южной Америки, а рѣже всего—въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ его все болѣе и болѣе отгнѣняютъ разселяющіеся европейцы. Ягуаръ держится по лѣсистымъ берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, въ опушкахъ лѣсовъ, расположенныхъ близъ болотъ, и въ болотистыхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ высокой травой и тростникомъ, который достигаетъ иногда высоты болѣе двухъ метровъ. Въ открытыхъ мѣстахъ и въ глубинѣ обширныхъ лѣсовъ онъ попадаетъ рѣдко и только тогда, когда перекочевываетъ изъ одной мѣстности въ другую. На отдыхъ онъ ложится тамъ, гдѣ его застанетъ восходъ солнца, въ лѣсной чащѣ или въ густой травѣ; здѣсь онъ проводитъ весь день.

Ягуаръ выходитъ охотиться въ утреннія или вечернія сумерки, а также въ лунныя, свѣтлыя ночи; среди дня и въ очень темныя ночи онъ никогда не ищетъ добычи. Пищу его составляютъ всѣ крупныя позвоночныя животныя, которыми онъ можетъ овладѣть. Ягуаръ во всѣхъ отношеніяхъ ужасный хищникъ. Какъ ни тяжела, съ перваго взгляда, его походка, онъ все же можетъ двигаться, въ случаѣ нужды, крайне ловко и быстро. Сила его, сравнительно съ ростомъ, необыкновенно велика и можетъ тягаться только съ силой тигра и льва. Органы чувства развиты хорошо и равномерно. Зрѣніе остро, слухъ превосходенъ, но обоняніе не особенно тонко, какъ вообще у всѣхъ кошекъ; тѣмъ не менѣе онъ въ состояніи чуетъ добычу на извѣстномъ разстояніи. Въ физическомъ отношеніи ягуаръ снабженъ, такимъ образомъ, всѣмъ тѣмъ, что можетъ сдѣлать его опаснымъ хищникомъ. Въ ищѣ онъ не разборчивъ. Азара находилъ въ его пометѣ иглы дикообраза, а Ренггеръ остатки крысъ и агути, изъ чего слѣдуетъ, что онъ не гнушается охотой и за мелкими животными. Онъ ловитъ также болотныхъ птицъ и необыкновенно ловко вытаскиваетъ рыбу изъ воды. Онъ не падитъ даже каймана, о чемъ повѣствуетъ уже Пёппигъ. „Ягуаръ“, говоритъ А. фонъ-Гумбольдтъ, „злѣйшій врагъ морской черепахи, слѣдуетъ за нею на побережье, гдѣ она кладетъ свои яйца. Онъ нападаетъ на нее на песчаной отмели и переворачиваетъ ее на спину, чтобы удобнѣе было ее съѣсть. Черепахи сами не въ состояніи принять нормальное положеніе, а ягуаръ опрокидываетъ ихъ больше, чѣмъ онъ въ состояніи съѣсть въ одну ночь; хитростью его пользуются нерѣдко индѣйцы, овладѣвающіе черепахами. Нельзя однако не удивляться ловкости, съ которой животное пользуется своей лапой при опоражниваніи двойного щита черепахи: кажется, будто мышцы обрѣзаны хирургическимъ инструментомъ“.

„Опытному охотнику“, говоритъ Ренггеръ, „не рѣдко представляется случай наблюдать ягуара во время его охоты, особенно по берегамъ рѣкъ. Здѣсь видишь его подкрадывающимся къ берегу, гдѣ онъ ловитъ, главнымъ образомъ, водосвинокъ и выдръ. Время отъ времени онъ останавливается и, какъ бы прислушиваясь, внимательно оглядывается кругомъ; я однако никогда не замѣчалъ, чтобы ягуаръ выслѣживалъ дичь по землѣ, руководясь чутьемъ. Просто невѣроятны то терпѣніе и осторожность, съ которыми онъ подкрадывается, напр., къ какой нибудь водосвинкѣ. Какъ змѣя вѣтается онъ по землѣ, затѣмъ вдругъ останавливается на нѣсколько минутъ, чтобы замѣтить мѣсто своей жертвы, часто дѣлаетъ большіе обходы съ цѣлью подобраться къ ней съ той стороны, съ которой онъ менѣе всего замѣтенъ. Если ему удалось таки подкрасться къ добычѣ непримѣченнымъ, онъ бросается на нее однимъ, рѣдко двумя прыжками, прижимаетъ жертву свою къ землѣ, разрываетъ ей горло и уноситъ трепещущее еще въ предсмертныхъ судорогахъ животное въ чашу“.

Стадамъ ягуаръ наноситъ не малый вредъ и преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, телятъ, лошадей и муловъ.

Ягуаръ ловитъ свою добычу какъ въ водѣ, такъ и на землѣ; на деревьяхъ онъ не охотится, хотя и взбирается на нихъ довольно ловко, если подвергается преслѣдованіямъ. Много сочинялось басенъ о томъ, какъ онъ умудряется доставать себѣ рыбу. Ренггеръ говоритъ объ этомъ слѣдующее. „Когда я однажды

въ душный, лѣтній вечеръ возвращался въ лодкѣ съ охоты на утокъ домой, индѣецъ, сопровождавшій меня, замѣтилъ на берегу рѣки ягуара. Мы приблизились къ нему и спрятались, чтобы наблюдать за его поведеніемъ. Онъ сидѣлъ на пяткахъ, сжавшись, на выступѣ берега близъ того мѣста, гдѣ рѣка текла нѣсколько быстрѣе и гдѣ обыкновенно держится видъ хищной рыбы, носящей туземное названіе „дорадо“. Онъ пристально смотрѣлъ на воду, нагибаясь изрѣдка впередъ и какъ будто стараясь вглядѣться въ глубь. Приблизительно черезъ четверть часа я замѣтилъ, что онъ вдругъ ударилъ лапой по водѣ и выкинулъ изъ нея на берегъ крупную рыбу. Онъ ловить такимъ образомъ рыбу тѣмъ же самымъ способомъ, какъ наша домашняя кошка“.

Поймавши небольшое животное, ягуаръ тотчасъ же съѣдаетъ его цѣликомъ, не оставляя ни кожи, ни костей; отъ крупной добычи, напримѣръ отъ лошади, коровы и т. п. онъ пожираетъ лишь часть, не выказывая однако особеннаго пристрастія къ той или другой части тѣла; въ этомъ случаѣ онъ не трогаетъ, однако, внутренностей. Наѣвшись до сыта, ягуаръ возвращается въ лѣсъ, но обыкновенно не отходитъ отъ мѣста, гдѣ ѣлъ, далѣе, чѣмъ на четверть часа пути; здѣсь онъ засыпаетъ. Вечеромъ того же дня или на слѣдующее утро онъ снова возвращается къ добычѣ, вторично пользуется ею, а затѣмъ уже предоставляетъ остатки грифамъ.

По Ренггеру, ягуаръ никогда не пользуется убитымъ имъ животнымъ болѣе двухъ разъ, къ падали же ни коимъ образомъ не прикасается. Точно также онъ никогда не убиваетъ болѣе одного крупнаго домашняго животного и тѣмъ отличается, къ пользѣ для человѣка, отъ другихъ большихъ видовъ кошекъ.

Ягуаръ, не приходившій въ соприкосновеніе съ человѣкомъ, почтительно уступаетъ ему дорогу и съ любопытствомъ смотритъ на него издали. Не было примѣра, чтобы ягуаръ нападалъ на человѣка въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ людскаго жилья. Но тѣ ягуары, которые держатся въ населенныхъ мѣстностяхъ и вдоль судоходныхъ рѣкъ, весьма скоро теряютъ страхъ передъ человѣкомъ и нападаютъ также и на него. По разсказамъ, ягуаръ рѣшается даже взбираться на привязанныя къ берегу суда, таскаетъ съ нихъ вывѣшенное для провяливанія мясо и собакъ, а иногда смертельно ранитъ и самихъ матросовъ. Впрочемъ, платятся жизнью обыкновенно только благодаря неосторожности, предусмотрительный же человѣкъ всегда съумѣетъ спастись. Вполнѣ достовѣрно, что ягуаръ не боится огня.

Часто слышишь о „ревѣ“ ягуара, но онъ врядъ ли можетъ производить особенное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что прежніе путешественники либо необдуманно употребляли это выраженіе, либо принимали за него голоса другихъ животныхъ, или, наконецъ, среди непривѣтливой невѣдомой природы звуки казались имъ величественнѣе, чѣмъ они въ дѣйствительности есть. Новѣйшіе изслѣдователи ничего не сообщаютъ объ этомъ ревѣ. Ягуаръ, вообще, подобно пантерѣ и тигру, даетъ себя слышать крайне рѣдко; онъ ворчитъ, мурлычитъ, воетъ и испускаетъ мяуканье, подобно кошачьему, но соответствующее по силѣ величинѣ животного.

Ягуаръ остается въ одной и той же мѣстности, пока онъ можетъ достать въ ней пропитаніе и пока его не черезъ-чуръ уже тревожатъ. При недостаткѣ пищи или при сильномъ преслѣдованіи человѣка, онъ выселяется и ищетъ себѣ другое мѣсто. Переселяется онъ ночью, причемъ не боится странствовать по населеннымъ мѣстностямъ; для него не составляетъ препятствія даже самая широкая рѣка, такъ какъ онъ прекрасно плаваетъ.

„Ежегодные разливы рѣкъ и рѣчекъ“, пишетъ Ренггеръ, „вытѣсняютъ ягуаровъ съ острововъ и съ поросшихъ лѣсомъ береговъ, такъ что въ это время имъ приходится перебираться ближе къ человѣческому жилью, гдѣ они вредятъ какъ человѣку, такъ и домашнему скоту. При сильныхъ наводненіяхъ нерѣдко случается видѣть ягуара среди города или деревни, расположенныхъ на высокомъ берегу. Когда мы прибыли во время большаго наводненія 1825 года въ Санта-Фе, намъ разсказывали, что, за нѣсколько дней до нашего приѣзда, ягуаръ разор-

валъ у двери ризницы одного монаха-францисканца въ тотъ самый моментъ, какъ онъ собирался служить заутреню. При появленіи этого хищника въ городѣ не всегда, однако, случаются несчастія: лай преслѣдующихъ его собакъ и стеченіе народа часто до такой степени его смущаютъ, что онъ спѣшитъ ретироваться какъ можно скорѣе. Причиняемая ягуаромъ раны всегда крайне опасны и не столько потому, что они глубоки, сколько оттого, что зубы и когти его недостаточно остры: вслѣдствіе этого наносимая имъ рана всегда разорванная и мятая“.

Большую часть года ягуаръ живетъ, по наблюденіямъ Ренггера, въ одиночествѣ, но въ августъ и сентябръ самцы и самки разыскиваютъ другъ друга. Продолжительность беременности ягуара не опредѣлена, но, вѣроятно, самка носить отъ 3 до 3½ мѣсяцевъ. Она мечетъ обыкновенно двухъ, рѣдко трехъ дѣтенышей, въ самый непроходимой чащѣ лѣса или въ ямѣ, подъ вырваннымъ съ корнемъ деревомъ. Въ первые дни жизни котятъ мать никогда не удаляется отъ нихъ на большое разстояніе и тотчасъ же переноситъ ихъ въ другое мѣсто, коль скоро найдетъ, что избранное ею не безопасно. Материнское чувство ея, повидимому, очень сильно: она бѣшено защищаетъ своихъ дѣтенышей и по цѣлымъ часамъ говорятъ, преслѣдуетъ ихъ похитителя.

Молодыхъ ягуаровъ нерѣдко возвращаютъ въ домахъ. Для этого необходимо однако взять ихъ въ то время, пока они еще сосутъ; иначе ихъ никогда не удастся обуздать. Они охотно играютъ съ молодыми собаками и кошками, особенно же любятъ заниматься деревянными шарами. Движенія ихъ легки и быстры. Котята хорошо знаютъ своего воспитателя, ищутъ его и выказываютъ радость при его появленіи. Лишь только молодые ягуары почувствуютъ свою силу, приблизительно на третьемъ году или даже раньше, они начинаютъ пускать въ ходъ свои зубы во вредъ своему хозяину. Отпиливать имъ до корня клыки и рѣзцы и обстригать время отъ времени когти совершенно напрасно, потому что они могутъ причинить много вреда и безъ этихъ орудій, одной своей силой. Пока ягуаръ еще молодъ, его можно еще укротить побоями, позднѣе же справиться съ нимъ, уже трудно. Чувства великодушія и признательности совершенно чужды ягуару; онъ не выказываетъ длительной привязанности ни къ своему воспитателю, ни къ животному, которое съ нимъ выросло; вслѣдствіе этого всегда рискованно держать его дома на свободѣ болѣе одного года.

За вредъ, наносимый ягуаромъ, его преслѣдуютъ и истребляютъ въ населенныхъ мѣстностяхъ всѣми возможными способами. Въ южной Америкѣ индѣйцы пользуются для этой цѣли стрѣлами, пропитанными страшнымъ ядомъ урари. Слѣдующій способъ охоты уже много опаснѣе. Завернувъ лѣвую свою руку въ овечью шкуру и вооружившись обоюдо-острымъ ножомъ или кинжаломъ до двухъ футовъ длиною, охотникъ разыскиваетъ ягуара съ двумя или тремя собаками. Хищникъ не бѣжитъ отъ небольшого числа собакъ, а подоспѣвшій охотникъ старается раздражить его крикомъ и жестами и добивается, наконецъ, того, что ягуаръ набрасывается на него съ широко разинутой пастью, причемъ подымается, какъ нашъ медвѣдь, на заднія лапы. Въ тотъ же самый моментъ подноситъ охотникъ къ переднимъ лапамъ ягуара завернутую руку и, нагнувшись нѣсколько вправо, всаживаетъ ему кинжалъ въ лѣвую сторону груди.

Парагвайцы охотятся за ягуаромъ также верхомъ, при помощи одного лассо; они набрасываютъ ему петлю на шею, затѣмъ скачутъ въ галопъ, волоча его за собою, или душатъ его при помощи другого лассо, которое натягиваютъ въ противоположномъ направленіи. Ягуара убиваютъ также и на стоянкѣ. Мѣстами выкапываютъ для ловли его ямы или ставятъ самострѣлы у пойманной имъ добычи.

Мѣхъ ягуара цѣнится въ Южной Америкѣ низко и идетъ развѣ на ковры и тому подобныя издѣлія. Мясо ягуара, которое ѣлъ фонъ-денъ-Штейненъ, оказалось жесткимъ, но о другомъ убитомъ имъ ягуарѣ тотъ же писатель говоритъ: „мясо унцы жирно, какъ свинина; отличной приправой къ котлетамъ была бы красная капуста.“ Извѣстныя части тѣла ягуара употребляются въ качествѣ лѣкарства

Мельче ягуара другая кошка Новаго Свѣта—оцелоть (*Felis pardalis*). Длина его достигаетъ 1,30—1,40 метра, изъ которой на хвостъ приходится 40—45 сантиметровъ; высота у загривка около 50 см.; такимъ образомъ, животное равняется по росту приблизительно нашей рыси, но только много ниже ея. Туловище его сравнительно плотнѣе; голова довольно велика; заостренный къ концу хвостъ умѣренной длины, уши коротки, широки, закругленные; зрачекъ продолговато-яйцевидный; мѣхъ густой, мягкій, блестящій и притомъ окрашенъ пестро и въ то-же время красиво. Основной цвѣтъ его на верхней сторонѣ тѣла буровато-сѣрый съ рыжимъ оттѣнкомъ, а на нижней—желтовато-бѣлый. По бокамъ головы отъ глаза къ уху идетъ черная продольная полоска. Верхъ головы въ мелкихъ черныхъ пятнахъ; по щекамъ сбѣгаютъ поперечныя полосы, которыя на горлѣ образуютъ продольную полосу; по спинѣ тянутся нѣсколько продольныхъ полосъ, обыкновенно четыре, а вдоль спины расположенъ рядъ узкихъ черныхъ пятенъ, между которыми есть и крупныя; на бокахъ находятся широкія, лентообразныя, нѣсколько изогнутыя, продольныя полосы, которыя тянутся отъ лопатки къ задѣ и окрашены въ болѣе яркій цвѣтъ, чѣмъ основной тонъ мѣха; онѣ окаймлены чернымъ, а посрединѣ часто усажены черными точками. Брюхо и ноги украшены сплошными пятнами, которыя на хвостѣ образуютъ кольца. Рисунокъ этотъ подверженъ впрочемъ большимъ колебаніямъ.

Распространеніе оцелота очень обширно. Онъ водится какъ въ южныхъ частяхъ Сѣверной Америки, такъ и въ Южной Америкѣ, гдѣ къ югу доходитъ до Перу, Боливіи и Парагвая. Онъ предпочитаетъ густые, безлюдные лѣса близости мѣстъ населенныхъ, хотя встрѣчается и въ этихъ послѣднихъ. Въ открытыхъ мѣстностяхъ его никогда не находятъ, но зато часто встрѣчаютъ въ скалистыхъ и болотистыхъ. Мѣстами онъ очень обыкновененъ. Определеннаго логовища оцелоть, повидимому, не имѣетъ. День онъ проводитъ въ самыхъ укромныхъ уголкахъ лѣса, и забирается въ непроницаемую чащу травянистыхъ и кустарниковыхъ зарослей, иногда же въ дупла деревьевъ. На охоту выходитъ въ утреннія и вечернія сумерки, главнымъ же образомъ ночью, причемъ какъ въ ясныя и лунныя ночи, такъ и въ темныя и бурныя. Послѣднія онъ даже предпочитаетъ, потому что въ ненастье ему легче пробираться незамѣченнымъ собаками во дворы и душить тамъ столько животныхъ, сколько ему заблагоразсудится: забравшись въ птичникъ, оцелоть устраиваетъ тамъ страшную рѣзню. Вообще, пищей ему служатъ птицы, которыхъ онъ ловить какъ на деревьяхъ, такъ и на землѣ, и всѣ мелкія млекопитающія: молодые олени, поросята, обезьяны, агути, паки, крысы, мыши и т. д.

Оцелоть живетъ парами въ строго определенной мѣстности. Охотникъ всегда можетъ быть увѣренъ, что найдетъ и другого, если ему удалось спугнуть одного. Но, съ другой стороны, въ томъ же самомъ лѣсу никогда не встрѣтишь больше одной пары. Самцы и самки охотятся не вмѣстѣ, но по одиночкѣ; они не помогаютъ другъ другу ни на охотѣ, ни въ случаѣ нападенія на когонибудь изъ нихъ.

Человѣку оцелоть вредитъ сравнительно мало: онъ слишкомъ боится какъ его, такъ и собакъ, чтобы рѣшиться посѣщать населенныя мѣстности. Онъ заходитъ время отъ времени только въ такія жилища, которыя расположены близко отъ лѣса; но и тутъ онъ хватается самое большее пару куръ или мускусную утку, тащитъ ихъ въ ближайшій кустарникъ и тотчасъ же съѣдаетъ. Если первый побѣгъ ему удался, то обыкновенно онъ возвращается и въ слѣдующія ночи до тѣхъ поръ, пока его не поймаютъ или не отпугнутъ. Въ Парагваѣ за нимъ охотятся съ собаками или ловятъ его въ западни. Оцелоть очень робокъ и пугливъ; въ ясную лунную ночь онъ видитъ охотника раньше, чѣмъ этотъ успѣетъ его замѣтить.

Молодыхъ оцелотовъ часто ловятъ и приручаютъ. Они играютъ другъ съ другомъ какъ котята домашнихъ кошекъ, забавляются съ лоскуткомъ бумаги, небольшимъ померанцемъ и т. п. Они скоро начинаютъ узнавать своего воспитателя, бѣгаютъ за нимъ, лизутъ ему руки, ложатся у его ногъ, взбираются на него. Они очень любятъ, если ихъ ласкаютъ, и тотчасъ же начинаютъ мурлыкать, коль скоро ихъ погладишь. Лукавства въ молодыхъ оцелотахъ вовсе нѣтъ. Они прекрасно ладятъ съ собаками и кошками, съ которыми живутъ вмѣстѣ, но домашней птицѣ все-таки пощады не даютъ. Позабывая о прежнихъ наказаніяхъ, они

бросаются на какую либо курицу и въ этотъ моментъ никакое уже наказаніе не можетъ удержать ихъ отъ умерщвленія ея. Ничѣмъ неукротимыя хищническія наклонности оцелотовъ заставляютъ держать ихъ въ клѣткѣ или на привязи.

Къ оцелоту близки еще двѣ американскія кошки: маргуай и длиннохвостая кошка.

Первая изъ нихъ, естествоиспытателями и торговцами называемая тигровой кошкой (*Felis tigrina*), достигаетъ самое большее роста нашей домашней кошки. Длина ея тѣла около 50, а хвоста около 30 сантиметровъ. Мягкій и красивый мѣхъ ея на верхней сторонѣ и по бокамъ окрашенъ въ блѣдно-желтый основной цвѣтъ, а низъ тѣла, какъ у большинства кошекъ, бѣлый, въ темныхъ пятнахъ, расположенныхъ рядами. Ноги и брюхо въ пятнахъ, уши черныя въ бѣлыхъ пятнахъ. Хвостъ на концѣ пушистѣе, чѣмъ у основанія.



Тигровая кошка (*Felis tigrina*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

По образу жизни тигровая кошка почти во всемъ сходна съ оцелотомъ. Пойманная съ молоду, она вполне ручнѣетъ, становится очень покладливой и сильно привыкаетъ къ своему господину. Уатерсонъ воспиталъ очень тщательно молодого маргуайя въ Гвианѣ, который очень скоро и сильно къ нему привязался, а затѣмъ слѣдовалъ за нимъ повсюду какъ собака. Онъ велъ постоянную войну съ крысами и мышами, въ изобиліи населявшими домъ, и въ самое короткое время сумѣлъ очистить его отъ этихъ крайне докучливыхъ грызуновъ.

Чаще, чѣмъ оцелотъ и тигровая кошка, въ лѣсахъ Бразиліи встрѣчается, повидимому, длиннохвостая кошка (*Felis macrura*). Ростомъ она съ крупную домашнюю кошку, но лапы ея толще, чѣмъ у этой послѣдней. Общая длина тѣла достигаетъ 90—100 сантиметровъ, изъ которыхъ 30—35 см. приходится на хвостъ; высота у загривка равна 25—30 см. Для этого вида характерны: малая голова, большіе глаза, ланцетообразно закругленные уши и сильно изогнутые, бѣловатые когти. Основной фонъ мѣха рыжеватаго буро-сѣраго цвѣта, на бокахъ болѣе свѣтлаго, а снизу бѣлый. Все тѣло покрыто темными сѣро-бурыми или

черно-бурыми пятнами, расположенными въ продольные ряды; отдѣльныя пятна окружаютъ болѣе свѣтлое поле.

Граціозное тѣло и пестрый мѣхъ дѣлаютъ длиннохвостую кошку однимъ изъ красивѣйшихъ видовъ ея семейства. Водится она почти во всѣхъ дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи. Бразильцы называютъ ее пятнистой дикой кошкой и часто охотятся за нею изъ-за ея прекраснаго мѣха. Лазаешь она легко и ловко, а потому охотно взбирается на вьющіяся растенія; ищетъ по деревьямъ разныхъ животныхъ и птичьи гнѣзда; кромѣ того она питается всякими мелкими звѣрами, съ которыми въ состояніи совладать. Она наноситъ также много вреда дикимъ и домашнимъ курамъ и изъ-за нихъ часто посѣщаетъ жильѣ. Логовищемъ служатъ ей дупла деревъ, трещины въ скалахъ или норы въ землѣ; тутъ же она производитъ на свѣтъ дѣтенышей, точно такъ же, какъ наша европейская дикая кошка.

У пампасской кошки (*Felis rufigera*) продольная полосатость развита сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ видовъ этого семейства. На преобладающемъ красивомъ основномъ фонѣ серебристо-сѣраго цвѣта рѣзко выступаютъ то болѣе блѣдныя, то темныя, ржаво-бурыя полосы. Каждый отдѣльный волосъ мѣха у основанія сѣрый, затѣмъ свѣтло-желтый, а на кончикѣ серебристо-сѣрый, но тѣ волосы, которые образуютъ полосы, имѣютъ кончики блѣднаго ржаво-желтаго цвѣта. На серединѣ спины къ выше описаннымъ волосамъ примѣшиваются сплошь черныя и темно-ржаво-рыжіе; на головѣ они блѣдно-сѣры у основанія, затѣмъ черны, а на концѣ бѣлы. По щекамъ, которыя почти одноцвѣтныя блѣдно-желтыя, тянется узкая, ржаво-рыжая полоска. Уши снаружи свѣтлаго, а по краямъ темнаго ржаво-бураго цвѣта; внутренняя сторона ихъ бѣловатая. Хвостъ того же цвѣта, что и спина, и въ конечной части украшенъ 4—6 темными кольцами. Ноги желтоватаго основнаго цвѣта съ 6—7 широкими и правильными ржаво-рыжими полосами. Низъ тѣла въ неправильныхъ свѣтлыхъ ржаво-желтыхъ полосахъ по бѣловатому грязно-желтому основному фону. Несмотря на всю скромность ихъ, эти цвѣта и рисунокъ заставляютъ признать пампасскую кошку однимъ изъ красивѣйшихъ видовъ цѣлой группы. Крупные самцы достигаютъ общей длины тѣла отъ 120 до 130 сантиметровъ, изъ которыхъ около 30 см. приходится на хвостъ; высота у загривка равна 30—35 см.

Пампасская кошка водится въ степныхъ мѣстностяхъ Южной Америки, распространена по всей Патагоніи до Магелланова пролива къ югу и особенно часто встрѣчается по берегамъ Ріо-Негро.

*

Почти всѣ зоологи согласны въ томъ, что рысей (*Lynx*) слѣдуетъ отдѣлять въ особый родъ отъ всѣхъ остальныхъ кошекъ, и что родъ этотъ отличается очень хорошими признаками. Рыси характеризуются умѣренной головой съ ушами, украшенными на концѣ кисточкой волосъ, сильно развитыми и свойственными большинству видовъ бакенбардами, сжатымъ съ боковъ, но сильнымъ туловищемъ, поддерживаемымъ длинными ногами, и наконецъ, короткимъ, у большинства видовъ недоразвитымъ хвостомъ.

Рыси населяютъ всѣ части свѣта, кромѣ Австраліи, гдѣ кошекъ вообще нѣтъ; Европѣ свойственны два, хорошо различимыхъ вида. Они живутъ, главныхъ образомъ, въ обширныхъ лѣсахъ и избираютъ здѣсь самые недоступные участки; впрочемъ есть виды, водящіеся также въ степныхъ и пустынныхъ мѣстностяхъ, и даже въ мѣстахъ культивированныхъ. Всѣ рыси относятся къ высокоорганизованнымъ членамъ семьи, очень кровожадны и сильно вредятъ, какъ дичи, такъ и домашнимъ животнымъ.

Во главѣ представителей рода по красотѣ, силѣ и росту слѣдуетъ поставить рысь обыкновенную (*Lynx vulgaris*). О настоящемъ ростѣ, котораго можетъ достигать рысь, я узналъ только тогда, когда посѣтилъ зоологическій

музей въ Христіаніи, въ германскихъ же коллекціяхъ встрѣчаешь лишь экземпляры средней величины. Окончившая свой ростъ рысь достигаетъ величины по крайней мѣрѣ, тѣхъ леопардовъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ звѣринцахъ; она только немного короче, но за то выше его. Длина ея тѣла равна одному метру, но можетъ доходить и до 1,3 м.; хвостъ отъ 15—20 сантиметровъ, а высота у загривка 75 см. Вѣсъ самца доходитъ до 30 и даже до 45 килограммовъ, какъ



Рысь обыкновенная (*Lynx vulgaris*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

мнѣ сообщали въ Норвегіи. Это животное отличается необыкновенно плотнымъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ, сильными ногами и мощными лапами, напоминающими лапы леопарда и тигра, а потому съ перваго уже взгляда на него производитъ впечатлѣніе большой силы. Уши ея довольно длинны, заострены и оканчиваются кистеобразнымъ пучкомъ черныхъ, густыхъ волосъ, которые достигаютъ 4 сантиметровъ длины и направлены вверхъ. На толстой верхней губѣ сидятъ жесткіе и длинные усы, расположенные въ нѣсколько рядовъ. Тѣло одѣто въ густой, мягкій мѣхъ, который на головѣ образуетъ бакенбарды, придающія вмѣстѣ съ ушными кисточками крайне странное выраженіе лицу рыси. Цвѣтъ мѣха на верхней сторонѣ тѣла рыже-сѣрый и бѣловатый въ перемѣшку; голова, шея и спина, а также бока густо усажены рыже-бурыми и сѣро-бурыми пятнами. Низъ тѣла, внутренняя сторона ногъ, передняя часть шеи, губы и окрѣжность глазъ бѣлаго

цвѣта. Лице рыжеватое, внутренняя сторона уха бѣлая, а наружная — бурая съ чернымъ. Хвостъ, покрытый на всемъ своемъ протяженіи волосами одной длины и толщины, имѣетъ черный конецъ, занимающій почти всю конечную его половину; основная половина хвоста въ неясственныхъ, затушеванныхъ кольцахъ, не смыкающихся, однако, на нижней его поверхности. Лѣтомъ мѣхъ короче и рыжѣе, зимою длиннѣе и съ преобладаніемъ бѣловато-сѣрой окраски. Впрочемъ вся окраска подвержена вообще сильнымъ измѣненіямъ и пятна тоже значительно варьируютъ у различныхъ индивидовъ. Самка отличается отъ самца, повидимому, всегда болѣе рыжимъ оттѣнкомъ и менѣе явственными пятнами; новорожденные котята бѣловатаго цвѣта.

Рысь была извѣстна уже древнимъ, но въ Римѣ ее показывали зрителямъ много рѣже, чѣмъ льва и леопарда; достать ее уже въ то время было много труднѣе, чѣмъ только что названныхъ крупныхъ кошекъ. Рысь которую показывали во время Помпея, была привезена изъ Галліи. О жизни рыси на свободѣ никакихъ свѣдѣній тогда не имѣлось, а потому о ней ходило много суевѣрныхъ рассказовъ. Въ мифологіи древнихъ германцевъ рысь играла почти ту же роль, что и кошка; вѣроятно, она, а не эта послѣдняя, должна считаться животнымъ богини Фрейи, возившимъ ее колесницу.

Рысь еще въ средніе вѣка постоянно населяла всѣ болѣе значительные лѣса Германіи; ее страшно ненавидѣли и настойчиво преслѣдовали. Въ концѣ XV столѣтія она считалась самымъ вреднымъ хищникомъ Помераніи. Начиная съ этого времени, число рысей стало постоянно уменьшаться въ Германіи и теперь ее можно считать тамъ совершенно истребленной. Въ Баваріи, т. е. въ той части южной Германіи, которая граничитъ съ настоящимъ мѣстожителемъ рыси, Альпами, животное это было хорошо извѣстно всѣмъ записнымъ охотникамъ еще въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Послѣдняя рысь была убита здѣсь въ 1838 году въ округѣ Роттеншвангъ. Въ Тюрингенскомъ лѣсу, въ промежутокъ времени съ 1773 по 1796 годъ, было убито пять рысей, а въ нынѣшнемъ столѣтіи, по моимъ свѣдѣніямъ, только двѣ. Въ Вестфаліи послѣдняя рысь поплатилась своею жизнью безспорно въ 1745 году; на Гарцѣ двухъ послѣднихъ застрѣлили въ 1817 и 1818 годахъ, а вообще въ Германіи, кромѣ той ея части, которая граничитъ съ Россіей, въ 1846. Иное положеніе дѣлъ находимъ мы въ нѣмецко-австрійскихъ земляхъ и въ пограничныхъ съ Россіей частяхъ Пруссіи. Тутъ почти ежегодно приходится еще выслѣживать рысей, а тамъ и въ новѣйшее время ихъ убиваютъ столько, что объ окончательномъ истребленіи животнаго не можетъ быть и рѣчи. Въ Швейцаріи рысь встрѣчается, по Чуди, не чаще, чѣмъ дикая кошка, но она была не рѣдкостью здѣсь еще въ тридцатыхъ годахъ, когда въ одномъ Бюнденѣ ихъ убивали ежегодно по 7—8 штукъ. Въ настоящее время она стала рѣдка и въ этой мѣстности, хотя и водится еще въ горныхъ высокоствольныхъ лѣсахъ кантоновъ Валиса, Тессино и Берна, а также въ Альпахъ Урна, Гларнера, Эшери и Бексера. У меня нѣтъ свѣдѣній о распространеніи рыси въ Тиролѣ, но относительно восточной части Альпъ мнѣ извѣстно, что она нормально встрѣчается еще въ Крайнѣ и изрѣдка въ Каринтіи.

Современная область распространенія разсматриваемаго вида на западѣ начинается въ Карпатахъ; отсюда и отъ границы Пруссіи, по направленію къ востоку и къ сѣверу, она нормально водится во всей сѣверной, лѣсистой части Россіи и въ Скандинавіи, причемъ въ послѣдней идетъ отъ самаго юга страны до границы сплошныхъ лѣсовъ на сѣверѣ. Кромѣ того рысь населяетъ всю Сибирь, гдѣ есть лѣсистые и гористые участки, и отсюда распространена по всей средней Азіи, по крайней мѣрѣ, до Туркестана и Гималая, въ которомъ найдена въ долинѣ Инда.

Непремѣннымъ условіемъ постояннаго пребыванія этого хищника въ извѣстной мѣстности являются обширные, сплошные лѣса, изобилующіе густыми зарослями или вообще трудно доступными участками и населенные самою различною дичью. Въ рѣдкихъ лѣсахъ рысь появляется только случайно и главнымъ образомъ зимой, когда ей приходится отыскивать въ такихъ мѣстахъ зайцевъ, или она посѣщаетъ ихъ во время перекочевокъ, когда ее вынуждаетъ къ переселенію какойнибудь

лѣсной пожаръ и т. п. общая бѣда. Въ такихъ случаяхъ бываетъ, что она забѣгаетъ даже въ деревенскіе сады. Въ противоположность вѣлку, рысь часто остается довольно продолжительное время въ одномъ и томъ же участкѣ, рыскаетъ тутъ по всѣмъ направленіямъ, затѣмъ въ одну ночь переселяется за цѣлыя мили, направляясь часто безъ всякаго страха по торнымъ дорогамъ и, наконецъ, черезъ нѣсколько дней возвращается обратно на старый участокъ, чтобы изслѣдовать его снова.

По физическимъ и душевнымъ своимъ качествамъ рысь ни чуть, повидимому, не уступаетъ никакой другой кошкѣ. Она очень вынослива въ ходьбѣ, прекрасно прыгаетъ, если нужно, громадными прыжками, недурно лазаютъ и, кажется, легко можетъ переплывать водныя пространства. Изъ органовъ чувствъ лучше всего развитъ слухъ, почему кисточку на ушахъ можно считать вполне заслуженнымъ украшеніемъ. Едва ли ниже слуха стоитъ зрѣніе, хотя новѣйшія наблюденія и не могутъ дать какихъ либо непосредственныхъ указаній для объясненія старыхъ сказокъ относительно зоркости рыси.

Прежніе наблюдатели сравниваютъ голосъ рыси съ воемъ собаки, характеризую его, такимъ образомъ, очень невѣрно. Крикъ ея представляетъ скорѣе плачущій и ревушій звуки; онъ начинается высокими и нѣжными нотами, а оканчивается глухими и низкими, напоминая скорѣе ревъ медвѣдя.

По Нолькену, рысь чисто ночной хищникъ, прячется съ наступленіемъ дня и лежитъ, если ее не беспокоятъ, до темноты; этимъ она значительно отличается отъ волка. Для логовища своего она избираетъ расщелину скалы или чашу, а при случаѣ также большую яму и даже лисью и барсучью нору. Собираясь спрятаться или залечь, она направляется вдоль избранной ею чаши, а затѣмъ достигаетъ ее, сдѣлавъ нѣсколько большихъ прыжковъ въ ея сторону. Она избираетъ всегда исключительно самыя густыя заросли, доставляющія ей наилучшее прикрытіе, чашу хвойнаго молодняка и т. п. мѣста, мало заботясь о томъ, что дѣлается вокругъ нея.

Съ наступленіемъ сумерекъ рысь становится бодрой и оживленной. Въ теченіе всего дня она кажется неподвижной статуей, къ вечеру въ ней появляется жизнь и движеніе, но только ночью она выходитъ на охоту; во время своихъ походовъ она часто останавливается, чтобы прислушаться, какъ это дѣлаетъ кошка, собирающаяся перейти черезъ большую открытую площадь, кающуюся ей не безопасной. По мѣрѣ возможности, рысь придерживается при этомъ избраннаго ею направленія. Смѣшать слѣды рыси со слѣдами какого-нибудь другого животнаго можетъ развѣ только самый неопытный человѣкъ. Слѣдъ ея очень великъ, соотвѣтственно большимъ лапамъ животнаго, больше, чѣмъ слѣдъ крупнаго волка, очень круглый и спереди тупой, такъ какъ на немъ нѣтъ отпечатка когтей. Шагъ рыси сравнительно коротокъ. Такимъ образомъ, слѣды представляютъ какъ бы унизанную бусами нить, которую тотчасъ же узнаетъ каждый, кто видѣлъ ее хоть разъ.

Вслѣдствіе своеобразнаго тѣлосложенія рыси, каждое движеніе ея кажется страннымъ и, до извѣстной степени, даже неуклюжимъ. Она ступаетъ, видимо, твердо и разводитъ ноги, сравнительно съ другими кошками, замѣчательно далеко. Если въ рыси нѣтъ миловидности ея родичей, то она, во всякомъ случаѣ, не уступаетъ имъ въ ловкости, въ умѣннѣ лазать и превосходить ихъ въ быстротѣ и выносливости своихъ движеній, хотя и не принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ бѣгуновъ. Къ чему она способна въ этомъ отношеніи, лучше всего видно тамъ, гдѣ она бросалась на свою добычу, идя по свѣжевыпавшему снѣгу.

Добычей рыси служить, повидимому, каждое животное, съ которымъ она рассчитываетъ справиться. Начиная отъ самаго мелкаго млекопитающаго или птицы и до дикой козы или глухаря и дрофы врядъ ли есть хоть одно существо, которое могло бы считать себя застрахованнымъ отъ нея; на оленей, лосей и кабановъ рѣшаются изрѣдка и въ видѣ исключенія нападать, однако, только развѣ очень сильныя рыси. Рысь безусловно предпочитаетъ болѣе крупную дичь мелкой и, повидимому, вовсе не занимается ловлею, напримѣръ, мышей.

На сѣверѣ, гдѣ благородной дичи мало, а менѣе цѣнной много, рысь причиняетъ сравнительно мало вреда; но въ умѣренныхъ широтахъ она одинаково ненавистна, какъ охотнику, такъ и пастуху, потому что она не только умерщвляетъ много больше животныхъ, чѣмъ можетъ съѣсть, но и пользуется отъ своей жертвы только кровью и самыми лакомыми кусками, оставляя все остальное въ распоряженіе волковъ и лисицъ. Въ мѣстахъ богатыхъ дичью она крайне рѣдко возвращается къ убитому ею животному, тогда какъ въ Лифляндіи, гдѣ дичи немного, она очень охотно пользуется падалью и даже до такой степени падка до нея, что на нѣкоторое время залегаетъ около нея и повидимому прекращаетъ всякую другую охоту. Совершенно иначе ведетъ она себя въ богатыхъ дичью и стадами мѣстностяхъ. Въ Альпахъ Швейцаріи она подкарауливаетъ, по Шинцу, барсуковъ, сурковъ, зайцевъ, кроликовъ и мышей, подкрадывается въ лѣсахъ къ дикимъ козамъ, въ горахъ — къ сернамъ, ловить глухарей, тетеревовъ, рябчиковъ и бѣлыхъ куропатокъ и дѣлаетъ разбойничьи набѣги на стада овецъ, козъ и телятъ. Бехштейнъ говоритъ, что одна рысь умертвила 30 овецъ въ одну ночь, другая, по Шинцу, въ короткое время, — отъ 30 до 40 штукъ, а третья, по Чуди, — болѣе 160 овецъ и козъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что и охотникъ, и пастухъ одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы по возможности скоро овладѣть рысью.

Плѣнные животные этого вида безспорно принадлежать къ самымъ привлекательнымъ изъ всѣхъ кошекъ. Если рысь попадаетъ въ руки хозяина, не пройдя въ молодости тщательнаго воспитанія, она конечно не всегда выказываетъ себя съ самой лучшей стороны, но и такая всегда привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе.

Мы обязаны Левису прекраснымъ разсказомъ объ одной самкѣ рыси, которую онъ держалъ у себя въ неволѣ. „Достаточно было нѣсколькихъ мѣсяцевъ“, говоритъ онъ, „чтобы моя молодая рысь научилась хорошо отличать свое имя — Люси. Она прекрасно различала его среди многихъ собачьихъ кличекъ, которыя я выкрикивалъ на охотѣ, и всегда съ образцовымъ послушаніемъ шла на мой зовъ. Ее безъ всякаго труда удалось выдрессировать до такой степени, что она тотчасъ же прекращала самую дикую, страстную, но запрещенную ей охоту за зайцами, птицами или овцами, коль скоро до нея доносился мой угрожающій окликъ; она кидалась пристыженно къ моимъ ногамъ и по-собачьи просила пощады. Она быстро усвоила значеніе ружейнаго выстрѣла для утоленія ея аппетита. Если она уходила слишкомъ далеко, чтобы слышать зовъ, то мнѣ достаточно было только выстрѣлить, чтобы она быстро вернулась.

„Люси добровольно, даже съ удовольствіемъ, продѣлала со мною всѣ осеннія охоты, слѣдуя за мною по пятамъ. Когда мы вспугивали какого-нибудь несчастнаго зайца или вблизи появлялся косой, преслѣдуемый собаками, то начиналась самая горячая охота. Несмотря однако на чрезвычайное въ такихъ случаяхъ возбужденіе, Люси всегда сохраняла достаточно разсудительности, чтобы взвѣсить, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, отношеніе быстроты своего бѣга и своей выносливости къ тѣмъ же способностямъ зайца. Она слушалась только моего голоса и голоса моего брата и выказывала сдержанность и уваженіе только къ однимъ намъ. Если намъ случалось отлучаться одновременно обоимъ, то никто въ домѣ не могъ обуздать Люси: плохо тогда приходилось каждой неосторожной курицѣ, горе каждой беззаботной уткѣ или гусю! Съ наступленіемъ темноты Люси взбиралась на крышу дома, гдѣ спала, прислонившись къ трубѣ. Если поздно вечеромъ или ночью къ крыльцу подъѣзжала карета, то Люси нѣсколькими прыжками соскакивала съ крыши дома на зонтикъ подъѣзда; если я выкрикивалъ ея имя, то преданное созданіе поспѣшно соскальзывало по колоннамъ, большими прыжками бросалось мнѣ на грудь, обнимало сильными передними лапами мою шею, громко мурлыкало, толкало меня головою и терлось объ меня, какъ это дѣлаютъ кошки, а затѣмъ слѣдовало за нами въ горницу, чтобы улечься на диванѣ, кровати или на лежанкѣ.

„Однажды намъ съ братомъ пришлось уѣхать изъ дому на цѣлую недѣлю.

Рысь за это время стала бояться людей, беспокойно искала насъ съ громкимъ крикомъ и уже на второй день нашего отсутствія переселилась въ ближайшій березнякъ, переставъ принимать кормъ изъ кухни. Только ночью возвращалась она еще на свое обычное мѣсто у трубы на домъ. Радость ея послѣ такой долгой разлуки не имѣла границъ, когда мы вернулись, наконецъ, ночью. Какъ молнія слетѣла она съ крыши и бросилась мнѣ на шею и почти душила то меня, то моего брата своими искренними ласками. Съ этого момента она вернулась къ своему прежнему образу жизни и снова стала по вечерамъ доставлять всѣмъ нашимъ гостямъ рѣдкое, крайне привлекательное зрѣлище, растянувшись во всю свою длину на диванѣ за спиной читавшей намъ матери, то довольно мурлыча, то зѣвая и здорово похрапывая“.

Не только вслѣдствіе большого вреда, который рысь причиняетъ въ хорошо содержимыхъ охотничьихъ паркахъ или на изобилующихъ стадами Альпахъ, но и ради того высокаго удовольствія, которое доставляетъ каждому завязтому охотнику подобная охота, за рысью ревностно охотятся повсюду, гдѣ она встрѣчается, особенно же на сѣверѣ, гдѣ правильныя охоты на рысей устраиваются каждую зиму. Рысь добываютъ четырьмя способами: капканами съ хорошо привадою, путемъ подражанія голосу дичи, облавами и, наконецъ, съ помощью гончихъ собакъ.

Шкура рыси принадлежитъ къ числу наиболѣе цѣнныхъ мѣховъ; самыми красивыми и большими считаются скандинавскія, за которыя въ настоящее время платятъ по 25—30 марокъ; лѣтъ 25 тому назадъ онѣ стоили вдвое дороже. Сибирь доставляетъ ежегодно около 15,000, Россія и Скандинавія около 9,000 шкуръ. Рыси восточной Сибири идутъ исключительно въ Китай и особенно большой спросъ на нихъ существуетъ у пограничныхъ народовъ Монголіи.

Мясо рыси считалось и считается повсюду вкусной дичью. Кобелль замѣчаетъ, что еще во время сѣзда государей въ Вѣнѣ въ 1814 году часто подавалось на столъ жаркое изъ рыси и что въ 1819 году было отдано приказаніе добыть для Баварскаго короля рысь, мясо которой должно было помочь ему противъ головокруженія. Въ Лифляндіи мясо рыси тоже охотно ѣдятъ и не только рабочіе классы, но и высшіе, у которыхъ она даже цѣнится. Оно нѣжно и свѣтло, какъ самая лучшая телятина, лишено непріятнаго привкуса дичи и больше всего напоминаетъ мясо глухаря.

На югѣ Европы обыкновенная рысь замѣняется пардовой рысью (*Lynx pardinus*). Этотъ видъ много меньше своего сѣвернаго родственника, такъ какъ длина его тѣла достигаетъ самое большее одного метра. Кромѣ того онъ отличается отъ обыкновенной рыси болѣе короткимъ мѣхомъ, сравнительно очень сильно развитыми бакенбардами, длинными кисточками на ушахъ и совершенно инымъ, сложнымъ рисункомъ.

Въ сѣверной Америкѣ названные европейскіе виды замѣщаются пишу или канадской рысью (*Lynx borealis*). Эта рысь нѣсколько меньше обыкновенной, такъ какъ длина тѣла ея рѣдко достигаетъ 1,15 метра; мѣхъ ея короче, но гуще, чѣмъ у послѣдней. Родиной ей служить вся та часть сѣверной Америки, которая лежитъ къ сѣверу отъ Великихъ озеръ и къ востоку отъ Скалистыхъ горъ. Здѣсь она живетъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ совершенно такъ же, какъ наша рысь.

Канадская рысь, вмѣстѣ съ другимъ американскимъ видомъ этого рода, рыжею рысью (*Lynx rufus*), являются самыми полезными дикими кошками, потому что шкуры ихъ употребляются для весьма различныхъ цѣлей. Именно онѣ доставляютъ ежегодно для торговли много тысячъ шкуръ, которыя затѣмъ уже сортируются нашими мѣховщиками по цвѣту и добротѣ и получаютъ особыя названія.

Настоящую обитательницу пустынь и степныхъ пространствъ представляетъ среди южныхъ рысей каракаль (*Lynx caracal* или *Caracal melanotis*). Это животное не достигаетъ роста своихъ сѣверныхъ сородичей, такъ какъ длина его тѣла равна только 65—75 сантиметрамъ, а длина хвоста почти 25 см.

Область распространения каракала необыкновенно велика. Онъ водится во всей Африкѣ, передней Азии и Индіи и держится, какъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ, такъ и въ степяхъ; въ лѣсахъ онъ никогда не встрѣчается. Образомъ своей жизни онъ напоминаетъ родственные виды. Онъ ловитъ всѣхъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ пустыни, но рѣшается нападать также и на антилопъ: о послѣднемъ мнѣ нѣсколько разъ сообщали, по крайней мѣрѣ, арабы, которые называютъ его кутъ-эль-хала. Это вполне подтверждается, впрочемъ, давно уже извѣстнымъ фактомъ, что каракалы обучаютъ въ Азии, именно въ Индіи, для охоты за антилопами, зайцами и кроликами. По моимъ наблюденіямъ, каракалы является самымъ дикимъ и неуклюжимъ видомъ всего семейства кошекъ, конечно, пропорціонально своей величинѣ. Ни въ одномъ зоологическомъ саду не удавалось еще приручить это злобное существо и едва можно было добиться того, чтобы оно позволяло входить ухаживающему за нимъ сторожу въ свою клѣтку.

Болотная рысь (*Lynx chaus*), обитающая болотистыя и лѣсистыя мѣстности у Каспійскаго моря и Аральскаго озера, Персіи, Сиріи, Египта, Нубіи и Абиссиніи, имѣетъ, подобно каракалу, стройное тѣлосложеніе и длинныя ноги, но болѣе короткіе хвостъ и кисточки на ушахъ. Мѣхъ густъ, желтовато-сѣроватаго или зеленовато-желто-сѣроватаго преобладающаго цвѣта, на фонѣ котораго выступаютъ не ясно ограниченныя болѣе темныя полосы. Длина тѣла достигаетъ приблизительно 90 сантиметровъ, изъ которыхъ отъ 22 до 27 см. приходится на хвостъ.

Я встрѣчалъ болотную рысь нѣсколько разъ въ долинѣ Нила и вообще она не рѣдка въ Египтѣ, но только не часто попадаетъ на глаза. Въ этой странѣ почти вовсе нѣтъ значительныхъ лѣсовъ, въ которыхъ могли бы скрываться хищники, а потому имъ приходится довольствоваться другими укромными уголками, какъ-то: тростниковыми и камышевыми зарослями, хлѣбными полями и т. п. Болотная рысь охотится за своею добычею, какъ днемъ, такъ и ночью. Во время своихъ походовъ она не боится подходить къ самымъ деревнямъ и большимъ садамъ и, повидимому, даже съ особенною любовью держится вблизи ихъ.

Болотныя рыси рѣдко попадаютъ въ зоологическіе сады и, пойманныя старыми, непривѣтливы и злобны; съ другой стороны, молодые животные становятся очень преданными, если ихъ воспитать съ любовью. Такъ, извѣстный египтологъ Дюмихенъ рассказываетъ слѣдующее объ одной молодой болотной рыси, которую онъ нашелъ полумертвой отъ голода при изслѣдованіи развалинъ одного храма въ подземномъ его ходѣ. „Когда я схватилъ рысь, она и не думала оказывать сопротивленіе, но, напротивъ, позволяла дѣлать съ собою все, что я хотѣлъ; она съ жадностью набросилась на предложенную ей пищу и дозволила поднять и приласкать себя. Вполнѣ понимая оказанную ей услугу, она стала съ того времени моимъ неразлучнымъ спутникомъ, слѣдовала за мною по пятамъ, куда бы я ни шелъ, вспрыгивала ко мнѣ на верблюда, когда я собирался въ путь, и прошла со мною, такимъ образомъ, большую часть Нубіи, постоянно держась около меня, когда я по цѣлымъ часамъ снималъ надписи. Съ собакой она оставалась тоже въ дружескихъ отношеніяхъ: споровъ и ссоръ между ними никогда не происходило, но онѣ ежедневно самымъ миролюбивымъ образомъ играли другъ съ другомъ цѣлыми часами“.

*

Вслѣдъ за рысями мы рассмотримъ своеобразную промежуточную между кошками и собаками форму — охотничьихъ леопардовъ или гепардовъ. Они съ полнымъ правомъ носятъ свое родовое научное названіе *Cynailurus* (собако-кошка), потому что они дѣйствительно являются полусобаками, полукотами. Они имѣютъ кошачью голову, длинный кошачій хвостъ, но все остальное тѣло устроено у нихъ какъ у собакъ; собачьими кажутся также и длинныя ноги ихъ, лапы которыхъ лишь частью кошачьи. У нихъ существуетъ еще весь аппаратъ для вытягиванія и вынужденія когтей, но мышцы его до такой степени мало развиты и слабы, что когти почти всегда торчатъ наружу и потому притуплены вслѣдствіе

стиранія, какъ у собакъ. Зубная система въ общемъ напоминаетъ кошекъ, но клыки сжаты съ боковъ, какъ у собакъ. Промежуточному между двумя семействами строенію гепардовъ соотвѣтствуютъ и душевныя качества этихъ животныхъ: выраженіе лица еще кошачье, но въ глазахъ уже видна собачья доброта, говорящая о кротости и добродушіи этихъ животныхъ.

Современное состояніе нашихъ свѣдѣній о гепардахъ не позволяетъ еще рѣшить вопросъ о томъ, состоитъ ли этотъ родъ лишь изъ одного вида или изъ нѣсколькихъ. Нѣкоторые изслѣдователи безноворотно рѣшили, что африканскій и азіатскій охотничьи леопарды тождественны, другіе же, кромѣ читы или азіат-



Гепардъ или фаггада (*Cynailurus guttatus*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

скаго гепарда (*Cynailurus jubatus*) и фаггада или африканскаго охотничьяго леопарда (*C. guttatus*) отличаются еще крапчатого (*C. soemmeringii*) и лохматого гепардовъ (*C. laneus*).

Чита очень стройна и худощава; ноги ея много длиннѣе, чѣмъ у настоящихъ кошекъ; голова мала и нѣсколько вытянута въ длину, какъ у собаки, но не округла, какъ у кошки; уши коротки и широки; глазъ имѣетъ круглый зрачекъ; мѣхъ довольно длинный и взъерошенный, особенно на спинѣ. Основной цвѣтъ мѣха очень свѣтлый желтовато-сѣрый; но этому фону разсѣяны черныя и бурныя пятна, которыя на спинѣ тѣсно сближены и даже почти сливаются, покрываютъ брюхо и основную часть хвоста, переходя въ кольца только къ концу послѣдняго. Длина тѣла читы достигаетъ 137 сантиметровъ, а длина хвоста до 76 см.; высота у загривка равна 76—84 см. — У фаггада гривообразно удлинненныхъ волосъ на зашейкѣ

почти нѣтъ, основной цвѣтъ мѣха почти оранжево-желтый, а брюхо бѣлѣе и безъ пятенъ; пятна вообще нѣсколько иныя и конецъ хвоста не черный, а бѣлый.

Чита водится во всей юго-западной части Азіи, а, если соединить съ нею въ одинъ видъ крапчатого гепарда, то и въ сѣверо-восточномъ углу Африки. Это чисто степное животное, которое должно добывать себѣ пропитаніе не столько силою, сколько быстротою и ловкостью.

Пища охотничьяго леопарда состоитъ, главнымъ образомъ, изъ жвачныхъ мелкой и средней величины, водящихся въ обитаемыхъ имъ мѣстностяхъ, и онъ умѣетъ овладѣвать ими замѣчательно ловко. Самую любимую добычу читы составляютъ однако антилопы, а потому она чаще всего встрѣчается по близости тѣхъ мѣстъ, которыя особенно благопріятны этимъ животнымъ. Для своей стоянки чита избираетъ, обыкновенно, невысокіе скалистые холмы. Знатоки согласны между собою въ томъ, что чита самое быстрое изъ всѣхъ млекопитающихъ, если дѣло касается не слишкомъ далекихъ разстояній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подбираясь къ своей добычѣ, она пускаетъ въ ходъ различныя хитрости. Завидя стадо пасущихся антилопъ и оленей, чита припадаетъ къ землѣ и ловко крадется по ней, какъ змѣя, безъ шума, чтобы скрыться отъ бдительныхъ глазъ добычи. При этомъ она обращаетъ вниманіе на всѣ привычки послѣдней; такъ, напримѣръ, никогда не подбирается къ антилопамъ противъ вѣтра, лежитъ неподвижно и тихо, коль скоро вожакъ стада поднимаетъ голову, чтобы осмотрѣться, и т. д. Подобравшись такимъ образомъ какъ можно ближе, чита избираетъ животное, напасть на которое удобнѣе всего, и вдругъ устремляется бѣшенымъ бѣгомъ въ погоню за нимъ, стараясь сбить его на землю ударами своихъ лапъ по ногамъ и тогда хватаетъ его уже за горло. Если читѣ удалось подкрасться къ своей жертвѣ на разстояніе хорошаго ружейнаго выстрѣла, то она не задумываясь преслѣдуетъ даже самую быструю добычу, такъ какъ вполне довѣряетъ быстротѣ своего бѣга.

Такая прирожденная хитрость и умѣнье охотиться должны были обратить на себя вниманіе наблюдательныхъ туземцевъ родины читы и побудить ихъ къ попыткамъ утилизировать охотничьи способности животного въ свою пользу. При помощи самой простой дрессировки охотничій леопардъ превращается въ прекрасное охотничье животное, которое едва ли въ чемъ уступаетъ благородному соколу. Персидскій шахъ выписываетъ гепардовъ изъ Аравіи и держитъ ихъ въ спеціально для того устроенномъ домѣ. Іосифъ Барбаро видалъ въ 1474 году у князя Арменіи 100 штукъ охотничьихъ леопардовъ. Гепардами пользовались для охоты также и въ Европѣ.

Леопольдъ I, императоръ германскій, получилъ отъ турецкаго султана двухъ обученныхъ гепардовъ въ подарокъ и часто съ ними охотился. Своры этихъ животныхъ у нѣкоторыхъ туземныхъ индійскихъ князей требуютъ, говорятъ, и теперь еще не малыхъ расходовъ. Для обученія ихъ нужны спеціалисты этого дѣла, а охота съ ними должна совершаться въ присутствіи очень опытныхъ охотниковъ, которые занимаютъ приблизительно такое же почетное положеніе, какъ наши прежніе сокольничьи. Можно себѣ представить поэтому, что такое охотничье удовольствіе обходится не дешево.

Въ Индіи гепарду надѣваютъ, собираясь на охоту, повязку на глаза, привязываютъ его на тонкую веревку и сажаютъ на двухколесную телѣжку, какія обыкновенно употребляются въ этой странѣ. Прибывши на мѣсто охоты и разыскавъ стадо антилопъ или другой дичи, стараются подѣхать къ нему какъ можно ближе. Какъ и всегда, даже самая пугливая дичь подпускаетъ телѣгу ближе, чѣмъ пѣшеходовъ, почему съ гепардомъ можно подѣхать къ стаду шаговъ на 200 или 300. Коль скоро охотники достаточно приблизились, они снимаютъ съ читы повязку и обращаютъ вниманіе ея на дичь выразительными жестами и тихимъ подѣскиваніемъ. Лишь только животное завидѣло добычу, въ немъ проявляется инстинктивная страсть къ охотѣ и оно пускаетъ теперь въ ходъ всю свою прирожденную хитрость. Изячно, незамѣтно и неслышно соскальзываетъ гепардъ съ телѣги, осторожно подкрадывается описаннымъ уже выше способомъ къ стаду, пока оно не обратится въ бѣгство или пока онъ самъ не увѣрится въ успѣхъ своей ловли.

Если нападеніе ему удалось, онъ хватаетъ жертву за шею и валитъ на землю. Подоспѣвшій охотникъ перерѣзываетъ ей горло, собираетъ вытекающую кровь въ деревянный сосудъ, даетъ ее выпить читѣ и снова надѣваетъ ей повязку.

Очень странно, что такъ мало извѣстно о жизни на свободѣ этой такъ часто приручаемой кошки. Я напрасно справлялся объ этомъ даже у номадовъ въ Африкѣ; люди эти, прекрасно знающіе животное, могли сообщить мнѣ только, что его ловятъ петлями, и что оно становится ручнымъ въ самое короткое время, несмотря на свою первоначальную дикость.

Что прирученіе не можетъ быть труднымъ, ясно для каждаго, кто видѣлъ гепарда въ неволѣ. Не думаю преувеличить, сказавъ, что въ цѣломъ семействѣ кошекъ нѣтъ другого болѣе добродушнаго созданія, чѣмъ охотничій леопардъ, и сомнѣваюсь, чтобы какая либо иная дикая кошка могла стать ручнѣе, чѣмъ онъ. Добродушіе составляетъ основную черту характера этого животнаго. Привязанному гепарду даже въ голову не приходитъ перегрызть тонкую веревку, на которой онъ привязанъ. Никогда не вздумаетъ онъ причинить какой-либо вредъ тому, кто за нимъ ухаживаетъ: можно безъ всякаго опасенія подойти къ нему, гладить и ласкать его. Онъ принимаетъ ласки, повидимому, совершенно равнодушно и самое большее, чего можно отъ него добиться въ этихъ случаяхъ, такъ это того, что онъ замурлычитъ нѣсколько быстрѣе, чѣмъ обыкновенно; мурлычить же онъ непрерывно, пока не спитъ. Мурлыканье его похоже на кошачье, но только нѣсколько ниже и громче. Часто цѣлыми часами стоитъ онъ неподвижно, мечтательно смотреть въ одномъ и томъ же направленіи и крайне добродушно поетъ при этомъ свою пѣсенку. Въ такіе моменты мимо него могутъ проходить куры, голуби, воробьи, козы, овцы, и онъ не достаиваетъ ихъ даже взглядомъ. Но другіе хищники выводятъ его изъ задумчиваго состоянія, нарушаютъ его добродушное настроеніе. Проскальзывающая мимо собака видимо возбуждаетъ его: онъ тотчасъ перестаетъ мурлыкать, пристально смотритъ на нѣсколько смущенную собаку, наостряетъ уши, а иногда пытается сдѣлать нѣсколько смѣлыхъ прыжковъ, чтобы достать ее.

У меня былъ настолько ручной гепардъ, что я могъ водить его на веревкѣ и смѣло гулять съ нимъ по улицамъ города. Встрѣчаясь только съ людьми, онъ всегда спокойно шелъ рядомъ со мной, но дѣло мѣнялось, когда намъ попадались собаки. Въ этихъ случаяхъ онъ выказывалъ всегда столько безпокойства, что мнѣ пришлось разъ въ голову посмотреть, что сталъ бы онъ дѣлать, если бы ему хоть отчасти была предоставлена свобода. Я привязалъ его на веревку, метровъ 15—20, слегка обвилъ ее вокругъ руки и повелъ его на прогулку. Два крупныхъ, лѣнивыхъ пса повстрѣчались намъ на пути. Джекъ, какъ я назвалъ гепарда, посмотрѣлъ на нихъ удивленно, прекратилъ свое добродушное мурлыканье и сдѣлался нетерпѣливымъ. Я взялъ конецъ веревки въ руку, сбросилъ на землю петли и такимъ образомъ предоставилъ ему болѣе свободы. Онъ тотчасъ плотно прилегъ къ землѣ и сталъ подбираться рассказаннымъ выше способомъ къ собакамъ, которыя съ своей стороны тоже съ недоумѣніемъ и съ удивленіемъ смотрѣли на странное существо. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ собакамъ, тѣмъ возбужденнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнѣе онъ становился. Какъ змѣя скользилъ онъ по землѣ и наконецъ рѣшилъ, что подобрался достаточно близко. Три-четырьмя громадными прыжками бросился онъ теперь на одну изъ собакъ, догналъ ее, несмотря на то, что она кинулась на утекъ, и сбилъ ее лапами съ ногъ. Послѣднее онъ выполнилъ крайне своеобразнымъ способомъ; не впуская въ собаку своихъ когтей, онъ просто билъ по ней своими передними лапами, пока она не свалилась на землю. Несчастный песъ до-смерти испугался, увидѣвъ надъ собою кошачью рожу, и началъ жалобно выть. Всполошились всѣ бывшія на улицѣ собаки, стали тоже лаять и визжать изъ состраданія, собралась большая толпа народа и мнѣ пришлось по добру — по здорову отвести своего гепарда, не достигнувъ собственно цѣли, т. е. не увидавъ, что сталъ бы онъ дѣлать съ собакой.

Изслѣдованія Поллена и Шлегеля показали, что такъ называемый сумчатый хорь, котораго до послѣдняго времени причисляли къ семейству виверръ, долженъ относиться еще къ кошкамъ, считаясь, однако, промежуточной формой, соединительнымъ звеномъ между этими послѣдними и виверрами. Это животное сходно съ кошками по общему строенію своего тѣла, по выраженію морды и по довольно глубоко втягивающимся когтямъ, а виверръ оно напоминаетъ вытянутымъ въ длину туловищемъ, покоющимся на короткихъ ногахъ, короткими ушками яйцеобразнаго очертанія, очень длинными усами и нѣкоторыми другими признаками.

Фосса туземцевъ Мадагаскара или хорьковая кошка (*Cryptoprocta ferox*), какъ мы можемъ ее назвать, достигаетъ общей длины тѣла до 1,5 метра, изъ которыхъ 68 сантиметровъ приходятся на хвостъ; высота ея однако незначительна, такъ какъ ноги всего 15 см. длины. Состоящій изъ короткихъ, но густыхъ, довольно жесткихъ, на головѣ и на ногахъ какъ бы сбритыхъ волосъ, мѣхъ окрашенъ въ рыжевато-черный цвѣтъ. На верхней сторонѣ тѣла онъ темнѣе, такъ какъ отдѣльные волосы тутъ бурые, въ блѣдно-желтыхъ кольцахъ. Наружная и внутренняя сторона ушей покрыта болѣе свѣтлыми волосами; усы частью черны, частью бѣлы; зрачекъ напоминаетъ кошачій и окрашенъ въ сѣровато-желтый цвѣтъ съ зеленоватымъ оттѣнкомъ.

Отечество хорьковой кошки составляетъ островъ Мадагаскаръ. Здѣсь повсюду ее знаютъ, боятся до смѣшного, обвиняютъ даже въ нападеніяхъ на человека и рассказываютъ массу сказокъ, въ которыхъ она играетъ значительную роль. Объ образѣ жизни ея на свободѣ знаютъ еще очень мало.

Представители семейства виверръ (*Viverridae*), къ которому естественный переходъ составляетъ фосса, отличаются отъ кошекъ своимъ вытянутымъ въ длину, тонкимъ и цилиндрическимъ тѣломъ, покоющимся на короткихъ ногахъ, длинной, тонкой шеей и удлиненой головой, а также почти всегда длиннымъ, большею частью, отвисшимъ хвостомъ. Глаза виверръ обыкновенно малы, уши то большія, то малыя, ноги четырехъ или пятипалыя, съ втяжными у многихъ видовъ когтями. Около задняго прохода помѣщаются двѣ или нѣсколько железъ, которыя отдѣляютъ особую, рѣдко однако пріятнаго запаха, жидкость, иногда хранящуюся въ своеобразномъ железистомъ мѣшкѣ.

Въ общемъ виверры походятъ на нашихъ куніцъ, которыхъ онѣ замѣщаютъ въ южныхъ частяхъ Старога Свѣта. Съ другой стороны, многія изъ нихъ напоминаютъ кошекъ, отчасти даже медвѣдей, почему можно сказать, что онѣ, вѣроятно, близки къ той родоначальной группѣ животныхъ, изъ которыхъ впослѣдствіи развились различныя семейства хищниковъ. Отъ куніцъ онѣ отличаются, главнымъ образомъ, зубной системой, причемъ зубы у нихъ острѣе и снабжены пріостренными буграми.

Виверръ вовсе нѣтъ въ Австраліи: онѣ обитаютъ въ южной части Старога Свѣта и, слѣдовательно, въ Африкѣ и южной Азіи. Въ Европѣ водятся три вида этого семейства и притомъ исключительно въ средиземно-морской области; изъ нихъ только одна встрѣчается въ Испаніи. Виверры появились уже въ началѣ третичной эпохи, а въ современную намъ представлены, подобно куніцамъ, большимъ количествомъ разнообразныхъ формъ, собранныхъ на значительно меньшемъ пространствѣ, чѣмъ тѣ. Мѣстопробываніе ихъ столь же разнообразно, какъ и онѣ сами. Нѣкоторыя живутъ въ бесплодныхъ, высокихъ и сухихъ мѣстностяхъ, въ пустыняхъ, степяхъ, на горахъ или въ рѣдколѣсныхъ бѣдныхъ влагою странъ Африки и нагорной Азіи; другія предпочитаютъ самыя плодородныя низменности, берега рѣкъ и тростниковыя заросли всѣмъ остальнымъ мѣстамъ. Однѣ не избѣгаютъ близости человѣческаго жилья, другія боязливо прячутся во мракѣ самаго густого лѣса. Есть виды, живущіе на деревьяхъ, тогда какъ иные держатся исключительно на землѣ. Жилищами и мѣстами отдыха въ теченіе избранной ими для этого части дня служатъ имъ трещины и расщелины скалъ, дупла

деревъ, выкопанныя ими самими или просто занятыя норы, густой кустарникъ и т. под.

Большинство виверръ — животныя ночныя, но многія изъ нихъ и чисто дневныя, которыя охотятся, за исключеніемъ полудня, только тогда, когда солнце стоитъ надъ горизонтомъ, и тотчасъ же прячутся въ свою норку, коль скоро оно закатится. Лишь немногія изъ нихъ могутъ быть названы лѣнивыми, медлительными и нѣсколько неуклюжими, большая же часть не уступаетъ ни въ ловкости, ни въ живости самымъ ловкимъ хищникамъ. Нѣкоторые роды виверръ являются настоящими пальцеходящими животными, другіе же ступаютъ при ходьбѣ на всю пятку. Лазать умѣютъ только немногія формы, большинство же привязано къ землѣ.

Органы чувствъ развиты у виверръ очень сильно, особенно же — зрѣніе, слухъ и обоняніе, благодаря чему онѣ прекрасно приспособлены къ хищническому образу жизни. И дѣйствительно, сравниться съ ними въ этомъ отношеніи могутъ развѣ однѣ только куницы. Рѣшительно всѣ виверры крайне вороваты и падки до крови; онѣ нападаютъ на всѣхъ животныхъ, которыхъ могутъ только осилить. Пищу ихъ составляютъ, такимъ образомъ, мелкія млекопитающія, птицы и ихъ яйца, а также самыя различныя насѣкомыя; многія изъ виверръ ѣдятъ также гадовъ, пресмыкающихся, рыбъ и раковъ. Ловкость и отвага, съ которыми нѣкоторыя изъ виверръ вступаютъ въ бой съ ядовитыми змѣями, издревле прославили ихъ среди всѣхъ народовъ, которые ихъ знали, а отдѣльные виды ихъ дали поводъ къ самымъ страннымъ сказкамъ. Безпрерывно блуждаютъ виверры, пока не спятъ, по своей охотничьей области, изслѣдуютъ и обнюхиваютъ въ ней каждую щелку, каждую трещину, дупло и норку какъ на полѣ, такъ и въ лѣсу, въ тростникахъ или на покрытомъ галькою и камнями откосѣ. Во время отдыха онѣ лежатъ, большею частью свернувшись въ клубокъ, спокойно, какъ бы размышляя въ уединеніи. Для отдыха служатъ имъ то мѣсто, гдѣ засталъ ихъ восходъ солнца и только немногіе виды имѣютъ опредѣленное жилище. Голосъ ихъ представляетъ то хриплое и глухое мурлыканье, то рѣзкій, монотонный свистъ, то, наконецъ, очень измѣнчивый по звуку крикъ.

Замѣчательнъ довольно сильный мускусный запахъ, который распространяютъ многіе виды. Онъ происходитъ отъ отдѣляемой вышеупомянутыми железами жидкости, которая сохраняется въ железистомъ мѣшкѣ, имѣетъ видъ жирной или маслянистой, сальной и пахучей массы, извѣстной намъ подъ именемъ цибета.

Число дѣтенышей колеблется у виверръ, какъ и у остальныхъ хищниковъ, довольно значительно, насколько извѣстно, — отъ одного до шести. Матери любятъ свое потомство замѣчательно нѣжно, но у нѣсколькихъ видовъ принимаетъ участіе въ воспитаніи дѣтей также и самецъ. Въ общемъ молодыя виверры легко приручаются и становятся впослѣдствіи столь же преданными и добродушными, насколько взрослые дики, злы и строптивы. Онѣ прекрасно уживаются въ неволѣ, почему въ извѣстныхъ мѣстностяхъ нѣкоторые виды держатся въ большомъ количествѣ, чтобы легче было добывать отъ нихъ цѣнное отдѣленіе железъ. Другіе виды употребляются съ успѣхомъ для ловли крысъ, мышей и другихъ докучливыхъ животныхъ.

Въ общемъ, приносимая виверрами польза, вѣроятно, перевѣшиваетъ тотъ вредъ, который онѣ причиняютъ. Грабежи, производимые ими на родинѣ, не такъ уже важны, а потому тѣмъ болѣе признается польза, доставляемая ими даже на свободѣ, истребленіемъ различныхъ вредныхъ животныхъ. Именно эта то польза и была причиной того, что одно изъ этихъ животныхъ было объявлено въ глубокой древности замѣчательнымъ народомъ Египта священнымъ и пользовалось всеобщимъ почитаніемъ.

*

Крайними представителями этого семейства съ одной стороны являются настоящія виверры, а съ другой — мангусты; первыя имѣютъ втяжные когти, а у вторыхъ когти втягиваться не могутъ.

Тѣло виверръ (*Viverra*) стройно и вытянуто въ длину, повисшій хвостъ длиненъ, ноги довольно длинны, подошвы совершенно покрыты волосами; обѣ пары ногъ имѣютъ по пяти пальцевъ съ полувтяжными когтями. Дальнѣйшими признаками этого рода будутъ: короткія, широкія уши, умѣренно большіе глаза съ кругловатымъ зрачкомъ, пріостренныя морда и носъ, мягкій мѣхъ и, наконецъ, сильно развитой железистый мѣшокъ.

Циветта африканская (*Viverra civetta*) величиной приблизительно съ собаку средней величины, но видомъ напоминаетъ больше кошку, производя общее впечатлѣніе чего-то средняго между этою послѣднею и куницею. Выпуклая, широкая голова ея имѣетъ нѣсколько заостренную морду, коротко заостренные уши и косо прорѣзанные глаза съ круглымъ зрачкомъ. Туловище вытянутое, не худощавое, а, напротивъ, — одно изъ самыхъ плотныхъ во всемъ семействѣ; хвостъ средней длины, приблизительно въ половину тѣла; ноги средней длины съ подо-



Циветта африканская (*Viverra civetta*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

швами, совершенно покрытыми волосами. Не особенно длинный мѣхъ густъ, жестокъ и безъ пушка; вдоль шеи и хребта тянется грива, состоящая изъ довольно длинныхъ волосъ и болѣе или менѣе замѣтная даже на хвостѣ. На красивомъ, пепельно-сѣромъ мѣхѣ, переходящемъ иногда въ желтоватый фонъ, выступаютъ многочисленныя круглыя и угловатыя пятна, имѣющія крайне разнообразную величину и расположеніе. По бокамъ тѣла они собраны то въ продольные, то въ поперечные ряды, а на бедрахъ заднихъ ногъ образуютъ поперечныя полосы. Грива, которая можетъ приподыматься вверхъ, черно-бураго цвѣта, брюхо свѣтлѣе, чѣмъ верхъ тѣла, а черныя пятна очерчены здѣсь не такъ рѣзко. Хвостъ, покрытый въ основной своей части еще довольно длинными волосами, украшенъ 6—7 черными кольцами и оканчивается черной вершиной. Съ каждой стороны шеи помѣщается продолговато-четыреугольное, косо сверху и кзади идущее бѣлое пятно. Тѣло животнаго достигаетъ приблизительно 70, а хвостъ 35 сантиметровъ длины; высота у загривка равна 30 см.

Родину этой циветты составляетъ Африка и, главнымъ образомъ, западная часть ея, именно Верхняя и Нижняя Гвинея; она встрѣчается, впрочемъ, также и въ восточной Африкѣ, хотя попадаетъ здѣсь довольно рѣдко. Какъ большин-

ство представителей ея семейства, циветта скорѣе ночное, чѣмъ дневное животное. Днемъ она спитъ, вечеромъ же выходитъ на хищническую охоту, разыскиваетъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, стараясь овладѣть ими либо врасплохъ, либо подкрасться къ нимъ. Любимую пищу ея составляютъ птичьи яйца, и говорятъ, что она выказываетъ при розыскѣ ихъ замѣчательную ловкость, взбираясь за лакомымъ явствомъ даже на деревья. Въ нуждѣ она ѣстъ также гадовъ и не пренебрегаетъ плодами и кореньями.

Въ неволѣ ее содержатъ въ особо устроенныхъ хлѣвахъ или клѣткахъ, причемъ кормятъ мясомъ и, главнымъ образомъ, птицей. Взятая молодою виверра эта не только лучше переноситъ неволю, чѣмъ пойманная старою, но и весьма быстро ручнѣетъ, становясь вполнѣ довѣрчивою къ своему хозяину. Сильный мускусный запахъ, распространяемый плѣнными циветтами, дѣлаетъ этихъ животныхъ невыносимыми для слабонервныхъ людей.

Альпинусъ видѣлъ въ Каиро циветтъ у евреевъ, содержавшихъ ихъ въ желѣзныхъ клѣткахъ. Въ его присутствіи выдавливали цибетъ и ему пришлось заплатить за одну драхму его четыре дуката. Съ этою же цѣлью циветту держали прежде въ домахъ и въ Лиссабонѣ, Неаполѣ, Римѣ, Мантуѣ, Венеціи и Миланѣ и даже въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи, особенно же въ Голландіи.

Если хотятъ добыть цибетъ, то животное привязываютъ веревкой къ прутьямъ клѣтки, выворачиваютъ пальцами мѣшокъ наружу и выжимаютъ секретъ железъ изъ многочисленныхъ выводныхъ протоковъ, оканчивающихся въ мѣшкѣ. Обыкновенно цибетъ берутъ два раза въ недѣлю и получаютъ его въ очень различномъ количествѣ. Въ свѣжемъ состояніи онъ представляетъ бѣлую пѣну, которая потомъ бурѣетъ и нѣсколько теряетъ свой запахъ. Большая часть цибета поступаетъ въ продажу въ фальсифицированномъ видѣ, да и настоящій цибетъ долженъ подвергнуться еще кое-какой обработкѣ прежде, чѣмъ станетъ годнымъ для употребленія. Лучшимъ сортомъ цибета считается тотъ, который получается отъ азиатской циветты, особенно водящейся на островѣ Буру, принадлежащемъ къ Молуккской группѣ. Яванскій цибетъ считается тоже лучше бенгальскаго и африканскаго. Въ настоящее время торговля цибетомъ значительно пала, такъ какъ ему все больше и больше предпочитаютъ мускусъ.

Почти то же, что я сказалъ объ африканской циветтѣ, относится и къ настоящей или азиатской циветтѣ, называемой въ Индіи багдось, бранъ и кхатасъ (*Viverra zibetha*), которую долгое время считали за видоизмѣненіе африканскаго вида. Она отличается однако отъ этой послѣдней не только окраской и рисункомъ, но и нѣсколько инымъ тѣлосложеніемъ. Голова ея острѣе, туловище худощавѣе, уши длиннѣе, чѣмъ у циветты, а волосы нигдѣ не образуютъ гривы. Основной цвѣтъ мѣха тусклый буровато-желтый; на этомъ фонѣ выступаетъ большое число густо расположенныхъ темныхъ ржаво-рыжихъ пятенъ очень различнаго очертанія. На хребтѣ пятна эти сливаются въ одну широкую полосу чернаго цвѣта, а на бокахъ они очень не явственны. Взрослое животное имѣетъ тѣло длиною въ 80 сантиметровъ, хвостъ въ 56, а высоту у загривка въ 38 см.; вѣситъ оно отъ 8 до 12 килограммовъ.

Азиатская циветта получила, благодаря малайцамъ, которые называютъ ее тинггалонгомъ, широкое распространеніе, родиной же ея, по Блэнфорду, является Бенгаль, Ассамъ, Бирма, Сіамъ, южная часть Китая и Малайскій полуостровъ.

Она живетъ, большею частью, одиноко и бродитъ за добычею ночью, причемъ нерѣдко посѣщаетъ селенія и воруетъ куръ и утокъ. Она питается, впрочемъ, какъ плодами и нѣкоторыми кореньями, такъ и насѣкомыми, лягушками, змѣями, яйцами, всѣми птицами и млекопитающими, съ которыми можетъ справиться.

Виверра, которую въ новѣйшее время частенько встрѣчаешь въ зоологическихъ садахъ, носитъ названіе рассы (*Viverra malaccensis*). Она много мельче, чѣмъ два рассмотрѣнныхъ уже вида, но хвостъ у нея длиннѣе; длина

тѣла ея равняется 60 сантиметрамъ, а длина хвоста нѣсколько меньше этой цифры. Отличительный признакъ ея составляетъ узкая голова съ относительно большими ушами. Косматый мѣхъ ея сѣровато-желтый, съ буроватымъ оттѣнкомъ и примѣсъю черного, украшенъ темными пятнами, расположенными въ продольные ряды, а хвостъ въ нѣсколькихъ темныхъ кольцахъ.

Расса, за исключеніемъ долины Инда и западной части Ражпутаны, обитаетъ во всей Индіи отъ подошвы Гималая до Цейлона, а также въ Ассамѣ, Бирмѣ, южномъ Китаѣ, Малаккѣ, Суматрѣ, Явѣ и, повидимому, на различныхъ другихъ южно-азиатскихъ островахъ. На своей родинѣ она пользуется большимъ почетомъ вслѣдствіе того, что цибетъ ея употребляется малайцами въ громадномъ количествѣ. Это сильно пахучее вещество, смѣшанное съ другими ароматическими веществами, идетъ не только на духи для платья, но имъ душатъ также комнаты и постели, благодаря чему въ домѣ устанавливается просто невыносимый для европейца запахъ.

*

Подродъ генетта (*Genetta*) характеризуется очень сильно удлинненнымъ туловищемъ, голой продольной полоской на подошвахъ, пятьюпалыми передними и задними ногами съ втяжными когтями, длиннымъ хвостомъ и ушами средней величины. Близъ задняго прохода расположенъ не глубокий железистый мѣшокъ.

Самый извѣстный видъ этого рода генетта обыкновенная (*Viverra genetta*) есть единственный представитель виверръ въ Европѣ, въ которой кромѣ нея изъ этого семейства водятся еще двѣ мангусты. Въ общемъ она имѣетъ довольно много сходства съ рассмотрѣнными уже родственниками, напоминая ихъ даже цвѣтомъ. Длина тѣла ея достигаетъ 50, хвоста 40, а высота у загривка 15—17 сантиметровъ. Покоящееся на очень низкихъ ногахъ туловище необыкновенно тонко, голова мала, кзади расширена, съ длинной мордой и съ короткими, широкими и тупо пріостренными ушами. Глаза имѣютъ зрачекъ, напоминающій кошачій и при дневномъ свѣтѣ представляющійся въ видѣ щели. Заднепроходныя железы отдѣляютъ лишь небольшое количество жирной жидкости, пахнущей мускусомъ. Основной цвѣтъ короткаго, густого и гладкаго мѣха свѣтло-сѣрый съ желтоватымъ оттѣнкомъ; на этомъ фонѣ расположены темныя пятна.

Настоящее отечество этого необыкновенно изящнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне хищнаго и кровожаднаго, злого и смѣлаго звѣрка составляетъ горная страна Атласа; но онъ встрѣчается также и въ Европѣ, главнымъ образомъ въ Испаніи и въ южной Франціи. Уже въ Испаніи генетта встрѣчается въ подходящихъ мѣстахъ постоянно, хотя видѣть ее приходится крайне рѣдко. Держится она на горахъ, какъ поросшихъ лѣсомъ, такъ и лишенныхъ его, но спускается также и въ долины. Любимое мѣстопробываніе ея составляютъ сырыя мѣста близъ ключей и ручьевъ, кустарники, сильно разрытые горные откосы и т. под. Здѣсь одинокому охотнику случается вспугивать ее и днемъ, но благодаря замѣчательному сходству окраски ея съ цвѣтомъ обломковъ скалъ и даже просто съ цвѣтомъ земли онъ такъ быстро исчезаетъ изъ глазъ, что стрѣлять ему по ней все же не приходится. Змѣеобразными движеніями извивается она съ ловкостью лисицы межъ камней, травъ, кустовъ и другихъ растений, причемъ движенія ея настолько же изящны и миловидны, насколько ловки и проворны. Кромѣ нея я не знаю ни одного млекопитающаго, которое соединяло бы столь удачно гибкость змѣи съ быстротою куницы. Необыкновенная граціозность ея движеній вызываетъ невольное удивленіе. Пехуэль-Лёше сообщаетъ слѣдующее съ привала Чинчочо экспедиція Гиссфельдта въ Лоанго. „Мы часто держали виверръ и генеттъ. Первые довольно-таки непривлекательныя животныя, которымъ никогда нельзя вполнѣ довѣрять и запахъ которыхъ, кромѣ того, въ высшей степени невыносимъ; генетты, наоборотъ, становятся очень ручными, бѣгутъ на зовъ, слѣдуютъ за своимъ воспитателемъ какъ собака даже днемъ и доставляютъ хозяину много удовольствія своимъ поведеніемъ. Въ главномъ нашемъ баракѣ по домашнему устроилось одно полувзрослое животное этого вида и находило себѣ обильное пропитаніе въ крысахъ, которыхъ здѣсь было, къ сожалѣнію, несмѣтное ко-

личество. Когда мы сидѣли по вечерамъ въ общей комнатѣ и уютно болтали другъ съ другомъ, она часто прибѣгала сюда по нижней балкѣ крыши и, посмотрѣвши съ любопытствомъ внизъ, вдругъ кидалась красивымъ прыжкомъ на столъ. Тутъ ловко скользила она, издавая нѣжные звуки, отъ одного изъ насъ къ другому, давала погладить и подразнить себя короткое время, а затѣмъ исчезала тѣмъ же способомъ, какъ явилась“.

Шкурки генетты идутъ на мѣхъ.

*

Къ разсмотрѣннымъ нами циветтамъ примыкають т. наз. пальмовыя куницы или страннохвосты (*Paradoxurus*). Это полустопоходящія животныя, получившія свое научное названіе отъ хвоста, который у многихъ видовъ имѣетъ способность заворачиваться въ кольцо; особенность эта, однако, ни коимъ образомъ не бросается слишкомъ рѣзко въ глаза. И переднія, и заднія пары ногъ имѣють по пяти пальцевъ, снабженныхъ болѣе или менѣе втяжными когтями, которыми животное пользуется, подобно кошкамъ, какъ для хватанія добычи, такъ и для самозащиты.

Всѣ относящіяся къ этому роду виды свойственны южной Азіи и сосѣднимъ съ нею островамъ; они выходятъ за добычей лишь послѣ заката солнца, двигаются достаточно ловко и быстро, чтобы справляться съ ловлею мелкихъ млекопитающихъ и птицъ вполне успѣшно, но питаются также и плодами.

Индійская пальмовая куница (*Paradoxurus niger*) нѣсколько напоминаетъ своимъ видомъ, а также распредѣленіемъ цвѣтовъ генетту, а величиною съ домашнюю кошку: тѣло отъ 45 до 55 сантиметровъ съ хвостомъ почти такой же длины; высота у загривка 18 см. Туловище вытянуто въ длину, но все же довольно коренастое; ноги коротки и сильны; длинный хвостъ способенъ завиваться кольцомъ и вверхъ и внизъ. Уши средней величины; радужная оболочка очень выпуклыхъ глазъ бурая и большой, крайне подвижный зрачекъ, который можетъ суживаться въ щель шириной въ толщину волоса. Мѣхъ состоитъ изъ подшерстка и болѣе тонкихъ волосъ; основной цвѣтъ его черный, но измѣняется до буро-сѣраго и разрисованъ болѣе темными полосами и пятнами, расположенными въ рядъ.

Видъ этотъ, за исключеніемъ бассейна рѣки Инда, распространенъ по всей передней Индіи отъ подошвы Гималая до Цейлона включительно и встрѣчается повсюду, гдѣ только есть древесныя насажденія; онъ держится какъ въ глухихъ мѣстахъ, такъ и у человѣческаго жилья, гдѣ нерѣдко поселяется въ сараяхъ и тому подобныхъ постройкахъ. Какъ и всѣ другіе члены семьи онъ ревностно охотится за млекопитающими и птицами, но таскаетъ также яйца и птенцовъ изъ гнѣздъ, ловить ящерицъ, змѣй, насѣкомыхъ и особенно любитъ плоды. Онъ вредитъ, говорятъ, довольно чувствительно ананаснымъ плантаціямъ, является часто весьма непріятнымъ гостемъ въ кофейныхъ насажденіяхъ и, будто бы, большой любитель пальмоваго вина. Изрѣдка онъ забирается и на птичьи дворы.

Индійская пальмовая куница замѣщается въ Бирмѣ, Сіамѣ, на Малаккѣ, на Суматрѣ, Явѣ и Борнео малайскою пальмовою куницею или музангомъ (*Paradoxurus hermaproditus*). Длина его тѣла равна 42 сантиметрамъ, хвостъ обыкновенно нѣсколько короче. Цвѣтъ мѣха сильно измѣняется и у этого вида.

О жизни его на свободѣ и о томъ, какъ хозяйничаетъ онъ на кофейныхъ плантаціяхъ, передаетъ намъ Юнгунъ. Когда начинаютъ созрѣвать плоды кофейныхъ деревьевъ, все ярче и ярче покрываясь характернымъ румянцемъ, когда взрослые люди и дѣти обоихъ половъ обирають съ вѣтвей красныя ягоды и спѣшать перетасать грузныя корзины къ мѣстамъ сушки, „часто приходится видѣть на дорожкахъ, перерѣзывающихъ подъ прямыми углами весь кофейный садъ, бѣловатые комки испражнений какого то животнаго, которые цѣликомъ состоятъ изъ

слипшихся, но въ остальномъ совершенно неповрежденныхъ кофейныхъ бобовъ. Это испражненія музанга, который пользуется у горныхъ жителей плохой репутацией за воровство ихъ куръ, но который въ то же время охотно ѣстъ плоды, больше же всего любитъ посѣщать кофейные сады во время созрѣванія плодовъ и чаще всего тутъ и ловится яванцами. Онъ сѣдаетъ мясистыя, сочныя оболочки плодовъ, а несваримыя сѣмена выдѣляетъ обратно. По увѣренію яванцевъ, прошедшія чрезъ кишечникъ животнаго сѣмена доставляютъ самый лучший сортъ кофе, вѣроятно потому, что музангъ лакомится самыми спѣлыми изъ плодовъ. Кромѣ того, малайская пальмовая куница питается птицами и насѣкомыми, ловить дикихъ куръ, выпиваетъ яйца какъ у живущихъ на волѣ, такъ и у домашнихъ птицъ и считаетъ ихъ, какъ кажется, за большое лакомство. Въ неволѣ музангъ цѣлыми недѣлями довольствуется одними бананами и въ скоромъ времени до такой степени привязывается къ дому, что его можно оставлять бѣгать здѣсь на свободѣ. За человѣкомъ, который кормитъ его и даетъ ему изрѣдка



Малайская пальмовая куница (*Paradoxurus hermaphroditus*). 1/2, естеств. велич.

выпить куриное яйцо, онъ бѣгаетъ подобно собакѣ на прогулки и позволяетъ ему трогать и гладить себя“.

Видъ страннохвостовъ, населяющій Китай и Формозу, называется пагумой (*Paradoxurus larvatus*) и величиною почти равняется своимъ родственникамъ. Цвѣтъ мѣха на большей части головы черный, но щеки, подбородокъ, горло и шея сѣрые, верхъ же тѣла желтовато-сѣрый. Отъ голаго конца носа вдоль лба вплоть до затылка тянется бѣловатая полоска, другая такая же полоска идетъ по бокамъ головы подъ глазомъ и третья надъ глазомъ. Уши, кончикъ хвоста и лапы черныя.

*

Изъ виверръ съ когтями, которые втягиваться не могутъ, мы должны поставить на первое мѣсто издавна извѣстныхъ и прославившихся мангустъ или ихневмоновъ потому, что они болѣе другихъ заслуживаютъ всеобщаго вниманія.

Мангусты (*Herpestes*) отличаются слѣдующими признаками: поддерживаемое обыкновенно короткими ногами туловище ихъ вытянуто въ длину и цилиндрической формы; голова мала или, самое большее, средней величины, морда заостренная, глаза довольно малы съ круглымъ или овальнымъ зрачкомъ, уши коротки и округлены, носъ коротокъ, голый, снизу гладкій, съ бороздкой вдоль

середины; обѣ пары ногъ пятипалыя, хвостъ конусообразный; мѣхъ изъ жесткихъ и длинныхъ волосъ. Въ зубной системѣ насчитывается сорокъ сильныхъ зубовъ.

Мы обратимъ прежде всего наше вниманіе, какъ того и требуетъ справедливость, на ихневмона или „фараонову мышь“ (*Herpestes ichneumon*), священное животное древнихъ египтянъ, вслѣдствіе издревле сложившейся, дошедшей и до нашихъ дней о немъ славы и по причинѣ того уваженія, которымъ онъ и въ прежнія времена пользовался. Уже Геродотъ повѣствуетъ, что ихневмона балзамировали и хоронили на священныхъ мѣстахъ по всѣмъ городамъ. Страбонъ сообщаетъ, что замѣчательное животное это никогда не трогаетъ въ одиночку крупныхъ змѣй, но, созвавъ своихъ товарищей на помощь, нападаетъ и легко побѣждаетъ даже самыхъ ядовитыхъ тварей; что вслѣдствіе этого изображеніе его на священныхъ іероглифахъ служитъ символомъ слабости человѣка, который не въ состояніи обходиться безъ помощи своихъ ближнихъ. Юліанъ, напротивъ, утверждаетъ, что ихневмонъ нападаетъ на змѣй, будучи и одинокимъ, но что онъ дѣлаетъ это съ большою хитростью и осторожностью; онъ валяется для этого будто бы въ илу, затѣмъ высушиваетъ приставшій къ нему слой тины на солнцѣ, пользуется имъ какъ панцыремъ, который защищаетъ его отъ противника; что онъ защищаетъ, наконецъ, свою морду отъ укусовъ врага, прикрывая его хвостомъ. Но легенда всѣмъ этимъ еще не довольствуется, а сообщаетъ о храбрости бойца за общее благо еще совершенно другія вещи, о которыхъ говоритъ Плиній. Крокодилъ, наѣвшись до-сыта, ложится-де самымъ уютнымъ образомъ на песчаную отмель берега и широко развѣваетъ при этомъ пасть съ торчащими въ ней зубами, угрожая уничтоженіемъ всякому, кто осмѣлился бы къ нему приблизиться. Послѣднее разрѣшается исключительно одной птичкой, которая дерзка до такой степени, что позволяетъ себѣ выклеивать изъ промежутковъ между зубами крокодила куски застрявшей въ нихъ пищи. Кромѣ этой птички всякое животное боится-де приблизиться къ чудовищу и только ихневмонъ ничуть его не страшится. Онъ осторожно подкрадывается къ крокодилу, смѣлымъ прыжкомъ бросается ему въ пасть, прокусываетъ ему горло и, протиснувшись черезъ послѣднее, разрываетъ спящему гаду сердце и, убивъ его этимъ способомъ, прокладываетъ себѣ, весь окровавленный, дорогу острыми зубами черезъ тѣло чудовища. Рассказываютъ также, что ихневмонъ выслѣживаетъ и вынюхиваетъ мѣсто, гдѣ опасное пресмыкающееся откладываетъ многочисленныя яйца свои, и начинаетъ копать и рыть здѣсь землю, пока не найдетъ скрытаго клада въ глубинѣ. Розыскавъ его, ихневмонъ распоряжается съ нимъ по-свойски, съѣдая въ самое короткое время, несмотря на бдительность сторожащей яйца матери, все гнѣздо, благодаря чему и становится неоцѣнимымъ благодѣтелемъ рода человѣческаго. Несомнѣнно то, что сами египтяне вѣрили этимъ сказкамъ и что впервые ими же и были сообщены вышеупомянутымъ писателямъ. Тѣмъ не менѣе крайне наблюдательный въ другихъ случаяхъ народъ этотъ впалъ при этомъ въ великое заблужденіе, потому что всѣ хитро измышленныя легенды объ этомъ звѣркѣ являются чистой ложью. Какъ бы тамъ ни было, полученіе точныхъ данныхъ о привычкахъ и образѣ жизни ихневмона есть заслуга новѣйшаго времени, хотя уже нѣсколько столѣтій тому назадъ многіе путешественники не разъ высказывали свое сомнѣніе по поводу громадной пользы ихневмона. Сказки о его пользѣ могли бы, такимъ образомъ, закончить свое существованіе уже тогда, если бы не было людей, слишкомъ склонныхъ придерживаться хотя и завѣдомо ложныхъ, но успѣвшихъ уже полюбовиться разсказовъ.

Взрослый ихневмонъ значительно превосходитъ величиною нашу домашнюю кошку, такъ какъ тѣло его равно приблизительно 65 сантиметрамъ, а длина хвоста достигаетъ по крайней мѣрѣ 45 см. Вслѣдствіе короткихъ ногъ своихъ онъ кажется, однако, меньше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ; только изрѣдка попадаются старые самцы, превосходящіе у загривка высоту въ 20 см. Туловище его сильно вытянуто, какъ и у всѣхъ другихъ виверръ, но далеко не столь изящно, какъ у генетты; по сравненію съ другими представителями семьи, тѣлосложеніе

его можно назвать даже очень плотнымъ. Ноги коротки, подошвы лапъ голыя, а пальцы почти до половины соединены плавательными перепонками. Длинный хвостъ у основанія кажется очень толстымъ вслѣдствіе длинныхъ волосъ, покрывающихъ его въ этомъ мѣстѣ; онъ какъ будто постепенно переходитъ въ тѣло у корня и оканчивается кистеобразно. Окружность глазъ голая, а потому небольшіе, живые глаза съ круглыми зрачками выступаютъ тѣмъ рѣзче на фонѣ боковъ головы. Уши короткія, широкія и закругленныя. Мѣхъ очень своеобразенъ. Онъ состоитъ изъ густого подшерстка желтовато-ржавого цвѣта, скрытаго на всемъ тѣлѣ длинною остію въ 6—7 сантиметровъ. Послѣдніе волоса въ отдѣльности черны, въ желтовато-бѣлыхъ кольцахъ и съ чало-желтыми концами. Вслѣдствіе этого мѣхъ получаетъ въ общемъ зеленовато-сѣрую окраску, которая замѣчательно подходит къ цвѣту обитаемой животнымъ мѣстности. На головѣ и спинѣ окраска темнѣе, а на бокахъ и брюхѣ блѣднѣе; ноги и кисть на концѣ хвоста черновато-бураго или совершенно черного цвѣта. Впрочемъ, окраска животного подвержена измѣненіямъ.

Фараонова мышь распространена не только по всей сѣверной Африкѣ и передней Азіи, но кромѣ того встрѣчается еще по всей Африкѣ и на Мадагаскарѣ, куда занесена, можетъ быть, человекомъ. Она никогда не удаляется изъ низменностей. Настоящимъ ея мѣстопробываніемъ въ Египтѣ являются густо поросшія растеніями берега рѣкъ и тростниковыя заросли, окружающія нѣкоторыя поля. Тутъ звѣрекъ держится въ теченіе дня и устраиваетъ себѣ межъ стеблями тростника узкія, но крайне тщательно почищенные тропинки, ведущія къ глубокимъ, но не особенно обширнымъ норкамъ. Тутъ самка ихневмона мечетъ въ весенніе или лѣтніе мѣсяцы отъ 2 до 4 дѣтенышей, которые очень долго сосутъ, но еще дольше водятся обоими родителями.

Свое имя ихневмонъ, въ переводѣ означающее „ищейка“, животное это заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Привычками своими и душевными качествами оно напоминаетъ родственныхъ ему куницъ, вполне раздѣляя ихъ непріятный запахъ, хитрость, ловкость въ воровскихъ похищеніяхъ и кровожадность. Въ то же время онъ крайне трусливъ, остороженъ и недовѣрчивъ. Онъ никогда не рѣшается выходить на открытое мѣсто, а старается остаться всегда подъ прикрытіемъ, ползетъ съ крайней осторожностью, но рыскаетъ на довольно большомъ разстояніи. Охотится онъ днемъ и ѣстъ все, что можетъ раздобыть хитростью. Пищею ему служатъ млекопитающія, начиная съ величины зайца, птицы — съ роста курицы и гуся; кромѣ того онъ пожираетъ змѣй, ящерицъ, суставчатыхъ, червей и т. д., а, можетъ быть, и плоды. Грабительскія наклонности ихневмона навлекли на него страшную ненависть и полнѣйшее презрѣніе со стороны египетскихъ земледѣльцевъ, такъ какъ онъ немилосердно обкрадываетъ ихъ птичьи дворы и голубятни. Особенно вредитъ онъ курамъ, которыя строятъ тамъ гнѣзда совершенно такъ, какъ если бы онѣ были на свободѣ. Въ настоящее время онъ вовсе не приноситъ пользы, если не считать его заслуги по истребленію змѣй.

Походка ихневмона въ высшей степени своеобразна. Кажется, будто животное ползетъ по землѣ, не двигая ни одной конечностью; видѣть, какъ оно переставляетъ свои короткія ноги, вовсе не удается, такъ какъ онѣ совершенно скрываются длинными волосами мѣха. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ рѣдко встрѣчаешь ихневмона одинокимъ, а всегда вмѣстѣ съ его семьей. Самецъ идетъ впереди, за нимъ слѣдуетъ самка, а за ней уже дѣтеныши. Всѣ члены семьи держатся въ этомъ гуськѣ такъ близко одинъ отъ другого, что кажется, будто животныя составляютъ одно цѣлое, вродѣ замѣчательно длинной змѣи. Время отъ времени отецъ останавливается, поднимаетъ голову и прислушивается, вертитъ при этомъ носомъ во всѣ стороны и сопить, будто онъ запыхался. Удовольствившись, что бояться нечего, онъ отправляется дальше. Запримѣтивши какую-либо добычу, онъ пускается за нею, какъ змѣя извиваясь безшумно между стеблями; вдругъ онъ дѣлаетъ одинъ или два прыжка и хватаетъ, часто уже взлетающую, птицу. Съ забавною обдуманностью подкрадывается онъ къ какой-либо крысѣ

или птенцу и безъ признаковъ движенія подкарауливаетъ мышку у входа въ ея норку.

Чутье ихневмона, по всей вѣроятности, столь же хорошо развито, какъ и у самой лучшей собаки; несомнѣнно то, что на своихъ охотахъ онъ руководится, главнымъ образомъ, этимъ чувствомъ. Наткнувшись на гнѣздо съ яйцами, онъ выпиваетъ эти послѣднія, а у млекопитающихъ и птицъ высасываетъ обыкновенно только кровь и съѣдаетъ мозгъ. Вообще ихневмонъ умерщвляетъ много больше животныхъ, чѣмъ въ состояніи съѣсть.

Голосъ ихневмонъ издаетъ только тогда, когда подстрѣленъ, инымъ путемъ добиться отъ него звука невозможно, такъ какъ онъ молчитъ даже при самыхъ болѣзненныхъ ранахъ. Впрочемъ, египтяне увѣряютъ, что во время спариванія можно слышать его довольно рѣзкій, монотонный свистъ.

Охота за ихневмономъ является, по мнѣнію современныхъ египтянъ, крайне благочестивымъ дѣломъ. Стоитъ только пойти въ какую-либо деревню и заявить тамъ о своемъ желаніи поохотиться за нимсомъ (такъ зовутъ ихневмона арабы), чтобы тотчасъ же предложилъ свои услуги и старъ, и младъ съ большимъ удовольствіемъ; каждый охотно радъ помочь уничтожить вреднаго плута и мошенника. Для охоты отправляешься въ длинную полосу тростника, становишься на мѣсто, а людей заставляешь медленно гнать. Звѣрекъ прекрасно смекаетъ, въ чемъ дѣло, и старается скрыться въ одну изъ своихъ норокъ, какъ только загонщики начинаютъ шумѣть. Это помогаетъ ему впрочемъ мало, такъ какъ арабы выгоняютъ его изъ этихъ гнѣздъ длинными шестами и онъ видитъ себя вынужденнымъ искать защиты въ другой тростниковой заросли. Съ чрезвычайной осторожностью крадется онъ между стеблями, время отъ времени прислушивается, втягиваетъ въ себя воздухъ и скоро убѣждается, что преслѣдователи находятся уже близко. Наконецъ, пришло время рѣшиться перебѣжать черезъ мѣсто, гдѣ нѣтъ достаточнаго прикрытія; весь съежившись, старается онъ проскользнуть черезъ него медленно, чтобы не выдать себя быстрыми движеніями. Чтобы убить ихневмона, необходимо стрѣлять въ него крупною пулею на близкомъ разстояніи, потому что онъ крайне живучъ и, будучи только раненъ, всегда успѣваетъ спастись.

Французскіе естествоиспытатели говорятъ, что пойманные ихневмоны легко приручаются, становятся кроткими, научаются распознавать голосъ своего хозяина и бѣгаютъ за нимъ, какъ собака. Но они никогда не остаются въ покоѣ, таскаютъ и перерываютъ все въ домѣ и становятся въ тягость благодаря тому, что опрокидываютъ разные предметы. Съ другой стороны, ихневмоны приносятъ не мало и пользы. Домъ, въ которомъ содержится этотъ звѣрекъ, въ самое короткое время освобождается отъ крысъ и мышей, за которыми ихневмонъ неустанно охотится. Поймавши добычу, онъ бѣжитъ съ нею въ укромный уголокъ и своимъ далеко недобродушнымъ хрюканьемъ и ворчаньемъ доказываетъ, что онъ готовъ защищать ее отъ постороннихъ посягательствъ.

Всѣ мангусты сходны другъ съ другомъ какъ по своему строенію, такъ и по образу жизни, а потому было бы достаточно рассмотреть одного ихневмона, если бы не было еще нѣсколькихъ видовъ, заслуживающихъ specialнаго упоминанія. Другой, не менѣе извѣстный видъ, замѣняющій фараонову мышъ въ Индіи, есть мунго, называемый англичанами мунгузой (*Herpestes mungo*). Этотъ видъ замѣтно мельче ихневмона; длина его тѣла колеблется отъ 40 до 50 сантиметровъ, а хвостъ нѣсколько короче ея. Длинный, жесткій волосъ сѣраго цвѣта съ широкимъ бѣлымъ кольцомъ предъ концомъ, благодаря чему животное является свѣтло-сѣрымъ въ мелкой серебристой пестринѣ.

Область распространенія мунго идетъ черезъ весь Индостанъ, къ востоку простирается, по всей вѣроятности, до Ассама, а въ западномъ направленіи несомнѣнно достигаетъ Афганистана и Белуджистана; кромѣ того, видъ этотъ водится также и на Цейлонѣ.

Мунго любитъ селиться въ рощахъ, на плантаціяхъ, по берегамъ рѣкъ и рѣ-

чекъ, поросшихъ кустарникомъ, въ кустарниковыхъ заросляхъ, по каменистымъ покатостямъ, въ живыхъ изгородахъ и часто придерживается человѣческаго жилья, гдѣ нерѣдко наноситъ большой вредъ домашней птицѣ. Самка мечетъ отъ 3 до 4 дѣтенышей въ норкахъ, которыя сама роетъ для этой цѣли. Мунго питается, повидимому, и сладкими плодами, но особенно склоненъ къ мясной пищѣ. Перебѣгая со скалы на скалу, съ камня на камень, изъ ущелья въ ущелье, онъ такъ основательно изслѣдуетъ мѣстность, что врядъ ли отъ него ускользнетъ что-нибудь съѣдобное. Иногда онъ забирается въ какую-нибудь щель и, появляясь изъ нея снова, навѣрное тащитъ съ собою мышъ, крысу, ящерицу, змѣю или другое подобное существо, пойманное имъ въ ихъ собственной норкѣ.

Мунго славится и почитается прежде всего за его непрерывную борьбу съ ядовитыми змѣями. Несмотря на свою незначительную величину, онъ умѣетъ справиться даже съ очковой змѣей, одерживая надъ нею побѣду только благодаря



Мунго (*Herpestes mungo*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

своей ловкости. Туземцы утверждаютъ, что укушенный ядовитою змѣею, мунго отыскиваетъ траву или очень горькій корень, извѣстный подъ названіемъ „мангус-вайль“ и, съѣвши это противоядіе, моментально излѣчивается, такъ что уже черезъ нѣсколько минутъ въ состояніи продолжать борьбу со змѣею. Даже точные наблюдатели увѣряютъ, что показаніе это до извѣстной степени вѣрно; по крайней мѣрѣ они сообщаютъ, что мунго, будучи укушенъ и ослабленъ, дѣйствительно убѣгаетъ съ мѣста битвы, ищетъ корень, и, подкрѣпленный послѣднимъ, снова появляется на мѣстѣ сраженія, чтобы продолжать борьбу. Блэнфордъ считаетъ исторію о противоядіи неосновательной. Онъ полагаетъ, что, будь рассказы справедливы, то странно, почему другія животныя, охотящіяся за змѣями, какъ-то секретарь, различные орлы-змѣѣды и т. д., не могли бы прибѣгать къ тому же средству и только одинъ мунго располагалъ бы противоядіемъ. Далѣе нужно было бы предположить, что мунго, сознавая свою неуязвимость въ виду этого вѣрнаго средства, сталъ бы нападать на змѣю безъ всякихъ предосторожностей, между тѣмъ, помимо его смѣлости, приходится удивляться именно той замѣчательной ловкости и находчивости, съ которыми онъ умѣетъ ускользать отъ быстрыхъ движеній защищающейся змѣи, и той хитрости, къ которой онъ прибѣгаетъ при своихъ нападеніяхъ на нее. Кромѣ того, взѣрошенные во время

борьбы жесткіе волосы и толстая шкура мунго сильно затрудняютъ змѣѣ возможность ввести въ него ядъ; но, если ей это удалось, то мунго погибаетъ отъ него такъ же, какъ и всякое другое животное, хотя дѣйствіе яда и наступаетъ тутъ, повидимому, всегда значительно медленнѣе, чѣмъ у другихъ млекопитающихъ одинаковой съ нимъ величины.

Въ семидесятыхъ годахъ мунго былъ водворенъ въ Ямаикѣ и съ тѣхъ поръ приносить, по рассказамъ, такую пользу истребленіемъ крысъ, вредящихъ плантаціямъ сахарнаго тростника, которая ежегодно оцѣнивается въ нѣсколько милліоновъ марокъ.

Изъ всѣхъ мангустъ мунго, давшій названіе всему своему роду, наиболѣе способенъ къ прирученію потому, что это крайне опрятное, чистоплотное, веселое и сравнительно добродушное животное.

У Стерндаля былъ мунго, который служилъ ему въ Индіи постояннымъ спутникомъ въ теченіе трехъ лѣтъ, причемъ выказывалъ послушаніе и вѣрность, свойственныя собакамъ. „Пипсъ“ отлично зналъ, если хозяинъ собирался застрѣлить ему птицу, присѣдалъ на заднія ножки, когда тотъ прикладывалъ ружье, и поспѣшно приносилъ падающую добычу. Будучи очень чистоплотнымъ, онъ имѣлъ обыкновеніе вычищать себѣ когтями промежутки между зубами послѣ каждой ѣды и дѣлалъ это крайне комичнымъ образомъ. Онъ былъ въ высшей степени отваженъ, однажды рѣшился напасть даже на большую собаку и благополучно одержалъ надъ нею побѣду, а другой разъ такъ сильно ранилъ крупнаго самца дрохвы — птицу въ шесть разъ тяжлѣе его самого, — что тотъ палъ мертвымъ. Пипсъ убивалъ также много змѣй. Въ возбужденномъ состояніи онъ оцетинивался до такой степени, что казался вдвое больше своей настоящей величины; но стоило только хозяину погрозить ему пальцемъ, чтобы разъяренный любимчикъ тотчасъ же успокоился и пересталъ на кого-нибудь нападать. Впослѣдствіи хозяинъ взялъ его съ собою въ Англію, гдѣ Пипсъ пріобрѣталъ расположеніе всѣхъ, кто имѣлъ случай его видѣть. Онъ умѣлъ продѣлывать массу забавныхъ фокусовъ: прыгать, кувиркаться, сидѣть на стулѣ въ шляпѣ на головѣ, изображать изъ себя солдата и маршировать. Пипсъ умеръ отъ тоски по хозяину: онъ не перенесъ временной разлуки съ нимъ и добровольно отказался отъ всякой пищи.

Достоенъ также вниманія мелонъ или мелончилло (*Herpestes widringtonii*), второй, послѣ ихневмона, представитель мангустъ въ Европѣ. Животное это было извѣстно испанскимъ охотникамъ много раньше, чѣмъ попало въ руки натуралистамъ. Охота за нимъ считалась выгодною, потому что волосы его хвоста шли на выдѣлку кистей для живописи, имѣли большой спросъ и оплачивались дорогою цѣною, охотники убивали мелончилло только изъ за этихъ волосъ, шкуру же его оставляли безъ употребленія въ дѣло.

Въ Испаніи мелончилло ведетъ тотъ же образъ жизни, какъ и ихневмонъ, живетъ въ долинахъ рѣкъ и водится преимущественно въ провинціяхъ Эстремадурѣ и Андалузій. Онъ обитаетъ почти исключительно тростниковыя заросли и равнины, поросшія осокою, такъ называемой эспарто; указанія относительно нахождения его въ горахъ оказались невѣрными. Общая длина его достигаетъ 1,1 метра, а длина хвоста приблизительно 50 сантиметровъ. Вообще короткая шерсть его нѣсколько длиннѣе вдоль хребта, на передней же сторонѣ шеи и на брюхѣ почти исчезаетъ, такъ что части эти кажутся чуть-что не голыми. Общая окраска мѣха темно-сѣрая въ болѣе свѣтлой пестринѣ.

Къ замѣчательнымъ видамъ этой группы относится также зебровая мангуста, саки туземцевъ (*Herpestes fasciatus*), одна изъ самыхъ мелкихъ представительницъ всего рода. Длина ея тѣла равняется 40, а хвоста 20 сантиметрамъ, но я имѣлъ случай видѣть и болѣе крупные экземпляры.

Наша мангуста встрѣчается, повидимому, въ довольно значительномъ числѣ во всей восточной части Африки, начиная отъ мыса Доброй Надежды вплоть до Абиссиніи, а отсюда идетъ въ западную полосу Африки.

Блестящіе глаза красиваго звѣрка говорятъ уже за то, что онъ не менѣе кровожаденъ, чѣмъ его родственники. Пищею ему служатъ всѣ мелкія млекопитающія, птицы, гады и насѣкомыя, съ которыми онъ можетъ только справиться, а также яйца и, во всякомъ случаѣ, плоды.

Въ западной Африкѣ зебровую мангусту довольно часто держатъ въ факторіяхъ, въ домахъ миссій, а иногда и на почтовыхъ паровозахъ. Она пользуется здѣсь полною свободою и не думаетъ убѣгать въ глушь. Потѣшное поведеніе ея дѣлаетъ ее всеобщей любимицей, но, подобно домашнимъ кошкамъ, она привязывается больше, какъ кажется, къ дому и къ двору, чѣмъ къ людямъ; нерѣдко, впрочемъ, она выказываетъ большую привязанность къ нѣкоторымъ лицамъ, всюду слѣдуетъ за ними, взбирается имъ на колѣни, позволяетъ имъ себя ласкать и гладить, причемъ выражаетъ свое удовольствіе различными звуками. Она умѣетъ разбивать яйца, колотя ихъ передними лапками, чаще же бросаетъ ихъ между задними лапами такъ, чтобы они ударились о какой-нибудь твердый предметъ. Такимъ же образомъ она любитъ играть съ другими мелкими и крупными предметами, почему совѣтуютъ прятать отъ нея всякія цѣнные вещи. Пехуэль Лёше нашелъ однажды разбитой о желѣзный сундукъ толстую бутылку, содержащую ртуть для искусственнаго горизонта, а Э. Тейсъ (Teusz) рассказывалъ ему, что одна зебровая мангуста въ Маландшѣ нѣсколько разъ успѣла бросить о стѣны и ящики незамѣнимый при данныхъ обстоятельствахъ хронометръ прежде, чѣмъ удалось замѣтить съ какой игрушкой она занималась.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть еще объ одномъ видѣ разсматриваемаго рода, о краббовой мангустѣ или урвѣ (*Herpestes urwa*), потому что она является своеобразнымъ соединительнымъ звеномъ между настоящими мангустами и между россомачами. По внѣшнему виду и по строенію зубовъ урва не многимъ отличается отъ остальныхъ мангустъ, но первый во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ россомачу. Морда ея вытянута и заострена, а тѣло коренастое и сильное. Между пальцами натянуты большія перепонки, заднепроходныя железы развиты очень сильно. По общей окраскѣ мѣха урва сходна съ остальными мангустами. Сверху она грязнаго темно-сѣраго цвѣта съ примѣсью сѣробураго, а низъ тѣла и ноги равномернаго темно-бураго цвѣта. По спинѣ иногда проходятъ болѣе темныя полосы; отъ глазъ по направленію къ плечамъ тянется рѣзко выдѣляющаяся бѣлая полоса; сильно волосистый у основанія хвостъ украшенъ нѣсколькими кольцами. По величинѣ урву едва ли превосходятъ другіе виды этого рода: взрослые самцы достигаютъ 80—90 сантиметровъ длины, изъ которыхъ приблизительно 30 см. приходится на хвостъ.

Ходжсонъ открылъ урву въ болотистыхъ долинахъ Непала. По его мнѣнію, животное это можетъ считаться отчасти воднымъ и питается преимущественно лягушками и краббами.

*

Мангустамъ родственны, наконецъ, нѣсколько животныхъ, отличающихся отъ нихъ главнымъ образомъ, строеніемъ ногъ, такъ какъ имѣютъ на переднихъ изъ нихъ по пяти, на заднихъ же лишь по четыре пальца; подошвы лапъ частью покрыты волосами.

Лисицевидная или 'собачья мангуста (*Cynictis penicillata*) достигаетъ 70 сантиметровъ длины, изъ которыхъ около 30 с. идетъ на хвостъ. Мѣхъ ея гладкій, хвостъ пушистый. Довольно равномерная свѣтло-рыжая или желто-бурая окраска становится темнѣе на головѣ и на конечностяхъ; къ темнымъ волосамъ на хвостѣ примѣшиваются серебристо-сѣрые, а на концѣ его волосы образуютъ бѣлую кисточку. Длинные черные усы расположены на губахъ, и такіе же упругіе волосы подъ глазами.

Этотъ видъ водится въ песчаныхъ мѣстностяхъ южной Африки отъ мыса Доброй Надежды къ сѣверу, живетъ въ земляныхъ норкахъ и питается мышами, птицами и насѣкомыми; онъ очень дикъ и кусливъ, хитеръ и ловокъ, но за нимъ

мало охотятся, а потому мы не имѣемъ еще никакихъ точныхъ свѣдѣній о его образѣ жизни и привычкахъ.

*

Суриката (*Suricata tetradactyla*) является до сихъ поръ единственнымъ представителемъ своего рода и живетъ въ Африкѣ, начиная отъ озера Чадъ къ югу до предгорій мыса Доброй Надежды. Голова, снабженная хоботообразнымъ рыломъ, длинныя ноги, четырехпалыя лапы, хвостъ, покрытый равномерно по всей длинѣ рѣдкими волосами, и зубная система отличаютъ сурику отъ родственныхъ ей мангустъ. Наилучшій отличительный признакъ животного, — его лапы, не даромъ давшаго ему нѣмецкое названіе (*Scharrthier*), вооружены длинными, сильными когтями; особенно на переднихъ ногахъ они достигаютъ такого



Суриката (*Suricata tetradactyla*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

развитія, какого мы не встрѣчаемъ ни у одного представителя рассматриваемаго семейства. Съ ихъ помощью суриката легко выкапываетъ довольно глубокіе ходы въ землѣ.

По внѣшнему своему виду животное это представляетъ соединительное звено между мангустами и куницами. Это небольшое, длинноногое существо отъ 50 до 60 сантиметровъ длины, изъ которыхъ почти половина приходится на хвостъ. Основной цвѣтъ довольно грубаго мѣха сѣро-бурый съ желтоватымъ налетомъ; по этому фону, на задней части спины, встрѣчаютъ отъ 8 до 10 болѣе темныхъ перевязей.

Семейство куницъ (*Mustelidae*) богаче видами и родами, чѣмъ только что рассмотрѣнное семейство виверръ, а потому дать перечисленіе признаковъ, общихъ всѣмъ его формамъ, очень трудно. Форма тѣла, зубная система и строеніе ногъ болѣе разнообразны, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ плотоядныхъ животныхъ, и можно только сказать, что представители этого семейства суть хищники средней и мелкой величины, туловище которыхъ сильно вытянуто въ длину и поко-

ится на очень короткихъ ногахъ, снабженныхъ 4 или 5 пальцами. Вблизи задняго прохода мы находимъ у нихъ, какъ и у большинства виверровыхъ, железы, но онѣ никогда не отдѣляютъ пріятно-пахучихъ жидкостей, какъ у тѣхъ; наоборотъ, именно къ семейству кунныхъ относятся самыя отчаянныя вонючки. Тѣло покрыто обыкновенно очень густыми и тонкими волосами, почему среди куницъ мы и находимъ самыхъ цѣнныхъ изъ пушныхъ звѣрей.

Впервые куницы появляются въ третичную эпоху, въ настоящее же время онѣ населяютъ всѣ части свѣта, за исключеніемъ Австраліи, всѣ климаты и пояса горъ, встрѣчаясь одинаково какъ на равнинахъ, такъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ. Мѣстопробываніемъ служатъ имъ лѣса и скалистые участки страны, но также открытыя мѣста, поля, сады и человѣческое жильѣ. Однѣ изъ нихъ являются наземными животными, другія — водными, причемъ первыя обыкновенно способны прекрасно лазать, а всѣ вообще умѣютъ плавать. Многія роютъ себѣ ходы и норы въ землѣ или пользуются уже готовыми жилищами; другія завладѣваютъ дуплами деревь, а также гнѣздами бѣлокъ и нѣкоторыхъ птицъ; короче сказать, представители этого семейства умѣютъ пользоваться почти всякимъ уголкомъ, начиная отъ естественной разсѣлины скалы до искусственной норы включительно, отъ укромнаго уголка въ домѣ человѣка до древесной вершины или до ямки между корней въ самомъ уединенномъ мѣстѣ лѣса. Большинство имѣетъ постоянное мѣстожительство, но многія бродятъ, смотря по тому, куда влекутъ ихъ потребности. Нѣкоторыя изъ обитающихъ сѣверныя страны впадаютъ зимою въ спячку, другія же дѣятельны въ теченіе всего года.

Почти всѣ куницы крайне ловкія, увертливыя, подвижныя созданія, которыя способны къ самымъ разнообразнымъ тѣлодвиженіямъ. При ходьбѣ онѣ ступаютъ всею ступнею, при плаваніи пускаютъ въ дѣло свои лапки и хвостъ, при лазаніи прекрасно умѣютъ прицѣпиться, несмотря на свои тупые когти, и въ высшей степени ловко сохраняютъ равновѣсіе. Изъ высшихъ чувствъ у куницъ, повидимому, одинаково хорошо развиты обоняніе, слухъ и зрѣніе, но вкусъ и чувство осязанія тоже достигаютъ значительнаго развитія. Умственные способности ихъ стоятъ не ниже физическихъ. Понятливость большинства видовъ весьма значительна: онѣ умны, хитры, недовѣрчивы, осторожны, крайне смѣлы, кровожадны и жестоки, но въ то же время необыкновенно нѣжны къ своимъ дѣтенышамъ. Однѣ изъ нихъ любятъ общество себѣ подобныхъ, другія же ведутъ одинокую жизнь или временно живутъ парами. Многія дѣятельны какъ днемъ, такъ и ночью, но большинство должно считаться ночными животными. Въ мѣстахъ населенныхъ всѣ куницы выходятъ на охоту исключительно послѣ захода солнца. Пищу ихъ составляютъ преимущественно животныя, именно мелкія млекопитающія, птицы, ихъ яйца и суставчатые. Нѣкоторыя ѣдятъ улитокъ, рыбу, раковъ и ракушекъ, а немногія не пренебрегаютъ даже падалью; другія временами питаются также и растительными веществами, причемъ особенно любятъ сладкіе, сочные плоды. Всѣ куницы отличаются высшею степенью кровожадности. Если имъ представляется случай онѣ душатъ много больше живыхъ существъ, чѣмъ требуется для утоленія голода, и нѣкоторыя виды буквально упиваются кровью, высасываемой изъ жертвъ.

Дѣтеныши, число которыхъ, насколько до сихъ поръ извѣстно, колеблется отъ двухъ до десяти, рождаются слѣпыми, долго кормятся молокомъ матери и нуждаются въ продолжительномъ попеченіи. Мать тщательно охраняетъ ихъ, защищая съ большою отвагою или тотчасъ же переноситъ ихъ въ другой укромный уголокъ, коль скоро считаетъ ихъ не въ безопасности. Взятые смолоду и тщательно воспитанныя куницы способны достигать высокѣй степени прирученія и могутъ быть доведены до того, что слѣдуютъ за своимъ хозяиномъ подобно собакамъ, охотятся и ловятъ для него рыбу. Потомки одного вида живутъ съ незапамятныхъ временъ даже въ прирученномъ состояніи и употребляются человѣкомъ для нѣкоторыхъ видовъ охоты.

Нѣкоторые виды куницъ причиняютъ иногда человѣку довольно значительный вредъ вслѣдствіе свойственныхъ имъ хищности и кровожадности, но въ общемъ польза, приносимая этими животными прямо или косвенно, значительно

перевѣшиваетъ наносимый ими вредъ. Онѣ оказываютъ человѣку не маловажныя услуги истребленіемъ вредящихъ его хозяйству животныхъ, и если имъ нельзя простить посягательство на его собственность, то все же нужно признаться, что въ общемъ онѣ наказываютъ сельскаго хозяина только за его собственную же нерачительность.

Какихъ значительныхъ цифръ достигаетъ число куницъ, ежегодно умерщвляемыхъ изъ за ихъ мѣха, видно изъ статистическихъ данныхъ о торговлѣ пушниной. По даннымъ Ломера, въ руки европейцевъ и на рынокъ ежегодно попадаетъ до трехъ милліоновъ шкурокъ различныхъ куницъ на сумму свыше 20 милліоновъ марокъ, не считая слѣдовательно тѣхъ, которыя оставляются индійскими и азіатскими охотниками для собственнаго потребленія. Индійскія и монгольскія племена живутъ почти исключительно на счетъ тѣхъ доходовъ, которые даетъ имъ охота за пушными звѣрями, изъ которыхъ куницы занимаютъ, какъ извѣстно, первое мѣсто. Тысячи европейцевъ снискиваютъ себѣ пропитаніе торговлей пушниной, а обширныя, до тѣхъ поръ еще неизвѣстныя страны были открыты охотниками за пушными звѣрями.

Описаніе животныхъ этого семейства мы начнемъ съ настоящихъ куницъ и тѣхъ родовъ, представителями которыхъ являются, подобно имъ, пальцеходящіе. Онѣ составляютъ первое подсемейство куницъ (*Martidae*). Ко второму подсемейству относится барсукъ съ остальными стопоходящими (*Melidae*), третье же, наконецъ, заключаетъ выдръ и родственныя имъ формы, которыхъ мы охарактеризуемъ, въ отличіе отъ остальныхъ, плавательными ногами (*Lutridae*).

Во главѣ представителей перваго подсемейства мы поставимъ благородную куницу и остальные виды ея рода (*Mustela*), представляющіе собою животныхъ средней величины, имѣющихъ длинное, тонкое туловище, короткія ноги, суженную впередъ голову съ пріостренной мордой, поперечно расположенныя, довольно короткія, почти трехугольныя, на концахъ слабо округленныя уши, живые глаза средней величины, пятипалыя лапы съ острыми когтями, хвостъ средней длины, отдѣляющія мускусовидную жидкость заднепроходныя железы и мягкій мѣхъ, состоящій изъ длинныхъ волосъ.

Благородная, древесная или лѣсная куница (*Mustela martes*), изящное, подвижное животное, тѣло котораго достигаетъ до 55, а хвостъ до 30 сантиметровъ въ длину. Мѣхъ на верхней сторонѣ тѣла темно-бурый, на мордѣ чалый, на лбу и на щекахъ блѣдно-бурый, на бокахъ тѣла и на брюхѣ желтоватый, на ногахъ черно-бурый, а на хвостѣ темно-бурый. Подъ каждымъ ухомъ тянется узкая темно-бурая полоска. Между задними ногами расположено ржаво-желтое, опоясанное темно-бурымъ, пятно, которое изрѣдка переходитъ въ грязно-желтую полосу, доходящую до горла. Это послѣднее и нижняя сторона шеи прекраснаго желточно-желтаго цвѣта, что представляетъ наилучшій отличительный признакъ этого животнаго. Густой, мягкій и блестящій мѣхъ состоитъ изъ довольно длинной и жесткой ости и короткаго, тонкаго подшерстка, который на передней части тѣла бѣло-сѣрый, а на задней и по бокамъ желтоватаго цвѣта. На верхней губѣ расположено четыре ряда усовъ, а кромѣ того отдѣльные щетинистые волосы сидятъ подъ углами глазъ, подъ подбородкомъ и на шеѣ. Зимой общій цвѣтъ животнаго темнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Самка отличается отъ самца болѣе блѣдной окраской спинной стороны и менѣе явственнымъ пятномъ. У молодыхъ животныхъ горло и нижняя часть шеи окрашены свѣтлѣе.

Отечествомъ благородной куницы являются всѣ лѣсистыя мѣстности сѣверной части Стараго Свѣта. Въ Европѣ она водится въ Скандинавіи, Россіи, Великобританіи, Франціи, Германіи, Венгріи, Италіи и Испаніи; въ Азіи къ югу до Алтая и истоковъ Енисея. Соотвѣтственно такому громадному распространенію, куница эта подвержена не малымъ видоизмѣненіямъ и особенно въ цвѣтѣ мѣха. Самыя крупныя куницы живутъ въ Швеціи; мѣхъ ихъ вдвое гуще и вдвое длин-

нѣе, чѣмъ мѣхъ куницъ, водящихся въ Германіи, цвѣтомъ же онъ сѣрый. Среди германскихъ преобладаютъ желто-бурая надъ темно-бурыми, эти же послѣднія особенно часто встрѣчаются въ Тиролѣ и иногда до неузнаваемости напоминаютъ собою американскихъ соболей. Куницы, водящіяся въ Ломбардіи, блѣднаго сѣро-бураго или желто-бураго цвѣта, живущія въ Пиренеяхъ — крупны и сильны, но цвѣтомъ тоже блѣдны, а встрѣчающіяся въ Македоніи и Фессаліи — средняго роста, но темны.

Куница обитаетъ какъ въ лиственныхъ, такъ и въ хвойныхъ лѣсахъ, и встрѣчается въ нихъ тѣмъ чаще, чѣмъ они глуше, гуще и темнѣе. Это чисто древесное животное, которое умѣетъ такъ мастерски лазать, что въ этомъ отношеніи не находитъ себѣ соперника среди остальныхъ хищниковъ. Для жилья она охотнѣе избираетъ себѣ дупла деревь, оставленныя гнѣзда дикихъ голубей, хищныхъ птицъ и бѣлокъ;



Благородная куница. (*Mustela martes*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

рѣже она пользуется трещиной скалы. Въ своемъ логовищѣ она проводитъ обыкновенно весь день, но съ наступленіемъ ночи, чаще же еще передъ заходомъ солнца, выходитъ на охоту, причемъ преслѣдуетъ всѣхъ животныхъ, которыхъ рассчитываетъ побѣдить. Отъ нея не безопасно ни одно млекопитающее, начиная отъ телят, дикой козы и зайца и кончая мышью. Куница подкрадывается къ нимъ, нападаетъ внезапно и душитъ ихъ. Многимъ лѣсничимъ приходилось наблюдать, что она отваживается нападать время отъ времени даже на молодыхъ или слабыхъ дикихъ козъ. Не меньшій вредъ, чѣмъ млекопитающимъ, наноситъ куница также и птицамъ. Она является страшнымъ бичемъ всѣхъ видовъ дико живущихъ у насъ куръ. Тихо и безшумно подкрадывается она къ мѣстамъ, гдѣ онѣ проводятъ ночь, будь то на деревьяхъ или на землѣ; прежде чѣмъ и безъ того уже бдительная matka успѣетъ заподозрить близость падкаго до крови врага, онъ садится ей на спину и немногими ударами зубовъ дробитъ ей шею или разрываетъ сонныя артеріи, жадно лакая изливающуюся изъ нихъ кровь. Кромѣ того, куница обворовываетъ всѣ гнѣзда птицъ, посѣщаетъ ульи пчелъ, лакомясь тутъ медомъ, или ѣстъ плоды; она охотно поѣдаетъ всѣ ягоды, которыя растутъ

на землѣ, и столь же любить лакомиться грушами, сливами и вишнями. Коль скоро она начинает чувствовать недостатокъ пищи въ лѣсу, она становится смѣлѣе, а при настоящей нуждѣ посѣщаетъ и жильѣ человѣка. Здѣсь она проникаетъ въ курятники и голубятни, производя въ нихъ опустошенія, какихъ не дѣлаетъ ни одно животное за исключеніемъ видовъ ея же рода.

По прошествіи девяти недѣль послѣ спариванія, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, самка мечетъ отъ 3 до 4 дѣтенышей въ высланномъ мохомъ гнѣздѣ, въ дуплѣ дерева, рѣже въ гнѣздѣ бѣлки, сороки или въ трещинѣ скалы. Мать заботится о семьѣ съ самоотверженной любовью и, боясь потерять ее, никогда далеко не отходитъ отъ гнѣзда. Уже черезъ нѣсколько недѣль дѣтеныши сопутствуютъ матери въ ея прогулкахъ по деревьямъ, весело и проворно прыгая здѣсь по вѣтвямъ; осматрительная мать обучаетъ ихъ всѣмъ тѣлодвиженіямъ, остерегаетъ при малѣйшей опасности и поспѣшно побуждаетъ ихъ къ бѣгству въ этомъ случаѣ. Такихъ дѣтенышей еще довольно легко вскормить сначала молокомъ съ булкой, а впослѣдствіи долго содержать въ неволѣ, кормя мясомъ, яйцами, медомъ и плодами.

„29 января“, пишетъ Ленцъ, „получилъ я молодую куницу, которую въ тотъ же день взяли изъ дупла дерева. Она скоро стала пить тепловатое молоко, а черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ была принесена ко мнѣ, стала уплетать размоченную въ молоко булку. На этомъ звѣркѣ я могъ наблюдать естественный ходъ развитія вкуса. Сначала (въ іюнѣ и въ іюлѣ) молодая куница получаетъ отъ своихъ родителей извѣстную пищу, почти исключительно птицъ, а впослѣдствіи она должна привыкать, смотря по времени года, къ мышамъ, плодамъ и т. д.

„На второй день я предложилъ моей куничкѣ лягушку, но она не обратила на послѣднюю никакого вниманія; вслѣдъ затѣмъ я далъ ей живого воробья: она тотчасъ же схватила его живьемъ и слопала со всѣми перьями. На четвертый день я далъ ей проголодаться, послѣ чего впустилъ къ ней лягушку, ящерицу и веретеницу. Она не тронула ихъ и не пожелала ѣсть даже молодого вороненка. На шестой день куница выбралась ночью изъ своего помѣщенія, загрызла пустельгу, сидѣвшую на гнѣздѣ, и отѣла ей голову, шею и часть груди. Я постепенно предлагалъ ей различную пищу и нашелъ, что охотнѣе всего она ѣла мелкихъ птицъ.

„Когда она достигла трехъ четвертей своего настоящаго роста и сдѣлалась крайне прожорливой, я снова бросилъ ей веретеницу. Она была въ это время голодна, но тѣмъ не менѣе подошла къ ящерицѣ осторожно, отскакивая въ сторону при каждомъ ея движеніи. Убѣдившись, что веретеница животное не опасное, куница куснула ее; хвостъ отломился и она съѣла его, послѣ чего увлекла ящерицу къ себѣ, въ гнѣздо, гдѣ послѣдняя скрылась подъ сѣномъ. Куница розыскала ее, откусила остатокъ хвоста, но лишь по прошествіи двухъ часовъ рѣшилась таки наконецъ схватить ее за шею и разорвать. Тогда она отнесла веретеницу снова въ гнѣздо, гдѣ и съѣла съ удовольствіемъ, но однако безъ жадности. Не успѣла она покончить обѣдъ веретеницей, какъ я кинулъ въ ея ящикъ ужа въ 60 сантиметровъ длиною. При появленіи послѣдняго куница осторожно приблизилась къ нему, но тотчасъ же испуганно отпрыгивала, коль скоро тотъ двигался или шипѣлъ. Во время возни ея съ ужемъ, я кинулъ ей только что убитую крупную гадюку. Куница осторожно подошла и къ ней, убѣдилась, что змѣя мертва, подобрала ее, потаскала то сюда, то туда и, наконецъ, съѣла черезъ часъ вмѣстѣ съ головой и ядовитыми зубами. Я далъ ей затѣмъ ящерицу, которую она тоже стала обнюхивать; ящерица хрипло зашипѣла, почти какъ змѣя, открыла ротъ и разъ до десяти бросалась на куницу. Послѣдняя выказывала осторожность и всякій разъ уклонялась отъ укусовъ, но затѣмъ становилась все смѣлѣе и смѣлѣе; видя, что ящерица не дѣлала ей вреда, она рѣшилась наконецъ, загрызть и съѣсть ее черезъ часъ.

„Изъ сказаннаго видно, что по природѣ своей куница имѣетъ мало склонности умерщвлять змѣй и другихъ пресмыкающихся и гадовъ, но по этимъ опытамъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что она убиваетъ ихъ и ѣстъ зимою, когда на-

ходить ихъ въ беззащитномъ состояніи; будучи вообще крайне прожорлива, куница должна подчасъ чувствовать въ это время сильный голодъ.

„Тутъ же я укажу на одно довольно распространенное заблужденіе. Принимаютъ, что представители родовъ куницы и хорька, убивая животное, каждый разъ ранятъ клыками крупныя артеріи шеи и разрываютъ ихъ. Это не вѣрно. Большихъ животныхъ они дѣйствительно хватаютъ за шею и такимъ образомъ душатъ, но вовсе не стремятся при этомъ попасть на артерію. Вслѣдствіе этого они не могутъ высасывать изъ животнаго кровь, а довольствуются слизываніемъ той, которая вытекаетъ случайно. Вслѣдъ затѣмъ они принимаютъ фѣсть животное и начинаютъ съ шеи; у нѣскольکو болѣе крупныхъ животныхъ, напр., у большихъ крысъ, куръ и т. д., при умерщвленіи не прокусывается даже податливая кожа шеи; она ранится только впослѣдствіи.

„Пока куничка моя была молода, она охотно возилась съ людьми, если послѣдніе сами начинали играть; но впослѣдствіи дѣлать этого было уже нельзя, потому что, даже не думая наносить зла, куница привыкла такъ сильно вцѣпляться зубами, что прокусывала меня своими клыками черезъ толстыя перчатки до мяса; она дѣлала это, нужно добавить, вполне дружелюбно. Настоящей любви къ воспитателю въ мимикѣ ея и поведеніи вообще не сказывается, хотя она и не наноситъ никакого зла близко ей знакомому, хорошо съ нею обращающемуся человѣку. Въ черныхъ глазенкахъ ея свѣтится только жадность и страсть къ умерщвленію. Уютно покаясь въ своемъ гнѣздѣ, куница часто издаетъ продолжительное ворчанье, похожее на тихую барабанную дробь. Тявкаящихъ звуковъ, издаваемыхъ хорькомъ, я никогда отъ нея не слыхалъ. Въ гнѣвѣ она сильно и громко мурлычитъ“.

Куницу всюду преслѣдуютъ самымъ рьянымъ образомъ и не столько въ наказаніе за ея воровскія наклонности, сколько изъ за ея цѣннаго мѣха. Легче всего охотиться за ней по порошѣ, потому что въ этомъ случаѣ ее легко выслѣживать не только по землѣ, но и по деревьямъ, на вѣтвяхъ которыхъ слѣдъ ея прекрасно виденъ. Случайно приходится встрѣтить ее въ лѣсу, обыкновенно растянувшейся вдоль сука. Ее легко снять съ дерева выстрѣломъ, а при промахѣ часто успѣваешь даже зарядить ружье вторично: куница обыкновенно не трогается съ мѣста и не спускаетъ глазъ съ охотника.

При охотѣ на куницу съ собакою, эта послѣдняя должна быть очень рѣшительна, смѣло хватать куницу и держать ее крѣпко, такъ какъ она храбро бросается на своего врага и обыкновенно пугаетъ плохую собаку. Сравнительно легко куница попадаетъ въ специально для нея изготовляемые капканы, которые ставятся очень скрытно, а также ловится въ такъ называемыя пасти и западни. Приманкой служить обыкновенно кусочекъ хлѣба, который поджариваютъ съ ломтикомъ луковицы въ непросоленномъ маслѣ и медѣ, а затѣмъ посыпаютъ камфарой. Другія приманки приготовляются изъ различныхъ пахучихъ веществъ.

Мѣхъ куницы принадлежитъ къ самымъ дорогимъ изъ всѣхъ европейскихъ мѣховъ и по своему достоинству ближе всего подходитъ къ мѣху соболя. Самые лучшіе мѣха доставляются Норвегіей, а слѣдующіе по добротѣ идутъ изъ Шотландіи; остальные получаютъ изъ Италіи, Швеціи, сѣверной Германіи, Швейцаріи, верхней Баваріи, Туркестана, Россіи, Турціи и, наконецъ, изъ Венгріи.

Каменная куница или бѣлодушка (*Mustela p. p.*) отличается отъ благородной куницы нѣсколько меньшимъ ростомъ, сравнительно болѣе короткими ногами, болѣе удлиненной головой, несмотря на болѣе короткую морду, болѣе малыми ушами, болѣе короткимъ мѣхомъ, свѣтлымъ цвѣтомъ шерсти и бѣлымъ горловымъ пятномъ. Общая длина взрослого самца равна 70 сантиметрамъ, изъ которыхъ нѣсколько болѣе трети приходится на хвостъ; сѣро-бурый мѣхъ становится темнѣе на конечностяхъ и на хвостѣ, а на лапахъ переходитъ въ темно-бурый. Горловое пятно, которое всегда меньше, чѣмъ у благородной куницы, образуется чисто бѣлыми, а въ молодости иногда ржаво-желтоватыми волосами; края ушей усажены короткими бѣловатыми волосами.

Бѣлодушка водится почти во всѣхъ тѣхъ странахъ и мѣстностяхъ, гдѣ встрѣ-

чается и благородная куница. Родину ея составляют вся средняя Европа и Италія, кромѣ Сардиніи, Великобританія, Швеція, умѣренная полоса европейской Россіи до Урала, Крыма и Кавказа, а также передняя Азія, особенно Палестина, Сирія и Малая Азія. Кромѣ того она распространена по Афганистану и большей части Гималая, на которомъ водится, однако, не ниже 1,600 метровъ абсолютной высоты. Въ Альпахъ она восходитъ лѣтомъ выше пояса елей, зимою же переселяется обыкновенно въ болѣе глубоко врѣзанныя мѣстности. Въ Голландіи она, повидимому, почти совершенно истреблена въ настоящее время. Почти повсюду она встрѣчается чаще, чѣмъ благородная куница, и приближается къ человѣческому жилью болѣе этой послѣдней; можно даже сказать, что деревни и города составляютъ любимое ея мѣстопробываніе. Одинокое стоящее сарай, хлѣва, бесѣдки, развалившіяся стѣны, груды камней и большіе склады дровъ въ близи деревень служатъ обыкновеннымъ убѣжищемъ этому опасному врагу домашней птицы.



Каменная куница или бѣлодушка (*Mustela foina*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

Образъ жизни и нравъ бѣлодушки во многомъ сходны съ таковыми благородной куницы. Какъ и эта послѣдняя, она большая мастерица продѣлывать всевозможныя движенія, такъ же жива, ловка и увертлива, такъ же смѣла, хитра и кровожадна, какъ и та, умѣетъ взбираться даже по гладкимъ деревьямъ и стволамъ, способна прыгать на большія разстоянія, легко плаваетъ, можетъ подкрадываться ползкомъ и протискаться черезъ самую узкую щель.

Пища ея почти та же, что и ея родственницы; она, однако, много вреднѣе послѣдней благодаря тому, что имѣетъ больше случаевъ наносить непосредственный ущербъ человѣку. Она вездѣ, гдѣ только можетъ, старается прокрасться въ помѣщеніе домашней птицы и, разъ попавъ сюда, душитъ ее съ ненасытной жадностью. Кромѣ того она ловитъ мышей, крысъ, кроликовъ, всякихъ птицъ, а въ лѣсу бѣлокъ, пресмыкающихся и гадовъ. Яйца являются для нея, повидимому, настоящимъ лакомствомъ, но она охотно ѣстъ также всевозможные плоды, вишни, сливы, груши, крыжевникъ, рябину, коноплю и т. п. Отъ нея приходится защищать хорошіе сорта плодовъ, что проще всего достигается смазываніемъ стволовъ табачнымъ настоемъ или керосиномъ. Съ другой стороны курятники и голубятни слѣдуетъ оберегать отъ нея путемъ хорошихъ затворовъ и при томъ тщательно затыкать каждую щель, въ которую можетъ проникнуть полувзрослая крыса.

Бѣлодушка достигаетъ извѣстной степени прирученія, будучи поймана даже

взрослой. Въ Шотландіи поймали однажды бѣлодушку крайне необычнымъ образомъ. Въ теченіе долгаго времени непрощенная гостя хозяйничала въ одной горной деревушкѣ и причиняла тутъ самыя безсовѣстныя опустошенія среди куриного отродья. Съ помощью хорошихъ собакъ удалось ее выгнать, наконецъ, на открытое мѣсто изъ одиноко стоявшаго сарая, служившаго ей воровскимъ притономъ. Напрасно пускала она въ дѣло всю свою хитрость и ловкость, чтобы ускользнуть отъ собакъ; онѣ приближались къ ней все ближе и ближе и чуть было уже не схватили ее на краю пропасти, къ которой она подбѣжала. Тутъ бѣлодушка, не задумываясь, однимъ смѣлымъ прыжкомъ бросилась внизъ съ обрыва, имѣвшаго до 30 метровъ высоты. Но ударъ отъ паденія былъ, очевидно, слишкомъ силенъ, такъ какъ бѣлодушка лежала на днѣ пропасти какъ мертвая, не шевелясь ни однимъ членомъ. Люди, преслѣдовавшіе ее, были убѣждены, что она разбилась до смерти, но одинъ изъ нихъ, собираясь воспользоваться ея шкурой, спустился въ пропасть и поднялъ погибшую. Вдругъ она зашевелилась, и доставила пойманному ее неопровержимое доказательство возвратившагося къ ней сознанія сильнымъ укусомъ: раненый человѣкъ, однако, не растерялся, не выпустилъ ее изъ рукъ, но, надежно схвативъ ее за шею, принесъ такимъ образомъ домой. Тутъ съ ней стали обходиться дружелюбно и мягко, и она въ скоромъ времени сдѣлалась дѣйствительно ручной, вслѣдствіе ли сильнаго ушиба отъ паденія или изъ благодарности за хорошее обращеніе. Хозяинъ рѣшилъ оставить ее въ качествѣ крысоловки и помѣстилъ ее въ конюшню. Она въ короткое время не только освоилась со своимъ новымъ жилищемъ, но и сумѣла найти себѣ здѣсь друга—именно одну изъ лошадей. Когда бы ни вошли въ конюшню, всегда ее находили со своимъ пріятелемъ, котораго она старалась защитить глухимъ ворчаніемъ. Она то сидѣла на спинѣ у лошади, то на ея шеѣ, то бѣгала по ней взадъ и впередъ, то играла съ хвостомъ или съ ушами своего товарища по заключенію, а послѣдній, казалось, былъ крайне польщенъ расположеніемъ, оказываемымъ ему маленькимъ хищникомъ. Къ сожалѣнію, дружеская связь эта была порвана весьма жестокимъ образомъ. Во время одного изъ своихъ ночныхъ походовъ, бѣлодушка попала въ ловушку и на слѣдующее утро была найдена въ ней мертвой.

Ближайшимъ родственникомъ нашихъ куницъ является знаменитый соболь (*Mustella zibellina*). Онъ отличается отъ благородной куницы конусообразной головой, большими ушами, длинными, толстыми ногами, большими лапами и блестящимъ, мягкимъ, какъ шелкъ, мѣхомъ.

Мѣхъ считается тѣмъ лучше, чѣмъ онъ гуще, мягче и равномернѣе окрашенъ, особенно же красивыми признаются тѣ, которые имѣютъ подшерстокъ дымчато-бураго цвѣта съ голубовато-сѣрымъ оттѣнкомъ. Цѣна его тѣмъ дешевле, чѣмъ свѣтлѣе ость, и тѣмъ выше, чѣмъ она темнѣе и одноцвѣтнѣе. Самыя роскошныя шкурки тѣ, которыя на спинной сторонѣ черноваты, на мордѣ черны въ сѣрой пестринѣ, на щекахъ сѣры, на шеѣ и на бокахъ тѣла рыжеватаго каштаново-бураго цвѣта, а на нижней части яркаго желточно-желтаго; края ушей обыкновенно бѣловато-сѣраго или свѣтлаго блѣдно-бураго цвѣта. Желтая окраска горла выпѣтаетъ послѣ смерти животнаго тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ярче она была при жизни.

Первоначальная область распространенія соболя простиралась отъ Урала до Берингова моря и отъ южно-сибирскихъ хребтовъ приблизительно до 68° сѣв. шир., а также охватывала собою не очень обширную часть сѣверо-западнаго угла Америки; мало по малу, однако, область эта сильно сѣззилась. Непрерывныя преслѣдованія животнаго, которымъ оно постоянно подвергалось, заставили его удалиться въ самыя дѣвственные горные лѣса сѣверо-восточной Азіи. Но и тутъ не оставляемый въ покоѣ человѣкомъ, который идетъ за нимъ, часто ставя на карту свою собственную жизнь, соболь становится все рѣже и рѣже. Громадные барыши, выпадавшіе на долю торговцевъ собольимъ мѣхомъ, породили въ Камчаткѣ цѣлыя общества, задавшіяся цѣлью добывать здѣсь соболей, но съ тѣхъ поръ животное

стало быстро уменьшаться въ числѣ какъ въ этой странѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ восточной Азіи. Главнѣйшая причина оскуднѣнія этой послѣдней соболемъ всецѣло зависитъ отъ непрерывнаго преслѣдованія его со стороны охотника. Соболь предпринимаетъ временами болѣе или менѣе обширныя странствованія, слѣдуя, по мнѣнію туземныхъ промышленниковъ, за бѣлкой, представляющей для него самую лучшую добычу. Преслѣдуя этого грызуна, онъ не задумывается переплывать широкія рѣки даже во время ледохода, хотя вообще, повидимому, избѣгаетъ воды. Очень любимымъ мѣстопребываніемъ его являются кедровые лѣса, громадныя стволы которыхъ доставляютъ ему весьма удобныя притоцы, а сѣмена шишекъ его любимое лакомство.

По образу жизни соболь болѣе всего походитъ на благородную куницу, напоминая ее своею ловкостью и умѣньемъ лазать. Главную пищу соболя составляютъ бѣлки и вообще грызуны, а также птицы и другія животныя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не пренебрегаетъ и рыбой, которой легко приманить его въ ловушку. Говорятъ, что онъ крайне охотно лакомится медомъ дикихъ пчелъ. Не менѣе пріятной пищей служатъ ему кедровые орѣхи; по крайней мѣрѣ, желудокъ большинства соболей, которыхъ добывалъ Радде, былъ туго набитъ ими.

На охоту и ловлю соболя ежегодно отправляются всѣ способные носить оружіе члены цѣлыхъ племенъ и изъ за него купцы совершаютъ путешествія за многія тысячи верстъ. Какъ повѣствуютъ намъ уже Штеллеръ, а за тѣмъ Щукинъ, соболь водится въ наибольшемъ числѣ и до сихъ поръ еще на пространствахъ между Леной и Тихимъ океаномъ; доходъ отъ торговли его мѣхомъ и по нынѣ составляетъ важнѣйшій источникъ существованія туземныхъ племенъ и русскихъ переселенцевъ. Охота за нимъ продолжается съ октября до половины ноября или до начала декабря. Промышленники собираются въ артели на мѣстахъ охоты, гдѣ каждая изъ нихъ имѣетъ свое жилье. Собаки, разыскивающія звѣрка, во время путешествія везутъ сани, нагруженныя съѣстными припасами на нѣсколько мѣсяцевъ. Охота и до сихъ поръ совершается въ общихъ чертахъ тѣми же способами, о которыхъ рассказываетъ намъ Штеллеръ. На соболя ставятъ всевозможныя западни и ловушки, его преслѣдуютъ по слѣду на лыжахъ, окружаютъ въ его убѣжищѣ сѣтями или, наконецъ, бьютъ стрѣлами или изъ ружья. Болѣе всего въ ходу тѣ ловушки, въ которыя звѣрка можно поймать, не причинивъ ни малѣйшей порчи его мѣху. Нѣсколько дней трудятся члены артели надъ постановкой ловушекъ, которыя должны осматриваться ежедневно; при этомъ охотника не рѣдко ждутъ разочарованія, такъ какъ часто случается, что цѣнная добыча пожирается лисицей или какимъ нибудь другимъ нахальнымъ хищникомъ. Или несчастныхъ промышленниковъ застаютъ врасплохъ непогода и имъ приходится думать о немедленномъ спасеніи собственной жизни, не помышляя уже объ осмотрѣ своихъ ловушекъ, въ которыя, можетъ быть, и попались соболя. Соболиный промыселъ является, такимъ образомъ, непрерывнымъ рядомъ всевозможныхъ трудностей и лишеній. По возвращеніи артели домой нерѣдко поэтому оказывается, что едва окупилась расходи по путешествію къ мѣсту охоты, но ни какъ не мученія, которыя соединились съ промысломъ.

Свѣдѣній о жизни соболя въ неволѣ имѣется до сихъ поръ очень мало. Одного соболя держали въ домѣ архіепископа въ Tobolsk; онъ былъ до такой степени ручнымъ, что ему совершенно свободно позволяли бѣгать по городу. Другіе ручные соболя весело играли между собою, часто присѣдали на заднія ноги съ цѣлью удобнѣе бороться другъ съ другомъ; они оживленно прыгали по клѣткѣ, виляли хвостомъ, когда были довольны, хрюкали и ворчали какъ щенята, когда сердились.

*

Хорьками (*Putorius* или *Foetorius*) называются въ честь всѣмъ извѣстнаго обыкновеннаго хорька виды другого рода, которые характеризуются сильно сжуженной кпереди головой, заостренной мордой, округлыми, трехугольными ушами, тонкимъ, продолговатымъ туловищемъ, короткими ногами и лапами,

снабженными длинными пальцами и цилиндрическимъ хвостомъ, покрытымъ довольно длинными волосами и не достигающимъ половины длины туловища животного.

Хорекъ обыкновенный или хорь (*Putorius foetidus*), имѣетъ туловище въ 40—42, и хвостъ въ 16—17 сантиметровъ длиною. Мѣхъ на нижней сторонѣ тѣла одноцвѣтный, черно-бурый, на спинѣ и по бокамъ туловища свѣтлѣе, обыкновенно темнаго каштаново-бурого цвѣта и особенно свѣтелъ на верхней части шеи и по сторонамъ туловища благодаря тому, что какъ разъ въ этихъ мѣстахъ сильно просвѣчивается желтоватый подшерстокъ. Вдоль середины живота тянется неясно ограниченная рыжевато-бурая полоса; подбородокъ и кончикъ морды, за исключеніемъ темнаго носа, желтовато-бѣлые. Позади cadaго глаза расположено по плохо очерченному желтовато-бѣлому пятну, которое сливается



Хорекъ обыкновенный или хорь (*Putorius foetidus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

съ неясной полосой, начинающейся подъ ушами. Встрѣчаются различныя цвѣтовыя варіаціи хорька, частью принимавшіяся за самостоятельныя виды, а также альбиносы и совершенно желтые индивиды. Самка отличается отъ самца, главнымъ образомъ, тѣмъ, что у нея чисто-бѣлаго цвѣта всѣ тѣ мѣста, которыя у самца окрашены въ желтоватый. Мѣхъ хорька, хотя и густъ, но тѣмъ не менѣе далеко не такъ красивъ, какъ мѣхъ благородной куницы.

Въ юго-восточной Европѣ, къ сѣверо-западу до Польши, вмѣстѣ съ обыкновеннымъ хорькомъ водится родственный ему видъ — перевозчикъ или тигровый хорекъ (*Putorius sarmaticus*), который въ только что названной части свѣта повсюду встрѣчается не часто, въ нѣкоторыхъ частяхъ западной Азіи очень рѣдокъ, въ южномъ же Афганистанѣ, на примѣръ у Гандагара, наоборотъ, крайне обыкновененъ. Образомъ жизни перевозчикъ совершенно напоминаетъ своего родственника.

Хорекъ обитаетъ во всей умѣренной полосѣ Европы и Азіи и даже захватываетъ своимъ распространеніемъ прилежащую часть сѣвернаго пояса. За исключеніемъ Лапландіи и самой сѣверной части Россіи, онъ водится въ Европѣ повсемѣстно. Въ Азіи онъ распространенъ по всей центральной ея части до Каспійскаго моря, а на востокъ идетъ здѣсь чрезъ всю Сибирь вплоть до Камчатки.

Довольствуясь каждою мѣстностью, лишь бы она общала ему поживу, хорекъ живетъ какъ въ равнинахъ, такъ и въ горныхъ мѣстностяхъ, въ лѣсахъ столь же часто, какъ въ мѣстахъ открытыхъ, особенно же предпочитаетъ близость человѣческаго жилья, напр., большія крестьянскія усадьбы. Жилище свое онъ устраиваетъ въ дуплахъ дерева, въ трещинахъ скалъ, въ покинутыхъ лѣсныхъ норахъ и въ ямахъ, которыя случайно найдетъ; въ крайности онъ роетъ себѣ норку и самъ. На поляхъ онъ селится въ высокихъ хлѣбахъ; кромѣ того живетъ по близости скалъ, въ сваяхъ, подъ мостами, въ развалившихся стѣнахъ, межъ корней большихъ деревьевъ, въ густыхъ живыхъ изгородяхъ, — однимъ словомъ, онъ умѣетъ устроиться рѣшительно вездѣ, но всегда избѣгаетъ трудиться надъ жильемъ самъ, и по возможности пользуется въ этомъ отношеніи чужими трудами. Зимой онъ переселяется у насъ въ деревни и города, заходя такимъ образомъ въ охотничьи районы домашней кошки и куницы бѣлодушки, но при случаѣ забирается въ курятники, голубятни, садки для кроликовъ и тому подобныя мѣста, гдѣ хозяйничаетъ далеко не на утѣху человѣка; въ такихъ случаяхъ онъ проявляетъ дѣятельность, въ которой могутъ сравняться съ нимъ, но никакъ не превзойти, развѣ только представители его же собственного семейства. Но, съ другой стороны, хорекъ несомнѣнно полезенъ, и стоитъ крестьянину только охранять своихъ куръ, голубей и кроликовъ устройствомъ хорошихъ заповоръ, чтобы остаться вполне довольнымъ своимъ гостемъ. Послѣдній вылавливаетъ тогда громадное количество крысъ и мышей, добросовѣстно очищаетъ окрестность жилья отъ змѣй и въ награду требуетъ не болѣе какъ теплый уголокъ въ самой темной части сѣновала. Есть мѣстности, гдѣ имъ столь же дорожатъ, сколько въ другихъ ненавидятъ.

Вслѣдствіе этого мы должны вполне согласиться съ Ленцомъ, который советуетъ каждому лѣсовладѣльцу и лѣсничему охранять хорька въ лѣсу; тутъ онъ вполне на мѣстѣ и безспорно приноситъ здѣсь массу пользы истребленіемъ мышей и при случаѣ гадюкъ, тогда какъ въ поляхъ является цѣннымъ помощникомъ въ борьбѣ съ хомяками. Ленць доказалъ многочисленными опытами надъ полувзрослыми хорьками, что, жадно хватая живыхъ и мертвыхъ лягушекъ, веретеницъ, ужей и гадюкъ, они не обращали никакого вниманія на укусы послѣднихъ и вовсе отъ нихъ не страдали.

Кромѣ ядовитыхъ змѣй, хорекъ пожираетъ, подобно куницамъ, всѣхъ животныхъ, съ которыми можетъ совладать. Онъ является страшнымъ бичемъ кротовъ, полевыхъ и домашнихъ мышей, крысъ и хомяковъ, справляется даже съ ежами и вредитъ всѣмъ видамъ куръ и утокъ. Лягушки составляютъ для него, повидимому, лакомство, потому что онъ часто истребляетъ ихъ массами и собираетъ въ своемъ логовищѣ десятками. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ловитъ также и рыбу, подкарауливая ее у ручьевъ, озеръ и прудовъ; онъ прыгаетъ прямо въ воду и, нырнувъ, весьма ловко схватываетъ ее; говорятъ, что онъ ловитъ зимою рыбу даже подо льдомъ. Онъ ѣстъ, кромѣ того, весьма охотно медъ и плоды. Онъ очень падокъ также и до крови, хотя и уступаетъ въ этомъ отношеніи настоящимъ куницамъ. Обыкновенно онъ умерщвляетъ не всю домашнюю птицу двора, въ который попалъ, а, схвативъ первую подвернувшуюся курицу, спѣшитъ съ нею въ свой притонъ; подобный набѣгъ онъ совершаетъ, однако, нѣсколько разъ въ теченіе одной ночи. Болѣе другихъ куницъ хорекъ склоненъ дѣлать запасы пищи; въ его норкахъ нерѣдко находишь порядочное количество мышей, птичекъ, ихъ яицъ и лягушекъ; онъ вдоволь снабжаетъ себя всѣмъ этимъ благодаря своей ловкости.

Всякое движеніе хорька ловко, проворно и увѣренно. Онъ прекрасно умѣетъ ползать по землѣ и дѣлать вѣрные прыжки, легко перебѣгаетъ по самой тонкой перекладинкѣ, взбирается по стѣнамъ и лазитъ по деревьямъ, плаваетъ, ныряетъ, однимъ словомъ, пускаетъ въ ходъ всѣ способности, разъ онѣ могутъ сослужить ему службу. Хорекъ хитеръ, изворотливъ, остороженъ, предусмотрителенъ, недоувѣрчивъ и находчивъ, а, въ случаѣ опасности, — смѣлъ, золь и кусливъ; всѣ эти качества дѣлаютъ его способнымъ къ хищничеству въ обширныхъ размѣрахъ. Въ крайней нуждѣ хорекъ, подобно вонючкѣ, защищается тѣмъ, что брызгаетъ воню-

чимъ отдѣленіемъ своихъ железъ и тѣмъ нерѣдко отпугиваетъ преслѣдующихъ его собакъ. Живучесть хорька неимовѣрно велика: безъ всякаго вреда для себя онъ спрыгиваетъ съ большой высоты, переноситъ почти равнодушно всевозможныя боли и умираетъ только отъ страшныхъ ранъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ спариванія самка мечетъ въ дуплѣ, норѣ, а еще охотнѣе въ кучѣ дровъ или хвороста, отъ 4 до 5, иногда даже до шести дѣтенышей, что случается обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ. Мать необычайно любитъ своихъ малютокъ, самымъ нѣжнымъ образомъ заботится о нихъ и защищаетъ отъ всякаго врага; случается, что заслыша шумъ вблизи своего гнѣзда, она отваживается нападать даже на человѣка, когда онъ ее и не трогаетъ. По минованіи періода дѣтства, продолжающагося около шести недѣль, дѣтеныши отправляются съ матерью на охоту, а, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, почти достигаютъ ея роста.

Молодыхъ хорьковъ можно вскармливать при посредствѣ кошекъ и, такимъ образомъ, приручать, но отъ нихъ имѣешь не много радости, такъ какъ прирожденная кровожадность ихъ со временемъ прорывается и тогда они становятся опасными каждому безобидному домашнему животному. Живущіе на свободѣ хорьки выказываютъ иногда просто безумную смѣлость относительно человѣка, а для дѣтей могутъ быть даже опасными. „Въ Вернѣ, одной изъ деревень курфюршерства Гессена“, рассказываетъ Ленцъ, „шестилѣтній мальчикъ посадилъ своего маленькаго братишку около канавы на дорогѣ, чтобы удобнѣе было за нимъ присматривать. Вдругъ выскочили три хорька и напали на ребенка. Одинъ впился ему въ затылокъ, другой въ щеку, а третій въ лобъ. Ребенокъ страшно закричалъ, старшій братъ собирался помочь ему, но въ то же время изъ канавы появилось еще нѣсколько хорьковъ, и стали нападать и на него. Къ счастью, съ поля подоспѣли двое взрослыхъ мужчинъ на помощь и убили двухъ хорьковъ, послѣ чего остальные разбѣжались“.

Вслѣдствіе значительнаго вреда, наносимаго хорькомъ, его почти повсюду ожесточенно преслѣдуютъ. Для поимки его пускаются въ ходъ всевозможныя ловушки и снаряды. Но тамъ, гдѣ сильно докучаютъ мыши, лучше оставить хорька въ покоѣ, а труды, сопряженные съ ловлей его, гораздо выгоднѣе направить на исправленіе затворовъ и дверецъ у курятниковъ.

Шкурки хорьковъ доставляютъ густой, теплый и носкій мѣхъ, который цѣнится однако много меньше, чѣмъ заслуживаетъ, благодаря своему постоянному и, дѣйствительно, невыносимому запаху. Изъ длинныхъ волосъ хвоста изготовляютъ кисти, мясо же совершенно не годно къ употребленію; имъ пренебрегаютъ даже собаки.

Африканскій хорекъ (*Putorius furo*) представляетъ, по современнымъ воззрѣніямъ всѣхъ зоологовъ, лишь разновидность обыкновеннаго хорька, нѣсколько измѣнившагося подѣ вліяніемъ прирученія и жизни въ неволѣ.

Африканскій хорекъ извѣстенъ съ древнѣйшихъ временъ, но только въ прирученномъ состояніи. Аристотель упоминаетъ о немъ подѣ именемъ иктисъ (*ictis*), а Плиній подѣ названіемъ виверры (*viverra*). На Балеарскихъ островахъ до такой степени размножились однажды кролики, что жители ихъ обратились за помощью къ императору Августу. Онъ послалъ имъ нѣсколькихъ виверръ, охотничьи подвиги которыхъ были блистательны. Ихъ пускали въ норки кроликовъ, которыхъ онѣ выгоняли въ сѣти ихъ преслѣдователей.

Африканскій хорекъ походитъ на обыкновеннаго какъ общимъ своимъ видомъ, такъ и величиною. Онъ, правда, нѣсколько мельче и слабѣе послѣдняго, но мы наблюдаемъ это и на многихъ другихъ животныхъ, которыя живутъ исключительно въ зависимости человѣка, т. е. въ прирученномъ состояніи. Длина туловища равняется у него 45 сантиметрамъ, а длина хвоста—13 см. Эти размѣры какъ разъ ссотвѣтствуютъ размѣрамъ обыкновеннаго хорька, а въ строеніи скелета мы тоже не находимъ значительныхъ отступленій отъ послѣдняго. Въ Европѣ обыкновенно встрѣчаешь африканскаго хорька въ видѣ альбиносовъ, т. е. бѣлымъ или блѣдно-желтымъ, снизу окрашеннымъ нѣсколько темнѣе и со свѣтло-розовыми глазами.

Лишь немногіе экземпляры темны и потому сильнѣе походятъ на обыкновеннаго хорька. Вѣрно и несомнѣнно то, что до сихъ поръ не удается найти стойкихъ отличительныхъ признаковъ между двумя формами и что всѣ доказательства, приводившіяся въ пользу самостоятельности африканскаго хорька, какъ вида, оказываются не убѣдительными. За главный аргументъ видовой самостоятельности обыкновенно считается нѣжность, меньшая способность переносить суровый климатъ, кротость и легкая приручаемость африканскаго хорька въ сравненіи съ извѣстными намъ свойствами обыкновеннаго хорька. Но и это доказательство имѣетъ въ моихъ глазахъ столь же мало цѣны, какъ и всѣ прочія, потому что всѣ альбиносы являются слабыми и нѣжными созданіями. Нѣкоторые зоологи твердо убѣждены, что рассматриваемая ими форма хорька — родомъ изъ Африки и что онъ уже отсюда распространился въ Европу, однако они не могли подкрѣпить свое мнѣніе какими либо вѣскими наблюденіями. Африканскій хорекъ живетъ, такимъ



Африканскій хорекъ (*Putorius furo*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

образомъ, исключительно въ домашнемъ состояніи и держится исключительно для охоты за кроликами; только англичане употребляютъ его для ловли крысъ и цѣнятъ хорьковъ-крысолововъ много больше тѣхъ, которые годны только для поимки кроликовъ. Звѣрковъ содержатъ въ ящикахъ и клѣткахъ, часто мнѣняютъ имъ сѣно и солому и тщательно охраняютъ отъ холода зимою. Кормятъ ихъ, большею частью, булкою, размоченною въ молоко, но для ихъ здоровья много полезнѣе, если имъ даютъ нѣжное мясо отъ недавно убитыхъ животныхъ. Содержаніе ихъ обходится весьма дешево, если питать ихъ лягушками, ящерицами и змѣями, такъ какъ они ѣдятъ, по наблюденіямъ Лепца, весьма охотно всѣхъ пресмыкающихся и земноводныхъ.

Нравомъ своимъ африканскій хорекъ напоминаетъ обыкновеннаго, но онъ менѣе подвиженъ, чѣмъ этотъ послѣдній; зато онъ ни чуть не уступаетъ своему дикому родичу въ падкости до крови и въ хищническихъ наклонностяхъ. Онъ нападаетъ на кроликовъ, голубей и куръ, даже будучи довольно сытымъ; онъ брасывается на нихъ, какъ бѣшеный, хватается за затылокъ и выпускаетъ изъ зубовъ не раньше, чѣмъ добыча не перестанетъ двигаться. Онъ съ неимоверной

жадностью слизываетъ вытекающую изъ жертвы кровь, а мозгъ ея является для него, повидимому, чистымъ лакомствомъ. Съ пресмыкающимися онъ обращается осторожно, чѣмъ съ другими животными, и, какъ кажется, подозрѣваетъ опасность гадюки. Онъ, не задумываясь, набрасывается, по наблюденіямъ Ленца, на ужей и мѣдяницъ, даже тогда, когда прежде никогда и не видалъ ихъ, хватая ихъ, несмотря на сильныя ихъ движенія, перекусываетъ имъ хребетъ, а за тѣмъ частью сѣдаетъ. Но къ гадюкѣ африканскій хорекъ приближается въ высшей степени осторожно и старается нанести укусъ этой коварной гадинѣ по срединѣ тѣла. Ядъ гадюки не умерщвляетъ нашего хорька, но дѣлаетъ его большимъ и вялымъ.

Приручить африканскаго хорька вполне удастся очень рѣдко, но есть примѣры, что нѣкоторые изъ нихъ слѣдовали за каждымъ шагомъ своего хозяина; такимъ можно было безъ всякаго опасенія предоставлять полную свободу. Разъ выбравшись изъ клѣтки, большинство этихъ хорьковъ прекрасно умѣетъ воспользоваться своею независимостью; они уходятъ въ лѣсъ и поселяются въ какой нибудь норѣ кролика, которая служитъ имъ убѣжищемъ въ теченіе лѣта. Они очень скоро отвыкаютъ отъ человѣка, но если не попадаютъ къ нему случайно снова, то обязательно погибаютъ зимою, потому что слишкомъ нѣжны, чтобы перенести холодъ.

Голосъ африканскаго хорька представляетъ глухое ворчаніе, при ощущеніи же боли — пронзительный визгъ; послѣдній приходится слышать рѣдко. Нашъ хорекъ лежитъ на своей подстилкѣ, обыкновенно, свернувшись и не издавая никакихъ звуковъ; онъ оживляется и дѣлается подвижнымъ только тогда, когда для него является возможность удовлетворить свою страсть къ хищничеству.

Въ началѣ мая самка мечетъ отъ 5 до 8 дѣтенышей, которые остаются слѣпыми въ теченіе 2 или 3 недѣль. Мать воспитываетъ ихъ съ величайшею заботливостью и черезъ два мѣсяца они перестаютъ сосать, послѣ чего ихъ можно взростить отдѣльно отъ нея.

Насколько хороши услуги африканскаго хорька въ охотѣ за кроликами, настолько же мала дѣйствительно приносимая имъ польза, если сравнить ее съ расходами, сопряженными съ его содержаніемъ.

На охоту выходятъ утромъ. Хорька несутъ въ мягко устланной корзинкѣ или ящикѣ, а въ крайнемъ случаѣ и просто въ охотничьей сумкѣ. Затѣмъ отыскиваютъ всѣ ходы, ведущіе въ нору, разставляютъ передъ каждымъ изъ нихъ мѣшкообразную сѣтку около метра въ длину, которая прикрѣплена къ большому обручу. Пустивъ хорька въ главный ходъ, послѣдній въ свою очередь заставляютъ подобной же сѣткой. Почувявъ вторгнувшагося въ нору врага, кролики въ испугѣ бросаются вонъ изъ нея, попадаютъ въ сѣтки и тутъ перебиваются. Чтобы предупредить удушеніе кроликовъ въ самой норѣ, хорьку надѣваютъ намордникъ или подпиливаютъ ему зубы, а съ цѣлью знать мѣсто, гдѣ онъ находится подъ землею, вѣшаютъ ему на шею звонкій колокольчикъ. Какъ только хорекъ покажется у выхода изъ норы, его тотчасъ же ловятъ, потому что, уйдя снова въ нее, онъ залегаетъ въ гнѣздѣ спать и тогда его приходится ждать часами. Крайне важно, чтобы онъ былъ приученъ являться на зовъ или свистъ. Въ случаѣ если онъ не выходитъ на нихъ, его стараются выманить различными приманками. Такъ, на примѣръ, привязываютъ кролика къ гибкой жерди и суютъ ее въ нору. Передъ подобнымъ приглашеніемъ проявить врожденную кровожадность не можетъ устоять ни одинъ изъ этихъ звѣрковъ; хорекъ тотчасъ же впиивается въ кролика и тогда его вытаскиваютъ вмѣстѣ съ послѣднимъ.

Въ Англіи хорька этого употребляютъ для ловли крысъ чаще, чѣмъ для охоты за кроликами, а еще охотнѣе устраиваютъ бои его съ драчливымъ грызуномъ. Говорятъ, что приученные къ охотѣ только на кроликовъ хорьки вовсе не годятся для нападенія на крысъ, такъ какъ боятся каждой крупной крысы. Хорекъ-крысоловъ долженъ пройти, такимъ образомъ, курсъ спеціальнаго обученія. Сначала его заставляютъ бороться лишь съ молодыми и слабыми крысами и только мало по малу онъ приучается выходить побѣдителемъ въ борьбѣ съ болѣе сильными.

Благодаря этому, свирѣлость въ хорькѣ растеть, смѣлость его принимаетъ все большіе и большіе размѣры и, въ концѣ концовъ, онъ достигаетъ такой ловкости и умѣнья въ бояхъ съ крысами, что становится виртуозомъ своего дѣла и дѣлаеть просто чудеса въ этомъ отношеніи. Очень хорошіе хорьки-крысоловы въ состояніи въ одинъ часъ задушить до 50 крысъ въ помѣщеніи въ два-три метра.

Случается, что во время охоты за кроликами хорекъ встрѣчается съ другими врагами, укрывшимися въ покинутой грызунами норѣ. Такъ, бываетъ, что онъ сталкивается здѣсь съ обыкновеннымъ хорькомъ. При этомъ между двумя одинаково сильными и ловкими соперниками завязывается ожесточенная борьба на жизнь и смерть, которая не всегда оканчивается къ удовольствію владѣльца прирученнаго представителя семейства куницъ; наоборотъ, онъ имѣеть всѣ основанія опасаться за жизнь своего помощника на охотѣ.



Ласка (*Putorius vulgaris*) въ лѣтнемъ одѣяніи. $\frac{1}{3}$ естеств. велѣч.

Ласка и ближайшіе родственники ея еще тоньше и болѣе вытянуты въ длину, чѣмъ всѣ остальные куницы. Всѣ представители этой группы охотиѣе всего селятся въ поляхъ и въ садахъ, живутъ въ пещерахъ, трещинахъ скалъ, подъ камнями и въ складахъ дровъ и охотятся какъ днемъ, такъ и ночью. Хотя всѣ эти звѣрки суть самые мелкіе изъ хищныхъ, они, тѣмъ не менѣе, отличаются такою смѣлостью и кровожадностью, что могутъ считаться типичными представителями этого семейства.

Ласка (*Putorius vulgaris*) достигаетъ общей длины тѣла въ 20 сантиметровъ, изъ которыхъ 4,5 см. приходится отнести на короткій хвостикъ. Необыкновенно удлинненное туловище кажется еще болѣе тонкимъ благодаря такому же строенію шеи и головы. Будучи по всей своей длинѣ, отъ головы до хвоста, одинаковой толщины, тѣло это нѣсколько перетянуто въ пахахъ только у взрослыхъ индивидовъ, а на концѣ морды приострено. Оно поконтея на очень короткихъ и тонкихъ ножкахъ съ крайне нѣжными лапками, подошвы которыхъ покрыты волосами между вздутымъ основаніемъ пальцевъ, а сами пальцы вооружены тонкими и острыми когтями. Сравнительно короткій хвостикъ суживается отъ основанія къ концу постепенно. Носикъ тупой и слегка раздѣленъ продольной бороздкой. Широкія, округлыя уши помѣщаются на бокахъ головы далеко кзади.

Косые глазки малы, но очень живы. Все тѣло покрыто не очень длинными, гладкими волосами, которые становятся нѣсколько гуще только у конца морды. Длинные усы сидятъ впереди и надъ глазами, а подъ этими послѣдними торчатъ отдѣльные щетинистые волоски. Цвѣтъ мѣха рыжевато-бурый; край верхней губы и весь низъ тѣла, а также внутренняя сторона ногъ, — бѣлые. Сзади отъ угла рта помѣщается по небольшому, округлому, бурому пятнышку, а на свѣтломъ брюхѣ замѣчаются иногда отдѣльныя бурыя крапины. Въ умѣренныхъ и южныхъ частяхъ области распространенія ласки окраска эта подвержена лишь малымъ сезоннымъ измѣненіямъ, но въ сѣверныхъ мѣстностяхъ этотъ видъ, какъ и его ближайшій родственникъ, зимою надѣваетъ пестрый нарядъ и бываетъ бѣлымъ въ бурыхъ пятнахъ; однако ласка и въ это время года не имѣетъ характернаго для горностая хвостика съ чернымъ концомъ.

Ласка довольно обыкновенна во всей Европѣ, хотя встрѣчается здѣсь далеко не въ такомъ большомъ числѣ особей, какъ въ сѣверной Азіи; она водится какъ въ равнинахъ, такъ и въ горныхъ странахъ, одинаково свойственна какъ открытымъ мѣстностямъ, такъ и лѣсистымъ, и въ населенныхъ мѣстахъ встрѣчается не менѣе часто, чѣмъ въ глухихъ участкахъ страны. Она повсюду находитъ себѣ подходящее пристанище, потому что умѣетъ вездѣ устроиться и открыть укромный уголокъ, доставляющій ей необходимую защиту отъ ея враговъ. Такимъ образомъ она живетъ то въ дуплахъ, кучахъ камней, разрушившихся стѣнахъ, то въ подмытыхъ берегахъ, въ кротовинахъ, норкахъ хомяковъ и крысъ, а зимою въ сараяхъ, овинахъ, погребахъ, хлѣвахъ, на чердакахъ, причемъ часто переселяется въ города. Тамъ, гдѣ ее не беспокоятъ, она бродитъ и въ теченіе дня, но выходитъ на охоту только ночью, если ее преслѣдуютъ, днемъ же становится крайне осторожной.

Если со вниманіемъ и безъ шума проходить по мѣсту, гдѣ она живетъ, то легко доставить себѣ удовольствіе подкараулить ее. Слышишь слабый шелестъ листвы и замѣчаешь проскользывающее маленькое бурое существо, которое становится внимательнымъ и, желая увеличить свой кругозоръ, приподымается на заднія лапки, какъ только примѣтитъ человѣка. Обыкновенно миниатюрное созданіе и не думаетъ бѣжать прочь; напротивъ, оно смѣло и бодро идетъ на встрѣчу, принимая по истинѣ угрожающее выраженіе. Если находится совсѣмъ близко отъ нея, то она становится даже настолько дерзкою, что сама приближается къ возмутителю ея покоя и смотритъ на него съ неописаннымъ нахальствомъ, какъ бы желая освѣдомиться, зачѣмъ пожаловалъ сюда непрошенный гость.

Не разъ случалось, что эта смѣлая малютка нападала даже на человѣка и отвязывалась отъ него лишь послѣ долгой борьбы. Ласка вцѣпляется иногда въ ногу проходящей мимо нея лошади и тогда ее удается оторвать отъ послѣдней только соединенными усилями коня и всадника. Съ такой отчаянной смѣлостью соединяется у ласки и большое присутствіе духа: она всегда находитъ возможность извернуться и не теряется даже въ когтяхъ у хищной птицы. Такъ, одному наблюдателю удалось видѣть, какъ лунь спустился на поле, схватилъ какое то маленькое млекопитающее и поднялся съ нимъ на воздухъ. Вдругъ птица стала качаться, полетъ ея сдѣлался неправильнымъ и она вдругъ упала мертвой на землю. Удивленный зритель поспѣшилъ къ мѣсту ея паденія и увидалъ ласку, весело проскользнувшую мимо него; она ловко умудрилась перескусить своему страшному врагу шею и, такимъ образомъ, спаслась.

Само собою разумѣется, что такое отчаянно-смѣлое и отважное созданіе должно быть дѣйствительно страшнымъ хищникомъ и ласка вполне подтверждаетъ это предположеніе. Она объявила войну рѣшительно всѣмъ мелкимъ млекопитающимъ и подчасъ производитъ среди нихъ страшныя опустошенія. Изъ представителей названнаго класса добычей служитъ ей домашняя, лѣсная и полевая мыши, полевки, крысы, кроты, молодые хомяки, зайцы и кролики; изъ птицъ она грабитъ цыплятъ и голубей, жаворонковъ и другихъ птичекъ, держащихся на землѣ, но не даетъ спуска и тѣмъ, которые спятъ на деревьяхъ; она обкрадываетъ гнѣзда, если ей случится ихъ найти. Изъ пресмыкающихся она преслѣдуетъ

ящерицъ, мѣдяницъ и ужей, рѣшается нападать на опасную гадюку. Далѣе она ловить лягушекъ и рыбъ и ѣсть вообще мясо всякаго рода, даже себѣ подобныхъ. Суставчатая различныхъ классовъ и отрядовъ доставляютъ ей лакомство и, если ей случается раздобыть рака, то она прекрасно умѣетъ справиться съ его толстой шелухой. На охотѣ сильно ей помогаютъ ея незначительная величина и невѣроятная ловкость, и можно съ увѣренностью сказать, что отъ нея не без-опасно ни одно мелкое животное. Случалось даже наблюдать, что ласки охотятся сообща, въ чемъ, однако, пѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ онѣ живутъ обществами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собираются въ большомъ числѣ. Такъ Пехуэль-Лёше наблюдалъ семь взрослыхъ ласокъ, которыя составляли, вѣроятно, одну семью; онѣ правильно обыскивали днемъ поросшую кустарникомъ межу и ни чуть не смущались проходившими мимо зрителями. Ласка хватается мелкихъ животныхъ за затылокъ или за голову, большихъ же старается поймать за шею. Въ яйцахъ она проламываетъ одну или нѣсколько дырочекъ на концѣ, а затѣмъ выпиваетъ ихъ, не проливъ ни капли. Желая перенести крупное яйцо съ мѣста на мѣсто, она защемляетъ его, говорятъ, между подбородкомъ и грудью, мелкія же беретъ въ ротъ. Отъ крупныхъ животныхъ она довольствуется лишь кровью, слизываетъ ее и оставляетъ мясо нетронутымъ, мелкихъ же звѣрковъ и птицъ съѣдаетъ цѣликомъ; схвативши разъ животное, она уже его не выпускаетъ. Живя въ непосредственной близости жилыхъ строеній, ласка охотится почти безъ всякой боязни.

Въ маѣ или іюнѣ, послѣ пятинедѣльной беременности, самка мечетъ отъ 3 до 8 слѣпыхъ дѣтенышей въ дуплѣ дерева или въ одной изъ своихъ норокъ, но всегда въ укромномъ уголкѣ и на устланномъ соломой, сѣномъ и листвою мѣстѣ, приготовленномъ въ видѣ гнѣзда. Она необыкновенно любитъ своихъ малютокъ, долго кормитъ ихъ молокомъ, а затѣмъ питаетъ еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ домашними, лѣсными и полевыми мышами, которыхъ приносить имъ живыми. Она переноситъ ихъ въ зубахъ на другое мѣсто, если ихъ беспокоятъ; при опасности же любящая мать защищаетъ своихъ дѣтей съ безграничнымъ мужествомъ. Какъ только милыя созданья эти подрастутъ, они часто играютъ съ матерью днемъ; забавно и весело смотрѣть, какъ все общество возится при яркомъ солнечномъ освѣщеніи на лугу, особенно на такомъ, гдѣ много подземныхъ ходовъ, напримѣръ, продѣланныхъ кротами.

Для прирученія молодая ласка пригодна всего въ томъ возрастѣ, когда онѣ находятся еще при матери. Мнѣніе, унаслѣдованное зоологами отъ Бюффона, что этотъ звѣрекъ не способенъ къ прирученію, не разъ уже опровергалось. Оно, однако, не совсѣмъ безосновательно; становятся замѣчательно ручными и дѣйствительно милѣйшими созданьями только тѣ ласки, которыя приучаются къ человѣку съ ранней молодости. Изъ многихъ разсказовъ о прирученныхъ ласкахъ наиболѣе интереснымъ кажется мнѣ одинъ, писанный женскою рукою и приведенный Вудомъ въ его „Natural History“; его я и передамъ въ извлеченіи.

„Если я налью молока себѣ на ладонь“, говоритъ дама, „то моя ручная ласка пьетъ его въ достаточномъ количествѣ; но она не дотронется до любимой жидкости, если я не окажу ей чести поднести мою руку въ качествѣ сосуда для питья. Насытившись, ласка отправляется спать. Обыкновеннымъ мѣстопробываніемъ служить ей моя спальня и я нашла средство заглушать запахъ отъ нея благовонными веществами. Днемъ она спитъ въ подушкѣ, внутри которой нашла себѣ ходъ, ночью же я помѣщаю ее въ жестянку, стоящую въ клѣткѣ; она очень неохотно идетъ въ это заключеніе и съ удовольствіемъ покидаетъ его. Если ласку выпускаютъ утромъ раньше, чѣмъ я проснусь, она спѣшитъ ко мнѣ въ кровать и, продѣлавъ тысячу проказъ, забирается подъ одѣяло, чтобы улечься на моей рукѣ или груди. Если же я проснусь, то она посвящаетъ мнѣ добрые полъ-часа и ласкается всевозможными способами. Она играетъ съ моими пальцами какъ щенокъ, прыгаетъ мнѣ на голову или на шею, лазитъ по рукѣ или по тѣлу съ легкостью и граціей, которыхъ я не встрѣчала ни у какого другого животного. Если я подношу ей мою руку на разстояніе метра, то она прыгаетъ на нее, никогда не дѣлая

промаха. Чтобы достичь какойнибудь намѣченной цѣли, ласка проявляетъ большую хитрость и искусство и, повидимому, любитъ дѣлать запрещенное изъ упрямства.

„Маленькое животное отличаетъ мой голосъ между двадцатью другими, быстро находитъ меня среди чужихъ лицъ и перепрыгиваетъ черезъ любое препятствіе, лишь бы добраться до меня.

„Характерною особенностью моей прелестной воспитанницы является ея любопытство. Нѣтъ никакой возможности открыть какойнибудь сундукъ, коробку или жестянку, даже просто взять въ руки клочекъ бумаги, чтобы ласка тотчасъ же не явилась тоже посмотрѣть. Если я хочу заманить ее куданибудь, то мнѣ стоитъ только взять листокъ бумаги или книгу и внимательно разсматривать ихъ: тогда ласка моментально является ко мнѣ, взбирается на мою руку и внимательно устремляетъ взоръ на предметъ, который я разглядываю. Въ заключеніе я должна замѣтить, что моя ласка охотно играетъ съ довольно крупными щенкомъ и котенкомъ“.

При хорошемъ уходѣ ласка выживаетъ въ неволѣ отъ 4 до 6 лѣтъ, а на волѣ она живетъ, вѣроятно, отъ 8 до 10. Къ сожалѣнію, маленькія, полезныя существа эти сильно преслѣдуются невѣжественными мѣрами и убиваются просто изъ избытка усердія. Въ ловушки, въ которыя въ видѣ приманки кладутъ яйцо, мелкую птичку или мышъ, ласка попадаетъ очень легко. Ее часто находятъ въ крысоловкахъ, въ которыя она залѣзаетъ случайно. Вслѣдствіе громадной пользы, приносимой этимъ милымъ звѣркомъ, слѣдовало бы всѣми силами защищать его, а не преслѣдовать. Можно смѣло утверждать, что ни одно животное не приспособлено до такой степени для ловли мышей, какъ наша ласка.

Ближайшій родственникъ ласки есть горностаѣ (*Putorius erminea*), крайне похожій на нее какъ по общему виду, такъ и по образу жизни, но значительно большій ростомъ. Общая длина его тѣла достигаетъ 32—33 сантиметровъ и, говорятъ, что на сѣверѣ онъ становится еще крупнѣе, чѣмъ у насъ. Лѣтомъ верхъ тѣла и основная половина хвоста окрашены у горностаѣ въ рыже-бурый цвѣтъ, зимою же они бѣлые; въ первомъ случаѣ подшерстокъ на этихъ частяхъ тѣла рыжевато-бурый, а во второмъ — тоже бѣлый; низъ тѣла всегда бѣлый, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, а конечная половина хвоста постоянно черная.

Измѣненія, происходящія въ окраскѣ горностаѣ лѣтомъ и зимой, даютъ поводъ къ разногласію между натуралистами. Одни изъ нихъ думаютъ, что бываетъ двоекратная линька, другіе, къ которымъ принадлежу и я, придерживаются того мнѣнія, что лѣтніе волосы къ зимѣ и съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ просто выпѣтываютъ, какъ это наблюдается у песца и бѣляка.

Прекрасныя наблюденія надъ весенней линькой сдѣлалъ надъ жившимъ въ неволѣ горностаемъ шведскій естествоиспытатель Гриллъ, описаніе котораго я и привожу тутъ. „4 марта“, говоритъ онъ, „можно было впервые замѣтить нѣсколько темныхъ волосъ между глазами. 10 числа того же мѣсяца горностаѣ имѣлъ уже здѣсь бурое пятно въ половину ширины лба, мѣстами испещренное бѣлымъ. Затѣмъ появилось нѣсколько мелкихъ темныхъ пятнышекъ подъ глазами и вокругъ носа. Когда животное изгибалось, можно было замѣтить, что подшерстокъ вдоль хребта, подъ лопатками и на темени сдѣлался темнымъ. Смѣна окраски происходила весьма быстро, особенно въ началѣ линьки, такъ что ее можно было замѣчать каждый день и даже черезъ каждые полъ-дня. Такимъ образомъ, 3 апрѣля оставались бѣлыми только нижняя сторона шеи и горла, весь низъ тѣла, уши, пространство между ними и глазами, которые были окружены узкимъ темнымъ кольцомъ, небольшое пространство передъ черной половиной хвоста и весь низъ основной половины послѣдняго, всѣ лапы, а также внутренняя сторона переднихъ и заднихъ ногъ и задняя сторона ляшекъ. Къ 19 апрѣля побурѣли и уши, за исключеніемъ небольшой части нижняго ихъ края. Нигдѣ, кромѣ лба, на которомъ сидѣло другъ возлѣ друга нѣсколько бѣлыхъ волосъ, образовавшихъ мелкія пятнышки, не замѣчалось у горностаѣ голыхъ мѣстъ. Сначала вѣдругъ выросли

темные волосы и прежде, чѣмъ они успѣвали сравняться съ бѣлыми, эти уже вываливались. Можно принять, что главная смѣна волосъ бываетъ въ первую половину марта; послѣ 19 марта бурый нарядъ получилъ только большее распространѣніе и мало по малу вытѣснилъ бѣлый“.

Горностаѣ распространенъ очень широко въ сѣверной части Старого Свѣта. Онъ встрѣчается въ Европѣ повсюду къ сѣверу отъ Пиренеевъ и Балканъ, а, кромѣ того, водится въ сѣверной и центральной Азіи до тихо-океанскаго побережья Сибири, его находятъ также въ Малой Азіи, Персіи и Афганистанѣ и говорятъ, что онъ свойственъ и Гималаю. Онъ не рѣдокъ вездѣ, гдѣ встрѣчается, а въ Германіи принадлежитъ даже къ числу самыхъ обыкновенныхъ хищныхъ животныхъ.



Горностаѣ (*Putorius erminea*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

Для горностая, какъ и для ласки, пригодна каждая мѣстность, даже каждое мѣстечко и онъ повсюду умѣетъ устроиться съ большимъ удобствомъ. Норки въ землѣ, кротовины, подземные ходы хомяковъ, расщелины скалъ, дыры въ стѣнахъ, трещины, кучи камней, дупла, нежилыя строенія и сотни подобныхъ укромныхъ уголковъ доставляютъ ему защиту и кровъ въ теченіе дня, который онъ, въ большинствѣ случаевъ, проводитъ во снѣ въ разъ навсегда избранномъ жильѣ. Нерѣдко, впрочемъ, онъ бродитъ и при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что находится на виду у людей. Но, собственно, время его охоты начинается съ сумерекъ. Онъ оживляется и ободряется уже къ вечеру. Проходя въ эти часы по надлежащимъ мѣстамъ, приходится не долго ждать появленія этого умно-смотрящаго, хорошо одареннаго существа, которое способно къ всевозможнымъ движеніямъ. Горностаѣ бѣгаетъ и прыгаетъ въ высшей степени ловко, прекрасно лазаютъ, а при случаѣ быстро и увѣренно переплываетъ обширные водныя пространства.

Умственные качества горностая находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ его физическими способностями. Онъ столь же смѣлъ, какъ и его болѣе мелкій родственникъ, и проявляетъ необузданное хищничество со свойственной всѣмъ хорькамъ кровожадностью.

Горностаи преслѣдуютъ и ѣсть почти всѣхъ мелкихъ звѣрковъ и птичекъ, которыхъ сумѣетъ перехитрить, и далеко нерѣдко рѣшается нападать на животныхъ, значительно превосходящихъ его величиною. Мыши, крысы, кроты, хомяки, кролики, воробьи, жаворонки, голуби, куры, ласточки, которыхъ онъ достаетъ изъ гнѣзда, змѣи и ящерицы истребляются имъ постоянно и даже зайцамъ онъ не даетъ спуску.

Интересно смотрѣть, какъ горностаи предаются одной изъ своихъ любимыхъ охотъ и преслѣдуютъ водяную крысу. Неисправимый хищникъ слѣдуетъ по пятамъ за названнымъ грызуномъ, какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ, и какъ бы ни казалась несоотвѣтственнымъ для горностая родная среда крысы, онъ, въ концѣ концовъ, все же овладѣваетъ ею. Горностаи изслѣдуютъ сначала всѣ входы въ норку грызуна и тонкое обоняніе его тотчасъ же говоритъ ему, есть ли и сколько въ жильѣ крысъ. Обнюхавъ какую либо общающую поживу норку, хищникъ тотчасъ же влѣзаетъ въ нее. Крыса не находитъ впопыхахъ ничего лучшаго, какъ кинуться со страху въ воду и старается пробраться черезъ густую заросль тростника; это не спасаетъ ее, однако, отъ неумоимаго преслѣдователя и злѣйшаго ея врага. Высунувъ, подобно плывущей собакѣ, голову и шею изъ воды, проносится горностаи съ быстротою выдры по чуждой для него, въ сущности, стихіи и преслѣдуетъ улепетывающую крысу со свойственной ему выдержкой. Крыса пропала, если не спасетъ ее какой нибудь случай.

Горностаи ловятъ во всевозможныя ловушки и часто даже въ мышеловки, куда онъ попадаетъ, однако, случайно. Взятые изъ гнѣзда молодыми, горностаи становятся очень ручными и доставляютъ много пріятныхъ часовъ своему хозяину. Нѣкоторые приручались до того, что свободно выходили и входили въ домъ и слѣдовали за хозяиномъ, какъ собака. Впрочемъ и старые звѣрки не всегда остаются дикими.

„За нѣсколько дней до Рождества 1843 года“, рассказываетъ Гриллъ, „принесли мнѣ самца горностая, котораго поймали въ кучѣ дровъ. Онъ былъ въ безукоризненно бѣломъ, зимнемъ нарядѣ. Круглые черные глаза, рыже-бурый носикъ и черный кончикъ хвоста рѣзко выдѣлялись на снѣжно-бѣлой окраскѣ остальнаго тѣла, которая имѣла красивый сѣрно-желтый оттѣнокъ только у основанія и на внутренней половинѣ хвоста. Это былъ пріятный, подвижный звѣрекъ. Сначала я посадилъ его въ просторную нежилую комнату, въ которой быстро распространился противный запахъ, свойственный этому роду хищниковъ. Умѣнье его лазать, прыгать и прятаться было просто удивительно. Съ неимоверной легкостью взбирался онъ по оконнымъ занавѣсамъ и, если его спугивали оттуда, то часто вдругъ бросался на полъ съ крикомъ ужаса. На второй день онъ спрятался въ дымовую трубу и оставался тамъ, ничѣмъ не обнаруживая своего присутствія; черезъ нѣсколько часовъ онъ вылезъ однако оттуда весь испачканный въ сажѣ. Онъ часто издѣвался надо мною по цѣлымъ часамъ, послѣ чего я находилъ его обыкновенно на такомъ мѣстѣ, гдѣ его менѣе всего можно было ожидать. Такъ какъ комната не отапливалась, то онъ избралъ себѣ логовище въ кровати и лежалъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, которое однако тотчасъ же покидалъ, когда кто-нибудь входилъ въ дверь. Тѣмъ не менѣе кровать оставалась самымъ любимымъ его притономъ. Обыкновенно онъ прятался въ нее, когда къ нему подходили быстро, но, если съ нимъ заговаривали ласково и стояли неподвижно, онъ нерѣдко останавливался на бѣгу или даже съ любопытствомъ приближался на нѣсколько шаговъ, вытянувъ свою длинную шею и приподнявъ одну изъ переднихъ ногъ. Любопытство горностая общеизвѣстно, такъ что сельскіе жители въ Швеціи говорятъ: „горностаика радуется, если ее хвалятъ“. Въ состояніи напряженнаго вниманія или, если ему кажется подозрительнымъ какой-нибудь предметъ и онъ хочетъ лучше разсмотрѣть его, горностаи садится на заднія лапки и высоко вытягиваетъ туловище. Когда къ нему подступаютъ близко, онъ кричитъ, прежде чѣмъ пуститься на утекъ; голосъ его громокъ и пронзителенъ и болѣе всего напоминаетъ звуки, издаваемые большимъ пестрымъ дятломъ. Еще чаще онъ шипитъ, какъ змѣя.

„Когда на третій день горностая посадили въ большую клѣтку, въ которой онъ почувствовалъ себя въ безопасности, онъ уже никого не подпускалъ къ себѣ близко, не кинувшись на рѣшетку и не оскаливъ зубы; съ этого же времени онъ сталъ повторять свой крикъ въ видѣ продолжительной трели, напоминавшей стрекотаніе сороки. Тутъ онъ пересталъ бояться и собаки; они лаяли другъ на друга, каждый со своей стороны клѣтки. Если въ клѣтку къ нему просовывали, напр., палецъ перчатки, горностаѣ вцѣплялся въ него и сильно трепалъ. Сильно разсердившись, для чего достаточно было согнать его съ мѣста, гдѣ онъ лежалъ, горностаѣ ерошилъ каждый волосъ своего хвоста.

„Въ общемъ, мой горностаѣ былъ очень злобенъ. Музыку онъ не переносилъ: если передъ клѣткой его играли на гитарѣ, онъ какъ безумный бросался на рѣшетку и продолжалъ лаять и шипѣть до тѣхъ поръ, пока не переставали играть. Онъ никогда не пускалъ въ дѣло когти для разрыванія своей добычи, и пользовался для этого исключительно зубами.

„Только 7 мая, послѣ того, какъ звѣрекъ прожилъ у меня 4¹/₂ мѣсяца, рѣшился я его погладить, да и то въ перчаткахъ. Онъ вцѣпился въ руку зубами, но я и не почувствовалъ укуса и не нашелъ на ней никакихъ знаковъ. Сначала онъ старался увернуться отъ моихъ ласкъ, но, въ концѣ концовъ, онъ очевидно ему понравились: онъ легъ на спину и закрылъ глаза. На слѣдующій день я повторилъ мой опытъ, такъ какъ твердо рѣшилъ приручить его, насколько было возможно. Скоро я снялъ перчатку и возился съ нимъ голой рукой, показывая однако ту же увѣренность, что и прежде. Онъ добровольно далъ гладить и ерошить себя, сколько я хотѣлъ, поднимать его ноги и т. п.; я могъ даже открывать ему ротъ, не вызывая его гнѣва. Но, какъ только я схватывалъ его за туловище, онъ тотчасъ же выскальзывалъ, какъ угорь, изъ моихъ рукъ. Чтобы его не испугать, къ нему нужно было приближаться тихо, а кромѣ того соблюдать главное правило при обращеніи со всякимъ дикимъ животнымъ: не выказывать ни малѣйшаго страха передъ нимъ и въ то-же время показать, что и ему не желаешь сдѣлать никакого вреда.

Шкурки горностая доставляютъ, хотя и не дорогой, но, благодаря своей красотѣ, очень любимый мѣхъ. Въ прежнее время его носили только владѣтельные особы, нынѣ же онъ сдѣлался общимъ достояніемъ.

Норка и ея ближайшіе родственники необыкновенно близки къ хорьку и отличаются отъ него исключительно тѣмъ, что имѣютъ нѣсколько болѣе плоскую голову, болѣе сильно развитой плотоядный зубъ, менѣе длинныя ноги, особенно на заднихъ ногахъ, яснѣе выраженные плавательныя перепонки между пальцами, сравнительно болѣе длинный хвостъ и блестящій мѣхъ, состоящій изъ густыхъ, плотно и гладко прилежащихъ короткихъ волосъ; онъ напоминаетъ собою мѣхъ выдры и окрашенъ какъ на верхней, такъ и на нижней сторонѣ тѣла, въ однообразный бурый цвѣтъ. Кромѣ нашей норки мы опишемъ также и норку американскую. Объ образѣ жизни обоихъ животныхъ имѣлось до послѣдняго времени очень мало свѣдѣній, да и теперь еще опубликованныя данныя оставляютъ желать очень многого, особенно въ отношеніи европейскаго вида. Важнымъ обогащеніемъ знаній о нашей обыкновенной норкѣ я обязанъ одному охотнику изъ окрестностей Любека, а объ американскомъ родственникѣ ея сообщаютъ Одюбонъ и принцъ фонъ-Видъ.

Европейская норка (*Putorius lutreola*) достигаетъ длины въ 50 сантиметровъ, изъ которыхъ около 14 с. приходится на хвостъ. Туловище ея вытянуто въ длину, тонко и покоится на короткихъ ногахъ; въ общемъ оно походитъ на туловище выдры, но голова норки еще уже, чѣмъ у этой ея родственницы. Лапы походятъ на лапы хорька, но всѣ пальцы соединены, какъ выше замѣчено, плавательными перепонками. Блестящій мѣхъ слагается изъ густыхъ, гладко прилежащихъ, короткихъ и довольно жидкихъ волосъ, представляющихъ остъ и окрашенныхъ въ бурый цвѣтъ; между ними и подъ ними засѣлъ сѣроватый, очень густой подшерстокъ. Окраска мѣха темнѣетъ вдоль хребта, на верх-

ней сторонѣ шеи и на задней части туловища; волосы, покрывающіе хвостъ, обыкновенно тоже темнѣ боковъ тѣла. На брюхѣ окраска переходитъ въ сѣро-бурую. На горлѣ расположено блѣдно-желтоватое или бѣловатое пятно, верхняя губа спереди, а нижняя на всемъ протяженіи окрашена въ бѣлый цвѣтъ.

Точно въ такой же цвѣтъ окрашена и американская норка (*Putorius vison*), мѣхъ которой цѣнится однако много выше, потому что онъ имѣетъ болѣе густой подшерстокъ и вообще мягче.

Въ главнѣйшихъ чертахъ своего образа жизни оба животныхъ, по всей вѣроятности, сходятся, а потому мнѣ кажется цѣлесообразнымъ предпослать краткому описанію нрава и привычекъ нашей норки самое важное изъ того, что сообщаютъ намъ вышеназванные писатели объ американскомъ ея родичѣ.

По Одюбону, американская норка представляетъ, вслѣдъ за горностаемъ, самаго дѣятельнаго и опустошительнаго хищника изъ тѣхъ, которые бродятъ



Норка (*Putorius lutreola*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

вокругъ крестьянскаго двора или пруда; присутствіе одного или пары этихъ животныхъ тотчасъ же обнаруживается внезапнымъ исчезновеніемъ нѣсколькихъ утятъ или цыплятъ. Единственнымъ средствомъ избавиться отъ этого грабителя является терпѣніе. Одюбонъ испыталъ это лично на одной норкѣ, которая водворилась около его дома въ сложенной изъ камня плотинѣ небольшого прудка. Самый прудъ былъ, собственно говоря, спущенъ ради удобства для домашнихъ утокъ, а потому представлялъ для норки крайне прибыльное мѣсто охоты. Она избрала свой притонъ столь же смѣло, какъ и хитро: въ непосредственной близости дома и еще ближе къ тому мѣсту, къ которому должны были подходить домашнія куры, чтобы напиться. Передъ норкой лежали двѣ глыбы гранита; онѣ служили для норки сторожкой, съ которой она могла осмотрѣть и дворъ дома, и прудокъ. Здѣсь она лежала цѣлыми днями на сторожѣ и отсюда таскала куръ и утокъ среди бѣла дня, пока нашъ изслѣдователь не положилъ предѣлъ ея грабительству, хотя, правда, послѣ довольно долгаго подкарауливанія. Одюбонъ находилъ норку особенно часто въ штатѣ Огіо и наблюдалъ тутъ, что она можетъ быть также и полезна истребленіемъ мышей и крысъ. Вмѣстѣ съ этой, для человека, конечно, выгодной охотой, норка занимается также и разнымъ браконьерствомъ, особенно же рыболовствомъ. По наблюденіямъ знаменитаго изслѣдова-

теля, норка плаваетъ и ныряетъ съ большой ловкостью и весьма успѣшно догоняетъ, подобно выдрѣ, самую быстроходную рыбу, даже лосося и форель. Въ нуждѣ норка довольствуется, конечно, и какой-нибудь лягушкой или саламандрой, но при случаѣ она бываетъ и большой лакомкой. Въ болотѣ она преслѣдуетъ водяную крысу, тростниковыхъ овсянокъ, различныхъ въюрокъ и дикихъ утокъ, на берегу озера — зайцевъ, у моря поѣдаетъ устрицъ, а со дна рѣкъ достаетъ ракушекъ; короче сказать, она всюду умѣетъ приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ и раздобыть для себя что-нибудь съѣстное. При испугѣ она распространяетъ, подобно хорьку, очень противный запахъ.

Отъ 5 до 6 дѣтенышей, которыхъ мечетъ самка, находятъ въ концѣ апрѣля въ норахъ подъ нависшимъ берегомъ, на небольшомъ островкѣ, въ болотцѣ, а можетъ быть, и въ дуплѣ дерева. Если взять молодую норку изъ гнѣзда рано, она становится необычайно ручною и въ полномъ смыслѣ слова дѣлается живою игрушкою. Ричардсонъ видѣлъ у одной женщины въ Канадѣ такую ручную норку, которую она носила днемъ въ карманѣ своего платья.

Американская норка легко попадаетъ во всякаго рода западни и ловушки, вслѣдствіе чего ее ловятъ не рѣже, чѣмъ стрѣляютъ; живучесть ея требуетъ однако хорошаго заряда.

Свѣдѣній объ европейской норкѣ много меньше. Еще Вильдунгенъ жалуется въ своемъ „*Neujahrs Geschenk für Forst- und Jagdliebhaber*“, появившемся въ 1799 г., что норка въ Германіи очень рѣдкое, кое кому изъ охотниковъ даже вовсе неизвѣстное животное, съ которымъ онъ уже давно желалъ познакомиться поближе и что удалось только позднѣе, благодаря неустаннымъ стараніямъ графа Меллина. Вильдунгенъ приводитъ нѣсколько наблюденій этого естествоиспытателя. „По своей походкѣ съ изогнутой дугою спиной, по своей ловкости и способности пролѣзать въ самыя узкія отверстія, — норка напоминаетъ куницу. Подобно хорьку, она находится въ непрерывномъ движеніи и изслѣдуетъ всѣ уголки и дырки. Она бѣгаетъ плохо, по деревьямъ не лазаютъ, но, подобно выдрѣ, прекрасно плаваетъ и можетъ оставаться подъ водою въ теченіе очень долгаго времени.

„Норка любитъ, чтобы вокругъ ея жилья была тишина и спокойствіе. Но сильно боясь человѣка и умѣя прекрасно ускользнуть отъ его преслѣдованій, она все же изрѣдка навѣщаетъ помѣщенія для домашней птицы и, разъ попавъ въ нихъ, умерщвляетъ, какъ куница и хорекъ, до послѣдней курицы, если ей не помѣшаютъ раньше. Она дѣлаетъ, однако, подобные набѣги только на одиноко стоящія хижины рыбаковъ и мнѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы она посѣщала многолюдныя деревни. Обыкновенную пищу ея составляетъ рыба, лягушки, раки, улитки, но, вѣроятно, жертвой ея становятся также молодые кулики и болотныя курочки. Заманчивая цѣна шкурки норки, мѣхъ которой хорошъ и лѣтомъ, сильно способствуетъ преслѣдованію звѣрка, становящагося все рѣже и рѣже; если бы на помощь ему не пришли теперешнія умѣренныя зимы, онъ былъ бы навѣрное скоро истребленъ въ Помераніи, гдѣ его наблюдалъ Меллинъ.

Въ этомъ сообщеніи, собственно говоря, заключается все, что намъ до сихъ поръ извѣстно о норкѣ. Опасеніе, что норка совершенно истреблена въ Германіи, сдѣлалось мало по малу общераспространеннымъ, но, къ счастью, мнѣніе это не подтвердилось. Она встрѣчается въ сѣверной Германіи повсемѣстно, хотя и попадаетъ всюду лишь по одиночкѣ. Настоящимъ отечествомъ норки является, однако, восточная Европа, Финляндія, Польша, Литва и Россія. Здѣсь она распространена отъ балтійскаго моря до Урала, отъ Сѣверной Двины до Чернаго моря и при томъ далеко не рѣдка. Она водится также въ Бессарабіи, Трансильваніи и Галиціи. Въ Моравіи норка принадлежитъ къ числу очень рѣдкихъ животныхъ, а въ Силезіи ее встрѣчаютъ тоже не часто. Было извѣстно, что она водится и въ Гольштиніи, но точныхъ данныхъ о нахожденіи ея здѣсь не было, а потому мнѣ было тѣмъ пріятнѣе получить отъ образованнаго въ естественно-историческомъ смыслѣ охотника, лѣсничаго Клаудіуса, слѣдующія свѣдѣнія о ней.

„Норка любитъ топкія, поросшія кустарникомъ окрестности озеръ, гдѣ она устраиваетъ, подобно хорьку, свое жилище на кочкѣ или возвышеніи среди корней ольхъ. Особенно любитъ она селиться въ непосредственной близости воды и снабжать нору нѣсколькими выходами, ведущими въ воду. Въ нашей мѣстности она никогда не дѣлаетъ ходовъ въ другомъ направленіи, а тѣмъ болѣе не выводитъ ихъ на сосѣднія кочки. Въ то время какъ хорекъ, потревоженный въ жилищѣ, никогда не идетъ въ воду и старается всегда найти спасеніе въ бѣгствѣ по сушѣ, гдѣ ему извѣстно достаточно укромныхъ уголковъ, норка при тѣхъ же условіяхъ постоянно бросается тотчасъ же въ воду отвѣсно и исчезаетъ здѣсь изъ виду. Убивать ее въ водѣ удастся рѣдко, потому что она долго остается подъ водой и появляется всегда вдали отъ мѣста, гдѣ бросилась. Отъ собаки она вполне безопасна въ водѣ, даже если водовмѣстилище не велико.“

Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ Клаудіусъ, а черезъ него и я, добились желанной цѣли и получили живую норку. Лишь въ началѣ 1868 года другъ мой сообщилъ мнѣ, что поймали самку норки и доставили ему, и что она прекрасно чувствуетъ себя, питаясь у него молокомъ и свѣжей рыбой; онъ надѣялся, что, благодаря спокойному характеру плѣнницы, поврежденія, нанесенныя ей при поимкѣ капканомъ, скоро излѣчатся. „Норка“, пишетъ мнѣ Клаудіусъ, „много добродушнѣе, чѣмъ ея сородичи, и ворчитъ только тогда, когда ее дразнятъ. Кромѣ того, она предпочитаетъ не обращать на меня никакого вниманія, позволяетъ гладить и ерошить свой мѣхъ палочкой, не сердясь на это. Весь день лежитъ она, свернувшись въ клубокъ, на подстилкѣ изъ сѣна, помѣщающейся въ одной сторонѣ клѣтки, на другой сторонѣ которой она испражняется и мочится. Ночью она гуляетъ по своему довольно обширному помѣщенію, откуда не разъ уже вырывалась. Но только первый разъ нашелъ я ее утромъ въ углу комнаты, впоследствии же, освобождаясь ночью изъ клѣтки, она къ утру всегда возвращалась въ нее и лежала на сѣнѣ; она какъ будто желала доставить себѣ ночными прогулками развлеченіе, а не освобожденіе изъ неволи.“

Послѣ того какъ норка вполне свыклась со своимъ плѣномъ и сдѣлалась столь ручна, что безпрекословно давала брать себя въ руки и принимала ласки своего воспитателя, Клаудіусъ послалъ мнѣ ее въ закрытомъ ящикѣ. Уже при вскрытіи послѣдняго я былъ вполне убѣжденъ, что имѣю дѣло съ норкою, такъ какъ не чувствовалъ ни малѣйшаго непріятнаго запаха, который не замедлилъ бы распространить хорекъ при подобныхъ же условіяхъ. Я вполне искренне могу сказать, что ни одно другое животное не радовало меня такъ, какъ эта рѣдкая европейская куница, которой я добивался въ теченіе многихъ лѣтъ и которая прекрасно переносила у меня неволю въ продолженіе долгаго времени. Она покидаетъ свою постель довольно поздно вечеромъ, во всякомъ случаѣ не раньше захода солнца, и бродитъ послѣ этого по всей клѣткѣ всю ночь. Она ведетъ такую жизнь изо дня въ день и вполне объясняетъ мнѣ, почему образъ жизни ея на волѣ извѣстенъ такъ мало. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ угнаться за норкой въ темнотѣ ночи въ ея родной трясинѣ или болотѣ? Насколько я могу судить по наблюденіямъ надъ моей плѣнницей, заключенной въ сравнительно небольшомъ помѣщеніи, движеніями своими норка напоминаетъ болѣе всего хорька. Она обладаетъ всею ловкостью куницы, но не умѣетъ лазать, какъ типичные представители ея семейства, а также не отличается ихъ подвижностью; можно сказать, что она ни шагу не дѣлаетъ напрасно. При всѣхъ движеніяхъ норки оживленная умными глазенками головка ея ни на минуту не остается въ покоѣ; эти зоркіе глазки безпрестанно осматриваютъ все помѣщеніе, а маленькія ушки наостряются, чтобы воспринять впечатлѣнія, ускользнувшія отъ зрѣнія. Если кинуть ей въ это время какое нибудь животное, она тотчасъ же бросается на него, схватываетъ съ той же ловкостью какъ и куница, набрасывается на жертву нѣсколько разъ и тащить ее въ логовище.

Самую любимую пищу ея составляютъ, повидимому, рыба и лягушки; Клаудіусъ, впрочемъ, полагаетъ, что она предпочитаетъ всякой другой пищѣ мясо млекопитающихъ и птицъ и ѣстъ рыбу только тогда, когда не можетъ его по-

лучить. Особенно страннымъ кажется мнѣ то, что моя норка скорѣе боится воды, чѣмъ скучаетъ по ней. Выдра всячески старается воспользоваться родной влагой, норка же и не думаетъ объ этомъ: вода служить ей, собственно говоря, только для питья, но не для купанья и не для забавы.

*

Россوماха, одна изъ самыхъ неуклюжихъ представительницъ семейства кунницъ, образуетъ особый родъ того же имени (*Gulo*), отличительные признаки котораго слѣдующіе: тѣло крѣпкаго и плотнаго сложенія, хвостъ коротокъ и очень пушистъ, шея толстая и короткая, спина выпуклая, голова большая, рыло вытянутое и срѣзано довольно тупо, ноги коротки и толсты, лапы, большія, пятипалыя, а пальцы вооружены острыми, изогнутыми и сжатыми съ боковъ когтями.

Россوماха (*Gulo borealis*) достигаетъ длины отъ 95 сантиметровъ до одного метра, изъ которыхъ на хвостъ приходится 12—15 с.; высота у загривка равна 40—45 с. На мордѣ волосы длинны и тонки, на ногахъ толсты и блестящи, на туловищѣ длинны и косматы, вокругъ же бедеръ и вдоль свѣтлыхъ полосъ на бокахъ тѣла жестки и очень длинны. Верхъ головы и шеи буро-чернаго цвѣта съ отдѣльными сѣрыми волосами; спина, низъ тѣла и ноги глубокаго чернаго цвѣта; между глазами и ушами помѣщается съ каждой стороны по свѣтло-сѣрому пятну, а отъ cadaго плеча по бокамъ тѣла идетъ свѣтло-сѣрая полоса. Подшерстокъ сѣрый, на брюхѣ окрашенъ въ болѣе бурый цвѣтъ.

Россوماха обитаетъ на сѣверѣ земнаго шара. Отъ южной Норвегіи и Финмаркена на западѣ она распространяется черезъ Европу по всей сѣверной Азіи и сѣверной Америкѣ до Гренландіи. Въ прежнее время южную границу ея распространенія въ Европѣ приходилось искать въ болѣе низкихъ широтахъ, чѣмъ теперь, а въ эпоху сѣвернаго оленя она доходила до Альпъ. Бѣхштейнъ рассказывалъ объ одной россумахѣ, убитой близъ Фрауенштейна въ Саксоніи, а Циммерманъ о другой, найденной близъ Гемштедта въ Брауншвейгѣ. Оба эти животныя должны считаться случайно забѣжавшими, потому что никоимъ образомъ нельзя предположить, чтобы распространеніе россумахи шло такъ далеко на югъ въ это время. Теперь она водится въ Норвегіи, Швеціи, Лапландіи, сѣверной Россіи, гдѣ особенно часта въ области отъ Бѣлаго моря до Перми, во всей Сибири до Камчатки включительно и въ сѣверной Америкѣ.

Старинные естествоиспытатели рассказывали про россумаху самыя сказочныя вещи и имъ нужно приписать то, что это животное почти на всѣхъ западно-европейскихъ языкахъ носитъ однозначущее имя. Напрасно, однако, старались произвести нѣмецкое слово *Vielfrass* отъ шведскаго и датскаго. Одни утверждаютъ, что названіе это сложилось изъ *Fjäl* и *Fräss* и означаетъ *Felsenkatze* (горная кошка), Ленцъ же полагаетъ, что нѣмецкое названіе россумахи происходитъ не отъ шведскаго, а также отказываетъ ему въ происхожденіи съ финскаго языка. У финляндцевъ животное называется *Kamri*, но этимъ именемъ зовутъ также и барсука, у русскихъ — россوماха или россумака, а у скандинавцевъ — *Jerf*; камчадаламъ оно извѣстно подъ именемъ димугъ, а американцамъ — *Wolverene*. Весьма вѣроятно, что, послѣ первыхъ рассказовъ объ этомъ животномъ, названіе его было переведено на нѣмецкій и уже отсюда перешло на всѣ остальные языки. Читая и вѣря стариннымъ сказкамъ, приходится, конечно, согласиться съ давно сложившимся дѣтскимъ двустишіемъ:

„Vielfrass nennt man dieses Tier,
Wegen seiner Fressbegier!“¹

Миховъ говоритъ слѣдующее: „Въ Литвѣ и въ Московіи водится животное, которое крайне прожорливо и называется россумахой. Ростомъ она съ собаку,

¹ Животное это называется обжорой за его жадность.

глаза у нея похожи на кошачьи, когти очень сильны, туловище ея покрыто длинными бурыми волосами, а хвостъ похожъ на лисій, но короче. Найдя падаль, она жретъ ее до тѣхъ поръ, пока брюхо ея не раздуется какъ барабанъ; тогда она протискивается между двухъ близко стоящихъ деревьевъ, чтобы освободиться отъ испражнений, а затѣмъ снова возвращается къ мертвечинѣ, опять ѣстъ, еще разъ выдавливая себя и такъ до тѣхъ поръ, пока не слопаютъ всю падаль. "Уже Стеллеръ опровергалъ излюбленную сказку о росомахѣ, а Палласъ даетъ правильное описаніе образа жизни этого все же страннаго существа



Росомаха (*Gulo borealis*) $\frac{1}{2}$ естеств. волич.

Росомаха живетъ въ гористыхъ странахъ сѣвера и предпочитаетъ, наприкладъ, оголенные вершины скандинавскихъ альпъ обширнымъ лѣсамъ болѣе низкихъ поясовъ горъ, хотя она родится и въ послѣднихъ. Мѣстопробываніемъ ей служить самая страшная глушь. Она не живетъ въ какомъ нибудь разѣ избранномъ логовищѣ, а мѣняетъ его, смотря по надобности, прячась въ любомъ укромномъ мѣстѣ, гдѣ застаютъ ее ночь: въ чаще лѣса, въ ущельяхъ между скалъ, въ покинутой лисей норѣ или въ какой нибудь другой естественной пещерѣ. Будучи, какъ и всѣ представители семейства куницъ, животнымъ скорѣе ночнымъ, чѣмъ дневнымъ, она все же бродитъ по своей родинѣ, мало посѣщаемой человѣкомъ, когда ей вздумается, не избѣгая и яркаго солнечнаго свѣта. Да ей его не ми-

новать, такъ какъ извѣстно, что въ сѣверныхъ частяхъ области ея распространенія солнце остается надъ горизонтомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Широкія лапы ея даютъ ей возможность съ легкостью передвигаться по снѣгу зимою, которую она проводитъ подобно куницѣ, безъ долгой спячки; не разборчивость въ пищѣ позволяетъ ей, съ другой стороны, вести довольную, беззаботную жизнь и не чувствовать большой нужды. Движенія россوماхи крайне своеобразны и особенно походка отличается отъ походки всѣхъ остальныхъ животныхъ, съ которыми я знакомъ. Россوماха катится большими прыжками, какъ-то странно прихрамывая и почти кувыркаясь. Тѣмъ не менѣе она двигается впередъ настолько скоро, что легко догоняетъ мелкихъ млекопитающихъ, а при долгомъ преслѣдованіи поспѣваетъ и за болѣе крупными. Несмотря на свою неловкость, она умѣетъ взбираться на невысокія деревья. Плотно прижавшись къ стволу, лежитъ она на сукѣ, выжидая, не пройдетъ ли подъ ней какая либо добыча. Изъ высшихъ чувствъ сильнѣе всего развито у россوماхи обоняніе, но зрѣніе и слухъ тоже достаточно остры.

Главную пищу россوماхи составляютъ представители семейства мышей, водящіяся на сѣверѣ, и особенно лемминги, которыхъ она истребляетъ въ неимоверномъ количествѣ. При массовомъ появленіи пеструшекъ въ нѣкоторые годы ей врядъ ли приходится заботиться о другой пищѣ. Она слѣдуетъ за волкомъ и лисицей во время ихъ охотничьихъ походовъ, въ надеждѣ воспользоваться остатками ихъ добычи; въ крайности же она сама охотится за крупными животными. Несомнѣнно, напримѣръ, что она нападаетъ на оленей и даже лосей и управляетъ съ ними. Тунбергъ сообщаетъ, что она умерщвляетъ коровъ, разрывая имъ горло. Левенгъелмъ рассказываетъ въ своемъ путешествіи по Нордландіи, что она наноситъ тамъ вредъ стадамъ овецъ, а Эрманъ узналъ отъ остяковъ, что она бросается лосю на зашеекъ и умерщвляетъ его укусами. Мой помощникъ по охотѣ, Эрикъ Свенсонъ, рассказывалъ мнѣ, что россوماха подкрадывается въ Скандинавіи по глубокому снѣгу и изъ подъ вѣтра къ зарывшимся бѣлымъ куропаткамъ и легко справляется съ ними въ ихъ убѣжищахъ. Охотники въ высшей степени ненавидятъ россوماху. Спутникъ мой рассказывалъ мнѣ, что каждый застрѣленный имъ, но не спрятанный тщательно подъ камень, — олень съѣдался россوماхой. Очень часто срываетъ она приманку изъ ловушки или пожираетъ пойманное въ нее животное. Точъ въ точъ также ведетъ себя россوماха въ Сибири и въ Сѣверной Америкѣ. Въ хижинахъ лопарей она нерѣдко производитъ значительныя опустошенія. Она прокладываетъ себѣ при помощи когтей дорогу чрезъ двери или крыши, крадетъ мясо, сыръ, вяленую рыбу и т. п., но рветъ также шкуры, даже съѣдая ихъ частью, если чувствуетъ большой голодъ. Зимою россوماха бродитъ днемъ и ночью, а если устанетъ, то просто вырываетъ яму въ снѣгу, даетъ себя занести имъ и уютно спитъ, такимъ образомъ, въ этомъ тепломъ углу.

Мелкую добычу россوماха съѣдаетъ на мѣстѣ поимки цѣликомъ, а болѣе крупную зарываетъ весьма тщательно и обѣдаетъ ею затѣмъ вторично.

За хищническія и грабительскія наклонности россوماху не особенно то любятъ всѣ сѣверныя племена, которыя преслѣдуютъ и убиваютъ ее повсюду; за ней охотятся, несмотря на то, что мѣхъ ея идетъ въ дѣло далеко не вездѣ. Въ большой цѣнѣ находится онъ, однако, у камчадаловъ, полагающихъ, что болѣе красиваго мѣха вообще не существуетъ.

Не взирая на ея небольшую величину россوماхи, къ ней, какъ къ противнику, никоимъ образомъ нельзя относиться съ презрѣніемъ: сила ея несоразмѣрна съ ростомъ, она необыкновенно свирѣпа и способна защищаться до крайности. Впрочемъ, на человѣка она кидается только тогда, когда ей отрѣзанъ путь къ отступленію. Завидя охотника, она обыкновенно старается спастись бѣгствомъ, при преслѣдованіи же забирается на дерево, на самую вершину скалы и въ тому подобныя мѣста, куда противникъ ея послѣдовать не можетъ. На открытомъ мѣстѣ ее очень скоро нагоняютъ быстрые собаки, по противъ нихъ россوماха защищается съ большою храбростью и ловкостью.

Смолоду пойманная росомаха крайне веселое животное, напоминающее въ этомъ отношеніи медвѣжонка. Привязанная къ столбу, она бѣгаетъ полукругомъ, трясетъ головой и издаетъ при этомъ хрюкающіе звуки. Передъ наступленіемъ плохой погоды росомаха впадаетъ въ дурное расположеніе духа и становится угрюма. Несмотря на свои медлительныя движенія, она находится въ постоянной дѣятельности и спокойно лежитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ только тогда, когда спитъ. Она съ легкостью взбирается на поставленное ей въ клѣтку дерево и, повидимому, особенно любитъ забавляться всевозможными гимнастическими упражненіями на его сучкахъ.

Характерныя черты нрава росомахи проявляются однако только въ обществѣ ей подобныхъ. Въ Берлинскомъ зоологическомъ саду жили одновременно три экземпляра этого рѣдкаго въ подобныхъ учрежденіяхъ животнаго; одно изъ нихъ было старое, а остальные два — молодые. Трудно себѣ представить болѣе веселыя и довольныя созданія, чѣмъ были эти молодые росомахи. Застать ихъ въ покоѣ можно было лишь крайне рѣдко, большую же часть дня онѣ проводили въ играхъ; послѣднія начинались обыкновенно довольно мирно, но вслѣдъ затѣмъ принимали весьма серьезный оборотъ, и часто переходили въ настоящій поединокъ, въ которомъ повѣсы пускали попеременно въ ходъ то зубы, то лапы. Окончивъ подобную игру, онѣ пускались другъ за другомъ въ погоню, носились по своей клѣткѣ какъ угорѣлыя, обнюхивали всѣ уголки ея, опрокидывали сосуды для ѣды и питья, выводили изъ терпѣнія почтенныхъ бабъ, слѣдившихъ за чистотой ихъ клѣтки, тѣмъ, что неудержимо интересовались вещами, которыхъ имъ безусловно не слѣдовало касаться, опять злились другъ на друга и начинали свою игру сызнова. Всѣмъ этимъ онѣ по цѣлымъ часамъ приковывали къ себѣ вниманіе наблюдателя. Совершенно иначе относились онѣ къ своему сторожу, приносившему имъ пищу, встрѣчая его съ такимъ необузданнымъ нетерпѣніемъ, какое только можетъ проявиться у голоднаго животнаго. Мнѣ вдругъ сталъ понятенъ эпитетъ „обжора“, какъ только я впервые увидалъ ихъ кормленіе. Какъ бѣшеныя и сумасшедшія носились онѣ при его появленіи, по клѣткѣ съ визгомъ, ревомъ, воркотней, чавканьемъ, хлопаньемъ зубами и, жадно смотря на мясо, раздавали другъ другу пощечины. Будто съ отчаянія катались онѣ по клѣткѣ, если сторожъ не кидалъ имъ пищу моментально, и накидывались на нее съ какимъ то остервенѣніемъ, лишь только получали ее. Съ громкимъ чмоканьемъ и чавканьемъ принимались онѣ теперь жевать мясо, жадно глотали его и отъ алчности такъ давились имъ, что нельзя было не видѣть доли правды въ старыхъ розказняхъ о живущихъ въ неволѣ росомахахъ и не оправдать до извѣстной степени творцовъ этихъ повѣтствованій.

*

Гурунами или гризонами (*Galictis*) называются живущіе въ Бразиліи представители этого семейства, имѣющіе тонкое тѣло и въ общемъ напоминающіе по наружному виду нашихъ куницъ. Они характеризуются довольно большой, въ задней своей части расширенной головой, съ мало вытянутой впередъ и изогнутой мордой, съ короткими, округлыми ушами и со сравнительно большими глазами, короткими ногами, умѣренно большими лапами съ пятью пальцами, соединенными перепонками и вооруженными острыми, сильно изогнутыми когтями, и съ голыми вздутыми подошвами, умѣренно или довольно длиннымъ хвостомъ, короткимъ волосянымъ покровомъ и, наконецъ, зубной системой, значительно отличающей ихъ отъ другихъ куницъ. Близъ задняго прохода расположены железы, выделяющія жидкость сильнаго мускуснаго запаха. До сихъ поръ извѣстно два вида, водящихся въ лѣсахъ и кустарныхъ заросляхъ. Гуруны очень ловки во всѣхъ своихъ движеніяхъ, лазаютъ очень хорошо, а потому успѣшно охотятся за млекопитающими мелкой и средней величины и не прочь полакомиться, подобно ратели и медвѣдю, медомъ. Одинъ изъ видовъ носитъ названіе таира или ги-
rapre (*Galictis barbara*), а другой гризонъ (*Galictis vittata*).

Въ честь нашего барсука, мы называемъ второе подсемейство куницъ, состоящее изъ стопоходящихъ животныхъ, барсуками (*Melinae*), включая въ него самыхъ неуклюжихъ и приземистыхъ хищниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ отчаянныхъ вонючекъ всего семейства.

Барсукъ является прообразомъ эгоистическаго, недовѣрчиваго, угрюмаго, какъ будто самимъ собой недовольнаго созданія. Въ этомъ согласны всѣ наблюдавшіе его, хотя никто не отрицаетъ пользы, приносимой этимъ своеобразнымъ животнымъ. Барсукъ самый безвредный изъ всѣхъ крупныхъ европейскихъ хищниковъ, но тѣмъ не менѣе истребляется и избивается наравнѣ съ волкомъ или лисицею; онъ не находитъ себѣ защитниковъ даже между охотниками, которые болѣе всего любятъ, какъ извѣстно, тѣхъ животныхъ, которыхъ ретивѣе всего преслѣдуютъ. Его всячески поносятъ и осуждаютъ, не желая принять въ расчетъ то обстоятельство, что по своему онъ живетъ все же честно и правдиво, никому не дѣлая зла. Его судятъ и пересушиваютъ исключительно за тотъ своеобразный образъ жизни, который онъ ведетъ. Правда, это угрюмый отшельникъ, избѣгающій столкновенія съ людьми и животными, и притомъ такой лѣнтая и сибарить, что найти ему подобнаго не легко; и конечно, именно эти то его качества и не предрасполагаютъ къ дружбѣ съ нимъ. Я, съ своей стороны, спѣшу однако оговориться, что не питаю къ нему вражды: меня забавляетъ его житье-бытье.

Родъ, представителемъ котораго является барсукъ (*Meles*), отличается плотнымъ и сильнымъ туловищемъ, толстой шеей, длинной головой съ хоботообразно приостренной мордой, съ небольшими глазами и съ короткими, но замѣтными ушами, голыми подошвами ногъ, изъ которыхъ переднія вооружены длинными и сильными когтями, короткимъ, но волосатымъ хвостомъ и густымъ, грубымъ мѣхомъ, а также поперечнымъ отверстіемъ мѣшка, въ которомъ расположены близъ задняго прохода железы. Зубная система характеризуется сильнымъ развитіемъ плотояднаго зуба верхней челюсти и притупленіемъ клыковъ.

Тѣло барсука (*Meles taxus*) достигаетъ 75 сантиметровъ длины и имѣетъ хвостъ до 18 см.; высота у загривка равняется приблизительно 30 см. Старые самцы вѣсятъ осенью до 20 килограммовъ. Все тѣло покрыто довольно длинными, жесткими, почти щетинистыми, блестящими волосами, одѣвающими также и уши. Окраска мѣха на спинѣ представляетъ смѣсь сѣро-бѣлаго и чернаго цвѣтовъ, потому что каждый отдѣльный волосъ у основанія обыкновенно желтоватый, на серединѣ черный, а на самомъ кончикѣ сѣро-бѣлый; бока тѣла и хвостъ рыжеватые, а низъ тѣла и ноги — черно-бурые. Голова бѣлая, но украшена съ каждой стороны тусклой черной полосой, начинающейся почти отъ носа, далѣе расширяющейся, охватывающей глаза и бѣлыя уши и теряющейся на затылкѣ. Самка отличается отъ самца меньшимъ ростомъ и болѣе свѣтлой окраской, обусловленной просвѣчиваніемъ бѣловатаго подшерстка. Бѣлые выродки барсука очень рѣдки, а еще рѣже такіе, которые покрыты по бѣлому фону темными каштаново-бурыми пятнами.

Барсукъ распространенъ за исключеніемъ Сардиніи и крайняго сѣвера Скандинавскаго полуострова по всей Европѣ, въ Азій отъ Сиріи, Кавказа и Персіи до Японіи и по всей Сибири до Лены на востокъ. Онъ живетъ уединенно въ норѣ, которую роетъ самъ своими сильными, кривыми когтями на солнечной сторонѣ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ, снабжаетъ ее 4—8 выходами и отдушинами и устраивается въ ней самымъ удобнымъ и уютнымъ образомъ. Главное помѣщеніе въ норѣ есть котловина, къ которой ведутъ нѣсколько ходовъ; она настолько обширна, что въ ней помѣщается высокая мягкая подстилка и само животное съ дѣтенышами. Въ качествѣ лазовъ служатъ однако лишь немногіе ходы, большинство же дѣлается лишь на случай опасности и для вентиляціи жилья. Повсюду господствуетъ большая чистота и опрятность, чѣмъ барсучья нора отличается отъ подобныхъ же туземныхъ построекъ почти всѣхъ остальныхъ млекопитающихъ. Самымъ любимымъ мѣстомъ для жилья служатъ барсуку перелѣски и опушки лѣсовъ, расположенные близъ полей и луговъ, а иногда даже просто овраги среди

послѣднихъ. Но гдѣ бы ни избралъ этотъ отшельникъ мѣсто для своего жительства, оно обязательно должно быть спокойно и уединенно: онъ любитъ полную тишину, любитъ вести жизнь созерцательную, безмятежную и уютную, ревниво охраняя прежде всего свою независимость въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Вырывать свою обширную нору легко позволяетъ барсуку его сила и подобно другимъ животнымъ, ведущимъ подземный образъ жизни, онъ въ состояніи совершенно зарыться въ нѣсколько минутъ.



Барсукъ (*Meles taxus*). $\frac{1}{7}$ естеств. велич.

Барсукъ проводитъ въ своемъ жильѣ большую часть жизни, покидая его на большое разстояніе лишь съ наступленіемъ глухой ночи. Въ уединенныхъ, покойныхъ лѣсахъ онъ выходитъ во вторую часть лѣта прогуляться уже подъ вечеръ, а близъ Штуббенкамера, на островѣ Роогенѣ я наблюдалъ его даже при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Но подобныя дневныя вылазки его составляютъ рѣдкое исключеніе. „Отъ одного охотника, на долю котораго выпало счастье наблюдать барсука въ теченіе продолжительнаго времени, мы получили“, пишетъ Чуди, „слѣдующій интересный рассказъ. Охотникъ этотъ часто посѣщалъ барсучью нору, которая была построена на краю обрыва и, такимъ образомъ, была вполнѣ доступна наблюденію съ противоположной стороны пропасти. Путь къ норѣ былъ сильно нахоженъ, а свѣже-вырытая земля передъ главнымъ входомъ была такъ притоптана и гладка, какъ гумно; это не давало возможности судить, были ли въ норѣ и дѣтеныши. Выждавъ благопріятнаго вѣтра, охотникъ подкрался къ норѣ

съ противоположной стороны обрыва и скоро замѣтилъ угрюмо сидѣвшаго, какъ бы скучавшаго отъ нечего дѣлать, стараго барсука, который, тѣмъ не менѣе, казалось, чувствовалъ себя весьма пріятно подъ теплыми лучами солнца. Это не было случайностью, потому что охотникъ находилъ его на припекѣ, сколько разъ ни посѣщалъ нору днемъ: барсукъ всегда короталъ свое время въ благодушномъ бездѣйствіи. Вотъ онъ сидитъ и серьезно осматривается кругомъ, внимательно приглядывается къ отдѣльнымъ предметамъ и, наконецъ, принимается раскачиваться, подобно медвѣдю, взадъ и впередъ на переднихъ ногахъ. Такое добродушное настроеніе вдругъ прерывается однако какими то паразитами, которыхъ барсукъ тотчасъ же съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ принимается привлекать къ отвѣтственности при помощи когтей и зубовъ. Оставшись вполне довольнымъ произведенной экзекуціей, придя пожалуй въ еще лучшее расположеніе духа, онъ принимаетъ самое удобное положеніе и вновь предается нѣгѣ на солнцѣ, подставляя его лучамъ то свою широкую спину, то упитанное брюшко. Но наступаетъ и конецъ такому времяпрепровожденію; онъ что-то почуялъ, поводитъ носомъ по всѣмъ направленіямъ, но открыть ему ничего не удастся. Однако на этомъ онъ не успокаивается и все-же считаетъ нужнымъ убраться во свояси по добру — по здорову.“

Во время спариванія барсукъ живетъ вмѣстѣ со своею самкою, но и то только отчасти, въ остальную же часть года проводитъ жизнь въ своей норѣ въ одиночествѣ, не поддерживая сношеній ни съ самкой, ни съ другими животными. Въ старыхъ, обширныхъ постройкахъ въ сообщники ему навязывается лисица, но и тогда животныя эти не обращаютъ другъ на друга никакого вниманія. Лиса поселяется въ этихъ случаяхъ всегда въ верхнихъ котловинахъ и ходахъ, барсукъ же—въ нижнихъ. Разказы о томъ, что лиса выживаетъ барсука изъ его норы своими вонючими испражненіями, относятся къ охотничьимъ выдумкамъ, не подтвердившимся новѣйшими наблюденіями.

Движенія барсука медлительны и лѣнны; походка тяжеловѣсная, онъ какъ будто волочить ноги и еле двигается впередъ, даже напрягая всѣ силы: говорятъ, что его можетъ догнать даже хорошій ходокъ. Вообще животное производитъ крайне своеобразное впечатлѣніе. Съ перваго взгляда кажется, что видишь передъ собою скорѣе свинью, чѣмъ хищное животное; я полагаю даже, что отличить его можетъ только тотъ, кто имѣетъ уже нѣкоторый навыкъ и освоился съ его внѣшнимъ видомъ и повадками. Свинью онъ напоминаетъ также и своимъ хрюкающимъ голосомъ.

Пищу барсука весною и лѣтомъ составляютъ, главнымъ образомъ, коренья, суставчатыя животныя различныхъ классовъ и отрядовъ, моллюски и дождевые черви, а при случаѣ — различныя млекопитающія, напр. молодые зайцы, птичьи яйца и птенцы. Дождевыхъ червей онъ достаетъ изъ подъ земли весьма искусно длинными, острыми когтями переднихъ лапъ и тѣмъ же орудіемъ пользуется онъ для добыванія личинокъ майскихъ жуковъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, живущихъ подъ землей на поляхъ, лугахъ и покосахъ. Время отъ времени вырываетъ онъ шмелиное или осиное гнѣздо и съ большимъ удовольствіемъ сѣдаетъ сладкіе и обильные личинками соты, вовсе не обращая вниманія на уколы ихъ разъяренныхъ владѣльцевъ. Грубая шерсть барсука, толстая его шкура и находящійся подъ ней слой жира защищаютъ его и отъ всѣхъ другихъ жалящихъ насѣкомыхъ; улитокъ, гусеницъ, а, можетъ, быть и бабочекъ онъ собираетъ со стволовъ деревь.

Осенью барсукъ поѣдаетъ всевозможные осыпавшіеся съ деревьевъ плоды, брюкву, морковь и т. п., но не ѣстъ желудей и буковыхъ орѣшковъ; онъ не пренебрегаетъ также мелкими млекопитающими, какъ то мышами, летучими мышами, кротами и др. и не прочь слопать ящерицу, лягушку и змѣю. Виноградникамъ онъ наноситъ иногда чувствительный вредъ, безъ всякаго труда пригибая ночью къ землѣ отягощенную гроздями лозу, и буквально откармливаетъ себя ихъ сладкими плодами. Весьма рѣдко таскаетъ онъ утятъ и цыплятъ съ крестьянскихъ дворовъ, расположенныхъ у самаго лѣса: онъ боязливъ и недовѣрчивъ до

чрезвычайности, а потому посѣщаетъ такія мѣста только будучи вполне увѣреннымъ, что въ этомъ нѣтъ никакой опасности. Нерѣдко барсукъ пожираетъ также и падаль. Въ общемъ онъ ѣстъ не много и не дѣлаетъ большихъ запасовъ на зиму. Въ Европѣ барсукъ не наноситъ замѣтнаго вреда и, во всякомъ случаѣ, нигдѣ не причиняетъ его настолько, чтобы вредъ превосходилъ пользу отъ истребленія имъ всевозможныхъ вредныхъ тварей въ лѣсу и на поляхъ. Барсукъ — самое полезное животное изъ всѣхъ куницъ; онъ приноситъ лѣсу прямую пользу, а не вредъ, а потому лѣсничій, преслѣдующій его, наноситъ ущербъ себѣ самому и грѣшитъ противъ вѣреннаго ему лѣса.

Къ концу поздней осени барсукъ уже успѣваетъ достаточно ожирѣть и начинаетъ думать о томъ, какъ бы провести зиму по возможности пріятно и уютно. Онъ начинаетъ теперь дѣлать самые важные запасы и приготовленія къ зимней спячкѣ. Наносивши въ свою нору листвы и мха, онъ приготовляетъ себѣ рыхлую, теплую постель. До наступленія сильныхъ холодовъ барсукъ питается запасенной пищей, а затѣмъ свертывается клубкомъ, ложится на брюхо, просовываетъ голову между передними ногами и впадаетъ въ спячку. Но зимняя спячка его весьма часто прерывается, какъ у медвѣдя. Если холода стоятъ непостоянные, при наступленіи болѣе теплой погоды, особенно же въ ночи съ оттепелями, барсукъ просыпается и порою даже выходитъ изъ своего жилья, чтобы напиться. Въ сравнительно теплыя зимы онъ покидаетъ на время свою нору уже въ январѣ или, самое позднее, въ февралѣ; онъ роетъ въ эту пору коренья, а если счастье повезетъ ему, то лакомится и какой нибудь мышкой. Постъ, однако, отзывается на барсукѣ дурно: отрошивши себѣ брюшко осенью, онъ выходитъ весною на свѣтъ Божій сухимъ, какъ спичка.

Въ концѣ февраля или въ началѣ марта самка барсука мечетъ отъ 3 до 5 слѣпыхъ дѣтенышей на тщательно изготовленную подстилку изъ мха, листьевъ, папоротниковъ и высокихъ травъ. Само собою разумѣется, что въ это время она занимаетъ уже свою собственную отдѣльную нору, потому что и барсукъ — самка такой же убѣжденный отшельникъ, какъ и ея самецъ. Дѣтенышей своихъ она любитъ очень горячо; переставъ ихъ кормить молокомъ, она носитъ имъ въ гнѣздо въ теченіе долгаго времени червей, коренья, мелкихъ звѣрковъ и продолжаетъ дѣлать это до тѣхъ поръ, пока они не станутъ сами добывать себѣ пропитаніе.

Приблизительно недѣли черезъ 3—4 послѣ рожденія, маленькія премилыя созданія рѣшаются уже подходить въ сопровожденіи своей матери къ выходу изъ норы, а иногда грѣются съ нею на солнцѣ передъ входомъ въ нее. Они играютъ тогда между собою какъ дѣти, чѣмъ приводятъ въ восхищеніе счастливаго наблюдателя, которому крайне рѣдко приходится видѣть такое привлекательное зрѣлище. Дѣтеныши остаются при матери до осени, а затѣмъ отдѣляются и начинаютъ вести самостоятельную жизнь. Барсучата достигаютъ полнаго роста на второмъ году жизни, продолжительность которой въ среднемъ равняется 10 или 12 годамъ.

Барсука ловятъ въ различныя ловушки, вырываютъ изъ норы, сверлятъ, къ стыду сказать, инструментомъ, напоминающимъ пробочникъ въ большомъ размѣрѣ, выгоняютъ изъ норы при посредствѣ специальныхъ собакъ, такъ, и, наконецъ, стрѣляютъ его при появленіи изъ норы. Барсукъ можетъ грозить ему опасности избѣгнуть только въ томъ случаѣ, если спрячется въ норѣ такъ, что и собакамъ не удастся его найти; иначе не поможетъ ему, при страшной неуклюжести, и бѣгство. Вслѣдствіе этого онъ ищетъ спасенія въ томъ, что быстро зарывается въ норѣ еще глубже, соблюдая полнѣйшую тишину. Этимъ способомъ ему, дѣйствительно, довольно часто удается избѣгнуть разыскивающихъ его собакъ.

Раннимъ утромъ можно убивать возвращающагося во свояси барсука и на стоянкѣ, но вечеромъ подстерегать его выходъ изъ норы крайне скучно. Недовѣрчивый малый этотъ выбирается изъ своего жилья очень поздно и старается проскользнуть, какъ можно незамѣтно.

Старые барсуки, взятые въ плѣнъ путемъ выкапыванія, препротивныя животныя, которыхъ никакъ нельзя приручить. Они лѣнны, недовѣрчивы, тупы и

злы; днемъ лежать совершенно неподвижно и начинаютъ двигаться лишь ночью; они скалятъ зубы при каждомъ удобномъ случаѣ и опасно кусаютъ каждого, кто приближается къ нимъ неосторожно.

Совершенно другимъ поведеніемъ отличаются пойманные смолоду и тщательно воспитанные барсучата. Если кормить ихъ исключительно или главнымъ образомъ растительною пищею, то они становятся совершенно ручными, привязываются къ своему хозяину и могутъ быть доведены до того, что, бѣгая на свободѣ, станутъ слѣдовать за нимъ и явятся на его зовъ въ клѣтку.

О такомъ прирученномъ барсукѣ Людвигъ Бекманъ пишетъ мнѣ слѣдующее. „Прежде у меня была самка барсука, которая превратилась въ настоящее домашнее животное и о потери которой я долго сожалѣлъ. Каспаръ (такъ звали барсучиху, несмотря на ея полъ) была честнѣйшимъ и порядочнѣйшимъ, но нѣсколько неуклюжимъ и неловкимъ существомъ. Она желала жить въ мирѣ со всѣми, но ея грубоватыя шутки часто вели къ недоразумѣніямъ, за которыя она и платилась. Главнымъ ея товарищемъ была, собственно говоря, крайне ловкая, умная лягавая собака, которую я уже съ дѣтства приучилъ жить въ дружбѣ со всякими дикими звѣрями. Съ этой собакой барсукъ устраивалъ въ прекрасные лѣтніе вечера настоящіе турниры, а потому ко мнѣ стекались отовсюду различные друзья животныхъ, чтобы полюбоваться на рѣдкое зрѣлище. Сущность состязанія заключалась въ слѣдующемъ. Тряхнувъ нѣсколько разъ головою, какъ кабанъ, барсукъ прямо-прямехонько неся на стоявшую шагахъ въ 15 собаку и, пробѣгая мимо нея, ударялъ головою противника. Собака ловкимъ, граціознымъ прыжкомъ перепрыгивала черезъ барсука, давала ему сдѣлать второе и третье нападеніе, а затѣмъ пускалась отъ него на утекъ въ садъ. Если барсуку удавалось при этомъ схватить пса за заднія ноги, то тотчасъ же происходила возня, которая однако никогда не переходила въ серьезную драку. Если же Каспару приходилось плохо, то онъ отбѣгалъ безъ оглядки на нѣсколько шаговъ назадъ, подымался, фыркая и дрожа, высоко на лапы, ерошилъ волосы и, подобно надувшемуся индюку, наступалъ съ разныхъ сторонъ на собаку. Черезъ нѣсколько минутъ волосы и туловище барсука мало по малу опускались и послѣ нѣсколькихъ потряхиваній головою и успокоительныхъ хрюкающихъ звуковъ, ху, гу, гу, гу, снова начиналась та же игра.

„Вслѣдствіе чрезвычайной чистоплотности его, барсуку было дозволено свободно бѣгать по всему дому. Особенное удовольствіе доставляло ему, повидимому, подыматься и спускаться по лѣстницѣ; нерѣдко онъ тихо бѣгалъ также по амбару въ полномъ одиночествѣ, съ любопытствомъ засовывая свою голову во всѣ уголки и щели. Особенною милостью считалъ онъ разрѣшеніе остаться у меня во время обѣда. Тогда онъ просто отбѣснялъ собаку въ сторону, поднимался на заднія ноги, клалъ переднія лапы и пеструю, гладкую голову на мои колѣни и принимался выпрашивать своимъ обыкновеннымъ, ху, гу, гу, гу, кусочекъ мяса, которое тотчасъ же и снималъ весьма ловко и деликатно съ поднесенной вилки. Зимой онъ любилъ растягиваться на спинѣ передъ печкой, обращая къ теплу свое брюшко, покрытое рѣдкими волосами.

„Лѣтомъ Каспаръ охотно сопровождала меня въ густой лѣсочекъ, гдѣ чувствовала себя какъ дома и на каждомъ шагу дѣлала новыя открытія. Она то ловила шмеля, или вытаскивала дождеваго червяка изъ земли, то подбирала осыпавшіяся ягоды, то обрабатывала бураго слизня своими когтями. На возвратномъ пути она лѣниво и угрюмо слѣдовала за мною, но скоро уже начинала трепать меня за брюки. Грубый ударъ ступнею еще болѣе подбадривалъ ее продолжать свои неуклюжія выходки, зато самый слабый ударъ рукой или хлыстомъ приводилъ ее въ дурное расположеніе духа.

*

Другой родъ подсемейства составляютъ медоѣды (*Mellivora*). Это животные съ широкой спиной, короткой мордой и такимъ же хвостомъ; туловище у нихъ еще неуклюжѣе, чѣмъ у нашего барсука и его ближайшихъ родичей; оно

кажется приплюснутымъ сверху внизъ; спина широкая и плоская; морда не очень длинная; уши малы и едва выдаются изъ волосянаго покрова головы; глаза небольшие и лежатъ глубоко въ орбитахъ; ноги коротки и сильны, съ голыми подошвами лапъ; пальцы переднихъ лапъ вооружены длинными когтями, служащими для рытья.

Медоѣдъ или ратель (*Mellivora capensis*) достигаетъ во взросломъ состояніи длины въ 70 сантиметровъ слишкомъ, изъ которыхъ около 25 см. приходится на сравнительно очень длинный хвостъ. Мѣхъ состоитъ изъ длинныхъ и грубыхъ волосъ; лобъ, затылокъ, зашеекъ, спина, плечи и хвостъ сверху пепельно-сѣраго цвѣта; морда, щеки, уши, низъ шеи, грудь, брюхо и ноги черносѣрые, въ рѣзкомъ контрастѣ съ верхней стороною тѣла. Обыкновенно по границѣ верхней и нижней частей тѣла тянется свѣтло-сѣрая полоса, которая отличаетъ африканскаго медоѣда отъ индійской формы этого рода.

Ратель живетъ подъ землею въ норахъ, которыя роетъ сама просто съ невѣроятною быстротою. Будучи крайне медлительна и не ловка, она врядъ ли когда либо могла бы ускользнуть отъ своихъ враговъ, если бы не обладала способностью цѣликомъ уходить въ землю по крайней мѣрѣ на мѣстахъ съ рыхлой почвой. Она въ состояніи, такимъ образомъ, такъ быстро вырывать себѣ нору, что успѣваетъ скрыться подъ поверхность земли прежде, чѣмъ преслѣдователю удастся ее схватить. Ратель ведетъ ночной образъ жизни, только изрѣдка выходя за добычей днемъ. Во время нашей поѣздки въ страну Богосъ мы видѣли ее дважды, каждый разъ въ вечернюю пору, прежде чѣмъ садилось солнце. Ночью ратель бродитъ медленно и не торопясь разыскиваетъ мелкихъ млекопитающихъ, особенно мышей, тушканчиковъ, или птицъ, черепахъ, улитокъ и червей, вырываетъ корни и клубни растений или собираетъ плоды. Но одна привычка ратели особенно характеризуетъ ее: она страшная любительница меда, а потому является однимъ изъ самыхъ рьяныхъ охотниковъ за пчелами.

Различные виды пчелъ строятъ въ безлѣсныхъ странахъ Африки свои улья, главнымъ образомъ въ землѣ, во всевозможныхъ дырахъ и трещинахъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ у насъ шмели и нѣкоторыя осы. Такія гнѣзда представляютъ для ратели самую желанную находку и, открывъ подобный кладъ, она съ удовольствіемъ принимается за него. Пчелы, конечно, стараются защищать его насколько могутъ и всячески донять ратель своими уколами. Но покрытая густыми волосами шкура ратели представляетъ самый лучшій щитъ противъ пчелинаго жала, потому что такъ рыхло прилегаетъ къ подкожному слою жира, какъ ни у одного другого животнаго. Увѣряютъ, что ратель положительно можетъ перевернуться въ собственной своей шкурѣ. Понятно, что пчелы ничего не могутъ подѣлать съ такимъ врагомъ, который, благодаря своей неуязвимости, преспокойно роется въ ихъ жильѣ и жадно пожираетъ восхитительное его содержимое, сколько ему заблагоразсудится.

Впрочемъ, ратель посягаетъ не только на медъ, но любить и болѣе сытную пищу. Кармихаэль увѣряетъ, что владѣльцы домашней птицы аттесуютъ ратель однимъ изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ ея. Поселяне у залива Алгоа перессорились однажды изъ-за яицъ, которыя снесли ихъ куры. Спору этому въ одну ночь положила конецъ ратель, умертвившая около 30 куръ и трехъ изъ нихъ увлекшая въ свою нору.

Индійская ратель (*Millivora indica*) ведетъ, по рассказамъ, тотъ же образъ жизни, что и африканскій видъ, и тоже очень вредитъ своими посѣщеніями на птичьихъ дворахъ. Область распространенія этой формы охватываетъ всю Индію къ западу и сѣверо-западу отъ Бенгальскаго залива и къ сѣверу до подошвы Гималая; она не встрѣчается однако на Малабарскомъ побережьи, въ нижнемъ Бенгалѣ и на Цейлонѣ.

Пойманные молодыми ратели становятся ручными и занимаютъ зрителей своими неуклюжими и смѣшными тѣлодвиженіями.

Теледу, вонючка или короткохвость, называемый на Борнео заатъ (*Mydau meliceps*), есть небольшой представитель разсматриваемаго подсемейства, который имѣетъ около 37 сантиметровъ въ длину, причемъ приблизительно 2 см. приходится на куцый хвостикъ. Цвѣтъ густого, длиннаго мѣха однообразный, темно-бурый, кромѣ затылка, зашейка, и доходящей до конца хвоста полосы, которые бѣловатаго или желтовато-бѣлаго цвѣта. Низъ тѣла нѣсколько свѣтлѣе верха. Мѣхъ состоитъ изъ мягкаго шелковистаго подшерстка и грубой ости, которая по бокамъ шеи и на затылкѣ образуетъ родъ гривы.

Теледу водится на Суматрѣ, Явѣ и Борнео, но вопросъ о нахожденіи его на Малаккѣ и въ другихъ частяхъ прилежащаго материка остается пока открытымъ.

Горстфильдъ былъ первымъ естествоиспытателемъ, познакомившимъ насъ съ этимъ страннымъ существомъ. Норку свою теледу закладываетъ съ большимъ



Вонючка или короткохвость (*Mydau meliceps*). $\frac{1}{4}$ естеств. величины.

умѣньемъ и осторожностью не глубоко подъ поверхностью земли. Найдя въ лѣсу мѣсто, хорошо защищенное длинными и толстыми корнями деревьевъ, онъ выкапываетъ себѣ между ними норку, главное помѣщеніе которой, котловина, устраивается подъ самымъ деревомъ. Котловина эта имѣетъ почти метръ въ поперечникѣ и правильную шарообразную форму. Отъ нея въ разныя стороны расходятся ходы до двухъ метровъ длиною, которые оканчиваются на поверхности земли отверстиями, обыкновенно тщательно прикрытыми вѣтвями или опавшей листвою. Въ теченіе дня теледу скрывается въ своей норкѣ, а съ наступленіемъ ночи начинаетъ охотиться за различными личинками и червями, преимущественно дождевыми, которые въ громадномъ числѣ встрѣчаются въ плодородной черноземной почвѣ. Онъ выкапываетъ ихъ изъ земли такъ, какъ это дѣлаютъ свиньи, чѣмъ наноситъ вредъ полямъ. По Горстфильду, онъ водится на Явѣ исключительно на высотахъ болѣе 200 метровъ надъ поверхностью моря, встрѣчаясь здѣсь съ такою же правильностью, какъ нѣкоторыя растенія. Новѣйшія наблюденія совершенно опровергаютъ эти данныя. Такъ Карлъ Бокъ возстаетъ противъ мнѣнія, высказаннаго Горстфильдомъ, и увѣряетъ, что въ юго-восточной части Борнео, гдѣ „заатъ“ столь же обыкновененъ, какъ крысы, его находятъ на высотахъ „не превосходя-

щихъ 80 или 100 футовъ. На Суматрѣ онъ тоже не найденъ выше 1000 футовъ, встрѣчаясь на такой высотѣ уже весьма рѣдко“.

Всѣ движенія совершаемыя теледу весьма медленны, а потому его часто ловятъ туземцы, которые не только его не боятся, но даже ѣдятъ его мясо. Среди нихъ распространено повѣріе, что тотъ, кто можетъ заставить себя съѣсть его, разъ навсегда будетъ огражденъ отъ болѣзней.

Во время своего пребыванія въ горной странѣ Прагу Горстфильдъ поручилъ туземцамъ принести ему теледу для наблюденій; ему скоро доставили ихъ столько, что больше принимать онъ уже не могъ. „Меня увѣряли“, говоритъ онъ, „что мясо теледу очень вкусно; необходимо только быстро умертвить животное и какъ можно скорѣе вырѣзать изъ него вонючія железы, не успѣвающія въ этомъ случаѣ передать мясу свой противный запахъ. Мой индійскій охотникъ рассказывалъ мнѣ также, что теледу можетъ выпрыскивать свою жидкость не далѣе, какъ на 60 сантиметровъ. Само отдѣленіе железъ тягучее и клейкое, а дѣйствіе его зависитъ отъ весьма легкой его летучести; при благопріятныхъ условіяхъ онъ можетъ заразить воздухъ въ округѣ цѣлой деревни и такъ сильно пахнетъ вблизи, что есть люди, падающіе отъ него въ обморокъ. Различныя вонючки, водящіяся въ Америкѣ, отличаются отъ здѣшняго теледу только способностью брызгать свою жидкость на болѣе далекое разстояніе.

„Теледу тихаго и кроткаго нрава и взятый смолоду легко становится ручнымъ. Пойманный мною быстро привыкъ къ намъ, зналъ свое мѣсто, узнавалъ своего сторожа и никогда не впадалъ въ столь сильное негодованіе, чтобы ему приходилось пускать въ дѣло свою вонючую жидкость.

*

Нельзя сказать, чтобы какой либо изъ представителей семейства куницъ распускалъ благоуханія; мы встрѣчаемъ, наоборотъ уже среди живущихъ у насъ видовъ такихъ, которые носятъ названіе „вонючекъ“ и заслуживаютъ его въ полной мѣрѣ. Но какъ сравнить въ этомъ отношеніи нашего хорька или только что описаннаго теледу изъ юго-восточной части Стараго Свѣта съ тѣми ихъ родственниками, которые свойственны Америкѣ и Африкѣ! Вотъ эти то послѣднія и представляютъ настоящихъ вонючекъ. Только читая объ ужасахъ, которые животныя эти распространяютъ при своемъ появленіи, и начинаешь понимать, что такое настоящая вонючая железа. Всѣ описанія путешественниковъ по Америкѣ и естествоиспытателей сходятся въ томъ, что безъ собственнаго опыта трудно составить себѣ представленіе о томъ дѣйствиі, которое производитъ жидкость, отдѣляемая зловонными железами этихъ животныхъ. Никакая химическая лабораторія, никакая помойная яма, никакое мѣсто для свалки нечистотъ и падали, однимъ словомъ, никакой смрадъ на свѣтѣ не можетъ сравниться по силѣ и отвратительности съ тою невыносимою вонью, которую распространяютъ столь красивыя на видъ и изящныя вонючки и которая цѣлыя недѣли и мѣсяцы гнѣздится въ пропитанныхъ ею вещахъ. Этотъ смрадъ зовутъ „чумнымъ“ и вполне справедливо, потому что каждаго, кто имѣлъ несчастіе придти въ соприкосновеніе съ вонючкой, дѣйствительно будутъ обѣгать, какъ зараженнаго чумою. Потому то вонючки, несмотря на свою незначительную величину, являются страшными и могущественными врагами человѣка и стоитъ имъ только sprysнуть кого нибудь своею жидкостью, чтобы надолго изгнать такого бѣдняка изъ человѣческаго общества и наложить на него самого кару, которой равняются не многія наказанія. Вонючки въ состояніи сдѣлать необитаемымъ цѣлый домъ, испортить цѣлый амбаръ, наполненный драгоценнѣйшими тканями.

Вонючки отличаются отъ остальныхъ барсуковъ своимъ значительно болѣе тонкимъ тѣломъ, длиннымъ, густо покрытымъ волосами хвостомъ, большимъ вздутымъ носомъ, черной основной окраской и бѣлымъ полосатымъ рисункомъ. Голова у нихъ сравнительно съ туловищемъ мала и пріострена; маленькіе глазенки необыкновенно проницательны; уши коротки и закруглены; короткія ноги оканчиваются лапами средней величины, которыя снабжены пятью почти сросшимися

другъ съ другомъ пальцамъ, вооруженными довольно длинными и слабо изогнутыми когтями; подошвы лапъ голы по крайней мѣрѣ на вздутіяхъ пальцевъ. Вонючія железы достигаютъ значительной величины, открываются внутрь прямой кишки и могутъ сжиматься специальной круговой мышцей или сфинктеромъ. Полость железы наполнена желтой маслянистой жидкостью, которой животное можетъ брызгать на нѣсколько метровъ при помощи только что названной мышцы. У старыхъ животныхъ и у самцовъ ужасная жидкость эта пахнетъ сильнѣе, чѣмъ у молодыхъ и у самокъ.

Вонючекъ нельзя назвать настоящими лѣсными животными, потому что обширнымъ высокоствольнымъ лѣсамъ онѣ предпочитаютъ мѣстности, поросшія травой и кустарникомъ. Днемъ онѣ лежатъ и спятъ въ дуплахъ деревьевъ, въ расщелинахъ скалъ и въ норахъ, которыя сами себѣ роютъ въ землѣ; ночью звѣрки эти оживляются, становятся крайне подвижными и рыскаютъ повсюду за добычею. Пища ихъ состоитъ обыкновенно изъ червей, насѣкомыхъ, гадовъ, птицъ и мелкихъ млекопитающихъ; онѣ ѣдятъ однако также ягоды и корни. Ошеломляющее отдѣленіе своихъ железъ вонючки пускаютъ въ дѣло для отраженія врага лишь въ тѣхъ случаяхъ, если ихъ раздражаютъ или преслѣдуютъ, однимъ словомъ тогда, когда испытываютъ страхъ. Въ крайности онѣ могутъ удержать этимъ способомъ на почтительномъ разстояніи даже самую кровожадную и хищную кошку и дѣйствительнаго противника встрѣчаютъ только въ лицѣ очень рьяной собаки, которая хватается ихъ съ остервененіемъ даже тогда, когда она уже опрыснута вонючею жидкостью. Всѣ извѣстные виды сходны между собою по образу жизни, а потому будетъ вполне достаточно ознакомиться съ однимъ или двумя изъ нихъ.

Въ большей части южной Америки обитаетъ вонючка, носящая у бразильцевъ названіе сурильо (*Merphitis suffocans*), животное—имѣющее длину тѣла въ 40, а хвостъ въ 28 сантиметровъ и крайне измѣнчивый цвѣтъ и рисунокъ. Густой, на мордѣ короткій, а къ задѣ постепенно удлиняющійся мѣхъ измѣняется въ цвѣтѣ отъ черно-сѣраго и черно-бураго до блестяще-чернаго. Вдоль спинной стороны тянутся на разстояніи толщины пальца двѣ бѣлыя полосы, начинающіяся на лбу и оканчивающіяся у корня хвоста; въ рѣдкихъ случаяхъ полосъ этихъ вовсе нѣтъ и тогда все животное становится одноцвѣтнымъ, чернымъ. Гензель увѣряетъ, что врядъ ли найдутся два экземпляра сурильо, которые были бы вполне тождественны.

Образомъ своей жизни сурильо отличается отъ куницъ не существенно. Онъ живетъ по луговымъ пространствамъ низменностей и горъ и совершенно избѣгаетъ густого дѣвственнаго лѣса; тѣмъ не менѣе, мѣстопробываніе его связано съ лѣсомъ, потому что онъ встрѣчается исключительно тамъ, гдѣ среди луговъ расположены небольшіе острова лѣса. Присутствіе его узнается здѣсь весьма легко по тѣмъ воронкообразнымъ отверстіямъ, которыя онъ дѣлаетъ, отыскивая навозныхъ жуковъ на лугу, близъ опушки лѣса.

Въ сѣверной Америкѣ сурильо замѣняется скунсомъ (*Merphitis varians*), составившимъ себѣ плохую репутацію. Длина его тѣла равняется 40 сантиметрамъ, а хвостъ немногимъ ей уступаетъ. Основной цвѣтъ блестящаго мѣха черный. Отъ носа тянется по спинной сторонѣ узкая бѣлая полоска, которая проходитъ между глазъ, расширяется на лбу въ ромбообразное пятно, становится еще шире на шеѣ и, наконецъ, раздѣляется у загривка на двѣ широкія полосы, идущія по всей спинѣ до хвоста, гдѣ онѣ снова соединяются. На шеѣ, на плечахъ, по наружной сторонѣ ногъ, рѣже на груди и на животѣ выступаютъ мелкія бѣлыя пятна. По хвосту проходятъ либо двѣ широкія бѣлыя продольныя полосы, либо весь хвостъ, пестрый — бѣлый съ чернымъ.

Скунсъ съ давнихъ поръ сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что самымъ безпощаднымъ образомъ оскорблялъ одно изъ самыхъ тонкихъ чувствительнѣйшихъ нашихъ чувствъ, — обоняніе; онъ заставляетъ говорить о себѣ и въ настоящее время почти во всѣхъ

описаніяхъ путешествій. Область распространенія его довольно обширна; чаще всего встрѣчается онъ въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ Гудзонову заливу, а отсюда распространяется къ югу. Мѣстопробываніемъ ему служатъ возвышенныя мѣста вдоль рѣкъ, поросшія мелкоколѣсьемъ и кустарникомъ, а также скалистые участки страны, гдѣ онъ поселяется въ трещинахъ и пещерахъ.

Эта вонючка такъ увѣрена въ своемъ ужасномъ оружіи, что вовсе не пуглива и не труслива. Всѣ движенія ея медленны; она не умѣетъ ни лазать, ни дѣлать большихъ прыжковъ, но можетъ только ходить и подпрыгивать. При ходьбѣ она ступаетъ на всю ступню, изгибаетъ спину дугою и приподымаетъ хвостъ. Время отъ времени она взрываетъ землю или вынюхиваетъ что либо



Сурильо (*Mephitis mephitis*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

сѣдобное. Если наткнешься случайно въ это время на животное, то оно спокойно останавливается, задираетъ вверхъ хвостъ, оборачивается и, въ случаѣ нужды, выпрыскиваетъ отдѣленіе вонючей железы по прямому направленію. Когда ее преслѣдуютъ собаки, она закладываетъ хвостъ, по Гензелю, на спину, подобно сидящей бѣлкѣ, оборачиваетъ заднюю часть тѣла къ навязчивымъ псамъ и сердито продѣлываетъ странныя подпрыгивающія движенія, какія наблюдаются у медвѣдей въ клѣткахъ. Собаки прекрасно знаютъ опасное оружіе своего противника, а потому держатся отъ него на весьма почтительномъ разстояніи. Лишь немногія изъ собакъ имѣютъ храбрость схватить и закусать вонючку. Атакое животное никогда не выбрасываетъ однако свою вонючую жидкость зря, предпочитая ограничиваться лишь одними угрозами, пока собаки находятся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Одюбонъ на самомъ себѣ испыталъ весь ужасъ зловонія этой вонючки. „Этотъ маленькій, миловидный, по своей внѣшности совершенно невинный звѣ-

рекъ“, говоритъ онъ, „въ состояніи моментально обратить въ бѣгство самаго отчаяннаго храбреца и заставить его убраться съ жалобнымъ воплемъ. Будучи мальчикомъ, я самъ потерпѣлъ подобную неудачу. Солнце только что успѣло закатиться. Не спѣша, шелъ я своею дорогою въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей. Вдругъ мы увидали премиленькаго, намъ до той поры совершенно незнакомаго звѣрка, который добродушно обошелъ насъ, пріостановился и посмотрѣлъ такъ пріятельски, будто не прочь былъ присоединиться къ нашему обществу. Онъ прикинулся такимъ невиннымъ и такъ высоко задралъ свой пушистый хвостикъ кверху, что, казалось, приглашалъ взять за него и унести домой. Я былъ совершенно очарованъ, не могъ устоять отъ соблазна и схватилъ его, сіяя отъ счастья, но — тутъ миловидная тварь прыснула мнѣ въ носъ, ротъ и глаза своею проклятою жидкостью! Пораженный какъ громомъ, выпустилъ я изъ рукъ чудовище и бросился бѣжать безъ оглядки“.

Вонючки, водящіяся въ южной Америкѣ, ничуть не уступаютъ сѣверо-американскимъ въ качествѣ своей зловонной жидкости.

Въ неволѣ вонючки не выпрыскиваютъ ее, если ихъ не раздражаютъ. Онѣ ручнѣютъ весьма быстро, болѣе или менѣе привыкаютъ къ своему хозяину, но сначала подходятъ къ нему тоже задомъ и съ приподнятымъ хвостомъ, чтобы постоянно имѣть оружіе наготовѣ. Въ качествѣ подстилки онѣ больше всего любятъ сѣно, изъ котораго готовятъ себѣ уютную постельку и спятъ на ней, свернувшись клубкомъ. Послѣ каждой ѣды онѣ чистятъ себѣ мордочку передними лапками. Вообще вонючки необыкновенно чистоплотны, всегда гладко и аккуратно прилизаны и никогда не испражняются въ своемъ логовищѣ. Въ неволѣ кормятъ ихъ мясомъ, а охотнѣе всего онѣ ѣдятъ птичекъ.

*

Въ Африкѣ вонючки замѣняются полосатыми хорьками (*Rhabdogale*), которые очень походятъ на нихъ строеніемъ тѣла и по внѣшнему виду, имѣютъ покрытыя волосами подошвы лапъ и зубную систему скорѣе типа куницъ, чѣмъ типа вонючекъ.

Наиболѣе извѣстный видъ этого рода есть зорилла (*Rhabdogale mustelina*), называемая поселенцами предгорій на мысѣ Доброй Надежды „мышинной собакой“; это животное достигаетъ длины тѣла въ 35 сантиметровъ, а хвоста въ 25 сантиметровъ.

Зорилла распространена по всей Африкѣ, переходитъ черезъ Суэцкій перешеекъ въ Малую Азію и встрѣчается, говорятъ, даже близъ Константинополя, но, разумѣется, только съ азіатской стороны. Любимое мѣстопробываніе этого животнаго составляютъ скалистыя мѣстности. Здѣсь оно живетъ или въ расщелинахъ скалъ или въ норахъ, которыя сама вырываетъ подъ деревьями и кустами. Оно ведетъ чисто ночной образъ жизни, а потому встрѣчаться съ нимъ приходится не часто. Пищею зориллѣ служатъ мелкія млекопитающія, особенно мыши, птички, ихъ яйца, гады и насѣкомыя. Она нерѣдко вредитъ домашней птицѣ, потому что, забравшись на крестьянскій дворъ, душитъ куръ подобно хорьку.

Движеніями своими куницъ она не напоминаетъ: она не такъ ловка, какъ эти послѣднія, и скорѣе можетъ быть названа животнымъ лѣнивымъ; она не можетъ лазать и боится воды, хотя въ крайности плаваетъ не дурно. Своимъ отвратительнымъ оружіемъ она пользуется точно такъ же, какъ и вонючка.

Выдръ (*Lutridae*) и ихъ родственниковъ соединяютъ въ третье подсемейство. Относящіяся сюда виды, числомъ около 20, отличаются вытянутымъ въ длину, приплюснутымъ туловищемъ, покоющимся на низкихъ ногахъ, плоской головой съ тупымъ рыломъ, съ небольшими, выпуклыми глазами и съ малыми, округлыми ушами, сильно развитыми плавательными перепонками между пальцами, длиннымъ, заостреннымъ, болѣе или менѣе приплюснутымъ хвостомъ и короткимъ, жесткимъ и гладкимъ лоснящимся мѣхомъ. Переднія и заднія ноги

выдры имѣютъ по пяти пальцевъ, изъ которыхъ два средніе едва длиннѣе боковыхъ. Въ области задняго прохода нѣтъ железистыхъ мѣшковъ, но есть двѣ железы, выводные протоки которыхъ открываются около заднепроходнаго отверстія. Строеніемъ своего скелета и зубной системой выдры сильно еще напоминаютъ остальныхъ куницъ, но характернымъ признакомъ ихъ является замѣчательно приплюснутый черепъ съ его широкой черепной коробкой, сильно сѣуженной лобной областью и короткой лицевой частью.

Выдры живутъ въ рѣкахъ и моряхъ и распространены почти по всему земному шару за исключеніемъ Австраліи и странъ крайняго сѣвера. Добровольно отъ воды онѣ не удаляются, а разъ вынужденныя къ этому, тотчасъ же стараются снова найти ее. Плаваютъ и ныряютъ выдры мастерски, могутъ очень долго оставаться подъ водою и, несмотря на свои короткія ноги, бѣгаютъ довольно быстро. Онѣ очень выносливы, смѣлы и отважны, понятливы, хорошо приручаются, но почти повсюду находятся въ натянутыхъ отношеніяхъ съ человѣкомъ, потому что причиняютъ ему такой громадный вредъ, который не можетъ быть даже приблизительно вознагражденъ ихъ цѣннымъ мѣхомъ.

Въ Европѣ подсемейство это представлено лишь однимъ видомъ, выдрой рѣчной или порѣшней (*Lutra vulgaris*), достигающей слишкомъ 1,2 метра длины, изъ которой отъ 40 до 43 сантиметровъ приходится на хвостъ. Голова выдры продолговато-круглая, морда закругленная, глаза малы, но живы, уши очень короткія, закругленные, почти совершенно скрыты въ волосахъ головы и могутъ быть прикрыты складкой кожи; тѣло довольно тонкое, но приплюснутое, хвостъ болѣе или менѣе круглый, къ концу сильно сѣуженный; ноги очень короткія, пальцы лапъ соединены плавательной перепонкой, доходящей до когтей. При ходьбѣ выдра ступаетъ на всю подошву. Тѣло покрыто темно-бурымъ мѣхомъ, состоящимъ изъ густой, короткой, жесткой и лоснящейся ости; окраска нѣсколько свѣтлѣе только на нижней сторонѣ тѣла, а на нижней сторонѣ шеи и по бокамъ головы переходитъ въ бѣловато-сѣро-бурую; края скрытыхъ въ волосахъ ушей блѣдно-бурые; на средней линіи нижней губы помѣщается неявственное бѣловатое пятно, а отдѣльныя, неправильныя, чисто бѣлыя или бѣловатыя пятнышки расположены на подбородкѣ и между вѣтвями нижней челюсти. Попадаются индивиды, окраска которыхъ имѣетъ скорѣе сѣро-бурый, чѣмъ темно-бурый оттѣнокъ.

Область распространенія порѣшни охватываетъ всю Европу и большую часть сѣверной и центральной Азіи и простирается къ востоку до устья Амура, а къ югу по крайней мѣрѣ до сѣверо-западнаго Гималая. На сѣверъ выдра идетъ недалеко; отдѣльными особями она встрѣчается правда еще въ Лапландіи, но зато въ Сибири доходитъ приблизительно только до полярнаго круга. Въ Остѣ-Индіи, Китаѣ и Японіи ее замѣщаютъ близкіе виды, но африканскіе и американскіе родственники ея причисляются уже къ особымъ под родамъ. Въ средней и южной Европѣ выдра водится въ каждомъ водоемѣ, обѣщающемъ ей поживу, даже въ рѣкахъ и ручьяхъ самыхъ населенныхъ мѣстностей; въ средней Азіи она встрѣчается тоже повсюду на подходящихъ ей урочищахъ. Индійскій родственникъ выдры не пренебрегаетъ даже слегка солеными водами, живетъ въ устьяхъ рѣкъ, а при случаѣ посѣщаетъ и берегъ моря.

Порѣшня охотнѣе всего селится по тѣмъ рѣкамъ, берега которыхъ поросли лѣсомъ на значительномъ протяженіи. Здѣсь она живетъ въ подземныхъ норахъ, устроенныхъ сообразно ея привычкамъ и образу жизни. Выходъ изъ норы расположенъ всегда ниже поверхности воды, обыкновенно на глубинѣ полу-метра. Отсюда идетъ косо вверхъ ходъ, достигающій, приблизительно, двухъ метровъ длины и оканчивающійся обширной котловиной, которая устлана травой и расположена такъ, что остается постоянно сухой. Другой, болѣе узкій ходъ отходитъ отъ котловины къ поверхности берега и назначенъ для обмѣна воздуха. Обыкновенно выдра имѣетъ нѣсколько норъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, если рѣка настолько богата рыбою, что животному не приходится предпринимать большихъ переходовъ. Въ половодье, когда нора затопляется, выдра

Выдра рычаная или порьяная (*Lutra vulgaris*).



ищетъ пристанища на деревьяхъ или поселяется въ ихъ дуплахъ; тутъ она отдыхаетъ послѣ своей охоты въ водѣ.

Причиняя владѣльцамъ рыбныхъ промысловъ и страстнымъ удильщикамъ одни лишь огорченія наносимымъ ей вредомъ, выдра является, съ другой стороны, животнымъ крайне привлекательнымъ для изслѣдователя природы. Требующій спеціальнаго наблюденія, очень своеобразный образъ жизни ея не можетъ не привлечь къ себѣ вниманія каждаго любителя природы. Выдра представляетъ интересъ во всѣхъ отношеніяхъ, со стороны своего воднаго образа жизни, способа перемѣщенія, добыванія пищи и по своимъ умственнымъ способностямъ. Она безусловно относится къ самымъ интереснымъ животнымъ нашей части свѣта. Наблюдая ее на сушѣ, тотчасъ же убѣждаешься, что это настоящее водное существо: она двигается здѣсь, благодаря короткимъ своимъ ногамъ, ползкомъ, извиваясь какъ змѣя, но никоимъ образомъ не медленно.

Совершенно иначе движется выдра въ настоящей своей стихіи, водѣ, добраться до которой спѣшить при малѣйшей опасности, угрожающей ей на чуждой для нея сушѣ. Строеніе тѣла дѣлаетъ ее способной превосходно плавать и нырять: широкое, змѣеобразное туловище съ короткими ногами, превращенными, благодаря присутствію плавательныхъ перепонокъ въ сильныя весла, сильный и довольно длинный хвостъ, служащій прекраснымъ рулемъ, наконецъ, гладкій, скользкій мѣхъ представляютъ всѣ условія, необходимыя для быстрого проскальзыванія по водѣ и для наивыгоднѣйшаго разсѣченія волны. Для схватыванія добычи выдрѣ служатъ острые и сильныя зубы, которые не выпускаютъ уже разъ схваченное, какъ бы скользко и гладко оно ни было. Въ зимнее время, когда поверхность воды покрыта льдомъ, выдра отыскиваетъ полыни и проруби, проникаетъ черезъ нихъ въ воду и снова возвращается сюда, чтобы завестись воздухомъ. Животное это превосходно умѣетъ находить обратный путь къ такого рода отверстіямъ во льду и столь же умѣло открываетъ новыя, встрѣченныя имъ на пути. Водоемъ вполне пригоденъ для зимнихъ охотъ выдры, если въ скользящемъ его ледяномъ покровѣ найдется отверстіе всего лишь такой величины, чтобы она могла просунуть въ него носъ и завестись, такимъ образомъ, воздухомъ.

На волѣ голосъ выдры слышится куда рѣже, чѣмъ въ неволѣ, гдѣ раздражить животное много легче. Въ пріятномъ настроеніи духа она издаетъ тихое хихиканье; при голодѣ или при возбужденіи ея аппетита испускаетъ громкій крикъ, звучащій, какъ часто и быстро повторенный слогъ „гирркъ“, и столь пронзительный, что рѣжетъ ухо. Въ гнѣвѣ выдра громко трещитъ, а въ пору любви звучно и пріятно свиститъ.

Всѣ чувства выдры развиты очень хорошо; зрѣніе, слухъ и чувство обонянія ея превосходны. Она видитъ приближеніе человѣка или собаки уже за нѣсколько сотъ шаговъ и тотчасъ же поспѣшно пускается бѣжать къ водѣ. Непрестанныя преслѣдованія сдѣлали порѣшню очень пугливой и осторожной, но и не менѣе хитрой; вслѣдствіе этого, ее можно подстерегать цѣлыми днями и все же не увидеть. На рыбную ловлю она выходитъ обыкновенно послѣ захода солнца и продолжаетъ свое занятіе въ теченіе всей ночи особенно охотно и рьяно при ясномъ лунномъ освѣщеніи. Во время подобныхъ охотъ выдра приближается иногда къ человѣческому жилью на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, а также не рѣдко посѣщаетъ селенія, расположенныя на болѣе значительныхъ рѣчкахъ и рѣкахъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, присутствіе ея остается большею частію незамѣченнымъ.

Старыя порѣшни живутъ обыкновенно по одиночкѣ, но самки долгое время бродятъ со своими дѣтенышами; иногда же нѣсколько выводковъ соединяется въ общество, къ которому во время спариванія примыкаютъ и самцы; такая артель ловить рыбу сообща. Она плыветъ всегда вверхъ по рѣкѣ, обыскиваетъ ее часто на цѣлыя мили отъ мѣста своего жительства, а также изслѣдуетъ пруды, ручьи и рѣчки всей округи главной рѣки.

Въ водѣ порѣшня представляетъ собою то же, что на землѣ лисица и рысь,

вмѣстѣ взятыя. Въ мелкой водѣ она загоняетъ рыбу въ узкіе заливчики, чтобы затруднить ей выходъ и тѣмъ легче поймать ее; она загоняетъ также свою добычу ударами хвоста о поверхность воды въ береговыя норки и подъ камни, гдѣ рыба и становится ея жертвой.

Выдра питается также раками, лягушками, водяными крысами, мелкими и даже довольно крупными птичками, но рыба, особенно форель, остается все же самой любимой ея пищей.

У выдры нѣтъ опредѣленнаго времени спариванія, а потому молодыхъ встрѣчаешь въ любой мѣсяцъ года. Черезъ девять недѣль послѣ него, въ Германіи обыкновенно въ маѣ, самка мечетъ отъ 2 до 4 слѣпыхъ дѣтенышей, помѣщая ихъ въ мягкое и теплое гнѣздо, устроенное въ безопасной норѣ, которая располагается въ береговомъ обрывѣ подъ корнями стараго дерева. Мать нѣжно любитъ своихъ малютокъ и ухаживаетъ за ними крайне тщательно. Молодые выдры достигаютъ полной возмужалости на третьемъ году жизни.

Взятая смолоду изъ гнѣзда и вскормленная молокомъ и булкой, порѣшши приручаются очень хорошо. Китайцы обучаютъ одинъ видъ этого рода ловить для нихъ рыбу, а въ Германіи не разъ уже пользовались выдрой съ этой цѣлью.

Ручная выдра очень милое и добродушное существо; она весьма быстро привыкаетъ къ своему господину и слѣдуетъ въ послѣдствіи уже за нимъ по пятамъ. Въ неволѣ она ѣстъ молоко и растительную пищу чуть-ли не охотнѣе, чѣмъ мясную, и можетъ быть доведена до того, что совершенно не станетъ трогать рыбу.

„У одного извѣстнаго охотника“, говоритъ Вудъ, „была прекрасно обученная выдра. Если выкрикивали ея имя, Нептунъ, она тотчасъ же откликалась и являлась на зовъ. Она уже съ дѣтства выказывала необычайную понятливость, а съ годами сдѣлалась замѣчательно разумной и ручной. Этотъ звѣрекъ пользовался полной свободой и могъ ловить рыбу, сколько ему было угодно. Часто онъ одинъ снабжалъ кухню съѣстными припасами, составлявшими результатъ его охоты, которой онъ посвящалъ большую часть ночи. Утромъ Нептунъ уже снова находился на своемъ посту въ обществѣ различныхъ лягавыхъ и борзыхъ собакъ, съ которыми жилъ въ величайшей дружбѣ. Охотничье искусство ея было такъ велико, что слава о ней росла не по днямъ, а по часамъ; сосѣди не разъ обращались къ владѣльцу ея съ просьбой одолжить имъ на день, на два выдру, чтобы наловить себѣ хорошей рыбы“.

Благодаря жестокимъ опустошеніямъ, которыя причиняетъ порѣшная, за нею безжалостно охотятся во всякое время года. Необыкновенная хитрость животнаго дѣлаетъ не дѣйствительными или, по крайней мѣрѣ, скучными многіе способы охоты, успѣшно примѣняемые въ другихъ случаяхъ. Убить выдру на стоянкѣ очень трудно, потому что, разъ почувавъ человека, она не выходитъ изъ норы или изъ подъ воды. Зимой эта охота становится прибыльнѣе, если подстерегать животное у полыньи. Легче всего выдра ловится капканомъ, который помѣщается безъ приманки передъ выходомъ изъ норы такъ, чтобы онъ находился надъ поверхностью сантиметровъ на пять. Ловушку совершенно прикрываютъ въ этомъ случаѣ тиной. Еще лучше помѣстить подобный капканъ въ ручьѣ или въ канавѣ, по которымъ выдра переходитъ во время своей охоты изъ одного пруда въ другой. Дорогу ей перегораживаютъ кольями такъ, чтобы она непременно ступила на капканъ. На болѣе значительныхъ озерахъ и прудахъ выдру преслѣдуютъ въ легкихъ челнокахъ и тотчасъ же стрѣляютъ, какъ только она вынырнетъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Охотникъ руководится при такой охотѣ появляющимися на поверхности воды пузырями, которые указываютъ направленіе, принятое выдрой. На глубокихъ мѣстахъ этотъ не примѣнимъ, потому что убитая выдра опускается здѣсь на дно какъ свинецъ, благодаря чему охотникъ теряетъ ее изъ виду; она появляется на поверхности воды уже тогда, когда начинаетъ разлагаться и когда мѣхъ ея становится, само собою, разумѣется, не годнымъ. На рѣкахъ, гдѣ живетъ много выдръ, примѣнимъ еще слѣ-

дующій способъ охоты. Поперекъ рѣки протягиваютъ, сохраняя полнѣйшую тишину, сѣти, а затѣмъ начинаютъ гнать выдръ собаками, специально приученными для такой охоты. Нѣсколько охотниковъ становятся у сѣтей съ ружьями или острогами, или слѣдуютъ за собаками, если рѣка это допускаетъ. Животное въ этомъ случаѣ стрѣляютъ или бьютъ острогой. Такой способъ охоты примѣняется, главнымъ образомъ, въ Шотландіи, но практикуется и въ Германіи, гдѣ имъ снискали себѣ извѣстность не мало охотниковъ. Пойманная выдра сильно шипитъ и пыхтитъ, обороняясь до послѣдняго издыханія; она можетъ сильно повредить неосторожнымъ собакамъ, такъ какъ не рѣдко раскусываетъ имъ ноги. Опытныя собаки умѣютъ, конечно, избѣжать подобной бѣды и быстро овладѣваютъ своею добычею. Въ моментъ смерти выдра испускаетъ жалобный визгъ.

Шкурки выдры идутъ на выпушку шубъ и другой зимней одежды, въ южной Германіи на такъ называемыя шапки изъ мѣха выдры (*ottermützen*), которыя въ большой модѣ у мужчинъ и женщинъ въ Гессенѣ, Баваріи и Швабіи; въ сѣверной Германіи онѣ идутъ на воротники и т. п. вещи, въ Китаѣ на околыши шапокъ, а въ Камчаткѣ употребляются, наконецъ, для упаковки самыхъ цѣнныхъ собольихъ мѣховъ, такъ какъ полагаютъ, что мѣхъ выдры притягиваетъ сырость, чѣмъ способствуетъ лучшей сохранности собольихъ шкурокъ. Изъ волосъ хвоста выдры готовятъ кисти для живописи, а изъ нѣжнаго подшерстка выдѣлываются прекрасныя, прочныя шляпы.

Наша выдра и нѣкоторые другіе родственные ей виды мѣстами и временно тоже живутъ въ морѣ, но одинъ видъ этого подсемейства свойственъ ему исключительно. Представитель особаго рода морской боберъ или каланъ (*Enhydria lutris*) является, можетъ быть, промежуточнымъ звеномъ между рѣчными выдрами и тюленями. Голова его тоже еще нѣсколько приплюснута, но уже много круглѣе, чѣмъ у рѣчныхъ выдръ; шея очень коротка и толста, туловище вальковатое, хвостъ короткій, толстый, сжатый съ боковъ, на концѣ конусообразно заостренный и покрытый густыми волосами. Въ то время какъ переднія лапы отличаются отъ лапъ рѣчной выдры только болѣе короткими пальцами, соединенными вздутыми, снизу голыми плавательными перепонками, да своими малыми и слабыми когтями, заднія лапы превращены въ ласты, которые развиты не меньше, чѣмъ у тюленей. Ласты эти отличаются отъ тюленьихъ тѣмъ, что длина пальцевъ ихъ постепенно увеличивается отъ наружнаго къ внутреннему. Задняя лапа морского бобра въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ собою ту же лапу рѣчнаго бобра, но покрыта короткими, густыми и шелковистыми волосами какъ сверху, такъ и снизу. Мѣхъ морского бобра состоитъ изъ длинной упругой ости и крайне нѣжнаго подшерстка. Цвѣтъ мѣха черно-бурый, съ бѣлымъ налетомъ, зависящимъ отъ бѣлыхъ кончиковъ волосъ. Молодые животныя покрыты длинными, грубыми, бѣлыми или буровато-сѣрыми волосами, которые совершенно прикрываютъ собою бурый подшерстокъ. Взрослый морской боберъ достигаетъ общей длины тѣла въ 1,4 метра, изъ которой около 30 сантиметровъ приходится на хвостъ; вѣсъ животнаго колеблется между 30 и 40 килограммами.

Область распространенія морского бобра ограничена сѣверной частью Тихаго океана, гдѣ онъ распространенъ на сѣверъ приблизительно до цѣпи Алеутскихъ и Командорскихъ острововъ. На американскомъ берегу онъ спускается къ югу далѣе, чѣмъ на азіатскомъ, доходя тамъ до 280° с. ш.; но и въ Америкѣ онъ становится годъ отъ году все рѣже и рѣже.

Самое лучшее описаніе образа жизни морского бобра далъ намъ Стеллеръ, потерпѣвшій въ 1741 году вмѣстѣ съ Берингомъ кораблекрушеніе у Берингова острова и имѣвшій полную возможность близко познакомиться съ этимъ животнымъ. „Мѣхъ морского бобра“, говоритъ Стеллеръ, „шкура котораго прилежитъ къ мышцамъ не плотно и трясется во время бѣга животнаго, превосходитъ мѣха самыхъ лучшихъ рѣчныхъ бобровъ длиною своихъ волосъ, красотою и глупиною чернаго цвѣта до такой степени, что не можетъ выдержать съ ними ни ка-

кого сравненія. Лучшіе мѣха стоятъ въ Камчаткѣ 30, въ Якутскѣ 40 рублей, а на китайской границѣ они обходятся въ мѣновой торговлѣ отъ 80 до 100 рублей. Мясо морского бобра довольно нѣжно и вкусно.

„Живой морской боберъ—красивое, пріятное животное, отличающееся веселымъ и забавнымъ нравомъ, а въ семейной жизни—это крайне ласковое и влюбчивое существо. Издали блестящій мѣхъ его не уступаетъ самому лучшему черному бархату. Морскіе бобры охотнѣе всего держатся семьями, въ составъ которыхъ входитъ самецъ, самка, полувзрослые дѣтеныши и сосунки. Любовь родителей къ дѣтямъ такъ велика, что они рѣшаются подвергать себя самой очевидной опасности, лишь бы выручить отбираемыхъ отъ нихъ малютокъ. При потерѣ дѣтенышей старики плачутъ громко, какъ дѣти, и сильно тоскуютъ по нимъ; они не отходятъ отъ земли, сильно худѣютъ, какъ мы не разъ могли наблюдать, въ какіе нибудь 10—14 дней, слабѣютъ и заболѣваютъ. Морскихъ бобровъ видишь съ дѣтенышами въ теченіе цѣлаго года. Самка мечетъ на сушѣ



Морской боберъ или каланъ (*Enhydra lutris*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

лишь одного дѣтеныша, который рождается зрячимъ и со всеми зубами. Матка переноситъ своего малютку съ мѣста на мѣсто въ зубахъ, въ морѣ же держитъ его межъ переднихъ лапъ на груди, какъ женщина ребенка, пlying въ то же время на спинѣ. Она играетъ съ нимъ, какъ любящая мать, подкидываетъ его въ воздухъ и ловитъ какъ мячикъ, толкаетъ его въ воду, чтобы онъ учился плавать, беретъ опять къ себѣ, какъ только онъ устанетъ, и, наконецъ, цѣлуетъ его такъ, какъ дѣлаетъ это человекъ.

„Пища морского бобра состоитъ изъ раковъ, моллюсковъ, мелкихъ рыбокъ, рѣже онъ ѣстъ водоросли и мясо. Если не пожалѣть расходовъ и перевезти животныхъ въ Россію, то я не сомнѣваюсь, что ихъ легко можно было бы приручить и даже заставить размножаться въ пруду или въ рѣкѣ. Морская вода вовсе не составляетъ для нихъ необходимости и я наблюдалъ, что они по нѣскольку дней держались внутри острововъ и на небольшихъ прѣсповодныхъ рѣчкахъ. Вообще мы много обязаны этому животному: почти шесть мѣсяцевъ служило оно намъ пищей, а для хворавшихъ цынгой въ то же время и лѣкарствомъ.

„Движенія морского бобра необыкновенно изящны и быстры. Они прекрасно плаваютъ и очень скоро бѣгаютъ; трудно себѣ представить что либо красивѣе этого какъ бы наряженнаго въ шелкъ и блестящаго чернаго животного въ моментъ, когда

оно бѣжитъ. Замѣчательно также, что животное тѣмъ бодрѣе, хитрѣе и проворнѣе, чѣмъ красивѣе его мѣхъ. Совершенно сѣдые звѣрки, по всей вѣроятности самые старые, отличаются необыкновенной хитростью, а потому поймать ихъ невозможно. Спятъ морскіе бобры, свернувшись какъ собака. Выйдя изъ моря, они встряхиваются, а затѣмъ начинаютъ чиститься передними лапами, какъ кошки. Бѣгаютъ они очень быстро, но описываютъ на своемъ бѣгу кривыя линіи. Если отрѣзать животнымъ дорогу къ морю, они останавливаются, изгибаются, подобно кошкѣ, спину дугою, шипятъ и грозятъ напасть на непріятеля; но стоитъ только ударить ихъ палкой по головѣ, чтобы они тотчасъ же свалились замертво и заслонили глаза лапами.

„Въ іюлѣ или августѣ морскіе бобры линяютъ, однако не много, и послѣ этого становятся нѣсколько бурѣе. Мѣхъ ихъ лучше всего въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ; онъ идетъ, главнымъ образомъ, въ Китай. Въ Камчаткѣ нѣтъ роскошнѣе наряда, какъ шуба изъ бѣлаго оленя, опушенная бобровымъ мѣхомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ еще носили платье изъ мѣха морского бобра, но въ настоящее время, когда боберъ сталъ дорогъ, мода эта вышла изъ употребленія. Теперь въ Камчаткѣ шубы изъ собачьяго мѣха считаются лучше, теплѣе и прочнѣе“.

Въ настоящее время повсюду преслѣдуемое изъ за его цѣннаго мѣха животное сдѣлалось не только очень рѣдкимъ, но и крайне осторожнымъ, такъ что подобраться къ нему не такъ то легко. Пехуэль-Лёше, наблюдавшій и охотившійся за морскими бобрами 25 лѣтъ тому назадъ у острововъ Амукта и Сегуамъ, относящихся къ Алеутской цѣпи, рассказываетъ, что чуткое и осторожное животное не подпускаетъ къ себѣ на выстрѣлъ даже спокойно идущій подъ парусами корабль или лодку. Животное, убитое не наповаль, всегда теряется, если его не преслѣдуютъ и не убиваютъ окончательно въ моментъ, когда оно показывается на водѣ. Успѣшно охотиться за нимъ на одной лодкѣ надежды мало, потому что онъ въ состояніи пробыть подъ водою слишкомъ четверть часа и часто показывается въ совершенно другомъ мѣстѣ, чѣмъ первоначально ожидаешь.

Способы охоты на морскаго бобра различны, одинъ же изъ болѣе употребительныхъ слѣдующій. При мало-мальски тихой погодѣ, охотники выѣзжаютъ на своихъ байдаркахъ въ море и, растянувшись въ длинную вереницу, выжидаютъ появленія калана. Какъ только послѣдній вынырнетъ, около него тотчасъ же смыкаютъ лодки въ кружокъ и начинаютъ внимательно слѣдить. При вторичномъ появленіи животного, его пугаютъ метаніемъ дротиковъ и неистовымъ крикомъ, а около того мѣста, гдѣ оно скрылось, образуютъ новый кругъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока каланъ, которому не даютъ времени заpastись достаточнымъ количествомъ воздуха, не выбьется изъ силъ и не сдѣлается добычею ближайшаго къ нему охотника. Подобная охота можетъ продолжаться отъ 2 до 3 часовъ, если только какое нибудь удачно брошенное копье не окончитъ ее раньше. Этимъ способомъ охотники добываютъ въ три мѣсяца, при счастіи, отъ 40 до 50 морскихъ бобровъ, изъ которыхъ каждый цѣнится по крайней мѣрѣ въ 200 марокъ.

Нѣкоторые охотники стрѣляютъ калановъ съ суши; для такой охоты торговцы мѣхами снабжаютъ туземцевъ прекрасными ружьями. Въ бурную погоду охотникъ направляется вдоль скалистаго берега съ подвѣтренной стороны и старается найти какого либо морскаго бобра, который покажется по ту сторону прибоя, въ болѣе спокойной водѣ. Бушеваніе бури, брызги волнъ и летящая отъ нихъ пѣна не даютъ животному возможности замѣтить опасность, а настойчивый охотникъ можетъ посылать ему одну за другой пули въ голову, пока которая нибудь не достигнетъ своей цѣли. Тогда охотникъ усаживается на берегу и спокойно выжидаетъ, когда вѣтеръ и волны принесутъ ему, наконецъ, цѣнную добычу.

Но самый безпокойный и опасный способъ охоты представляетъ „битье“ калана, потому что въ настоящее время онъ можетъ производиться только при самыхъ рискованныхъ условіяхъ. Морскіе бобры держатся теперь обыкновенно на отдаленныхъ, уединенныхъ скалистыхъ островкахъ, гдѣ чувствуютъ еще себя въ безопасности отъ преслѣдованій человѣка. Все выше и выше поднимающаяся въ сильную бурю вода заставляетъ ихъ покидать свои обыкновенныя лежища и все

болѣе и болѣе восходить на утесъ. Находятся безумно смѣлые люди, ставящіе на карту свою жизнь и отваживающіеся сдѣлать нападеніе на морскихъ бобровъ въ то время, когда они спасаются отъ сильнаго прибоа на такіа возвышенныя мѣста. Если смѣльчакамъ удастся добраться по бушующему морю до желанной скалы, они подѣзжаютъ къ ней съ подвѣтренной стороны, быстро взбираются по ней вверхъ и перебиваютъ палками лежащихъ тамъ морскихъ бобровъ. Вой вѣтра, шумъ отъ прибоа волнъ заглушаютъ неосторожные шаги охотниковъ, а дождь и туманъ не позволяютъ несчастнымъ животнымъ во-время узнать то, что имъ грозитъ. Этимъ способомъ два охотника перебили однажды въ одинъ часъ 78 морскихъ бобровъ.

Если охота на калана будетъ вестись въ теперешнихъ размѣрахъ и не послѣдуетъ никакихъ мѣропріятій къ ея ограниченію, то морской боберъ будетъ навѣрное истребленъ въ самомъ непродолжительномъ времени и исчезнетъ, подобно морской коровѣ, съ лица земли еще на нашихъ глазахъ.

Среди животныхъ звѣринца всегда есть такіа, которыя сосредоточиваютъ на себѣ особенное вниманіе глазѣющей публики, благодаря поясненіямъ падкихъ до денегъ сторожей. Рассказчикъ никогда не упуститъ случая выставить этихъ животныхъ настоящими чудовищами и приписать имъ самыя ужасныя свойства. Къ такимъ животнымъ прежде всего относятся гіены, которыхъ невѣжда винитъ не только въ кровожадности, свирѣпости, жестокости, коварствѣ и хитрости, но и старается еще вызвать ужасъ и отвращеніе въ несвѣдущихъ зрителяхъ тѣмъ, что выставляетъ ихъ гробокопателями, оскверняющими покой усопшихъ. Наукѣ не удалось еще искоренить подобныя небылицы, которыя живо держатся съ незапамятныхъ временъ въ публикѣ, несмотря ни на какія опроверженія.

Описаніе жизни не многихъ животныхъ изукрашено такими баснями и небылицами, какъ мы слышимъ это въ разсказахъ о гіенахъ. Небывальщину о нихъ разсказывали еще древніе писатели. Такъ, напр., увѣряли, что достаточно упасть тѣни отъ гіены на собаку, чтобы послѣдняя тотчасъ же потеряла голосъ и разумъ; утверждали, что ужасное животное это подражаетъ голосу человѣка, тѣмъ привлекаетъ его къ себѣ, а потомъ внезапно нападаетъ и умерщвляетъ несчастнаго. Замѣчательнѣе всего во всей этой исторіи то, что отголоски подобныхъ басенъ встрѣчаются рѣшительно у всѣхъ народовъ, знавшихъ гіену. Особенно много фантастическихъ сказаній объ этихъ животныхъ циркулируетъ у арабовъ. Они твердо вѣрятъ, что человѣкъ, съѣдая мозгъ гіены, сходитъ съ ума; они стараются закопать голову гіены какъ можно глубже, чтобы отнять возможность у злого колдуна продѣлывать свои ужасныя козни. Арабы убѣждены, что гіены представляютъ собою оборотней, которые днемъ разгуливаютъ въ образѣ человѣка, а ночью надѣваютъ маску гіены на погибель всѣмъ правовѣрнымъ. Мои слуги — арабы не разъ предостерегали меня самыми настойчивыми, убѣдительными словами не стрѣлять въ гіенъ и разсказывали мнѣ самыя ужасныя исторіи о сверхъестественной силѣ этихъ замаскированныхъ духовъ ада.

Всякая сказка, всякое сказаніе заимствуетъ свои образы изъ дѣйствительности. Животное, о которомъ разсказывается много сверхъестественнаго, должно, конечно, обладать какою-нибудь исключительною чертою въ своей внѣшности, иначе разсказамъ не стали бы вѣрить. Подтвержденіе этого мы и видимъ на гіенахъ (*Hyaenidae*), составляющихъ особое семейство въ отрядѣ хищныхъ. Гіены походятъ на собакъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются отъ нихъ чуть ли не каждой частью своего тѣла; наружность ихъ не представляетъ ничего привлекательнаго, напротивъ, она положительно отталкивающая. Всѣ гіены безобразны. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ ихъ за нѣчто среднее между собаками и кошками, мы же не можемъ присоединиться къ такому взгляду, такъ какъ гіены представляютъ совершенно своеобразный обликъ. Туловище у нихъ плотное, шея толстая, голова большая, морда тупая и некрасивая. Кривыя переднія ноги длиннѣе заднихъ, благодаря чему спина становится покатой кзади. Обѣ пары конечностей оканчиваются пятипалыми лапами. Уши покрыты рѣдкими волосами и выкроены

некрасиво. Глаза стоятъ косо, постоянно бѣгаютъ, свѣтятся не привѣтливо и имѣютъ отталкивающее выраженіе. Толстая, будто неподвижная шея, не хватающій до пятки косматый хвостъ, длинный, косматый и грубый мѣхъ, переходящій на хребтѣ въ щетинистую гриву, наконецъ мрачная, темная окраска шерсти, все это, взятое вмѣстѣ, производитъ непріятное впечатлѣніе. Ко всему этому гіены — животныя ночныя, обладаютъ отвратительнымъ, какъ бы надтреснутымъ, дѣйствительно дьявольски-смѣющимся голосомъ, жадны, прожорливы, распространяютъ непріятный запахъ, не граціозны въ своихъ движеніяхъ, ходятъ почти хромающей походкой, однимъ словомъ, имѣютъ столько непривлекательнаго во внѣшности, что красивыми назвать ихъ никакъ не возможно. Путемъ сравнительнаго разсмотрѣнія строенія гіенъ и другихъ хищниковъ можно открыть у первыхъ еще кое какія особенности. Зубная система указываетъ намъ, что это типическія плотоядныя животныя. Необыкновенно сильные зубы даютъ гіенѣ возможность утилизировать остатки пищи отъ другихъ хищниковъ и разламывать самыя крѣпкія кости. Рѣзцы достигаютъ сильнаго развитія, клыки имѣютъ тупую конусообразную коронку, коренные зубы отличаются сильно вогнутыми поверхностями своихъ коронокъ, а плотоядные — своею массивностью. Дальнѣйшія отличія гіенъ составляютъ сильныя жевательныя мышцы, большія слюнные железы, усаженный ороговѣлыми сосочками языкъ, широкій пищепроводъ и своеобразныя выдѣлительныя железы въ области задняго прохода.

Область распространенія гіенъ очень обширна и охватываетъ всю Африку, за исключеніемъ, можетъ быть, западной экваторіальной части ея, и южную Азію до Бенгальскаго залива; въ странахъ, расположенныхъ далѣе на востокъ, а также на Цейлонѣ, гіенъ нѣтъ. Эти животныя избѣгаютъ мѣстностей, покрытыхъ обширными сплошными лѣсами, но любятъ открытые скалистые участки, поросшіе травой, кустарникомъ и рѣдкими рощами, чисто степныя пространства и даже пустынные мѣста. Днемъ можно встрѣтить только случайно спугнутыхъ гіенъ, такъ какъ онѣ начинаютъ бродить не раньше, чѣмъ закатится солнце. Лишь по заходѣ его слышишь вой отдѣльныхъ или собравшихся въ небольшую стаю животныхъ, которыя рыскаютъ теперь въ поискахъ за падалью или вообще за добычей; стоитъ одному изъ нихъ затянуть свой отвратительный ночной концертъ, какъ тотчасъ же ему станутъ вторить и остальные. Голосъ полосатой гіены очень не благозвученъ, но не такъ противенъ, какъ обыкновенно рассказываютъ: хриплые звуки смѣняются у нея болѣе высокими, скрипящіе — мурлыкающими и ворчащими. Зато вой пятнистой гіены сопровождается какимъ-то дѣйствительно неистовымъ хохотомъ. Человѣкъ, услышавшій впервые эти звуки, врядъ ли въ состояніи воздержаться отъ невольнаго содроганія, а не предубѣжденный наблюдатель тотчасъ же откроетъ въ нихъ главнѣйшую причину возникновенія самыхъ разнообразныхъ фантастическихъ сказаній о животномъ. Весьма вѣроятно, что гіены скликаютъ другъ друга своими ночными концертами; не подлежитъ, повидимому сомнѣнію, что музыка тотчасъ же смолкаетъ, коль скоро одинъ изъ горлановъ найдетъ какую нибудь пищу. Гіены находятся въ постоянномъ движеніи въ теченіе всей ночи, безъ всякаго страха и не стѣсняясь даже собакъ. Онѣ заходятъ въ это время въ деревни и города и только къ разсвѣту убираются въ свои укромные уголки.

Въ ночныхъ своихъ странствованіяхъ гіены руководятся не только чутьемъ, но также слухомъ и зрѣніемъ. Отвратительныхъ животныхъ привлекаетъ не только падалъ или человѣческій трупъ, но и стада овецъ, козъ и рогатаго скота; съ этой цѣлью они посѣщаютъ загоны для стадъ, но обыкновенно безуспѣшно стараются проникнуть въ нихъ. Почувявъ добычу, гіены перестаютъ выть и, соблюдая возможную тишину, несутся къ ней короткими прыжками (подкрадываются онѣ вовсе не умѣютъ) все ближе и ближе; время отъ времени онѣ останавливаются, осматриваются и втягиваютъ въ себя воздухъ, чтобы быть готовыми каждый моментъ бѣжать въ случаѣ приближенія опасности. Пятнистая гіена нѣсколько смѣлѣе полосатой, но въ общемъ все таки еще страшно труслива и робка, если принять въ расчетъ значительную ея величину. Не находя падали, гіены рѣшаются на-

падать обыкновенно только на тѣхъ животныхъ, которыя не въ состояніи защищаться; вслѣдствіе этого онѣ наносятъ вредъ лишь слабымъ домашнимъ животнымъ. Но за то опустошенія, производимыя ими среди мелкаго скота, могутъ достигать большихъ размѣровъ. Селусъ потерялъ благодаря имъ въ южной Африкѣ двухъ сильныхъ ословъ, отъ которыхъ уцѣлѣли только черепа; въ другой разъ гіены сожрали въ теченіе ночи львицу, убитую имъ вечеромъ. Тѣмъ не менѣе на здоровыхъ животныхъ гіены нападаютъ большею частью только тогда, когда не находятъ ни больныхъ, ни измученныхъ, ни падали.

При извѣстныхъ условіяхъ однако гіены предпринимаютъ настоящія охоты, преслѣдуютъ и травятъ ночью антилопъ, хватаютъ ихъ какъ дѣлаютъ это волки, душатъ и пожираютъ. Но подобныя охоты гіенъ представляютъ все же лишь исключенія, охотнѣе же всего пробавляются онѣ падалью. Найдя ее, онѣ поднимаютъ обыкновенно такую суматоху, описать которую едва-ли возможно. Это — грифы среди млекопитающихъ, а прожорливость ихъ просто необычайна. Тутъ онѣ ни на что уже не обращаютъ вниманія и выходятъ изъ свойственнаго имъ состоянія апатіи: сплошь и рядомъ начинаютъ онѣ драку между собою, подымая при этомъ такой ужасный вой и хохотъ, что суевѣрный человѣкъ дѣйствительно можетъ подумать о сборищѣ всѣхъ исчадіи ада. Уничтоженіемъ падали гіены приносятъ пользу, но вредъ, наносимый ими стадамъ, далеко превосходитъ эту ничтожную пользу и тѣмъ болѣе, что падаль и безъ того была бы убрана другими, болѣе усердными тружениками изъ класса птицъ и насѣкомыхъ. Въ степныхъ и пустынныхъ мѣстностяхъ гіены слѣдуютъ за караванами въ большемъ или меньшемъ числѣ, будто предчувствуя, что имъ должна достаться какая нибудь пожива.

Много спорили о томъ, нападаютъ-ли гіены также и на человѣка. Если и нѣтъ данныхъ обвинять въ этомъ полосатую гіену, то о подобныхъ нападеніяхъ пятнистаго ея родственника существуетъ столько разсказовъ, что нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ опасности ея съ этой стороны. Конечно, чаще всего пятнистая гіена хватается дѣтей, на взрослыхъ же рѣшается нападать обыкновенно только тогда, когда они больны, ослаблены или спятъ; изрѣдка она нападаетъ однако и на людей, способныхъ защищаться. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Африки ее считаютъ поэтому дѣйствительно опасной и особенно тамъ, гдѣ она встрѣчается въ большомъ числѣ.

Вслѣдствіе вреда, причиняемаго этими хищниками, за ними охотятся довольно часто не только поселенцы изъ европейцевъ, но и нѣкоторыя туземныя племена. Ихъ стрѣляютъ, ловятъ въ петли, западни и ямы, а также отравляютъ стрихниномъ. Пойманныя очень молодыми гіены легко ручнѣютъ и не рѣдко сильно привязываются къ своему хозяину; онѣ довольно хорошо переносятъ неволю, но въ старости часто слѣпнутъ.

Въ прежнія геологическія эпохи гіены были распространены шире, чѣмъ въ настоящее время; онѣ встрѣчались тогда довольно часто и въ Германіи, доказательствомъ чего служатъ, съ одной стороны, не рѣдко находимыя кости, а съ другой — прекрасно сохранившіеся комки испражнений ихъ. Въ современную намъ эпоху существуетъ, насколько извѣстно, четыре вида этого семейства, изъ нихъ три настоящія гіены и, такъ называемый, земляной волкъ, который представляетъ собою, по всей вѣроятности, соединительное звено между гіенами и виверрами.

Пятнистая гіена (*Hyena crotata*) отличается отъ болѣе обыкновенной, полосатой и одноцвѣтной береговой гіены болѣе плотнымъ тѣлосложеніемъ и своей пятнистой окраской. По бѣловато-сѣрому фону съ болѣе или менѣе желтоватымъ оттѣнкомъ расположены у нея на бокахъ тѣла и на бедрахъ бурые пятна. Голова бурая, съ рыжеватыми щеками и теменемъ. Хвостъ въ бурыхъ кольцахъ и съ чернымъ концомъ. Лапы бѣловатыя. Окраска, впрочемъ, варьируетъ довольно значительно и встрѣчаются то болѣе темные, то болѣе свѣтлые экземпляры. Длина тѣла животнаго равняется приблизительно 1,3 метра, а высота у зашейка около 80 сантиметровъ; встрѣчаются, однако, и значительно болѣе крупныя особи.

Пятнистая гіена водится въ южной и восточной Африкѣ отъ мыса Доброй Надежды до 17° сѣверной широты, почти совершенно вытѣсняя полосатую гіену въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается часто. Въ Абиссиніи и восточномъ Суданѣ она живетъ бокъ о бокъ съ полосатой, но по направленію къ югу становится все болѣе и болѣе преобладающей формой, пока, наконецъ, не остается единственнымъ представителемъ своего рода. Въ Абиссиніи она обыкновенна и поднимается въ горы даже до абсолютной высоты въ 4000 метровъ. По образу жизни она сходна со своимъ полосатымъ родственникомъ; ее боятся однако много больше, чѣмъ полосатую гіену, такъ какъ она крупнѣе и сильнѣе послѣдней. Страхъ передъ нею и заставляетъ, вѣроятно, считать ее заколдованнымъ, навле-



Пятнистая гіена (*Hyaena spotted*). $\frac{1}{11}$ естеств. велич.

кающимъ несчастьемъ, существомъ. Многіе наблюдатели единогласно утверждаютъ, что она дѣйствительно нападаетъ на человѣка, особенно на спящихъ и ослабѣвшихъ людей. То-же самое подтверждается и абиссинцами, какъ сообщаетъ намъ Рюппель.

Въ различнаго рода сказаніяхъ и басняхъ разумѣется именно этотъ видъ. Изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ пятнистая гіена безспорно обладаетъ самою гадкою, отталкивающею наружностью, а умственные способности ея дѣлаютъ это животное еще болѣе ненавистнымъ. Она глупѣе, злѣе и грубѣе своего полосатаго родственника, хотя съ помощью кнута ее и можно скоро приручить до извѣстной степени. Она никогда не становится однако такой ручной, какъ полосатая гіена; судить о способности ея приручаться по тѣмъ фокусамъ, которые продѣлываетъ она въ звѣринцахъ, никоимъ образомъ нельзя, а болѣе интеллигентные люди врядъ ли захотятъ заниматься ею. Живя въ клѣткѣ, она слишкомъ непривлекательна, слишкомъ необузданна и черезъ-чуръ непривѣтлива! По цѣлымъ часамъ лежитъ

она на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ колода, затѣмъ вдругъ вскакиваетъ, необыкновенно глупо смотритъ кругомъ, трется о рѣшетку и испускаетъ время отъ времени свой отвратительной хохотъ, отъ котораго, какъ говорятъ, морозъ проходитъ по кожѣ.

Бурая или береговая гіена (*Hyæna brunnea*) отличается отъ остальныхъ видовъ рода, главнымъ образомъ, своею длинною, косматою гривой, которая свѣшивается у нея по обѣ стороны хребта. Окраска вообще очень длиннаго волосянаго покрова ея одноцвѣтная, темно-бурая, за исключеніемъ немногихъ свѣтло-бурыхъ и бѣлыхъ отмѣтинъ на ногахъ, темно-бурой съ сѣрымъ головы и чернаго лба въ мелкой бѣлой и рыжевато-бурой пестринѣ. Волосы, образующіе гриву, вдоль хребта у основанія бѣловато-сѣрые, а на всемъ остальномъ протяженіи черновато-бурые. Береговая гіена значительно мельче пятнистой и еле-еле достигаетъ размѣровъ полосатой.

Этотъ видъ водится въ южной Африкѣ, но живетъ, повидимому, исключительно въ пустынной западной части послѣдней. Говорятъ, что она держится обыкновенно близъ морского побережья. Она повсюду рѣже пятнистой гіены, но походить на нее своимъ образомъ жизни. Питается она, слѣдовательно, тоже падалью, выбрасываемою, можетъ быть, моремъ.

Полосатая гіена (*Hyæna striata*) рѣдко когда отсутствуетъ въ звѣринцахъ, а поэтому всѣмъ намъ хорошо знакома. Она попадаетъ къ намъ чаще другихъ видовъ оттого, что въ изобиліи водится не далеко отъ нашей части свѣта. Этотъ видъ гіены обыкновенно и обучается всѣмъ тѣмъ фокусамъ, которые такъ часто видишь при посѣщеніи звѣринцевъ. Въ виду общеизвѣстности ея, описать ее можно въ нѣсколькихъ словахъ. Мѣхъ у нея косматый, грубый и довольно длинный; основной цвѣтъ его бѣловато-сѣрый съ желтоватымъ оттѣнкомъ; на этомъ фонѣ выдѣляются черныя поперечныя полосы. Волосы, образующіе гриву, имѣютъ тоже черные кончики, а передняя часть шеи не рѣдко сплошь черная; ноги то одноцвѣтныя, то въ полосахъ. Голова толстая, морда сравнительно тонкая, хотя все еще достаточно тупая; торчащія кверху уши длинны и совершенно голыя. Молодые животныя походятъ на старыхъ. Приблизительная длина тѣла достигаетъ 1 метра, то нѣсколько длиннѣе, то немного короче.

Область распространенія полосатой гіены значительно шире, чѣмъ у прочихъ видовъ. Она охватываетъ собою всю сѣверную Африку отъ самой западной ея точки, большую часть южной Африки и всю южную Азію отъ Средиземнаго моря до Бенгальскаго залива. Она любитъ, какъ и всѣ гіены, открытыя, безлѣсныя мѣстности, нигдѣ не встрѣчается рѣдко, а въ мѣстахъ мало населенныхъ попадаетъ даже часто. Это самый безвредной видъ гіенъ, а потому ее почти не боятся. На родинѣ ея обыкновенно бываетъ столько падали или, по крайней мѣрѣ, костей, что набираться храбрости для нападенія на живыхъ животныхъ приходится ей лишь весьма рѣдко. Трусость ея превосходитъ всѣ границы, но тѣмъ не менѣе и она заходитъ на улицы деревень, въ Египтѣ же подходитъ къ нимъ весьма близко. Полосатая гіена каждую ночь являлась на падалъ, служившую намъ въ качествѣ привады для грифовъ, а поэтому сильно надоѣдала намъ. Она часто подкрадывалась къ самому нашему лагерю и мы не рѣдко имѣли возможность стрѣлять по ней, не подымаясь съ постели. Мой пріятель, Гейглипъ, убилъ изъ лагеря во время одной экскурсіи на Синай полосатую гіену мелкой дробью. Несмотря на ея навязчивость, бояться ее рѣшительно нечего, потому что она нерѣшается нападать даже на спящихъ людей. Точно также она никогда не выкапываетъ труповъ изъ земли, хотя бы они были зарыты совсѣмъ не глубоко. Такимъ образомъ, она совершенно неповинна въ тѣхъ отвратительныхъ обвиненіяхъ, которыя возводятъ на нее сторожа звѣринцевъ. Образомъ своей жизни полосатая гіена напоминаетъ пятнистую, но лишь изрѣдка попадаетъ большими обществами.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи нашемъ въ Хартумъ, мы купили двухъ

молодыхъ гіенъ за одну германскую марку. Онѣ были величиною съ полувзрослую таксу и щеголяли въ одеждѣ изъ очень мягкихъ, тонкихъ волосъ темно-сѣраго цвѣта. Хотя звѣрки и находились уже нѣкоторое время въ обществѣ людей, они были все же до такой степени нечистоплотны, что мы заперли ихъ въ хлѣвъ, гдѣ я навѣщалъ ихъ ежедневно. Первое время животные сильно кусались, но нѣсколько разъ повторенныя наказанія сбили съ нихъ спесь: черезъ три мѣсяца со дня ихъ пріобрѣтенія, я могъ свободно играть съ ними, какъ съ собаками, ничуть не боясь злыхъ выходокъ съ ихъ стороны. Онѣ начинали любить меня все больше и больше и крайне радовались моему приходу. Когда звѣрки достигли половины настоящаго своего роста, поведеніе ихъ сдѣлалось крайне потѣшнымъ. Лишь только появлялся я въ ихъ помѣщеніе, гіены тотчасъ же весело неслись мнѣ навстрѣчу, прыгали передо мною, клали свои лапы мнѣ на плечи и обнюхивали мое лицо. Впослѣдствіи я водилъ ихъ по улицамъ Каира на тонкихъ веревкахъ, вселяя ужасъ въ сердца правовѣрныхъ его обитателей. Онѣ до такой степени привязались ко мнѣ, что посѣщали меня по собственной волѣ: и интересно, и жутко было постороннимъ видѣть насъ вмѣстѣ за чайнымъ столомъ. Рядомъ съ каждымъ изъ насъ сидѣло по гіенѣ; послѣднія вели себя такъ осмысленно и спокойно, будто это были хорошо воспитанныя собаки, которыхъ пріучили чинно сидѣть у стола и ждать подачи. Просили гіены неяснымъ, очень тихимъ, но совершенно глухимъ голосомъ, напоминающимъ трескъ, а благодарили, вставая, либо этими же звуками, либо просто обнюхиваніемъ руки.

Наши воспитанники до страсти любили сахаръ, но съ большимъ удовольствіемъ ѣли также и хлѣбъ особенно обмокнутый въ чай. Обыкновенной пищей ихъ было мясо собакъ, которыхъ мы специально для нихъ стрѣляли.

Другъ съ другомъ наши гіены жили въ большой дружбѣ. Если онѣ разлучались на болѣе продолжительное время, то при встрѣчѣ радости не было конца. Однимъ словомъ онѣ доказали, что и гіены способны проявлять нѣжныя чувства.

*

Протелъ или земляной волкъ (*Proteles lalandii*) составляетъ второй родъ разсматриваемаго семейства. Внѣшнимъ видомъ своимъ это мало еще извѣстное животное, замѣчательно напоминаетъ полосатую гіену. У протела такая же тупая морда, такія же высокія переднія ноги, покатая спина, грива вдоль хребта и пушистый хвостъ; но уши у него больше, а на переднихъ лапахъ есть короткій большой палецъ, какъ у нѣкоторыхъ собакъ.

До сихъ поръ это единственный видъ своего рода. Общая длина его равна 1,1 метра, а хвостъ достигаетъ 30 сантиметровъ. Верхъ тѣла украшенъ черными поперечными полосами по блѣдно-желтоватому фону. Голова черная съ желтоватой пестриной; низъ тѣла бѣловато-желтый, а конечная половина хвоста черного цвѣта.

Протелъ водится въ южной Африкѣ и особенно характеренъ для западной части ея. Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что это животное ночное, скрывающееся днемъ въ норкахъ, которыя походятъ на норы нашихъ лисицъ, но только обширнѣе ихъ, и въ нихъ живутъ одновременно нѣсколько животныхъ. Верро выгналъ при помощи своей собаки трехъ протеловъ изъ одной и той же норы, хотя и не изъ одного и того же хода ея. Животныя яростно выскочили изъ нея съ торчащей вверхъ гривой, опущенными ушами и хвостомъ, и старались быстро скрыться; одно же изъ нихъ пробовало поспѣшно закопаться и обнаружило при этомъ замѣчательную ловкость. Раскопка норы показала, что всѣ ходы ея сообщаются между собою и что они ведутъ къ одной обширной котловинѣ, которая служить общимъ помѣщеніемъ для всѣхъ обитателей норы, по крайней мѣрѣ временно. Упомянутый натуралистъ сообщаетъ, что протелы питаются, главнымъ образомъ, ягнятами, но что изрѣдка они нанадаютъ и умерщвляютъ и взрослыхъ барановъ, отъ которыхъ пользуются преимущественно жирнымъ курдюкомъ. Это показаніе не вполне согласуется съ сильнымъ развитіемъ зубной системы у этого животнаго. Образъ жизни протела совершенно еще не изученъ.

Нятое, довольно рѣзко ограниченное семейство хищныхъ млекопитающихъ составляютъ собаки (Canidae).

Мы упоминали уже о томъ, что по строенію своего тѣла собаки вовсе не такъ рѣзко отличаются отъ кошекъ, какъ можно было бы предположить при поверхностномъ ихъ сравненіи. При всемъ своеобразіи какъ наружныхъ и внутреннихъ признаковъ, такъ и образа жизни и привычекъ представителей обоихъ семействъ, между ними замѣчается не мало и общихъ чертъ. По величинѣ всѣ собаки сильно уступаютъ крупнымъ видамъ кошекъ, а потому среди нихъ вовсе нѣтъ такихъ сильныхъ и страшныхъ враговъ человѣка, съ какими мы познакомились, рассматривая самый законченный типъ хищниковъ. Тѣло собакъ худое, голова малая, морда острая, носъ тупой и выдающійся, шея довольно тонкая, туловище, покоящееся на тонкихъ, высокихъ ногахъ съ небольшими пальцами, втянуто въ пахъ, хвостъ короткій и часто пушистый. Переднія конечности оканчиваются большею частью пятью, заднія же постоянно четырьмя пальцами, вооруженными сильными, всегда тупыми когтями, котрые никогда не бываютъ втяжными. Глаза у собакъ большіе, лучше приспособленные къ воспріятію яркаго свѣта, чѣмъ у кошекъ. Уши обыкновенно острые и большія, а грудныхъ и брюшныхъ сосковъ больше, чѣмъ у послѣднихъ. Въ сильныхъ челюстяхъ сидитъ отъ 36 до 48 зубовъ; изъ нихъ рѣзцы сравнительно велики, а крайніе почти достигаютъ размѣра клыковъ; четыре клыка сравнительно тонки и нѣсколько изогнуты; плотоядные зубы снабжены менѣе острыми буграми, чѣмъ у кошекъ, настоящіе коренные зубы довольно тупы и приспособлены къ пережевыванію пищи. Черепъ вытянутъ въ длину, особенно же длинны челюсти. Грудная и поясничная часть позвоночника состоитъ изъ 20, крестцовая изъ 3, а хвостовая изъ 18—22 позвонковъ. Грудная клѣтка образуется 13 парами реберъ, изъ которыхъ 9 истинныхъ, а 4 ложныхъ нары. Ключица не развита, лопатка узкая, а тазъ сложенъ крѣпко. Пищеварительный аппаратъ характеризуется округлымъ желудкомъ, а длина кишечнаго канала превосходитъ длину тѣла отъ 4 до 7 разъ.

Вся организація собакъ показываетъ, что онѣ питаются не исключительно животной пищей; изъ этого уже можно сдѣлать выводъ, что онѣ далеко не столь кровожадны и свирѣпы, какъ кошки. И дѣйствительно именно въ этомъ отношеніи собаки довольно существенно отличаются отъ кошекъ. Уступая послѣднимъ въ дикости, свирѣпости и кровожадности, онѣ въ то же время характеризуются болѣе или менѣе рѣзко выраженнымъ добродушіемъ. Собака смотритъ обыкновенно дружелюбно и на мордѣ ея никогда не видно той упрямой самоувѣренности и дикости, котрая такъ замѣтна въ фізіономіи кошки.

Собаки были широко распространены уже въ прежнія геологическія эпохи и раннее появленіе ихъ на землѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ современную намъ эпоху онѣ встрѣчаются вездѣ, гдѣ живетъ человѣкъ, а въ большинствѣ странъ принадлежать къ числу самыхъ обыкновенныхъ животныхъ. Мѣстопробываніемъ имъ служатъ уединенныя спокойныя мѣстности и глушь какъ на равнинахъ, такъ и въ горахъ, обширные мрачныя лѣса, степи и пустыни. Нѣкоторые виды собакъ бродятъ почти постоянно, оставаясь на одномъ мѣстѣ развѣ на столько времени, сколько требуетъ этого воспитаніе дѣтенышей. Другіе виды живутъ осѣдло въ норахъ, котрые то роютъ себѣ сами, то отнимаютъ у другихъ животныхъ. Часть собакъ—животныя чисто ночныя, другія только отчасти таковыя, нѣкоторыя же исключительно дневныя. Однѣ днемъ прячутся въ норы или уединенныя уголки, въ кусты, тростники или въ высокіе хлѣба, между мрачныхъ дикихъ скалъ, а ночью бродятъ то въ одиночку, то обществами, проходя при этомъ много миль; онѣ охотятся во время своихъ ночныхъ скитаній, посѣщаютъ даже довольно большіе города и деревни, а съ восходомъ солнца залѣзаютъ въ первое попавшееся имъ на пути укромное мѣстечко. Другіе виды собакъ днемъ дѣятельны почти не меньше, чѣмъ ночью. Лишь малая часть собакъ живетъ въ одиночку или парами; можно положительно сказать, что всѣ собаки—животныя общественныя, такъ какъ въ болѣе или менѣе обширныя стаи сбиваются при извѣстныхъ условіяхъ, даже тѣ виды ихъ, самецъ и самка которыхъ живутъ вмѣстѣ лишь временно.

Въ своей способности къ передвиженію собаки мало уступаютъ кошкамъ. Тупые когти ихъ не позволяютъ имъ, правда, лазать, почему онѣ болѣе или менѣе прикованы къ землѣ; онѣ не могутъ также дѣлать такихъ высокихъ и далекихъ прыжковъ, какъ кошки, но во всемъ остальномъ онѣ скорѣе превосходятъ послѣднихъ, чѣмъ отстаютъ отъ нихъ. Собаки бѣгаютъ превосходно и до невѣроятности выносливы на бѣгу; всѣ онѣ умѣютъ плавать, а нѣкоторыя плаваютъ мастерски; между ними есть даже такія, которыя отдаются волнамъ со страстью. При ходьбѣ собаки ступаютъ, какъ и кошки, только на пальцы, но походка ихъ крайне своеобразна, нѣсколько косая, такъ какъ онѣ ставятъ ноги не прямо передъ собою.

Внѣшнія чувства развиты у всѣхъ собакъ превосходно. Слухъ врядъ ли уступаетъ слуху кошекъ, обоняніе же достигаетъ просто удивительнаго развитія. Про зрѣніе можно тоже сказать, что оно лучше, чѣмъ у кошекъ: собаки, ведущія ночной образъ жизни, ни чуть не уступаютъ въ этомъ отношеніи кошкамъ, а тѣ, которыя охотятся днемъ, даже превосходятъ послѣднихъ.

Еще замѣчательнѣе умственные способности разсматриваемыхъ животныхъ. Низко организованные виды собакъ проявляютъ удивительную хищность и лукавство въ ущербъ даже мужеству, которымъ въ высокой степени обладаютъ всѣ другія формы ихъ. Съ другой стороны, высоко организованные собаки, а изъ нихъ особенно находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ человѣкомъ, лучше сказать предавшіеся ему тѣломъ и душою, ежеминутно доказываютъ намъ, что умственные способности ихъ далеко оставляютъ за собою тѣ же качества рѣшительно всѣхъ остальныхъ животныхъ. И домашняя собака, и дикая лиса одинаково разсудительно приводятъ въ исполненіе разъ задуманные планы, возможные послѣдствія которыхъ предвидятъ уже заранѣе. Разумъ собаки неразрывно связалъ ее съ человѣкомъ и приблизилъ ее къ нему больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ животныхъ.

Пища собакъ состоитъ преимущественно изъ животныхъ, особенно изъ птицъ и млекопитающихъ. Свѣжую добычу онѣ ѣдятъ не охотнѣе, чѣмъ падаль, которой всѣ виды отдаютъ даже извѣстное предпочтеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ охотно ѣдятъ кости, а другія считаютъ лакомствомъ даже испраженія человѣка. Кромѣ того онѣ ѣдятъ пресмыкающихся, земноводныхъ, рыбу, иглокожихъ, раковъ, насѣкомыхъ или медъ, плоды, овощи, даже древесныя почки, молодые побѣги растений, корни, траву и, наконецъ, мохъ. Кое какіе виды отличаются прожорствомъ и умерщвляютъ больше животныхъ, чѣмъ въ состояніи съѣсть; однако кровожадность ихъ никогда не достигаетъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какіе мы наблюдали у нѣкоторыхъ кошекъ и куніцъ. Нѣтъ также ни одной собаки, которая жадно упивалась бы кровью убитаго ею животного.

Плодливость собаки больше, чѣмъ кошекъ: число дѣтенышей у первыхъ не рѣдко достигаетъ максимальной цифры ихъ у млекопитающихъ вообще. Въ среднемъ можно принять, что собаки мечутъ отъ 4 до 9 щенятъ, но были исключительные примѣры, въ которыхъ число дѣтенышей одного помета достигало 18 и даже 23. Бываетъ, что отецъ или вообще самецъ какой нибудь собаки преслѣдуетъ потомство суки со злымъ умысломъ съѣсть его въ удобный моментъ; особенно часто наблюдается это у волковъ и лисицъ, которые не прочь полакомиться и мясомъ себѣ подобныхъ. У большинства же видовъ общественность сильно развита, даже у относительно молодыхъ волчатъ. Матери доводятъ заботу о нихъ просто до самопожертвованія.

Встрѣчаясь въ большомъ числѣ индивидовъ, нѣкоторые виды собакъ наносятъ значительный вредъ человѣку, а потому иреслѣдуются имъ повсюду самымъ безсердечнымъ образомъ. Мелкіе виды, съ другой стороны, оказываютъ намъ не малую услугу уничтоженіемъ вредныхъ грызуновъ и насѣкомыхъ, а также поѣданіемъ падали и другихъ нечистотъ. Кромѣ того мы пользуемся шкурой и мѣхомъ собакъ, а иногда и ихъ зубами.

Собакъ можно раздѣлить на три рода, изъ которыхъ два распадаются въ свою очередь на еще болѣе мелкія группы. Къ первому роду относятся волки или

собаки (*Canis*), имѣющіе круглый зрачекъ и сравнительно короткій хвостъ. Второй родъ составляютъ лисицы (*Vulpes*) съ длиннымъ, пушистымъ хвостомъ и со зрачкомъ въ видѣ щели. Наконецъ, въ третій родъ входятъ ушастыя лисицы (*Otocyon*), животныя пустыни съ очень большими ушами и многочисленными зубами.

*

Чтобы правильно судить о домашней собакѣ и безчисленныхъ расахъ ея, безусловно необходимо ознакомиться предварительно съ дико живущими родственниками ея, съ волками (*Canis*), между которыми приходится искать ея родоначальниковъ. Помимо этого будетъ вообще правильнѣе начать съ дикихъ собакъ и перейти затѣмъ уже къ прирученнымъ: первыя покажутъ намъ, что представляла изъ себя собака прежде, чѣмъ дала присвоить себя человѣку; на тѣхъ мы изучимъ первобытное состояніе впослѣдствіи сильно измѣнившагося прирученнаго, очеловѣченнаго, если можно такъ выразиться, животного.

Представители подрода настоящихъ волковъ (*Lupus*), къ которымъ мы относимъ всѣхъ, часто весьма различныхъ по внѣшнему виду собакъ съ 42 зубами, кромѣ гіеновой собаки, однако, отличаются головою средней величины съ довольно острою мордою.

Волкъ или бирюкъ (*Canis lupus*, *Lupus vulgaris*) нѣсколько похожъ на крупную, длинноногую, худощавую собаку съ опущеннымъ, но не загнутымъ кверху хвостомъ. При болѣе внимательномъ сравненіи мы найдемъ далѣе слѣдующія различія. У волка туловище худощавѣе, брюхо болѣе подтянуто, и ноги соотвѣтствуютъ такому тѣлосложенію; покрытый длинными волосами хвостъ свѣшивается до пятокъ; сравнительно съ широкой головою морда кажется длинной и заостренной; широкий лобъ покатый; глаза расположены косо; уши всегда торчатъ кверху. Мѣхъ волка сильно измѣнивъ, какъ относительно густоты шерсти, такъ и по цвѣту ея, въ зависимости отъ климата странъ, въ которыхъ животное водится. Въ сѣверныхъ широтахъ волосяной покровъ его длинный, жесткій и густой, а въ южныхъ, въ общемъ, короче и грубѣе; длиннѣе всего шерсть на брюхѣ и на бедрахъ, на хвостѣ пушистая, а на шеѣ и бокахъ очень густая и торчащая кверху. Цвѣтъ шерсти обыкновенно чалый, сѣро-желтый съ примѣсью черного; низъ тѣла свѣтлѣе или бѣловато-сѣрый. Лѣтомъ цвѣтъ животнаго получаетъ болѣе выраженный рыжеватый оттѣнокъ, а зимою становится желтѣе; у сѣверныхъ экземпляровъ волка преобладаетъ бѣлый оттѣнокъ, а у южныхъ замѣчается бѣлая примѣсь черного цвѣта. Лобъ бѣловато-сѣрый; морда желтовато-сѣрая и всегда въ черной пестринѣ; губы бѣловатыя, щеки желтоватыя, иногда въ неясныхъ черныхъ полосахъ. Густой подшерстокъ чало-сѣраго цвѣта.

Мѣстами встрѣчаются волки черного цвѣта, которыхъ слѣдуетъ считать просто за цвѣтовую разновидность этого животнаго. Горные волки вообще крупны и сильны, а волки, водящіеся на равнинахъ, замѣтно мельче и слабѣе, но однако не менѣе хищны и смѣлы, чѣмъ свойственные горнымъ странамъ. Въ Венгріи и Галиціи всѣ охотники отличаютъ болотнаго и лѣснаго волка.

Взрослый волкъ достигаетъ общей длины въ 1,6 метра, изъ которой около 45 сантиметровъ приходится на хвостъ; высота у загривка равняется приблизительно 85 см. Вѣсъ матерого волка доходитъ до 40, а изрѣдка до 50 килограммовъ. Волчица отличается отъ волка-самца нѣсколько болѣе слабымъ тѣлосложеніемъ, болѣе острой мордой и менѣе пушистымъ, тонкимъ хвостомъ.

Волкъ весьма широко распространенъ еще и въ настоящее время, хотя область его распространенія успѣла уже значительно сѣзуться. Онъ водится теперь еще почти во всей Европѣ и исчезъ только изъ сильно населенныхъ мѣстностей нашей части свѣта. Въ Испаніи онъ представляетъ совершенно нормальное явленіе во всѣхъ горахъ и даже на обширныхъ равнинахъ; онъ обыкновененъ въ Греціи, Италіи и Франціи, рѣже въ Швейцаріи, совершенно истребленъ въ средней и сѣверной Германіи, а также въ Великобританіи, очень обыкновененъ въ восточной

Европѣ. Венгрія и Галиція, Кроація, Крайна, Сербія, Боснія, расположенныя по Дунаю княжества, Польша, Россія, Швеція, Норвегія и Лапландія — вотъ тѣ страны, гдѣ волкъ встрѣчается еще въ несмѣтномъ количествѣ. Въ Исландіи и на островахъ Средиземнаго моря онъ никогда, повидимому, не водился, но встрѣчается въ горныхъ странахъ Атласа. Кромѣ того онъ распространенъ по всей сѣверной и средней Азіи, по Афганистану и Белуджистану вплоть до долины рѣки Инда, гдѣ доходить, можетъ быть, до верхняго Пенджаба. Въ Сѣверной Америкѣ онъ замѣ-



Волкъ (*Canis lupus*). $\frac{1}{9}$ настоящ. велич.

няется столь близкимъ родственникомъ, что въ область его распространенія включается и эта часть свѣта, а сѣверо-американская и даже мексиканская формы волка считаются за подвиды нашего.

Древніе прекрасно знали волка. О немъ повѣствуютъ многіе греческіе и римскіе писатели, а нѣкоторые изъ нихъ говорятъ о немъ не только съ тѣмъ полнымъ отвращеніемъ, которое всегда внушалъ бирюкъ, но и съ затаеннымъ страхомъ передъ ужасными и таинственными свойствами этого животнаго. Въ древне-германской мифологіи волкъ посвященъ Водану и къ нему относятся скорѣе съ почтеніемъ, чѣмъ съ отвращеніемъ; отвращеніе явилось уже гораздо позднѣе, когда христіанское ученіе вытѣснило у нашихъ предковъ языческое міросозерцаніе. Съ тѣхъ поръ Воданъ превратился въ „дикаго охотника“, а волки его — въ собакъ; наконецъ, уже явилось сказаніе о волкѣ-оборотнѣ, чудовищѣ, которое бываетъ то волкомъ, то человѣкомъ и наводитъ ужасъ на наивныхъ и суевѣрныхъ людей.

Волкъ все болѣе и болѣе вытѣсняется изъ населенныхъ мѣстъ, но, тѣмъ не менѣе, послѣдній день существованія его настанетъ въ культурной Европѣ, повидимому, еще не скоро. Въ прошломъ столѣтіи вредный хищникъ этотъ водился еще во всѣхъ болѣе обширныхъ лѣсахъ Германіи, да и въ настоящемъ столѣтіи убиваютъ волковъ, по оффиціальнымъ даннымъ, еще тысячами. Въ предѣлахъ Пруссіи было застрѣлено въ 1817 году 1080 волковъ. Въ одной только Помераніи было ихъ добыто въ 1800 году—118, въ 1801—109, въ 1802—102, въ 1803—186, въ 1804—112, въ 1805—85, въ 1806—76, въ 1807—12, въ 1808—37 и въ 1809—43 штуки. Позднѣе они сдѣлались рѣже, но число ихъ сильно увеличилось въ странѣ во время бѣгства изъ Россіи французскаго войска, доставлявшаго имъ большую поживу въ видѣ труповъ.

Волкъ живетъ въ уединенной, тихой мѣстности и въ глуши, особенно предпочитая густые, мрачные лѣса, болотистые и сухіе пустыри, а на югѣ — степи. Онъ устраиваетъ себѣ логовище даже въ небольшихъ заросляхъ кустарника, на кочкахъ болотъ, въ тростникахъ, маисовыхъ поляхъ, а въ Испаніи не пренебрегаетъ и хлѣбными полями часто въ непосредственной близости деревень. Въ густо населенныхъ мѣстахъ онъ выходитъ за добычей до сумерекъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, но въ глухихъ лѣсахъ становится оживленнымъ, какъ и лисица при подобныхъ же условіяхъ, уже въ послѣ-полуденные часы; онъ рыщетъ повсюду, высматривая себѣ что-либо съѣдобное, чтобы утолить свой вѣчный голодъ. Весною и лѣтомъ онъ живетъ въ одиночку, много по два, по три экземпляра, осенью — семьями, а зимою сбивается въ болѣе или менѣе обширныя стаи, смотря по тому, насколько мѣстность благоприятствуетъ этой стадности.

Разъ сплотившись вмѣстѣ, волки справляютъ уже всѣ свои дѣла сообща; каждый изъ нихъ старается помочь своему товарищу и зоветъ его въ случаѣ нужды воемъ. Вся стая бродитъ, какъ одинъ волкъ, вдоль подошвы горной цѣпи, переходитъ равнину, перерѣзываетъ по всѣмъ направленіямъ цѣлую страну, перебѣгая изъ лѣса въ лѣсъ, и появляется, такимъ образомъ, вдругъ въ такой мѣстности, гдѣ волковъ не наблюдали, можетъ быть, много уже лѣтъ подрядъ. Доказано, что въ поискахъ за добычей волкъ въ одну ночь пробѣгаетъ иногда отъ 40 до 70 километровъ. Нерѣдко, а зимою при глубокомъ снѣгѣ даже почти всегда, стадо волковъ идетъ вереницей, въ которой волкъ слѣдуетъ за волкомъ вплотную, какъ индѣйцы въ походѣ, стараясь по возможности попадать въ слѣдъ своего товарища. Въ этихъ случаяхъ даже опытному охотнику не всегда удается опредѣлить изъ сколькихъ головъ состояло данное стадо.

Большая подвижность волка требуетъ затраты силы, сопряженной съ быстрымъ обмѣномъ вещества въ его тѣлѣ и несоразмѣрнаго съ его ростомъ количества пищи; вслѣдствіе этого опасный хищникъ наноситъ весьма существенный вредъ животному населенію всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ встрѣчается. Любимую добычу его составляютъ какъ домашнія, такъ и дикія животныя двухъ высшихъ классовъ позвоночныхъ; онъ довольствуется однако уже самыми мелкими изъ нихъ, жретъ даже насѣкомыхъ, а также не пренебрегаетъ и растительной пищей; увѣряютъ, что онъ ѣстъ, между прочимъ, кукурузу, дыни, тыкву, огурцы, картофель и т. п.

Можно было бы помириться со значительнымъ и безъ того уже вредомъ, причиняемымъ волкомъ, если бы послѣдній не истреблялъ по своей кровожадности много больше животныхъ, чѣмъ требуется для удовлетворенія его голода. Но необузданная страсть къ охотѣ и ненасытная жадность до крови дѣлаютъ его бичемъ для пастуховъ и охотниковъ и заклятымъ врагомъ человѣка вообще. Лѣтомъ волкъ наноситъ много меньше вреда, чѣмъ зимою. Помимо дичи, лѣсъ доставляетъ ему и еще кое-какую добычу: лисицу, ежа, мышей, различныхъ птицъ и пресмыкающихся, наконецъ, растительную пищу; вслѣдствіе этого, изъ домашнихъ животныхъ жертвой его въ это время становится развѣ какой-нибудь ягненокъ или баранъ, бродящій безъ призора по близости его логовища. Среди дичи хозяйничаетъ волкъ въ эту пору ужасно: онъ рветъ лосей, оленей, ланей, дикихъ козъ, уничтожаетъ всѣхъ зайцевъ округа, гдѣ онъ живетъ, но крупный рогатый скотъ становится его достояніемъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Иногда волкъ, въ теченіе

долгаго времени, довольствуется исключительно низшей охотой: цѣлыми сотнями верстъ слѣдуетъ за леммингами и питается тогда только ими, разыскиваетъ ящерицъ, ловить ужей и лягушекъ, наконецъ, подбираетъ майскихъ жуковъ. Онъ до страсти любитъ падалъ и является сильнымъ конкурентомъ рыси тамъ, гдѣ встрѣчается съ нею вмѣстѣ.

Совершенно иначе проявляетъ себя волкъ осенью и зимою. Теперь онъ рыщетъ безпрестанно вокругъ пасущихся стадъ и не даетъ уже спуску ни мелкому, ни крупному скоту; онъ оставляетъ въ покоѣ развѣ способныхъ защититься лошадей, быковъ да свиней, но и то только тогда, когда животныя эти держатся дружнымъ стадомъ, а самъ онъ не успѣлъ еще образовать стаю. Съ приближеніемъ зимы онъ все ближе и ближе подбирается къ селеніямъ, доходить до пригородовъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ русскихъ городовъ, заходитъ въ венгерскія и кроатскія деревни, проникаетъ даже въ городъ величиною съ Аграмъ, а въ болѣе мелкихъ мѣстечкахъ и деревенькахъ производитъ правильную охоту, особенно на собакъ, составляющихъ его любимую, а въ зимнее время и единственную, легко доступную ему здѣсь пищу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускаетъ, конечно, случая забраться безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ хлѣвъ и беспощадно передушить тутъ весь наличный мелкій скотъ; но такія вторженія нахальнаго хищника принадлежатъ все же къ рѣдкимъ явленіямъ, тогда какъ деревенскій житель каждую зиму теряетъ, благодаря ему, большую часть своихъ псовъ, а охотникъ въ теченіе лѣта нѣсколькихъ изъ своихъ вѣрныхъ помощниковъ. Охотясь стаями, волки нападаютъ также на лошадей и крупный рогатый скотъ, несмотря на то, что эти животныя умѣютъ защитить свою шкуру. Въ Россіи стараются увѣрить, что голодные стаи волковъ нападаютъ даже на медвѣдей и будто бы побѣждаютъ ихъ послѣ упорной борьбы. Достоверно только то, что волкъ охотится за любымъ животнымъ, котораго рассчитываетъ одолѣть. Тѣмъ не менѣе, всегда и вездѣ старается онъ, по возможности, не начинать борьбы съ человѣкомъ. Страшные разсказы, сообщаемые о волкѣ, какъ и о тигрѣ, и украшенные силой нашего воображенія заключаютъ въ себѣ лишь малую долю правды. Обезумѣвшая отъ голода стая волковъ, конечно, не упуститъ случая напасть, разорвать и сожрать даже вооруженнаго человѣка, но вообще опасность отъ волковъ тамъ, гдѣ они водятся, далеко не такъ велика, какъ ее себѣ представляютъ. Въ одиночку волкъ врядъ ли рѣшится когда нибудь напасть на сильнаго человѣка, хотя бы онъ былъ вооруженъ лишь простой дубиной; для этого необходимо стеченіе уже особенно неблагоприятныхъ условій. Безоружныя женщины и дѣти подвергаются, понятно, уже большей опасности.

Какъ вреденъ можетъ быть волкъ, видно изъ нижеслѣдующаго. У кочевыхъ народовъ и вообще у всѣхъ тѣхъ, кто занимается скотоводствомъ, нѣтъ худшаго врага, чѣмъ онъ. Случается, что волкъ дѣлаетъ разведеніе скота невозможнымъ. Одинъ волкъ, рыскавшій, по Кобеллю, девять лѣтъ подрядъ въ окрестностяхъ Шлирскаго и Тегернскаго озера, умертвилъ въ это время по оффиціальнымъ даннымъ около 1,000 барановъ и много различной дичи; вредъ, нанесенный имъ, былъ опѣненъ, такимъ образомъ, въ суммѣ 8—10,000 гульденовъ. Въ Лапландіи слово „Friede“ (миръ) понимается только въ смыслѣ безопасности отъ волковъ; съ другой стороны здѣсь ведутъ войну только съ однимъ существомъ и это — съ волкомъ, наносящимъ самый чувствительный вредъ живой собственности бѣдныхъ номадовъ сѣвера. Великъ вредъ отъ волка также и въ Испаніи. Въ Россіи добычей его становится до 180,000 головъ крупнаго рогатаго скота и втрое больше мелкаго скота ежегодно; Лазаревскій исчисляетъ убытокъ, причиняемый ежегодно волками уничтоженіемъ домашняго скота, въ 15 милліоновъ, а истребленіемъ полезной дичи въ 50 милліоновъ. Кромѣ того, волки часто заболѣваютъ водобоязнью и становятся въ это время еще опаснѣе для людей и животныхъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что опасный звѣрь этотъ распространяетъ страхъ и ужасъ не только между людьми, но и среди животнаго населенія тѣхъ странъ, гдѣ онъ встрѣчается въ большомъ количествѣ. Лошади, почуявъ волка, становятся до крайности безпокойны, а остальные домашнія животныя, за

исключеніемъ собакъ, тотчасъ же обращаются въ бѣгство, коль скоро почувствуютъ малѣйшую опасность отъ заклятаго ихъ врага. Но для хорошихъ собакъ нѣтъ, повидимому, лучшаго удовольствія, какъ охота на волка; впрочемъ собаки вообще отличаются тѣмъ, что любятъ особенно ту охоту, которая представляетъ наибольшую опасность. Не понятна или, по крайней мѣрѣ, удивительна та ненависть, которая существуетъ между столь близкими родственниками, каковы собака и волкъ.

И другія домашнія животныя умѣютъ защищаться отъ волковъ. Въ степяхъ южной Россіи волки живутъ въ глубокихъ норахъ, которыя выкапываютъ себѣ сами. Звѣри эти постоянно бродятъ ночью вокругъ пасущихся въ степи стадъ и табуновъ. Къ косяку лошадей приближаются они съ большою осторожностью, стараются напасть на какого нибудь одинокаго жеребенка или на отбившуюся отъ табуна лошадь, кидаются имъ на горло и умерщвляютъ такимъ образомъ. Но если остальные лошади замѣтятъ волка, онѣ тотчасъ же бросаются на него и бьютъ его копытами переднихъ ногъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обратится въ бѣгство, жеребцы же кусаютъ его въ то же время еще и зубами. Въ такое же неловкое положеніе попадаетъ изегримъ, если ему вздумается полакомиться въ лѣсахъ Испаніи или Кроаціи свининкой. Одинокій кабанъ, можетъ быть, и становится его добычей, но болѣе обширное, сплоченное стадо этихъ животныхъ можетъ чувствовать себя въ полной безопасности отъ волковъ. Упусти онъ въ этомъ случаѣ моментъ для своего спасенія, и разъяренные вепри безжалостно изомнутъ его, а затѣмъ сожрутъ съ тѣмъ же наслажденіемъ, которое предвкушалъ онъ самъ, собираясь поживиться свининой.

Волку свойственны тѣ же качества, что и собакѣ, а одаренъ онъ тоже не меньше, чѣмъ она: онъ такъ-же силенъ, такъ-же выносливъ, какъ и она, внѣшнія чувства его и умственные способности не уступаютъ собачьимъ. Но волкъ одностороннѣе въ своемъ развитіи, менѣе благороденъ, чѣмъ его прирученный родственникъ, и, безъ сомнѣнія, только потому, что не прошелъ школу человѣка. Смѣлость его не соотвѣтствуетъ его силѣ: пока онъ не голоденъ, онъ является однимъ изъ самыхъ трусливыхъ, самыхъ боязливыхъ животныхъ. Онъ боится тогда не только человѣка и собакъ, бѣжитъ не только отъ коровы и козла, но отступаетъ даже передъ стадомъ овецъ, если онѣ сплотились и направили въ его сторону головы. Волкъ ни чуть не уступаетъ лисицѣ въ хитрости, лукавствѣ, умѣньи притворяться и осторожности; онъ скорѣе превосходитъ ее во всѣхъ этихъ качествахъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ поступаетъ сообразно съ обстоятельствами, обдумываетъ предварительно свои поступки и умѣетъ найти выходъ даже изъ затруднительнаго положенія. Онъ подкрадывается къ своей добычѣ съ одинаковыми хитростью и осторожностью; онъ бѣжитъ, разсуждая даже тогда, когда его преслѣдуютъ. Обоняніе, слухъ и зрѣніе волка развиты одинаково хорошо. Утверждаютъ, что онъ не только чувствуетъ по слѣду, но и идетъ верхнимъ чутьемъ. Точно также онъ прекрасно знаетъ, какому животному принадлежитъ слѣдъ, на который онъ случайно наткнулся во время своихъ странствованій: онъ слѣдуетъ имъ тогда, не давая сбивать себя остальными. Трусость его, хитрость и высокое развитіе внѣшнихъ чувствъ лучше всего сказываются тогда, когда онъ дѣлаетъ нападеніе.

У матерыхъ волковъ течка начинается въ концѣ декабря и продолжается до половины января. Черезъ 63—64 дня волчица мечетъ въ защищенномъ уголкѣ глухого лѣса отъ 3 до 9, чаще всего 4—6 щенятъ. Дѣтеныши остаются слѣпыми въ теченіе 21 дня, сначала растутъ медленно, впослѣдствіи же очень быстро, ведутъ себя точь въ точь, какъ молодые собаки, весело играютъ другъ съ другомъ, а иногда возятся между собой съ громкимъ лаемъ и визгомъ, слышными на далекое разстояніе. Мать относится къ нимъ съ нѣжностью доброй собаки, лижетъ и чиститъ ихъ, кормитъ своихъ щенятъ молокомъ очень долго, доставляетъ имъ затѣмъ обильную пищу, всегда соотвѣтствующую ихъ возрасту, всячески старается не выдать ихъ присутствіе, а если что либо возбудило ея подозрѣніе, тотчасъ же переноситъ ихъ въ зубахъ въ другое, по ея мнѣнію, болѣе безопасное мѣсто. Волкъ живетъ, по всей вѣроятности, отъ 12 до 15 лѣтъ.

Многочисленные опыты доказали, что отъ спариванія волка съ сукою или

кобеля съ волчицею происходитъ способное къ размноженію потомство. Ублюдки эти не всегда обнаруживаютъ столько же признаковъ собаки, сколько и волка, да къ тому же и щенки одного помета бываютъ очень различны. Обыкновенно гибриды эти больше походятъ на волка, чѣмъ на собаку, хотя встрѣчаются между ними и такіе, которыхъ трудно отличить отъ послѣдней.

Взятые смолоду и разумно воспитанные волченята становятся очень ручными и выказываютъ большую привязанность къ своему господину. Кювье сообщилъ объ одномъ молодомъ волкѣ, который былъ воспитанъ какъ собака и, по достиженіи полного роста подаренъ своимъ хозяиномъ парижскому Jardin des plantes. Здѣсь онъ былъ нѣсколько недѣль сряду совершенно безутѣшенъ, ѣлъ очень мало и относился вполнѣ равнодушно къ своему сторожу. Наконецъ онъ почувствовалъ привязанность къ тѣмъ, кто ходилъ и занимался съ нимъ, и, казалось, забылъ о своемъ бывшемъ господинѣ. Послѣдній возвратился въ Парижъ послѣ 18-мѣсячнаго отсутствія. Волкъ тотчасъ же отличилъ его голосъ среди происходившаго вокругъ него говора и выказалъ безграничную радость, какъ только его выпустили изъ клѣтки.

Для истребленія волковъ пускаются въ ходъ всѣ средства: порохъ, свинецъ и коварно замаскированный ядъ, предательская петля и ловушка, дубина и всякое другое оружіе. Громадное большинство волковъ умерщвляется, по всей вѣроятности, стрихниномъ. Когда къ зимѣ начинается у волковъ недостатокъ пищи, начинаютъ ядомъ дохлаго барана и кладутъ его въ качествѣ привады. Для этого съ овцы сдираютъ кожу и, вырѣзавъ мясо, всыпаютъ въ него небольшими количествами ядъ. Затѣмъ на животное снова натягиваютъ шкуру и кладутъ его на мѣсто, гдѣ чаще всего рыщутъ волки. Ни одинъ волкъ не успѣваетъ наѣсться досыта подобной привадою, потому что уже очень скоро начинаетъ чувствовать дѣйствіе яда, отъ котораго и погибаетъ. Такой способъ уничтоженія этихъ хищниковъ — самый выгодный. Очень дѣйствительнымъ средствомъ являются также ловчія ямы, имѣющія около 3 метровъ глубины и до 2,5 метровъ въ поперечникѣ. Ямы эти прикрываются легкой покрывкой изъ тонкихъ, гибкихъ вѣтвей и моха, а на середину крышки кладется приманка. Для предостереженія проходящаго мимо человѣка и для того, чтобы волкъ не могъ долго разнюхивать въ чемъ дѣло, яму обносятъ оградой, черезъ которую хищникъ долженъ сдѣлать прыжекъ, если захочетъ добратся до добычи.

Въ густо населенныхъ мѣстностяхъ для облавы на волка сгоняютъ массу народа. Иногда поднимаются цѣлыя волости, если найдутъ слѣдъ волка. Въ большихъ лѣсничествахъ Польши, Познани, Восточной Пруссіи, Литвы и т. д. спеціально для волчьей охоты прорубили въ лѣсахъ широкія просѣки и раздѣлили ихъ такимъ образомъ на болѣе мелкіе четырехугольники.

Совершенно иначе охотятся на волковъ жители русскихъ степей. Огнестрѣльное оружіе кажется имъ для этой цѣли совершенно излишнимъ. За поднятымъ волкомъ конные охотники несутся до тѣхъ поръ, пока онъ не выбьется изъ силъ, послѣ чего его убиваютъ.

Наибольшая польза, которую мы можемъ извлечь изъ волка, заключается въ его зимнемъ мѣхѣ, представляющемъ, какъ извѣстно, прекрасную, теплую шубу. Самыя лучшія и большія шкуры идутъ изъ Скандинавіи, сѣверной Россіи, Сибири и изъ сѣвернаго Китая; цѣна ихъ колеблется отъ 10 до 25 марокъ за штуку. Многія правительства платятъ, кромѣ того, премію за убитаго волка, причемъ совершенно безразлично, какимъ способомъ онъ добытъ; онъ можетъ быть застрѣленъ, убитъ дубиной, пойманъ или отравленъ.

Здѣсь мы можемъ упомянуть лишь кратко о близко родственномъ нашему волку видѣ. По всей сѣверной части Америки распространенъ буланный волкъ (*Canis occidentalis*); это крупное, но для человѣка безопасное животное, цвѣтъ котораго варьируетъ отъ булано-бѣлаго и блѣдно-рыжаго до чернаго и которое по образу жизни походитъ на обыкновеннаго волка. Въ сѣверо-восточной Африкѣ водится мелкій родственникъ изегрима, т. наз. африканскій волкъ или абу-

эль-госсеинъ арабовъ (*Canis anthus*), который былъ извѣстенъ древнимъ египтянамъ, часто рисовавшимъ его на своихъ памятникахъ. Голова у него съ острой мордой и съ широкими ушами, а туловище коренастое; онъ темнаго булано-бураго цвѣта, который, однако, значительно мѣняется, смотря по мѣстности, гдѣ волкъ этотъ живетъ. Пищею ему служить мелкая дичь, падалъ и плоды; но иногда онъ собирается въ стаи и охотится за стадами домашнихъ овецъ и козъ.

По сложенію близокъ къ нашему волку полосатый волкъ (*Canis adustus*), представляющій нѣчто среднее между волкомъ и шакаломъ. Тѣло его вытянуто въ длину, голова конусообразно суживается къ мордѣ и нѣсколько на-



Полосатый волкъ (*Canis adustus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

поминаетъ лисью; глаза прорѣзаны вкось; широко, какъ у шакала, отставленные уши слегка закруглены на концахъ; ноги очень длинны и тонки; хвостъ свѣшивается до земли.

„Полосатый волкъ“, говоритъ Пехуэль-Лёше, наблюдавшій его въ Нижней Гвинее, особенно въ Лоанго, какъ въ дикомъ, такъ и въ прирученномъ состояніи, „крупнѣе нашей лисицы и имѣетъ ноги много длиннѣе, чѣмъ у нея; у него такое же хитрое выраженіе лица, но съ болѣе благородными и добродушными чертами. Это очень живая, подвижная и ловкая животная, наблюдать которыхъ доставляетъ чистое удовольствіе. Они подходятъ къ самому жилью, потому что деревенскія собаки и не думаютъ затѣвать съ ними ссору, а туземцы Лоанго, называющіе полосатыхъ волковъ мбулу, тоже ихъ не преслѣдуютъ. Протяжный, пронзительный лай мбулу слышится по ночамъ и утромъ въ теченіе всего года; онъ такъ громокъ и звученъ, что новичекъ непременно испугается, когда услышитъ его впервые въ самой близи деревни или лагеря. Жалобный вой одного

мбулу во-время еще вызвалъ насъ однажды на опушку кустарниковой заросли, гдѣ животное сдѣлалось добычей крупнаго питона. Мы постарались освободить его выстрѣломъ по змѣѣ; сначала онъ совершенно опѣшилъ, но затѣмъ съ визгомъ убрался прочь.

„Полувзрослыхъ полосатыхъ волковъ мы часто держали на дворѣ. Одинъ изъ нихъ превратился въ очень красивое животное и сдѣлался такимъ ручнымъ и послушнымъ, что ему скоро можно было предоставить полную свободу. Онъ бѣгалъ не только внутри ограды и заходилъ въ комнаты, но и рыскалъ по цѣлымъ часамъ въ сосѣднихъ поляхъ, лѣсахъ и рощахъ. Онъ искалъ тамъ жуковъ, ловилъ кузнечиковъ, рѣзко прыгая за ними, несомнѣнно хваталъ изъ маленькихъ млекопитающихъ кое-какого звѣрька, а иногда и неосторожную птичку. Къ сожалѣнію, однако, онъ не ловилъ крысъ, которыя сильно досаждали намъ. Домашнюю птицу нашу онъ пересталъ трогать послѣ того, какъ получилъ однажды легкое наказаніе за поимку курицы. Если онъ кое-когда и заглядывался на лакомый кусокъ, то стоило только крикнуть „цыцъ!“ или произнести слово запрещенія, чтобы тотчасъ же вернуть его на путь истинный. Иногда онъ пропадалъ цѣлый день, но всегда возвращался вечеромъ, появляясь въ столовой, чтобы получить подачку.

Если ему не давали ничего дольше, чѣмъ онъ считалъ это приличнымъ, онъ толкалъ насъ носомъ въ ногу, а, въ концѣ концовъ, клалъ свою голову намъ на колѣни. Онъ принималъ съ благодарностью все: хлѣбъ, бобы, рисъ, рыбу, мясо, даже сырые бананы и орѣхи, но раскусывалъ только тонкія кости. Если съ нимъ занимались, заговаривали привѣтливо, онъ смотрѣлъ радостно и добродушно, но только рѣдко махалъ хвостомъ. Голосъ человѣка производилъ на него въ этихъ случаяхъ такое сильное впечатлѣніе, какое я наблюдалъ еще только у гориллы; онъ положительно бывалъ очарованъ имъ“.

Шакалъ (*Canis [Lupus] aureus*) есть то самое животное, которое древніе называли Оосъ и золотой волкъ; по всей вѣроятности, онъ-же упоминается подъ именемъ лисицы въ исторіи о Самсонѣ, который сжегъ жатву филистимлянамъ при посредствѣ названныхъ животныхъ. На Востокѣ шакалъ извѣстенъ повсемѣстно и въ произведеніяхъ народной литературы играетъ ту же роль, что у насъ лисица.

Шакалъ достигаетъ длины тѣла въ 65—68, а хвоста въ 22—30 сантиметровъ, высота-же его загривка равна 45—50 см. Тѣлосложеніе его крѣпкое, ноги высокія, морда острѣе, чѣмъ у волка, но тупѣе, чѣмъ у лисицы; пушистый хвостъ его свѣшивается до пятокъ. Уши короткія, а свѣтло-каріе глаза имѣютъ круглый зрачекъ. Тѣло покрыто мѣхомъ, состоящимъ изъ жесткихъ волосъ средней длины и окрашеннымъ въ цвѣтъ, трудно поддающійся описанію. Основной фонъ его грязный солово-или сѣро-желтый, приобретающій на спинѣ и на бокахъ болѣе черный оттѣнокъ, а иногда разрисованный черной волнистой пестриной. Такая окраска находится въ рѣзкомъ контрастѣ съ солово-рыжимъ цвѣтомъ боковъ тѣла, ногъ, шеи и боковъ головы. Этотъ солово-рыжій цвѣтъ переходитъ на горлѣ и на брюхѣ въ бѣловато-желтый, на груди въ рыжевато-желтый, а на нижней сторонѣ шеи въ сѣрый.

Настоящей родиной шакала слѣдуетъ считать Азію. Отъ Индіи онъ распространяется по западной и сѣверо-западной части этого континента черезъ Белуджистанъ, Афганистанъ, Персію, Кавказъ, Малую Азію, Палестину, Аравію въ сѣверную Африку, но встрѣчается также въ Европѣ, именно въ Турціи, Греціи и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Далмаціи. Въ Индіи и на Цейлонѣ онъ водится повсюду, какъ въ лѣсахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ равнинахъ, такъ и въ горахъ; а въ Гималаѣ поднимается выше 1000 метровъ абсолютной высоты.

Образъ жизни шакала представляетъ нѣчто среднее между образомъ жизни волка и лисицы, но животное обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи все-же больше сходства съ послѣдней. Днемъ онъ прячется, а вечеромъ выходитъ на охоту и, созвавъ громкимъ лаемъ своихъ собратьевъ, начинаетъ бродить съ ними сообща.

Онъ очень общественъ, хотя охотится въ одиночку. Возможно, что шакаль является самымъ дерзкимъ и навязчивымъ представителемъ всей дикой собачьей породы. Онъ положительно не боится близости человѣческаго жилья, заходитъ въ самыя деревни и даже въ многолюдные города, врывается во дворы и дома и тащить оттуда все, что считаетъ годнымъ для себя. Этой навязчивостью онъ надѣдаетъ и тяготитъ много больше, чѣмъ своими ночными концертами, которые задаетъ съ замѣчательной выдержкой. Лишь только наступитъ глухая ночь, тотчасъ-же становится слышенъ крайне жалобный многоголосный вой, напоминающій завываніе нашихъ собакъ, но болѣе разнообразный, чѣмъ оно. Выраженіемъ скорби вой этотъ считается не можетъ, потому что шакалы воютъ даже тогда, когда у нихъ вполне достаточно пищи.

Есть и другія причины ненавидѣть это животное. Незначительная польза, приносимая имъ, значительно превосходитъ вредъ отъ него. Шакалы полезны тѣмъ, что уничтожаютъ падалъ и ловятъ различныхъ вредныхъ животныхъ, главнымъ образомъ, мышей, вредятъ-же своимъ безсовѣстнымъ воровствомъ. Они не только жрутъ все съѣдобное, но и крадутъ всякую подходящую имъ вещь изъ палатокъ, комнатъ и кухонъ, со дворовъ и изъ хлѣбовъ. Страсть къ воровству развита у нихъ не меньше, чѣмъ прожорливость. На птичьемъ дворѣ шакаль играетъ роль нашей лисицы; онъ душитъ птицу съ жадностью куницы, а крадетъ, если не съ хитростью, то съ дерзостью лисы. При случаѣ шакалы нападаютъ и на мелкій скотъ, на какого-нибудь одинокаго барашка или козу, преслѣдуютъ мелкую дичь, опустошаютъ плодовые сады и виноградники. Въ Индіи, говорятъ, они вредятъ даже сахарнымъ плантаціямъ и маисовымъ полямъ, а также наносятъ ущербъ кофейнымъ насажденіямъ, пожирая значительное количество спѣлыхъ ягодъ. Кофейныя бобы проходятъ, впрочемъ, черезъ кишечникъ шакала не переваренными; ихъ усердно собираютъ, потому что они доставляютъ будто-бы самый лучший сортъ кофе. Возможно, что это правда, но, во всякомъ случаѣ, не потому, что бобы прошли черезъ тѣло животнаго, а оттого, что шакалы выбираютъ самые вкусныя плоды.

Пойманный смолоду, шакаль быстро приручается, причемъ становится много ручнѣе, чѣмъ лисица. Онъ совершенно привыкаетъ къ своему хозяину, слѣдуетъ за нимъ, какъ собака, даетъ себя ласкать или требуетъ ласки, какъ и она, бѣжитъ на зовъ, привѣтливо виляетъ хвостомъ, когда его гладятъ, однимъ словомъ, — отличается тѣми же качествами и привычками, какъ и домашняя собака. Человѣку подчиняются даже старые шакалы, какъ-бы они ни были задорны сначала.

Извѣстный американскій волкъ, такъ называемый луговой волкъ или койоте (*Canis latrans*), является связующимъ звеномъ между волками и лисицами, хотя волчья природа въ немъ все-же преобладаетъ. Отъ первыхъ къ нему перешли тѣлосложеніе, хвостъ и сильныя ноги, а отъ вторыхъ онъ заимствовалъ острую морду. Тѣло его кажется плотнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, оттого, что онъ покрытъ необыкновенно густой шерстью. Шея у него короткая и толстая; голова уже, чѣмъ у волка, сверху широкая, морда заостренная; уши довольно велики, въ нижней своей части широкія, но на верхушкѣ не закруглены. Свѣтло-каріе глаза имѣютъ круглый зрачекъ. Мѣхъ окрашенъ въ грязный желтовато-сѣрый цвѣтъ.

Луговой волкъ широко распространенъ во внутренней части сѣверной Америки, приблизительно къ западу отъ Миссисиппи, отъ британскихъ владѣній къ югу до Центральной Америки, а можетъ быть и до Панамскаго перешейка; онъ особенно обыкновененъ на равнинахъ вдоль теченія Миссури, въ Калифорніи и въ Колумбіи. Принцъ фонъ-Видъ, которому мы обязаны, наравнѣ съ Одюбономъ, лучшими описаніями образа жизни этого животнаго, говоритъ, что луговой волкъ всегда держится поодинокѣ или парами и живетъ подобно нашему европейскому волку. Онъ нападаетъ на всѣхъ животныхъ, съ которыми можетъ справиться, а хитростью совершенно напоминаетъ нашихъ волковъ и лисицъ. Ночью онъ часто подходитъ къ селеніямъ индѣйцевъ, а зимою его нерѣдко можно

встрѣтить и днемъ, какъ нашихъ волковъ во время большихъ холодовъ и при глубокомъ снѣгѣ. Во время спариванія онъ живетъ въ вырытыхъ имъ самимъ норахъ, въ которыхъ самка мечетъ, по рассказамъ, въ апрѣлѣ отъ 6 до 10 щенятъ. Въ это время въ преріяхъ слышится голосъ луговыхъ волковъ; онъ представляетъ своеобразный, нѣсколько протяжный лай, немного напоминающій голоса нашихъ лисицъ.

О жизни въ неволѣ я могу сообщить по собственнымъ наблюденіямъ. У меня долго жилъ одинъ луговой волкъ, воспитанный въ комнатѣ и такой-же послушный, какъ добрая собака; такимъ онъ былъ, однако, только со знакомыми ему лицами. Онъ всѣмъ напоминалъ домашнюю собаку. Онъ отъ радости прыгалъ на своихъ



Луговой волкъ или Кофоте (*Canis latrans*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

пріятелей, вилялъ хвостомъ и подбѣгалъ къ рѣшеткѣ своей клѣтки, чтобы давать себя ласкать. Онъ никогда не лизалъ, однако, трепавшую его руку, а только обнюхивалъ ее. Оставаясь одинъ, онъ сильно скучалъ и начиналъ жалобно выть; но если ему давали какое нибудь животное въ товарищи, то волкъ сильно обижалъ его, если это не былъ такой-же кусака, какъ и онъ самъ.

Онъ былъ необыкновенно отзывчивъ на жалобные звуки другихъ животныхъ, всегда подтягивалъ завыванію волковъ и отвѣчалъ даже на ревъ медвѣдей. Если съ нимъ заговаривали жалобнымъ голосомъ, какъ-бы сожалѣя его, онъ тотчасъ же начиналъ выть и визжать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя домашнія собаки при подобныхъ-же условіяхъ. Музыка тоже заставляла его издавать громкія жалобы, но, конечно, вытье его не представляло ничего серьезнаго

Сравнительно низко организованнымъ представителемъ волковъ сѣвернаго полушарія считается енотовая собака (*Canis procyonoides*, лучше *Nyctereutes viverrinus*), своеобразное животное, свойственное умѣренной полосоѣ

восточной Азіи и особенно часто встрѣчающееся въ Китаѣ и Японіи. Внѣшнимъ видомъ своимъ оно напоминаетъ куницу, ведетъ ночной образъ жизни и питается, главнымъ образомъ, мышами и рыбою.

По новѣйшимъ взглядамъ, этому животному родственны нѣкоторые изъ южно-американскихъ волковъ, изъ которыхъ мы назовемъ майконга или карасисси (*Canis cancrivorus*) и агуарахая или, т. наз., бразильскую лисицу (*Canis vetulus* или *C. Azarae*). Отечество послѣдняго вида составляетъ вся Южная Америка отъ Тихаго до Атлантическаго океана и отъ экватора до южной оконечности Патагоніи. Это животное отличается странной особенностью: оно крадетъ и прячетъ всевозможные, совершенно ему ненужные предметы. Чуди нашелъ въ норѣ „дорры“, какъ называютъ его бразильцы, кусокъ стремени, шпору и ножикъ.

*

Второй подродъ волковъ (*Lycan*) составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ красивѣе всего разрисованный видъ разсматриваемаго рода—гіеновая собака. Тѣло у этого подрода тонкое, но все же достаточно плотнаго сложенія; голова средней величины, скорѣе малая, чѣмъ большая; глаза съ круглымъ зрачкомъ и велики. Дальнѣйшими отличительными признаками подрода будутъ: умѣренно длинныя ноги съ сильными лапами, изъ которыхъ переднія снабжены, въ противоположность всѣмъ остальнымъ собакамъ, тоже лишь четырьмя пальцами; не особенно пушистый хвостъ средней длины и, наконецъ, крайне замѣчательно окрашенный покровъ изъ короткихъ и гладкихъ волосъ.

Гіеновая собака или пестрый волкъ (*Canis [Lycan] pictus*), величиною съ небольшого волка или съ овчарку средней величины, но внѣшнимъ видомъ больше походить на послѣднюю. Несмотря на легкость и стройность тѣлосложенія, гіеновая собака производитъ впечатлѣніе крѣпкаго и сильнаго животного. Врядъ ли найдутся два экземпляра этого вида, которые были бы окрашены совершенно одинаково; остается постояннымъ только рисунокъ головы и зашейка. Преобладающими цвѣтами окраски являются бѣлый, черный и охристо-желтый; у однихъ индивидовъ преобладаетъ бѣлый, у другихъ черный цвѣтъ; на томъ или иномъ фонѣ рѣзко выступаютъ, такимъ образомъ, то свѣтлыя, то темныя пятна другого цвѣта. Сами пятна тоже неправильны, то мельче, то крупнѣе, очень разнообразной формы и часто разбросаны по всему тѣлу, но бѣлыя и охристыя изъ нихъ всегда окаймлены чернымъ. Морда черная, вплоть до глазъ, и черный цвѣтъ ея распространяется длинными полосами между глазъ и ушей, вдоль темени, затылка и зашейка. Уши черныя, глаза бурые. Основаніе хвоста охристаго, середина его черного, а пушистый конецъ бѣлаго или охристо-желтаго цвѣта.

Отечество гіеновой собаки составляетъ Африка, но область распространенія ея здѣсь выяснена еще не вполне точно. Она водится въ южной Африкѣ; въ восточной части послѣдней ее видѣлъ Бемъ какъ къ востоку, такъ и къ юго-западу отъ озера Танганайки; въ Нубіи нашелъ ее Рюппель; по словамъ Швейнфурта, она очень обыкновенна въ странѣ Бонго, точно также, какъ и въ Канемѣ, у озера Чадъ, по Нахтигалю.

Гордонъ Кеммингъ познакомился съ этимъ видомъ въ южной Африкѣ и рассказываетъ о немъ слѣдующее. „Собаки эти“, говоритъ онъ, „охотятся стаями головъ до 60 съ такою выдержкою, что въ состояніи загнать и осилить даже самыхъ крупныхъ и сильныхъ антилопъ. Нападать на буйволовъ онѣ, насколько мнѣ извѣстно, не рѣшаются. Онѣ преслѣдуютъ добычу до тѣхъ поръ, пока она не можетъ бѣжать уже далѣе, затѣмъ моментально накидываются на нее, валять на землю и разрываютъ на части въ нѣсколько минутъ. Человѣка онѣ боятся меньше, чѣмъ всѣ другія хищныя животныя“. Несмотря на красоту гіеновой собаки, Гейглинъ называетъ ее „неопрятнымъ, издающимъ сильный запахъ и драчливымъ животнымъ, отличающимся хитростью и коварствомъ“; онъ увѣряетъ, что она рѣшается, будучи ранена, нападать даже на человѣка.

Но, какъ-бы тамъ ни было, этотъ пестрый хищникъ все-же въ высшей степени привлекательное созданіе. Должно быть крайне интересно наблюдать, какъ охотятся эти красивыя, ловкія и громко лающія животныя. Вотъ спугнули они и погнали по степи крупнаго, способнаго защищаться сернобыка. Съ визгомъ, лаемъ, воемъ и другими, не поддающимися описанію звуками, несется за антилопой бурная стая, и я желалъ-бы назвать ихъ голоса криками радости, потому что они больше всего напоминаютъ звучные удары колокола. Охота продолжается долго; изъ-за главной опасности, антилопа забываетъ всякую другую и безстрашно пронесется мимо человѣка, котораго прежде боязливо избѣгала. Тѣсно сплотившейся стайей слѣдуютъ по пятамъ за ней пестрые волки: въ хорошо раз-



Гіеновая собака (*Canis pictus*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

считанномъ порядкѣ неумоимо бѣгутъ они галопомъ, состоящимъ изъ большихъ прыжковъ. Когда переднія изъ собакъ устанутъ, мѣсто ихъ занимаютъ заднія, сберегавшія силы свои тѣмъ, что бѣжали за животнымъ наперерѣзъ; такая смѣна происходитъ во все время охоты. Наконецъ, антилопа начинаетъ утомляться, вотъ она уже остановилась, и гоньба прекращается. Сознавая свою силу, подставляетъ антилопа лобъ свирѣпымъ врагамъ; широко размахиваетъ она своими тонкими, острыми рогами по землѣ; но если она и ранитъ ими на смерть одного или двухъ изъ своихъ противниковъ, то все-же не пройдетъ и минуты, какъ она лежитъ уже въ предсмертной агоніи на землѣ. Рѣдко случается антилопѣ, однако, снова ускользнуть отъ враговъ; тогда снова начинается травля, и окровавленные собаки опять несутся за взмыленнымъ сернобыкомъ. Жадность ихъ растетъ съ каждой новой жертвой, у которой онѣ выѣдаютъ, какъ говорятъ, только внутренности, а все остальное оставляютъ. Мясо гіеновыхъ собакъ, повидимому, не особенно любятъ; по крайней мѣрѣ, Буршель нашелъ только-что убитую и брошенную

ими канну, изъ которой собаки сожрали только кишки; само животное изслѣдователь этотъ могъ утилизировать для своей кухни.

Пестрый волкъ принадлежитъ, повидимому, къ тѣмъ хищникамъ, прирученіе которыхъ должно увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Изъ него должна выйти прекрасная гончая собака, но, конечно, безъ затраты труда и энергіи подчинить подобное животное не легко. Въ странѣ Бонго Швейнфуртъ видѣлъ въ одной серибѣ „въ высшей степени ручной экземпляръ гіеновой собаки, который обнаруживалъ такое-же полное послушаніе своему хозяину, какъ домашняя собака“. Къ величайшему моему удовольствію, я нашелъ въ 1859 г. въ одномъ звѣринцѣ, въ Лейпцигѣ, прекрасно сохранившійся и почти взрослый экземпляръ пестраго волка. Впослѣдствіи я видѣлъ еще нѣсколько экземпляровъ его и нѣкоторыхъ изъ нихъ держалъ въ неволѣ. Необузданное своеволие, непреодолимая страсть къ кусанію, можетъ быть, даже безъ всякаго умысла сдѣлать этимъ зло, а скорѣе просто въ видѣ проявленія избытка силъ необыкновенно живого нрава—вотъ, по моему мнѣнію, отличительная черта характера этого животного. Стоитъ придти пестрому волку въ возбужденіе, чтобы заходила и задвигалась у него каждая жилка его тѣла. Необыкновенная раздражительность этого животного сначала проявляется въ формѣ слишкомъ большой веселости, но въ слѣдующій-же моментъ принимаетъ характеръ дикости, свирѣпости и стремленія кусаться. Въ своихъ юмористическихъ очеркахъ различныхъ животныхъ Гранвилъ заставляетъ говорить волка: „Лаемъ тутъ не поможешь; нужно укусить“; если-бы авторъ зналъ гіеновую собаку, онъ навѣрное приписалъ-бы эти слова ей.

*

Сайксъ описалъ одну дикую собаку изъ Индіи, колзуна, въ которомъ полагалъ найти родоначальника всѣхъ нашихъ домашнихъ собакъ. Животное это имѣетъ, по словамъ открывшаго ее изслѣдователя, больше сходства съ борзой собакой, чѣмъ съ волкомъ или съ шакаломъ, и относится къ третьему подроду волковъ (*Cyon*), распространеніе котораго въ общемъ совпадаетъ, страннымъ образомъ, съ распространеніемъ тигра. Представители этого подрода имѣютъ статьи борзой собаки средней величины и покрыты равномерно густымъ, довольно короткимъ волосатымъ покровомъ, удлинняющимся только на хвостѣ. Цвѣтъ мѣха измѣняется отъ красиваго буро-рыжаго или ржаваго до буровато-сѣраго; низъ тѣла свѣтлѣе верха, а морда, уши, лапы и конецъ хвоста окрашены темнѣе.

Установленный Сайксомъ видъ, носящій въ Индіи названія колзунъ, колза, сонракутта или дшангли, а въ Гималаѣ буансу (*Canis [Cyon] dukhu pensis* или *C. primaevus*) водится по всему Гималаю, отъ долины верхняго теченія Инда и Кашмира до Ассама на востокъ, въ восточномъ Тибетѣ и во всѣхъ лѣсистыхъ частяхъ Индостана.

Будучи настоящимъ лѣснымъ животнымъ, колзунъ или буансу живетъ преимущественно въ обширныхъ лѣсахъ, но встрѣчается также и въ джунгляхъ; въ сѣверной, нагорной части области своего распространенія, ему приходится, однако, довольствоваться открытыми и скалистыми мѣстностями, такъ какъ лѣса здѣсь отсутствуютъ. Онъ нигдѣ не встрѣчается часто и не остается подолгу на одномъ и томъ-же мѣстѣ, потому что сильно беспокоитъ и разгоняетъ дичь способомъ своей охоты за нею. Колзуны охотятся стаями, состоявшими въ былыя времена штукъ изъ 50—60, а по новѣйшимъ свѣдѣніямъ рѣдко доходящими до 20, обыкновенно-же заключающими отъ 2 до 12 головъ. Они преслѣдуютъ добычу или молча, или подаютъ голосъ только черезъ большіе промежутки времени. Голосъ ихъ не лай, а скорѣе какой-то боязливый визгъ. Всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что колзунъ охотится необыкновенно ловко. Способомъ своей охоты онъ напоминаетъ гіеновую собаку. Поднявши какую-нибудь дичь, стая колзуновъ преслѣдуетъ ее крайне упорно, а иногда раздѣляется на партіи съ цѣлью отрѣзать ей со всѣхъ сторонъ путь къ отступленію; говорятъ, что отъ такой стаи не удастся ускользнуть даже быстроногому оленю. Колзуны нападаютъ на животное не спереди и ранятъ его не въ шею, а, главнымъ образомъ, въ бока; во

время травли они рвутъ быстро наносимыми укусами заднія части живота, такъ что изъ него вываливаются внутренности послѣ чего животное быстро слабѣетъ.

Малайскій видъ этого подрода, адьягъ (*Canis [Cyon] rutilans*) мельче своего индійскаго родственника и окрашенъ въ желтовато-рыжій цвѣтъ, доходящій иногда до насыщеннаго ржаво-рыжаго оттѣнка; снизу животное свѣтлѣе, чѣмъ сверху, а кончикъ хвоста его черный.



Адьягъ (*Canis rutilans*). $\frac{1}{7}$ естеств. велич.

По образу жизни и по способу своей охоты адьягъ, кажется, мало отличается отъ колзуна, но только нѣтъ свѣдѣній, чтобы онъ нападалъ на крупныхъ и способныхъ защищаться животныхъ. Онъ водится, насколько до сихъ поръ извѣстно, на Суматрѣ и Явѣ и встрѣчается въ мѣстностяхъ, расположенныхъ на абсолютной высотѣ въ 1000 метровъ до морского побережья, гдѣ временами охотится, по наблюденіямъ Юнггуна, за странной добычей. „Когда я выступилъ“, говоритъ этотъ изслѣдователь, „14 мая. 1846 года изъ полосы прибрежнаго кустарника въ урочище Танджунгъ-Зодонга и взглянулъ на широкое песчаное пространство, тянувшееся до косы Пангарока, я подумалъ, что нахожусь на мѣстѣ битвы. Повсюду были разбросаны сотни скелетовъ черепахъ необыкновенно крупныхъ размѣровъ. Однѣ изъ черепахъ представляли уже гладкія, выжженные солнцемъ кости, другія — щиты, наполненные гніющими и вонючими внутренно-

стями, третьи, наконецъ, были еще кровянисты и совершенно свѣжи; при этомъ. однако, всѣ онѣ лежали на спинѣ. Здѣсь на черепахъ нападали дикія собаки въ то время, когда первыя выходили по ночамъ на берегъ и бродили на пространствахъ между краемъ моря и дюнами. Адыяги являются сюда стаями штукъ въ 20—30, хватаютъ черепахъ за непокрытыя щитомъ части тѣла — за ноги, голову, хвостъ и т. д. — и, несмотря на ея большую величину, отлично умѣютъ соединенными усилями обернуть ее на спину. Опрокинувъ ее такимъ образомъ, адыяги начинаютъ грызть ее со всѣхъ сторонъ, отрываютъ брюшную щитъ, а затѣмъ пожираютъ внутренности, мясо и яйца. Многія изъ черепахъ успѣваютъ спастись и благополучно достигаютъ моря, нерѣдко таща за собою вдѣпившихся въ нихъ собакъ. Не всегда, впрочемъ, адыягамъ удается спокойно съѣсть и пойманную добычу. Случается, что ночью вырвется изъ лѣса царь глуши, королевскій тигръ, вдругъ окинетъ гнѣвнымъ взоромъ побережье, остановится изумленно на мгновенье, припадетъ къ землѣ и, тихо подкравшись, однимъ прыжкомъ очутится среди собакъ, издавая свое глухое ворчанье. Онѣ моментально разсыплются во всѣ стороны и поспѣшно ищутъ спасенія въ лѣсу. Отступление ихъ сопровождается отрывистыми звуками, болѣе похожими на свистъ, чѣмъ на ворчанье. Такъ ведутъ адыяги борьбу съ обитателями океана въ необыкновенно пустынной, переполненной всякими ужасами мѣстности; яванцы никогда не рѣшаются посѣщать ее, а скитающійся въ глуши путешественникъ отличаетъ ее уже издали по массѣ хищныхъ птицъ, которыя кружатся надъ нею въ воздухѣ“.

„Умомъ собаки держится міръ“. Такъ сказано въ Виндидадѣ (книга законовъ), древнѣйшей и самой достовѣрной части Зендъ-Авесты, одной изъ самыхъ древнѣйшихъ книгъ человѣчества.

Никакое другое животное на земномъ шарѣ не пользуется такимъ уваженіемъ, дружбою и любовью, какія заслужила себѣ собака со стороны человѣка. Она до такой степени необходима для благосостоянія и процвѣтанія человѣка, что составляетъ какъ-бы часть самого человѣка. „Собака“, говоритъ Кювье, „составляетъ самое замѣчательное, совершенное и полезное изъ всѣхъ пріобрѣтеній, какія когда-либо сдѣлалъ человѣкъ. Весь видъ въ цѣломъ сдѣлался нашей собственностью; каждая особь его вполнѣ принадлежитъ человѣку, своему хозяину, соображается съ его потребностями, знаетъ и защищаетъ его имущество и остается вѣрной ему до самой смерти. Все это она дѣлаетъ къ тому же не изъ нужды, не изъ боязни, но исключительно изъ чистой любви и привязанности. Быстрота ея бѣга, тонкость ея обонянія сдѣлали ее прекраснымъ, могущественнымъ помощникомъ человѣка и, пожалуй, животное это стало нынѣ прямо-таки необходимымъ для благоустройства человѣческаго общества. Собака есть единственное животное, которое расселилось, слѣдуя за человѣкомъ, по всему земному шару“.

Несмотря на то, что собака извѣстна, повидимому, каждому, она заслуживаетъ, чтобы я занялся ею подробнѣе, и я сдѣлаю это здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ. Ее находятъ повсюду, гдѣ есть человѣкъ; ее встрѣчаютъ даже у самыхъ жалкихъ, дикихъ и некультурныхъ народовъ; она сдѣлалась ихъ товарищемъ, другомъ и защитникомъ. Но ни преданіе, ни наука не могутъ дать намъ до сихъ поръ точныхъ указаній о предкахъ собаки, и мнѣнія о происхожденіи этого самаго полезнаго изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ все еще крайне разнообразны. Нѣтъ ни одного животного, на счетъ котораго было-бы сдѣлано столько предположеній, было-бы высказано столько догадокъ, какъ о собакѣ.

„Лучшимъ видовымъ признакомъ собаки“, говоритъ Блазіусъ, „все-же остается тотъ, который далъ Линней, именно хвостъ, загнутый влѣво. Естественно-историческая судьба собаки имѣетъ много общаго съ судьбою человѣка. Полное подчиненіе собаки властелину земли имѣло для нея такія послѣдствія, какихъ мы не встрѣчаемъ ни у какого другого животного. Существованіе собаки такъ тѣсно связано съ жизнью человѣка, что, слѣдуя за нимъ и помогая ему

покорить весь свѣтъ, она должна была подвергаться вмѣстѣ съ нимъ такимъ разнообразнымъ крайностямъ мѣстныхъ условій, что о первобытномъ ея состояніи могутъ существовать лишь тѣ-же произвольныя предположенія, какія знакомятъ насъ и съ давнимъ прошлымъ человѣческаго рода. Противорѣчіе взглядовъ касается, впрочемъ, только морфологической стороны, о душевныхъ-же качествахъ собаки мнѣнія всѣхъ изслѣдователей одинаковы. По своему скелету, черепу и зубной системѣ собака принадлежитъ къ роду волка, но въ то же время строеніе черепа и зубной системы не даютъ возможности ни соединить ее съ какимъ-либо дикимъ видомъ этого рода, ни рѣзко отличить ее отъ описанныхъ до сихъ поръ видовъ его. Черепа нашихъ европейскихъ собакъ представляютъ полный рядъ переходовъ отъ черепа волка къ черепу шакала, но особенности отдѣльныхъ породъ крайне смѣшаннаго характера.

„Американцы имѣли уже домашнихъ собакъ до того времени, когда испанцы привезли въ Америку европейскихъ. Въ Мексикѣ испанцы нашли нѣмыхъ собакъ. А. фонъ-Гумбольдтъ сообщаетъ, что индѣйцы въ Іауя и Гуанка воздавали божескія почести собакамъ, пока инка Пачакутекъ не обратилъ ихъ къ почитанію солнца. Жрецы ихъ дули во время жертвоприношеній въ собачьи черепа, а въ древнѣйшихъ перуанскихъ могилахъ находятъ головы и муміи собакъ. Чуди изслѣдовалъ эти черепа и полагаетъ, что они принадлежатъ особому виду, отличному отъ европейскихъ собакъ, которому онъ далъ названіе *Canis ingae*. Въ отличіе отъ европейскихъ собакъ, встрѣчающихся въ южной Америкѣ въ одичаломъ состояніи, на перуанскомъ языкѣ существуетъ для мѣстной породы даже особое названіе — руна-алько (*runa allco*). Говорятъ, что собаки эти относятся къ европейцамъ особенно враждебно.

„Если замѣчательно уже то обстоятельство, что различныя собаки приближаются къ мѣстнымъ дикимъ видамъ волковъ по строенію черепа, то еще большаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что онѣ начинаютъ обнаруживать признаки возврата къ первоначальнымъ дикимъ формамъ, коль скоро попадаютъ въ состояніе одичалости. Проявляется это не только въ окраскѣ животнаго, но и во внѣшнихъ формахъ его; уши, напримѣръ, становятся прямостоящими, заостряются, а свойство шерсти измѣняется. Уже Оливье замѣтилъ, что собаки въ окрестностяхъ Константинополя походятъ на шакаловъ. Въ южной и восточной Россіи существуетъ масса полуодичавшихъ, бродящихъ цѣлыми стаями собакъ, которыя часто до неузнаваемости походятъ на шакаловъ по цвѣту окраски, по строенію тѣла и по формѣ ушей. При такомъ внѣшнемъ сходствѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, что собаки и шакалы живутъ другъ съ другомъ въ полной дружбѣ, — наблюденіе, которое сдѣлалъ еще Палласъ. Извѣстно, что собака и волкъ производятъ ублюдковъ любыхъ степеней; ублюдки отъ собаки и шакала тоже не представляютъ рѣдкости. Палласъ сообщаетъ, что русскіе вѣрятъ даже въ существованіе ублюдковъ отъ собаки и лисицы, но онъ говоритъ это, основываясь, очевидно, не на собственныхъ наблюденіяхъ.

„Имѣя въ виду выше сказанное, трудно отвѣтить утвердительно на вопросъ, составляютъ ли домашнія собаки одинъ самостоятельный и отдѣльный видъ, какимъ является волкъ, шакалъ или лисица? Ни одно дикое животное не представляетъ такихъ уклоненій въ строеніи черепа, всего тѣла и въ отношеніи абсолютной величины, какъ разныя породы домашнихъ собакъ. Подобнаго разнообразія формъ мы не наблюдаемъ даже ни у какого другого домашнего животнаго, болѣе или менѣе измѣнившагося подъ вліяніемъ прирученія и культуры, но сохранившаго свои видовыя особенности, напр., у лошадей, ословъ, рогатаго скота, козъ и свиней. Еще меньше основанийъ къ тому, чтобы разбить эту массу формъ на нѣсколько самостоятельныхъ видовъ; между тѣмъ ясно, что не можетъ быть и рѣчи о признаніи одного общаго родоначальника для всѣхъ породъ домашнихъ собакъ: трудно предположить, чтобы подобная исходная форма могла быть еще неоткрыта или незамѣчена натуралистами.

„Если остаться въ этомъ вопросѣ на почвѣ естественно-историческихъ фактовъ, то нѣтъ другого исхода, какъ принять мнѣніе Палласа, что всѣ домаш-

нія породы собакъ произошли путемъ скрещиванія уже прирученныхъ дикихъ видовъ этого рода, свойственныхъ различнымъ странамъ. Взглядъ этотъ, какъ и всякій другой по тому же самому вопросу, слѣдуетъ считать, конечно, гипотезой, но, если онъ имѣетъ фактическое основаніе, то его легко будетъ подтвердить путемъ сравненія череповъ собакъ съ черепами различныхъ видовъ волковъ. Теперь нѣтъ уже никакого основанія руководствоваться предположеніями и теоріями Бюффона. За предположеніе Палласа лучше всего говоритъ безпрепятственное скрещиваніе какъ различныхъ породъ собакъ между собой, такъ и домашней собаки съ волкомъ и шакаломъ. Явленія, аналогичныя необыкновенной измѣнчивости домашней собаки въ отношеніи формы и роста, мы встрѣчаемъ также и у различныхъ гибридныхъ растений и даже въ животномъ царствѣ — среди куръ; аналогія эта не можетъ, конечно, не имѣть своего значенія. Не менѣе важно и то разительное сходство въ ростѣ и величинѣ, которое существуетъ между одичавшими собаками и шакаломъ, всегда склонными сближаться и дружить другъ съ другомъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что одичавшія лошади тоже склонны къ возврату къ первоначальной, дикой формѣ. Козы, живущія изъ поколѣнія въ поколѣніе большую часть года на свободѣ въ горахъ, какъ мы видимъ это въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи и въ Далмаціи, сильно походятъ на дикихъ безоаровыхъ козловъ. Выпущенные на свободу пестрые кролики черезъ нѣсколько уже лѣтъ являются въ видѣ поколѣній, ничѣмъ не отличающихся отъ настоящихъ дикихъ животныхъ этого вида“.

„Причины, которыя привели“, говоритъ Дарвинъ, „многихъ писателей къ предположенію, что домашнія собаки произошли не отъ одного, а отъ нѣсколькихъ различныхъ дикихъ видовъ, заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что уже въ самыя древнія историческія времена существовало нѣсколько разновидностей домашней собаки, которыя имѣли мало сходства между собою, но были очень похожи на нынѣ существующія породы или представляли полное тождество съ ними. Юатъ (Youatt) даетъ изображеніе виллы императора Антонія, на которомъ представлена пара молодыхъ борзыхъ. На одномъ ассирійскомъ памятникѣ, относящемся, приблизительно, къ 640 году до Р. Х., нарисованъ догъ очень большихъ размѣровъ и похожій на тѣхъ, которые сохранились тамъ еще и до сихъ поръ. На египетскихъ памятникахъ 4—12 династій, т. е. относящихся къ 3400—2100 годамъ до Р. Х., изображаются различныя породы собакъ, большинство которыхъ родственны борзымъ. На болѣе позднихъ памятникахъ къ нимъ прибавляется собака, похожая на гончую, съ висячими ушами, но съ болѣе удлинненнымъ туловищемъ и болѣе заостренной головой, а также разновидность теперешней таксы съ короткими кривыми ногами. Самая древняя и въ то же время самая странная изъ собакъ, изображавшихся на египетскихъ памятникахъ, имѣетъ сходство съ борзой, но у нея длинныя, острые уши и короткій, загнутый крючкомъ хвостъ. Близкая къ ней разновидность до сихъ поръ еще живетъ въ сѣверной Африкѣ; это, т. наз., арабская кабанья собака, считаемая Гаркуромъ за типичную іероглифическую породу, съ которой охотился еще Хеопсъ и которая будто бы нѣсколько походитъ на лохматую шотландскую оленью собаку. вмѣстѣ съ этой древнѣйшей породой жила другая, похожая на нынѣшнюю индійскую бродячую собаку. Мы видимъ, такимъ образомъ, что уже 4000—5000 лѣтъ тому назадъ существовало нѣсколько различныхъ породъ собакъ, а именно: бродячія собаки, борзые, гончія, доги, дворняжки, комнатныя и таксы; всѣ онѣ болѣе или менѣе походятъ на нашихъ теперешнихъ собакъ тѣхъ же породъ. Тѣмъ не менѣе, у насъ нѣтъ достаточныхъ доказательствъ, что какая-либо изъ этихъ древнихъ породъ вполне тождественна съ нашими.

„Въ Европѣ собака была приручена еще въ доисторическое время. Въ датскихъ кухонныхъ отбросахъ новѣйшаго каменнаго періода найдены кости собакъ, которыя были, по всей вѣроятности, уже домашнія. Въ бронзовомъ періодѣ этихъ собакъ замѣнила нѣсколько отличная порода болѣе крупныхъ размѣровъ, которая въ желѣзный вѣкъ замѣстилась въ свою очередь еще болѣе крупнымъ видомъ или породой. Домашняя собака средней величины, жившая въ продолженіе новѣйшаго

каменнаго вѣка въ Швейцаріи, занимала, судя по черепу, среднее мѣсто между волкомъ и шакаломъ и обнаруживала признаки нашихъ лягавыхъ породъ. Въ бронзовомъ вѣкѣ появилась тамъ же крупная собака, которая походила, судя по ея челюстямъ, на датскую собаку того же періода. Шмерлингъ нашелъ въ одной пещерѣ остатки двухъ породъ собакъ, возрастъ которыхъ опредѣлить еще не удалось.

Важнѣйшимъ аргументомъ въ пользу мнѣнія, что различныя породы домашнихъ собакъ произошли отъ тѣхъ или иныхъ дикихъ видовъ, служитъ сходство ихъ съ различными, дико живущими въ той же мѣстности формами. Хотя сравненіе дикихъ формъ собакъ съ домашними производилось достаточно точно лишь въ исключительныхъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакихъ препятствій къ допущенію, что сначала былъ прирученъ не одинъ, а нѣсколько различныхъ видовъ дикихъ собакъ. Представители этого семейства населяютъ почти весь земной шаръ и нѣкоторые виды его близки къ различнымъ домашнимъ породамъ какъ по своему строенію, такъ и по образу жизни. Дикіе народы содержатъ и приручаютъ всевозможныхъ животныхъ, а легче всего тѣхъ, которыя живутъ, подобно собакамъ, обществами. Въ раннюю эпоху существованія человѣка на землѣ, жившіе въ то время звѣри не имѣли еще прирожденнаго или унаслѣдованнаго страха передъ нимъ, а потому приручались, по всей вѣроятности, много легче, чѣмъ теперь. Когда къ Фалкландскимъ островамъ впервые пристали европейцы, крупные фалкландскіе волки (*Canis antarcticus*) безбоязненно приблизились къ матросамъ Байрона; эти сочли такое любопытство за проявленіе дикости и бѣжали. Даже въ новѣйшее время, человѣкъ, держащій въ одной рукѣ кусокъ мяса, а въ другой — ножъ, можетъ иногда заколотъ этого волка. На Черепашьихъ островахъ я самъ столкнулъ концомъ дула моего ружья сокола, который довѣрчиво сидѣлъ на вѣткѣ, а другія птицы безъ всякаго страха садились и пили изъ ведра, которое я держалъ въ рукѣ. Большое значеніе имѣетъ далѣе и то обстоятельство, что различные виды собакъ легко и безъ всякаго затрудненія размножаются въ неволѣ, а неспособность размножаться въ неволѣ является однимъ изъ самыхъ большихъ препятствій къ прирученію животного. Дикія племена очень цѣнятъ своихъ собакъ и умѣютъ извлекать пользу даже изъ полу-прирученныхъ животныхъ. Индѣйцы сѣверной Америки скрещиваютъ своихъ полу-прирученныхъ собакъ съ волками, чтобы получить отъ нихъ еще болѣе дикое, но, въ то же время, и болѣе смѣлое потомство. Дикія племена Гвианы ловятъ два вида собакъ и пользуются ими въ полу-прирученномъ состояніи, а туземцы Австраліи дѣлаютъ тоже съ одичалыми динго. Кингъ сообщилъ мнѣ, что онъ приучилъ однажды одного молодого динго стеречь стада и что животное было для него чрезвычайно полезно.

Принимая въ расчетъ все вышесказанное, мы смѣло можемъ сдѣлать предположеніе, что человѣкъ приручилъ въ разныхъ странахъ различные виды собакъ. Наоборотъ, было бы даже странно допустить, что на всемъ пространствѣ земного шара подвергся прирученію лишь одинъ видъ собакъ.

„Перейдемъ теперь къ частностямъ. Крайне наблюдательный и проницательный Ричардсонъ замѣчаетъ, что сходство между буланымъ волкомъ и мѣстными собаками индѣйцевъ необыкновенно велико и что единственнымъ отличіемъ между ними является крупный ростъ и сила волка. „Не разъ“, говоритъ онъ, „принималъ я стаю волковъ за собакъ индѣйцевъ, потому что даже вой обоихъ животныхъ выражается одними и тѣми же звуками; его смѣшиваетъ иногда и опытное ухо индѣйцевъ“. Кэнъ часто замѣчалъ у своихъ ѣздовыхъ собакъ косопрорѣзанные глаза, повисшій хвостъ и боязливый взглядъ волка; первые считаются нѣкоторыми зоологами за одинъ изъ главныхъ признаковъ волка. По Гайэсу (Hayes), эскимосскія собаки мало отличаются отъ волковъ, неспособны привязываться къ человѣку и настолько дики, что въ случаѣ сильнаго голода нападаютъ даже на своего хозяина. Онѣ легко дичаютъ и сходство ихъ съ волкомъ такъ велико, что онѣ часто скрещиваются съ нимъ; индѣйцы нерѣдко берутъ также молодыхъ волковъ съ цѣлью улучшить породу своихъ собакъ. Колумбъ нашелъ въ Вестъ-Индіи двѣ породы домашнихъ собакъ, а Фернандецъ описалъ

изъ Мексико даже три. Нѣкоторыя изъ этихъ туземныхъ собакъ были нѣмы, т. е. не умѣли лаять. Со временъ Бюффона стало извѣстнымъ, что туземцы Гвѣаны скрещиваютъ своихъ собакъ съ какимъ то дикимъ видомъ, повидимому, съ майконгомъ или карасисси.

„Ренггеръ доказываетъ, что, во время открытія Америки, тамъ разводили только безшерстыя породы собакъ и что нѣкоторыя изъ этихъ породъ, страдающихъ, по Чуди, отъ холода въ Кордильерахъ, были еще нѣмы. Эти голыя собаки совершенно отличны, однако, отъ тѣхъ, которыхъ Чуди описываетъ подъ именемъ собаки инковъ и которыя, по увѣренію того-же изслѣдователя, прекрасно переносятъ холодъ и обладаютъ способностью лаять. Неизвѣстно, могутъ-ли эти двѣ породы собакъ считаться потомками мѣстныхъ дикихъ видовъ и не слѣдуетъ-ли предположить, что нѣмыхъ собакъ привелъ съ собою человѣкъ, впервые переселившійся сюда съ азіатскаго континента. Предположеніе это, впрочемъ, мало вѣроятно, потому что переселеніе человѣка шло съ сѣвера на югъ и онъ успѣлъ приручить на пути, по крайней мѣрѣ, два вида дикихъ сѣверо-американскихъ собакъ.

„Если мы обратимся теперь къ Старому Свѣту, то найдемъ, что на волка очень похожи нѣсколько породъ европейскихъ собакъ; такъ, напримѣръ, сходство овчарки Придунайской низменности съ дикимъ видомъ до такой степени велико, что одинъ венгерецъ принялъ, по разсказу Пажета (Paget), волка за собственную собаку.

„Европейскій волкъ мало отличается отъ сѣверо-американскаго, хотя многими зоологами и считается за отдѣльный видъ; то-же самое можно сказать о волкѣ, водящемся въ Индіи. Но здѣсь мы также находимъ разительное сходство между этимъ индійскимъ волкомъ и бродячими собаками нѣкоторыхъ мѣстностей Индіи. О шакалѣ Жофруа Сентъ-Илеръ говоритъ, что его не всегда можно отличить по строенію отъ болѣе мелкихъ породъ домашнихъ собакъ. Оба животныя вполне сходны другъ съ другомъ и по образу жизни. Эренбергъ утверждаетъ, что теперешнія домашнія собаки нижняго Египта и нѣкоторыя бальзамированныя собаки имѣютъ своимъ прототипомъ африканскаго волка (*Canis anthus*) и что, съ другой стороны, домашнія собаки Нубіи и кое-какія породы собакъ, сохранившихся въ видѣ мумій, близко родственны шакалу. Палласъ увѣряетъ, что шакалъ и домашняя собака иногда скрещиваются на Востокѣ. Такой-же случай наблюдался однажды и въ Алжирѣ. Домашнія собаки прибрежной полосы Гвѣаны походятъ на лисицъ и не имѣютъ способности лаять. На восточномъ берегу Африки, между 4 и 6° с. ш. и, приблизительно, въ десяти дняхъ пути внутрь страны туземцы держатъ, по Эргарду, полуприрученную собаку, которая происходитъ, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, отъ схожаго съ нею дикаго вида. Лихтенштейнъ говоритъ, что собаки бушменовъ имѣютъ разительное сходство съ чепрачнѣмъ шакаломъ (*Canis mesomelas*) даже по окраскѣ; Лайардъ же сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ землѣ каффровъ собаку, которая очень походила на эскимосскую собаку. Въ Австраліи динго встрѣчается какъ въ домашнемъ, такъ и въ дикомъ состояніи; если онъ и былъ водворенъ тамъ впервые человѣкомъ, то на него можно все-же смотрѣть, какъ на туземное животное; время заноса его туда должно быть очень отдаленно, потому что остатки его находятъ въ одинаковой степени сохранности съ другимъ вымершимъ животнымъ. Сходство полуприрученныхъ собакъ различныхъ странъ съ видами, живущими въ нихъ еще въ дикомъ состояніи, легкость, съ которою происходитъ часто скрещиваніе обѣихъ формъ, цѣна, которую придаютъ дикари даже полуприрученному животному этого семейства, наконецъ обстоятельства, въ значительной мѣрѣ благопріятствующія размноженію собакъ въ неволѣ,—дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что прирученныя собаки земного шара произошли отъ двухъ видовъ волковъ—отъ обыкновеннаго волка, съ двумя сомнительными его формами, индійской и сѣверо-американской, и отъ кайота, затѣмъ, по крайней мѣрѣ, отъ одного или двухъ видовъ южно-американскихъ дикихъ собакъ, далѣе отъ нѣсколькихъ видовъ шакаловъ и, наконецъ, отъ одного или нѣсколькихъ вымершихъ видовъ. Тѣ писатели, которые придаютъ большое значеніе вліянію климата, могутъ, конечно, объяснить сходство прирученныхъ породъ

съ туземными дикими формами вліяніемъ этихъ условій, мнѣ-же лично неизвѣстны тѣ факты, которые подтверждаютъ вѣру въ столь могущественное воздѣйствіе климата.

„Несмотря на нѣкоторыя затрудненія, большинство фактовъ склоняется положительно въ пользу мнѣнія о происхожденіи нашихъ собакъ отъ нѣсколькихъ родоначальниковъ. Весьма трудно предположить, чтобы человѣкъ могъ ограничиться прирученіемъ лишь одного вида изъ группы животныхъ, столь широко распространенныхъ по земному шару, такъ легко привыкающихъ къ неволѣ и столь полезныхъ для него, какими являются различныя формы собакъ. Мы склонимся еще болѣе къ этому мнѣнію, если примемъ далѣе въ расчетъ необычайную древность различныхъ породъ домашнихъ собакъ и особенно то сходство, которое существуетъ какъ во внѣшнемъ видѣ, такъ и въ образѣ жизни, между прирученными породами разныхъ странъ и свойственными имъ дикими формами собакъ“.

Итакъ, можно сказать, что домашняя собака есть не что иное, какъ искусственный продуктъ человѣка.

Прекраснымъ доказательствомъ въ пользу высказаннаго выше предположенія, что домашнія собаки могутъ совершенно одичать, служить динго или варрагалъ (*Canis dingo*), такъ называемая, австралійская дикая собака. Принимая въ расчетъ образъ жизни динго, я прежде тоже считалъ его за родоначальническую форму дикихъ собакъ, но теперь, послѣ наблюденій надъ нѣсколькими экземплярами, долженъ признать его за одичалую домашнюю собаку. Весьма существенное значеніе при рѣшеніи этого вопроса имѣетъ тотъ фактъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ летучихъ мышей и мышеподобныхъ грызуновъ, динго является единственнымъ млекопитающимъ Австраліи, которое не принадлежитъ къ отрядамъ сумчатыхъ и птице-звѣрей. Вѣскихъ доказательствъ въ пользу противоположнаго мнѣнія вовсе нѣтъ, если не считать того, что въ диллювіальныхъ отложеніяхъ Австраліи были будто-бы найдены остатки динго. Когда и какимъ образомъ произошло это одичаніе, опредѣлить, конечно, еще не удалось, но, въ виду общаго впечатлѣнія, лежащаго на животномъ, это и не важно при рѣшеніи интересующаго насъ вопроса. Общій же отпечатокъ, *habitus*, животного таковъ, что въ немъ можно признать домашнюю, но не дикую собаку *).

Динго достигаетъ роста овчарки средней величины. Тѣло его коренастое, голова велика и неуклюжа, съ тупымъ носомъ и рыломъ, торчація вверхъ уши широки при основаніи, на концѣ округлены; пушистый хвостъ свѣшивается до пяткокъ, ноги короткія, шерсть повсюду почти одинаковой длины. У большинства видѣнныхъ мною экземпляровъ окраска неопредѣленнаго блѣднаго желтовато-рыжаго цвѣта имѣла болѣе или менѣе выраженный сѣрый или черноватый оттѣнокъ. Подбородокъ, горло, низъ тѣла и хвостъ обыкновенно свѣтлѣе, а волосы верха тѣла, большею частью, темнѣе. Описанная окраска свойственна большинству динго, но между ними встрѣчаются и черные экземпляры, а также особи съ бѣлыми лапами и тому подобными признаками.

Динго еще и по нынѣ встрѣчается почти во всѣхъ густыхъ лѣсахъ Австраліи, въ поросшихъ кустарникомъ ущельяхъ, въ рощахъ парковидныхъ степей и въ самихъ степяхъ. Онъ распространенъ по всему континенту Австраліи и всюду довольно обыкновененъ. Онъ считается самымъ опаснымъ врагомъ стадъ и преслѣдуется всевозможными способами.

Своимъ образомъ жизни и привычками динго болѣе напоминаетъ нашу лисицу, чѣмъ волка. Въ мѣстностяхъ, гдѣ онъ не чувствуетъ себя въ безопасности, динго лежитъ днемъ, подобно ей, въ своемъ укромномъ уголкѣ, а за добычей вы-

*) Новѣйшими изслѣдованіями Макъ-Коя и Неринга существованіе динго доказано для пліоценовыхъ и четверичныхъ отложеній Викторіи. Находка его въ ископаемомъ состояніи убѣждаетъ насъ въ томъ, что это настоящій волкъ, а не одичалая домашняя собака. Онъ близокъ къ индійскому волку и переселился въ австралійскую область по сушѣ, которая соединяла Австралію съ юго-восточной Азіей въ пліоценовый періодъ.

ходить только въ ночное время и угрожаетъ тогда почти всѣмъ австралійскимъ животнымъ, которыя держатся на землѣ. Съ лисицей схожъ онъ и тѣмъ, что лишь рѣдко охотится большими обществами. Обыкновенно приходится наблюдать стайки штукъ въ 5—6, которыя, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ самки съ ея дѣтенышами. Случается однако, что къ падали собирается большое число экземпляровъ динго, а нѣкоторые переселенцы утверждаютъ, что имъ приходилось видѣть при подобныхъ обстоятельствахъ отъ 80 до 100 животныхъ вмѣстѣ. Говорятъ, что семья живетъ очень тѣснымъ обществомъ, имѣетъ свой собственный охотничій районъ, никогда не вступаетъ въ область чужой стаи, но зато и не терпитъ, чтобы границы ея переступали члены другой семьи.



Динго (*Canis dingo*). $\frac{1}{8}$ естеств. величины.

Прежде чѣмъ переселенцы предприняли правильную охоту на этого заклятаго врага ихъ стадъ, имъ пришлось потерять ужасающее количество своихъ овецъ. Увѣряютъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ динго похитили изъ одного стада не менѣе 1200 головъ овецъ и ягнятъ. Еще чувствительнѣе, чѣмъ прямыя потери хозяевъ отъ хищничества динго, тотъ вредъ, который собаки эти наносятъ, наводя паническій страхъ на овецъ: какъ безумныя бросаются онѣ бѣжать въ глушь, гдѣ становятся добычей другихъ динго или погибаютъ отъ жажды. Кромѣ овецъ динго охотятся за различными видами кенгуру и за другими крупными и мелкими звѣрями, живущими въ кустарниковыхъ заросляхъ. Онѣ нападаютъ на всѣхъ туземныхъ животныхъ Австраліи и остерегается только домашнихъ собакъ. Пастушьи и охотничьи собаки и динго живутъ тамъ въ вѣчной враждѣ и съ ожесточеніемъ преслѣдуютъ другъ друга. Если нѣсколько собакъ замѣтятъ одинокаго динго, онѣ нападаютъ на него и разрываютъ въ клочки; то-же бываетъ и съ заблудившейся собакой, если ее найдутъ динго.

Отъ человѣка динго всегда бѣжитъ, если имѣетъ на это еще время. При бѣгствѣ онъ выказываетъ всю хитрость и притворство лисицы и мастерски умѣетъ воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для своего спасенія. Но если врагъ преслѣдуетъ его слишкомъ настойчиво и онъ потерялъ уже надежду спастись бѣгствомъ, то онъ яростно оборачивается и защищаетъ себя съ бѣшенствомъ отчаянія. Однако, и въ этихъ случаяхъ онъ старается ускользнуть какъ можно скорѣе. О живучести его Беннетъ рассказываетъ просто невѣроятныя вещи. Нѣсколько человѣкъ застигли врасплохъ одного динго и били его дотѣхъ поръ, пока онъ не свалился замертво; казалось, что ему переломали всѣ кости, а потому его оставили лежать. Но лишь только люди удалились отъ мнимо-издохшаго животного, какъ, къ удивленію очевидцевъ, оно поднялось, встряхнулось и поспѣшно скрылось въ лѣсу. Въ настоящее время пускаются въ ходъ всѣ средства, чтобы истребить динго. Противъ него возстали всѣ. Его стрѣляютъ, ловятъ всевозможными ловушками, наконецъ, отравляютъ стрихниномъ. Съ ружьемъ охотятся за нимъ рѣдко и убиваютъ этимъ способомъ только случайно: онъ слишкомъ остороженъ и хитеръ, чтобы стать подъ выстрѣлъ и прекрасно умѣетъ проскользнуть сквозь цѣпь охотниковъ на облавѣ.

Обыкновенно считается, что динго неспособенъ къ прирученію, у туземцевъ-же Австраліи динго встрѣчается только въ полудикомъ состояніи. Многіе индивиды динго, которыхъ содержатъ у насъ въ неволѣ, остаются дикими и злыми, волчья природа ихъ прорывается при всякомъ удобномъ случаѣ, и ухаживающіе за ними люди должны постоянно находиться насторожѣ. Но какъ неправильно дѣлать заключенія объ особахъ всего вида на основаніи одного или немногихъ его представителей, доказываютъ намъ динго, жившіе въ зоологическомъ саду въ Бреславлѣ. Одинъ изъ нихъ сдѣлался ручнымъ, какъ собака, другой-же остался дикимъ; тотъ научился съ теченіемъ времени лаять, какъ слѣдуетъ, этотъ-же былъ протяжными, смѣющимися звуками, какъ шакаль. Прирученный динго примѣнялъ свой новый языкъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это полагалось, на примѣръ, если отворяли двери его клѣтки, но, въ то же время, исполнялъ дуетъ со своимъ дикимъ товарищемъ всегда прежнимъ способомъ. Тлегель, которому я обязанъ этими свѣдѣніями, вполне раздѣлялъ мое мнѣніе, что потомство этихъ динго сдѣлалось-бы почти навѣрное добрыми помощниками человѣка.

И дѣйствительно, Кингу удалось воспитать молодого динго и научить его сторожить стада крупнаго рогатаго скота. Пехуэль-Лёше тоже довелось видѣть на англійскомъ броненосцѣ „Defense“ прекраснаго, сильнаго динго, который бѣгалъ по всему кораблю, умѣлъ взбираться по крутымъ лѣстницамъ и дружелюбно обращался со всѣми пассажирами судна.

Отъ динго намъ слѣдуетъ перейти къ такимъ собакамъ, у которыхъ, хотя и нѣтъ хозяевъ, но которыя все-таки живутъ въ нѣкоторой зависимости отъ человѣка. Отъ англичанъ онѣ получили названіе собакъ-паріевъ и названіе это подходитъ къ нимъ замѣчательно хорошо. Подобно индійскимъ паріямъ это тоже существа, изгнанныя изъ лучшаго общества, существа, влачащія жалкое существованіе, несмотря на полную свободу распоряжаться собою, какъ угодно. Какъ паріи, лижутъ они руку каждому, кто пожелаетъ наложить на нихъ ярмо рабства и считаютъ себя счастливыми, если человѣкъ удостоитъ ихъ служить себѣ и не гонитъ ихъ прочь отъ себя. Это — бродячія собаки.

Уже на югѣ Европы собаки ведутъ совершенно иной образъ жизни, чѣмъ у насъ. Въ Турціи, Греціи и въ южной Россіи несмѣтное количество бродячихъ собакъ осаждаютъ города и села, забѣгаетъ на улицы ихъ, но никогда не рѣшается заходить во дворъ, откуда ихъ тотчасъ-же прогнали-бы домашнія собаки. Питаются онѣ, главнымъ образомъ, падалью, а при случаѣ охотятся также за мелкими звѣрьками, на примѣръ, за мышами и крысами. Въ южной Испаніи крестьяне кормятъ своихъ собакъ тоже очень рѣдко, а потому послѣднія бродятъ ночью по окрестностямъ и сами снискиваютъ себѣ пропитаніе. Балле говоритъ, что на

Канарскихъ островахъ еще и теперь отдѣльныя собаки дичаютъ и наносятъ значительный вредъ стадамъ овецъ.

Всѣ египетскіе города выстроены частью на развалинахъ старыхъ жилыхъ мѣстъ, а потому въ нихъ много мусорныхъ кучъ. Цѣлая гора этого мусора тянется на большомъ протяженіи вокругъ большинства тамошнихъ городовъ, даже у самыхъ большихъ, каковы Александрія и Каиръ. Кучи эти и служатъ главнымъ мѣстопробываніемъ бродячихъ собакъ. Всѣ эти собаки составляютъ одну породу. Ростомъ онѣ съ овчарку, сложеніе ихъ неуклюжее, а выраженіе морды производитъ отталкивающее вычлѣніе; длинный, довольно пушистый хвостъ ихъ обыкновенно опущенъ внизъ. Окраска жесткой, лохматой шерсти ихъ грязнаго, рыжеватобураго цвѣта, который можетъ имѣть болѣе или менѣе выраженный сѣрый или желтоватый оттѣнокъ. Встрѣчаются индивиды и другихъ цвѣтовъ, напримѣръ, черные или блѣдно-соловые, но такіе представляютъ всегда довольно рѣдкое явленіе. Онѣ живутъ на вышеупомянутыхъ мѣстахъ вполне независимо, проводятъ тамъ большую часть дня во снѣ, а ночью бродятъ по окрестностямъ. Каждая собака выкапываетъ себѣ норы, которыя строятъ съ извѣстнымъ расчетомъ. Она имѣетъ по крайней мѣрѣ двѣ норы, изъ которыхъ одна обращена къ востоку, а другая къ западу; но если мусорная гора имѣетъ такое простираніе, что подвержена съ обѣихъ сторонъ сѣверному вѣтру, то животныя роютъ себѣ еще и третью нору, — съ южной стороны. Этой норой собаки пользуются, однако, только въ томъ случаѣ, если ихъ не спасаетъ отъ холода ни восточное, ни западное убѣжище. Утромъ, часовъ до 10, ихъ всегда находишь въ норѣ, направленной къ востоку; здѣсь ожидаютъ онѣ послѣ утренней прохлады первыхъ солнечныхъ лучей и грѣются въ нихъ. Мало по малу, однако, солнечное тепло начинаетъ тяготить ихъ, а потому онѣ перебираются на тѣневую сторону горы. Одна за другой вылѣзаютъ собаки изъ своихъ восточныхъ норъ, перебираются черезъ гребень горы и прячутся въ западномъ жилищѣ, чтобы продолжать здѣсь прерванный сонъ. Стоитъ только послѣполуденнымъ лучамъ солнца забраться въ эти дыры, и онѣ снова возвращаются обратно въ первыя норы, гдѣ остаются до захода солнца.

Въ сумерки населеніе горы оживляется. Мало-по-малу собаки собираются въ стайки и даже въ большія стаи; начинаетъ раздаваться, смотря по настроенію животныхъ, то лай, то вой, то происходятъ ссоры. Трупъ какого-нибудь крупнаго животнаго привлекаетъ ихъ всегда въ несмѣтномъ количествѣ; дохлый оселъ или мулъ пожирается стаей въ теченіе одной ночи вмѣстѣ съ большими костями. Если псы очень голодны, они идутъ къ падали и днемъ, особенно тогда, когда къ ней собрались грифы, самые непріятные изъ ихъ противниковъ, конкуренціи которыхъ собаки очень боятся. Послѣднія страшно жадны, а потому ведутъ отчаянную борьбу со всякими непрошенными гостями. Но грифовъ прогнать не такъ-то легко и противъ собакъ они защищаются храбрѣе и успѣшнѣе всѣхъ остальныхъ животныхъ, питающихся падалью; псамъ приходится много терпѣть отъ нихъ. Главную пищу собакъ всегда составляетъ падаль; но изрѣдка онѣ сторожатъ, какъ кошки, песчанокъ у норки или подбираются, подобно лисѣ или шакалу, къ птицѣ. Если падали близъ мѣста, гдѣ онѣ живутъ, не окажется, псы предпринимаютъ довольно далекія странствованія, заходятъ тогда въ города и рыщутъ по улицамъ ихъ. Здѣсь собакъ этихъ терпятъ, такъ какъ онѣ очищаютъ городъ отъ всякихъ нечистотъ; нельзя, однако, сказать, чтобы жители считали ихъ желанными гостями и теперь уже рѣдко случается, чтобы благочестивые магометане упоминали о бродячихъ собакахъ въ своихъ завѣщаніяхъ и оставляли-бы средства для ихъ пропитанія, какъ бывало, будто-бы, прежде.

Иногда бродячія собаки размножаются до невѣроятности и становятся настоящимъ бичемъ страны. Съ цѣлью избавиться отъ нихъ, Мэхмедъ-Али приказалъ однажды буквально нагрузить ими цѣлый корабль и выбросить ихъ за бортъ въ открытомъ морѣ. Къ величайшему счастью, собаки эти крайне рѣдко страдаютъ водобоязнью и случаевъ укушенія людей бѣшенными животными почти совершенно неизвѣстно.

Въ Константинополѣ, какъ говорятъ, отношеніе человѣка къ собакамъ точно такое-же. „Представленіе объ улицахъ главнаго города Турціи неразрывно связано“, говоритъ Гаклендеръ, „съ постоянными ихъ обитателями — бездомными собаками, которыхъ видишь тамъ въ безчисленномъ множествѣ. Обыкновенно составляешь себѣ слишкомъ преувеличенное мнѣніе о предметахъ, о которыхъ много читалъ, и часто розочаровываешься. Нельзя сказать того же самаго относительно этихъ собакъ. Несмотря на то, что всѣ путешественники единогласно старались представить ихъ бичемъ человѣчества, большинство ихъ описывало это зло въ слишкомъ мягкихъ выраженіяхъ. Животныя эти совсѣмъ особой породы. По наружному виду онѣ болѣе всего напоминаютъ нашу овчарку, но хвостъ ихъ не изогнутъ, а короткая шерсть грязно-соловаго цвѣта. Когда онѣ лѣниво скитаются по улицѣ или лежатъ на солнцѣ, то нужно сознаться, что не найдешь ни одного животнаго, которое имѣло-бы болѣе нахальный, болѣе грубый видъ. Ими покрыты всѣ улицы, всѣ площади города; онѣ или стоятъ рядами вдоль стѣнъ домовъ и выжидаютъ случайно брошенной имъ подачки или валяются среди улицы, и турокъ, который всячески старается не причинить зла живому существу, тщательно обходитъ ихъ. Мнѣ никогда не доводилось видѣть, чтобы мусульманинъ давилъ или билъ этихъ животныхъ. Чаше наблюдаешь, какъ торговецъ бросаетъ имъ изъ лавки остатки своего обѣда. Только турецкіе каикши и матросы не питаютъ къ нимъ подобной нѣжности, а потому кое-какая собака оканчиваетъ свою жизнь въ Золотомъ Рогѣ.

„Каждая улица имѣетъ своихъ собакъ, которыя никогда не покидаютъ ея, подобно тому, какъ въ нашихъ большихъ городахъ нищіе имѣютъ свои опредѣленные мѣста. Бѣда той собакѣ, которая рѣшится вторгнуться въ чужую область. Я часто видѣлъ, какъ на такую несчастную накидывались всѣ остальные и буквально разрывали ее въ клочки, если она не могла быстро спастись бѣгствомъ. Я могъ-бы сравнить бездомныхъ собакъ Константинополя съ уличными мальчишками цивилизованныхъ странъ. Стоило купить намъ что-либо съѣдобное на базарѣ, чтобы за нами тотчасъ же послѣдовали всѣ собаки, мимо которыхъ мы проходили; онѣ покидали насъ только тогда, когда мы входили въ другую улицу, гдѣ насъ встрѣчала, въ свою очередь, другая подобная-же стая провожатыхъ“.

Описаніе образа жизни и характера нашей домашней собаки лучше всего начать съ неподражаемой характеристики этого животнаго, сдѣланной отцомъ зоологій, Линнеемъ, его лаконическимъ, но, въ тоже время, точнымъ языкомъ. Я старался передать это описаніе по нѣмецки возможно ближе къ подлиннику, хотя задача эта оказалась далеко не легкой. Нѣкоторыя мѣста совершенно непереводимы, остальное-же заключается въ слѣдующемъ. „Ѣстъ мясо, падалъ, мучнистыя растительныя вещества, не Ѣстъ травянистыхъ растеній, перевариваетъ кости, отъ травы ее рветъ, испражняется на камень: высохшія испражненія эти носятъ названіе *Album graecum* и очень ѣдки. Пьетъ, лакая; мочится въ сторону, въ хорошемъ обществѣ часто сто разъ сряду; обнюхиваетъ задній проходъ своего ближняго; носъ сѣрый, обладаетъ прекраснымъ обоняніемъ; бѣгаетъ наискось, ходитъ на пальцахъ; потѣетъ мало, въ жару высовываетъ языкъ; ложась спать, дѣлаетъ кругъ около логовища; во снѣ довольно чутка, видитъ сны. Сука носитъ 9 недѣль, мечетъ 4—8 щенятъ; самчики походятъ на отца, самочки на мать. Отличительной чертой ея является вѣрность; это товарищъ человѣка; виляетъ хвостомъ при приближеніи хозяина, не дозволяетъ его бить; если тотъ идетъ, она бѣжитъ впереди, на перекресткахъ оглядывается, понятлива, отыскиваетъ потерянное; ночью сторожитъ домъ, извѣщаетъ о приближающихся, сохраняетъ имущество, отгоняетъ скотъ отъ полей, сгоняетъ въ стадо сѣверныхъ оленей, охраняетъ рогатый скотъ и овецъ отъ дикихъ звѣрей, сдерживаетъ даже льва, подымаетъ дичь, подкарауливаетъ утокъ, подкрадывается прыжками къ сѣтямъ, приноситъ убитую охотникомъ дичь, не трогая ее, во Франціи вертитъ вертелъ,

въ Сибирі тащить сани. Выпрашиваетъ подачку у стола; укравши, поджигаетъ хвостъ; жретъ съ жадностью. Дома разыгрываетъ хозяина среди себѣ подобныхъ; врагъ нищихъ, хватается незнакомыхъ даже, если ее не дразнятъ. Лизаньемъ исцѣляетъ раны, подагру и ракъ. Воетъ на музыку, кусаетъ брошенный камень; чувствуетъ себя нездоровой и издаетъ непріятный запахъ при приближеніи грозы. Страдаетъ отъ ленточныхъ глистовъ; распространяетъ бѣшенство. Подъ старость слѣпнетъ и сама себя грызетъ. Американская разучается лаять. Магометане презираютъ ее; жертва анатомовъ при изученіи кровообращенія и проч.“

Намъ остается только нѣсколько расширить это описаніе. Всѣ домашнія собаки сходны между собою по образу жизни и поведенію, если только вліяніе человѣка, съ обычаями и привычками котораго онѣ должны мириться по необходимости, не заставитъ ихъ измѣнить свой образъ жизни.

Собакъ можно считать какъ ночными, такъ и дневными животными; онѣ одинаково хорошо приурочены какъ къ той, такъ и къ другой жизни; онѣ также бодры и оживлены днемъ, какъ и ночью. Если имъ дозволяютъ, собаки охотятся одинаково охотно какъ при дневномъ освѣщеніи, такъ и въ темнотѣ и охотно собираются для этой цѣли въ большія общества. Вообще, общественность является основной чертой ихъ характера и имѣетъ безусловное вліяніе на ихъ привычки. Онѣ ѣдятъ все, что служитъ пищей для человѣка, животную пищу такъ же охотно, какъ и растительную, и притомъ и ту, и другую какъ въ сыромъ, такъ и въ приготовленномъ видѣ. Но болѣе всего любятъ собаки мясо, предпочитая нѣсколько порченное свѣжему. Онѣ страшно падки до падали, если только могутъ ее достать; даже самыя благовоспитанныя, избалованныя собаки жадно пожираютъ человѣческія испраженія. Нѣкоторыя породы предпочитаютъ мясо всякой иной пищѣ, другія менѣе склонны къ нему. Изъ вареныхъ кушаній онѣ предпочитаютъ мучнистыя, особенно сладкія, а если ѣдятъ плоды, то выбираютъ скорѣе сладкіе, чѣмъ кислые. Кости, хорошій мясной отваръ, хлѣбъ, овощи и молоко являются самымъ подходящимъ кормомъ для собакъ, жиръ-же и излишекъ соли вредятъ имъ. Собаку можно кормить также однимъ хлѣбомъ и она будетъ здорова, если ей давать есть въ опредѣленное время. Въ горячемъ видѣ ей ничего нельзя давать, пища должна быть лишь теплая и предлагаться изъ сосуда, который всегда содержится въ чистотѣ. Взрослой собакѣ вполне достаточно наѣстися до-сыта разъ въ день, но ее все-же лучше кормить два раза въ теченіе сутокъ. Накормленная съ вечера собака сторожитъ лучше и прилежнѣе голодной, которую всегда легко сманить. Воду собаки пьютъ часто и въ большомъ количествѣ; онѣ лакаютъ ее языкомъ, сложивъ послѣдній ложкообразно и нѣсколько загнувъ кончикъ его кверху. Вода безусловно необходима для поддержанія здоровья собаки.

Собака прекрасно бѣгаетъ и плаваетъ; она можетъ до извѣстной степени также лазать, но, находясь на крутомъ спускѣ, страдаетъ отъ головокруженія. Она идетъ шагомъ и бѣжитъ рысью весьма своеобразно, по косому направленію. При быстромъ бѣгѣ она можетъ дѣлать большіе прыжки, но не въ состояніи круто поворачивать. Нѣкоторыя собаки необыкновенно любятъ ходить въ воду, избалованныя-же всѣми способами избѣгаютъ ея. Лазанье собакъ я наблюдалъ, главнымъ образомъ, въ Африкѣ. Тутъ взбираются онѣ съ большою ловкостью на стѣны или на слабо наклоненныя крыши и съ большою увѣренностью бѣгаютъ, подобно кошкамъ, даже по самымъ узкимъ карнизамъ. Отдыхая, собака садится или на заднія ноги, или ложится на бокъ; ложась на животъ, она вытягиваетъ заднія ноги въ сторону, а переднія впередъ, голову-же кладетъ межъ послѣднихъ; рѣже она протягиваетъ при этомъ заднія ноги назадъ.

Всѣ собаки спятъ охотно и много, но съ промежутками; сонъ ихъ очень чутокъ и безпокоенъ, часто сопровождается снами, во время которыхъ собаки виляютъ хвостомъ, вздрагиваютъ, ворчатъ или тихо лаютъ. Чистоту онѣ любятъ болѣе всего: помѣщеніе для нихъ и, особенно, мѣсто, гдѣ стоитъ собака, должны содержаться въ полной опрятности. Собаки потѣютъ мало, даже во время самаго быстрого и продолжительнаго бѣга; слюна замѣняетъ у нихъ потъ и капаетъ съ языка, который высовывается изо рта, когда собака разгорячена.

Внѣшнія чувства развиты у собакъ очень хорошо, но не одинаково у различныхъ породъ. Выше остальныхъ стоятъ обоняніе, слухъ и зрѣніе; нѣкоторыя породы отличаются лучшимъ развитіемъ слуха, другія — болѣе тонкимъ обоняніемъ. Нельзя сказать, чтобы у нихъ былъ плохо развитъ и вкусъ, но только онъ выражается у нихъ нѣсколько своеобразно. Собаки не терпятъ никакихъ раздраженій, слишкомъ сильно дѣйствующихъ на ихъ органы чувствъ. Менѣе всего воспріимчивы онѣ къ свѣтовымъ явленіямъ, зато крайне чувствительны къ громкимъ, рѣзкимъ звукамъ и острымъ запахамъ. Звонъ колокола и музыка заставляютъ ихъ выть; одеколонъ, нашатырный спиртъ, эфиръ и тому подобныя вещества приводятъ ихъ въ ужасъ, если подносятся къ ихъ носу. У нѣкоторыхъ породъ обоняніе достигаетъ необыкновенной степени развитія, судить о которой мы просто-таки не въ состояніи.

О душевныхъ способностяхъ собаки можно написать многотомныя книги, а потому въ короткихъ словахъ описать ихъ тѣмъ труднѣе. Болѣе всего мнѣ нравится описаніе, сдѣланное Шейтлиномъ, изъ котораго я и сдѣлаю нѣсколько выдержекъ. „Какъ ни велико“, говоритъ онъ, „внѣшнее различіе породъ, оно все-же меньше, чѣмъ различіе ихъ душевныхъ качествъ: нѣкоторыя породы собакъ совершенно непонятливы, другія научаются всему въ самое короткое время. Однѣхъ можно приручить весьма быстро, другихъ никогда, и то, что однѣ ненавидятъ, другія любятъ. Пудель идетъ въ воду по собственной волѣ, шпица нужно принуждать выйти изъ дому. Дога можно приучить нападать на человѣка, а пуделя дѣлать это не заставишь. Только лягавой собакѣ свойственно необычайно тонкое чутье; только медвѣжья собака хватается медвѣдя межъ заднихъ ногъ; лишь длинная такса, которой не хватается, кажется, лишней пары ногъ по срединѣ тѣла, настолько приземиста и косолапа, что можетъ залѣзть въ барсучьи норы и исполняетъ это съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ мясницкая собака сгоняетъ телятъ и коровъ, обѣгая ихъ полукругами.

Ньюфаундлендская собака волка не боится, а потому прекрасно можетъ сторожить стада и въ то-же время мастерски роетъ землю, плаваетъ, ныряетъ и вытаскиваетъ людей изъ воды. Мясницкая собака также вступаетъ въ бой съ волкомъ, хорошо оберегаетъ стада, годна для охоты на кабана и всякаго другого крупнаго звѣря, понятлива и очень предана своему хозяину, но сама не идетъ въ воду, если только ее къ этому не принуждаютъ. Ее часто употребляютъ для травли, даже злоупотребляютъ этимъ, а потому она дѣлается, по законамъ психологіи, все свирѣпѣе и свирѣпѣе, обижая, главнымъ образомъ, беззащитныхъ телятъ и превращаясь въ концѣ концовъ въ настоящаго лютаго звѣря. Кровожадность ея дѣлается просто противной, а страсть къ крови и къ кусанью, привычка таскать и обжираться животными отбросами являются самыми худшими ея качествами. Борзая собака считается почти совершенно непонятливой, неподатливой къ воспитанію, невѣрной своему хозяину, но легко поддающейся, подобно щенкамъ, на ласку постороннихъ; тѣмъ не менѣе ее можно обучить травлѣ зайцевъ и другихъ звѣрей. Лягавая собака, уже въ силу своей натуры, годна для охоты, да и во всякой собакѣ, какъ и въ каждомъ звѣрѣ, должна быть какая нибудь врожденная способность, которая получаетъ только дальнѣйшее развитіе при ея обученіи. Болонка и кингчарльсъ годятся только для удовольствія, для того, чтобы ихъ таскали на рукахъ, чтобы спать на мягкомъ диванѣ, грѣться на колѣняхъ, ворчать на незнакомыхъ, сидѣть въ комнатѣ, пить изъ одной чашки и ѣсть съ одной тарелки со своей госпожей и давать себя цѣловать. Въ охотничьей собакѣ особенно цѣнится чутье, большая понятливость и легкость къ обученію, а также привязанность къ своему хозяину. Не менѣе понятливы и хорошо охраняютъ домъ или стадо сторожевая и пастушья собаки. Шпицъ, говорятъ, уменъ, понятливъ, ловокъ и живого характера, но любитъ кусаться; онъ хорошій сторожъ, а нѣкоторыя разновидности его коварны и лукавы. Собаки сѣверныхъ инородцевъ характеризуются преданностью человѣку вообще, но слабою способностью привязываться къ своему хозяину; она не боится побоевъ, ненасытна, но въ то же время въ состояніи долго переносить голодъ. Доги отличаются вѣрностью, но не

умомъ; они хорошіе сторожа, яростно и смѣло вступаютъ въ бой съ кабанами, львами, тиграми и леопардами; они ни во что не ставятъ свою жизнь, слушаются не только слова, но и взгляда своего хозяина, слѣдятъ за мановеніемъ его руки, легко пріучаются бросаться на людей, не боятся нападать даже на трехъ, четырехъ человѣкъ разомъ, не обращаютъ никакого вниманія на выстрѣлы и раны и страшно дерутся съ другими собаками. Доги очень сильны, валяютъ на землю самаго сильнаго человѣка, душатъ его или удерживаютъ его въ лежачемъ положеніи, пока не подоспѣтъ хозяинъ; они въ состояніи удержать на мѣстѣ за уши разъяреннаго кабана. Доги въ высшей степени послушны и умны, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Ниже всѣхъ другихъ собакъ стоитъ, безъ сомнѣнія, мопсъ: это нравственный уродъ среди себѣ подобныхъ и, конечно, самъ возродиться не можетъ; онъ не въ состояніи понять человѣка, а человѣкъ не хочетъ понять его.

„Дать хорошее изображеніе, а тѣмъ болѣе набить собачью голову является дѣломъ уже труднымъ: она слишкомъ осмысленна для этого. Душа собаки, безъ всякаго сомнѣнія, совершенна уже настолько, насколько только можетъ быть совершенна она у млекопитающаго. Ни объ одномъ животномъ не говоримъ мы чаще, что ему недостаетъ только дара слова, чтобы быть человѣкомъ; ни объ одномъ животномъ не существуетъ столько рассказовъ, доказывающихъ ея понятливость, память, разсудительность, даръ воображенія и даже чисто нравственныя качества, каковы вѣрность, нѣжность, благодарность, бдительность, любовь къ своему господину, терпѣливое отношеніе къ его дѣтямъ и яростная ненависть къ его врагамъ. Ни одно животное вслѣдствіе этого не ставится такъ часто въ примѣръ человѣку. Да и чему только не можетъ выучиться собака! Она танцуетъ, бьетъ въ барабанъ, ходитъ по канату, стоитъ на часахъ, осаждастъ и защищаетъ крѣпости, стрѣляетъ изъ пистолета; она вертитъ вертелъ, тащитъ сани; разбираетъ ноты, читаетъ цифры и буквы, отличаетъ карты; она снимаетъ шапку съ головы человѣка, несетъ ему туфли, старается снять съ него сапоги или башмаки, какъ слуга; она понимаетъ игру глазъ и мимику человѣка и можетъ научиться еще многому другому“.

„Я зналъ собакъ“, говоритъ Ленцъ, „которые понимали, казалось, каждое слово своего господина, открывали и закрывали по его приказанію двери, приносили стулъ, столъ или скамейку, снимали съ него или приносили ему шапку, разыскивали и подавали спрятанный носовой платокъ или что-либо подобное, выискивали по запаху шляпу указаннаго гостя изъ кучи другихъ шляпъ и т. п. Наблюдать за умной собакой составляетъ вообще большое удовольствіе. Интересно смотрѣть, какъ она поворачиваетъ глаза и вертитъ ушами, ожидая приказанія своего господина, какъ радуется она позволенію слѣдовать за нимъ, какъ печально становится выраженіе ея лица, если ей приходится оставаться дома, какъ осмысленно оглядывается она, когда старается, добѣжавъ до перекрестка, опредѣлить идти-ли ей направо или налево; какъ довольна она, если умно исполнить данное ей порученіе, и какъ конфузится, выкинувъ какую-нибудь глупость. Крайне занятно наблюдать собаку, совершившую какую-либо продѣлку и не вполне увѣренную, замѣтилъ это хозяинъ или нѣтъ: она ложится, зѣваетъ, прикидывается полуспящей и равнодушной, чтобы только отдалить отъ себя всякое подозрѣніе, а между тѣмъ время отъ времени бросаетъ боязливый взглядъ на своего господина. Собака быстро научается распознавать друзей дома, легко отличаетъ порядочно одѣтаго человѣка отъ оборванца и питаетъ какую-то вражду къ нищему. Пріятно видѣть также, какъ собака ищетъ въ угоду своему хозяину трюфели, къ которымъ по природѣ своей не чувствуетъ однако никакого влеченія; какъ помогаетъ она тащить телѣжку, напрягаясь при этомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ усиленнѣе работаетъ самъ хозяинъ“.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что различныя породы собакъ отличаются другъ отъ друга своими душевными качествами не меньше, чѣмъ и тѣлесными. Выдающимися чертами характера собаки являются: непоколебимая вѣрность и нѣжная привязанность къ своему господину, безусловное послушаніе и покорность, большая бдительность, кротость, осторожность въ обращеніи, услужливость и друже-

любіе. Но ни одна собака не совмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ этихъ качествъ одновременно: у той выступаетъ больше одно, у этой — другое. Въ развитіи ихъ воспитаніе играетъ гораздо большую роль, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Хорошо воспитать собаку можетъ только хорошій человѣкъ. Собака дѣлается вѣрнымъ отраженіемъ своего господина: чѣмъ дружелюбнѣе, любовнѣе, внимательнѣе съ нею обращаются, чѣмъ лучше и опрятнѣе содержатъ ее, чѣмъ болѣе и толковѣе съ нею занимаются, тѣмъ понятливѣе и лучше становится она; наоборотъ, собака очень портится, если съ нею обращаются дурно. Она примѣняется ко всевозможнымъ условіямъ и предается человѣку всегда всею душою. Эта высокая добродѣтель цѣнится, къ сожалѣнію, очень мало, а потому выраженіе „собака“ сдѣлалось браннымъ, тогда какъ, собственно говоря, должно было-бы означать какъ разъ противоположное. Многосторонность способностей собаки возвышаетъ ее надъ всѣми остальными животными, а вѣрность дѣлаетъ ее незамѣнимымъ товарищемъ человѣка.

Нѣкоторыя привычки свойственны всѣмъ породамъ собакъ одинаково. Всѣ онѣ воютъ и лаютъ, напримѣръ, на луну, хотя мы и не въ состояніи понять причину этого. Онѣ легко возбуждаются всякимъ движеніемъ, бѣгутъ за всѣмъ, что быстро проносится мимо нихъ, будь то человѣкъ, животное, экипажъ, шаръ, камень и т. п.; онѣ стараются схватить и держать предметъ даже тогда, когда отлично знаютъ, что онъ имъ не нуженъ. Собаки необыкновенно враждебно настроены противъ нѣкоторыхъ животныхъ, хотя, повидимому, вполне безпричинно. Такъ, рѣшительно всѣ собаки ненавидятъ кошекъ и ежей; имъ доставляетъ просто какое то удовольствіе мучить себя и яростно кусать послѣдняго, хотя онѣ отлично знаютъ, что это не приведетъ ни къ какому результату и только напрасно окровавить имъ носъ и морду.

Замѣчательно то предчувствіе, которымъ обладаютъ собаки къ переменѣ погоды; онѣ стараются напередъ уже принять мѣры предосторожности и указываютъ даже человѣку на предстоящій дождь тѣмъ, что издаютъ въ это время непріятный запахъ.

Между собою собаки живутъ обыкновенно не особенно дружелюбно. Сойдясь вмѣстѣ, двѣ незнакомыя собаки сначала обнюхиваютъ другъ друга, затѣмъ скалятъ зубы и, наконецъ, начинаютъ грызться, если только не берутъ верхъ болѣе нѣжныя отношенія. Но тѣмъ замѣчательнѣе тѣ искренно дружескія отношенія, въ которыя вступаютъ иногда нѣкоторыя собаки. Подобные друзья никогда не ссорятся, всегда стараются быть вмѣстѣ и оказываютъ другъ другу взаимную поддержку. Такіе союзы собаки заключаютъ кое-когда и съ другими животными; оказывается иногда невѣрной даже поговорка — „живутъ, какъ кошка съ собакой“.

Черезъ 63 дня послѣ спариванія, сука мечетъ въ темномъ мѣстѣ 3—10, обыкновенно отъ 4 до 6, а въ исключительныхъ случаяхъ до 20 и болѣе щенятъ, которые рождаются уже съ рѣзцами, но остаются слѣпыми въ теченіе 10—12 дней. Мать нѣжно любитъ своихъ дѣтенышей, кормитъ ихъ молокомъ, охраняетъ, облизываетъ, согрѣваетъ, защищаетъ и нерѣдко переноситъ ихъ съ мѣста на мѣсто, осторожно хватая ихъ зубами за шиворотъ. Любовь ея къ своему потомству просто трогательна и часто заслуживаетъ не только полного нашего уваженія, но и удивленія. Такъ, Бехштейнъ рассказываетъ объ одномъ, почти невѣроятномъ случаѣ. Одинъ владѣлецъ овчарни въ Вальтерсгаузенѣ покупалъ ежегодно весною овецъ въ Эйхсфельдѣ, отстоявшемъ отъ мѣста его жительства на 18 миль, и жившая у него сука должна была, понятно, сопровождать его на этомъ пути. Однажды у нея родилось на чужбинѣ семеро щенятъ, почему хозяинъ былъ принужденъ оставить ее тамъ. Но вдругъ, на второй день по возвращеніи его домой, находитъ онъ свою собаку съ семью щенятами у дверей своего дома: она перетаскивала ихъ всю дорогу поочередно на извѣстное разстояніе и, такимъ образомъ, продѣлала весь путь тринадцать разъ; она благополучно довела это предпріятіе до конца, хотя и впала послѣ того въ полное изнеможеніе.

Сукѣ оставляютъ изъ помета обыкновенно двухъ или трехъ щенятъ, чтобы не слишкомъ ослабить ее ихъ кормленіемъ. Маленькія существа нуждаются въ обиль-

ной пищѣ, а мать едва въ состояніи доставить имъ достаточное количество молока. Нечего и говорить о томъ, что владѣлецъ кормящей суки обязанъ хорошо питать ее въ это время питательной пищей. Уже заранѣе готовитъ онъ будущей матери мягкую постель въ тихомъ, тепломъ уголкѣ, а затѣмъ всячески помогаетъ ей воспитать щенятъ. Пока собака кормитъ, сердце ея исполнено только одною любовью, а потому она терпитъ, если ей подкладываютъ чужихъ щенятъ и даже дѣтенышей другихъ животныхъ, напр., котятъ, молодыхъ кроликовъ и т. д. Я часто пробовалъ дѣлать это съ собаками, но замѣтилъ, что кормящія кошки относятся къ приемышамъ много лучше собакъ, которыя, при всей ихъ добротѣ, не въ состояніи скрыть своего неудовольствія. Для вскармливанія лвятъ и тигрятъ собаки являются, однако, прекрасными мамками.

Обыкновенно щенятамъ даютъ сосать свою мать въ теченіе шести недѣль. Собираясь отнять ихъ отъ груди, старуху кормятъ нѣкоторое время впроголодь, чтобы у нея изсякло молоко; тогда она сама уже не дозволяетъ щенкамъ сосать ее. Съ этихъ поръ щенятъ приучаютъ къ какой-нибудь легкой пищѣ и, прежде всего, къ чистоплотности. На третьемъ или на четвертомъ мѣсяцѣ жизни у нихъ происходитъ первая смѣна зубовъ, а, достигши шестимѣсячнаго возраста, они перестаютъ уже обращать вниманіе на мать. Если молодыхъ собакъ желаютъ обучить илп, какъ принято выражаться, дрессировать, то долго откладывать этого не слѣдуетъ. Взглядъ старыхъ охотниковъ и собаководовъ, будто до года молодая собака слаба и мало пригодна для обученія, оказался неправильнымъ. Адольфъ и Карлъ Мюллеръ, прекрасные наблюдатели и охотники, начинаютъ обучать охотничьихъ собакъ лишь только онѣ станутъ хорошо бѣгать и достигаютъ этимъ прекрасныхъ результатовъ. Названные лица не бьютъ своихъ воспитанниковъ, рѣдко даже кричатъ на нихъ, пуская въ дѣло развѣ строгое слово, и изъ собакъ выходятъ прекрасные товарищи и помощники по охотѣ. Съ молодыми собаками слѣдуетъ обращаться какъ съ дѣтьми, а не какъ съ закоренѣлыми рабами. Всѣ онѣ безъ исключенія прилежные и способные ученики, скоро начинаютъ внимательно относиться къ каждому слову своего воспитателя и исполняютъ все гораздо лучше изъ любви, чѣмъ изъ страха. Люди, обучающіе собакъ при помощи парфорса и хлыста, — мучители, а не мыслящіе воспитатели.

На двѣнадцатомъ году жизни наступаетъ для собаки уже старческій возрастъ. Извѣстны, впрочемъ, примѣры, что собаки доживали до 20, даже до 26 и 30 лѣтъ, но это всегда рѣдкія исключенія. Если онѣ околѣваютъ не отъ старческой немочи, то погибаютъ отъ какой-нибудь одной изъ многихъ болѣзней, которымъ подвержены не меньше людей.

Одна изъ самыхъ частыхъ болѣзней собакъ есть чесотка, происходящая отъ паразитовъ; прежде неправильно полагали, что страданіе это обусловливается недостаточностью питанія и движенія или происходитъ отъ нечистоплотности. Молодые собаки подвержены инфекціонной болѣзни — собачьей чумѣ, выражающейся воспаленіемъ слизистыхъ оболочекъ; она поражаетъ чаще всего щенковъ въ возрастѣ отъ 3 до 9 мѣсяцевъ. Отъ этой болѣзни издыхаетъ, по всей вѣроятности, до половины всѣхъ европейскихъ собакъ или она оставляетъ на нихъ, по крайней мѣрѣ, неизгладимые слѣды. Помимо названныхъ болѣзней, собаки страдаютъ отъ паразитовъ, которыхъ извѣстно болѣе дюжины. Ихъ часто страшно мучатъ блохи и вши, а въ извѣстныхъ мѣстностяхъ также клещи. Отъ первыхъ ихъ легко избавить, если насыпать подъ соломенную подстилку, на которой лежитъ собака, слой золы; можно также втирать въ шерсть животного персидскій порошокъ. Сильно донимающіе собакъ клещи легче всего удаляются тѣмъ, что на паучковъ этихъ капаютъ водкой, растворомъ соли въ водѣ или настоемъ табака. Выдергивать ихъ насильно нельзя совѣтовать потому, что нерѣдко остающаяся въ этомъ случаѣ въ ранкѣ голова паразита можетъ вызвать нагноеніе и даже нарывъ.

Но самая ужасная изъ болѣзней собакъ есть безспорно бѣшенство или водобоязнь, которая въ высшей степени опасна не только для самихъ собакъ и другихъ домашнихъ животныхъ, но и для человѣка. Этой болѣзни обыкновенно подвергаются болѣе старыя собаки и чаще всего во время лѣтнихъ жаровъ или зимою,

въ очень сильные холода. Первые признаки этой страшной заразной болѣзни проявляются въ томъ, что собака измѣняетъ свое поведеніе, становится коварно-ласковой и ворчитъ на своего хозяина, дѣлается необыкновенно сонной и скучной, постоянно ищетъ теплыхъ мѣстъ, часто подходитъ къ ѣдѣ, но не ѣстъ, жадно пьетъ воду, но очень малыми количествами и вообще кажется безпокойной и испуганной. Несомнѣнными признаками дальнѣйшаго развитія болѣзни служатъ: измѣненіе голоса, причемъ лай переходитъ въ глухой, хриплый вой, потеря аппетита, затрудненіе при глотаніи, слюнотеченіе, помутнѣніе глазъ, частыя отлучки изъ дому; захварывая собака часто лижетъ и глотаетъ несъѣдобные предметы, что то хватая вѣ кругъ себя и кусается безъ причины. Далѣе наступаетъ запоръ, уши повисаютъ, собака поджимаетъ хвостъ, глаза ея мутнѣютъ сильнѣе и она косить ими. Впослѣдствіи глаза становятся красными и воспаленными. Собака перестаетъ поддаваться ласкамъ, не слушаетъ болѣе приказаній своего хозяина, становится все безпокойнѣе и пугливѣе, смотритъ дико и пристально, низко опускаетъ голову, окружность глазъ и щеки у нея припухаютъ, языкъ сильно краснѣетъ и высовывается изъ рта, изъ котораго течетъ липкая слюна. Въ скоромъ времени она перестаетъ лаять и только ворчитъ, не узнаетъ знакомыхъ ей лицъ, а подъ конецъ и своего хозяина. Страдая сильно отъ жажды, постоянно подходитъ къ питью, она не въ состояніи уже проглотить воду, которая причиняетъ ей при насильномъ введеніи только болѣзненные спазмы глоточныхъ мышцъ. Теперь появляется боязнь къ водѣ и къ каждой другой жидкости; собака не ложится болѣе и безпокойно бродитъ съ мѣста на мѣсто, опустивъ свой хвостъ.

Только съ этого времени боязнь можетъ развиваться въ одну изъ своихъ формъ — въ тихое или буйное бѣшенство. При тихомъ бѣшенствѣ глаза собаки воспалены, взоръ мутенъ и неподвиженъ, языкъ становится синеватымъ и далеко высовывается изъ пасти. У угловъ рта появляется пѣна, ротъ постоянно открытъ, нижняя челюсть отвисаетъ и дѣлается неподвижной. Шатаясь и невѣрнымъ аллюромъ бѣжитъ такая собака съ поджатымъ хвостомъ и съ опущенной головой часто цѣлая миль и кусаетъ все, что ей попадаетъ на пути, особенно же собакъ. Встрѣтивъ препятствіе, не позволяющее ей слѣдовать по принятому направленію, она начинаетъ кружиться, часто падаетъ и ловитъ воздухъ.

При развитіи буйной формы бѣшенства глаза собаки горятъ, зрачекъ расширенъ, ротъ открытъ, слабо увлажненъ слюною, а синеватый языкъ высунутъ изъ пасти. Уже въ ранней стадіи этой формы, собака становится въ высшей степени злобна и коварна даже относительно своего хозяина, непроизвольно хватается мухъ и все, что ей подвергается, ловитъ и рветъ домашнюю птицу, хотя и не ѣстъ ее, подманиваетъ другихъ собакъ и яростно на нихъ нападаетъ, скалитъ зубы, расцарапываетъ себѣ морду, визжитъ, облизываетъ воспаленнымъ языкомъ губы, щелкаетъ имъ и начинаетъ страдать слюнотеченіемъ. Она отворачивается отъ воды, но иногда переплываетъ еще черезъ ручьи и пруды. Она кусаетъ все, что только попадаетъ ей на пути, нерѣдко даже безжизненные предметы и цѣпь, на которой сидитъ.

Съ водобоязнью собакъ были знакомы уже древніе греки, хотя она и встрѣчается въ южной Европѣ много рѣже, чѣмъ у насъ. Въ жаркихъ и холодныхъ странахъ инфекціонная болѣзнь эта распространена много слабѣе или даже совершенно не встрѣчается.

Противъ водобоязни изстари предполагалось много средствъ, но нельзя сказать, чтобы они оказались дѣйствительными. Примѣненіе ихъ встрѣчало препятствіе уже въ томъ, что сначала нужно было рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли страдала бѣшенствомъ укусившая собака или только была подозрительной въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, единственно радикальнымъ средствомъ являлось выжиганіе раны, которое должно было предприниматься немедленно и кореннымъ образомъ. Если это не дѣлалось и ядъ успѣвалъ всосаться въ кровь, то дальнѣйшая судьба укушеннаго находилась не во власти человѣка; укушеніе могло пройти для него безслѣдно или повести къ вѣрной смерти. Съ цѣлью помочь въ этомъ случаѣ, Пастеръ предложилъ свой способъ лѣченія. Онъ основанъ на томъ, что раз-

вѣтіе болѣзни можно предотвратить путемъ прививки, какъ, напримѣръ, предохраняютъ человѣка отъ оспы, прививая ему телячью оспу. Пастеръ беретъ отъ бѣшеной собаки спинной мозгъ, сушитъ его, растираетъ его въ мясномъ отварѣ и вспрыскиваетъ эту жидкость больному подъ кожу. Вслѣдствіе высушиванія спинного мозга, ядовитое начало, находящееся въ немъ, слабѣетъ и можетъ быть употреблено для прививки. Съ 1885 года этимъ способомъ пользовались тысячи укушенныхъ людей. Многіе изъ нихъ были безъ всякаго сомнѣнія укушены животными, бѣшенство которыхъ только предполагалось; но между ними была масса и раненыхъ собаками, завѣдомо страдавшими водобоязнью. Изъ этой послѣдней категоріи больныхъ нѣсколько умерло, несмотря на прививку, а можетъ быть и вслѣдствіе ея, большинство же было положительно избавлено отъ вѣрной смерти.

Несомнѣннымъ признакомъ здоровья собаки служить холодный и влажный носъ. Если онъ сухъ и горячъ, глаза помутнѣли, аппетитъ отсутствуетъ, то можно быть увѣреннымъ, что собака больна. Если состояніе это не измѣняется, а прописанныя хорошимъ врачомъ средства помогаютъ не быстро, то надежды на сохраненіе жизни животнаго остается мало, потому что лишь немногія собаки переносятъ серьезныя заболѣванія. Всевозможныя пораненія излѣчиваются у нихъ быстро и хорошо, часто безъ всякой посторонней помощи, но внутреннія болѣзни не уступаютъ вмѣшательству даже опытнаго врача и, главнымъ образомъ, потому, что протекаютъ удивительно быстро.

Польза, приносимая человѣку собакой, неисчислима. Значеніе ея для цивилизованныхъ и образованныхъ народовъ извѣстно каждому читателю по собственному опыту, но еще больше доставляетъ она услугъ дикимъ и некультурнымъ народамъ. Племена, живущія на островахъ Полинезіи, питаются мясомъ собаки точно также, какъ и нѣкоторыя африканскія племена и народы сѣвернаго полушарія, изъ которыхъ назовемъ тунгузовъ, китайцевъ, эскимосовъ, индѣйцевъ сѣверной Америки и др. Въ Китаѣ часто видишь мясниковъ, тяжело нагруженныхъ собачьимъ мясомъ; имъ приходится, однако, постоянно остерегаться живыхъ собакъ, которыя нападаютъ на нихъ обществами. Тутъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ отношеніи, существующемъ между человѣкомъ и собакой, отношеніи, которое можетъ непріятно поразить насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Бернарденъ де Сентъ-Пьеръ высказалъ впервые мысль, что употребленіе собачьяго мяса въ пищу человѣкомъ есть первый шагъ къ каннибализму, этнографія успѣла собрать уже много наблюденій, которыя положительно подкрѣпляютъ этотъ взглядъ. Обычай ѣсть собачье мясо, дѣйствительно, предшествуетъ, сопутствуетъ или составляетъ остатокъ людоедства.

Но и тамъ, гдѣ собака употребляется въ пищу постоянно или только временно, она является, кромѣ того, товарищемъ и помощникомъ человѣка. Она несетъ службу даже у народовъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, такихъ, которые не даютъ ей даже клички. Въ странахъ тропическихъ она является для человѣка, если не сторожемъ, то охранителемъ, и помогаетъ ему на охотѣ, а у жителей полярныхъ странъ, которые очутились бы безъ нея въ самомъ безпомощномъ положеніи, она тащитъ еще сани по ледянымъ или снѣговымъ полямъ, или несетъ на спинѣ, какъ вьючное животное, снаряженіе охотника. Въ сѣверной Азіи шкуры собакъ идутъ на одежду, и даже въ Германіи изъ нихъ выдѣлываютъ шапки и муфты. Изъ костей и сухожилій варятъ клей; тонкая, но очень крѣпкая, кожа въ дубленомъ видѣ употребляется на башмаки, а приготовленная какъ замша — на перчатки; шерсть служитъ для набивки мебели. Собачій жиръ идетъ на смазку машинъ, а прежде считался домашнимъ средствомъ противъ легочной чахотки. Даже высохшій собачій калъ, такъ называемый *Album graecum*, потому что греки первые обратили на него вниманіе, — цѣнился какъ лѣкарство. Собаками пользовались также и въ войнахъ и при этомъ не въ качествѣ соотвѣтственно выдрессированныхъ караульныхъ и быстроногихъ, мало обращающихъ на себя вниманіе гонцовъ, какъ предполагается въ настоящее время, а въ качествѣ настоящихъ ратниковъ, сражавшихся бокъ-о-бокъ съ воинами. Когда испанцы подчиняли себѣ страны Новаго Свѣта, такъ называемыя, кровяныя собаки играли не малую роль

въ сраженіяхъ; на долю нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ выпадали за ихъ храбрость и доблестные подвиги такія же почести, какъ и на долю героевъ среди этихъ корыстныхъ завоевателей. Подобно всѣмъ участникамъ тѣхъ хищническихъ набѣговъ и походовъ, собаки или, вѣрнѣе, за нихъ ихъ хозяева получали и соотвѣтственную часть добычи. Позднѣе и даже до новѣйшаго времени кровяныхъ собакъ употребляли при розыскахъ бѣжавшихъ въ глушь рабовъ или туземцевъ, отказывавшихся служить европейцамъ.

Человѣкъ уже съ древнѣйшихъ временъ признавалъ пользу, приносимую собаками, но обращался съ ними и почиталъ ихъ не вездѣ одинаково. Сократъ имѣлъ обыкновеніе клясться собакой; Александръ Македонскій былъ такъ опечаленъ преждевременной смертью одной изъ своихъ любимыхъ собакъ, что въ честь ея выстроилъ городъ съ храмами; Гомеръ воспѣлъ Аргуса, собаку Одиссея, самымъ трогательнымъ образомъ. Плиній ставитъ псовъ очень высоко и рассказываетъ о нихъ много удивительнаго. Мы узнаемъ отъ него, напримѣръ, что колофонійцы, ведя безпрестанныя войны, содержали большія стада собакъ, что собаки эти нападали всегда первыми и не отказывались служить ни въ одной битвѣ. Когда Александръ Македонскій предпринялъ походъ въ Индію, царь Албаніи подарилъ ему собаку огромныхъ размѣровъ, которая очень понравилась Александру. Онъ выпустилъ противъ нея медвѣдей, вепрей и т. п. животныхъ, но животное не трогалось съ мѣста. Александръ предположилъ, что собака лѣнива и приказалъ ее убить. Когда объ этомъ узналъ албанскій царь, онъ послалъ Александру вторую собаку той-же породы и велѣлъ сказать ему, чтобы онъ не посылалъ противъ дога слабыхъ животныхъ, а только львовъ и слоновъ, что онъ, король, имѣлъ лишь двухъ такихъ собакъ, а потому онъ не будетъ уже въ состояніи доставить царю подобную же, если бы Александру вздумалось покончить и съ этой. Александръ натравилъ на нее льва, а затѣмъ слона, и собака убила обоихъ. Древніе египтяне употребляли собакъ для охоты и высоко цѣнили ихъ, какъ можно убѣдиться по изображеніямъ на памятникахъ. Съ другой стороны, евреи презирали собаку, что видно изъ многихъ мѣстъ Библии, а въ настоящее время почти то же самое отношеніе къ ней видимъ мы у арабовъ. Очень уважали собакъ древніе германцы. Когда римляне побѣдили въ 108 году до Р. Х. кимвровъ, имъ пришлось еще выдержать жестокій бой съ собаками, охранявшими повозки германцевъ. Канарскіе острова получили свое названіе, какъ поясняетъ Плиній, отъ собакъ. Въ Перу били, по Гумбольдту, собаку во время луннаго затменія и не переставали это дѣлать до тѣхъ поръ, пока оно не проходило.

Забавно читать все то, что старые писатели говорятъ о пользованіи собакою для врачебныхъ цѣлей. Вся собака была, собственно говоря, сплошь цѣлебна.

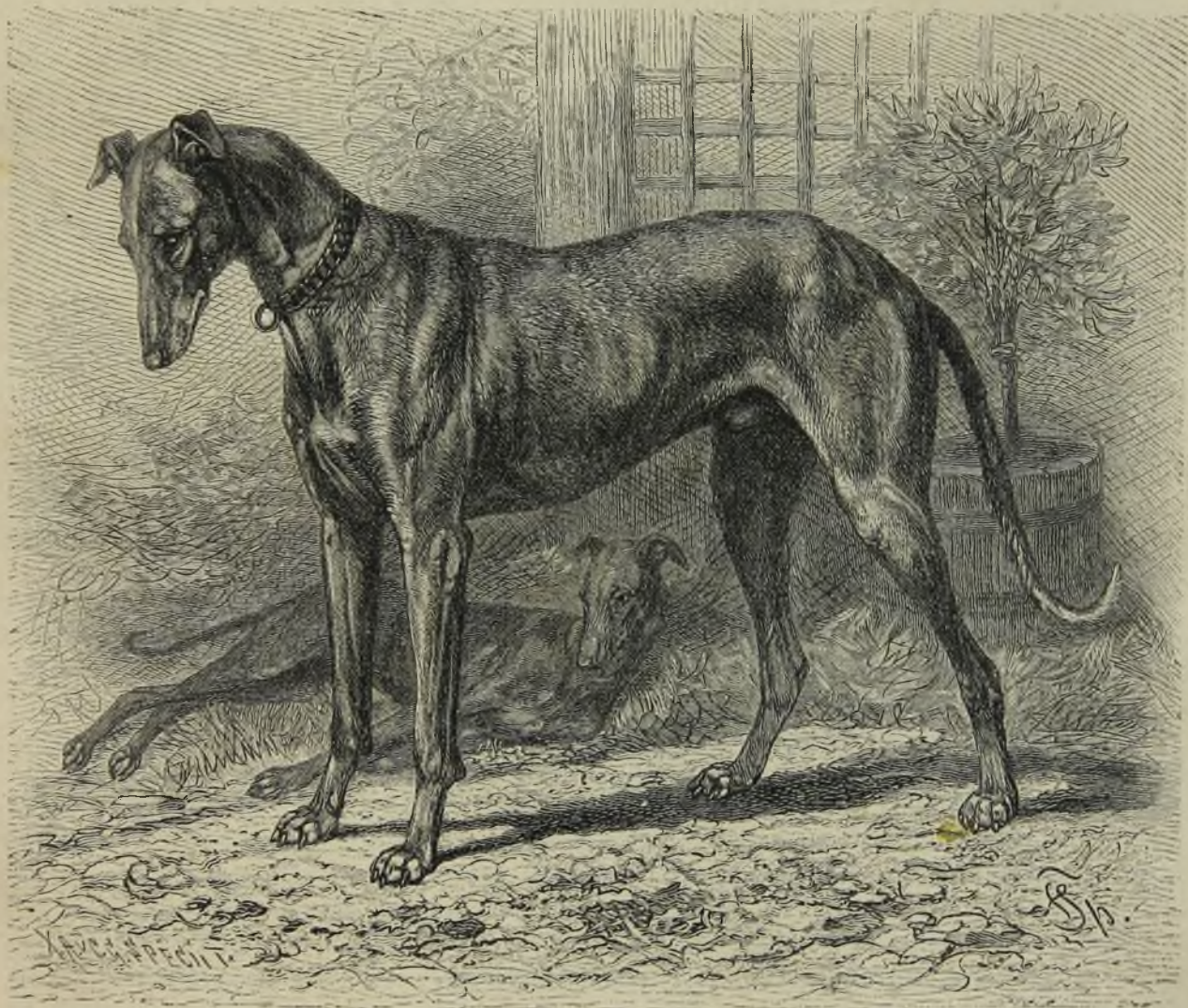
Мы сдѣлали, такимъ образомъ, общій очеркъ собаки и пора перейти къ описанію отдѣльныхъ породъ этой замѣчательной группы.

Но изъ безконечнаго числа формъ ея (Рейхенбахъ насчитываетъ ихъ до 195!) мы займемся лишь главнѣйшими.

*

Борзые собаки (*Canis familiaris grajus*) отличаются необыкновенно стройнымъ и граціознымъ туловищемъ, острой и длинной головой, тонкими и длинными конечностями и обыкновенно короткимъ и гладкимъ волосянымъ покровомъ. Узкая, вытянутая морда, довольно длинная, узкая, заостренная къ концу и на половину торчащая вверхъ уши, покрытыя короткими волосами, наконецъ короткія и плотно прилежащія губы придаютъ головѣ этихъ собакъ своеобразную изящную форму, а вмѣстѣ съ тѣмъ обуславливаютъ неравномѣрное развитіе органовъ чувствъ. Слухъ и зрѣніе развиты у борзыхъ собакъ превосходно, но обоняніе у нихъ плохо, такъ какъ узкая морда ихъ не даетъ возможности достаточно расшириться носовымъ раковинамъ, нервная система которыхъ никогда не можетъ достигнуть высокаго развитія, свойственнаго другимъ собакамъ. При ху-

дощавости всего тѣла особенно рѣзко бросается въ глаза грудь. Она длинна, широка и вмѣщаетъ сравнительно объемистыя легкія, успѣвающія доставлять крови достаточное количество кислорода даже при томъ усиленномъ кровообращеніи, которое обуславливается большою подвижностью этихъ собакъ. Паховая область, съ другой стороны, подтянута необыкновенно сильно, какъ будто для того, чтобы облегчить туловище, обремененное тяжелою грудью. Подобное же тѣлосложеніе мы встрѣчали уже у гиббоновъ и у гепарда, а также найдемъ его еще у многихъ животныхъ, способныхъ къ быстрымъ и продолжительнымъ движеніямъ. Особенно тонки у борзыхъ собакъ ноги; на нихъ обозначенъ каждый мускулъ и особенно тѣ сухожилія, которыми оканчиваются эти мышцы. Но и на груди легко



Борзая собака (*Canis familiaris grajus*). $\frac{1}{10}$ естеств. величины.

отличить всѣ межреберныя мышцы; нѣкоторыя породы этихъ собакъ имѣютъ видъ, будто мускулатура ихъ отпрепарирована искуснымъ анатомомъ. Хвостъ борзыхъ очень тонокъ, довольно длиненъ, свѣшивается много ниже пяточного сустава; онъ держатъ его либо опущеннымъ, либо направленнымъ кзади и нѣсколько загнутымъ на концѣ вверхъ. Мѣхъ борзыхъ собакъ обыкновенно плотно прилегаетъ къ тѣлу, тонокъ и гладокъ, но у нѣкоторыхъ породъ нѣсколько удлинненъ и въ этомъ случаѣ имѣетъ также и нѣсколько отступающую отъ нормы окраску, которая у большинства формъ красиваго рыжеватого-желтого цвѣта. Этотъ цвѣтъ свойственъ самымъ типичнымъ породамъ борзыхъ собакъ, именно персидскимъ и центрально-африканскимъ. Пятнистыя борзые собаки встрѣчаются мною рѣже и обыкновенно слабѣе, чѣмъ одноцвѣтныя.

Душевыми своими качествами борзая отличается отъ другихъ собакъ. Это

въ высшей степени себялюбивое существо, она не особенно вѣрна своему хозяину, позволяетъ каждому ласкать себя и льнуть ко всякому лицу, которое относится къ ней дружелюбно. Она прекрасно чувствуетъ себя и до извѣстной степени даже привязывается къ хозяину, который постоянно съ ней занимается; но невѣрность ея становится тотчасъ-же замѣтной, коль скоро появляется другой человѣкъ, который относится къ ней лучше, чѣмъ ея хозяинъ. Невѣрность эта сдѣлалась даже историческимъ фактомъ. Когда умиралъ король Эдуардъ III, борзая собака его оставила тѣло своего господина въ моментъ смерти и пристала къ его врагамъ. Но между борзыми собаками встрѣчаются и похвальные исключенія, которыя ни чуть не уступаютъ въ вѣрности и преданности другимъ собакамъ и мирятъ насъ съ разсматриваемой породой и въ этомъ отношеніи.

Отношеніе борзой къ другимъ собакамъ не иное, чѣмъ къ человѣку. Она ихъ не любитъ, относится къ нимъ даже безразлично, но если дѣло доходитъ до драки, то начинаетъ кусаться навѣрное первая и становится тогда довольно опасной. Несмотря на свое худощавое тѣлосложеніе, она очень сильна и, коль скоро началась свалка, пользуется своимъ ростомъ для того, чтобы постоянно держать противника за шеекъ; она хватается его при малѣйшемъ поползновеніи двинуться съ мѣста, поднимаетъ его на воздухъ и трясетъ такъ, что у того теряется всякое сознаніе. Но всѣ эти неприглядныя качества борзой не могутъ однако уменьшить ея значеніе. Нѣкоторымъ племенамъ она столь же необходима, сколько лягавая собака — европейскому охотнику или пастушья собака — стадоводу. Необходимость въ ней чувствуется много сильнѣе на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, особенно же въ степныхъ мѣстностяхъ. Татары, персы, жители Малой Азіи, бедуины, кабилы, суданцы, индійцы и другіе народы центральной Африки и Азіи очень дорожатъ ею и часто цѣнятъ наравнѣ съ хорошей лошадыо. У арабовъ пустыни или, вѣрнѣе, пустынныхъ степей, прилежащихъ къ Сахарѣ, распространена поговорка: „Хорошій соколъ, быстрая собака, благородный конь цѣннѣе, чѣмъ двадцать женъ“. Смыслъ этой поговорки становится вполне понятнымъ, если поживешь среди этихъ людей.

Въ Германіи собаками этими пользуются, конечно, немного: мѣстность для охоты съ нею должна быть ровная и открытая, чтобы можно было повсюду проѣхать верхомъ и, такимъ образомъ, во время подоспѣть къ борзой, когда она схватитъ зайца.

Подобная охота представляетъ чудное зрѣлище. Заяцъ не такъ глупъ, какъ кажется, и прекрасно умѣетъ надуть мало опытную собаку. Какъ сумасшедшая несется она за дичью, дѣлая невѣроятно большіе прыжки въ 2, 3 и даже 4 метра длиною, которые ничуть не уступаютъ прыжкамъ крупныхъ кошекъ, а потому быстро нагоняетъ зайца. Вотъ она почти уже подоспѣла къ косому, — еще моментъ и она схватитъ его. Но какъ разъ въ это время заяцъ дѣлаетъ петлю и уже бѣжитъ въ обратномъ направленіи. Собака, бѣжавшая за нимъ прямо, не можетъ съ разбѣга остановиться, проносится дальше, чуть не падаетъ на землю, яростно оглядывается кругомъ, ищетъ его и, наконецъ, видитъ его уже шагахъ въ полтораста. Тутъ собака тоже оборачивается, опять гонится за зайцемъ, снова почти схватываетъ его, заяцъ вновь выкидываетъ свою хитрость, а съ собакой случается то же, что и въ первый разъ. Это могло-бы продолжаться безъ конца, если бы не было другой собаки, которая перерѣзываетъ зайцу дорогу въ то время, когда первая изъ собакъ преслѣдуетъ его.

Тогда какъ на сѣверѣ борзые значительно разнятся между собой по тѣлосложенію и длинѣ шерсти, на югѣ всѣ собаки эти представляютъ болѣе или менѣе одну породу, которую мы можемъ назвать степной борзой. Это благородное, красивое животное, шерсть его мягка, какъ шелкъ, а окраска блѣдно-буланого цвѣта, который нерѣдко становится бѣловатымъ, а чаще переходитъ въ рыжій оттѣнокъ, свойственный дикой козѣ. На древне-египетскихъ памятникахъ эта порода изображается вмѣстѣ съ другой, именно пѣгой борзой.

Въ 1848 г. я прожилъ нѣсколько недѣль въ деревнѣ Мельбесъ въ Кордо-

фанѣ и имѣлъ тамъ полную возможность наблюдать центрально-африканскую борзую. Хотя жители этой деревни и сѣютъ хлѣбъ, но главный источникъ ихъ пропитанія составляютъ скотоводство и охота. Вслѣдствіе этого, они держатъ только овчарокъ и борзыхъ, первыхъ при стадахъ, а послѣднихъ при себѣ, въ деревнѣ. Прогулка по деревнѣ представляла истинное удовольствіе, потому что у каждаго дома сидѣло по нѣсколько этихъ прекрасныхъ животныхъ, красотою превосходившихъ другъ друга. Они были хорошими сторожевыми собаками, чѣмъ сильно отличались отъ своихъ сѣверныхъ собратьевъ. Ночью собаки охраняли деревню отъ нападенія гіенъ и леопардовъ и не рѣшались вступать въ бой только со львомъ. Днем онѣ лежали смирно и оживлялись только съ наступленіемъ ночи. Въ это время ихъ можно было видѣть на всѣхъ стѣнахъ; онѣ умѣли взлѣзати даже на коническія соломенные крыши круглыхъ хижинъ, дѣлая это, по всей вѣроятности, для того, чтобы удобнѣе было осмотрѣть мѣстность. Искусство ихъ въ лазаніи приводило меня просто въ удивленіе.

На долю нашихъ собакъ выпадало еженедѣльно по нѣсколько праздниковъ. Время отъ времени рано по утру въ деревнѣ раздавался звукъ рога: это былъ сигналъ для сбора къ охотѣ. Люди собирались вокругъ собакъ и скоро затѣмъ вся охотничья процессія выходила изъ деревни въ чинномъ порядкѣ, представляя собою великолѣпное зрѣлище. Рѣдко приходилось уходить на большое разстояніе, потому что уже ближайшіе лѣса доставляли обильную добычу; охота оказывалась, кромѣ того, не очень трудною для людей, благодаря ловкости и усердію собакъ. Дойдя до кустарниковой заросли, люди образовывали обширный кругъ и пускали собакъ. Послѣднія проникали въ чащу и вылавливали почти всю цѣнную дичь, которая держалась тамъ. Мнѣ приносили схваченныхъ собаками дрохвъ, цесарокъ, турачей и даже степныхъ рябковъ. Антилопѣ никогда не удавалось ускользнуть отъ нихъ, потому что собаки всегда ловили ее сообща, штукъ отъ 4 до 6.

О борзыхъ собакахъ западной полосы Сахары мы можемъ найти данныя въ трудѣ генерала Дома (Daumas): „Въ Сахарѣ, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ арабами, къ собакѣ относятся съ пренебреженіемъ и тягостятся ею; это рабъ, котораго каждый гонитъ отъ себя, несмотря на очевидно приносимую имъ пользу. Такое отношеніе замѣчается какъ къ сторожевой, такъ и къ пастушеской собакѣ, и только борзая пользуется расположеніемъ, уваженіемъ и нѣжностью своего хозяина. Богачъ и бѣднякъ одинаково считаютъ ее за неразлучную спутницу во всѣхъ рыцарскихъ удовольствіяхъ, до которыхъ бедуины такіе большіе охотники. Собаку эту тщательно оберегаютъ, кормятъ особой пищей, даютъ ей ѣсть, такъ сказать, изъ одной чашки съ собою и обращаютъ большое вниманіе на чистоту породы.

„Когда борзому щенку минетъ 3 или 4 мѣсяца, приступаютъ къ его обученію. Мальчуганы пускаютъ передъ нимъ тушканчиковъ и песчанокъ и натравливаютъ собаченка на этихъ животныхъ. Собакѣ очень скоро начинаетъ нравиться эта охота, а черезъ нѣсколько недѣль она годится уже для травли болѣе крупныхъ грызуновъ. Въ возрастѣ 5 или 6 мѣсяцевъ щенка приучаютъ къ охотѣ за зайцами, представляющей уже значительныя трудности. Отъ зайцевъ переходятъ къ молодымъ газелямъ. Осторожно приблизившись къ послѣднимъ въ то время, когда онѣ отдыхаютъ около матери, обращаютъ на нихъ вниманіе собакъ и наускиваютъ послѣднихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не сдѣлаются нетерпѣливыми, а затѣмъ отпускаютъ. Послѣ нѣсколькихъ упражненій борзая начинаетъ страстно охотиться и безъ наускиванія.

„Упражняясь, такимъ образомъ, борзая достигаетъ одного года и становится почти взрослой. Не смотря на это, собаку не берутъ еще на настоящую охоту, а пускаютъ въ дѣло только тогда, когда ей минетъ 15 или 16 мѣсяцевъ. Но съ этого времени къ ней предъявляютъ просто невѣроятныя требованія и она, дѣйствительно, исполняетъ невозможное. Завидѣвъ стадо антилопъ штукъ въ 30 или 40, подобная собака начинаетъ дрожать всѣмъ тѣломъ отъ возбужденія и радости и, какъ-бы прося, поглядываетъ на своего господина. Онъ снимаетъ свой кур-

дюкъ и смачиваетъ собакъ спину и брюхо, полагая, что онъ подкрѣпитъ ее этимъ лучше, чѣмъ всѣмъ инымъ. Наконецъ, отвязанная собака чувствуетъ свою свободу, взвизгиваетъ отъ удовольствія и стрѣлой бросается на добычу, выбирая изъ стада всегда самую красивую и крупную антилопу. Какъ только она поймаетъ газель или другую антилопу, она тотчасъ-же получаетъ свою долю, — грудинку животнаго; отъ внутренностей такая борзая отказывается съ отвращеніемъ.

„Породистая борзая охотится только со своимъ господиномъ. Привязанность ея и чистоплотность вознаграждаютъ хозяина за его заботы о ней. Когда онъ возвращается домой послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія, борзая съ радостнымъ лаемъ выбѣгаетъ изъ палатки ему навстрѣчу и однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на сѣдло, чтобы поласкаться послѣ тягостной разлуки. Арабъ говорить ей



Левретка (*Canis familiaris grajus italicus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

тогда: „Другъ мой, прости меня, что я покидалъ тебя, но это было необходимо; мы пойдемъ теперь вмѣстѣ на охоту; мнѣ нужно мясо, такъ какъ финики мнѣ надоели; ты будешь, конечно, такъ добра и раздобудешь мнѣ мяса“. Собака ведетъ себя при этомъ такъ, какъ будто понимаетъ цѣну каждого слова. Цѣна борзой, умѣющей ловить большихъ газелей, равна цѣнѣ верблюда, а за собаку, справляющуюся съ болѣе крупными антилопами, даютъ столько-же, сколько за хорошую лошадь“.

Самой красивой изъ всѣхъ борзыхъ является левретка (*Canis familiaris grajus italicus*), настоящій карликъ между другими борзыми, но карликъ крайне изящный, у котораго всѣ части тѣла находятся въ полнѣйшемъ соответствіи одна съ другой. Всѣ ея рѣдко превосходитъ 3 — 3,5 килограмма, а наилучшія изъ левретокъ вѣсятъ не болѣе 2 килограммовъ, тогда какъ въ вышину имѣютъ сантиметровъ до 40. Наружностью и цвѣтомъ она совершенно походитъ на настоящую борзую.

Самымъ некрасивымъ выродкомъ борзыхъ можетъ считаться центрально-африканская голая собака (*Canis familiaris africanus*). Туловище у нея удлиненное, худощавое, сильно втянутое въ пахахъ; спина сильно изогнута, грудь узкая, шея средней длины, но тонкая; голова продолговатая и высокая, лобъ сильно выпуклый, морда довольно длинная, суженная кпереди и заостренная на концѣ; голыя, какъ и все тѣло, уши средней длины, нѣсколько широкія, заострены, на половину приподняты и на концѣ нѣсколько загнуты; губы коротки и прилегаютъ плотно. Ноги длинны и довольно тонки; хвостъ очень тонокъ, средней длины; на заднихъ ногахъ недостаетъ пятого пальца. Эта собака очень некрасивое животное, потому что все тѣло ея совершенно голо, за исключеніемъ нѣсколькихъ волосъ у основанія хвоста, вокругъ рта и на ногахъ. Не украшаетъ ее и черный цвѣтъ кожи, который въ Европѣ черезъ нѣкоторое время превращается въ сѣроватый, мѣстами покрытый пятнами тѣлеснаго цвѣта. Длина тѣла равна 65, хвоста 25, а высота у загривка 35 сантиметрамъ.

Кромѣ этой формы голой собаки, относящейся къ группѣ борзыхъ, лишенной шерсти собаки встрѣчаются и среди другихъ породъ, всѣ онѣ отвратительныя животныя, у которыхъ иногда бываетъ прядь выцвѣтшихъ волосъ на головѣ. Безшерстныя собаки водятся въ Китаѣ, центральной и Южной Америкѣ, въ Маниллѣ, на Антильскихъ и Багамскихъ островахъ.

Въ нашемъ климатѣ голыя собаки могутъ жить только въ комнатѣ, да и то выдерживаютъ здѣсь неволю недолго. Онѣ необыкновенно нѣжны и крайне чувствительны къ сырой, холодной погодѣ.

*

Вторую группу домашнихъ собакъ составляютъ доги *Canis familiaris molossus*.

Къ ней мы относимъ, прежде всего, датскаго дога (*Canis familiaris molossus danicus*), хотя нѣкоторые изслѣдователи считаютъ его за помѣсь борзой съ бульдогомъ. Это крупное, красивое животное стройнаго тѣлосложенія съ тонкими ногами, гладкимъ хвостомъ и большими, выразительными глазами; морда его заострена, но не такъ сильно, какъ у борзой собаки, которую оно значительно превосходитъ какъ силою, такъ и ростомъ.

Гораздо чаще датскаго дога держатъ въ Германіи близкаго его родственника и потомка — нѣмецкаго дога (*Canis familiaris molossus germanicus*), который отличается какъ красотой и понятливостью, такъ и нѣкоторыми другими качествами, а потому вошелъ въ послѣднее время въ моду. Кто изъ нѣмцевъ не видалъ или, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о собакѣ Бисмарка („Reichshund“)? Нѣмецкіе собаководы сумѣли въ какія-нибудь десять лѣтъ до такой степени видоизмѣнить эту расу, носившую прежде названіе ульмскихъ договъ, что въ настоящее время иначе, какъ нѣмецкимъ догомъ, назвать ее уже нельзя.

Шерсть у нѣмецкаго дога короткая и густая, даже на тонкомъ и слабо изогнутомъ хвостѣ. Окраска ея равномернаго чернаго, свѣтло или темно-сѣраго, буро или свѣтло-желтаго цвѣта; въ случаѣ свѣтлой окраски у животнаго часто замѣчаются темныя волнистыя полосы, а если она свѣтло-сѣрая, то собака покрыта обыкновенно неправильными темными пятнами. У одноцвѣтныхъ экземпляровъ нерѣдко бываютъ бѣлыя отмѣтины на груди и на лапахъ. Высоко сидящія уши средней величины обыкновенно обрѣзываются. Одна собака этой породы, о дѣяніяхъ и качествахъ которой мы цитируемъ кое-что изъ повѣствованія Греснера, на третьемъ году жизни имѣла высоту у загривка въ 94, общую длину тѣла въ 175 сантиметровъ, а вѣсъ въ 61 килограммъ; она достигала, такимъ образомъ, необыкновеннаго роста. Въ качествѣ директора школы, Греснеръ жилъ въ не безопасномъ предмѣстѣи большого промышленнаго города, а потому считалъ нужнымъ завести, для безопасности своей семьи и жилища, хорошую собаку. „Я выбралъ“, говоритъ онъ, „пятимѣсячнаго нѣмецкаго дога, родители котораго были извѣстны во всей округѣ у любителей собакъ за свой крупный ростъ, смышленность и вѣрность хозяину и, въ то же время, отличались своею злостью къ чу-

жимъ. Когда я привелъ собаку домой, она не особенно понравилась моимъ домашнимъ за свою неповоротливость и сердитый взглядъ. Но, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, догъ уже нѣсколько освоился съ новой обстановкой и сталъ держать себя менѣе принужденно. Само собою разумѣется, что онъ сдѣлался постояннымъ моимъ спутникомъ на ежедневныхъ прогулкахъ. Здѣсь онъ неожиданно выказалъ необыкновенную подвижность и живость своего характера. Такъ какъ лично я мало занимался съ нимъ, то онъ самъ старался коротать свое время, весьма внимательно слѣдилъ при этомъ за дѣйствіями встрѣчавшихся намъ лицъ



Датскій догъ (*Canis familiaris molossus danicus*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

и безъ всякой церемоніи вмѣшивался въ ихъ дѣла, коль скоро что-либо ему не нравилось. Онъ терпѣть не могъ, на примѣръ, ссоръ и споровъ. Даже издали, за видѣвъ перебранивавшихся между собой людей, онъ опрометью кидался къ нимъ со всѣхъ ногъ, становился между спорившими, начиналъ ворчать и скалить зубы, заставляя ихъ, такимъ образомъ, разойтись.

„Сила его соотвѣтствовала громадному росту. Шутя, тащилъ онъ, на примѣръ, на довольно большомъ разстояніи корзину до полуцентнера вѣсомъ; боднувшего его мимоходомъ крупнаго барана онъ перенесъ чрезъ двѣ желѣзнодорожныя изгороди и притащилъ ко мнѣ, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго вреда. Онъ задержалъ, однажды, разъяреннаго и бросившагося на меня быка, вцѣпившись ему въ шею; животное замычало отъ боли и съ ужасомъ бросилось бѣжать, какъ только его

освободили отъ собаки. Однажды „Тома“ нужно было перевезти по желѣзной дорогѣ, и я заказалъ для этого ящикъ изъ новыхъ досокъ; плотникъ полагалъ, что клѣтка будетъ достаточно крѣпка даже для перевозки тигра, но собака моя превратила ее въ щепки еще по дорогѣ къ желѣзно-дорожной станціи. Если Томъ бросался на что нибудь, приведшее его въ ярость, то удержать его не былъ въ состояніи даже самый сильный человѣкъ; собака сбивала его съ ногъ и тащила за собою какъ ребенка.

„Во всѣхъ семейныхъ нашихъ дѣлахъ Томъ принималъ участіе, какъ человѣкъ. Если кто-либо изъ насъ хворалъ и лежалъ въ постели, собака оставалась около больного по цѣлымъ часамъ, не сводила съ него глазъ; она клала морду или лапу на протянутую больнымъ руку или старалась выразить свое соболѣзнованіе какимъ-нибудь другимъ способомъ... Если отъ находившагося въ отсутствіи члена семьи приходили посылки, Томъ не могъ дожидаться отъ радости того момента, когда ее вскроютъ; тогда онъ схватывалъ первую, вынутую изъ посылки, вещь и бѣжалъ съ нею ко всѣмъ лицамъ дома, которые не присутствовали при раскрытіи ящика; онъ дѣлился съ ними, такимъ образомъ, своею радостью. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что Томъ скоро сдѣлался любимцемъ всей нашей семьи, особенно-же женскаго ея персонала.

„Забавнѣе всего было его поведеніе, если ему удавалось стащить какую-нибудь вещь у моихъ дочерей въ то время, когда тѣ сидѣли за рукодѣліемъ. Воображая, что онѣ не замѣтили его продѣлки, Томъ пряталъ что-либо въ родѣ пары свернутыхъ чулокъ или клубка шерсти въ свою широкую пасть и считалъ свою цѣль достигнутой, если дочери принимались отыскивать пропавшій предметъ. Принявъ важный видъ и скорчивъ самую невинную фізіономію, онъ старался показать, что вовсе не понимаетъ, отчего происходитъ суматоха. Онъ отдавалъ спрятанный предметъ, хитро прищурившись, только тогда, когда къ нему обращались съ прямымъ вопросомъ: „Томъ, не знаешь ли ты, куда дѣвалась такая-то вещь?“ Если я случайно присутствовалъ при этой сценѣ, Томъ подходилъ ко мнѣ, кидалъ взглядъ на дѣвочекъ и, убѣдившись, что тѣ за нимъ не наблюдаютъ, раздвигалъ ротъ, чтобы я могъ увидѣть спрятанную вещь. Плутовски поглядѣвъ на меня, онъ оборачивался и снова придавалъ мордѣ прежнее глупое выраженіе.

„Я сильно затянулъ-бы мой рассказъ, если бы захотѣлъ передать всѣ факты, доказывающіе необыкновенную понятливость и способность, которыя считаются обыкновенно характеристической чертой другихъ породъ собакъ; позволю себѣ поэтому привести еще лишь два примѣра необыкновенной смысленности моего Тома. Однажды я шелъ въ сопровожденіи его къ вокзалу, и мимо насъ пронесся пассажирскій поѣздъ. Какъ и всегда, я смотрѣлъ на вагоны, стараясь увидать въ ихъ окнахъ кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ. Томъ внимательно слѣдилъ то за мной, то за поѣздомъ и, казалось, угадывалъ, что я кого то жду. Желая провѣрить, понялъ-ли онъ, въ чемъ дѣло, я крикнулъ ему: „Да, Томъ, бѣги и посмотри!“ Со всѣхъ ногъ кинулся онъ за поѣздомъ къ вокзалу, куда поспѣшилъ и я. Я успѣлъ еще замѣтить, что онъ обѣжалъ всѣхъ пріѣхавшихъ пассажировъ, дважды побывалъ въ открытыхъ купѣ и, не найдя никого изъ знакомыхъ, грустно побѣжалъ прочь отъ поѣзда. Съ этихъ поръ мы часто посылали собаку встрѣчать близкихъ намъ людей, особенно въ ночное время. Лишь только поѣздъ останавливался, Томъ протискивался на перронъ, здоровался повиливаніемъ хвоста съ пріѣхавшими гостями, выпрашивалъ у нихъ носу и, гордо идя впереди, приводилъ ихъ къ намъ по ближайшему направленію“.

У ирландскаго дога или мастифа (*Canis familiaris molossus hibernicus*) туловище плотное, толстое, слабо подтянутое въ пахахъ, спина не выгнутая, грудь широкая, шея довольно короткая и толстая, голова округленная, высокая, лобъ сильно вздутъ, морда короткая, суженная кпереди и на концѣ притупленная. Губы по бокамъ свѣшиваются, но спереди не сходятся и постоянно слюнявы; довольно длинныя, но не очень широкія уши округлены, до половины приподняты, на концѣ загнуты и висятъ. Толстыя ноги средней длины. Хвостъ

у основанія толстый, къ концу суженный, довольно длинный, такъ что доходить до пяточного сустава; собака рѣдко носить его прямо и кзади, обыкновенно-же она поднимаетъ его вверхъ и загибаетъ впередъ. Цвѣтъ шерсти соловый или буровато-желтый, иногда съ черноватымъ налетомъ; морда, губы и кончики ушей черные; какъ и у всѣхъ собакъ, встрѣчаются, однако, частыя цвѣтовые варіаціи.

Вѣроятной родиной мастифа можно считать Ирландію, по крайней мѣрѣ тамъ встрѣчаются самыя чистыя породы этой собаки. Въ зависимости отъ тяжеловѣснаго и неуклюжаго строенія животнаго, бѣгъ его не отличается продолжительностью и быстротою. Но, взаменъ того, мастифы необыкновенно сильны, очень рѣшительны и невѣроятно смѣлы; можно даже сказать, что, за немногими



Ирландскій догъ (*Canis familiaris molossus hibernicus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

исключеніями, это самыя смѣлыя изъ всѣхъ животныхъ. Благодаря своей силѣ, мастифы особенно пригодны для трудныхъ и опасныхъ охотъ и, вообще, для борьбы съ дикими звѣрями. Умственные способности ихъ слабѣе, чѣмъ у другихъ понятливыхъ собакъ, но далеко не такъ слабы, какъ предполагаютъ, потому что каждый мастифъ привязывается къ человѣку и безусловно жертвуетъ своею жизнью для него. Онъ очень хорошъ въ качествѣ сторожевой собаки и защищаетъ порученный ему домъ съ безпримѣрной отвагой. Мастифъ — незамѣнимый спутникъ при путешествіяхъ въ уединенныхъ, опасныхъ мѣстностяхъ. Разсказываютъ, что онъ очень успѣшно защищалъ своего хозяина отъ 5—6 разбойниковъ заразъ и выходилъ побѣдителемъ изъ такого неравнаго боя, несмотря на безконечное число ранъ, которыя ему наносились. Его часто держатъ также для охраны стадъ рогатаго скота и онъ отлично умѣетъ, усмирить даже самаго свирѣпаго быка: мастифъ достаточно ловокъ, чтобы какъ разъ во-время вцѣпиться въ морду противника и висѣть на ней до тѣхъ поръ, пока быкъ не подчинится волѣ собаки. Его легко выдрессировать для охоты на крупныхъ звѣрей, какъ-то медвѣдей.

волковъ и кабановъ. Къ другимъ собакамъ онъ относится весьма пристойно: онъ рѣдко затѣваетъ ссоры и особенно благосклонно относится къ выходкамъ мелкихъ собаченокъ. Мاستифъ очень вѣренъ своему хозяину и питаетъ къ нему большую привязанность, но всегда опасенъ для чужихъ, все равно, бѣгаетъ-ли онъ на свободѣ или сидитъ на цѣпи; натравленный-же на человѣка, онъ становится положительно ужасенъ.

Къ мاستифу очень близки настоящіе доги (*Canis familiaris molossus turicus*) съ короткой, толстой, спереди прямо срѣзанной мордой, отвисшими по бокамъ губами, которыя спереди, однако, рта и зубовъ не закрываютъ. Носъ довольно часто раздвоенъ, шерсть короткая, обыкновенно равномернаго рыжаго цвѣта, нерѣдко, впрочемъ, пестрая. Въ прежнее время, когда въ странѣ жилось менѣе безопасно, договъ держали чаще, теперь-же ихъ встрѣчаешь только у любителей.

Въ Германіи видишь чаще всего породу средней величины, ростомъ не превосходящую лягавую собаку, обыкновенно-же доги значительно мельче, чѣмъ она. Цвѣтъ этихъ собакъ большею частью свѣтло-буланый, но попадаютъ, хотя и рѣдко, доги болѣе темной окраски.

Бульдоговъ или боксеровъ (*Canis familiaris molossus gladiator*) часто держатъ въ Англіи. Злыми, необщительными и мало понятливыми ихъ считаютъ еще въ большей степени, чѣмъ мастифовъ, но это вѣрно только отчасти. Бульдогъ вѣренъ своему хозяину и питаетъ къ нему привязанность, но онъ долженъ вполнѣ привыкнуть къ нему и испытать, что умственное преимущество человѣка сумѣетъ при всякихъ обстоятельствахъ справиться съ физической его силой. Иначе бульдогу можетъ придти въ голову попробовать на человѣкѣ то, что онъ продѣлываетъ съ другими животными. Онъ золь и свирѣпъ, а потому загрызаетъ другое животное съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ. Нужно, впрочемъ, сознаться, что мужество бульдога значительно превосходитъ его страшную физическую силу.

Бульдогъ нелегко выпускаетъ изъ зубовъ то, что разъ схватилъ. Если онъ впѣшится въ палку или въ платокъ, то его можно тащить, поднимать на воздухъ, опрокидывать, и онъ все-же не разинетъ рта.

Качества бульдоговъ были извѣстны уже римлянамъ, которые необыкновенно цѣнили этихъ собакъ за то, что онѣ оказывались болѣе другихъ пригодными для кровавыхъ игръ въ циркѣ.

Не всѣ бульдоги являются пріятными товарищами человѣка. Извѣстны случаи, въ которыхъ они держали въ осадномъ положеніи своего собственного новаго хозяина и буквально не давали ему тронуться съ мѣста. Вслѣдствіе этого весьма понятно, что ихъ такъ рѣдко держатъ въ настоящее время. Умственные качества бульдоговъ развиты однако далеко не такъ плохо, какъ обыкновенно предполагаютъ: между ними встрѣчаются индивиды, которые ничуть не уступаютъ въ этомъ отношеніи даже пуделю.

Къ догамъ-же относится самая карикатурная форма собакъ — монсъ или мосъка (*Canis familiaris molossus fricator*). Онъ представляетъ собою, собственно говоря, бульдога въ миниатюрѣ со своеобразно укороченной мордой и спирально завитымъ хвостомъ. Онъ похожъ на бульдога своимъ плотнымъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, а также недовѣрчивымъ, ворчливымъ характеромъ.

Прежде монсы были очень распространены, но затѣмъ почти вывелись, теперь-же они снова вошли въ моду и сдѣлались любимой породой собакъ. Они легко изнѣживаются и балуются и становятся въ этомъ случаѣ весьма непріятными и противными созданіями.

Въ старое время одной крупной породы мастифовъ пользовались для самыхъ отвратительныхъ цѣлей. Ихъ приучали ловить людей, валить ихъ на землю и даже загрызать. Такихъ собакъ употребляли, напримѣръ, испанцы уже во время

завоеванія Мексики въ качествѣ своихъ соратниковъ и помощниковъ при выслѣживаніи индѣйцовъ. Одна изъ нихъ, по имени Барсерильо, получила даже печальную извѣстность. Мужество ея и смысленность были одинаково изумительны, вслѣдствіе чего она занимала выдающееся положеніе среди другихъ собакъ и получала вдвое больше пищи, чѣмъ онѣ. При нападеніи, она имѣла обыкновение бросаться въ толпу индѣйцевъ, хватать ихъ за руку и такимъ образомъ выводить ихъ изъ строя. Если индѣецъ покорялся, Барсерильо не дѣлала ему ничего дурного, но, если онъ начиналъ сопротивляться, то собака тотчасъ-же валила его на землю и загрызала. Покорившихся индѣйцевъ она прекрасно умѣла отличать отъ враговъ и никогда не трогала первыхъ.



Тибетскій догъ (*Canis familiaris molossus tibetanus*). $\frac{1}{12}$ естеств. велич.

Для той-же цѣли пользовались этими собаками еще въ 1798 году, но охотились съ ними въ это время на людей уже не испанцы, а англичане.

Тибетскій догъ (*Canis familiaris molossus tibetanus*) былъ тоже извѣстенъ еще римлянамъ. Это прекрасное, крупное животное, дѣйствительно, — внушительнаго вида. Тибетскій догъ — великанъ среди другихъ собакъ и отличается отъ нихъ какъ своею красотою, такъ и окраской. Онъ почти сплошь чернаго цвѣта, но морда и брови желтоватыя; шерсть длинная и жесткая. На своей родинѣ эта красивая собака считается очень полезной и послушной; вслѣдствіе этого, ее держать во всѣхъ горныхъ деревняхъ Тибета, гдѣ она сторожитъ дома и охраняетъ стада.

*

Очень отличную отъ договъ группу представляютъ таксы (*Canis familiaris vertagus*), во всякомъ случаѣ, — самыя своеобразныя и замѣчательныя

формы среди собакъ. Онѣ характеризуются длиннымъ, вальковатымъ, выпуклымъ книзу, вогнутымъ на спинной сторонѣ туловищемъ, покоящимся на короткихъ, вывернутыхъ ногахъ, большой головой, длинной мордой съ сильно развитыми челюстями, висячими ушами, большими лапами, пальцы которыхъ вооружены острыми когтями и короткой, гладкой, жесткой шерстью. Ноги таксъ очень коротки, толсты и неуклюжи; изъ нихъ переднія сильно изогнуты внутрь въ области запястья, такъ что одна нога почти соприкасается въ этомъ мѣстѣ съ другой, но далѣе снова вывернуты кнаружи; на заднихъ ногахъ пятый палецъ сидитъ нѣсколько выше остальныхъ и несетъ коготь. Хвостъ доходитъ почти до пяточного сустава; собака рѣдко носитъ его выпрямленнымъ, обыкновенно-же высоко приподнимаетъ его и сильно загибаетъ внутрь. Шерсть короткая и жесткая, но гладкая; окраска ея довольно разнообразная, сверху обыкновенно черная или бурая, снизу ржаво-рыжая, нерѣдко-же одноцвѣтная бурая или желтоватая; иногда встрѣчаются однако сѣрые и даже пестрые таксы. Надъ обоими глазами большею частью расположены нѣсколько свѣтлыхъ ржаво-рыжихъ пятнышекъ.

О происхожденіи таксъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Онѣ были извѣстны, повидимому, уже Ксенофону, а изображенія ихъ мы встрѣчаемъ на древне-египетскихъ памятникахъ. Сравнительно съ незначительною величиною ихъ, таксы оказываются очень сильными животными, обладающими, къ тому-же, необыкновеннымъ мужествомъ. Къ охотѣ такса чувствуетъ больше склонности, чѣмъ, можетъ быть, всѣ остальные собаки; съ ними можно было-бы охотиться за любой дичью, если-бы не два недостатка: онѣ мало обращаютъ вниманія на приказанія своего господина и разрываютъ пойманное животное на части. Всѣ таксы имѣютъ превосходное чутье, необыкновенно тонкій слухъ, крайне смѣлы, понятливы и выносливы, а потому годны для всякой охоты. Съ безумной отвагой онѣ кидаются даже на кабановъ и прекрасно умѣютъ защищаться отъ разъяреннаго вепря; благодаря ихъ низкому росту, послѣднему много труднѣе поднять ихъ на бивни, чѣмъ болѣе крупную собаку. Таксы умны, понятливы, вѣрны своему хозяину, обладаютъ пріятнымъ, веселымъ нравомъ, очень бдительны, съ трудомъ даютъ себя сманить чужому, но, къ сожалѣнію, онѣ хитры и вороваты, а въ старости становятся къ тому-же угрюмы, ворчливы, кусливы и часто даже коварны.

На охотѣ онѣ доставляютъ много хлопотъ. Такса необыкновенно увлекается преслѣдованіемъ дичи и залѣзаетъ въ самую ужасную чашу; благодаря своему прекрасному чутью, она быстро находитъ дичь и тутъ уже забываетъ все на свѣтѣ. Она не помнитъ болѣе самыхъ внушительныхъ наказаній за непослушаніе, охотникъ можетъ свистѣть, звать и искать ее, сколько ему угодно, она и не подумаетъ вернуться къ нему до тѣхъ поръ, пока видитъ предъ собою дичь или чувствуетъ ея слѣдъ; она идетъ по намѣченному пути съ такой настойчивостью, какую просто-таки трудно встрѣтить въ собакѣ. Цѣлыми часами преслѣдуетъ она вспугнутаго зайца, часами роется въ норѣ кролика, неумоимо бѣгаетъ за дикой козой, совершенно упуская изъ виду какъ время, такъ и пространство. Утомившись, такса ложится отдыхать, а затѣмъ снова принимается за охоту. Вслѣдствіе этого, такса обыкновенно пригодна только для одного рода охоты, — для того, чтобы выгонять изъ норъ животныхъ, живущихъ подъ землею.

Таксы не нуждаются въ дрессировкѣ. Охотникъ выбираетъ себѣ щенковъ отъ хорошей матки и держитъ ихъ лѣтомъ въ загородкѣ на открытомъ воздухѣ, а зимою въ тепломъ хлѣвѣ. При воспитаніи таксы необходимо избѣгать всего, что можетъ ее запугивать: нужно всѣми способами развивать или, по крайней мѣрѣ, поддерживать прирожденную этимъ собакамъ смѣлость и отвагу.

Рѣдкая въ Германіи выдровая собака (*Canis familiaris vertagus scoticus*), по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ, есть помѣсь между собакой, употребляемой въ Англіи и во Франціи для верченія вертела, и косматымъ пинчеромъ. Эта порода ближе къ послѣднему, чѣмъ къ первой, сложена очень крѣпко, имѣетъ

длинную голову съ острой мордой, висячія уши, продолговатое туловище, прямые ноги и покрыта косматой шерстью средней длины и различной окраски.

*

Высшее мѣсто среди всѣхъ домашнихъ собакъ безспорно занимаютъ собственно охотничьи собаки (*Canis familiaris sagax*), гораздо легче, чѣмъ таксы, поддающіяся тщательному воспитанію и представляющія большое разнообразіе породъ. Число этихъ породъ велико уже въ Германіи, но еще значительнѣе оно въ Великобританіи, гдѣ на разведеніе этихъ прекрасныхъ созданій обратили вниманіе много раньше.

Всѣ охотничьи собаки обладаютъ прирожденной способностью къ охотѣ, а если качества этого у нихъ нѣтъ, то онѣ никуда не годны. Болѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ собакъ, играетъ здѣсь роль чистота породы, и на охотничьихъ собакахъ мы лучше всего замѣчаемъ, что отъ хорошей матки или отъ способныхъ родителей происходитъ и превосходное потомство. Всѣ эти собаки сильны, бѣгаютъ весьма быстро и особенно пригодны для охоты, благодаря сильно развитымъ внѣшнимъ чувствамъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ обоняніе. Необыкновенно тонкое чутье развито у нихъ до такой степени, что онѣ въ состояніи отыскать слѣдъ дичи черезъ нѣсколько часовъ, даже черезъ нѣсколько дней послѣ ея прохожденія.

Прежде всего мы рассмотримъ самую извѣстную породу этихъ собакъ — лягавую (*Canis familiaris sagax avicularius*). Она средняго роста и довольно крѣпкаго тѣлосложенія; морда у нея длинная и толстая, носъ иногда раздвоенъ, уши широкія, длинныя, висячія; шерсть короткая, длинная или курчавая, а окраска ея обыкновенно бѣлая съ бурыми, рѣже съ черными пятнами; бываютъ, однако, сплошь бѣлыя, бурые, черные или соловьи лягавыя собаки.

Лягавыя собаки замѣчательно умныя, понятливыя, послушныя созданія, страстно любящія охоту, на которой безъ нихъ обойтись почти невозможно. Дичь онѣ чуютъ или по ея слѣду, такъ называемымъ нижнимъ чутьемъ, или открываютъ ее на разстояніи — верхнимъ чутьемъ, при благопріятныхъ условіяхъ мелкую дичь, напримѣръ, шаговъ за 30 и даже за 50.

„Я много лѣтъ сряду занимался“, говоритъ Дицель, „сравненіемъ умственныхъ способностей различныхъ, водящихся у насъ, животныхъ и пришелъ къ полному убѣжденію, что всѣхъ ихъ превосходить въ этомъ отношеніи, неразлучный спутникъ человѣка на охотѣ, — лягавая собака.

„Но для этого собака должна быть совершенно чистой породы и отличаться хорошимъ развитіемъ всѣхъ ея природныхъ способностей, особенно же тонкимъ обоняніемъ. Далѣе она должна воспитываться не въ одиночествѣ, а постоянно находится на глазахъ своего господина, чтобы она имѣла возможность уже съ ранней юности привыкнуть къ каждому слову, къ каждому жесту своего воспитателя. Наконецъ, и хозяинъ ея, съ своей стороны, долженъ удовлетворять всѣмъ качествамъ хорошаго учителя, изъ которыхъ не послѣднимъ является терпѣніе, да кромѣ того, — быть мѣткимъ стрѣлкомъ. Только при наличности всѣхъ перечисленныхъ условій, воспитанникъ можетъ достигъ той удивительной степени послушанія, самообладанія и ловкости, которую я постараюсь очертить здѣсь въ краткихъ чертахъ. Хорошо дрессированная, находившаяся подъ правильнымъ руководствомъ лягавая собака въ возрастѣ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ инстинктивно ищетъ дичь, держа носъ постоянно противъ вѣтра и поворачивая голову то вправо, то влево. Время отъ времени она останавливается и оглядывается на своего господина, который указываетъ ей движеніемъ руки мѣсто, гдѣ она должна искать. Собака слѣдуетъ этимъ указаніямъ самымъ точнымъ образомъ. Почувявъ, наконецъ, дичь, она перестаетъ шевелить хвостомъ, находившимся до сихъ поръ въ постоянномъ движеніи, и вдругъ останавливается, какъ вкопанная. Собака превращается въ живое изваяніе. Нерѣдко, впрочемъ, прежде, чѣмъ остановиться, она подбирается къ дичи тихими шагами, какъ это дѣлаютъ кошки. Черезъ нѣсколько мгновеній она оборачиваетъ голову, чтобы убѣдиться, замѣчаетъ ли ее

охотникъ и подходить ли къ ней. Есть даже собаки, которыя покидаютъ на короткое время дичь для того, чтобы отыскать хозяина и привести его, куда слѣдуетъ, въ такой мѣстности, гдѣ охотникъ не можетъ слѣдить за собакой, напр., въ густомъ лѣсу или въ высокому хлѣбѣ. Однако, изъ многихъ перебивавшихъ у меня собакъ такъ поступали лишь немногія, да и тѣ не въ первое время ихъ дѣятельности, а только спустя уже нѣсколько лѣтъ“.

Собака научается, конечно, всему этому не разомъ, а постепенно, по все же нѣтъ ни одного животного, которое могло бы научиться столькому, сколькому научается лягавая собака подъ умѣлымъ руководствомъ и при хорошемъ обращеніи съ нею человѣка. Хорошо дрессированная собака — дѣйствительно удивительное



Лягавая собака (*Canis familiaris sagax avicularius*). Длинношерстная порода. $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

созданіе; такая собака въ состояніи даже пристыдить самымъ чувствительнымъ образомъ плохого охотника.

Само собою разумѣется, что изъ способной собаки можетъ выработаться хорошій помощникъ на охотѣ только при разумномъ ея воспитаніи. Дрессировка вещь очень трудная; терпѣніе, строгость и любовь къ животному суть самыя необходимыя качества въ воспитателѣ. Прежде дрессировали собакъ при посредствѣ плети и парфорса, да и теперь еще есть люди, прибѣгающіе къ нимъ. Многіе, однако, держатся болѣе гуманныхъ принциповъ: они смотрятъ на своего воспитанника не какъ на раба, а какъ на разумнаго помощника, и обращаются съ собакой сообразно этому взгляду уже съ ранней юности ея.

На гладкошерстую лягавую собаку по виду и по росту похожа кровяная собака (*Canis familiaris sagax sanguinarius*) нѣмецкихъ охотниковъ. О происхожденіи этой породы собакъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Кровяная

собаки крѣпкаго тѣлосложенія, обыкновенно желтовато-бураго, ржаво или салово-желтаго цвѣта съ черноватымъ налетомъ на мордѣ и на ушахъ и часто съ темнымъ ремнемъ на спинѣ. Голова широкая, слабо выпуклая; черный или почти тѣлеснаго цвѣта носъ значительно шире, чѣмъ у другихъ охотничьихъ собакъ; морда тупая, губы широкія, отвисшія, образуютъ рѣзкую складку у угловъ рта; уши широкія, средней длины, округленныя. Выраженіе лица серьезное, умное и благородное. Хвостъ суживается до самаго конца постепенно. Голосъ полный и низкій, лай своеобразно растянутый; достаточно услышать его разъ, чтобы легко было уже отличать впослѣдствіи.



Оленья собака (*Canis familiaris sagax acceptorius*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

Безъ кровяной собаки почти невозможно обойтись при охотѣ за благороднымъ оленемъ: она помогаетъ отыскивать раненое животное по его слѣду. На привязи она молча ведетъ охотника до того мѣста, гдѣ палъ олень; отпущенная съ привязи и найдя мертвую дичь, она лааетъ совершенно особеннымъ образомъ; если же животное поднялось и снова ушло, собака гонитъ его въ голосъ на охотника, пока онъ не подоспѣетъ и не застрѣлитъ оленя.

Только что описанную собаку не слѣдуетъ смѣшивать съ оленьей собакой (*Canis familiaris sagax acceptorius*), которую считают помѣсью между кровяной и борзой собакой. Говорятъ, что она соединяетъ въ себѣ качества обѣихъ этихъ породъ, отличаясь, съ одной стороны, очень тонкимъ чутьемъ, а съ другой — необыкновенной быстротой бѣга. Въ настоящее время собаки эти сохранились въ очень маломъ числѣ и находятся во владѣніи англійской королевы, но прежде ихъ было много. Георгъ III былъ страстный любитель травли оленей и

часто принималъ въ ней личное участіе. Травля велась нерѣдко съ такимъ рвеніемъ, что изъ сотни охотниковъ, пускавшихся верхомъ за оленемъ, только 10 или 20 присутствовали при поимкѣ оленя собаками. Съ быстротою вихря неслись сѣдоки, проѣзжая невѣроятно большія разстоянія, и охота продолжалась до тѣхъ поръ, пока большая часть лошадей и даже собакъ не становилась ея жертвой. Нынѣ обстоятельства, конечно, измѣнились, такъ какъ обработка земли положила слишкомъ большія препоны для подобнаго рода охотъ.

Много важнѣе этой собаки — лисогоны (*Canis familiaris sagax vulpiscapus*). Знаменитые мужи занимались иногда ими болѣе, чѣмъ всѣми другими дѣлами; о нихъ писались цѣлыя книги, да и теперь еще великіе люди Англіи нерѣдко интересуются этими псами больше, чѣмъ судьбою цѣлыхъ народовъ. Лисогоны соединяютъ въ себѣ быстроту борзыхъ, мужество бульдоговъ, тонкое чутье кровяныхъ собакъ и понятливость пуделей, однимъ словомъ, — обладаютъ всѣми совершенствами собакъ вообще. Быстрота и выносливость ихъ бѣга просто необыкновенна. Стая хорошихъ лисогоновъ преслѣдуетъ лисицу въ продолженіе полусутокъ и больше и все съ одинаковымъ рвеніемъ. Собаки герцога Ричмондскаго, напр., подняли, по показанію Белля, лисицу въ $7\frac{3}{4}$ часовъ утра, а взяли ее лишь послѣ десяти-часовой, крайне трудной травли, около 6 часовъ вечера. Многіе охотники по три раза смѣняли своихъ лошадей и нѣкоторыхъ изъ нихъ загнали до смерти, изъ собакъ же въ концѣ травли было на лицо цѣлыхъ 23 штуки.

*

Подъ именемъ шелковистыхъ собакъ (*Canis familiaris extrarius*) соединяютъ въ одну группу много чрезвычайно разнообразныхъ породъ.

Всѣ эти собаки бѣгаютъ легко и скоро, но бѣгъ ихъ не отличается продолжительностью. Онѣ имѣютъ тонкое чутье и очень умны, но дрессировкѣ поддаются нелегко. Нѣкоторыя изъ нихъ годятся для охоты на мелкую дичь, особенно на птицъ, но и тѣ требуютъ самаго тщательнаго воспитанія, потому что прирожденная страсть къ охотѣ у этихъ собакъ слишкомъ сильна. Даже хорошо дрессированныя шелковистыя собаки дрожатъ отъ жадности, если найдутъ слѣдъ дичи, и не въ состояніи скрыть своей радости и страсти; онѣ то и дѣло лаютъ и тявкаютъ при этомъ. Вслѣдствіе этого ихъ чаще держатъ въ комнатахъ, чѣмъ обучаютъ для охоты. Собаки эти, впрочемъ, очень мужественны и не теряютъ своей отваги даже въ другихъ климатахъ, даже въ жаркой Индіи, гдѣ скоро портятся даже самыя лучшія породы сѣверныхъ собакъ. Капитанъ Уильямсонъ рассказываетъ, что одинъ изъ этихъ смѣлыхъ карликовъ бросился разъ даже на тигра. Грозный хищникъ сначала посмотрѣлъ на малютку съ удивленіемъ, а затѣмъ вскочилъ и пустился бѣжать! Авторъ прибавляетъ, что въ высшей степени странно было видѣть, какъ бѣжали другъ за другомъ эти столь различныя по росту животныя: впереди, приподнявъ свой хвостъ, уносился громадный тигръ, а за нимъ гналась съ пронзительными лаемъ неотвязчивая маленькая собаченка.

Мелкія изъ шелковистыхъ собакъ называются болонками и кингсчарльсами, самыя же маленькія изъ нихъ — бленгеймскими собачками. Одно изъ этихъ названій осталось за ними потому, что ихъ очень любилъ и постоянно держалъ при себѣ англійскій король Карль II. Кингсчарльсы характеризуются темнымъ, часто буроватымъ цвѣтомъ, бѣлой грудью, длинной шелковистой шерстью и большими и длинными ушами. Самыя лучшія и дорогія изъ этихъ собаченокъ вѣсятъ всего 2,5 и никакъ не больше 3,5 килограммовъ. Какъ комнатныя собачки онѣ очень любимы, потому что очень красивы, веселаго нрава, понятливы и становятся самыми забавными товарищами, если обращаться съ ними правильно. Онѣ всегда готовы на всякія проказы и легко обучаются разнымъ фокусамъ. Непріятно въ нихъ то, что глаза ихъ постоянно полны слезъ, которыя текутъ у нихъ безостановочно по щекамъ.

Мы назвали покуда карликовъ изъ шелковистыхъ собакъ, ньюфаундлендская же собака или водолазъ (*Canis familiaris extrarius terrae novae*)—великанъ между ними. Это громадное, сильное, крѣпко сложенное животное, съ широкой, длинной головой, нѣсколько толстой мордой, не очень большими, повисшими, косматыми ушами, сильно развитой грудью, толстой шеей, довольно длинными и сильными ногами, густой, длинной, косматой, нѣсколько курчавой, но мягкой, почти какъ шелкъ, шерстью, довольно длиннымъ, косматымъ хвостомъ и съ сильно развитыми плавательными перепонками между пальцами. Окраска водолазовъ очень различна. Многіе изъ нихъ черны, съ яркимъ ржаво-желтымъ пятномъ надъ каждымъ глазомъ и такими же пятнами на горлѣ и на суставахъ



Ньюфаундлендская собака или водолазъ (*Canis familiaris extrarius terrae novae*). $\frac{1}{12}$ естеств. велич.

ногъ. Рѣже ньюфаундленды бываютъ черные съ бѣлымъ, бурые въ бѣлыхъ отмѣтинахъ или одноцвѣтные — черно-бурые и бѣлые.

Водолаза справедливо считаютъ одной изъ самыхъ красивыхъ породъ собакъ и охотно держатъ, потому что душевныя качества его вполне гармонируютъ съ внѣшней красотой и указываютъ на хорошую породу, отъ которой онъ произошелъ. Ньюфаундлендская собака необыкновенно вѣрна и привязана къ своему хозяину, въ то же время она очень понятлива и легко поддается обученію. Воду она любитъ больше всѣхъ другихъ собакъ и чувствуетъ себя здѣсь, какъ дома. Плаваетъ она съ какою то страстью и чрезвычайно легко; ныряетъ, какъ морское животное, и можетъ оставаться въ водѣ по цѣлымъ часамъ. Одну изъ этихъ собакъ встрѣтили однажды въ морѣ за нѣсколько миль отъ берега, такъ что нужно было предположить, что она плыла нѣсколько часовъ подрядъ. Водолазу совершенно безразлично, приходится ли ему плыть противъ теченія и противъ волны или въ обратномъ направленіи. Безъ всякаго предварительнаго обученія идетъ

онъ по собственной волѣ въ воду даже въ самый сильный холодъ и безъ устали достаетъ изъ нея все, что только найдетъ, а затѣмъ тащитъ всѣ пойманныя вещи своему хозяину. Вообще человѣкъ не можетъ доставить ему большаго удовольствія, чѣмъ дать ему возможность постоянно ходить въ воду. Еще больше доволенъ ньюфаундлендъ, если хозяинъ идетъ въ воду вмѣстѣ съ нимъ: радости тогда нѣтъ конца и собака всячески старается при этомъ выказать свое удовольствіе. Она то пускается плыть впереди своего господина, то отстаетъ отъ него, то ныряетъ подъ него, дѣлая видъ, что хочетъ поддержать, пронести его нѣкоторое разстояніе на себѣ, однимъ словомъ, всячески забавляется въ водѣ. Если утомленный хозяинъ возвращается, наконецъ, къ берегу, собака долго еще старается вызвать его снова на состязаніе.

Такая способность ньюфаундлендской собаки управляться въ водѣ дѣлаетъ ее чрезвычайно полезнымъ животнымъ. Извѣстно много случаевъ, въ которыхъ она спасала утопавшихъ людей. Въ мѣстностяхъ, расположенныхъ вблизи глубокихъ водъ, водолазъ представляетъ лучшую няньку для дѣтей. Ему смѣло можно довѣрить самаго малаго ребенка и быть убѣжденнымъ, что послѣдній не понесетъ ни малѣйшаго ущерба, пока собака остается съ нимъ. Къ этимъ прекраснымъ качествамъ слѣдуетъ прибавить еще добродушіе и кротость ньюфаундленда, а также чувство благодарности за оказанное ему благодѣяніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ помнитъ, конечно, и причиненныя ему обиды, а потому можетъ быть опасенъ людямъ, которые его нарочно мучаютъ.

На водолаза похожа сентъ-бернардская собака (*Canis familiaris extrarius St.-Bernhardi*). „С.-бернардская собака“, говоритъ Чуди, „крупное, длинношерстое, очень сильное животное, съ короткой широкой мордой и длинными, ушами; внѣшнія чувства ея развиты необыкновенно хорошо и она чрезвычайно вѣрна своему хозяину. Собаки эти сохранялись во всей чистотѣ своей породы въ теченіе четырехъ поколѣній, но ихъ такъ много погибло отъ лавинъ во время исполненія ими обязанностей, что теперь уже нѣтъ болѣе чистыхъ с.-бернардовъ. Въ настоящее время разводятъ очень близкую къ ней породу, щенки которой цѣнятся все-же очень дорого. Этихъ благородныхъ животныхъ разводятъ въ монастырѣ св. Бернарда, расположенномъ на абсолютной высотѣ 2472 метровъ на горѣ того же имени, гдѣ зима господствуетъ въ продолженіе 8 или 9 мѣсяцевъ. Снѣгъ падаетъ тамъ крупными хлопьями только лѣтомъ, зимой же летятъ мелкіе, хрупкіе ледяные кристаллы, которые такъ тонки, что заносятся вѣтромъ въ комнаты черезъ щели оконъ и дверей. Во время бурь изъ нихъ образуются, особенно близъ монастыря, рыхлые наносы футовъ въ 30—40 высоту, которые закрываютъ всѣ тропинки и овраги и валятся въ бездну при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи.

„Путешествіе черезъ этотъ, издревле извѣстный, горный перевалъ безопасно только въ лѣтнюю пору и при совершенно ясной погодѣ; въ бури же и зимою, когда всѣ трещины и тропинки замечены снѣгомъ, путь этотъ очень труденъ и опасенъ для непривычнаго человѣка. Гора ежегодно требуетъ небольшого числа жертвъ. Путникъ то проваливается въ какую нибудь трещину, то хоронится подъ лавиной, то теряетъ въ туманѣ тропинку и погибаетъ въ глуши отъ голода и усталости, или, наконецъ, засыпаетъ въ морозъ отъ изнеможенія для того, чтобы никогда уже болѣе не проснуться. Безъ истинно христіанской и самоотверженной дѣятельности живущихъ въ монастырѣ монаховъ, Сентъ-Бернардскій перевалъ былъ-бы доступенъ лишь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцъ съ небольшимъ въ году. Монахи эти посвятили себя съ VIII столѣтія спасенію пострадавшихъ путешественниковъ и уходу за ними, не требуя за это никакого вознагражденія. Крѣпкія каменные постройки монастыря, въ которыхъ никогда не гаснетъ огонь очага,—въ случаѣ нужды, могутъ дать пріютъ 200—300 путникамъ. Но всего замѣчательнѣе организованы здѣсь обходы для спасенія путешественниковъ, обходы, въ которыхъ принимаютъ дѣятельное участіе на весь свѣтъ прославленные собаки. Ежедневно два служителя монастыря обходятъ всѣ опасныя

мѣста перевала: одинъ идетъ отъ самой нижней пастушьей хижины вверхъ къ монастырю, а другой спускается отъ него внизъ. Въ непогоду или во время паденія лавинъ число служителей утраивается и къ нимъ присоединяется нѣсколько монаховъ; такой отрядъ снабженъ лопатами, шестами, носилками и съѣстными припасами и всегда сопровождается собаками. Внимательно присматриваются къ каждому подозрительному слѣду, то-и-дѣло раздаются сигналы и люди зорко слѣдятъ за собаками. Животныя прекрасно выдрессированы на человѣческій слѣдъ и часто по цѣлымъ днямъ добровольно обыскиваютъ всѣ ущелья и



Сентъ-бернардская собака (*Canis familiaris extrarius St.-Bernhardi*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

горныя тропы. Найдя окоченѣвшаго человѣка, собаки возвращаются кратчайшимъ путемъ къ монастырю, дѣлаютъ тревогу и ведутъ къ несчастному всегда готовыхъ подать помощь монаховъ. Если онѣ наткнутся на лавину, то начинаютъ искать вокругъ нея человѣческій слѣдъ и, если тонкое обоняніе убѣдитъ ихъ въ присутствіи такового, тотчасъ же принимаются откапывать засыпаннаго снѣгомъ путника. Въ этомъ дѣлѣ помогаютъ собакамъ ихъ необыкновенная сила и крѣпкіе когти. Обыкновенно къ шеѣ собакъ привязана корзиночка со съѣстными припасами и съ флягой для вина, а на спинѣ теплыя одѣяла. Число людей, спасенныхъ этими умными животными, очень велико и имена ихъ добросовѣстно занесены въ лѣтопись монастыря. Самая знаменитая собака этой породы называлась Барри; неутомимое существо это спасло жизнь болѣе, чѣмъ 40 человѣкамъ“.

Барри воспѣтъ въ стихахъ однимъ поэтомъ и Чуди цитируетъ ихъ въ своемъ сочиненіи; но мнѣ извѣстно другое, не менѣе поэтическое описаніе, хотя оно сложено и не рѣдко: далъ его намъ Шейтлинъ. „Самой славной изъ собакъ“, говоритъ онъ, „была не та, которая, при осадѣ Коринеа, разбудила стражу

акрополя не Барсерильо, растерзавшій сотни нагихъ индѣйцевъ; не собака разбойника, которая провела, по приказанію своего господина, робкаго путника черезъ большой и темный лѣсъ; не „Драконъ“ Дройдена, бросившійся по знаку, данному его господиномъ, на четырехъ разбойниковъ, загрызшій нѣсколькихъ изъ послѣднихъ и такимъ образомъ спасшій жизнь своему хозяину; не та, которая дала знать мельнику, что ребенокъ его упалъ въ рѣку; не собака, бросившаяся въ Варшавѣ съ моста въ Вислу, чтобы спасти жизнь утопавшей малюткѣ-дѣвчкѣ; не собака Обри, которая чуть не растерзала въ присутствіи короля убійцу своего господина; не собака Бенвенуто Челлини, разбудившая мастеровъ, когда хотѣли красть драгоценности, — а Барри, благотѣльная собака С.-Бернардскаго монастыря! Да, Барри, ты была лучшей изъ собакъ, лучшимъ изъ всѣхъ животныхъ! Ты была великой, человѣколюбивой собакой, ты имѣла состраданіе къ несчастнымъ! Ты спасла жизнь болѣе 40 человѣкъ! Съ корзиночкой на шеѣ, гдѣ былъ хлѣбъ и стеклянка со сладкой, живительной влагой, изо дня въ день выходила ты изъ монастыря въ снѣжную бурю и въ непогоду, чтобы отыскивать занесенныхъ снѣгомъ и заваленныхъ лавиной людей. Если тебѣ самой не удавалось отрыть ихъ, ты спѣшила домой, чтобы позвать на помощь монаховъ съ лопатами. Ты не рыла могилъ для мертвыхъ, но ты способствовала воскресенію. Ты, какъ участливый человѣкъ, умѣла молчаливо внушать къ себѣ довѣріе, ипаче маленькій мальчикъ, вырытый тобою изъ подъ снѣга, никогда не посмѣлъ-бы влѣзть тебѣ на спину, чтобы ты могла снести его въ гостепріимный монастырь. Придя къ вратамъ обители священной, ты звонила въ колоколъ, чтобы поскорѣе передать милую находку попеченію доброй братіи. Лишь только сняли съ тебя дорогую ношу, ты снова поспѣшно пошла на новые поиски. Каждое удачное спасеніе дѣлало тебя все опытнѣе и опытнѣе, ты становилась все довольнѣе, ты выказывала все большее участіе къ несчастнымъ“.

На С.-Готардѣ, Симплонѣ, Гримзелѣ, Фуркѣ и на другихъ горныхъ перевалахъ, съ пріютами для странниковъ, тоже держатъ, по словамъ Чуди, прекрасныхъ собакъ, имѣющихъ очень тонкое чутье на слѣдъ человѣка. Чаше всего это собаки ньюфаундлендской породы или помѣсь ея съ другими породами. Монахи увѣряютъ, что собаки эти предчувствуютъ приближеніе непогоды, особенно зимою, уже за цѣлый часъ и начинаютъ тогда безпокойно расхаживать. Ни одна изъ нихъ, однако, не прославилась своими подвигами такъ, какъ Барри.

Къ шелковистымъ-же собакамъ относится и всѣмъ извѣстный пудель (*Canis familiaris extrarius genninus*), который такъ рѣзко отличается отъ другихъ породъ, что его почти не стоитъ описывать. Онъ плотнаго тѣлосложенія, покрытъ волнистой, косматой шерстью, которая мѣстами образуетъ настоящія косички и густо одѣваетъ все его тѣло; уши длинныя и широкія. Породистый пудель долженъ быть сплошь бѣлый или весь черный, но въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ имѣть бѣлое пятно на лбу и на груди.

На родство пуделя съ другими шелковистыми собаками указываетъ его любовь къ водѣ. Плаваетъ онъ хорошо и охотно и можетъ быть обученъ и для охоты. Но еще больше годенъ онъ въ товарищи къ человѣку и въ этомъ отношеніи онъ даетъ больше всѣхъ остальныхъ животныхъ. Съ цѣлью охарактеризовать пуделя, я заимствую слова Шейтлина, одного изъ самыхъ горячихъ его почитателей. „Пудель сложенъ лучше всѣхъ остальныхъ собакъ. У него самая красивая форма головы, самое стройное туловище, изящная внѣшность, полная, широкая грудь, хорошо сложенные ноги; онъ не слишкомъ высокъ и не очень низокъ, не длиненъ и не коротокъ, — онъ во всѣхъ отношеніяхъ соразмѣренъ. Уже по строенію тѣла способенъ онъ ко всякаго рода фокусамъ. Онъ самъ собою выучивается плясать, потому что полу-человѣчья природа его понуждаетъ его подражать своему господину, становиться на заднія лапы и ходить такимъ образомъ. Онъ скоро замѣчаетъ, что можетъ это сдѣлать, а потому очень часто продѣлываетъ это безъ всякаго принужденія, но только тогда, когда захочетъ. Вкусъ у пуделя развитъ хорошо, онъ прекрасно различаетъ кушанья, да къ тому

же онъ большой лизоблюдь. Обоняніе пуделя сдѣлало его знаменитымъ. Если дать ему понюхать башмакъ или другую какую-нибудь вещь потерявшагося ребенка, то онъ навѣрное разыщетъ его по впечатлѣнію, сохранившемуся въ его памяти отъ этого запаха. При этомъ онъ врядъ-ли когда ошибается: онъ такъ уже устроенъ, что отличаетъ все по запаху. Чувство осязанія развито у пуделя тоже прекрасно; онъ очень чувствителенъ къ физическимъ страданіямъ и большой нѣженка. Слухъ у пуделя превосходный; онъ издалека узнаетъ голосъ, понимаетъ смыслъ рѣчи, отличаетъ звукъ колокола отъ звонка, распознаетъ походку своихъ домашнихъ. Но зрѣніе пуделя слабо, видитъ онъ плохо и узнаетъ этимъ способомъ хозяина только на довольно близкомъ разстояніи.

„Память мѣста у пуделя удивительная. Онъ находитъ дорогу домой, находясь отъ него на нѣсколько часовъ или даже дней пути. По собственной волѣ бѣгаетъ онъ по городу или по деревнямъ съ цѣлью навѣрняка разыскать домъ, въ которомъ онъ хотя-бы разъ побывалъ со своимъ хозяиномъ и въ которомъ приняли ихъ хорошо. Вслѣдствіе этого, его легко можно приучить ходить въ булочную или въ мясную лавку. Пудель замѣчательно хорошо распознаетъ время: онъ отличаетъ воскресенье отъ другихъ дней недѣли, онъ знаетъ время обѣда, онъ знаетъ день, когда на бойнѣ рѣжутъ скотину. Пудель точно различаетъ цвѣта и по нимъ узнаетъ вещи. Впечатлѣніе, производимое на него музыкой, очень странно: звуки однихъ музыкальныхъ инструментовъ онъ любитъ, другихъ — не выносить. Наблюдательность пуделя изумительна: ни что не ускользаетъ отъ его вниманія, и потому его считаютъ умнымъ. Онъ крайне внимателенъ, почему понимаетъ не только слова, но и каждый взглядъ, каждый жестъ своего господина. Память никогда ему не измѣняетъ: годами помнитъ онъ внѣшность и цвѣтъ платья своего хозяина, годами не забываетъ дорогу къ какому-нибудь мѣсту. Если мы считаемъ собаку умной уже за хорошее чутье, то тѣмъ болѣе умной должны назвать такую, которая обладаетъ прекрасной памятью: въ общежитіи принято считать, какъ извѣстно, умнымъ cadaго ребенка съ хорошею памятью и даже глупаго, но много знающаго ученаго. Эта память и является главной основной способностью пуделя научиться очень многому. Но и въ немъ должно быть терпѣніе, доброта и послушаніе. Онъ, дѣйствительно, научается барабанить, стрѣлять изъ пистолета, взбираться на лѣстницу, брать съ товарищами-собаками крѣпость, защищаемую другими собаками, и разыгрывать съ ними комедіи. Тому же можно научить, какъ извѣстно, лошадей и слоновъ.

„Для пуделя характерны еще два качества: его переимчивость и тщеславіе. Постоянно слѣдитъ онъ за своимъ господиномъ, смотритъ, что тотъ дѣлаетъ, и старается быть ему полезнымъ, пособить ему. Онъ любитъ льстить хозяину и разсуждаетъ о немъ, какъ ребенокъ объ отцѣ: все, что хозяинъ ни дѣлаетъ, то хорошо и пудель долженъ или можетъ дѣлать то-же. Хозяинъ беретъ кегельный шаръ, пудель также пробуетъ поднять его межъ лапъ, хватаетъ его зубами и жалобно визжитъ, если это ему не удастся. Хозяинъ собираетъ образцы минераловъ, пудель — ищетъ камни. Господинъ копается для чего-нибудь въ землѣ, собака начинаетъ рыть землю. Смотритъ хозяинъ въ окно, пудель вспрыгиваетъ туда-же, будто тоже желая насладиться прекраснымъ видомъ. Ему также нужно нести палку или корзину, если господинъ его ходитъ съ палкой или кухарка снарядилась за провизіей. Онъ несетъ корзину осторожно, ставитъ ее передъ людьми, переноситъ отъ одного человѣка къ другому, чтобы похвастаться своею ловкостью, и самодовольно виляетъ хвостомъ, если его похваляютъ. Съ поноскою во рту онъ не обращаетъ уже ровно никакого вниманія на другихъ собакъ, онъ смотритъ на нихъ, какъ на бездѣльниковъ, а псы должны, по его мнѣнію, чувствовать къ нему почтеніе.

Къ пуделю относятся съ извѣстной долей уваженія, и не въ смыслѣ боязни, и любятъ его за то, что онъ добродушнѣ всякой другой собаки. Особенно любятъ его дѣти, такъ какъ могутъ дѣлать съ нимъ все, что угодно: пудель позволяетъ имъ дразнить себя, кататься на себѣ верхомъ, щипать и трепать себя; онъ, не обнаруживая при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія, не кусается и даже

не ворчить. При всей своей прожорливости, онъ даетъ вынуть у себя изо рта пищу, что позволяютъ, какъ извѣстно, лишь немногія собаки. Человѣка, стригшаго его однажды, онъ не забываетъ уже во всю свою жизнь и всѣми силами старается избѣгать его. Если такой господинъ снова появится въ домѣ черезъ нѣкоторое время, пудель пускается бѣжать со всѣхъ ногъ и старательно прячется: онъ не хочетъ, чтобы его стригли. Интересно смотрѣть, какъ пудель ищетъ своего хозяина. Съ опущенной внизъ головой, бѣжитъ онъ вдоль улицы, вдругъ останавливается, что-то обдумываетъ, снова возвращается, опять останавливается на другомъ перекресткѣ улицы, больше думаетъ, чѣмъ смотритъ, бѣжитъ кратчайшимъ путемъ, чтобы поскорѣй добраться, куда слѣдуетъ, и продѣлываетъ тому подобныя штуки. Не менѣе интересно наблюдать, когда онъ хочетъ выбраться изъ дому, но ему запрещено это. Онъ всячески старается перехитрить при этомъ хозяина, дѣлаетъ видъ, что вовсе и не хочетъ уйти, когда на него смотрятъ, и вдругъ пускается на утекъ. Не удалось ему это, онъ пускается на чисто уже лисью, почти не свойственную собакѣ хитрость: онъ поднимаетъ ногу у стѣны, будто хочетъ мочиться, и его выгоняютъ вонъ.

„Странно, чѣмъ добрѣе, чѣмъ умнѣе пудель, тѣмъ плоше сторожить онъ домъ, тѣмъ труднѣе приучить его нападать на человѣка. Онъ любитъ и дорожить каждымъ человѣкомъ: если хозяинъ травитъ его на человѣка, пудель только вопросительно посматриваетъ на перваго, какъ будто думаетъ, что не станетъ-же господинъ вооружать его противъ своего ближняго. При пуделѣ можно убить его хозяина и пудель не заступится за него. Своему хозяину онъ подчиняется безусловно, онъ боится не только побоевъ, но и каждого слова, хмураго взгляда, угрозы пальцемъ.

„Пудель страстно любитъ свободу: онъ хочетъ пользоваться ею въ полной мѣрѣ. Ни одна собака не сидитъ охотно на привязи, а пудель выносить ее менѣе всего; онъ прекрасно умѣетъ освободиться и непрерывно грызетъ и рветъ свою веревку; онъ сбрасываетъ ошейникъ черезъ голову и чуть не сходитъ съ ума отъ радости, если его спустятъ съ цѣпи“.

Гибель приводитъ интересный примѣръ изобрѣтательности пуделя, хотѣвшаго выбраться на свободу. „Въ одномъ большомъ городѣ, гдѣ собаки были обложены податью, фурманщикъ ловилъ, какъ обыкновенно, всѣхъ собакъ безъ ошейника и сажалъ ихъ безъ разбору въ сарай на окраинѣ города, гдѣ онѣ жалобно выли, оплакивая свое незаслуженное несчастіе. Только умный пудель сидѣлъ спокойно въ углу и старался понять, какъ отворялась дверь: онъ сообразилъ, какъ можетъ освободиться. Быстро подскочилъ онъ въ удобный моментъ къ двери, придавилъ лапой ручку, дверь отворилась, и пудель былъ таковъ. Примѣру его послѣдовала вся стая заключенныхъ: какъ угорѣлыя, бросились онѣ къ городу, разбудили гамомъ стражу у воротъ, и каждый песъ помчался къ своему хозяину.

*

Перейдемъ теперь къ другой весьма замѣчательной группѣ собакъ — къ пинчерамъ (*Canis familiaris gryphus*). Многіе зоологи относятъ ихъ еще къ предыдущей группѣ и нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, имѣютъ много общаго съ пуделемъ по характеру волосаго покрова, по формѣ морды, ушей и хвоста, ихъ добродушію и вѣрности, веселому и игривому нраву. Но, съ другой стороны, строеніе черепа ихъ и вообще скелета рѣзко отличаетъ пинчеровъ отъ пуделя и заставляетъ считать ихъ представителями особой группы. Пинчеровъ дѣлятъ на гладкошерстныхъ или крысолововъ и на косматыхъ или пинчеровъ-обезьянъ.

Первые походятъ по общему своему виду на таксъ, но отличаются отъ послѣднихъ болѣе высокими и прямыми ногами и стоячими ушами, у которыхъ висятъ иногда только концы. Большинство этихъ пинчеровъ темнаго цвѣта, а пятнистые встрѣчаются много рѣже. Тѣло ихъ довольно худощаво, голова большая, морда длинная, на концѣ тупо срезанная, гладкій хвостъ носится завернутымъ

кзади или кпереди, ноги средней длины и прямы. Въ молодости имъ обстригаютъ обыкновенно хвостъ и уши и этимъ обезображиваютъ ихъ самымъ непозволительнымъ образомъ.

Всѣ пинчеры необыкновенно умны, крайне веселаго нрава и страстно любятъ охоту. Они большіе любители ловить крысъ, мышей, роющихся у поверхности земли кротовъ и просто неутомимы въ этихъ занятіяхъ. Въ качествѣ комнатныхъ собакъ, не всегда можно рекомендовать ихъ, потому что постояннымъ своимъ беспокойствомъ они причиняютъ своему хозяину скорѣе непріятность, чѣмъ радость. Но, съ другой стороны, пинчеры очень подходятъ людямъ, которые проводятъ много времени верхомъ или вообще ѣздить на лошадяхъ: пинчеръ особенно охотно сопровождаетъ своего хозяина тогда, когда имѣетъ при этомъ возможность быстро побѣгать. Но даже и при быстрой ѣздѣ своего господина пинчеръ всегда улучшить время изслѣдовать каждую мышиную норку или потревожить крота въ его занятіи. Задравъ высоко носъ противъ вѣтра, нюхаетъ онъ по сторонамъ и тотчасъ же несется туда, гдѣ слышитъ какой-нибудь шорохъ; онъ подходитъ осторожно и тихо, на минуту останавливается неподвижно, вдругъ дѣлаетъ прыжокъ, ударяетъ передними лапами о земь и въ слѣдующій уже моментъ держитъ въ зубахъ какое-нибудь существо, живущее подъ землей. Такимъ же точно образомъ охотится пинчеръ за кротами и съ такимъ усердіемъ, что умудряется, по Ленцу, въ теченіе довольно непродолжительной прогулки, поймать отъ 4 до 5, а иногда до 14 и больше кротовъ. Послѣднихъ онъ не ѣстъ, а закапываетъ въ землю, мышей-же ѣстъ, пока не насытится, а остальныхъ оставляетъ лежать.

Способность пинчера къ ловлѣ крысъ обратила на него вниманіе англичанъ, которые съ давнихъ поръ уже устраиваютъ бои этихъ собакъ съ докучливыми грызунами. Для большаго интереса при этомъ держать большія пари, что обращаетъ эту забаву въ азартную игру.

Отъ обыкновеннаго пинчера рѣзко отличается одна изъ самыхъ удивительныхъ, по внѣшнему виду, собака — косматый пинчеръ или пинчеръ-обезьяна (*Canis familiaris gryphus hirsutus*). Безобразіе его считаютъ красотою, а потому любители очень цѣнятъ и дорого оплачиваютъ его. Это очень забавное животное веселаго нрава, необыкновенно преданное человѣку, ласковое къ своимъ друзьямъ, но весьма задорное въ отношеніи другихъ собакъ. Онъ тоже прекрасно ловить крысъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень успѣшно обучается охотѣ на кроликовъ и перепелокъ.

*

Къ послѣдней изъ разсматриваемыхъ нами здѣсь группъ относятся тѣ собаки, которыя служатъ человѣку вѣрнѣе всѣхъ другихъ и которыхъ онъ сильнѣе всего поработилъ себѣ, — это дворовыя собаки и лайки (*Canis familiaris domesticus*).

Къ этой группѣ относится собака Пиренеевъ, шпицъ, венгерскій волкодавъ, собаки самоѣдовъ, камчадаловъ, эскимосовъ и вообще всѣ сѣверныя лайки, а также собаки цыганъ, китайцевъ и, наконецъ, исландская собака и др.

Наибольшаго вниманія заслуживаетъ между ними овчарка (*Canis familiaris domesticus pascuarius*). Отъ другихъ собакъ разсматриваемой группы овчарка отличается тѣмъ, что у нея висятъ только самые кончики ушей; своимъ худощавымъ, почти сухощавымъ строеніемъ и длинными ногами она напоминаетъ волка, но, конечно, значительно меньше его ростомъ. Голова у нея длинная, съ острой мордой, ноги худыя и прямыя, хвостъ средней длины и носится обыкновенно слегка подтянутымъ, шерсть густая, косматая буровато-сѣраго цвѣта.

Овчарку, обыкновенно, уже на первомъ году жизни заставляютъ сторожить стадо, со временемъ-же она научается исполнять это дѣло съ полнымъ совершенствомъ. Далеко не безразлично, какой скотъ должна она пасти, потому что обучать ее приходится въ зависимости отъ этого. Собака пастуха, пасущаго круп-

ный рогатый скотъ, должна постоянно слѣдить за своимъ хозяиномъ и слушаться его приказаній. Она обязана взаправду кусать быка или корову, которые не повинуются ей тотчасъ-же, потому что иначе эти животныя не станутъ ее слушаться. Если она гонитъ корову передъ собою, то можетъ кусать ее только въ заднія ноги, а не въ хвостъ, ни въ бока, а менѣе всего — въ вымя. Если корова бросается на собаку, то эта должна очень поостеречься, но все же укусить ее; если быкъ или корова начинаютъ бодать ее, то она тоже должна побѣдить ихъ: хорошо обученная собака хватается животное за морду и повисаетъ на немъ, пока оно не укротится. Испанскіе пастухи имѣютъ при себѣ, кромѣ собаки, еще пращи, кото-



Косматый пинчеръ (*Canis familiaris gryphus hirsutus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

рыми пользуются безъ промаха. Собака скоро замѣчаетъ непокорнаго быка, которому пастухъ нѣсколько разъ пустилъ камнемъ въ голову, и позволяетъ ему двигаться только тамъ, гдѣ ему полагается. Сильныхъ барановъ овчарка тоже можетъ кусать, но только въ заднія ноги; ягнятамъ-же, беременнымъ и кормящимъ овцамъ она должна только показывать видъ, будто хочетъ ихъ укусить.

Въ овчаркѣ, какъ и во всякой другой собакѣ, мы замѣчаемъ до извѣстной степени отраженіе различныхъ чертъ характера ея хозяина. Въ Испаніи она такъ же злобна, какъ и тамошніе пастухи, а въ Германіи, наоборотъ, добродушна, подобно ея господину. Если пастухъ занимается браконьерствомъ, овчарка прекрасно можетъ замѣнить ему лягавую собаку; собираетъ онъ, чтобы заработать лишній грошъ, грибы, — собака тоже ищетъ ихъ. Овчарка принимаетъ самое дѣятельное участіе въ бояхъ, если пастуху приходится вести борьбу съ хищными звѣрями или съ злоумышленниками; въ мѣстахъ-же спокойныхъ нѣтъ собаки благодушнѣе ея. Человѣкъ и собака живутъ, что называется, душа въ душу. Есть овчарки, кото-

рыя дѣйствительно понимаютъ каждое слово своего хозяина. Одинъ наблюдатель, которому я не имѣю основанія не довѣрять, рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ однажды слыжалъ, какъ пастухъ приказалъ своей собакѣ особенно охранять отъ стада овецъ „рапсъ“. Собака стала на мгновеніе въ тупикъ, вѣроятно потому, что впервые услыжала это слово. Ей были знакомы слова пшеница и рожь, ячмень и овесъ, лугъ и поле, но о рапсѣ она ничего не знала. Послѣ минутнаго раздумья пошла она дѣлать обходъ вокругъ стада, осматривала всѣ сосѣднія поля и, наконецъ, остановилась у такого, которое было засѣяно неизвѣстнымъ ей растеніемъ: вѣроятно, это „рапсъ“, — думала она, очевидно, и, дѣйствительно, не ошиблась!

Для дома шпицъ (*Canis familiaris domesticus pomeranus*) представляетъ то же, что овчарка для стада. Шпицъ небольшого или средняго роста, крѣпкаго и коренастаго тѣлосложенія, имѣетъ острую голову и такую-же морду, короткія ноги, длинный хвостъ, довольно большія уши и такіе-же глаза съ умнымъ и живымъ выраженіемъ; шерсть у него густая, то грубая и длинная, то тонкая и короткая; цвѣтъ ея бываетъ чисто-бѣлый, желтый, рыжій, оттѣнка лисицы, сѣрый, а, въ видѣ исключенія, — черный со свѣтлымъ пятномъ на лбу и такими-же отмѣтинами на лапахъ. Этихъ признаковъ вполне достаточно, чтобы не смѣшать его съ другими породами.

Эту, тоже прекрасную въ своемъ родѣ, собаку держать во многихъ деревняхъ Германіи для охраны домовъ и дворовъ; шпицемъ-же пользуются ломовые извозчики, поручая ему смотрѣть за телѣгами въ случаѣ отлучки. Эти люди рѣдко обходятся безъ шпица, который значительно помогаетъ своимъ веселымъ нравомъ коротать имъ день, протекающій въ утомительно-однообразномъ занятіи. Шпицы цѣнятся особенно потому, что, при безусловной привязанности и вѣрности своему господину, они до крайности бдительны, всегда веселы и къ тому-же нисколько не боятся ни дождя, ни холода; обыкновенно они выбираютъ для своего мѣсто-пребыванія даже такое мѣсто дома и двора, гдѣ больше всего сквозного вѣтра. Но всѣ шпицы очень любятъ свободу, а потому не могутъ сидѣть на цѣпи; зато они незамѣнимы тамъ, гдѣ могутъ охранять дворъ, бѣгая на свободѣ.

Не менѣе двухъ только-что разсмотрѣнныхъ породъ полезна и эскимосская собака (*Canis familiaris domesticus borealis*) и вообще всѣ сѣверныя лайки, приходящіяся съ родни шпицамъ. Для полудикихъ народовъ сѣвера собаки эти являются самымъ важнымъ домашнимъ животнымъ. Высота эскимосской собаки у загривка достигаетъ 50—60 сантиметрамъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ животныя эти бываютъ и большихъ размѣровъ. Отъ нашей овчарки она отличается тѣмъ, что походитъ на волка, имѣетъ уши, торчащія вверхъ на всемъ своемъ протяженіи, болѣе густую шерсть, особенно пушистую зимой, и хитрое выраженіе лица. Въ наружности ея проглядываетъ необузданный характеръ и любовь къ свободѣ, которой пользоваться приходится ей, однако, только временно. Она имѣетъ близкихъ родственниковъ на всемъ сѣверѣ Стараго Свѣта и употребляется какъ для охраны стада сѣверныхъ оленей, такъ и въ качествѣ вьючнаго и упряжного животного.

Эскимосская собака проводитъ почти всю свою жизнь подъ ярмомъ: она — то тащитъ сани, то несетъ тяжести на спинѣ. Въ полярныхъ частяхъ Сѣверной Америки и на прилежащихъ островахъ это единственное животное, которымъ человѣкъ можетъ воспользоваться для возки тяжестей. Хозяинъ предоставляет ей нѣкоторую свободу только во время короткаго лѣта, зимой же это рабъ въ полномъ смыслѣ слова.

Хорошо упитанную эскимосскую собаку можно назвать красивымъ животнымъ; но хозяинъ кормитъ ее, если она сама себѣ не добываетъ пропитанія, такъ скаредно, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ году она больше походитъ на скелетъ, чѣмъ на живое существо. Отношеніе ея къ человѣку очень своеобразно. Она чувствуетъ, что живетъ въ рабствѣ, и пробуетъ разорвать его оковы. Въ



Лисица (*Vulpes vulgaris*).

если ей представляется надобность оставить ее, то избираетъ для своего перехода въ другой, прикрытый участокъ непременно такое мѣсто, гдѣ есть какое-нибудь прикрытіе въ видѣ отдѣльныхъ кустовъ и т. п. Опытный охотникъ, поэтому, всегда съ увѣренностью можетъ опредѣлить лисій лазъ и почти точно указать, какое направленіе приметъ лисица при данныхъ условіяхъ мѣстности.

Добычу лисицы составляютъ всѣ животныя, начиная съ молодой косули и вплоть до насѣкомыхъ включительно, главнымъ-же образомъ — мыши, которыми она питается преимущественно. Лиса не щадитъ никого, преслѣдуетъ зайцевъ и кроликовъ самымъ беспощаднымъ образомъ, а при случаѣ, уноситъ даже и теленка у дикой козы и оленя. Она грабитъ не только яйца и птенцовъ изъ гнѣздъ птицъ, гнѣздящихся на землѣ, но пробуетъ, и не безъ результата, подобраться и перехитрить даже хорошо летающихъ взрослыхъ птицъ. Чтобы поживиться птицей, гнѣздящейся на водѣ, лиса переплываетъ водное пространство или бредетъ по топкому болоту. Извѣстны случаи, что она душила сидящихъ на гнѣздѣ лебедей. Подкрадываясь по ночамъ во дворы одиноко стоящихъ усадебъ, она нападаетъ здѣсь на домашнюю птицу, а тамъ, гдѣ имѣетъ хорошее прикрытіе, рѣшается красть ее даже и днемъ. Обширные сады и виноградники она посѣщаетъ чаще, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Тутъ ловитъ она кузнечиковъ и майскихъ жуковъ, вырываетъ личинокъ насѣкомыхъ и дождевыхъ червей или лакомится сладкими грушами, сливами, виноградомъ и ягодами. Она бродитъ у ручья, чтобы снatches неосторожную форель или зазѣвавшagoся рака; на берегу моря выбираетъ рыбу изъ сѣтей, а въ лѣсу — дичь, попавшую въ силки. Такимъ образомъ, для лисы вездѣ накрытъ столъ и нужду она начинаетъ терпѣть только тогда, когда выпадетъ глубокій снѣгъ. Въ это время года она ѣстъ рѣшительно все сѣдбное и не только падаль, которую она весьма охотно пожираетъ, подобно многимъ собакамъ, и въ другую пору, но и засохшія кости, полусгнившіе куски кожи и т. п. Она обходитъ бивуаки угольщиковъ, чтобы подбирать здѣсь остатки ихъ обѣдовъ. Будучи не очень голодна, лисица долго и жестоко играетъ со своей добычей и только затѣмъ уже умерщвляетъ ее.

Во время своихъ охотничьихъ походовъ, свою собственную безопасность лисица ставитъ выше всего. Все незнакомое возбуждаетъ въ ней подозрѣніе, а если она стала недовѣрчивой, то принудить ее на рискованный шагъ можетъ развѣ только мучительный голодъ. Зато, будучи голодной, лисица проявляетъ по-истинѣ безстыдную дерзость. Среди бѣлаго дня появляется она гдѣ-нибудь на дворѣ, на глазахъ людей хватаетъ здѣсь курицу или гуся и быстро исчезаетъ со своей добычей. Она бросаетъ добытое дорогою цѣною животное только въ крайности, но и то нерѣдко возвращается, чтобы убѣдиться, нельзя-ли его снова достать. Такую-же смѣлость обнаруживаетъ иногда лисица и при обстоятельствахъ, вынуждающихъ ее искать спасенія въ быстромъ бѣгствѣ. Одна лисица схватила, такимъ образомъ, больного зайца въ то время, когда ее гнали собаки и охотники успѣли выстрѣлить въ нее уже два раза. Другая, окруженная въ полѣ охотниками и загонщиками, стащила раненаго зайца, задушила его на глазахъ всей компаніи, быстро зарыла еще свою добычу въ снѣгъ, а затѣмъ благополучно прорвалась черезъ цѣпь и была такова. Лѣсничій Либигъ рассказываетъ, что въ Моравіи лисица явилась на дворъ крестьянина съ цѣлью ловить куръ, была прогнана палкою, затѣмъ возвратилась опять, снова была прогнана и, наконецъ, пришла въ третій разъ, но тутъ ей пришлось уже поплатиться за это своею жизнью.

Бѣгаетъ лисица скоро, неумоимо, искусно и крайне ловко; она умѣетъ подкрадываться ползкомъ, неслышно скользить по землѣ, но также нестись во весь духъ и дѣлать необыкновенно большіе прыжки. Даже хорошимъ гончимъ собакамъ рѣдко удается нагнать ее. При быстромъ бѣгѣ она держитъ свой хвостъ горизонтально, а при ходьбѣ почти волочить его по землѣ. Когда лисица подкарауливаетъ добычу, она лежитъ на брюхѣ, плотно прижавшись къ землѣ; отдыхая она нерѣдко свертывается подобно собакѣ и ложится на бокъ, а иногда и на спину. Очень часто сидитъ она также по-собачьи на заднихъ ногахъ, причемъ очень красиво забрасываетъ свой хвостъ вокругъ переднихъ ногъ. Воды

она нисколько не боится, плаваетъ даже легко и быстро; она умѣетъ также и лазать, а потому изрѣдка ея приходится видѣть довольно высоко надъ землею на подходящихъ для этого деревьяхъ.

Голосъ лисицы состоитъ изъ отрывистаго тавканья, оканчивающагося болѣе громкимъ и высокимъ визгомъ. Взрослыя лисицы „лаютъ“ только передъ бурей, во время грозы, въ сильные холода и въ періодъ спариванія; молодыя же тавкаютъ и визжатъ, какъ только проголодаются или начнутъ скучать. Въ гнѣвѣ или при опасности лисица злобно ворчитъ; болѣзненный стонъ можно услышать отъ нея только тогда, когда она ранена пулей или когда выстрѣлъ раздробилъ ей кость; при всякомъ другомъ пораненіи она упорно молчитъ. Зимой, въ морозъ и во время снѣжныхъ бурь, лисица кричитъ громко и жалобно; но чаще всего приходится слышать ея голосъ въ періодъ спариванія, когда она издаетъ также звуки, напоминающіе частью призывъ ворона, частью-же крикъ павлина.

Лисица не принадлежитъ къ числу общительныхъ животныхъ и отличается этимъ отъ волковъ. Хотя нерѣдко и случается встрѣчать нѣсколькихъ лисицъ въ одной кустарниковой заросли и даже въ одной и той же норѣ, но, обыкновенно, каждая изъ нихъ заботится о другихъ только настолько, насколько это ей выгодно. Дружеское чувство къ другимъ животнымъ присуще ей такъ-же мало, какъ и общительность. Если кое-когда и наблюдали дружбу лисицы съ заклятымъ врагомъ ея, собакою, то подобные примѣры принадлежатъ къ большимъ исключеніямъ. Отношенія ея къ барсуку тоже не могутъ быть истолкованы дружбою, потому что лисицѣ нѣтъ ровно никакого дѣла до барсука, но она интересуется только его жилищемъ.

Черезъ девять недѣль или черезъ 60—63 дня послѣ спариванія, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, лисица-самка мечетъ дѣтенышей. Число послѣднихъ колеблется отъ 3 до 12, чаще же всего въ гнѣздѣ находятъ отъ 4 до 7 лисенятъ. Мать относится къ нимъ съ большою нѣжностью, вовсе не покидаетъ ихъ въ первые дни жизни, а впослѣдствіи — лишь на короткое время, да и то только во время полной темноты; она всячески старается скрыть мѣстопробываніе своихъ малютокъ.

Не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ или мѣсяца черезъ полтора по рожденіи, хорошенькіе маленькіе хищники, покрытые въ это время рыжевато-сѣрою шерстью, рѣшаются выйти въ тихое время дня изъ норы, чтобы погрѣться передъ ея входомъ на солнышкѣ и поиграть другъ съ другомъ или съ матерью, всегда готовой къ ихъ услугамъ. Старуха приноситъ имъ пищу всегда въ избыткѣ; сначала она доставляетъ имъ живыхъ мышей, птичекъ, лягушекъ и насѣкомыхъ и учитъ ихъ ловить, мучить и съѣдать этихъ животныхъ. Въ это время мать становится до крайности осторожна, подозрѣваетъ опасность для своихъ малютокъ уже въ самыхъ невинныхъ предметахъ и тотчасъ-же уводитъ ихъ обратно въ пору, коль скоро слышитъ какой-нибудь шорохъ. Она переноситъ ихъ въ зубахъ изъ одной норы въ другую, если чуетъ преслѣдованіе и, даже въ моментъ серьезной для себя опасности, отваживается схватить дѣтеныша и убрать его въ безопасное мѣсто. Опытному наблюдателю нерѣдко удастся наблюдать семью лисицъ во время ихъ игръ. Достигши извѣстнаго роста, лисенята выходятъ въ хорошіе дни утромъ и вечеромъ изъ норы, ложатся передъ входомъ послѣдней и ожидаютъ возвращенія матери; если мать почему нибудь замѣшкается, малютки начинаютъ тавкать и этимъ сами себя выдаютъ. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ лисенята начинаютъ сопровождать мать во время ея охотъ или сами стараются днемъ или въ сумерки накрыть какого нибудь зайченка, мышку, птичку или хотя бы жука. Въ концѣ іюля молодыя лисицы совершенно покидаютъ нору и поселяются со своею матерью въ засѣянныхъ хлѣбомъ поляхъ, которыя обѣщаютъ имъ съ одной стороны хорошую поживу, а съ другой — полную безопасность. Послѣ жатвы хлѣбовъ они переходятъ въ густыя заросли кустарника и тростника, становятся къ этому времени полноправными охотниками и хитрыми воришками, а позднею осенью отдѣляются, наконецъ, совершенно отъ своей матери, чтобы попытать счастья за собственный счетъ.

Пойманныхъ смолоду лисенятъ воспитать очень легко, потому что они вполне довольствуются обыкновенно пищею щенятъ. Если заниматься съ ними много, то лисенята ручнѣютъ очень быстро и доставляютъ большое удовольствіе хозяину своею подвижностью и веселымъ нравомъ.

„Изъ нѣсколькихъ лисицъ, которыхъ мнѣ приходилось воспитывать“, говоритъ Ленцъ, „ручнѣ всѣхъ стала послѣдняя, самка, потому что я получилъ ее въ болѣе раннемъ возрастѣ, чѣмъ всѣхъ остальныхъ. Она только что начала ѣсть сама, но была уже очень сердита и куслива; она то и дѣло ворчала, если имѣла предъ собою свою любимую пищу и кусала въ это время солому и другіе ближайшіе предметы даже тогда, когда ее не беспокоили. Путемъ хорошаго обращенія съ нею она приручилась, однако, настолько, что не сердилась, если я бралъ у нея изо рта свѣже убитаго кролика и клалъ въ ея пасть вмѣсто него палецъ. Она, вообще, играла со мною очень охотно даже тогда, когда сдѣлалась взрослой, крайне радовалась моимъ посѣщеніямъ, виляла, какъ собака, хвостомъ и прыгала на меня съ визгомъ. Столь же привѣтливо относилась она и къ чужимъ. Она отличала незнакомцевъ отъ меня уже на разстояніи 50 шаговъ и тотчасъ-же начинала приглашать ихъ къ себѣ громкимъ визгомъ, — честь, которой мы съ моимъ братомъ, постоянно кормившіе ее, удостаивались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. По всей вѣроятности, она не продѣлывала этого съ нами потому, что знала, что мы придемъ и безъ приглашенія“.

Охотники питаютъ къ лисицѣ страшную ненависть, а потому преслѣдуютъ ее круглый годъ; для охоты на нее нѣтъ запрещеннаго времени, для нея нѣтъ пощады. Лисицу стрѣляютъ, ловятъ, изводятъ ядомъ, вырываютъ изъ собственной ея норы, а при случаѣ, просто-таки убиваютъ дубиной; ее травятъ собаками до смерти, вытаскиваютъ изъ норы буравомъ и щипцами, однимъ словомъ — уничтожаютъ всѣми возможными способами. Съ точки зрѣнія охотника, въ глазахъ котораго лѣса и поля представляютъ интересъ исключительно изъ-за водящейся въ нихъ дичи, такое неумолимое, почти безчеловѣчное преслѣдованіе, пожалуй, и можетъ быть оправдано, но со всякой другой точки зрѣнія извиненіе ему подыскать не легко. Дѣйствительно, лѣса, поля и луга культивируются и охраняются не только для однихъ дикихъ козъ, зайцевъ, глухарей, тетеревовъ, рябчиковъ, куропатокъ и фазановъ, но служатъ и для другихъ, несравненно болѣе важныхъ цѣлей. Отсюда ясно, что обязанность лѣсничихъ и агрономовъ по возможности удалять изъ названныхъ угодій все, что подрываетъ ихъ доходность и какимъ-бы то ни было способомъ вредить имъ. Никто, конечно, не станетъ серьезно утверждать, что перечисленные выше охотничьи животныя приносятъ нашимъ полямъ и лѣсамъ пользу: напротивъ, всѣ они относятся къ вреднымъ животнымъ. На вредъ, наносимый ими, можно смотрѣть сквозь пальцы, можно прощать его имъ, но отрицать его нѣтъ никакой возможности.

Ущербъ, причиняемый лисицей дичи, относится къ самымъ маловажнымъ изъ ея дѣяній: несравненно важнѣе ея заслуги по истребленію мышей. Именно эти, крайне вредные грызуны составляютъ, какъ мы уже выше сказали, главную пищу лисицы: она не только ловитъ ихъ себѣ штукъ по 20 — 30 на обѣдъ или ужинъ, но и закусываетъ еще многихъ изъ нихъ просто ради одного препровожденія времени, а затѣмъ бросаетъ. Конечно, лисица приноситъ этимъ несомнѣнную пользу. Я далекъ отъ мысли дать лисицѣ отпущеніе въ ея грѣхахъ; я прекрасно знаю, что она не щадитъ ни одно существо, которое слабѣе ея, что она пожираетъ много полезныхъ птицъ, раззоряетъ ихъ гнѣзда, подобно куницѣ душитъ куръ въ курятникѣ и совершаетъ не мало другихъ преступленій. Все это вполне уравнивается, однако, по моему мнѣнію, пользой, которую она приноситъ. Въ охотничьемъ паркѣ лисица наноситъ чувствительный вредъ, но въ лѣсу, на лугахъ и въ поляхъ она скорѣе полезна, чѣмъ вредна. Вслѣдствіе этого, вполне понятно, что охотникъ ненавидитъ и преслѣдуетъ ее, а сельскій хозяинъ готовъ принять ее подъ свое покровительство.

Само собою понятно, что охота на лисицу доставляетъ охотнику величайшее наслажденіе. Обыкновенно лисицу убиваютъ на облавѣ, но часто стрѣляютъ ее и

на стоянкѣ, подманивая путемъ подражанія крику зайченка или писку мышенка; нерѣдко охотятся за нею также и на приваду въ лунныя ночи, стрѣляя изъ засады въ то время, когда она подойдетъ къ падали. Необыкновенно заманчива также зимняя охота на лисицу по слѣду, оставленному ею на спѣгу. Мѣстами практикуется охота съ гончими собаками; загонщиковъ при этомъ вовсе не берутъ, а стрѣлки становятся на главныхъ лазахъ лисицы. Раненная выстрѣломъ лисица рѣдко кричитъ отъ боли, зато иногда поступаетъ чисто по-геройски. Такъ, Впнкель перебилъ одной лисицѣ переднюю ногу подъ самой лопаткой; во время бѣга раненая нога билась о голову и мѣшала лисицѣ, которая со злости тотчасъ-же отгрызла ее, а затѣмъ побѣжала, какъ будто ничего съ нею не случилось. Вообще лисица отличается замѣчательною живучестью. Извѣстны случаи, въ которыхъ лисицы, считавшіяся мертвыми, вскакивали и убѣгали.

Живьемъ лисицу ловятъ во всевозможныя ловушки, но чаще всего въ желѣзные капканы. Уже за нѣсколько дней до постановки послѣдняго необходимо приучить лисицу къ мѣсту, а потому сюда кладутъ какую-нибудь приманку. Если лисица съѣдала приваду въ теченіе нѣсколькихъ ночей, то можно уже насторожить капканъ, вычистивъ его предварительно и смазавъ чѣмъ-нибудь такимъ, что можетъ привлечь лисицу; самый капканъ стараются скрыть возможно тщательно.

Лисица имѣетъ достаточное число враговъ и помимо человѣка. Ее ловить и пожираетъ волкъ; собаки мяса ея, правда, не ѣдятъ, но все-же чувствуютъ къ ней такую ненависть, что непременно разрываютъ. Замѣчательно, что кобеля нерѣдко щадятъ и оставляютъ безъ преслѣдованія беременныхъ и кормящихъ дѣтенышей лисицъ-самокъ. Остальныя млекопитающія нашихъ странъ не въ состояніи нанести вреда лисицѣ, но среди класса птицъ у нея нѣсколько опасныхъ враговъ. Ястребъ-тетеревятникъ, не обинуясь, хватается молодыхъ лисицъ, а крупные орлы не стѣсняются брать даже и взрослыхъ, хотя изрѣдка и платятся за это своею жизнью. Объ одномъ подобномъ случаѣ рассказываетъ Чуди. „По глетчеру пробѣжала лисица, была схвачена съ быстротою молніи налетѣвшимъ беркутомъ и поднята имъ высоко на воздухъ. Въ скоромъ времени пернатый разбойникъ какъ-то странно замахалъ крыльями и скрылся за вершиной горы. Наблюдатель взобрался на эту послѣднюю и, къ удивленію своему, замѣтилъ быстро шмыгнувшую мимо него лисицу; съ другой стороны горы онъ увидѣлъ издыхавшаго орла съ раскусанной грудью. Лисицѣ удалось вытянуть шею, схватить своего врага за горло и перегрызть его. Весело побѣжала она прочь оттуда, но, вѣроятно, во всю жизнь свою не позабыла своего воздушнаго путешествія“. Среди остальныхъ животныхъ нашихъ странъ у лисы нѣтъ опасныхъ противниковъ, но есть, однако такіе, которые могутъ быть для нея въ тягость. Я говорю о блохахъ. Разсказъ о томъ, что лисица освобождается отъ нихъ посредствомъ купанья, причемъ беретъ себѣ въ ротъ пучекъ мха, а затѣмъ мохъ этотъ выбрасываетъ, когда блохи соберутся въ него, надо считать, конечно, вымысломъ.

Доказано, что лисица подвержена всѣмъ болѣзнямъ, свойственнымъ собакамъ, и въ томъ числѣ — водоболзни. Извѣстны случаи, что пораженные этой страшной заразительной болѣзнью лисицы забѣгали средь бѣла дня въ деревни и кусали здѣсь все, что попадалось имъ на дорогѣ. По Ноллю, бѣшенство причиняетъ иногда страшныя опустошенія среди лисицъ и охватываетъ обширныя пространства.

И среди животныхъ есть родственныя формы, необыкновенно близко стоящія другъ къ другу въ физическомъ отношеніи, но въ то же время рѣзко отличающіяся душевными своими качествами. Такимъ выбившимся изъ колеи видомъ является среди лисицъ — песецъ, состоящій въ близкомъ родствѣ съ лисицей, но сильно разнящійся отъ нея нравомъ и образомъ жизни; это одинъ изъ самыхъ простоватыхъ и глупыхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ назойливѣйшихъ и хитрѣйшихъ членовъ всего лисьяго рода.

Полярная лисица или песецъ (*Vulpes lagopus*) отличается короткими, закругленными ушами, короткими ногами, подошвы которыхъ покрыты, какъ и все

остальное тѣло, густымъ мѣхомъ, очень пушистымъ хвостомъ и, наконецъ, очень своеобразной окраской. Онъ замѣтно мельче нашей лисицы, такъ какъ общая длина его равна приблизительно 95 сантиметрамъ, изъ которыхъ добрая треть приходится на хвостъ. Лѣтомъ мѣхъ его окрашенъ въ землисто-бурый цвѣтъ, а зимою онъ бываетъ то снѣжно-бѣлый, то тоже темной окраски.

Песецъ живетъ, какъ показываетъ уже одно изъ его названій, на крайнемъ сѣверѣ Стараго и Новаго свѣта; на островахъ сѣвернаго Ледовитаго океана онъ встрѣчается не рѣже, чѣмъ на прилежащихъ континентахъ. Нужно признать, что онъ распространился по всему сѣверу при помощи плавучихъ льдовъ; по крайней мѣрѣ его видали плавающимъ среди океана на такихъ естественныхъ плотяхъ, а



Песецъ (*Vulpes lagopus*) въ зимнемъ одѣяніи. $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

на островахъ, далеко удаленныхъ отъ материка, находили часто въ громадномъ количествѣ. Онъ былъ на нихъ единственнымъ представителемъ наземныхъ млекопитающихъ, а потому появленіе его здѣсь можно объяснить только подобнымъ заносомъ.

Песецъ прячется въ пещеры среди камней или даже въ вырытыя собственными силами норы только передъ непогодой или въ мѣстахъ, гдѣ не чувствуетъ себя въ безопасности. Тамъ же, гдѣ днемъ ему не представляется надобности укрываться отъ человѣка, онъ не даетъ себѣ труда рыть нору или яму, а просто отдыхаетъ или подстерегаетъ добычу подъ какимъ-нибудь камнемъ или кустикомъ. Въ пищу песецъ не разборчивъ и ѣстъ безъ разбору всѣхъ животныхъ, которыя ему попадаютъ. Охотѣе всего охотится онъ за грызунами и слѣдуетъ за переселяющимися пеструшками часто на большія разстоянія, не стѣсняясь переплывать при этомъ рѣки и морскіе заливы. Изъ представителей класса птицъ онъ ловитъ бѣлыхъ куропатокъ, голенастыхъ и водоплавающихъ, причемъ особенно

вредить ихъ выводкамъ. Кромѣ того, песецъ питается всѣми животными, которыхъ выбрасываетъ море.

Песцы нерѣдко встрѣчаются обществами, между членами которыхъ нѣтъ большого согласія; напротивъ, они часто ведутъ другъ съ другомъ кровавыя ссоры, въ которыхъ для посторонняго зрителя много забавнаго. Одинъ изъ драчуновъ схватываетъ другого, валитъ его на землю, топчетъ его ногами и держитъ въ лежачемъ положеніи до тѣхъ поръ, пока ему не покажется, что онъ вдоволь искусалъ противника. При этомъ борящіеся звѣрьки кричатъ по кошачьи, въ другое-же время, особенно со скуки, песцы воютъ довольно громко.

Умственные способности песца развиты далеко не слабо, а между тѣмъ, наблюдая поведеніе его, наталкиваешься на странныя противорѣчія и не знаешь, какъ истолковать ихъ. Въ песцѣ замѣчаются хитрость, лукавство, притворство, словомъ сказать, — всѣ признаки смысленности, но, съ другой стороны, онъ отличается такою глупою смѣлостью, какой мы не встрѣчаемъ ни у одного животного. Я имѣлъ случай лично убѣдиться въ этомъ. Мы встрѣтили одну изъ этихъ лисицъ въ Доврефьельдѣ, въ Норвегіи, и семь разъ стрѣляли въ нее, но не попали ни разу. Вмѣсто того, чтобы убѣжать какъ можно скорѣе, песецъ этотъ сталъ слѣдовать за нами въ теченіе приблизительно двадцати минутъ такъ, какъ идетъ за своимъ хозяиномъ хорошо дрессированная собака. Онъ счелъ нужнымъ отстать отъ насъ только тамъ, гдѣ окончилась скалистая мѣстность. Его не удавалось отогнать даже и мѣтко брошенными въ него камнями, къ которымъ онъ относился точно такъ-же, какъ и къ свистѣвшимъ мимо него пулямъ.

Самое подробное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое привлекательное описаніе образа жизни этого животного далъ намъ Стеллеръ еще въ прошломъ столѣтіи. „Изъ четвероногихъ наземныхъ животныхъ водятся на Беринговомъ островѣ только песцы или полярныя лисицы, которые были занесены сюда, безъ сомнѣнія, плавающими льдами и, питаясь отбросами моря, размножились здѣсь до невѣроятности. Во время нашего несчастнаго пребыванія на этомъ островѣ я имѣлъ случай черезъчуръ хорошо изучить нравъ этого животного, которое далеко оставляетъ за собою обыкновенную лисицу по свойственнымъ ему наглости, хитрости и пронырству. Разсказъ о всѣхъ штукахъ, которыя песцы выкидывали относительно насъ, можетъ сравниться развѣ только съ исторіей продѣлокъ обезьянъ на островѣ Саренбургѣ, разсказанной Альбертусомъ Юліусомъ. Онѣ забирались въ наши жилища и днемъ, и ночью, и таскали все, что только могли унести, даже вовсе имъ не нужныя вещи, какъ-то: ножи, палки, мѣшки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они умѣли до такой степени искусно откатывать бочки съ нашими запасами въ нѣсколько пудовъ и такъ ловко извлекать изъ нихъ мясо, что въ первое время мы положительно не могли приписывать подобныя продѣлки имъ. Во время обдиранія шкуры съ какого-нибудь животного, намъ часто случалось закалывать ножомъ по два, по три песца, потому что они старались вырвать у насъ мясо изъ рукъ. Если мы что-нибудь зарывали самымъ тщательнымъ образомъ и заваливали это камнями, то песцы не только всегда находили скрытое, но и умудрялись сдвигать тяжелые камни. Они поступали въ этомъ случаѣ, какъ люди; подрывали камень и, навалившись на него плечами, изо всѣхъ силъ помогали другъ другу. Если мы клали какую-нибудь вещь на высокій столбъ, надѣясь оградить ее этимъ способомъ, — они подрывали его до тѣхъ поръ, пока онъ не сваливался; или одинъ изъ песцовъ взбирался на шесть подобно обезьянѣ или кошкѣ, и необыкновенно хитро и ловко сбрасывалъ съ него лежавшую вещь. Они слѣдили за всѣми нашими поступками и слѣдовали за нами по пятамъ, какія-бы мѣры мы не предпринимали противъ нихъ. Когда море выбрасывало какое-нибудь животное, песцы пожирали его прежде, чѣмъ люди успѣвали добраться до мѣста, и наносили намъ, такимъ образомъ, большой ущербъ. Въ томъ случаѣ, если имъ не удавалось сожрать все разомъ, они таскали остатки по кускамъ, зарывали ихъ на нашихъ глазахъ подъ камни и продолжали бѣгать до тѣхъ поръ, пока не перетаскивали всего. Нѣкоторые изъ песцовъ стояли при этомъ на сторожѣ и наблюдали за приближеніемъ людей. Замѣтивъ кого-нибудь изъ насъ уже издали,

они поспѣшно принимались зарывать трупъ животнаго всей толпой и дѣлали это такъ быстро, что въ самое короткое время нельзя было замѣтить и слѣда отъ цѣлаго медвѣдя или морского бобра. Ночью, когда мы спали подъ открытымъ небомъ, песцы стаскивали съ нашихъ рукъ перчатки, вытаскивали шапки изъ подъ головы, стягивали съ насъ одѣяла и умудрялись даже вытянуть изъ подъ насъ шкуры, служившія намъ постелью. Чтобы спасти отъ нихъ свѣже-убитыхъ калановъ, мы клали ихъ подъ себя, но песцы преспокойно выѣдали изъ-подъ человѣка все мясо и внутренности трупа. Вслѣдствіе этого мы были принуждены спать съ дубинами въ рукахъ, чтобы при пробужденіи тотчасъ-же имѣть возможность отгонять и бить лисицъ.“

Г. Эллиотъ, посѣтившій въ предпоследнее десятилѣтіе островъ Беринга со спеціальной цѣлью ознакомиться съ пушными звѣрями и съ охотою на нихъ, не сообщаетъ уже ничего, что могло-бы напоминать о временахъ Стеллера, но рассказываетъ кое-что уже совершенно въ другомъ родѣ. Такъ, мы узнаемъ отъ него, что жители Атту, самаго западнаго изъ Алеутскихъ острововъ, нарочно привезли въ свое отечество голубыхъ песцовъ и разводятъ ихъ здѣсь до извѣстной степени на свободѣ, стараясь сохранить породу ихъ во всей чистотѣ. Обыкновенная красная лисица къ тому времени, когда жители Атту привезли къ себѣ прекрасныхъ голубыхъ песцовъ съ Прибыловыхъ острововъ, уже совершенно вывелась тамъ, а песцы съ малоцѣннымъ мѣхомъ не въ состояніи сюда проникнуть даже при посредствѣ льдинъ. Кромѣ того, туземцы внимательно слѣдятъ, чтобы порода ихъ животныхъ не испортилась. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, предупреждается всякая неблагопріятная примѣсь крови, и красота шкуръ голубыхъ песцовъ сохраняется безупречно и признается всѣми. Жители Атту продаютъ ихъ ежегодно отъ 200 до 300 штукъ.

Время спариванія песцовъ бываетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Въ серединѣ или въ концѣ іюня мѣсяца самка мечетъ въ норѣ или въ расщелинѣ скалъ отъ 9 до 10, изрѣдка даже до 12 дѣтенышей. Самка песца роетъ свою нору охотнѣе всего на вершинѣ горы или на склонѣ ея. Она необыкновенно любитъ своихъ малютокъ, можно сказать, даже черезъ-чуръ, потому-что часто выдаетъ присутствіе дѣтенышей своимъ усердіемъ въ огражденіи ихъ отъ опасности: она начинаетъ таякать и визжать, лишь только замѣтитъ человѣка уже издалека, и дѣлаетъ это, по-видимому, для того, чтобы не допустить его до своей норы.

За песцами охотятся различными способами. Ихъ стрѣляютъ, ловятъ въ сѣти или петли и, наконецъ, ставятъ на нихъ капканы. Кромѣ человѣка, врагомъ песца является еще бѣлый медвѣдь и орланъ, который тоже не прочь поохотиться за ними. Стеллеръ наблюдалъ, какъ одинъ морской орелъ схватилъ когтями песца, поднялся съ нимъ на воздухъ, а затѣмъ бросилъ его, чтобы разбить его о землю. Отъ песца идетъ въ употребленіе, собственно говоря, только одинъ мѣхъ. Путешественники по сѣверу были принуждены, правда, довольствоваться въ нуждѣ его мясомъ, но всѣ они согласны въ томъ, что лакомства оно не представляетъ.

Песцы, пойманные смолоду, становятся довольно ручными; ихъ можно довести до того, что они станутъ слѣдовать за своимъ хозяиномъ, какъ собака. Живя у насъ въ неволѣ, они большею частью раздражительны, ворчатъ, когда ихъ трогаютъ, какъ собаки, а зеленые, блестящіе глаза ихъ сверкаютъ при этомъ коварствомъ. Песцы, содержаемые въ клѣткѣ, другъ съ другомъ не уживаются.

Изъ остальныхъ видовъ лисицъ я упомяну здѣсь только о тѣхъ, которые отличаются особенностями своего образа жизни или своею замѣчательною окраскою. Къ мелкимъ видамъ рода относится сосѣдъ нашей обыкновенной лисицы въ Азіи — корсакъ или какъ его называютъ монголы — кирса или кирассу (*Vulpes corsac*). Онъ значительно меньше обыкновенной лисицы, потому что длина тѣла его не превосходитъ 55—60, а длина хвоста 35 сантиметровъ. Общимъ видомъ своимъ и нравомъ онъ очень напоминаетъ своего сѣвернаго родственника. Окраска густого мѣха его варьируетъ менѣе, чѣмъ у волка и лисицы, но зато мѣняется въ зависимости отъ времени года. Лѣтняя шерсть корсака рыжеватая

цвѣта, а волосы зимней шерсти имѣютъ широкое серебристо-бѣлое кольцо передъ темнымъ концомъ, вслѣдствіе чего получается то болѣе рыжеватая, то болѣе солово-бѣлая общая окраска всего мѣха.

Область распространенія корсака простирается отъ Прикаспійскихъ степей до Монголіи; но животное это свойственно исключительно степнымъ и пустыннымъ мѣстностямъ и никогда не встрѣчается въ лѣсахъ и на горахъ. Определеннаго, постояннаго логовища корсакъ не имѣетъ; онъ не роетъ себѣ норы, а отдыхаетъ во время постоянныхъ своихъ странствованій просто подъ открытымъ небомъ или пользуется случайно найденной имъ норой байбака, которую при этомъ, можетъ быть, нѣсколько расширяетъ. Говорятъ, что въ норахъ байбаковъ находятъ по нѣсколько корсаковъ вмѣстѣ и самое меньшее по два. Главную пищу корсака составляютъ по всей вѣроятности пищухи и различныя полевки; кромѣ того онъ охотится за птицами, ящерицами и лягушками, а, можетъ быть, и за болѣе крупными насѣкомыми, напр., за саранчей.



Корсакъ (*Vulpes corsac*). $\frac{1}{7}$ естеств. велич.

За корсакомъ усердно охотятся изъ-за его густого, теплаго и красиваго зимняго мѣха и охотой этой особенно занимаются киргизы. Передъ входомъ въ его нору ставятъ ловушки и петли или его травятъ собаками послѣ того, какъ выгонять изъ жилища посредствомъ выкуриванія. Помимо собакъ, татары дрессируютъ для охоты на корсака болѣе опасныхъ для него животныхъ. Они пользуются съ этой цѣлью прирученными орлами и ловчими соколами, отъ которыхъ звѣрьку этому ускользнуть, конечно, уже не удастся.

Я въ теченіе довольно продолжительнаго времени содержалъ корсака въ неволѣ, а также часто видѣлъ его въ зоологическихъ садахъ, но при этомъ не могъ замѣтить въ его поведеніи какихъ-нибудь рѣзкихъ особенностей, которыя отличали-бы его отъ обыкновенной лисицы. Корсакъ принадлежитъ къ счастливымъ среди населенія зоологическаго сада; онъ быстро устраивается въ отведенной ему клѣткѣ и не боится ни лѣтней жары, ни зимней стужи; онъ охотно грѣется подъ жгучими лучами солнца, но и не менѣе уютно располагается на облепѣломъ каменномъ полу своей клѣтки. Со своими товарищами по заключенію онъ ладитъ не лучше, но и не хуже, чѣмъ обыкновенная лисица.

Прехорошенькія лисички водятся въ Аѳрикѣ и прилежащихъ частяхъ Азіи. Это карлики семейства собакъ вообще и лисьяго рода въ частности сложены необыкновенно изящно, покрыты булано-желтой шерстью, но главнымъ образомъ отличаются отъ своихъ родичей тѣмъ, что имѣютъ очень большія уши, которыя у двухъ изъ видовъ достигаютъ просто необыкновенныхъ размѣровъ, а у остальныхъ тоже значительно превосходятъ уши остальныхъ лисицъ. Онѣ получили названіе большеухихъ лисицъ или фенековъ.

Когда раскаленное солнце склоняется къ горизонту и присмирѣвшія во время дневной жары животныя снова оживляются подъ вліяніемъ вечерней прохлады, толпа скромно окрашенныхъ, но, тѣмъ не менѣе, красивыхъ созданій начинаетъ подумывать о томъ, чтобы начать свои дневныя или, вѣрнѣе, ночныя походы. Я не говорю тутъ объ отвратительныхъ гіенахъ и воющихъ шакалахъ, которые начинаютъ бродить въ это время, вынужденные голодомъ искать себѣ пропитаніе; я не стану напоминать здѣсь также о каракалахъ, но познакомлю читателя съ самымъ изящнымъ и красивымъ изъ всѣхъ хищниковъ. Это — фенекъ или степная лисица (*Vulpes zerdo*), животное болѣе характерное для пустыни, чѣмъ даже газель.

Пусть читатель представитъ себѣ лисью мордочку, но съ мелкими и нѣжными чертами, съ хитрымъ и лукавымъ выраженіемъ какъ у нашей лисицы; на лицѣ этомъ вырисовывается однако пара необыкновенно большихъ глазъ, а по сторонамъ его торчатъ громадныя уши, какихъ нельзя найти не только ни у одной лисицы, но и ни у кого изъ представителей всего семейства собакъ. На замѣчательно изящныхъ, тонкихъ ножкахъ покоится граціозное тѣлце звѣрька, которое оканчивается длиннымъ, толстымъ и пушистымъ хвостикомъ. Весь внѣшній видъ животнаго тотчасъ-же изобличаетъ въ немъ ловкость и проворство и въ то-же время подтверждаетъ высокое развитіе въ немъ внѣшнихъ чувствъ.

Въ сумерки нерѣдко приходится слышать въ степи тихій крикъ, который нелегко поддается описанію, и вслѣдъ затѣмъ видѣть, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, фенека, пробирающагося межъ песчаныхъ холмовъ, межъ камней или въ травѣ какой-нибудь низинки. Съ замѣчательною осмотрительностью, въ высшей степени осторожно крадется звѣрекъ, то и дѣло осматриваясь, наострая уши и обнюхивая вокругъ себя воздухъ. Отъ вниманія этого завятаго разбойника не можетъ ускользнуть ни малѣйшій шорохъ. Прыгнувъ запоздавшій на ночлегъ кузнечикъ и этого достаточно, чтобы чуткія уши фенека слышали его и заставили бы изящнаго звѣрька подкрадываться къ нему скорѣе изъ любопытства, чѣмъ съ голоду. Шевельнулась въ пескѣ ящерица, и фенекъ уже тутъ, какъ тутъ. Главную пищу его составляютъ, однако, другія животныя, — именно птицы. Горе пустынному жаворонку, который задремлетъ на пути фенека! Онъ потерянь, если пошевелинетъ крыломъ, онъ погибъ, если издастъ хоть одинъ звукъ, вспоминая во снѣ свою простенькую пѣсенку. Бѣда и рябку, потому что за нимъ то фенекъ и выходитъ на охоту! Ему не нужно ловить многихъ: онъ удовлетворяется уже одной такой птицей, которой хватаетъ нерѣдко и для всей его семьи. Зато и крадется-же фенекъ, если тонкое чутье его восприметъ запахъ выводка степныхъ рябковъ! Вполнѣ достаточно, чтобы только одна изъ этихъ птицъ перелѣзала тропинку, по которой слѣдуетъ отъявленный хищникъ. Онъ тотчасъ же примѣчаетъ слѣдъ и идетъ по немъ съ низко опущеннымъ носомъ, безшумно и почти, какъ невидимка. Фенекъ прекрасно изучилъ рябковъ, а глазъ его отличается ихъ, конечно, уже лучше, чѣмъ любой изъ путешественниковъ: схожіе съ птицей по цвѣту камни и кучки земли его не собьютъ, потому что выслѣживать птицу помогаютъ ему и тонкое обоняніе, и чуткое ухо. Какъ ни незначителенъ шорохъ, который производитъ сидящая на гнѣздѣ птица, какъ ни мало примѣтны движенія зорко охраняющаго ее самчика, какъ ни слабъ запахъ слѣда, оставленнаго рябкомъ на пескѣ, но отъ фенека ускользнуть его жертва не можетъ. Вотъ онъ намѣтилъ ее окончательно и подбирается къ ней ползкомъ, при чемъ движенія его не замѣтны ни глазу, ни уху наблюдателя. Онъ остановился вдругъ за послѣднимъ прикрытіемъ. Какъ горятъ его глаза, какъ расширилъ онъ и направилъ

впередъ свои уши, какъ жадно всматривается онъ въ спокойно дремлющую, усталую птицу! Вся фигура его оживлена, но онъ не проявляетъ ни малѣйшаго движенія; всѣ поползновенія души лисички сосредоточились въ ея фizioноміи, а между тѣмъ лицо ея столь-же неподвижно и спокойно, какъ и само животное, будто изваяніе, сдѣланное изъ песка окружающей ее пустыни. Вдругъ—прыжокъ, моментальный взмахъ крыльевъ, и птица навсегда разсталась съ жизнью! Громко хлопая крыльями, взлетаютъ сосѣднія птицы, мечутся нѣкоторое время въ темнотѣ ночи, а затѣмъ снова гдѣ-нибудь опускаются, но врядъ-ли подозрѣваютъ кто былъ тотъ ночной посѣтитель, который заставилъ ихъ встрепетаться.

Фенекъ принадлежитъ къ самымъ мелкимъ видамъ лисицы. Вся длина его тѣла вмѣстѣ съ хвостомъ, достигающимъ 20 сантиметровъ, равняется, самое большее, 65 см., высота-же у загривка едва доходитъ до 20 см. Тѣлосложеніе звѣрька необыкновенно нѣжно; голова очень заострена, большіе глаза имѣютъ круглые зрачки, которые окружены бурю радужиной. Но всего замѣчательнѣе въ животномъ его уши; длиною они почти съ голову, а ширина равна половинѣ ихъ длины. Благодаря имъ, животное имѣетъ видъ какого-то привидѣнія и становится до извѣстной степени похожимъ на летучую мышь. Внутренняя сторона ушной раковины покрыта бѣлыми волосами, которые по краямъ ушей удлиняются и образуютъ какъ бы бахромку, которая, однако, разрѣжается и укорачивается по направленію къ вершинѣ уха. Маленькая мордочка фенека украшена длинными, щетинистыми усами, которые тоже очень характерны для общаго вида звѣрька. Мѣхъ животнаго шелковистый, а къ зимѣ подъ нимъ вырастаетъ густой подшерстокъ, отъ котораго животное избавляется во время линьки тѣмъ, что трется объ вѣтви кустарниковъ и т. п. Можно было бы предположить, что фенекъ на его теплой родинѣ не нужна густая шерсть, но крохотное существо это необычайно чувствительно къ холоду, и потому требуетъ такой защиты. Окраска верхней стороны тѣла совершенно подходитъ къ цвѣту песка; низъ тѣла бѣлый; подъ каждымъ глазомъ расположено тоже по бѣлому пятнышку, но передъ каждымъ изъ нихъ тянется темная полоска. Очень длинный и пушистый хвостъ окрашенъ почти въ охристо-желтый цвѣтъ, но имѣетъ черное пятно у основанія и такой же конецъ. Мѣхъ самки всегда окрашенъ въ болѣе соломенно-желтый оттѣнокъ; старые звѣрьки блѣднѣе молодыхъ.

Попадая во власть человѣка смолоду, фенекъ быстро ручнѣетъ и привыкаетъ къ своему хозяину. Онъ необыкновенно веселый и пріятный товарищъ; нѣкоторые звѣрьки привязываются къ своему господину до такой степени, что имъ можно позволять свободно бѣгать по дому и двору; къ вечеру фенекъ охотно возвращается въ свою клѣтку. Менѣе уживчивъ фенекъ въ неволѣ съ подобными себѣ. Тѣ звѣрьки, которыхъ я держалъ у себя, очень любили теплоту; они часто обжигали себѣ шубку и лапки о горячую золу камина, но, тѣмъ не менѣе, не покидали своего мѣста.

Послѣднимъ представителемъ обильнаго видами лисьяго рода является ушастая лисица (*Otocyon megalotis*), водящаяся въ южной Африкѣ. Внѣшнимъ видомъ своимъ она напоминаетъ болѣе всего фенека, съ которымъ ее нерѣдко смѣшивали. Но ушастая лисица много крупнѣе фенека и ее сразу можно отличить отъ него по длиннымъ ногамъ. Морда ея много короче, чѣмъ у него, такъ что сходство обоихъ животныхъ поддерживается исключительно формой и величиной ихъ ушей.

Любимымъ мѣстопробываніемъ ушастой лисицы являются поросли кустарниковъ и высокія степи внутренней части южной Африки, которыя простираются къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки. Днемъ она лежитъ, подобно ея сородичамъ, въ густыхъ заросляхъ или въ гнѣздахъ термитовъ, опустошенныхъ трубкозубомъ; ночью-же бродитъ за добычею, причемъ нерѣдко приближается къ огнямъ становищъ. Голосъ ея представляетъ непріятные жалобные стоны. Пищу ушастой лисицы составляютъ различныя мелкія животныя и ихъ отбросы, главнымъ-же образомъ, перелетная саранча.

Послѣднее семейство хищниковъ состоитъ изъ животныхъ, знакомыхъ и дорогихъ намъ по воспоминаніямъ дѣтства. Внѣшній видъ медвѣдей (*Ursidae*) настолько характеренъ, что каждый узнаетъ ихъ съ перваго взгляда. Мелкіе представители рѣзко отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ крупныхъ, и между ними есть формы, причисленіе которыхъ къ рассматриваемому семейству встрѣчаетъ даже нѣкоторыя затрудненія.

Туловище у крупныхъ медвѣдей коренастое, у мелкихъ нерѣдко стройное, голова овальная, умѣренно продолговатая, съ заостренной, на концѣ прямо срѣзанной мордой; шея сравнительно короткая и толстая; уши тоже коротки, а глаза относительно малы; ноги умѣренной длины, переднія и заднія пары лапъ пятипалыя, съ крупными, изогнутыми, неподвижно прикрѣпленными, т. е. неспособными втягиваться когтями, которые, благодаря этому, сильно обтягиваются на своихъ концахъ; пятки ногъ почти совершенно голыя, при ходьбѣ прилегаютъ къ землѣ на всемъ своемъ протяженіи. Зубная система состоитъ изъ 36—40 зубовъ; въ верхней и нижней челюсти помѣщается по 6 рѣзцовъ, по два клыка и 2—4 ложно-коренныхъ зуба или въ верхней челюсти 2, а въ нижней 3 ложно-коренныхъ и, наконецъ, 2 коренныхъ зуба въ верхней и 2—3 въ нижней челюсти съ каждой стороны. Рѣзцы сравнительно велики, часто имѣютъ лопастные вѣнчики и гармонируютъ съ сильными клыками, большею частью снабженными гранями и желобками. Ложно-коренные зубы, напротивъ того, имѣютъ видъ простого конуса или несутъ лишь незначительные бугорки; плотоядный зубъ развитъ очень слабо, у нѣкоторыхъ родовъ онъ совершенно отсутствуетъ, а у другихъ представляетъ собою просто ложно-коренной зубъ съ внутреннимъ бугоркомъ. Истинные коренные зубы тупы; тѣ изъ нихъ, которые помѣщаются въ нижней челюсти, вытянуты больше въ длину, чѣмъ въ ширину. Черепная коробка вытянута въ длину и снабжена сильно развитыми гребнями. Шейные позвонки коротки и широки; такой-же видъ имѣютъ и 19—20 грудныхъ позвонковъ, изъ которыхъ 14 или 15 несутъ по парѣ реберъ. Крестецъ состоитъ изъ 3—5, а хвостъ изъ 7—34 позвонковъ. Языкъ гладкій, желудокъ представляетъ простой мѣшокъ, переходъ тонкой кишки въ толстую не рѣзокъ; слѣпая кишка совершенно отсутствуетъ.

Медвѣди жили уже въ прежнія геологическія эпохи. Въ настоящее время они распространены по всей Европѣ, Азіи и Америкѣ, а также по сѣверо-западной Африкѣ. Они водятся какъ въ жаркихъ, такъ и въ полярныхъ странахъ, живутъ и на горахъ и по берегамъ Ледовитаго океана. Почти всѣ виды держатся въ густыхъ и сплошныхъ лѣсахъ или въ скалистыхъ мѣстностяхъ и любятъ уединеніе. Нѣкоторые виды охотнѣе всего селятся въ сырыхъ, богатыхъ водою мѣстахъ, у рѣкъ, ручьевъ, озеръ, болотъ или на берегу моря, другіе-же предпочитаютъ сухія мѣстности. Одинъ видъ семейства неразрывенъ съ моремъ и его побережьемъ; онъ рѣдко углубляется внутрь страны, но часто пользуется для своихъ передвиженій пловучими льдинами; умѣя также плавать, онъ совершаетъ на нихъ болѣе обширныя кочевки, чѣмъ всѣ другія формы этого семейства и, странствуя по льдамъ Ледовитаго океана, переходитъ изъ одной части свѣта въ другую. Всѣ остальные виды кочуютъ лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ разъ избраннаго ими участка. Большинство медвѣдей ведетъ одинокую жизнь, сходясь со своею самкою лишь въ періодъ спариванія; немногіе виды любятъ общество себѣ подобныхъ и соединяются въ большія общества. Общественные виды роютъ себѣ норы въ землѣ или въ пескѣ и въ нихъ устраиваютъ свое логовище; живущіе одиночно скрываются въ дуплахъ деревъ или въ пещерахъ среди горъ. Большая часть медвѣдей — животныя ночныя или сумеречныя, выходятъ за добычей послѣ заката солнца, а весь день проводятъ во снѣ въ своемъ логовищѣ.

Медвѣди всеядныя животныя въ болѣе высокой степени, чѣмъ всѣ остальные хищники, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они способны питаться въ продолженіе очень значительнаго промежутка времени исключительно растительною пищею. Они ѣдятъ не только всѣ съѣдобные плоды и ягоды, но и зерна, хлѣбъ въ зрѣломъ и полуспѣломъ состояніи, коренья, сочныя травы, древесныя почки и почки цвѣтовъ. Медвѣдей, жившихъ въ неволѣ, по долгу кормили однимъ овсомъ и это нисколько не вре-

дѣло ихъ здоровью. Въ молодости пища ихъ состоитъ исключительно изъ растительныхъ веществъ, а во взросломъ состояніи большинство медвѣдей тоже предпочитаетъ растительную пищу мясной. Они далеко не разборчивы въ ѣдѣ, а потому, кромѣ перечисленнаго выше, ѣдятъ и животныхъ, какъ-то раковъ, ракушекъ, червей, насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, рыбу, птицъ и ихъ яйца, млекопитающихъ и, наконецъ, падалъ, но послѣднюю только въ свѣжемъ видѣ; коль скоро она начинаетъ вонять, медвѣди ее уже не трогаютъ. Они наносятъ не малый вредъ хозяйству человѣка, если поселяются близъ него, а самые сильные виды по-временамъ превращаются въ настоящихъ хищниковъ и нападаютъ, чувствуя голодъ, даже на большихъ животныхъ; особенный вредъ наносятъ они крупному рогатому скоту. Нѣкоторые медвѣди становятся до такой степени дерзкими, что отваживаются заходить въ деревни. Но даже и самые сильные изъ видовъ становятся опасными человѣку только тогда, когда онъ беспокоитъ ихъ, ранить или вообще чѣмъ-нибудь раздражаетъ.

Было-бы ошибочно полагать, что движенія медвѣдей неуклюжи и медленны. Крупные виды движутся, правда, не особенно быстро и ловко, но зато крайне выносливы въ ходьбѣ; мелкіе-же необыкновенно проворны и ловки. Медвѣди ступаютъ на всю ступню и обдуманно переставляютъ одну ногу за другой, но въ раздраженномъ состояніи могутъ бѣжать и скоро, пускаясь какимъ-то страннымъ, но, тѣмъ не менѣе, все-же быстро ихъ уносящимъ галопомъ. Даже самые крупные виды проявляютъ въ это время необыкновенную быстроту и ловкость. Нѣсколько неуклюжіе виды умѣютъ вставать также на заднія лапы и передвигаться въ этомъ положеніи на короткомъ разстояніи; походка ихъ при этомъ нѣсколько качающаяся, но никоимъ образомъ не неуклюжая. Почти всѣ медвѣди умѣютъ недурно лазать по деревьямъ, хотя и не особенно охотно дѣлаютъ это изъ-за своей тяжеловѣсности; въ старости они совершенно отвыкаютъ отъ лазанья, по крайней мѣрѣ, — крупные виды. Нѣкоторые представители семейства избѣгаютъ воды, другіе-же плаваютъ прекрасно и умѣютъ глубоко и продолжительно нырять. Бѣлаго медвѣдя нерѣдко встрѣчаютъ въ открытомъ морѣ за много миль отъ берега и въ этихъ случаяхъ легко убѣдиться въ его ловкости и необыкновенной выносливости при плаваніи. Въ движеніи медвѣдямъ много помогаетъ ихъ сила; она даетъ имъ возможность преодолевать такіа препятствія, которыя для другихъ животныхъ представляли-бы большія преграды; она помогаетъ имъ также и въ хищническихъ ихъ похищеніяхъ: медвѣдь легко можетъ унести крупную дичь или быка.

Изъ внѣшнихъ чувствъ сильнѣе всего развито обоняніе; слухъ также хорошъ, а у нѣкоторыхъ видовъ даже очень тонокъ; зрѣніе достаточно остро, вкусъ не особенно хорошъ, а чувство осязанія развито довольно плохо; есть, впрочемъ, виды, гдѣ и осязаніе достигаетъ высокой степени совершенства и локализуется, главнымъ образомъ, на пріостренной мордѣ. Одни изъ медвѣдей понятливы и умны; ихъ можно до извѣстной степени обучать, но значительнаго развитія умственныхъ способности ихъ при этомъ не достигаютъ. Нѣкоторые виды становятся довольно ручными, но не обнаруживаютъ особенной привязанности къ своему воспитателю и господину. Къ тому-же въ старости у нихъ все болѣе и болѣе рѣзко начинаетъ выступать натура звѣря, они становятся коварны, раздражительны и злы, а болѣе сильные виды дѣлаются положительно опасны. Настроеніе свое медвѣди выражаютъ различнаго рода звуками; очень своеобразный голосъ ихъ проявляется глухимъ ревомъ, фырканьемъ и ворчаніемъ или хрюкающими и свистящими звуками, которые принимаютъ иногда характеръ лая.

Всѣ крупные виды медвѣдей, живущіе на сѣверѣ, бродятъ только въ теплое время года, при наступленіи-же зимы удаляются въ свое логовище — берлогу. Медвѣди, однако, не впадаютъ въ настоящую, непрерывную спячку, а проводятъ время въ полудремотѣ; вслѣдствіе этого, они тотчасъ-же приходятъ въ себя, коль скоро случится что-нибудь подозрительное. Тѣмъ не менѣе, они рѣдко покидаютъ берлогу и еще рѣже принимаютъ зимою пищу. Замѣчательно также и то, что залегаютъ на зиму только сухопутные медвѣди, тогда какъ полярные морскіе медвѣди бродятъ даже въ самые сильные холода: они ложатся развѣ въ самыя

сильныя снѣжныя бури и спокойно даютъ занести себя снѣгамъ, доставляющимъ имъ въ этомъ случаѣ кровь.

Передъ рожденіемъ дѣтенышей самка удаляется въ устроенную на подобіе гнѣзда берлогу и мечетъ здѣсь отъ одного до шести медвѣжатъ, которые появляются на свѣтъ слѣпыми. Мать усердно кормитъ ихъ и ухаживаетъ за ними, охраняетъ и защищаетъ ихъ отъ враговъ. Начавши двигаться, молодые медвѣжата становятся крайне милыми, интересными и презабавными существами.

Вредъ, причиняемый медвѣдями, почти уравнивается приносимой ими пользою, особенно въ слабо населенныхъ странахъ, гдѣ они почти не вредятъ человѣку. Шкура почти всѣхъ видовъ доставляетъ прекрасный мѣхъ. Кромѣ того, мясо медвѣдей идетъ въ пищу, а кости, сухожилия и внутренности ихъ также находятъ себѣ различное примѣненіе въ обиходѣ человѣка.

Мы дѣлимъ семейство медвѣдей на три подсемейства. Къ первому относятся настоящіе медвѣди (*Ursinae*), самыя крупныя и массивныя животныя этой группы, имѣющія голову съ длинной мордой, малыя уши и небольшіе глаза, ноги умѣренной длины, пятипалыя лапы съ голыми подошвами, тупыми, невтяжными когтями, зачаточный хвостъ и густой, лохматый мѣхъ. Къ семейству этому относятся два рода — медвѣди настоящіе (*Ursus*) и медвѣди-губачи (*Melursus*).

Въ то время, какъ каждый изъ непосвященныхъ полагаетъ, что онъ знаетъ обыкновеннаго медвѣдя, специалисты-зоологи далеко не согласились между собой, слѣдуетъ-ли считать различныя формы его за одинъ видъ или относить ихъ къ различнымъ видамъ.

Если мы признаемъ всѣ формы бураго медвѣдя (*Ursus arctos*) за одинъ видъ, то должны будемъ придти къ заключенію, что онъ необыкновенно измѣнчивъ и при томъ не только въ отношеніи цвѣта и характера мѣха, но и по внѣшнему виду и по формѣ черепа. Необыкновенно густой мѣхъ его, который удлиняется вокругъ морды, на брюхѣ и на задней части, можетъ состоять то изъ болѣе длинныхъ, то изъ болѣе короткихъ волосъ, бывающихъ то гладкими, то курчавыми. Окраска мѣха проходитъ всѣ оттѣнки отъ черно-бураго до темно-рыжаго и желто-бураго или отъ черновато-сѣраго и серебристо-сѣраго до буланого. Бѣлый ошейникъ, часто наблюдаемый у молодыхъ экземпляровъ, остается иногда до старости или появляется снова только въ преклонномъ возрастѣ. Морда то болѣе вытянутая, то укороченная; лобъ болѣе или менѣе плоскій; туловище бываетъ или коренастымъ или нѣсколько тонкимъ, а ноги то короче, то длиннѣе. Основываясь на этихъ признакахъ, двѣ формы, живущія въ Европѣ, считаютъ за два самостоятельныхъ вида и отличаютъ гладкошерстаго, окрашеннаго въ соловые и сѣроватыя цвѣта, медвѣдя стервятника (*Ursus arctos*) съ длинными ногами, продолговатымъ туловищемъ, длинной головой, высокимъ лбомъ и удлиненной мордой отъ бураго медвѣдя муравьятника (*Ursus formicarius*), который характеризуется короткими и толстыми ногами, коренастымъ тѣлосложеніемъ и широкой головой съ плоскимъ лбомъ и укороченной мордой.

Длина медвѣдя можетъ доходить до 2 и 2,2 метровъ и высота у зашейка до 1—1,25 метра. Вѣсъ звѣря колеблется между 150 и 250 килограммами, но очень крупныя и жирныя экземпляры вѣсятъ и до 350 кгр.

Соединяя всѣ формы этого животнаго въ одинъ видъ, мы получимъ область распространенія его отъ Испаніи до Камчатки и отъ Лапландіи и сѣверной части Сибири до Атласа, Ливана и до западной части Гималая. Въ западной Европѣ обыкновенный медвѣдь до настоящаго еще времени живетъ во всѣхъ высокихъ горныхъ странахъ — въ Пиренеяхъ, Альпахъ, Карпатахъ, въ Трансильванскихъ Альпахъ, въ Балканахъ, въ горахъ Скандинавіи, на Кавказѣ и на Уралѣ, а также во всѣхъ отрогахъ перечисленныхъ горныхъ системъ и вообще въ прилежащихъ къ нимъ мѣстностяхъ. Кромѣ того, онъ распространенъ по всей Россіи, на всемъ

пространствѣ сѣверной и центральной Азіи за исключеніемъ только открытыхъ степей, далѣе въ Сиріи, Палестинѣ, Персіи, Афганистанѣ, въ Гималаѣ на востокъ до Непала и, наконецъ, въ горной системѣ Атласа — въ сѣверной Африкѣ. Онъ очень обыкновененъ въ Россіи, Швеціи и Норвегіи, Семиградіи, нижнедунайскихъ странахъ, въ Турціи и Греціи, нерѣдокъ въ Крайнѣ и Кроаціи въ гористыхъ частяхъ Испаніи и Италіи; онъ сталъ уже очень рѣдокъ въ Швейцаріи и Тироли, почти совершенно истребленъ во Франціи и въ австрійско-нѣмецкихъ странахъ;



Бурый медвѣдь (*Ursus arctos*). $\frac{1}{16}$ естеств. велнч.

его вовсе нѣтъ уже въ Германіи, Бельгіи, Голландіи, Даніи и Великобританіи. Одиочныя, бродячія животныя появляются время отъ времени въ горахъ Баваріи, въ Каринтіи, Штиріи, Моравіи, а можетъ быть еще и въ Богемскихъ горахъ. Условія, благопріятствующія жизни медвѣдя, представляютъ обширныя, сплошныя лѣса, мало доступныя для человѣка или, по крайней мѣрѣ, рѣдко имъ посѣщаемыя, и въ то же время изобилующія ягодами и другими плодами. Убѣжищемъ и защитой медвѣдя отъ заклятаго врага его — человѣка — служатъ въ подобныхъ мѣстахъ ямы подъ корнями деревъ или дупла въ нихъ, горныя пещеры, сумрачныя и непроницаемыя чащи или, наконецъ, сухіе островки среди трясины.

Самый неуклюжій и тяжеловѣсный изъ обитающихъ Европу хищниковъ — медвѣдь, подобно большинству своихъ ближайшихъ сородичей, представляетъ собою до-

вольно-таки туповатое и глуповатое животное. Неловкость и косолапость его, однако, болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Двигается онъ иноходью, т. е. представляетъ обѣ ноги правой или лѣвой стороны тѣла одновременно и притомъ какъ при ходѣбѣ, такъ и при бѣгѣ; вслѣдствіе этого онъ неуклюже перекачивается и переваливается изъ стороны въ сторону. При ускоренномъ передвиженіи онъ пускается въ довольно быстрый галопъ, легко догоняетъ человѣка и, вообще, проявляетъ такую быстроту и ловкость, подозрѣвать которыя въ немъ съ перваго взгляда довольно трудно. Кромѣ того, медвѣдь прекрасно умѣетъ плавать и лазать по деревьямъ, но къ старости, когда онъ становится очень жирнымъ и тяжелымъ, почти отучается отъ этого; по крайней мѣрѣ, подобные медвѣди положительно избѣгаютъ взбираться на гладкіе стволы, не имѣющіе сучковъ. Въ лазаніи медвѣдю сильно помогаютъ его сила и здоровые, крѣпкіе когти; онъ въ состояніи взбираться даже на очень крутые склоны горъ. Изъ органовъ чувствъ лучше всего развиты у него, повидимому, слухъ и обоняніе; зато зрѣніе довольно слабо, хотя очень плохимъ его назвать тоже нельзя; наконецъ, вкусъ у медвѣдя развитъ очень недурно.

Въ отдѣльномъ, крайне поучительномъ сочиненіи старшій лѣсничій Кременецъ опубликовалъ недавно многолѣтнія наблюденія свои надъ медвѣдями, водившимися въ болотистыхъ мѣстностяхъ близъ мѣстечка Ракитно. Авторъ считаетъ нужнымъ, однако, оговориться и категорически заявляетъ, что онъ далекъ отъ мысли приписывать тѣ-же привычки и медвѣдямъ другихъ мѣстъ. „Медвѣдя“, говоритъ Кременецъ, „въ общемъ никакъ нельзя назвать свирѣпымъ и кровожаднымъ животнымъ. Если-бы это было такъ, то онъ имѣлъ-бы возможность ежедневно выказывать такія качества тѣмъ или инымъ способомъ, что заставилъ-бы принимать противъ него болѣе энергичныя мѣры. Мнѣ неизвѣстно ни одного случая, чтобы онъ напалъ на повстрѣчавшихся съ нимъ людей. Напротивъ, въ громадномъ большинствѣ подобныхъ встрѣчъ онъ старается какъ можно быстрѣе пуститься на утекъ или-же въ полномъ сознаніи своей силы не обращаетъ ровно никакого вниманія на слабаго властелина земли; свою непріязнь къ послѣднему онъ старается выразить самое большее притворнымъ нападеніемъ, сопровождаемымъ отрывистымъ ворчаніемъ. Скорѣе медвѣдь добродушенъ отъ природы, хотя довѣрять ему никоимъ образомъ нельзя; особенно онъ не любитъ, если его дразнятъ или внезапно беспокоятъ во время отдыха. Онъ порядочный флегма и крайне любитъ спокойствіе. Въ нападеніяхъ его видна извѣстная доля прямоты, откровенности и рыцарства, въ нихъ нѣтъ и тѣни трусливой кровожадности волка или коварнаго лукавства рыси. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ медвѣдѣ замѣчается даже проявленіе юмора.“

Одинъ взглядъ на зубную систему медвѣдя доказываетъ, что онъ животное всеядное и долженъ питаться, главнымъ образомъ, растительной пищей. Онъ стоитъ въ этомъ отношеніи ближе всего къ свинѣ и весьма неразборчивъ въ выборѣ пищи: онъ ѣстъ все, что ему попадается. Обыкновенно растительныя вещества составляютъ главную часть его обѣда, а различныя мелкія животныя, насѣкомыя, улитки и т. д. — его закуску. Медвѣдь довольствуется подобною пищею цѣлыми мѣсяцами, наѣдается, какъ жвачное, всходами ржи или сочной травой, ѣстъ созрѣвающіе хлѣбные злаки, почки, овощи, желуди, ягоды, грибы и т. п.; разрываетъ мимоходомъ муравейникъ и лакомится какъ личинками, такъ и взрослыми муравьями, своеобразная кислота которыхъ особенно пріятно, повидимому, раздражаетъ его органы вкуса. Наконецъ, медвѣдь не прочь поискать и пчелиные улья, которые доставляютъ ему любимую и лакомую пищу въ видѣ меда. Въ южной Каринтіи улья выносятъ лѣтомъ въ горы, чтобы помѣщать ихъ здѣсь, въ зависимости отъ цвѣтенія различныхъ альпійскихъ растений, то выше, то ниже. Если изъ Краины заходитъ сюда какой-нибудь бродячій медвѣдь, то наноситъ своимъ посѣщеніемъ громадные убытки пчеловодамъ: онъ взламываетъ улья и съѣдаетъ все ихъ содержимое. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подобный бродяга переходилъ, такимъ образомъ, отъ одной пасѣки къ другой и уничтожилъ свыше сотни ульевъ, изъ которыхъ восемь штукъ принадлежали моему корреспонденту, лѣсничему Виппелю. Нападенія пчелъ для медвѣдя весьма чувствительны: онъ реветъ отъ

боли, катается по землѣ, старается сбросить своихъ мучителей лапами или бѣжить прочь безъ оглядки, въ лѣсъ или воду, если ему становится уже невтерпѣжъ. Рано или поздно онъ возвращается, однако, назадъ, чтобы снова вступить въ борьбу изъ-за любимаго лакомства.

„Нѣтъ никакой возможности слѣдовать за медвѣдемъ въ его ежедневныхъ обходахъ и наблюдать, такимъ образомъ, его житіе-бытіе; случайныя-же встрѣчи съ нимъ или подстереганіе его на любимыхъ мѣстахъ, напр., на водопоѣ и т. д. проливаютъ, по причинѣ ихъ кратковременности, весьма слабый свѣтъ на образъ жизни животнаго, который изученъ, въ сущности, далеко недостаточно. Гораздо лучшіе результаты даетъ изслѣдованіе свѣжихъ слѣдовъ по росѣ и изморози и я собираюсь здѣсь привести подобныя наблюденія. Медвѣдь средняго роста прошелъ рано утромъ по лугу, переверотилъ лежавшее на окраинѣ его сосновое бревно, порылъ подъ нимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ землю съ цѣлью поискать здѣсь червей, гусеницъ и куколокъ. Кора бревна, лежавшаго тутъ уже два года, была имъ кое-гдѣ сорвана и онъ успѣлъ полакомиться жирными личинками усачей, жившими подъ ней. Дальнѣйшій путь его черезъ лѣсъ былъ намѣченъ сорванными листьями, разрытыми муравейниками, переворачиваніемъ валявшихся древесныхъ стволовъ и кусковъ коры, срываніемъ голубики и брусники, поѣданіемъ грибовъ и т. д. Во многихъ мѣстахъ онъ рылъ землю, а затѣмъ разворотилъ свѣжія испражненія лосей, на слѣдъ которыхъ выбрался. Потомъ онъ направился къ болоту, прошелъ по немъ около ста шаговъ, вдругъ снова повернулъ налѣво къ лѣсу, изъ котораго вышелъ на трясину, и съ края послѣдней сдѣлалъ прыжокъ въ выводокъ рябчиковъ, какъ-то доказывали перья, выпавшія при поспѣшномъ взлетѣ и столкновеніи птицъ крыльями. Вслѣдъ затѣмъ онъ опять возвратился въ болото, перешелъ его по прямому направленію, ничѣмъ не заинтересовавшись на этомъ пути, снова вошелъ въ лѣсъ, сорвалъ пустое дроздовое гнѣздо съ лощины, старался расширить когтями и зубами отверстіе дупла въ одномъ дубѣ, чтобы достать изъ него медъ дикихъ пчелъ, помялъ и ѣлъ голубику, обнюхивалъ входъ въ барсучью нору и, наконецъ, нѣсколько разъ пробѣжался взадъ и впередъ по лѣсной полянкѣ, покрытой пышной травянистой растительностью. Ближайшія изслѣдованія этой полянки обнаружили свѣжія и обильныя испражненія молодыхъ тетеревовъ, за которыми онъ усердно гонялся. Съ прогалины онъ пошелъ по мокрому, поросшему ольхою болоту, вошелъ затѣмъ въ старый сосновый лѣсъ, по-испражнялся, оборвалъ кору у нижняго конца отмершей сосны, разрылъ тутъ землю, присѣлъ на нее заднею частью тѣла, а на переднихъ ногахъ продолжалъ двигаться взадъ и впередъ, потому что на землѣ было видно много слѣдовъ отъ когтей и въ то же время почва была сильно придавлена какъ заднею частью, такъ и подошвами заднихъ ногъ. Потомъ медвѣдь направился къ полянкѣ, засѣянной гречихой, перешелъ ее, выбрался въ поросшій смѣшаннымъ лѣсомъ, низменный и обильно усѣянный буреломомъ участокъ лѣса, причемъ выбиралъ здѣсь преимущественно тѣ мѣста, гдѣ бурелома было больше; подлѣзъ подъ вывороченный корень упавшей ели, поскользнулся о стволъ валявшейся осины и вѣхалъ при этомъ довольно глубоко въ трясину задней частью тѣла. Наконецъ, онъ направился въ ближайшую еловую чащу на болѣе сухой почвѣ и исчезъ въ ней. Далѣе этого медвѣдя уже не выслѣживали“.

До тѣхъ поръ, пока хватаетъ растительной пищи, медвѣдь довольствуется исключительно ею; но, въ случаѣ недостатка ея и разъ привыкнувъ къ животной пищѣ, онъ становится хищникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Добычу свою онъ выслѣживаетъ и подкарауливаетъ, а крупный рогатый скотъ старается, говорятъ, утомить преслѣдованіемъ или загнать его, если онъ пасется на горахъ, въ пропасть. За убитымъ такимъ образомъ животнымъ самъ онъ спускается осторожно внизъ и наѣдается тутъ до отвала. Успѣхъ только усугубляетъ его смѣлость. На Уралѣ медвѣдь считается злѣйшимъ врагомъ лошадей. Извозчики и ямщики нерѣдко отказываются проѣзжать лѣсомъ ночью, хотя почти неизвѣстны случаи, чтобы медвѣдь отважился напасть на запряженныхъ въ экипажъ лошадей. Съ другой стороны, лошади, свободно пасущіяся въ лѣсу, никогда не бываютъ

обезпечены отъ его нападеній. Знакомый мнѣ охотникъ за медвѣдями, фонъ-Бекманъ, рассказывалъ мнѣ, какъ очевидецъ, о способѣ нападенія медвѣдя на свою жертву. Однажды косякъ лошадей пасся по близости болотистой чащи и на виду у притаившагося въ засадѣ охотника. Въ это время изъ чащи появился медвѣдь и сталъ осторожно подкрадываться къ лошадямъ; наконецъ, онѣ почували его и быстро обратились въ бѣгство. Могучими прыжками погнался за ними медвѣдь и въ удивительно короткій промежутокъ времени настигъ одного изъ скакуновъ; онъ ударилъ лошадь одной лапой по спинѣ, а другой схватилъ ее за морду, повалилъ ее на землю и разорвалъ ей грудь. Замѣтивъ, что одна изъ остальныхъ лошадей хромаетъ, онъ бросилъ первую свою жертву и погнался за той, которая не могла спастись бѣгствомъ; онъ быстро настигъ и ее, послѣ чего убилъ ее тѣмъ-же способомъ, что и первую лошадь. Обѣ лошади ужасно ржали въ предсмертной агоніи.

Разъ набравшись храбрости, медвѣдь не боится уже подбираться и къ хлѣвамъ или конюшнямъ; онъ старается при этомъ взломать двери или разбираетъ крышу строенія, что нерѣдко случается въ Скандинавіи. Необыкновенная сила медвѣдя позволяетъ ему уносить съ собою даже очень крупныхъ животныхъ. Кременцъ приводитъ нѣсколько примѣровъ страшной силы медвѣдя. Одинъ медвѣдь ломалъ въ предсмертной борьбѣ сосновыя жерди отъ 8—10 сантиметровъ въ поперечникѣ. Другой, идя на заднихъ ногахъ, взялъ въ переднія лапы только что убитую и трепещущую еще корову и перенесъ ее въ такомъ положеніи черезъ ручей въ лѣсъ. На сидѣвшаго у костра полѣсовщика напалъ сзади случайно потревоженный въ своей зимней берлогѣ медвѣдь и „раздробилъ несчастному сильнымъ ударомъ переднихъ лапъ черепъ, такъ что смерть сторожа послѣдовала мгновенно“. Наконецъ, четвертый медвѣдь вытащилъ изъ ямы свалившагося въ нее живого лося, который вѣсилъ до 300 килограммовъ, и протащилъ его по болоту на разстояніи полуверсты.

Благодаря своей осторожности и быстротѣ, олени, дикія козы и серны очень часто избѣгаютъ медвѣжьихъ лапъ, но, тѣмъ не менѣе, мишка довольно усердно гоняется за сѣвернымъ оленемъ въ сѣверныхъ частяхъ Скандинавіи. Онъ охотится даже за рыбою и слѣдуетъ за нею по теченію рѣки на большія разстоянія.

Къ зимѣ медвѣдь приготовляетъ себѣ берлогу среди скалъ или въ готовой пещерѣ, которую иногда только расширяетъ, но нерѣдко онъ роетъ берлогу самъ или устраиваетъ ее въ дуплистомъ деревѣ, въ чащѣ кустарниковъ, или, наконецъ, на сухомъ островкѣ среди болота и трясины. Онъ удаляется въ свое убѣжище при наступленіи сильныхъ холодовъ и остается здѣсь въ теченіе всего холоднаго времени года. Время залеганія въ берлогу зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ климата страны, гдѣ живетъ медвѣдь, а также отъ погоды. Медвѣдица ложится обыкновенно раньше, большею частью уже въ началѣ ноября, тогда какъ медвѣдь продолжаетъ бродить еще въ серединѣ декабря, какъ я самъ могъ убѣдиться путемъ выслѣживанія звѣря въ Кроаціи; снѣгъ и стужа мало вліяютъ на него. Русскіе медвѣжьи охотники увѣряютъ, что передъ тѣмъ, какъ лечь въ берлогу, медвѣдь тщательно изслѣдуетъ окрестности ея и тотчасъ-же мѣняетъ ее на другую, коль скоро замѣтитъ человѣческіе слѣды. Если среди зимы наступитъ оттепель, то медвѣдь нерѣдко, даже въ Россіи и въ Сибири, выходитъ изъ своего убѣжища, чтобы напиться или поѣсть. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что въ Лифляндіи онъ остается въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ совершенно погребеннымъ подъ снѣгомъ и рѣшительно ничего не ѣстъ; въ это время его убиваютъ всегда съ совершенно пустымъ желудкомъ.

Въ мягкія зимы медвѣдь залегаетъ всего на нѣсколько недѣль, а въ теплыхъ странахъ, по всей вѣроятности, и вовсе не ложится. По крайней мѣрѣ на это указываютъ наблюденія надъ плѣнными животными, которыя никогда не впадаютъ въ спячку и зимою держатъ себя совершенно также, какъ лѣтомъ. Если пища дается имъ правильно, медвѣди ѣдятъ зимою ничуть не меньше, чѣмъ въ остальное время, спать-же развѣ немного больше, чѣмъ лѣтомъ.

Самка медвѣдя мечетъ обыкновенно 2—3 дѣтенышей, иногда одного или четырехъ, пятерыхъ-же крайне рѣдко. Мать приготовляетъ для нихъ, большею частью,

настоящее гнѣздо, хотя не разъ наблюдали, что она мечетъ ихъ просто на голый снѣгъ. Если потомству ея угрожаетъ опасность, мать часто переноситъ его въ зубахъ въ другое, болѣе безопасное мѣсто. Замѣчательно, что медвѣдица, находясь въ опасности, часто покидаетъ своихъ еще очень малыхъ и безпомощныхъ дѣтенышей, тогда какъ она всегда храбро защищаетъ окрѣпшихъ уже медвѣжатъ. Въ это время она считаетъ себя полновластной повелительницей всей окрестности и тотчасъ-же нападаетъ на каждаго, кто рѣшится вступить въ избранныя ею владѣнія. Нѣкоторыя медвѣдицы становятся положительно опасны и въ состояніи прекратить сообщеніе по дорогѣ, прилегающей въ обитаемомъ ими участкѣ лѣса; безъ собакъ появляться въ немъ становится просто невозможнымъ. На четвертомъ мѣсяцѣ своей жизни медвѣжата успѣваютъ подрости уже настолько, что могутъ слѣдовать за своею матерью; послѣдняя обучаетъ ихъ лазанью, отыскиванію пищи и вообще всему, что пригодится имъ въ жизни.

Отдѣлившіеся отъ матери молодые медвѣди бродятъ въ теченіе лѣта близъ стараго гнѣзда, въ которомъ находятъ себѣ кровъ въ дурную погоду до тѣхъ поръ, пока ихъ кто-нибудь не прогонитъ изъ занятой ими мѣстности. Они любятъ также сходиться и жить вмѣстѣ съ другими молодыми своего вида. Нуждающіеся еще въ дальнѣйшихъ подтвержденіяхъ наблюденія русскихъ крестьянъ и охотниковъ, впервые опубликованныя Эверсманомъ, проливаютъ весьма своеобразный свѣтъ на семейныя отношенія медвѣдей. Увѣряютъ, что медвѣдица привлекаетъ своихъ болѣе взрослыхъ медвѣжатъ для ухода за малыми и даже принуждаетъ ихъ къ этому: вслѣдствіе этого, такіе двухгодовалые медвѣди, состоящіе при матери и братьяхъ, носятъ названіе „пестуновъ“, т. е. нянекъ. Объ одномъ семействѣ медвѣдей, которое переплывало черезъ рѣку Каму, Эверсманъ рассказываетъ слѣдующее; „Мать, переправившаяся уже на другой берегъ, замѣтила, что слѣдомъ за ней сталъ переплывать рѣку пестунъ, не захотѣвшій помочь при переправѣ своимъ младшимъ братьямъ. Лишь только выбрался онъ на берегъ, мать награждаетъ его пощечиной и онъ, тотчасъ-же сообразивъ, въ чемъ дѣло, возвращается обратно и переноситъ въ зубахъ одного изъ медвѣжатъ. Мать спокойно наблюдаетъ за нимъ, какъ онъ отправляется и за другимъ; но пестунъ кидаетъ братишку на серединѣ рѣки и, появившись на берегу, снова получаетъ затрещину. Тогда онъ спѣшитъ за брошеннымъ медвѣженкомъ, выноситъ его на берегъ, и семейство отправляется далѣе.“ Русскіе крестьяне и охотники вообще того мнѣнія, что каждая медвѣдица приставляетъ къ своимъ молодымъ дѣтенышамъ пестуна. Послѣдній долженъ наблюдать за медвѣжатами въ то время, пока мать ходитъ за добычей или насыщается у жертвы, которую не могла унести съ собою. Зимой пестунъ живетъ въ одной берлогѣ съ семьей, къ которой принадлежитъ, а медвѣдица отпускаетъ его отъ себя только тогда, когда найдетъ ему замѣстителя. Вслѣдствіе этого, въ медвѣжьемъ семействѣ приходится видѣть иногда и четырехгодовалыхъ пестуновъ.

Молодые медвѣжата, достигшіе возраста 5—6 мѣсяцевъ, крайне забавные звѣрьки. Они крайне подвижны, но, въ то же время, очень неуклюжи и вслѣдствіе этого постоянно продѣлываютъ преуморительныя штуки. Въ каждомъ поступкѣ ихъ проявляются дѣтскія наклонности. Они въ высшей степени игривы, влѣзаютъ на деревья просто отъ избытка силъ, возятся другъ съ другомъ, какъ веселые мальчуганы, прыгаютъ безъ всякой причины въ воду, безцѣльно бѣгаютъ взапуски взадъ и впередъ и выкидываютъ массу подобныхъ фокусовъ. Особенной нѣжности къ своему сторожу медвѣжата не выказываютъ, они ласковы со всѣми людьми одинаково и не отличаютъ одного человѣка отъ другого; кто ихъ покормитъ, — тотъ имъ и другъ, кто ихъ раздражитъ, тотъ имъ и врагъ. Они впечатлительны, какъ дѣти; быстро пріобрѣтается ихъ любовь, но такъ-же скоро она и утрачивается. Медвѣжата, какъ и ихъ родители, грубы и неловки, забывчивы и невнимательны, глупы и взбалмошны, но всѣ эти качества выступаютъ у нихъ еще рѣзче, чѣмъ у старыхъ медвѣдей.

Охота на медвѣдя относится къ опаснѣйшимъ занятіямъ, хотя опытные охотники и отрицаютъ теперь уже тѣ ужасныя исторіи, которыя рассказывались

прежде. Самыми лучшими помощниками охотника являются несомнѣнно хорошія собаки, которыхъ всѣ медвѣди необычайно боятся. Въ юго-восточный Европѣ медвѣдей чаще всего убиваютъ на облавахъ въ то время, когда они сильно откармливаются, рѣже бьютъ ихъ на стоянкѣ и только въ исключительныхъ случаяхъ охотятся за ними въ берлогѣ; въ Россіи, наоборотъ, предпочитается именно этотъ послѣдній способъ охоты. Медвѣдь даетъ себя гнать и идетъ при этомъ всегда по извѣстному направленію; на охотѣ можно, поэтому, рассчитывать на полный успѣхъ, разъ присутствіе медвѣдя въ извѣстномъ участкѣ лѣса установлено, а переходы его изучены. Необходимыми условіями успѣха въ медвѣжьей охотѣ являются, съ одной стороны, хладнокровіе и вѣрная рука охотника, а съ другой — хорошее, испытанное оружіе.

„Очень распространенное мнѣніе“, говоритъ Кременецъ, „что медвѣди поднимаются при нападеніи всегда на заднія лапы, совершенно ошибочно, да и отразить нападеніе въ такомъ случаѣ было-бы несравненно легче. Я собственноручно убилъ 29 медвѣдей, видѣлъ, какъ стрѣляли въ 65 животныхъ этого вида, присутствовалъ при встрѣчѣ медвѣдей всѣхъ величинъ съ охотниками и самъ не разъ испытывалъ ихъ нападенія; но я видѣлъ только одного медвѣдя и одну медвѣдицу, которые поднялись при нападеніи на заднія лапы и шли въ этомъ положеніи нѣкоторое разстояніе навстрѣчу своему врагу. Я никоимъ образомъ не хочу утверждать, что подобныхъ случаевъ, такъ часто описывавшихся въ охотничьихъ и научныхъ сочиненіяхъ, никогда не бываетъ, но я полагаю, что число ихъ значительно преувеличивается. Медвѣдь всегда нападаетъ внезапно и быстро; онъ то старается поразить противника быстрымъ и сильнымъ боковымъ ударомъ передней лапы, то внезапно подбѣгаетъ къ нему, вдругъ становится въ непосредственной близости человѣка на заднія лапы, а сильнымъ толчкомъ переднихъ валить его на землю. Бываетъ также, что, сбивъ охотника съ ногъ, онъ кусаетъ его еще кромѣ того; однако, медвѣдь никогда не остается долго у своей жертвы, разъ вблизи есть еще люди или собаки: онъ всегда пускается наутекъ“.

Вмѣстѣ съ правильной охотой, тамъ, гдѣ хищникъ этотъ становится въ тягость, пускаются въ ходъ всевозможныя другія средства съ цѣлью избавиться отъ него. Для достиженія этого отвага охотника сочетается съ хитростью. Въ Галиціи и Семиградіи на медвѣжьихъ тропахъ ставятъ тяжелые капканы, прикрѣпляютъ къ нимъ цѣпь, а къ этой послѣдней привязываютъ крѣпкой и длинной веревкой тяжелую колоду. Медвѣдь попадаетъ лапой въ капканъ, напрасно старается освободиться отъ него или перегрызть цѣпь, прикручиваетъ себя къ дереву и, выбившись въ концѣ концовъ изъ силъ, погибаетъ. Слѣды отъ капкана, цѣпи и колоды указываютъ охотнику, каждые два дня обходящему медвѣжьихъ тропы, путь звѣря и помогаютъ ему найти его. „Азіаты“, говоритъ Стеллеръ, „устраиваютъ цѣлое сооруженіе изъ положенныхъ другъ на друга балоковъ, которыя тотчасъ-же рушатся и убиваютъ медвѣдя, коль скоро онъ прикоснется къ поставленной на нихъ ловушкѣ. Они роютъ также ловчія ямы и укрѣпляютъ въ нихъ стоймя обугленный и заостренный колъ, который возвышается надъ дномъ ямы на нѣсколько футовъ. Самую яму охотники прикрываютъ травой. При помощи веревки они настораживаютъ далѣе упругую жердь, которая распрямляется и пугаетъ медвѣдя, лишь только онъ задѣнетъ за веревку. Изумленный мишка бросается бѣжать со всѣхъ ногъ, неосторожно попадаетъ въ яму, натыкается на колъ и издыхаетъ“.

Приведемъ еще нѣсколько другихъ, потѣшныхъ способовъ ловли, къ которымъ, какъ и къ ловлѣ тигра посредствомъ обмазанныхъ птичьимъ клеемъ листьевъ, можно будетъ относиться серьезно только тогда, когда ихъ подтвердятъ достовѣрные очевидцы. Кладутъ утыканную гвоздями доску; наколовшійся передними лапами на гвозди медвѣдь поднимается на дыбы, но доска мѣшаетъ ему видѣть охотника, наносящаго ему смертельный ударъ. Къ дереву, гдѣ помѣщается улей дикихъ пчелъ, подвѣшиваютъ на веревкѣ тяжелую колоду; медвѣдь отталкиваетъ колоду лапою, она бьетъ его сразмаху, и въ концѣ концовъ мишка падаетъ въ борьбѣ съ нею. Медвѣдю, лежащему въ берлогѣ, суютъ бревна, одно за другимъ, пока онъ самъ себя не замуравитъ въ своемъ убѣжищѣ.

Въ Норвегіи, Россіи, Семиградіи и Испаніи на медвѣдя и до сихъ поръ еще выходятъ одинъ-на-одинъ ловкіе и смѣлые люди и бьются съ нимъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ собакъ, на жизнь и смерть только при помощи ножа и рогатины.

Выгода, которую получаетъ охотникъ, убившій медвѣдя, довольно значительна. Порядочный доходъ доставляетъ уже проданное мясо, сало-же цѣнится еще выше и на него существуетъ большой спросъ благодаря убѣжденію, что оно способствуетъ росту волосъ. Медвѣжій жиръ бѣлаго цвѣта, никогда не твердѣетъ и не горкнетъ, будучи сохраняемъ въ закрытыхъ сосудахъ; въ свѣжемъ состояніи онъ имѣетъ противный вкусъ, который, однако, пропадаетъ, если его окурить лукомъ. Мясо молодого медвѣдя имѣетъ очень нѣжный и пріятный вкусъ; окорока взрослыхъ, откормившихся медвѣдей считаются лакомствомъ какъ въ жареномъ, такъ и въ копченомъ видѣ. Гастрономами особенно цѣнятся лапы, но къ нимъ нужно сначала привыкнуть, такъ какъ, освобожденные отъ шкуры и приготовленные для жаренія, они производятъ отвратительное впечатлѣніе огромной человѣческой ноги. Превосходнымъ блюдомъ слыветъ также медвѣжья голова. Шкура медвѣдя цѣнится очень различно; мѣхъ мелкаго медвѣдя почти ничего не стоитъ, мѣхъ же крупнаго оплачивается, по Ломеру, въ настоящее время 60—250 германскими марками, смотря по его красотѣ.

Нѣмецкіе владѣтельные князья еще въ началѣ прошлаго столѣтія считали особеннымъ удовольствіемъ травить большими собаками плѣнныхъ медвѣдей. Исключительно съ этою цѣлью они содержали животныхъ въ особенныхъ садахъ.

„У Августа Сильнаго“, рассказываетъ Флеммингъ, „было два такихъ медвѣдя. Одинъ изъ нихъ выбѣжалъ случайно изъ сада въ Августенбургъ, сорвалъ въ мясной лавкѣ телячій окорокъ, а когда жена мясника хотѣла отбить у него мясо, растерзалъ ее и ея дѣтей; подоспѣвшимъ на помощь людямъ удалось убить звѣря“. Медвѣдя, предназначеннаго для травли, привозили на арену въ ящикъ, который можно было открыть разомъ со всѣхъ сторонъ издали, при помощи веревокъ, и вдругъ освободить, такимъ образомъ, животное. Вслѣдъ затѣмъ на него выпускали крупныхъ, дородныхъ собакъ. Если собаки схватывали медвѣдя, то справиться съ нимъ было нетрудно и одному человѣку. Во дворѣ Дрезденскаго замка были устроены въ 1630 году три медвѣжьи травли въ теченіе одной недѣли. На двухъ первыхъ семь медвѣдей должны были бороться съ собаками, а на третьей — съ огромными кабанами, изъ которыхъ пятеро осталось на мѣстѣ, несмотря на то, что только одинъ изъ медвѣдей достигалъ вѣса въ восемь центнеровъ. Послѣднихъ животныхъ раздражали при этомъ еще шутихами и дразнили чучеломъ, которое было одѣто въ красное платье. Звѣря, задержаннаго собаками, принимали на рогатину обыкновенно сами господа, а Августъ Сильный любилъ отрубать имъ голову.

Подобныя травли устраиваются иногда еще и въ настоящее время. На аренахъ въ Мадридѣ медвѣдей заставляютъ биться съ быками, а въ Парижѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія травили собаками медвѣдей, посаженныхъ на цѣпь. Кобелла, который лично присутствовалъ на подобномъ зрѣлищѣ, рассказываетъ, что страшно ревѣвшій при этомъ медвѣдь отбивался отъ нападавшихъ собакъ тѣмъ, что откидывалъ ихъ вправо и влево своими могучими лапами. Когда собаки пришли въ остервенѣніе, медвѣдь схватилъ нѣсколькихъ изъ нихъ, подмялъ подъ себя и задавилъ; другихъ-же отшвырнулъ, тяжело ранивъ, въ сторону.

Римляне получали медвѣдей преимущественно съ Ливана, но въ то же время рассказываютъ, что добывали ихъ, между прочимъ, изъ сѣверной Африки и изъ Ливіи. Сдѣланныя ими описанія образа жизни животнаго перемѣшаны съ баснями. Вѣрнѣе всего описываетъ медвѣдя, какъ и другихъ животныхъ, Аристотель. Плиній заимствуетъ многое отъ него, но прибавляетъ, по своему обыкновенію, нѣсколько небылицъ. Оппіанъ прекрасно рассказываетъ о славныхъ медвѣжьихъ охотахъ армянъ въ бассейнѣ р. Тигра. Наконецъ, Юлій Капитолинъ даетъ отчетъ объ общественныхъ играхъ въ циркѣ и сообщаетъ, что Гордіанъ Первый въ одинъ день выпустилъ при подобномъ случаѣ на арену тысячу медвѣдей.

Ближайшій родственникъ бураго медвѣдя водится по всей сѣверо-западной части Сѣверной Америки и называется сѣрымъ медвѣдемъ или гризли (*Ursus cinereus*, *U. ferox*), котораго въ шутку американцы прозвали также „старымъ Ефремомъ“. Общимъ видомъ и строеніемъ своимъ гризли напоминаетъ нашего медвѣдя, но крупнѣе, тяжеловѣснѣе, неуклюжѣе и сильнѣе его. Цвѣтъ мѣха сильно измѣнчивъ и колеблется отъ желѣзисто-сѣраго до свѣтлаго рыже-бураго; въ первомъ случаѣ онъ принимаетъ слегка серебристый, во второмъ — золотистый оттѣнокъ, обусловленный серебристо-бѣлыми или желтоватыми кончиками ости. Соотвѣтственно этому, американскіе охотники отличаютъ нѣсколько разновидностей — настоящаго гризли, бураго медвѣдя и коричневаго медвѣдя; послѣдняго они считаютъ не только самымъ красивымъ, но и самымъ опаснымъ животнымъ этого вида. Область распространенія гризли охватываетъ весь западъ Сѣверной Америки, въ нижнихъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ приблизительно отъ Скалистыхъ горъ, а въ сѣверныхъ (Дакота), начиная уже съ Миссури. По направленію къ западу медвѣдь этотъ встрѣчается все чаще и чаще, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ. Къ югу онъ распространенъ еще на Мексиканскихъ возвышенностяхъ, а на сѣверѣ доходитъ и даже переходитъ за полярный кругъ.

По своему образу жизни гризли довольно близко подходитъ къ нашему обыкновенному бурому медвѣдю и подобно ему впадаетъ зимою въ спячку; походка его, болѣе покачивающаяся и переваливающаяся изъ стороны въ сторону, да и вообще всѣ движенія много неуклюжѣе. На деревья онъ въ состояніи взбираться только въ молодости, впослѣдствіи же совершенно лишается способности продѣлывать подобныя акробатическія упражненія; съ другой стороны гризли прекрасно умѣетъ плавать и легко переплываетъ даже черезъ очень широкія рѣки. Онъ большой хищникъ и достаточно силенъ для того, чтобы одолѣть любое животное своей родины. Въ старинныхъ разсказахъ его любили изображать необычайно свирѣпымъ и ужаснымъ животнымъ; писали, что онъ не выказываетъ ни малѣйшаго страха даже по отношенію къ человѣку, на котораго рѣшается будто бы нападать при всевозможныхъ обстоятельствахъ: на коннаго и на пѣшаго, на вооруженнаго и на безоружнаго, будучи раненъ или разсерженъ и даже безъ всякаго повода. Вслѣдствіе подобныхъ разсказовъ тотъ изъ охотниковъ, кто рѣшался помѣриться силою со старымъ Ефремомъ, вызывалъ удивленіе всѣхъ окружающихъ; счастливаго стрѣлка одинаково начинаютъ почитать какъ бѣлые, такъ и индѣйцы, а у послѣднихъ побѣда надъ медвѣдемъ считается подвигомъ высшаго мужества. У всѣхъ индѣйскихъ племенъ ожерелье изъ когтей и зубовъ медвѣдя доставляетъ обладателю его такой почетъ, какимъ у насъ не пользуется даже и побѣдоносный полководецъ. Подобное ожерелье имѣетъ право носить только тотъ изъ индѣйцевъ, который добылъ его своими собственными силой и отвагой; разсказываютъ, что медвѣдь, почуявъ запахъ такого смѣльчака, тотчасъ же пускается отъ него на утекъ, тогда какъ не обинуясь нападаетъ на всякаго другого человѣка. Другія животныя боятся запаха медвѣдя въ той же степени, какъ онъ труситъ передъ смѣльчакомъ, носящимъ ожерелье. Домашнія животныя ведутъ себя въ этомъ случаѣ такъ, какъ будто бы они зачуяли льва или тигра; они боятся не только мертваго звѣря, но даже и шкуры его. Нѣкоторые охотники увѣряютъ, что дикіе виды собакъ Америки выражаютъ свое почтеніе медвѣдю тѣмъ, что не ѣдятъ его трупа, несмотря на всю ихъ прожорливость.

Не подлежить, конечно, никакому сомнѣнію, что всѣ эти разсказы частью просто вымыслы, частью же крайне преувеличены. Они распространялись и находили себѣ вѣру въ то время, когда дальній западъ Америки мало еще посѣщался и когда необходимо было создавать для тѣхъ мѣстъ, въ видахъ увеличенія интереса къ различнаго рода похожденіямъ, чудовищъ, которыя могли бы равняться съ самыми лютыми звѣрями Старога Свѣта. Случайныя опасныя приключенія, пережитыя отдѣльными лицами, возводились въ общее правило и такимъ образомъ гризли сдѣлался пугаломъ дальняго запада. Конечно отъ гризли погибъ уже не одинъ человѣкъ, точно такъ же, какъ и отъ нашего европейскаго медвѣдя:

раненныя животныя защищались, а застигнутыя врасплохъ и особенно матки, боявшіяся за своихъ медвѣжатъ, нападали безъ сомнѣнія и безъ всякаго особаго повода; но все это не дѣлаетъ еще американскаго гризли болѣе опаснымъ, чѣмъ нашъ бурый его сородичъ; онъ ни чуть не смѣлѣе послѣдняго и вполне напоминаетъ его всѣмъ своимъ поведеніемъ.

Гризли ѣстъ какъ растительную, такъ и животную пищу; онъ охотно лакомится различными плодами, орѣхами, кореньями, но рѣжетъ также и всевозможныхъ животныхъ; кромѣ того онъ умѣетъ, по рассказамъ, ловить весьма искусно и рыбу. Въ Аляскѣ, гдѣ медвѣдь этотъ весьма обыкновененъ, онъ прокладываетъ повсюду тропинки, которыя постоянно и посѣщаетъ. Подобныя протоптанныя имъ тропы встрѣчаются вдоль береговъ рѣкъ и другихъ водоемовъ, въ пустыряхъ, на моховыхъ болотахъ и въ горныхъ мѣстностяхъ. Направленіе ихъ выбрано всегда такъ удачно, что стоитъ только придерживаться любой изъ нихъ, чтобы попасть изъ одного мѣста въ другое по кратчайшему разстоянію.

„На крутыхъ склонахъ гористаго берега западной стороны залива Кука“, пишетъ Эллиотъ, „можно иногда встрѣтить цѣлыя стаи этихъ медвѣдей, головъ въ 20 или 30, и наблюдать, какъ неуклюжіе звѣри ищутъ здѣсь ягоды и коренья. Мѣхъ ихъ однако цѣнится плохо, потому что онъ грубъ и не ровень. Они очень пугливы, а потому за ними рѣдко охотятся, кромѣ развѣ кенайцевъ, которые имѣютъ обыкновеніе, подобно всѣмъ остальнымъ туземнымъ охотникамъ, держать медвѣдю похвальной рѣчь передъ тѣмъ, какъ убьютъ его; они думаютъ этимъ засвидѣтельствовать звѣрю свое уваженіе. Въ виду того, что туземцы боятся вступать на мѣста, гдѣ дѣйствуютъ вулканическія силы, окрестности кратеровъ, горячихъ ключей и сопокъ становятся убѣжищемъ различныхъ дикихъ животныхъ, особенно же медвѣдей, которые прекрасно знаютъ, что они вполне безопасны тамъ отъ нападенія человѣка“.

Въ молодости гризли легко ручнѣетъ и остается, подобно нашему медвѣдю, на нѣкоторое время очень занятнымъ и милымъ товарищемъ человѣка. Мѣхъ медвѣженка, не смотря на свою длину и густоту, такъ нѣженъ и красивъ, что придаетъ животному весьма нарядный видъ. Паллизеръ, привезшій гризли въ Европу, очень хвалитъ своего плѣнника. Онъ ѣлъ, пилъ и игралъ съ матросами и забавлялъ всѣхъ пассажировъ; капитанъ судна впослѣдствіи увѣрялъ нашего охотника, что онъ былъ бы крайне доволенъ, если бы могъ перевозить подобнаго медвѣженка въ каждый изъ своихъ рейсовъ. Тотъ же самый медвѣженокъ замѣчательно подружился съ небольшою антилопой, которую везли на одномъ кораблѣ съ нимъ; однажды онъ защищалъ ее чисто по рыцарски. Разъ антилопу повели съ корабля прогуляться по улицамъ города; тутъ напалъ на нее огромный бульдогъ и успѣлъ схватить въ зубы, не смотря на крики и побои своего хозяина. Къ счастью Паллизеръ шелъ со своимъ воспитанникомъ по той же дорогѣ. Едва завидѣлъ медвѣженокъ опасность, грозившую его пріятельницѣ, какъ тотчасъ же вырвался изъ рукъ своего хозяина и въ слѣдующій уже моментъ держалъ своего врага за шиворотъ; онъ такъ наказалъ бульдога за его нападеніе на антилопу, что песь со всѣхъ ногъ и съ воемъ кинулся бѣжать съ мѣста поединка.

Нравъ и поведеніе гризли въ неволѣ очень мало отличаются отъ нрава нашего бурога медвѣдя. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду жили два медвѣдя, надъ которыми была произведена весьма удачно одна ветеринарная операція. Въ ранней молодости животныя эти страдали сильнымъ воспаленіемъ глазъ, вслѣдствіе котораго совершенно ослѣпли. Было рѣшено, однако, вылечить ихъ. Больныхъ медвѣдей разлучили, послѣ чего сторожа надѣли каждому изъ нихъ по крѣпкому ошейнику и притянули веревками головы огромныхъ животныхъ къ рѣшеткѣ, чтобы можно было вполне безопасно поднести губку съ хлороформомъ къ ихъ носамъ. Дѣйствіе хлороформа было необыкновенно быстрое и вѣрное. Нѣсколько минутъ спустя могучія животныя лежали уже въ своей клѣткѣ совершенно неподвижными въ безсознательномъ состояніи. Послѣ этого глазной врачъ могъ спокойно войти въ клѣтку, повертывать страшную голову какъ было ему удобнѣе и совершить свою операцію надъ нею. Едва успѣли, по окончаніи опе-

раціи, затемнить какъ слѣдуетъ клѣтку, животное проснулось; точно пьяный сталъ медвѣдь бродить по своей клѣткѣ и чѣмъ болѣе приходилъ онъ въ себя, тѣмъ движенія его становились нерѣшительнѣе. Со временемъ, однако, онъ понималъ, кажется, значеніе того, что случилось съ нимъ въ теченіе тяжелаго сна. Когда пришли черезъ нѣсколько дней его осматривать, онъ уже сознавалъ, что ему была возвращена способность видѣть; онъ очевидно радовался солнечному свѣту или, по крайней мѣрѣ, понималъ вполне опредѣленно разницу между постоянной прежней ночью и теперешнимъ свѣтомъ.

Самый извѣстный изъ американскихъ медвѣдей есть барибалъ, мусква или черный медвѣдь (*Ursus americanus*). Это широко распространенное, относительно добродушное животное, которое гораздо безобиднѣе по крайней мѣрѣ по сравненію съ гризли и нашимъ бурымъ медвѣдемъ. Наибольшая длина, какой онъ достигаетъ, 2 метра при 1 метрѣ высоты въ плечахъ. Отъ бураго медвѣдя онъ отличается главнымъ образомъ болѣе узкой головой, болѣе заостренной, постепенно переходящей въ лобъ мордой, очень короткими ступнями, качеством и наконецъ цвѣтомъ мѣха. Послѣдній состоитъ изъ длинныхъ, жесткихъ и гладкихъ волосъ, которые становятся короче только на лбу и на мордѣ. Цвѣтъ волосъ блестяще-черный, переходящій однако по бокамъ морды въ чалый. Подобное же чалое пятно находится часто и передъ каждымъ глазомъ. Рѣже приходится встрѣчать барибаловъ съ бѣлыми краями губъ и съ бѣлыми же полосами на груди и темени. Медвѣжата сначала окрашены въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ, но на второмъ году жизни получаютъ темный нарядъ своихъ родителей; длинные же волосы молодые медвѣди приобрѣтаютъ однако лишь впоследствии.

Барибалъ распространенъ по всей Сѣверной Америкѣ. Его встрѣчаютъ во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ этой части свѣта отъ восточнаго побережья вплоть до границъ Калифорніи и отъ крайняго сѣвера къ югу до Мексико. Въ лѣсу онъ находитъ все, въ чемъ только можетъ нуждаться; но онъ мѣняетъ здѣсь свое мѣстопробываніе по временамъ года и въ зависимости отъ того, что онъ можетъ найти въ томъ или другомъ участкѣ. Такъ весною онъ ищетъ пищу въ богатыхъ растительностью низменныхъ долинахъ рѣкъ и потому держится въ лѣсныхъ чащахъ, окаймляющихъ берега рѣкъ и озеръ: лѣтомъ онъ удаляется въ глухіе участки лѣса, изобилующіе нѣкоторыми плодами; наконецъ зимою онъ вырываетъ себѣ въ возможно уединенномъ мѣстѣ подходящую берлогу, въ которой отдыхаетъ временами или впадаетъ въ настоящую спячку. О спячкѣ этого медвѣдя мнѣнія расходятся. Одни наблюдатели говорятъ, что спитъ по цѣлымъ недѣлямъ, удалившись въ берлогу, лишь часть медвѣдей, остальные же даже и зимою бродятъ съ мѣста на мѣсто; они увѣряютъ, что индивиды, живущіе въ сѣверныхъ частяхъ области распространенія этого вида, совершаютъ перекочевки къ югу. Другіе наблюдатели полагаютъ, что черные медвѣди бродятъ лишь въ болѣе теплыя зимы, а что въ болѣе суровыя всѣ безъ исключенія барибалы впадаютъ въ спячку. Неподлежитъ однако никакому сомнѣнію, что главная охота на этого медвѣдя производится зимою и что его отыскиваютъ въ это время года въ берлогѣ.

Несмотря на то, что барибалъ кажется съ перваго взгляда глупымъ, неуклюжимъ и тяжеловѣснымъ, это чуткое, подвижное, сильное, могущее быстро и ловко перемѣщаться и крайне выносливое животное. Бѣгъ его настолько быстрый, что человѣкъ не въ силахъ догнать его; плаваетъ онъ отлично, а лазаетъ просто таки мастерски. Во всякомъ случаѣ онъ много ловче во всѣхъ своихъ движеніяхъ, чѣмъ бурый медвѣдь, съ которымъ во всемъ остальномъ онъ очень сходенъ. На человѣка барибалъ нападаетъ крайне рѣдко; обыкновенно же поспѣшно бѣжитъ при видѣ своего злѣйшаго врага; онъ почти никогда не вступаетъ въ бой съ противникомъ, даже будучи раненъ; доведенный однако до крайности онъ можетъ быть очень опасенъ.

Пища барибала состоитъ главнымъ образомъ изъ растительныхъ веществъ, изъ травъ, листьевъ, спѣлыхъ и полуспѣлыхъ злаковъ, ягодъ и всевозможныхъ плодовъ. Но онъ нападаетъ также и на рогатый скотъ поселенцевъ и отважи-

вается хватать даже способных обороняться быковъ. Фермерамъ онъ вредитъ какъ истребленіемъ посѣвовъ, такъ и тѣмъ, что преслѣдуетъ ихъ скотъ; поэтому къ нему относятся точно такъ-же, какъ къ нашему бурому медвѣдю. Его преслѣдуютъ безъ устали и истребляютъ всевозможными способами, если онъ осмѣлится показаться близъ человѣческаго жилья.

Охота на барибала производится различнымъ образомъ. Его часто ловятъ въ большіе капканы, но чаще всего убиваютъ изъ огнестрѣльнаго оружія. Хорошія собаки много помогаютъ въ этихъ случаяхъ: онѣ отвлекаютъ вниманіе медвѣдя лаемъ или загоняютъ его на дерево, доставляя въ обоихъ случаяхъ охотнику возможность спокойно прицѣлиться въ медвѣдя и уложить его на мѣстѣ вѣрнымъ выстрѣломъ.



Барибаль (Ursus americanus). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

Очень оригинальны нѣкоторые способы охоты на барибала, практикуемые индѣйцами, но еще оригинальнѣе торжественные обряды, которыми они стараются умиловить духъ умершаго медвѣдя и которые напоминаютъ религіозное поклоненіе животному. Александръ Генри, путешествовавшій по областямъ Сѣверной Америки, гдѣ производится настоящая охота за пушнымъ звѣремъ, рассказываетъ, какъ вели себя его хозяева относительно только что убитаго имъ медвѣдя. „Вслѣдъ за тѣмъ, какъ издохъ звѣрь, къ нему приблизились всѣ индѣйцы и ближе всѣхъ подошла „старуха-мать“, какъ мы ее прозвали. Она взяла голову животного въ свои руки, стала гладить и цѣловать ее, причемъ тысячу разъ просила прощенія у медвѣдя за то, что его лишили жизни. Она увѣряла его также, что преступленіе это позволили себѣ совершить не они, индѣйцы, а завѣдомый англичанинъ. Церемонія эта продолжалась однако не долго, потому что скоро было приступлено къ обдиркѣ и дѣлежкѣ медвѣжьей туши. Всѣ нагрозились шкурой, мясомъ и саломъ, а затѣмъ отправились въ обратный путь. По приходѣ домой медвѣжью голову украсили серебряными браслетами и другими тому подобными уборами, какіе только были у семьи. Затѣмъ ее положили на подмостки, а передъ носомъ ея насыпали цѣлую грудку табаку. На слѣдующее утро было при-

ступлено къ подготовленіямъ къ празднику. Хижину вычистили и вымыли, голову медвѣдя подняли выше и покрыли новымъ, не бывшимъ еще въ употребленіи сукномъ. Потомъ приготовили трубки и индѣецъ сталъ вдвѣвать въ ноздри медвѣдя табачный дымъ. Онъ просилъ и меня сдѣлать то же самое, такъ какъ я, убившій медвѣдя, могъ навѣрное рассчитывать умиловить этимъ способомъ гнѣвъ животнаго. Я пробовалъ убѣждать моего доброжелательнаго и любезнаго хозяина въ томъ, что медвѣдь уже мертвъ, но словамъ моимъ не повѣрили. Въ концѣ концовъ хозяинъ сталъ держать похвальную рѣчь медвѣдю, послѣ которой только и начали ѣсть медвѣжье мясо“.

Всѣ наблюдавшіеся мною въ неволѣ барибалы отличались отъ остальныхъ ихъ сородичей добродушіемъ и послушаніемъ. Они никогда не пускаютъ въ дѣло силу противъ своего сторожа, признаютъ надъ собой власть человѣка и легко подчиняются его волѣ. Они боятся своего хозяина во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ онъ ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ барибалы выказываютъ страхъ и передъ каждымъ другимъ животнымъ. Такъ, однажды мимо клѣтки нашихъ барибаловъ провели небольшого слона, и медвѣди до такой степени перепугались этого животнаго, что опрометью кинулись на поставленное въ ихъ клѣтку дерево, какъ будто они надѣялись найти тамъ спасеніе. Эти медвѣди не выказываютъ ни малѣйшаго желанія бороться съ другими медвѣдями; сплошь и рядомъ бываетъ, что главенство въ ихъ клѣткѣ пріобрѣтаетъ какой нибудь мелкорослый, но болѣе храбрый экземпляръ ихъ же вида.

Надъ плѣнными барибалами можно постоянно наблюдать, насколько ловко и легко лазаютъ этотъ видъ. Если ихъ испугать чѣмъ нибудь, то они дѣлаютъ прыжокъ около двухъ метровъ въ высоту до перваго сука гладкаго дубоваго ствола, а затѣмъ быстро и увѣренно взлѣзаютъ до самой вершины дерева. Однажды старая медвѣдица перепрыгнула черезъ голову сторожа, который хотѣлъ загнать ее въ сосѣднюю клѣтку, а затѣмъ въ одинъ мигъ взобралась на дерево. Голосъ барибала походитъ на голосъ нашего буре медвѣдя, но испускаемые имъ звуки много слабѣе и жалобнѣе.

Эти медвѣди легко балуются слишкомъ щедрыми подачками благосклонныхъ посѣтителей зоологическаго сада. Животныя отлично знаютъ, что у каждаго найдется кое-что и для нихъ, а потому напоминаютъ жалобнымъ визгомъ тому, кто позабылъ исполнить эту повинность. У нихъ укореняется, такимъ образомъ, привычка къ попрошайничеству, передъ которой никто устоять не можетъ: поза ихъ съ протянутыми впередъ лапами такъ уморительна, а визгъ такъ трогателенъ, что поневолѣ расшевелитъ сердце каждаго.

Однимъ изъ представителей этого рода въ Азіи является черный гималайскій медвѣдь, какъ его называютъ англійскіе охотники, кума японцевъ (*Ursus torquatus*). Онъ сравнительно тонкаго тѣлосложенія, голова съ острой мордой; лобъ и хребетъ носа образуютъ почти прямую линію, уши круглыя и относительно большія, ноги средней длины, лапы короткія, пальцы вооружены короткими, но сильными когтями. Мѣхъ и окраска этого медвѣдя подлежатъ, повидимому, значительнымъ колебаніямъ, если только всѣ имѣющіяся данныя относятся къ одному и тому же животному, а не касаются двухъ различныхъ видовъ.

Валлихъ открылъ этого медвѣдя въ Непалѣ; въ своемъ сочиненіи о животныхъ Японіи Зибольдъ говоритъ, что кума водится не только въ Японіи и въ Китаѣ, но что онъ живетъ также и на большинствѣ хребтовъ какъ остальной части континента Азіи, такъ и прилежащаго къ ней на югѣ архипелага. Въ сѣверной Индіи и въ Кашмирѣ гималайскій медвѣдь охотнѣе всего держится въ лѣсныхъ чащахъ, расположенныхъ вблизи полей и виноградниковъ, въ юго-восточной же Сибири предпочитаетъ высокоствольные лѣса. Умѣя превосходно лазать, онъ съ большою ловкостью взбирается на самыя высокія деревья. Тунгузы племени бироровъ увѣряли Радде, что медвѣдь этотъ вообще рѣдко сходитъ на землю; лѣтомъ онъ строитъ себѣ въ вершинахъ деревъ небольшія бесѣдки, пригибая и захлестывая другъ за друга вѣтви и сучья; зимою же онъ спитъ въ сидячемъ

положеніи въ дуплахъ деревьевъ. По ихъ разсказамъ віогене, какъ называютъ его тунгузы, трусливъ и безопасенъ для человѣка, потому что пасть у него мала: онъ можетъ только кусаться, но не разрывать. Адамсъ получилъ совершенно противоположныя свѣдѣнія и увѣряетъ, что гималайскаго медвѣдя очень боятся, и не безъ основанія, всѣ горы Индіи. Бленфордъ говоритъ, что это самый плотоядный изъ всѣхъ индійскихъ медвѣдей; онъ нападаетъ не только на мелкій



Черный гималайскій медвѣдь (*Ursus torquatus*). $\frac{1}{15}$ естеств. велич.

скоть и на оленей, но рѣжетъ также крупный рогатый скоть и лошадей; при случаѣ онъ не отказывается и отъ падали, но тѣмъ не менѣ главную его пищу составляютъ растительныя вещества.

Плѣнные гималайскіе медвѣди, которыхъ можно найти теперь во всякомъ большомъ зоологическомъ саду, больше всего напоминаютъ своимъ нравомъ барибала; привычки, характеръ ихъ тѣ же самые, умственные способности развиты приблизительно одинаково, а отличія сводятся главнымъ образомъ на большую граціозность и ловкость кумы.

Отъ описанныхъ до сихъ поръ видовъ этого семейства замѣтно отличается малайскій медвѣдь, бруанъ или, по фонъ-Розенбергу, вѣрнѣе бируангъ малайцевъ (*Ursus malayanus*). Это довольно худощавый, но всетаки нескладный медвѣдь съ толстой головой, широкой мордой, небольшими ушами, очень малыми подслѣповатыми глазами, сравнительно очень большими лапами. длинными и сильными когтями и съ короткимъ мѣхомъ. Длина его достигаетъ 1,4 метра. высота въ загривкѣ 70 сантиметровъ. Мѣхъ, состоящій изъ короткихъ, но густыхъ волосъ, окрашенъ въ блестящій черный цвѣтъ за исключеніемъ булано-желтыхъ боковъ морды, да буланого или вообще свѣтлаго пятна на груди, обыкновенно имѣющаго подковообразную или полукруглую форму.

Бируангъ водится на Борнео, Явѣ, Суматрѣ и на Малайскомъ полуостровѣ. О жизни его на волѣ свѣдѣній имѣется очень мало. Во всякомъ случаѣ онъ прекрасно умѣетъ лазать по деревьямъ и по всей вѣроятности превосходить въ этомъ отношеніи всѣхъ остальныхъ своихъ сородичей. По рассказамъ онъ проводитъ на деревьяхъ не меньше времени, чѣмъ и на землѣ; питается почти исключительно растительными веществами и насѣкомыми и только изрѣдка хватается какого нибудь звѣрка или птичку. По Марздену онъ наноситъ при случаѣ значительный вредъ плантаціямъ какао на Суматрѣ и взбирается на кокосовыя пальмы, чтобы лакомиться нѣжными листовыми побѣгами.

Бируанга нерѣдко держатъ на его родинѣ въ неволѣ, такъ какъ считаютъ его потѣшнымъ, добродушнымъ и совершенно безобиднымъ существомъ, которое можно вполне безопасно дать въ товарищи дѣтямъ и свободно пускать по дому и двору. Сэръ Стамфордъ Раффлзъ (*Raffles*), имѣвшій подобнаго медвѣдя, нозволялъ ему проводить время въ дѣтской комнатѣ и никогда не бывалъ придурденъ наказывать его ударами или привязываніемъ на цѣпь. Онъ часто являлся къ обѣденному столу и выпрашивалъ себѣ подачку. Онъ былъ большой лакомка; изъ плодовъ ѣлъ только манго, а изъ винъ пилъ исключительно шампанское. Вино доставляло ему безконечное удовольствіе; расположеніе духа его, казалось, портилось, если онъ долго не получалъ своего любимаго напитка. Но прекрасное животное это, конечно, и заслуживало стакана вина. Онъ былъ настоящимъ любимцемъ всѣхъ жившихъ въ домѣ и велъ себя во всѣхъ отношеніяхъ вполне образцово; онъ никогда не позволилъ себѣ нанести вредъ даже самому мелкому изъ встрѣчавшихся ему животныхъ.

Совершенно иначе ведутъ себя, по моимъ наблюденіямъ, бируанги у насъ въ клѣткахъ: они глупы, упрямы и коварны, добродушными же назвать ихъ ни коимъ образомъ нельзя. Они рѣдко дружатся со своимъ сторожемъ, несмотря даже на самый лучшій уходъ и обращеніе съ ними.

Если въ глазахъ нѣкоторыхъ естествоиспытателей даже довольно незначительныхъ различій въ строеніи и образѣ жизни обыкновенныхъ бурыхъ медвѣдей уже достаточно для того, чтобы отличать между ними нѣсколько отдѣльныхъ видовъ, то, конечно, легко понять, что полярный или бѣлый медвѣдь (*Ursus maritimus*) признавался представителемъ самостоятельнаго рода. Первые встрѣтившіеся съ нимъ мореплаватели, съ другой стороны, видѣли въ немъ лишь видоизмѣненіе нашего бураго медвѣдя и полагали, что холодный сѣверъ наградила его мѣхомъ, который по цвѣту подходитъ къ свойственной ему снѣжной обстановкѣ. Заблужденіе это держалось однако не долго, потому что скоро были открыты существенныя различія между бурымъ и полярнымъ медвѣдями. Бѣлый медвѣдь отличается отъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ видовъ семейства своимъ сильно вытянутымъ въ длину туловищемъ, длинной шеей и короткими, сильными ногами, ступни которыхъ много длиннѣе, чѣмъ у остальныхъ медвѣдей, а пальцы соединены хорошо развитыми плавательными перепонками, достигающими почти до ихъ середины. Полярный медвѣдь значительно крупнѣе всѣхъ другихъ видовъ; онъ достигаетъ высоты въ плечахъ отъ 1,3—1,4 метра, длины въ 2,5—2,8 метра и вѣса тѣла въ 600, а въ хорошо упитанномъ состояніи даже 800 килограммовъ.



Полярный или белый медведь (*Ursus maritimus*).

Туловище полярнаго медвѣдя хотя и неуклюже, но зато значительно длиннѣе, чѣмъ у бураго его родственника, шея тоже много тоньше и длиннѣе, голова болѣе вытянутая, плоче и сравнительно уже, затылочная часть ея очень продолговатая, лобъ плоскій, морда очень толста у основанія, а къ концу заострена. Уши очень малы, коротки и сильно закруглены; ноздри широкія, а пасть разрѣзана меньше, чѣмъ у обыкновеннаго медвѣдя. Когти лапъ средней длины, толстые и искривленные; хвостъ очень коротокъ, толстъ, притупленъ и едва выдается изъ шерсти. Длинный, косматый и густой мѣхъ состоитъ изъ короткаго подшерстка и изъ гладкой, блестящей, мягкой и почти рунистой ости, которая короче всего на головѣ, шеѣ и спинѣ, а на задней части, брюхѣ и на ногахъ значительно длиннѣе; подошвы ногъ тоже покрыты волосами. На губахъ и подъ глазами торчатъ нѣсколько щетинистыхъ волосъ; вѣки лишены рѣсницъ. За исключеніемъ темнаго кольца вокругъ глазъ, голаго кончика носа, такихъ же краевъ губъ, да когтей, весь полярный медвѣдь снѣжно-бѣлаго цвѣта. Окраска эта у молодыхъ животныхъ имѣетъ чистый серебристо-бѣлый оттѣнокъ, у болѣе же старыхъ пріобрѣтаетъ желтый налетъ; полагаютъ, что послѣдній оттѣнокъ зависитъ отъ жирной пищи животнаго. Время года не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на окраску полярнаго медвѣдя.

Бѣлый медвѣдь живетъ на крайнемъ сѣверѣ земнаго шара, занимая настоящій ледяной поясъ вокругъ полюса; онъ встрѣчается только тамъ, гдѣ море покрыто льдомъ въ теченіе большей части года сплошь или по крайней мѣрѣ отчасти. Высшая сѣверная точка его распространенія не могла, понятно, быть установлена, но во всякомъ случаѣ куда бы ни проникалъ человѣкъ въ этихъ негостепріимныхъ широтахъ, всюду онъ находилъ полярнаго медвѣдя въ качествѣ жизнерадостнаго обитателя тѣхъ враждебныхъ для жизни странъ. Къ югу бѣлый медвѣдь лишь случайно спускается до 55° с. шир. Онъ не составляетъ собственности ни одной изъ трехъ сѣверныхъ частей свѣта, но принадлежитъ имъ всѣмъ вмѣстѣ. Не стѣсняемый никакимъ другимъ существомъ, относясь вполнѣ равнодушно къ леденящему холоду и страшнымъ бурямъ, бродитъ тамъ полярный медвѣдь по сушѣ и морю, по льдамъ океана или плаваетъ по волнамъ его, а въ крайности тотъ же снѣгъ служить ему покрываломъ, защитой и теплымъ угломъ. Онъ весьма обыкновененъ по всему восточному побережью сѣверной Америки, вокругъ Баффина и Гудзона заливовъ, въ Гренландіи, на Лабрадорѣ, на Шпицбергенѣ и другихъ островахъ; его встрѣчаютъ какъ на сушѣ, такъ и на пловучихъ льдахъ. Онъ очень не рѣдокъ на Новой Землѣ и землѣ Франца Іосифа; его находятъ на Ново-Сибирскомъ архипелагѣ и на прилежащемъ берегу Азіи. Къ материку Европы онъ заносится однако только пловучими льдами и въ этомъ случаѣ его встрѣчали въ Лапландіи и на Исландіи. Полярныхъ медвѣдей часто приходится видѣть въ открытомъ морѣ безъ признаковъ льда и очень далеко отъ береговъ. Иногда они соединяются въ стадо, головъ по 12 и еще больше. Скоресби говоритъ, что у береговъ Гренландіи ему довелось однажды видѣть стадо штукъ во сто, изъ которыхъ было убито 20 медвѣдей. Но настоящимъ царствомъ полярныхъ медвѣдей долженъ считаться необитаемый островъ св. Матвѣя въ Беринговомъ морѣ; здѣсь звѣрь этотъ встрѣчается буквально на каждомъ шагу; тутъ живутъ они сотнями никѣмъ не тѣснимые и въ свою очередь отрѣзанные отъ всего міра. Къ сѣверу отъ Берингова пролива медвѣди эти тоже обыкновенны и часто собираются въ большомъ количествѣ, если поживы для нихъ достаточно. „На одномъ изъ ледяныхъ полей“, говоритъ Пехуэль-Лёше, „мы замѣтили необыкновенное множество бѣлыхъ медвѣдей и скопленіе это должно было имѣть, конечно, свою причину. Намъ недолго пришлось искать ее. На краю ледяного поля лежалъ прибитый волнами, раздутый газами трупъ кита и медвѣди собрались сюда на пиръ. Зрѣлище было крайне веселое; интересно было видѣть, какъ эти бѣлые кутилы пользовались своимъ береговымъ правомъ; нѣкоторые изъ нихъ замазались самымъ отвратительнымъ образомъ, стараясь раздобыть себѣ лакомый кусокъ изъ цѣлой горы мяса. Нашимъ прибытіемъ они остались крайне недовольны и, казалось, не имѣли ни малѣйшаго желанія уступить свою добычу приближающейся лодкѣ. Когда

самый рослый изъ нихъ палъ, однако, съ прострѣленнымъ затылкомъ, а другой былъ тяжело раненъ, то остальные пустились замѣчательно быстро на утекъ. Подобно стаѣ разсвирѣпѣвшихъ волковъ стояли они вокругъ насъ въ безопасномъ отдаленіи и ожидали нашего отплыва, производя всевозможные неуклюжіе и угрожающіе жесты“.

Движенія полярнаго медвѣдя въ общемъ неуклюжи, но зато онъ въ высшей степени выносливъ. Лучше всего это видно изъ способности его плавать; плаваетъ же бѣлый медвѣдь просто мастерски. Скоресби оцѣниваетъ быстроту его плаванія отъ 4 до 5 километровъ въ часъ, при чемъ медвѣдь движется въ водѣ по цѣлымъ часамъ равномерно и безъ всякой усталости. Въ этомъ отношеніи ему много помогаетъ громадная масса подкожнаго жира, потому что она уравниваетъ его собственный вѣсъ съ вѣсомъ воды. Вслѣдствіе этого полярный медвѣдь въ состояніи по цѣлымъ днямъ плавать по необозримымъ воднымъ пространствамъ; его часто можно видѣть въ открытомъ морѣ очень далеко и отъ пловучихъ льдовъ, и отъ берега. По наблюденіямъ Пехуэль-Леше, медвѣдь, если только не слѣдуютъ за нимъ по пятамъ, всегда входитъ въ воду задомъ и погружается въ нее съ очень смѣшной, почти боязливой осторожностью. Нырять онъ умѣетъ столь же искусно, какъ и плавать на поверхности воды. Приходилось не разъ видѣть, что онъ вытаскивалъ изъ воды лососей, и, судя уже по этому одному, нельзя не удивляться способности его нырять. На сушѣ движенія полярнаго медвѣдя тоже не настолько безпомощны и не такъ уже неуклюжи, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Обыкновенная походка его, правда, медлительна и обдуманна, но если онъ пустится своею повидимому неуклюжею рысью или галопомъ, то начинаетъ двигаться съ замѣчательною быстротою даже по очень неровному льду или по карнизамъ горъ и при томъ еще умѣетъ выбирать съ замѣчательною осторожностью самую удобную дорогу. Внѣшнія чувства его, особенно зрѣніе и чутье, замѣчательно хорошо развиты. Двигаясь по обширнымъ ледянымъ полямъ, онъ взбирается, по Скоресби, время отъ времени на пригорки изъ льда, чтобы удобнѣе было высмотрѣть добычу. Дохлаго кита или кусокъ жиру, брошенный въ огонь, онъ чуетъ на невѣроятно большомъ разстояніи.

Пища полярнаго медвѣдя состоитъ почти изъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя водятся въ морѣ или на бѣдныхъ жизнью берегахъ его печальной родины. Необыкновенная сила его, значительно превосходящая силу всѣхъ остальныхъ хищниковъ изъ семейства медвѣдей, и прекрасное умѣнье передвигаться въ водѣ позволяютъ ему довольно легко добывать себѣ пропитаніе. Самой любимой добычей его являются тюлени различныхъ видовъ, а онъ между тѣмъ достаточно ловокъ и хитеръ, чтобы одолѣть этихъ проворныхъ и смысленныхъ животныхъ. Замѣтивши издалека тюленя, лежащаго на льду, онъ безшумно погружается въ море, подплываетъ къ нему съ подвѣтренной стороны, приближается съ величайшей осторожностью, ныряетъ въ непосредственной его близости, а затѣмъ вдругъ показывается у самаго животнаго, которое почти всегда навѣрняка становится его добычей. Въ тѣхъ холодныхъ странахъ тюлени лежатъ обыкновенно у отверстій и трещинъ во льду, которыя даютъ имъ возможность быстро очутиться въ родной имъ стихіи. Подобныя отверстія замѣчательно умѣло находитъ медвѣдь, плывущій подо льдомъ; вдругъ изъ трещины высовывается ужасная голова злѣйшаго врага безпомощнаго тюленя, такъ сказать въ его собственномъ жилищѣ или на единственномъ пути его спасенія. Рыбу ловить полярный медвѣдь, или гоняся за ней и ныряя, или загоняя ее въ расщелины льда, гдѣ онъ ею и овладѣваетъ. На сухопутныхъ животныхъ бѣлый медвѣдь нападаетъ только тогда, когда чувствуетъ недостатокъ въ другой пищѣ; отъ него, впрочемъ, не застрахованы ни сѣверные олени, ни песцы, ни птицы. Осборнъ видѣлъ матку медвѣдя, которая переворачивала валуны съ цѣлью доставить своимъ медвѣжатамъ лемминговъ. Съ другой стороны Броунъ и Кюкенталь наблюдали, какъ онъ пожиралъ большое число гагачьихъ яицъ. Вообще медвѣдь часто посѣщаетъ даже очень неприступныя мѣста, гдѣ гнѣздятся водяныя птицы, чтобы брать съ нихъ дань яйцами и птенцами. При подобныхъ посѣщеніяхъ птичьихъ горъ онъ нерѣдко обнаруживаетъ боль-

шое искусство въ лазаніи. Падалъ полярный медвѣдь ѣсть столь же охотно, какъ и свѣжее мясо и не брезгаетъ даже трупомъ другого медвѣдя. Въ моряхъ, посѣщаемыхъ тюленебоями и китоловами, ему доставляютъ очень легкую и обильную поживу трупы животныхъ, съ которыхъ промышленники содрали кожи и жиръ. Впрочемъ бѣлый медвѣдь отнюдь не представляетъ исключительно плотоядное животное, но всюду старается воспользоваться и растительной пищей, особенно же ягодами, травой и даже мхомъ. Это обстоятельство извѣстно всѣмъ, приходившимъ въ близкое соприкосновеніе съ этимъ животнымъ. Нѣкоторые старые индивиды бѣлыхъ медвѣдей являются въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и въ лѣтнюю пору преимущественно, если не исключительно, растительноядными животными; это легко доказывается содержаніемъ ихъ желудковъ.

Въ высшей степени вѣроятно, что большинство бѣлыхъ медвѣдей не впадаетъ въ зимнюю спячку. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что за ними можно охотиться и видѣть въ теченіе всей зимы. Въ это время года полярные медвѣди живутъ, конечно, у самаго моря, большею частью по краямъ ледяныхъ полей. Съ другой стороны беременныя медвѣдицы удаляются какъ разъ зимою внутрь страны и мечутъ дѣтенышей въ самые холодные мѣсяцы года. Вскорѣ послѣ спариванія, которое происходитъ, по рассказамъ, въ іюлѣ, медвѣдица приготовляетъ себѣ подъ нависшею скалою или льдиною логовище, а то просто-таки выкапываетъ яму въ снѣгу и спокойно даетъ занести себя этимъ послѣднимъ. При той массѣ снѣга, которая выпадаетъ въ тѣхъ широтахъ, ждать ей приходится недолго, чтобы зимнее логовище ея получило довольно теплую покрывку. Еще до того, какъ медвѣдица поселится въ своей берлогѣ, она успѣваетъ нагулять порядочное количество жира и имъ-то животное и питается въ теченіе всей зимы. Она покидаетъ логовище не раньше, чѣмъ солнце подымется весною надъ горизонтомъ уже довольно высоко. Между тѣмъ она успѣваетъ уже произвести на свѣтъ своихъ дѣтенышей. Медвѣжата этого вида начинаютъ сопровождать свою мать много раньше, чѣмъ дѣтеныши бураго медвѣдя. Они охраняются и кормятся своею матерью самымъ тщательнымъ образомъ. Мать раздѣляетъ съ ними всѣ опасности даже тогда, когда они достигли половины или почти уже полного своего роста. Она обучаетъ ихъ своему ремеслу уже съ самой ранней юности; она учитъ ихъ плавать и ловить рыбу. Небольшія и милыя созданья эти начинаютъ быстро смекать какъ то, такъ и другое, но долго еще всячески стараются уклониться отъ трудовъ; такъ, наприкладъ, они уютно располагаются отдыхать на спинѣ своей матери даже тогда, когда порядочно уже подросли.

Изслѣдователи полярныхъ странъ и промышленники рассказываютъ намъ трогательные примѣры самопожертвованія и любви медвѣжьей самки къ своимъ дѣтенышамъ. „Одну медвѣдицу“, пишетъ Скоресби, „преслѣдовали на ледяномъ полѣ нѣсколько вооруженныхъ матросовъ. Сначала она пробовала заставить бѣжать быстрѣе своихъ медвѣжатъ тѣмъ, что шла впереди нихъ, постоянно оглядывалась и обращала вниманіе ихъ на приближающуюся опасность своеобразными жестами и особыми жалобными тонами своего голоса. Но когда она замѣтила, что преслѣдователи начинаютъ настигать ихъ, она стала гнать и толкать своихъ дѣтенышей. И дѣйствительно, ей удалось благополучно увести ихъ“.

Рассказываютъ о многихъ несчастныхъ случаяхъ съ людьми, причиной которыхъ были полярные медвѣди; мы читаемъ, что желаніе побѣдить бѣлаго медвѣдя стоило жизни многимъ китоловамъ. Подобные рассказы мы часто встрѣчаемъ въ старинныхъ описаніяхъ путешествій, но рѣдко въ новѣйшихъ изъ нихъ. Чтобы помирить часто очень противорѣчивыя показанія, приходится либо предположить, что въ то время опасность отъ бѣлаго медвѣдя слишкомъ преувеличивалась, либо принять, что медвѣдь этотъ съ тѣхъ поръ значительно посбавилъ своей спеси, можетъ быть вслѣдствіе лучшаго знакомства съ человекомъ. Во всякомъ случаѣ опасность отъ него не слѣдуетъ преувеличивать слишкомъ поспѣшными обобщеніями. Противъ этой опасности говорятъ наблюденія всѣхъ тѣхъ путешественниковъ, которые приходили въ близкое соприкосновеніе съ полярнымъ медвѣдемъ въ послѣднія десяти-

гилѣтія. Ламонъ, предпринимавшій на своей яхтѣ охотничьи поѣздки между прочимъ и на крайній сѣверъ, говоритъ слѣдующее: „Я считаю бѣлаго медвѣдя самымъ сильнымъ хищнымъ животнымъ земного шара; но подобно всѣмъ остальнымъ хищникамъ онъ никогда не рѣшится, за самыми рѣдкими исключеніями, нападать на человѣка, не будучи на это вызванъ и всегда старается уклониться отъ борьбы съ нимъ“. Норденшельдъ, принимая въ соображенія какъ свой собственный опытъ въ этомъ отношеніи, такъ и наблюденія другихъ полярныхъ изслѣдователей, тоже высказывается въ такомъ смыслѣ: „Если невооруженному человѣку случится повстрѣчаться съ полярнымъ медвѣдемъ, то ему вполне достаточно произвести нѣсколько сильныхъ тѣлодвиженій и закричать, чтобы прогнать звѣря; съ другой стороны желаніе скрыться отъ него бѣгствомъ навѣрное поведетъ къ тому, что медвѣдь тотчасъ же пустится за бѣглецомъ по пятамъ и быстро его нагонитъ. Раненый бѣлый медвѣдь всегда пускается на утекъ. Нерѣдко онъ беретъ на лапу снѣгъ, чтобы приложить его къ ранѣ, а иногда въ агоніи онъ выкапываетъ яму въ снѣгу, чтобы спрятать въ нее свою голову. Если корабль стоитъ на якорѣ, то медвѣдь рѣшается нерѣдко близко подплывать къ судну. Когда останавливаешься въ пустынной мѣстности на ночлегъ, то часто приходится встрѣчать по утру въ ближайшихъ окрестностяхъ его бѣлаго медвѣдя, который обнюхивалъ ночью палатку, но не рѣшался войти въ нее. Прежде видъ медвѣдя наводилъ ужасъ на мореплавателей, въ настоящее время промышленники, не обинуясь, выходятъ съ копьемъ даже противъ значительной стаи полярныхъ медвѣдей. Эти люди мало довѣряютъ огнестрѣльному оружію, но зато копьемъ убиваютъ иногда до дюжины медвѣдей въ самое короткое время. Мнѣ извѣстенъ всего лишь одинъ случай, при которомъ одинъ норвежскій промышленникъ былъ серьезно помятъ полярнымъ медвѣдемъ“.

Въ восточной Гренландіи надъ этимъ медвѣдемъ сдѣланы точно такія же наблюденія. „Встрѣчи съ бѣлымъ медвѣдемъ“, пишутъ Копеландъ и Пауэръ, „имѣютъ самый разнообразный исходъ. Нерѣдко бываетъ, что санныя партіи, по недостатку времени или вслѣдствіе грозящей опасности не имѣющія возможности остановиться для охоты, проѣзжаютъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ мимо бѣлыхъ медвѣдей, обыкновенно обнаруживающихъ въ этихъ случаяхъ исключительно признаки любопытства и удивленія. Или медвѣди обходятъ сани вокругъ, поворачивая свою голову по ихъ направленію. Съ другой стороны одинъ изъ нашихъ матросовъ пережилъ въ Зимней гавани минуты жизни, которыя были одинаково и опасны, и комичны. Клентцеръ, такъ звали матроса, находился невооруженнымъ на склонѣ горы Германія, въ 2000 шагахъ отъ корабля въ то время, когда замѣтилъ въ непосредственной близости отъ себя бѣлаго медвѣдя. Ему была хорошо извѣстна необыкновенная быстрота этихъ животныхъ, которая исключала возможность спастись бѣгствомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что спасенію не разъ помогала хитрость, заключающаяся въ томъ, что вниманіе медвѣдя старались отвлечь бросаніемъ различныхъ предметовъ и поспѣшнымъ маршемъ направлялись къ спасительному кораблю. Онъ сталъ такимъ образомъ бросать звѣрю другъ за другомъ свои башлыкъ, перчатки, палку и другія вещи; всѣ эти предметы медвѣдь разрывалъ по мѣрѣ того, какъ они попадали въ его лапы. Тѣмъ не менѣе онъ быстро очутился у самаго Клентцера и сталъ обнюхивать, подобно собакѣ, его руку. Тогда матросъ, все время кричавшій о помощи, рѣшился прибѣгнуть къ отчаянному, но въ то же время мало успѣшному средству: онъ задумалъ задушить медвѣдя снятымъ съ себя ремнемъ, если бы тотъ рѣшился напасть на него. Наконецъ раздирающій душу крикъ его о помощи былъ услышанъ на кораблѣ. Мы быстро вооружились, но тѣмъ не менѣе ожидали самаго плохого исхода. Почтенное разстояніе отъ насъ давало медвѣдю возможность десять разъ разорвать свою жертву, но между тѣмъ онъ разсуждалъ до тѣхъ поръ, пока наше приближеніе, крики и выстрѣлы не заставили его обратиться въ бѣгство. Путь отступленія его велъ черезъ крутой склонъ горы, взобравшись на который онъ тотчасъ же исчезъ изъ нашихъ глазъ“. „На восточномъ берегу Шпицбергена“, пишетъ мнѣ Кюкенталь, „у границы плотнаго льда, примыкавшаго къ Сѣверо-восточной землѣ, мы

встрѣтили необыкновенное множество бѣлыхъ медвѣдей, изъ которыхъ въ теченіе шести недѣль убили 18 штукъ, а двухъ молодыхъ поймали живьемъ“.

За бѣлымъ медвѣдемъ охотятся всюду, гдѣ только его встрѣчаютъ, изъ за его мяса, сала и мѣха. Его преслѣдуютъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ или съ копьемъ, а также ставятъ на него капканы. Нѣкоторые охотники прибѣгаютъ, по разсказу Земана, къ слѣдующей хитрости, чтобы поймать его. Они сгибаютъ кусокъ китоваго уса шириною около 10 сантиметровъ, а длиною въ 60, обматываютъ его тюленьимъ саломъ и даютъ послѣднему застыть на морозѣ. Затѣмъ охотникъ разыскиваетъ медвѣдя, дразнить его стрѣлой, пущенной изъ лука, кидаетъ ему замороженный китовый усъ, а затѣмъ удаляется. Медвѣдь обнюхиваетъ комокъ сала, находитъ, что онъ сѣдобенъ, глотаетъ его и этимъ идетъ на встрѣчу вѣрной смерти: отъ теплоты желудка сало таетъ, китовый усъ распрямляется и разрываетъ медвѣдю внутренности. Можно оставить открытымъ вопросъ о томъ, въ состояніи ли проглотить недовѣрчивое и „раздраженное“ животное описанный кусокъ сала. Тѣмъ не менѣе медвѣди пожираютъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ чувствуютъ себя въ безопасности, самы разнообразныя и странныя вещи. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ есть далеко не утѣшительная привычка изслѣдовать и присваивать запасы, которые дѣлаютъ полярные путешественники въ тѣхъ ледяныхъ пустыняхъ на непредвидѣнный случай. Самымъ лучшимъ средствомъ противъ кражъ медвѣдя оказался песокъ; имъ посыпаютъ запасы провіанта и поливаютъ его водой до тѣхъ поръ, пока вокругъ всего не образовался достаточно толстый слой льда. Бѣлые медвѣди взламываютъ деревянные постройки, разрываютъ кучи камней, вскрываютъ ящики, бочки и тому подобное, а затѣмъ пожираютъ все, что только въ состояніи проглотить. Кэнъ разсказываетъ, что воры эти сожрали у него не только мясо и морскіе сухари, но также и кофе, паруса, а между прочимъ и американскій флагъ; они не могли справиться только съ ящиками, состоявшими цѣликомъ изъ желѣза. Въ желудкѣ одного бѣлаго медвѣдя, котораго убили люди Макъ-Клура во время его экспедиціи для спасенія Франклина, нашли изюмъ, солонину, табакъ и липкій пластырь, — все предметы, которые онъ могъ получить только изъ какого нибудь склада, устроеннаго на крайнемъ сѣверѣ. У нѣмецкихъ полярныхъ путешественниковъ медвѣди эти утащили измѣрительные аппараты для опредѣленія астрономическихъ базъ и багры сожрали во время санной поѣздки сахаръ и стеариновыя свѣчи, разжевывали каучуковые сосуды, пачки табаку, вытащили пробку изъ бутылки со спиртомъ, но къ счастью успѣли только тронуть весьма важный дневникъ въ то время, когда были замѣчены и прогнаны.

Пойманные въ ранней молодости полярные медвѣжата становятся ручными и могутъ быть до извѣстной степени выдрессированы. Они дозволяютъ своему хозяину входить въ ихъ клѣтку, возятся съ нимъ, но неволя вовсе имъ не нравится. Даже очень молодые медвѣжата, заключенные въ жилое помѣщеніе, чувствуютъ себя очень плохо уже на своей родинѣ и для нихъ нѣтъ большого удовольствія, какъ выбраться изъ подъ крова и покататься по льду или по снѣгу. Въ обширномъ помѣщеніи съ глубокимъ и широкимъ водоемомъ, какіе для него устраиваются въ настоящее время въ образцовыхъ зоологическихъ садахъ, бѣлый медвѣдь чувствуетъ себя сравнительно сносно и часто по цѣлымъ часамъ играетъ со своими товарищами по заключенію или даже просто съ чурбанами, шарами и т. под. Къ старости такіе плѣнники становятся все раздражительнѣе и злѣе. Съ себѣ подобными бѣлый медвѣдь тотчасъ же становится неуживчивымъ и сварливымъ, коль скоро дѣло касается до ѣды; впрочемъ бой между двумя одинаково сильными бѣлыми медвѣдями завязывается лишь рѣдко, а взаимная ненависть выражается большою частью яростнымъ фырканьемъ. При хорошемъ уходѣ полярнаго медвѣдя можно сохранить въ неволѣ все же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Мясо и жиръ бѣлаго медвѣдя охотно употребляются въ пищу всѣми жителями крайняго сѣвера. Его ѣдятъ и промышленники изъ европейцевъ, но предвѣтельно счищаютъ съ него жиръ; эти люди находятъ его не безвкуснымъ, хотя и утверждаютъ, что отъ него нерѣдко приходится заболѣвать. Особенно, го-

ворять, вредна печень бѣлаго медвѣдя, а нѣкоторые считаютъ ее прямо-таки ядовитой.

Мѣхъ этого животного цѣнится дороже мѣховъ всѣхъ остальныхъ медвѣдей; смотря по величинѣ и красотѣ его за него платятъ отъ 200 до 500 германскихъ марокъ.

По наружному виду и нраву рѣзко отличается отъ разсматривавшихся до сихъ поръ настоящихъ медвѣдей — медвѣдь-губачъ или асвалъ индійцевъ (*Melursus labiatus*), составляющій особый родъ семейства. Отличительными признаками его являются короткое, толстое туловище, короткія ноги, довольно большія лапы, пальцы которыхъ вооружены громадными серповидными когтями, вытянутая тупорылая морда съ далеко выдающимися впередъ губами и длинная косматая шерсть, образующая на зашейкѣ гриву, а по бокамъ тоже сильно отвисшая. Всѣ приведенные здѣсь признаки придаютъ животному такой своеобразный видъ, что его нельзя не считать за особый родъ. Насколько странно это животное, видно уже изъ того, что оно было описано впервые подъ именемъ „медвѣдеобразнаго лѣнивца (*Bradypus ursinus*)“, а въ одномъ сочиненіи просто-таки названо „безъимяннымъ животнымъ“. Въ Европѣ губачъ сталъ извѣстенъ съ конца прошлаго столѣтія, а въ началѣ теперешняго вѣка его привезли сюда и живьемъ.

Длина медвѣдя-губача, включая въ нее и зачаточный хвостикъ въ 10—12 сантиметровъ, достигаетъ 1,8 метра, высота же въ загривкѣ 85 сантиметровъ. Плоская голова съ широкимъ и низкимъ лбомъ удлиняется въ узкую заостренную, хоботообразную морду, крайне своеобразнаго строенія. Крылья носа необыкновенно подвижны, а длинныя, крайне растяжимыя губы значительно превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Уже въ спокойномъ состояніи онѣ располагаются довольно далеко впереди челюстей, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ быть удлинены, выдвинуты впередъ, сложены и опущены до такой степени, что образуютъ родъ трубки, которая можетъ быть пущена въ дѣло почти такъ, какъ хоботъ. Длинный, узкій приплюснутый, спереди срѣзанный языкъ помогаетъ образовывать и пускать въ дѣло эту трубку, а потому животное въ состояніи не только схватывать и притягивать, но и въ буквальномъ смысле слова присасывать къ себѣ различные предметы. Далѣе на головѣ находятся очень короткія округло заостренныя, торчащія вверхъ уши и малые, почти свинные, косо прорѣзанные глаза; но въ общемъ отъ головы остается замѣтнымъ лишь небольшая часть ея, потому что даже бѣлая поверхность короткошерстой морды и та прикрывается необыкновенно длинными взъерошенными волосами темени. Эта шуба скрываетъ также хвостъ и удлиняется на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла, напр., на шеѣ и на зашейкѣ, гдѣ образуетъ густую, кудрявую и лохматую гриву. На серединѣ спины изъ очень путанныхъ волосъ образуются два очень большихъ пучка и придаютъ медвѣдю-губачу горбатый видъ. Благодаря всему описанному, передняя часть тѣла животного пріобрѣтаетъ крайне неряшливый видъ, который еще усиливается неуклюжимъ, тяжелымъ туловищемъ звѣря и его короткими и толстыми ногами. Своеобразны даже лапы губача, а необыкновенно длинные острые, сильно изогнутые когти его просто странны и дѣйствительно напоминаютъ когти лѣнивцевъ. Во рту рѣзцы выпадаютъ обыкновенно въ ранней молодости, а потому зубная система животного дѣйствительно можетъ сбить съ толку хоть кого угодно. Грубая шерсть звѣря окрашена въ блестящій черный цвѣтъ; морда сѣрая или грязно-бѣлая, а на груди расположено подковообразное бѣлое пятно. Пальцы иногда окрашены тоже въ очень свѣтлый цвѣтъ; когти обыкновенно бѣловатаго рогового цвѣта, а подошвы ступней черныя. Молодые животные отличаются отъ старыхъ недостаточнымъ развитіемъ гривы и чупа на головѣ, сильно выступающими поэтому и сравнительно большими ушами и, наконецъ, темнымъ цвѣтомъ когтей; кромѣ того морда у нихъ до глазъ включительно желтовато-бурая, а подковообразное пятно на груди желтовато-бѣлое.

Отечество медвѣдя-губача составляетъ вся передняя Индія, почти отъ подошвы Гималайскаго хребта до южной оконечности полуострова Индостана и Цейлона. Онъ предпочитаетъ холмистыя и обильныя джунглями мѣстности и все еще продолжаетъ оставаться однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ крупныхъ животныхъ Индіи, хотя, конечно, почти уже совершенно истребленъ въ извѣстныхъ областяхъ ея. На Цейлонѣ онъ держится, по словамъ Теннента, въ самыхъ густыхъ лѣсахъ холмистыхъ областей сѣвернаго и юго-восточнаго береговъ острова и встрѣчается одинаково рѣдко какъ на большихъ высотахъ, такъ и въ низменныхъ сырыхъ мѣстностяхъ. Въ области Курачи медвѣдь этотъ былъ однажды такъ обыкновененъ во время продолжительной засухи, что женщины должны были прекратить ихъ любимыя купанья и омовенія въ рѣкахъ, потому что животное всюду попадалось имъ не только на сушѣ, но и въ водѣ, — часто помимо его собственнаго желанія. Медвѣди, отправляясь на водопой, обыкновенно сваливались въ рѣку, а затѣмъ не могли уже выбраться изъ нея, благодаря своей неуклюжести. Въ теченіе жаркаго времени дня нашъ медвѣдь лежитъ въ естественныхъ или въ вырытыхъ имъ самимъ ямахъ, чаще всего между обломками скалъ на горныхъ склонахъ или въ ущельяхъ ихъ. Несмотря на свою густую и темную шерсть, къ жару онъ не очень чувствителенъ. Обыкновенно же медвѣдь-губачъ проводитъ жаркіе часы дня въ какомъ нибудь прохладномъ и укромномъ уголкѣ и выходитъ изъ него только ночью; впрочемъ его нерѣдко приходится встрѣчать также и въ утренніе и вечерніе часы. Всѣ внѣшнія чувства его, въ томъ числѣ и обоняніе, развиты плохо; слышитъ и видитъ онъ такъ худо, что подойти къ нему близко не составляетъ ни малѣйшаго труда. Онъ не дурно умѣетъ лазать по горамъ, но нерѣдко скатывается кувыркомъ, подобно другимъ медвѣдямъ, съ крутого склона горы, если его вдругъ испугаютъ или начнутъ обстрѣливать.

Пища медвѣдя-губача состоитъ почти исключительно изъ растительныхъ веществъ и мелкихъ, большею частью безпозвоночныхъ животныхъ; лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ ѣстъ также, по рассказамъ, мелкихъ птицъ и ихъ яйца. Всѣ охотники единогласно утверждаютъ, однако, что онъ никогда не рѣшается нападать на болѣе крупныхъ животныхъ и даже ѣстъ ихъ трупы. Только Сандерсонъ и Макъ-Мастеръ приводятъ каждый по одному случаю, что медвѣдь этотъ началъ ѣсть у перваго изъ наблюдателей небольшого застрѣленнаго оленя, а у втораго — умерщвленнаго тигромъ быка. Съ другой стороны животныя, выросшія въ неволѣ, охотно ѣдятъ сырое и вареное мясо. Главную пищу этого медвѣдя составляютъ различныя корни и плоды, любимые имъ мясистые цвѣты бассіи (*Bassia latifolia*), гнѣзда перепончатокрылыхъ съ ихъ личинками и медомъ, гусеницы, улитки и муравьи. Длинные, изогнутые когти губача оказываютъ ему большія услуги при выкапываніи скрытыхъ въ землѣ корней и при вскрытіи муравейниковъ. Онъ въ состояніи разрушать даже крѣпкія постройки термитовъ и въ этомъ случаѣ наноситъ большой вредъ раннимъ стадіямъ развитія этихъ насѣкомыхъ. Сандерсонъ рассказываетъ также, что медвѣдь-губачъ посѣщаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи рощи дикихъ финиковыхъ пальмъ, изъ которыхъ добывается пальмовое вино. Онъ влѣзаетъ на стволы деревъ, имѣющихъ отъ 6—8 метровъ высоты, до ихъ верхушки, гдѣ висятъ сосуды, въ которые собирается сокъ и наклоняетъ послѣдніе до тѣхъ поръ лапою, пока не найдетъ возможнымъ выхлебывать жидкость. Жители охотно пожертвовали бы ему нѣсколько литровъ вина, если бы онъ только не разбивалъ при своихъ неуклюжихъ грабежахъ столько сосудовъ. Терпящіе отъ нихъ люди, рассказываютъ единогласно, что воришки эти не даютъ себѣ даже труда слѣзать съ дерева, а просто кидаются внизъ; жители увѣряютъ даже, что губачи очень часто совершенно пьянѣютъ отъ пальмоваго сока.

Сообщенія Теннента объ образѣ жизни медвѣдя-губача не вполне подтверждаются новѣйшими наблюденіями. Въ Остѣ-Индіи ходятъ рассказы, что медвѣдь-губачъ жестоко мучаетъ млекопитающихъ и въ томъ числѣ человека прежде, чѣмъ примется ихъ ѣсть. Говорятъ, что онъ крѣпко охватываетъ ногами

и когтями свою жертву, а затѣмъ крайне медленно раздавливаютъ одну за другой всѣ части ея тѣла и въ то же время непрерывно сосетъ ее. Обыкновенно онъ старается ускользнуть отъ человѣка, но медлительность его движеній не даетъ ему часто спастись бѣгствомъ, а потому-де онъ и превращается въ нападающаго изъ страха и съ намѣреніемъ защититься. При подобныхъ обстоятельствахъ онъ становится будто-бы до такой степени опасенъ, что сингалезцы считаютъ его самымъ ужаснѣйшимъ изъ звѣрей. Сандерсонъ пишетъ: „Медвѣди-губачи не безопасны для невооруженнаго человѣка. Дровосѣки и другіе люди, занятія которыхъ сосредоточиваются въ лѣсу и джунгляхъ, часто сильно увѣчатся ими. Подобно всѣмъ остальнымъ дикимъ животнымъ они опаснѣе всего тогда, когда встрѣчаться съ ними невзначай: они могутъ тогда напасть просто со страху.“

Охотятся на медвѣдя-губача различными способами. Его выслѣживаютъ по слѣдамъ, легко замѣтнымъ по утрамъ на росистой травѣ и кустарникахъ. Отыскиваютъ его логовище и ожидаютъ здѣсь, когда онъ вернется изъ своего ночного странствованія. Дѣлаютъ облавы въ участкахъ джунглей, гдѣ предполагаютъ встрѣтить медвѣдя или гдѣ онъ выслѣженъ, а затѣмъ стрѣляютъ его, лишь только онъ покажется.

Наблюденія надъ этимъ медвѣдемъ въ неволѣ производились часто, какъ въ Европѣ, такъ и въ Индіи. Въ отечествѣ его нерѣдко имъ пользуются скоморохи и поводыри, обучая его, подобно нашему Топтыгину, всякимъ фокусамъ и штукамъ. Кормятъ его молокомъ, хлѣбомъ, плодами и мясомъ; опытъ учить, что онъ ѣстъ хлѣбъ и плоды много охотнѣе всякой другой пищи. Онъ перекачивается свернувшись кружкомъ, съ боку на бокъ, прыгаетъ, кувыркается черезъ голову, поднимается на заднія лапы и гримасничаетъ, если ему даютъ что-нибудь поѣсть. Нравъ его въ неволѣ сравнительно добродушный, довѣрчивый и безхитростный.

Во второе подсемейство медвѣдей, которое можно назвать кошкovidными животными (*Ailurinae*), мы соединяемъ трехъ замѣчательныхъ животныхъ восточной Азіи. Всѣ они составляютъ переходную ступень отъ настоящихъ медвѣдей къ виверрамъ и характеризуются лапами, которыя болѣе или менѣе напоминаютъ кошачьи, имѣютъ покрытыя волосами подошвы и нѣсколько втяжные когти.

Первое мѣсто въ подсемействѣ этомъ занимаетъ открытый лѣтъ тридцать тому назадъ французскимъ миссіонеромъ — путешественникомъ Арманомъ Давидомъ тибетскій пестрый медвѣдь, пей-сюнь (бѣлый медвѣдь) или хуа-сюнь (пестрый медвѣдь) китайцевъ (*Ailuropus melanoleucus*), который съ одной стороны примыкаетъ къ настоящимъ медвѣдямъ, а съ другой — къ слѣдующему роду. Онъ мельче нашего бураго медвѣдя и длиною, отъ морды до конца хвоста, около 1,5 метра. Его широкія лапы коротки и прикасаются къ землѣ не всею подошвою. Короткорылая голова относительно шире, чѣмъ у всякаго другого хищнаго животнаго. Видъ этотъ покрытъ густымъ, напоминающимъ медвѣжій, мѣхомъ бѣлаго цвѣта, но окружность глазъ, уши, переднія ноги до лопатокъ, заднія лапы и кончикъ хвоста окрашены въ черный цвѣтъ.

Объ образѣ жизни тибетскаго пестраго медвѣдя на волѣ почти ничего не извѣстно. Онъ водится въ недоступныхъ горныхъ лѣсахъ восточной окраины Тибета.

*

Представитель другого рода рассматриваемаго подсемейства, панда, гималайскій енотъ англичанъ (*Ailurus fulgens*) является до извѣстной степени соединительнымъ звеномъ между предыдущимъ родомъ и между бинтуронгомъ. Вслѣдствіе густого и мягкаго мѣха тѣло панды кажется болѣе неуклюжимъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ; голова, покрытая густою шерстью, очень широка и коротка, морда такая же, длинный хвостъ покрытъ необыкновенно пушистымъ мѣхомъ, а потому кажется очень толстымъ; уши коротки и округлы, глаза малы; короткія ноги съ покрытыми густымъ мѣхомъ лапами, прикасающимися къ землѣ лишь на половину своей длины, и съ короткими пальцами, которые вооружены сильно изо-

гнутыми когтями. Величиною панда приблизительно равняется рослой домашней кошкѣ. Мѣхъ животного густой и длинный, на верхней сторонѣ тѣла окрашенъ въ яркій и блестящій темно-рыжій цвѣтъ со свѣтлымъ золотисто-желтымъ налетомъ на спинѣ, обусловленнымъ желтыми кончиками волосъ этой части тѣла; низъ тѣла и ноги блестящаго чернаго цвѣта, за исключеніемъ темной каштаново-рыжей полосы, проходящей поперекъ наружной и передней стороны ноги; хвостъ рыжій, отѣнка лисьяго мѣха, съ неявственными узкими, болѣе свѣтлыми кольцами.

Отечество панды составляетъ юго-восточная часть Гималайскаго хребта, гдѣ она встрѣчается на высотѣ отъ 2000 до 4000 метровъ. Объ образѣ жизни этого красиваго и граціознаго животного на волѣ извѣстно не много. Оно живетъ парами или семьями въ лѣсахъ, лазаешь по деревьямъ, но преимущественно держится на землѣ, гдѣ и отыскиваетъ себѣ пищу; отдыхаетъ въ дуплахъ деревь или въ расщелинахъ скалъ. Пища панды состоитъ почти исключительно изъ растительныхъ веществъ, но при случаѣ она грабитъ гнѣзда птицъ и ѣстъ насѣкомыхъ.

*

Послѣдній родъ подсемейства составляетъ бинтуронгъ (*Arctitis binturong*). Величиною бинтуронгъ превосходитъ панду: длина его равняется 1,35—1,50 метра, изъ чего почти половина приходится на очень длинный, цѣпкій хвостъ. Туловище коренастое, голова толстая, морда удлинненная; ноги коротки и толсты, лапы съ голыми подошвами и пятипалыя; пальцы вооружены сильными, слегка втяжными когтями. Тѣло покрыто густымъ, довольно жесткимъ, рыхлымъ мѣхомъ. На концѣ короткихъ, закругленныхъ ушей волосы образуютъ кисточку. Толстые, бѣлые усы образуютъ съ каждой стороны морды лучистый вѣнчикъ. Цвѣтъ животного матово-черный, переходящій на головѣ въ сѣроватый, а на конечностяхъ въ буроватый.

Бинтуронгъ распространенъ на Борнео, Явѣ, Суматрѣ, по Малайскому полуострову, въ Тенассерегмѣ, Араканѣ, Ассамѣ, и Сіамѣ. Жизнь его на волѣ изучена тоже еще очень недостаточно. Бинтуронгъ ведетъ ночной образъ жизни, держится преимущественно на деревьяхъ, по которымъ лазаешь довольно медленно. Онъ животное всеядное, не пренебрегающее ни млекопитающими, ни птицами, ни рыбою, ни червями и насѣкомыми, ни плодами и другою растительною пищею. Встрѣчаться съ нимъ приходится рѣдко, потому что онъ водится въ уединенныхъ мѣстахъ и ведетъ скрытный образъ жизни. По рассказамъ голосъ его представляетъ громкій вой. Отъ природы дикій и злой, онъ быстро ручнѣетъ, становится добродушнымъ и охотно играетъ со своимъ хозяиномъ, если воспитанъ съ молодости.

Къ третьему подсемейству, полоскуновыхъ (*Procyoninae*) мы относимъ животныхъ средней величины и свойственныхъ исключительно Америкѣ.

Родъ полоскуновъ (*Procyon*) отличается слѣдующими признаками. Строеніе тѣла ихъ коренастое, голова очень широка въ задней своей части, морда короткая; большіе глаза сближены; длинная, закругленная уши помѣщаются совершенно по бокамъ головы; ноги сравнительно длинны и тонки; лапы съ голыми подошвами и тонкими, умеренно длинными пальцами, которые вооружены довольно сильными, рѣзко сжатыми съ боковъ когтями; хвостъ длинный, мѣхъ густой, изъ длинныхъ и гладкихъ волосъ.

Енотъ, полоскунъ или ракунъ американцевъ (*Procyon lotor*) достигаетъ длины тѣла въ 15, а хвоста въ 25 сантиметровъ при высотѣ въ загривкѣ, равной 30—35 сантиметрамъ. Мѣхъ окрашенъ въ желтовато-сѣрый цвѣтъ съ примѣсью чернаго. Переднія ноги, пучекъ волосъ въ ушной области, который кзади отъ уха ограниченъ буро-чернымъ пятномъ, бока морды и подбородокъ однообразнаго желтоватаго бѣло-сѣраго цвѣта. Ото лба до конца носа и вокругъ глазъ тянутся черно-бурыя полосы; надъ глазами и вплоть до висковъ проходитъ желтовато-бѣлая полоса. Переднія и заднія лапы буроватаго желто-сѣраго цвѣта:

длинные волосы нижней части бедра и нижней части плеча густого темно-бураго цвѣта. Сѣро-желтый хвостъ въ черно-бурыхъ кольцахъ и съ такимъ же кончикомъ. Ни одинъ изъ перечисленныхъ оттѣнковъ не выступаетъ рѣзко на общемъ фонѣ окраски, которая уже съ небольшого разстоянія представляется довольно неопредѣленной, сѣрой и такимъ образомъ прекрасно подходитъ какъ къ цвѣту древесной коры, такъ и къ почвѣ, покрытой свѣжей или высохшей травой.



Енотъ (*Procyon lotor*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

Отечествомъ енота является Сѣверная Америка, гдѣ онъ распространенъ какъ на югъ, такъ и на сѣверъ; по крайней мѣрѣ онъ встрѣчается здѣсь въ южной части области, занятой пушными звѣрями. Вслѣдствіе безпрестанныхъ преслѣдованій, которымъ онъ постоянно подвергается, въ мѣстностяхъ съ болѣе плотнымъ населеніемъ енотъ сдѣлался въ настоящее время много рѣже, чѣмъ былъ раньше. Тѣмъ не менѣе даже тутъ не удалось его окончательно истребить. Внутри страны, особенно въ мѣстностяхъ, покрытыхъ лѣсами, его и теперь еще встрѣчаютъ въ большомъ множествѣ. Любимое его мѣстообитаніе составляютъ лѣса, прорѣзанные рѣками, озерами и ручьями. На охоту онъ выходитъ обыкновенно лишь съ наступленіемъ сумерекъ, свѣтлую же часть сутокъ проводить во снѣ въ дуплахъ деревьевъ или на ихъ толстыхъ, густо поросшихъ листвою сучьяхъ. Однако тамъ,

гдѣ енота совершенно не тревожатъ, онъ не придерживается во время своихъ странствованій никакой опредѣленной части сутокъ, но бродитъ по своей обширной охотничьей области какъ днемъ, такъ и ночью.

Это — веселый, изящный звѣрекъ, который доставляетъ большое удовольствіе наблюдателю своими подвижностью и живостью. При ходьбѣ въ равнодушномъ настроеніи духа онъ наклоняетъ голову внизъ, горбитъ спину, опускаетъ хвостъ и довольно медленно тащится своею косою походкою. Но стоитъ только еноту замѣтить что нибудь достойное его вниманія, напримѣръ, напасть на слѣдъ или увидѣть какое нибудь безобидное животное, и онъ тотчасъ же весь преобразается. Взъерошенная шерсть его ложится, широкія уши наостряются, всматриваясь, поднимается онъ на заднія лапки, дѣлаетъ прыжокъ или бѣжитъ дальше съ легкостью и проворствомъ, а то такъ и влѣзаетъ на дерево съ такою ловкостью, какой прежде никакъ нельзя было подозрѣвать въ немъ. Онъ можетъ лазать не только по косо и вертикально стоящимъ стволамъ деревъ, но и по горизонтальнымъ вѣтвямъ, причемъ въ состояніи двигаться по нимъ какъ по верхнимъ, такъ и по нижнимъ поверхностямъ. Часто можно видѣть, какъ енотъ, подобно лѣнивцу или обезьянѣ, бѣжитъ по горизонтальной вѣтви, повиснувъ внизъ всѣмъ туловищемъ, или перепрыгиваетъ съ безошибочной увѣренностью съ одного сука на другой. Все это доказываетъ необыкновенное искусство его въ лазаніи. Онъ чувствуетъ себя, какъ дома, также и на землѣ и умѣетъ быстро двигаться здѣсь прыжками, причемъ становится всякій разъ на всѣ четыре лапы. По умственному своему складу енотъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ обезьяной. Онъ веселъ, оживленъ, любопытенъ, любитъ задираить и всегда склоненъ къ забавнымъ продѣлкамъ всякаго рода; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ смѣлъ, когда это нужно, а при выслѣживаніи добычи выказываетъ хитрость лисицы. Онъ прекрасно ладитъ съ себѣ подобными и, даже будучи старъ, играетъ со своими товарищами по цѣлымъ часамъ, а въ неволѣ со всякимъ звѣремъ, который не отказывается возиться съ нимъ.

Енотъ ѣстъ рѣшительно все съѣдобное, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ большой лакомка, который прекрасно умѣетъ выбрать самый вкусный кусокъ, если имѣетъ на это возможность. Любимую пищу его составляютъ всевозможные плоды, каштаны, дикій виноградъ, кукуруза, пока она еще мягка и т. д.; но вмѣстѣ съ тѣмъ енотъ охотится и за птицами, разоряетъ ихъ гнѣзда, прекрасно умѣетъ подкрасться къ какому нибудь цыпленку или къ зазѣвавшемуся голубю, мастерски разыскиваетъ даже тщательно скрытыя гнѣзда, лакомится находящимися въ нихъ яйцами, которыя замѣчательно умѣетъ вскрывать, не теряя ни капли изъ ихъ содержимаго. Въ сады и въ жилища онъ часто является съ спеціальною цѣлью ловить здѣсь куръ или воровать ихъ яйца; вслѣдствіе этого фермеры не особенно то жалуютъ его. Енотъ беретъ дань и съ рѣкъ и озеръ. Онъ ловко ловитъ рыбу, раковъ, моллюсковъ и рѣшается выходить во время отлива даже далеко въ море, лишь бы поживиться любимой своей добычей. Толстыя жирныя личинки нѣкоторыхъ жуковъ представляютъ для него, повидимому, настоящее лакомство, а кузнечиковъ и саранчу онъ ловитъ необычайно ловко. У енота есть характерная для него привычка, — тащить свою пищу къ водѣ, окунать ее и затѣмъ тереть ее между лапъ, какъ будто для того, чтобы вымыть ее. Онъ дѣлаетъ это однако лишь тогда, когда не особенно голоденъ. Въ голодномъ состояніи желудокъ не даетъ ему повидимому времени, чтобы предаться своему любимому занятію, отъ котораго онъ получилъ одно изъ своихъ именъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ самка мечетъ 4—6 очень мелкихъ дѣтенышей и помѣщаетъ ихъ въ довольно тщательно устроенное гнѣздо, расположенное въ дуплѣ дерева.

За енотомъ охотятся не только изъ за его цѣннаго мѣха, но и просто изъ удовольствія, доставляемаго охотой на него. При желаніи воспользоваться его шкурой, енота весьма легко ловятъ въ капканы и западни различнаго рода, въ которыя для приманки кладутъ рыбу или кусокъ мяса. Однако, охота за нимъ не такъ легка. Американцы предаются ей съ настоящей страстью, которая становится вполне понятной, если читаешь описанія ихъ охотъ. Дѣло въ томъ, что

охота эта производится не днемъ, а ночью, при помощи собакъ и при факельномъ освѣщеніи. На охоту отправляются тогда, когда въ лѣсу становится совершенно тихо и спокойно, а ракунъ покинетъ уже свой укромный уголокъ и начнетъ тихими, неслышными шагами рыскать по подсѣду. Хорошая, опытная собака находитъ его слѣды и за нею вся толпа бросается за проворно убѣгающимъ звѣркомъ, который въ концѣ концовъ взбирается съ ловкостью обезьяны на дерево и старается скрыться въ самой чащѣ его вѣтвей. Снизу вокругъ дерева располагаются лающія и воющія собаки, а вверху уютно лежитъ загнанный звѣрекъ, прикрытый темной пеленою ночи. Къ нимъ спѣшатъ охотники. Они сбрасываютъ свои факелы въ кучу, собираютъ хворостъ, щепу, сосновые шишки, и вдругъ подъ деревомъ вспыхиваетъ громадный костеръ, заливающій всю окрестность своимъ волшебнымъ свѣтомъ. Теперь одинъ изъ охотниковъ, умѣющій хорошо лазать, взбирается на дерево и беретъ здѣсь на себя роль собаки. Человѣкъ и енотъ гонятся на вершинѣ дерева другъ за другомъ, пока послѣдній не вступитъ на какую нибудь ненадежную вѣтвь съ цѣлью перебраться на сосѣднее дерево. Преслѣдователь его слѣдуетъ за нимъ насколько можетъ и вдругъ начинаетъ сильно трясти вѣтвь, на которой сидитъ звѣрекъ. Несчастному животному приходится теперь крѣпко держаться, чтобы не быть сброшеннымъ съ дерева, но это ему не помогаетъ. Все ближе и ближе подбирается къ нему врагъ, все крѣпче цѣпляется звѣрекъ, но вдругъ не выдерживаетъ и съ шумомъ валится внизъ. Радостный лай собакъ привѣтствуетъ его паденіе, а затѣмъ снова начинается ожесточенная травля его. Еще разъ или два удастся несчастному еноту улизнуть отъ собакъ и взобраться снова на дерево, но въ концѣ концовъ онъ все же становится жертвой своихъ четырехногихъ враговъ и заканчиваетъ подъ ихъ зубами свой жизненный путь...

Енотъ, пойманный смолоду, ручиѣтъ обыкновенно весьма быстро и очень легко. Его довѣрчивость, веселость, свойственная ему подвижность, постоянно хорошее расположеніе духа, наконецъ его потѣшный, обезьяній нравъ дѣлаютъ его пріятнымъ товарищемъ человѣка. Енотъ очень любитъ, если его ласкаютъ, но никогда не привязывается очень сильно къ своему хозяину. Онъ легко соглашается на игру и вступаетъ въ возню съ большимъ удовольствіемъ и при этомъ самодовольно и тихо ворчитъ, какъ это дѣлаютъ молодые собаки. Поведеніе его напоминаетъ во всѣхъ отношеніяхъ обезьяну. Онъ всегда умѣетъ подыскать для себя соотвѣтствующее занятіе и обращаетъ большое вниманіе на все, что происходитъ вокругъ него. Во время своихъ походовъ по дому и двору онъ причиняетъ хозяину много непріятностей. Онъ изслѣдуетъ и пробуетъ все, что попадаетъ ему какъ въ кладовой, такъ и въ саду или на дворѣ.

„Отличительными чертами характера енота,“ пишетъ Л. Бекманъ, „являются его безграничное любопытство, жадность, упрямство и склонность рыться по всѣмъ угламъ и закоулкамъ. Съ другой стороны онъ отличается хладнокровіемъ, самообладаніемъ и большимъ юморомъ. Отъ сочетанія всѣхъ этихъ качествъ получаются, само собою разумѣется, самые странные результаты. Лишь только убѣдится онъ въ невозможности достичь своей цѣли, страстное любопытство уступаетъ у него мѣсто тупому равнодушію, а упорная настойчивость самой полной покорности судьбѣ. Съ другой стороны, отъ лѣнивой угрюмости онъ часто неожиданно, во время какого нибудь паденія внизъ головою, вдругъ переходитъ въ самую разнузданную веселость и, несмотря на все самообладаніе и благоразуміе, начинаетъ дѣлать самыя величайшія глупости, какъ только страсти его возбуждены.

„Во время досуга, котораго такъ много у живущаго въ неволѣ енота, онъ изобрѣтаетъ себѣ всевозможныя занятія, чтобы скоротать свое время и разогнать свою скуку. То сидитъ онъ прямо въ углу своего помѣщенія и съ серьезнѣйшимъ выраженіемъ лица старается навязать себѣ на носъ какую нибудь соломинку; то задумчиво играетъ онъ пальцами задней своей лапы; то старается поймать увертливый конецъ своего длиннаго хвоста. Вотъ лежитъ онъ на спинѣ, навалилъ себѣ цѣлую грудку сѣна или сухихъ листьевъ на животъ и старается удержать на немъ эту рыхлую массу, крѣпко прижимая къ ней хвостъ, который звѣрекъ тянетъ

своими передними лапками. Если ему удастся очутиться у какойнибудь кирпичной стѣны, онъ выцарапываетъ своими острыми когтями известку между кирпичей и въ короткое время производитъ сильное опустошеніе. Превративши часть стѣны въ кучу мусора, садится онъ на нее, смотритъ угрюмо вокругъ и, утомленный трудной работой, старается растянуть передними лапками свой ошейникъ.

Вода, налитая въ его сосудъ послѣ того, какъ ее долго не было въ клѣткѣ, въ состояніи привести его въ страшную радость и онъ постарается сдѣлать все, чтобы только добраться до нея. Первымъ дѣломъ онъ предпринимаетъ тщательное изслѣдованіе глубины сосуда, потому что, полоская въ водѣ различные предметы, онъ рѣшается опускать въ нее лишь свои лапы. Енотъ терпѣть не можетъ очутиться самъ по голову въ мокрой средѣ. Произведя развѣдку, звѣрекъ съ нескрываемымъ чувствомъ удовольствія залѣзаетъ въ сосудъ и старается нащупать на днѣ какуюнибудь вещь, которую можно было бы пополоскать. Ручка разбитого стекла, кусочекъ фарфора, створка раковины доставляютъ ему большую радость и онъ тотчасъ же принимается за нихъ.

„Описываемый здѣсь енотъ заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ большою легавою собакой. Онъ охотно позволялъ связывать себя съ нею и въ этомъ случаѣ оба животныя слѣдовали шагъ за шагомъ за своимъ господиномъ, тогда какъ одинъ енотъ даже на веревкѣ всегда стремился идти своею собственною дорогою. Какъ только освобождали его утромъ съ цѣпочки, тотчасъ спѣшилъ онъ, радостно прыгая, отыскать своего друга. Вставъ на заднія лапы, охватывалъ онъ гибкими передними ногами шею собаки и прижималъ къ ней самымъ нѣжнымъ образомъ свою голову. Затѣмъ онъ начиналъ внимательно осматривать и ощупывать все тѣло своего четвероногого пріятеля и, казалось, каждый день открывалъ въ немъ новыя красоты, лицезрѣніемъ которыхъ и восхищался. Всѣ недостатки въ нарядѣ своего друга онъ тотчасъ же устранялъ полизываніемъ и приглаживаніемъ.

„Съ маленькими кусливыми таксами онъ не любилъ вступать въ дѣло, но тѣмъ не менѣе ему вдругъ приходило въ голову обнять подобнаго косолапаго товарища сверху. Если продѣлка удавалась, то онъ дѣлалъ высокій козлиный прыжокъ кзади и въ то же время старался схватить зубами на воздухѣ свой кольчатый хвостъ, развивавшійся между широко разставленными передними ногами.

„На всякихъ мелкихъ звѣрковъ и на птицъ онъ нападалъ и умерщвлялъ ихъ; удержатъ его отъ подобныхъ продѣлокъ не было никакой возможности. Мышей, крысъ и другихъ животныхъ онъ убивалъ быстрымъ укусомъ въ затылокъ, а затѣмъ съѣдалъ цѣликомъ, такъ какъ содрать съ нихъ мѣхъ ему удавалось, не смотря на всякія попытки, только отчасти.“

Убитый на охотѣ енотъ приноситъ не малую выгоду застрѣлившему его. Мясо его ѣдятъ не только коренные жители Америки и негры, но и европейцы, а мѣхъ находятъ многочисленныя примѣненія. Енотовыя шубы извѣстны всему свѣту; изъ ости дѣлаются хорошія кисти, изъ подшерстка фабрикуются шляпы, а хвостъ цѣликомъ идетъ на шарфы.

Другой видъ полоскуновъ, ракоѣдъ или агуара (*Procyon cancrivorus*) является представителемъ этого рода въ Южной Америкѣ, гдѣ онъ особенно распространенъ вдоль восточнаго берега названной части свѣта. Онъ немного выше своего сородича, окрашенъ въ сѣро-черный или въ желтовато-сѣрый цвѣтъ, со свѣтлой нижней стороной тѣла, темной мордой и съ пушистымъ хвостомъ, опоясаннымъ желтоватыми кольцами. Надъ каждымъ глазомъ расположено по свѣтлому пятну.

*

Къ еноту и другимъ полоскунамъ естественнымъ образомъ примыкаютъ носухи (*Nasua*). Родъ этотъ легко отличается своимъ длиннымъ, тонкимъ, напоминающимъ куницъ тѣломъ съ короткой шеей; длинной, заостренной головой, покрытымъ густыми волосами хвостомъ, равнымъ длинѣ остального тѣла и корот-

кими, сильными и широкими лапами, подошвы которыхъ голы. Но самый характерный признакъ носухъ — это ихъ носъ. Онъ далеко протягивается въ видѣ хобота впереди рта и окаймленъ острыми выгнутыми краями. Уши коротки и закруглены, живые глаза достаточно велики, а лапы съ почти совершенно сросшимися пальцами вооружены длинными, острыми, но слабо изогнутыми когтями. Зубная система походить на таковую полоскуновъ, но зубы нѣсколько тоньше.

Изъ установленныхъ различными естественными испытателями нѣсколькихъ видовъ носухъ въ настоящее время принимаютъ только два. Животныя эти варьируютъ не только по своему внѣшнему виду, но и ведутъ, какъ то несомнѣнно доказалъ Гензель, различный образъ жизни, смотря по возрасту, въ которомъ находятся. Принцъ фонъ Видъ отличалъ въ Бразиліи два вида, общественную и одинокую носухъ, а по изслѣдованіямъ Гензеля оказывается, что онѣ составляютъ лишь одинъ видъ. Дѣйствительно, одинокія носухи суть ни что иное, какъ сварливые старые самцы, удалившіеся отъ своихъ обществъ. Иначе обстоитъ дѣло съ рассматриваемыми здѣсь формами носухъ.

Самый извѣстный видъ этого рода — коати, въ Гвіанѣ называемая куасси; мы станемъ называть эту широко распространенную, водящуюся отъ сѣверной оконечности Южной Америки до Парагвая форму просто обыкновенной носухой (*Nasua rufa*). Общая длина ея тѣла достигаетъ до 100—105 сантиметровъ, изъ которыхъ приблизительно 45 с. приходится на хвостъ; высота животнаго въ загривкѣ равна 27—30 с. Густой, довольно длинный, однако не косматый мѣхъ его состоитъ изъ грубой, жесткой, блестящей ости, которая становится длиннѣе на хвостѣ, и изъ короткаго, мягкаго, нѣсколько курчаваго подшерстка, который особенно густъ на спинѣ и по бокамъ тѣла. Основная окраска, варьирующая на спинѣ между рыжимъ и сѣро-бурымъ цвѣтами, на нижней сторонѣ тѣла переходитъ въ желтоватую. Лобъ и темя желтовато-сѣраго цвѣта, губы бѣлыя, уши на задней своей поверхности буровато-черныя, а на передней — сѣровато-желтыя. Надъ каждымъ глазомъ расположено округлое, бѣлое пятно, другое такое же у внѣшняго угла глаза, а подъ глазомъ стоятъ два, часто сливающихся другъ съ другомъ пятнышка. По спинкѣ носа тянется бѣлая полоска. На хвостѣ чередуются бурожелтыя и черно-бурыя кольца.

Несомнѣнно самостоятельнымъ видомъ Гензель считаетъ бѣлоносу ю носуху (*Nasua parica*), свойственную Центральной Америкѣ. По росту она равняется обыкновенной носухѣ и напоминаетъ послѣднюю также и общей своей окраской. Верхъ тѣла животнаго болѣе или менѣе темный, смотря по тому, замѣтна или скрыта здѣсь свѣтлая окраска кончиковъ волосъ. Кольцо вокругъ глазъ, полоса, начинающаяся подъ глазомъ и идущая къ кончику носа, а также передняя часть морды сверху и снизу желтовато-бѣлаго цвѣта; бока шеи и горло нѣсколько темнѣе, остальной же низъ буроватый; лапы рѣзкаго бураго цвѣта.

Подробнымъ описаніемъ образа жизни носухъ на волѣ мы обязаны Азарѣ, Гензелю, Ренггеру и Принцу фонъ Виду.

„Носуха,“ говоритъ Гензель, „такъ обыкновенна въ Бразиліи, что я могъ раздобыть не меньше 200 ея череповъ. Путемъ сравненія этихъ череповъ точно также, какъ и изъ многочисленныхъ наблюденій коати въ природѣ, выяснилось, что старые самцы, которыхъ прежде считали особымъ видомъ, ведутъ одинокую жизнь. Они оставляютъ въ извѣстномъ возрастѣ стадо, которое они образовали до сихъ поръ съ самками, и возвращаются въ него только во время спариванія. Одинокихъ самокъ, съ другой стороны, никогда не приходится наблюдать. Если видишь одну самку коати, то можно быть вполне увѣреннымъ, что она отогнана временно отъ своего стада во время охоты на него или, что наблюдатель не видитъ находящагося вблизи отъ нея самца... Носухи животныя дневныя. Онѣ спятъ ночью, но въ теченіе дня, съ утра до вечера, неустанно предаются своимъ занятіямъ. Днемъ онѣ, повидимому, безпрестанно бродятъ, не оставляя неизслѣдованнымъ ни одного мѣста, которое имъ только доступно. Пища ихъ состоитъ, безъ сомнѣнія, изъ всего съѣдобнаго, что есть въ растительномъ и животномъ

царствахъ. Носухи охотно посѣщаютъ плантаціи, съ цѣлью поживиться кукурузою въ то время, когда зерна ея еще мягки.“

Добычей носухъ становятся всевозможныя мелкія животныя, а насѣкомыя, ихъ личинки, черви, моллюски представляютъ для нихъ, повидимому, лакомство. Почувявъ червяка въ землѣ или личинку жука въ гниломъ деревѣ, онѣ всячески стараются раздобыть эту добычу, усердно скребутъ и роютъ передними лапами, засовываютъ время отъ времени носъ въ разрытую ямку и вынюхиваютъ подобно тому, какъ дѣлаютъ это наши собаки, охотясь за мышами въ полѣ, до тѣхъ поръ, пока не добьются своего. Все утро проходитъ въ шумѣ и свистѣ, раскапываніи и изслѣдованіи почвы, въ лазаньи и, наконецъ, въ ссорахъ; если въ лѣсу становится жарко, общество идетъ съискать себѣ какое нибудь подходящее для отдыха мѣсто. Найдя удобное дерево или уютный кустарникъ, каждый членъ общества преспокойно растягивается на одной изъ вѣтвей и безмятежно предается сну. Послѣ полудня общество отправляется дальше и странствуетъ до тѣхъ поръ, пока вечеръ не заставитъ призадуматься о безопасномъ ночлегѣ. Если какое либо изъ животныхъ замѣтитъ непріятеля, то тотчасъ же даетъ знать объ этомъ своимъ товарищамъ громкими свистящими звуками и вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшно взбирается на дерево. Всѣ остальные члены стада слѣдуютъ этому примѣру и въ одно мгновеніе все общество распределяется по вѣтвямъ верхушки. Если влѣзть за ними на дерево или даже сильнѣе постучать по нему топоромъ, то носухи взбираются еще выше, доходятъ до конца вѣтвей, а затѣмъ прыгаютъ внизъ, на землю и убѣгаютъ. Если же ихъ не беспокоятъ, онѣ спускаются съ дерева головою внизъ; животныя выворачиваютъ заднія ноги кнаружи и кзади и плотно прицѣпляются ими къ стволу. По вѣтвямъ носухи двигаются съ большою осторожностью, но дѣлать прыжки съ одного дерева на другое, какъ мы видимъ это у обезьянъ, коати почти никогда не рѣшаются, хотя и въ состояніи ихъ производить: по ловкости животныя эти ничуть не уступаютъ ни обезьянамъ, ни кошкамъ. На ровной почвѣ движенія носухъ много неуклюжѣе, чѣмъ въ вѣтвяхъ деревьевъ. Здѣсь онѣ ходятъ шагомъ съ вертикально приподнятымъ хвостомъ или дѣлаютъ небольшіе прыжки. Къ землѣ онѣ прикасаются въ этихъ случаяхъ лишь половиною подошвы, на полную же ступаютъ только тогда, когда стоятъ на мѣстѣ. Бѣгъ коати даетъ картину безпомощности животнаго, но онъ тѣмъ не менѣе представляетъ очень быстрый галопъ. Воды носухи, повидимому, боятся и рѣшаются входить въ нее только въ крайнемъ случаѣ; тѣмъ не менѣе онѣ плаваютъ достаточно хорошо для того, чтобы перебираться черезъ рѣки и даже широкія.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у носухъ лучше всего развито безъ сомнѣнія обоняніе, за нимъ слѣдуетъ слухъ, зрѣніе же, вкусъ и осязаніе сравнительно слабы. Ночью носухи не видятъ, а днемъ по крайней мѣрѣ не достаточно хорошо; осязаніе сосредоточено почти исключительно въ хоботообразномъ носѣ, который является такимъ образомъ главнымъ органомъ этого чувства.

По Ренггеру самка носухи мечетъ на волѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ отъ 3 до 5 дѣтенышей въ дуплѣ дерева, въ земляной норѣ, въ ямѣ, густо поросшей кустарникомъ или въ какомъ нибудь подобномъ же укромномъ уголкѣ. Здѣсь коати держитъ свое потомство до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ въ состояніи сопровождать свою мать во всѣхъ ея странствованіяхъ.

Мютцель, рисуя семейство носухъ въ Бреславскомъ зоологическомъ саду, сдѣлалъ надъ ними наблюденія и сообщилъ мнѣ слѣдующее.

„Первое впечатлѣніе отъ этого общества было весьма странное. Мать ухаживала за своими дѣтенышами съ глубочайшимъ спокойствіемъ. Она сидѣла или, вѣрнѣе, лежала на крестцѣ на подстилкѣ изъ соломы, прислонившись къ стѣнѣ своего помѣщенія спиною; заднія ноги ея были широко разставлены и протянуты въ мою сторону, а сама она обнюхивала и облизывала своихъ ребятъ, которыя сосали мать, прикрывая весь ея животъ. Отъ старухи видны были только голова да переднія ноги, въ то время какъ ее лучеобразно окружали пять кольчатыхъ хвостикъ, изъ которыхъ каждый начинался отъ бугра волосяного

шара, представлявшаго собою тѣло маленькихъ животныхъ. Сцена эта однако скоро переѣнилась. Мое присутствіе отвлекло вниманіе матери отъ ея малютокъ. Съ любопытствомъ поднялась она со своего логовища и старалась заставить ребятъ оторваться отъ сосковъ; но малютки держались крѣпко и матери пришлось такимъ образомъ протащить ихъ по полу помѣщенія вплоть до рѣшетки; одинъ изъ нихъ впрочемъ оставилъ сосокъ, но валялся передъ нею еще въ полусонномъ состояніи; мать безъ жалости отодвинула его въ сторону. Только много уже спустя, пока мать долго разсматривала меня, пришли въ себя остальные дѣтеныши, тоже обратили вниманіе на необычное явленіе, перестали тяготить мать и со своей стороны стали знакомиться со мной. Они дали мнѣ этимъ возможность подробно осмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ. Несмотря на ихъ совершенно юношескія формы, цвѣтомъ своего наряда они вполне походили на взрослыхъ, но именно вслѣдствіе этого фizioноміи ихъ и получали въ высшей степени комическое выраженіе. Блестящій черный носъ, все время находившійся въ движеніи, длинная морда, блестящія, черныя глазенки, безъ выраженія, окаймленные вмѣсто бѣлой полосы рядомъ свѣтлыхъ пятенъ въ перемежку съ бурыми, разрисованныя бурыми и бѣлыми зубчатыми пятнами щеки, выпуклая голова съ довольно большими, бѣлыми, подвижными ушами, округлое, какъ у медвѣдя, тѣло, длинный, пушистый, разрисованный кольцами хвостъ, который звѣрки носятъ приподнятымъ, — все это представляло крайне потѣшное зрѣлище, особенно тогда, когда животныя принялись бѣгать или лазать. Всѣ движенія ихъ были неуклюжи, на половину обдуманны, на половину совершались безтолку, такъ что видъ ихъ совершенно плѣнялъ наблюдателя, а необыкновенно добродушное, милое выраженіе лица малютокъ возбуждало въ зрителѣ сильнѣйшее участіе къ нимъ.

„Но мнѣ хотѣлось увидать что-нибудь и новое, а потому я поднесъ старухѣ мышъ. Она тотчасъ же подбѣжала къ ней, сильно куснула ее въ голову, будто мертвую уже мышку необходимо было убить вторично, положила ее передъ собою на землю и принялась, придерживая звѣрка передними лапами, уплетать съ задней части тѣла. Это мнѣ показалось страннымъ, но сторожъ объяснилъ мнѣ, что носуха всегда имѣетъ обыкновеніе начинать ѣсть животное съ этого, а не съ головного конца тѣла, какъ дѣлаютъ другіе хищные звѣри. При второмъ блюдѣ, умерщвленной крысѣ, я тотчасъ же могъ подтвердить это показаніе. Крысѣ тоже былъ нанесенъ укусъ въ голову; затѣмъ носуха обнюхала ее и наконецъ стала пожирать съ хвоста, за которымъ послѣдовали бедра, остальное тѣло и только потомъ уже исчезла голова. Если мышъ была съѣдена въ нѣсколько секундъ, то пожираніе крысы заняло много болѣе времени. Къ этой трапезѣ, само собою разумѣется, пожелали присоединиться и дѣтеныши, но мать не дозволила имъ этого. Потому ли, что она считала мясную пищу не подходящей малюткамъ, или, вѣроятно, оттого, что она думала лишь о себѣ, но она сердито фыркала, отталкивала ихъ въ стороны, а когда тѣ не прекращали своихъ назойливыхъ попытокъ, то отбрасывала ихъ передними лапами вбокъ и назадъ. Дѣтеныши быстро вскакивали на ноги и въ концѣ концовъ окружили въ почтительномъ разстояніи пирующую мать. Со взглядами, полными зависти и жадности, постоянно двигая приноживающимся носомъ, приподнявъ всѣ пять хвостовъ вверхъ и лишь изрѣдка описывая, по кошачьи, кончиками ихъ небольшіе круги въ воздухѣ, стояли они, представляя восхитительную иллюстрацію младенческой алчности. Наконецъ вкусное жаркое было скушано кромѣ небольшого кусочка, который тоже не долженъ былъ достаться малюткамъ; мать положила его въ недоступную имъ дырочку на высотѣ приблизительно полу-метра и тщательно засунула его туда при помощи своего длиннаго, подвижнаго носа. Сытая и въ самомъ довольномъ настроеніи духа мать побѣжала на свою подстилку и разлеглась здѣсь на отдыхъ, между тѣмъ какъ въ передней части клѣтки разыгрался слѣдующій интересный эпизодъ.

„Здѣсь остались лежать незамѣченные матерью два кусочка крысиной шкурки и на эти скудные остатки накинулись малыши съ такою жадностью и усердіемъ, какихъ мнѣ не приходилось еще никогда видѣть. Началась свалка, которая

заставила меня хохотать до слезъ. Пять пестрыхъ рожицъ, пять пушистыхъ тѣлецъ, пять торчащихъ вверхъ хвостикъ сливались вмѣстѣ, сталкивались, покатывались другъ на друга, перепутывались; неуклюжія созданія стали бѣгать, падать, кувыркаться, кататься по полу, перелѣзать черезъ терпѣливую мать, влѣзать и слѣзать съ поставленнаго въ клѣтку дерева, — и все это съ такою поспѣшностью, что просто трудно было слѣдить за ними глазами.“

Европейцы, живущіе въ Южной Америкѣ и Мексико, охотятся за носухами главнымъ образомъ изъ за удовольствія. Со сворою собакъ идутъ они въ лѣсъ и отыскиваютъ при помощи ихъ стадо носухъ. Завидя собакъ, носухи съ крикомъ бросаются на ближайшія деревья; собаки лаютъ на нихъ и охотнику легко тогда перестрѣлять ихъ. Желая снять ихъ съ дерева, необходимо однако стрѣлять въ нихъ сильнымъ зарядомъ, потому что, будучи только ранеными, онѣ ложатся въ развилку сучка и тогда приходится влѣзать за ними, часто съ большимъ трудомъ. Одной собакѣ очень трудно справиться съ носухой. Особенно хорошо умѣютъ защищаться своими острыми зубами одинокіе самцы; они смѣло оборачиваются, когда собака настигнетъ ихъ, и съ бѣшенымъ крикомъ начинаютъ ее кусать. Шкуры своей они во всякомъ случаѣ дешево не уступаютъ и нерѣдко сильно ранятъ 5—6 собакъ прежде, чѣмъ дадутъ себя одолѣть. Мясо носухи охотно ѣдятъ не только туземцы, но и европейцы.

Въ неволѣ носуха не нуждается въ тщательномъ уходѣ за нею. Она привикаетъ къ человѣку легко, но никогда не привязывается къ нему сильно, даже сдѣлавшись очень ручной. Подобно обезьянѣ играетъ она со всѣми людьми одинаково, а также со всѣми товарищами по заключенію, напр. съ собаками, кошками, курами, утками и т. под. Она не любитъ только, когда ее тревожатъ во время ѣды и даже самыя ручныя носухи кусаютъ въ этомъ случаѣ людей и животныхъ, которыя намѣреваются вырвать у нея пищу. Въ характерѣ носухи много самостоятельности, даже необузданности. Она никоимъ образомъ не подчиняется волѣ человѣка, но тотчасъ же приходитъ въ ярость, коль скоро на нее налагается какая либо узда. Принудить нельзя ее даже побоями; наоборотъ она тотчасъ же начинаетъ при этомъ злобно защищаться и сильно кусаетъ и сторожа, и всякаго посторонняго.

Конечно, такое раздражительное, неподатливое существо не особенно-то способно къ воспріимчивости. Носуху почти ни къ чему нельзя приучить. Ренггеръ, правда, видѣлъ одну носуху, которая служила подобно пуделю на заднихъ лапахъ по приказанію своего хозяина и замертво падала, когда стрѣляли холостымъ зарядомъ. Подобныя понятливыя коити принадлежатъ, однако, къ большимъ исключеніямъ.

Свободно бѣгающая по дому носуха становится до крайности тягостной. Она всюду роетъ своимъ носомъ и опрокидываетъ всевозможные предметы. Въ носу у нея сосредоточивается значительная сила, а переднія лапы отличаются порядочной ловкостью, и она прекрасно умѣетъ примѣнить къ дѣлу какъ ту, такъ и другую. Она рѣшительно ничего не оставляетъ нетронутымъ. Если ей попалась книга, она переворачиваетъ всѣ листы ея, попеременно и необыкновенно быстро пуская въ ходъ обѣ переднія лапы; если ей даютъ сигару, она совершенно раскручиваетъ ее тѣмъ же самымъ способомъ; видитъ она какой нибудь стоящій и интересующій ее предметъ, она тотчасъ же ударяетъ его сначала правой, а затѣмъ лѣвой лапой, продолжая это до тѣхъ поръ, пока онъ не свалится на полъ.

*

Еще не такъ давно одинъ содержатель звѣринца въ Парижѣ съ полнымъ и законнымъ правомъ могъ объявить, что онъ показываетъ неизвѣстнаго еще натуралистамъ звѣря, котораго онъ получилъ изъ Америки. Около того же времени, въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, подобное же животное прибыло и въ Лондонъ, гдѣ столь же сильно заинтересовало естествоиспытателей, какъ и въ Парижѣ. Это загадочное существо оказалось цѣпкохвостымъ медвѣдемъ, о

которомъ въ то время дѣйствительно почти ничего не знали. Одни причисляли его къ лемурамъ, другіе же считали, принимая въ расчетъ совершенно отличную отъ полуобезьянѣй систему зубовъ, за виверру и дали ему названіе мексиканской виверры. Но и къ этой группѣ животное подходило не совсѣмъ, потому что имѣло цѣпкій хвостъ и притупленные, настоящіе коренные зубы, указывавшіе на смѣшанный родъ пищи звѣрка. Въ концѣ концовъ его помѣстили, вмѣстѣ съ другими, не менѣе странными существами, въ семейство медвѣдей.

Цѣпкохвостый медвѣдь, кинкажу, манавири или кухумби, какъ его называютъ на родинѣ его, въ сѣверной Бразиліи (*Cercoleptes caudivolvulus*), представляетъ соединительное звено между медвѣдями и виверрами. Очень длинное, но вмѣстѣ съ тѣмъ неуклюжее туловище покоится на короткихъ ногахъ;



Цѣпкохвостый медвѣдь (*Cercoleptes caudivolvulus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

голова необыкновенно коротка, толста и съ короткой же мордой; глаза умѣренной величины; уши малы; пять пальцевъ ногъ на половину срослись и вооружены сильными когтями; подошвы лапъ голыя. Хвостъ, превосходящій длину тѣла, цѣпокъ въ той же степени, какъ у нѣкоторыхъ сумчатыхъ животныхъ или у цѣпкохвостыхъ обезьянъ. Длина взрослого кинкажу достигаетъ 90 сантиметровъ, изъ которыхъ 47 см. приходится на хвостъ; высота у загривка равна 17 см. Очень густой, довольно длинный, нѣсколько курчавый, мягкій и бархатисто-блестящій мѣхъ на верхней сторонѣ тѣла и на бокахъ свѣтлаго сѣровато-желтаго цвѣта со слабымъ рыжеватымъ налетомъ и въ черно-бурыхъ волнистыхъ полосахъ, которыя особенно рѣзко выступаютъ на головѣ и на спинѣ; отъ затылка до корня хвоста вдоль всей спины тянется рѣзкая темная полоса; низъ тѣла рыже-бурый, брюхо свѣтлѣе съ темной ржаво-бурой полосой; наружная сторона ногъ черно-бурая; хвостъ у основанія бурый, конечная половина его почти черная.

Въ настоящее время мы знаемъ, что область распространенія кинкажу очень обширна. Онъ водится во всей сѣверной части Бразиліи, въ Перу, а къ сѣверу до Мексико и даже до южной Луизианы и Флориды. Онъ живетъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, особенно по близости большихъ рѣкъ и держится на деревьяхъ. Образъ

жизни его совершенно ночной; днемъ животное спитъ въ дуплахъ деревь, ночью же дѣлается необыкновенно оживленнымъ и весьма ловко лазаешь по вершинамъ высокихъ деревьевъ, гдѣ отыскиваетъ свою добычу. При этомъ кинкажу сильно помогаетъ его цѣпкій хвостъ. Звѣрекъ этотъ врядъ ли уступаетъ въ искусствѣ лазанія обезьянамъ. Всѣ движенія его въ высшей степени ловки и вѣрны. Кинкажу прекрасно умѣетъ цѣпляться за вѣтви и сучья хвостомъ и задними лапами и въ состояніи спускаться съ дерева головою внизъ. При ходьбѣ онъ ступаетъ на всю подошву.

Всѣ, кому случалось до сихъ поръ наблюдать кинкажу, согласны въ томъ, что по отношенію къ человѣку онъ добродушенъ и кротокъ и очень скоро становится довѣрчивымъ и ласковымъ; онъ узнаетъ, подобно собакѣ, голосъ своего хозяина, охотно принимаетъ отъ него ласки и самъ ищетъ его общества. Кинкажу самъ приглашаетъ своего хозяина играть и заниматься съ нимъ, а потому является однимъ изъ самыхъ любимыхъ домашнихъ животныхъ у туземцевъ Южной Америки. Въ неволѣ онъ тоже спитъ почти весь день и закрываетъ при этомъ свое тѣло, особенно же голову хвостомъ. Онъ ѣстъ рѣшительно все, что только даютъ ему: хлѣбъ, мясо, плоды, вареный картофель, овощи, сахаръ, консервы. пьетъ молоко, кофе, воду, вино, даже водку, пьянѣетъ отъ напитковъ, которые содержатъ алкоголь, но по нѣсколькимъ днямъ хвораетъ отъ нихъ. Время отъ времени онъ нападаетъ также на домашнюю птицу, умерщвляетъ ее, высасываетъ изъ нея кровь, а затѣмъ бросаетъ. Капплеръ, наблюдавшій кинкажу въ Гвіанѣ, пишетъ о немъ слѣдующее. „Кинкажу питается исключительно плодами и становится необыкновенно ручнымъ. Я получилъ отъ индѣйцевъ одно молодое животное этого вида, которое было приучено бѣгать на свободѣ. Никто изъ домашнихъ не зналъ, гдѣ онъ проводилъ день, но коль скоро мы сѣли вечеромъ за столъ, тотчасъ же являлся Вава, какъ мы его звали, и начиналъ забавлять насъ своими смѣшными ласками и между прочимъ тѣмъ, что старался сунуть мнѣ въ ротъ, уши и носъ свой длинный язычекъ. Онъ ѣлъ спѣлые бананы и другіе плоды. Когда ночью запирали домъ, Ваву выпускали за дверь и онъ влѣзалъ на хлѣбныя, кокосовыя и другія деревья, такъ какъ весьма неохотно держался на землѣ. Онъ прожилъ у меня больше года, когда вдругъ умеръ совершенно внезапно.“

*

Къ описаннымъ выше американскимъ формамъ этого подсемейства примыкаетъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ одно небольшое хищное животное, которое прежде относилось къ виверрамъ, именно — кошачій хорекъ или, какъ его называлъ уже въ 1651 году Гернандецъ, — какамицли мексиканцевъ (*Bassariscus astuta*). Взрослый самецъ достигаетъ общей длины тѣла въ 95 сантиметровъ, изъ которыхъ около двухъ пятыхъ приходится отнести на хвостъ. Внѣшнимъ видомъ своимъ животное напоминаетъ небольшую лисицу, а по окраскѣ носуху.

Насколько до сихъ поръ извѣстно, какамицли водится въ Мексико и Техасѣ, причемъ въ первой странѣ живетъ въ ущельяхъ горъ и въ покинутыхъ строеніяхъ, а во второй главнымъ образомъ въ дуплахъ деревь. Въ Мексико она часто встрѣчается въ столицѣ этого государства, и Чальвсвортъ полагаетъ даже, что онъ никогда не селится далеко отъ человѣческаго жилья, которое значительно облегчаетъ ему своими птичьими дворами добывать пропитаніе.

Какамицли оживленное, игривое и веселое существо, которое сильно напоминаетъ своими движеніями и позами бѣлку, за что и получило у мексиканцевъ названіе „кошачей бѣлки.“ Если спугнуть его изъ его дупла, какамицли принимаетъ миловидное положеніе этого грызуна и подобно ему закидываетъ свой хвостъ на спину. Лазаешь этотъ звѣрекъ превосходно, но не рѣшается вѣрно и ловко перепрыгивать съ одного сучка на другой, какъ это дѣлаетъ бѣлка; онъ бѣжитъ, если его спугнуть, по сучку, по возможности до конца его, а затѣмъ старается перебраться на другой по вѣтвямъ. Иногда его приходится наблюдать

растянувшимся вдоль сучка и грѣющимся на солнцѣ; онъ лежитъ при этомъ нѣсколько свернувшись, безъ движенія и, повидимому, спитъ. При малѣйшемъ намекѣ на опасность какамицли, однако, тотчасъ поспѣшно проскальзываетъ въ свое дуплышко и снова показывается лишь послѣ заката солнца.

Несмотря на то, что какамицли пугливъ и любитъ уединеніе, приручить его удастся довольно хорошо. Послѣ болѣе продолжительнаго пребыванія въ клѣткѣ ему можно даже дозволить свободно бѣгать по двору и по дому. Мексиканцы часто держатъ его въ качествѣ комнатнаго животнаго, гдѣ онъ становится весьма полезенъ истребленіемъ крысъ и мышей.

Пятый отрядъ.

Ластоногія (Pinnipedia).

Ластоногія суть морскія животныя, которыхъ въ противоположность китамъ даже не натуралистъ всегда признаётъ за млекопитающихъ. У нихъ имѣются всѣ четыре ноги и, если эти ноги и волочатся, то онѣ всетаки явственно отдѣлены отъ туловища, а пальцы лапъ носятъ явственные слѣды расчлененія. У большей части ластоногихъ пальцы совершенно подвижны и соединены другъ съ другомъ только плавательными перепонками; у немногихъ же формъ они виолнѣ покрыты общимъ покровомъ тѣла, неподвижны, но все же различимы по когтямъ, сидящимъ на наружной ихъ сторонѣ. Своеобразное строеніе имѣютъ, собственно говоря, только лапы заднихъ конечностей. Устройство пальцевъ ихъ нѣсколько иное, чѣмъ мы до сихъ поръ видѣли: самымъ длиннымъ и сильнымъ пальцемъ является не средній, а всѣ они равной длины и лежатъ въ одной плоскости. Въ остальномъ организація ластоногихъ хотя и отличается отъ строенія извѣстныхъ намъ уже млекопитающихъ, но все же они довольно близки къ хищнымъ животнымъ, особенно къ выдрамъ и медвѣдямъ. Этимъ сходствомъ оправдывается отнесеніе ихъ нѣкоторыми зоологами къ только что названному отряду. Сравнительно небольшая голова ластоногихъ отдѣлена отъ шеи довольно явственно и напоминаетъ голову выдры и медвѣдя. Носъ отличается своими косыми, щелевидными ноздрями, которыя могутъ закрываться. Глаза большіе и снабжены мигательной перепонкой. Наружное ухо, которое можетъ тоже закрываться, нѣсколько развито лишь у одного семейства ластоногихъ, у всѣхъ же остальныхъ ушная раковина совершенно отсутствуетъ. Короткая и толстая шея непосредственно переходитъ въ болѣе или менѣе вальковатое, кзади постепенно утончающееся туловище; хвостъ находится въ зачаточномъ состояніи. Толстая, плотная кожа покрыта большею частью простой, равномерной остью, которая иногда удлиняется въ гриву; у нѣкоторыхъ видовъ есть, однако, и подшерстокъ. Зубная система и внутреннее строеніе, несмотря на значительное сходство съ соотвѣтственными системами плотоядныхъ животныхъ, всегда имѣютъ вполне опредѣленные отличительныя черты.

Позвоночный столбъ напоминаетъ хищныхъ животныхъ; шейные позвонки рѣзко отдѣлены другъ отъ друга и снабжены очень развитыми отростками. Грудная часть позвоночника состоитъ изъ 14 или 15 позвонковъ, поясничная изъ 5 или 6, крестцовая изъ 2—7 сросшихся вмѣстѣ, а хвостовая изъ 9—15. Въ переднемъ поясѣ ключицы нѣтъ. Кости конечностей отличаются своею короткостью; лучевая и локтевая кости предплечія всегда свободны и точно также никогда не срастаются большая и малая берцовыя кости голени; запястье и стопа образованы правильно.

Ластоногія распространены по всѣмъ морямъ земного шара; они имѣютъ своихъ представителей какъ на крайнемъ югѣ, такъ и на сѣверѣ и встрѣчаются даже въ большихъ средиземныхъ моряхъ и озерахъ средней Азіи. Тюлени попали сюда частью по вытекающимъ изъ этихъ водоемовъ рѣкѣ, частью же остались

здѣсь послѣ отдѣленія ихъ отъ океановъ. Въ сѣверныхъ широтахъ живетъ большая часть видовъ ластоногихъ, за то югу свойственны самыя замѣчательныя формы. Обыкновенно ластоногія держатся вблизи береговъ и многія изъ нихъ предпринимаютъ періодическія странствованія вдоль нихъ; нѣкоторые виды заходятъ также и въ рѣки. На сушѣ тюлени держатся только при извѣстныхъ обстоятельствахъ, именно въ періодъ размноженія и въ то время, когда еще очень молоды; все остальное время жизни они проводятъ преимущественно въ водѣ, которая такимъ образомъ и служитъ главнымъ ихъ мѣстопробываніемъ. На сушѣ ластоногія являются очень безпомощными животными, въ водѣ же движутся они съ замѣчательной ловкостью. Съ большимъ трудомъ выползаютъ они съ берега на прибрежныя скалы или на пловучія льдины и разлагаются здѣсь для того, чтобы уютно погрѣться на солнцѣ. При малѣйшей опасности животныя эти снова стараются по возможности скоро убраться въ безопасное для нихъ море. Плаваютъ и ныряютъ они просто мастерски. Для нихъ совершенно безразлично плаваютъ ли они брюхомъ внизъ или вверхъ; они въ состояніи плавать, какъ я могу засвидѣтельствовать на основаніи собственныхъ наблюденій, даже задомъ. Каждый изгибъ ихъ тѣла, каждый поворотъ, вообще каждое движеніе совершается у этихъ животныхъ съ замѣчательной ловкостью. „Приходишь просто въ восторгъ“, пишетъ Гаакъ, „наблюдая, какъ тюлени ловятъ рыбу. Въ обширномъ бассейнѣ Франкфуртскаго акварія можно видѣть тюленей, ловящихъ живую рыбу, черезъ стекло темной комнаты для поспѣтителей. Удивляешься той вѣрности и ловкости, съ которыми они какимъ нибудь однимъ хорошо рассчитаннымъ поворотомъ, изгибомъ или перегибомъ того или другого лапа, удлинненіемъ или сокращеніемъ шеи стараются слѣдовать за кидающейся отъ нихъ въ испугъ рыбой, исчезающей черезъ нѣсколько мгновеній въ пасти тюленя, всасывающаго ее, повидимому, въ себя. Весьма ловко умѣютъ также наши тюлени поддерживать себя на одномъ мѣстѣ въ стоячемъ положеніи, тихо перебирая лапами, когда слѣдятъ, высунувшись изъ воды, за сторожемъ, бросающимъ имъ пищу“. Съ другой стороны на сушѣ не болѣе какъ безпомощно ковыляють даже тѣ виды, о которыхъ можно еще сказать, что они ходятъ; всѣ же остальные ластоногія передвигаются здѣсь въ высшей степени страннымъ, исключительно имъ однимъ свойственнымъ способомъ. Способъ этотъ почти тотъ же самый, какимъ двигаются гусеницы нѣкоторыхъ бабочекъ. Тюлень, желающій перейти по землѣ съ мѣста на мѣсто, кидается на грудь, изгибаетъ тѣло кошачьимъ горбомъ, упирается задней частью тѣла, напр. пахами, а затѣмъ быстро распрямляетъ тѣло, чѣмъ снова перебрасываетъ свою грудь впередъ. При посредствѣ этихъ послѣдовательныхъ упираний передней и задней частей тѣла, этихъ сгибаній и разгибаній туловища, животное подвигается съ мѣста все же еще сравнительно быстро. Ноги не оказываютъ ему при этомъ, собственно говоря, никакой услуги: тюлень пускаетъ ихъ въ дѣло тогда, когда взбирается вверхъ. Онъ пользуется ими, да къ тому же весьма ловко, также тогда, когда хочетъ почиститься, почесаться или пригладить свою шерсть; ноги помогаютъ ему также придерживать какіе нибудь предметы, напр. прижать дѣтеныша къ груди.

Всѣ ластоногія — животныя въ высшей степени общественныя. Одиночныхъ тюленей встрѣчать почти никогда не приходится. Чѣмъ нѣпстѣннѣе мѣстность, тѣмъ большія стада и общества образуютъ эти животныя. Чѣмъ меньше беспокоить ихъ человекъ, тѣмъ довѣрчивѣе, я хотѣлъ бы сказать милѣе, эти крайне пугливыя въ населенныхъ мѣстностяхъ существа.

Ластоногія ведутъ ночной образъ жизни. День проводятъ они охотнѣе всего на сушѣ, спятъ и грѣются здѣсь на солнцѣ. Тутъ они представляютъ полную противоположность того, чѣмъ являются въ водѣ. На землѣ не остается и слѣда отъ того проворства и подвижности, которыя характеризуютъ ихъ въ родной ихъ средѣ; на сушѣ они являютъ намъ картину полнѣйшей лѣни. Имъ просто ненавистно малѣйшее нарушеніе удобно ими избраннаго положенія, а нѣкоторыхъ ластоногихъ даже трудно принудить къ бѣгству. Съ наслажденіемъ потягиваются они на своемъ ложѣ, подставляя пріятно согрѣвающимъ лучамъ солнца то спину, то бока, то брюхо, щурятъ глаза, зѣваютъ и вообще походятъ болѣе на мертвую массу, чѣмъ

на живое существо. Только періодически открывающіяся и закрывающіяся ноздри ихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что они живы. При полномъ здоровьи и во время размноженія ластоногія не ѣдятъ по цѣлымъ недѣлямъ, но въ концѣ концовъ голодъ заставляетъ ихъ двинуться съ мѣста и снова отправиться въ море, гдѣ они однако очень быстро округляютъ свое тѣло и нагуливаютъ жиру. По наблюденіямъ Гааке, сдѣланнымъ во Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, тюлени могутъ переносить голодъ по крайней мѣрѣ въ теченіе шести недѣль. Въ молодости ластоногія живая, игривая и веселая созданія, въ старости же они становятся часто весьма сварливыми и до безобразія лѣнивыми животными. Въ извиненіе ластоногихъ необходимо, конечно, сказать, что вслѣдствіе полной безпомощности ихъ на сушѣ они кажутся еще болѣе лѣнивыми, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Подвергаясь безпокойству, они отправляются весьма поспѣшно, какъ уже сказано, въ воду; но если опасность является неожиданно, то они до такой степени пугаются и теряются, что начинаютъ вздыхать и трястись всѣмъ тѣломъ. Въ этихъ случаяхъ они напрасно употребляютъ всѣ усилія, чтобы уйти отъ врага. Если дѣло касается, съ другой стороны, защиты дѣтенышей, то самки нѣкоторыхъ видовъ выказываютъ въ подобныхъ обстоятельствахъ большую смѣлость и отвагу. На пустынныхъ, рѣдко посѣщаемыхъ островахъ многія ластоногія до такой степени равнодушны къ посѣщеніямъ постороннихъ, что спокойно дозволяютъ ходить имъ между собою. Но они становятся крайне осторожны, когда ближе познакомятся съ человѣкомъ, этимъ заклятымъ врагомъ всего живущаго.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у ластоногихъ лучше всего развитъ слухъ, несмотря на полное отсутствіе или на несовершенство ушной раковины; съ другой стороны зрѣніе и обоняніе стоятъ много ниже. Голосъ ихъ состоитъ изъ охриплыхъ звуковъ, которые напоминаютъ то лай собаки, то мычаніе теленка или ревъ быка.

Каждое стадо ластоногихъ представляетъ одну семью. Самцы живутъ всегда въ многоженствѣ. Мѣсяцевъ черезъ 6—12 послѣ спариванія самка мечетъ одного, рѣдко двухъ дѣтенышей. Молодые животныя — красивенькія, веселыя существа.

Взаимная привязанность старыхъ и молодыхъ одинаково нѣжна, а самка защищаетъ своего дѣтеныша отъ опасности съ полнымъ самопожертвованіемъ. Отецъ радуется веселымъ играмъ потомства, выражаетъ настроеніе своего духа довольнымъ ворчаніемъ и слѣдитъ за быстродвигающимся и кувыркающимся малюткой по крайней мѣрѣ глазами, такъ какъ иначе помочь ему въ игрѣ онъ не въ состояніи благодаря своей комплекціи. Самое большее черезъ два мѣсяца по рожденіи дѣтеныши развились уже на столько, что перестаютъ сосать. Растутъ они очень быстро; ластоногія достигаютъ полного роста въ возрастѣ 2—6 лѣтъ, а въ 25—40 лѣтъ отживаютъ свой вѣкъ и впадаютъ въ дряхлость.

Пищу ластоногихъ составляютъ всевозможныя животныя, главнымъ же образомъ рыба, моллюски и ракообразныя. Говорятъ, что нѣкоторые виды становятся опасными для птицъ, которыхъ мелкіе же виды не трогаютъ, а также и другимъ тюленямъ. Въ Дюссельдорфскомъ зоологическомъ саду случилось разъ, что тюлени вдругъ умертвили подъ водой всѣхъ утокъ, съ которыми нѣкоторое время дружно жили въ одномъ пруду. Съ цѣлью ускорить пищевареніе нѣкоторые тюлени глотаютъ, подобно птицамъ, камни, другіе же наполняютъ при голодѣ желудокъ водорослями.

Охота на ластоногихъ обыкновенно представляетъ безжалостную бойню. Поэтому въ данномъ случаѣ слово это не употребляется, а говорятъ о боѣ или рѣзкѣ тюленей. Благородный спортъ здѣсь не при чемъ. Тутъ бьютъ безразлично какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, крупныхъ и мелкихъ животныхъ. Вслѣдствіе такого поголовнаго истребленія почти всѣ виды ластоногихъ значительно поубавились въ числѣ, а нѣкоторые доживаютъ свои послѣдніе дни. Отъ громаднхъ стадъ, покрывавшихъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія пустынные острова, мы видимъ теперь лишь жалкіе остатки. Ворвань, жиръ, клыки и шкуры ластоногихъ суть тѣ части ихъ, которыя цѣнятся и заставляютъ человѣка усердствовать въ своей истребительной дѣятельности.

Отрядъ ластоногихъ естественно распадается на три семейства. Выше всѣхъ стоятъ тюлени, у которыхъ совершенно исчезла ушная раковина и утеряна способность опираться при ходьбѣ на заднія ноги. На противоположномъ концѣ ряда стоятъ сивучи, претерпѣвшіе наименьшее измѣненіе въ строеніи тѣла, сохранившіе наружное ухо и пользующіеся задними ногами при передвиженіи по землѣ. Среднее мѣсто между двумя упомянутыми семействами занимаютъ моржи, которые лишены ушей, но могутъ передвигать подъ животомъ заднія ноги впередъ.

Тюлени (*Phocidae*) распространены много шире другихъ двухъ семействъ и живутъ не только въ моряхъ океановъ, но и въ большихъ водоемахъ внутри страны, которые соединяются съ тѣми посредствомъ рѣкъ или составляли съ ними одно цѣлое въ давно прошедшія времена, каковы, напр., Байкальское озеро и Каспійское море. Представители этого семейства обитаютъ всѣ пояса земного шара, но преимущественно свойственны и чаще встрѣчаются въ холодныхъ частяхъ его. Особенно много видовъ тюленей въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Несмотря на постоянныя преслѣдованія, вдоль нѣкоторыхъ береговъ животныя эти еще довольно обыкновенны и въ общемъ нигдѣ не представляютъ рѣдкости, хотя и нельзя отрицать того, что они становятся годъ отъ году все рѣже и рѣже.

Образомъ жизни тюлени напоминаютъ сивучей, но рѣзко отъ нихъ отличаются своими движеніями на сушѣ: они не въ состояніи ходить, какъ эти, а только ползаютъ и скользятъ по землѣ. Они не уступаютъ сивучамъ только въ водѣ и развиваютъ здѣсь полную подвижность; плаваютъ и ныряютъ они мастерски. Со скоростью хищной рыбы прорѣзываютъ они воду, могутъ съ быстротою молніи поворачиваться вокругъ продольной оси своего тѣла и въ состояніи также держаться на одномъ и томъ же мѣстѣ столько времени, сколько имъ заблагоразсудится. Играя между собой, тюлени описываютъ круги, всѣмъ тѣломъ выпрыгиваютъ время отъ времени изъ воды, гоняются одинъ за другимъ или дразнятъ другъ друга. Иногда они забавляются съ увлеченіемъ и одни, переворачиваются при этомъ вверхъ брюхомъ, плывутъ на спинѣ, вертятся и кружатся, кувыркаются и вообще ведутъ себя крайне странно. Они забываются въ такихъ случаяхъ до того, что даютъ возможность незамѣтно подобраться къ себѣ ловкому охотнику или промышленнику на разстояніе, съ котораго можно бросить гарпунъ, и становятся его жертвою неожиданно для себя.

Тюлени опускаются на значительную глубину и при извѣстныхъ обстоятельствахъ остаются подъ водою довольно долго, но ни въ какомъ случаѣ не столько, сколько предполагаютъ нѣкоторые наблюдатели. Не подвергаясь преслѣдованію, они поднимаются въ среднемъ ежеминутно, чтобы подышать на поверхности свѣжимъ воздухомъ. Возможно, что подвергающійся преслѣдованію тюлень можетъ пребыть подъ водою втрое или вчетверо дольше, но, конечно, уже не цѣлые полчаса, какъ многіе утверждаютъ и чему нѣкоторые вѣрятъ. Фабриціусъ, подробно описавшій образъ жизни тюленей, встрѣчающихся у Гренландіи, тоже не вѣритъ, чтобы тюлень былъ въ состояніи оставаться подъ поверхностью воды болѣе 7 минутъ. Тюлени дѣйствительно спятъ въ водѣ, хотя и не въ глубокихъ мѣстахъ. При помощи нѣсколькихъ ударовъ ластами они появляются время отъ времени на поверхности воды съ закрытыми глазами, набираютъ въ себя воздухъ, а затѣмъ снова опускаются на дно; они всплываютъ такимъ образомъ при каждомъ вдыханіи. Движенія ихъ въ этомъ случаѣ совершаются, повидимому, безсознательно. Гренландцы, прекрасно изучившіе этихъ въ высшей степени важныхъ для нихъ животныхъ, имѣютъ спеціальныя названія для каждаго положенія ихъ въ водѣ, потому что по положенію тюленя они судятъ, могутъ ли или нѣтъ подѣхать къ плавающему животному.

Несмотря на то, что тюлени живутъ въ морѣ по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ и могутъ совершать въ водѣ всѣ свои дѣла, они тѣмъ не менѣе охотно идутъ на сушу, желая отдохнуть, выпасться и погрѣться на солнцѣ. Изъ воды на берегъ они выбрасываются однимъ толчкомъ, при чемъ сильно и быстро сдвигаютъ свои широко разставленные заднія конечности. Въ испугѣ или при опас-

ности всѣ тюлени имѣютъ обыкновеніе постоянно выплевывать воду, можетъ быть для того, чтобы сдѣлать гладкимъ путь отступленія. Какъ ни затруднительно передвиженіе тюленя по землѣ, онъ движется здѣсь все же очень быстро: бѣгущему человѣку приходится почти напрягать всѣ свои силы, чтобы догнать скользящаго по сушѣ тюленя. Задняя часть тѣла тюленя подвижна не меньше его шеи. Онъ можетъ повернуться такъ, что передняя часть его тѣла будетъ лежать на спинѣ, а задняя на брюхѣ, или — наоборотъ; голову онъ тоже въ состояніи ворочать во всѣ стороны.

Въ сѣверныхъ широтахъ животныя эти особенно охотно любятъ избирать для своихъ лежищъ льдины и проводятъ здѣсь, спокойно растянувшись, столько же времени, сколько и на согрѣтыхъ солнцемъ берегахъ болѣе южныхъ странъ. Возможностью лежать цѣлыми часами на столь холодной поверхности, не терять при этомъ слишкомъ много теплоты и не простуживаться, тюлени обязаны, конечно, тому толстому слою жира, который находится у нихъ между кожей и мышцами.

Голосъ тюленя представляетъ то хриплый лай, то плачь; въ гнѣвѣ онъ ворчитъ, какъ собака.

Уже древніе описываютъ тюленя весьма высоко одареннымъ животнымъ. Внѣшнія чувства тюленей развиты хорошо и, кажется, довольно равномерно. Носовыя и ушные отверстія могутъ закрываться; при жизни тюленя они являются то трехугольными и круглыми, то въ видѣ узкихъ щелей. Ноздри открываются при каждомъ вдыханіи, а затѣмъ тотчасъ же вновь закрываются; онѣ остаются сжатыми до слѣдующаго вдыхательнаго движенія даже тогда, когда животное находится на сушѣ. Съ другой стороны наружное слуховое отверстіе запирается клапаномъ только въ водѣ, да и то не постоянно. Бѣлки глазъ почти никогда не видны, а все пространство между верхнимъ и нижнимъ вѣками занято сплошь свѣтло- или темно-бурой радужной оболочкой. Зрачекъ у тюленей не круглый и не овальный, а имѣетъ видъ четырехугольной звѣзды. Заслуживаетъ вниманія умное выраженіе глазъ у тюленя, тѣмъ болѣе, что подобно другимъ ластоногимъ онъ проливаетъ слезы при различныхъ душевныхъ потрясеніяхъ, особенно же при ощущеніи боли. Если принять, что у тюленей изъ внѣшнихъ чувствъ лучше всего развито зрѣніе, въ чемъ мы врядъ ли ошибемся, то слухъ придется поставить на второе мѣсто. Уже древнимъ было извѣстно, что тюлень любитъ музыку и пѣніе, а новѣйшіе наблюдатели убѣдились, что онъ охотно слушаетъ колокольный звонъ и другіе громкіе звуки. Браунъ увѣряетъ, что ему часто приходилось видѣть, какъ тюлени высывались изъ воды для того, чтобы внимательно прислушиваться къ пѣснямъ матросовъ, поднимающихъ якорь. Въ Гойѣ, на Оркнейскихъ островахъ, церковь построена близъ узкой, песчаной бухты, которая посѣщается тюленями, повидимому, не только благодаря своему удобному расположенію, но и представляетъ для нихъ особенную притягательную силу потому, что имъ нравится колокольный звонъ. Здѣсь часто приходилось наблюдать, что животныя направляются прямою дорогою къ берегу, коль скоро начинаютъ звонить въ колокола; они пристально смотрятъ на церковь, съ которой распространяются пріятные звуки и прислушиваются къ нимъ съ восхищеніемъ и удивленіемъ до тѣхъ поръ, пока они не прекратятся.

Высказать мнѣніе объ умственныхъ способностяхъ тюленя очень трудно. Не подлежитъ сомнѣнію, что это умныя животныя, но съ другой стороны они ведутъ себя часто такъ глупо и необдуманно, что приводятъ въ нѣкоторое недоумѣніе наблюдателя. Въ пустынныхъ мѣстностяхъ тюлени смѣлы, но тамъ, гдѣ они ознакомились съ самымъ опаснымъ своимъ врагомъ, человѣкомъ, они становятся въ высшей степени осторожными. Несомнѣнно то, что молодыя животныя слушаются предостереженій старыхъ и принимаютъ ихъ въ расчетъ. Въ неволѣ тюлени быстро дружатся со своимъ сторожемъ, а нѣкоторые становятся ручными до такой степени, что идутъ на зовъ, знаютъ свое имя, выходятъ изъ воды, берутъ изъ рукъ сторожа рыбу и всячески выказываютъ ему свою привязанность и расположеніе. Вѣрно то, что нѣкоторые изъ нихъ даютъ хозяину гладить и трогать себя, подаютъ ему лапу и позволяютъ даже класть себѣ въ пасть руку.

Кажется, что тюлени довольно равнодушно относятся ко всѣмъ животнымъ, не принадлежащимъ къ рыбамъ, моллюскамъ и ракамъ. Однако мы легко ошибемся, если предположимъ, что такое равнодушіе находится въ зависимости отъ добродушія тюленей. Къ собакамъ ручные тюлени относятся всегда враждебно; они злобно фыркаютъ при этомъ или стараются испугать непрошеннаго посѣтителя щелканьемъ зубовъ.

Особенную нѣжность выказываютъ тюлени, подобно всѣмъ ластоногимъ, къ своимъ дѣтенышамъ. Они часто играютъ съ ними и защищаютъ ихъ съ большимъ мужествомъ во время опасности и даже противъ враговъ, которые много сильнѣе ихъ самихъ.

Время спариванія приходится на различные мѣсяцы года, смотря по странѣ, гдѣ живетъ тюлень.

Приблизительно мѣсяцевъ черезъ 9^{1/2} послѣ спариванія, въ маѣ, іюнѣ или іюлѣ, самка мечетъ одного, рѣже двухъ дѣтенышей на какомъ нибудь пустынномъ, необитаемомъ островѣ и охотнѣе всего на песчаномъ мѣстѣ берега, въ пещерѣ, а также на камнѣ или, наконецъ, просто на льдинѣ. Дѣтеныши появляются на свѣтъ вполне уже сформированными, но покрыты густымъ, бѣлымъ и нѣжнымъ мѣхомъ, который мѣшаетъ имъ плавать и еще больше нырять. Мѣхъ этотъ однако быстро смѣняется на плотно прилегающій, гладкій и жесткій юношескій нарядъ. До этой смѣны самки остаются при дѣтяхъ на сушѣ.

Въ Гамбургскомъ зоологическомъ саду вполне выношенный дѣтенышъ тюленя родился 30 іюня очень рано утромъ, потому что сторожъ, въ вѣдѣніи котораго находился тюлень, нашелъ при своемъ утреннемъ посѣщеніи малютку игравшимъ уже въ водѣ около своей матери. На землѣ я нашелъ весь молодой нарядъ новорожденнаго, — порядочную кучу мягкихъ, какъ шелкъ, короткихъ, но волнистыхъ волосъ, которые всѣ лежали на одномъ небольшомъ мѣстѣ. Дѣтенышъ не имѣлъ на себѣ уже ни слѣда этого наряда, окраской же онъ совершенно походилъ на свою мать, только нѣкоторые цвѣта его были свѣжѣе и блестящѣе. Глаза малютки были ясны и бодро смотрѣли на свѣтъ. Даже движенія молодого животного и тѣ совершенно походили на движенія его матери; въ водѣ онъ передвигался столь же мастерски, а на сушѣ такъ-же неуклюже, какъ и она. Казалось, что онъ успѣлъ усвоить себѣ всѣ способности своего рода уже въ первые часы по рожденіи; онъ одинаково хорошо плавалъ какъ на брюхѣ, такъ и на спинѣ, нырялъ легко и долго, вообще велъ себя точъ въ точъ, какъ уже взрослый. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ родился замѣчательно хорошо развитымъ и необыкновенно крупнымъ. Намъ удалось взвѣсить и измѣрить это маленькое, но способное уже защищаться существо еще въ первый день по рожденіи: вѣсъ его равнялся 8,75 килограммамъ, а длина 85 сантиметрамъ.

Наблюдать за обоими животными было въ высшей степени интересно. Мать видимо радовалась, глядя на своего дѣтеныша и всячески старалась выказать ему свою нѣжность; съ другой стороны малютка, какъ ни молодъ онъ былъ, казалось понималъ свою мать, какъ вполне взрослый. Старуха довольно неловко играла съ нимъ уже въ первые дни, сначала въ водѣ, а затѣмъ и на землѣ.

Для жителей крайняго сѣвера тюлени самыя важныя изъ всѣхъ животныхъ; Гренландцы только ими и живутъ и пользуются каждой частью ихъ тѣла. Но и мы, европейцы, умѣемъ цѣнить ихъ гладкій, красивый, непроницаемый для воды мѣхъ и ворвань, а также не брезгаемъ и мясомъ ихъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что тюленей преслѣдуютъ самымъ усерднымъ образомъ во всѣхъ моряхъ. Охота и ловля по отношенію къ тюленю, собственно говоря, одно и то же; по крайней мѣрѣ огнестрѣльное оружіе употребляется въ данномъ случаѣ рѣдко, а въ открытомъ морѣ оно совершенно непригодно потому, что убитый наповаль тюлень идетъ ко дну, какъ свинецъ. Дѣло обстоитъ иначе на любимыхъ лежищахъ тюленей на берегу. На восточной сторонѣ острова Рюгена, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ крайняго пункта высокаго берега, находится, по описанію Шиллинга, группа валуновъ, которая выдается при обыкновенномъ уровнѣ воды болѣе, чѣмъ на метръ. На этихъ валунахъ лежатъ часто отъ 40

до 50 тюленей, которые однако настолько умны, что не подпускаютъ къ себѣ лодку.

По словамъ Шиллинга иногда можно стрѣлять въ тюленей съ лодки, если удастся при слабомъ вѣтрѣ безшумно подобраться къ лежащимъ на камняхъ животнымъ на парусахъ. При продолжительныхъ морозахъ иногда добычлива также охота на льду, но она никогда не бываетъ вѣрна и всегда опасна. Если открытыя мѣста Балтійскаго моря и замерзаютъ, то тюлени искусственно поддерживаютъ во льду отдушины, чтобы имѣть сообщеніе съ внѣшнимъ воздухомъ, вылѣзая черезъ нихъ на ледъ и спать здѣсь. Каждый тюлень продѣлываетъ себѣ обыкновенно одну такую отдушину, а иногда и нѣсколько. Къ такимъ мѣстамъ охотникъ подкрадывается ночью въ валенкахъ, чтобы заглушить шаги, но долженъ постоянно обращать вниманіе на направленіе вѣтра и погоду и быть всегда на сторожѣ.

На восточномъ берегу Швеціи охота производится чаще и правильнѣе, но большею частью гарпунами, а не съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Нѣкоторые шведскіе охотники обучаютъ собакъ, которыя выслѣживаютъ тюленей по льду и до тѣхъ поръ занимаютъ ихъ, пока не подоспѣетъ охотникъ. На Фарерскихъ островахъ на тюленей охотятся обыкновенно въ то время, когда они остаются на сушѣ со своими дѣтенышами.

Изъ всѣхъ народовъ гренландцы умѣютъ, кажется, не только искуснѣе другихъ ловить тюленей, но и пользоваться своею добычею самымъ разнообразнымъ образомъ. „Гренландцы“, говоритъ Фабриціусъ, „большіе мастера легко и красиво управлять веслами, такъ, что шумъ отъ нихъ едва слышенъ. Коль скоро покажется тюлень изъ воды, они наблюдаютъ за его поведеніемъ, чтобы заключить, какой способъ нападенія придется имъ употребить. Если тюлень спокоенъ, то всѣми силами стараются приблизиться къ нему какъ можно ближе, чтобы не промахнуться. Тутъ приходится заботиться лишь объ одномъ: ни отъ движенія веселъ, ни отъ передвиженія лодки не должно быть значительнаго шума, который пугаетъ тюленя. Для этого однако требуется не мало ловкости и упражненія, потому что лодку приходится двигать съ одной стороны продолжительными и глубокими ударами веселъ, а съ другой — наклоненіемъ и выпрямленіемъ самага тѣла; нѣкоторые изъ охотниковъ настолько опытные, что умѣютъ подойти бортомъ лодки къ самому тюленю, не давъ ему даже замѣтить своего приближенія. Если тюлень остороженъ и оглядывается, то подобраться къ нему уже много труднѣе; охотникъ тѣмъ не менѣе надежды не теряетъ, а только ждетъ, пока онъ нырнетъ, и затѣмъ тотчасъ же двигается впередъ. Лишь только тюлень выставитъ снова голову, лодку опять останавливаютъ и нагибаются, чтобы животное приняло ее за мертвый предметъ, плавающий на водѣ. Если тюлень плескается въ водѣ и во время игры съ недоумѣніемъ поглядываетъ на охотника, то послѣдній свистѣтъ, чѣмъ придаетъ животному еще больше увѣренности. Если тюлень ныряетъ, но находится еще слишкомъ далеко, то замѣчаютъ направленіе, по которому онъ идетъ, подплываютъ нѣсколько ближе и останавливаются, когда животное снова вынырнетъ. Приблизившись такимъ образомъ достаточно близко къ звѣрю, кидаютъ въ него гарпунъ, привязанный къ веревкѣ. Въ виду того, что на гарпунѣ есть задержка, можно тотчасъ же сказать, попалъ онъ въ тюленя или нѣтъ; въ первомъ случаѣ тюлень двигается много медленнѣе, потому что ему приходится тянуть за собою веревку. Времени терять тогда уже нельзя и охотникъ долженъ тотчасъ же выбросить изъ лодки пузырь, который привязанъ къ другому концу веревки; въ противномъ случаѣ тюлень, вымотавши всю веревку, можетъ сильно натянуть ее и тѣмъ опрокинуть легкую лодку. Вслѣдствіе подобныхъ причинъ гренландцы нерѣдко тонутъ. Если по близости нѣтъ помощи, а тюлень тащитъ охотника, то спасенія для него уже нѣтъ и онъ большею частью погибаетъ; но если онъ успѣлъ выкинуть пузырь, то главная опасность миновала. Иногда приходится, однако, встрѣчаться съ тюленемъ, который смѣло оборачивается и съ своей стороны нападаетъ на сдѣланную изъ тонкой кожи лодку; онъ можетъ прокусить ее, и охотникъ снова попадаетъ въ опасность пойти ко дну. Во всякомъ случаѣ

подобная охота всегда опасна, а потому далеко не всѣ гренландцы рѣшаются на нее.

„Тюлень, въ котораго попалъ гарпунъ, тащить за собою веревку съ пузыремъ, но ему весьма рѣдко удается утопить этотъ послѣдній. Это даетъ возможность слѣдить за животнымъ, ѣхать за нимъ и окончательно добить его копьями. У копій нѣтъ задержекъ, а потому они выскальзываютъ изъ раны и остаются на водѣ; поэтому ими можно кидать въ тюленя по нѣсколько разъ сряду. Отъ постоянно наносимыхъ ранъ и отъ тяжести большого, наполненного воздухомъ пузыря животное мало по малу слабѣетъ. Тогда охотникъ подплываетъ къ нему, ошеломляетъ его сильнымъ ударомъ кулака по переносицѣ или, если нужно, закалываетъ тюленя ножомъ. Вслѣдъ затѣмъ приступаютъ къ подготовленію тюленя для перевозки домой. Сначала затыкаютъ всѣ раны деревянными гвоздями, чтобы предупредить истеченіе его кровью; потомъ вдуваютъ воздухъ подъ кожу, чтобы животное легче держалось на водѣ. Если охотнику удалось поймать нѣсколько тюленей, онъ привязываетъ ихъ одинъ за другимъ; счастливый ловецъ иногда привозитъ домой отъ 4 до 5 штукъ разомъ“.

Всѣ тюлени необыкновенно живучи и остаются на мѣстѣ только тогда, когда пуля попадаетъ имъ въ мозгъ или въ сердце. Кромѣ человека тюлени имѣютъ опаснаго врага въ очень ловкомъ и хищномъ китообразномъ, косаткѣ, отъ которой всѣ мелкіе тюлени бѣгутъ въ большомъ страхѣ. Преслѣдуемые обжорливымъ чудовищемъ, они выпрыгиваютъ быстро слѣдующими одинъ за другимъ прыжками надъ поверхностью воды, пускаютъ въ дѣло все свое умѣнье плавать и нырять, стараются добраться до мелей и узкихъ заливовъ, выскакиваютъ на берегъ и въ смертельномъ страхѣ забываютъ даже свою боязнь передъ человекомъ. Тюленей неустанно преслѣдуетъ также бѣлый медвѣдь и прекрасно умѣетъ, какъ видѣли мы уже выше, овладѣвать ими. Молодымъ тюленямъ опасны также крупныя хищныя рыбы.

Сѣверные жители пользуются всѣмъ тюленемъ, а не только его жиромъ и шкурой, какъ мы, или мясомъ, какъ шведы и норвежцы. Внутренности ѣдятъ или дѣлаютъ изъ нихъ окна, платья или занавѣси; для этого ихъ тщательно вымываютъ, а затѣмъ выглаживаютъ. Особенно цѣнятся верхнее платье, сшитыя изъ нихъ такъ называемый капизадъ гренландцевъ; такой нарядъ совершенно непроницаемъ для воды. Кровь, смѣшанную съ морскою водою, варятъ въ видѣ супа, а замороженную считаютъ лакомствомъ. Послѣ варки изъ нея выдѣлываютъ также шарики, которые сушатъ и сохраняютъ на черный день. Ребра идутъ для расправки шкуръ или на выдѣлку гвоздей; лопатки употребляются въ качествѣ лопатъ; изъ сухожилій дѣлаютъ нитки и веревки и т. под. Шкура, жиръ, мясо и для гренландцевъ составляютъ главную прибыль отъ охоты на тюленей.

Видъ, послужившій основой для только что оконченнаго нами общаго очерка образа жизни этихъ животныхъ, называется обыкновеннымъ тюленемъ или нерпой (*Phoca vitulina*). Онъ широко распространенъ по всѣмъ сѣвернымъ морямъ и часто встрѣчается какъ въ Нѣмецкомъ, такъ и въ Балтійскомъ морѣ. Общая длина взрослага животнаго, отъ конца морды до конца хвоста, колеблется отъ 1,6—1,9 метра; страннымъ образомъ у этого вида самки крупнѣе самцовъ. Голова яйцеобразная, морда короткая, глаза большіе, темные съ умнымъ выраженіемъ; ухо намѣчено лишь небольшимъ трехугольнымъ возвышеніемъ; верхняя губа, усаженная жесткими усами, толста, но очень подвижна; шея коротка и толста; туловище суживается отъ лопатокъ къ хвосту почти равномерно. Волосыной покровъ состоитъ изъ жесткой и блестящей ости; основной цвѣтъ его желтовато-сѣрый; рисунокъ образуется неправильными, буроватыми, бурыми и черными пятнами, распределенными по всей верхней сторонѣ тѣла.

Обыкновенный тюлень распространенъ по всѣмъ сѣвернымъ частямъ Атлантическаго океана, включая и весь Сѣверный Ледовитый. Начиная отъ Средиземнаго моря, въ которое онъ иногда заходитъ черезъ Гибралтарскій проливъ, тюлень

этотъ водится по всѣмъ атлантическимъ берегамъ Европы и въ Балтійскомъ морѣ; въ Ботническомъ и Финскомъ заливахъ онъ встрѣчается не рѣже, чѣмъ въ Зундѣ и въ Большомъ и Маломъ Бельтахъ; онъ встрѣчается еще часто въ Бѣломъ морѣ, а по нѣкоторымъ даннымъ живетъ также вдоль береговъ сѣверной Сибири и идетъ отъ Берингова моря вплоть до Калифорніи. Его несомнѣнно наблюдали у Шпицбергена, на обоихъ берегахъ Гренландіи, въ Девисовомъ проливѣ, въ Баффиновомъ и Гудзоновомъ заливахъ; онъ странствуетъ даже вдоль атлантическаго побережья Америки довольно далеко къ югу, не рѣдокъ въ Мексиканскомъ заливѣ, а изрѣдка попадаетъ даже на сѣверномъ берегу Южной Америки. Довольно часто онъ поднимается изъ моря высоко въ рѣки, а потому его нерѣдко видятъ далеко внутри страны.



Лысунъ (*Phoca groenlandica*). $\frac{1}{15}$ естеств. велич.

Впрочемъ у береговъ западной Европы встрѣчается не только этотъ видъ тюленя, но здѣсь водятся нормально еще два — тюлень щетинистый или морской заяцъ (*Halichoerus grypus*) и тюлень кольчатый (*Phoca foetida*); рѣже заходятъ сюда тюлень бѣлобрюхій или монахъ (*Stenorhynchus albiventer*), свойственный главнымъ образомъ Средиземному морю, и хохлячъ или тевякъ (*Cystophora cristata*), принадлежащій крайнему сѣверу.

Къ обыкновенному тюленю близокъ каспійскій тюлень (*Phoca caspica*), живущій, какъ показываетъ его имя, въ Каспійскомъ морѣ, совершенно отрѣзанномъ отъ океана.

Лысунъ, сѣрка или лысь (*Phoca groenlandica*) отличается отъ обыкновеннаго тюленя болѣе длинной и узкой головой съ плоскимъ лбомъ и сравнительно длинной мордой, а также строеніемъ переднихъ лапъ, на которыхъ самый длинный палецъ второй, а не первый. Преобладающій цвѣтъ верхней стороны тѣла у старыхъ самцовъ то болѣе свѣтлый, то болѣе темный кожисто-сѣрый, грудь же и брюхо рыжеватаго серебристо-сѣраго; на этомъ фонѣ выступаютъ темно-шоколадная или черно-бурая передняя часть лица, въ счетъ которой идутъ лобъ,

щеки и морда, а также болѣе или менѣе рѣзкое, темное, продолговато подковообразное или лировидное пятно на спинѣ. У нѣкоторыхъ экземпляровъ сѣдлообразное пятно это узко и болѣе походить на ленту, у другихъ оно значительно расширяется. Самка отличается отъ самца не только меньшимъ ростомъ, но и цвѣтомъ до такой степени, что ее принимали прежде за особый видъ и описали подъ отдѣльнымъ названіемъ. Вскорѣ послѣ рожденія молодой лысунъ надѣваетъ снѣжно-бѣлый нарядъ, который лишь постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, превращается въ нарядъ старыхъ животныхъ.



Тевякъ (*Cystophora cristata*). $\frac{1}{20}$ естеств. велич.

Распространеніе лысуна ограничено крайнимъ сѣверомъ, но можетъ быть онъ проникаетъ черезъ Беринговъ проливъ въ сѣверную часть Тихаго океана. Отдѣльные экземпляры этого вида заходятъ иногда до береговъ Великобританіи и Германіи, а вдоль побережья Лапландіи онъ живетъ осѣдло и размножается въ Бѣломъ морѣ.

*

Представителемъ рода хохлачей (*Cystophora*) можетъ служить тевякъ (*Cystophora cristata*), одинъ изъ самыхъ крупныхъ тюленей Сѣвернаго Ледовитаго океана. Онъ тотчасъ же узнается по кожистому пузырю, который покрываетъ большую часть головы отъ кончика носа почти до глазъ и можетъ наполняться воздухомъ по волѣ животнаго. Въ раздутomъ состояніи онъ представляетъ мѣшокъ въ 25 сантиметровъ длины и 20 см. высоты и образуетъ на передней части головы родъ шапки. Если воздухъ изъ него вытянуть, онъ можетъ быть сравненъ съ рубцомъ, раздѣляющимъ носъ на двѣ части. Голова тевяка велика, морда толстая и тупая,

а туловище совершенно сходно съ туловищемъ другихъ тюленей. Наряды молодыхъ и старыхъ животныхъ различны, но у самца и самки одинаковы. Волосыной покровъ ихъ состоитъ изъ длинной ости и толстаго подшерстка; верхняя сторона тѣла обыкновенно темнаго орѣхово-бураго или черноватаго цвѣта и разрисована крупными или мелкими округлыми пятнами того же, но болѣе темнаго цвѣта; низъ тѣла темно-сѣрый или серебристо-ржавый и совершенно безъ пятенъ. Взрослые самцы достигаютъ длины отъ 2,3—2,5 метра; самки значительно меньше самцовъ и совершенно лишены пузыря.

Изъ всѣхъ тюленей Сѣвернаго Ледовитаго океана тебѣ, повидимому, имѣетъ самое ограниченное распространіе и нигдѣ не встрѣчается часто. По Фабриціусу онъ чаще всего встрѣчается близъ Гренландіи и у Ньюфаундленда, на западномъ берегу Исландіи уже рѣже, а далѣе къ югу попадаетъ лишь время отъ времени и то, вѣроятно, въ качествѣ случайнаго гостя. На востокъ онъ идетъ до Лапландіи.

По единоголоснымъ показаніямъ различныхъ наблюдателей этотъ видъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и задорныхъ тюленей, а потому охота на него далеко не всегда безопасна. Лежа и покоясь на льдинѣ, онъ, правда, кажется вполне равнодушнымъ ко всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ, производитъ впечатлѣніе апатичнаго животнаго и довольно-таки глупо смотритъ вокругъ своими черными глазами. Онъ не трогаетъ также ни одно существо, если его не раздражаютъ, но легко приходитъ въ возбужденіе, когда задѣтъ и въ этомъ случаѣ можетъ быть опасенъ.

*

Морской слонъ (*Masrorhinus leoninus*) въ общемъ напоминаетъ по наружному своему виду другихъ тюленей, но сильно превосходитъ ихъ ростомъ: длина нѣкоторыхъ экземпляровъ, по крайней мѣрѣ по измѣреніямъ, сдѣланнымъ у береговъ Калифорніи, достигаетъ до 6,7 метра, хотя въ большинствѣ случаевъ она не превосходитъ 5 метровъ. Самка не имѣетъ даже половины этой длины и одной трети вѣса самца, который опредѣляется болѣе, чѣмъ въ 3000 килограммовъ. Голова животнаго велика, широка и нѣсколько вытянута, морда умѣренно длинная, довольно толстая, слегка сужена кпереди и срѣзана почти прямо; верхняя губа усажена толстыми, темно-бурыми усами до 15 сантиметровъ длины; глаза сравнительно велики, круглы, сильно выпуклые; уши необыкновенно малы, представляютъ, собственно говоря, круглое отверстіе, которое не окружено даже кожнымъ рубчикомъ; наконецъ носъ устроенъ весьма различно у самца и самки. У послѣдней онъ не представляетъ ровно ничего замѣчательнаго, за то у самца удлинняется въ видѣ хобота, который начинается у зѣвковъ и достигаетъ длины 40 сантиметровъ. При возбужденіи животнаго онъ можетъ быть удлинненъ почти вдвое. Цвѣтъ волосяного покрова измѣняется не только въ зависимости отъ возраста и пола животнаго, но и по времени года. Непосредственно послѣ линьки преобладаетъ сивато-сѣрая окраска, которая въ послѣдствіи переходитъ въ свѣтло-бурую.

Область распространенія морского слона охватываетъ южныя части всѣхъ океановъ и въ настоящее время простирается приблизительно отъ 50° южной широты до южнаго полярнаго круга, а можетъ быть и еще далѣе. Прежде животное это встрѣчалось у южной оконечности Америки и расположенныхъ около нея острововъ, на островѣ Робинсона Крузо, Жуанъ-Фернандецъ и по южнымъ частямъ береговъ Чили; далѣе на Новой Зеландіи, Тасманіи и на многихъ островахъ, лежащихъ въ тѣхъ же широтахъ. Въ большинствѣ перечисленныхъ мѣстъ животное это, однако, теперь уже совершенно истреблено или близко къ этому.

По образу жизни морской слонъ походитъ на сивуча и на котика. Онъ тоже предпринимаетъ ежегодныя странствованія въ предѣлахъ своего распространія; остаются только слабые и больные индивиды, всѣ же остальные пускаются въ путь. Въ Патагоніи стада морскихъ слоновъ появляются въ сентябрѣ и октябрѣ, часто уже въ іюнѣ, а въ концѣ декабря снова отправляются въ южномъ направленіи. На сушѣ они предпочитаютъ мѣста песчанья и покрытыя галькою, но попадаютъ и въ прѣсныхъ водоемахъ. Все стадо разбивается на семьи, состоящія

изъ 2—5 членовъ; послѣдніе всегда держатся тѣсно вмѣстѣ и ихъ встрѣчаешь обыкновенно спящими на мѣстахъ илестыхъ или покрытыхъ тростникомъ. Въ сильную жару они стараются охладиться тѣмъ, что зарываются въ сырой песокъ, который бросаютъ себѣ передними лапами также и на спину. Въ этихъ случаяхъ они становятся похожими скорѣе на земляную гору, чѣмъ на живое существо, и напоминаютъ такой привычкой толстокожихъ животныхъ.

Движенія морскихъ слоновъ по землѣ крайне безпомощны и животныя сильно утомляются, ползая здѣсь. Если животное жирно, то тѣло его трясется при каждомъ толчкѣ, какъ пузырь, наполненный студенью. Пройдя небольшое пространство, морской слонъ лишается силъ и долженъ отдохнуть, прежде чѣмъ поползетъ дальше. Тѣмъ не менѣе въ Калифорніи, гдѣ морскіе слоны водились еще въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, они взбирались на дюны въ 5—10 метровъ



Морской слонъ (*Macrohinus leoninus*). $\frac{1}{40}$ естеств. велич.

высоты и всползали по неровной почвѣ даже на высоту 20 метровъ надъ поверхностью моря. Совершенно иначе ведутъ они себя въ водѣ. Плаваютъ и ныряютъ они превосходно, дѣлаютъ быстрые повороты, спятъ на волнахъ, поспѣшно удаляются отъ преслѣдованія, наконецъ ловко гоняются за своей добычей, состоящей главнымъ образомъ изъ головоногихъ и рыбъ. Они глотаютъ, подобно другимъ ластоногимъ, водоросли и камни. Такъ, Форстеръ нашелъ въ желудкѣ одного морского слона двѣнадцать круглыхъ камней, изъ которыхъ каждый былъ величиною въ два кулака; общій вѣсъ этихъ камней былъ настолько значителенъ, что наблюдатель рѣшительно не могъ понять, какъ стѣнки желудка выдерживали эту тяжесть.

Внѣшнія чувства морскихъ слоновъ развиты, повидимому, очень слабо. Это лѣнныя, тупоумныя животныя, которыя лишь крайне рѣдко выходятъ изъ своего апатичнаго состоянія. Ихъ называютъ добродушными и уживчивыми потому, что никогда не приходилось наблюдать, чтобы они нападали на другое животное или на человѣка, не будучи вынуждены къ этому. Мелкія ластоногія другихъ родовъ, а также купающіеся люди могутъ вполне безопасно плавать межъ стада морскихъ слоновъ. Пернетти увѣряетъ, что его матросы садились на нихъ верхомъ, какъ на лошадь, и принуждали животное двигаться быстрѣе уколами ножа. „Обыкновенно самцы смотрѣли на насъ“, говоритъ К. фонъ-денъ-Штейненъ, описывая

привычки животного, „съ раскрытой пастью, но не трогались съ мѣста. Въ высшей степени комично было выраженіе ихъ фѣзіономіи, когда они глазѣли на насъ съ глупымъ удивленіемъ и въ то же время недовольно приподымали и опускали свои толстые носовые наросты:— самый мрачный ипохондрикъ, и тотъ не могъ бы удержаться отъ болѣзненной улыбки при видѣ нахмуренной гримасы одного кривоногосаго стараго самца.“

Черезъ десять мѣсяцевъ послѣ спариванія, обыкновенно въ іюлѣ или въ августѣ, а въ Патагоніи въ началѣ ноября, приблизительно черезъ мѣсяцъ по приходѣ стадъ на острова, самки мечутъ дѣтенышей. Мать въ теченіе 8 недѣль кормитъ молокомъ и тщательно охраняетъ этихъ крупныхъ уже при рожденіи животныхъ; они рождаются, имѣя 1,3—1,5 метра длины и 40 килограммовъ вѣса. На седьмой или восьмой недѣлѣ она ведетъ ихъ въ море. Для этого все стадо медленно удаляется отъ берега и каждый день отплываетъ въ море все дальше и дальше. Молодые слѣдуютъ за стадомъ во всѣхъ его странствованіяхъ, но мать гонитъ ихъ отъ себя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. На третьемъ году жизни у самца развивается хоботъ.

Человѣкъ преслѣдуетъ морского слона вездѣ, гдѣ только встрѣчается съ нимъ. Въ прежнее время на избранныхъ ими пустынныхъ островахъ тюлени эти были въ полной безопасности отъ всѣхъ враговъ. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ за ними стали охотиться европейцы, приблизительно съ начала этого столѣтія, число ихъ быстро уменьшилось. Европейскія промышленныя суда производятъ страшныя опустошенія среди этихъ безпомощныхъ животныхъ.

Для охоты за морскими слонами употребляются тяжелыя дубины и крѣпкія, острые копья длиною до 5 метровъ. Вооруженные такимъ образомъ и кромѣ того снабженные тяжелыми ружьями, заряжающимися съ казенной части, охотники стараются отрѣзать животныхъ отъ моря и отогнать ихъ еще дальше внутрь страны криками и стрѣльбою. Производя невообразимый шумъ и потрясая ружьями, дубинами и копьями, люди медленно подвигаются на стадо, которое пугается такого необычайнаго зрѣлища и обыкновенно отступаетъ дальше. Если при этомъ какой нибудь самецъ, что бываетъ нерѣдко, вздумаетъ обороняться или постарается прорваться черезъ цѣпь охотниковъ, то его приканчиваютъ пулей, пущенной въ голову или задерживаютъ копьемъ, воткнутымъ въ пасть; затѣмъ къ животному спѣшатъ нѣсколько человѣкъ и убиваютъ или по крайней мѣрѣ ошеломляютъ его ударами тяжелыхъ дубовыхъ дубинъ по головѣ. Подобная картина наводитъ на остальныхъ животныхъ стада такой ужасъ, что они лѣзутъ, обезумѣвъ отъ страха, другъ на друга, перекатываются черезъ товарищей или просто трясутся на мѣстѣ, если имъ кажется невозможнымъ спастись бѣгствомъ. Тотчасъ послѣ избіенія животныхъ приступаютъ къ снятію съ нихъ жира. Связки жира соединяютъ вмѣстѣ, привязываютъ къ крѣпкимъ канатамъ и такимъ образомъ переправляютъ на корабль. Тутъ куски жира размельчаютъ и варятъ въ особыхъ котлахъ съ цѣлью получить ворвань, которая цѣнится какъ смазочное средство выше, чѣмъ ворвань, добываемая отъ китовъ. Темное, жирное, почти несъѣдобное мясо морского слона цѣны почти не имѣетъ, но сердце матросы ѣдятъ очень охотно; неразборчивые люди эти очень любятъ также печень животного, несмотря на то, что, по рассказамъ, она вызываетъ непреодолимый сонъ, продолжающійся очень долго. Настоящимъ лакомствомъ считается просоленный языкъ морского слона. Короткошерстая, жесткая шкура доставляетъ прекрасный матеріалъ для обивки сундуковъ, для сбруи и т. под.; она нашла бы еще большее примѣненіе, если бы только самыя большія шкуры не теряли своей цѣны вслѣдствіе многочисленныхъ рубцовъ, которыми онѣ усыяны.

Морскіе слоны не долго будутъ еще населять землю. Они не имѣютъ возможности уйти отъ своего злѣйшаго врага даже въ самыя недоступныя части океана, какъ это дѣлаютъ киты: они должны спокойно выжидать, пока послѣдній изъ нихъ не падетъ жертвой самаго ненасытнаго хищника на землѣ, — человѣка.

Второе семейство (*Trichechidae*) этого отряда состоитъ всего изъ одного рода (*Trichechus*) и вида — моржа (*Trichechus rosmarus*); англичане называютъ его морскою лошадью (*seahorse*), норвежскіе промышленники — р о с м а р тъ, а лопари — морскъ. Это одно изъ самыхъ крупныхъ ластоногихъ животныхъ. Достижни



Моржи (*Trichechus rosmarus*). $\frac{1}{40}$ естеств. велич.

окончательнаго роста, громадный звѣрь этотъ имѣетъ длину въ 4,25 метра, а въ рѣдкихъ случаяхъ даже до 5 метровъ при обхватѣ тѣла отъ 2,5—3 метровъ, а иногда даже до 4 метровъ. Вѣсъ его опредѣляется около 1000 килограммовъ. Какъ и у другихъ ластоногихъ продолговатое тѣло моржа толще всего по срединѣ, но утончается отсюда кзади не такъ сильно, какъ у остальныхъ тюленей. Изъ этого мощнаго туловища выступаютъ въ видѣ лопастей кнаружи и внизъ конечности,

на которыхъ можно отличить какъ локоть, такъ и колѣно. Обѣ пары ногъ имѣютъ по пяти пальцевъ, вооруженныхъ короткими, тупыми когтями, сидящими выше концевъ пальцевъ. Хвостъ представленъ незначительнымъ лоскуткомъ кожи. Отличительнымъ признакомъ моржа является однако не его тѣло, а его сравнительно небольшая, круглая голова, безобразно утолщенная зубными луночками, шарообразно выступающими съ каждой стороны верхней челюсти. Морда очень короткая, толстая и тупая; верхняя губа мясистая, по сторонамъ вогнута дугою; нижняя, наоборотъ, вспухшая. Съ каждой стороны морды расположены косыми рядами округленные, приплюснутые, твердые, какъ рогъ, усы, которые въ заднихъ рядахъ длиннѣе и достигаютъ здѣсь толщины вороньяго пера и длины 10 сантиметровъ. Число этихъ усовъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ. Ноздри полулунной формы; отодвинутые далеко кзади глаза малы, блестящи и защищены вспухшими вѣками. Уши не имѣютъ наружной раковины и расположены въ задней части головы.

Замѣчательнѣе всего зубная система моржа. Въ передней части рта два мощные бивня, далеко выдающіеся наружу, совершенно вытѣсняють шесть рѣзцовъ, которые бываютъ только у молодыхъ животныхъ. Эти бивни достигаютъ иногда 80 сантиметровъ длины, изрѣдка даже 90 см. и въ среднемъ вѣсятъ по 2,5—3 килограмма; говорятъ, что случалось находить бивни въ 7 и 8 килограммовъ. Почти совершенно голая, необыкновенно толстая кожа покрыта не только складками, но просто вся въ мозоляхъ. Преобладающій цвѣтъ молодыхъ и старыхъ животныхъ болѣе или менѣе яркій кожисто-бурый. Самки отличаются отъ самцовъ хотя и болѣе тонкими, но зато часто болѣе длинными и красивыми бивнями, которые у самцовъ большею частью обтерты и обломаны.

По описаніямъ и рисункамъ моржъ извѣстенъ уже нѣсколько столѣтій, но конечно не въ настоящемъ видѣ, образъ же жизни животнаго сталъ извѣстенъ сравнительно очень недавно. Переполненное баснями и сказками описаніе моржа даетъ уже Альбертусъ Магнусъ и черезъ 30 лѣтъ къ нему ничего не прибавилъ Олаусъ Магнусъ. Одинъ изъ епископовъ Дронтгейма велѣлъ засолить голову моржа и послалъ ее въ 1520 году въ Римъ папѣ Льву X. Въ Страсбургѣ съ этой головы было снято изображеніе, а старикъ Геснеръ сдѣлалъ съ послѣдняго довольно правильное описаніе головы животнаго. Наконецъ Мартенсъ изъ Гамбурга, самъ наблюдавшій въ концѣ XVII вѣка моржа въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, доставилъ о животномъ подробныя свѣдѣнія. Съ этихъ поръ число описаній какъ самаго животнаго, такъ и образа жизни его постепенно растетъ благодаря точнымъ наблюденіямъ во время охотъ за нимъ.

Какъ и многія другія животныя, моржъ оттѣснялся человѣкомъ мало по малу все дальше и дальше къ сѣверному полюсу и держится теперь въ большомъ количествѣ только тамъ, куда вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій со стороны льдовъ промышленныя суда могутъ попадать лишь въ рѣдкіе годы. Въ общемъ можно сказать, что моржъ и до сихъ поръ еще распространенъ во всѣхъ частяхъ Ледовитаго океана, расположенныхъ вокругъ сѣвернаго полюса, хотя это еще не значить, чтобы его можно было найти повсемѣстно. Его встрѣчаютъ въ теченіе круглаго года въ сѣверныхъ частяхъ восточной и западной Гренландіи, въ Баффиновомъ заливѣ и во всѣхъ связанныхъ съ нимъ проливахъ, зундахъ и бухтахъ вплоть до Берингова пролива, который соединяетъ восточную и западную области его распространенія. Моржъ водится несомнѣнно также вокругъ Новой Земли, Шпицбергена, земли Франца-Иосифа и вдоль всего ледовитаго побережья Сибири.

Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ моржа встрѣчали мѣстами въ предѣлахъ только что очерченной области распространенія въ очень значительномъ количествѣ, а иногда стадами въ нѣсколько тысячъ штукъ. Тяжесть подобныхъ стадъ, по увѣреніямъ промышленниковъ и охотниковъ, заставляла опускаться громадныя льдины, обыкновенно высоко выдававшіяся надъ водою, почти до уровня послѣдней. Въ настоящее время обстоятельства перемѣнились, такъ что лишь изрѣдка, при особенно благоприятныхъ условіяхъ, встрѣчаешь время отъ времени какую нибудь сотню индивидовъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Первое впечатлѣніе, производимое моржемъ на человѣка, не особенно благопріятное. Какъ древніе мореплаватели, такъ и нынѣшніе полярные путешественники и моряки находятъ его отталкивающимъ и безобразнымъ животнымъ. Нѣмецкіе путешественники къ крайнему сѣверу говорятъ, что если уже относить эпитетъ „чудовище“ къ какому нибудь животному, то такимъ животнымъ долженъ быть непременно моржъ; названіе это моржъ заслуживаетъ какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по своему демоническому голосу и непріятному характеру. Жизнь моржа протекаетъ крайне однообразно и можетъ быть уже вслѣдствіе того, что добываніе пищи доставляетъ ему меньше хлопотъ и отнимаетъ у него меньше времени, чѣмъ у любого другого животного. Распределеніе его времени въ теченіе дня и года въ краткихъ словахъ будетъ слѣдующее.

Смотря по свойству берега животныя эти собираются въ большія или меньшія стада; говорятъ, что взрослые моржи обоихъ половъ живутъ отдѣльными обществами: самцы соединяются съ себѣ подобными, самки же держатся со своими дѣтенышами, которые не перестали еще сосать. На одной льдинѣ лежатъ, по словамъ полярныхъ путешественниковъ, до 20 и больше моржей. Темныя тѣла ихъ тѣснятся другъ около друга, а голову животное кладетъ бокомъ, чтобы не мѣшали длинные клыки, или на туловище своего сосѣда: „такъ проводятъ они среди сна, скучая отъ созерцанія солнца, дѣлающагося мѣсяцами, и отъ однообразнаго шума морского прибоя, большую часть своего существованія“. Среди спящаго стада всегда остается по крайней мѣрѣ одинъ сторожевой моржъ, который будитъ товарищей при приближеніи опасности громкими звуками своего голоса, а если нужно, такъ и нѣжными ударами бивней. Разбуженное стадо тотчасъ же готовится, смотря по обстоятельствамъ, либо къ бѣгству, либо къ самозащитѣ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ моржи не успѣли еще познакомиться съ человѣкомъ, прибытіе корабля и не думаетъ обращать на себя вниманіе сторожевыхъ моржей и вообще всего стада; ихъ не тревожатъ даже пушечные залпы, потому что они привыкли къ треску льдинъ, который распространяется въ сѣверныхъ моряхъ на большое пространство подобно громовымъ раскатамъ.

Движеніями своими моржи напоминаютъ больше всего сивучей. По землѣ моржъ двигается очень тяжело и неловко, но все же еще идетъ, а не ползетъ; онъ переставляетъ при этомъ одновременно крестъ на крестъ лапы и только тѣмъ отличается отъ остальныхъ ходящихъ животныхъ, что обращаетъ впередъ на переднихъ ногахъ пальцы, а на заднихъ — пятку. При взлѣзаніи на отвѣсныя льдины онъ всегда пускаетъ въ дѣло свои длинные бивни; онъ зацѣпляется ими за трещины и углубленія во льду, затѣмъ подтягиваетъ тяжелое тѣло, снова вытягиваетъ шею и укрѣпляетъ бивни и т. д., пока не доберется до желаннаго мѣста отдыха. Тѣмъ не менѣе бивни нельзя считать необходимыми орудіями передвиженія, потому что не менѣе, чѣмъ моржъ, тяжеловѣсныя сивучи и морскіе слоны обходятся при подобныхъ же обстоятельствахъ и безъ нихъ. Я считаю болѣе вѣроятнымъ, что моржи пользуются своими бивнями для прокладыванія пути среди плавающихъ льдовъ. Вполнѣ возможно также, что они пробиваютъ себѣ тѣми же бивнями отдушины во льду, которыя поддерживаютъ подобно другимъ тюленьямъ и для тѣхъ же цѣлей. Бивни служатъ моржу также для вскапыванія почвы во время поисковъ пищи и для защиты; напр. онъ нерѣдко пробиваетъ ими бока лодки. Моржъ спускается съ суши въ воду, скользя по покатой плоскости берега или льдины; но онъ можетъ броситься въ море и однимъ прыжкомъ, какъ это дѣлаютъ другія ластоногія. Въ водѣ онъ плаваетъ, подобно всѣмъ своимъ сородичамъ, очень быстро и ловко; онъ становится здѣсь совершенно инымъ, чѣмъ на землѣ или на льдинѣ, ныряетъ на значительную глубину и можетъ оставаться подъ водой несомнѣнно по нѣсколько минутъ. Плывая, моржъ обгоняетъ самую быструю лодку, идущую на веслахъ и къ тому же ничуть не утомляется при такой быстротѣ. Голосъ животного напоминаетъ то мычаніе коровы, то глухой, хриплый лай собаки, но при гнѣвѣ переходитъ въ настоящій ревъ. Въ періодъ спариванія голосъ моржа слышенъ на такомъ разстояніи, что ночью и во время тумана капитанъ Кукъ и его спутники узнавали по немъ о близости бе-

рега и это давало имъ возможность предотвратить столкновѣніе корабля со льдинами.

По имѣющимся до сихъ поръ наблюденіямъ трудно придти къ какому нибудь заключенію относительно умственныхъ способностей моржа, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ допустить, что онъ не менѣе уменъ, чѣмъ другіе тюлени. О внѣшнихъ чувствахъ моржа Пехуэль-Леше говоритъ: „Зрѣніе его плохо, слухъ развитъ уже много лучше, но выше всего стоитъ обоняніе, потому что моржи чуютъ человѣка при благопріятныхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ, за нѣсколько сотъ шаговъ, если не еще дальше; подбираясь къ нимъ, необходимо обращать самое тщательное вниманіе на направленіе вѣтра“. Какъ ни равнодушно относится моржъ къ человѣку во время первой встрѣчи съ нимъ, все же онъ быстро мѣняетъ свое поведеніе при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ властелиномъ земли: онъ мужественно и толково приступаетъ къ борьбѣ съ своимъ главнымъ врагомъ. Моржъ не только любопытенъ, какъ и всѣ остальные тюлени, но одной изъ характерныхъ его особенностей является смѣлость, столь мало свойственная другимъ ластоногимъ. Моржи борются не только противъ своихъ враговъ, но и между собою; страшные бои эти происходятъ однако только въ періодъ спариванія, который бываетъ въ послѣдніе мѣсяцы весны. Въ это время самцы не только ревутъ и бѣснуются въ теченіе всего дня, но и нападаютъ другъ на друга; при этомъ они до такой степени рвутъ зубами шкуру своего противника, что послѣдній представляетъ ни чуть не менѣе отвратительное зрѣлище, чѣмъ другіе истерзанные во время поединка тюлени.

Черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ спариванія самка мечетъ своего единственнаго дѣтеныша и отдается ему съ этого времени съ самой преданной материнской любовью; она заботится объ его пропитаніи и воспитаніи и защищаетъ его при опасности съ мужествомъ и озлобленіемъ, на которыя только способно это животное. Дѣтенышъ нѣжно привязывается къ своей матери и не покидаетъ ее даже послѣ ея смерти. Убивъ дѣтеныша, всегда приходится считаться съ яростнымъ нанаденіемъ и непримиримой жадью мести со стороны матери.

Изслѣдованія Мальмгрена и Броуна доказали, что моржъ питается исключительно животной пищей. Оба натуралиста находили въ желудкахъ изслѣдованныхъ ими моржей преимущественно двухстворчатую раковину — разинку (*Mya truncata*), обильно покрывающую собою въ сѣверныхъ частяхъ Ледовитаго океана всѣ мели и рифы, и сверлильщика (*Saxicava rugosa*), моллюска, вѣдряющагося въ камни. Они полагаютъ, что моржъ употребляетъ свои клыки главнымъ образомъ для того, чтобы выламывать этихъ послѣднихъ моллюсковъ изъ скалъ и вырывать первыхъ изъ ила. При этомъ животное глотаетъ не только другихъ беспозвоночныхъ, но и приросшія къ раковинамъ водоросли и иныя морскія растенія, а также песокъ и гальку, какъ это дѣлаютъ и многія другія ластоногія. Кромѣ того, моржъ питается рыбой, а при случаѣ даже мясомъ дохлыхъ крупныхъ млекопитающихъ.

Для человѣка моржи, лежащіе на берегу или на льдинѣ, большой опасности не представляютъ, потому что беспомощность ихъ не позволяетъ имъ дѣлать нападеній; въ водѣ, однако, развертывается вполне свободно вся ихъ ловкость и мощь. Иногда эти смѣлыя и неустрашимыя ластоногія нападаютъ безъ всякаго вызова и вынуждаютъ моряковъ вступать съ ними волей-неволей въ бой.

Изъ ноярныхъ путешественниковъ живое и наглядное описаніе подобныхъ битвъ даютъ Пайеръ и Копеландъ. „Лишь только чудовище это завидитъ лодку, оно тотчасъ же удивленно вздымается надъ поверхностью воды, начинаетъ бить тревогу голосомъ, напоминающимъ прерывистый лай, и пускается изо всѣхъ силъ плыть на лодку. Издаваемые имъ звуки привлекаютъ другихъ моржей, будятъ спящихъ изъ нихъ, которыхъ лодка тщательно старается миновать, и въ короткое время утлая ладья окружается множествомъ этихъ бѣснующихся великановъ, слѣдующихъ за ней съ кажущейся или дѣйствительной злобой. Возможно, что животныхъ заставляетъ это дѣлать исключительно любопытство, но выражаютъ они его во всякомъ случаѣ въ такой формѣ, что остается только предположить,

что они желаютъ опрокинуть лодку съ цѣлью лучшаго ознакомленія съ нею. Такимъ образомъ приходится готовиться къ борьбѣ, тѣмъ болѣе, что скоро убѣждаешься въ невозможности уйти отъ нихъ, несмотря на всѣ усилія пяти гребцовъ. Вотъ ревущее, брызгающее и ныряющее стадо моржей уже лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лодки. Раздаются первые выстрѣлы, и въ тотъ же моментъ моржи приходятъ въ ярость. Начинается дикій бой: одни бьютъ этихъ ужасныхъ сфинксовъ топорами по переднимъ ластамъ, потому что они угрожаютъ ими опрокинуть и въ дребезги разбить лодку; другіе защищаются копьями или бьютъ великановъ веслами по головѣ; наконецъ третьи пускаютъ имъ трудно перевариваемыя пилюли въ широко раздвинутую, бездонную и непрерывно ревущую пасть. Дикіе крики потрясаютъ воздухъ; лодка и защищающіеся люди стараются удержать равновѣсіе; вода вокругъ нихъ пѣнится и вздымается бурными волнами; появляются изъ воды новыя чудовища и лѣзутъ на лодку, но за то другія уже мертвы и опускаются въ глубь, покрывая поверхность воды истекающею изъ нихъ алою кровью. Избавить лодку отъ опасности быть перевернутой или сильно поврежденной клыками бьющихъ о бортъ ея моржей можетъ чисто только смертельная рана, нанесенная вожаку этихъ смѣлыхъ и выносливыхъ животныхъ.

Европейцы пользуются отъ моржа только шкурой, жиромъ и бивнями. Шкуру дубятъ, жиръ перевариваютъ, а зубы идутъ на издѣлія, какъ слоновая кость. Грубо-волокнистое, жирное мясо моржа употребляется въ пищу европейцами развѣ въ случаѣ крайней нужды, но языкъ считается вкуснымъ. Иное дѣло жители крайняго сѣвера — они пользуются каждой частью тѣла моржа. Изъ кожи его они выдѣлываютъ ремни, канаты и рыболовные снасти, шкуры употребляютъ для крышки своихъ лѣтнихъ жилищъ. Изъ костей изготовляются всевозможные предметы; сухожилья идутъ на нитки; мясо служитъ имъ любимой пищей, а жиръ употребляется въ качествѣ приправы къ кушаньямъ или для освѣщенія. Такимъ образомъ не пропадаетъ даромъ, собственно говоря, ни одна частица тѣла животного.

Представители третьяго семейства отряда ластоногихъ, сивучи или ушастые тюлени (*Otariidae*) отличаются отъ другихъ своихъ сородичей слѣдующими признаками. Ухо имѣетъ хотя и небольшую, но хорошо развитую наружную раковину. Конечности вполне явственно отдѣляются отъ тѣла, лапы велики, лопастевидные въ области пальцевъ, подошвы ногъ голыя, пальцы заднихъ ногъ почти равной длины, на переднихъ же они укорачиваются снутри кнаружи. Полы рѣзко отличаются другъ отъ друга величиною; самцы нормально по крайней мѣрѣ вдвое длиннѣе самокъ, въсомъ превосходятъ ихъ въ три или въ четыре раза.

Всѣ до сихъ поръ извѣстные виды этого семейства до такой степени сходны между собою, что ихъ приходится соединять въ одинъ родъ; образъ жизни всѣхъ этихъ формъ въ общихъ чертахъ тоже одинаковъ. Сивучи свойственны главнымъ образомъ Тихому или Великому океану; они водятся здѣсь какъ у скованныхъ льдами береговъ Берингова пролива, такъ и вдоль материка, окружающаго южный полюсъ, а также на расположенныхъ здѣсь островахъ; они живутъ и въ умѣренной полосѣ океана, и въ тропическомъ поясѣ его; тамъ предпринимаютъ они странствованія, тутъ же изъ году въ годъ остаются на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Вездѣ, гдѣ сивучи ни встрѣчаются, человѣкъ преслѣдуетъ ихъ неустанно и безпощадно; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ластоногія эти уже окончательно истреблены алчнымъ властелиномъ земли, который охотится за ними изъ-за ихъ мѣха, мяса и жира уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и избиваетъ тысячами.

Сивучъ, о которомъ можетъ кое-что поразсказать каждый, кто побывалъ въ Санъ-Франциско, и котораго моряки неправильно называютъ морскимъ львомъ (*Otaria stelleri*), хорошо извѣстенъ намъ уже со временъ Стеллера. Тѣло сивуча самца можетъ достигать длины 4 метровъ и имѣетъ въ обхватъ до 3 метровъ. Самки значительно мельче, не достигаютъ въ длину 3 метровъ, а

вѣсомъ въ среднемъ не превосходятъ 200 килограммовъ. По строенію своего тѣла онъ отличается отъ тюленей меньше, чѣмъ остальные виды его семейства, но смѣшать его съ первыми столь же трудно, какъ и послѣднихъ. Дѣйствительно, помимо характернаго устройства ногъ и лапъ, онъ тотчасъ же распознается по вытянутой головѣ и длинной шеѣ, а также по своей гордой и повелительной осанкѣ, принимаемой имъ во время возбужденія. Окраска стараго самца очень измѣнчива, такъ какъ на одномъ и томъ же лежбищѣ находятъ совершенно



Морскіе львы (*Otarlia stelleri*). $\frac{1}{30}$ естеств. велич.

черныхъ, пестрыхъ, рыжевато-бурыхъ, темно- и свѣтло-сѣрыхъ животныхъ этого пола. Старая самка обыкновенно свѣтло-бураго цвѣта. Молодые сувичи носятъ, наконецъ, нарядъ аспиднаго или сѣро-чернаго цвѣта.

Область распространенія сивуча ограничена сѣвѣрною частью Тихаго океана и идетъ къ югу приблизительно до Галапагосскихъ или Черепашихъ острововъ.

Объ извѣстныхъ всему міру лежбищахъ сивучей близъ Санъ-Франциско Финшъ пишетъ слѣдующее. „Чрезвычайно широкая и не менѣ пыльная дорога ведетъ путника по пустыннымъ, скудно поросшимъ растительностью дюнамъ, песокъ которыхъ находится въ постоянномъ движеніи и нерѣдко заволакиваетъ воздухъ цѣлыми облаками пыли. Минуть черезъ 40 онъ подѣзжаетъ къ такъ называемому „домику на скалахъ“ — гостинницѣ, расположенной на скалистомъ берегу Тихаго океана и составляющей самое любимое мѣсто прогулокъ жителей Санъ-Франциско. Уже издали доносится до слуха путешественника шумъ грознаго прибоя, но вмѣстѣ съ нимъ какой то странный лай, который по мѣрѣ приближенія становится все сильнѣе, все разнообразнѣе. Лай этотъ заставляетъ васъ обратить

вниманіе на три высокія, конусообразныя скалы, удаленныя отъ берега не далѣе, какъ на 150 шаговъ; нижняя часть этихъ скалъ, о которыя бурно ударяются морскія волны, мѣстами поднимаются изъ воды отвѣсно, а на вершинахъ ихъ замѣтно сильное движеніе. До 60 громадныхъ морскихъ животныхъ расположилось на болѣе крупныхъ крутыхъ утесахъ скалъ группами штукъ до 15 или отдѣльными экземплярами; лежатъ они, предаваясь сладостной нѣгѣ, въ трещинахъ или на узкихъ карнизахъ, а на самой вершинѣ скалы, будто царь на тронѣ, покоится мощный звѣрь, извѣстный всѣмъ обитателямъ Санъ-Франциско подъ именемъ „Бенъ-Бутлеръ“. Иногда онъ поднимаетъ голову, сильно раздуваетъ свою толстую шею и испускаетъ громкій лай, къ которому тотчасъ же присоединяются не только болѣе слабые, высокіе голоса всѣхъ остальныхъ его товарищей, но и хриплые крики безчисленныхъ чаекъ, кряхтеніе баклиновъ, сидящихъ длинными рядами на карнизахъ и отдѣльныхъ вершинахъ скалъ, и наконецъ густыя басовыя ноты бурыхъ пеликановъ. Пораженный необычайнымъ зрѣлищемъ, даже самый равнодушный посѣтитель останавливается здѣсь на болѣе продолжительное время, наблюдаетъ этихъ разнообразныхъ животныхъ и къ удивленію своему замѣчаетъ, что эти на видъ неуклюжіе и неповоротливые гиганты умѣютъ взбираться на самую вершину скалы. Часто видишь, какъ они отправляются въ море, то скользя по покатой поверхности скалы, то просто прыгая съ довольно высокаго уступа. Какъ дельфины предаются они тогда среди волнъ играмъ, — гоняются другъ за другомъ, совершенно выпрыгиваютъ изъ воды, борются, кусаютъ друга друга для вида, но всѣ эти сраженія и драки не что иное, какъ забава. Вотъ двое изъ нихъ злобно раскрыли свои страшныя пасти, яростно рычатъ они другъ на друга, будто собираются вступить въ бой на жизнь и смерть, но тутъ же быстро успокаиваются и премирно ложатся другъ около друга, а иногда начинаютъ взаимно облизываться. По цѣлымъ часамъ можно наблюдать эти постоянно мѣняющіяся картины и всегда замѣтить что нибудь новое.

Сивучи легко переносятъ неволю, быстро и хорошо приручаются, а взятые молодыми необыкновенно привязываются къ своему сторожу.

Морской котикъ (*Otaria ursina*) по величинѣ уступаетъ сивучу, потому что длина даже самыхъ крупныхъ самцовъ отъ конца носа до конца хвоста не превышаетъ 2—2,5 метровъ, а самки рѣдко достигаютъ болѣе половины этой мѣры. Мѣхъ, замѣтно удлиненный на шеѣ и на передней части тѣла и слегка на хребтѣ, состоитъ изъ не слишкомъ грубой ости и изъ необыкновенно мягкаго и нѣжнаго шелковистаго подшерстка, густо покрывающаго все тѣло животнаго. Основной цвѣтъ мѣха темно-бурый, переходящій у нѣкоторыхъ индивидовъ въ буро-черный; голова, шея и передняя часть туловища въ пестринѣ, а низъ тѣла и внутренняя сторона конечностей блѣднѣе. Болѣе старыя самки отличаются серебристо-сѣрой окраской, а молодыя животныя обоихъ половъ одѣты въ серебристый мѣхъ.

Очень немногія ластоногія имѣютъ столь широкую область распространенія, какъ котикъ, который водится съ одной стороны вдоль береговъ Патагоніи и юго-западной Африки, на Фалкландскихъ островахъ, на Новой Южной Шотландіи и на Южной Георгіи, на островѣ Св. Павла въ Индійскомъ океанѣ, а съ другой — на Прибыловыхъ и Коммандарскихъ островахъ въ Беринговомъ морѣ. Образъ его жизни, столь привлекательно описанный Стеллеромъ, въ новѣйшее время изученъ еще лучше и полнѣе.

По наблюденіямъ всѣхъ моряковъ, познакомившихся съ котикомъ, оказывается, что ластоногія эти правильно посѣщаютъ избранные ими острова и шхеры исключительно въ періодѣ размноженія, все же остальное время года проводятъ въ открытомъ морѣ, предпринимая очень далекія странствованія. Въмѣстѣ съ тѣмъ они неукоснительно возвращаются, какъ доказываютъ наблюденія въ теченіе долгаго промежутка времени, къ однимъ и тѣмъ же островамъ, такъ называемымъ лежбищамъ, гдѣ и происходитъ спариваніе. Когда приближается время размноженія, здѣсь появляются первыми нѣсколько старыхъ самцовъ, представляющіе

нѣчто въ родѣ соглядатаевъ; за ними уже слѣдуютъ постепенно остальные члены стада. Въ выборѣ своихъ лежбищъ котики крайне осторожны и осмотрительны, хотя стали таковыми, можетъ быть, лишь съ тѣхъ поръ, какъ горькій опытъ научилъ ихъ по возможности остерегаться своего злѣйшаго врага — человѣка. Въ общемъ котики стараются выбирать островки, а на большихъ островахъ тѣ части берега, гдѣ особенно сильно бушуетъ морской прибой; здѣсь они помѣщаются по возможности на самыхъ недоступныхъ утесахъ выше наивысшаго уровня воды.

Черезъ два или три дня по прибытіи на лежбище самка мечетъ одного, а въ крайне исключительныхъ случаяхъ, можетъ быть, и двухъ дѣтенышей. Какъ и всѣ ластоногія, котикъ рождается очень развитымъ существомъ, съ открытыми глазами и достигаетъ при рожденіи длины 35 сантиметровъ. Въ первыя недѣли жизни дѣтеныша самка покидаетъ его развѣ на мгновенія, но потомъ она уходитъ въ море на болѣе продолжительное время за добычей. До этого времени малютки слѣдуютъ за своей матерью при всякомъ ея движеніи на сушѣ, но въ первыя 4—6 недѣль они абсолютно не въ состояніи плавать и неминуемо тонуть, если случайно попадутъ въ воду. Только теперь начинаютъ они постепенно и неловко учиться плавать, подражая при этомъ своей матери; при первыхъ своихъ попыткахъ они стараются какъ можно скорѣе снова выбраться изъ воды и карабкаются на сушу при первой возможности. Со временемъ дѣтеныши становятся, однако, самоувѣреннѣе, рѣшаются отплывать отъ берега все дальше и дальше и къ срединѣ сентября становятся уже вполнѣ искусными пловцами.

Превосходный мѣхъ котика заставляетъ считать его въ промысловомъ отношеніи самымъ цѣннымъ изъ всѣхъ членовъ этого семейства. Туземцы посѣщаемыхъ имъ острововъ бьютъ его и изъ за мяса, составляющаго важное подспорье ихъ существованія; мясо это находятъ вкуснымъ даже европейцы. Главнѣйшій доходъ промысла всегда доставляли шкурки молодыхъ животныхъ; но при добычѣ ихъ поступали столь же недалековидно и бессмысленно, какъ и при охотѣ на другихъ морскихъ животныхъ. Въ теченіе немногихъ десятилѣтій ихъ истребили такимъ образомъ въ несмѣтныхъ количествахъ и совершенно перевели животныхъ на нѣкоторыхъ изъ лежбищъ. Мѣхъ котика представляетъ самый цѣнный пушной товаръ.

Въ южныхъ моряхъ живетъ близкій къ котику — морской левъ (*Otaria jubata*).

Шестой отрядъ.

Насѣкомоядныя (Insectivora).

Къ этому отряду относятся мелкія стопоходящія млекопитающія большею частью замѣчательной внѣшности, отличающіяся удлиненой головою и хоботообразно вытянутымъ носомъ. Туловище насѣкомоядныхъ плотнаго сложенія; переднія конечности болѣе или менѣе нормальны, хвостъ у нѣкоторыхъ видовъ короткій, заднія ноги часто длинныя, органы внѣшнихъ чувствъ частью хорошо развиты, частью же находятся въ зачаточномъ состояніи; покровъ тѣла весьма различенъ и представляетъ всѣ промежуточные ступени отъ бархатистой шубки до наряда изъ иголъ. Въ зубной системѣ имѣются зубы всѣхъ трехъ родовъ; рѣзцы по своей формѣ и числу подвержены сильнымъ измѣненіямъ въ различныхъ семействахъ; клыки у нѣкоторыхъ представителей достигаютъ значительныхъ размѣровъ, а у другихъ они мельче, чѣмъ рѣзцы; только коренные зубы сходны у всѣхъ насѣкомоядныхъ въ томъ отношеніи, что передніе изъ нихъ снабжены однимъ зубцомъ, задніе же нѣсколькими. Ноги большею частью пятипалыя, но развитіе какъ пальцевъ, такъ и запястья и пятки очень различно въ отдѣльныхъ родахъ. Въ мышечной системѣ заслуживаетъ упоминанія подкожная свертывающая тѣло мышца, свойственная нѣкоторымъ видамъ. Насѣкомоядныя представляютъ собою тупоумныхъ, угрюмыхъ, недовѣрчивыхъ, пугливыхъ, любящихъ уединеніе и злыхъ животныхъ. Громадное большинство живетъ подъ землею, они роютъ себѣ норы или держатся въ укромныхъ уголкахъ, расположенныхъ глубоко подъ землею; нѣкоторыя изъ насѣкомоядныхъ живутъ однако также въ водѣ или на деревьяхъ. Неутомимая дѣятельность этихъ звѣрковъ всецѣло направлена къ уничтоженію вредныхъ насѣкомыхъ и червей, улитокъ и другихъ низшихъ животныхъ, а также мелкихъ грызуновъ. Вслѣдствіе этого всѣ они, почти безъ исключенія, животныя въ высшей степени полезныя въ сельскомъ хозяйствѣ; но заслуги ихъ признаются, къ сожалѣнію, только натуралистами, большинство же людей не любитъ ихъ. Мелкихъ звѣрковъ этихъ преслѣдуютъ за ихъ некрасивую внѣшность, за ихъ уединенный образъ жизни повсюду, гдѣ только не найдутъ ихъ; при этомъ вовсе упускается изъ виду ихъ дѣятельность на пользу человѣка, совершенно забывается, что они изъ себя представляютъ. Конечно иначе относится къ нимъ тотъ, кто далъ себѣ трудъ ближе ознакомиться съ образомъ жизни этихъ звѣрковъ. Онъ найдетъ въ нихъ столько привлекательнаго, что скоро забудетъ о некрасивой наружности ихъ, станетъ относиться къ нимъ съ искреннимъ участіемъ и окажетъ имъ покровительство и защиту.

Многія насѣкомоядныя подвержены зимней спячкѣ и навѣрное погибали бы въ холодное время года, если бы природа-мать не позаботилась объ ихъ охраненіи этимъ путемъ. Съ наступленіемъ холодовъ жизнь низшихъ животныхъ до извѣстной степени прекращается; тысячи тысячъ существъ, предназначенныхъ на пищу нашимъ звѣркамъ, погружаются въ вѣчный сонъ или по крайней мѣрѣ засыпаютъ на время. Земля для нихъ пустѣетъ и имъ не остается никакого

другого исхода, какъ приспособиться къ вновь наступившимъ условіямъ и тѣмъ болѣе, что они неспособны перемѣщаться, какъ дѣлаютъ это птицы. Тогда удаляются они въ самыя сокровенныя убѣжища или сами себѣ устраиваютъ таковыя и впадаютъ здѣсь въ глубокій сонъ, который на время прерываетъ почти всѣ ихъ жизненные процессы и такимъ образомъ даетъ возможность сохранить ихъ тѣлу энергію до новаго пробужденія. Спачкѣ подвергаются, однако, только тѣ изъ видовъ отряда, которые менѣе хищны, чѣмъ другіе, т. е. питаются одновременно и животною, и растительной пищей; самые же отчаянные хищники, съ другой стороны, занимаются своимъ ремесломъ и зиму, и лѣто. Жизнь кипитъ, грабежи и убійства продолжаются, такимъ образомъ, и въ холодное время года подъ снѣгомъ, подъ землей и въ глубинѣ водъ. Дѣятельность ихъ не прерывается, само собою разумѣется, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ всегда царитъ лѣто или по крайней мѣрѣ нѣтъ зимы съ жестокими морозами.

Насѣкомоядныя свойственны главнымъ образомъ умѣреннымъ странамъ сѣвернаго полушарія, въ Южной же Америкѣ и въ Австраліи ихъ вовсе нѣтъ. Любимымъ мѣстопробываніемъ этихъ звѣрковъ служатъ изобилующія водой или хоть сырыя лѣсистыя мѣстности, рощи, насажденія и сады; подобныя мѣста они почти никогда не покидаютъ. Тихо, безъ шума охотятся они здѣсь главнымъ образомъ ночью, но нѣкоторыя и при яркомъ солнечномъ освѣщеніи.

Относительно систематическаго подраздѣленія насѣкомоядныхъ мнѣнія изслѣдователей расходятся. Мы принимаемъ въ этомъ отрядѣ семь семействъ и относимъ къ нему одно замѣчательное животное фауны Малайскаго архипелага — шерсткрыла или летучаго маки.

Представители семейства ежей (*Erinaceidae*), которое мы ставимъ во главѣ разсматриваемаго отряда, отличаются такими характерными признаками, что описать ихъ можно въ самыхъ короткихъ словахъ. Зубная система, состоящая изъ 36 зубовъ, и покровъ изъ иглъ — вотъ главнѣйшія отличительныя черты немногихъ видовъ, дѣйствительно относящихся, по нашему мнѣнію, къ этому семейству. Всѣмъ ежамъ свойственны плотное тѣлосложеніе, не особенно длинная голова съ вытянутой, однако, хоботомъ мордою, съ умѣренными глазами и съ довольно длинными ушами; далѣе — короткія, толстыя ноги съ неуклюжими лапами, изъ которыхъ переднія всегда съ пятью пальцами, а заднія обыкновенно со столькими же, но въ видѣ исключенія всего лишь съ четырьмя; наконецъ короткій хвостъ и жесткій покровъ на верхней сторонѣ тѣла, состоящій изъ короткихъ иглъ, а на нижней — изъ волосъ.

Представители этого семейства распространены по Европѣ, Азіи и Африкѣ. Главнѣйшія мѣста пребыванія членовъ его суть лѣса и луга, поля и сады, а также обширныя степныя пространства. Здѣсь ежи устраиваютъ свое жилище въ густыхъ заросляхъ кустарника, въ живыхъ изгородяхъ, дуплахъ деревьевъ, подъ ихъ корнями, въ расщелинахъ скалъ, въ покинутыхъ норахъ различныхъ животныхъ, а иногда они и сами роютъ себѣ неглубокія норки. Большую часть года ежи живутъ по одиночкѣ или парами и ведутъ исключительно ночной образъ жизни. Они пробуждаются отъ дневного сна лишь послѣ захода солнца и отправляются тогда искать себѣ пищу, которая у большинства состоитъ изъ животныхъ и растений, у нѣкоторыхъ же только изъ первыхъ. Плоды, овощи, сочные корни, сѣмена, мелкія млекопитающія, птички, пресмыкающіяся и земноводныя, насѣкомыя и ихъ личинки, моллюски, черви и т. д., вотъ то, что готовитъ имъ для стола щедрая природа, среди которой они живутъ. Въ видѣ исключенія нѣкоторые ежи рѣшаются нападать и на болѣе крупныхъ животныхъ, напр. на куръ и молодыхъ зайцевъ. Ёжи медленныя, тяжелыя, довольно-таки лѣнныя созданія, всецѣло прикованныя къ землѣ, которыя при ходьбѣ ступаютъ на всю подошву. Изъ внѣшнихъ чувствъ у нихъ лучше всего развито обоняніе, но слухъ ихъ тоже не дуренъ; съ другой стороны зрѣніе и вкусъ ежей плохи, а чувство осязанія безпримѣрно тупо. Душевыя способности ежей развиты довольно слабо. Они

боязливы, пугливы и глупы, но довольно добродушны или, вѣрнѣе, просто равнодушны къ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ живутъ, благодаря чему приручаются легко. Самки мечутъ отъ 3 до 8 слѣпыхъ дѣтенышей, нѣжно пекутся объ нихъ, а защищая своихъ малютокъ, выказываютъ даже нѣкоторую смѣлость, которой въ другихъ случаяхъ у нихъ совершенно нѣтъ. Большинству ежей свойственна характерная особенность свертываться при малѣйшей опасности въ шаръ, чтобы защитить такимъ образомъ отъ всякой опасности мягкія части своего тѣла. Въ этомъ же положеніи ежи и спятъ. Тѣ виды ихъ, которые водятся въ сѣверныхъ широтахъ, впадаютъ зимою въ непрерывающуюся спячку, а распространенные въ тропическихъ странахъ — залегаютъ спать во время засухи.

Непосредственная польза, приносимая ежами человѣку, не велика; въ настоящее время по крайней мѣрѣ убитый ежъ ни на что не идетъ. Гораздо значительнѣе косвенная польза этихъ животныхъ, истребляющихъ громадное количество вредныхъ для человѣка существъ. Вслѣдствіе этого ежи заслуживаютъ не пренебреженія къ нимъ, а полнѣйшаго участія и защиты съ нашей стороны.

Съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ вечеровъ, въ которые только что пробудившаяся весна манитъ и стараго, и малаго насладиться живительнымъ воздухомъ зазеленѣвшихъ послѣ унылаго зимняго савана садовъ, рощъ и лѣсовъ, внимательный наблюдатель можетъ услышать своеобразный шорохъ въ сухой, опавшей листвѣ, обыкновенно въ самыхъ густыхъ мѣстахъ кустарника или живой изгороди. Если онъ пожелаетъ остаться спокойнымъ, то скоро замѣтитъ и виновника этого шороха. Изъ листвы старается выбраться небольшой, какъ шаръ, круглый звѣрекъ въ замѣчательно жесткой шубкѣ; онъ фыркаетъ и озирается и, убѣдившись, что по близости нѣтъ ничего подозрительнаго, пускается бѣжать своею равномерною, но медленною рысцою. Если звѣрекъ подойдетъ ближе, то можно замѣтитъ премилую острую мордочку, представляющую собою какъ бы красивое подобіе грубаго и топорнаго свиного рыла, пару ясныхъ, привѣтливо сверкающихъ глазокъ и, наконецъ, иглистую броню, которая покрываетъ всю верхнюю часть тѣла и далеко свисаетъ даже по бокамъ его. Это нашъ или, вѣрнѣе, мой любимый садовый другъ, ежъ, хотя и ограниченный, но добродушный, честный и чистосердечный малый, который невинно смотритъ на жизнь и никакъ не въ состояніи допустить въ человѣкѣ такихъ гнусныхъ качествъ, которыя заставили-бы этого самаго человѣка въ благодарность за большія заслуги его, ежа, на поприщѣ общественнаго блага не только поносить его всевозможными бранными словами, но и преслѣдовать, а зачастую даже убивать изъ чисто мальчишеской страсти къ жестокостямъ.

Ежъ обыкновенный (*Erinaceus europaeus*) не требуетъ длиннаго описанія. Все тѣло со всѣми его частями сложено плотно, толсто и коротко, рыльце заострено и спереди въ рубчикахъ, уши широкія, а черные глазенки малы. Нѣсколько черныхъ щетинокъ, представляющихъ усы, сидятъ на лицѣ между бѣловато или рыжеватого-желтыми волосами, которые по бокамъ носа и на верхней губѣ однако темно-бурого цвѣта; кзади отъ глазъ помѣщается по бѣлому пятнышку. Волосы на шеѣ и брюхѣ свѣтло-рыжеватаго, желтовато-сѣраго или бѣловато-сѣраго цвѣта. Иглы верха тѣла желтоватыя, по срединѣ и на концѣ темно-бурія; поверхность ихъ въ продольныхъ бороздкахъ, которыхъ насчитывается отъ 24 до 25; въ промежуткахъ между бороздками возвышаются выпуклыя ребрышки; внутренность иглъ состоитъ изъ крупныхъ сердцевинныхъ клѣточекъ. Длина тѣла ежа равняется 25—30 сантиметрамъ, хвостикъ 2,5 см., а высота у загривка 12—15 см. Самка отличается отъ самца нѣсколько большей величиной, болѣе заостреннымъ рыльцемъ, болѣе полнымъ туловищемъ и болѣе свѣтлымъ и сѣроватымъ цвѣтомъ; на лбу иглы не распространяются у нея такъ далеко впередъ, а потому голова ея кажется болѣе длинной. Въ большей части мѣстностей различаютъ двѣ разновидности нашего животнаго: т. наз. „собачьяго ежа“, у котораго морда тупѣе, цвѣтъ темнѣе, а величина меньше, и „свиного ежа“, главнѣйшіе признаки котораго заключаются въ болѣе остромъ рыльцѣ, свѣтлой окраскѣ и большей

величинѣ. Эти различія представляютъ, очевидно, лишь случайныя индивидуальныя варіаціи.

Область распространенія ежа простирается не только черезъ всю Европу, за исключеніемъ самыхъ холодныхъ странъ ея, но и на большую часть сѣверной Азіи: онъ водится какъ въ Сиріи, такъ и въ западной и юго-восточной Сибири; внѣшній видъ этихъ ежей доказываетъ, что имъ живется тутъ привольнѣе, чѣмъ въ западной Европѣ: они достигаютъ тамъ, какъ и въ Крыму, значительно большаго роста, чѣмъ у насъ. Въ Альпахъ Европы ежъ поднимается до пояса корявыхъ деревьевъ, а одиночными экземплярами достигаетъ по крайней мѣрѣ 2000 метровъ абсолютной высоты; на Кавказѣ его встрѣчаютъ еще на 1000



Ежъ обыкновенный (*Erinaceus europaeus*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

метровъ выше. Онъ водится какъ въ равнинахъ, такъ и въ горныхъ странахъ, въ лѣсахъ, на лугахъ, поляхъ и въ садахъ; въ Германіи онъ нигдѣ не представляетъ рѣдкости, но не встрѣчается также и въ большомъ количествѣ. Много чаще онъ въ Россіи, гдѣ его, повидимому, щадятъ.

Ежъ забавный чудакъ и къ тому же добрый, смиренный малый, честно и порядочно проводящій жизнь свою въ трудахъ и заботахъ. Мало склонный къ общежитію, онъ живетъ почти всегда особнякомъ или, въ крайнемъ случаѣ, со своею самкою. Каждый изъ нихъ избираетъ себѣ жилище подъ густымъ кустарникомъ, въ кучѣ хвороста или подъ живою изгородью и старается устроить его какъ можно удобнѣе. Жилище это представляетъ большое гнѣздо изъ листьевъ, соломы и сѣна, которое помѣщается въ норкѣ или подъ густыми вѣтвями кустарника. Если ежъ не найдетъ готовой уже норки, то онъ вырываетъ ее съ большимъ трудомъ самъ, а затѣмъ выстилаетъ ее. Такая норка достигаетъ приблизительно глубины въ 30 сантиметровъ и снабжена двумя выходами, изъ которыхъ одинъ направленъ на югъ, а другой на сѣверъ. Выходы эти ежъ иногда пере-

мѣщаетъ, какъ это дѣлаетъ и бѣлка, направляя ихъ въ другія стороны особенно при сильныхъ сѣверныхъ и южныхъ вѣтрахъ. Въ высокихъ хлѣбахъ онъ ограничивается только устройствомъ большого гнѣзда.

Услыхавъ на своемъ пути что нибудь подозрительное, нашъ рыцарь, покрытый иглами, останавливается, прислушивается и потягиваетъ въ себя воздухъ; тутъ легче всего убѣдиться въ томъ, что у него лучше всего развито чувство обонянія и особенно по сравненію съ зрѣніемъ. Нерѣдко случается, что ежъ бѣжитъ прямо къ ногамъ охотника, стоящаго на стоянкѣ; столкнувшись съ нимъ онъ вдругъ останавливается, чихаетъ и затѣмъ уже только пускается на утекъ, если не предпочитаетъ прибѣгнуть къ своему обычному способу защиты и не свернется въ клубокъ. Въ послѣднемъ случаѣ внѣшній видъ животного тотчасъ же совершенно измѣняется: оно представляетъ теперь почти шарообразный комокъ, имѣющій небольшое углубленіе лишь на одной сторонѣ, съ другихъ же закругленный почти правильно. Углубленіе это ведетъ къ брюшку и въ немъ тѣсно другъ къ другу располагаются мордочка, четыре лапки и коротенькій хвостикъ. Въ то время какъ при спокойномъ состояніи животного игольчатое платье его выглядитъ гладкимъ и тысячи иглъ лежатъ другъ на другѣ на подобіе черепицъ, образуя одну ровную плоскость, онѣ тотчасъ же расходятся во всѣ стороны, лишь только ежъ приметъ свою круглую форму: онъ становится теперь страшно колючимъ шаромъ. Тѣмъ не менѣе небольшой навыкъ даетъ возможность взять въ руки и унести такого свернувшася ежа. Его поворачиваютъ на сторону, на которую онъ легъ бы, собираясь идти, приглаживаютъ иглы потихоньку спереди назадъ, послѣ чего они уже ничуть не колятъ руку.

Если хочешь позабавиться и понаблюдать, какъ развертывается ежъ, то нужно положить его на столъ и сидѣть тихо и спокойно. Трудно увидать большую игру чертъ лица, какъ при этомъ. Хотя душевныя вліянія и не принимаютъ въ данномъ случаѣ никакого участія въ измѣненіи фізіономіи, но все же кажется, что лицо ежа проходитъ въ самое короткое время всѣ выраженія отъ самаго мрачнаго настроенія духа вплоть до крайней веселости. Если наблюдатель ведетъ себя тихо, свернувшійся ежъ начинаетъ подумывать, черезъ значительный промежутокъ времени, о томъ, какъ бы снова собраться въ путь. О началѣ развертыванія предвѣщаетъ характерное подергиваніе покрова животного. Медленно раздвигаетъ ежъ переднюю и заднюю части своего панцыря, осторожно ставитъ на землю свои лапки и тихонько высовываетъ свое свиное рыльце. Глубоки еще складки кожи на его головѣ, какъ бы мрачный гнѣвъ выражаетъ его низкій лбишко, а невинные глаза такъ и совсѣмъ закатываются подъ густыя брови. Но вотъ складки на лицѣ распрямляются все больше и больше, носъ выдвигается все дальше и дальше, иглы отходятъ мало по малу кзади и вдругъ видишь передъ собою симпатичную мордочку съ присущимъ ей самодовольнымъ, невиннымъ и спокойнымъ выраженіемъ. Въ тотъ же самый моментъ ежъ уже пускается на утекъ, будто онъ вовсе и не подвергался никакой опасности.

Если ежа разыщетъ одинъ изъ злѣйшихъ его враговъ, собака или лисица, онъ свертывается какъ можно быстрее и ни за что не измѣняетъ этого положенія. По бѣшенному лаю и ворчанью онъ замѣчаетъ, что они напали на него не съ добрыми замыслами и не рѣшается ничѣмъ уже болѣе защищать свои законныя права. Конечно, есть достаточно средствъ, чтобы заставить ежа моментально развернуться. Для этого достаточно полить его водою или бросить его въ воду, и это знаетъ, къ несчастію для ежа, не только шельмецъ Рейнеке, но и кое-какая собака. Принуждаетъ его бѣжать и табачный дымъ, который вдуваютъ ему въ носъ черезъ углубленіе образуемаго имъ клубка.

Ошибочно было бы считать ежа неловкимъ и неуклюжимъ, наоборотъ онъ умѣетъ такъ ловко распорядиться во время своихъ охотничьихъ походовъ, что остается только удивляться ему. Главнѣйшую пищу его составляютъ, конечно, насѣкомыя, истребленіемъ которыхъ онъ и приноситъ столько пользы; однако онъ далеко не довольствуется столь несытной пищей, а объявляетъ войну и другимъ животнымъ. Отъ него не безопасно ни одно мелкое млекопитающее, ни одна

птичка, а безпозвоночныхъ животныхъ онъ истребляетъ въ страшномъ количествѣ. Кромѣ массы кузнечиковъ, сверчковъ, таракановъ, майскихъ, навозныхъ и другихъ жуковъ, а также ихъ личинокъ, онъ ѣстъ дождевыхъ червей, слизней, лѣсныхъ и полевыхъ мышей, мелкихъ птичекъ и даже птенцовъ крупныхъ птицъ. Казалось бы, что онъ не въ состояніи словить проворную мышку, а между тѣмъ онъ прекрасно знаетъ свое ремесло и справляется даже съ тѣмъ, чего сдѣлать, на взглядъ посторонняго, не можетъ.

Еще серьезнѣе, чѣмъ эти хищническія продѣлки, бои его со змѣями. Онъ обнаруживаетъ въ нихъ такую храбрость, заподозрить въ которой его было бы трудно. Прекрасныя наблюденія относительно этого опубликовалъ Ленцъ „24 августа“, говоритъ онъ, „я посадилъ ежиху въ большой ящикъ, въ которомъ у нея родились черезъ два дня шестеро дѣтенышей, покрытыхъ мелкими иглами: она тотчасъ же принялась ухаживать за ними съ истинно материнскою любовью. Чтобы испытать ея вкусъ, я сталъ давать этому ежу довольно различную пищу и пришелъ къ убѣжденію, что онъ съ большимъ удовольствіемъ ѣстъ жуковъ, дождевыхъ червей, лягушекъ, даже жабъ, хотя уже менѣе охотно, веретенецъ и ужей. Болѣе же всего ему нравились мыши. Плоды онъ ѣлъ только тогда, когда у него не было животной пищи; однажды я продержалъ его на нихъ два дня, но онъ ѣлъ такъ мало, что двое изъ его дѣтенышей умерли съ голоду отъ недостатка молока. Мой ежъ выказалъ много мужества въ борьбѣ съ опасными животными.

„Перейдемъ, однако, къ самому существенному и посмотримъ, какъ онъ справляется съ гадюками. Изумляясь его поступкамъ, мы въ то же время откровенно признаемся, что у насъ не хватило бы мужества подражать ему. Я впустилъ 30 августа въ ящикъ ежа большую гадюку въ то время, когда онъ спокойно кормилъ своихъ ребятъ. Предварительно я убѣдился въ томъ, что у гадюки не было недостатка въ ядѣ, такъ какъ всего два дня тому назадъ она весьма быстро убила мышъ. Ежъ почувалъ ее очень скоро (онъ руководствовался всегда лишь обоняніемъ и совершенно не пользовался своимъ зрѣніемъ), поднялся со своего мѣста, сталъ неосторожно топтаться около нея, обнюхалъ ее всю отъ хвоста до головы, такъ какъ она лежала, растянувшись, и въ концѣ концовъ остановился на ея пасти. Гадюка зашипѣла и нѣсколько разъ куснула его въ морду и въ губы. Какъ бы смѣясь надъ ея безсиліемъ, ежъ и не подумалъ отступать; онъ сталъ преспокойно облизывать ранку, но въ этотъ моментъ получилъ укусъ въ языкъ. Не приходя въ смущеніе и отъ этого, онъ продолжалъ обнюхивать шипящую и постоянно кусающую его гадюку, полизывалъ ее часто языкомъ, но все еще не кусалъ ее. Вдругъ, онъ схватилъ зубами голову змѣи, разжевалъ ее, несмотря на сопротивленіе, вмѣстѣ съ ядовитыми зубами и железами, а затѣмъ съѣлъ переднюю половину тѣла змѣи. Тутъ кинулъ ее и снова легъ къ своимъ дѣтенышамъ, которые начали сосать. Вечеромъ онъ съѣлъ остальную половину гадюки и одну маленькую, только что родившуюся. На слѣдующій день онъ съѣлъ еще трехъ такихъ змѣенышей и прекрасно чувствовалъ себя со своими дѣтенышами. На мѣстахъ укусовъ не было ни опухолей, ни ранокъ. Послѣ этого ежъ не разъ сражался съ такимъ же успѣхомъ, но всегда принимался ѣсть гадюкъ съ головы, тогда какъ безвредныхъ змѣй хваталъ, гдѣ попало. Остатки отъ обѣда онъ любилъ уносить въ свое гнѣздо, гдѣ съѣдалъ при случаѣ“.

Наблюденія эти замѣчательны, безъ сомнѣнія, во всѣхъ отношеніяхъ. Съ фізіологической точки зрѣнія совершенно непонятно, отчего теплокровное животное безнаказанно можетъ переносить ядовитые укусы, которые причинили бы неминуемую смерть всякому другому представителю того же класса. Нужно имѣть въ виду, что укусъ гадюки умерщвляетъ млекопитающихъ, объемъ и вѣсъ которыхъ въ 30 разъ больше ежинаго. Но нашъ покрытый иглами герой, повидимому, вовсе не чувствителенъ и къ ядамъ вообще. Дѣйствительно, онъ ѣстъ не только ядовитыхъ змѣй, ядъ которыхъ, какъ извѣстно, вреденъ только тогда, когда попадаетъ въ кровь, но и такихъ животныхъ, которыя дѣйствуютъ смертельно, попадая и въ желудокъ, напр. всѣмъ извѣстная испанская мушка. Этотъ жукъ производитъ

сильное воспаленіе, будучи приложенъ даже къ кожѣ, а принятый внутрь неизбѣжно ведетъ къ смерти.

Черезъ семь недѣль послѣ спариванія самка мечетъ отъ 3—6, въ рѣдкихъ случаяхъ даже до 8 слѣпыхъ дѣтенышей въ специально для нихъ устроенномъ красивомъ, большомъ и хорошо выстланномъ гнѣздѣ, помѣщающемся въ густой живой изгороди, въ кучѣ листьевъ или мха, а также среди хлѣбнаго поля. Новорожденные ежи около 6,5 сантиметровъ въ длину, сначала бѣлаго цвѣта и почти совершенно голы, такъ какъ иглы пробиваются лишь впоследствии. Онѣ существуютъ, однако, уже при рожденіи, въ чемъ могъ убѣдиться Ленцъ на ежахъ, родившихся у него въ комнатѣ. Дѣло въ томъ, что иглы сидятъ на очень мягкой, упругой основѣ; спина еще совершенно мягкая, и каждая игла, будучи нажата, напр., пальцемъ, вовсе его не колетъ, а уходитъ въ глубь спины, изъ которой однако тотчасъ же снова выскакиваетъ, лишь только давленіе пальцемъ прекращается. Что игла жестка, чувствуешь только тогда, когда поймашь ее между ногтями или захватишь пинцетомъ. Къ осени ежата вырастаютъ уже настолько, что каждый изъ нихъ начинаетъ вести вполне самостоятельную жизнь. Еще до наступленія холодовъ они успѣваютъ отростить себѣ брюшко и наравнѣ съ взрослыми начинаютъ подумывать о томъ, какъ бы поуютнѣе устроиться на зиму. Они дѣлаютъ себѣ жилище, представляющее большую, рыхлую кучу соломы, сѣна, сухихъ листьевъ и мха, внутренность которой выложена, однако, очень тщательно. Матеріалъ для гнѣзда ежъ тащитъ домой на спинѣ и очень страннымъ способомъ. Онъ валяется на спинѣ тамъ, гдѣ листья больше всего и такимъ образомъ нанизываетъ себѣ на иглы цѣлый ворохъ, придающій ему крайне потѣшный видъ. Такимъ же манеромъ онъ доставляетъ домой и плоды. Въ этомъ часто сомнѣвались, но это видѣлъ самъ Ленцъ, а подозрѣвать такого наблюдателя въ неточности было бы преступленіемъ, совершать которое мы вовсе не намѣрены. Съ наступленіемъ первыхъ сильныхъ холодовъ ежъ глубоко зарывается въ свое гнѣздо и проводитъ всю зиму въ непрерывномъ снѣ. Нечувствительность, которая весьма значительна уже въ то время, когда животное вполне бодро, становится теперь просто удивительной. Ежъ спитъ обыкновенно до марта. При благопріятныхъ условіяхъ ежъ, живущій на волѣ, достигаетъ, вѣроятно, возраста 8—10 лѣтъ.

Чтобы приручить ежа, вполне достаточно поймать его и помѣстить въ подходящее мѣсто. Здѣсь онъ привыкаетъ къ человѣку весьма быстро и совершенно перестаетъ его бояться. Ёсть въ неволѣ онъ начинаетъ безъ всякихъ разговоровъ и самъ ищетъ себѣ пищу въ домѣ, на дворѣ, въ сараяхъ и овинахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ его охотно содержатъ для ловли мышей и особенно въ такихъ складахъ, гдѣ кошекъ держатъ нежелательно. Ежъ весьма пригоденъ также для уничтоженія надоедливыхъ насѣкомыхъ, напр. таракановъ и исполняетъ свои обязанности съ большимъ рвеніемъ. Если съ нимъ обращаться мало-мальски хорошо и умѣло, да заботиться о томъ, чтобы онъ имѣлъ какой нибудь уютный уголокъ, то неволя не причиняетъ ему ни малѣйшей непріятности.

Ежъ, содержимый въ домѣ, становится непріятенъ своей стукотней по ночамъ. Неуклюжесть его сказывается на каждомъ шагу и при каждомъ движеніи. Въ немъ нѣтъ и слѣда той поразительной ловкости, которая характеризуетъ кошку. Къ тому же онъ довольно нечистоплотенъ и распространяетъ противный запахъ, слегка напоминающій мускусный. Съ другой стороны онъ весьма потѣшенъ и доставляетъ этимъ много веселыхъ минутъ. Онъ легко пріучается къ самой различной пищѣ и пьетъ всевозможные напитки. Особенно любитъ онъ молоко, но не отказывается и отъ спиртныхъ напитковъ и иногда перехватываетъ при этомъ черезъ край. Балль рассказываетъ о ежахъ, которыхъ онъ содержалъ въ неволѣ, много забавныхъ вещей, и между прочимъ о томъ, какъ онъ ихъ нѣсколько разъ спаивалъ. Онъ давалъ имъ крѣпкаго вина или водки и они пили ихъ столько, что въ скоромъ времени совершенно пьянѣли. Только что пойманный ежъ сдѣлался вполне ручнымъ вслѣдъ за первымъ опьяненіемъ, а потому Балль впоследствии всегда прибѣгалъ къ этому способу прирученія и давалъ уже каждому ежу сладкую водку, ромъ или вино.

Кромѣ невѣжественныхъ и злыхъ людей у ежа есть и еще много враговъ. Собаки страшно ненавидятъ его и выражаютъ свое чувство къ нему непрерывнымъ, яростнымъ лаемъ. Коль скоро собаки найдутъ ежа, онѣ дѣлаютъ все возможное, чтобы выказать ему свою злобу. Ежъ упорно выдерживаетъ ихъ осаду все время, пока онѣ съ нимъ возятся, и даетъ имъ вдоволь наколотъ свой носъ. Злоба собаки основана въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ на томъ, что она не въ состояніи повредить своему колючему врагу, а въ то же время сама себѣ причиняетъ боль. Нѣкоторыя охотничьи собаки не обращаютъ даже вниманія на иглы, когда хотятъ излить на немъ свою злобу. Такъ, у одного изъ моихъ пріятелей была лягавая собака, которая безъ дальнѣйшихъ околичностей загрызала всѣхъ попадавшихся ей ежей. Лисица, по рассказамъ, усердно преслѣдуетъ ежа и заставляетъ его развертываться самымъ безсовѣстнымъ образомъ; она либо осторожно катитъ ежа передними лапами къ водѣ и затѣмъ сталкиваетъ его туда, либо опрыскиваетъ его, повернувъ на спину, своей вонючей мочей. Несчастному малому не остается ничего, какъ развернуться съ отчаянія, а хитрый врагъ хватается его въ тотъ же моментъ за носъ и умерщвляетъ. Такимъ образомъ погибаетъ много ежей, особенно въ молодости. Но у нихъ есть и еще болѣе опасный врагъ, — филинъ. „Недалеко отъ Шнепфенталя“, рассказываетъ Ленцъ, „есть скала Торштейнъ, на вершинѣ которой ютятся филины. Тамъ я часто находилъ, кромѣ помета и перьевъ этихъ совъ, также шкуры ежей и даже иглы ихъ въ погадкахъ, извергаемыхъ филинами“.

Ежъ приноситъ человѣку пользу и послѣ своей смерти, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Мясо его ѣдятъ по всей вѣроятности только цыгане и подобный имъ кочующій сбродъ, но оно все же съѣдобно и для него изобрѣли даже особенный способъ приготовленія. Настоящіе любители обмазываютъ ежа толстымъ слоемъ хорошо размятой, липкой глины и кладутъ въ этой оболочкѣ въ огонь, гдѣ его тщательно поворачиваютъ время отъ времени. Когда слой глины сдѣлается сухимъ и твердымъ, жаркое вынимаютъ изъ огня, даютъ ему нѣсколько остыть, а затѣмъ обиваютъ глину и вмѣстѣ съ тѣмъ иглы, которыя къ ней пристали. Древніе римляне употребляли шкуру ежа для ворсованія суконъ; поэтому въ то время существовала особая отрасль торговой промышленности, которая доставляла такой большой доходъ, что ее пришлось регулировать постановленіями сената. Кромѣ того шкурка служила чесалкой для пряжи. Нѣкоторые сельскіе хозяева и теперь еще пользуются ежовою шкуркою, когда желаютъ отнять теленка отъ коровы: они привязываютъ ему къ носу кусочекъ этой шкурки и предоставляютъ затѣмъ уже самой матери отгонять отъ себя очень тягостнаго для нея дѣтеныша. Иногда шапочники готовятъ изъ цѣлой ежовой шкурки странныя колючія шапки.

Насѣкомоядныя, которыхъ мы считаемъ сравнительно высоко специализированными вслѣдствіе хорошо приспособленныхъ для копанія переднихъ конечностей и ставимъ непосредственно за ежами, почти совершенно удалились подъ поверхность земли и ведутъ здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ своеобразную жизнь.

Представители семейства кротовъ (*Talpidae*) распространены по большей части Европы и Азіи, по южной Африкѣ и по Сѣверной Америкѣ. Число видовъ этого семейства не особенно велико, но возможно, что натуралистамъ предстоитъ открыть еще многихъ. Всѣ кроты устроены такъ замѣчательно, что отличить ихъ можно съ перваго взгляда. Плотное тѣло ихъ вальковатой формы и, не образуя явственной шеи, переходитъ въ небольшую головку, которая въ свою очередь удлинняется въ хоботокъ и заостряется, тогда какъ глаза и уши на ней совершенно исчезли или едва замѣтны. Туловище покоится на четырехъ коротенькихъ ножкахъ, изъ которыхъ переднія являются сравнительно громадными лопатами, а заднія тонки и длинны; хвостъ коротокъ или его вовсе нѣтъ. Зубная система состоитъ изъ 36—44 зубовъ. Устройство и положеніе переднихъ конечностей обуславливаютъ собою такое сильное развитіе передней части грудной клѣтки,

какого мы не находимъ ни у одного другого животнаго соотвѣтственныхъ размѣровъ. Лопатка у кротовъ относительно самая узкая и длинная, а ключица самая толстая и длинная во всемъ классѣ млекопитающихъ; плечевая кость необыкновенно широкая, предплечье толстое и короткое. Запястье состоитъ изъ десяти косточекъ. Тотчасъ же замѣчаешь, что громадныя переднія конечности эти могутъ служить исключительно для копанія: онѣ представляютъ изъ себя самыя совершенныя лопатки, какія можно только изобрѣсти. Къ подобнымъ костямъ должны, само собою разумѣется, прикрѣпляться и особенно сильныя мышцы; результатомъ этого является соотвѣтственная сила передней части тѣла крота.

Всѣ кроты предпочитаютъ селиться на равнинахъ съ плодородной почвой, хотя не отсутствуютъ и въ горныхъ странахъ. Эти дѣти мрака не легко переносятъ вліяніе свѣта, а потому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выходятъ на поверхность земли добровольно. Даже въ нѣдрахъ ея они дѣятельнѣе ночью, чѣмъ днемъ. Строеніе тѣла кротовъ положительно изгоняетъ ихъ съ земной поверхности. Они не умѣютъ ни прыгать, ни лазать, и не могутъ даже порядочно ходить, хотя нѣкоторые изъ нихъ передвигаются по землѣ очень быстро, прикасаясь къ ней лишь подошвами заднихъ лапъ да внутреннимъ краемъ переднихъ. Но тѣмъ быстрѣе бѣгъ кротовъ въ ихъ подземныхъ ходахъ и просто удивительна та быстрота, съ которою они роютъ землю. Кроты умѣютъ также очень хорошо и плавать, хотя пользуются этою способностью лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Широкія переднія лапы представляютъ превосходныя весла, а сильныя переднія ноги устаютъ въ водѣ конечно уже много меньше, чѣмъ при разрываніи земли.

Изъ внѣшнихъ чувствъ особенно хорошо развиты обоняніе, слухъ и осязаніе, съ другой стороны зрѣніе необыкновенно слабо. Голосъ кротовъ состоитъ изъ шипящихъ и визжащихъ звуковъ. Умственные способности этихъ животныхъ слабы, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ обыкновенно принято предполагать. Такъ называемыя дурныя качества развиты у нихъ однако много сильнѣе, чѣмъ хорошія: всѣ кроты въ высшей степени неуживчивыя, зазорныя, кусливыя, кровожадныя и хищныя созданія, которыя превосходятъ своею жестокостію даже тигра и съ наслажденіемъ сѣдаютъ даже себѣ подобнаго, если онъ подвернется имъ.

Пища кротовъ состоитъ исключительно изъ животныхъ, растительныхъ же веществъ они не трогаютъ вовсе. Главную составную часть ихъ пищи составляютъ различныя насѣкомыя, живущія въ землѣ, ихъ личинки, черви, мокрицы и т. под. Кромѣ того кроты пожираютъ, если имъ удастся достать ихъ, мелкихъ млекопитающихъ, птичекъ, лягушекъ и слизняковъ. Прожорливость ихъ столь же велика, какъ и ихъ подвижность; голодать безъ вреда для себя они могутъ лишь короткое время, а потому они не впадаютъ въ зимнюю спячку. Но именно вслѣдствіе своей прожорливости кроты приносятъ большую пользу человѣку истребленіемъ насѣкомыхъ, раскапываніемъ же земли доставляютъ ему много огорченій.

Самка крота мечетъ одинъ или два раза въ году отъ 3 до 5 дѣтенышей и тщательно ухаживаетъ за ними. Малютки растутъ довольно быстро и остаются съ матерью въ теченіе мѣсяца или двухъ. Послѣ этого они становятся самостоятельными и принимаютъ рыть себѣ подземные ходы. Въ неволѣ кротовъ удается удержать живыми лишь при самомъ тщательномъ уходѣ, потому что доставить имъ достаточное количество пищи при страшной ихъ прожорливости не такъ то легко.

Кротъ обыкновенный (*Talpa europaea*), прототипъ семейства и рода, ограниченнаго въ своемъ распространеніи Европой и Азіей, можетъ быть описанъ въ нѣсколькихъ словахъ послѣ того, какъ намъ извѣстны уже отличительныя признаки его семейства. Длина его тѣла, включая въ нее и хвостикъ въ 2,5 сантиметра, достигаетъ 15 или, самое большее, 17 см., а высота у загривка приблизительно равняется 5 см. Короткія переднія ноги отходятъ отъ туловища почти горизонтально; очень широкія, напоминающія руку лапы ихъ обращены кнаружи и кзади тою своею поверхностью, которая у другихъ млекопитающихъ бываетъ

всегда внутренней. Пальцы ихъ коротки и самый длинный изъ нихъ средній, остальные укорачиваются въ обѣ стороны постепенно и почти до конца соединены другъ съ другомъ перепонками. Глаза, величиною съ маковое сѣмя, лежатъ по срединѣ между концомъ хоботка и ушами, совершенно скрыты въ волосахъ головы, но имѣютъ вѣки и могутъ выпячиваться и втягиваться по произволу животного, которое можетъ ими, такимъ образомъ, все же пользоваться. Маленькія ушные отверстія наружной раковины не имѣютъ. Повсюду очень густой, короткий и мягкій, какъ бархатъ, мѣхъ окрашенъ въ равномерный черный цвѣтъ. Мѣхъ этотъ покрываетъ все тѣло животного за исключеніемъ ладоней, подошвъ, кончика хоботка и кончика хвоста. Онъ отличается довольно сильнымъ блескомъ, переливающимъ то въ бурый, то въ синій и даже въ бѣловатый оттѣнокъ. Въ высшей степени рѣдко попадаются кроты желтоватаго или бѣлаго цвѣта.



Кротъ обыкновенный (*Talpa europaea*). $\frac{2}{3}$ естеств. велич.

Область распространенія крота простирается черезъ всю Европу и сѣверную Азію до Амура и даже до Японіи; къ югу онъ распространенъ до Кавказа. Въ Альпахъ Европы онъ поднимается въ горы до 2000' абсолютной высоты. Кротъ повсюду очень обыкновененъ и размножается чрезвычайно быстро тамъ, гдѣ его не преслѣдуютъ.

О своемъ присутствіи кротъ самъ даетъ знать по землянымъ кучкамъ, которыя онъ долженъ постоянно выбрасывать вновь, чтобы жить. Кучки эти всегда указываютъ на направленіе и на протяженіе того участка, въ которомъ кротъ охотится въ данное время. При необыкновенной прожорливости своей онъ долженъ постоянно расширять свою охотничью область и работать надъ своими подземными сооруженіями. Безъ усталы роетъ онъ горизонтальные ходы неглубоко подъ поверхностью земли и выбрасываетъ всѣмъ извѣстныя кучки для того, чтобы удалить взрытую землю. „Изъ всѣхъ нашихъ туземныхъ животныхъ, живущихъ подъ землей“, пишетъ Блазіусъ, „обыкновенный кротъ старательнѣе всѣхъ работаетъ надъ устройствомъ своихъ затѣйливыхъ жилищъ и ходовъ. Ему приходится заботиться при этомъ не только объ удовлетвореніи своего прожорливаго аппетита, но и подумать какъ бы обезпечить себя отъ кое-какихъ опасностей. Искуснѣе и тщательнѣе всего устроена собственно нора или логовище. Она рас-

полагается обыкновенно въ такомъ мѣстѣ, доступъ къ которому снаружи затрудненъ, подъ корнемъ дерева, подъ стѣной и тому подобнымъ, и большею частью далеко удалена отъ обыденнаго района охоты. Съ этимъ послѣднимъ, состоящимъ изъ постоянно возрастающаго числа разнообразно развѣтвляющихся и перекрещивающихся между собою охотничьихъ ходовъ, гнѣздо соединено длиннымъ, обыкновенно довольно прямымъ главнымъ корридоромъ. Кромѣ этихъ проходовъ кротъ роетъ еще, во время размноженія, особаго рода ходы. Мѣсто собственно норы снаружи узнается по очень большой куполообразной кучѣ земли. Внутри нора состоитъ изъ круглой камеры, до 8 сантиметровъ въ поперечникѣ, служащей логовищемъ, и изъ двухъ круговыхъ галлерей; большая изъ нихъ расположена на одномъ уровнѣ съ камерой и проходитъ отъ нея въ разстояніи 16—25 сантиметровъ; меньшая лежитъ нѣсколько выше камеры, но идетъ почти концентрически съ бѣльшей. Изъ камеры ведутъ, направляясь косо вверхъ, три трубы въ верхнюю круговую галлерею, а изъ этой послѣдней, непременно чередуясь съ предыдущими, направляются косо внизъ 5—6 трубъ въ нижнюю круговую галлерею. Изъ этой галлерей лучеобразно расходятся во всѣ стороны, въ свою очередь чередуясь съ только что названными трубками, отъ 8 до 10 почти горизонтальныхъ прямыхъ или вѣтвящихся ходовъ, которые на нѣкоторомъ разстояніи, однако, образуютъ дугу и впадаютъ въ вышеописанный главный корридоръ. Сюда же ведетъ прямо со дна камеры одинъ спасательный ходъ, сначала направляющійся внизъ, а потомъ снова поднимающійся вверхъ. Стѣнки камеры и всѣхъ принадлежащихъ къ норѣ трубокъ, галлерей и ходовъ очень толсты, плотно утрамбованы и тщательно сглажены. Сама камера мягко устлана нѣжными листьями и травой, большею частью молодыми злаками, мхомъ, соломинками, навозомъ или нѣжными корешками, которые кротъ собираетъ обыкновенно на поверхности земли. Если кроту угрожаетъ опасность сверху, онъ отодвигаетъ подстилку камеры въ сторону и проваливается внизъ, въ спасательный ходъ; если же его беспокоятъ снизу или сбоку, то у него всегда остается возможность скрыться черезъ одну изъ трубокъ, ведущихъ въ малую круговую галлерею. Нора всегда обезпечиваетъ кроту во время сна и отдыха полную безопасность, а потому и составляетъ его обыкновенное мѣстопробываніе, если онъ только не охотится. Она расположена на глубинѣ 30—60 сантиметровъ отъ поверхности земли. Главный корридоръ шире, чѣмъ тѣло животнаго, а потому кротъ можетъ бѣгать по ней быстро и удобно; стѣнки его утрамбованы тоже очень хорошо, плотны и толсты. Снаружи вдоль его нѣтъ кучекъ земли, которая въ данномъ случаѣ только отгѣсняется и придавливается къ бокамъ корридора. Онъ служитъ исключительно для быстрого и удобнаго сообщенія съ мѣстами охоты; имъ пользуются нерѣдко и другія подземныя животныя, напр. землеройки, мыши, жабы, которымъ однако плохо приходится, если они встрѣтятся здѣсь съ владѣльцемъ корридора. Съ поверхности земли корридоръ, однако, всегда можно отличить потому, что вдоль его растенія засыхаютъ, а почва надъ нимъ нѣсколько осѣдаетъ. Такіе корридоры иногда имѣютъ длину отъ 30 до 50 метровъ. Охотничій районъ крота расположенъ обыкновенно далеко отъ норы и ежедневно перерывается во всѣхъ направленіяхъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Ходы въ этомъ районѣ дѣлаются лишь для временнаго употребленія, для отыскиванія пищи, а потому не уплотняются; земля изъ нихъ выбрасывается черезъ извѣстное разстояніе на поверхность въ видѣ кучекъ, которыя и обозначаютъ ихъ направленіе. Свою охотничью область кроты посѣщаютъ обыкновенно трижды въ день, — раннимъ утромъ, въ полдень и вечеромъ. Такимъ образомъ нормально они пробѣгаютъ по корридору изъ норы и опять обратно шесть разъ въ день, а потому могутъ навѣрняка быть пойманы въ немъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, если только удастся разыскать его.“

Подземная постройка крота никогда не сообщается непосредственно съ внѣшнимъ воздухомъ, но послѣдній однако въ достаточномъ количествѣ проникаетъ черезъ рыхлыя кучки, чтобы обезпечить животному достаточный притокъ необходимаго ему для дыханія кислорода. Но кромѣ воздуха кротъ чувствуетъ потребность и въ водѣ для питья; вслѣдствіе этого онъ всегда роетъ специальные

ходы, которые ведутъ къ близъ лежащимъ лужамъ или ручьямъ, или выкапываетъ, гдѣ послѣднихъ нѣтъ, особыя шахты для собиранія дождевой воды.

Прокладывать ходы кроту не доставляетъ ни малѣйшаго затрудненія. При помощи своихъ сильныхъ затылочныхъ мышцъ и огромныхъ переднихъ ногъ, которыми онъ упирается въ опредѣленное мѣсто, онъ внѣдряетъ свою острую мордочку въ рыхлую почву, быстро разгребаетъ вокругъ нея землю ладонями лапъ и не менѣе быстро откидываетъ ее кзади. Уши крота совершенно обезпечены отъ засоренія пескомъ и землей, благодаря своей способности закрываться. Взрытую землю животное оставляетъ за собою въ только что продѣланномъ ходѣ до тѣхъ поръ, пока она не станетъ стѣснять его. Наконецъ онъ приближается къ поверхности почвы и мало по малу выкидываетъ сюда землю рыльцемъ. При этомъ кротъ почти всегда прикрытъ слоемъ рыхлой земли въ 12—15 сантиметровъ. Въ рыхлой почвѣ кротъ роется просто съ удивительной быстротой. Окенъ содержалъ одного крота въ ящикѣ съ пескомъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и наблюдалъ, что животное двигалось въ пескѣ почти съ такой же быстротой, съ какой рыба скользитъ въ водѣ; впередъ направлена морда, за ней ладони, откидывающія землю въ стороны, а затѣмъ заднія ноги, подталкивающія животное впередъ. Еще быстрѣе бѣжитъ кротъ по своему корридору, какъ это доказали весьма остроумными опытами.

Въ водѣ, какъ уже сказано выше, кротъ тоже ни чуть не теряется; извѣстны случаи, что онъ переплывалъ не только широкія рѣки, но и морскіе проливы.

Главную пищу крота составляютъ дождевые черви и личинки насѣкомыхъ, живущія въ землѣ. Кромѣ этихъ червей и личинокъ онъ ѣстъ также жуковъ, особенно майскихъ и навозныхъ, медвѣдокъ и всѣхъ остальныхъ насѣкомыхъ, которыхъ только удастся ему раздобыть. Особенное же лакомство для него составляютъ, повидимому, улитки и мокрицы. Выслѣдить свою добычу помогаетъ кроту необыкновенно тонкое обоняніе; онъ слѣдуетъ за ней то вверхъ, то внизъ, смотря потому, куда она сама направляется. Охотится кротъ, впрочемъ, не только въ своихъ подземныхъ ходахъ, но добываетъ себѣ пищу также и на поверхности земли и даже, какъ увѣряютъ, изъ воды. Землеройка, полевка, лягушка, ящерица, веретеница или ужъ, забредшіе въ ходы крота, само собою разумѣется, неминуемо гибнутъ.

Голодъ нашего животнаго просто неутолимъ. Оно нуждается ежедневно въ такомъ количествѣ пищи, вѣсъ котораго равенъ вѣсу самого крота; послѣдній не выдерживаетъ безъ пищи болѣе 12 часовъ. Въ этомъ убѣдился Флурансъ нѣсколькими интересными наблюденіями. Кроты, которыхъ онъ содержалъ въ неволѣ, упорно отказывались отъ всякой растительной пищи, но тотчасъ же нападали на живыхъ птичекъ, лягушекъ и на болѣе слабыхъ товарищей своихъ; они набрасывались на нихъ и пожирали. Жаба однако была пощажена: кротъ подохъ съ голоду, но ее не тронулъ.

Ленцъ посадилъ только что пойманнаго безъ всякаго поврежденія крота въ ящикъ, дно котораго было покрыто землей всего на 5 сантиметровъ, благодаря этому кротъ не могъ строить подземныхъ ходовъ и принужденъ былъ проводить большую часть времени на виду у наблюдателя. Уже черезъ два часа послѣ поимки онъ жадно ѣлъ дождевыхъ червей въ большомъ изобиліи. Онъ вовсе не трогалъ растительную пищу и въ томъ числѣ хлѣбъ и булку, но охотно ѣлъ улитокъ, жуковъ, личинокъ мухъ, гусеницъ, куколокъ бабочекъ, мясо птицъ и звѣрковъ. На восьмой день неволи Ленцъ посадилъ къ нему большую мѣдяницу. Кротъ тотчасъ же очутился подлѣ нея, укусилъ ее, но затѣмъ ушелъ въ землю, очевидно опасаясь ея энергичныхъ движеній. Скоро онъ однако показался снова, опять укусилъ веретеницу и опять зарылся. Такъ провозился онъ съ нею около шести минутъ, но затѣмъ набрался храбрости, схватилъ ящерицу и сталъ ее грызть; послѣднее удавалось ему однако плохо, такъ какъ онъ лишь съ большимъ трудомъ могъ прокусить жесткую шкурку веретеницы. Прогрызши въ ней дырку, онъ сталъ очень смѣль, грызъ дальше, помогалъ расширить отверстіе передними лапами, вытянулъ и съѣлъ сначала печень и внутренности, а затѣмъ и все

остальное тѣло, кромѣ головы, позвоночника, нѣсколькихъ кусочковъ шкурки и хвоста. Это случилось утромъ; въ полдень онъ сѣлъ еще большую садовую улитку, раковина которой была разбита, а послѣ полудня трехъ куколокъ бабочки. Въ пять часовъ вечера онъ снова проголодался и получилъ ужа въ 80 сантиметровъ длины. Съ нимъ онъ распорядился точь въ точь такъ же, какъ и съ мѣдяницей.

На пойманныхъ кротахъ весьма легко убѣдиться въ остротѣ ихъ внѣшнихъ чувствъ. Я посадилъ одного крота въ ящикъ, наполненный слоемъ земли въ 16 сантиметровъ. Животное тотчасъ же зарылось въ землю. Примявши землю, я положилъ въ одинъ изъ угловъ ящика мелко нарѣзанное сырое мясо. Уже черезъ нѣсколько минутъ приподнялась здѣсь земля, высунулось необыкновенно гибкое рыльце и мясо тотчасъ же было сѣдено. Обоняніе даетъ возможность кроту открывать пищу безъ того, чтобы видѣть или дотрагиваться до нея, и безошибочно ведетъ его къ цѣли по лабиринту подземныхъ ходовъ. Слухъ развитъ тоже превосходно, но служить кроту, повидимому, главнымъ образомъ для того, чтобы избѣгать опасностей. Кротъ слышитъ не только малѣйшія содроганія почвы, но и всякій подозрительный шорохъ, и тотчасъ же старается убраться какъ можно скорѣе по добру, по здорову. Далѣе, нужно имѣть также въ виду, что кротъ пользуется и своими глазами; извѣстно, что онъ руководствуется зрѣніемъ, когда принужденъ переплывать рѣки, подкопаться подъ которыя, благодаря ихъ широтѣ, онъ не можетъ. Коль скоро ему нужно плыть, онъ тотчасъ же разбираетъ закрывающіе глаза волосы и показываетъ маленькія глазныя яблоки, которыя сильно выпячиваетъ для того, чтобы ими было удобнѣе пользоваться.

Уже изъ вышесказаннаго видно, что кротъ дѣйствительно страшный хищникъ, если принять въ расчетъ его сравнительно небольшую величину. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находятся и его умственные способности и качества. Онъ дикъ, необыкновенно золь, кровожаденъ, жестокъ, мстителенъ и не живетъ въ мирѣ, собственно говоря, ни съ однимъ существомъ, кромѣ своей самки, да и то лишь во время спариванія и пока дѣтеныши малы. Въ остальную часть года онъ не выноситъ около себя ни одно живое существо и менѣе всего сожителя въ своемъ подземномъ замкѣ, безразлично, кто бы онъ ни былъ. Ревностиѣ и свирѣпѣе всего дерутся между собою, понятное дѣло, кроты одного пола; исходъ подобной борьбы вполнѣ опредѣленный: побѣжденный всегда тотчасъ же сѣдается.

Иная жизнь начинается въ періодъ спариванія. Въ это время какъ самки, такъ и самцы оставляютъ по ночамъ свои норы и бродятъ по поверхности земли съ цѣлью разыскать чертоги другого крота и сдѣлать ему визитъ. Доказано, что между кротами много больше самцовъ, чѣмъ самокъ; послѣ многихъ споровъ и дракъ кроту-самцу удастся, наконецъ, найти самку и онъ старается привязать ее къ себѣ нѣжностью или силой. Онъ поселяется вмѣстѣ со своей подругой въ своей или въ ея норѣ и устраиваетъ здѣсь ходы, которые походятъ на обыкновенные охотничьи ходы, но предназначены для совершенно другой цѣли: онъ запираетъ сюда самку, если на нее найдется другой претендентъ. Устроивъ свою дражайшую половину въ такомъ безопасномъ убѣжищѣ, кротъ тотчасъ же возвращается къ своему противнику. Оба соперника трудятся надъ расширеніемъ хода, въ которомъ они встрѣтились, устраиваютъ арену для битвы и начинаютъ сражаться на жизнь и смерть. Запертая самка старается между тѣмъ освободиться и бѣжитъ, роя ходы, все дальше и дальше. Побѣдитель спѣшитъ однако догнать ее и привести обратно. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ инцидентовъ со сраженіями угрюмые отшельники различныхъ половъ привыкаютъ, наконецъ, другъ къ другу и начинаютъ уже сообща рыть спасательные и охотничьи ходы. Самка строитъ гнѣздо для дѣтенышей обыкновенно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сходятся три или еще больше ходовъ въ одной точкѣ; дѣлается это для того, чтобы при опасности можно было воспользоваться нѣсколькими путями отступленія. Гнѣздо представляетъ собою простую камеру, мягко и обильно выстланную обыкновенно размельченными растительными веществами, преимущественно листьями, травой, соломой, навозомъ и т. под. Оно расположено большею частью довольно далеко

отъ описаннаго выше жилья крота, съ которымъ оно соединено главнымъ же корридормъ. Приблизительно черезъ четыре недѣли послѣ спариванія самка мечетъ въ это гнѣздо отъ 3 до 5 слѣпыхъ дѣтенышей, которыхъ мы должны признать за однихъ изъ самыхъ безпомощныхъ среди млекопитающихъ. Рождаются они голыми и имѣютъ величину крупнаго боба. Уже съ первыхъ дней жизни аппетитъ ихъ однако столь же неутолимъ, какъ ихъ родителей, а потому растутъ они весьма быстро.

Мать предается вскармливанію и воспитанію своихъ малютокъ съ полнымъ самопожертвованіемъ и не щадитъ жизни, коль скоро дѣло касается охраненія ихъ отъ опасности. Самецъ тоже принимаетъ въ нихъ самое живое участіе, таскаетъ имъ дождевыхъ червей и насѣкомыхъ, раздѣляетъ съ семьей опасности при затопленіи норы водою и старается въ зубахъ перенести дѣтенышей въ безопасное мѣсто. Черезъ 5 недѣль дѣтеныши достигаютъ приблизительно половины роста стариковъ, но все еще остаются въ гнѣздѣ и ждутъ пока одинъ изъ родителей не принесетъ имъ пищу, которую они хватаютъ тогда съ необычайной жадностью и тотчасъ же съѣдаютъ. Если они лишаются въ это время матери, они рѣшаются въ мукахъ голода выйти изъ гнѣзда въ корридоръ, вѣроятно, для того, чтобы отыскать мать; не найдя ее, они идутъ, если нѣтъ никакой опасности, дальше и даже выбираются на поверхность земли, гдѣ начинаютъ иногда дразнить другъ друга и возиться между собой. Первые попытки дѣтенышей при рытьѣ бываютъ еще очень неудачны: они беспорядочно снуютъ подъ самой поверхностью, часто едва прикрытые землей и почти не пробуютъ еще выбрасывать кучекъ. Но упражненіе дѣлаетъ мало по малу ихъ болѣе опытными и къ слѣдующей веснѣ они уже вполне изучили это искусство.

Кротъ не впадаетъ зимою въ спячку, которой подвергаются многія другія насѣкомоядныя; онъ постоянно въ движеніи, и лѣто, и зиму. Онъ слѣдуетъ за дождевыми червями и за насѣкомыми то въ глубь земли, то ближе къ поверхности, смотря потому, куда направляется его добыча.

О способахъ наблюденія надъ столь скрытно живущимъ животнымъ распространяться здѣсь я не стану, но приведу только одинъ примѣръ ихъ. Лекуръ желалъ опредѣлить быстроту движенія крота въ его ходахъ и примѣнилъ при своихъ изслѣдованіяхъ очень подходящій и не менѣе занятный способъ. Онъ воткнулъ въ корридоръ кротоваго лабиринта рядъ соломинокъ, которыя долженъ былъ задѣвать и трясти пробѣгавшій здѣсь кротъ. Къ соломинкамъ этимъ наблюдатель прикрѣпилъ бумажные флаги и, спугнувъ сигнальнымъ рожкомъ крота, который былъ занятъ въ своемъ охотничьемъ районѣ, заставилъ его направиться въ корридоръ. Коль скоро кротъ задѣвалъ соломинки, бумажки съ нихъ опадали и Лекуру съ его помощникомъ дана была полная возможность точно опредѣлить быстроту животнаго на извѣстномъ разстояніи.

Нельзя отрицать, что кротъ приноситъ большую пользу уничтоженіемъ дождевыхъ червей, медвѣдокъ, личинокъ майскихъ жуковъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ. Вслѣдствіе этого онъ всегда останется однимъ изъ наиполезнѣйшихъ млекопитающихъ тамъ, гдѣ не тяготятъ выкидываемыя имъ кучки земли. Съ другой стороны его терпѣть не могутъ въ садахъ, гдѣ онъ взрываетъ клумбы съ дорогими растеніями или портитъ установленный порядокъ выбрасываніемъ земли въ видѣ кучекъ. Онъ можетъ вредить своимъ рытьемъ также и плотинамъ, которыя устраиваются для защиты отъ наводненій: вода стремится черезъ кротовины, размываетъ ихъ и въ концѣ концовъ можетъ обусловить прорывъ плотины. Въ поляхъ, на лугахъ и въ лиственныхъ рощахъ кротъ желанный гость, котораго необходимо щадить всѣми средствами, но въ другихъ мѣстахъ онъ можетъ причинить неописуемый вредъ и огорченіе. Чтобы избавиться отъ него, есть много способовъ, но гораздо лучше обратиться за этимъ къ опытному крысолову, котораго можно найти, какъ извѣстно, во всякой деревнѣ и который выведетъ его гораздо скорѣе, чѣмъ научать описанія. Я укажу здѣсь лишь на одно средство, потому что оно съ одной стороны мало еще извѣстно, а съ другой — ведетъ къ крайне вѣрнымъ результатамъ. Желая оградить отъ крота цвѣтникъ или другое

какое нибудь излюбленное мѣстечко, стоитъ только приказать окопать его канавой около 60 сантиметровъ глубины и засыпать ее рубленнымъ терновникомъ, осколками стекла и тому подобными острыми предметами и мусоромъ. Подобная стѣнка удержитъ любого крота; желая проникнуть черезъ нее, онъ ранитъ себя о какой нибудь острый осколокъ мордочку и обыкновенно весьма быстро погибаетъ отъ полученной такимъ образомъ ранки.

Кромѣ человѣка у крота есть еще много враговъ. Хорекъ, горностаи, совы, сокола, сарычи, вороны и ансты подстерегаютъ его въ то время, когда онъ выбрасываетъ кучки земли; ласка преслѣдуетъ его даже въ его подземныхъ ходахъ, гдѣ онъ становится нерѣдко, какъ уже выше замѣчено, жертвой и гадюки. Пинчеры страхъ какъ любятъ подкарауливать роющагося крота; они выбрасываютъ его быстрымъ ударомъ лапъ изъ земли и въ мигъ закусываютъ. Ъдятъ его лишь лисицы, куницы, ежи и только что названныя птицы, остальные враги умерщвляютъ его, а затѣмъ бросаютъ.

Третье семейство насѣкомоядныхъ составляютъ тупайи (*Tupaiaidae*), которыхъ нѣмцы называютъ остроносими бѣлками. Послѣднее названіе указываетъ на извѣстное сходство этихъ животныхъ съ бѣлками, хотя сходство это, конечно, можетъ быть лишь весьма поверхностное. Головка нашихъ звѣрковъ заостряется въ длинную, на тупомъ своемъ кончикѣ обыкновенно голую мордочку; тѣло ихъ худощавое, хвостъ длинный или даже чрезмѣрной длины, пушистый, съ проборомъ; мѣхъ густой и мягкій. Глаза большіе, уши постепенно заостренные, конечности пятипалыя, лапы съ голыми подошвами, пальцы не соединены перепонками и вооружены короткими серпообразными когтями. У самокъ четыре сосца на брюхѣ.

Тупайи водятся на Индокитаѣ и на Зондскихъ островахъ. Это настоящія дневныя животныя, которыя совершаютъ свои хищническіе набѣги при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Шубка ихъ и движенія напоминаютъ бѣлокъ и туземцы ихъ родины имѣютъ для обоихъ животныхъ одно и то же названіе.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ видовъ этого семейства есть тана (*Tupaia tana*, *Cladobates tana*). Отъ сородичей своихъ она отличается помимо своей величины длиннымъ хвостомъ. Она покрыта темно-бурымъ, переходящимъ въ черный, мѣхомъ, который на нижней сторонѣ тѣла имѣетъ рыжеватый налетъ, а на головѣ и на мордѣ получаетъ примѣсь сѣрыхъ волосъ. По величинѣ тана ближе всего подходитъ къ нашей бѣлкѣ; длина ея тѣла едва достигаетъ 20 сантиметровъ, а хвостъ почти равенъ ей.

Тана проворное, веселое животное, хотя и уступаетъ въ быстротѣ своихъ движеній нашей бѣлкѣ. Она прекрасно умѣетъ пускать въ дѣло свои изогнутые когти и лазаетъ почти съ ловкостью обезьяны. Пища ея состоитъ изъ насѣкомыхъ и плодовъ, которые она собираетъ и разыскиваетъ не только въ вѣтвяхъ деревьевъ, но и на землѣ.

Лучше, хотя все еще далеко недостаточно изучено семейство хоботковых прыгунчиковъ (*Macroscelidae*), одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ отрядѣ. Если тупайи имѣютъ хвостъ, частью напоминающій хвостъ тушканчиковъ, то хоботковые прыгунчики походятъ на нихъ своими длинными, тонкими и почти голыми задними ногами. Кромѣ того изъ всѣхъ насѣкомоядныхъ у нихъ самый длинный носъ, превратившійся въ настоящій хоботокъ. Отъ хоботка этого произведено нѣмецкое (*Rüsselspringer*) и русское названіе этихъ звѣрковъ. Вдоль середины своей онъ покрытъ лишь скудными волосками, у корня имѣетъ довольно густой рядъ волосъ, а на концѣ совершенно голый. Голова отличается помимо того большими глазами, довольно длинными, торчащими въ стороны и снабженными козелкомъ ушами и длинными усами. Нѣсколько короткое, толстое туловище покоится на ножкахъ, передняя пара которыхъ рѣзко отличается по своему строенію отъ заднихъ. Эта послѣдняя пара необыкновенно длинная и совершенно

сходна съ задними конечностями тушканчиковъ. Густой мѣхъ очень мягокъ. Зубная система состоитъ изъ 40 зубовъ.

Обыкновенный хоботковый прыгунчикъ (*Macroscelides typicus*) достигаетъ длины 25 сантиметровъ, изъ которыхъ 11,5 см. приходится на хвостъ, а почти 2 см. на хоботокъ. Верхъ тѣла рыжевато-бурый или мышино-сѣрый, низъ же и лапы болѣе или менѣе чисто бѣлаго цвѣта.

Этотъ видъ по образу жизни совершенно сходенъ съ остальными своими сородичами, которыхъ описано до сихъ поръ около десяти видовъ. Всѣ они безъ исключенія свойственны Африкѣ, особенно южной и юго-восточной частямъ ея, и водятся въ раскаленныхъ солнцемъ и бесплодныхъ мѣстностяхъ. Здѣсь селятся они особенно охотно въ скалистыхъ горахъ, находя убѣжище въ глубокихъ, недоступныхъ норахъ подъ камнями, въ трещинахъ скаль и въ логовищахъ другихъ



Обыкновенный хоботковый прыгунчикъ (*Macroscelides typicus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

животныхъ. Сюда прячутся они при всякой опасности, которую склонны видѣть въ малѣйшей бездѣлицѣ. Это настоящія дневныя, даже солнечныя животныя, чувствующія себя лучше всего въ палящій полуденный жаръ, при которомъ усерднѣе всего и предаются своей охотѣ. Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ насѣкомыхъ, которыхъ они крайне ловко умѣютъ ловить и вытаскивать изъ различныхъ щелей и трещинъ. О размноженіи хоботковыхъ прыгунчиковъ ничего неизвѣстно, а наблюденій надъ плѣнными животными тоже еще не дѣлали.

Щетинистые ежи (*Centetidae*), прототипомъ которыхъ является одно мадагаскарское, нѣсколько похожее на ежа насѣкомоядное животное, составляютъ пятое семейство рассматриваемаго отряда. Они имѣютъ продолговатое тѣло, удлинненную голову съ довольно длиннымъ хоботкомъ, малыми глазами, средними ушами, голый длинный хвостъ, который у нѣкоторыхъ представителей однако совершенно отсутствуетъ, короткія ноги съ пятипалыми лапами, которыя вооружены сильными когтями и шубку, частью состоящую изъ иглообразныхъ щетинъ, частью же изъ жесткихъ волосъ.

У танрека (*Centetes ecaudatus*) особенно замѣчательна голова съ остроконечною мордою. Все тѣло довольно густо покрыто иглами, щетинами и воло-

сами, которые всё переходятъ другъ въ друга и воочію доказываютъ, что игла есть не что иное, какъ измѣненный волосъ. Лишь на затылкѣ, на зашейкѣ и по бокамъ шеи имѣются настоящія, нѣсколько гибкія иглы около 1 сантиметра длиною. Кончикъ рыльца и уши голыя, лапы покрыты только короткими волосами. Иглы, щетины и волосы окрашены въ свѣтло-желтый цвѣтъ, а по срединѣ въ черно-бурыхъ кольцахъ, которыхъ больше на спинѣ, чѣмъ на бокахъ. Длина взрослого животнаго достигаетъ 27 сантиметровъ.

Танрекъ, прежде ограниченный въ своемъ распространеніи только Мадагаскаромъ, но потомъ занесенный также на острова св. Маврікія, Маіотту и Соединенія, особенно охотно селится въ гористыхъ мѣстностяхъ, обильно поросшихъ кустарникомъ, папоротниками и мхами; онъ роетъ себѣ норы и ходы въ землѣ, которые и служатъ ему убѣжищемъ. Это пугливое и робкое животное, которое



Танрекъ (*Centetes escaudatus*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

проводить большую часть дня въ уединеніи и выходитъ изъ своего жилья лишь послѣ заката солнца. Видѣть его можно только весною и лѣтомъ на его родинѣ, т.-е. послѣ выпаденія первыхъ дождей и до наступленія сухого времени года. Во время наибольшей засухи онъ удаляется въ самыя глубокія части своей норы и впадаетъ подобно нашему ежу въ спячку, которая продолжается съ апрѣля мѣсяца по ноябрь. Пища его состоитъ преимущественно изъ насѣкомыхъ, но онъ питается также червями, улитками, ящерицами и различными плодами. Къ водѣ онъ чувствуетъ особенную склонность.

Въ неволѣ танрекъ ѣстъ сырое мясо, вареный рисъ и бананы. Весь день онъ спитъ, но ночью становится очень оживленнымъ. Если его посадить въ помѣщеніе съ землей, то онъ роется въ ней хоботкомъ, какъ свинья, а также весьма охотно катается по ней. Онъ старается проломить клѣтку своими сильными когтями и иногда успѣваетъ въ этомъ. Съ подобными себѣ онъ часто ссорится, особенно же изъ за пищи. Насколько мнѣ извѣстно, въ Европу живымъ танрека еще не привозили.

Представители семейства землероекъ (*Soricidae*) изъ насѣкомоядныхъ напоминаютъ хищниковъ семейства куніцъ. Подобно послѣднимъ землеройки обладаютъ всѣми способностями, необходимыми для настоящей хищнической

жизни; онѣ встрѣчаются рѣшительно повсюду и проявляютъ смѣлость, кровожадность и свирѣпость, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ ихъ малой величинѣ.

Землеройки вмѣстѣ съ летучими мышами принадлежать къ числу самыхъ мелкихъ млекопитающихъ; строеніе ихъ соразмѣрное, а внѣшнимъ видомъ своимъ они напоминаютъ крысъ и мышей. Туловище этихъ насѣкомоядныхъ тонкое, голова длинная, рыльце вытянутое, зубная система состоитъ изъ очень большого числа чрезвычайно острыхъ зубовъ. Мы находимъ въ ней обыкновенно съ каждой стороны 2—3 рѣзца, иногда зазубренные, 3—5 ложно коренныхъ и 3—4 настоящихъ коренныхъ зубовъ, изъ которыхъ послѣдній рядъ имѣетъ четырехъ- или пятизубчатую коронку. Настоящихъ клыковъ вовсе нѣтъ. Своеобразныя железки расположены по бокамъ туловища или у корня хвоста. Тѣло землероекъ покрыто мягкими, какъ бархатъ, волосами, губы, лапы и хвостъ усажены болѣе жесткими, на щекахъ сидятъ длинные усы, а по бокамъ лапъ щетинки, которыя рѣзко отдѣляются отъ голыхъ подошвъ.

Въ современную намъ геологическую эпоху землеройки распространены по Старому Свѣту и по Сѣверной Америкѣ, въ Австраліи же и въ Южной Америкѣ ихъ вовсе нѣтъ. Онѣ водятся какъ въ низменныхъ равнинахъ, такъ и въ высоко расположенныхъ мѣстностяхъ, въ предгоріяхъ и даже въ альпійскихъ странахъ. Селятся землеройки охотнѣе всего въ довольно густыхъ лѣсахъ, въ кустарникѣ, на лугахъ, пастбищахъ, въ садахъ и наконецъ въ домахъ. Большинство видовъ предпочитаютъ сырыя мѣста, нѣкоторыя же живутъ въ водѣ. Многіе виды ведутъ подземную жизнь, то выкапывая сами себѣ норы и ходы, то пользуясь чужими послѣ того, какъ выживутъ законнаго владѣльца добромъ или силою. Почти всѣ землеройки любятъ мрачныя или по крайней мѣрѣ тѣнистыя мѣста и избѣгаютъ сухости, жары и свѣта; къ послѣднимъ вліяніямъ онѣ до такой степени чувствительны, что нерѣдко даже погибаютъ отъ солнечныхъ лучей. Движенія ихъ необыкновенно ловки, быстры и притомъ крайне разнообразны. Тѣ, которыя умѣютъ только бѣгать, мелькаютъ съ быстротою молніи, а плавающие виды не уступаютъ въ этомъ искусствѣ никакому другому сухопутному животному.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у землероекъ развито, повидимому, лучше всего обоняніе, а вслѣдъ за нимъ слѣдуетъ слухъ; съ другой стороны зрѣніе болѣе или менѣе плохо. Умственные способности этихъ звѣрковъ весьма незначительны, хотя нельзя имъ отказать въ нѣкоторой долѣ смысленности. Землеройки очень хищны и кровожадны и не щадятъ ни одного мелкаго животного, крупныхъ же онѣ сами осторожно избѣгаютъ. Большинство видовъ скрывается въ свои убѣжища уже при малѣйшемъ шумѣ, да они и принуждены это дѣлать потому, что совершенно беззащитны противъ своихъ болѣе крупныхъ враговъ. Съ нашей, человѣческой, точки зрѣнія, мы должны ихъ признать за совершенно безвредныхъ животныхъ, которыя оказываютъ намъ величайшую пользу истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ. Пища ихъ исключительно животная; насѣкомыя и ихъ личинки, черви, моллюски, мелкія птички и млекопитающія, при случаѣ рыбы и ихъ икра, раки и т. д. Необыкновенно прожорливые звѣрки эти съѣдаютъ ежедневно столько, сколько вѣситъ ихъ собственное тѣло. Ни одинъ видъ ихъ не въ состояніи долго выдерживать голодъ; вслѣдствіе этого они не впадаютъ въ спячку, а ищутъ пищу при мало-мальски мягкой погодѣ даже на почвѣ, занесенной снѣгомъ, или въ защищенныхъ отъ него мѣстахъ, напр. въ человѣческомъ жильѣ. Голосъ землероекъ состоитъ изъ высокихъ чирикающихъ, пискливыхъ или свистящихъ звуковъ, которые во время страха переходятъ въ жалобные; при опасности всѣ онѣ издаютъ болѣе или менѣе сильный мускусный или цибетовый запахъ, который хотя и не защищаетъ ихъ отъ опасности, но все же дѣлаетъ ихъ несъѣдобными для большинства животныхъ. Поэтому собаки, кошки и куницы оставляютъ нетронутыми умерщвленныхъ ими землероекъ; съ другой стороны большинство птицъ, вкусъ и обоняніе которыхъ развиты слабѣе, не отказывается употреблять ихъ въ пищу.

Большинство землероекъ животныя весьма плодовитыя и мечутъ отъ 4 до 10 дѣтенышей. Послѣдніе появляются на свѣтъ голыми и съ закрытыми еще

глазами, но развиваются быстро и уже черезъ мѣсяць по рожденіи въ состояніи сами себѣ промышлять пищу.

Въ первое подсемейство мы соединяемъ землероекъ въ тѣсномъ смыслѣ слова (*Soricinae*). Къ нему относится большинство представителей семейства, имѣющихъ отъ 28 до 32 зубовъ, длинный и узкій черепъ и пальцы, которые не соединены плавательными перепонками. Въ Средней Европѣ подсемейство это представлено тремя родами.

Родъ настоящихъ землероекъ (*Sorex*) характеризуется 32 зубами, окрашенными на своихъ концахъ въ темно-бурый цвѣтъ, ногами и пальцами, по бокамъ покрытыми короткими и мягкими волосками, и хвостомъ, который одѣтъ на всемъ своемъ протяженіи довольно густо волосками равномѣрной длины; иначе встрѣ-



Домовая землеройка (*Crocidura aganea*) и лѣсная землеройка (*Sorex vulgaris*). Естеств. велич.

чающійся представитель его, землеройка обыкновенная или лѣсная (*Sorex vulgaris*) принадлежитъ къ обыкновеннѣйшимъ животнымъ нашихъ мѣстъ. Въ величинѣ она нѣсколько уступаетъ domestic mouse, такъ какъ длина ея равняется 11 сантиметрамъ, изъ которыхъ 4,5 см. приходится на хвостъ. Цвѣтъ ея нѣжнаго, бархатистаго мѣха колеблется отъ яркаго рыже-бураго до блестящаго чернаго; бока тѣла всегда свѣтлѣе спины, низъ сѣровато-бѣлый съ буроватымъ налетомъ, губы бѣловатыя, длинные усы чернаго цвѣта, лапки буроватыя, хвостъ сверху темно-бурый, снизу буровато-желтый. По цвѣту различаютъ нѣсколько формъ, которыя одними зоологами принимаются за виды, другими же за видоизмѣненія.

Обыкновенная землеройка водится въ Германіи, Швеціи, Англіи, Франціи, Италіи, Венгріи, Галиціи и Россіи; она живетъ какъ на возвышенностяхъ, такъ и въ низменностяхъ, на горахъ и въ долинахъ, въ поляхъ, садахъ, близъ деревень или въ нихъ самихъ и обыкновенно держится недалеко отъ воды. Зимой она переселяется въ дома или по крайней мѣрѣ въ хлѣва и сараи. Въ Германіи и сѣверной Россіи это самый обыкновенный видъ всего семейства. Она селится охотнѣе всего въ подземныхъ норахъ, а потому часто встрѣчается въ подземныхъ ходахъ крота, покинутыхъ мышиныхъ норкахъ или въ естественныхъ трещинахъ и щеляхъ между камней. На мягкой почвѣ она сама роетъ себѣ при помощи рыльца и слабыхъ переднихъ лапокъ ходы, которые идутъ всегда

подъ самую поверхность земли. Подобно всѣмъ остальнымъ представителямъ семейства землеройка эта чисто почное животное, не охотно покидающее днемъ свое подземное убѣжище. Она никогда не дѣлаетъ этого въ полуденные часы, потому что дѣйствительно не выносить солнечныхъ лучей; по крайней мѣрѣ полагають, что всѣ тѣ землеройки, которыхъ часто находятъ въ жаркую пору лѣта на дорогахъ и въ канавахъ, ослѣпляются солнцемъ и гибнутъ отъ того, что не въ состояніи уже больше найти входъ въ свою норку.

Землеройку видишь постоянно занятою; то и дѣло ищетъ она пищу, поворачивая во всѣ стороны своимъ хоботкомъ; все живое, что она ни найдетъ и съ чѣмъ въ состояніи справиться, — обречено на гибель: она съѣдаетъ своихъ собственныхъ дѣтенышей и мертвыхъ землероекъ ея же вида. „Я часто сожралъ“, говоритъ Ленцъ, „землероекъ въ ящикахъ. Мухами, мучными и дождевыми червями и тому подобной пищей накормить и насытить ихъ положительно нельзя. Я долженъ былъ ежедневно давать имъ по дохлой мыши, землеройкѣ или птичкѣ такой же величины, какъ онѣ сами. Несмотря на незначительную величину свою, онѣ каждый день съѣдали по цѣлой мыши, оставляя отъ нея лишь кожу да кости. Мнѣ удавалось такимъ образомъ откармливать землероекъ, при малѣйшемъ же голоданіи онѣ неизбѣжно погибали. Я пробовалъ давать имъ только хлѣбъ, овощи, плоды, коноплю, макъ, канареечье и другія сѣмена, но онѣ скорѣе соглашались умереть съ голоду, чѣмъ дотронуться до такой пищи. Если я давалъ имъ сдобное печенье, то онѣ грызли его изъ за жиру; съ другой стороны онѣ жадно набрасывались и пожирали мышей и себѣ подобныхъ. При хорошемъ уходѣ землеройки выживаютъ въ неволѣ но цѣлымъ мѣсяцамъ.“

Велькеръ привязалъ живую землеройку за ногу на крѣпкую нитку и пускалъ ее на полѣ въ мышинныя норки. Изъ одной такой норки скоро появилась страшно перепуганная полевая мышь съ его землеройкой на спинѣ. Хищное созданіе впилось зубами въ затылокъ своей жертвы, быстро умертвило ее и съѣло. Движенія землеройки необыкновенно проворны и ловки. Она быстро бѣгаетъ по землѣ, дѣлаетъ довольно большіе прыжки, можетъ влѣзть по наклонно стоящимъ стволамъ, а въ случаѣ крайности умѣетъ даже довольно сносно и плавать. Голосъ ея состоитъ изъ рѣзкихъ, чирикающихъ, почти свистящихъ, но тихихъ звуковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе издають и остальные представители семьи. Изъ внѣшнихъ чувствъ выше всего развито обоняніе. Часто случается, что пойманная, а затѣмъ освобожденная, землеройка снова идетъ въ ловушку, исключительно привлекаемая оставленнымъ ею здѣсь запахомъ. Зрѣніемъ своимъ землеройка, повидимому, не руководствуется, слухъ же у нея тоже довольно слабъ; тонкое обоняніе вполне вознаграждаетъ ей однако оба эти чувства.

Мало существуетъ животныхъ, которыя столь необщительны и такъ дурно относятся къ себѣ подобнымъ, какъ землеройки; сравнятся съ ними въ этомъ отношеніи можетъ развѣ одинъ кротъ. Даже животныя разныхъ половъ не живутъ между собою въ мирѣ, за исключеніемъ періода спариванія. Во всякое другое время землеройка, не задумываясь, съѣдаетъ другую, если только ей удастся поймать ее. Нерѣдко случается видѣть двухъ землероекъ, которыя до того увлеклись дракою, что ихъ можно взять руками: онѣ представляютъ при этомъ одинъ клубокъ и катаются такимъ образомъ по землѣ, впѣпившись другъ въ друга зубами съ яростью, достойною самаго свирѣпаго бульдога. Счастіе, что ростомъ землеройки не со льва: онѣ опустошили бы всю землю и въ концѣ концовъ сами должны были бы умереть съ голоду. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ землеройки образуютъ общества, между членами котораго царить или кажется, что царить миръ. Картрей услышалъ однажды непрерывный шелестъ и шумъ въ сухой листьѣ и замѣтилъ большое число нашихъ звѣрковъ, доходившее по его мнѣнію до сотни; животныя, повидимому, играли другъ съ другомъ, чирикали и пищали и бѣгали въ запуски; причину этого явленія открыть не удалось, но можетъ быть справлялась пышная свадьба большого числа паръ.

Самка строитъ гнѣздо для дѣтенышей изъ мха, травы, листьевъ и стебельковъ различныхъ растений охотнѣе всего въ каменныхъ стѣнахъ или подъ кор-

нями; она снабжаетъ норку нѣсколькими выходами, мягко выстилагаетъ само гнѣздо и мечетъ въ него въ маѣ, іюнѣ или іюлѣ отъ 5 до 10 дѣтенышей, которые рождаются слѣпыми и съ закрытыми ушами. Въ началѣ самка кормитъ ихъ молокомъ съ большою нѣжностью, но любовь ея скоро охладѣваетъ и молодыя землеройки начинаютъ отыскивать себѣ пищу самостоятельно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ было уже замѣчено, кончаются и всѣ родственныя отношенія, потому что каждая землеройка уже съ дѣтства видитъ пищу исключительно въ мясѣ, будь то даже трупы ея родныхъ братьевъ и сестеръ.

Замѣчательно, что землероекъ ѣдятъ лишь немногія животныя. Кошки умерщвляютъ ихъ, повидимому, по ошибкѣ, принимая ихъ сначала за мышей; но даже молодыя кошки, закусавъ ихъ до смерти, не трогаютъ ихъ мяса. Представители семейства куницъ тоже, кажется, брезгаютъ ими. Только нѣкоторыя хищныя птицы, аистъ и гадюки глотаютъ ихъ безъ всякаго разсужденія и съ удовольствіемъ. Отвращеніе, которое питаютъ къ землеройкамъ всѣ одаренныя тонкимъ обоняніемъ млекопитающія, несомнѣнно имѣетъ свое основаніе въ запахѣ, свойственномъ этимъ звѣркамъ. Этотъ сильный, похожій на мускусный запахъ обуславливается выдѣленіемъ двухъ железъ, расположенныхъ по бокамъ туловища и притомъ ближе къ переднимъ, чѣмъ къ заднимъ ногамъ, и сообщается всѣмъ предметамъ, къ которымъ землеройка прикасается.

Вполнѣ возможно, что предразсудки, отъ которыхъ приходится страдать землеройкамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы, основаны тоже на этомъ запахѣ. Мѣстами напр. въ Англіи, этого безвреднаго животнаго боятся больше, чѣмъ ядовитыхъ змѣй. Каждый соглашается, что землеройка не можетъ нанести ни малѣйшаго вреда человѣку своими тонкими мелкими зубами, но тѣмъ не менѣе укусу ея приписываютъ самое ядовитое дѣйствіе. Даже одно прикосновеніе землеройки считалось прежде предвѣстникомъ какой нибудь бѣды: и человѣкъ, и животное, „пораженные землеройками“, должны были безусловно заболѣть, если не прибѣгнуть во время къ одному странному средству.

*

У полевыхъ землероекъ (*Crocidura*) зубная система состоитъ изъ 28—30 бѣлыхъ на всемъ своемъ протяженіи зубовъ. Въ остальномъ оба рода въ сущности сходны другъ съ другомъ.

Домовая землеройка (*Crocidura aganea*, см. рис. стр. 419), имѣющая въ длину около 11,5 сант., сверху буро-сѣраго, снизу блѣднѣе безъ рѣзкаго перехода въ оттѣнкахъ; губы и лапки въ буровато-бѣлыхъ волосахъ. Зубовъ у этого вида 28.

Отъ сѣверной Африки домовая землеройка распространяется по южной, западной и средней Европѣ до центральныхъ губерній Россіи, а кромѣ того встрѣчается въ средней Азіи и въ Сибири; нѣтъ ея, повидимому, въ Англіи, Даніи, Скандинавіи и въ Голландіи. По Блазіусу, она свойственна преимущественно полямъ и садамъ или по крайней мѣрѣ положительно предпочитаетъ ихъ лѣсу и его опушкамъ, гдѣ изрѣдка ее однако тоже находятъ. Ни одинъ изъ ея сородичей не привыкаетъ такъ быстро къ сосѣдству человѣка и ни одинъ не встрѣчается такъ часто въ строеніяхъ, особенно въ сараяхъ и хлѣвахъ, какъ она. Живя на свободѣ, она охотится въ утренніе и вечерніе часы дня за всевозможными мелкими животными, начиная отъ мелкихъ млекопитающихъ и кончая червями; въ домахъ она ѣстъ мясо, сало и растительныя масла. По нраву своему, привычкамъ и образу жизни она во всѣхъ почти отношеніяхъ сходна съ обыкновенной землеройкой.

Другой видъ этого рода, имѣющій 30 зубовъ, тосканская землеройка (*Crocidura suaveolens*) заслуживаетъ быть упомянутой уже потому, что вмѣстѣ съ одной летучей мышью представляетъ самое мелкое (изъ до сихъ поръ извѣстныхъ) млекопитающее. Общая длина ея тѣла не превышаетъ 6,5 сантиметра. изъ которыхъ 2,5 см. приходится на хвостъ. Цвѣтъ ея мягкаго, бархатистаго

мѣха свѣтло-сѣрый или рыжевато-сѣрый, хвостъ сверху буроватый, снизу блѣднѣе, хоботокъ и лапки тѣлеснаго цвѣта, ноги въ бѣловатыхъ волоскахъ. Старыя животныя блѣднѣе и рыжѣе, молодыя темнѣе и сѣрѣе. Нѣкотораго вниманія заслуживаютъ сравнительно большія ушные раковины.

Тосканская землеройка встрѣчается почти во всѣхъ странахъ, которыя окружаютъ Средиземное и Черное моря. Ее нашли въ сѣверной Африкѣ, въ южной Франціи, въ Италіи и въ Крыму. Образъ жизни ея тотъ же, что и ея сородичей.

Изъ остальныхъ землероекъ мы остановимся еще только на одномъ видѣ, на водяной куторѣ (*Crossopus fodiens*). Она отличается отъ остальныхъ своихъ родственниковъ главнымъ образомъ тѣмъ, что нижняя сторона пальцевъ



Тосканская землеройка (*Crocidura suaveolens*). Естеств. велич.

ея покрыта упругими, довольно толстыми и длинными волосами, которые замѣщаютъ собою плавательныя перепонки.

Водяная кутора распространена, какъ кажется, почти по всей Европѣ и по нѣкоторымъ частямъ Азіи и всюду обыкновенна въ подходящихъ ей мѣстахъ. Сѣверная граница ея распространенія достигаетъ Англіи и странъ Балтійскаго моря, южная же касается Испаніи и Италіи. Въ горныхъ странахъ она поднимается до значительной высоты, въ Альпахъ приблизительно до 2000 метровъ. Она живетъ предпочтительно у водъ гористыхъ мѣстностей и особенно охотно по такимъ, ручьи которыхъ не замерзаютъ даже въ самые сильные холода; такія воды ей безусловно необходимы для того, чтобы свободно входить и выходить для охоты. Любимое мѣстопробыванія ея составляютъ ручьи нагорныхъ лѣсовъ, несущіе прозрачную воду, имѣющіе песчаное или галечное дно, поросшіе деревьями или граничащіе съ садами и лугами. Не менѣе охотно селится она и у прудовъ со свѣтлой водой, затянутахъ ряскою. Здѣсь она встрѣчается часто въ замѣчательно большомъ количествѣ. Нерѣдко она живетъ въ самыхъ деревняхъ, гдѣ нибудь у мельницы. Кутора эта, однако, не связана исключительно съ водой; она держится скорѣе на лугахъ, расположенныхъ вдоль ручьевъ, забирается подъ копны сѣнга, заходитъ въ сараи и хлѣва и даже во внутрь домовъ; нерѣдко ее можно встрѣтить на поляхъ, далеко удаленныхъ отъ воды. Въ

рыхлой почвѣ, близъ воды она роетъ себѣ ходы сама, но все же охотнѣе пользуется мышиными и кротовыми, если они расположены близъ того мѣста, гдѣ она живетъ. Первое требованіе, которое она предъявляетъ къ своему жилью, это то, чтобы оно имѣло нѣсколько главныхъ выходовъ, изъ которыхъ одинъ долженъ вести непременно подъ воду, другіе могутъ открываться надъ водою, а третьи выходятъ на сушу. Нора служить животному мѣстомъ отдыха и рассчитана на то, чтобы дать ему надежное убѣжище въ случаѣ преслѣдованія.

Въ мѣстностяхъ населенныхъ кутора проводитъ въ своемъ жилищѣ обыкновенно весь день, но если она не боится преслѣдованій, то охотится и днемъ, особенно весною, въ періодъ спариванія. Она рѣдко плаваетъ вдоль берега, чаще же переплываетъ съ одной стороны ручейка на другую. Желая направиться вдоль ручья, она либо бѣжитъ по его берегу, либо по дну его, подъ водою. Это крайне веселое, смѣтливое и ловкое животное, наблюдать за которымъ доставляетъ много удовольствія.

Если принять въ расчетъ незначительную величину водяной куторы, то она окажется дѣйствительно ужаснымъ хищникомъ. Она ѣстъ не только всевозможныхъ насѣкомыхъ, особенно водяныхъ, червей, мелкихъ моллюсковъ, раковъ и т. под., но и земноводныхъ, рыбъ, птицъ и мелкихъ млекопитающихъ. Мышь, которая заберется въ нору куторы, безусловно пропала; недавно покинувшая свое гнѣздышко трясогузка, неосторожно приблизившаяся къ самой водѣ, неожиданно становится жертвой куторы, которая нападаетъ на нее съ жадностью, свойственною рыси, и душитъ въ нѣсколько минутъ. Безпечно плывущая мимо норки куторы лягушка вдругъ чувствуетъ себя схваченной за заднія ноги и несмотря на свои жалобные звуки, увлекается въ глубину, гдѣ ей весьма быстро придется расстаться съ жизнью. Гольцы и пискари загоняются куторой въ заводи и ловятся здѣсь весьма своеобразнымъ образомъ: кутора мутитъ воду бухточки и сторожитъ у ея выхода; коль скоро рыбка старается выйти изъ нея, кутора быстро идетъ на нее и обыкновенно не даетъ промаха. Она ловитъ рыбу, какъ говорится, въ мутной водѣ. Она рѣшается нападать однако не только на мелкихъ животныхъ, но и на такихъ, вѣсъ которыхъ превышаетъ ея собственный болѣе, чѣмъ въ 60 разъ; безусловно можно сказать, что нѣтъ ни одного другого хищника, который нападалъ бы на столь крупную, относительно, добычу.

Враги водяной куторы тѣ же самые, что и у обыкновенной землеройки. Днемъ страдать ей обыкновенно не приходится, но во время ночныхъ своихъ странствованій по берегу она часто становится жертвой совъ и кошекъ, послѣднія однако ее не ѣдятъ изъ за ея мускуснаго запаха, но все же убиваютъ, а затѣмъ бросаютъ.

Промежуточными звеньями, соединяющими землероекъ съ кротами, являются по нашему мнѣнію немногочисленные представители второго подсемейства — выхухолей (*Myogalinae*). Туловище этихъ животныхъ болѣе плотное, чѣмъ у остальныхъ землероекъ, шея необыкновенно короткая и такой же толщины, какъ и туловище; ноги короткія съ лапами, пальцы которыхъ соединены сильно развитыми плавательными перепонками; хвостъ длинный, округлый, къ концу сжатъ съ боковъ на подобіе весла, покрытъ чешуйками, расположенными въ кольца и очень рѣдкими волосами. Наружныхъ ушныхъ раковинъ нѣтъ, а глаза малы. Самое замѣчательное въ животномъ, однако, его носъ, который можно назвать хоботомъ еще скорѣе, чѣмъ у хоботковыхъ прыгунчиковъ. Онъ состоитъ изъ двухъ длинныхъ, тонкихъ, сросшихся другъ съ другомъ хрящевыхъ трубокъ, которыя могутъ двигаться во всѣ стороны при посредствѣ двухъ паръ болѣе длинныхъ и трехъ паръ болѣе короткихъ мышцъ. Хоботъ это животное пускаетъ въ дѣло для самыхъ различныхъ цѣлей и особенно для ощупыванія имъ всякихъ предметовъ. Подъ корнемъ хвоста расположена мускусная железа, отдѣленіе которой имѣетъ необыкновенно сильный запахъ.

До настоящаго времени извѣстенъ всего одинъ родъ этого подсемейства, состоящій изъ двухъ южно-европейскихъ видовъ. Одинъ видъ водится въ Пире-

нейскомъ хребтѣ и его отрогахъ, а другой свойственъ южной Россіи. Первый видъ — альмицилери испанцевъ (*Myogale pyrenaica*) достигаетъ длины 25 сантиметровъ, изъ которыхъ около половины приходится на хвостъ.

Десманъ или выхухоль (*Myogale moschata*) прежде всего отличается своею величиною, такъ какъ общая длина животнаго 42 сантиметра.

Выхухоль водится въ юго-восточной Европѣ и преимущественно въ системахъ Волги и Дуная, но встрѣчается также и въ Азіи, именно въ Бухарѣ. Она почти всецѣло привязана къ водѣ и только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ рѣшается предпринимать небольшія путешествія изъ одного ручья въ другой. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ выхухоль водится, она не рѣдка. Образъ жизни ея весьма своеобразенъ и напоминаетъ образъ жизни выдры. Жизнь вы-



Десманъ (*Myogale moschata*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

хухоль протекаетъ частью подъ землею, частью подъ водою. Больше всего подходятъ ей стоячія и медленно текущія воды съ высокими берегами, въ которыхъ она легко можетъ рыть свои ходы и норку. Въ подобныхъ мѣстахъ ее въ изобиліи встрѣчаютъ то по одиночкѣ, то парами.

Умѣя прекрасно плавать и нырять, выхухоль проводитъ большую часть своей жизни въ водѣ. Пищу ея составляютъ пѣвки, черви, водяные моллюски, ручейники и другія насѣкомыя съ ихъ личинками. Насколько неуклюжей и беспомощной кажется выхухоль съ перваго взгляда, настолько же она оказывается проворной и ловкой на самомъ дѣлѣ. Лишь только рѣка вскрыется ото льда, тотчасъ же видишь выхухоль бѣгающей подъ водой въ прибрежномъ тростникѣ и кустарникѣ; она проворно снуетъ взадъ и впередъ, ищетъ быстрыми движеніями своего хоботка различныхъ червей и выплываетъ на поверхность воды, чтобы подышать. Насколько часто встрѣчается это животное на своей родинѣ видно уже изъ того, что шкурки его, употребляемыя на опушку шапокъ и платья, стоятъ всего нѣсколько копѣекъ.

Палласъ единственный естествоиспытатель, который даетъ намъ свѣдѣнія объ образѣ жизни выхухоль на свободѣ и въ неволѣ. Заключение она переноситъ весьма короткое время, рѣдко больше трехъ дней. Насколько пріятенъ этотъ звѣрекъ своею подвижностью и живостью, настолько же онъ невыносимъ, живя въ

неволѣ, своимъ мускуснымъ запахомъ. Онъ не только наполняетъ этимъ запахомъ всю комнату, но сообщаетъ его даже животнымъ, которыя ѣдятъ его.

Шерстокрылы, представители особаго семейства (*Galeopithecidae*) и рода (*Galeopithecus*), которыхъ безъ натяжки нельзя отнести ни къ полуобезьянамъ, ни къ летучимъ мышамъ, ни къ насѣкомояднымъ, но которые въ то же время имѣютъ признаки всѣхъ этихъ отрядовъ, уже издавна ставили зоологовъ въ большое затрудненіе относительно систематическаго ихъ положенія. Вслѣдствіе такой неопредѣленности во взглядахъ натуралистовъ самый извѣстный видъ этихъ животныхъ получалъ и соотвѣтственныя названія — крылатая обезьяна, летучій маки, летучая кошка, удивительная летучая мышь и т. д.

Шерстокрылы — животныя величиною съ кошку, стройнаго тѣлосложенія, съ конечностями средней длины, соединенными вдоль боковъ тѣла широкой, толстой перепонкой, которая покрыта волосами съ обѣихъ сторонъ. Обѣ пары конечностей имѣютъ по пяти пальцевъ, которые вооружены втяжными когтями; большой палецъ ихъ неспособенъ противопоставляться остальнымъ. Короткій хвостъ по всей своей длинѣ обросъ перепонкой. Голова сравнительно мала, морда вытянутая, глаза умѣренной величины, покрытыя волосами уши малы. Перепонка, растянута между передними и задними конечностями, не есть летательная перепонка въ настоящемъ смыслѣ слова: это только парашютъ, который даетъ возможность животному производить большіе прыжки и поддерживаетъ тѣло его при паденіи. Такимъ образомъ перепонка эта не представляетъ сходства съ летательною перепонкою летучихъ мышей. Она есть не что иное, какъ продолженіе общаго покрова тѣла, начинается на шеѣ, соединяется съ передними ногами, охватываетъ ихъ вплоть до руки, затѣмъ переходитъ, оставаясь такой же широкой, къ заднимъ ногамъ, отъ которыхъ направляется къ кончику хвоста. Такимъ образомъ она окаймляетъ всѣ части тѣла кромѣ головы.

Шерстокрылъ обыкновенный, кагуангъ и кубинъ малайцевъ (*Galeopithecus volans*) достигаетъ общей длины тѣла въ 60 сантиметровъ, изъ которыхъ отъ 11 до 12 приходится на хвостъ; на спинѣ онъ покрытъ густою шерстью, на переднихъ ногахъ довольно рѣдкими волосами, а подмышечныя области его и бока туловища голы. Старыя животныя на верхней сторонѣ тѣла буро-рыжія, снизу нѣсколько темнѣе; молодыя сверху буровато-сѣрыя, а по бокамъ темно-бурія; во всѣхъ однако возрастахъ замѣчаются свѣтлыя пятна на ногахъ и перепонкѣ.

Если считать различныя формы этого животнаго за одинъ и тотъ же видъ, то область распространенія кагуанга охватитъ собою Зондскіе, Молуккскіе и Филиппинскіе острова и полуостровъ Малайку къ сѣверу до Тенассерима.

Помимо Бонтіуса, который упоминаетъ можетъ быть и о кагуангѣ, о послѣднемъ говорятъ еще нѣсколько путешественниковъ, но ни одинъ изъ нихъ, насколько мнѣ извѣстно, не доставилъ намъ обстоятельнаго описанія образа жизни этого животнаго. Юнггунъ первый повѣствуетъ о немъ болѣе содержательно. „Мы услышали вдругъ крикъ, но такой странный, такой боязливый, что намъ показалось, что мы слышимъ крикъ ребенка или стонъ погибающаго. И жалобно, и отвратительно-ужасно звучалъ онъ время отъ времени среди тишины ночи и заставлялъ гарановъ, сидѣвшихъ у огня, смыкаться въ болѣе тѣсный кругъ, а суевѣрный страхъ этихъ людей всякій разъ прекращалъ ихъ оживленные разговоры. Не долго пришлось намъ однако оставаться въ невѣдѣніи относительно происхожденія этихъ таинственныхъ звуковъ: виновникъ ихъ самъ предсталъ передъ нами и медленно проносился надъ нашими головами. Это былъ шерстокрылъ, переносившійся съ одного дерева на другое и испускавшій время отъ времени свои непріятные, жалобные стоны.“

Въ теченіе дня кагуангъ, живущій въ высокихъ горныхъ лѣсахъ Явы, сидитъ такъ спокойно на обросшихъ мхомъ сучьяхъ деревъ, что открыть его почти нѣтъ никакой возможности. Острыя когти его помогаютъ ему ловко и вѣрно лазать.

по землѣ же онъ можетъ двигаться лишь съ большимъ трудомъ. Срывая плоды и отыскивая насѣкомыхъ, ползетъ онъ вверхъ по дереву, пока не достигнетъ его вершины, а затѣмъ переносится въ косомъ направленіи на сосѣднее. Перелетая такимъ образомъ, онъ напоминаетъ, по словамъ фонъ Розенберга, бумажнаго змѣя. Во время ходьбы или при лазаніи перепонка его собрана въ складки и прилегаетъ къ туловищу, такъ что не препятствуетъ животному двигаться. Желая воспользоваться перепонкой, кагуангъ бѣжитъ къ концу сука, дѣлаетъ съ него сильный прыжокъ, раздвигаетъ на воздухѣ всѣ конечности и затѣмъ начинаетъ медленно



Шерстокрылъ обыкновенный (*Galeopithecus volans*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

спускаться сверху внизъ. Онъ можетъ такимъ образомъ переноситься чрезъ пространства, которыя достигаютъ нерѣдко 60 метровъ. Кагуангъ никогда не поднимается при этомъ выше той точки, съ которой онъ прыгнулъ, а наоборотъ всегда опускается внизъ по сильно косому направленію. По Уоллесу, днемъ онъ виситъ, прицѣпившись къ древеснымъ стволамъ, защищенный главнымъ образомъ своей шерстью, которая вполне подходитъ къ цвѣту неровной древесной коры, благодаря тому, что усѣяна неправильными бѣловатыми пятнышками и пятнами по оливковому или бурому фону. Свой цѣпкій хвостъ кагуангъ пускаетъ въ дѣло, повидимому, при отыскиваніи пищи, состоящей главнымъ образомъ изъ листьевъ. „Говорятъ,“ замѣчаетъ далѣе Уоллесъ, „что шерстокрылъ производитъ на свѣтъ лишь одного дѣтеныша; мои наблюденія вполне подтверждаютъ эти показанія, потому что мнѣ пришлось разъ застрѣлить самку, къ груди которой присосалось очень маленькое, нѣжное, слѣпое, сморщенное и голое существо, которое напоминало собою дѣтеныша сумчатыхъ животныхъ.“

Седьмой отрядъ.

Грызуны (Rodentia).

Отрядъ грызуновъ представляетъ собою вполне обособленное цѣлое. Грызуны носятъ свое названіе еще съ большимъ правомъ, чѣмъ хищныя животныя. Два сильно развитыхъ рѣзца въ каждой челюсти и отсутствіе клыковъ составляютъ ихъ общій отличительный признакъ.

О внѣшней формѣ тѣла грызуновъ можно въ общемъ сказать немного, т. к. классъ, очень богатый семействами и видами, включаетъ въ себѣ животныхъ съ самой разнообразной наружностью. Какъ общіе для всѣхъ въ совокупности можно принять слѣдующіе признаки: тѣло въ большинствѣ случаевъ продолговатое и поддерживается короткими ногами, большею частью неравной длины, причемъ заднія ноги бываютъ обыкновенно немного, но часто значительно длиннѣе переднихъ, голова сидитъ на короткой, толстой шеѣ, глаза велики и обыкновенно сильно выдаются впередъ; губы мясисты, покрыты усами, очень подвижны и спереди расщеплены; на переднихъ ногахъ обыкновенно по 4 пальца, на заднихъ по 5-ти; пальцы эти вооружены болѣе или менѣе крѣпкими когтями, а иногда соединены плавательными перепонками. Волосяной покровъ почти всегда равномерной длины и самое большее удлинняется въ видѣ кисточекъ на кончикахъ ушей или становится пушистымъ на хвостѣ.

Передніе рѣзцы значительно больше всѣхъ остальныхъ зубовъ, верхніе всегда крѣпче нижнихъ, всѣ дугообразно изогнуты, у рѣжущаго края широки или заострены въ видѣ долотца, у корня трехъ или четырехгранны, то плоски, то выпуклы, гладки или бороздчаты, окрашены въ бѣлый, желтоватый или красный цвѣтъ. Ихъ наружная или передняя поверхность покрыта твердою, какъ сталь, эмалью, которая и образуетъ заостренный или широкій рѣжущій долотообразный край; остальная часть зуба состоитъ изъ обыкновенной зубной массы. Эти главные зубы при ихъ постоянномъ употребленіи могли бы въ короткое время притупиться или совсѣмъ стереться, если бы они не имѣли большого преимущества передъ всѣми другими зубами млекопитающихъ: ихъ ростъ не ограниченъ. Корень зуба лежитъ въ зубной полости, глубоко проникающей въ челюсть и содержитъ на заднемъ открытомъ концѣ, въ воронкообразномъ углубленіи, остающійся зародышъ, который непрерывно восстанавливаетъ зубъ въ той самой мѣрѣ, въ какой онъ стирается спереди. Острота рѣзцовъ поддерживается треніемъ зубовъ однихъ о другіе, чѣмъ они и оттачиваются; обѣ челюсти могутъ также двигаться прямо спереди назадъ.

Такимъ образомъ эти зубы соединяютъ все необходимое, чтобы чрезвычайное напряженіе, требуемое при грызеніи, оказалось имъ подъ силу. Въ постоянномъ ростѣ рѣзцовъ легко убѣдиться, стоитъ только какому нибудь грызуну, наприкладъ, кролику, обломать одинъ изъ его рѣзцовъ; тогда противоположный зубъ, не стираясь больше, быстро вырастаетъ, потомъ загибаясь выступаетъ изо рта и закручивается рогообразно, чѣмъ искалѣчивается вся система зубовъ и кормленіе

животнаго становится чрезвычайно затруднительнымъ. У многихъ грызуновъ на внутренней сторонѣ губъ открываются защечные мѣшки, которые могутъ простираются до плечевой области и при собираніи пищи могутъ служить запасными мѣшками. Особая мышца оттягиваетъ эти мѣшки назадъ, когда они наполняются.

Грызуны распространены по всей земной поверхности и встрѣчаются во всѣхъ климатахъ, широтахъ и высотахъ, вездѣ, гдѣ только возникаетъ растительность. „Среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ“, говоритъ Блазіусъ, „гдѣ мѣстами теплый солнечный лучъ хоть на нѣсколько недѣль вызываетъ жалкую растительную жизнь, на тихихъ, уединенныхъ снѣжныхъ высотахъ Альпъ, на далекихъ, пустынныхъ равнинахъ сѣвера,—можно еще найти грызуновъ, которые не стремятся къ болѣе ласковому солнцу. Но чѣмъ богаче и обильнѣе становится растительный міръ, тѣмъ пестрѣе и разнообразнѣе становится жизнь этого отряда животныхъ, которыя врядъ ли оставляютъ на землѣ необитаемый клочекъ“. Образъ жизни этихъ, вездѣ распространенныхъ, существъ чрезвычайно разнообразенъ. Не малое число ихъ живетъ на деревьяхъ, многія на землѣ, одни въ водѣ, другія въ подземныхъ, ими самими вырытыхъ норахъ, третьи въ кустарникахъ, четвертыя въ открытомъ полѣ. Всѣ они болѣе или менѣе подвижныя созданія, которыя соотвѣтственно различію мѣста ихъ обитанія превосходно бѣгаютъ, или лазаютъ, или роютъ, или плаваютъ. Будучи большею частью смышленными, проворными и живыми, они, однако, не кажутся умными или особенно одаренными духовно. Огромное большинство изъ нихъ — это бѣдныя духовно существа, робкія, непредусмотрительныя, безхитростныя, никогда не выдѣляющіяся какими нибудь выдающимися способностями. Многія изъ нихъ живутъ попарно, другія семьями, не мало также собираются стадами; хорошо относятся и къ другимъ животнымъ, однако съ ними не связываются. Злость и хитрость, дикость и наглость, связанные съ обдуманностью, проявляютъ только немногія. Въ опасности они какъ можно поспѣшнѣ скрываются въ свои убѣжища; и только очень немногія достаточно умны, чтобы избѣгнуть преслѣдованья при помощи хитрости. Всѣ грызуны питаются главнымъ образомъ растительными веществами: корни, кора, листья, цвѣты, всевозможные плоды, овощи, травы, мучнистые клубни, даже древесина поѣдается ими; большинство однако принимаетъ и животную пищу и является настоящими всеядными. Особенность ихъ составляетъ то, что многія изъ нихъ, слишкомъ слабыя для большихъ переселеній, или чтобы противостоятъ суровости зимы, собираютъ запасы и складываютъ ихъ въ подземныхъ кладовыхъ. Среди млекопитающихъ животныхъ грызуны представляютъ строителей, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ воздвигаютъ настоящія искусныя жилища, которыя уже съ древнѣйшихъ временъ возбуждали удивленіе людей. Многіе проводятъ зиму въ спячкѣ, напоминающей смерть, впадаютъ въ оцѣпенѣніе и питаются своимъ жиромъ, въ изобиліи отложившимся лѣтомъ; при пониженной во всѣхъ отношеніяхъ жизнедѣятельности этотъ жиръ мало по малу поглощается.

Принимая во вниманіе незначительную величину грызуновъ, нужно признать, что ихъ значеніе чрезвычайно велико; они являются нашими самыми вредными, самыми опасными врагами. Не имѣй они сами безчисленную армію враговъ и не будь они сильно подвержены эпидеміямъ и различнымъ болѣзнямъ, грызуны господствовали бы на землѣ и опустошили бы ее. Непрерывная истребительная война, которая ведется противъ нихъ, находитъ противовѣсъ въ ихъ удивительной плодовитости и способности къ размноженію, которая слишкомъ часто одерживаетъ верхъ. Можетъ показаться поразительнымъ, а между тѣмъ это вѣрно, если сказать, что пара грызуновъ въ теченіе года можетъ расплодить 1000-ное потомство.

Дѣйствительно сблизиться можно только съ очень немногими членами этого многочисленнаго отряда и изъ этихъ немногихъ только нѣкоторые достойны прирученія. Не представляя собою ничего по своимъ качествамъ, грызуны имѣютъ чѣкоторое значеніе благодаря шкурѣ и мясу.

Къ первому семейству бѣличьихъ (*Sciuridae*) мы относимъ два подсемейства — бѣлокъ и свищей. Тѣло бѣлокъ (*Sciurinae*) продолговато и оканчивается болѣе или менѣе длиннымъ хвостомъ, на которомъ шерсть часто по срединѣ раздѣляется пробормомъ. Глаза велики и выдаются; уши иногда малы, иногда велики; то покрыты рѣдкими волосами, то заканчиваются кисточкой. Передняя пара ногъ значительно короче заднихъ. На переднихъ лапахъ по 4 пальца и 1 недоразвитый большой палецъ, на заднихъ лапахъ по 5 пальцевъ.

Бѣлки живутъ по всему земному шару, за исключеніемъ Австраліи; встрѣчаются на далекомъ сѣверѣ и на самомъ жаркомъ югѣ, на низкихъ мѣстахъ и на высотахъ, а нѣкоторые виды уживаются одинаково хорошо и въ горахъ, и на равнинахъ. Ихъ мѣстопробываніемъ являются преимущественно лѣса или, по крайней мѣрѣ, мѣстности, засаженные деревьями; значительное большинство ихъ проводитъ жизнь на деревьяхъ, нѣкоторыя же имѣютъ убѣжища въ подземныхъ норахъ, вырытыхъ ими самими.

Движенія бѣлокъ ловки, живы и проворны какъ на деревьяхъ, такъ и на землѣ; только летяги не умѣютъ двигаться по землѣ, но зато обладаютъ способностью дѣлать необыкновенно большіе прыжки, но все-таки только сверху внизъ.

Большинство бѣгаетъ скачками, причемъ становятся на всю ступню. Почти всѣ отлично лазаютъ и прыгаютъ съ дерева на дерево черезъ большіе промежутки. Спятъ они, свернувшись, и стараются выискать мѣсто поудобнѣе, чтобы лечь; такимъ мѣстомъ бываетъ или подземная нора, или древесное дупло, или гнѣздо, которое онѣ приспособляютъ изъ чужого, или сооружаютъ самостоятельно. Живущія въ холодныхъ странахъ съ приближеніемъ зимы переселяются или впадаютъ въ непрерывающуюся зимнюю спячку; для этого они собираютъ большія или меньшія количества запасовъ, къ которымъ и прибѣгаютъ въ случаѣ нужды.

Они издають свистъ и своеобразное, не поддающееся описанію, ворчанье, мурлыканье, сопѣнье.

Большинство видовъ приноситъ дѣтенышей, повидимому, больше одного раза въ годъ. Во время спариванія самецъ часто живетъ довольно долго вмѣстѣ съ самкой, помогаетъ ей въ постройкѣ болѣе или менѣе искуснаго жилища, въ которомъ она позднѣе должна пріютить свое потомство. Число дѣтенышей одного помета колеблется между двумя и семью. Маленькіе являются на свѣтъ почти голыми и слѣпыми и нуждаются поэтому въ тепломъ ложѣ и заботливомъ уходѣ. Взятые изъ гнѣзда молодыми бѣлки безъ особеннаго труда приручаются, но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ почти постоянно у нихъ проявляется упрямый ворчливый характеръ, повидимому, свойственный многимъ грызунамъ; они становятся злы и кусаются.

Всѣ бѣлки ѣдятъ преимущественно, а иногда исключительно растительныя вещества, но не пренебрегаютъ, какъ и многіе другіе грызуны, и животной пищей, — нападаютъ на слабыхъ млекопитающихъ, неумоимо гонятся за птицами и безжалостно грабятъ ихъ гнѣзда. Хотя шкурою бѣлокъ и пользуются, а кое-гдѣ идетъ въ употребленіе и ихъ мясо, но эта незначительная польза не можетъ вознаградить за тотъ вредъ, который онѣ наносятъ нашимъ полезнымъ растеніямъ и птицамъ.

*

Значительное большинство членовъ этого семейства относится къ виду собственно бѣлокъ (*Sciurus*), не встрѣчающемуся только въ Австраліи. Всѣ относящіеся сюда виды имѣютъ такое большое сходство въ наружности, сложеніи, образѣ жизни и характерѣ, что вполне достаточно описать нашу бѣлку и ея образъ жизни, чтобы получить представленіе о жизни всего рода въ совокупности.

Векша или обыкновенная бѣлка (*Sciurus vulgaris*), одинъ изъ немногихъ грызуновъ, съ которыми человѣкъ сближается; онъ охотно допускаетъ

бѣлку, какъ товарища, въ комнату, несмотря на ея многія непріятныя свойства. даже поэту ея образъ кажется привлекательнымъ. Это уже чувствовали греки, которымъ мы обязаны научнымъ именемъ бѣлки. Ея греческое имя значить „осѣняющая себя хвостомъ“; и всякій, кто знаетъ значеніе слова *Sciurus*, долженъ невольно представить себѣ, какъ сидитъ это маленькое подвижное животное высоко на вершинѣ дерева. Рюккертъ уже такъ описалъ въ поэтической формѣ это рѣзвое созданіе, что ученый изслѣдователь въ своемъ описаніи, конечно, не можетъ его превзойти.

Длина тѣла бѣлки равняется приблизительно 25 см., длина хвоста 20 см.. вышина отъ зашейка 10 см. и вѣсъ взрослого животного — около 0,25 кгр. Мѣхъ значительно измѣняется лѣтомъ и зимою, на сѣверѣ и на югѣ. Лѣтомъ его окраска бываетъ буровато-красная, по бокамъ головы примѣшивается сѣрая, на



Бѣлка (*Sciurus vulgaris*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

нижней сторонѣ, начиная отъ подбородка, — бѣлая; зимою — сверху буро-красная въ перемежку съ сѣдымъ волосомъ, снизу — бѣлая; въ Сибири и въ сѣверной Европѣ она бываетъ часто зимой сѣро-бѣлой, хотя лѣтняя окраска мѣха похожа на окраску нашей бѣлки. Въ нѣмецкихъ лѣсахъ встрѣчаются также довольно часто черныя животныя; но они никакимъ образомъ не составляютъ особаго вида, потому что между дѣтенышами одного помета встрѣчаются часто красныя и черныя особи. Очень рѣдко бываютъ бѣлыя или пятнистыя бѣлки, напримѣръ съ хвостомъ на половину или совсѣмъ бѣлымъ. Хвостъ очень пушистъ и по срединѣ раздѣляется проборою; ухо украшено пучкомъ длинныхъ волосъ, подошвы — голыя.

Наша бѣлка такъ же хорошо знакома грекамъ и испанцамъ, какъ лапландцамъ и сибирякамъ. Она распространена по всей Европѣ и дальше черезъ Кавказъ и Уралъ, по всей южной Сибири до Алтая и восточной Азіи. Но она не вездѣ и не во всѣ годы встрѣчается одинаково часто. Высокоствольные, сухіе и тѣнистые лѣса являются ея любимымъ мѣстопробываніемъ; сырость и солнечный свѣтъ ей одинаково непріятны. Во время созрѣванія плодовъ и орѣховъ она часто посѣщаетъ деревенскіе сады, но только тогда, когда между ними и лѣсомъ есть связь въ видѣ мелкаго лѣса или, по крайней мѣрѣ, кустарника. Тамъ, гдѣ зрѣетъ много сосновыхъ шишекъ, бѣлка устраивается прочно и сооружаетъ себѣ

одно или нѣсколько жилищъ, обыкновенно въ старыхъ вороньихъ гнѣздахъ, которыя она искусно приспособляетъ. Для болѣе короткаго пребыванія она пользуется покинутыми гнѣздами сорокъ, воронъ и хищныхъ птицъ въ томъ видѣ, какъ она ихъ находитъ; но то жилище, которое должно служить для ночлега, для защиты отъ дурной погоды, или для пріюта самкѣ во время родовъ, строится совсѣмъ заново, хотя часто изъ матеріала, собраннаго птицами. Есть наблюденія, будто каждая бѣлка имѣетъ, по крайней мѣрѣ, четыре гнѣзда; но, однако, это не установлено достовѣрно. Бѣлка носѣщаетъ дупла деревьевъ и особенно охотно дуплистые пни, и, если обстоятельства того требуютъ, устраиваетъ ихъ для себя. Свободныя гнѣзда обыкновенно расположены въ развѣтвленіи дерева, вплотную у главнаго ствола; дно у нихъ устроено такъ же, какъ въ гнѣздахъ большихъ птицъ, сверху же ихъ прикрываетъ, какъ въ сорочьихъ гнѣздахъ, невысокая конусообразная крыша, достаточно плотная, чтобы помѣшать дождю проникать внутрь. Главный входъ направленъ въ сторону, обыкновенно на востокъ; нѣсколько меньшее отверстіе, предназначенное на случай бѣгства, прилегаетъ къ самому стволу. Нѣжный мохъ образуетъ кругомъ внутри мягкую подстилку. Внѣшняя сторона состоитъ изъ тонкихъ и толстыхъ прутиковъ, переплетающихся между собой. Особенно охотно беретъ бѣлка за основаніе своего гнѣзда прочное, вымазанное землей и глиной дно покинутого вороньяго гнѣзда.

Маленькое, проворное животное является безспорно однимъ изъ главныхъ украшеній нашихъ лѣсовъ. Въ спокойную, ясную погоду бѣлка находится въ непрерывномъ движеніи и преимущественно на тѣхъ деревьяхъ, гдѣ она во всякое время можетъ найти пищу и кровь. Иногда она спускается внизъ на какой нибудь пенъ, бѣжитъ до другого дерева и по немъ снова карабкается вверхъ; это дѣлается часто только для забавы, потому что если она захочетъ, то ей совсѣмъ нѣтъ надобности касаться земли. Это — обезьяна нашихъ лѣсовъ и многими своими свойствами напоминаетъ этихъ причудливыхъ южанъ. Очень мало млекопитающихъ, которыя были бы такъ подвижны и такъ мало оставались на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ бѣлка въ хорошую погоду. Она постоянно переходитъ съ дерева на дерево, съ вершины на вершину, съ вѣтки на вѣтку. Никогда не бѣжитъ она шагомъ или рысью, а всегда скачетъ впередъ большими или меньшими прыжками и такъ скоро, что собака съ трудомъ можетъ ее нагнать, а если чловѣкъ попыбуетъ бѣжать за ней, то долженъ немедленно отказаться отъ преслѣдованія. Но ея настоящая ловкость обнаруживается только при лазаньи. Съ невѣроятною увѣренностью и быстротой скользитъ она вверхъ по самымъ гладкимъ стволамъ. Въ этомъ ей отлично помогаютъ длинные, острые когти на длинныхъ подвижныхъ пальцахъ. Она вцѣпляется въ древесную кору ногами и всегда всѣми четырьмя одновременно; потомъ она дѣлаетъ новый размахъ къ прыжку и взлетаетъ дальше наверхъ; но прыжки слѣдуютъ такъ быстро одинъ за другимъ, что восхожденіе происходитъ непрерывно и выглядитъ такъ, какъ будто животное скользитъ по стволу вверхъ; ея лазательныя движенія производятъ далеко слышный трескъ, въ которомъ нельзя различить отдѣльныхъ остановокъ между прыжками. Обыкновенно бѣлка взлетаетъ безъ остановокъ до кроны дерева, нерѣдко до самой вершины; тамъ она перебѣгаетъ по какой нибудь перпендикулярной къ стволу вѣтви и съ нея обыкновенно перепрыгиваетъ на конецъ вѣтви другого дерева черезъ промежутокъ въ 4—5 м., направляясь всегда сверху внизъ. Насколько ей необходимъ для прыганья двоякораздѣленный хвостъ, убѣдились жестокими опытами: пойманной бѣлкѣ отрубили хвостъ и тогда замѣчали, что изувѣченное созданье не могло уже прыгать на половину такъ далеко, какъ раньше. Она также отлично плаваетъ, хотя въ воду идетъ неохотно.

Когда бѣлка чувствуетъ себя спокойной, она въ своихъ набѣгахъ постоянно разыскиваетъ пищу. Смотря по времени года, она ѣстъ плоды или сѣмена, почки, вѣтви, кору, ягоды, зерна и грибы. Еловые и сосновыя сѣмена, почки и молодые побѣги составляютъ, однако, ея главную пищу. Она подгрызаетъ у самаго стебелька шишки хвойныхъ деревьевъ, садится на заднія лапы, передними лапами подноситъ шишку ко рту, непрерывно вертитъ ее и своими превосходными зубами

откусываетъ чешуйку за чешуйкой до тѣхъ поръ, пока не обнаружится зерно, которое она вынимаетъ языкомъ и беретъ въ ротъ. Особенно красиво она выглядитъ, когда у нея имѣются въ изобиліи орѣхи, ея любимое блюдо. Горькія зерна, какъ, напр., миндаль, для нея ядъ: двухъ горькихъ миндалинъ достаточно, чтобы ее погубить.

Какъ только у животнаго есть пища въ избыткѣ, оно откладываетъ запасы на будущее, болѣе печальное время. Бѣлка тащитъ, часто на далекое разстояніе, годные для запасовъ орѣхи, зерна, ядра и складываетъ ихъ въ щели и дупла пустыхъ деревьевъ и пней, въ кустарникахъ и подъ камнями, въ одно изъ своихъ гнѣздъ или какое нибудь подобное мѣсто. Въ лѣсахъ юго-восточной Сибири бѣлки дѣлаютъ запасы грибовъ и притомъ чрезвычайно своеобразнымъ способомъ. „Онѣ такъ мало себялюбивы,“ замѣчаетъ Радде, „что не прячутъ грибныхъ запасовъ, а натыкаютъ грибы на иглы, или на мелкіе сучья въ лиственныхъ лѣсахъ, гдѣ они высушиваются и въ голодное время предоставляются на пользу другимъ, случайно проходящимъ товарищамъ.“

Изъ этихъ заботъ бѣлки о зимѣ видно, какъ она чувствительна къ вліянію погоды. Если солнце грѣетъ немного больше, чѣмъ обыкновенно, то онѣ совершаютъ свой послѣбѣжденный отдыхъ въ гнѣздѣ и бѣгаютъ по лѣсу только рано утромъ или вечеромъ; но еще больше онѣ боятся проливныхъ дождей, сильнаго вѣтра, бури и особенно снѣжной метели. У нихъ несомнѣнно есть предчувствіе приближающейся непогоды. Еще за полъ дня до наступленія страшной для нея непогоды бѣлка выказываетъ безпокойство, выражающееся непрерывными прыжками по деревьямъ и очень своеобразнымъ свистомъ и шелканьемъ, которое вообще у нея можно слышать только, когда она сильно возбуждена. Какъ только появятся первые предвѣстники дурной погоды, бѣлки забираются въ свои гнѣзда, часто по нѣсколько вмѣстѣ, тщательно закладываютъ выходное отверстіе со стороны вѣтра и, уютно свернувшись клубкомъ, выжидаютъ, пока буря промчится мимо. Дурная осень для нихъ обыкновенно гибельна, потому что онѣ въ теченіе такой осени сѣдаютъ зимніе запасы; и если потомъ слѣдуетъ хоть немного суровая зима, то она приноситъ смерть несмѣтному количеству бѣлокъ.

При наступленіи ночи бѣлка, живущая постоянно на одномъ мѣстѣ, прячется въ свое гнѣздо и спитъ тамъ пока темно; но въ случаѣ надобности умѣетъ найтись и въ темнотѣ. Испуганная бѣлка громко кричитъ „дукъ, дукъ“; удовольствіе или легкое неудовольствіе выражается замѣчательными непередаваемыми членораздѣльными звуками, ворчаніемъ или бормотаньемъ. Особенную радость или возбужденіе она выражаетъ свистомъ. Всѣ внѣшнія чувства, особенно зрѣніе, слухъ и обоняніе у нея остры; очень развитымъ должно быть и осязаніе, иначе способность предчувствовать непогоду становится необъяснимой; а также развитъ и вкусъ, судя по наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ бѣлками въ неволѣ. Духовную одаренность бѣлокъ доказываетъ хорошая память, хитрость и лукавство, съ которыми она ускользаетъ отъ враговъ. Съ быстротою молніи несется она къ высочайшему изъ сосѣднихъ деревьевъ, взбирается, почти всегда по противоположной сторонѣ ствола, до перваго развѣтвленія, жметъ и прячется такъ, что самое большее остается видной одна головка, и старается ускользнуть совсѣмъ незамѣтно.

Черезъ четыре недѣли послѣ спариванья самка мечетъ въ самомъ лучшемъ, мягкомъ гнѣздѣ 3—7 дѣтенышей, которые остаются слѣпыми около 9 дней; они нѣжно любимы матерью. Послѣ того какъ дѣтеныши перестаютъ кормиться молокомъ, мать, а, можетъ быть, и отецъ, еще нѣсколько дней приносятъ имъ пищу; затѣмъ родители предоставляютъ молодое поколѣніе самому себѣ. Молодые еще нѣкоторое время остаются вмѣстѣ, мило играютъ другъ съ другомъ и очень быстро усваиваютъ привычки своихъ родителей. Въ іюнѣ старая бѣлка уже вторично имѣетъ дѣтенышей; когда и эти подрастутъ настолько, что могутъ выходить вмѣстѣ съ матерью, то соединяются часто съ первымъ поколѣніемъ и вся стая, нерѣдко въ 12—16 штукъ, живетъ вмѣстѣ въ одной части лѣса.

Чистоплотность бѣлки замѣчательна: она неутомимо чистится и охорашивается; поэтому ее особенно удобно держать въ комнатѣ. Для этой цѣли берутъ

еще маленькихъ дѣтенышей и выкармливаютъ ихъ молокомъ и булкой до тѣхъ поръ, пока они не становятся въ состояніи ѣсть зерна.

Въ юности всѣ бѣлки живыя, веселыя, вполне безобидныя маленькія животныя, которыя охотно допускаютъ, чтобы ихъ баловали и ласкали. Онѣ узнаютъ и любятъ своего воспитателя и отзываются на кличку, чѣмъ проявляютъ извѣстную понятливость. Къ сожалѣнію почти всѣ, даже самыя ручныя, съ возрастомъ становятся злыми, или по крайней мѣрѣ начинаютъ кусаться.

Злѣйшимъ врагомъ бѣлки является куница. Лисицѣ только рѣдко удается хитростью заполучить бѣлку, а отъ преслѣдованій коршуновъ, ястребовъ, большихъ совъ бѣлка избавляется тѣмъ, что быстро взбирается по стволу по спиральной линіи; птицы на полетѣ должны дѣлать, конечно, большіе круги, а тѣмъ временемъ бѣлка успѣваетъ достигнуть какого нибудь дупла или густой вершины, гдѣ можетъ укрыться. Совсѣмъ другое дѣло, когда она должна спастись отъ куницы; это хищное животное лазаешь такъ же хорошо, какъ и его жертва, и преслѣдуетъ ее по пятамъ на вершинахъ деревьевъ такъ же свободно, какъ и на землѣ. Молодые бѣлочки гораздо больше подвержены опасности, чѣмъ старыя; только что вышедшихъ изъ гнѣзда можетъ поймать даже ловкій человѣкъ. Дѣтьми мы часто находили такихъ дѣтенышей и влѣзали за ними на деревья; равнодушіе, съ которымъ они подпускали насъ близко, бывало для нихъ неоднократно гибельнымъ: стоило только достигнуть вѣтви, на которой они сидятъ, и все кончено. Мы сильно трясли вѣтку и испуганная бѣлочка думала только о томъ, чтобы удержаться и не упасть; такимъ образомъ, постоянно качая вѣтку, можно все больше и больше приближаться къ бѣлкѣ и, наконецъ, быстро ее схватить.

На Ленѣ крестьяне отъ начала марта до половины апрѣля занимаются только ловлею бѣлокъ и многіе ставятъ больше чѣмъ по 1000 ловушекъ. Тунгусы стрѣляютъ тупыми стрѣлами, чтобы не испортить шкурокъ, или употребляютъ узкоствольныя ружья съ пулями въ горошину величиной и убиваютъ бѣлокъ, стрѣлая въ голову. Радде рассказываетъ, что охота на бѣлокъ въ юго-восточной Сибири является очень интересной. Большое количество дичи удовлетворяетъ и вознаграждаетъ охотника, потому что на бѣличій мѣхъ большой спросъ; этотъ мѣхъ извѣстенъ подъ названіемъ „сѣрой сибирской бѣлки“ и много народу занимается торговлей имъ. Лучшіе мѣха привозятся изъ Сибири; чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ они темнѣе и цѣннѣе; по эту сторону Урала они свѣтлѣе. Въ каждой шкуркѣ спинка и брюшко обрабатываются отдѣльно. Россія и Сибирь ежегодно доставляютъ 6—7 милліоновъ шкурокъ, стоимостью въ 3 милліона марокъ; въ западную Европу сбывается всего 2—3 милліона, остальные употребляются въ Россіи или идутъ въ Китай. Кромѣ шкурокъ употребляютъ также хвосты, особенно для „боа“, а волосъ изъ хвостовъ идетъ для хорошихъ рисовальныхъ кистей. Бѣлое, нѣжное, вкусное мясо вездѣ охотно употребляется знатоками.

Лѣса Америки, Африки и Индіи также оживляются очень красиво окрашенными бѣлками, которыя своею живою подвижностью не меньше приковываютъ взоръ наблюдателя, чѣмъ обезьяны. При этомъ многія легко становятся ручными и не только развлекаютъ своихъ воспитателей, но и поражаютъ многими своеобразными чертами характера, которыя совсѣмъ не наблюдаются у бѣлокъ, живущихъ свободно въ лѣсу. Пехуель-Лёше въ Лоанго владѣлъ нѣкоторое время крошечной африканской бѣлочкой, которая, судя по ея изображенію, значительно отличалась отъ *Sciurus minutus*. Пехуель-Лёше наблюдалъ надъ ней, и вотъ что сообщаетъ объ этомъ: „однажды мнѣ принесли въ подарокъ прелестную живую бѣлочку ржаво-желтаго цвѣта; по бокамъ шкурка украшалась двойными черными полосами. Припесшіе ее люди называли ее Мкака. Она казалась совсѣмъ взрослой, но была величиной только съ большую мышь, такъ что ее можно было спрятать въ горсти. Черезъ нѣсколько дней она уже настолько приручилась, что могла рѣзвиться въ комнатѣ на свободѣ. Издавая тихій веселый звукъ „такъ, такъ“, который каждый разъ сопровождался покачиваніемъ широкаго, пушистаго хвоста, она постоянно вела свои забавныя игры; ночью-же она была

еще оживленнѣе, чѣмъ днемъ. Ея пристрастія мѣнялись необыкновенно часто. Одно время она усаживалась и умными глазами наблюдала всѣ мои движенія, охорашиваясь и расчесываясь въ то же время; особенно охотно она садилась на мою чернильницу; когда я обмакивалъ туда перо, она регулярно вскакивала на мою руку; когда же я удалялъ руку, соскакивала снова на старое мѣсто; потомъ она нашла мою голову подходящимъ мѣстомъ для сидѣнья, еще позже — плечо; залѣзала также въ раскрытый воротъ рубашки, во всѣ карманы, такъ что, вставая, я долженъ былъ всегда убѣдиться, не у меня-ли гдѣ нибудь крошечное уснувшее животное. Для спанья я ей устроилъ на безопасной высотѣ выдолбленный плодъ *Adansonia*. Она его старательно выложила мягкими тряпицами, клочками ваты и большими пучками пакли, которыя она уносила изъ комнаты моего сосѣда и втаскивала, карабкаясь по палкѣ, служившей ей лѣстницей, или по тростниковой стѣнѣ.

„Ея потребность дѣятельности и любовь къ переменамъ не давали ей никогда оставаться въ покоѣ и не позволяли ей никогда долго наслаждаться чѣмъ нибудь уже сдѣланнымъ. Не больше недѣли пользовалась она своимъ мягкимъ гнѣздомъ и уже начала опять вытаскивать, съ такимъ трудомъ устроенную, настилку, чтобы перенести ее въ соблазнительный уголокъ на книжной полкѣ; послѣ того какъ это мѣсто служило ей нѣкоторое время гнѣздомъ, было устроено третье гнѣздо въ карманѣ моего платья, висѣвшаго на стѣнѣ около моего рабочаго стула. Тамъ она себя дольше чувствовала хорошо защищенной и я думалъ, что она наконецъ успокоилась; но когда я однажды хотѣлъ надѣть свои высокіе сапоги, въ защиту отъ мышей подвѣшенные къ балкѣ потолка веревкой, на которой они свободно качались, то оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ обращенъ въ новое жилище и доверху наполненъ паклей, ватой и перьями. Тутъ я также открылъ, что неутомимая любимица таскала и собирала всевозможные гладкіе и блестящіе предметы, какъ это рассказываютъ о сусликахъ; тамъ были капсюли пистоновъ, патроновъ, свѣтлоокрашенные черепки и другія вещи, между которыми оказался и мой, давно потерянный, наперстокъ. Но въ общемъ она не причиняла большого вреда.

*

Къ дневнымъ бѣлкамъ надо еще причислить летучихъ бѣлокъ (*Pteromys*), которыя бодрствуютъ ночью. Отъ первыхъ онѣ отличаются главнымъ образомъ тѣмъ, что ихъ переднія и заднія конечности соединены широкой летательной перепонкой. Она служитъ парашютомъ, который даетъ возможность летучимъ бѣлкамъ съ легкостью дѣлать очень значительные прыжки въ косомъ направленіи сверху внизъ; эта перепонка состоитъ изъ жесткой кожи, которая тянется по бокамъ тѣла между передними и задними конечностями и со спинной поверхности густо покрыта волосами, а съ брюшной очень рѣдко. Костная шпора у основанія кисти еще особо укрѣпляетъ передній конецъ летательной перепонки. Хвостъ служитъ имъ сильнымъ рулемъ и всегда крѣпокъ и пушистъ, но у однихъ видовъ безъ пробора, а у другихъ раздѣляется проборомъ. Кромѣ того есть небольшія измѣненія въ строеніи зубовъ.

Тагуанъ (*Pteromys petaurista*), самый многочисленный членъ всего семейства, по строенію тѣла очень похожъ на домашнюю кошку. Летательная перепонка начинается у переднихъ конечностей, тянется по бокамъ тѣла внизъ и укрѣпляется на заднихъ конечностяхъ, откуда она въ видѣ небольшой кожной складки продолжается до хвоста. Въ спокойномъ состояніи перепонка притянута къ тѣлу. На передней сторонѣ тѣла, на спинѣ и у основанія хвоста мѣхъ окрашенъ въ смѣшанный сѣрый и черный цвѣта. На всей нижней поверхности онъ имѣетъ грязную бѣло-сѣрую окраску. Летательная перепонка сверху черно-бурая или каштаново-бурая со свѣтло-пепельнымъ краемъ; а снизу сѣрая, слегка переходящая въ желтый цвѣтъ. Хвостъ черный.

Родина тагуана — всѣ области Ост-Индіи и Цейлона, гдѣ есть значительные лѣса; тамъ онъ живетъ въ одиночку или попарно въ самой густой чащѣ и



Жизнь животныхъ Брэмъ. I.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

ТАГУАНЪ.

преимущественно на самыхъ высокихъ деревьяхъ. Днемъ онъ спитъ въ дуплахъ деревьевъ, ночью выходитъ наружу и съ необыкновенной быстротой, ловкостью и увѣренностью карабкается и прыгаетъ на вершинѣ дерева или перескакиваетъ очень большими прыжками на сосѣднія деревья, всегда направляясь сверху внизъ. При этомъ онъ разставляетъ свои ноги перпендикулярно, а летательная перепонка напрягается и образуетъ широкій парашютъ. Хвостъ служитъ рулемъ и даетъ животному возможность неожиданнымъ поворотомъ измѣнить направленіе своего полета въ серединѣ прыжка въ воздухѣ. Однако Сандерсонъ противорѣчитъ этому указанію и сообщаетъ, что туземцы, основываясь на томъ, что животное въ воздухѣ не можетъ измѣнить направленіе полета, ожидаютъ его въ концѣ пути и убиваютъ ударомъ палки. Увѣряютъ, что быстрота его прыжковъ и вообще всѣхъ движеній необыкновенно велика, такъ что за нимъ едва можно услѣдить глазомъ.

На сѣверѣ водятся летучія бѣлки съ длиннымъ, пушистымъ хвостомъ, раздѣленнымъ проборомъ. Изъ нихъ летучая бѣлка, называемая у русскихъ летяга (*Pteromys volans*), живетъ въ сѣверной части восточной Европы и почти по всей Сибири. Животное это значительно меньше нашей бѣлки, его тѣло имѣетъ въ длину только 16 см., хвостъ только 10 см. Густой, шелковистый мѣхъ бываетъ лѣтомъ на верхней поверхности свѣтло-бурый, на летательной перепонкѣ и наружной сторонѣ ногъ темный, сѣро-бурый; на нижней поверхности бѣлый. Зимой мѣхъ становится длиннѣе, гуще и свѣтлѣе и тогда верхняя поверхность тѣла и хвостъ выглядятъ серебристо-сѣрыми. Летучая бѣлка водится въ большихъ березовыхъ или смѣшанныхъ лѣсахъ, гдѣ чередуются ель, сосна и береза. Послѣдняя является, повидимому, для бѣлки почти необходимой, на что указываетъ и окраска ея мѣха, которая напоминаетъ березовую кору такъ же, какъ окраска нашей бѣлки напоминаетъ кору сосенъ и елей. Она встрѣчается все рѣже, и во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде водилась во множествѣ, почти совсѣмъ вытѣснена. Но возможно, что она встрѣчается чаще, чѣмъ думаютъ. Пищу ея составляютъ орѣхи, разные сѣмена деревьевъ, ягоды, почки, побѣги и березовыя сережки. Съ наступленіемъ холодовъ она впадаетъ въ непрерывную зимнюю спячку, но въ болѣе теплые дни выходитъ по крайней мѣрѣ часа на два.

*

Достойный упоминанія видъ этого семейства представляетъ бурундукъ (*Tamias*). Присутствіе защечныхъ мѣшковъ, которые простираются до задней части головы, и болѣе или менѣе подземный образъ жизни дѣлаютъ его переходнымъ видомъ между бѣлкой и суркомъ; но они больше сходны съ первыми, чѣмъ съ послѣдними. Не пушистый хвостъ нѣсколько короче туловища, шерсть короткая и не особенно мягкая; на спинѣ рѣзко обозначенныя продольныя полосы. Извѣстно не много видовъ, живущихъ въ восточной Европѣ, Сибири и Сѣверной Америкѣ.

Бурундукъ или полосатая сибирская бѣлка (*Tamias striatus*) значительно меньше, но неуклюжѣ обыкновенной бѣлки. Короткій, грубый прилегающій мѣхъ желтоватаго цвѣта на головѣ, шеѣ и по бокамъ тѣла перемѣшанъ съ длинными, бѣлыми на концѣ, волосами; по спинѣ тянутся въ длину, неравными промежутками, пять черныхъ полосъ, изъ которыхъ средняя обозначаетъ линію спинного хребта; двѣ боковыя идутъ отъ плечъ къ бедрамъ, а между ними заключены свѣтло-желтыя полосы. Вся нижняя сторона сѣровато-бѣлая.

Большая часть сѣверной Азіи и небольшое пространство восточной Европы составляютъ родину бурундука Стараго Свѣта. Она живетъ какъ въ хвойныхъ лѣсахъ, такъ и въ березовыхъ, но всего чаще въ мѣстахъ, поросшихъ кедровыми деревьями. Подъ корнями этихъ деревьевъ она устраиваетъ себѣ безыскусственную, простую нору, которая вилообразнымъ развѣтвленіемъ ведетъ къ гнѣзду и къ

лежащей въ сторонѣ кладовой, но наружу открывается длиннымъ витымъ ходомъ. Пища этихъ животныхъ состоитъ изъ сѣмянъ и ягодъ, но преимущественно изъ хлѣбныхъ зеренъ и орѣховъ, которые они перетаскиваютъ домой въ своихъ защечныхъ мѣшкахъ, и въ ихъ зимнихъ кладовыхъ набирается и хранится по 5—8 кгр. такихъ запасовъ.

Для сельскаго хозяина бурундукъ совсѣмъ не желательный гость. Они подобно мышамъ направляются въ амбары и, если ихъ много, производятъ страшныя опустошенія. Ихъ полныя кладовыя, какъ у насъ кладовыя хомяковъ, вырываются и опоражниваются. Сибиряки пользуются ихъ шкурками и отправляютъ ихъ въ Китай, гдѣ ихъ употребляютъ для украшенія болѣе теплыхъ мѣховъ.

Красивая окраска, изящество и живость движеній рекомендуютъ бурундука для прирученія. Совсѣмъ ручными они не дѣлаются, а остаются всегда боязливыми и кусаются.

Свищи (*Arctomyinae*), которые составляютъ второе подсемейство, отличаются отъ бѣличьихъ болѣе неуклюжимъ, плотнымъ туловищемъ, короткимъ хвостомъ и устройствомъ зубной системы.

Свищи распространены въ средней Европѣ, сѣверной Азіи и Сѣверной Америкѣ въ значительномъ количествѣ видовъ. Большинство изъ нихъ живетъ на равнинахъ, нѣкоторые, напротивъ, живутъ въ самыхъ высокихъ горахъ своей родины. Сухія, глинистыя, песчаныя или каменистыя мѣстности, богатая травой равнины и степи, луга и сады составляютъ ихъ обыкновенное мѣстопробываніе и только горныя сурки предпочитаютъ равнинамъ пастбища и луга, лежащіе выше границы лѣсной полосы или ущелья и скалистыя долины между лѣсной и снѣжной границами. Всѣ виды имѣютъ постоянное мѣстожительство и не перекочевываютъ. Они дѣлаютъ себѣ глубокія подземныя постройки и живутъ тамъ вмѣстѣ обществомъ, часто поразительно многочисленнымъ. Многіе имѣютъ, соотвѣтственно времени года или временнымъ занятіямъ, больше одного жилища; другіе круглый годъ живутъ въ одной и той же норѣ. Они живутъ только на землѣ, но всетаки быстры и живы въ своихъ движеніяхъ, хотя далеко не такъ, какъ бѣлки; нѣкоторые виды и совсѣмъ неповоротливы. Травы, овощи, нѣжные побѣги, молодые растенія, сѣмена, полевые плоды, ягоды, корни, клубни и луковицы составляютъ ихъ пищу и только нѣкоторые, съ трудомъ взбирающіеся на деревья и кустарники, ѣдятъ молодые древесные листья и почки. По видимому и они, наравнѣ съ растительной пищей, ѣдятъ насѣкомыхъ, мелкихъ млекопитающихъ, неповоротливыхъ птицъ и грабятъ гнѣзда послѣднихъ. Многіе изъ нихъ вредны для нивъ и садовъ, но причиняемый ими вредъ не особенно значителенъ. Во время ѣды они такъ же, какъ и бѣлки, сидятъ на задней части туловища и подносятъ пищу ко рту передними лапами. Когда поспѣваютъ плоды, они начинаютъ собирать запасы и наполняютъ свои постройки травами, листьями, сѣменами и зернами. Къ зимѣ они зарываются въ свои норы и впадаютъ въ непрерывную и глубокую зимнюю спячку.

Они издають болѣе или менѣе сильный свистъ или ворчанье и особаго рода мурлыканье, которое выражаетъ удовольствіе, если производится тихо, но можетъ обозначать и гнѣвъ. Будучи чрезвычайно бдительны, осторожны и чутки, робки и боязливы, многіе изъ нихъ выставляютъ особыхъ часовыхъ, чтобы обезпечить безопасность всего общества и при малѣйшемъ намекѣ на приближающуюся опасность быстро спасаются въ свои убѣжища. Ихъ разумность проявляется въ томъ, что они легко становятся очень ручными. Большинство узнаетъ своихъ хозяевъ и становится очень довѣрчивыми; нѣкоторые даже являются послушными и понятливыми и научаются различнымъ фокусамъ.

Они быстро размножаются, но обыкновенно не мечутъ больше одного раза въ годъ, по 3—10 дѣтенышей.

Въ употребленіе идутъ шкурки однихъ, мясо другихъ; нѣкоторыхъ приручаютъ и держатъ въ домѣ. Никакой другой пользы они не приносятъ.

*

Первую группу свищеобразныхъ грызуновъ образуютъ суслики (*Spermophilus*).

Сюда принадлежитъ встрѣчающійся въ средней Европѣ видъ — сусликъ обыкновенный (*Spermophilus citillus*), красивое маленькое животное, почти такой величины какъ хомякъ, но съ болѣе стройнымъ туловищемъ и болѣе изящной головкой. Онъ покрытъ пушистымъ мѣхомъ съ торчащею шерстью; мѣхъ этотъ на верхней сторонѣ желто-сѣрый съ неправильными ржаво-желтыми волнообразными тѣнями и красивыми пятнами, на нижней поверхности ржаво-желтый, на подбородкѣ и передней части шеи бѣлый.



Сусликъ обыкновенный (*Spermophilus citillus*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

Сусликъ водится главнымъ образомъ въ восточной Европѣ. Альбертусъ Магнусъ наблюдалъ его вблизи Регенсбурга, гдѣ онъ теперь больше не встрѣчается, а распространяется въ Силезіи все дальше на западъ. Лѣтъ 50 назадъ его тамъ не знали, но 40 лѣтъ назадъ онъ уже появился въ западной части провинціи, именно въ округѣ Лигницѣ и отсюда пробирается все дальше на западъ. Изъ всѣхъ родственныхъ ему видовъ онъ, повидимому, имѣетъ наибольшее распространеніе. Несомнѣнно извѣстно, что онъ живетъ въ южной и умѣренной Россіи, Галиціи, Моравіи и Богеміи, Каринтіи, Крайнѣ и въ прилегающихъ къ Черному морю русскихъ губерніяхъ. Тамъ, гдѣ сусликъ водится, онъ обыкновенно встрѣчается часто и въ пѣкоторыхъ случаяхъ наноситъ нивамъ чувствительный вредъ. Сухія, безлѣсныя мѣстности являются его обычнымъ мѣстопробываніемъ, больше всего онъ предпочитаетъ липкую песчаную или глинистую почву, т. е. главнымъ образомъ обработанныя поля или обширныя травянистыя равнины. Въ новѣйшее время, согласно Герклотцу, онъ особенно часто селится по желѣзнодорожнымъ путямъ, разрыхленное полотно которыхъ облегчаетъ ему разрываніе земли и даетъ нѣкоторую защиту отъ дождевыхъ ливней. Они живутъ обществами, но каждый выкапываетъ себѣ въ землѣ свою собственную нору; самецъ болѣе поверхностную, самка болѣе глубокую. Нора лежитъ на 1 — 1,5 м. подъ по-

верхностью земли, имѣетъ овальную форму, около 30 см. въ діаметрѣ, и выстлана сухой травой. Наружу всегда ведетъ только одинъ узкій ходъ; у выхода всегда лежитъ кучка выброшенной земли. Другія прилежащія къ норѣ пустоты служатъ для складыванія зимнихъ запасовъ, которые собираются осенью. Та нора, въ которой самка весною, обыкновенно въ апрѣлѣ или въ маѣ, мечетъ своихъ 3—8 беспомощныхъ, голыхъ и слѣпыхъ дѣтенышей, бываетъ глубже обыкновенныхъ жилищъ, для того, чтобы лучше защитить нѣжно любимыхъ малютокъ.

Хотя сусликъ очень недовѣрчивъ и остороженъ, но къ постоянному нарушенію своего покоя онъ привыкаетъ и въ концѣ концовъ это нарушеніе его нисколько не тревожитъ. На одной венгерской желѣзной дорогѣ я замѣтилъ у конца шпалы нору суслика, углублявшуюся въ полотно желѣзной дороги и по запаху сообразилъ, что она обитаема. Чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться, я легъ и сталъ выжидать, и очень скоро показался сусликъ. Полчаса спустя показался несущійся поѣздъ; сусликъ бросился въ свою нору и, выглядывая оттуда, спокойно далъ поѣзду промчаться, потомъ снова вышелъ и сталъ бѣгать около, какъ и раньше.

Обыкновенную пищу суслика составляютъ нѣжныя травы и корни, злаки, стручки и различные ягоды и овощи. Осенью онъ начинаетъ собирать запасы, которые, подобно хомякамъ, тащитъ домой въ защечныхъ мѣшкахъ. Сусликъ опасенъ также и для мышей и птицъ, которыя гнѣздятся на землѣ, потому что онъ не только грабитъ ихъ гнѣзда, но также нападаетъ на старыхъ, если онѣ неосторожны, загрызаетъ ихъ, выѣдаетъ у нихъ мозгъ, а потомъ и совсѣмъ съѣдаетъ, оставляя только шкурку. Свою пищу онъ очень изящно держитъ передними лапами и ѣстъ въ полунаклонномъ положеніи, сидя на задней части тѣла. Вредъ, наносимый грабежами сусликовъ, только тогда чувствителенъ, когда они особенно размножатся. Но тутъ являются горностаи, ласки, хорьки и каменные куницы, соколы, вороны, цапли, дрохвы, даже кошки, крысоловки и другіе извѣстные истребители грызуновъ и неумоимо преслѣдуютъ сусликовъ. Большая дрохва преслѣдуетъ сусликовъ столь же искусно, какъ неумоимо, убиваетъ ихъ однимъ ударомъ клюва и поѣдаетъ съ кожей и шерстью. Человѣкъ тоже становится его противникомъ отчасти ради шкурокъ, отчасти ради вкуснаго мяса и охотится за ними съ силками и западнями, выкапываетъ ихъ изъ норъ или выгоняетъ сусликовъ оттуда, заливая норы водой и т. д. Такимъ образомъ является множество препятствій слишкомъ большому размноженію сусликовъ.

Суслика совсѣмъ не трудно поймать. Ихъ легко выкопать лопатой или поймать западней, коварно поставленной у выхода норы, такъ что сусликъ долженъ въ нее попасть, выходя наружу. При этомъ онъ ведетъ себя очень мило. Онъ спокойно покоряется своей участи и мало по малу привыкаетъ къ своему новому повелителю. Но иногда онъ проявляетъ коварство грызуновъ и сильно кусается. При хорошемъ уходѣ сусликъ можетъ жить въ неволѣ много лѣтъ и является наравнѣ съ мушловкой однимъ изъ пріятнѣйшихъ комнатныхъ животныхъ.

*

Живущая въ Сѣверной Америкѣ луговая собачка (*Cynomys ludovicianus*) служитъ нѣкоторымъ образомъ связью между сусликами и собственно сурками; хотя она, строго разбирая, принадлежитъ къ первымъ, но похожа она больше на послѣднихъ. Тѣло сжато, голова велика, хвостъ очень коротокъ, пушистъ, сверху и съ боковъ равномерно покрытъ волосами; защечные мѣшки атрофированы. Взрослая луговая собачка достигаетъ 40 см. общей длины, причѣмъ около 7 см. приходится на хвостъ. Окраска съ верхней стороны свѣтло красновато-бурая, въ перемежку съ сѣрымъ и чернымъ, съ нижней стороны грязно-бѣлая, короткий хвостъ на концѣ опоясанъ бурымъ кольцомъ.

Названіе „луговая собачка“, которое все больше и больше входитъ въ употребленіе, было дано старыми канадскими охотниками за мѣхами, которые впервые открыли это животное и назвали его такъ, руководствуясь его лающимъ голосомъ; въ ихъ внѣшности, даже при самомъ грубомъ сравненіи, нѣтъ ни малѣй-

шаго сходства съ собакой. Ихъ обширныя поселенія, которыя ввиду ихъ величины называются „деревнями“, обыкновенно находятся на низкихъ лугахъ, покрытыхъ нѣжной травой, образующей прекрасный дерновый коверъ и въ то же время даетъ имъ подходящую пищу. „До какихъ огромныхъ размѣровъ доходятъ поселенія этихъ мирныхъ земныхъ обитателей“, говоритъ Балдуинъ Мельгаузенъ, можно убѣдиться, когда приходится цѣлыми днями проходить между маленькими холмиками, въ каждомъ изъ которыхъ находится жилище одного, двухъ или нѣсколькихъ такихъ животныхъ. Отдѣльныя жилища обыкновенно удалены другъ отъ друга на разстояніи 5—6 метровъ и каждый маленькій холмикъ, находящійся у входа въ жилище, вмѣщаетъ добрый возъ земли, которая была



Луговая собачка (*Cynomys ludovicianus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

мало по малу выброшена обитателями изъ подземныхъ ходовъ наружу. Многія жилища имѣютъ одинъ выходъ, другія два. Хорошо утоптанная дорожка ведетъ отъ одного жилища къ другому и при взглядѣ на нее является предположеніе, что между этими живыми маленькими животными должна существовать тѣсная дружба.

Выборъ мѣста для основанія ихъ „городовъ“ обусловливается существованіемъ короткой, кудрявой травы, растущей преимущественно на высокихъ равнинахъ и составляющей, наряду съ еще однимъ корнемъ, единственную пищу этихъ животныхъ. Даже на высокихъ равнинахъ Новой Мексики, гдѣ на многія мили въ окружности нельзя найти ни капли воды, встрѣчаются очень густо населенныя поселенія этого рода; и такъ какъ въ этой мѣстности не выпадаетъ дождя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а подпочвенной воды можно достигнуть на глубинѣ больше 30 метровъ, то приходится сдѣлать заключеніе, что луговые собачки совсѣмъ не нуждаются въ водѣ и довольствуются влагой, которая иногда остается на стебелькахъ травы послѣ сильной росы. Когда луговая собачка чувствуетъ прибли-

женіе времени спячки, она задрѣываетъ всѣ выходы своего жилища, чтобы оградить себя отъ зимней стужи и впадаетъ въ сонъ и не является больше на поверхности земли до тѣхъ поръ, пока теплые весенніе дни не пробуждаютъ ее снова къ веселой жизни. По увѣреніямъ индѣйцевъ, она открываетъ иногда еще въ холодную погоду двери своего жилища. Но тогда на это нужно смотрѣть какъ на вѣрный признакъ скорого наступленія теплыхъ дней.

„Замѣчательное зрѣлище представляетъ такое поселеніе, если посчастливится приблизиться къ нему незамѣтно для часовыхъ. На сколько можно охватить глазомъ, всюду видна дѣятельная жизнь и движеніе: почти на каждомъ холмикѣ сидитъ, поднявши вверхъ лапки, какъ бѣлка, маленькое желто-бурое животное; торчащій вверхъ хвостикъ находится въ непрерывномъ движеніи, а пріятный лай отдѣльныхъ голосовъ, соединяясь въ количествѣ многихъ тысячъ, образуетъ настоящее гудѣніе. Если наблюдатель приблизится на нѣсколько шаговъ, то онъ можетъ различить болѣе низкіе голоса старшихъ и опытныхъ животныхъ; но тутъ, какъ по волшебству, съ поверхности исчезаетъ всякая жизнь. Только здѣсь и тамъ снова высовывается изъ отверстія норы голова развѣдчика, который постояннымъ вызывающимъ лаемъ предупреждаетъ своихъ товарищей объ опасной близости человѣка. Если тогда лечь на землю и безъ движенія, терпѣливо наблюдать вокругъ себя, то скоро часовой занимаетъ свой постъ на холмикѣ передъ дверью и непрерывнымъ лаемъ извѣщаетъ своихъ товарищей о минованіи опасности. Такимъ образомъ онъ вызываетъ одного за другимъ изъ темныхъ ходовъ на поверхность, гдѣ сейчасъ же снова начинается безмятежная жизнь этихъ общественныхъ животныхъ. Можно безъ утомленія наблюдать цѣлыми часами постоянно мѣняющееся зрѣлище, и не должно казаться удивительнымъ, если при этомъ возникаетъ желаніе понимать языкъ животныхъ, чтобы смѣшаться съ ними и подслушать ихъ тайные разговоры.“

Наблюдается замѣчательное явленіе, удостовѣренное различными наблюдателями: постройки луговыхъ собачекъ совмѣстно обитаются двумя злѣйшими врагами мелкихъ грызуновъ. Весьма нерѣдко видѣли, какъ въ одно и то же отверстіе входятъ и выходятъ луговые собачки, земляныя совы и гремучія змѣи.

„Каждый“, пишетъ Финшъ, „кто близко знакомъ съ преріей и ея обитателями, знаетъ, что эти животныя мирно живутъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же жилищѣ. Набиватели чучель, на далекомъ западѣ, особенно часто берутъ этихъ трехъ друзей сюжетомъ для группы животныхъ, которая называется „счастливое семейство“ и возбуждаетъ не мало удивленія у иностранцевъ.“

Объ этихъ животныхъ въ неволѣ Гааке, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее: „Очень мало животныхъ, которыя такъ легко создавали бы въ неволѣ точно воспроизведенную картину ихъ свободной жизни, какъ это дѣлаютъ луговые собачки; ихъ искусственное поселеніе и занимательная жизнь обитателей привлекаютъ вниманіе многихъ посѣтителей зоологическаго сада во Франкфуртѣ. Не успѣли мы послѣднимъ лѣтомъ населить нашъ заново улучшенный паркъ луговыхъ собачекъ, какъ животныя уже принялись за копаніе. Переселеніе было сдѣлано послѣ полудня и уже въ первую ночь животныя могли спать въ только что выкопанныхъ норахъ. Углубляя свою нору, луговая собачка берется за дѣло съ большой осмотрительностью. Никогда она не начинаетъ копать въ глубинѣ корридора, который требуется удлинить, потому что этимъ она закупорила бы выходъ, или по крайней мѣрѣ очень его сузила; нѣтъ, она всегда начинаетъ сначала у самаго входа. Здѣсь, оставшаяся отъ прежней работы, земля подвигается передними лапами подъ брюхо животнаго, а задними лапами отбрасывается наружу; и, работая такимъ образомъ попеременно передними и задними ногами, животное постепенно исчезаетъ въ глубинѣ. Но строительное искусство не ограничивается только копаніемъ земли; значительную часть его составляетъ сооруженіе вала вокругъ входнаго отверстія для защиты норы отъ наводненія. Для этой цѣли собирается выброшенная земля; ту, которая отлетѣла слишкомъ далеко, снова придвигаютъ задними ногами ближе къ отверстию; послѣ этого животное уже передними ногами, такъ какъ работа должна быть болѣе точной, подвигаетъ

землю и тщательно выравниваетъ ее вокругъ отверстія; чтобы земля осталась здѣсь лежать и образовала хорошій валъ, она плотно убивается носомъ; для выполнения этой работы укрѣпленія вала и стѣнъ у входа луговая собачка цѣлесообразно выбираетъ дождливые дни, въ которые вокругъ входа видны отпечатки носа животного.

„Луговая собачка, сообразуясь съ погодой, предпринимаетъ временныя измѣненія въ своей постройкѣ. Когда въ октябрѣ становится холодно, наши луговые собачки задѣлываютъ три изъ пяти входныхъ отверстій, ведущихъ въ ихъ подземныя постройки. Для этой цѣли валъ отчасти разрушается. Обратное явленіе наблюдалъ я лѣтомъ, когда послѣ дождливыхъ дней грѣло солнце и надо было позаботиться объ осушкѣ жилища. Тогда, чтобы лучше удалить водяные пары, выкапывались вентиляціонные каналы. Къ заботамъ объ устройствѣ жилища присоединяется еще устройство собственно логовища, которое выстилается сѣномъ или чѣмъ нибудь подобнымъ. Въ сухую погоду мы бросаемъ нашимъ луговымъ собачкамъ охапку сѣна. Съ помощью переднихъ ногъ и рта животныя дѣлаютъ пучки сѣна такой толщины, что едва могутъ ихъ захватить ртомъ и исчезаютъ съ ними въ глубинѣ. Такъ же точно поступаютъ онѣ и съ бумагой; цѣлые газетные листы свертываются комками и уносятся въ постройку. Если сѣно въ логовищѣ сдѣлается слишкомъ влажнымъ, оно удаляется и замѣняется новымъ.“

*

Такимъ-же жителемъ равнинъ, какъ луговая собачка въ Новомъ Свѣтѣ, является въ Старомъ байбакъ (*Arctomys bobac*). Байбакъ только въ недавнее время былъ отдѣленъ отъ альпійскихъ сурковъ; тѣло его достигаетъ 37 см., длина хвоста 9 см.; довольно густой мѣхъ свѣтлаго ржаво-желтаго цвѣта. Молодые животныя окрашены темнѣе старыхъ.

Отъ южной Польши и Галиціи байбакъ распространяется на востокъ черезъ часть центральной Азіи до Амура и, можетъ быть, до Камчатки и черезъ Гималаи до Сиккима. Онъ живетъ на равнинахъ или въ каменистыхъ холмистыхъ странахъ, но избѣгаетъ песчаныхъ и лѣсистыхъ мѣстъ, гдѣ ему неудобно выводить постройку своихъ глубокихъ жилищъ. Адамсъ находилъ его въ широкихъ долинахъ Кашмира еще на высотѣ 2000 и даже 3000 метровъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь онъ селится въ плодоносныхъ низинахъ, которыя въ теченіе лѣта покрываются богатой, но низко растущей растительностью. Всегда и вездѣ живетъ онъ значительными обществами, благодаря чему даетъ особый отпечатокъ нѣкоторымъ мѣстностямъ: безчисленное множество холмиковъ, наблюдаемыхъ въ травянистыхъ степяхъ средней Азіи, возникли благодаря этимъ животнымъ, которыя своей дѣятельной жизнью привлекаютъ вниманіе путешественника. Благодаря вкусному мясу они имѣютъ большое значеніе для обитателей степей и для различныхъ животныхъ.

Высоко, на высочайшихъ каменистыхъ покатостяхъ Альпъ, тамъ, гдѣ не растетъ уже ни дерево, ни кустарникъ, куда уже не взбирается скотъ, развѣ только козы и овцы, даже на маленькихъ скалистыхъ островкахъ между большими глетчерами, тамъ, гдѣ въ теченіе года снѣгъ исчезаетъ подъ теплыми солнечными лучами самое большее недѣль на 6, — тамъ находится родина уже съ давнихъ временъ хорошо извѣстнаго члена этого семейства, жизнь котораго въ главныхъ чертахъ сходна съ жизнью только что описанныхъ родственниковъ, но во многихъ отношеніяхъ представляетъ отклоненія, благодаря особенностямъ мѣстопробыванія этого животного. Римляне называли его альпійскою мышью, савояры называютъ его мармотта; энгадинцы — мармотелла, нѣмцы, видоизмѣняя оба названія, зовутъ его Murmeltier. Въ Бернѣ онъ называется Murmeli, въ Валлисѣ — Murmentli и Mistbelleri, въ Граубюнденѣ — Marbetle или Murbentle, въ Гларусѣ — Munk.

Въ настоящее время мы, нѣмцы средней Германіи, не такъ часто видимъ альпійскаго сурка какъ раньше. Бѣдные савоярскіе мальчики не имѣютъ больше

права странствовать, тогда какъ раньше они доходили не только до насъ, но и дальше на сѣверъ со своими ручными сурками на спинѣ, и, давая свои простыя представленія по деревнямъ и городамъ, зарабатывали нѣсколько пѣниговъ. Съ сурками случилось то же, что и съ верблюдами, обезьянами, медвѣдями, которые перестали быть забавой деревенскихъ дѣтей; теперь, кто хочет видѣть живого сурка, долженъ сдѣлать далекое путешествіе къ альпійскимъ долинамъ.

Альпійскій сурокъ (*Arctomys marmota*) достигаетъ приблизительно 62 см. общей длины, или 51 см. — длина туловища и 11 см. —



Альпійскій сурокъ (*Arctomys marmota*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

хвоста, при 15 см. высоты. Фигурой и строеніемъ туловища онъ похожъ на своихъ родственниковъ. Волосяной покровъ состоитъ изъ короткой пушистой шерсти и болѣе длинныхъ щетинистыхъ волосъ; онъ густъ и довольно длиненъ; на верхней сторонѣ болѣе или менѣе черно-бурый, на макушкѣ и на задней части головы испещренъ нѣсколькими бѣловатыми точками, на затылкѣ, у основанія хвоста и на всей нижней поверхности — темный красновато-бурый: ноги, бока и заднія части щекъ нѣсколько свѣтлѣе; морда и лапы ржаво-желтоватобѣлыя. Глаза и когти черны, передніе зубы буро-желтые. Кромѣ того встрѣчаются совершенно черныя животныя или бѣлыя и испещренныя бѣлыми пятнышками.

Новѣйшія изслѣдованія показали, что сурокъ живетъ исключительно въ Европѣ. Онъ живетъ въ высокихъ горахъ Альпъ, Пиренеевъ и Карпатовъ, при чемъ занимаетъ самыя высокія мѣста, лужайки, лежащія непосредственно подъ вѣчными снѣгами и льдами и, самое большее, спускается до лѣсистой полосы. Для своего пребыванія онъ выбираетъ ровныя мѣста, ограниченныя со всѣхъ сто-

ронъ крутыми скалами, или маленькія, узкія горныя ущелья, между отдѣльно подымающимися вершинами, вообще предпочитаетъ мѣста, наиболѣе удаленныя отъ людей. Чѣмъ уединеннѣе горы, тѣмъ чаще встрѣчается сурокъ; тамъ, гдѣ чело-вѣкъ имѣлъ съ нимъ больше дѣла, сурокъ уже истребленъ. Какъ общее правило, онъ живетъ на горныхъ склонахъ и покатостяхъ, обращенныхъ на югъ, востокъ и западъ, такъ какъ онъ, подобно большинству дневныхъ животныхъ, любитъ солнечные лучи. Здѣсь онъ копаешь свои норы — однѣ поменьше и попроще, другія — глубже и искусно устроенныя; однѣ назначаются для лѣта, другія — для зимы; однѣ для защиты отъ случайныхъ опасностей или случайной дурной погоды, другія въ защиту отъ ужасной, суровой зимы, которая здѣсь наверху царствуетъ въ продолженіе 6, 8, даже 10 мѣсяцевъ. По крайней мѣрѣ двѣ трети года просыпаетъ замѣчательное созданіе, часто еще гораздо больше, потому что въ самыхъ высокихъ мѣстахъ, гдѣ это животное встрѣчается, его бодрствованіе и дѣятельность при постройкѣ норъ длится едва шестую часть года.

Жизнь лѣтомъ, согласно Чуди, проходитъ очень оживленно. Съ наступленіемъ дня изъ норъ выходятъ сначала старые; они осторожно высовываютъ наружу голову, высматриваютъ, прислушиваются, потомъ рѣшаются медленно выйти наружу, бѣгутъ нѣсколько шаговъ въ гору, садятся на заднія лапы и потомъ принимаются объѣдать траву даже самую короткую съ невѣроятной быстротой. Скоро за ними высовываютъ свои головы и молодыя животныя; выскакиваютъ наружу, немного пасутся, цѣлыми часами лежатъ на солнцѣ, становятся на заднія лапки и мило играютъ другъ съ другомъ. Каждую минуту они оглядываются и съ величайшимъ вниманіемъ осматриваютъ окрестность. Первый, кто замѣтитъ что нибудь подозрительное, хищную птицу, лисицу или чело-вѣка, издаетъ черезъ носъ глубокій, громкій свистъ; нѣкоторые изъ остальныхъ повторяютъ его, и въ мгновеніе ока всѣ исчезаютъ. У нѣкоторыхъ животныхъ вмѣсто свиста слышали громкое тьяканье, откуда вѣроятно и произошло названіе *Mistbelleri*. Но выставляютъ ли они вообще настоящихъ часовыхъ — еще не рѣшено. Ихъ незначительная величина больше обезпечиваетъ ихъ отъ опасности быть замѣченными; глаза у нихъ зорки, но особенно остры слухъ и обоняніе. Лѣтомъ сурки живутъ въ одиночку или попарно въ своихъ лѣтнихъ жилищахъ, къ которымъ ведутъ ходы въ 1—4 метра длиною, съ боковыми выходами и отверстіями на случай бѣгства. Послѣднія такъ узки, что туда съ трудомъ можно просунуть кулакъ. Только незначительную часть выкопанной земли они выбрасываютъ наружу; большую же часть они плотно утаптываютъ или убиваютъ въ проходахъ, которые поэтому дѣлаются твердыми и гладкими. Выходы подводятся большею частью подъ камни. Логовище не велико. Здѣсь они спариваются, вѣроятно въ апрѣлѣ, и черезъ 6 недѣль самка мечетъ 2—4 дѣтеныша, которые очень рѣдко выходятъ изъ норы, пока немного не подрастутъ и до слѣдующаго лѣта остаются въ одномъ жилищѣ со старыми.

Къ осени они выкапываютъ себѣ зимнія жилища, лежащія ниже въ горахъ; они рѣдко находятся глубже, чѣмъ на 1½ метра подъ поверхностью. Эти жилища лежатъ всегда ниже въ горахъ, чѣмъ лѣтнія, которыя часто находятся даже на высотѣ 2600 метровъ надъ уровнемъ моря, между тѣмъ какъ зимнія обыкновенно лежатъ въ поясѣ высокихъ альпійскихъ луговъ, а иногда даже значительно ниже границы лѣсовъ. Эти жилища рассчитаны на всю семью, которая заключаетъ 5—15 штукъ, и поэтому они очень обширны. Охотникъ узнаетъ обитаемая зимнія жилища по сѣну, которое лежитъ разбросаннымъ передъ ними, а также по выходному отверстію норы съ кулакъ величиною, изнутри хорошо закупоренному сѣномъ, землею и камнями, тогда какъ ходы лѣтнихъ жилищъ всегда открыты. Если изъ выходнаго отверстія вытащить закупоривающій его строительный матеріалъ, то сначала открывается ходъ, хорошо выложенный землею, пескомъ и камнями и длиною во много футовъ. Слѣдуя нѣсколько метровъ по этому ходу, встрѣчаемъ раздѣленіе, отъ котораго расходятся два хода. Одинъ, въ которомъ обыкновенно находится пометъ и шерсть, ведетъ недалеко; изъ него вѣроятно извлекался строительный матеріалъ для выкладки главнаго хода; по-

слѣдній постепенно подымается и при выходѣ изъ него охотникъ находитъ обширное логовище, углубляющееся часто въ гору на 8—10 метровъ — это и есть просторное ложе спящихъ зимою животныхъ. Оно представляетъ обыкновенно яйцевидную пещеру на подобіе хлѣбной печи, устланную короткимъ, мягкимъ, сухимъ сѣномъ, обыкновенно красновато-бураго цвѣта, которое по частямъ возобновляется каждый годъ. Съ августа мѣсяца начинаютъ эти умныя маленькія животныя подкусывать траву, сушить ее и во рту относить къ пещерѣ, при этомъ въ такомъ количествѣ, что часто одинъ человѣкъ не могъ бы его снести заразъ. Объ этомъ сборѣ сѣна прежде рассказывали удивительныя басни. Будто одинъ сурокъ ложился на спину, нагружался сѣномъ и такимъ образомъ втаскивался другими къ норѣ, какъ сани. Поводомъ къ такому разсказу послужило то, что спина сурка часто бываетъ совсѣмъ вытертой; это однако можетъ происходить отъ постояннаго пролѣзанія въ узкихъ ходахъ норы. Кромѣ этихъ двухъ жилищъ у сурка есть еще особыя норы, куда онъ прячется въ случаѣ опасности; если онъ не можетъ успѣть добраться до своей норы, то прячется подъ камнями и въ расщелинахъ скаль.

Движенія сурка очень странны. Особенно своеобразна его походка; онъ шагаетъ широко, переваливаясь съ боку на бокъ, при чемъ его животъ почти или совсѣмъ касается земли. Я никогда не видѣлъ, чтобы сурки, по крайней мѣрѣ, находящіеся у меня, дѣлали прыжки, — они слишкомъ для этого тяжело-вѣсны. Необыкновенно странно выглядитъ животное, когда оно становится вертикально; оно сидитъ на задней части туловища прямо, какъ свѣча, вытянувшись, какъ палка, отставивъ хвостъ перпендикулярно къ туловищу, свободно опустивши переднія лапы, и внимательно смотреть на свѣтъ Божій.

Свѣжія и сочныя альпійскія растенія, травы и корни составляютъ пищу сурковъ. Пьютъ они рѣдко, но за то по многу заразъ, при чемъ чавкаютъ и послѣ каждого глотка поднимаютъ вверхъ голову, какъ куры или гуси. На основаніи всѣхъ наблюденій можно повидимому установить, что альпійскій сурокъ способенъ предчувствовать перемѣны погоды.

Къ концу лѣта и осенью альпійскіе сурки, подобно всѣмъ животнымъ, впадающимъ въ спячку, необыкновенно жирны. Съ наступленіемъ перваго мороза они перестаютъ ѣсть, но пьютъ еще много и часто; потомъ опорожняются и всею семьей располагаются въ зимнемъ жилищѣ. Выложенное кругомъ сухимъ сѣномъ логовище образуетъ совмѣстное ложе для всего общества. Здѣсь вся семья покоится, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Вся жизнедѣятельность чрезвычайно понижена; каждое животное лежитъ — неподвижное и холодное, въ оцѣпенѣніи, напоминающемъ смерть и въ томъ положеніи, которое было принято первоначально, ни одно не подаетъ признаковъ жизни. Температура крови понижена до температуры воздуха въ логовищѣ, дыхательныя движенія производятся только 15 разъ въ секунду. Если взять находящагося въ спячкѣ сурка изъ его норы и перенести въ теплое мѣсто, то дыханіе становится замѣтнѣе только при 21 градусѣ Цельзія, при 25 градусахъ животное начинаетъ храпѣть, при 27,5 оно расправляетъ члены, при 31 градусѣ оно просыпается, пошатываясь движется туда и сюда; мало по малу оживляется и наконецъ начинаетъ ѣсть. Весной сурки выходятъ изъ своихъ зимнихъ жилищъ очень похудѣвшими и жадно высматриваютъ что нибудь съѣдобное и часто должны далеко странствовать, чтобы найти засохшей травы на выступахъ и хребтахъ скаль, гдѣ вѣтеръ смелъ снѣгъ.

Охота за сурками и ихъ ловля представляетъ много трудностей. Приближающійся охотникъ почти всегда замѣчается какимъ нибудь членомъ общества, который предупреждаетъ остальныхъ громкимъ свистомъ. Имъ ставятъ также всевозможныя силки или выкапываютъ ихъ въ началѣ зимы. Съ полнымъ основаніемъ запрещено такое выкапываніе во многихъ кантонахъ Швейцаріи, потому что такимъ образомъ они могутъ быть въ короткое время совершенно уничтожены, между тѣмъ какъ обыкновенная охота никогда не бываетъ имъ особенно опасной. Въ крайней опасности сурки мужественно и рѣшительно защищаются отъ своихъ враговъ, сильно кусаясь и пуская въ ходъ свои крѣпкіе когти.

Для альпійскихъ жителей маленькое животное имѣетъ важное значеніе не только потому, что его употребляютъ въ пищу, но и потому, что оно даетъ лѣкарства отъ различныхъ болѣзней.

Для неволи и прирученія охотиѣ всего берутъ молодыхъ, хотя ихъ очень трудно утащить у матери, когда они выходятъ въ первый разъ. Взятые очень молодыми, еще сосущими, сурки выращиваются съ трудомъ и даже при наилучшемъ уходѣ обыкновенно погибаютъ, тогда какъ взятые полувыросшими они легко выкармливаются и живутъ подолгу. Ихъ пища въ неволѣ состоитъ изъ разныхъ растительныхъ веществъ и молока. Если ими много заниматься, то они очень скоро становятся очень ручными; они послушны и понятливы; узнаютъ того, кто за ними ухаживаетъ, отзываются на его зовъ; принимаютъ всевозможныя положенія, скачутъ кругомъ, стоя на заднихъ лапахъ; ходятъ съ палкой и т. д. Безобидное и довѣрчивое животное радуется тогда и старому, и малаго, а его чистоплотность и миловидность пріобрѣтаютъ ему множество друзей.

Къ бѣличьимъ причисляется группа граціозныхъ, маленькихъ грызуновъ — сонливыя мыши или сони (*Musxidae*). По наружности и свойствамъ онѣ близко стоятъ къ бѣлкамъ, но рѣзко отличаются отъ нихъ нѣкоторыми особенностями въ строеніи. У нихъ узкая голова съ болѣе или менѣе острой мордой, довольно большіе глаза и большія, голыя уши; тѣло сжатое, довольно длинныя конечности съ красиво сложенными лапами; на переднихъ по 4 пальца и рудиментарному большому пальцу съ плоскимъ когтемъ; на заднихъ — по 5 пальцевъ средней величины; густой, пушистый хвостъ, раздѣленный проборомъ и густой мягкій мѣхъ.

До сихъ поръ извѣстно не больше полудюжины точно опредѣленныхъ отдѣльных видовъ этого семейства, всѣ — живущіе въ Старомъ Свѣтѣ. Ихъ мѣсто-пребываніемъ являются холмистыя и гористыя мѣстности, а въ нихъ лѣса и опушки лѣсовъ, рощи и сады. Они живутъ на деревьяхъ и въ самыхъ деревьяхъ; рѣже въ норахъ, выкопанныхъ ими между корнями деревьевъ или въ трещинахъ скалъ и стѣнъ; во всякомъ случаѣ въ хорошо потаѣнныхъ мѣстахъ. Большинство спитъ днемъ и выходитъ на поиски за пищей утромъ, когда еще темно, и вечеромъ. Выспавшись, онѣ являются чрезвычайно подвижными животными. Онѣ отлично бѣгаютъ и еще лучше лазаютъ, но не могутъ дѣлать особенно большихъ прыжковъ, какъ бѣлки.

Въ умѣренныхъ странахъ онѣ, съ наступленіемъ холоднаго времени года, впадаютъ въ оцѣпенѣніе и всю зиму спятъ въ своихъ гнѣздахъ. Нѣкоторыя собираютъ себѣ на это время запасы и поѣдаютъ ихъ, если по временамъ просыпаются; другія въ этомъ не нуждаются, такъ какъ онѣ раньше такъ откармливаются, что могутъ прожить своимъ жиромъ. Пища ихъ состоитъ изъ всевозможныхъ плодовъ и сѣмянъ; большинство ѣстъ также насѣкомыхъ, яйца и молодыхъ птицъ. При ѣдѣ онѣ такъ же, какъ бѣлки, садятся на заднюю часть тѣла и подносятъ пищу ко рту передними лапами. Сони не приносятъ намъ никакой стоящей упоминанія пользы, но пожалуй могутъ своими грабежами въ садахъ нанести намъ вредъ.

Первый видъ образуютъ сонливая бѣлка или полчокъ (*Muohus glis*) и еще одинъ родственный видъ. Они принадлежатъ къ животнымъ, которыя гораздо больше извѣстны по имени, чѣмъ по наружному виду. Всякій, кто занимался древней исторіей, знакомъ съ этой соней, особенной любимицей римлянъ, которые устраивали особыя приспособленія для ухода за ними. Дубовыя и буковыя рощи обносились гладкими стѣнами, по которымъ сони не могли бы влѣзть вверхъ; внутри ограды устраивались различныя пустоты, гдѣ можно было гнѣздиться и спать; здѣсь сони кормились желудями и каштанами, а подъ конецъ еще откармливались особенно, въ глиняныхъ сосудахъ или бочкахъ, называвшихся глиаріями. Какъ видно изъ раскопокъ въ Геркуланумѣ, эти, предназначенныя

для послѣдняго откармливанія, глираріи были небольшіе полушарообразные сосуды, на внутреннихъ стѣнахъ террасообразныя и замкнутыя сверху мелкой рѣшеткой. Нѣсколько полчковъ запирались въ нихъ вмѣстѣ и обильно снабжались пищей. По окончаніи откармливанія ихъ мясо являлось однимъ изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ на столѣ богатыхъ кутилъ.

Длина тѣла полчка достигаетъ 16 см., — хвоста 13 см. Мягкій, довольно густой мѣхъ на верхней сторонѣ одноцвѣтно пепельно-сѣрый, то свѣтлѣй, то темнѣй съ черновато-бурымъ оттѣнкомъ, на нижней сторонѣ, рѣзко ограниченной отъ верхней, и на внутренней сторонѣ ногъ молочно-бѣлый и блестяще-серебристый.

Южная и восточная Европа составляютъ настоящее отечество полчка. Онъ встрѣчается отъ Испаніи, Греціи и Италіи до южной и средней Германіи. Въ



Подчокъ (*Myoxus glis*) и садовая соня (*Eliomys nitela*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

Австріи, Штиріи, Каринтіи, Силезіи, Богеміи и Баваріи онъ встрѣчается часто, въ Кroatіи, Венгріи и южной Россіи довольно обыкновенно; въ сѣверной Европѣ уже начиная съ сѣверной Германіи, въ Англіи, Даніи онъ отсутствуетъ. Онъ обитаетъ главнымъ образомъ среднія части горъ, преимущественно въ сухихъ дубовыхъ и буковыхъ лѣсахъ. Весь день онъ прячется и выходитъ изъ своего убѣжища вечеромъ и ночью дѣлаетъ кругомъ набѣги въ поискахъ за пищей.

Лѣтомъ полчокъ каждую ночь обѣгаетъ свои владѣнія.

Немногіе грызуны могутъ превзойти полчка въ прожорливости. Онъ ѣстъ до тѣхъ поръ, пока въ силахъ ѣсть. Желуди, буковые и обыкновенные орѣхи составляютъ, вѣроятно, его главную пищу; не оставляются въ пренебреженіи и грецкіе орѣхи, каштаны, сладкіе и сочные плоды; а животная пища повидимому является для него настоящей потребностью; по крайней мѣрѣ онъ преслѣдуетъ, убиваетъ и поѣдаетъ всякое маленькое животное, какое только можетъ настигнуть. Постоянно слышно щелканье разгрызаемыхъ имъ орѣховъ или паденіе выѣденныхъ плодовъ, которые онъ сбрасываетъ. Осенью онъ собираетъ пищевые запасы и складываетъ ихъ въ своихъ норахъ. Въ это время „онъ чуть не лопається отъ жиру,“ но продолжаетъ ѣсть пока возможно; потомъ думаетъ о томъ, чтобы приготовить убѣжище на зиму. Тогда въ глубокихъ земляныхъ норахъ, въ щеляхъ и трещинахъ скалъ и въ старыхъ развалинахъ, также въ глубокихъ дуплахъ де-

ревьевъ онъ дѣлаетъ себѣ гнѣздо, выстилаетъ его нѣжнымъ мхомъ, свертывается клубкомъ, обыкновенно совмѣстно съ нѣсколькими товарищами и впадаетъ въ глубокій сонъ задолго до того, какъ термометръ покажетъ 0°; въ суровыхъ гористыхъ мѣстностяхъ уже въ августѣ, въ болѣе теплыхъ равнинахъ около октября. Тогда онъ проявляетъ нечувствительность всѣхъ подверженныхъ зимней спячкѣ животныхъ, но изъ всѣхъ онъ можетъ быть спитъ самымъ глубокимъ сномъ. Его можно спокойно взять и унести изъ его логовища: онъ остается холоднымъ и недвижимымъ. Въ теплой комнатѣ онъ мало по малу просыпается; сначала понемногу расправляетъ члены и мало по малу движется все больше и больше, но и тогда выглядитъ еще очень заспаннымъ. На свободѣ онъ иногда просыпается самостоятельно и ѣстъ немного изъ своихъ запасовъ, хотя и не сознавая собственно, что онъ дѣлаетъ. Обыкновенно полчокъ просыпается только очень поздно весною, рѣдко раньше конца апрѣля. Такимъ образомъ его зимняя спячка продолжается полныхъ 7 мѣсяцевъ и онъ поэтому вполне основательно получилъ свое названіе „Siebenschläfer“.

Множество враговъ значительно вредятъ полчку. Лѣсныя куницы, хорьки, дикія кошки и ласки, филины и совы его злѣйшіе преслѣдователи; и хотя онъ съ большимъ мужествомъ защищается противъ сильнѣйшихъ враговъ, всетаки бываетъ побѣжденнымъ. Тамъ, гдѣ онъ встрѣчается часто, человѣкъ его дѣятельно преслѣдуетъ отчасти ради мяса, отчасти ради шкурки; онъ привлекаетъ его въ искусственныя зимнія помѣщенія, въ ямы, или ставитъ ему другія западни. Въ нижней Крайнѣ крестьяне его ловятъ капканами, приманивая сочной грушей или сливой. Кромѣ того закапываютъ въ землю бочки, отчасти наполненныя плодами, къ которымъ имѣется доступъ только сверху черезъ трубку, въ которой такъ укрѣплены желѣзныя проволоки, что онѣ свободно позволяютъ полчку проскользнуть внутрь, но обратно выйти не даютъ. Сюда животные ловятся въ такомъ большомъ количествѣ, что многіе охотники въ теченіе одной осени добываютъ по 200—400 штукъ.

Полчокъ относительно рѣдко содержится въ неволѣ. Его нравъ не особенно пріятенъ; наибольшая его добродѣтель — чистоплотность; въ остальномъ онъ скученъ. Онъ находится постоянно въ раздраженномъ состояніи, совсѣмъ не дружить съ тѣмъ, кто за нимъ ухаживаетъ, и ворчитъ съ своеобразнымъ храпѣньемъ и съ яростью на всякаго, кто осмѣлится къ нему приблизиться. Даже рожденные въ неволѣ молодые полчки такъ же непривѣтливы, какъ и старые.

Лѣсная соня (*Myoxus dryas*), составляетъ нѣкоторымъ образомъ переходъ отъ полчка къ садовой сонѣ; общая длина достигаетъ 17 см., половина которой приходится на хвостъ; голова и верхняя поверхность туловища красно-бурая, или буро-сѣрая; нижняя, рѣзко ограниченная сторона — бѣлаго цвѣта. Подъ глазами начинается черная полоса, охватываетъ расширяясь глаза и тянется до ушей. Хвостъ сверху темно буро-сѣрый, снизу бѣлый. Начиная съ южной Россіи лѣсная соня распространяется на западъ до Венгріи, южной Австріи и Силезіи, но здѣсь уже встрѣчается только рѣдко. По образу жизни, насколько извѣстно до сихъ поръ, она въ главныхъ чертахъ сходится съ полчкомъ и садовой соней.

*

Видъ садовыхъ сонъ (*Eliomys*) отличается отъ предыдущихъ видовъ главнымъ образомъ зубной системой. У полчка вѣнчики зубовъ плоско отточены, у садовой сони наоборотъ — вогнуты. Съ вѣншей стороны садовые сони отличаются хвостомъ, у основанія покрытымъ короткой и гладко прилегающей шерстью, а на концѣ длинной и пушистой; окрашенъ онъ двояко. Верхняя и нижняя сторона тѣла разнаго цвѣта.

Садовая соня, или большая орѣшниковая соня (*Eliomys nitela*, рис. на стр. 446) достигаетъ въ длину самое большее 14 см. при длинѣ хвоста въ 9,5 см. Голова и верхняя поверхность красновато сѣро-бурая, нижняя поверхность бѣлая.

Садовая соня, которая уже древнимъ римлянамъ была извѣстна подъ на-

званіемъ *Nitela*, водится главнымъ образомъ въ умѣренныхъ странахъ средней и западной Европы: Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Италіи, Германіи, Венгріи, Галиціи, Трансильваніи; родиной ей также служатъ русскія Прибалтійскія провинціи. Въ Германіи она во многихъ мѣстностяхъ, напр. въ Гарцѣ, встрѣчается часто. Пища ея та же, что у полчка. Гнѣздо ея отличается отъ гнѣздъ полчка тѣмъ, что стоитъ открыто; но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и она селится въ уголкахъ развалинъ, старыхъ крысиныхъ норахъ, кротовыхъ ходахъ и въ другихъ пустотахъ между камнями и въ землѣ. Замѣчательно, что чисто плотная въ другихъ отношеніяхъ садовая соня держитъ свое гнѣздо чрезвычайно грязно.

Для зимней спячки садовая соня выискиваетъ себѣ сухія, защищенныя пустоты въ деревьяхъ или стѣнахъ или забирается въ находящіяся въ лѣсу строенія, садовыя бесѣдки, амбары, сѣновалы, лачуги угольщиковъ и другія жилия строенія. Обыкновенно ихъ находятъ по нѣсколько штукъ спящими въ одномъ гнѣздѣ, при чемъ онѣ такъ тѣсно свертываются вмѣстѣ, что сплетаются почти въ одинъ клубокъ. Онѣ спятъ всю зиму непрерывно, но не такъ крѣпко, какъ другія, подверженныя спячкѣ животныя, потому что каждый разъ, какъ случается теплая погода, онѣ просыпаются, ѣдятъ изъ своихъ запасовъ и снова засыпаютъ только съ наступленіемъ новыхъ холодовъ.

Садовая соня является ненавистной гостьей для садовъ, гдѣ выращиваются болѣе нѣжные плоды. Одной единственной достаточно, чтобы уничтожить цѣлый сборъ персиковъ или абрикосовъ. Лакомясь, она выказываетъ вкусъ, который дѣлаетъ ей честь. Она выбираетъ только самые лучшіе и сочные плоды, но часто, чтобы попробовать, надкусываетъ и другіе; такимъ образомъ она уничтожаетъ собственно гораздо больше, чѣмъ поѣдаетъ. Такъ какъ она приносить человѣку только вредъ и не даетъ никакой пользы ни мясомъ, ни шкурой, то ревностно преслѣдуется владѣльцами садовъ. Лучшими западнями для ихъ поимки являются проволочные силки, которые вѣшаются передъ шпалерами, или маленькіе капканы, поставленные на соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Еще лучше всѣхъ этихъ западней можетъ защитить садъ отъ этого назойливаго, отъявленнаго вора хорошая кошка. Куницы, ласки, филины и совы также ее дѣятельно преслѣдуютъ. Поэтому владѣльцы помѣстій, живущіе близко къ лѣсу, хорошо дѣлаютъ, если по возможности щадятъ этихъ естественныхъ враговъ садовой сони.

Для жизни въ неволѣ садовая соня такъ же мало годится, какъ и полчокъ. Рѣдко привыкаетъ она къ человѣку и при всякой неожиданности тотчасъ же пускаетъ въ ходъ свои острые зубы и кусаетъ часто очень чувствительно. Въ разбойничьихъ наклонностяхъ этого животнаго легко убѣдиться по находящимся въ неволѣ. Онѣ обнаруживаютъ кровожадность ласки одновременно съ прожорливостью другихъ сонъ.

*

Третій видъ этого семейства, къ которому относятся орѣшниковыя сони (*Muscardinus*), отъ предъидущихъ также отличается главнымъ образомъ зубной системой; кромѣ того уши у нихъ меньше, чѣмъ у предъидущихъ. Хвостъ по всей длинѣ равномерно покрытъ довольно короткими волосами.

Въ Европѣ живетъ одинъ единственный видъ этого подсемейства, мушловка (*Muscardinus avellanarius*, рис. стр. 449), одно изъ самыхъ миловидныхъ, веселыхъ и живыхъ созданій между всѣми европейскими грызунами, выдѣляющееся не только изящной наружностью и красотой окраски, но и чисто плотностью, милымъ обращеніемъ и мягкостью нрава. Животное это приблизительно такой-же величины, какъ наша домовая мышь; ея общая длина составляетъ 14 см., причемъ почти половина этой длины приходится на хвостъ. Мѣхъ равномерно желтовато-красный, снизу нѣсколько свѣтлѣе, на груди и горлѣ бѣлый. Родина маленькой мушловки средняя Европа; самая сѣверная граница ея мѣстопробыванія, по видимому, Швеція и Англія, самая южная — Тоскана и сѣверная Турція; къ востоку она не распространяется дальше Галиціи, Венгріи и Трансильваніи. Своимъ мѣстопробываніемъ она выбираетъ, подобно другимъ ея родичамъ, низкій

кустарникъ и терновникъ; но самымъ любимымъ и предпочитаемымъ мѣстомъ жительства является чаша орѣшника.

Днемъ мушловка лежитъ гдѣ нибудь спрятавшись и спать. Ночью она выходитъ за пищей, которою ей служатъ орѣхи, желуди, твердыя сѣмена, сочные плоды, ягоды и древесныя почки; но всего больше она любитъ лѣсные орѣхи, которые она искусно вскрываетъ и опоражниваетъ, не отрывая ихъ и не выщипывая изъ охватывающей ихъ капсюли. Кромѣ того она собираетъ также рябину, благодаря чему нерѣдко попадаетъ въ силки. Мушловки живутъ маленькими обществами, члены котораго не особенно тѣсно связаны между собой. Одна или двѣ вмѣстѣ строятъ себѣ въ самой густой чащѣ кустарника мягкое, теплое,



Мушловка (*Muscardinus avellanarius*). $\frac{4}{5}$ естеств. велич.

довольно искусное гнѣздо изъ травы, листьевъ, моха, корешковъ и шерсти; отсюда онѣ по ночамъ выходятъ промышлять въ своихъ владѣнiяхъ, почти всегда соединяясь съ другими, живущими по близости. Какъ настоящiе жители деревьевъ, онѣ лазаютъ замѣчательно ловко даже по самымъ тонкимъ вѣточкамъ. Въ августѣ самка мечетъ 3—4 голыхъ и слѣпыхъ дѣтеныша въ своемъ шарообразномъ лѣтнемъ гнѣздѣ, которое всегда находится въ густой чащѣ кустарника на высотѣ одного метра отъ земли. Малютки растутъ необыкновенно быстро, однако питаются молокомъ матери цѣлый мѣсяцъ, хотя уже на столько выросли, что могутъ по временамъ выходить изъ гнѣзда. Сначала семья бѣгаетъ въ ближайшихъ кустахъ орѣшника и съ удовольствiемъ играетъ и собираетъ орѣхи. При малѣйшемъ шумѣ всѣ спасаются въ гнѣздо. Около половины октября онѣ забираются въ потаенные уголки, гдѣ онѣ собрали зимнiе запасы провизiи, и готовятъ себѣ изъ хворостинокъ, листьевъ, иголь, моху и травы шарообразную оболочку, въ которую совершенно заворачиваются, сплетаясь всѣ вмѣстѣ въ клубокъ, и засыпаютъ на зиму; спятъ онѣ еще крѣпче своихъ родичей; ихъ можно въ такомъ видѣ

взять въ руки, катать кругомъ и онѣ не подадутъ никакого признака жизни. Смотри по тому, мягка или сурова зима, онѣ спятъ 6 — 7 мѣсяцевъ, болѣе или менѣе непрерывно, пока ихъ не пробудитъ къ новой жизни теплое, ласковое весеннее солнце.

Мушловку очень трудно поймать, пока она вполне бодрствуетъ и только случайно попадаетъ она въ ту или другую западню, которая ставятъ на ея любимыхъ мѣстахъ съ приманкою изъ орѣховъ или другой пищи. Легче ее поймать поздней осенью или зимой.

Но разъ она попала въ руки, то она уже почти что ручная. Никогда она не рѣшается защищаться противъ того, кто ею завладѣлъ, никогда не пробуетъ его укусить; въ величайшемъ страхѣ она только издаетъ пискъ или громкій свистящій звукъ. Но скоро она покоряется неизбежному; спокойно позволяетъ нести себя въ домъ и вполне подчиняется волѣ человѣка и перестаетъ его бояться, но не теряетъ своей природной робости и боязливости. Ее кормятъ орѣхами, косточками отъ плодовъ, плодами и хлѣбомъ, а также хлѣбными зернами. Она ѣстъ мало и скромно; сначала только ночью. Ея чрезвычайно большая чистоплотность, кротость и уживчивость, которыя она проявляетъ по отношенію къ себѣ подобнымъ, ея изящныя движенія и веселые жесты дѣлаютъ ее любимницей человѣка. Въ Англіи она держится, какъ комнатное животное, въ обыкновенныхъ птичьихъ клѣткахъ и также, какъ комнатныя птицы, продается на рынкѣ. Ее можно держать въ лучшихъ комнатахъ, потому что она не распространяетъ никакого дурного запаха; только лѣтомъ она издаетъ запахъ, напоминающій мускусъ, но такой слабый, что онъ не можетъ быть непріятенъ.

И въ неволѣ мушловка зимой впадаетъ въ спячку, если вокругъ нея не поддерживается равномерная теплота. Тогда она пробуетъ устроить себѣ гнѣздышко и заворачивается въ него или засыпаетъ въ какомъ нибудь углу своей клѣтки. Если ее согрѣть, напр., въ теплой рукѣ, то она просыпается, но тотчасъ снова засыпаетъ.

Хотя бобръ во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ описанными до сихъ поръ грызунами, но онъ такъ существенно отличается отъ своихъ родичей этого отряда, что его должно разсматривать какъ представителя особаго семейства (*Castoridae*). Къ этому семейству можно причислить развѣ только допотопные виды грызуновъ, бывшіе предшественниками ихъ нынѣ живущихъ родственниковъ; между современными грызунами есть нѣкоторые, напоминающіе бобра, но нѣтъ ни одного, который былъ бы съ нимъ дѣйствительно сходенъ.

Бобръ уже съ древнѣйшихъ временъ привлекалъ къ себѣ вниманіе наблюдателей и многократно упоминался древними писателями подъ именемъ *Castor* и *Fiber*. Но отъ старыхъ естествоиспытателей мы узнаемъ относительно его жизни немного и ничего точнаго.

Но старыя сочиненія цѣнны тѣмъ, что они даютъ намъ указаніе на то, гдѣ прежде водился бобръ. Изъ этихъ указаній мы заключаемъ, что едва ли есть другое животное, которое исчезало бы такъ быстро, какъ этотъ цѣнный грызунъ. Еще до настоящаго времени бобры водятся въ трехъ частяхъ свѣта, въ странахъ, лежащихъ между 33° и 68° сѣверной широты, а въ прежнія времена онъ долженъ былъ быть гораздо распространеннѣе. Думали найти изображенія бобра въ египетскихъ іероглифахъ, изъ чего вытекало бы, что бобръ водился въ Африкѣ. Религія индійскихъ маговъ запрещаетъ его убивать, слѣдовательно и Индія должна была быть его родиной. Во Франціи и Германіи онъ водился почти повсемѣстно. Прежде всего онъ былъ истребленъ въ Англіи. Въ настоящее время его еще находятъ въ Германіи на Эльбѣ, приблизительно отъ Вартенбурга, выше Виттенберга внизъ по теченію до Магдебурга; а именно ниже Акена можно его навѣрное найти живущимъ осѣдло на нѣкоторомъ пространствѣ по рѣкѣ, особенно въ лѣсныхъ округахъ главныхъ лѣсныхъ вѣдствъ Стекби и Тохгеймъ, а также Грюневальда (противъ Шэнебека) на правомъ берегу

Эльбы и Лэддерница на лѣвомъ берегу, гдѣ ихъ насчитываютъ въ общемъ около 60 штукъ. Бобры также издавна живутъ осѣдло въ Саалѣ, отъ ея впаденія въ Эльбу до Трабица ниже Кальбе; на этомъ пространствѣ въ настоящее время живетъ около 15 штукъ. Вышеупомянутыя мѣстности родина бобра и тамъ не только можно во всякое время видѣть слѣды его дѣятельности, но иногда можно наблюдать и его самого. Въ одиночку и случайно онъ встрѣчается еще дальше на лугахъ, орошаемыхъ Зальцахомъ на австрійско-баварской границѣ; его можно также встрѣтить на Мюнѣ въ Вестфалии. Между странами Европы онъ чаще всего встрѣчается еще въ Босніи и Россіи, именно на сѣверныхъ притокахъ Припечи въ Минской губерніи, также на Скандинавскомъ полуостровѣ въ Норвегіи. Въ Азіи бобры гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Они живутъ въ большомъ количествѣ по большимъ рѣкамъ средней и сѣверной Сибири; кромѣ того онъ долженъ быть постоянно осѣдлымъ и по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море. Онъ встрѣчается навѣрное на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, по притокамъ Кубани и еще въ Мессопотаміи. Въ Америкѣ бобръ былъ очень распространенъ, но, благодаря постоянному преслѣдованію, онъ встрѣчается уже гораздо рѣже. Одюбонъ указываетъ (1849), какъ на родину бобра, только еще на Лабрадоръ, Ньюфандлендъ, Канаду и нѣкоторыя мѣстности въ штатахъ Мэна и Массачузета; при этомъ онъ однако прибавляетъ, что въ одиночку бобръ еще встрѣчается въ различныхъ малонаселенныхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Бобръ (*Castor fiber*) одинъ изъ самыхъ большихъ грызуновъ. Длина туловища взрослыхъ самцовъ достигаетъ 75—95 см., длина хвоста 30 см., высота отъ зашейка столько же, вѣсъ 20—30 клгр. Тѣло неуклюжее и крѣпкое, сзади гораздо толще, чѣмъ спереди, спина выгнута, животъ обвислый, шея короткая и толстая, голова сзади широкая, кпереди суживается, съ плоскимъ черепомъ, короткая и съ тупою мордой; ноги коротки и очень сильны, заднія нѣсколько длиннѣе переднихъ; на лапахъ по пяти пальцевъ, которые на заднихъ лапахъ до самыхъ когтей соединены широкой плавательной перепонкой. Хвостъ у основанія круглый, посрединѣ, сверху и снизу приплюснутъ, до 20 см. шириной; на концѣ онъ тупо закругленъ, а края почти острые. Уши малы и коротки, изнутри и снаружи покрыты волосами и могутъ быть такъ приложены къ головѣ, что почти совершенно закупориваютъ слуховое отверстіе. Маленькіе глаза отличаются тѣмъ, что имѣютъ мигательную перепонку, зрачекъ стоитъ вертикально. Крылья носа вздуты и могутъ также закрыть ноздри. Мѣхъ состоитъ изъ необыкновенно густой пушистой, шелковистой шерсти и рѣдко разбросанныхъ длинныхъ крѣпкихъ, жесткихъ и блестящихъ щетинъ, которыя короче на головѣ и нижней части спины, а на остальномъ туловищѣ достигаютъ 5 см. длины. Окраска верхней поверхности темная, каштаново-бурая, болѣе или менѣе переходящая въ сѣроватую; нижняя поверхность свѣтлѣе; у основанія хвоста шерсть серебристо-сѣрая, на концѣ хвоста желтовато-бурая. Хвостъ у основанія покрытъ длинными волосами, въ остальной же части онъ почти голый и покрытъ маленькими, овальными, почти шестиугольными, плоскими кожистыми чешуйками, между которыми выходятъ отдѣльные, короткіе, жесткіе волосы. Въ общей окраскѣ мѣха бываютъ отклоненія. Очень рѣдко встрѣчаются также бѣлые или пятнистые бобры.

Рѣзцы очень велики и крѣпки, спереди плоски и гладки, въ поперечномъ разрѣзѣ почти трехгранны, сбоку долотообразны, выступаютъ изъ челюсти далеко впередъ. У обоихъ половъ въ нижней части брюшной полости находятся двѣ своеобразныя отдѣлительныя железы. Внутренняя поверхность этихъ железъ отдѣляетъ такъ называемую бобровую струю (*Castoreum*), темную, красно-бурую, желто-бурую или черно-бурую маслянистую массу съ очень своеобразнымъ, проникающимъ крѣпкимъ запахомъ, который пріятенъ только немногимъ и съ горькимъ, бальзамическимъ вкусомъ. Въ прежнія времена бобровая струя часто употреблялась, какъ средство, унимающее судороги и какъ успокаивающее; но въ настоящее время она все болѣе и болѣе приходитъ въ забвеніе.

Теперь бобръ живетъ большею частью попарно и только въ очень спокойныхъ мѣстностяхъ соединяется въ болѣе или менѣе обширныя семьи. Во всѣхъ

куски дерева сейчасъ же собираются и стаскиваются въ воду, гдѣ съ нихъ сдирается кора, или они складываются про запасъ на будущее время. Только послѣ того, какъ бревно очищено отъ коры, бобръ вытаскиваетъ его изъ воды, тащить къ ближайшей постройкѣ и употребляетъ его въ дѣло. Никакого правильнаго расположенія обрѣзковъ дерева не замѣчается. Главной заботой бобровъ является, чтобы постройка удовлетворяла ихъ потребностямъ, но о правильномъ расположеніи строительнаго матеріала они не думаютъ. Одни полѣнья лежатъ горизонтально, другія наклонно, третьи вертикально, нѣкоторыя далеко выступаютъ изъ стѣны, нѣкоторыя совсѣмъ покрыты землей; при этомъ постройка непрерывно видоизмѣняется, увеличивается, улучшается. Всѣ матеріалы, необходимые для укрѣпленія постройки, какъ земля, глина, грязь, передвигаются различнымъ образомъ, но всегда только ртомъ и передними лапами, а обрабатываются исключительно послѣдними. Хвостъ при этомъ служитъ самое большее для сохраненія равновѣсія, но никогда не употребляется какъ лопатка.

Самка является, какъ у большинства животныхъ, главнымъ строителемъ, самецъ больше приноситъ и подаетъ матеріалъ. Оба работаютъ въ теченіе цѣлаго года, но не всегда съ одинаковымъ рвеніемъ. Лѣтомъ и въ началѣ осени они больше забавляются, чѣмъ подвигаютъ свою постройку; зато передъ наступленіемъ дурной погоды они непрерывно работаютъ всю ночь. Они очень хорошо предчувствуютъ наступленіе непогоды и стараются по возможности къ этому подготовиться.

Главную пищу бобровъ составляютъ кора и листья различныхъ деревьевъ. Изъ всѣхъ вѣтокъ, которыя я давалъ бобрамъ, находившимся у меня въ неволѣ, они всегда прежде всего выбирали ивовыя, и только за недостаткомъ такихъ принимались за тополь, черный тополь, осину, ясень и грушу, а всего неохотнѣе — за ольху и дубъ. Вѣтви потверже, которыя можно взять въ лапы и постоянно поворачивать, бобры облущиваютъ необыкновенно изящно и ловко; они такъ искусно обдираютъ кору, что на ободранной вѣтви нельзя замѣтить ни малѣйшаго слѣда ихъ зубовъ. Они очень скоро привыкаютъ къ хлѣбу, сухарямъ, яблокамъ и моркови, а впослѣдствіи плоды даже являются для нихъ лакомымъ кускомъ.

Бобръ можетъ принимать различныя позы, но въ общемъ мало разнообразныя. Сидя, животное выглядитъ, какъ большая, плотная мышъ. При ходьбѣ онъ ставитъ ногу за ногу, потому что животъ, почти волочащійся по землѣ, не допускаетъ быстрого, равномернаго движенія. Когда бобръ очень торопится, онъ дѣлаетъ прыжки, но такіе тяжеловѣсные и неловкіе, какихъ не дѣлаетъ никакое другое изъ извѣстныхъ мнѣ наземныхъ млекопитающихъ; эти прыжки состоятъ изъ попеременнаго подбрасыванія передней и задней части туловища, но тѣмъ не менѣе они заставляютъ бобра двигаться быстрѣе. При плаваньи онъ такъ глубоко погружается въ воду заднюю часть тѣла, что на поверхности остаются только ноздри, глаза, уши и средняя часть спины, но основаніе хвоста остается въ водѣ. Подвигается онъ въ водѣ, благодаря одновременному, рѣже поочередному движенію заднихъ ногъ; направленіе своему движенію онъ даетъ хвостомъ, который въ качествѣ руля поворачивается въ соответствующемъ направленіи сильными толчками; переднія ноги при плаваньи не принимаютъ никакого участія. Бобръ можетъ оставаться подъ водой до двухъ минутъ, послѣ чего онъ долженъ всплыть, чтобы вздохнуть.

Голосомъ онъ издаетъ слабый звукъ, который правильнѣе всего назвать стономъ; его можно услышать при всякомъ возбужденіи животнаго и очень легко научиться разбирать различное значеніе издаваемыхъ имъ звуковъ. Между внѣшними чувствами особенно развиты, повидимому, слухъ и обоняніе; маленькіе глаза выглядятъ довольно слабыми, но зрѣніе его всетаки не меньше развито, чѣмъ вкусъ и осязаніе, въ достаточномъ развитіи которыхъ бобру нельзя отказать. Относительно степени его духовнаго развитія можно быть разнаго мнѣнія; но во всякомъ случаѣ нужно признать, что въ своемъ отрядѣ бобръ занимаетъ по развитію высокое положеніе. Онъ скорѣе всѣхъ другихъ грызуновъ умѣетъ приспособиться къ измѣнившимся условіямъ и извлечь изъ нихъ самое выгодное для себя; онъ больше всѣхъ другихъ своихъ родичей по отряду соображаетъ прежде чѣмъ дѣйствовать; онъ дѣлаетъ выводы и заключенія. Его постройки не искуснѣе построекъ

другихъ грызуновъ, но онѣ всегда сдѣланы съ правильнымъ пониманіемъ мѣстныхъ особенностей; поврежденія въ постройкахъ всегда исправляются съ извѣстными соображеніями.

Въ неволѣ отношеніе бобровъ къ другимъ животнымъ недружелюбно; относительно человѣка они по меньшей мѣрѣ сдержанны. Тѣ, съ которыми хорошо обращаются, допускаютъ, чтобы ихъ ласкали, идутъ также къ своимъ сторожамъ и положительно съ ними здороваются, но сопротивляются каждому насилію. Живущіе въ зоологическомъ саду бобры очень скоро соображаютъ, что у женщинъ и дѣтей мягкое сердце, поэтому они не только скорѣе выходятъ изъ своихъ построекъ, когда проходятъ женщины и дѣти, но даже служатъ передъ ними, чтобы выпросить яблоко, орѣхи, сахаръ или хлѣбъ, ловко берутъ предложенное передними лапами и ѣдятъ; но если кто-нибудь только сдѣлаетъ видъ, что даетъ, а ничего не дастъ или только подразнить, то бобры бьютъ его по рукамъ.

Пойманные молодыми бобры могутъ очень приручиться. Писатели, сообщающіе объ Америкѣ, рассказываютъ, что они въ индѣйскихъ деревняхъ встрѣчали бобровъ, почти въ качествѣ домашнихъ животныхъ, или сами имѣли такихъ ручныхъ. „Въ этихъ деревняхъ,“ говоритъ Ла-Гонтанъ, „я не видѣлъ ничего удивительнаго бобровъ, такихъ же ручныхъ, какъ собаки; они свободно бѣгали изъ своей загородки въ ручей и обратно.“ Геарне такъ приручилъ нѣсколькихъ бобровъ, что они прибѣгали на его зовъ, бѣгали за нимъ какъ собаки, и радовались, когда ихъ ласкали. Въ обществѣ индѣйскихъ женщинъ и дѣтей бобры, повидимому, чувствовали себя прекрасно; они выказывали безпокойство, когда тѣ долго были въ отсутствіи и радость по ихъ возвращеніи.

Смотря по мѣсту жительства, спариванье бобровъ приходится въ разные мѣсяцы. У однихъ оно происходитъ въ началѣ зимы, у другихъ — въ февралѣ или мартѣ. Послѣ продолжающейся нѣсколько недѣль беременности самка мечетъ въ своей сухой постройкѣ 2—3 дѣтенышей, покрытыхъ шерстью, но еще слѣпыхъ; черезъ 8 дней у нихъ глаза открываются, и мать, иногда немедленно, а иногда только на 10-й день ведетъ за собою въ воду свое потомство.

На вѣнской всемірной выставкѣ была пара бобровъ, выставленныхъ княземъ Шварценбергомъ; но кромѣ него въ настоящее время никто не занимается разведеніемъ бобровъ, хотя оно очень привлекательно и вполнѣ вознаграждается, причемъ совсѣмъ не представляетъ особенныхъ трудностей. Одна пара бобровъ, поселенная въ 1773 году въ Ротенгофѣ, черезъ 6 лѣтъ уже размножилась до 14 штукъ, а черезъ 10 лѣтъ — до 25 штукъ; но потомъ разведеніе ихъ было ограничено, такъ какъ бобровъ выпустили на свободу и они надѣлали много вреда. Въ Нимфенбургѣ въ Баваріи тоже держали бобровъ и тамъ выяснилось, что нѣкоторые изъ нихъ могли выживать въ неволѣ по 50 лѣтъ.

У бобровъ, живущихъ на свободѣ, мало враговъ, помимо человѣка. Благодаря своей предусмотрительности они часто счастливо избавляются и отъ ловкихъ охотниковъ. Если бобръ былъ уже разъ потревоженъ, то онъ при малѣйшей опасности стремится въ воду, гдѣ онъ считаетъ себя обезпеченнымъ. Сѣверо-американскіе охотники утверждаютъ, что тамъ, гдѣ бобры живутъ въ большомъ количествѣ, они выставляютъ часовыхъ, которые предупреждаютъ остальныхъ о приближающейся опасности громкимъ хлопаньемъ хвоста по поверхности воды. Это показаніе нужно объяснять такъ: въ обществѣ предусмотрительныхъ животныхъ скорѣе найдется нѣсколько замѣтившихъ врага, чѣмъ замѣтитъ его животное, находящееся въ одиночку; такимъ образомъ каждый членъ поселенія становится сторожемъ, а такъ какъ хлопающій шумъ производится бобромъ только тогда, когда онъ быстро ныряетъ въ воду, послѣднее же обыкновенно случается, когда онъ предполагаетъ опасность, то всѣ остальные во всякомъ случаѣ обращаютъ вниманіе на этотъ далеко слышимый шумъ и исчезаютъ съ поверхности воды, какъ только онъ раздастся. Въ Америкѣ бобровъ убиваютъ главнымъ образомъ изъ ружья, но, кромѣ того, ловятъ ихъ и всевозможными западнями. Зимой дѣлаютъ проруби во льду и убиваютъ бобровъ, когда они въ нихъ выплываютъ, чтобы подышать. Поступаютъ еще слѣдующимъ образомъ: часть рѣки или ручья,

вблизи шалашей бобровъ, освобождается ото льда, надъ этой открытой водой натягиваютъ крѣпкую сѣть, потомъ разрушаютъ постройки и гонять испуганныхъ животныхъ въ сѣти.

Полезьа, приносимая бобрами, почти покрываетъ производимый ими вредъ. Надо при этомъ принять во вниманіе, что бобръ живетъ преимущественно въ населенныхъ мѣстностяхъ и охотнѣ всего подгрызаетъ тонкія деревца, которыя быстро снова вырастаютъ. Зато онъ своимъ мѣхомъ, мясомъ и еще больше бобровой струей вполнѣ вознаграждаетъ не только за причиненный вредъ, но и за всѣ трудности охоты. Изъ Америки продается сюда ежегодно до 150,000 мѣховъ, общей стоимостью въ 3 милліона марокъ; каждый мѣхъ, смотря по качеству, стоитъ 20—60 марокъ.

У американскихъ дикарей бобръ пользуется большимъ почетомъ. Они приписываютъ ему почти столько же ума, сколько и человѣку, и утверждаютъ, что прекрасное животное безусловно должно имѣть безсмертную душу, — не говоря уже о другихъ сказкахъ.

Тушканчиковыя (*Dipodidae*) своимъ строеніемъ сильно напоминаютъ кэнгуру. У нихъ замѣчается та же несоразмѣрность частей тѣла, какъ и у послѣдней. Задняя часть туловища у нихъ значительно крѣпче, а заднія ноги раза въ три длиннѣ переднихъ; хвостъ, относительно, такой-же длины, какъ у кэнгуру, но снабженъ на концѣ кистью волосъ, раздѣленныхъ пробормомъ; за то голова прыгающихъ грызуновъ значительно отличается отъ головы сумчатыхъ. Она очень толста и снабжена, сравнительно, самыми длинными усами между всѣми млекопитающими вообще; эти усы часто бываютъ такой же длины, какъ само туловище. Большіе глаза указываютъ на ночную жизнь, но они такъ живы и красивы, какъ у немногихъ другихъ ночныхъ животныхъ; торчащія, ложкообразныя уши, длиною въ треть, или даже во всю голову, показываютъ, что и слухъ у нихъ развитъ не меньше зрѣнія. Шея толста и неповоротлива, но собственно туловище — стройно. На маленькихъ переднихъ лапахъ обыкновенно бываетъ 5 пальцевъ, на заднихъ 3. Мѣхъ густой и мягкій, окрашенъ въ песочный цвѣтъ. Въ плуснѣ различныя, лежащія другъ около друга кости сливаются въ одну, на концѣ которой находятся суставныя головки для отдѣльныхъ пальцевъ.

Тушканчиковыя живутъ преимущественно въ Африкѣ и Азіи; но нѣкоторые виды распространяются даже и до южной Европы, а одинъ видъ или подсемейство живетъ въ Сѣверной Америкѣ. Они обитатели сухихъ, открытыхъ полей, травянистыхъ степей и бесплодныхъ песчаныхъ пустынь, слѣдовательно они собственно жители пустынь, что и узнается сразу по ихъ окраскѣ. Они селятся на глинистой или песчаной почвѣ, въ низинахъ, рѣже на высотахъ или въ густыхъ кустарникахъ степныхъ окраинъ и вблизи полей; здѣсь они выкапываютъ себѣ норы съ многими вѣтвистыми, но не глубокими ходами, которые оканчиваются многочисленными выходами. Днемъ они прячутся въ своихъ норахъ, а съ заходомъ солнца выходятъ и ведутъ веселую жизнь. Пищу ихъ составляютъ корни, луковицы, различныя зерна и сѣмена, плоды, листья, трава и овощи. Нѣкоторые ѣдятъ также насѣкомыхъ, даже маленькихъ птицъ, принимаются иногда и за падалъ, а при случаѣ поѣдаютъ и другъ друга. Ёдятъ они въ наклонномъ положеніи, опираясь на заднюю часть туловища и хвостъ, и подносятъ пищу ко рту передними лапами.

Движенія ихъ своеобразны. Ихъ спокойная ходьба отличается отъ ходьбы кэнгуру тѣмъ, что они быстро передвигаютъ одну ногу за другой; при быстромъ бѣгѣ они подвигаются прыжками, отталкиваясь высоко вверхъ сильными задними ногами; при этомъ они регулируютъ направленіе движенія и поддерживаютъ равновѣсіе туловища хвостомъ. Переднія лапы они въ это время прижимаютъ къ подбородку или, какъ быстро бѣгущій человѣкъ, скрещиваютъ на груди; и тогда они положительно выглядятъ такъ, какъ будто у нихъ только двѣ ноги. Болѣе крупныя виды могутъ дѣлать очень сильныя прыжки, такъ какъ можно сказать

обо всѣхъ, что длина прыжка въ двадцать разъ больше длины тѣла. Прыжки слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ и когда животное на всемъ скаку, то выглядить просто желтымъ предметомъ, который прорѣзываетъ воздухъ съ быстротою стрѣлы, описывая плоскія дуги. Съ такою же быстротою роятся они въ землѣ, несмотря на слабыя переднія ноги, которыя собственно и производятъ главнымъ образомъ эту работу. Когда они пасутся, то, опять-же подобно кэнгуру, идутъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, но очень медленно и не подолгу. Сидя, они опираются на подошвы заднихъ ногъ.

Всѣ виды обладаютъ хорошо развитыми внѣшними чувствами, особенно зрѣніемъ и слухомъ, поэтому легко избѣгаютъ угрожающей опасности. Они очень боязливы и робки и при каждомъ нарушеніи ихъ покоя спасаются съ большою поспѣшностью въ свои норы, если же это для нихъ невозможно, то они съ неистовою быстротою обращаются въ бѣгство. Самый крупный видъ, въ случаѣ крайней необходимости, защищается, подобно кэнгуру, задними ногами, но мелкіе виды, будучи пойманными, никогда не пускаютъ въ ходъ своего естественнаго оружія. Голосомъ они издають что-то вродѣ визжанья, напоминающаго визгъ маленькихъ котятъ; у нѣкоторыхъ вмѣсто визга является еще глухое хрюканье. Но вообще они очень рѣдко подаютъ голосъ. Если недостаточно тепло, они впадаютъ въ зимнюю спячку или по крайней мѣрѣ окоченѣваютъ на короткое время, но не дѣлають, подобно другимъ грызунамъ, запасовъ на зиму.

Въ неволѣ тушканчиковыя являются пріятными и веселыми товарищами человѣка; ихъ веселость, кротость и безобидность завоевываютъ общую дружбу.

Почти всѣ виды совершенно безвредны. Обширная пустыня даетъ имъ такъ много, что имъ нѣтъ надобности грабить во владѣніяхъ человѣка.

Прыгунчикъ сѣвероамериканскій (*Jaculus hudsonius*) водится въ Сѣверной Америкѣ; представитель особаго вида и подсемейства; по строенію тѣла можетъ быть причисленъ въ своимъ сородичамъ стараго свѣта, но фигурой и волосянымъ покровомъ хвоста напоминаетъ еще мышей. Онъ приблизительно одинаковой величины съ лѣсною мышью; длина тѣла около 8 сантим., длина хвоста 13 см. Гладкій и густой волосяной покровъ на верхней поверхности цвѣта темно-коричневой кожи съ примѣсью желто-бураго.

Родина прыгунчика крайній сѣверъ Америки. Онъ встрѣчается отъ Миссури до Лабрадора, вездѣ, гдѣ водятся пушныя звѣри и отъ побережья Атлантическаго океана до побережья Тихаго океана. Здѣсь онъ живетъ въ густыхъ кустарникахъ луговыхъ окраинъ и вблизи лѣсовъ. Днемъ прыгунчики прячутся, а ночью выходятъ и собираются цѣлыми обществами. Норы ихъ устраиваются на глубинѣ 50 см.; въ холодное время года глубже. Передъ наступленіемъ зимы прыгунчикъ строить изъ глины пустой шаръ, свертывается въ немъ клубкомъ, обмотавши хвостъ вокругъ тѣла, и лежитъ тамъ въ полномъ оцѣпенѣніи до наступленія весны. Разсказываютъ, что одинъ садовникъ, вскапывая въ мартѣ землю, нашелъ въ ней комъ величиною съ мячъ, который удивилъ его своей правильной формой; когда онъ лопатой разбилъ комъ пополамъ, то въ серединѣ оказалось маленькое животное, свернувшееся почти такъ-же, какъ цыпленокъ въ яйцѣ. Это былъ прыгунчикъ, устроившій себѣ здѣсь зимовку. Лѣтомъ онъ необыкновенно подвиженъ и чрезвычайно ловко и быстро прыгаетъ на своихъ заднихъ ногахъ. Въ лѣсу прыгунчика совсѣмъ невозможно поймать; тамъ онъ легко перепрыгиваетъ черезъ низкій кустарникъ, черезъ который однако человѣку не такъ легко перепрыгнуть, и всегда можетъ убѣжать или найти вѣрное мѣстечко, чтобы спрятаться. Одюбонъ думаетъ, что между млекопитающими нѣтъ болѣе ловкаго животнаго.

По разсказамъ, можно безъ большихъ затрудненій держать въ домѣ это маленькое хорошенькое животное.

Относительно тушканчиковъ (*Dipodinae*) мы лучше осведомлены. Мы рассматриваемъ ихъ, какъ прототипъ всего рода, потому что всѣ его особенности проявляются въ нихъ въ совершенствѣ. Гассельквистъ не безъ основанія замѣчаетъ, что они выглядятъ такъ, какъ будто составлены изъ различныхъ животныхъ. „Можно бы сказать, что у животного голова зайца, усы бѣлки, хоботокъ свиньи, тѣло и переднія ноги, какъ у мыши, заднія ноги, какъ у птицы, и львиный хвостъ.“ Особенно замѣчательна у него голова: она сразу опредѣляетъ тушканчиковъ какъ настоящихъ жителей пустыни. На ней помѣщаются всѣ органы внѣшнихъ чувствъ. Ушные раковины велики и кожисты, но почти голыя, глаза велики, живы и кротки, какъ у многихъ другихъ ночныхъ животныхъ пустыни; ноздри широки, а достойными представителями чувства осязанія являются невѣроятно длинные усы по бокамъ головы. Шея необыкновенно коротка и мало подвижна; хвостъ напротивъ очень длиненъ, нѣсколько или, иногда, значительно длиннѣе туловища; у основанія онъ кругомъ ровно покрытъ шерстью, а на концѣ хвоста шерсть образуетъ перистую кисть, которая придаетъ ему большое сходство со стрѣлой. Переднія ноги очень коротки и во время прыжка сильно прижаты къ тѣлу и отчасти спрятаны въ шерсти, такъ что старое названіе тушканчика двуногимъ вполнѣ оправдывается; на переднихъ ногахъ по четыре пальца съ не особенно длинными, кривыми и острыми когтями и по одному зачаточному большому пальцу, съ ногтемъ или безъ ногтя. Заднія ноги по крайней мѣрѣ въ шесть разъ длиннѣе переднихъ, потому что на нихъ удлинены не только кости голени, но и плюсны. Мѣхъ мягкій, шелковистый и на спинѣ внизу сѣро-голубого цвѣта, ниже песочнаго, а на оконечностяхъ черный или темно-бурый; снизу всегда бѣлый съ боковыми продольными полосами. Замѣчательно слѣдующее явленіе, которое мы встрѣчаемъ у многихъ быстро бѣгающихъ животныхъ: ноги сформированы насколько возможно просто и только очень мало подвижны; 3, 4 или 5 очень короткихъ пальцевъ на заднихъ ногахъ, предназначенныхъ для прыжковъ, имѣютъ обыкновенно только по два сустава, не имѣютъ никакихъ боковыхъ движеній и только могутъ одновременно немного сгибаться сверху внизъ. При бѣгѣ земли касается только самый конецъ ногтевого сустава, но онъ особо предохраняется упругой хрящеватой массой.

Представителемъ всего семейства я считаю египетскаго тушканчика, дербоа арабовъ (*Dipus aegyptius*); это чрезвычайно милое маленькое животное; длина его тѣла 17 сантиметровъ, длина хвоста (безъ кисти) 21 сантиметръ. Степные тушканчики и, вѣроятно, именно египетскіе были уже хорошо извѣстны древнимъ. Мы часто встрѣчаемъ упоминанія о нихъ у греческихъ и римскихъ писателей всегда подъ именемъ двуногихъ мышей, почему это названіе и до сихъ поръ примѣняется ко всему семейству.

Степные тушканчики распространены въ большей части сѣверо-восточной Африки, а также въ прилежащей западной Азии. Ихъ мѣстожителства — открытыя, сухія равнины, степи и песчаная пустыня; они населяютъ самыя бесплодныя, пустынные мѣстности и живутъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, повидимому, почти нѣтъ никакой возможности жить. На печальныхъ равнинахъ, покрытыхъ жесткими травами, они иногда встрѣчаются большими обществами. Ихъ сожителями въ этихъ мѣстахъ являются цесарки, маленькіе степные жаворонки и желтые страусы; удивительно, какъ могутъ здѣсь пропитаться тушканчики, когда и только что упомянутыя животныя, употребляющія въ пищу, кромѣ сѣмянъ, еще и насѣкомыхъ, все же питаются очень скудно. Въ твердой песчаной почвѣ они себѣ вырываютъ очень вѣтвистыя, но довольно мелкія норы, куда они прячутся при малѣйшей опасности.

Несмотря на распространенность тушканчиковъ, довольно рѣдко удается увидѣть эти хорошенькія созданія. Нельзя, въ сущности, сказать, чтобы они были особенно робки; но они неспокойны и пугливы и при малѣйшемъ шумѣ или появленіи посторонняго предмета немедленно прячутся въ свои норы. Кромѣ того ихъ можно замѣтить только на близкомъ разстояніи, потому что они своимъ цвѣ-

гомъ вполнѣ уподобляются цвѣту почвы; между тѣмъ они сами, благодаря хорошо развитымъ виѣшнимъ чувствамъ, замѣчаютъ приближеніе человѣка еще на очень большомъ разстояніи. Нельзя не признать, что трудно найти болѣе милое созданіе, чѣмъ эти тушканчики. Если разсматривать мертвого или неподвижно сидящаго тушканчика, то онъ выглядитъ очень страннымъ и уродливымъ; наоборотъ въ движеніи они выглядятъ чрезвычайно изящными; только тогда они показываютъ себя настоящими дѣтьми пустыни и проявляютъ свои прекрасныя способности. Ихъ движенія производятся съ невѣроятной быстротой: они какъ будто



Египетскій тушканчикъ (*Dipus aegyptius*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

обращаются въ птицъ. Человѣкъ не въ состояніи догнать тушканчика, когда онъ бѣжитъ во всю мочь. Хотя тушканчикъ настоящее ночное животное и обыкновенно начинаетъ свою дѣятельность только послѣ захода солнца, но иногда его можно увидѣть играющимъ передъ своей порой и при яркомъ солнечномъ сіяніи и въ сильнѣйшую жару. Онъ тогда проявляетъ такое равнодушіе къ полуденному зною африканскаго солнца, что это поистинѣ поразительно; надо принять во вниманіе, что въ это время дня въ пустынѣ врядъ-ли появляется какое-нибудь другое животное, потому что жгучій полуденный зной невыносимъ даже для урожденныхъ дѣтей этихъ странъ. За то онъ въ высшей степени чувствителенъ къ холоду и сырости, въ дурную погоду всегда остается въ своей норѣ и даже временами впадаетъ въ оцѣпенѣніе, напоминающее зимнюю спячку сѣверныхъ животныхъ.

Относительно размноженія тушканчиковъ неизвѣстно ничего достовѣрнаго. Арабы дѣятельно преслѣдуютъ ихъ, потому что они употребляютъ въ пищу ихъ

мясо и цѣнять его довольно высоко; они безъ особеннаго труда ловятъ тушканчиковъ живыми или убиваютъ ихъ, когда тѣ выходятъ изъ своихъ норъ.

Другихъ враговъ, кромѣ человѣка, у этихъ животныхъ мало. Злѣйшими хищниками, охотящимися за тушканчиками, являются фенекъ и каракалъ и тотъ или другой видъ совы; болѣе опасный врагъ тушканчика — это египетская очковая змѣя. Она живетъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и тушканчики, легко проникаетъ въ ихъ норы и убиваетъ многихъ изъ нихъ.

Европейскіе естествоиспытатели, живущіе въ Египтѣ и Алжирѣ, часто держатъ тушканчиковъ въ неволѣ. Я могу по собственному опыту засвидѣтельствовать, что животное, сидя въ клѣткѣ или въ комнатѣ, можетъ доставить много удовольствія. Во время моего пребыванія въ Африкѣ мнѣ часто приносили сразу по 10—12 тушканчиковъ. Тогда я отводилъ такому обществу особое большое помѣщеніе, чтобы можно было удобно наблюдать ихъ движенія. Съ первой-же минуты плѣнники выказывали себя безобидными и довѣрчивыми. Они спокойно позволяли себя трогать и не избѣгали человѣка. Ходя по ихъ комнатѣ, надо было остерегаться, чтобы не наступить на какого-нибудь, такъ спокойно они оставались, когда къ нимъ кто-нибудь приближался. Между собою тушканчики въ неволѣ тоже очень миролюбивы и общительны. Они привычны къ скудной и грубой пищѣ. Если они совсѣмъ лишены сухой пищи, то они становятся печальными, видимо истощаются и, наконецъ, совсѣмъ погибаютъ. Если имъ давать пшеницу, рисъ, немного молока и отъ времени до времени виноградину, кусочекъ яблока, морковку или какой-нибудь другой плодъ, то тушканчики чувствуютъ себя отлично и живутъ подолгу. Теперь они довольно часто привозятся въ Европу.

Между всѣми грызунами, что я до сихъ поръ держалъ въ неволѣ, тушканчикъ мнѣ доставлялъ наибольшее удовольствіе. Онъ необыкновенно кротокъ и дружелюбенъ, хорошо приручается и очень чистоплотенъ; проснувшись онъ бодръ и веселъ, каждое его движеніе своеобразно и онъ вноситъ такъ много разнообразія въ свои движенія, что можно имъ любоваться цѣлыми часами.

По отношенію къ тѣмъ, кто за нимъ присматриваетъ, тушканчикъ ведетъ себя очень мило; никогда не придетъ ему въ голову укусить своего воспитателя. Его можно трогать, гладить, носить на рукахъ: онъ ко всему относится добродушно; только, если ему вечеромъ просунуть въ рѣшетку палецъ, то онъ его иногда схватитъ и поскребетъ кончикъ зубами, думая, вѣроятно, что ему предлагаютъ что нибудь поѣсть; но и тогда онъ серьезно не укуситъ. Я думаю, что тушканчика можно было-бы держать въ какой угодно парадной комнатѣ, такъ велики его добродушіе, кротость и чистоплотность.

*

Бабуны или алакдаги (*Scirtetes*) отличаются отъ собственно тушканчиковъ строеніемъ черепа, зубной системы и, главнымъ образомъ, заднихъ ногъ. У нихъ имѣется длинная и крѣпкая плюсневая кость, по бокамъ которой лежатъ двѣ поменьше; на этихъ меньшихъ костяхъ укрѣпляется по одному ложному пальцу, а на большой кости три пальца; такимъ образомъ задняя нога является собственно пятипалой.

Благодаря превосходнымъ описаніямъ Палласа, Брандта и другихъ намъ извѣстенъ собственно земляной заяцъ, алакдага монголовъ (*Scirtetes jaculus*). Животное это приблизительно съ бѣлку величиной: длина тѣла 18 сантим., хвоста 26 см., уши — въ длину головы. Голова очень красива; живые, выступающіе глаза съ круглыми зрачками, большія, длинныя, узкія уши, которыя бываютъ и длиннѣе головы, и по обѣимъ сторонамъ верхней губы — очень длинныя, чернубурыя, заостренныя щетины усовъ. Заднія ноги почти вчетверо длиннѣе переднихъ. Средній палецъ самый большой, два боковыхъ доходятъ только до его перваго сустава, а два остальные при разсмотрѣніи собственно стопы даже не могутъ считаться, потому что они посажены такъ высоко и такъ коротки, что при ходьбѣ никогда не касаются земли.

Земляной заяцъ встрѣчается также въ юго-восточной Европѣ, а именно въ

придонскихъ степяхъ и въ Крыму, но настоящей его родиной всетаки остается Азія. Къ сѣверу онъ не распространяется дальше 52° сѣверной широты; за то къ востоку область его распространенія доходить до восточной Монголіи.

Какъ дербоа является жителемъ африканскихъ пустынь, такъ алакдага — обитатель открытыхъ равнинъ и степей южной Европы и Азіи, причемъ онъ выбираетъ именно глинистую почву, такъ какъ собственно сыпучихъ песковъ онъ избѣгаетъ; песокъ не представляетъ достаточно прочности для его норъ и ходовъ. Онъ живетъ обществами, какъ и его другіе родичи, однако не собирается въ большія стада. Днемъ онъ прячется въ своей норѣ, а съ наступленіемъ сумерокъ выходитъ, но и въ теченіе ночи нѣсколько разъ возвращается въ нору. Въ движеніяхъ онъ напоминаетъ своего только что описаннаго родича. Когда онъ пасется спокойно, то, подобно пасущейся кэнгуру, идетъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, но во время бѣга всегда скачетъ только на двухъ заднихъ ногахъ. Его



Земляной заяцъ (*Scirtetes jaculus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

скачки еще больше, чѣмъ у тушканчиковъ; и на всемъ скаку онъ такъ быстро подвигается впередъ, что его нельзя догнать на лучшей лошади. Онъ робокъ и пугливъ и при малѣйшей опасности обращается въ бѣгство; даже когда онъ пасется спокойно, то постоянно подымается, чтобы удостовѣриться въ своей безопасности. Когда его преслѣдуютъ, онъ не убѣгаетъ въ прямомъ направленіи, а постоянно описываетъ какъ можно больше зигзаговъ, пока не утомитъ своего преслѣдователя, или не найдетъ какую-нибудь подходящую дыру, куда моментально спрячется.

Алакдага ѣстъ всевозможныя растенія и всѣ части растеній. Главную его пищу составляютъ луковицы, но онъ не пренебрегаетъ и насѣкомыми, а иногда онъ не прочь также поѣсть степного жаворонка или по крайней мѣрѣ его яйца и птенцовъ. У кустарниковъ онъ обгрызаетъ кору, у сочныхъ степныхъ растеній онъ объѣдаетъ только самые нѣжные побѣги. При наступленіи суровыхъ холодовъ земляной заяцъ впадаетъ въ спячку. Къ зимѣ онъ закупориваетъ выходныя отверстія своей норы заботливѣе обыкновеннаго, и тамъ въ мягко выстланномъ логовищѣ свертывается въ одинъ общій клубокъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами.

Алакдага преслѣдуется очень ревностно, потому что обитатели степей особенно любятъ его мясо. Номады этихъ степей только очень рѣдко держатъ алакдага въ неволѣ, хотя онъ ее очень хорошо выносить. Его уже неоднократно

привозили живымъ въ Европу и не только ради удовольствія. По странной случайности мы обязаны наилучшимъ описаніемъ его жизни въ неволѣ не естественнотелю, но археологу Гайму. Онъ добылъ себѣ это животное ради разясненія одной мелкой золотой монеты изъ Киренеи, на которой съ одной стороны былъ изображенъ всадникъ, а на другой знаменитая трава *Silphium*, а подъ ней земляной заяцъ. Гаймъ держалъ своего зайца цѣлый годъ, тщательно его наблюдалъ и сообщилъ свои наблюденія.

Первые 3 или 4 мѣсяца онъ не ѣлъ ничего, кромѣ миндаля, фисташекъ и крупно смолотыхъ хлѣбныхъ зеренъ, причемъ никогда не пилъ; позже онъ сталъ ѣсть также яблоки, морковь и еще охотнѣе зелень, по, однако, только безъ сильного запаха, какъ шпинатъ, салатъ крапиву и др., онъ даже сталъ охотно пить воду, но не всегда. Хлѣбъ, сахаръ и подобныя вещи онъ ѣлъ охотно, но отъ сыра и другихъ молочныхъ продуктовъ упрямо отказывался. Въ концѣ концовъ онъ предпочелъ, всякой другой пищѣ, конопляное сѣмя. Онъ не распространялъ никакого дурного запаха, подобно другимъ животнымъ, какъ мыши, бѣлки и кролики и при этомъ былъ такъ кротокъ, что его совершенно спокойно можно было брать въ руки, потому что онъ никогда не кусался. Боязливый, какъ обыкновенный заяцъ, онъ пугался даже маленькихъ, невинныхъ животныхъ. Въ холодное время года онъ очень страдалъ; потому зимой его надо было всегда держать вблизи огня.

Длинноногъ кафрскій (*Pedetes caffer*) теперь рассматривается, какъ представитель особаго подсемейства; онъ отличается отъ остальныхъ тушканчиковыхъ главнымъ образомъ зубной системой, но и вообще значительно отклоняется отъ своихъ родичей. Продолговатое тѣло книзу постепенно утолщается; шея довольно толста, но все таки отдѣляется отъ туловища и гораздо подвижнѣе, чѣмъ у родственныхъ членовъ семейства; переднія ноги все еще очень коротки, но гораздо крѣпче, чѣмъ у тушканчиковъ; находящіяся на нихъ пять пальцевъ вооружены длинными, крѣпкими, острыми и кривыми когтями; заднія ноги, длинные, сильные и приспособленные для прыжковъ, имѣютъ по четыре пальца, сидящихъ на особыхъ плюсневыхъ костяхъ; эти пальцы снабжены крѣпкими и широкими, но довольно короткими ногтями, почти копытообразной формы. Средній палецъ длиннѣе другихъ; короткій наружный палецъ поставленъ такъ высоко, что едва касается земли. Очень длинный, крѣпкій и пушистый хвостъ у основанія тоньше, потомъ шерсть на немъ становится еще длиннѣе и гуще, а на концѣ тупо-заостренный пучекъ волосъ. Волосы покровъ длинный, густой и мягкій, цвѣтомъ очень похожъ на мѣхъ нашего зайца; на верхней сторонѣ ржаво-буровато-блекло-желтый съ примѣсю чернаго, потому что много волосъ имѣютъ черные кончики, на нижней сторонѣ бѣлый. И по величинѣ длинноногъ приближается къ нашему зайцу: длина туловища достигаетъ приблизительно 60 сантиметровъ, а длина хвоста еще немного больше.

Длинноногъ живетъ въ бесплодныхъ мѣстностяхъ и даже въ пустынныхъ степяхъ. Онъ встрѣчается въ большей части южной Африки, на западѣ распространяется къ сѣверу по крайней мѣрѣ до Анголы, а на востокъ встрѣчается навѣрное еще и въ нѣмецкой восточной Африкѣ. Въ Капской землѣ онъ мѣстами встрѣчается очень часто не только на открытыхъ равнинахъ, но и въ гористыхъ мѣстностяхъ; иногда ихъ собирается вмѣстѣ такъ много, что они образуютъ настоящія поселенія. Подобно другимъ своимъ родственникамъ, длинноногъ устраиваетъ себѣ подземныя жилища, съ длинными ходами; эти ходы очень вѣтвисты, но проходятъ не глубоко и ведутъ къ лежащему глубже логовищу. Въ такой постройкѣ живетъ большею частью нѣсколько паръ, даже нѣсколько семействъ.

Длинноногъ, подобно другимъ членамъ этого семейства, ночное животное, поэтому его настоящая жизнь начинается только съ наступленіемъ вечернихъ сумерекъ. Онъ медленно выходитъ изъ своей норы, скорѣе ползетъ, чѣмъ идетъ, на всѣхъ четырехъ ногахъ и ищетъ себѣ корни, листья и сѣмена, которые соста-

вляють его пищу. Почти каждую минуту онъ выпрямляется и прислушивается, потому что онъ постоянно чрезвычайно беспокоенъ. Когда онъ не ѣсть, то чистится; а если онъ не занятъ своею чисткой, то заботится о своей безопасности. По временамъ онъ издаетъ какое-то хрюканье, или блеянье, вѣроятно, чтобы созвать своихъ товарищей. Пищу онъ подноситъ ко рту, подобно тушканчикамъ, короткими передними лапами. На сколько медленно двигается длинноногъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, на столько же быстръ его бѣгъ, состоящій изъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ прыжковъ. Длинными задними ногами онъ отталкивается отъ земли высоко вверхъ и опускается снова на заднія ноги, не наклоняясь впередъ. Переднія ноги остаются сложенными на груди. Обыкновенно длина его прыжка достигаетъ 2—3 метровъ; но если его преслѣдуютъ, то быстрота его бѣга такъ увеличивается, что длина прыжковъ въ среднемъ достигаетъ 6—10 метровъ.



Длинноногъ кафрскій (*Pedetes capensis*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

Съ наступленіемъ дождливаго времени года все семейство прижимается другъ къ другу, свернувшись клубкомъ, и такимъ образомъ проводить цѣлые дни внутри своей норы. При хорошемъ уходѣ длинноногъ легко переноситъ неволю и живетъ въ ней подолгу; скоро приручается и остановится довѣрчивымъ къ тому, кто за нимъ ходитъ. Онъ заслуживаетъ расположеніе своею чистоплотностью, своей пищей онъ тоже не доставляетъ затрудненія: зерна, хлѣбъ, салатъ и капуста вполне его удовлетворяютъ.

Голландскіе поселенцы очень любятъ охоту за этимъ животнымъ, потому что его мясо цѣнится, а шкурка употребляется такъ же, какъ шкурка нашего зайца.

Ни одно семейство изъ отряда грызуновъ не можетъ намъ такъ хорошо дать понять, что такое грызуны, какъ семейство мышиныхъ (*Muridae*). Это семейство не только самое богатое видами и разнообразностями, но и самое распространенное; а благодаря своей тѣсной связи съ человѣкомъ, оно до сихъ поръ все больше распространяется, по крайней мѣрѣ нѣкоторые его виды. Въ среднемъ представители этого семейства не велики ростомъ; но чего не хватаетъ въ ростѣ, они вполне покрываютъ своимъ числомъ. Общими отличительными признаками всего семейства являются слѣдующіе: острая морда, большіе черные глаза, широкія, глубокія уши, длинный покрытый волосами

или также часто голый, чешуйчатый хвостъ; изящныя ноги оканчиваются узкими, красивыми лапами съ пятью пальцами. Но въ общемъ многія мышиныя приближаются къ другимъ семействамъ этого отряда, такъ напр.: колючіе щетинистые волосы напоминаютъ щетинистую свинку; настоящія плавательныя перепонки, короткія уши и лапы — бобра; покрытый густымъ мѣхомъ хвостъ — бѣлку, и т. д. Въ связи съ такими внѣшними отклоненіями отъ общей типичной формы находятся также большія или меньшія измѣненія строенія зубной системы.

Мыши — космополиты, но, къ сожалѣнію, не въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Во всѣхъ частяхъ свѣта есть представители этого семейства, а тѣ счастливые острова, которые до сихъ поръ еще не населены ими, со временемъ несомнѣнно будутъ заселены, по крайней мѣрѣ однимъ видомъ, который сдѣлалъ большіе успѣхи благодаря своей любви къ переселеніямъ. Мыши живутъ во всѣхъ странахъ и климатахъ, но предпочитаютъ равнины умѣренныхъ и теплыхъ странъ суровымъ гористымъ мѣстностямъ или холодному сѣверу; но тѣмъ не менѣе онѣ распространены повсюду до самой крайней границы растительности, т. е. встрѣчаются въ непосредственномъ сосѣдствѣ вѣчныхъ снѣговъ высокихъ горъ. Ихъ любимымъ мѣстопробываніемъ являются хорошо обработанныя мѣстности, плодовые поля и плантаціи; но онѣ находятъ себѣ достаточное пропитаніе не только въ болотистыхъ мѣстностяхъ, по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, но даже въ бесплодныхъ, сухихъ равнинахъ, скудно поросшихъ травой и кустарникомъ. Нѣкоторые избѣгаютъ близости человѣческихъ поселеній, другія навязываются человеку какъ непрощенныя гости и слѣдуютъ за нимъ повсюду, куда бы онъ ни переселялся, даже за море. Онѣ населяютъ домъ и дворъ, амбаръ и хлѣвъ, садъ и поле, ниву и лѣсъ, причиняя всюду своими прожорливыми зубами убытокъ и горе. Только немногія живутъ въ одиночку или парами, большинство очень общественны и нѣкоторые виды собираются иногда въ огромныя стаи. Почти всѣ размножаются невѣроятнымъ образомъ; число дѣтенышей одного помета колеблется между 6 и 21, и кромѣ того огромное большинство мечетъ по нѣсколько разъ въ годъ, и даже зимой.

Мыши во всѣхъ отношеніяхъ, всѣми своими особенностями, повидимому, приспособлены къ тому, чтобы мучить и терзать человѣка. Ловкія и быстрыя въ своихъ движеніяхъ, онѣ прекрасно бѣгаютъ, прыгаютъ, лазаютъ, плаваютъ; умѣютъ проникнуть въ самыя узкія отверстія, а если имъ нѣтъ уже никакого доступа, то онѣ открываютъ его своими острыми зубами. Онѣ довольно умны и предусмотрительны и, кромѣ того, не меньше смѣлы, дерзки, нахальны, хитры и отважны, всѣ внѣшнія чувства очень тонки, но особенной остротой отличаются обонаніе и слухъ. Пищей имъ служатъ всѣ съѣдобныя растительныя и животныя вещества. Сѣмена, плоды, корни, кора, овощи, трава, цвѣты, составляющіе ихъ естественную пищу, поѣдаются ими такъ-же охотно, какъ насѣкомыя, мясо, жиръ, кровь и молоко, масло и сыръ, кожа и кости; а чего онѣ не могутъ съѣсть, то онѣ по крайней мѣрѣ изгрызаютъ, какъ напр. бумагу и дерево. Воду онѣ вообще пьютъ рѣдко; за то онѣ чрезвычайно жадны до всякихъ питательныхъ жидкостей и находятъ хитрѣйшіе способы завладѣть ими. При этомъ онѣ обыкновенно портятъ гораздо больше, чѣмъ съѣдаютъ и поэтому являются въ числѣ самыхъ непріятныхъ враговъ человѣка. Только очень немногія могутъ считаться безобидными и безвредными животными и своей миловидной наружностью, граціозными движеніями и занимательнымъ нравомъ заслуживаютъ въ нашихъ глазахъ снисхожденія. Къ такимъ относятся также искусные строители этого семейства, которые дѣлаютъ самыя искусныя гнѣзда, какъ ни одно изъ всѣхъ млекопитающихъ вообще; онѣ такъ немногочисленны и такъ мало употребляютъ въ пищу, что не могутъ принести много вреда. Нѣкоторые виды, обитающіе въ холодныхъ и умѣренныхъ странахъ, впадаютъ въ зимнюю спячку и заготавливаютъ себѣ заранѣе пищевые запасы. Другіе предпринимаютъ по временамъ переселенія огромными стаями, что однако обыкновенно для нихъ кончается гибельно.

Для неволи пригодны немногіе виды, только незначительная часть мышиныхъ способны немного приручаться и миролюбиво уживаться съ себѣ подобными.

Остальные и въ клѣткѣ остаются непріятными и неуживчивыми созданіями, кусаются и плохо вознаграждаютъ за уходъ и дружелюбное обращеніе. Собственно пользы мыши не приносятъ никакой; если и пользуются шкуркой нѣкоторыхъ видовъ или употребляютъ въ пищу мясо, то это все-таки ничтожно сравнительно съ тѣмъ огромнымъ вредомъ, который приносится всѣмъ семействомъ вообще.

Песчанки выдѣляются изъ всего семейства въ одно подсемейство (*Merionidinae*).

Онѣ водятся только въ Африкѣ, южной Азіи и юго-восточной Европѣ. Онѣ охотнѣе всего селятся въ обработанныхъ мѣстностяхъ, но встрѣчаются также и въ самыхъ бесплодныхъ равнинахъ и степяхъ, и часто въ необыкновенномъ множествѣ. Большинство роетъ себѣ довольно мелкія подземныя норы, гдѣ проводитъ день. Движенія ихъ необыкновенно быстры и живы; нѣкоторыя, повидимому, въ состояніи дѣлать большіе прыжки.

Жители тѣхъ странъ, гдѣ водятся песчанки, ненавидятъ ихъ и преслѣдуютъ, какъ мы крысъ, за опустошенія, производимыя ими въ поляхъ.

Жирная песчанка (*Psammomys obesus*) величиной приблизительно съ нашего пасюка, но хвостъ у нея гораздо короче, такъ какъ имѣетъ всего 13 сантиметровъ при общей длинѣ въ 32 см.; сверху она красновато-несочнаго цвѣта, съ черными крапинками на бокахъ и снизу свѣтло-желтаго.

Въ Египтѣ песчанка водится въ песчаныхъ мѣстахъ пустыни и особенно часто въ тѣхъ мусорныхъ горахъ, что окружаютъ всѣ города страны фараоновъ. Она роетъ себѣ довольно глубокія норы, съ вѣтвистыми ходами, выбирая преимущественно для этого мѣста съ густымъ низкимъ кустарникомъ или немногими ползучими растеніями, скудно покрывающими здѣсь землю; эти растенія и служатъ повседневной пищей песчанокъ. Такъ какъ онѣ появляются передъ своими норами и днемъ, то ихъ легко наблюдать. Часто можно видѣть, какъ онѣ, собравшись въ количествѣ 10 — 15 вмѣстѣ, бѣгаютъ, играютъ другъ съ другомъ, лакомятся тѣмъ или другимъ растеніемъ. Песчанку можно причислить къ самымъ красивымъ изъ отряда грызуновъ; среди тѣхъ, которыхъ держатъ въ неволѣ ради удовольствія. Она становится необыкновенно ручной, выходитъ изъ клѣтки, беззаботно бѣгаетъ кругомъ по столу и позволяетъ брать себя въ руки, не пытаясь укусить. Ея большіе, не особенно выдающіеся глаза и красивый мѣхъ много способствуютъ тому пріятному впечатлѣнію, которое она производитъ; не мало ее украшаетъ также хвостъ, покрытый густою шерстью, съ черной кистью на концѣ.

Прототипъ и представители всего семейства, собственно мыши (*Murinae*) слишкомъ хорошо извѣстны во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Между ними находятся тѣ виды, которые вмѣстѣ съ человѣкомъ распространились по всей землѣ, а въ настоящее время проникли даже на самые пустынные острова. Всесвѣтное переселеніе этихъ животныхъ началось не особенно давно, во многихъ мѣстахъ даже съ точностью извѣстенъ годъ, когда онѣ впервые появились; но теперь онѣ уже закончили свое кругосвѣтное странствіе. Онѣ проявляютъ несокрушимую привязанность къ человѣку, его дому, его двору; но нигдѣ человѣкъ не чувствуетъ за это благодарности; вездѣ и всюду ненавидитъ ихъ и немилосерднѣйшимъ образомъ преслѣдуетъ, употребляя всѣ возможные средства, чтобы отъ нихъ освободиться; и тѣмъ не менѣе онѣ остаются ему преданными, вѣрнѣе собаки, вѣрнѣе какого бы то ни было другого животного. Къ сожалѣнію эти преданные друзья дома — ужаснѣйшіе воры, умѣютъ, благодаря своимъ воровскимъ инструментамъ, проникнуть и водвориться всюду и приносятъ своему хозяину только вредъ и убытокъ. Этимъ объясняется, почему всѣ настоящія мыши считаются просто ненавистными, отвратительными животными, хотя онѣ въ дѣйствительности совсѣмъ не таковы, а напротивъ скорѣе могутъ быть названы красивыми, милыми, изящными созданіями.

И въ обычной жизни между ними различаютъ двѣ главныя группы: крысы и мышей; это же подраздѣленіе принимаетъ и наука. Крысы по наружности тяжелѣе и безобразнѣе; мыши — легче и красивѣе. У крысы на хвостѣ бываетъ до 200 и 260 чешуй, у мышей между 120 и 180; у первыхъ толстыя, крѣпкія ноги, у вторыхъ — тонкія и стройныя; взрослые крысы значительно больше мышей въ соответствующемъ возрастѣ.

Можно почти съ увѣренностью признать, что живущія теперь въ Европѣ крысы не туземнаго происхожденія, а пришлыя. У древнихъ писателей встрѣчается только одно единственное мѣсто, которое можетъ быть отнесено къ крысамъ; но остается неяснымъ, какой видъ предполагалъ Аминтасъ въ сообщеніи, передаваемомъ Эліаномъ. Сколько доказано, въ Европѣ и Германіи прежде всего по-



Черная крыса (*Mus rattus*). $\frac{2}{3}$ естеств. велич.

явилась черная крыса; за ней послѣдовалъ пасюкъ и наконецъ въ послѣднее время — чердачная крыса (*Mus alexandrinus*), по происхожденію изъ Египта. Пасюкъ, какъ самый сильный, вытѣсняетъ однако, и уничтожаетъ своихъ обѣихъ родственницъ и почти вездѣ начинаетъ господствовать одинъ. Будемъ надѣяться, что намъ не придется имѣть дѣло съ другими членами этого семейства, склонными къ переселеніямъ; особенно желательно, чтобы насъ пощадила хомяковая крыса. (*Mus* или *Cricetomys gambianus*), которая превосходитъ нашу крысу не только по величинѣ, но еще очень значительно по своей дѣятельности; она доставляетъ занзибарскимъ купцамъ гораздо больше хлопотъ, чѣмъ всѣ наши крысы, взятые вмѣстѣ: явись это животное къ намъ, мы только тогда узнаемъ, что можетъ сдѣлать крыса!

Пока будетъ достаточно, если я опишу оба наиболѣе знакомыхъ вида, черную крысу и пасюка или сѣрую крысу.

Черная крыса (*Mus rattus*) достигаетъ 16 сантиметровъ длины, хвостъ — 19 см., т. е. общей длины въ 35 см.; сверху она окрашена въ темный черно-бурый цвѣтъ, снизу — нѣсколько свѣтлѣе — черно-сѣрый; ноги сѣро-бурья, сбоку нѣсколько свѣтлѣе. На сравнительно длинномъ хвостѣ насчитывается до 260 — 270 чешуйчатыхъ колецъ. Нерѣдко встрѣчаются совсѣмъ бѣлые экземпляры.

Когда этотъ видъ впервые появился въ Европѣ, нельзя опредѣлить съ точностью. Альбертусъ Магнусъ первый между зоологами упоминаетъ о ней, какъ о нѣмецкомъ животномъ; слѣдовательно, руководствуясь имъ, надо считать ее живущей здѣсь осѣдло уже съ 13 столѣтія. Геснеръ называетъ ее животнымъ, которое „многимъ болѣе знакомо, чѣмъ пріятно“; епископъ аутунскій въ началѣ 15 столѣтія отлучилъ ее отъ церкви. Возможно, что она происходитъ изъ Персіи, гдѣ она еще и теперь встрѣчается въ невѣроятномъ множествѣ. До первой половины прошлаго столѣтія она наслаждалась въ Европѣ ни съ кѣмъ не раздѣляемымъ господствомъ; но съ этого времени это господство стало оспариваться пасюкомъ и при томъ съ такимъ успѣхомъ, что она вездѣ должна была уступить. Онъ однако и въ настоящее время встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта, но только уже рѣдко большими сомкнутыми массами, а въ одиночку и разбросанными. У насъ въ Германіи она, повидимому, отовсюду исчезла; но она еще встрѣчается въ сѣверо-западной Германіи (Бременъ, Люнебургъ) и въ Тюрингіи (у Рудольштадта). И она послѣдовала за человѣкомъ во всѣ климаты земли, переселяясь вмѣстѣ съ нимъ черезъ моря и суши по всему свѣту. Несомнѣнно, Америка, Австралія и Африка не были прежде ея родиной; но корабли развезли ее по всѣмъ прибрежнымъ странамъ, а оттуда она расселилась дальше, глубже въ материкъ. Въ настоящее время она встрѣчается въ южныхъ частяхъ Азіи, именно въ Индіи, въ Африкѣ, преимущественно въ Египтѣ и Берберіи, а также на мысѣ Доброй Надежды, въ Америкѣ, въ Австраліи и на островахъ Тихаго океана.

Пасюкъ или сѣрая крыса (*Mus decumanus*, рис. на стр. 468) значительно больше черной крысы; онъ достигаетъ 42 сантиметровъ общей длины, при длинѣ хвоста въ 18 см. Цвѣтъ шерсти на верхней и нижней сторонѣ туловища различный. Верхняя сторона тѣла и хвоста буровато-сѣрая; нижняя, рѣзко отдѣляющаяся сторона сѣро-бѣлая. На хвостѣ около 210 чешуйчатыхъ колець. Иногда на верхней сторонѣ переднихъ ногъ бываетъ нѣсколько буроватыхъ волосъ; встрѣчаются черные экземпляры, бѣлые съ красными глазами, свѣтло-желтые и пѣгіе. Послѣдніе бываютъ или черно-бѣлые, или сѣро-бѣлые; при этомъ у нихъ почти всегда, голова, шея, плечи, переднія ноги и болѣе или менѣе широкая полоса на спинѣ бываютъ чернаго или сѣраго цвѣта, а остальные части бѣлыя.

Съ большой вѣроятностью можно допустить, что пасюкъ переселился къ намъ изъ Азіи, именно изъ Индіи или Персіи. Палласъ первый описываетъ пасюка съ увѣренностью, какъ европейское животное и сообщаетъ, что осенью 1727 г., послѣ землетрясенія, пасюкъ двинулся огромными массами изъ прикаспійскихъ странъ въ Европу. Тогда они большими скопищами переплывали Волгу у Астрахани и оттуда быстро распространились на западъ. Почти въ то же время, именно въ 1732 г., его на корабляхъ перетасили изъ Остѣ-Индіи въ Англію; и съ этихъ поръ онъ началъ и отсюда свое кругосвѣтное странствіе. Въ восточной Пруссіи онъ появился въ 1750 г., въ Парижѣ уже въ 1753 г., въ Германіи въ 1780 г. онъ уже встрѣчался часто повсюду; въ Швейцаріи онъ сталъ извѣстенъ только въ 1809 г., и почти въ то же самое время онъ является и въ Даніи, какъ постоянное мѣстное животное. Въ 1755 г. онъ былъ перенесенъ въ Сѣверную Америку и также здѣсь, въ очень короткое время, достигъ невѣроятно большого распространенія; однако въ 1825 г. онъ распространился только немного дальше Кингстона въ Верхней Канадѣ и въ прошлое десятилѣтіе онъ еще не достигъ верхней Миссури. Но несомнѣнно, что въ настоящее время онъ уже распространился по всему Тихому океану и теперь встрѣчается на самыхъ уединенныхъ островахъ. Пасюкъ больше и крѣпче черной крысы и потому овладѣваетъ всѣми мѣстами, гдѣ та прежде жила спокойно; и по скольку пасюкъ размножается, черная крыса становится все рѣже.

Обѣ крысы такъ сходны другъ съ другомъ въ образѣ жизни, правахъ, привычкахъ и вообще во всѣхъ проявленіяхъ, что описывая одну, даешь представленіе о другой. Онѣ различаются главнымъ образомъ тѣмъ, что пасюкъ обыкновенно предпочитаетъ нижнія части строеній, а именно сырые подвалы, своды, водосточныя канавы, шлюзы, выгребныя ямы, на берегахъ каналовъ и рѣкъ; черная-же

крыса селится преимущественно въ верхнихъ частяхъ строеній, въ хлѣбныхъ амбарахъ, чердачныхъ помѣщеніяхъ и т. п.; почти во всемъ остальномъ оба вида сходятся. Обѣ эти вредныя твари живутъ во всѣхъ возможныхъ помѣщеніяхъ человѣческаго жилья, во всѣхъ мыслимыхъ мѣстахъ, гдѣ можно надѣяться найти пищу. Ихъ можно найти всюду отъ подвала до чердака, отъ салона до ретирада, отъ дворца до хижины. Отъ нихъ нельзя защититься ни оградами, ни стѣнами, ни дверями и никакими запорами; гдѣ онѣ не находятъ пути, тамъ онѣ его себѣ прокладываютъ: черезъ крѣпчайшія дубовыя доски и черезъ толстыя стѣны онѣ прогрызаютъ и прокапываютъ себѣ ходы. До нѣкоторой степени можно отъ нихъ защититься, если дѣлать у стѣнъ очень глубокій фундаментъ, заливать всѣ промежутки между камнями крѣпкимъ цементомъ и еще для большей предосторожности закладывать въ стѣны слой битаго стекла.



Пасюкъ (*Mus decumanus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

Это разрушеніе человѣческихъ жилищъ, это ужасное прогрызаніе и прокапываніе стѣнъ еще меньшее изъ всѣхъ золъ, причиняемыхъ крысами. Гораздо больший вредъ наносятъ онѣ своимъ пронитаніемъ. Имъ годится все съѣдобное; человѣкъ не ѣстъ ничего, чего бы не жрали и крысы; онѣ даже и въ напиткахъ не отстаютъ отъ него; недостаетъ только, чтобы крысы пили еще водку, тогда бы онѣ помогали уничтожать рѣшительно все, что служить для питанія и услажденія человѣческаго рода. Не довольствуясь еще такимъ разнообразнымъ меню, крысы съ жадностью набрасываются и на другія вещества и даже на живыхъ животныхъ. Грязнѣйшіе отбросы человѣческаго хозяйства имъ еще годятся при случаѣ; гніющая падалъ находитъ въ нихъ любителей. Онѣ пожираютъ кожу, рогъ, зерно и древесную кору, или, говоря короче, всевозможныя растительныя вещества; а чего онѣ не могутъ сожрать, онѣ по крайней мѣрѣ изгрызаютъ; онѣ часто наносятъ большой вредъ сахарнымъ и кофейнымъ плантаціямъ. Есть удостовѣренные примѣры, что онѣ загрызали маленькихъ дѣтей; и всѣ помѣщики знаютъ, какъ жестоко онѣ преслѣдуютъ домашнихъ животныхъ. Очень жирнымъ свиньямъ онѣ выгрызаютъ дыры на тѣлѣ; посаженнымъ тѣсно гусямъ онѣ выгрызаютъ на ногахъ плавательныя перепонки, молодыхъ утятъ утаскиваютъ въ воду и топятъ ихъ тамъ.

У торговца животными Гагенбека онѣ убили трехъ молодыхъ африканскихъ слоновъ тѣмъ, что разгрызли подошвы этимъ могучимъ животнымъ.

Если онѣ въ какомъ нибудь мѣстѣ слишкомъ размножатся, то это становится положительно невыносимо. А есть мѣста, гдѣ ихъ такое множество, что мы едва можемъ составить себѣ объ этомъ представленіе. Въ Парижѣ въ теченіе 4 недѣль на одной бойнѣ убили 16,000 штукъ; а на одной живодернѣ, вблизи этой столицы, крысы въ теченіе одной ночи поѣли 35 лошадиныхъ труповъ, оставивши только кости. Какъ только онѣ замѣчаютъ, что человѣкъ становится противъ нихъ безсильнымъ, ихъ дерзость вырастаетъ до удивительныхъ размѣровъ. Ласъ-Казесъ рассказываетъ, что 27 іюня 1816 г. Наполеонъ со всею своею свитой остался безъ завтрака, потому что предъидущей ночью крысы забрались въ кухню и утащили оттуда все. Ихъ было тамъ огромное множество, причемъ онѣ были необыкновенно злы и нахальны. Обыкновенно имъ требовалось всего нѣсколько дней, чтобы прогрызть стѣны и доски простого жилища императора. Онѣ приходили въ залъ во время обѣда Наполеона и, когда вставали изъ за стола, начиналась настоящая война съ крысами. Пришлось отказаться держать живность, потому что крысы ее поѣдали; онѣ стаскивали даже птицу ночью съ деревьевъ, на которыхъ тѣ спали. Въ факторіяхъ на далекихъ побережьяхъ, гдѣ повсюду вмѣстѣ съ товарами живутъ пасюки, они являются тяжелымъ наказаніемъ и наносятъ часто серьезные убытки. Всѣ путешественники и особенно коллекціонеры жалуются на то, что часто очень рѣдкіе и съ трудомъ добытые предметы уничтожаются этими мучителями, и что своими дикими драками и бѣготней по полу, стѣнамъ и крышѣ онѣ нарушаютъ ночной покой.

Не легче приходится отъ крысъ и морякамъ, потому что нѣтъ ни одного судна безъ крысъ. Изъ старыхъ судовъ ихъ невозможно вывести, а въ новыя онѣ забираются немедленно, съ первой-же нагрузкой. Во время дальнихъ плаваній, если крысы находятъ себѣ достаточно продовольствія, онѣ такъ сильно размножаются, что на суднѣ становится почти невозможно жить. Когда судно Кане во время его полярной экспедиціи было заморожено во льду около 80° широты, крысы взяли на немъ такое преобладаніе, что нанесли ему чувствительный вредъ.

Во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ крысы проявляютъ много искусства. Онѣ быстро и ловко бѣгаютъ, отлично лазаютъ, даже вверхъ по довольно гладкимъ стѣнамъ, мастерски плаваютъ, съ увѣренностью дѣлаютъ довольно большіе прыжки и сносно роютъ, хотя неохотно. Болѣе сильный пасюкъ, повидимому, отличается и большею ловкостью, чѣмъ черная крыса, по крайней мѣрѣ, онъ несравненно лучше плаваетъ. Его способность оставаться подъ водой также значительна, какъ у настоящихъ водяныхъ животныхъ.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у крысъ больше всего развиты слухъ и обоняніе; особенно превосходенъ у нихъ слухъ, но и зрѣніе не плохо, а вкусъ у нихъ слишкомъ часто упражняется въ кладовыхъ съ провизіей, гдѣ крысы всегда умѣютъ выбрать себѣ самыя лакомыя блюда. Относительно ихъ духовныхъ способностей остается прибавить немного послѣ всего вышесказаннаго. Во всякомъ случаѣ имъ нельзя отказать въ разумности, и еще меньше въ расчетливой хитрости и извѣстномъ лукавствѣ, съ которыми онѣ умѣютъ ускользнуть отъ всевозможныхъ опасностей. Уже не разъ рассказывалось о томъ, какъ онѣ утаскиваютъ цѣлыя яйца и тащутъ ихъ не разбивая. Никакого сомнѣнія относительно ихъ образа дѣйствій въ данномъ случаѣ не можетъ быть съ тѣхъ поръ, какъ объ этомъ рассказываетъ такой свидѣтель, какъ К. фонъ Далла Торре, которому удалось въ 1880 лично наблюдать такой случай, о чемъ онъ сообщилъ. „Въ погребѣ одного дома въ Инсбрукѣ нынѣшней зимой нѣсколько разъ оказывался недочетъ въ яйцахъ, которыя въ это время года тамъ сохранялись. Прежде всего подозрѣніе естественно упало на служанку, которая употребляла всѣ усилія доказать свою невинность, но напрасно. Чтобы выйти изъ своего щекотливаго положенія, служанка принялась сторожить и была свидѣтельницей, на какую воровскую хитрость пускаются крысы, чтобы овладѣвать яйцами. Яйца лежали свободно кучей; изъ

норы вышла одна жадная крыса, за ней сейчасъ другая. Первая крыса взяла передними лапами одно яйцо и нѣсколькими сильными толчками съ помощью другой откатила его сколько могла въ сторону; тогда первая крыса сильно обхватила его передними лапами, вродѣ того какъ дѣлаетъ паукъ, когда несетъ мѣшокъ съ яичками; конечно, она послѣ этого не могла двигаться, такъ какъ переднія лапы были заняты добычей; тогда вторая не задумываясь взяла въ ротъ хвостъ первой крысы и поспѣшно потащила ее къ дырѣ, изъ которой онѣ вышли! Вся процедура длилась около 2 минутъ и, судя по количеству недостающихъ яицъ, онѣ въ ней достаточно упражнялись. Черезъ часъ послѣ того, какъ эта пара воришекъ исчезла, онѣ снова появились, вѣроятно съ тѣми же намѣреніями; благодаря любезному сообщенію этой семьи я имѣлъ возможность лично наблюдать однажды образъ дѣйствій крысъ при воровствѣ яицъ, что, по увѣреніямъ служанки, совершалось всегда одинаково.

Приблизительно мѣсяцъ спустя послѣ случки, самка мечетъ 5—22 дѣтенышей; это маленькія пріятныя созданья, которыя навѣрное понравились бы всякому, если бы онѣ не были крысятами. „1 марта 1852 г.“, рассказываетъ Дене, „я получилъ отъ бѣлой крысы 7 дѣтенышей. Она сдѣлала себѣ, въ своей проволочной клѣткѣ, плотное гнѣздо изъ соломы. Дѣтеныши были величиной съ майскихъ жуковъ и были кроваво-краснаго цвѣта. 8-го они были уже почти бѣлые; между 13—16-мъ стали видѣть; 18-го вечеромъ они первый разъ вышли наружу; но когда мать замѣтила, что за ними наблюдаютъ, то она ихъ перетаскала ртомъ одного за другимъ обратно въ гнѣздо. Нѣкоторые однако вылѣзли снова изъ другой дыры. Милѣйшія созданья величиною съ карликовую мышь и съ 3-хъ дюймовымъ хвостомъ! 21-го онѣ уже были величиною съ обыкновенную домовую мышь, 28-го съ лѣсную мышь. Онѣ еще сосали отъ времени до времени, играли другъ съ другомъ, гонялись и барахтались очень ловко и забавно, садились также для разнообразія на спину матери и она таскала ихъ на себѣ. Онѣ по забавности значительно превосходятъ домовыхъ бѣлыхъ мышей.“

При тщательномъ надзорѣ и хорошемъ уходѣ крысы въ неволѣ становятся такими ручными, что онѣ не только позволяютъ себя трогать, или дѣлаются игрушкой дѣтей, но даже привыкаютъ ходить по дому, двору и саду, слѣдуютъ за своимъ хозяиномъ, какъ собаки, идутъ на зовъ, короче, обращаются въ настоящихъ домашнихъ или комнатныхъ животныхъ въ лучшемъ смыслѣ.

У крысъ, живущихъ на свободѣ, наблюдается иногда своеобразная болѣзнь. Нѣсколько крысъ срастаются вмѣстѣ хвостами и образуютъ такъ называемаго крысинаго короля, котораго себѣ въ прежнее время представляли совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь, когда его можно видѣть въ томъ или въ другомъ музеѣ. Прежде думали, что крысиный король, украшенный золотою короной, сидитъ, какъ на тронѣ, на такой группѣ тѣсно сросшихся крысъ и отсюда править всѣмъ крысинымъ царствомъ. Достоверно извѣстно, что иногда встрѣчается довольно большое число крысъ, перепутавшихся хвостами; и такъ какъ онѣ не въ состояніи двигаться, то ихъ изъ сожалѣнія кормятъ другіе собратья. Возможно, что при какой то заразной болѣзни изъ ихъ хвостовъ выдѣляется какой то выпотъ, который обуславливаетъ склеиваніе хвостовъ; но пока нельзя сказать объ этомъ ничего достовернаго. Въ Алтенбургѣ сохраняется крысиный король, состоящій изъ 27 крысъ; въ Боннѣ при Шнепфенталѣ, во Франкфуртѣ, въ Эрфуртѣ и въ Линденау у Лейпцига находили ихъ также.

Употреблялось уже безчисленное множество средствъ для истребленія крысъ. Противъ нихъ ставятъ всевозможныя западни; на время нѣсколько помогаетъ тотъ или другой родъ охоты на крысъ. Когда животные замѣтятъ, что ихъ особенно ревностно преслѣдуютъ, то онѣ нерѣдко переселяются, но возвращаются обратно, когда преслѣдованіе уменьшается. Самымъ обычнымъ средствомъ истребленія крысъ являются различные яды, которые кладутся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крысы особенно часто являются; но не говоря уже о томъ, что отравленнымъ животнымъ причиняется мучительная смерть, эти средства еще и опасны, потому что отравленные крысы часто рвотой возвращаютъ часть съѣденной отравы, которая слу-

чайно можетъ отравить зерно или картофель и такимъ образомъ становится опасной для другихъ животныхъ и даже для человѣка. Лучше всего ставить имъ смѣсь солода и негашеной извести; если крыса поѣсть эту смѣсь, то появившаяся жажда побуждаетъ ее выпить столько воды, сколько необходимо для погашенія извести, что причиняетъ немедленную смерть.

Лучшими истребителями крысъ остаются во всякомъ случаѣ ихъ естественные враги, между ними особенно совы, вѣроны, ласки, кошки и крысоловы. И между кошками, какъ у другихъ домашнихъ животныхъ, встрѣчаются хорошія семьи, члены которыхъ отдаются съ настоящею страстью охотѣ за крысами, хотя имъ въ началѣ стоитъ большого труда осиливать этихъ зубастыхъ грызуновъ; кошка изгоняетъ послѣднихъ уже тѣмъ, что она постоянно ходитъ то въ конюшню, то въ амбаръ, то въ погребъ и кладовую. Для крысъ, конечно, чрезвычайно непріятно имѣть по близости такого злостнаго врага. Онѣ въ этомъ случаѣ ни на мгновение не увѣрены въ своей безопасности. Неслышно скользнуть врагъ во мракѣ ночи; ни звукомъ, ни движеніемъ не выдаетъ онъ своего присутствія, во всѣ отверстія заглядываютъ его страшные, сверкающіе, зеленоватые глаза; онъ сидитъ и выжидаетъ на самыхъ удобныхъ путяхъ, и раньше чѣмъ крыса успѣетъ оглянуться, онъ нападаетъ и такъ крѣпко схватываетъ своими острыми когтями и зубами, что рѣдко возможно спасеніе. Этого не переноситъ даже крыса: она предпочитаетъ лучше выселиться въ такое мѣсто, гдѣ она можетъ жить спокойнѣе. Такимъ образомъ кошка остается всегда лучшимъ помощникомъ человѣка, если нужно избавиться отъ такихъ несносныхъ гостей. Почти не меньшія услуги оказываютъ хорьки и ласки, первые въ домѣ, послѣднія въ саду и за хлѣвами.

Гораздо милѣе, пріятнѣе и красивѣе этихъ безобразныхъ длиннохвостыхъ домашнихъ воровъ — мыши, хотя и эти, несмотря на свою красивую наружность, ясный и веселый нравъ, тоже злые враги человѣка, который преслѣдуетъ ихъ почти съ такою же ненавистью, какъ и ихъ безобразныхъ родственниковъ. Нужно признать, что каждый найдетъ очаровательной мышъ, запертую въ клѣткѣ; даже женщины, которыя обыкновенно испытываютъ ни на чемъ не основанный, но очень сильный страхъ, если мышъ перебѣжитъ имъ дорогу въ кухнѣ или погребѣ, даже и тѣ, если онѣ ближе познакомятся съ мышью, должны признать ее за прелестное созданіе. Но, само собою разумѣется, острые зубы и стремленіе полакомиться такіа двѣ вещи, которыя могутъ и мягкое женское сердце наполнить гнѣвомъ и жаждой мести.

Въ Германіи живутъ четыре вида настоящихъ мышей: домовая, лѣсная, полевая и мышъ малютка. Именно первая и послѣдняя заслуживаютъ болѣе подробнаго описанія.

Домовая мышъ (*Mus musculus*, рис. на стр. 472) все еще имѣетъ въ своей наружности нѣкоторое сходство съ крысой, но она все-таки гораздо нѣжнѣе и пропорціональнѣе сложена и значительно меньше. Общая длина ея достигаетъ 18 см., причемъ на туловище приходится 9 см. На хвостѣ 180 чешуйчатыхъ колець; она одноцвѣтна: желтоватая черно-сѣрая верхняя поверхность туловища и хвоста очень постепенно переходитъ въ нѣсколько болѣе свѣтлую нижнюю поверхность; ноги и пальцы желтовато-сѣрые.

Лѣсная мышъ (*Mus sylvaticus*, рис. на стр. 473) достигаетъ 20 см. длины, изъ нихъ 11,5 см. приходятся на хвостъ, на которомъ находится приблизительно 150 чешуйчатыхъ колець. Она двухцвѣтна; верхняя сторона туловища и хвоста буро-желтовато-сѣрая, нижняя сторона, ноги и пальцы рѣзко отдѣляющагося, бѣлаго цвѣта.

Эти оба вида отличаются отъ слѣдующаго длиною ушей; у нихъ уши достигаютъ длины половины головы и, будучи прижаты къ головѣ впередъ, доходятъ до глазъ; а у слѣдующаго вида они достигаютъ только трети длины головы и прижатые до глазъ не доходятъ.

Полевая мышъ (*Mus agrarius*) 18 сантиметровъ длины, хвостъ 8 см. Она трехцвѣтна: верхняя сторона туловища красно-бурая съ черными продольными

полосами черезъ спину; нижняя сторона и ноги рѣзко отдѣляющагося бѣлаго цвѣта. На хвостѣ приблизительно 120 чешуйчатыхъ колецъ.

Всѣ эти мыши чрезвычайно сходны по мѣсту жительства, характеру и манерамъ, хотя каждая имѣетъ еще ту или другую ей присущую особенность. Въ одномъ всѣ три сходны: онѣ выказываютъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, большое пристрастіе къ человѣку. Всѣ виды, хотя домовая мышь чаще другихъ, часто встрѣчаются, особенно зимой, въ домахъ, всюду отъ подвала до чердака. Ни одна не привязана исключительно къ одному мѣсту, соотвѣтствующему ея имени: лѣсная мышь также хорошо живетъ по временамъ въ амбарѣ или въ домѣ, какъ и въ полѣ; а полевая мышь такъ-же мало ограничивается полемъ, какъ



Домовая мышь (*Mus musculus*). $\frac{4}{5}$ естеств. велич

домовая мышь жилищемъ человѣка; такъ что случайно всѣ три вида можно встрѣтить вмѣстѣ.

Домовая мышь уже съ древнѣйшихъ временъ была однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ товарищей человѣка. О ней упоминаютъ еще Аристотель и Плиній; Альбертусъ Магнусъ знаетъ ее хорошо. Въ настоящее время она распространена по всей землѣ. Она странствуетъ съ человѣкомъ и слѣдуетъ за нимъ на самый дальній сѣверъ и до самыхъ высоколежащихъ альпійскихъ хижинъ. Вѣроятно теперь очень мало такихъ мѣстъ, гдѣ ея нѣтъ, да и тамъ ее должно быть просто еще не наблюдали. Ея не должно быть, напр., на Зондскихъ островахъ. Она живетъ во всѣхъ частяхъ человѣческаго жилья. Въ деревнѣ она живетъ иногда въ открытомъ мѣстѣ, т. е. въ саду или въ ближайшихъ поляхъ, или лѣсо-сочкѣ; въ городѣ она ограничивается домомъ и хозяйственными постройками. Здѣсь каждая щель, каждая дыра, короче, всѣ уголки, гдѣ она можетъ приткнуться, представляютъ для нея подходящій кровъ, откуда она и предпринимаетъ свои набѣги.

Съ необыкновенной быстротой взбѣгаетъ она на чердакъ; превосходно лазаетъ, довольно хорошо прыгаетъ и часто бѣжитъ довольно долго, дѣлая короткіе

скачки. На ручныхъ можно наблюдать какъ онѣ ловки во всѣхъ движеніяхъ. Даже когда мышь сидитъ спокойно, она производитъ очень пріятное впечатлѣніе; но если она, подобно другимъ грызунамъ, подыметъ, опираясь на заднюю часть туловища, и начнетъ охорашиваться и умываться, тогда она положительно очаровательное созданіе. Она можетъ на заднихъ ногахъ выпрямиться какъ человѣкъ и даже сдѣлать въ такомъ положеніи нѣсколько шаговъ. При этомъ она иногда немного опирается на хвостъ. Она умѣетъ также плавать, но идетъ въ воду только въ случаѣ величайшей крайности. Она добродушна и безобидна и нисколько не похожа на своихъ злыхъ, коварныхъ, кусачихъ родственниковъ — крысъ. Она любопытна и изслѣдуетъ все съ величайшей заботливостью; она хитра и умна;



Полевая мышь (*Mus agrarius*). Лѣсная мышь (*Mus sylvaticus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велч.

очень быстро подмѣчаетъ, гдѣ ее пощадятъ и здѣсь, съ теченіемъ времени, такъ привыкаетъ къ человѣку, что у него на глазахъ бѣгаетъ туда и сюда по своимъ домашнимъ дѣламъ, какъ будто ничто не можетъ нарушить ея покоя. Пріятные звуки вызываютъ ее изъ ея убѣжища и заставляютъ забывать всякій страхъ. Она появляется среди бѣлаго дня въ комнатахъ, гдѣ играютъ на какомъ нибудь инструментѣ, и помѣщенія, гдѣ регулярно раздается музыка, дѣлаются ея любимымъ мѣстопребываніемъ.

Въ послѣднее время въ различныхъ журналахъ сообщается о такъ называемыхъ пѣвчихъ мышахъ, и я также получилъ нѣсколько сообщеній относительно этого. Всѣ сообщенія согласны въ томъ, что среди домашнихъ мышей тамъ и сямъ иногда наблюдаются случаи, когда мышь вмѣсто своего обычнаго писка и визга издаетъ звуки, напоминающіе пѣніе птицъ. Нѣкоторые говорятъ съ воодушевленіемъ о мышиномъ пѣніи и сравниваютъ его съ пѣніемъ канарейки и даже соловья; другіе судятъ трезвѣе и вѣроятно правильнѣе. Учитель Шахтъ опытный наблюдатель, на котораго можно вполне положиться, имѣлъ у себя довольно долгое время такую пѣвчую мышь, которая начинала пѣть большею частью въ сумерки, часто только ночью. Это пѣніе не имѣетъ ничего общаго съ ясными

трелями канарейки, или глубокими переливами соловья. Это было только „щебетанье, смѣсь тягучихъ, жужжащихъ и пискливыхъ тоновъ,“ которые можно было услышать въ тишинѣ ночи на разстояніи 20 шаговъ. Пѣніе другой мыши, которую наблюдалъ старшій учитель Мюллеръ, состояло „изъ слѣдующихъ другъ за другомъ мягкихъ, свистящихъ тоновъ, которые издавались то медленнѣе, то живѣе и въ послѣднемъ случаѣ напоминало пѣніе птицы, но только было значительно слабѣе.“ Эту мышъ можно было возбудить музыкой и тогда она свистѣла и днемъ. Обѣ упомянутыя мною мыши были самцы и поэтому есть основаніе предположить, что и въ данномъ случаѣ сладкій даръ пѣсенъ свойственъ преимущественно мужскому полу. Пехуэль - Лёше въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наблюдалъ двухъ такихъ пѣвчихъ мышей, жившихъ на свободѣ въ кухнѣ. Одна изъ нихъ издавала только неправильное чириканье и трели въ перемежку съ тихимъ трещаніемъ, чмоканьемъ и иногда болѣе глубокимъ ворчаньемъ; другая издавала болѣе мягкіе тоны, нѣкоторые изъ нихъ вытягивала дольше и этимъ достигала до извѣстной степени того, что производила впечатлѣніе мелодичности. Во всякомъ случаѣ было бы точнѣе говорить не о пѣвчихъ, а о щебечущихъ мышахъ.

Къ сожалѣнію всѣ пріятныя особенности нашей сожительницы-мыши сильно теряютъ благодаря ея жадности и блудливости. Трудно себѣ представить болѣе лакомое созданіе, чѣмъ домовая мышъ, когда она можетъ похозяйничать въ хорошо снабженной кладовой съ провизіей. Она убѣдительноѣмъ образомъ доказываетъ, что вкусъ у нея развитъ превосходно. Всевозможныя сладости, молоко, мясныя блюда, сыръ, жиръ, плоды и зерна она безусловно предпочитаетъ всему другому, и тамъ, гдѣ у нея есть выборъ, она и среди хорошаго выберетъ всегда самое лучшее. Воды она никогда не пьетъ, если имѣетъ сочную пищу, но и при сухой пищѣ пьетъ ее очень рѣдко, но за то съ удовольствіемъ потягиваетъ всевозможныя сладкіе напитки.

Въ общемъ вредъ, наносимый домовою мышью тѣмъ, что она съѣдаетъ изъ провизіи, не великъ; главный вредъ заключается въ томъ, что она изгрызаетъ цѣнныя вещи. Въ библиотекахъ и естественно-историческихъ коллекціяхъ мыши хозяйничаютъ ужаснѣйшимъ образомъ и могутъ причинить неоцѣнимые убытки, если ихъ разрушительнымъ наклонностямъ не будетъ всѣми силами положенъ предѣлъ.

Домовая мышъ размножается необыкновенно быстро. Черезъ 22—24 дня послѣ случки она мечетъ 4—6, нерѣдко и 8 дѣтенышей, и это повторяется навѣрное пять, шесть разъ въ годъ, такъ что непосредственное потомство одной пары въ теченіе года достигаетъ по крайней мѣрѣ 30 штукъ. Когда дѣтеныши появляются на свѣтъ, они бываютъ необыкновенно малы и положительно прозрачны; но они растутъ очень быстро, къ седьмому или восьмому дню покрываются волосами и, наконецъ, къ тринадцатому дню становятся зрячими; послѣ этого они только дня два еще остаются въ гнѣздѣ, а затѣмъ уже самостоятельно выходятъ на промыселъ за кормомъ.

У китайцевъ и японцевъ, которые вообще отличаются большимъ искусствомъ въ воспитаніи животныхъ и растений, мышъ обращена въ домашнее животное, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Гааке рассказываетъ слѣдующее о мышахъ, привозимыхъ съ нѣкоторыхъ поръ оттуда: „Отъ одного гамбургскаго торговца животными я получаю иногда мышей двухъ различныхъ видовъ, которыхъ онъ называетъ китайскими лазящими мышами и японскими танцующими мышами. Первые собственно замѣчательны разнообразіемъ своей окраски, потому что въ лазаньи онѣ, повидимому, упражняются не больше обыкновенныхъ мышей; но окраска у нихъ чрезвычайно измѣнчива. У меня были одноцвѣтно сѣрыя, свѣтло-желтыя и бѣлыя, а также пѣгія: сѣрыя съ бѣлымъ, черныя съ бѣлымъ, желтыя съ бѣлымъ и голубыя съ бѣлымъ. Трехцвѣтныя мыши, повидимому, очень рѣдки. Сколько извѣстно и у насъ встрѣчаются бѣлыя, черныя и желтыя мыши, встрѣчаются иногда и пѣгія; китайцы воспользовались этими видоизмѣненіями домовою мышю для удовлетворенія своей страсти къ выращиванію особыхъ породъ животныхъ. Японцы, не меньшіе любители въ этомъ отношеніи, сумѣли сдѣлать изъ домовою мышю дѣйствительно замѣчательное животное. Японская

танцующая мышь, названная такъ съ полнымъ основаніемъ, такъ же разнообразно окрашена, какъ и китайская. Но что ее особенно выдѣляетъ, это прирожденная привычка бѣгать съ безумной быстротой, описывая большіе или меньшіе круги, или еще чаще вертѣться на одномъ мѣстѣ съ невѣроятной скоростью. Часто для такого танца соединяются двѣ, рѣже три мыши и начинаютъ обыкновенно въ сумерки, а въ теченіе ночи снова принимаются нѣсколько разъ; но большею частью онѣ занимаются подобными танцами въ одиночку.“

Злѣйшимъ врагомъ мышей всегда была и останется кошка. Въ старыхъ зданіяхъ ея вѣрной помощницей является сова, а въ деревнѣ хорекъ, ласка, ежъ и землеройка оказываютъ несомнѣнно большія услуги въ этомъ отношеніи, чѣмъ всѣ ловушки.

Лѣсная и полевая мыши почти во всемъ сходны съ домовою мышью. Лѣсная водится во всей Европѣ и средней Азіи, за исключеніемъ, можетъ быть, только очень сѣверно лежащихъ странъ; въ горахъ она доходитъ до высоты 2000 метровъ надъ уровнемъ моря. Она живетъ въ лѣсахъ, на опушкахъ лѣса, въ садахъ, рѣже также въ открытыхъ безлѣсныхъ поляхъ, а зимой охотно забирается въ дома, погреба и кладовыя; но въ домѣ она предпочитаетъ чердачныя помѣщенія, куда и забирается, какъ только это возможно. Въ своихъ движеніяхъ она очень сходна съ домовою мышью, но отличается, однако, тѣмъ, что она бѣжитъ, дѣлая дугообразные скачки. На волѣ, въ лѣсу она ѣстъ насѣкомыхъ, червей, даже маленькихъ птичекъ, или плоды, вишневые косточки, орѣхи, желуди и буковые орѣхи, а въ случаѣ нужды и кору молодыхъ деревьевъ. Она дѣлаетъ на зиму запасы, но въ зимнюю спячку не впадаетъ, а пользуется своими запасами только въ ненастные дни. У насъ въ деревнѣ она въ домѣ часто наноситъ чувствительный вредъ.

Полевая мышь меньше распространена, чѣмъ родственные ей виды; она живетъ между Рейномъ и Западной Сибирью, сѣверной Голштиніей и Ломбардіей. Въ средней Германіи она встрѣчается почти всюду, но въ высокихъ горахъ отсутствуетъ. Ея мѣстопробыванія — воздѣланные поля, опушки лѣса, рѣдкій кустарникъ, а зимой — копны, амбары и хлѣва. Во время молотбы хлѣба можно увидѣть ихъ убѣгающими черезъ нивы цѣлыми стаями. Она не такъ ловка въ своихъ движеніяхъ, по характеру добродушнѣе, а можетъ быть, глупѣе своихъ родственниковъ. Ея пища состоитъ, главнымъ образомъ, изъ хлѣбныхъ зеренъ, сѣмянъ, растений, клубней, насѣкомыхъ и червей. Она также дѣлаетъ запасы на зиму.

Но какъ ни хороши маленькія мыши, какъ-бы мило онѣ ни вели себя въ неволѣ, всѣхъ ихъ превосходить во всѣхъ отношеніяхъ самый меньшій членъ семейства — мышь малютка (*Mus minutus*). Она подвижнѣе, ловчѣе, веселѣе, короче — она гораздо болѣе милое созданіе, чѣмъ всѣ остальные. Ея длина достигаетъ 13 сантиметровъ, изъ которыхъ почти половина приходится на хвостъ. Окраска шерсти мѣняется. Обыкновенно она двуцвѣтна; верхняя сторопа туловища и хвоста желтоватая, буро-красная, нижняя сторона и ноги рѣзко отграниченнаго бѣлаго цвѣта.

Естествоиспытатели уже съ давнихъ поръ ломали голову надъ мышью малюткой. Палласъ открылъ ее въ Сибири, точно ее описалъ и хорошо нарисовалъ; но почти каждый изслѣдователь послѣ него принималъ ее за особый видъ и каждый считалъ себя правымъ. Только дальнѣйшія наблюденія установили неопровержимо, что наша малютка дѣйствительно распространена отъ Сибири, черезъ всю Россію, Венгрію, Польшу и Германію до Франціи, Англіи и Италіи, и что она не встрѣчается только въ очень немногихъ мѣстностяхъ. Она живетъ во всѣхъ равнинахъ, гдѣ процвѣтаетъ земледѣліе, но далеко не всегда на поляхъ, а предпочитаетъ имъ болота, тростники, болотныя заросли и т. п. Лѣтомъ это граціозное созданіе можно встрѣтить въ обществѣ лѣсныхъ и полевыхъ мышей на

хлѣбныхъ поляхъ; зимой онѣ массами собираются подѣ копнами или въ амбарахъ, куда ихъ заносить вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Если она зимуетъ въ открытомъ полѣ, то часть холоднаго времени она проводитъ во снѣ, но въ полную спячку никогда не впадаетъ, поэтому она въ теченіе лѣта дѣлаетъ въ своихъ норахъ запасы.

Своими движеніями мышь малютка выдѣляется среди всѣхъ другихъ видовъ этого семейства. Несмотря на свой малый ростъ, она бѣгаетъ необыкновенно быстро и лазаютъ чрезвычайно охотно, ловко и красиво. Она взбирается на тончайшіе сучья кустарниковъ, на былинки травы, которыя гнутся подѣ нею къ землѣ, виситъ на нихъ и качается; съ такою же быстротою взбирается она и на деревья и при этомъ ея маленькій хвостъ примѣняется съ такою же ловкостью, какъ настоящій цѣпкій хвостъ лазающихъ. Она такъ же опытна въ плаваньи и нырнѣи.

Но наибольшую свою ловкость мышь малютка проявляетъ въ чемъ-то другомъ. Она искусница, какихъ мало среди млекопитающихъ, искусница, которая можетъ поспорить съ самыми способными птицами, такъ какъ она строитъ гнѣзда, которыя по красотѣ превосходятъ гнѣзда всѣхъ другихъ млекопитающихъ животныхъ. Можно подумать, что она переняла это умѣнье у какой-нибудь камышевки, такъ своеобразно устроено ея хорошенькое гнѣздышко. Смотря по мѣстности, оно устраивается или въ камышахъ или въ кустарникахъ; въ первомъ случаѣ оно располагается на 20—30 листахъ осоки, верхушки которыхъ расщеплены и такъ переплетены между собой, что они охватываютъ гнѣздо со всѣхъ сторонъ; въ кустарникахъ-же оно дѣлается на высотѣ 0,5—1 метра отъ земли и виситъ свободно на вѣтвяхъ кустарника, на камышовомъ стеблѣ, или на чемъ нибудь подобномъ, такъ что оно выглядитъ качающимся на воздухѣ. Формой оно напоминаетъ большею частью тупое яйцо, напр. особенно круглое гусиное яйцо, которому оно приблизительно равно и по величинѣ. Наружную оболочку гнѣзда почти всегда составляютъ расщепленные листья камыша или осоки, стебли которыхъ составляютъ основаніе гнѣзда. Мышь малютка беретъ каждый листъ въ ротъ и протягиваетъ его нѣсколько разъ между острыми какъ иглы зубами, пока каждый листъ не расщепится на шесть, восемь или десять продольныхъ полосъ, подобныхъ отдѣльнымъ нитямъ; тогда онѣ всѣ необыкновенно тщательно переплетаются и перевииваются. Внутренность гнѣзда устилается всевозможными мягкими волокнами растеній, пушистыми головками камыша, осоки, разныхъ цвѣтовъ, сережками. Маленькое отверстіе ведетъ внутрь гнѣзда и если черезъ него ощупать внутренность, то оно окажется со всѣхъ сторонъ одинаково гладкимъ, мягкимъ и нѣжнымъ. Всѣ части гнѣзда такъ плотно, такъ тѣсно соединены между собою, что оно дѣйствительно даетъ вѣрную защиту. Если сравнить менѣ совершенныя орудія мыши съ удобнымъ клювомъ птицъ строителей, то нельзя безъ удивленія видѣть работу мыши малютки и не поставить ея искусства выше искусства многихъ птицъ. Каждое гнѣздышко построено, главнымъ образомъ, изъ листьевъ того растенія, на которомъ оно находится. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является то, что оно всегда почти одинаковаго цвѣта съ кустомъ, на которомъ виситъ.

Кому посчастливится увидѣть, какъ старая мышь въ первый разъ выводитъ свое потомство, тому удастся насладиться одной изъ самыхъ привлекательныхъ картинъ семейной жизни млекопитающихъ. Какъ ни ловко молодое поколѣніе, но его все-таки еще нужно немного обучить и оно еще слишкомъ привязано къ матери, чтобы сразу самостоятельно броситься въ обширный и опасный свѣтъ. Одинъ мышенокъ лѣзетъ на одну вѣточку, другой на другую; тотъ питать что-то матери, этотъ еще тянется къ ея груди; кто умывается и чистится, а кто нашелъ зернышко, изящно держитъ его передними лапками и обгрызаетъ; самый меньшой еще возится внутри гнѣзда, а самый мужественный и отважный мышенокъ уже очень удалился и можетъ быть уже теперь плаваютъ по водѣ: короче, вся семья очень дѣятельна и среди всѣхъ спокойно всѣмъ управляетъ мать: одному помогаетъ, другого зоветъ, третьяго направляетъ, четвертому указываетъ и охраняетъ всѣхъ.

Это интересное зрѣлище можно удобно наблюдать, если взять все гнѣздо къ себѣ домой и помѣстить его въ проволочную клѣтку. Мышей малютокъ легко

прокормить коноплей, овсомъ, грушами, сладкими яблоками, мясомъ и мухами, и онѣ сторицею вознаграждаютъ за всѣ заботы своимъ милымъ характеромъ. Необыкновенно забавно выглядятъ онѣ, если имъ дать муху: всѣ бросаются на нее большими прыжками, хватаютъ лапами, тащутъ въ ротъ и убиваютъ съ такою свирѣпостью, съ какою могъ-бы левъ умертвить быка. Молодые мышата очень скоро приручаются; но съ возрастомъ они снова становятся пугливыми, если ими неособенно часто и усердно занимаются.

Послѣднее подсемейство составляютъ хомяковые (*Cricetinae*); это болѣе или менѣе толстыя, часто большія мыши съ расщепленной губой, большими защечными мѣшками и тремя коренными зубами въ каждой челюсти.

Нашъ хомякъ принадлежитъ къ самому извѣстному виду (*Cricetus*), главными отличительными признаками котораго являются плотное, толстое туловище, очень короткій съ рѣдкою шерстью хвостъ и короткія конечности. Зубная система состоитъ изъ 16 зубовъ и 2 паръ необыкновенно большихъ рѣзцовъ. Постояннымъ мѣстопробываніемъ этого животнаго являются хлѣбныя поля въ плодородныхъ мѣстностяхъ умѣренной полосы Европы, Азии и Америки. Здѣсь они роютъ себѣ глубокія норы со многими отдѣленіями, въ которыхъ они осенью собираютъ запасы пищи. Въ этихъ норахъ они проводятъ свою жизнь, съ хорошими и дурными сторонами которой мы познакомимся, если рассмотримъ жизнь хомяка, живущаго въ Германіи.

Хомякъ обыкновенный (*Cricetus frumentarius*) имѣетъ очень пріятную наружность, но тѣмъ болѣе непріятны его духовныя свойства: онъ ворчливъ и раздражителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мужественъ. Общая длина туловища достигаетъ приблизительно 30 сантиметровъ, изъ которыхъ около 5 см. приходится на хвостъ. Окраска верхней части туловища бываетъ обыкновенно свѣтло-буро-желтая, переходящая въ сѣроватую. Нижняя поверхность туловища и ноги до лапъ, а заднія ноги, по крайней мѣрѣ, съ внутренней стороны чернаго цвѣта; такого же цвѣта полоса на лбу, лапы бѣлаго цвѣта. Но встрѣчаются и разнообразно окрашенные животныя: многія совсѣмъ чернаго цвѣта, другія черныя, съ бѣлой глоткой и сѣрымъ теменемъ; встрѣчаются хомяки — сверху блѣдно-чалаго цвѣта, снизу свѣтло-сѣрые, на плечахъ бѣловатые, наконецъ бываютъ и совершенно бѣлые.

Плодородныя хлѣбныя поля отъ Рейна до Оби даютъ хомяку пріютъ и пропитаніе. Въ Германіи его нельзя встрѣтить въ мѣстностяхъ и провинціяхъ, лежащихъ къ югу или къ юго-западу, а также въ восточной и западной Пруссіи; но за то часто встрѣчается въ Тюрингіи и Саксоніи. Главнымъ условіемъ его благоденствія является, повидимому, умѣренно плотная, сухая и притомъ плодородная почва. Онъ избѣгаетъ песчаныхъ мѣстностей, но онъ не любитъ особенно напрягать свои силы при копаніи норъ и поэтому избавляетъ отъ своихъ поселеній мѣстности съ очень плотной и каменистой почвой. Онъ избѣгаетъ горъ и лѣсовъ, а также не любитъ обильныхъ водою низменностей. Тамъ, гдѣ онъ водится, онъ встрѣчается часто, иногда въ невѣроятно многочисленныхъ стаяхъ.

Его нора состоитъ изъ большого жилого помѣщенія, которое лежитъ на глубинѣ 1—2 метровъ и имѣетъ два хода — одинъ пологій, ведущій изъ норы, другой — вертикальный — входной. Это жилое помѣщеніе особыми ходами соединяется съ запасной кладовой. Нору хомяка легко можно узнать по кучкѣ земли, которая лежитъ передъ выходомъ и обыкновенно бываетъ усыяна мякиной и шелухой. Ходъ, ведущій въ нору, всегда углубляется въ землю вертикально, такъ что иногда въ него можно воткнуть длинную палку; но онъ никогда не ведетъ прямо въ нору, а дѣлаетъ еще изгибъ горизонтальный или наклонный, который уже входитъ въ нору; выводящій ходъ, наоборотъ, рѣдко бываетъ прямымъ, а подходитъ къ норѣ дугообразно. По этимъ ходамъ очень легко опредѣлить, обитаема нора или нѣтъ; если въ нихъ есть мохъ, плѣсень, трава, или, если онѣ только выглядятъ неровными, шероховатыми, то нора навѣрное покинута, потому

что каждый хомякъ держитъ свое жилище и выходы въ необыкновенной чистотѣ и порядкѣ. Между всѣми помѣщеніями, жилое, съ гладкими стѣнами, самое меньшее; оно всегда наполнено очень мягкой соломой, большею частью наружной оболочкой стеблей; изъ этой соломы устроена мягкая подстилка. Въ жилое помѣщеніе открываются три хода: ведущій въ нору, выводящій ходъ и третій — соединяющій съ кладовой. Кладовая вполне сходна съ жилымъ помѣщеніемъ и осенью совершенно заполняется зерномъ. Молодые хомяки дѣлаютъ себѣ только по одной такой кладовой, а старые даже по 3—5, изъ которыхъ каждая вмѣщаетъ такое же количество зерна.



Хомякъ обыкновенный (*Cricetus frumentarius*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

Прежде ошибочно утверждали, что хомякъ складываетъ отдѣльно зерна различныхъ хлѣбовъ; онъ ихъ въ дѣйствительности складываетъ такъ, какъ собираетъ; и если происходитъ извѣстная сортировка, то она является не потому, что хомякъ хотѣлъ это сдѣлать изъ стремленія къ порядку, а потому, что въ извѣстное время онъ находилъ зерна какого-нибудь одного хлѣбнаго растенія, а въ другое — другого. Нора самки значительно отличается отъ только что описанной норы; въ ней обыкновенно только одинъ выводящій ходъ, но 2—8 ходовъ, ведущихъ въ нору, хотя, пока дѣтеныши еще совсѣмъ малы, употребляется обыкновенно только одинъ изъ этихъ ходовъ.

Хомякъ, несмотря на свою кажущуюся тяжеловѣсность, довольно ловкое животное. Онъ идетъ маленькими шажками и походкой очень напоминаетъ ползающій ходъ ежа, причемъ животъ почти касается земли. Въ гнѣзвѣ онъ движется быстрѣе и тогда онъ можетъ даже дѣлать довольно большіе прыжки и высокіе скачки. Но больше всего онъ мастеръ въ копаньи. Если земля тверда, то вначалѣ онъ вскапываетъ землю не только передними лапами, но еще помогаетъ и зубами; выкопанную землю онъ передними лапами подбрасываетъ подъ животъ,

а оттуда задними лапами выгребаетъ и отбрасываетъ далеко назадъ. На глубинѣ-же онъ выдвигаетъ наружу всю выкопанную землю собственнымъ туловищемъ, пятясь назадъ; но никогда онъ не выноситъ этой земли въ своихъ защечныхъ мѣшкахъ, какъ это раньше ложно утверждали. Нельзя сказать, чтобы онъ двигался въ водѣ неловко, но онъ избѣгаетъ ее со страхомъ. Если его бросить въ какой-нибудь сосудъ съ водой, то онъ начинаетъ быстро плавать, но при этомъ злобно ворчитъ и вообще обнаруживаетъ, что онъ чувствуетъ себя чрезвычайно непріятно. Если онъ чѣмъ-нибудь внезапно удивленъ, то моментально становится на заднія лапы, а переднія опускаетъ внизъ, причемъ обыкновенно одну немного больше другой; и въ такомъ положеніи онъ, уставившись, смотритъ на поразившій его предметъ, очевидно готовый, разъ случай окажется подходящимъ, броситься, пустить въ ходъ свои зубы.

Всѣ внѣшнія чувства хомяка, повидимому, развиты довольно равномерно, по крайней мѣрѣ не замѣтно преобладающаго развитія одного передъ другимъ. Что касается его духовныхъ способностей, то онѣ весьма мало могутъ содѣйствовать тому, чтобы сдѣлать хомяка любимцемъ человѣка. Злость является такой преобладающей чертой его характера, какъ едва-ли это можно встрѣтить у какого-нибудь другого грызуна, развѣ только у крысы и лемминга. Малѣйшаго повода достаточно, чтобы онъ принялъ вызывающее оборонительное положеніе, началъ глухо ворчать, скрипѣть зубами и очень быстро и сильно стучать ими. Но его мужество не меньше его злости. Онъ защищается противъ всякаго, нападающаго на него животнаго, и такъ долго, пока хватитъ силъ. Онъ часто остается побѣдителемъ неловкихъ собакъ; только умные пинчеры умѣютъ его такъ схватить и встряхнуть, что онъ почти моментально издыхаетъ. Всѣ собаки ненавидятъ хомяка почти столько-же, какъ и ежа, потому что ихъ раздражаетъ, что такія маленькія животныя не хотятъ сразу признать ихъ превосходства. Хомякъ защищается не только противъ собакъ, но храбро нападаетъ даже на человѣка и тогда, когда тотъ ничего противъ хомяка не имѣетъ и не предпринимаетъ. Нерѣдко случается, что, проходя спокойно мимо норы хомяка, внезапно подвергаешься его нападенію, причемъ онъ яростно вцѣпляется въ платье. Онъ вцѣпляется также и въ лошадей; а противъ хищныхъ птицъ, которыя поднимаютъ его съ земли, онъ защищается еще и на воздухѣ. Разъ онъ въ кого-нибудь вцѣпился зубами, то онъ скорѣе дастъ убитъ себя до смерти, чѣмъ отпустить.

Само собою разумѣется, что такое запальчивое животное не можетъ быть выноσιμο. Собственные его дѣти не могутъ оставаться у матери, какъ только они подрастутъ, самецъ до смерти загрызаетъ самку, если онъ съ ней встрѣтится не во время случки. Въ неволѣ хомяки только очень рѣдко живутъ другъ съ другомъ въ мирѣ; старые — никогда. Молодые, которымъ не больше года, уживаются лучше. Я довольно долго держалъ въ одномъ ящикѣ трехъ хомяковъ, которые никогда не ссорились и довольно сносно скакали вмѣстѣ или взбирались другъ другу на спину. Молодые хомяки разныхъ гнѣздъ немедленно нападаютъ другъ на друга и начинаютъ бой не на животъ, а на смерть. Очень забавно выходить, если дать хомяку товарищемъ ежа. Сначала онъ съ любопытствомъ рассматриваетъ странное существо, которое, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, спокойно идетъ своей дорогой. Но миръ скоро нарушается. Ежъ какъ-нибудь случайно подходитъ близко къ своему товарищу по неволѣ; его встрѣчаетъ злобное рычаніе и онъ въ испугѣ свертывается въ клубокъ. Тутъ хомякъ принимается за изслѣдованія. Онъ обнюхиваетъ колючій шаръ и окровавленный носъ основательно убѣждаетъ его въ томъ, что шаръ всесторонне защищенъ. Онъ съ бѣшенствомъ отталкиваетъ отъ себя этотъ шаръ, — увы, лапа тоже поранена! Тутъ онъ начинаетъ щелкать зубами и визжать; прыгаетъ на шаръ и снова въ ужасѣ отскакиваетъ; пробуетъ отодвинуть его спиной и получаетъ уколы въ плечи; онъ все больше приходитъ въ бѣшенство, дѣлаетъ новыя безплодныя попытки избавиться отъ чудовища, еще больше искалываетъ себѣ лапы и губы и, наконецъ, больше удивленный, чѣмъ озлобленный, становится на заднія лапы передъ колючимъ героемъ и осматриваетъ его съ бесконечно комическимъ страхомъ и сдер-

жаннымъ бѣшенствомъ, или-же срываетъ это бѣшенство на какомъ-нибудь другомъ предметѣ, хоть на другомъ хомякѣ, совершенно невинномъ собратѣ по неволѣ и старается нанести ему всѣ удары, предназначенные для ежа. И какъ только ежъ вздумаетъ шевелиться, та-же комедія начинается сначала, такъ что наблюдатель можетъ надорваться со смѣху.

Съ другими меньшими животными онъ, разумѣется, еще меньше уживается, чѣмъ съ равными себѣ; онъ даже устраиваетъ на нихъ настоящую охоту, такъ какъ значительную часть пищи хомяка составляютъ живыя существа. Маленькихъ птицъ, мышей, ящерицъ, мѣдвяницъ, ужей и насѣкомыхъ онъ ѣстъ еще охотнѣе, чѣмъ растительную пищу.

Хомякъ такъ же, какъ и другіе, подверженъ зимней спячкѣ. Онъ просыпается, какъ только земля оттаетъ, часто уже въ февралѣ, а въ мартѣ навѣрно. Сначала онъ еще не открываетъ своихъ закупоренныхъ выходовъ, но спокойно остается въ своей норѣ и питается заготовленными запасами. Старые самцы открываютъ входное отверстіе около половины марта; старыя самки — около начала апрѣля. Въ это время они уже ищутъ пищу снаружи.

Недѣли 4—5 спустя послѣ случки, первый разъ къ концу мая, второй разъ въ іюлѣ, самка мечетъ въ своемъ мягкомъ и тепломъ гнѣздѣ 6—18 дѣтенышей. На 14-й день своей жизни молодые хомяки уже начинаютъ копать землю, и какъ только они умѣютъ это дѣлать, недружелюбная старая самка уже дѣлаетъ ихъ самостоятельными, т. е. она попросту выгоняетъ ихъ изъ гнѣзда и этимъ вынуждаетъ ихъ собственными силами снискать себѣ пропитаніе. Повидимому, это дается маленькимъ хомякамъ не особенно трудно, потому что уже на пятый или шестой день жизни, когда они еще почти голы и еще совсѣмъ слѣпы, они уже умѣютъ взять передними лапками хлѣбное зерно и пускаютъ въ ходъ свои острые зубки. Въ опасности эти маленькія созданья, какими-бы они еще жалкими ни выглядѣли, очень быстро прячутся по разнымъ угламъ, хотя большинство слѣдуетъ за матерью. Послѣдняя, вопреки своей обыкновенной злости, своему бѣшенству, мужеству и смѣлости, дѣлается трусливой, когда приходится защищать свое потомство и постыднѣйшимъ образомъ обращается въ бѣгство, какъ только она чувствуетъ, что приближаются къ ней или ея дѣтямъ; она забирается съ ними въ глухой конецъ какого-нибудь хода и съ очень большой быстротой забиваетъ его землей со стороны гнѣзда, или съ удивительной быстротой и ловкостью роется дальше.

Какъ только созрѣютъ полевые плоды, хомяки дѣятельно занимаются жатвой. Почки льна, большіе полевые бобы и горохъ, повидимому, предпочитаются всѣмъ другимъ плодамъ. Только тамъ, гдѣ хомякъ совершенно спокоенъ, онъ собираетъ свою жатву днемъ; но обыкновенно его рабочимъ временемъ являются первая половина ночи и утро до солнечнаго восхода. Онъ нагибаетъ передними лапами высокій стебель; въ одинъ приемъ откусываетъ колось, беретъ его обѣими лапами и, повертѣвши его нѣсколько разъ, вымолачиваетъ оттуда зерна и тутъ-же прячетъ ихъ въ свои защечные мѣшки. Такимъ образомъ онъ наполняетъ свои мѣшки насколько окажется возможнымъ; часто хомякъ тащитъ въ своихъ мѣшкахъ домой до 50 гр. зерна, за одинъ разъ. Такимъ образомъ нагруженный хомякъ выглядит необыкновенно потѣшно и является самымъ неловкимъ животнымъ на свѣтѣ. Тогда его безъ страха можно брать руками, потому что набитые защечные мѣшки мѣшаютъ ему кусаться, только не нужно ему дать времени выбросить зерно — тогда онъ снова въ состояніи защищаться.

Въ началѣ октября, когда становится холодно и поля пустѣютъ, хомякъ начинаетъ серьезно думать объ устройствѣ зимняго жилища. Ложе дѣлается небольшимъ и выстилается обильно самой мягкой соломой. Лѣнтяй хомякъ къ этому времени отъѣдается и когда онъ достаточно жиренъ, наконецъ, укладывается, свернувшись, ко сну. Во время спячки члены его холодны какъ ледъ и ихъ съ трудомъ можно согнуть и если это сдѣлать насильно, то они быстро принимаютъ прежнее положеніе, какъ только ихъ отпустятъ, подобно тому, какъ это бываетъ у мертвыхъ животныхъ; глаза сомкнуты. Ни дыханіе, ни сердцебіеніе не чув-

ствуются. Обыкновенно сердце бьется 14—15 разъ въ минуту. Передъ пробужденіемъ прежде всего замѣчается уменьшеніе окоченѣлости. Потомъ начинается дыханіе; слѣдуютъ нѣсколько движеній; спящій зѣваетъ и издаетъ хрипящій звукъ, вытягивается, открываетъ глаза, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, покачиваясь, какъ пьяный; пробуетъ сѣсть, валится, снова подымается, старается опомниться и, наконецъ, начинаетъ медленно бѣгать кругомъ; онъ ѣстъ немедленно, какъ только ему что-нибудь дадутъ; чистится и оправляется и, наконецъ, выглядитъ совсѣмъ бодрымъ. Въ постоянно натопленной комнатѣ хомяковъ можно продержатъ бодрствующими круглый годъ; но они себя дурно чувствуютъ и скоро умираютъ.

Нужно считать за счастье, что у хомяка, который такъ необыкновенно быстро размножается и приносить такой значительный вредъ, — такъ много враговъ. Сарычи и совы, вороны и много другихъ птицъ, но больше всѣхъ хорьки и ласки постоянно его преслѣдуютъ и убиваютъ, гдѣ и когда только представится случай.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ люди выступаютъ противъ хомяка въ настоящій походъ. Главной добычей этой охоты являются запасы, собранные этимъ своеобразнымъ животнымъ. Эти, найденныя въ кладовыхъ, хлѣбныя зерна моются, высушиваются и, наконецъ, мелются какъ всякое другое зерно. Шкурка хомяка употребляется съ пользою; опытъ показалъ, что изъ нея получается прекрасный, легкій и прочный мѣхъ. Во многихъ мѣстностяхъ употребляютъ въ пищу мясо хомяка.

Семейство полевокъ (*Arvicolidae*) охватываетъ большое число мелкихъ, другъ на друга похожихъ грызуновъ, которые во многомъ еще напоминаютъ мышей и потому раньше причислялись къ нимъ. По наружности онѣ отличаются главнымъ образомъ толстымъ туловищемъ, большой головой, совсѣмъ спрятанными въ шерсти и мало торчащими ушами и короткимъ хвостомъ, который самое большее составляетъ двѣ трети длины туловища.

Полевки обитаютъ сѣверъ Старого и Нового Свѣта. Онѣ живутъ какъ на равнинахъ, такъ и въ горахъ; на обработанныхъ земляхъ и на довольно пустынныхъ, въ поляхъ, лугахъ и садахъ, по берегамъ рѣкъ, ручьевъ, озеръ и прудовъ, гдѣ сами себѣ выкапываютъ норы. Почти всѣ избѣгаютъ близости человѣка и только немногія забираются иногда въ его хлѣва, амбары, сады. Ихъ норы состоятъ изъ болѣе или менѣе длинныхъ или короткихъ, простыхъ или развѣтвленныхъ ходовъ, отличающихся отъ другихъ ходовъ тѣмъ, что они очень плоски; нѣкоторыя, однако, дѣлаютъ себѣ шалашеобразныя логовища; другія сооружаютъ болѣе или менѣе искусныя жилища. Большинство живетъ въ одиночку или парами; но иногда соединяются и въ большія стаи. Главную ихъ пищу составляютъ растительныя вещества, нѣкоторыя, однако, не пренебрегаютъ и животной пищей. Многія дѣлаютъ себѣ запасы на зиму, хотя въ спячку не впадаютъ. Въ остальномъ онѣ почти вполне напоминаютъ настоящихъ мышиныхъ. Ихъ образъ жизни почти тотъ-же, что у послѣднихъ; ихъ движенія довольно быстры, но не такъ стремительны и ловки, какъ у настоящихъ мышей. Немногіе виды умѣютъ лазать, но почти всѣ мастерски плаваютъ, нѣкоторые и совсѣмъ живутъ въ водѣ; другіе живутъ цѣлыми мѣсяцами въ снѣгу, гдѣ они выкапываютъ себѣ длинные ходы и устраиваютъ искусныя гнѣзда. Нѣкоторые виды предпринимаютъ большія переселенія, вѣроятно, подъ вліяніемъ недостатка пищи и этому нужно приписать тотъ фактъ, что теперь сдѣлались постоянными въ Европѣ многіе виды, прежде жившіе исключительно въ Азіи. Изъ внѣшнихъ чувствъ у нихъ больше всего развито обоняніе и зрѣніе. Ихъ духовныя способности незначительны. Всѣ сильно размножаются, нѣкоторые виды — прямо съ невѣроятной быстротой. Почти всѣ виды для человѣка только вредны; поэтому онъ ихъ съ полнымъ основаніемъ ненавидитъ и всячески преслѣдуетъ.

Мускусная крыса или ондатра (*Fiber zibethicus*) единственный полезный видъ этого семейства; это большая водяная крыса съ длиннымъ

хвостомъ, широкими задними ногами, тупой мордой и ушами, способными закрываться и покрытыми короткой шерстью. Хвостъ закругленъ только у основанія, а дальше приплюснутъ съ боковъ къ концу, заостренъ у верхняго и нижняго края и покрытъ мелкой чешуей. Мѣхъ густой, гладко прилегающій, мягкій и блестящій, подшерстокъ необыкновенно нѣжный, тонкій и короткий; шерсть очень блестящая и вдвое длиннѣе подшерстка. Верхняя сторона бурая, иногда желтоватая; нижняя сторона сѣрая, съ кое-гдѣ красноватымъ оттѣнкомъ; хвостъ черный. Взрослый самецъ достигаетъ приблизительно 58 сантиметровъ, изъ которыхъ около половины приходится на хвостъ.

Ондатра живетъ въ Сѣверной Америкѣ, въ странахъ, лежащихъ между 30° и 60° сѣверной широты. Чаше всего это животное встрѣчается въ обильной водю Канадѣ и въ Аляскѣ. Обыкновеннымъ мѣстопробываніемъ этой крысы, цѣнимой за ея мѣхъ, являются травянистые берега большихъ озеръ или широкія, медленно текущія рѣки, тихіе ручьи и болота, а самымъ любимымъ — небольшіе



Мускусная крыса (*Fiber zibethicus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

пруды, поросшіе камышомъ и водяными растеніями. Здѣсь онѣ семьями или цѣлымъ поселеніемъ живутъ на опредѣленномъ мѣстѣ и находятся въ довольно тѣсной связи другъ съ другомъ. Въ своемъ образѣ жизни она во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ бобра; индѣйцы называютъ этихъ двухъ животныхъ братьями и утверждаютъ, что бобръ старшій и болѣе умный братъ, а ондатра болѣе глупый. Ихъ жилища, такъ же, какъ и у бобра, являются или простыми норами подъ землей со многими выходами, открывающимися подъ водой, или постройками на поверхности земли. Эти постройки, встрѣчающіяся преимущественно на сѣверѣ, круглы и шарообразны, или куполообразны и стоятъ на кучахъ ила, такъ что онѣ находятся надъ поверхностью воды. Стѣны ихъ сдѣланы изъ камыша осоки и ситника, скрѣпленныхъ иломъ; однако, нѣкоторые наблюдатели утверждаютъ, что весь шалашъ дѣлается изъ ила и только постепенно покрывается тонкимъ слоемъ травы и ситника. Въ серединѣ шалашъ имѣетъ только одно помѣщеніе отъ 40 до 60 см. въ діаметрѣ. Въ это помѣщеніе ведетъ ходъ, который открывается на днѣ подъ водою. Другіе глухіе ходы выходятъ изъ этого помѣщенія и идутъ на нѣкоторомъ разстояніи подъ землей; они, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе удлиняются; но они служатъ только для сбора корней водяныхъ растеній. Зимой ондатра мягко выстилаетъ свою хижину водяными лиліями, листьями, травой и камышомъ и заботится также объ ея вентиляціи, для чего хижина въ верхней части купола не замазана, а только покрыта тонкимъ слоемъ растеній, который

пропускает достаточно свѣжаго воздуха и даетъ выходъ негодному. Пока болото или прудъ не вымерзнуть до дна, ондатра живетъ очень уютно въ своемъ тепломъ жилищѣ, снаружи еще защищенномъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ.

Пищу ихъ составляютъ почти исключительно водяныя растенія, хотя въ ихъ постройкахъ находятся также выѣденныя створки раковинъ. На плѣнныхъ Одюбонъ наблюдалъ, что онѣ очень охотно ѣдятъ раковины. Ондатра очень живое, рѣзвое созданіе, когда она въ своей стихіи, въ водѣ. Въ спокойную ночь въ какомъ-нибудь мельничномъ прудѣ или глубокихъ, уединенныхъ водахъ, ихъ можно видѣть во множествѣ рѣзвящимися и плавающими по всѣмъ направленіямъ, оставляя за собой въ водѣ длинныя блестящія полосы; однѣ останавливаются на мгновеніе около кустиковъ травы, на камняхъ или на пняхъ, откуда онѣ могутъ достать находящуюся въ водѣ пищу; другія сидятъ на берегу пруда и оттуда одна за другой, подобно лягушкамъ, прыгаютъ въ воду. Если въ это время выстрѣлить, то начинается ужасное смятеніе и бѣгство. Звукъ выстрѣла заставляетъ цѣлыя десятки погружаться въ воду, другія исчезаютъ въ своихъ норахъ, и все это дѣлается съ ни съ чѣмъ несравнимой быстротой.

О размноженіи ондатры мы знаемъ еще очень мало. Самка мечетъ въ своей постройкѣ или въ подземной норѣ 3—6 дѣтенышей. Пойманныя молодыми, онѣ очень легко приручаются, и вообще всѣ полевки отличаются необыкновенно кроткимъ нравомъ. Старыя ондатры остаются неприступными и кусаются, ихъ можно держать только въ ящикахъ, со всѣхъ сторонъ выложенныхъ жестью. Этихъ животныхъ преслѣдуютъ не столько изъ-за причиняемаго ими вреда, сколько ради ихъ цѣнной шкурки. Мѣхъ употребляется теперь на шубы, воротники и муфты и особенно много въ Америкѣ и Китаѣ. Но многіе не любятъ его за мускусный запахъ, который долго не исчезаетъ, а мясо употребляется только индѣйцами, такъ какъ этотъ мускусный запахъ проникаетъ его такъ сильно, что европейцы со всѣмъ не могутъ его ѣсть.

Мускусныхъ крысъ завлекаютъ въ западни, гдѣ приманкою служатъ яблоки, или ставятъ капканы передъ ихъ норами, или убиваютъ ихъ въ постройкахъ. Индѣйцы очень точно узнаютъ, какія постройки обитаемы; неслышно приближаются къ нимъ и съ возможно большей силой пробиваютъ острымъ копьемъ стѣны хижины, при чемъ они этимъ же ударомъ пронизываютъ сидящихъ внутри обитателей.

*

Къ мускусной крысѣ можно причислить полевокъ и родственныхъ (*Arvicola*).

Среди членовъ этого семейства ни одинъ не является для насъ такимъ замѣтнымъ и ненавистнымъ, какъ водяная крыса, земляная крыса, полевая крыса, хомяковая крыса (*Arvicola* [*Paludicola*] *amphibius*); это одинъ изъ вреднѣйшихъ грызуновъ; животное, хорошо извѣстное естествоиспытателямъ, такъ какъ неоднократно являлось между ними яблокомъ раздора. Одни говорятъ, что есть только одинъ видъ водяныхъ крысъ; другіе, что и земляная, и полевая крысы, слишкомъ хорошо извѣстныя садовладѣльцамъ, должны разсматриваться какъ самостоятельный видъ, несмотря на ихъ большое сходство съ водяной крысой, отъ которой онѣ отличаются образомъ жизни. Эта разница въ образѣ жизни между этими животными всегда остается рѣзко опредѣленной. Водяная крыса живетъ, какъ говоритъ уже ея имя, у воды и въ водѣ, преимущественно стоячей; она живетъ въ самостоятельно выкопанныхъ подземныхъ норахъ, которыя, начиная отъ уровня воды, идутъ наклонно кверху и оканчиваются обширной котловиной, а собственно жилое помѣщеніе обыкновенно ведетъ отсюда внизъ въ воду; въ водѣ она постоянно плаваетъ по всѣмъ направленіямъ и ей и въ голову не приходятъ болѣе далекія путешествія. Земляная крыса, напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ живетъ вдали отъ воды и, повидимому, очень мало объ ней беспокоится; она выкапываетъ себѣ длинныя, плоскія норы, на подобіе кротовыхъ, при этомъ подгрызаетъ растенія, стоящія

надъ ея ходомъ, поѣдаетъ его корни и этимъ вредить гораздо больше, чѣмъ это когда-либо можетъ сдѣлать кротъ своимъ подкапываніемъ.

Это спорное животное достигаетъ 21—24 см. длины, изъ которыхъ на хвостъ приходится 6,5—8,5 см. Мѣхъ можно считать одноцвѣтнымъ, потому что сѣро-бурая или черно-бурая верхняя поверхность постепенно переходитъ въ нѣсколько болѣе свѣтлую нижнюю поверхность, которая бываетъ бѣловатой или сѣрой, доходящей до черной или черно-сѣрой. Отъ домової крысы водяная крыса сразу отличается толстой, круглой, короткой головой съ чрезвычайно короткими ушами, едва достигающими четверти длины всей головы и спрятанными въ шерсти. Встрѣчаются различныя отклоненія въ ихъ окраскѣ, такъ что замѣтно выдѣляются три разновидности въ этомъ родѣ: наша водяная крыса, итальянская земляная крыса и полевая крыса.



Водяная крыса (*Arvicola amphibius*). $\frac{2}{3}$ естеств. велич.

Водяная крыса распространена очень широко и вездѣ встрѣчается нерѣдко. Область ея распространенія простирается отъ Атлантическаго океана до Охотскаго моря и отъ Бѣлаго до Средиземнаго моря, гдѣ она встрѣчается какъ на равнинахъ, такъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ, и даже въ высокихъ горахъ.

Водяныя крысы и земляныя крысы своимъ образомъ жизни очень напоминаютъ кротовъ, а также мускусную крысу и другихъ, живущихъ въ водѣ грызуновъ. Норы вблизи воды обыкновенно бываютъ проще, чѣмъ въ садахъ и поляхъ. Тамъ, какъ уже было замѣчено, наклонный ходъ ведетъ къ жилому помѣщенію, которое своевременно выстилается мягкой подстилкой; въ садахъ и поляхъ эти животныя роютъ себѣ ходы, которые могутъ тянуться на протяженіи нѣсколькихъ сотенъ шаговъ, выбрасываютъ при этомъ на поверхность холмики, подобно кротамъ, и свое жилое помѣщеніе устраиваютъ въ какомъ-нибудь холмикѣ побольше. Эти длинные ходы большею частью тянутся очень близко отъ поверхности земли, очень рѣдко глубже, чѣмъ проникаютъ корни растеній; часто-же они бываютъ такъ близко къ поверхности земли, что при рытвѣ земля надъ ходомъ приподымается и, покрывающій ходъ слой земли, достигаетъ всего 2—3 см. Такіе ходы очень часто разрушаются и дѣлаются непроходимыми; но земляная крыса неумоимо ихъ поправляетъ, даже тогда, когда ей приходится повторять эту работу нѣсколько разъ въ день. Ея ходы легко отличаются отъ кротовыхъ тѣмъ, что

земляные холмики гораздо неравномернѣе и заключаютъ болѣе крупные комки земли, тянутся не прямыми рядами и никогда не оставляются снаружи открытыми. Въ своихъ норахъ полевая крыса живетъ парами; но одна пара охотно селится близко отъ другой пары. Это животное бѣгаетъ не особенно скоро, зато превосходно роетъ землю и очень искусно плаваетъ, хотя и не такъ замѣчательно, какъ водяная крыса. Въ тихихъ мѣстностяхъ ее можно видѣть дѣятельно какъ ночью, такъ и днемъ, но она очень осторожна и прячется въ нору, какъ только замѣтитъ, что ее наблюдаютъ. Только когда она находится въ камышахъ, она свободно позволяетъ себя наблюдать. Между тѣмъ въ Иоганнопаркѣ въ Лейпцигѣ, живущія тамъ водяныя крысы, такъ привыкли къ часто очень оживленному движенію людей, что позволяютъ себя наблюдать очень долго и въ какое угодно время дня, особенно если явиться съ провизіей. Онѣ устроились подъ однимъ мостомъ, перекинутымъ черезъ самый узкій рукавъ паркового пруда и плаваютъ по всѣмъ направленіямъ безъ всякой робости, когда проходящія черезъ мостъ, или собравшіяся тамъ дѣти съ криками радости бросаютъ имъ что-нибудь съѣдобное. Первоначально это можетъ быть предназначалось для рыбъ или лебедей, но эти лакомства привлекаютъ и водяныхъ крысъ, и большею частью подбираются этими ловкими пловцами.

Между внѣшними чувствами у водяной крысы, повидимому, особенно хорошо развиты зрѣніе и слухъ. Въ духовномъ развитіи онѣ выгодно отличаются отъ крысъ. Онѣ любопытны, довольно добродушны, но вообще ограничены. Пищу онѣ выбираютъ себѣ преимущественно въ растительномъ царствѣ и потому часто становятся безусловно вредными, особенно если выбираютъ своимъ мѣстомъ жительства — сады.

Въ прудахъ водяная крыса причиняетъ сравнительно гораздо меньше вреда, не считая, конечно, того, что она прорываетъ плотины и такимъ образомъ открываетъ водѣ совсѣмъ нежелательные выходы. Тамъ ея пища состоитъ главнымъ образомъ изъ камышевыхъ стеблей. Но онѣ не пренебрегаютъ и животной пищей. Въ водѣ онѣ ѣдятъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, маленькихъ лягушекъ, рыбъ и раковъ; на землѣ онѣ преслѣдуютъ полевыхъ и другихъ мышей, поѣдаютъ яйца птицъ, выводящихся въ травѣ, у кожевенниковъ поѣдаютъ цѣлые куски размяченныхъ кожъ. Осенью онѣ расширяютъ свои постройки устройствомъ кладовой, которая ходами соединяется съ ихъ старымъ гнѣздомъ. Эти кладовыя онѣ наполняютъ изъ ближайшихъ садовъ и полей горохомъ, бобами, луковицами и картофелемъ; этимъ запасомъ онѣ живутъ въ теченіе поздней осени и ранней весны или пока погода еще умѣренна. Только при сильныхъ морозахъ онѣ впадаютъ въ глубокой сонъ, но при этомъ однако не окоченѣваютъ.

Размноженіе водяныхъ крысъ и земляныхъ крысъ идетъ быстро. Три, четыре раза въ году въ ихъ теплыхъ, мягко выстланныхъ подземныхъ гнѣздахъ можно найти по 2 — 7 дѣтенышей, и часто послѣдніе въ одномъ гнѣздѣ бываютъ разнаго цвѣта. Ихъ гнѣзда иногда встрѣчаются въ густомъ, низкомъ тернистомъ кустарникѣ прямо на землѣ, иногда также въ камышахъ.

Держать водяную крысу въ неволѣ трудно. Она нѣжна, требуетъ хорошаго ухода и никогда окончательно не приручается.

Высоко на Альпахъ, тамъ, гдѣ прекращается всякая животная жизнь, живетъ другой видъ этого семейства, который противостоитъ всѣмъ временамъ года и не думаетъ зимой искать защиты въ глубинѣ земли, подобно другимъ грызунамъ. Мы еще до сихъ поръ не знаемъ ничего достовѣрнаго объ этихъ животныхъ, хотя самые настойчивые естествоиспытатели занимались изслѣдованіемъ ихъ жизни; причина тому негостепріимство ихъ родины, ставящей слишкомъ большія трудности на пути наблюдателя.

Подснежная мышь (*Arvicola* [*Paludicola*] *nivalis*) — маленькая полевка 18 см. общей длины, или почти 12,5 см. длина туловища и 6,8 см. длина хвоста. Мѣхъ у нея двуцвѣтный; на верхней сторонѣ свѣтло-буровато-сѣрый, на срединѣ спины темнѣе, чѣмъ по бокамъ; на нижней сторонѣ довольно рѣзко отграниченной отъ верхней, сѣровато-бѣлый. Встрѣчаются постоянныя отклоненія.

Въ ея образѣ жизни, сколько извѣстно, не замѣчается никакихъ особенностей. „Между всѣми мышами“, говоритъ Блазіусъ, „подснѣжная мышь имѣетъ наименьшую, но наиболѣе своеобразную область распространенія. Мѣстомъ ея обитанія является цѣпь Альпійскихъ горъ на всемъ протяженіи. Кромѣ того, Селисъ получалъ ее изъ Пиренеевъ. Мнѣ не извѣстно примѣра, чтобы она жила въ Альпахъ постоянно ниже 1000 метровъ надъ уровнемъ моря; даже на высотѣ 1300 м. она, повидимому, встрѣчается рѣдко. Но начиная съ этой высоты она встрѣчается на всѣхъ высотахъ до самой крайней границы растительной жизни. Вблизи снѣжной границы она встрѣчается всего чаще и даже подымается выше снѣжной границы и живетъ на всѣхъ клочкахъ земли, гдѣ есть растенія, на всѣхъ покрытыхъ скудною альпійскою растительностью обнаженныхъ мѣстахъ, среди снѣжныхъ полей, расположенныхъ на южной сторонѣ высокихъ альпійскихъ вершинъ, гдѣ едва только въ теченіе 2 — 3 мѣсяцевъ солнечные лучи растопляютъ еженедѣльно выпадающій снѣгъ и обнажаютъ землю на протяженіи нѣсколькихъ шаговъ. Въ этомъ величественномъ горномъ уединеніи она проживаетъ не только прекрасное короткое альпійское лѣто, но и 9 — 10 мѣсячную, жестокую альпійскую зиму, оставаясь все время похороненной подъ неразрушимымъ снѣжнымъ покровомъ; она на зиму никуда не странствуетъ, но прокладываетъ себѣ ходы подъ снѣгомъ для отысканія корней растений, если ей не хватаетъ собранныхъ запасовъ. Никакое другое млекопитающее не въ состояніи долго слѣдовать за подснѣжной мышью въ эту, лишенную жизни область воздушныхъ, холодныхъ альпійскихъ высотъ; только иногда, случайно, въ качествѣ смертельнаго врага по ея слѣдамъ послѣдуетъ ласочка или горностай“.

Подснѣжная мышь стала извѣстна естествоиспытателямъ всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Нагеръ нашелъ ее въ 1841 г. въ Андерматтѣ на Ст.-Готтардѣ, Мартинсъ нашелъ ее на Фаулгорнѣ, Гуги — на высочайшемъ гребнѣ Штралека, выше 3000 м., и на Финстерааргорнѣ на высотѣ 3600 метр. надъ уровнемъ моря, среди зимы въ альпійской хижинѣ. Блазіусъ наблюдалъ подснѣжную мышшь на горахъ Шамбери, на Монбланѣ и на Бернинѣ на высотѣ 3600 м., всего на разстояніи нѣсколькихъ квадратныхъ футовъ отъ обнаженной отъ снѣгу вершины Пицъ-Лангуарда въ верхнемъ Этцталѣ.

Жизнь, которую ведетъ подснѣжная мышь на своей негостепріимной, печальной и бѣдной родинѣ, остается до сихъ поръ загадочной. Извѣстно, что она питается растеніями, преимущественно корнями и альпійскими травами и сѣномъ, и изъ нихъ же собираетъ запасы на зиму; но почти непонятно, какъ она находитъ себѣ достаточно пищи во многихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она живетъ.

Наша лѣсная полевка (*Arvicola* [*Hypridaeus*] *glareolus*) — маленькое животное, длина туловища котораго равняется 10 см. и хвостъ 4,5 см.; она двуцвѣтна, сверху красно-бураго цвѣта, къ пахамъ сѣроватаго, а на брюхѣ и ногахъ рѣзко отдѣляющагося бѣлаго цвѣта.

Она обыкновенно встрѣчается въ лиственныхъ лѣсахъ и на лѣсныхъ опушкахъ, а также въ кустарникахъ и въ садахъ, напоминающихъ парки. Она извѣстна и въ Венгріи, Кроаціи, Молдавіи и Россіи. Она питается больше животной, чѣмъ растительной пищей; преимущественно ѣстъ насекомыхъ и червей, на волѣ ловитъ ту или другую птичку, а въ неволѣ охотно ѣстъ мясо, но не пренебрегаетъ и хлѣбными зернами, сѣменами, клубневыми корнями, а зимой охотно берется и за кору молодыхъ деревьевъ. Если ихъ много въ какомъ-нибудь лѣсу, то онѣ могутъ приносить огромный вредъ обгрызаніемъ коры съ молодыхъ деревьевъ и полнымъ уничтоженіемъ большихъ участковъ молодыхъ посадокъ. Изъ лѣсу она рѣдко удаляется, но иногда посѣщаетъ сосѣднія поля и тогда наноситъ тамъ также много вреда, какъ и другіе члены этого семейства.

Она легко уживается въ клѣткѣ и скоро очень приручается. Съ себѣ подобными или родственными животными она отлично уживается.

Представительницей другого подсемейства полевокъ является земляная полевка (*Arvicola agrestis*). Мѣхъ двучвѣтный, сверху темный черновато-буро-сѣрый, къ пахамъ нѣсколько свѣтлѣе, внизу и на ногахъ сѣро-бѣлый; хвостъ также сверху темно-бурый, а снизу сѣро-бѣлый.

Земляная полевка живетъ на сѣверѣ Старога Свѣта: въ Скандинавіи, Даніи, Британіи, сѣверной Германіи и Франціи; обыкновенно она живетъ въ кустарникахъ, лѣсахъ, лѣсныхъ опушкахъ, въ канавахъ и на плотинахъ и т. д.; но всегда только въ богатыхъ водою мѣстностяхъ, часто вмѣстѣ съ другими сородичами. Пищу употребляетъ преимущественно растительную. Въ своихъ движеніяхъ она такъ беспомощна, что ее безъ большого труда можно поймать прямо руками. При этомъ она совсѣмъ не боязлива и появляется большею частью днемъ передъ входомъ въ свою нору. Круглое гнѣздо находится подъ самой поверхностью земли, но хорошо защищено съ этой стороны густыми пучками травы или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Въ этихъ гнѣздахъ 3—4 раза въ году можно найти по 4—7 дѣтенышей, которые скоро вырастаютъ и съ самаго начала похожи на своихъ родителей. Ихъ легко держать въ неволѣ.

Между вышеназванными полевками выдѣляются собственно полевые полевки, которыя въ Европѣ и сѣверной Азіи встрѣчаются во многихъ видахъ, отличаются онѣ отъ другихъ главнымъ образомъ зубной системой. У насъ встрѣчаются два вида настоящихъ полевыхъ полевокъ: и два — луговыхъ. Изъ нихъ больше одной не заслуживаютъ точнаго описанія.

Самый важный членъ этого подсемейства — это полевая полевка (*Arvicola arvalis*, рис. на стр. 488), маленькое животное, общая длина котораго равняется 14 см., изъ нихъ длина туловища равняется 11 см., а длина хвоста — 3 см. Мѣхъ — неясно двучвѣтный; на верхней сторонѣ желтовато-сѣрый, на бокахъ свѣтлѣе, на нижней сторонѣ — грязный ржаво-бѣлый; ноги болѣе чисто бѣлаго цвѣта.

Вся средняя и часть сѣверной Европы, а также западная часть, средняя и сѣверная Азія являются родиной этого маленькаго созданія, имѣющаго такое большое значеніе для человѣческаго хозяйства. Въ Европѣ полевая полевка доходитъ до сѣверныхъ губерній Россіи, въ Азіи — на югъ до Персіи, на западъ — до Оби. Въ Ирландіи, Исландіи, на Корсикѣ, Сардиніи и Сициліи она совершенно отсутствуетъ. Она столько-же является жительницей равнины, какъ и горъ, но встрѣчается чаще въ равнинахъ. Въ Альпахъ она подымается до 2000 м. надъ уровнемъ моря. Она селится преимущественно въ лишенныхъ деревьевъ мѣстностяхъ, лугахъ и поляхъ, рѣже на опушкахъ лѣса и лѣсныхъ полянахъ; но она живетъ не только на сухихъ воздѣланныхъ земляхъ, но и на сырыхъ, болотистыхъ низинахъ. Здѣсь она въ сухихъ кочкахъ устраиваетъ свои гнѣзда и ходы, а на поляхъ она роетъ себѣ мелкіе ходы съ 4—6 входными отверстіями, которыя снаружи соединены утоптаннми, углубленными дорожками. Осенью она прячется подъ хлѣбныя скирды или селится въ жилищахъ, въ амбарахъ, хлѣвахъ и погребкахъ. Въ домахъ она выбираетъ преимущественно подвалы, а не чердаки, какъ настоящія мыши. Зимой она прокапываетъ длинные ходы подъ снѣгомъ. Гдѣ возможно, она собираетъ запасы изъ хлѣбныхъ зеренъ и другихъ сѣмянъ; но если наступаетъ недостатокъ пищи, полевки переселяются цѣлымъ обществомъ, обыкновенно просто въ ближайшее поле; иногда-же — цѣлыми стаями переселяются изъ одной мѣстности въ другую, причемъ перебираются черезъ горные хребты и вплавъ черезъ широкія рѣки. Онѣ хорошо бѣгаютъ, отлично плаваютъ, но лазаютъ мало и плохо; зато мастерски роютъ. Онѣ роютъ быстрѣе всѣхъ другихъ мышей и, повидимому, неутомимы въ постройкѣ своихъ норъ. По своему образу жизни она столько-же дневное, сколько и ночное животное. Ихъ можно увидѣть внѣ ихъ норъ даже при сильнѣйшемъ солнцѣ, хотя, повидимому, предпочитаютъ утреннее и вечернее время жаркому полдню. Тепло и сухость необходимое для нихъ жизненное условіе; при продолжительной сырости онѣ погибаютъ.

Пища ихъ состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ растительныхъ веществъ. Если имѣются сѣмена, то онѣ ими пользуются преимущественно, въ противномъ случаѣ онѣ довольствуются свѣжими травами и овощами, корнями и листьями,

клеверомъ, плодами и ягодами. Буковые и другіе орѣхи, хлѣбныя зерна, рѣпа и картофель сильно терпятъ отъ полевокъ. Въ самое суровое время года онѣ впадаютъ въ непрерывную зимнюю спячку. Въ сносную погоду она просыпается и ѣстъ изъ своихъ запасовъ. Она невѣроятно прожорлива и ей требуется для насыщенія очень много; она не можетъ также обойтись безъ воды.

Полевки чрезвычайно общительны и живутъ довольно согласно другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ парами, но чаще большими стаями, поэтому ихъ норы тянутся цѣлыми рядами. Размножаются онѣ необыкновенно быстро.

„При благопріятныхъ условіяхъ“, говоритъ Блазіусъ, „полевые полевки невѣроятно размножаются. Есть много примѣровъ, когда, благодаря ихъ чрезмѣрному размноженію, на большомъ пространствѣ уничтожается большая часть жатвы и совершенно уничтожаются молодые посадки буковыхъ деревьевъ въ 1000 мор-



Полевая полевка (*Arvicola arvalis*). $\frac{2}{3}$ естест. велич.

геновъ (моргенъ = 561 кв. с. съ лишкомъ) тѣмъ, что онѣ обгрызаютъ съ нихъ кору. Въ двадцатыхъ годахъ этотъ бичъ страны являлся нѣсколько разъ на нижнемъ Рейнѣ.

Чтобы показать, въ какихъ массахъ появляются часто полевые полевки, я напому, что въ 1822 году въ теченіе 14 дней ихъ было поймано въ одномъ Цабернскомъ округѣ — 1,570,000 штукъ, въ округѣ Нидда — 590,327, а въ участкѣ Путцбахѣ — 271,941 штука. Лѣтомъ 1861 г. въ окрестностяхъ Алсгейма въ Рейнгессенѣ было поймано 409,523 мыши и 4707 хомяковъ и за нихъ изъ общинной кассы было выплачено 2593 гульдена. Многія семьи во время этого мышиного преслѣдованія заработали, благодаря дѣятельности своихъ дѣтей, по 50. 60 и больше гульденовъ; а одному особенно счастливому отцу его предпріимчивые мальчуганы заработали 142 гульдена. Онъ купилъ за эти деньги маленькій клочекъ земли, который навсегда получилъ названіе „мышиного участка“.

Къ сожалѣнію, человѣкъ почти безсиленъ противъ этихъ мышей. Всѣ истребительныя средства, которыя до сихъ поръ измышлялись, оказываются недостаточными противостоятъ огромному размноженію этихъ прожорливыхъ полчищъ. Единственнымъ спасеніемъ являются свирѣпствующія у нихъ иногда заразные болѣзни, а также значительная масса хищныхъ животныхъ, къ которымъ человѣкъ такъ враждебно относится. Съ успѣхомъ употребляютъ западни, которыя заключаются въ томъ, что роютъ ямы въ 12—18 см. въ діаметрѣ и 60 см. глубины; попадающія туда мыши не стараются выкапывать себѣ выходы для бѣгства; а посте-

ценно поѣдаютъ другъ друга, по мѣрѣ того какъ туда попадаютъ и такимъ образомъ сами себя уничтожаютъ. Наполняютъ также дымомъ ихъ норы, бросаютъ туда отравленные зерна, поливаютъ даже цѣлыя поля растворомъ рвотнаго орѣха или кипариснаго молочая, короче — употребляютъ всѣ средства, чтобы избавиться отъ этого ужаснаго наказанія; но обыкновенно всѣ эти средства почти что бесполезны, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ отравленіе, даже чрезвычайно опасны. Даже самыя сильныя яды не уничтожаютъ всѣхъ полевыхъ полевокъ какого нибудь участка, но непременно вредятъ ихъ злѣйшимъ врагамъ, т. е. нашимъ друзьямъ: лисицамъ, хорькамъ, горностаямъ, ласкамъ, сарычамъ, совамъ, воронамъ, а также куропаткамъ, зайцамъ и домашнимъ животнымъ, начиная отъ голубя и кончая рогатымъ скотомъ и лошадыю. Это во всякомъ случаѣ достаточное основаніе, чтобы отказаться совершенно отъ такого разливанія отравы.

Въ Сибири отъ Оби до Онона встрѣчается полевка, которая заслуживаетъ вниманія, хотя по другимъ причинамъ, чѣмъ полевая полевка. Это — корнеѣдка (*Arvicola oesonotus*). Она нѣсколько больше нашей полевой полевки; ея общая длина 18 см., изъ нихъ 5 см. — длина хвоста; сверху онѣ свѣтло-желтовато-сѣрыя, снизу — сѣрыя. Отъ полевой полевки она отличается болѣе короткой головой, меньшими глазами и короткими, почти спрятанными въ мѣху ушами.

Корнеѣдка встрѣчается на равнинахъ часто въ большомъ количествѣ и считается бѣдными обитателями тѣхъ печально-пустынныхъ странъ настоящей благодѣтельница, такъ какъ она здѣсь работаетъ на пользу человѣку, а не во вредъ ему. Подъ дерномъ она прокладываетъ себѣ длинныя ходы, которые ведутъ къ большому круглому гнѣзду въ 30 см. въ діаметрѣ; оно лежитъ на небольшой глубинѣ и соединено съ нѣсколькими, очень обширными кладовыми. Гнѣздо выстлано всевозможными растительными веществами и служитъ полевкѣ ложемъ; тамъ-же она мечетъ своихъ дѣтенышей. Кладовыя она наполняетъ разными кореньями.

Осенью, когда кладовыя полевки бываютъ наполнены, инородцы язычники, которые не занимаются земледѣліемъ, выкапываютъ лопатой эти коренья, выбираютъ изъ нихъ бѣлые одуряющіе и выбрасываютъ, и сохраняютъ черныя коренья черноголовника, которые они употребляютъ не только въ пищу, но еще какъ чай. Бѣдные туземные обитатели часто цѣлую зиму питаются этими запасами, которые они отнимаютъ у полевокъ; то, чего они не захватятъ, выкапываютъ дикія свиньи, и если при этомъ имъ попадется на зубы полевка, то онѣ сожрутъ и ее.

У этихъ полевокъ и другихъ имъ родственныхъ очень большая склонность къ переселеніямъ. Къ огорченію туземцевъ, полевки часто весною поднимаются съ мѣста и цѣлыми полчищами тянутся на западъ, всегда въ прямомъ направленіи, черезъ рѣки и горы. Тысячи изъ нихъ тонутъ и поѣдаются рыбами и утками, другія тысячи пожираются лисицами и соболями, которые сопровождаютъ эти походы.

*

Лемминги (*Myodes*) среди полевокъ по наружности и образу жизни напоминаютъ хомяка изъ собственно мышиныхъ; они также самые плотно сложенные, короткохвостые члены всего рода. Относительно большая голова густо покрыта шерстью, верхняя губа глубоко разсѣчена, круглое ухо мало и совсѣмъ спрятано въ мѣху, глаза также малы; пятипалыя ноги покрыты густою шерстью даже на подошвахъ; на переднихъ иногда бываютъ большіе когти для копанья.

Первообразъ этого рода — пеструшка или леммингъ (*Myodes lemmus*, *Lemmus norwegicus*, рисун. на стр. 490) достигаетъ общей длины 15 см., изъ которыхъ самое большее 2 см. приходится на хвостъ-обрубокъ. Густой и длинный мѣхъ очень красиво окрашенъ; общая окраска буро-желтая, на затылкѣ шерсть волнистая, на ней выдѣляются темныя пятна; отъ глазъ къ задней части головы тянутся двѣ желтыя полосы. Хвостъ и лапы желтыя; нижняя сторона туловища одноцвѣтно-желтая, почти песочнаго цвѣта.

Леммингъ безусловно самое загадочное животное всего Скандинавскаго полуострова. Еще въ настоящее время крестьяне горныхъ мѣстностей думаютъ, что они падаютъ съ неба въ видѣ дождя, чѣмъ объясняется, почему они появляются въ такомъ огромномъ количествѣ; а потомъ, благодаря своей прожорливости, они портятъ себѣ желудки и потому погибаютъ. Олаусъ Магнусъ рассказываетъ, что онъ въ 1518 г. видѣлъ въ одномъ лѣсу очень много горностаевъ, которые наполняли весь лѣсъ своимъ запахомъ. Этому были причиной маленькія четвероногія животныя по названію лемаръ, которыя иногда падаютъ съ неба при внезапной бурѣ и дождѣ; неизвѣстно, приносятся-ли они изъ отдаленныхъ мѣстъ, или образуются въ тучахъ.



Пеструшка (*Myodes lemmus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

Другіе рассказчики попросту списываютъ рассказъ епископа и только впервые Линней въ шведскомъ сочиненіи за 1740 г. описываетъ лемминга согласно дѣйствительности и такъ подробно, что къ его описанію можно прибавить немного. Я самъ, къ моему удовольствію, въ 1860 г. видѣлъ лемминговъ въ большомъ количествѣ на Дофрефіельдѣ и могъ сдѣлать непосредственныя наблюденія.

Животныя эти очень милы; они похожи на маленькихъ сусликовъ или хомяковъ, которыхъ они во многомъ напоминаютъ своимъ характеромъ. Они живутъ на сравнительно сухихъ мѣстахъ болотъ, которыя покрываютъ такую значительную часть Норвегіи; здѣсь они селятся въ маленькихъ пустотахъ подъ камнями или во мху; но ихъ можно часто видѣть шныряющими между маленькими кочками, подымающимися изъ болота. Изрѣдка ихъ норы бываютъ соединены протоптанными дорожками; длинные ходы они себѣ роютъ только въ снѣгу. Они бодрствуютъ и находятся въ движеніи и днемъ и ночью. У нихъ семенящая, но быстрая походка, хотя человекъ легко можетъ настичь лемминга. Они боятся и избѣгаютъ воды; если ихъ бросить въ большой сосудъ съ водою или въ ручеекъ, они визжатъ и ворчатъ съ неудовольствіемъ и стараются какъ можно скорѣе снова

выбраться на сухую землю. Они обыкновенно сами себя выдаютъ; часто они сидятъ спокойно въ своихъ норахъ, будучи такъ хорошо спрятаны, что мимо проходящіе навѣрное не могли бы ихъ замѣтить; но появленіе человѣка возбуждаетъ ихъ такъ сильно, что они не въ состояніи молчать. Съ громкимъ рычаніемъ и визгомъ, напоминающимъ морскихъ свинокъ, привѣтствуютъ они приближающагося врага, какъ бы желая запретить ему входъ въ ихъ владѣнія. Только если они бѣгаютъ снаружи, то съ приближеніемъ человѣка они обращаются въ бѣгство, — спѣшатъ къ какой-нибудь дырѣ и тамъ прячутся. Тогда они уже оттуда не выйдутъ, хотя бы ихъ тамъ убили или взяли живьемъ.

Меня этотъ храбрый народецъ забавлялъ невѣроятно; я никогда не могъ упустить случая вызвать ихъ на бой. Разъ уже леммингъ выступилъ — онъ никогда не отступаетъ. Если имъ въ такомъ случаѣ подставить сапогъ, они въ него вцѣпляются, точно такъ же въ палку, или дуло ружья, хотя бы даже и замѣчали, что они здѣсь ничего не могутъ подѣлать. Многіе изъ нихъ такъ сильно вцѣплялись въ мои брюки, что я съ трудомъ могъ ихъ стряхнуть. Въ такихъ бояхъ они приходятъ въ большое бѣшенство и тогда вполнѣ напоминаютъ злобнаго хомяка. Иногда они скачутъ на своего противника маленькими прыжками и вообще не робѣютъ, повидимому, ни предъ какимъ животнымъ, но безстрашно выступаютъ противъ каждаго. На улицахъ многихъ изъ нихъ переѣзжаютъ, потому что они вызывающе становятся на дорогѣ и не хотятъ отступить. Собаки во дворахъ многихъ загрызаютъ на смерть, а кошки, повидимому, поѣдаютъ ихъ такъ много, что всегда сыты.

По увѣреніямъ моего стараго егеря, они мечутъ своихъ дѣтенышей въ тѣхъ гнѣздахъ, гдѣ они живутъ. Линней говоритъ, что животныя эти имѣютъ большею частью по 5—6 дѣтенышей, а Шефферъ къ этому прибавляетъ, что они мечутъ по нѣсколько разъ въ годъ. Больше мнѣ ничего не извѣстно объ ихъ размноженіи.

Главную пищу лемминга составляетъ скудная альпійская растительность, которая можетъ существовать на его бѣдной родинѣ, — а именно — травы, оленій мохъ, сережки карликовыхъ березъ и, вѣроятно, разные корни. Лемминги встрѣчаются до той высоты, до какой поднимаются мхи и никогда — тамъ, гдѣ мховъ нѣтъ. На сколько мнѣ извѣстно, они не дѣлаютъ запасовъ на зиму, но и тогда питаются тѣмъ, что находятъ подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ. Большого вреда они не приносятъ, потому что тамъ, гдѣ они живутъ, нѣтъ нивъ, а въ дома они не забираются. Къ тому же, какъ ни бѣдна ихъ родина, она даетъ имъ все, что имъ нужно для удовлетворенія ихъ потребностей. Только въ нѣкоторые годы это, повидимому, бываетъ иначе; тогда лемминги бываютъ вынуждены предпринимать переселенія.

По моему мнѣнію, причина такихъ переселеній, такъ же какъ и у другихъ полевокъ, заключается въ чувствительномъ по временамъ недостаткѣ въ пищѣ. Если послѣ мягкой зимы слѣдуетъ хорошая весна и сухое лѣто, то условія вполнѣ благоприятны для ихъ размноженія, которое, какъ и у другихъ полевокъ, должно считаться безграничнымъ. Но сухость вредно дѣйствуетъ на тѣ растенія, которыя они преимущественно употребляютъ въ пищу; обширныя пастбища не хватаютъ для этого множества прожорливыхъ, подобно всѣмъ грызунамъ, созданий и они вынуждены искать себѣ пропитаніе гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. При такихъ условіяхъ собираются стаями, сколько извѣстно, не только грызуны, но и другія травоядныя, напримѣръ, антилопы; собравшись, пускаются въ странствіе, собирая по пути себѣ подобныхъ и такъ идутъ дальше, какъ бы безсознательно, такъ какъ они не принимаютъ опредѣленнаго направленія и при этомъ не направляются въ такія страны, гдѣ бы они дѣйствительно нашли себѣ пропитаніе. Только послѣ того, какъ тысячи погибнутъ отъ лишеній, болѣзней, усталости и опасностей пути, оставшіеся въ живыхъ снова стремятся къ высотамъ, которыя представляютъ ихъ настоящія мѣстообитанія, и при этомъ вполнѣ возможно, что они принимаютъ прямолинейное направленіе. Такимъ образомъ переселенія лемминговъ не кажутся мнѣ болѣе чудесными или менѣе объяснимыми, чѣмъ переселенія другихъ млекопитающихъ, и особенно другихъ полевокъ.

Во всякомъ случаѣ большое счастье, что у лемминговъ такъ много враговъ; такъ какъ въ противномъ случаѣ, при своей невѣроятной многочисленности, они наводнили бы всю страну и пожрали бы все съѣдобное. Самымъ лучшимъ истребителемъ этихъ животныхъ является всетаки самъ климатъ. Сырое лѣто, холодная, ранняя и безснѣжная осень убиваютъ ихъ милліонами и тогда понятно требуется много лѣтъ, пока размноженіемъ опять пополнится такое вымирание, подобное эпидемическому. Кромѣ того лемминги преслѣдуются безчисленнымъ множествомъ живыхъ враговъ. Надо признать, что всѣ хищныя животныя всего Скандинавскаго полуострова откармливаются ими. Волки и лисицы идутъ за ними цѣлыя мили и, когда находятъ лемминговъ, не ѣдятъ ничего другого; росомаха, куница, хорекъ, горностаи охотятся только за леммингами, когда ихъ много; для лапландскихъ собакъ въ обильный леммингами годъ наступаютъ праздничные дни, которые въ другое время рѣдко выпадаютъ на долю этихъ вѣчно голодныхъ созданій. Совы слѣдуютъ за леммингами въ ихъ походахъ; сарычи, а именно мохноногіе сарычи неутомимо преслѣдуютъ бѣдняжекъ; вороны выкармливаютъ ими своихъ птенцовъ; вороны и сороки тоже стремятся къ уничтоженію этихъ мужественныхъ созданій, по скольку имъ это доступно; даже олени, какъ утверждали многократно, будто ѣдятъ лемминговъ, или по крайней мѣрѣ убиваютъ ихъ передними копытами.

Человѣкъ становится врагомъ лемминговъ только въ величайшей нуждѣ. Шкурка лемминга мало цѣнна, а его мясо внушаетъ человѣку легко понятное отвращеніе, почти такое-же, какое мы имѣемъ къ крысиному мясу. Лапландцы, однако, часто вынуждаемые голодомъ, преслѣдуютъ лемминговъ.

Семейство кротообразныхъ (*Spalacidae*) состоитъ изъ безформенныхъ, безобразныхъ, подземно живущихъ грызуновъ. Напоминая кротовъ, они обладаютъ всѣми ихъ непріятными особенностями, но не приносятъ той-же пользы, какъ кроты. Тѣло неуклюже, цилиндрической формы; голова толстая съ тупымъ рыломъ; маленькія уши не имѣютъ наружно видимыхъ раковинъ; хвоста нѣтъ, или онъ спрятанъ въ шерсти. За то ихъ пятипалыя ноги хорошо развиты; но такъ-же, какъ у крота, переднія ноги лучше развиты, чѣмъ заднія, и всѣ снабжены крѣпкими когтями для копанья земли.

Всѣ кротообразныя принадлежатъ къ Старому Свѣту. Они живутъ большею частью на сухихъ, песчаныхъ равнинахъ и на подобіе кротовъ прорываютъ почву на большомъ протяженіи. Ни одинъ видъ не живетъ общественно; каждый живетъ въ одиночку въ своей норѣ и обнаруживаетъ брюзгливый, отшельническій нравъ какъ у крота. На землѣ они необыкновенно безпомощны и неповоротливы, но въ своихъ подземныхъ норахъ они движутся почти съ одинаковою ловкостью какъ впередъ, такъ и назадъ. Пища ихъ состоитъ только изъ растеній, преимущественно корней, клубней, луковицъ, которые они выкапываютъ въ землѣ; какъ исключеніе нѣкоторые ѣдятъ также траву, сѣмена, кору и орѣхи. Живущіе въ холодныхъ странахъ собираютъ себѣ запасы на зиму, но въ зимнюю спячку не впадаютъ.

Самый извѣстный видъ этого семейства — слѣпышъ (*Spalax typhlus*). Тупорылая голова крѣпче туловища; короткая, неподвижная шея такой же толщины какъ безхвостое тѣло; короткія ноги оканчиваются широкими лапами съ крѣпкими пальцами и когтями. Глаза величиной не больше маковаго зернышка и лежатъ спрятанные подъ кожей и потому не могутъ служить органомъ зрѣнія. Длина туловища 20 см. Сильные рѣзцы выступаютъ далеко изо рта. На ногахъ всѣ пальцы сильны и снабжены крѣпкими когтями. Хвостъ обозначается какъ слабо выступающая бородавка. Туловище прикрыто густымъ, гладко прилегающимъ, мягкимъ мѣхомъ. Жесткіе, щетинообразные волосы расположены по бокамъ головы и идутъ отъ ноздрей до глазъ, образуя щеткообразные гребни. Окраска въ общемъ буровато-желтая съ пепельно-сѣрымъ налетомъ; нижняя сторона

темная пепельно-сѣрая съ бѣлыми продольными полосами въ задней части живота и бѣлыми пятнышками между задними ногами.

Слѣпышъ встрѣчается въ юго-восточной Европѣ и западной Азіи; иногда въ южной Россіи, на Волгѣ и на Дону, въ Молдавіи и частью въ Галиціи и Венгріи; встрѣчается также въ Турціи и Греціи; ближе къ Азіи область его распространенія ограничивается Ураломъ и Кавказомъ; особенно часто встрѣчается въ Малороссіи.

Подобно почти всѣмъ кротообразнымъ онъ живетъ въ плодородныхъ мѣстностяхъ, въ подземныхъ, далеко развѣтвляющихся норахъ; присутствіе ихъ узнается по безчпсленнымъ кучкамъ земли. При копаньи она, повидимому, употребляетъ крѣпкіе рѣзцы, чтобы перегрызать корни и для размельченія земли, заключенной между корнями.



Слѣпышъ (*Spalax typhlus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

Собственно движенія слѣпыша совсѣмъ не такъ неловки и неуклюжи, какъ это обыкновенно утверждается. Между внѣшними чувствами, которыя вообще мало развиты, наибольшее значеніе имѣетъ повидимому слухъ. Наблюдали, что слѣпышъ очень чувствителенъ ко всякимъ шумамъ и руководится главнымъ образомъ слухомъ. Его считаютъ мужественнымъ драчливымъ существомъ, которое въ случаѣ нужды умѣетъ, очень чувствительно для врага, пустить въ ходъ свои крѣпкіе зубы; будучи схваченъ, онъ сильно фыркаетъ, скрежещетъ зубами и съ бѣшенствомъ набрасывается на все окружающее.

Слѣпышъ питается, если и не исключительно, во всякомъ случаѣ преимущественно растительными веществами, особенно разными корнями; въ случаѣ нужды и корой. Если въ ихъ области встрѣчаются растенія съ глубоко идущими корнями, то зимой слѣпыши углубляютъ свои ходы ниже слоя твердо промерзшей земли; если же нѣтъ, то они роютъ свои ходы мелко, подъ самымъ снѣгомъ. Зимнихъ запасовъ въ ихъ норахъ не находили, но гнѣзда свои они строятъ изъ самыхъ тонкихъ корней. Въ такомъ гнѣздѣ самка мечетъ лѣтомъ 2—4 дѣтеныша. Въ общемъ это животное наноситъ мало вреда человѣку, но такъ же мало приноситъ оно и пользы.

У мѣшетчатыхъ крысъ (*Geomys*) по срединѣ верхнихъ рѣзцовъ проходитъ бороздка и уши недоразвиты. Изъ многихъ видовъ, которые теперь стали различать, намъ послужить образцомъ наиболѣе извѣстный изъ нихъ.

Мѣшетчатая крыса или гофферъ по мѣстному названію (*Geomys bursarius*) нѣсколько меньше нашего хомяка. Мѣхъ необыкновенно густъ, мягокъ и нѣженъ; красноватый съ верхней стороны и желто-сѣрый — съ нижней; хвостъ и скудно покрытыя шерстью ноги бѣлаго цвѣта. Названіе гофферъ дается, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и разнымъ другимъ грызунамъ.

Естествоиспытатели, которые сообщали о немъ впервые, получили его отъ индѣйцевъ, забавлявшихся тѣмъ, что они набивали его оба защечныхъ мѣшка землей такъ полно, что они неестественно раздувались и при движеніи животного должны были волочиться по землѣ. Искусственно растянутые защечные мѣшки



Мѣшетчатая крыса (*Geomys bursarius*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

дали гофферу его названіе; чучельщики изо всѣхъ силъ старались подражать шуткѣ индѣйцевъ, а художники, наконецъ, только слишкомъ вѣрно держались доступныхъ имъ образцовъ. Этимъ обстоятельствамъ нужно приписать то, что еще до сихъ поръ желающіе познакомить насъ съ мѣшетчатой крысой изображаютъ это животное настоящимъ чудовищемъ.

Гофферъ распространенъ въ странахъ, лежащихъ между 34° и 52° сѣверной широты къ востоку отъ Скалистыхъ горъ и къ западу отъ Миссисипи. Онъ ведетъ подземную жизнь, совершенно какъ кротъ, роетъ себѣ многочисленныя, сильно развѣтвляющіеся ходы и выбрасываетъ холмики земли, совершенно подобныя кротовымъ.

Старые ходы изнутри хорошо убиты, новые — нѣтъ; ходы эти даютъ боковыя развѣтвленія. Жилая нора устраивается подъ корнями дерева на глубинѣ приблизительно 1,5 м. Ходъ подходит къ ней винтообразно сверху внизъ. Она велика, вся выложена мягкой травой и напоминаетъ бѣличье гнѣздо; она служитъ животному для отдыха и сна. Гнѣздо, въ которомъ самка мечетъ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля своихъ 5 — 7 дѣтенышей, подобно обыкновенному жилью, но только еще изнутри выстлано шерстью матери. Какъ и кротовую нору, его окру-

жають круговые ходы, отъ которыхъ развѣтвляются другіе ходы. Геснеръ нашель, что изъ гнѣзда ведетъ ходъ къ болѣе обширному помѣщенію, запасной кладовой. Она наполнена корнями, земляными плодами (картофелемъ), орѣхами и сѣменами. Въ утренніе часы, отъ 4 до 10 часовъ, мѣшетчатая крыса усердно работаетъ надъ расширеніемъ и устройствомъ своего жилища, вѣроятно, съ намѣреніемъ заготовить пищу. Если мѣсто богато пищей, то въ теченіе этого времени вырывается ходъ въ 3—5 м. и выбрасывается 2—5 холмиковъ; въ противномъ случаѣ животное работаетъ дольше и роетъ на большемъ протяженіи. Иногда оно прерываетъ работу на нѣсколько недѣль; тогда оно, повидимому, питается сдѣланными запасами. При выбрасываніи земли, которое гофферъ производитъ совершенно подобно кроту, онъ показываетъ свое туловище какъ можно меньше и моментально прячется опять въ безопасную глубину. На поверхности онъ показываетъ, чтобы собрать сухой травы для своего жилища или гнѣзда и, по мнѣнію Одюбона, чтобы погрѣться на солнцѣ. Его превосходное обоняніе и прекрасный слухъ обезпечиваютъ его отъ всякихъ неожиданностей; предполагая опасность, онъ стремительно бросается въ глубину, хотя бы ему для этого нужно было прорыть новый ходъ.

На бѣгу по поверхности гофферъ тяжело переваливается, но движется не скорѣе, чѣмъ идетъ человѣкъ. При ѣдѣ онъ часто садится на заднія ноги и употребляетъ переднія подобно бѣлкамъ. Во время сна онъ свертывается и прячетъ голову на груди, между передними лапами. Свои удивительно большіе защечные мѣшки онъ наполняетъ, когда пасется, при помощи языка, опоражниваетъ ихъ передними лапами. Эти мѣшки, какъ и у другихъ грызуновъ, при наполненіи выступаютъ и получаютъ продолговато-яйцевидную форму, но никогда не висятъ мѣшкообразно по обѣ стороны морды. Совершенно неосновательно утвержденіе, будто онъ употребляетъ свои защечные мѣшки, чтобы выносить наружу выкопанную землю.

Гофферъ можетъ наносить очень значительный вредъ. Обгрызаніемъ корней онъ въ нѣсколько дней можетъ погубить сотни цѣнныхъ деревьевъ и часто опустошаетъ цѣлыя поля, пожирая столь любимые имъ клубни растеній. Поэтому человѣкъ становится его злѣйшимъ врагомъ; вообще же гофферъ страдаетъ только отъ воды и змѣй.

Одюбонъ держалъ нѣсколько мѣшетчатыхъ крысъ по много недѣль въ неволѣ и выращивалъ ихъ клубнями. Они были удивительно прожорливы, но пренебрегали питьемъ.

Въ семействѣ дикообразовыхъ (*Hystrichidae*) иглы, покрывающія наружные покровы, развиты гораздо больше, чѣмъ у другихъ млекопитающихъ, тоже защищенныхъ иглами. Вся эта группа вообще носитъ названіе наиболѣе извѣстнаго вида. Не требуется особенно длиннаго описанія внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ ея членовъ: иглы, какъ бы онѣ ни были разнообразны, свойственны всѣмъ принадлежащимъ сюда животнымъ.

Дикообразы живутъ въ умѣренныхъ и теплыхъ странахъ Старога и Новаго Свѣта; въ однѣхъ — живутъ лазающіе виды, въ другихъ — роющіе; виды Старога Свѣта привязаны къ землѣ, между тѣмъ какъ виды Новаго Свѣта живутъ на деревьяхъ. Соотвѣтственно этому, первые живутъ въ рѣдкихъ лѣсахъ и степяхъ и днемъ прячутся въ вырытыхъ ходахъ и норахъ; вторые — въ большихъ лѣсахъ; тамъ они устраиваются на развилинахъ вѣтвей, въ густой вершинѣ дерева или въ дуплахъ. Ихъ движенія медленны, размѣренны, лѣнны. Однако, съ наступленіемъ ночи, когда они становятся совсѣмъ бодрыми, тѣ изъ нихъ, которые живутъ на землѣ, бѣгутъ своей семенящей походкой очень быстро, а другіе лазаютъ вверхъ и внизъ по вѣтвямъ, хотя и не съ проворствомъ бѣлки, но все-таки довольно ловко. Живущіе на землѣ роютъ довольно искусно и умѣютъ преодолѣть всѣ трудности, которыя можетъ представить твердая почва. У всѣхъ безъ исключенія выше всего стоитъ, повидимому, обоняніе; у лазающихъ дикообразовыхъ еще до нѣкоторой степени развито осязаніе; зрѣніе и слухъ напротивъ у всѣхъ слабы.

Ихъ духовныя способности стоять на низкой ступени; они глупы, забывчивы, мало изобрѣтательны, злы, вспыльчивы, боязливы, робки, трусливы, хотя всѣ при угрожающей опасности стараются внушить страхъ, подымая иглы, а нѣкоторые — шуршаніемъ иглъ хвоста. Съ другими животными они такъ же мало дружатъ, какъ и съ себѣ подобными: лакомый кусокъ можетъ вызвать серьезную ссору даже между супругами. Никогда нельзя увидѣть двухъ дикообразовъ играющими или дружелюбно обращающимися другъ съ другомъ. Они никогда не дружатъ съ человекомъ, который ихъ держитъ въ неволѣ и заботится о нихъ, и никогда не научаются отличать своего сторожа отъ другихъ людей. Голосъ ихъ состоитъ изъ глухихъ, хрюкающихъ звуковъ, фырканья, тихихъ стоновъ и трудно поддающагося описанію визга. Всѣ эти звуки подали, вѣроятно, поводъ къ совершенно неподходящему нѣмецкому названію „свиньи“. Всѣ части растенія отъ корня до плода служатъ пищей дикообразовымъ. Подобно другимъ грызунамъ, они подносятъ пищу ко рту передними лапами. Почти всѣ, повидимому, могутъ обходиться безъ воды довольно долго; они, вѣроятно, довольствуются росой, покрывающею листья, которые они ѣдятъ.

Собственно дикообразы (*Hystrix*) легко отличаются по своему короткому, плотному тѣлу, толстой тупорылой головѣ, сидящей на крѣпкой шеѣ, по короткому хвосту, усаженному полыми иглами, подобными остямъ большихъ перьевъ, и вообще — чрезвычайному развитію колючаго покрова. Кромѣ того, отличительнымъ ихъ признакомъ являются маленькія круглыя уши, широкія верхнія губы и расщепленные ноздри.

Обыкновенный дикообразъ (*Hystrix cristata*) по величинѣ больше нашего барсука, но не длиннѣе его и благодаря своему колючему покрову кажется гораздо толще и объемистѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Длина его достигаетъ 65 см., длина хвоста 11 см., а высота у затылка 24 см.; вѣсъ колеблется между 15 и 20 клгр. На короткой, тупой мордѣ и на носу сидитъ нѣсколько волосъ; толстая верхняя губа покрыта нѣсколькими рядами блестящихъ черныхъ усовъ; такія же щетины выходятъ изъ бородавокъ, расположенныхъ надъ и подъ глазами. Вдоль шеи подымается грива, которая состоитъ изъ крѣпкихъ, направленныхъ назадъ и очень длинныхъ щетинъ, и можетъ быть по произволу поднята и опущена. Эти щетины значительной длины, тонки и гибки, частью бѣлаго цвѣта, частью сѣраго и большинство изъ нихъ имѣетъ бѣлые концы. Остальная часть верхней поверхности тѣла покрыта близко стоящими другъ къ другу иглами, которыя бываютъ длинными и короткими, гладкими, сильно заостренными, попеременно окрашенными въ темно или черно-бурый и бѣлый цвѣтъ; онѣ слабо укрѣплены въ кожѣ и потому легко выпадаютъ; между ними всюду располагаются щетинистые волосы. На бокахъ тѣла, на плечахъ и въ области крестца эти иглы короче и тупѣе, чѣмъ на серединѣ спины, гдѣ онѣ оканчиваются острыми концами. Тонкія, гибкія иглы достигаютъ длины 40 см., а короткія и жесткія бываютъ только 15—30 см. длины, но до 0,5 см. толщины. Всѣ внутри полы, или заполнены губчатымъ веществомъ; основаніе и конецъ, большею частью, окрашены въ бѣлый цвѣтъ. Болѣе короткія иглы бываютъ черно-бурья и кольчатая, но у основанія и на концѣ большинство тоже бѣлаго цвѣта. На концѣ хвоста находятся разныя иглы, около 5 см. длины, но почти 7 мм. толщины. Это усѣченныя, тонкостѣбныя, открытыя на концѣ трубки, похожія на обрѣзанные стволы перьевъ; ихъ корни, наоборотъ, состоятъ изъ длинныхъ, тонкихъ и гибкихъ стеблей. Всѣ иглы могутъ быть произвольно подняты и отложены назадъ при помощи большой, крѣпкой мышцы, которая расширяется подъ кожей животнаго и способна къ очень сильному сокращенію. Нижняя поверхность тѣла покрыта темно-бурыми волосами съ красноватыми кончиками; вокругъ горла тянется бѣлая полоса. Когти темные, цвѣта рога; глаза черные. Живущіе въ Европѣ дикообразы происходятъ должно быть изъ сѣверной Африки и, вѣроятно, были впервые перевезены римлянами. Въ настоящее время это животное встрѣчается вдоль побережья Средиземнаго моря, а также въ Алжирѣ, Триполисѣ, Тунисѣ, до Сенегамбіи и Судана. Въ Европѣ онъ водится во множествѣ

Обыкновенный дикобраз (Histrich cristata).



въ римской Кампаньи, въ Сициліи, Калабріи и Греціи. Я никогда не встрѣчалъ его слѣдовъ въ нижнемъ Египтѣ, гдѣ бы онъ долженъ былъ водиться.

Дикообразъ живетъ въ одиночку. Днемъ онъ отдыхаетъ въ длинныхъ низкихъ ходахъ, которые самъ себѣ роетъ въ землѣ; ночью онъ выходитъ на поверхность и разыскиваетъ себѣ пищу. Послѣдняя состоитъ изъ растительныхъ веществъ разныхъ видовъ, чертополоха и другихъ травъ, корней и плодовъ, коры разныхъ деревьевъ и многихъ листьевъ. Онъ откусываетъ пищу, хватая передними зубами и крѣпко держитъ ее передними лапами, пока ѣстъ. Всѣ его движенія медленны и неуклюжи; походка медленная, мѣрная; бѣгъ не отличается скоростью. Только роетъ это неповоротливое животное довольно ловко, но во всякомъ случаѣ недостаточно, чтобы уйти отъ искуснаго и проворнаго врага. Зимой онъ проводитъ въ своей норѣ больше времени, чѣмъ обыкновенно, и часто спитъ тамъ по цѣлымъ днямъ. Настоящей зимней спячкѣ не подвергается.

Если застигнуть дикообраза внѣ его норы, то онъ угрожающе подымаетъ голову и затылокъ, ощетиниваетъ всѣ иглы своего тѣла и своеобразнымъ образомъ стучитъ ими, особенно пустыми хвостовыми иглами, которыми онъ стучитъ другъ о друга, помахивая хвостомъ и производитъ при этомъ такой странный шумъ, который вполне можетъ нагнать страхъ на несвѣдущаго или боязливаго человѣка. Въ сильномъ возбужденіи, онъ стучитъ по землѣ задними ногами, а если его схватить, издаетъ глухое хрюканье, похожее на свиное. Несмотря на эту страшную стукотню, онъ вполне безопасное животное, которое легко пугается, каждому уступаетъ дорогу и рѣдко вспоминаетъ о своихъ острыхъ зубахъ. Такъ же и иглы являются средствомъ самозащиты, а не орудіемъ нападенія. Кто неосторожно приблизится къ нему, можетъ быть ими пораженъ; ловкій охотникъ хватается животное за гриву у затылка и легко его уноситъ. Самка мечетъ, черезъ 60—70 дней послѣ спариванья, 2—4 дѣтеныша въ своей норѣ, гдѣ устроено довольно мягкое гнѣздо, выстланное листьями, корнями и травами. Маленькія животныя рождаются на свѣтъ съ открытыми глазами и короткими, мягкими, плотно прилегающими къ тѣлу иглами, которыя, однако, очень скоро отвердѣваютъ, но полной длины достигаютъ только въ болѣе значительномъ возрастѣ. Какъ только дѣтеныши въ состояніи отыскивать себѣ пищу, они покидаютъ мать.

Нельзя собственно сказать, чтобы дикообразъ вредилъ человѣку. Тѣмъ не менѣе его дѣятельно преслѣдуютъ. Его иглы находятъ разнообразное примѣненіе, а также и мясо его кое-гдѣ употребляется. Въ римской Кампаньи охота на дикообраза считается особымъ удовольствіемъ, и въ самомъ дѣлѣ нельзя отрицать, что способы, которыми здѣсь преслѣдуютъ это животное, заключаютъ въ себѣ что-то странное и привлекательное. На охоту выходятъ темною ночью съ хорошо выдрессированными собаками; ихъ наводятъ на слѣдъ животнаго и заставляютъ искать. Громкій, злобный лай возвѣщаетъ, что они уже напали на какого нибудь колючаго героя, и въ тоже время указываетъ, гдѣ будетъ происходить битва—если вообще можно говорить въ этомъ случаѣ о битвѣ. Тогда охотники зажигаютъ державшіеся на готовѣ факелы и приближаются съ ними къ мѣсту зрѣлища. Какъ только собаки замѣтятъ приближеніе своихъ господъ, онѣ начинаютъ громко выть отъ радости и съ бѣшенствомъ бросаются на своего противника. Дикообразъ съ своей стороны старается ихъ прогнать, производя трескотню на всѣ лады, хрюкаетъ и рычитъ и на сколько возможно пробуетъ защититъ себя своими торчащими во всѣ стороны копыями. Охотящееся общество, наконецъ, окружаетъ животное и его преслѣдователей и при яркомъ освѣщеніи факеловъ не трудно одолѣть животное вышеуказаннымъ способомъ и убить его или взять домой живымъ.

Итальянцы ходятъ съ прирученными дикообразами по деревнямъ, подобно савоярамъ съ сурками, и тамъ показываютъ за деньги это страшное созданье. При очень незначительномъ уходѣ дикообраза легко держать въ неволѣ 8—10 лѣтъ. Если съ нимъ хорошо обращаться, то онъ легко также приручается. Дикообразы, пойманные молодыми, научаются узнавать своего хозяина и слѣдуютъ за нимъ какъ собака. Но онъ, однако, никогда не можетъ отдѣлаться отъ своей боязливости и

робости. Въ комнатѣ его трудно держать. Онъ неразумно бѣгаетъ, иногда можетъ поранить своими иглами, обгрызаетъ ножки столовъ, двери и другія деревянные вещи и всегда остается скучнымъ товарищемъ.

Лазящіе дикообразы (*Cercolabinae*) отличаются отъ другихъ членовъ этого семейства большею частью болѣе гибкимъ строеніемъ и болѣе или менѣе длиннымъ хвостомъ, который у большинства видовъ является цѣпкимъ органомъ. Всѣ принадлежащіе сюда виды живутъ въ Америкѣ.

Въ сѣверной половинѣ Америки представителемъ лазящихъ дикообразовъ является урсонъ (*Erethizon dorsatum*). Этотъ дикообразъ и его единственный родичъ отличаются отъ южно-американскихъ лазящихъ дикообразовъ корена-



Урсонъ (*Erethizon dorsatum*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

стымъ тѣломъ и короткимъ, плоскимъ или расплюснутымъ въ ширину хвостомъ, который сверху покрытъ иглами, а снизу щетиной. Урсонъ достигаетъ длины 80 см., изъ которыхъ 19 приходятся на хвостъ. Голова коротка, толста и притуплена; рыло усѣченное; маленькія ноздри болѣе или менѣе закрываются полулуннымъ клапаномъ. Переднія ноги четырехпалы и не имѣютъ большого пальца, заднія же — пятипалы; когти длинны и крѣпки; подошвы голыя, одѣты сѣтчато-желобоватою кожей. Тѣло покрыто густымъ мѣхомъ, который на затылкѣ достигаетъ 11 см. длины, а на нижней поверхности и на хвостѣ обращается въ острые щетины. Между волосами и щетинами расположены иглы, которыя на верхней поверхности достигаютъ 8 см. длины и большею частью бывають покрыты волосами, окрашенъ въ смѣшанные цвѣта — бурый, черный и бѣлый. Животное это водится въ лѣсахъ сѣверной Америки отъ 67° сѣверной широты до Виргиніи и Кентуки, и отъ Лабрадора до Скалистыхъ горъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, къ западу отъ Миссури, онъ встрѣчается не особенно рѣдко, а въ восточныхъ странахъ, наоборотъ, онъ почти совсѣмъ истребленъ. „Урсонъ“, говоритъ Картврайтъ, „очень ловко лазаешь и зимой, вѣроятно, не спускается на землю, пока не обгложетъ кору съ вершины дерева. Больше всего онъ любитъ молодыя деревья; одинъ единственный урсонъ въ теченіе зимы навѣрно губить сотни деревьевъ“. Одюбонъ увѣряетъ, что ему приходилось проходить по лѣсамъ, гдѣ кора со всѣхъ деревьевъ

была ободрана урсономъ, такъ что лѣсъ выглядѣлъ, какъ будто въ немъ свирѣпствовалъ пожаръ. Особенно жестоко пострадали ильмы, тополи и ели.

Гнѣздо урсона можно найти въ дуплахъ деревьевъ или въ пустотахъ скалъ; въ апрѣлѣ или маѣ въ этомъ гнѣздѣ бываетъ два дѣтеныша, рѣже 3 или 4. Если дѣтенышей вынуть изъ гнѣзда и держать въ неволѣ, то они скоро привыкаютъ къ своему господину и къ окружающимъ. Ихъ кормятъ всевозможными растительными веществами; очень охотно ѣдятъ они также хлѣбъ. Если ихъ оставить бѣгать на свободѣ въ саду, то они влѣзаютъ на деревья и ѣдятъ кору и листья. Одюбонъ рассказываетъ, что одинъ воспитанный имъ урсонъ только тогда сердился, когда его хотѣли удалить съ одного дерева въ саду, на которое онъ имѣлъ обыкновеніе влѣзать. „Нашъ плѣнникъ мало по малу сдѣлался очень ручнымъ и рѣдко пускалъ въ ходъ свои когти, поэтому при случаѣ его можно было освободить изъ его клѣтки, чтобы онъ могъ воспользоваться удовольствіемъ свободной прогулки по саду. Онъ зналъ насъ; если мы его звали и предлагали ему сладкую картофелину или яблоко, онъ медленно поворачивалъ къ намъ голову, кротко и дружелюбно смотрѣлъ на насъ, потомъ медлительно ковылялъ къ намъ, бралъ изъ рукъ плодъ и, поднявшись, подносилъ его ко рту передними лапами. Часто, если дверь случалась отворенной, онъ приходилъ въ нашу комнату, приближался къ намъ, терся о ноги и взглядомъ просилъ, чтобы ему дали какое нибудь изъ его лакомствъ. Напрасно мы старались его разозлить; никогда не обращалъ онъ противъ насъ своихъ иглъ. Совсѣмъ другое происходило, когда приближалась собака. Тогда онъ мгновенно принималъ оборонительное положеніе. Опустивши внизъ носъ, поднявши всѣ иглы и помахивая хвостомъ, онъ показывалъ свою готовность къ битвѣ.

„Большой, разъяренный, въ высшей степени воинственный сосѣдскій бульдогъ однажды бросился внезапно съ разинутою пастью на принявшаго мѣры урсона. Послѣдній въ одно мгновеніе раздулся, казалось, вдвое противъ своей обыкновенной величины и зорко наблюдалъ за приближающимся врагомъ и потомъ своевременно нанесъ ему такой мѣткій ударъ хвостомъ, что бульдогъ сразу потерялъ всю свою отвагу и громко закричалъ отъ боли. Его ротъ, языкъ и носъ были утыканы иглами противника. Онъ стремительно полетѣлъ черезъ поля, съ открытымъ ртомъ, не будучи въ состояніи сдвинуть челюсти. Хотя ему сейчасъ же вынули изо рта иглы, голова у него всетаки была опухши нѣсколько недѣль и прошло нѣсколько мѣсяцевъ раньше, чѣмъ морда совсѣмъ излѣчилась“.

Только индѣйцы умѣютъ должнымъ образомъ употреблять убитаго урсона. Мясо животнаго поѣдается ими очень охотно, но оно нравится также и бѣлымъ. По удаленіи иглъ шкурка дѣлается очень мягкой и поэтому идетъ въ употребленіе; иглы употребляются дикими преимущественно для украшенія ихъ охотничьихъ сумокъ, сапогъ и т. п.

*

Наконецъ къ верхолазамъ (*Cercolabes*) присоединяютъ всѣ виды съ цѣпкимъ хвостомъ и четырехпалыми ногами. Если волосяной покровъ настолько покрываетъ иглы, что онѣ только мѣстами изъ него выдвигаются, а на груди, горлѣ и животѣ иглы совсѣмъ отсутствуютъ, то такіе виды причисляются къ подроду верхолазовъ (*Sphingurus*); если же меньше щетина, то животное причисляется къ щетинистымъ дикообразамъ или куанду (*Synetheres*).

Восточное побережье Мексики населяетъ верхолазъ мексиканскій (*Cercolabes* [*Sphingurus*] *novae hispaniae*); это животное имѣетъ 95 см. общей длины, изъ которой приблизительно одна треть приходится на хвостъ. Блестящіе волосы очень густы и мягки, слегка курчавы и такъ длинны, что многія иглы совершенно ими покрываются. Иголъ совсѣмъ нѣтъ на нижней поверхности, а также на нижней части шеи, внутренней поверхности ногъ, на мордѣ и на концевой половинѣ хвоста, который сверху голый, а снизу покрытъ черными щетинами, сбоку желтыми. Весь волосяной покровъ черный. На лицѣ очень длинные

усы. Иглы обыкновенно окрашены въ сѣро-желтый цвѣтъ съ черными концами; онѣ у корня очень утончены, потомъ равномерной толщины и къ концу вдругъ заострены; въ серединѣ онѣ гладки, а острые какъ иголка концы снабжены направленнымъ назадъ крючкомъ. Пока верхолазъ спокоенъ, его иглы, за исключеніемъ находящихся вокругъ глазъ и ушей, очень мало замѣтны. Въ гнѣвѣ онъ такъ подымаетъ всѣ свои иглы, что онѣ торчатъ на тѣлѣ по всѣмъ направленіямъ и если тогда провести по мѣху рукой, то онѣ чувствуются всюду. Онѣ такъ слабо держатся въ кожѣ, что при малѣйшемъ прикосновеніи выпадаютъ; погладивши разъ рукою по шерсти, вырываетъ дюжины этихъ иглъ и нѣсколько изъ нихъ непременно воткнутся въ руку.

О жизни на свободѣ верхолазовъ и всѣхъ другихъ лазающихъ дикообразовъ имѣется очень мало данныхъ. Еще больше чѣмъ о другихъ намъ извѣстно о близ-



Верхолазъ мексиканскій (*Cercolabes novaehispaniae*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

комъ родственномъ видѣ куіи (*Cercolabes villosus*), о которомъ дѣлали сообщенія Азара, Ренггеръ, Принцъ фонъ-Видъ и Бурмейстеръ. Онъ распространенъ во всей Бразиліи и въ странахъ, лежащихъ къ югу до Парагвая, вездѣ извѣстенъ, но нигдѣ не обыкновененъ. Своимъ мѣстопробываніемъ онъ преимущественно выбираетъ высокіе лѣса. Большую часть года онъ живетъ въ одиночку, въ какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, всегда на деревьяхъ, въ вѣтвяхъ которыхъ ловко двигается. Днемъ онъ отдыхаетъ, свернувшись шарообразно, на развилинѣ вѣтвей; ночью онъ лазаешь всюду, причемъ его движенія медленны, осторожны, но увѣренны. Гензель высказываетъ мнѣніе, что онъ своей фигурой и окраской совпадаетъ съ окружающей его средой. „Природа“, говоритъ онъ, „повидимому, особенно покровительствуетъ этому дикообразу, такъ какъ она не удовольствовалась тѣмъ, что защитила его противъ враговъ этого же самаго животнаго класса, но также и противъ птицъ. Именно, его колючій покровъ покрытъ длинными, тонкими волосами; когда животное спокойно сидитъ на вѣтвяхъ дерева, они придаютъ ему обманчивое сходство съ комкомъ сѣраго длиннаго бородатаго моха, и даже зоркій охотникъ проходитъ мимо, обманутый развѣвающимися по вѣтру волосами неподвижнаго животнаго, а иногда можетъ случиться и то, что выстрѣлитъ въ то паразитное растеніе и, конечно, не можетъ похвастать этимъ дѣломъ“. На деревѣ лазающій дикообразъ принимаетъ своеобразное поло-

женіе: онъ сидитъ на заднихъ ногахъ, а переднія держитъ около нихъ вплотную, часто повернутыми такъ, что онъ опирается на тыльную поверхность руки; голова при этомъ направлена внизъ и имѣетъ вертикальное положеніе; хвостъ выпрямленъ и загнутъ кверху крючкомъ. Обыкновенно животное укрѣпляется въ своемъ положеніи крѣпкимъ хвостомъ, который оно обвиваетъ вокругъ вѣтви. Но и безъ этого оно сидитъ очень крѣпко на самыхъ тонкихъ вѣтвяхъ, потому что широкія, повернутыя внутрь руки, представляютъ вѣрную опору. Лазаю оно плотно прижимаетъ къ вѣтвямъ широкія, мясистыя подошвы и обхватываетъ ихъ руками.

Пищу верхолаза составляютъ главнымъ образомъ плоды, почки, листья и корни, которые онъ подноситъ ко рту руками.

Для описанія жизни его въ неволѣ я приведу наблюденія Азара. „Одного, пойманнаго старымъ, я держалъ въ своей комнатѣ свободнымъ и оставлялъ безъ воды цѣлый годъ, такъ какъ онъ не пьетъ. Если онъ бывалъ испуганъ, то бѣжалъ очень легко; однако я всегда могъ его настигать идя спокойно рядомъ. Всѣ его движенія неповоротливы; тѣмъ не менѣе онъ легко лазаешь по какой угодно палкѣ вверхъ и внизъ и держится такъ крѣпко, что требуется довольно значительное усиліе, чтобы его оторвать. Спинка стула, конецъ вертикально вколоченнаго столба для него достаточно удобны, чтобы на нихъ спокойно спать и дѣйствительно отдохнуть. Онъ тупоуменъ и такъ спокоенъ и лѣнивъ, что иногда проходитъ 24 — 48 часовъ, раньше чѣмъ онъ перемѣнитъ мѣсто или хоть сколько нибудь измѣнитъ свое положеніе. Мой двигался только тогда, когда онъ хотѣлъ ѣсть. Одинъ единственный разъ я наблюдалъ, что онъ бѣгалъ и ночью; несмотря на это, я считаю его за ночное животное. Мой верхолазъ въ первые дни своей неволи садился на спинку стула и никогда не садился на что нибудь плоское; но когда онъ однажды взобрался на окно и тамъ открылъ существованіе верхняго края оконной ставни, то онъ уже больше не искалъ никакого другого мѣста. Онъ проводилъ все свое время вверхъ, на ставнѣ, и сидѣлъ здѣсь безъ малѣйшаго движенія, въ необыкновенномъ положеніи, подобный изваянію. Онъ крѣпко держался исключительно только ногами, не укрѣпляясь ни хвостомъ, ни руками; послѣднія онъ складывалъ одну на другую и между ними просовывалъ свою морду, какъ если-бы онъ хотѣлъ поцѣловать руки. Такъ онъ сидѣлъ, не двигаясь, даже не оглядываясь, до часа, когда онъ ѣлъ. Онъ бралъ очень мало изъ предлагавшихся ему хлѣба, кукурузы, маниоковаго корня, травъ, листьевъ и цвѣтовъ; но онъ любилъ мѣнять свой выборъ въ этой разнообразной пищѣ. Онъ никогда не кусалъ и не царапалъ и никому не причинялъ вреда.

„Обоняніе у него самое развитое чувство. Я наблюдалъ, что когда я пилъ шоколадъ или входилъ въ комнату съ цвѣтами, то мой верхолазъ подымалъ свою морду и я съ увѣренностью могъ заключить, что онъ замѣчалъ запахъ на порядочномъ отдаленіи. Никогда я не могъ у него замѣтить радости, или печали, или удовольствія. Часто онъ поворачивалъ голову, если его называли по имени“.

Такъ какъ внѣшній видъ верхолаза имѣетъ мало привлекательнаго, то онъ рѣдко ловится и воспитывается обитателями Парагвая. Дикіе, однако, ѣдятъ его мясо, которымъ европейцы пренебрегаютъ вслѣдствіе его непріятнаго запаха.

Щетинистый дикообразъ или куанду (*Cercolabes prehensilis*) въ общемъ сходенъ по внѣшнему виду съ верхолазомъ, но онъ однако значительно больше и, повидимому, болѣе крѣпкаго тѣлосложенія, чѣмъ тотъ. Длина его достигаетъ 1,1 м., изъ которыхъ 45 см. приходится на хвостъ. Иглы начинаются у самого лица, расположены по всей верхней части тѣла, покрываютъ ноги до голенно-стопнаго сустава и верхнюю половину хвоста, а также всю нижнюю поверхность тѣла; однако онѣ ни въ какомъ случаѣ не прилегаютъ гладко къ тѣлу. Растущіе между иглами волосы бываютъ обыкновенно ими покрыты и только тогда видны, если иглы раздвинуть.

О жизни куанду на свободѣ мало извѣстно. Животное это водится въ значительной части Южной и средней Америки и во многихъ мѣстахъ встрѣчается далеко нерѣдко. Подобно своимъ родичамъ онъ спитъ весь день, сидя на вер-

шинѣ дерева, въ указанномъ выше положеніи; ночью онъ медленно, но ловко бѣгаетъ по вѣтвямъ. Пищу его составляютъ всевозможные листья. Мясо его цѣнится туземными обитателями; иглы его также находятъ разнообразное примѣненіе.

Внѣшними отличительными признаками семейства полукопытныхъ (*Caviidae*), къ которымъ принадлежитъ наша извѣстная морская свинка, являются — болѣе или менѣе вытянутое тѣло, опирающееся на высокія ноги, имѣющія по четыре пальца спереди и по три или пяти пальцевъ на заднихъ ногахъ. Пальцы сверху имѣютъ большіе, копытообразные ногти, съ килевидной поверхностью; подошвы ногъ голыя; у нихъ очень короткій хвостъ, большей или меньшей величины уши и грубая шерсть. Въ каждой челюсти по четыре коренныхъ зуба, приблизительно одинаковой величины, и большіе, широкіе, спереди обыкновенно бѣло-окрашенные рѣзцы образуютъ зубную систему. Всѣ полукопытныя водятся исключительно въ Южной и средней Америкѣ.

Извѣстная всѣмъ морская свинка (*Cavia porcellus*, *C. cabaуа*) долго раздѣляла судьбу, общую многимъ домашнимъ животнымъ: не умѣли съ точностью опредѣлить ихъ происхожденія. На сколько намъ извѣстно, это маленькое животное было завезено, именно голландцами, вскорѣ послѣ открытія Америки, т. е. въ 16-мъ столѣтіи. Оно уже извѣстно Геснеру и съ тѣхъ поръ постоянно разводилось; но еще недавно почти всѣми ошибочно производилось отъ бразильской арегеа (*Cavia aregea*). Между тѣмъ, по изслѣдованіямъ Неринга, морская свинка происходитъ отъ близкаго родича апереа *Cavia cutleri* изъ Перу, гдѣ она еще во времена Инка держалась какъ домашнее животное. Еще теперь, какъ сообщаетъ ему А. Штюбель, она разводится и употребляется въ пищу индѣйцами Перу, Эквадора и Колумбіи; напротивъ она нигдѣ не встрѣчается у коренныхъ обитателей Бразиліи.

Кромѣ одноцвѣтныхъ морскихъ свинокъ, между которыми бѣлыя всего чаще, обыкновенно бываютъ только трехцвѣтныя, пѣгія — бѣлаго, желтаго и чернаго цвѣта. По изслѣдованіямъ Неринга надъ муміями морскихъ свинокъ съ кладбища Анкона въ Перу, у морскихъ свинокъ племени Инка всегда отсутствовали черныя пятна. Онѣ были одноцвѣтны — бѣлыя или красновато-бурыя; или двуцвѣтны — красновато-бурыя съ бѣло-желтыми пятнами. По наблюденіямъ Гааке, не рѣдки трехцвѣтныя съ пепельно-сѣрыми пятнами вмѣсто черныхъ; у этихъ глаза всегда красны. Въ послѣднее время очень цѣнятся мохнатая морскія свинки, особая порода съ длинной шерстью, на которой мѣстами образуются своеобразные вихры.

Морская свинка принадлежитъ къ самымъ любимымъ домашнимъ животнымъ изъ всего отряда грызуновъ, столько же по причинѣ ея нетребовательности, какъ и благодаря ея безобидности и добродушію. Въ просторномъ и сухомъ помѣщеніи ее легко держать повсюду. Она ѣстъ всевозможныя растительныя вещества, отъ корней до листьевъ, такъ-же охотно зерна, какъ и сочныя растенія и требуетъ только нѣкотораго разнообразія въ пищѣ. Если ей дадутъ сочную пищу, то она можетъ совершенно обходиться безъ питья, хотя она пьетъ очень охотно молоко. Она терпѣливо мирится съ очень многимъ и даже дурное обращеніе переноситъ равнодушно. Поэтому она является чрезвычайно пріятной забавой для дѣтей, которыя вообще всего ревностнѣе занимаются ея воспитаніемъ. По своему нраву она во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ кролика, а въ нѣкоторыхъ — мышей. Голосъ представляетъ хрюканье, которое, вѣроятно, и послужило основаніемъ ея названія свинки, и еще своеобразнаго ворчанья и визга. Ворчаніемъ, повидимому, выражается удовольствіе, тогда какъ визгъ всегда указываетъ на возбужденіе.

Мало млекопитающихъ могутъ сравняться съ морской свинкой въ плодовитости. У насъ самка мечетъ два или три раза въ годъ по 2—3, часто и по 4—5 дѣтенышей; въ жаркихъ странахъ даже по 6—7. Дѣтеныши являются на

свѣтъ совершенно развитыми, рождаются съ открытыми глазами и уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія въ состояніи бѣгать со своею матерью. Черезъ 5—6 мѣсяцевъ молодыя свинки способны къ размноженію; черезъ 8—9 мѣсяцевъ онѣ достигаютъ полной величины. При хорошемъ обращеніи онѣ могутъ жить до 6—8 лѣтъ.

Если много заниматься морскими свинками, то ихъ можно сдѣлать необыкновенно ручными, хотя онѣ никогда не могутъ совсѣмъ отдѣлаться отъ своей боязливости, и при своихъ незначительныхъ духовныхъ способностяхъ рѣдко достигаютъ того, чтобы отличать своего сторожа отъ другихъ людей. Но бываютъ и исключенія. „Морская свинка, принадлежащая моимъ дѣтямъ,“ пишетъ Фридель, „привѣтствуетъ моего сына, какъ только слышитъ его шаги, громкимъ,



Морская свинка (*Cavia porcellus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

возбужденнымъ визгомъ; когда же онъ даетъ ей кормъ, то она всегда благодаритъ громкимъ воркованьемъ, мою маленькую дочь она встрѣчаетъ не визгомъ, а тихимъ мурлыканьемъ; меня и мою жену она никогда не встрѣчаетъ воркованьемъ. Если моя жена поздно вечеромъ проходитъ комнату, гдѣ помѣщается животное, то оно всегда жалобнымъ визгомъ проситъ подачки; при мнѣ животное молчитъ, потому что знаетъ, что такъ поздно я ему ничего больше не даю. Такимъ образомъ животное точно различаетъ четыре osoby. Оно выкидываетъ, кромѣ того, разныя штуки, — по приказанію притворяется мертвымъ и по приказанію снова вскакиваетъ.“ Морскія свинки очень чувствительны къ холодной, мокрой погодѣ и заболѣваютъ, если ихъ подвергать вліянію дурной погоды, и тогда легко погибаютъ.

✱

Очень своеобразныя животныя, живущія въ пустыняхъ, мара (*Dolichotis patagonica*) является представителемъ второго рода полукопытныхъ; во многихъ отношеніяхъ это животное напоминаетъ зайца, отличаясь отъ него своими высокими ногами и болѣе короткими и притупленными ушами. У взрослыхъ животныхъ длина тѣла равняется 50 сантиметрамъ, изъ которыхъ отъ 4 до 5 см. приходится на

хвостъ; высота въ зашейкѣ доходитъ до 45 см., вслѣдствіе чего это животное на первый взглядъ походить болѣе на маленькое жвачное, чѣмъ на грызуна.

Мара распространяется къ сѣверу не далѣе 37° южной широты; родину ея составляетъ каменистая и бѣдная водою пустыня Патагоніи. Въ мѣстахъ, гдѣ Сіерра Тальпака ограничиваетъ эту пустыню, гдѣ почва становится сырѣе и богаче растеніями, это животное совершенно исчезаетъ. На западъ оно распространяется до окрестностей Мендозы, слѣдовательно даже до 33° южной широты. Около двухъ столѣтій тому назадъ животное это встрѣчалось гораздо чаще, чѣмъ въ настоящее время, такъ что теперь оно встрѣчается чаще еще въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ оно всего болѣе защищено негостепріимствомъ страны; несмотря на то, что животное это здѣсь довольно многочисленно, его все же трудно добыть по той простой причинѣ, что его довольно трудно увидѣть. Оно либо укрывается въ своей норѣ, или лежитъ, прижавшись къ землѣ, при чемъ его трудно отличить, такъ какъ цвѣтъ его шерсти очень сходенъ съ землистымъ цвѣтомъ почвы. Къ этому еще необходимо прибавить его трусость. При малѣйшей опасности мара тотчасъ же убѣгаетъ. Это дневное животное, хотя во время обѣденной жары оно скрывается въ своей норѣ. Пища состоитъ изъ корней и коры растеній; во всякомъ случаѣ изъ такихъ веществъ, которыми пренебрегаютъ всѣ другія млекопитающія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Патагоніи, гдѣ по кремнистой почвѣ существуетъ очень мало сухихъ и колючихъ кустарниковъ, составляющихъ очень негодную пищу, она является единственнымъ живымъ животнымъ, обитающимъ въ данной мѣстности.

Герингъ наблюдалъ въ Мендозѣ въ неволѣ довольно продолжительное время взрослую мару. Это было очень мирное, добродушное, безвредное животное. Съ перваго дня она относилась съ большимъ довѣріемъ къ своему хозяину, брала безъ стѣсненія изъ рукъ послѣдняго свой кормъ и позволяла прикасаться къ себѣ и гладить, не выказывая при этомъ никакого безпокойства. Она очень охотно допускала ласки; когда ее чесали, она выгибала спину и поворачивала голову въ сторону, какъ будто бы желая видѣть руку, которая доставляла ей такое удовольствіе, при чемъ она производила радостные звуки, состоявшіе въ трудно поддающемся описанію пискѣ или хрюканіи. Индѣйцы и гаухосы очень страстно охотятся за этимъ животнымъ, главнымъ образомъ для добыванія его шкуры, которая употребляется на очень красивыя покрывала и ковры. Въ Европейскихъ зоологическихъ садахъ мара встрѣчается очень рѣдко.

*

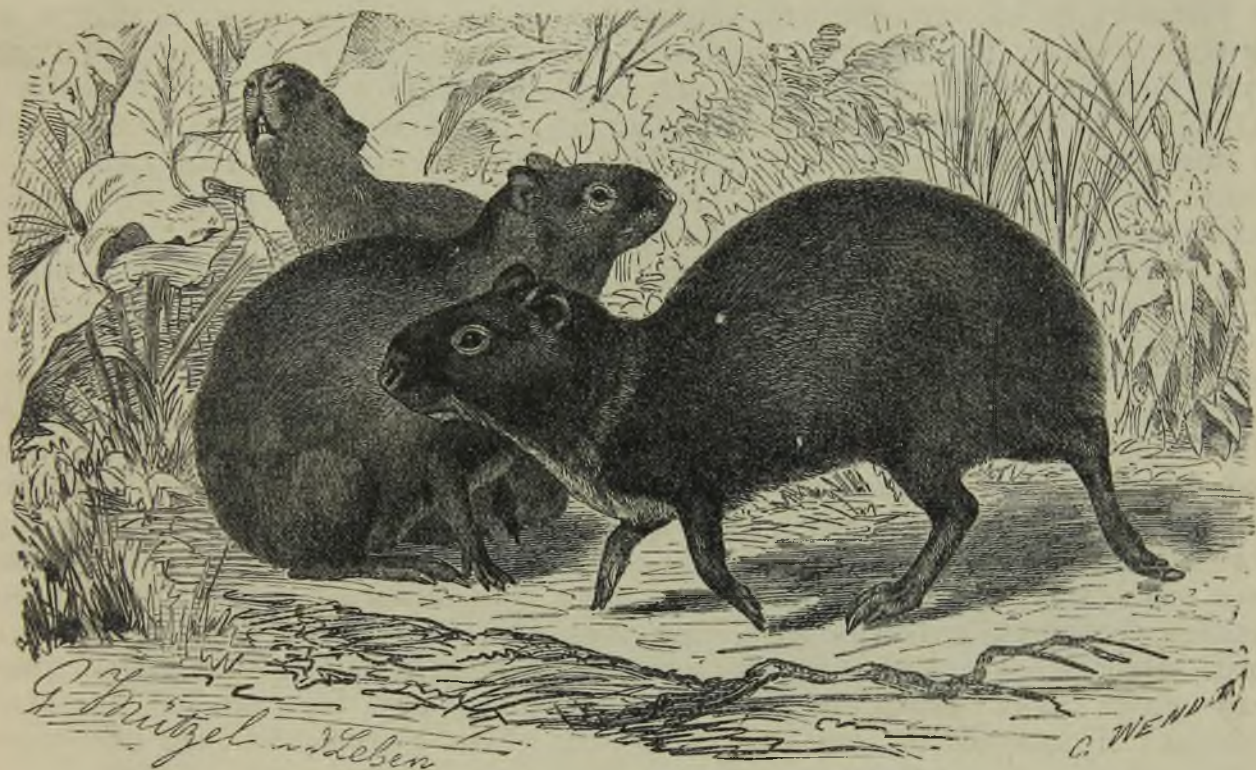
Агути или гути (*Dasyprocta*) по своему виѣшнему виду очень напоминаетъ карликовую кабаргу; она представляетъ длинноногаго коренастаго грызуна съ длинною остроносою головою, малыми, округленными ушами, голымъ хвостикомъ и задними конечностями, которыя значительно длиннѣе переднихъ. На послѣднихъ имѣется 4 пальца и маленький остатокъ большого пальца въ видѣ бородавки, между тѣмъ какъ на заднихъ конечностяхъ существуютъ только три пальца очень длинные и вполнѣ раздѣленные. Всѣ эти пальцы снабжены сильными широкими, мало изогнутыми копытообразными когтями, развитыми въ особенности на заднихъ конечностяхъ. Только на бородавкѣ большого пальца замѣчается маленький плоскій ноготь. Агути отличаются вообще легкою, тонкою, изящною постройкою, поэтому производятъ очень хорошее впечатлѣніе. Зубы у нихъ сильно развиты; въ особенности выступаютъ у нихъ плоскіе, гладкіе рѣзцы и тѣмъ болѣе, что верхняя пара окрашена довольно яркимъ краснымъ цвѣтомъ, а нижніе желтоватаго цвѣта.

Въ настоящее время агути живутъ на лѣсистыхъ равнинахъ парами или небольшими обществами, въ особенности въ густыхъ лѣсахъ рѣчныхъ низменностей; все же нѣкоторые изъ нихъ поднимаются по горамъ до высоты 2000 метровъ надъ уровнемъ моря.

Агути, гути или золотой заяцъ (*Dasyprocta aguti*); послѣднее названіе дано ему за красоту его мѣха; онъ представляетъ одного изъ самыхъ

изящныхъ членовъ своей семьи. Тѣло его покрыто густою и гладко прилегающею шерстью; шероховатые, твердые, почти щетинистые волосы красновато-лимонно-желтаго цвѣта отличаются яркимъ блескомъ и перемѣшаны съ черно-бурыми. Смотря по времени года, окраска его мѣха измѣняется; она свѣтлѣе лѣтомъ и темнѣе зимою. Длина тѣла взрослого самца равняется 40 сантиметрамъ, между тѣмъ какъ остатокъ существующаго хвоста равняется только $1\frac{1}{2}$ см.

Родину гутти составляетъ Гвиана, Суринамъ, Бразилія и сѣверный Перу. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ встрѣчается довольно часто, въ особенности въ низменностяхъ рѣкъ Бразиліи. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь онъ живетъ, какъ въ сырыхъ первобытныхъ лѣсахъ средней части страны, такъ и въ сухихъ. Онъ водится также по сосѣднимъ, богатымъ травою долинамъ, замѣняя здѣсь зайца. На открытыхъ поляхъ онъ не встрѣчается. Обыкновенно его находятъ



Агути (*Dasyprocta aguti*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич

въ дуплахъ деревьевъ близко около почвы, но все же подъ землею, чаще всего въ одиночествѣ, рѣдко обществами. Днемъ онъ лежитъ спокойно въ своемъ помѣщеніи и ходитъ только по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ считаетъ себя въ полной безопасности. Съ заходомъ солнца животное это отыскиваетъ себѣ пищу и при хорошей погодѣ оно всю ночь охотится за своею добычей. Онъ отличается привычкою оставлять нѣсколько разъ свое жилище и возвращаться затѣмъ обратно къ нему. Вслѣдствіе этого онъ утаптываетъ узкую тропинку, длина которой часто доходитъ до 100 метровъ, которая и выдаетъ положеніе его жилья. Если повести собаку на такой слѣдъ, то обыкновенно удастся завладѣть животнымъ, если только его жилище не расположено въ густой чащѣ. Собаки облаиваютъ свою дичь и тогда можно вытащить животное изъ его дупла или вырыть изъ его норы. Если же агути во время замѣтитъ приближеніе собакъ, то онъ моментально удаляется и, благодаря своей ловкости и быстрому бѣгу, вскорѣ уходитъ отъ своихъ преслѣдователей.

Агути является мирнымъ, боязливымъ животнымъ, поэтому легко подвергается всякимъ опасностямъ, которыхъ онъ можетъ избѣгнуть только вслѣдствіе большой ловкости своихъ движеній и остроты органовъ высшихъ чувствъ. Прыжками онъ напоминаетъ маленькихъ антилопъ и мускусную кабаргу.

Пища его состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ травъ и растеній, начиная съ корней и доходя до цвѣтовъ или вѣнчиковъ. Острымъ рѣзцамъ этого животного не въ состояніи противостоятъ никакое растительное вещество; они разгрызаютъ даже самый крѣпчайшій орѣхъ. Въ обработанныхъ мѣстностяхъ агуты надоедаютъ своимъ посѣщеніемъ плантаціи сахарнаго тростника и огородовъ.

О размноженіи агуты на волѣ пока еще нѣтъ точныхъ указаній. Извѣстно, что это животное размножается очень сильно, что самки бываютъ беременны во всѣ мѣсяца года и что онѣ въ состояніи производить на свѣтѣ одновременно нѣсколько дѣтенышей.

Ренггеръ рассказываетъ, что гуты, пойманный въ молодомъ возрастѣ и старательно воспитанный, можетъ сдѣлаться почти домашнимъ животнымъ. „Я видѣлъ“, говоритъ онъ, „много агуты, которыхъ можно было оставить на свободѣ, не опасаясь того, чтобы они убѣжали. Какъ скоро они сдѣлаются ручными, они не убѣгаютъ на свободѣ даже въ глубинѣ большихъ лѣсовъ. Такъ я видѣлъ въ лѣсахъ сѣвернаго Парагвая, въ хижинахъ нѣсколькихъ туземцевъ, двухъ ручныхъ агуты, которые утромъ и вечеромъ находились въ лѣсу, а среди дня и ночью у индѣйцевъ. Стремленіе къ свободѣ подавлено у нихъ не столько привязанностью къ человѣку, сколько привычкой къ мѣсту своего пребыванія. Они мало повинуются человѣку; обыкновенно не отличаютъ своего сторожа отъ другихъ людей, мало обращаютъ вниманія на его зовъ и отыскиваютъ его только тогда, когда ихъ побуждаетъ къ этому голодъ. Они очень неохотно допускаютъ какое-бы то ни было соприкосновеніе, не терпятъ вообще никакого насилія, живутъ совершенно по своему усмотрѣнію и могутъ въ крайнемъ случаѣ быть приучены только къ тому, чтобы принимать свою пищу въ извѣстномъ мѣстѣ. Кормить ихъ можно всѣми пищевыми веществами, имѣющимися въ домѣ. Мясо они все же ѣдятъ далеко не такъ охотно, какъ говоритъ Азара; они ѣдятъ его только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ никакой другой подходящей пищи. Любимую пищу для нихъ составляютъ розы. Какъ только эти цвѣты приносятся въ ихъ жилище, они обоняніемъ опредѣляютъ ихъ присутствіе и тотчасъ же отыскиваютъ ихъ. Пищу свою они обыкновенно захватываютъ рѣзцами, удерживая ее между обѣими бородавками большихъ пальцевъ ногъ, при чемъ они, какъ бѣлки, садятся на заднія ноги. Иногда они принимаютъ свою пищу съѣжившись и именно въ томъ случаѣ, если передъ ними находятся или очень маленькіе, или недостаточно маленькіе кусочки. Я никогда не видалъ, чтобы они пили, но говорятъ, что они пьютъ воду очень по немногу“.

Бодинусъ вѣрно говоритъ, что стройная форма, красивый видъ и опрятность агуты дѣлаютъ ихъ очень привлекательными для любителей, но что все это непріятно ихъ постоянное стремленіе грызть. Агуты, жившіе у Бодинуса, сдѣлались настолько ручными, что брали даваемые имъ лакомства изъ рукъ, быстро съѣдали ихъ, поглядывая съ выраженіемъ благодарности на ихъ подателя. Въ неволѣ эти животныя отличаются нѣкоторою своеобразностью, на которую, на сколько мнѣ извѣстно, еще никѣмъ не было указано. Они закапываютъ большую часть своего корма, чтобы пользоваться имъ въ случаѣ нужды. Когда они получаютъ свой кормъ, то жадно набрасываются на него, съѣдаютъ нѣсколько кусковъ, выбираютъ затѣмъ кусочки моркови или данный имъ плодъ, который уносятъ во рту и укладываютъ свои сокровища въ маленькую яму, которую для этого выкапываютъ. Затѣмъ они прикрываютъ ее землей, которую крѣпко убиваютъ передними своими лапами. Очень комично видѣть, какъ они при этомъ озираются и какъ заботливо стараются зарыть сокровища незамѣтно для другихъ.

*

Пака (*Coelogenys rassa*) отличается своею своеобразною толстою головою, большими глазами и маленькими ушами, куцымъ хвостомъ, высокими ногами, пятипалыми, какъ передними, такъ и задними конечностями; шерсть у него щетинистая, тонкая, тѣсно прилегающая къ тѣлу; скуловая дуга поражаетъ своею большою длиною; она содержитъ въ себѣ полость. Шерсть состоитъ изъ корот-

еихъ, тѣсно прилегающихъ къ тѣлу волосъ, цвѣтъ которыхъ въ верхнихъ и наружныхъ частяхъ желто-бурый, а на нижнихъ частяхъ и на внутренней поверхности ногъ бѣло-желтоватый. По обѣимъ сторонамъ тѣла, начиная съ плечъ и доходя до задняго края бедеръ, проходитъ пять рядовъ бѣло-желтоватыхъ пятенъ круглой или яйцевидной формы. Длина взрослыхъ самцовъ доходитъ до 70 сантиметровъ, высота около 35 см., а вѣсъ ихъ доходитъ до 9 килограммовъ.

Пака распространена въ большей части Южной Америки, начиная съ Суринама и простирается черезъ Бразилію до Парагвая. Встрѣчается она также на южныхъ Антильскихъ островахъ. Чѣмъ болѣе уединена и чѣмъ большею дикостью



Пака (*Coelogenys rassa*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

отличается мѣстность, тѣмъ чаще она встрѣчается. Очень рѣдко встрѣчается она теперь во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ. Обыкновенно она располагается на опушкѣ лѣсовъ и по берегамъ рѣкъ, покрытыхъ кустарниками, а также въ болотистыхъ мѣстахъ. Здѣсь она вырываетъ себѣ въ землѣ нору на протяженіи отъ 1 до 2 метровъ, гдѣ обыкновенно спитъ въ продолженіе всего дня. Съ наступленіемъ сумерекъ она отправляется на поиски за пищей, при чемъ посягаетъ какъ плантаціи сахарнаго тростника, такъ и дынь, гдѣ она причиняетъ много вреда. Обыкновенно же она питается листьями, цвѣтами и плодами всевозможныхъ растений. Живетъ она попарно и въ одиночку. Самка приноситъ обыкновенно лѣтомъ по 1 и не болѣе 2 дѣтенышей, которыхъ во время кормленія скрываетъ въ норѣ и затѣмъ водить ихъ съ собою по нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Бразиліи она является обыкновенною дичью въ лѣсахъ вмѣстѣ съ агути и различными видами броненосцевъ. Принцъ фонъ Видъ часто ловилъ этихъ животныхъ въ капканы въ первобытныхъ лѣсахъ. Часто на этихъ животныхъ охотятся съ собаками и

доставляютъ ихъ на рынокъ въ видѣ „королевской дичи“. Ее совершенно нельзя поймать во время ея пребыванія въ норѣ, но если внимательно прослѣдить опушку плантацій, то легко можно подмѣтить подъ кучами осоки передвиженіе животного. Въ этихъ мѣстахъ охотникъ ставитъ свои петли, въ которыя онъ кладетъ въ видѣ приманки початки кукурузы и за этотъ свой трудъ бываетъ обыкновенно обильно награжденъ на слѣдующее утро. Пака составляетъ наилучшую дичь въ Бразиліи, которую по ея тонкости и нѣжности наврядъ ли можетъ превзойти какая нибудь другая дичь. Кожа ея на столько тонка и мало крѣпка, что ее нельзя сдирать, но все животное палать, какъ свинью. Если у такимъ образомъ приготовленной жареной паки отрѣзаютъ голову и ноги, то она до неузнаваемости похожа на поросенка. По описанію Капплера, при погонѣ за этимъ животнымъ оно бросается даже въ воду, если не можетъ достигнуть своей норы. Въ водѣ оно ныряетъ до тѣхъ поръ, пока не удаляется его преслѣдователь. Онъ полагаетъ, что подъ водою это животное даже уплываетъ.

Послѣднее время это животное нерѣдко доставлялось въ Европу въ живомъ видѣ. Уже Бюффонъ имѣлъ такую самку довольно долго; она была совершенно ручная; подъ печкой она устроила себѣ помѣщеніе, гдѣ въ продолженіе дня спала; ночью она бѣгала; если ее запирали въ ящикѣ, то она прогрызала его. Знакомымъ лицамъ она лизала руку и давала ласкать себя; въ послѣднемъ случаѣ она вытягивалась и въ знакъ выраженія своего удовольствія издавала слабый звукъ. Чужихъ она старалась укусить, точно такъ же, какъ дѣтей и собакъ. Въ состояніи гнѣва она какъ то особенно хрюкала и скрежетала зубами. Къ холоду она оказалась такъ мало чувствительна, что Бюффонъ предположилъ, что это животное можетъ акклиматизироваться въ Европѣ. Вообще пака животное не требовательное и удовлетворяется какъ не особенно изысканной пищей, такъ и не особенно удобнымъ помѣщеніемъ. Относительно выносливости этого животного къ холоду я вполне долженъ присоединиться къ мнѣнію Бюффона и все же я полагаю, что водвореніе этихъ животныхъ въ Европѣ не принесетъ много пользы.

*

Водосвинка (*Hydrochoerus carubara*) представляетъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ грызуновъ въ томъ отношеніи, что является самымъ большимъ и неуклюжимъ членомъ отряда. Приведенное названіе вполне ей соответствуетъ, такъ какъ она по своей формѣ и щетинистому покрову своего тѣла напоминаетъ свинью. Главные, характеризующіе ее признаки, слѣдующіе: маленькія уши, расщепленная верхняя губа, отсутствіе хвоста, короткія плавательныя перепонки между пальцами и сильные подковообразные ногти; наконецъ, въ высшей степени своеобразное строеніе зубовъ. Исполински развитые рѣзцы тонки, ширина ихъ не менѣе 2-хъ сантиметровъ, а на передней ихъ поверхности замѣчается нѣсколько плоскихъ бороздокъ. Между коренными зубами послѣдній зубъ такой же величины, какъ три передніе. Тѣло его поразительно неуклюжее и толстое, шея короткая, голова продолговатая, высокая и широкая; морда у нея тупая, съ своеобразнымъ выраженіемъ. Глаза довольно большіе, округленные, сильно выдаются, уши сверху округлены и завернуты по переднему краю, а позади отсѣчены; заднія конечности значительно длиннѣе переднихъ; переднія — четырехпалыя, а заднія — трехпалыя. Объ опредѣленіи окраски ея рѣдкой и грубой шерсти не можетъ быть и рѣчи; не представляя нигдѣ рѣзкихъ цвѣтовъ, вся поверхность ея тѣла неопредѣленнаго коричневаго цвѣта съ оттѣнкомъ краснаго или желтовато-коричневаго. Только щетина около рта опредѣленнаго чернаго цвѣта. Взрослая водосвинка по своему росту сходна приблизительно съ годовалой домашней свиньей; вѣсъ ея равняется приблизительно 50 килограммамъ. Длина ея тѣла болѣе 1 метра, а высота у загривка равняется 50 см. и болѣе.

Капибара распространяется по всей Южной Америкѣ и встрѣчается, начиная отъ Ориноко, и доходя до Лаплаты или отъ Атлантическаго океана до начала Андъ. Самое обыкновенное мѣстопробываніе этого животного составляютъ низменные, лѣсистыя болотистыя мѣстности, въ особенности рѣки и берега озеръ и

болотъ. Самое любимое мѣстопребываніе ея составляютъ большія рѣки, которыхъ она никогда не оставляетъ, а въ случаѣ ея переселенія она слѣдуетъ по ходу мелкихъ притоковъ или ямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она встрѣчается очень часто. Понятно, что въ обитаемыхъ мѣстахъ она встрѣчается рѣже, чѣмъ въ дикихъ. Въ первомъ случаѣ она встрѣчается только вечеромъ и утромъ, между тѣмъ какъ въ мало обитаемыхъ долинахъ рѣкъ она встрѣчается и днемъ въ большомъ количествѣ, всегда вблизи рѣкъ, отыскивая себѣ пищу или усаживаясь, какъ собака, на конечностяхъ, находящихся въ приведенномъ состояніи.

Походка животного медленная, бѣгъ не продолжителенъ; въ случаѣ нужды оно въ состояніи передвигаться скачками. Плаваетъ животное превосходно и легко переплываетъ водныя пространства; все же оно входитъ въ воду только тогда, когда его преслѣдуютъ, или когда необходимая ему пища оказывается недостаточной на одной сторонѣ рѣки. Хотя оно очень привязано къ опредѣленной мѣстности, оно все же оставляетъ ее, какъ скоро его здѣсь преслѣдуютъ. Настоящаго жилья у него нѣтъ, хотя обыкновенно у него есть болѣе избранныя мѣста берега. Питается оно водяными растеніями и корою молодыхъ деревьевъ, и только въ томъ случаѣ, когда помѣщается вблизи плантацій, оно нападаетъ иногда на водяныя дыни и кукурузу, рисъ и тростниковый сахаръ, и въ такихъ случаяхъ наноситъ большой убытокъ. Водосвинка очень мирное и спокойное животное. Уже по внѣшнему виду всякому ясно, что приходится имѣть дѣло съ очень тупымъ и духовно бѣднымъ существомъ. Никогда не видно, чтобы эти животныя играли между собою. Члены стада такихъ животныхъ либо медленно передвигаются, отыскивая себѣ пропитаніе, или они отдыхаютъ въ сидячемъ положеніи. Въ этомъ положеніи они по временамъ ворочаютъ головою, чтобы прослѣдить за могущимъ приблизиться къ нимъ непріателемъ. Если они его замѣтятъ, то не торопятся убѣгать, но стараются приблизиться къ водѣ. Въ крайнемъ страхѣ они быстро съ крикомъ бросаются въ воду, гдѣ ныряютъ. Если они не привыкли видѣть человѣка, то долго осматриваютъ его и нескоро убѣгаютъ отъ него. Единственный звукъ, который они издаютъ въ случаѣ опасности, Азара выражалъ звукомъ „ап“. Крикъ этотъ, однако же, такъ пронзителенъ, что его можно отличить на разстояніи $\frac{1}{4}$ часа.

Самка мечетъ только разъ въ годъ отъ 5 до 6 дѣтенышей. Хотя поросята тотчасъ же начинаютъ слѣдовать за матерью, но все же выказываютъ къ ней очень мало привязанности.

Въ послѣднее время это животное часто привозилось въ Европу живымъ. Мнѣ приходилось слѣдить довольно долго за однимъ изъ нихъ. Оно было очень привязано ко мнѣ, знало мой голосъ, всегда являлось на мой призывъ, всегда радовалось, когда я его ласкалъ и слѣдовало за мной какъ собака. Не ко всѣмъ однако же оно относилось съ такимъ расположеніемъ. Когда однажды сторожъ желалъ согнать его обратно, то оно бросилось ему на грудь и стало его кусать. Къ счастью оно прокусило болѣе его одежду, чѣмъ тѣло. Вообще нельзя сказать, чтобы оно было очень послушно; оно исполняло требованія только тогда, когда желало само. Я не могу назвать движенія водосвинки неуклюжими или неповоротливыми. Она рѣдко бѣгаетъ быстро. Обыкновенно она спокойно передвигается большими шагами, но безъ труда перепрыгиваетъ рѣшетки высотой болѣе одного метра. Въ водѣ она передвигается мастерски. При помощи равномерныхъ движеній она совершенно прямо переплываетъ широкія водныя пространства со скоростью передвиженія человѣка. Прыжкомъ бросается въ воду, какъ птица, и остается нѣсколько минутъ подъ водою; въ глубинѣ она продолжаетъ плавать не сбиваясь съ намѣченнаго направленія. Содержаніе ея не требуетъ большого труда. Она питается различными растительными веществами, какъ свинья. Она требуетъ хотя и много, но не особенно хорошаго корма. Самую любимую ея пищу составляетъ свѣжая и сочная трава; но такъ же охотно она ѣстъ морковь, рѣпу и клеверъ. Своими широкими рѣзцами она срываетъ траву какъ лошадь, пьетъ также, какъ послѣдняя, втягивая воду черезъ большіе промежутки. Хотя она

любить теплоту, но и холода не боится. Въ ноябрѣ она безбоязненно, безнаказанно бросается въ ледяную воду.

По описанію всѣхъ путешественниковъ мясо водосвинки ѣдятъ только одни индѣйцы; европейцамъ оно кажется противнымъ, такъ какъ отличается особенно непріятнымъ, жирнымъ вкусомъ. Толстая, почти голая кожа чрезвычайно губчатая и мягка; изъ нея получается кожа, которая легко пропускаетъ воду и поэтому употребляется только на ремни, ковры и сѣдла. Дѣвочки изъ Ботокудовъ нанизываютъ рѣзцы этого животного и дѣлаютъ себѣ браслеты и ожерелья; другой пользы животное это не приноситъ. Южные американцы охотятся на водосвинку для своего развлеченія; они внезапно нападаютъ на нее, пересѣкаютъ ей дорогу и арканами сбрасываютъ на землю. Самымъ опаснымъ врагомъ для капибара является кромѣ человѣка еще ягуаръ. Днемъ и ночью этотъ хитрый разбойникъ выслѣживаетъ это животное и повидимому, въ низовьяхъ рѣкъ оно составляетъ самую частую добычу, которой пользуется эта кошка.

Не очень значительное, но разнообразное и своеобразное семейство составляютъ крысоподобные грызуны, живущіе въ Южной Америкѣ и въ Африкѣ. Осьмизубы (*Octodontidae*) по своей формѣ и окраскѣ нѣсколько напоминаютъ крысъ. Уши короткія, широкія и мало покрыты шерстью. Ноги четырехъ или пятипалыя. Хвостъ очень разнообразной длины и часто кольцеобразно чешуйчатый, какъ у настоящей крысы; но этимъ и ограничивается сходство этихъ животныхъ съ крысами. У нѣкоторыхъ изъ осьмизубовъ шерсть мягкая и тонкая; у другихъ жесткая и щетинистая, даже иногда къ ней подмѣшано нѣсколько плоскихъ кольчатыхъ иглъ. Хвостъ бываетъ иногда не только волосистымъ, но даже пушистымъ. Въ каждой челюсти насчитываютъ по 4, а въ исключительныхъ случаяхъ по 3 коренныхъ зуба, которые бываютъ съ корнями или безъ корней.

Осьмизубы живутъ въ лѣсахъ или въ открытыхъ мѣстностяхъ; одни въ заросляхъ и кустарникахъ, другіе въ плантаціяхъ у дорогъ, между скалами, по берегамъ рѣкъ и ручьевъ и даже на морскомъ берегу. Обыкновенно они живутъ обществами въ подземныхъ норахъ съ многочисленными выходами; норы эти они роютъ себѣ сами. Нѣкоторые изъ нихъ настоящія роющія животныя, которыя такъ же, какъ и кроты, выбрасываютъ на поверхность холмики и почти всегда остаются подъ землею; другіе держатся въ чащѣ и искусно лазаютъ по деревьямъ. Они обыкновенно дѣятельны ночью и только немногіе также днемъ. Многіе виды настоящія водяныя животныя и превосходно плаваютъ и ныряютъ. Неволю они переносятъ довольно легко, любопытны, подвижны, научаются узнавать своего сторожа, слѣдуютъ за нимъ и радуютъ его своимъ пріятнымъ нравомъ. Размножаются они довольно значительно, такъ какъ число ихъ дѣтенышей колеблется между двумя и семью, и они могутъ возрасти до такого множества, что наносятъ значительный вредъ плантаціямъ и полямъ. Незначительная польза, которую они приносятъ своимъ мясомъ и шкурой, не можетъ имѣть значенія въ виду производимыхъ ими опустошеній.

Въ Чили, Перу и Боливіи живетъ кустарниковая крыса (*Octodon*), которая является, такъ сказать, промежуточнымъ членомъ между бѣлкой и крысой. Зубная система состоитъ изъ гладкихъ, небороздчатыхъ и острыхъ рѣзцовъ и коренныхъ зубовъ безъ корней; ихъ жевательная поверхность почти имѣетъ форму арабской цифры 8 (отсюда названіе *Octodon* по-латыни).

Дегу (*Octodon cummingii*) сверху буровато-сѣраго цвѣта, неравномѣрно пятнистый; нижняя поверхность сѣро-буроватая, на груди и затылкѣ темнѣе, у основанія хвоста свѣтлѣе, почти бѣлая. Общая длина имѣетъ около 27 сантиметровъ, изъ которыхъ немного больше трети приходится на хвостъ.

Дегу принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ животнымъ среднихъ провинцій Чили. Сотни ихъ населяютъ заросли и кустарники; даже въ непосредственной близости оживленныхъ городовъ они безстрашно бѣгаютъ всюду по

дорогамъ и отважно забираются въ сады и воздѣланныя поля, гдѣ они столько же вредятъ, подгрызая растенія безъ надобности, сколько и своей прожорливостью. Они рѣдко поднимаются съ земли, чтобы влѣзть на нижнія вѣтви кустарниковъ. Животное по своему нраву гораздо болѣе напоминаетъ бѣлку, чѣмъ крысу. Несмотря на мягкій климатъ, они собираютъ запасы, но въ зимнюю спячку не впадаютъ.

*

Къ октодонтамъ принадлежитъ также хвостатый или болотный бобръ, коипу, нутрія американскихъ испанцевъ (*Myopotamus coypu*).

Тѣло у него коренастое, шея короткая и толстая. Голова толстая, длинная и широкая съ тупой мордой и плоскимъ теменемъ. Глаза средней величины, круглые и выдающіеся. Уши малы, круглы и нѣсколько больше въ длину, чѣмъ



Болотный бобръ (*Myopotamus coypu*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

въ ширину. Конечности коротки и сильны, заднія нѣсколько длинѣе переднихъ; и тѣ, и другія пятипалыя; пальцы соединены широкой плавательною перепонкой и вооружены длинными, крѣпкими, кривыми и острыми когтями, а внутренніе пальцы переднихъ ногъ — плоскимъ ногтемъ. Длинный круглый хвостъ, съ спирально расположенными чешуями и довольно обильно покрытый крѣпкими, плотно прилегающими, щетинистыми волосами. Остальной волосаной покровъ густъ, довольно длиненъ и мягокъ и состоитъ изъ почти непроницаемаго для воды короткаго, мягкаго пушистаго подшерстка и болѣе длинныхъ, мягкихъ, слегка блестящихъ щетинъ; отъ послѣднихъ почти зависитъ окраска, такъ какъ они совершенно покрываютъ подшерстокъ. Очень большіе широкіе рѣзцы ихъ зубной системы напоминаютъ строеніе зубовъ бобра. Болотный бобръ достигаетъ приблизительно величины рѣчной выдры. Длина тѣла достигаетъ обыкновенно 40—45 см., длина хвоста почти такая же. Но иногда находятъ очень старыхъ самцовъ въ цѣлый метръ длиною. Обыкновенно спина бываетъ каштаново-бураго цвѣта, а нижняя поверхность почти черно-бураго, бока ярко-краснаго цвѣта. Родиной этого важнаго пушнаго звѣря является большая часть умѣренныхъ странъ Южн. Америки. Хвостатый бобръ встрѣчается почти во всѣхъ странахъ, лежащихъ къ югу отъ тропика Козерога. Онъ встрѣчается часто повсюду въ штатахъ Лаплаты, Буэносъ-Айресъ, Патагоніи и въ средней части Чили. Область его распространенія простирается отъ Атлантическаго до Великаго океана, черезъ высокія горы и отъ 24° до 43°

южной широты. Они живутъ парами по берегамъ озеръ и рѣкъ, преимущественно у тихихъ водъ, тамъ, гдѣ водяныя растенія растутъ въ такомъ множествѣ, что образуютъ покровъ довольно крѣпкій, чтобы ихъ выдержать. Каждая пара вырываетъ себѣ по берегу нору въ 1 метръ глубиною и 40—60 сант. шириною, гдѣ они проводятъ ночь, а иногда и часть дня. Въ этомъ жилищѣ самка мечетъ отъ 4 до 6 дѣтенышей, которые очень скоро слѣдуютъ за своей матерью. Коипу отлично плаваетъ, но плохо ныряетъ. На землѣ онъ движется медленно, потому что ноги его такъ коротки, что тѣло его почти волочится по землѣ. Поэтому онъ только тогда идетъ по сушѣ, когда хочетъ перебраться отъ однихъ водъ къ другимъ. Въ опасности онъ мгновенно бросается въ воду и ныряетъ; если преслѣдованіе продолжается, то онъ, наконецъ, скрывается въ свою нору, гдѣ обыкновенно проводитъ только ночь.

Его духовныя способности ничтожны. Онъ робокъ и боязливъ и остается такимъ же и въ неволѣ. Его нельзя назвать умнымъ, хотя онъ мало по малу научается узнавать своего сторожа. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду онъ является постояннымъ обитателемъ; въ послѣднее время его начинаютъ держать и въ другихъ зоологическихъ садахъ. „Болотный бобръ“, говоритъ Воудъ, „проворный и живой малый, чрезвычайно забавный въ своихъ манерахъ. Я часто наблюдалъ его затѣйливыя штуки и въ высшей степени былъ заинтересованъ приемами, которые онъ употреблялъ, чтобы проплыть свои владѣнія и при этомъ точнѣйшимъ образомъ изслѣдовалъ каждый предметъ, казавшійся ему новымъ. Если ему бросить въ его бассейнъ пучекъ травы, то онъ мгновенно схватываетъ его передними лапами, сильно его встряхиваетъ, чтобы освободить корни отъ всей земли, потомъ опускаетъ его въ воду и выполаскиваетъ его тамъ съ такою большою ловкостью, что и профессиональная прачка врядъ-ли это лучше сдѣлаетъ“.

Плѣнные болотные бобры, которыхъ я держалъ, были въ постоянномъ движеніи и съ небольшими перерывами двигались весь день въ водѣ и на берегу; самое большее, если они отдыхали въ полуденные часы, къ вечеру они становились особенно оживленными. Они обнаруживаютъ способности, которыхъ отъ нихъ едва можно было ожидать. Ихъ движенія нельзя назвать живыми и устойчивыми, но они достаточно сильны и ловки. Своимъ названіемъ бобровъ они пользуются безъ достаточнаго основанія, потому что они напоминаютъ по своему праву и по своей манерѣ плавать больше водяныхъ крысъ, чѣмъ бобровъ. Пока они ничѣмъ не обезпечены, они плывутъ прямо впередъ, погруживши заднюю часть тѣла глубоко въ воду, а голову, обыкновенно, высовываютъ надъ водой на двѣ трети ея величины, хвостъ вытянуть. При этомъ они гребутъ только задними ногами, а переднія ноги помогаютъ такъ же мало, какъ у бобровъ. Голосъ представляетъ жалобный звукъ, который не кажется непріятнымъ; онъ служитъ призывомъ и повторяется другими, поэтому онъ часто издается. Когда животное разсержено или обезпечено, оно производитъ раздраженное ворчанье или рычанье. Трава составляетъ любимую пищу болотнаго бобра, но онъ не пренебрегаетъ также корнями, клубнями, листьями, зернами, а въ неволѣ ѣстъ хлѣбъ и даже такъ-же охотно мясо, напр., рыбъ, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи похожъ на крысъ, а не на бобра. Древесной коры онъ, повидимому, не любитъ. Траву онъ объѣдаетъ очень искусно, но не крошитъ и не разгрызаетъ ее; брошенную ему пищу онъ хватаетъ лапами и подноситъ ко рту. Къ зимѣ плѣнные бобры принимаютъ мѣры, которыя состоятъ въ томъ, что тамъ, гдѣ можно, они постоянно роютъ въ намѣреніи устроить себѣ большія норы. Если имъ позволяютъ продолжать, то они скоро вырываютъ глубокіе ходы и, повидимому, выстилаютъ также логовище мягкой настилкой, именно травами, которыя они туда наносятъ.

Такъ какъ уходъ за болотнымъ бобромъ очень простъ, кормъ для него имѣть очень легко и дешево, а также и ихъ размноженіе не представляетъ никакихъ затрудненій, то можно было-бы посоветовать каждому любителю животныхъ, имѣющему подходящее для этого мѣсто, держать этихъ грызуновъ; и даже

стоитъ попробовать устроить маленькую колонію изъ 4—5 штукъ гдѣ нибудь въ защищенномъ лѣсу, въ которомъ имѣется прудъ или спокойно текущая вода, а также трава растетъ въ достаточномъ изобиліи. По сдѣланнымъ опытамъ, я думаю, что эти животныя съумѣютъ найти себѣ достаточно пищи, а также хорошо съумѣютъ продержаться зиму, не нанося лѣсу или полевому хозяйству замѣтнаго вреда.

Животное это дѣятельно преслѣдуется ради его цѣннаго мѣха. Въ 1827 году провинція Энтре-Ріосъ вывезла, по официальнымъ даннымъ таможни, въ Буэносъ-Айресъ 300,000 штукъ, и вывозъ еще увеличился, потому что въ началѣ тридцатыхъ годовъ только изъ болотъ Буэносъ-Айреса и Монтевидео было выслано въ одну Англію около 50,000 шкурокъ. Въ настоящее время ежегодно идутъ въ торговлю около 1,5 милліоновъ шкурокъ; изъ нихъ около двухъ третей болѣе плохихъ служатъ для приготовленія полостей, а одна треть, съ длинною жесткою шерстью идетъ на мѣховыя опушки, для чего они такъ обрабатываются, что верхняя шерсть бываетъ удалена, причемъ они употребляются со своею природною окраскою или окрашиваются искусственно. Бѣлое, вкусное мясо во многихъ мѣстахъ употребляется туземцами въ пищу; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этимъ мясомъ пренебрегаютъ.

Въ Буэносъ-Айресѣ за болотнымъ бобромъ охотятся главнымъ образомъ съ нарочито обученными собаками, которыя отыскиваютъ бобровъ въ водѣ и выгоняютъ охотникамъ подъ выстрѣлъ, или же сами вступаютъ съ ними въ бѣй, хотя эти большіе грызуны умѣютъ мужественно и сильно защищаться. Въ болѣе мелкихъ мѣстахъ его любимыхъ мѣстонахожденій и передъ норами ставятъ капканы.

*

На болотнаго бобра по внѣшнему виду похожа щетинистая свинка (*Aulacodus swinderianus*, рис. на стр. 446), которая принадлежитъ къ африканскимъ осьмизубамъ. Это плотное животное, съ маленькой, короткой и широкомордой головой, маленькими, голыми, полукруглыми ушами и короткими четырехпалыми ногами съ недоразвитыми большими пальцами; волосяной покровъ состоитъ изъ гладкихъ иглоподобныхъ щетинъ, съ мягкимъ концомъ. Волосы у основанія пепельно-сѣраго цвѣта, въ серединѣ темнѣй, а на концѣ черные; передъ кончикомъ на нихъ большею частью бываетъ буровато-желтое кольцо. По современнымъ даннымъ щетинистая свинка распространена по восточной Африкѣ на югъ до Капской земли, а въ западной Африкѣ водится какъ въ верхней, такъ и въ Нижней Гвинее. Животныя эти держатся обыкновенно вблизи водъ и живутъ преимущественно по берегамъ, въ густой травѣ, тростниковыхъ или камышевыхъ заросляхъ, а также въ низкихъ, густыхъ, кустарниковыхъ поросляхъ. Пищу ихъ составляютъ травы, корни, клубни, которые въ изобиліи находятся по берегамъ водъ и на влажныхъ низменностяхъ. Друммондъ выставляетъ ихъ очень вредными животными, которыя могутъ производить большія опустошенія именно на плантаціяхъ сахарнаго тростника и маиса, и поэтому онѣ дѣятельно преслѣдуются.

Кромѣ того, какъ туземцы, такъ и европейцы охотятся за щетинистой свинкой, потому что она даетъ самое вкусное жаркое изъ всѣхъ другихъ африканскихъ млекопитающихъ.

Только въ послѣднее время сдѣлался извѣстнымъ членъ маленькаго семейства американскихъ животныхъ, мѣхъ которыхъ уже съ древнихъ временъ употреблялся коренными обитателями Южной Америки, а съ конца прошлаго столѣтія во множествѣ вывозился въ Европу. Это пушакъ или шиншиллы (*Lagostomidae*), по внѣшнему виду ихъ можно было бы обозначить какъ переходныхъ членовъ между мышами и зайцами. Самымъ краткимъ ихъ описаніемъ было бы, еслибы ихъ назвать кроликами съ длиннымъ, нушистымъ хвостомъ. Но отъ зайцевъ они рѣзко и опредѣленно отличаются зубной системой. Самый нѣжный мѣхъ, какой вообще можетъ быть у млекопитающихъ, покрываетъ ихъ тѣло. Его окраска бываетъ свѣтло-сѣрая съ бѣлымъ и черно-бурымъ, или желтымъ.

Всѣ шиншиллы живутъ въ Южной Америкѣ и именно въ гористыхъ мѣстностяхъ, подымаясь на значительную высоту до голыхъ скалъ подъ снѣжной линіей; только одинъ видъ встрѣчается на равнинахъ. Жилищемъ этому животному служатъ природныя пустоты или норы, вырытыя ими самими. Всѣ живутъ обществами, нѣкоторыя живутъ семействами въ одной и той же норѣ. Они какъ и зайцы не любятъ свѣта и показываются большею частью въ сумерки или ночью. Это проворныя, живыя, подвижныя животныя, робкія и боязливыя и по своимъ движеніямъ также напоминаютъ на половину кроликовъ, на половину мышей. Слухъ у нихъ, повидимому, самое развитое внѣшнее чувство. Понятливости у нихъ мало. Пищу ихъ составляютъ корни и мхи, кора и луковицы, а также плоды. Размножаются онѣ почти такъ же сильно, какъ и зайцы. Онѣ легко переносятъ неволю и доставляютъ удовольствіе своею чистою плотностью и прирученностью. Многіе виды



Щетинистая свинка (*Aulacodus swinderianus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

приносятъ вредъ или, по крайней мѣрѣ, становятся чловѣку въ тягость подкапываніемъ почвы; но всѣ онѣ полезны своимъ мясомъ и шкуркой.

Настоящія шиншиллы (*Eriomys*), образующія первый родъ, отличаются отъ другихъ своихъ родичей толстой головой, широкими закругленными ушами, пятипалыми передними ногами и задними четырехпалыми и длиннымъ, необыкновенно мягкимъ, шелковистымъ мѣхомъ. Коренные зубы образуются изъ трехъ эмалевыхъ пластинокъ. Извѣстны только два вида этихъ животныхъ, — большая шиншилла (*Eriomys chinchilla*) и малая шиншилла (*Eriomys lanigera*). Первая достигаетъ длины 30 см., съ хвостомъ въ 13 см., который съ волосами доходитъ до 20 см. Равномѣрный, тонкій, чрезвычайно мягкій мѣхъ бываетъ на спинѣ и бокахъ больше 2 см. длины; волосы у корня темнаго сине-сѣраго цвѣта, далѣе съ широкими бѣлыми кольцами, а на концѣ темно-сѣрые. Поэтому общая окраска кажется серебристой съ темнымъ налетомъ. Нижняя поверхность и ноги чисто бѣлаго цвѣта; хвостъ имѣетъ сверху двѣ темныя полосы. Большіе глаза — чернаго цвѣта.

Еще во времена племени Инка, перуанцы перерабатывали тонкіе шелковистые волосы шиншиллы въ сукна и тому подобныя очень цѣнившіяся ткани. Въ прош-

ломъ столѣтій черезъ Испанію получались первые мѣха, какъ большая рѣдкость; теперь они сдѣлались обыкновеннымъ предметомъ торговли.

Путешественникъ, поднимающійся съ западнаго берега Южной Америки по склонамъ кордильеровъ, достигнувши высоты 2—3000 метровъ, замѣчаетъ часто на протяженіи цѣлыхъ миль, что всѣ скалы покрыты этими шиншиллами и двумя другими видами того же семейства. Въ Перу, Боливіи и Чили эти животныя встрѣчаются чрезвычайно часто, такъ какъ намъ извѣстно отъ путешественниковъ, что они въ теченіе дня встрѣчали этихъ животныхъ тысячами. Въ ясные дни можно видѣть шиншиллу, спящую предъ входомъ въ ея нору, но всегда не на солнечной сторонѣ скалъ, а въ самой глубокой тѣни. Еще легче увидѣть шиншиллу



Малая шиншилла (*Eriomys lanigera*). 1/2 естеств. велич.

въ утренніе или вечерніе часы; тогда онѣ оживляютъ горы и особенно хребты безплодныхъ, каменистыхъ и скалистыхъ мѣстностей, гдѣ встрѣчается только очень скудная растительность. Именно на совершенно голыхъ стѣнахъ скалъ онѣ бѣгаютъ по всѣмъ направленіямъ, двигаясь необыкновенно быстро и живо. Съ поразительной легкостью лазаютъ онѣ по стѣнамъ, которыя, повидимому, не представляютъ никакихъ выступовъ. Онѣ съ такой ловкостью и быстротой влѣзаютъ вертикально вверхъ на высоту 6—10 метровъ, что за ними съ трудомъ можно услѣдить глазами. Хотя онѣ не особенно робки, все же не позволяютъ подойти къ себѣ слишкомъ близко, и мгновенно исчезаютъ, какъ только сдѣлаешь видъ, что ихъ преслѣдуешь.

Относительно размноженія шиншиллъ еще неизвѣстно ничего достовѣрнаго, хотя въ лондонскомъ зоологическомъ саду онѣ размножались. На ихъ родинѣ во всякое время года приходилось находить беременных самокъ, а отъ туземцевъ извѣстно, что число дѣтенышей колеблется между 4 и 6; точнѣе ничего не извѣстно. На родинѣ шиншиллъ часто держатъ ручными; въ Европу онѣ попадаютъ еще довольно рѣдко. Миловидность ихъ движеній, ихъ чистоплотность и легкость, съ которою онѣ мирятся со своею участью скоро завоевываютъ расположеніе че-

ловѣка. Она такъ безобидна и довѣрчива, что ее можно свободно пустить бѣгать по дому и комнатамъ. Она можетъ только оказаться въ тягость своимъ любопытствомъ; такъ какъ она изслѣдуетъ все, что встрѣтитъ на своемъ пути, и даже высоко стоящіе предметы, такъ какъ для нея пустяки взбираться на столы и шкафы. Нерѣдко она вскакиваетъ людямъ на голову и плечи. Ея духовныя способности стоятъ приблизительно на одной ступени со способностями нашего кролика и морской свинки.

Въ прежнія времена шиншилла водилась, повидимому, по склонамъ горъ всюду до самаго моря такъ же часто какъ и на высотахъ, въ настоящее время въ болѣе низкихъ частяхъ горъ ее находятъ только мѣстами, и то всегда въ одиночку. Постоянное преслѣдованіе, которому она подвергается изъ-за своего мѣха, загнало ее на высоты. Европейцы убиваютъ шиншиллу иногда съ помощью ружья или самострѣла; но эта охота всегда останется сомнительнымъ дѣломъ, потому что, если шиншилла не ранена такъ, что умираетъ мгновенно, то она непременно еще ускользнетъ въ какую нибудь изъ трещинъ въ скалѣ и тогда она потеряна для охотника. Индѣйцы ставятъ передъ всѣми трещинами скалъ хорошо сдѣланные силки и на другое утро вынимаютъ оттуда попавшихся шиншиллу. Кромѣ того они отлично приручаютъ перуанскихъ ласокъ и потомъ дрессируютъ ихъ для охоты на шиншиллу; потомъ поступаютъ точно такъ же, какъ наши охотники съ хорьками.

Въ сѣверной и средней частяхъ Чили вмѣсто большой шиншиллы водится малая шиншилла. По образу жизни этотъ видъ совершенно повидимому сходенъ съ предыдущимъ; точно такъ-же, какъ по внѣшнему виду и по окраскѣ мѣха. Но малая шиншилла гораздо меньше, такъ какъ ея общая длина бываетъ самое большее 35—40 сантиметровъ изъ которыхъ на хвостъ приходится приблизительно одна треть. Густо сидящіе, мягкіе волосы мѣха достигаютъ на спинѣ 2 см., на задней части и бокахъ — 3 см. длины. Ихъ окраска пепельно-сѣрая съ болѣе темными крапинками.

Только послѣ многократныхъ просьбъ естествоиспытателей, въ Европу было доставлено нѣсколько череповъ шиншиллы, а позже нѣсколько живыхъ животныхъ, хотя объ ней упоминаютъ уже очень старые путешественники.

Въ 1829 г. одна живая малая шиншилла попала въ Лондонъ и была описана Беннеттомъ. Она была очень кроткимъ созданьемъ, которое, однако, иногда пробовало кусаться, когда бывало не совсѣмъ въ духѣ. Она рѣдко бывала особенно весела и только иногда можно было видѣть ея странные прыжки. Она обыкновенно садилась на корточки, но умѣла подыматься и совсѣмъ на заднія ноги и держаться въ этомъ положеніи; пищу она подносила ко рту передними лапами. Зимой ее нужно было переносить въ довольно теплую комнату, и выстилать ея жилище кускомъ фланели.

Тѣ наблюденія, что я самъ могъ произвести надъ плѣнной малой шиншиллой въ существенномъ сходны съ наблюденіями Беннетта. Но на моей плѣнной я убѣдился, что она больше ночное, чѣмъ дневное животное. Она правда и днемъ такъ-же бодра, но только тогда, когда ее потревожатъ. Свѣта малая шиншилла избѣгаетъ почти со страхомъ и всегда ищетъ самыя темныя мѣста; здѣсь она усаживается вся съежившись. Всякую пустоту она немедленно обращаетъ въ убѣжище. Голосъ ея, — рѣзкое мурлыканье вродѣ кроличьяго, можно услышать только при прикосновеніи къ ней. Она это неохотно допускаетъ и если ее схватить пробуетъ также освободиться быстрыми внезапными движеніями, но никогда для защиты не пускаетъ въ ходъ своихъ зубовъ. Сѣно и траву она предпочитаетъ всякой другой пищѣ. Пьетъ ли она — является вопросомъ; почти можно думать, что она въ состояніи обходиться совсѣмъ безъ питья.

Южно-американцы очень охотно ѣдятъ мясо обѣихъ шиншиллы и европейскіе путешественники также повидимому къ нему привыкли, хотя они говорятъ, что его нельзя сравнить съ мясомъ нашего зайца. Но мясо употребляется только между прочимъ, главную прибыль охоты составляютъ шкурки. Въ торговлѣ различаютъ два рода шкурокъ; шкурки большихъ, настоящихъ шиншиллы, съ длиною

и тонкою шерстью, и — болѣе мелкихъ „ублюдковъ-шиншиллъ“ („Bastard-Chinchilla“), съ короткою шерстью; первыя стоятъ 15—25 марокъ, а послѣднія — только 1—5 марокъ за штуку. Первыхъ шкурокъ въ торговлѣ бываетъ ежегодно до 20,000, а послѣднихъ до 200,000 штукъ.

*

Пушаки (*Lagidium*) отличаются отъ настоящихъ шиншиллъ значительно болѣе длинными ушами, равными длинѣ туловища, хвостомъ покрытымъ, съ верхней стороны по всей длинѣ пушистыми волосами, четырехпалыми ногами и очень



Пушакъ (*Lagidium cuvieri*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

длинными усами. По строенію зубной системы оба рода стоятъ очень близко другъ къ другу; по образу жизни они почти совершенно сходны. До сихъ поръ достовѣрно извѣстны только два вида, которые оба живутъ на высокихъ равнинахъ Кордильероу и какъ разъ ниже самой границы вѣчнаго снѣга, на высотѣ 3—5000 метровъ надъ уровнемъ моря, среди голыхъ скалъ. Они такъ-же общительны, такъ-же бодры и ловки, какъ шиншиллы; обнаруживаютъ такія же особенности и питаются болѣе или менѣе одинаковыми, или по крайней мѣрѣ сходными растеніями. Изъ двухъ извѣстныхъ видовъ, одинъ живетъ на высокихъ равнинахъ Перу и Боливіи, а другой въ сѣверныхъ частяхъ Перу и Эквадора.

Первый изъ нихъ — пушакъ (*Lagidium cuvieri*); это животное приблизительно такой же величины и наружности какъ кроликъ. Мѣхъ очень мягокъ и длиненъ; общая окраска пепельно-сѣрая, которая на бокахъ переходитъ въ нѣсколько болѣе желтый цвѣтъ.

*

Представитель третьяго рода, вискаша, или какъ бы ее не назвать, (*Lagostomus trichodactylus*), больше похожъ на шиншиллу, чѣмъ на виды предыдущаго рода. Тѣло вискаши покрыто довольно густымъ мѣхомъ. Волосы верхней поверхности двухъ цвѣтовъ, чернаго и сѣраго, равномерно перемѣшаны, почему спина выглядитъ довольно темной; вся нижняя поверхность и внутреннія части ногъ — бѣлыя. Длина тѣла — 50 сантиметровъ, длина хвоста — 18 см.

Вискаша является представителемъ своего семейства въ восточной части Андовъ; въ настоящее время ея мѣстожителемъ являются пампасы Буэносъ-Айреса до Патагоніи. Когда обработка земли еще не достигла такого развитія какъ теперь, она встрѣчалась также въ Парагваѣ. Тамъ гдѣ она еще водится, она встрѣчается въ большомъ количествѣ. Во многихъ мѣстахъ ихъ такъ много, что ихъ постоянно, можно видѣть не днемъ однако, сидящими



Вискаша (*Lagostomus trichodactylus*). $\frac{1}{5}$ естеств. велич.

цѣлыми стадами по обѣ стороны дороги. Ихъ мѣстопробываніемъ являются наиболѣе уединенныя, наиболѣе пустынные мѣстности; но онѣ доходятъ и вплоть до обработанныхъ мѣстностей, и даже путешественники знаютъ, что они уже недалеко отъ испанскихъ поселеній если попадается много „Viscacheras“, или норъ этого животнаго.

Вискаша выбираетъ себѣ мѣсто жительства въ скудно-поросшихъ, на большихъ протяженіяхъ голыхъ, сухихъ равнинахъ; тамъ она роетъ себѣ обширныя подземныя постройки, всего охотнѣе вблизи кустарниковъ и недалеко отъ полей. Эти постройки создаются сообща и также сообща обитаются. Въ нихъ множество ходовъ и выходовъ на случай бѣгства, часто 40—50; въ серединѣ онѣ раздѣлены на нѣсколько камеръ, смотря по многочисленности семьи, строившей это жилище. Число членовъ семьи можетъ доходить отъ 8 до 10; но тогда часть обитателей покидаетъ старое жилище и строитъ себѣ новое, охотно въ непосредственной близости прежняго. Кромѣ того случается, что земляная сова, съ которой мы познакомились, какъ сожительницей луговыхъ собачекъ, встрѣчается также и здѣсь и безъ долгихъ соображеній завладѣваетъ тою или другою норой. Чистоплотныя вискаши никогда не терпятъ сожителя, который не такъ-же строго стремится къ порядку, какъ онѣ, и немедленно удаляются, какъ только одинъ изъ такихъ непрошенныхъ гостей оскорбитъ ихъ своей нечистоплотностью. Та-

кимъ образомъ случается, что почва часто бываетъ совершенно подрита на пространствахъ квадратной мили. Въ теченіе всего дня семья лежитъ спрятавшись въ норѣ, къ закату солнца начинаютъ показываться одна за другой, а съ наступленіемъ сумерекъ передъ норами собирается болѣе или менѣе многочисленное общество. Оно очень тщательно изслѣдуетъ нѣтъ ли опасности и довольно долго бѣгаетъ по близости норы, раньше чѣмъ рѣшится выйти за кормомъ.

Въ своихъ движеніяхъ вискаши имѣютъ много сходства съ кроликами, но онѣ имъ значительно уступаютъ въ быстротѣ, хотя онѣ бодрѣе, веселѣе и болѣе расположены къ играмъ. Идя на паству онѣ почти непрерывно играютъ другъ съ другомъ, быстро бѣгаютъ вокругъ, прыгаютъ съ хрюканьемъ другъ черезъ друга, задираютъ другъ друга и т. п. Онѣ, подобно южно-американской лисицѣ (шакалу) тащутъ къ своимъ норамъ самыя разнообразныя вещи, которыя имъ попадутся на пути и складываютъ все въ смѣшанныя кучи передъ входомъ въ норы, какъ будто это для нихъ игрушки. Такъ, въ кучахъ передъ ихъ постройками находятся кости, прутья, коровій пометъ, разные случайно попавшіе къ нимъ потерянные предметы, которые рѣшительно ни въ чемъ не могутъ оказаться имъ полезными; гаухосы, потерявшіе что-нибудь, идутъ къ ближайшимъ жилищамъ вискашъ чтобы тамъ поискать потерянное. Изъ своихъ жилищъ животныя заботливо удаляютъ все что тамъ не на мѣстѣ, — а также и трупы своихъ ближнихъ. Собираютъ-ли онѣ въ своихъ норахъ запасы на зиму, еще остается не рѣшеннымъ. Голосъ ихъ — это странное, громкое и непріятное сопѣнье и хрюканье, которое не поддается описанію.

Относительно размноженія до сихъ поръ ничего достовѣрно неизвѣстно. Самки мечутъ 2—4 дѣтеныша, которые вырастаютъ черезъ 2—4 мѣсяца. Гэрингъ видѣлъ всегда только по одному дѣтенышу у старыхъ вискашъ; онъ всегда держится очень близко отъ своей матери. Старая вискаша, повидимому, относится къ нему съ большою любовью и защищаетъ его въ опасности. Если поймать такого дѣтеныша и заниматься имъ, то онъ легко приручается и его также легко держать, какъ и нашего кролика. И въ европейскихъ зоологическихъ садахъ можно кое-гдѣ увидѣть вискашу; одна, которую держали во франкфуртскомъ зоологическомъ саду, была всегда тупоумна, сварлива и зла.

Вискашу преслѣдуютъ не столько изъ-за ея мяса или шкурки, сколько за то, что она подкапываетъ почву. Въ мѣстностяхъ, гдѣ вискаши водятся въ большомъ количествѣ, ѣзда верхомъ сопряжена съ опасностью для жизни, такъ какъ лошади часто пробиваютъ ногами покрывку ихъ плоскихъ ходовъ, что приводитъ ихъ, по меньшей мѣрѣ въ очень раздраженное состояніе, не говоря уже о томъ, что онѣ при этомъ могутъ споткнуться и сбросить своего всадника, или даже сломать ногу. Мѣстные уроженцы уже издали узнаютъ присутствіе жилищъ вискашъ по маленькой, дикой, горькой дынѣ, которая, вѣроятно, охотно ѣстся этими животными. Это растеніе всегда находится тамъ, гдѣ есть много „вискачерасъ“, или наоборотъ, вискаши роютъ свои норы тамъ, гдѣ это растеніе расширяетъ во всѣ стороны свои зеленныя плети. Этимъ дается предостереженіе избѣгать опасныхъ мѣстъ. Вискашъ стараются всѣми средствами изгнать изъ близости поселеній и употребляютъ буквально огонь и воду для ихъ истребленія. Трава вокругъ ихъ жилищъ выжигается и этимъ у нихъ отнимается кормъ; норы ихъ затопляются водой, а онѣ сами вынуждаются искать спасенія въ бѣгствѣ на поверхность, гдѣ ихъ тотчасъ же хватаютъ за шиворотъ поджидающія ихъ собаки.

Индѣйцы ѣдятъ мясо и употребляютъ шкурки вискашъ, хотя онѣ имѣютъ гораздо меньшую цѣнность, чѣмъ у вышеописанныхъ видовъ.

Отрядъ этотъ мы закончимъ семействомъ заячьихъ (Leporidae), настолько своеобразнымъ, что его можно разсматривать, какъ отдѣльный подотрядъ. Это единственные грызуны, у которыхъ болѣе 2-хъ переднихъ зубовъ, такъ какъ позади острыхъ, широкихъ рѣзцовъ находятся 2 настоящихъ рѣзца, маленькіе тупые, почти четырехсторонніе. Это придаетъ зубной системѣ тотъ своеобразный видъ.

благодаря которому заячьи стоятъ совершенно особнякомъ. Кромѣ того съ обѣихъ сторонъ въ каждой челюсти находится 5—6 коренныхъ зубовъ, состоящихъ изъ 2-хъ пластинокъ. Всѣ заячьи отличаются слѣдующими общими признаками: вытянутое туловище съ длинными задними ногами, длинный вытянутый черепъ съ большими ушами и глазами, на переднихъ конечностяхъ по 5-ти пальцевъ, на заднихъ по 4; толстыя, въ высшей степени подвижныя, глубоко раздвинутыя губы съ жесткими усами по обѣимъ сторонамъ; шерсть густая, напоминающая подшерстокъ.

Хотя это семейство содержитъ очень мало видовъ, все же оно распространено на огромномъ пространствѣ. Только въ австралійской области безъ содѣйствія человека не было бы зайцевъ; однако въ настоящее время и въ Австраліи, и въ Новой Зеландіи очень распространены два вида. Зайцы живутъ во всѣхъ климатахъ, на низменностяхъ и въ горахъ, въ открытыхъ поляхъ и въ скалахъ, на землѣ и подъ землею, короче, вездѣ, и гдѣ кончается одинъ видъ, тамъ начинается другой; мѣстность, представляющая мало корысти для однихъ, даетъ полное удовлетвореніе другимъ обитателямъ. Всѣ питаются мягкими сочными частями растеній; можно, однако, сказать, что они, собственно, не щадятъ ничего, что могутъ достать. Они поѣдаютъ растеніе отъ корней до плодовъ, хотя охотнѣе всего употребляютъ нижніе листья овощей. Большинство изъ нихъ живетъ небольшими обществами и очень точно держатся разъ избраннаго или отведеннаго имъ мѣста. Здѣсь онѣ лежатъ весь день спрятавшись, въ какомъ нибудь углубленіи или пещерѣ; ночью же, напротивъ, они бѣгаютъ въ поискахъ за пищей. Строго говоря, они отдыхаютъ только въ полдень и, если чувствуютъ себя въ безопасности, бѣгаютъ утромъ и вечеромъ при солнечномъ свѣтѣ. Движенія ихъ очень своеобразны. Извѣстная быстрота зайцевъ проявляется только во время полного бѣга, при медленной ходьбѣ движенія ихъ въ высшей степени неловки и неуклюжи, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что длинныя заднія ноги затрудняютъ равномерную походку. Кромѣ того, они могутъ дѣлать всевозможные повороты во время самаго быстрого бѣга и обнаруживаютъ ловкость, которой никакъ нельзя было бы отъ нихъ ожидать. Воды они избѣгаютъ, хотя въ случаѣ необходимости переплываютъ рѣки.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у нихъ выше всего стоитъ несомнѣнно слухъ; онъ достигаетъ такого развитія, какъ у немногихъ другихъ животныхъ, а среди грызуновъ, несомнѣнно, наибольшаго; обоняніе слабѣе, но все же довольно значительно; зрѣніе развито очень хорошо. Голосъ представляетъ какое то глухое ворчаніе, а при испугѣ громкій, жалобный крикъ. Принадлежащіе къ этому семейству пищу оправдываютъ свое названіе. Голосъ, который, впрочемъ, можно рѣдко услышать, поддерживается еще своеобразнымъ стукомъ, который производится задними ногами и которымъ одинаково выражается какъ страхъ, такъ и гнѣвъ и служитъ для предупрежденія объ опасности. Ихъ духовныя способности довольно противорѣчивы. Въ общемъ, зайцы не соотвѣтствуютъ тому представленію, которое составлено о нихъ. Ихъ называютъ добродушными, миролюбивыми, беззаботными, трусливыми. Однако они могутъ проявлять качества, противоположныя всѣмъ этимъ. Точные наблюдатели не признаютъ ихъ добродушія, но называютъ ихъ прямо злыми и въ высшей степени драчливыми. Всѣмъ извѣстны ихъ трусость, осторожность, робость, менѣе извѣстна пріобрѣтаемая ими хитрость, которая съ возрастомъ достигаетъ удивительно высокой степени. Трусость ихъ не такъ велика, какъ думаютъ. Къ нимъ во всякомъ случаѣ не справедливы, когда эту особенность выдвигаютъ такъ, какъ Линней, который на вѣчныя времена заклеилъ зайца именемъ труса.

Хотя зайцы размножаются не въ такой степени, какъ другіе грызуны, все же размноженіе ихъ очень значительно и старая поговорка охотниковъ, что заяцъ приходитъ весной самъ-другъ, а уходитъ осенью самъ-шестнадцать, вполне основательна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жизнь дружелюбно улыбается ему и гдѣ его не такъ сильно преслѣдуютъ. Большинство зайцевъ приноситъ дѣтенышей много разъ въ продолженіе года, нѣкоторые отъ 3 до 6 разъ по 11 дѣтенышей; почти всѣ, однако, обращаются со своимъ потомствомъ самымъ легкомысленнымъ образомъ,

вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ погибаютъ. Кромѣ того цѣлая армія враговъ преслѣдуетъ вкусную дичь. Каждая часть свѣта имѣетъ своихъ враговъ, но во всѣхъ они одинаково многочисленны. У насъ въ Германіи Вильдунгенъ собралъ всѣхъ враговъ въ веселыхъ рифмахъ, которыя я приведу здѣсь, чтобы показать, какъ они многочисленны.

„Menschen, Hunde, Wölfe, Luchse
Katzen, Marder, Wiesel, Füchse,
Adler, Uhu, Raben, Krähen,
Jeder Habicht, den wir sehen,
Elstern auch nicht zu vergessen,
Alles, alles will ihn — fressen.“¹

Неудивительно, что при такой массѣ враговъ зайцы размножаются не въ такой мѣрѣ, какъ это могло бы быть, и счастье для насъ, что это такъ; иначе они до чиста поѣдали бы наши полевые плоды. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сильно размножаются, они становятся настоящимъ бичемъ страны.

*

Отличительные признаки зайца (*Lepus*) составляютъ уши, равныя по длинѣ головѣ, и укороченный большой палецъ на переднихъ лапахъ, очень длинныя заднія ноги, торчащій кверху очень короткій хвостъ и 6 коренныхъ зубовъ въ верхней челюсти.

Полевой заяцъ (*Lepus vulgaris*) большой грызунъ, общая длина котораго около 75 см.; изъ нихъ 8 см. приходится на хвостъ; высота его 30 см., это одинъ изъ двухъ представителей этого рода, встрѣчающихся у насъ. Вѣсъ его достигаетъ 5—6 килограммовъ, и только изрѣдка старые самцы достигаютъ вѣса 7—8 и даже 9 килограммовъ. Цвѣтъ шкуры трудно описать немногими словами. Мѣхъ состоитъ изъ короткаго подшерстка и длинныхъ щетинокъ, настоящаго земляного цвѣта. Сверху онъ коричнево-желтый съ черными крапинками, на шеѣ желто-коричневый съ бѣловатымъ оттѣнкомъ, сзади сѣро-бѣлый, на нижней сторонѣ бѣлый. Цвѣтъ мѣняется также правильно зимой и лѣтомъ и зайчиха выглядит краснѣе, чѣмъ заяцъ; встрѣчаются различныя видоизмѣненія: темные, пѣгіе, бѣлые зайцы, но большею частью окраска этихъ грызуновъ превосходно приспособлена къ тому, чтобы скрыть ихъ отъ глазъ противниковъ, когда они лежатъ на землѣ.

Заяцъ носить много названій, смотря по роду, по полу. Различаютъ горныхъ и полевыхъ зайцевъ, лѣсныхъ или кустарниковыхъ, земляныхъ, болотныхъ, песчаныхъ и т. под. Вся средняя Европа и небольшая часть западной Азіи являются родиной зайца. На югѣ его замѣняетъ заяцъ Средиземнаго моря, особый видъ значительной величины и красноватаго цвѣта; на высокихъ горахъ — альпійскій заяцъ, на крайнемъ сѣверѣ — снѣжный заяцъ, который представляетъ можетъ быть особый видъ, во всякомъ случаѣ очень сходный съ альпійскимъ зайцемъ. На сѣверѣ границу, которой онъ достигаетъ, составляютъ Шотландія, южная Швеція и сѣверная Россія, южную границу составляютъ южная Франція и сѣверная Италія. Плодородныя долины, поросшія лѣсомъ или безлѣсныя и поросшія лѣсомъ предгорія служатъ ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ; однако въ Альпахъ онъ поднимается до высоты 1500 метр. надъ уровнемъ моря, а въ Кавказскихъ горахъ до 2000 метровъ.

Въ общемъ заяцъ болѣе ночное, чѣмъ дневное животное, хотя въ лѣтніе дни онъ появляется до заката солнца и еще утромъ его можно видѣть бѣгающимъ въ полѣ. Очень неохотно покидаетъ онъ мѣсто, гдѣ родился и выросъ. Всякая рѣпа, капуста служатъ ему лакомымъ блюдомъ. Петрушкѣ онъ отдаетъ особенное предпочтеніе. Поздней осенью онъ выбираетъ не слишкомъ свѣже вспаханныя поля, не слишкомъ влажныя, поросшія ситникомъ низины и поля съ посѣвами маслянистыхъ растений, которые послѣ озимей составляютъ главную его пищу. Пока нѣтъ снѣга или его мало, онъ не мѣняетъ своего мѣстожителства, только ночью онъ

¹ Люди, собаки, волки, рысь, кошка, куница, ласка, лисица, орелъ, сова, воронъ, ворона, ястребъ, сорока, всѣ стремятся поживиться имъ.

идеть въ сады и ищетъ тамъ выкопанную сложенную капусту. Если выпадаетъ сильный снѣгъ, онъ даетъ засыпать себя въ логовищѣ, но какъ только непогода пройдетъ, онъ отправляется въ близъ лежащія клеверныя поля. Когда снѣгъ покрывается ледяною корою, нужда усиливается и чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ вреднѣе становятся зайцы для садовъ и питомниковъ. Тогда кора большинства молодыхъ деревьевъ для нихъ такъ же хороша, какъ капуста, въ особенности кора акаціи и совсѣмъ молодыхъ лиственницъ, какъ черноостъ.



Полевой заяцъ (*Lepus vulgaris*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

Заяцъ весь день спитъ или дремлетъ въ своемъ логовищѣ. Онъ никогда не идетъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ у него есть старое логовище или гдѣ онъ хочетъ сдѣлать новое, но пробѣгаетъ нѣкоторое разстояніе дальше того мѣста, гдѣ думаетъ отдохнуть, возвращается обратно, дѣлаетъ опять нѣсколько скачковъ впередъ, потомъ опять прыжокъ въ сторону и поступаетъ такъ еще нѣсколько разъ, пока при помощи огромнаго прыжка не очутится на томъ мѣстѣ, гдѣ хочетъ остаться. При устройствѣ логовища онъ выгребаетъ въ землѣ въ открытомъ полѣ ямку около 5—8 сантиметровъ глубиной, на заднемъ концѣ съ небольшимъ сводомъ; она настолько длинна и широка, что верхняя часть спины остается едва замѣтной тогда, когда онъ кладетъ свою голову со сложенными ушами на вытянутыя переднія лапы, а заднія поджимаетъ подъ себя. Въ этомъ убѣжищѣ укрывается онъ въ мягкое время года довольно сносно отъ бурь и дождя. Зимой онъ вырываетъ обыкновенно свое логовище такъ глубоко, что отъ него остается видной только маленькая черно-

сѣрая точка. Можетъ казаться, что природа старалась вознаградить зайца за его прирожденную трусость и робость—бодростью, быстротой и хитростью. Если онъ находитъ случай подъ защитой темноты удовлетворить свой хорошій аппетитъ и если погода не очень не благопріятна, то онъ не пропускаетъ ни одного утра, чтобы тотчасъ послѣ восхода солнца не попрыгать на сухой и въ особенности песчаной площадкѣ съ подобными себѣ или въ одиночку. Веселые прыжки въ перемежку съ бѣгомъ по кругу и кувырканьемъ выражаютъ его хорошее расположеніе духа, при чемъ они такъ опьяняютъ его, что онъ можетъ при этомъ не замѣтить своего злѣйшаго врага, лисцу. Но стараго зайца не такъ легко перехитрить, и если онъ здоровъ и силенъ, то почти всегда спасается бѣгствомъ отъ преслѣдованія своего заклятаго врага. Онъ старается одурачить врага крючками и зигзагами, въ которыхъ онъ большой мастеръ. Только когда онъ убѣгаетъ отъ быстрой борзой, онъ старается выгнать другого зайца и забраться въ его логовище, хладнокровно предоставляя изгнаннаго владѣльца преслѣдованію; или онъ направляется прямо въ стадо, забѣгаетъ въ самую чашу тростника и въ случаѣ нужды переплываетъ довольно широкіе ручьи. Онъ никогда не рѣшается сопротивляться никакому живому существу другого вида. Только подъ вліяніемъ ревности онъ вступаетъ въ бой съ подобными себѣ. Быстрота его бѣга главнымъ образомъ зависитъ отъ его сложенія, т. е. отъ того, что заднія его ноги длиннѣе переднихъ. Въ этомъ же лежитъ причина того, что онъ лучше бѣгаетъ въ гору, чѣмъ подъ гору. Кричитъ онъ обыкновенно только тогда, когда находится въ опасности. Этотъ „жалобный“ крикъ напоминаетъ плачъ маленькаго ребенка.

Между внѣшними чувствами зайца особенно хорошо развитъ слухъ, о чемъ можно уже догадаться по его большимъ ушамъ, довольно хорошее обоняніе, но зрѣніе довольно слабо. Между ихъ духовными способностями особенно высоко стоятъ предусмотрительность и осторожность. Достаточно малѣйшаго шума, дуновенія вѣтра сквозь листья, шелеста листа во время сна, чтобы разбудить его и заставить насторожиться. Прославленная безобидность зайцевъ на самомъ дѣлѣ не такова. Дитрихъ изъ Виннеля говоритъ, что самый большой порокъ зайца это его злость, не потому, что онъ проявляетъ ее царапаньемъ и кусаніемъ, а потому, что зайчиха не проявляетъ родительской любви, а старый самецъ часто обходится съ молодыми зайчатами съ возмутительной жестокостью.

Спариваніе начинается послѣ суровой зимы въ началѣ марта; при благопріятныхъ условіяхъ въ февралѣ и даже въ январѣ, обыкновенно тѣмъ раньше, чѣмъ больше питанія у зайцевъ.

Заслуживающіе довѣрія охотники увѣряютъ, что поединки влюбленныхъ зайцевъ, какъ ни невинно они выглядятъ, никогда не обходятся безъ пораненій, такъ какъ нерѣдко имъ приходится встрѣчать слѣпыхъ зайцевъ въ своихъ участкахъ.

Беременность зайчихи продолжается около 30 дней. Обыкновенно она мечетъ между серединой и концомъ марта въ первый разъ и въ августѣ въ четвертый и въ послѣдній разъ. Первый пометъ состоитъ изъ 1 или 2 дѣтенышей, второй изъ 3—4, третій изъ 3 и четвертый опять изъ 1—2. Въ рѣдкихъ случаяхъ пометъ состоитъ изъ 5 и болѣе дѣтенышей. Въ высшей степени рѣдко и только въ очень благопріятные годы случается, что зайчиха мечетъ пять разъ. Дѣтеныши рождаются на свѣтъ зрячими и во всякомъ случаѣ хорошо развитыми. Достоверно извѣстно, что мать только въ продолженіе первыхъ 5—6 дней остается при своихъ дѣтяхъ, а потомъ предоставляетъ ихъ на произволъ судьбы. Только время отъ времени возвращается она къ тому мѣсту, гдѣ произвела на свѣтъ выводокъ, призываетъ ихъ своеобразнымъ хлопаньемъ ушей и даетъ имъ сосать. При приближеніи врага она, конечно, покидаетъ своихъ дѣтей, хотя извѣстны случаи, когда старая зайчиха защищала свой выводокъ отъ хищныхъ птицъ и вороновъ. Большинство дѣтенышей перваго помета погибаетъ.

Ни у одного другого, дико-живущаго животнаго не замѣчается столько уродливостей. Такія, что имѣютъ двѣ головы, или по меньшей мѣрѣ двойной языкъ или выступающіе зубы—вовсе не рѣдкость.

Молодые семейства зайцевъ неохотно покидаютъ свою родину. Братья мало удаляются другъ отъ друга, если даже каждый изъ нихъ вырываетъ себѣ отдѣльное логово. Вечеромъ они отправляются вмѣстѣ за пищей, а утромъ всѣ вмѣстѣ возвращаются въ свое логово и такъ продолжается ихъ дѣятельность, которая со временемъ становится веселой и живой, до тѣхъ поръ, пока они не станутъ подростками. Тогда они расстаются другъ съ другомъ. Черезъ пятнадцать мѣсяцевъ они становятся взрослыми, но уже въ первый годъ своей жизни они способны размножаться. Наибольшая продолжительность жизни, которой достигаютъ зайцы, это 7 — 8 лѣтъ. Есть, однако, примѣры, что зайцы еще дольше избѣгали всѣхъ преслѣдованій и все же умирали не отъ старческой слабости.

„Жизнь этихъ грызуновъ“, какъ пишетъ А. Мюллеръ, „это непрерывная цѣпь несчастій, нужды и страданій; за ними по пятамъ слѣдуютъ ихъ родныя братья, осторожность и предусмотрительность, за которыми слѣдуетъ, вырастая до такихъ же колоссальныхъ размѣровъ, и всѣмъ извѣстная трусость заячья вызывающая болѣе насмѣшки, чѣмъ сочувствія. Вся армія нашихъ дикихъ хищныхъ животныхъ, какъ млекопитающихъ, такъ и птицъ посылаетъ шпионовъ, лазутчиковъ, разбойниковъ и убійцъ противъ миролюбиваго и беззащитнаго, чтобы превратить тихій рай его полей и лѣсовъ въ мѣсто притѣсненія и смерти. Собаки, начиная съ кривоногихъ медленныхъ таксъ и кончая длинноногими, стройными борзыми, могутъ до смерти загонять самаго лучшаго бѣгуна полей и лѣсовъ. И даже въ томъ случаѣ, когда ничего не могутъ подѣлать настойчивость и быстрота собакъ, когда несчастнаго щадятъ чутье, хитрость и кровожадность хищныхъ звѣрей, непогода и сама судьба, тогда человекъ держитъ наготовѣ тысячу различныхъ средствъ, чтобы погубить бѣднягу. Подобно самому лютomu и вмѣстѣ съ тѣмъ самому хищному звѣрю обрекаетъ онъ еще несчастнаго на удушеніе. Какъ разбойникъ прокрадывается онъ ночью и во время тумана въ лѣсъ, и въ проходѣ кладетъ гнусную проволочную петлю, въ которую и попадаетъ шея невиннаго существа, и въ ней оно погибаетъ ужасной смертью отъ задушенія; но это дѣлаютъ браконьеры, а не охотники.“

Относительно охоты на зайцевъ и различныхъ правилъ этой охоты написаны цѣлыя книги и потому въ мои намѣренія не входитъ останавливаться подробнѣе на различныхъ видахъ охоты. На мой взглядъ самое большее удовольствіе доставляютъ охотнику самые поиски и препятствія. Травля зайцевъ борзыми возбуждаетъ дѣйствительно въ высшей степени, но портитъ охоту. Облавы или охота съ веревкой, какъ бы онѣ ни были пріятны въ мало населенной мѣстности, тамъ гдѣ много зайцевъ, въ концѣ концовъ превращаются въ настоящую бойню; между тѣмъ какъ розыски и стойка держитъ въ постоянномъ напряженіи и цѣнится охотниками болѣе всего.

Въ неволѣ зайцы становятся легко ручными, привыкаютъ безъ разбора ко всякой пищѣ, которой кормятъ кроликовъ, но очень нѣжны и легко погибаютъ. Когда имъ даютъ только сѣно, хлѣбъ, овесъ и воду и не даютъ никакой зелени, то они живутъ дольше. Если къ старымъ зайцамъ принести молодыхъ, то они непременно загрызаютъ ихъ до смерти. Не лучше приходится и другимъ слабымъ животнымъ. Въ загородкѣ, гдѣ жилъ заяцъ, воспитанный мною, я нашелъ мертвую, полуобѣдленную мышъ. Съ морскими свинками зайцы обращаются хорошо.

Пойманные въ молодости, зайцы до такой степени привыкаютъ къ человеку, что по зову подходятъ къ нему, берутъ пищу прямо изъ рукъ и, несмотря на ихъ глупость, научаются продѣлывать разные штуки; старые, напротивъ, не поддаются ученью и съ трудомъ привыкаютъ къ своему сторожу. Плѣнные милы и рѣзвы, но не утрачиваютъ, однако, своей боязливости.

Относительно пользы и вреда, приносимаго зайцами, существуютъ различные взгляды, въ зависимости отъ того, смотрятъ ли съ хозяйственной или съ охотничьей точки зрѣнія. Безпристрастный судья долженъ неизбѣжно признать зайца вреднымъ животнымъ и долженъ подтвердить, что онъ истребляетъ по меньшей мѣрѣ вдвое больше того, что за него можно получить на рынкѣ. Въ большинствѣ мѣстностей нашей родины это въ сущности мало чувствительно, потому что заяцъ имѣетъ обыкновеніе лакомиться всюду и такимъ образомъ распредѣляетъ грабежъ

на большее пространство; оспаривать однако, что онъ причиняетъ вредъ, нельзя.

Но если и считать доказаннымъ вредность зайцевъ, то это еще не значитъ, что ихъ нужно совсѣмъ искоренить. Объ уменьшеніи ихъ количества заботятся достаточно, и тѣ, которымъ онъ вредитъ и для которыхъ становится несноснымъ имѣютъ возможность по своему желанію сократить ихъ число; тѣ же, которые высказываются противъ безусловнаго истребленія этого грызуна, могутъ возразить, что удовольствіе, доставляемое охотой и вкуснымъ мясомъ зайца, заслуживаетъ вниманія.

Кромѣ мяса зайца, которое цѣнится съ полнымъ основаніемъ, можно также употреблять и его шкурку. Изъ кожи, очищенной отъ волосъ и выдубленной, выдѣлываютъ башмаки и особый родъ пергамента или употребляютъ ее на изготовленіе клея; волосы же употребляются на изготовленіе войлочныхъ шляпъ.

До сихъ поръ не установлено, представляютъ ли бѣлякъ Альповъ и бѣлякъ крайняго сѣвера одинъ и тотъ же видъ, но въ общемъ оба представляютъ вѣрныхъ дѣтей своей родины. Покровы этихъ животныхъ, смотря по обстоятельствамъ, приспособляются къ почвѣ; бываютъ, однако, своеобразныя отклоненія. Альпійскіе бѣляки зимой совершенно бѣлые, только кончики ушей черные, лѣтомъ сѣро-бурые, хотя совершенно одноцвѣтные, а не пятнистые, какъ обыкновенные зайцы. Съ ними очень сходны зайцы, живущіе въ Ирландіи, которые, какъ полагаютъ, никогда не становятся бѣлыми и потому рассматриваются нѣкоторыми учеными, какъ особый видъ (*Lepus hibernicus*). Наоборотъ, бѣляки, живущіе на крайнемъ сѣверѣ, не мѣняютъ цвѣта лѣтомъ, а круглый годъ остаются бѣлыми и потому также принимаются за отдѣльный видъ (*Lepus glacialis*). Скандинавскіе зайцы, которые вообще представляютъ бѣляковъ, тоже подраздѣляются: одни становятся бѣлыми вплоть до черныхъ кончиковъ ушей, другіе не мѣняютъ своего цвѣта. У нихъ волосы у основанія аспидно-сѣраго цвѣта, въ средней части грязнаго краснаго, а кончики бѣлаго. Но эта окраска, повидимому, совершенно случайна; по крайней мѣрѣ утверждаютъ, что часто зайцы одного и того же помета бываютъ обоихъ цвѣтовъ.

Альпійскій заяцъ или бѣлякъ (*Lepus timidus*, *L. variabilis*) совершенно опредѣленно отличается отъ полевого зайца своимъ тѣлосложеніемъ и нравомъ. „Онъ“, говоритъ Чуди, „подвижнѣе, живѣе, смѣлѣе, голова у него короче, круглѣе, болѣе выпуклая, носъ короче, уши меньше, щеки шире; заднія ноги длиннѣе, подошвы гуще покрыты волосами; глубоко раздѣльные и подвижные пальцы снабжены длинными, острыми, кривыми, легко втягивающимися назадъ когтями. Глаза у него не красные, какъ у бѣлыхъ кроликовъ, бѣлыхъ бѣлокъ и бѣлыхъ мышей, а болѣе темнаго коричневаго цвѣта, чѣмъ у полевыхъ зайцевъ.

„Въ декабрѣ, въ то время, когда Альпы погребены подъ снѣгомъ, заяцъ этотъ бываетъ бѣлъ, какъ чистѣйшій снѣгъ, только кончики ушей остаются черными. Весеннее солнце съ марта мѣсяца вызываетъ замѣтную переменъ въ окраскѣ. Сначала сѣрѣетъ спина и на бокахъ больше примѣшиваются къ бѣлымъ сѣрые волоски. Въ апрѣлѣ онъ выглядитъ особенно неравномѣрно пѣгимъ или крапчатымъ. Со дня на день темно-бурая окраска начинаетъ все больше брать перевѣсъ и, наконецъ, только въ маѣ она становится уже вполне одноцвѣтной, а не крапчатой, какъ у обыкновеннаго зайца, шерсть котораго грубѣе, чѣмъ у бѣляка. Осенью вмѣстѣ съ первымъ снѣгомъ у него начинаютъ появляться отдѣльные бѣлые волоски. Подобно тому какъ зима въ Альпахъ наступаетъ быстрѣе, чѣмъ весна, такъ и переменъ окраски въ это время года идетъ быстрѣе и совершается между началомъ октября и серединой ноября. Когда серна становится черной, сосѣдъ ея заяцъ становится бѣлымъ. Бѣляка можно встрѣтить во всѣхъ альпійскихъ кантонахъ и на высотахъ и обыкновенно онъ тамъ, по крайней мѣрѣ, такъ же многочисленъ, какъ русакъ въ нижнемъ поясѣ. Охотнѣе всего онъ держится между границею елей и вѣчныхъ снѣговъ, приблизительно на одной высотѣ съ бѣлой куропаткой и съ суркомъ, между 1600 и 2600 метровъ надъ уровнемъ моря; но онъ часто забирается и гораздо выше.

„Логовище его находится въ углубленіи между камнями или подъ лежащей и низкорослой сосной. Рано утромъ, а еще чаще ночью покидаетъ онъ логовище и тогда пасется на солнечныхъ травянистыхъ лужайкахъ. Его любимую пищу составляютъ различные виды клевера, маточная трава, тысячелистникъ и фіалки. низкорослыя ивы и волчій перецъ; между тѣмъ какъ онъ оставляетъ нетронутыми даже въ самыя скудныя кормомъ зимы, борщъ и кусты гераній, которые для него, повидимому, ядовиты. Вечеромъ заяцъ старается хорошенько наѣсться и предпринимаетъ прогулку въ скалы и по лугамъ, причемъ онъ часто высоко поднимается на заднія ноги. Потомъ возвращается къ своему логовищу. Ночью онъ



Альпійскій заяцъ (*Lepus timidus*). $\frac{1}{5}$ естеств. велич.

подвергается преслѣдованію лисицы, хорька, куницы. Филинъ, который легко могъ бы его одолѣть, никогда не поднимается на такую высоту. Но многіе зайцы становятся добычей большихъ альпійскихъ хищныхъ птицъ. Не особенно давно въ горахъ Аппенцеллера беркутъ, притаившійся на ели, унесъ на глазахъ у охотника убѣжавшаго отъ него зайца русака и поднялъ его на воздухъ.

„Зимой часто приходитъ нужда. Если снѣгъ застигнетъ зайца раньше, чѣмъ онъ успѣетъ одѣться своимъ болѣе густымъ зимнимъ покровомъ, то онъ часто въ теченіе нѣсколькихъ дней не вылѣзаетъ изъ подъ своего камня или куста и голодаетъ, и мерзнетъ. Точно также онъ остается лежать въ полѣ, если его тамъ застигнетъ сильный снѣгъ. Онъ даетъ себя совершенно засыпать снѣгомъ, часто въ 60 см. глубины, и выходитъ наружу только тогда, когда морозъ настолько укрѣпитъ снѣгъ, что онъ можетъ вынести зайца, а до тѣхъ поръ онъ разгребаетъ себѣ подъ снѣгомъ свободное мѣсто и грызетъ листья и корни альпійскихъ растений. Когда зима наступитъ совершенно, онъ ищетъ себѣ въ рѣдкихъ альпійскихъ лѣсахъ травы и древесной коры. Когда вѣтеръ посмететъ снѣгъ на открытыхъ мѣстахъ, заяцъ снова возвращается на высокія Альпы.

„Зайчиха съ каждымъ пометомъ приносить отъ 2 до 5 дѣтенышей, которые не больше мышей и на лбу имѣютъ бѣлое пятно. Первый пометъ обыкновенно приходится въ апрѣлѣ или въ маѣ, второй — въ іюлѣ или въ августѣ; слѣдуетъ ли еще третій, или бываетъ еще одинъ пометъ раньше указанныхъ, находится подъ сомнѣніемъ. Почти невозможно наблюдать семейную жизнь и дѣятельность зайцевъ, такъ какъ чутье этихъ животныхъ очень остро, а дѣтеныши необыкновенно хорошо умѣютъ прятаться во всѣхъ трещинахъ и дырахъ въ камняхъ.

„Охота на зайца имѣетъ свои трудности и свою награду. Она довольно трудна, потому что можетъ начаться только тогда, когда вся цѣпь Альповъ лежитъ въ снѣгу.

„Альпійскаго зайца гораздо легче приручить, чѣмъ обыкновеннаго; онъ держится спокойнѣе и довѣрчивѣе, но рѣдко выдерживаетъ долго и даже при самой обильной пищѣ не жирѣетъ. Въ долинѣ ему слишкомъ чувствителенъ недостатокъ горнаго воздуха. Но и здѣсь онъ зимою бѣлѣетъ. Мѣхъ его цѣнится не высоко; мясо же, напротивъ, очень вкусно. Въ возможности помѣси альпійскаго зайца съ обыкновеннымъ и полученіи отъ нихъ ублюдковъ часто сомнѣваются. Однако это подтверждено точными изслѣдованіями.“

Кроликъ (*Lepus cuniculus*) отличается отъ собственно зайцевъ меньшей величиной, болѣе стройной фигурой, болѣе короткой головой, болѣе короткими ушами и задними ногами. Длина тѣла животнаго достигаетъ 40 см., изъ которыхъ 7 см. приходятся на хвостъ. Уши короче головы и, если ихъ прижать, не доходятъ до конца морды. Хвостъ одноцвѣтный — сверху черный, снизу бѣлый; остальное тѣло покрыто сѣрымъ мѣхомъ, который сверху переходитъ въ желто-бурый цвѣтъ, спереди въ красно-желтый, а на бокахъ и бедрахъ въ свѣтло-ржавый; на нижней поверхности, животѣ, горлѣ и внутреннихъ частяхъ ногъ окраска становится бѣлой. Передняя часть шеи ржаво-желто-сѣрая, верхняя часть и затылокъ одноцвѣтно ржаво-красныя. Здѣсь отклоненія, повидимому, встрѣчаются рѣже, чѣмъ у полевого зайца.

Почти всѣ естествоиспытатели признаютъ, что первоначальною родиною кролика является южная Европа и что онъ былъ перенесенъ во всѣ страны къ сѣверу отъ Альпъ. Плиній упоминаетъ о немъ подъ именемъ *Cuniculus*, Аристотель называетъ его *Dasypus*. Всѣ старые писатели считаютъ его отечествомъ Испанію.

Въ настоящее время дикій кроликъ (*Karnickel*, *Kunelle*, *Murkchen*, или какъ бы его не называли) распространенъ по всей южной и средней Европѣ и во многихъ мѣстахъ всюду обыкновененъ. Въ странахъ Средиземнаго моря онъ все еще водится въ наибольшемъ количествѣ, хотя тамъ по отношенію къ нему не знаютъ пощады и преслѣдуютъ его во всякое время года. Въ Англіи, изъ любви къ охотѣ, кролика развели въ различныхъ мѣстностяхъ и сначала цѣнили его очень высоко; еще въ 1309 году дикій кроликъ стоилъ столько же, сколько поросенокъ. Въ сѣверныхъ странахъ онъ не разводится: его напрасно пытались водворить въ Швеціи и въ Россіи.

Для кролика требуются холмистыя и песчаныя мѣстности, съ оврагами, расщелинами въ скалахъ и низкимъ кустарникомъ, короче, такія мѣста, гдѣ бы ему легче всего было скрыться и спрятаться. Здѣсь, въ подходящихъ мѣстахъ, охотнѣе всего на солнечныхъ мѣстахъ онъ роетъ себѣ довольно простыя норы. Живутъ они охотно обществами, часто поселеніями. Каждая нора состоитъ изъ довольно глубоко лежащей камеры и ходовъ, изгибающихся углами; каждый изъ ходовъ имѣетъ нѣсколько выходовъ. Послѣдніе бываютъ довольно широки, благодаря частому влѣзанію и вылѣзанію; но настоящій главный ходъ бываетъ такъ узокъ, что обитатель норы долженъ въ немъ положительно пролѣзть. Каждая пара имѣетъ свое собственное жилище и въ немъ не терпитъ никакого другого животнаго; но часто бываетъ, что ходы разныхъ норъ переплетаются между собой. Кроликъ почти весь день проводитъ, спрятавшись въ своей норѣ, если только кустарникъ вокругъ норы не достаточно густъ, чтобы можно было выходить за пищей почти незамѣ-

ченнымъ. Какъ только наступаетъ вечеръ, онъ выходитъ за кормомъ, но съ большою осторожностью, долго осматриваясь, раньше чѣмъ покинуть нору. Если онъ замѣтитъ опасность, то предупреждаетъ своихъ товарищей громкимъ стукомъ задними лапами и всѣ съ возможной поспѣшностью скрываются въ свои норы.

Движенія кролика существенно отличаются отъ движеній зайца. Онъ превосходитъ послѣдняго въ быстротѣ и особенно въ ловкости. Онъ отлично бѣгаетъ зигзагами и для него требуется очень опытная гончая собака и хорошій стрѣлокъ. Будучи гораздо лукавѣе и хитрѣе зайца, онъ чрезвычайно рѣдко позволяетъ себя обойти на



Кроликъ (*Lepus cuniculus*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

паствѣ и въ опасности почти всегда умѣетъ найти какое-нибудь убѣжище. Если бы онъ вздумалъ бѣжать прямо впередъ, то очень скоро былъ бы пойманъ даже собакой средняго достоинства; поэтому онъ ищетъ защиты во всевозможныхъ заросляхъ, щеляхъ скалъ и пустотахъ и большею частью ему удается избѣгнуть преслѣдованія своихъ враговъ. Чувства зрѣнія, слуха и обонянія такъ-же остры, можетъ быть даже острѣе, чѣмъ у зайца. Въ его нравахъ много привлекательнаго. Онъ общителенъ и довѣрчивъ; матери съ теплою любовью ухаживаютъ за своими дѣтьми; дѣтеныши относятся къ родителямъ съ большимъ почтеніемъ и особенно высоко чтится родоначальникъ цѣлаго общества. Какъ и зайчиха, кроличиха бываетъ беременна 30 дней. До октября она каждыя 5 недѣль мечетъ 4—12 дѣтенышей въ особомъ помѣщеніи, которое она раньше обильно выстилаетъ шерстью съ живота. Нѣсколько дней малытки остаются слѣпыми и до ближайшаго новаго по-

мета остаются при матери въ тепломъ гнѣздѣ и сосутъ. Старая очень нѣжна и оставляетъ семью только для того, чтобы поѣсть.

Въ теплыхъ странахъ молодые кролики уже на пятомъ мѣсяцѣ способны къ размноженію, а въ холодныхъ — на восьмомъ; но они достигаютъ полнаго роста только на двѣнадцатомъ мѣсяцѣ. Если принять, что самка мечетъ семь разъ въ годъ и съ каждымъ пометомъ приноситъ 8 дѣтенышей, то въ теченіе 4 лѣтъ ея потомство можетъ достигнуть чудовищнаго числа въ 1.274,840 штукъ.

Кролики питаются совершенно тѣмъ-же, что и зайцы. Но они причиняютъ гораздо болѣе значительный вредъ не только потому, что сосредоточиваются на меньшемъ пространствѣ, но еще вслѣдствіе ихъ пристрастія къ древесной корѣ, отчего они часто уничтожаютъ цѣлыя посадки деревьевъ. Трудно даже вообразить, какія опустошенія можетъ произвести поселеніе кроликовъ при чудовищной плодовитости его членовъ, если не препятствовать ихъ размноженію. Къ тому-же кролики своимъ беспокойнымъ нравомъ еще прогоняютъ другую дичь; потому что рѣдко можно встрѣтить зайцевъ тамъ, гдѣ господствуютъ кролики. Тамъ, гдѣ послѣдніе чувствуютъ себя въ безопасности, они становятся необыкновенно дерзки. Въ вѣнскомъ Пратерѣ они раньше жили тысячами, безбоязненно бѣгали всюду и днемъ и не переставали пастись ни тогда, когда ихъ звали, ни — когда въ нихъ бросали камнями. Ихъ нигдѣ не берегутъ, а убиваютъ, гдѣ и какъ только возможно даже въ то время, когда всѣхъ другихъ щадятъ. Тѣмъ не менѣе ихъ невозможно истребить безъ помощи хорька. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сильно размножились хорьки, большія ласки и каменные куницы или водятся филины и другія совы, — только тамъ замѣчается уменьшеніе кроликовъ.

Въ мѣстностяхъ, благопріятныхъ для размноженія кроликовъ, они могутъ сдѣлаться пастоящимъ бичемъ страны и чрезвычайно сильно вредятъ сельскому хозяйству. Въ Новой Зеландіи и Австраліи, гдѣ кролики чрезвычайно расплодились и до гола объѣли пастбища для скота, противъ нихъ до сихъ поръ боролись очень дѣятельно и столь же безуспѣшно. Какъ высоко цѣнятся производимые ими убытки, можно видѣть изъ того, что въ предшествующее десятилѣтіе администрація Новаго Южнаго Валлиса употребила около 15 милліоновъ марокъ на борьбу съ этимъ зломъ и наконецъ обѣщало награду въ 500,000 марокъ тому, кто найдетъ вѣрное средство противъ этого бича, т. е. средство уничтожить кроликовъ. Ядъ, силки, хорьки, проволоочныя ограды и т. п. оказались недостаточными удержать этихъ грызуновъ отъ переходящаго всякую мѣру истребленія кормовыхъ веществъ. Во Франціи Пастеръ сдѣлалъ, какъ говорятъ, съ успѣхомъ опытъ быстрого и радикальнаго истребленія кроликовъ перенесеніемъ на нихъ куриной холеры (обрызгиваніемъ корма производящими ее бактеріями); по новѣйшимъ извѣстіямъ эти опыты были произведены въ большихъ размѣрахъ въ Австраліи, но не дали положительныхъ результатовъ.

Мясо кроликовъ бѣло и вкусно; шкурка употребляется такъ-же, какъ и заячья.

Нашъ ручной кроликъ несомнѣнно происходитъ отъ дикаго, такъ какъ послѣдняго можно въ короткое время приручить, а домашній совершенно дичаетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и создаетъ потомство, которое возвращается къ окраскѣ дикаго кролика. Ручныхъ кроликовъ нужно держать въ мощеныхъ хлѣвахъ или съ поломъ, гдѣ устраиваются искусственныя убѣжища — или длинныя ящики съ нѣсколькими отверстіями, или искусственныя норы въ стѣнахъ; имъ нужно давать много соломы или сухого моха, зимой охранять отъ холода и кормить сѣномъ, травой, листьями, капустой и т. п.

Разновидностями домашнего кролика являются серебристый, русскій и ангорскій или шелковистый кроликъ. Первый изъ нихъ больше нашего кролика; онъ обыкновенно голубовато-сѣраго цвѣта, съ серебристымъ или темнымъ налетомъ. Русскій кроликъ сѣраго цвѣта, голова и уши бураго; онъ отличается низко отвисающимъ съ горла подгрудкомъ. Наконецъ, ангорскій или шелковистый кроликъ отличается болѣе короткими ушами и очень густымъ мягкимъ мѣхомъ; его длинныя волнистые волосы часто доходятъ до земли и имѣютъ шелковистый

блескъ. Къ сожалѣнію, онъ очень нѣженъ и поэтому требуетъ тщательнаго ухода. Попытки развести ихъ въ Германіи оказались неудачными.

Шерсть шелковистаго кролика годится для тонкихъ тканей и поэтому довольно высоко цѣнится. Шерсть обыкновенныхъ дикихъ кроликовъ идетъ на выдѣлываніе полостей.

*

Въ Азіи водятся пищухи (*Lagomys*), которыя отличаются отъ зайцевъ гораздо болѣе короткими ушами, тѣмъ, что заднія ноги едва длиннѣе переднихъ, недоразвитый хвостъ совсѣмъ не виденъ, а также зубной системой; у нихъ только по 5 (вмѣсто 6) коренныхъ зубовъ въ каждой челюсти.

Сѣноставецъ (*Lagomys alpinus*), одинъ изъ болѣе извѣстныхъ видовъ, по наружности и величинѣ напоминаетъ морскую свинку. Грубый, густой и ко-



Сѣноставецъ (*Lagomys alpinus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

роткій мѣхъ на верхней сторонѣ окрашенъ въ красновато-желтый цвѣтъ; по этому общему фону разбросаны мелкія черныя крапинки, а бока и передняя часть шеи выглядятъ одноцвѣтно ржаво-красными; нижняя поверхность и ноги — одноцвѣтно свѣтлаго охро-желтаго цвѣта. Нѣкоторые экземпляры окрашены одноцвѣтно въ совершенно черный цвѣтъ. Взрослые сѣноставцы достигаютъ до 25 см. длины.

Всѣ сѣноставцы встрѣчаются на высокихъ горахъ внутренней Азіи, между 1000 и 4000 метровъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь они являются постояннымъ животнымъ и живутъ въ скалистыхъ, дикихъ, гористыхъ мѣстахъ, богатыхъ травою и расположенныхъ вблизи горныхъ ручьевъ; они селятся то въ одиночку, то парами, а часто болѣе значительными обществами. Сѣноставецъ принадлежитъ всей огромной горной цѣпи сѣвернаго края внутренней и восточной Азіи, онъ встрѣчается также и въ Камчаткѣ.

Жилищемъ сѣноставцу служатъ маленькія, имъ самимъ выкопанныя норы, или природныя щели въ скалахъ. Въ ясную погоду они до захода солнца лежатъ въ своихъ норахъ, при пасмурномъ небѣ они вполнѣ дѣятельны. Опасаясь враговъ, они часто высовываются изъ своихъ норъ только до середины тѣла и, вытянувши вверхъ голову, убѣждаются, что опасности нѣтъ. Въ ихъ нравѣ соединены любопытство и боязливость. Радде называетъ сѣноставцевъ дѣятель-

ными, миролюбивыми и очень трудолюбивыми грызунами, которые собираютъ большіе запасы сѣна, складываютъ ихъ въ правильныя кучи и иногда прикрываютъ ихъ широколиственными растеніями, чтобы предохранить отъ дождя. Натасканными кучи сѣна достигаютъ 12—18 см. вышины и 15—30 см. въ діаметръ. Къ норамъ ведутъ узкія дорожки, которыя протаптываются сѣноставцами; короткая трава по обѣ стороны дорожки ими объѣдается. Когда наступитъ зима, они прокапываютъ подъ снѣгомъ ходы отъ норъ до ихъ стоговъ сѣна; эти ходы различнымъ образомъ искривляются и извиваются и каждый изъ нихъ снабженъ особымъ отверстіемъ для доступа воздуха.

Крикъ сѣноставца, который бываетъ слышенъ еще до полночи, похожъ на крикъ пестраго дятла и рѣдко бываетъ повторенъ больше, чѣмъ три раза, быстро слѣдуя одинъ за другимъ.

Къ сожалѣнію, у этихъ звѣрковъ много враговъ. Ихъ, правда, не преслѣдуютъ охотники восточной Сибири, но противъ нихъ ведутъ постоянную войну мануль, волкъ, корсакъ и разные орлы и соколы; а зимой они привлекаютъ снѣжную сову, ихъ опаснѣйшаго врага.

Восьмой отрядъ.

Неполнозубыя (Edentata).

Время процвѣтанія млекопитающихъ, составляющихъ описываемый отрядъ, прошло. Въ прежнія времена въ Бразиліи жили неполнозубыя, равныя по величинѣ носорогу, и больше; теперь же наиболѣе крупныя изъ живущихъ членовъ этого порядка самое большее, если равны матерому волку. Между вымершими видами и семействами, замѣнившими ихъ теперь, находились промежуточные члены; современныя намъ семейства кажутся отдѣленными отъ прежнихъ глубокой пропастью. И какъ исчезли тѣ, такъ приближается роковая пора исчезнуть и нынѣ существующимъ видамъ; дни ихъ сочтены.

Немного сходнаго можно замѣтить между неполнозубыми и другими отрядами. Странное образованіе зубовъ, являющееся у всѣхъ животныхъ, которыхъ можно сюда причислить, остается важнѣйшимъ признакомъ, по которому ихъ отличаютъ отъ другихъ млекопитающихъ. Къ числу беззубыхъ млекопитающихъ, къ которымъ это названіе примѣнимо въ полномъ смыслѣ, такъ какъ у нихъ не замѣчается даже слѣда зубовъ, относятъ и всѣхъ прочихъ, у которыхъ они на самомъ дѣлѣ есть (и иногда въ очень большомъ количествѣ), но нѣтъ, по крайней мѣрѣ, переднихъ рѣзцовъ; а тѣ зубы, которые намъ слѣдовало бы назвать рѣзцами по мѣсту нахожденія ихъ въ средней челюсти, такъ сходны по своему виду и строенію съ коренными зубами, что названіе рѣзцовъ не примѣнимо къ нимъ въ полномъ своемъ значеніи. Клыки, встрѣчающіеся очень рѣдко, отличаются, равнымъ образомъ, отъ коренныхъ зубовъ только своей значительной длиной; коренные имѣютъ плоскій цилиндрическій или призматическій видъ и отдѣлены другъ отъ друга промежутками. Они состоятъ исключительно изъ собственнаго вещества зуба и цемента, большей частью бываютъ совершенно безъ эмали, выходятъ обыкновенно только одинъ разъ и лишь у немногихъ видовъ перемѣняются. Число зубовъ значительно варьируетъ не только у различныхъ семействъ, но даже у различныхъ видовъ одной главной группы; у нѣкоторыхъ бываетъ только 20 зубовъ, у иныхъ около 100.

Въ противоположность зубамъ у этихъ животныхъ особеннымъ образомъ развиты ногти. Пальцы рѣдко бываютъ вполне подвижны, но непременно снабжены ногтями, совершенно охватывающими концы пальцевъ и уже этимъ отличающимися отъ истинныхъ когтей. Они бываютъ значительной длины, сильно искривлены и съ боковъ сжаты, или же болѣе коротки, широки, почти лопатообразны, — въ первомъ случаѣ они удобны для лазанья, во второмъ — для того, чтобы рыть или копать.

Общіе признаки ихъ исчерпываются этими двумя чертами, такъ какъ остальное строеніе тѣла отличается у беззубыхъ величайшимъ разнообразіемъ и различіемъ. Наружный покровъ тѣла представляетъ такія крайнія видоизмѣненія какія только можетъ представить наружный покровъ у млекопитающихъ. Одни одѣты густымъ мягкимъ мѣхомъ, другіе — взъерошенными сухими волосами; одни



Жизнь животныхъ Брэма. I.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Двухпалые лѣнивцы.

покрыты щетиной, другіе — чешуей; наконецъ, нѣкоторыя облечены въ большую и прочную панцирную броню, нигдѣ болѣе у млекопитающихъ не встрѣчающуюся.

Родичи этого семейства водятся въ настоящее время только въ восточныхъ, афріопскихъ и южно-американскихъ странахъ; наибольшимъ числомъ неполнозубыхъ обладаетъ Южная Америка; Азія дала пріютъ чешуйчатымъ животнымъ; Африка, кромѣ нихъ, еще и трубкозубу (земляной свиньѣ). Южная Америка представляетъ большее разнообразіе. Здѣсь находятся лѣнивцы, муравьеѣды и броненосцы. Какъ живущія, такъ и вымершія неполнозубы отличаются весьма существенно по своему образу жизни въ зависимости отъ строенія тѣла.

Впереди всѣхъ семействъ мы поставимъ лѣнивцевъ (*Bradypodidae*); они стоятъ очень низко по своему развитію и вообще тупыя и вялыя созданія, производящія по истинѣ жалкое впечатлѣніе. Переднія конечности ихъ значительно длиннѣе заднихъ, лапы снабжены сильными серповидными когтями; на сравнительно длинной шеѣ сидитъ круглая, короткая обезьянья голова съ маленькимъ ртомъ, замыкающимъ болѣе или менѣе жесткими, малоподвижными губами, съ маленькими глазами и ушными раковинами, совершенно спрятанными въ мѣху; хвостъ представляетъ собой едва замѣтный придатокъ; у взрослыхъ волосы длинные и грубы какъ сухое сѣно; ворсъ ихъ обращенъ, какъ и у другихъ млекопитающихъ, по направленію съ нижней поверхности къ спинѣ. У животныхъ живущихъ на волѣ, онъ кажется зеленымъ отъ живущей на нихъ водоросли (*Chlorococcus*). Крайне страннымъ и среди млекопитающихъ единичнымъ представляется строеніе позвоночнаго столба. вмѣсто семи позвонковъ, которые должны бы составлять шею, встрѣчается у однихъ лѣнивцевъ 6, у другихъ 9 и даже, въ видѣ исключенія, 10, а число грудныхъ позвонковъ, отъ которыхъ идутъ ребра, простирается отъ 14 до 24. Зубы состоятъ изъ пяти цилиндрическихъ коренныхъ зубовъ съ каждой стороны; первый изъ нихъ иногда имѣетъ видъ клыка; въ нижней челюсти, по большей части, бываетъ 4 зуба или, собственно, лишь зачатки зубовъ.

*

Къ высшимъ видамъ принадлежатъ двухпалые лѣнивцы (*Choloerus*). Ихъ можно узнать по довольно большой тупорылой головѣ съ плоскимъ лбомъ, сравнительно короткой шеѣ, длинному и тонкому туловищу съ очень незамѣтнымъ хвостомъ, длиннымъ, худымъ конечностямъ, снабженнымъ серповидными когтями въ числѣ двухъ или трехъ, которые съ боковъ сжаты другъ съ другомъ, по гладкимъ, мягкимъ волосамъ безъ подшерстка, по зубамъ и малому числу шейныхъ позвонковъ.

Унау или двухпалый лѣнивецъ (*Choloerus didactylus*) изъ Гвіаны и Суринама достигаетъ, приблизительно, 70 сантиметровъ длины. Длинные волосы, направленные на головѣ назадъ, а на остальномъ тѣлѣ, брюхѣ и груди къ спинѣ, и образующіе тутъ вихорь, на рылѣ, головѣ и затылкѣ имѣютъ оливково-зелено-сѣрый цвѣтъ съ бѣловатымъ отливомъ, на туловищѣ — оливково-сѣрый; на спинѣ они темнѣе, чѣмъ на нижней сторонѣ; на груди, плечахъ и переднихъ конечностяхъ, равно какъ и на голеняхъ сливково-коричневаго цвѣта.

*

Ко второму роду причисляются трехпалые лѣнивцы (*Bradypus*). Они плотнаго сложенія; голова ихъ мала, рыло — косо срѣзанное съ маленькимъ ротовымъ отверстіемъ и жесткими губами; шея очень длинна и явственно выдается впередъ; хвостъ съ боковъ сплюснутъ, сильныя конечности довольно коротки, на нихъ, какъ на переднихъ, такъ и на заднихъ, сидятъ по три серповидныхъ когтя, боками своими тѣсно прижатыхъ другъ къ другу. Волосы на головѣ расходятся

и направляются внизъ, а частью также и снизу вверхъ; ступни почти сплошь покрыты волосами.

Ай или трехпалый лѣнivecъ (*Bradypus tridactylus*) изъ Бразиліи; его полная длина достигаетъ 52 сантиметровъ, изъ которыхъ 4 см. приходится на хвостъ. Мѣхъ его состоитъ изъ тонкаго, короткаго, густаго подшерстка, на которомъ лучше всего видна настоящая окраска животнаго, и изъ длинныхъ,



Трехпалый лѣнivecъ (*Bradypus tridactylus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

сухихъ, жесткихъ, нѣсколько гладкихъ, похожихъ на сѣно щетинистыхъ волосъ. Мѣхъ этотъ рыжевато-пепельнаго цвѣта, на брюхѣ же серебристо-сѣраго. Когти желтоватаго или буро-желтаго цвѣта.

Область распространенія лѣнивцевъ ограничивается Южной Америкой. Большіе лѣса на влажныхъ низменностяхъ, въ которыхъ растительный міръ достигаетъ высшаго развитія, составляютъ мѣстожительство этихъ замѣчательныхъ созданій. Чѣмъ пустыннѣе, чѣмъ тѣнистѣе и темнѣе лѣсъ, чѣмъ непроницаемѣе его чаща, тѣмъ удобнѣе онъ, повидимому, для нуждающихся въ защитѣ существъ. Лѣнивцы настоящія древесныя животныя, какъ обезьяны или бѣлки, но послѣднія — счастливыя созданія, царящія на вершинахъ деревьевъ, а первые — лишь съ великимъ трудомъ, ползкомъ, перебираются съ вѣтки на вѣтку. Пространство,

которое для легкаго и подвижнаго населенія вершинъ не больше, какъ воздушная прогулка, — для лѣннивца — длинное путешествіе. Эти вялыя созданія, соединившись не болѣе, какъ въ одно семейство, состоящее изъ небольшого числа членовъ, ведутъ скучную, неподвижную жизнь и медленно бродятъ съ одной вѣтви на другую. Способность ихъ лазить, въ сравненіи съ передвиженіемъ по землѣ, кажется поразительной. Длинные переднія лапы позволяютъ имъ далеко захватывать, а сильные когти даютъ возможность безъ труда твердо держаться на сучьяхъ. Во всякомъ случаѣ, они лазаютъ совершенно иначе, чѣмъ прочія древесныя животныя, такъ какъ для нихъ служитъ правиломъ то, что для другихъ является псключеніемъ. Свѣсивъ тѣло внизъ, они притягиваются на своихъ длинныхъ лапахъ къ суку, твердо захватываются за него когтями и подвигаются очень постепенно дальше, отъ вѣтки до вѣтки, съ сука на сукъ. Однако, они выглядятъ болѣе вялыми, чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ. Какъ ночныя животныя, они, конечно проводятъ цѣлый день безъ движенія, но уже въ сумеркахъ становятся бодрѣе и ночью проходятъ, хотя и медленно, большія или меньшія разстоянія, смотря по надобности. Питаются лѣннивцы исключительно почками, молодыми побѣгами и плодами, а въ обильной росѣ, которую они слизываютъ съ листьевъ, находятъ достаточную замѣну недостающей имъ воды.

Вялость лѣннивцевъ, которую нельзя отрицать, проявляется также въ добываніи и принятіи ими пищи: они довольствуются малымъ, нетребовательны и одарены способностью голодать и не пить цѣлый день, а какъ нѣкоторые утверждаютъ, даже цѣлую недѣлю, не терпя отъ этого никакого вреда. Пока какое-нибудь дерево доставляетъ имъ пищу, они не покидаютъ его; когда же корму становится мало, они начинаютъ подумывать о томъ, чтобы предпринять путешествіе, затѣмъ медленно спускаются между густыми вѣтвями, выискиваютъ мѣсто, гдѣ сучья дерева, доставлявшаго имъ кормъ, сплетаются съ вѣтвями какого либо сосѣдняго дерева, и карабкаются на него по этому воздушному мосту.

Жалкіе рабы деревьевъ чужды землѣ. Походка ихъ является такимъ труднымъ перетаскиваніемъ тѣла, что всегда вызываетъ въ зрителѣ жалость. Подобно неуклюжей черепахѣ старается лѣнновецъ передвинуть свое нескладное тѣло. Такимъ образомъ онъ подвигается впередъ крайне медленно, далеко вытянувъ свои члены, опираясь на локти и медленно описывая круги поочередно каждой ногой. При этомъ брюхо его почти волочится по землѣ, а голова и шея непрерывно медленно движутся изъ стороны въ сторону, какъ бы способствуя сохраненію равновѣсія этого крайне неуклюжаго созданія. Нельзя предположить, чтобы это созданіе, такъ плачевно мотающееся изъ стороны въ сторону, было способно спастись изъ воды, попавъ туда благодаря несчастному случаю. Однако лѣнновецъ плаваетъ довольно хорошо, при чемъ движется даже быстрѣе, чѣмъ при лазаньи; высоко держа голову надъ поверхностью воды, довольно легко разсѣкая волны, онъ достигаетъ, наконецъ, твердой земли. Батъ и Валласъ видѣли одного лѣннивца, переплывавшаго рѣку, хотя въ этомъ мѣстѣ было около 300 метровъ ширины. Изъ этого видно, что названіе лѣннивца, какъ оно ни справедливо въ основѣ, примѣнимо къ этому животному лишь посколькѣ оно относится къ его движеніямъ при ходьбѣ: на деревьяхъ, какъ выше замѣчено, вялость его совсѣмъ не такъ велика, какою ее считали прежде, будучи введены въ заблужденіе преувеличенными рассказами первыхъ наблюдателей. Достойна замѣчанія та удивительная увѣренность, съ какою лѣнновецъ выполняетъ всѣ движенія при лазаніи. Онъ въ состояніи прицѣпиться одной конечностью къ самому высокому суку и затѣмъ виситъ тамъ съ полной увѣренностью въ себѣ, такъ какъ онъ не только можетъ удерживать на одной конечности все свое тѣло, но даже притягиваться на ней къ своей точкѣ опоры.

Оторвать лѣннивца отъ сука, къ которому онъ прицѣпился, крайне трудно. Обыкновенная его поза такова же, какъ и во время покоя и сна. Уцѣпившись всѣми четырьмя ногами, сдвинутыми тѣсно другъ къ другу, за сукъ, онъ свертываетъ туловище почти въ клубокъ и опускаетъ голову, не кладя ее однако и не опираясь ею на грудь. Въ этомъ положеніи онъ виситъ цѣлый день.

не трогаясь съ мѣста. Насколько, повидимому, это животное нечувствительно къ голоду и жадѣ, настолько оно чувствительно къ сырости и соединенной съ нею прохладѣ. Часто во время дождей цѣлый день виситъ оно печально, съ жалкимъ видомъ, на одномъ мѣстѣ, очевидно въ высшей степени удрученное падающей водой.

Голосъ лѣнивца слышится очень рѣдко, вечеромъ или на занимающейся утренней зарѣ, или также, когда онъ чувствуетъ себя неспокойно. Онъ не громокъ и состоитъ изъ протяжнаго, тонкаго, какъ-бы сдержаннаго, жалобнаго и рѣзкаго тона, который нѣкоторые передаютъ, какъ частое повтореніе звука „і“. Новѣйшіе наблюдатели никогда не слышали у лѣнивца звука, который походилъ бы на двойные тоны или же состоялъ бы изъ повышающихся и понижающихся аккордовъ — что также утверждаютъ прежніе наблюдатели. Днемъ у лѣнивца слышны лишь глубокіе вздохи; на землѣ онъ никогда не кричитъ, какъ бы его ни раздражали. Изъ вышеизложеннаго видно, что чувства лѣнивца должны быть крайне мало развиты. Они, повидимому, всѣ одинаково очень тупы. Духовныя способности лѣнивцевъ скрыты весьма глубоко. Они проявляютъ мало понятливости, но большей частью тупы, глупы и апатичны. Ихъ называютъ незлобивыми, но этимъ хотятъ выразить, что они вообще неспособны къ духовнымъ возбужденіямъ. Какъ говорятъ путешественники, у нихъ нѣтъ сильныхъ страданій, они не знаютъ страха, но и не обладаютъ мужествомъ, нѣтъ у нихъ, повидимому, никакихъ радостей, но и печаль также недоступна для нихъ. Это мнѣніе, насколько я могъ наблюдать, неосновательно. Эти животныя не стоятъ такъ низко, какъ хочетъ заставить о нихъ думать большинство наблюдателей. Забываютъ, что передъ нами ночныя животныя, о которыхъ нельзя составить никакого сужденія по наблюденіямъ надъ ихъ способностями, производимымъ днемъ. Названіе „лѣнивецъ“ подходитъ къ этому животному только во время его сна; становясь живѣе и бодрѣе, оно вращается въ узкомъ кругу, но тутъ справляется въ достаточной степени хорошо.

Лѣнивцы мечутъ только одного дѣтеныша. Онъ появляется на свѣтъ совершенно покрытый волосами, даже уже съ порядочно развитыми пальцами и когтями и тотчасъ же послѣ рожденія крѣпко прицѣпляется къ длиннымъ волосамъ своей матери, обвивая передними конечностями ея шею. Затѣмъ мать всюду таскаетъ его такимъ образомъ съ собой. Сначала, повидимому, она относится къ своему дѣтенышу съ величайшей нѣжностью, но материнская любовь скоро охлаждаетъ, и тупая мать едва кормитъ и очищаетъ своего дѣтеныша, и вообще еле-еле оказываетъ ему другія попеченія кормилицы.

Вялость лѣнивцевъ обнаруживается также въ томъ случаѣ, когда имъ наносятъ побои или раны. Извѣстно изъ опыта, что чѣмъ ниже стоятъ животныя, тѣмъ болѣе сильныя поврежденія, побои и боли они могутъ переносить; этотъ общій фактъ подтверждается, повидимому, и на лѣнивцахъ. Нельзя оспаривать чрезвычайную живучесть этихъ животныхъ. Они переносятъ тяжкія раны съ нечувствительностью трупа. Нерѣдко, получивъ большой зарядъ дробью, они не мѣняютъ своего положенія. По Шомбургу лѣнивцы всего дольше сопротивляются дѣйствію страшнаго яда индѣйцевъ — кураре.

Нельзя сказать, чтобы у этихъ безпомощныхъ созданій было много враговъ. Благодаря своему образу жизни они избѣгаютъ наиболѣе опасныхъ изъ угрожающихъ имъ, а именно, млекопитающихъ. Способствуетъ этому и то обстоятельство, что шкура ихъ, въ общемъ, имѣетъ тотъ же цвѣтъ, что и сучья, на которыхъ они висятъ; чтобы открыть спящее животное, нуженъ наметавшійся соколиный глазъ индѣйца. Впрочемъ, эти животныя совсѣмъ не такъ беззащитны, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Естественно, на деревѣ къ нимъ трудно подступиться, но если застать лѣнивца на землѣ и напасть на него, то онъ довольно быстро бросается на спину и схватываетъ своего противника когтями; сила конечностей въ такомъ случаѣ бываетъ очень значительна. Даже сильному человѣку трудно освободиться, если животное уцѣпится за него, или оторвать его отъ того сука, въ который оно вцѣпится. Для этого надо

отрывать отъ дерева одну ногу за другой и крѣпко держать ихъ; иначе это, вообще, не удастся.

До сихъ поръ еще мало извѣстно о жизни лѣнивцевъ въ неволѣ. Бюффонъ рассказываетъ, что маркизь Монмирайлъ купилъ въ Амстердамѣ одного лѣнивца, котораго до того времени кормили лѣтомъ нѣжной листвою, а зимой — корабельными сухарями. Отъ путешественниковъ мы узнаемъ, что врядъ-ли можно себѣ представить болѣе несимпатичное существо, чѣмъ лѣновецъ въ неволѣ. Можно поэтому представить себѣ мою радость, когда я нашелъ въ Амстердамѣ живого лѣнивца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность произвести надъ нимъ собственныя наблюденія. Позже мнѣ удалось пріобрѣсти нѣсколькихъ лѣнивцевъ и пополнить свои наблюденія. Я не хочу брать на себя смѣлость утверждать, что эти наблюденія должны имѣть рѣшающее значеніе относительно жизни лѣнивца на свободѣ; но зато я могу утверждать, что лѣнивцы вовсе не исключительно печальныя, скучныя созданія; напротивъ, они привлекательныя и во многихъ отношеніяхъ вполне достойныя члены звѣринца.

„Кизъ“, такъ звали лѣнивца, жившаго въ Амстердамѣ, жилъ въ своей клѣткѣ уже цѣлыхъ 9 лѣтъ и чувствовалъ себя въ неволѣ такъ же хорошо, какъ и другія животныя. Кто когда либо держалъ млекопитающихъ, тотъ знаетъ, что онъ можетъ быть очень доволенъ, если его плѣнники выживутъ 9 лѣтъ, а кто хоть нѣсколько знакомъ съ неполнозубыми, тотъ долженъ признать, что такой срокъ для членовъ этого отряда, безъ сомнѣнія, великъ. Клѣтка, въ которой содержался Кизъ, имѣла посрединѣ подставку, по которой обитатель клѣтки могъ лазать; внизу она была густо устлана сѣномъ, съ боковъ ограничивалась толстыми стеклянными стѣнками, а сверху была открыта. Подобнымъ же образомъ держалъ и я своихъ плѣнниковъ.

Если навѣстить животное днемъ, то въ этомъ стеклянномъ ящикѣ виденъ лишь одинъ шаръ, живо напоминающій кочку сухой осоки. Шаръ этотъ кажется безформеннымъ, потому что члены лѣнивца такъ хорошо спрятаны, что ихъ не замѣтно. Если всматриваться пристальнѣе, оказывается, что онъ принялъ свое обычное положеніе покоя или сна.

Но этотъ волосяной клубокъ очень скоро оживаетъ, если обращаться съ нимъ надлежащимъ образомъ; вѣдь лѣновецъ далеко не такъ тупъ, какъ говорятъ; онъ только милый, славный звѣрекъ, желающій лишь, чтобы съ нимъ обращались съ толкомъ. Стоитъ только его сторожу подойти къ клѣткѣ и назвать его: шаръ, какъ мы видимъ, мало-по-малу оживаетъ. Осторожно, или вѣрнѣе сказать — медленно и нѣсколько тяжеловѣсно начинаетъ распутываться клубокъ и мало-по-малу образуется изъ него если не впрямь красивое животное, то ужъ никоимъ образомъ не уродъ, какъ про него говорили, и отнюдь не существо, лишенное всякихъ высшихъ способностей и чувствъ. Медленно и постепенно животное поднимаетъ одну изъ переднихъ лапъ и вцѣпляется своими острыми когтями въ какую нибудь изъ поперечныхъ палокъ подставки. Если ему протянуть черезъ верхнюю рѣшетку какое-нибудь лакомство, особенно кусочекъ сахару, то онъ довольно быстро вскарабкивается наверхъ, чтобы получить это любимое блюдо, обнюхиваетъ стѣну и раскрываетъ свой ротъ насколько возможно шире, какъ бы прося, чтобы ему поскорѣе кинули этотъ кусочекъ сахару. Затѣмъ онъ, закрывъ глаза, съ причмокиваньемъ съѣдаетъ его и достаточно ясно показываетъ, насколько ему нравится сладкое.

Всего своеобразнѣе выглядитъ лѣновецъ, если глядѣть на него спереди. Посреди головы у него проборъ, волосы на темени расходятся на обѣ стороны и придаютъ ему совиный видъ. Глаза кажутся тупыми, такъ какъ зрачекъ едва достигаетъ величины булавочной головки. Морда своеобразно выдается изъ головы и притупляется въ видѣ усѣченного конуса, на верхнемъ основаніи котораго расположены ноздри. Постоянно влажныя губы блестятъ, какъ-бы смазанныя жиромъ. Длинный, тонкій, острый языкъ напоминаетъ червеобразный языкъ родственныхъ ему неполнозубыхъ, именно муравьеѣдовъ. Лѣновецъ можетъ далеко высовывать его наружу и пользоваться почти какъ рукой.

Въ Амстердамѣ Кизъ питался различными растительными веществами; главной его пищей былъ вареный рисъ и морковь.

Полезьа, приносимая лѣнивцами людямъ, живущимъ на ихъ родинѣ, совершенно незначительна. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ индѣйцы и негры ѣдятъ ихъ мясо, непріятный вкусъ и запахъ котораго у европейца вызываетъ тошноту, а изъ ихъ кожи, очень плотной, не рвущейся и прочной, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изготовляютъ чехлы и сумки. Эти животныя не могутъ причинять вреда, потому что они исчезаютъ по мѣрѣ появленія человѣка. Они стоятъ въ ряду тѣхъ животныхъ, которыя идутъ къ вѣрному вымиранію. Только въ самыхъ отдаленныхъ лѣсахъ могутъ они жить, и до тѣхъ поръ, пока величественныя деревья, дающія имъ кровъ и пищу, будутъ щадиться топоромъ все шире и шире распространяющагося европейца, будетъ продолжаться и существованіе лѣнивцевъ.

Муравьеѣды (*Murmesophagidae*), составляющіе второе семейство, обладаютъ незначительнымъ сходствомъ съ лѣнивцами по внѣшнему виду. Туловище ихъ вытянуто, голова и морда сильно удлинены; хвостъ достигаетъ почти половины длины туловища. Тѣло, въ особенности верхнюю сторону, покрываетъ густой, взъерошенный, своеобразный мѣхъ. Заднія конечности тонки, слабѣе переднихъ. На всѣхъ ногахъ видны на скелетѣ пальцы, которые, однако, не всегда вооружены когтями. Ротовое отверстіе крайне узко, языкъ длинень, тонокъ и закругленъ, формой напоминаетъ червя. Глаза и уши очень малы. Еще страннѣе строеніе черепа. Благодаря удлинению его лицевой части, морда длинна, похожа на трубку; межчелюстная кость очень мала и сильно искривлена; съ верхней челюстью она соединяется только хрящемъ. Тщетно искать у нихъ зубовъ; нѣтъ даже и слѣдовъ ихъ.

Самый крупный видъ въ этомъ семействѣ — дикообразъ; въ Парагваѣ его зовутъ іуруми, въ Суринамѣ — тамандуа (*Murmesophaga jubata*). Мѣхъ этого страннаго звѣря состоитъ изъ густыхъ, не гибкихъ, на ощупь шероховатыхъ, щетинистыхъ волосъ. Короткіе на головѣ, они удлиняются на затылкѣ и хребтѣ, гдѣ образуютъ гриву до 24 сантиметровъ длины, а на хвостѣ размѣръ ихъ достигаетъ 26—40 см.; на всемъ же остальномъ тѣлѣ, на ногахъ и около нихъ длина волосъ всего лишь 8—11 см. Окраска мѣха довольно разнообразна. На головѣ она пепельно-сѣрая въ перемежку съ чернымъ; почти такого же цвѣта затылокъ, спина и частью бока туловища, переднія лапы и хвостъ. Горло, шея, грудь, брюхо, заднія ноги и нижняя поверхность хвоста черно-бураго цвѣта. Черная, кзади заостряющаяся полоса, тянется въ косомъ направленіи отъ головы и груди черезъ спину къ крестцу; она обрамлена двумя тонкими блѣдно-сѣрыми полосками, идущими рядомъ съ ней. Черная полоса покрываетъ также предплечіе переднихъ лапъ, пальцы ихъ; голыя части тѣла точно также чернаго цвѣта.

Длина взрослого іуруми доходитъ до 1,3 метра, длина хвоста безъ волосъ — 68 см., съ волосами же по меньшей мѣрѣ — 95 см., часто нѣсколько больше. Вся длина животного достигаетъ 2,3 метра, но иногда попадаются старые самцы еще большей величины.

„Видъ іуруми“, говоритъ Ренггеръ, „крайне безобразенъ“. Голова его походитъ на длинный, тонкій, нѣсколько скривленный книзу конусъ и оканчивается маленькимъ тупымъ рыломъ. Обѣ челюсти равной длины, только нижняя малоподвижна, такъ что ротъ кажется щелью, въ которую едва можно всунуть хорошо развитый большой палецъ; ноздри полулунной формы, глаза малы и глубоко сидятъ въ головѣ, уши равнымъ образомъ малы, едва 2,5 см. въ ширину, столько же въ длину, сверху закруглены. Шея, благодаря длиннымъ волосамъ, кажется толще затылка, большое туловище неопредѣленной формы, нѣсколько сплюснуто въ ширину, по направленію сверху внизъ; конечности коротки, переднія лапы широки и очень мускулисты. На переднихъ лапахъ находится по 4 когтя, прижатыхъ другъ къ другу и твердыхъ, какъ у орла. Во время ходьбы и въ состояніи покоя животное прикладываетъ ихъ къ подошвѣ ноги, на подобіе пальцевъ сжатой

руки, такъ что ступаетъ оно не поверхностью, а наружнымъ краемъ подошвы, гдѣ находится непосредственно за крайнимъ кнаружи пальцемъ большая мозоль. Животное ступаетъ на всю подошву заднихъ лапъ. Длинный, косматый хвостъ высокъ и узокъ, такъ что образуетъ настоящее опахало. Языкъ, толщина котораго не превосходитъ 0,9 см., имѣетъ видъ длиннаго, постепенно заостряющагося копуса, состоитъ изъ двухъ мышцъ и двухъ железистыхъ тѣлецъ, расположенныхъ при его основаніи. Онъ обладаетъ способностью сильно вытягиваться по длинѣ, такъ что животное можетъ его высовывать изъ пасти приблизительно на 50 см.



Іуруми (*Myrmecophaga jubata*). $\frac{1}{12}$ естест. велнч.

„Іуруми не часто встрѣчается въ Парагваѣ; живетъ онъ на сѣверѣ страны, въ поляхъ, ненаселенныхъ людьми, или вообще ими мало посѣщаемыхъ. У него нѣтъ не только опредѣленнаго логовища, но даже и постоянного мѣстопробыванія; онъ въ теченіе дня бродитъ по равнинамъ и засыпаетъ тамъ, гдѣ его застанетъ ночь; однако для сна онъ старается найти мѣсто, гдѣ трава очень высока или же гдѣ попадаются кустарники. Обыкновенно встрѣчаютъ его въ одиночку, развѣ только попадется самка съ дѣтенышемъ. Походка іуруми есть медленный шагъ, а въ случаѣ преслѣдованія тяжеловѣсный галопъ; но и галопомъ онъ такъ медленно подвигается впередъ, что его можетъ догнать человекъ, идущій шагомъ. Пища его состоитъ исключительно и единственно изъ муравьевъ, термитовъ и личинокъ ихъ. Чтобы добыть ихъ, онъ скребетъ и разрываетъ когтями переднихъ лапъ постройки и земляныя кучи, въ которыхъ живутъ муравьи и термиты; насѣкомыя устремляются со всѣхъ сторонъ, онъ высовываетъ свой длинный языкъ и когда они сплошь покроютъ его, втягиваетъ обратно. Повторяетъ муравьеѣдъ это до тѣхъ поръ, пока не насытится, или пока всѣ муравьи и термиты не скроются изъ вида.

„Продолжительность беременности самки мнѣ неизвѣстна. Весной она приноситъ одного дѣтеныша и таскаетъ его нѣкоторое время на своей спинѣ. Это тихое, мирное животное, которое старается не причинить ни малѣйшаго вреда ни человѣку, ни какому-либо другому млекопитающему, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда его сильно раздражаютъ. Іуруми можно гнать въ открытомъ полѣ на далекомъ разстояніи передъ собой, причемъ онъ нисколько не сопротивляется. Если же его бьютъ, то онъ садится на заднія лапы и вытягиваетъ переднія по направленію къ врагу, чтобы схватить его когтями.

„Я долгое время держалъ одного іуруми; когда я его получилъ, ему не было еще года. Его захватили на одной мызѣ на лѣвомъ берегу Нексаи вмѣстѣ съ матерью, которая, однако, умерла нѣсколько дней спустя. Я вскормилъ его молокомъ, муравьями и рубленнымъ мясомъ. Молоко онъ принималъ лакая, или окуная въ него языкъ и затѣмъ втягивая его назадъ съ небольшимъ количествомъ приставшей жидкости. Муравьевъ онъ отыскивалъ на дворѣ и въ окрестностяхъ дома.

„Мясомъ и мѣхомъ іуруми пользуются только одни индѣйцы; кромѣ того, простолюдины въ Парагваѣ считаютъ его мѣхъ вѣрнымъ средствомъ противъ боли въ поясницѣ, если положить его подъ простыню, и употребляютъ его съ этой цѣлью. Рѣдко кто охотится на этихъ муравьеѣдовъ; если же они попадутся случайно на полѣ, то ихъ легко убить: стоитъ ударить любой палкой по головѣ. Впрочемъ, человѣку слѣдовало бы скорѣе охранять, чѣмъ преслѣдовать этихъ животныхъ; они приносятъ не вредъ, а, напротивъ, большую пользу, уменьшая количество муравьевъ и термитовъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Парагвая до того размножаются, что тамъ никакія растенія не могутъ успѣшно произрастать.

Ягуаръ и кугуаръ, на ряду съ человѣкомъ, почти единственные враги іуруми. Баснословныя рассказы парагвайскихъ обывателей о борьбѣ, происходящей между нимъ и ягуаромъ, уже опровергнуты Азарой“.

Отъ другихъ естествоиспытателей мы узнаемъ, что муравьеѣдъ водится, кромѣ Парагвая, по всему востоку Южной Америки и распространенъ тамъ отъ рѣки Ла-Платы до Караибскаго моря. При ходѣбѣ ему приходится наклонять голову къ землѣ и обнюхивать ее. При этомъ хвостъ его вытянутъ прямо вверхъ, а грива высоко встаетъ дыбомъ, такъ что онъ кажется гораздо больше своей дѣйствительной величины.

Новѣйшіе наблюдатели находили въ его желудкѣ много земли и древесныя частицы, помимо муравьевъ и термитовъ. Животное проглатываетъ эти постороннія вещества, захватывая ихъ вмѣстѣ съ муравьями. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что іуруми пожираетъ очень охотно, кромѣ своей главной пищи, также мокрицъ, сороконожекъ, равно какъ и червей, если только они не слишкомъ велики.

Въ новое время муравьеѣды неоднократно были доставляемы въ Европу и выживали тамъ, при надлежащемъ уходѣ, даже по году.

Плѣнники лондонскаго зоологическаго сада получали въ кормъ сырое мелкоизрубленное мясо и яичный желтокъ; Гамбургскій муравьеѣдъ, котораго наблюдалъ Нолль, ѣлъ, кромѣ того, очень охотно похлебку изъ маисовой муки, разведенную на тепломъ молокѣ и подслащенную ложкой сиропа. Необыкновенное зрѣлище представлялъ этотъ странный звѣрь, когда стоялъ передъ своимъ котелкомъ съ похлебкой и вылизывалъ ее своимъ замѣчательнымъ языкомъ. Съ едва вѣроятной быстротой, около 160 разъ въ минуту, погружался и вынимался изъ похлебки черноватый, цилиндрическій языкъ около 50 см. длины, поворачивался тамъ и съ такой же быстротой увлекалъ за собой въ глотку маленькія частицы пищи.

Что муравьеѣдъ имѣетъ ужасающій видъ не только въ представленіи человѣка, но также пугаетъ и даже внушаетъ страхъ и большинству животныхъ, выяснилось, когда его надо было перевести въ помѣщеніе для обезьянъ. Обезьяны начали такъ шумѣть и неистовствовать, что пришлось завѣсить ихъ клѣтки, а одинъ шимпанзе, испугавшись этого ужаснаго для него животнаго, зарылся даже мордой въ солому своего помѣщенія.

Изъ прочихъ муравьеѣдовъ, которые относятся къ лѣснымъ животнымъ, больше всего на описаннаго родича походить тамандуа, кагуаре (*Tamandua tetradactyla*); тѣмъ не менѣе его разсматриваютъ, какъ представителя особаго вида, потому что у него на переднихъ лапахъ 4 пальца, а на заднихъ 5, хвостъ же принадлежитъ къ цѣпкимъ. Это животное водится въ тѣхъ же странахъ, какъ и вышеописанное, но доходитъ до Перу. Длина его достигаетъ 1 метра, причемъ на туловище приходится около 60 см., средняя высота принимается въ 30—35 см.

До сихъ поръ не много еще могли узнать о жизни этого замѣчательнаго созданія. Въ Парагваѣ и Бразиліи тамандуа водится повсемѣстно въ уединенныхъ лѣсистыхъ странахъ; онъ охотно живетъ на опушкѣ лѣсовъ и въ кустарникахъ, а иногда и вблизи человѣческаго жилья. Это животное держится не только на землѣ,



Тамандуа (*Tamandua tetradactyla*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

но также взбирается на деревья, хотя дѣлаетъ это, какъ и лѣнливцы, довольно медленно; при этомъ оно тщательно прикрѣпляется хвостомъ также и въ то время, когда сидитъ, какъ настоящія цѣпкохвостыя. Пища ихъ состоитъ преимущественно изъ муравьевъ и при томъ, главнымъ образомъ, такихъ, которые водятся на деревьяхъ.

Одинъ разъ тамандуа тоже доставили въ Европу, а именно въ Лондонъ. Для перваго экземпляра Бартлеттъ предоставилъ свою комнату, чтобы наблюдать за ея движеніями. Пользуясь своими могучими крючковидными когтями и цѣпкимъ хвостомъ, тамандуа быстро начала лазить по различнымъ предметамъ домашней обстановки и, ставъ нѣсколько довѣрчивѣе, напослѣдокъ спрыгнула на плечи Бартлетту; затѣмъ стала засовывать свою острую мордочку и червеобразный языкъ во всѣ складки платья своего попечителя и обследовать, — что уже было не такъ-то пріятно, уши, носъ и глаза его. Если впослѣдствіи какой-нибудь посѣтитель приближался къ нему, то муравьеѣдъ стремительно направлялся въ переднюю часть клѣтки и быстро скользилъ своимъ изслѣдующимъ языкомъ по рукѣ, протянутой ему черезъ переладины клѣтки.

Своеобразенъ сильный мускусный запахъ, который распространяетъ тамандуа, особенно, если его раздражаютъ.

Муравьеѣдъ-карликъ или двухпалый (*Cycloturus didactylus*), величиной съ бѣлочку, приблизительно 40 сантиметровъ длины, изъ которыхъ 18 сантиметровъ приходится на цѣпкій хвостъ. У него на переднихъ лапахъ по четыре пальца, изъ которыхъ только два имѣютъ сильные когти, на заднихъ лапахъ по пяти пальцевъ. Шелковистый мѣхъ этого муравьеѣда сверху рыжій, снизу сѣрый; отдѣльные волосы внизу темно-бурые, вверху черные, на концѣ же желто-бурые.

Хотя муравьеѣдъ-карликъ тоже довольно неуклюже сложенъ, тѣмъ не менѣе его можно назвать чрезвычайно милымъ созданіемъ, особенно благодаря красотѣ его мѣха. Кругъ его распространенія ограниченъ. До сихъ поръ онъ извѣстенъ только въ сѣверной Бразиліи, Перу и Гвианѣ; слѣдовательно, въ странахъ, лежащихъ между 10° южной и 6° сѣверной широты. Въ горахъ онъ поднимается иногда до 600 метровъ надъ уровнемъ моря. Онъ или вообще очень рѣдокъ, или же его рѣдко находятъ. Его мѣстопробываніе составляютъ самые густые лѣса. Какъ совершенно ночное животное, весь день онъ спитъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Его движенія неуклюжи, медленны и рассчитаны; лазаютъ онъ ловко, хотя и осторожно, и всегда съ помощью хвоста. Муравьи, термиты, пчелы, осы и личинки ихъ составляютъ его пищу.

Броненосцы (*Dasypodidae*), какъ и лѣнивцы — остатки нѣкогда очень большого семейства. Въ сравненіи съ нѣкоторыми родичами, жившими въ прежнія времена, ихъ можно назвать совершенными карликами. Глиптодонъ, или броненосецъ-великанъ, достигалъ величины носорога, нѣкоторые представители другихъ родовъ были, по меньшей мѣрѣ, величиной съ быка, а длина современныхъ броненосцевъ самое большее доходитъ до 1,5 метра, если же не считать хвоста, то всего 1 метра. Всѣ броненосцы — неуклюжія созданія съ длинной мордой, вытянутой головой, большими свинными ушами, сильнымъ хвостомъ и короткими ногами, снабженными весьма сильными роющими когтями. Свое названіе они получили отъ своеобразнаго устройства ихъ панцыря: онъ особенно характеризуется поясами, лежащими поперекъ спины, и отличается отъ чешуйчатого покрова другихъ млекопитающихъ по порядку расположенія рядовъ щитковъ. Средніе пояса служатъ для различенія видовъ, хотя и не всегда встрѣчаются въ одинаковомъ числѣ у одного и того же вида; состоятъ они изъ продолговатыхъ четырехугольныхъ табличекъ, тогда какъ плечевой и крестцовый щиты образуются изъ поперечныхъ рядовъ четырехъ- или шестиугольныхъ пластинъ, между которыми вклиниваются маленькія неравномѣрныя пластинки. Темянной панцырь также состоитъ изъ пяти- или шестиугольныхъ пластинъ. Эти животныя, впрочемъ, имѣютъ панцырь только на одной верхней сторонѣ тѣла; нижняя же сторона покрыта болѣе или менѣе грубыми или тонкими щетинистыми волосами; такая же щетина проступаетъ повсюду между щитками.

Всѣ броненосцы живутъ въ южно-американскихъ странахъ вплоть до Мексики. Живутъ они въ скудныхъ растительностью песчаныхъ равнинахъ, поляхъ и иногда встрѣчаются по опушкѣ лѣсовъ, внутрь же ихъ они не проникаютъ. Только во время спариванья собираются вмѣстѣ нѣсколько особей одного вида; въ теченіе остального времени каждый броненосецъ живетъ самъ по себѣ, ни мало не печалась о другихъ созданіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя должны служить ему пищей. Всѣ виды скрываются насколько можно дольше въ теченіе дня и съ этой цѣлью вырываютъ себѣ ходы не особенно большаго размѣровъ; одинъ видъ, однако, живетъ, какъ кротъ, подъ землею; прочіе всего охотнѣе выкапываютъ свои логовища у подошвы кучъ муравьевъ и термитовъ по той простой причинѣ, что ихъ пища состоитъ преимущественно изъ этихъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ; червей и слизняковъ они ѣдятъ только случайно; такъ же мало отвращенія вызываетъ въ нихъ загнившая падалъ; нѣкоторые охотно принимаютъ растительную пищу.

Съ наступленіемъ вечерней темноты появляются изъ своихъ глубокихъ подземныхъ логовищъ броненосные трусы и бродятъ вокругъ нѣкоторое время, передвигаясь своимъ медленнымъ шагомъ съ мѣста на мѣсто. Ровная почва — ихъ царство; здѣсь они чувствуютъ себя дома, какъ мало кто изъ животныхъ. Насколько медленны и лѣнны кажутся они, когда ходятъ или вообще передвигаются, настолько становятся они быстры и проворны, когда имъ нужно зарыться въ землю. Если ихъ спугнуть, испугать или преслѣдовать, то они ничего иного не сумѣютъ сдѣлать, какъ тотчасъ же внѣдриться въ землю, въ истинномъ смыслѣ этого слова. И дѣйствительно, они такъ мастерски умѣютъ зарываться въ землю, что буквально тонутъ въ ней на глазахъ у наблюдателя. Крайняя беспомощность сдѣлала бы ихъ совершенно беззащитными отъ враговъ, если бы они не умѣли прибѣгать къ бѣгству такого рода. Одинъ видъ обладаетъ способностью свертываться въ клубокъ, какъ нашъ ежъ, однако дѣлаетъ это лишь въ случаяхъ крайней необходимости и какъ только можно, начинаетъ зарываться въ землю, гдѣ и прячется. Изъ воды эти неуклюжія животныя могутъ, впрочемъ, тоже спастись.

Броненосцы мирныя, безвредныя животныя съ тупыми чувствами, безъ всякихъ сколько-нибудь выдающихся духовныхъ способностей. Голосъ ихъ это — шумное ворчаніе, въ которомъ не слышно опредѣленнаго звука и выраженія. Броненосцы также приближаются къ полному вымиранію. Размноженіе ихъ незначительно. Хотя нѣкоторые виды мечутъ до 9 дѣтенышей, однако подрастаніе ихъ идетъ до того медленно и животныя такъ мало защищены отъ своихъ враговъ, что нельзя и думать о томъ, чтобы члены этихъ видовъ сдѣлались многочисленны.

Броненосцы или армадиллы (*Dasypus*) въ общемъ всѣ одинаковы по внѣшнему виду. Тѣло, опирающееся на низкія ноги, сжато, хвостъ средней длины шаровиденъ, одѣтъ панцыремъ и лишенъ гибкости, щитки панцыря состоятъ изъ кости и совершенно срастаются съ тѣломъ. Въ серединѣ расположены 6 или болѣе подвижныхъ поясовъ. На всѣхъ ногахъ по 5 пальцевъ, когти переднихъ лапъ сжаты вмѣстѣ, крайніе слабо вывернуты кнаружи.

Родовое имя всѣхъ броненосцевъ на гваранскомъ нарѣчій „тату“; оно перешло также и въ европейскіе языки. Названіе „армадилла“ испанскаго происхожденія, означаетъ вооруженный или одѣтый панцыремъ. Этимъ именемъ называютъ преимущественно шестиполоснаго броненосца, а для прочихъ удерживаются гваранскія или иныя мѣстныя названія.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ броненосцевъ — татупойу гваранцевъ, т. е. желторукій тату, нашъ щетинистый броненосецъ (*Dasypus villosus*), изъ пампасовъ Буэнос-Айреса; среди прочихъ родичей онъ выдается самымъ отвратительнымъ и непріятнымъ видомъ. На затылкѣ у него находится 9 идущихъ подъ рядъ четырехугольныхъ щитковъ, на передней части спины по 7 съ cadaго бока, по срединѣ же 5 рядовъ неправильныхъ шестиугольныхъ пластинокъ. За этимъ плечевымъ панцыремъ слѣдуютъ шесть отдѣленныхъ другъ отъ друга подвижныхъ поясовъ, образованныхъ изъ продолговатыхъ четырехугольныхъ щитковъ, а за ними идетъ крестцовый или бедряной панцырь, состоящій изъ 10 рядовъ длинныхъ четырехугольныхъ щитковъ. Цвѣтъ ихъ буро-желтый; однако, вслѣдствіе тренія ихъ о стѣны овраговъ, они становятся иногда свѣтло-желтыми. Волоса свѣтлые, на голой кожѣ бурые. Длинной они бываютъ до 50 см., длина хвоста 24 см., высота загривка столько же.

Шестиполосный броненосецъ (*Dasypus sexcinctus*) походитъ на описанныхъ родичей; длиной онъ, считая и хвостъ въ 20 см., отъ 55 до 60 см., сзади ушей и между ними имѣетъ броню изъ 8 щитковъ; между плечевымъ и спиннымъ панцыремъ проходитъ у него шесть широкихъ поясовъ желто-бураго

цвѣта, на верхней сторонѣ панцырь болѣе темно окрашенъ, цвѣтъ кожи свѣтлый, желто-бурый.

Броненосцы не придерживаются одной какой-нибудь опредѣленной мѣстности, но очень часто мѣняютъ свою нору. Логовище ихъ состоитъ изъ проходной норы въ 1—2 метра длиною, которую они сами вырываютъ. При входѣ эта нора круглой формы, діаметръ ея отъ 20 до 60 см., смотря по величинѣ животнаго; по мѣрѣ приближенія къ слѣпому концу она становится все шире и, наконецъ, принимаетъ видъ котла, на днѣ котораго животное можетъ спокойно поворачиваться. Въ пустынныхъ мѣстностяхъ они выходятъ также днемъ, когда небо облачно и яркій солнечный свѣтъ не тяготитъ ихъ, но въ обитаемыхъ — покидаютъ свою нору не иначе, какъ при наступленіи сумерекъ, а затѣмъ бродятъ въ теченіе цѣ-



Шестиполосный броненосецъ (*Dasypus sexcinctus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

лой ночи. Повидимому, имъ все равно, найдутъ ли они опять свою нору или нѣтъ: въ случаѣ, если они теряютъ дорогу, животныя безъ дальнѣйшихъ проволочекъ роютъ новую нору. При этомъ преслѣдуется двоякая цѣль. Азара наблюдалъ (другіе естествоиспытатели подтверждаютъ это), что броненосцы устраиваютъ свои сооруженія, главнымъ образомъ, подъ муравейниками и кучами термитовъ, потому что, благодаря этому, они получаютъ возможность собирать безъ всякаго безпокойства свою главнѣйшую пищу также и днемъ. Наряду съ муравьями и термитами они питаются жуками и ихъ личинками, гусеницами, саранчой и земляными червями. Кромѣ того, несомнѣнно установлено, что броненосныя животныя употребляютъ растительную пищу; ее находили въ желудкахъ убитыхъ животныхъ.

Понятно, что описанные поиски броненосцевъ ограничены только небольшимъ кругомъ мѣстности. Обычная походка всѣхъ армадилловъ — медленный шагъ. Наибольшая скорость, на которую они способны, достигается нѣсколько болѣе частою перестановкою ногъ; она можетъ, пожалуй, ускориться до того, что человеку его не догнать. Прыжки или быстрые и ловкіе повороты для нихъ невозможная вещь. Первымъ мѣшаетъ тяжеловѣсность, вторымъ — узкій панцырь. Значитъ, броненосцы, желая насколько возможно ускорить бѣгъ, могутъ двигаться сѣменя ногами, только по прямой линіи или по очень отлогой кривой. Если бы они не знали другихъ способовъ бѣгства, то безъ всякаго сопротивленія достава-

лись бы въ добычу различнымъ врагамъ. Недостатокъ ловкости нѣсколько уравнивается у нихъ большой мышечной силой. Это особенно обнаруживается въ той быстротѣ, съ которой броненосцы зарываются въ землю даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя съ трудомъ беретъ заступъ, какъ, напримѣръ, у подошвы кучи термитовъ. Взрослому тату, почувшему въблизи врага, довольно трехъ минутъ, чтобы выкопать себѣ ходъ, длина котораго уже значительно превосходитъ размѣры его собственнаго тѣла. Какъ скоро онъ зарылся всѣмъ своимъ тѣломъ, то даже самому сильному человѣку не подъ силу вытащить его за хвостъ изъ норы. Такъ какъ норы броненосцевъ ровно такой величины, чтобы они могли туда юркнуть, то стоитъ имъ нѣсколько выгнуть спину и тогда края щитковъ сверху, а острые когти снизу окажутъ такое сильное сопротивленіе, что никому его не пересилить.

Самка зимой или весной приноситъ отъ 4 до 6 дѣтенышей и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль заботливо скрываетъ ихъ въ норѣ. Вѣроятно, время сосанія не велико, потому что уже скоро можно видѣть молодыхъ броненосцевъ, бѣгающихъ по полямъ. Какъ скоро они нѣсколько подрастутъ, каждый идетъ своей дорогой, и самки нѣтъ уже никакого дѣла до своихъ отпрысковъ.

На тату охотятся обыкновенно при лунномъ свѣтѣ. Охотникъ вооружается толстой палкой изъ твердаго дерева, оканчивающейся остриемъ или утолщеніемъ, и отыскиваетъ дичь съ помощью собакъ. Если тату успѣетъ во время замѣтить собакъ, то онъ моментально бѣжитъ къ своей норѣ или же роетъ какъ можно скорѣе новую, что для него гораздо удобнѣе, чѣмъ пользоваться для убѣжища чужой норой. Если же собаки захватятъ его прежде, чѣмъ онъ успѣетъ добратъся до своей норы, то нашъ тату пропаль. Такъ какъ они не могутъ вцѣпиться въ него зубами, то твердо держатъ мордой и лапами, пока не подойдетъ охотникъ и не положитъ его на мѣстѣ ударомъ палки по головѣ. Опытныя собаки стараются перевернуть его носами навзничъ, и какъ только это имъ удастся, они разрываютъ его въ буквальномъ смыслѣ въ мгновеніе ока, причемъ панцырь лопається, будто раздавленная яичная скорлупа. Попадъ въ нору, тату всегда уходитъ отъ собакъ, такъ какъ подкапываніе съ ихъ стороны не ведетъ ни къ чему. Когда его хватаютъ собаки, онъ и не думаетъ какъ-нибудь защититься, хотя, очевидно, могъ бы нанести своими когтями значительныя раны.

Всѣ броненосцы ненавистны для южно-американцевъ, такъ какъ бываютъ виновниками многочисленныхъ несчастій. Смѣлые наѣзтники степей, проводящіе большую часть жизни на конѣ, сплошь и рядомъ терпятъ отъ работы броненосцевъ жестокія поврежденія. Лошадь, несущаяся во весь опоръ, внезапно попадаетъ въ дыру и можетъ причинить несчастье самому наѣздику. Поэтому всѣ собственники фермъ преслѣдуютъ бѣдныхъ броненосцевъ самымъ ожесточеннымъ и самымъ суровымъ образомъ. Кромѣ человѣка за ними гоняются еще наиболѣе крупные виды семейства кошекъ, бразильскій волкъ и южно-американская лисица.

Въ Парагваѣ рѣдко воспитываютъ тату. Они слишкомъ скучные и, благодаря своему рытью, слишкомъ вредные друзья дома, чтобы человѣкъ могъ съ ними мириться.

Броненосцевъ часто привозятъ въ Европу и въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ помѣщаютъ вмѣстѣ съ обезьянами. Они питаются въ неволѣ червями, насекомыми, личинками, варенымъ или жаренымъ мясомъ, но послѣднее слѣдуетъ имъ бросать маленькими кусочками, чтобы они не подавились. Пищу они хватаютъ губами или языкомъ, который способенъ сильно растягиваться. При скольконибудь соотвѣтственномъ уходѣ они по годамъ живутъ въ полномъ благосостояніи, служатъ обезьянамъ,—волей или неволей,—въ качествѣ верховыхъ животныхъ и товарищей игръ, позволяютъ дѣлать съ собой все, что угодно, привыкаютъ гулять днемъ; размноженіе ихъ идетъ также успѣшно. Молодые броненосцы, родившіеся въ лондонскомъ зоологическомъ саду, явились на свѣтъ слѣпыми, и кожа ихъ, еще мягкая, обнаруживала всѣ складки и щитки взрослого животнаго.

Польза отъ броненосцевъ довольно значительна. Индѣйцы страстно любятъ мясо всѣхъ видовъ ихъ, европейцы, напротивъ, только двухъ. По Канплеру, мясо теряетъ присущій ему мускусный запахъ, если его положить на ночь въ

растворъ соли и лимоннаго сока; Ренггеръ увѣряетъ, что жаркое, приготовленное съ испанскимъ перцемъ и лимоннымъ сокомъ изъ мяса броненосца, представляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ кушаній. Парагвайскіе индѣйцы готовятъ изъ панцыря маленькія коробки, ботокуды — изъ снятаго хвостового панцыря — рупоры; раньше готовили также деки для гитаръ изъ отдѣльныхъ кусковъ панцыря.

*

Шаровидный броненосецъ (*Tolypeutes tricinctus*), называемый туземцами апаръ или матако, а испанцами болита, еще мало извѣстенъ; онъ представитель другого вида. Первое описаніе его, какъ увѣряютъ, было сдѣлано



Шаровидный броненосецъ (*Tolypeutes tricinctus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

по чучелу. Но уже Азара далъ такое ясное описаніе, что въ существованіи этого животнаго не можетъ быть сомнѣнія. Онъ говоритъ, что матако не водится въ Парагваѣ, а попадаетъ впервые приблизительно подъ 36° южной широты. „Нѣкоторые называютъ его болита, такъ какъ онъ единственный изъ всѣхъ тату, который въ случаѣ испуга или въ виду угрожающей опасности быть схваченнымъ прячетъ голову, хвостъ и лапы, такъ что все тѣло превращается въ шаръ, который можно катать, какъ мячъ, по всѣмъ направленіямъ, при чемъ онъ не развертывается. Чтобы развернуть этотъ шаръ, нужно большое усиліе. Охотники убиваютъ это животное, съ силою бросая его объ землю.“

Длина его отъ начала морды до конца хвоста 45 сантиметровъ, изъ нихъ на хвостъ приходится до 7 см.; кончикъ хвоста внизу круглый или коническій, при корнѣ же хвостъ, напротивъ, широкъ и сплюснутъ. Чешуи тоже не такія, какъ у прочихъ; онѣ больше походятъ на толстыя зерна и далеко выдаются.

Антонъ Гэрингъ получилъ одинъ живой экземпляръ болиты изъ Санъ-Луи въ западной Аргентинѣ; это — его родина или, по крайней мѣрѣ, тамъ онъ всего чаще встрѣчается. Живетъ-ли тамъ это животное въ открытыхъ поляхъ, какъ это описываетъ Азара, или же въ вырытыхъ имъ самимъ норахъ, Гэрингъ не

могъ узнать. Туземцы захватываютъ его случайно при ловлѣ другихъ броненосцевъ, составляющихъ, какъ выше замѣчено, любимое блюдо гаучосовъ. Но такъ какъ матако созданіе миловидное, то обыкновенно они смотрятъ на него милостиво и берутъ для того, чтобы держать его въ неволѣ. Дома съ нимъ играютъ дѣти, катая его въ разныя стороны или заставляя бѣгать по доскѣ и забавляясь стукомъ, который производитъ его странная походка.

Хотя животное находилось еще не долго въ неволѣ, однако оно выказало себя довѣрчивымъ въ первые же моменты и не стѣсняясь брало изъ рукъ кормъ, который ему предлагали. Оно ѣло всякаго рода фрукты и листья, а именно персики, тыквы, салатъ, по нѣскольку разъ въ день, словомъ всегда, когда ему давали. Пищу для него слѣдовало рѣзать на тоненькіе кусочки, такъ какъ ротовое отверстіе у него мало; оно брало ее очень деликатно. Матако спалъ одинаково хорошо какъ днемъ, такъ и ночью. При этомъ онъ вытягивалъ переднія ноги прямо передъ собой, а заднія поджималъ и ложился на нихъ и на брюхо, голову опускалъ и клалъ между передними лапами. Спина при всякомъ положеніи была выгнута; животное не могло вполнѣ выпрямиться. Хотя оно ѣло и бѣгало совершенно спокойно въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, но какъ только до него дотрагивались, оно моментально съеживалось, если же затѣмъ его толкали, то почти совершенно свертывалось въ шаръ; оставленное въ покоѣ, оно распрямлялось и шло дальше.

Матако былъ чрезвычайно граціозенъ, и каждое движеніе его, несмотря на свою странность, дѣйствительно привлекательно. Ходьба на остріяхъ скривленныхъ когтей (длина ихъ 3 см.) имѣла въ себѣ нѣчто въ высшей степени поразительное и всегда вызывала изумленіе среди зрителей. Если его оставляли на свободѣ, то онъ старался какъ можно скорѣе убѣжать; когда за нимъ гнался по пятамъ какой-нибудь преслѣдователь, матако свертывался въ шаръ. Шаръ этотъ можно было катать по землѣ, онъ оставался плотно сомкнутымъ; но когда это движеніе прекращалось, животное расправлялось и бѣжало дальше. Собаки не проявляли противъ болиты большаго ожесточенія, чѣмъ по отношенію ко всѣмъ прочимъ броненосцамъ.

*

Представитель другого вида (*Priodon*) исполинскій броненосецъ, водящійся въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Бразиліи и Гвіаны. Принцъ фонъ-Видъ повсюду получалъ о немъ свѣдѣнія, но никогда не встрѣчался съ нимъ лицомъ къ лицу. Онъ думаетъ, что исполинскій броненосецъ распространенъ въ большей части Бразиліи и, можетъ быть, встрѣчается во всей Южной Америкѣ. Въ большихъ первобытныхъ лѣсахъ охотники принца часто находили норы или логовища, а именно подъ корнями старыхъ деревьевъ; по ихъ ширинѣ можно было сдѣлать заключеніе о величинѣ животнаго. Туземные охотники увѣряли, что размѣрами онъ подходитъ къ крупной свиньѣ, и логовища, а тѣмъ болѣе хвосты этого тату, найденные принцемъ у ботокудовъ, повидимому, только подтверждаютъ эти рассказы. На Рио-Гранде де-Бельмонте Видъ находилъ у ботокудовъ рупоры, которые прямо такъ и назывались „хвостами тату“, длиной 36 см., шириной у основанія 8 см.

Изъ позднѣйшихъ изысканій оказалось, что броненосецъ-великанъ (*Priodon gigas*) имѣетъ въ длину до 1 метра и больше, длина же хвоста почти вдвое меньше; по Капплеру вѣсъ его доходитъ до 45 килограммовъ.

Лобъ и черепъ покрыты крайне неправильными костяными табличками. Плечевой панцырь состоитъ изъ 10 рядовъ брони, между которыми сзади и съ боковъ вклинивается еще одинъ рядъ; подвижныхъ полосъ отъ 12 до 13; въ бедряномъ панцырѣ 16—17 рядовъ. Щитки четырехугольны или прямоугольны, бываютъ также пяти- и шестиугольные; задніе ряды бедряного панцыря неравномѣрны; хвостъ покрытъ неправильными четырехугольными пластинками. Замѣчательнѣе всего, однако, у этого звѣря зубы. Въ верхнемъ ряду ихъ 24—26, въ нижнемъ 22—24, изъ которыхъ, впрочемъ, многіе выпадаютъ; въ полости рта, въ общемъ, бываетъ

отъ 90 до 100 зубовъ или, по крайней мѣрѣ, орудій, замѣняющихъ зубы. Въ первой половинѣ рядовъ они представляютъ только тонкія пластинки; по мѣрѣ удаленія назадъ они постепенно утолщаются. Что дѣлать исполинскому броненосцу съ такой массой зубовъ — совершенно необъяснимо, такъ какъ онъ, насколько извѣстно до сихъ поръ, рѣшительно не отличается ничѣмъ отъ другихъ видовъ по роду своей пищи.

*

Въ 1824 году американецъ Харланъ открылъ недалеко отъ Мендозы въ западной Аргентинѣ въ высшей степени замѣчательнаго члена этого семейства — панцирную мышъ (*Chlamyphorus truncatus*); туземцы, не подозрѣвавшіе о ея существованіи, были чрезвычайно удивлены этимъ открытіемъ.



Панцирная мышъ (*Chlamyphorus truncatus*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

Въ теченіе долгаго времени были извѣстны только два экземпляра, хранившіеся въ собраніяхъ Лондона и Филадельфіи; къ счастью ихъ можно было изслѣдовать самымъ точнымъ образомъ. Впослѣдствіи были добыты другіе экземпляры, благодаря чему могли дать полное описаніе внутренняго строенія и внѣшняго вида животнаго. Мы имѣемъ право считать панцирную мышъ представительницей особаго вида, хотя отъ другихъ описанныхъ нами броненосцевъ она отличается скорѣе своимъ панциремъ, чѣмъ внутреннимъ строеніемъ тѣла.

Щитоносецъ или панцирная мышъ представляетъ одну изъ наиболѣе отклоняющихся формъ и принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ созданіямъ животнаго міра по весьма странному строенію почти кожистаго рогового панциря, покрывающаго все тѣло. Это странное существо можно назвать карликомъ въ сравненіи съ другими броненосцами и даже съ самыми мелкими изъ извѣстныхъ намъ видовъ; съ другой стороны оно также по своей формѣ и еще болѣе по образу жизни живо напоминаетъ нашего крота. Голова его коротка, въ задней половинѣ расширена, а въ передней части заострена и оканчивается довольно короткимъ притупленнымъ рыломъ. Глаза малы и скрыты подъ падающими сверху волосами. Уши, стоящія сзади глазъ въ недалекомъ разстояніи, не имѣютъ наружной раковины. Строеніе зубовъ просто. Переднихъ зубовъ и клыковъ вовсе нѣтъ, а коренные зубы, въ числѣ 8 съ каждой стороны верхней и нижней челюсти, покрыты слоемъ эмали, не имѣютъ корней и въ нижней половинѣ полые. Зубы эти цилиндрической формы; ихъ жевательныя поверхности плоски; исключеніе

представляютъ два передніе зуба въ каждой челюсти; они нѣсколько заострены. Ноги коротки, переднія конечности очень сильны, устройство ихъ почти такое же, какъ у крота; заднія конечности, напротивъ, гораздо слабѣе переднихъ; лапы длинны и тонки. Всѣ пальцы снабжены тупо заостренными когтями; на переднихъ лапахъ когти очень велики и сильны; это — могучія орудія для рытья. Хвостъ, укрѣпленный въ вырѣзкѣ на нижнемъ краю панцыря, покрывающаго заднюю часть тѣла, круто загибается внизъ и, проходя между задними конечностями, совершенно прилегаетъ къ брюху.

Вся верхняя сторона тѣла покрыта почти кожистымъ роговымъ панцырнымъ щитомъ; онъ довольно толстъ и менѣе гибокъ, чѣмъ подошвенная кожа, начинается на головѣ около кончика рыла и проходитъ черезъ всю спину до задней части тѣла, а оттуда спускается отвѣсно, такъ что животное кажется какъ бы обрубленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изувѣченнымъ. Этотъ панцырь состоитъ изъ поперечныхъ, по большей части равномерныхъ полосъ или поясовъ, образуемыхъ бугристыми щитками, въ большинствѣ случаевъ прямоугольными, но иногда ромбоидальными и даже неправильными; онъ далеко не вездѣ плотно соединенъ съ кожей туловища какъ панцырь у броненосцевъ, наоборотъ, бѣлая часть лежитъ свободно, прикрѣпленъ же онъ по средней линіи спины къ спиннымъ отросткамъ позвоночнаго столба посредствомъ кожи; на темени панцырь прикрѣпляется только двумя щитками къ полукруглымъ возвышеніямъ лобной кости; на бокахъ головы свободенъ, и его даже можно приподнять. Напротивъ того, на передней части головы онъ крѣпко соединенъ съ костями; тоже и на задней части тѣла, гдѣ онъ образуетъ срѣзанную плоскость. Хотя промежутки между полосами не особенно велики, однако они придаютъ отдѣльнымъ полосамъ достаточную степень подвижности, изъ чего можно заключить, что животное способно свертываться въ шаръ. Наконецъ, совершенно неподвижный панцырь задней части тѣла связанъ съ хвостомъ только кожей, спускается книзу подъ прямымъ угломъ, совершенно плоскаго вида, состоитъ изъ 5—6 расположенныхъ полукругомъ щитковъ, частью прямоугольныхъ, частью ромбоидальныхъ.

Весь панцырный щитъ на всей верхней сторонѣ, равно какъ на своей свободной нижней сторонѣ, не покрытъ волосами и совершенно гладокъ; только на нижнихъ краяхъ находится много шелковистыхъ волосъ порядочной длины. Напротивъ, кожа животнаго покрыта вездѣ, и даже подъ самымъ панцыремъ, довольно густо длинными, тонкими и мягкими, почти шелковистыми волосами; единственное исключеніе составляютъ хвостъ, ступни, кончикъ морды и подбородокъ: они совершенно голы. Длина туловища доходитъ до 13 см., хвостъ 3,5 см., высота загривка 5 см.

Относительно образа жизни щитоносца въ зоологическихъ сочиненіяхъ можно найти только слѣдующее. Животное обитаетъ въ песчаныхъ равнинахъ и роетъ длинныя ходы подъ землей, совершенно, какъ нашъ европейскій кротъ. Тщательно старается не оставлять этого подземнаго дворца и выходитъ на поверхность земли, вѣроятно, только случайно. Оно съ величайшей быстротой прорываетъ почву или прямо проходитъ сквозь нее, какъ кротъ, а на поверхности земли, напротивъ, подвигается медленно и неловко.

Весьма вѣроятно, что щитоносецъ охотится за жуками и червями; быть можетъ, довольствуется нѣжными корешками. О размноженіи извѣстно лишь, что оно невелико. Туземцы утверждаютъ, что самка прячетъ дѣтенышей подъ панцыремъ.

Ясно, какъ скудны эти свѣдѣнія, и сколько изъ нихъ — простыя предположенія. Тѣмъ пріятнѣе мнѣ было узнать отъ Гэринга еще одно свѣдѣніе: „Щитоносецъ водится не только въ провинціи Мендоза, но и въ Сень-Луи. Испанцы зовутъ его *Viño siego*, такъ какъ они думаютъ, что онъ совершенно слѣпъ; нѣкоторые кромѣ того даютъ ему названіе *Juan calado* (Иванъ съ кружевнымъ воротничкомъ). Звѣрекъ живетъ въ песчаныхъ, сухихъ, каменистыхъ мѣстностяхъ, особенно же въ мѣстахъ, заросшихъ колючей порослью и кактусами. Цѣлый день онъ держится подъ землею, а ночью тоже появляется на земной поверхности и бѣгаетъ при лунномъ свѣтѣ, преимущественно въ кустарникахъ.“

Это животное встрѣчается лишь случайно, главнымъ образомъ, при прорытіи канавъ съ цѣлью орошенія; тамъ проводятъ такія канавы въ мѣстахъ, которыя желаютъ обратить въ поля. Иногда оно попадаетъ также при ловлѣ другихъ броненосцевъ. Въ послѣднее время, благодаря усилившемуся спросу, стали нѣсколько болѣе прилагать труда, чтобы добыть щитоносца; однако, это, должно быть очень трудно, такъ какъ Гэрингъ, жившій тамъ 7 мѣсяцевъ, не могъ достать ни одного живого или свѣже убитого экземпляра, несмотря на всѣ свои старанія и самыя заманчивыя обѣщанія. *Вісхо сіего* еще и теперь составляетъ предметъ удивленія туземцевъ. Если имъ удастся поймать этого звѣрка, они оставляютъ его жить, пока онъ самъ не околѣетъ, а затѣмъ хранятъ, какъ большую достопримѣчательность. Южно-американцамъ вообще свойственно держать въ неволѣ животныхъ, которыя кажутся имъ почему либо интересными, причемъ они даже не думаютъ позаботиться о нихъ, какъ будто бы такъ и надо. Такъ какъ тамошній народъ не умѣетъ ни снимать шкуръ, ни готовить чучель, то щитоносецъ въ ихъ рукахъ обращается въ мумію.

Ящеры (*Manididae*), несмотря на сходство въ формахъ тѣла и образѣ жизни съ муравьедами, составляютъ семейство, которое можно легко отличить отъ нихъ. Тѣло всѣхъ относящихся сюда животныхъ покрыто на верхней сторонѣ большими, плоскими роговыми чешуйками, которыя лежатъ другъ на другѣ, какъ черепицы, или еще лучше сказать, какъ чешуи еловой шишки. Этотъ покровъ есть главнѣйшій отличительный признакъ семейства; онъ представляется единственнымъ въ своемъ родѣ, потому что щитки броненосцевъ и щитоносцевъ лишь отдаленно напоминаютъ эти роговыя образованія, присущія ящерамъ; послѣднія можно скорѣе сравнить съ чешуями рыбъ или амфибій, чѣмъ съ какимъ либо выдѣленіемъ кожи млекопитающихъ.

Для болѣе точной обрисовки ящера можетъ служить слѣдующее. Тѣло его удлиннено, хвостъ длинный, голова короткая, рыло конусообразно заострено, переднія и заднія конечности коротки, на лапахъ по 5 пальцевъ съ сильными роющими когтями. Чешуй нѣтъ только на горлѣ, нижней поверхности тѣла и на внутренней поверхности переднихъ ногъ; вся остальная часть тѣла облечена въ латы. Всѣ чешуи ромбоидальны, однимъ концомъ врастаютъ въ кожу, по краямъ очень остры и притомъ необычайно тверды и жестки. Такое устройство допускаетъ довольно большую подвижность въ разныя стороны; отдѣльныя чешуи могутъ какъ наклоняться въ ту и другую сторону, такъ и подниматься и опускаться. Между чешуями, а также на непокрытыхъ ею мѣстахъ тѣла торчатъ жидкіе волосы; на брюхѣ ихъ иногда и вовсе нѣтъ. Морда безъ чешуи, но зато покрыта твердой, какъ рогъ, кожей. Зубовъ нѣтъ совсѣмъ. Широкая мышца, лежащая, какъ у ежа, подъ кожей, допускаетъ его свертываться или скатываться въ шаръ. Языкъ довольно длиненъ, можетъ далеко вытягиваться; необычайно большія слюнные железы доставляютъ ему слизь, необходимую для прилипанія пищи, состоящей изъ насѣкомыхъ — преимущественно муравьевъ и термитовъ.

Большая часть Африки, равно какъ и вся южная Азія и прилежащія къ ней острова представляютъ родину этого удивительнаго созданія; степи и лѣсистыя мѣстности, какъ въ горахъ, такъ и на равнинахъ, служатъ его мѣстопробываніемъ. Вѣроятно, живутъ они въ вырытыхъ ими самими норахъ, одинокіе и необщительные, подобно своимъ родичамъ, днемъ скрываясь, а ночью бродяжничая. Судя по наблюденіямъ надъ плѣнниками, они спятъ днемъ, свернувшись и спрятавъ голову подъ хвостъ. Съ наступленіемъ сумерекъ они просыпаются и отправляются искать пищу.

Движенія ящеровъ далеко не такъ медленны и вялы, какъ это думали прежде. Бюттикоферъ говоритъ объ одномъ видѣ (*Manis gigantea*), который онъ наблюдалъ въ Либеріи: „Это животное бѣгаетъ, въ противоположность тому, что разсказывается въ книгахъ, очень быстро, такъ что его еле можетъ догнать человекъ, и иногда на бѣгу привстаетъ на заднихъ лапахъ и хвостѣ, чтобы осмо-

трѣться, куда ему поставить свои переднія лапы“. Кромѣ того, этотъ авторъ подтверждаетъ фактъ, что два африканскихъ вида тоже хорошо бѣгаютъ и при томъ ловко лазаютъ по деревьямъ; о послѣднихъ онъ говоритъ: „Они милы, ихъ можно долго держать въ домахъ, гдѣ ихъ оставляютъ бѣгать на свободѣ, потому что они неусыпно подстерегаютъ муравьевъ, какерлаковъ и другихъ надоедливыхъ насѣкомыхъ. Очень милыя животныя, въ одно мгновеніе взбирающіяся на крыши домовъ и стволы деревьевъ.“

При хорошемъ уходѣ ящеры могутъ довольно долго жить въ неволѣ. Они легко приучаются питаться молокомъ, хлѣбомъ и хлѣбными зернами, хотя насѣкомыя всегда остаются любимой ихъ пищею. — Туземцы ѣдятъ ихъ мясо и находятъ его вкуснымъ; нѣкоторые народы примѣняютъ его броню для украшеній различной утвари.

Длиннохвостый ящеръ (*Manis longicaudata*) въ общемъ достигаетъ 1—1,3 метра длины, изъ которыхъ около $\frac{2}{3}$ приходится на хвостъ. У очень молодыхъ животныхъ хвостъ вдвое длиннѣе тѣла; онъ относительно укорачивается только позднѣе, по мѣрѣ развитія туловища. Чешуи покрываютъ всю верхнюю и наружную поверхность тѣла, за исключеніемъ наружныхъ частей переднихъ ногъ, а на хвостѣ также и нижнюю поверхность; мѣста, на которыхъ нѣтъ чешуи, покрыты жесткой щетиной. Морда и горло почти совершенно голы. На спинѣ эти чрезвычайно твердыя и острыя чешуи достигаютъ наибольшихъ размѣровъ. Общій цвѣтъ ихъ черновато-бурый съ рыжеватымъ отливомъ; отдѣльныя чешуи при основаніи черновато-бурыя, по краямъ окаймлены желтымъ. Щетинистые волосы черного цвѣта. Родина животнаго — западная Африка.

Единственное обстоятельное свѣдѣніе объ ихъ жизни далъ Демарше: „Въ лѣсахъ Гвинеи живетъ четвероногое животное, называемое неграми квоггело. Отъ шеи до кончика хвоста оно покрыто чешуей, которая имѣетъ видъ листьевъ артишока, только нѣсколько острѣе. Чешуи эти лежатъ другъ на другѣ, толсты и достаточно крѣпки, чтобы защитить животное, въ случаѣ нападенія, отъ когтей и зубовъ другихъ звѣрей. Леопарды постоянно преслѣдуютъ квоггело; имъ, конечно, совсѣмъ не трудно догнать его, такъ какъ они бѣгаютъ гораздо скорѣе. Онъ все-таки пытается убѣжать, но такъ какъ его скоро настигаютъ, а ни когти, ни пасть не защищаютъ его отъ страшныхъ когтей и зубовъ этихъ хищниковъ, то онъ свертывается въ шаръ и подвертываетъ хвостъ подъ брюхо, такъ что наружу отовсюду обращаетъ только острія своей чешуи. Большія кошки тщетно катаютъ его своими когтями въ разныя стороны, но какъ только попробуютъ схватить его покрѣпче, сейчасъ же колются, и поэтому имъ приходится оставить его въ покоѣ. Негры убиваютъ квоггело палками, шкуру сдираютъ и продаютъ бѣлымъ, а мясо ѣдятъ. Въ его мордѣ, которую можно бы сравнить съ утинымъ носомъ, лежитъ очень длинный, клейкій языкъ. Ящеръ просовываетъ его въ ходы муравейниковъ или кладетъ на муравьиную тропу; муравьи, привлеченные запахомъ, тотчасъ бѣгутъ на него и прилипаютъ. Когда животное замѣтитъ, что языкъ покрылся муравьями, оно втягиваетъ его обратно; такъ оно питается.“

У панголина (*Manis pentadactyla*) короткій хвостъ и на переднихъ ногахъ снаружи панцырь сплошной. Животное водится въ передней Индіи и Цейлонѣ, преимущественно въ холмистыхъ мѣстностяхъ, но нигдѣ не встрѣчается въ большомъ количествѣ. Уже Эліанъ рассказываетъ, что въ Индіи существуетъ звѣрь, который выглядитъ, будто земной крокодилъ.

Отъ прочихъ ящеровъ, кромѣ степного ящера, панголинъ отличается своей величиной и тѣмъ, что чешуи, расположенныя въ 11—13 рядовъ на спинѣ и хвостѣ, очень широки и нигдѣ не сходятся въ гребень. Вся длина взрослага самца бываетъ до 1,3 метра; на туловище приходится около половины этой длины.

Относительно образа жизни этого вида мы тоже не много знаемъ. Животное роетъ норы, идущія наклонно въ глубину отъ 2 до 4 метровъ отъ поверхности:

эти ходы ведутъ въ большую котловидную нору. Здѣсь они живутъ парами, и въ январѣ — мартѣ ихъ можно найти съ 1—2 дѣтенышами. Когда они находятся въ норѣ, то стараются такъ замаскировать входъ землей, что его трудно найти, если только не обратить вниманія на странные слѣды снаружи. Бертъ рассказываетъ, что панголинъ не ѣстъ ничего, кромѣ муравьевъ, которыхъ онъ уничтожаетъ въ весьма большомъ количествѣ, но можетъ и голодать мѣсяца по два; бродитъ онъ ночью, въ неволѣ чувствуетъ себя очень беспокойно; можетъ двигаться довольно скоро, и если его схватятъ, то спокойно позволяетъ взять себя за хвостъ, не дѣлая ни малѣйшей попытки защищаться противъ врага, и т. п. Китайцы изъ его шкуры приготавливаютъ панцырь.

Степной ящеръ (*Manis temminckii*) имѣетъ сравнительно короткій, широкій, на концѣ болѣе или менѣе тупо закругленный хвостъ. По виду и



Степной ящеръ (*Manis temminckii*). $\frac{1}{6}$ естеств. велич.

величинѣ онъ всего ближе къ своему индѣйскому родичу. Хвостъ, почти такой же длины какъ и туловище, постепенно утончается, а на самомъ концѣ вдругъ закругляется и принимаетъ усѣченную форму. Туловище широкое, голова маленькая и толстая. Овальныя чешуйки покрываютъ голову; на спинѣ онъ имѣютъ тонкія продольныя бороздки при основаніи, а на концахъ гладки и расположены въ 11—13 рядовъ, на хвостѣ въ 5 рядовъ, на нижней части его — въ 4 ряда. Взрослые самцы бываютъ около 80 сантиметровъ длиной, причемъ 30 см. занимаетъ хвостъ. Степной ящеръ живетъ преимущественно въ восточной и южной Африкѣ, встрѣчается также и въ западной.

„Абу-кирфа“ или „Rindenvater“¹, какъ называютъ степного ящера номады Кардофана, въ богатыхъ термитами степяхъ Африки находятъ и соотвѣтственную пищу и возжелѣнное одиночество. Земляныя ямы составляютъ его жилище, однако онъ никогда не закапывается такъ глубоко, какъ трубкозубъ. Въ качествѣ ночного животного онъ выходитъ на свѣтъ только съ наступленіемъ сумерекъ; онъ неловокъ, не можетъ бѣгать и защищаться противъ враговъ. Муравьи, термиты, саранча, жуки, очень можетъ быть и черви — составляютъ его пищу.

¹ Домовой (1).



Т-во „Прогрессивное“ въ Спб.

Капскій трубкозубъ (*Orycteropus capensis*).

G. Mitchell and Co. Lith.
Живые животные Бразма, I

Я видѣлъ одного изъ этихъ замѣчательныхъ животныхъ у купца въ Хар-тумѣ, который кормилъ его молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ. Оно было совершенно незлобиво, какъ и другіе его родичи, съ нимъ можно было дѣлать все, что угодно. Днемъ ящеръ лежалъ, свернувшись въ какомъ придется углу, а ночью выходилъ и ѣлъ; молоко онъ лакалъ, часто окуная въ него языкъ; потомъ принимался за бѣлый хлѣбъ.

Къ послѣднему семейству мы относимъ трубказубовъ (*Orycteropus*). Они неуклюжія животныя; туловище ихъ толсто, неповоротливо, покрыто жидкой щетиной, шея тонкая, голова длинная и толстая съ цилиндрическимъ рыломъ; коническій хвостъ среднихъ размѣровъ; ноги короткія и сравнительно тонкія; переднія лапы 4-палыя, заднія — пятипалыя; пальцы вооружены сильными, почти прямыми, острыми на краяхъ, копытообразными когтями. Ротъ довольно великъ, глаза помѣщены далеко назадъ, уши весьма длинны. Въ молодомъ возрастѣ на верхней челюсти находится по 8 зубовъ съ каждой стороны, на нижней по 6; у старыхъ же животныхъ, напротивъ, въ первомъ случаѣ всего 5 зубовъ, а во второмъ — 4. Зубы имѣютъ цилиндрическую форму, корней у нихъ нѣтъ, строеніе волокнистое: они состоятъ изъ огромнаго количества трубочекъ, которыя на жевательной поверхности сплошны, а на противоположномъ концѣ пусты.

Капскій трубказубъ (*Orycteropus capensis*) длиной въ 2 метра, изъ которыхъ на хвостъ приходится 85 см., вѣсъ его отъ 50 до 60 килограммовъ. Кожа его очень толста и покрыта довольно рѣдкими, гладко лежащими щетинистыми волосами; на верхней поверхности тѣла волосы нѣсколько короче, чѣмъ на нижней, гдѣ они у основанія пальцевъ выступаютъ пучками; цвѣтъ очень однообразный. Спина и бока желто-бураго цвѣта съ красноватымъ отливомъ, нижняя поверхность тѣла и голова свѣтлаго красновато-желтаго цвѣта, задняя часть, корень хвоста и конечности коричневые; новорожденные животныя тѣлеснаго цвѣта.

Голландскіе поселенцы мыса Доброй Надежды дали ему названіе „земляной поросенокъ“ (*Ardvarkel*), такъ какъ его мясо вкусомъ очень напоминаетъ мясо дикой свиньи. Они издавна ревностно охотятся за нимъ и могли поэтому хорошо изучить его.

Капскій трубказубъ живетъ въ южной и средней Африкѣ, распространяясь здѣсь отъ западнаго до восточнаго берега. Образъ жизни его такой же, какъ и броненосцевъ: водится онъ преимущественно на равнинахъ, населяетъ пустынные мѣстности и степи — родину муравьевъ и термитовъ. Земляной поросенокъ — одинокое созданіе, иногда, впрочемъ, встрѣчающееся въ обществѣ себѣ подобныхъ; строго говоря, каждый трубказубъ живетъ исключительно для себя самого, днемъ покаясь въ большихъ, вырытыхъ имъ норахъ, а ночью бродя вокругъ.

Онъ невѣроятно быстро роетъ землю. Ему совершенно достаточно нѣсколькихъ моментовъ, чтобы цѣликомъ закопаться въ землю, какъ бы тверда она ни была. Подойдя къ муравейнику или кучѣ термитовъ, онъ сперва тщательно обнюхиваетъ ее со всѣхъ сторонъ; затѣмъ начинается копанье, и животное роется до тѣхъ поръ въ землѣ, пока не нападетъ на главное муравьиное гнѣздо или, по крайней мѣрѣ, на одинъ изъ главныхъ ходовъ муравейника. Въ такомъ то главномъ ходѣ животное вытягиваетъ свой клейкій языкъ, ждетъ, пока онъ не покроется совершенно муравьями, затѣмъ втягиваетъ его обратно и повторяетъ это, пока не насытится совершенно. Такимъ образомъ онъ переходитъ отъ одного муравейника къ другому, производя величайшее опустошеніе между всеразрушающими термитами. Ни одинъ врагъ не можетъ проникнуть за нимъ въ нору, такъ какъ онъ съ такой силой выбрасываетъ вырываемую имъ землю, что всякое животное ошеломленное отступаетъ. Даже человѣку трудно откопать трубказуба: охотникъ въ нѣсколько минутъ покрывается пескомъ и землей.

Трубказубъ чрезвычайно остороженъ и пугливъ; при малѣйшемъ шумѣ даже ночью онъ немедленно зарывается въ землю. Большая сила даетъ ему, впрочемъ, возможность защищаться отъ нѣкоторыхъ опасностей. Охотникъ, заставшій трубка-

зуба врасплохъ и крѣпко захватившій его, отнюдь еще не можетъ считать желанную добычу въ своихъ рукахъ. Подобно броненосцу онъ упирается съ большой силой въ стѣнки норы, хотя бы и успѣлъ влѣзть въ нее наполовину, впивается острыми когтями въ землю, сгибаетъ спину и съ такой силой выпячиваетъ ее кверху, что почти невозможно высвободить у него хоть одну ногу и вытащить за нее звѣря. Тутъ и нѣсколькимъ охотникамъ есть надъ чѣмъ поработать.

Относительно ихъ спариванія и размноженія нѣтъ еще точныхъ данныхъ.

За послѣднія десятилѣтія трубказубовъ не разъ привозили въ Европу; они выживали здѣсь, при соотвѣтственномъ уходѣ, съ годъ. Ихъ кормятъ мелко изрубленнымъ мясомъ, сырыми яйцами, личинками муравьевъ и мучной похлебкой; но все это очень неудовлетворительно замѣняетъ имъ естественную пищу.

Трубказубъ вредитъ человѣку своимъ рытьемъ только въ мѣстностяхъ, гдѣ проходятъ караваны; вообще же онъ болѣе полезенъ, чѣмъ вреденъ. Мясо напоминаетъ свинину; одни находятъ, что оно превосходно, другіе — что оно жестко и отвратительно пахнетъ; крѣпкая и толстая шкура перерабатывается на кожу.

Девятый отрядъ.

Хоботныя (Proboscidea).

Въ хоботныхъ животныхъ мы имѣемъ передъ собой исчезающій родъ, послѣднихъ представителей нѣкогда многочисленнаго отдѣла млекопитающихъ. Они представляются намъ живыми знаками болѣе ранней эпохи творенія, свидѣтелями, до насъ дошедшими, минувшихъ дней земли.

Изъ всѣхъ видовъ этого отряда, населявшихъ землю, до насъ дошли только два или можетъ быть три рода, да и они — представители лишь одного семейства; но именно они и составляютъ то звено, которое такъ наглядно связываетъ теперешнее время съ первобытнымъ міромъ: къ ихъ семейству принадлежатъ и тѣ исполины, хорошо сохранившіеся трупы которыхъ сберегъ намъ въ теченіе тысячелѣтій ледъ Сибири. Понятіе объ этомъ отдѣлѣ легче будетъ составить, бросивъ взглядъ на вымершіе виды, описываемые Неймайромъ въ его „Исторіи земли“.

Наши слоны (Elephas), единственные нынѣ еще живущіе представители одноименнаго семейства (Elephantidae), отличаются длиннымъ, подвижнымъ хоботомъ и зубами, а именно бивнями, которые принимаютъ за видоизмѣненные рѣзцы. Туловище ихъ коротко и толсто, шея очень коротка, голова круглая и выпуклая вслѣдствіе находящихся въ верхней кости черепа пазухъ; на довольно высокихъ, столбовидныхъ ногахъ пять соединенныхъ другъ съ другомъ пальцевъ и плоская, роговидная подошва.

Самый главный членъ слона — хоботь, какъ бы продолженіе носа, отличающійся подвижностью, чувствительностью и больше всего пальцевиднымъ придаткомъ на концѣ. Хоботь въ одно и то же время органъ и обонанія, и осязанія, и хватанія. Составляютъ его круговыя и продольныя мышцы, состоящія, по Кювье, изъ 40,000 отдѣльныхъ пучковъ; благодаря этимъ мышцамъ онъ способенъ ко всякаго рода поворотамъ, расширеніямъ и сокращеніямъ. Для рта онъ замѣняетъ отсутствующую у слона верхнюю губу, вообще же слону необходимъ для существованія.

Всѣ остальные члены слона, и даже его органы чувствъ менѣе замѣчательны. Глаза малы, съ робкимъ, но добродушнымъ выраженіемъ, уши, напротивъ, очень велики; ихъ можно сравнить съ лоскутами кожи. Пальцы до того тѣсно обтянуты кожей тѣла, что движеніе между ними невозможно. Они покрыты хотя и маленькими, но плотными, широкими и гладкими копытами, облекающими только концы пальцевъ.

Очень замѣчательны зубы. У слона есть въ верхней челюсти два необычайно развитыхъ бивня, но нѣтъ ни клыковъ, ни рѣзцовъ, а только обыкновенно по одному большому коренному зубу въ каждой челюсти. Этотъ зубъ состоитъ изъ довольно значительнаго количества отдѣльныхъ эмалевыхъ пластинъ, соеди-

ненныхъ между собою. Когда коренной зубъ благодаря жеванію сотрется до того, что совершенно не въ состояніи нести свою службу, то сзади его образуется новый зубъ, который постепенно подается впередъ и начинаетъ дѣйствовать до выпаденія послѣдняго остатка. Наблюдали, что эта перемѣна совершается шесть разъ, и поэтому можно сказать, что у слона за всю его жизнь бываетъ 24 коренныхъ зуба. Бивни не смѣняются, и ростъ ихъ идетъ непрерывно, благодаря чему они могутъ достигъ значительной длины и изумительнаго вѣса.

Азіатскій слонъ (*Elephas asiaticus*, *E. indicus*), на котораго мы должны смотрѣть, какъ на прототипъ этого рода и семейства, есть могучій, массивный, коренастый звѣрь, съ массивной широколобой головой, короткой шеей, мощнымъ тѣломъ и столбовидными ногами. Его голова, которую онъ держитъ почти прямо, существенно способствуетъ увеличенію того подавляющаго впечатлѣнія, которое оказываетъ этотъ звѣрь-исполинь на зрителя. Онъ мощно сложенъ и, при всей простотѣ своихъ формъ, богато одаренъ физически. Размѣры слона большей частью преувеличивались и часто указывались неправильно. Вся длина взрослыхъ слоновъ отъ кончика хобота до конца хвоста бываетъ до 7 метровъ, изъ нихъ на хоботъ, круглымъ счетомъ, приходится 2 метра, и на хвостъ $1\frac{1}{2}$ м.; высота его въ загривкѣ до 3 метровъ. Экземпляровъ большей величины найти крайне трудно. Сандерсонъ, который провелъ полъ-жизни въ должности официального представителя по слоновой промышленности въ Индіи и конечно заслуживаетъ полного довѣрія, измѣрялъ самыхъ большихъ изъ сотенъ слоновъ и такъ опредѣляетъ высоту плечъ: у двухъ самыхъ крупныхъ самцовъ—3 метра и 2,95 м. и у двухъ наиболѣе крупныхъ самокъ 2,57 м. и 2,52 м. Вѣсъ великолѣпнаго звѣря можетъ достигъ и даже превысить 4000 килограммовъ.

Индусы, безспорно лучшіе знатоки слоновъ, различаютъ по внѣшнему виду и зависящей отъ этого работоспособности, три породы слоновъ: кумиріа, двазала и міэрга—какъ они ихъ зовутъ. Кумиріа, совершеннѣйшій изъ слоновъ, массивно и пропорціонально сложенъ, имѣетъ объемистую грудь, мощное туловище и голову, прямую, плоскую и кзади покатую спину. Его глаза полны, ясны и выразительны. Какъ тѣлесно, такъ и душевно—это благородное животное, довѣрчивое и неустрашимое, съ величественными и размѣренными движеніями; оно какъ будто создано для королевской пышности и великолѣпія. Его противоположность—міэрга: сложенъ онъ некрасиво и легковѣсно, длинноногій, съ маленькой головой, свинными глазами, кривой, крутой спиной, узкой грудью и толстымъ брюхомъ, съ слабымъ, тонкимъ хоботомъ и легко повреждаемой кожей. Между этими двумя видами—самымъ благороднымъ и самымъ вульгарнымъ—середину занимаетъ двазала; эта порода встрѣчается чаще всего. Не человѣческое искусство вывело эти столь различныя породы; въ дикомъ состояніи онѣ держатся большей частью всѣ вмѣстѣ въ одномъ стадѣ, и, стало-быть, тѣсно соединены другъ съ другомъ узами крови, что мы должны заключить по всему.

Животныя свѣтлаго цвѣта или только съ свѣтлыми пятнами, такъ называемые бѣлые слоны, встрѣчаются крайне рѣдко. Въ Сіамѣ, гдѣ бѣлыя особи всякихъ животныхъ цѣнятся очень высоко, такъ какъ тамъ вѣрятъ, что эти особи—властители въ ихъ родахъ; въ Сіамѣ, гдѣ бѣлый слонъ, какъ могущественнѣйшее изъ всѣхъ животныхъ, считается священнымъ, и одинъ изъ титуловъ Короля гласитъ „Господинъ бѣлыхъ слоновъ“, и то, повидимому, можно добыть при самыхъ большихъ стараніяхъ только лишь болѣе свѣтло окрашенныхъ слоновъ; настоящаго бѣлаго слона вообще еще ни у кого не было.

Возмужалости слоны въ Индіи достигаютъ въ 25 лѣтъ, хотя еще и не достигаютъ полной силы; до полного развитія силъ слоны доходятъ приблизительно къ 35 годамъ. Слонъ способенъ къ размноженію около 20-лѣтняго возраста, у самокъ же первый дѣтенышъ родится приблизительно на 16 году; дальнѣйшее потомство появляется черезъ промежутки въ $2\frac{1}{2}$ года. Высота плечъ у новорожденныхъ слонятъ—90 см., вѣсъ ихъ на второй день въ среднемъ 90 килограммовъ. Въ теченіе 6 мѣсяцевъ они исключительно сосутъ, а затѣмъ постепенно начинаютъ ѣсть по-немногу нѣжную траву, но все же еще нѣсколько мѣсяцевъ питаются, главнымъ



Жизнь животных Брэма, I.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Азіатскій слонъ (*Elephas asiaticus*).



Жизнь животныхъ Бремъ. I.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Африканскій слонъ.

образомъ, молокомъ. Въ началѣ они выглядятъ менѣе неуклюжими, чѣмъ другія очень молодыя животныя, даже кажутся смѣшными и забавными созданіями; въ первое время своей жизни слонята держатся преимущественно подъ своей матерью или между ея ногами, и не покидаютъ этого надежнаго мѣста даже тогда, когда мать ускоряетъ свой шагъ. Повидимому, они состоятъ подъ надзоромъ родителей нѣсколько лѣтъ, до рожденія новаго потомства. Первая смѣна зубовъ бываетъ на второмъ году, вторая на 6-мъ и третья — на 9-мъ.

Родину этихъ животныхъ составляетъ большая часть лѣсныхъ мѣстностей юго-восточной Азіи: въ передней Индіи они живутъ отъ подошвы Гималаевъ до ихъ южнаго конца, далѣе въ Ассамѣ, Бирмѣ, Сіамѣ, на Малайскомъ полуостровѣ и въ меньшемъ количествѣ на трехъ ближайшихъ большихъ островахъ — Цейлонѣ, Суматрѣ и Борнео. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слонъ уже истребленъ или сдѣлался значительно рѣже, въ упомянутыхъ же областяхъ его обитанія онъ водится еще во всѣхъ очень большихъ и густыхъ лѣсахъ, какъ на горахъ, такъ и на равнинахъ.

Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что африканскій слонъ (*Elephas africanus*) долженъ быть отличаемо отъ азіатскаго. Онъ превосходитъ своего азіатскаго родича величиной, но видъ его, въ общемъ, не такъ красивъ, хотя слѣдуетъ ожидать, что мы также научимся различать среди африканскихъ слоновъ нѣсколько породъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ индусы. Его тѣло короче, но выше поставлено, чѣмъ у азіатскаго слона; плоская голова съ тонкимъ хоботомъ, громадными ушами и большими бивнями, выгнутая линія спины, узкая грудь и некрасивыя ноги — вотъ совокупность признаковъ, по которымъ можно опредѣленно отличить одного отъ другого.

Область распространенія африканскаго слона была значительно ограничена, особенно на югѣ, за наше столѣтіе; въ настоящее время она простирается отъ широты озера Чадъ на сѣверѣ до широты озера Нгами на югѣ. Прочно установить границы ея нельзя, такъ какъ слоны не только предпринимаютъ путешествія, но по временамъ также совсѣмъ перемѣняютъ мѣсто своего пребыванія, изъ одной области исчезаютъ на годы и даже десятилѣтія, и столь же неожиданно появляются въ другихъ.

Оба вида слоновъ были хорошо извѣстны въ древности; въ новѣйшія времена ихъ часто привозили живыми въ Европу. Изъ исторіи извѣстно, что первый, кто ввелъ въ употребленіе слоновъ въ битвахъ, былъ Дарій, а именно, онъ выставилъ ихъ противъ Александра Великаго. Нѣкоторыхъ изъ захваченныхъ этимъ послѣднимъ слоновъ видѣлъ лично Аристотель и поэтому могъ дать довольно точное описаніе ихъ. Съ этого времени слоны часто фигурируютъ въ Исторіи. Почти 300 лѣтъ подрядъ они употреблялись въ самой Европѣ въ безконечныхъ войнахъ, которыя вели различные народы за міровое господство, пока римляне не вышли, наконецъ, побѣдителями изъ этой борьбы. Но наряду съ азіатскими слонами употреблялись также и африканскіе; именно, кареагеняне сѣумѣли приучить къ военнымъ приѣмамъ африканскихъ слоновъ, которыхъ въ позднѣйшія времена считали неукротимыми; ими пользовались точно такъ же, какъ и азіатскими.

Римляне употребляли слоновъ, главнымъ образомъ, для гладіаторскихъ игръ. Какъ далеко шла дрессировка африканскихъ слоновъ, можно видѣть изъ того, что римскіе фокусники обучали ихъ чертить буквы грифелемъ, ходить по косо натянутому канату, носить вчетверомъ на носилкахъ пятого, разыгрывавшаго изъ себя больного, танцовать подъ тактъ, садиться за великолѣпный столъ, сервированный золотомъ и серебромъ, и обѣдать, точно соблюдая всѣ утонченныя приемы и манеры и т. п.

Въ названныхъ странахъ можно найти слона въ каждомъ болыномъ лѣсу. Чѣмъ богаче такой лѣсъ водой, чѣмъ больше, благодаря этому, онъ походитъ на первобытный лѣсъ, тѣмъ чаще попадаетъ тамъ слонъ. Однако, было бы заблуж-

деніемъ предполагать, что онъ встрѣчается единственно лишь въ такихъ лѣсахъ. Утверждали, что исполинъ царства млекопитающихъ боится влажности и высотъ; но это самымъ опредѣленнымъ образомъ опровергается научными наблюденіями. На Цейлонѣ холмистыя и гористыя мѣстности прямо таки представляютъ ихъ излюбленное мѣсто. То же вѣрно и по отношенію къ африканскимъ слонамъ. Въ странѣ богосовъ я нашелъ ихъ пометь на высотѣ 2000 метровъ и узналъ, что въ сосѣднихъ мѣстностяхъ животныя регулярно попадаютъ на самыхъ высокихъ горахъ, даже на высотѣ 3000 метр. надъ уровнемъ моря. На такой же высотѣ на Килиманджаро находили ихъ слѣды фонъ-деръ-Деккенъ, а послѣ него Гансъ Мейеръ на высотѣ 4000 м.

Прирученные слоны проявляютъ большую ловкость и неутомимую выносливость при подъемахъ на высокія горы.

Какъ ни часто встрѣчаются слоны внутри Африки, все же иногда трудно открыть ихъ мѣстопробываніе, поминутно мѣняемое ими, такъ какъ они ведутъ очень непостоянную жизнь. При такихъ перемѣнахъ мѣста они слѣдуютъ по правильно опредѣленнымъ дорогамъ или прокладываютъ себѣ новыя, хотя бы ихъ путь и долженъ былъ лежать черезъ лѣса и болота, чрезъ крутыя высоты или узкія ущелья. Вообще, кажется, строеніе почвы не представляетъ для нихъ препятствій; они переплываютъ рѣки и озера, безъ труда прокладываютъ себѣ путь въ самомъ густомъ первобытномъ лѣсу и проводятъ на твердой землѣ настоящія дороги, потому что во время походовъ они не только держатся въ сомкнутыхъ обществахъ, но строятся при этомъ въ длинные ряды, которые оставляютъ послѣ себя узкій слѣдъ. Путь ихъ идетъ обыкновенно съ высотъ къ водѣ. Вожакъ стада идетъ спокойно по лѣсу, не заботясь о поросли, которую онъ давитъ своими широкими ногами, не думая также о древесныхъ вѣтвяхъ. Въ горахъ, такъ же какъ и въ лѣсахъ, слоны пролагаютъ тропинки съ такой сообразительностью, которая можетъ привести въ удивленіе даже строителя дорогъ. Они постоянно отыскиваютъ для своего пути самые удобные проходы, широкіе и длинные. По нѣкоторымъ изъ нихъ они такъ регулярно проходятъ въ теченіе многихъ лѣтъ, что подъ ихъ ногами стираются даже твердые камни, и они какъ-бы шлифуются.

Слонъ только выглядитъ неуклюжимъ, на самомъ же дѣлѣ онъ очень ловокъ. Обыкновенно животное идетъ спокойнымъ мѣрнымъ шагомъ, какъ верблюдъ или жирафъ, и проходитъ отъ 4 до 6 километровъ въ часъ; но этотъ спокойный ходъ можетъ ускориться до того, что, благодаря удвоенной быстротѣ, дойдетъ до 15 и даже 20 километровъ. Это хоботное животное мастерски умѣетъ такъ тихо красться по лѣсу, что его совсѣмъ не слышно. „Сначала“ говоритъ сэръ Эмерсонъ Теннентъ объ азіатскихъ слонахъ, „стадо съ громкимъ трескомъ ломится по подлѣску, но вскорѣ шумъ смѣняется полной тишиной, такъ что неопытный чловекъ невольно подумаетъ, что бѣгушіе великаны сдѣлали всего лишь нѣсколько шаговъ, и затѣмъ опять остановились.“ При переходѣ черезъ очень значительныя крутизны слонъ превращается прямо въ лазающее животное. При подъемѣ въ гору дѣло идетъ еще довольно хорошо, но при спускѣ, само собой понятно, тяжелому животному приходится, благодаря своему огромному вѣсу, преодолевать большія трудности. Если бы слонъ пошелъ своимъ обычнымъ способомъ, то безусловно потерялъ бы равновѣсіе, перекинулся бы черезъ себя, и подобное паденіе стоило бы ему, пожалуй, жизни. Однако, предусмотрительное животное поступаетъ не такъ; напротивъ того, оно становится на краю обрыва на колѣни, такъ что грудь его приходитъ въ соприкосновеніе съ землей, и затѣмъ крайне осторожно выдвигаетъ переднія ноги передъ собой, пока ему не удастся отыскать гдѣ-нибудь новую точку опоры, затѣмъ подтягиваетъ заднія ноги и, такимъ образомъ, мало по малу скользя и съѣзжая, достигаетъ дна. Однако, при этомъ иногда случается, что слонъ во время ночныхъ странствованій подвергается тяжкимъ паденіямъ.

Старое повѣрье, будто слонъ не можетъ ложиться, въ корень опровергнуто тѣми экземплярами, которыхъ мы видѣли въ клѣткахъ звѣринцевъ. Тѣмъ не

менѣе нашъ исполинъ не всегда спитъ лежа, а нерѣдко стоя; когда же онъ захочетъ отдохнуть, то ложится съ той обычной легкостью, съ какой совершаетъ вообще всѣ другія движенія, или съ какой поднимается съ подстилки. Не менѣе легко плаваетъ этотъ неотесанный субъектъ; въ воду онъ бросается съ истиннымъ наслажденіемъ и можетъ погружаться на любую глубину по желанію. Въ случаяхъ надобности, онъ переплываетъ широкія и стремительныя рѣки; можетъ такъ же расположиться подъ водой, откуда затѣмъ выставляетъ надъ поверхностью воды только кончикъ хобота.

Хоботъ для слона самый важный органъ, способный къ разнообразному примѣненію. Только въ исключительныхъ случаяхъ слонъ наноситъ имъ ударъ или нападаетъ на человѣка съ его помощью, такъ какъ хоботъ самая чувствительная часть тѣла; поэтому слонъ тщательно оберегаетъ его отъ всѣхъ толчковъ и грубыхъ или опасныхъ дѣйствій, и съ этой цѣлью сворачиваетъ его какъ можно уже. Употребляется хоботъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы брать кормъ, принимать воду и препровождать и то, и другое въ ротъ, а также какъ органъ чутья и осязанія. Имъ онъ обламываетъ вѣтви и слабыя деревца, противъ болѣе крѣпкихъ употребляетъ надавливаніе ногой, а чтобы нагнуть ихъ пользуется, кромѣ хобота, также мѣстомъ головы, находящимся пониже глазъ у начала хобота. Когда слону приходится, служа человѣку, поднимать тяжелыя ноши, то онъ беретъ въ ротъ веревку, которой онѣ связаны, и тотчасъ кладетъ ее на одинъ изъ бивней, если таковые есть у него. Эти бивни также употребляются для нѣкоторыхъ дѣйствій, но всегда, какъ и хоботъ, съ большой осторожностью, и, разумѣется, не въ качествѣ рычага для перекатыванія каменныхъ глыбъ или выворачиванія корней деревьевъ. Они служатъ слону преимущественно какъ оборонительное и наступательное оружіе, но берегутся, впрочемъ, насколько возможно, такъ какъ сломать ихъ все же относительно легко.

Всѣ высшія способности слона вполнѣ согласны съ изложенными уже разсказами. Зрѣніе, повидимому, не особенно развито у него; по меньшей мѣрѣ всѣ охотники поддерживали то мнѣніе, что поле зрѣнія животнаго очень ограничено. Тѣмъ лучше зато развиты обоняніе и слухъ; вкусъ и осязаніе, какъ въ этомъ легко убѣдиться на пойманныхъ слонахъ, по меньшей мѣрѣ, относительно тонки. Объ остротѣ слуха животнаго разсказываютъ намъ всѣ охотники. Самого малѣйшаго шороха достаточно, чтобы вниманіе слона напряглось; довольно хрустнуть маленькой вѣткой, чтобы нарушить его спокойствіе. Обоняніе развито отмѣннымъ образомъ и позволяетъ животному чутъ на чрезвычайно далекія разстоянія; ни одинъ охотникъ не можетъ близко подойти къ нему съ подвѣтренной стороны. Въ хоботѣ же помѣщается и главный осязательный центръ, причемъ пальцеобразный придатокъ его на концѣ можетъ поспорить по тонкости чувствительности съ развитыми пальцами слѣпого.

Голосъ слона грудной, и звуки, которыми онъ проявляетъ свое возбужденіе, разнообразны. Желаніе выражается у него очень тихимъ мурлыканьемъ, страхъ обнаруживается въ мощномъ шумѣ, исходящемъ изъ глубины груди, испугъ — короткимъ, рѣзкимъ трубнымъ звукомъ, издаваемымъ черезъ хоботъ; если слонъ взбѣшенъ, то испускаетъ непрерывный, глубокій, шумный гортанный звукъ, переходящій при наступленіи въ трубный и пронзительный; подъ „трубнымъ звукомъ“ надо исключительно представлять себѣ громкій визгъ.

Всякое стадо слоновъ представляетъ одну семью, и наоборотъ, каждая семья представляетъ изъ себя стадо. Число его членовъ бываетъ чрезвычайно различно; такъ, стадо можетъ состоять изъ 10, 15, 20 штукъ, и даже возрастать до сотенъ головъ. Нѣкоторые путешественники говорятъ о 400 и 500 слонахъ, даже о 800 слонахъ, которыхъ они видѣли вмѣстѣ. Такъ фонъ-Хейглинъ увѣряетъ, что онъ встрѣтилъ стадо, число головъ въ которомъ, по его оцѣнкѣ, было по меньшей мѣрѣ 500, и равнымъ образомъ, сэръ Джонъ Керкъ утверждаетъ, что ему попалось однажды на Замбезе стадо въ 800 головъ. Но, конечно, въ такомъ изумительномъ множествѣ они попадаютъ лишь весьма рѣдко, и вообще, можно принять, что большая часть стадъ, найденныхъ при такихъ обстоятельствахъ,

состояла изъ слоновъ, случайно соединившихся вмѣстѣ во время большой переко-
чевки и продолжавшихъ совмѣстно путь только короткое время.

Хотя каждое замкнутое стадо образуетъ свое собственное семейство, однако, повидимому, безъ большихъ затрудненій принимаются сюда и слоны-чужаки, ка-
ковы, напимѣръ, молодые слоны и убѣжавшія прирученныя самки; при этомъ мо-
гутъ встрѣтиться и нѣкоторыя исключенія. Во всякомъ случаѣ несправедливо пред-
полагать, что такъ называемые „слоны-отшельники“ представляютъ собой изгнан-
никовъ, которые нигдѣ не могутъ найти приема. Сандерсонъ совершенно опре-
дѣленно опровергаетъ такія предположенія. Согласно ему, большая часть такихъ
животныхъ, и при томъ чаще молодые, чѣмъ старые самцы, только кажутся от-
шельниками, но на самомъ дѣлѣ по собственному почину и только временно дер-
жатся нѣсколько въ сторонѣ отъ своего стада и слѣдуютъ движеніямъ общества.
Настоящій слонъ-отшельникъ, не сходящійся больше съ себѣ подобными, попа-
дается очень рѣдко, и при томъ онъ отнюдь не злостный забіяка „рогесъ“, какъ
называютъ его англичане. Онъ часто превращается въ дѣятельнаго истребителя ра-
стеній, котораго не такъ то легко прогнать обычными средствами. Нѣкоторые
изъ этихъ одиноко ходящихъ экземпляровъ, конечно, опасны для человѣка, если
онъ неожиданно ихъ потревожитъ или внезапно нападетъ, такъ какъ они, подобно
всѣмъ животнымъ, способнымъ защищаться, идутъ противъ человѣка, такъ сказать,
подъ впечатлѣніемъ перваго испуга.

Духовныя способности слона весьма сильно преувеличивались тѣми, кто
наблюдалъ его не на свободѣ, а какъ воспитанника человѣка. Точно также и
большая часть обращающихся разсказовъ объ умѣ и смышленности ручныхъ сло-
новъ, какъ, напимѣръ, разсказъ о портномъ, подсунувшемъ однажды слону вмѣсто
обычныхъ сластей иголку, котораго потомъ вмѣстѣ съ работой слонъ, выходявшій
изъ рѣки, окатилъ грязной водою, или же о слонѣ, который поднялъ пушечное
колесо надъ упавшимъ солдатомъ, чтобъ спасти послѣдняго отъ смерти, и тому
подобныя исторіи — скорѣе всего красивыя выдумки, не наблюдавшіяся въ дѣй-
ствительности. Дико живущій слонъ навѣрное обнаруживаетъ больше простоты,
чѣмъ смышленности, а обученный, дѣйствующій какъ будто по собственному ра-
зумѣнію, на самомъ дѣлѣ исполняетъ только то, что укажетъ ему вожакъ. „Ви-
дѣли ли мы хоть разъ“, пишетъ Сандерсонъ, „чтобы дикій слонъ проявлялъ
больше смышленности, чѣмъ какое-либо другое животное? Хотя хоботъ его есть
придатокъ, при помощи котораго онъ могъ бы прекрасно охранить себя отъ грубо
устроенной, покрытой нѣсколькими палками и хворостомъ ямы, однако, онъ прямо
попадаетъ въ нее. Его товарищи въ испугѣ убѣгаютъ, хотя имъ было бы очень
легко помочь ему выйти оттуда, стоитъ только утоптать края ямы. Если туда
попадетъ молодой слоненокъ, то, хотя мать и остается вблизи его вплоть до при-
хода охотника, но ей никакъ не догадаться, какъ помочь своему дѣтенышу; ни
разу не придетъ ей на умъ наломать вѣтвей и бросить ихъ ему, чтобы онъ могъ
утолить голодь. Конечно, публика гораздо охотнѣе вѣритъ разсказамъ о томъ,
будто мать всячески помогала своему дѣтенышу, бросала ему траву для корма,
доставляла хоботомъ воду для питья, или же о томъ, что она ломала длинное
дубье и вѣтви и протягивала ихъ ему въ яму, чтобы дѣтенышъ могъ по нимъ
вылѣзти, — чѣмъ тому, что сказано выше. Далѣе, цѣлое стадо слоновъ загоняютъ
въ совершенно мало скрытыя загороженныя мѣста, гдѣ ни одинъ иной дикій звѣрь
не далъ бы себя захватить, а отдѣльныхъ слоновъ ловятъ два человѣка, которые
подкрадываются съ ручнымъ слономъ и перевязываютъ дикарю ноги. Вырвав-
шихся слоновъ можно безъ труда опять поймать подобнымъ образомъ; даже опытъ
не придаетъ имъ никакой понятливости. Такихъ фактовъ никакъ нельзя связать
съ представленіемъ, что слоны необычайно умныя животныя, а еще менѣе съ тѣмъ,
чтобы они были способны къ остроумной сообразительности. Я думаю, что не
буду несправедливъ къ слонамъ, если назову ихъ во многихъ отношеніяхъ глу-
пыми животными, и я могу самымъ увѣреннымъ образомъ утверждать, что извѣ-
стныя мнѣ исторіи о его поступкахъ, если они взяты не изъ области проявленія
его силы и дрессировки (эти дѣйствія онъ исполнялъ подъ руководствомъ своего

вожака), суть не что иное, какъ занятныя выдумки, приписывающія слону слишкомъ развитую умственную дѣятельность.

„Вотъ что я могу сказать относительно понятливости слона. Разсмотримъ теперь расположеніе его духа въ неволѣ. Я думаю, — всѣ, кто имѣлъ дѣло со слонами, согласятся со мной, если я скажу, что врядъ ли можно преувеличить оцѣнку ихъ хорошихъ качествъ, и что дурныя проявляются только въ видѣ исключенія. Лучшія качества слона — послѣдовательность, кротость и терпѣливость. Въ этомъ отношеніи ни одно домашнее животное не превосходитъ его; даже при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, — когда ему приходится выносить лѣтній зной или болѣзненную операцію, которую ему дѣлаетъ врачъ, онъ рѣдко выказываетъ хоть нѣкоторую раздражительность. Если имъ хорошо руководятъ, онъ никогда не отказывается что-либо исполнить, даже въ томъ случаѣ, когда онъ боится. Слонъ, какъ дикій, такъ и ручной, чрезвычайно боязливъ, и робость его легко вызывается всѣмъ, что ему незнакомо. Тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ имѣютъ добрыя задатки мужества, ихъ нужно только умѣть развить; это показываетъ употребленіе нѣкоторыхъ слоновъ на охотѣ за тиграми“.

Дикіе слоны выказываютъ робость во всемъ, что бы они ни дѣлали; ищутъ ли они пищу, идутъ ли лизать соль, — что они очень любятъ, — или на водопой, они постоянно двигаются съ большою осторожностью, но тѣмъ страстнѣе набрасываются на свой обѣдъ, когда убѣдятся въ своей безопасности. Они ломаютъ древесныя вѣтви, какъ бы ради удовольствія, обмахиваются ими, сгоняютъ столь ненавистныхъ имъ мухъ и затѣмъ пожираютъ эти вѣтки цѣликомъ, предварительно согнувъ ихъ нѣсколько разъ. Когда этотъ обѣдъ идетъ привольно и благодушно, то все же онъ не проходитъ тихо и безшумно, а сопровождается неистовымъ шумомъ, какъ рассказываетъ фонъ-Хейглинъ про область верхняго Нила. Ломанье вѣтвей, трескъ сучьевъ и стволовъ, низвергаемыхъ часто соединенными силами животныхъ, жеваніе, дыханіе, испражненіе, глухіе перекаты газовъ во внутренностяхъ, плескъ тяжелыхъ ногъ въ болотѣ, окачиваніе тѣла изъ хобота, хлопанье мощными ушами, нерѣдко растопыриваемыми вродѣ зонтика, треніе массивныхъ тѣлъ о стволы деревьевъ и рѣзкіе, пронзительные трубные звуки животныхъ сливаются въ оглушительное цѣлое. Этому шуму соответствуютъ не поддающіяся никакому описанію опустошенія, производимыя стадомъ слоновъ въ лѣсахъ. „Что могучая нога не вдавливаютъ глубоко въ землю“, рассказываетъ намъ авторъ, „то опрокидывается“: „слонъ вырываетъ съ корнемъ самыя крѣпкія деревья, обламываетъ ихъ сучья; подлѣсокъ въ безпорядкѣ валится подъ его ногой, какъ бы низверженный бѣшеннымъ вихремъ; стволы, болѣе столѣтія противившіеся бурямъ, ломаются, какъ тростникъ“ (?). Сучья, толщиною болѣе, чѣмъ въ плечо, пожираются слонами безъ остатка. Очень толстые сучья они обглаживаютъ совершенно или частью, но древесину бросаютъ. Въ сухихъ степныхъ мѣстностяхъ слоны также копаютъ землю для добыванія оттуда сочныхъ кореньевъ.

Къ сожалѣнію, слоны тоже принадлежатъ къ числу животныхъ, близкихъ къ вымиранію. Ихъ преслѣдуютъ не ради отмщенія за причиняемый ими вредъ, но изъ чистаго удовольствія, доставляемаго охотой или для добыванія драгоценной слоновой кости, въ силу чего противъ нихъ ведутъ истребительную войну. Въ Индіи и на Цейлонѣ стрѣляютъ слоновъ, не имѣющихъ бивней, или плохо вооруженныхъ, даже беззубыхъ самокъ и дѣтенышей чисто ради удовольствія поохотиться, а, быть можетъ, еще чаще ловятъ ихъ въ ямы, при паденіи въ которыя они нерѣдко причиняютъ себѣ такія сильныя поврежденія, что ихъ нельзя больше примѣнить для службы. Въ Африкѣ на оба хорошо извѣстные вида охотятся ради слоновой кости; охотятся на нихъ промышленники, какъ туземные, такъ и европейскіе. Къ сожалѣнію, они не всегда ихъ щадятъ, и часто бьютъ зря. Въ открытыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ южной Африкѣ, гдѣ можно гнаться на любое разстояніе за сломомъ на хорошо выѣзженной лошади, часто для охоты употребляютъ англійское военное оружіе и быстро пускаютъ въ слона одну за другой столько пуль, что онъ падаетъ. Но гдѣ употребленіе лошадей благодаря мухѣ цеце невозможно, и въ особенности въ мѣстностяхъ, покрытыхъ лѣсомъ или кустарникомъ, тамъ охо-

тятся пѣшкомъ и пользуются очень тяжелыми ружьями, гладкоствольными или тяжеловѣсными двустволками. Какъ только удастся чаще подобаться на очень близкое разстояніе къ дичинѣ, то лучше всего стрѣлять на разстояніи 30 шаговъ, съ достаточной мѣткостью, въ самую опасную для раненія часть тѣла, по возможности въ промежутокъ, съ ладонь величиной, между ухомъ и глазомъ; при очень сильномъ зарядѣ нерѣдко бываетъ довольно одной пули, чтобы убить самага крупнаго слона.

Напряженіе при охотѣ, ведущейся такимъ образомъ, конечно, настолько велико, что только самые закаленные люди могутъ вынести его; но опасность этой охоты не такъ велика, какъ это можетъ казаться. Понятно, случается, что раздраженные слоны бросаются на своихъ истребителей, и нѣкоторые, дѣйствительно, покончили свою жизнь подъ ногами лѣсныхъ исполиновъ; слоны, дѣйствительно, придя въ ярость, производятъ, даже помимо своей массы, подъ которой дрожитъ земля, неизгладимое впечатлѣніе на человѣка: свернувъ хоботъ, приподнявъ нѣсколько уши, крутя хвостомъ, онъ обрушивается съ дикимъ воемъ на своего врага; передняя часть его какъ бы вырастаетъ, во всякомъ случаѣ кажется болѣе могучей и высокой, чѣмъ прежде; на его задней части появляются длинныя болтающіяся складки; мощная масса быстро и неудержимо стремится впередъ, порывы гнѣва смѣняются криками ярости, о которыхъ ухо, не слышавшее подобныхъ звуковъ, не можетъ составить себѣ представленія. Если при такихъ обстоятельствахъ разъяренный исполинъ настигнетъ своего противника, то тотъ погибъ, неминуемо подвергаясь справедливой мести.

Нѣтъ еще основанія опасаться истребленія индійскихъ слоновъ. Такъ какъ представленія благомыслящихъ чиновниковъ побудили къ тому, чтобы способы ловли, изувѣчивающіе такое большое число животныхъ, употребляемые туземцами, были ограничены, то всякій дикій слонъ пользуется полной неприкосновенностью какъ въ Западной Индіи, такъ и въ безконечныхъ джунгляхъ и лѣсахъ, начинающихся у подошвы Гималаевъ и тянущихся до Бирмы и Сіама. Ежегодное число оффиціально зарегистрированныхъ поимокъ относительно очень мало, и поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ тѣхъ пустошахъ, которыя остаются отечествомъ толстокожихъ, въ настоящее время они такъ многочисленны, какъ только можно этого желать.

Въ Африкѣ туземцы и теперь, какъ въ незапамятныя времена, ведутъ жестокую и безжалостную охоту на исполинскую дичь. На западѣ Африки, въ области Огове, негры сплетаютъ нѣчто въ родѣ стѣнки изъ ползучихъ растений, загоняютъ въ огороженные ими мѣста слоновъ и мечутъ сотни дротиковъ — при чемъ животные стоятъ незапертыя, растерявшись отъ коварства противниковъ — въ тѣло наиболѣе крупнаго и сильнаго животнаго, пока оно не упадетъ. При такихъ лѣсныхъ охотахъ однако-жъ употребительнѣе располагать подобный заборъ широкимъ полукругомъ и по возможности быстрѣе оцѣплять зашедшихъ сюда случайно или загнанныхъ слоновъ. При этомъ вокругъ ставятъ часовыхъ и зажигаютъ огни, чтобы отгонять обратно тѣхъ животныхъ, которыя приблизятся къ загородкѣ. Хотя самому маленькому и слабому слону было бы совсѣмъ не трудно сломать шаткую и слабую загородку и отбросить плохо вооруженныхъ туземцевъ, но плѣнники не отваживаются на бѣгство. Терпѣливые охотники форменно будутъ морить ихъ голодомъ, подстрѣливать, добивать, и наконецъ, когда тѣ дойдутъ до полнаго изнеможенія силъ, истреблять.

Гораздо увлекательнѣе и человѣчнѣе всякой охоты искусство и способъ ловить слоновъ живьемъ съ цѣлью прирученія этихъ дикарей и подчиненія ихъ службѣ человѣку. Индусы — мастера этого искусства. Среди нихъ существуетъ формальный цехъ ловцовъ слоновъ, называемый паникисъ; они идутъ по слѣдамъ слоновъ подобно хорошей собакѣ, которая гонится за оленемъ по слѣду; незамѣтные для глаза европейца слѣды для нихъ составляютъ четко написанные листы понятной имъ книги. Единственное оружіе ихъ заключается въ прочной, упругой петлѣ изъ оленьей или буйволовой кожи; эту петлю, приступая къ ловлѣ, они набрасываютъ на ногу намѣченному ими слону. Производится это, когда

индусы идутъ неслышнымъ шагомъ по пути слона, и въ первый удобный моментъ связываютъ его или же накладываютъ петлю между ногъ, пока онъ спокойно стоитъ. Какъ они умудряются незамѣтно подойти къ боязливому животному — это ихъ загадка. Европейецъ не въ состояніи слѣдовать за этими людьми въ такихъ походахъ; онъ навѣрное все испортилъ бы, и долженъ поэтому довольствоваться только рассказами.

Гораздо величественнѣе и увлекательнѣе тотъ способъ ловли, который отдаетъ во власть человѣка цѣлое стадо. Для этой цѣли ждутъ обыкновенно сухого времени года, и тогда направляются съ нѣсколькими сотнями опытныхъ туземцевъ и возможно большимъ количествомъ ручныхъ слоновъ въ ту мѣстность, гдѣ можно рассчитывать на многочисленное стадо дикихъ слоновъ. Это стадо безшумно окружается цѣпью двойныхъ постовъ, на разстояніи отъ 5 до 10 килом.; посты эти разставляются, смотря по характеру мѣстности, на разстояніи 60—100 шаговъ другъ отъ друга. Считается за правило, что окруженные такимъ способомъ слоны могутъ уйти только по грубому недосмотру караульщиковъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, соблюдая полную тишину, люди дѣлаютъ слабую изгородь изъ расколотаго бамбука и т. п., по всему протяженію круга, а для себя устраиваютъ прикрытія изъ вѣтвей; съ наступленіемъ ночи зажигаютъ огни. Если подобнымъ образомъ окруженъ очень большой и богатый кормомъ и питьемъ участокъ, то въ первую ночь все это причиняетъ слонамъ только нѣкоторое безпокойство; если они приближаются къ изгороди, ихъ постоянно отгоняютъ назадъ факелами, выстрѣлами и криками. Такимъ способомъ оцѣпленіе поддерживается отъ 4 до 10 дней, т. е. до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончено одновременно съ загономъ начатое возведеніе крѣпкой изгороди „кхедда“, которую устраиваютъ внутри участка на подходящемъ мѣстѣ. Прочный частоколъ, построенный изъ стволовъ и брусевъ и достигающій 4 метровъ высоты, замыкаетъ круглое пространство, діаметромъ отъ 20 до 50 метровъ и оставляетъ узкій входъ едва въ 4 метра шириной, который можетъ закрываться тяжелой опускающей рѣшеткой; отъ него, какъ крылья, идутъ два тына, направленные въ разныя стороны на 100 метровъ въ длину. Какъ только эти сооруженія прочно устроены, начинаютъ стуживать кругъ около окруженнаго стада. Ближайшіе двойные посты обращаются къ концамъ обоихъ крыльныхъ тыновъ, стоящіе дальше всѣхъ тѣснятъ слоновъ спереди, сперва медленно и осторожно, затѣмъ быстрѣе. Какъ только животныя достигнутъ широкаго отверстія кхедда, предпринимается общій натискъ съ криками и выстрѣлами; подъ его напоромъ животныя загоняются между обоими тынами, а оттуда, черезъ узкую дверь внутрь кхедда. Опускающая рѣшетка, опора которой — веревка — перерѣзывается, падаетъ — и стадо поймано. Загонъ не всегда сходитъ гладко; иногда животныя замѣчаютъ опасность, бросаются на людей, тѣснящихъ ихъ, прорываются; ихъ нужно снова загонять, и вообще иногда вновь ихъ уже не захватить. Но какъ общее правило, разъ стадо окружено, — его удастся загнать въ западню, и несмотря на безпокойство слоновъ и случайныя попытки произвести брешь въ тыну, удержать ихъ тамъ. Когда первое смятеніе прошло, туда посылаютъ ручныхъ слоновъ вмѣстѣ съ ихъ вожаками и помощниками послѣднихъ — вязальщиками; они овладѣваютъ мало по малу животными по одиночкѣ, связываютъ по мѣрѣ надобности и вытаскиваютъ въ окружающій лѣсъ, гдѣ прикрѣпляютъ къ деревьямъ; какъ только дикари, первоначально болѣе или менѣе упрямые, привыкнуть нѣсколько къ человѣку и ручнымъ слонамъ, ихъ ведутъ по дворамъ, гдѣ и заканчиваютъ обученіе ихъ.

Въ противоположность правильнымъ пріемамъ ловли индусовъ и ихъ полному пониманію обращенію со слонами, основанному на тщательнѣйшихъ наблюденіяхъ, африканскія племена, занимающіяся ловлей, дѣйствуютъ неизмѣримо грубѣе и неискusstе. Какъ извѣстно, болѣе или менѣе правильной ловлей и торговлей занимаются только одни кочующія племена, населяющія степи, простирающіяся отъ верхняго Нила до Краснаго моря; съ 1857 г. центральнымъ пунктомъ этой торговли была Кассала. Морно, сопровождавшій Казанову въ одномъ изъ его путешествій въ Кассалу, рассказываетъ, что обитатели степей охотятся исключи-

тельно лишь на молодых дѣтенышей и своей добычей считают лишь ихъ однихъ, а матерей ихъ преслѣдуютъ и убиваютъ вышеописаннымъ способомъ. Въ то время, какъ самые искусные охотники занимаются взрослыми слонами, остальные стараются овладѣть молодымъ, набрасываютъ на него петлю, валятъ на землю и затѣмъ связываютъ по всѣмъ четыремъ ногамъ. Сами охотники возвращаются въ деревни со своихъ дикихъ поѣздокъ сквозь колючую чащу испаряпанными и изодранными, лошади ихъ хромыми и измученными и оба послѣ каждой охоты требуютъ долгаго отдыха. По увѣреніямъ Морно, даже самые молодые слоны причиняютъ часто очень значительныя затрудненія, какъ своимъ упрямствомъ во время ловли и послѣ нея, такъ и трудностью ихъ вскармливанія и дрессировки.

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ африканскій слонъ живетъ такъ же хорошо, какъ и азіатскій, даже при обстановкѣ, весьма мало соотвѣтствующей его естественнымъ потребностямъ, напримѣръ, при недостаткѣ мѣста для свободнаго движенія или соразмѣрно глубокаго и широкаго бассейна для купанья, первый ему приходится замѣщать ходьбой взадъ и впередъ или опусканіемъ и подниманіемъ ногъ, а второй — окачиваніемъ себя время отъ времени водой изъ хобота вмѣсто столь необходимой для него тины. Выдающіяся мирныя чувства слона, его податливость при обученіи, мягкость нрава подтверждаются каждымъ наблюдателемъ, знакомымъ съ этимъ животнымъ. Онъ, играя, легко обучается и „работаетъ“ охотно и покорно, и въ этомъ отношеніи составляетъ также одну изъ достопримѣчательностей сада; все это дѣлаетъ слона общепризнаннымъ любимцемъ всѣхъ посѣтителей звѣринцевъ. Количество пищи, потребное ему, очень значительно: Хаке говоритъ, что азіатскій слонъ, живущій въ зоологическомъ саду во Франкфуртѣ, которому около 43 лѣтъ отъ роду, получаетъ ежедневно 8 килогр. пшеничныхъ отрубей, 8 килогр. ржаного хлѣба, 2 кгр. рису и 25 кгр. сѣна, не считая сѣдаемой имъ при случаѣ подстильной соломы и даваемыхъ посѣтителемъ лакомствъ, въ видѣ бѣлаго и чернаго хлѣба, сахару, плодовъ и тому подобныхъ вещей. Это же животное опустошаетъ ежедневно около 16 ведеръ воды.

Мясо африканскаго слона имѣетъ вкусъ бычачьяго мяса, но гораздо болѣе жестко и волокна его много грубѣе. Негры рѣжутъ всѣ мышцы на длинныя полосы, сушатъ ихъ на солнцѣ или на огнѣ и растираютъ передъ употребленіемъ въ грубый порошокъ, который и примѣшиваютъ къ своимъ простымъ кушаньямъ. На охотахъ, происходящихъ у Ніамъ-Ніама, уничтожается по временамъ такъ много слоновъ, что потребность мяса нѣсколькихъ деревень покрывается на цѣлые мѣсяцы. „Часто“, — говоритъ Швейнфуртъ, „я видѣлъ людей, несущихъ, какъ мнѣ казалось, большія вязанки дровъ къ своимъ хижинамъ; это — они уносили свою долю слоновяго мяса, которое, будучи разрѣзано на длинныя полосы и высушено на огнѣ, приняло совершенно видъ дровъ или вѣниковъ.“

Для міровой торговли изъ всего слона важна только одна часть — слоновая кость, но за то она имѣетъ очень большое значеніе. Общая масса идущей на міровой рынокъ слоновой кости всѣхъ нынѣ живущихъ видовъ, по установленнымъ даннымъ за 1873—1883 гг., ежегодно въ среднемъ доходитъ до 868,000 килогр. Изъ этого количества Цейлонъ и Суматра доставляютъ около 2000 килогр., задняя Индія до 7000 кгр., передняя Индія — 11,000 и Африка — 848,000 килограммовъ.

Десятый отрядъ.

Непарнокопытныя (Perissodactyla).

Отрядъ непарнокопытныхъ подобно отряду хоботныхъ заключаетъ въ себѣ лишь небольшіе остатки нѣкогда очень распространеннаго вида крайне большихъ животныхъ, двигавшихся на пальцахъ, покрытыхъ копытами; у этихъ животныхъ всегда сильнѣе развитъ палецъ, соотвѣтствующій третьему пальцу пятипалыхъ животныхъ. У лошадей развитъ даже только одинъ этотъ палецъ. Зубы непарнокопытныхъ характеризуются малыми размѣрами клыковъ или полнымъ отсутствіемъ ихъ и коренными зубами, соединенными между собой по краямъ гребешками; въ обѣихъ челюстяхъ находятся рѣзцы.

Около 25 видовъ непарнокопытныхъ распространены почти по всей землѣ, за исключеніемъ Австраліи; ихъ можно раздѣлить на четыре рѣзко очерченныхъ семейства, а именно однокопытныхъ лошадей, затѣмъ тапировъ съ четырьмя копытами спереди и тремя сзади, трехкопытныхъ носороговъ и, наконецъ, дамановъ, имѣющихъ спереди 4 копыта и сзади 3. Такъ какъ въ образѣ жизни ихъ очень мало родственнаго, то описывать эти семейства вмѣстѣ, повидимому, очень неудобно.

Всѣ нынѣ живущія породы лошадей (Equidae) образуютъ настолько строго опредѣленную группу и до того сходны между собой, что ихъ можно, собственно, соединить въ одинъ родъ.

Лошади (Equus) характеризуются средней величиной, пропорціонально сильными членами, худой вытянутой головой съ большими живыми глазами, средней величины заостренными подвижными ушами и широко раскрытыми ноздрями. Шея у нихъ крѣпкая, съ сильными мышцами, туловище округлое и мясистое, волосистой покровъ мягокъ и коротокъ, но прилегаетъ плотно къ тѣлу; на зашейкѣ грива и хвостъ съ длинными волосами. Отличить лошадь отъ всѣхъ другихъ непарнокопытныхъ можно по тому, что у нея одно копыто на каждой ногѣ. Три рѣзца, шесть длинныхъ четырехгранныхъ коренныхъ зубовъ съ спиральной эмалевой складкой на жевательной поверхности, и одинъ маленькій, крючковатый, тупокопическій клыкъ (котораго иногда вовсе не бываетъ) составляютъ зубы каждой половины челюстей, какъ верхней, такъ и нижней. Органами пищеваренія служатъ: узкій пищеводъ, входъ котораго въ желудокъ снабженъ клапаномъ (это заслуживаетъ особаго вниманія), и желудокъ, представляющій собой простой, нераздѣльный, удлиненно-круглый, довольно маленькій мѣшокъ.

За первичную область распространенія лошади, остатки которой встрѣчаются въ слояхъ третичной эпохи, принимаютъ большую часть сѣвернаго полушарія. Въ Европѣ дикія лошади вымерли еще въ недавнія времена; въ Азіи и Африкѣ онѣ и понынѣ бродятъ табунами по высоколежащимъ степямъ и плоскогоріямъ. Въ Америкѣ онѣ сначала вымерли, а потомъ вновь появились въ дикомъ состояніи:

теперь есть одичалыя лошади также и въ Австраліи. Травы и другія растительныя вещества служатъ имъ пищей; въ неволѣ онѣ приучаются употреблять даже животныя вещества: мясо, рыбу, саранчу.

Всѣ лошади — живыя, рѣзвыя, подвижныя и умныя животныя, ихъ движенія привлекательны и горды. Обыкновенная походка породъ, живущихъ на свободѣ, — довольно скорая рысь, бѣгъ ихъ — относительно болѣе легкій галопъ. Онѣ относятся дружелюбно и добродушно къ другимъ животнымъ, которыя не вредятъ имъ, но отъ человѣка и очень большихъ хищниковъ уклоняются съ боязливымъ отвращеніемъ; однако въ случаѣ необходимости мужественно защищаются отъ враговъ, лягая и кусая ихъ. Размноженіе ихъ мало. Кобыла родитъ послѣ долгой беременности только одного жеребенка.

По меньшей мѣрѣ два, а, вѣроятно, три рода этого семейства поработены человѣкомъ. Никакая исторія, ни одно преданіе не рассказываетъ намъ о тѣхъ временахъ, когда лошадь впервые была превращена въ домашнее животное; нѣтъ ровно никакихъ свѣдѣній о той части свѣта, гдѣ ее впервые приручили. Полагаютъ, что приобрѣтеніемъ лошади мы обязаны среднеазиатскимъ племенамъ больше, чѣмъ кому-либо другому; но прежніе полудикіе обитатели средней Европы тоже обратили лошадь въ домашнее животное. Поэтому у насъ нѣтъ ни одного вѣрнаго указанія относительно времени и народовъ, на которомъ можно было бы остановиться.

Еще въ настоящее время по степямъ юго-восточной Европы рыщутъ табуны лошадей; нѣкоторые считаютъ ихъ дикими родоначальниками нашего домашнего животного, другіе же принимаютъ ихъ за потомковъ его, одичавшихъ впослѣдствіи. Эти лошади, называемыя тарпанами, имѣютъ въ себѣ всѣ свойства настоящаго дикаго животного; такими считаютъ ихъ и татары, и казаки. Тарпанъ — маленькая лошадь съ тонкими, но сильными ногами, бабки которыхъ длинны, довольно длинной и тонкой шеей, сравнительно толстой головой съ широкимъ носомъ, острыми, направленными впередъ ушами, и маленькими, живыми, огненными, злыми глазами; шерсть ихъ лѣтомъ коротка, густа, волниста, особенно на задней части, гдѣ ее можно назвать почти курчавой; зимой, напротивъ, густа, плотна и длинна, особенно на подбородкѣ, гдѣ она образуетъ почти бороду; грива короткая, густая, растетъ кустами, и курчавая, хвостъ средней длины. Равномѣрный соловый, желтовато-бурый и свѣтло-соловый цвѣтъ представляетъ господствующую окраску его лѣтняго покрова; зимой волосы становятся свѣтлѣе, даже иногда дѣлаются бѣлыми; волосы на гривѣ и хвостѣ выглядятъ сравнительно темнѣе. Пѣгихъ среди нихъ не бываетъ, вороные же крайне рѣдки.

Тарпаны встрѣчаются всегда табунами, въ которыхъ можно насчитать нѣсколько сотъ головъ. Обыкновенно главная масса распадается на болѣе мелкія, какъ бы семейныя общества, которыми предводительствуетъ одинъ жеребецъ. Эти косяки держатся въ обширныхъ открытыхъ высоколежащихъ степяхъ и бродятъ тамъ съ мѣста на мѣсто, обыкновенно идя противъ вѣтра. Они необычайно внимательны и пугливы, осматриваются кругомъ, высоко поднявъ голову, настораживаются, наостряютъ уши, расширяютъ ноздри и всегда вѣрно во время замѣчаютъ опасность, угрожающую имъ. Жеребецъ — единственный властелинъ общества. Онъ заботится объ его безопасности, но не терпитъ зато никакихъ непорядковъ со стороны протезируемыхъ имъ. Какъ только случится что-нибудь, жеребецъ начинаетъ фыркать и быстро поводитъ ушами, бѣжитъ съ высоко поднятой головой въ опредѣленномъ направленіи и если замѣтитъ опасность, — громко ржетъ, а за нимъ мчится оттуда весь косякъ бѣшеннымъ галопомъ. Иногда животныя вдругъ исчезаютъ, какъ бы по волшебству; это они схоронились въ какую-нибудь глубокую впадину и ожидаютъ, что будетъ дальше. Мужественные въ дракахъ и любящіе ихъ жеребцы не боятся хищниковъ. На волковъ они идутъ съ ржаніемъ и убиваютъ ихъ передними копытами. Басня о томъ, будто всѣ они становятся въ кругъ и непремѣнно бьютъ задними копытами, давно опровергнута.

Тарпана трудно приручить. Повидимому, онъ не можетъ выносить неволи. Его въ высшей степени живая натура, его сила и дикость смѣются даже надъ

искусствомъ монголовъ, знатоковъ лошадей. Такъ какъ онъ наноситъ далеко не незначительный вредъ свободнымъ конскимъ заводамъ, сманивая оттуда лошадей, за нимъ старательно и ревностно охотятся.

Вышеизложенныя данныя оставляютъ вопросъ о происхожденіи лошади нерѣшеннымъ; мнѣнія противорѣчивы. Поведеніе тарпана не доказываетъ того, чтобы онъ былъ первобытной лошадыю, такъ какъ лошади быстро и легко дичають. Убѣдительно показываютъ намъ это табуны, занимающіе южноамериканскія степи. Бросимъ на нихъ взглядъ поближе.



Тарпанъ. $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

„Основанный въ 1535 году городъ Буэносъ-Айресъ“, рассказываетъ Азара, „позднѣе былъ оставленъ. Выселяющіеся жители его не дали себѣ труда собрать всѣхъ своихъ лошадей. Такимъ образомъ, штукъ пять-семь остались тамъ и были предоставлены самимъ себѣ. Когда въ 1580 году вновь овладѣли этимъ городомъ и стали въ немъ селиться, тамъ нашли уже множество одичавшихъ лошадей, потомковъ оставленныхъ прежде; онѣ были совершенно дики. Уже въ 1596 г. каждому было разрѣшено ловить этихъ лошадей и пользоваться ими. Такого происхожденіе безчисленныхъ табуновъ, водящихся на югѣ Ріо-де-Лаплаты“. Цимарроны, какъ называли этихъ лошадей, живутъ теперь во всѣхъ частяхъ пампасовъ, водятся безчисленными табунами, въ которыхъ иногда насчитываютъ тысячи головъ.

Они несносны и вредны не потому только, что объѣдаютъ хорошія пастбища, но и потому, что сманиваютъ домашнихъ лошадей. Къ счастью, они не появля-

ются по ночамъ. Дикари пампасовъ ѣдятъ мясо цимарроновъ, а именно мясо кобылъ и жеребятъ. Иногда они ловятъ ихъ также съ цѣлью прирученія; испанцы, напротивъ, совсѣмъ не пользуются ими; рѣдко, рѣдко поймаютъ какого нибудь дикаго цимаррона, чтобы приручить его.

Въ Парагваѣ совсѣмъ нѣтъ одичавшихъ лошадей; однако жизнь лошадей этой страны ничѣмъ существенно не отличается отъ жизни любого дичка. Онѣ средней высоты, съ большой головой, длинными ушами и толстыми голеньями, только шея и туловище сложены довольно пропорціонально. Шерсть ихъ лѣтомъ коротка, зимой длинна; хвостъ и грива всегда жидки и коротки.

Лошади Южной Америки круглый годъ проводятъ подъ открытымъ небомъ. Разъ въ каждые 8 дней ихъ сгоняютъ вмѣстѣ, чтобы онѣ не отбились другъ отъ друга, изслѣдуютъ ихъ раны, очищаютъ ихъ, мажутъ коровьимъ пометомъ и время отъ времени приблизительно черезъ три года подстригаютъ жеребцамъ гривы и хвосты. Объ облагороженіи породы никто и не думаетъ.

„Обыкновенно“, говоритъ Ренггеръ, „лошади держатся группами въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, къ которымъ привыкаютъ смолоду. Каждому жеребцу даютъ 12 — 18 кобылъ, которыхъ онъ водить вмѣстѣ и охраняетъ отъ другихъ жеребцовъ. Жеребята живутъ вмѣстѣ съ матками до третьяго или четвертаго года. Матки проявляютъ къ нимъ во время періода сосанія большую привязанность и защищаютъ иногда даже отъ ягуара. Когда лошади достигаютъ двухъ или трехлѣтняго возраста, изъ молодыхъ жеребцовъ выбираютъ одного, даютъ ему молодую кобылу и приучаютъ его пастись съ ней на особомъ мѣстѣ. Лошади, принадлежащія къ одной группѣ, не смѣшиваются съ другими и такъ твердо держатся вмѣстѣ, что очень трудно отдѣлить одну пасущуюся лошадь отъ остальныхъ. Если онѣ перемѣшаются между собой, какъ это бываетъ, на примѣръ, когда ихъ всѣхъ сгоняютъ на ферму, то онѣ вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же найдутъ своихъ. Животныя обнаруживаютъ, впрочемъ, большую привязанность не только къ своимъ товарищамъ, но и къ пастбищамъ. Я видывалъ такихъ, которыя возвращались на свои привычныя мѣста, отстоявшія отъ нихъ на 80 часовъ пути. Тѣмъ удивительнѣе явленіе, что иногда лошади цѣлой мѣстности срываются и убѣгаютъ оттуда въ одиночку или группами. Происходитъ это, главнымъ образомъ, при внезапномъ наступленіи, послѣ сухой погоды, сильныхъ дождей, вѣроятно вслѣдствіе страха лошадей передъ градомъ, которымъ нерѣдко сопровождаются первыя грозы.

„Чувства этого почти дикаго животного, повидимому, острѣе чувствъ европейской лошади. Слухъ его крайне тонокъ, ночью движеніемъ ушей оно обнаруживаетъ, что слышитъ самый тихій шорохъ, для всадника совершенно незамѣтный. Зрѣніе, какъ и вообще у лошадей, довольно слабо; однако, благодаря большому упражненію при жизни на волѣ, животное достигаетъ способности различать предметы на значительномъ разстояніи. Посредствомъ обонянія лошади знакомятся со всей окружающей обстановкой. Онѣ обнюхиваютъ все, что кажется имъ чужимъ. Благодаря этому чувству онѣ приучаются узнавать своихъ всадниковъ, сбрую и навѣсъ, гдѣ ихъ сѣдлаютъ и т. п.; благодаря ему онѣ умѣютъ распознавать бездонныя мѣста въ болотистыхъ мѣстностяхъ, благодаря ему же находятъ темной ночью или когда небо сплошь заволакивается темными тучами, дорогу къ своему дому или пастбищу. Хорошія лошади обнюхиваютъ сѣдока въ тотъ моментъ, когда онъ садится, и я видѣлъ такихъ, которыя совершенно не давали сѣсть на себя или не слушались управленія сѣдока, если тотъ не бралъ съ собой пончо или плаща, который всегда носятъ мѣстные обыватели, обѣзжающіе и укрощающіе лошадей. Конечно, на очень большія разстоянія лошадь не чуетъ. Я рѣдко встрѣчалъ лошадей, которыя почуяли бы ягуара въ 50 шагахъ. Поэтому въ мѣстностяхъ Парагвая, гдѣ онѣ держатся, онѣ представляютъ самую частую добычу этого хищника“.

Жизнь одичалыхъ лошадей въ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отсюда, именно, въ льяносахъ, мастерски описалъ намъ въ немногихъ словахъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ. „Когда лѣтомъ подъ отвѣсными лучами солнца при безоблачномъ небѣ травяной коверъ этихъ неизмѣримыхъ равнинъ выгораетъ и превращается

въ пыль, почва постепенно растрескивается, словно разорванная могучимъ землетрясеніемъ. Окруженные густымъ облакомъ пыли, изнуренные голодомъ и палящей жаждой, бродятъ лошади и рогатый скотъ, — первыя, далеко вытянувъ шею, потягивая носомъ противъ вѣтра, чтобы узнать по влажности воздушной струи, нѣтъ ли гдѣ-нибудь еще не совсѣмъ высохшей лужи. Мулы стараются утолить свою жажду другимъ способомъ, болѣе разумно и хитро. Есть одно коническое многогранное растеніе, называемое „дыннй кактусъ“; подъ колючей оболочкой оно заключаетъ водянистую мякоть. Мулъ сбиваетъ прочь передними ногами эти колючки, чтобы выпить сокъ кактуса. Однако, черпать изъ этого живого растительнаго источника не всегда безопасно; часто можно видѣть животныхъ, у которыхъ переднія копыта повреждены этими кактусовыми шипами. Когда же за палящимъ зноемъ дня наступаетъ прохлада столь же долгой ночи, то даже и тогда лошади и рогатый скотъ не могутъ найти себѣ покоя. Летучія мыши, изъ породы вампировъ, преслѣдуютъ ихъ во время сна и прицѣпляются къ ихъ спинамъ, чтобы высасывать кровь.

„Но вотъ послѣ слишкомъ долгой засухи наступаетъ благодатное время дождей, и сцена мѣняется. Лошади и рогатый скотъ пасутся и наслаждаются привольемъ жизни. Въ высоко поднявшейся травѣ прячется ягуаръ: вѣрнымъ прыжкомъ хватаетъ онъ то лошадь, то жеребенка. Но вскорѣ разливаются рѣки — и тѣ самыя животныя, которыя одну часть года томились отъ жажды, должны жить теперь, какъ амфибіи. Матки съ жеребятами стягиваются на самыя высокія отмели, которыя далеко выдаются, какъ острова, надъ зеркальной поверхностью озера. Съ каждымъ днемъ суживается сухое пространство. Вслѣдствіе недостатка въ пищѣ животныя, тѣсно прижавшись другъ къ другу, плаваютъ вокругъ и питаются скудными цвѣтущими верхушками травъ, выдающимися изъ мутной коричневой воды. Много жеребятъ тонетъ, много гибнетъ въ зубахъ крокодиловъ, которые ломаютъ имъ кости своимъ хвостомъ и пожираютъ. Нерѣдко можно видѣть лошадь съ большими рубцами на ляшкахъ: это — слѣды зубовъ крокодила. Но и среди рыбъ у лошадей тоже есть опасный врагъ. Вода болотъ переполнена безчисленнымъ количествомъ электрическихъ угрей. Эти замѣчательныя рыбы настолько могучи, что ихъ сильныхъ ударовъ достаточно, чтобы убить самое большое животное, если они сразу и мѣтко разрядятъ свои баттары. Пришлось оставить степную дорогу на Ури-Туку, такъ какъ электрическіе угри до того расплодились тамъ въ одной рѣчушкѣ, что ежегодно ими поражалась масса лошадей, которыя, благодаря этому, утопали въ мелкомъ мѣстѣ“.

Несравненно болѣе опасный врагъ для табуновъ — они сами. Иногда ихъ охватываетъ чудовищный ужасъ. Тогда сотни и тысячи лошадей мчатся бѣшено прочь, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ, разбиваются о скалы или низвергаются въ пропасти. Внезапно появляются онѣ въ лагерѣ расположившихся на волѣ путниковъ, проносятся среди разложенныхъ огней, черезъ палатки и повозки, наводятъ смертельный ужасъ на вьючныхъ животныхъ, которыя срываются и навсегда уносятся этимъ живымъ потокомъ. Къ сѣверу отъ этихъ странъ число враговъ, которые отравляютъ жизнь дикихъ лошадей, увеличиваются индѣйцы. Они ловятъ ихъ, чтобы пользоваться какъ верховыми животными на охотѣ, и мучаютъ ихъ до того, что даже самая выносливая лошадь погибаетъ въ короткое время. Какъ у бедуиновъ Сахары, такъ и у индѣйцевъ лошадь часто служитъ предметомъ кровавой борьбы. У кого нѣтъ лошади, тотъ старается украсть ее для себя. У краснокожихъ конокрадъ пользуется славой. Банды воровъ по цѣлымъ недѣлямъ преслѣдуютъ кочующія племена или караваны, пока имъ не представится удобный случай угнать всѣхъ верховыхъ животныхъ. Въ Америкѣ лошадей ревностно преслѣдуютъ также ради ихъ шкуры и мяса.

Описаніе или даже простое перечисленіе всѣхъ почти безчисленныхъ расъ или породъ лошадей (*Equus caballus*) выходитъ изъ рамокъ нашего труда; кромѣ того, имѣются подробныя, объемистыя сочиненія, трактующія исключительно о лошади. Мы можемъ удовольствоваться, представивъ важнѣйшія породы.

Выше всѣхъ породъ еще и въ наши дни стоитъ арабская лошадь. „Нѣтъ болѣе благороднаго представителя чистой крови“, говоритъ графъ Врангель, „чѣмъ арабская лошадь чистой расы; она, стоя на рубежѣ между естественной и культурной породой, должна быть признана какъ естествоиспытателемъ и знатокомъ лошадей, такъ и поэтомъ за самое благородное животное всего творенія.“

По общепринятымъ требованіямъ арабовъ, благородная лошадь должна соединять въ себѣ пропорціональное сложеніе, короткія и подвижныя уши, массивную,



Скаковая лошадь. $\frac{1}{24}$ естеств. велич.

но красивую кость, не мясистую морду, ноздри „какъ львиная пасть“, прекрасные, темные иристые глаза „съ выраженіемъ, какъ у любящей женщины“, крутую и длинную шею, широкую грудь и широкій крупъ, узкую спину, округлыя заднія бедра, очень длинныя настоящія и очень короткія ложныя ребра, поджарое туловище, длинныя предплечія, „какъ у страуса“, съ мышцами „какъ у верблюда“, черныя одноцвѣтныя копыта, тонкую и рѣдкую гриву и богатый волосами хвостъ, толстый въ корнѣ и тонкій на концѣ. Лошадь должна обладать четырьмя широкими статьями: лбомъ, грудью, ягодицами и конечностями; четырьмя длинными статьями: шеей, передними ногами, брюхомъ и пахами, и четырьмя короткими: крестцомъ, ушами, стрѣлками и хвостомъ. Эти качества показываютъ, что лошадь хорошей породы и быстро бѣгаетъ, потому что въ этомъ случаѣ она походитъ строеніемъ тѣла на „борзую собаку, голубя и верблюда сразу“.



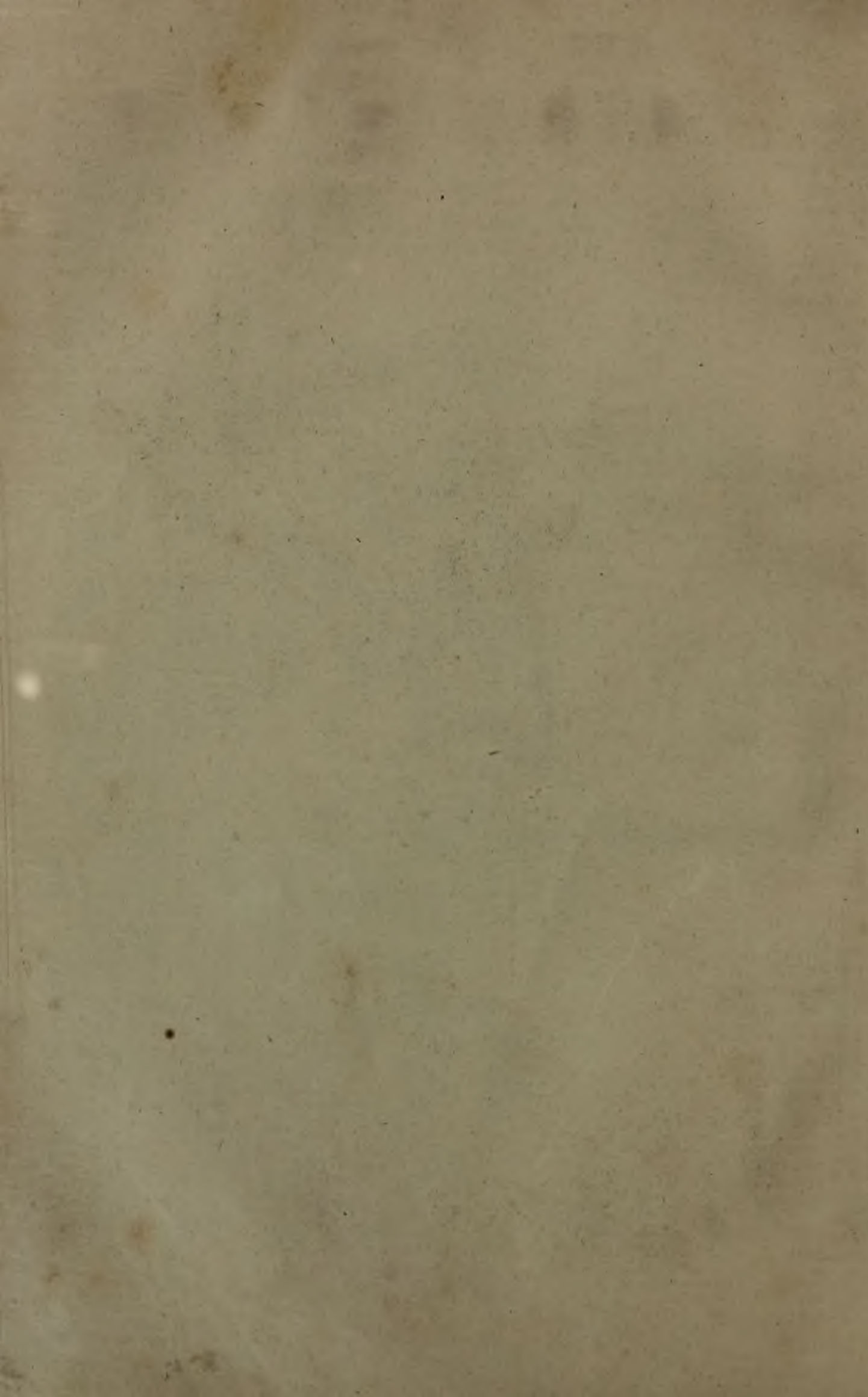
Рисунки животных Египта. I.

Арабская лошадь.

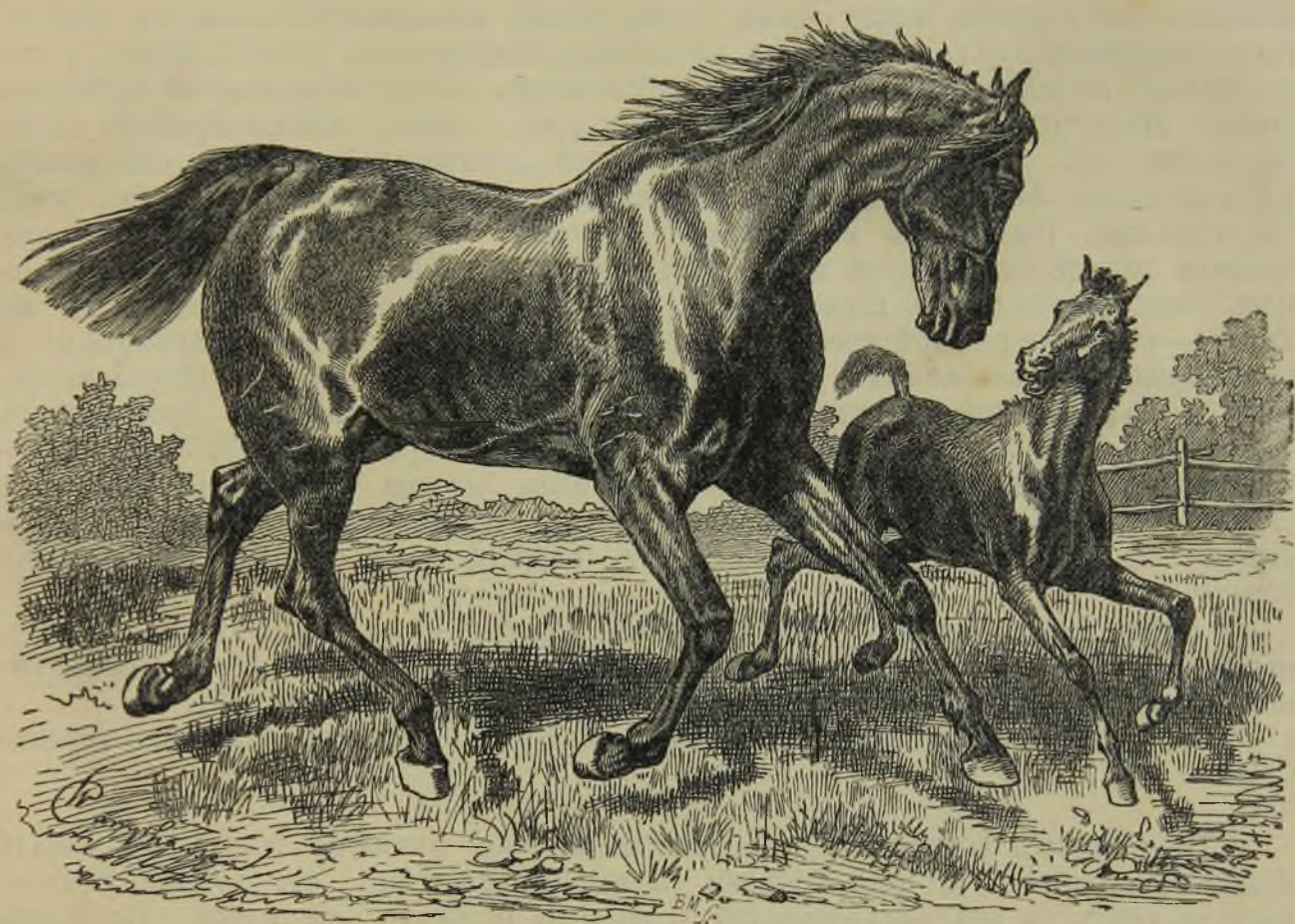
Т-во "Искусство" в СПб.

БРОУН

Композитор 1877.



Съ 18-го мѣсяца жизни начинается обученіе благороднаго созданія. Сначала проба производится наѣздникомъ - мальчикомъ. Онъ водить коня на водопой, на пастбище, чиститъ его и вообще заботится о всѣхъ его потребностяхъ. Оба учатся въ одно время: мальчикъ становится наѣздникомъ, жеребенокъ — верховымъ животнымъ. Однако, молодой арабъ никогда не броситъ довѣренную ему лошадь, никогда не потребуеъ ничего такого, чего бы она не могла выполнить. Старательно наблюдаютъ каждое движеніе животного, обращаются съ нимъ съ любовью и нѣжностью, но отнюдь не терпятъ упрямства и злости. Только тогда, когда лошади минетъ два года, на нее кладутъ сѣдло; по истеченіи третьяго года лошадь постепенно приучаютъ употреблять въ дѣло всѣ силы. И лишь по до-

Тракенеръ. $\frac{1}{25}$ естеств. велич.

стиженіи 7 лѣтъ воспитаніе ея считается оконченнымъ; по этому поводу арабская пословица гласитъ: „Семь лѣтъ я отдаю моему брату, семь лѣтъ себѣ и семь лѣтъ моему врагу“.

Арабы насчитываютъ много породъ своихъ лошадей, и каждая порода, каждая мѣстность славится особо. Въ Аравіи въ настоящее время отличаютъ 21 породу или семью, изъ нихъ самыхъ выдающихся пять (изъ этихъ пяти породъ самый древній и благородный родъ зовется „Кехиласъ“ или „Кохлани“), извѣстныхъ подъ именемъ „Камза“; это тѣ породы, которыя произошли, должно быть, отъ пяти соломоновыхъ кобылицъ.

Курьезно слушать похвалы, расточаемыя высокоблагородной лошади. „Не говори мнѣ, что это животное — мой конь; это мой сынъ! Онъ бѣжитъ быстрѣе урагана, еще быстрѣе, чѣмъ молнія проносится по равнинѣ. Онъ чистъ, какъ золото. Его глаза свѣтлы и до того остры, что онъ видитъ волосокъ въ темнотѣ. На бѣгу онъ догоняетъ газель. Орлу онъ говоритъ: я такъ же мчусь, какъ и ты тамъ, въ вышинѣ! Когда онъ замѣтитъ улыбку дѣвушки, онъ ржетъ отъ радости, а свистъ пуль возвышаетъ его сердце. Изъ руки женщины онъ приметъ даже милостыню, врага же поражаетъ копытомъ въ лицо. Когда онъ

бѣжить по желанію сердца, изъ глазъ его льются слезы. Ему все равно, чисто ли небо, или ураганъ заволокъ солнце облакомъ пыли, потому что онъ благородный конь, презирающій вихрь бури. На этомъ свѣтѣ нѣтъ другого, равнаго ему. Онъ мчится, быстрый, какъ ласточка; онъ такъ легокъ, что могъ бы танцевать на груди твоей возлюбленной, не тяготя ее. Его шагъ такъ плавенъ, что ты можешь на всемъ скаку выпить у него на спинѣ чашку кофе, не проливъ ни единой капли. Онъ все понимаетъ, какъ и сыны Адама; недостаетъ ему только рѣчи.“

„Самый благородный кровный товарищъ арабской лошади въ Европѣ — англійская чистокровная лошадь. Многіе знатоки устанавливаютъ то положеніе, что различіе между этими двумя расами заключается только въ нѣкоторыхъ видоизмѣненіяхъ, вызванныхъ единственно измѣненіемъ условій жизни, и что въ жилахъ англійской чистокровной лошади течетъ чистая несмѣшанная восточная кровь. Племенной регистръ породъ доставляетъ, однако, неопровержимое доказательство того, что, напротивъ, нѣтъ ни одной чистокровной лошади, родословную которой можно было бы вывести исключительно отъ восточныхъ предковъ, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны.“ Въ настоящее время чистокровная лошадь есть не что иное, какъ продуктъ, происшедшій отъ непрерывнаго подбора чистыхъ скаковыхъ лошадей, предварительной подготовки къ этому — такъ называемой тренировкѣ и тщательнаго спариванія, вскармливанія и воспитанія, сообразованныхъ съ этими двумя факторами.“ Какъ по тѣлосложенію, такъ и по работоспособности современная чистокровная лошадь превосходитъ своихъ предковъ въ любомъ отношеніи; такъ, существуетъ большое число лошадей, достигающихъ 1,75 метра высоты и даже больше. Наружный видъ ихъ сталъ благороднѣе и размѣры пропорціональнѣе. Англійскихъ чистокровныхъ лошадей вывозятъ во всѣ страны, гдѣ есть европейцы, съ цѣлью облагороженія породы.

Третій представитель чистокровныхъ породъ — англоарабская лошадь, происшедшая отъ непосредственнаго скрещиванія, примѣненнаго только въ новѣйшія времена, между англійской и арабской чистокровными лошадьми.

За чистокровными идутъ получистокровныя отрасли, которыхъ гораздо больше.

Въ Германіи коннозаводство обратило на себя вниманіе только въ началѣ прошлаго столѣтія. До того времени были довольны тѣмъ, что лошади появлялись на свѣтъ, а объ облагороженіи породъ не особенно заботились. Въ концѣ 17 столѣтія коннозаводство въ Германіи стояло, повидимому, повсемѣстно еще на болѣе низкой ступени, чѣмъ въ средніе вѣка, когда съ югомъ поддерживалась, какъ извѣстно, несравненно болѣе живая связь, чѣмъ позже. Въ Пруссіи первый, кто направилъ коннозаводство на вѣрный путь — былъ Фридрихъ Вильгельмъ I. Въ 1732 году онъ устроилъ конскій заводъ въ Тракененѣ, вѣрнѣе всего для того, чтобы снабдить свои конюшни хорошими лошадьми, и тѣмъ положилъ начало разумному, цѣлесообразному облагороженію старо-прусской лошади, бывшей до того въ величайшемъ забросѣ. Посредствомъ многократныхъ скрещиваній съ восточными и особенно англійскими чистокровными лошадьми былъ полученъ тракенеръ — хорошо сложенное, выносливое и, главнымъ образомъ, очень работоспособное животное; въ настоящее время, конечно, его можно назвать нѣмецкой лошадью, тѣмъ болѣе, что тракенеры оказали существенное вліяніе на размноженіе и облагороженіе всѣхъ старопруссскихъ лошадей и оказываютъ его и теперь и кромѣ того имѣютъ величайшее значеніе для годности нѣмецкой кавалеріи. „Конечно, поймутъ поэтому гордость“, пишетъ графъ Врангель, „съ которой кавалерійскій міръ Германіи показываетъ на восточную границу государства.“

Въ Германіи были выведены и другія получистокровныя породы: въ Ганноверѣ, Ольденбургѣ, Мекленбургѣ и Голштиніи. Далѣе, къ этому отдѣлу принадлежитъ: въ Австріи — липпецанеръ и кладруберъ, близко родственные испанскому получистокровному андалузцу; во Франціи — англонорманская и



Живые животные. Бремен. I.

Шотландский пони (Shetland-Pony).

Т-по „Просвѣщеніе“ изъ Сиб.

англобретанская лошадь; въ Россіи — порода орловскихъ рысаковъ, какъ извѣстные отпрыски донскихъ и черкесскихъ лошадей; въ Англіи различные виды высокоблагородныхъ верховыхъ лошадей, какъ, напримѣръ, кливелэндская лошадь, ставшая теперь столь рѣдкой; въ Америкѣ — извѣстная отрасль — мустанги. Лошади, происходящія отъ перечисленныхъ получистокровныхъ породъ, какъ и можно ожидать, очень различны и по тѣлосложенію, и по работоспособности. Онѣ принадлежатъ или къ легкимъ, или къ среднимъ, или къ тяжелымъ животнымъ и служатъ отличными верховыми или упряжными лошадьми, или же въ качествѣ крѣпкихъ рабочихъ лошадей; нѣкоторыя отличаются весьма значительной подъемной силой.

Изъ третьяго отдѣла, къ которому относятся холоднокровныя расы, здѣсь стоитъ упомянуть лишь слѣдующія тяжелыя породы: англійская клэддсдэльская и грузовая лошадь, першеронъ, арденская лошадь, пинцгауэръ, ютландская лошадь и русскій битюгъ.

Лошади самыхъ рослыхъ расъ могутъ въ зашейкѣ достигать 1,8 метра вышины и больше; ихъ противоположность представляетъ пони, которыя часто бываютъ вдвое меньше. Самая маленькая лошадь — шотландскій пони, съ густой, длинной косматой гривой и густымъ хвостомъ, часто бываетъ 90 сантиметровъ, иногда лишь 85 сантиметровъ и даже 82 сантиметра вышины, вообще, не больше крупной собаки.

Въ наше время ручная лошадь распространилась почти по всему земному шару. Ея нѣтъ только въ самыхъ холодныхъ поясахъ земли, да на нѣкоторыхъ островахъ, гдѣ человѣкъ еще не нуждается въ ней. Конскіе заводы устраиваются для разведенія дикихъ, полудикихъ и ручныхъ лошадей. Въ Россіи, на заводахъ дикихъ лошадей, онѣ предоставляются самимъ себѣ почти круглый годъ. Родившіяся при такихъ условіяхъ лошади очень выносливы, сильны и нетребовательны, но никогда не достигаютъ той красоты, какъ родившіяся и выросшія подъ присмотромъ человѣка. Заводы полудикихъ лошадей устроены такъ, что лошади съ весны до осени пасутся въ лѣсахъ и на обширныхъ пастбищахъ, зимой же ихъ держатъ въ конюшняхъ и присматриваютъ за ними; наконецъ, къ заводамъ ручныхъ лошадей относятся такіе, гдѣ воспитаніе лошадей ведется подъ самымъ строгимъ надзоромъ человѣка.

Время спариванія у лошадей начинается въ концѣ марта и продолжается до начала іюня. Кобылица черезъ 11 мѣсяцевъ производитъ одного жеребенка; онъ родится покрытымъ шерстью и зрячимъ; черезъ нѣсколько минутъ можетъ уже стоять и ходить. Ему позволяютъ только пять мѣсяцевъ сосать, рѣзвиться и играть, а затѣмъ отнимаютъ отъ матери. На первомъ году онъ покрытъ шерстистыми волосами, имѣетъ короткую, прямостоящую курчавую гриву и такой же хвостъ; на второмъ году волосы дѣлаются болѣе блестящими, грива и хвостъ — длиннѣе и глаже. Дальнѣйшій возрастъ довольно вѣрно опредѣляется по рѣзцамъ. Черезъ 8—14 дней послѣ рожденія у него появляются и въ верхней и въ нижней челюсти самые средніе зубы, такъ называемые „щипцы“; двумя или тремя недѣлями позже около „щипцовъ“ прорѣзывается еще по одному зубу съ каждой стороны, и ими пополняется число такъ называемыхъ „среднихъ“ зубовъ. Спустя 5—6 мѣсяцевъ выходятъ самые крайніе рѣзцы, и этимъ пополняются молочные или „жеребачьи“ зубы — гладкія, блестящія, бѣломолочныя образованія. Послѣ выпаденія „жеребачьихъ“ зубовъ у лошади появляются „лошадиные“ зубы. По минованіи жеребенку 2½ лѣтъ „щипцы“ выпадаютъ и замѣщаются новыми зубами; годъ спустя перемѣняются средніе зубы, а въ слѣдующемъ за этимъ году такъ называемые клыки или, правильнѣе, наружные рѣзцы. вмѣстѣ съ этимъ появленіе настоящихъ клыковъ или „крючковъ“ служитъ знакомъ, что формированіе животного завершилось. Лицо, опредѣляющее возрастъ лошади, начиная съ 5-го года, должно судить по „ямкамъ, знакамъ или бобамъ“ въ зубахъ, которыя представляютъ собой черноватыя пустоты въ ко-

ронкѣ зубовъ. Они стираются въ нижней челюсти, когда лошади 5—6 лѣтъ, на среднихъ зубахъ — къ семилѣтнему возрасту, на клыкахъ — къ 8 годамъ. Затѣмъ, въ подобной же послѣдовательности идутъ зубы верхней челюсти, пока на 11 или 12 году не исчезнутъ всѣ бобы. Такъ же постепенно съ возрастомъ измѣняется и видъ зубовъ: чѣмъ они старше, тѣмъ становятся уже.

У лошади мѣняются только короткіе, маленькіе волоса и при томъ, главнымъ образомъ, весной. Очень длинная зимняя шерсть вылѣзаетъ тогда такъ быстро, что уже главное линяніе оканчивается въ теченіе мѣсяца. Мало по малу вырастаетъ новая шерсть и въ началѣ сентября или октября начинаетъ замѣтно удлиняться. Волосы гривы и хвоста не перемѣняются.

Къ сожалѣнію благородный конь подверженъ многимъ болѣзнямъ. Самыя важныя — шпатель — опухоль, въ послѣдствіи затвердѣвающая, голено-стопного сустава; железы — вздутіе подчелюстныхъ железъ; проказа — сухая или мокрая сыпь, на которыхъ вылѣзаютъ волосы; сапъ — сильное воспаленіе носовыхъ перегородокъ, страшно заразительная болѣзнь, передающаяся даже человѣку; коллеръ, — воспаленіе мозга и круженіе головы, подобное же страданіе; бѣльмо, темная вода и другія. Кромѣ того животное мучатъ паразиты, какъ наружныя, такъ и внутреннія.

Лошадь можетъ прожить 40 лѣтъ и больше, но такъ какъ съ нею обращаются весьма часто худо, то она нерѣдко старится къ 20 годамъ; можно принять, что до 30 лѣтъ она доживаетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Я предоставляю слово Шейтлину относительно ея качествъ, привычекъ, нрава и свойствъ, короче — о ея духовной сущности. „Лошадь“, говоритъ онъ, „обладаетъ способностью различать пищу, жилище, пространство, время, свѣтъ, цвѣтъ, форму, свою семью, сосѣдей, друзей, враговъ, товарищей-животныхъ, человѣка и вещи. Она имѣетъ даръ воспріятія, силу внутренняго представленія, память, способность помнить прошлое, силу воображенія; она способна къ различнымъ чувствованіямъ, связаннымъ со многими состояніями тѣла и души. Всякое дѣйствіе имѣетъ для нея пріятное или непріятное значеніе, она бываетъ довольна обращеніемъ съ ней или же можетъ требовать иного; лошадь способна даже къ состраданію, сердечной любви и сердечной ненависти. Умъ ея великъ и легко достигаетъ большой тонкости, такъ какъ лошадь необычайно способна къ обученію.

„Ея даръ впечатлительности, память и добросердечіе позволяютъ ей перенять всѣ фокусы, продѣлываемые слономъ, осломъ и собакой. Лошадь можетъ разгадывать загадки, отвѣчать на вопросы, движеніемъ головы говорить „да и нѣтъ“, отсчитывать часы ударами ноги и пр. Она смотритъ на движенія рукъ и ногъ своего учителя, понимаетъ значеніе свиста кнута и значеніе словъ такъ, какъ будто у нея въ душѣ есть маленькій словарецъ. По слову она представитъ изъ себя больную — стоитъ тупо, растопыривъ ноги, повѣсивъ голову, печально и томно шатается, медленно и неуклюже опускается на землю, лежитъ какъ мертвая, позволяетъ на себя сѣсть, класть ей одну ногу на другую, дергать за хвостъ, совать пальцы въ столь чувствительныя уши и т. п., но стоитъ сказать, что ее отдадутъ на живодерню, она вскакиваетъ и опять готова въ путь, рѣзвая и бодрая; она вполне повинуется приказаніямъ. О томъ, нравится ли ей та шутка, которую она должна часто повторять, не думаютъ; она же сама хочетъ только бѣгать и скакать. Сколько времени надо, чтобы научить ее прыгать сквозь два большіе обруча, довольно далеко расположенныхъ другъ отъ друга, затянутыхъ бѣлой бужагой и представляющихъ ей, какъ бѣлая стѣна? Не то удивительно, что человѣкъ хочетъ и можетъ научить ее этому, но то, что лошадь можетъ научиться. Дѣйствительно, надо спрашивать: чему не можетъ научиться лошадь, а не дѣлать вопроса: чему она можетъ научиться?

„Кто хочетъ научить чему-нибудь человѣческому лошадь, тотъ долженъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, и учить ее чисто по человѣчески, не палкой, не угрозой или голодомъ, а только добрымъ словомъ, и вообще долженъ обращаться съ ней, какъ хорошій разумный человѣкъ обращается съ другими хорошими разумными людьми. Общее правило, — лошади — тѣ же дѣти, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Лошади обладаютъ кромѣ памяти на мѣста еще и способностью разли-

кулана; только тамъ, гдѣ среди обильныхъ пастбищъ есть мѣста до того бѣдныя, до того пустынные, нищенскія, что ихъ избѣгаетъ даже предшественникъ осѣдлаго человѣка, — дикая лошадь, требующая ничѣмъ не стѣсняемой свободы, чувствуетъ себя въ безопасности.

Куланъ въ значительномъ количествѣ водится въ настоящее время въ Акмолинской области, далѣе, живетъ въ степной полосѣ между Алтайскими горами и озеромъ Зайсанъ и держится къ востоку и югу оттуда во всѣхъ подходящихъ мѣстностяхъ южной Сибири и Туркестана; однако, тутъ онъ не встрѣчается въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ пустынныхъ степяхъ Монголіи и сѣверо-восточнаго Китая, или же на Тибетскомъ плоскогоріи. Общительность есть основное свойство нашей дикой лошади и всѣхъ вообще однокопытныхъ. Какъ зебра, квагга и дау присоединяются къ стадамъ африканскихъ антилопъ и страусовъ, такъ и джиггетаая можно видѣть въ обществѣ различныхъ дикихъ овецъ, тибетскихъ антилопъ и быковъ на высокихъ плоскогоріяхъ, а въ глубокихъ долинахъ они пасутся вмѣстѣ съ зубатыми антилопами и сайгой. Они живутъ въ добромъ товариществѣ и съ убѣждавшими на волю лошадьми.

Кто когда нибудь видѣлъ кулана на его родинѣ на полной свободѣ, тотъ непременно будетъ описывать его, какъ высокоодаренное животное. Очарованнымъ взоромъ слѣдишь за ихъ движеніями; глаза разгораются, и въ изумленіи стараешься уловить несравненную быстроту бѣгущихъ животныхъ. „Самое чудное зрѣлище“, говоритъ Гай, „представляютъ они, когда съ быстротой взбираются на горы и ловко спускаются оттуда, ни разу не споткнувшись. Преслѣдуемые куланы, какъ бы играя своими неистощимыми силами, мчатся черезъ холмы и долины степей“.

Такое ловкое животное легко избѣгаетъ преслѣдованія очень крупныхъ хищниковъ. Въ западно-азиатскихъ степяхъ вообще нѣтъ такихъ хищниковъ, которые могли бы угнаться за куланомъ; живущіе тамъ волки не осмѣливаются нападать на здоровыхъ дикихъ лошадей, потому что они превосходно умѣютъ пускать въ дѣло противъ врага свои сильныя копыта. Самое большее, если волки осмѣлятся напасть на больного, изнуреннаго, идущаго въ сторонѣ отъ табуна кулана. Въ южныхъ и юго-восточныхъ частяхъ области ихъ распространенія появляется, быть можетъ, тигръ въ качествѣ врага этого животного. Но самый опасный врагъ — человѣкъ. Туземные кочующіе пастухи охотятся за куланомъ со страстью, тѣмъ болѣе, что эта охота требуетъ всей ловкости охотника. Въ нашихъ зоологическихъ садахъ куланъ все еще рѣдкость, хотя за послѣдніе 20 лѣтъ его стали привозить болѣе часто, и онъ неоднократно производилъ потомство, напримѣръ, въ одномъ Парижѣ такихъ случаевъ было 16. Равнымъ образомъ куланъ послѣдовательно скрещивался съ осломъ, кваггой, зеброй, а въ новѣйшее время также съ лошадыю.

Вторая дикая лошадь Азіи, принадлежащая, быть можетъ, къ одному виду съ джиггетаемъ, есть онагръ древнихъ, не разъ упоминаемый въ Библии. По произведеннымъ Склатерсомъ сравненіямъ его съ нынѣ живущей дикой лошадыю кажется болѣе, чѣмъ вѣроятно, что водящійся въ пустыняхъ Индіи дикій оселъ ничѣмъ не отличается отъ онагра. Вмѣстѣ съ тѣмъ родина его простирается отъ Сиріи до Индіи, захватывая Аравію, Персію и Белуджистанъ.

Онагръ (*Equus [Asinus] onager*) замѣтно меньше джиггетаая, но его члены выше и тоньше, чѣмъ у обыкновеннаго осла. Голова сравнительно съ головой кулана выше и больше; толстыя губы до самаго края покрыты жесткими щетинистыми волосами, уши довольно длинны, однако короче ослиныхъ. Главный фонъ составляетъ прекрасный бѣлый цвѣтъ съ серебристымъ блескомъ; на верхней части головы, на обѣихъ сторонахъ шеи и туловища, равно какъ и на копытахъ онъ переходитъ въ блекло-соловый. По боковымъ сгибамъ тянется бѣлая полоса шириною въ ладонь; вторая полоса проходитъ по всей спинѣ и по задней сторонѣ ляжекъ; въ серединѣ ея лежитъ кофейно-бурый ремень. Волоса еще шелковистѣе и мягче, чѣмъ у лошади. Зимнюю шерсть можно сравнить съ верблюжьей, лѣтняя же очень гладка и нѣжна. Стоящая дыбомъ грива состоитъ изъ

мягкихъ, шерстистыхъ волосъ, едва въ 10 см. длиной; метелка хвоста съ добрую пядь величиной.

Образомъ жизни онагръ напоминаетъ кулана. Жеребецъ предводитель водить косяки, состоящіе изъ кобылъ и жеребятъ обоого пола. Въ быстротѣ онагръ ничуть не уступаетъ кулану.

Чувства онагра, а именно слухъ, зрѣніе и обоняніе такъ тонки, что къ нему нельзя подступиться въ открытой степи. Крайне нетребовательный, онъ ходитъ на водопой, самое большее, черезъ день, благодаря чему въ большинствѣ случаевъ его не удастся подстеречь. Солоноватая растенія — для него самая пріятная пища; наряду съ ними стоятъ горькомолочныя растенія, какъ, на примѣръ, одуванчикъ, львиный зубъ и т. п.; онъ не пренебрегаетъ также породами клевера, люцерной и другими стручковыми, но благоухающія, бальзамическія растенія, болотныя травы, ранункулы, всѣ иглистыя, а также репейникъ — ему противны. Онагръ любитъ солоноватую воду больше свѣжей, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы она была чиста, — мутной онъ никогда не пьетъ.

Относительно времени случки и родовъ ничего неизвѣстно.

Родоначальникъ нашего осла (*Equus [Asinus] asinus*) живетъ въ Африкѣ и представляется тамъ двумя породами. Первая порода (*Equus asinus africanus*) степной оселъ походитъ величиной и внѣшнимъ видомъ на своего египетскаго прирученнаго потомка, но по привычкамъ и характеру на дикаго азіатскаго родича. Онъ большого роста, тонко и красиво сложенъ, соловаго цвѣта, который свѣтлѣе на нижней поверхности; на спинѣ его видны яркія полосы, соотвѣтственно расположенію плечеваго пояса у него крестъ, а на наружной сторонѣ нижней части ногъ полосы эти болѣе или менѣе замѣтны. Грива короткая, стоитъ дыбомъ, метелка хвоста длинна и толста.

Сомальскій оселъ (*Equus asinus somalicus*) отличается отъ степного болѣею величиной и болѣе длинной висячей гривой. Онъ сѣраго цвѣта и имѣетъ на спинѣ незначительныя полосы. Креста на плечахъ нѣтъ, зато на бедрахъ есть много ясныхъ черныхъ косыхъ полосъ. Его родина — земля Сомаль. Лучше извѣстный степной оселъ водится въ пустыняхъ верхней Нубіи. Онъ часто встрѣчается на Атбарѣ, главномъ притоцѣ Нила, равно какъ и на равнинахъ Барка; область распространенія этого осла тянется до Краснаго моря. Условія жизни его здѣсь точно такія-же, какъ джиггета или онагра. Каждый жеребецъ водить косякъ изъ 10—15 кобылъ, смотритъ за ними и охраняетъ ихъ. Онъ необычайно боязливъ и остороженъ, а поѣтому и охота на него крайне тяжела. Всѣ ручные ослы, употребляемые на югѣ, и вѣроятно также абиссинскіе ослы, повидимому, произошли отъ этого вида, такъ какъ, по увѣреніямъ арабовъ, они сходны съ дикими ослиами до того, что можно обмануться.

Полосатая нога этого животнаго, а въ особенности, сомальскаго осла — достойный вниманія признакъ; благодаря ему на осла можно смотрѣть, какъ на промежуточный членъ между его азіатскими родичами и тигровыми лошадьми. Степного осла здѣсь издревле приручали, и дикія пойманныя животныя мало по малу употребляются для облагораживанія ослиной породы. Древніе римляне платили большія суммы за это облагораживаніе, арабы и по-сейчасъ дѣлаютъ это. Только у насъ ручной оселъ, благодаря постоянному пренебреженію, превратился въ настоящаго калѣку.

Если сравнить осла, который въ нашихъ странахъ ходитъ на мельницу или возить телѣжки съ молокомъ, съ его южнымъ родичемъ, то можно подумать, что это два различныхъ вида — такъ незначительно между ними сходство. Сѣверный оселъ, какъ всѣмъ извѣстно, лѣнивое, своенравное и упрямое существо, которое всѣми считается, хотя и несправедливо, символомъ упрямства и глупости; южный оселъ, особенно египетскій, напротивъ, красивое, живое, очень трудолюбивое и выносливое созданіе, почти не уступающее своей дѣятельностью лошади; онъ даже превосходитъ лошадь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Однако, тамъ и обращаются съ нимъ съ гораздо болѣею заботливостью, чѣмъ у насъ. Во многихъ южныхъ

странахъ лучшія ослиныя породы сохраняютъ въ такой же чистотѣ, какъ и самыя благородныя лошадиныя, кормятъ животныхъ очень хорошо, не обременяютъ чрезмерно въ юности и, благодаря этому, могутъ получать отъ взрослыхъ такія услуги, какихъ нашъ осель не въ состояніи оказать. Тамъ очень сильно заботятся о воспитаніи осла, и это совершенно правильно; тамъ онъ домашнее животное, въ полномъ смыслѣ слова; онъ находится какъ во дворцѣ богача, такъ и въ хижинѣ бѣдняка; осель для южанина самый необходимый слуга. Уже въ Греціи и Испа-



Степной осель (*Equus asinus africanus*). $\frac{1}{18}$ естеств. велич.

ніи встрѣчаются превосходные ослы, хотя они и стоятъ далеко ниже употребляемыхъ въ южныхъ странахъ — Персіи, Туркменіи и Египтѣ. Греческій и испанскій осель величиной походятъ на малорослаго мула; волоса ихъ гладки и мягки, грива довольно длинна, а метелка хвоста относительно очень длинна; уши длинныя, но красивыя, глаза блестящіе. Большая выносливость, легкая, быстрая походка и потряскій галопъ говорятъ за то, что эти ослы несравненны въ качествѣ верховыхъ животныхъ.

Еще гораздо красивѣе этихъ превосходныхъ животныхъ арабскіе ослы, особенно іеменскіе. Существуетъ двѣ породы ихъ: одна крупная, мощная, быстрая, весьма подходящая для ѣзды верхомъ; другая меньше, слабѣе, употребляется обыкновенно для перевозки тяжестей. Крупный осель, вѣроятно, облагородился

посредствомъ скрещиванія съ онагромъ и его потомками. Очень похожія породы существуютъ также въ Персіи и Египтѣ, гдѣ платятъ хорошія деньги за хорошаго осла. Верховой осель, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ, цѣнится дороже посредственной лошади, и за него нерѣдко платятъ 600 рублей на наши деньги. „Нельзя представить болѣе полезнаго и славнаго созданія, чѣмъ этотъ осель“, говоритъ Богумиль Гольцъ. „Здоровеннѣйшій паренъ вскакиваетъ на осла, который часто бываетъ не больше шестинедѣльнаго теленка ростомъ, и пускаетъ его въ галопъ. Эти слабо сложенные животныя идутъ превосходнымъ шагомъ, а если напрягутъ свои силы, то могутъ по цѣлымъ часамъ возить взрослого человѣка рысью и галопомъ даже въ самую сильную жару. Кажется, будто осель обладаетъ какой-то таинственной сверхестественной силой“. Верховому ослу тщательно коротко стригутъ волосы на всемъ тѣлѣ, оставляя ихъ длинными только на подреберьяхъ; кромѣ того, на его тѣлѣ выстригаютъ иногда разные завитки и фигуры, благодаря чему животныя получаютъ совершенно своеобразный видъ.

Дальше въ глубь страны, гдѣ также держатъ это полезное созданіе въ качествѣ домашняго животнаго, встрѣчается мало благородныхъ ословъ, да и тѣ привезены сюда.

Въ прежнее время на нѣкоторыхъ островахъ греческаго архипелага, а также на Сардиніи встрѣчался полудикій осель; въ настоящее время его можно еще найти въ Южной Америкѣ. Такіе ослы, стоящіе совершенно внѣ попеченій человѣка, быстро принимаютъ всѣ нравы своихъ дикихъ родичей.

Кругъ распространенія осла ясно опредѣляется вышесказаннымъ. Восточная часть передней и средней Азіи, сѣверная и восточная Африка, южная и средняя Европа и, наконецъ, Южная Америка — вотъ области, гдѣ онъ всего лучше развивается. Чѣмъ суше страна, тѣмъ лучше они себя чувствуютъ. Сырость и холодъ осель переноситъ хуже лошади.

Взда на ослахъ нигдѣ не практикуется въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Египтѣ. Здѣсь во всѣхъ большихъ городахъ усердныя животныя прямо необходимы для жизненнаго комфорта. Ими пользуются здѣсь, какъ у насъ наемными экипажами, и поэтому отнюдь не считается стыднымъ пользоваться ими. Только одни ослы приспособлены къ узкимъ улицамъ египетскихъ городовъ, для сокращенія и облегченія пути по нимъ. Поэтому въ Каирѣ всегда увидишь ихъ среди человѣческаго потока, непрерывно стремящагося по улицамъ. Погонщики ословъ въ Каирѣ составляютъ особое сословіе, форменную касту, и такъ же присущи городу, какъ его минареты и пальмы. Они необходимы какъ мѣстному жителю, такъ и иностранцу; это такой народъ, котораго нужно ежедневно благодарить и который ежедневно умѣетъ взбудоражить желчь. „Истинно“, говоритъ Богумиль Гольцъ, „и смѣхъ и горе вожжаться съ этими мальчиками-погонщиками. Съ ними нельзя держаться ровно; порой считаешь ихъ добродушными, порой злыми; то упрямыми, то услужливыми, лѣнливыми или живыми, лукавыми или простосердечными; это — цѣлое собраніе всевозможныхъ особенностей.“

„Посмотри, господинъ“, говоритъ одинъ, „на этого осла, котораго я тебѣ предлагаю; онъ настоящій паровозъ! и сравни съ другими, которыхъ навязываютъ тебѣ остальные мальчики! Они лопнутъ подъ тобой, потому что это — жалкія созданія, а ты сильный человѣкъ! А мой! Для него пустяки промчатъ тебя, какъ газель.“ „Это каирскій осель“, говоритъ другой, „его дѣдъ была газель, а прабабка — дикая лошадь. Эй, ты, каирецъ, мчись и докажи господину мои слова! Не посрами своихъ родителей, иди, Бога ради, моя газель, моя ласточка!“ Третій хочетъ перебить первыхъ, величая своего осла „Бисмаркомъ“, „Мольтке“, и все продолжается въ томъ же тонѣ, пока не сядешь, наконецъ, на какое-нибудь животное. Его пускаютъ въ галопъ или при помощи неподражаемаго шелканья и хлопанья, или же толчками, пинками и ударами заостреннаго стрекала, а сзади него мчится мальчикъ, вопя, крича, пришпоривая, ударяя его, не щадя своихъ легкихъ, какъ и бѣгущій передъ нимъ осель. Такимъ образомъ несешься между животными и всадниками, среди уличныхъ повозокъ, навьюченныхъ верблюдовъ, каретъ и пѣшеходовъ, и осель ни на одно мгновеніе не теряетъ веселости, а



Жизнь животных. Бранд. I.

Зебра.

RILLNER sc.

Т-но „Просвѣдѣніе“ въ Спб.

мовъ и проходить съ этой ношей ежедневно отъ 20 до 28 километровъ. При этомъ у него совсѣмъ почти не замѣчается истощенія силъ, даже во время очень длиннаго пути, и притомъ, если кормъ скуденъ и до того плохъ, что лошадь не стала бы его ѣсть.

Еще въ самое недавнее время утверждали, что и мулъ и лошакъ бесплодны. Однако, это не всегда вѣрно. Уже съ древнѣйшихъ временъ извѣстны примѣры, что ублюдки лошади и осла въ свою очередь производили потомство. Равнымъ образомъ и въ новѣйшее время есть много наблюдений, ставящихъ внѣ всякаго сомнѣнія плодovitость ублюдковъ; такъ за два послѣднія десятилѣтія въ парижскомъ зоологическомъ саду эти ублюдки оказались плодovitыми до второго поколѣнія.

Одинъ древнѣй римскій писатель рассказываетъ, что Каракалла велѣлъ привезти въ Римъ въ 211 году нашей эры, кромѣ тигровъ, слоновъ и носороговъ, еще тигровую лошадь (гиппотигра), которую и убилъ собственноручно. Что римскій писатель подъ названіемъ „тигровой лошади“ могъ подразумѣвать только какой-нибудь изъ видовъ африканскихъ полосатыхъ дикихъ лошадей, въ этомъ трудно сомнѣваться. Среди полосатыхъ лошадей различали пять видовъ; правильно ли это, — пока остается нерѣшеннымъ.

Квагга (*Equus quagga*) своей наружностью больше походитъ на лошадь, чѣмъ на осла, но замѣтно стоитъ ниже дау. Тѣло ея сложено очень хорошо, голова красива, средней величины; уши короткія, ноги сильныя. По всей шеѣ поднимается короткая прямая грива, рѣпица хвоста покрыта волосами, метелка же длиннѣе, чѣмъ у всѣхъ прочихъ тигровыхъ лошадей, однако, значительно короче, чѣмъ у настоящей лошади; въ остальномъ волосяномъ покровѣ она также походитъ на лошадь; шерсть коротка, плотно прилегаетъ къ тѣлу. Основной цвѣтъ шкуры коричневый, на головѣ онъ темнѣе, а на спинѣ, крестцѣ и бокахъ свѣтлѣе; животъ, внутренняя поверхность паха и хвостъ чисто бѣлаго цвѣта. Черезъ голову, шею и плечи проходятъ сѣровато-бѣлыя полосы съ краснымъ отливомъ; на лбу и вискахъ онѣ идутъ въ продольномъ направленіи и расположены тѣсно другъ около друга, а на щекахъ направляются поперекъ и разстояніе между ними нѣсколько шире. Между глазами и ртомъ полосы образуютъ треугольникъ. На шеѣ такихъ полосъ считаютъ десять, онѣ же видны и на гривѣ, на плечахъ четыре и на туловищѣ еще одна, которая становится блѣднѣе и короче по мѣрѣ приближенія къзади. Вдоль всей спины, въ направленіи къ хвосту, тянется черно-бурая полоса, окаймленная съ обѣихъ сторонъ сѣро-краснымъ. Уши покрыты на внутренней поверхности бѣлыми волосами, снаружи желтовато-бѣлыми и имѣютъ одну темно-коричневую полосу. Оба пола очень похожи другъ на друга, только самка нѣсколько меньше, и хвостъ у ней покороче. Взрослый самецъ бываетъ до 2 метровъ, а вмѣстѣ съ хвостомъ, до 2,6 м. длины; вышина его въ загривкѣ доходитъ до 1,3 метра.

Тигровая лошадь Бурчелля (*Equus burchellii*) или дау несомнѣнно самая благородная изъ своихъ родичей, такъ какъ больше всѣхъ своимъ видомъ походитъ на лошадь; ростомъ она немного меньше квагги. Мягкая, гладколежащая шерсть сверху соловаго, а снизу бѣлаго цвѣта. Отъ ноздрей идутъ четырнадцать тонкихъ черныхъ полосъ. По срединѣ спины вдоль пробѣгаетъ черная полоса съ бѣлыми каймами, черезъ шею тянется десять черныхъ широкихъ, иногда отдѣленныхъ другъ отъ друга полосъ; ноги, обыкновенно, однороднаго бѣлаго цвѣта.

Зебра или горная лошадь (*Equus zebra*) почти такой же величiny, какъ предыдущая; полосы у нея по всему тѣлу, въ силу чего ее легко отличить отъ дау. По тѣлосложенію у нея меньше сходства съ лошадью, а скорѣе съ осломъ, а именно, больше всего съ джиггетаемъ. Тѣло, покоющееся на тонкихъ, хорошо сложенныхъ ногахъ, полное и могучее, шея выгнутая, голова короткая, морда толстая,

хвостъ средней длины; волоса зебры на большей части тѣла коротки, и только на концѣ его длинны, такъ что походятъ на ослиный хвостъ; грива густая и очень короткая. По бѣлому или свѣтло-желтому грунту проходятъ отъ морды почти до копытъ поперечныя полосы блестящаго чернаго или красно-бураго цвѣта; полосъ нѣтъ только на нижней сторонѣ брюха и внутренней сторонѣ верхней части ногъ. Темная черно-бурая продольная полоса есть также на спинѣ; вторая проходитъ вдоль нижней поверхности тѣла.

Собственно отечество тигровыхъ лошадей — западная и южная Африка; въ очень узкой экваторіальной области западной Африки и во всей области Конго, за исключеніемъ самой отдаленной юго-восточной части его, ихъ нѣтъ. Квагга



Дау (*Equus burchellii*). $\frac{1}{16}$ естеств. велич

водится къ сѣверу отъ Капланда до Калагари, какъ въ нѣмецкой юго-западной Африкѣ, такъ и въ государствѣ Трансвааль. Ближе къ Замбези и Кунене попадаетъ пестрая квагга (Бурчелліева или Чапманова тигровая лошадь).

Зебра, напротивъ, водится далеко отъ этихъ животныхъ, такъ какъ предпочитаетъ горныя страны. Она встрѣчается въ наше время въ Капландѣ и дальше къ сѣверо-западу до Бенгуэллы и къ востоку, приблизительно до 12° южной широты.

Тигровыя лошади живутъ обществами. Обыкновенно, повидимому, соединяется отъ 10 до 30 штукъ; много разъ, впрочемъ, рассказывали объ обществахъ, гдѣ ихъ насчитывались сотни; въ такомъ количествѣ ихъ, вѣроятно, видѣли во время переселеній. Каждый видъ встрѣчается всегда отдѣльно. Быть можетъ, тигровая лошадь боится родичей; однако, другихъ животныхъ онѣ не избѣгаютъ. Такъ, всѣ наблюдатели согласно рассказываютъ, что въ стадахъ кваггъ почти регулярно встрѣчается пестрый козелъ и прыгунъ, гну и страусъ, и даже буйволъ. Должно быть, страусы въ особенности постоянно сопутствуютъ упомянутымъ дикимъ лоша-

дямъ, такъ какъ послѣднія умѣютъ извлекать большую выгоду изъ чуткости и осторожности этихъ исполинскихъ птицъ.

Всѣ тигровыя лошади необыкновенно быстрыя, чуткія и пугливыя животныя. Онѣ мчатся съ быстротой вѣтра, какъ по равнинамъ, такъ и по горамъ.

Хорошему ѣздоку-охотнику не трудно догнать такое замкнутое мчащееся стадо, но отдѣльному коню такъ же легко убѣжать отъ самаго быстрого охотника. Рассказываютъ, что молодыя квагги, если преслѣдователю удастся ворваться въ стадо со своей лошадыю и отдѣлить жеребятъ отъ матерей, охотно даютъ поймать себя и слѣдуютъ за лошадыю, какъ до того шли за своей матерью. Вообще, по-видимому, существуетъ извѣстнаго рода дружелюбіе между тигровыми лошадыми и однокопытными домашними животными. По меньшей мѣрѣ, обыкновенная и пестрая квагга иногда слѣдуютъ за конями путешественниковъ и спокойно пасутся среди нихъ.

Тигровыя лошади не особенно разборчивы въ пищѣ, но не обладаютъ, однако, невзыскательностью осла. Ихъ родина даетъ имъ достаточное содержаніе, и если въ одномъ мѣстѣ кормъ истощается, онѣ отыскиваютъ другія благопріятныя мѣста.

Голосъ тигровой лошади отличается сколько отъ ржанія лошади, столько же и отъ рева осла. По описанію Кювье, квагга испускаетъ около 20 разъ гласную „оа, оа“, другіе путешественники передаютъ его „кве, кве“ или „квехе“, и отсюда объясняютъ намъ ея готтентотское имя; у дау можно слышать короткіе звуки, похожіе на „іу, іу, іу“; эти звуки онѣ рѣдко повторяетъ болѣе трехъ разъ кряду, по крайней мѣрѣ, въ неволѣ.

Всѣ чувства тигровыхъ лошадей очень остры. Даже малѣйшій шорохъ не ускользаетъ отъ ихъ уха; ихъ глазъ крайне рѣдко можно обмануть. Всѣ породы обладаютъ довольно сходными чертами характера. Безграничная привязанность къ свободѣ, рѣзвость, нѣкоторая дикость, даже нѣкоторый норовъ, высокое мужество общи имъ всѣмъ. Храбро обороняются онѣ, кусаясь и лягаясь, отъ нападеній хищниковъ. Какъ хорошо извѣстно, гіены не трогаютъ ихъ. Вѣроятно только могучему льву удастся подчасъ овладѣть тигровой лошадыю. Наглый леопардъ нападаетъ, конечно, только на болѣе слабыхъ. Но самый сильный врагъ ихъ человѣкъ. Трудность охоты и прекрасная шкура животного, имѣющая много примѣненій, побуждаетъ европейца къ преслѣдованію совершенно безвреднаго для него дикаго животного. Европейцы бьютъ тигровыхъ лошадей пулями, туземцы дротиками; чаще же всего прелестныя животныя попадаютъ въ западни — ямы, послѣ чего ихъ легко убить или же взять въ неволю.

Мнѣніе, будто тигровыя лошади неспособны къ прирученію, несправедливо. Этими великолѣпными животными еще не занималась достаточно вѣрная рука. Нѣкоторыя попытки удавались, другія не достигали успѣха. Большею частью квагги приучаются къ возкѣ и переноскѣ тяжестей: въ Англіи настолько обучили пару этихъ прекрасныхъ животныхъ, что ихъ можно было запрягать въ легкій экипажъ и ѣздить, совсѣмъ какъ на нашихъ лошадяхъ. Другія данныя противорѣчатъ этому. Шпаррманъ рассказываетъ объ одной попыткѣ, которую произвелъ съ тигровыми лошадыми одинъ богатый капскій поселенецъ. Господинъ этотъ оставилъ на воспитаніе нѣсколько штукъ пойманныхъ зебръ и, по-видимому, былъ доволенъ ихъ поведеніемъ. Въ одинъ прекрасный день у него явилась мысль запречь въ свой экипажъ великолѣпныхъ домашнихъ животныхъ. Онъ самъ взялъ вожжи и отправился на своихъ рысакѣхъ; ѣзда должна была окончиться очень быстро: счастливый владѣлецъ зебръ тотчасъ же вновь очутился въ стойлѣ своихъ животныхъ, а рядомъ съ нимъ и повозка, разбитая вдребезги.

Эта и другія подобныя попытки привели въ изумленіе капскихъ поселенцевъ и внушили имъ убѣжденіе, будто приручить тигровыхъ лошадей нельзя; но ни одинъ разумный наблюдатель не сомнѣвается въ томъ, что мы все-таки со временемъ сумѣемъ употребить себѣ на службу тигровыхъ лошадей. Барроу утверждаетъ, что результатъ получится вѣрный, если взяться за дѣло съ большимъ терпѣніемъ и благоразуміемъ, чѣмъ голландскіе крестьяне Капланда.

Всѣ тигровыя лошади безъ затрудненія переносятъ неволю въ Европѣ. Если ихъ держать на хорошемъ корму, то онѣ чувствуютъ себя хорошо, и если съ ними

хорошо обращаться, то онѣ производятъ потомство даже въ самой тѣсной неволѣ. Выяснилось, что тигровая лошадь можетъ плодотворно сокоупляться не только съ себѣ подобной, но также съ другими однокопытными. До сихъ поръ получены уже слѣдующіе ублюдки: зебры и ослицы, осла и зебры, полуосла съ кобылицей зебры, полуосла съ кваггой и ослицей, ублюдка отъ зебры и ослицы, а также ублюдка отъ осла и кобылицы зебры съ пони. Такимъ образомъ, эти случаи доказываютъ, что ублюдки могутъ взаимно оплодотворяться.

Ближе всѣхъ къ лошадямъ, по нашему мнѣнію, стоитъ семейство тапировъ (*Tapiridae*). Тапиры сравнительно небольшія, неуклюже сложенные животныя; глазъ, опытный въ опредѣленіи естественнаго сродства, увидить непосредственное соотношеніе между ними и лошадьми. Они характеризуются довольно хорошимъ сложеніемъ тѣла, удлинненной узкой головой, тонкой шеей, короткимъ хвостомъ, въ видѣ обрубка, и сильными ногами, средней высоты. Уши стоятъ прямо, коротки и довольно широки, косолежащіе глаза, напротивъ, малы. Верхняя губа удлинняется на подобіе хобота и далеко выдается впередъ надъ нижней губой. Сильныя ноги обладаютъ копытами, переднія четыремя, а заднія тремя. Крѣпкая шкура повсюду гладко лежитъ на тѣлѣ. Волоса коротки, но густы, у американскихъ видовъ образуютъ нѣчто въ родѣ гривы на пространствѣ отъ головы до затылка, гдѣ они болѣе длинны. Зубы состоятъ изъ 6 рѣзцовъ и одного клыка въ каждой челюсти, 7 коренныхъ зубовъ въ верхней и 6 въ нижней челюсти. Скелетъ отличается сравнительно легкими формами.

Съ большинствомъ американскихъ видовъ этого семейства мы знакомы уже съ давнихъ поръ, но другіе виды были открыты, описаны и классифицированы только въ новое время. Странно, что американскій тапиръ сперва былъ описанъ въ научныхъ книгахъ, тогда какъ относительно индійскаго тапира мы узнали кое-что положительное только въ началѣ этого столѣтія. Онъ былъ тоже давнымъ давно извѣстенъ, но, конечно, не намъ, а китайцамъ, которые упоминаютъ его въ своихъ ученыхъ книгахъ и учебникахъ. На тапирахъ тоже оправдывается общее правило — что наблюдается почти регулярно при вымираніи какихъ либо семействъ какъ .Старого, такъ и Нового Свѣта, — древніе виды по своей внѣшности гораздо благороднѣе, даже можно сказать, что они болѣе совершенныя животныя въ сравненіи съ животными, обитающими въ Новомъ Свѣтѣ.

Чепрачный или индійскій тапиръ (*Tapirus indicus*) — какъ мнѣ думается назвать его — отличается отъ своихъ родичей наиболѣе крупными размѣрами, относительно болѣе худощавымъ тѣлосложеніемъ и головой, болѣе сжуженной въ лицевой части и болѣе выпуклой въ черепной, болѣе длиннымъ и сильнымъ хоботомъ и болѣе мощными ногами, отсутствіемъ гривы и, наконецъ, своимъ цвѣтомъ. Особенно важнымъ для характеристики животнаго представляется мнѣ строеніе его хобота. Тогда какъ у американскихъ видовъ онъ явственно отходитъ отъ морды и закругляется въ видѣ трубки, у чепрачнаго тапира верхняя половина рыла незамѣтно переходитъ въ хоботъ, сѣченіе котораго имѣетъ такой же видъ, какъ и сѣченіе слоновяго хобота, т. е. на верхнемъ краѣ закруглено, а на нижнемъ, наоборотъ, срѣзано прямо.

Очень характерна окраска въ высшей степени ровнаго волосяного покрова; основнымъ фономъ можно считать чистый глубокочерный цвѣтъ; изъ него выдѣляется рѣзко отграниченный чепракъ сѣровато-бѣлаго цвѣта. Вся длина одной взрослой самки, по точнымъ измѣреніямъ, доходила до 2,5 метровъ, считая тутъ же хвостъ, похожій на обрубокъ, въ 8 сантим.; высота плечъ 1 метръ и крестца — 1,05 метра. Родина этого животнаго Теннасеримъ и Сіамъ, приблизительно отъ 15° сѣверной широты къ югу, Малайскій полуостровъ, Суматра и Борнео.

Странно, что о чепрачномъ тапирѣ мы получили кое-какія опредѣленные свѣдѣнія лишь съ 1819 года, а именно благодаря Кювье, несмотря на наши оживленные сношенія съ Индіей и южной Азіей

Въ 1820 году попали въ Европу первая шкура, скелетъ и различныя части внутренностей этого еще до сихъ поръ малоизвѣстнаго созданія. Съ того времени мы узнали еще кое-что о тапирѣ, но не можемъ, однако, похвастаться, чтобы наши свѣдѣнія о немъ были полны. Относительно жизни тапира на волѣ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, точно также никоимъ образомъ нельзя признать исчерпанными наблюденія надъ его жизнью въ неволѣ. Штерндалъ называетъ его пугливымъ и охотно скрывающимся созданіемъ, однако, тапиръ, пойманный въ юномъ возрастѣ, легко можетъ быть прирученъ и способенъ къ сильной привязанности.

Короткая грива и одноцвѣтный волосяной покровъ отличаютъ тапира, извѣстнаго въ Бразиліи подъ названіемъ анта или данта (*Tapirus terrestris*). Съ этимъ то видомъ семейства мы всего раньше познакомились. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ открытія западнаго полушарія путешественники стали говорить объ одномъ большомъ животномъ, которое они принимали за нильскую лошадь, и мѣстные изслѣдователи дали поэтому ему названіе землянсго гиппотамы (*Hippopotamus terrestris*). Первый, кто далъ очень точное описаніе, почти портретъ его — былъ, около середины XVIII столѣтія, высокоуважаемый маркиграфъ Либштадскій. Позднѣйшіе путешественники и изслѣдователи восполнили первое изображеніе, и въ настоящее время о немногихъ животныхъ мы освѣдомлены лучше, чѣмъ объ этомъ тапирѣ. Довольно ровный волосяной покровъ, принимающій видъ щетинистой гривы только начиная съ середины верхней части головы, вдоль затылка и кончая плечами, но и тутъ не особенно длинный, покрываетъ тѣло. Окрашенъ онъ въ черноватый, сѣро-бурый цвѣтъ, нѣсколько болѣе свѣтлый на бокахъ головы, особенно же на груди и шеѣ; ноги и хвостъ, средняя линія затылка и спины кажутся болѣе темными; уши имѣютъ бѣловато-сѣрую кайму. Встрѣчаются и различныя отклоненія; попадаются соловые, сѣрые, желтоватые и коричневатые экземпляры. У молодыхъ животныхъ только спина такого же цвѣта, какъ бываютъ старыя животныя; верхняя сторона головы густо усажена бѣлыми круглыми пятнами, и вдоль каждой стороны тѣла пробѣгаютъ четыре непрерывныя пунктирныя черты болѣе свѣтлаго цвѣта, переходящія и на конечности. По мѣрѣ того, какъ животныя подрастаютъ, эти пятна становятся длиннѣе, принимаютъ форму полосъ и подъ конецъ второго года совершенно исчезаютъ. По измѣреніямъ Чуди тапиръ можетъ достигъ 2 метровъ длины и 1,7 метра вышины, по Капплеру же высота его плечъ при той-же длинѣ тѣла въ 2 метра, доходитъ лишь до 1 метра. Удивительно, что размѣры эти свойственны не только мужскимъ, но и женскимъ особямъ, послѣднія даже мы должны считать нѣсколько болѣе крупными.

По новымъ изысканіямъ отечество тапира нужно ограничить югомъ и востокомъ Южной Америки; на сѣверѣ и западѣ южной половины, равно какъ и въ центральной Америкѣ, его замѣняетъ близкій родичъ, принадлежащій, однако, къ другому виду, различить который легко.

Въ основаніе описанія жизни тапира мы должны положить свѣдѣнія, добытыя Азарой, принцемъ фонъ-Видъ, Ренггеромъ, Чуди, Шомбургомъ и другими относительно американскихъ видовъ, относительно же жизни чепрачнаго тапира нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Кромѣ того, всѣ виды настолько сходны между собой, что довольно описать образъ жизни и поведеніе одного изъ нихъ.

Всѣ тапиры держатся въ лѣсу и боязливо избѣгаютъ голыхъ или открытыхъ мѣстъ въ немъ. Къ тому же, тапиры относятся къ темъ животнымъ, которыя сами первыя отступаютъ передъ натискомъ человѣка и глубже уходятъ отъ него въ лѣса, тогда какъ весь остальной животный міръ тропиковъ — по словамъ Гензеля о Южной Америкѣ — наоборотъ, стремится къ обработаннымъ мѣстамъ лѣса. Въ чащѣ южно-американскихъ лѣсовъ тапиры прокладываютъ правильныя тропинки,

которые очень трудно отличить отъ тропинокъ индѣйцевъ; неопытный легко можетъ обмануться и пойти на свою гибель по этимъ тропинкамъ. Этими лѣсными дорогами животныя пользуются до тѣхъ поръ, пока не нарушится ихъ покой; испугавшись, они, напротивъ, ломаются сквозь самую густую чащу, причемъ незамѣтно, чтобы это стоило имъ хоть малѣйшаго напряженія.

Тапиры, по преимуществу, ночныя животныя. „Мы бродили“, говоритъ Чуди, „по мѣсяцамъ въ густыхъ первобытныхъ лѣсахъ, въ которыхъ живетъ множество тапировъ, и не видѣли ни одного изъ нихъ днемъ. Повидимому, днемъ



Анта (*Tapirus terrestris*). $\frac{1}{16}$ естеств. велич.

они держатся только въ густыхъ заросляхъ, на прохладныхъ тѣнистыхъ мѣстахъ, всего лучше вблизи стоячей воды, въ которой они охотно валяются“. Но въ совершенно непроницаемыхъ и очень темныхъ лѣсахъ они бродятъ также и днемъ. Конечно, подъ солнечными лучами они двигаются очень неохотно и въ самую обѣденную пору ищутъ всегда въ тѣни чащи защиты отъ томящей жары и еще больше отъ сильно мучающихъ ихъ мухъ. „Если“, говоритъ Принцъ фонъ-Видъ, „тихо и безшумно переплывать раннимъ утромъ или вечеромъ рѣку, то часто приходится видѣть тапировъ, которые купаются, чтобы освѣжиться, или чтобы защититься отъ жигалокъ. Дѣйствительно, ни одно животное не умѣетъ защищаться лучше тапира отъ этихъ докучливыхъ гостей: онъ отыскиваетъ съ этой цѣлью и пользуется всякой тинистой лужей, каждымъ ручьемъ или прудомъ. Поэтому часто случается, что шкура пойманнаго тапира бываетъ покрыта землей и тиной. Къ вечеру тапиры отправляются кормиться и, вѣроятно, всю ночь проводятъ въ движеніи. Въ ихъ образѣ жизни замѣчается сходство съ нашими дикими свиньями, однако, они не живутъ такими сплоченными стадами, какъ тѣ, но, подобно носо-

рогамъ, живутъ большей частью въ одиночку. Именно самцы ведутъ, должно быть, крайне отшельническую жизнь и присоединяются къ самкамъ только на время спариванья. Ихъ въ высшей степени рѣдко встрѣчаютъ семействами, и общества, состоящія болѣе, чѣмъ изъ трехъ экземпляровъ, до сихъ поръ случалось наблюдать только тамъ, гдѣ соединяло различныхъ тапировъ хорошее, обильное пастбище.

Своими движеніями тапиры напоминаютъ свиней. Походка ихъ медленна и осторожна; они переставляютъ одну ногу послѣдовательно за другой, голова при этомъ постоянно наклонена къ землѣ, и крайне лѣнивая фигура оживляется только хоботомъ, издающимъ фырканье и постоянно двигающимся то туда, то сюда, да ушами, которыми онъ непрерывно поводитъ. Тапиръ превосходно плаваетъ и еще того лучше ныряетъ; онъ, не задумываясь, переплываетъ самыя широкія рѣки и дѣлаетъ это не только ради бѣгства, но при всякомъ удобномъ случаѣ.

Изъ чувствъ тапира рѣшительно выше всѣхъ стоятъ слухъ и обоняніе; оба эти чувства находятся, вѣроятно, на одной ступени; зрѣніе слабо. Съ поверхностью кожи связано осязаніе и опредѣленіе соприкосновенія. Хоботъ представляетъ очень чувствительный органъ осязанія и имѣетъ, какъ таковой, очень многостороннее примѣненіе.

Голосъ выражается своеобразнымъ рѣзкимъ свистомъ, совершенно не соответствующимъ такому большому тѣлу.

Всѣ тапиры, повидимому, добродушныя, боязливыя и мирныя твари, употребляющіе свое оружіе только въ случаяхъ самой крайней необходимости. Они бѣгутъ отъ каждаго врага, даже отъ самой маленькой собаченки, но всего боязливѣе передъ человѣкомъ, съ могуществомъ котораго они хорошо познакомились. Это слѣдуетъ уже изъ того, что вблизи плантацій они становятся гораздо осторожнѣе и пугливѣе, чѣмъ въ недоступномъ лѣсу. Однако, это правило допускаетъ исключенія. При обстоятельствахъ, вынуждающихъ тапировъ къ этому, они принимаютъ оборонительное положеніе и тогда обращаются въ достойныхъ вниманія противниковъ. Они бросаются съ слѣпой яростью на врага, стараются его опрокинуть и умѣло пускаютъ въ ходъ свои зубы, на подобіе нашихъ кабановъ. Подобнымъ образомъ матки защищаютъ своихъ дѣтенышей, если имъ угрожаетъ охотникъ. Тогда они утрачиваютъ всякое представленіе объ опасности и не обращаютъ вниманія ни на какія раны. Кто долгое время держалъ у себя тапировъ въ неволѣ, тотъ знаетъ, что они все же стоятъ выше носороговъ и бегемотовъ, приблизительно на одномъ уровнѣ съ нашей свиньей. „Тапиръ, пойманный въ молодости“, говоритъ Ренггеръ, „привыкаетъ за нѣсколько дней своего плѣна къ человѣку и его жилищу и затѣмъ уже вовсе не оставляетъ его. Онъ будетъ беспокоиться, если около него долго не будетъ хозяина, и будетъ искать его повсюду, если только это ему можно. Впрочемъ, онъ позволяетъ каждому трогать и гладить себя. Капплеръ, часто воспитывавшій молодыхъ тапировъ, сообщаетъ, что ему всегда вскорѣ приходилось отсылать ихъ, такъ какъ благодаря своей сильной довѣрчивости они становились надоедливы; однажды подростокъ тапиръ стащилъ скатерть съ накрытаго стола со всѣмъ, что тамъ стояло. Находившіеся на моемъ попеченіи плѣнники подтвердили эти наблюденія. Оба вида ихъ чрезвычайно добродушныя созданія. Они были совершенно ручныя, мирно настроены по отношенію ко всѣмъ животнымъ, въ высшей степени уживчивы другъ съ другомъ и своими знакомыми. Келлеръ-Лейцингеръ даетъ свидѣтельство того, что тапиры анта могутъ сдѣлаться домашними животными. Согласно ему, молодой пойманный тапиръ становится немного дней спустя ручнымъ, какъ собака, и вовсе уже больше не помышляетъ о бѣгствѣ. „Въ Куритибѣ, главномъ городѣ провинціи Параны“, рассказываетъ этотъ авторъ, „нѣсколько лѣтъ бѣгалъ ручной, не имѣвшій хозяина тапиръ по улицамъ, при чемъ на немъ съ утра до вечера катались верхомъ негрскіе ребяташки. Температура въ 2—3° ниже нуля, которая тамъ нерѣдко бываетъ въ іюнѣ и іюлѣ, повидимому, мало беспокоила его“.

Свободно живущіе тапиры питаются исключительно растеніями, а именно листьями деревьевъ. Въ Бразиліи они предпочитаютъ молодые пальмовыя листья,

однако, нерѣдко нападаютъ на плантаціи и показываютъ этимъ, что имъ не меньше нравятся сахарный тростникъ, манго, дыни и другая огородная зелень.

Люди ревностно преслѣдуютъ всѣ виды тапировъ, такъ какъ и мясо, и кожа ихъ идетъ въ употребленіе. Мясо считается нѣжнымъ, сочнымъ и вкуснымъ; плотная шкура перерабатывается на кожу и разрѣзывается на длинные ремни, которые закругляются, дѣлаются гибкими посредствомъ неоднократнаго натиранія горячимъ жиромъ и затѣмъ передѣлываются на кнуты и вожжи.

Въ Америкѣ на тапировъ обыкновенно охотятся съ собаками, которыя по пятамъ насѣдаютъ на уходящаго звѣря, пока тотъ спѣшитъ, какъ это всегда бываетъ, до ближайшей воды. Но здѣсь его стережетъ скрытый на берегу въ легкомъ тростникѣ охотникъ и преслѣдуетъ теперь наряду со сворой собакъ плывущую и ныряющую дичь. Если поверхность воды не слишкомъ мала, его скоро настигаютъ преслѣдователи и приканчиваютъ пулей или длиннымъ охотничьимъ ножомъ. Очень картинно описываетъ фонъ-деръ-Штейненъ травлю тапировъ во время своего путешествія по Ичингу. „Валентинъ открываетъ тапира, плавающего близко отъ берега; все спѣшитъ туда на охоту. Ириньо пускаетъ въ него двѣ пули — одну въ мягкія части, другую въ хоботъ, Валентинъ осыпаетъ его дробью по ушамъ, — онъ уходитъ въ лѣсъ. Собаки гонятся за нимъ, и мы спѣшимъ изо всѣхъ силъ; новый натискъ, — новое бѣгство въ чащу. Собаки глупо смотрятъ въ воду и не знаютъ, какъ имъ тутъ быть, только маленькій шницъ нападаетъ на слѣдъ, гонится по нему, и другія собаки спѣшатъ къ нему на помощь. Тамъ въ полуверстѣ отсюда, тапиръ уже опять въ водѣ; смятеніе и неопикуемая суматоха; онъ то нырнетъ, то вынырнетъ; Педро промахивается по нему дротикомъ въ пяти шагахъ и пускаетъ стрѣлу, но она отскакиваетъ; Мерелесъ также промахивается на самомъ близкомъ разстояніи; другой вновь попадаетъ; лодки почти переѣзжаютъ черезъ тапира, стараются найти и захватить его; наша почти опрокидывается и наполняется водой. Тапиръ исколотъ ножами; Юрупа пронзаетъ его стрѣлой, Жени кричитъ, показываетъ знаками, чтобы его оставили. Ножъ Антоніо пускаетъ струю крови — звѣрь опять плыветъ подъ водой, но, вынырнувъ между двумя тростниковыми зарослями, пойманъ за ногу, убитъ и освѣжеванъ на ближайшихъ скалахъ. Это былъ крупный экземпляръ — „форменный мулъ“ — и кишѣлъ крѣпкими коричневыми клещами. Прелестна короткая густая грива, похожая на гриву лошадей греческихъ боговъ“.

Еще худшаго врага, нежели человекъ, тапиры могли бы имѣть въ лицѣ большихъ кошекъ, живущихъ въ одной съ ними странѣ. Что американскіе виды жестоко преслѣдуются ягуаромъ, это утверждаютъ всѣ путешественники; то же самое, понятно, вѣрно и относительно чепраковаго тапира и тигра.

Уже изъ чисто внѣшняго осмотра и сравненія лошадей, тапировъ и носороговъ можно кое-что заключить объ общности признаковъ, позволяющихъ соединить этихъ животныхъ въ одинъ отрядъ; однако, чтобы признать относительно близкое родство между семействами, которыя они представляютъ, требуется извѣстное расчлененіе.

Носороги (*Rhinocerotidae*) неуклюже сложенные, неловкія животныя довольно значительной величины, отличаются чрезвычайно вытянутой головой, передняя лицевая часть которой несетъ одинъ или два стоящіе другъ за другомъ рога, короткой шеей, мощнымъ тѣломъ, облеченнымъ въ крѣпкую какъ панцырь шкуру и совершенно или по большей части непокрытымъ волосами, короткимъ хвостомъ и короткими столбовидными, но отнюдь не неуклюжими ногами, на стопахъ которыхъ — переднихъ и заднихъ — имѣется по три облеченныхъ копытами пальца. Каждая отдѣльная часть тѣла, по сравненію съ соотвѣтствующими частями другихъ непарнопалыхъ, кажется своеобразной и странной. Голова очень вытянута, въ особенности необычайно удлинена лицевая ея часть, черепная же область, напротивъ, сильно придавлена въ направленіи спереди назадъ, такъ что лобъ спускается необыкновенно круто, и между нимъ и замѣтно повышенной но-

совой частью находится глубоко вогнутое посреди сѣдло; ротовое отверстіе несо-размѣрно мало, верхняя губа вытянута посрединѣ впередъ на подобіе пальцевиднаго или хоботовиднаго придатка, нижняя закруглена или же спереди срѣзана прямо, глаза чрезвычайно малы, уши необыкновеннаго вида, скорѣе велики, чѣмъ малы, наружный край ихъ закругленъ. Короткая, всегда со складками шея толщиной превосходитъ голову и переходитъ безъ замѣтной границы въ массивное туловище, отличающееся острымъ выдающимся гребнемъ по срединѣ спины и круглымъ со всѣхъ сторонъ отвислымъ брюхомъ, а также еще тѣмъ, что высота зашейка нѣсколько больше вышины крестца; короткий хвостъ сильно сплюснутъ съ боковъ по направленію къ концу, а затѣмъ у конца имѣетъ равномерную ширину или бываетъ удлинненно-конической формы. Ноги искривлены, какъ у таксы, снаружи кнутри, вертикальное положеніе принимаютъ только начиная отъ запястья или пясти; ступни переднихъ и заднихъ ногъ равномерно расширяются до пальцевыхъ суставовъ; форма подошвы ступни овально-круглая. Подъ копытами средній палецъ приблизительно вдвое шире обоихъ крайнихъ. Всюду очень толстая, у большинства видовъ панцирная кожа прилегаетъ къ тѣлу и образуетъ немного складокъ, которыя и не выражаются рѣзко, или распадается на нѣсколько щитовъ, ясно раздѣленныхъ глубокими бороздами; щиты допускаютъ извѣстную подвижность исключительно лишь благодаря этимъ бороздамъ, потому что эти щиты могутъ заходить другъ на друга только по этимъ бороздамъ, образованнымъ болѣе тонкой и гибкой кожей. Глубокія морщины окружаютъ глаза и ротъ и дѣлаютъ возможной гибкость, которой нельзя было бы ожидать отъ нескладныхъ, но относительно очень подвижныхъ губъ. Сѣтевидные желобки перекрещиваются между собой на кожѣ, отличаются замѣчательнымъ рисункомъ и очень однообразными буклевидными возвышеніями; на щитахъ въ особенности они составляютъ столь же удивительное, сколько и нравящееся украшеніе. Волосяной покровъ ограничивается болѣе или менѣе длинной каймой на ушахъ, а у нѣкоторыхъ видовъ есть еще и нѣкоторыя мѣста на спинѣ, покрытыя волосами. Рога — производныя верхняго слоя кожи, состоятъ изъ ровно лежащихъ, крайне тонкихъ, круглыхъ или угловатыхъ внутри полыхъ роговыхъ нитей и покоятся широкой, кругловатой коренной поверхностью на толстой кожѣ, покрывающей переднюю часть рыла. Нерѣдко, хотя лишь у единичныхъ экземпляровъ, на разныхъ мѣстахъ верхняго слоя кожи, преимущественно на головѣ, появляются роговидные наросты, достигающіе до нѣсколькихъ сантиметровъ вышины.

Неуклюжія и мощныя формы характеризуютъ также и скелетъ. Изъ зубовъ у носороговъ никогда не бываетъ клыковъ, а у африканскихъ видовъ также и рѣзцовъ на обѣихъ челюстяхъ; у азіатскихъ родовъ рѣзцы, однако, существуютъ по большей части въ теченіе всей жизни. Остальные зубы состоятъ изъ 7 коренныхъ зубовъ въ каждой челюсти.

Носороги, водящіеся нынѣ въ восточныхъ и эіопскихъ странахъ, въ минувшія времена распространялись шире и встрѣчались также въ южной Германіи, Франціи Англіи, а равно въ Россіи и Сибири. Изъ ставшихъ намъ извѣстными до сихъ поръ видовъ заслуживаетъ упоминанія одинъ, а именно двурогій допотопный носорогъ съ костяными носовыми переборками (*Rhinoceros tichorhinus*), такъ какъ онъ сохранился до нашихъ дней не только съ отдѣльными костями, но и съ кожей и шерстью. На равнинахъ сѣверной Азіи отъ Оби до Берингова пролива нѣтъ ни одной рѣки, на берегахъ которой нельзя было бы найти костей животныхъ первобытнаго міра, а именно, слоновъ, буйволовъ и носороговъ.

Наши познанія о нынѣ живущихъ видахъ существенно обогатились въ новѣйшія времена, однако ихъ отнюдь нельзя признать удовлетворительными. Фловеръ предпринялъ въ 1876 году новый обзоръ и описаніе этого семейства.

По строенію зубовъ и складкамъ этотъ изслѣдователь различаетъ три главныя группы семейства.

Къ первой онъ причисляетъ всѣ виды съ щитообразной шкурой, ко второй — со шкурой, менѣе богатой складками и къ третьей — виды безъ ясно выраженныхъ складокъ.

Одинъ рогъ и хорошо развитыя шейныя и поясничныя складки, граничащія съ другими броневидными частями кожаного панцыря и окружающія щитовидныя поверхности, характеризуютъ панцырного носорога (*Rhinoceros*), представляемаго двумя хорошо извѣстными живущими видами.

Носорогъ или единорогъ, называемый обыкновенно индѣйскимъ носорогомъ (*Rhinoceros unicornis*), достигаетъ, не включая хвоста въ 60 сантиметровъ, 3,75 метра длины, 1,7 мет. вышины въ плечахъ и около 2000 килограммовъ вѣсу. Сложенный мощно и неуклюже, онъ отличается отъ остальныхъ родичей относительно короткой, широкой и толстой головой и очертаніемъ щитовъ, свойственнымъ только ему одному. Область распространенія этого носорога еще простирается въ наше время на сѣверную часть Индіи.

Другой видъ этого подрода Вара-носорогъ, извѣстный подъ именемъ явскаго носорога у европейскихъ торговцевъ (*Rhinoceros sondaicus*). Этотъ, по скольку намъ извѣстно, имѣетъ болѣе обширную область распространенія, чѣмъ предыдущій видъ.

Вполнѣ развитые зубы африканскаго носорога (*Atelodus*) характеризуются совершеннымъ отсутствіемъ или полнымъ исчезновеніемъ рѣзцовъ. Его гладкая, однородная и лишенная волосъ шкура имѣетъ ясныя складки только на мѣстахъ соединенія шеи съ туловищемъ и не раздѣляется ни на щиты, ни на пояса; носъ вооруженъ двумя длинными и тонкими рогами, стоящими другъ за другомъ.

Самый извѣстный представитель этого подрода — двурогій носорогъ, черный носорогъ боеровъ и англійскихъ охотниковъ, туземцами же южной Африки называемый бореле или, если задній рогъ очень длиненъ, кейтлоа (*Rhinoceros bicornis*). Цвѣтъ ихъ мѣняется отъ темнаго аспидно-сѣраго, который преобладаетъ, до грязновато красно-бураго. Вполнѣ взрослые самцы достигаютъ вышины 1,6 метра въ плечахъ, длиной же бываютъ, круглымъ счетомъ, въ 4 метра, включая и хвостъ въ 60 сантиметровъ. Болѣе или менѣе сильно загнутые рога имѣютъ отъ 70 до 80 см. Только въ рѣдкихъ случаяхъ задній рогъ по длинѣ бываетъ равенъ переднему или даже превосходитъ его; у большинства особей онъ не достигаетъ половины длины передняго рога и часто выглядит простымъ пенькомъ.

Область распространенія носорога нужно ограничить въ особенности съ юга, хотя все же и теперь она очень обширна, такъ какъ занимаетъ большую часть Африки, а именно ея восточную половину, начиная приблизительно отъ 15° сѣверной широты и далѣе къ югу.

Древніе очень хорошо знали носорога. По Плинію, Помпей впервые привезъ для игръ въ Римъ въ 61 году до Рожд. Христ., вмѣстѣ съ рысью изъ Галліи и павіаномъ изъ Эіопіи, носорога съ однимъ рогомъ. Первый, кто упоминаетъ объ этомъ животномъ, Агаеархидъ, за нимъ слѣдуетъ Страбонъ, видѣвшій носорога въ Александріи. Павзаній выводитъ его подъ именемъ „эіопскаго быка“. Марціанъ воспѣваетъ оба вида:

„На обширной площади, о, Цезарь, носорогъ произведетъ
передъ тобой такія битвы, которыхъ даже и не обѣщалъ;
какъ распаляется горькой мстью страшное чудовище!
Какъ силенъ его рогъ, для котораго быкъ значить не больше мячика,“

говорить онъ объ однорогомъ носорогѣ, и

„Пока озабоченные загонщики побуждаютъ носорога къ борьбѣ,
и медленно скапливается гнѣвъ этого могучаго звѣря,
надежда народа на битву начинаетъ уже колебаться вслѣдствіе долгаго ожиданія.
Но чудовищу возвращается свойственная ярость:
оно поднимаетъ своимъ двойнымъ рогомъ могучихъ медвѣдей
и легко — какъ быкъ собакъ — бросаетъ ихъ къ звѣздамъ,“ —

о двурогомъ.



Жизнь животныхъ Бремъ. I.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Индійскій носорогъ.

Арабскіе писатели уже въ древнія времена говорили объ обоихъ видахъ и различали индійскій видъ отъ африканскаго; они описывали ихъ въ своихъ рукописяхъ, какъ заколдованныя существа. Марко Поло, извѣстный видный писатель въ области животновѣдѣнія, былъ первый, кто нарушилъ молчаніе послѣ очень долгаго промежутка времени, за который ничего не было слышно относительно носороговъ. Онъ видѣлъ носорога, когда совершалъ въ 13-мъ столѣтіи путешествіе въ Индію, а именно на Суматрѣ. Въ 1513 году португальскій король получилъ изъ Остъ-Индіи живого носорога. Слава о немъ наполнила всѣ страны, Альбрехтъ Дюреръ сдѣлалъ деревянную фигуру, пользуясь сквернымъ снимкомъ, который ему прислали изъ Лиссабона. Это животное выглядитъ, будто покрытое чепракомъ и будто у него на ногахъ панцирная чешуя; у этой фигуры существуетъ также маленькій рогъ на плечѣ. Почти 200 лѣтъ эта деревянная фигура работы знаменитаго мастера была единственнымъ изображеніемъ носорога, находившимся въ нашихъ рукахъ. Только Шардэнъ, видѣвшій носорога въ Испани, далъ въ началѣ предыдущаго столѣтія лучшее изображеніе. Описаніе жизни было сдѣлано Бонціусомъ въ серединѣ 17 вѣка.

Въ цѣломъ и крупныхъ чертахъ всѣ носороги сходны по своему образу жизни, характеру, свойствамъ, движеніямъ и пищѣ; однако, кажется, у cadaго вида есть свои особенности. Напримѣръ, азіатскіе виды носороговъ признаются очень злыми созданіями; явскій — описывается уже, какъ гораздо болѣе добродушное, а живущій на Суматрѣ — какъ невинное животное. То же справедливо и по отношенію къ африканскимъ видамъ. Двурогаго носорога, несмотря на его меньшую величину, описываютъ, какъ самое яростное изъ африканскихъ животныхъ, а тупорогаго носорога, напротивъ, какъ, дѣйствительно, мирное существо. Конечно, въ такихъ толкованіяхъ есть доля истины, настоящая же истина заключается въ томъ, что всякій носорогъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ проявляетъ себя добродушнымъ до тѣхъ поръ, пока его не раздражаютъ, но если его возбудить дурнымъ обращеніемъ или разъярить, то онъ золъ.

Мѣстопробываніе носорога составляютъ преимущественно, водныя области: болотистыя мѣстности, рѣки, разливающіяся далеко изъ своего русла, озера съ незаросшими илистыми берегами, вблизи которыхъ находятся богатая травой пастбища, лѣса съ ручьями и тому подобныя мѣстности; африканскіе виды держатся, впрочемъ, также очень охотно и въ сухихъ заросшихъ мѣстностяхъ, если только по близости есть глубокія болота. Даже самая непроницаемая чаща открываетъ свою глубь, недоступную для другихъ животныхъ, передъ столь массивными и снабженными хорошей броней животными, и даже самые страшные шипы безсильны противъ нихъ. Потому то большую часть видовъ мы встрѣчаемъ всего чаще въ лѣсахъ, около морскихъ береговъ и при томъ на высотахъ чаще и регулярнѣе, чѣмъ въ глубокихъ долинахъ. Конечно, днемъ каждое животное ищетъ воды, чтобы напиться и вывалиться тамъ въ тинѣ. Тинистая ванна составляетъ положительную потребность для всѣхъ живущихъ въ этой странѣ толстокожихъ: несмотря на то, что названіе имъ дано именно по шкурѣ, кожа ихъ очень чувствительна къ укушеніямъ мухъ, слѣпней и комаровъ, и толстокожія могутъ создать себѣ нѣкоторую защиту и покой только тѣмъ, что наложатъ на себя густой слой тины. Прежде отправленія на кормежку, носороги спѣшатъ на мягкіе берега озеръ, лужъ и рѣкъ, вырываютъ себѣ въ болотинѣ яму, катаются и остаются тамъ, пока ихъ плечи, спина, бока и нижняя часть тѣла не покроются тиною. Катанье въ тинѣ настолько пріятно для нихъ, что они при этомъ громко хрюкаютъ, и такъ какъ въ этой вождельной ваннѣ присущая имъ чуткость покидаетъ ихъ, то въ этотъ моментъ ихъ можно застать на мѣстѣ.

Носороги дѣятельнѣе ночью, чѣмъ днемъ. Сильная жара очень не нравится имъ; поэтому въ самое жаркое время дня, они спятъ въ какомъ нибудь тѣнистомъ мѣстѣ, лежа то на боку, то на брюхѣ, вытянувъ и положивъ голову, или же стоятъ въ тихомъ лѣсномъ уголку, гдѣ ихъ предохраняютъ отъ палящихъ лучей солнца вершины громадныхъ деревьевъ. Всѣ, сообщавшіе эти свѣдѣнія, согласны въ томъ, что сонъ этого животнаго очень крѣпокъ. Нѣкоторые могли при-

близиться къ спящему носорогу безъ особыхъ предосторожностей; носороги походили на безчувственные каменные глыбы и не трогались съ мѣста. Обыкновенно, сильный храпъ животного слышенъ на порядочномъ разстояніи и обращаетъ на себя вниманіе, въ то время, когда еще само животное, лежащее въ укромномъ мѣстѣ, не видно. Однако случается, что оно дышетъ тихо; тогда вдругъ



Кейтлоа (*Rhinoceros bicornis*). $\frac{1}{20}$ естеств. велич.

натыкаешься на исполина, существованіе котораго раньше совсѣмъ не подозрѣвалъ.

Съ наступленіемъ ночи, а во многихъ мѣстностяхъ также и въ послѣполуденное время, поднимается неуклюжее животное, беретъ типистую ванну, гдѣ съ наслажденіемъ валяется и потягивается и затѣмъ выходитъ пастись. Носорогъ пасется какъ въ густыхъ лѣсахъ, недоступныхъ для другихъ животныхъ, такъ и на открытыхъ равнинахъ, какъ въ видѣ болотъ, такъ и въ ихъ тростниковыхъ заросляхъ, на горахъ одинаково, какъ и въ долинахъ. Въ джунгляхъ Индіи можно видѣть оставляемый ими слѣдъ — длинный, прямой, какъ веревка; по сторонамъ его низвержены всѣ растенія, даже земля примята; во внутренней Африкѣ наталкиваются на такіе же тропинки.

Что касается пищи, носорогъ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ слону, какъ осель къ лошади. Онъ пожираетъ древесныя вѣтви и твердые стебли всякаго рода, чертополохъ, дрокъ, кустарники, разные виды тростника, степную траву и т. п., но отнюдь не отказывается отъ болѣе сочной пищи. Въ Африкѣ одинъ видъ питается, главнымъ образомъ, вѣтвями, особенно же вѣтвями широко распространенныхъ здѣсь колючихъ мимозовыхъ; другой видъ — травами растущими, какъ кусты.

Иногда наши животныя, если имъ позволяетъ рельефъ поля, производятъ настоящія опустошенія. Еще больше они опустошаютъ и разоряютъ плантаціи. Носороги щиплютъ кормъ широкимъ ртомъ или обламываютъ руковиднымъ придаткомъ. Индійскій носорогъ можетъ вытягивать хоботовидный мысокъ верхней губы приблизительно на 15 сантиметровъ, охватить имъ густой пукъ травы и всунуть его себѣ въ пасть. Ему, повидимому, все равно, чиста ли трава или къ ея корнямъ пристала земля. Впрочемъ, онъ ударяетъ одинъ разъ вырванный кустъ объ землю, чтобы стряхнуть большую часть землистыхъ веществъ, и затѣмъ съ душевнымъ спокойствіемъ проталкиваетъ его глубже въ пасть, пропихиваетъ дальше и нисколько при этомъ не давится. Очень охотно онъ ѣстъ и корни, достать которые ему не составляетъ труда. Если настроеніе у него хорошо, то случается, что онъ, уже только ради удовольствія, вырываетъ изъ земли маленькое деревцо или кустъ. Для этого онъ подкапываетъ своимъ сильнымъ рогомъ это деревцо до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи совершенно захватить его и выдернуть весь кустъ; затѣмъ другими ударами онъ обламываетъ корни и пожираетъ ихъ.

Въ образѣ жизни носороговъ мало привлекательнаго. Они или ѣдятъ или спятъ, а о прочемъ мірѣ ни мало не печалются. Въ противоположность слонамъ, они не живутъ стадами, но въ большинствѣ случаевъ въ одиночку или, самое большее, группами въ 4—10 штукъ. Въ такомъ обществѣ мало взаимной связи: каждый индивидуумъ (это можно считать правиломъ) живетъ только для себя и дѣлаетъ все, что ему вздумается. Впрочемъ, нельзя сказать, что они смотрятъ другъ на друга съ тупымъ равнодушіемъ. Не говоря уже о матери и дѣтенышахъ, между носорогами разнаго пола образуются дружескіе — чтобы не сказать супружескіе — союзы, которые могутъ быть очень интимны и, быть можетъ, кончаются только со смертію. Характеръ ихъ кажется такимъ же тяжелымъ, какъ и тѣло, но ни первый, ни второе не таковы на самомъ дѣлѣ. Обыкновенно носорогъ ходитъ тяжело и нѣсколько неуклюже, когда онъ ложится или роется, то дѣлаетъ это какъ нельзя болѣе неловко. Но всѣ его движенія кажутся болѣе неловкими, чѣмъ они въ дѣйствительности. Они не ходятъ, какъ слоны, шагомъ, но бѣгаютъ рысцой, переставляя попеременно заднія и переднія ноги. Плавать умѣетъ каждый носорогъ, но болѣе держится на поверхности и безъ нужды не ныряетъ.

Изъ чувствъ носорога выше всѣхъ стоитъ слухъ, затѣмъ обоняніе и за нимъ осязаніе. Зрѣніе развито очень слабо. Слухъ, должно быть, очень тонокъ, такъ какъ животное слышитъ на далекія разстоянія самый тихій шорохъ. Вкуса нельзя у него совершенно отрицать; по меньшей мѣрѣ на ручныхъ носорогахъ я наблюдалъ, что сахаръ былъ для нихъ очень привлекательной вещью, и они пожирали его съ особеннымъ удовольствіемъ. Голосъ выражается глухимъ хрюканьемъ, переходящимъ при очень сильной ярости въ дикое фырганье и сопѣніе. На свободѣ это сопѣніе можно слышать очень часто, такъ какъ носорога можно очень легко привести въ ярость и тогда его безучастность ко всему, что не составляетъ корма, можетъ очень скоро превратиться въ противоположное состояніе. Тогда онъ не заботится ни о числѣ своихъ враговъ, ни объ ихъ способности защищаться, но слѣпо бросается по прямой линіи на предметъ своего гнѣва. Повидимому, ему нѣтъ дѣла до того, стоитъ ли противъ него общество вооруженныхъ людей или же предметъ его ярости есть совершенно невинное и незначительное существо. Красный цвѣтъ, должно быть, непріятенъ ему, какъ и быку; по меньшей мѣрѣ видѣли, что онъ бросился на ярко одѣтаго человѣка, который ни малѣйшимъ образомъ не потревожилъ его. Къ счастью, отъ носорога не такъ трудно убѣжать,

когда онъ, разъярившись, обрушивается на кого-либо. Опытный охотникъ даетъ ему приблизиться на 10—15 шаговъ и затѣмъ отскакиваетъ въ сторону; взбѣшенный звѣрь пронесется мимо него, теряетъ направленіе, котораго держался, и несется теперь впередъ по вольному пути, срывая свою злость при случаѣ на другомъ невинномъ предметѣ.

Носорогъ производитъ на свѣтъ только одного дѣтеныша; маленькое, неуклюжее животное, величиной съ подсвинка, родящееся зрячимъ. Красноватая кожа его еще не имѣетъ складокъ, но зачатокъ рога уже существуетъ. Неизвѣстно, сколько времени остается молодой носорогъ при матери; также мало мы знаемъ объ отношеніяхъ отца къ дѣтенышамъ. Въ первые мѣсяцы дѣтенышъ подрастаетъ очень быстро. Носорогъ, который на третій день былъ около 60 сант. въ вышину и 1,1 метра въ длину, выросъ за первый мѣсяцъ на 13 сантим. въ вышину и 15 см. въ длину; черезъ 13 мѣсяцевъ онъ имѣлъ уже 1,2 метра въ вышину при длинѣ до 2 метр. и обхватѣ въ 2,1 метра.

Въ древнія времена рассказывали много басенъ о симпатіяхъ и антипатіяхъ носорога. Особенно частыя стычки бывали у нихъ со слонами, при чемъ послѣдніе всегда терпѣли пораженіе. Эти исторіи, ведущія свое начало отъ Плинія, при случаѣ повторялись тѣмъ или инымъ писателемъ-путешественникомъ, но на нихъ надо смотрѣть, какъ на чистѣйшій вымыселъ. Болѣе вѣрно то, что рассказываютъ о дружбѣ носорога съ слабѣйшими созданіями. Андерсенъ, Гордонъ Куммингъ и другіе всегда находили на двурогомъ и на однорогомъ носорогѣ одну услужливую птицу-личинкоѣда, которая неизмѣнно сопровождаетъ въ теченіе цѣлаго дня исполина, постоянно несетъ при немъ сторожевую службу и питается всякими паразитами, которыми кишитъ этотъ звѣрь; поэтому она держится всегда въ непосредственной близости къ животному или даже у него на тѣлѣ. Эти птицы—лучшіе изъ друзей носорога; они рѣдко не предупреждаютъ его, если ему угрожаетъ опасность. Само собой разумѣется, что личинкоѣды пользуются признательностью за такую вѣрную дружбу, потому что даже самое тупое млекопитающее должно признать благотѣніе, оказываемое ему тѣмъ, что его очищаютъ отъ мучительныхъ насѣкомыхъ. Я охотно признаю невѣрнымъ мнѣніе, будто при приближеніи человѣка птицы клюютъ носорога прямо въ ухо, чтобы разбудить его; мнѣ кажется скорѣе, что уже общее безпокойство, выказываемое ими при видѣ чего либо на ихъ взглядъ подозрительнаго, достаточно, чтобы сдѣлать носорога внимательнымъ. Что же касается до того, что особенно осторожныя птицы играютъ для другихъ животныхъ роль передовыхъ и сторожевыхъ постовъ, то объ этомъ мы имѣемъ самыя твердыя свѣдѣнія.

У носорога, помимо человѣка, не должно быть много враговъ. Львы и тигры избѣгаютъ его, зная, что ихъ когти слишкомъ слабы, чтобы разорвать его толстый панцырь и глубоко ранить; конечно, они могутъ быть опасны для дѣтеныша, отдѣленнаго отъ матери. Носорогъ боится иныхъ маленькихъ животныхъ больше, чѣмъ крупныхъ хищниковъ, а именно худшихъ враговъ онъ имѣетъ въ нѣкоторыхъ жигалкахъ и мухахъ; противъ нихъ онъ почти ничего не можетъ сдѣлать.

Вообще самый опасный врагъ носорога, конечно, человѣкъ. Всѣ племена, на территоріи которыхъ водятся эти неуклюжія созданія, а также европейскіе охотники страстно охотятся на него. Болтали, будто пули не могутъ пробить ихъ шкуру, но теперь больше не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ее пробиваетъ ножъ, копье и даже сильно пущенная стрѣла. Туземные охотники стараются подкрасться за вѣтромъ къ спящему носорогу и бросаютъ въ его тѣло дротики или стрѣляютъ почти въ упоръ, чтобы у пули сохранилась полная сила. Абиссинцы употребляютъ дротики и метаютъ иногда штукъ 50—60 въ одного носорога. Когда тотъ уже нѣсколько ослабѣетъ отъ потери крови, самый храбрый направляется къ звѣрю и пытается перерѣзать ему острымъ мечомъ ахиллесову жилу, чтобы парализовать звѣря и сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе. Въ Индіи на эту охоту идутъ со слонами; однако и тѣ получаютъ иногда поврежденія отъ разъяреннаго звѣря.

Европейцы охотятся за африканскими видами такимъ же образомъ, какъ и за слонами; ихъ подстерегаютъ ночью на водопоѣ, днемъ подкрадываются по чащѣ, или же гонятся за ними по открытой мѣстности, пуская на возможно близкомъ разстояніи сильно дѣйствующій зарядъ въ наиболѣе чувствительную часть тѣла, Что тѣснимый наѣздникомъ или загнанный въ узкое мѣсто, или подстрѣленный, мучимый болью носорогъ весьма часто обращается противъ своего преслѣдователя. Это само собой понятно относительно такого хорошо вооруженнаго звѣря.

Ловля ихъ труднѣе, чѣмъ охота на нихъ. Вара-носорога добываютъ ради его роговъ, которые продаютъ китайцамъ по хорошей цѣнѣ. Чтобы поймать его, на его пути вырываютъ узкую яму, утыкаютъ ее острыми стрѣлами, конечно, чтобы тяжелое животное накололось на нихъ, и все тщательно прикрываютъ вѣтвями. Носорогъ идетъ своимъ обычнымъ путемъ, падаетъ въ яму и обыкновенно бываетъ уже не въ состояніи — даже если дѣло обойдется безъ поврежденій — вылѣзти изъ нея и освободиться (это общее правило). Въ Африкѣ ловятъ молодыхъ носороговъ, доставляемыхъ на наши рынки, такимъ способомъ: отправляются на охоту во время размноженія и стараются раздѣлить мать съ дѣтенышемъ; первую убиваютъ и затѣмъ безъ труда овладѣваютъ послѣднимъ.

Селу рассказываетъ замѣчательный случай довѣрчивости совсѣмъ беспомощнаго юнаго двурогаго носорога. Однажды утромъ, когда Селу спѣшилъ со своимъ спутникомъ Вудомъ на охоту, они случайно наткнулись въ одномъ загороженномъ мѣстѣ на стараго носорога, которому тотчасъ же и всадили пару пуль. Тяжело раненое животное побѣжало, и тутъ только обнаружилось, что это была самка, за которой тщетно силился слѣдовать маленькій, всего нѣсколькихъ дней отъ роду, дѣтенышъ. Дѣтенышъ вскорѣ обернулся и подползъ подъ брюхо лошади Вуда, въ то время какъ Селу нанесъ смертельный выстрѣлъ матери. „Возвратившись къ своему другу,“ продолжаетъ нашъ авторъ, „я нашелъ его сидящимъ подъ тѣнистымъ деревомъ, а носорога-дѣтеныша стоящаго близко около его лошади, которая, повидимому, ни мало не тревожилась отъ присутствія маленькаго чудовища. Дѣтенышъ, ростомъ съ подсвинка, тоже не обнаруживалъ страха, когда мы или наши туземцы подходили и гладили его. Одно обстоятельство удивило меня: онъ очень сильно потѣлъ по всей спинѣ, чего я ни разу не наблюдалъ на взросломъ носорогѣ. Такъ какъ осиротѣвшій дикаренокъ слѣдовалъ за лошадыю Вуда, какъ будто бы это была его мать, то мы рѣшили взять его съ собой до нашей повозки, находившейся оттуда на разстояніи шести англійскихъ миль, и попытаться увезти его. Мы отправились, а за нами бѣжалъ, какъ собака, молодой носорогъ. Однако, знойное солнце дѣйствовало на него, очевидно, непріятно, потому что онъ останавливался подъ каждымъ тѣнистымъ кустомъ; но какъ скоро мы опережали его шаговъ на 30, онъ визжалъ, помахивая хвостикомъ, и трусилъ опять за своей лошадыю. Наконецъ, мы достигли своей повозки, и тутъ поведение этого созданія, до этого момента столь довѣрчивое, сразу измѣнилось. Были ли причиной тому собаки, съ лаемъ прыгавшія около него, или видъ повозки, или же вообще совмѣстное дѣйствіе живыхъ существъ, запаховъ и вещей лагерь, — но нашъ питомецъ превратился сразу въ настоящаго маленькаго дьявола и яростно бросался на людей, собакъ и даже на колеса повозки. Мы обвязали его ремнемъ вокругъ шеи и плечъ, — что онъ принялъ очень непривѣтливо, — прыгалъ вверхъ, не разъ толкалъ меня и сильно тыкался носомъ въ мои колѣни. Тогда мы привязали его къ колесу повозки, и онъ началъ успокаиваться, но при приближеніи собакъ или людей опять становился дикимъ. Какъ я и опасался, онъ совершенно не бралъ отъ насъ никакой пищи; ему, конечно, нужно было-бы молока, но, къ сожалѣнію, мы не могли дать ему этого, потому что у насъ не было коровъ. Такъ какъ всѣ попытки были тщетны, и къ тому же можно было предвидѣть, что если бы мы отпустили его на волю, то онъ или погибъ бы съ голоду, или попалъ бы въ зубы львовъ или гіенъ, то я счелъ за лучшее прострѣлить голову этому достойному сожалѣнія созданію, которое мнѣ такъ хотѣлось бы воспитать.“

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ носороги кажутся добродушными и ручными, позволяютъ трогать и гладить себя и тому подобныя дѣйствія, не принимая оборонительнаго положенія, и мало по малу пріобрѣтаютъ рѣшительное расположеніе ко всякому сторожу, который разумно обращается съ ними. Извѣстенъ только одинъ случай, что носорогъ напалъ и убилъ двухъ человѣкъ; вѣроятно, они раздразили его.

Вся польза, которую могутъ принести носороги, далеко не заглаживаетъ вреда, причиняемаго ими при жизни на свободѣ. Въ странахъ, гдѣ существуетъ правильная обработка земли, онъ не можетъ быть терпимъ; онъ какъ бы созданъ исключительно для дикихъ мѣстъ. Почти всѣ части убитаго носорога находятъ себѣ примѣненіе. Не только кровь, но и рогъ пользуются высокимъ уваженіемъ за приписываемую имъ таинственную силу. Въ южныхъ странахъ можно увидѣть въ домахъ обитателей всякаго рода кубки и сосуды для питья, выдѣланные изъ рога этого животнаго. Этимъ сосудамъ приписываютъ свойство, будто всякая сколько нибудь ядовитая жидкость, налитая въ нихъ, начинаетъ вскипать, и поэтому думаютъ, что они представляютъ вѣрное средство для предохраненія отъ отравленія. Турки высшихъ классовъ всегда возятъ съ собой чашечку изъ рога носорога и наполняютъ ее кофе при всякомъ сомнительномъ случаѣ. Еще чаще рогъ употребляютъ на рукояти драгоценныхъ сабель. Изъ кожи туземцы обыкновенно готовятъ себѣ щиты, панцыри, блюда и другія хозяйственныя принадлежности. Мясо ѣдятъ, жиръ цѣнятъ очень высоко, хотя европейцы не особенно хвалятъ и то, и другое.

Въ дикихъ каменистыхъ мѣстностяхъ Африки и западной Азіи замѣчается очень дѣятельная жизнь. Небольшіе звѣрки, величиной съ кролика, лежащіе на солнцѣ на каменномъ уступѣ или кряжѣ, быстро шмыгаютъ, испуганные появленіемъ человѣка, по стѣнамъ, исчезаютъ въ безчисленныхъ расщелинахъ и затѣмъ съ любопытствомъ и невинностью — ихъ отличительныя черты характера — смотрятъ на необыкновенное явленіе. Это — даманы, самыя граціозныя и маленькія изъ всѣхъ нынѣ живущихъ непарноногихъ.

Что касается мѣста, которое занимаютъ эти забавные обитатели скалъ въ своемъ классѣ, то взгляды изслѣдователей на это до сихъ поръ расходятся. Палласъ считалъ ихъ по наружному виду и образу жизни грызунами; Окенъ думалъ, что ихъ можно принять за родичей жвачныхъ животныхъ; Кювье относилъ ихъ къ многокопытнымъ. Въ новѣйшее время оспариваютъ также и это положеніе и возводятъ ихъ на степень представителей особаго отряда. Мы рассматриваемъ ихъ — правильно или нѣтъ, — какъ животныхъ, принадлежащихъ къ отряду непарнокопытныхъ; они составляютъ только особое семейство.

Признаки дамановъ (*Hyracidae*) слѣдующіе. Тѣло вытянуто и округлено, голова сравнительно велика и нестройна, впереди заострена, иногда сильно сжата съ боковъ, верхняя губа расколота, кончикъ носа тонокъ и малъ, глаза малы, но выразительны, уши, почти совсѣмъ спрятанныя въ мѣху, малы, широки и круглы, шея коротка и сжата, хвостъ — едва замѣтный обрубокъ; ноги средней высоты и довольно слабы, нѣжныя ступни вытянуты и раздѣлены, переднія на 4, заднія на 3 пальца, соединенные кожей почти до самаго конца; пальцы эти имѣютъ, за исключеніемъ внутренняго задняго, гладкіе, копытообразные ногти, тогда какъ внутренній задній палецъ снабженъ почти когтемъ; на голыхъ подошвахъ видны нѣсколько гибкихъ мозолистыхъ возвышеній, раздѣленныхъ бороздками. Туловище и конечности одѣты мягкимъ и густымъ, стоящимъ какъ щетина, волосянымъ покровомъ.

Уже въ самыя древнія времена о даманахъ упоминаютъ, какъ объ очень хорошо извѣстныхъ звѣркахъ. Подъ библейскимъ названіемъ „софонъ“, которое Лютеръ переводитъ словомъ „кроликъ“, повидимому нужно понимать видъ дамана, живущій въ Сиріи и Палестинѣ.

Дамановъ можно считать за животныхъ, характерныхъ для пустынныхъ и

степныхъ мѣстностей. Различные виды ихъ населяютъ всѣ горы Сиріи, Палестины и Аравіи, а можетъ быть, также и Персіи, Нильской страны, западной и южной Африки; при этомъ они не менѣе многочисленны на горахъ въ двѣ и три тысячи метровъ высоты, чѣмъ на холмахъ и утесахъ, возвышающихся среди равнинъ и придающихъ столь своеобразный отпечатокъ степнымъ мѣстностямъ сѣверо-восточной Африки.

Мы выбрали для описанія абиссинскаго дамана, ашкоко, какъ лучше всего извѣстный намъ видъ (*Hyaena abyssinicus*). Длина этого звѣрка 25—30 сантиметровъ, мѣхъ состоитъ изъ довольно длинныхъ и тонкихъ волосъ; они при



Абиссинскій даманъ (*Hyaena abyssinicus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

основаніи сѣро-бураго, по срединѣ свѣтло-сѣраго цвѣта; кончики ихъ свѣтлые, а передъ кончиками они окрашены въ болѣе темный цвѣтъ; такъ что общій цвѣтъ ихъ блекло-сѣрый съ болѣе темными и свѣтлыми крапинками. Въ окраскѣ встрѣчаются довольно часто разнообразныя отклоненія.

Чѣмъ болѣе разсѣлинь въ горахъ, тѣмъ чаще попадаетъ тамъ наше животное. Кто тихо проѣзжаетъ по долинѣ, тотъ можетъ видѣть, какъ они сидятъ рядами на уступахъ скалъ, или еще чаще лежатъ, потому что они сладострастный, лѣнивый народъ, охотно подставляющій себя подъ горячіе лучи солнца. Быстрое движеніе или громкій шорохъ моментально спугиваетъ ихъ; все общество оживаетъ; все бросается и мчится прочь съ ловкостью грызуновъ и исчезаетъ почти въ мгновеніе ока. Вблизи деревень, гдѣ ихъ часто встрѣчаютъ непосредственно около домовъ, они совсѣмъ не боятся туземцевъ и смѣло, съ полной увѣренностью продолжаютъ свой путь, какъ бы зная, что тутъ никто и не подумаетъ преслѣдовать ихъ; но отъ людей иначе одѣтыхъ или иного цвѣта они момен-

тально прячутся въ своихъ скалистыхъ щеляхъ. Собака, или другое животное внушаетъ имъ гораздо большій страхъ, чѣмъ человѣкъ. Когда они хорошо спрячутся въ свои щели, то можно слышать ихъ своеобразный дрожащій рѣзкій крикъ, имѣющій величайшее сходство съ крикомъ маленькихъ обезьянъ. Абиссинцы вѣрятъ, что злѣйшій врагъ дамановъ, леопардъ, подкрадывается къ скалистымъ стѣнамъ, когда вечеромъ или ночью можно слышать голоса дамановъ; однако, неоспоримо, что никто не слышалъ ихъ крика послѣ заката солнца. Птицы тоже могутъ внушать имъ величайшій ужасъ. Случайно пролетѣвшая мимо ворона, даже ласточка могутъ загнать ихъ въ ихъ вѣрную крѣпость.

Мы вполне подтвердили наблюденія одного стариннаго путешественника, который описываетъ поразительный фактъ, что мирный и беззащитный даманъ живетъ въ постоянномъ сообществѣ и полномъ согласіи съ однимъ совсѣмъ не почтеннымъ хищнымъ животнымъ, а именно зеброй мангусту (*Herpestes Zebra*), куда присоединяется также агама (вѣроятно, *Stellio cyanogaster*). Какъ кажется, въ этомъ тройственномъ союзѣ осторожный даманъ занимаетъ мѣсто часового, такъ какъ едва лишь послышится его пронизительный свистъ, все общество исчезаетъ въ щеляхъ камней.

Даманы очень неохотно оставляютъ свои скалы. Если трава, пробивающаяся между утесами, съѣдена, то имъ все же приходится спускаться ниже, но при этомъ на выдающихся скалистыхъ вершинахъ всегда стоятъ часовые, и достаточно одного ихъ предостерегающаго знака, чтобы обратить все общество въ самое послѣднее бѣгство.

Что до движеній и образа жизни, то даманы являются до нѣкоторой степени промежуточными членами между неуклюжими носорогами и ловкими грызунами. Они лазаютъ мастерски. Точное изслѣдованіе ихъ подошвъ, упругихъ какъ каучукъ или пружина, намъ показало, что даманъ можетъ прикрѣпиться къ самымъ гладкимъ поверхностямъ посредствомъ произвольнаго расширенія или сжатія средней щели своей подошвы.

Въ поведеніи дамановъ проявляется большая кротость, даже простодушіе, соединенное съ невѣроятной боязливостью и робостью. Они въ высшей степени общительны; ихъ почти никогда не видать въ одиночку, или если это случается на самомъ дѣлѣ, можно навѣрное рассчитывать на то, что прочіе члены общества тоже не на своемъ мѣстѣ. Они очень привязаны къ разъ выбранному мѣсту жительства. Ихъ отечество, богатое пряными горными и альпійскими растеніями, никогда не заставляетъ ихъ испытывать недостатокъ. Я не разъ видалъ, какъ они пасутся у подошвы скалъ; дѣйствуютъ они при этомъ совершенно, какъ жвачныя животныя. Они откусываютъ траву зубами и двигаютъ челюстями такъ, какъ это дѣлаютъ двукопытныя, когда пережевываютъ. Повидимому, пьютъ они мало, или же вовсе не пьютъ.

Такъ какъ у самки шесть сосковъ, то раньше полагали, что даманъ приноситъ довольно большое число дѣтенышей. Но Швейнфуртъ доказалъ, что они рожаютъ только двухъ, и при томъ въ очень развитомъ состояніи.

Охота на дамановъ не представляетъ никакихъ трудностей, если только робкія созданія не подвергались еще неоднократно преслѣдованію. Только въ Аравіи и южной Африкѣ ловятъ дамановъ ради ихъ мяса, напоминающаго по вкусу кролика. Многіе путешественники рассказываютъ о даманахъ, которые жили у нихъ въ неволѣ. Графъ Меллинъ сравниваетъ прирученнаго имъ дамана съ медвѣдемъ, который былъ бы не больше кролика. Онъ называетъ его совершенно беззащитнымъ созданіемъ, неспособнымъ ни спастись быстрымъ бѣгствомъ, ни обороняться зубами и когтями. На зовъ своего господина онъ отвѣчалъ тихимъ свистомъ, затѣмъ подходилъ и позволялъ брать себя на колѣни и гладить.

Одиннадцатый отрядъ.

Парнокопытныя (Artiodactyla).

Къ отряду парнопалыхъ присоединяютъ всѣхъ млекопитающихъ, имѣющихъ копыта, у которыхъ на каждой ногѣ развито или только два пальца, или же эти два пальца замѣтно превосходятъ развитіемъ и величиной три остальные. У парнопалыхъ особенно сильны третій и четвертый пальцы, т. е. тѣ, которые соотвѣтствуютъ среднему и четвертому пальцу человѣка, при чемъ оба они развиты одинаково сильно, тогда какъ другіе пальцы болѣе или менѣе незначительны. Первый палецъ, соотвѣтствующій большому пальцу человѣка, совершенно исчезъ у парнопалыхъ. Кромѣ того, скелетъ отличается большимъ постоянствомъ въ числѣ грудныхъ и поясничныхъ позвонковъ; число позвонковъ обоого типа всегда равняется у нихъ 19, за исключеніемъ нѣкоторыхъ породъ домашнихъ животныхъ; кромѣ того, скелетъ не имѣетъ ключицъ. Прибавимъ еще, что коренные зубы рѣдко бываютъ пронизаны эмалью — вотъ и всѣ общія черты въ строеніи парнокопытныхъ, не считая сходныхъ особенностей въ ихъ развитіи. Въ образѣ жизни парнокопытныя сходны тѣмъ, что питаются въ большинствѣ случаевъ исключительно растеніями, а въ остальныхъ, по меньшей мѣрѣ, преимущественно ими. Въ остальныхъ отношеніяхъ этотъ отрядъ представляетъ, соотвѣтственно своему богатству видовъ, очень различныя формы.

Парнокопытныхъ нѣтъ въ Новой Зеландіи и на Австралійскомъ материкѣ, но зато они распространены по всѣмъ странамъ, гдѣ существуютъ сухопутныя четвероногія. Допотопныхъ парнокопытныхъ мы знаемъ, начиная съ третичной эпохи.

Большое число видовъ и разнообразіе парнокопытныхъ дѣлаетъ желательнымъ раздѣленіе этого отряда сперва на подотряды. Таковыхъ различаютъ два, многокопытныхъ, у которыхъ кромѣ двухъ главныхъ пальцевъ развиты еще второй и пятый палецъ, и двукопытныхъ или жвачныхъ, у которыхъ 2 и 5 пальцы совершенно или почти совсѣмъ исчезли. Кромѣ того, у первыхъ кости запястья и плюсны еще разъединены, у послѣднихъ же онѣ срослись.

Жвачныя или двукопытныя (Bidactyla), несмотря на большое разнообразіе формъ, родственны между собой; эти животныя бываютъ рогатыя или безрогія, съ красивыми формами или неуклюже сложенные, привлекательнаго или отталкивающаго вида; величина ихъ чрезвычайно колеблется. Въ общемъ, можно указать слѣдующіе общіе признаки: длинная и очень подвижная шея, голова расширяется замѣтно въ лобной части и часто бываетъ украшена плотными или полыми внутри рогами, большими, живыми, нерѣдко чрезвычайно красивыми глазами и прямыми ушами красивой формы; губы подвижныя, часто голыя и почти никогда не имѣютъ усовъ или щетинъ; хвостъ только рѣдко доходитъ до пятокъ, по въ большинствѣ случаевъ бываетъ коротокъ. Короткая, густая, плотно прилегающая и мягкая шерсть, удлиняющаяся иногда на шеѣ и подбородкѣ, на спинѣ и концѣ хвоста на подобіе гривы или кисти, покрываетъ ихъ тѣло. Она никогда не

бываетъ щетиниста, но часто крайне тонка, волниста и кудрява. Цвѣтъ ея чрезвычайно разнообразенъ. Очень однородно у жвачныхъ строеніе зубовъ и скелета: 6 — 8 рѣзцовъ въ нижней челюсти, ни одного или рѣдко 2 — въ верхней, ни одного или только одинъ клыкъ въ каждой челюсти и 3 — 7 коренныхъ зубовъ въ верхней, 4 — 6 коренныхъ зубовъ въ нижней челюсти. Рѣзцы, по большей части, имѣютъ форму лопаты и остры; рѣзцы верхней челюсти имѣютъ всегда нѣсколько клыковидную фигуру; клыки конической формы и только у немногихъ животныхъ выдаются изо рта; коренные зубы состоятъ изъ двухъ паръ столбиковъ полулунной формы, на верхней поверхности которыхъ поднимаются складки эмали. Черепъ вытянутъ и суживается по направленію къ кончику морды; глазныя впадины отдѣлены отъ височныхъ костяной перегородкой, образованной совместно лобной и скуловой костью; внутренняя полость черепа имѣетъ незначительный объемъ. Въ позвоночномъ столбѣ выдаются необычайно длинные, узкіе, подвижные шейные позвонки. У всѣхъ жвачныхъ безъ исключенія вполне развиты только два пальца — третій и четвертый. Ротъ отличается сильными мышцами губъ, внутренняя же его полость — большимъ количествомъ сосковъ; слюнные железы замѣтно велики; желудокъ состоитъ изъ четырехъ, по меньшей мѣрѣ, изъ трехъ различныхъ частей: рубца или перваго желудка (rumen, ingluvies), сѣтки или рукава (reticulum), книжки или псалтыря (omasus, psalterium) и сычуга (abomasus). Первый находится въ связи съ пищеводомъ, послѣдній — съ кишечникомъ. Рубецъ принимаетъ грубо размельченную пищу и проталкиваетъ ее малыми количествами въ сѣтчатый желудокъ, рѣшетчатая складка котораго вновь перевариваютъ ее и скатываютъ въ шарики, которые вслѣдъ затѣмъ вновь перегоняются отрыжкой въ полость рта, тамъ перемалываются коренными зубами и основательно смачиваются слюной, послѣ чего прогоняются сквозь щель, образованную двумя складками пищевода, въ третій желудокъ — (книжку) и оттуда, наконецъ, поступаютъ въ сычугъ.

Для группировки и опредѣленія видовъ имѣютъ немаловажное значеніе полые и сплошные рога, существующіе у многихъ жвачныхъ. Между ними различаютъ прежде всего двѣ большія группы: жвачныхъ съ полыми рогами и жвачныхъ со сплошными рогами. Подъ полыми рогами или просто рогами надо понимать такія образованія изъ рогового вещества, которыя, покоясь на костномъ фундаментѣ отростковъ лобной кости, состоятъ собственно изъ роговой оболочки, никогда не возобновляющейся, а только увеличивающейся своими размѣрами по мѣрѣ того, какъ животное становится старше. Сплошными, напротивъ, называются такіе рога, которые сидятъ на сравнительно короткихъ возвышеніяхъ лобной кости, состоятъ сплошь изъ плотнаго костнаго вещества и, по мѣрѣ увеличенія возраста, до извѣстной степени все болѣе и болѣе развѣтвляются. Эти рога ежегодно сбрасываются и по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ замѣняются новыми. По общему правилу, ими обладаютъ только мужскія особи, тогда какъ полые рога въ большинствѣ случаевъ общи обоимъ поламъ. Копыта весьма измѣнчивы, какъ по формѣ, такъ и по величинѣ.

Жвачныя животныя обитаютъ, за исключеніемъ Австраліи, во всѣхъ частяхъ свѣта. Точныхъ границъ распространенія главныхъ группъ нельзя распознать. Шире всего распространены быки и олени, наиболѣе узкимъ кругомъ ограничены жирафы и мускусныя животныя; оленей нѣтъ въ Эфіопской области, но за то они — единственные представители жвачныхъ въ Сѣверной Америкѣ; кабарги водятся только въ средней Азіи, жирафы же лишь въ Эіопской области; карликовыхъ мускусныхъ животныхъ нѣтъ въ Америкѣ.

Почти всѣ жвачныя — пугливыя, трусливыя, мирныя животныя, съ хорошимъ тѣлосложеніемъ, но духовно ограниченныя. Многія живутъ стадами, всѣ — обществами. Одни водятся въ горахъ, другія на равнинахъ; среди нихъ нѣтъ собственно ни одного вида, который жилъ бы въ водѣ, хотя, конечно, нѣкоторыя предпочитаютъ болотистыя низменности сухимъ равнинамъ. Пища ихъ состоитъ исключительно изъ растений. Они любятъ траву, степную зелень, листья, молодые побѣги и коренья, нѣкоторыя также зерна и породы лишаевъ. Самка обыкновенно приноситъ одного дѣтеныша, рѣже двухъ и только въ видѣ исключенія трехъ.

Большая часть жвачныхъ приносить больше пользы, чѣмъ вреда, какъ въ дикомъ, такъ и въ ручномъ состояніи, хотя, впрочемъ, нѣкоторые виды не могутъ быть терпимы тамъ, гдѣ обработка почвы достигаетъ извѣстной степени совершенства. Мясо и шкура, рогъ и шерсть какъ дико живущихъ, такъ и ручныхъ жвачныхъ находятъ многостороннее примѣненіе; эти животныя доставляютъ, какъ извѣстно, большую часть нашей одежды. Въ качествѣ домашнихъ животныхъ они не проявляютъ большого ума, но послушны, терпѣливы и нетребовательны, благодаря чему сдѣлались прямо необходимыми для человѣка. Только изъ четырехъ богатыхъ видами семействъ карликовыхъ мускусныхъ животныхъ, кабарги, вилороговъ и жирафовъ до сихъ поръ еще не удалось обратить въ домашнее животное ни одного вида; изъ остальныхъ же человѣкъ превратилъ въ своего слугу и раба того или иного члена этихъ семействъ. Большая часть дико живущихъ животныхъ составляетъ главный предметъ охоты и поэтому пользуется по истинѣ королевскимъ почетомъ.

Остатки животныхъ были найдены до сихъ поръ впервые въ отложеніяхъ третичной эпохи и при томъ представляли виды, стоящіе близко къ формамъ современныхъ животныхъ.

Мы раздѣляемъ жвачныхъ на семь семействъ: жирафы, верблюды, полорогія, вилорогія, олени, кабарги и карликовыя мускусныя животныя; особенности ихъ мы опишемъ отдѣльно для каждаго семейства.

Среди жвачныхъ тоже существуютъ такія формы, которыя вовсе не гармонируютъ съ современными намъ животными и которыя напоминаютъ намъ баснословныя фигуры давно прошедшихъ дней земли; самая поразительная изъ всѣхъ — жирафъ. Варро былъ не такъ неправъ, называя его „помѣсью верблюда и пантеры“, и ученые, жившіе много позже, были навѣрное неправы, когда говорили, что существующія на египетскихъ памятникахъ изображенія совершенно незнакомаго имъ животного суть не болѣе какъ греза слишкомъ пылкой художественной фантазіи. И какъ римляне много дивились жирафамъ, которыхъ привезъ имъ для игръ впервые Юлій Цезарь и которыхъ доставляли потомъ еще нѣсколько разъ, такъ и мы, образованные европейцы, приходимъ еще и теперь въ изумленіе, когда намъ случится въ первый разъ увидать живымъ это существо со странными формами, хотя бы мы и были достаточно знакомы съ нимъ по рисункамъ.

Жирафъ — представитель собственнаго семейства (*Camelopardalidae*), характеризующагося чрезвычайно развитымъ строеніемъ ногъ. Въ современномъ животномъ мірѣ жирафъ, правильнѣе зерафъ (*Camelopardalis giraffa*) есть единственный членъ семейства; онъ отличается превосходящей всякія обычныя мѣры длинной шеей, высокими ногами, толстымъ туловищемъ съ покатою спиной, граціозно сложенной тонкой головой съ большими, прекрасными, ясными глазами и двумя удивительными, напоминающими рога, костяными отростками, покрытыми кожей. Высокія ноги и длинная шея дѣлаютъ жирафа въ одно и то же время и самымъ длиннымъ, и сравнительно самымъ короткимъ изъ всѣхъ млекопитающихъ. А именно, длина его тѣла достигаетъ только 2,25 метра, а высота плечъ, напротивъ, уже 3 метровъ, высота же головы 5 — 6 метр. Хвостъ имѣетъ вмѣстѣ съ волосяной метелкой 1,1 метра, безъ нея же только 80 см. длины. Разстояніе отъ кончика морды до корня хвоста доходитъ до 4 метр.; вѣсъ 500 килограммовъ. Изъ однихъ только этихъ размѣровъ слѣдуетъ уже, что жирафъ по своему тѣлосложенію отклоняется отъ всѣхъ прочихъ млекопитающихъ; но тѣлосложеніе его настолько замѣчательно, что требуетъ особаго соотвѣтственнаго описанія. Жирафъ выглядитъ, какъ уже сказано, не только какъ удивительный ублюдокъ пантеры и верблюда, но какъ будто бы онъ составленъ изъ главныхъ частей тѣла различныхъ животныхъ. Его голова и туловище какъ будто заимствованы у лошади, шея и плечи отъ верблюда, уши отъ быка, хвостъ отъ осла, ноги отъ антилопы, тогда какъ цвѣтъ и рисунокъ гладкой шкуры напоминаютъ пантеру. Подобное собраніе могло имѣть послѣдствіемъ только безобразіе всего животного, и

дѣйствительно, никто не можетъ назвать жирафа красивымъ. Между короткимъ туловищемъ, длинными ногами и длинной шеей нѣтъ никакой пропорціональности; поразительно отлогую спину, по всѣмъ художественнымъ понятіямъ, нужно назвать безобразной; и огромная высота животного тоже отнюдь не служитъ къ его красотѣ. Прелестна голова, чудны глаза, пріятенъ рисунокъ, но все остальное непріятно поражаетъ и удивляетъ.

Вытянутая въ длину голова жирафа кажется, благодаря довольно худошавой мордѣ, еще длиннѣе, чѣмъ она въ дѣйствительности, обладаетъ очень большими, живо блестящими и при томъ необыкновенно кроткими глазами, большими, изящными, крайне подвижными ушами, около 15 см. длиной и двумя лобными отростками, которые имѣютъ отдаленное сходство съ рогами и по величинѣ нѣсколько короче ушей. Между этими отростками выдается на подобіе третьяго рога кру-



Жирафъ.

головатый костяной бугоръ. Шея такой же длины, какъ переднія ноги, худая, стиснутая съ боковъ и украшенная сзади пышнымъ гребнемъ. Тѣло имѣетъ широкую грудь, нѣсколько выше въ загривкѣ, чѣмъ въ крестцѣ и сильно вогнуто вдоль средней линіи; оно очень выдѣляется спереди благодаря лопаткамъ, отходящимъ отъ него почти подъ прямымъ угломъ, назади же поразительно суживается, такъ что задняя часть тѣла почти незамѣтна, если смотрѣть на животное прямо спереди. Ноги сравнительно нѣжны, почти одинаковой длины, копыта ихъ сложены изящно. На сгибахъ суставовъ ногъ есть голыя мозоли, которыми обладаетъ также и верблюды. Кожа очень толста и, за исключеніемъ упомянутаго роговиднаго отростка, шейнаго гребня и метелки хвоста, вездѣ равномерно покрыта волосами. Основной цвѣтъ — блѣдный желто-песочный; на спинѣ онъ становится нѣсколько темнѣе, а на нижней поверхности переходитъ въ бѣловатый; на этомъ основномъ фонѣ расположены довольно большія, неправильной формы пятна, болѣе темнаго или свѣтлаго красно-бурого цвѣта, и при томъ такъ густо, что свѣтлый грунтъ выступаетъ только въ видѣ сѣтки. На шеѣ и на ногахъ эти пятна меньше, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ. Животъ и внутренняя сторона ногъ не покрыта пятнами. Грива состоитъ изъ блѣдныхъ и коричневыхъ полосъ; уши спереди и у основанія бѣлаго цвѣта, а сзади коричневатаго; метелка хвоста темнаго, чернаго цвѣта.



„Жизнь животныхъ Брэма“. I.

Т по „Проевѣщенію“ въ Спб.

ЖИРАФЪ.

Область распространенія жирафа въ настоящее время простирается широкой дугой по восточной половинѣ Африки, начиная приблизительно отъ 16° сѣверной и кончая 23° южной широты; только въ Калагари его можно считать нѣсколько болѣе заходящимъ къ югу, но ужь никакъ не до Оранжевой рѣки. Во всей области Конго, повидимому, нѣтъ жирафа, а также они неизвѣстны ни въ верхней, ни въ нижней Гвинее, ни въ странахъ, лежащихъ за ними, и до Атлантического океана доходить только вообще въ юго-западной Африкѣ. Впрочемъ здѣсь онъ истребленъ уже давно, не на памяти настоящаго поколѣнія.

Въ своихъ родныхъ лѣсахъ жирафъ, конечно, живетъ иначе, чѣмъ въ узкомъ огороженномъ пространствѣ зоологическаго сада. Замѣчательное соотвѣтствіе между фигурой и общимъ видомъ животнаго и той мѣстностью, въ которой оно живетъ, наблюдается также и здѣсь. „Если смотрѣть на стадо жирафовъ“, говоритъ Гордонъ Куммингъ, „разсѣянное по рощѣ живописныхъ зонтичныхъ мимозъ, украшающихъ родныя имъ равнины, и глодающее самыя верхнія вѣтви мимозъ, которыя они могутъ достать, благодаря своему большому росту, то, дѣйствительно, надо не имѣть никакого чувства къ красотамъ природы, чтобы не найти этотъ видъ замѣчательно привлекательнымъ“. Жирафовъ по большей части встрѣчаютъ тамъ, гдѣ растутъ высокіе высохшіе стволы, которые иногда поразительно бываютъ похожи, благодаря пятнамъ, покрывающимъ ихъ, на шею жирафа. „Часто я сомнѣвался“, продолжаетъ дальше этотъ охотникъ, „относительно присутствія цѣлаго стада жирафовъ, пока не прибѣгалъ къ своему биноклю; даже мои полудикіе спутники должны были признать, что ихъ острые, наметавшіеся глаза порой обманывались, потому что они принимали то эти высохшіе стволы за жирафовъ, то, наоборотъ, смѣшивали жирафовъ съ старыми деревьями.

Обыкновенно жирафы встрѣчаются стадами въ 6 — 8 штукъ; однако тамъ, гдѣ ихъ еще не преслѣдовали, они собираются толпами въ болѣе большомъ количествѣ. Куммингъ говоритъ о стадахъ изъ 30 — 40 штукъ, но думаетъ, что за среднее число слѣдуетъ принимать 16.

Всѣ движенія жирафа удивительны. Красивѣе всего онъ выглядитъ при спокойномъ ходѣ: тогда онъ кажется важнымъ и привлекательнымъ. Ходитъ онъ медленнымъ, мѣрнымъ шагомъ, при которомъ одновременно двигаются обѣ ноги одной стороны. Бѣгъ его представляетъ замѣчательно тяжеловѣсный, разбитый и неуклюжій галопъ, благодаря крайней непропорціональности высоты жирафа спереди и высоты сзади, и между высотой и длиной; этотъ галопъ, однако, чрезвычайно быстръ, такъ какъ каждый прыжокъ очень великъ. Вслѣдствіе величины и тяжести передней части тѣла животное не въ состояніи подняться одной силой мышцъ; поэтому оно должно присоединять сюда отклоненіе шеи назадъ; только тогда, когда оно перемѣститъ болѣе назадъ центръ тяжести, оно будетъ въ состояніи прыжкомъ отдѣлиться отъ земли. Жирафъ прыгаетъ, не сгибая переднихъ ногъ, и вмѣстѣ съ движеніемъ шеи впередъ укрѣпляется на этихъ ногахъ, затѣмъ слѣдуетъ новое движеніе шеи и прыжокъ задними ногами. Такимъ образомъ шея жирафа двигается, какъ говоритъ Лихтенштейнъ, „постоянно подаваясь то впередъ, то назадъ, подобно мачтѣ корабля, бросаемаго по высокимъ волнамъ“. Чтобы настичъ поспѣшно бѣгущаго жирафа, нужна очень хорошая лошадь, и особенно трудно гнаться за ними на далекое разстояніе, потому что всѣ остальные животныя почти всегда устаютъ раньше, чѣмъ жирафъ.

Въ высшей степени своеобразно положеніе, принимаемое животнымъ, когда оно хочетъ что-нибудь поднять съ земли, или же напиться. Въ старинныхъ описаніяхъ говорится, что жирафъ для этой цѣли опускается на колѣни. Онъ дѣлаетъ это только въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же онъ старается дать своей передней части болѣе низкое положеніе, для чего настолько разставляетъ переднія ноги, чтобы имѣть возможность свободно достать до земли своей длинной шеей. Кто этого не видѣлъ самъ, тотъ можетъ это счесть невозможнымъ. Во время сна жирафъ ложится частью на бокъ и при этомъ подгибаетъ обѣ или только одну изъ своихъ переднихъ ногъ. Сонъ его очень чутокъ и продолжается недолго.

Само собой понятно, что пища жирафа находится въ соотвѣтствіи съ его фигурой и образомъ жизни. Этому животному мало подходитъ щипать траву съ земли, но оно тѣмъ болѣе приспособлено, чтобы обрывать листву съ деревьевъ. Въ этомъ ему очень существенно помогаетъ необыкновенно подвижный языкъ. Какъ извѣстно, большая часть жвачныхъ пользуется для ощипыванія своего корма языкомъ; но ни одно изъ нихъ не употребляетъ этотъ органъ такимъ исключительнымъ образомъ, какъ жирафъ. Что для слона хоботъ, то для жирафа — языкъ. Онъ можетъ брать языкомъ самые маленькіе предметы, щипать имъ самые нѣжные листики и препровождать ихъ въ ротъ. „Въ нашемъ зоологическомъ саду“, замѣчаетъ Оуэнъ, „не одну даму, осматривавшую жирафа, онъ лишилъ искусственныхъ цвѣтовъ, украшавшихъ ея шляпу. Повидимому жирафъ больше руководствуется въ выборѣ корма своими глазами, чѣмъ обоняніемъ, и поэтому часто случается, что животное обманывается, какъ при вышеупомянутыхъ случаяхъ, когда оно хватало своимъ ловкимъ языкомъ искусственные цвѣты и обрывало ихъ съ шляпъ“. На свободѣ въ пищу жирафу идутъ, главнымъ образомъ, вѣтви, почки и листья мимозовыхъ, но онъ также охотно объѣдаетъ листья ползучихъ растений, которыя въ такомъ изобиліи обвиваютъ деревья въ лѣсахъ сѣверной Африки. Такъ какъ эти деревья немного выше его самого, то обглаживание ихъ не представляетъ для жирафа ничего труднаго. Въ сухое время года, когда большая часть деревьевъ лишается своего лиственного украшенія и скудную пищу жирафа составляютъ лишь высокія высохшія травы, онъ часто отправляется на водопой за цѣлыя мили на болотистые бассейны, или уцѣлѣвшія послѣ разлива рѣкъ въ періодъ дождей, лужи.

Чувства жирафа, особенно зрѣніе и слухъ, превосходно развиты, его духовныя способности стоятъ не ниже этихъ чувствъ. Онъ уменъ и понятливъ, и очень располагаетъ къ себѣ; при всемъ своемъ громадномъ ростѣ онъ въ высшей степени добродушное, мирное и кроткое созданіе, живущее въ дружбѣ не только съ себѣ подобными, но и съ другими животными, пока они не станутъ ему въ тягость или опасными. Въ случаѣ нужды, онъ умѣетъ превосходно защищаться не своими рогами, которые служатъ ему, повидимому, только украшеніемъ, но, сильными ударами длинныхъ жилистыхъ ногъ.

О размноженіи жирафа мы узнали кое-что только въ новыя времена. Изъ наблюдений, собранныхъ до сихъ поръ въ различныхъ зоологическихъ садахъ, выходитъ, что спариваніе происходитъ въ мартѣ или началѣ апрѣля, а роды — въ маѣ или іюнѣ, такъ что продолжительность беременности бываетъ отъ 431 до 444 дней или отъ 14 до 14½ мѣсяцевъ.

Туземцы Африки и европейцы со страстью охотятся на жирафа. Первые охотятся на верблюды или лошади; они перерѣзаютъ у загнаннаго до усталости животнаго ахиллесову жилу своими мечами и затѣмъ убиваютъ его, чтобы воспользоваться мясомъ, которое вездѣ очень высоко цѣнится, и другими частями тѣла жирафа. Европейцы употребляютъ огнестрѣльное оружіе, но и съ помощью этихъ дальнобойныхъ ружей имъ удается овладѣть животнымъ только послѣ долгой гонки; это можно считать правиломъ. По опытамъ Селу къ убѣгающимъ жирафамъ можно приблизиться на всякой, не слишкомъ плохой лошади по меньшей мѣрѣ настолько, чтобы сдѣлать по нимъ хорошо намѣченный выстрѣлъ, быстро прыгнувъ для этого съ сѣдла; возможно это потому, что жирафы развиваютъ полную скорость только въ случаяхъ самой крайней необходимости.

Убитый жирафъ находитъ многостороннее примѣненіе. Шкуру его употребляютъ на всякаго рода кожевенныя издѣлія, метелку хвоста какъ махалку отъ мухъ, копыта для роговыхъ издѣлій, а превосходное мясо ѣдятъ. Но гораздо пріятнѣе, когда можно поймать живого жирафа. Вездѣ охотно держать это удивительное животное, вездѣ бываютъ рады имѣть его у себя. Въ городкахъ внутренней Африки часто видишь, какъ изъ за высокой стѣны, окружающей садъ, выставляется пара головъ жирафовъ, и встрѣтить около мѣстечекъ ручныхъ животныхъ, разгуливающихъ, гдѣ имъ вздумается, далеко не рѣдкость. Когда мы пристали въ Каркоджи, мѣстечкѣ на Голубомъ Нилѣ, то первымъ къ нашей баркѣ

подошелъ жирафъ, какъ бы желая насъ привѣтствовать. Онъ довѣрчиво подошелъ къ намъ, сталъ вплотную къ нашему судну, ѣлъ изъ нашихъ рукъ хлѣбъ и зерна дурры и такъ дружески обращался съ нами, какъ будто бы мы были его старинные знакомые. Онъ очень скоро замѣтилъ, какъ сильно мы бывали ему рады, такъ какъ приходилъ къ намъ каждый день по нѣсколько разъ, пока мы оставались по близости отъ этого мѣстечка, чтобы дать намъ поласкать себя. Мнѣ стало понятно тутъ его арабское названіе „зерафе“ — милая, которое въ нашей передачѣ словомъ „жирафъ“ рѣшительно ничего не говоритъ.

Къ сожалѣнію, жирафы, привезенные въ Европу, переносятъ неволю нѣсколько дольше только при самомъ лучшемъ уходѣ. Большинство погибаетъ отъ особеннаго костнаго заболѣванія, такъ и названнаго „болѣзнью жирафовъ“. Причиной этого можетъ быть недостатокъ движенія и несоотвѣтственная пища.

Семейство верблюдовъ (*Camelidae*) узнается по мозолистымъ подошвамъ, отсутствію роговъ и заднихъ ногтей, расколотой верхней губѣ и строенію зубовъ. Что касается этого послѣдняго признака, то верблюды отличаются отъ всѣхъ остальныхъ жвачныхъ тѣмъ, что имѣютъ 2 рѣзца (а въ пору ранней юности даже 6) въ верхней челюсти, тогда какъ въ нижней челюсти ихъ 6. Копыта очень малы, собственно это даже не копыта, а только ногти, покрывающіе мозолистую подошву. Желудокъ состоитъ только изъ трехъ частей, такъ какъ третій его отдѣлъ, въ силу его незначительной величины, надо считать за одно съ четвертымъ — сычугомъ.

Верблюды очень крупныя жвачныя, съ длинной шеей, вытянутой головой, туловищемъ, подтянутымъ въ пахахъ, и косматымъ, почти шерстистымъ, мѣхомъ.

Отечество этихъ животныхъ составляютъ сѣверная Африка, средняя Азія и юго-западная Америка. Немногочисленные виды ихъ сдѣлались домашними животными, въ Старомъ Свѣтѣ почти всѣ, въ Новомъ — частью. Здѣсь они живутъ въ высокихъ горахъ до 4000 метровъ надъ уровнемъ моря; тамъ они чувствуютъ себя хорошо на жаркихъ сухихъ равнинахъ. Пищей имъ служатъ луговныя и степныя травы, листья деревьевъ, вѣтви, чертополохъ и колючія растенія. Они въ высокой степени нетребовательны и могутъ подолгу голодать и терпѣть жажду. Ходятъ они шагомъ, а ихъ бѣгъ, хотя онъ и очень быстръ, тряскій и кажется крайне неуклюжимъ. Дикіе виды живутъ стадами; всѣ они любятъ общество. Духовная природа ихъ стоитъ на довольно низкой ступени. Ихъ нельзя назвать кроткими, добродушными, умными и терпѣливыми животными, хотя они, покоряясь необходимости, довольно легко подчиняются игу человѣка и признаютъ его господство. Самка приноситъ только одного дѣтеныша и заботится о немъ съ большой любовью.

Собственно верблюды (*Camelus*) отличаются значительной величиной и однимъ или двумя горбами на спинѣ, а также у нихъ однимъ кореннымъ зубомъ въ каждомъ ряду больше, чѣмъ у ламъ. Фигура ихъ некрасива, особенно же безобразна голова, волосяной покровъ очень неровенъ, на нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ длиннѣе, въ общемъ же шерстистъ; на груди, локтевыхъ сгибахъ переднихъ конечностей и колѣняхъ заднихъ ногъ, а также на голеностопныхъ сочлененіяхъ находятся мозоли. Извѣстны два вида верблюдовъ, изъ которыхъ первый живетъ преимущественно въ Африкѣ, а второй въ Азіи. Это — одnogорбый верблюдъ или дромадеръ и двугорбый верблюдъ.

Безъ сомнѣнія, дромадеръ самое полезное изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ Африки; но онъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ я научился узнавать его, есть менѣе всего достойное уваженія, самое глупое, самое упрямое и самое несимпатичное созданіе, какое только можно себя представить. Своей славой онъ обязанъ тѣлеснымъ дарованіямъ; душевныхъ его качествъ никто еще не прославлялъ, даже ни одинъ арабъ, хотя безъ этого животнаго сотни людей его народа не могли бы существовать.

Дромадеръ или одногорбый верблюдъ (*Camelus dromedarius*), джеммель арабовъ, сильное жвачное животное, достигаетъ въ среднемъ 2—2,3 метра въ вышину и 3—3,3 м. въ длину отъ кончика морды до конца хвоста. Хотя верблюдъ не такъ богатъ породами, какъ лошадь, однако и среди нихъ есть очень замѣчательныя разновидности. Въ общемъ можно сказать, что верблюды степей и пустынь — стройныя, длинноногія, рослыя созданія, тогда какъ верблюды плодородныхъ мѣстностей, а именно происходящіе родомъ изъ сѣверной Африки, напротивъ того неуклюжія, тяжелыя животныя. Между „бишариномъ“, такъ называется порода верблюдовъ, разводимая кочевымъ племенемъ бишариновъ, и египетскимъ вьючнымъ верблюдомъ замѣчается, такимъ образомъ, такая же большая разница, какъ между арабскимъ конемъ и ломовой лошадыо. Первый верблюдъ — превосходнѣйшее верховое животное, а послѣдній — наиболѣе сильное изъ всѣхъ — вьючное животное.

Арабъ различаетъ болѣе двадцати разныхъ породъ корабля пустыни: существуетъ такая же наука о верблюдахъ, какъ и о лошадяхъ, и говоря о дромадерахъ, различаютъ среди нихъ также благородныхъ и неблагородныхъ животныхъ. Голова ихъ довольно коротка, но морда вытянута и задрана кверху, глаза большіе, съ тупымъ выраженіемъ, уши очень малы, но подвижны. Шея длинная, сжатая съ боковъ, всего толще посрединѣ; туловище съ сильно развитымъ брюхомъ, собственно же округло со всѣхъ сторонъ. Горбъ стоитъ прямо, но въ теченіе года значительно смѣняется по величинѣ. Чѣмъ обильнѣе пища верблюда, тѣмъ болѣе поднимается его горбъ; чѣмъ скуднѣе отпускается ему кормъ, тѣмъ сильнѣе онъ спадается. У полного, хорошо откормленнаго животнаго онъ принимаетъ форму пирамиды и занимаетъ по меньшей мѣрѣ четвертую часть спины, а у сильно изголодавашагося почти совершенно исчезаетъ. Во время дождей, приносящихъ съ собой сочный подножный кормъ, этотъ горбъ, ставшій за сухіе голодные мѣсяцы едва замѣтнымъ, изумительно быстро растетъ, и всѣхъ его можетъ тогда повыситься до 15 килогр., въ противоположность этому онъ можетъ упасть до 2 или 3 кгр. Ноги худо разставлены, а именно, бедра рѣзко выдаются изъ тѣла, благодаря чему увеличивается внѣшнее безобразіе животнаго. Хвостъ съ жидкой метелкой спускается до пятокъ. Волосы его мягки, шерстисты и поразительно длинны на темени, затылкѣ, подъ горломъ, на плечахъ и на горбѣ, сравнительно со всѣмъ остальнымъ тѣломъ; на концѣ хвоста они становятся гуще. Своеобразны мозоли, которыя находятся на груди, локтевыхъ и кистевыхъ суставахъ переднихъ конечностей и на колѣнныхъ и голеностопныхъ суставахъ заднихъ ногъ; по мѣрѣ того, какъ животное становится старше, и онѣ дѣлаются больше и жестче. Грудная мозоль сильно выдается надъ остальной кожей, въ видѣ своеобразнаго горба, и образуетъ настоящую подушку, на которой покоится тѣло, когда животное ложится.

Цвѣтъ животныхъ очень непостояненъ. Вообще, чаще всего встрѣчается свѣтло-песочный; однако, есть сѣрые, коричневые и совсѣмъ черные верблюды, или верблюды такихъ же цвѣтовъ, но съ блѣдными или свѣтлыми ногами; цѣгихъ нѣтъ вовсе.

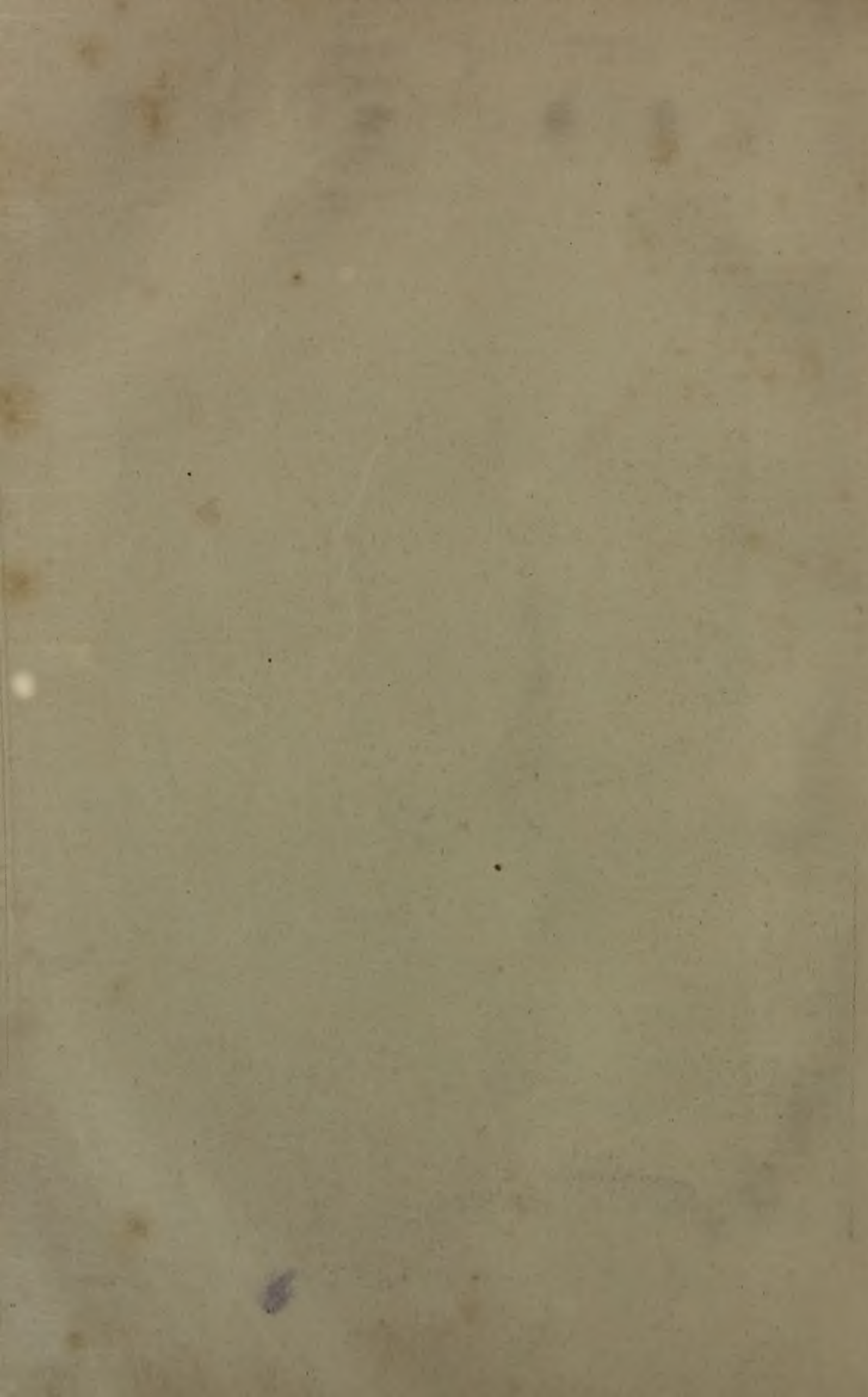
Въ настоящее время дромадеръ извѣстенъ только, какъ домашнее животное, а именно во всѣхъ странахъ Африки, начиная отъ Средиземнаго моря и приблизительно до 12°, а въ землѣ Сомаль до 5° сѣверной широты, равно какъ и въ юго-западной Азіи. Онъ распространенъ отъ крайняго востока, отъ Бухары и Туркменіи, гдѣ уже начинается попадаться двугорбый верблюдъ, по Персіи, Малой Азіи, Сиріи, Аравіи и сѣверной Африкѣ вплоть до Атлантическаго океана. Онъ находится также на Канарскихъ островахъ и былъ вывезенъ въ Австралію, Сѣверную Америку, Италію и южную Испанію. Въ сухихъ полосахъ сѣверной Индіи онъ чувствуетъ себя вполне хорошо. На островѣ Занзибарѣ дромадеры, согласно Гансу Мейеру, работаютъ на мельницахъ для добыванія масла султану, но очень сильно страдаютъ отъ климата. Первоначальной родиной ихъ была, повидимому, Аравія, такъ какъ въ сѣверную Африку они были вывезены, по всѣмъ вѣроятіямъ, уже значительно позднѣе. На древне-египетскихъ памятникахъ не встрѣчается изображеній этого удивительнаго животнаго; точно также,



Жизнь животных Брэм. I.

Т-во „Просвещение“ въ Спб.

Одногорбый верблюдъ (*Camelus dromedarius*).



римские и греческие писатели, путешествовавшие по древнему Египту, не упоминают о немъ, какъ о туземномъ животномъ. Въ Библии это животное упоминается очень часто подъ именемъ „Гамаль.“ У Иова было сначала 3000, а потомъ 6000 верблюдовъ; у мидианитянъ и амалекитянъ было ихъ столько, „какъ песку въ морѣ“. Этимъ животнымъ пользовались совершенно такъ же, какъ и въ наше время. Вѣроятно, дромадеръ распространился по сѣверной Африкѣ вмѣстѣ съ арабами. Прирученіе его относится къ доисторическимъ временамъ; равнымъ образомъ неизвѣстно, откуда онъ происходитъ. Дикихъ или полудикихъ верблюдовъ этого вида нѣтъ уже болѣе нигдѣ.

Верблюды есть вполнѣ животное пустыни и чувствуетъ себя хорошо только въ самыхъ сухихъ и жаркихъ равнинахъ, тогда какъ въ воздѣлываемыхъ и сырыхъ мѣстностяхъ онъ теряетъ свои типичныя черты. Въ Египтѣ мало-по-малу вывели, вѣроятно благодаря очень обильному корму, очень рослую и сильную породу верблюдовъ; но эти верблюды утратили самыя цѣнныя качества — легкость походки, выносливость и воздержанность; поэтому арабы пустыни очень мало уважаютъ ихъ. Въ экваторіальной области Африки, гдѣ растительность становится богаче, верблюда уже нѣтъ больше. Многократныя попытки проникнуть съ нимъ въ самое сердце Африки потерпѣли крушеніе. Внутри круга своего распространенія животное чувствуетъ себя хорошо и превосходно развивается; если его увезти дальше на югъ, оно начинаетъ слабѣть и въ концѣ концовъ погибаетъ при самомъ богатомъ кормѣ, собственно безъ всякой понятной причины.

До сихъ поръ еще не прилагали труда къ тому, чтобы поселить это полезное животное къ сѣверу отъ великаго пути пустыни; однако нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно будетъ съ успѣхомъ развиваться въ тѣхъ странахъ, которыя не слишкомъ отличаются отъ его родины. Въ 1622 году Фердинандъ II Медичи велѣлъ привезти въ Тоскану дромадеровъ, и тамъ и до настоящей минуты продолжается разведеніе этихъ животныхъ. Въ области Санъ-Россоре около Пизы верблюды очень хорошо чувствуютъ себя на большой песчаной равнинѣ и живутъ тамъ совершенно какъ у себя на родинѣ. Въ 1810 г. ихъ числилось 170 штукъ, въ 1840 г. — однимъ больше. Отсюда снабжались дромадерами всѣ зоологическіе сады и звѣринцы. Въ Сициліи, куда ихъ ввозили точно также съ цѣлью примѣненія къ переноскѣ тяжестей на сѣрныхъ рудникахъ, всѣ они погибли. Въ южной Испаніи тоже возникла мысль разводить верблюдовъ, и были получены благопріятные результаты.

По всему сѣверу и востоку Африки дромадеровъ держатъ въ большомъ числѣ. Безчисленное количество ихъ находится въ движеніи по большимъ дорогамъ пустынь между принильскими странами и сѣверной Африкой. Высчитать число верблюдовъ, гибнущихъ по дорогамъ въ пустыняхъ, нѣтъ возможности; какъ оно, однако, велико, лучше всего можно видѣть, когда самъ ѣдешь по пустынѣ. Въ Нубійской пустынѣ, равно какъ и въ Байюда, я находилъ, какъ при началѣ, такъ и при окончаніи вышеупомянутыхъ дорогъ, на много миль скелеты верблюдовъ, которые такъ тѣсно лежали одинъ возлѣ другого, что дорога вполнѣ обозначалась побѣлѣвшими костями. Пустыня не только отечество и мѣсто рожденія верблюда, но точно также мѣсто его смерти и могила; верблюдовъ, которыхъ убиваютъ, такъ мало въ сравненіи съ тѣми, которые оканчиваютъ жизнь естественною смертью, что ихъ совсѣмъ не стоитъ и принимать въ расчетъ.

Верблюды получаютъ свою пищу исключительно изъ царства растеній, и при томъ онъ отнюдь не разборчивъ. Можно, навѣрное, сказать, что нетребовательность есть его величайшая добродѣтель: онъ удовлетворяется самымъ сквернымъ кормомъ. Разъ у него есть хоть самыя жесткія и самыя сухія растенія пустыни, онъ можетъ выдержать цѣлую недѣлю. При случаѣ, для него желанное блюдо — какая нибудь старая корзина или подстилка, сплетенная изъ расщипанныхъ листьевъ финиковой пальмы. Въ восточномъ Суданѣ приходится оберегать отъ верблюдовъ съ помощью изгороди изъ колючихъ растеній хижину туземцевъ, остовъ которыхъ состоитъ изъ тонкихъ палокъ, прикрытыхъ затѣмъ степной травой: иначе животныя сожрали бы весь домъ вплоть до самаго осно-

ванія. По истинѣ удивительно, что даже самые крѣпкіе шины и колючки не повреждаютъ твердаго рта верблюда. Если они могутъ найти болѣе сочную пищу, то это имъ очень по вкусу: они нерѣдко своевольничаютъ въ поляхъ ужаснымъ образомъ и опустошаютъ тамъ цѣлыя пространства; они ѣдятъ также очень охотно мелкіе бобы, горохъ, вику, а зерна всякаго рода кажутся для нихъ лакомствомъ. При путешествіи въ пустынь, гдѣ необходимо, насколько возможно, уменьшить ношу, каждый арабъ беретъ съ собой нѣсколько дурры и и ячменя для своего верблюда, и изъ этого запаса скармливаетъ животному каждый вечеръ по двѣ пригоршни, обыкновенно прямо изъ своего плаща или съ колѣнъ.

При сочной пищѣ дромадеръ можетъ цѣлую недѣлю пробыть безъ воды, если онъ не нагруженъ и не особенно истомился, и при томъ можетъ выбирать растенія по собственному вкусу. Утверждали, будто верблюдъ можетъ обходиться безъ воды даже отъ 14 до 20 дней; эти рассказы просто басни, надъ которымъ посмѣется всякій знающій человекъ. Во время путешествія при палящемъ зноѣ сухой африканской погоды верблюдъ долженъ получать соотвѣтственное количество воды для питья при достаточномъ кормѣ, и если желаютъ, чтобы онъ выдержалъ путь, то ему слѣдуетъ давать по меньшей мѣрѣ на каждые 4 дня отъ 30 до 40 часовъ покоя. Только въ рѣдкихъ случаяхъ арабы заставляютъ верблюдовъ подолгу терпѣть жажду, обыкновенно лишь тогда, когда изсякнетъ источникъ на пути, гдѣ надѣялись достать воды.

Въ давнія времена думали, что эту воздержанность верблюда въ питьѣ можно объяснить своеобразнымъ строеніемъ его желудка. Полагали, что на большія полости двухъ первыхъ отдѣловъ желудка можно смотрѣть, какъ на водохранилища, и въ нѣкоторыхъ старыхъ описаніяхъ путешествій приходится читать, что путешественники въ пустынь въ случаяхъ самой крайней необходимости могли еще найти источникъ воды въ желудкѣ своего верблюда. Я разспрашивалъ относительно этого вожakovъ верблюдовъ, посѣдѣвшихъ въ пустынь, хотя еще и дома сомнѣвался въ справедливости подобныхъ исторій: ни одинъ не зналъ ничего похожаго на это, ни одинъ не слышалъ даже никогда, чтобы разсказывали такую чудовищную ложь. Позднѣе, присутствуя при убиваніи верблюдовъ, напоенныхъ всего лишь за день до этого, я лично убѣдился, что совершенно невозможно пить воду, пробывшую въ теченіе дня въ смѣси съ пищей, находившейся въ желудкѣ, и желудочнымъ сокомъ. Отъ всего верблюда пахнетъ отвратительно; но такая желудочная жижа должна вызвать даже у полумертваго отъ жажды человека непреодолимую рвоту. Вонь отъ свѣжевыпотрошеннаго верблюжьяго желудка прямо невыносима.

По истинѣ весело смотрѣть, когда голодные и истомившіеся верблюды приближаются къ какому нибудь источнику или рѣкѣ. Они высоко поднимаютъ голову, потягиваютъ носомъ воздухъ, зажмуриваютъ глаза, закладываютъ уши и вдругъ пускаются бѣжать, такъ что слѣдуетъ твердо сидѣть въ сѣдлѣ, чтобы не быть сброшеннымъ. Какъ только они дойдутъ до источника, тотчасъ тѣсняются къ водѣ и начинаютъ съ наслажденіемъ пить.

Смотря на спокойно стоящаго дромадера, трудно подумать, что это животное почти можетъ соперничать въ быстротѣ съ лошадыю. Однако, это такъ. Родившіеся въ пустынь или степи верблюды часто бываютъ превосходными бѣгунами и могутъ проходить безъ перерыва такія разстоянія, какъ ни одно другое домашнее животное. Всѣ верблюды ходятъ очень тяжелымъ шагомъ и могутъ только бѣгать, — медленно или быстро; однако эта иноходь у обѣзженнаго для верховой ѣзды верблюда становится на самомъ дѣлѣ легкой и граціозной. Обыкновенно онъ ходитъ удивительнымъ образомъ, какъ бы на ходуляхъ, и при этомъ на каждомъ шагѣ голова его двигается такимъ поразительнымъ образомъ впередъ и назадъ, что едва ли можно представить себѣ болѣе отвратительную картину, чѣмъ эта медленно двигающаяся безобразная фигура. Если же пустить его настоящей рысью, и если онъ при этомъ хорошей породы, которая все время безъ перерыва идетъ тѣмъ аллюромъ, какимъ начала, то тяжелое созданіе кажется легкимъ и красивымъ. Въ началѣ скорость бѣгущей рысью лошади значительно

превосходитъ скорость верблюда, идущаго подобнымъ аллюромъ; но очень скоро лошадь остается далеко позади, а верблюдъ продолжаетъ свой путь тѣмъ же шагомъ. Если верховому верблюду дать отдохнуть въ обѣденное время, то онъ можетъ ѣхать съ ранняго утра до поздней ночи, такъ что животное можетъ пробѣжать рысью 16 часовъ въ день, и при этомъ смѣло пройдетъ разстояніе въ 140 километровъ. Хорошій верблюдъ, получая обычную порцію пищи и питья, выдерживаетъ подобное напряженіе три и даже 4 дня подрядъ безъ дневки и можетъ пройти за это время болѣе 500 километровъ.

Верблюдъ средняго качества и вьючный верблюдъ не обладаютъ такой работоспособностью. Они въ лучшемъ случаѣ могутъ пробѣжать половину того разстоянія, которое дѣлаетъ верховой верблюдъ, обыкновенно же только до 50 килом. въ день; среднимъ числомъ они проходятъ съ ношей въ 150 килогр. по 4 километра въ часъ, но зато могутъ шагать часовъ 12 безъ перерыва, а въ исключительныхъ случаяхъ даже больше.

Отъ хорошаго дромадера арабъ требуетъ трехъ качествъ: онъ долженъ имѣть мягкую спину, не нуждаться въ кнутѣ и не кричать, когда встаетъ и ложится. Только тотъ, кому приходилось часто имѣть дѣло съ верблюдами, знаетъ, что это значить. Обыкновенный вьючный верблюдъ — самое ужасное изъ всѣхъ верховыхъ животныхъ. Когда онъ идетъ своей иноходью, то всаднику приходится изгибаться самымъ неудобнымъ образомъ: онъ колеблется то вверхъ, то внизъ, то въ одну, то въ другую сторону, такъ что его можно сравнить съ фигурами на китайскихъ пагодахъ, если бы они начали двигаться. Но какъ скоро верблюдъ переходитъ на рысь, то дѣло мѣняется. Хотя переменное движеніе продолжается, но боковая качка исчезаетъ, и если всадникъ ловко откинется назадъ въ сѣдлѣ, то онъ хотя и испытываетъ еще сильные толчки, но все же не больше, чѣмъ при ѣздѣ на лошади. Если верблюдъ сильно разозлится, то постоянно переходитъ въ галопъ. Онъ не въ состояніи долго выдержать этотъ аллюръ, да этого ему и не нужно, такъ какъ обыкновенно сѣдокъ, не вполне прочно держащійся въ сѣдлѣ, уже въ первыя минуты летитъ на землю, а верблюдъ весело бѣжитъ прочь и вскорѣ затѣмъ переходитъ опять въ свой обычный шагъ. По этимъ причинамъ арабъ приучилъ своего верхового верблюда ходить только рысью.

Въ горныхъ странахъ можно употреблять дромадера, выросшаго на равнинахъ, только въ ограниченной мѣрѣ, потому что ему очень трудно лазить. Еще болѣе неловко ведетъ себя животное въ водѣ. Даже когда его гонять въ воду, чтобы напоить, онъ упрямится, какъ сумасшедшій; но дѣло идетъ гораздо хуже, когда ему нужно переправиться черезъ большую рѣку; онъ не умѣетъ плавать, но тѣмъ не менѣе ему нужно перебираться вплавь съ одного берега на другой, такъ какъ перевозныя лодки, по большей части, слишкомъ малы, чтобы поднять это неуклюжее созданіе. Поэтому его принуждаютъ войти въ воду, во время всего переѣзда поддерживаютъ на водѣ за голову и хвостъ и перетаскиваютъ такимъ образомъ до пристани.

Голосъ верблюда нѣтъ возможности описать. Клокотанье и стоны, ворчанье, урчанье и ревъ смѣняють другъ друга самымъ удивительнымъ образомъ. Изъ чувствъ его нужно признать всего лучше развитымъ слухъ; зрѣніе, повидимому, во многомъ уступаетъ этому чувству, обоняніе положительно плохо. Напротивъ того осязаніе, повидимому, тонко, вкусъ онъ также проявляетъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ общемъ верблюда надо считать животнымъ съ очень тупыми чувствами. Что касается его духовныхъ качествъ, то оцѣнка ихъ будетъ для него далеко не лестна. Нельзя не признать, что дромадеръ обладаетъ по истинѣ изумительной способностью непрерывно до невѣроятія злить человѣка. Глупость и злость — общее ихъ достояніе; но если прибавить сюда трусость, упрямство, строптивость, сопротивленіе всему разумному, ненависть или равнодушіе къ своему попечителю и благодѣтелю и еще сотни всякихъ другихъ пороковъ, которые только можетъ имѣть какое-либо существо, а также большое умѣнье примѣнять ихъ, то будетъ понятно, что человѣкъ, которому приходится имѣть дѣло съ подобнымъ скотомъ, можетъ легко дойти до бѣшенства. Это вполне понятно

тому, кого сбрасывалъ верблюдъ, топталъ ногами, покидалъ въ степи и надругался, тому, кого злило животное ежечасно по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ, съ достойнымъ удивленія упорствомъ и постоянствомъ, тому, кто истощилъ всѣ исправительныя и карательныя мѣры. Я не говорю уже о томъ, что отъ верблюда такъ несетъ, что въ сравненіи съ этимъ вонь отъ козла кажется благоуханіемъ, что онъ терзаетъ ухо своимъ ревомъ не меньше, чѣмъ носъ своей вонью или глазъ надутымъ выраженіемъ своей головы, которая выглядитъ несказанно глупо на длинной страусовой шеѣ; но что такъ низко ставить его въ моихъ глазахъ — это его ежеминутное сознательное противодѣйствіе волѣ своего хозяина. Изъ тысячъ верблюдовъ, которыхъ я наблюдалъ въ Африкѣ, я видѣлъ только одного, который выказывалъ нѣкоторую привязанность къ своему хозяину.

Впрочемъ это относится къ дромадеру, занимающему сравнительно небольшую область. Многіе путешественники пришли къ болѣе благопріятнымъ заключеніямъ, и о дромадерахъ другихъ болѣе обширныхъ областей отзываются гораздо лучше. Однако, животныя юго-западной Азіи, земли Сомаль и Сахары отличаются, должно быть, совершенно другими нравами.

Самка верблюда приноситъ только одного дѣтеныша черезъ 11—13 мѣсяцевъ беременности. Въ первые дни своей жизни этотъ дѣтенышъ, вообще, менѣе безобразенъ, и въ немъ, какъ и во всѣхъ молодыхъ животныхъ, есть нѣчто забавное и веселое. Онъ рождается съ открытыми глазами и покрытымъ довольно длинными, густыми, мягкими, шерстистыми волосами. Горбъ у него очень малъ, а мозоли едва только обозначены. Величиной онъ значительно превосходитъ новорожденного жеребенка; при рожденіи вышина верблюда бываетъ приблизительно 1 метръ, но уже по истеченіи недѣли онъ замѣтно увеличивается. При дальнѣйшемъ подрастаніи шерсть становится гуще и длиннѣе, и молодой верблюдъ получаетъ тогда дѣйствительно поразительное сходство съ однимъ своимъ американскимъ родичемъ, пако. Какъ только онъ обсохнетъ, сейчасъ же слѣдуетъ за своей матерью, которая относится къ нему очень внимательно. Если двѣ кобылицы сойдутся вмѣстѣ, имѣя при себѣ дѣтенышей, то молодые животныя начинаютъ очень мило играть, а старыя одобрительно ворчатъ при этомъ. Верблюдъ кормитъ своего дѣтеныша въ теченіе одного года и въ это время проявляетъ болѣе, чѣмъ обыкновенное мужество, защищая при случаѣ изъ всѣхъ силъ свой отпрыскъ. Мать печется только о своемъ собственномъ дѣтенышѣ, но никогда, напротивъ, не заботится о чужомъ.

Цѣна хорошаго верблюда колеблется въ различныхъ странахъ. За самыхъ лучшихъ башариновъ платятъ 200 — 300 марокъ (90 р. — 130 р.) при покупкѣ изъ первыхъ рукъ, обыкновенный вьючный верблюдъ рѣдко стоитъ дороже 90 марокъ (40 р.). По нашимъ понятіямъ, это, конечно, очень незначительная цѣна, но въ Суданѣ она выражаетъ крупную сумму.

Верблюдъ подверженъ разнымъ болѣзнямъ; однако эти болѣзни принимаютъ эпидемическій характеръ только подъ низкими широтами. Но гораздо больше верблюдовъ умираетъ естественной смертью, а не отъ болѣзней; убиваютъ только весьма незначительное число. Въ смерти этого животнаго есть всегда нѣчто поэтическое: умираетъ-ли оно на свѣтломъ песчаномъ ложѣ пустыни или на бойнѣ. Д. Вилльямсъ называетъ мясо молодыхъ верблюдовъ однимъ изъ величайшихъ лакомствъ. Изъ шкуры изготовляютъ крыши палатокъ и посуду всякаго рода, хотя кожа не особенно прочна; волосъ перерабатывается на прочныя въ носкѣ ткани.

Молоко животнаго до того густо и жирно, что вкусъ его противенъ, вслѣдствіе чего его мало употребляютъ. Напротивъ того, пометъ верблюда находитъ частое примѣненіе. При переѣздахъ черезъ пустыню, когда горючаго матеріала не хватаетъ, по утрамъ собираютъ маленькіе, кругловатые кусочки, величиной съ лѣсной орѣхъ, твердаго и сухого помета; они должны служить въ ближайшій вечеръ въ качествѣ дровъ; въ Египтѣ, бѣдномъ деревомъ, также тщательно собираютъ навозъ верблюдовъ, равно какъ и лошадиный, коровій и ослиный, мѣсятъ его, какъ тѣсто, формируютъ плитки, высушиваютъ ихъ на солнцѣ и затѣмъ складываютъ въ сарай, какъ горючій матеріалъ.

Почти та же роль, какую играетъ въ вышеописанныхъ странахъ дромадерь, предназначена двугорбому верблюду (*Camelus bactrianus*) въ восточной и средней Азіи. Онъ отличается отъ дромадера двумя горбами, изъ которыхъ одинъ поднимается съ загривка, а другой спереди крестцовой области. Фигура его тяжеловѣсна и неуклюжа, масса тѣла больше, волосяной покровъ гораздо богаче, чѣмъ у дромадера, цвѣтъ тоже темнѣе, обыкновенно темно-коричневый, лѣтомъ же рыжеватый.

Для меня является сомнительнымъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на двугорбаго верблюда, какъ на особый родъ или же отнести его къ одному съ дромадеромъ. И тотъ и другой взаимно оплодотворяютъ другъ друга и производятъ ублюдковъ,



Двугорбый верблюдъ (*Camelus bactrianus*). $\frac{1}{22}$ естеств. велич.

которые вновь способны плодотворно скрещиваться какъ между собой, такъ и со своими производителями. Если принять ихъ за одинъ родъ, то родоначальникомъ слѣдуетъ считать двугорбаго верблюда, а дромадера — производной породой; такъ какъ киргизы и монголы описываютъ двугорбаго верблюда, какъ дикаго, Пржевальскій доказалъ въ послѣднее десятилѣтіе, что во внутренней Азіи въ большомъ числѣ встрѣчаются настоящіе дикіе, а не одичавшіе только двугорбые верблюды. У этихъ животныхъ горбы меньше, чѣмъ у тѣхъ, которыхъ разводятъ люди, затѣмъ на переднихъ колѣняхъ есть мозоли и строеніе черепа нѣсколько отклоняется отъ обычнаго; распространены они, какъ до сихъ поръ узнали, отъ южной Джунгаріи по восточному Курдистану и Тибету.

Двугорбый верблюдъ разводится во всѣхъ степныхъ мѣстностяхъ средней Азіи, и въ особенности служитъ для караванной торговли между Китаемъ и южной Сибирью или Туркестаномъ. Въ Бухарѣ и Туркменіи его мѣсто мало по малу занимаетъ дромадерь и тамъ, гдѣ степь принимаетъ характеръ пустыни, вытѣсняетъ его совершенно. Киргизы высоко цѣнятъ его, однако, разведеніемъ его

занимаются небрежнѣе, чѣмъ разведеніемъ всѣхъ остальныхъ домашнихъ степныхъ животныхъ и пользуются имъ несравненно менѣе, чѣмъ лошадью; для монголовъ восточной Азіи онъ, напротивъ, такъ же важенъ, какъ дромадеръ для арабовъ. Извѣстно немного породъ, но всѣ онѣ замѣтно различаются другъ отъ друга и особенности ихъ строго сохраняются.

Хотя можно сказать, что двугорбый верблюдъ по своему характеру и качествамъ совершенно сходенъ съ дромадеромъ, однако нельзя не признать за нимъ большаго благопріятія. Онъ легко даетъ поймать себя, добровольно повинуется приказаніямъ своего хозяина, безъ особаго сопротивленія. Однако, все же онъ остается верблюдомъ, во всемъ многозначущемъ смыслѣ этого слова. Духовныя дарованія его стоятъ на той же низкой степени, какъ и у дромадера: онъ такъ же глупъ, равнодушенъ и трусливъ. Иногда выскочившій у него изъ подъ ногъ заяцъ повергаетъ его въ смертельный страхъ. Въ испугѣ онъ бросается въ сторону и мчится прочь, какъ безумный, а всѣ прочіе слѣдуютъ за нимъ, сами не зная, зачѣмъ. Большой черный камень на дорогѣ, куча костей, упавшее сѣдло до того пугаютъ его, что онъ теряетъ рассудокъ и приводитъ въ разстройство цѣлый караванъ.

На пышныхъ пастбищахъ двугорбый верблюдъ тоже не можетъ развиваться, но для того, чтобы достичь полныхъ силъ или чтобы сохранить ихъ, онъ требуетъ напротивъ, степныхъ растеній, которыми врядъ ли удовольствовались бы другія животныя; къ такимъ растеніямъ относится, напримѣръ, полынь, дикій лукъ, побѣги разнаго рода кустарниковъ и тому подобныя, а главнымъ образомъ, растенія, заключающія въ себѣ соль.

Время спариванія падаетъ на февраль, мартъ и апрѣль. Черезъ 13 мѣсяцевъ кобыла производитъ на свѣтъ дѣтеныша. Онъ до того беспомощенъ, что въ первые дни жизни его нужно заботливо беречь и подкладывать подъ вымя матки, но вскорѣ онъ уже слѣдуетъ за своей матерью, куда бы она ни шла; мать очень привязана къ нему. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ рожденія онъ начинаетъ уже ѣсть, и тогда его своевременно отнимаютъ отъ матки, потому что ее доятъ, какъ и всякое другое степное животное, живущее въ стадахъ. На второмъ году жеребенку прокалываютъ носъ и вставляютъ въ образовавшееся отъ этого отверстіе мундштукъ, такъ какъ съ этого времени начинается его дрессировка. На третьемъ году жизни имъ пользуются для недалнихъ поѣздокъ, на четвертомъ — для перевозки легкихъ ношъ; на пятомъ году онъ считается взрослымъ и способнымъ къ работѣ. При хорошемъ обращеніи онъ можетъ служить до 25 лѣтъ.

Сильный двугорбый верблюдъ проходитъ ежедневно отъ 30 до 40 километровъ съ ношей въ 220 килограммовъ, очень сильный экземпляръ несетъ на 50 килогр. больше; съ половинной же ношей пробѣгаетъ рысью почти вдвое больше; лѣтомъ онъ можетъ не пить 2—3 дня, зимой отъ 5 до 8, и голодать, не испытывая отъ этого страданій, половину этого времени, и при очень длинныхъ поѣздкахъ требуетъ на каждые 6—8 дней только 24 часоваго роздыха. Кромѣ того, въ киргизскихъ степяхъ онъ употребляется не исключительно, какъ вьючное животное, но и какъ упряжное — въ одиночку или парой, а въ областяхъ сыпучихъ песковъ идетъ даже за почтовую лошадь. Г. Мозеръ очень жалуется на медленность такой почтовой ѣзды и пишетъ: „Верблюдъ (двугорбый) идетъ только шагомъ; при этомъ онъ испускаетъ ужасные крики, которые со временемъ до того разстраиваютъ нервы, что только тѣ могутъ составить объ этомъ понятіе, кто наслаждался рѣдкимъ счастьемъ переѣзжать на этомъ животномъ.“

Несмотря на всѣ недостатки, двугорбаго верблюда слѣдуетъ считать за одно изъ самыхъ полезныхъ созданій. Онъ весьма исполнителенъ во всѣхъ отношеніяхъ, и его нельзя замѣнить ни однимъ другимъ домашнимъ животнымъ. Пользуются его волосомъ и молокомъ, шкурой и мясомъ, его запрягаютъ въ повозки и употребляютъ въ качествѣ вьючнаго животнаго. Съ его помощью переѣзжаютъ черезъ безводныя, пустынные степи, гдѣ лошади были бы непригодны; на немъ взбираются на горы болѣе 4000 метровъ вышины, гдѣ держится еще только одинъ якъ. Лошадь — товарищъ, верблюдъ же — слуга жителя степей.

Верблюды Новаго Свѣта тоже принадлежатъ къ тѣмъ американскимъ животнымъ, которыя кажутся карликами въ сравненіи съ ихъ родичами Стараго Свѣта, принадлежащими къ одному съ ними роду или семейству. Ламы (*Auchenia*) относятся къ верблюдамъ; но онѣ далеко уступаютъ по величинѣ родственнымъ видамъ Стараго Свѣта. Одна изъ причинъ этого, конечно, то обстоятельство, что американскіе верблюды — жители горъ и уже поэтому не могутъ достигъ той величины, какъ ихъ родичи Стараго Свѣта, обитающіе въ равнинахъ. Ламы отличаются, однако, отъ собственно верблюдовъ не только меньшей величиной, но также сравнительно большой, сильно стиснутой по направленію кзади головой съ острой мордой, большими ушами и глазами, худой, тонкой шеей, высокими и стройными ногами, пальцы которыхъ сильнѣе разъединены, меньшими мозолями и длиннымъ, шерстистымъ волосянымъ покровомъ. На туловищѣ ихъ нѣтъ горба; паха еще болѣе поджары, чѣмъ у настоящихъ верблюдовъ.

Ламы распадаются на четыре разныхъ формы, которыя уже съ давнихъ временъ носятъ названія гуанако или хуанако, лама, пако или альпака и вигонь. Исслѣдователи еще не пришли къ соглашенію, слѣдуетъ ли считать всѣхъ четырехъ животныхъ за самостоятельные роды или нѣтъ. Одни видятъ въ гуанако родоначальника ламы и пако и думаютъ найти поддержку своему мнѣнію, главнымъ образомъ, въ томъ, что лама и гуанако взаимно оплодотворяютъ другъ друга и производятъ способныхъ къ размноженію ублюдковъ; другіе считаютъ незначительную разницу формъ достаточно вѣской для того, чтобы принимать четырехъ ламъ — что всегда и дѣлали туземцы — за особые роды. Чуди, исслѣдователь, имѣвшій возможность наблюдать ламъ на ихъ родинѣ, примыкаетъ къ взгляду туземцевъ, и его опредѣленіе долго считалось правильнымъ. Однако, если мы подумаемъ о томъ, какое сильное и въ какой высокой степени преобразующее вліяніе оказываетъ прирученіе на формы животныхъ, то намъ придется назвать справедливымъ противоположное воззрѣніе и врядъ ли мы признаемъ ламу и пако чѣмъ либо инымъ, какъ прирученными потомками гуанако.

Гуанако и вигонь живутъ еще и до сего дня въ дикомъ состояніи; лама и пако сдѣлались домашними животными уже съ незапамятныхъ временъ. Съ самаго открытія Америки они существовали въ прирученномъ состояніи; перуанское преданіе относитъ прирученіе этихъ животныхъ къ самымъ раннимъ періодамъ существованія человѣка и ставитъ его въ связь съ появленіемъ на землѣ своихъ полубоговъ. Испанцы, прибывшіе туда впервые, находили повсюду во владѣніи горныхъ жителей значительныя стада ламъ и описывали этихъ животныхъ хотя и нѣсколько неясно, но все же такъ подробно, что можно безъ труда узнать даже отдѣльныя формы. Педро де-Ціеза уже въ 1541 году очень точно различаетъ четыре рода. „Ни въ одной части свѣта“, замѣчаетъ онъ, „нѣтъ такихъ удивительныхъ овецъ, какъ въ Перу, Чили и нѣкоторыхъ провинціяхъ Ла-Платы. Онѣ принадлежатъ къ наиболѣе превосходнымъ и полезнымъ животнымъ, которыхъ создалъ Богъ, какъ бы изъ особаго попеченія о живущихъ тамъ людяхъ, такъ какъ они не могли бы существовать безъ этого скота. Въ долинахъ низменностей туземцы сѣютъ хлопокъ и готовятъ себѣ изъ него одежду; на горныхъ высотахъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ не растетъ ни деревьевъ, ни хлопка, такъ что у жителей ихъ не было бы, во что одѣться. Посему Богъ и далъ имъ такое количество этого скота, но ожесточенныя войны испанцевъ уже значительно уменьшили его. Туземцы называютъ этихъ овецъ ламами, а барановъ уркосами. По величинѣ они походятъ на маленькаго осла съ широкими копытами и толстымъ брюхомъ; шеей и фигурой они сходны съ верблюдомъ, а наружнымъ видомъ съ овцой. Эти животныя питаются полевыми травами. Они очень ручны и совсѣмъ не упрямы; только когда у нихъ бываютъ боли, они бросаются на землю и стонутъ, какъ верблюды. Бараны легко несутъ на спинѣ 2—3 арробасъ, и ихъ мясо, очень хорошее, не теряетъ своего качества отъ ношенія тяжестей. У этого животнаго есть другой родичъ, котораго они называютъ гуанако. У него такая же фигура, онъ только больше ростомъ. Тамъ бродятъ по полямъ большія дикія стада и скачутъ съ такой легкостью, что ихъ

едва догоняетъ собака. Кромѣ того, тамъ находится еще другой сортъ этихъ овецъ, называемый вигонь. Вигони еще проворнѣе, чѣмъ гуанако, онѣ блуждаютъ въ пустыняхъ, пожирая тамъ траву, которую Богъ произрастилъ для нихъ. Шерсть ихъ превосходна; она такъ хороша, что еще тоньше шерсти мериносовъ. Я не знаю, можно ли изъ нея вы ткать платокъ, но та матерія, которая ткется для мѣстнаго потребленія, поразительно хороша. Мясо вигони и гуанако очень хорошо; вкусомъ оно походитъ на баранину. Наконецъ, существуетъ еще одинъ видъ ручного скота, называемый пако, но онъ съ длинными волосами и очень безобразенъ; фигура его такая же, какъ у ламы или овцы, только онъ меньше ихъ. Ягнята очень похожи на испанскихъ. Безъ этихъ барановъ и овецъ не было бы возможности развозить многіе товары изъ Потози — одного изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ пунктовъ.“

Изъ этихъ данныхъ несомнѣнно выходитъ, что въ теченіе трехъ столѣтій четыре различныя формы ламъ не измѣнились.

Всѣ ламы живутъ на плоскогоріяхъ огромной цѣпи горъ — Кордильеровъ. Онѣ хорошо чувствуютъ себя только въ холодныхъ мѣстностяхъ и поэтому только на крайнемъ югѣ спускаются въ пампасы или большія равнины Патагоніи. Вблизи отъ экватора обычное мѣсто ихъ пребыванія лежитъ на высотѣ отъ 4 до 5 тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря, и ниже чѣмъ на 2000 метр. надъ моремъ онѣ не могутъ успѣшно развиваться, тогда какъ холодная Патагонія, напротивъ, доставляетъ имъ соотвѣтствующія мѣста уже на самыхъ незначительныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря. Дико живущія животныя въ періодъ влажнаго времени года стягиваются на высочайшіе гребни и хребты горъ, а во время сухого промежутка года спускаются обратно въ плодородныя долины. Онѣ живутъ обществами, нерѣдко косяками въ нѣсколько сотъ головъ; охотятся на нихъ страстно.

Гуанако или хуанако (*Auchenia huapaso*) вмѣстѣ съ ламой является самымъ крупнымъ и однимъ изъ наиболѣе важныхъ четвероногихъ животныхъ Южной Америки, хотя встрѣчается только въ дикомъ состояніи. По величинѣ онъ равенъ, приблизительно, нашему благородному оленю; по фигурѣ же какъ бы удивительное звено между верблюдомъ и овцой. Общая длина тѣла вполнѣ взрослаго животнаго достигаетъ 2,25 метра, длина хвоста 24 сантиметра, вышина загривка 1,15 м., разстояніе отъ земли до темени 1,6 метра. Самка меньше ростомъ, но совершенно одинаково сложена, какъ и самецъ и такого же цвѣта. Довольно длинный, богатый, но не крѣпкій мѣхъ покрываетъ тѣло. Онъ состоитъ изъ короткаго, тонкаго подшерстка и болѣе длинной и рѣдкой щетины. Общій цвѣтъ ихъ грязный буро-красный; середина груди, середина живота и задняя часть тѣла, равно какъ и внутренняя поверхность конечностей бѣловатаго цвѣта.

Гуанако распространенъ по Кордильерамъ, отъ лѣсистыхъ острововъ Огненной Земли до сѣвернаго Перу; именно, наиболѣе часто встрѣчается онъ въ южной части горной цѣпи.

Они живутъ въ общеніи, косяками. Мейенъ видѣлъ такіе косяки въ 7—100 штукъ, пасущимися по ручьямъ. Косякъ обыкновенно состоитъ изъ многихъ самокъ и одного стараго самца.

Всѣ движенія гуанако стремительны и живы, но не такъ быстры, какъ можно было бы предполагать. Хорошая лошадь скоро догоняетъ бѣгущій по равнинѣ косякъ; но обыкновенныя собаки съ трудомъ могутъ его настичь. Бѣгутъ они короткой, медлительной иноходью; при ускоренномъ бѣгѣ шея ихъ вытягивается впередъ. Лазить гуанако умѣетъ мастерски; онъ взбѣгаетъ, какъ серна, на самые крутые отвѣсы и обрывы, даже туда, куда не можетъ ступить нога самаго опытнаго горнаго охотника, и смотритъ оттуда равнодушно въ пропасть. Для отдыха животное ложится, какъ верблюдъ, на грудь и ноги, и подобно ему, опускается и поднимается. При отдыхѣ онъ мечтательно жуетъ свою жвачку.

Обыкновенно гуанако дики и очень пугливы. Самецъ-предводитель почти всегда стоитъ впереди своего стада на нѣсколько шаговъ и очень осторожно сторожитъ, тогда какъ его стадо беззаботно пасется. При малѣйшей опасности онъ

издаетъ громкій звукъ — не то ржанье, не то блеянье: всѣ животныя стада моментально поднимаютъ головы, зорко озираются по всѣмъ сторонамъ и затѣмъ обращаются въ стремительное бѣгство.

Время течки бываетъ въ августѣ и сентябрѣ. Ему предшествуютъ частыя драки между самцами, оспаривающими другъ у друга владычество. Послѣ 10—11 мѣсячной беременности самка приноситъ одного вполне сформированнаго, покрытаго шерстью и зрячаго дѣтеныша, кормить его въ теченіе 4 мѣсяцевъ, тщательно слѣдитъ за нимъ, обращается съ большой нѣжностью и держитъ его при себѣ, пока онъ не станетъ совершенно взрослымъ.

Гуанако защищается противъ себѣ подобныхъ, лягаясь и кусаясь, но передъ всякимъ, сколько нибудь вооруженнымъ врагомъ, напротивъ, боязливо бѣжитъ, даже не думая объ оборонѣ. Если они нѣсколько привыкли къ человѣку и домашнимъ животнымъ, то они дѣлаются отважнѣе, иногда смѣло нападаютъ на противника, пытаясь укусить или лягнуть его; по крайней мѣрѣ, они прибѣгаютъ къ оборонительному средству, свойственному всѣмъ ламамъ: даютъ противнику вплотную подойти, закладываютъ назадъ уши, принимаютъ очень злое выраженіе и вдругъ плюютъ ему въ лицо съ силой слюну съ травой или прямо находящейся у нихъ во рту, или же отрыгнутой нарочно для этой цѣли.

Человѣкъ — самый страшный врагъ этого животнаго; отъ другихъ хищниковъ оно спасается быстротой бѣга. Я не согласенъ, чтобы кондоръ причинялъ имъ столько вреда, какъ говорятъ. Южно-американцы страстно занимаются охотой на гуанако, такъ какъ она приноситъ великолѣпную добычу въ видѣ драгоценнаго мяса и мѣха.

Какъ въ горахъ, такъ и на равнинахъ нерѣдко ловятъ гуанако съ цѣлью прирученія. Пока они молоды, — они ведутъ себя самымъ милымъ образомъ. Они выказываютъ себя довѣрчивыми и привязчивыми, слѣдуютъ по пятамъ за своимъ господиномъ, какъ собаки, и позволяютъ обращаться съ собой, какъ съ ягнятами; но чѣмъ старше становятся они, тѣмъ болѣе уменьшаются ихъ привязанность и любовь къ человѣку. Пойманныхъ гуанако легко можно кормить сѣномъ, травой, хлѣбомъ и зерномъ даже и у насъ въ Европѣ, гдѣ они при соответственномъ уходѣ даже размножаются.

Лама, собственно лама (*Auchenia lama*) находится, главнымъ образомъ, въ Перу и лучше всего развивается тамъ на высокихъ равнинахъ. Она нѣсколько больше гуанако и отличается отъ него мозолями на груди и на передней сторонѣ запястья. Голова ея узка и коротка, губы покрыты волосами, уши коротки и подошвы ногъ велики. Цвѣтъ бываетъ очень разнообразенъ: существуютъ бѣлыя, черныя, пѣгія, съ буро-красными и бѣлыми пятнами, темно-коричневая, цвѣта охры, рыжія и другія. Взрослое животное достигаетъ 2,6—2,8 метра вышины отъ подошвы до темени; въ загривкѣ же приблизительно 1,2 метра.

Акоста рассказываетъ, что индѣйцы нагружаютъ, какъ вьючныхъ животныхъ, цѣлыя стада „этихъ овецъ“, гонятъ ихъ черезъ горы, часто группами отъ 300—500, а иногда до 1000 штукъ. „Я часто удивлялся“, пишетъ онъ, „видя, какъ навьючиваютъ на этихъ овецъ по 2 и по 3 тысячи серебряныхъ слитковъ, цѣнностью свыше 300,000 дукатовъ, при чемъ не бываетъ никакого конвоя, кромѣ нѣсколькихъ индѣйцевъ, которые нагружаютъ, разгружаютъ и гонятъ этихъ овецъ, да еще при нихъ самое большее — нѣсколько испанцевъ. Всѣ ночи они проводятъ среди полей, и при всемъ томъ на долгомъ пути никогда ничего не пропадало; такъ велика безопасность въ Перу. На мѣстахъ остановокъ, гдѣ имѣются ручьи и пастбища, проводники развьючиваютъ ихъ, а сами разбиваютъ палатки, варятъ пищу и, несмотря на длинное путешествіе, прекрасно чувствуютъ себя. Если поѣздка продолжается всего одинъ день, то эти овцы несутъ до 8 арробасъ (92 килограм.) и проходятъ съ ними отъ 8 до 10 легасъ (29—36 километровъ); впрочемъ, это приходится выносить только тѣмъ ламамъ, которыя принадлежатъ бѣднымъ, странствующимъ по Перу солдатамъ. Всѣ эти животныя любятъ холодъ и чувствуютъ себя хорошо лишь въ горахъ, на равнинахъ же гибнуть отъ жары. Порой они

сплошь покрываются инеемъ и льдомъ и все же остаются здоровы. Эти короткошерстыя созданія часто вызываютъ смѣхъ. Иногда они вдругъ останавливаются на дорогѣ, вытягиваютъ высоко шею, смотрятъ очень внимательно на людей и долгое время остаются неподвижны, не выказывая ни страха, ни недовольства. Другой разъ они внезапно пугаются и мчатся съ своей ношей на высочайшія скалы, такъ что приходится стрѣлять въ нихъ, чтобы не потерять серебряныхъ слитковъ.“

Только самцы употребляются для переноски тяжестей, самокъ же оставляютъ исключительно на племя. „Ничто не представляетъ болѣе красиваго зрѣлища“



Лама (*Auchenia lama*). $\frac{1}{18}$ естеств. велич.

говоритъ Стефенсонъ, „какъ вереница этихъ животныхъ, шествующихъ другъ за другомъ въ величайшемъ порядкѣ съ грузомъ около центнера вѣсомъ на спинѣ; во главѣ ихъ идетъ вожакъ, со вкусомъ украшенный изящнымъ недоуздомъ, колокольчикомъ и значкомъ на головѣ. Въ такомъ порядкѣ идутъ они по покрытымъ снѣгомъ вершинамъ Кордильероу или по склонамъ этого хребта, по такимъ путямъ, гдѣ даже лошади или мулу было бы, конечно, трудно пройти; при этомъ они такъ послушны, что ихъ проводникамъ не нужно ни палокъ, ни кнута, чтобы управлять и подгонять ихъ впередъ. Спокойно, не задерживаясь, шагаютъ они къ своей цѣли.“

Мейенъ считаетъ ламъ столь же важными для перуанцевъ, какъ сѣверный олень для лапландцевъ. Тамъ держать этихъ животныхъ огромными стадами на высокихъ равнинахъ. Всѣ роды ламы приносятъ только одного дѣтеныша, который

сосетъ приблизительно въ теченіе 4 мѣсяцевъ, у настоящихъ же ламъ обыкновенно нѣсколько дольше.

Отъ того же естествоиспытателя мы узнаемъ, что значеніе, а также и цѣна ламы значительно упали со времени введенія въ употребленіе однокопытныхъ, и затѣмъ, что стада ламъ иногда страшно поражаются болѣзнями и погибаютъ въ ужасающемъ количествѣ. Въ настоящее время можно видѣть ламу почти въ каждомъ зоологическомъ саду. Если ее держать вмѣстѣ съ другимъ животными того же вида, то она становится, повидимому, гораздо ласковѣе, чѣмъ тогда, когда скучаетъ въ одиночествѣ. Она превосходно уживается съ особями своего вида и другихъ родственныхъ видовъ, въ особенности нѣжно относятся другъ къ другу пары. Онѣ приучаются узнавать своихъ сторожей и обращаются съ ними довольно сносно, но по отношенію къ чужимъ людямъ проявляютъ себя настоящими верблюдами, т. е. постоянно болѣе или менѣе враждебно настроены и очень раздражительны. Въ Берлинскомъ зоологическомъ саду жила лама, отличавшаяся чрезвычайной неуживчивостью; на ея клѣткѣ висѣла досочка съ просьбой не злить ламу, послѣдствіемъ чего, разумѣется, было то, что каждый старался сейчасъ же разсердить животное. Поэтому оно находилось въ постоянномъ возбужденіи. Какъ скоро кто либо приближался, лама переставала спокойно жевать, закладывая уши назадъ, пристально устремляла на чужого свой взоръ, внезапно шла прямо на него и плевала въ него. Подобнымъ же образомъ вели себя и другія ламы, которыхъ я видѣлъ и за которыми самъ ходилъ, и могу смѣло сказать, что я не зналъ ни одной ламы, которая была бы кротка или добродушна.

Третья форма этой группы — пако или альпака (*Auchenia pacos*) меньше ламы; тѣлосложеніемъ онъ походитъ на овцу, но имѣетъ болѣе длинную шею и болѣе изящную голову; руно его очень длинно и чрезвычайно мягко; на нѣкоторыхъ мѣстахъ волосъ достигаетъ 10—12 сантиметровъ длины, какъ, напримеръ, на бокахъ туловища. Цвѣтъ ихъ, по большей части, совершенно бѣлый или черный; однако равнымъ образомъ попадаются и пестрые животные.

Пако держатся большими стадами, которые пасутся круглый годъ на высокихъ равнинахъ; притащить ихъ къ хижинѣ можно только на веревкѣ. Быть можетъ, нѣтъ ни одного животнаго болѣе упрямаго, чѣмъ пако. Когда одного изъ нихъ отдѣляютъ отъ стада, онъ бросается на землю, и его нельзя заставить сдвинуться или встать ни лестью, ни ударами. Онъ скорѣе вытерпитъ самые сильные побои и даже мучительнѣйшую смерть, чѣмъ послѣдуетъ за вами. Нѣкоторыхъ только такъ и можно угнать, если присоединить ихъ къ стадамъ ламъ и овецъ. Индійцы съ первобытныхъ временъ изготовляютъ изъ шерсти ламы и пако войлочные одѣяла и плащи.

Неоднократно пытались водворить у насъ альпака, но до сихъ поръ имѣли мало успѣха; напротивъ, всѣ попытки безъ исключенія потерпѣли полное крушеніе. Въ Австраліи, кажется, было то же самое, что и въ Европѣ, несмотря на то, что тамъ попытки производились въ болѣемъ масштабѣ. Альпако крѣпки, довольно нетребовательны, быстро размножаются, такъ какъ самка ходитъ беременной только 11 мѣсяцевъ, и кромѣ превосходной шерсти, центнеръ которой на западномъ берегу стоитъ около 300 марокъ (130 р.), доставляютъ еще замѣчательно вкусное мясо. Ихъ не примѣняютъ на родинѣ для ношенія тяжестей, а разводятъ исключительно ради шерсти и мяса. Индѣйцы изготовляютъ изъ ихъ шерсти очень искусно скатерти и другія цѣнные вещи, особенно отличающіяся своей долговѣчностью и прекраснымъ блескомъ. Перуанскіе инки большіе мастера ткать. Самые искусные изъ нихъ живутъ на озерѣ Титикаха.

„Вигонъ“ (*Auchenia vicugna*), говоритъ Чуди, „граціознѣе ламы. По величинѣ она стоитъ между ламой и пако, но отличается отъ нихъ гораздо болѣе короткой, курчавой и необычайно тонкой шерстью. Темя, верхняя часть шеи, туловище и бедра своеобразнаго красновато-желтаго цвѣта (вигоневый цвѣтъ);

нижняя часть шеи и внутренняя сторона конечностей — цвѣта свѣтлой охры, а волосы въ 12 см. длиной, на груди и животѣ бѣлые.

„Въ теченіе влажнаго времени года вигони держатся на гребняхъ Кордильеръ, гдѣ растительность очень скудно пробивается. Онѣ всегда остаются на травянистыхъ мѣстахъ, такъ какъ копыта ихъ очень мягки и чувствительны и даже тогда, когда ихъ преслѣдуютъ, никогда не забираются на каменистыя, голыя



Вигонъ (*Vicuña vicugna*). $\frac{1}{16}$ естеств. велич.

вершины, ни, тѣмъ менѣе, на глетчеры и снѣжныя поляны, какъ это дѣлаютъ наши серны. Въ жаркое время года онѣ спускаются въ долины. Кажущееся противорѣчіе, что животныя отыскиваютъ зимой холодныя, а лѣтомъ жаркія мѣстности, объясняется тѣмъ, что на хребтахъ Кордильеръ въ сухое время года бываетъ полная засуха и что вообще скудная растительность доставляетъ тогда вигонямъ достаточное количество корма только въ долинахъ, гдѣ имѣются источники и болота.

„Въ февралѣ каждая самка приноситъ одного дѣтеныша, который проявляетъ тотчасъ послѣ рожденія необычайную выносливость и быстроту. Молодые

вигонн-самцы остаются при своих матеряхъ, пока не достигнуть полного возраста; тогда все стадо самокъ соединяется и прогоняетъ самцовъ, кусая и лягая ихъ. Послѣдніе соединяются въ особыя стада, которыя примыкаютъ къ другимъ, и такимъ образомъ стадо можетъ возрасти до 20—30 головъ.

„Иногда встрѣчаются вигони и по одиночкѣ. Къ нимъ легко приблизиться и, если онѣ пустятся бѣжать, то ихъ можно скоро нагнать галопомъ и поймать арканомъ или лассо. Индѣйцы утверждаютъ, что эти животныя потому такъ ручны, что страдаютъ глистами. Мы вполне убѣдились въ справедливости этого факта, такъ какъ, изслѣдуя одно изъ этихъ животныхъ, мы нашли, что поджелудочная железа и печень кишѣли глистами. Мы склонны, какъ и индѣйцы, приписать причину этихъ заболѣваній сырымъ лугамъ, посѣщаемымъ вигонями; ибо наблюденіе показываетъ, что животныхъ, больныхъ глистами, можно найти почти исключительно въ сырое время года.“

Животныя, пойманныя въ молодости, легко становятся ручными и ведутъ себя очень довѣрчиво, привязаны къ своему попечителю и слѣдуютъ за нимъ по пятамъ, какъ хорошо воспитанное домашнее животное; но становясь старше онѣ дѣлаются, подобно всѣмъ своимъ родичамъ, злобными и невыносимыми, потому что вѣчно плюются.

Уже во времена Акосты, индѣйцы стригли вигоней и готовили изъ ихъ шерсти одѣяла очень высокой цѣнности; онѣ имѣли видъ бѣлой шелковой матеріи и при употребленіи неокрашенными выдерживали очень долгое время. Одежда изъ этихъ тканей особенно пригодна при жаркой погодѣ. Еще и въ настоящее время изъ этой шерсти ткутъ очень тонкія и прочныя матеріи и катаютъ прочныя мягкія шляпы.

Третью главную группу жвачныхъ составляютъ полорогія (Bovidae), образующія одно семейство, ясно отграниченное извнѣ, но раздѣляющееся на пять подсемействъ. Какъ ни близко родственны, повидимому, олени животнымъ съ полыми или оболочечными рогами, но они опредѣленно отличаются отъ послѣднихъ формой и свойствомъ, а также ходомъ образованія своихъ роговъ, потому что развитіе и дальнѣйшее образованіе ихъ идетъ постоянно возрастая. У полорогихъ есть лобные отростки, суживающіеся на подобіе клина; они всегда остаются замкнутыми въ роговую оболочку; костный отростокъ непрерывно растетъ съ основанія, и благодаря этому увеличивается въ длину, съ другой стороны, при корнѣ растетъ въ толщину. При дальнѣйшемъ ростѣ по всей длинѣ этого костнаго отростка непрерывно развивается новая роговая масса, по отношенію къ которой старая роговая масса составляетъ плотно облегающую оболочку. У животныхъ съ такими оболочечными рогами новообразуемая роговая масса отдѣляетъ существовавшую до нея отъ костныхъ лобныхъ отростковъ; но прежняя оболочка не сбрасывается такъ, какъ у оленей — механически, потому что коническая форма ея поверхности соприкосновенія и твердый наружный покровъ старой роговой оболочки препятствуютъ спаденію. Для дальнѣйшей характеристики этого семейства можетъ служить то, что всѣ принадлежащія къ нему животныя имѣютъ рѣзцы и клыки только въ нижней челюсти, числомъ отъ 2 до 6 и, кромѣ того, въ каждой половинѣ какъ верхней, такъ и нижней челюсти, находится по 6 коренныхъ зубовъ.

Помимо строенія зубовъ и роговъ, о полорогихъ нельзя сказать болѣе ничего, что имѣло бы общее значеніе для всѣхъ ихъ. Строеніе ихъ тѣла чрезвычайно различно, такъ какъ это семейство доставляетъ намъ какъ неуклюжія и массивныя фигуры, такъ и крайне легкія и граціозныя. Фигура роговъ и копытъ, длина хвоста, волосяной покровъ и цвѣтъ колеблется въ широкихъ предѣлахъ.

Какъ наружный видъ, такъ и образъ жизни полорогихъ очень разнообразенъ. Распространяясь почти по всей землѣ, за исключеніемъ Южной Америки и Австраліи, они живутъ многими родами во всѣхъ поясахъ широты и высоты, во всѣхъ областяхъ или поляхъ — отъ непріютной пустыни до великолѣпнаго лѣса во всей его тропической полнотѣ, отъ болотистыхъ низинъ до покрытыхъ глетчерами горъ.

ныхъ хребтовъ. Далѣе, большая часть живетъ обществами, не малое число большими стадами, нѣкоторыя же, по меньшей мѣрѣ иногда, скопищами, величину которыхъ превосходятъ изъ всѣхъ скопищъ млекопитающихъ развѣ только тѣ, которыя состояются грызунами. Соотвѣтственно различію ихъ формъ, одни двигаются неуклюже и тяжелоувѣсно, другія же крайне ловко и проворно, и смотря по той мѣстности, гдѣ они водятся, нѣкоторые прекрасно плаваютъ, а другіе лазаютъ.

Полорогія имѣютъ гораздо большее и важнѣйшее значеніе для человѣка, чѣмъ всѣ остальные жвачныя, за единственнымъ исключеніемъ верблюда. Въ нихъ человечество имѣетъ наиболѣе важныхъ животныхъ, по доставляемой ими пищѣ и пользѣ; мы обязаны имъ существенной частью нашей обычной пищи и нашихъ матерій; въ настоящее время мы не могли бы существовать безъ нихъ. Даже и тѣ роды этого семейства, которые еще не порабощены и наслаждаются безграничной свободой, рѣшительно болѣе полезны, чѣмъ вредны, такъ какъ нападенія ихъ на все то, что мы зовемъ своей собственностью, не такъ чувствительно затрагиваютъ насъ, какъ поведеніе другихъ большихъ животныхъ; кромѣ того, они достаточно возмѣщаютъ — а въ общемъ и цѣломъ даже съ избыткомъ — причиняемый ими иногда вредъ, — своимъ мясомъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго по вкусу, шкурой, шерстью и рогами.

Пять подсемействъ, на которыя мы подраздѣляемъ полорогихъ, мы назовемъ такъ; козлы, овцебыки, быки, снѣжныя козы и антилопы.

Обѣ вѣтви козлиныхъ (*Caprinae*), а именно козы и овцы, обнаруживаютъ между собой такое тѣсное сродство, что, повидимому, можно лишь съ трудомъ установить рѣшающіе отличительные признаки.

Всѣ, принадлежащія сюда животныя достигаютъ только средней величины; сравнительно съ другими жвачными, сложены сильно и даже отчасти неуклюже; шея у нихъ длинная, голова тоже въ большинствѣ случаевъ сжата съ боковъ, ноги низкія и плотныя, снабжены сравнительно тупыми копытами, круглыми или широкими; хвостъ съ нижней стороны не покрытъ волосами; уши короткія или средней величины, глаза довольно велики, зрачки ихъ косо поставлены и имѣютъ удлиненно-четвероугольную форму; рога болѣе или менѣе близко расположены другъ къ другу, угловаты, направляются въ стороны и назадъ, нерѣдко бываютъ винтообразно закручены, рѣже лирообразной формы, и часто имѣютъ большія утолщенія. Они бываютъ у обоихъ половъ, но у самки значительно меньшей величины, чѣмъ у самца; покровъ этихъ животныхъ состоитъ изъ очень густыхъ волосъ, — длинной щетины и богатаго подшерстка; весь онъ темнаго цвѣта.

Козлы распространены главнымъ образомъ на сѣверѣ Стараго Свѣта; ихъ вовсе нѣтъ въ южно-американскихъ, австралійскихъ и эіопскихъ странахъ, а въ Сѣверной Америкѣ и на крайнемъ востокѣ они представляются не больше, какъ однимъ родомъ.

*

Крѣпкое и сильное тѣло дикихъ козловъ (*Capra*), которымъ мы отводимъ безспорно высшее мѣсто въ ихъ подсемействѣ, покоится на сильныхъ, не очень высокихъ ногахъ; шея ихъ сжата, голова съ широкимъ лбомъ сравнительно коротка; хвостъ, вытянутый прямо, имѣетъ трехгранную форму и на нижней поверхности не покрытъ. Глаза большіе и живые, уши прямые, тонко заостренныя и очень подвижныя. Рога четырехгранной формы, причемъ эти грани бываютъ то закруглены, то остры, имѣютъ ясно выраженные утолщенія по ежегодному приросту; спереди они утолщаются вздутіями. Они присущи обоимъ поламъ и идутъ или просто назадъ въ видѣ полумѣсяца, или же изгибаются при этомъ еще на подобіе лиры на своихъ концахъ. У козловъ они обыкновенно гораздо тяжелѣе, чѣмъ у козъ. Волосной покровъ двоякаго рода: тонкій подшерстокъ покрывается сверху грубой щетиной. У нѣкоторыхъ родовъ щетина лежитъ довольно густо, у другихъ она удлиняется вродѣ гривы на извѣстныхъ мѣстахъ, у боль-

шинства же удлинняется на подбородкѣ въ видѣ острой бороды. Цвѣтъ ихъ всегда бываетъ темный, похожій на цвѣтъ земли или скалъ, преимущественно же коричневый или сѣрый. Наконецъ, достоинствъ еще упоминанія, какъ характеристичный для этихъ животныхъ, острый запахъ, точно извѣстный подъ названіемъ козлиная вонь, которымъ терзаютъ нашъ носъ всѣ козлы.

Дико живущія козы водятся въ средней и южной Азіи, Европѣ и сѣверной Африкѣ; въ настоящее время ручныя козы распространены нами по всей землѣ. Эти животныя — жители горъ и при томъ высокихъ горъ, гдѣ они отыскиваютъ себѣ уединенныя, недоступныя людямъ мѣста. Многіе виды поднимаются до границъ вѣчнаго снѣга. Солнечныя мѣста съ высохшей растительностью, рѣдкіе лѣса, склоны горъ и осыпающіеся обрывы, а также голые утесы и скалы, недвижимо выступающіе изъ подъ вѣчнаго льда и снѣга — вотъ главные ихъ мѣста. Всѣ роды живутъ обществами. Это подвижныя, живыя, безпокойныя, умныя и задорныя животныя. Онѣ бѣгаютъ и прыгаютъ непрерывно, и только тогда лежатъ спокойно на томъ или иномъ мѣстѣ, когда предаются жвачкѣ. Только одни старые самцы часто живутъ въ одиночествѣ; остальные особи всегда вѣрно держатся вмѣстѣ со своими товарищами. Хотя онѣ одинаково дѣятельны, какъ днемъ, такъ и ночью, но отдаютъ преимущество первому. При каждомъ удобномъ случаѣ онѣ проявляютъ свои качества. Чрезвычайно ловкія въ лазаньи и прыганьи, онѣ обнаруживаютъ при этомъ такое мужество, расчетливость и рѣшительность, которыя дѣлаютъ имъ большую честь. Твердымъ шагомъ онѣ переходятъ опаснѣйшія мѣста въ горахъ, спокойно стоятъ, не ощущая головокруженія на самыхъ узкихъ краяхъ пропастей, равнодушно смотрятъ въ самыя ужасныя пропасти, беззаботно, даже прямо безумно смѣло щиплютъ траву на почти отвѣсныхъ стѣнахъ. Онѣ обладаютъ сравнительно огромной силой и удивительной выносливостью и вполне приспособлены къ тому, чтобы жить въ бѣдной области, гдѣ каждый листикъ, каждая былинка должна быть добыта борьбой и вырвана силой. Задорныя и рѣзвыя между собой, онѣ показываютъ себя очень осторожными и пугливыми по отношенію къ другимъ созданіямъ и обыкновенно убѣгаютъ при малѣйшемъ шумѣ, хотя нельзя сказать, чтобы причиной ихъ бѣгства былъ страхъ: въ случаѣ необходимости онѣ мужественно и храбро дерутся и даже съ извѣстнымъ задоромъ, который имъ очень идетъ.

Всякаго рода сочныя горныя растенія составляютъ пищу козъ. Лакомки въ высшей степени, онѣ выискиваютъ всегда самыя лучшіе кусочки. Вода составляетъ для нихъ прямую потребность, почему онѣ и избѣгаютъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ ни источниковъ, ни ручьевъ.

Количество дѣтенышей колеблется у нихъ отъ 1 до 4; всѣ дикіе роды производятъ на свѣтъ самое большее двухъ, ручныя же лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ 4 дѣтенышей. Козлята рождаются вполне сформированными, зрячими и уже черезъ нѣсколько минутъ могутъ слѣдовать за матерью. Дикіе козлики такъ же смѣло и увѣренно бѣгаютъ по горамъ уже съ перваго дня жизни, какъ ихъ родители.

Конечно, можно сказать, что всѣ козы по преимуществу полезныя животныя. Вредъ, причиняемый ими, стоитъ вниманія лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, польза же, приносимая ими, напротивъ, очень значительна, особенно же тамъ, гдѣ животныя пользуются такими мѣстами, богатые дары которыхъ безъ нихъ пропали бы совершенно даромъ. Пустынныя горныя хребты юга нашей части свѣта положительно покрыты стадами козъ; онѣ щиплютъ траву даже на такихъ обрывахъ, которыхъ никогда не достигала нога человѣка. Почти всѣ части дикихъ козъ идутъ въ употребленіе: мясо и шкура, шерсть и рога, а ручныя козы — не только лучшій другъ бѣдняка, но на югѣ, кромѣ того, почти единственный источникъ молока.

Провести различіе между дикими козлами трудно, такъ какъ ихъ роды очень похожи другъ на друга, а наблюденіе надъ образомъ ихъ жизни встрѣчаетъ много препятствій. Эти роды можно подраздѣлить на разные подроды, изъ которыхъ мы займемся каменными козлами и просто козлами.

Каменные козлы (*Ibex*) живутъ въ горахъ и на ихъ вершинахъ, гдѣ другимъ крупнымъ млекопитающимъ было бы трудно жить. Только немногія жвачныя слѣдуютъ за ними на тѣ горныя луга, гдѣ они пасутся изъ года въ годъ, спускаясь въ долины, лежащія нѣсколько ниже, только во время ледяной зимы. Вполнѣ соответствующимъ ихъ образу жизни является и то, что каждый видъ каменныхъ козловъ распространяется въ незначительныхъ предѣлахъ. Нѣкоторые естествоиспытатели признаютъ всего одинъ видъ не только для Европы, но и вообще, но мы предпочитаемъ разсматривать различныя формы ихъ, какъ самостоятельные виды. Поступая такимъ образомъ, мы имѣемъ въ каменныхъ козлахъ богатый видами подродъ. Одна Европа считаетъ у себя три различныя вида каменныхъ козловъ: одинъ (*Capra ibex*) живетъ въ Альпахъ, второй (*Capra rupinaica*) — въ Пиренеяхъ и другихъ испанскихъ горахъ и третій (*Capra saucasica*) — на Кавказѣ. Кромѣ того, четвертый каменный козелъ водится въ Сибири, пятый въ Аравіи, шестой въ Абиссиніи, седьмой на Гималаяхъ. Эти животныя очень похожи другъ на друга фигурой и цвѣтомъ, отличаются же, главнымъ образомъ, рогами и бородой на подбородкѣ. Однако, не доказано перехода отъ одной формы къ другой, вслѣдствіе чего мы и должны, какъ и прежде, считать ихъ за особые виды.

Альпійскій каменный козелъ (*Capra ibex*) есть гордое, привлекательное и великолѣпное созданіе; тѣло его длиной отъ 1,5 до 1,6 метра, высота плеча 80—85 сантиметровъ, вѣсъ же 75—100 килогр. Животное это производитъ впечатлѣніе силы и выносливости. Тѣло его сжато, шея средней длины, голова сравнительно невелика, лобъ очень выпуклый; ноги сильны и средней высоты; рога, которыми обладаютъ оба пола, у стараго козла достигаютъ очень значительной величины и мощности; они или просто загибаются или же идутъ въ видѣ полумѣсяца въ косомъ направленіи назадъ. При корнѣ, гдѣ рога обладаютъ наибольшей толщиной, они стоятъ всего ближе другъ къ другу; отсюда взаимно расходятся, становясь постепенно все тоньше къ концу. Сѣченіе ихъ представляетъ удлинненный, слегка суженный кзади четырехугольникъ, который къ концу нѣсколько сплющивается. Слои ежегоднаго прироста особенно выступаютъ на ихъ передней поверхности въ видѣ сильныхъ, выдающихся, раздутыхъ угловъ или бугровъ, а также являются и на бокахъ роговъ, однако, здѣсь они не такъ сильно выдаются, какъ спереди. У корня и у конца эти углы постепенно становятся ниже; всего сильнѣе развиты они и всего тѣснѣе расположены на средней части рога. Рога могутъ достигнуть длины отъ 80 до 100 см. и вѣса отъ 10 до 15 кгр. Рога самки больше похожи на рога домашней козы, чѣмъ каменнаго козла.

Шерсть у нихъ грубая и густая, не одинаковая въ различныя времена года: зимой — болѣе длинна, груба, курчава и лишена блеска, лѣтомъ — короче, тоньше, глянцовитѣе; въ продолженіе суроваго времени года она становится гуще, благодаря появляющемуся на тѣлѣ пуху, который выпадаетъ по мѣрѣ того, какъ становится теплѣе. Кромѣ задней поверхности шеи и затылка, гдѣ волоса образуютъ нѣчто въ родѣ гривы, они удлиняются еще у старыхъ самцовъ какъ на задней сторонѣ головы, такъ и на подбородкѣ, гдѣ, однако, образуютъ — самое большее — кургузую бородку не болѣе 5 см. длины; у молодыхъ козловъ и самокъ ея вовсе не бываетъ. Цвѣтъ нѣсколько измѣняется, смотря по возрасту и по времени года. Лѣтомъ преобладаетъ рыжевато-сѣрый, а зимой желтовато-сѣрый или соловый.

Число козловъ сильно уменьшается уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и если бы въ прошломъ вѣкѣ не было принято особыхъ мѣръ для охраненія ихъ, то, быть можетъ, теперь не было бы больше ни одного каменнаго козла. Согласно старымъ извѣстіямъ, они водились въ раннія времена по всѣмъ швейцарскимъ Альпамъ, а въ доисторическія времена, повидимому, держались даже въ переднихъ Альпахъ. Во времена римскаго владычества эти животныя должны были часто встрѣчаться, такъ какъ римляне, любившіе роскошь, нерѣдко привозилъ по 100—200 живыхъ каменныхъ козловъ въ Римъ для боевыхъ игръ. Уже въ 15 столѣтіи эти животныя сдѣлались рѣдкостью въ Швейцаріи.



Жизнь животныхъ Брама. I.

Т-во „Просвѣщенію“ въ Спб.

Альпійскій козелъ.

Въ Зальцбургѣ и Тиролѣ они водворились, вѣроятно, около середины 16-го столѣтія, но продержались тамъ недолго. Самые опытные браконьеры преслѣдовали ихъ съ такой ревностью, что собственникъ охоты въ той области, гдѣ водились каменные козлы, обратился въ 1561 году съ просьбой о покровительствѣ къ своему князю, архіепископу Зальцбургскому, который и издалъ, наконецъ, въ 1584 г. законы объ охотѣ. Онъ и его преемники употребляли различныя средства, чтобы препятствовать истребленію этого благороднаго животнаго. Они учетверили число егерей, поставили въ небольшихъ избушкахъ лѣсничихъ на самыхъ высокихъ Альпахъ и дозволяли ловить молодыхъ каменныхъ козлятъ, такъ какъ архіепископы употребляли ихъ въ качествѣ подарковъ иностраннымъ дворамъ. До 1694 года количество гордой дичи увеличилось до 72 козловъ, 83 козъ и 24 козлятъ. Такъ какъ въ это время опять развилось браконьерство, то снова было велѣно ловить животныхъ для того, чтобы перевести ихъ въ другое мѣсто или для продажи. Въ 1706 году было поймано 5 козловъ и 7 козъ, съ этихъ же поръ поимокъ больше не было.

Какъ и въ вышеупомянутыхъ частяхъ Альпъ, такъ и на южныхъ отрогахъ ихъ число этихъ животныхъ такъ внезапно уменьшилось, что уже въ 1821 году Цумштейнъ принимаетъ тогдашнюю Пьемонтскую область за южный предѣлъ для нихъ. Правда, онъ издалъ строгое запрещеніе на будущее время охотиться за благородной дичью. Этому запрещенію мы обязаны тѣмъ, что каменный козель еще не совсѣмъ вымеръ и встрѣчается по крайней мѣрѣ хотъ въ одной области, правда, очень ограниченной.

Эти животныя образуютъ косяки различной величины; старые козлы присоединяются къ нимъ, однако, только во время течки, а остальные мѣсяцы года ведутъ отшельническую жизнь. Козы и молодые особи во всѣ времена года живутъ въ болѣе низкихъ поясахъ, чѣмъ козлы; послѣдніе настолько предпочитаютъ пастись на вершинахъ, что только недостатокъ пищи или сильнѣйшая стужа могутъ заставить ихъ спуститься ниже. По Бертольдѣ фонъ-Бергхему, данныя котораго и въ настоящее время имѣютъ силу, всѣ козлы, достигшіе 6-лѣтняго возраста, занимаютъ самыя высокія мѣста въ горахъ, все болѣе отдаляются другъ отъ друга и въ послѣдствіи становятся такъ нечувствительны къ сильнѣйшей стужѣ, что часто стоятъ на самыхъ вершинахъ, лицомъ къ вѣтру, какъ изваянія, и при этомъ нерѣдко отмараживаютъ себѣ уши. Подобно сернамъ каменные козлы тоже пасутся ночью въ лѣсахъ, растущихъ на высокихъ мѣстахъ, но лѣтомъ никогда не остаются дольше четверти часа на вершинахъ открытыхъ мѣстностей. Съ восходомъ солнца они начинаютъ карабкаться вверхъ и устраиваются, наконецъ, на самыхъ высокихъ и теплыхъ мѣстахъ, лежащихъ на востокъ или югъ; послѣ полудня опять спускаются и пасутся ниже, чтобы провести, гдѣ возможно, ночь въ лѣсахъ.

Ни одно жвачное животное не приспособлено, повидимому, такъ къ подъемамъ на самыя крутыя горы, какъ дикія козы вообще, а каменные козлы въ особенности. Каждое движеніе этой горной дичи быстро, сильно и при томъ легко. Каменный козель бѣжитъ легко и безъ перерывовъ, съ удивительной легкостью лазаютъ и положительно съ непостижимой вѣрностью и быстротой проходятъ по скалистымъ обрывамъ, гдѣ только онъ можетъ поставить свою ногу. Ему достаточно такой неровности на стѣнѣ, которую съ трудомъ можетъ подмѣтить человѣческій глазъ даже вблизи, чтобы опереться на нее ногой; маленькая расщелина въ скалахъ, выемка и т. п. — для него составляютъ ступени лѣстницы, по которой онъ можетъ подниматься. Онъ такъ вѣрно и твердо ставитъ свое копыто, что можетъ держаться на самомъ небольшомъ пространствѣ.

Шинцъ наблюдалъ, что животныя съ величайшей вѣрностью достигаютъ того мѣста, которое намѣтили себѣ. Совсѣмъ молодой козленокъ въ Бернѣ вспрыгнулъ безъ разбѣга на голову взрослого человѣка и удержался тамъ на всѣхъ четырехъ ногахъ. Случалось видѣть, что другой стоялъ на четырехъ ногахъ на концѣ кола, третій — на остромъ краю дверной половинки; онъ поднимался на отвѣснукъ стѣну, не имѣя другихъ точекъ опоры, кромѣ выступовъ камней этой стѣны, открывшихся

благодаря обвалившейся штукатуркѣ. Держась параллельно стѣнѣ, онъ вспрыгивалъ наверхъ въ три прыжка. Этотъ козленокъ становился прямо противъ намѣченной имъ цѣли, измѣрялъ глазомъ разстояніе, затѣмъ мелкими шагами отбѣгалъ на такое же разстояніе, нѣсколько разъ возвращался на старое мѣсто, покачивался на ногахъ, какъ бы желая испытать ихъ упругость, прыгалъ — и въ три приѣма былъ наверху. Когда они прыгаютъ, то кажется, будто не прикасаются къ стѣнѣ или скалѣ, а ихъ тѣло несется вверхъ, какъ брошенный мячъ. По истинѣ достойна удивленія также и тавѣрность, съ какой каменный козелъ перепрыгиваетъ черезъ пропасти и разсѣлины скалъ. Играя переносится онъ съ одного утеса на другой и не задумываясь прыгаетъ съ значительной вышины внизъ.

Голосъ каменнаго козла походить на свистъ серны, только протяжнѣе. Изъ чувствъ выше всѣхъ стоитъ зрѣніе. Глазъ его гораздо острѣе, обоняніе же, напротивъ, слабѣе, чѣмъ у серны, слухъ превосходенъ. Духовныя дарованія стоятъ на той же ступени, какъ и у всѣхъ вообще дикихъ козъ. Горный козелъ проявляетъ свой умъ въ выборѣ мѣстъ своего пребыванія и въ перемѣнѣ ихъ, въ расчетливой осторожности и въ ловкомъ уклоненіи отъ опасностей и быстрой находчивости въ различныхъ обстоятельствахъ.

Каменный козелъ пасется въ тихихъ горныхъ долинахъ до и послѣ полудня, но въ тѣхъ областяхъ, гдѣ его пугаетъ нарушеніе тишины, онъ кормится только въ сумерки, вечеромъ или раннимъ утромъ, а, быть можетъ, и ночью. Его кормъ составляютъ вкусная альпійская зелень, травы, древесныя почки, листья вѣтвей, въ особенности виды полыни и укропа, тимьянъ, почки и вѣтви карликовыхъ растений — вайды, березы, альпійской розы, дрока, а зимой, взамѣнъ ихъ, жесткія травы и побѣги. Онъ чрезвычайно любитъ соль.

Время течки приходится на январь. Сильные козлы мужественно и долго дерутся своими мощными рогами. Коза приноситъ 1 или 2 дѣтенышей, по большей части въ концѣ іюня или въ началѣ іюля; дѣтеныши приблизительно равны по величинѣ новорожденнымъ козлятамъ. Уже спустя нѣсколько часовъ послѣ рожденія они проявляютъ себя почти такими же отважными ходоками по горамъ, какъ ихъ мать. Она чрезвычайно любитъ своего маленькаго, чисто облизываетъ его, водить, ласково блеетъ ему, зоветъ и, пока онъ сосетъ, прячется вмѣстѣ съ нимъ въ скалистыхъ пещерахъ; она покидаетъ дѣтеныша только въ тѣхъ случаяхъ, когда человекъ кажется ей настолько опаснымъ, что она должна спасти собственную жизнь, безъ которой ея дѣтенышъ все равно долженъ бы погибнуть. При угрожающей опасности она мчится по страшнымъ склонамъ и ищетъ себѣ спасенія въ неприступномъ ущельѣ. Козленокъ въ это время крайне ловко прячется за камни и въ скалистыхъ углубленіяхъ, ложится тамъ тихо, какъ мышенокъ, не двигаясь, и зорко озирается, настораживается и нюхаетъ по всѣмъ сторонамъ. Его сѣрая шкурка до того походитъ на скалы и камни, что даже самый острый соколиный взглядъ не въ состояніи подмѣтить его или отличить отъ скалъ; затѣмъ козленокъ возвращается на прежнее мѣсто, гдѣ стояла мать.

Различныя причины содѣйствуютъ тому, что каменный козелъ медленно размножается даже тамъ, гдѣ его заботливо охраняютъ. За исключеніемъ человека, онъ мало страдаетъ отъ другихъ опасныхъ для него враговъ. Большія хищныя птицы, а именно беркутъ и также, можетъ быть, ягнятникъ, страшны для молодого козленка, но охота ихъ на него бываетъ успѣшной только въ рѣдкихъ случаяхъ, вслѣдствіе бдительности матери; для взрослыхъ животныхъ могутъ быть въ извѣстныхъ обстоятельствахъ опасны рысь, волкъ и медвѣдь. Но губительнѣе всѣхъ этихъ враговъ, взятыхъ вмѣстѣ, является негостепріимность зимой и весной тѣхъ мѣстъ, гдѣ держатся эти животныя. Сравнительно много каменныхъ козловъ, какъ Вильчекъ узналъ въ Баль-Савараншъ, ежегодно гибнетъ при обрушеніи лавинъ; это по большей части крупныя козлы, которые, повидимому, хладнокровнѣе смотрятъ въ глаза опасности, чѣмъ болѣе молодые и болѣе робкіе. Но худшій врагъ этой дичи — есть и будетъ человекъ, главнымъ образомъ браконьеръ. Вѣроятно, нѣтъ болѣе тяжелаго и болѣе опаснаго предпріятія, чѣмъ охота на эту дичь, какъ она ими производится. Все, что можно сказать объ

опасностяхъ охоты на сернь, имѣть значеніе, какъ это прекрасно изложилъ Шинцъ, и еще въ болѣе высокой степени, для охоты на каменныхъ козловъ. Благодаря рѣдкости этой дичи, охотникъ долженъ быть готовъ провести 8 — 14 дней вдали отъ всякаго человѣческаго жилья и при томъ, въ большинствѣ случаевъ, подъ открытымъ небомъ, на вершинахъ горъ; переносить стужу и снѣгъ, голодъ и жажду, туманы и бури, проводить подъ ледянымъ вѣтромъ часто нѣсколько ночей подрядъ на твердыхъ скалахъ безъ всякаго крова и очень часто послѣ долгихъ испытаній своего мужества возвращаться съ пустыми руками домой; даже и въ благопріятномъ случаѣ, онъ долженъ избѣгать всѣхъ проходимыхъ тропинокъ, неся прибрѣтенную съ трудомъ добычу; иначе ему не избѣгнуть встрѣчи съ надзирателями за охотой; онъ долженъ блуждать, не испытывая головокруженій, по самымъ ужаснымъ тропинкамъ, долженъ умѣть носить тяжелую поклажу, чтобы вообще не лишиться возможности принести домой награду своихъ трудовъ. Но также слишкомъ часто случается, что вмѣсто убитой дичи онъ приносить въ свою бѣдную хижину нищету и бѣдствіе, не говоря уже совсѣмъ о томъ, что онъ каждый день подвергается опасности упасть или быть подстрѣленнымъ пулей надзирателя и разбиться въ ужасной пропасти.

Пойманные въ молодости каменные козлы вообще хорошо развиваются, если имъ даютъ въ качествѣ кормилицы козу, скоро дѣлаются ручными, но, становясь старше, утрачиваютъ это свойство. Они любопытны, задорны и рѣзвы, какъ молодые козлята, и въ началѣ до того игривы и забавны, что просто радуешься, глядя на нихъ. Уже немного дней спустя они сдружаются со своей кормилицей, а со своимъ сторожемъ тоже черезъ короткое время, ясно отличаютъ его отъ другихъ людей и ощущаютъ радость въ тотъ день, когда имъ случится вновь увидѣть его послѣ продолжительнаго отсутствія. Они очень чувствительны къ ласкамъ, но ничего не сносятъ терпѣливо и скоро также начинаютъ упрямо принимать оборонительное положеніе противъ своего сторожа, чрезвычайно комично и вызывающе двигая головой съ короткими рогами. Когда имъ почесываютъ между рогами, то они держатъ себя тихо, какъ ягнята, но за это благодѣяніе шаловливо благодарятъ нерѣдко толчкомъ, по ихъ мнѣнію, шуточнымъ, но на самомъ дѣлѣ довольно таки чувствительнымъ. Чѣмъ старше они становятся, тѣмъ надменнѣе и заносчивѣе выказываютъ себя.

Полученіе ублюдковъ отъ каменныхъ козловъ и домашнихъ козъ имѣетъ свои трудности, какъ это доказываютъ попытки, предпринятыя въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія въ Бернѣ. Здѣсь каменнымъ козламъ и ихъ ублюдкамъ отвели часть городского вала, соотвѣтственнымъ образомъ кормили ихъ и, какъ того желали, получили приплодъ. Но какъ козлы, такъ и ублюдки скоро заставили горько оплакивать оказанныя имъ благодѣянія и напослѣдокъ заставили почувствовать человѣка не любовь, а страхъ къ нимъ. Одинъ нечистокровный козелъ забавлялъ себя тѣмъ, что нападалъ на часовыхъ и при этомъ проявлялъ такое упорство, что скоро сдѣлался для всѣхъ ненавистнымъ. Однажды онъ прервалъ наблюденія работавшаго на своей башнѣ астронома и разорвалъ на немъ кафтанъ; потомъ ему понравилось принимать участіе въ увеселительныхъ прогулкахъ мирныхъ гражданъ и обращать людей въ бѣгство; наконецъ, ему вздумалось лазить по крышамъ и разбивать тамъ вдребезги черепицы. Посыпались многочисленныя жалобы, и высокоумный магистратъ увидѣлъ себя вынужденнымъ считаться съ ними: задорный козелъ былъ торжественно связанъ и перемѣщенъ вмѣстѣ со своими козами на гору, лежащую у нижняго озера. Козамъ эта гора скоро пришлась по вкусу, но козелъ предполагалъ, что ему слѣдуетъ предпочесть обитаемые пояса горъ — мѣстамъ, лежащимъ близко къ глетчерамъ. Тотчасъ же онъ сталъ посѣщать альпійскія хижины, знакомился здѣсь покороче съ козами, благодаря чему очень полюбился альпійскимъ настухамъ, но подъ конецъ сталъ такимъ постояннымъ и назойливымъ гостемъ, что его уже нельзя было больше прогонять, такъ какъ онъ весьма внушительно пускалъ въ ходъ свои рога.

Таковыя насилія и безчинства сдѣлали, наконецъ, его изгнаніе горькой необходимостью. Четверымъ сильнымъ человѣкамъ былъ отданъ приказъ отвести его

дальше въ горы до вершины долины Саксетена. Дикаря привязали на крѣпкую веревку, но онъ не разъ повергалъ весь свой конвой на землю. Теперь одинъ сильный охотникъ за сернами принялъ на себя надзоръ за воспитаніемъ этого каменнаго козла, которое намѣревались вести дальше. Но и онъ скоро не зналъ, куда дѣваться, такъ какъ козелъ, повидимому, не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о благодарности. Однажды онъ вызвалъ своего надсмотрщика на поединокъ, который тому волей-неволей пришлось принять, такъ какъ дѣло происходило прямо на краю пропасти. Цѣлый часъ долженъ былъ человѣкъ отбиваться отъ животнаго, прежде чѣмъ ему удалось поставить себя внѣ опасности. Помимо подобныхъ рыцарскихъ дѣяній, козелъ производилъ и другія безчинства. Какъ и прежде, онъ сталъ грозой альпійскихъ пастуховъ, на которыхъ онъ прямо нападалъ, спускаясь съ высотъ къ ихъ хижинамъ, и причинялъ имъ всякое зло. Снова разразилось жалобами обитающее на высотахъ человѣчество, и послѣдствіемъ этого было еще разъ перемѣщеніе козла. Ему предоставили гримзельскія Альпы; но и здѣсь онъ упорствовалъ въ своихъ намѣреніяхъ, связывался со всѣми собаками, даже самыми большими, и если онѣ останавливались, онъ нахально перебрасывалъ ихъ смѣлымъ ударомъ роговъ черезъ голову, вызываясь становился на тропинкахъ противъ лозящихъ по высотамъ горныхъ путешественниковъ и вселялъ страхъ и ужасъ, гдѣ бы и когда бы ни появлялся. Такимъ образомъ, магистратъ увидѣлъ себя принужденнымъ выступить противъ него въ походъ; его осудилъ верховный уголовный судъ — и жаждущее свободы могучее существо окончилъ свое существованіе. Но и потомки его, становясь старше, отличались тоже особенной дикостью. Пока они были еще молоды, то забавляли пастуховъ рѣзвыми прыжками и движеніями; но ставши старше и сильнѣе, они дѣлались въ тягость своимъ хозяевамъ и были всѣ до одинаго убиты. Такъ окончилось разведеніе каменныхъ козловъ въ Бернѣ; оно не могло достигъ назначенной цѣли.

Горный каменный козелъ, пиренейскій каменный козелъ старыхъ изслѣдователей (*Capra rupinaica*) достигаетъ одинаковой величины, какъ и альпійскій, а отличается отъ него очень существенно формой и образованіемъ роговъ.

*

Козлы въ узкомъ смыслѣ (*Hircus*) въ среднемъ нѣсколько меньше каменныхъ козловъ, рога ихъ болѣе или менѣе сплюснуты, у самцовъ они острые и снабжены поперечными возвышеніями или морщинами, у самокъ же кольчаты и морщинисты; въ остальномъ козлы походятъ на каменныхъ козловъ.

Нашъ домашній козелъ также раздѣляетъ судьбу остальныхъ домашнихъ животныхъ; неизвѣстно, отъ какого вида онъ происходитъ. Мы еще такъ мало знаемъ о дикихъ козлахъ, водящихся въ Азіи, что не въ состояніи даже приблизительно опредѣлить число ихъ видовъ. Многіе естествоиспытатели полагаютъ, что мы должны признать честь доставленія намъ столь полезнаго домашнего животнаго за безоаровымъ козломъ предпочтительно передъ всѣми другими видами. Дѣйствительно, домашній козелъ всѣми существенными признаками вполне сходится съ нимъ, только направленіе и изгибъ роговъ у него не такой.

Безоаровый козелъ (*Capra aegagrus*) хотя и меньше европейскаго каменнаго козла, однако значительно больше нашего домашняго. Длина взрослыхъ козловъ доходитъ приблизительно до 1,5 метра, вышина въ загривкѣ 95 сантиметровъ, а вышина крестца на 2 см. больше. Козы значительно меньше. Очень большіе и сильные рога, сплюснутые съ обѣихъ сторонъ, имѣютъ спереди и сзади острые края, снаружи они закруглены или выпуклы; у животныхъ средней величины достигаютъ свыше 40 см., а у старыхъ часто бываютъ вдвое больше. Начиная отъ корня, рога образуютъ крутую, простую и равномерно загибающуюся назадъ дугу, описывающую у старыхъ самцовъ приблизительно полукругъ; они стоятъ при основаніи очень тѣсно другъ возлѣ друга, затѣмъ постепенно до середины загибаются назадъ, но на концѣ вновь поворачиваютъ круто впередъ и внутрь. Узлы или

поперечныя утолщенія, между которыми находится много поперечныхъ морщинъ, у старыхъ животныхъ доходятъ до 10 и 12. Оба пола имѣютъ сильно развитую бороду; остальной мѣхъ состоитъ изъ довольно длинной, плотно и гладко прилегающей щетины и короткаго, довольно тонкаго подшерстка. Цвѣтъ ихъ свѣтлый рыжевато-сѣрый или ржаво буровато-желтый, на сторонахъ шеи и въ направленіи къ животу дѣлается свѣтлѣе. Грудь и нижняя поверхность шеи чернобурья, животъ, внутренняя и задняя стороны бедеръ бѣлыя. Рѣзко ограниченная темная



Безоаровый козель (*Capra aegagrus*). $\frac{1}{18}$ естеств. велич.

черно-бурая полоса проходить вдоль спины по средней линіи и тянется до хвоста, который бываетъ чисто-чернаго цвѣта.

Область распространенія безоароваго козла занимаетъ обширную полосу средней и западной Азіи. Онъ водится на южномъ Кавказѣ, Таврѣ и большей части остальныхъ горъ Малой Азіи и Персіи, затѣмъ идетъ дальше къ югу черезъ Афганистанъ и Белуджистанъ, затѣмъ еще на многихъ островахъ Средиземнаго моря, а главнымъ образомъ Греческаго моря и, быть можетъ, водится также на высокихъ горахъ греческаго полуострова. Какъ установлено изслѣдованіями почти вѣ сомнѣнія, онъ и есть то самое животное, которое упоминаетъ Гомеръ при описаніи острова Циклоповъ:

„Тамъ бѣгаетъ безчисленное множество козъ, — это дикая порода, потому что ихъ никогда не пугала человѣческая стопа“.

Безоаровые козлы живо напоминаютъ каменныхъ своимъ поведеніемъ, нравомъ и рожденіемъ. Быстро и беззаботно носится онъ по опаснымъ дорогамъ, часто стоитъ по цѣлымъ часамъ на выдающихся скалистыхъ утесахъ и смотритъ, не ощущая головокруженія, въ неизмѣримую пропасть; лазаютъ онъ превосходно и проходятъ по опаснымъ мѣстамъ съ такимъ же мужествомъ, какъ и ловкостью. Онъ чрезвычайно пугливъ и умѣетъ избѣгать большей части опасностей.

Во время течки, происходящей въ ноябрѣ, козлы упорно и сильно дерутся между собой. Пометъ бываетъ въ апрѣлѣ или маѣ, при томъ очень молодыя козы приносятъ одного или двухъ, а старыя обыкновенно двухъ козлятъ, хотя нерѣдко у нихъ бываетъ по три дѣтеныша. Они тотчасъ послѣ рожденія уже слѣдуютъ за матерью, на третій день могутъ идти за ней по самымъ опаснымъ тропинкамъ; растутъ очень быстро и все время проводятъ въ шалостяхъ и игрѣ.

Наши зоологическіе сады еще и до сихъ поръ получаютъ очень рѣдко безоаровыхъ козловъ, хотя перевозка животныхъ этого вида, приученныхъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, представляетъ мало трудностей.

Еще и въ настоящее время широко распространенное суевѣріе, хотя оно и давно опровергнуто, служитъ причиной того, что во многихъ странахъ Азіи чело-вѣкъ самымъ ревностнымъ образомъ преслѣдуетъ веселое дитя горъ. Полагаютъ, что въ желудкѣ убитаго безоароваго козла можно чаще найти, чѣмъ у другихъ жвачныхъ, тѣ самые шарики, которые получили свое названіе отъ имени этого животнаго и поэтому вездѣ, гдѣ еще вѣрятъ въ чудесную силу этихъ безоаровыхъ камней, ведутъ противъ тѣхъ самыхъ животныхъ, которыя ихъ доставляютъ, поистинѣ истребительную войну.

Ни на греческихъ островахъ, ни на Кавказѣ, ни въ киликійскомъ Таврѣ не умѣютъ продѣлывать никакихъ шарлатанскихъ штукъ съ этими безоаровыми камнями, и поэтому тамъ охотятся за нашими дикими козлами единственно лишь ради ихъ мяса, шкуры и роговъ.

Полезьа, получаемая отъ охоты на нихъ, довольно значительна. Отмѣнно вкусное мясо, напоминающее нашу косулю и такое же нѣжное и мягкое, какъ у нея, ѣдятъ или свѣжимъ, или, разрѣзанное на длинныя, узкія полосы, высушивается на воздухѣ для позднѣйшаго употребленія; зимнюю длинноволосую ихъ шкуру мусульмане употребляютъ въ качествѣ постельнаго ковра, и такъ какъ они находятъ пріятнымъ ея острый запахъ, то она очень высоко цѣнится; коротковолосая лѣтняя шкура идетъ на мѣхи, рога — на сабельныя рукояти, пороховницы и т. п., такъ что убитый безоаровый козель всегда очень хорошо оплачивается.

При попыткѣ разрѣшить вопросъ о происхожденіи нашей домашней козы и ея необычайно многочисленныхъ породъ, всѣ преданія и исторіи ставятъ насъ рѣшительно втупикъ. Мы не можемъ опредѣлить, когда тотъ или иной видъ былъ обращенъ въ домашнее животное, когда и какъ вообще впервые произошли скрещиванія, и какъ сложились въ теченіе тысячелѣтій приобрѣтенныя (что уже доказано) особенности этихъ породъ.

Самою благородною породой изъ нихъ мы можемъ назвать ангорскую козу (*Capra hircus angorensis*), красивое, крупное животное съ плотнымъ тѣлосложеніемъ, сильными ногами, короткой шеей и головой, очень своеобразно изогнутыми рогами и удивительной шерстью. Оба пола имѣютъ рога. У козла они сплюснуты, не широки, съ острыми краями, сзади же тупо заострены; они обыкновенно отходятъ отъ головы въ горизонтальномъ направленіи, образуютъ большой двойной винтообразный поворотъ и на концѣ направляются вверхъ, стало быть они имѣютъ три изгиба. У козы рога меньше, слабѣе, они округлы и образуютъ простую дугу. Морда, уши и самая нижняя часть ногъ покрыты короткими, гладко лежащими волосами; остальная шерсть чрезвычайно богата, густа и длинна, мягка, тонка, блестяща, шелковиста и завита локонами. Оба пола имѣютъ бороду, волоса

для нихъ полезныхъ, только какъ на необходимое зло, потому что козы подбиваютъ овецъ лазить повсюду, гдѣ только можно. Въ Греціи козы — почти единственный скотъ, который можно видѣть стадами; онѣ обитаютъ на всѣхъ горахъ и даютъ путешественнику знать о себѣ уже издали весьма чувствительнымъ козлинымъ запахомъ. Во многихъ странахъ козъ предоставляютъ самимъ себѣ; такъ, это часто дѣлается въ Альпахъ. Ихъ загоняютъ на опредѣленное, совершенно отдаленное пастбище, а осенью собираютъ всѣхъ вмѣстѣ, при чемъ нерѣдко бываетъ, что одной, другой головы и не хватаетъ; имъ посылаютъ или ежедневно, или также разъ въ недѣлю съ работникомъ нѣсколько соли, которую онѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ на хорошо знакомомъ мѣстѣ въ опредѣленный часъ.

Въ центральной Африкѣ козы точно также пасутся на вольной волѣ, но вечеромъ приходятъ въ такъ называемую „серибу“ или загородку изъ колючихъ растеній, гдѣ онѣ защищены отъ хищныхъ звѣрей. Въ западной Африкѣ онѣ тоже бѣгаютъ, гдѣ хотятъ, взбираются на низкія деревья съ кривыми стволами, лазаютъ даже по поперечнымъ перекадинамъ на плетни, но тамъ, гдѣ водятся ихъ злѣйшіе враги — леопарды, онѣ хорошо охраняются по ночамъ. Онѣ очень привыкаютъ къ людямъ, даже къ европейцамъ. Путешественнику, берущему съ собой въ дорогу козъ, приходится заботиться о нихъ, самое большее, въ началѣ дороги, но по большей части уже черезъ нѣсколько дней онѣ совершенно примыкаютъ къ каравану.

Америка получила козъ впервые изъ Европы. Въ настоящее время коза распространилась тамъ какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ; однако, тамъ не вездѣ съ одинаковымъ рвеніемъ занимаются разведеніемъ ихъ, повидимому, въ нѣкоторыхъ странахъ оно даже совсѣмъ заброшено, какъ, напримѣръ, въ Перу и Парагвай, Бразиліи и Суринамѣ; напротивъ, въ Чили онѣ пользуются бѣльшимъ вниманіемъ. И въ Австралію точно также было ввезено это полезное животное, гдѣ и достигло значительнаго распространенія.

По произведеннымъ наблюденіямъ коза ѣстъ изъ 576 видовъ растеній нашей страны 449. Ея непостоянство и капризность ясно проявляются во время кормежки. Она постоянно хватается новую пищу, но по всѣмъ сторонамъ щиплетъ понемногу, отыскиваетъ и лакомится то тѣмъ, то другимъ, но ни разу не удержится долго даже на самомъ лучшемъ. Особенно падка она до листы деревьевъ, и поэтому въ питомникахъ приноситъ очень значительный вредъ. Замѣчательно, что она можетъ безъ всякихъ послѣдствій ѣстъ нѣкоторыя растенія, очень вредныя для другихъ животныхъ, какъ напр.: молочай, чистотѣль, волчьи ягоды, колючникъ, ѣдкій дикій перецъ, бѣлокопытникъ, мелиссу, шалфей, омегу, собачью петрушку и подобную зелень, съ удовольствіемъ пожираетъ также курительный табакъ, сигарные окурки и тому подобное. Охотнѣе всего онѣ употребляютъ молодые листья и цвѣты стручковыхъ растеній, листья огородныхъ и полевыхъ видовъ, а также большей части деревьевъ; наиболѣе питательны для нея всѣ тѣ растенія, которыя водятся на сухихъ, солнечныхъ, плодоносныхъ высотахъ. Дикія козы пьютъ только воду, а домашнія теплую мѣшанку изъ ржаной муки, соли и воды.

Самка приноситъ послѣ 21—22 недѣль беременности 1 или 2, рѣже 3 и только въ видѣ исключенія 4 или 5 дѣтенышей. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ рожденія козлята встаютъ на ноги и отыскиваютъ вымя матери; на слѣдующій день они уже бѣгаютъ кругомъ, а черезъ 4—5 дней уже повсюду слѣдуютъ за своей матерью. Они быстро растутъ: на второй мѣсяцъ у нихъ уже показываются рожки; черезъ годъ они достигаютъ почти полной своей величины.

Коза, которую во многихъ странахъ можно назвать величайшимъ другомъ бѣдняка, приноситъ очень значительную пользу. Содержаніе ея стоитъ мало, а лѣтомъ, собственно говоря, ничего не стоитъ; но она снабжаетъ домъ молокомъ и доставляетъ, кромѣ того, неимущему удобреніе для его клочка земли. Ленцъ написалъ научную книгу и нашелъ, что коза, содержащаяся на хорошемъ корму, доставляетъ 1884 кружки (кружка = 0,47 литра) (всего около 70 ведеръ) молока ежегодно.

Кромѣ молока, изъ котораго изготовляется также сыръ, играющій большую роль въ Греціи, и масло, коза полезна своимъ мясомъ, шкурой и рогами. Мясо молодыхъ козлятъ очень вкусно, хотя черезчуръ уже нѣжно, старыхъ козъ — тоже недурно. Шкура перерабатывается на кордуанъ и сафьянъ, рѣже на пергаментъ; южныя страны все еще составляютъ главный источникъ перваго сорта кожи. Изъ шкуры козловъ приготавливаютъ штаны и крѣпкія перчатки, въ Греціи мѣха для вина, въ Африкѣ же для воды. Шкура обыкновенной капландской козы очень высоко цѣнится, какъ матеріалъ для выдѣлки кожи. Грубая шерсть идетъ на кисти или же на веревки. Рога приходятся на долю токарямъ, а на югѣ у многихъ такъ называемыхъ дикихъ народностей достаются знахарямъ, которые употребляютъ ихъ въ качествѣ кровяныхъ банокъ. Итакъ, это прекрасное животное приноситъ пользу какъ при жизни, такъ и послѣ смерти.

*

Чрезвычайно близко къ козамъ стоятъ по строенію тѣла овцы (*Ovis*), но въ духовномъ отношеніи только дико живущіе виды обѣихъ группъ имѣютъ между собой сходство. Овцы отличаются отъ козъ постояннымъ присутствіемъ слезныхъ ямокъ, плоскимъ лбомъ, рогами, имѣющими три края, поперечныя борозды и спиральную форму, и отсутствіемъ бороды. Въ общемъ, это тонкія стройныя животныя съ худощавымъ тѣломъ, жидкими, высокими ногами и короткимъ хвостомъ; голова у нихъ сильно суживается кпереди, глаза не очень велики, уши тоже, волосяной покровъ двойной, — косматый и шерстистый.

Всѣ дикія овцы живутъ въ горахъ сѣвернаго полушарія. Кругъ распространенія ихъ простирается отъ Азіи до южной Европы, Африки и сѣверной части Америки. Каждая горная группа Азіи обладаетъ однимъ или нѣсколькими свойственными только ей родами, напротивъ того, Европа, Африка и Америка, повидимому, очень бѣдны ими, и, поскольку до сихъ поръ извѣстно, тамъ водится только одинъ родъ. Многіе виды стоятъ очень близко другъ къ другу и раздѣленіе ихъ основывается, главнымъ образомъ, на различіи ихъ роговъ, форма которыхъ, величина и изгибы принимаются за опредѣляющіе признаки. У однихъ правый рогъ отъ основанія къ концу загибается налѣво, а лѣвый — направо: въ этомъ случаѣ концы роговъ расходятся кнаружи другъ отъ друга; у другихъ правый рогъ изогнутъ направо, а лѣвый налѣво; тутъ концы роговъ обращены назадъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рога напоминаютъ козлиные.

Всѣ овцы — настоящія дѣти горъ; онѣ, повидимому, могутъ себя хорошо чувствовать только на значительныхъ высотахъ и по большей части взбираются до линіи снѣговъ, нѣкоторыя даже на 6000—7000 метровъ, гдѣ кромѣ нихъ могутъ жить только еще козлы, одинъ видъ быковъ, кабарга, да нѣкоторыя птицы. На равнинахъ живутъ однѣ лишь ручныя овцы, да и на тѣхъ достаточно ясно видно, если онѣ разводятся въ гористыхъ странахъ, какъ хорошо дѣйствуетъ на нихъ пребываніе въ соответствующей мѣстности. Богатая травой пастбищъ или рѣдкіе лѣса, обрывистыя скалы и пустынные склоны, на которыхъ то тутъ, то тамъ пробивается растеніице, — составляютъ мѣстопробываніе дикаго барана. Смотри по времени года они странствуютъ съ вышины въ глубину и наоборотъ: лѣтомъ ихъ тянетъ вверхъ, а зимой ледяная зима сгоняетъ въ обитаемые пояса, такъ какъ на высотахъ вѣтъ уже для нихъ корма. Пища лѣтомъ состоитъ изъ свѣжихъ и сочныхъ альпійскихъ травъ, а зимой изъ мха, ягеля и сухихъ травъ. Овцы лакомы, когда у нихъ есть большой выборъ, но очень нетребовательны, если и онъ невеликъ: ихъ единственный кормъ зимой часто состоитъ изъ сухой травы, отпрысковъ и коры деревьевъ и т. п., но отъ этого онѣ не терпятъ замѣтнаго ущерба.

На овцахъ виднѣе, чѣмъ на остальныхъ домашнихъ животныхъ, за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ сѣвернаго оленя, сила вырождающаго дѣйствія рабства. Ручная овца не больше, какъ тѣнь дикой овцы. Коза все-таки сохраняетъ до извѣстной степени даже и въ неволѣ свою самостоятельность:

овца, служащая человѣку, есть безвольный рабъ. Ни одно животное нельзя такъ легко покорить, такъ легко подчинить, какъ ручную овцу; она, повидимому, рада, если другое созданіе сниметъ съ нея заботу о своемъ собственномъ существованіи. Что такія созданія добродушны, кротки, мирны и невинны, это не можетъ насъ удивлять; ихъ духовное существо имѣетъ основу въ глупости, и поэтому символъ добродѣтельнаго человѣка — агненокъ, выбранъ положительно неудачно. Въ южныхъ странахъ, гдѣ овцы чаще бываютъ предоставлены самимъ себѣ, чѣмъ у насъ, и умственные способности ихъ развиты иначе, и онѣ являются болѣе самостоятельными, смѣлыми и мужественными, чѣмъ наши.

Размноженіе овецъ довольно значительно. Самка послѣ 20—25 недѣль беременности производитъ на свѣтъ 1 или 2, рѣже 3 или 4 ягнятъ, которые вскорѣ послѣ рожденія могутъ уже слѣдовать за своей матерью. Дикія матки защищаютъ своихъ дѣтенышей съ опасностью собственной жизни и проявляютъ чрезвычайную любовь къ нимъ.

Почти всѣ дикіе виды приручаются безъ значительнаго труда и сохраняютъ свою бодрость по крайней мѣрѣ въ теченіе одного поколѣнія; они также правильно размножаются и въ неволѣ. Они крѣпко привязываются къ людямъ, которые много занимаются ими, слѣдуютъ ихъ зову, охотно принимаютъ ласки и могутъ дойти до такой высокой степени прирученія, что ихъ можно посылать пастись вмѣстѣ съ другими домашними животными, и они не воспользуются удобнымъ случаемъ, чтобы вновь вернуть себѣ свободу. Благодаря большой пользѣ ручныхъ овецъ, о которыхъ человѣкъ заботился въ теченіе тысячелѣтій, онъ распространилъ ихъ по всей землѣ и съ успѣхомъ водворилъ ихъ даже въ тѣхъ странахъ, которыя были имъ первоначально чужды.

Во главѣ описанныхъ дикихъ барановъ мы поставимъ длинношерстаго барана (*Ovis tragelaphus*, рис. стр. 638) — животное, очень выдѣляющееся своей длинной ниспадающей гривой. Руно его состоитъ изъ длинныхъ, грубыхъ щетинистыхъ волосъ и тонкой, курчавой, совершенно покрывающей все тѣло шерсти. Первые удлиняются на верхней части шеи, затылкѣ и загривкѣ въ торчащій, короткій, похожій на гриву волосяной гребень, а на передней и нижней части развиваются въ богатую, ниспадающую почти до земли, гриву, которая начинается на горлѣ, принимаетъ въ себя пробѣгающую вдоль шеи полосу, но продолжается также и на переднихъ ногахъ.

Уже въ 1561 году Кай Британникъ описалъ длинношерстаго барана, мѣхъ котораго былъ присланъ ему изъ Мавританіи. Съ той поры прошло много времени, прежде чѣмъ снова поднялась рѣчь объ этомъ животномъ; его вновь упомянули сперва Пеннанъ, а затѣмъ Жоффруа. Послѣдній нашелъ его въ горахъ вблизи Каира; другіе изслѣдователи наблюдали его на верхнемъ Нилѣ и въ Абиссиніи. Чаще всего онъ попадаетъ на Атласъ. Р. Яннатъ нашелъ его на югѣ Марокко.

„Длинношерстый баранъ,“ сообщаетъ Бювей, „вообще называется туземцами южнаго Алжира аруи. Несомнѣнно, что въ болѣе высокихъ частяхъ горнаго хребта, въ мароккскомъ Атласѣ, онъ встрѣчается еще чаще, чѣмъ въ Алжирѣ, такъ какъ отдаленность отъ людскихъ сношеній, которой отличается та часть горъ, можетъ только нравиться жвачному животному.“

„Аруи любитъ самые высокіе скалистые склоны горъ, на которые можно подняться только среди хаоса разсѣвшихся каменныхъ глыбъ и розсыпей, благодаря чему охота на него сопряжена съ огромными трудностями, часто даже опасна. Къ тому же она не обѣщаетъ большой выгоды, потому что длинношерстые бараны живутъ преимущественно въ одиночку, и только во время течки, которая бываетъ въ ноябрѣ, собирается вмѣстѣ нѣсколько штукъ овецъ и барановъ; они проводятъ нѣкоторое время вмѣстѣ, а затѣмъ опять бредутъ въ разныя стороны, каждый своей дорогой. Арабы — большіе любители мяса этихъ дикихъ животныхъ; оно очень похоже на оленину. Изъ мѣха арабы готовятъ ножнымъ одѣяла; кожа по мѣстамъ выдѣлывается и превращается въ сафьянъ.

„Хотя аруи нужно причислить къ очень рѣдкимъ животнымъ, однако горнымъ жителямъ иной разъ удается поймать въ ущельяхъ молодого петлей; они продаютъ его въ такихъ случаяхъ обыкновенно за небольшую сумму начальнику ближайшаго военного поста. Въ саду при гостинницѣ въ Бискрѣ находился молодой аруи; онъ въ нѣсколько почти отвѣсныхъ прыжковъ вспрыгивалъ на стѣну около 5 метровъ вышиной, окружавшую его мѣсто жительства, какъ будто бы онъ бѣжалъ по ровной землѣ, и такъ твердо держался на ея гребнѣ, едва въ ладонь шириной, что можно было подумать, что онъ чувствуетъ себя тамъ наверху въ полномъ спокойствіи.“



Длинношерстый баранъ (*Ovis traagelaphus*). $\frac{1}{15}$ естеств. велич.

Въ новыя времена длинношерстый баранъ пересталъ быть рѣдкостью въ зоологическихъ садахъ.

Только два градуса широты отдѣляютъ длинношерстаго барана отъ муффона (*Ovis musimon*), единственнаго дикаго барана, живущаго въ Европѣ, а именно на островахъ Корсикѣ и Сардиніи. Почти всѣ принимаютъ, что муффонъ въ болѣе раннія времена водился еще въ другихъ краяхъ южной Европы, такъ, напримѣръ, онъ находился на Балеарскихъ островахъ и въ Греціи, однако это мнѣніе не основательно. Въ наше время муффонъ все еще держится косяками, въ которыхъ порой можно насчитать около полусотни головъ; но обыкновенно эти косяки гораздо малочисленнѣе.

Изъ старыхъ сообщеній мы узнаемъ, что эти дикіе бараны встрѣчались въ бывшее время въ очень большомъ количествѣ. Порой на нѣкоторыхъ большихъ охотахъ убивалось отъ 400 до 500 штукъ, теперь же можно радоваться, если удастся убить нѣсколько штукъ; на такихъ охотахъ, которыя располагаютъ боль-

шими силами, добыча не превышаетъ 30—40 штукъ, да и то въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Муфлонъ принадлежитъ къ наиболѣе мелкимъ дикимъ баранамъ, хотя его длина все-таки доходитъ до 1,25 метра, считая тутъ и хвостъ, самое большее, въ 10 см., вышина его въ загривкѣ до 70 см., а вѣсъ колеблется отъ 40 до 50 кгр. Длина роговъ по кривизнѣ достигаетъ приблизительно 65 см., вѣсъ ихъ 4—6 кгр. Тѣло сложено плотнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ дикихъ барановъ. Хребетъ темно-бурый, а все остальное тѣло рыжее, какъ у лисы; на головѣ рыжій цвѣтъ измѣняется



Муфлонъ (*Ovis musimon*). $\frac{1}{12}$ естеств. велич.

въ аспидно-сѣрый, а на мордѣ, крестцѣ, по краямъ хвоста, на концахъ ногъ и нижней поверхности тѣла онъ переходитъ въ бѣлый. Рога у самца сильны и длинны, у основанія очень толсты; поперечное сѣченіе ихъ имѣетъ видъ треугольника. Значительно меньшая по величинѣ самка отличается отъ самца своимъ цвѣтомъ, онъ болѣе впадаетъ въ чалый, а также недоразвитостью или полнымъ исчезновеніемъ роговъ.

Въ противоположность длинношерстому барану, муфлонъ живетъ косяками, предводительство которыми беретъ на себя старый сильный самецъ. Эти косяки избираютъ мѣстомъ своего пребыванія высочайшія горныя вершины и здѣсь держатся на крутыхъ и болѣе или менѣе недоступныхъ скалистыхъ склонахъ. Какъ и у другихъ жвачныхъ, живущихъ обществами, нѣсколько особей всегда бдительно стоятъ на стражѣ и при видѣ какого либо подозрительнаго предмета испускаютъ тревожный крикъ, извѣщающій объ опасности товарищей, вслѣдъ за чѣмъ и тѣ, и

другіе тотчасъ же обращаются въ бѣгство. Во время течки эти косяки дѣлятся на небольшія кучки, состоящія изъ одного барана и нѣсколькихъ овецъ; послѣднихъ вожакъ-самецъ долженъ сперва завоевать себѣ храбрыми драками. Въ декабрѣ и январѣ можно слышать, какъ раздастся въ горахъ стукъ отъ ударовъ ихъ роговъ, и если осторожно идти на этотъ звукъ, то можно увидѣть, какъ сильные бараны одного стада стоятъ другъ противъ друга, нагнувъ головы, и какъ они бросаются другъ на друга съ такой силой, что прямо непонятно, какъ могутъ удерживаться соперники на мѣстѣ брани.

Въ апрѣлѣ или маѣ овца приноситъ 1 или 2 дѣтенышей; черезъ нѣсколько дней они могутъ уже съ полной увѣренностью слѣдовать за своей маткой по самымъ головоломнымъ тропинкамъ и вскорѣ не уступаютъ ей въ искусствѣ лазать.

Движенія муффлона живы, ловки, быстры и увѣренны, но онъ не такъ выносливъ, по крайней мѣрѣ на ровномъ мѣстѣ. Лазать онъ великій мастеръ. Цетти говоритъ, что муффлонъ очень боязливъ; даже при малѣйшемъ шорохѣ дрожить всѣмъ тѣломъ отъ страха и испуга и какъ можно скорѣе обращается въ бѣгство.

Человѣкъ всѣми средствами старается добыть драгоценную дичь. Во время спариванья, говорятъ, скрытые въ чащѣ охотники приманиваютъ самца, подражая блеянію овцы, а въ остальное время на нихъ охотятся обыкновеннымъ способомъ, хотя охота имѣетъ въ рѣдкихъ случаяхъ благопріятныя послѣдствія.

Конечно никогда не ловятъ старыхъ, взрослыхъ муффлоновъ, молодыхъ же удается поймать, только разлучивъ ихъ съ маткой. Они скоро привыкаютъ къ своему попечителю, но, несмотря на то, что становятся очень ручными, все-таки сохраняютъ свою бодрость и подвижный характеръ, которыми они такъ отличаются на свободѣ. Въ деревняхъ Сардиніи и Корсики часто попадаютъ ручные муффлоны, нѣкоторые такъ сильно привязываются къ человѣку, что слѣдуютъ за нимъ, какъ собаки, по всѣмъ тропинкамъ, слушаются его зова и проч. Они надоедаютъ только своей шаловливостью. Всѣ муффлоны, которыхъ я наблюдалъ въ неволѣ, оказались малоодаренными умственно, не имѣющими разсудка и памяти. Я ставилъ имъ западни и заманивалъ туда, показывая кормъ. Всякій разъ они, не задумываясь, шли въ петли и сѣти, хотя, повидимому, имъ было крайне непріятно попасться въ плѣнъ. Нѣкоторая память на мѣста, слабая память о полученныхъ благодѣяніяхъ, привязанность къ обычнымъ товарищамъ и любовь къ дѣтямъ — вотъ признаки душевной дѣятельности, которые я наблюдалъ у нихъ.

Въ средней Азіи и Сѣверной Америкѣ живутъ самые крупные дикіе бараны, отличающіеся мощными рогами и высокими ногами.

Аргали монголовъ (*Ovis argali*) — сильный баранъ, величиной съ девятимѣсячнаго теленка. Мощные, трехгранные, широкіе рога при корнѣ тѣсно стоятъ другъ возлѣ друга, сперва загибаются назадъ и кнаружи, затѣмъ внизъ и въ сторону, а на концѣ опять назадъ и вверхъ; отъ самаго корня они покрыты идущими по всему рогу волнистыми или какъ бы вплетенными другъ въ друга утолщеніями. Волосяной покровъ образуется изъ густыхъ волнистыхъ щетинокъ вмѣстѣ съ короткимъ, тонкимъ подшерсткомъ; онъ вездѣ очень 'равномѣренъ. Преобладающій цвѣтъ его — блѣдно-сѣрый матовый; на мордѣ, бедрахъ, верхней половинѣ ногъ, по краямъ ляжекъ и на задней половинѣ брюха онъ переходитъ въ значительно болѣе темный буро-желтый, а на передней части морды, на ляжкахъ и нижней половинѣ ногъ въ сѣровато-бѣлый.

Область распространенія аргали простирается отъ горъ Акмолинской области до юго-восточной окраины монгольскаго плоскогорія и отъ Алтая до Алатау, а быть можетъ и еще дальше на югъ.

Аргали избѣгаетъ сырыхъ лѣсистыхъ горъ, а равно и очень значительныхъ высотъ. Предпочтительнѣе всего онъ водится на отрогахъ горъ, возвышающихся на 600—1000 метровъ надъ уровнемъ моря, богатыхъ голыми лугами; склоны этихъ отроговъ покрыты рѣдкимъ лѣсомъ, а долины, лежація у подошвы ихъ.

широки. Здѣсь онъ живетъ и зиму и лѣто приблизительно въ одной области, такъ какъ онъ крайне рѣдко мѣняетъ одинъ горный отрогъ на другой. До времени течки самцы и самки ходятъ отдѣльно, каждый своей дорогой; первые — кучками отъ 3 до 5 штукъ, послѣднія по большей части въ одиночку; передъ самымъ наступленіемъ времени течки они собираются въ маленькія стада, среднимъ числомъ штукъ по 10, самое большое — 15.

Лѣтомъ аргали кормится всѣми растеніями, которыя ѣдятъ и наши домашнія овцы, а зимой довольствуется мхомъ, листьями и изсохшими травами. Въ это время они взбираются на утесы и вершины скалъ, гдѣ вѣтеръ сметаетъ снѣгъ и обнажаетъ лишай. Онъ разборчивѣе въ питьѣ, чѣмъ въ пищѣ, такъ какъ всегда ходитъ къ опредѣленнымъ источникамъ и рѣшительно предпочитаетъ ихъ всѣмъ другимъ. Очень часто посѣщаются имъ мѣста, гдѣ есть соль, такъ какъ она представляетъ самое вкусное лакомство для аргали.

Чувства аргали, повидимому, развиты всѣ превосходно. Они отлично видятъ, слышатъ и чуютъ, бываютъ лакомы, когда можно; что касается осязанія, то и имъ они не обижены. Въ характерѣ аргали выдѣляются двѣ черты — осторожность и сознаніе собственного достоинства; имъ можно приписать также способность разсудка и распознаванія. Тамъ, гдѣ ихъ научило постоянное преслѣдованіе, они всегда обнаруживаютъ если не пугливостъ, то большую осторожность; въ противоположныхъ же обстоятельствахъ чрезвычайно довѣрчивы. Замѣчательно ихъ нелѣпое, а иногда прямо опасное для нихъ любопытство. Уже старый Штеллеръ рассказываетъ, что охотники Камчатки привлекаютъ вниманіе живущаго на тамошнихъ горахъ биггорна или его родичей, дѣлая изъ своей одежды чучело и подкрадываются къ нему, пока онъ смотритъ на это, окольными путями на ружейный выстрѣлъ. Пржевальскій узналъ то же самое объ аргали и проверилъ истину монгольской примѣты; онъ повѣсилъ свою рубашку на шомполъ и этимъ привлекъ на цѣлыхъ четверть часа вниманіе убѣгавшаго отъ него стада каменныхъ барановъ.

Помимо такихъ хитростей охота на аргали требуетъ опытнаго охотника; а еще болѣе мѣткого стрѣлка. Мясо этой дичи очень цѣнится киргизами, да оно и на самомъ дѣлѣ превосходно, хотя имѣетъ нѣсколько острый вкусъ.

Взрослый аргали подвергается преслѣдованію кромѣ человека еще и тигра, волка и альпійскаго волка, однако оно часто бываетъ безуспѣшно. Этимъ хищникамъ скорѣе удастся захватить ягненка аргали; но худшій врагъ послѣдняго — беркутъ. Если бы удалось приручить это животное, и обратить его въ домашнее, то, оно могло бы приобрести большое значеніе. Это созданіе, выносящее какъ суровую зиму, такъ и палящее лѣто степей, было бы способно къ переселенію въ другія страны болѣе, чѣмъ какое либо иное.

Живущій въ Камчаткѣ видъ дикихъ барановъ считается тождественнымъ съ биггорномъ или толсторогимъ бараномъ (*Ovis montana*), хотя въ сущности онъ не совсѣмъ тождественъ, а отличается отъ биггорна замѣтно болѣе слабыми рогами.

Биггорнъ водится отъ 68° сѣверной широты приблизительно до 40° во всѣхъ скалистыхъ мѣстностяхъ и во всѣхъ странахъ, лежащихъ на западъ, вообще, впрочемъ, только въ самыхъ дикихъ и непроходимыхъ горныхъ областяхъ.

Свѣдѣнія, имѣющіяся у насъ о биггорнѣ, довольно скудны, въ особенности относительно его образа жизни. Длина взрослыхъ самцовъ 1,9 метра, изъ которыхъ хвостъ занимаетъ лишь 12 см., высота плеча 1,05 метра. Самка въ 1,4—1,5 метра длиной и 90—95 см. вышиной. Вѣсъ первыхъ достигаетъ 175 килогр., причемъ одни рога могутъ вѣсить до 25 кгр.; вѣсъ вторыхъ отъ 130 до 140 кгр. У нихъ плотная фигура, мышцы сильно развиты, голова похожа на голову каменнаго козла. Рога, если мѣрить ихъ по кривизнѣ, имѣютъ длину до 70 см. Волосъ ихъ нисколько не походитъ на шерсть; онъ жестокъ, хотя на ощупь и кажется мягкимъ, слегка курчавъ, длиной — самое большее — 5 см., преобладающій цвѣтъ грязный сѣро-бурый, на спинѣ болѣе темнѣе.

По образу жизни биггорны не отличаются ни отъ прочихъ родичей, ни отъ каменныхъ козловъ ничѣмъ существеннымъ. Какъ и каменные козлы, они превосходные горные ходоки. Если они замѣчаютъ что-нибудь чуждое, то бѣгутъ на крутыя высоты и тутъ останавливаются на самыхъ выдающихся гребняхъ, чтобы осмотрѣть свои владѣнія. Тамъ, гдѣ имъ пришлось узнать человѣка, они боятся его такъ же сильно, какъ другого своего злѣйшаго врага — волка. Мясо этой дичи ѣдятъ какъ бѣлые, такъ и индѣйцы, но оно имѣетъ запахъ, сильно отдающій бараномъ, что особенно замѣтно на мясѣ самца. Прочная и крѣпкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ мягкая и гибкая кожа имѣетъ большой спросъ среди индѣйцевъ, такъ какъ они изготовляютъ изъ нея свои красивыя кожаныя рубашки.

Самымъ труднымъ считается поймать молодого биггорна, потому что онъ легко убѣгаетъ за своей матерью въ самыя недоступныя мѣста. Однако, въ недавнее время это удалось, и на дальнемъ западѣ прирученіе молодыхъ самцовъ дошло не только до того, что ихъ можно пускать свободно вмѣстѣ со стадомъ, но даже съ успѣхомъ производили скрещиваніе ихъ съ домашними овцами. Мясо ублюдековъ слыветъ превосходнымъ.

О родоначальникахъ нашей домашней овцы мы можемъ сказать такъ же мало опредѣленнаго, какъ и о происхожденіи другихъ жвачныхъ, перешедшихъ въ ручное состояніе и совершенно превратившихся въ домашнихъ животныхъ. Мнѣнія естествоиспытателей по этому вопросу далеко расходятся. Одни полагаютъ, что всѣ породы овецъ исходятъ отъ одного дикаго родоначальника, который, вѣроятно, уже въ незапамятныя времена совершенно вымеръ или вполне перешелъ въ ручное состояніе, такъ что теперь его нигдѣ нельзя найти; другіе, напротивъ, высказываютъ воззрѣніе, что нѣсколько видовъ дикихъ барановъ слѣдуетъ принять во вниманіе, и на безчисленныя породы домашнихъ овецъ смотрѣть, какъ на продуктъ постоянно продолжавшагося скрещиванія между коренными видами и ихъ поколѣніями. Одни хотятъ видѣть родоначальника въ муффонѣ, другіе въ аргали, третьи даже въ аруи, нѣкоторые въ ша (*Ovis vignei*), водящейся на Маломъ Тибетѣ; есть и такіе, — къ нимъ примыкаю и я — которые честно и открыто признаются въ своемъ незнаніи и правильно замѣчаютъ, что одни только предположенія не могутъ споспѣшествовать разрѣшенію вопроса. Различія между породами заключаются, главнымъ образомъ, въ изгибъ роговъ, длинѣ и формѣ хвоста и въ волосяномъ покровѣ.

По новымъ изысканіямъ, повидимому, слѣдуетъ признать правильнымъ воззрѣніе, что всѣ различныя породы овецъ суть не что иное, какъ искусственное произведеніе человѣка; онъ измѣнилъ и форму ихъ, и величину, рога и шерсть, образъ ихъ жизни, поведеніе и всѣ прочія свойства.

За наиболѣе прибыльную изъ всѣхъ домашнихъ овецъ въ настоящее время можно считать мериносовую овцу (*Ovis aries hispanica*), получившую, какъ это доказано, свой характерный отпечатокъ въ Испаніи; время отъ времени ею пользовались для облагороженія почти всѣхъ европейскихъ породъ. Мериносъ средней величины и крупнаго тѣлосложенія, характеризуется своей большой, плосколобой головой съ горбатымъ носомъ и тупымъ рыломъ, маленькими глазами, большими слезными ямками, не очень длинными тонко-заостренными ушами. У него сильныя рога, загибающіеся въ сторону и затѣмъ назадъ, а потомъ двойнымъ винтообразнымъ закругленіемъ идущіе впередъ и вверхъ; встрѣчаются они обыкновенно только у самцовъ. Шея короткая и толстая съ сильными складками, внизу съ подгрудкомъ, на горлѣ выпячивается въ родѣ зоба, ноги сравнительно низки, но крѣпки и сильны, копыта тупо заострены, руно состоитъ изъ крайне густой, короткой, тонкой и мягкой, почти всегда курчавой шерсти.

„Въ Испаніи различаются три главныя породы овецъ: антрфина или полутонкошерстная — самыя многочисленныя — хурра, которыхъ меньше и мериносы, самая благородная порода, въ настоящее время уменьшающаяся самымъ плачевнымъ образомъ. Многіе иностранцы полагали, что въ Испаніи существовала

и существуетъ еще единственно лишь порода мериносовъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что именно она создала въ теченіе тысячелѣтій ту величайшую славу, которой пользуются наши овцы; но различныя причины оказали могущественное вліяніе на то, что число мериносовъ съ каждымъ годомъ убываетъ и они замѣщаются двумя другими вышеназванными породами.“

Весьма успѣшно сохранились мериносы въ Капландѣ. Первые экземпляры, принадлежавшіе къ электоральной саксонской породѣ ¹, были вывезены туда изъ



Мериносовая овца (*Ovis aries hispanica*). $\frac{1}{12}$ естеств. велич.

Саксоніи въ 1812 г. Рейтцемъ и М. фонъ-Бреда; другіе поселенцы послѣдовали ихъ примѣру въ 1820 г. и привезли настоящихъ испанскихъ мериносовъ. Ихъ потомки и ублюдки скрещивались съ другими благородными породами, вывезенными изъ Помераніи, Ганновера и Австраліи, пока не получилось поколѣніе, лучше всего приспособленное къ жизни въ различныхъ странахъ.

Наряду съ мериносомъ я ставлю жирноогодовалую или курдючную овцу (*Ovis aries steatoruga*). Это животное въ неисчислимомъ количествѣ водится въ Средней Азіи и въ сѣверо-восточной Африкѣ; всѣ кочевники сѣверныхъ и внутреннихъ странъ, равно какъ и свободные негры разводятъ ее. Эта жирно-

¹ Мериносы, вывезенные изъ Испаніи въ Саксонію, и ихъ потомство.

ягодичная овца довольно большое животное съ маленькими рогами, отличающееся отъ большей части остальныхъ ручныхъ видовъ своимъ совершенно волосянымъ руномъ. Ея покровъ похожъ на покровъ дикаго барана и не имѣетъ никакого сходства съ настоящимъ овечьимъ руномъ или волной; онъ не даетъ такой шерсти, которую можно было бы прясть или ткать. Только ягнята одѣты крайне тонкимъ шерстистымъ мѣхомъ.

Домашняя овца — спокойное, терпѣливое, кроткое, простодушное, рабское, безвольное, робкое и трусливое, короче — скучное созданіе. Едва ли можно приписать ей какія-либо особыя свойства; у нея нѣтъ характера. Она ничего не понимаетъ и ничему не научается, почему и не умѣетъ сама себѣ ни въ чемъ помочь. Если бы своекорыстный человѣкъ не взялъ бы ее подъ свое особое покровительство, то она исчезла бы въ самое короткое время. Она робка до смѣшного, и трусость ея достойна жалости. Каждый незнакомый шорохъ озадачиваетъ цѣлое стадо, молнія, громъ, буря и непогода заставляютъ ихъ вообще терять всякое соображеніе, и нерѣдко причиняютъ людямъ величайшія затрудненія.

Въ степяхъ Россіи и Азіи часто пастухамъ приходится много терпѣть изъ за нихъ. При снѣжномъ буранѣ или вихрѣ стада разсыпаются и, какъ безумныя, мчатся по степи, бросаются въ воду и даже въ море или глупо стоятъ на одномъ мѣстѣ, засыпаются снѣгомъ и замерзаютъ, не оказывая никакого сопротивленія и даже не думая о томъ, чтобы какъ нибудь укрыться отъ непогоды или отыскать себѣ пищу. Иногда гибнутъ онѣ цѣлыми тысячами. Въ Россіи тоже пользуются козами для управленія стадами овецъ, но даже и козы не въ состояніи иногда исполнить роль руководителей, необходимую по отношенію къ этимъ глупымъ животнымъ. Во время непогоды овцы тѣсно прижимаются другъ къ другу, и тогда ихъ никакъ нельзя сдвинуть съ мѣста. „Если въ эту кучу“, говоритъ Ленцъ, „ударить молнія, то многія погибаютъ на мѣстѣ; если ихъ хлѣвъ загорится, то овцы не выходятъ оттуда или бросаются сами въ огонь. Я видѣлъ однажды большой спаленный хлѣвъ, полный изжарившихся овецъ; несмотря на всѣ усилія, удалось лишь немногихъ спасти силой“. Самымъ лучшимъ средствомъ спасти овецъ изъ ихъ горящаго хлѣва остается все же хорошо знакомая имъ собака овчарка, которой и надо предоставить выгнать ихъ изъ хлѣва.

Конечно, и у овцы проявляются до извѣстной степени умственные способности. Она научается узнавать своего сторожа, слѣдуетъ его зову и обыкновенно очень послушна ему; у нея, повидимому, есть музыкальный слухъ; по крайней мѣрѣ, она внимательно слушаетъ игру пастуха на свирѣли; кромѣ того, она напередъ чувствуетъ и замѣчаетъ переменныя погоды.

Овца больше любитъ сухія и высокія мѣстности, чѣмъ низкія и сырыя. По даннымъ Линнея, изъ обыкновенныхъ среднеевропейскихъ растений она ѣстъ 327 родовъ, а отъ 141 рода отказывается. Лютикъ, молочай, осенникъ, хвощъ, осока и ситники для нея ядовиты. Наиболѣе выгодны для ея питанія изсохшія травы всякаго рода; хлѣбныя растенія дѣлаютъ ее слишкомъ жирной и портятъ шерсть. Овца очень любитъ соль, а свѣжая вода для питья составляетъ для нея насущную потребность.

Древніе римляне опредѣляли время спариванья для своихъ овецъ между маемъ и іюнемъ; хозяева въ болѣе холодныхъ странахъ предпочитаютъ время отъ сентября до октября. Въ такомъ случаѣ ягнята появляются на свѣтъ во второй половинѣ февраля — овца носитъ отъ 144 до 150 дней — и въ скоромъ времени переходятъ на хорошій свѣжій кормъ. Обыкновенно овца родитъ только одного дѣтеныша; двое ягнятъ у ней бываетъ довольно рѣдко, а трое — очень рѣдко. Въ началѣ слѣдуетъ очень беречь маленькихъ животныхъ отъ неблагоприятнаго дѣйствія погоды, позднѣе же они могутъ ходить на пастбище вмѣстѣ съ другими. На первомъ мѣсяцѣ жизни у нихъ прорѣзываются молочные зубы, на шестомъ появляется первый постоянный коренной зубъ, на второмъ году жизни выпадаютъ оба молочные рѣзца и замѣщаются постоянными; только на пятомъ году пере мѣняются передніе молочные коренные зубы, и этимъ заканчивается развитіе зубовъ. Всѣ породы безъ труда скрещиваются между собой, благодаря чему облагородить овецъ не трудно.

Въ нашихъ странахъ у разсмотрѣннаго животнаго мало враговъ; но на сѣверѣ и югѣ уже довольно часто прокрадывается волкъ въ ихъ стада; въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ за этими беззащитными созданіями охотятся крупныя породы кошекъ и большія дикія собаки, въ Австраліи — динго и сумчатый волкъ. Бурый мишка порой захватываетъ одну, другую. Орель и ягнятникъ опасны для ягнятъ. Но такъ сильно преслѣдуемая врагами овца остается за то, по большей части, не тронутыми болѣзнями, и такимъ образомъ вредъ уравнивается. Самая частая болѣзнь ихъ — вертежъ, обнаруживающійся, главнымъ образомъ, у молодыхъ животныхъ; причина ея — тесемочная пузырчатая глиста (*Taenia coenurus*), заводящаяся въ мозгу. Другія глисты, такъ называемыя печеночныя (*Distomum hepaticum*) причиняютъ гніеніе печени, нѣкоторые подкожные паразиты гніеніе языка. Ихъ мучаютъ также и наружныя паразиты, напимѣръ, такъ называемый овечій рунецъ, принадлежащій къ породѣ кровососокъ, и клещъ. Къ этому присоединяются еще ударъ или кровавая эпидемія, копытная болѣзнь, паршивость, оспа, раздутіе брюха, и другія болѣзни, часто становящіяся очень гибельными.

Овца можетъ дожить до 14 лѣтъ, однако уже на 9 или 10 году у нея выпадаютъ почти всѣ зубы. Вслѣдствіе этого она дѣлается уже негодной, и ее нужно какъ можно скорѣе откормить и убить.

На дальнемъ сѣверѣ, въ тѣхъ безотрадныхъ краяхъ, гдѣ земля только на поверхности оттаиваетъ лѣтомъ, гдѣ карликовые кустарники влачатъ жалкое существованіе, гдѣ простираются тундры, покрытыя мхомъ да ягелемъ, по этой негостепріимной странѣ вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ бродитъ еще другое жвачное животное: это — овцебыкъ или мускусный быкъ. Нѣкогда это животное жило гораздо южнѣе, а именно овцебыкъ стойко боролся за существованіе, какъ это намъ показываютъ его скелеты, уцѣлѣвшіе въ старыхъ рѣчныхъ руслахъ Европы и Азіи. Прежде граница его распространенія лежала южнѣе на 15° широты, тогда какъ теперь она начинается всего лишь отъ 60° сѣверной широты въ Америкѣ, единственной части свѣта, гдѣ онъ еще живетъ.

Овцебыкъ или мускусный быкъ (*Ovibos moschatus*) удивительнымъ образомъ соединяетъ въ себѣ черты овцы и быка; поэтому намъ кажется правильнымъ признать его за представителя особаго подсемейства. Отсутствіемъ подгрудка и тѣмъ, что область около рта и ноздрей покрыта у него шерстью, короткостью хвоста, похожаго на обрубокъ, различно сложенными копытами и постояннымъ существованіемъ только двухъ сосковъ этотъ ублюдокъ настолько же отличается отъ другихъ видовъ изъ подсемейства быковъ, насколько благодаря этимъ признакамъ приближается къ овцамъ. Вся длина его, включая и хвостъ въ 7 см., доходитъ до 2,44 метра, вышина плеча 1,1 м. Тѣло, покоющееся на короткихъ и сильныхъ ногахъ, массивно, шея коротка и толста, хвостъ въ сущности просто обрубокъ, скрытый мѣхомъ, голова очень нестройна, сравнительно узка и высока, лобъ по большей части закрытъ рогами, глаза малы, ротъ нескладенъ и великъ, отличается своими толстыми губами. Рога утолщаются къ серединѣ; сперва они немного загибаются назадъ, плотно прилегая къ головѣ, затѣмъ прямо внизъ, отсюда поворачиваются впередъ и кнаружи и, наконецъ, направляются опять вверхъ своими острыми концами.

Необычайно густой мѣхъ покрываетъ тѣло; густота его прямо поразительна на мордѣ и ногахъ. Сравнительно крѣпкіе щетинистые волоса удлиняются отъ подбородка до груди и составляютъ гриву, ниспадающую почти до земли, съ обѣихъ сторонъ образуютъ подвѣску, доходящую почти до копытъ и также богато покрываютъ загривокъ, представляя здѣсь какъ бы сѣдло въ видѣ подушки, которое начинается сзади роговъ, покрываетъ съ обѣихъ сторонъ шею и даже закрываетъ уши. Общій цвѣтъ мѣха — темный буро-коричневый, переходящій на мордѣ и на волосахъ гривы въ темно-бурый, а на сѣдлѣ становится свѣтлѣе.

Въ приведенныхъ выше обширныхъ областяхъ овцебыкъ живетъ во всѣхъ мѣстностяхъ, которыя могутъ дать ему хоть на время пріютъ и пищу. Водится онъ стадами

разныхъ размѣровъ, преимущественно въ долинахъ и низменностяхъ, повидимому, его можно встрѣтить въ большемъ количествѣ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ областяхъ: по крайней мѣрѣ, это считаютъ возможнымъ высказать на основаніи своихъ изысканій участники второй нѣмецкой полярной экспедиціи, по скольку это относится къ восточной Гренландіи. Они встрѣчали стада въ 20—30 штукъ. На самыхъ дальнихъ островахъ сѣверо-запада Мехемъ одинъ разъ замѣтилъ на небольшомъ участкѣ, длиною въ дневной переходъ около 150, а другой разъ около 70 находившихся въ полѣ его зрѣнія пасущихся мускусныхъ быковъ. Въ теченіе лѣта эти стада держатся на сѣверѣ материка Америки преимущественно вблизи



Овцебыкъ (*Ovibos moschatus*). $\frac{1}{16}$ естеств. велич.

рѣкъ, а съ наступленіемъ осени тянутся дальше на югъ; въ это же время они собираются въ очень большія толпы, тогда какъ раньше паслись преимущественно въ одиночку. Если ихъ можетъ выдержать прочный ледяной покровъ, то они тянутся длинными вереницами съ одного острова на другой, чтобы заблаговременно отыскать себѣ мѣсто, богатое кормомъ. Исключительно только чрезвычайная нетребовательность ихъ позволяетъ имъ пережить страшную зиму. Медленно и осмотрительно блуждаютъ эти животныя по безконечнымъ снѣжнымъ пустынямъ, ища мѣста, которое могло бы обѣщать имъ поддержку существованія. Съ наступленіемъ таянія снѣговъ начинается у нихъ время, когда добыть пищу они могутъ безъ большого труда, но за то, напротивъ, они переносятъ много другихъ страданій. Въ противоположность зимнему времени, когда передъ ними была только жалкая пища, глубоко скрытая подъ снѣгомъ, теперь они могутъ кормиться безъ труда низкими стволами растеній, которыя пышно разрастаются въ короткое время, по крайней мѣрѣ мѣстами, но за то имъ приходится терпѣть много мукъ отъ разныхъ комаровъ, нападающихъ иногда положительно чудовищными тучами и въ

то-же время переносить линяніе. Оно идетъ, очевидно, при ихъ плотномъ рунѣ не легко; они часто катаются въ трясилахъ и болотахъ, чтобы покрыться какъ бы корой для защиты отъ своихъ мучителей, и, повидимому, держатся въ это время въ самыхъ узкихъ мѣстахъ; только совершенно вылинявъ они пачинаютъ опять спокойно и настойчиво бродить по широкимъ областямъ своей печальной родины.

Въ концѣ августа животныя спариваются, а въ концѣ мая, т. е. черезъ 9 мѣсяцевъ корова телится однимъ теленкомъ: это маленькое, очень милое созданіе; мать очень нѣжно любитъ его и въ случаѣ надобности защищаетъ съ величайшимъ мужествомъ.

Овцебыки, несмотря на неуклюжую фигуру, двигаются съ достойной удивленія легкостью, съ ловкостью и проворствомъ антилопы. Подобно козамъ они лазаютъ по скаламъ и влѣзая на крутые склоны не составляетъ для нихъ никакого труда; съ высотъ они смотрятъ въ долины, не ощущая головокруженія. Что касается человѣка, то тѣ овцебыки, по крайней мѣрѣ, которымъ не приходилось почти или вовсе встрѣчаться раньше съ этимъ главнымъ врагомъ животныхъ, ведутъ себя по отношенію къ нему неловко и неразумно, но скоро научаются составлять себѣ вѣрное представленіе о внезапно появляющемся на ихъ равнинахъ противникѣ тамъ, гдѣ самое большее — на нихъ нападаютъ волкъ да бѣлый медвѣдь, и замѣтивъ угрожающую отъ человѣка опасность, овцебыки своевременно обращаются въ бѣгство.

Если нѣсколько охотниковъ подкрадутся одновременно съ разныхъ сторонъ къ спокойно пасущемуся стаду овцебыковъ, то они иногда тѣснятъ другъ къ другу вмѣсто того, чтобы разсыпаться и бѣжать, и даютъ возможность охотникамъ выстрѣлить по нимъ не одинъ разъ. Во всякомъ случаѣ охота не производится такъ, какъ передаютъ Пейэръ и Коплэндъ. Они описываютъ овцебыковъ очень мирными животными и говорятъ, будто охота на нихъ не труднѣе стрѣлянья изъ пастушьей хижины въ стадо коровъ или козъ, расположившееся вокругъ нея. Однако, по моему, неправильно обобщать подобныя наблюденія, тѣмъ болѣе, что впечатлѣнія болѣе раннихъ наблюдателей говорятъ совершенно противное. Раненыя животныя приходятъ въ ярость и свирѣпо обрушиваются на охотника, который можетъ тогда считать за счастье, если не будетъ растоптанъ или пронзенъ острыми рогами.

Мясу этого животного постоянно присущъ замѣтный мускусный запахъ; однако, у коровъ онъ не настолько силенъ, чтобы оно становилось отъ этого несъѣдобнымъ, напротивъ, у самцовъ, убитыхъ во время течки, онъ очень силенъ. Шерсть и волосъ высоко цѣнятся эскимосами и индѣйцами. Первая такъ тонка, что изъ нея положительно можно приготовить прекрасную ткань, если только имѣть достаточное количество этой шерсти. Изъ хвостовъ эскимосы готовятъ махалки отъ мухъ, а изъ шкуры — хорошія покрывала для ногъ.

Быки (*Bovinae*) составляютъ третье подсемейство полорогихъ. Это большія, сильныя, тяжеловѣсныя жвачныя, главные признаки которыхъ состоятъ въ слѣдующемъ: у нихъ болѣе или менѣе округленные и гладкіе рога, широкая морда съ далеко стоящими другъ отъ друга ноздрями, длинный, кистевидный хвостъ, достигающій до пяточного сустава, нѣтъ слезныхъ ямокъ и копытныхъ железъ. Большая часть ихъ отличается еще отвислымъ подгрудкомъ на шеѣ. Скелетъ ихъ имѣетъ очень неуклюжія и мощныя формы. Рога, расширяющіеся при корнѣ и могущіе прикрыть при этомъ почти весь лобъ, у громаднаго большинства оставляютъ лобъ открытымъ, гладки, кругловаты, имѣютъ морщины только при основаніи; они загибаются и кнаружи и внутрь, назадъ или впередъ, вверхъ или внизъ, или же имѣютъ видъ лиры. Волосной покровъ обыкновенно коротокъ, лежитъ гладко; впрочемъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла онъ можетъ удлиниться на подобіе гривы.

Какъ на отечество быковъ, можно смотрѣть на всю Европу и Африку, среднюю и южную Азію и Сѣверную Америку; въ наше время виды ихъ, порабощен-

ные человѣкомъ, распространились по всѣмъ частямъ земного шара. Дикіе виды живутъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ: одни въ густыхъ лѣсахъ, другіе — въ открытой степи, третьи на равнинахъ, четвертые въ горахъ, гдѣ они поднимаются даже на 5 — 6 тысячъ метровъ, одни болѣе предпочитаютъ сырыя мѣстности и болота, другіе же сухія мѣстности. Очень немногіе изъ нихъ — осѣдлыя животныя; почти всѣ ведутъ преимущественно бродячую жизнь. Живущіе въ горахъ зимой спускаются въ долины, водящіяся на сѣверѣ двигаются къ югу, другіе переходятъ вслѣдствіе недостатка пищи на ихъ временныхъ мѣстахъ пребыванія въ страны, болѣе богатые кормомъ. Всѣ безъ исключенія виды живутъ обществами и собираются въ стада, которыми предводительствуютъ сильныя и опытныя животныя; нѣкоторые виды образуютъ полчища въ тысячи головъ. Старые самцы при случаѣ отдѣляются отъ стада и живутъ отшельниками.

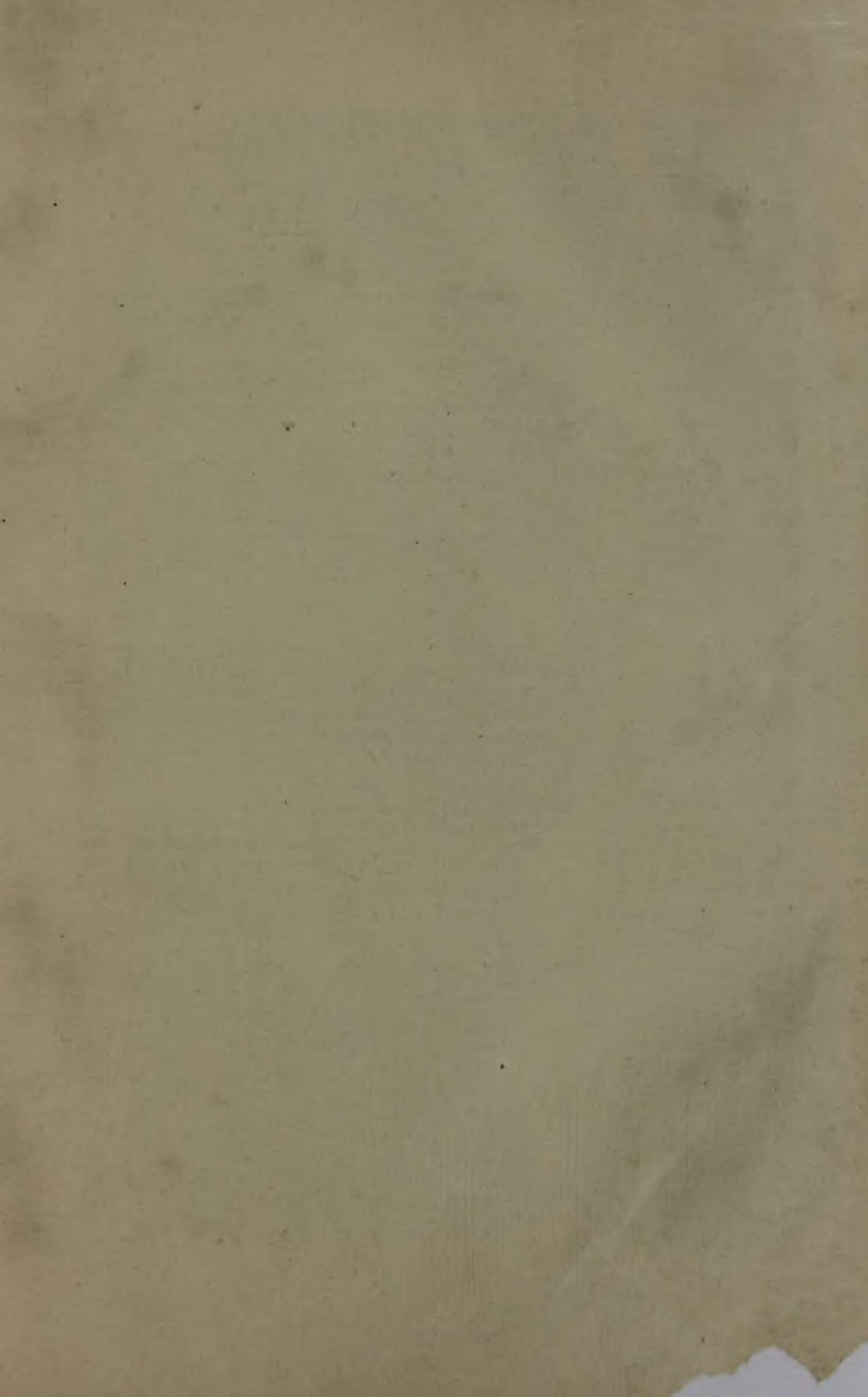
Хотя всѣ быки кажутся неуклюжими и медлительными, однако они могутъ двигаться быстро и проявляютъ гораздо болѣе проворства, чѣмъ можно предположить. Обычно они ходятъ медленнымъ шагомъ; впрочемъ, они быстро бѣгаютъ рысцой, а иногда переходятъ въ крайне пеуклюжій галопъ, которымъ подвигаются, однако, очень скоро. Виды, живущіе въ горахъ, мастерски лазаютъ; всѣ животныя этого подсемейства легко и хорошо плаваютъ, а нѣкоторые не задумываясь пускаются черезъ самыя широкія рѣки. Сила ихъ необычайна, выносливость удивительна. Изъ чувствъ всего выше стоитъ обоняніе, слухъ тоже хорошъ, но зрѣніе не особенно развито. Духовныя способности не велики; впрочемъ, дикіе виды обнаруживаютъ гораздо болѣе понятливости, чѣмъ ручныя, которымъ не приходится напрягать своихъ душевныхъ силъ. Проявленія ихъ разнообразны. Въ общемъ кроткіе и довѣрчивые къ тѣмъ созданіямъ, которыя не опасны и не тревожатъ ихъ, порой они являются чрезвычайно дикими, упрямыми и смѣлыми, въ раздраженіи нападаютъ, презирая опасность, угрожающую ихъ жизни, на всѣхъ хищныхъ животныхъ, даже самыхъ сильныхъ, и при этомъ такъ ловко умѣютъ пользоваться своимъ оружіемъ, что нерѣдко остаются побѣдителями. Вообще уживчивые другъ съ другомъ, въ извѣстныя времена, а именно во время течки, они дерутся между собой съ рѣшительнымъ задоромъ. Голосъ выражается звонкимъ или глухимъ мычаніемъ, или хрюканьемъ и ворчаньемъ; послѣднее можно слышать, главнымъ образомъ, когда животное раздражено.

Пищу быковъ составляютъ очень разнообразныя растительныя вещества. Они ѣдятъ листву и нѣжныя почки, побѣги и вѣтви самыхъ разнообразныхъ деревьевъ, травы и зелень, древесную кору, мохъ и ягель, болотныя и водяныя растенія, даже острую осоку и тростниковыя растенія. Въ состояніи неволи они питаются всевозможными растительными веществами. Соль для нихъ лакомство, вода — потребность. Нѣкоторые охотно валяются въ тинистыхъ лужахъ, или по цѣлымъ часамъ лежатъ на днѣ рѣчекъ и прудовъ.

Черезъ 9 — 12 мѣсяцевъ послѣ случки корова производитъ на свѣтъ одного, крайне рѣдко двухъ, телятъ. Теленокъ уже совершенно развитъ, и черезъ самое короткое время можетъ слѣдовать за матерью. Матка обращается съ нимъ съ теплой нѣжностью, кормитъ и чиститъ; лижетъ и ласкаетъ его, а въ опасности защищаетъ съ безумной смѣлостью противъ всякаго нападенія; позднѣе у нѣкоторыхъ видовъ защитникомъ молодыхъ выступаютъ быки.

Всѣ виды быковъ способны къ прирученію, при чемъ отдаются болѣе или менѣе добровольно во власть человѣку, пріучаются узнавать и любить своего попечителя, слѣдуютъ его зову и повинуются даже слабому ребенку, однако не дѣлаютъ предпочтенія своему хозяину, сравнительно съ другими людьми, но обращаются, разъ уже они приручены, одинаково дружественно со всѣми.

Охота на дикихъ быковъ опасна; разозленный самецъ, въ особенности, является грознымъ противникомъ; по этой то причинѣ этой охотѣ отдаются со страстью, и нѣкоторые народы считаютъ ее самой славной изъ всѣхъ.





Жизнь животных. Бразил. I.

Я к ъ.

Т-во „Прогрессив“ изъ Спб.

„Индусы“, рассказываетъ намъ уже Эліанъ, „приносятъ въ даръ своему царю быковъ двухъ родовъ: одни очень быстро бѣгаютъ, а другіе очень дики. Они чернаго цвѣта, но хвостъ у нихъ, изъ котораго дѣлаютъ опахало отъ мухъ, ослѣпительной бѣлизны. Это животное боязливо, и быстро обращается въ бѣгство; если же его настигаютъ собаки, то онъ прячетъ хвостъ въ кустъ, а самъ оборачивается лицомъ къ врагу, полагая, что ему ничего не сдѣлаютъ, если не увидятъ его хвоста; онъ прекрасно знаетъ, что его ловятъ именно ради красоты хвоста. Но онъ обманывается. Его убиваютъ ядовитой стрѣлой, отрѣзаютъ у него хвостъ, сдираютъ кожу, а мясо бросаютъ.“

Животное, о которомъ говоритъ это Эліанъ, есть якъ (*Bos grunniens*) или длинношерстый быкъ, какъ его тоже называютъ. Тѣло его обладаетъ мощнымъ сложеніемъ, голова соразмѣрно велика, очень широка и очень постепенно суживается, начиная отъ длиннаго и плоскаго лба и кончая колбовидной мордой, глаза малы, имѣютъ тупое выраженіе, уши малы и закруглены. Рога, сидящіе по обѣимъ сторонамъ лобной кости, сплюснуты въ направленіи сверху внизъ, спереди круглы, а сзади образуютъ ребро; они направляются сначала въ сторону, кзади и кнаружи, затѣмъ вверхъ и впередъ, конецъ же ихъ заворачивается кнаружи и назадъ. Шея коротка и мускулиста, какъ у быка, спина, спускающаяся очень волнистой линіей, покато понижается къ корню хвоста, хвостъ длиненъ и украшенъ пучковидной метелкой, достигающей почти до земли. Покровъ ихъ состоитъ сплошь изъ тонкихъ и длинныхъ волосъ, которые часто закрываютъ у него всю морду, а на загривкѣ и на обоихъ бокахъ удлиняются на подобіе мягкой волнистой гривы, которая тяжело свѣшивается будто занавѣсъ. Старыя животныя великолѣпнаго глубокаго чернаго цвѣта съ коричневатымъ оттѣнкомъ на спинѣ и бокахъ; волосы вокругъ рта сѣроваты, вдоль спины пробѣгаетъ серебристо-сѣрая полоса. Вся длина старыхъ быковъ доходитъ до 4,25, высота спинного горба 1,9 м., длина роговъ 80 — 90 см.; старыя коровы, напротивъ, длиной едва 2,8, вышиной 1,6 метра.

Тибетское плоскогоріе и всѣ идущіе отъ него высокіе горные отроги даютъ пріютъ яку; его мѣстопробываніе заключается въ равнинахъ, лежащихъ на высотѣ отъ 4000 до 6000 метровъ. Голая почва негостепріимныхъ полей его родины скудно порастаетъ то тутъ, то тамъ травой, которую зимой заносятъ снѣгомъ бѣшеные вихри. Посреди такихъ пустынь якъ находитъ удовлетвореніе потребностей и защиту отъ человѣка, но тѣмъ не менѣе борьба за существованіе обходится ему не такъ дорого, какъ это можно было бы предположить.

Несмотря на свою силу, якъ по своимъ дарованіямъ, уступаетъ другимъ животнымъ плоскогорія. Въ ходбѣ по горамъ онъ можетъ, впрочемъ, соперничать съ дикимъ бараномъ и каменнымъ козломъ, такъ какъ онъ съ такой же увѣренностью, какъ и они, лазаетъ по самымъ высокимъ и дикимъ горнымъ лугамъ, по розсыпямъ и крутымъ склонамъ; если же онъ побѣжитъ по ровной мѣстности, то его можно нагнать на любой лошади. Изъ чувствъ — обоняніе далеко превосходитъ остальные. Что умъ его стоитъ на низкой ступени, это доказывается уже непропорціонально малымъ головнымъ мозгомъ, но еще больше — поведеніемъ во время опасности и бѣды. Самое замѣчательное свойство яка — лѣтность. Утромъ и вечеромъ онъ выходитъ пастись, а остальной день посвящаетъ покою, т. е. стоитъ или лежитъ. Въ это время одно только пережевываніе жвачки показываетъ, что онъ живъ; въ остальномъ же онъ походитъ на каменное изваяніе.

Черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ случки корова производитъ на свѣтъ теленка, а затѣмъ заботится еще цѣлый годъ о немъ, такъ что, по выраженію монголовъ, она ходитъ беременной цѣлыхъ 2 года. На 6 — 8 году яка нужно считать взрослымъ, а на 25 году онъ умираетъ отъ старческой слабости, если только жизнь его не сократитъ болѣзнь или пуля охотника. Другіе враги, которые могли бы причинить ему гибель, не взбираются на его родныя высоты.

Охота на яка для отважнаго и хорошо вооруженнаго стрѣлка столь же заманчива, сколько и опасна. Мощный звѣрь, если онъ не пораженъ на смерть, бросается не думая ни о чемъ другомъ, на охотника, и послѣдній, даже владея мужествомъ, ловкостью, хладнокровіемъ и хорошимъ оружіемъ, никогда не можетъ

съ увѣренностью рассчитывать свалить вторымъ выстрѣломъ своего, яростно нападающаго, мощнаго противника. Пуля изъ самаго сильно бьющаго ружья только тогда на смерть пробиваетъ голову яку, если перпендикулярно ударяетъ въ небольшое мѣсто, покрывающее небольшой величины мозжечекъ, а наклонный выстрѣлъ убиваетъ его лишь въ томъ случаѣ, когда попадетъ въ сердце. На этомъ основаніи монголы боятся яка, какъ чудовища, охотно уступаютъ ему дорогу, а рѣшась, дѣйствительно, на охоту, стрѣляютъ въ него не иначе, какъ изъ за вѣрнаго прикрытія и при томъ идутъ группами человѣкъ въ 8—12.

Мясо яка Кинлохъ считаетъ отмѣннымъ, хотя, по его мнѣнію, оно всегда слишкомъ тощее; языкъ и мозговые кости онъ называетъ лакомствомъ. Однако еще больше мяса яка цѣнится его пометъ, такъ какъ на холодныхъ высотахъ его печальной родины — Тибета онъ составляетъ единственное горючее вещество, которое можно употребить въ дѣло.

Во всѣхъ странахъ, плоскогорія которыхъ даютъ пріютъ яку, встрѣчается и ручной якъ, представляющій собой важное и полезное домашнее животное. Ручной якъ мало отличается отъ дикаго по фигурѣ и качеству волосаго покрова, но зато отличается цвѣтомъ. Чисто черные яки встрѣчаются очень рѣдко; обыкновенно, наиболѣе похожіе на дикихъ имѣютъ бѣлыя пятна; помимо этого попадаются бурые, гнѣдые и пѣгіе. Разведено уже нѣсколько породъ ихъ, быть можетъ, при помощи скрещиванія съ другими видами быковъ. Мѣстами случается, что ручные яки вновь дичаютъ; при этомъ они опять принимаютъ свою первоначальную окраску. Ручные яки могутъ успѣшно развиваться тоже лишь въ холодныхъ, высоко лежащихъ горныхъ странахъ, а при сильной жарѣ погибаютъ, холода же переносятъ равнодушно.

Тибетецъ употребляетъ яка, какъ вьючное и какъ верховое животное. По отношенію къ извѣстнымъ ему лицамъ онъ ведетъ себя довольно дружелюбно, позволяетъ трогать себя, чистить и водить на продѣтой черезъ носъ веревкѣ; при чужихъ же обыкновенно держитъ себя иначе, проявляетъ безпокойство, наклоняетъ голову къ землѣ и противится, какъ будто бы вызывая на бой какого-то врага. Онъ всегда сохраняетъ до нѣкоторой степени дикость.

Якъ несетъ на себѣ безъ труда отъ 100 до 150 килогр. и при томъ по самымъ тяжелымъ скалистымъ тропинкамъ и снѣжнымъ полямъ. Благодаря ему можно доставлять грузы черезъ очень высокіе горные перевалы, такъ какъ онъ движется съ величайшей увѣренностью даже тамъ на вершинахъ, гдѣ разрѣженный воздухъ утомляетъ и удушаетъ всѣ другія созданія. Его нельзя употреблять только на очень утесистыхъ тропинкахъ, потому что въ этихъ случаяхъ грузъ ему мѣшаетъ перепрыгивать черезъ очень высокія скалы.

Молоко и мясо ручного яка одинаково хороши. Изъ шкуры выдѣлываютъ кожу, а изъ волоса вьютъ веревки. Наибольшую цѣнность представляетъ хвостъ, доставляющій часто упоминаемые бунчуки, издревле прославленные воинскіе знаки.

Привозимые въ Европу яки сохранялись до сихъ поръ лучше, чѣмъ можно бы предполагать. Поэтому стали надѣяться акклиматизировать этого прекраснаго быка въ Европѣ. Отъ подобнаго водворенія ожидали богатыхъ барышей, потому что предполагали, что яки доставляютъ прекрасную шерсть, вкусное мясо, отличное жирное молоко, и кромѣ того, что они сильные, неутомимыя рабочія животныя и при всемъ томъ довольствуются самой плохой пищей сравнительно съ другими быками. Впрочемъ, въ высокихъ странахъ Тибета и Туркестана якъ примѣняется во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и поэтому считается цѣннымъ и полезнымъ животнымъ. Мы не нуждаемся для своихъ горныхъ странъ въ нихъ, такъ какъ у насъ пользуются альпійскимъ рогатымъ скотомъ и горными козами. Конечно, якъ не оказалъ бы больше услугъ, чѣмъ они.

Въ западной Россіи, въ южной части древней Литвы находится своеобразная регалія. Это — знаменитая Бѣловѣжская пуща, настоящій первобытный сѣверный лѣсъ, занимающій около 2000 кв. килом. поверхности. Она лежитъ совершенно особо, подобно острову, окруженная пашнями и покосами, селеніями и безлѣсными полями. Въ лѣсу находится только одна деревня, но въ ней нѣтъ земледѣльцевъ,

а лишь одни лѣсничіе да охотники. Около четырехъ пятихъ его составляютъ сосны, господствующія всецѣло на очень большомъ пространствѣ, въ болѣе сырыхъ мѣстностяхъ попадаются ели, дубы, липы, грабы, березы, ольхи, тополи и вайда между соснами. Этотъ лѣсъ служитъ пріютомъ крупнѣйшему изъ всѣхъ млекопитающихъ европейскаго материка — зубру. Только здѣсь и въ нѣкоторыхъ лѣсахъ Кавказа, да еще въ Мецерцитскомъ лѣсничествѣ въ Силезіи живетъ еще въ настоящее время этотъ мощный звѣрь, на всей остальной землѣ онъ исчезъ. Строгіе законы охраняютъ его въ Бѣловѣжской пущѣ, и если бы подобную охрану не поддерживали уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій владѣльцы этого удивительнаго зоологическаго сада, то въ наше время зубра можно было бы найти развѣ лишь еще на Кавказѣ.

Въ болѣе раннюю эпоху дѣло обстояло, конечно, иначе; тогда зубръ, какъ доказано, распространялся по всей Европѣ и по большей части Азіи. Во времена расцвѣта Греціи онъ часто встрѣчался въ нынѣшней Болгаріи; въ средней же Европѣ находился почти повсемѣстно. Аристотель называетъ его „бонассъ“ и точно описываетъ. Плиній выводитъ его подъ названіемъ „бизонъ“; старыя рукописи упоминаютъ о немъ въ 6 и 7 столѣтіи, пѣсня о нибелунгахъ говоритъ, что онъ водится въ Васгау. Во времена Карла Великаго зубръ былъ на Гарцѣ и въ Саксоніи, по Эккегарду — около 1000 г. Это была дичь, водящаяся около Сень-Галлена. Въ 1373 г. онъ жилъ въ Помераніи, въ 15 столѣтіи въ Пруссіи, въ 16-мъ въ Литвѣ, въ 18-мъ между Тильзитомъ и Лабіау въ восточной Пруссіи; послѣдній экземпляръ его тутъ былъ убитъ браконьеромъ лишь въ 1755 г.

Короли и магнаты королевства Польскаго и Литовскаго ревностно заботились о сохраненіи зубровъ. Ихъ держали въ особыхъ садахъ и паркахъ, такъ, напр., въ Остроленкѣ, Варшавѣ, Замойскѣ и др. Въ высшей степени рѣдко ловили они по штукѣ, обыкновенно, чтобы отправить въ качествѣ подарка къ иностраннымъ дворамъ. Повальная болѣзнь уничтожила въ началѣ 18 столѣтія самую большую часть этихъ стадъ, пока, наконецъ, упомянутый браконьеръ не погасилъ свѣточъ жизни у послѣдняго зубра. Во всякомъ случаѣ, то же произошло бы и съ зубромъ, живущимъ въ Бѣловѣжской пущѣ, если бы короли польскіе, а затѣмъ русскіе императоры не сохранили бы свѣту этого рѣдкаго звѣря.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію строенія и жизни упомянутаго лѣснаго быка, я долженъ замѣтить, что подъ зубромъ (Wisent) я понимаю животное, не разъ называвшееся Ur, Auer или Auerochs. Подъ послѣднимъ названіемъ наши предшественники описывали очень отличающійся отъ зубра, уже давно вымершій видъ.

Кто внимательно прочтетъ научныя изслѣдованія прежнихъ столѣтій, тотъ придетъ къ выводу, что прежде въ Европѣ жило два вида дикихъ быковъ, одинъ наряду съ другимъ. Всѣ очень древніе писатели опредѣленно различаютъ обоихъ животныхъ. Австрійскій посланникъ, баронъ фонъ-Герберштейнъ говоритъ въ своемъ трудѣ о Россіи и Польшѣ о двухъ видахъ дикихъ быковъ и къ позднѣйшему изданію книги прилагаетъ два рисунка, подъ которыми, для ясности, подписаны названія этихъ животныхъ. Рисунокъ, изображающій животное, похожее на нашего домашняго быка, содержитъ слова: „Я есмь Урусъ (Urus), котораго поляки называютъ туръ, нѣмцы — Ауерох, а невѣжды Bison“. На второмъ рисункѣ, по которому нельзя было бы узнать нашего зубра, подпись: „Я есмь бизонъ (Bison), котораго поляки называютъ зубръ, нѣмцы — Wysent, а незнающіе — Urochs.“

Только въ 17 столѣтіи большая часть писателей становятся сбивчивыми и съ этихъ поръ говорятъ объ одномъ дикомъ быкѣ, котораго они называютъ то зубромъ, то первобытнымъ быкомъ (Urochs). Послѣдній, то-есть настоящій туръ (Auer) между тѣмъ вымеръ, и поэтому писатели не могли больше говорить о немъ по личному знакомству. Позднѣе неясность становится еще болѣе чрезмѣрна. По моему мнѣнію, поднимавшіяся противъ данныхъ старинныхъ писателей возраженія шатки, и поэтому мы въ правѣ признать за ихъ сообщеніями истинность.

Зубры (*Bonassus*) тоже считаются представителями особаго подсемейства быковъ. Признаки ихъ заключаются въ небольшихъ, круглыхъ рогахъ, выдающихся впередъ и загибающихся вверхъ, очень широкомъ, выпукломъ лбу, мягкомъ и длинномъ волосяномъ покровѣ и большомъ числѣ реберъ. У зубра 14, а у американскаго бизона 15 паръ реберъ.

Хотя можно съ увѣренностью сказать, что зубръ (*Bos bison*, *Bonassus bison*) уменьшился по величинѣ, но все же онъ еще очень мощное животное. Убитый въ 1555 г. въ Пруссіи зубръ имѣлъ 7 футовъ вышины, 13 футовъ длины и вѣсилъ 10 центнер. 5 фун. Въ настоящее время самый сильный самецъ бываетъ рѣдко больше 1,7 метр. высоты и 3,4 м. длины при вѣсѣ въ 500—700 килогр. Зубръ представляется намъ типомъ первобытной мощи и силы. Голова его пропорціонально велика и хорошо сложена, лобъ высокъ и очень широкъ, лицевая часть постепенно утончается къ концу, рыло неуклюже, уши коротки и закруглены, глаза скорѣе малы, чѣмъ велики, шея очень могучая, короткая и высокая, имѣетъ снизу подгрудокъ, отвисающій до груди, туловище, покоющееся на мощныхъ ногахъ, массивно, сильно выгнуто, отъ затылка до середины спины, хвостъ коротокъ и толстъ. Рога, сидящіе далеко другъ отъ друга по сторонамъ, сравнительно изящны, круглы, а на концѣ остры; они загибаются сначала кнаружи, затѣмъ вверхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько впередъ, отсюда внутрь и назадъ, такъ что концы находятся почти въ вертикальномъ положеніи относительно корня. Вездѣ густой и богатый мѣхъ, состоящій изъ длинной, по большей части курчавой щетины и взъерошенной шерсти, покрываетъ тѣло; онъ удлиняется на задней части головы въ широкій вихоръ, вдоль спины въ довольно высокій гребень, на подбородкѣ въ бороду, свѣшивающуюся какъ бы коса, а на нижней поверхности шеи, занимая почти весь подгрудокъ, широкой волной ниспадаетъ грива. Общая окраска мѣха свѣтло-бурая, болѣе или менѣе отливающая соловымъ цвѣтомъ; она переходитъ на кисти хвоста въ черную, а на кустъ волосъ, занимающемъ голову—въ свѣтлую солово-бурую. Корова зубра сложена значительно изящнѣе, меньше ростомъ, чѣмъ зубръ-самецъ, рога ея слабѣе, грива гораздо менѣе развита, цвѣтомъ, впрочемъ, одинакова.

Лѣтомъ и осенью зубръ живетъ на сырыхъ мѣстахъ лѣса, обыкновенно скрываясь въ чащѣ; зимой же онъ предпочитаетъ болѣе высоко лежащія и сухія заросли. Очень старые быки живутъ уединенно, молодые же держатся лѣтомъ косяками въ 15—20 штукъ, а зимой небольшими стадами въ 30—40 головъ. У всякаго отдѣльнаго стада есть твердо опредѣленное мѣсто, куда оно всегда и возвращается.

Зубры одинаково дѣятельны какъ днемъ, такъ и ночью, но пастись предпочитаютъ въ утренніе и вечерніе часы, а иногда также и въ теченіе ночи. Разныя травы, зелень, листья, почки и кора деревьевъ составляютъ ихъ пищу. Они объѣдаютъ кору на деревьяхъ до той высоты, до которой могутъ достать, а болѣе молодые и гибкіе стволы наклоняютъ съ цѣлью достать ихъ верхушку, которую и уничтожаютъ тогда по большей части цѣликомъ. Повидимому, самое любимое дерево ихъ — ясень, сочную кору котораго они предпочитаютъ всѣмъ другимъ; къ хвойнымъ деревьямъ они, напротивъ, не прикасаются. Зимой зубры ѣдятъ исключительно кору, вѣтви и почки тѣхъ лиственныхъ деревьевъ, которыя имъ подходятъ, а, кромѣ того, также ягель и сухую траву. Собираемое въ Бѣловѣжской пушчѣ сѣно сохраняется для нихъ, иногда же они захватываютъ его силой, переломавъ изгороди. Свѣжая вода необходима для нихъ.

Хотя движенія зубра кажутся тяжелыми и неуклюжими, однако, если разсмотрѣть подробнѣе, то они довольно живы. Ходятъ они быстрымъ шагомъ, бѣгаютъ тяжелымъ, но очень скорымъ галопомъ, при чемъ голова наклоняется внизъ, а хвостъ поднять и вытянуть. Они легко переходятъ въ бродъ болота и переплываютъ рѣки. Выше всѣхъ чувствъ стоитъ у нихъ обоняніе; слухъ и зрѣніе развиты меньше, а вкусъ и осязаніе посредственно. Характеръ мѣняется съ годами. Болѣе молодые зубры бываютъ веселы, живы и игривы, относительно добродушны; хотя они и не вполнѣ кроткія и мирныя созданія, но также ужъ и не злостныя;



„Рисунъ известнаго бродя" 1.

ЗУБРЪ.

Т. no „Изображеніе въ Сиб."

болѣе взрослые, напротивъ, а въ особенности старые быки кажутся серьезными, почти угрюмыми, легко раздражающимися и вспыльчивыми существами, чуждыми всякой изнѣженности. Вообще, они оставляютъ людей спокойно идти своей дорогой, если тѣ ихъ не беспокоятъ; однако, малѣйшій поводъ можетъ раздражить ихъ и тогда они становятся страшны. Лѣтомъ они всегда избѣгаютъ людей, но зимой обыкновенно не уступаютъ дороги никому, и уже часто случается, что крестьянамъ приходится подолгу ожидать, пока не вздумается зубру оставить занятую имъ тропинку, на которой никакъ нельзя при томъ обойти его. Дикость, упрямство и вспыльчивость — характерныя свойства этого дикаго быка. Молодые животныя всегда пугливѣе и боязливѣе старыхъ быковъ, среди которыхъ настоящимъ бичемъ страны становятся зубры-отшельники. Повидимому, имъ доставляетъ особенное удовольствіе заводить драку съ людьми.

Время спариванья, приходящееся обыкновенно на августъ, иногда же на сентябрь, длится 2—3 недѣли. Быки начинаютъ биться, сперва, быть можетъ, только въ шутку, но потомъ очень серьезно; напоследокъ они съ такой яростью бросаются другъ на друга и такъ сшибаются рогами, что казалось бы, оба должны были разбиться вдребезги отъ силы удара. Черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ случки, обыкновенно въ маѣ или началѣ іюня, коровы телятся. Передъ этимъ онѣ отдѣляются отъ стада и отыскиваютъ удобное мѣсто въ уединенной мирной части лѣсной глуши. Здѣсь онѣ скрываются вмѣстѣ съ теленкомъ въ первые дни, но при всякой опасности чрезвычайно мужественно выступаютъ на защиту его. Въ самомъ юномъ возрастѣ дѣтенышъ ложится въ случаѣ необходимости на землю и прижимается къ ней, настороживаетъ уши и напрягаетъ слухъ, расширяетъ ноздри и глаза и боязливо озирается на врага, пока matka спѣшитъ выступить противъ него. Въ это время къ самкѣ-зубра опасно приближаться и человѣку, и животнымъ; она безъ дальнѣйшихъ разговоровъ прямо бросается на противника. Телята забавныя, привлекательныя животныя, хотя уже и въ юности въ нихъ лежитъ зародышъ того, чѣмъ они должны сдѣлаться, когда вырастутъ. Растутъ они очень медленно, и полного своего размѣра достигаютъ, вѣроятно, лишь на 8 или 9-мъ году. Возрастъ, до котораго зубръ вообще доживаетъ, можно опредѣлить приблизительно въ 30—50 лѣтъ. Коровы умираютъ приблизительно десятью годами раньше быковъ; но и онѣ теряютъ въ старости зрѣніе или зубы и тогда уже болѣе не въ состояніи добывать себѣ соотвѣтственную пищу, а именно, онѣ не могутъ обгладывать молодыхъ вѣтвей, быстро дряхнуть отъ этого и подъ конецъ погибаютъ.

Мощныя животныя умѣютъ превосходно защищаться отъ враговъ. Медвѣди и волки могутъ быть опасны для молодыхъ телятъ, но только въ томъ случаѣ, когда мать случайно погибла, и дѣтенышъ остался безъ защиты. Во времена старинныхъ венгерскихъ королей охота на зубровъ занимала выдающееся мѣсто среди другихъ видовъ охоты, которая производилась тогда опустошительнымъ образомъ; поэтому право на эту охоту принадлежало королю или же владѣтельнымъ князьямъ.

Властители прошедшихъ столѣтій появлялись въ Бѣловѣжской пущѣ съ многочисленной свитой, поднимали на ноги всѣхъ чиновниковъ этого лѣса, а окрестныхъ крестьянъ заставляли исполнять роль загонщиковъ и сбивали такимъ образомъ толпу въ 2—3 тысячи человѣкъ, которая должна была гнать зубровъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сами они устраивались за надежными прикрытіями. На одной изъ самыхъ блестящихъ охотъ, устроенной королемъ Августомъ III въ 1752 г., было убито 42 зубра, 13 лосей и 2 косули. Одна королева застрѣлила 20 зубровъ, не сдѣлавъ при этомъ ни одного промаха. 18 и 19 октября 1860 года Русскій Императоръ устроилъ охоту. Самъ Императоръ убилъ 6 зубровъ и одного теленка, 2 лосей, 6 чубарыхъ оленей, 3 косули, 4 волка, 1 барсука, 1 лисицу и 1 зайца. Великій герцогъ Веймарскій и принцы Карлъ и Альбрехтъ Прусскіе убили 8 остальныхъ зубровъ.

Относительно ловли зубровъ намъ рассказываетъ начальникъ удѣльнаго и лѣсного округа Гродненской губерніи, Дмитрій Долматовъ. Русскій Императоръ общалъ королевѣ Викторіи двухъ живыхъ зубровъ для Лондонскаго

зоологическаго сада, и издалъ по этому случаю повелѣніе изловить нѣсколько экземпляровъ этого животнаго. Чуть забрежжило, собралось 300 загонщиковъ и 80 охотниковъ, у которыхъ были одни лишь холостые заряды, и окружили разбредшееся стадо. Телята весело прыгали кругомъ, высоко взбивая песокъ проворными ногами, время отъ времени возвращались къ своимъ маткамъ, терлись около нихъ, лизали и также весело бѣжали, припрыгивая, дальше. Звукъ рога внезапно прервалъ ихъ спокойствіе. Перепуганно вскочило все стадо и, казалось, хотѣло разглядѣть и услышать, гдѣ врагъ. Телята боязливо жались къ своимъ маткамъ. Но вотъ раздался лай собакъ, и стадо поспѣшно выстроилось обыкновеннымъ образомъ. Телята были выдвинуты впередъ, и все стадо образовало прикрытіе ихъ съ тыла, охраняя ихъ такимъ образомъ отъ нападенія собакъ. Старые зубры яростно прорвали линію загонщиковъ и помчались дальше, не обращая никакого вниманія на людей, крики и выстрѣлы. Однако, все же посчастливилось тутъ же поймать двухъ телятъ. Четырехъ другихъ телятъ — одного самца и трехъ самокъ — захватили позже. Всѣ они, за исключеніемъ одного болѣе взрослага, лакали молоко изъ пригоршни человѣка, а потомъ стали жадно сосать его изъ вымени. Въ короткій срокъ дикій обликъ ихъ пропалъ; они перестали дичиться и стали веселыми и шаловливыми. 15 мѣсячный зубръ-самецъ дольше сохранялъ свой дикій, угрожающій видъ, сердился, когда къ нему кто-нибудь приближался, трясъ головой, высовывалъ языкъ и показывалъ рога; но и онъ черезъ 2 мѣсяца сталъ довольно ручнымъ и проявлялъ нѣкоторое расположеніе къ кормившему его за это время человѣку.

Я видѣлъ нѣсколько зубровъ въ разныхъ зоологическихъ садахъ, наблюдалъ и производилъ надъ ними опыты. Всѣ они одинаковы: въ юности относятся благосклонно къ людямъ, а когда становятся старше, то ихъ яростная дикость прорывается наружу, и никогда ихъ сторожъ не можетъ имъ довѣрять. Они всегда остаются упрямыми и непокорными, хотя мало-по-малу начинаютъ относиться до нѣкоторой степени дружественно къ своимъ знакомымъ. Но каждое измѣненіе ихъ положенія или привычки тотчасъ превращаетъ ихъ хорошее настроеніе въ самое плохое. Во всякомъ случаѣ тѣ зубры, которые встрѣчаются въ загороженномъ пространствѣ съ человѣкомъ изо дня въ день, обыкновенно не болѣе ручны, чѣмъ живущіе на волѣ. Зубры, охранявшіеся и кормившіеся въ Пруссіи между Таплакенъ и Лейкуткеномъ, никогда не нападали на человѣка, но напослѣдокъ стали настолько смѣлы, что бѣгали за людьми и выпрашивали у нихъ что-нибудь съѣстное, потому что они приучились всегда что-нибудь получать отъ прохожихъ. Красный цвѣтъ вызываетъ въ нихъ сильный гнѣвъ, и поэтому человѣку, одѣтому въ яркіе цвѣта, грозитъ среди нихъ опасность.

Нѣкоторые естествоиспытатели защищаютъ тотъ взглядъ, что зубръ принималъ извѣстное участіе въ возникновеніи иныхъ породъ нашего рогатаго скота, но по новѣйшимъ изысканіямъ кажется доказаннымъ противоположное. Между зубромъ и домашнимъ скотомъ существуетъ сильное отвращеніе, какъ это видно изъ новѣйшихъ изслѣдованій; даже если пойманный въ юности зубръ — что наблюдалось въ Бѣловѣжской пущѣ — постоянно держится вмѣстѣ съ ручнымъ рогатымъ скотомъ, то подобныя отношенія между ними не измѣняются.

Въ настоящее время врядъ ли можно говорить о вредѣ или пользѣ зубра. Разрушенія, производимыя этимъ дикаремъ въ Бѣловѣжской пущѣ, какъ съ цѣлью прокормленія, такъ и ради озорства, не стоятъ вниманія, а польза отъ зубра и подавно. Мясо его по вкусу, должно быть, занимаетъ средину между обыкновенной говядиной и дикой олениной; особенной славой пользуется мясо коровъ и телятъ. Поляки считали солонину изъ зубра самымъ отиѣннымъ лакомымъ блюдомъ и посылали его въ подарокъ княжескимъ дворамъ. Изъ шкуры выдѣлываютъ прочную и долго сохраняющуюся кожу, но она рыхла и пориста; въ настоящее время она употребляется развѣ только на ремни да на постромки. Рога и копыта идутъ на выдѣлку различныхъ предметовъ, которымъ приписывалась нѣкоторая охраняющая сила. Наши предки приготовляли изъ прекрасныхъ твердыхъ роговъ преимущественно сосуды для питья; кавказцы еще и теперь пользуются рогами какъ бокалами для вина. На одномъ пиршествѣ, которое одинъ



Жилище животныхъ Бразилъ.

Бизонъ (Bos bison).

Т-но 'Просвѣщеніе' въ Спб.

кавказскій князь давалъ въ честь генерала Розена, въ качествѣ сосудовъ для питья служило около 50—70 роговъ зубра, отдѣланныхъ серебромъ.

Та же судьба, которая свершалась надъ зубромъ въ теченіе столѣтій, постигла бизона, единственного его родича, въ невѣроятно короткое время, можно сказать, въ теченіе одного десятилѣтія. Еще не успѣло смѣниться и одно человѣческое поколѣніе съ тѣхъ поръ, какъ по огромнымъ пространствамъ Сѣверной Америки бродили милліоны этихъ мощныхъ звѣрей, а теперь тамъ блуждаетъ всего нѣсколько сотенъ ихъ. Исторія не знаетъ другого примѣра, и ничего подобнаго ей не придется больше описывать, какъ мирныя, полезныя животныя, не получивъ ни малѣйшей законодательной охраны, были перестрѣлены ради ничтожной выгоды промышленниковъ и истреблялись бы массами безъ сожалѣнія. О безчисленныхъ нѣкогда стадахъ сѣверо-американскаго „буйвола“ нынѣ свидѣлствуютъ лишь побѣлѣвшія кости, разбросанныя по обширнымъ пустынямъ; число уцѣлѣвшихъ достигало, по точнымъ изысканіямъ Вилльяма Т. Хорндэя, къ 1 января 1889 года всего 835 штукъ, включая сюда и 200 бизоновъ, доживающихъ свой вѣкъ въ Йолльстоунскомъ паркѣ подъ охраной правительства. И это истребленіе бизона совершилось въ началѣ семидесятыхъ годовъ съ проложеніемъ желѣзной дороги на дальній западъ. Слишкомъ 50,000 индѣйцевъ, жизнь которыхъ обезпчивалась, подобно жизни ихъ предковъ, существованіемъ „буйвола“, подверглись бы лишеніямъ и голодовкамъ, если бы правительство Соединенныхъ Штатовъ не заботилось всегда своевременно оказывать имъ поддержку.

Когда въ Америкѣ поселились впервые европейцы, область распространенія бизона шла почти отъ берега Атлантическаго Океана на западъ до границъ Невады и Орегона, на югъ до 25° сѣверной широты, а на сѣверо-западъ до 65° и заключала въ себѣ какъ лѣсной, такъ и степной край.

При сколько-нибудь разумномъ своевременно изданномъ законѣ, регулирующемъ промысловую охоту, можно было бы ежегодно убивать изъ огромнаго количества бизоновъ съ полмилліона молодыхъ самцовъ, что составило бы цѣнность приблизительно въ 10 милліоновъ марокъ, причемъ ихъ стадамъ не было бы причинено сколько-нибудь замѣтнаго ущерба; а теперь нужно не мало трудовъ, чтобы сохранить пару сотенъ уцѣлѣвшихъ бизоновъ.

Нижеслѣдующее описаніе будетъ имѣть предметомъ тѣ созданія, которыя всего два десятилѣтія тому назадъ жили стадами въ дикомъ состояніи, а теперь совершенно исчезли.

Бизонъ или буйволъ американцевъ (*Bos americanus*) представляетъ среди сѣверо-американскихъ животныхъ то же, что зубръ среди европейскихъ: это исполинъ среди всѣхъ тамошнихъ четвероногихъ. Длина этого быка доходитъ до 2,7—3 метровъ, не считая 50 см., а вмѣстѣ съ волосами 65 см., приходящихся на хвостъ, высота загривка 1,7—1,9 метр., а крестца 1,4—1,6 м. Вѣсъ колеблется между 600 и 1000 килограммовъ. Коровы всегда существенно уступаютъ быкамъ. Различіе между бизономъ и зубромъ больше, чѣмъ между другими столь же родственно близкими быками.

Голова бизона очень велика и сравнительно много больше, чѣмъ у зубра; лобъ шире, голова также болѣе неуклюжа и громоздка, чѣмъ у зубра; линія носа болѣе горбата, а уши длиннѣе; глаза бизона тусклые, темнокаріе, довольно большіе, бѣлокъ ихъ выглядитъ нечистымъ; короткая, высокая и тонкая шея круто спускается къ безобразно высокому загривку, ноги сравнительно коротки и очень тонки. Рога загибаются кзади, наружу и вверхъ, при чемъ концы ихъ не сближаются значительно. Волосынымъ покровомъ онъ походитъ на зубра. Голова, шея, плечи, передняя часть туловища и переднія бедра, передняя часть заднихъ бедеръ и конецъ хвоста длинны, на плечахъ и въ ихъ области есть грива, а на подбородкѣ и нижней части шеи нѣчто въ родѣ бороды, лобъ и задняя часть головы покрыта курчавыми и взъерошенными волосами; на другихъ частяхъ тѣла волоса коротки и густы. Зимой волоса значительно удлиняются; съ началомъ весны зимній мѣхъ падаетъ большими клоچьями. Соотвѣтственно этому измѣненію

вращаются на сѣверъ, соединяясь небольшими группами или стадами. Эти переселяющіяся стада были извѣстны даже въ то время, когда самихъ буйволовъ еще не видали, такъ какъ за ними слѣдовали толпы отощавшихъ волковъ, а по воздуху неслись за ними коршуны, орлы и вѣроны, надѣясь, конечно, на вѣрную добычу. Тамъ, гдѣ буйволы селились прочно, они совершали странствованія туда и обратно съ большою правильностью, а именно отъ сочныхъ пастбищъ къ рѣкамъ, которыя они посѣщали, или чтобы пить или чтобы освѣжиться купаньемъ, и отъ такихъ переходовъ образовались дороги, извѣстныя подъ названіемъ „тропинокъ буйволовъ“ всѣмъ, кто проѣзжалъ по преріямъ. Тропинки буйволовъ идутъ по большей части въ прямомъ направленіи, одна рядомъ съ другой цѣлыми сотнями, и перекрещиваются у воды тамъ, гдѣ берегъ удобенъ для спуска и подъема. Они походятъ на тропинки, протаптываемыя нашимъ домашнимъ рогатымъ скотомъ, по которымъ онъ регулярно проходитъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ многочисленъ и пасется безъ привязи въ лѣсахъ и на лугахъ.

Мюллѣгаузенъ видѣлъ въ 1851 году въ преріяхъ, лежащихъ на западъ отъ Миссури, сотни тысячъ бизоновъ; Фребель проѣзжалъ въ 1758 г. съ караваномъ отъ Миссури до Мексики и цѣлыхъ 8 дней ѣхалъ непрерывно между стадами буйволовъ. „Толпами, кучами, массами, полчищами,“ описываетъ Гепвортъ Диксонъ, „съ громкимъ шумомъ шли мимо насъ черныя косматыя животныя, иногда съ сѣвера на югъ, то съ юга на сѣверъ; въ теченіе 40 часовъ подрядъ они постоянно были у насъ на глазахъ, проходя тысячи за тысячу, десятковъ тысячъ за десяткомъ тысячъ — неисчислимая масса животныхъ, мясо которыхъ, какъ мы полагали, должно хватить на цѣлую вѣчность для индѣйскихъ вигвамовъ.“

Баронъ Максъ фонъ Тилльманъ, предпринявшій въ 1875 г. охотничью поѣздку на дальній Западъ, сообщаетъ совсѣмъ противоположныя извѣстія. Нашъ авторъ заключаетъ описаніе его слѣдующимъ образомъ. „Больше всего содѣйствовали истребленію буйволовъ три желѣзныя дороги, прорѣзавшія преріи отъ Миссури до скалистыхъ горъ. Тогда какъ еще въ началѣ этого десятилѣтія (семидесятые года) можно было съ вѣрнымъ расчетомъ на успѣхъ устраивать охоты между соединительной тихоокеанской и канзаско-тихоокеанской желѣзными дорогами, и тогда какъ по желѣзной дорогѣ между Ачинсономъ-Топека и Санта-Фе въ первые годы ея существованія отправлялось на востокъ около 200,000 шкуръ, въ настоящее время между тремя этими дорогами и на пространствѣ дневного перехода къ югу и къ сѣверу отъ нихъ бизонъ, какъ постоянное животное — болѣе не существуетъ. Быть можетъ, только отдѣльныя стада, кочуя весной на сѣверъ, а осенью на югъ, переходятъ еще черезъ рельсы.“

Въ августъ и сентябръ мѣсяцъ, когда наступаетъ время течки, стада приходятъ въ возбужденіе, тѣсно стягиваются вмѣстѣ и образуютъ кишашую массу. Быки гоняются за коровами, встрѣчаются между собой и дерутся другъ съ другомъ, пока ихъ не оттѣснятъ другія животныя. Телята, — обыкновенно одинъ, но нерѣдко и два — рождаются въ промежутокъ времени отъ марта до іюля, а иногда и въ августъ. Беременные коровы заранѣе стягиваются на безопасное мѣсто, гдѣ это возможно, и держатся тамъ со своими дѣтенышами, пока тѣ не станутъ настолько сильны, чтобы присоединиться къ стаду. Съ этого времени въ качествѣ защитниковъ телятъ выступаютъ быки, хотя первые неуклонно слѣдуютъ за своими матками, пока ихъ не оттѣснитъ новое потомство.

Бизонъ съ виду неуклюжъ, однако двигается съ достаточной легкостью; несмотря на короткія ноги, онъ быстро пробѣгаетъ значительныя пространства. Движенія его своеобразно коротки и отрывисты и образуютъ при скоромъ бѣгѣ удивительную волнистую линію, происходящую отъ того, что масса его туловища подается то впередъ, то назадъ. Плаваетъ онъ съ той же силой и выносливостью, которой отличаются вообще всѣ его движенія, а также безъ малѣйшаго затрудненія идетъ въ воду и пересѣкаетъ широкія рѣки. Голосъ выражается глухимъ ворчаньемъ, скорѣе грохотомъ въ груди, чѣмъ мычаньемъ. Если слышишь сразу

тысячи голосовъ, то они сливаются въ гудѣніе, которое можно сравнить съ отдаленными раскатами грома.

Выше всѣхъ чувствъ стоятъ обоняніе и слухъ. Душевными способностями онъ отличается отъ всѣхъ другихъ родичей. Онъ мало одаренъ, добродушенъ и боязливъ, неспособенъ къ быстрымъ возбужденіямъ, но, будучи раздраженъ, можетъ забыть всю свою обычную разсудительность и смѣло наступаетъ на врага. На пойманномъ бизонѣ легче наблюдать его духовный складъ, чѣмъ на дикомъ. Но и тѣ показываютъ, что они умѣютъ различить полезное отъ вреднаго. Они отнюдь не неспособны къ прирученію и находятся въ почти дружественныхъ отношеніяхъ къ тому человѣку, который умѣетъ съ ними какъ слѣдуетъ обращаться, мало по малу научаются узнавать своего сторожа и любить его до нѣкоторой степени; конечно, приходится долго ожидать, прежде чѣмъ они откажутся отъ врожденнаго отвращенія и измѣнятъ свое предвзятое мнѣніе.

Во время лѣта невзрачная, но сочная трава прерій доставляетъ хорошій подножный кормъ бизонамъ, зимой же они должны довольствоваться болѣе скудной пищей.

Много серьезныхъ опасностей угрожаетъ жизни бизона. Зима прерій, большей частью суровая, уничтожаетъ сотни изъ ихъ породы, предварительно обезсиливши ихъ и истомивъ. Еще чаще зимой гибнутъ бизонцы, довѣряясь болѣе чѣмъ слѣдуетъ тому ледяному покрову, который она накладываетъ на рѣки. Привычка ихъ кочевать вереницами, другъ возлѣ друга или одинъ за другимъ, часто становится тогда гибельной для нихъ; ледъ проламывается подъ огромной тяжестью стада бизоновъ: животныя падаютъ въ воду и тщетно стараются вылѣзти оттуда, ихъ тѣснятъ сотни другихъ сзати, и они погибаютъ мучительной смертью. Подобнымъ же образомъ гибнетъ много бизоновъ и лѣтомъ, когда они, переплывъ рѣку, хотятъ всѣ вылѣзти на одномъ мѣстѣ, гдѣ наносный песокъ или вязкая тина затрудняютъ имъ подъемъ на берегъ.

Живыхъ враговъ у бизона такъ же много, какъ и у другихъ животныхъ его рода. Говорятъ, что самъ бурый американскій медвѣдь (гризли) не боится вступать въ бой съ быкомъ, могущимъ постоять за себя, а также, что волки могутъ быть опасны, по меньшей мѣрѣ, для молодыхъ буйволовъ. Худшимъ же врагомъ все же остается человѣкъ, главнымъ образомъ, европейцы, охоты которыхъ уже въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія приняли значительные размѣры. „Въ болѣе раннія времена“, говоритъ Мюллергаузенъ, „когда на буйвола можно было до нѣкоторой степени смотрѣть какъ на домашнее животное индѣйцевъ, не замѣчалось никакого уменьшенія необозримыхъ стадъ; напротивъ, они развивались и размножались на пышныхъ пастбищахъ. Но вотъ пришли въ эту страну бѣлые люди. Имъ понравилась густошерстая шкура буйвола, а жирное мясо пришлось имъ по вкусу, и то и другое обѣщало имъ богатую выгоду. Сначала у степныхъ жителей разгорѣлись глаза на блестяція или оглушительныя орудія бѣлыхъ, затѣмъ они стали примѣнять эти орудія въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ для своей охоты, съ чего и началось опустошеніе. Тысячи буйволовъ убивались ради языковъ, а еще чаще ради косматаго мѣха, и черезъ немного лѣтъ стало замѣтно поразительное уменьшеніе ихъ. Безпечный индѣецъ не думаетъ о будущемъ; онъ живетъ однимъ настоящимъ и его наслажденіями. Ему не нужно другого поощренія: онъ будетъ охотиться на буйвола, пока не получитъ шкуры послѣдняго. Навѣрное, недалеко то время, когда большія стада останутся только въ воспоминаніяхъ, и 300,000 индѣйцевъ, лишеныя своей опоры, будутъ подобно миллионамъ волковъ оттѣснены за предѣлы цивилизаціи и подобно волкамъ будутъ истреблены въ корень.“

Сушеное мясо, изрубленное и смѣшанное съ жиромъ, извѣстное подъ названіемъ „пеммикантъ“, а для полярныхъ экспедицій приготовляемое такъ же съ изюмомъ, славится какъ очень вкусное и весьма питательное; языкъ считается лакомымъ блюдомъ. Мясо коровы еще жирнѣе бычачьяго, а мясо теленка очень нѣжно. Изъ шкуры индѣйцы ириготовляютъ себѣ теплую одежду, стѣнные ковры для палатокъ, кровати, сѣдла, пояса и пр., а также обиваютъ ими остовы своихъ

челновъ. Кости служатъ на изготовленіе наконечниковъ стрѣлъ и ножей, которыми они затѣмъ укрѣпляютъ кожи; изъ жилъ они сучатъ тетивы для луковъ и нити для шитья; изъ ногъ и роговъ вывариваютъ прочный клей; изъ крѣпкихъ волосъ на головѣ бизона и шеѣ индѣйцы вяжутъ веревки; изъ хвоста дѣлаютъ опахала отъ мухъ; навозъ служитъ какъ горючій матеріалъ. Европейцы тоже любители бизоньей шкуры. Кожа превосходна, хотя нѣсколько пориста; шкура съ волосами употребляется для всякаго рода покрышекъ, такъ что штука кожи безъ изъяновъ, стоявшая лѣтъ 30 тому назадъ отъ 30 до 50 марокъ, теперь поднялась въ цѣнѣ втрое или вчетверо, но скоро вообще не будетъ больше обращаться въ продажѣ. Шерсть, которой одно руно можетъ доставить до 4 клгр., можно обрабатывать такъ же хорошо, какъ и овечью; въ нѣкоторыхъ странахъ она употреблялась для производства теплыхъ и очень прочныхъ матерій.

Нѣсколько десятилѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ нашихъ зоологическихъ садахъ появился бизонъ. Одинъ англійскій лордъ, какъ мнѣ сообщали въ Лондонѣ, вывезъ изъ Америки пару бизоновъ и развелъ въ своихъ владѣніяхъ въ Шотландіи стадо штукъ въ 15—20; но послѣ его смерти бизоны были проданы. При соотвѣтственномъ уходѣ они обыкновенно могутъ размножаться, и телята, родившіеся въ неволѣ, и которыхъ мать беретъ подъ свою сильную защиту при всякихъ притѣсненіяхъ, вырастаютъ такъ же легко, какъ потомки нашей домашней коровы. Но и въ нашихъ зоологическихъ садахъ бизона точно также надо считать въ настоящее время вымирающимъ животнымъ.

*

Быки въ узкомъ смыслѣ (*Bos*), къ которымъ относится нашъ домашній рогатый скотъ, образуютъ особую самостоятельную группу, характеризующуюся длиннымъ, плоскимъ лбомъ, большими, не слишкомъ толстыми у корня, рогами, стоящими на высотѣ верхней линіи лба, довольно густымъ и короткимъ волоснянымъ покровомъ; по внутреннему строенію они отличаются 13 или 14 позвонками, несущими ребра, 6 безреберными и 4 крестцовыми позвонками. Бросимъ сперва бѣглый взглядъ на нѣкоторые виды дикихъ быковъ, живущихъ въ Азіи.

Гаяль или лобатый быкъ (*Bos frontalis*) имѣетъ 3,6 метра длиной, изъ нихъ 80 сантиметровъ приходится на хвостъ; высота плеча — 1,5—1,6 метра. Формы его выражаютъ прекрасную пропорціональность, все въ немъ плотно и мощно, и ни одна часть тѣла не кажется неуклюжей; поэтому и лобъ производитъ впечатлѣніе высшей полноты силъ и совершенно гармоничной прелести; это — чрезвычайно благородная картина. Очень толстые рога имѣютъ коническую форму и идутъ, слабо изгибаясь, кнаружи и назадъ. Короткій, густой, гладкій и блестящій волосяной покровъ равномерно покрываетъ все тѣло, только немного удлиняется на нижней сторонѣ шеи, а на нижней четверти хвоста развивается въ богатую кисть; на запястьяхъ переднихъ конечностей волоса тоже образуютъ висящій курчавый пучекъ. Преобладающій цвѣтъ ихъ — глубоко черный; волоса на лбу имѣютъ сѣро или свѣтло-бурый цвѣтъ, пучки волосъ на переднихъ ногахъ цвѣта сѣни, челюсть, углы рта и, наконецъ, узкій край верхней губы бѣлые. За родину гаяла можно считать гористыя страны на востокъ отъ Брахмапутры до Бирмы.

Живостью и проворствомъ гаяль доказываетъ, что онъ горное животное, и на самомъ дѣлѣ, онъ обладаетъ почти той же вѣрностью въ лазаньи, что и якъ. Онъ держится стадами, выходитъ утромъ, вечеромъ и въ свѣтлыя ночи на кормежку, а передъ наступленіемъ гнетущаго полуденнаго зноя удаляется въ самые густые лѣса, гдѣ и отдыхаетъ въ тѣни, пережевывая свою жвачку; любитъ воду, но не грязь, вслѣдствіе чего избѣгаетъ болотъ и, напротивъ того, охотно освѣжается въ ясныхъ горныхъ водахъ. Судя по описаніямъ, у него кроткій и до вѣрчивый нравъ. Никогда не отваживается гаяль напасть на человѣка, и по большей части уже издали уходитъ отъ него, но противъ хищниковъ обороняется мужественно и можетъ обратить въ бѣгство даже тигра или пантеру.

Острыя чувства создаютъ ему безопасность, а проворство и легкость бѣга спасаютъ, когда онъ, вообще, обращается въ бѣгство.

Туземцы уже съ незапамятныхъ временъ превратили гаяла въ домашнее животное; они разводятъ или чистую породу гаяловъ, или же скрещиваютъ ихъ съ другими породами быковъ. Ихъ молоко очень густо, мясо считается тоже превосходнымъ.

Гауръ или быкъ джунглей (*Bos gaurus*) во всякомъ случаѣ стоитъ очень близко къ гаялу, хотя и отличается отъ него различными признаками



Гауръ (*Bos gaurus*). $\frac{1}{21}$ естеств. велич.

какъ внѣшняго, такъ и внутренняго строенія, въ особенности же различнымъ числомъ реберъ.

По сѣру Вальтеру Эллиоту, описавшему убитаго имъ гаура, онъ отличается отъ обыкновеннаго индійскаго быка и сильнѣе приближается къ зубру и бизону, какъ его и называютъ англійскіе охотники. Его голова короче, чѣмъ у обыкновеннаго быка, лобъ очень широкъ, линія лица выпукла, глаза и уши меньше, чѣмъ у буйвола, шея коротка, толста и плотна, туловище сильно, грудь широка. Очень массивные у основанія, но на концѣ острые рога сидятъ съ боковъ лба и загибаются назадъ и вверхъ. Шкура, необыкновенно толстая на верхней части шеи, плечахъ и бедрахъ, — покрыта короткими, густыми волосами; они нѣсколько удлиняются на нижней части шеи и груди, а между рогами образуютъ курчавую холку. Господствующій цвѣтъ — прелестный темно-коричневый, переходитъ на нижней поверхности тѣла въ глубокій желтый цвѣтъ охры, на ногахъ въ грязно-

вато-бѣлый, на лбу въ свѣтлый сѣро-бурый, а въ области глазъ — въ сѣро-черный. По измѣреніямъ Эллиота общая длина совершенно взрослого быка этого вида достигаетъ 3,8 метра, длина хвоста 85 сантиметровъ, высота плечъ 1,86 м. Область распространенія гаура очень велика. Онъ водится во всѣхъ гористыхъ и холмистыхъ странахъ даже съ самымъ крутымъ рельефомъ, начиная отъ южнаго края Индіи до Гималаевъ, а на востокъ по Ассаму и Читтагонгу до Бирмы и Малайскаго полуострова. Густо заросшая чаща и непроницаемая лѣсная заросль, папоротниковыя и бамбуковыя рощи, а также богатый травой высокоствольный лѣсъ — вотъ вполнѣ пригодныя для нихъ убѣжища, особенно же въ глубокихъ, богатыхъ водой ущельяхъ, на крутыхъ, усѣянныхъ трещинами обрывахъ и на почти недоступныхъ вершинахъ горъ. Однако, порой онъ попадаетъ тамъ и сямъ на ровныхъ лугахъ, когда его соблазнить ихъ молодая, только что пробившаяся сочная трава. Способность его передвигаться въ самыхъ неудобныхъ мѣстностяхъ пользуется большою извѣстностью. Эти тяжелыя животныя почти съ такой же легкостью, какъ олени, взбираются на неровную крутизну или съ трескомъ мчатся веселой рысцой или скорымъ галопомъ изъ долины въ ущелье.

Гауръ пасется обыкновенно ночью, всего охотнѣе тамъ, гдѣ пробивается молодая трава, которую онъ наравнѣ съ нѣжными бамбуковыми побѣгами предпочитаетъ всему остальному. Но если онъ живетъ вблизи отъ воздѣлываемой страны, то грабительски нападаетъ на поля и становится настолько настойчивъ и нахаленъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, что прогнать его оттуда стоитъ не малаго труда. Къ утру онъ возвращается съ кормежки и прячется или въ высокой травѣ на полянкахъ или въ молодыхъ бамбуковыхъ заросляхъ; тамъ онъ отдыхаетъ, дремлетъ и жуетъ свою жвачку.

Чтобы убить гаура, употребляютъ очень тяжелыя двустволки, которыми пользуются вообще при охотѣ на всякую крупную дичь. Охотятся на нихъ съ ружьемъ, гоняясь по слѣду, а иногда травятъ.

Порядочные охотники вообще не охотятся на стада или группы гауровъ, а только на старыхъ быковъ-отшельниковъ; они считаются, наряду съ слонами-отшельниками, за самую крупную дичь, которую можно убить. Опасность охоты часто значительно преувеличивалась, какъ въ этомъ согласны всѣ новѣйшіе рассказчики, хотя всѣ они также прибавляютъ, что раненаго и преслѣдуемаго быка при случаѣ далеко нельзя считать ничтожнымъ противникомъ.

Наиболѣе красивымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ дикихъ быковъ, существующихъ въ дикомъ состояніи, я долженъ признать бантенга малайцевъ (*Bos banteng*), животное, которое по изяществу своего строенія можетъ соперничать съ антилопой и, кромѣ того, отличается прелестнымъ цвѣтомъ. Толстые въ корнѣ съ неправильными утолщеніями, на первой трети гладкіе и довольно острые на концѣ рога, загибаются сперва простой дугой кнаружи и внизъ, отсюда вверхъ и впередъ, концомъ же обращены вверхъ и кнутри и достигаютъ длины въ 40—50 сантиметровъ. Волосаной покровъ, повсюду равномерный, лежитъ плотно и окрашенъ въ темный сѣро-бурый цвѣтъ, на задней части отливающий красноватымъ. Широкая область ляжекъ, — признакъ, бросающійся въ глаза, нижняя половина ногъ и наружный уголъ уха бѣлаго цвѣта.

Область распространенія бантенга занимаетъ Яву, Борнео и восточную часть Суматры; онъ водится также на материкѣ, а именно на Малайскомъ полуостровѣ, въ Теннасериѣ и Пегу, а также, вѣроятно, и въ Бармѣ. Держится онъ всего охотнѣе въ сырыхъ или болотистыхъ областяхъ, вообще же въ богатыхъ водой частяхъ лѣса, благодаря чему, ему больше нравятся ровныя горныя долины съ медленно текущими рѣками, чѣмъ другія лѣсныя мѣстности.

Дикость и пугливость этого быка дѣлають охоту на него столь же опасной, какъ и трудной. Хотя обыкновенно, замѣтивъ приближеніе человѣка, онъ обращается въ бѣгство, но, будучи загнанъ въ тѣснину или раненъ, мало бережется охотника, нерѣдко нападаетъ на него и при этомъ употребляетъ свои острые рога съ такой же ловкостью, какъ и силой.

Взрослаго бантенга нельзя приручить, но телята, напротивъ, дѣлаются совершенно домашними животными, такъ какъ характеръ этого животного, повидимому, болѣе кротокъ и мягокъ, чѣмъ у всѣхъ другихъ дикихъ быковъ.

*

Всѣ описанные выше до сихъ поръ виды быковъ не принимали никакого участія, а если и принимали, то лишь въ самой ограниченной степени, въ происхожденіи нашего домашняго быка. Мракъ, скрывающій происхожденіе этого столь полезнаго созданія, поработеннаго человѣкомъ уже въ первобытныя времена, хотя, повидимому, и не такъ глубока, какъ темнота, окутывающая исторію происхожденія другихъ нашихъ домашнихъ животныхъ, однако до сихъ поръ и первый и вторая одинаково мало могли быть освѣщены. Въ настоящее время довольно согласно принимаютъ, что породы быковъ, превратившихся болѣе или менѣе одновременно въ домашнихъ животныхъ, во всѣхъ трехъ частяхъ Старога Свѣта произошли не отъ одного, а отъ различныхъ коренныхъ видовъ. Для опредѣленія сказанныхъ коренныхъ видовъ недостаточно даже самаго смѣлаго истолкованія найденныхъ до сихъ поръ череповъ вымершаго дикаго быка. Какъ явствуетъ изъ вышеизложеннаго, еще и въ наши дни, помимо всего прочаго, приручаютъ нѣсколько дикихъ видовъ быковъ, обращаютъ ихъ въ домашнее животное или по меньшей мѣрѣ пользуются ими въ видахъ облагороженія породы; а то время, когда человѣкъ впервые закрѣпилъ за собой дикаго быка, или — что болѣе вѣроятно — составилъ стада изъ молодыхъ пойманныхъ потомковъ его, находится за предѣлами всякой исторіи или преданія. Самые ранніе рассказы упоминаютъ уже о ручныхъ стадахъ быковъ; мы находимъ на древнѣйшихъ памятникахъ тѣхъ странъ, на которыя смотримъ, какъ на разсадники культуры и образованія, ихъ изображенія; изъ тинистаго основанія свайныхъ построекъ мы выкапываемъ останки ихъ. Съ полнымъ правомъ этимъ послѣднимъ придается очень большое значеніе; но тщательное изслѣдованіе ихъ вноситъ такъ же мало ясности въ этотъ, не въ одномъ отношеніи, загадочный вопросъ, какъ и сравненіе первобытныхъ изображеній съ нынѣ живущими видами быковъ; оно никоимъ образомъ не раскрываетъ намъ еще тайну ихъ происхожденія.

Изображенія животныхъ, существующія на встрѣчающихся древнеегипетскихъ рисункахъ, ясно представляютъ намъ три различныхъ породы быковъ: во первыхъ, длиннорогая порода, наиболѣе распространенная, въ то время она имѣла высокую честь доставлять священнаго быка Аписа; во-вторыхъ, короткорогая порода, во всемъ похожая на первую, только имѣющая короткіе рога, загибающіеся на четверть круга, и въ третьихъ, бизонъ, изображавшійся обыкновенно какъ дань, приносимая народностями Судана.

Черты головы на всѣхъ этихъ фигурахъ обнаруживаютъ признаки, свойственные головѣ зебу. Буйволъ, распространенный еще и въ настоящее время во всей внутренней Африкѣ, есть родоначальникъ древне и ново-египетскаго домашняго быка, т. е. горбатой породы быковъ. Если проникнуть изъ нижняго Египта вверхъ по Нилу, черезъ Нубію и Донголу до Сеннара, то можно замѣтить, какъ египетскій домашній быкъ, имѣющій высокій загривокъ, постепенно обращается въ настоящаго буйвола внутренней Африки. Древняя египетская порода длиннорогихъ, въ особенности же лиророгіе, замѣчательно походитъ на сангу абиссинцевъ.

Санга (*Bos africanus*) можетъ быть названа самой красивой породой изъ всѣхъ горбатыхъ: она велика, тонко, но крѣпко сложена, имѣетъ высокія ноги и довольно длинный хвостъ; горбъ хорошо развитъ, рога очень мощны; санги существенно отличаются отъ большинства европейскихъ породъ тѣмъ, что огромные, въ метръ длиной, рога довольно близко стоятъ при корнѣ другъ около друга, идутъ сначала въ сторону, затѣмъ кнаружи, далѣе въ прямомъ направленіи вверхъ, въ послѣдней трети — внутрь, наконецъ, остріями они обращаются кнаружи; волосяной покровъ ровень, тонокъ, преобладающій цвѣтъ его каштановый.

На зебу или горбатаго быка (*Bos indicus*) мы должны смотрѣть, какъ на весьма близко стоящаго къ вышеописанному, хотя онъ и отличается замѣтно отъ послѣдняго и точно также раздѣляется на цѣлый рядъ подвидовъ. Зебу приблизительно такого же роста, какъ и санга, обыкновенно сравнительно сильнѣе, ноги его короче; уши длинны и отвислы, рога поразительно коротки, цвѣтъ менѣе равномерный, потому что обычный красно-бурый или желто-бурый часто переходитъ въ соловый или бѣлый; пѣгіе зебу тоже отнюдь не составляютъ рѣдкости. Кромѣ того, между ними попадаются — и въ Индіи даже нерѣдко — настоящіе карлики, достигающіе всего лишь величины маленькаго осла.



Зебу (*Bos indicus*). $\frac{1}{24}$ естеств. велич.

До сего времени тщетно стараются найти родоначальника, который могъ бы съ большимъ правомъ претендовать на произведеніе породы зебу. Послѣдніе легко скрещиваются съ прочими породами домашнихъ быковъ, какъ это установлено различными опытами со всей возможной точностью, и плодотворно совокупляются со всякими ублюдками, въ какихъ бы отношеніяхъ кровнаго родства они не состояли.

Повидимому разрѣшеніе вопроса о родоначальникахъ безгорбаго, значить и нашего европейскаго быка, сравнительно легче, хотя и въ этомъ случаѣ нельзя претендовать на окончательное рѣшеніе вопроса. По мнѣнію Рютимейера три разныя породы дикихъ быковъ должны были принимать участіе въ происхожденіи тѣхъ различныхъ 40 — 50 породъ домашнихъ быковъ, которыя въ настоящее время существуютъ въ Европѣ: во-первыхъ, первобытный быкъ (*Bos primigenius*), который, вѣроятно, былъ тождественъ съ вышеупомянутымъ Ауер (туромъ), во-вторыхъ, — длиннолобый быкъ (*Bos longifrons*) и широколобый быкъ (*Bos frontosus*), остатки которыхъ были найдены въ различныхъ частяхъ Европы.

Согласно взгляду Рютимейера, непосредственные, хотя и вымершіе потомки первобытнаго быка живутъ еще и въ настоящее время въ полудикомъ состояніи въ очень большихъ звѣриныхъ паркахъ Сѣверной Англіи и Шотландіи. Въ 10-мъ столѣтіи въ Валлисѣ существовало одно животное, которое, судя по описанію, совершенно походило на теперешняго быка парковъ. Королю Іоанну было прислано 400 бѣлыхъ быковъ съ рыжими ушами, 100 штукъ которыхъ требовалось, какъ говоритъ старинное преданіе, принести на алтарь искупленія за какой то худой поступокъ. Какъ доказано, это животное жило тогда въ дикомъ состояніи въ первобытномъ лѣсу, простиравшемся поперекъ всей сѣверной Англіи и Шотландіи, отъ Чиллингэма до Гамильтона; въ обоихъ паркахъ, называющихся именами этихъ мѣстъ, расположенныхъ по краямъ упомянутаго первобытнаго лѣса, этотъ быкъ сохранился еще и до сего дня. Уже около 1260 года Чартлэйскій паркъ въ Стаффордширѣ, по требованію Вилльяма Фаррарна, былъ окруженъ изгородью съ цѣлю сохраненія въ этомъ болотистомъ лѣсномъ участкѣ дикаго быка. Этому примѣру стали тѣмъ чаще подражать, чѣмъ рѣже становился дикій быкъ. Подобнымъ же образомъ стали дѣйствовать и другіе крупные землевладельцы, и такимъ образомъ уже до реформациі можно было видѣть этого дикаго быка лишь въ огороженныхъ участкахъ, каковыхъ до нашего столѣтія было 14, а въ настоящее время сохранилось пять.

Шотландскій быкъ (*Bos scoticus*) средней величины, сложенъ крѣпко, но не неуклюже, волоса его лежатъ густо и коротко; на темени и шеѣ они длиннѣе и курчавы, на хребтѣ спины вплоть до зашейка представляютъ нѣчто вродѣ слабой гривы; цвѣтъ ихъ молочно-бѣлый; исключеніе представляютъ морда, уши, рога и копыта; уши внутри буро-краснаго цвѣта, передняя часть морды бураго, около глазъ черная кайма, копыта черныя, а рога сѣровато-черныя съ черными концами; они пропорціонально длинны, довольно тонки, но стройны и на концѣ остры, отъ основанія идутъ кнаружи и вверхъ, а концами обращаются вновь, но едва замѣтно, внутрь.

Знатные владѣльцы существующихъ еще въ Шотландіи парковъ до нѣкоторой степени гордятся тѣмъ, что особенно охраняютъ этихъ уцѣлѣвшихъ отъ старыхъ временъ животныхъ и употребляютъ на содержаніе ихъ не малыя суммы; за ними наблюдаютъ особые смотрители и стараются, насколько возможно, оградить ихъ отъ всякихъ опасностей и, наконецъ, убиваютъ тѣхъ быковъ, которые дѣлаются вслѣдствіе очень большой старости или слишкомъ злы или никуда не годны.

Этотъ быкъ имѣетъ всѣ отличительныя черты настоящаго дикаго животного. Онъ прячетъ своихъ дѣтенышей, пасется ночью, а днемъ спитъ и грѣется на солнцѣ. Онъ становится свирѣпымъ только тогда, когда его загоняютъ въ тѣснину, вообще же очень пугливъ и бѣжитъ передъ всякимъ человѣкомъ уже на большемъ разстояніи. Впрочемъ, онъ ведетъ себя различнымъ образомъ, смотря по времени года и по тому, какимъ способомъ приближаться къ нему.

Способъ и характеръ охоты на этого шотландскаго быка еще въ концѣ минувшаго столѣтія живо напоминали охоту въ стародавнія времена. Въ назначенный день собирались всѣ окрестные обыватели, частью верхомъ, частью пѣшкомъ, всѣ вооруженные ружьями. Нерѣдко бывало по 500 — 600 охотниковъ, изъ нихъ часто болѣе сотни верхами. Несчастные случаи, сопровождавшіе такіа охоты, были причиной того, что подобныя празднества мало-по-малу исчезли.

Среди шотландскаго рогатаго скота существуютъ мѣстами отдѣльные экземпляры и цѣлыя породы, происшедшія, повидимому, отъ этого дикаго быка. Они сохранили всѣ свои особенности за исключеніемъ цвѣта; по большей части они бываютъ просто чернаго, бураго, рыжаго или желто-бураго цвѣта, только круги около глазъ и рта — чернаго.

Послѣ вышеизложенныхъ данныхъ о дикомъ шотландскомъ быкѣ для насъ не будетъ удивительнымъ, что породы рогатаго скота, перешедшія въ домашнее состояніе, мало-по-малу пріобрѣтаютъ существенно отклоняющіяся черты, благо-



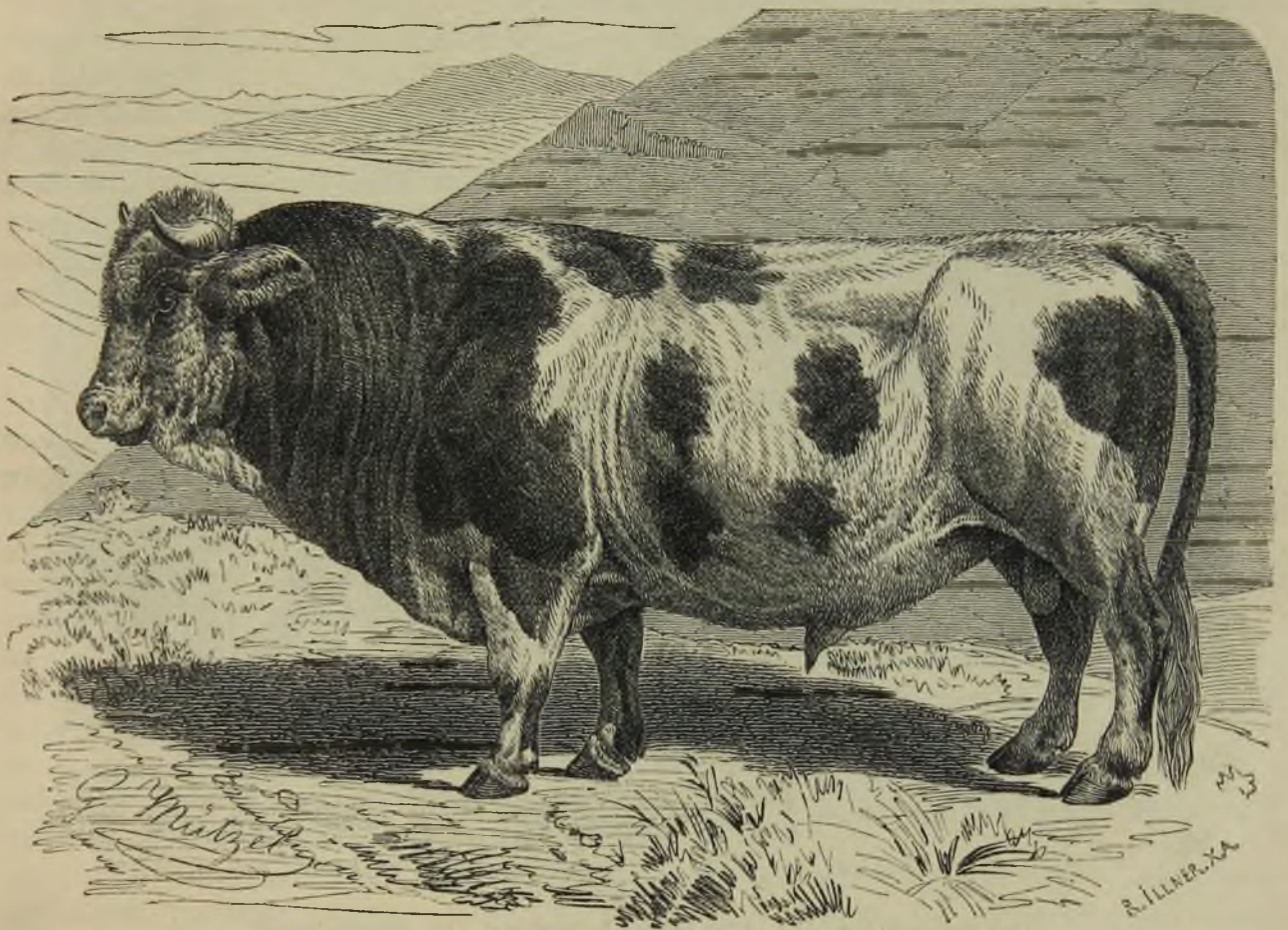
Животных Бран. I.

Шотландскій быкъ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

даря попеченію о нихъ человѣка, часто преслѣдующаго совершенно опредѣленную цѣль; это измѣненіе совершается при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ въ сравнительно недолгое время; эти черты рогатый скотъ наслѣдуетъ подобно всѣмъ инымъ домашнимъ животнымъ; другими словами, мы не удивимся, видя, какъ въ извѣстный промежутокъ времени возникаютъ и вновь исчезаютъ новыя породы.

Чтобы дать понятіе объ отдѣльныхъ породахъ домашняго рогатаго скота, не имѣющаго горба, я намѣренъ описать, по крайней мѣрѣ, три особенно выдающіяся изъ нихъ. За представителя альпійскаго рогатаго скота, много разновидностей котораго замѣтно отличаются другъ отъ друга, — я могу считать фрейбургскаго быка (*Bos taurus friburgensis*) — хорошо сложенное жи-



Фрейбургскій быкъ (*Bos taurus friburgensis*). $\frac{1}{25}$ естеств. велич.

вотное съ соразмѣрно-большой, широколобой головой, короткой и толстой, съ большимъ подгрудкомъ, шеей, длиннымъ туловищемъ съ широкой спиной, мощными членами, длиннымъ хвостомъ съ богатой кистью на концѣ; рога его сравнительно коротки, довольно слабы, но очень остры; поворачиваются они слабымъ полулуніемъ въ сторону и вверхъ, а концами кнаружи и впередъ или кнаружи и назадъ; шкура покрыта гладкими волосами; на основномъ ея бѣломъ фонѣ узоръ изъ черныхъ или красно-бурыхъ пятенъ. Эту породу разводятъ, главнымъ образомъ, въ Фрейбургѣ и сосѣднихъ кантонахъ Швейцаріи; она доставляетъ превосходное мясо и столь же прекрасное молоко.

Наиболѣе распространенной разновидностью болотнаго быка можно считать голландскаго быка (*Bos taurus hollandicus*) — прямого потомка, какъ полагаетъ Фицингеръ, тура. Великолѣпный ростъ, довольно пропорціональное развитіе всѣхъ частей тѣла и очень ровный цвѣтъ и рисунокъ шкуры составляютъ наиболѣе выдающіеся его признаки. Голова его длинна, морда заострена, шея длинна и тонка, туловище напоминаетъ по формѣ бочку, т. е. удлинено, но

широко, загривокъ узокъ, а крестецъ широкъ, хвостъ довольно длиненъ; какъ переднія, такъ и заднія ноги своеобразной формы, высоки и сильны, но не неуклюжи, рога слабы, коротки, направлены, по большей части, въ сторону и впередъ, цвѣтъ пестрый, потому что на бѣломъ или сѣро-бѣломъ фонѣ шкуры разсыяны обыкновенно черныя пятна, иногда же коричневые или красные, большей или меньшей величины и очень разнообразной формы. Помимо Голландіи, гдѣ этотъ скотъ разводится уже въ теченіе столѣтій, болѣе или менѣе чистыя породы его держатся въ большей части низменностей Германіи, а внутри страны имъ нерѣдко пользуются для скрещиванія съ домашними мѣстными расами. Онъ отличается молочностью и способностью легко откармливаться на убой.



Голландскій скотъ (*Bos taurus hollandicus*). $\frac{1}{25}$ естеств. велич.

Какъ не совсѣмъ блестящій продуктъ послѣдовательно веденнаго распложенія, слѣдуетъ еще упомянуть дургэмскаго или короткорогого быка *Shorthorn* англичанъ (*Bos taurus dunelmensis*): это крайне некрасивое животное съ маленькой головой и очень невзрачными рогами, прямой спиной и короткими ногами, толстой шеей и безформеннымъ туловищемъ; его предназначаютъ преимущественно для убоя, почему онъ и долженъ имѣть насколько возможно больше мяса. Цвѣтъ гладкаго волосяного покрова бываетъ весьма разнообразенъ. Первоначально дургэмская порода разводилась почти исключительно въ графствахъ восточнаго берега Англіи; въ настоящее время ее можно видѣть во всѣхъ графствахъ Англіи и Ирландіи, а также, хотя еще и рѣдко, въ Германіи, Голландіи и Франціи. Какъ молочный скотъ, онъ значительно уступаетъ многимъ породамъ, но какъ убойный — превосходить всѣ расы.

Какъ легко дикій рогатый скотъ можно приручить и перевести въ домашнее состояніе, столь же легко и ручной принимаетъ вновь нравы и привычки своего родоначальника, будучи оторванъ отъ крова и попеченій человѣка. Оди- чалые быки, т. е. тѣ, которые изъ ручного состоянія перешли опять въ совер-

шенно дикое или полудикое, встрѣчаются, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ владычествовали испанцы, или гдѣ владычество ихъ продолжается еще и теперь.

Высоко цѣнимый въ Испаніи быкъ, такъ какъ безъ него не было бы боевъ, происходитъ точно также отъ нѣкогда ручныхъ родителей. Онъ живетъ вполнѣ, какъ дикій быкъ, изъ года въ годъ проводитъ внѣ всякаго стойла; собственно, его даже не пасутъ, потому что только время отъ времени какое-нибудь довѣренное лицо появляется, чтобы осмотрѣть стадо, и опять уходитъ. Онъ не особенно великъ, но красивъ и необыкновенно силенъ, отличается довольно длинными, обращенными кнаружи и очень острыми рогами; цвѣтъ ихъ обыкновенно, но не всегда, темно-каштановый, почти коричнево-черный. „Жизнь быка“, пишетъ Йостъ (Joest), „который кажется пригоднымъ для боя быковъ или по своему нелюдимому характеру или по наружности, протекаетъ, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: родится онъ гдѣ нибудь въ Кастиліи или Андалузїи, въ помѣстьѣ съ лугами, тысячъ въ десять гектаровъ величиной; когда ему исполнится годъ, то его сгоняютъ вмѣстѣ съ товарищами и прижигаютъ, т. е. ставятъ ему клеймо съ именемъ владѣльца. Пастухи, сгоняющіе быковъ палками съ наконечниками, скоро замѣчаютъ, который быкъ болѣе строптивъ, а какой нѣтъ. Тѣ изъ нихъ, которые несмотря на чувствительные удары палокъ съ наконечниками, неоднократно бросаются на своихъ погонщиковъ, снова отгоняются на пастбище для дальнѣйшаго наблюденія за ними, болѣе же ручныхъ превращаютъ въ обыкновенныхъ быковъ. Злобные быки вскорѣ же выпускаются въ деревняхъ или маленькихъ городишкахъ, въ которыхъ нѣтъ „быковъ-бойцовъ до смерти“, на главной площади противъ уличной молодежи или другихъ любителей, проходящихъ здѣсь курсъ своей науки, причемъ быки не могутъ быть опасны своими рогами, такъ какъ на нихъ навязываютъ подушки или шары. Сотни большихъ и малыхъ дѣтей начинаютъ всѣми возможными способами злить и мучить быка, не причиняя, впрочемъ, ему никакого вреда, и животное, лишенное своего оружія, да къ тому же никогда не видѣвшее еще и десятка людей заразъ, понатно, ведетъ себя здѣсь крайне неловко и безпомощно. Затѣмъ, когда быки достигаютъ 4—5 лѣтняго возраста, то антрепренеръ бычачьихъ боевъ выскиваетъ по пастбищамъ подходящихъ для него быковъ, часто за чрезвычайно высокую цѣну, и въ ночь передъ боемъ водворяетъ ихъ въ стойла, имѣющіяся при каждомъ амфитеатрѣ. Въ качествѣ жожаковъ дикихъ быковъ, боящихся людей, служатъ ручные; ихъ обучаютъ такъ же нарочно для подобныхъ услугъ, какъ и употребляющихся въ Индіи для поимки слоновъ ручныхъ слоновъ“.

Въ Новомъ Свѣтѣ обстоятельства весьма благопріятствовали скорѣйшему одичанію рогатаго скота. Колумбъ впервые привезъ этихъ полезныхъ домашнихъ животныхъ во время своего второго путешествія въ Санъ-Доминго. Здѣсь они размножились съ такой быстротой, что уже черезъ нѣсколько лѣтъ телята обоюго пола распространились по всему острову, а черезъ 27 лѣтъ послѣ открытія Санъ-Доминго стада въ 4000 головъ сдѣлались уже обычнымъ явленіемъ. Въ 1587 году съ одного только этого острова было вывезено 35,000 бычачьихъ шкуръ. Около 1540 г. испанскіе быки развелись вплоть до южныхъ земель Америки. Климатъ Новаго Свѣта и здѣсь оказался столь благотворнымъ для ихъ развитія, что въ короткое время они совершенно вышли изъ подъ надзора человѣка. Столѣтіе спустя они водились въ пампасахъ уже въ такомъ огромномъ числѣ, что на тѣхъ охотахъ, которыя устраивались на нихъ, дѣйствовали положительно такъ же, какъ было впослѣдствіи на сѣверѣ съ бизонами, такъ какъ ихъ стали убивать единственно лишь съ цѣлью воспользоваться ихъ шкурами. Мясо и сало представлялось ручнымъ и дикимъ собакамъ и коршунамъ. Благодаря подобной рѣзніи порѣдѣли даже эти огромныя стада, и только въ новое время болѣе усовершенствованное употребленіе въ дѣло всѣхъ ихъ частей цѣликомъ повело къ измѣненію существовавшего до той поры обращенія съ быками.

На Фалькландскихъ островахъ рогатый скотъ совершенно одичалъ; за нимъ самое большее иногда охотятся корабельщики, у которыхъ истощились запасы мяса. На Галапагосскихъ островахъ, на Филиппинахъ, Сандвичевыхъ островахъ ч Целе-

бесѣ равнымъ образомъ находятся одичалые быки, а также въ Австраліи и Новой Зеландіи. Въ высокихъ странахъ внутренней Азіи встрѣчаются одичалые быки и коровы, и при томъ тамъ, гдѣ стада лишились, благодаря войнамъ, своихъ владѣльцевъ. Въ Колумбіи, какъ и въ большинствѣ остальныхъ странъ Южной Америки, они живутъ на такой же свободѣ, но не въ долинахъ, а на высотахъ Кордильерскихъ горъ.

Итакъ, домашній рогатый скотъ вновь освободился отъ владычества человека въ очень различныхъ областяхъ земного шара, въ остальныхъ же онъ остается рабомъ и при томъ, какъ уже сказано, съ первобытныхъ и доисторическихъ временъ. Вообще рогатый скотъ цѣнился и цѣнится крайне высоко. Древніе египтяне представляли своего бога Аписа въ образѣ быка и воздавали ему на многихъ торжествахъ величайшія почести. Богиня Изисъ, а позднѣе у грековъ Іо изображались имѣющими на головѣ коровьи рога; обѣимъ имъ приносили въ жертву быковъ, такъ какъ онѣ считались особенно священными. Въ Ливіи рогатый скотъ находился въ ручномъ состояніи, но его никогда не убивали, а только пользовались отъ него молокомъ. Въ Киренѣ считалось преступленіемъ убить корову. Кельты смотрѣли на корову, какъ на даръ, непосредственно ниспосланный имъ богомъ, а современные индусы совсѣмъ еще не далеко ушли отъ древнихъ египтянъ. У браминовъ Кашмира, по сообщенію Хюгеля, корова считается неприкосновенной, и всякій, кто убьетъ хоть одну, наказывается смертію.

Бросить взглядъ на жизнь домашняго рогатаго скота въ различныхъ странахъ столь же поучительно, какъ и интересно. Чтобы соблюсти историческую послѣдовательность, обратимъ наше вниманіе сперва на тѣ стада, которыя живутъ и нынче при такихъ же условіяхъ, какъ и подъ владычествомъ нашихъ прадѣдовъ. Номады восточнаго Судана представляютъ намъ такихъ скотоводовъ, которые ведутъ свое дѣло въ наше время точно тѣмъ же способомъ, какъ и ихъ прародители вели его тысячи лѣтъ тому назадъ. Стада разнаго скота, которыми они владѣютъ, составляютъ ихъ единственную собственность. Цѣнность у нихъ считается по количеству рогатаго скота и овецъ, подобно тому, какъ цѣнность имущества лопаря исчисляется по количеству его оленей.

Самые крупные дворяне-помѣщики и скотоводы, включая сюда голландцевъ и швейцарцевъ, съ трудомъ могутъ составить себѣ представленіе о численности стадъ у этихъ номадовъ. Вблизи деревни Мельбессъ, о которой я уже разъ упоминалъ, степь понижается, образуя обширную котловину, на днѣ которой устроена масса колодцевъ съ единственной цѣлью — поить стада, стекающіяся сюда ежедневно въ полуденную пору. Начиная съ послѣ-полудня, всю ночь вплоть до самаго полдня почти 100 человекъ напряженно занимаются подниманіемъ воды изъ глубины колодцевъ и накачиваніемъ ея въ эти пруды, куда обыкновенно прибавляютъ для питья еще нѣкоторое количество солоноватой земли. Со всѣхъ сторонъ стягиваются сюда несмѣтныя толпы овецъ, козъ и рогатаго скота, первымъ идетъ мелкій скотъ, а за нимъ уже рогатый крупный. Въ нѣсколько минутъ совершенно опоражнивается весь большой котель. Видно только непрерывное стадо поспѣшно тѣснящихся туда и сюда животныхъ, среди котораго тамъ и сямъ выдается темная человѣческая фигура. Тысячи овецъ и козъ непрерывно стекаются къ нимъ, одни идутъ впередъ, другія же возвращаются уже напившись. По моему невозможно было сосчитать число головъ крупнаго рогатаго скота: я думаю, что не преувеличу, если исчислю количество головъ ежедневно приходящихъ сюда стадъ, по крайней мѣрѣ, въ 60,000 штукъ мелкаго и крупнаго скота.

Въ южной Африкѣ крупный скотъ играетъ еще болѣе важную роль по той причинѣ, что безъ его помощи было бы невозможно предпринимать долгихъ путешествій съ торговыми или промысловыми цѣлями по тамошнимъ громаднымъ пустынямъ, гдѣ часто нѣтъ ни корма ни воды.

На югѣ Россіи, въ Татаріи и вѣроятно также въ большей части внутренней Азіи держатъ, равнымъ образомъ, значительныя стада крупнаго рогатаго скота. Вся южно-русская степь повсемѣстно покрыта стадами лошадей, овецъ и быковъ.

Лѣтомъ всѣ эти животныя изо дня въ день живутъ на волѣ; суровой же длинной зимой они находятъ себѣ нѣкоторое прикрытіе отъ непогоды за землянымъ валомъ. Если при этомъ валѣ имѣется съ одной стороны еще какой-нибудь убогій навѣсъ, то все это сходитъ за прекрасную конюшню. Среди названныхъ животныхъ крупный рогатый скотъ превосходить численностью другихъ, а также во многихъ отношеніяхъ имѣетъ надъ ними большой перевѣсъ: имъ не приносить такого большого несчастія опасныя снѣжные бураны, какъ лошадямъ и овцамъ, потому что они не теряютъ соображенія, но прямо спѣшатъ домой, если только буря не черезчуръ сильна. Въ большинствѣ странъ эти стада предоставляются самимъ себѣ.

Въ Венгріи раньше обращались подобнымъ же образомъ съ тамошними стадами. Они должны были сами пропитываться и не пользовались ни охраной, ни уходомъ. Нѣкоторые становились до того дикими, что не позволяли приблизиться къ себѣ ни одному человѣку. Телята сосали до тѣхъ поръ, пока чувствовали въ этомъ потребность, и пастухи начинали думать о томъ, чтобы отдѣлить ихъ отъ матерей только тогда, когда имъ шелъ уже второй годъ. Такое положеніе, однако, существенно измѣнилось въ новое время. Даже въ Италіи есть еще рогатый скотъ, живущій въ полудикомъ состояніи. Мареммы, расположенныя на береговой полосѣ между Пизой и Неаполемъ, представляютъ почти совершенно ровную полосу, которая въ нѣкоторыхъ частяхъ плодородна; онѣ пользуются весьма дурной славой благодаря своему нездоровому климату, что представляетъ причину ихъ рѣдкаго населенія; въ нихъ пасутся многочисленныя стада итальянскаго рогатаго скота, проводящія изъ году въ годъ жизнь подъ открытымъ небомъ, предпринимающія дальнія перекочевки; присматриваютъ за ними только самыя закаленные люди. Въ Валахіи, Сербіи, Босніи, Болгаріи и Сиріи скотъ этотъ мы находимъ въ такихъ же условіяхъ.

Совсѣмъ другимъ уходомъ пользуется это цѣнное домашнее животное въ горныхъ странахъ средней Европы, особенно въ Альпахъ, хотя и тамъ тоже можно порой желать лучшаго. „По большей части“, говоритъ Чуди, „тамъ нѣтъ цѣлесообразно устроенныхъ, а иногда даже и какихъ-либо стойлъ. Однако, прекрасная, спокойная погода альпійскихъ мѣстностей очень пріятна этому, плохо охраняемому скоту. Стоитъ принести только тотъ большой колокольчикъ, звукъ котораго далеко разносится при отправленіи въ горы и при возвращеніи назадъ, весной въ долину, гдѣ собираются стада, и онъ тотчасъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе. Коровы собираются мыча и весело прыгая, принимая это за знакъ къ выступленію въ Альпы; когда оно дѣйствительно начинается, когда самая красивая корова украшается пестрой лентой съ висящимъ на ней самымъ большимъ колокольчикомъ и букетомъ между рогами; когда лоховая лошадь уже навьючена котлами для варки сыру и съѣстными припасами, а между рогами у коровъ укрѣплены скамьи для доенья, когда нарядныя альпійскіе пастухи начинаютъ свои тирольскіе пѣсни и далеко по долинамъ разносятся ихъ голоса, — тогда можно видѣть тотъ восторгъ, съ которымъ добродушныя, а иногда рѣзвыя животныя строятся въ ряды на походъ и отправляются съ мычаньемъ въ горы. Оставленные въ долинахъ коровы часто на свой рискъ и страхъ слѣдуютъ за своими подругами на далекія Альпы.

„Конечно, въ хорошую погоду коровамъ на высокихъ горахъ чудесно. Росынка, маточникъ, альпійскій подорожникъ представляютъ для этихъ животныхъ превосходный ароматичный кормъ. Солнце не такъ палитъ, какъ въ долинахъ, надоедливыя слѣпни не мучаютъ скотъ во время послѣобѣденной всхрапки, а если ему и приходится терпѣть отъ другихъ насѣкомыхъ, то скворцы и трясогузки, спокойно бѣгающіе между животными, всегда готовы оказать имъ дружескую услугу: скотъ веселѣе, свѣжѣе и здоровѣе тутъ, чѣмъ въ долинахъ, правильнѣе и успѣшнѣе размножается; жизнь на лонѣ природы развиваетъ ихъ природный умъ. Скотъ, живущій на полной волѣ, дѣлается внимательнѣе, заботливѣе, память его становится лучше, чѣмъ у скота, находящагося вѣчно подъ опекой. Альпійская корова знаетъ каждый кустъ, каждую лужу, знаетъ точно

лучшія мѣста, гдѣ есть трава, время доенья, узнаетъ издали ласковый голосъ своего пастуха, довѣрчиво идетъ на него; она знаетъ, когда ей дадутъ соль, когда ей надо идти къ хижинѣ или на водопой, чувствуетъ близость непогоды, точно различаетъ растенія, не подходящія для нея, смотритъ за своимъ теленкомъ и охраняетъ его и осторожно обходитъ опасныя мѣста. Послѣднее ей, однако, не всегда удается, несмотря на всю осмотрительность. Голодъ гонитъ ее на нетронутыя еще, но обильныя кормомъ лужайки, корова идетъ по осыпающемуся склону, а обманчивый грунтъ измѣняетъ, и корова начинаетъ скользить съ горы внизъ. Когда она замѣтитъ, что уже больше не въ силахъ помочь сама себѣ, то ложится на брюхо, закрываетъ глаза и спокойно отдается на произволъ судьбы и медленно скользитъ внизъ, пока не упадетъ въ пропасть, или не задержится на какомъ-нибудь корнѣ дерева, гдѣ и дожидается неподвижно вмѣшательства со стороны пастуха, опытнаго въ подаіи помощи.“

Это время, когда стада пасутся на волѣ, есть, такъ сказать, поэзія жизни рогатаго скота. Не такъ прекрасенъ жребій этого полезнаго домашняго животнаго въ большинствѣ другихъ странъ. Въ Германіи оно наслаждается болѣе или менѣе ограниченной свободой только лѣтомъ, въ горахъ, да въ низменныхъ равнинахъ на сѣверѣ.

На крайнемъ сѣверѣ худшее время для рогатаго скота — зима. Короткое лѣто Лапландіи и Норвегіи не можетъ дать достаточнаго количества корма на зиму, поэтому ихъ кормятъ не только сѣномъ и соломой, листьями и вѣтками березы, оленьимъ мхомъ, конскимъ навозомъ, морскими растеніями, водорослями и тому подобнымъ, но даже рыбой, а именно головами наваги, которая ловится въ большомъ количествѣ какъ разъ къ тому времени, когда корму начинаетъ недовставать.

Въ большинствѣ остальныхъ странъ Европы крупный рогатый скотъ — печальный рабъ челоуѣка; въ Испаніи быкъ ставится выше коровы; онъ можетъ сдѣлаться даже героемъ дня, а при иныхъ обстоятельствахъ возбудить гораздо болѣе интересъ испанцевъ къ себѣ, чѣмъ все остальное, ближе касающееся ихъ. Это находитъ свое основаніе въ томъ, что испанцы — какъ коренные, такъ и обитатели Новаго Свѣта — страстные любители зрѣлищъ, которыя, конечно, могли нравиться древнимъ римлянамъ, но не образованнымъ и культурнымъ народамъ; тамъ смотрятъ на каждаго попадающагося на глаза быка съ той точки зрѣнія, могъ ли бы онъ выдержать и сколько выдержалъ бы на боѣ или травлѣ быковъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго, мнѣ остается немного сказать о духовной сторонѣ домашняго рогатаго скота. Безъ сомнѣнія, эти животныя стоятъ на очень низкой ступени, потому что послѣ овецъ — это самыя глупыя изъ нашихъ домашнихъ животныхъ. Они научаются узнавать и до нѣкоторой степени любить своего попечителя, повинуются зову и слѣдуютъ за приманкой, а также проявляютъ нѣкоторое участіе къ тѣмъ, кто много съ ними имѣетъ дѣла; однако, тутъ дѣйствуетъ, повидимому, болѣе привычка, чѣмъ собственно способность узнавать. Шейтлинъ говоритъ: „Вся духовная сторона выступаетъ болѣе привлекательно у тѣхъ животныхъ, которыя живутъ на свободѣ, сравнительно съ тѣми, которыя проводятъ жизнь въ стойлахъ. Альпійскія коровы пріучаются скорѣе узнавать своего кормильца, онѣ веселѣе, болѣе живо выражаютъ свою радость, подбадриваются звукомъ колокольчика, менѣе пугливы, и болѣе рыцарски дерутся между собой — какъ въ шутку, такъ и въ серьезъ. Но честолюбіе ихъ слабо. Если одна изъ нихъ оттѣснитъ другую, то для побѣжденной это не составляетъ ничего; она не сердится и не стыдится, а только отбѣжитъ въ сторону, опускаетъ голову и вновь принимается за ѣду. Побѣдительница не обнаруживаетъ ни малѣйшей гордости, ни слѣда радости; она точно также принимается щипать траву. Предводительница — корова, конечно, чувствуетъ себя выше всякой другой. Это узнается по ея торжественному шагу; она тоже никогда не позволитъ какой-нибудь другой коровѣ пойти впереди себя. Быкъ значительно превосходитъ даже самую умную корову; его тѣлесная сила гораздо больше, чувства острѣе, онъ болѣе со-

знаетъ свою силу, мужественнѣе, ловче и быстрѣе, гораздо бодрѣе глядитъ на свѣтъ Божій и разумнѣе смотритъ на окружающій міръ; быкъ чувствуетъ себя сильнымъ охранителемъ своего стада, смѣло идетъ на врага и отважно борется съ нимъ. Онъ не терпитъ въ своемъ стадѣ постороннихъ быковъ, но борется съ ними на жизнь и смерть.“

На второмъ году рогатый скотъ становится способнымъ къ размноженію. Беременность обыкновенно продолжается 285 дней, но можетъ быть и значительно дольше и значительно короче. Теленокъ скоро становится на ноги и начинаетъ сосать уже съ перваго дня жизни. Продолжительность жизни, повидимому, не превышаетъ 25 лѣтъ.

Различныя растенія, — какъ сухія, такъ и свѣжія, вика, разный горохъ, молодая рожь, и сочная трава составляютъ его любимую пищу. Рогатому скоту приносятъ вредъ ленъ, тисовое дерево, болиголовъ, вшивая трава, ситникъ, лягушечная трава, осенникъ, молочай, аконитъ, молодые листья дуба и лѣсного орѣха, сырой клеверъ и другія растенія. Петрушка, селерей, лукъ и чеснокъ противодействуютъ образованію молока. Тимьянъ, лютикъ и подорожникъ поѣдаются въ случаѣ нужды, а фрукты всякаго рода, картофель, овощи и морковь они очень любятъ. Соль необходима для нихъ. Рогатый скотъ можетъ по праву считаться самымъ прибыльнымъ изъ домашнихъ животныхъ.

*

Буйволы (*Bubalus*) — неуклюже сложенные быки, туловище которыхъ тяжеловѣсно и неповоротливо; ноги сравнительно коротки и сильны, голова широка, низкій лобъ сильно выпуклый; глаза у буйвола тусклы и взглядъ ихъ угрюмъ; уши расположены съ боковъ головы, по большей части велики и широки; рога, по большей части непропорціонально утолщающіеся у корня, сидятъ на самомъ заднемъ углу черепа; они идутъ сперва внизъ и назадъ, затѣмъ кнаружи и наконецъ вверхъ, при чемъ иногда бываютъ еще обращены нѣсколько впередъ, или же загибаются пологой дугой внизъ и затѣмъ слабо искривляются кнаружи; наконецъ, волосяной покровъ у буйволовъ крайне жидокъ.

Впереди всѣхъ видовъ, принадлежащихъ сюда, мы ставимъ кафферскаго или чернаго буйвола (*Bos caffer*); это самый сильный и самый дикій сочленъ подсемейства, отличающійся въ особенности своеобразными рогами. Онъ сложенъ плотнѣе другихъ буйволовъ, имѣетъ сравнительно небольшую голову, довольно толстую шею, немного возвышающійся надъ остальнымъ туловищемъ загривокъ, длинный и тонкій хвостъ, украшенный пышной, богатой кистью, занимающей около половины его длины. Рога, у корня направляющіеся въ сторону и кзади, затѣмъ обратно и вверхъ, концами замѣтно загибаются внутрь, покрываютъ собой весь лобъ, такъ что между ними посрединѣ остается свободной только небольшая полоска; у старыхъ самцовъ рога у корня бываютъ чрезвычайно широки, покаты и покрыты толстыми морщинами. Волосяной покровъ вездѣ необычайно рѣдокъ, за исключеніемъ ушей и кисти на хвостѣ, такъ что отдѣльныя мѣста кажутся совершенно голыми, и, въ сущности, если говорить о шерсти, то можно говорить только относительно головы и ногъ. Цвѣтомъ этого животнаго можно признать скорѣе темный сѣро-бурый цвѣтъ его кожи, чѣмъ черный цвѣтъ волосъ, на концѣ становящихся нѣсколько свѣтлѣе. Высота плеча кафферскаго буйвола колеблется, смотря по его полу и силѣ, между 1,5 и 1,8 метра. Промежутокъ между самыми крайними точками роговъ, которые у самки приблизительно вдвое меньше по ширинѣ и массивности, можетъ достигъ 1,0—1,12 метра.

Область распространенія кафферскаго буйвола, какъ и жираффа, занимаетъ большую часть восточной половины Африки. Въ Капландѣ онъ занимаетъ вмѣстѣ съ послѣдними слонами Капской колоніи совершенно отдѣльную ограниченную мѣстность, а именно между Моссельской бухтой и заливомъ Альгоа. Южная граница области его распространенія проходитъ въ настоящее время въ видѣ линии, которая отходитъ приблизительно отъ Кубанго, продолжается до озера Нгами,

отсюда на востокъ до Лимпопо и восточнѣе направляется черезъ государство Трансвааль на югъ, приближаясь къ бухтѣ Санта-Лючія. Къ сѣверу отъ этой линіи онъ водится въ большей части африканскихъ областей приблизительно до 16° сѣверной широты. Равнины онъ предпочитаетъ горамъ, и притомъ всегда выбираетъ для постоянного мѣста жительства такую страну, гдѣ нѣтъ недостатка въ водѣ.

Будучи по своей природѣ общественнымъ существомъ, каффрскій буйволъ постоянно составляетъ съ себѣ подобными товарищества; тамъ, гдѣ его преслѣ-



Каффрскій буйволъ (*Bos caffer*). $\frac{1}{25}$ естеств. велич.

дуютъ — обыкновенно штукъ въ 30 — 60, но гдѣ его мало или почти вовсе не беспокоятъ, онъ составляетъ стада въ сотни и даже тысячи головъ.

Въ жаркіе часы дня каффрскій буйволъ тихо и недвижимо лежитъ, дремля и пережевывая свою жвачку, на одномъ и томъ же мѣстѣ, нерѣдко въ какой-нибудь лужѣ или тинистой ямѣ, благодаря чему онъ часто бываетъ покрытъ плотной корой грязи. Позже, въ послѣполуденную пору или къ вечеру онъ поднимается и пасется съ перерывами до ранняго утра; но онъ ведетъ себя при кормежкѣ не такъ лѣнливо-комфортабельно, какъ другіе виды быковъ; пасется онъ съ перерывами, съ беспокойной торопливостью, отгоняетъ надоедливыхъ мухъ, часто издаетъ свое глухое хрюканье, ворочаетъ свою вѣчно мокрую толстую

морду, приподнимаетъ уши, украшенныя великолѣпнымъ вѣнкомъ изъ волосъ, и яростно хлещетъ себя по бокамъ кистью своего хвоста. Повидимому, онъ вѣчно недоволенъ, совершенно недоступенъ даже какой-либо свѣтлой мысли, свирѣпъ, злобенъ и коваренъ; голова его, частью покрытая огромными рогами, широкая и массивная, опущена внизъ, какъ будто онъ всегда готовъ напасть на кого-либо, и большіе, сине-черные глаза дико выглядываютъ изъ подъ мощныхъ роговъ, такъ что на каждого наблюдателя онъ долженъ произвести впечатлѣніе неукротимой ярости и злостнаго коварства.

„Каффрскіе буйволы“, говоритъ уже старикъ Кольбе, „очень опасныя животныя. Если они придутъ въ ярость при видѣ краснаго цвѣта, отъ выстрѣла или настойчиваго преслѣдованія, то нельзя быть увѣреннымъ въ своей жизни; они начинаютъ сильно ревѣть и бить ногами, ничего больше не боятся и ничего не щадятъ, сколько бы ни стояло передъ ними вооруженныхъ людей. Въ ярости они прыгаютъ черезъ огонь, черезъ воду, черезъ все, что имъ ни попадется.“

Не будучи, собственно говоря, пугливы, буйволы, однако, обращаются обыкновенно въ поспѣшное бѣгство передъ приближающимся къ нимъ человѣкомъ и, насколько возможно, избѣгаютъ близости своего самаго страшнаго врага, особенно тамъ, гдѣ на нихъ часто охотятся; но когда ихъ загонятъ въ узкое мѣсто и разозлятъ, они бросаются очертя голову и не обращая въ слѣпой ярости вниманія ни на копья, ни на пули, тяжело поражающія ихъ. Раненый буйволъ никогда не побѣжитъ, если только не успѣетъ сразу напасть на своего противника; онъ прячется въ высокой травѣ и коварно стережетъ тамъ приближенія своего преслѣдователя, чтобы съ быстротой молніи ринуться на него. Если его враги обращаются въ бѣгство или скрываются въ засаду, то онъ преслѣдуетъ ихъ фыркая и старается открыть ихъ мѣсто чутьемъ. Старые отшельники, удалившіеся отъ стада, должны быть прямо страшны. „Какъ извѣстно“, говоритъ Драйсонъ, „всякому животному свойственно убѣгать отъ человѣка, если только онъ неожиданно не ранитъ его или не станетъ нападать на него, но эти старые отшельники не дожидаются такихъ поводовъ; они сами собой идутъ съ полпути навстрѣчу охотнику и стараются вступить съ нимъ въ бой.“

Селу, убившій въ южной Африкѣ нѣсколько сотъ буйволовъ, говоритъ: „Я нашелъ, что старые самцы не опаснѣе нашихъ животныхъ; большей частью они убѣгаютъ отъ человѣка, какъ скоро онъ не ранитъ ихъ; а будучи ранеными, они проявляютъ столько же злобы, какъ и всякое другое животное любого стада при подобныхъ обстоятельствахъ.“ Дальше онъ рассказываетъ, желая описать исполинскую силу одного стараго самца, что однажды его настигъ раненый имъ буйволъ, подбросившій его лошадь, на которой онъ сидѣлъ, „какъ будто бы это была собака.“

Изъ предыдущаго можно заключить, что охота на каффрскаго буйвола — вещь небезопасная при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Животное, конечно, въ большинствѣ случаевъ не лѣзетъ прямо подъ выстрѣлы, и имѣетъ достаточно времени тогда, чтобы отразить своего преслѣдователя.

Мясо каффрскаго буйвола по своему вкусу можетъ поспорить съ мясомъ самаго откормленнаго быка; оно нѣсколько жестче и волокна его грубѣе, но очень сочно, несмотря на недостатокъ жира.

Не одинъ человѣкъ — опасный врагъ для буйвола; левъ тоже отваживается напасть на этого мощнаго звѣря и въ счастливомъ случаѣ можетъ умертвить его, свернувъ ему шею. Во всякомъ случаѣ охотнику въ южной Африкѣ не въ рѣдкость встрѣтить буйвола, который хотя и отбилъ отъ хищника, а можетъ быть и убилъ его, но въ этой борьбѣ получилъ глубокія раны на шеѣ и плечахъ.

Въ Европу первый буйволъ былъ привезенъ живьемъ Т. фонъ-Хейглиномъ. „Несмотря на его нелюдимый характеръ при дикой жизни“, говоритъ онъ, „кажется, что это животное легко приручить и затѣмъ возможно прекрасно примѣнять на работы.“

Каффрскіе буйволы размножались въ разныхъ зоологическихъ садахъ; однако, телята, родившіеся въ неволѣ, мало или вовсе не отличались по своему харак-

теру отъ животныхъ, привезенныхъ прямо изъ Африки. Какъ тѣ, такъ и другіе растутъ одинаково быстро, какъ и прочіе виды быковъ; однако сильныя рога самцовъ развиваются здѣсь очень медленно, и это заставляетъ думать, что нужно много лѣтъ, чтобы они приняли свою отличительную форму.

Родоначальникомъ породы быковъ, перешедшихъ уже совсѣмъ въ домашнее состояніе и сдѣлавшихся совершенно ручными, слѣдуетъ считать не каффрскаго буйвола, а буйвола, живущаго еще и теперь въ юго-восточной Азіи; происходящія отъ него породы можно видѣть на Дунайской низменности и еще въ гораздо большемъ количествѣ въ Египтѣ и Индіи.

Индійскій буйволъ (*Bos [Bubalus] arni*, *Bubalus vulgaris*) достигаетъ, смотря по породѣ, приблизительно 2,8—3 метровъ длины; включая сюда и хвостъ въ 50—60 сантиметровъ при высотѣ плеча отъ 1,4 до 1,8 метра. У него голова короче и шире, чѣмъ у обыкновеннаго быка, лобъ великъ, лицевая часть головы коротка, шея плотная и толстая; на ней спереди есть складки, но не подгрудокъ; тѣло нѣсколько удлинено, впрочемъ, полно и округло; въ загривкѣ оно возвышается вродѣ горба, а вдоль спины вогнуто; крестецъ высокъ и крутъ, область груди узка, паха поджары, хвостъ довольно коротокъ; сильныя ноги сравнительно низки и обладаютъ копытами, способными довольно сильно раздвигаться, эти копыта длинны и широки. Глаза малы, выраженіе ихъ дико и упрямо. Уши, горизонтально расположенныя по сторонамъ, длинны и широки; снаружи они покрыты короткими волосами, внутри же, напротивъ, усажены длинными пучками волосъ. Длинные и сильныя рога, утолщающіеся и расширяющіеся при корнѣ, а затѣмъ суживающіеся, оканчиваются тупо; они покрыты въ средней части толстыми поперечными морщинами, а на концѣ, равно какъ и на задней поверхности совершенно гладки; поперечное сѣченіе ихъ представляетъ треугольникъ неправильной формы. Рѣдкіе, жесткіе и щетинистые волосы удлиняются только на лбу, плечахъ, по всей передней сторонѣ шеи и немного на кисти хвоста; напротивъ того, спина, крестецъ, грудь и брюхо, бедра и большая часть конечностей кажутся почти совершенно голыми; поэтому цвѣтъ кожи, обыкновенно темный черно-сѣрый или черный, болѣе опредѣляетъ общую окраску животнаго, чѣмъ цвѣтъ волосъ — сине-сѣрый, иногда отливающій коричневатымъ или буровато-краснымъ. Встрѣчаются также бѣлые и пятнистые экземпляры, но рѣдко. Корова отличается отъ быка только нѣсколько меньшей величиной. Область распространенія этого буйвола, живущаго на свободѣ, тянется отъ подошвы Гималаевъ, по Бенгаліи и восточной части средней Индіи къ югу приблизительно до Годовари, на востокъ же по Ассаму и Бирмѣ, по меньшей мѣрѣ, до сѣверо-восточнаго Сіама. Онъ водится также и на Цейлонѣ.

Какъ и всѣ виды этой породы, индійскій буйволъ большой любитель воды; онъ держится только въ болотистыхъ мѣстностяхъ обитаемыхъ имъ странъ, въ рѣчныхъ ли низменностяхъ или же въ непосредственной близости къ небольшимъ озерамъ, въ которыхъ, хотя по временамъ, бываетъ вода, или же, наконецъ, въ окрестностяхъ мелководныхъ лагунъ на морскомъ берегу. Хотя его движенія и неуклюжи, но сильны и продолжительны; онъ выказываетъ себя мастеромъ въ плаваньи. Изъ чувствъ его выше всѣхъ стоятъ обоняніе и слухъ; напротивъ, зрѣніе и осязаніе мало развиты, вкусъ тоже не особенно хорошо развитъ, потому что онъ довольствуется самымъ плохимъ кормомъ, которымъ пренебрегаютъ всѣ остальные виды быковъ. Буйволы пасутся, главнымъ образомъ, ночью и раннимъ утромъ, охотно ломаются въ перосляхъ и производятъ тамъ значительныя опустошенія.

Судя по описаніямъ, у индійскаго буйвола строптивый и непостоянный характеръ; сила и мужество его такъ велики, что индусская поэзія ставитъ его рядомъ съ тигромъ. „Быкъ такъ силенъ“, сообщаетъ Го хдсонъ, „и такъ любитъ нападать, что не только осмѣливается наступать на взрослого слона, но иногда ему даже удается нанести слону поражение“. Гердонъ тоже рассказываетъ, что разозленный звѣрь, дѣйствительно, иногда прямо бросается на охотничьяго слона, и при этомъ авторъ прибавляетъ: „Буйволы совсѣмъ не пугливы, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ ихъ слишкомъ много стрѣляютъ, и къ нимъ можно

приблизиться на слонѣ, безъ участія котораго охота не имѣла бы успѣха, на добрый ружейный выстрѣлъ.“

Голосъ буйвола — глубоко гудящее урчанье. Время течки, по Годхсонъ, приходится на осень; въ это время обыкновенно многочисленныя стада разбиваются на болѣе мелкія группы, каждый быкъ собираетъ вокругъ себя одну группу.

Индійскій буйволъ, до нѣкоторой степени, прирожденный врагъ тигра и почти всегда выходитъ изъ боевъ съ нимъ побѣдителемъ. В. Райсъ рассказываетъ, что иногда на взрослыхъ буйволовъ-самцовъ нападаетъ тигръ, но они нерѣдко навсегда лишаютъ хищника способности продолжать свой промыселъ. Если одинъ буйволъ подвергается нападенію, то другіе спѣшатъ къ нему на помощь и тогда обыкновенно обращаютъ нападающаго въ бѣгство. Пастухи, стерегушіе ручныхъ буйволовъ, могутъ спокойно пробираться верхомъ на одномъ изъ своихъ животныхъ въ чащу. Джонсонъ рассказываетъ, какъ однажды тигръ напалъ на человѣка, находившагося на концѣ каравана. Пастухъ, пасшій по близости буйволовъ, поспѣшилъ на помощь этому человѣку и ранилъ звѣря. Тотъ сейчасъ же отпустилъ свою первую добычу и ринулся на пастуха; но буйволы, увидя своего господина въ опасности, бросились моментально на тигра и отдѣлали его такъ, что онъ остался мертвымъ на мѣстѣ.

Мы не знаемъ, когда и какимъ путемъ распространился дальше ручной буйволъ; однако мы полагаемъ, что онъ попалъ въ Персію, вѣроятно слѣдуя за большими войсками или кочующими народами; въ Персіи его встрѣчали уже спутники Александра Великаго. Внѣслѣдствіи его могли развести магометане въ Египтѣ и Сиріи. Въ 596 году нашего лѣтосчисленія, въ царствованіе Агилульфа, онъ достигъ, къ немалому изумленію европейцевъ, до Италіи. Сначала онъ, по видимому, распространялся очень медленно; въ настоящее время эта порода водится, начиная отъ южнаго Китая, въ задней и передней Индіи, Афганистанѣ, Персіи, Арменіи, Сиріи, Палестинѣ, въ Турціи, Греціи и Дунайской низменности, въ Италіи; въ Египтѣ эти буйволы очень часты, но въ Нубіи ихъ нѣтъ.

Жаркія, болотистыя и богатая водой мѣстности лучше всего соотвѣтствуютъ ему, какъ и всѣмъ его родичамъ. Дельта Нила — рай для буйвола. Въ странахъ, лежащихъ по нижнему теченію Дуная, онъ чувствуетъ себя очень хорошо; въ итальянскихъ болотахъ онъ — единственный членъ своего семейства, такъ какъ всѣ остальные умираютъ вслѣдствіе нездороваго климата; онъ повсюду встрѣчается въ нижнемъ Египтѣ и наряду съ козой является тамъ единственнымъ домашнимъ животнымъ, дающимъ молоко и масло. Въ каждой деревнѣ дельты Нила и въ большинствѣ мѣстечекъ верхняго Египта между домиками всегда есть лужа, предназначенная исключительно лишь для того, чтобы доставлять удобное купанье буйволамъ. Ихъ видишь въ водѣ гораздо чаще, чѣмъ на пастбищѣ; они такъ глубоко погружаются въ воду, — если только она есть, — что надъ ея поверхностью выдаются только голова, да небольшая часть спины. Во время разлива Нила наступаетъ для нихъ пора наслажденія. Вплавъ бродятъ они по залитымъ полямъ, поѣдая траву на буграхъ и жесткую осоку на необработанныхъ еще поляхъ, соединяются въ большія стада, играютъ другъ съ другомъ въ водѣ и возвращаются домой только тогда, когда коровы почувствуютъ себя отягощенными молокомъ и пожелаютъ, чтобы ихъ доили. Когда стадо буйволовъ переправляется черезъ рѣку, достигающую среднимъ числомъ 1-го километра ширины, это представляетъ восхитительную картину. Большинство пастуховъ, по большей части 8—10-лѣтнихъ ребятъ, садятся къ нимъ на спину и безпечно предоставляютъ вѣрнымъ животнымъ перевозить себя по страшной глубинѣ и высоко вздымающимся волнамъ.

Нельзя достаточно надивиться на мастерское умѣнье буйволовъ плавать. Они ведутъ себя въ водѣ будто въ своей родной стихіи, ныряютъ, ложатся частью на бокъ, частью на спину и спокойно отдаются теченію, не двигая ни однимъ членомъ, а также переплываютъ черезъ рѣку прямо поперекъ, причемъ ихъ только сноситъ теченіемъ внизъ.

На твердой землѣ буйволъ кажется болѣе неуклюжимъ, чѣмъ въ водѣ. Походка его тяжеловѣсна, а бѣгъ, хотя и довольно быстръ, представляетъ для него трудности.

При первой встрѣчѣ съ ручными буйволами положительно испугаешься. Выраженіе морды указываетъ на неукротимую строптивость и затаенную дикость; въ глазахъ какъ будто можно прочесть коварство и низость. Однако, скоро обнаруживается, что было бы совершенно несправедливо судить о буйволѣ по его наружности. По крайней мѣрѣ въ Египтѣ онъ настолько добродушное животное, что всякій крестьянинъ, нисколько не задумываясь, довѣряетъ управленіе имъ самому слабому ребенку. Духовный складъ этого животнаго характеризуется непоколебимымъ равнодушіемъ ко всему, что не относится къ водѣ и корму, исключая развѣ самку буйвола, которая недавно телилась. Онъ положительно съ тупымъ равнодушіемъ отдается неизбѣжному, послушно тащить плугъ или повозку, идетъ домой, когда его гонять или обратно изъ дому въ поле, и не требуетъ послѣ этого ничего, кромѣ нужной ему водяной ванны, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. За исключеніемъ переноски тяжестей и перевозки людей черезъ Ниль, его немного употребляютъ для воздѣлыванія полей.

Самое выдающееся качество буйвола, это его безпримѣрная нетребовательность. Онъ пожираетъ болотныя травы и болотныя растенія всякаго рода, молодой тростникъ, камышъ и т. п., однимъ словомъ, всякія вещества, которыми пренебрегаютъ всѣ остальные созданія, — съ такимъ удовольствіемъ, какъ если бы это была самая лакомая пища. И все же онъ умѣетъ пустить въ дѣло эту пищу, такъ какъ изъ нея образуется его прекрасное по вкусу, очень жирное молоко, изъ котораго въ обильномъ количествѣ готовится превосходное масло.

Буйволъ непріятенъ своей нечистоплотностью. Иногда онъ похожъ на свинью, вывалявшуюся въ лужѣ, потому что, подобно этому другу лужъ, подерѣпляющемуся такимъ образомъ, онъ отдается этому улаждающему его сердце удовольствію.

Буйволъ молчаливое созданіе. Покоится ли онъ въ своей ваннѣ — онъ не открываетъ рта, пасется ли или работаетъ — все также спокойно и тихо идетъ онъ своей дорогой. Только иногда можно слышать голосъ коровъ, у которыхъ есть молочные телята, или разъяренныхъ быковъ. Это очень непріятное, противное, громкое мычанье, нѣчто среднее между ревомъ нашихъ быковъ и хрюканьемъ свиней.

Въ болѣе сѣверныхъ областяхъ спариванье буйволовъ, живущихъ на волѣ, происходитъ въ апрѣлѣ и маѣ; корова телится черезъ 10 мѣсяцевъ. Теленокъ — очень некрасивое созданіе; мать весьма нѣжно любитъ его и въ опасности защищаетъ съ извѣстнымъ геройствомъ всѣхъ вообще коровъ. На 4 или 5 году буйволъ становится взрослымъ; старость его наступаетъ приблизительно къ 18—20 годамъ.

Польза, приносимая буйволомъ, сравнительно больше пользы отъ нашего рогатаго скота, потому что онъ вовсе не требуетъ никакого ухода и ѣстъ такія растенія, которыми брезгаютъ всѣ остальные домашнія животныя. Въ болотистыхъ странахъ онъ также въ высшей степени полезенъ для обработки полей, потому что недостатокъ развитія умственныхъ способностей восполняется его мощной силой.

Мясо буйвола, благодаря своей вязкости и присущему ему мускусному запаху, почти не употребляется европейцами, но мясо телятъ очень хорошее; жиръ почти равняется по вкусу и нѣжности свиному салу. Плотная шкура доставляетъ хорошую кожу, а изъ роговъ готовятъ разнаго рода прочную посуду.

Враги, которые могли бы повредить буйволу, есть только въ Персіи да Индіи. Конечно, очень рѣдко случается, чтобы на буйвола напала въ Дунайской низменности толпа волковъ, и ему нужно быть слишкомъ ослабленнымъ или истощеннымъ, чтобы злые враги могли съ нимъ что-нибудь сдѣлать. Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и въ Индіи, хотя здѣсь противъ ручного буйвола выступаетъ тотъ же врагъ, что и противъ дикаго, а именно тигръ. Конечно, вѣрно, что этому страшному хищнику удастся иногда овладѣть жертвой, намѣченной имъ среди буйволовъ, но, съ другой стороны, можно сказать съ такой же увѣренностью, что стадо буйволовъ всегда обращаетъ въ бѣгство любого тигра.

Среди полорогихъ антилопы (*Antilopinae*) составляютъ хотя и самое богатое по формамъ, но низко стоящее подсемейство. Вообще этотъ отдѣлъ обнимаетъ собою самыхъ изящныхъ и самыхъ привлекательныхъ изъ всѣхъ полорогихъ. Однако, это можно сказать только въ общемъ, потому что среди антилопъ положительно существуютъ такія, которыя мало соотвѣтствуютъ связанному обыкновенно у насъ съ этимъ названіемъ понятію. Въ этомъ отдѣлѣ у всѣхъ представителей существуютъ общія черты; но въ немъ есть, съ одной стороны, самыя изящныя изъ всѣхъ полорогихъ животныхъ, а съ другой — также и неуклюжія, тяжеловѣсныя созданія, которыхъ съ перваго взгляда можно было бы причислить скорѣе къ быкамъ, чѣмъ къ антилопамъ. По этой причинѣ общая характеристика ихъ представляетъ такія же трудности, какъ и общая характеристика всего семейства; отграниченіе этого подсемейства также не легко, потому что нѣкоторыя антилопы имѣютъ гораздо большее сходство съ козами и быками, чѣмъ съ своимъ первообразомъ, которымъ уже съ древнѣйшихъ временъ признается знаменитая газель.

Въ общемъ антилопъ можно очертить какъ стройно сложенныхъ животныхъ, похожихъ по строенію на оленей, съ короткимъ, почти всегда плотно прилегающимъ волосянымъ покровомъ, и болѣе или менѣе винтообразными рогами, которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ бываютъ у обоихъ половъ. Разные роды чрезвычайно похожи другъ на друга строеніемъ тѣла, и только строеніе роговъ, копытъ и хвоста, а также отдѣльныя измѣненія въ волосяномъ покровѣ представляютъ вѣрные признаки различія. Но число антилопъ такъ велико, что крайніе члены этого подсемейства не имѣютъ почти никакого сходства.

Вся Африка, южная, западная и средняя Азія, южная и средняя Европа составляютъ родину антилопъ. У каждаго рода есть, повидимому, опредѣленный любимый кормъ, которымъ и обуславливается ихъ пребываніе въ той или иной мѣстности, пока не появится человѣкъ и не прогонитъ этихъ пугливыхъ и быстрыхъ животныхъ въ другое мѣсто. Большинство изъ нихъ любитъ равнину, но есть и такія, которыя предпочитаютъ рѣшительно горныя вершины — долинамъ и поднимаются тамъ почти до границы вѣчнаго снѣга; однѣ живутъ въ открытыхъ мѣстностяхъ со скудной растительностью, другія держатся въ рѣдкомъ кустарниковомъ лѣсу, нѣкоторыя также въ самыхъ густыхъ лѣсныхъ чащахъ, нѣкоторыя даже въ болотахъ и топяхъ.

Пища состоитъ только изъ растительныхъ веществъ, главнымъ образомъ, изъ луговыхъ и степныхъ травъ, листьевъ, почекъ и молодыхъ побѣговъ. Однѣ довольствуются самымъ скуднымъ питаніемъ, другія же являются необычайно разборчивыми, и ѣдятъ только самыя сочныя и самыя лакомыя растенія. Живущія на зеленомъ подножномъ корму могутъ долго не пить, а жительницы сухихъ пустынь совершенно воздерживаются отъ воды въ теченіе дня и даже недѣли.

Антилопъ почти всѣхъ безъ исключенія можно назвать полезными животными. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ живутъ, онѣ рѣдко причиняютъ значительный вредъ, но пользу приносятъ какъ своимъ мясомъ, такъ и рогами и превосходной шкурой. Поэтому у всѣхъ народовъ, имѣющихъ съ ними одно отечество, онѣ представляютъ предметъ самой ревностной охоты. Поэты и путешественники разнесли громкую славу о нѣкоторыхъ антилопахъ, пользовавшихся уже съ первобытныхъ временъ большей извѣстностью; ради другихъ антилопъ альпійскій охотникъ сотни разъ рискуетъ своею жизнью. Подобнымъ же образомъ человѣкъ чувствуетъ влеченіе ко всѣмъ другимъ антилопамъ. Этому еще содѣйствуетъ то, что большинство изъ нихъ легко и долго переноситъ состояніе неволи, по меньшей мѣрѣ, въ своемъ отечествѣ, — размножаются тамъ и радуютъ своего попечителя прирученностью и довѣрчивостью. Нѣкоторыя обратились вполне въ домашнихъ животныхъ, и въ прежнія времена на нихъ такъ буквально и смотрѣли и обращались съ ними.

Мы опишемъ только наиболѣе важныхъ представителей этого богатѣйшаго подсемейства жвачныхъ.

Рядъ избранныхъ мною для описанія родовъ можно открыть антилопами (*Antilope*) въ узкомъ смыслѣ. Извѣстный подъ этимъ названіемъ родъ характе-

ризуется среднимъ ростомъ, равнымъ приблизительно величинѣ нашей косули, длинными лировидными или закручивающимися винтообразно рогами, большими или только въ исключительныхъ случаяхъ маленькими слезными ямками, присутствіемъ паховыхъ железъ и не широкимъ утолщеніемъ, расположеннымъ на маленькомъ голомъ пятнѣ верхней губы.

Оленекозья антилопа представляетъ виды, обладающіе круглыми рогами, направленными вверхъ и назадъ, имѣющими винтообразные завороты и утолщенія: рога почти прямы; бываютъ они только лишь у самца.



Оленекозья антилопа (*Antilope cervicapra*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

Оленекозья антилопа (*Antilope cervicapra*) играетъ въ индусскомъ богословскомъ ученіи большую роль. Въ кругу животныхъ Индіи она занимаетъ мѣсто каменнаго козла и посвящается вмѣстѣ съ многими другими видами богинѣ Чандра или лунѣ. Она нѣсколько меньше, стройнѣе и изящнѣе нашей лани; длина ея тѣла доходитъ до 1,2 — 1,3 метра, длина хвоста 15 сантиметровъ, вышина загривка 80 см. Цвѣтъ бываетъ различенъ, смотря по возрасту и полу. У старыхъ самцовъ преобладаютъ темные, сѣро-бурые цвѣта. Самки гораздо свѣтлѣе, соловаго цвѣта. Молодые животные отличаются отъ старыхъ самокъ преобладаніемъ красноватаго цвѣта. Рога, бывающіе только у самца, среднимъ числомъ, имѣютъ 40 — 50 см., въ рѣдкихъ случаяхъ 60 — 65 см. длины; они обыкновенно слабо винтообразно закручиваются 3 — 4 раза, а иногда и пять разъ. У корня оба рога стоятъ рядомъ, на концахъ же они расходятся другъ отъ друга на 30 — 40 см.; смотря по возрасту животного, они бываютъ то сильнѣе, то слабѣе развиты и имѣютъ кольцеобразныя утолщенія около концовъ, сами же концы гладки. У настоящихъ старыхъ самцовъ такихъ утолщеній бываетъ часто больше 30, однако

число ихъ не находится въ прямомъ соотношеніи съ возрастомъ и развитіемъ силъ животнаго.

Оленекозъ живетъ на открытыхъ ровныхъ поляхъ передней Индіи за исключеніемъ Нижней Бенгаліи и Малабарскаго берега. Обыкновенно онъ держится косяками въ 20—30, а часто также въ 40—60 штукъ. Каковы бы ни были условія жизни, онъ любитъ открытые ландшафты и избѣгаетъ густыхъ лѣсовъ; открытая мѣстность хорошо обезпечиваетъ его безопасность. Вилльямсонъ рассказываетъ, что молодые самцы, а также старыя самки исполняютъ сторожевую службу, когда стадо выходитъ пастись на излюбленные мѣста. Всего тщательнѣе эти стражи слѣдятъ за кустами, позади которыхъ могъ бы подкрасться и скрыться охотникъ. Было бы глупостью, увѣряетъ этотъ наблюдатель, погнаться за ними съ борзыми собаками, такъ какъ ожидать какого нибудь успѣха можно только тогда, когда захватишь ихъ врасплохъ; они моментально обращаются въ бѣгство и мчатся дѣйствительно съ поразительной быстротой. „Высота и ширина ихъ прыжковъ cadaго приведетъ въ изумленіе; они поднимаются болѣе, чѣмъ на три метра (?) въ вышину надъ землей и прыгаютъ на 6—10 метровъ, какъ бы издѣваясь надъ преслѣдующей ихъ собакой“. Поэтому индійскіе раджи не думаютъ даже охотиться на нихъ съ собаками, а травятъ ихъ соколами или ловятъ съ помощью приученнаго къ охотѣ леопарда.

Животныя, пойманныя въ юности, становятся чрезвычайно ручными. Они легко переносятъ неволю, водятся съ себѣ подобными во время течки и радуютъ своей ласковостью и привязанностью. Лучше всего они чувствуютъ себя тамъ, гдѣ имъ предоставляютъ свободное мѣсто для игръ. Въ очень большихъ паркахъ оленекозья по своей миловидности и граціозности представляютъ прелестное зрѣлище; здѣсь они кромѣ того гораздо ручнѣе, чѣмъ въ клѣткахъ, гдѣ иногда въ особенности старыя самцы нападаютъ на своего сторожа и бодаютъ его. Въ Индіи эту антилопу часто держатъ въ ручномъ состояніи въ качествѣ священнаго животнаго. Забота о нихъ возлагается на женщинъ; онѣ поятъ ихъ молокомъ; музыканты наигрываютъ передъ ними мелодіи. Мясо ихъ могутъ употреблять только брамины. Изъ роговъ изготовляютъ своеобразное оружіе, а именно ихъ скрѣпляютъ внизу желѣзной или серебряной кнопкой, такъ что концами они обращены въ разныя стороны. Это оружіе носятъ съ собой какъ палку и употребляютъ въ видѣ метательнаго копья.

Безоаровые камни, находимые въ ихъ желудкахъ, считаются во врачебномъ искусствѣ особенно цѣлительнымъ средствомъ и находятъ многостороннее примѣненіе.

*

Газели (*Gazella*) стройныя, чрезвычайно милыя антилопы съ кольчатыми лировидными рогами, слезными ямками, паховыми железами, длинными заостренными ушами, маленькими задними когтями и двумя сосками. Хвостъ ихъ короткий и на концѣ кистевиденъ; пучки волосъ находятся еще только на запястьи. Рога существуютъ у обоихъ половъ.

Газель пустыни—чрезвычайно привлекательный образъ, вдохновившій поэтовъ востока къ ритмическимъ пѣснямъ уже въ давнія времена. Даже чужеземцу съ запада, которому удастся видѣть ее на свободѣ, становится понятнымъ, почему именно она такъ мила жителю востока;—онъ самъ проникается восторгомъ, который выражается въ пылкихъ похвалахъ и плавныхъ рифмахъ, посвященныхъ этому животному. Сынъ пустыни сравниваетъ тѣ глубокіе глаза, которые воспаляютъ его сердце и заставляютъ его расцвѣтать, съ глазами газели; ту стройную бѣлую шею, около которой обвиваются его руки въ сладкіе часы любви, онъ не умѣетъ назвать лучше, чѣмъ сравнивъ ее съ шеей газели. Благочестивый находитъ въ этой изящной дочери пустыни осязаемый образъ для выраженія страстнаго стремленія своей души къ возвышенному. Газель очаровываетъ всякаго. Древніе египтяне посвятили ее за красоту высшему божеству Изисъ и приносили ея дѣтенышей въ жертву этой

царицѣ боговъ; красота ихъ служила образомъ поэту пѣсни пѣсней, такъ какъ она и есть та „косуля“ и тотъ „молодой олень“, съ которыми онъ сравниваетъ друга, она есть косуля или самка оленя, предъ которой клянется дочь Іерусалима. Для прелести и пышности женщины по восточнымъ понятіямъ этотъ поэтъ могъ дать только одно сравненіе: для него онѣ кажутся „двумя близнецами газели, пасущимися среди розъ“. Арабскіе поэты всѣхъ временъ не находятъ словъ, чтобы описать газель, ее восхваляютъ самыя древнія творенія этого народа, и до сего дня уличныя пѣвцы воспѣваютъ ее.

Газель не совсѣмъ равняется по величинѣ нашей косулѣ, но гораздо нѣжнѣе и стройнѣе сложена; рисунокъ ея шкуры тоже красивѣе. Старые самцы имѣютъ до 1,1 метра, а если считать и хвостъ, то 1,3 м. длины, вышина же въ загривкѣ 60 сантиметровъ. Туловище плотно, хотя благодаря длиннымъ ногамъ и кажется худощавымъ; спина слабо выгнута, въ крестцѣ выше, чѣмъ въ загривкѣ, хвостъ довольно длиненъ и на концѣ богато покрытъ волосами. Ноги ея чрезвычайно нѣжны, стройны и снабжены въ высшей степени изящными копытами. На вытянутой шеѣ сидитъ не очень длинная голова, широкая и высокая сзади, кпереди же суживающаяся; оканчивается она нѣсколько закругленной мордой; длина ушей достигаетъ почти $\frac{3}{4}$ головы; большіе, огненные и живые глаза обладаютъ почти круглымъ зрачкомъ; слезныя ямки средней длины. Преобладающій цвѣтъ ихъ песочно-желтый; онъ переходитъ въ болѣе или менѣе темно-рыжій на спинѣ и ногахъ. По обоимъ бокамъ туловища проходитъ полоса еще болѣе темнаго цвѣта; онѣ отдѣляютъ нижнюю, ослѣпительно-бѣлую поверхность тѣла отъ болѣе темной верхней. Рога различны у обоихъ половъ. У самца они всегда сильнѣе развиты, чѣмъ у самки, а также кольчатые утолщенія, образующіяся по мѣрѣ возрастанія животного, всегда рѣзче выражены у перваго, чѣмъ у послѣдней. У обоихъ половъ рога направляются вверхъ и назадъ, затѣмъ опять поворачиваются концами впередъ и нѣсколько другъ противъ друга, такъ что, если смотрѣть на нихъ спереди, то они напоминаютъ лиру древнихъ.

Кругъ ихъ распространенія простирается отъ Берберіи до Аравіи и Сиріи, и отъ береговъ Средиземнаго моря до Абиссинскихъ горъ и степей центральной Африки. Весь караванный путь черезъ пустыню и граничащія съ нимъ степныя области можно считать ихъ родиной; въ горахъ Абиссиніи онѣ поднимаются, самое большее, до 1500 метровъ высоты. Чѣмъ богаче растительность пустыни, тѣмъ чаще встрѣчается тамъ наше животное; однако, здѣсь надо твердо помнить, что мѣстность съ богатой растительностью, по сѣверо-восточнымъ африканскимъ понятіямъ, есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что мы понимаемъ подъ этимъ въ нашемъ климатѣ. Было-бы заблужденіемъ считать газель постоянной жительницей дѣйствительно плодородныхъ низменныхъ долинъ; въ такихъ полосахъ она бываетъ лишь мимоходомъ, да и то врядъ ли по доброй волѣ. Хотя низменности она и предпочитаетъ спаленнымъ солнцемъ высокимъ равнинамъ, но только низменности пустыни: въ рѣчныхъ долинахъ ее можно найти такъ же рѣдко, какъ и на горахъ. Мимозовыя рощи, и еще лучше тѣ песчаныя мѣстности, гдѣ ряды холмовъ смѣняются долинами и гдѣ повсюду водятся мимозы, не образуя, собственно говоря, рощъ или лѣса, — вотъ любимыя ихъ мѣста, такъ что мимозу надо считать за наиболѣе подходящую для нихъ пищу. Равнымъ образомъ, газель встрѣчается и въ степяхъ, особенно часто на нѣкоторыхъ мѣстахъ; но и здѣсь она предпочитаетъ рѣдкій кустарниковый лѣсъ волнующемуся лѣсу травянистыхъ стеблей. Въ степяхъ Кардофана можно видѣть косяки штукъ въ 40—50, которые далеко бродятъ тамъ, быть можетъ хотя и не круглый годъ; однако, на излюбленныхъ мѣстахъ онѣ встрѣчаются лишь небольшими группами, штуки по 2, 3—8, а также очень часто и въ одиночку.

Всякій путешественникъ, которому случится проѣхать хоть нѣсколько миль по пустынѣ, можетъ увидѣть газель, а кто заранѣе знаетъ образъ ея жизни, тотъ навѣрное найдетъ ее во всѣхъ частяхъ ея отечества. Какъ дневное животное, она показывается на глаза въ самое благопріятное время. Только въ самые жар-





кіе часы дня, отъ полудня приблизительно до 4 часовъ вечера, она охотно отдыхаетъ, жуя свою жвачку, въ тѣни какой-нибудь мимозы; однако, она постоянно находится въ движеніи. Все-таки увидѣть ее не такъ легко, какъ можно было бы это подумать; отыскать газель трудно, такъ какъ цвѣтъ ея однороденъ съ преобладающимъ цвѣтомъ почвы. Отъ нашего неопытнаго взгляда она уже ускользаетъ въ разстояніи одной восьмой мили, но соколиный глазъ африканца замѣчаетъ ее еще на разстояніи цѣлой мили, часто даже и больше. Обыкновенно можно видѣть группу газелей прямо возлѣ или подъ низкими кустами мимозъ, вершины которыхъ расширяются снизу вверхъ на подобіе зонтиковъ и этимъ доставляютъ газелямъ охраняющій ихъ навѣсъ. Стоящія на сторожѣ газели кормятся, остальные лежатъ, пережевывая жвачку или даже просто отдыхая, невдалекѣ отъ первыхъ. Глазъ замѣчаетъ только тѣхъ изъ нихъ, которыя стоятъ, лежащія же до того походятъ на камни пустыни, что даже охотникъ можетъ обмануться.

Нельзя не сказать, что въ газели мы имѣемъ передъ собой высоко одаренное животное. Она самая подвижная изъ всѣхъ антилопъ, при этомъ жива, проворна и чрезвычайно мила. Бѣгъ ея необыкновенно легокъ; кажется, будто она не касается земли. Бѣгущее стадо представляетъ по истинѣ великолѣпный видъ; даже когда опасность близко къ нимъ, онѣ какъ будто играютъ на бѣгу. Онѣ часто перепрыгиваютъ граціозными прыжками въ 1—2 метра вышиной, черезъ другихъ, повидимому, только для забавы; точно также можно видѣть, какъ она скачетъ черезъ камни и кусты, попадающіеся ей на пути, хотя обойти ихъ было-бы вовсе не трудно. Всѣ чувства у нея превосходны. Газель обладаетъ прекраснымъ чутьемъ, острымъ зрѣніемъ; слышитъ газель тоже на далекомъ разстояніи. При этомъ она умна, хитра и даже лукава, одарена отличной памятью и, чѣмъ значительнѣе становится ея опытъ, тѣмъ понятливѣе дѣлается и она сама. Въ поведеніи газели есть много располагающаго въ ея пользу. Она невинное и нѣсколько робкое созданіе, но отнюдь не такое трусливое, какъ обыкновенно думаютъ. Среди ихъ стадъ бываютъ часто ссоры и драки, особенно же между самцами. Съ остальными животными газель живетъ въ мирѣ, поэтому ее далеко нерѣдко можно видѣть въ обществѣ другихъ, близко стоящихъ къ ней антилопъ.

Нельзя также сказать, чтобы газель была пуглива, но она осторожна и тщательно избѣгаетъ всякій поражающій ее предметъ или всякое животное, кажущееся ей опаснымъ.

Различіе климатическихъ условій сѣверо-восточной Африки обуславливаетъ очень большое разнообразіе времени спариванія газелей. На сѣверѣ оно падаетъ приблизительно на августъ — октябрь, а въ экваторіальныхъ странахъ начинается въ концѣ октября и продолжается до конца декабря. На сѣверѣ самка приноситъ единственнаго дѣтеныша въ концѣ феврала или началѣ марта, на югѣ же въ промежутокъ отъ марта до мая, такъ что беременность продолжается 5—6 мѣсяцевъ. Появляясь на свѣтъ, дѣтенышъ въ первые дни представляетъ сравнительно беспомощное созданіе, такъ что ловкіе арабы и абиссинцы ловятъ много очень юныхъ газелей прямо руками.

Газели, попавшія въ молодости въ домъ, становятся черезъ нѣсколько дней ручными и легко переносятъ неволю долгое время, особенно если живутъ на родинѣ. Въ домахъ европейцевъ въ очень большихъ городахъ сѣверной и восточной Африки обыкновенно можно видѣть ручныхъ газелей, среди которыхъ бываетъ много настолько привыкшихъ къ человѣку, что на нихъ можно смотрѣть, какъ на настоящихъ домашнихъ животныхъ. Онѣ слѣдуютъ, какъ собаки, за своимъ господиномъ, входятъ въ комнаты, просятъ у стола, чтобы имъ дали чего-нибудь, предпринимаютъ набѣги на сосѣднія поля или въ пустыню, а вечеромъ охотно и радостно возвращаются домой сами, или услышавъ голосъ своего любимаго хозяина. Даже въ Германіи можно держать цѣлые годы газель, если только ухаживать за ней, какъ слѣдуетъ. Понятно, этихъ крайне чувствительныхъ дѣтей юга нужно заботливо беречь отъ всякаго вліянія суровой погоды; поэтому для ихъ благоденствія необходимы зимой теплая конюшня, а лѣтомъ боль-

шой паркъ для гулянья. Стадо газелей придаетъ всякому парку такую красоту, которую трудно превзойти.

Вездѣ, гдѣ хорошо обращаются съ плѣнными газелями, онѣ успѣшно размножаются, понятно, на югѣ легче, чѣмъ на нашемъ суровомъ сѣверѣ.

Газель у себя на родинѣ составляетъ предметъ самой ревностной, даже самой страстной охоты; ее стрѣляютъ, охотятся на нее съ соколами или травятъ до смерти борзыми собаками. Травля газелей требуетъ большого числа людей, лошадей, соколовъ и собакъ, но зато тѣмъ она занятнѣе; поэтому ею занимаются только вельможи государства. Тихо и медленно, по возможности противъ вѣтра приближаются къ стаду газелей, при чемъ пользуются всякой попадающейся неровностью почвы. На соотвѣтственномъ разстояніи снимаютъ съ испытаннаго сокола клобучекъ и, какъ скоро онъ замѣтитъ газель, спускаютъ его. Соколъ высоко взлетаетъ на воздухъ и съ быстротой стрѣлы устремляется на газель, бросается на нее сверху и старается впиться когтями около глазъ ея. Испуганное животное пытается освободиться отъ хищника, трясетъ головой и кувыркается, при чемъ иногда соколу приходится выпустить голову своей жертвы, съ тѣмъ, однако, чтобы сейчасъ же снова въ нее вцѣпиться. Хотя собаки еще и не видѣли до этого момента газелей, но онѣ по опыту знаютъ, что охота только начинается спусканіемъ сокола; онѣ разгорячаются, рвутся на привязяхъ, такъ что ихъ больше уже не сдержать. Спущенныя со своры, онѣ тотчасъ слѣдуютъ за соколомъ, съ котораго не спускали глазъ, а за ними полнымъ ходомъ мчатся охотники. Если соколъ хорошъ, то онъ удержитъ всякую, не слишкомъ крупную антилопу, до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ собаки и не разорвутъ ее.

Ружейная охота даетъ гораздо больше удовольствія. Когда мы, — мой спутникъ, фонъ Аркель и я, замѣчали стоящее стадо газелей, мы спокойно ѣхали своей дорогой, чуть сворачивая съ нея, и подѣзжали къ газелямъ такъ близко, какъ это казалось намъ удобнымъ. Тогда одинъ изъ насъ спрыгивалъ за кустомъ съ мула, передавалъ его сопровождавшему насъ слугѣ и крался, часто ползкомъ, къ дичи, тщательно наблюдая направленіе вѣтра; другой продолжалъ свой путь. Обыкновенно вожакъ-газель встрѣтившагося стада смотрѣлъ съ любопытствомъ вслѣдъ уѣзжающему и при этомъ забывалъ зорко наблюдать за окружающимъ. Охотникъ же какъ можно лучше пользовался своимъ временемъ и въ большинствѣ случаевъ ему удавалось сдѣлать изъ за очень густого куста счастливый выстрѣлъ, обыкновенно не дальше, какъ въ 90—150 шагахъ. Уцѣлѣвшія газели съ невозможной быстротой убѣгали отъ выстрѣла, чаще всего на ближайшій холмъ, гдѣ онѣ успѣшно взбирались на самую вершину. Но тамъ онѣ останавливались, будто желая убѣдиться въ случившемся; намъ не разъ удавалось при этомъ подкрасться даже къ этимъ животнымъ, какъ бы стоящимъ на стражѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинали оживляться мало-по-малу самые высокіе холмы, на которые отовсюду стремились испуганныя нашими выстрѣлами газели; онѣ осматривали мѣстность со своихъ сторожевыхъ постовъ. Я могу сказать, что большая часть безлѣсныхъ горъ становилась при этомъ удивительно красива. Прекрасныя формы обрисовывались на темно-синемъ небѣ съ такой отчетливостью, что даже на далекомъ разстояніи можно было ясно отличить каждый членъ. Часто случалось также, что испуганныя газели уходили на одинъ изъ безчисленныхъ низкихъ холмовъ и останавливались тамъ, потерявъ изъ глазъ охотника. Въ началѣ подобное удивительное поведеніе нѣсколько разъ какъ бы дразнило меня. Я вскарабкивался осторожно на вершины холма и искалъ свою дичь вдали, тогда какъ она стояла прямо подо мной. Скатившійся камень или какой-нибудь шорохъ, произведенный мной, вспугивали газелей, и онѣ мчались тогда въ безумномъ бѣгствѣ. Но никогда я не видѣлъ, чтобы газели, убѣгая отъ человѣка, развивали свою высшую скорость; ее онѣ проявляютъ только тогда, когда за ними по пятамъ гонится собака. Я не въ состояніи описать зрѣлища, которое представляютъ оба эти животныя: могу только сказать, что стремящаяся такъ газель не бѣжитъ, а какъ будто летитъ; но и это еще не передаетъ ея быстроты!

Взрослыхъ газелей преслѣдуетъ, кромѣ человѣка, мало враговъ; всѣхъ больше —

леопарды, гіены, шакалы и другія дикія собаки, а быть можетъ также тотъ или иной видъ орловъ.

*

Очень большое сходство съ газелями имѣютъ прыгуны (*Antidorcas*); отличаются они отъ газелей, равно какъ и отъ всѣхъ другихъ родичей однимъ признакомъ, присущимъ лишь имъ однимъ, а именно: вдоль спины, начиная приблизительно съ середины ея, проходитъ складка, образованная удвоеніемъ верхней кожи и покрытая очень длинными волосами. При спокойной ходьбѣ животнаго она остается сомкнутой, но при болѣе сильномъ движеніи, особенно же во время прыжковъ, эта складка раскрывается. Рога, существующіе у обоихъ половъ, круто поднимаются надъ лбомъ и лирообразно изгибаются. Тѣлосложеніе ихъ столь же сильно, какъ изящно, голова не очень велика, шея стройная, хвостъ средней длины, ноги довольно высоки, уши длинны и заострены, глаза очень велики, блестящи и опушены длинными рѣсницами, слезныя ямки малы и незамѣтны.

Единственный представитель этого подрода прыгунъ (*Antilope euchore*), дивная антилопа въ 1,5 метра длины, изъ которыхъ на хвостъ приходится до 20 сантиметровъ, и 85 сантиметровъ высота въ плечахъ. Цвѣтъ его живой желто-коричневый; одна полоса, проходящая отъ корня роговъ, между глазъ, идетъ къ носу, и другая болѣе широкая, простирающаяся по боку между переднимъ плечомъ и переднимъ бедромъ, буроорѣховаго цвѣта, остальные части бѣлаго. Черные рога у самца идутъ вверхъ иногда на 28—30 см.; вся длина ихъ, считая съ кривизной, достигаетъ 30—40 см.; на нихъ всегда бываетъ до 20 кольчатыхъ утолщеній, на концѣ же однако они гладки.

Область распространенія прыгуна ограничивается южной Африкой. Въ настоящее время онъ еще водится въ Капландѣ, а именно въ сѣверо-западной его части, но главнымъ образомъ обитаетъ въ безконечно тянущихся пустынныхъ степяхъ и пустынныхъ равнинахъ между Оранжевой рѣкой и областью озера Нгами. Главная масса прыгуновъ населяетъ степь Калагари и нѣмецкую юго-западную Африку. Здѣсь они собираются то по 2—5, то стадами штукъ въ 30—50, а иногда даже въ 100—200 штукъ; они мѣняютъ мѣсто своего пребыванія, то разсыпаясь по широкимъ пространствамъ, то сбиваясь въ большія стада, смотря по тому, испытываютъ ли они безпокойство, или по состоянію атмосферныхъ осадковъ, отъ котораго зависитъ недостатокъ или изобиліе корма, а также и то — полны ли водныя вмѣстилища или изсякли. Если большія засухи посѣтятъ южно-африканскіе края, что случается черезъ различные промежутки времени, то терпящія нужду антилопы должны покинуть свое коренное мѣсто и отправляться черезъ обширную область, чтобы поселиться въ другомъ мѣстѣ. Къ уходящимъ прыгунамъ присоединяется косякъ за косякомъ, стадо за стадомъ: къ тысячамъ прибываютъ все новыя тысячи, и они образуютъ полчища, которыя въ сопровожденіи хищнаго звѣрья, пользующагося ослабѣвшими и околѣвшими, стремятся все въ одномъ направленіи впередъ, то сохраняя самую тѣсную связь между собой, то теряя ее, уничтожая повсюду скудные остатки растеній и, наконецъ, достигаютъ, подобно тучамъ саранчи, болѣе благопріятныхъ мѣстностей. Въ новѣйшія времена эти перекочевки „*Trekboeken*“, какъ ихъ зовутъ боэры, потеряли свое значеніе и стали рѣже, не потому, чтобы миновали времена нужды, а, разумѣется, потому, что число прыгуновъ значительно убывло.

Гордонъ Куммингъ, говоря о времени, бывшемъ 40 лѣтъ тому назадъ, пишетъ: „Всякій путешественникъ, видѣвшій, подобно мнѣ, въ какихъ огромныхъ массахъ появляется прыгунъ при своихъ кочевкахъ и дающій вѣрное и истинное описаніе видѣннаго, долженъ бояться, что ему не повѣрятъ: до того удивителенъ видъ этихъ перекочевывающихъ полчищъ. Ихъ вѣрно и прекрасно сравнивали съ опустошительными тучами саранчи, хорошо извѣстной всякому путешественнику по этой странѣ чудесъ: подобно ей они въ нѣсколько часовъ пожираютъ всю зелень на своемъ пути и въ одну ночь уничтожаютъ плоды многолѣтняго труда земледѣльца.

„28 декабря я впервые имѣлъ удовольствіе увидѣть походы прыгуновъ. Я думаю, что это было самое величественное, самое колоссальное зрѣлище, какое я когда либо видѣлъ среди дикихъ животныхъ. Приблизительно за два часа до разсвѣта я лежалъ проснувшись въ моей повозкѣ и вслушивался въ блеянье прыгуновъ, которое я замѣтилъ приблизительно въ 200 шагахъ разстоянія. Я думалъ, что это ѣсть траву около моего лагеря какое-нибудь большое стадо прыгуновъ. Когда же разсвѣло и я всталъ, то увидѣлъ, что буквально вся равнина была сплошь покрыта огромнымъ множествомъ этихъ животныхъ. Они медленно бродили то туда, то сюда. Изъ промежутка между длиннымъ рядомъ холмовъ, обращенныхъ на



Прыгунъ (*Antilope euchore*). $\frac{1}{14}$ естеств. веллч.

западъ, по которому они стремились подобно водѣ большой рѣки, они тянулись до большой возвышенности, приблизительно на цѣлую милю къ сѣверо-востоку, за которой они исчезали. Я стоялъ два часа на передкѣ моей повозки, потерявшись отъ изумленія передъ такимъ дивнымъ видомъ. Но какъ ни огромно и изумительно было видѣнное мною утромъ стадо прыгуновъ, однако то стадо, которое мнѣ пришлось видѣть вечеромъ, еще далеко превосходило его. Когда мы перевалили черезъ цѣпь низкихъ холмовъ, черезъ которые шелъ путь стремительной волны прыгуновъ, то я увидѣлъ, что вся равнина и даже склоны холмовъ, которые стягивались кругомъ нея, были покрыты не отдѣльными стадами, а сплошной массой прыгуновъ. Куда хваталъ глазъ — повсюду мѣстность кишѣла ими, пока они не смѣшивались въ неясномъ водоворотѣ живыхъ существъ.“ Ле-Валльянъ тоже говоритъ о стадахъ въ 10—50 тысячъ головъ, преслѣдуемыхъ львами, леопардами и гіенами, а К. Кретчмеръ рассказывалъ о массахъ, въ которыхъ, на его взглядъ, было до милліона штукъ.

Иногда приходится удивляться тѣсной сомкнутости такого идущаго стада. Гаррисъ рассказываетъ, что однажды стадо овецъ, встрѣтившись случайно съ

перекочевывавшими прыгунами, было принуждено идти вмѣстѣ съ ними; порой даже мощный левъ, ревностно преслѣдующій этихъ антилопъ, положительно попадаетъ въ плѣнъ къ этому стаду и увлекается имъ за собой.

Прыгунъ получилъ свое имя отъ колонистовъ совершенно правильно. На бѣгу онъ дѣлаетъ рядъ отдѣльныхъ, отвѣсныхъ прыжковъ; когда онъ, согнувъ ноги, высоко подпрыгиваетъ и въ то же время бѣлые какъ снѣгъ длинные волосы у него на спинѣ развѣваются, онъ пріобрѣтаетъ, дѣйствительно, волшебный видъ, которымъ эта антилопа и отличается отъ всякой другой. Прыгаютъ они иногда на 2 метра въ вышину и на 4—5 метровъ въ ширину, при чемъ, повидимому, это не стоитъ имъ ни малѣйшаго напряженія. Передъ прыжкомъ они наклоняютъ голову къ переднимъ конечностямъ, затѣмъ дѣйствуютъ сразу всѣми четырьмя ногами, поднимаются, сильно выгнувъ спину, до указанной высоты и въ моментъ прыжка распускаютъ на подобіе вѣера свою кожную складку. Одинъ моментъ они кажутся будто висящими на воздухѣ, затѣмъ сразу опускаются на землю на всѣ четыре ноги и опять поднимаются въ вышину, какъ бы желая улетѣть туда.

Воспитываемые смолоду прыгуны очень скоро становятся ручными. Тѣ, которыхъ я видѣлъ и которые были на моемъ попеченіи, были пугливы и осторожны по отношенію къ чужимъ, но проявляли себя рѣзвыми, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ знакомыми. Нѣкоторые не всегда держались вмѣстѣ на одномъ и томъ же пространствѣ; особенно самцы проявляли себя задорными существами; они мучили даже самокъ или по меньшей мѣрѣ приставали къ нимъ. Несмотря на эту неуживчивость, самцы-прыгуны, живущіе въ неволѣ, являются красивыми созданіями. Мягкая шерсть ихъ великолѣпнаго цвѣта, граціозная фигура и изящество движеній приковываютъ къ себѣ вниманіе всякаго даже и тогда, когда животныя находятся въ узкомъ огороженномъ пространствѣ. Къ сожалѣнію, не многимъ изъ нихъ удается выжить у насъ.

*

Слѣдующею за газелями можно признать кааму (*Bubalis*), такъ какъ она является нѣкоторымъ переходнымъ членомъ отъ первыхъ къ болѣе неуклюжимъ формамъ этого подсемейства. Эта группа обнимаетъ собой большихъ, сильныхъ, почти неуклюже сложенныхъ антилопъ съ высокимъ загривкомъ и покатою спиной, нестройной, вытянутой головой съ широкой мордой, короткой шеей, сильными конечностями и стоящими на краяхъ лба рогами; послѣдніе имѣютъ двойной изгибъ и существуютъ у обоихъ половъ.

Южно-африканская „Hartebeest“ бозровъ, каама бечуановъ (*Bubalis саама*) отличается отъ своихъ родичей удлиненой головой и очень сильными согнутыми подъ острымъ угломъ рогами, сравнительно небольшими ушами и цвѣтомъ. Очень толстые при корнѣ, короткіе рога, имѣющіе 16 узловъ, поднимаются вверхъ, въ началѣ стоятъ почти другъ возлѣ друга, затѣмъ идутъ нѣсколько впередъ, удерживая параллельное направленіе, и, наконецъ, загибаются въ послѣдней трети опять кнаружи и почти подъ прямымъ угломъ назадъ. Преобладающій цвѣтъ у этой антилопы тоже прекрасный свѣтло-коричневый.

Въ прошлыя времена каама была оттѣснена изъ сѣвернаго Капланда, гдѣ она водилась въ большомъ количествѣ, за Оранжевую рѣку, благодаря неустанному преслѣдованію. Только на сѣверной границѣ поселеній или въ областяхъ, куда заходятъ охотники, она встрѣчается въ большемъ числѣ, и въ центрѣ восточной половины Африки въ соотвѣтственныхъ мѣстностяхъ она принадлежитъ къ самымъ частымъ антилопамъ. Швейнфуртъ считаетъ ее самой обыкновенной обитательницей страны Бонго и Ньямъ-Ньямъ. „Чаще всего“, говоритъ онъ, „случается наталкиваться на группы въ 5—10 штукъ на границѣ ненаселенныхъ лѣсовъ; въ обрабатываемыхъ же мѣстностяхъ это животное предпочитаетъ рѣдкія кустарниковыя заросли по сосѣдству съ рѣчными низинами, въ самыя же низины оно не заходитъ. Каама имѣетъ привычку отдыхать въ полуденную пору у подножія деревьевъ или расположенныхъ около нихъ ярко освѣщенныхъ солнцемъ муравьиныхъ кучъ; при этомъ она подолгу остается незамѣченной внимательнымъ наблю-

дателемъ, благодаря неподвижности и спокойствію и вслѣдствіе хорошаго выбора совершенно одноцвѣтной съ нею почвы.“ Несмотря на нестройную фигуру и безобразную и некрасивую голову, отъ которой каама получаетъ столь же странный, какъ и неуклюжій видъ, когда она быстро шагаетъ, она производитъ на зрителя величественное впечатлѣніе; особенно оно хорошо, когда каама пускается галопомъ. Она любитъ движеніе, какъ ни одна другая антилопа, и часто забавляется удивительными прыжками и поворотами, а нерѣдко даже своеобразными играми.



Каама (*Bubalis caama*). $\frac{1}{16}$ естеств. велич.

Попавшія съ молоду подъ надзоръ человѣка каамы дѣлаются необыкновенно ручными, слѣдуютъ по пятамъ за своимъ попечителемъ, берутъ у него изъ рукъ хлѣбъ и другія лакомства и выражаютъ свою привязанность къ нему разными способами. Къ сожалѣнію, такія прекрасныя отношенія никогда не сохраняются въ теченіе долгаго времени; какъ скоро каамы почувствуютъ свою силу, то начинаютъ проявлять, въ особенности самцы, свойственную ихъ породѣ драчливость и обыкновенно становятся самыми злѣйшими врагами тѣхъ самыхъ лицъ, къ которымъ раньше чувствовали привязанность. Мясо ихъ вездѣ цѣнится очень высоко, такъ какъ его считаютъ наиболѣе вкуснымъ изъ всѣхъ сортовъ, доставляемыхъ семействомъ антилопъ. Мѣхъ употребляется на одѣяла, изъ обработанной же кожи изготовляютъ ремни и сбрую, а рога, благодаря своей твердости и блеску, идутъ на разнаго рода утварь и украшенія.

*

Въ продолженіи жизни каама имѣетъ привычку къ тому, чтобы

Болотныя антилопы (*Redunca*) такъ же, какъ и каамы, походятъ на газелей. Среди нихъ есть крупныя и средніе виды съ коренастой фигурой, довольно длиннымъ хвостомъ; рога имѣеть только самецъ. Рога круглыя, съ кольчатыми утолщеніями при основаніи; концами они изогнуты впередъ. У самки четыре соска.

Наиболѣе извѣстенъ изъ принадлежащихъ къ этой вѣтви антилопъ болотный козель (*Redunca eleotragus*). Это красивое животное имѣеть 1,4—1,5 метра длины вмѣстѣ съ хвостомъ, высота же въ загривкѣ 95 сантиметровъ, а въ крестцѣ 80 см. Въ общемъ болотный козель походитъ на нашу косулю, только сложенъ стройнѣе.

Болотный козель водится въ Южной Африкѣ, а также въ восточной части средней Африки; здѣсь онъ встрѣчается впервые по ту сторону большихъ болотъ области верхняго Нила и живетъ парами въ кустарниковыхъ заросляхъ вблизи водныхъ вмѣстилищъ и болотъ, а также въ камышахъ, тростникахъ и высокой осоки, растущихъ по берегамъ періодически разливающейся рѣки. Въ силу его замкнутой жизни, его удается видѣть гораздо рѣже, чѣмъ можно было бы ждать, судя по его многочисленности.

*

Близкими родичами болотныхъ антилопъ можно считать водяныхъ козловъ (*Kobus*) — большихъ антилопъ съ длинной шерстью, а иногда и гривой; они имѣютъ пропорціональную фигуру, длинные и острые рога, загибающіеся мягкой линіей сперва внизъ и впередъ, затѣмъ вверхъ и назадъ и имѣющіе утолщенія; рога свойственны только самцу. Морда ихъ развита пропорціонально; у нихъ есть копытныя железы; хвостъ украшенъ длинной метелкой.

Водяной козель (*Kobus ellipsiprymnus*) великолѣпное животное, ростомъ почти съ оленя; вся его длина равна 2 метрамъ, изъ нихъ хвостъ занимаетъ 50 сантиметровъ; вышина крестца 1,3 метра; цвѣтъ его шкуры, главнымъ образомъ, сѣрый. На головѣ, туловищѣ, хвостѣ и бедрахъ этотъ цвѣтъ отливаешь желто-бурымъ или красно-бурымъ. Длина роговъ, считая и кривизну, достигаетъ 80 см.; они имѣютъ почти до самыхъ концовъ большей частью сильныя кольчатые утолщенія съ острыми краями.

А. Смитъ находилъ водяныхъ козловъ въ Южной Африкѣ небольшими стадами, штукъ по 8—10; они держались по берегамъ рѣкъ; по указаніямъ фонъ Хейглина и за нимъ Швейнфурта ихъ надо считать жителями сѣверо-восточной части внутренней Африки, а Пехуель-Лёше очень часто находилъ ихъ мѣстами въ западномъ Конго. Несмотря на свою почти неуклюжую фигуру, водяной козель все же производитъ на зрителя хорошее впечатлѣніе. Глаза его живы, полны выраженія; въ нихъ отражается самостоятельность характера, почти дикость; движенія сравнительно граціозны. По наблюденіямъ фонъ Хейглина его нельзя назвать собственно жителемъ болотъ; любитъ онъ мѣста, заросшія осокой, выше человѣческаго роста. Подобно лошадинымъ антилопамъ онъ имѣеть привычку взбираться на кучи термитовъ и взирать оттуда въ величественной позѣ на свое влажное царство. Если вожакъ почуветь дѣйствительную опасность, то онъ, какъ вихрь, бросается прочь, и все стадо мчится за нимъ. Бѣгство ихъ устремляется обыкновенно къ водѣ, и здѣсь все перепуганное стадо неуклюже бросается въ волны.

Мясо ихъ несъѣдобно, потому что оно вязко, жилисто и имѣеть сильный непріятный запахъ; по этой послѣдней причинѣ оно противно даже голодному каффру.

*

Извѣстныя и знаменитыя уже съ древнихъ временъ антилопы — это сернобыки (*Oryx*); по меньшей мѣрѣ, одинъ видъ ихъ изображался очень часто на египетскихъ и нубійскихъ памятникахъ. Здѣсь можно видѣть орикса въ самыхъ разно-

образныхъ положеніяхъ, обыкновенно съ веревкой на шеѣ — знакомъ того, что за нимъ охотились и поймали его. Во внутреннихъ комнатахъ большой Хеопсовой пирамиды изображенъ тотъ же самый звѣрь, хотя всего съ однимъ рогомъ; нѣкоторые естествоиспытатели хотѣли обосновать на этомъ свое мнѣніе, будто ориксъ послужилъ поводомъ къ сказанію объ единорогѣ; на самомъ же дѣлѣ библейскій „ремъ“ или единорогъ можетъ обозначать рѣшительно только одного носорога.

Первообразомъ этой породы считаютъ пассана, сернобыка голландцевъ: бушмены называютъ его кукама (*Oryx capensis*), гордое животное, длина



Водяной козель (*Kobus ellipsiprymnus*). $\frac{1}{18}$ естеств. велич.

туловища котораго достигаетъ 2,4 метровъ, длина хвоста 40 сантиметровъ и вышина плеча 1,2 метра. Шея, затылокъ, спина и бока его желтовато-бѣлаго, а голова, уши, верхняя часть бедеръ заднихъ конечностей, грудь, животъ и ноги, начиная отъ голеностопнаго сустава — ослѣпительно бѣлаго цвѣта. Одна полоса на лбу, широкое пятно на передней части носа, затѣмъ еще полоса, идущая отъ роговъ по глазамъ къ нижней челюсти и другая, тянущаяся вдоль послѣдней, а равно и наружный край уха чернаго цвѣта; отъ этого кажется, будто на головѣ надѣтъ недоуздокъ. Такого же чернаго цвѣта пятно, начинающееся на спинѣ, ноги ниже бедра, полоса на передней сторонѣ голени, другая полоса, проходящая отъ середины груди впередъ и вверхъ и доходящая до паховой области, и, наконецъ, густой хвостъ. Великолѣпные черные рога, существующіе у обоихъ половъ, только слегка выгнуты кнаружи; большей своей частью они совершенно прямы; въ нижней половинѣ есть кольчатая утолщенія, въ верхней же они гладки и оканчиваются острыми концами.

Пассанъ, поскольку извѣстно, въ настоящее время водится только въ южной Африкѣ; на сѣверо-востокѣ представителемъ этого рода является другой, очень близкій къ нему видъ.

Этотъ видъ, бейза (*Oryx beisa*), по всѣмъ вѣроятіямъ настоящій ориксъ древнихъ, не уступаетъ по величинѣ пассану; у него такіе же рога, свойственные обоимъ поламъ, они такъ же прямы, въ метръ длиной; цвѣтомъ и рисункомъ онъ



Бейза (*Oryx beisa*). $\frac{1}{16}$ естеств. велич.

также очень походить на пассана. Бейза водится въ сѣверо-восточной Африкѣ приблизительно до 20° сѣверной широты.

Третій родъ этой вѣтви, обыкновенно называемый у насъ сабельной антилопой, а арабами дикой или степной коровой (*Oryx leucorhynchus*), нѣсколько чуждѣе своихъ родичей, несетъ такіе же длинные и кольчатые рога; они только загнута болѣе мягкой линіей, направляясь кнаружи и назадъ и загнута концами внизъ. Короткій, гладко прилегающій волосяной покровъ окрашенъ довольно равномерно. Основной фонъ составляетъ болѣе или менѣе чистый изжелто-бѣлый цвѣтъ; на нижней и внутренней сторонѣ ногъ онъ становится свѣтлѣе, на шеѣ, напротивъ, смѣняется рыже-бурымъ; на головѣ имѣется шесть матовыхъ бурыхъ пл-

тень. Наибольшая длина старыхъ самцовъ достигаетъ 2-хъ метровъ, при высотѣ плечъ въ 1,3 метра.

Область распространенія сабельной антилопы тянется по сѣверо-восточной части внутренней Африки; она часто встрѣчается въ Сеннарѣ и Кардофанѣ, становится рѣже въ Среднемъ и Западномъ Суданѣ, но также попадаетъ и къ сѣверу оттуда въ отдѣльныхъ пустынныхъ долинахъ Нубіи. Что касается образа жизни всѣхъ породъ ориксовъ, то въ главныхъ чертахъ онъ сходенъ; однако до нашего времени все еще нѣтъ достаточно точныхъ наблюденій надъ свободной жизнью ихъ, и естественная исторія этихъ знаменитыхъ еще въ древности антилопъ все еще неполна и скудна.

Обыкновенно сернобыки встрѣчаются парами или очень небольшими группами; часто даже попадаетъ только матка съ дѣтенышемъ. Шагъ ихъ легокъ, рысь тряская, галопъ очень тяжелъ, но они могутъ бѣжать имъ долго и равномерно скоро; однако, охотникъ, ѣдущій верхомъ, можетъ, по крайней мѣрѣ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, совершенно загнать пассана, не дѣлая ни одного выстрѣла, такъ что преслѣдуемое имъ животное само останавливается отъ изнеможенія. Съ другими антилопами уживается лучше всего южноафриканскій пассанъ, такъ какъ можно часто видѣть, какъ онъ въ полнѣйшемъ согласіи пасется съ оленебыкомъ. Сернобыкъ-самецъ, какъ я самъ наблюдалъ, можетъ быть въ высшей степени несноснымъ созданіемъ, которое часто въ припадкѣ дурного расположенія духа причиняетъ другимъ животнымъ очень много зла. Будучи раздраженъ, онъ въ бѣшеной ярости направляется на обидчика и старается злобно изувѣчить его. Лихтенштейнъ рассказываетъ, что одинъ изъ его спутниковъ нашелъ въ большой пустынѣ Карро два рядомъ лежащіе скелета — леопарда и орикса. Сернобыкъ убилъ своего опаснаго врага ударомъ роговъ, но и самъ погибъ отъ ранъ, полученныхъ передъ этимъ. Гаррисъ не считаетъ невозможнымъ, чтобы подобная судьба могла иной разъ постичь самого льва.

Охотиться на всѣхъ сернобыковъ лучше всего на лошадяхъ. Гордонъ Куммингъ живо описываетъ подобную охоту и прибавляетъ, что ему пришлось однажды цѣлый день гнаться за раненымъ уже пассаномъ, пока, наконецъ, животное не потеряло способность бѣжать дальше. Ни одна антилопа не представляетъ такого великолѣпнаго зрѣлища, какъ бѣгущій ориксъ.

Степные кочевники ловятъ того или иного изъ водящихся у нихъ сернобыковъ и привозятъ ихъ въ города съ цѣлью продать управителю края или европейцамъ. Такимъ путемъ я приобрѣлъ во время моего пребыванія въ Африкѣ нѣсколько штукъ ихъ. Я не могу похвалить моихъ плѣнниковъ. Они лѣнны, скучны и несосны. Неволю они легко переносятъ, а также пріучаются узнавать своего попечителя и привыкаютъ къ нему; но онъ никогда не можетъ довѣриться имъ, такъ какъ они иногда, какъ бы въ шутку, пускаютъ въ ходъ свои рога, что очень опасно. Ихъ нельзя держать вмѣстѣ съ другими животными, потому что они въ скоромъ времени пріобрѣтаютъ среди нихъ господство и ужаснымъ образомъ обижаютъ своихъ товарищей. Иногда они затѣваютъ и между собой драки и при этомъ сильно бодаются. При всемъ томъ сернобыки вздорны; разогнать ихъ стоитъ величайшаго труда.

Въ новѣйшія времена „степная корова“ не разъ попадала въ Европу; въ зоологическихъ садѣхъ она жила очень недурно и размножалась безъ особенныхъ трудностей. Рѣже можно видѣть у насъ бейзу, а еще рѣже пассана.

Мясо и шкуру ориксовъ употребляютъ обыкновеннымъ образомъ. Прямые рога пассана и бейзы часто примѣняются, какъ наконечники для копій. Капскіе европейцы отдаютъ эти рога также для полировки, отдѣлываютъ ихъ серебряными кнопками и затѣмъ употребляютъ, какъ трость для прогулокъ.

*

Антилопы-мендесъ (Addax) ближе всего примыкаютъ къ ориксамъ, такъ какъ единственный отличительный признакъ ихъ составляютъ легкіе, винтообразно или лировидно загнутые рога, одинаково развитые у обоихъ половъ; они кольчаты

по длинѣ, стройны и длинны. На египетскихъ памятникахъ находятся разнообразныя изображенія этихъ мендесъ-антилопъ. Рога, украшающіе головы боговъ, жрецовъ и царей древняго Египта, представляютъ конію роговъ этой антилопы. Изъ Египта слава объ этомъ животномъ распространилась далеко. Уже греки и римляне хорошо знали его.

Мендесъ-антилопа (*Addax nasomaculatus*) сложена довольно неуклюже. Шерсть ея густа и за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ на головѣ коротка и груба. При основаніи роговъ торчитъ хохолъ, свѣшивающійся на лобъ; отъ ушей до затылка тянется полоса болѣе длинныхъ волосъ; переднюю часть шеи украшаетъ длинная грива. Въ холодное время года желтовато-бѣлый цвѣтъ переходитъ постепенно въ сѣрый. Молодые животныя чисто бѣлаго цвѣта. Длина тѣла доходить до 2 метровъ, высота плечъ приблизительно 1 метръ.

Область распространенія мендесъ-антилопы включаетъ внутреннюю часть сѣверной Африки къ югу отъ 20° сѣверной широты, отъ страны Нила до области Чадъ. Онѣ живутъ даже въ самыхъ сухихъ мѣстахъ, гдѣ, по увѣренію кочевниковъ, не найдешь ни вдоль, ни поперекъ ни капельки воды; если вѣрить этимъ людямъ, то эти животныя способны не пить по цѣлымъ мѣсяцамъ. Мендесъ-антилопа робка и пуглива подобно всѣмъ прочимъ антилопамъ, проворна и вынослива на бѣгу, но тѣмъ не менѣе часто подвергается преслѣдованію. Властители кочевниковъ и бедуиновъ видятъ въ ней одного изъ самыхъ благородныхъ животныхъ для охоты, и охотятся на нее частью ради мяса, частью для того, чтобы испробовать быстроту своихъ лошадей и борзыхъ собакъ, частью, наконецъ, для того, чтобы поймать ее дѣтенышей, которыхъ они потомъ воспитываютъ.

Мендесъ-антилопы не разъ достигали живыми Европы, гдѣ онѣ содержались и наблюдались въ различныхъ зоологическихъ садахъ. Своимъ поведеніемъ онѣ доказываютъ близкое родство съ ориксами, потому что онѣ такъ же капризны и невыносимы, какъ и послѣдніе. Однако, пзвѣстны и исключительные случаи. При простомъ кормѣ эти антилопы хорошо и долго выживаютъ въ неволѣ, а также и размножаются тутъ безъ особыхъ трудностей.

*

Винторогими антилопами (*Strepsiceros*) называются нѣкоторыя большія антилопы съ винтообразно закрученными, сплюснутыми рогами съ острыми ребрами; рога эти бываютъ только у самцовъ; мѣхъ ихъ имѣетъ полосатый рисунокъ или окрашенъ въ свѣтлые цвѣта.

Представителемъ этой группы можно считать великолѣпнаго куду (*Strepsiceros kudu*, рис. на стр. 692) антилопу, превосходящую величиной нашего благороднаго оленя. Длина старыхъ самцовъ отъ носа до конца хвоста въ 50 см. равняется 3-мъ метрамъ, при 1,7 м. вышины въ загривкѣ и достигаютъ вѣса въ 300 килогр. и больше. Самка значительно меньше. Тѣлосложеніемъ куду во многомъ напоминаетъ оленя. Основной фонъ его трудно передать: это красноватый сѣро-бурый цвѣтъ; на задней части брюха и внутренней сторонѣ ногъ онъ переходитъ въ бѣловато-сѣрый. На немъ рѣзко выдаются бѣлыя полосы, по большей части въ числѣ 7 или 9, изъ которыхъ инныя раздваиваются. Онѣ идутъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга, со спины внизъ по бокамъ. Между обоими глазами лежитъ полумѣсяцъ такого же цвѣта, обращенный къ концу морды. Рога составляютъ главное украшеніе самца и принадлежатъ къ числу наиболѣе великолѣпныхъ, какихъ нѣтъ ни у одной антилопы. Высота ихъ, не считая кривизны, достигаетъ отъ 90 до 100 и даже можетъ быть до 105 сантим., а разстояніе между ихъ концами отъ 70 до 80 см. Прямо непонятно, какъ можетъ животное такъ легко и гордо носить столь тяжелые рога.

Знакомство наше съ куду не заходитъ дальше послѣдней половины прошлаго столѣтія. Хотя уже древніе дали довольно вѣрное описаніе „стрепсицероса“, однако они знали его только по слухамъ и рассказамъ, да и наши предшественники не могли ничего сказать о носителѣ удивлявшихъ ихъ винтообразныхъ роговъ, кото-

рые нерѣдко присылались въ Европу. Только въ концѣ прошлаго столѣтія попалъ одинъ живой куду въ Голландію, и вмѣстѣ съ этимъ началась исторія этого вели-



Куду (*Strepsiceros kudu*). $\frac{1}{14}$ естеств. велич.

колѣпнаго животнаго; но еще до сихъ поръ не доставлено совершенно полнаго описанія образа его жизни.

Куду, извѣстный въ Абиссиніи подъ названіемъ агазенъ или тедалъ, широко распространенъ по всей Африкѣ; онъ встрѣчается отъ Капланда по восточной

половинѣ этой части свѣта до приливскихъ странъ. Въ средней части западной половины Африки, а также въ области Конго его, повидимому, вовсе нѣтъ. Быть можетъ, куду живетъ преимущественно въ скалистыхъ и гористыхъ мѣстностяхъ, но встрѣчается также, по крайней мѣрѣ, въ южной Африкѣ, и на ровныхъ поляхъ; онъ любитъ степи, на которыхъ есть кустарники и деревья, водится также въ мѣстностяхъ, густо заросшихъ терновникомъ, похожихъ на джунгли, однако его нельзя считать лѣснымъ животнымъ въ нашемъ смыслѣ этого слова. Въ странѣ Богосъ мы находили его впервые на высотѣ 600 метровъ надъ уровнемъ моря и до 2000 метровъ, всегда на скатахъ горъ, гдѣ онъ величественно шагаль среди зелени мимозъ. Сильные самцы живутъ въ одиночку; прочія животныя, напротивъ, охотно соединяются небольшими группами штуки по 4—6.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ встрѣчается гордый, красиво разрисованный куду, онъ подвергается самому ревностному преслѣдованію. Мясо его, какъ я убѣдился самъ, весьма хорошо и вкусомъ напоминаетъ нашу оленину. Костный мозгъ считается нѣкоторыми южноафриканскими народностями несравненнымъ лакомствомъ. Въ особенности каффы, которымъ удалось убить куду, прежде всего спѣшатъ ободрать съ костей мясо, разбить ихъ и затѣмъ высасываютъ сырьемъ, какъ есть, мозгъ изъ ихъ полостей. Шкура высоко цѣнится на югѣ и прямо незамѣнима тамъ для нѣкоторыхъ цѣлей. Въ Абиссиніи шкуру выдѣлываютъ, а изъ оболочекъ роговъ, освобожденныхъ съ помощью гніенія отъ ихъ костнаго содержимаго, изготовляютъ полые рога для сохраненія пчелинаго меда, соли, кофе и т. п.

Охота на куду производится очень различными способами. Филиппини предпочиталъ всѣмъ родамъ охоты ружейную охоту пѣшкомъ. Онъ зналъ любимыя мѣста этой дичи и старался осторожно подкрасться къ этимъ высокимъ, виднымъ издали фигурамъ. Больше всего онъ любилъ охотиться въ послѣобѣденное время, потому что въ эту пору агазенъ спускается на водопой въ долины. Засада на этихъ тропинкахъ имѣетъ благопріятный результатъ, потому что куду очень точно и постоянно придерживается одной, избранной имъ тропы.

*

Группа оленебыковъ (*Buselaphus*) представляетъ до извѣстной степени промежуточное звено между антилопами и быками. Туловище причисляемыхъ сюда родовъ неуклюже, тяжеловѣсно, шея коротка и плотна, голова велика, хвостъ походитъ на коровій, кожа на передней части удлинняется въ видѣ далеко отвислаго подгрудка, рога, свойственные обоимъ поламъ, загнуты назадъ по лицевой линіи; они бываютъ или довольно прямы или слегка искривлены, имѣютъ грани и, благодаря винтообразно проходящему ребру, имѣютъ много поворотовъ.

Оленебыкъ (*Buselaphus oreas*) имѣетъ въ длину почти 4 метра, изъ нихъ 70 см. приходится на хвостъ; вышина его въ загривкѣ 1,5—1,9 метр., а вѣсъ 500, а по Гаррису даже 1000 кгр. Цвѣтъ ихъ мѣняется соотвѣтственно возрасту, а также, смотря по мѣстности, въ которой они живутъ. Цвѣтъ взрослыхъ самцовъ на верхней сторонѣ желто-коричневый и изжелта сѣрый съ ржаво-краснымъ отливомъ, на бокахъ бѣловато-желтый, снизу и на наружныхъ сторонахъ голеней желтовато-бѣлый, на головѣ свѣтлый желто-бурый. Полосы, идущія по большей части въ поперечномъ направленіи, у однихъ выражаются рѣзче, у другихъ слабѣе; есть и такіе экземпляры, у которыхъ этихъ полосъ вовсе нѣтъ. Самые большіе рога, по измѣреніямъ Селу, достигали у самца, который сильно попортилъ ихъ, 76 см., у самки 86 см. длины.

Область распространенія оленебыка захватываетъ гораздо большую часть Африки, чѣмъ это предполагалось раньше. До изслѣдованій фонъ-Хейглина и Швейнфурта принимали, что это животное встрѣчается только на югѣ этой части свѣта; въ настоящее время мы знаемъ, что оно разошлось отсюда по всѣмъ подходящимъ мѣстностямъ южной и восточной половины Африки, даже далеко по ту сторону экватора. Въ прошломъ столѣтіи оно жило еще внутри Капланда: въ началѣ нынѣшняго столѣтія оно держалось еще довольно большими стадами въ 20—

30 штукъ на границахъ поселеній; въ настоящее время оленебыкъ оттѣсненъ далѣе вглубь Африки. Предпочитаемая имъ мѣста кормежки — травянистыя равнины, скудно поросшія мимозами; отсюда онъ спускается во время засухи въ богатые водой низменности. Случайно заходитъ онъ въ гористыя мѣстности и держится здѣсь на самыхъ крутыхъ, трудно доступныхъ мѣстахъ. Гансъ Мейеръ наблюдалъ на высотахъ Килиманджаро на 4400 метрахъ стадо ихъ, и натолкнулся на слѣды этого статнаго животнаго еще на высотѣ 4700 метровъ. Стадо ихъ, если смотрѣть на него издали, до того похоже на стадо домашнихъ коровъ, что ихъ можно смѣшать. Въ случаѣ преслѣдованія животныя идутъ не особенно стремительной, но необыкновенно быстрой рысью, если же ихъ сильно тѣснятъ, то переходятъ въ непрерывный галопъ, который они могутъ долго выдержать. Молодые быки и коровы бѣгаютъ гораздо быстрее и болѣе продолжительное время, чѣмъ старые, и часто побѣждаютъ лучшихъ лошадей; напротивъ того, старые, жирные самцы обыкновенно не выносятъ продолжительнаго бѣга.

Оленебыки стали обычнымъ явленіемъ въ европейскихъ зоологическихъ садахъ, но теперь они идутъ къ вымиранію. Всѣ относящіеся сюда экземпляры происходятъ, по сообщенію Вейнланда, отъ двухъ паръ, привезенныхъ въ Англію въ 1840 и 1851 годахъ. Прежде всего животныя перешли изъ Лондона въ сады и парки Великобританіи, а оттуда по всѣмъ европейскимъ зоологическимъ садамъ. Они проявляютъ добродушіе и глупость рогатаго скота и размножаются безъ затрудненій.

Однажды былъ выбранъ и убитъ молодой самецъ, и мясо его было подано къ королевскому столу въ Виндзорѣ, къ столу въ Тюильри въ Парижѣ, а также къ столу лордовъ и представителей общинъ; особенно удачнымъ было признано расположеніе слоевъ сала между мышечными волокнами.

Польза, приносимая успѣшной охотой за оленебыками, очень значительна. Мясо ихъ или коптятъ, или солятъ. Жиръ, котораго иногда бываетъ очень много, смѣшанный съ небольшимъ количествомъ коровьяго сала и квасцовъ, употребляется для выдѣлки хорошихъ свѣчей, а необыкновенно толстая, упругая кожа перерабатывается на превосходные ремни.

*

Въ недавнее время стало часто появляться у насъ животное, извѣстное путешественникамъ подъ названіемъ голубого быка — нильгау (*Portax pictus*), но это же самое животное въ минувшія столѣтія положительно нельзя было найти въ неволѣ даже и въ Индіи. Нильгау, одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ родовъ въ цѣломъ подсемействѣ, по своей фигурѣ и цвѣту является до нѣкоторой степени промежуточнымъ звеномъ между быкомъ и оленемъ. Прямо стоящіе рога конической формы изгибаются мягкой полулунной линіей и бываютъ длиной въ 20—25 см.; существуютъ они у обоихъ половъ, но у самки гораздо короче, чѣмъ у самца, а часто ихъ даже вовсе нѣтъ у нея. Общая окраска ихъ темно-бурая, аспидно-сѣрая съ слабымъ синеватымъ отливомъ. Передняя часть живота, переднія ноги, наружная сторона заднихъ бедеръ сѣро-чернаго цвѣта, заднія ноги чернаго, средняя и задняя часть брюха и внутренняя поверхность бедеръ бѣлыя. Двѣ поперечныхъ полосы такого же цвѣта идутъ вокругъ пятокъ, окружая кольцомъ бабки; на горлѣ находится большое пятно въ видѣ полумѣсяца. У старыхъ самокъ цвѣтъ шкуры часто бываетъ болѣе блеклый, сѣро-бурый, какъ у оленя. Полная длина взрослыхъ самцовъ доходитъ до 2,4—2,6 м., изъ которыхъ на хвостъ приходится 40—50 см., вышина плечъ 1,3—1,4 м. Родина этого животнаго — передняя Индія, отъ подошвы Гималаевъ до Майсура.

Нильгау не любитъ гористую мѣстность, но, несмотря на это, держится и тамъ, если въ ней только есть рѣдкіе лѣса и джунгли; случайно онъ заходитъ также въ открытыя мѣстности, гдѣ есть кустарниковыя поросли и не ощущается совершеннаго недостатка въ водѣ, потому что, по утвержденіямъ Штерндала, онъ пьетъ ежедневно. Обыкновенно ихъ можно видѣть косяками въ 6—20 штукъ; старые самцы тоже ходятъ и отдѣльно. О жизни ихъ на волѣ мы знаемъ только то.

что они пасутся больше утромъ и вечеромъ, чѣмъ почью, а въ самую жаркую пору дня отдыхаютъ.

Въ движеніяхъ нильгау есть много своеобразнаго, благодаря страннымъ позамъ, которыя они принимаютъ. Вообще, обыкновенный шагъ у нихъ совершенно такой же, какъ у всѣхъ прочихъ антилопъ, но если нильгау раздраженъ, онъ выгибаетъ спину, вытягиваетъ шею и медленно крадется, бросая вокругъ себя мрачные взгляды и косясь. Хвостъ при этомъ онъ поджимаетъ между задними ногами.



Нильгау (*Portax pictus*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

На полномъ бѣгу нильгау держится гордо, съ полнымъ достоинствомъ и представляетъ въ особенности тогда, когда поднимаетъ вертикально свой хвостъ, красивый видъ.

Европейскіе охотники страстно отдаются охотѣ на нильгау: къ статному животному или подкрадываются и стрѣляютъ его, или гонятся за нимъ на лошади, такъ какъ его не очень трудно загнать, если преслѣдовать съ самаго начала полнымъ карьеромъ, благодаря чему нильгау быстро запыхивается и устаетъ. Уже въ давнія времена подданные индійскихъ князей доставляли имъ удовольствіе, поднося своимъ господамъ и повелителямъ пойманныхъ живыхъ антилопъ; эту антилопу можно видѣть иногда въ паркахъ индійскихъ вельможъ. Первая пара нильгау впервые была привезена въ Англію въ 1767 году, въ концѣ же прошлаго вѣка были доставлены другіе экземпляры во Францію, Голландію и Германію. Теперь нильгау можно видѣть въ любомъ зоологическомъ саду, гдѣ онъ обыкновенно и размножается.

Прежде чѣмъ вернуться отъ Индіи къ богатой антилопами Африкѣ, упомянемъ еще объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ родовъ всего семейства, да, пожалуй, и всѣхъ жвачныхъ, — о четверорогой антилопѣ (*Tetraceros quadricornis*). Среди ручныхъ жвачныхъ встрѣчаются единичные экземпляры съ 4 и даже 8 рогами, но они не составляютъ своего особаго вида, а должны считаться удивительнымъ исключеніемъ. Ни у одного дикаго животного нѣтъ такихъ роговъ, какъ у этой антилопы. Поэтому ее слѣдуетъ совершенно обособить, по крайней мѣрѣ судя по имѣющимся въ наше время свѣдѣніямъ.

Четверорогая антилопа — маленькое, граціозное животное. Длина ея доходитъ до 70—80 см.; длина хвоста 12 см., высота въ загривкѣ 60—65 см. Первая пара роговъ, которые бываютъ только у самца, сидитъ надъ переднимъ глазнымъ угломъ и загнута нѣсколько назадъ, задняя же пара стоитъ надъ заднимъ глазнымъ угломъ, слабо искривлена впередъ и имѣетъ внизу кольчатая утолщенія, а концы гладкіе; задняя пара роговъ бываетъ въ 10—12,5 см., передняя же только въ 3—3,7 см. Это животное водится, какъ кажется, по всей передней Индіи, въ иныхъ мѣстахъ въ весьма большомъ количествѣ, а именно тамъ, гдѣ покрытые лѣсомъ или кустарникомъ холмы даютъ ему удобное мѣстопробываніе; живутъ они, однако, только въ одиночку или парами.

*

Подъ именемъ хохлатыхъ антилопъ (*Cephalolophus*) извѣстны мелкіе виды съ короткими, прямыми или слегка изогнутыми впередъ рогами, которые обыкновенно бываютъ только у самцовъ, но иногда развиваются также и у самокъ, морщиной между глазами и длиннымъ торчащимъ пучкомъ волосъ между рогами.

Дукеръ (*Cephalolophus mergens*) принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ видовъ этой группы; длина его достигаетъ 1,1 метра, изъ нихъ на хвостъ приходится около 20 см. при высотѣ плеча въ 55 см. Его прямые, шиловидные рога съ плоскими утолщеніями, числомъ отъ 4 до 6, бываютъ въ 7—10 см., въ рѣдкихъ случаяхъ — 12,5 см. длины и почти совсѣмъ исчезаютъ среди волосъ хохла. Цвѣтъ очень разнообразный, на верхней сторонѣ по большей части сѣровато-оливковый, а у самца также и темный желто-бурый, на нижней сторонѣ переходитъ въ бѣлый. Область распространенія этого животнаго занимаетъ, главнымъ образомъ, южную Африку, гдѣ оно еще и въ настоящее время обыкновенно встрѣчается во всѣхъ мѣстностяхъ, поросшихъ кустарниками.

Дукеръ одна изъ первыхъ антилопъ, съ которой встрѣчается новоприбывшій въ Капландъ, потому что она чуть ли не больше распространена въ чащѣ кустарниковъ, растущихъ по берегу моря, чѣмъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ центра страны. Подобно всѣмъ другимъ очень небольшимъ или карликовымъ антилопамъ она встрѣчается или въ одиночку, или парами. Ее никогда не приходится увидѣть внѣ кустарниковъ, въ которыхъ она скрывается.

„При приближеніи человѣка или какого-нибудь другого врага“, говоритъ Драйсонъ, „дукеръ спокойно остается въ своемъ логовищѣ; неподвижный, какъ статуя, онъ пристально смотритъ на приближающагося, пока не подумаетъ, что за нимъ наблюдаютъ; тогда онъ вдругъ выпрыгиваетъ и бросается прочь, дѣлаетъ цѣлый рядъ крутыхъ поворотовъ, продирается сквозь кустарники и проскальзываетъ между ними, прячется и, увѣрясь въ томъ, что скрылся отъ глазъ своихъ преслѣдователей, ползетъ въ высокой травѣ или между кустарниками такъ тихо, что приходитъ мысль, не исчезъ ли онъ вовсе, или не легъ ли? Но послѣдняго никогда не бываетъ, потому что онъ пробирается все дальше между листвою, пока ему не удастся достичь хорошаго прикрытія; послѣ этого онъ старается какъ можно скорѣе убѣжать. Дукеръ часто обманываетъ даже самаго сообразительнаго охотника и лучшую собаку; но если удастся замѣтить его до рогу и открыть мѣсто, гдѣ онъ ложится послѣ своихъ подходовъ, то къ нему легко подойти противъ вѣтра. Употреблять на него винтовку очень неудобно.

такъ какъ нуженъ очень ловкій выстрѣлъ, чтобы положить его, потому что онъ очень неправильно прыгаетъ то туда, то сюда. Шкура дукера идетъ въ Капландъ на длинные кучерскіе кнуты; изъ мяса варятъ прекрасный супъ. Обыкновенно, мясо южно-африканскихъ животныхъ бываетъ очень посредственнаго качества, сухо и безвкусно; но изъ всѣхъ тонкихъ кушаній я могъ бы рекомендовать, какъ необыкновенно тонкое блюдо, печень карликовыхъ антилопъ. Боэры шпигуютъ мясо дукера жиромъ оленебыка или бегемота и готовятъ изъ этого чрезвычайно вкусное жаркое“.

*

Въ группу карликовыхъ антилопъ (*Neotragus*) соединяются самые мелкіе виды семейства, чрезвычайно изящно сложенные звѣрки, крайне похожіе



Дукеръ (*Cephalolophus mergens*). $\frac{1}{18}$ естеств. велич.

другъ на друга; только самцы имѣютъ очень небольшіе и тонкіе прямостоящіе рога; кругловатая голова, съ заостреннымъ носомъ и небольшое рыльце служатъ кромѣ того характерными признаками для нихъ. Всѣ извѣстные виды ихъ настолько сходны между собой по образу жизни и нраву, что будетъ достаточно очертить одну карликовую антилопу, которую я самъ наблюдалъ, и затѣмъ связать съ этимъ описаніемъ то, что извѣстно о каждомъ отдѣльномъ видѣ.

Борзая антилопа, бенъ-израэль жителей Массовы и эдро ангарцевъ (*Neotragus hemprichii*) — самое изящное изъ всѣхъ жвачныхъ. Самецъ обладаетъ парой маленькихъ роговъ съ 10—12 полукругами на наружной сторонѣ нижней половины и съ концами, загнутыми впередъ; рога эти почти совершенно закрыты пучкомъ волосъ и совсѣмъ затѣнены очень длинными ушами. Тѣло его плотное, хвостъ — коротковолосый обрубокъ; ноги средней длины, но чрезвычайно слабы, копыта длинны, узки и заострены, копытные когти еле замѣтны. Очень тонкіе и довольно длинные волосы покрываютъ все тѣло. Цвѣтъ ихъ

рыжій, какъ у лисы и голубовато-сѣрый. На спинѣ цвѣтъ становится красно-бурымъ; переднія бедра часто пятнисты, нижняя часть и внутренняя сторона ногъ бѣлаго цвѣта. Подъ глазами имѣется широкая бѣлая полоса; такая же полоса проходитъ и надъ глазами; уши окаймлены чернымъ, рога и копыта тоже черного цвѣта.

Въ Абиссиніи, начиная отъ берега моря до 2000 метровъ высоты рѣдко нельзя не встрѣтить на подходящихъ мѣстахъ нашего бенъ-израэля. Почти всѣ карликовыя антилопы — жительницы кустарниковыхъ лѣсовъ, которые такъ часты въ Африкѣ. Чащи, которыя были бы для другихъ, болѣе крупныхъ антилопъ прямо непроницаемы, доставляютъ этимъ лилипутамъ прекрасное мѣстожительство. Для нихъ найдется даже между самыми узкими и запутанными вѣтвями дорога и среди самаго неудобопроходимаго терновника — лазейка. Эдро рѣшительно предпочитаетъ равнину горамъ. Больше всего онъ любитъ зеленую лѣсную опушку по русламъ, гдѣ стекаетъ дождевая вода. Здѣсь онъ находитъ великолѣпное укромное мѣсто. Мимозы, терновники, нѣкоторые кустарниковые виды молочая и другія болѣе крупныя растенія перевиты и переплетены настоящей сѣтью ползучихъ растеній. Тутъ находятся превосходныя бесѣдки и совершенно замкнутые снаружи кусты, внутренность которыхъ представляетъ хорошее, совершенно скрытое помѣщеніе, а также узкія чащи, которыя тянутся, однако, длинной непрерывной полосой. Вдали отъ оживляющихъ водныхъ жилъ кустарники становятся рѣже, и тамъ поднимается зеленая, сочная трава. Здѣсь можно съ полной увѣренностью разсчитывать на встрѣчу съ эдро. Онъ живетъ, подобно всѣмъ своимъ родичамъ, которыхъ мы знаемъ, всегда только парами, но никогда не группами, за исключеніемъ того случая, когда парочка произведетъ на свѣтъ дѣтеныша, который нуждается еще въ материнскомъ попеченіи. Тогда онъ бѣгаетъ за своими родителями.

Сначала трудно охотнику открыть звѣрка; но познакомившись съ нравами и привычками поближе, ему уже не трудно найти его, если соблюдать извѣстную послѣдовательность. Цвѣтъ мѣха, гармонирующий и вполне сходный съ цвѣтомъ окружающихъ предметовъ, существенно способствуетъ тому, что нашъ карликъ можетъ скрываться. „Требуется самый опытный глазъ“, совершенно правильно говоритъ Драйсонъ, „чтобы открыть кустарниковую или голубую антилопу, потому что цвѣтъ ея до того походить на цвѣтъ подлѣска, что нельзя было бы ничего подмѣтить, если бы не движеніе вѣтвей, которыя онѣ задѣваютъ на ходу. Обыкновенно самецъ убѣгаетъ прежде, чѣмъ охотникъ успѣетъ убѣдиться въ томъ, что на самомъ дѣлѣ видитъ его. Ъдятъ они преимущественно листву тѣхъ кустовъ, гдѣ живутъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, мимоза даетъ бенъ-израэлю большую часть пищи. Кромѣ нѣжныхъ перистыхъ листьевъ, о которыхъ сейчасъ же можно сказать, что они должны быть по вкусу маленькимъ лакомкамъ, они не брезгаютъ также зелеными побѣгами и почками“.

Относительно размноженія карликовыхъ антилопъ до сихъ поръ имѣется мало данныхъ. Эренбергъ считаетъ временемъ течки у бенъ-израэля май мѣсяцъ; я же видѣлъ уже въ мартѣ и еще чаще въ апрѣлѣ пары ихъ съ дѣтенышемъ. Каффры кладутъ на пути своихъ карликовыхъ антилопъ петли, которыя затягиваются вокругъ ногъ антилопы, или же, если имѣется въ виду добыть только мясо — ставятъ такія, которыя затягиваютъ имъ горло и удушаютъ.

Мясо этого животнаго порядочно жестко и вязко, хотя все же это довольно сносное кушанье. Оно скорѣе годно для супа, чѣмъ на жаркое. По совѣту Драйсона, я придерживался больше печени карликовыхъ антилопъ и долженъ отдать справедливость своему совѣтчику, такъ какъ это въ самомъ дѣлѣ настоящее лакомство.

Они скоро погибаютъ за предѣлами своей родины отъ непривычнаго климата, и вслѣдствіе этого весьма трудно доставить ихъ живыми въ Европу. Только въ Капской землѣ и другихъ частяхъ Африки они выдерживаютъ довольно долгое время жизнь въ комнатѣ или на дворѣ. Говорятъ, что эти животныя, будучи пойманы въ юности, скоро обнаруживаютъ теплую привязанность къ своему почителю, идутъ на его зовъ, охотно даютъ трогать себя, гладить, носить на ру-

кахъ и вообще безъ сопротивленія отдаются произволу человѣка; поэтому ихъ большое добродушіе, кротость и любезность пользуются извѣстностью.

Послѣ человѣка худшимъ врагомъ карликовой антилопы является, конечно, леопардъ. Кошки болѣе мелкихъ породъ также могутъ преслѣдовать неспособнаго къ защитѣ карлика, а также въ высшей степени вѣроятно, что хищный орелъ утаскиваетъ, то тутъ то тамъ, по меньшей мѣрѣ, молодыхъ дѣтенышей. Шакалы, лисицы и другіе собраты ихъ тоже относятся къ числу враговъ бенъ-израэля и его родичей.

*

Горныя антилопы отличаются отъ прочихъ своимъ плотнымъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Туловище ихъ относительно толсто, а ноги коротки; копыта поставлены такъ, что вся тяжесть тѣла покоится на ихъ концахъ. Болѣе или менѣе густой и жесткій волосяной покровъ не меньше обличаетъ въ нихъ обитателей болѣе холодныхъ высотъ. Такое тѣлосложеніе обще всѣмъ имъ; что касается роговъ, то тутъ есть различіе, потому что они бываютъ то у обоихъ половъ, то у одного лишь самца.

Чрезвычайно проворно лазаетъ по горамъ индійскій гораль, животное, принадлежащее къ роду лѣсныхъ серно-козъ (*Nemorhoedus*). У обоихъ половъ рога походятъ на рога козъ. До сихъ поръ извѣстно немного видовъ этой группы, да и тѣ еще не точно.

Гораль (*Nemorhoedus goral*) равенъ по величинѣ козѣ. Область распространенія его ограничивается Гималаями, и притомъ однимъ поясомъ отъ 1000 до 2600 метр. высоты. По Кинлоху, онъ живетъ обществами, иногда въ большихъ стадахъ, но обыкновенно маленькими, далеко раскинутыми группами, а также въ одиночку и парами. Живетъ онъ одинаково, какъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, такъ и въ лишенныхъ растительности скалистыхъ мѣстахъ, на каменистыхъ склонахъ; больше всего онъ любитъ крутые утесы съ рѣдкими кустарниками и небольшими группами деревьевъ. Жители Непала видятъ въ немъ самое быстрое созданіе. До Европы ни одинъ гораль не доходилъ еще живымъ, и даже чучела этихъ животныхъ принадлежатъ къ числу рѣдкостей въ музеяхъ.

*

Къ этимъ чуждымъ Европѣ антилопамъ мы можемъ присоединить германскую антилопу — граціозное, часто преслѣдуемое дитя германскихъ горъ — серну. Она считается представительницей особой группы (*Capella*), главный отличительный признакъ которой состоитъ въ рогахъ, идущихъ прямо вверхъ, а концами своими загибающихся крючковидно назадъ.

Серна (*Capella rupicapra*) есть единственный родъ этой группы; длина ея 1,1 метр., изъ нихъ 8 см. приходятся на хвостъ, вышина загривка 75 сантиметровъ, а крестца 80 см., вѣсъ 40—45 килограммовъ. Рога имѣютъ около 25 см. длины, если измѣрять и кривизну ихъ; у самца они дальше отстоятъ другъ отъ друга, а также сильнѣе развиты и болѣе искривлены, чѣмъ у самки. Въ остальномъ оба пола почти совершенно похожи другъ на друга, хотя самецъ обыкновенно бываетъ нѣсколько крупнѣе самки. Волосяной покровъ сернь мѣняетъ свой цвѣтъ соотвѣтственно времени года. Общій цвѣтъ ихъ грязный красно-бурый или ржаво-красный, лѣтомъ переходитъ на нижней сторонѣ въ свѣтло-рыжій; вдоль спины пробѣгаетъ, по ея срединѣ, черно-бурая полоса; горло палеваго, а затылокъ желтовато-бѣлаго цвѣта; на плечахъ, бедрахъ, груди и въ пахахъ этотъ цвѣтъ становится нѣсколько темнѣе; полоса, проходящая по задней части, имѣющая желтоватый оттѣнокъ, кажется почти совсѣмъ бѣлой. Отъ ушей къ глазамъ и черезъ глаза пробѣгаетъ узкая, продолговатая черноватая полоска, рѣзко выдѣляющаяся среди свѣтлыхъ тоновъ. Зимой серна сверху темно-бурого или блестящаго черно-бурого цвѣта, животъ же ея бѣлаго; ноги внизу кажутся свѣтлѣе, чѣмъ сверху.

цвѣтъ ихъ больше переходитъ въ красный, ступни желтовато-бѣлаго цвѣта, какъ голова, цвѣтъ которой становится темнѣе на темени и на мордѣ. Продолговатыя полосы, проходящія отъ кончика морды къ ушамъ, темнаго черно-бураго цвѣта. Оба эти покрыва мѣняются съ такой послѣдовательностью, что чисто лѣтній или чисто зимній покровъ сохраняется только очень короткое время. Молодые животныя красно-



Серна (*Capella rupicapra*). $\frac{1}{12}$ естеств. велич.

бураго цвѣта, а окружность глазъ ихъ нѣсколько свѣтлѣе. Особи свѣтлаго или бѣлаго цвѣта рѣдко наблюдаются.

Настоящей родиной серны слѣдуетъ считать Альпы. Но область распространенія ихъ занимаетъ, впрочемъ, еще очень значительныя пространства, такъ какъ серны находятся въ Аbruццахъ, Пиринеяхъ, горахъ кантабрійскаго берега, въ Далмаціи, Греціи, на Карпатахъ, особенно же на вершинахъ высотъ Татра, въ Трансильванскихъ Альпахъ и, наконецъ, на Кавказѣ, Таврѣ и Георгіи. Въ настоящее время серна рѣдко встрѣчается въ Швейцаріи, во всякомъ случаѣ, въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ восточныхъ Альпахъ, гдѣ она водится въ большомъ количествѣ, а именно въ Верхней Баваріи, Зальцбургѣ и Зальцкаммергутѣ, Штейермаркѣ и Каринтіи, гдѣ ее охраняютъ и защищаютъ богатые и ведущіе разумную охоту крупные землевладѣльцы или откупщики охоты. Онѣ во-

дятся также въ крутыхъ, недоступныхъ высотахъ Среднихъ Карпатовъ въ достаточномъ числѣ, несмотря на то, что тамъ онѣ не пользуются никакой охраной.

Общераспространенное мнѣніе, будто серна есть альпійское животное въ узкомъ смыслѣ, т. е., что она держится исключительно надъ лѣсной полосой вблизи ледниковъ, невѣрно, такъ какъ, по своей породѣ, она относится къ лѣснымъ антилопамъ. Вездѣ, гдѣ серна еще уцѣлѣла, она рѣшительно предпочитаетъ жить изъ года въ годъ въ верхнемъ лѣсистомъ поясѣ. Отсюда онѣ поднимаются лѣтомъ — въ большемъ или меньшемъ числѣ — на очень высокія горныя площадки и держатся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ вблизи вѣчнаго снѣга и глетчеровъ, выбирая иногда въ качествѣ мѣста своего пребыванія высочайшія лужайки и безлѣсныя скалистыя полянки; однако большая часть сернъ данной области остаются даже въ теченіе всего лѣта въ верхнемъ поясѣ лѣса и кустарника, и даже сами такъ называемыя горныя или ледниковыя серны держатся въ лѣсу при сильной непогодѣ, въ особенности передъ сильными бурями, которыя онѣ могутъ предчувствовать за два дня, или поздней осенью и зимой, но при первой возможности спѣшатъ вернуться на свои родныя высоты, гдѣ снѣгъ стаиваетъ или сдувается почти всегда раньше, чѣмъ въ долинахъ.

Серна отдыхаетъ обыкновенно ночью. Какъ только забрежитъ утро, она поднимается со своего ложа и отправляется на кормежку, медленно идя при этомъ обыкновенно внизъ, предполуденные часы проводить, пережевывая свою жвачку, въ тѣни нависшихъ скалъ или подъ вѣтвями старыхъ развѣсистыхъ елей, по большей части лежа на подогнутыхъ ногахъ и сладострастно вытянувшись; въ полдень медленно взбирается на горы, а послѣ полудня опять отдыхаетъ нѣсколько часовъ подъ деревьями, на выдающихся и гладкихъ скалистыхъ площадкахъ, на прошлогоднемъ снѣгѣ и тому подобныхъ мѣстахъ, по большей части открытых и не постоянныхъ; онѣ не посѣщаютъ правильно разъ выбранныхъ мѣстъ, но отдыхаютъ, гдѣ придется и вздумается. Къ вечеру серна опять выходитъ пастись и съ наступленіемъ сумерекъ ложится окончательно на покой. Такъ онѣ проводятъ всѣ дни, за исключеніемъ только свѣтлыхъ лѣтнихъ лунныхъ ночей, когда онѣ порой бродятъ то тутъ, то тамъ.

Какъ животныя въ высшей степени общительныя, серны соединяются часто въ очень значительныя стада. Эти общества состояются самками вмѣстѣ съ ихъ дѣтенышами и молодыми самцами до 2-хъ, самое большее — трехлѣтняго возраста. Старые самцы живутъ въ одиночку, исключая времени течки, или соединяясь съ однимъ, двумя или тремя себѣ подобными, но, повидимому, никогда не поддерживаютъ долго между собой тѣснаго сообщества. Старая, опытная самка принимаетъ на себя руководство стадомъ. Этотъ вожакъ по большей части, но отнюдь не всегда, управляетъ движеніями стада; оно точно также никогда не полагается на бдительность одного только вожака. Вообще при каждомъ расположившемся стадѣ сернъ обыкновенно можно замѣтить одну или нѣсколько штукъ, стоящихъ на сторожѣ и осматривающихся вокругъ себя; онѣ большей частью тоже даютъ остальнымъ знать о приближеніи какого-нибудь угрожающаго опасности существа; но и эти сторожевыя серны не исполняютъ возложенной на нихъ должности, а просто слѣдуютъ побужденію, которое обыкновенно имѣетъ силу и обнаруживается у всѣхъ сернъ одинаковымъ образомъ. Всякая серна, замѣтивъ что либо подозрительное, выражаетъ это далеко слышнымъ свистомъ, соединеннымъ съ топаньемъ передней ноги, и стадо, убѣдившись въ дѣйствительности опасности, тотчасъ же обращается въ бѣгство.

Что касается движеній, то серна можетъ поспорить съ любымъ уже извѣстнымъ намъ горнымъ скакуномъ изъ своего семейства. Серна ловко лазаешь, вѣрно прыгаетъ, смѣло и неутомимо путешествуетъ по горамъ, гдѣ она быстро и ловко движется даже въ такихъ опасныхъ мѣстахъ, куда не отважится взобраться ни одинъ альпійскій козелъ. Когда она медленно бредетъ, въ ея походкѣ есть что-то тяжеловѣсное и неуклюжее, и вся осанка — некрасива, но если что-нибудь привлечетъ ея вниманіе и она помчится, то все животное какъ будто перерождается. Она становится бодрѣе, смѣлѣе, благороднѣе и сильнѣе, и спѣшитъ быстрыми

прыжками, проявляя въ каждомъ движеніи столько же силы, какъ и граціи. Есть нѣсколько вѣрныхъ наблюденій относительно чрезвычайной способности ея къ прыжкамъ: такъ, фонъ-Волленъ смѣрилъ прыжокъ серны и нашелъ его ширину въ 7 метровъ. Тотъ же наблюдатель видѣлъ, какъ однажды ручная серна вспрыгнула на стѣну въ 4 метра вышины, а оттуда спрыгнула на другую сторону на спину дѣвочки, рвавшей траву. Серна можетъ стать на самый маленькій выступъ и въ нѣсколько прыжковъ взлетѣть на вершину, причемъ она всегда поднимается съ разбѣга и въ косвенномъ направленіи. Ей легче прыгать въ гору, чѣмъ съ горы, причемъ она ставитъ свои переднія ноги, обладающія большой гибкостью, чрезвычайно осторожно, чтобы не оборвался какой-нибудь камень. Даже будучи тяжело ранена, она несется еще вскачь по самымъ опаснымъ тропинкамъ; даже съ прострѣленной ногой она проявляетъ едва ли меньше проворства, чѣмъ здоровая. Но несмотря на всю свою ловкость и привычку, серны, по словамъ Шинца, иногда взбираются на такія мѣста, гдѣ имъ нельзя двинуться ни назадъ, ни впередъ, некуда больше повернуть ногу, и гдѣ поэтому имъ приходится или гибнуть съ голоду или свалиться въ пропасть. Чуди дѣлаетъ поправку въ этомъ сообщеніи, говоря, что серна при всякихъ обстоятельствахъ пытается еще сдѣлать невозможное возможнымъ, спрыгиваетъ въ пропасть и разбивается объ ея дно.

„Серна никогда не теряется, т. е. никогда не останавливается въ безпомощности и отчаяніи, какъ это часто бываетъ съ козами, которыя блеютъ и ожидаютъ, пока ихъ выручитъ съ опасностью своей жизни пастухъ. Серна скорѣе убьется. Однако, это случается крайне рѣдко, такъ какъ разсудительность серны гораздо выше, чѣмъ козы. Если ей случится попасть на какой нибудь узкій карнизъ скалы, то она на мгновеніе останавливается надъ пропастью и затѣмъ поворачивается, часто превозмогая страхъ передъ преслѣдующимъ ее человѣкомъ, назадъ и какъ стрѣла мчится по старому слѣду. Но если животное загнано почти на отвѣсную скалу и не имѣетъ никакой возможности достать до выступа, хотя бы въ кулакъ величиной, чтобы смягчить силу паденія минутной пріостановкой на немъ, то оно все же спускается внизъ; а именно, оно сгибаетъ голову и шею, перемѣщаетъ всю тяжесть тѣла на заднія ноги, тѣсно прижимаетъ ихъ и скользитъ на нихъ по скалѣ и этимъ насколько возможно сдерживаетъ быстроту паденія. Но присутствіе духа такъ велико еще у этого животнаго, что, замѣтивъ даже при подобномъ спусканіи какой нибудь спасительный выступъ, оно тотчасъ же начинаетъ загребать, падая, работаетъ и тѣломъ и ногами, чтобы достигнуть этого выступа, такъ что описываетъ при своемъ паденіи кривую линію.“

Серна при переходѣ черезъ покрытые снѣгомъ глетчеры двигается чрезвычайно осторожно и всегда осторожно уклоняется отъ засыпанныхъ снѣгомъ трещинъ, хотя и не можетъ замѣтить ихъ зрѣніемъ. Равнымъ образомъ и по скалистымъ обрывамъ она ходитъ крайне осмотрительно и медленно. Одни члены группы обращаютъ свое вниманіе на тропинку, а другіе неослабно слѣдятъ за иными опасностями. „Мы видѣли“, говоритъ Чуди, „какъ перебиралось стадо сернъ по опасному, крутому, покрытому гальками скалистому карнизу и поражались, глядя на терпѣніе и умъ этихъ животныхъ. Впереди шла одна и тихо взбиралась наверхъ, а остальные ожидали, построившись въ рядъ, пока она не достигла всѣмъ вершины, и только тогда, когда не падалъ уже ни одинъ камень, за ней послѣдовала вторая, затѣмъ третья и такъ далѣе. Но поднявшіяся наверхъ серны отнюдь не разбѣгались по пастбищу, а стояли на краю скалы въ ожиданіи, пока къ нимъ не присоединилась послѣдняя“. Сернамъ очень помогаетъ въ ихъ странствованіяхъ необыкновенное знаніе мѣстности. Она замѣчаетъ всякую дорогу, по которой прошла хоть одинъ разъ, и знаетъ въ своемъ краю, такъ сказать, всякій камень; именно поэтому на вершинахъ она чувствуетъ себя до такой же степени дома, насколько бываетъ безпомощна, оставивъ ихъ. „Лѣтомъ 1815 года“, продолжаетъ Чуди, „появился, къ немалому удивленію очевидцевъ, самецъ-серна, вѣроятно убѣгавшій отъ преслѣдованія, внезапно на лугу въ Арбонѣ; хотя за нимъ никто тутъ не погнался, онъ перепрыгнулъ черезъ всѣ изгороди и бросился въ озеро, гдѣ долго плавалъ по разнымъ направленіямъ, пока его не взяли, почти

полумертваго отъ усталости, на лодку. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ поймали живьемъ молодую серну въ рейнской долинь, гдѣ она завязла въ болотѣ“.

Чувства серны развиты въ различной степени, хотя ни въ коемъ случаѣ не слабѣе, чѣмъ у другихъ, родственныхъ ей животныхъ. Лучше всего, повидимому, развиты обоняніе и слухъ, зрѣніе же меньше. Острота первого чувства проявляется не только въ тонкомъ чутьѣ, но и въ поразительной способности узнавать слѣды, благодаря которой серна можетъ отыскать какой нибудь слѣдъ и вѣрно идти по нему. Кто хочетъ наблюдать серну или приблизиться къ ней, готъ долженъ тщательнѣйшимъ образомъ замѣтить направленіе вѣтра, въ противномъ случаѣ пугливыя животныя безусловно убѣгутъ. Какъ далеко слышатъ они чутьемъ, нельзя точно установить, но, конечно, можно сказать навѣрное, что это разстояніе много превышаетъ разстояніе ружейнаго выстрѣла. Во всякомъ случаѣ первое и самое незамѣнимое чувство, посредствомъ котораго серна всегда убѣждается въ приближеніи опасности и которое, слѣдовательно, заставляетъ ее убѣгать — есть обоняніе. Слухъ, хотя онъ точно также очень тонокъ, скорѣе можетъ обмануть ее. Обыкновенно, ее очень мало беспокоитъ стукъ падающихъ камней, такъ какъ она привыкла къ этому въ горахъ; даже трескъ выстрѣла иногда не производитъ на нее особеннаго впечатлѣнія. Когда серны уже знаютъ, что значить выстрѣлъ, и вѣрно могутъ различить его трескъ, то, понятно, онѣ не задумываясь пускаются бѣжать; но во многихъ случаяхъ серны изумляются грохоту и при извѣстныхъ обстоятельствахъ даютъ охотнику удобный случай пустить въ нихъ вторую пулю. Объясняется это отчасти тѣмъ, что въ горахъ даже человѣку очень трудно опредѣлить, въ какомъ направленіи раздался выстрѣлъ, или даже то, слышалъ ли онъ дѣйствительно выстрѣлъ, или же грохотъ оборвавшагося и скатывавшагося внизъ камня. Зрѣніе нашего животнаго, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ на очень дальнія разстоянія, но не можетъ руководить имъ, чтобы замѣтить тихо стоящаго или скрытаго врага. Какъ и большинство животныхъ, онѣ, повидимому, не узнаютъ спокойно держащагося человѣка, и только тогда увидятъ въ немъ предметъ страха, если онъ пошевелится.

Ко времени спариванія, начинающемуся около середины ноября и кончающемуся въ началѣ декабря, сильные самцы присоединяются къ косякамъ. Насколько они бываютъ молчаливы въ остальное время года, настолько же часто можно въ эту пору слышать ихъ голосъ — какое-то трудно передаваемое глухое и урчащее хрюканье. При появленія ихъ молодые козлы въ страхѣ разбѣгаются вразсыпную, но старые богатыри, встрѣчаясь въ одномъ косякѣ, наоборотъ, остаются и вступаютъ между собою въ бой, такъ какъ здоровый самецъ не потерпитъ въ своемъ стадѣ второго, хотя бы это стадо состояло изъ 30 — 40 самокъ. Роды бываютъ въ послѣднихъ числахъ мая или въ началѣ іюня. Старыя серны мечутъ иногда двухъ, въ исключительныхъ случаяхъ даже трехъ дѣтенышей, а молодыя всегда только одного.

Дѣтеныши, премиленькія созданія, покрытыя густой, волнистой шерстью свѣтло-рыжаго цвѣта, слѣдуютъ по пятамъ за своей матерью; дня черезъ два они становятся такими же ловкими, какъ и ихъ мать. По меньшей мѣрѣ 6 мѣсяцевъ matka обращается съ ними съ самой теплой нѣжностью, чрезвычайно заботится о нихъ, учитъ и наставляетъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Она зоветъ своихъ дѣтенышей голосомъ, отдаленно напоминающимъ блеянье козы, учитъ ихъ лазать и прыгать; иногда она наглядно продѣлываетъ передъ ними прыжки, пока они не пріобрѣтутъ настолько ловкости, чтобы исполнить это упражненіе. Дѣтеныши привязываются къ своей матери съ глубокой нѣжностью и, пока они молоды, не оставляютъ ея, даже если она умираетъ. Козлята растутъ необычайно быстро, уже на 3-мъ мѣсяцѣ у нихъ появляются рога, а на третьемъ году достигаютъ почти полнаго роста старыхъ сернъ. Возрастъ, до котораго онѣ могутъ дожить, принимается въ 20—25 лѣтъ; но поскольку это вѣрно или не вѣрно, нельзя еще сказать опредѣленно.

Несмотря на разнаго рода опасности, серны размножаются чрезвычайно быстро тамъ, гдѣ онѣ пользуются защитой и гдѣ ихъ бьютъ только разумнымъ способомъ

потому что онѣ, по словамъ опытнаго фонъ-Кобелля, являются единственной дичью, которая сравнительно мало страдаетъ отъ суровой зимы. Онѣ все же находятъ себѣ пищу на крутыхъ обрывахъ, съ которыхъ снѣгъ по большей части сдувается или подъ утесами и раскидистыми деревьями, не дающими ему засыпать почву, тогда какъ олени и косули сгоняются суровостью зимы въ долины и часто погибаютъ, если нѣтъ искусственнаго корму.

Въ теченіе лѣта серна питается самыми лучшими, самыми сочными и лакомыми альпійскими растеніями, въ особенности тѣми изъ нихъ, которыя растутъ на границѣ вѣчнаго снѣга, а кромѣ того молодыми побѣгами и отпрысками кустарниковъ этихъ высотъ, начиная съ альпійской розы и кончая побѣгами хвойныхъ деревьевъ; поздней осенью и зимой зато онѣ должны быть довольны длинной травой, выбивающейся изъ подъ снѣга, да всякими мхами и лишаями. Соль для нихъ, какъ и для большинства жвачныхъ, повидимому, необходима; напротивъ того, воды для питья ей не нужно, и вѣроятно она утоляетъ свою жажду, облизывая мокрые отъ росы листья, чего ей совершенно достаточно. Она бываетъ лакома, когда можно, и нетребовательна, когда нужно; при хорошемъ кормѣ быстро толстѣетъ, и соотвѣтственно этому увеличивается ея объемъ и вѣсъ, но зато такъ же скоро худѣетъ при недостаточномъ питаніи. Около стоговъ сѣна, выставленныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Альпъ открыто, собирается иногда цѣлое стадо сернъ и выѣдаетъ въ нихъ такія глубокія норы, что онѣ могли бы укрыться тамъ отъ бури; напротивъ, въ другихъ мѣстахъ, гдѣ такіе стоги сѣна неизвѣстны, сернѣ приходится въ очень суровую зиму совершенно не ѣсть, а значить страдать и терпѣть нужду.

Но зима несетъ съ собой не только пужду, она грозитъ сернамъ также снѣжными лавинами, которыя иногда хоронятъ подъ собой цѣлыя общества ихъ. Хотя животныя знаютъ эту опасность и стараются отыскать самыя безопасныя мѣста, но гибель предупреждаетъ ихъ. Иногда скатывающіеся камни и глыбы утесовъ давятъ ихъ; болѣзни и эпидеміи равнымъ образомъ уносятъ ихъ, и цѣлый рядъ враговъ — рысь, волкъ, медвѣдь и орелъ — всегда готовы напасть на нихъ. Рыси подстерегаютъ ихъ зимой въ лѣсу и часто производятъ среди сернъ большія опустошенія; волки гонятся за ними по глубокому снѣгу, медвѣди тоже страшны имъ, по крайней мѣрѣ въ значительной степени. Въ Энгадинѣ однажды видѣли, какъ медвѣдь гнался за серной до самой деревни, гдѣ она спаслась въ дровяномъ сараѣ. Орлы не менѣе опасны для нихъ: какъ молнія они обрушиваются съ яснаго неба, молодыхъ дѣтенышей прямо уносятъ съ земли, а болѣе взрослыхъ стараются, несмотря на сопротивленіе, столкнуть въ пропасть. Къ этимъ гонителямъ, къ счастью почти истребленнымъ въ охраняемыхъ областяхъ, присоединяется худшій врагъ, — человѣкъ, вездѣ, гдѣ опредѣленные охотничьи законы и установленные способы охоты не стремятся установить и обезпечить правильную защиту этой благородной дичи.

Всѣ считаютъ охоту на сернъ наслажденіемъ, достойнымъ лучшаго человѣка. Великій германскій императоръ Максимилианъ съ радостью взбирался за ловкими дѣтьми Альпъ, лазилъ за ними даже на такія высоты, что — какъ рассказываетъ преданіе — однажды понадобилось чудо, чтобы ему удалось оттуда вернуться въ гостепріемныя долины. Нѣкоторые нѣмецкіе князья подражали ему въ этомъ, столь же страстно предаваясь охотѣ на сернъ. Затѣмъ за дѣло взялись и архіепископы; они издали законы объ охранѣ и уходѣ за этой дичью, уже порѣдѣвшей. Въ то время, когда существовало суевѣріе относительно безоаровыхъ камней, сернъ безсердечно преслѣдовали. Затѣмъ наступилъ мирный, до нѣкоторой степени, періодъ, продолжавшійся почти 100 лѣтъ. Изъ великихъ міра сего, первый вновь взялся за винтовку эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ, за нимъ послѣдовали баварскіе короли и нѣкоторые нѣмецкіе герцоги. Въ настоящее время эта охота сдѣлалась княжескимъ удовольствіемъ. Самыя богатые сернами области находятся во владѣніи императора австрійскаго, баварскаго короля, разныхъ эрцгерцоговъ императорскаго дома и богатой знати Австро-Венгерской имперіи; за сернами смотрятъ сильные охотники, которые и живутъ по большей части внутри своихъ

округовъ; благодаря этому ежегодно можно совершать нѣсколько охотъ, столь же увлекательныхъ, какъ и успѣшныхъ.

„Объ охотѣ на серна“, говоритъ Францъ фонъ-Кобелль, „много писано; иногда даже тотъ, кто видѣлъ много-много одну или двѣ охоты, хватаетъ перо и, смотря по пережитымъ имъ ощущеніямъ или по настроенію духа, описываетъ эту охоту, какъ самую опасную, или же представляетъ ее такъ, какъ будто бы она была не больше, чѣмъ травлей зайцевъ и косуль. Причина того, что эта охота романтичнѣе другихъ, кроется въ природѣ мѣстности, гдѣ она происходитъ; что же касается опасностей, которымъ подвергается охотникъ, то это зависитъ отъ искусства и характера самого охотника, а также и отъ обстоятельствъ, въ которыхъ совершается охота. Кому часто приходилось охотиться на серна, тотъ навѣрное испыталъ чувство ужаса, если въ то время какъ онъ перебирался черезъ отвѣсную скалу или ущелье, на него вдругъ начинали сыпаться обломки камней изъ подъ ногъ убѣгающихъ серна, такъ что онъ едва успѣвалъ укрыться подъ выступомъ скалы; или когда онъ, неосторожно голаясь за подстрѣленной серной, попадалъ на такое мѣсто, гдѣ послѣдствія неловкаго шага или прыжка, который онъ неминуемо долженъ былъ сдѣлать, ясно представлялись его глазамъ... Натурально, не слѣдуетъ представлять себѣ, что охотники и серны непрерывно карабкаются по обрывамъ, будто мухи по стѣнѣ. Часто мѣстность бываетъ настолько благопріятна, что достать свою добычу можно безъ особеннаго искусства или труда, особенно при загонѣ, если, напримѣръ, путь идетъ по альпійской тропинкѣ, или по лѣсистой мѣстности или даже у подножія горъ по долинѣ. Врядъ ли есть другая охота, которая могла бы сравниться съ этой по своему разнообразію.

„Попасть изъ винтовки въ хорошаго самца всегда довольно трудно; но если случай дѣлаетъ иногда выстрѣлъ неудачнымъ, то, съ другой стороны, порой онъ благопріятствуетъ удачѣ. Иногда охотники, послѣ долгихъ подходовъ, подходятъ на выстрѣлъ тамъ, гдѣ они объ этомъ и не думали... Во время погони серны идутъ самыми разнообразными способами; тысячи картинъ представляетъ ихъ бѣгъ; обрывы, провалы и ущелья смѣняютъ другъ друга самымъ прихотливымъ образомъ. Поднимаясь на скалу, стадо почти всегда придерживается одной дороги, если по нему не стрѣляютъ; черезъ разсѣлину прыгаютъ онѣ другъ за дружкой, внизъ же спускаются иногда безъ удержу зигзагами. Очень охотно прячутся онѣ въ чашу, и трудно понять, какъ могутъ онѣ подвигаться тамъ съ такой быстротой среди тѣсно стоящихъ и перепутанныхъ между собой стволовъ и сучьевъ. Если вѣтеръ благопріятенъ, то обыкновенно ихъ легко гнать впередъ; главное затрудненіе является все же тогда, когда онѣ видятъ преслѣдователей; шумъ осыпающихся и падающихъ близъ нихъ камней пугаетъ ихъ, но все же мало беспокоитъ ихъ. Онѣ, конечно, хорошо знаютъ, могутъ ли имъ повредить камни, или нѣтъ; если онѣ прикрыты выступомъ скалы, то какой бы дождь камней не сыпался сверху, онѣ спокойно стоятъ подъ нимъ. Если ляжетъ туманъ, то на охотѣ на серна можно добиться чего-нибудь только тогда, когда загонщиковъ очень много и серна можно обойти кругомъ. Когда подходитъ стадо, то нерѣдко можно наблюдать, насколько серны легкомысленный народъ. Главная группа возлагаетъ заботы на серну-предводительницу, и когда она останавливается, чтобы прислушаться и осмотрѣться, то остальные часто начинаютъ бодаться и забавляться, хотя бы загонъ былъ совсѣмъ близко около нихъ.

„При опредѣленіи разстояній, въ особенности отъ одного края провала до другого, легко ошибиться, и благодаря этому по сернамъ дѣлаютъ иной разъ промахи. Обыкновенно, разстояніе для выстрѣла считается слишкомъ большимъ, если не видать еще загонщиковъ. Лучшій выстрѣлъ, конечно, выстрѣлъ подъ лопатку, но часто попадаютъ и въ животъ. Серна, получившая такой выстрѣлъ, скоро падаетъ, но если ее настигаютъ послѣ этого и выпускаютъ на нее собаку, то она продолжаетъ путь и по большей части карабкается по отвѣсу, куда собака не можетъ послѣдовать за ней; тогда въ нее прицѣливаются еще разъ и снимаютъ со скалы вторымъ выстрѣломъ. Въ крутыхъ горахъ нельзя употреблять собаку, которая легко можетъ упасть; тутъ, однако, серну настигаютъ обыкновенно по кро-

вавому слѣду, легко замѣтному на сѣрыхъ камняхъ. Иногда охотнику все-таки невозможно проникнуть на то мѣсто, гдѣ она околѣла; въ такомъ случаѣ ее надо считать пропавшей для охотника.“

Мясо серны по своему прекрасному вкусу можетъ поспорить со всякимъ другимъ, а по моему мнѣнію, оно далеко превосходитъ даже мясо нашей косули, считающееся, какъ извѣстно, самой нѣжной и вкусной дичью изъ всѣхъ нашихъ животныхъ, потому что мясо серны отличается особымъ превосходнымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ привкусомъ. Почти такъ же какъ и мясо цѣнится ея шкура, изъ которой готовятъ прекрасную кожу для охотничьихъ принадлежностей. Рога также находятъ разнообразное примѣненіе; наконецъ волосы спинного хребта служатъ украшеніемъ на шляпы какъ присяжныхъ охотниковъ, такъ и воскресныхъ стрѣлковъ — охотниковъ - любителей.

Въ народной поэзіи нашихъ альпійскихъ жителей серна играетъ такую же роль, какъ газель среди жителей востока. Сотни пѣсенъ описываютъ ее и охоту за ней столь же красиво, какъ и забавно; нѣкоторыя сказанія заключаютъ въ себѣ естественную исторію серны въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ народномъ сознаніи.

Можно приручить пойманныхъ въ молодости сернь. Ихъ вскармливаютъ козьимъ молокомъ, сочной травой и зеленью, капустой, рѣпой и хлѣбомъ. Отечественныя попеченія о нихъ можно возложить только на козу хорошей породы; при этомъ условіи маленькія, веселыя дѣти горъ развиваются лучше всего. Весело играютъ они съ козлятами, смѣло и рѣзко — съ собакой; за своимъ попечителемъ они слѣдуютъ довѣрчиво и дружественно идутъ къ нему, прося корму. Всякая возвышенность влечетъ ихъ къ себѣ. Любимыя мѣста ихъ — каменные глыбы на дворѣ, карнизы стѣнъ и другія возвышенія. Тамъ они часто стоятъ по цѣлымъ часамъ. Хотя онѣ и не такъ сильны, какъ дикія серны, но все же чувствуютъ себя въ неволѣ очень недурно. У нѣкоторыхъ иногда прорывается, когда онѣ подрастутъ, извѣстная дикость, и при этомъ онѣ очень настойчиво пускаютъ въ ходъ свои рожки. Нетребовательность дѣлаетъ имъ неволю болѣе легкой. Въ полномъ возрастѣ онѣ еще менѣе разборчивы въ пищу, чѣмъ въ юности; онѣ закалены отъ рожденія. Зимой имъ достаточно немного соломы подъ открытымъ навѣсомъ. Конюшня имъ не нравится, но у нихъ, безусловно, должно быть мѣсто для движенія и свѣжая вода. Серны, пойманныя въ старости, остаются всегда боязливыми и пугливыми.

Въ неволѣ серны рѣдко размножаются. Въ 1863 году Шепфъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ находившіяся у него въ плѣну серны состязались передъ спариваніемъ, и 30 іюня на свѣтъ появился здоровый козликъ. Звѣрку дали для ухода козу, онъ развивался и росъ такъ быстро, что уже черезъ 1½ года достигъ почти такой же величины, какъ и его мать. Старая серна не дала на слѣдующій годъ потомства, но на второй годъ принесла опять одного дѣтеныша. Въ Шенбруннѣ точно также разводили сернь.

*

Сайга или степная антилопа (*Colus tataricus*, *Antilope saiga*), часто встрѣчающаяся на сѣверо-востокѣ нашей части свѣта, отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ антилопъ настолько существенными особенностями, что въ ней съ полнымъ правомъ видятъ представительницу особой вѣтви. Фигурой и нравомъ она напоминаетъ овцу, но съ другой стороны, въ извѣстномъ отношеніи — сѣвернаго оленя. Фигура ея чрезвычайно неуклюжа, а мѣхъ очень длиненъ и до того густъ, что составляетъ на видъ какъ бы гладкошерстое одѣяло. Но больше, чѣмъ какимъ-либо другимъ признакомъ, сайга характеризуется постройкой своей морды и въ особенности образованіемъ носа. Носъ выдается надъ челюстью, раздѣленъ продольной бороздой, хрящеватъ, стянутъ морщинами и до того подвиженъ поэтому, что въ цѣломъ составляетъ словно настоящій хоботъ, такъ что этой группѣ можно было бы дать названіе „хоботныхъ антилопъ“. Рога, которые бываютъ только у самцовъ, стоятъ нѣсколько поодаль другъ отъ друга, лиро-

видны, блеклаго цвѣта и прозрачны. Спина и бока лѣтомъ выглядятъ желто-бурыми, конечности ниже колѣнъ болѣе темны, стороны шеи и нижняя сторона туловища, а также внутреннія стороны ногъ бѣлаго цвѣта, лобъ и темя сѣровато-желтого или аспидно-сѣраго; ланцетовидный участокъ спины въ области крестца, покрытый болѣе грубыми и болѣе длинными волосами, имѣетъ черновато-бурый цвѣтъ. Къ зимѣ покровъ этотъ свѣтлѣетъ, и животное получаетъ тогда сѣро-желтоватую, кнаружи бѣловатую одежду. Длина взрослого самца достигаетъ 1,3 метра, изъ которыхъ 11 см. надо считать на хвостъ, вышина въ загривкѣ не болѣе 80 см., а рога у взрослого самца, считая и кривизну, бываютъ 25 — 30 см. длины.



Сайга (*Colus tataricus*). $\frac{1}{12}$ оств. велч.

Живетъ сайга въ степяхъ восточной Европы и Сибири, отъ границы Польши до Алтая. Начиная отъ южныхъ придунайскихъ странъ и Карпатовъ, она встрѣчается въ степяхъ юго-восточной Польши, Малороссіи, по Черному морю, на Кавказскихъ горахъ, около Каспійскаго и Аральскаго моря до Иртыша и Оби, къ сѣверу до 55° сѣверной широты. Она держится постоянно обществами, а въ началѣ осени собирается стадами въ нѣсколько тысячъ штукъ, которыя кочуютъ, соблюдая нѣкоторый порядокъ, и только весной возвращаются по группамъ на свои прежнія мѣста. Въ высшей степени рѣдко можно видѣть степныхъ антилопъ въ одиночку, такъ какъ взрослые самцы держатся при стадахъ даже лѣтомъ. Ловкость ихъ не велика, чувства, въ среднемъ, тоже не остры, духовныя способности незначительно развиты. Хотя взрослые и бѣгаютъ такъ быстро, что ихъ не догнать ни лошади, ни борзой собакъ, но болѣе молодые легко задыхаются, да и старыя попадаютъ въ добычу соединеннымъ усиліямъ хищныхъ животныхъ, на примѣръ, волкамъ. Ходятъ онѣ въ перевалку и поэтому не граціозно, такъ какъ онѣ далеко вытягиваютъ шею, а голову прижимаютъ внизъ; прыжки ихъ, хотя и

обширны, но едва напоминаютъ изящные скачки другихъ антилопъ; по большей части они неуклюжи и неловки.

Пища сайги состоитъ преимущественно изъ соленыхъ травъ, которыя покрываютъ мѣстами въ безчисленномъ количествѣ татарскія степи, изсушенные солнцемъ и часто перерѣзанныя солеными источниками. Время спариванія начинается около конца ноября; самцы, обыкновенно, сильно дерутся между собой въ это время. Самки беременны до мая и приносятъ, въ среднихъ числахъ этого мѣсяца, только одного, въ началѣ совершенно безпомощнаго дѣтеныша.

Несмотря на плохое качество мяса сайги, жители степей страстно охотятся за ней. Ее преслѣдуютъ верхомъ или съ собаками и обыкновенно настигаютъ, такъ какъ ей приходится долго бѣжать. Волки тоже производятъ среди нихъ яростныя опустошенія и пожираютъ загрызенныхъ вплоть до черепа и роговъ. Эти остатки собираютъ затѣмъ киргизы или казаки и сбываютъ по дешевой цѣнѣ въ Китай.

*

Конечно, самая поразительная изъ всѣхъ антилопъ — гну (*Catoblepas*), въ высшей степени удивительное жвачное, составляющее, если можно такъ сказать, промежуточное звено между антилопой, быкомъ и лошадью, настоящая карриатура на благородныя и изящныя формы членовъ этихъ семействъ. Кому придется видѣть гну въ первый разъ, тотъ невольно придетъ въ сомнѣніе, что собственно за животное находится передъ нимъ? Это животное выглядитъ, будто лошадь съ раздвоенными копытами и бычачьей головой, и своимъ поведеніемъ доказываетъ, что весь его характеръ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ подобнымъ промежуточнымъ положеніемъ. Гну невозможно назвать красивымъ животнымъ, но строеніе нѣкоторыхъ частей его тѣла можетъ быть изящнымъ.

Признаки бѣдной видами группы гну слѣдующіе: покоящееся на соразмѣрно высокихъ ногахъ тѣло плотно, голова почти четырехугольная, морда широкая, ноздри какъ будто прикрыты крышкой, глаза, окруженные какъ вѣнкомъ бѣлыми щетинистыми волосами, имѣютъ дикое и злобное выраженіе, рога, бывающіе у обоихъ половъ, посажены на верхнемъ краѣ лба, очень широки и концами загнуты вверхъ, хвостъ снабженъ длинной метелкой, какъ конскій хвостъ, выдающіяся части морды, шея, спина, горло и щеки, имѣютъ сильно развитые волосы на подобіе гривы, остальной волосяной покровъ совершенно гладко прилегаетъ.

Вся длина гну или „Wildebeest“ бозровъ (*Catoblepas gnu*) достигаетъ 2,8 метра, считая и хвостъ въ 50 см. безъ волосъ, съ волосами же въ 75 и 80 см. при высотѣ плеча 1,2 м. Господствующій цвѣтъ — темный сѣробурый; на разныхъ мѣстахъ онъ кажется то свѣтлѣе, то темнѣе и отливаетъ то желтоватымъ или красноватымъ, то черноватымъ. Самка меньше, рога у нея слабѣе, но цвѣтомъ она совершенно сходна съ самцомъ.

Гну живетъ въ южной Африкѣ; въ Капландѣ онъ истребленъ. По сообщеніямъ заслуживающихъ довѣрія наблюдателей они перекочевываютъ ежегодно, — на мой взглядъ, какъ и другія антилопы — благодаря недостатку пастбищъ. Это очень подвижныя, рѣзвыя животныя, мастерски умѣющія оживлять обширныя равнины.

Гордонъ Куммингъ узналъ, что гну не оставляютъ своего мѣста даже тогда, когда ихъ преслѣдуетъ очень большое число охотниковъ. Кружась безконечной спиралью, выкидывая самые поразительные и замѣчательные прыжки, бѣгаютъ эти стада косматыхъ, удивительныхъ и свирѣпыхъ на взглядъ антилопъ вокругъ своихъ преслѣдователей. Въ то время какъ охотники наѣзжаютъ на нихъ, чтобы убить то или другое животное, остальные кружатся направо или налево и останавливаются на тѣхъ мѣстахъ, съ которыхъ охотники съѣхали нѣсколько минутъ тому назадъ. Иногда можно видѣть, какъ старые самцы стоятъ въ промежуткахъ на равнинѣ, въ одиночку или маленькими группами въ 5 — 6 штукъ въ теченіе всего предполуденнаго времени и неподвижнымъ, пристальнымъ взоромъ

созерцаютъ движенія остальныхъ животныхъ; при этомъ они издають непрерывно шумное фырганье и какой то особенный звукъ, въ родѣ короткаго, отрывистаго выдыханія. Нѣкоторые путешественники называютъ гну эмблемой безграничной свободы и приписываютъ имъ высокое мужество и силу. Туземцы рассказываютъ о нихъ много басенъ, и даже европейцы не удерживаются отъ того, чтобы не рассказать о немъ самыхъ удивительныхъ вещей. Но вполне вѣрно можно сказать, что въ нравѣ гну столько же загадочнаго, какъ и въ его наружности. Всѣ движенія его быстры, рѣзвы, дики и пламенны. При томъ онъ проявляетъ такую любовь къ играмъ и задору, какъ ни одно другое жвачное. Если дѣло идетъ о



Гну (*Catoblepas gnu*). $\frac{1}{16}$ естеств. велич.

серьезной дракѣ, то самки выказываютъ такое же мужество, какъ и самцы. Голось ихъ похоже на мычаніе быковъ. Въ неволѣ животныя часто бываютъ неукротимы и дики, нечувствительны ни къ какимъ ласкамъ и прирученію, но также относятся довольно равнодушно къ утратѣ свободы. Самки гну приносятъ въ различные мѣсяцы года одного дѣтеныша, который дня черезъ два послѣ рожденія уже дѣлаетъ такіе же прыжки и штуки, какъ и его родители, но выглядитъ еще забавнѣе ихъ благодаря своему маленькому росту. Мать любитъ его тепло и нѣжно и готова идти на любую опасность ради него.

Охота на взрослыхъ гну имѣетъ свои трудности, такъ какъ животныя невѣроятно быстры и выносливы. Загнанный гну проявляетъ удивительное сходство съ преслѣдуемымъ дикимъ быкомъ. Въ западню или яму гну попадаетъ только случайно. Взрослыя плѣнныя животныя ведутъ себя, какъ безумныя и бѣшенныя, но молодыя, напротивъ, скоро становятся настолько ручными, если ихъ вскормить коровьимъ молокомъ и много заниматься съ ними, что ихъ можно пускать на вы-

гонѣ вмѣстѣ со скотомъ и вообще предоставлять имъ такую же свободу, какой пользуется домашнее животное.

Полезьа отъ убитаго гну такая же, какъ и отъ всякой другой дичи въ Африкѣ. Мясо ѣдятъ, такъ какъ оно сочно и нѣжно, шкуру употребляютъ на всякія подѣлки изъ кожи, а изъ роговъ изготовляютъ рукоятки для ножей и другіе предметы.

Къ оболочечнорогимъ мы относимъ одно жвачное, считавшееся до самаго недавняго времени антилопой, хотя такому взгляду должно бы было противорѣчить странное образованіе его роговъ, которые отличаются отъ этого оружія всѣхъ остальныхъ рогатыхъ животныхъ. Но то научное описаніе этого замѣчательнаго жвачнаго, которое относится къ 1815 году, сохранилось до нашихъ дней, и намъ выпало на долю обличить упорно держащееся до сихъ поръ научное заблужденіе и вмѣстѣ поставить это животное на принадлежащее ему отъ рожденія мѣсто въ его отрядѣ. Старый Фернандецъ описалъ по всѣмъ вѣроятіямъ это самое животное подъ именемъ „Тейтламацаме“ и сообщилъ, что оно водится въ Мексикѣ.

Наше жвачное, вилорогъ, отличается отъ всѣхъ родичей своего порядка тѣмъ, что у него полые, но развѣтвляющіеся рога; эти рога не растутъ постоянно, какъ у остальныхъ полорогихъ, но, подобно рогамъ оленя, хотя совершенно различнымъ способомъ, время отъ времени сбрасываются и образуются затѣмъ вновь. Особенности другого рода, какъ, напримѣръ, существованіе особыхъ железъ, копыта ногъ, напоминающія копыта жирафа, свойства шерсти и др., заставляютъ Мури, анатомировавшаго это животное, назвать его „антилопой съ оленьей головой, копытами жирафа, железами козы и овечьей шерстью“, что можетъ значить ни больше, ни меньше, какъ то, что вилорогъ вовсе не принадлежитъ къ антилопамъ. Всѣ признаки жвачнаго, о которомъ идетъ рѣчь, настолько своеобразны и важны, что его нельзя соединить ни съ однимъ семействомъ этого отряда, но слѣдуетъ считать представителемъ особаго семейства, которое мы имѣемъ желаніе назвать семействомъ вилорогихъ.

Вилорогъ, называемый также вилорогой антилопой, вилорогой серной, кабри (*Antilocapra americana*, *Antilope furcifer*), въ общемъ обладаетъ фигурой сильной антилопы приблизительно въ 1,5 метра длиной, изъ которыхъ 17—20 см. приходится на хвостъ, при 80 см. высоты въ плечахъ. Некрасивая, будто овечья голова вытянута въ длину, большіе, темные глаза полны выразительности, средней длины уши заострены. Шея средней длины, тѣло кажется менѣе сильнымъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ оно покоится на стройныхъ ногахъ, которыя выше среднихъ размѣровъ. Три рѣзко отличающіеся другъ отъ друга цвѣта — ржаво-соловый, бѣлый и темно-бурый дѣлаютъ его шкуру очень пестрой. Рога и копыта чернаго цвѣта. Рога бываютъ у обоихъ половъ, но раздваиваются только у самца; они круто поднимаются вверхъ, а на концѣ рѣзко загибаются въ сторону и назадъ; у старыхъ самцовъ ширина ихъ превышаетъ почти вдвое толщину; они имѣютъ своеобразную шероховатость и бугорчатость, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неравномѣрно усажены короткими заостренными наростами. У самца рога бываютъ длиной въ 25—30 см., у самки же только 8—12 см.

Область распространенія вилорога тянется по сѣверо-западной Америкѣ, начиная отъ Саскачевани на сѣверѣ до Ріо-Гранде на югѣ, и отъ Миссури до береговъ Тихаго океана. Но онъ отнюдь не живетъ исключительно лишь на ровныхъ поверхностяхъ, какъ это полагали, потому что его встрѣчаютъ точно также въ холодныхъ высокихъ долинахъ скалистыхъ горъ на высотѣ до 2500 метровъ.

Всѣ наблюдатели единогласно удивляются быстротѣ и проворству вилорога. Если ихъ, быть можетъ, и превосходятъ нѣкоторыя антилопы, то ни одно животное прерій не можетъ стоять выше ихъ въ этомъ отношеніи. Легкіе и проворные, далеко шагающіе своими высокими ногами и при томъ могущіе пристыдить своей выносливостью всякое другое американское млекопитающее, „мчатся они, какъ

вихрь, по равнинѣ.“ Испуганное стадо вилороговъ представляетъ несравненную картину, которую никогда не забудешь.“ Эти животныя двигаются съ горы и на гору, несясь вдоль холмовъ, съ такой же быстротой и увѣренностью, какъ и по равнинѣ, и, по выраженію Одюбона, ставятъ свои переднія ноги на землю одну за другой такъ быстро, что отдѣльные члены можно различить не съ большею ясностью, чѣмъ спицы вертящагося колеса. Вилороги — животныя съ очень острыми чувствами. Они видятъ очень далеко, превосходно слышатъ и чуютъ подкрадывающагося къ нимъ съ подвѣтренной стороны врага на нѣсколько сотъ ша-



Вилорогъ (*Antilocapra americana*). $\frac{1}{18}$ естеств. велич.

говъ. Бдительные и пугливые, даже до нѣкоторой степени умные и во всякомъ случаѣ осторожные, они располагаются въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ обыкновенно отдыхаютъ въ полдень, пережевывая жвачку, всегда такъ, чтобы поле зрѣнія ихъ было свободно; они умѣютъ также прекрасно пользоваться господствующимъ направленіемъ вѣтра, а кромѣ того выставляютъ еще особую стражу. Человѣческихъ поселковъ они тщательно избѣгаютъ, но, напротивъ того, очень мало боятся животныхъ, пасущихся стадами, даже быковъ и лошадей, и по большей части безъ страха пасутся вблизи нихъ.

Молодые вилороги, подобно всѣмъ жвачнымъ, растутъ тоже сравнительно очень быстро. Уже къ концу іюля у самца пробиваются рога, сначала короткіе

кончики тупой конической формы; въ декабрѣ они достигаютъ 2—5 см. длины, но съ этого времени перестаютъ расти, сбрасываются нѣсколько разъ и замѣщаются новыми. Но эта смѣна настолько, однако, отличается отъ перемѣны роговъ у оленя и сама по себѣ настолько замѣчательна, что я долженъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе ея.

Первый, кто наблюдалъ смѣну роговъ и описалъ ее — Чанфильдъ, но такъ какъ посланную имъ Бэру въ сентябрѣ 1858 г. статью послѣдній опубликовалъ только въ 1886 году, то слава ознакомленія науки съ этимъ фактомъ, кажущимся столь невѣроятнымъ, принадлежитъ Бартлетту, который ухаживалъ за вилорогами, содержащимися въ Лондонскомъ зоологическомъ саду. Оба эти сообщенія, вполне согласныя между собой, были совершенно установлены разносторонними новыми наблюденіями.

Бартлеттъ сообщаетъ, что маленькіе рога вилорога, находившагося на его попеченіи, вдругъ, повидимому, стали быстро расти около середины октября; они стали увеличиваться не только въ длину, но вмѣстѣ съ тѣмъ начали все дальше расходиться другъ отъ друга. 7-го ноября сторожъ не безъ удивленія сообщилъ ему, что вилорогъ потерялъ одинъ рогъ. Бартлеттъ сейчасъ же отправился вслѣдствіе этого донесенія въ стойло и пришелъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда отпалъ и второй рогъ. При точномъ изслѣдованіи животного онъ съ немалымъ изумленіемъ замѣтилъ два новыхъ рога на мѣстѣ старыхъ; они были покрыты длинными, прямыми и мягкими волосами, а костное вещество ихъ было облечено въ роговую массу. Кровотеченія, которое бываетъ безусловно при потерѣ роговъ настоящими полорогими или при сбрасываніи плотныхъ роговъ, не было замѣтно. Новые рога казались толще полости старыхъ; это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что, при каждомъ послѣдовательномъ удаленіи старыхъ роговыхъ оболочекъ, рогъ прикрывался у основанія густыми волосами. Изъ быстрого роста новыхъ роговъ можно съ увѣренностью сдѣлать вполне естественный выводъ: животное должно мѣнять свои рога. Это положеніе получило полнѣйшее подтвержденіе въ опубликованныхъ, послѣ сообщенія Бартлетта, данныхъ Чанфильда. Одинъ изъ бывшихъ у этого американца вилороговъ достигъ почти трехлѣтняго возраста и правильно смѣнялъ за это время свои рога, такъ что на немъ можно было наблюдать не только двукратную смѣну роговъ, но ихъ постепенное дальнѣйшее развитіе. Третья пара роговъ настолько мѣняетъ свою форму, что поперечный разрѣзъ ихъ уже не круглъ, а оваленъ, и на немъ уже обозначается мѣсто раздвоенія. А именно, у корня каждаго костнаго отростка образуется новый бугорокъ; первоначально они отдѣлены отъ старыхъ, такъ что составляютъ какъ будто бы вторую пару костныхъ отростковъ, но очень скоро и навсегда соединяются съ болѣе старыми костными придатками и служатъ только для образованія вилкообразнаго отростка. Въ ближайшемъ іюнѣ рога окончательно развиваются и при каждой дальнѣйшей смѣнѣ остаются болѣе или менѣе такими же, увеличиваясь только въ размѣрахъ. Можно признать, что новая роговая масса возникаетъ путемъ спайки волосъ, находящихся между костной основой и роговой оболочкой; въ надлежащее время эти волосы начинаютъ сильно расти и такимъ образомъ служатъ для отдѣленія старыхъ роговъ. Отъ ноября до января нельзя замѣтить строгой границы между ростомъ волосъ и собственно рога, все новообразование по большей части покрыто густой волосяной корой, которая не считается, какъ у оленей, а постепенно отваливается вслѣдствіе дальнѣйшаго нарастанія роговой массы. Лѣтомъ граница между волосомъ и рогомъ выступаетъ очень рѣзко.

Взрослые вилороги, будучи пойманы, не могутъ, повидимому, привыкнуть къ потерѣ своей свободы. Тѣ экземпляры, которыхъ удавалось поймать зимой въ глубокомъ снѣгу, выказывали себя въ высшей степени благодушными, даже почти довѣрчивыми, если имъ позволяли гулять на свободѣ въ огороженномъ пространствѣ, но продолжалось это только до тѣхъ поръ, пока длилось ихъ изнеможеніе и потеря силъ. Но какъ только голодъ былъ утоленъ, въ нихъ поднималась страсть къ безграничной свободѣ, и они опять проявляли свою первоначальную

дикость. Тогда принимались бросаться и прыгать, какъ безумные, на изгородь своей клѣтки и бѣсились въ ней до тѣхъ поръ, пока не причиняли себѣ смертельныхъ увѣчій. Дѣтеныши, пойманные въ скоромъ времени послѣ рожденія, тоже обыкновенно погибають, недолго проживъ въ неволѣ, если только къ нимъ не прилагають особо тщательнаго ухода.

Лѣтъ 20—25 тому назадъ охотой на вилорога занимались довольно мало, какъ выражается принцъ фонъ-Видъ, „только въ случаѣ нужды, когда нигдѣ нельзя найти бизона.“ Въ тѣ времена индѣйцы были худшими врагами этого животного, въ настоящее же время ему нужно часто остерегаться европейскаго охотника.

Польза отъ охоты довольно значительна. Мясо вилорога противно нѣкоторымъ людямъ изъ за присущаго ему сильнаго, отвратительнаго запаха; но большинство европейцевъ находятъ, что оно имѣетъ крайне тонкій вкусъ дичи, совершенно непохожій на вкусъ нашего оленя или косули, и поэтому по справедливости считается на Западѣ однимъ изъ самыхъ вкусныхъ блюдъ. Легкая и мягкая, но мало прочная шкура употребляется индѣйцами на приготовленіе рубашекъ, европейцы же выдѣлываютъ изъ нея рукавицы.

Ни одну группу этого порядка нельзя такъ легко охарактеризовать, какъ семейство оленей (*Cervidae*). Это — жвачныя съ плотными рогами. Этихъ словъ достаточно, чтобы обрисовать его, потому что все остальное въ сравненіи съ этой особенностью является побочнымъ.

Плотные рога эти бываютъ, въ большинствѣ случаевъ, только у самцовъ. Это парныя развѣтвляющіяся роговыя образованія на костной опорѣ, которыя ежегодно сбрасываются и появляются снова. На черепѣ оленя еще во время утробной его жизни обозначаются вслѣдствіе сильнаго окостенѣнія тѣ мѣста, гдѣ впоследствии вырастутъ рога. На шестомъ или восьмомъ мѣсяцѣ жизни образуется костный отростокъ отъ возвышенія наружной стѣнки лобной кости; этотъ отростокъ остается тутъ на всю жизнь; это такъ называемый „розанъ“, на которомъ сидятъ рога. Въ началѣ эти отростки просто заострены, а потомъ все болѣе и болѣе развѣтвляются, потому что отъ главнаго ствола расходятся побѣги, число которыхъ можетъ дойти до 12 для каждаго ствола. „Чѣмъ старше становится олень,“ говоритъ Блазіусъ, „тѣмъ больше измѣняются его рога. Первое и вообще поразительное измѣненіе представляютъ „розы“; они съ каждымъ годомъ расширяются благодаря увеличенію лобныхъ отростковъ, и все ближе направляются къ срединѣ лба и другъ къ другу; равнымъ образомъ, съ каждымъ годомъ уменьшаются вмѣстѣ съ поднятіемъ лобнаго края „розы“ и черепъ. Еще поразительнѣе, однако, измѣненія въ фигурѣ роговъ и числѣ концовъ. Молодые рога, въ первыхъ ступеняхъ развитія которыхъ лежитъ причина сбрасыванія старыхъ, окружены сначала богатой сосудами кожей, покрытой волосами, колбовидны, мягки и гибки. Отъ главнаго ствола отходятъ сперва нижніе, затѣмъ болѣе высокіе концы, и послѣ того какъ все придетъ въ неизмѣняющееся соотношеніе и развитіе окончится, кровообращеніе прекращается, и олень начинаетъ чувствовать потребность удалить кожу или корку, которая и начинаетъ также отваливаться сама собой.“

Измѣненіе роговъ, до нѣкоторой степени дальнѣйшее развитіе, происходитъ слѣдующимъ образомъ. Уже прежде чѣмъ олень достигнетъ однолѣтняго возраста, на „розанахъ“ образуются, въ качествѣ непосредственныхъ продолженій ихъ, стволы; эти стволы у нѣкоторыхъ видовъ сбрасываются, но затѣмъ замѣщаются вновь совершенно подобными же, тогда когда у большинства оленей рога, образующіеся на первыхъ стволахъ, такъ называемыхъ пенькахъ, имѣютъ одинъ, иногда даже два конца, отростка или зубца; таково ихъ головное украшеніе на второмъ году жизни. На третьемъ году весной совершается тотъ же процессъ; но выпущенный новый стволъ отдѣляется отъ себя однимъ отросткомъ болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году; развитіе продолжается такимъ образомъ,

пока животное, наконецъ, не достигнетъ предѣловъ своего роста. Болѣзни или плохое питаніе влекутъ за собой иногда обратный процессъ, потому что въ этихъ случаяхъ каждый вновь выпущенный стволъ производитъ однимъ или двумя отростками меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году; значитъ обильное питаніе и спокойный, беззаботный образъ жизни могутъ содѣйствовать развитію роговъ.

Укрѣпленіе рога въ „розанѣ“ совершается такъ, что большіе или меньшіе выступы корня рога входятъ и окружаются соотвѣтственными углубленіями верхней поверхности „розановъ“.

У большинства оленей за нѣсколько дней передъ сбрасываніемъ роговъ замѣчается вздутіе края кожи, окружающей „розанѣ“ и корень рога; олень бережно обращается съ рогами и показываетъ этимъ, что въ этомъ мѣстѣ онъ обладаетъ необыкновенной чувствительностью. Сбрасываніе роговъ происходитъ или въ силу ихъ собственной тяжести, или отъ самага незначительнаго внѣшняго толчка. Оба рога крайне рѣдко сбрасываются одновременно; по большей части, между сбрасываніемъ перваго и втораго рога проходятъ различные промежутки времени — отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ дней. Всѣмъ своимъ поведеніемъ, въ особенности позой головы и повисаніемъ ушей олень обнаруживаетъ, что сбрасываніе роговъ связано для него если не съ болевымъ, то, во всякомъ случаѣ, съ непріятнымъ ощущеніемъ. Уже за нѣсколько дней передъ этимъ онъ перестаетъ бодаться, а защищается, подобно самкѣ, ударами переднихъ ногъ. Послѣ отпаденія одного рога ему приходится держать голову косо, благодаря нарушенію равновѣсія, наклонивъ ее въ сторону; при этомъ онъ часто трясетъ головой, какъ бы желая удалить этимъ также и второй рогъ.

Уже въ первобытныя времена олень былъ распространенъ по большей части земной поверхности. Въ настоящее время онъ водится во всѣхъ частяхъ свѣта, за исключеніемъ Эѳіопіи и Австраліи, и живетъ во всѣхъ климатахъ, на равнинахъ и горахъ, въ лѣсахъ и на голыхъ мѣстахъ. Всѣ олени живыя, робкія и быстро обращающіяся въ бѣгство созданія, съ быстрыми и проворными движеніями, тонкими чувствами, но духовно одаренныя довольно мало. Голосъ у самца проявляется глухими, короткими и отрывистыми звуками, а у самки блеяньемъ.

Пища оленей состоитъ только изъ растительныхъ веществъ. По крайней мѣрѣ, отнюдь нельзя считать еще доказаннымъ, чтобы сѣверный олень — какъ это утверждаютъ — ѣлъ пеструшку. Главныя вещества, входящія въ его питаніе, — травы, зелень, цвѣты, листья и хвоя, почки, молодые побѣги и вѣтви, хлѣбныя растенія, плоды, ягоды, кора, мохъ, лишай и грибы. Соль кажется имъ лакомствомъ, вода же необходима.

Самка оленя приноситъ 1-го или 2-хъ, въ рѣдкихъ случаяхъ трехъ дѣтенышей, которые появляются на свѣтъ уже вполне развитыми и могутъ слѣдовать за своей матерью уже черезъ нѣсколько дней. У нѣкоторыхъ родовъ отецъ также дружелюбно покровительствуетъ своему потомству. Дѣтенышамъ очень нравятся ласки матери, которая самымъ тщательнымъ образомъ печется о нихъ и защищаетъ отъ опасности.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣліе и лѣсное хозяйство ведется согласно повѣйшимъ требованіямъ, олени не могутъ быть терпимы. Вредъ, причиняемый этими красивыми животными, превосходитъ незначительную пользу, доставляемую ими. Къ сожалѣнію, сельское и лѣсное хозяйство не можетъ мириться съ ними. Не будь охоты, которая вполне заслуженно признается однимъ изъ самыхъ благородныхъ и свойственныхъ мужчинѣ удовольствій, то у насъ уже давно въ конецъ истребили бы всѣхъ оленей. Этого, однако, еще не произошло; но всѣ члены этого семейства, столь выдающагося во многихъ отношеніяхъ, живущіе въ Германіи, приближаются къ вѣрному исчезновенію, и, вѣроятно, спустя немного времени ихъ можно будетъ видѣть только въ паркахъ да зоологическихъ садахъ.

Приручить оленя не такъ легко, какъ это обыкновенно полагаютъ. Конечно, юныя животныя, попавъ рано подъ власть человѣка и привыкнувъ къ нему, ведутъ себя очень мило, довѣрчиво и отличаются привязанностью; но съ увеличеніемъ возраста всѣ эти качества все болѣе и болѣе исчезаютъ, и почти

всѣ старые олени — гнѣвные, злобныя и задорныя созданія. Исключеніемъ изъ этого не является даже одинъ родъ, живущій уже очень давно въ неволѣ — сѣверный олень. Приручить его совершенно, какъ другихъ жвачныхъ, не удастся никогда, а всегда приручается онъ лишь на половину.

Выше всѣхъ поставимъ великановъ этого семейства. Лоси (*Alces*) имѣютъ въ настоящее время только одного представителя, а если считать американскаго лоса за особый родъ, то двухъ. Это мощныя созданія, сложенные неуклюже, съ высокими ногами и расширяющимися на подобіе лопаты рогами; рога развѣтвляются на подобіе пальцевъ на рукѣ и имѣютъ много зубцовъ. Лоси обладаютъ небольшими слезными ямками, пучками волосъ на внутренней сторонѣ при основаніи ступни и копытными железами; у нихъ нѣтъ клыковъ. Голова безобразна, верхняя губа, покрытая волосами, виситъ надъ нижней; глаза малы, уши длинные и широки; хвостъ очень коротокъ.

Лось или сохатый (*Alces palmatus*, *Cervus alces*) пользуется громкой славой уже съ древнихъ временъ. До сихъ поръ не ясно еще происхожденіе нѣмецкаго названія этого животнаго (*Elen*); одни утверждаютъ, что оно образовалось изъ древняго слова „elend“ или „elent“, что значитъ сильный; другіе полагаютъ, что оно произошло отъ славянскаго слова „елень“ (олень). Уже со временъ древнихъ римскихъ писателей лось извѣстенъ, какъ германское животное. „Въ Герцинскомъ лѣсу“, говоритъ Юлій Цезарь, „существуетъ лось, животное, похожее на козла по фигурѣ и разнообразію цвѣта, но больше его; у него нѣтъ роговъ, а ноги лишены суставовъ. Эти животныя не ложатся въ то время, когда отдыхаютъ, и не могутъ подняться, разъ упадутъ. Во время сна они прислоняются къ деревьямъ. Поэтому охотники подрубаютъ или подкапываютъ дерево, такимъ образомъ, чтобы оно упало вмѣстѣ съ животнымъ, когда послѣднее прислонится къ нему“. Въ средніе вѣка это животное часто упоминается, особенно же въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, гдѣ оно выступаетъ подъ именемъ „Elk“. Если эта сага говоритъ правду, то лось встрѣчался въ тѣ времена по всей Германіи вплоть до крайняго запада; это видно прямо изъ описанія охоты Зигфрида въ Васгау:

„Потомъ онъ поразилъ зубра и лоса,
Четырехъ сильныхъ туровъ и яростнаго Schelk.“

Въ актахъ императора Оттона Великаго подъ 943 годомъ есть запрещеніе, чтобы никто не охотился безъ разрѣшенія епископа въ лѣсахъ Дрента на нижнемъ Рейнѣ на оленей, медвѣдей, косуль, кабановъ и тому подобныхъ дикихъ звѣрей, которые обозначаются въ нѣмецкомъ языкѣ словомъ „Elo“ или „Schelo“.

Въ послѣднемъ столѣтіи дикіе лоси стали убывать очень быстро и значительно по всей Европѣ. Еще въ 17, а можетъ быть и 18 вѣкѣ лось встрѣчался мѣстами въ Саксоніи и Силезіи. Послѣдній лось былъ убитъ въ Саксоніи въ 1746, а въ Силезіи въ 1776 году. Въ Ибенхорстскомъ лѣсу около Тильзита эта дичь подъ охраной королевскаго повелѣнія сохранилась до нашихъ дней. Хотя въ 1848 году, когда охота была объявлена свободной, эта дичь уменьшилась здѣсь на 16 штукъ, но въ слѣдующіе затѣмъ годы вновь дошла до 11 штукъ; но благодаря строгой охранѣ и ввозу лосей изъ Швеціи количество этой дичи съ начала шестидесятыхъ годовъ опять возросло и въ настоящее время достигло, круглымъ счетомъ, сотни. Кромѣ того въ лѣсахъ Кенигсбергскаго лѣсничества держится еще штукъ 70—80 дикихъ лосей. Такимъ образомъ мы считаемъ еще этотъ родъ оленей въ числѣ германскихъ животныхъ.

Помимо этихъ огражденных мѣстъ, находящихся подъ самымъ строгимъ присмотромъ, лось водится во всѣхъ богатыхъ лѣсами странахъ Европы и Азіи, лежащихъ подъ болѣе высокими широтами. Въ нашей части свѣта онъ ограничивается балтійскими низменностями, за исключеніемъ восточной Пруссіи, значить Литвой, Лифляндіей и Курляндіей, а также водится въ Швеціи и Норвегіи и въ нѣкоторыхъ полосахъ Россіи. Въ Норвегіи лось обитаетъ въ восточныхъ провин-

ціяхъ юга, въ Швеціи — въ примыкающихъ къ нимъ западныхъ областяхъ, другими словами, онъ водится въ громадныхъ лѣсахъ, покрывающихъ такъ называемыя Къеландскія горы. Гораздо чаще, чѣмъ въ Европѣ, лось встрѣчается въ Азій. Тамъ онъ распространяется къ сѣверу отъ 50° широты по всему сѣверу до Амура и встрѣчается вездѣ, гдѣ тянутся лѣса.

Сохатый — мощное животное. Длина тѣла взрослого лоса доходить до 2,6—2,9 метра, длина хвоста 10 см., высота въ загривкѣ 1,9 м. Очень старыя живот-



Лось (*Alces palmatus*). $\frac{1}{2}$ естеств. веллч.

ныя имѣютъ до 500 кгр. вѣсу; среднимъ вѣсомъ ихъ надо признать 300—400 кгр. Туловище сохатаго коротко и толсто, съ широкой грудью, высоко, на загривкѣ у него почти горбъ; спина прямая, крестецъ низкій. Оно покоится на очень высокихъ и сильныхъ ногахъ равной длины, снабженныхъ узкими, прямыми, глубоко расколотыми копытами, имѣющими растяжимую связку; задніе ногти легко касаются почвы. На короткой, сильной и плотной шеѣ сидитъ большая, вытянутая въ длину голова, суживающаяся около глазъ и оканчивающаяся длинной, толстой, вздутой мордой, очень широко притупленной спереди. Рога образуютъ у взрослого самца большую, простую, очень широкую, трехгранную, плоскую корону лопатовидной формы и имѣющую борозды; наружный край ея усаженъ многочисленными зубцами; ихъ несутъ короткіе, толстые, округленные отростки, усаженные

нѣсколькими шариками; эти отростки сидятъ на короткихъ „розанахъ“ и также загибаются въ стороны. Рога достигаютъ 20 килогр. вѣса.

Волосистой покровъ лоса длиненъ, густъ и жестокъ. Цвѣтъ довольно равномерный рыжевато-бурый; на гривѣ и бокахъ головы онъ переходитъ въ блестящій темно-черно-бурый, на лбу въ красно-бурый и на концѣ морды въ сѣрый; ноги бѣловато-аспидно-сѣраго цвѣта, а окружность глазъ сѣраго. Самка не меньше величиной, но у нея нѣтъ роговъ.

Мѣсто пробыванія дикаго лоса составляютъ дикіе, уединенные лѣса, богатые оврагами и трясины, и при томъ такіе, гдѣ есть ивы, березы, осины и другія лиственные деревья. Болота и трясины, повидимому, безусловно необходимы для успѣшнаго развитія и благосостоянія лоса. Это неуклюжее созданіе держится лѣтомъ въ низко лежащихъ сырыхъ мѣстностяхъ, а зимой на болѣе высокихъ, не подвергающихся затопленію и не покрытыхъ льдомъ. Въ ясную погоду животное предпочитаетъ чащу лиственного лѣса, а во время дождей, снѣговъ и тумановъ — хвойнаго. Если его беспокоятъ или же ощущается недостатокъ питанія, то лось легко перемѣняетъ мѣсто.

По образу жизни сохатый во многомъ отличается отъ оленя. Подобно оленю, сохатый собирается въ стада очень различной величины, и только на время беременности старые самцы отдѣляются отъ стадъ, образуя обыкновенно свои собственные общества.

Лось питаетъ глубочайшую ненависть еще больше, чѣмъ другіе олени, ко всякимъ нарушеніямъ покоя, каковы бы они ни были. Онъ требуетъ безусловнаго покоя и оставляетъ всякую мѣстность, гдѣ его потревожатъ нѣсколько разъ. Тамъ, гдѣ онъ знаетъ, что ему не помѣшаютъ, онъ ложится только въ предѣ и послѣ-полуденные часы, не считая недолгаго отдыха, которымъ онъ, быть можетъ, пользуется кромѣ того, и уже съ четырехъ часовъ послѣ полудня начинаетъ бродить, и бродитъ вечеръ, первые часы ночи, ранней зарей и утромъ; въ противномъ случаѣ онъ выбираетъ ночную пору для выхода на кормежку. Пища лоса состоитъ изъ листьевъ и отпрысковъ болотной ивы, березы, осины, ясеня, рябины, остролистнаго клена, липы, дуба, сосны, пихты, изъ вереска, молодого тростника и камыша, хлѣбныхъ ростковъ и льна. Сдирая кору, онъ пользуется своими рѣзцами, какъ настоящимъ долотомъ, отковыриваетъ кусочекъ коры, хватается его зубами и губами и затѣмъ сдираетъ кору длинными полосами по направленію кверху. Болѣе высокіе стволы лось сгибаетъ съ помощью головы и затѣмъ обламываетъ у нихъ верхушки; при этомъ онъ предпочитаетъ, — что легко объяснить, — всѣ деревья и кустарники съ сочной корой, каковы осина, яшень, ива и тополь; онъ любитъ ихъ до того, что нерѣдко совершенно обдираетъ даже очень значительнаго размѣра осины.

Движенія лоса далеко не такъ плавны и легки, какъ у благороднаго оленя. Бѣжать полнымъ ходомъ они не могутъ долго, но рысью идутъ очень скоро и съ невѣроятной выносливостью; нѣкоторые писатели утверждаютъ, что лось можетъ сдѣлать въ одинъ день 30 миль.

Вангенгеймъ описываетъ въ высшей степени удивительный способъ передвиженія лоса по трясинамъ. Когда почва уже не можетъ выдержать лоса на бѣгу, онъ опускается на заднія ноги (сильныя сухожилія заднихъ ногъ), вытягиваетъ переднія ноги прямо впередъ, хватается копытами, упирается поджилками и такимъ образомъ скользитъ по тинистой поверхности; если встрѣчается совсѣмъ топкое мѣсто, то онъ даже ложится на бокъ и передвигается съ помощью ударовъ и отталкиваній ногами. Плавать лось мастеръ. Онъ идетъ въ воду не только по нуждѣ, но, подобно нѣкоторымъ породамъ быковъ, для собственнаго удовольствія, ради того, чтобы выкупаться и освѣжиться; такъ, въ восточной Сибири онъ отыскиваетъ очень глубокія ямы въ горахъ, гдѣ снѣгъ долго лежитъ, и валяется въ нихъ. На гладкомъ льду, не покрытомъ снѣгомъ, лось не можетъ долго идти и если онъ упадетъ на его зеркальной поверхности, то встать на ноги стоитъ ему большого труда. Когда сохатый бѣжитъ рысью, то слышится замѣтный стукъ, происходящій отъ ударовъ задними ногами о

копыта. Пустившись бѣжать, лось не останавливается ни передъ лѣсной чащей, ни передъ рѣками и озерами, ни передъ болотами, попадающимися ему на пути.

Лось превосходно слышитъ, но видитъ и чуетъ или обоняетъ не такъ хорошо. Относительно его духовныхъ способностей, повидимому, можно сказать, что неуклюжая и глупая наружность не находится съ ними въ противорѣчїи. Онъ мало пугливъ и еще менѣе остороженъ; едва ли онъ научается отличать дѣйствительную опасность отъ кажущейся. Въ ихъ стадахъ не замѣчается прочной связи; каждый лось поступаетъ, какъ ему вздумается, и только дѣтенышъ слѣдуетъ за своей матерью; но все стадо не ходитъ за своимъ вожакомъ, какъ это бываетъ у оленей. Течка начинается въ остзейскихъ провинціяхъ въ концѣ августа, а въ азіатской Россіи въ сентябрѣ и октябрѣ. Въ это время самцы доходятъ до высшей степени возбужденія, вызываютъ всѣхъ соперниковъ на поединокъ и борются съ ними съ яростью и бѣшенствомъ, даже легко бросаются на людей и безумно бѣгаютъ непрерывно и день и ночь. Привязанность и любовь матери къ дѣтенышамъ очень велика. Она защищаетъ даже мертвого дѣтеныша, а если онъ похищенъ, то долго бродитъ и ищетъ его кругомъ мѣста несчастія, нерѣдко цѣлый день.

Кромѣ человѣка, у лоса есть много другихъ опасныхъ враговъ, несмотря на его силу; самые опасные — волкъ, рысь, медвѣдь и росомаха. Волкъ настигаетъ лоса обыкновенно зимой по глубокому снѣгу; медвѣдь подстерегаетъ ихъ въ одиночку, но не рискуетъ напасть на стадо; рысь, а иногда и росомаха, вспрыгиваютъ на шею проходящаго подъ ними лоса, крѣпко впиваются въ нее когтями и перекусываютъ артерію. Ихъ слѣдуетъ считать самыми опасными врагами этой дичи, вообще способной защищаться; отъ волковъ и медвѣдей она можетъ уберечься, потому что дикій лось умѣетъ успѣшно защищаться, даже въ томъ случаѣ, когда теряетъ свои мощные рога, а именно, пуская въ дѣло съ такой же ловкостью, какъ и силой твердыя и острые копыта переднихъ ногъ.

Лоси, пойманные въ молодости, становятся ручными; ихъ можно приучить даже, чтобы они сами уходили и возвращались; у насъ въ неволѣ они рѣдко живутъ долгое время. Прежде въ Швеціи умѣли настолько дрессировать ихъ, что употребляли для ѣзды на саняхъ; но такія упряжныя животныя были запрещены закономъ, „такъ какъ быстрота и выносливость ихъ сдѣлала бы невозможной преслѣдовать преступниковъ“. Позднѣйшія попытки сдѣлать изъ лоса домашнее животное имѣли спорный успѣхъ. Хотя молодыя животныя сначала толстѣли, но потомъ все больше и больше худѣли и обыкновенно скоро погибали.

Ограда, въ которой можно держать лоса, должна быть высока, потому что, несмотря на неуклюжесть всѣхъ своихъ движеній, онъ безъ труда перепрыгиваетъ черезъ стѣну въ 2 метра вышины, да при томъ еще безъ разбѣга. Спокойно идетъ онъ до встрѣчающейся ему ограды, вдругъ становится на заднія ноги, а переднія сгибаетъ и поднимаетъ надъ рѣшеткой и затѣмъ бросается впередъ, поджавъ подъ себя свои длинныя заднія ноги. По отношенію къ другимъ животнымъ, находящимся вмѣстѣ съ нимъ въ неволѣ, онъ выказываетъ себя совершенно равнодушнымъ, а на собакъ, которыя приводятъ другихъ оленей въ величайшее возбужденіе, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія; точно также онъ весьма мало печалится о своихъ родичахъ, помѣщающихся въ одномъ мѣстѣ или рядомъ съ нимъ. Лось превосходно уживается съ сѣвернымъ оленемъ, быть можетъ потому, что они подходятъ другъ къ другу по своему спокойному характеру. Олени другихъ породъ, проворные и живые, повидимому, ненавистны для него; онъ старается ударить ихъ и только тогда терпитъ ихъ присутствіе, не дѣлая враждебныхъ попытокъ, когда убѣдится въ бесполезности своихъ стараній.

Выгода, получаемая человѣкомъ отъ убитаго лоса, значительна. Мясо, шкура и рога находятъ себѣ такое же примѣненіе, какъ и у дикаго оленя. Мясо лоса жестче, но шкура прочнѣе и лучше, чѣмъ у красной дичи. Въ особенности большимъ уваженіемъ пользовалась лосиная шкура въ средніе вѣка; тогда за нее дорого платили. Но какова бы ни была польза, которую можетъ принести сохатый,

она далеко не покрываетъ причиняемаго имъ вреда. Это животное — настоящій опустошитель лѣсовъ, и для правильнаго веденія лѣсного хозяйства оно настолько опасно, что если заниматься лѣсоводствомъ согласно требованіямъ нашего времени, его нигдѣ не слѣдуетъ разводить, да врядъ ли можно и щадить.

Американскій лось, *Mooseder* англичанъ и ориньяль французовъ, живущихъ въ Америкѣ (*Alces americanus*) отличается отъ своего родича изъ Стараго Свѣта главнымъ образомъ глубоко зазубренными лопатообразными рогами съ отдѣльными глазными отростками а также подгрудкомъ съ слабой растительностью и болѣе темнымъ цвѣтомъ. Насчетъ этого животнаго еще не пришли совсѣмъ къ соглашенію, хотя нѣкоторые изслѣдователи берутся найти различіе не только по шкурѣ, но даже по копченому бедру. Рога американскаго лоса болѣе мощны и тяжелы, чѣмъ нашего; они даже достигаютъ вѣса въ 30—40 килограммовъ.

Американскій лось водится въ настоящее время еще на сѣверѣ Америки, въ Канадѣ, Новомъ Брауншвейгѣ и Фундибаѣ. Франклинъ находилъ его на истокахъ Мекензи, и далѣе къ востоку на Мѣдной рѣкѣ подъ 65° сѣверной широты. Мекензи встрѣчалъ его также на высотахъ Скалистыхъ горъ и у истоковъ рѣки Элькъ. Американскій лось сбрасываетъ рога позже европейскаго, обыкновенно въ январѣ и февралѣ, если же зима сурова, то въ мартѣ. Пища его, вѣроятно, такова же, какъ и нашего лоса.

Дикари ревностно охотятся за ними и употребляютъ при этой охотѣ разнообразныя способы. Одинъ изъ главныхъ ихъ пріемовъ — загнать лоса въ воду, гдѣ они могутъ убить его безъ большого труда, наѣхавъ на него въ своихъ лодкахъ. Молодые американскіе лосы легко поддаются прирученію, въ нѣсколько дней научаются узнавать своего сторожа и затѣмъ слѣдуютъ за нимъ съ большимъ довѣріемъ. Но становясь старше, они также дѣлаются дикими, раздражительными и опасными.

*

У сѣверныхъ оленей (*Rangifer*) оба пола имѣютъ рога, они начинаются съ короткихъ отростковъ („розановъ“), загибаются дугообразно сзади напередъ, а на концахъ расширяются на подобіе лопаты, расходятся отростками въ видѣ пальцевъ и покрыты мелкими бороздками. Этотъ олень отличается очень широкими копытами и длинными, но оканчивающимися тупо, задними ногтями. Фигура ихъ довольно неуклюжа, въ особенности же некрасива голова; ноги сравнительно низки, хвостъ очень коротокъ. Небольшіе клыки въ верхней челюсти бываютъ только у старыхъ самцовъ, да и то не всегда.

Сѣвернаго оленя можно назвать самымъ полезнымъ изъ всѣхъ оленей. Цѣлая народности обязаны ему своей жизнью и пропитаніемъ; безъ этого довольно страннаго домашняго животнаго онѣ не могли бы существовать. Лапландцу и финну сѣверный олень гораздо болѣе необходимъ, чѣмъ для насъ быкъ или лошадь, а для араба — верблюдъ или коза, потому что сѣверный олень долженъ нести службу почти всѣхъ домашнихъ животныхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Ручной сѣверный олень доставляетъ для пропитанія и одежды своего безграничнаго владѣльца мясо и шкуру, кости и жилы; онъ доставляетъ ему молоко; его можно употреблять какъ вьючное животное, и онъ перевозитъ съ одного мѣста на другое въ легкихъ саняхъ цѣлое семейство вмѣстѣ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ; однимъ словомъ: благодаря сѣверному оленю сѣверныя народности могутъ вести свою кочевую жизнь.

Я не знаю другого животнаго, на которомъ отразилось бы такъ остро тягость порабощенія, проклятiе рабства, какъ на сѣверномъ оленѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что „олень“ (*Renn*) скандинавцевъ, встрѣчающійся еще въ дикомъ состояніи, есть родоначальникъ этого домашняго животнаго. Ручные олени, которые могутъ жить внѣ человѣческаго крова, дичаютъ въ очень короткое время и черезъ нѣсколько поколѣній становятся совершенно сходны съ дикими. Но съ трудомъ можно найти два такихъ созданія, которыя при столь тѣсномъ родствѣ

такъ сильно отличались бы другъ отъ друга по фигурѣ и нраву, какъ ручной и дикій сѣверный олень. Первый — печальный рабъ своего бѣднаго, жалкаго господина; второй — гордый властелинъ горныхъ вершинъ, олень, живущій, какъ серна, и обладающій всѣмъ благородствомъ, присущимъ этому прекрасному животному. Кто видѣлъ косякъ дикихъ сѣверныхъ оленей и стадо ручныхъ и сравнилъ бы ихъ, тотъ съ трудомъ повѣрилъ бы, что какъ тотъ, такъ и другой — дѣти однихъ предковъ.

Сѣверный олень (*Rangifer tarandus*) — статное созданіе, величиной съ обыкновеннаго оленя, но не такого роста. Длина его доходитъ до 1,7—2 метра, длина хвоста 13 см., высота въ загривкѣ 1,08 метра. Рога уступаютъ по величинѣ, а еще больше по красотѣ рогамъ оленя, но все же представляютъ великолѣпное головное украшеніе. Туловище сѣвернаго оленя отличается отъ корпуса благороднаго оленя, быть можетъ, большей шириной задней части, но шея и голова гораздо болѣе неуклюжи и некрасивѣе, чѣмъ у благороднаго оленя; ноги значительно ниже, копыта много безобразнѣе, чѣмъ у послѣдняго; точно также у сѣвернаго оленя нѣтъ той гордой осанки, каковы бы ни были условія, что у благороднаго: онъ держитъ себя далеко не такъ красиво, какъ то благородное созданіе. Длина шеи равна приблизительно длинѣ головы; шея сильная и плотная, и чуть согнутая вверхъ, голова очень немного суживается кпереди и оканчивается тупой мордой, спинка носа прямая; уши короче, чѣмъ у благороднаго оленя, но имѣютъ такую же форму, глаза большіе и прекрасные, слезныя ямки малы и покрыты пучками волосъ. Ляжки у сѣвернаго оленя толсты, ноги же сильны, хотя и низки; копыта очень велики, широки, сплюснуты и глубоко расколоты; задніе ногти доходятъ до земли. У ручныхъ оленей копыта до того широки, что если бы принимать во вниманіе только строеніе однихъ копытъ, то ручного и дикаго оленя слѣдовало бы безусловно причислить къ отдѣльнымъ родамъ. Вообще, дикій сѣверный олень сложенъ гораздо изящнѣе и красивѣе, чѣмъ ручной, который кажется изуродованнымъ и обезображеннымъ.

Шерсть у сѣвернаго оленя гуще, чѣмъ у всѣхъ другихъ родовъ оленей. На передней части шеи есть грива, спускающаяся иногда на грудь; волоса удлиняются также на щекахъ. Зимой вообще они бываютъ въ 6 сантиметровъ длины, и такъ какъ они очень густо лежатъ другъ на другѣ, то образуется покрывало по меньшей мѣрѣ въ 4 сантиметра толщины, чѣмъ легко объяснить то обстоятельство, что сѣверный олень можетъ легко переносить очень значительный холодъ. Общій цвѣтъ ихъ мѣняется соотвѣтственно мѣстности, а еще больше — времени года. Дикіе сѣверные олени довольно правильно мѣняютъ два раза въ годъ свой волосяной покровъ и его цвѣтъ. Съ началомъ весны богатый зимній волосяной покровъ выпадаетъ, а на его мѣсто является короткій, одноцвѣтный сѣрый волосъ; но между ними мало по малу начинаютъ прорастать другіе волоса; ихъ бѣлые кончики наконецъ совершенно вытѣсняють сѣрый волосъ, пока, наконецъ, все животное не сдѣлается сѣро-бѣлымъ, почти соловымъ; цвѣтъ его становится похожъ на грязный талый снѣгъ. У ручныхъ оленей лѣтомъ цвѣтъ бываетъ темно-бурый. Зимой бурый цвѣтъ пропадаетъ и точно также сильнѣе пробивается бѣлый волосъ. Однако также бываетъ много такихъ сѣверныхъ оленей, у которыхъ зимнее отличіе заключается только въ болѣе длинныхъ волосахъ, цвѣтъ же остается безъ перемѣнъ. Рога у самокъ меньше и не такъ зазубрены, какъ у самцовъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели принимаютъ встрѣчающагося въ Америкѣ сѣвернаго оленя за особый родъ, и основываютъ свое мнѣніе на томъ, что тамъ встрѣчается и европейскій сѣверный олень, отличающійся отъ американскаго величиной, цвѣтомъ и образомъ жизни. Карибу (*Rangifer caribu*) больше нашего сѣвернаго оленя, имѣетъ меньшіе рога, болѣе темнаго цвѣта и живетъ уединенно, преимущественно въ лѣсахъ.

Сѣверный олень былъ извѣстенъ уже древнимъ. Юлій Цезарь довольно вѣрно описываетъ его. „Въ Герцинскомъ лѣсу“, говоритъ онъ, „есть быкъ, съ виду похожій на оленя, у котораго надъ лбомъ находятся рога гораздо большей вели-

чины, чѣмъ у другихъ быковъ; вершина ихъ расширяется на подобіе ладони и имѣетъ много зубцовъ. У самки такіе же рога.“ Позднѣйшіе естествоиспытатели перемѣшивали ложь съ правдой, и первый кто самъ точно наблюдалъ сѣвернаго оленя — былъ великій Линней. Родина сѣвернаго оленя — дальній сѣверъ Стараго Свѣта, а если отнести сюда же и американскаго карибу, то и сѣверныя мѣстности Новаго Свѣта. Во всѣхъ странахъ онъ водится подъ 60° сѣверной широты, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спускается до 52° и доходитъ на сѣверѣ обыкновенно до 80 и за него. Въ дикомъ состояніи онъ встрѣчается въ Альпійской области скан-



Сѣверный олень (*Rangifer tarandus*). $\frac{1}{15}$ естеств. велич.

динавскихъ и лапландскихъ горъ, въ Финляндіи, по всему сѣверу Сибири, въ Гренландіи, и на самыхъ сѣверныхъ отрогахъ горъ материка Америки. Онъ живетъ также и на Шпицбергенѣ; въ Исландіи онъ совершенно одичалъ, черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ былъ туда ввезенъ, и распространился тамъ въ значительномъ числѣ по всѣмъ горамъ этого острова. Въ Норвегіи я встрѣчалъ его еще въ довольно большомъ количествѣ въ Доурефіельдѣ. Онъ попадаетъ также на плоскогоріи Бергенъ Штифтъ и доходитъ тамъ, навѣрное, до 60° сѣверной широты.

Сѣверный олень, какъ и серна, настоящее дитя альпійской области горъ и держится тамъ только на безлѣсныхъ широкихъ хребтахъ сѣверныхъ горъ, покрытыхъ только мхомъ да немногими альпійскими растеніями; туземцы очень мѣтко и картинно называютъ эти хребты „фьельдами“. Обычное мѣстопробываніе сѣвер-

наго оленя въ Норвегіи — горный поясъ на высотѣ отъ 1000 до 2000 метровъ. Здѣсь онъ никогда не спускается въ поясъ лѣсовъ, такъ какъ вообще боязливо уклоняется отъ лѣсовъ. Холодные горныя равнины и покатости, между камнями которыхъ растутъ въ одиночку растенія, или тѣ обширныя равнины, которыя жидко покрыты оленьимъ мхомъ-ягелемъ, нужно считать за постоянныя мѣста этой дичи; когда сѣверный олень переходитъ съ одной горной цѣпи на другую, тогда только ему приходится пробѣгать по болотистымъ, низкимъ мѣстностямъ, носящимъ характеръ тундры; но и при такихъ перемѣнахъ мѣста онъ все же боязливо избѣгаетъ лѣса. Палласъ сообщаетъ, что въ сѣверной Сибири онъ иногда встрѣчается въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, и фонъ-Врангель подтверждаетъ это. Отъ этихъ писателей мы узнаемъ, что сѣверный олень предпринимаетъ въ Сибири дальнія правильныя кочевки. „Къ концу мая“, говоритъ фонъ-Врангель, „дикій сѣверный олень покидаетъ большими стадами лѣса, гдѣ онъ искалъ зимой нѣкоторой защиты отъ свирѣпаго мороза, и тянется на сѣверныя равнины, частью по той причинѣ, что тамъ онъ находитъ на мшистыхъ равнинахъ лучшую пищу, частью также для того, чтобы избавиться отъ мухъ и комаровъ, которые съ наступленіемъ весны затемняютъ воздухъ безчисленными тучами. Весенняя пора не выгодна для тамошнихъ народовъ, такъ какъ въ это время года животныя худѣютъ и сплошь покрываются язвами и ранами отъ укушеній насѣкомыхъ; но въ августъ и сентябрѣ, когда сѣверные олени опять возвращаются съ равнинъ въ лѣса, они здоровы, хорошо откормлены и доставляютъ вкусную и полезную пищу. Въ хорошіе года сѣверные олени идутъ цѣлыми тысячами; хотя переходы ихъ и совершаются стадами штукъ въ 200—300, но эти стада находятся на такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что цѣлое производитъ впечатлѣніе огромной массы. Идутъ они всегда однимъ и тѣмъ же путемъ. При переправѣ черезъ рѣку они выбираютъ такое мѣсто, гдѣ къ берегу спускается сухой логъ, а у противоположнаго берега есть песчаная отмель, которая облегчила бы имъ высадку. Здѣсь всѣ отдѣльныя стада тѣсно собираются вмѣстѣ, и вся поверхность рѣки покрывается плывущими животными.“ На американскомъ материкѣ эти животныя кочуютъ, какъ и въ Сибири, съ горъ къ морскимъ берегамъ и обратно.

Въ Норвегіи сѣверные олени не кочуютъ; самое большее, если они переберутся съ одного горнаго хребта на другой. Но эти горы такъ созданы, что могутъ доставлять имъ такія же выгоды, какія сибирскіе олени извлекаютъ изъ своихъ кочевоекъ. Ко времени появленія мошекъ они поднимаются къ глетчерамъ и снѣжнымъ полямъ, а осенью, зимой и весной спускаются глубже въ горы. Всѣ дикіе сѣверные олени весьма любятъ общеніе; ихъ стада гораздо больше, чѣмъ стада другихъ дикихъ оленей; одинокихъ животныхъ можно встрѣтить только изрѣдка, это непременно старые самцы, прогнанные стадомъ.

Сѣверные олени прекрасно приспособлены къ жизни въ тѣхъ сѣверныхъ странахъ, которыя лѣтомъ представляютъ, собственно говоря, одно болото, а зимой — сплошное снѣжное поле. Широкія копыта позволяютъ имъ также хорошо переходить по топкимъ мѣстамъ и снѣжному покрову, какъ и взбираться на покатости. Походка оленя — довольно быстрый шагъ или быстрая рысь. При этомъ, на каждомъ шагу слышится своеобразное хрустѣніе, похожее на шумъ, производимый электрической искрой.

При медленномъ ходѣ по топкимъ мѣстамъ нашъ олень такъ сильно расширяетъ свои копыта, что слѣдъ, происходящій отъ нихъ, гораздо больше напоминаетъ коровій, чѣмъ оленій; подобнымъ же образомъ онъ ходитъ и по снѣгу, въ которомъ онъ не проваливается, какъ скоро снѣгъ хоть немного ссядется. Плавать оленю очень легко.

Всѣ высшія чувства сѣвернаго оленя развиты превосходно. Чуетъ онъ самымъ отмѣннымъ образомъ, какъ я самъ убѣдился, на разстояніи 500—600 шаговъ; слухъ его по меньшей мѣрѣ такъ же остръ, какъ у обыкновеннаго оленя, а видитъ онъ настолько хорошо, что охотникъ имѣетъ полное основаніе тщательнѣйшимъ образомъ скрываться отъ него, даже подходя противъ вѣтра. При томъ наше животное — лакомка, потому что оно выискиваетъ самыя лучшія альпійскія

растенія; чувство осязанія его обнаруживается очень ясно, когда его кусают мухи. ручной сѣверный олень содрагается при самомъ тихомъ прикосновеніи. Всѣ охотники, наблюдавшіе дикаго сѣвернаго оленя, описываютъ его умъ и даже нѣкоторую хитрость: безъ всякаго сомнѣнія, они въ высшей степени пугливы и осторожны; по отношенію къ другимъ животнымъ они не проявляютъ ни малѣйшей робости. Они съ полнымъ довѣріемъ приближаются къ лошадямъ и коровамъ, пасущимся на ихъ высотахъ, а тамъ гдѣ есть ручные олени одного съ ними вида, они очень охотно присоединяются къ нимъ, хотя и очень хорошо знаютъ, что имѣютъ дѣло не съ равными себѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что робость и страхъ передъ человѣкомъ есть результатъ ихъ опыта, и поэтому слѣдуетъ признать у нихъ довольно развитый умъ.

Дикій сѣверный олень питается лѣтомъ сочной альпійской зеленью, а именно листьями и цвѣтами подснежнаго лютика, щавеля, мыльнянки, жабника и т. п., а зимой — лишаями.

Въ Норвегіи течка начинается у сѣвернаго оленя въ концѣ сентября. Въ серединѣ апрѣля бываютъ роды, значитъ взрослая самка ходитъ беременной около 30 недѣль. Дикіе олени никогда не приносятъ больше одного дѣтеныша. Это — маленькое, красивое созданіе, горячо любимое матерью; оно долго сосетъ ее.

Охота за дикимъ сѣвернымъ оленемъ требуетъ страстнаго охотника или натуралиста, не страшающагося трудностей и лишеній. Въ Норвегіи для опытныхъ охотниковъ лучшій способъ — это ружейная охота. Стадо, къ которому подкрадываются нерѣдко такъ озадачивается первымъ выстрѣломъ, что остается неподвижнымъ въ изумленіи еще нѣкоторое время и обращается въ бѣгство только тогда, когда откроетъ стрѣлка. Норвежскимъ охотникамъ это извѣстно, поэтому они охотно ходятъ на охоту вдвоемъ, втроемъ или вчетверомъ, подкрадываются первымъ дѣломъ къ стаду, прицѣливаются, условившись заранѣе, къ опредѣленнымъ животнымъ и предоставляютъ одному первый выстрѣлъ; затѣмъ стрѣляютъ и остальные. Для многихъ сибирскихъ инородцевъ охота на сѣвернаго оленя имѣетъ весьма большое значеніе. „Юкаты и другіе жители мѣстностей, лежащихъ по рѣкѣ Анжуй“, говоритъ фонъ-Врангель, „вполнѣ зависятъ отъ сѣвернаго оленя; какъ и въ Лапландіи, онъ почти одинъ доставляетъ здѣсь пищу, одежду, повозку и жилище. Охота на сѣверныхъ оленей рѣшаетъ тутъ вопросъ о голодѣ или благосостояніи, и время прохода оленей является здѣсь самой важной частью года. Когда животныя во время своихъ регулярныхъ перекочевокъ доходятъ до рѣки и пускаются вплавъ черезъ нее, то охотники, скрывавшіеся раньше за кустами, камнями и т. п., бросаются изъ за нихъ какъ стрѣла, на своихъ маленькихъ лодочкахъ, окружаютъ всю вереницу и стараются удерживать оленей въ кругу; въ это время двое или трое наиболѣе ловкихъ изъ нихъ, вооруженные короткимъ дротикомъ, вѣвзаютъ въ плывущія массы и въ невѣроятно короткое время убиваютъ большое количество, или наносятъ такія тяжелыя раны, что олени, самое большее, успѣваютъ добраться до берега, гдѣ попадаютъ въ руки поджидающихъ ихъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Впрочемъ, охота связана съ большою опасностью. Маленькій челнокъ посреди ужасной давки плывущихъ бокъ о бокъ животныхъ каждое мгновеніе можетъ опрокинуться; кромѣ того, преслѣдуемая животныя обороняются всѣми возможными способами: самцы рогами и зубами, а самки передними ногами, которыми онѣ обыкновенно вспрыгиваютъ на край челна. Если челнъ опрокинется при этомъ, то охотникъ пропалъ, такъ какъ ему почти невозможно выбраться изъ этой густой кучи.“

Совершенно такимъ же образомъ охотятся, какъ рассказываетъ Кингъ, и сѣверо-американскіе индѣйцы. Эти люди также живутъ почти исключительно благодаря сѣверному оленю. Большія многотысячныя стада кочуютъ весной на сѣверъ къ Ледовитому океану, а осенью обратно на югъ. Тогда подкожный слой жира на спинѣ и ляжкахъ доходитъ у нихъ отъ 7 до 12 сантиметровъ толщины, и въ виду этого они составляютъ осенью главный предметъ охоты. Дичь убиваютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, ловятъ петлями, бьютъ дротиками во время переправы черезъ рѣки, роютъ глубокія звѣриныя ямы или дѣлаютъ изъ вѣтвей и прутьевъ двѣ изгороди, оставляютъ въ каждой изъ нихъ по узкому проходу, и въ каждый проходъ помѣ-

щаютъ по петлѣ, гонять стадо между этими изгородами и ловятъ въ эти петли тѣхъ животныхъ, которыя хотятъ прорваться, или убиваютъ ихъ при выходѣ.

Индѣйцы умѣютъ пользоваться дикимъ сѣвернымъ оленемъ подобно тому, какъ лапландцы своимъ ручнымъ. Изъ роговъ и костей они готовятъ себѣ остроги и крючки для рыбной ловли; расколотой голенной костью соскребаютъ съ кожи мясо, жиръ и шерсть; мозгомъ намазываютъ шкуру, чтобы сдѣлать ее болѣе мягкой. Выдѣланными на дыму отъ гнилыхъ дровъ кожами они обвѣшиваютъ свои палатки; невыдѣланная же шкура даетъ имъ тетивы для луковъ и сѣти; спинныя жилы расщепляются на тонкія нити, а мягкая, пушистая шкура телятъ доставляетъ имъ одежду. Одѣвшись съ головы до пятъ оленьей шкурой, они бросаютъ вторую, выдѣланную мягко шкуру, на снѣгъ, покрываются третьей и такимъ образомъ могутъ выносить самый лютый морозъ. Ни одна часть сѣвернаго оленя не остается безъ употребленія, даже пищевая кашица въ желудкѣ. Если дать ей полежать нѣкоторое время и затѣмъ приготовить подъ извѣстнымъ соусомъ, то она считается крайне вкуснымъ блюдомъ.

Кромѣ человѣка у сѣвернаго оленя еще много враговъ. Самый опасный изъ нихъ — волкъ. Онъ всегда осаждастъ стада, но всего хуже зимой. Норвежскіе оленеводы, хотѣвшіе устроиться на южныхъ горахъ, должны были уйти оттуда изъ за волковъ. Сѣвернаго оленя преслѣдуютъ также медвѣдь, рысь и росомаха. Помимо этихъ большихъ хищниковъ, въ числѣ самыхъ злѣйшихъ враговъ сѣвернаго оленя находятся жалкіе на взглядъ маленькіе хищники — насѣкомые.

Пойманные въ юности сѣверные олени чрезвычайно скоро дѣлаются ручными; но мы составили бы себѣ совершенно ложное понятіе, если бы отождествили сѣвернаго оленя, достигшаго прирученія, съ животнымъ, перешедшимъ въ домашнее состояніе. Даже потомки тѣхъ, которые живутъ въ неволѣ съ незапамятныхъ временъ, далеко не такъ ручны, какъ наши домашнія животныя, но все еще пребываютъ въ полудикомъ состояніи. Только лапландцы да ихъ собаки способны водить такія стада и владѣть ими.

Впрочемъ, не одни лопари занимаются оленеводствомъ, но и финляндцы и многіе сибирскіе инородцы. Ручной сѣверный олень есть гордость и опора, радость и богатство, мука и тягость лопаря; по его понятіямъ тотъ, кто считаетъ своихъ оленей сотнями, стоитъ на вершинѣ человѣческаго счастья. Нѣкоторые лопари владѣютъ 2—3000 штукъ оленей, но большинство имѣетъ самое большее штукъ 500. Лапландецъ фьельдовъ, оленеводъ — собственникъ, съ гордостью смотритъ на остальныхъ своихъ соплеменниковъ, которые ведутъ кочевую жизнь и опускаются до того, что занимаются къ скандинавамъ или въ качествѣ рыбаковъ на рыбныя ловли, или даже въ услуженіе; онъ считаетъ себя одного настоящимъ, свободнымъ человѣкомъ; для него нѣтъ ничего выше его „моря“, какъ онъ обыкновенно называетъ очень большое стадо оленей.

Стадо сѣверныхъ оленей представляетъ въ высшей степени своеобразную картину. Оно походитъ, въ общемъ, на идущій лѣсъ, причемъ само собой разумѣется, надо представить себѣ совершенно лишенный листьевъ лѣсъ. Олени ходятъ сомкнувшись, какъ овцы, но проворной эластичной походкой, быстрѣе всѣхъ нашихъ домашнихъ животныхъ. Въ сторонѣ бродитъ пастухъ со своими собаками, которыя ревностно стараются удержать стадо вмѣстѣ.

Если есть гдѣ нибудь по близости хорошее пастбище, то лопари устраиваютъ загонъ, чтобы легче было доить, куда и загоняютъ животныхъ каждый вечеръ. Сѣверные олени напоминаютъ своимъ снованьемъ то въ одну то въ другую сторону и вѣчнымъ блеяньемъ овецъ, хотя звуки, издаваемые ими, скорѣе можно было бы назвать хрюканьемъ, похожимъ на хрюканье свиньи. Огромное большинство оленей, ходящихъ стадами, очень небольшого роста; сильныхъ и крупныхъ животныхъ можно видѣть крайне рѣдко среди цѣлыхъ сотенъ. При этомъ непріятно дѣйствуетъ неправильность ихъ роговъ. При приближеніи къ загону прежде всего слышится безпрестанное блеянье, и затѣмъ, отъ постоянного движенія оленей, хрустѣнье, какъ если бы сотни электрическихъ батарей были пущены въ ходъ. Посреди загона лежитъ нѣсколько большихъ бревенъ, къ которымъ привязываютъ оле-

ней во время доенья. Ни одинъ олень не дастъ похитить свое молоко безъ помощи аркана, поэтому всякій лапландецъ и лапландка всегда имѣютъ таковой при себѣ. Арканъ состоитъ изъ длиннаго ремня или веревки; его свертываютъ въ кольцо, затѣмъ крѣпко держатъ оба конца и бросаютъ такъ, чтобы оно упало вокругъ шеп или роговъ животного, потомъ все укорачиваютъ и укорачиваютъ его, пока животное не будетъ притянуто совсѣмъ близко; тогда дѣлаютъ корабельную петлю и накладываютъ ее на ротъ оленю, благодаря чему онъ крѣпко и надежно укрощается и принуждается къ безусловному повиновенію. Тогда его привязываютъ къ обрубку и начинаютъ доить. Во время доенья олень напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы удрать, но лопари умѣютъ помѣшать этому и особенно упрямымъ животнымъ стягиваютъ петлю около носа такъ туго, что имъ, конечно, приходится успокоиться. Затѣмъ приближается сзади къ оленю доильщица, ударяетъ плашмя по вымени нѣсколько разъ и опоражниваетъ его. Молоко пріятнаго сладковатаго вкуса и густо, какъ сливки. Тотчасъ по окончаніи доенья отпираютъ загонъ и выгоняютъ животныхъ опять на пастбище, когда бы ихъ ни собирали — раннимъ ли утромъ или позднимъ вечеромъ, потому что они пасутся день и ночь.

Различныя повальные болѣзни часто жестоко опустошаютъ стада сѣверныхъ оленей, и кромѣ того, суровый климатъ содѣйствуетъ тому, что они не такъ быстро размножаются, какъ это могло бы быть, судя по плодовитости сѣвернаго оленя. Молодые, нѣжные телята гибнутъ отъ холода или страдаютъ отъ сильныхъ снѣжныхъ бурь, такъ что они, въ конецъ изнеможенные, не могутъ дальше слѣдовать за стадомъ; взрослые животные при особенно глубокомъ снѣгѣ не могутъ больше находить себѣ достаточнаго количества пищи, и если лопарь и старается при такихъ обстоятельствахъ доставить имъ нѣкоторое питаніе, сваливая въ лѣсахъ деревья, богато покрытыя лишаями, то все же онъ не можетъ снабдить свое стадо требуемымъ количествомъ корма. Очень плохо бываетъ, если во время выпаденія снѣга пройдетъ хоть разъ дождь, такъ какъ отъ этого снѣгъ покрывается твердой корой. Подобная кора мѣшаетъ оленю добратся посредствомъ сбиванія снѣжнаго покрова до корма. Тогда горькая нужда посѣщаетъ лопарей, и люди, считавшіеся по понятіямъ этого народа богатыми, превращаются при такихъ условіяхъ, иногда въ одну зиму, въ бѣдняковъ. Въ такомъ случаѣ они занимаются кражей оленей и поэтому становятся во враждебныя отношенія къ другимъ владѣльцамъ оленей, которые убиваютъ воровъ безъ разговоровъ, если застанутъ на мѣстѣ преступленія.

Вычислить всю ту пользу, которую приносятъ ручные олени своимъ владѣльцамъ, примѣнительно къ нашимъ отношеніямъ, невозможно. Все производимое животнымъ находить себѣ примѣненіе, не только молоко и приготовляемый изъ него вкусный сыръ, мясо, кровь, но и всякая отдѣльная часть тѣла. Еще не окостенѣвшіе рога сѣвернаго оленя ѣдятъ также охотно, какъ и рога благороднаго оленя, находящіеся въ подобномъ же состояніи, изъ мягкой шкуры телятъ изготовляютъ одежду, шерсть прядутъ и ткутъ; изъ костей дѣлаютъ всякія ремесленные орудія, жилами пользуются какъ нитками. Кромѣ того это животное должно, въ особенности зимой, перевозить съ одного мѣста на другое цѣлую семью со всѣмъ скарбомъ. Въ Лапландіи сѣвернымъ оленемъ пользуются, главнымъ образомъ, для ѣзды и гораздо меньше для переноски тяжестей, такъ какъ послѣдняя очень тяжела для него оттого, что у него слабый крестецъ. Но тунгусы и кираки ѣздятъ на самыхъ сильныхъ оленяхъ верхомъ, для чего помѣщаютъ небольшое сѣдло прямо на лопатки и садятся на это странное верховое животное растопыривъ ноги. Въ Лапландіи никто не ѣздитъ на оленяхъ верхомъ, а для упряжной ѣзды употребляютъ наиболѣе сильныхъ самцовъ или „*Reppochs*“ (верховой быкъ, какъ ихъ называютъ норвежцы. За хорошихъ упряжныхъ животныхъ охотно платятъ отъ 30 до 50 марокъ (15—25 р. на наши деньги), тогда какъ обыкновенный сѣверный олень стоитъ не дороже 12—18 марокъ (5—8 руб.). Оленей не обучаютъ предварительно ѣздѣ; безъ всякихъ приготовленій берутъ изъ стада любого сильного оленя и запрягаютъ его въ сани, въ высшей степени подходящія къ природѣ страны и чрезвычайно соотвѣтствующія природѣ самого оленя. Эти сани конечно совершенно непохожи на наши и походятъ скорѣе на чельнъ. Они дѣлаются изъ очень тонкихъ березо-

выхъ досокъ, прибывающихся другъ къ другу и загибающихся въ видѣ широкаго киля, какъ въ лодкѣ; такимъ образомъ они составляютъ корыто, съ покрытой передней частью. Само собой понятно, что въ такихъ саняхъ-лодкѣ можетъ сидѣть только одинъ человѣкъ. Для поклажи или нужныхъ товаровъ есть другія сани, ихъ можно покрывать сверху подвижной крышей, въ остальномъ же они совершенно похожи на первыя. Хорошій ѣздовой олень дѣлаетъ въ часъ съ санями около 10 километровъ, и можетъ возить 120—140 килограммовъ, но обыкновенно его никогда не утруждаютъ такъ сильно. Лѣтомъ въ Норвегіи его не употребляютъ для ѣзды. Если беречь хорошо откормленнаго сильнаго оленя, т. е. ѣхать на немъ только утромъ и вечеромъ по нѣскольку часовъ, а въ полдень и ночью оставлять его пастись, то, не утомляя его, можно проѣхать поразительно большія разстоянія.

Тѣсная неволя очень не нравится сѣверному оленю; тѣмъ не менѣе въ нашихъ зоологическихъ садахъ онъ держится вполнѣ хорошо, если имѣетъ соответственное содержаніе, а также успѣшно размножается. Нашъ климатъ, т. е. господствующая лѣтомъ въ низкихъ мѣстностяхъ жара, не соответствуетъ ему, но къ зимнимъ морозамъ, даже самымъ суровымъ, онъ совершенно равнодушенъ. Конечно, онъ былъ бы пригоденъ болѣе всякаго другого не нѣмецкаго оленя, для ввоза и поселенія на всѣхъ безлѣсныхъ плоскогоріяхъ германскихъ горъ, гдѣ только растетъ ягель. Здѣсь онъ чувствовалъ бы себя хорошо, въ короткій срокъ привыкъ бы, сталъ бы размножаться и могъ бы служить хорошей дичью. Я уже много лѣтъ указывалъ на это и старался доказать, что сѣверный олень могъ бы успѣшно развиваться на нѣмецкихъ плоскогоріяхъ; произведенные опыты въ этомъ родѣ хотя и не соответствовали моимъ желаніямъ, но все же подтверждали мои предположенія. На будущее время необходимо обратить вниманіе на то, чтобы производить дальнѣйшіе опыты съ требуемой серьезностью и необходимыми знаніями: они не будутъ безуспѣшны.

Вкусное мясо сѣвернаго оленя такъ полюбилось нѣмцамъ, что скандинавы регулярно доставляютъ его на германскій рынокъ въ надлежащее время года.

*

За сѣвернымъ оленемъ естественно слѣдуетъ лань (Dama). Признакомъ этого рода служатъ двѣ главныя вѣтви роговъ съ двумя отростками, снизу круглая, а кверху расширяющаяся въ видѣ продолговатой лопаты съ отростками по краямъ, которые направляются вверхъ и назадъ.

Лань больше любитъ страны съ умѣреннымъ, чѣмъ холоднымъ климатомъ и на этомъ основаніи издавна часто встрѣчается въ странахъ, лежащихъ по Средиземному морю. Область распространенія ея идетъ къ югу до сѣвернаго края Сахары, къ сѣверу до южнаго конца Швеціи и Норвегіи. Кювь е досталъ дикую лань изъ лѣсовъ, лежащихъ южнѣ Туниса, Белонъ находилъ ее на греческихъ островахъ; на Сардиніи и въ Испаніи она, кажется, часто встрѣчалась уже въ старину. Древніе писатели упоминаютъ о ней, какъ о постоянной жительницѣ ихъ родины,—Аристотель подъ именемъ Прох, Плиній подъ названіемъ *Platyceros*. Въ настоящее время этой дичи, быть можетъ, больше въ германскихъ зоологическихъ садахъ, чѣмъ въ Испаніи, Франціи и Италіи; больше всего ея, навѣрное, въ Англіи, гдѣ она въ большемъ числѣ разводится въ паркахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Особенно охотно живутъ лани въ холмистыхъ странахъ, гдѣ мирныя долины смѣняются съ низкими возвышенностями, гдѣ есть рощи, поля, покрытыя кустарникомъ, и листовые лѣса, гдѣ земля поросла короткой травой; лань какъ бы создана для парка, и трудно придумать лучшее украшеніе для него; нѣмецкое названіе этого животнаго (*Damhirsch*) произошло, должно быть, отъ того, что эта дичь для дамъ.

Лань (*Dama vulgaris*) значительно уступаетъ размѣрами своему благородному родичу. Включая хвостъ въ 16—19 сантиметровъ общая длина ея достигаетъ приблизительно 1,6 метра, вышина плечъ 85—90 см. и вышина крестца отъ 90 до 95 см.; вѣсъ рѣдко превышаетъ 100—120 килограммовъ. Самка значительно мельче. Фигурой и нравомъ лань напоминаетъ козу; отъ обыкновеннаго оленя она отличается





болѣе короткими и менѣе сильными ногами, сравнительно болѣе сильнымъ туловищемъ, болѣе короткой головой и ушами и болѣе длиннымъ хвостомъ, а также цвѣтомъ. Ни одинъ изъ водящихся у насъ оленей не обнаруживаетъ такихъ измѣненій цвѣта, какъ лань; она мѣняетъ цвѣтъ и въ зависимости отъ возраста и смотря по времени года. Лѣтомъ у нея верхняя сторона, бедра и кончикъ хвоста рыжевато-бурая, а нижняя сторона и внутренняя сторона ногъ бѣлая; ротъ и глаза окружены черноватыми кольцами; волосы на спинѣ при основаніи бѣлаго цвѣта, посрединѣ красно-бураго и на концѣ чернаго. Зимой верхняя сторона головы, шеи и ушей сѣро-бураго цвѣта, спина и бока черноватаго, нижняя поверхность аспидно-сѣраго, иногда съ красноватымъ оттѣнкомъ. Нерѣдко попадаются совершенно бѣлые экземпляры, не перемѣняющіе своего цвѣта круглый годъ; зимой они отличаются только болѣе длинной шерстью. Нѣкоторыя лани въ юности бываютъ желтоватаго цвѣта, наконецъ, рѣже встрѣчаются совсѣмъ черныя лани.

Образомъ жизни и движеніями лань во многомъ походитъ на настоящаго оленя. Чувства обоихъ животныхъ стоятъ на довольно равной ступени, равно какъ и умственные способности приблизительно одинаковы. Лань только менѣе пуглива и осторожна, чѣмъ благородный олень и не можетъ такъ далеко чуетъ человѣка, какъ тотъ, а всего лишь шаговъ на триста; кромѣ того, она часто бродитъ среди бѣлаго дня по освѣщеннымъ мѣстамъ лѣса и не дѣлаетъ такихъ правильныхъ и такихъ дальнихъ путешествій, какъ олень. Въ быстротѣ, силѣ прыжковъ и проворствѣ лань уступаетъ благородному оленю; она очень высоко поднимаетъ на бѣгу ноги и прыгаетъ не на полномъ бѣгу, а на подобіе козъ, скачками, всѣми четырьмя ногами заразъ и при этомъ поднимаетъ хвостъ вверхъ. Она можетъ „перелетѣть“ черезъ препятствіе метра въ два вышины; при случаѣ она можетъ тоже недурно плавать, но никогда не умѣетъ нырять такъ хорошо, какъ олень. Оба эти рода оленей питаются одинаковыми веществами, только лань обдираетъ больше, чѣмъ олень, и поэтому рѣшительно вредна. Очень странно, что она употребляетъ иногда ядовитыя растенія, отъ которыхъ и околѣваетъ.

Хотя лань непостояннѣе и безпокойнѣе оленя (между ними такое же отношеніе, какъ между кроликомъ и зайцемъ), но, въ общемъ, она прочнѣе держится на избранныхъ ею мѣстахъ и путяхъ, и обыкновенно собирается въ болѣе многочисленные стада.

Лань — самка носитъ 8 мѣсяцевъ и приносить въ іюнѣ одного, рѣже двухъ дѣтенышей. Дѣтенышъ въ первые дни жизни очень безпомощенъ, поэтому мать должна очень заботливо защищать и беречь его. Она отгоняетъ ударами переднихъ ногъ не очень крупныхъ хищниковъ, имѣющихъ вождельніе къ пестрому теленочку; передъ крупными хищниками медленно отступаетъ, отманивая ихъ отъ того мѣста, гдѣ лежитъ спрятавшись ея дитя, а потомъ поспѣшно убѣгаетъ и возвращается безчисленными крюками и переходами на старое мѣсто. У телятъ самцовъ лани, по достиженіи ими шестимѣсячнаго возраста, появляются на лобныхъ буграхъ возвышенія, изъ которыхъ къ концу ближайшаго февраля выступаютъ пеньки, развитіе которыхъ завершается въ августѣ. Такіе телята называются годовалыми (Spiesser); на второмъ году изъ нихъ получаютъ „вилорогіе“ (Gabler). Развитіе расширенныхъ частей роговъ, „лопаты“, начинается только на пятомъ году; эти лопаты возрастаютъ съ теченіемъ времени по величинѣ, и число отростковъ на нихъ тоже постепенно увеличивается. Такія лани-самцы называются „малый лопатникъ“, „хорошій“ и „главный лопатникъ“ (geringe Schaufler, gute und Hauptschaufler), смотря по величинѣ роговъ. Изъ телки лани образуется черезъ годъ „одногодка“ (Schmaltier), а послѣ первой случки она превращается въ „старую“ (Alttier). Старые олени сбрасываютъ рога въ маѣ, а первородки въ іюнѣ, обыкновенно не оба рога сразу, а съ промежуткомъ въ 2 — 3 дня. Къ августу и сентябрю образуется уже новое головное украшеніе.

Охотятся за ланями или большими облавами или подходами; подкарауливать ихъ тоже выгодно, потому что онѣ держатся очень точно одного пути. Кожа ихъ цѣнится за свою прочность и мягкость выше кожи благороднаго оленя. Мясо

представляет большое лакомство, и бывает лучше всего съ іюля до середины сентября, когда олень нагуливает много жира.

Эта дичь приспособлена лучше всѣхъ остальныхъ видовъ оленя къ жизни въ паркахъ. Лань доврчива, держится на открытыхъ мѣстахъ и днемъ, весела, даже задорна и очень расположена къ шуткамъ. Въ одномъ отношеніи ее можно даже считать предсказателемъ погоды; когда она кажется особенно безпокойной и непосѣдливой, то можно довольно увѣренно сказать, что приближается неблагоприятная, а именно бурная погода. Лань сохраняет свою веселость даже въ самой тѣсной неволѣ, къ которой она легко привыкаетъ. Она выказываетъ особенное расположеніе къ музыкѣ; даже дикая лань, услышавъ звуки рожка, подходитъ все ближе и ближе, чтобы послушать ихъ.

*

У оленей въ узкомъ смыслѣ, благородныхъ оленей, живущихъ въ сѣверныхъ областяхъ обоихъ полушарій, только мужскія особи несутъ рога; эти рога имѣютъ круглыя вѣтви или отростки. Изъ болѣе или менѣе многочисленныхъ отростковъ по меньшей мѣрѣ три направлены впередъ, — глазные и средніе всегда, а ушные не всегда. На наружной сторонѣ плюсны находятся пучки волосъ. Слезныя ямки выступаютъ ясно. У старыхъ самцовъ (рѣже и у очень старыхъ самокъ) клыки верхней челюсти далеко выдаются надъ остальными.

Одна изъ самыхъ статныхъ и благородныхъ фигуръ этого подрода, а для насъ самый важный видъ, есть обыкновенный или благородный олень (*Cervus elaphus*). Несмотря на тонкость и стройность, онъ крѣпко и красиво сложенъ, и его осанка такъ благородна и горда, что онъ носитъ съ полнымъ правомъ свое имя. Величина его значительно колеблется, смотря по той странѣ, гдѣ онъ живетъ. Общая длина его бываетъ 1,85 — 2,15 метра, изъ которыхъ на хвостъ приходится до 15 сантиметровъ, вышина плечъ 1,2 — 1,5 м. и полный вѣсъ около 160 — 270 килогр., но попадаются также необыкновенно сильные олени, которые вѣсятъ 300 килогр. и больше. Самки значительно меньше и обыкновенно другого цвѣта. По величинѣ нашъ благородный олень уступаетъ вапиту и персидскому оленю, но за то превосходитъ всѣ остальные извѣстные виды своей группы. Туловище его вытянуто, паха подтянуты, грудь широка, плечи сильно выдаются впередъ, спина прямая и плоская съ маленькимъ возвышеніемъ на загривкѣ и округлою выпуклостью у крестца; шея длинная, тонкая сжатая съ боковъ; голова длинная, съ высокимъ и широкимъ затылкомъ; впереди она сильно суживается; лобъ плоскій съ впадиной между глазъ, спинка носа прямая. Глаза средней величины, живые; зрачки имѣютъ удлиненно-круглую форму. Слезныя ямки косо направляются къ угламъ рта, довольно велики и образуютъ узкое, продолговатое углубленіе, внутреннія стѣнки которыхъ отдѣляютъ жирную, кашицевидную массу, которую животное потомъ удаляетъ посредствомъ тренія о деревья. Туловище держится на тонкихъ, но все же сильныхъ ногахъ средней высоты, и прямыхъ, острыхъ, узкихъ и тонкихъ копыта окружаютъ пальцы; надкопытные когти овальной формы, концы ихъ тупо заострены; они спускаются прямо внизъ, но не касаются земли. Тонкій подшерстокъ и грубая щетина покрываютъ его тѣло; они лежатъ довольно гладко и густо, значительно удлиняясь только на передней части шеи. На крѣпкой не нависающей верхней губѣ сидитъ три ряда жидкихъ, длинныхъ щетинъ, подобныя же волосняныя образованія стоятъ надъ глазами. Цвѣтъ благороднаго оленя мѣняется соотвѣтственно времени года, пола и возраста. Зимой щетинистые волосы бываютъ больше сѣро-бураго, а лѣтомъ красно-бураго цвѣта; подшерстокъ аспидно-сѣраго цвѣта съ коричневатыми концами. У телятъ только въ первые мѣсяцы бываютъ бѣлыя пятна на красно-буромъ фонѣ.

Рога оленя сидятъ на короткомъ отросткѣ („розанѣ“), развѣтвляются просто, имѣютъ много отростковъ и стоятъ вертикально. Главныя вѣтви при основаніи загибаются довольно крутой дугой, направляясь параллельно лбу, внизъ и кнаружи; вверху они вновь загибаются легкой дугой въ сторону и затѣмъ поворачиваются



Обыкновенный олень (*Cervus elaphus*). $\frac{1}{20}$ естеств. велич.

несколько концами другъ противъ друга. Ниже всего отъ передней части главной вѣтви отходить глазной отростокъ, направляющійся впередъ и вверхъ; надъ

нимъ то ближе, то дальше выдается ушной отростокъ; изъ середины главной вѣтви вырастаетъ средній отростокъ, а на концѣ образуется корона, зубцы которой разнообразно мѣняются по расположенію и величинѣ соотвѣтственно возрасту или особенностямъ оленя. Главныя вѣтви имѣютъ круглую форму, но шероховаты, болѣе или менѣе сильно покрыты зернышками, преимущественно въ нижней части, и прорѣзываются многочисленными, частью прямыми, частью извилистыми продольными бороздами. Острія концовъ гладки, отшлифованы, грязно-бѣлаго или желтоватаго цвѣта, а остальная часть роговъ имѣетъ отъ свѣтлаго красно-бураго до черно-бураго цвѣта, въ зависимости отъ тѣхъ растительныхъ соковъ, которыми они вытравляются. Большіе рога вѣсятъ отъ 5 до 8 килогр., но даже и въ настоящее время достигаютъ въ исключительныхъ случаяхъ до 10 — 12 кгр. вѣса и больше; главныя вѣтви могутъ быть, считая и кривизну, отъ 80 до 120 см. длинной, а въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываютъ еще длиннѣе.

Въ охотничьемъ языкѣ употребляютъ слѣдующія выраженія. Оленя-самца называютъ оленемъ, благороднымъ оленемъ, краснымъ оленемъ, самку звѣремъ, краснымъ звѣремъ и дичиной, дѣтеныша теленкомъ и, смотря по полу, Hirsch или Wildkalb. Теленокъ самецъ, достигшій однолѣтнаго возраста, называется одnogодкой; на второмъ году онъ получаетъ названіе вилорогаго оленя; на третьемъ году его зовутъ шестиконечнымъ оленемъ и т. д., смотря по числу концовъ или отростковъ рога. Если эти отростки получаютъ совершенно правильное развитіе, то олень зовется прямоконечнымъ, если же они не развиты совершенно одинъ какъ другой, то непрямokonечнымъ. Годнымъ для охоты признается, смотря по странѣ и по охотничьимъ обычаямъ, или восьми или десятиконечный олень.

Благородный олень еще и до сихъ поръ живетъ во всей Европѣ, исключая крайняго сѣвера, а близко стоящіе къ нему виды водятся въ большей части Азіи. Въ Европѣ сѣверная граница доходитъ до 65°, а въ Азіи до 55° сѣверной широты; на югѣ эти границы составляютъ Кавказскія и Манджурскія горы. Во всѣхъ населенныхъ странахъ онъ сталъ гораздо рѣже, а въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ на примѣръ въ Швейцаріи и многихъ частяхъ Германіи, совершенно истребленъ. Чаше всего онъ встрѣчается въ Польшѣ, Галиціи, Богеміи, Моравіи, Венгріи, Семиградской области, Каринтіи, Штейермаркѣ и Тиролѣ; но гораздо чаще, чѣмъ въ этихъ странахъ, олень попадаетъ въ Азіи, въ особенности на Кавказѣ и въ лѣсахъ южной Сибири. Олень предпочитаетъ равнинамъ гористыя мѣстности, и больше всего любитъ большія непрерывныя лѣсныя полосы лиственнаго лѣса. Здѣсь онъ собирается въ болѣе или менѣе крупныя стада, раздѣляющіяся сообразно возрасту и полу животныхъ: обыкновенно взрослые самки, телята, одnogодки, двухгодовалые и телки-первогодки соединяются вмѣстѣ; болѣе сильные олени-самцы образуютъ маленькія отдѣльныя группы, а старые олени живутъ до тѣчки, преимущественно, въ одиночку. Зимой олени спускаются съ горъ въ долины, а лѣтомъ взбираются на высочайшія вершины горъ средней величины; въ общемъ, пока спокойствіе ихъ не нарушается, они вѣрно держатся своего мѣста, и перемѣняютъ его добровольно только во время тѣчки, при образованіи новыхъ роговъ и, наконецъ, при недостаткѣ корма.

Всѣ движенія оленя легки, изящны, но вмѣстѣ съ тѣмъ горды и полны достоинства; въ особенности самецъ выдѣляется своей благородной осанкой. Обыкновенный шагъ ихъ довольно быстръ, трускомъ они двигаются очень скоро, а рысью съ почти невѣроятной быстротой. Прыжки они дѣлаютъ легко, какъ бы играя, всякаго рода преграды преодолеваютъ безъ остановки, а въ случаѣ надобности, не задумываясь, переплываютъ широкія рѣки, и даже (въ Норвегіи очень часто) морскіе рукава. Всѣ признаки, обнаруживаемые оленемъ, подвергались точному наблюденію уже съ древнѣйшихъ временъ. Истинный охотникъ узнаетъ послѣ короткаго осмотра съ безошибочной вѣрностью по слѣду, былъ-ли тутъ самецъ или самка, и часто опредѣляетъ даже по нему съ достаточной точностью возрастъ оленя. Если указанія эти не обманчивы, то они называются „правильными, и охотникъ по нимъ „опредѣляетъ оленя“. Наши предки знали

72 такихъ признака, но Дитрихъ изъ Винкеля думаетъ, что число ихъ можно свести на 27. Неопытному трудно отличить слѣдъ оленя самца отъ слѣда старой самки, даже если онъ только что видѣлъ ихъ другъ возлѣ друга въ пяти шагахъ.

У оленя прекрасно развиты слухъ, обоняніе и осязаніе. Онъ чуетъ человѣка за 600 шаговъ. Слухъ его также чрезвычайно остръ; отъ него не ускользнетъ ни малѣйшій шумъ, раздавшійся въ лѣсу. Что касается его нрава и умственныхъ способностей, то взгляды на этотъ предметъ расходятся довольно сильно. По новѣйшимъ даннымъ на этотъ счетъ, онъ не отличается отъ остальныхъ дикихъ жвачныхъ ни большимъ умомъ, ни большимъ достоинствомъ. Онъ очень боязливъ и пугливъ, но не уменъ и не сообразителенъ. Память у него, повидимому, слаба, понятливость невелика. Постепенно копить онъ свой опытъ и при случаѣ умѣло пользуется имъ; но когда пробудятся въ немъ страсти, то онъ часто забываетъ о безопасности, о которой думаетъ обыкновенно раньше всего.

Благородный олень проявляетъ такую большую робость несомнѣнно потому, что онъ по опыту узналъ, что человѣкъ — злѣйшій его врагъ, и достаточно изучилъ всю жестокость его. Тамъ, гдѣ олень увѣренъ въ своей полной безопасности, онъ бываетъ очень довѣрчивъ. На Пратерѣ въ Вѣнѣ прежде были большія стада этихъ статныхъ созданій, которыя вполнѣ привыкли къ толпамъ гуляющихъ и, какъ я узналъ по собственному опыту, безбоязненно подпускали къ себѣ человѣка на 30 шаговъ. Одинъ изъ этихъ оленей мало-по-малу сдѣлался такъ смѣлъ, что храбро подходилъ къ гостямъ, ходилъ вокругъ столовъ и лизалъ руки женщинъ, прося ихъ дать ему, какъ это бывало обыкновенно, сахару или пирожного. Благородный олень часто становится поразительно ручнымъ тамъ, гдѣ его кормятъ.

Дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, когда олень запирается въ узкомъ пространствѣ или когда наступаетъ время течки. Въ этихъ случаяхъ его раздражаетъ часто самая малость и онъ даже бросается на людей. Въ старыхъ и новыхъ охотничьихъ сочиненіяхъ есть много рассказовъ объ оленяхъ, нападавшихъ, часто безъ всякаго повода, на человѣка и ранившихъ или убивавшихъ ихъ.

„Время течки у благородныхъ оленей“, говоритъ Дитрихъ изъ Винкеля, „начинается съ наступленіемъ сентября и продолжается до середины октября.

„Утромъ и вечеромъ лѣсъ оглашается криками спаривающихся оленей; теперь самцы ѣдятъ очень мало и только иногда освѣжаются въ сосѣдней лужѣ или источникѣ, куда за ними должны слѣдовать и самки. Другіе, менѣе счастливые соперники, отвѣчаютъ на этотъ крикъ злобными криками. Они приближаются къ нему съ намѣреніемъ рискнуть на все, чтобы храбростью или хитростью стать на мѣсто счастливца. Едва самецъ, ходящій съ самками, замѣтитъ другого самца, тотчасъ, пылая ревностью, устремляется на него. Начинается драка, которая часто стоитъ жизни одному изъ соперниковъ, а нерѣдко и обоимъ. Яростно устремляются они съ опущенными рогами одинъ на другого и съ удивительной ловкостью попеременно то нападаютъ, то защищаются. Далеко разносится по лѣсу стукъ роговъ, и горе тому, кто по старческой слабости или случайно оставить какое-либо мѣсто не защищеннымъ! Противникъ вѣрно воспользуется этимъ, чтобы ранить его туда острымъ угломъ глазныхъ отростковъ роговъ. Извѣстны примѣры, когда во время драки рога такъ крѣпко спутывались другъ съ другомъ, что послѣдствіемъ этой случайности бывала смерть, и даже тогда требовалась нечеловѣческая сила, чтобы разъединить концы ихъ безъ поврежденія. Часто борьба остается нерѣшенной въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Побѣжденный отступаетъ только при полномъ изнеможеніи.

„Самка ходитъ беременной 40—41 недѣлю. Въ концѣ мая или въ іюнѣ она приноситъ одного теленка, рѣже двухъ. Когда приближается время родовъ, она ищетъ уединенія и спокойствія въ самой густой чащѣ. Теленокъ въ первые три дня жизни настолько беспомощенъ, что не можетъ самъ двинуться съ мѣста. Въ это время его можно взять руками. Мать оставляетъ его крайне рѣдко и на очень непродолжительное время; если ее даже вспугнуть, то она уходитъ только

лишь на такое разстояніе, чтобы отклонить притворнымъ бѣгствомъ дѣйствительную или мнимую опасность. Но если дѣтенышъ выживетъ недѣлю, то его нельзя уже поймать безъ сѣти. Онъ слѣдуетъ повсюду за своей матерью и тотчасъ же прижимается къ землѣ въ высокой травѣ, какъ только она заблеетъ, то-есть издастъ крикъ страха или начнетъ быстро и сильно бить по землѣ передней ногой. Теленокъ сосетъ свою матку до ближайшей точки; она учитъ его смолоду выбирать пригодныя въ пищу вещества.“

Съ этой поры начинается богатая переменами жизнь оленя. Телка считается взрослой уже на третьемъ году, но оленю нуженъ цѣлый рядъ годовъ, чтобы приобрести всѣ права единодержавія. На седьмомъ мѣсяцѣ у него впервые прорѣзаются рога, послѣ чего онъ ежегодно мѣняетъ свое головное украшеніе. Главная вѣтвь имѣетъ сначала одну равномерную и слабую кривизну; затѣмъ она получаетъ сразу колѣнчатый сгибъ къзади на томъ мѣстѣ, гдѣ возникаетъ средній отростокъ; въ это время концы все еще остаются обращенными внутрь. Второй колѣнчатый сгибъ бываетъ на ея вершинѣ у оленя съ 12 отростками; главная вѣтвь опять загибается назадъ и у подошвы вѣнчика дѣлаетъ уголъ; третій колѣнчатый сгибъ бываетъ у 14-конечнаго оленя, четвертый у 20-конечнаго, — все выше и выше къ вѣнчику, а концы или наружныя стороны всегда бываютъ обращены внутрь. Всѣ эти сгибы остаются въ качествѣ фундаментовъ для дальнѣйшихъ ступеней развитія. Столь же поразительно измѣненіе при развитіи глазныхъ отростковъ. Сначала они стоятъ довольно высоко, но затѣмъ все ближе подходятъ къ основанію рога („розѣ“). Вначалѣ они составляютъ съ главными вѣтвями острый уголъ, а позднѣе онъ все болѣе и болѣе увеличивается. Подобныя же измѣненія совершаются въ среднихъ и ушныхъ отросткахъ и въ вѣнчикѣ. Олени, имѣющіе болѣе 20 правильныхъ отростковъ, встрѣчаются, конечно, очень рѣдко, съ 18 отростками можно найти въ каждомъ довольно большомъ собраніи, а среди живущихъ оленей не составляютъ большой рѣдкости экземпляры съ 16 отростками. Если питаніе обильно, то иногда случается, что у оленя при новомъ образованіи роговъ вырастаетъ сразу 6 и 10 отростковъ; но еще чаще бываетъ удвоеніе прежняго числа отростковъ и столь же часто уменьшеніе ихъ числа. Десяти-конечныя рога составляютъ въ этомъ отношеніи странную границу. Олень, у котораго когда-либо были рога съ вѣнчикомъ, никогда не получаетъ новыхъ роговъ менѣе, чѣмъ съ десятью правильными концами.

Враги оленя — волкъ, рысь и росомаха, рѣже медвѣдь. Волкъ и рысь могутъ быть названы злѣйшими изъ нихъ. Первый преслѣдуетъ нашу дичь старыми по глубокому снѣгу, гонитъ и утомляетъ ее; послѣдняя же спрыгиваетъ сверху ему на шею въ то время, какъ олень, ничего не предчувствуя, идетъ мимо. Но во всякихъ условіяхъ худшимъ его врагомъ является человѣкъ, хотя въ настоящее время благородный олень не преслѣдуется и не истребляется такимъ ужаснымъ способомъ, какъ раньше. Я полагаю воздержаться здѣсь отъ описанія охоты на оленя, такъ какъ, если бы исполнить его точно, это завело бы насъ слишкомъ далеко, да помимо того объ этомъ можно, кому будетъ угодно, узнать изъ другихъ книгъ. Въ настоящее время это благородное удовольствіе чрезвычайно сужено, и большинство нынѣшнихъ охотниковъ по призванію не застрѣлили ни одного оленя; эту дичь берегутъ для знатныхъ господъ. Что великолѣпныя облавы и травли и тому подобныя приготовленія къ бойнѣ благородныхъ оленей первоначально были иноземными нововведеніями, это можетъ всякій легко понять по ихъ характеру, противорѣчущему нѣмецкимъ нравамъ. Предки нѣмцевъ употребляли для охоты на оленя только одни ружья.

Олени терпятъ сильныя мученія также и отъ нѣкоторыхъ видовъ слѣпней. Эти отвратительныя насѣкомыя кладутъ свои яйца въ шкуру оленя совершенно такъ же, какъ и у сѣвернаго оленя, и ихъ личинки продыравливаютъ почти всю шкуру этихъ бѣдныхъ созданій. Вошь, гнѣздящаяся въ шерсти, мухи и мошки тоже сильно мучаютъ оленя.

Къ сожалѣнію, вредъ, причиняемый оленемъ, гораздо больше приносимой имъ пользы. Только по этой причинѣ онъ и истребленъ въ большей части гер-

манскихъ странъ. Хотя его мясо, шкура и рога цѣнятся дорого, а удовольствіе охоты очень велико, но этимъ не покрывается еще причиняемый имъ вредъ. Содержаніе большого числа оленей не мирится больше съ основами нашего лѣсного хозяйства.

Въ сѣверо-западной Америкѣ водится олень, котораго отдѣляютъ отъ благороднаго оленя, подъ названіемъ *Cervus barbarus*; впрочемъ, его далеко не всѣ считаютъ особымъ видомъ, но скорѣе надо смотрѣть на него, какъ на разновидность, такъ какъ онъ до крайности похожъ во всѣхъ отношеніяхъ на благороднаго оленя. Изъ остальныхъ видовъ этой подгруппы особенно заслуживаетъ вниманія самый крупный видъ всей группы — вапити Сѣверной Америки (*Cervus canadensis*)

*

Между индійскими оленями прежде всѣхъ заслуживаетъ нашего вниманія аксисъ, „пятнистый олень“ англичанъ (*Axis axis*). Онъ представляетъ особую подгруппу и достигаетъ при 135—150 сантиметровъ длины только 90—95 см. вышины въ плечахъ. Если принять во вниманіе его цвѣтъ, то его можно назвать однимъ изъ самыхъ красивыхъ оленей, если не самымъ красивымъ. Фонъ его образуетъ пріятный сѣровато-красно-бурый цвѣтъ; полоса на спинѣ кажется очень темной, а на загривкѣ почти черной; гортань, глотка, животъ и внутренняя сторона ногъ желтовато-бѣлаго, наружная сторона ногъ желтовато-бурого цвѣта. Рисунокъ состоитъ изъ семи рядовъ бѣлыхъ, довольно неправильно расположенныхъ пятенъ на обоихъ бокахъ.

Область распространенія аксиса захватываетъ всю Индію и Цейлонъ за исключеніемъ Пенджаба и лежащихъ отъ него на востокъ странъ до Кохинхины. Это животное живетъ одинаково какъ на равнинахъ, такъ и въ холмистыхъ мѣстностяхъ находится въ предгоріяхъ Гималаевъ и въ Сандербанѣ, въ лѣсахъ съ большими деревьями и въ джунгляхъ, но обыкновенно вблизи воды. Гдѣ окружающія условія благопріятны для него, онъ встрѣчается въ громадномъ количествѣ и составляетъ большія стада, которыя пасутся до утра на открытыхъ полянахъ, а днемъ обыкновенно отыскиваютъ себѣ лѣсную тѣнь. Аксисъ составляетъ предметъ ревностной охоты и туземцевъ, и англичанъ; эти многочисленныя преслѣдованія и могутъ быть причиной того, что тамъ, гдѣ онъ знаетъ о возможности подвергнуться преслѣдованію, онъ становится по меньшей мѣрѣ такъ же пугливъ, какъ нашъ благородный олень. Несмотря на то, пойманный аксисъ скоро становится совершенно ручнымъ. Его уже давно ввозили въ Англію, и опытомъ установлено, что въ мягкомъ климатѣ онъ выживаетъ прекрасно. Изъ Англіи ихъ разсылали дальше и между прочимъ они попали также и въ Германію. Въ Людвигсбургскомъ паркѣ аксисъ былъ уже 50 лѣтъ тому назадъ.

*

У большинства остальныхъ индійскихъ оленей есть своеобразный отпечатокъ, которымъ они сильно отличаются отъ своихъ европейскихъ и американскихъ родичей, но который можно скорѣе почувствовать, чѣмъ описать. Въ общемъ можно сказать, что описываемыя животныя, составляющія подсемейство *Rusa*, коренасты, съ сильными членами, короткой шеей и короткой головой, но хвостъ ихъ сравнительно длиннѣе; покрыты они грубыми, ломкими и жидкими волосами, а рога, бывающіе только у самцовъ, имѣютъ обыкновенно не болѣе 6 концовъ.

По моему мнѣнію, самымъ статнымъ и красивымъ оленемъ этой группы слѣдуетъ считать самбара (*Rusa aristotelis*); его описалъ Аристотель подъ именемъ „оленья-коня“ (*Hippelaphus*).

Олень-бородачъ (*Rusa hippelaphus*) немного уступаетъ величиной благородному оленю и самбару; изъ другихъ оленей, водящихся на его родинѣ.

его превосходить величиной одинъ только валлихскій олень, живущій на горахъ юго-западной Азіи. Длина тѣла этого животнаго достигаетъ болѣе чѣмъ 2 метровъ, изъ нихъ 30 сантиметровъ надо считать на хвостъ, а высота въ загривкѣ около 1 метра. Самка значительно меньше. Въ общемъ у оленя-бородача есть признаки, присущіе всей группѣ. Особенно характерна для оленя большая грива, растущая на нижней части шеи и подбородкѣ; волосы этой гривы почти ничѣмъ не отличаются по своимъ свойствамъ отъ другихъ волосъ.

Насколько мы теперь знаемъ, родина оленя-бородача — Ява; на Борнео онъ освоился благодаря содѣйствію людей. Путешественники рассказываютъ, что эти животныя собираются въ очень большія стада, предпочитающія открытыя равнины степного характера — лѣсистымъ мѣстностямъ. Въ самую сильную жару самцы и самки лежатъ, спрятавшись въ травѣ, осокѣ или кустарникахъ, съ заходомъ солнца направляются къ лужамъ, а съ наступленіемъ вечера выходятъ на кормежку. Они необычайно любятъ воду: это можно наблюдать на живущихъ въ неволѣ, которые по истинѣ страстно любятъ купанье въ тинѣ.

Движенія оленя-бородача заслуживаютъ краткаго упоминанія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ оленей не мчится съ такимъ достоинствомъ и гордостью, какъ олень-бородачъ. Шагъ его вполнѣ походитъ на учебный шагъ, на такъ называемую испанскую походку ученой лошади. Всѣ движенія его таковы, какъ движенія такой лошади. Можно подумать, что олень проникнутъ чувствомъ гордости, которое онъ, какъ будто, проявляетъ въ движеніяхъ. Онъ обдуманно поднимаетъ ногу, вытягиваетъ ее совершенно такимъ же образомъ, какъ ученая лошадь, и граціозно опускаетъ ее на землю и каждый шагъ сопровождается соответствующимъ движеніемъ головы. Несмотря на это, сомнительно, что должно выражать это поведеніе: гордость или гнѣвъ, потому что эта полная достоинства походка сопровождается обыкновенно подозрительнымъ подергиваніемъ верхней губы, которое у всѣхъ оленей служитъ признакомъ сильнаго возбужденія. Я хочу замѣтить еще, что именно при такого рода походкѣ слышится и у оленя-бородача сильное хрустѣніе, совсѣмъ какъ у сѣвернаго оленя.

Если судить о дикихъ оленяхъ-бородачахъ по тѣмъ, которые живутъ въ неволѣ, то наши зимніе мѣсяцы надо считать временемъ течки. Въ зоологическихъ садахъ наши животныя сбрасываютъ рога въ маѣ; вновь они вырастаютъ въ сентябрѣ.

На великолѣпныхъ травляхъ, устраиваемыхъ малайскими князьями, часто убиваютъ много сотенъ оленей-бородачей, хотя при этомъ употребляютъ не огнестрѣльное оружіе, а только мечи и дротики, если хотятъ ихъ убить, или петли, если имѣютъ намѣреніе захватить живыми. По Юнгхуну за нашими оленями охотятся исключительно ради мяса; оно нарѣзывается тонкими полосами, посыпается солью и валился на солнцѣ; въ такомъ видѣ оно извѣстно подъ названіемъ „дженденгъ“ и подается въ видѣ весьма любимой приправы къ рисовымъ блюдамъ, въ которыхъ за столомъ явскихъ начальниковъ никогда не бываетъ недостатка, а также и за европейскимъ столомъ считается превосходнымъ блюдомъ. Ни шерстью, ни кожей ихъ вовсе не пользуются.

„Олень-свинья“ англичанъ (*Rusa porcinus*) принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ индійскимъ видамъ и является одной изъ самыхъ неуклюжихъ фигуръ изо всего семейства, сложенъ почти тяжеловѣсно, имѣетъ толстое туловище, короткія ноги, короткую шею и короткую же голову. Обыкновенно общій цвѣтъ ихъ красивый кофейно-бурый; у самцовъ онъ можетъ быть болѣе темнымъ до черно-бураго, у самокъ — болѣе свѣтлымъ до тѣлесно-бураго. Рога самца обыкновенно имѣютъ шесть концовъ; они слабы, сидятъ на довольно высокихъ костныхъ отросткахъ (розахъ) и достигаютъ длины въ 35—40 см.

Родина этого оленя — большая часть Британской Индіи и Бирма. Чаше всего онъ встрѣчается въ области Ганга, рѣже въ центральной Индіи. Эти животныя обыкновенно живутъ въ одиночку, но попадаютъ также иногда по-двое и по-трое. Держатся они больше въ травянистыхъ или поросшихъ рѣдкимъ кустарникомъ мѣ-

стахъ, чѣмъ въ джунгляхъ и большихъ лѣсахъ, хотя и тамъ попадаются при случаѣ на обширныхъ чистыхъ полянахъ. Днемъ они лежатъ, скрывшись въ засадѣ, а вечеромъ выходятъ кормиться; если ихъ испугнуть, то они пускаются бѣжать, низко опустивъ голову своеобразнымъ и довольно неуклюжимъ образомъ, откуда и возникло ихъ прозвище.

Большую часть этихъ „олений-свиней“, содержащихся въ нашихъ зоологическихъ садахъ, мы получаемъ изъ Бенгаліи. Они переносятъ нашъ климатъ довольно хорошо, но при суровой погодѣ имъ нужно защищенное мѣсто для того, чтобы укрыться; они легко и сильно размножаются даже въ тѣсномъ пространствѣ.

*

Въ Сѣверной Америкѣ и на сѣверѣ Южной Америки живутъ олени мазама (*Capreolus*) — изящныя, привлекательныя животныя, отличающіяся своимъ сложениемъ, а самцы также рогами. Они обладаютъ тонкой и стройной фигурой, длинной шеей и головой, слабыми ногами средней высоты и довольно длиннымъ хвостомъ. Рога или раздваиваются на подобіе вилъ, или же дугообразно загибаются сзади — впередъ и кнаружи и развѣтвляются на 3—7 отростковъ; всѣ эти отростки направляются въ сторону; у нихъ есть глазные отростки, но нѣтъ ушныхъ и среднихъ. Покровъ ихъ состоитъ изъ густыхъ мягкихъ волосъ яркой окраски; у самца они удлиняются въ видѣ гривы, и кромѣ того, у обоихъ половъ образуютъ на концѣ хвоста кисть.

Наиболѣе извѣстный изъ относящихся сюда видовъ, виргинскій олень (*Capreolus virginianus*), имѣетъ въ нѣкоторомъ отношеніи сходство съ нашей ланью, съ которой онъ приблизительно одинаковъ по величинѣ, но отличается сразу изяществомъ строенія, а именно удлиненной, тонкой головой; ее слѣдуетъ, пожалуй, назвать самой красивой изъ оленьихъ головъ. Впрочемъ, по утверженію принца фонъ-Видъ, виргинскій олень часто бываетъ значительно больше нашей лани и немного уступаетъ благородному оленю. Цвѣтъ мѣняется смотря по времени года. Лѣтомъ господствующій цвѣтъ — красивый равномерный желто-красный, на спинѣ становящійся темнѣе, а на бокахъ свѣтлѣе; животъ и внутренняя сторона конечностей блѣднѣе. Длина оленя посредственной величины 1,8 метра, длина хвоста 30 см., высота роговъ 30 см., а длина каждой вѣтви ихъ, считая и кривизну, около 50 см. Въ загривкѣ этотъ олень имѣетъ 1 м. вышины. Самка значительно меньше его, имѣетъ всего 1,3 метра длины при высотѣ не больше 80 см. Дѣтенышъ покрытъ очень изящнымъ рисункомъ бѣлыхъ пятенъ или желтоватобѣлыхъ, по темно-бурому фону, въ остальномъ же похожъ на родителей.

По даннымъ американскихъ изслѣдователей этотъ красивый олень распространенъ по всѣмъ лѣсамъ С. Америки, за исключеніемъ лишь лежащихъ на крайнемъ сѣверѣ. Въ странахъ пушнины его нѣтъ, но зато онъ встрѣчается въ Канадѣ. Распространяется виргинскій олень отъ восточнаго берега Сѣверной Америки до Скалистыхъ горъ, а на югѣ до Мексики. Прежде онъ водился, должно быть, въ большомъ количествѣ повсемѣстно, въ настоящее же время почти совершенно вытѣсненъ изъ всѣхъ густо населенныхъ областей или же по крайней мѣрѣ былъ принужденъ удалиться въ самые большіе горные лѣса. Жизнь его въ общемъ походитъ на жизнь нашего благороднаго оленя.

„Эта дичь“, говоритъ Одюбонъ, „твердо держится разъ избраннаго мѣста и въ случаѣ преслѣдованія опять таки возвращается обратно. Конечно, нашъ олень обыкновенно не ложится всегда на одно мѣсто, однако его встрѣчаешь въ той же мѣстности, часто въ какихъ-нибудь 50 шагахъ оттуда, откуда его испугнули. Любимая мѣстность нашего оленя — старыя поля, которыя отчасти опять покрылись кустарниковыми порослями, доставляющими ему прикрытіе. Въ южныхъ штатахъ онъ отыскиваетъ, въ особенности лѣтомъ, когда его мало преслѣдуютъ, наружныя ограды изъ растеній около плантацій и стоитъ здѣсь въ теченіе дня въ колючей чащѣ между тростникомъ, дикимъ виноградомъ и терновникомъ, непремѣнно въ возможномъ близкомъ разстояніи отъ своего пастбища. Однако, такую склонность къ подоб-

нымъ мѣстамъ нельзя назвать всеобщей: ихъ слѣды въ большомъ числѣ часто встрѣчаются на поляхъ, куда олени приходятъ издалека. Въ гористыхъ мѣстахъ можно замѣтить иногда какого-нибудь оленя, лежащаго на выдающемся выступѣ скалы, подобно альпійскому каменному козлу или сернѣ, но обыкновенно онъ прячется между всякаго рода низкими кустарниками, около свалившихся деревьевъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Въ холодное время года онъ предпочитаетъ защищенные и сухія площадки, охотно стоитъ на вѣтру и грѣется подъ солнечными лучами, лѣтомъ же удаляется на день въ тѣнистыя части лѣса и держится по бли-



Виргинскій олень (*Cervus virginianus*). $\frac{1}{15}$ естеств. велич.

зости небольшихъ рѣчекъ или прохладныхъ ручьевъ. Чтобы уйти отъ преслѣдованія мошекъ, онъ часто бросается въ рѣку или прудъ и погружается въ воду до носа.

„Питаніе животнаго неодинаково, въ зависимости отъ времени года. Зимой идутъ въ дѣло вѣтви и листья кустарниковъ, а весной и лѣтомъ олень становится очень разборчивымъ и большимъ лакомкой, такъ что выбираетъ самую нѣжную траву; онъ часто заходитъ въ обработанныя поля, отыскивая молодой маисъ и другой хлѣбъ. Онъ необычайно любитъ ягоды, орѣхи и подобные плоды. Можно было бы думать, что при такомъ богатомъ выборѣ въ пищу олень всегда долженъ представлять хорошую дичину, но это не такъ, потому что за исключеніемъ извѣстнаго времени года этотъ олень очень худощавъ съ тѣла; жиренъ онъ бываетъ съ августа до ноября. Мы сами убили одного въ 80 кгр. вѣсомъ, и намъ сообщали, что нѣкоторые достигаютъ 90 кгр. вѣса и больше. Течка начинается, по крайней мѣрѣ въ Каролинѣ, въ ноябрѣ, а иногда и раньше.

„Самки бываютъ всего жириѣ съ ноября до января, затѣмъ все больше спадаютъ съ тѣла по мѣрѣ приближенія родовъ, и опять прибываютъ, когда ихъ сосутъ телята. Послѣдніе въ Каролинѣ рождаются въ апрѣлѣ, но самки, беременныя въ первый разъ, телятся, напротивъ, обыкновенно только въ маѣ или іюнѣ. Пока телятамъ всего нѣсколько дней, они спятъ такъ глубоко, что ихъ можно взять руками прежде, чѣмъ они замѣтятъ присутствіе человѣка. Они очень быстро приручаются и уже черезъ нѣсколько часовъ тѣсно примыкаютъ къ тѣмъ, кто ихъ поймалъ. У одного изъ нашихъ друзей была телка; ее отдали послѣ поимки на попеченіе козы, которая приняла ее; мы видѣли также другихъ дѣтенышей оленя, выкормленныхъ до полного возраста коровами. Они хорошо уживаются въ неволѣ, но мы нашли, что это — докучливые любимцы. Пара телятъ, жившихъ у насъ нѣсколько лѣтъ, взяла привычку посѣщать нашу комнату для занятій черезъ открытое окно, и стала продѣлывать это, когда окно заперли, ни мало не печалась о стеклахъ. Эти животныя, повидимому, вообще были одержимы духомъ разрушенія, они лизали и грызли переплеты нашихъ книгъ и часто производили въ нашихъ бумагахъ большую путаницу. Для нихъ не былъ святъ ни одинъ кустъ въ саду, какъ бы дорогъ онъ намъ ни былъ; они обгладывали даже нашу упряжь и наконецъ стали нападать на молодыхъ утокъ и куръ, откусывали имъ голову и ноги, а обезображенное тѣло оставляли.

„Мясо нашего оленя самое вкусное изъ всѣхъ сортовъ, которые намъ приходилось пробовать. Оно нѣжнѣе мяса вапити или европейскихъ оленей; всего вкуснѣе оно, однако, только осенью.

„Добыча этой дичи требовала отъ индѣйца всей его хитрости и терпѣнія, пока въ область охоты не вторгся блѣднолицый со своей двустволкой, лошадью и собаками. Дикарь оспаривалъ эту добычу у волка и пумы и пускалъ въ ходъ самые разнообразныя охотничьи приемы. Чаше всего дичь убивали, подражая звуку теленка или крику самца. Иногда также дикарь надѣвалъ на себя шкуру убитаго оленя, привязывалъ крѣпко на голову его рога и вѣрно подражалъ походкѣ и всѣмъ прочимъ движеніямъ оленя, благодаря чему ему удавалось прокрасться въ середину стада и затѣмъ убивать нѣсколько штукъ изъ лука другъ за другомъ, прежде чѣмъ стадо обращалось въ бѣгство. Но со времени ввоза огнестрѣльнаго оружія большая часть племенъ отложила въ сторону лукъ и стрѣлы и взялась за ружья.“

Виргинскіе олени, находившіеся на моемъ попеченіи, съ полнымъ довѣріемъ приближались къ своимъ знакомымъ и не только дружески брали предлагаемыя имъ лакомства, но и благодарно лизали руку дающаго. Къ сожалѣнію одно обстоятельство вредитъ содержанію этихъ оленей въ огороженномъ пространствѣ: они часто ломаютъ свои нѣжныя ноги и при томъ такъ несчастливо, что вылѣчить ихъ бываетъ очень трудно или невозможно. Неловкій прыжокъ въ стойлѣ можетъ произвести такое поврежденіе.

*

У примыкающаго къ виргинскому оленю и его родичамъ листорогаго оленя (*Blastocerus*), родина котораго Южная Америка, рога, стоящіе вертикально, развѣтвляются въ видѣ вилки; передняя главная вѣтвь, всегда болѣе слабо развитая, чѣмъ задняя, образуетъ иногда развилку, задняя же — всегда.

Наиболѣе извѣстный видъ этой группы — олень пампасовъ или гвадѹи (*Blastocerus campestris*) животное разсматриваемаго семейства, средней величины, имѣетъ въ длину 1,1—1,3 метра, хвостъ въ 10 см., вышину въ загривкѣ 70 см., въ крестцѣ — 75 см., фигура и цвѣтъ его такіе же, какъ у оленя. Его рога напоминаютъ рога нашей косули, но тоньше ихъ и съ болѣе длинными отростками.

Родина этого, повсюду часто встрѣчающагося оленя — Парагвай, Уругвай и Сѣверная Аргентина. По Ренггеру, онъ встрѣчается, главнымъ образомъ, на открытыхъ и сухихъ поляхъ мало населенныхъ мѣстностей, а близости болотъ и

лѣса избѣгаетъ даже въ случаѣ сильнаго преслѣдованія. Живетъ онъ парами или небольшими косяками; старые самцы отдѣляются. Днемъ нашъ олень отдыхаетъ въ высокой травѣ и лежитъ такъ тихо, что можно совсѣмъ рядомъ пройти мимо него, а онъ и не пошевелится. Послѣ заката солнца онъ выходитъ на кормежку и бродитъ всю ночь. Самка приноситъ только одного дѣтеныша, или весной или осенью.

Пойманный въ молодости олень пампасовъ становится крайне ручнымъ. Онъ научается узнавать всѣхъ членовъ семьи, слѣдуетъ за ними повсюду, слушается ихъ зова, играетъ съ ними, лижетъ имъ руки и лицо; съ домашними собаками и лошадьми онъ не уживается въ мирѣ, но дразнить ихъ бодаясь; чужихъ лицъ и чужихъ собакъ избѣгаетъ. Онъ питается разнообразнѣйшими вареными и сырыми растеніями; на соль онъ особенно жаденъ, какъ и всѣ его родичи. Въ хорошую погоду нашъ олень наслаждается на свободѣ, въ полуденную пору жуетъ жвачку; въ дождливую пору укрывается подъ кровлей.

*

Косуля (*Capreolus*) — представительница особаго рода; признаки его заключаются въ винтообразныхъ, слабо развѣтвляющихся на подобіе вилъ шершавыхъ рогахъ, не имѣющихъ глазныхъ отростковъ.

Косуля (*Capreolus caprea*) имѣетъ 1,3 метра длины, 75 см. вышины въ крестцѣ и короткій, какъ обрубокъ, хвостъ, едва достигающій 2 см. длины. Вѣсъ самца доходитъ до 20—25 кгр., а въ рѣдкихъ случаяхъ даже до 30 кгр.; самка меньше. Сравнительно съ благороднымъ оленемъ косуля сложена болѣе плотно, голова ея коротка и притуплена. Рога характеризуются широкими костными основаніями (розами) и сравнительно сильными вѣтвями, усаженными далеко выступающими бугорками. Главная вѣтвь выпускаетъ обыкновенно два отростка, однако этимъ еще не заканчивается возможное развитіе роговъ косули. „Охотничій счетъ концовъ роговъ“, говоритъ Блазіусъ, „не имѣетъ въ виду выразить естественный законъ развитія роговъ. Если мы хотимъ выразить научно этотъ законъ развитія, то надо обращаться больше къ общей формѣ роговъ, чѣмъ къ числу концовъ; въ связи съ этой общей формой пріобрѣтаетъ значеніе и число концовъ. Самецъ-первогодокъ получаетъ въ первую зиму два нераздѣльных тонкихъ рога, имѣющихъ у основанія небольшой бугорокъ; у двухгодовалого самца главные вѣтви раздѣляются почти посрединѣ. Послѣ этого раздѣленія главный стволъ направляется подъ угломъ назадъ, а отростокъ впередъ. Этотъ колѣнчатый сгибъ главнаго ствола гораздо важнѣе, чѣмъ передній отростокъ: если есть на лицо этотъ сгибъ, а отростка недостаетъ, то можно сказать, что данный самецъ не моложе двухлѣтняго возраста. У косули съ шестью концами главный стволъ, загнутый назадъ, раздѣляется вторично и послѣ раздѣленія направляется впередъ, а второй болѣе высокій боковой отростокъ обращается кзади. Этотъ второй колѣнчатый сгибъ характеризуетъ шестиконечнаго оленя, и по присутствію двухъ колѣнчатыхъ сгибовъ можно сказать, что данный экземпляръ имѣетъ шесть лѣтъ, даже если нѣтъ обоихъ боковыхъ отростковъ. Общее развитіе оканчивается обыкновенно этими шестью концами, такъ какъ при дальнѣйшей смѣнѣ роговъ косуля-самецъ получаетъ чаще всего то же самое число отростковъ. Однако правильное развитіе можетъ идти и дальше. У восьмиконечника снова раздѣляется конецъ, находящійся надъ второй развилкой или колѣннымъ сгибомъ и направленный вверхъ или назадъ, и выпускаетъ новый боковой отростокъ. Наивысшее правильное развитіе, котораго могутъ достигъ рога косули, это, насколько мнѣ извѣстно, десять отростковъ. Достигается это раздѣленіемъ обоихъ верхнихъ концовъ у шестиконечника; въ такомъ случаѣ рогъ состоитъ изъ передняго средняго отростка, одной развилки на верхнемъ концѣ и задней вторичной развилки. Подобнаго рода рога мнѣ извѣстны только въ Сирміи и Кроаціи. Рога косули часто обнаруживаютъ склонность къ развитію на внутренней сторонѣ главной вѣтви, внизу у направляющихся впередъ среднихъ роговъ поразительно

длинныхъ шишечекъ, обыкновенно съ каждой стороны ихъ. Эти шишки бываютъ иногда до 25 миллиметровъ длины и въ такомъ случаѣ ихъ можно считать въ охотничьемъ смыслѣ особыми концами.“

Въ рогахъ косули чрезвычайно часто встрѣчаются всевозможныя уродливости. Въ коллекціяхъ можно видѣть вѣтви ихъ самой странной формы: нѣкоторыя имѣютъ цѣлый рядъ отростковъ, въ охотничьемъ смыслѣ, другія расширяются лопатой и имѣютъ отростки на ихъ краяхъ. Встрѣчаются и такіе косули-самцы,



Косуля (*Capreolus caprea*). $\frac{1}{12}$ естеств. велич.

у которыхъ есть три костныхъ основанія (розы) съ тремя стволами роговъ, и такіе, у которыхъ всего одна роза и одинъ простой рогъ, затѣмъ такъ называемые „кудрявые рога“ и т. д. У очень старыхъ самокъ также бываетъ иногда одинъ костный отростокъ съ однимъ стволомъ. Радде досталъ въ Саянахъ одинъ такой рогъ, бывший у самки посрединѣ лба. На немъ было четыре длинныхъ отростка, выходившихъ изъ одного основанія и выросшихъ въ разныя стороны. О другомъ такомъ же рогѣ мнѣ сообщаетъ Блокъ; на немъ было 2 отростка въ 5 см. длины, что обмануло даже одного стараго охотника, который принялъ эту самку за самца и убилъ ее.

Густая шерсть косули мѣняется соотвѣтственно времени года. Верхняя и нижняя сторона тѣла окрашены лѣтомъ въ темный ржаво-красный цвѣтъ, зимой въ

сѣро-бурый, нижняя и внутренняя сторона конечностей свѣтлѣе. Въ нѣкоторыхъ странахъ появляются отклоненія отъ обыкновенной окраски, наслѣдуемая въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній; встрѣчаются черныя, бѣлыя, пятнистыя и серебристыя косули.

На охотничьемъ языкѣ въ Германіи недавно родившагося косулю-самца зовутъ „козленкомъ“, по истеченіи перваго года — „узкоспиннымъ“, двухлѣтнаго „вилорогимъ козломъ“, трехгодовалаго — „козломъ“; косуля-самка на соответствующихъ степеняхъ возраста зовется „козочкой“, затѣмъ „узкоспинной“ и наконецъ „козой“.

Косуля распространена по всей Европѣ, за исключеніемъ сѣверныхъ странъ, и въ большей части Азіи. Въ настоящее время она еще живетъ въ Германіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англіи и Шотландіи, Венгріи, Галиціи, Седмиградской области, Дунайскихъ низменностяхъ, въ южной Швеціи, Польшѣ, Литвѣ и прибалтійскихъ губерніяхъ, изрѣдка встрѣчается въ Турціи и Греціи, исчезаетъ на сѣверѣ и въ центрѣ Россіи, но опять появляется въ Украинѣ и Крыму, водится на Кавказѣ, въ Арменіи, Малой Азіи, Палестинѣ и Персіи, равно какъ въ средней и южной Сибири, во всей ея лѣсной полосѣ на востокъ до устьевъ Амура, къ югу до индо-манджурскихъ плоскогорій, но въ холодныхъ безлѣсныхъ высокихъ степяхъ встрѣчается очень рѣдко и только въ видѣ единичныхъ экземпляровъ.

Въ общемъ можно сказать, что косуля въ предѣлахъ области своего распространенія держится какъ въ молодомъ лѣсу, на опушкахъ и поляхъ, поросшихъ кустарниками, такъ и во всѣхъ большихъ лѣсахъ, если только они богаты подлѣскомъ, все равно, въ гористой мѣстности или въ степной находятся эти лѣса, и состоятъ ли они изъ краснаго или чернаго лѣса. Чернолѣсье, и притомъ такое, гдѣ много лому, повидимому, въ особенности нравится косулямъ. Зимой онѣ спускаются съ высотъ въ долины, лѣтомъ же опять поднимаются на высоты. Въ Германіи онѣ охотно живутъ по опушкамъ и при томъ такимъ, которыя не имѣютъ тѣсной связи съ большими лѣсами; нерѣдко онѣ держатся среди очень большихъ полей, а въ началѣ лѣта совершенно переселяются въ поля и здѣсь прячутся днемъ въ высокомъ хлѣбѣ. Постоянной дичью, въ строгомъ смыслѣ этого слова, она является только тамъ, гдѣ чувствуетъ себя въ полной безопасности, но и тутъ она предпринимаетъ дальніе набѣги или за извѣстнаго рода пищей, или же съ цѣлью отыскать своего родича. Она любитъ свободу во всѣхъ отношеніяхъ больше оленя, гораздо больше лани, въ особенности она любитъ перемѣну мѣста, пищи, даже общества. Она не только разборчива, но прямо капризна; сегодня ей нравится тутъ, а завтра тамъ, при случаѣ терпитъ разныя непріятности, которыя дѣйствуютъ на нее такъ худо, что она совершенно измѣняется.

Движенія косули проворны и граціозны. Косуля дѣлаетъ изумительно большіе дугообразные прыжки и умѣетъ прыгать черезъ широкія ямы, высокія изгороди и плетни, а также хорошо плаваетъ и лазаетъ. Слухъ, чутье и зрѣніе ея превосходны; она хитра, осторожна, но зато дѣйствительно и доврчива. „Каждый взглядъ ея говоритъ о дружелюбіи, добромъ расположеніи“, замѣчаетъ Дитрихъ изъ Винкеля, „но приручить ее можно только въ томъ случаѣ, если человѣкъ будетъ воспитывать ее съ самой нѣжной юности; въ противномъ случаѣ она, даже при самомъ лучшемъ уходѣ, сохранить робость и боязнь передъ людьми и животными, свойственныя ей въ дикомъ состояніи. Робость эта доходитъ до того, что если ее испугнуть, то она не только иногда издаетъ короткій крикъ ужаса, но даже не дѣлаетъ попытки спастись бѣгствомъ, теряетъ голову, а въ страхѣ вертится въ небольшомъ пространствѣ и становится жертвой обыкновенныхъ, вовсе не быстрыхъ крестьянскихъ собакъ, не говоря уже о хищныхъ животныхъ. Онѣ оставляютъ свою робость передъ человѣкомъ только въ охраняемыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ мало стрѣляютъ и оставляютъ въ покоѣ; и тамъ онѣ спокойно продолжаютъ пастись даже тогда, когда мимо нихъ проходитъ человѣкъ въ 20—30 шагахъ.“

Объ этой „дружественности и добромъ расположеніи“, которыя такъ прославляетъ Дитрихъ изъ Винкеля, можно сказать, положа руку на сердце, что при болѣе тѣсномъ знакомствѣ съ косулей ихъ замѣчается у нея очень немного. Пока она молода, конечно, она является въ высшей степени милой, но съ возрастомъ дѣлается все своенравнѣе, упрямѣе и злѣе. Уже старыя самки бывають съ норовомъ, хотя и не очень сильнымъ, и придаютъ своимъ желаніямъ извѣстную настойчивость и силу; старыя же самцы — невыносимые, злые, эгоистичные и самовольные субъекты, постоянно скверно обращаются съ болѣе слабыми существами, а съ самками нерѣдко и совсѣмъ жестоко; безъ сожалѣнія тѣснятъ своихъ потомковъ, разъ подумаютъ, что тѣ могутъ стоять на пути ихъ вождѣлннйамъ, показываютъ рога всѣмъ созданіямъ, которыхъ они не боятся или перестали бояться вслѣдствіе привычки и употребляютъ ихъ крайне опаснымъ образомъ.

Косуля никогда не ходитъ такими большими стадами, какъ благородный олень. Большую часть года онѣ живутъ семейнымъ образомъ — одинъ самецъ съ одной, рѣже 2—3 самками и ихъ дѣтенышами; только въ томъ случаѣ, если нѣтъ самца, собирается стадо штукъ въ 12—15. Зимой иногда соединяется нѣсколько семействъ и живетъ вмѣстѣ довольно долго. Дѣтеныши живутъ вмѣстѣ съ самками до ближайшей течки, а затѣмъ прогоняются ими и часто образуютъ свои собственные стада. Днемъ косуля держится въ спокойной, укромной части области своего временнаго жительства, вечеромъ же — а въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ ея не тревожатъ — и попозже послѣ полудня, выходитъ пастись на молодыя поросли, лѣсистые и поросшія кустарникомъ поля или на луга; къ утру она опять возвращается въ чащу или въ высокую рожь, сбиваетъ передними ногами слой мха или коры и приготовляетъ такимъ образомъ себѣ ложе для отдыха. Она охотно, но не совсѣмъ правильно держится одного опредѣленнаго пути. Пища ея почти такова же, какъ и благороднаго оленя, только лакомка-косуля выбираетъ болѣе нѣжныя растенія. Главную часть ея пищи составляютъ, конечно, листья и побѣги всякихъ лиственныхъ деревьевъ, почки хвойнаго дерева, зеленый хлѣбъ, травы. Она очень охотно лижетъ соль, а чистая вода ей необходима; впрочемъ, во время дождя или при сильной росѣ она довольствуется каплями, осѣдающими на листьяхъ. Иногда она также то тутъ, то тамъ забирается въ сады и смѣло и ловко перепрыгиваетъ туда черезъ довольно высокіе заборы.

Удивительно, что исторія размноженія косули твердо установлена впервые только въ новѣйшее время. Долгое время спорили о томъ, когда собственно наступаетъ у косуль время течки. Различали настоящую и ложную течку и полагали, что первая должна происходить въ августѣ, а вторая въ ноябрѣ. Однако, самыми точными наблюденіями установлено, что спариваніе косуль происходитъ только въ августѣ. Между прочимъ тутъ замѣчательно то, что развитіе молодого животнаго подвигается замѣтно только въ ноябрѣ, и что вся беременность продолжается 40 недѣль; подобное развитіе животнаго такой величины кажется необыкновенно медленнымъ.

За 4 или 5 дней до родовъ косуля ищетъ тихаго мѣста въ уединенной, по возможности отдѣленной части лѣса, и тутъ производитъ на свѣтъ дѣтенышей. Очень молодыя косули мечутъ, обыкновенно, одного дѣтеныша, болѣе старыя двухъ, а изрѣдка даже трехъ. Мать заботливо прячетъ свое потомство при приближеніи всякаго врага и при малѣйшемъ движеніи даетъ ему знать условнымъ знакомъ объ опасности, или ударяя ногой или короткимъ, дрожащимъ крикомъ. Въ самой нѣжной юности дѣтеныши, услышавъ его, припадаютъ на мѣстѣ, а позже убѣгаютъ вмѣстѣ съ матерью. Въ первые дни жизни дѣтенышей, когда они еще слишкомъ безпомощны, мать обращается въ притворное бѣгство съ цѣлью обратить вниманіе врага на себя. Если у нея похитятъ дѣтеныша, и она не можетъ этому помѣшать, то она долго слѣдуетъ за похитителемъ — будь то даже человѣкъ, и выказываетъ свою заботливость, постоянно забѣгая то съ одной, то съ другой стороны и зовя дѣтеныша. „Не разъ эта материнская нѣжность“, го-

ворить Дитрихъ изъ Винкеля, „заставляла меня отпускать на свободу дѣтеныша, котораго я уже захватилъ, и мать щедро вознаграждала меня за это тѣмъ, что тщательно изслѣдовала, не причинили ли ея дитяти какого нибудь вреда. Она радостно прыгала вокругъ дѣтеныша, найдя его невредимымъ, и казалась, осыпала его ласками, предлагая ему сейчасъ же свой сосокъ, чтобы онъ поѣлъ.“ Дней черезъ 8 послѣ рожденія самка беретъ съ собой молодыхъ на кормежку, а черезъ 10—12 дней они становятся уже настолько сильны, что могутъ слѣдовать за ней самостоятельно. Тогда она возвращается съ ними на старыя мѣста, какъ будто желая представить отцу его семейство.

Уже къ концу четвертаго мѣсяца у молодого самца начинаетъ вздуваться лобная кость, въ слѣдующія за тѣмъ 4 недѣли образуются маленькія колбовидныя возвышенія; онѣ становятся все выше и выше, и въ зимніе мѣсяцы пробиваются первые рѣзки въ 8—10 сантиметровъ длиной. Въ мартѣ молодой козель очищаетъ съ роговъ кожу, а въ ближайшемъ декабрѣ сбрасываетъ рога. Вторичное образованіе роговъ завершается въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Эти вторые рога сбрасываются раньше, чѣмъ въ предыдущую осень, и замѣняются третичными.

За косулями охотятся почти такъ же, какъ и за всякой другой красной дичью, хотя въ настоящее время для стрѣльбы по нимъ употребляются чаще обыкновенные дробовики, чѣмъ винтовки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ настоящихъ охотниковъ. Помимо человѣка косулю преслѣдуютъ волкъ, рысь, дикая кошка и лиса; первые — какъ взрослыхъ, такъ и молодыхъ безъ различія, а вторые — дѣтенышей косули, которыя иногда достаются въ жертву и карликамъ-кровопійцамъ — ласочкамъ.

Полезьа, приносимая человѣку косулей, довольно значительна, вредъ же, причиняемый ею, сравнительно не великъ, однако все же больше, чѣмъ польза. Особенно часто она своевольничаетъ въ молодыхъ саженцахъ и въ нѣсколько дней уничтожаетъ старательную годовую работу лѣсовода. Въ Германіи пользуются цѣннымъ мясомъ, рогами и мѣхомъ, а также шкурой, въ Сибири мѣхъ ея идетъ на шубы.

Въ паркахъ и звѣринцахъ, какъ вообще во всѣхъ тѣсныхъ загороженныхъ мѣстахъ, косуля уживается не такъ легко, какъ другіе виды оленей, потому что ея вольному характеру противно всякое стѣсненіе. Она очень разборчивое, капризное созданіе, которое трудно удовлетворить, изнѣжена и не крѣпка, а поэтому размножается въ неволѣ далеко не правильно и часто погибаетъ при всякомъ самомъ незначительномъ поводѣ. Однако, радость доставляютъ продолжительное время только самки, но не самцы; у послѣднихъ съ теченіемъ времени проявляется своевольный нравъ, они становятся наглы, назойливы и безстыдны; только самки остаются обыкновенно кроткими.

*

Въ заключеніе бросимъ взглядъ на мунджака (*Cervulus*), отличающагося небольшимъ ростомъ, короткими, несовершенными рогами, поразительно большими клыками, болѣе глубокими и широкими слезными ямками и отсутствіемъ пучковъ волосъ на заднихъ ногахъ. Принадлежащіе сюда виды живутъ въ южномъ Китаѣ, въ южной и юго-восточной части азіатскаго материка и на прилегающихъ сюда островахъ.

Мунджакъ или кидангъ, „ребролицый“ англичанъ (*Cervulus muntjac*) — самый извѣстный видъ этой группы; онъ нѣсколько слабѣ нашей косули; длина его достигаетъ 115—124 см., изъ которыхъ на хвостъ приходится 15—18 см., высота его плечъ — 65—70 см. Волосной покровъ коротокъ, гладокъ и густъ; цвѣтъ его на верхней сторонѣ густой желто-коричневый, почти каштаново-бурый; задняя часть брюха, внутренняя сторона ногъ, ягодицы и нижняя часть хвоста бѣлаго цвѣта; передняя часть живота и грудь желтоваты. Рога сидятъ на очень длинныхъ костныхъ основаніяхъ, направлены косо и внизъ, сначала загибаются нѣсколько впередъ и кнаружи, а затѣмъ къ концамъ сразу

изгибаются въ видѣ крючковъ назадъ и въ сторону. Костныя основанія очень своеобразны; они достигаютъ отъ 8 до 10 см. длины, покрыты вплоть до самой „розы“ кожей, густо поросшей волосами: эта кожа по краямъ розы имѣетъ растительность въ видѣ кустиковъ волосъ; оканчиваются костныя основанія очень низкой „розой“, образуемой простымъ рядомъ большихъ шариковъ. У самки вмѣсто роговъ растутъ только пучки волосъ.

Родину мунджака составляютъ Суматра, Ява, Борнео, Банка и Гайнанъ, а также Малайскій полуостровъ. Не слишкомъ высоко лежація страны, гдѣ холмы и долины смѣняють другъ друга, а еще болѣе мѣстности, лежація у подножія высокихъ горныхъ хребтовъ или близко подходяція къ очень большимъ лѣсамъ,



Мунджакъ (*Cervulus muntjac*). $\frac{1}{12}$ естеств. велич.

соединяють въ себѣ, повидимому, всѣ условія, благопріятныя для этой дичи. Здѣсь кидангъ встрѣчается въ одиночку или попарно. Всего лучше чувствуетъ себя нашъ олень въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много воды и нѣтъ людей; низко опустивъ голову, онъ крадется или шныряетъ, какъ ласочка, сквозь перепутанную чащу и между сломанными и сваленными деревьями и умѣетъ ловко проникать въ самыя узкія лазейки. И днемъ и ночью можно слышать его голосъ — грубый, острый, звучный лай или крикъ, по которому ему также даютъ разныя названія. Мунджакъ — очень мужественное существо, умѣющее съ силой и ловкостью употреблять свои маленькіе рога и клыки. Онъ ранитъ многихъ собакъ, когда онѣ нападаютъ, и инья при этомъ получаютъ такія поврежденія затылка, груди или брюха, которыя могутъ стоять имъ жизни.

Мунджакъ очень хорошо переноситъ неволю у себя на родинѣ, а также и въ Европѣ довольно сносно. Его часто держатъ у себя туземцы и европейцы.

Мясо считается вкуснымъ, несмотря на худобу.

Нѣкоторые естествоиспытатели соединяють съ оленями нѣсколько маленькихъ, въ высшей степени изящно сложенныхъ жвачныхъ, среди которыхъ есть также карлики всего этого порядка, а именно кабарги и олени; мы смотримъ на нихъ какъ на особое семейство.

Кабарга (*Moschidae*) не имѣетъ ни роговъ, ни слезныхъ ямокъ, ни пучковъ волосъ на заднихъ ногахъ, у нея зачаточный хвостъ. Самцы отличаются отъ самокъ и отъ всѣхъ остальныхъ жвачныхъ длинными выступающими клыками верхней челюсти, которые выдаются внизъ изо рта. Родина этого животного — китайскія плоскогорія и Тибетъ. Они живутъ тамъ въ скалистыхъ горныхъ



Кабарга (*Moschus moschiferus*). $\frac{1}{12}$ естеств. велич.

хребтахъ, рѣдко въ долинахъ, куда они спускаются собственно лишь тогда, когда суровая зима гонитъ ихъ съ вершинъ и недостатокъ пищи заставляетъ обращаться къ болѣе благопріятнымъ мѣстамъ.

Это семейство представляется только однимъ родомъ и видомъ — кабаргой (*Moschus moschiferus*). Это граціозное животное въ 90—100 см. длины и 50—55 см. вышины, плотно сложенное, болѣе высокое въ задней части чѣмъ спереди, тонконогое, съ короткой шеей и удлиненой, тупо закругленной на мордѣ головой; глаза его средней величины, опушены длинными рѣсницами и имѣють очень подвижные зрачки, уши яйцевидной формы и достигаютъ длины въ полголовы. Довольно маленькія, узкія и острые копыта окружають ноги; эти копыта могутъ, однако, очень сильно раздвигаться благодаря кожной складкѣ, находящейся между ними; они дѣлають возможнымъ вмѣстѣ съ надкопытными когтями, почти достигающими до земли, съ увѣренностью и безъ труда идти по снѣжнымъ полямъ и глетчерамъ. Цвѣтъ, судя по имѣющимся даннымъ, измѣняется крайне разно-

образно: нѣкоторые экземпляры сверху очень темнаго, а снизу грязно-бѣлаго цвѣта; другіе красно-бураго, третьи сверху желтовато-бураго, снизу бѣлаго, у иныхъ же вдоль спины бываетъ рядъ свѣтлыхъ пятенъ. Клыки у самца выдаются изъ рта на 5—7 сантиметровъ; они въ началѣ мягко загибаются внизъ, а затѣмъ серповидно назадъ. У самки тоже есть клыки, только они не выдаются надъ губой.

Мускусная сумка лежитъ на задней части брюха и имѣетъ форму мѣшко-видной, нѣсколько выдающейся округлой сумки приблизительно въ 6 см. въ длину, 3 см. въ ширину и 4—5 см. въ вышину. Съ обѣихъ сторонъ она усажена плотно лежащими, прижатыми другъ къ другу волосами, но по серединѣ остается голое мѣсто въ видѣ креста. Здѣсь лежатъ два маленькія отверстія другъ за другомъ; они соединены съ самой сумкой короткими протоками. Переднее отверстие, полулунной формы, усажено снаружи болѣе грубыми, а внутри тонкими, длинными и спутанными волосами: заднее — окружено пучкомъ щетинистыхъ волосъ. Двѣ маленькія железы внутри мѣшка отдѣляютъ мускусъ, и когда сумка переполняется имъ, то онъ выливается черезъ первый вышеупомянутый протокъ. Эта сумка достигаетъ своей полной величины и полного содержанія мускуса только у взрослой кабарги. Среднее количество этого цѣннаго вещества у одного животного можно считать въ 30 граммъ, однако въ сумкахъ нѣкоторыхъ экземпляровъ находили даже свыше, чѣмъ двойное количество мускуса. Молодые самцы доставляютъ приблизительно восьмую долю средняго количества. У живого животного мускусъ походить на мазь; если его высушить, то онъ становится зернистой или порошкообразной массой, имѣющей сначала красно-бурый цвѣтъ, а затѣмъ темнѣющей со временемъ до чернаго, какъ уголь, цвѣта.

Ни греки, ни римляне ничего не знали о кабаргѣ, хотя они и любили до безумія благовонный мускусъ, получавшійся ими по большей части изъ Индіи и Аравіи. Китайцы, напротивъ того, имѣли дѣло съ мускусомъ тысячи лѣтъ тому назадъ. Первые свѣдѣнія мы получили отъ арабовъ.

Область распространенія кабарги простирается отъ Амура до Каспійскаго моря и отъ 60° сѣверной широты до Китая и задней Индіи. Чашѣ всего она встрѣчается въ окрестностяхъ озера Байкаль и въ горахъ Монголіи, равно какъ на Гималайскихъ горахъ, гдѣ она, должно быть, рѣдко поднимается и лѣтомъ выше 2500 метровъ: въ этихъ краяхъ она встрѣчается еще иногда въ такомъ большомъ числѣ, что промысловый охотникъ можетъ убить въ одну зиму нѣсколько сотенъ штукъ. Крутые склоны и лѣса составляютъ самыя обычныя мѣста пребыванія этого знаменитаго животного; оно встрѣчается тамъ въ одиночку или самое большее — вдвоемъ. Кинлохъ сравниваетъ образъ жизни кабарги съ образомъ жизни зайца, такъ какъ она, подобно зайцу, устраиваетъ себѣ логово, гдѣ и лежитъ очень прочно днемъ. Для кормежки кабарга предпочитаетъ гористые склоны, на которыхъ смѣняются травянистыя поляны съ кустарниковыми порослями; на безлѣсныхъ полянахъ она появляется только въ сумерки или утромъ. Движенія ея столь же быстры, какъ и увѣренны. Она бѣгаетъ съ быстротой антилопы, прыгаетъ съ увѣренностью каменнаго козла и лазаетъ съ смѣлостью серны. На снѣжныхъ полянахъ, гдѣ вязнетъ собака, и самъ человѣкъ едва можетъ подвигаться, она труситъ еще довольно хорошо, почти не оставляя послѣ себя замѣтнаго слѣда. Если же ее преслѣдуютъ, то она прыгаетъ, какъ серна, съ значительной высоты внизъ безъ всякаго вреда для себя, или взбѣгаетъ на отвѣсныя скалы, гдѣ нѣтъ возможности настичь ее; въ случаѣ надобности кабарга не задумываясь переплываетъ черезъ широкія рѣки.

Чувства ея прекрасны, но умственные способности не велики. Кабарга пуглива, но не умна и не расчетлива. Если ее постигнетъ какой-нибудь несчастный случай, она часто терлетъ присутствіе духа и мечется, какъ безумная. Такимъ же образомъ ведетъ себя и только что пойманная кабарга.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ спариванья кабарга приноситъ одного или двухъ пестрыхъ пятнистыхъ дѣтенышей. Она съ большой привязанностью держитъ ихъ при себѣ до ближайшей точки, но тогда прогоняетъ. Дѣтеныши становятся вполнѣ взрослыми черезъ три года.

Охота на это важное и прибыльное созданіе очень тяжела, по крайней мѣрѣ, въ Сибири. Благодаря чрезвычайной пугливости кабарги охотнику рѣдко удается сдѣлать выстрѣлъ. Обыкновенно для пріобрѣтенія желаемой добычи на пути ея ставятъ петли. Ловлѣ сильно мѣшаютъ росомаха, сибирская ласка и вѣроны. Эти пушные хищники идутъ по ихъ слѣду и пожираютъ ихъ въ петлѣ. Кромѣ того, ягнятникъ и орелъ преслѣдуютъ дѣтенышей, а пантера и барсъ взрослую кабаргу. Англіійскіе охотники бьютъ ихъ изъ винтовокъ или на облавахъ.

Въ Индіи мясо кабарги очень цѣнится европейцами; мускусная сумка стоитъ 10—30 марокъ (5—15 р.). Лучшій мускусъ вывозится въ Англію изъ Китая; однако, онъ весьма рѣдко бываетъ чистымъ, потому что длиннокосые плуты издавна старательно занимаются поддѣлкой этого цѣннаго вещества. Старинные путешественники рассказываютъ удивительныя вещи о силѣ мускуснаго запаха. Тавернье и Шардэнъ рассказываютъ, что охотники должны, отрѣзывая мускусную сумку, затыкать себѣ ротъ и носъ, потому что неосторожное вдыханіе испареній производитъ смертельное кровотеченіе. Шардэнъ увѣряетъ, что онъ никогда не могъ приблизиться къ продавцамъ мускуса и долженъ былъ заботиться о покупкѣ его черезъ своихъ знакомыхъ торговцевъ. Запахъ мускуса, по его увѣреніямъ, невыносимъ, а для непривычнаго къ нему европейца положительно опасенъ.

У насъ нѣтъ еще достаточныхъ свѣдѣній о жизни кабарги въ неволѣ. Въ 1772 году одна кабарга достигла, послѣ 3-лѣтняго путешествія, Парижа и прожила тамъ три года. Она околѣла отъ клубка волосъ, образовавшагося изъ тѣхъ волосъ, которые она часто слизывала; онъ былъ зажатъ запирающей мышцей входа въ желудокъ. До того времени она постоянно была весела и рѣзва, благодаря чему французскіе естествоиспытатели начали думать, что это важное животное можно было бы поселить у насъ на горахъ.

Послѣднее семейство жвачныхъ обнимаетъ собой оленьковъ (карликовую кабаргу) (*Tragulidae*), связанныхъ съ семействомъ свиней. Принадлежащія сюда животныя живутъ въ западной Афіикѣ и южной Азіи; это чрезвычайно милостивыя созданія. Представимъ себѣ изящнаго звѣрка, съ виду похожаго на косулю, съ довольно толстымъ туловищемъ, узкой, красивой формы, головой, прекрасными свѣтлыми глазами и ногами не толще карандаша, съ чрезвычайно прелестными копытами, маленькимъ хорошенькимъ кургузымъ хвостомъ и мягкимъ, гладколежащимъ волосянымъ покровомъ пріятнаго цвѣта: это и будетъ оленекъ.

Канчилъ (*Tragulus kanchil* или *Tragulus pygmaeus*) приблизительно 45 см. длины, изъ которыхъ 4 см. приходится на хвостъ; высота его въ загривкѣ доходитъ до 20 см., крестецъ на 2 см. выше. Довольно тонкіе волосы на головѣ исѣбра-краснаго цвѣта, на бокахъ свѣтлѣе, на затылкѣ темнѣе почти черныя, на верхней сторонѣ туловища желтовато-бурые съ красноватымъ отливомъ, вдоль спины къ нимъ сильно примѣшиваются черныя волоса; переходя на бока они становятся свѣтлѣе; на верхней сторонѣ шеи есть бѣлыя крапины, а на нижней—волосы бѣлаго цвѣта. Очень старые самцы имѣютъ сильно загнутые клыки, выступающіе изъ десны приблизительно на 3 см. Маленькія, тонкія копыта, свѣтло-коричневаго цвѣта рога. Молодыя животныя не отличаются отъ старыхъ.

Родина этого красиваго созданія — Ява, Сингапуръ и Малайскій полуостровъ; на Суматрѣ, Борнео, Цейлонѣ и въ Индіи отъ южнаго ея конца до Гималаевъ на высотахъ не больше 600 метровъ надъ уровнемъ моря его замѣщаютъ родственные виды. На Явѣ онъ живетъ больше въ горахъ, чѣмъ въ равнинахъ, на нижнемъ краю первобытныхъ лѣсовъ, покрывающихъ всѣ тамошнія горы, а именно въ той кустарниковой полосѣ, откуда онъ можетъ въ нѣсколько минутъ достигъ до покрытыхъ травой склоновъ. Онъ никогда не попадаетъ стадомъ, такъ какъ держится въ одиночку и только во время течки — парами. Днемъ канчилъ уходитъ и ложится отдыхать въ самыхъ густыхъ кустарникахъ, пережевывая свою

жвачку; съ наступленіемъ же сумерекъ выходить кормиться и ищетъ всякаго рода листья, травы и ягоды. Ему необходима вода.

Всѣ движенія этого звѣрка крайне граціозны и легки и при томъ очень живы. Онъ умѣетъ дѣлать сравнительно громадныя прыжки и преодолевать на своемъ пути всякія трудности. Но его нѣжныя члены скоро отказываются служить, и онъ легко попадалъ бы во власть своихъ враговъ, если бы не обладалъ еще однимъ средствомъ защиты, а именно особенной хитростью. Обыкновенно во время преслѣдованія онъ старается спрятаться въ кустарникахъ; но какъ скоро онъ видитъ, что дальше ему некуда дѣваться, то ложится на землю, какъ и опоссумъ въ такихъ же обстоятельствахъ, и притворяется мертвымъ. Врагъ подходит и думаетъ схватить свою добычу когтями, но, видя это, нашъ звѣрекъ прежде, чѣмъ врагъ успѣетъ сдѣлать это, дѣлаетъ одинъ-два прыжка и съ быстротою молніи исчезаетъ оттуда.

Въ новыя времена часто привозили канчиля въ Европу и держали долгое время въ неволѣ. Владѣльцы звѣринцевъ также повсюду развозили того или иного представителя семейства оленьковъ и выставляли на показъ. Видъ его наряденъ и красивъ; онъ держится чрезвычайно чисто и постоянно чешется и лижется. Большіе, прекрасныя глаза заставляютъ предполагать въ немъ высокоодаренное умственно животное; на дѣлѣ это, однако, не такъ; онъ не проявляетъ никоимъ образомъ особенной понятливости, но по большей части спокоенъ, тихъ и скученъ. День его раздѣляется на ѣду, пережевыванье и сонъ. Изрѣдка слышится его нѣжный, тихій голосъ, похожій на слабый звукъ рожка.

Жители Явы ревностно преслѣдуютъ этого звѣрка и охотно ѣдятъ его мягкое и сладковатое мясо. Иногда его маленькія ножки обдѣлываютъ въ золото и серебро и употребляютъ ихъ для набиванія табаку въ трубки.

Второй подпорядокъ не-жвачныхъ парнокопытныхъ обнимаетъ собой свиней и гиппопотамовъ, раздѣляющихся на два семейства.

У щетинистыхъ животныхъ или свиней (Suidae) туловище сжато съ боковъ, голова съ притупленнымъ спереди рыломъ, почти конической формы, хвостъ тонкій, длинный и закругленъ кольцомъ, удлиненное кпереди рыло расширяется въ видѣ хоботнаго диска, въ которомъ помѣщаются ноздри; уши средней величины, обыкновенно стоятъ вертикально; глаза скошенные, сравнительно небольшіе; ноги тонки и жидки, пальцы ихъ расположены по-парно; средніе, служащіе опорой тѣлу, существенно больше наружныхъ. Тѣло покрыто болѣе или менѣе густой щетиной. У самки на брюхѣ находятся большое число сосковъ, расположенныхъ въ два ряда. Скелетъ имѣетъ изящныя и легкія формы. У всѣхъ свиней есть всѣ три рода зубовъ какъ въ верхней, такъ и въ нижней челюсти. Число рѣзцовъ колеблется у нихъ отъ 1 до 3 въ каждой половинѣ верхней и отъ 2—3 въ каждой половинѣ нижней челюсти; однако эти зубы въ старости нерѣдко выпадаютъ. Клыки есть всегда, при томъ форма ихъ очень характерна: они трехгранны, сильно скривлены и загнуты вверхъ. Остальные зубы, число которыхъ бываетъ различно, тѣсно стоятъ другъ возлѣ друга; коренные зубы широки и имѣютъ много бугорковъ. Изъ мышцъ особенно выдаются мышцы, двигающія губами, особенно сильны мышцы верхней губы, придающія хоботу такую силу, что она въ состояніи рыть имъ. При обильной пищѣ у нихъ отлагается подъ кожей слой сала, толщина котораго можетъ дойти до нѣсколькихъ саптиметровъ.

Щетинистыя животныя живутъ почти во всѣхъ странахъ свѣта, кромѣ Австраліи. Мѣсто пребыванія ихъ составляютъ большіе, влажные, болотистые лѣса въ гористыхъ или ровныхъ мѣстностяхъ, чаща, заросли, сырыя плоскія мѣста и поля, покрытыя травой. Всѣ они любятъ близость воды, или другими словами — болота, лужи, берега рѣкъ и озеръ, гдѣ они вырываютъ себѣ въ илѣ или трясинѣ логовища и во время отдыха лежатъ тамъ, часто на-половинѣ въ водѣ; нѣкоторые виды также ищутъ себѣ охраны въ большихъ норахъ подъ корнями деревьевъ. Большинство изъ нихъ общественныя животныя, но стада, составляемыя ими, рѣдко достигаютъ

значительныхъ размѣровъ. Они ведутъ ночной образъ жизни, такъ какъ начинаютъ пастись только съ паступленіемъ сумерекъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ нечего бояться никакой опасности. Они далеко не такія тяжелыя и неуклюжія животныя, какъ это кажется; движенія ихъ, по большей части, сравнительно легки. Они ходятъ шагомъ довольно быстро, бѣгаютъ скоро; галопъ ихъ состоитъ изъ ряда своеобразныхъ скачковъ, причемъ каждый скачекъ сопровождается выразительнымъ хрюканьемъ. Всѣ свиньи прекрасно плаваютъ и переплываютъ даже морскіе проливы, желая попасть съ одного острова на другой. Чувства свиней, особенно слухъ и обоняніе, тоже хорошо развиты: они превосходно чувятъ и слышатъ. Напротивъ того, ихъ тусклые и небольшіе глаза, какъ кажется, не особенно хорошо видятъ; вкусъ и осязаніе, равнымъ образомъ, развиты слабо. Будучи пугливы и осторожны, они, хотя обыкновенно и убѣгаютъ при всякой опасности, но, если ихъ тѣснятъ, то храбро принимаются защищаться, а иногда, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ даже прямо нападаютъ на противника. При этомъ они стараются опрокинуть его на бѣгу и нанести ему рапу своими острыми клыками, которые они употребляютъ съ такой большой ловкостью и значительной силой, что могутъ быть очень опасны. Всѣ кабаны защищаютъ своихъ свиней, а тѣ своихъ поросятъ съ большимъ самопожертвованіемъ. Непонятливыя и упрямые, онѣ не способны къ дрессировкѣ, да и всѣ ихъ качества вообще нельзя назвать привлекательными. Голосъ ихъ — странное хрюканье, выражающее чувство удовольствія и самодовольства. У старыхъ самцовъ можно слышать иногда глубокое урчаніе.

Свиньи всеядныя животныя, въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Гдѣ только есть что-нибудь съѣдобное — все имъ годится. Немногіе изъ нихъ питаются исключительно растительными веществами, кореньями, травами, полевыми и древесными плодами, лукомъ, грибами и т. п., другія же помимо этого жрутъ еще насѣкомыхъ и ихъ личинки, улитокъ, червей, пресмыкающихся, мышей и даже рыбу, очень любятъ падаль. Прожорливость ихъ настолько извѣстна, что объ этомъ не нужно говорить: всѣ остальные свойства, собственно, утопаютъ въ ней, за единственнымъ исключеніемъ безпримѣрной нечистоплотности, которая и вызвала у людей презрѣніе къ свиньямъ.

Только у очень немногихъ видовъ, свинья приноситъ одного или небольшое число поросятъ; остальные производятъ на свѣтъ много дѣтенышей, иногда даже больше, чѣмъ какое либо иное млекопитающее, а именно до 24 штукъ. Дикіе поросята очень милыя, веселыя, подвижныя созданія, которыя привели бы всякаго въ восхищеніе, если бы не нечистоплотность, въ которой они не уступаютъ старымъ, появляющаяся у нихъ съ перваго дня жизни. Они чрезвычайно быстро растутъ и черезъ годъ уже становятся способны къ размноженію, благодаря чему ими кишатъ всѣ подходящіе по своему характеру мѣстности; даже тамъ, гдѣ ихъ вовсе ужъ не щадятъ, ихъ трудно вполнѣ истребить.

Чрезвычайная способность къ размноженію и нечувствительность къ перемѣнѣ условій въ сильной степени приспособили ихъ къ домашнему состоянію. Немногія животныя такъ легко приручаются и обратно, съ такой же легкостью вновь дичаютъ, какъ свиньи. Молодая дикая свинья большей частью скоро привыкаетъ къ неволѣ, къ самому грязному хлѣву, а домашняя свинья, родившаяся въ подобномъ хлѣву превращается, проживъ нѣсколько лѣтъ на свободѣ, въ дикое и злое животное, едва отличающееся отъ своихъ предковъ, и обыкновенно дѣтеныши ея перваго помета совершенно походятъ на настоящихъ дикихъ свиней.

Всѣ свиньи наносятъ столько вреда земледѣльцамъ, что при воздѣлываніи почвы ихъ нельзя терпѣть. Поэтому вездѣ, гдѣ человѣкъ достигъ господства, свиньи преслѣдуются самымъ ревностнымъ образомъ. Охота на нихъ считается однимъ изъ самыхъ благородныхъ удовольствій, и имѣетъ въ себѣ много увлекательнаго особенно потому, что здѣсь идетъ дѣло о такихъ созданіяхъ, которыя при случаѣ умѣютъ продать свою жизнь очень дорого.

Впрочемъ, человѣкъ является злѣйшимъ врагомъ дикихъ свиней только въ сѣверныхъ странахъ. Въ странахъ, лежащихъ подъ тропиками, живущихъ тамъ сви-

ней ревностно преслѣдуютъ крупныя хищники изъ кошачьей и собачьей породы; они часто производятъ большія опустошенія въ стадахъ свиней. Лисицы, мелкія кошки и хищныя птицы отваживаются нападать только на поросятъ, да и то съ большою осторожностью, потому что, какъ уже было замѣчено, мать умѣетъ твердо защищать кучу своихъ дѣтенышей.

Всѣ сухопутныя свиньи похожи другъ на друга по строенію тѣла и нраву. Небольшія различія, которыя можно установить между ними, заключаются въ большей стройности или неуклюжести ихъ сложенія, числѣ зубовъ и пальцевъ и формѣ клыковъ. 44 зуба, 4 пальца на каждой ногѣ, большей частью 10, и по меньшей мѣрѣ 8 сосковъ на брюхѣ у самки, овальные, покрытыя волосами уши, и хвостъ средней величины съ метелкой на концѣ — вотъ характерныя признаки свиней въ узкомъ смыслѣ, (*Sus*), достойнымъ представителемъ которыхъ является нашъ кабанъ (*Sus scrofa*). Этотъ сильный, мощный и хорошо вооруженный звѣрь достигаетъ свыше 2 метровъ въ длину — 1,8 метра приходится на туловище, а 25 сантиметровъ на хвостъ, при высотѣ плеча въ 95 см. и вѣсѣ въ 150—200 килограммовъ; размѣры и вѣсъ его, однако, значительно измѣняются, смотря по мѣстности, гдѣ онъ живетъ, по времени года и пищѣ. Кабаны, живущіе въ болотистыхъ мѣстностяхъ обыкновенно крупнѣе живущихъ въ сухихъ лѣсахъ; тѣ которые водятся на островахъ Средиземнаго моря никогда не бываютъ равны материковымъ кабанамъ. По фигурѣ кабанъ походитъ на своего ручного потомка; только туловище перваго короче, плотнѣе, ноги сильнѣе, голова длиннѣе и уже; уши стоятъ болѣе вертикально, нѣсколько длиннѣе и острѣе, а также и оружіе кабана, клыки, бываютъ острѣе и больше, чѣмъ у ручного борова. Цвѣтъ ихъ различенъ; въ общемъ его можно охарактеризовать охотничьимъ названіемъ „черная дичь“, такъ какъ сѣрые, ржаваго цвѣта, бѣлые и пѣгіе кабаны встрѣчаются рѣдко. Дѣтеныши имѣютъ желтоватыя полосы на красновато-сѣромъ фонѣ; онѣ тянутся довольно прямо спереди назадъ, но исчезаютъ уже въ первые мѣсяцы жизни. Волосной покровъ состоитъ изъ жесткихъ, длинныхъ и колючихъ щетинокъ, концы которыхъ сильно расщеплены; между ними пробивается тонкій подшерстокъ, болѣе или менѣе короткій, смотря по времени года. На нижней части шеи и задней части брюха щетины направлены впередъ, а на всѣхъ остальныхъ частяхъ тѣла назадъ; на спинѣ онѣ образуютъ родъ гребня или гривы. Обычный цвѣтъ ихъ черный или буро-черный, концы же желтоватаго, сѣраго или рыжеватаго цвѣта, поэтому общій тонъ ихъ довольно свѣтлый. Уши черно-бураго, хвостъ, хоботъ и нижнія половины ногъ чернаго цвѣта; на передней части морды находится пучекъ волосъ, обыкновенно, покрытый крапинками. Ржаво-красныхъ и покрытыхъ бѣлыми пятнами, или полубѣлыхъ и получерныхъ свиней, которыя иногда попадаются, считаютъ потомками одичавшихъ домашнихъ свиней, нѣкогда прогнанныхъ на волю съ цѣлью размноженія дикихъ кабановъ.

Охотники зовутъ это животное ведремъ (*Sau*), взрослую дикую свинью — самца — боровомъ, а самку вефрицей (*Bache*). Молодыя животныя называются поросятами, далѣе самка называется „двухгодовалой“, „сильной“ или „грубой“ вефрицей, а самецъ двухгодовалымъ боровкомъ (*zweijährigen Keiler*), а съ седьмого года „матерымъ“ или „грубымъ“ боровомъ. Хоботъ называется „пятачкомъ“, клыки „оружіемъ“, а у самки „крючками“.

Распространенный раньше почти по всей Европѣ и столь же часто встрѣчавшійся какъ въ центральной, такъ и въ южной полосѣ этой части свѣта, кабанъ въ настоящее время истребленъ въ нѣкоторыхъ странахъ, а во многихъ мѣстностяхъ и совершенно уничтоженъ къ великой радости сельскихъ хозяевъ и лѣсоводовъ и къ неменьшему огорченію всѣхъ охотниковъ, или же живетъ только въ паркахъ, подъ охраной, въ качествѣ дичи. Область его распространенія не заходитъ далѣе 55° сѣверной широты. Въ Германіи онъ водится все еще въ большемъ числѣ, чѣмъ этого бы хотѣлось сельскимъ хозяевамъ, въ совершенно дикомъ

состояніи, а именно, въ Эльзасѣ и прирейнскихъ странахъ, Гессенѣ, Нассау, Ганноверѣ, Помераніи, восточной и западной Пруссіи, а также попадаетъ тамъ и сямъ въ Бранденбургъ и верхней Силезіи, Ангальтѣ, Саксоніи и Тюрингіи, такъ что въ сущности совершенно истеребленъ онъ только на бѣдныхъ лѣсомъ равнинахъ, и на нѣкоторыхъ маленькихъ горныхъ цѣпяхъ средней Германіи. Еще чаще, чѣмъ въ Германіи, кабанъ встрѣчается въ отдѣльныхъ горныхъ лѣсахъ во Франціи и Бельгіи, а также въ Польшѣ, Галиціи, Венгріи, Дунайской низменности, южной Россіи, на Балканскомъ и Иберійскомъ полуостровѣ. Въ Азіи онъ распространенъ отъ Кавказа до Амура и отъ 55° сѣверной широты до сѣверныхъ склоновъ Гималайскихъ горъ, въ Африкѣ населяетъ всѣ подходящія для него мѣстности по всему сѣверному краю этой части свѣта. За этими упомянутыми границами представителями его являются другіе виды; отчасти ихъ нужно было бы ближе изслѣдовать, такъ что ихъ никакъ нельзя принимать за твердо установленные виды; на материкѣ Индіи его представителемъ является длинногривый кабанъ (*Sus cristatus*), въ Андаманѣ — андаманскій кабанъ (*Sus andamanensis*), на Борнео — бородатый кабанъ (*Sus barbatus*), полосатый (*Sus vittatus*) и бородавчатый (*Sus verrucosus*) кабанъ; изъ нихъ первый живетъ на Явѣ, Амбоинѣ и Бангкѣ, послѣдній встрѣчается на Явѣ и Церамѣ; на Целебесѣ представителемъ кабана является целебесскій кабанъ (*Sus celebensis*), на Тиморѣ — тиморскій кабанъ (*Sus timorensis*), на Новой Гвинее — папуасскій кабанъ (*Sus papuensis*) и черный кабанъ (*Sus niger*), въ Японіи и на Формозѣ бѣлобродый кабанъ (*Sus leucomystax*) и, наконецъ, во внутренней области сѣверо-западной Африки сеннарскій кабанъ (*Sus sennarensis*). Сильный индійскій вепрь отнюдь не боится битвы съ тигромъ и нерѣдко остается побѣдителемъ; только совсѣмъ неопытный тигръ, вообще, отважится напасть на такого великана.

Мѣстопробываніе кабана — по большей части сырыя и болотистыя мѣстности, независимо отъ того, растетъ ли тамъ обширный лѣсъ или же страна покрыта только болотной растительностью; особенное предпочтеніе онъ оказываетъ большимъ и густымъ зарослямъ молодого хвойнаго лѣса. Во многихъ мѣстечкахъ Египта кабаны держатся изъ года въ годъ въ поляхъ сахарнаго тростника, не оставляя ихъ никогда, ѣдятъ тростникъ, валяются въ водѣ канавъ, проведенныхъ по полямъ, и чувствуютъ себя такъ хорошо, что ихъ нельзя выжить несмотря на всѣ усилія. Въ Азіи они тоже мѣстами оставляютъ лѣса, чтобы хоть на время побыть въ высокой травѣ, растущей по берегамъ текучихъ или стоячихъ водъ. Желая отдохнуть, кабанъ вырываетъ углубленіе такой величины, чтобы въ него могло влѣзть его тѣло; если возможно, онъ устилаетъ это логовище мхомъ, сухой травой и листьями и покоится тамъ со всевозможнымъ комфортомъ. Стадо кабановъ приготовляетъ себѣ на подобныхъ мѣстахъ котловину, и обыкновенно размѣщается въ ней такимъ образомъ, что всѣ обращаются головами къ срединѣ.

Какъ очень общительныя животныя, кабаны обыкновенно собираются въ стада, а именно самки съ дѣтенышами, молодыми свинками и маленькими боровками; взрослые боровы нерѣдко составляютъ особые стада „грубыхъ кабановъ“; матерые самцы живутъ отшельниками и присоединяются къ стадамъ только во время течки „время упоенія“. Днемъ они тихо и лѣниво лежатъ въ своей котловинѣ, а вечеромъ поднимаются, отправляясь на кормежку. Сперва они, по охотничьему выраженію, идутъ по лѣсу и по лугамъ на проломъ, то есть, яростно топча землю, или бѣгутъ къ лужѣ, чтобы поваляться въ ней съ полчаса. Имъ, повидимому, необходимо освѣжиться такимъ способомъ, потому что они часто бѣгутъ принять ванну за цѣлую милю. А когда все стихнетъ кругомъ, забираются въ поля, и куда они повадились ходить, выжить ихъ оттуда не такъ то легко. Когда хлѣбъ начнетъ колоситься, то выгнать ихъ съ полей становится очень трудно, равно какъ и уберечь поля отъ порчи. Они гораздо больше опустошаютъ, чѣмъ сѣдаютъ, и поэтому являются чрезвычайно вредными животными. Черная дичь ищетъ въ лѣсу и на лугахъ всякаго рода

земляной кормъ, трюфели, личинки насѣкомыхъ, червей, а осенью и зимой опавшіе желуди, буковые и дубовые, лѣсные орѣхи, каштаны, въ поляхъ картофель, рѣпу, хлѣбъ и всѣ стручковые овощи. Ъсть кабанъ, вообще, всевозможныя растенія и различныя животныя вещества и даже околѣвшій скотъ, павшую дичь и падаль, даже трупы себѣ подобныхъ, а при случаѣ становится настоящимъ хищникомъ: онъ нападаетъ на дѣтенышей разной дичи, преслѣдуетъ подстрѣленныхъ или отощавшихъ вслѣдствіе плохого питанія оленей, ланей и козъ и приканчиваетъ ихъ, а въ случаѣ голодовки пожираетъ даже собственныхъ дѣтенышей. Смотри по тому, много ли корма, или же зима сурова — кабанъ по временамъ мѣняетъ свое мѣстопробываніе и предпринимаетъ довольно значительныя перекочевки.

Домашняя свинья во многихъ отношеніяхъ по своимъ свойствамъ походить на своего родоначальника, благодаря чему легко можно сдѣлать, зная одного, заключеніе о другой. Само собой разумѣется, кабанъ гораздо болѣе совершенное и мужественное созданіе, чѣмъ наше животное хлѣва, развращенное рабствомъ. Хотя всѣ движенія кабана тоже нѣсколько неуклюжи и неловки, но зато они быстры и буйны. Бѣгъ довольно быстръ и чаще всего направляется по прямой линіи; въ особенности боровъ не любитъ дѣлать крутыхъ поворотовъ. Кабаны ломаются сквозь такія чащи, что приходишь въ изумленіе, — другимъ созданіямъ ни за что бы не проникнуть сквозь нихъ. Плаваютъ они превосходно, даже черезъ очень широкія водныя пространства, а при случаѣ переправляются даже по морю съ одного острова на другой; наблюдали, что свиньи легко переплывали полосы въ 6—7 километровъ шириной.

Всѣ кабаны осторожны и внимательны, хотя и не пугливы, такъ какъ полагаются на свою силу и оружіе. Видятъ они, говоря по правдѣ, очень плохо, но слухъ и чутье ихъ очень остры; чувство обонянія кабана не уступаетъ обонянію благороднаго оленя, потому что онъ чувствуетъ человѣка на 500 — 600 шаговъ; натолкнувшись на свѣжій человѣческій слѣдъ, они тотчасъ же останавливаются. Характеръ ихъ представляетъ удивительное смѣшеніе спокойствія, невиннаго добродушія, неукротимости и необычайной раздражительности. Если его не разозлить, то даже самый сильный кабанъ не сдѣлаетъ ни малѣйшаго зла человѣку; постояннымъ противникомъ онъ является только для собаки и всегда старается быть для нея опаснымъ. Но всѣ кабаны, а въ особенности матерые, не выносятъ оскорбленій, даже если только дразнить ихъ. Если человѣкъ спокойно идетъ своимъ шагомъ, то кабанъ ни мало не печалится о немъ или же быстро убѣгаетъ; но если звѣря какъ-нибудь задѣтъ, то онъ можетъ, не долго думая, напасть и на вооруженнаго человѣка. Дитрихъ изъ Винкеля рассказываетъ, что онъ, будучи еще неопытнымъ юношей, вытянулъ мимоходомъ кнутомъ кабана, который былъ совершенно добродушно настроенъ, но затѣмъ долженъ былъ бѣжать изо всѣхъ силъ, чтобы спастись отъ него. „Даже охотнику“, говоритъ онъ, „не слѣдуетъ плошать передъ раненымъ кабаномъ. Нападая на человѣка или животное, онъ съ невѣроятной скоростью настигаетъ ихъ, клыками онъ наноситъ сильные и опасные удары, но рѣдко останавливается, а еще рѣже возвращается назадъ. Если въ подобномъ случаѣ не потерять присутствія духа, подпустить звѣря совсѣмъ близко и тогда быстро отскочить за дерево или, если это невозможно, просто въ сторону, то кабанъ пробѣжитъ, по своей неловкости, мимо. Но если нѣтъ ни времени, ни удобнаго момента прибѣгнуть къ этому спасительному средству, то остается броситься на землю, такъ какъ кабанъ въ дракѣ можетъ наносить удары только вверхъ, а не внизъ.“ Веприца не такъ гнѣвлива, какъ кабанъ, но мало уступаетъ ему въ мужествѣ. Хотя она не можетъ причинить тяжкихъ поврежденій ударами своихъ клыковъ, но по этому самому она еще опаснѣе кабана, такъ какъ останавливается надъ предметомъ своей ярости, топчетъ его ногами и кусаетъ, отрывая цѣлые куски мяса. Болѣе слабые кабаны, даже вепренки, противятся человѣку; болѣе молодыхъ защищаютъ съ непоколебимымъ мужествомъ старшіе. Веприцы, водящія за собой маленькихъ поросятъ, не такъ то легко отказываются отъ преслѣдованія похитителей своихъ дѣтей.

Если внимательно разсмотрѣть клыки крупнаго кабана, то станетъ понятнымъ, что это оружіе должно страшно дѣйствовать. Оба клыка бѣлые и блестящіе, чрезвычайно острые и заостренные, и чѣмъ старше они, тѣмъ острѣе и заостреннѣе становятся, благодаря постоянному тренію другъ о друга. Чѣмъ старше становятся кабаны, тѣмъ сильнѣе загибаются у нихъ клыки, постоянно увеличиваясь въ длину и въ силѣ; удары, наносимые ими звѣремъ, очень опасны и могутъ причинить смертельныя раны. Голосъ кабана во всѣхъ отношеніяхъ походить на голосъ нашей домашней свиньи.

Въ концѣ ноября наступаетъ время течки у кабановъ. Оно длится 4 — 5, а можетъ быть и 6 недѣль. Черезъ 18 — 20 недѣль послѣ случки самка приноситъ или поросится 4 — 6, если она не очень велика, поросятами; болѣе крупная 11 — 12 поросятами. Она предварительно приготовляетъ себѣ въ уединенной чащѣ логово, устилаетъ его мхомъ, хвоей и листвою и въ теченіе первыхъ 14 дней послѣ родовъ заботливо прячетъ тамъ своихъ нѣжно-любимыхъ маленькихъ, оставляя ихъ рѣдко и на короткое время, чтобы поискать себѣ корму.

Стадо этихъ молодыхъ, красиво разрисованныхъ звѣрковъ представляетъ въ высшей степени радующую картину, потому что поросята, пока они еще малы, премпленкія, чрезвычайно забавныя созданія. Имъ чрезвычайно идетъ ихъ одѣяніе, а веселость и задорность молодости составляютъ полную противоположность вялости и неукротимости зрѣлаго возраста. Веприцы серьезно идутъ впереди своихъ дѣтенышей, а они бѣгаютъ другъ за другомъ съ визгомъ и хрюканьемъ, то разсыпаясь, то снова собираясь, останавливаются на минутку гдѣ-нибудь и роются, выкидываютъ неуклюжія штуки, а потомъ снова тѣснятся къ своимъ маткамъ, окружаютъ ихъ и принуждаютъ остановиться, требуя, чтобы онѣ дали сосать, а потомъ опять пускаются бѣжать; такъ продолжается цѣлую ночь; даже днемъ еле-еле удастся удержать въ котловинѣ безпокойное общество, которое движется и возится тамъ безъ конца. Продолжительность жизни, которой можетъ достигнуть кабанъ, считается въ 20 — 30 лѣтъ. Ручная свинья никогда не доживаетъ до этого возраста, такъ какъ ея жизнь сокращается вслѣдствіе недостатка свободы и несоотвѣтствія корма. Кабаны подвергаются только немногимъ болѣзнямъ. Главный врагъ кабана въ нашихъ странахъ — волкъ и рысь, да хитрая лиса, отваживающаяся утащить маленькаго поросенка; въ южныхъ странахъ за жирной дичиною ревностно охотятся крупныя кошки, въ особенности тигръ. Но величайшій врагъ кабана — опять-таки человѣкъ. Тогда какъ въ старыя времена охота на кабановъ считалась однимъ изъ самыхъ рыцарскихъ, высоко цѣнимыхъ удовольствій, въ настоящее время въ Германіи она, конечно, стала скорѣе игрой, чѣмъ борьбой охотника съ дичью. Въ старые годы дѣло было, конечно, иначе, въ особенности когда самымъ употребительнымъ охотничьимъ оружіемъ были самострѣлы и рогатина, или капканъ.

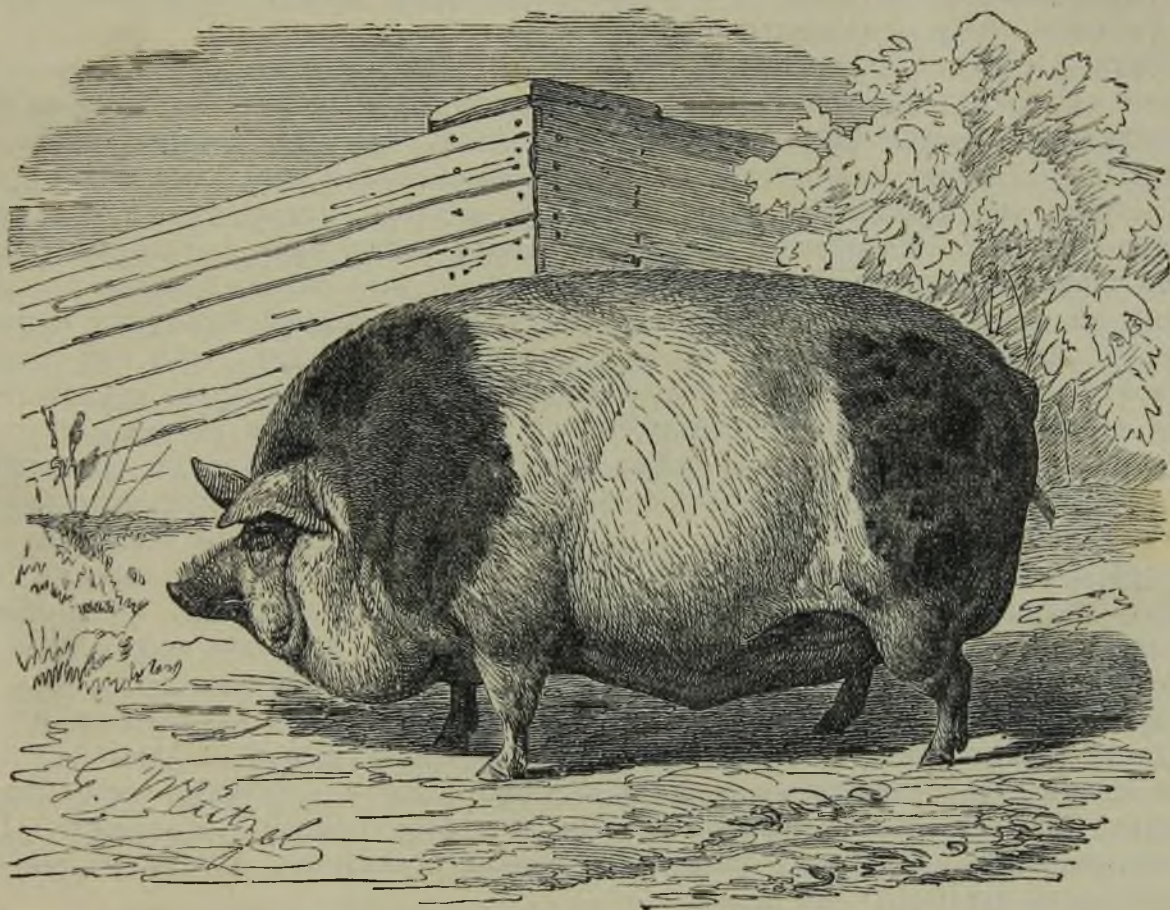
Отъ собакъ кабанъ защищается съ неудержимой яростью. Въ прежнія времена употребляли для охоты на кабановъ такъ называемыхъ „ищеекъ по кабанамъ“, гончихъ собакъ, — мужественныхъ, крѣпкихъ и быстрыхъ животныхъ; ихъ держали въ полудикомъ состояніи и водили только на черную дичь. Ищейки должны были искать дичь, гончія травить. Прежде чѣмъ дѣло доходило до схватки, то-есть, прежде чѣмъ собаки вцѣплялись зубами въ уши своего врага, не одной изъ нихъ кабанъ успѣвалъ распороть брюхо или нанести какую нибудь рану. Когда собакамъ удавалось захватить и держать кабана, онѣ ждали, пока не придетъ охотникъ и не убьетъ его.

Мясо черной дичи по справедливости цѣнится очень высоко, такъ какъ имѣетъ помимо вкуса свинины еще и настоящій вкусъ дичины. Шкура ихъ тоже идетъ въ дѣло, а на щетину есть очень большой спросъ. Но какъ ни велика польза, приносимая этимъ звѣремъ, она никогда не покроетъ вреда, причиняемаго имъ.

Не только нашъ кабанъ, но и его родичи въ Индіи, на Малайскомъ полуостровѣ и въ задней Азіи уже, повидимому, въ первобытныя времена перешли въ

домашнее состояніе. Юліенсъ полагаетъ, что въ Небесной Имперіи разводили домашнихъ свиней уже за 4900 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія; по изслѣдованіямъ, которыя производилъ Рютимейеръ о свайныхъ постройкахъ, въ Швейцаріи уже тогда было двѣ различныхъ породы этого полезнаго домашняго животнаго. „Древніе египтяне“, пишетъ Дюмихенъ, „держали свинью въ качествѣ домашняго животнаго. О ней говорятъ надписи, она изображается стадами и въ одиночку. Однако, ее держали тамъ, повидимому, съ цѣлью принесенія въ жертву при нѣкоторыхъ годовыхъ праздникахъ.“ Въ Библіи часто упоминается свинья; Одиссея говоритъ о ней, какъ объ общеизвѣстномъ питомцѣ человѣка.

Съ той поры возникало и погибало много породъ, да и въ настоящее время возникаютъ новыя и исчезаютъ старыя, смотря по потребности, капризу или слу-



Гаррисонова свинья. $\frac{1}{18}$ естеств. велич.

чаю. Фицингеръ и фонъ-Натузіусъ полагаютъ, что всѣ нынѣ живущія породы могутъ быть сведены къ двумъ различнымъ формамъ или видамъ: нашему кабану и одному южно-азіатскому виду (*Sus cristatus*); изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что другіе индійскіе, малайскіе и китайскіе виды не принимали никакого участія въ происхожденіи домашнихъ свиней. Какъ бы велико ни было различіе между этими породами, оно объясняется, равно какъ и возникновеніе и исчезновеніе искусственныхъ формъ подъ вліяніемъ человѣка, самостоятельнымъ или искусственнымъ подборомъ, а также весьма различными условіями, при которыхъ живутъ домашнія свиньи. Всѣ любимыя нынѣ или вызывающія удивленіе породы, какъ-то: плодovitая беркширская и жирная гаррисонова свинья или бородавчатая карликовая свинья являются искусственнымъ продуктомъ человѣка; такимъ же искусственнымъ продуктомъ является и „свинья въ маскѣ“, въ которой нашла себѣ выраженіе вычурность вкуса японскихъ свиноводовъ. Мы не будемъ описывать эти и остальные породы свиней, а бросимъ только бѣглый взглядъ на образъ жизни и свойства этого животнаго.

Въ наше время домашняя свинья распространилась по большей части земного шара. На сѣверѣ она живетъ въ качествѣ домашняго животнаго до тѣхъ предѣ-

ловъ, гдѣ существуетъ земледѣліе, въ южныхъ же странахъ больше держится на волѣ. Такъ какъ въ сущности для нея удобны только болотистыя мѣстности, то она измѣняется, будучи переведена въ горы. Чѣмъ выше поднимается свинья, тѣмъ больше она принимаетъ отпечатокъ горнаго животнаго. Тѣло ея становится меньше и плотнѣе, голова короче и менѣе остроморда, лобъ шире, шея укорачивается и дѣлается толще, задняя часть тѣла болѣе округляется, ноги становятся сильнѣе. Рука объ руку съ этимъ идетъ уменьшеніе сала у горной свиньи, взаимнѣе чего ея мясо становится болѣе нѣжно и тонко, и уменьшеніе плодовитости. На цвѣтъ также имѣютъ извѣстное вліяніе климатъ, почвенныя условія, воспитаніе и скрещиваніе, слѣдствіемъ чего и получается то, что въ однѣхъ странахъ у свиней преобладаетъ одинъ цвѣтъ, а въ другихъ — другой. Такъ, на примѣръ, въ Испаніи можно видѣть почти что однѣхъ черныхъ свиней, тогда какъ на сѣверѣ Германіи такія попадаются рѣдко.

Свиней держатъ и откармливаютъ или въ хлѣву, или же пасутъ въ теченіе большей части года на свободѣ. Животныя, живущія взаперти, больше и жирнѣе, но слабѣе и подвержены большому числу болѣзней, чѣмъ тѣ, которыя проводятъ большую часть жизни на свободѣ; послѣднія обыкновенно обладаютъ болѣе длинными погами; онѣ худощавѣе, но за то гораздо сильнѣе, самостоятельнѣе и мужественнѣе первыхъ. Подобнымъ „лѣснымъ“, если можно такъ выразиться, разведеніемъ свиней занимаются не только въ Америкѣ, но и въ большей части русскихъ губерній, въ дунайскихъ низменностяхъ, Греціи, Италіи, южной Франціи и Испаніи. Въ Скандинавіи свиньи бѣгаютъ по меньшей мѣрѣ цѣлое лѣто, гдѣ имъ угодно; у всякой свиньи одѣтъ на шею небольшой деревянный треугольникъ, препятствующій ей забираться въ огороженные мѣста, но не мѣшающій ни въ чемъ другомъ. Проѣзжая по Норвегіи, можно по всѣмъ дорогамъ видѣть бѣгающихъ съ величайшимъ удовольствіемъ и удобствомъ свиней, которыя отыскиваютъ здѣсь всякаго рода отбросы и добываютъ другую пищу. Въ южной Венгріи, Кроаціи, Славоніи, Босніи, Сербіи, въ Турціи и Испаніи ихъ предоставляютъ круглый годъ самимъ себѣ, и заботятся лишь пастолько, чтобы онѣ не пропали. Онѣ пользуются тогда лѣсами и находятъ въ нихъ, особенно же въ дубовыхъ лѣсахъ, наиболѣе подходящее для себя мѣсто для кормежки и жировки. Въ Испаніи свиньи забираются въ горы довольно высоко, такъ, на примѣръ, въ Сіерра-Невадѣ до высоты 2500 метровъ, и тамъ пользуются такими мѣстами, гдѣ другія животныя немного нашли бы для себя. Свободная жизнь очень развиваетъ у нихъ всѣ тѣлесныя и душевныя способности. Онѣ ловко бѣгаютъ, хорошо лазаютъ и сами заботятся о своей безопасности. При такъ называемомъ полудикомъ разведеніи свиней оставляютъ лѣтомъ на свободѣ, а зимой опять загоняютъ въ хлѣва.

Несправедливо думали, будто для благосостоянія свиней нужна грязь и пометъ. Новѣйшіе опыты показали, что и это животное лучше развивается, если его держать въ чистотѣ, чѣмъ тогда, когда оно вѣчно валяется въ грязи; поэтому образованные скотоводы не загоняютъ теперь уже своихъ свиней въ тѣ отвратительныя тюрмы, которыя называются свинными хлѣвами, но по большей части предоставляютъ имъ большія, веселыя пространства, легко доступныя для очистки, и выводятъ здѣсь гораздо болѣе здоровыхъ и сильныхъ домашнихъ свиней, чѣмъ въ маленькихъ, нечистыхъ хлѣвушкахъ. Всего лучше, если полъ хлѣва устланъ каменными плитами.

Домашняя свинья прожорлива, упряма, неуклюжа и обнаруживаетъ мало привязанности къ человѣку. Однако, есть и исключенія. Домашнія свиньи, жившія съ ранней юности больше въ человѣческой семьѣ, чѣмъ въ своемъ обществѣ, какъ это нерѣдко бываетъ въ Германіи, упражняютъ свои душевныя силы и становятся гораздо понятливѣе другихъ своихъ сородичей. Одинъ лѣсничій рассказывалъ мнѣ, что у него была нѣкоторое время маленькая, такъ называемая китайская свинка; она бѣгала за нимъ, какъ собаченка, слушалась своей клички, тотчасъ же прибѣгала на зовъ, поднималась вмѣстѣ съ нимъ на лѣстницу, вполне прилично держала себя въ комнатахъ и исполняла всякіе фокусы и приказанія. Она была приучена отыскивать въ лѣсу сморчки и весьма ревностно занималась этимъ дѣ-

ломъ. Въ особенности во Франціи свиньи были обучены отыскивать трюфели. Онѣ научаются и другимъ штукамъ. Когда былъ боленъ Людовикъ XI, то этого мрачнаго короля можно было разсмѣшить только тѣмъ, что ему приводили цѣлую роту хорошо обученныхъ поросятъ; они, въ рѣдкихъ уборахъ, танцевали и прыгали передъ нимъ подъ звуки дудки. Другія свиньи были обучены отыскивать спрашиваемыя у нихъ прописныя буквы, напечатанныя очень крупнымъ шрифтомъ, разбирать, который часъ и пр. Одинъ англичанинъ научилъ свинью охотиться. „Слудъ“, какъ называлось животное, былъ большимъ любителемъ охоты и моментально осваивался съ каждымъ охотникомъ. Онъ приспособился ко всѣмъ видамъ охоты, за исключеніемъ охоты на зайцевъ, которою, онъ, видимо, пренебрегалъ. У него былъ такой тонкій нюхъ, что онъ чуялъ птицу уже на разстояніи 40 шаговъ. Слудъ былъ въ употребленіи нѣсколько лѣтъ, но подъ конецъ пришлось его убить, потому что онъ терпѣть не могъ овецъ и вселялъ въ ихъ стада ужасъ. Есть и такія свиньи, которыя обучены таскать телѣжку. Вблизи мѣстечка Сентъ-Албанъ одинъ крестьянинъ часто ѣздилъ туда на четырехъ свиньяхъ, проносился страннымъ галопомъ разъ или два по городскому рынку, кормилъ свою запряжку и черезъ нѣсколько часовъ возвращался на нихъ же къ себѣ домой. Другой крестьянинъ побился объ закладъ, что онъ проѣдетъ въ часъ на своей свиньѣ отъ своего дома 4 англійскихъ мили по направленію къ Норфольку, и выигралъ пари.

Эти анекдоты доказываютъ, что свинья способна къ дрессировкѣ, или — что то же самое — что ея духовныя способности не слѣдуетъ считать такими низкими. Удивительно, что свиньи всегда обнаруживаютъ извѣстное отвращеніе къ собакамъ. Ручныя, равно какъ и дикія свиньи, не посовѣстятся при случаѣ жрать и падаль, но никогда не прикоснутся къ собачьему мясу; напротивъ того деревенскія свиньи всегда нападаютъ, собравшись кучей, на чужихъ собакъ, поэтому охотники и гуляющіе хорошо сдѣлаютъ, если будутъ осторожны, посѣщая со своими собаками тѣ деревни, гдѣ занимаются разведеніемъ свиней.

Домашняя свинья, въ общемъ, является совершеннымъ всеяднымъ животнымъ. Дѣйствительно, врядъ-ли есть что либо съѣдобное, чѣмъ пренебрегла бы свинья. Она не касается нѣкоторыхъ растений; острые пряности тоже могутъ быть для нея смертоносны; изъ остального же она пожираетъ все, что ѣсть человѣкъ, да еще многое другое. Она также охотно беретъ свою пищу изъ растительнаго, какъ и изъ животнаго царства. Свинья очень полезна на паровомъ или сжатомъ полѣ, такъ какъ уничтожаетъ тамъ мышей, личинокъ майскаго жучка, улитокъ, дождевыхъ червей, саранчу, куколки бабочекъ и всякаго рода сорную траву, при этомъ и сама превосходно кормится, а кромѣ того еще вскапываетъ почву. Черныя свиньи имѣютъ передъ свиньями другихъ цвѣтовъ то преимущество, что могутъ ѣсть безъ вреда всякія ядовитыя растенія; поэтому въ нѣкоторыхъ странахъ онѣ преобладаютъ или даже встрѣчаются только однѣ.

Тогда какъ домашнихъ убойныхъ свиней держать по возможности такъ, чтобы онѣ не двигались, тѣмъ, которыя предназначаются на племя, слѣдуетъ предоставлять нѣкоторое пространство для игръ. Необходимо также, чтобы онѣ жили въ чистомъ и тепломъ хлѣву. Течка бываетъ обыкновенно два раза въ году, въ началѣ апрѣля и въ сентябрѣ. Черезъ 16 — 18 недѣль домашняя свинья приноситъ 4 — 6, иногда даже 12 — 15 поросятъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ отъ 20 до 24. Мать мало заботится о нихъ и не всегда приготовляетъ себѣ логово передъ тѣмъ, какъ поросится. Нерѣдко случается, что она пожираетъ нѣсколько штукъ изъ своихъ дѣтенышей, если ее отягощаетъ многочисленная толпа поросятъ; обыкновенно, прежде она передавитъ ихъ. Нѣкоторыхъ супоросныхъ свиней слѣдуетъ сторожить и за долго до родовъ не давать животной пищи. Поросятамъ хорошихъ свиней даютъ сосать недѣли четыре, а затѣмъ вовсе не заботятся о нихъ. Тогда ихъ отнимаютъ и вскармливаютъ легкой растительной пищей. Подростаютъ они чрезвычайно быстро: свинья способна къ размноженію уже на восьмомъ мѣсяцѣ.

Мнѣ не зачѣмъ говорить объ употребленіи убитыхъ свиней, такъ какъ всякій знаетъ, что ни одна часть убитой свиньи не пропадаетъ даромъ.

Къ тѣмъ свиньямъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, примыкають бугорчатая свиньи (*Rotamochœerus*), несомнѣнно самые красивые члены всего подсемейства; признаки ихъ состоятъ въ костяномъ бугрѣ, лежащемъ въ промежуткѣ между глазами и носомъ, въ удлиненной лицевой части, не очень длинномъ и тонко сложенномъ хоботѣ, большихъ, тонкихъ, остроконечныхъ ушахъ, украшенныхъ пучкомъ волосъ, въ хвостѣ средней длины съ пучкомъ щетины и 4 соскахъ у самки.

Уже въ срединѣ 17 вѣка сталъ извѣстенъ длинноволосый кабанъ (*Rotamochœerus porcus*), самый красивый изъ всѣхъ кабановъ. Это животное хотя и замѣтно уступаетъ по величинѣ нашему кабану, но все же достигаетъ 1,5 — 1,6 метра длины, считая тутъ и хвостъ въ 25 сантиметровъ, при высотѣ плеча въ 55 — 60 см. Кожа его покрыта короткой и мягкой щетиной; на спинномъ хребтѣ она развивается въ короткую и рѣдкую гриву, подъ глазами образуетъ кустъ, на щекахъ большія и густыя бакенбарды, а на кончикѣ хвоста, въ остальной части почти совсѣмъ голаго, пучковидную кисточку. Прекрасный, живой красно-бурый цвѣтъ, отливающий желтымъ, является преобладающимъ и покрываетъ затылокъ, заднюю часть шеи, спину и бока; лобъ, темя и уши черныя, а также и ноги, грива на спинѣ, кисточки на ушахъ, область пищеварительныхъ органовъ, полоса подъ глазами и бакенбарды бѣлыя. Родина животнаго, главнымъ образомъ, западная Африка; Бемъ, впрочемъ, упоминаетъ, что его можно иной разъ встрѣтить и въ восточной Африкѣ.

О жизни этого кабана на волѣ у насъ имѣются только весьма скудныя свѣдѣнія. Гуссфельдтова экспедиція на Лоанго доставала нѣсколько разъ молодыхъ длинноволосыхъ кабановъ; одинъ изъ нихъ, помѣщенный въ клѣтку съ обезьянами, уживался съ ея обитателями очень хорошо и радовалъ своей забавной веселостью. Пехуэль-Лёше говоритъ о дикихъ длинноволосыхъ кабанахъ: „Это живыя и очень подвижныя животныя; если судить по слѣдамъ, то они собираются въ большія стада, особенно въ сырыхъ лѣсахъ и держатся вдоль рѣкъ, впрочемъ нерѣдко также и въ горахъ. Иногда можно слышать, какъ они въ густой чащѣ, тѣсно стоя другъ возлѣ друга, хрюкають или совершенно особенно какъ то сладострастно урчатъ. Если ихъ испугнуть, то они рѣдко шумятъ, а по большей части безшумно убѣгаютъ, ввѣряя себя лѣсному покрову. Они очень живучи, и иногда уходятъ очень далеко даже съ глубоко сидящей пулей. Мясо ихъ вкусно.“

Длинноволосые кабаны, какъ и всѣ другіе кабаны, сравнительно легко противостоятъ нашему климату и поэтому вполне хорошо выносятъ его, если ихъ защищать отъ слишкомъ сильныхъ зимнихъ холодовъ; они подавали бы большія надежды, если бы матки заботились о своихъ дѣтенышахъ лучше, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлали самки, живущія у насъ въ неволѣ.

Второй видъ этой группы, рѣчной, кустарниковый кабанъ, или „кабанъ-маска“ (*Rotamochœerus africanus*) живетъ, кажется, только въ южной и восточной Африкѣ, нѣсколько крупнѣе; волосяной покровъ его равномеренъ вплоть до лежащей гривы на затылкѣ и довольно солидныхъ бакенбардъ; борода и грива его бѣловато-сѣраго цвѣта, морда солово-сѣраго, остальная часть тѣла окрашена въ красноватый сѣро-бурый цвѣтъ.

*

На Целебесѣ и сосѣднихъ къ востоку островахъ, а именно, Суллѣ, Манголѣ и Буру, живетъ очень своеобразный кабанъ. Онъ гораздо стройнѣе и ноги его длиннѣе, чѣмъ у другихъ кабановъ, но особенно характерны у него клыки, превратившіеся какъ бы въ своего рода рога; они, дѣйствительно, настолько вырастаютъ и достигаютъ такой поразительной длины, что ихъ можно съ полнымъ правомъ сравнить съ рогами. Европейцы прямо приняли и перевели его туземное названіе бабирусса, что означаетъ кабанъ и олень, такъ какъ это названіе прекрасно характеризуетъ этого кабана. Бабирусса отличается отъ всѣхъ остальныхъ сочленовъ своего семейства своими клыками и вполне основательно считается представительницей особаго рода.

Бабирусса (*Porcus babyrussa*) животное значительной величины. Новѣйшіе охотники утверждаютъ, что имъ случалось видѣть нѣкоторыхъ кабановъ величиной съ средняго осла. Въ среднемъ можно принять длину тѣла взрослого животного въ 1,1 метра, длину хвоста въ 20 см., вышину въ загривкѣ и крестцѣ 80 см. Туловище его вытянуто, спина слабо выгнута, ноги сильны, но удлинены; какъ на переднихъ, такъ и на заднихъ ногахъ по четыре пальца, хвостъ тонкій и всегда опущенъ. Клыки верхней челюсти у самцовъ чрезвычайно длинные, тонкіе и остроконечные, закругляются на передней сторонѣ, сжаты съ боковъ, задняя поверхность у нихъ тупорѣзущая; они направляются вверхъ и тотчасъ же затѣмъ внизъ, такъ что въ очень старомъ возрастѣ проникаютъ иногда въ кожу лба; эти клыки пробуравливаютъ покровъ хобота и загибаются полумѣсяцемъ или еще круче назадъ; болѣе короткіе и толстые клыки нижней челюсти направляются большей



Бабирусса (*Porcus babyrussa*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

частью прямо вверхъ. Клыки самки очень коротки. Волосяной покровъ состоитъ изъ отдѣльныхъ, довольно короткихъ щетинъ; онѣ болѣе густо расположены вдоль спинного хребта и между многочисленными складками кожи, а также на концѣ хвоста, гдѣ онѣ образуютъ небольшую кисточку. Кожа толста, жестка, груба, имѣетъ много морщинъ, а на мордѣ, вокругъ ушей и на шеѣ есть глубокія складки. Общій цвѣтъ ихъ грязный аспидно-сѣрый на наружной и верхней сторонѣ и ржаво-красный на внутренней сторонѣ ногъ; вдоль средней линіи тянется буровато-желтая полоса, образуемая концами щетинъ. Уши черноватаго цвѣта.

Кажется, бабирусса была извѣстна уже древнимъ. Черепъ ея былъ извѣстенъ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ, но цѣлые скелеты рѣдко попадались въ Европѣ; какъ прежде, такъ и теперь рисунки ея были не больше, какъ каррикатуры, а естественная исторія этого животного — куча самыхъ безвкусныхъ вымысловъ.

Кромѣ Целебеса, который надо считать настоящей родиной бабирussy, она находится еще только на вышеназванныхъ островахъ, на остальныхъ же островахъ Средиземнаго Австралійскаго моря, а также на азіатскомъ и австралійскомъ материкахъ ея нѣтъ. Образъ жизни ея таковъ же, какъ и другихъ кабановъ. Любимыя мѣста этого животного — болотистые лѣса, тростниковыя заросли, болота и озера, на которыхъ растетъ много водяныхъ растений. Здѣсь оно собирается въ

большія или меньшія общества, днемъ спать, а ночью выходить на кормежку и ѣсть все съѣдобное. Бабирусса избѣгаетъ человѣка, пока дѣло идетъ мирно, но при неизбежности нападенія начинаетъ защищаться съ храбростью, свойственной всѣмъ кабанамъ, и ея нижніе клыки столь надежное оружіе, что могутъ навести на нѣкоторое размышленіе даже самаго отважнаго человѣка. Туземцы убиваютъ этого звѣря копьями, а иногда устраиваютъ облавы, во время которыхъ бабируссы приходится искать спасенія въ бѣгствѣ.

Самка приноситъ приблизительно въ февралѣ мѣсяцѣ одного или двоихъ дѣтенышей, маленькихъ, красивыхъ звѣрковъ въ 15—20 см. длиной; мать горячо любитъ и защищаетъ ихъ. Если поймать ихъ въ пору ранней юности, то мало по малу они пріобрѣтаютъ извѣстную степень прирученности, привыкаютъ къ человѣку, при случаѣ слѣдуютъ за нимъ и выражаютъ свою благодарность, трясая ушами и хвостомъ. Иногда у начальниковъ страны можно найти живую бабируссу, такъ какъ даже туземцы считаютъ ее чрезвычайно страннымъ созданіемъ и держатъ въ неволѣ за ея наружность. Однако, это случается очень рѣдко и достать ручную свинью изъ этого рода можно за высокую плату.

Голландскій намѣстникъ Молукки — Маркусъ, подарилъ пару бабируссъ двумъ французскимъ естествоиспытателямъ Кои и Гэмару, посѣтившимъ его во время своего кругосвѣтнаго плаванія; эта пара и была первая (1820 г.), попавшая живьемъ въ Европу. Оба животныя были довольно ручныя. Плѣнные бабируссы были чрезвычайно чувствительны къ холоду. Въ мартѣ самка принесла одного темно-бураго дѣтеныша, и съ этого часа стала очень раздражительной и злой, никому не позволяла касаться своего поросенка, разорвала сторожамъ одежду и часто огрызалась. Къ сожалѣнію, животныя держались недолго. Холодный климатъ былъ для нихъ пагубенъ. Дѣтенышъ-самецъ очень быстро подросталъ и въ теченіе немногихъ недѣль достигъ значительной вышины. Онъ околѣлъ, не достигши 2 лѣтъ. Позднѣе и другія бабируссы попадали въ Лондонскій зоологическій садъ, все еще какъ большая рѣдкость, гдѣ и держались болѣе или менѣе хорошо.

*

Кромѣ бугорчатыхъ кабановъ Африка пріютила также настоящее чудовище этого семейства кабана-бородавочника (*Phacochœrus*). Это самая неуклюжая и самая безобразная изъ всѣхъ извѣстныхъ щетинистыхъ животныхъ, больше всего характеризующіяся некрасивой головой и своеобразными зубами. Туловище ихъ цилиндрической формы, шея короткая, голова массивная съ низкимъ и широкимъ лбомъ, особенно замѣчательная въ хоботной части; она непропорціонально расширяется спереди у верхней губы и съ боковъ обезображена тремя бородавчатыми наростами; первый наростъ, въ нѣсколько сантиметровъ вышины, заостренный, подвижный, находится подъ глазомъ, второй — меньше, находится спереди и сбоку верхней челюсти и стоитъ болѣе прямо, а третій, съ очень длиннымъ основаніемъ, начинаясь съ нижней челюсти простирается вдоль ея почти до ротового отверстія. Маленькіе глаза выглядятъ, какъ у гиппопотама; хоботъ расширяется и образуетъ овалъ, сжатый по направленію сверху внизъ. Кожа покрыта очень короткими щетинами, торчащими совсѣмъ по одиночкѣ; исключеніе составляютъ только бакенбарды и грива на спинѣ. Зубы первоначально состоятъ изъ 6 рѣзцовъ въ верхней и нижней челюсти, огромныхъ, изборожденныхъ продольно клыковъ, обращенныхъ, какъ и у прочихъ свиней, только вверхъ и 6 коренныхъ зубовъ въ каждомъ ряду, вверхъ, какъ и внизъ. Итого, у него 40 зубовъ, изъ которыхъ обыкновенно выпадаютъ не только коренные, но также по большей части и рѣзцы.

Бородавочникъ (*Phacochœrus africanus*) имѣетъ въ длину всего 1,9 метра, включительно съ хвостомъ въ 45 сантиметровъ, при 70 см. высоты въ плечахъ, и характеризуется по наружному виду сильно вытянутымъ, широкимъ хоботомъ съ углубленіемъ по срединѣ, прямо стоящими бородавками и клыками съ обѣихъ сторонъ, нерѣдко сильно изогнутыми. Волосной покровъ на бокахъ и нижней

сторонѣ тѣла даже въ холодное время коротокъ и жидокъ. Напротивъ того, начинающаяся со лба и доходящая, расширяясь на спинѣ, почти до крестца, грива достигаетъ такой значительной длины, что съ боковъ спадаетъ почти до брюха. Область распространенія бородавочника занимаетъ преимущественно восточную часть средней Африки.

*

Признаки пекари (*Dicotyles*) заключаются въ строеніи зубовъ; ихъ 38 штукъ, и отличительная черта ихъ состоитъ въ томъ, что клыки не загибаются вверхъ и не пробуравливаютъ верхней губы; далѣе — ихъ признаки — плотная фигура, короткая голова съ короткимъ узкимъ хоботомъ, довольно маленькія уши, отсутствіе наружныхъ копытъ на заднихъ ногахъ, почти полное отсутствіе хвоста, железа, открывающаяся на задней части спины и два соска у самки.



Пекари (*Dicotyles torquatus*). $\frac{1}{3}$ естеств. веллч.

Пекари (*Dicotyles torquatus*) — маленькая свинья, самое большее 95 см. длины, съ хвостомъ въ 2 см.; высота ея въ плечахъ 35—40 см.; у нея короткая голова съ тупымъ рыломъ, впрочемъ сложена она сравнительно стройно. Общій цвѣтъ пекари черновато-бурый и смѣшивается съ бѣлымъ. Изъ спинной железы постоянно отдѣляется очень остро пахнущая жидкость; повидимому, она очень нравится этимъ животнымъ, такъ какъ они то и дѣло трутся мордой объ эту железу.

Второй видъ этого рода, бизамскій кабанъ (*Dicotyles labiatus*), замѣтно больше и поразительно отличается отъ своихъ родичей большимъ бѣлымъ пятномъ на нижней челюсти, а также цвѣтомъ. Общій фонъ ихъ — довольно ровный сѣро-черный, на которомъ рѣзко выдѣляется свѣтлое пятно на щекѣ.

Пекари и бизамскій кабанъ представляютъ обычное явленіе во всѣхъ богатыхъ лѣсомъ краяхъ Южной Америки, лежащихъ не выше 1000 метровъ надъ уровнемъ моря. Бизамскія свиньи ходятъ по лѣсамъ большими группами, иногда въ сотни головъ, подъ предводительствомъ самаго крупнаго борова, а ихъ болѣе слабые родичи, пекари, косяками штукъ въ 10—15; въ теченіе цѣлаго дня они постоянно мѣняютъ мѣсто, а собственно говоря, они всегда занимаются

бродяжничествомъ. По увѣреніямъ Ренггера, за ними можно ходить цѣлый день, и все-таки ихъ не увидишь. „На походѣ“, говоритъ тотъ же изслѣдователь, „ихъ не останавливаютъ ни поля, куда они рѣдко заходятъ, ни вода. Если они выйдутъ на поляну, то стремительно перебѣгаютъ ее; если же наткнутся на рѣку или потокъ, то ни на мгновение не задержатся, а тотчасъ же переплывутъ ее. Я видѣлъ, какъ они переправлялись черезъ рѣку Парагвай, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ее надо было переплывать болѣе получаса. Стадо идетъ тѣснымъ строемъ, самцы впереди, а самки съ дѣтенышами позади. Его можно распознать ухомъ уже издали и не только благодаря глухому, грубому звуку, который издаютъ эти животныя, а еще больше по треску кустарниковъ, ломаемыхъ ими на пути.“ Бонпланъ, отыскивая однажды растенія, по просьбѣ своего индѣйск. проводника спрятался за дерево, такъ какъ его спутникъ опасался, чтобы нашего изслѣдователя не опрокинуло стадо этихъ свиней.

Пекари пасутся и днемъ и ночью, и, конечно, къ самымъ большимъ кочевкамъ ихъ принуждаетъ недостатокъ подходящей пищи. Эту пищу составляютъ всякаго рода древесные плоды и корни. Зубы ихъ настолько сильны, что, согласно Шомбургу, они очень легко разгрызаютъ даже самыя твердыя пальмовыя зерна. Въ обитаемыхъ странахъ они часто вламываются въ плантаціи и опустошаютъ поля. Помимо растительной пищи, они, должно быть, ѣдятъ змѣй, ящерицъ, червей и гусеницъ. Своими движеніями и нравомъ пекари похожи на нашихъ кабановъ, но у нихъ нѣтъ той обжорливости и нечистоплотности, какъ у тѣхъ; ѣдятъ они не больше, чѣмъ имъ нужно и только въ самую сильную жару отыскиваютъ воду, да и то только лужи, чтобы поваляться тамъ. Днемъ эти животныя скрываются въ дуплахъ деревьевъ или въ пустотахъ подъ корнями; когда за ними гонятся, они всегда убѣгаютъ къ такимъ извилистымъ норамъ. Чувства ихъ развиты слабо, духовныя способности тоже незначительны; лучше всего развиты у нихъ, кажется, слухъ и обоняніе, зрѣніе же плохо.

„Бизамскихъ свиней“, какъ пишетъ Ренггеръ, „сильно преслѣдуютъ, частью ради мяса, частью также за вредъ, который онѣ наносятъ плантаціямъ. Обыкновенно ихъ отыскиваютъ съ собаками въ лѣсахъ и убиваютъ либо изъ ружья, либо копьями. Если они часто вторгаются въ плантацію, то съ той стороны, откуда они обыкновенно выходятъ, вырываютъ широкую яму до 3 метровъ глубины, ждутъ ихъ появленія и тогда загоняютъ собаками и криками въ яму, которая иногда переполняется ими на-половину, если попадется большое стадо. Индѣйцы ловятъ бизамскихъ свиней капканами.“

Самки приносятъ одного, въ рѣдкихъ случаяхъ двухъ дѣтенышей, которые повсюду слѣдуютъ за своей матерью, быть можетъ, даже въ первый день послѣ рожденія, но навѣрное черезъ очень короткое время; они не хрюкаютъ, а кричатъ, почти какъ козы. Ихъ можно безъ труда приручить; если обращаться съ ними хорошо, то они становятся настоящими домашними животными. „Пекари“, говоритъ А. фонъ Гумбольдтъ, „содержащіеся въ домѣ, дѣлаются такими же ручными, какъ наша свинья и косуля и его кроткій нравъ напоминаетъ о сходствѣ его тѣлосложенія съ жвачными животными, сходствѣ, доказанномъ анатомически.“

Пекари попадали живыми въ Европу въ болѣе значительномъ числѣ, бизамскіе свиньи — въ меньшемъ. Оба эти вида переносятъ нашъ климатъ сравнительно хорошо, и не разъ также размножались у насъ. Ихъ можно держать нѣсколько лѣтъ на обычномъ кормѣ свиней. Особаго дружелюбія къ людямъ я не могъ, вообще, у нихъ замѣтить. Если имъ дается свобода, то они проявляютъ себя довольно милыми, но въ тѣсной неволѣ, напротивъ, становятся строптивыми, даже буйными, злыми, мстительными и упрямыми созданіями; опытные сторожа гораздо больше опасаются такихъ пекари, чѣмъ большихъ и сильныхъ сочленовъ ихъ семейства.

Шкура пекари идетъ, главнымъ образомъ, на изготовленіе чемодановъ и ремней, мясо же ѣстъ наиболѣе бѣдный народъ. Оно имѣетъ пріятный вкусъ, но отнюдь не походитъ на свинину. Кромѣ того, вмѣсто свиного сала у пекари есть только тонкій слой жира.

Несравненно болѣе неуклюжа, чѣмъ всѣ остальные жвачныя, — рѣчная или нильская лошадь (*Hippopotamus amphibius*), являющаяся рядомъ съ другимъ гораздо меньшимъ родичемъ, еще мало извѣстнымъ и встрѣчающимся



Рѣчная лошадь (*Hippopotamus amphibius*). $\frac{1}{20}$ естеств. велич.

въ Верхней Гвинее, либерійской рѣчной лошадью, единственной представительницей, сохранившейся до нашего времени, семейства гицпопотамовъ или „увальней“ (*Hippopotamidae*). Древніе египтяне называли его гораздо правильнѣе грековъ, которые дали этому животному переведенное нами названіе (рѣчная лошадь), а также правильнѣе арабовъ, которые называютъ его „водянымъ

буйволомъ“; древніе египтяне дали названіе „рѣчная свинья“ этому неуклюжему исполину; библейское названіе „бегемотъ“ можно приравнять только названію „свинья“.

При чисто наружномъ осмотрѣ прежде всего замѣчается, что нильская лошадь отличается отъ остальныхъ млекопитающихъ прежде всего головой. Она характеризуется почти четырехугольной фигурой, маленькими ушами и глазами, а также косо расположенными другъ къ другу, большими ноздрями въ видѣ дугообразной выемки; эти ноздри вмѣстѣ съ другими органами чувствъ образуютъ высочайшія точки той поверхности, въ впадинѣ которой погружаются лобъ и лицевая часть; характеризуется голова также и безформенной мордой, верхняя часть которой, гладкая и толстая, сзади довольно узкая, расширяется и становится выше спереди, а отсюда въ видѣ толстой губы низко свисаетъ по сторонамъ, покрывая и замыкая со всѣхъ сторонъ безобразнѣйшую пасть. Шея его коротка и толста, туловище, хотя и удлинено, но вмѣстѣ съ тѣмъ превышаетъ по толщинѣ всякую обычную мѣру, притомъ необыкновенно неуклюже, спина выше въ крестцѣ, чѣмъ въ загривкѣ, по срединѣ вогнута; брюхо толстое и круглое, середина его обвисаетъ такъ сильно, что когда животное идетъ по тинистой почвѣ, брюхо касается до земли; хвостъ короткій и тонкій, у конца сжатый съ боковъ; на непропорціонально короткихъ, безформенныхъ ногахъ широкія четырехкопытныя ступни, пальцы которыхъ соединены другъ съ другомъ короткой плавательной перепонкой, всѣ направлены впередъ. Короткія, похожія на дратву щетины есть только на концѣ хвоста; на остальной кожѣ, болѣе чѣмъ въ 2 см. толщины, образующей особенно на шеѣ и передней части груди отдѣльные глубокія складки, есть только крайне рѣдкіе, короткіе щетинистые волоса. Кожа раздѣляется перекрещивающимися бородами на участки, похожіе на чешую; они то больше, то меньше. Цвѣтъ ихъ своеобразный мѣднокоричневый; на верхней сторонѣ онъ больше переходитъ въ грязный темно-красный, а на нижней поверхности въ свѣтло-пурпурно-коричневый. Этой однообразной массѣ придаютъ нѣкоторое разнообразіе довольно правильно расположенныя буроватыя и блѣдныя пятна. Цвѣтъ измѣняется, впрочемъ, смотря по тому, мокръ ли гиппопотамъ или сухъ. Когда онъ только что выльзъ изъ воды, то его верхняя часть кажется буровато-желтой, а нижняя — почти мясокрасной; когда же кожа его высыхаетъ, то становится темнѣе, почти черно-бурой или аспидно-сѣрой, или же выглядитъ однородной буровато-сѣрой, когда солнце освѣщаетъ ему спину. Вся длина взрослого самца гиппопотама, считая и хвостъ въ 45 сантиметровъ, достигаетъ 4,2—4,5 метра, при высотѣ плечъ въ 1,5 метра. Всѣхъ животного, среднимъ числомъ, можно принять въ 2000—2500 килограммовъ, у стараго же самца онъ можетъ дойти иногда до 3000 килограммовъ; одна только голова такого исполина имѣетъ цѣлыхъ 200 кгр. вѣсу.

Зубы нильской лошади, наиболѣе похожіе на зубы свиньи, отличаются отъ нихъ скорѣе своимъ строеніемъ, чѣмъ числомъ. Въ каждой половинѣ, какъ верхней, такъ и нижней челюсти находятся 2 рѣзца, 1 клыкъ и 7 коренныхъ зубовъ; поэтому всѣхъ зубовъ 40. Оба средніе рѣзца нижней челюсти, раздѣленные щелью, значительно больше боковыхъ рѣзцовъ, походятъ въ извѣстномъ смыслѣ на клыки; рѣзцы верхней челюсти меньше, кривы и стоятъ перпендикулярно; клыки нижней челюсти настоящіе исполины, въ среднемъ имѣютъ 50 см. въ длину и могутъ достигъ 4 кгр. вѣса, трехгранной формы, загнбаются полукругомъ, концы ихъ тупо срѣзаны; клыки эти изборозжены продольными морщинами. Верхніе клыки направляются внизъ, замѣтно короче и меньше нижнихъ, но равнымъ образомъ искривлены и косо срѣзаны. Скелетъ чрезвычайно массивенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, черепъ почти четырехугольной формы, плоскій и низко сдавленный, область мозга мала, глазныя впадины высоко окружены лобной и скуловой костью, остальные кости толсты, неуклюжи и тяжеловѣсны.

Нильская лошадь была хорошо извѣстна древнимъ, какъ это достаточно доказывается египетскими памятниками, библіей, греческими и римскими сочиненіями. Греческіе и римскіе писатели, отъ Геродота до Плинія, часто вспоминаютъ о немъ, описываютъ, какъ умѣютъ, и изображаютъ его нравы и привычки.

Всѣ позднѣйшіе писатели опираются, большей частью, на извѣстія древнихъ, и только Геснеръ, по даннымъ, которыя приводитъ Белонъ, впервые присоединяетъ къ нимъ нѣчто новое, не выясняя впрочемъ всѣхъ данныхъ по естественной исторіи этого животнаго, насколько они вѣрны или сказочны.

Въ настоящее время нужно податься уже довольно глубоко внутрь Африки съ сѣвера, чтобы встрѣтить нильскую лошадь. Эти животныя, знаменитыя уже въ древности, именно по Нилу и оттѣснены всего дальше къ сердцу Африки. Только дойдя до самыхъ ея нѣдръ, можно увидѣть, какъ оживаютъ картины, изображенныя на стѣнахъ египетскихъ храмовъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ; тутъ еще и въ наше время сохранились эти животныя среди людей, оставшихся такими же, какъ и тысячелѣтія тому назадъ; тутъ мы встрѣчаемся рядомъ съ павіаномъ, крокодиломъ, священнымъ ибисомъ и клювачомъ и съ уцѣлѣвшими подобно имъ слономъ, носорогомъ и гиппопотамомъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ достигъ полнаго господства, они погибли подъ ударами страшнаго огнестрѣльнаго оружія, но тамъ, гдѣ онъ вооруженъ только копьемъ и лукомъ, они враждебно стоятъ противъ него и теперь. Въ настоящее время гиппопотамъ совершенно истребленъ во всемъ Египтѣ и Нубіи, гдѣ Рюпцель встрѣчалъ его еще въ началѣ столѣтія довольно часто.

Нильская лошадь гораздо дальше заходитъ въ водные бассейны отъ береговъ въ восточной, южной и западной Африкѣ, чѣмъ въ сѣверной ея половинѣ, нрѣдко даже уплываетъ въ море. Равнымъ образомъ они бродятъ вверхъ по теченію рѣкъ, покуда это имъ позволяетъ теченіе, благодаря чему они еще водятся въ Абиссиніи въ озерѣ Тана, лежащемъ на 1940 метровъ надъ уровнемъ моря.

Рѣчная лошадь привязана къ водѣ тѣснѣе всѣхъ остальныхъ толстокожихъ, такъ какъ, собственно, на сушу она выходитъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Случается это тамъ, гдѣ рѣка не особенно богата растеніями, обыкновенно ночью для кормежки, а также въ видѣ исключенія и днемъ, чтобы погрѣться на песчаной отмели на солнцѣ.

Опытный человѣкъ можетъ довольно легко открыть присутствіе исполинскаго животнаго на удобныхъ мѣстахъ какого-нибудь воднаго бассейна. Въ промежуткахъ трехъ, самое большое четырехъ минутъ при тихой погодѣ гдѣ-нибудь всегда поднимается фонтанъ водяной пыли приблизительно въ полметра вышиной, и въ то же время раздается шипящее фырканье или отдуванье; это вынырнулъ бегемотъ, чтобы вдохнуть воздуха. Если быть на довольно близкомъ разстояніи, то можно нѣсколько разглядѣть его голову: безформенная красная или буровато-красная масса, на которой можно различить два острія — уши и четыре бугра — глаза и ноздри. Бегемотъ, находящійся въ водѣ, рѣдко показываетъ больше, чѣмъ верхнюю часть головы, но эту голову можно легко узнать, даже видя ее въ первый разъ. Если оставаться тихо за вѣтромъ, то можно безъ труда наблюдать то ныряющее, то появляющееся, какъ будто играющее въ водѣ, животное; тогда можно замѣтить, что во вдавленномъ лбу на пространствѣ между глазами и ушами постоянно остается какъ бы маленькій прудъ, достаточно обильный водой для того, чтобы тамъ могла прожить золотая рыбка или пара гольцовъ. Этотъ великанъ крайне рѣдко остается подъ водой не дыша нѣсколько дольше, чѣмъ выше было сказано; данныя путешественниковъ, говорящихъ о десяти и пятнадцатиминутномъ пребываніи животнаго подъ водой, исходятъ, конечно, изъ невѣрныхъ наблюденій; бегемотъ, особенно будучи обезноженъ, показывается на поверхности воды очень осторожно, выставляетъ наружу однѣ только ноздри и дышетъ совершенно тихо, такъ что его очень легко не замѣтить; или же животное тихо уходитъ въ глубину и появляется на другомъ мѣстѣ, тогда какъ на его мѣстѣ, можетъ быть, показывается другой бегемотъ.

Бегемотъ живетъ обществами; только старые самцы встрѣчаются въ одиночку. Часто цѣлое общество довольствуется для довольно долгаго жительства большимъ и глубокимъ болотомъ. Если же они живутъ въ болѣе узкихъ и менѣе глубокихъ водныхъ бассейнахъ, въ которыхъ многія мѣста высыхаютъ въ сухое время года, то можно замѣтить, что они не оставляютъ извѣстныхъ мѣстъ

въ теченіе цѣлаго дня. Тутъ они посреди русла тоже вырываютъ себѣ ямы, — длинныя, глубокія котловины, направленные по теченію рѣки, въ которыя они спокойно ныряютъ и могутъ укрываться въ случаѣ преслѣдованія. Нѣкоторые изъ такихъ животныхъ находятся иногда въ связи другъ съ другомъ посредствомъ углубленныхъ на подобіе канавъ проходовъ и образуютъ подводныя дороги этого животнаго.

Общество оставляетъ днемъ воду только въ самыхъ безлюдныхъ мѣстахъ, чтобы погрѣться на солнышкѣ или предаться скучному полусну, вылѣзши поближе къ берегу на болотистыя мѣста или даже на самую сушу. При этомъ комфортабельно растянувшіяся животныя проявляютъ такое же довольство и нѣгу, какъ свиньи, валяющіяся въ грязи или буйволы, купающіеся въ рѣкѣ. Время отъ времени самцы похрюкиваютъ вродѣ свиней, или то тотъ, то другой подниметъ голову, чтобы увѣриться въ своей безопасности. Они даже вовсе не заботятся о томъ, что происходитъ вокругъ нихъ, и только тамъ, гдѣ они научились понимать, что такое человекъ и его страшное огнестрѣльное оружіе, они обращаютъ свое вниманіе на своего главнаго, да, пожалуй, и единственнаго врага.

Къ вечеру общество оживаетъ. Хрюканье самцовъ усиливается и все стадо начинаетъ, играя, нырять въ рѣкѣ; то тутъ, то тамъ начинается даже веселая гонка. Въ особенности они показываются охотно вблизи кораблей, а также сопровождаютъ на большія разстоянія лодки, которымъ случается ѣхать вечеромъ. Иногда они поднимаютъ своимъ фырканьемъ и хрюканьемъ, урчаньемъ и переливаньемъ воды оглушительный шумъ, который можетъ положительно надоесть. Плаваютъ они на любой глубинѣ съ удивительной ловкостью, то нырнуть, то вынырнуть, двигаются на спинѣ и сидя, съ удивительной ловкостью поворачиваются во всѣ стороны и, разсѣкая волны, могутъ поспорить съ любымъ наилучшимъ веселымъ катеромъ. Я никогда не могъ замѣтить, чтобы спокойно плывущій бегемотъ производилъ сильныя гребныя движенія; вода остается спокойной и неподвижной; но когда онъ яростно устремляется на противника или ныряетъ, получивъ рану, происходитъ совершенно противное. Тогда онъ чрезвычайно сильно двигаетъ задними лапами, стремится впередъ настоящими скачками и приводитъ въ волненіе цѣлое озеро, такъ что начинаютъ вздыматься высокія волны; сила его движеній настолько велика, что, какъ доказано, поднимаетъ и даже разбиваетъ средней величины перевозныя лодки.

„Слово не въ силахъ сколько-нибудь приблизительно передать голосъ этого исполина“, совершенно вѣрно замѣчаетъ фонъ Хейглинъ. „Это какое-то урчанье, которое можно отдаленно уподобить урчанью буйвола-самца, глубокій, далеко звучащій басъ, который какъ будто бы выходитъ изъ большой пустой бочки. Ревъ нѣсколькихъ соперничающихъ самцовъ, внезапно прозвучавшій въ тихую ночь пустыни, въ связи съ шумомъ, вздохами и всплесками купающихся бегемотовъ, производитъ безконечно-величественное впечатлѣніе, которое чувствуютъ, повидимому, даже звѣри глухой чащи; шакаль, гіена и даже левъ замолкаютъ и настораживаются, когда прокатится надъ водной поверхностью громовой голосъ бегемота, подобный шуму землетрясенія, отразится далекимъ первобытнымъ лѣсомъ и понесется раскатами дальше.“ Во всякомъ случаѣ голосъ бегемота превосходитъ голоса всѣхъ другихъ животныхъ своей мощностью и силой, но его сравнительно рѣдко можно слышать во всей полнотѣ.

Въ тѣхъ богатыхъ растеніями заводяхъ верхняго Нила, которыя похожи на озера, гиппопотамъ никогда или очень рѣдко оставляетъ свое ложе на днѣ рѣки даже въ ночную пору. Онъ питается тамъ и днемъ и ночью водяными растеніями.

Иначе дѣло обстоитъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходится вылѣзать для кормежки на сушу. Черезъ часъ послѣ заката солнца онъ выплываетъ изъ рѣки, озираясь и прислушиваясь съ величайшей осторожностью; вблизи обитаемыхъ мѣстечекъ направляется въ плантаціи. Здѣсь онъ производитъ опустошительный набѣгъ и часто уничтожаетъ цѣлое поле въ одну ночь. Прожорливость его ужасна, и несмотря на все плодородіе его родины, онъ можетъ стать, если хоть нѣсколько размножится, истиннымъ бичемъ страны, такъ какъ онъ гораздо больше того,

что ему дѣйствительно требуется для пропитанія, топчетъ своими неуклюжими ногами или, нажавшись, мнетъ все вокругъ себя, сладострастно валяясь подобно свинѣ въ какомъ нибудь сыромъ углубленіи. Онъ ѣсть всякаго рода хлѣбъ и всевозможныя овощи, какія только воздѣлываются въ данной странѣ, а также арбузы; каждый арбузъ, хотя и съ тыкву величиной, едва хватаетъ ему на одинъ глотокъ.

Однако, бегемотъ вреденъ при своихъ походахъ не только опустошеніями плантацій, но и своимъ буйствомъ, которое при случаѣ можетъ угрожать жизни человѣка и животныхъ. Его четыре мощныхъ клыка являются страшнымъ оружіемъ противъ всѣхъ другихъ животныхъ. Рюппель сообщаетъ, что одинъ бегемотъ растерзалъ четырехъ рабочихъ воловъ, которые спокойно стояли у водоподъемнаго колеса. „Въ Кингани“, рассказываетъ Бѣмъ, „двѣ женщины, проходившія однажды вечеромъ, громко разговаривая, мимо нѣсколькихъ кормившихся бегемотовъ, были такъ искусаны однимъ изъ нихъ, который внезапно бросился на нихъ, что обѣ умерли.“ Однако на бегемотовъ не вездѣ смотрятъ, какъ на очень опасныхъ животныхъ, потому что они всегда расположены сдѣлать вредъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ боятся не на сушѣ, а на водѣ. Въ общемъ, они рѣдко нападаютъ на большія лодки, но съ маленькими челнами иногда продѣлываютъ — случайно или нарочно — скверныя шутки. „Лейтенантъ Видалъ“, такъ рассказываетъ Оуэнъ, „только что началъ свою поѣздку въ легкомъ челнокѣ по рѣкѣ Темби въ юго-западной Африкѣ, какъ вдругъ почувствовалъ чрезвычайно сильный толчекъ снизу, такъ что почти вся корма поднялась надъ водой и рулевой былъ выброшенъ за бортъ. Въ тотъ же моментъ изъ воды поднялся исполинскій гиппопотамъ, дико и грозно ринулся съ открытой пастью на лодку, схватилъ ее своими ужасными челюстями и сразу переломилъ семь досокъ; затѣмъ онъ исчезъ, но вернулся опять, чтобы возобновить свое нападеніе, отъ какового намѣренія его удержалъ только выстрѣлъ въ морду. Лодка, тотчасъ же наполнившаяся водой, по счастью была такъ близко у берега, что его можно было достигнуть раньше, чѣмъ она пошла ко дну. Вѣроятно, лодка задѣла за спину животного и этимъ побудила его къ нападенію.“

Подобныя исторіи, разнообразно прикрашенныя и преувеличенныя, въ такомъ сильномъ ходу, хотя и не во всѣхъ областяхъ, населенныхъ нашими толстокожими, но во многихъ изъ нихъ, что тотъ, кто слышитъ ихъ, долженъ подумать, что они повѣствуютъ о каждодневныхъ происшествіяхъ. Но это мнѣніе было бы настолько же невѣрно, какъ и то, что съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ умножилось число несчастныхъ случаевъ. Такъ какъ бегемоты встрѣчаются мѣстами въ очень большомъ количествѣ, но въ общемъ сравнительно въ умѣренномъ, то, если бы они были въ дѣйствительности такъ опасны, то, наконецъ, прекратилось бы или подверглось бы очень сильнымъ затрудненіямъ всякое сообщеніе въ тѣхъ водахъ, гдѣ они живутъ. Этого, однако, вовсе не замѣчается. Много разъ слабыя однопалки проѣзжаютъ мимо исполинскихъ животныхъ, между ними и не терпятъ отъ того никакихъ поврежденій. Если же случится иной разъ такому животному коснуться, быть можетъ случайно, когда оно вынырнетъ, или опрокинуть челнъ, или даже если какой нибудь бегемотъ, испугавшись или подумавъ, что на него нападаютъ, повредить такой челнъ, то — какъ это свойственно природѣ людей — изъ этого сдѣлаютъ такое важное событіе, что очень рѣдкое исключеніе станетъ подъ конецъ казаться правиломъ.

Опаснѣе всего бегемотъ становится тогда, когда защищаетъ своего дѣтеныша. Наблюденія относительно зарожденія, появленія на свѣтъ дѣтенышей и продолжительности беременности были произведены только въ новѣйшее время надъ тѣми, которые жили въ неволѣ и уже нѣсколько разъ производили потомство. Относительно размноженія животныхъ, живущихъ на свободѣ, извѣстно только то, что дѣтеныши рождаются приблизительно въ первую треть дождливаго времени, приносящаго самую обильную и сочную пищу, — а стало быть, въ различныхъ странахъ Африки въ очень различное время, смотря по тому, когда наступаетъ весна въ странахъ, лежащихъ у тропиковъ. Мать, нѣжно заботящаяся

о своемъ дѣтенышѣ, видитъ опасность даже въ самыхъ невинныхъ вещахъ; быть можетъ, отецъ тоже сторожитъ и охраняетъ свое потомство. Мать легко узнать: она ни на мгновение не спускаетъ съ глазъ свое дитя и съ материнской радостью и нѣжной заботливостью слѣдитъ за всѣми его движеніями. Иногда неповоротливое животное весело играетъ со своимъ любимцемъ: они шутя ныряютъ и мурлыкаютъ другъ съ другомъ. Дѣтенышъ сосетъ свою матку въ водѣ, но фонъ Хейглинъ сообщаетъ, что самка производитъ своего дѣтеныша на свѣтъ на твердой землѣ или въ болотѣ, въ какомъ-нибудь самомъ потаенномъ логовищѣ, и притомъ не ведетъ его тотчасъ же за собой въ воду, но иногда прячетъ въ ямѣ, которую маленькій звѣрекъ не можетъ оставить безъ помощи старшихъ. Матки носятъ обыкновенно своихъ дѣтей въ водѣ на загривкѣ, гдѣ тѣ сидятъ верхомъ, и чаще поднимаются на поверхность воды, чтобы они могли дышать, чѣмъ это онѣ дѣлаютъ для самихъ себя.

Слѣпая ярость разозленнаго бегемота проявляется довольно ясно для того, чтобы охоту на это животное безъ такого ружья, которое могло бы стрѣлять тяжелыми пулями, можно было считать праздничнымъ удовольствіемъ любителей пострѣлять. Легкія пули, даже выпущенныя на небольшомъ разстояніи, не оказываютъ почти никакого дѣйствія. „Мы боролись“, рассказываетъ Рюппель, „съ однимъ бегемотомъ, котораго намъ удалось убить, цѣлыхъ 4 часа. Чуть-чуть было эта огромная скотина не уничтожила нашу большую лодку, а вмѣстѣ съ ней и всѣхъ насъ. 25 ружейныхъ пуль, выпущенныхъ въ башку чудовища въ какихъ-нибудь двухъ метрахъ, пробили ему только кожу да кости около носа. Всѣ другія пули застряли въ его толстой ногѣ. При каждомъ фырканьи этотъ скотъ обрызгивалъ лодку обильной кровавой струей. Наконецъ, мы прибѣгнули къ штуцеру, употребленіе котораго на столь близкомъ разстояніи намъ казалось излишнимъ. Но и тутъ исполинъ испустилъ свой духъ только послѣ пяти выстрѣловъ, сдѣланныхъ въ разстояніи нѣсколькихъ метровъ и нанесшихъ ужаснѣйшія раны ему въ голову и въ туловище. Темнота ночи еще сильнѣе увеличивала ужасъ этой борьбы.“

Несмотря на такія средства самозащиты, на это чудовище прежде нападали съ метательными дротиками и копьями и занимались этой охотой съ такимъ успѣхомъ, какой допускало подобное оружіе. При этомъ дѣйствовали, да и теперь дѣйствуютъ, въ сущности, по способу древнихъ египтянъ, объ охотахъ которыхъ на бегемотовъ намъ даютъ достовѣрныя свѣдѣнія какъ изображенія на памятникахъ, такъ и нѣкоторые древніе писатели. Копье и соотвѣтственно устроенная острога съ бичевкой и поплавкомъ и по сію пору еще единственное оружіе, которое употребляютъ туземцы верхняго Нила для охоты на бегемота. Метальщикъ остроги крадется около полуночи вдоль берега къ мѣсту выхода животныхъ, прячется здѣсь за вѣтромъ въ кустарникахъ и ждетъ, пока какой-нибудь возвращающійся съ кормежки бегемотъ не войдетъ приблизительно на половину въ воду. Тогда охотникъ изо всѣхъ силъ всаживаетъ ему въ тѣло гарпунъ и бѣжитъ прочь въ надеждѣ, что животное, испуганное ударомъ, бросится въ воду. Въ этомъ случаѣ такъ обыкновенно и бываетъ; но если поразить чудовище въ моментъ его вылѣзанія изъ воды на сушу, то оно обыкновенно нападаетъ на противника. Пустивъ острогу, охотникъ садится въ заранѣе приготовленную лодку вмѣстѣ со своими сотрудниками или тотчасъ же, или на слѣдующее утро, и ищетъ раненаго звѣря по плавающимъ древкамъ остроги или по деревянному поплавку. Какъ скоро замѣтятъ такой значекъ, начинаютъ грести къ нему, соблюдая величайшую осторожность и держа наготовѣ копья и дротики, а подплывъ берутся за бичевку. Едва ее потянутъ, какъ на поверхности воды появляется въ бѣшеной ярости бегемотъ и бросается на судно, гдѣ его принимаютъ градомъ копій и дротиковъ, что зачастую заставляетъ его скрыться. Конечно, нерѣдко также случается, что онъ добирается до барки и раздробляетъ ее своими клыками. Въ счастливыхъ случаяхъ его до тѣхъ поръ бьютъ этимъ оружіемъ, пока онъ не околѣетъ.

Прибыль, доставляемая охотой, очень значительна. Мясо чудовища цѣнится и его повсемѣстно ѣдятъ, такъ же какъ и сало. Въ добрыя старыя времена для

капландскихъ поселенцевъ не было большаго праздника, какъ охота на бегемота. Мясо и сало тутъ же на мѣстѣ срѣзалось съ великана и доставлялось въ повозкахъ по домамъ. Особенно вкусное мясо у дѣтенышей, а сало взрослыхъ бегемотовъ предпочитается свиному; языкъ, какъ свѣжій, такъ и копченый, считается лакомствомъ. Последнее удостоверяется почти всѣми охотниками, тогда какъ о качествѣ мяса существуетъ много другихъ мнѣній — его называютъ также рыхлымъ и безвкуснымъ. Въ восточной Африкѣ жиръ считается лучшей мазью для волосъ и тѣла. Изъ толстой кожи изготовляютъ превосходныя ногайки, палки и щиты; зубы, согласно Вестендарпу, очень цѣнятся для многихъ тонкихъ токарныхъ работъ, такъ какъ масса ихъ превосходитъ даже настоящую слоновую кость своей чистотой, твердостью и бѣлизной. Въ настоящее время 1 килограммъ кривыхъ зубовъ стоитъ 4—6,5 марокъ, а прямыхъ 6—6,5 марокъ (до 3 р. 25 к.).

Ловля чудовища есть та же охота. Мы не знаемъ, какъ поступали римляне, чтобы поймать и доставить къ себѣ бегемота; по даннымъ древнихъ писателей, они доставляли въ столицу своего всемірнаго царства не только юныхъ и не достигшихъ зрѣлости, но и старыхъ животныхъ; тамъ они употреблялись для гладиаторскихъ игръ и триумфальныхъ шествій. Тѣ бегемоты, которыхъ мы можемъ теперь видѣть въ Европѣ, были пойманы почти безъ исключенія въ юности. Само собой понятно, что прежде чѣмъ думать объ охотѣ на дѣтеныша, нужно убить его мать. Поимку дѣтеныша облегчаетъ слѣпая привязанность этого маленькаго, неуклюжаго созданія къ своей маткѣ. Дѣтенышъ повсюду слѣдуетъ за своей матерью, схваченной острогой и не покидаетъ даже ея трупа. Тогда бьютъ его острогой въ одно изъ менѣ чувствительныхъ мѣстъ на тѣлѣ или стараются опутать его сѣтью, и такимъ образомъ вытаскиваютъ на сушу. Сначала онъ пытается вырваться, испускаетъ рѣзкіе, пронзительные крики, какъ свинья, которую ведутъ на убой, и вообще доставляетъ людямъ много работы, но потомъ скоро привыкаетъ къ человѣку и слѣдуетъ за нимъ.

По всѣмъ сдѣланнымъ до сихъ поръ наблюденіямъ, бегемотъ хорошо и продолжительно переноситъ неволю и въ Европѣ. Если помѣстить пару этихъ животныхъ въ такое мѣсто, гдѣ они могли бы двигаться соотвѣтственно своему природному нраву, т. е. могли бы то идти въ воду, то вылѣзть на сухое мѣсто, то въ такомъ случаѣ можно даже рассчитывать на полученіе отъ нихъ потомства. Я видѣлъ въ Каирѣ перваго плѣннаго бегемота, который достигъ въ новыя времена Европы. Тамъ онъ настолько привыкъ къ своему попечителю, что всюду ходилъ за нимъ, какъ собака, и легко позволялъ управлять собой.

Позже пара бегемотовъ попала въ Парижъ, а въ 1859 году впервые было ввезено два экземпляра ихъ въ Германію, гдѣ ихъ возили по всей странѣ и выставляли на показъ. Съ тѣхъ поръ ихъ стали чаще привозить въ Европу, а также нѣсколько разъ въ зоологическихъ садахъ они между собой спаривались и выкармливали своихъ дѣтенышей.

Бегемоту трудно встрѣтить какого-нибудь врага, который могъ бы быть для него опасенъ, за исключеніемъ человѣка. Тамъ, „куда человѣкъ не пришелъ еще со своимъ мученіемъ“, рѣчная лошадь, конечно, достигаетъ очень стараго возраста. Хотя она и вырастаетъ сравнительно быстро, однако ей нужно прожить много лѣтъ, чтобы достигнуть своей полной величины. Бегемотъ способенъ къ размноженію, навѣрное, на третьемъ году, и по всей вѣроятности, даже на второмъ году жизни; но, какъ это несомнѣнно установили наблюденія, произведенныя надъ живущими въ неволѣ, онъ постоянно растетъ еще нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ у него были дѣтеныши; когда же онъ, наконецъ, достигнетъ совершеннаго роста, у него, по меньшей мѣрѣ, продолжаютъ увеличиваться зубы, какъ въ длину, такъ и въ окружности. Мы не знаемъ, въ какую пору его жизни начинается у него старческій возрастъ, ни того, сколько лѣтъ вообще онъ можетъ прожить.

Второй представитель семейства увальней, живущій еще и теперь — либерійскій гиппопотамъ (*Hippopotamus liberiensis*), котораго можно также

назвать „бегемотомъ - карликомъ“, гораздо меньше вышеописаннаго родича; область его распространенія, какъ кажется, очень узка и ограничена Верхней Гвинеей. Либерійскій гиппопотамъ отличается отъ своего исполинскаго родича, кромѣ своей меньшей величины, еще отсутствіемъ одного рѣзца въ обѣихъ половинахъ нижней челюсти. Бюттикоферъ, видѣвшій только что убитое животное, увѣряетъ, что его спина окрашена въ черный, какъ графитъ, цвѣтъ, — брюхо въ грязный зеленовато-бѣлый, а бока въ зеленоватый аспидно-сѣрый цвѣтъ. Взрослая самка, которую ему удалось достать, вѣсила, по его измѣренію, только четыреста килограммовъ; вышина ея плечъ равнялась 76 сантиметрамъ, длина всего тѣла 185 сантиметрамъ, изъ которыхъ на долю хвоста приходилось 17 сантиметровъ.

Двѣнадцатый отрядъ.

Травоядные киты (Sirenia).

Кто подумалъ бы что съ тѣмъ, что называютъ „сиренами“ зоологи, связаны тѣ сказочные образы древности, которые въ видѣ полу-женщинъ, полу-рыбъ живутъ въ кристальныхъ волнахъ моря и манятъ бѣдныхъ сыновъ земли дивнымъ пѣніемъ и еще болѣе плѣнительными тѣлодвиженіями, кивками головы и жгучими взорами спуститься къ нимъ, чтобы играть и ласкать ихъ и — погубить, тотъ впалъ бы въ заблужденіе. Естествоиспытатели выказали въ этомъ случаѣ единственно лишь свое пристрастіе къ поэтическимъ именамъ, хотя врядъ ли можно съ правомъ приложить къ этимъ животнымъ это поэтическое названіе. Названіе сиренъ настолько же подходитъ къ описываемымъ жителямъ моря, насколько названіе греческихъ древесныхъ нимфъ Гамадріадъ пристало одной изъ самыхъ странныхъ обезьянъ, которая можетъ казаться красивой, поистинѣ, только на взглядъ естествоиспытателя.

Сирены или морскія коровы образуютъ особый порядокъ. Своимъ внутреннимъ строеніемъ онѣ больше всего сходны съ этими копытными животными; на нихъ можно смотрѣть, какъ на отрасль этихъ послѣднихъ, приспособленную для жизни въ водѣ. Многіе естествоиспытатели считаютъ сиренъ за особый отдѣлъ или семейство китовъ, однако различіе между тѣми и другими настолько велико, что вполне правильно будетъ поставить ихъ особо. Признаки сиренъ состоятъ въ небольшой, ясно отграниченной отъ туловища головѣ съ толстой надутой мордой, губами, покрытыми щетиной, и ноздрями, открывающимися на концѣ морды, въ неуклюжемъ туловищѣ съ своеобразно поставленными конечностями, покрытомъ скудными, короткими щетинистыми волосами и въ своеобразномъ строеніи зубовъ. У сиренъ существуетъ только одна пара конечностей, а именно передняя: онѣ, впрочемъ, превратились уже въ настоящіе плавательные ласты. Общія покровы тѣла такъ плотно облегаютъ ихъ пальцы, что уничтожается всякая подвижность отдѣльныхъ членовъ. На внутреннее раздѣленіе, лопасти, указываютъ также еще снаружи лишь слѣды ногтей. Хвостъ, замѣняющій въ то же время заднія конечности, оканчивается плавникомъ. Нужно живую силу воображенія, чтобы въ этихъ животныхъ, даже когда они появляются очень далеко, увидѣть морскихъ дѣвъ. Если и есть что-либо общее у этихъ неуклюжихъ, неповоротливыхъ животныхъ съ прекраснымъ тѣломъ женщины, то только однѣ молочныя железы; онѣ лежатъ у сиренъ тоже на грудной клѣткѣ (между передними лапами) и выдаются на подобіе грудей болѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ морскихъ млекопитающихъ.

Нашъ порядокъ включаетъ въ себѣ только одно семейство (Manatidae), распадающееся на три рода, изъ которыхъ одинъ, образуемый собственно морской коровой, конечно, уже нельзя болѣе считать въ числѣ живущихъ. Роды эти настолько существенно различаются между собой строеніемъ зубовъ, что, повидимому, невозможно говорить здѣсь о морской коровѣ. Тогда какъ у морской коровы вмѣсто зубовъ была только роговая жевательная поверхность на внутренней сторонѣ нижней челюсти и на нѣбѣ, у остальныхъ сиренъ челюсти снабжены зубами.

На этомъ основывается ограниченіе родовъ двумя: *Halicore* и *Manatus*, если слѣдовать новѣйшимъ изысканіемъ Долло, который разсматриваетъ недавно вымершую морскую корову какъ *Halicore*, потерявшую зубы.

Мѣстожителство и мѣсто пребыванія сиренъ составляютъ влажные берега и заливы морей жаркихъ странъ, устья рѣкъ и даже самыя рѣки, въ особенности неглубокія ихъ мѣста. Въ умѣренныхъ поясахъ онѣ встрѣчаются, какъ кажется только въ видѣ исключенія, но въ этомъ отношеніи мы не можемъ сказать ничего вѣрнаго, такъ какъ онѣ по большей части ускользаютъ отъ наблюденія. Напротивъ того мы знаемъ, что мѣстопробываніе ихъ не всегда остается безъ перемѣны: часто онѣ странствуютъ на много миль, между прочимъ проникая далеко вглубь материка, въ озера, находящіяся въ связи съ большими рѣками. Ихъ встрѣчаютъ парами или небольшими обществами, однако утверждаютъ, что они живутъ въ строгомъ единобрачїи, и самецъ всегда держится вмѣстѣ со своей самкой. Они гораздо болѣе водяныя животныя, чѣмъ тюлени. Только въ крайне рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ они вытаскиваютъ свое массивное туловище на берегъ. Имъ недостаетъ ловкости другихъ морскихъ млекопитающихъ; хотя они превосходно плаваютъ и ныряютъ, но избѣгаютъ очень значительныхъ глубинъ, вѣроятно, потому, что они слишкомъ неуклюжи для перемѣннаго опусканія въ глубину и подниманія обратно вверхъ.

Протащиться черезъ узкую полосу сухой земли имъ стоитъ величайшаго труда: ихъ лапы черезчуръ слабы, чтобы передвигать всю массу тѣла, тѣмъ болѣе, что оно, повидимому, отнюдь не обладаетъ гибкостью тѣла морской собаки.

Пищу сиренъ составляютъ морскія растенія, водоросли и травы, растущія на мелкихъ мѣстахъ или на твердомъ берегу, а также различныя водяныя растенія, размножающіяся на болотистыхъ мѣстахъ рѣкъ, такъ что сирены — единственныя изъ водныхъ млекопитающихъ, пожирающія растительную пищу. Онѣ обрываютъ растенія своими жесткими губами и, подобно бегемоту, поглощаютъ своей огромной пастью сразу большія количества ихъ.

Какъ и всѣ прожорливыя созданія, сирены лѣнныя существа съ тупыми чувствами и слабо развитой духовной стороною. Ихъ называютъ мирными и невинными, желая этимъ сказать, что они только и дѣлаютъ, что ѣдятъ и отдыхаютъ. Не будучи ни боязливы, ни смѣлы, онѣ живутъ въ мирѣ со всѣми остальными животными и не заботятся ни о чемъ другомъ, кромѣ своей пищи. Умъ ихъ чрезвычайно ничтоженъ, однако, нельзя все же сомнѣваться въ существованіи у нихъ нѣкоторой понятливости. Оба пола выказываютъ большую привязанность другъ къ другу и стараются взаимно защищать одинъ другого; матки съ большою любовью заботятся о своихъ маленькихъ; онѣ носятъ ихъ во время сосанія на груди, подобно женщинѣ, и употребляютъ одинъ изъ своихъ лапъ какъ руку, чтобы прижать дѣтеныша къ своему толстому тѣлу. Голосъ манать состоитъ изъ слабыхъ глухихъ стоновъ. При дыханіи слышно также сильное фырканье.

Слѣдуетъ замѣтить, что эти неуклюжія созданія не только переносятъ неволю, но даже могутъ быть приручены съ довольно хорошимъ успѣхомъ.

Мясо и сало, кожа и зубы ихъ идутъ въ употребленіе; о томъ, употребляются ли они еще на что-нибудь, у насъ нѣтъ свѣдѣній.

У манатъ (*Manatus*) хвостовой плавникъ закругленъ; нѣсколько безформенно сложенное рыбье туловище одѣто очень рѣдкими и короткими волосами; они становятся гуще только на мордѣ, гдѣ и переходятъ въ щетину. На пальцахъ округлыхъ грудныхъ плавниковъ замѣтно четыре гладкихъ ногтя. Рѣзцы бываютъ только у молодыхъ животныхъ, они очень скоро выпадаютъ, такъ что у старыхъ остаются только одни коренные зубы. Отечествомъ обоихъ американскихъ видовъ этого рода слѣдуетъ считать рѣки, текущія въ Атлантическій океанъ, отъ 25° сѣверной до 19° южной широты, и прилегающее къ нимъ океанское побережье. Африканскій видъ (*Monatus senegalensis*) кромѣ озера Чадъ живетъ еще по верхнему теченію большихъ западныхъ рѣкъ и по малень-

кимъ береговымъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Атлантическій океанъ между 20° сѣверной широты и 10° южной.

Ламантинъ или морской быкъ португальцевъ (*Manatus latirostris*), наиболѣе точно наблюдавшійся видъ, имѣетъ 3 метра длины и 300 килограммовъ, а по Капплеру иногда до 400 килограммовъ вѣсу; впрочемъ, американцы утверждаютъ, что имъ приходилось видѣть еще гораздо большіе экземпляры въ 5 и даже 6 метровъ длины. Тѣло ихъ покрыто почти совершенно голой кожей, на которой растутъ короткіе щетинистые волосы въ разстояніи около двухъ сантиметровъ другъ



Ламантинъ (*Manatus latirostris*). $\frac{1}{20}$ естеств. велич.

отъ друга. Цвѣтъ ихъ довольно однородный буровато-сѣрый, на спинѣ и бокахъ онъ нѣсколько темнѣе, чѣмъ на нижней сторонѣ тѣла. Щетины кажутся желтоватыми.

Первыми точными данными объ этомъ животномъ мы обязаны А. фонъ-Гумбольдту. Анатомируя одного ламантина въ 3 метра длины, въ Карриханѣ на нижнемъ Ориноко, онъ нашелъ слѣдующее: верхняя губа, покрытая очень нѣжной кожей, служитъ ему, какъ хоботъ или осязатель, для осязанія лежащихъ на его пути предметовъ; она очень выдается впередъ; полость рта, поразительно теплая у только что убитаго животного, также обнаруживаетъ чрезвычайно своеобразное строеніе; языкъ почти неподвиженъ, но передъ нимъ въ каждой челюсти находится мясистый бугорокъ и ямка, выложенная очень жесткой кожей, соответствующіе другъ другу. Если же разсѣчь животное вдоль спины, то приходится удивляться величинѣ, фигурѣ и длинѣ легкихъ; они достигаютъ одного метра длины, обладаютъ необыкновенно большими ячейками, а также большими плава-

тельными пузырями, вбираютъ въ себя необычайно много воздуха. Желудокъ раздѣленъ на отдѣлы, кишечникъ слишкомъ 30 метровъ длины.

Отъ этого ламантина другой американскій видъ (*Manatus inunguis*) отличается главнымъ образомъ болѣе узкимъ и болѣе тонкокостнымъ черепомъ. Этотъ видъ точно опредѣленъ до сихъ поръ только на верхней Амазонкѣ и Ориноко.

Ламантинъ живетъ на восточномъ берегу Флориды, по берегамъ Большихъ и Малыхъ Антильскихъ острововъ, по рѣкѣ Магдалинѣ и восточному берегу Южной Америки и его рѣкамъ, къ югу до Капъ-Норда, но больше всего въ Суринамѣ. Вѣроятно, онъ единственный представитель сиренъ на мексиканскомъ морскомъ побережьи. А. фонъ-Гумбольдтъ наблюдалъ, что ламантины охотно держатся въ морѣ тамъ, гдѣ есть прѣсные источники; въ рѣкахъ они далеко поднимаются вверхъ по теченію, а во время разливовъ расходятся также по болотамъ и озерамъ. „Вечеромъ“, такъ рассказываетъ фонъ-Гумбольдтъ, „мы миновали устье Канно-дель-Манати, такъ оно называется благодаря огромному количеству ламантиновъ или манатъ, которое здѣсь ежегодно ловится. На Ориноко, ниже водопада, въ Метѣ и Апуре они очень часты.“

Образъ жизни ламантина почти такой же, какъ и остальныхъ сиренъ. Нѣкоторые путешественники сообщали, будто онъ иногда выходитъ изъ воды, чтобы пасть на берегу, но другіе единогласно опровергали это уже въ прошломъ столѣтіи. Онъ ѣстъ только ту траву, которая растетъ въ водѣ. Такъ какъ спокойныя мѣста на южныхъ рѣкахъ крайне богаты водяными растеніями всякаго рода, то онъ не испытываетъ недостатка и ничто не заставляетъ его далеко отплывать. Онъ наѣдается до того, что его желудокъ и полость живота совершенно наполняются пищей, а насытившись, часто ложится такъ низко на мелкихъ мѣстахъ, что надъ водой выставляется только морда, такъ что ему не нужно постоянно нырять и выплывать наверхъ; въ такомъ положеніи онъ спитъ нѣсколько часовъ въ день. Когда онъ бодрствуетъ, то надъ поверхностью воды его можно видѣть только въ томъ случаѣ, если онъ поднимается, чтобы вдохнуть воздуха, но, несмотря на большія вмѣстилища для воздуха, это происходитъ очень часто, почему, конечно, онъ и предпочитаетъ болѣе мелкія мѣста въ рѣкахъ. Время спариванья, повидимому, еще неизвѣстно; даже относительно размноженія данныя еще колеблются. Нѣкоторые говорятъ, что самка мечетъ двухъ дѣтенышей, тогда какъ другіе ведутъ рѣчь только объ одномъ. Привязанность матери къ дѣтенышамъ пользуется славой. Вездѣ, гдѣ встрѣчается ламантинъ, его ревностно преслѣдуютъ. Хотя его мясо и считается нездоровымъ и вызывающимъ лихорадку, однако оно очень вкусно.

Охота довольно проста. Приближаются на лодкѣ къ мѣсту пастьбы ламантиновъ и ожидаютъ, пока который нибудь изъ нихъ не вынырнетъ, чтобы набрать воздуха. Въ него или стрѣляютъ стрѣлами, къ которымъ прикрѣплены веревка и легкій деревянный поплавокъ, который позднѣе укажетъ путь животнаго, или же его бьютъ острогой, убиваютъ и поражаютъ съ лодокъ, употребляющихся для ѣзды на южно-американскихъ рѣкахъ. Послѣдній способъ практикуется часто на срединѣ рѣки: лодку наполняютъ на двѣ трети водой, затѣмъ подводятъ подъ ламантина и опять вычерпываютъ воду съ помощью тыквенной чашки. Толстая кожа ихъ, разрѣзанная на полосы, употребляется на кнуты и веревки, однако, послѣднихъ нельзя употреблять въ водѣ, такъ какъ онѣ гниютъ.

Мы узнаемъ уже изъ очень старыхъ рукописей, что ламантинъ способенъ къ прирученію. Одинъ путешественникъ, Мартиръ, умершій въ первой четверти 16 столѣтія, рассказываетъ, что одинъ качикъ на островѣ Санъ-Доминго приказалъ помѣстить въ озеро какую то молодую, еще маленькую рыбу, подъ названіемъ манато, пойманную въ морѣ и давать ей ежедневно хлѣба изъ ядеръ грецкаго орѣха. „Мало-по-малу она сдѣлалась очень ручной, стала появляться сама на зовъ, ѣла хлѣбъ изъ рукъ, позволяла гладить себя, гдѣ угодно, даже носила нѣсколько разъ сажившихся на нее людей, куда они хотѣли, съ одного берега на

другой.“ Гомара, рассказывающій такую же исторію, прибавляетъ къ этому, что манато, прожившій 26 лѣтъ въ озерѣ Гвайнабо, достигъ величины дельфина.

Новѣйшія сообщенія различныхъ писателей подтверждаютъ правдоподобность вышеприведенныхъ исторій. Капплеръ занимался въ Суринамѣ прирученіемъ молодого ламадина; въ 1864 году австрійскій консулъ въ Порторико, Латимеръ, получилъ парочку живыхъ манатъ, и, наконецъ, отъ Куннингама мы узнаемъ, что съ 1867 года въ пруду открытаго сада въ Ріо-Жанейро держали въ неволѣ двухъ манатъ вмѣстѣ съ кайманами и нѣкоторымъ количествомъ водяныхъ птицъ. Одинъ изъ манатъ выказывалъ странное предпочтеніе обществу жившаго тамъ въ неволѣ лебедя, который, со своей стороны, также привыкъ къ такому удивительному товарищу и съ такой вѣрностью слѣдовалъ за нимъ, что обычные посѣтители сада всегда знали, гдѣ надо искать сирену. Этотъ ламадинъ мало-по-малу сдѣлался настолько ручнымъ, что часто подплывалъ, когда ему бросили на поверхность воды траву, вытягивалъ изъ воды свои безобразно-щетинистыя губы и бралъ изъ рукъ у людей предлагавшійся ему кормъ.

*

Китайцы и арабы уже нѣсколько столѣтій тому назадъ знали одного изъ важнѣйшихъ представителей этого семейства, о которомъ мы получили кое-какія отрывочныя и скудныя свѣдѣнія только въ началѣ текущаго столѣтія — морскую дѣву или дюгоня (морскую корову) малайцевъ (*Halicore dujong*). Возможно, что Мегастенъ и Эліанъ, говоря о созданіяхъ, живущихъ въ Индійскомъ океанѣ, будто бы похожихъ на женщину, подразумѣвали эту „морскую дѣву“, и не подлежитъ сомнѣнію, что „морская дѣва“, анатомированная португальскимъ врачомъ Боскецомъ, или же „морской человѣкъ“ и „морская женщина“, о которыхъ многорѣчиво рассказываетъ голландецъ Валентинъ, были именно нашимъ дюгономъ; но всѣ описанія до того неточны, что они не могутъ ни установить признаковъ морской дѣвы, ни помочь опредѣлить ихъ. Первое точное сообщеніе дали намъ французы Діаръ и Дювансель; Коа и Гэмаръ доставили намъ первый хорошій рисунокъ, объ образѣ же жизни этой сирены далъ намъ первыя свѣдѣнія Рюппель, нашедшій ее въ Красномъ морѣ.

Морская дѣва достигаетъ отъ 3 до 5 метровъ длины. Короткая и толстая шея, ясно отграниченная отъ головы, непосредственно переходитъ въ туловище, которое равномерно закругляется, становится постепенно толще отъ области шеи до середины, а затѣмъ равномерно утоньшается къ хвосту. Грудные плавники помѣщаются недалеко позади ушныхъ отверстій въ нижней трети толщи туловища; они не особенно длинны, но широки, на переднемъ краю закруглены, на заднемъ же заострены; пальцы можно разобрать только на ощупь, когтей нѣтъ и слѣда. Хвостъ состоитъ изъ сплюснутаго, плоскаго плавника полулунной формы. На короткой и толстой мордѣ выдается въ особенности плоская верхняя губа, косо срѣзанная въ направленіи сверху внизъ и назадъ, подъ которой выступаетъ срѣзанная снизу припухлость. Послѣдняя находится въ связи съ своеобразной ротовой пластинкой, покрывающей межчелюстную кость. Подобная же пластинка лежитъ на нижней челюсти. Нижняя губа образуетъ остро срѣзанную назадъ припухлость. Ноздри, расположенныя на верхней сторонѣ рыла, стоятъ близко другъ отъ друга и образуютъ двѣ щели полулунной формы; глаза малы, овально-круглы, сильно выпуклы, чернаго цвѣта; они лежатъ въ косой щели, верхній край ихъ окруженъ полулуніемъ изъ рѣсницъ; они лишены вѣкъ, но имѣютъ мигательную перепонку; смыкаются они посредствомъ стягиванія облегающей кожи; уши выражены только маленькими кругловатыми отверстиями. На кожѣ, окрашенной въ матовый свинцовый или бѣловато-сѣрый цвѣтъ съ рисункомъ изъ темныхъ продольныхъ полосъ, встрѣчающихся то тутъ, то тамъ, торчатъ короткіе, жидкіе, но жесткіе щетинистые волосы, которые на верхней губѣ превращаются почти въ шипы; кожа блестящая и гладкая, за исключеніемъ брюха, гдѣ на ней есть морщины. Плавники почти совсѣмъ голы. Зубы состоятъ изъ рѣзцовъ и коренныхъ зубовъ, не имѣющихъ корня, и въ старости отчасти выпадающихъ:

жилища, гдѣ мясо закупорили въ большія бочки, а сало повѣсили на высокія козла. Вскорѣ мы увидѣли у себя такое изобиліе пищи, что постройка новаго судна, которое должно было послужить средствомъ нашего спасенія, могла идти впередъ безпрепятственно.“

Этими словами начинается, уже часто упоминавшійся естествоиспытатель Стеллеръ, высадившійся въ ноябрѣ 1741 года на неизвѣстный до того времени островъ Беринга и пробывшій тамъ, въ силу необходимости, 10 печальныхъ мѣсяцевъ свое сообщеніе объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ морскихъ млекопитающихъ, созданіи, повидимому, совершенно уже истребленномъ и вымершемъ — морской коровѣ, получившей названіе свое по имени открывшаго ее (*Halicore stelleri*). Обольщенные сообщеніями русскаго общества открытій, среди членовъ котораго былъ и Стеллеръ, китоловы и забубенныя головушки — искатели приключеній валомъ повалили въ Берингово море и начали тамъ такую ужасную рѣзню среди беззащитныхъ жителей моря, что морскія коровы были стерты съ лица земли. Позднѣе тщетно старались достать хоть одинъ экземпляръ этого животнаго. Каждый корабль, отплывавшій въ Берингово море, получалъ указанія относительно ихъ, но ни одинъ не привозилъ объ нихъ извѣстій. Полагаютъ, что послѣдняя морская корова была убита уже въ 1768 году Поповымъ. Но Норденскиöldъ, посѣтившій въ 1879 году Беринговъ островъ, склоненъ думать, что дѣйствительный конецъ существованія этого рода былъ положенъ только въ 1854 г.

Стеллеръ принялъ морскую корову за открытаго Хернандецомъ ламантина. Но изъ его описанія ясно видно, что морская корова была созданіе очень отличавшееся отъ другихъ раньше описанныхъ сиренъ. Въмѣсто зубовъ, челюсти ихъ были выложены только четырьмя жевательными пластинками, связывавшимися другъ съ другомъ только десной. Для характеристики животнаго довольно только одного этого признака. „Самыя крупныя изъ этихъ животныхъ“, продолжаетъ Стеллеръ, „около 4—5 сажень (8—10 м.) въ длину, а въ самыхъ мощныхъ мѣстахъ, въ области пупка, 3½ сажени въ толщину. До пупка животное это походитъ на морского тюленя, а отъ пупка до хвоста — на рыбу. Скелетъ головы по общему виду нельзя отличить отъ лошадиной головы, но тамъ, гдѣ она еще покрыта мѣхомъ и мясомъ, до нѣкоторой степени походить на голову буйвола, въ особенности, что касается губъ.“

„Эти животныя, подобно домашнему рогатому скоту, живутъ стадами въ морѣ. Обыкновенно самецъ и самка ходятъ рядомъ, а дѣтеныши пасутся по берегу впереди нихъ. Они занимаются только однимъ — отыскиваніемъ себѣ пищи. Во всѣ времена года они повсемѣстно держатся на этомъ островѣ въ самомъ большомъ количествѣ, такъ что всѣ обитатели восточнаго побережья Камчатки ежегодно могли бы дѣлать изобильные запасы мяса и сала этого животнаго. Кожа морской коровы имѣетъ двойной слой: наружная оболочка кожи черная или черно-бурая, въ дюймъ толщины, прочна почти, какъ пробковое дерево, вокругъ головы изобилуетъ ямками, морщинами и углубленіями; она состоитъ изъ свѣтлыхъ отвѣсныхъ нитей, такъ плотно прилегающихъ другъ къ другу, какъ волокна лучистаго камня. Эта наружная оболочка, легко облупляющаяся съ кожи, есть по моему мнѣнію, покрывка, составившаяся изъ скатавшихся вмѣстѣ и измѣнившихся близко стоявшихъ другъ около друга волосъ, каковую я равнымъ образомъ находилъ и у китовъ. Нижняя кожа нѣсколько толще бычачьей, очень крѣпка, бѣлаго цвѣта. Подъ этими обоими слоями все тѣло животнаго облегаютъ лоскуты жира или сала въ четыре пальца толщиной, затѣмъ слѣдуетъ мясо. Я считаю всѣхъ всего животнаго вмѣстѣ съ шкурой, жиромъ саломъ, костями и внутренностями въ 1200 пудовъ или 480 центнеровъ. Жиръ не маслянистъ и не мягокъ, но жестковатъ и напоминаетъ железъ, бѣлаго какъ снѣгъ цвѣта, полежавъ же нѣсколько дней на солнцѣ получаетъ пріятный желтоватый оттѣнокъ, какъ лучшее голландское масло. Приготовленный отдѣльно, онъ превосходитъ сладостью и вкусомъ лучшій бычачій жиръ; топленый жиръ имѣетъ цвѣтъ и свѣжесть свѣжаго деревяннаго масла, а вкусъ — миндальнаго масла.“

Тринадцатый отрядъ.

Киты (Cetacea).

Киты представляютъ между млекопитающими то же, что рыбы между позвоночными: созданія, присущія только водѣ, имѣющія соотвѣтственное такой жизни строеніе. На это уже указываютъ ихъ размѣры, такъ какъ легкую подвижность такимъ великанамъ можетъ обусловить только вода, и только безконечно богатое море способно снабдить ихъ требуемымъ количествомъ пищи.

Теплая кровь, дыханіе легкими, сосаніе дѣтенышей и всѣ остальные существенные признаки млекопитающихъ объединяютъ китовъ съ остальными порядками этого класса. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они уклоняются отъ болѣе высоко стоящихъ млекопитающихъ еще гораздо дальше, чѣмъ сирены. Каждый малообразованный человѣкъ, каждый народъ, еще находящійся въ младенчествѣ, причислялъ ихъ къ рыбамъ, и только точное изслѣдованіе ихъ природы указало ихъ настоящее положеніе.

Тѣло кита массивно и неповоротливо, безъ всякаго наружнаго расчлененія; голова, часто безформенно большая и обыкновенно сложенная непропорціонально съ обѣихъ сторонъ, переходитъ безъ всякой ясно различаемой границы въ туловище, а оно переходитъ, суживаясь кзади, въ широкій, горизонтальный хвостовой плавникъ. Заднихъ конечностей, которыя существуютъ у всѣхъ млекопитающихъ за исключеніемъ сиренъ, нѣтъ совершенно; переднія превратились въ плавники: чтобы отыскать въ нихъ признаки конечностей, нужно изслѣдовать ихъ съ помощью разсѣкающаго (анатомическаго) ножа, да и тогда еще найдутся особенности въ строеніи. Отдѣльные жировые плавники, попадающіеся тамъ и сямъ вдоль спины, служатъ къ увеличенію сходства этого животнаго съ рыбой. Въ остальномъ киты характеризуются по наружному виду широкой ротовой щелью, лишенной губъ; во рту расположено необыкновенно большое количество зубовъ или даже роговыхъ пластинъ; далѣе, они характеризуются тонкой, гладкой, мягкой, жирной на ощупь бархатистой кожей, покрытой на немногихъ мѣстахъ, въ видѣ исключенія, отдѣльными щетинами; кожа темнаго цвѣта, въ ней лежитъ очень толстый жировый слой, такъ какъ у кита существуетъ поразительно утолщенная подкожная оболочка, въ большихъ клѣткахъ которой отлагается жиръ.

Морскіе исполины и во внутреннемъ строеніи имѣютъ своеобразныя черты. Кости скелета отличаются ноздреватымъ, губчатымъ строеніемъ; они настолько пропитаны жидкимъ жиромъ, что его съ трудомъ можно выдѣлить оттуда, такъ что они сохраняютъ жирный, желтоватый оттѣнокъ даже послѣ очень долгаго бѣленія; напротивъ того, ни въ одной кости нѣтъ мозговыхъ полостей. Головные кости мощнаго черепа, который имѣетъ только у весьма немногихъ хоть нѣкоторую пропорціональность съ остальнымъ тѣломъ, какъ то удивительно сдвинуты, лежатъ въ безпорядкѣ другъ на другѣ или же связываются съ другими костями только мягкими частями; однѣ изъ нихъ кажутся съжившимися, другія поразительно увеличенными, какъ будто бы всякій порядокъ и правильность пропали. Въ позвоноч-

номъ столбъ поражаетъ особенно его шейная часть. Тутъ существуетъ еще обыкновенное число позвонковъ, однако они принимаютъ видъ тонкихъ, плоскихъ колецъ, которыя частью такъ прочно срастаются другъ съ другомъ вслѣдствіе малой подвижности, что число ихъ — семь, можно узнать только по тѣмъ каналамъ, по которымъ проходятъ пары шейныхъ нервовъ. Кромѣ шейныхъ позвонковъ, у китовъ есть 11—14 грудныхъ, 10—24 поясничныхъ и 22—24 хвостовыхъ позвонковъ; при этомъ надо замѣтить, что, строго говоря, можно назвать только грудные или спинные позвонки и пояснично-хвостовые, потому что у кита нѣтъ развитого таза, а также не существуетъ и крестца. Число истинныхъ реберъ очень незначительно: у настоящихъ китовъ ихъ всего одна пара, а болѣе шести паръ нѣтъ, повидимому, ни у одного сочлена этого порядка. Ложныхъ реберъ всегда больше, чѣмъ настоящихъ. Переднія конечности характеризуются короткостью и плоскостью всѣхъ костей и поразительно большимъ числомъ сочлененій на пальцахъ, такъ какъ въ то время, какъ у всѣхъ остальныхъ млекопитающихъ бываетъ всего три сустава на пальцахъ, у всѣхъ китовъ число суставовъ пальцевъ можетъ доходить до 13, за исключеніемъ перваго, а иногда и пятого пальца.

Зубы китовъ отличаются не только отъ зубовъ всѣхъ остальныхъ млекопитающихъ, но также весьма существенно и у обоихъ главныхъ отдѣловъ этого порядка между собою. У всѣхъ китовъ, по Карусу, въ продольныхъ ямкахъ слизистой оболочки челюстей образуется зародышевый зубной пластъ, но въ настоящія зубы, которые къ тому же никогда не смѣняются, онъ развивается у однихъ зубатыхъ китовъ. „У китовъ, имѣющихъ роговыя образования, они исчезаютъ, и у этихъ животныхъ развивается своеобразный покровъ верхней челюсти и нѣба. Въ поперечныхъ бороздахъ возникаютъ роговыя пластинки, свободно свѣшивающіяся въ полость рта; наиболѣе длинныя изъ нихъ наружныя, укрѣпленныя на верхней челюсти, самыя же короткія тѣ, которыя помѣщаются на небной поверхности: это элазмія, образующая китовый усъ.“

Гортань кита устроена не такъ, чтобы испускать громко звучащій крикъ, но чтобы сквозь нее сразу могло проходить большое количество воздуха. Дыхательное горло очень широко, легкое имѣетъ значительный объемъ и всѣ дыхательныя вѣтви находятся во взаимной связи, такъ что цѣлое легкое можетъ быть наполнено черезъ одну изъ нихъ.

Мышцы простого строенія, соразмѣрны величинѣ животнаго и необычайно сильны. Нервная масса чрезвычайно незначительна: у кита въ 5000 килограммовъ вѣсомъ, въ 6 метровъ длины мозгъ не превышалъ даже 2 килограммовъ, т. е. столько, сколько вѣситъ онъ у человѣка, рѣдко достигающаго 100 килограммовъ вѣса! Всѣ органы чувствъ стоятъ на низкой ступени. Глаза малы, уши извнѣ едва замѣтны, такъ сказать, едва обозначены. Однако, нельзя допустить, чтобы зрѣніе и слухъ ихъ были недоразвиты. Всѣ киты доказываютъ, что они видятъ не только очень остро, но и на большое разстояніе, и равнымъ образомъ, хорошо воспринимаютъ всякій шумъ. Чувство обонянія развито очень слабо. О вкусѣ ихъ мы не можемъ судить, что же касается осязанія, то мы знаемъ, что оно до нѣкоторой степени развито.

Врядъ ли нужно упоминать, что подобное строеніе тѣла кита цѣликомъ приспособлено для жизни въ водѣ. Хвостовый плавникъ, поставленный горизонтально, содѣйствуетъ тому, что китъ можетъ играя нырять и выплывать или безъ труда достигать различныхъ слоевъ высоты и глубины. Гладкая кожа облегчаетъ передвиженіе огромной массы, жировой слой уменьшаетъ ея тяжесть, замѣняетъ согревающій волосаной покровъ и въ то же время представляетъ необходимое сопротивленіе тому громадному давленію, которое долженъ выдержать китъ, погружаясь въ глубину моря. Очень большія легкія дѣлаютъ для него возможнымъ чрезвычайно продолжительное пребываніе подъ водой.

Киты, насколько могутъ, избѣгаютъ близости береговъ, такъ какъ суша для нихъ погибель. Только нѣкоторые дельфины живутъ въ прѣсной водѣ, другіе же, хотя и проникаютъ иногда въ рѣки, но не дальше того предѣла, гдѣ еще замѣтно дѣйствіе морского прилива. Всѣ прочіе киты никогда не оставляютъ соленой воды.

однако перекечевываютъ съ большей или меньшей правильностью черезъ болѣе или менѣе пространныя полосы моря. Объ этихъ перекечевкахъ Э шрихтъ между прочимъ сообщаетъ слѣдующее:

„Во всѣхъ моряхъ есть киты, но ни у одного рода ихъ нѣтъ какого-либо постояннаго мѣста пребыванія, но у нихъ есть, кажется, излюбленныя мѣста для лѣтней поры и другія, быть можетъ и далеко отстоящія отъ первыхъ, для зимняго времени; весной они перекечевываютъ по довольно опредѣленнымъ путямъ, на подобіе животныхъ идущихъ караваномъ съ зимнихъ мѣстъ стоянки па лѣтнія, осенью же обратно — изъ второго моря въ первое. Киты, подобно большинству караванныхъ животныхъ, общественныя созданія. Тамъ, гдѣ есть кормъ, можно встрѣтить вмѣстѣ часто цѣлыя сотни и тысячи и не только одного вида, но и нѣсколькихъ самыхъ различныхъ; точно такъ же къ толпамъ ихъ, находящимся въ пути, примыкаютъ или примѣшиваются, по свидѣтельству береговыхъ жителей, отдѣльные экземпляры или нѣсколько штукъ другого вида.“

Всѣ киты одарены въ высокой степени подвижностью. Плаваютъ они съ величайшимъ мастерствомъ, безъ всякаго замѣтнаго напряженія, нѣкоторые даже съ несравненной быстротой и, при желаніи, проявляютъ такую необычайную силу своего мощнаго хвостоваго плавника, что, несмотря на всю чудовищную тяжесть своего тѣла, поднимаются надъ водой и даже могутъ дѣлать широкіе прыжки. Они держатся обыкновенно близко къ поверхности воды, а на большія глубины моря опускаются, быть можетъ, только тогда, когда ранены. Присущая имъ область — верхній слой воды, такъ какъ они должны выставлять наружу свою голову и часть спины, желая произвести вдыханіе. Перемѣна воздуха совершается у нихъ слѣдующимъ образомъ. Вынырнувшій китъ сперва съ фырканьемъ и шумомъ выдуваетъ воду, попавшую въ его несовершенно замыкающіяся ноздри, съ такой силой, что она разбивается тонкими брызгами, но выбрасывается тѣмъ не менѣе на 5 и на 6 метровъ въ вышину. Эту струю дыханія лучше всего сравнить со столбомъ пара, выходящимъ изъ узкой трубки, само фырканье напоминаетъ шумъ пара, производимый при подобныхъ обстоятельствахъ. Ни одинъ китъ не выпускаетъ водяной струи, которая была бы ключемъ въ вышину, хотя это изображаютъ обыкновенно на рисункахъ и описывается еще многими естествоиспытателями. Тотчасъ же послѣ выбрасыванія воды это животное втягиваетъ такимъ же шумнымъ, похожимъ на стонъ быстрымъ вдыханіемъ необходимый для него воздухъ, причемъ оно иногда дышетъ три, четыре и пять разъ въ минуту, но описанная струя выбрасывается имъ только въ первый разъ, когда оно только что вынырнетъ, хотя при сколько нибудь холодной погодѣ все еще и потомъ можно видѣть паръ отъ дыханія. Ноздри кита расположены такъ удобно, что когда онъ вынырнетъ, они всегда первыми появляются на воздухѣ, благодаря чему киту такъ же удобно дышать, какъ и остальнымъ животнымъ. Большой китъ, если его никто не тревожитъ, проводить, быть можетъ, 5—15 минутъ, равномерно дыша, то оставаясь непрерывно на водной поверхности, то немного опускаясь при каждомъ вдыханіи подъ воду; иногда онъ производитъ подобныя дѣйствія гораздо дольше, пока не удовлетворитъ своей потребности въ воздухѣ. Затѣмъ онъ снова опускается въ глубину, и остается тамъ, примѣрно, 10—20 минутъ, а иногда еще дольше, не показываясь наружу. Киты, подвергающіеся перслѣдованію, могутъ пробить подъ водой даже 30—50 минутъ. Одинъ пораженный острой кашелотъ продержался подъ водой, по наблюденіямъ Пехуэль-Лёше почти часъ; другой, точно также получившій ударъ острой, даже цѣлыхъ 80 минутъ, и притомъ нырнулъ на глубину 1300 метровъ. При прекращеніи обмѣна воздуха китъ умираетъ такъ же вѣрно, какъ и другія млекопитающія, отъ удушенія, и при томъ, по наблюденіямъ китолововъ, черезъ очень короткое время. Эти животныя погибаютъ сравнительно въ очень короткое время даже и дыша воздухомъ, если они очутятся на сушѣ.

Всѣ киты питаются животными, растенія же принимаютъ, по всей вѣроятности, только случайно, попутно съ животными; требуется, по крайней мѣрѣ, болѣе точное наблюденіе, прежде чѣмъ можно будетъ сказать утвердительно, что одинъ

видъ, а именно гиббаръ, ѣсть водоросли, которыя часто во множествѣ находятъ у него въ желудкѣ, или же что дельфинъ ѣсть плоды, попавшіе въ рѣчную воду. Болѣе крупныя и болѣе мелкія морскія животныя самыхъ различныхъ классовъ составляютъ добычу, за которой они гоняются. Самые большіе виды положительно таки питаются мельчайшими морскими животными, и наоборотъ, менѣе крупные виды китовъ — самые дѣятельные хищники. Какъ долго продолжается у нихъ беременность, это и до сего времени не опредѣлено. Принимаютъ, однако, что она длится только 6 — 10 мѣсяцевъ, хотя это положеніе трудно было бы доказать. Г. А. Гульдбергъ достигъ согласными между собой сравнительными изысканіями того вывода, что время беременности болѣе крупныхъ видовъ гиббара продолжается, по всей вѣроятности, самое большее 10—12 мѣсяцевъ, а у самыхъ крупныхъ занимаетъ больше года. Новорожденные, уже очень развитые дѣтеныши достигаютъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ длины средняго экземпляра.

Болѣе ранніе наблюдатели сообщали, что самка кита, кормя дѣтеныша, продолжаетъ свой путь, плавая какъ и всегда, и что прицѣпившійся къ ея соскамъ дѣтенышъ просто тянется за ней; Скаммонъ, однако, рѣшительно замѣчаетъ, что самка, исполняя свою материнскую обязанность, лежитъ на водѣ, какъ бы въ разслабленіи, поднимаетъ надъ поверхностью воды почти всю заднюю часть своего тѣла и нѣсколько наклоняется на бокъ, чтобы сдѣлать сосаніе насколько возможно болѣе удобнымъ для дѣтеныша. Положеніе молочныхъ железъ, несомнѣнно, очень удобно для послѣдняго; онъ схватываетъ концомъ морды большіе, необычайно богатые молокомъ соски и сосетъ, по необходимости, съ перерывами, такъ какъ время отъ времени онъ долженъ подниматься для обмѣна воздуха. Мать заботится о немъ съ трогательной нѣжностью, подвергается не задумываясь ради него всякимъ опасностямъ, которыя могутъ угрожать жизни ихъ обоимъ, и никогда, покуда онъ живъ, не покидаетъ его. Дѣтенышъ, повидимому, растетъ сравнительно медленно. Какъ долго живутъ киты — неизвѣстно.

У китовъ также есть свои враги, особенно въ первое время ихъ жизни. Нѣкоторыя акулы и рыба-мечъ, должно быть, дѣйствительно охотятся на молодыхъ китовъ, равно какъ нападаютъ и на старыхъ, и затѣмъ по цѣлымъ днямъ съ наслажденіемъ пожираютъ исполинскіе трупы. Но гораздо опаснѣе всѣхъ морскихъ чудовищъ для кита человѣкъ. Уже болѣе 1000 лѣтъ человѣкъ регулярно преслѣдуетъ многіе виды этого порядка и нѣкоторыхъ изъ нихъ почти уже уничтожилъ.

Въ началѣ человѣкъ, вѣроятно, довольствовался только тѣми китами, которыхъ ему поставляло само море, т. е., выброшенными бурей на берегъ. Только впослѣдствіи пришло ему на мысль помѣриться въ бою съ исполинами моря. Баскамъ приписываютъ честь, что они были первымъ народомъ, снарядившимъ въ 14 и 15 столѣтіяхъ собственные корабли для ловли китовъ. Сперва эти смѣлые мореплаватели довольствовались отыскиваніемъ гиббаровъ въ заливѣ, получившемъ свое названіе отъ имени ихъ страны, но уже въ 1372 году они поплыли на сѣверъ и тамъ находили настоящихъ китовъ. Около 1450 года судохозяева въ Бордо равнымъ образомъ снарядили экспедицію и отправились искать цѣнную добычу въ восточныхъ частяхъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Гражданскія войны ослабили мореплаваніе и торговлю басковъ, а вторженіе испанцевъ въ ихъ страну, послѣдовавшее въ 1633 году, навсегда окончило ихъ китоловный промыселъ. Однако ихъ громаднѣйшіе успѣхи пробудили алчность въ другихъ морскихъ народахъ, такъ какъ уже въ 16 столѣтіи въ гренландскихъ моряхъ появились англійскія, а вскорѣ затѣмъ и голландскія китоловныя суда. Въ Амстердамѣ въ 1611 году составилось общество, устраивавшее промышленныя экспедиціи въ моря Шпицбергена и Новой Земли. Вскорѣ эта отрасль мореходства получила значительные размѣры. Въ періодъ 1676—1722 г. голландцы отправили 5886 кораблей и добыли за это время 32,907 китовъ, общую цѣнность которыхъ можно исчислить по тѣмъ временамъ по меньшей мѣрѣ въ 300 милліоновъ марокъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія ревностно занимались этой прибыльной охотой. Фридрихъ Великій приказалъ въ 1768 году снарядить китолововъ; около этого же времени англичане имѣли въ сѣверныхъ моряхъ 222 корабля. Вскорѣ однако наиболѣе ревностными китоловами

сдѣлались американцы. По одной сводной записи они устроили въ промежутокъ 38 лѣтъ, съ 1835 по 1872 годъ 19,943 китоловныхъ экспедиціи, добыли 3,671,772 тонны или бочки спермацета и 6,553,014 тоннъ ворвани, за что и получили сумму въ 272,274,916 долларовъ. По оцѣнкѣ Скаммона, чтобы достигъ этого, нужно было ежегодно убивать 3865 кашелотовъ и 2875 китовъ, куда еще надо причислить одну пятую этого количества на пораненныхъ и пропавшихъ, такъ что за всю сумму добытыхъ или во всякомъ случаѣ уничтоженныхъ за это время китовъ можно принять 292,714 штукъ.

Самая ловля, хотя во время ея и случаются несчастія, менѣе опасна, чѣмъ плаваніе, когда оно совершается въ тѣхъ частяхъ моря, гдѣ много ледяныхъ глыбъ. Каждый годъ крупный китоловный промыселъ несетъ потери. Къ счастью, при кораблекрушеніяхъ рѣдко бываютъ человѣческія жертвы, потому что море почти всегда спокойно и экипажъ корабля имѣетъ достаточно времени, чтобы спастись на другое судно. Но ловля китовъ не только опасное и требующее напряженія занятіе, а и въ высшей степени ненадежное дѣло.

Ловлей китовъ еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ занимались, главнымъ образомъ, корабли, снаряжаемые въ долгія крейсеровки; ловили, преимущественно, три вида наиболѣе крупныхъ китовъ: сѣвернаго или гренландскаго кита, настоящаго кита и кашелота, штука которыхъ стоила отъ 10 до 40 тысячъ марокъ, смотря по тучности ихъ и по состоянію рыночной цѣны. Самая ловля китовъ совершается слѣдующимъ образомъ. Когда корабль достигнетъ мѣста, гдѣ держатся киты, онъ начинаетъ крейсеровать туда и обратно, тогда какъ двое людей обыкновенно зорко осматриваютъ горизонтъ съ мачты. Ихъ крикъ: „вотъ они, бьютъ тамъ“ приводитъ весь экипажъ корабля въ возбужденіе. „Поведеніе замѣченнаго животнаго“, пишетъ Пехуэль-Лёше, „способъ, какъ оно дуетъ, форма спины и хвостоваго плавника даютъ возможность опытнымъ людямъ довольно вѣрно опредѣлить, имѣютъ ли они дѣло съ однимъ изъ искомыхъ видовъ кита или вообще съ такимъ видомъ, ловлей которыхъ стоитъ заняться, или нѣтъ. Если это рѣшено утвердительно, то по приказанію капитана спускаютъ шлюпки, каковыхъ каждый крейсеръ держитъ побольше наготовѣ, обыкновенно четыре штуки. Эти шлюпки имѣютъ 7—9 метровъ въ длину и 2 метра въ ширину, легко, но образцово построены, не имѣютъ киля и на обоихъ концахъ заострены, такъ чтобы ихъ можно было одинаково хорошо направлять и впередъ и назадъ, а также быстро поворачивать. Оружіе — штуки четыре острогъ, нѣсколько копій, одинъ очень тяжелый метательный снарядъ, стрѣляющій болтовидными гранатами, короткая салорѣзка, топоръ и большой ножъ сносятся въ переднюю часть, чтобы они были всегда подъ рукой у гарпунщика. На кормѣ, часть которой закрыта чѣмъ-нибудь, находятся компасъ, черпакъ, и боченокъ, предохраняющій отъ сырости запасъ корабельныхъ сухарей, фонарь, лампа и спички другой боченокъ, заключающій воду для питья, кладется обыкновенно посрединѣ лодки. Самая важная часть китоловныхъ снастей — веревка въ 350 сажень длины, толщиной въ дюймъ, изготовленная изъ лучшей пеньки; она самымъ тщательнымъ образомъ скатана въ два спиральныхъ столба въ двухъ плоскихъ чанахъ, стоящихъ сзади между двумя гребными скамьями, потому что всякая спутанность причинила бы при выпусканіи веревки несчастіе. По лѣвой наружной части выбираютъ конецъ въ 5—8 сажень длиной, такъ называемый, передній конецъ, и прикрѣпляютъ къ нему двѣ остроги, которыя опытный гарпунщикъ „всаживаетъ“ въ кита быстро одну за другой при первомъ же приближеніи къ нему; гарпунщикъ кладетъ ихъ спереди себя направо, на развилку, чтобы вѣрнѣе успѣть ихъ схватить.

„Хорошій гарпунщикъ долженъ быть увѣренъ въ вѣрности своего удара на разстояніи 4—5 сажень. Однако, въ большинствѣ случаевъ къ киту подходятъ гораздо ближе, даже доводятъ лодку почти вплотную къ нему, такъ что острога уже не бросается, а втыкается ему въ тѣло. Такой отважный способъ нападенія не оставляетъ, конечно, ничего желать въ отношеніи вѣрности, но зато онъ наиболѣе опасенъ. Какъ скоро „желѣзо“ всажено, лодку отводятъ изо всѣхъ силъ назадъ. Это всегда самый критическій моментъ: никогда нельзя быть увѣреннымъ, что задѣтое животное не перевернетъ — случайно или намѣренно — лодку снизу своимъ чу-

довищнымъ хвостомъ, или не подкинетъ ее на воздухъ, или не раздробитъ ее сверху, какъ бы ударомъ исполинской хлопушки для мухъ. Если испуганный китъ обратится въ бѣгство (въ глубокомъ морѣ онъ по большей части ныряетъ отвѣсно въ глубину, въ неглубокихъ же водахъ уплываетъ на незначительной глубинѣ), то въ тотъ же моментъ вытравляютъ канатъ, который, заворачиваясь, какъ змѣя, вытягивается изъ своего футляра назадъ, мимо рулевого и туго натягивается спереди въ глубину, иногда вытравляется 100—150 сажень въ минуту. Въ это время слѣдуетъ бережись, такъ какъ если кого-нибудь захватитъ канатомъ — тотъ обыкновенно пропалъ. Теперь лодка „стоитъ крѣпко“. Рулевой и гарпунщикъ мѣняются мѣстами, если роль второго была поймать кита, то право перваго — убить его. Теперь то и начинается собственно борьба, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшая опасность. Натурально, нечего и думать о томъ, чтобы удержать нырнувшего кита: всякій китъ утопилъ бы любую лодку, подобно тому, какъ рыба, клюнувшая на удочку, топить легкій поплавокъ. Если животное нырнуло слишкомъ глубоко, то подзываютъ ближайшую лодку, чтобы привязать свой канатъ къ ея канату, если же она не можетъ подплыть достаточно быстро, то канатъ вытравляютъ за бортъ до послѣдней сажени, и китъ свободенъ. Крайне рѣдко удается опять захватить его; для этого гребутъ дальше по прокладываемому имъ направленію и вылавливаютъ, когда онъ вновь появится, тянущійся за нимъ слѣдомъ канатъ.

„Въ большинствѣ случаевъ бываетъ достаточно каната одной лодки; китъ ныряетъ, быть можетъ на 100—200 сажень въ глубину, и остается тамъ почти безъ движенія. Если позволяетъ натянутость каната, то его подтягиваютъ соединенными силами, чтобы побудить добычу вынырнуть. Если же этотъ образъ дѣйствій придется неуклюжему субъекту не по вкусу, то онъ противится съ непреодолимой силой всякой попыткѣ извлечь его на свѣтъ Божій, и погружается еще глубже. Такъ идетъ дѣло, смотря по виду и величинѣ кита, 10, 20 и 30 минутъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ даже вдвое дольше продолжается состязаніе, пока китъ не ощутитъ недостатка въ воздухѣ и не начнетъ подниматься вверхъ. Направленіе каната показываетъ, гдѣ приблизительно онъ появится, и тамъ тотчасъ же вторая лодка старается застать его врасплохъ и равнымъ образомъ закрѣпить острогой; только достигнувъ этого, успѣхъ можно считать обезпеченнымъ. Вторично раненое животное или нападаетъ на своихъ мучителей, или же рвется дальше, такъ какъ оно не можетъ тотчасъ же нырнуть опять вслѣдствіе необходимости подышать и быстро удаляется прочь по поверхности моря. Тогда начинается дикая гонка, при чемъ канаты выпускаются обыкновенно только на длину нѣсколькихъ лодокъ. Отдуваясь и фыркая темное исполинское тѣло бороздитъ волны, которыя пѣнясь разбиваются, такъ что кверху поднимается молочно-бѣлая масса, когда животное старается освободиться посредствомъ яростныхъ ударовъ хвостомъ. За нимъ летятъ двѣ или три лодки, наполненные отважными людьми; часто они исчезаютъ въ шипучей пѣнѣ и снопахъ воды, часто кажется, что они утопаютъ, бѣшено несясь по кипящимъ волнамъ, и такъ неудержимо несутся впередъ въ обширномъ океанѣ, не взирая ни на день, ни на ночь. Неподготовленный зритель могъ бы подумать, что онъ видитъ самое безумное морское привидѣніе. Наконецъ, китъ, истомившись, останавливается; устало и тяжело или неистово въ слѣпой ярости ударяя вокругъ себя хвостомъ, онъ катается по волнамъ. Въ это время лодки могутъ приблизиться къ нему. Осторожно избѣгая прикосновенія къ хвосту, подплываютъ къ нему и стараются покончить животное посредствомъ разрывныхъ снарядовъ или съ помощью ручныхъ копій, тонкое лезвіе которыхъ, будучи воткнуто сзади плавника, можетъ проникнуть на 2 метра. Если онъ вновь нырнетъ или пустится плыть, то повторяютъ вышеописанные приемы, пока онъ не будетъ, наконецъ, убитъ, или пока въ силу необходимости не выпустятъ его на волю, обрѣзавъ канатъ. Но если разрывной снарядъ или ручное копье достигнутъ легкихъ, то китъ при дыханіи начинаетъ выкидывать кровь — показываетъ „красный флагъ“, и сравнительно быстро умираетъ, хотя часто также только послѣ сильной борьбы со смертью, во время которой всѣ лодки выжидаютъ на безопасномъ разстояніи.“

Когда китъ убитъ, но кораблю неудобно подплыть къ нему, то приходится

тащить его на лодкахъ. Когда китъ достигнетъ корабля, его приковываютъ на крѣпкую цѣпь за корень хвоста и прикрѣпляютъ спереди къ штирборту такъ, что онъ плыветъ сбоку корабля, головой назадъ. На главной мачтѣ укрѣпляютъ двѣ системы сильныхъ блоковъ, канаты которыхъ кладутъ концами на кабестанъ. Сбоку корабля устраиваютъ подмости на манеръ рамки; они висятъ прямо отвѣсно надъ китомъ и служатъ подвижной опорой для людей, срѣзывающихъ сало, которые содѣйствуютъ отдѣленію сала съ помощью острыхъ лопатъ, насаженныхъ на палки. Одинъ блокъ укрѣпляется у плавника кита и отдираетъ его такъ, что за нимъ слѣдуетъ полоса сала шириной въ 1,3 — 1,9 метра; когда онъ поднимется на высоту основанія мачты, на высотѣ палубы укрѣпляется второй блокъ, слой сала цѣликомъ срѣзывается подъ нимъ и этотъ кусокъ опускается въ трюмъ, а второй блокъ вновь доводитъ скамью для салорѣзовъ до подножія мачты. Навертываніе блокомъ сала — упорная работа, двигающаяся впередъ только дюймъ за дюймомъ; полоса сала желаемой ширины, подрѣзываемая съ помощью лопатокъ, посредствомъ медленнаго, но сильнаго внѣдренія ихъ отдирается отъ мяса кита и отворачивается примѣрно такъ же, какъ очищается верхняя кожа съ яблока или оборотный листъ съ сигары. При этомъ нужно медленно поворачивать голову животного по продольной осп; въ то же время съ самаго начала въ удобный моментъ на кита спускается укрѣпленный на веревкахъ человекъ и отдѣляетъ топоромъ у гиббара верхнюю, а у кашелота нижнюю челюсть, которыя тотчасъ же поднимаются на палубу для отнятія у перваго — китоваго уса, а у второго — прекрасныхъ зубовъ. У кашелота берутъ также верхнюю часть его огромной головы, разбитую на два куска, для добычи оттуда спермацета. Сниманіе сала производится смотря по виду и величинѣ кита, а также въ зависимости отъ того благопріятна или неблагопріятна погода, приблизительно 4 — 8 часовъ; по извлеченіи всѣхъ цѣнныхъ частей крѣпи разрушаютъ и бросаютъ безформенную массу мяса туловища въ море.

Огромныя полосы сала, опущенныя въ трюмъ, разрѣзываются тамъ матросами посредствомъ короткихъ лопатъ на маленькіе продолговатые куски, которые затѣмъ опять выбрасываются на верхнюю палубу и прежде чѣмъ попадутъ въ котель, мелко изрубливаются острымъ ножомъ на ручной машинѣ. Вывариваніе производится въ большихъ желѣзныхъ котлахъ, вмазанныхъ въ палубѣ; очагъ, на которомъ они стоятъ, окруженъ кольцомъ воды. Сначала употребляютъ для топки дрова, но затѣмъ однѣ вытопки вывариваемаго жира имѣютъ уже достаточно нагрѣвательной силы, чтобы выварить всѣ идущія въ дѣло части кита. Полученная такимъ путемъ ворвань охлаждается въ ваннѣ и затѣмъ разливается въ бочки. „Корабельщики“, такъ описываетъ Пехуэль-Лёше, „въ самыхъ плохихъ своихъ одеждахъ, полуголые, съ танцами и пѣніемъ, гоняясь другъ за другомъ и размахивая своими орудіями, запачканные ворванью и измазанные сажей, какъ черти, толпятся и снуютъ около очага. По всему борту кипитъ вдвойнѣ оживленная жизнь. Въ особенности поразителенъ видъ этого промысла ночью, когда въ высоко поднятой желѣзной корзинѣ весело пылаетъ, въ качествѣ фонаря, куча вытопленныхъ кусковъ сала и огненные пылающіе языки бросаютъ свой яркій свѣтъ на палубу, черныя облака дыму, выступающія мачты со своими парусами и далеко на волны. Днемъ огромныя массы дыма задолго выдають китолова, занимающагося вываркой, прежде чѣмъ самъ корабль появится въ полѣ зрѣнія.

Киты естественно распадаются на двѣ главныхъ группы, которыя можно съ полнымъ правомъ признать подпорядками: на китовъ, имѣющихъ зубы и на китовъ, имѣющихъ „усы“. У первыхъ есть въ обѣихъ или по меньшей мѣрѣ въ одной челюсти зубы, которые никогда не смѣняются, но у нѣкоторыхъ могутъ частью или совсѣмъ выпадать. Этого признака достаточно, чтобы имѣть возможность во всѣхъ случаяхъ отличить ихъ отъ китовъ съ усами. Но вновь произведеннымъ изысканіямъ Кюкенталю, зубастые киты и киты съ усами должны быть раздѣлены на два самостоятельные порядка, такъ какъ киты съ зубами отдѣлились отъ гораздо болѣе древней группы, чѣмъ киты съ усами; общими ихъ чертами являются

только тѣ, которыя надо отнести на счетъ одинаковой приспособленности ихъ къ жизни въ водѣ.

Киты, принадлежащіе къ небогатому видамъ подпорядку китовъ, имѣющихъ китовый усъ (*Mysticete*) характеризуются преимущественно тѣмъ, что обѣ челюсти у нихъ лишены зубовъ, а верхняя челюсть и полость неба несутъ вмѣсто нихъ роговыя пластины — усы. Эти послѣдніе не заступаютъ мѣсто зубовъ и не походятъ на нихъ ни своимъ положеніемъ, ни прикрѣпленіемъ къ челюсти, ни формой. У совершенно молодыхъ китовъ въ челюстяхъ находятся маленькія костяныя тѣльца, которыя можно принять за зачатки зубовъ; напротивъ того, появляющіяся послѣ пластины китоваго уса сидятъ не на челюстяхъ, а на небѣ и не прикрѣпляются непосредственно къ головнымъ костямъ. Поперечное расположеніе ихъ въ сводѣ полости рта напоминаетъ небные зубы у рыбъ. Усы, роговыя, а не костныя образованія верхняго слоя кожи, суть трехъ рѣже четырехгранныя пластины, на которыхъ можно различить корковую и мозговую массы. Первая состоитъ изъ тонкихъ, лежащихъ другъ на другѣ, роговыхъ листковъ; послѣдняя образуетъ равномерно идущія трубки, которыя на нижнемъ концѣ пластины переходятъ въ щетинообразныя нити, самую размочаленную часть пластины. Скрученные листки рогового вещества связываютъ отдѣльные усы у ихъ корня, которымъ они прикрѣпляются къ хорошо питающейся, богатой сосудами, приблизительно въ 2 см. толщиной кожѣ небнаго свода. Самыя длинныя пластины, которыхъ въ цѣломъ насчитывается отъ 250 до 400 штукъ, находятся посрединѣ челюсти, самыя же короткія на ея концахъ и мѣстахъ сочлененій, такъ что они довольно правильно уменьшаются по длинѣ, начиная отъ середины челюсти къ ея обѣимъ сторонамъ. Если смотрѣть сбоку, то весь рядъ усовъ напоминаетъ гребень, зубцы котораго представляются здѣсь роговыми пластинками, оканчивающимися прямой плоскостью. Общій видъ усовъ можно сравнить съ сводомъ, съ крышки котораго свѣшиваются, за исключеніемъ срединнаго ребра, безчисленное количество гибкихъ, болѣе или менѣе длинныхъ нитей. Когда такой китъ закрываетъ свою пасть, то нижняя челюсть вмѣщаетъ въ себѣ всю верхнюю цѣликомъ; нити приходятъ въ соприкосновеніе съ краями языка, затѣмъ совершенно закрываютъ полость зѣва снаружи и подобно сити задерживаютъ самую мелкую и всякую легко могущую проскользнуть добычу такъ крѣпко, что она не можетъ выскользнуть.

Киты этого подпорядка — огромныя животныя съ очень большой головой, расколотою настью, двойными отверстіями на носу — ноздрями и отдушинами для выпуска воды, скрытыми ушными отверстіями и очень маленькими глазами. Позвоночный столбъ ихъ состоитъ изъ 7 шейныхъ, 14 или 15 грудныхъ, 11—15 поясничныхъ и 21 и больше хвостовыхъ позвонковъ. Съ грудной костью непосредственно соединена только одна пара реберъ; всѣ остальные ребра ложныя. Челюсти загибаются дугообразно и удлиняются на подобіе клюва; онѣ чудовищно велики въ сравненіи съ чрезвычайно небольшою мозговой областью черепа. Лопатки очень широки, конечности бываютъ разной формы, такъ какъ большой палецъ у большинства видовъ исчезаетъ. Языкъ выросшій во рту кольцомъ и неподвижный, пищеводъ узокъ, желудокъ состоитъ изъ трехъ частей. Взрослые киты этого подпорядка могутъ достигъ длины въ 50—30 метровъ, при вѣсѣ въ 20—150 тысячъ килограммовъ; такимъ образомъ они — величайшія изъ созданій, живущихъ у насъ на землѣ. Масса тѣла матераго кита соответствуетъ приблизительно массѣ 30—35 слоновъ или 150—170 бычачьихъ тушъ; изъ жира такого исполина иногда можно добыть больше 200 гектолитровъ ворвани.

Эти киты, отличающіеся присутствіемъ усовъ, живутъ преимущественно въ одиночку, такъ какъ ихъ удается видѣть вмѣстѣ, толпой, только случайно, когда, быть можетъ, ихъ привлекаетъ обильная пища. Большинство изъ нихъ водится въ Ледовитомъ океанѣ и покидаетъ бухты среди ледяныхъ полей только иногда; другіе предпочитаютъ болѣе южныя части океана. Несмотря на свою чудовищную массивность, они двигаются въ водѣ быстро и проворно; большая часть ихъ пере-

плывають волны даже почти со скоростью парохода. Плынуть они по прямому направленію, но постоянно волнистой линіей, потому что они то совсѣмъ поднимаются на поверхность воды или даже надъ ней, то опять продолжаютъ свой путь подъ ней.

Пища величайшихъ животныхъ земли состоитъ изъ рыбъ или изъ маленькихъ, незначительныхъ мягкотѣлыхъ или оболочечно-тѣлыхъ животныхъ, головоногихъ, морской крапивы (*асалерфа*) и червей, среди которыхъ есть много видовъ, едва замѣтныхъ для простого глаза. Но зато они на одинъ глотокъ принимаютъ въ себя миллионы подобныхъ созданій. Разинувъ свою огромную, широкую, прорѣзанную пасть, китъ разрѣкаетъ волну, вся его полость рта наполняется водой и плавающими и живущими тамъ маленькими животными; когда, наконецъ, его далеко не нечувствительный языкъ почувствуетъ, какъ они кишатъ тамъ, китъ закрываетъ свою пасть. Всѣ нити его усовъ опускаются отвѣсно внизъ и образуютъ такимъ образомъ рѣшето, сквозь которое хотя и можетъ пройти вода, когда ротъ закрывается, но всѣ маленькія созданія задерживаются. Затѣмъ студенистая масса проталкивается однимъ нажимомъ неповоротливаго, еле двигающагося языка сквозь пищеводъ въ желудокъ. Пасть открывается вновь и китъ дальше прорѣзываетъ волны. Маленькая рыба, случайно попавшая въ этотъ природный сачекъ, очевидно, тоже проглатывается, а равно и морскія водоросли, иногда попадающія въ пасть.

Что касается высшихъ дарованій, то киты стоятъ приблизительно на одной ступени съ вышеописанными морскими млекопитающими. Самыя развитыя чувства ихъ — зрѣніе, слухъ и осязаніе. Духовныя способности ихъ, повидимому, слабѣе, чѣмъ у китовъ, имѣющихъ зубы. Всѣ наши киты боязливы, робки и трусливы, а потому живутъ между собой, а также и съ другими морскими животными въ мирѣ. Но если они видятъ, что имъ грозитъ нападеніе, то въ нихъ, конечно, пробуждается естественное мужество, которое можетъ превратиться даже въ дикость, и тогда они защищаются съ силой, и даже — что уже вовсе не такъ рѣдко — и съ успѣхомъ; въ общемъ, однако, они причиняютъ мало вреда своему самому страшному врагу. Главное оружіе ихъ — хвостъ, о силѣ котораго можно составить себѣ представленіе, если сообразить, что хвостъ есть то самое орудіе, посредствомъ котораго китъ гонитъ по волнамъ свое массивное тѣло съ быстротой парохода. Одного удара хвоста кита достаточно, чтобы разбить въ щепки самую крѣпкую лодку, или чтобы подбросить ее на воздухъ, одного удара довольно, чтобы убить очень сильное животное, а также и человѣка.

Относительно размноженія описываемыхъ китовъ мы знаемъ еще немного; самое большее, что мы знаемъ, это — что самка или „корова“ производитъ на свѣтъ одного, рѣдко двухъ очень большихъ дѣтенышей, которые достигаютъ трети или четверти длины взрослага кита среднихъ размѣровъ и уже очень развиты; самки долго кормятъ ихъ, очень любятъ, мужественно и стойко защищаютъ, при всякой опасности прячутъ подъ одинъ изъ плавниковъ и водятъ ихъ съ собой до тѣхъ поръ, пока молодой китъ не пріобрѣтетъ самостоятельности.

Полосатики или трубчатые киты (*Balaenopteridae*) получили свое названіе отъ глубокихъ продольныхъ морщинъ, идущихъ параллельно, простирающихся вдоль всей гортани, шеи, груди и брюха; они сложены сравнительно стройно, снабжены замѣтнымъ спиннымъ плавникомъ и парой болѣе или менѣе ланцетовидныхъ грудныхъ плавниковъ; усы ихъ хотя и коротки, но широки.

Длинноплавниковые киты (*Megaptera*) характеризуются очень длинными грудными плавниками, достигающими, по меньшей мѣрѣ, четвертой или пятой части длины всего тѣла; представителями его являются горбатый китъ, гэмбэкъ англичанъ, норкфаль норвежцевъ, кепоркакъ гренландцевъ (*Megaptera longimana*). Этотъ китъ, распространенный повсюду, встрѣчающійся во всякомъ океанѣ, достигаетъ приблизительно 15 метровъ длины, грудные плавники его, при ширинѣ около 1 метра, имѣютъ отъ 3 до 4 метровъ въ длину, хвостовый же

плавникъ, если его вытянуть, — 4 метра. Онъ считается однимъ изъ самыхъ неуклюжихъ членовъ своего семейства. Сравнительно съ другими полосатиками онъ рѣшительно безобразенъ, туловище его коротко и толсто, грудные плавники почти не пропорціонально длинны, а хвостовой плавникъ чрезвычайно развитъ. На спинѣ въ послѣдней четверти общей длины его возвышается очень отличной формы и строенія жировой плесъ — горбъ. Окраска кожи очень сильно мѣняется. На верхней сторонѣ обыкновенно преобладаетъ болѣе или менѣе ровный, глубокий черный цвѣтъ, тогда какъ нижняя поверхность туловища и грудныхъ плавниковъ имѣетъ бѣловатый рисунокъ; у отдѣльныхъ экземпляровъ верхняя сторона бываетъ просто черного, а нижняя чисто бѣлаго цвѣта, есть и такіе, которые и сверху и снизу окрашены въ черный цвѣтъ, или такіе, у которыхъ верхъ черный, низъ бѣлый, но нижняя сторона грудныхъ плавниковъ и хвоста аспиднаго темнаго цвѣта.

Немного такихъ китовъ изъ этого подпорядка, которые бы чаще и въ большемъ количествѣ встрѣчались мореплавателю или китолову, чѣмъ этотъ горбатый полосатикъ; онъ встрѣчается подъ всѣми широтами, отъ экватора до Сѣвернаго и Южнаго Ледовитаго Океана, какъ въ открытомъ морѣ, такъ и вблизи береговъ, во всѣхъ бухтахъ побольше и во всѣхъ проливахъ; повидимому, онъ ежегодно кочуетъ правильно отъ полюсовъ къ экватору. На гренландскомъ берегу его замѣчаютъ только въ лѣтніе мѣсяцы, а у западныхъ береговъ Африки и Америки — круглый годъ, хотя и не на одномъ и томъ же мѣстѣ въ разные мѣсяцы. Для него характерны волнообразныя движенія, округлость туловища, вытягиваніе впередъ то одного, то другого грудного плавника и неправильность пути, котораго онъ держится. Даже когда онъ проплываетъ подъ водой, то часто кидается съ одной стороны на другую и точно качается въ своей стихіи. Когда онъ дышетъ своими сильными легкими и по желанію наполняетъ и опоражниваетъ ихъ, то пускаетъ въ воздухъ двойную струю 6—10 и даже 15—20 разъ подрядъ; эта струя можетъ подняться метровъ на шесть въ вышину. Пища его состоитъ преимущественно изъ маленькихъ рыбъ и низшихъ ракообразныхъ.

Хотя польза отъ ловли этого горбатаго полосатика довольно значительна, однако она далеко уступаетъ пользѣ приносимой кашелотомъ и гренландскимъ китомъ, потому что жиръ или сало перваго даетъ несравненно меньше ворвани, чѣмъ должно было бы предположить по внѣшнему виду. По этой причинѣ горбатаго полосатика беспокоятъ, по крайней мѣрѣ, въ гренландскихъ водахъ — только тогда, когда не имѣютъ въ виду ничего лучшаго. По американскимъ берегамъ, а также по африканскимъ этого кита преслѣдуютъ довольно регулярно.

*

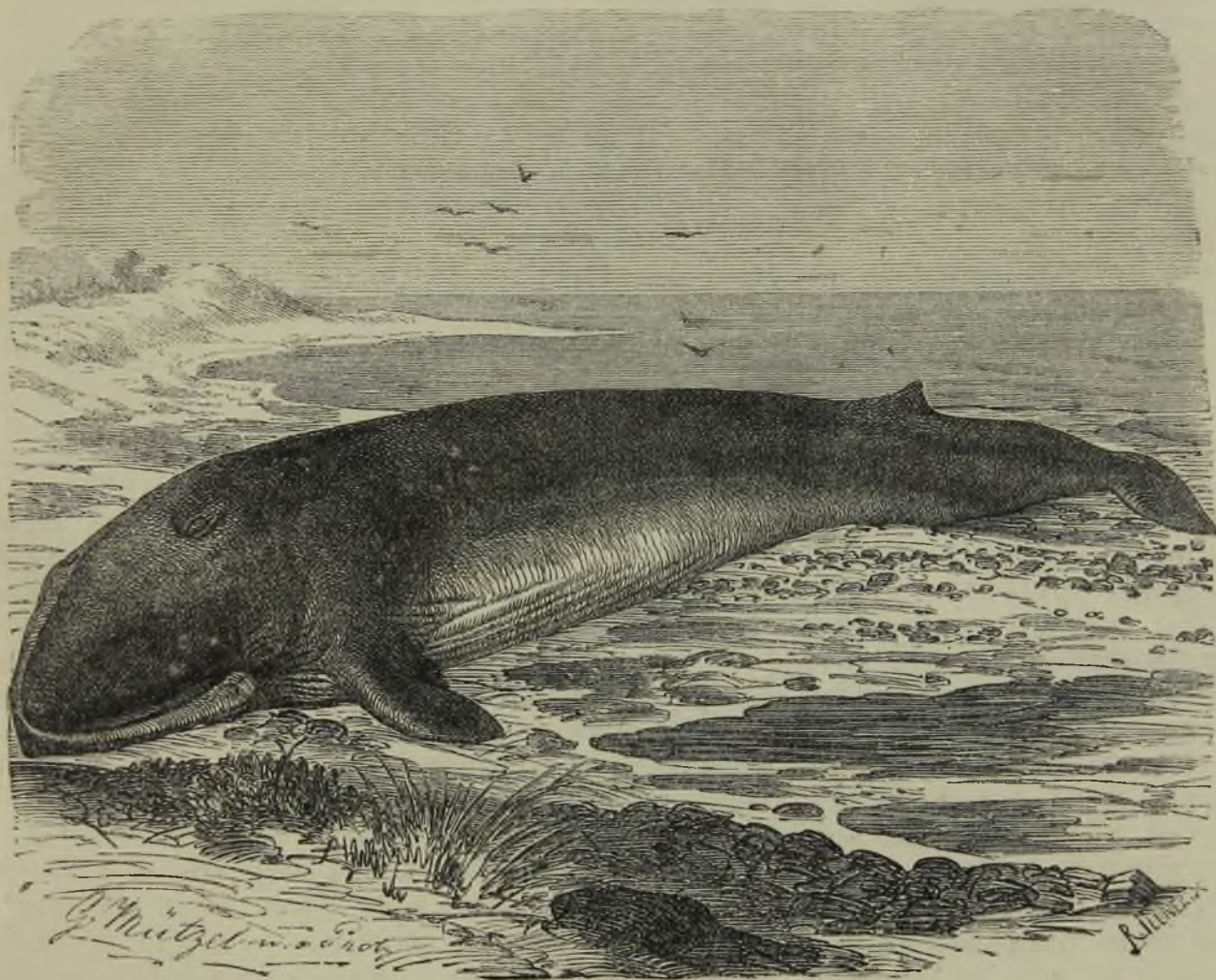
Часто упоминавшійся гиббаръ, котораго нерѣдко смѣшивали съ другими полосатиками и поэтому точно опредѣлили только въ новѣйшее время, служить представителемъ, по толкованію Грайса, одноименной съ нимъ группы (*Physalus*), которая имѣетъ слѣдующіе признаки: голова занимаетъ около четверти общей длины тѣла; спинной плавникъ возвышается въ послѣдней четверти средней линіи; сочлененія грудныхъ плавниковъ находятся прямо позади головы; хвостовой плавникъ имѣетъ въ срединѣ вырѣзку и раздѣляется на двѣ болѣе или менѣе ясно отдѣленные лопасти.

Гиббаръ, называемый англичанами *Finnfish* и *Razorback*, норвежцами *Sildrør* и гренландцами *Tunnolik* (*Physalus antiquorum*), одинъ изъ самыхъ стройныхъ китовъ, можетъ достигъ 25 метровъ длины. Длина грудныхъ плавниковъ доходитъ до десятой, ширина ихъ — до одной пятидесятой и ширина спинного плеса — до одной пятой части общей длины тѣла. На передней части головы находятся отдѣльные короткіе щетинистые волоса, расположенные на далекихъ разстояніяхъ отъ верхней и нижней челюсти, остальная кожа совершенно голая, сверху глубоко-чернаго, а снизу бѣлаго, какъ фарфоръ, цвѣта, въ глубокихъ морщинахъ; цвѣтъ ея синева-черный. Беззубыя челюсти несутъ съ каждой сто-

роны приблизительно 350—375 рядовъ китоваго уса, которые спереди лежатъ всего тѣснѣ другъ около друга, назади же расходятся всего шире. Нижняя губа закрываетъ ротъ и прикрываетъ собою пластины уса.

Обычное мѣстонахожденіе гиббара составляютъ самая сѣверная часть Атлантическаго и Ледовитый океанъ. Съ началомъ осени онъ спускается въ болѣе южныя воды, такъ что его встрѣчаютъ даже въ моряхъ умѣреннаго и жаркаго поясовъ, должно быть онъ попадаетъ даже въ южномъ Ледовитомъ океанѣ.

Какъ уже можно заключить по тонкой и стройной фигурѣ, гиббаръ во всѣхъ своихъ движеніяхъ быстръ и ловокъ. Онъ считается однимъ изъ быстрѣйшихъ



Гиббаръ (*Physalus antiquorum*). $\frac{1}{175}$ естеств. велич.

китовъ, имѣющихъ роговой усъ. При спокойномъ плаваніи онъ движется впередъ по прямому направленію и очень часто выплываетъ — по моимъ наблюденіямъ въ среднемъ черезъ каждыя $1\frac{1}{2}$ минуты — на поверхность воды, чтобы подышать. Шумъ и шипѣніе, происходящія при выдыханіи, я слышалъ уже на разстояніи одной морской мили. Гиббаръ нерѣдко появляется въ непосредственной близости къ плывущимъ кораблямъ, плаваетъ вокругъ нихъ или долгое время, иногда по цѣлымъ часамъ, вѣрно слѣдуетъ за ними. Иногда онъ ложится на бокъ на поверхности воды и бьетъ груднымъ плавникомъ по волнамъ, поворачивается, бросается на спину, ныряетъ, вообще весело играетъ и балуется въ водѣ, а также выбрасываетъ мощнымъ ударомъ хвостоваго плавника свое могучее тѣло поверхъ воды.

Пища гиббара состоитъ, большей частью, изъ рыбъ, которыхъ онъ часто гонитъ передъ собою толпой и ловитъ въ свою широкую пасть сразу штукъ по полсотни. Если гиббаръ находитъ богатую добычу, то онъ остается по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ, напримѣръ, въ Гренландіи,

гдѣ онъ пожираетъ невѣроятное множество наваги и другихъ видовъ трески. вмѣстѣ со своими ближайшими родичами — исполинскимъ и клювастымъ китомъ, гиббаръ, преслѣдуя навагу и сельдь, забирается далеко на югъ, достигаетъ при этомъ европейскихъ морей и собирается иногда здѣсь толпами, которыя извѣстный промежутокъ времени охотятся вмѣстѣ.

Охота на гиббара очень трудна, благодаря быстротѣ и силѣ животного, а польза, доставляемая убитымъ животнымъ, далеко меньше, чѣмъ отъ сѣвернаго или гренландскаго кита. Въ противоположность послѣднему, въ глазахъ крейсирующихъ тамъ китоловныхъ промышленниковъ, гиббаръ является почти не имѣющимъ цѣны. Иначе относятся къ нему повсемѣстно тамъ, гдѣ охотой занимаются съ берега и гдѣ можно поэтому извлечь, благодаря примѣненію всѣхъ частей его тѣла, наибольшую выгоду, какая только возможна для китолововъ, какъ, напримеръ, на сѣверномъ берегу Норвегіи. Въ настоящее время цѣна большого животного этого вида, по Кюкенталю, поднята до 2500 марокъ, изъ которыхъ на долю короткихъ пластинъ уса приходится только 300 марокъ.

*

Въ послѣднюю группу этого семейства мы соединяемъ клювастыхъ китовъ (*Balaenoptera*), самыхъ маленькихъ, поскольку до сихъ поръ извѣстно, и всего стройнѣе сложенныхъ изъ всѣхъ вообще китовъ этого подпорядка.

Самый извѣстный представитель этой группы есть китъ-карликъ или лѣтній, или же клювастый китъ, *Vaagehval* норвежцевъ, *Tikagulik* гренландцевъ (*Balaenoptera rostrata*), самый меньшій изъ извѣстныхъ членовъ своего семейства, длина котораго врядъ ли когда либо превышаетъ 10 метровъ. Цвѣтъ всей верхней стороны, отъ кончика верхней челюсти до мѣста сочлененія грудныхъ плавниковъ, — темный шиферно-черный; такого же цвѣта конецъ хвоста, включая и хвостовой плавникъ; нижняя сторона болѣе или менѣе красновато-бѣлаго цвѣта; грудные плавники сверху такого же цвѣта, какъ и вся верхняя сторона, но имѣютъ по срединѣ поперечную бѣлую полосу; нижняя сторона ихъ выглядитъ такой же бѣлой, какъ брюхо. Область распространенія простирается по всѣмъ морямъ, лежащимъ вокругъ сѣвернаго полюса. Съ наступленіемъ зимы онъ начинаетъ перекочевывать отсюда къ югу и появляется тогда также у европейскихъ, а равно у западныхъ и восточныхъ береговъ Америки и восточныхъ береговъ Азіи; у скандинавскихъ береговъ онъ встрѣчается, главнымъ образомъ, на западѣ, но не на дальнемъ сѣверѣ. Въ Дэвисовомъ проливѣ, а также въ Баффиновомъ заливѣ его можно видѣть, согласно Броуну, только въ лѣтніе мѣсяцы, но не зимой, во время которой онъ считается очень рѣдкимъ явленіемъ даже на югѣ Гренландіи. Своими привычками и нравомъ онъ во многихъ отношеніяхъ походитъ на гиббара. Обыкновенно его можно видѣть въ одиночку, рѣже парами и только въ единичныхъ случаяхъ большими обществами то тамъ, то сямъ; то онъ плотно лежитъ на поверхности воды, то ныряетъ, то забавляется уже извѣстными намъ играми. Какъ и родичи, онъ питается преимущественно — если не исключительно — маленькими рыбами, быть можетъ также головоногими, и преслѣдуетъ свою добычу съ такой жадностью, что во время своей охоты очень часто прямо-таки выскакиваетъ на берегъ и вслѣдствіе этого нерѣдко погибаетъ.

На американскихъ берегахъ нѣтъ правильной охоты на кита-карлика, на сѣверныхъ же и средне-европейскихъ за нимъ охотятся только тогда, когда его можно видѣть невдалекѣ отъ твердой земли.

Настоящіе киты (*Balaenidae*), составляющіе послѣднее семейство этого подпорядка, сложены всего неуклюжѣе и неповоротливѣе изъ всѣхъ полосатыхъ китовъ, не имѣютъ ни спинного плеса, ни морщинъ на кожѣ, обладаютъ широкими притупленными грудными плавниками и длинными узкими усами.

Гренландскій китъ и рысь-мочъ.



Какъ на первообразъ этого семейства, мы смотримъ на самого важнаго изъ всѣхъ китовъ, сѣвернаго или гренландскаго кита (*Balaena mysticetus*), безформенное созданіе, обнаруживающее во всѣхъ частяхъ и членахъ непропорціональность. Врожденная человѣку склонность къ преувеличенію чудеснаго обна-

ружилась именно на этомъ, издревле прославленномъ, китѣ. Однако, есть и разумныя свѣдѣнія о немъ. Уже мореплаватели, отправлявшіеся на промыселъ лѣтъ 300—400 тому назадъ и больше, говорятъ только о такихъ китахъ, которые имѣли въ длину около 20 метровъ, и Скоресби, имѣвшій за время своего промысла около 320 китовъ, не находилъ среди нихъ ни одного, который былъ бы длиннѣе 18 метровъ. Пехуэль-Лёше приводитъ слѣдующіе размѣры одного сѣвернаго кита, пойманнаго къ сѣверу отъ Берингова пролива; длина 16,4 метра, поперечникъ хвоста 6,7 метра (въ расщепѣ), длина самыхъ большихъ пластинъ китоваго уса — 3,25 метра. Конечно, правда и то, что попадались на самомъ дѣлѣ экземпляры и большей величины, и что таковыя еще и теперь находятся въ лежащихъ въ сторонѣ моряхъ. Карлъ Гизеке сообщаетъ объ одномъ китѣ, пойманномъ въ 1813 году, который имѣлъ около 20,4 метра длины, и въ началѣ этого столѣтія около Шпицбергена былъ убитъ одинъ китъ, имѣвшій приблизительно такую же длину и усы въ 5 метровъ длины.

Уже китъ въ 18 метровъ длины есть чудовищное, изумительное явленіе. Безформенная голова занимаетъ въ среднемъ одну треть общей длины тѣла; пасть даетъ помѣщеніе средней лодкѣ съ ея экипажемъ, т. е. при длинѣ въ 5—6 метровъ имѣетъ ширину въ 2,5—3 метра. Этотъ китъ сложенъ чрезвычайно неуклюже въ сравненіи со всѣми до сихъ поръ описанными родичами этого отряда; туловище его коротко, толсто и кругло, у хвостоваго плавника очень сильно уменьшается со всѣхъ сторонъ; по срединѣ головы, гдѣ находятся устья дыхательныхъ ямокъ, возвышается на подобіе холма; глаза врядъ ли превосходящіе по величинѣ бычачьи, лежатъ непосредственно надъ мѣстомъ сочлененія нижней челюсти; уши, наружные слуховые проходы которыхъ имѣютъ поперечникъ примѣрно съ діаметръ гусиного пера, расположены нѣсколько подальше кзади, а пара узкихъ, щелевидныхъ, похожихъ на французское S (S-образныхъ) дыхательныхъ отверстій, длиной около 45 сантиметровъ, лежитъ на самомъ высокомъ мѣстѣ середины головы, на разстояніи приблизительно въ 3 метра отъ конца морды. Усы состоятъ изъ 300 — 360 пластинъ; находящіеся въ самой срединѣ у „матерога кита“ могутъ достигъ до 5 метровъ длины при вѣсѣ отъ 9 до 9,5 килограммовъ штука. Языкъ, приросшій всей своей нижней поверхностью, лежитъ неподвижно въ челюсти; онъ мягокъ. За исключеніемъ отдѣльныхъ немногихъ щетинистыхъ волосъ на концахъ обѣихъ челюстей и болѣе мягкихъ — на обѣихъ бокахъ головы, а равно и отдѣльныхъ, очень часто выпадающихъ, очень короткихъ волосъ, стоящихъ въ 2 или три ряда между дыхательными отверстиями — кожа совершенно голая; верхняя кожа сравнительно тонкая, прочная, мягкая какъ бархатъ, похожая на обработанную кожу, пропитанную масломъ; подъ ней лежитъ слой сала въ 20—45 сантиметровъ толщиной. Цвѣтъ мѣняется, повидимому, очень разнообразно. На верхней сторонѣ головы преобладаетъ молочный сѣровато-бѣлый, переходящій на концѣ морды въ черное пятно около 15 сантиметровъ шириной; далѣе кзади все тѣло имѣетъ довольно однообразную окраску — болѣе или менѣе темно-синяго цвѣта, у старыхъ онъ отлиываетъ чернымъ, у молодыхъ — свѣтло-синимъ. Кромѣ того, встрѣчаются различные виды игры природы: сильно-пятнистые экземпляры и бѣлые, почти какъ слоновою кость.

Наше животное живетъ подъ самыми сѣверными широтами Атлантическаго и Тихаго океановъ въ настоящемъ Ледовитомъ океанѣ, не выбирая, однако, нигдѣ для себя постоянного опредѣленнаго мѣста жительства. Его существованіе, а также прибытіе или уходъ находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ состояніемъ льда въ то или иное время года. Всѣ точные наблюдатели думаютъ, что онъ болѣе всякаго другого животнаго связанъ съ присутствіемъ льда, держится добровольно только въ непосредственной близости отъ него и перекочевываетъ къ югу или сѣверу смотря по тому, скопляется ли ледъ или таетъ. Его любовь къ льду заходитъ такъ далеко, что онъ не только немедленно покидаетъ ту область, гдѣ ледъ растаялъ, но даже, что стоитъ внѣ сомнѣнія, ему приходится проплывать большія полосы подъ ледяными глыбами, такъ какъ его встрѣчали среди огромныхъ ледяныхъ полей, гдѣ ему приходилось даже выплывать на немногочисленныя трещины, образовавшіяся отъ прилива и отлива, чтобы дышать здѣсь.

Сѣверный китъ также общественное животное. Конечно, обыкновенно его встрѣчаютъ въ небольшихъ группахъ, штуки по 3—4; но во время большихъ перекочевокъ они собираются, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ большія стада. Какъ установили опытные китоловы, соединяются обыкновенно киты одинаковаго возраста, такъ что болѣе молодые образуютъ свои группы, болѣе старые — тоже свои.

Движенія этого животнаго имѣютъ неравномѣрный характеръ, но они отнюдь не медленны и не тяжелы. „Насколько тѣло кита неуклюже“, говоритъ Скоресби, „настолько же быстры и проворны его движенія; въ 5 или 6 секундъ онъ можетъ быть внѣ поля дѣйствія своего преслѣдователя. Однако, такая большая быстрота поддерживается только нѣсколько минутъ. Иногда онъ съ такой силой несется по поверхности воды, что совершенно выскакиваетъ изъ нея; иногда устремляется прямо внизъ головой, поднимаетъ надъ водой хвостъ и ударяетъ по водѣ съ ужасной силой. Грохотъ, производимый при этомъ, при тихой погодѣ слышенъ на далекое разстояніе, а круги расходятся въ необозримую даль. Пораженный острой, онъ какъ стрѣла летитъ въ глубину, хотя и на нѣсколько минутъ, съ такой быстротой, что иногда расшибаетъ себѣ челюсти, ударяясь о дно океана.“

О высшихъ дарованіяхъ сѣвернаго кита нечего много говорить. Изъ чувствъ, повидимому, довольно развиты зрѣніе и слухъ, однако полагаютъ, что органы чувствъ оказываютъ ему достаточныя услуги только пока онъ подъ водой, а на воздухѣ отказываются хорошо служить. Но китъ, должно быть, можетъ распознавать себѣ подобныхъ на изумительно большомъ разстояніи, поверхъ же воды его глаза видятъ не далеко. Слухъ его настолько тупъ, что онъ не слышитъ громкаго крика даже на разстояніи длины одного корабля, за то въ тихую погоду его вниманіе возбуждается малѣйшимъ всплескомъ воды, стукомъ на кораблѣ или какимъ либо шорохомъ на преслѣдующихъ его лодкахъ, и онъ обращается въ быстрое бѣгство. Изъ душевныхъ качествъ его на первое мѣсто слѣдуетъ выдвинуть привязанность къ другимъ себѣ подобнымъ особямъ, а также присущую ему въ замѣчательно сильной степени материнскую любовь. Относительно другихъ проявленій разума наблюдали очень немного, но все же можно установить, что опытъ изощряетъ способности китовъ, которыхъ описывали, какъ лишенныхъ духовныхъ качествъ. Поскольку мнѣ извѣстно, ни разу еще не слышали, чтобы киты „ревѣли“; конечно, нельзя еще считать достовѣрнымъ, мнѣніе Скоресби, что киты совершенно неспособны издавать какіе либо звуки.

Въ хорошую погоду наблюдали также кита во время его сна. Тогда онъ лежитъ, какъ трупъ, на поверхности воды, не шевелясь, выставляетъ кончикъ головы надъ волнами, дышетъ спокойно, не выпуская струй, и держится въ равновѣсіи съ помощью грудныхъ плавниковъ. Пища его состоитъ преимущественно изъ мелкихъ ракообразныхъ животныхъ, а именно, различныхъ видовъ крылоногихъ и мягкотѣлыхъ, особенно морскихъ слизней, которые массами держатся на оливково-зеленыхъ мѣстахъ моря. Помимо случайно попадающихъ въ его широкую пасть и проглатываемыхъ въ числѣ прочихъ мелкихъ видовъ рыбъ, онъ врядъ ли пожираетъ ихъ въ значительномъ количествѣ; крупныхъ рыбъ онъ, во всякомъ случаѣ, не ѣстъ. Количество маленькихъ морскихъ животныхъ, которое долженъ съѣсть китъ, чтобы насытиться, не поддается вычисленію. Самка производитъ обыкновенно одного, рѣже двухъ дѣтенышей. Рожденіе бываетъ въ апрѣлѣ или мартѣ. Дѣтеныши сосутъ долгое время, пожалуй, цѣлый годъ; при этомъ matka нѣсколько нагибается вбокъ, чтобы подставить имъ свои соски. Растутъ дѣтеныши чрезвычайно быстро, такъ что даже за время, пока они сосутъ, они могутъ достигъ, по меньшей мѣрѣ, шести метровъ въ длину при 4 метрахъ въ объемѣ и 6000 килограммовъ вѣсу. По согласнымъ между собой наблюденіямъ всѣхъ, кто сообщалъ объ этомъ, matka самоотверженно любитъ своего дѣтеныша.

Польза отъ убитаго животнаго очень значительна. Среднимъ числомъ, продуктъ отъ одного гренландскаго кита выражается въ 12—15 тысячахъ литровъ ворвани и 700—1000 килограммахъ китоваго уса. Смотря по состоянію цѣны на вор-

ванъ и китовый усъ, подверженныхъ весьма сильнымъ колебаніямъ, стоимость гренландскаго кита въ среднемъ можно принять въ 20,000 марокъ; крупный китъ, однако, можетъ принести даже вдвое большую сумму. Большая половина всей прибыли падаетъ обыкновенно на китовый усъ; ни одинъ видъ китовъ не обладаетъ китовымъ усомъ такого превосходнаго качества, какъ гренландскій китъ. Про мясо нельзя сказать, чтобы оно было несъѣдобнымъ; французскіе корабельные повара умѣютъ превосходно употреблять его въ дѣло. Народности крайняго сѣвера дѣдятъ его безъ всякаго смущенія и пожираютъ даже сало кита.

Помимо человѣка, на живого кита нападаетъ, вѣроятно, одна только страшная рыба-мечъ. Гренландскому киту могутъ также въ высшей степени докучать нѣкоторые паразиты, принадлежащіе къ ракообразнымъ, которые впиваются ему въ тѣло. Такъ называемая китовая вошь, одно ракообразное животное, расплождается на немъ часто сотнями тысячъ, и до того выѣдаетъ ему спину, что можно было бы подумать, что китъ пораженъ какой-нибудь злокачественной болѣзнью. Нерѣдко его покрываютъ въ громадномъ количествѣ морскіе тюльпаны и въ свою очередь образуютъ подходящее мѣсто для разведенія различныхъ морскихъ растений, такъ что бываютъ киты, которые должны тащить на себѣ цѣлый міръ животныхъ.

Хотя нельзя возражать противъ того, что количество китовъ постоянно уменьшается, однако, врядъ ли слѣдуетъ признать, что гренландскій китъ можетъ быть истребленъ въ скоромъ времени. Его негостепріимное отечество все еще представляетъ ему много укромныхъ мѣстъ, недоступныхъ ни для какихъ кораблей, и охраняетъ еще его отъ неизбежной участи исчезновенія изъ круга живыхъ существъ.

Первое семейство китовъ, имѣющихъ зубы, обнимаетъ дельфиновъ (*Delphinidae*); это киты средней или малой величины, обѣ челюсти которыхъ усажены по всей своей длинѣ или по нѣкоторой ея части зубами, почти одинаково образованными и имѣющими болѣе или менѣе коническую форму; ноздри у дельфиновъ открываются обыкновенно въ одной дыхательной ямкѣ, лежащей косо. Туловище правильно вытянуто, голова сравнительно невелика, лицевая часть ея часто вытянута впередъ и заострена; обыкновенно у нихъ имѣется спинной плавникъ.

Дельфины живутъ во всѣхъ моряхъ земного шара, а также предпринимаютъ большія перекочевки; при томъ они — единственные изъ китовъ, которые поднимаются далеко въ рѣки, иногда даже проводятъ всю свою жизнь въ нихъ и въ связанныхъ съ ними озерахъ. Всѣ они очень общительны; нѣкоторые виды собираются большими толпами, и такъ снуютъ всѣ вмѣстѣ по морю въ теченіе дней и даже недѣль. Живость дельфиновъ, ихъ малая пугливость передъ человѣкомъ и ихъ игры уже въ первобытныя времена радовали мореплавателей и поэтовъ.

Почти всѣ дельфины плаваютъ съ чрезвычайной быстротой и ловкостью, благодаря чему всѣ они очень способны къ рыболовству. Они положительно принадлежатъ къ числу самыхъ страшныхъ хищниковъ моря; нѣкоторые виды отваживаются даже нападать на самыхъ крупныхъ беззубыхъ китовъ, и дѣйствительно умѣютъ осилить ихъ благодаря своей выносливости. Главную пищу ихъ составляютъ головоногія, мягкотѣлыя, ракообразныя и лучистыя животныя; нѣкоторые, однако, дѣдятъ, должно быть, морскія водоросли и древесные плоды, даже срываютъ эти плоды съ тѣхъ деревьевъ, которые склоняются надъ водой. Всѣ они прожорливы, хищны и свирѣпы. Все, что съѣдобно, кажется имъ хорошей добычей; они не пренебрегаютъ даже дѣтенышами своего собственнаго вида или своихъ ближайшихъ родичей. Самки мечутъ, послѣ приблизительно 10 мѣсячной беременности, одного или двухъ дѣтенышей, долго кормятъ ихъ, обращаются съ ними съ величайшей заботливостью и охраняютъ и защищаютъ ихъ при всякой опасности. Полагаютъ, что дѣтеныши подрастаютъ медленно.

Человѣкъ несравненно меньше преслѣдуетъ всѣхъ дельфиновъ, чѣмъ остальныхъ китовъ. Худшіе враги ихъ — это члены ихъ же собственнаго семейства.

Но пагубнѣе всякаго другого хищнаго животнаго для нихъ ихъ собственное буйство. Они преслѣдуютъ свою добычу съ такой алчностью, что часто увлекаются ею на предательскую прибрежную отмель, выходятъ совершенно за предѣлы фарватера и въ силу этого попадаютъ на сушу. Рыбаки иногда находятъ ихъ лежащими на морскомъ берегу цѣлыми дюжинами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ можно услышать въ борьбѣ со смертью стоны и оханья, которыя у иныхъ сопровождаются обильнымъ истеченіемъ слезъ.

Человѣкъ извлекаетъ изъ нѣкоторыхъ видовъ существенную пользу, такъ какъ почти всѣ части ихъ тѣла находятъ себѣ примѣненіе. Мясо, жиръ и болѣе благородныя внутренности идутъ въ пищу, кожа и кишечный каналъ тоже примѣняются въ дѣло, а изъ ихъ жира вывариваютъ чистую ворвань, на которую есть очень большой спросъ.

Среди разнообразныхъ формъ видовъ, изъ которыхъ состоитъ это семейство, впереди всѣхъ надо поставить рыбу-мечъ, представителя одноименнаго съ нимъ рода (*Orca*), извѣстнаго уже съ незапамятныхъ временъ и прославившагося благодаря своей прожорливости. Наиболѣе рѣзко бросающійся въ глаза признакъ его — чрезвычайно удлиненный, вертикально стоящій спинной плавникъ. Тѣло его сильно, голова коротка; лобъ круто поднимается, морда довольно широка, ужасныя челюсти снабжены немногими, но сильными зубами.

Рыба-мечъ, убійца или касатка (*Orca gladiator*, рисунокъ на стр. 789), можетъ достигъ 9 метровъ длины, однако въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ такихъ размѣровъ, достигая въ среднемъ 5—6 метровъ въ длину. Цвѣтъ ея, повидимому, очень измѣнчивъ. Большая часть верхней стороны окрашена въ болѣе или менѣе темно-черный цвѣтъ, а нижняя сторона, за исключеніемъ конца морды и конца хвоста, довольно чистаго бѣлаго цвѣта. Позади глазъ обыкновенно находится продолговатое бѣлое пятно; отъ задняго края спинного плавника спускается впередъ полоса грязновато-голубого или пурпурнаго цвѣта, но ея можетъ и вовсе не быть. Попадаютъ также очень яркіе экземпляры свѣтло-коричневатаго цвѣта или бѣлые, какъ слоновая кость.

Въ болѣе раннія времена рыба-мечъ была, какъ кажется, сильнѣе распространена, чѣмъ въ настоящее время. Римскіе естествоиспытатели считали даже ея родиной Средиземное море. Однако въ новое время о существованіи ея въ Средиземномъ морѣ не было больше ничего слышно. Она живетъ въ сѣверной части Атлантическаго океана, въ Ледовитомъ и сѣверной части Тихаго океана, но обыкновенно доходитъ до береговъ Англіи, Франціи и Германіи. Въ лѣтніе мѣсяцы она появляется — что весьма удивительно — въ южныхъ водахъ: обыкновенно въ маѣ она появляется, а поздней осенью исчезаетъ. По Тилезіусу, ихъ можно видѣть въ Сѣверномъ морѣ обыкновенно по пяткамъ, какъ кучу солдатъ; загнувъ голову и хвостъ внизъ и выставивъ надъ водой, какъ сабли, спинные плавники, они плаваютъ съ необычайной скоростью и бдительнымъ окомъ озираютъ море. Они отнюдь не встрѣчаются часто, но попадаютъ какъ въ океанѣ, такъ и вблизи береговъ, нерѣдко также проникаютъ здѣсь въ бухты и даже поднимаются вверхъ по рѣкамъ. „Если смотрѣть“, говоритъ Пехуэль-Лёше, „какъ эти грабители несутся по водѣ, со своей своеобразной манерой плавать, или какъ они снуютъ вверхъ и внизъ по красиво округленнымъ волнамъ во время полного морского прилива, то невольно возникаетъ сравненіе съ искуснымъ полетомъ чайки, сравненіе, выигрывающее въ своей вѣрности еще больше вслѣдствіе своеобразнаго распредѣленія красокъ. Во всякомъ случаѣ, если судить по красотѣ, то наибольшую цѣну слѣдуетъ положительно признать за ними.“

Они охотятся не только за болѣе мелкой рыбой, но и за исполинами моря, такъ какъ рыба-мечъ не только наиболѣе крупный, но и самый хищный и самый прожорливый изъ всѣхъ дельфиновъ.

„Это животное“, увѣряетъ насъ извѣстный Штеллеръ, „отъявленный врагъ кита, котораго оно преслѣдуетъ и днемъ и ночью. Если какой-нибудь китъ спрячется вглубь бухты, то они стерегутъ его до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не подплыветъ еще нѣсколько товарищей, затѣмъ выгоняютъ кита, какъ своего плѣнника, окруживъ его, въ открытое море, съ ужасными оханьями и столами; тамъ они ныряютъ подъ него и поражаютъ своими страшными зубами, и никогда не замѣчалось, чтобы они отбѣли хоть какую-нибудь часть у кита, выброшеннаго на берегъ — такова ихъ природная враждебность по отношенію къ нему.“ Рыба-мечъ, во всякомъ случаѣ вполне заслуживаетъ эпитета, даннаго ей Линнеемъ, „тиранъ или мучитель китовъ и тюленей“, и не только можетъ поспорить, но даже превосходить въ этомъ отношеніи любую акулу и вообще всякаго морскаго хищника. Вездѣ, гдѣ она является, она вселяетъ ужасъ во всѣхъ созданіяхъ, которыми угрожаетъ; куда вступаетъ она — тѣ воды они покидаютъ, если только могутъ. Ея прожорливость принуждаетъ ее держаться вблизи береговъ, гдѣ она выискиваетъ въ особенности устья рѣкъ, кишашія рыбой: однако, преслѣдуя болѣе крупную добычу, рыба-мечъ уплываетъ на цѣлыя мили въ открытое море и на цѣлые дни, а можетъ быть и недѣли, уходитъ отъ суши. Вездѣ, гдѣ есть гренландскій китъ, бѣлорыбица, или морская собака, тамъ никогда не чувствуется отсутствія ихъ неутомимаго врага. Бѣлорыбица и морская собака при первомъ взглядѣ на рыбу-мечъ бросаются, преисполненные страха, къ берегу, первая обыкновенно на свою гибель, послѣдняя тоже далеко не всегда находитъ себѣ въ этомъ спасеніе. Видъ рыбы-меча ненавистенъ для всѣхъ китолововъ, такъ какъ ея присутствіе есть знакъ того, что всѣ киты удалились изъ той части моря, въ которой она охотится, или же того, что они должны скрыться въ льдахъ, чтобы уйти отъ угрожающаго имъ преслѣдованія. Эприхтъ извлекъ изъ желудка одной рыбы-меча въ 5 метровъ длины 13 морскихъ свинокъ, 14 тюленей, а изъ пасти 15 морскихъ собакъ, послѣдней изъ которыхъ чудовище подавилось. Скаммонъ также нашелъ желудокъ одной убитой имъ рыбы-меча переполненнымъ молодыми морскими собаками; ему случалось наблюдать, что даже самые крупные морскіе львы остерегаются встрѣчаться съ нею; по большей части они выжидаютъ на своихъ безопасныхъ скалахъ все время, пока эти касатки держатся въ виду. Съ такой же безпредѣльной алчностью этотъ убійца набрасывается на гренландскаго кита.

„Нападеніе этихъ морскихъ волковъ“, говоритъ Скаммонъ, „на такую исполинскую добычу напоминаетъ затравленнаго и растерзаннаго стаей волковъ оленя. Нѣкоторые вцѣпляются киту въ голову, другіе нападаютъ на него снизу, тогда какъ иные хватаютъ его за губы и держатъ подъ водой, или же рвутъ на куски языкъ, когда китъ откроетъ свою мощную пасть. Весной 1858 года я былъ очевидцемъ такого нападенія, произведеннаго тремя рыбами-мечами на самку сѣраго кита и ея дѣтеныша.“

Хотя рыба-мечъ, какъ говоритъ Штеллеръ, совсѣмъ не имѣетъ мяса, а состоитъ изъ прозрачнаго жидкаго жира, однако ея нигдѣ не ловятъ регулярно. Иногда она попадаетъ въ рѣкахъ. Такъ, извѣстно три примѣра, когда рыба-мечъ попадала на острогу въ Темзѣ. Точное описаніе рыбы-меча было сдѣлано впервые въ 1841 году. Одна самка въ 5 метровъ длины была выброшена на берегъ около голландской деревни Вики-об-Зее, и доставила возможность одному добросовѣстному естествоиспытателю произвести надъ ней наблюденія. Когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ, то она блистала своеобразными переливками красокъ. Черная кожа ея отливала всѣми цвѣтами радуги, а бѣлый цвѣтъ ея по чистотѣ и блеску походилъ на фарфоръ. Но уже черезъ нѣсколько дней нельзя было болѣе видѣть блеска красокъ; за ворвань было получено только 40 гульденовъ, да не больше того за скелетъ, который составилъ одно изъ самыхъ видныхъ украшеній богатаго Лейденскаго музея.

*

Самый обыкновенный дельфинъ нашихъ морей есть бурый дельфинъ, представитель тоже небогатаго видами рода морскихъ свиней (*Phocaena*), при-

знаки котораго надо искать въ короткомъ, веретенообразномъ тѣловищѣ, лбѣ, нисходящемъ мягкой линіей, спинномъ плавникѣ, расположенномъ на серединѣ тѣла, — низкомъ, съ широкимъ основаніемъ, имѣющемъ трехугольную форму и въ вооруженіи челюстей, состоящемъ изъ большого числа остроконечныхъ зубовъ.

Бурый дельфинъ или морская свинья (*Phocaena communis*) достигаетъ длины въ 1,5—2 метра, въ рѣдкихъ случаяхъ — въ 3 метра. Голая кожа его мягка, гладка и блестяща, цвѣтъ ея на верхней сторонѣ темный черно-бурый съ зеленоватымъ или фіолетовымъ отливомъ, нижняя же сторона окрашена въ чисто бѣлый цвѣтъ, начинающійся узкой полоской отъ конца нижней челюсти и



Бурый дельфинъ (*Phocaena communis*). $\frac{1}{15}$ естеств. велич.

все болѣе расширяющійся кзади; грудные плавники болѣе или менѣе темно-бурого цвѣта. Зубовъ отъ 20 до 25 въ каждой половинѣ челюсти, такъ что всего ихъ штукъ 80—100.

Морскую свинью можно встрѣтить при всякой поѣздкѣ по сѣвернымъ морямъ, она толпится около устьевъ рѣкъ, плаваетъ вверхъ по теченію и нерѣдко даже заплываетъ далеко вглубь страны. Такъ ее не разъ встрѣчали по Рейну и Эльбѣ, и убивали также въ Парижѣ и Лондонѣ.

Настоящей родиной бураго дельфина можно считать весь сѣверъ Атлантическаго Океана, отъ Гренландіи до сѣверной Африки, включая сюда и Балтійское море. Кажется, лѣтомъ онъ направляется на сѣверъ, а къ зимѣ опять возвращается на югъ. Весной онъ гоняется за сельдями и съ такой ревностью преслѣдуетъ ихъ, что часто чрезвычайно докучаетъ рыбакамъ. Прожорливость его вошла въ пословицу, онъ перевариваетъ очень скоро и требуетъ громаднаго количества пищи. Рыбаки ненавидятъ его, такъ какъ онъ наноситъ ущербъ ихъ ремеслу, а иногда причиняетъ даже имъ самимъ вредъ. Бурый дельфинъ безъ

труда разгрызаетъ тонкія сѣти, въ которыя забирается рыба и съ наслажденіемъ пожираетъ попавшихъ туда. Болѣе крѣпкія сѣти часто, конечно, причиняютъ ему самому гибель, такъ какъ онъ запутывается и задыхается въ нихъ.

Какъ уже ясно изъ вышесказаннаго, морская свинья принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ китовъ, которые рѣшительно предпочитаютъ береговья воды открытому морю. Будучи общественнымъ, какъ и всѣ дельфины, нашъ дельфинъ, однако, встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ толпами, но по большей части плаваетъ своей дорогой въ одиночку или парой, втроемъ, вчетверомъ, или же штукъ по 6—8. Онъ также превосходный пловецъ, разсѣкающій волны съ большою силой и поразительной быстротой; онъ въ состояніи подниматься прыжками надъ водной поверхностью, однако, во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ другимъ дельфинамъ, по меньшей мѣрѣ онъ рѣже забавляется, чѣмъ они, тѣми проявленіями силы въ играхъ, которыя свойственны всѣмъ вообще дельфинамъ. Онъ въ особенности живо возится передъ или во время бури на морѣ, что было извѣстно уже древнимъ: тогда онъ катается, забавляясь, по бушующимъ волнамъ, кувыркается и буквально превращается въ волчокъ. Даже самая кипучая пучина не составляетъ для него препятствія, напротивъ того, иногда онъ очевиднымъ образомъ отыскиваетъ ее и умѣетъ искусно избѣгать всѣ опасности столь пагубнаго для другихъ китовъ берега. Онъ слѣдуетъ также и за пароходами, но далеко уже не съ той безбоязненностью и настойчивостью, какъ за спокойно скользящими парусными судами. Обыкновенно онъ правильно сопутствуетъ купеческимъ кораблямъ, пока они держатся по близости отъ берега.

*

Мартенсъ, посѣтившій въ качествѣ корабельнаго цирюльника на одномъ китоловномъ суднѣ въ 1671 году Шпицбергенъ и сдѣлавшій сообщеніе о сѣверныхъ морскихъ животныхъ, впервые упоминаетъ объ одномъ изъ самыхъ поразительныхъ дельфиновъ: бѣлорыбицѣ или бѣлугѣ, представительницѣ рода бѣлугъ (*Beluga*). Какъ на важнѣйшій изъ признаковъ принадлежащихъ сюда животныхъ, можно указать на отсутствіе спинного плавника. Сильно выпуклый лобъ спускается отвѣсно къ широкой, тупой мордѣ, челюсти которой вооружены небольшимъ числомъ коническихъ зубовъ, къ старости, по большей части, выпадающихъ; короткіе и тупые грудные плавники, сочлененія которыхъ лежатъ въ первой четверти по общей длинѣ тѣла, имѣютъ овальную форму.

Бѣлуга или бѣлорыбица (*Beluga leucas*) имѣетъ 4—6 метровъ въ длину. Старыя животныя желтовато-бѣлаго цвѣта, молодыя же буроватаго или синевато-сѣраго; позже они покрываются болѣе свѣтлыми пятнами, пока мало-по-малу ихъ юношескій покровъ не перейдетъ въ покровъ взрослого животнаго.

Область распространенія бѣлуги простирается по всѣмъ морямъ, лежащимъ вокругъ сѣвернаго полюса, но не заходитъ далеко на югъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, бѣлугѣ случается иногда забрести въ южныя моря, при томъ она не разъ спускалась уже до береговъ средней Европы. Пищу ея составляютъ болѣе мелкія рыбы, раки и головоногія; кромѣ того, въ желудкѣ ея находятъ обыкновенно песокъ, что гренландцы въ шутку объясняютъ тѣмъ, что она не можетъ плавать безъ балласта.

Бѣлуга во всѣхъ отношеніяхъ отличается своимъ поведеніемъ и характеромъ отъ бураго дельфина-касатки, а равно и отъ морской свиньи. Почти никогда нельзя ее увидѣть въ одиночку, но по большей части обществами, которыя могутъ возрасти до огромныхъ скопищъ. Видъ такого стала долженъ представлять, вѣроятно, великолѣпное зрѣлище, такъ какъ ослѣпительно-бѣлыя животныя при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ высовываютъ свое туловище почти наполовину изъ темныхъ морскихъ волнъ, когда хотятъ подышать.

Китоловы радостно привѣтствуютъ бѣлугу, такъ какъ они видятъ въ ней предвѣстника большихъ китовъ, а потому часто плывутъ дальше въ обществѣ бѣлугъ, не дѣлая имъ вреда. При такихъ обстоятельствахъ дельфинъ этотъ

вплотную подплываетъ къ кораблю и вдоволь кувыркается около него, не переставая, однако, никогда быть пугливымъ и убѣгая при малѣйшемъ шумѣ. Китовы не охотятся, впрочемъ, на это все же цѣнное животное главнымъ образомъ по той причинѣ, что бѣлуга часто умѣетъ ускользнуть, благодаря своей ловкости и быстротѣ, отъ преслѣдованій въ открытомъ морѣ, а также потому, что охота на нее требуетъ чрезчуръ много времени, такъ что далеко не можетъ окупиться для европейца. Что касается сѣверныхъ туземцевъ, то дѣло обстоитъ иначе: для нихъ бѣлуга самый важный изъ китовъ, благодаря доставляемой ею ворвани и мясу. Большинство ловить ихъ сѣтями, разставляемыми въ проходахъ фіорда или залива, или же въ проливахъ между островами. Грудные и хвостовый плавники, хорошо приготовленные, считаются отмѣннымъ лакомствомъ. Кожа высушивается и выдѣлывается и тогда имѣетъ большое примѣненіе. Такъ, на Камчаткѣ изъ нея готовятъ ремни, которые дорого цѣнятся за свою мягкость и прочность.

*

Среди всѣхъ даровъ моря для жителей сѣвера нѣтъ ни одного болѣе важнаго, чѣмъ тотъ, который предлагается имъ въ видѣ одного животнаго, принадлежащаго къ описываемому семейству. Китъ, котораго я тутъ разумѣю, есть гриндъ жителей Феррарскихъ острововъ (*Globiocerphalus melas*), представитель рода круглоголовыхъ китовъ (*Globiocerphalus*); признаки его заключаются въ дѣйстви-тельно почти шаровидной головѣ, кажущейся на взглядъ какъ бы вспухшей, серповидныхъ плавникахъ, сочлененія которыхъ находятся далеко внизу, въ спинномъ плавникѣ, поднимающемся посреди тѣла и широкой межчелюстной кости, покрывающей верхнюю челюсть. Тѣло не имѣетъ веретенообразной формы, но сжато съ боковъ. Въ обѣихъ челюстяхъ помѣщаются 12—14 зубовъ, промежутки между ними довольно широки; зубы имѣютъ въ общемъ коническую форму, острые концы ихъ нѣсколько загнуты назадъ и внутрь; при закрытомъ ртѣ они заходятъ другъ за друга. Гладкая и блестящая кожа сверху окрашена въ глубоко-черный, снизу въ сѣровато-черный цвѣтъ; нижняя поверхность шеи украшена широкимъ бѣлымъ пятномъ, имѣющимъ форму сердца. Очень старые самцы достигаютъ длины въ 6—7 метровъ. Родиной гринда мы считаемъ Сѣверный Ледовитый океанъ и сѣверную часть Тихаго океана. Изъ Ледовитаго океана онъ заплываетъ также въ сѣверную часть Атлантическаго, проникая иногда даже до широты Гибралтарскаго пролива, но при этомъ не держится извѣстныхъ путей съ той же опредѣленностью, какъ другіе киты. Болѣе общительный, чѣмъ всѣ остальные родичи этого семейства и порядка, онъ живетъ всегда табунами и стадами, которыя отъ 10—20 штукъ могутъ увеличиваться до 1000 и больше; этими стадами, какъ кажется, предводительствуютъ старые опытные самцы, за которыми остальные слѣдуютъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, правильнѣе сказать, съ той же бессмысленностью, какъ и овцы за своимъ вожакомъ, хотя бы онъ велъ ихъ на погибель.

Пища ихъ состоитъ преимущественно изъ различныхъ каракатицъ; однако въ ихъ желудкѣ находили также треску, сельдей и другихъ маленькихъ рыбъ, мягкотѣлыхъ животныхъ и тому подобное.

Ни одно другое животное порядка китовъ не выбрасывается на берегъ такъ часто и въ такомъ большомъ количествѣ, какъ гриндъ, общительность котораго во время опасности обыкновенно бываетъ для него гибельна; быть можетъ не будетъ преувеличеніемъ если сказать, что этотъ китъ погибаетъ не на морѣ, а на сушѣ. Не проходитъ ни одного года, чтобы не было ихъ выброшено тамъ или сямъ большее или меньшее число. Въ 1779 году не посчастливилось стаду въ 200 штукъ, въ 1805 г. — въ 300 штукъ около береговъ Шотландскихъ острововъ; въ 1809 и 1810 годахъ въ одной бухтѣ на Исландіи, прозванной благодаря гринду Китовымъ заливомъ, было выброшено на берегъ 1100 штукъ. На всѣхъ сѣверныхъ островахъ уже съ очень давнихъ временъ стараются загнать на берегъ тѣхъ гриндовъ, которые появляются вблизи береговъ. Граба описываетъ ловлю гринда очень точно и увлекательно:

„Второго іюля“, такъ рассказываетъ онъ, „около меня сразу со всѣхъ сторонъ раздался громкій крикъ „Grindabud“. Этотъ крикъ значитъ, что одна лодка открыла кучу гриндовъ. Въ одно мгновеніе весь Торсгавенъ пришелъ въ движеніе; изъ всѣхъ ртовъ раздавалось это „Grindabud“ и всеобщее веселье говорило о надеждѣ насладиться вскорѣ кускомъ китоваго мяса. Люди бросились изъ всѣхъ закоулковъ, какъ будто бы на островъ собирались высадиться турки. Тамъ одни бѣжали къ лодкамъ, тутъ другіе съ китобойными ножами, дальше женщина бѣжала за своимъ мужемъ съ кускомъ высушеннаго мяса, чтобы ему не пришлось голодать; ребяташекъ сбивали съ ногъ и одинъ матросъ, черезчуръ постаравшійся,



Гриндъ (*Globicephalus melas*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

упалъ даже изъ лодки въ море. Минуть черезъ 10 отъ берега отчалило одиннадцать восьмивесельныхъ лодокъ; сняли куртки и налегли на весла съ такимъ рвеніемъ, что лодки полетѣли, какъ стрѣла. Мы отправились къ начальнику острова, лодка и люди котораго были уже на готовѣ и сперва пошли вмѣстѣ съ нимъ на укрѣпленія, чтобы посмотрѣть, гдѣ находились киты. Съ помощью подзорной трубы мы открыли двѣ лодки, подавшія знакъ „Grindabud“. Теперь у ближайшей деревни поднялся высокій столбъ дыма, тотчасъ за нимъ еще одинъ на сосѣдней горѣ; повсюду зажглись сигналы; во всѣ сосѣднія мѣстечки были посланы лодки, заливъ кишѣлъ судами. Мы спустились на яхту начальника и вскорѣ нагнали всѣ остальные лодки. Теперь мы замѣтили китовъ, замкнутыхъ въ широкомъ полукругѣ, составленномъ изъ всѣхъ лодокъ. Около 20—30 лодокъ, къ которымъ примкнули и мы, на разстояніи около 100 шаговъ одна отъ другой, окружили стадо гриндовъ и медленно гнали ихъ передъ собой въ Торсгавенскую бухту. Можно было видѣть около четверти всего числа китовъ; то одна голова вынырнетъ и пуститъ свою струю воды (?), то покажется высокій спинной плавникъ, то вся

верхняя часть туловища. Если они хотѣли сдѣлать попытку проплыть подъ лодками, то въ воду начинали кидать камни и куски свинца, прикрѣпленные на веревкѣ; если гринды бросались впередъ, то начиналась такая гребля, что, иногда переламывались весла. Когда киты были въблизи бухты и не могли уже легко ускользнуть, мы поспѣшили къ городу. Берегъ кишѣлъ людьми, которые хотѣли поглядѣть на увеселительное дѣло убійства. Мы избрали себѣ хорошее мѣсто, откуда могли видѣть все совершенно отчетливо.

„Чѣмъ ближе подходили гринды къ гавани и берегу, тѣмъ становились безпокойнѣе, тѣсно сбивались въ одну кучу и обращали гораздо меньше вниманія на бросанье камней и удары веселъ. Все тѣснѣе стягивался кругъ лодокъ около несчастныхъ жертвъ, все медленнѣе входили эти жертвы въ гавань, чуя опасность; теперь, когда гринды вошли въ Вестерваагъ, ширина котораго не превышаетъ 250 шаговъ, длина же вдвое больше, они проявили желаніе не позволить гнать себя дальше, какъ стадо овецъ, и выказали намѣреніе повернуть назадъ. Теперь приближался рѣшительный моментъ. Безпокойство, надежда, желаніе убійства отражалось на лицахъ всѣхъ феррарцевъ. Они издали дикій крикъ; всѣ лодки бросились на стадо гриндовъ и гребцы начали поражать своими широкими острогами тѣхъ китовъ, которые были не настолько близко отъ лодокъ, чтобы ударъ ихъ хвоста могъ раздробить ихъ. Раненыя животныя съ ужасной быстротой бросались впередъ, все стадо слѣдовало за ними и ринулось на берегъ.

„Теперь началось ужасное зрѣлище. Всѣ лодки погнались за китами, очертя голову врѣзались въ ихъ толпу и стали колотъ ихъ, какъ ни попало. Люди, стоявшіе на берегу, заходили въ воду по грудь, подходили къ раненымъ животнымъ и всаживали желѣзные крючья, къ которымъ была привязана веревка, въ туловище или въ дыхательныя углубленія, потомъ 3—4 человѣка окончательно вытаскивали кита на берегъ и перерѣзывали ему горло до позвоночнаго столба. Въ борьбѣ со смертью умирающее животное хлестало море своимъ хвостомъ, такъ что вода далеко разлеталась брызгами; кристальныя волны залива окрасились въ кровавый цвѣтъ и струи крови брызгали изъ ноздрей животныхъ. Кровавая работа разожгла жителей до ярости и безумства. На 30 лодкахъ 300 человѣкъ, 80 убитыхъ или еще живыхъ китовъ находились на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ руть. Повсюду крики и неистовство. Съ покрытыми кровью одеждой, лицами и руками добродушные феррарцы походили даже на каннибаловъ Южнаго Ледовитаго океана; въ этой отвратительной рѣзнѣ ни у кого не прорвалось ни одного знака состраданія. Когда однако одинъ человѣкъ былъ положенъ ударомъ хвоста умирающаго гринда, а другой ударъ разбилъ вдребезги лодку, послѣдній актъ этой трагедіи былъ разыгранъ до конца съ большей осторожностью. 80 убитыхъ гриндовъ покрывали берегъ, ни одинъ не ушелъ. Когда вода окрашивается кровью и начнетъ мутиться отъ ударовъ хвостовъ умирающихъ гриндовъ, живые гринды ослѣпляются и толкуются въ кругу. Если же кому-нибудь изъ нихъ и удастся проскользнуть въ ясную воду, то онъ сейчасъ же возвращается назадъ въ кровавую воду къ своимъ товарищамъ.

„Послѣ часовой передышки трупы были уложены рядышкомъ, оцѣнены и величина ихъ была вырѣзана римскими цифрами на шкурѣ. Распредѣленіе производится смотря по величинѣ земельныхъ владѣній, все еще такъ, какъ это было принято въ незапамятныя времена.

„Послѣ того, какъ каждой лодкѣ была отдѣлена ея часть, рыбы были распластованы. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро ихъ вытащатъ на сушу, у нихъ отрѣзаются плавники, а затѣмъ туловище разрѣзывается по срединѣ. Тогда вырѣзывается широкими полосами сало, затѣмъ вынимаются куски мяса, печень, сердце и почки, самые лакомые куски для феррарцевъ и послѣ того туловище переворачивается и такимъ же образомъ разнимается съ другой стороны. Польза отъ этого животнаго для страны очень велика. Въ среднемъ на cadaго кита считается тонна ворвани. Мясо и жиръ ѣдятъ и свѣжими, и въ посоленномъ и высушенномъ видѣ.“

Ни одинъ китъ, ни одно вообще морское животное не занимало такъ поэтовъ и естествоиспытателей древнихъ вѣковъ и не вдохновляло ихъ къ самымъ пылкимъ описаніямъ и къ самымъ удивительнымъ баснямъ, какъ дельфинъ. Дельфинъ отнесъ на себѣ Аріона въ Тенаріумъ, очаровавшись величественной игрой и пѣніемъ поэта, котораго пираты заставили спрыгнуть съ корабля въ море; о дельфинѣ же Плиній рассказываетъ прекрасную исторію мальчика, который, накормивъ нѣсколько разъ одного дельфина, приобрѣлъ такую любовь съ его стороны, что тотъ ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ перевозилъ его черезъ Люкринское озеро въ школу въ ПUTEOLI и такимъ же образомъ отвозилъ его домой. „Когда мальчикъ умеръ, дельфинъ все-таки появлялся на обычномъ мѣстѣ и вскорѣ погибъ, тоскуя о потерѣ своего любимца“. Далѣе, есть басня, будто въ древности дельфины помогали при ловлѣ краснобородокъ, загоняя ихъ толпами въ сѣти, и за эту услугу ихъ награждали частью добычи и хлѣбомъ, намоченнымъ въ винѣ.

Дельфинъ вмѣстѣ съ нѣсколькими очень близкими видами представляетъ особый родъ (*Delphinus*). Сравнительно небольшая голова заостряется кпереди въ видѣ клювообразно удлиненнаго рыла, челюсти котораго усажены чрезвычайно большимъ числомъ конусовидныхъ остающихся зубовъ; грудные плавники лежатъ совершенно сбоку, приблизительно въ первой пятой туловища; спинной плавникъ выдается почти по срединѣ верхней стороны; хвостовой плавникъ сравнительно очень великъ и имѣетъ почти правильно полулунную форму.

Дельфинъ, клюворылъ или прыгунъ достигаетъ въ среднемъ 2 метровъ длины. Кожа у него необыкновенно гладкая и не только блестящая, но положительно переливчатая; верхняя сторона зеленовато-бураго и зеленовато-чернаго цвѣта, нижняя сторона, рѣзко отграниченная, хотя и не прямой линіей, ослѣпительно бѣлая, бока мѣстами покрыты сѣроватыми или черноватыми пятнами. Число зубовъ подвержено значительнымъ колебаніямъ. Обыкновенно въ каждой сторонѣ обоихъ челюстей находится отъ 42 до 50 зубовъ, но случалось также убивать такихъ дельфиновъ, которые имѣли по 53 зуба въ обѣихъ сторонахъ каждой челюсти, такъ что въ цѣломъ они имѣли изумительное количество — 212 зубовъ. Самые зубы стоятъ другъ подлѣ друга на равныхъ разстояніяхъ, раздѣленные между собой небольшими промежутками, такъ что верхніе зубы приходятся въ промежуткахъ между нижними, а нижніе — въ промежуткахъ между верхними зубами; они вытянуты въ длину, конической формы, очень остры и слабо загнуты снаружи кнутри.

Родина этого прославленнаго животнаго, доставляющаго столько развлеченія морякамъ и путешественникамъ, — всѣ моря сѣвернаго полушарія. Что касается его нрава и поведенія, то дельфинъ выказываетъ себя, гдѣ возможно, еще большимъ любителемъ игръ и забавъ, чѣмъ его родичи. То онъ мчится, удаляясь отъ береговъ, въ открытое море, то далеко поднимается вверхъ по теченію рѣкъ. Стада его подплываютъ къ кораблямъ, долгое время играютъ вокругъ нихъ, пока не примутъ другого направленія, непрерывно то ныряютъ, то снова появляются на водной поверхности, выставляють въ одно мгновеніе затылокъ надъ водой, дуютъ съ фырканьемъ и шумомъ и опять исчезаютъ въ глубинѣ. Плаваютъ они съ такой чрезвычайной быстротой, что не только легко слѣдуютъ за ходомъ быстрѣйшихъ пароходовъ, но при томъ выкидываютъ еще всякія штуки и по желанію, выются вокругъ корабля, не отставая отъ него. Иногда тотъ или другой выскакиваетъ на воздухъ, и опять падаетъ въ воду внизъ головой, не производя громкаго шума, а потомъ поспѣшно опять занимаетъ свое прежнее положеніе.

Составъ зубовъ довольно ясно указываетъ на то, что дельфинъ принадлежитъ къ числу злѣйшихъ хищниковъ моря, онъ набрасывается даже на своихъ раненыхъ товарищей. Пища его состоитъ изъ рыбъ, раковъ, головоногихъ и другихъ морскихъ животныхъ. Всего охотнѣе онъ преслѣдуетъ сардинокъ, сельдей и летучихъ рыбокъ. Самка черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ спариванья приноситъ одного дѣтеныша въ 50—60 сантиметровъ длины и нѣкоторое время обнаруживаетъ къ нему величайшую нѣжность.

Дельфинъ имѣетъ въ дельфинѣ-косаткѣ худшаго врага, чѣмъ въ человѣкѣ, потому что послѣдній преслѣдуетъ его только тогда, когда его побуждаетъ къ этому недостатокъ свѣжаго мяса. Этотъ китъ пользуется еще и до сего дня нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны человѣка.

Уже въ 1819 году А. фонъ-Гумбольдтъ опубликовалъ свои наблюденія надъ однимъ дельфиномъ, живущимъ въ прѣсныхъ водахъ Южной Америки, не давъ, однако, при этомъ болѣе подробнаго описанія его. Болѣе точныя свѣдѣнія были оглашены въ 1831 г. нашими заслуженными соотечественниками Шпиксомъ



Дельфинъ (*Delphinus delphis*). $\frac{1}{18}$ естеств. велич.

и Марціусомъ; точнымъ описаніемъ этого дельфина мы обязаны однако французу д'Орбиньи.

*

Инія, бонко (*Inia amazonica*), представитель рода длиннорылыхъ дельфиновъ, есть китъ, принадлежащій къ описываемому семейству; морда этого кита удлиняется въ узкій, кругловатый клювъ, покрытый жесткими волосами; этотъ клювъ обнаруживаетъ въ каждой челюсти 66 или 68 острыхъ зубовъ съ загнутыми и сильными коронками. Стройное туловище несетъ длинные грудные плавники, имѣющіе на верхнемъ концѣ вырѣзку и къ наружному концу суживающіеся серпообразно, затѣмъ не лапчатый хвостовой плавникъ и очень низкій жировой плесъ на спинѣ. Длина тѣла колеблется между 2 и 3 метрами. Самка должно быть вдвое меньшей величины. Инія на всей верхней сторонѣ окрашена въ блекло-синеватый, а на нижней въ красновато-розовый цвѣтъ; однако существуютъ уклоненія разнаго

рода; иногда встрѣчаются экземпляры сплошного красноватаго цвѣта, а также бываютъ и совершенно черные. Въ послѣднее время среди нихъ стали различать нѣсколько родственныхъ видовъ.

По имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ, этотъ дельфинъ живетъ почти во всѣхъ рѣкахъ Южной Америки между 10° и 17° южной широты. Въ Амазонской рѣкѣ и ея притокахъ, какъ и въ Ориноко онъ представляетъ повсюду извѣстное явленіе. Своими движеніями онъ должно быть отличается отъ морскихъ дельфиновъ, они болѣе медленны и не такъ живы; плаваетъ онъ спокойнѣе, чаще выходитъ на поверхность воды, чтобы подышать и обыкновенно соединяется только въ небольшія общества; однако, это не подтверждается А. фонъ Гумбольдтомъ, который видѣлъ ихъ вмѣстѣ по многу штукъ. „Воздухъ“, говоритъ онъ, „опять сталъ спокоенъ, и большіе киты изъ семейства брызгающихъ, совершенно похожіе на дельфиновъ нашихъ морей, тотчасъ же начали прыгать, расположившись длинными рядами на поверхности воды. Крокодилы, медлительные и лѣнныя, повидимому пугались близости этихъ шумныхъ, неукротимыхъ въ своихъ движеніяхъ животныхъ; мы видѣли, какъ они ныряли вглубь при приближеніи къ нимъ брызгальщиковъ. Встрѣтить кита такъ далеко отъ морского берега очень странно; однако они попадаются во всѣ времена года, и ни малѣйшій слѣдъ не указываетъ, повидимому, чтобы они кочевали подобно лососямъ.“

Отъ Батеса мы узнаемъ, что Амазонскую рѣку населяютъ по меньшей мѣрѣ три различные вида дельфиновъ, и что этотъ китъ повсюду встрѣчается въ большомъ числѣ, а мѣстами даже въ поразительномъ количествѣ. „На очень широкихъ мѣстахъ русла рѣки“, говоритъ этотъ превосходный наблюдатель, „начиная отъ ея устья и на 1500 англійскихъ миль вверхъ, можно постоянно слышать, особенно же ночью, какъ тотъ или иной видъ катается, брызжется или фыркаетъ, и всѣ эти звуки положительно не мало содѣйствуютъ тому, чтобы вызвать въ душѣ путешественника ощущеніе широты и пустынности моря“. Пища ній состоитъ, главнымъ образомъ, изъ мелкихъ рыбъ; но рядомъ съ ними они, должно быть, не пренебрегаютъ и древесными плодами, падающими въ рѣку съ вѣтвей. Охотнѣе всего нія держится въ ясныхъ и глубокихъ заводяхъ своего воднаго жилища или же тамъ, гдѣ въ главную рѣку впадаютъ притоки, такъ какъ въ такихъ мѣстахъ прячется очень много рыбы.

Туземцы не преслѣдуютъ ній. Мясо ея должно быть жестко, жира мало, шкура, въ лучшемъ случаѣ, годится на выдѣлку щитовъ, такъ что ловля мало прибыльна.

Плиній упоминаетъ подъ названіемъ платаниста объ одномъ дельфинѣ, водящемся въ Гангѣ, который, по его описанію, долженъ былъ имѣть 7 метровъ въ длину. Животное это дѣйствительно существуетъ, но оно гораздо меньше, чѣмъ ему приписываетъ знаменитый древній естествоиспытатель, а именно, имѣетъ въ длину около 2 метровъ. Этотъ китъ, гангескій дельфинъ (*Platanista gangetica*) отличается отъ своихъ родичей очень тонкимъ и стройнымъ тѣлосложеніемъ, полулуннымъ и раздѣленнымъ хвостовымъ плавникомъ, рыломъ, загнутымъ вверхъ, длиннымъ и клювовиднымъ, верхняя челюсть котораго образуетъ выдающійся впередъ гребень, окружающій дыхательныя ямки. Въ каждой половинѣ челюстей стоятъ 30—32 крѣпкихъ, заостренныхъ зуба конической формы. Жировой плесъ на спинѣ обозначается только приподнятой слоемъ жира кожей; цвѣтъ шкуры сверху сѣровато-черный, снизу — сѣровато-бѣлый.

Этотъ замѣчательный дельфинъ, являющійся по новѣйшимъ изысканіямъ отнюдь не единственнымъ представителемъ описываемаго семейства, живущимъ въ рѣкахъ Восточной Азіи, встрѣчается не только въ Гангѣ и его различныхъ побочныхъ водныхъ бассейнахъ, но уже найденъ также и въ Брахмапутрѣ и въ Индѣ. Пища его состоитъ преимущественно изъ мелкой рыбы и раковъ; иногда въ его желудкѣ находятъ также рисовыя зерна, равно какъ и остатки насѣкомыхъ, но они, должно быть, попадали туда изъ внутренностей съѣденныхъ имъ рыбъ.

Мясо цѣнится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи. Жидко тягучая ворвань считается превосходнымъ смазочнымъ средствомъ для кожи.

Вѣскіе признаки настолько далеко отдѣляютъ нарвала, морского единорога (*Monodon monoceros*), представителя одноименнаго рода, отъ остальныхъ зубатыхъ китовъ, что на нихъ основывается отнесеніе его къ особому семейству. Зубы его отличаются отъ зубовъ всѣхъ другихъ китовъ присутствіемъ двухъ бивней, огромныхъ, метра въ 2—3 длиной, но сравнительно слабыхъ; они



Нарвалъ (*Monodon monoceros*). $\frac{1}{40}$ естеств. велич.

имѣютъ винтообразные повороты справа налѣво, внутри полые и укрѣплены горизонтально въ верхней челюсти; одинъ изъ нихъ, а именно стоящій на правой сторонѣ, останавливается въ ростѣ; у самки они только въ видѣ исключенія достигаютъ ограниченнаго развитія; зубы нарвала характеризуются, кромѣ того, еще двумя маленькими передними зубами и однимъ кореннымъ зубомъ въ верхней челюсти; бываютъ они, однако, обыкновенно только у молодыхъ животныхъ. Въ нижней челюсти никогда не бываетъ зубовъ. Валообразная, спереди закругленная голова занимаетъ приблизительно одну седьмую общей длины удлиненаго почти веретенообразнаго тѣла; очень короткая, широкая и толстая морда, нѣсколько укороченная съ правой стороны, не отдѣляется отъ плоскаго лба и опускается почти отвѣсно впередъ. Спиннаго плавника нѣтъ, онъ только обозначается складкой кожи; сочлененія грудныхъ плавниковъ лежатъ приблизительно въ первой пятой всего туловища; плавники коротки, овальны и спереди толще, чѣмъ сзади; очень большой хвостовой плавникъ раздѣляется на двѣ лопасти. Цвѣтъ

мягкой и блестящей кожи, похожей на замшу, подверженъ, повидимому, очень значительнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ пола и возраста. У самцовъ на бѣломъ или желтовато-бѣломъ основномъ фонѣ расположены многочисленныя темно-коричневые пятна неправильной формы; на спинѣ они лежатъ всего чаще, на брюхѣ — всего рѣже, на головѣ они почти сливаются другъ съ другомъ; наконецъ, молодыя животныя выглядятъ болѣе темными, чѣмъ старыя. Однако бываютъ экземпляры одноцвѣтные: почти чисто-бѣлаго цвѣта и сѣроватаго. Общая длина нарвала можетъ, вѣроятно, дойти до 6 метровъ, обыкновенно же не превышаетъ 4—5 метровъ.

То, что наши предки рассказывали разныя небылицы о нарвалѣ, не можетъ вызвать у насъ удивленія. Животное, обладающее столь странной фигурой, необходимо возбудить изумленіе у человѣка, и пока наука не скажетъ своего рѣшающаго слова — любимая нами фантазія можетъ дѣйствовать. Особенно много вымысловъ всякаго рода создавалось о зубѣ нарвала. Альбертъ Магнусъ рассказываетъ объ этомъ животномъ и рисуетъ намъ его, какъ рыбу, у которой на лбу есть рогъ; этимъ рогомъ она можетъ пронзать рыбъ и нѣкоторыя суда, но она настолько лѣнива, что тѣ, кто подвергается нападенію съ ея стороны, легко могутъ ускользнуть отъ нея. Мы съ своей стороны можемъ видѣть въ этомъ зубѣ конечно только такое оружіе, которымъ мужскія особи — какъ это часто бываетъ — отличаются отъ женскихъ.

Нарвалъ, обитатель сѣверныхъ морей, чаще всего встрѣчается между 70° и 80° сѣверной широты. Часто попадаетъ онъ въ проливъ Дэвиса и заливъ Баффины, въ Ледовитомъ океанѣ между Гренландіей и Исландіей, около Новой Земли и далѣе въ моряхъ у сѣверной Сибири. Южнѣе полярнаго круга нарвалъ попадаетъ рѣдко: поскольку мы извѣстно, въ послѣднія столѣтія на берега Великобританіи было выброшено только четыре нарвала; на нѣмецкихъ берегахъ онъ былъ замѣченъ и убитъ только въ 1736 году, но зато дважды. На родинѣ его встрѣчаютъ почти исключительно большими стадами, такъ какъ въ общительности нарвалъ не уступаетъ ни одному изъ своихъ родичей. „Во время перекочевокъ нарвала“, говоритъ Броунъ, „я видѣлъ такія стада, гдѣ насчитывалось много тысячъ головъ. Зубъ къ зубу, хвостъ къ хвосту, такъ тянулись они на сѣверъ, подобно полку конницы; повидимому, они съ большой правильностью ныряли и вновь появлялись на поверхности, и держались своего пути волнистой линіей. Такія стада состоятъ не всегда изъ особей только одного пола, но по большей части образуются изъ самцовъ и самокъ, пестро перемѣшанныхъ между собой.“

Новѣйшіе мореплаватели описываютъ этого кита, какъ очень веселое, проворное животное, которое оживляетъ море своей чрезвычайной быстротой и часто повторяемымъ ныряньемъ, и которое умѣетъ приковать къ себѣ вниманіе наблюдателя. Конечно, онъ не устраиваетъ съ другими китами такихъ дракъ, какъ объ этомъ болтали, а съ себѣ подобными уживается тоже превосходно.

Морскіе огурцы, голыя мягкотѣлыя и рыбы составляютъ пищу этого поразительнаго созданія.

Жизни нарвала угрожаютъ разныя опасности и много враговъ. Ни отъ одного кита не находятъ столько остатковъ, какъ отъ него. Зима, наступающая часто чрезвычайно быстро, сковываетъ ледяными цѣпами моря дальняго сѣвера сразу на далекія пространства и тѣмъ дѣлаетъ существованіе всѣмъ морскимъ животнымъ, дышащихъ воздухомъ, безконечно тяжкимъ и опаснымъ, похищаетъ жизнь у сотенъ и тысячъ, а море потомъ выбрасываетъ эти трупы и останки на берегъ. Маленькіе паразиты мучаютъ его, а крупныя вооруженныя враги угрожаютъ ему. Наконецъ, самъ человѣкъ ревностно преслѣдуетъ его. Въ открытомъ морѣ иногда ихъ бьютъ острогой, но въ общемъ охота на него нигдѣ не имѣетъ значительныхъ размѣровъ, такъ какъ по европейскимъ или американскимъ воззрѣніямъ она мало прибыльна. Мясо и ворвань точно цѣнятся высоко. Всѣ живущіе въ Гренландіи датчане подаютъ его къ столу какъ варенымъ, такъ и жаренымъ, обложеннымъ желе приготовленнымъ изъ жирной кожи нарвала, въ убѣжденіи, что самый избалованный чужеземецъ скоро научится цѣнить его. Туземцы

Гренландіи ѣдятъ мясо нарвала въ вареномъ и сушеномъ видѣ, кожу и жиръ сырыми, сало жгутъ въ лампахъ, изъ сухожилій приготавливаютъ нитки, изъ глотки пузыри, употребляемые ими при рыбной ловлѣ, и умѣютъ примѣнять въ дѣло даже кишки.

Въ болѣе раннія времена за бивни нарвала платили совершенно невѣроятную сумму. Имъ приписывали различныя чудотворныя силы и умѣли давать имъ еще болѣе разностороннее примѣненіе, чѣмъ мы, которые видимъ въ нихъ только массу, не уступающую слоновой кости. Еще только лѣтъ полтораста тому назадъ въ Европѣ было очень мало бивней нарвала, и тѣ экземпляры, которые иногда находили мореплаватели, сбывались безъ всякаго труда. Эти бивни принимались за рогъ библейскаго единорога, поэтому-то и англичане приписывали такой зубъ баснословному единорогу, изображенному въ ихъ гербѣ. Императоры и короли часто приказывали изготовлять для нихъ изъ этого зуба жезлы, украшенные самой изящной рѣзбой; эти жезлы носили за ними; драгоценныя архіерейскіе посохи тоже изготовлялись изъ такихъ зубовъ. Еще въ 16 столѣтіи въ Бейрутскомъ архивѣ въ Плассенбургѣ хранили четыре зуба нарвала, какъ величайшую рѣдкость. По одному изъ нихъ получили отъ императора Карла V два маркграфа бейрутскіе въ уплату за большіе долги, а за самый большой изъ этихъ зубовъ венеціанцы еще въ 1559 году предлагали огромную сумму въ 30,000 цехиновъ, но имъ не удалось получить его въ свою собственность. Зубъ нарвала, висѣвшій на золотой цѣпи въ курфюрстскомъ собраніи въ Дрезденѣ, былъ оцѣненъ въ 100,000 рейхс-талеровъ.

Для полноты картины я хочу упомянуть о третьемъ семействѣ этого подпорядка, обнимающемъ собою клюворыловъ (*Hyperoodontidae*), представителями котораго является нѣсколько разныхъ видовъ, обитающихъ въ южныхъ моряхъ. Относящіеся сюда зубатые киты отличаются отъ дельфиновъ какъ своимъ рыломъ, болѣе или менѣе вытянутымъ на подобіе клюва, такъ и зубами, такъ какъ въ нижней челюсти у нихъ есть съ каждой стороны только по одному или по два зуба; кромѣ того, эти зубы еще крайне недоразвиты и не выдаются изъ десны.

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ членовъ этого семейства есть дѣглингъ (*Hyperoodon bidens*), очень крѣпко сложенный зубатый китъ въ 6—8 метровъ длины. Его морда, вытянутая на подобіе клюва, выдается впередъ на 30—60 сантиметровъ; отъ середины нижней челюсти пробѣгаетъ кзади по обѣимъ сторонамъ каждой половинки ея короткая, но глубокая складка кожи; подобная же морщина находится и далѣе назади на горлѣ, остальная кожа гладка и блестяща, окрашена въ болѣе или менѣе ровный черный цвѣтъ, при чемъ верхняя сторона обыкновенно темнѣе нижней.

Область распространенія дѣглинга, повидимому, ограничена Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и сѣверомъ Атлантическаго океана; однако, отсюда онъ предпринимаетъ правильныя перекочевки, ведущія его въ болѣе или менѣе южные края, ежегодно появляется вблизи Феррарскихъ острововъ, нерѣдко бываетъ также и у береговъ Великобританіи и даже поднимается здѣсь при случаѣ вверхъ по теченію нѣкоторыхъ рѣкъ, расположенныхъ благопріятнымъ для него образомъ. Пищу его составляютъ головоногія, безпокровныя мягкотѣлыя и въ счастливомъ случаѣ мелкая рыба. Первыхъ пожираетъ онъ невѣроятное множество: въ желудкѣ одного убитаго дѣглинга были найдены остатки болѣе 10,000 животныхъ. Его чрезвычайно значительная способность нырять для такого сравнительно небольшого кита удивительна наблюденіемъ Кюкенталя: одинъ дѣглингъ, пораженный острогой, увлекъ за собой 300 сажень бечевы и пробылъ подъ водой цѣлыхъ 45 минутъ.

Дѣглинга не разъ выбрасывало на берега Англіи, Франціи, Голландіи, Германіи, Швеціи, Россіи и Сибири.

Четвертое семейство зубатых китовъ (*Catodontidae*) имѣетъ своего представителя въ лицѣ кашелота (*Catodon* [*Physeter*] *macrocephalus*), — *Pottwal* нѣмцевъ, *Spermwhale* англичанъ и *Cachelot* французовъ, — первообраза одноименнаго съ нимъ рода (*Catodon*), самаго нескладнаго члена изъ всего порядка. Онъ характеризуется необычайно большой головой, съ высоко приподнятой и прямо притупленной мордой, только однимъ дыхательнымъ углубленіемъ, лежа-



Кашелотъ (*Catodon macrocephalus*). $\frac{1}{125}$ естеств. велич.

щимъ нѣсколько влѣво, а также страннымъ строеніемъ нижней челюсти, части которой большей частью своей длины лежатъ другъ на другѣ и усажены рядомъ конусообразныхъ зубовъ почти одинаковой длины, тогда какъ зубы верхней челюсти не заслуживаютъ, пожалуй, даже названія зубовъ.

Кашелотъ по длинѣ уступаетъ только нѣкоторымъ изъ самыхъ длинныхъ беззубыхъ китовъ; хотя и приводятъ данныя, что нѣкоторые старые самцы бываютъ въ 30 метровъ, однако, мы будемъ гораздо ближе къ истинѣ, если примемъ, пока намъ не сообщать точныхъ измѣреній, что онъ можетъ достигъ 20 — 23 метровъ длины, при 9—12 метрахъ въ обхватѣ и при ширинѣ хвоста въ 5 метровъ. Это справед-

ливо для самцовъ, такъ какъ самки, всѣ безъ исключенія, значительно слабѣе и ни въ коемъ случаѣ не достигаютъ и половины длины первыхъ. Сравнительно съ величиной тѣла грудные плавники поразительно малы: у самыхъ крупныхъ животныхъ они едва доходятъ до 2 метровъ длины и 1 метра ширины. Массивная, глыбоподобная голова такой же высоты и ширины, какъ и туловище и переходитъ въ него безъ замѣтной границы. Туловище чрезвычайно толсто въ двухъ переднихъ третяхъ, а оттуда постепенно утоньшается до хвоста. Въ послѣдней трети возвышается низкій, похожій на горбъ, вздутый, неподвижный спинной плавникъ, который иногда кажется сзади какъ бы обрѣзаннымъ, а спереди постепенно переходитъ въ туловище. Короткіе, широкіе, толстые грудные плавники стоятъ непосредственно позади глазъ; на верхней сторонѣ ихъ замѣчается пять продольныхъ складокъ, которыя соотвѣтствуютъ пальцамъ; нижняя сторона ихъ гладкая. Хвостовой плавникъ имѣетъ неглубокую вырѣзку, и двѣ лопасти, у молодыхъ по краямъ зазубренъ. Дыхательное углубленіе, — щель, выгнутая почти какъ французское S, въ 20—30 сантиметровъ длины, лежитъ, въ противность всѣмъ другимъ китамъ, совсѣмъ спереди, на верхней части головы, нѣсколько влѣво отъ средней линіи, маленькіе глаза расположены далеко назадъ, а уши — маленькія продолговатыя щели — немного пониже глазъ. Пасть велика; челюсти открываются вблизи глазъ. Нижняя челюсть замѣтно уже и короче верхней; послѣдняя при закрытой пасти охватываетъ ее; обѣ онѣ усажены конусообразными зубами, не имѣющими корней; число зубовъ значительно колеблется, потому что въ старости одни выпадаютъ, а другіе почти совершенно заростають мясомъ десны. Относительно большіе размѣры имѣютъ только зубы нижней челюсти, числомъ отъ 39 до 52, при чемъ въ одной половинѣ челюсти ихъ больше, чѣмъ въ другой. Самый черепъ поражаетъ своей неправильностью, а голова массивностью и толщиной, которая повсюду остается одинаковой. Подъ слоемъ сала, толщиной въ нѣсколько сантиметровъ, располагаются сухожилія, составляющія покровъ большого пространства, раздѣляющагося отвѣсной стѣнкой на двѣ камеры, связанныя другъ съ другомъ нѣсколькими отверстіями въ этой стѣнкѣ. Все это пространство заполнено маслянистымъ, прозрачнымъ спермацетомъ; этотъ спермацетъ, кромѣ того, содержится еще въ трубкѣ, проходящей отъ головы до хвоста, и во многихъ маленькихъ мѣшечкахъ, разсѣянныхъ въ мясѣ и салѣ. Мясо жестко, волокна его грубы и переплетены съ болшимъ числомъ толстыхъ и крѣпкихъ сухожилій. Надъ нимъ лежитъ слой жира различной толщины, и наконецъ голая, почти совершенно гладкая, блестящая кожа, окрашенная въ мутно-черный или глубокій темно-бурый цвѣтъ, который на животѣ, хвостѣ и нижней челюсти мѣстами нѣсколько свѣтлѣе, у очень старыхъ кашелотовъ верхняя часть головы тоже болѣе свѣтлаго цвѣта. Вся нижняя поверхность языка вросла въ основаніе нижней челюсти, желудокъ состоитъ изъ четырехъ частей. Кромѣ того, заслуживаетъ еще вниманія своеобразный мочевоы пузырь. Его наполняетъ темная маслянистая жидкость оранжеваго цвѣта; иногда въ ней плаваютъ шарообразные комки, имѣющіе отъ 8 до 30 сантиметровъ въ поперечникѣ и 6—10 килограммовъ вѣса, — вѣроятно болѣзненные продукты, подобные мочевоымъ камнямъ другихъ животныхъ: это извѣстная, чрезвычайно драгоцѣнная амбра.

Кашелотъ — почти космополитъ. Всѣ моря земнаго шара, за исключеніемъ Ледовитаго океана и сосѣднихъ съ нимъ водъ, даютъ ему пріютъ. Собственно родиною кашелота, согласно Пехуэль-Лёше, можно считать всѣ моря, лежащія между 40° сѣверной и 40° южной широты; слѣдуя за теплыми теченіями онъ заходитъ отсюда, не регулярно, на сѣверъ и на югъ до 50° широты, а при случаѣ заплываетъ и еще дальше. Однако тѣ экземпляры, которые дѣйствительно наблюдались подъ 55°—60° сѣверной или южной широты, или же еще дальше отъ экватора, нужно считать только заблудившимися; конечно, еще не одинъ опытный или достойный довѣрія китоловъ не находилъ въ этихъ областяхъ стадъ или группъ, такъ называемыхъ „школъ“ кашелотовъ.

Подобно дельфину этотъ исполинскій китъ ходитъ по морю тѣсно замкнутыми школами или толпами сильно измѣняющейся величины, избирая самыя глубокія мѣста въ немъ. Онъ охотно плаваетъ вблизи крутыхъ береговъ, но боязливо из-

бѣгаетъ столь опасныхъ для него отмелей, хотя при случаѣ ныряетъ также и на нихъ. Школы состоятъ по большей части изъ 20—30 членовъ; въ извѣстныя времена должно быть, соединяются, вмѣстѣ нѣсколько стадъ и тогда они держатся обществами въ нѣсколько сотъ штукъ.

Что касается движеній кашелота, то онъ мало уступаетъ быстрѣйшимъ сочленамъ своего порядка. Уже при спокойномъ плаваньи онъ дѣлаетъ отъ 3 до 6 морскихъ миль въ часъ, но будучи раздраженъ, онъ такъ мчится по волнамъ, что бороздитъ воду, какъ пароходъ. Кашелота уже издали можно узнать по его движеніямъ. Когда онъ плыветъ спокойно, то легко скользитъ подъ водой, если же плыветъ скорѣе, то съ такой силой ударяетъ вверхъ и внизъ своимъ хвостомъ, что голова его, то глубоко погружается, то опять высоко выскакиваетъ. Нерѣдко онъ становится даже перпендикулярно къ водѣ, высоко держа надъ ея поверхностью или голову или хвостъ, чѣмъ и отличается отъ большинства другихъ китовъ. Играя, онъ вытягиваетъ на воздухъ то одинъ, то другой грудной плавникъ и затѣмъ съ большой силой ударяетъ имъ по водѣ, или же хлещетъ своимъ хвостомъ, такъ что это хлопанье слышно издалека; при этомъ онъ вздымаетъ цѣлыя снопы воды и бѣлой пѣны, которые въ ясные дни можно видѣть на разстояніи 10 морскихъ миль и которые служатъ вѣрнымъ знакомъ для опытныхъ китолововъ. Въ безвѣтренные дни кашелоты лежатъ въ водѣ даже совсѣмъ безъ движенія, предоставляя морской зыби, качать или толкать себя, при чемъ они держатся въ волнахъ вертикально, прекомично высовывая свою голову высоко вверхъ. Глядя на нихъ тогда, можно было бы подумать, что видишь концы исполинскихъ стволовъ или горлышки огромныхъ бутылокъ, которыя тихо поднимаются и опускаются на вздымающихся волнахъ.

Главную пищу кашелота составляютъ различные виды головоногихъ. Естественно, маленькія рыбы, случайно попадающія въ его широкую пасть, проглатываются вмѣстѣ; но въ собственномъ смыслѣ слова этотъ китъ не охотится на нихъ. Старинные мореплаватели рассказывали, будто онъ нападаетъ на акулъ, тюленей, дельфиновъ и даже на беззубыхъ китовъ, но новѣйшіе тщательные наблюдатели ничего подобнаго, однако, не замѣчали. Напротивъ того, онъ иногда, должно быть, ѣстъ растительную пищу, или, по крайней мѣрѣ, проглатываетъ различные древесные плоды, заносимые рѣками въ море.

Мать съ сосункомъ - дѣтенышемъ можно встрѣтить во всякое время года. Новорожденные кашелоты имѣютъ величину приблизительно въ четверть своей матери и весело плаваютъ около нея. Во время сосанія matka должна лечь на бокъ, а дѣтеныши хватаютъ соски угломъ, но не серединой челюстей.

Кашелотъ преслѣдовался китоловами уже въ старинныя времена, но особенно ревностному преслѣдованію онъ сталъ подвергаться только съ конца 17 столѣтія, когда появились американцы. Съ начала нашего столѣтія главнымъ мѣстомъ охоты этихъ моряковъ сдѣлались южныя моря, и въ настоящее время занимаются еще этой ловлей почти только одни англичане да сѣвероамериканцы. Въ промежутокъ отъ 1820 до 1830 года англійскими китоловами было добыто 45,933 тонны спермацета, такъ что въ среднемъ ежегодно почти по 4600 тоннъ, въ 1831 и 1832 годахъ добыча возрасла до 7605 и 7165 тоннъ. Но уже лѣтъ тридцать тому назадъ добыль отъ ловли кашелотовъ значительно упала. Изъ одного вполне взрослого кашелота-самца добываютъ отъ 80 до 120 бочекъ ворвани, стоимость подобнаго экземпляра колеблется, въ зависимости отъ чрезвычайно измѣнчивыхъ цѣнъ, между 9000 и 20,000 марокъ; гораздо менѣе крупныя самки имѣютъ не болѣе половины этой стоимости.

Охота на кашелота связана съ большими опасностями, чѣмъ ловля другихъ китовъ. Беззубый китъ только въ исключительныхъ случаяхъ пытается причинить вредъ своему смѣлому врагу, тогда какъ кашелотъ въ случаѣ нападенія защищается, мужественно бросается на своего противника и при нападеніи пользуется не только хвостомъ, но и своими страшными зубами. Что онъ защищается также и зубами, это слѣдуетъ изъ различныхъ наблюденій; такъ, случалось убивать иногда отдѣльно старыхъ самцовъ съ совершенно изуродованной нижней челюстью; они, очевидно, должны были раньше выдержать поединокъ съ какимъ либо себѣ подобнымъ китомъ или съ какимъ-нибудь еще неизвѣстнымъ левіаѳаномъ глубины моря:

кромѣ того, китоловы знаютъ по горькому опыту, что борющійся кашелоть не только толкаетъ лодки головой или разбиваетъ ихъ хвостомъ, но, на самомъ дѣлѣ, беретъ ихъ также въ пасть и безъ труда разгрызаетъ. Какъ установлено согласными наблюденіями, онъ можетъ поставить свою нижнюю челюсть, усаженную щетиной зубовъ, почти подъ прямымъ угломъ къ верхней челюсти, а также поразительно далеко подвигать ее въ сторону. Будучи пораженъ острогой, онъ иногда остается лежать въ водѣ нѣсколько моментовъ, какъ бы въ изнеможеніи и тогда даетъ внимательному китолову удобный случай быстро прикончить его; но обыкновенно онъ полный отчаянія борется за свою жизнь и отнюдь не всегда ищетъ себѣ спасенія въ бѣгствѣ, но съ яростью и свирѣпостью оплачиваетъ за нанесенную ему обиду. Всѣ опытные моряки могутъ рассказать о несчастныхъ случаяхъ, виновникомъ которыхъ былъ кашелоть; нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ, быть можетъ, прикрашены или выдуманы, но за другіе можно рѣшительно поручиться и засвидѣтельствовать.

Въ 1807 году недалеко отъ береговъ Массачузета корабль „Нантукетъ“ былъ изломанъ кашелотомъ совершенно вдребезги. Въ 1820 году нѣсколько лодокъ съ корабля „Эссексъ“ гнались въ Южномъ океанѣ за школой кашелотовъ, тогда какъ корабль слѣдовалъ за ними подъ укороченными парусами. Вдругъ недалеко отъ него вынырнулъ исполинскій самецъ, который, плывя прямо наперерѣзъ кораблю, повидимому, чисто случайно стукнулся о его корпусъ. Корабль получилъ сильное сотрясеніе, да и китъ, очевидно, получилъ тяжкое поврежденіе, такъ какъ началъ бѣшено кататься въ водѣ; но вскорѣ онъ остановился и отправился въ открытое море, — такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ экипажъ, работавшій на помпахъ, такъ какъ вслѣдствіе столкновенія образовалась значительная течъ. Вдругъ увидѣли, что китъ остановился на разстояніи 100 сажень, повернулъ назадъ и съ яростью ринулся на корабль; онъ напалъ на его носовую часть и до того раздробилъ ее, что корабль тотчасъ же сталъ тонуть. Нѣкоторые старые молодцы хорошо извѣстны китоловамъ и достигли нѣкотораго рода извѣстности подъ названіемъ „борющихся“ или „кусающихся китовъ“, какъ, напримѣръ, „Новозеландскій Томъ“, громаднѣйшій кашелоть, названный такъ по его излюбленнымъ водамъ. Онъ сдѣлался до того дерзокъ, что предупреждалъ всякое нападеніе и разбивалъ или разгрызалъ лодки, не успѣвшія своевременно спастись. Онъ не оставлялъ въ покоѣ даже кораблей. Онъ прославлялся въ пѣсняхъ и сказаніяхъ; спина его должно быть была сплошь утыкана острогами и походила на спину дикобраза; это настоящій первообразъ морского чудовища.

Тѣмъ серьезнымъ опасностямъ, которыя являются слѣдствіемъ ловли кашелотовъ, врядъ ли соотвѣтствуетъ ожидаемая отъ нея прибыль, какъ бы она ни была велика. Помимо сала, изъ котораго добываютъ очень хорошую ворвань, кашелоть доставляетъ еще спермацетъ и амбру. Спермацетъ, выбираемый изъ полостей головы, въ свѣжемъ состояніи жидокъ, прозраченъ и почти безцвѣтенъ, на холоду застываетъ и тогда принимаетъ бѣлый цвѣтъ. Его примѣняютъ какъ во врачебномъ искусствѣ, такъ и для изготовленія свѣчей, превосходящихъ своимъ качествомъ всѣ другія свѣчи. Но еще большую цѣну имѣетъ амбра, о которой уже съ древнѣйшихъ временъ складывалось безконечное множество басенъ, пока въ ней не признали изверженіе кашелота; это легкая воскообразная масса очень разнообразныхъ цвѣтовъ, обладающая въ высшей степени пріятнымъ запахомъ; она размягчается въ теплѣ, въ кипящей водѣ превращается въ маслянистую жидкость, а при болѣе высокой температурѣ можетъ улетучиваться. Ее употребляютъ, главнымъ образомъ, какъ курительное средство или примѣшиваютъ къ благовоннымъ масламъ или мыламъ. Амбру чаще добываютъ, вылавливая въ морѣ, чѣмъ изъ тѣла кашелота. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на самомъ дѣлѣ случалось вылавливать куски амбры въ 90 килограммъ вѣса, въ 1,5 метра длины и слишкомъ 0,5 метра толщины.

Кромѣ этихъ веществъ находятъ себѣ примѣненіе также и зубы кашелота. Хотя они внутри и желтоваты, но масса ихъ крѣпка и не портится долгое время; они идутъ на разные запонки и игральные марки; за 1 килограммъ платятъ отъ 5 до 8 марокъ.

Четырнадцатый отрядъ.

Сумчатые (Marsupiali).

Въ классѣ млекопитающихъ нѣтъ ни одного порядка, помимо порядковъ обезьянъ, однопроходныхъ и китовъ, который могъ бы привлечь къ себѣ такое вниманіе, какъ порядокъ сумчатыхъ животныхъ. Болѣе точное разсмотрѣніе послѣднихъ учить насъ, что понятіе „порядокъ“ въ приложеніи къ нимъ пріобрѣло необыкновенное расширеніе. Подъ именемъ сумчатыхъ животныхъ мы соединяемъ большое число разнородныхъ семействъ млекопитающихъ, которыя, помимо своей сумки, способа размноженія и органовъ его, имѣютъ мало общаго между собой, и которыхъ гораздо скорѣе можно было бы принять за особые порядки отдѣльнаго подкласса млекопитающихъ, составленнаго изъ нихъ.

При изслѣдованіи описываемыхъ животныхъ невольно слагается взглядъ, что въ лицѣ ихъ мы имѣемъ дѣло съ той группой, время расцвѣта которой слѣдуетъ искать въ дни неуклюжихъ земноводныхъ, летающихъ пресмыкающихся и морскихъ драконовъ. Очень вѣскія основанія указываютъ на то, что сумчатые животныя не что иное, какъ мало измѣнившіеся потомки млекопитающихъ предшествовавшей эпохи творенія.

Если сравнить сумчатое съ какимъ-нибудь хищникомъ или грызуномъ, то даже самый непроницательный взглядъ тотчасъ же замѣтитъ, что сумчатое животное во всѣхъ отношеніяхъ хуже сформировано, развито и закончено, чѣмъ похожій на него хищникъ или грызунъ. Эта отсталость сумчатого проявляется или въ фигурѣ всего тѣла, или въ образованіи нѣкоторыхъ членовъ, или же въ строеніи зубовъ. О многихъ хищныхъ животныхъ или грызунахъ всякій скажетъ, что они сложены граціозно, рассматривая же сумчатое животное, рѣдко можно вынести подобное ощущеніе.

Одно въ высшей степени возбуждаетъ наше удивленіе, но не одобреніе, другое, быть можетъ, вызоветъ у насъ смѣхъ, а третье прямо таки произведетъ отталкивающее впечатлѣніе. Когда мы критикуемъ какое-нибудь сумчатое, нашему глазу, привычному къ фигурамъ другихъ животныхъ, всегда чего-нибудь недостаетъ. Если мы станемъ изслѣдовать строеніе зубовъ, то и тутъ нашъ взглядъ на значеніе этого животнаго не измѣнится въ благопріятную для него сторону, такъ какъ и зубы его окажутся, въ сравненіи съ соотвѣтствующими ему хищными животными и грызунами, болѣе несовершенными и болѣе недостаточными. Хищное сумчатое имѣетъ въ своей пасти достаточное количество зубовъ, расположены они тоже въ такомъ же порядкѣ, какъ у хищнаго животнаго, но всегда менѣе развиты, чѣмъ у послѣдняго. Что имѣетъ силу для хищнаго сумчатого, то же можно сказать и объ остальныхъ сумчатыхъ, и такимъ образомъ взглядъ, что мы имѣемъ дѣло съ несовершеннымъ, не достаточно развитымъ существомъ, является вполне справедливымъ.

Относительно строенія тѣла у сумчатыхъ животныхъ, въ общемъ, можно сказать немного. Различные члены этого порядка отклоняются другъ отъ друга

болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ порядкѣ. Понятно, что съ образованіемъ зубовъ согласуется и строеніе органовъ пищеваренія, а также, до извѣстной степени, и образованіе наружныхъ членовъ, и такъ какъ среди сумчатыхъ мы имѣемъ и настоящихъ хищниковъ, и настоящихъ травоядныхъ, и даже группы, напоминающія намъ жвачныхъ, то о какомънибудь сходствѣ формъ, принадлежащихъ къ этому порядку животныхъ, не можетъ быть и рѣчи. Совершенно помимо величины, колеблющейся отъ средняго оленя до землеройки, этотъ порядокъ соединяетъ въ себѣ настолько разнообразныхъ животныхъ, что въ виду этого мнѣ кажется излишнимъ говорить здѣсь что-нибудь такое, что въ дальнѣйшемъ описаніи придется еще не разъ повторять. Общимъ для всѣхъ членовъ этого порядка является строеніе органовъ размноженія и присутствіе сумочныхъ костей. Эти послѣднія образуются изъ сухожилій кривой брюшной мышцы, прикрѣпляющихся къ переднему краю лобковой кости; они окостенѣваютъ и становятся такъ называемыми сумочными костями; эти кости существуютъ также и у самцовъ, а у самокъ, укрѣпляя стѣнки живота, содѣйствуютъ тому, чтобы защитить дѣтеныша, находящагося въ сумкѣ, отъ давленія брюшныхъ внутренностей матери. Въ сумкѣ расположены молочные соски, къ которымъ и присасываются недонашиваемые дѣтеныши. Сумка можетъ представлять изъ себя совершенный карманъ, но также можетъ уменьшиться до двухъ складокъ кожи или совершенно не развиваться. Дѣтеныши появляются на свѣтъ въ такомъ состояніи, какъ ни одно изъ высшихъ млекопитающихъ. Они малы, голы и слѣпы; члены ихъ — маленькія кул-
тяпки.

Сумчатое животное мечетъ своихъ дѣтенышей послѣ очень короткой беременности, беретъ ихъ ртомъ и прикладываетъ къ соску. Здѣсь они остаются прицѣпившись до тѣхъ поръ, пока органы чувствъ и члены не достигнутъ развитія, а у тѣхъ видовъ, которые снабжены развитой сумкой, эта сумка остается не только гнѣздомъ и мѣстомъ убѣжища, но еще какъ бы вторичной материнской утробой. Отсюда въ послѣдствіи молодое сумчатое животное дѣлаетъ большія или меньшія вылазки; все свое дѣтство, однако, оно проводитъ около соска, и у большинства этого замѣчательнаго отряда зародышъ содержится въ плодохранилищѣ около мѣсяца или нѣсколько больше, между тѣмъ, какъ ношеніе въ сумкѣ тянется 6—8 мѣсяцевъ. Отъ дня зачатія до того дня, когда дѣтенышъ впервые высунетъ свою голову изъ сумки, у исполинскаго кенгуру проходитъ около 7 мѣсяцевъ, а отъ этого времени до того момента, когда онъ впервые оставитъ свою сумку, проходитъ еще приблизительно 9 недѣль, да такой же срокъ молодое созданіе проводитъ частью еще въ сумкѣ, частью внѣ ея. Число дѣтенышей можетъ быть очень значительно.

Сумчатая животная живетъ въ настоящее время въ Австраліи и на нѣкоторыхъ сосѣднихъ островахъ, а также въ Южной и Сѣверной Америкѣ. Въ Америкѣ водятся только члены одного семейства, при чемъ большая часть на югѣ этой части свѣта. Соотвѣтственно своему очень различному тѣлосложенію, сумчатая животная имѣютъ также мало общаго въ образѣ жизни; одни изъ нихъ плотоядныя, другія — травоядныя; многія живутъ на твердой землѣ, другія же на деревьяхъ, а нѣкоторыя порой и въ водѣ; большинство ихъ ночныя животныя, но есть и такія, которыя дѣятельны въ теченіе дня. Между хищными есть ловкіе бѣгуны и лазальщики, а среди травоядныхъ проворные и выносливые прыгуны; однако, при сравненіи съ болѣе высоко развитыми млекопитающими, нельзя не признать, что какъ тѣ, такъ и другіе уступаютъ въ подвижности послѣднимъ: даже самое совершенное хищное сумчатое далеко не достигаетъ подвижности настоящихъ хищниковъ. Какое бы мы ни взяли сумчатое — въ сравненіи съ соотвѣтствующимъ приблизительно ему высшимъ млекопитающимъ оно будетъ казаться намъ бездушнымъ созданіемъ, неспособнымъ ни къ развитію, ни къ облагороженію и недоступнымъ ни обученію, ни дрессировкѣ. Особенно очевидными дѣлаются несовершенство, необработанность и неуклюжесть сумчатого животнаго, когда принять во вниманіе его духовныя способности. Равнодушіе ко всему окружающему, поскольку, можетъ быть, дѣло не идетъ о захватѣ добычи, безучастность къ самымъ разнообразнымъ отношеніямъ, отсутствіе какой либо склонности, любви или дружбы, — общи, повиди-

мому, всё сумчатымъ. Даже мать обнаруживаетъ равнодушіе къ своимъ дѣтенышамъ, которыми она занимается больше и продолжительнѣе любого высшаго животнаго. Если же на дѣлѣ и обнаруживаются проявленія материнства и нѣжности, то внимательному наблюдателю они кажутся скорѣе механическими, но не сознательными дѣйствіями.

Пища сумчатыхъ очень различна. Всѣ виды, соотвѣствующіе хищнымъ животнымъ, преслѣдуютъ другихъ животныхъ, ѣдятъ ракушекъ, рыбъ и то, что выброситъ на берегъ море, или же падалъ сухопутныхъ животныхъ; болѣе мелкіе виды охотятся за птицами, насѣкомыми и червями; травоядные питаются плодами, листьями, травами и кореньями, которые они отгрызаютъ и объѣдаютъ. Первые причиняютъ разный вредъ и досаждаютъ, гоняясь за стадами, прокрадываясь ночью въ курятники и дѣлаютъ тому подобныя безчинства, вторые же врядъ ли слишкомъ непріятны уже по той причинѣ, что вновь поселяющійся бѣлый человѣкъ, захватывая въ свое владѣніе землю, старается какъ можно скорѣе истребить ихъ не потому, чтобы онъ преслѣдовалъ какую-нибудь опредѣленную цѣль, а просто тѣша свою необузданную страсть къ охотѣ. Въ общемъ, ни польза, ни вредъ, приносимые сумчатыми, не имѣютъ значительной важности. Мясомъ и шкурой пользуются только отъ немногихъ, съ остальными же не знаютъ, что и дѣлать.

6 семействъ, 37 родовъ и 151 видъ сумчатыхъ, насчитанные въ 1888 году Томасомъ, раздѣляются на два подпорядка, характеризующіеся строеніемъ зубовъ — травоядныхъ и плотоядныхъ.

Въ первое семейство травоядныхъ мы соединяемъ сумчатыхъ прыгуновъ (*Macropodidae*), характеризующихся строеніемъ зубовъ и своей по большей части очень-своеобразной фигурой. Въ верхней челюсти съ каждой стороны обыкновенно находится 3 рѣзца, изъ которыхъ самый крупный передній и, въ исключительныхъ случаяхъ, только одинъ клыкъ, въ нижней же есть только одинъ широкій, долотообразный рѣзецъ и никогда не бываетъ клыковъ; кромѣ того въ каждой челюсти какъ вверху, такъ и внизу съ обѣихъ сторонъ есть по 2 зуба мудрости и по 4 коренныхъ зуба. Сумчатые прыгуны двигаются, какъ это и соотвѣтствуетъ ихъ названію, по большей части въ припрыжку; нѣкоторые виды умѣютъ между прочимъ лазать по деревьямъ.

Подсемейство кенгуру (*Macropodinae*) включаетъ въ себѣ рядомъ съ великанами всего порядка и небольшихъ животныхъ величиной съ кролика, но всѣ они созданія, обладающія въ высшей степени странной фигурой. Объемъ туловища кенгуру увеличивается по направленію спереди назадъ, такъ что самая развитая часть тѣла — поясничная область, благодаря замѣчательно развитымъ заднимъ конечностямъ. Въ противоположность имъ, голова и грудь развиты необыкновенно слабо. Движеніе кенгуру обусловлено почти исключительно задней частью его тѣла, вслѣдствіе чего становится понятнымъ и развитіе ея. Кенгуру можетъ пользоваться своими слабыми передними конечностями, только въ очень ограниченной степени для передвиженія и для захватыванія пищи, тогда какъ очень удлиненыя заднія конечности и мощный хвостъ дѣлаютъ для него возможнымъ движеніе прыжками. Изъ всѣхъ частей этого животнаго наиболѣе подробнаго описанія безусловно заслуживаютъ хвостъ и заднія ноги. Эти конечности состоятъ изъ крѣпкаго бедра, длинной голени и непропорціонально удлиненой пятки и стопы съ длинными и сильными пальцами, изъ которыхъ четвертый несетъ мощный, копытообразный ноготь. Число пальцевъ доходитъ здѣсь, за отсутствіемъ большого пальца, только до четырехъ. Хвостъ сравнительно толще и длиннѣе, чѣмъ у любого другого млекопитающаго, и чрезвычайно мускулистъ. Переднія конечности въ сравненіи съ этими членами нисходятъ на степень обрубкоподобныхъ органовъ хватанія, чѣмъ, однако, мы никоимъ образомъ не хотимъ сказать, чтобы и подвижность

ихъ была тоже уменьшена. Это животное употребляетъ свои переднія конечности на подобіе рукъ; онѣ имѣютъ пять пальцевъ; эти пальцы вооружены круглыми ногтями; ногти развиты не очень сильно, но всѣ въ одинаковой степени. Голова кажется чѣмъ то среднимъ между головой оленя и зайца.

Родина кенгуру — Австралія и сосѣдніе съ ней острова; широкія, богатая травой равнины въ центрѣ этой части свѣта — наиболѣе предпочитаемыя имъ мѣста, гдѣ онъ держится. Нѣкоторые виды предпочитаютъ травянистымъ равнинамъ, похожимъ на паркъ, мѣстности, покрытыя кустарникомъ, другіе — скалистые горные хребты; есть и такіе, которые избираютъ мѣстомъ своего пребыванія непроницаемую чащу, въ которой они должны сперва продѣлывать себѣ тропинки, обламывая сучья и вѣтви, или же живутъ — какъ бы это ни могло показаться невѣроятнымъ — даже на скалахъ и деревьяхъ. Большинство видовъ промышляютъ для поддержанія своего существованія днемъ; напротивъ того, болѣе мелкіе виды — ночныя животныя, прячущіяся днемъ въ углубленіяхъ на поверхности земли и регулярно возвращающіяся въ нихъ. Нѣкоторые живутъ также въ расщелинахъ скалъ, куда они регулярно возвращаются, уходя съ пастбища.

Кенгуру безусловно принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ млекопитающихъ. Въ сущности, все въ нихъ заслуживаетъ вниманія: движеніе и покой, родъ и способъ добыванія пищи, размноженіе, развитіе и душевный складъ. Походка ихъ, которую особенно хорошо можно наблюдать, когда они пасутся, заключается въ тяжеловѣсномъ, неуклюжемъ припрыгиваніи впередъ. Животное упирается своими ладонями и затѣмъ просовываетъ между передними конечностями заднія ноги, такъ что послѣднія стоятъ впереди и между первыхъ. При этомъ оно должно сзади подпираться хвостомъ, потому что безъ этого оно не могло бы такъ высоко поднять своихъ заднихъ ногъ, чтобы подобныя движенія заднихъ ногъ были возможны. Но кенгуру никогда не остается въ этомъ въ высшей степени неудобномъ для него положеніи долѣе, чѣмъ это безусловно необходимо. Даже когда онъ щиплетъ траву, онъ обыкновенно садится на заднія ноги и хвостъ, а переднія конечности спокойно свѣшиваются. Какъ скоро кенгуру ощиплетъ какое-нибудь любимое растеніе, онъ встаетъ, чтобы переварить его и принимаетъ свое обычное положеніе. При этомъ туловище его опирается на подошвы ногъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на твердо упершійся сзади хвостъ, благодаря чему его тѣло надежно и удобно покоится какъ бы на треножникѣ. Мелкіе виды во время сна принимаютъ такое же положеніе, какъ заяцъ въ своей норѣ: они опускаются, плотно прижавшись къ землѣ, на всѣ четыре ноги и на хвостъ, вытянутый подъ брюхомъ вдоль тѣла. Эта поза даетъ имъ возможность тотчасъ же во всякую минуту обратиться въ бѣгство.

Когда кенгуру замѣтитъ гдѣ-нибудь что-либо подозрительное, то прежде всего у него является мысль о бѣгствѣ. Тутъ онъ проявляетъ всю свою подвижность. Какъ и всегда, когда его походка ускоряется, онъ прыгаетъ тутъ исключительно на заднихъ ногахъ, но дѣлаетъ такіе прыжки, которые своей шириной превосходятъ прыжки всѣхъ другихъ животныхъ. Онъ плотно прижимаетъ къ груди свои переднія конечности, вытягиваетъ хвостъ прямо и назадъ, отталкивается отъ земли длинными, стройными и тонкими ногами изо всѣхъ силъ своихъ могучихъ мышцъ бедра, бросается впередъ и летитъ по воздуху какъ стрѣла, описывая въ воздухѣ отлогую дугу. Одинъ прыжокъ слѣдуетъ непосредственно за другимъ, при чемъ каждый изъ нихъ имѣетъ по меньшей мѣрѣ 3 метра въ ширину, а у очень крупныхъ видовъ нерѣдко отъ 6 до 10 метровъ, при 2—3 метрахъ вышины. Пойманные кенгуру, мечущіеся въ разныя стороны въ своей слишкомъ высокой загородѣ, дѣлаютъ прыжки въ 8 метровъ длины. Ясно, что для преслѣдованія кенгуру нужна самая лучшая собака, и дѣйствительно, имѣется весьма немногіе охотничьихъ собакъ, годныхъ для этого. На заросшей землѣ преслѣдованіе прекращается очень скоро, такъ какъ летучій кенгуру легко перескакиваетъ черезъ кустарники, находящіеся на его пути, тогда какъ собака должна обходить ихъ. На неровной почвѣ кенгуру двигается медленнѣе; особенно трудно для него спускаться съ обрывовъ, потому что тутъ онъ легко убивается благодаря

силѣ своихъ прыжковъ. Впрочемъ, бѣгущее животное выдерживаетъ, не уставая, нѣсколько часовъ.

Между чувствами кенгуру выше всѣхъ стоитъ слухъ; по крайней мѣрѣ, у живущихъ въ неволѣ замѣчается постоянное движеніе ушей, на подобіе того, какъ у нашей благородной дичи. Зрѣніе слабѣе, а обоняніе, дѣйствительно, довольно неразвито. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые наблюдатели передаютъ, что эти животныя обладаютъ прекраснѣйшимъ зрѣніемъ, слухомъ и чутьемъ. Точно также эти созданія одарены очень слабо духовными качествами; съ этой стороны ихъ далеко превосходятъ даже овцы. Все непривычное заставляетъ ихъ терять голову, такъ какъ они лишены способности быстро разбираться въ новыхъ положеніяхъ. Мозгъ ихъ работаетъ медленно; каждое впечатлѣніе, ощущаемое ими, доходить до ихъ сознанія весьма медленнымъ и постепеннымъ путемъ. Сумчатый прыгунъ, живущій въ неволѣ, съ трудомъ научается узнавать человѣка, да и то я сомнѣваюсь, чтобы онъ отличалъ своего сторожа отъ другихъ людей.

У всѣхъ кенгуру размноженіе идетъ слабо. Крупные виды рѣдко приносятъ болѣе, чѣмъ одного дѣтеныша. Несмотря на значительный ростъ нѣкоторыхъ кенгуру, беременность у самокъ продолжается изумительно короткое время, такъ, напримѣръ, у исполинскаго кенгуру только 39 дней. По истеченіи этого времени рождается, въ собственномъ смыслѣ этого слова, дѣтенышъ. Мать беретъ его въ ротъ, открываетъ обѣими передними лапами свою сумку и прикладываетъ это маленькое, невзрачное существо къ одному изъ своихъ сосковъ. 12 часовъ послѣ рожденія молодой исполинскій кенгуру имѣетъ нѣсколько болѣе 3 сантиметровъ въ длину. Его можно сравнить только съ зародышами другихъ животныхъ, такъ какъ онъ совершенно незрѣлъ, прозраченъ, мягокъ, червеобразенъ; глаза его закрыты, уши и ноздри едва только обозначены, конечности еще не сформировались. На взглядъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства между нимъ и его матерью. Переднія конечности положительно на треть длиннѣ заднихъ. Онъ виситъ на соскѣ въ сильно скрюченномъ положеніи, короткій хвостъ его между задними ногами выгнуть вверхъ; тутъ у него нельзя подмѣтить ни одного движенія: онъ не способенъ даже самостоятельно сосать. Какъ скоро онъ прицѣпится къ соску, тотъ такъ сильно разбухаетъ, что губы дѣтеныша плотно охватываютъ его, а припухшая часть молочныхъ бородавокъ окружаетъ его ротъ. Поскольку до сихъ поръ извѣстно, молодой кенгуру не сосетъ самъ, а снабжается молокомъ безъ собственныхъ усилій, такъ какъ оно брызжетъ изъ соска прямо ему въ ротъ. Въ теченіе почти 8 мѣсяцевъ онъ питается исключительно въ сумкѣ; нѣсколько раньше онъ уже высываетъ иногда свою голову изъ мѣшка, но и тогда еще не въ состояніи двигаться самостоятельно.

Наблюдалось, что молодой кенгуру, оторванный силою отъ соска или самъ случайно отпавшій отъ него, вновь присасывается къ соску по истеченіи довольно долгаго промежутка времени. Лейслеръ рассказываетъ, что одинъ довольно развитый дѣтенышъ, котораго онъ нашелъ уже полухолоднымъ на соломѣ, былъ приложенъ имъ къ соску, и что онъ продолжалъ расти. Изъ другихъ новѣйшихъ наблюденій вытекаетъ, что кенгуру, достигши извѣстной величины, растетъ очень быстро, въ особенности съ того времени, когда у него начнетъ пробиваться шерсть. При этомъ онъ получаетъ способность выпрямлять свои уши, до той поры вяло висѣвшія на головкѣ. Съ этой же поры онъ начинаетъ очень часто показываться наружу, когда его мать сидитъ спокойно. Голова его вытягивается впередъ, глаза озираются, а ручки начинаютъ копаться въ сѣнѣ, и звѣрекъ начинаетъ уже ѣсть. Самка все еще проявляетъ свою заботливость относительно своего дѣтеныша, но она не такъ уже боязлива, какъ раньше. Сначала она допускала какую-нибудь попытку взглянуть или прикоснуться къ дѣтенышу въ сумкѣ только послѣ величайшаго сопротивленія. Да и самъ дѣтенышъ тоже крайне боязливъ и при малѣйшемъ неудобствѣ прячется назадъ въ сумку. Впрочемъ, тутъ онъ сидитъ вовсе не въ одномъ вертикальномъ положеніи, но принимаетъ всевозможныя позы. Можно видѣть, какъ изъ сумки выглядываетъ голова, а рядомъ съ ней нерѣдко выставлены обѣ заднія ноги и хвостъ, или же другой разъ замѣчаются только одни эти

члены, а головы вовсе не видно. Очень забавное зрѣлище представляетъ мать, желающая продолжать свой путь и загоняющая въ мѣшокъ выглядывающаго оттуда дѣтеныша: если онъ не повинуется безпрекословно, она даетъ маленькому шалуну тихій шлепокъ своими ладонями. Черезъ нѣсколько времени послѣ того момента, когда дѣтенышъ выглянулъ впервые изъ своей сумки, онъ то покидаетъ свое укромное мѣстечко, то возвращается въ него, и бродитъ на свободѣ вмѣстѣ со взрослыми, но еще долгое время убѣгаетъ въ сумку, какъ скоро испугается какой-нибудь опасности. Онъ подбѣгаетъ сильными прыжками и, ни минуты не задерживаясь, бросается внизъ головой въ полуоткрытую сумку спокойно сидящей на заднихъ ногахъ матери, поворачивается тамъ и выглядываетъ изъ отверстія сумки.

На своей родинѣ кенгуру является важнѣйшей дичью и въ качествѣ таковой служить предметомъ страстной охоты какъ для хищныхъ животныхъ, такъ и для людей — какъ туземцевъ, такъ и бѣлыхъ. Черные стараются какъ можно незамѣтно подкрасться къ обществу пасущихся кенгуру и умѣютъ такъ мастерски обойти ихъ, что жертвами ихъ падаетъ, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько штукъ изъ стада. Кромѣ того, австралійцы умѣютъ готовить и искусно разставлять разнаго рода капканы и силки. Но гораздо болѣе урона наносятъ кенгуру бѣлые, чѣмъ австралійцы. Для истребленія ихъ употребляютъ всевозможныя средства, ловятъ капканами, бьютъ изъ ружей, затравливаютъ до смерти собаками, и все это единственно ради необузданнаго желанія, только для того чтобы убить, такъ какъ трупы убитыхъ оставляютъ гнить въ лѣсу. „Вотъ причина“, пишетъ одинъ неизвѣстный, „почему въ окрестностяхъ всѣхъ довольно большихъ городовъ и поселеній всѣ кенгуру уже истреблены. И если продолжится такая опустошительная охота, то не долго ждать, когда эти животныя будутъ даже и внутри материка считаться въ числѣ самыхъ рѣдкихъ млекопитающихъ.“ Зажиточные колонисты охотятся на кенгуру обыкновенно съ собаками и употребляютъ для этого особый видъ охотничьихъ собакъ, которыя такъ и называются „собаки по кенгуру“. Хорошія собаки скоро справляются съ кенгуру, въ особенности, если мѣстность болотиста, а также умѣютъ ловко оберегаться отъ самаго опаснаго оружія кенгуру. Но охота на кенгуру идетъ не всегда такъ безпрепятственно, какъ это можно было бы думать, потому что даже и это мирное животное умѣетъ защищаться. Сила его заключается въ мощныхъ заднихъ ногахъ, четвертый палецъ которыхъ, какъ извѣстно, обладаетъ острымъ ногтемъ. Этимъ ногтемъ онъ наноситъ своему врагу опасныя раны. Молодые собаки обыкновенно попадаютъ въ кругъ дѣйствія этихъ заднихъ ногтей; нѣсколько глубокихъ ранъ или ударовъ, полученныхъ ими отъ отбивающагося задними ногами кенгуру, дѣлаютъ ихъ очень скоро осторожными. Въ случаѣ нужды животное пытается защищаться также и зубами.

Всѣ виды кенгуру уживаются безъ особыхъ трудностей въ неволѣ; ихъ легко можно содержать на сѣнѣ, зеленомъ корму, рѣпѣ, зернѣ, хлѣбѣ и т. п., зимой же они не требуютъ никакихъ особыхъ теплыхъ помѣщеній и при соответствующемъ уходѣ размножаются безъ затрудненій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ баронъ Филиппъ фонъ-Бёзелагеръ сдѣлалъ попытку поселить въ Германіи видъ кенгуру Валлаби Геннета, а именно въ Рейнской провинціи, въ Геймерцгеймскомъ лѣсу въ 500 гектаровъ величиной. Сообщалось, что эти кенгуру хорошо чувствовали и размножались въ своемъ новомъ отечествѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, были застрѣлены безъ позволенія, другіе ускакали, а также нѣкоторое количество ихъ, должно быть, переселилось въ Эйфель, но все же нашъ почтенный авторъ могъ еще сообщить весной 1890 г. въ охотничьей газетѣ „Охотникъ“ слѣдующее: „Какъ бы то ни было, дѣло обстоитъ такъ, что мы владѣемъ здѣсь той породой кенгуру, которая быстро и вѣрно размножается.“

*

Исполинскій кенгуру (*Macropus giganteus*), бомеръ колонистовъ, принадлежитъ къ самымъ крупнымъ видамъ описываемаго нашего семейства. Очень старые самцы въ сидячемъ положеніи почти достигаютъ вышины человѣческаго

роста; длина ихъ доходить до 3 метровъ, изъ которыхъ на хвостъ мы должны отнести до 90 сантиметровъ, вѣсъ колеблется между 100 и 150 килограммами. Самка въ среднемъ на треть меньше самца. Волосяной покровъ ихъ богатъ, густъ, блестящъ и мягокъ, почти шерстистъ, цвѣтъ его трудно опредѣлить: это бурый, смѣшанный съ сѣрымъ. Предплечія, голени и стопа бѣлаго или сѣровато-бѣлаго, пальцы черноватаго цвѣта; голова такого же цвѣта, какъ и спина, но имѣетъ на сторонахъ темныя полосы; хвостъ буроватаго цвѣта, къ концу становится постепенно темнѣе, а на кончикѣ черный.

Кукъ открылъ этотъ видъ кенгуру въ 1770 г. на берегахъ Новаго Южнаго Валлиса и удержалъ за нимъ туземное названіе. Это животное держится на покрытыхъ травой пастбищахъ или въ рѣдкихъ поросляхъ кустарника, какія часто можно встрѣтить въ Австраліи. Въ кустарники оно удаляется, главнымъ образомъ, лѣтомъ, чтобы укрыться отъ жгучаго южнаго солнца. Въ настоящее время исполинскій кенгуру оттѣсненъ вслѣдствіе постоянныхъ преслѣдованій далеко вглубь страны, да и тутъ становится все рѣже. Онъ живетъ группами, но не такъ общителенъ, какъ это сначала думали наблюдатели, введенные въ заблужденіе тѣмъ, что представители различныхъ семействъ соединялись вмѣстѣ. Обыкновенно наше животное встрѣчается по три, по четыре да и между ними связь настолько слаба, что, собственно говоря, они совсѣмъ не заботятся другъ о другѣ, но каждый изъ нихъ идетъ независимо своимъ собственнымъ путемъ. Особенно хорошее пастбище собираетъ къ себѣ довольно большое количество ихъ, но какъ скоро мѣстность использована, всѣ они опять расходятся. Раньше полагали, что самцовъ можно принять за вожаковъ стада, вѣроятно потому, что, казалось, благодаря ихъ большому росту, что они какъ бы были предназначены къ этой должности. Но и это положеніе было откинуто, какъ невѣрное. Всѣ наблюдатели единогласно говорятъ, что исполинскій кенгуру крайне пугливъ и трусливъ, и человѣку только изрѣдка удается подойти къ нему, насколько онъ хочетъ. Въ настоящее время исполинскаго кенгуру можно видѣть въ неволѣ у насъ рѣже, чѣмъ прежде, потому что тогда онъ и у себя на родинѣ встрѣчался гораздо чаще. При хорошемъ уходѣ онъ и у насъ выживаетъ долгое время; нѣкоторые экземпляры жили въ Европѣ отъ 10 до 25 лѣтъ.

Горными животными этого семейства являются виды горнаго кенгуру (*Petrogale*); къ наиболѣе высоко развитымъ видамъ принадлежитъ желтоногій кенгуру (*Petrogale xanthopus*) и южноавстралийскій скалистый кенгуру (*Petrogale penicillata*). Послѣдній достигаетъ 1,25 метра длины, включая сюда и хвостъ такой же длины, какъ и туловище, на концѣ котораго есть пучекъ волосъ; онъ глубокаго пурпурно-сѣраго цвѣта, бока его бѣло-бурые, задъ черный, а нижняя часть тѣла бурая или желтоватая.

Горныя цѣпи южной Австраліи даютъ пріютъ порядочному числу скалистыхъ кенгуру, однако часто видѣть его нельзя, такъ какъ онъ — другъ ночи, который крайне рѣдко выходитъ до заката солнца изъ темныхъ пещеръ и проходовъ скалъ. Ловкость, съ которой онъ карабкается по отвѣснымъ скаламъ, сдѣлала бы честь любой обезьянѣ. Умѣнье лазать охраняетъ его отъ преслѣдованій человѣка и другихъ враговъ гораздо лучше, чѣмъ другихъ родичей. Въ новое время не разъ привозили къ намъ живыхъ скалистыхъ кенгуру, и въ настоящее время ихъ можно видѣть во многихъ зоологическихъ садахъ. Своимъ поведеніемъ, помимо любви къ лазанью, они ничѣмъ не отличаются отъ сородичей.

*

Умѣнье лазать сумчатыхъ прыгуновъ доходить до своей высшей точки у четырехъ видовъ древеснаго кенгуру (*Dendrolagus*) изъ Новой Гвинеи и Сѣвернаго Квинслэнда. Большія и сильныя переднія конечности, мало чѣмъ уступающія заднимъ ногамъ, составляютъ весьма характерный признакъ у этого рода. Кенгуру-медвѣдь (*Dendrolagus ursinus*) Новой Гвинеи — довольно большое





„Жизнь животныхъ Бразилъ“ I.

КЕНГУРУ.

Т. 10 „Изрѣченіе“ въ Сиб.

животное, длина котораго равна 1,25 м., изъ которыхъ болѣе, чѣмъ половину, надо отнести на долю хвоста.

Всѣ наблюдатели единогласно говорятъ, что древесный кенгуру — самое замѣчательное явленіе, какое только можно себѣ представить; онъ весело движется по вѣтвямъ и продѣлываетъ почти всѣ тѣ фокусы лазанья, которые, вообще, наблюдаются среди животныхъ класса млекопитающихъ. Это животное съ величайшей легкостью взбирается по древеснымъ стволамъ, спускается и поднимается по нимъ съ увѣренностью бѣлки; но, несмотря на это, оно все-таки кажется настолько чуждымъ этой средѣ, что всякій зритель бываетъ положительно озадаченъ, когда это темношерстое, длинноногое созданіе незримо взбирается на дерево и начинаетъ



Желтоногий кенгуру (*Petrogale xanthopus*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

гамъ двигаться по колеблющимся вѣтвямъ. Соотвѣтственно своему мѣсту жительства, кенгуру ѣстъ преимущественно листья, почки и побѣги деревьевъ, вѣроятно онъ поѣдаетъ также и плоды. Въ неволѣ его можно видѣть рѣдко.

Маленькіе сумчатые прыгуны имѣютъ названіе кенгуру-крысы (*Potoroinae*). Они все еще очень походятъ на своихъ большихъ родичей, но отличаются отъ нихъ, кромѣ своей небольшой величины, длинными ногтями на среднихъ пальцахъ переднихъ конечностей и, главнымъ образомъ, строеніемъ зубовъ. Это подсемейство ограничивается материкомъ Австраліи и Тасманіей.

*

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ видовъ кенгуру-крысъ есть крыса-опоссумъ (*Bettongia penicillata*) животныя, величиной съ кролика, съ очень короткими круглыми ушами и довольно длинной шерстью. Цвѣтъ верхней стороны сѣро-бу-

рый съ чернымъ и бѣлымъ отливомъ, нижняя сторона грязно-бѣлаго или желтоватаго цвѣта. Крыса-опоссумъ особенно отличается гребнемъ длинныхъ, черныхъ клочковатыхъ волосъ на нижней трети хвоста; длина его, въ общемъ, 67 см., изъ нихъ на хвостъ приходится 31 см. Родина его весь материкъ Австраліи, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ областей.

„Подобно прочимъ видамъ этого рода, крыса-опоссумъ роетъ себѣ въ землѣ нору“, какъ сообщаетъ Гульдъ, „гдѣ и дѣлаетъ свое толстостѣнное гнѣздо изъ травы; видъ этой норы настолько хорошо согласуется съ окружающей природой, что ее навѣрное не замѣтитъ безъ самаго тщательнаго изслѣдованія. Очень замѣчательно, какъ этотъ карликовый кенгуру доставляетъ для своего гнѣзда жесткую траву. Онъ производитъ это съ помощью хвоста, которымъ онъ можетъ очень



Крыса-опоссумъ (*Bettongia penicillata*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

удобно захватывать. Животное охватываетъ своимъ хвостомъ какой-нибудь кустикъ и тащитъ его на определенное мѣсто; можно себѣ представить, какое это удивительное и забавное зрѣлище. Живя въ неволѣ, они подобнымъ же образомъ таскаютъ матеріалы въ свое логовище“.

*

Кенгуру-крысы (*Potorous tridactylus*) узнаются по своему продолговатому туловищу, короткимъ ногамъ и крысиному хвосту. Длина ихъ тѣла достигаетъ 40 см., длина хвоста 25 см. Туловище коротко и приземисто, шея толста, хвостъ длинный, ровный, имѣетъ довольно развитыя кольца и чешуйки, кромѣ того покрытъ рѣдкими, отдѣльными, короткими и жесткими волосами, но часть его совершенно лишена ихъ. Длинный, линючій, слабо блестящій мѣхъ сверху темно-бураго цвѣта, на нижней же сторонѣ тѣла грязновато или желтовато-бѣлаго цвѣта.

Родина кенгуру-крысы колоніи Новаго Южнаго Валлиса, Викторіи, Южной Австраліи и Тасманіи. Она живетъ въ разбросъ въ мѣстностяхъ, покрытыхъ кустарникомъ и избѣгаетъ открытыхъ пастбищъ. Тамъ, гдѣ она держится, она вырываетъ себѣ небольшое углубленіе въ землѣ между кустиками травы, тщательно забрасываетъ его сухой травой и сѣномъ и спитъ въ немъ днемъ, обыкновенно

вмѣстѣ съ другими особями своего вида, потому что она также настоящее ночное животное, появляющееся наружу только послѣ заката солнца.

Кенгуру-крыса отличается очень существенно отъ настоящаго кенгуру своими движеніями. Она бѣжитъ гораздо легче и совершенно не такъ, какъ послѣдній, а скорѣе вродѣ тушканчика, т. е. переставляя свои заднія ноги одну за другой, а не обѣ въ одно время. Что касается пищи, то она отличается отъ всѣхъ до сихъ поръ описанныхъ родичей. Она выкапываетъ, главнымъ образомъ, клубни, корнеплоды и корни, благодаря чему иногда наносить чувствительный вредъ въ поляхъ. Это животное, со времени учрежденія зоологическихъ садовъ, нерѣдко привозилось живымъ въ Европу. Оно прекрасно живетъ на своей простой пищѣ, и вовсе не требуетъ никакихъ особыхъ мѣръ предосторожности. Ему совершенно достаточно набитаго сѣномъ ящика или маленькой землянки; если же ему даже и



Коала (*Phascolarctus cinereus*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

вовсе не дать помѣщенія, то оно само выроетъ себѣ логово въ землѣ и заботливо снабдитъ его, какъ и у себя на родинѣ, травой, листьями и сѣномъ.

Въ семейство лазающихъ сумчатыхъ (*Phalangeridae*) соединяютъ три подсемейства; члены ихъ, по большей части, травоядные, рѣже плотоядные или насѣкомоядные, ведутъ жизнь на деревьяхъ. Они характеризуются пятью пальцами на переднихъ и заднихъ конечностяхъ, простымъ желудкомъ и хорошо развитой сумкой, открывающейся спереди. На заднихъ ногахъ второй и третій пальцы срастаются вмѣстѣ, тогда какъ четвертый длиннѣе всѣхъ, а не имѣющій ногтя большой палецъ можетъ быть противопоставленъ всѣмъ остальнымъ; пальцы же переднихъ ногъ приблизительно равны между собой.

*

Первое подсемейство, представляемое только однимъ родомъ и видомъ, знакомитъ насъ съ коала или сумчатымъ медвѣдемъ (*Phascolarctus cinereus*), однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сумчатыхъ животныхъ. Его безхвостое туловище плотно, голова очень толста, морда коротка, ротъ снабженъ защечными сумками, уши велики и покрыты пучками волосъ; пятипалыя лапы переднихъ и заднихъ конечностей образуютъ настоящія хватательныя ступни. На переднихъ ко-

нечностяхъ оба внутренніе пальца можно противопоставить тремъ остальнымъ; заднія ноги имѣютъ сильный большой палецъ, лишенный ногтя, но равнымъ образомъ можетъ быть противопоставленъ, а остальные пальцы, очень неравной величины, вооружены острыми, длинными и кривыми ногтями, а потому весьма приспособлены къ лазанью. Что касается зубовъ, то среди нихъ выдаются неравные верхніе рѣзцы, изъ которыхъ сильнѣе всего развитъ и больше всѣхъ первый, маленькіе рѣзцы и скорѣе бугорчатые коренные зубы.

Названіе „сумчатый медвѣдь“ характерно, потому что коала положительно имѣетъ сходство съ медвѣженкомъ какъ въ фигурѣ и походкѣ, такъ и во всей своей позѣ. Длина его достигаетъ приблизительно 60 см., высота загривка равна приблизительно половинѣ длины. Цвѣтъ верхней стороны — изкрасна аспидно-сѣрый, нижней стороны бѣловато-сѣрый, наружная сторона ушей черно-сѣраго цвѣта.

Родина сумчатого медвѣдя восточная Австралія и Квинслэндъ до Викторіи. Нигдѣ онъ не встрѣчается часто, и поэтому еще довольно мало извѣстенъ. На самыхъ высокихъ деревьяхъ онъ движется, парочкой, вмѣстѣ со своей самкой, но съ такою медленностью, которой онъ обязанъ другимъ названіемъ „австралійскаго лѣнивца“. Это полуночное животное, по крайней мѣрѣ, самую свѣтлую и жаркую часть дня оно проводитъ въ снѣ, глубоко запрятавшись въ вершинахъ дерева гумми. составляющаго наиболѣе предпочитаемое имъ мѣсто жительства. Обѣденная пора начинается у него подъ вечеръ. Спокойный, не тревожимый остальными созданіями. населяющими чащу, онъ съ чрезвычайной постепенностью объѣдаетъ молодые листья и побѣги сучьевъ, держась передними лапами за сучья и отгрызая листья рѣзцами.

Надѣленный тупыми чувствами онъ даетъ себя поймать безъ большого труда. и безропотно отдается неизбѣжному, даже и неволѣ. Здѣсь онъ не только скоро становится очень ручнымъ, но быстро научается узнавать также своего попечителя и даже нѣсколько привязывается къ нему.

Насколько извѣстно, самка приноситъ только одного дѣтеныша. Она долго еще послѣ того, какъ онъ покинетъ сумку, таскаетъ его съ собой на спинѣ или плечахъ и обращается съ нимъ съ большою любовью и заботливостью. Европейцы познакомились съ коала впервые съ 1803 г.; туземцы, называющіе его горибунъ, издавна смотрѣли на него, какъ на цѣнную дичь. Они преслѣдуютъ его съ большимъ стараніемъ ради его мяса; при этомъ охотники лазаютъ за нимъ на деревья.

Самое богатое видами подсемейство составляютъ мелкія сумчатая (Phalangerinae), которыя самое большее, если достигаютъ величины куницы. Хвостъ ихъ обыкновенно — длинный цѣпкій, морда короткая и толстая.

*

Въ лѣсахъ острова Целебеса, Новой Гвиней, въ группѣ Тиморскихъ острововъ и сѣверномъ Квинслэндѣ живутъ члены своеобразнаго рода нашего подсемейства, кускусы (Phalanger). Они обладаютъ неуклюжей фигурой, короткими или средней длины ушами, прямо стоящими зрачками и густымъ, болѣе или менѣе шерстистымъ мѣхомъ; хвостъ покрытъ волосами только у рѣпицы, но нижняя половина его обнажена и шерховата.

Длина взрослого пятнистаго кускуса или Вангала жителей Аруса (Phalanger maculatus), одного изъ самыхъ красивыхъ видовъ этой группы, достигаетъ 1,1 метра, изъ которыхъ надо отнять около 48 см., которые приходятся на хвостъ. Тѣло его покрыто густымъ, шерстистымъ, мягкимъ какъ шелкъ, мѣхомъ. Цвѣтъ его многократно измѣняется. Обыкновенно бѣлая, отливающая желтоватымъ или сѣроватымъ, верхняя сторона мѣха имѣетъ рисунокъ изъ большихъ, ярко ржаво-красныхъ, темнобурыхъ или черныхъ пятенъ, которыя исчезаютъ на наружной сторонѣ ногъ; нижняя сторона никогда не бываетъ покрыта пятнами, имѣетъ чисто бѣлый цвѣтъ.

Пятнистый кускусъ живетъ на островахъ, лежащихъ къ востоку отъ Целебеса и Новой Гвиней, и въ сѣверной Австраліи. Мы обязаны первыми свѣдѣніями о жизни этого животнаго голландцу Валентину. Онъ рассказываетъ, что на Амбоннѣ кускусъ или кузу, какъ его называли малайцы, былъ однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ видовъ, принадлежащихъ къ породѣ ласокъ. „Голова его имѣетъ большое сходство съ головой крысы или лисицы. Конецъ хвоста обнаженъ и искривленъ; съ помощью его онъ такъ крѣпко держится на вѣтвяхъ, что стащить его



Пятнистый кускусъ (*Phalanger maculatus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

оттуда не малая задача. Они живутъ также на Молуккскихъ островахъ, но не въ норахъ, а въ лѣсахъ, на деревьяхъ, въ особенности тамъ, гдѣ есть древесныя сѣмена. На Церамѣ и Буру ихъ больше, чѣмъ на Амбоннѣ, потому что тутъ они пугаются людей, которые ловятъ ихъ для ѣды своеобразнымъ способомъ, такъ какъ эти животныя составляютъ лакомство для туземцевъ, и въ жареномъ видѣ имѣютъ вкусъ кролика. Когда они висятъ на хвостѣ, на нихъ слѣдуетъ пристально смотрѣть; тогда они отъ страха распускаютъ свой хвостъ и падаютъ съ дерева. Но свойствомъ „сосматривать“ кускуса съ деревьевъ обладаютъ только нѣкоторые люди. Они ѣдятъ зеленые листья, наружную оболочку канарскихъ орѣховъ, пизанга и другіе сочные плоды. При этомъ они садятся, какъ бѣлки. Между задними ногами у нихъ помѣщается сумка, въ которой сохраняется 2—4 дѣтеныша“. Всѣ извѣст-

ные виды питаются въ лѣсахъ корнеплодами; въ неволѣ они ѣдятъ въ случаѣ недостатка растительной пищи также и сырое мясо. Поведеніе ихъ въ ящикѣ или клѣткѣ представляетъ такъ же мало привлекательнаго, какъ и ихъ наружность. Они медленны и тихи, сонливы и угрюмы, ѣдятъ съ жадностью и пьютъ очень много. Съ себѣ подобными они уживаются очень плохо, часто съ ворчаньемъ и пронзительнымъ крикомъ дерутся между собой, мяукаютъ какъ кошки, и царапаются. Днемъ ихъ большіе карминно-красные глаза, зрачекъ которыхъ стягивается въ узкую щелку, выглядятъ особенно глупыми и тупыми; ночью они свѣтятся, какъ и у другихъ ночныхъ животныхъ: тогда они во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ глаза лори.

*

Гораздо чаще попадали къ намъ кузу (*Trichosurus*), близко родственныя кускусамъ лазающія сумчатые животные, съ такими же зубами какъ у кускусовъ, по внѣшнему же виду отличающіяся отъ нихъ кругловатымъ зрачкомъ, большими ушами, гладкимъ мѣхомъ и хвостомъ, покрытымъ волосами сплошь до нижней стороны кончика его.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ видовъ этого рода лиса-кузу (*Trichosurus vulpecula*, *Phalangista vulpina*), животное, соединяющее, повидимому, граціозное строеніе бѣлки съ фигурой лисы. Длина тѣла доходитъ до 60 см., а хвоста — до 45 см. Цвѣтъ верхней стороны буровато-сѣрый съ тускло-красноватымъ отблескомъ, то тутъ, то тамъ сильно выступающимъ; нижняя сторона туловища свѣтлаго цвѣта желтой охры, нижняя же сторона шеи и грудь по большей части ржаво-краснаго цвѣта; спина, хвостъ и усы черныя.

Это животное обитаетъ въ Австраліи и Тасманіи; оно одно изъ самыхъ многочисленныхъ сумчатыхъ животныхъ Австраліи. Подобно всѣмъ своимъ родичамъ оно живетъ въ лѣсахъ на деревьяхъ и ведетъ исключительно ночной образъ жизни. Пища, большей частью, состоитъ изъ растительныхъ веществъ, однако кузу-лиса отнюдь не пренебрегаетъ какой нибудь маленькой птичкой или другимъ слабымъ позвоночнымъ животнымъ.

Самка производитъ на свѣтъ только двухъ дѣтенышей и очень долго носить ихъ съ собой въ сумкѣ, а впослѣдствіи также и на спинѣ, пока маленькіе не будутъ въ состояніи обходиться безъ материнскаго ухода. Въ новѣйшее время привозилось много живыхъ кузу въ Европу. Въ большинствѣ зоологическихъ садовъ есть нѣсколько штукъ ихъ. Живущіе въ неволѣ кротки и мирны, то-есть, они не дѣлаютъ попытокъ кусаться, но зато до того глупы, безучастны и лѣнны, что доставляютъ весьма немного удовольствія. Туземцы ревностно охотятся на это животное и считаютъ его мясо превосходнымъ лакомствомъ, несмотря на издаваемый имъ запахъ, который кажется намъ въ высшей степени противнымъ; кромѣ того, они находятъ многостороннее примѣненіе его шкурѣ. Они носятъ накидку, приготовленную изъ мѣха кузу, съ такимъ же удовольствіемъ, какъ мы кунью или соболью шубу.

*

Сумчатая бѣлка (*Petauroides*) обнаруживаетъ такое обманчивое сходство съ весьма извѣстными бѣлками — летягами, что ихъ можно было бы смѣшивать съ послѣдними, если бы онѣ весьма существенно не отличались отъ нашихъ грызуновъ строеніемъ зубовъ.

Единственный видъ этого рода, сумчатая бѣлка (*Petauroides volans*) обладаетъ летательной перепонкой, которая простирается впередъ до локтя, а назадъ до корня большого пальца. Длина ея тѣла доходитъ до 50 см., да приблизительно столько же имѣетъ хвостъ, нижняя сторона кончика котораго не покрыта волосами. Голова мала, морда коротка и заострена; глаза очень велики, уши широки и густо, почти пучками, покрыты волосами. На ступняхъ есть сильныя,

кривые и острые ногти. Мѣхъ длиненъ и мягокъ, на хвостъ собранъ пучками; цвѣтъ его очень измѣнчивъ. Обыкновенно верхняя сторона кажется буровато-черной, голова болѣе бурой, летательная перепонка покрыта бѣлыми крапинами; морда, челюсти и лапы черныя, горло, грудь и брюхо бѣлые.

Сумчатая бѣлка живетъ въ Австраліи, отъ Квинслэнда до Викторіи, особенно въ большихъ лѣсахъ между портомъ Филиппа и Моретонскимъ заливомъ; тамъ она должно-быть встрѣчается часто, хотя ее рѣдко можно увидеть въ неволѣ и убитой въ рукахъ туземцевъ. Будучи, какъ и всѣ ея родичи, ночнымъ животнымъ, она къ утру скрывается въ дуплахъ большихъ засохшихъ деревьевъ и здѣсь проводитъ въ снѣ цѣлый день, въ полной безопасности отъ всѣхъ своихъ враговъ, за единственнымъ исключеніемъ вѣчно голоднаго и вѣчно бдительнаго туземца. Увѣряютъ, что въ раздраженіи она превращается въ отчаяннаго бойца



Лиса-кузу (*Trichosurus vulpecula*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

и умѣетъ употреблять свои зубы почти съ той же ловкостью, какъ и кошки. Мясо ея считается лакомствомъ и когда животное достигнетъ довольно крупныхъ размѣровъ, за нимъ старательно охотятся ради жаркого; въ этой охотѣ бѣлые принимаютъ такое же участіе, какъ и черные коренные жители страны.

Когда сумчатая бѣлка окончательно проснется, она отличается ловкостью, проворствомъ и вѣрностью движеній. Она положительно перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку, прыгаетъ на значительныя разстоянія, необычайно быстро вновь взбирается на новую вершину и идетъ такимъ образомъ съ дерева на дерево, съ вершины на вершину. Длинная, мягкая и блестящая какъ шелкъ ея шерсть волнуется при этихъ прыжкахъ и блѣдный лунный свѣтъ поистинѣ волшебнымъ образомъ ложится на ея мѣхъ, гладкая поверхность котораго отражаетъ своеобразнымъ образомъ свѣтовые переливы.

Пища сумчатой бѣлки состоитъ изъ листьевъ, почекъ, молодыхъ вѣтвей и, можетъ быть, также изъ корней. Животное это рѣдко спускается на землю, чтобы попасть тамъ. Неволю оно выдерживаетъ, должно быть, довольно долго; однако, очень рѣдко удается добыть его.

Къ сумчатымъ бѣлкамъ примыкають виды сахарной бѣлки (*Petaurus*), хвостъ которой покрытъ шерстью также и на концѣ. Конечно, самый извѣстный видъ ихъ — сахарная бѣлка (*Petaurus sciureus*), изъ самаго названія которой уже явствуется, что этотъ видъ сдѣлался народнымъ животнымъ. Не только фигурой, но и величиной это животное походитъ на нашу векшу а еще болѣе на тагуана.

Сахарную бѣлку можно найти отъ Квинслэнда до Викторіи. Это настоящее древесное животное и, какъ и большинство созданий, обладающихъ подобными формами, проявляетъ свою дѣятельность ночью. Она лазаешь по деревьямъ съ ловкостью бѣлки, постоянно снизу вверхъ, и можетъ дѣлать необычайно широкіе прыжки и при томъ измѣнять направленіе по своему желанію. Если она можетъ спрыгнуть съ высоты 10 метровъ, то она способна достигъ дерева, находящагося въ 20—30 метрахъ оттуда.



Мышиный опоссумъ (*Acrobates pygmaeus*). Естеств. велч.

Всѣ наблюдатели единогласно удивляются этому летучему движенію и увѣряють, что они выполняются съ такой же граціозностью, какъ и привлекательностью, и что врядъ ли есть еще движенія подобныя этимъ. Вообще сахарная бѣлка — очень милое животное, если и не прямо мирное, зато легко приручимо; при томъ, она особенно жива, весела и рѣзва ночью, хотя къ сожалѣнію всегда нѣсколько боязлива. Нерѣдко ее можно найти въ домахъ переселенцевъ, которые ухаживають за ней съ большой заботливостью. Умъ ея не великъ, но веселость и рѣзвость, кротость и граціозность въ нѣкоторой мѣрѣ замѣщаютъ у ней недостатокъ духовныхъ способностей. Она безъ большого труда привыкаетъ ко всякой пищѣ, хотя плоды, почки и насѣкомыя остаются ея любимой пищей уже потому, что эти вещества соотвѣтствуютъ ея естественному корму. Особенно охотно она ѣстъ сокъ эвкалиптовъ, а насѣкомыя, навѣрное, составляютъ довольно значительную часть ея питанія. На плѣнникахъ Лондонскаго зоологическаго сада наблюдалось, что они очень охотно ѣли мертвыхъ воробьевъ и предлагаемые куски мяса, изъ чего заключили, что они подкрадываются безшумно ночью, на подобіе лори, къ спящимъ птицамъ и другимъ маленькимъ животнымъ и душатъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они производятъ значительную порчу среди персиковыхъ и апельсиновыхъ садовъ.

Общительность очень ярко выражена у сахарной бѣлки. Въ лѣсахъ находятъ ихъ всегда соединенными по нѣскольку штукъ.

*

Карликъ среди лазающихъ сумчатыхъ животныхъ — сумчатая мышь или мышинный опоссумъ (*Acrobates rugmaeus*) съ полнымъ правомъ считается представителемъ отдѣльнаго рода. Широкая летательная перепонка доходитъ у нихъ до запястья, хвостъ двуполосчатый, перистый, уши имѣютъ посредственный волосяной покровъ. Этотъ забавный звѣрекъ длиной приблизительно съ нашу



Тасманскій вомбатъ (*Phascolomys ursinus*) и Широколобый вомбатъ (*Phascolomys latifrons*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

домашнюю мышь, и когда онъ сидитъ на суку, приложивъ растяжимую летательную перепонку къ тѣлу, то очень походитъ на нашего граціознаго, но все же ненавистнаго грызуна. Вся длина его едва доходитъ до 14,5 см. изъ нихъ нѣсколько болѣе половины приходится на хвостъ, а остальное на туловище. Короткій, мягкій мѣхъ сверху окрашенъ въ сѣро-бурый, а снизу въ желтовато-бѣлый цвѣтъ.

Сумчатая мышь, водящаяся въ восточной Австраліи отъ Квинслэнда до Викторіи, питается подобно своимъ родичамъ листьями, плодами, почками и другими нѣжными частями растений, но не брезгуетъ также маленькимъ насѣкомымъ, разъ оно попадаетъ ей случайно. Живостью и подвижностью она врядъ ли уступаетъ своимъ родичамъ и только немногіе превосходятъ ее въ способности перепрыгивать или перелетать большія разстоянія съ помощью расширяющейся летательной перепонки. Говорятъ, что вблизи порта Джексона ее такъ же очень любятъ туземцы, какъ и поселенцы, и что ее часто держатъ въ прирученномъ состояніи въ домахъ.

Третье семейство травоядных сумчатых обнимает собою неуклюжих сумчатых или вомбатов (*Phascolomyidae*); оно знакомит нас с сумчатыми грызунами. В настоящее время известно три вида вомбатов, все они сходны как фигурой, так и нравом. Строение их в высшей степени неуклюже, туловище тяжело и толсто, голова нестройна, хвост маленький, почти голый обрубок; конечности короткие, кривы, стопы имеют пять пальцев, вооруженных длинными, сильными серповидными когтями, которых нет только на больших пальцах задних ног, подошвы широки и голы, пальцы, идущие за большим пальцем, на задних ногах отчасти срастаются между собою. Очень поразительно строение зубов, так как передние широкие резцы, — их по одному в каждой половине обеих челюстей, соответствуют характерным зубам грызунов. Кроме них сверху и снизу есть по одному зубу мудрости и по четыре длинных, кривых коренных зуба.

Тасманский вомбат (*Phascolomys ursinus*) достигает около 95 см. длины, имеет короткия и закругленные уши. Цвета он крапчатого, темного сѣро-бураго.

Тасмания и острова Бассова пролива составляют родину этого вида, а южная Австралия — родину изображенного вместе с ним широколобаго вомбата (*P. latifrons*). Все виды живут в густых лесах, роют себе здесь в земле обширные норы и очень глубокие ходы и прячутся в них, проводя целый день в спячку. Только после совершенного наступления ночи, вомбат выбирается на волю в поиски за пищей. Последняя состоит, главным образом, из жесткой, ситниковидной травы, покрывающей обширные полосы, а также во всякого рода травах и корнях; корни они добывают себе благодаря умению хорошо рыться.

Вомбат выглядит еще более неуклюжим, чем в действительности. Движения его медленны, но непрерывны и сильны. Но как ни тупы его чувства и как ни равнодушен он сам, все же он не так то легко позволить нарушить свой покой. Он прямо и неудержимо идет своей дорогой, не пугаясь и не отступая ни перед каким затруднением. Что он раз предпринял, то старается выполнить, не взирая ни на какие трудности. Если нора, которую он начал рыть, засыпается, то он со спокойствием философа будет рыть ее снова, хоть сто раз кряду.

Как и большинство австралийских животных, вомбат тоже превосходно выдерживает у нас неволю. При хорошем уходе и соответствующем питании, он, кажется, чувствует себя очень хорошо, а затем довольно сносно приручается, т. е. настолько привыкает к людям, что ему можно позволять свободно бегать по дому. В наших странах этого вялаго, духовно-безучастного субъекта обыкновенно кормят зеленым кормом, морковью, репой, плодами, зернами и хлебом, и кто дает ему несколько молока, тот доставит ему этим особенное наслаждение. В Англии оба вида доведены уже до размножения, причем наблюдалось, что самка мечет 3—4 детеныша и с большой заботливостью и любовью ухаживает за ними, по крайней мере, до тех пор, пока они еще находятся в сумке.

Второй подряд сумчатых животных составляют плотоядные (*Polypodonta*), отличающиеся от членов первого подряда большим числом резцов, каковых в каждой половине верхней челюсти бывает 4 или 5, а в каждой половине нижней — 3 или 4. Величина этих маленьких, почти равных между собой резцов гораздо меньше длинных и острых клыков.

Даже неопытный человек легко может отличить первое семейство плотоядных сумчатых — язвиг или бандикутов (*Peramelidae*). Заметно удлиненные задние конечности и очень отклоняющееся от общего типа строение

пальцевъ — вотъ признаки этого животнаго, которые должны всякому броситься въ глаза. Изъ пяти пальцевъ переднихъ лапъ только два или три среднихъ велики, развиваются свободно и снабжены сильными серповидными когтями. Второй и третій пальцы заднихъ лапъ срастаются между собой; большого пальца или совсѣмъ нѣтъ, или онъ недоразвитъ, четвертый палецъ очень длиненъ. Туловище, въ общемъ, сжатое, голова, въ особенности морда, очень заострена, хвостъ, обыкновенно, очень коротокъ и покрытъ жидкой растительностью, и только въ видѣ исключенія бываетъ длиненъ и покрытъ пучками волосъ; уши у нѣкоторыхъ видовъ поразительно велики.

Язвицы живутъ въ Австраліи и Новой Гвинее, въ норахъ, которыя онѣ роютъ въ землѣ и куда при малѣйшей опасности спѣшатъ укрыться. Иногда ихъ встрѣчаютъ вблизи плантацій и человѣческаго жилья, но обыкновенно онѣ держатся вдалекѣ отъ перваго врага всѣхъ животныхъ. Большинство видовъ живетъ, пови-



Носатая язвица (*Perameles nasuta*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

димому, обществами и ведетъ исключительно ночной образъ жизни. Движенія ихъ довольно быстры и своеобразны, такъ какъ ихъ походка состоитъ изъ ряда прыжковъ, то болѣе короткихъ, то болѣе длинныхъ. Въ пищу имъ служатъ, главнымъ образомъ, растенія, въ особенности сочные клубни и корни, однако онѣ ѣдятъ вмѣстѣ съ тѣмъ также насѣкомыхъ, червей или сѣмена.

Къ язвицамъ, — въ узкомъ смыслѣ — водящимся кромѣ Австраліи также и въ Новой Гвинее, принадлежитъ носатая язвица (*Perameles nasuta*), животное своеобразнаго внѣшняго вида, обладающее такимъ же сходствомъ съ кроликомъ, какъ и съ землеройкой. Взрослыя животныя имѣютъ 50 см. въ длину, считая тутъ и хвостъ, длина котораго доходитъ до 12 см.

Хищныя сумчатые (*Dasyuridae*) образуютъ второе семейство своего подпорядка. Переднія конечности ихъ приблизительно равны по величинѣ заднимъ; первыя снабжены пятью пальцами, вторыя — или пятью, или же только четырьмя. Длинный, покрытый шерстью хвостъ ихъ не годится для хватанія.

Среди относящихся сюда животныхъ выше всего ставятъ подсемейство сумчатыхъ куніцъ (*Dasyurinae*). Всѣ виды, считающіеся въ этомъ семействѣ, живутъ въ настоящее время только въ австралійскихъ областяхъ, отъ Новой Гвинеи до Тасманіи.

Сумчатая куніца держится какъ въ лѣсахъ, такъ и въ скалистыхъ мѣстностяхъ и на берегахъ моря и живутъ здѣсь или въ глубокихъ земляныхъ ямахъ и норахъ, подъ корнями деревьевъ и въ разсѣлинахъ скалъ, или въ дуплахъ деревьевъ. Одни могутъ двигаться только по земной поверхности, другіе превосходно лазаютъ, а иные держатся почти исключительно на деревьяхъ. Ходятъ они крадучись и осторожно, такъ какъ ступаютъ всей подошвой. Почти всѣ они ночныя животныя: день спятъ въ своихъ укромныхъ мѣстечкахъ, а въ сумерки выходятъ на грабежъ. Въ этихъ экскурсіяхъ они предпочитаютъ морское побережье и пожираютъ тамъ всѣхъ животныхъ, выброшенныхъ моремъ, несмотря на то, свѣжи они или протухли; живущіе на деревьяхъ кормятся, главнымъ образомъ, жуками и — самое большее, если охотятся порой на маленькихъ млекопитающихъ, или за птицами и ихъ яйцами; самые крупные виды, конечно, посѣщаютъ также и человѣческія жилища и, подобно куніцамъ, душатъ тамъ часто въ одну ночь все населеніе курятника, или, подобно наглымъ лисицамъ нашего сѣвера, громятъ чуланы и клѣти съ запасами пищи и воруютъ тамъ мясо и сало. Болѣе мелкіе виды проникаютъ сквозь самыя узкія отверстія и поэтому также ненавистны, какъ куніцы и хорьки, самые же крупные виды нападаютъ на стадо овецъ и вырываютъ изъ ихъ среды то тутъ, то тамъ по штукѣ. Многіе препровождаютъ пищу въ ротъ передними лапами. Голосъ состоитъ изъ своеобразнаго ворчанья и рѣзкаго лая. Болѣе крупныя животныя очень дики, сильно кусаются и неспособны къ прирученію; если на нихъ нападаютъ, то они яростно защищаются своими острыми зубами; напротивъ того, мелкія животныя являются кроткими и добродушными, нѣкоторыя даже легко выживаютъ въ неволѣ и безъ большого труда приручаются, но никогда не обнаруживаютъ къ своему попечителю замѣтной привязанности или вообще болѣе теплаго расположенія. Самки приносятъ весной 4—5 дѣтенышей.

Вредъ, причиняемый членами этого подсемейства, далеко превышаетъ приносимую ими пользу и оправдываетъ самое ревностное преслѣдованіе ихъ.

*

Сумчатый волкъ, зебра — или мѣшкопесъ (*Thylacinus cynocephalus*) есть единственный нынѣ живущій представитель своего особаго рода; названіе это дано ему вполне правильно, потому что онъ, на самомъ дѣлѣ, походитъ на собаку; послѣднюю онъ напоминаетъ своимъ вытянутымъ тѣломъ, формой головы, сильно удлиненной мордой, прямо стоящими ушами и прямымъ хвостомъ, только конечности сравнительно коротки и зубы также существенно уклоняются отъ зубовъ собаки.

Сумчатый волкъ — самое крупное изъ всѣхъ плотоядныхъ сумчатыхъ животныхъ. Длина его тѣла превышаетъ 1 метръ, длина хвоста — 50 см., а старые самцы должны быть, какъ утверждаютъ, еще значительно больше, въ общемъ до 1,9 метра. Короткій, не плотно лежащій мѣхъ сѣро-бураго цвѣта, на спинѣ 12—14 поперечныхъ черныхъ полосъ.

Сумчатый волкъ водится въ Тасманіи. Въ первыя времена европейскаго заселенія онъ встрѣчался гораздо чаще къ величайшему убытку и огорченію скотоводовъ, такъ какъ онъ весьма старательно дѣлалъ визиты ихъ стадамъ овецъ и на птичьи дворы. Впослѣдствіи огнестрѣльное оружіе все болѣе и болѣе отгоняло его и въ настоящее время онъ оттѣсненъ вглубь страны. Здѣсь его находятъ въ нѣкоторыхъ скалистыхъ мѣстностяхъ все еще въ достаточномъ количествѣ, всего чаще на высотѣ въ 1000 метровъ надъ уровнемъ моря. Его дневное убѣжище составляютъ щели скалъ въ темныхъ, почти недоступныхъ для человѣка ущельяхъ, естественныя или вырытыя имъ самимъ глубокія норы, откуда онъ и предпринимаетъ свои хищническіе набѣги. Онъ ночное животное, крайне боящееся

яркаго свѣта. Если онъ и не самое дикое изъ всѣхъ сумчатыхъ хищниковъ, то зато силой и смѣлостью превосходитъ всѣхъ своихъ родичей по семейству и уже по этой причинѣ заслуживаетъ своего имени.

Пища мѣшкопеса состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ болѣе мелкихъ животныхъ, которыхъ онъ можетъ настичь и осилить, и при томъ, какъ изъ позвоночныхъ, такъ и безпозвоночныхъ, отъ насѣкомыхъ и мягкотѣлыхъ вплоть до лучистыхъ животныхъ. Когда онъ особенно голоденъ, онъ не брезгуетъ никакой пищей и не разъ ему приходится отскакивать отъ колючаго покрова ежа. Если онъ, расширяя кругъ своихъ хищническихъ набѣговъ, доходитъ до селъ, то его ловятъ въ западни или травятъ собаками. Противъ послѣднихъ онъ умѣетъ хорошо защищаться



Сумчатый волкъ (*Thylacynus cynocephalus*). $\frac{1}{10}$ естеств. велич.

и проявляетъ при этомъ такую дикость, которая вовсе не соотвѣтствуетъ его незначительному росту.

*

Ближайшій родичъ сумчатого волка, равнымъ образомъ составляющій особый родъ, чортъ поселенцевъ (*Sarcophilus ursinus*), возбуждаетъ противъ себя еще болѣе сильную ненависть; это въ высшей степени отвратительное и отталкивающее созданіе. Это животное получило свое многозначительное названіе за свою невѣроятную дикость и неспособность къ прирученію. Всѣ наблюдатели согласны, что врядъ ли можно представить себѣ болѣе неукротимое, бѣшеное, безумное и яростное созданіе, чѣмъ этотъ сумчатый дьяволъ, у котораго никогда не бываетъ конца дурному настроенію духа и злобѣ, и гнѣвъ котораго вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ при самомъ незначительномъ поводѣ. Ни разу еще онъ не терпѣлъ въ неволѣ, даже при самомъ тщательномъ уходѣ, своихъ качествъ, и никогда еще не научался узнавать или любить того, кто снабжаетъ его пищей и

ходить за нимъ; онъ и на своего попечителя бросается съ той же ненавистью и безумной яростью, какъ и на всякое другое существо, которое рискнетъ приблизиться къ нему. Мѣхъ его состоитъ изъ короткихъ и жесткихъ волосъ.

На груди его находится бѣлая полоса, идущая отъ шеи и еще обыкновенно два бѣлыхъ пятна; все остальное тѣло покрыто чернымъ какъ уголь мѣхомъ. Вся длина животного доходитъ приблизительно до 1 метра, изъ которыхъ хвостъ занимаетъ около 30 см.

Сначала тасманскимъ поселенцамъ было много хлопотъ съ сумчатымъ чортомъ, потому что онъ почти совсѣмъ уничтожалъ ихъ птичьи дворы. Какъ куница, онъ вламывается въ курятникъ, и тамъ производитъ опустошенія съ такой кровожадностью, на которую способна только куница. Поэтому съ самаго начала его возненавидѣли самымъ яростнымъ образомъ и стали мстить и жестоко преслѣдовать, тѣмъ болѣе, что мясо его считалось вкуснымъ или по меньшей мѣрѣ съѣдобнымъ. Устраивались большія охоты, ставились всевозможныя западни и до-



Пятнистая сумчатая куница (*Dasyurus viverrinus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

стигли такимъ образомъ того, что онъ очень скоро научился признавать господство и разумъ человѣка, бояться его, и удалился въ самые густые недоступные для человѣка лѣса горъ. Во многихъ мѣстностяхъ онъ уже совершенно истребленъ, да и тамъ, гдѣ еще встрѣчается, теперь его можно видѣть довольно рѣдко. Онъ настоящее ночное животное и боится дневного свѣта, какъ сумчатый волкъ или какъ наша сова.

*

Сумчатая куница (*Dasyurus*) представляютъ особый родъ. По своему наружному виду онъ стоитъ приблизительно между лисицами и куницами, хотя и не обнаруживаютъ поразительнаго сходства ни съ тѣми, ни съ другими. Туловище ихъ поджарое и вытянутое, шея довольно длинная, голова заострена кпереди. Хвостъ длинный, повисшій, покрытъ равномерно пучками волосъ; ноги низкія, не очень сильныя, заднія конечности нѣсколько длиннѣе переднихъ и характеризуются отсутствіемъ большого пальца; пальцы раздѣльные и вооружены сильными, загнутыми серпомъ когтями.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ видовъ пятнистая сумчатая куница (*Dasyurus viverrinus*), свѣтло-бураго, иногда болѣе свѣтлаго цвѣта, снизу бѣлая. На всей верхней сторонѣ расположены неправильныя бѣлыя пятна; на головѣ они меньше, чѣмъ на тѣлѣ. Взрослое животное достигаетъ длины 40 см., длина хвоста

30 см.; вышина загривка 15 см. Принадлежащія къ этому виду животныя распространены по Новому Южному Валлису, Викторіи, Южной Австраліи и Тасманіи.

Любимыя мѣста пятнистой сумчатой куницы составляютъ лѣса на берегахъ моря. Здѣсь она днемъ укрывается въ земляныхъ норахъ подъ корнями деревьевъ и камнями или въ дуплахъ древесныхъ стволовъ. Съ наступленіемъ ночи она начинаетъ далеко рыскать вокругъ, отыскивая себѣ пищу. Жретъ она, главнымъ образомъ, трупы животныхъ, выброшенныхъ моремъ, охотится также за мелкими млекопитающими животными или за гнѣздящимися на землѣ птицами въ лѣсу, а также не пренебрегаетъ насѣкомыми. Число дѣтенышей колеблется у нея между 4 и 6.

Сумчатую куницу преслѣдуютъ съ такой же ненавистью, какъ и вышеназванныхъ хищныхъ сумчатыхъ. Часто ловятъ ее въ значительномъ числѣ желѣзными



Сумчатый муравьеѣдъ (*Marmosops fasciatus*). $\frac{1}{3}$ естеств. велич.

тенетами, приманивая на какой-нибудь животный кормъ. Рекомендовать ее для держанія въ неволѣ нельзя, потому что она одно изъ скучнѣйшихъ созданій.

Сумчатый муравьеѣдъ (*Marmosops fasciatus*) есть единственный представитель второго подсемейства хищныхъ сумчатыхъ животныхъ (*Marmosopinae*). Тѣло его длинно, голова очень заострена, заднія конечности имѣютъ по четыре пальца, а переднія пятипалыя, заднія голени нѣсколько длиннѣе переднихъ, подошвы безволосыя, пальцы раздѣльные. Хвостъ висячій, длинный и косматый. У самки нѣтъ сумки. Поражаетъ богатство зубовъ, такъ какъ число зубовъ превосходитъ количество таковыхъ у всѣхъ другихъ млекопитающихъ, а именно ихъ не меньше, какъ 50—54.

Мы имѣемъ право считать сумчатого муравьеѣда однимъ изъ самыхъ красивыхъ и удивительныхъ сумчатыхъ животныхъ. По величинѣ онъ походитъ на нашу обыкновенную бѣлку. Цвѣтъ его въ высшей степени своеобразенъ. Желтый, какъ охра, на передней части верхней стороны тѣла кажущійся болѣе свѣтлымъ благодаря примѣси бѣлыхъ волосъ, кзади постепенно переходитъ въ глубоко-черный, покрывающій большую часть задней половины тѣла, но прерывается бѣлыми или рыжеватыми поперечными полосами. Главная пища сумчатого муравьеѣда опредѣляется уже самымъ его названіемъ. Встрѣчаютъ его преимущественно въ та-

кихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ во множествѣ держатся муравьи. Онъ вытягиваетъ свой языкъ совершенно такимъ же образомъ, какъ и настоящіе муравьеѣды, подъ кишашую кучу муравьевъ, а когда разозленные насѣкомыя массой вопьются въ него, онъ быстро втягиваетъ языкъ обратно въ ротъ. Кромѣ того, наше животное поѣдаетъ, должно быть, и другихъ насѣкомыхъ, а при случаѣ и смолу, просачивающуюся изъ эвкалиптовъ, да даже и траву.

Въ противоположность всѣмъ уже упомянутымъ хищнымъ сумчатымъ, сумчатый муравьеѣдъ въ высшей степени мирное животное. Безъ разсужденій онъ отдается въ неволю, — а эта судьба обыкновенно скоро оказывается гибельной для него, потому что человѣкъ не можетъ доставлять ему необходимый кормъ въ достаточномъ количествѣ. Число дѣтенышей у него, должно быть, колеблется между 5 и 8.

Сумчатая крысы (*Didelphyidae*), составляющія третье семейство этого подпорядка, достигаютъ, самое большее, величины кошки, но часто даже не превышаютъ размѣровъ мыши. Тѣло ихъ сжато, голова болѣе или менѣе заостряется къ рылу. Хвостъ, по большей части, болѣе или менѣе длиненъ; это — цѣпкій хвостъ, голый на концѣ; иногда онъ бываетъ и коротокъ и болѣе или менѣе покрытъ волосами; заднія ноги нѣсколько длиннѣе переднихъ, лапы пятипалыя, у одного рода пальцы связаны плавательной перепонкой, большой палецъ заднихъ лапъ противоположенъ остальнымъ. У самокъ однихъ видовъ нѣтъ сумки, у другихъ она существуетъ, при чемъ открывается чаще кзади, чѣмъ кпереди. Въ строеніи зубовъ рѣшительно выступаетъ отпечатокъ хищнаго животного.

Въ доисторическія времена сумчатая крысы находились также и въ Европѣ, теперь же онѣ въ лицѣ 2 родовъ и 24 видовъ населяютъ Америку, а именно области Южной Америки, такъ какъ въ Сѣверной Америкѣ находится только одинъ видъ, имѣющій своего представителя также и въ Южной Америкѣ. Почти всѣ они живутъ въ лѣсахъ или въ густомъ кустарникѣ, и здѣсь отыскиваютъ себѣ мѣста жительства въ дуплахъ деревьевъ, земляныхъ норахъ, между густой травой и кустами. Одинъ видъ населяетъ берега маленькихъ рѣчекъ и ручьевъ, превосходно плаваетъ и ищетъ себѣ убѣжище въ земляныхъ норахъ. Всѣ они ночныя животные, и ведутъ исключительно одинокую, бродячую жизнь. Походка ихъ, когда они идутъ по ровной почвѣ и ступаютъ на всю подошву, довольно медленна и неуверенна; но большинство можетъ лазать на деревья и повисать на нихъ съ помощью хвоста, ставшаго хватательнымъ органомъ, гдѣ они и остаются цѣлые часы въ такомъ положеніи. Изъ чувствъ у нихъ лучше всего развито, повидимому, обоняніе. Умственные способности ихъ очень незначительны, хотя нельзя отрицать у нихъ извѣстной пронырливости; особенно хорошо онѣ умѣютъ избѣгать всякихъ ловушекъ. Пища ихъ состоитъ изъ болѣе мелкихъ млекопитающихъ, птицъ и ихъ яицъ, а также изъ маленькихъ ящерицъ, насѣкомыхъ и ихъ личинокъ и изъ червей; въ случаѣ голода онѣ ѣдятъ также и плоды. Живущія въ водѣ сумчатая-плавцы пожираютъ, главнымъ образомъ, рыбъ; болѣе крупныя виды посѣщаютъ человѣческое жильѣ и душатъ тамъ всѣхъ болѣе слабыхъ животныхъ, съ которыми онѣ могутъ справиться, высасываютъ изъ нихъ кровь и дѣйствительно какъ бы хмелѣютъ при этомъ. Голосъ ихъ, состоящій изъ своеобразныхъ шипящихъ звуковъ, можно слышать только тогда, когда имъ причиняютъ боль. Во время преслѣдованія онѣ никогда не обращаются къ оборонѣ, а скорѣе дадутъ себя поймать, если имъ некуда больше скрыться. Струсивъ, онѣ издаютъ противный чесночный запахъ.

Сумчатая крысы нашли въ добросовѣстныхъ естествоиспытателяхъ очень ревностныхъ и тщательныхъ наблюдателей, и то многое, что мы знаемъ о размноженіи сумчатыхъ животныхъ, покоится на сообщеніяхъ этихъ естествоиспытателей. „Въ серединѣ зимы“, говоритъ Ренггеръ о тѣхъ видахъ сумчатыхъ крысъ, которые живутъ въ Парагваѣ, „а именно въ августѣ, наступаетъ, повидимому, у нихъ время оплодотворенія; по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣсяцѣ часто попадаютъ

животныя обоого пола вмѣстѣ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ находятъ беременных самокъ. Онѣ мечутъ дѣтенышей только одинъ разъ въ годъ. Число ихъ дѣтенышей не бываетъ одинаковымъ ни у разныхъ видовъ, ни у различныхъ самокъ одного и того же вида. У одного вида я находилъ 14 дѣтенышей, а часто только 8 или 4 и однажды только одного. Беременность продолжается нѣсколько болѣе трехъ недѣль. Въ началѣ октября дѣтеныши появляются на свѣтъ и тотчасъ поступаютъ въ сумку или кожную складку подъ брюхомъ матери, гдѣ они присасываются къ соскамъ и остаются въ этомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ своего полного развитія. Это бываетъ чрезъ 50 съ лишнимъ дней. Тогда они оставляютъ сумку, но не мать, такъ какъ твердо держатся за ея мѣхъ даже тогда, когда могутъ самостоятельно ѣсть, и такимъ образомъ она таскаетъ ихъ съ собою еще нѣкоторое время.

„Величина новорожденныхъ животныя, которыя появляются на свѣтъ не одновременно, достигаетъ, самое большее, 12 миллиметровъ; тѣло ихъ голо, голова, въ сравненіи съ остальными частями, велика; глаза закрыты, напротивъ того, ноздри и ротъ открыты, уши сложены въ поперечныя и продольныя складки, переднія конечности скрещены на груди, а заднія на животѣ, хвостъ свернуть подъ ними; на внѣшнее раздраженіе они не отвѣчаютъ ни малѣйшимъ движеніемъ. Тѣмъ не менѣе ихъ находятъ присосавшимися къ соскамъ спустя немного времени послѣ того, какъ они попадутъ въ сумку. Такъ дѣтеныши остаются около 2 мѣсяцевъ въ сумкѣ, не оставляя сосковъ, выпуская ихъ только въ послѣдніе дни. Въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ въ нихъ нельзя замѣтить никакого измѣненія, кромѣ значительнаго увеличенія въ объемѣ, а также того, что около рта у нихъ начинаютъ появляться щетинистые волоса. По истеченіи 4 недѣль они достигаютъ, приблизительно, величины домашней мыши, шерсть пробивается у нихъ на всемъ тѣлѣ и они получаютъ способность дѣлать передними ногами нѣкоторыя движенія. Только на седьмой недѣлѣ они становятся величиной съ крысу; тогда у нихъ открываются глаза. Съ этого времени они уже не висятъ больше цѣлый день на соскѣ, и иногда оставляютъ сумку, но какъ скоро имъ грозитъ какая нибудь опасность, тотчасъ же возвращаются туда назадъ. Однако, мать скоро закрываетъ для нихъ сумку и носитъ ихъ съ собою на спинѣ и бедрахъ, гдѣ они крѣпко цѣпляются за волоса, пока не получаютъ способности находить опору въ самихъ себѣ.“

Среди сумчатыхъ крысъ наиболѣе извѣстенъ, конечно, опоссумъ (*Didelphys marsupialis*). Это животное не отличается ни цвѣтомъ, ни какой либо привлекательной или располагающей къ себѣ чертой своего нрава, и поэтому его съ полнымъ правомъ считаютъ крайне противнымъ созданіемъ. Длина тѣла опоссума превышаетъ 47 см., длина хвоста около 43 см. Довольно толстый, круглый и остроконечный хвостъ покрытъ волосами только на корнѣ, откуда вплоть до конца совершенно обнаженъ и окруженъ рядами тонкихъ чешуѣй, между которыми то тутъ, то тамъ пробиваются отдѣльные короткіе волоса. У самки есть вполне развитая сумка.

Родина опоссума Америка, отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ до южной Бразиліи и Чили. Въ среднихъ частяхъ этой огромной полосы онъ повсемѣстно встрѣчается часто и при томъ вовсе ужъ не на радость человѣку. Мѣста его пребыванія составляютъ лѣса и кустарники, и чѣмъ они гуще, тѣмъ охотнѣе держится тамъ опоссумъ.

„Мнѣ такъ и кажется“, говоритъ Одюбонъ, „будто я какъ сейчасъ вижу одно изъ этихъ животныя, какъ оно прокрадывается медленно и осторожно по тающему снѣгу, приняхиваясь къ землѣ и отыскивая пищу, всего болѣе соотвѣтствующую его вкусу. Вотъ оно напало на свѣжій слѣдъ тетерева или зайца, подняло морду и начало нюхать. Наконецъ, оно рѣшается и сѣшнить по выбранному пути впередъ, съ быстротой хорошаго пѣшехода. Но вотъ оно опять ищетъ и, повидимому, испытываетъ замѣшательство, какимъ путемъ должно итти, такъ какъ предметъ

его преслѣдованія или сдѣлалъ большой скачекъ, или же наметалъ петли, прежде чѣмъ опоссумъ успѣлъ напасть на его слѣдъ. Опоссумъ выпрямляется, стоитъ одну минутку на заднихъ лапахъ, озирается, снова нюхнеть слѣдъ и затѣмъ начинаетъ трусить дальше. Теперь, у подножія стараго дерева, онъ дѣлаетъ рѣшительную остановку. Онъ обходитъ мощный стволъ вокругъ, по покрытымъ снѣгомъ корнямъ и находитъ между ними отверстіе, въ которое моментально и шмыгаетъ. Спустя нѣсколько минутъ онъ появляется снова, таща во рту уже приконченнаго бурундука, и начинаетъ подниматься на дерево. Онъ медленно лѣзетъ вверхъ, пока не укроется въ очень густыхъ вѣтвяхъ, переплетенныхъ стеблями винограда. Здѣсь онъ спокойно усаживается, обвиваетъ какую-нибудь вѣтвь хвостомъ и разрываетъ острыми зубами несчастную бѣлочку, держа ее постоянно передними лапами.



Опоссумъ (*Didelphys marsupialis*). $\frac{1}{8}$ естеств. велич.

„Наступили ясные весенніе дни, уже листья сильно распустились, а опоссуму все-таки приходится голодать; онъ уже почти совсѣмъ истощенъ; онъ бредетъ на край лужи и радъ радешенекъ увидѣть тамъ хоть молодую лягушку, которая доставила бы ему плохонькій обѣдъ. Мало по малу начинаетъ пробиваться клюква и крапива; онъ съ удовольствіемъ поѣдаетъ молодые побѣги ихъ. Утренняя пѣсня индѣйскаго пѣтуха разжигаетъ слухъ хитраго созданія, такъ какъ опоссумъ прекрасно знаетъ, что онъ скоро услышитъ и индюшку, и откроетъ слѣдъ, ведущій къ ея гнѣзду, а тамъ онъ думаетъ съ наслажденіемъ выпить ея яйца. Во время своихъ путешествій по лѣсу, то по низу, то по верху съ дерева на дерево, онъ слышитъ, какъ пѣтухъ поетъ свое кукареку, и его сердце переполняется радостью при воспоминаніи о сочной пищѣ, которой онъ лакомился прошлымъ лѣтомъ на сосѣднихъ дворахъ.“ Голодная шельма направляетъ свои шаги и при первомъ удобномъ случаѣ крадетъ на птичьемъ дворѣ.

Опоссумъ, какъ это явствуетъ изъ всей его конструкціи, древесное животное; на землѣ онъ, напротивъ того, довольно медлителенъ и неповоротливъ. Когда онъ идетъ шагомъ, то ступаетъ всей подошвой. Всѣ движенія его вялы, даже бѣгъ очень не быстръ, хотя и состоитъ изъ ряда прыжковъ въ шагъ величины. Напротивъ того, на вершинахъ деревьевъ животное лазаетъ съ большою увѣренностью и довольно проворно. При этомъ ему много помогаетъ отве-

денный большой палецъ заднихъ лапъ, которыми онъ можетъ охватывать сучья и держаться на нихъ, а также для него весьма кстати его гибкій хвостъ. Нерѣдко опоссумъ повисаетъ на хвостѣ и остается въ такомъ положеніи цѣлые часы.

Въ большихъ темныхъ лѣсахъ опоссумъ бродитъ и днемъ, и ночью, хотя и предпочитаетъ темноту свѣту. Но тамъ, гдѣ онъ боится опасности, да уже и потому, что дневной свѣтъ непріятно дѣйствуетъ на него, онъ цѣлый день спитъ въ земляныхъ норахъ и дуплахъ деревьевъ. Вмѣстѣ съ самкой онъ живетъ только во время течки, остальное же время ведетъ уединенный образъ жизни на подобіе всѣхъ своихъ близкихъ родичей. Определеннаго жилища у опоссума нѣтъ, но онъ пользуется каждымъ закоулкомъ, какой ни откроетъ послѣ ночи на разсвѣтѣ. Если счастье особенно благопріятствуетъ ему и онъ находитъ нору, гдѣ живетъ какой-нибудь слабый грызунъ, то это, понятно, тѣмъ пріятнѣе для опоссума, такъ какъ первоначальный обитатель такого жилища пойдетъ ему въ пищу. Пожираетъ опоссумъ, какъ это мы можемъ узнать изъ описанія Одюбона, всѣхъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, которыхъ только можетъ настичь, а также яйца разныхъ ящерицъ, большихъ жуковъ, личинки ихъ и даже червей, но при недостаткѣ животной пищи довольствуется плодами, напимѣръ, майсомъ и питательными кореньями. Всѣмъ остальнымъ сортамъ пищи онъ предпочитаетъ кровь, а поэтому тамъ, гдѣ можетъ свирѣпствовать съ неописуемой кровожадностью. Нерѣдко въ курятникѣ онъ умерщвляетъ все его населеніе, а затѣмъ высасываетъ изъ птицы кровь, не прикасаясь къ мясу. Это кровопійство опьяняетъ его, какъ нашу куницу, такъ что утромъ его нерѣдко находятъ спящимъ среди труповъ обитателей птичника. Будучи въ общемъ осторожнымъ онъ становится глухимъ и слѣпымъ, когда поддается своей кровожадности; при этомъ забываетъ всякую опасность и не прерывая своего разбойничьяго нападенія, безъ сопротивленія даетъ собакамъ удушить себя или — убить себя разгнѣванному крестьянину.

Впрочемъ опоссума не легко убить, такъ какъ онъ очень живучъ и въ случаѣ крайней необходимости умѣетъ помочь себѣ притворствомъ. „Хорошо зная свою неспособность защищаться“, говоритъ Одюбонъ, „онъ свертывается въ шаръ. Чѣмъ въ большее бѣшенство приходитъ крестьянинъ, тѣмъ менѣе опоссумъ показываетъ признаковъ чувствительности. Наконецъ, онъ лежитъ, но не мертвый, а истощенный, съ открытыми челюстями, высунутымъ языкомъ и помутившимися глазами, и такъ онъ остается лежать, пока мясная муха не положитъ подъ его шкурой яицъ, если мучитель его не удалится. „Навѣрное“, думаетъ крестьянинъ, „скотина издохла“. Погоди, читатель, онъ все еще нѣсколько „опоссумствуетъ“. И чуть только его врагъ удалится, онъ опять поднимается на ноги и вновь убѣгаетъ потихоньку въ лѣсъ.“

Поведеніе пойманнаго опоссума не доставитъ радости наблюдателю. Я долженъ подтвердить на основаніи своихъ опытовъ, что это животное еще скучнѣе всякаго другого сумчатого хищника. Свернувшись въ клубокъ онъ лежитъ безъ движенія въ своей клѣткѣ и начинаетъ хоть сколько-нибудь двигаться только тогда, когда его раздражаютъ; онъ открываетъ насколько возможно шире свою пасть и не закрываетъ ея, пока передъ нимъ стоятъ, какъ будто бы ему всунули туда отвертку. Онъ лѣнивъ, вялъ, сонливъ и непроходимо глупъ.

*

Отъ сумчатыхъ крысъ въ узкомъ смыслѣ мы отличаемъ шупати (*Philander*), главнымъ образомъ по неполнѣ развитой у самки сумкѣ; именно, сумка состоитъ только изъ двухъ складокъ кожи, которыя нависаютъ надъ присасывающимися къ соскамъ еще неразвитыми дѣтенышами.

Самый крупный видъ изъ всѣхъ шупати и одинъ изъ наиболѣе крупныхъ видовъ всѣхъ вообще сумчатыхъ крысъ есть сумчатый раковдъ (*Philander phillander*), животное, имѣющее туловище длиной въ 24 см. и хвостъ въ 32 см. Его густая, мягкая и шерстистая шкура грязнаго желтовато или красновато-сѣраго

пята, снизу желтого. На блекло-серой мордѣ идутъ по серединѣ бурья полосы и темные круги вокругъ глазъ, тогда какъ оконечная половина хвоста выглядитъ бѣловатой.

Сумчатый ракоѣдъ распространяется довольно широко, быть можетъ, по всей жаркой полосѣ Америки и въ большомъ числѣ находится въ лѣсахъ Бразиліи, всего охотнѣе держится вблизи болотъ, доставляющихъ ему раковъ и краббовъ. Живетъ онъ почти исключительно на деревьяхъ и только тогда сходитъ на землю, когда захочетъ поохотиться внизу. Его цѣпкій хвостъ облегчаетъ для него лазанье; ни въ одной позѣ нельзя его увидеть безъ того, чтобы онъ не укрѣплялся съ помощью



Сумчатый пловецъ (*Chironectes minimus*). $\frac{1}{3}$ естеств. веллч.

этого органа. По поверхности земли онъ ходитъ медленно и плохо; однако, онъ умѣетъ догонять небольшихъ млекопитающихъ, ящерицъ и насѣкомыхъ, и въ особенности раковъ — свою любимую пищу. На деревьяхъ онъ охотится за птицами и ихъ гнѣздами, но подобно опоссуму и другимъ своимъ родичамъ ѣстъ также и фрукты. Иногда тоже посѣщаетъ курятники и производитъ тамъ большія опустошенія среди куръ и голубей. Дѣтеныши этого животнаго окрашены въ совершенно иной цвѣтъ, чѣмъ взрослые. Будучи нѣкоторое время послѣ своего рожденія совершенно голыми, они въ томъ возрастѣ, когда могутъ уже оставить сумку, приобрѣтаютъ, короткую, шелковистую шерсть, блестящаго буро-чернаго, какъ сажа, цвѣта, которая только мало по малу принимаетъ темный, буро-черный цвѣтъ взрослыхъ животныхъ. Всѣ дававшіе свѣдѣнія объ этомъ животномъ согласны, что вылѣзшіе изъ сумки звѣрки, передвигающіеся вокругъ своей матери и на ней, представляютъ очень милое зрѣлище.

Второй родъ этого семейства представляется единственнымъ извѣстнымъ до сихъ поръ сумчатымъ животнымъ, которое живетъ преимущественно въ водѣ — сумчатымъ пловцомъ (*Chironectes minimus*).

Животное это имѣетъ приблизительно видъ крысы. Хвостъ его почти такой же длины, какъ и туловище; это — цѣпкій хвостъ, хотя животное и не пользуется имъ, какъ органомъ хватанія. Мѣхъ на спинѣ окрашенъ въ прелестный аспидно-сѣрый цвѣтъ и рѣзко отдѣляется отъ бѣлой нижней стороны тѣла. На сѣромъ фонѣ спины проходитъ шесть черныхъ широкихъ поперечныхъ полосъ. Вдоль линіи спины пробѣгаетъ темная полоса черезъ всѣ поперечныя полосы. Уши и хвостъ черные. Взрослыя животныя бываютъ до 40 см. длиной, да и хвостъ у нихъ приблизительно такой же длины.

Это животное распространяется по большей части южноамериканскихъ государствъ. Оно живетъ отъ Гватемалы до южной Бразиліи, однако, встрѣчается оно, повидимому, вездѣ рѣдко или, по крайней мѣрѣ, его трудно достать; поэтому его крайне рѣдко находятъ въ коллекціяхъ. Вѣроятно, для добыванія пищи онъ выходитъ какъ днемъ, такъ и ночью, плавать ему чрезвычайно легко, а на сушѣ онъ можетъ также двигаться быстро и проворно. Пища его состоитъ, какъ передаютъ, изъ маленькихъ рыбъ или какихъ нибудь другихъ водяныхъ животныхъ и изъ рыбьей икры; однако большія защечныя сумки ясно указываютъ на то, что животное это не пренебрегаетъ также и растительными веществами.

Самка мечетъ до 5 дѣтенышей, вынашиваетъ ихъ въ сумкѣ, довольно рано ведетъ ихъ за собой въ воду и въ теченіе долгаго времени обучаетъ ихъ плавать, нырять и добывать пищу.

Пятнадцатый отрядъ.

Однопроходныя (Monotremata).

Долго спорили о томъ, куда, къ какому порядку слѣдуетъ приобщить однопроходныхъ животныхъ; теперь этотъ споръ рѣшенъ. Препрежне мнѣніе старыхъ зоологовъ, которые видѣли въ однопроходныхъ особый классъ животнаго царства, конечно, потерялъ свое значеніе, но оно отчасти опять возстановилось въ томъ отношеніи, что ни одинъ зоологъ не причислитъ теперь ехидну и утконоса, которыхъ съ полнымъ правомъ можно считать особымъ подклассомъ млекопитающихъ, къ сумчатымъ или неполнозубымъ.

Уже давно признано внѣ всякаго сомнѣнія, что дѣтеныши однопроходныхъ питаются молокомъ своей матери, но только точныя изслѣдованія Гегенбаура привели насъ къ тому, что мы умѣемъ теперь опредѣлить настоящую природу ихъ органовъ сосанія. Железы, лежащія по сторонамъ брюха, открываются многими тонкими протоками на кожѣ, которая, однако, и на этихъ мѣстахъ также покрыта волосами. Такъ какъ у нѣкоторыхъ самцовъ есть подобныя железы на такихъ же мѣстахъ, то первые анатомы не допускали мысли, чтобы у утконоса были настоящіе соски, пока Мекель не доказалъ, что у мужскихъ особей утконоса названныя железы неразвиты, и пока Бэръ не подмѣтилъ, что молочныя железы кита имѣютъ такое же строеніе. Оуэнъ изслѣдовалъ (въ 1832 г.) эти железы и нашелъ, что каждая имѣетъ въ кожѣ около 120 отверстій, и что ими отдѣляется питательная жидкость, а въ желудкѣ дѣтенышей онъ находилъ свернувшійся сокъ этихъ железъ. Поэтому онъ помѣстилъ однопроходныхъ въ число млекопитающихъ. Но 2 сентября 1884 года Гакъ сообщилъ въ Royal Society of South Australia in Adelaide (въ Королевскомъ Южноавстралійскомъ обществѣ въ Аделаидѣ), что нѣсколько недѣль тому назадъ онъ нашелъ въ большой, еще не открытой до него, сумкѣ у одной живой самки утконоса положенное ею туда для высиживанія яйца, и въ тотъ же день въ Монреалѣ была получена телеграмма, принесшая собравшимся въ то время тамъ членамъ Британской ассоціаціи сообщеніе, что другой изслѣдователь, Кальдуелль, тогда еще работавшій въ Австраліи, призналъ однопроходныхъ за животныхъ, несущихъ яйца. Эти открытія должны были сдѣлать тѣсное родство однопроходныхъ съ остальными млекопитающими опять болѣе спорнымъ, тѣмъ болѣе, какъ это показалъ Гегенбауръ — что железы, доставляющія пищу вылупившимся изъ яйца однопроходнымъ, имѣютъ не такое строеніе, какъ сальные железы, которыя бываютъ у всѣхъ другихъ млекопитающихъ, но представляютъ собой видоизмѣненные потовыя железы. Если сообразить при этомъ дальше, что по сдѣланному въ 1888 году Томасомъ открытію, у утконоса есть хотя и настоящіе зубы, но весьма отличные отъ зубовъ всѣхъ остальныхъ нынѣ живущихъ млекопитающихъ, и что теплота крови у однопроходныхъ, въ противоположность таковой у всѣхъ другихъ теплокровныхъ животныхъ, никогда не превышаетъ 28° Цельсія, то, пожалуй, можно будетъ признать вѣрнымъ, выдѣленіе однопроходныхъ въ качествѣ второго главнаго подъ-отдѣла класса млекопитающихъ, изъ перваго подъ-отдѣла, куда можно поставить сумчатыхъ и высшихъ млекопитающихъ, какъ настоящихъ

животныхъ, питающихся молокомъ; изъ однопроходныхъ можно бы даже составить особый классъ позвоночныхъ. Можетъ быть, такое дѣленіе въ послѣдствіи и будетъ произведено, но мы будемъ еще попрежнему считать этихъ животныхъ за особый, состоящій только изъ нихъ, послѣдній и ниже всѣхъ стоящій порядокъ млекопитающихъ.

Общаго у однопроходныхъ съ млекопитающими, прежде всего шкура, у утконоса мѣхъ, а у ехидны — пгольчатый покровъ; что касается остального, то по всему наружному виду они существенно отличаются отъ другихъ извѣстныхъ формъ этого класса. У нихъ на мѣсто рта появляется сухой носъ, напоминающій клювъ водяныхъ птицъ, а выводные протоки кишечника и мочеполовыхъ органовъ открываются вмѣстѣ въ такъ называемую клоаку. Это такая форма, которую мы вновь встрѣчаемъ у птицъ, которыхъ однопроходныя животныя напоминаютъ кромѣ того, своими яйцами съ большимъ желткомъ, а также присутствіемъ у нихъ вилки, образуемой обѣими ключицами, сросшимися между собой и, наконецъ, отчасти еще недоразвитостью праваго яичника. Хотя нельзя еще установить ихъ родства съ птицами, пресмыкающимися и ящерицами, но можно сказать, что между однопроходными и сумчатыми есть связь, благодаря тому, что первые имѣютъ въ области таза сумочныя кости.

Однопроходныя — небольшія млекопитающія съ стиснутымъ, нѣсколько сплюснутымъ тѣломъ и очень низкими ногами; челюсти ихъ имѣютъ видъ утиного носа, покрыты онѣ сухой кожей; глаза ихъ невелики, хвостъ коротокъ, ступни вывернуты кнаружи и снабжены сильными когтями; у самцовъ на пяткѣ есть роговая шпора, пробуравленная насквозь, находящаяся въ связи съ особой железой. Наружной ушной раковины совершенно нѣтъ. Зубы, имѣющіеся только у утконоса, состоятъ изъ плоскихъ, блюдообразныхъ пластинокъ, снабженныхъ по краямъ бугорками или зарубками; эти пластинки лежатъ поверхъ челюсти.

Кромѣ костей вымершей ехидны нашли еще зубы одного допотопнаго животного, имѣвшіе сходство съ зубами утконоса; теперь этотъ своеобразный порядокъ ограничивается двумя семействами: ехиднъ и утконосовъ.

Семейство ехиднъ (*Echidnidae*), состоящее изъ двухъ родовъ, имѣющихъ по одному виду, характеризуется неуклюжимъ туловищемъ, большая часть котораго покрыта мѣхомъ, состоящимъ изъ иглъ, цилиндрической мордой, совершенно лишенной зубовъ и расщепляющейся только на нижнемъ концѣ, короткимъ какъ обрубокъ хвостомъ, свободными, но не обладающими полной подвижностью пальцами и длиннымъ, тонкимъ, червеобразнымъ языкомъ; они, подобно другимъ муравьеѣдамъ, могутъ далеко высовывать его изъ пасти. Ехидны гораздо сильнѣе отличаются отъ утконосовъ по своему наружному виду, чѣмъ по внутреннему строенію тѣла. Обѣ молочныя железы, имѣющія сотни выводныхъ протоковъ, лежатъ у самки по бокамъ брюха въ неглубокихъ ямкахъ, которыя, по Гоку, перемищаются, по крайней мѣрѣ у ехидны, непосредственно передъ откладываніемъ яицъ въ боковыя складки сумки для высиживанія ихъ; эта сумка образуется только для приѣма и высиживанія яйца, позднѣе въ ней кроется дѣтенышъ; чѣмъ больше становится дѣтенышъ, тѣмъ вмѣстительнѣе дѣлается и сумка; по удаленіи оттуда дѣтеныша, она опять болѣе или менѣе спадается; эта сумка открывается впереди и уже съ самаго начала достаточно велика, чтобы въ нее могли войти карманные часы; вышеупомянутыя мелкія ямки по временамъ, повидимому, совершенно исчезаютъ. Р. фонъ-Ленденфельдъ нашелъ, что теплота въ сумкѣ, выводящей яйца, во время высиживанія ихъ достигаетъ болѣе высокой степени, чѣмъ температура всего остального тѣла, и что кожа, образующая названную сумку, кажется очень красной и до извѣстной степени какъ бы воспаленной, что объясняется избыточнымъ приливомъ крови. Ехидна, какъ кажется, кладетъ только одно яйцо небольшого размѣра, имѣющее большой желтокъ съ мягкой какъ пергаментъ скорлупой. Продолжительность высиживанія его ехидной пока еще не установлено. Вылупившійся изъ яйца дѣтенышъ этого вида такой же крошечный, какъ и у сумчатыхъ животныхъ;

онъ голъ и слѣпъ, а отъ родителей отличается, въ особенности, своей короткой мордой. Какъ онъ сосетъ, еще точно неизвѣстно. Повидимому, онъ долго остается въ выводящей сумкѣ своей матери.

Родина ехидны простирается отъ Новой Гвинеи по всей Австраліи и до Тасманіи.

Австралійская ехидна (*Echidna aculeata typica*), величина которой занимаетъ середину между размѣрами папуасской и тасманской ехидны, обладаетъ сравнительно длиннымъ носомъ. Лицевая и ушная область цѣликомъ или же сильно покрыты гладкой щетиной, но на лбу и на обѣихъ щекахъ остается по одной незаросшей полосѣ. Иглы на спинѣ длинны, жестки и крѣпки, часто достигаютъ длины въ 6 см. и обыкновенно совершенно покрываютъ собой волоса, находящіеся



Австралійская ехидна (*Echidna aculeata typica*). $\frac{1}{2}$ естеств. велич.

между ними. Корень этихъ иглъ блеклаго желтаго цвѣта, на серединѣ онъ переходитъ въ оранжево-желтый, а на концѣ въ черный. Волоса на спинѣ чернаго или темнаго бураго цвѣта; часто ихъ почти совсѣмъ не бываетъ, но въ иныхъ случаяхъ, а быть можетъ, и въ извѣстныя времена года, они даже выдаются сверхъ иглъ, на задней части спины. Ноги и всю нижнюю сторону тѣла покрываетъ темно-бурый мѣхъ съ сильной примѣсью иглъ. Длина тѣла достигаетъ приблизительно 40 см., изъ которыхъ на хвостъ идетъ нѣсколько больше 1 см. Этотъ подвижъ принадлежитъ всему материку Австраліи и встрѣчается также на Кангаро-Исландіи на южномъ берегу Австраліи.

Папуасская ехидна (*Echidna aculeata lawesi*) отличается отъ этого австралійскаго подвида меньшей величиной, болѣе короткими иглами на спинѣ, между которыми проглядываетъ волосъ, игольчатымъ покровомъ головы, ногъ и живота и сравнительно болѣе длиннымъ носомъ. Этотъ подвижъ извѣстенъ только въ портѣ Моресбай на юго-востокѣ Новой Гвинеи.

Тасманская ехидна (*Echidna aculeata setosa*) отличается отъ австралійскаго подвида своей болѣе значительной величиной, такъ какъ она бываетъ до

50 см. въ длину, и еще слѣдующимъ признакомъ: въ покровѣ головы, боковъ, живота и ногъ нѣтъ иглъ. Голова обыкновенно свѣтлѣе всего остального тѣла.

Ехидна больше живетъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, чѣмъ на равнинахъ и поднимается то тутъ, то тамъ до высоты 1000 метровъ надъ уровнемъ моря. Особенно подходящи для нея сухіе лѣса, гдѣ она можетъ рыть себѣ норы и ходы подъ корнями деревьевъ. Здѣсь она прячется днемъ, а ночью выходитъ и отправляется въ поиски за пропитаніемъ, фыркаетъ и роется. Движенія ея живы, въ особенности, когда она копается, — искусство, которымъ она владѣетъ мастерски. Главную пищу этого животнаго составляютъ насѣкомыя и черви, главнымъ же образомъ, муравьи и термиты. Она выискиваетъ ихъ съ помощью очень чувствительнаго кончика носа, который, повидимому, болѣе приспособленъ къ осязанію, чѣмъ къ чутью. Ёсть ехидна такимъ же способомъ, какъ и другіе муравьеѣды съ червеобразнымъ языкомъ, а именно, высовываетъ свой языкъ и, когда онъ покроется муравьями, быстро втягиваетъ его обратно. Какъ и всѣ остальные муравьеѣды, ехидна примѣшиваетъ къ своей пищѣ много песку или пыли, а также сухого дерева, такъ какъ желудокъ ея, какъ это находили, постоянно наполненъ этими веществами. Иногда въ немъ находятъ также и траву.

Если схватить ехидну, то она моментально свертывается въ клубокъ; тогда удержать ее очень трудно, потому что острые иглы сильно движущагося клубка обыкновенно наносятъ очень чувствительныя раны. Стащить такую свернувшуюся клубкомъ ехидну не очень то легко; самое лучшее, схватить ее за заднія ноги; тогда нечего уже обращать вниманіе на всѣ ея старанія и движенія. Но разъ она успѣетъ вырыть себѣ ямку нѣкоторой глубины, то извлечь ее оттуда чрезвычайно трудно. Она растопыривается на подобіе броненосцевъ и такъ крѣпко прижимается своими иглами къ стѣнкамъ, что прямо таки какъ бы приклеивается къ нимъ. Утвержденіе туземцевъ, что самецъ ранитъ нападающаго своей шпорой на задней ногѣ и затѣмъ выпускаетъ изъ нея въ рану ядовитую жидкость, слѣдуетъ считать, послѣ всѣхъ произведенныхъ опытовъ, басней.

Голосъ этихъ странныхъ существъ, который можно слышать, когда они очень сильно обезпокоены, состоитъ въ слабомъ хрюканьи. Изъ чувствъ выше всѣхъ стоитъ слухъ и зрѣніе; другія чувства очень тупы.

Гаакъ неоднократно держалъ у себя въ Австраліи ехиднъ и производилъ надъ ними наблюденія, въ особенности же надъ ихъ умѣньемъ лазать, выносливостью въ голодѣ и размноженіемъ. „Первую ехидну, которую я досталъ“, пишетъ онъ, „я посадилъ въ перевернутый ящикъ въ моемъ рабочемъ кабинетѣ; повидимому, ей тамъ не очень понравилось. Она неустанно старалась удрать изъ своей темницы и ощупывала почву своимъ языкомъ, который просовывала между поломъ и краемъ ящика, гдѣ было достаточно для этого мѣста. Наконецъ ночью ей удалось приподнять тяжелый ящикъ и освободиться изъ подъ него. Долгое время я ее тщетно искалъ. Въ заключеніе я нашелъ ее, къ моему величайшему удивленію, въ другомъ ящикѣ, приблизительно въ 40 см. вышиной, который былъ открытъ сверху и до половины наполненъ кусками золотоноснаго кварца, величинной примѣрно въ кулакъ, обернутыми въ бумагу. Она комфортабельно спала, наполовину скрытая, между завернутыми кусками кварца, которые, повидимому, были для нея гораздо болѣе удобнымъ ложемъ, чѣмъ ровный полъ. Двухъ другихъ ехиднъ я посадилъ, помня о подмѣченномъ мною у нихъ искусствѣ лазать, въ бочку, вышиной около 1 метра и шириной въ 50 см., стоявшую въ обширномъ нижнемъ этажѣ зданія Аделаидскаго музея. Бѣгство изъ подобной темницы, имѣвшей обычную форму бочки, казалось невозможнымъ. Несмотря на то, одному животному удалось уйти. Поиски его продолжались цѣлые дни, и однажды утромъ я нашелъ его опять въ бочкѣ возлѣ своего товарища; должно быть оно услышало его присутствіе и вновь пробралось между стѣной и бочкой на край послѣдней, чтобы спрыгнуть оттуда въ бочку. Такъ какъ я хотѣлъ анатомировать животныхъ и освободить ихъ отъ мѣшающаго работѣ сала, то оставилъ ихъ голодать, и нашелъ при этомъ, что они могутъ поститься по крайней мѣрѣ въ теченіе мѣсяца безъ замѣтнаго нарушенія ихъ благосостоянія. Черезъ шесть недѣль голодовки я

нашелъ кишечникъ ехидны наполненнымъ исключительно пескомъ, который былъ предоставленъ въ ея распоряженіе. Вотъ указаніе, какъ готовить пищу для этихъ животныхъ, содержащихся въ неволѣ. На мелкозернистой смѣшанной пищѣ, состоящей изъ равныхъ частей мясной муки, истертаго яичнаго желтка, тонко смолотой конопли, толченыхъ сухарей, тертой моркови и чистаго песка, ехидны, по моимъ наблюденіямъ могутъ долго жить въ неволѣ и, насколько возможно, успѣшно размножаются. Примѣсь муравьиныхъ яицъ и мучныхъ червей сдѣлаетъ пищу еще болѣе подходящей для нихъ; съ этими животными надо обращаться совершенно также, какъ съ насѣкомоядными птицами. Переѣздъ отъ Австраліи къ намъ, сдѣлавшійся гораздо короче благодаря новѣйшимъ пароходамъ, большая часть ехиднъ переносятъ безъ ѣды.

*

Второй родъ и видъ ехидны образуетъ одно недавно открытое животное Новой Гвинее, которое назовемъ мягкоруннымъ ежомъ (*Proechidna bruijnii*), въ противоположность вышеописанному игольчатому ежу. Этотъ родъ нельзя рѣзко отграничить отъ вышеописаннаго; онъ характеризуется числомъ пальцевъ, — ихъ всего три на каждой ногѣ. Загнутый книзу носъ почти вдвое длиннѣе остальной части головы. Животное около 0,5 м. длины, густо покрыто на головѣ, тѣлѣ и конечностяхъ грубой шерстью ровнаго темно-бураго или чернаго цвѣта; къ ней примѣшивается нѣсколько гладкихъ щетинъ, или послѣднихъ вовсе нѣтъ; иглы есть, но очень разсѣяны.

Это животное извѣстно только въ сѣверо-западной части Новой Гвинее; объ образѣ жизни его нѣтъ еще никакихъ данныхъ.

Утконосъ (*Ornithorhynchus anatinus*, *O. paradoxus*) — единственный представитель второго семейства нашего порядка. Мы обязаны старику Беннетту первымъ хорошимъ описаніемъ этого, въ самомъ дѣлѣ, „поразительнаго“ созданія, которое приводило въ изумленіе и изслѣдователей и неученыхъ людей еще долго спустя послѣ его открытія. Его формы и образъ жизни настолько рѣдки, что Беннеттъ поѣхалъ въ Австралію только съ той цѣлью, чтобы изучить это животное. До тѣхъ поръ до насъ доходили только сбивчивыя сообщенія о немъ. Знали только, что утконосъ живетъ въ водѣ, что за нимъ ревностно охотятся туземцы, такъ какъ онъ доставлялъ имъ вкусное жаркое, и что онъ кладетъ яйца; послѣднее, впрочемъ, считали за басню, пока въ 1884 году Кальдвеллъ не сдѣлалъ сообщенія объ открытіи имъ яицъ утконоса.

Утконосъ нѣсколько больше ехидны, приблизительно 60 см. длины, изъ которыхъ на долю хвоста приходится около 14 см. Самецъ значительно больше самки. Сплюснутое туловище до извѣстной степени походить на туловище бобра или выдры. Ноги очень коротки, на всѣхъ ступняхъ по пяти пальцевъ, снабженныхъ плавательной перепонкой. На переднихъ лапахъ, обладающихъ большой мышечной силой и служащихъ столько же для плаванья, сколько и для рытья, плавательная перепонка заходитъ нѣсколько поверхъ когтей, и на этомъ мѣстѣ очень гибка и растяжима; когда животное роетъ, она отгибается назадъ. Всѣ пальцы очень сильны, тупы и превосходно приспособлены для рытья. Самые длинные изъ нихъ два среднихъ пальца. Короткія заднія лапы вывернуты назадъ и напоминаютъ лапы тюленя; дѣйствуютъ онѣ также, главнымъ образомъ, въ направленіи назадъ и кнаружи. Первый палецъ на нихъ очень коротокъ; всѣ ногти загнуты книзу; они длиннѣе и острѣе, чѣмъ на переднихъ лапахъ; плавательная перепонка доходитъ зато только до корня пальцевъ. У самцовъ тутъ находится, нѣсколько повыше пальцевъ, обращенная внутрь остроконечная и подвижная шпора, которую они могутъ вытягивать довольно далеко. Хвостъ плоскій, широкій и на концѣ, гдѣ находятся длинные волоса, сразу притупляется; у старыхъ животныхъ нижняя сторона хвоста или совсѣмъ голая, или же покрыта только отдѣльными грубыми волосами; у молодыхъ — хвостъ весь покрытъ шерстью, такъ что

эта шерсть, вѣроятно, вылѣзаетъ только съ теченіемъ времени. Голова довольно плоская, небольшая; она настолько отличается своимъ широкимъ утинымъ носомъ, что является единственнымъ въ своемъ родѣ среди всѣхъ млекопитающихъ. Обѣ челюсти вытянуты и по всему своему протяженію окружены рогообразной кожей, которая продолжается еще къзади въ видѣ своеобразнаго щита; въ обѣихъ челюстяхъ у взрослаго животнаго есть только 4 роговыхъ зуба, изъ которыхъ верхній и передній зубъ длиннѣе, тонокъ и остеръ, тогда какъ задній широкъ и гладокъ и вообще имѣетъ видъ кореннаго зуба. Въмѣсто этихъ роговыхъ зубовъ утконосъ, достигшій одной трети или половины своей полной величины, имѣетъ 8 настоящихъ зубовъ, похожихъ на плоскія, неправильно округленные блюда и усаженныхъ по краямъ бугорками большей или меньшей величины. Эти, только недавно открытые, настоящіе зубы напоминаютъ зубы мелкихъ млеко-



Утконосъ (*Ornithorhynchus anatinus*). $\frac{1}{4}$ естеств. велич.

питающихъ юрской формациі. Послѣ того какъ они совершенно использованы и, наконецъ, выпадутъ, на ихъ мѣстѣ появляются упомянутыя образованія, состоящія изъ ороговѣвшей слизистой оболочки. Ноздри лежатъ на верхней поверхности носа, около его конца, маленькіе глаза поставлены высоко на головѣ, а способныя закрываться ушные отверстія лежатъ вблизи отъ наружнаго глазного угла. Та складка, которая ниспадаетъ съ носа, какъ щитъ, на переднюю часть головы и горло, весьма полезна для животнаго, такъ какъ она удерживаетъ при отыскиваніи пищи грязь отъ соприкосновенія съ мѣхомъ утконоса и защищаетъ во время рытья глаза отъ земли. Языкъ мясистъ, но усаженъ роговыми зубами; назади онъ возвышается въ видѣ своеобразнаго шара, который совершенно замыкаетъ полость рта. Такимъ образомъ, носъ является превосходной цѣдилкой, благодаря которой животное можетъ процѣживать воду, отдѣлять съѣдобное отъ несъѣдобнаго и первое припрятывать предварительно передъ долгимъ пережевываніемъ въ помѣстительныя защечныя сумки, идущія вдоль боковъ головы.

Мѣхъ утконоса состоитъ изъ густыхъ, грубыхъ щетинъ темно-бураго цвѣта съ серебристымъ отблѣскомъ; подъ нимъ лежитъ очень мягкій подшерстокъ болѣе сѣраго цвѣта, похожій на подшерстокъ тюленя или морской выдры. Отъ мѣха

исходить своеобразный рыбный запахъ, зависящій вѣроятно отъ маслянистаго выдѣленія; онъ особенно силенъ, когда животное еще мокро. Австралийцы ѣдятъ мясо этого животнаго очень охотно, несмотря на этотъ противный запахъ.

Всего охотнѣе утконосъ живетъ въ тихихъ рѣчныхъ мѣстахъ, такъ называемыхъ „старыхъ водахъ“, въ которыхъ есть много водяныхъ растений и берега которыхъ осѣняютъ листовенныя деревья. Здѣсь на краю берега онъ устраиваетъ себѣ болѣе или менѣе искусную постройку. Очень извилистый проходъ, метровъ въ шесть длины, открывается въ очень большую котловину, устланную, какъ и весь проходъ сухими водяными растениями. Обыкновенно, каждая такая постройка имѣетъ два входа — одинъ подъ поверхностью воды, а другой на 30 см. выше ея.

Утконоса можно видѣть въ австралийскихъ рѣкахъ во всякое время года, но чаще всего въ весенніе и лѣтніе мѣсяца, и спрашивается, не подвержены ли они зимней спячкѣ. Собственно говоря, они сумеречныя животныя, хотя также и днемъ оставляютъ на короткое время свои норы, отправляясь за пищей. Если вода совершенно чиста, то можно прослѣдить глазами путь, принимаемый животнымъ, которое то ныряетъ, то вновь появляется на поверхности воды. Если хотятъ наблюдать это, то нужно сидѣть совершенно неподвижно, потому что ни малѣйшее движеніе не ускользнетъ отъ его остраго глаза, ни малѣйшій шорохъ не скроется отъ его тонкаго уха. Рѣдко онъ остается вверху дольше 1 или 2 минутъ; затѣмъ онъ ныряетъ и вновь появляется въ небольшомъ разстояніи. Какъ Беннеттъ наблюдалъ надъ животными въ неволѣ, утконосъ охотно держится у берега, въ густой тинѣ и роется между корней водяныхъ растений, составляющихъ главное мѣстопробываніе насѣкомыхъ. Пища, которую онъ набираетъ во время своей кормежки, главнымъ образомъ, мелкія водяныя насѣкомыя и мягкотѣлыя, сберегается тутъ же въ защечныхъ мѣшкахъ; потомъ онъ въ полнѣйшемъ спокойствіи пожираетъ ее.

„Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ“, такъ рассказываетъ Беннеттъ, „я приближался къ маленькой рѣкѣ въ Австраліи и такъ какъ я зналъ, что утконосъ выказываетъ сумеркамъ предпочтеніе, то я старался воспользоваться этимъ временемъ чтобы увидать его. Съ ружьемъ въ рукахъ мы терпѣливо стояли на берегу. Прошло немного времени, и мы увидѣли на поверхности воды, и притомъ довольно близко, черное тѣло, вершина котораго — голова — очень немного возвышалась надъ поверхностью воды. Чтобы не спугнуть животнаго, мы оставались безъ движенія, сперва наблюдали его, а затѣмъ старались по возможности слѣдить за его движеніями. Слѣдуетъ быть готовымъ къ выстрѣлу, когда утконосъ ныряетъ и посылать зарядъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ вновь показывается въ полѣ зрѣнія. Только выстрѣлъ, попавшій въ голову, имѣетъ свое дѣйствіе, потому что мягкій густой покровъ тѣла не такъ то легко можетъ пробить дробь. Мы ранили одного, который, очевидно будучи сильно пораженъ, тотчасъ же погрузился, но вскорѣ опять всплылъ. Когда собака принесла его намъ, мы нашли что это былъ красивый самецъ. Онъ не былъ еще вполне мертвъ, иногда двигался, но не производилъ никакого шума, исключая того, что, часто дышалъ носомъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ онъ былъ вынутъ изъ воды, онъ опять ожилъ и моментально побѣжалъ къ рѣкѣ, хотя его движенія были уже невѣрны. Только черезъ 25 минутъ онъ нѣсколько разъ перевернулся черезъ голову и окопѣлъ. Такъ какъ я много слышалъ о томъ, какъ опасенъ уколъ его шпоры, даже если животное смертельно ранено, то при первой же схваткѣ я поднесъ свою руку прямо къ „ядовитой“ шпорѣ. Напрягаясь изо всѣхъ силъ чтобы убѣждать, животное немного поцарапало меня своими задними лапами, а также и шпорой, но какъ я его не сжималъ, оно укололо меня вовсе не намѣренно. Далѣе говорили, будто утконосъ ложится на спину, когда хочетъ употребить это оружіе; этому, конечно, не повѣритъ тотъ, кто хоть сколько нибудь знаетъ это животное. Я клалъ его въ это положеніе, но оно только старалось опять стать на ноги, вовсе не пуская въ ходъ шпоры. Короче говоря, я продѣлывалъ съ нимъ всевозможные опыты, но всегда напрасно, вслѣдствіе чего и убѣдился, что шпора — не оружіе, а имѣетъ другую цѣль, тѣмъ болѣе, что позднѣйшіе

опыты надъ ранеными животными всегда давали такіе же результаты. Туземцы, правда, называютъ шпору „дерзкой“, понимая подъ этимъ словомъ вообще все вредное или ядовитое, но это же выраженіе они употребляютъ о царапаньи задними ногами, и нисколько не боятся брать руками живыхъ утконосовъ-самцовъ. Когда это странное созданіе выбѣгаетъ на землю, то оно можетъ показаться чѣмъ-то сверхъестественнымъ и его странная фигура легко приводитъ въ ужасъ боязливыхъ людей. Кошки моментально убѣгаютъ отъ него, и даже собаки, если онѣ не приучены спеціально къ охотѣ на него, смотрятъ, наостривъ уши, въ упоръ, и лають, но боятся тронуть его.“

Беннеттъ приказалъ раскопать много гнѣздъ, и поэтому имѣлъ возможность наблюдать нѣсколькихъ утконосовъ въ неволѣ. „Я велѣлъ“, говоритъ онъ, „разрыть одну постройку, несмотря на всѣ отговариванья лѣниваго туземца, который никакъ не могъ понять, какъ это я при всемъ изобиліи рогатаго скота и овецъ хотѣлъ еще имѣть утконосовъ. Входъ или преддверіе постройки было велико, въ сравненіи съ шириной дальнѣйшаго хода; послѣдній становился тѣмъ уже, чѣмъ дальше мы углублялись, пока наконецъ, не сталъ соответствовать толщинѣ животнаго. Мы прослѣдили этотъ ходъ на 3 метра въ глубину. Вдругъ со дна вынырнула голова утконоса, совершенно, какъ будто бы потревожили его сонъ и онъ вышелъ посмотрѣть, чего это мы хотѣли. Однако, повидимому, пришелъ къ убѣжденію, что наша шумная работа не очень то благопріятна для него, такъ какъ онъ поспѣшилъ обратиться назадъ. Когда онъ повертывался, его схватили за заднюю ногу и вытащили. Повидимому, онъ былъ очень обезпеченъ и изумленъ этимъ. Мы помѣстили нашу плѣнницу, взрослую самку, въ бочку, полную травы, рѣчной тины, воды и т. п. Она царапалась повсюду, чтобы выйти изъ своей тюрьмы; найдя, однако, всѣ труды тщетными, она успокоилась, свернувшись и, какъ казалось, скоро уснула. Ночью она опять была очень неспокойна, и вновь царапалась передними лапами, какъ бы желая вырыть себѣ проходъ. Утромъ я нашелъ, что она крѣпко спала подвернувъ хвостъ внутрь, голову и носъ уткнувъ подъ грудь и свернувшись всѣмъ тѣломъ. Когда я нарушилъ ея дремоту, она заурчала, какъ молодая собака, только, можетъ быть, нѣсколько мягче и благозвучнѣе. Днемъ она по большей части оставалась спокойной, но ночью снова старалась уйти и упорно ворчала. Всѣ сосѣдніе европейцы, которые такъ часто видѣли мертваго утконоса, были рады возможности, наконецъ, наблюдать его живымъ, и я думаю, это былъ первый случай, что европеецъ поймалъ живого утконоса и изслѣдовалъ его постройку.

„Когда я уѣзжалъ, то посадилъ моего „Маллангонга“, въ маленькій ящикъ съ травой и взялъ его съ собой. Чтобы дать ему погулять, я будилъ его время отъ времени, привязывая за заднюю ногу на длинную веревку и высаживалъ на берегъ. Вскорѣ онъ сталъ держать свой путь къ водѣ, плывя вверхъ по теченію рѣки, при чемъ его, очевидно, особенно соблазняли мѣста, гуще всего покрытыя водяными растеніями. Досыта нанырившись, животное вылѣзало на берегъ, ложилось въ траву и здѣсь съ удовольствіемъ чесалось и чистилось.

„Спустя нѣсколько дней я опять далъ ему купаться, на этотъ разъ въ чистой рѣкѣ, гдѣ я могъ ясно видѣть его движенія. Онъ направился вдоль берега, руководясь ощущеніями, испытываемыми его носомъ, который онъ, повидимому, многосторонне примѣняетъ къ дѣлу въ качествѣ очень нѣжнаго органа осязанія. Должно быть мой плѣнникъ вдоволь наѣлся, потому что всякій разъ, какъ онъ вытаскивалъ изъ тины свой носъ, въ немъ навѣрное было что-нибудь съѣдобное, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ его жевательные органы направлялись въ сторону — у него это движеніе жеванія. На ползавшихъ въ большомъ числѣ по нему насѣкомыхъ онъ не обращалъ вниманія, потому ли, что онъ ихъ не видѣлъ, или потому, что предпочиталъ имъ пищу, которую извлекалъ изъ тины. Послѣ обѣда онъ обыкновенно иногда ложился на дерновомъ берегу, наполовину высунувшись изъ воды или же перегибался на спину, чесалъ и чистилъ свой мѣхъ. Въ тюрьму свою онъ возвращался крайне неохотно, и на этотъ разъ никакъ не хотѣлъ въ ней успокоиться. Ночью я услышалъ царапанье въ его ящикѣ, стоявшемъ въ моей спальнѣ и по-

смотрѣлъ; въ это же утро онъ оказался пустымъ: утконосу посчастливилось вытащить одинъ брусокъ и убѣжать. Такимъ образомъ всѣ мои надежды на дальнѣйшія наблюденія пропали.“

Во время новаго путешествія Беннетту удалось открыть гнѣздо, съ тремя дѣтенышами, уже покрытыми шерстью; онъ могъ нѣкоторое время наблюдать ихъ. „Когда мы открыли гнѣздо съ дѣтенышами“, говоритъ Беннеттъ, „и посадили ихъ на землю, они хотя и бѣгали кругомъ, но не дѣлали такихъ дикихъ попытокъ убѣжать, какъ взрослые утконосы. Туземцы, у которыхъ разгорѣлись глаза и зубы на этихъ жирныхъ, молоденькихъ звѣрковъ, говорили, что имъ уже около 8 мѣсяцевъ и прибавили къ этому, что старые утконосы только сначала кормятъ дѣтенышей молокомъ, а потомъ насѣкомыми, маленькими ракушками и тиной.“

„Я могъ пустить дѣтенышей спокойно бѣгать по комнатѣ, но одинъ взрослый утконосъ до того неутомимо рылся подъ стѣной, что его пришлось запереть. Тогда онъ цѣлый день пролежалъ спокойно, но ночью постоянно возобновлялъ свои попытки уйти. Если я беспокоилъ животное во время сна, то каждый разъ слѣдовало за этимъ ихъ обычное ворчанье.“

„Мое маленькое семейство утконосовъ жило еще нѣсколько времени, и я могъ наблюдать ихъ привычки. Часто, казалось, звѣркамъ снилось, что они плаваютъ, такъ какъ переднія лапы ихъ часто начинали дѣлать соотвѣтственные этому движенія. Если днемъ я сажалъ ихъ на землю, то они выскивали себѣ темное укромное мѣстечко, и скоро засыпали, свернувшись вмѣстѣ, здѣсь или въ своей клѣткѣ; однако всѣмъ другимъ мѣстамъ предпочитали свое обыкновенное мѣсто отдохновенія.“

„Вскорѣ послѣ моего приѣзда въ Сидней, животные начали, къ моему большому сожалѣнію, худѣть и ихъ мѣхъ потерялъ свой красивый, блестящій видъ. Видно было, что имъ вездѣ не по себѣ, и видъ ихъ могъ вызвать только сожалѣніе. 29 Января околѣла самка, 2 Февраля самецъ. Я держалъ ихъ у себя живыми приблизительно только 5 недѣль.“

Утконосъ кладетъ нѣсколько штукъ яицъ съ мягкой оболочкой, зародышевые пласты развиты въ нихъ, судя по открытіямъ Кальдвелля, настолько, какъ въ куриномъ яйцѣ, которое высиживалось въ теченіе 36 часовъ. Высиживаніе яицъ совершается въ гнѣздѣ. Дѣтеныши, вылупляясь изъ яицъ, малы, голы, слѣпы и такъ же безпомощны, какъ дѣтеныши ехидны и сумчатыхъ животныхъ. Носъ ихъ коротокъ.

Въ зоологическомъ саду въ Мельбурнѣ иногда держатъ, въ наше время, утконосовъ; въ Европу до сихъ поръ еще не привозили ни одного живого утконоса.

Къ описаннымъ однопроходнымъ, быть можетъ примыкаетъ еще только что открытое, еще совсѣмъ неизвѣстное животное внутренней Австраліи; оно покрыто шерстью, обладающею металлическимъ блескомъ, и живетъ подъ землей. Извѣстно оно по одному, къ сожалѣнію, задушенному экземпляру, и ожидаетъ еще соотвѣтственнаго описанія.

Еще болѣе важное прибавленіе къ естественной исторіи низшихъ млекопитающихъ должно доставить единственное первобытное сухопутное млекопитающее Новой Зеландіи. Это животное наружнымъ видомъ походитъ на рѣчную выдру, живетъ, какъ и она, около воды и въ водѣ, и въ настоящее время, вѣроятно, ограничено горными озерами новозеландскихъ Южныхъ Альпъ. Его видѣли нѣсколько разъ, и одинъ разъ такъ близко, что его можно было ударить кнутомъ; послѣ такого удара оно съ пронзительнымъ крикомъ исчезло въ водѣ. Юліусъ фонъ-Гастъ видѣлъ его слѣды на снѣгу. Однако еще не удавалось поймать его. Сравнительно со всѣми странами Новая Зеландія обладаетъ самыми низшими птицами; очень возможно, что ея единственное уцѣлѣвшее млекопитающее стоитъ такъ же низко среди однопроходныхъ, насколько эти среди сумчатыхъ и доставить еще важные и быть можетъ неожиданные выводы относительно первоначальнаго происхожденія класса, включающаго въ себѣ и человѣка, — класса позвоночныхъ животныхъ.

Указатель.

А.

Абаланджъ 56.
Абу-кирфа 552.
Абу-эль-Госсейнъ 277.
Агуара 372.
Агуарахай 281.
Агути 504.
Адьягъ 284.
Ай 534.
Айз-айз 116.
Аксенъ 733.
Алаклага 460.
Алуать 83.
Альмицилери 424.
Альпако 619.
Альпийскій каменный козель 624.
— сурокъ 442.
Американскій волкъ 238.
— лось 629.
Англоарабская лошадь 572.
Ангорская коза 630.
— кошка 167.
Андаманская свинья 750.
Анта 587.
Антилопы 677.
Апаръ 543.
Апелла 92.
Аперей 502.
Аргали 640.
Арматиллъ 543.
Ару 87.
Аруи 637.
Асваль 365.
Ашкоко 599.

Б.

Бабакото 106.
Бабирусса 757.
Бабуинъ 68.
Байбакъ 441.
Бантенгъ 661.
Баранъ длинношерстый 637.
Барибаль 354.
Барсукъ 245.
Барсъ 183.
Бегемотъ 762.
— либерійскій 767.
Беззубые киты 784.
Безоаровый козель 628.
Бейза 689.
Бень-Израэль 697.
Беркширская свинья 753.
Бизамскій кабанъ 759.
Бизонъ 655.
Бинтуронгъ 368.
Бируангъ 358.
Битюгъ 573.
Благородный олень 728.
Бобръ 451.
Боксеръ 311.
Болиа 546.
Болонка 317.
Болотная рысь 200.
Болотный бобръ 511.

Болотный заяцъ 521.
— козель 687.
Болотныя антилопы 687.
Большая мушловка 448.
Большеухая лиса 340.
Бонто 801.
Боомеръ 815.
Бореле 592.
Борзая собака 302.
Бородавочникъ 758.
Бородавочный кабанъ 750.
Бородатая обезьяна 80.
Бородатый кабанъ 750.
Броненосцы 542. 543.
Бруанъ 358.
Буансу 283.
Буденгъ 50.
Буйволъ 655. 671.
— индійскій 674.
Бульдогъ 311.
Бундеръ 61.
Бурундукъ 435.
Бурчелева, тигровая лошадь 583.
Бурый дельфинъ 795.
— медвѣдь 344. 352.
Быки 647. 659.
Быкъ джунглей 660.
Бѣличья 429.
Бѣлка 429.
Бѣлобродый кабанъ 750.
Бѣлобрюхий тюлень 388.
Бѣлоголовая обезьяна 94.
Бѣлодушка 222.
Бѣлоносый медвѣдь 373.
Бѣлорыбца 796.
Бѣлуги 796.
Бѣлый медвѣдь 358.
Бѣлякъ 525.

В.

Вампиръ 134.
Вангалль 820.
Валити 733.
Вара-посорогъ 592.
Варварійскій левъ 167.
Вари 107.
Вау-вау 44.
Вдовушка 95.
Верблюды двугорбые 613.
Верблюды 607.
Верхолазъ 499.
Виверры 204.
Вигонъ 619.
Визгуны 89.
Вилорогъ 710.
Витторогоя антилопа 691.
Виргинскій олень 735.
Вискаша 518.
Водосвинка 508.
Водяная землеройка 422.
— крыса 483.
Водяной козель 687.
Волки 271.
Волкъ 271.
Волкодавъ 324.

Волкодавъ венгерскій 324.
Вомбатъ тасманскій 826.
Вомбаты 826.
Вонючки 251.
Выдры 255.
Выдровка 313.
Выхухоль 423.
— мускусная 424.

Г.

Газели 679.
Газель 679.
Галаго 111. 112.
Гамадрилъ 72.
Гануманъ 48.
Гариссонова свинья 659.
Гауръ 660.
Гаяль 659.
Гвацуи 737.
Гвереця 52.
Генетта 208.
Гепардъ 200.
Гиббаръ 786.
Гиббоны 44.
Гималайскій медвѣдь 356.
Гиппопотамы 761.
Гираръ 244.
Гиены 263.
Гладконосыя летучія мыши 128.
Гну 708.
Голая собака 307.
Голландскій быкъ 665.
Голубой быкъ 694.
Гораль 699.
Гончія 314.
Горбатые быки 663.
— кабаны 756.
Горбатый китъ 785.
Горибунъ 820.
Горилла 29.
Горностаи 234.
Горный заяцъ 521.
— каменный козель 628.
— кенгуру 816.
Грепландскій китъ 789.
Гривастый или длинношерстый ба-
ранъ 637.
— кабанъ 750.
— муравьеѣдъ 538.
— олень или олень-бородачъ 733.
Гризли 352.
Гризонъ 244.
Гриндъ 797.
Грызуны 427.
Гуанако 616.
Губастый медвѣдь 365.
Гузевитскій левъ 170.
Гулокъ 44.
Гульманъ 48.
Гуроны 244.
Гути 504.

Д.

Даманы 598.
Данта 587.

Датский догъ 307.
 Дау 583.
 Двуклопытныя 601.
 Двурогий носорогъ 592.
 Двухпалый лѣнинецъ 533.
 Деглингъ 805.
 Дегу 510.
 Дельфинъ 800.
 Дельфины 792.
 Джелада 77.
 Джеммель 608.
 Джербоа 458.
 Джигетай 575.
 Дикая корова 689.
 — кошка 156.
 — скотина 685.
 — собака малайская 284.
 Дикій кабанъ 749.
 Дикообразъ 496.
 Дикообразы 495.
 Динго 290.
 Диана 58.
 Длиннолобый быкъ 663.
 Длинномордый дельфинъ 801.
 Длинноплавниковый китъ 785.
 Длиннорукия обезьяны 44.
 Длиннохвостая кошка 193.
 — пантера 178.
 Длиннохвостый ящеръ 551.
 Доги 307.
 Долгоноги 462.
 Долгопята 115.
 Домашняя коза 628, 633.
 — кошка 166.
 — крыса 403, 466.
 — мышь 471, 472.
 — овца 642, 644.
 Домашний рогатый скотъ 662.
 Домашняя свинья 753.
 — собака 285, 294, 324.
 Домовой 115.
 Древесный кенгуру 816.
 Дрилль 78.
 Промадеръ 608.
 Дукеръ 696.
 Дургемскій быкъ 666.
 Дюгонъ 773.

Е.

Ежъ 402, 403.
 Енотъ 368.
 Еланчевый павіанъ 72.
 Ехидна австралийская 840.
 — папуасская 840.
 — тасманская 840.

Ж.

Жвачныя 601.
 Желтоногий кенгуру 816.
 Жирафъ 603

З.

Зайцы 521.
 Зебра 583.
 — мангуста 215.
 Зебу 663.
 Зеленая обезьяна 56.
 Землеройка обыкновенная 419.
 Землеройки 419.
 Земляная полевка 487.
 Земляной волкъ 268.
 — заяцъ 460.
 — поросенокъ 553.
 Зерафе 603.
 Золотой волкъ 278.
 Золотолобая обезьяна 87.
 Зубатые киты 806.
 Зубръ 652.
 Зундская пантера 178.

И.

Игрушки 98.
 Индійскій медоѣдъ или ратель 250.
 Индри 106.
 Ина 801.
 Ирбисъ 183.
 Исполинскій броненосецъ 542, 547.
 — кенгуру 815.
 Итальянская собака 306.
 Ихневмонъ 211.

I.

Иуруми 538.

К.

Каама 685.
 Кabanъ - карликъ 753.
 Кабарга 744.
 — карликовая 746.
 Кабри 710.
 Кахау 50.
 Кагуангъ 425.
 Кагуаре 541.
 Кай 89.
 Какайяо 94.
 Какамицли 378.
 Каланъ 260.
 Калонгъ 126.
 Каменная куница 222.
 — лиса или песецъ 335.
 Каменные козлы 624.
 Канадская рысь 199.
 Кама 685.
 Качиль 748.
 Капскій левъ 169.
 Капудинъ 89.
 Карайя 83.
 Каракалъ 199.
 Карасисси 281.
 Карибу 720.
 Карликовая антилопа 697.
 — кошка 183.
 Карликовый или либерійскій гиппо-
 — потамъ 761.
 — муравьеѣдъ 542.
 Карникель 527.
 Касатка 793.
 Кафферскій буйволъ 671.
 Кашелотъ 806.
 Кашмирская коза 632.
 Квагга 583.
 Кейтлоа 592.
 Кенгуру 812.
 — крыса 817, 818.
 — медвѣдь 816.
 Кепоркакъ 785.
 Кидангъ 742.
 Кинкажу 377.
 Кирассу 338.
 Кирса 338.
 Кистехвостый или длинноволосый ка-
 банъ 756.
 Китайскій страннохвость или па-
 гума 210.
 Китъ - карликъ 788.
 Киты 777.
 Кладдедэлльская лошадь 573.
 Ключоворыль 802.
 Коала 819.
 Коата 87.
 Когтистыя обезьяны 29, 93.
 Коза египетская 633.
 Коза карликовая 633.
 Козлы 622, 628.
 Козы 622.
 Койоте 279.
 Коину 511.
 Колзунъ 283.
 Комба 114.
 Копатель или суриката 217.
 Коровы - антилопы 685.
 Королевскій тигръ 147.
 Короткорогій скотъ 666.
 Короткохвостыя обезьяны 94.
 Корсакъ 338.
 Косуля 738.
 Кошка пампасовъ 194.
 Кошки 141.
 Кошки - рыболовы 183.
 Крабовая мангуста 216.
 Крапчатый гепардъ 201.
 Кровососы 132.
 Кроликъ 527.
 Кротообразныя 492.
 Кротъ 409.
 Круглоголовые киты 797.
 Крысоловъ - пинчеръ 323.
 Крысы 466.
 — опоссумъ 817.
 Ксиу 94.
 Куанду 499.
 Куасси 373.

Кубинъ 425.
 Кугуаръ 184.
 Куду 691.
 Куарукъ 183.
 Кузу 822.
 Куиу 500.
 Кукама 688.
 Куксио 94.
 Куланъ 575.
 Кума 356.
 Кунелль 527.
 Куница 219.
 Курдючная овца 643.
 Курносый ушанъ большой 132.
 Кускуты 820.
 Кустарниковый заяцъ 453.
 — кабанъ 756.
 Кустарниковыя крысы 510.
 Кухумби 377.

Л.

Лазящія сумчатые 819.
 Лама 617.
 Ламантинъ 771.
 Ламы 615.
 Лани 726.
 Ланцетоносъ египетскій 137.
 Ларъ 44.
 Ласка 231.
 — большая 231.
 Ластоногія 380.
 Левретка 306.
 Левъ 167.
 — безгривый 170.
 Леммингъ 489.
 Лемуры 104.
 Леопардъ 176.
 — чернѣй 178.
 Летучая бѣлка 435.
 — мышь обыкновенная 131.
 Летучія собаки 126.
 Летяги 435.
 Лироносы 137.
 Лиса 328.
 Лиса-кузу 822.
 Лиса-мангуста 216.
 Лисицы 328.
 Листоносыя 132.
 Лисья собака или лисогонъ
 317.
 Лама 617.
 Лобатый быкъ 659.
 Ломовая лошадь 573.
 Лори 108.
 Лоси 715.
 Лось 715.
 Лошади 565.
 Лошадь 565.
 — англобританская 573.
 — англонорманская 572.
 — андалузская 572.
 — арабская 570.
 — арденская 573.
 — донская 573.
 — клэвелэндская 573.
 — клэдруберъ 572.
 — липпецанеръ 572.
 — пинггауэръ 573.
 — черкесская 573.
 — ютландская 573.
 Лошакъ 582.
 Луговая собачка 438.
 Луговой волкъ 279.
 Лѣнницы 533.
 Лѣнныя обезьяны 108.
 Лѣсная землеройка 419.
 Лѣсная кошка 156.
 — куница 219.
 — мышь 471, 475.
 — полевка 486.
 — соня 447.
 Лѣсной волкъ 271.
 — заяцъ 521.
 Лѣтній китъ 788.
 Лысунъ 388.
 Лягавая собака 314.

М.

Мазама-олень 735.
 Маготъ 62.
 Майконгъ 281.

Майясь 39.
Макако 60. 107.
Макакъ 60.
Маки 106.
Маки-домовой 115.
Малайскій медвѣдь 358.
Малые медвѣди 368.
Мамберская коза 333.
Манавири 377.
Манаты 770.
Мангусты 210.
Мандрилль 77.
Мара 503.
Маргуай 193.
Марпмонда 87.
Мартышка безхвостая 62.
Мартышки 53.
Маска-свинья 750.
Матако 546.
Мастифа 309.
Медвѣдеобразная обезьяна 53.
Медвѣди 344.
Медвѣдь бурый 344.
— муравьятникъ 344.
— носуха 373.
— обыкновенный 344.
— стервятникъ 344.
Медоѣды 249.
Мейясь 39.
Мексиканскій верхолазъ 500.
Мелкія сумчатые 820.
Мелончилло 215.
Мелонъ 215.
Мендесъ-антилопа 691.
Мериносовая овца 642.
Мертвая голова 96.
Мирики 87.
Мирикина 97.
Монъетъ 61.
Моно-рабонъ 94.
Мопсъ 311.
Моржъ 393.
Морская дѣва 773.
— корова 773. 775.
— свинка 502.
— свинья 795.
Морской боберъ 260.
— единорогъ 803.
— котъ 399.
— быкъ 771.
— левъ 397.
Мпунгу 29.
Музангъ 209.
Муйдо 58.
Муль 582.
Мунго 213.
Мунджахъ 742.
Муравьеѣды 538.
Мусква 354.
Мускусная крыса 481.
Мускусный овцебыкъ 645.
Мустангъ 573.
Муффлонъ 638.
Мушловка 448.
Мыши 465.
Мышь-малютка 475.
Мышь опоссумъ 825.
Мѣшконосы 493.

Н.

Нарваль 803
Настоящіе киты 788.
Насѣкомоядные 401.
Нджина 29.
Непарнокопытныя 565.
Неполнозубыя 532.
Нерлухи или ушастые тюлени 397.
Нетопырь 130.
Неуклюжій или толстый лори 110.
Неуклюжія животныя или увальни 761.
— сумчатые 826.
Нильгау 694.
Нильская коза 633.
Нильскій крыланъ 128.
Нильская лошадь 761.
Нилбандаръ 80.
Норка 237.
Носатая обезьяна 50.
Носороги 590.
Носорогъ 592.
Носухи 372.

Ночная обезьяна 97.
Ночные крыланы 128.
Нубійская кошка 159.
Ньюфаундлэндская собака 318.
Нѣмецкій догъ 307.

О.

Обезьяны 21.
Обыкновенный ушанъ 129.
Овцебыки 645.
Овцы 636.
Овчарка 324.
Одногорбый верблюдъ 608.
Однопроходныя 838.
Оленебыки 693.
Оленекозья антилопа 678.
Оленьки 746.
Олени 713.
Олень пампасовъ 737.
Оленья собака 316.
Онагръ 577.
Ондатра 481.
Опоссумъ 833.
Орангъ-утанъ 39.
Ориксы или сернобыки 687.
Ориньяль 719.
Орѣшниковая соня 448.
Осель 578.
Охотничій леопардъ 200.
Охотничьи гіены или гіеновая собака 281.
— собаки 314.
Оцелотъ 192.

П.

Павіанъ 65.
Пака 506.
Пако 619.
Пальмовыя куницы 209.
— — индійская 209.
— — малайская 209.
Панголинъ 551.
Панда 367.
Пантера 177.
Панцырный носорогъ 592.
Папуасская свинья 750.
Пардовая кошка или оцелотъ 192.
— рысь 199.
Парія 292.
Парнокопытныя 601.
Пассангъ 688.
Пасюкъ 467.
Пауковидная обезьяна 86.
Пекари 759.
Первобытный быкъ 663.
Персидскій левъ 169.
Першеронъ 573.
Песець 335.
Песчанка 465.
Пинчеръ 323.
Пинчъ 102.
Пиренейская собака 324.
Пирейскій каменный козелъ 628.
Пишу 199.
Пищухи 530.
Плодоядныя летучія мыши 125
— сумчатые 826.
Подковонось большой 137.
— малый 136.
Подковоносы 136.
Подсѣжная мышь 485.
Полевая землеройка 421.
Полевая мышь 471. 475.
Полевки 483.
Полевочныя 481.
Полороги 621.
Полосатикъ 785.
Полосатые киты 785.
Полосатый волкъ 277.
— кабанъ 750.
Полоскуновыя 368.
Полукопытныя 502.
Полуобезьяны 103.
Полчокъ 445.
Пони 573.
Пѣвчая мышь 473.
Прыгающія сумчатые 812.
Прыгунчикъ 417.
Прыгуны 683.
Прыгунъ-дельфинъ 800.
Пудель 321.

Пума 184.
Пушаки 517.
Пушистохвостыя обезьяны 83. 93.
Пятнистая гіена 265.
— кошка 183.
Пятнистый гепардъ 201.
— кускусъ 820.
— олень 733.

Р.

Разорбакъ 786.
Ракунь 368.
Ракоѣдъ 372.
Ранолетающій кожанъ 131.
Рассе 207.
Ревуны 83.
Россомеха 241.
Рукокрылыя 119.
Руконожка 116.
Рыба-быкъ 771.
Рыба-мечъ 793.
Рыжая рысь 199.
Рыжій ревунокъ 83.
Рыси 194.
Рысь 194.
Рѣчная выдра 256
— лошадь 761.

С.

Сабельныя антилопы 689.
Сагуинъ 100.
Садовая соня 447.
Сай 89.
Сайга 706.
Саймири 96.
Саки 93.
Самбаръ 733.
Санга 662.
Сатана 53.
Сахарная бѣлка 824.
Свиной олень 734.
Свиньи 747.
Свищи 436.
Сенегальскій левъ 169.
Сеннарскій кабанъ 750.
Сень-бернардская собака 319.
Серваль 184.
Серебристый левъ 184.
Сернобыки 687.
Сернокозья 699.
Серны 699.
Сивучи 397.
Синегубая мартышка 58.
Сирены 769.
Сиамангъ 45.
Скалистый кенгуру 816.
Слонъ азіатскій 556.
— африканскій 557.
Слѣпыши 492.
Собака исландская 324.
— китайская 324.
Собаки 269.
Собакоголовыя обезьяны 66.
Собакообразныя обезьяны 47.
Собачьи обезьяны 47. 66.
Соболь 224.
Сомальскій осель 505.
Сони 445.
Сохатый 715.
Степная корова 689.
— лиса 340.
Степной или луговой волкъ 279.
— осель 578.
— ящеръ 552.
Степныя антилопы 706.
Стройный или тонкій лори 103.
Сумчатая бѣлка 822.
— куница 828. 830.
— мышь 825.
Сумчатый волкъ 828.
— зебра 828.
— медвѣдь 819.
— муравьеѣдъ 831.
— пловецъ 837.
— ракоѣдъ 835.
Сумчатый хорекъ 204.
Сумчатые животныя 810.
— крысы 832.
Суриката 217.
Сурильо 253.
Сурукъ 442.

Сусликъ 437.
Сфинксъ 68.
Сѣверный китъ 789.
— олень 719, 720.
Сѣрый медвѣдь 352.

Т.

Тагуанъ 434.
Тайра 244.
Такса 312.
Тамандуа 541.
Таманова 538.
Тамаринъ 100.
Тана 415.
Танцующая мышь 474.
Тапиръ 586.
Тарпанъ 566.
Тату 543.
Татупойу 543.
Тевангу 108.
Теледу 251.
Танрекъ 416.
Тибетскій догъ 312.
Тигровая кошка 193.
Тигровый хорекъ 226.
Тигръ 145.
Тикагуликъ 788.
Тиморскій кабанъ 750.
Толсторогій баранъ 641.
Толстотѣлая обезьяны 51.
Тонкотѣлая обезьяны 47.
Тракенеръ 572.
Трубказубы 553.
Трубчатые киты 785.
Тунноликъ 786.
Тушканчики 456.
Тушканчикъ египетскій 458.
Тюлени 383.
Тюлень 387.
— каспійскій 388.
— сѣрый 388.

У.

Убийца 793.
Уконосыя 29.
Улитки 100.
Умингарокъ или овцебыкъ 645.
Унау 533.
Унгко 44.
Унце 187.

Урва 216.
Урсонъ 498.
Утконосъ 842.
Ушаны 129.
Ушастая лисица 341.
Ушастыя обезьяны 111.

Ф.

Фавнъ 93.
Фараонова мышь 211.
Фаггадъ 201.
Фенеки 340.
Фенекъ 340.
Фосса 204.
Фрейбургскій быкъ 665.

Х.

Хахма 68.
Хищныя 138.
Хищныя сумчатыя 827.
Хоботныя 555.
Хомякъ 477.
Хомяковая крыса 483.
Хорекъ 225.
— африканскій 228.
— мадагаскарскій 204.
Хохлатый павіанъ 68.
Хохлатыя антилопы 696.

Ц.

Целебесскій кабанъ 750.
Циветта 207.
Цорилла 255.
Цыганская собака 324.
Цѣпкохвостыя обезьяны 83, 89.

Ч.

Чамекъ 87.
Чарльзъ-кингъ 317.
Человѣкообразныя обезьяны 29.
Чепрачная или береговая гѣна 267.
Чепрачный тапиръ 586.
Черная пантера 178.
Черноголовый саки 94.
Черный кабанъ 750.
Черный медвѣдь 354.
— носорогъ 592.
— павіанъ 68.

Черный ревуень 83.
Чертова обезьяна 94.
Четверорогая антилопа 696.
Чистокровная лошадь (англійск.) 572
Чита 201.
Чортъ 829.

Ш.

Шакаль 278.
Шарминди-билли 110.
Шаровидный броненосецъ 546.
Шелковистый кроликъ 529.
Шелковистыя обезьянки 100.
— собаки 317.
Шерстистый или лохматый гепардъ 201.
Шерстокрылы 425.
Шестиполосный броненосецъ 543.
Шимпанзе 36.
Шиншилла 513.
— малая 514.
Широколобый быкъ 663.
— вомбать 826.
Широконосыя 80.
Шабандаръ 80.
Шотландскій пони 573.
Шпицъ 326.
Шупати 835.

Щ.

Щетинистая свинка 513.
Щетинистый броненосецъ 543.
Щетинистыя животныя 747.
Щитоносецъ 548.

Э.

Эдро 697.
Эскимосская собака 326.

Я.

Явская обезьяна 61.
Явскій носорогъ 592.
Ягуарунди 187.
Ягуаръ 187.
Язвица 826.
Языкососы 133.
Якъ 649.
Ящеры 550.

Указатель латинскихъ названій.

А.

Acrobates pygmaeus 825.
 Addax nasomaculatus 691.
 Ailurinae 367.
 Ailuropus melanoleucus 367.
 Ailurus fulgens 367.
 Alces americanus 719.
 — palmatus 715.
 Anthropomorpha 29.
 Antilocas 683.
 Antilocapra americana 710.
 Antilope cervicapra 678.
 — dorcas 680.
 — euchore 683.
 — furcifer 710.
 — saiga 706.
 Antilopinae 677.
 Arctitis binturong 368.
 Arctomyinae 436.
 Arctomys bobac 441.
 — marmota 442.
 Arctopithecus 29. 98.
 Artiodactyla 601.
 Arvicola agrestis 487.
 — amphibius 483.
 — arvalis 487.
 — glareolus 486.
 — nivalis 485.
 — olconomus 489.
 Arvicolidae 481.
 Asinus 575.
 Ateles 86.
 — bartlettii 87.
 — beelzebuth 87.
 — hypoxanthus 87.
 — paniscus 87.
 — pentadactylus 87.
 Atelodus 592.
 Auchenia huanaco 616.
 — lama 617.
 — pacos 619.
 — vicugna 619.
 Aulacodus svinderianus 513.
 Axis axis 733.

В.

Balaena mysticetus 789.
 Balaenidae 788.
 Balaenoptera rostrata 788.
 Balaenopteridae 785.
 Bassaris astuta 378.
 Beluga leucas 796.
 Bettongia penicillata 817.
 Bidactyla 601.
 Blastocerus campestris 737.
 Bonassus 652.
 — bison 652.
 Bos africanus 662.
 — americanus 655.
 — arni 674.
 — banteng 661.
 — bison 652.
 — caffer 671.
 — frontalis 659.
 — frontosus 663.
 — gaurus 660.

Bos grunniens 649.
 — indicus 663.
 — longifrons 663.
 — primigenius 663.
 — scoticus 664.
 — taurus dunelmensis 666.
 — taurus friburgensis 665.
 — taurus hollandicus 665.
 Bovidae 621.
 Bovinae 647.
 Brachyurus 94.
 Bradypodidae 533.
 Bradypus tridactylus 534.
 Bubalis 685.
 — caama 685.
 Bubalus 671.
 — vulgaris 674.
 Buselaphus oreas 693.

С.

Callithrix 95.
 — lugens 95.
 Camelidae 607.
 Camelopardalidae 603.
 Camelopardalis giraffa 603.
 Camelus bactrianus 613.
 — dromedarius 608.
 Canidae 269.
 Canis 277.
 — adustus 277.
 — anthus 277.
 — antareticus 288.
 — aureus 278.
 — Azarae 281.
 — cancrivorus 281.
 — dingo 290.
 — familiaris africanus 307.
 — familiaris domesticus 324.
 — familiaris extrarius 317.
 — familiaris grajus 302.
 — familiaris gryphus 323.
 — familiaris molossus 307.
 — familiaris sagax 314.
 — familiaris vertagus 312.
 — latrans 279.
 — lupus 271.
 — (Cyon) dukhunensis 283.
 — (Cyon) primaevus 283.
 — (Cyon) rutilans 284.
 — occidentalis 276.
 — pictus 281.
 — procyonoides 280.
 — vetulus 281.
 Capella rupicapra 699.
 Capra 622.
 — aegagrus 628.
 — hircus aegyptiaca 633.
 — hircus angorensis 630.
 — hircus laniger 632.
 — hircus mambrica 633.
 — hircus reversa 633.
 — ibex 624.
 — pyrenaica 628.
 Capreolus capraea 738.
 Caprinae 622.
 Caracal melanotis 199.
 Cariacus virginianus 735.
 Carnivora 138.

Castor fiber 450.
 Castoridae 450.
 Catarrhini 29.
 Catoblepas gnu 708.
 Catodon macrocephalus 806.
 Catodontidae 806.
 Cavia aperea 502.
 — porcellus 502.
 Caviidae 502.
 Cebidae 83.
 Cebus 89.
 — apella 92.
 — capucinus 89.
 — fatuellus 93.
 Centetes ecaudatus 416.
 Centetidae 416.
 Cephalolophus mergens 696.
 Cercolabes novae hispaniae 499.
 — prehensilis 501.
 — villosus 500.
 Cercolabinae 498.
 Cercopithecus caudivolvulus 377.
 Cercopithecus 53.
 — cephus 58.
 — diana 58.
 — sabaeus 56.
 Cervidae 713.
 Cervulus muntjac 742.
 Cervus alces 715.
 — barbarus 733.
 — canadensis 733.
 — elaphus 728.
 Cetacea 777.
 Chiromys madagascariensis 116.
 Chironectes minimus 837.
 Chiroptera 119.
 Chlamydophorus truncatus 548.
 Choloepus didactylus 533.
 Chrysothrix 96.
 — sciurea 96.
 Cladobates tana 415.
 Coelogenys paca 506.
 Colobus guereza 52.
 — satanas 53.
 — ursinus 53.
 Colus tataricus 707.
 Cricetinae 477.
 Cricetomys gambianus 466.
 Cricetus frumentarius 477.
 Crocidura aranea 421.
 — suaveolens 421.
 Crossopus fodiens 422.
 Cryptoprocta ferox 204.
 Cycloturus didactylus 542.
 Cynailurus guttatus 201.
 — jubatus 201.
 — laneus 201.
 — Soemmerringii 201.
 Cynictis penicillata 216.
 Cynocephalus 65.
 — babuin 68.
 — gelada 77.
 — hamadryas 72.
 — leucophaeus 78.
 — mormon 77.
 — porcarius 68.
 — silenus 80.
 — sphinx 68.

Cynomys ludovicianus 438.
Cynonycteris 128.
Cynonycteris aegyptiacus 128.
Cynopithecini 47.
Cynopithecus niger 68.
Cystophora cristata 388.

D.

Dama vulgaris 726.
Dasypodidae 542.
Dasyprocta aguti 504.
Dasyprocta sexcinctus 543
— *villosus* 543.
Dasyuridae 827.
Dasyurinae 828.
Dasyurus viverrinus 830.
Delphinidae 792.
Delphinus delphis 800.
Dendrolagus ursinus 816.
Dicotyles labiatus 759.
— *torquatus* 739.
Didelphis marsupialis 833.
Didelphyidae 832.
Dipodidae 456.
Dipodinae 458.
Dipus aegyptius 458.
Dolichotis patagonica 503.

E.

Echidna aculeata lawesi 840.
— *aculeata setosa* 840.
— *aculeata typica* 840.
Echidnidae 839.
Edentata 532.
Elephantidae 555.
Elephas africanus 557.
— *asiaticus* 556.
Eliomys nitela 447.
Enhydrys lutris 261.
Equidae 565.
Equus asinus 578.
— *asinus africanus* 578.
— *asinus somalicus* 578.
— *burchelli* 583.
— *caballus* 569.
— *hemionus* 575.
— *hinus* 582.
— *mulus* 582.
— *onager* 577.
— *quagga* 583.
— *zebra* 583.
Erethizon dorsatum 498.
Erinaceidae 402.
Erinaceus europaeus 403.
Eriomys chinchilla 514.
— *lanigera* 514.

F.

Felidae 141.
Felis bengalensis 183.
— *catus* 156.
— *concolor* 184.
— *leo barbarus* 167.
— *bengalensis* 183.
— *leo capensis* 169.
— *leo guzeratensis* 170.
— *leo persicus* 169.
— *leo senegalensis* 169.
— *macrura* 193.
— *maniculata* 159.
— *maniculata domestica* 166.
— *maniculata domestica angorensis* 167.
— *melas* 178.
— *nebulosa* 155.
— *onza* 187.
— *pajeros* 194.
— *panthera* 177.
— *pardalis* 176. 192.
— *serval* 184.
— *tigrina* 193.
— *tigris* 147.
— *uncia* 183.
— *variegata* 178.
— *viverrina* 183.
— *yaguarundi* 187.
Fiber zibethicus 481

G.

Galeopithecidae 425.
Galeopithecus volans 425.

Galictis 244.
— *barbara* 244.
— *vittata* 244.
Gazella 679.
Geomys bursarius 494.
Globiocephalus melas 797.
Glossophaga 133.
Glyptodon 542.
Gorilla gina 29.
Gulo borealis 241.
Gymnorhina 128.

H.

Halichoerus grypus 388.
Halicore dugong 773.
— *stelleri* 776.
Hapale argentata 100.
— *jacchus* 100.
— *oedipus* 102.
— *penicillata* 102.
Herpestes 210.
— *fasciatus* 215.
— *ichneumon* 211.
— *mungo* 213.
— *urva* 216.
— *widdringtonii* 215.
Hippelaphus 733.
Hippopotamidae 761.
Hippopotamus amphibius 761.
— *liberiensis* 767.
— *terrestris* 587.
Hircus 628.
Hyaena brunnea 267.
— *crocota* 265.
— *striata* 267.
Hydrochoerus capybara 508.
Hylobates 44.
— *hulock* 44.
— *lar* 44.
— *rafflesii* 44.
— *syndactylus* 44.
— *variegatus* 45.
Hyperoodon bidens 805.
Hyperoodontidae 805.
Hyracidae 598.
Hyrax abessinicus 599.
Hystriichidae 495.
Hystrix cristata 496.

I (i).

Ibex 624.
Inia amazonica 801.
Insectivora 401.
Inuus ecaudatus 62.
Istiophora 132.

J (j).

Jaculus hudsonius 457

K.

Kobus ellipsiprymnus 687.

L.

Lagidium cuvieri 517.
Lagomys alpinus 530.
Lagostomidae 513.
Lagostomus trichodactylus 518.
Lemuridae 104.
Lemur catta 107.
— *macaco* 107.
— *mongoz* 107.
— *varius* 107.
Leporidae 519.
Lepus cuniculus 527.
— *timidus* 525.
— *vulgaris* 521.
Lichanotus 106.
— *brevicaudatus* 106.
Lupus 271.
— *aureus* 278.
— *vulgaris* 271.
Lutra vulgaris 256.
Lutridae 255.
Lycaon pictus 281.
Lynx 194.
— *borealis* 199.
— *caracal* 199.
— *Chaus* 200.

Lynx pardinus 199.
— *rufus* 199.
— *vulgaris* 194.

M.

Macacus 60.
— *cynomolgus* 61.
Macacus rhesus 62.
Macropodidae 812.
Macropodinae 812.
Macropus giganteus 815.
Macrorhinus leoninus 390.
Macroscelides typicus 416.
Macroscelididae 415.
Manatidae 770.
Manatus inunguis 772.
— *latirostris* 771.
Manididae 550.
Manis longicaudata 551.
— *pentadactyla* 551.
— *temminckii* 552.
Marsupialia 810.
Megaderma 137.
— *lyra* 137.
Megaptera longimana 785.
Meles taxus 245.
Melidae 245.
Melivora 249.
— *capensis* 250.
— *indica* 250.
Melursus labiatus 365.
Merionidinae 465.
Mephitis mephitis 253.
— *varians* 253.
Monodon monoceros 803.
Monotremata 838.
Moschidae 744.
Moschus moschiferus 744.
Muridae 463.
Murinae 465.
Mus agrarius 471.
Muscardinus avellanarius 448.
Mus agrarius 471.
— *decumanus* 467.
— *minutus* 475.
— *musculus* 471.
— *rattus* 466.
— *sylvaticus* 471.
Mustela foina 222.
— *martes* 219.
— *zibellina* 224.
Mustelidae 217.
Mycetes 83.
— *niger* 83.
— *seniculus* 83.
Mydaus meliceps 251.
Myodes lemmus 489.
Myogale moschata 424.
— *pyrenaica* 424.
Myogalinae 423.
Myopotamus coypu 511.
Myoxidae 445.
Myoxus dryas 447.
— *glis* 445.
Myrmecobiinae 831.
Myrmecobius fasciatus 831.
Myrmecophaga jubata 538.
Myrmecophagidae 538.
Mysticete 784.

N.

Nasalis larvatus 50.
Nasua 372.
— *narica* 373.
— *rufa* 373.
Nemorhoedus goral 699.
Neotragus hemprichii 697.
Nyctereutes viverrinus 280.
Nyctipithecus trivirgatus 97.

O.

Oa 44.
Octodon cummingii 510.
Octodontidae 510.
Orca gladiator 793.
Ornithorhynchus anatinus 842.
— *paradoxus* 842.
Orycteropodidae 553.
Orycteropus capensis 553.
Oryx beisa 689.

Oryx capensis 688.
— *leucoryx* 689.
Otaria stelleri 397.
— *ursina* 399.
Otariidae 397.
Otocyon megalotis 341.
Otolicnus agisymbanus 114.
— *galago* 112.
Ovibos moschatus 645.
Ovis argali 640.
— *aries hispanica* 642.
— *aries steatopyga* 643.
— *montana* 641.
— *musimon* 638.
— *tragelaphus* 637.

P.

Paradoxurus 209.
— *hermaphroditus* 209.
— *larvatus* 210.
— *niger* 209.
Pedetes caffer 462.
Perameles nasuta 827.
Peramelidae 826.
Perissodactyla 565.
Petauroides volans 822.
Petaurus sciureus 824.
Petrogale penicillata 816.
— *xanthopus* 816.
Phacochoerus africanus 758.
Phalangeridae 819.
Phalangerinae 820.
Phalanger maculatus 820.
Phalangista vulpina 822.
Phascolarctus cinereus 819.
Phascologyidae 826.
Phascolumys latifrons 826.
— *ursinus* 826.
Philander philander 835.
Phoca caspica 388.
— *foetida* 388.
— *groenlandica* 388.
— *vitulina* 387.
Phocaena communis 795.
Phyllorhina 132.
Phyllostoma spectrum 134.
Phyllostomata 132.
Physalus antiquorum 786.
Physeter macrocephalus 806.
Pinnipedia 380.
Pitheci 21.
Pithecia 93.
— *leucocephala* 94.
— *melanocephala* 94.
— *satanas* 94.
Pitheciidae 83. 93.
Pithecius satyrus 39.
Platanista gangetica 802.
Platyrrhini 29. 80.
Plecotus auritus 129.
Polyprotodontia 826.
Porcus babyrussa 757.
Portax pictus 694.
Potamochoerus africanus 756.
— *porcus* 756.
Potoroinae 817.
Potorous tridactylus 818.

Priodon gigas 547.
Proboscidea 555.
Procyon 368.
— *cancrivorus* 372.
Procyoninae 368.
Procyon lotor 368.
Proechidna bruijnii 842.
Prosimii 103.
Proteles lallandii 268.
Psammomys obesus 465.
Pteromys petaurista 434.
— *volans* 430.
Pteropina 125.
Pteropus edulis 126.
Putorius 225.
— *erminea* 234.
— *foetidus* 226.
— *furo* 228.
— *lutreola* 237.
— *sarmaticus* 226.
— *vison* 238.
— *vulgaris* 231.

R.

Rangifer caribu 720.
— *tarandus* 720.
Redunca eleotragus 687.
Rhabdogale mustelina 255.
Rhinoceros bicornis 592.
— *sondaicus* 592.
— *unicornis* 592.
Rhinocerotidae 590.
Rhinolophus ferrum-equinum 137.
— *hippocrepis* 136.
Rhinopoma 137.
— *microphyllum* 137.
Rodentia 427.
Rusa aristotelis 733.
— *hippelaphus* 733.
— *porcinus* 734.

S.

Sarcophilus ursinus 829.
Scirtetes 460.
— *jaculus* 460.
Sciuridae 429.
Sciurinae 429.
Sciurus 429.
— *vulgaris* 429.
Semnopithecus entellus 48.
— *maurus* 50.
Simia troglodytes 36.
Sirenia 769.
Sorex vulgaris 419.
Soricidae 417.
Soricinae 419.
Spalacidae 492.
Spalax typhlus 492.
Spermophilus citillus 437.
Sphingurus 499.
Stenops gracilis 108.
— *tardigradus* 110.
Stenorhynchus albiventer 388.
Strepsiceros kudu 691.
Suidae 747.
Suricata tetradactyla 217.

Sus andamensis 750.
— *barbatus* 750.
— *cristatus* 750.
— *leucomystax* 750.
— *niger* 750.
— *papuensis* 750.
— *scrofa* 749.
— *sennarensis* 750.
— *timorensis* 750.
— *verrucosus* 750.
— *vittatus* 750.
Synetheres 499.
Synotus 132.
— *barbastellus* 132.

T.

Talpa-europaea 409.
Talpidae 408.
Tamandua tetradactyla 541.
Tamias striatus 435.
Tapiridae 586.
Tapirus indicus 586.
— *terrestris* 587.
Tarsidae 115.
Tarsius spectrum 115.
Tetraceros quadricornis 696.
Thylacinus cynocephalus 823.
Tolypeutes tricinatus 546.
Tragulidae 746.
Tragulus kanchil 746.
— *pygmaeus* 746.
Trichechidae 393.
Trichechus 393.
— *rosmarus* 393.
Trichosurus vulpecula 822.
Tupaia Tana 415.
Tupaiaidae 415.

U.

Ursidae 342.
Ursinae 344.
Ursus arctos 341.
— *americanus* 354.
— *cinereus* 352.
— *ferox* 352.
— *formicarius* 344.
— *malayanus* 358.
— *maritimus* 358.
— *torquatus* 356.

V.

Vesperugo noctula 131.
Vespertilio murinus 130.
Viverra 206.
— *civetta* 206.
— *genetta* 208.
— *malaccensis* 207.
— *zibetha* 207.
Viveridae 204.
Vulpes 328.
— *corsac* 338.
— *lagopus* 335.
— *vulgaris* 329.
— *zerdo* 340.

Каталогъ изданій Книгоиздательскаго Т-ва „Проевѣщеніе“,

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. ⁴ Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. С. Н. Южанова. 10,000 рис. картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 2-0 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полук. пер. по 6 руб.	132	—
Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8 ^о . — 15 в. по 40 к., въ роск. полукож. перепл.	7	80

Изящная литература.

Всемирная бібліотека. Собранія сочиненій лучшихъ иностранныхъ и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Крыловъ, И. А. ^{1. 10} Редакція В. В. Каллаша. Худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Пушкинъ, А. С. ^{4. 8. 10} Редакція П. О. Морозова и В. В. Каллаша. 30 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл.	9	—
Кольцовъ, А. Б. Ред. А. И. Введенскаго. 1 т. Цѣна 1 р., въ изящн. кол. пер.	1	50
Лермонтовъ, М. Ю. ^{4. 8. 10} Редакція А. И. Введенскаго. 15 художеств. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Гоголь, Н. В. Редакція В. В. Каллаша. 36 худож. прил. — 9 т. 9 рублей, въ изящн. кол. перепл.	13	50
Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей П. В. Быкова. 20 томовъ 20 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	30	—
Помяловскій, Н. Г. ^{8. 10} Портр. и биограф. автора, составл. Н. А. Благо-вѣщенскимъ. 10-е изданіе. — 2 т. 3 р., въ изящн. кол. перепл.	4	—
Островскій, А. Н. ^{4. 8. 10} Редакція М. И. Писарева. Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 т. 19 р. 20 к., въ изящн. кол. перепл.	25	20
Потѣхинъ, А. А. ^{4. 8. 10} Редакція автора. Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. перепл.	18	—
Аксаковъ, С. Т. Редакція А. Г. Горнфельда. Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. пер.	9	—
Чарльзъ Диккенсъ. Перев. съ англ. Ир. Ив. Введенскаго, М. А. Шиш-маревой и др., со вступит. статьей Д. П. Сильчесскаго. 30 том. по 75 коп., въ изящн. коленкор. перепл.	37	50
Георгъ Брандесъ. Перев. съ датск. и вступ. статья М. В. Лучинской. 20 том. по 75 коп., въ изящн. коленк. перепл.	25	—
Элиза Оржешко. Перев. съ польск., подъ редакціей и со вступит. статьей С. С. Зелинскаго. 12 том. по 75 коп.; въ изящн. коленкор. перепл.	15	—
Гюи де Мопасанъ. Перев. съ франц., со вступит. статьей З. А. Венгеровой. Богато иллюстриров. изданіе. 15 т. 15 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	22	50
Эдгаръ По. Собраніе сочиненій, съ критико-биогр. очеркомъ М. А. Энгельгардта. 3 т. 3 руб., въ изящн. коленк. перепл.	4	50
Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ, съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьями И. О. Анненскаго. 1 т. 6 руб., въ изящн. перепл.	7	25

Сочиненія по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

	Р.	К.
Исторія человечества (Всемирная исторія). ^{4. 7} Общ. редакція Г. Гельмольта. Пер. съ доп. изв. русск. учен. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 т.	54	—
Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра Г. Шурца. Пер. и доп. проф. И. Н. Смирнова, подъ ред. и съ пред. Д. А. Клеменца. 434 рис. и 24 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полук. пер.	8	60
Исторія нѣмецкой литературы съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени. ^{1. 2. 9} Соч. профф. Фр. Фогта и М. Коха. Переводъ проф. А. Л. Погодина. 98 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полушагр. перепл.	8	60
Какъ англичане критикуютъ свои государственные рас-ходы. Соч. акад. Ив. Ив. Янжула. Цѣна 1 р. 25 к., въ роск. полук. пер.	1	75
Въ поискахъ лучшаго будущаго. Соціальныя этюды. Соч. акад. Ив. Ив. Янжула. 2-е изд. Цѣна 3 р., въ изящн. пер.	3	75
Главнѣйш. теченія польской политической мысли (1863—1907 гг.). Соч. проф. А. Л. Погодина. Цѣна 3 р., въ изящн. перепл.	3	75
Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. ⁸ Соч. проф. Е. Вер-		

Подробные иллюстрированные каталоги высылаются по требованію бесплатно.

мана. Пер. подъ ред. А. И. Солова и Д. В. Айдалова. 1500 иллюстр. и 130 худ. прил. — 60 в. по 40 к. или 3 т. въ роск. полукож. перепл.	Р.	К.
Сокровища искусства. 100 геліогр., разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р., въ пер.	27	—
	82	—

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

Вселенная и человечество. ^{4 6} Соч. проф. Г. Крэмера. Пер. подъ ред. проф. А. С. Догеля. 2000 рис. и мн. прил. — 100 в. по 40 к. или 5 т. въ пер. по 11 р.	Р.	К.
Мірозданіе, общедост. астрономія. ^{3 4 5 10} Соч. д-ра В. Мейера, бывш. директ. берл. „Уранія“. Пер. съ доп. и указат. по русск. астроном. д-рѣ проф. С. И. Глазенапа. 287 рис., 41 худож. прил. — 15 в. 7 р. 50 к., въ роск. полукож. перепл.	55	—
Исторія земли. ^{1 2 4 6} Соч. проф. М. Неймайра. Пер. съ доп. проф. Улигомъ изд., съ доп. по геол. Россіи и указ. по русск. д-рѣ, подъ ред. проф. А. А. Иностранцева. 1129 рис., 38 худ. прил. — 30 в. 12 р. 80 к. — въ 2 роск. полук. пер.	8	60
Жизнь природы. Соч. д-ра Вильгельма Мейера. Пер. подъ ред. проф. Н. А. Гезеауса. 29 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	15	—
Земля и жизнь. Соч. проф. Ф. Ратцеля. Пер. подъ ред. проф. П. И. Кротова. 400 рис. и 67 худож. прил. — 30 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	60
Жизнь растений. ^{1 4 6} Соч. проф. А. Кернера фонъ-Марилауна. Пер. съ доп. и библиогр. указат., подъ ред. проф. И. И. Бородини. 2100 рис. и 65 худож. прил. — 10 вып. 12 р. 80 к., или 2 т. въ роск. полукож. перепл.	17	—
Происхожденіе животнаго міра. ^{4 5 6} Соч. проф. В. Гаане. Пер. подъ ред. проф. Ю. Н. Вагнера. 469 рис. и 21 худ. прил. — 15 в. 6 р., въ роск. полук. пер.	15	—
Жизнь животныхъ Брэма. ^{4 5 6 10} Пер. подъ ред. профф. А. С. Догеля и П. Ф. Лесгафта. 1179 рис. и 81 худ. пр. — 60 вып. по 35 к., въ 3 роск. полушагр. пер.	7	—
Человѣкъ. ^{1 4} Соч. проф. Г. Ранке. Пер. подъ ред. проф. Д. А. Корончевскаго. 1398 рис. и 41 худож. прил. — 30 в. 12 р., или 2 т. въ роск. полукож. перепл.	24	—
Народовѣдѣніе. ^{8 9} Соч. проф. Фр. Ратцеля. Пер. съ доп. проф. А. Корончевскаго. 1103 рис. и 62 худ. прил. — 36 в. по 35 к., или 2 т. въ роск. полушагр. пер.	14	20
Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. Э. Геккеля. Пер. подъ ред. проф. А. С. Догеля. 100 больш. табл. съ опис. текстомъ. — 20 в. по 1 р., и 1 доп. вып. — 50 коп.; въ изьящ. перепл.	15	—
Африка. ^{8 10} Соч. профф. В. Сиверса и Ф. Рана. Пер. Д. А. Корончевскаго. 200 рис. и 32 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	23	50
Азія. Соч. проф. В. Сиверса. Перев. подъ ред. проф. Харьк. ун-в. А. Н. Краснова. 180 рис., 16 картъ и 20 худож. прил. — 15 вып. по 50 коп., въ роск. полук. пер.	8	50
Сѣверная Америка. Соч. д-ра Э. Декерта. Перев. проф. Варшавск. ун-в. А. Л. Погодина. 130 рис. въ текстѣ, 12 картъ и 21 худож. прилож. — 14 вып. по 50 коп., въ роскошн. полукож. перепл.	8	—
Южная и Сред. лѣ Америка. Соч. проф. В. Сиверса. Перев. со 2-го нѣм. изд. проф. Варш. ун-в. А. Л. Погодина. 141 рис. въ текстѣ, 11 картъ въ краскахъ и 20 хромолитогр. и гравюръ. Въ роск. полукож. перепл.	8	—
Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. В. Сиверса и В. Кюкенталля. Пер. со 2-го переработ. нѣм. изд. Г. Г. Геккеля, съ доп. проф. харьк. ун-в. А. Н. Краснова. 193 рис. въ текстѣ, 14 картъ и 24 хромолитогр. гравюры и автотипіи. Въ роск. полукож. перепл.	8	50
Европа. Соч. проф. А. Филиппсона. Пер. со 2-го вновь переработ. нѣм. изд. съ доп. ст. о Россіи В. И. Воронцова. 144 рис. и картъ въ текстѣ и 36 отд. прилож. (картъ, хром. лит., гравюръ и автотипій). Въ роск. полукож. перепл.	8	50
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. ^{8 10} Соч. проф. К. Э. Бока. Пер. съ нѣм. Рисунки и худож. прил. — 2 т. по 2 р., въ изьящ. кол. перепл.	6	—
Новый способъ леченія. Соч. М. Платена. Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Прибл. 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл.	25	—

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

Альбомы картинъ: 1) по зоологіи млекопитающихъ. ^{1 6 10} 258 рис. 2) по зоологіи птицъ. ^{1 4 6 10} 238 рис. Текстъ проф. В. Маршалля. Пер. Г. Г. Якобсона и Н. Н. Зубовскаго, съ пред. проф. Ю. Н. Вагнера. Въ изьящ. кол. перепл.	1	75
3) по зоолог. и рыбъ. ^{1 4 6 10} Текстъ проф. В. Маршалля. Пер. Г. Г. Якобсона и Н. Н. Зубовскаго, 208 рис. Въ изьящ. пер.	1	75
4) по зоолог. и низшихъ животныхъ. ^{4 8 10} Текстъ проф. В. Маршалля. Пер. Г. Г. Якобсона. 292 рис. Въ изьящ. пер.	1	75
5) по географіи растений. ^{8 10} Текстъ д-ра М. Кронфельда. Пер. прив.-доц. А. Г. Геккеля. 216 рис. Въ изьящ. кол. пер.	1	75
6) по географіи Европы. ^{5 6 7 10} Текстъ д-ра А. Гейстбена. Пер. съ доп. А. И. Нечаева, съ пред. Д. А. Корончевскаго. 233 рис. Въ изьящ. к. л. пер.	1	50
7) по географіи внѣевропейск. странъ. ^{5 6 7 10} Текстъ д-ра А. Гейстбена. Перев. А. И. Нечаева, съ пред. проф. Д. А. Корончевскаго. 325 рис. Въ изьящ. кол. перепл.	1	75

Подробные иллюстрированные каталоги высылаются по требованію бесплатно.

Школьный атлас картин из „Жизни животных“ Р. К.
Брэма. ^{8, 10} *Отдѣлъ зоологіи.* 55 табл. Больш. альбомъ in folio въ папкѣ 1 75

Серія сочиненій „Промышленность и техника“.

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. ^{8, 10} Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. В. В. Эвальда. 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. ^{6, 8, 10} Пер. подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. 1000 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. герепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и технику. ⁹ Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. В. В. Скобельцина. 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. В. И. Добровлянского, А. В. Ключарева и др. 629 рис. и 9 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Горное дѣло и металлургія. ⁶ Пер. съ дополн. подъ ред. профф. И. В. Мушкетова и В. И. Баумана. 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ пер.	6	—
Технологія металловъ. ^{8, 9, 10} Пер. съ дополн. подъ ред. проф. А. Н. Митинскаго. 1600 рис. и 6 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. ^{8, 10} Переводъ подъ ред. проф. В. В. Эвальда. 600 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. С. А. Ганешина. 680 рис. и 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полуж. перепл.	6	—
Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. Н. Н. Митинскаго. 764 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. 285 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—

- ¹ Изд. рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для фонд. и уч., ст. возр., библи. ср. уч. зав. Мин. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Мар.и.
² Изд. рекоменд. Уч. Ком.-томъ Собств. Его Импер. Величества К-рии для фонд. библи. ср. уч. зав. В-ства учр. Имп. Мар.и.
³ Изд. рекоменд. Уч. Ком.-томъ Мин. Земл. и Гос. Имущ. для библи. подвѣд. М-ству уч. зав. Имп. Мар.и.
⁴ Изд. рекоменд. Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библи. кад. корпусовъ.
⁵ Изд. одобр. Уч. Ком.-томъ М-ства Нар. Просв. для фонд. и учен., старш. возр., библи. средн. учебн. зав., для библи. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. читал. и библи.
⁶ Изд. одобр. Уч. Ком.-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библи. подвѣд. М-ству учебн. зав. Имп. Мар.и.
⁷ Изд. одобр. Учебн. Ком.-томъ Собств. Его Импер. Велич. К-рии по учр. Импер. Марин для учен. библи., ср. и старш. возраст., ср. учебн. зав-ній и для библи. старш. возр. Маринскихъ уч-щъ.
⁸ Изд. допущ. Уч. Ком.-томъ М-ства Нар. Просв. въ библи. средн. учебн. зав-ній и въ библи. учит. инст. и семин., а также въ учит. библи. городск. училищъ.
⁹ Изд. допущ. Уч. Ком.-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библи. подвѣд. М-ству ср. уч. зав. Имп. Мар.и.
¹⁰ Изд. допущ. Уч. Ком.-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библи.

Серія сочиненій „Библиотека Просвѣщенія“.

	Р.		Въ перепл.	
	Р.	К.	Р.	К.
№ 1. Карлъ Марксъ. Нищета философіи	—	39	—	51
№ 2. В. Зомбартъ. Рабочій вопросъ	—	27	—	39
№ 3. Н. Сувиловъ. Государств. страхованіе рабочихъ въ Германіи	—	49	—	61
№ 4. Большіе города, ихъ обществ., политическое и экономическое значеніе. Сборн. статей проф. К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля и др.	—	44	—	56
№ 5. А. Менгеръ. Право на полный продуктъ труда	—	30	—	42
№ 6. Ф. Мерингъ. Объ историческомъ матеріализмѣ	—	15	—	27
№ 7. П. Гере. Какъ священникъ сталъ соціаль-демократомъ	—	6	—	18
№ 8. Т. Курти. Всенародное голосованіе въ Швейцаріи	—	7	—	19
№ 9. Грейлихъ. Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса	—	8	—	20
№ 10. Э. Зелигманъ. Экономическое пониманіе исторіи	—	17	—	29
№ 11. А. Менгеръ. Гражданское право и неимущіе классы	—	45	—	57
№ 12. А. Бебель. Шарль Фурье, его жизнь и ученіе	—	42	—	54
№ 13—14. Ш. Боржю. Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. I—II по	—	35	—	47
№ 15. П. Стрѣльскій. Самоорганизация рабочаго класса	—	50	—	62
№ 16, 32, 47—52. Фр. Мерингъ. Исторія герм. соц.-дем. 8 вып.	4	40	5	36
№ 17. Э. Виллей. Какъ пропзв. въ Зап. Европѣ выборы въ парлам.	—	15	—	27
№ 18. Карлъ Марксъ. Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг.	—	25	—	37

Подробные иллюстрированные каталоги высылаются по требованію бесплатно.

		Въ перепл.	
		Р.	К.
№ 19.	В. Вейтлингъ. Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть	—	12 — 24
№ 20.	Л. Мовичъ. Великое Учредительное Собраніе 1789 г.	—	45 — 57
№ 21.	А. Шеффле. Квинтъ-эссенція социализма	—	18 — 30
№ 22—23.	Лиссагаръ. Исторія Коммуны; вып. I—II.	1	25 1 49
№ 24.	Г. Роландъ-Гольстъ. Всеобщая стачка и социаль-демократія	—	45 — 57
№ 25—26.	В. Либкнехтъ. Робертъ Блюмъ и революція 48 г. въ Германіи, вып. I и II по	—	40 — 52
№ 27.	В. Зомбартъ. Политическая экономія промышленности	—	50 — 62
№ 28.	А. Менгеръ. Новое ученіе о нравственности	—	20 — 32
№ 29.	Шарль Жидъ. Соціально-экономическіе итоги XIX столѣтія	—	55 — 67
№ 30.	Г. Греймихъ. О матеріалистическомъ пониманіи исторіи	—	10 — 19
№ 31.	В. Либкнехтъ. Обоснованіе Эрфуртской программы	—	10 — 22
№ 33.	Записки рабочаго. Съ предисловіемъ П. Гомъ	—	55 — 67
№ 34.	Г. Мохъ. Постоянная армія и милиція	—	55 — 67
№ 35.	К. Фроме. Монархія или республика?	1	— 1 12
№ 36.	В. Зомбартъ. Пролетаріатъ въ Америкѣ	—	30 — 42
№ 37.	Эм. Калеръ. Вильгельмъ Вейтлингъ	—	35 — 47
№ 38.	Д-ръ Люкскъ. Этьеннъ Кабъ и Икарійскій коммунизмъ	—	65 — 77
№ 39.	Н. Г. Помяловскій. Очерки бурсы	—	75 — 87
№ 40.	Н. Г. Помяловскій. Вуколь	—	10 — 22
№ 41.	Н. Г. Помяловскій. Мѣщанское счастье	—	50 — 62
№ 42.	Н. Г. Помяловскій. Молотовъ	—	75 — 87
№ 43.	К. Марксъ. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарты	—	30 — 42
№ 44.	Фр. Энгельсъ. Анти-Дюрингъ	1	— 1 12
№ 45.	Роза Люксембургъ. Соціальная реформа или революція?	—	30 — 42
№ 46.	Г. Іеккзъ. Интернациональ	—	80 — 92
№ 53.	Эд. Доллеанъ. Робертъ Оуэнъ	—	50 — 62
№ 54.	Ахиллъ Лоріа. Социализмъ и социальный дарвинизмъ	—	15 — 27
№ 55.	Э. Виллей. Избирательное законодательство въ Европѣ	—	75 — 87
№ 56.	П. Фальбекъ. Современный парламентаризмъ	—	40 — 52
№ 57.	Фр. Мерингъ. Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Велик.	—	60 — 75
№ 58.	І. Губеръ. Философія социаль-демократіи	—	20 — 32
№ 59.	Павелъ Гере. Три мѣсяца на фабрикѣ	1	— 1 12
№ 60.	Гартманъ. Народныя движенія въ Германіи въ 1848 году	1	25 1 37
№ 61.	Каутскій. Анти-Бернштейнъ	1	— 1 12
№ 62—63.	Г. Кохъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и системъ государственнаго управленія, 2 вып., каждый по	1	— 1 12
№ 64.	И. Янжулъ. Пьянство, какъ соц. недугъ и борьба противъ него	—	30 — 42
№ 65.	А. Н. Островскій. Свои люди — сочтемся. Ком. въ 4 д.	—	75 — —
№ 66.	А. Н. Островскій. Не въ свои сани не садись. Ком. въ 3 д.	—	60 — —
№ 67.	А. Н. Островскій. Бѣдность не порокъ. Ком. въ 3 д.	—	60 — —
№ 68.	А. Н. Островскій. Доходное мѣсто. Ком. въ 5 д.	—	75 — —
№ 69.	А. Н. Островскій. Гроза. Драма въ 5 д.	—	70 — —

Манчжурія. Соч. **А. Домбровскаго** и **В. Ворошилова**, по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Въ кол. перепл. 1 р. 60 к.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. **Кл. Олансона**, съ предислов. **Фр. Пасси**. 15 иллюстр. прилож. Цѣна 2 р., въ изящн. кол. перепл. 2 р. 50 к.

Жизнь бабочекъ. Соч. проф. **Штандфусса**. Пер. и доп. подъ ред. **И. Я. Шевырева**. 200 рис. Въ кол. перепл. 3 р. 25 к.

Изданіе рекомендовано Уч. Ком.-томъ М-ства Нар. Просв. для фонд. библ. ср. уч. зав-ній, въ котор. препода. естествознаніе, а равно и учит. инст. и сем-ий.

Хрестоматія для устн. и письм. соч., съ прил. 15 картинъ. Составили преподав. **В. Н. Куницкій** и **А. Л. Погодинъ**. Цѣна 60 коп.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. **Т. А. Богдановичъ**. Составл. по новѣйш. источникамъ, съ приложеніемъ текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прилож. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. коленкоров. перепл. — 1 р. 75 к.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. **Сэда**. Пер. съ англ. подъ ред., съ пред. и дополи. **Д. И. Шрейдера**. Цѣна 3 р. 75 коп., въ роск. пер. 5 р.

„Законный“ бракъ. (Проблемы брака, материнства, школы.) Сборникъ статей **Архимандрита Мизаила**. Цѣна 60 коп.

Кройка женскаго и дѣтскаго платья по способу составленія патрона-слѣпка. Соч. **Бержъ**. Пер. съ фр. подъ ред. **Е. Н. Янжулъ**. 139 рис. Роск. изд. Ц. 2 р.

Подробные иллюстрир. проспекты и каталоги высылаются по требованію бесплатно.

6000,1
1/3



206592004
Окружная библиотека

